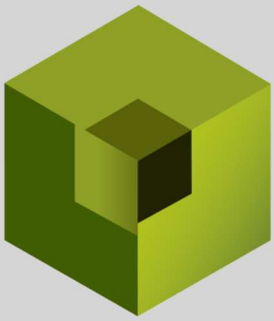
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY



ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ – 2026

Материалы XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых

Электронное издание в 3 частях
Часть II

Гуманитарные науки

2026

Красноярск

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ | SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

PROSPECT SVOBODNY – 2026

Proceedings of the XXII International Scientific Conference for undergraduate, postgraduate, PhD students and early career researchers

Electronic publication in 3 parts
Part II

Humanitarian sciences

2026

Krasnoyarsk

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ПРОСПЕКТ СВОБОДНЫЙ – 2026

Материалы XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых

Электронное издание в 3 частях
Часть II

Гуманитарные науки

Красноярск
20–25 апреля 2026 г.

УДК 001.891:004(03)
ББК 72.5я4
П827

Ответственные за выпуск: Волконская Анастасия Евгеньевна
Губанов Алексей Константинович
Кузнецова Юлия Юрьевна

В том числе члены Студенческого научного сообщества
Сибирского федерального университета:

Батурин Денис Эдуардович
Гусева Маргарита Сергеевна
Орёл Анна Сергеевна
Рященко Анастасия Павловна
Чижов Илья Алексеевич
Шмурова Анна Андреевна

П827 **Проспект Свободный – 2026**: материалы XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 20–25 апреля 2026 г. [Электронный ресурс] / отв. за вып. А. Е. Волконская, А. К. Губанов, Ю. Ю. Кузнецова, Д. Э. Батурин, М. С. Гусева, А. С. Орёл, А. П. Рященко, И. А. Чижов, А. А. Шмурова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2026. – 3102 с.

ISBN 978-5-7638-5272-1 (часть 2)
ISBN 978-5-7638-5270-7

Представлены результаты научно-исследовательской работы студентов, аспирантов и молодых ученых. Материалы публикуются в авторской редакции.
Предназначены для студентов различных направлений и специальностей, аспирантов, научных работников и преподавателей.

Подписано в свет: 10.08.2026

УДК 001.891:004(03)
ББК 72.5я4

ISBN 978-5-7638-5272-1 (часть 2)
ISBN 978-5-7638-5270-7

© Оформление. Сибирский федеральный университет, 2026

Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation
Siberian Federal University

PROSPECT SVOBODNY – 2026

Proceedings of the XXII International Scientific Conference for undergraduate, postgraduate, PhD students and early career researchers

Electronic publication in 3 parts
Part II

Humanitarian sciences

Krasnoyarsk
April 20 – 25, 2026

UDC 001.891:004(03)
LBC 72.5я4
П827

Responsible for edition:
Anastasiya E. Volkonskaya
Aleksey K. Gubanov
Yuliya Yu. Kuznetsova

Members of the Siberian Federal University Research Students' Union:
Denis E. Baturin
Margarita S. Guseva
Anna S. Orel
Anastasia P. Ryashchenko
Ilya A. Chizhov
Anna A. Shmurova

П827 **Prospect Svobodny – 2026**: proceedings of the XXII International Scientific Conference for undergraduate, postgraduate, PhD students and early career researchers. Krasnoyarsk, April 20–25, 2026 [Electronic resource] / edit. A. E. Volkonskaya, A. K. Gubanov, Yu. Yu. Kuznetsova, D. E. Baturin, M. S. Guseva, A. S. Orel, A. P. Ryashchenko, I. A. Chizhov, A. A. Shmurova. – Krasnoyarsk : SibFU, 2026. – 3102 p.

ISBN 978-5-7638-5272-1 (part 2)
ISBN 978-5-7638-5270-7

The proceedings include results of research by undergraduate, postgraduate, PhD students and early career researchers. The proceeding papers are published in the author's edition.
The edition is aimed at students of different specializations, PhD students, scholars and university professors.

UDC 001.891:004(03)
LBC 72.5я4

ISBN 978-5-7638-5272-1 (part 2)
ISBN 978-5-7638-5270-7

© Design. Siberian Federal University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы развития информационных и гуманитарных наук (г. Абакан) 7
Актуальные вопросы теории и практики социальной работы с молодёжью 87
Актуальные проблемы гражданского, предпринимательского и финансового права 104
Актуальные проблемы конституционного, международного и административного права 251
Актуальные проблемы криминологии 409
Актуальные проблемы трудового и экологического права 459
Актуальные проблемы уголовного права 503
Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики .. 628
Актуальные проблемы цивилистического процесса и нотариата 695
Военная психология 739
Глобальное предпринимательство: цифровые модели бизнеса 752
Гуманитарные науки (для школьников) 901
Дизайн и изобразительное искусство 926
История 971
Креатив. Культура. Коммуникации: стратегии управления и маркетинга 1052
Культурология, искусствоведение, антропология, этнология и религиоведение 1134
Междисциплинарные практики развития личности в условиях социальных трансформаций 1196
Межкультурные коммуникации в таможенном деле и сфере услуг / Cross-Cultural Communication in Customs and Sphere 1235
Механизмы устойчивого функционирования организаций: методы, инструменты, инновации 1500

Общество в условиях глобальной турбулентности: смыслы, ценности, траектории изменений 1592
Организационно-экономические проблемы и тенденции устойчивого развития сферы услуг..... 1697
Основы российской государственности. Молодёжь в поиске смыслов 1741
Педагогика профессионального образования..... 1814
Прикладная лингвистика..... 1872
Проблемы теории и истории государства и права..... 1973
Рынок потребительских товаров и гостиничных услуг в условиях цифровизации: механизмы устойчивости и факторы развития 2015
Современные технологии и прикладные исследования в индустрии гостеприимства..... 2077
Современные проблемы философии..... 2103
Теоретические и практические проблемы экономических отношений..... 2146
Тренды современного образования вызовы и возможности..... 2178
Финансовое и институциональное обеспечение экономической безопасности и эффективной денежно-кредитной политики..... 2324
Цифровая трансформация бизнес-процессов..... 2411
Цифровое право: вызовы, решения, перспективы 2600
Цифровой маркетинг: тенденции развития, мировые и российские практики..... 2687
Цифровые гуманитарные науки 2760
Человек в цифровой среде: обучение, управление, развитие..... 2783
Экономическая безопасность: ограничения и возможности роста 2906
Challenges of the Time in New Economic Conditions..... 3032
International, Foreign and Comparative Law: Current Issues / Aktuelle Probleme in der Rechtswissenschaft: Rechtsvergleichende Aspekte des Völkerrecht..... 3068

Актуальные вопросы развития информационных и гуманитарных наук (г. Абакан)

УДК 004.89:69

Система искусственного интеллекта в строительстве

Ганюкова Александра Георгиевна[1], Мазарчук Полина Евгеньевна[2]
[1, 2]Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия
[1]aleks.ganyukova@yandex.ru
[2]mpe181@mail.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, строительство, применение искусственного интеллекта в строительстве.

Искусственный интеллект (ИИ) – это способность компьютерных программ выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта: обучаться, распознавать образы, понимать язык, принимать решения.

Ключевое отличие ИИ от обычных компьютерных программ в том, что он не просто следует жёстким инструкциям, а способен адаптироваться и улучшать свою работу с опытом – именно поэтому говорят, что ИИ «обучается» [1].

Можно ли сейчас представить современную стройку без компьютеров? Скорее всего, нет. Ещё недавно архитекторы чертили планы вручную, сидя за кульманами, а прорабы полагались только на свой опыт, интуицию и «чуйку». А сегодня стройка превратилась в настоящую технологическую встряску — искусственный интеллект проник уже во все щели: от первых набросков дома до того момента, когда в нём включают отопление и свет. Это уже не просто новые игрушки для инженеров, а полностью другой взгляд

© Ганюкова А. Г., Мазарчук П. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

на то, как строить: быстрее, дешевле и с меньшим риском для людей. Сначала нейросети взяли на себя чертежи. В них загрузили тонны данных о бетоне, ветрах, свойствах грунта, и теперь компьютер сам перебирает тысячи вариантов, выбирая самый крепкий, недорогой и энергосберегающий проект всего за пару часов - хотя раньше инженеры корпели над такими расчётами неделями. Мало того, искусственный интеллект может предложить такие необычные решения, которые человек вряд ли придумал бы сам, потому что мы часто мыслим шаблонами.

А когда переходим от чертежей к реальной стройке, умные системы начинают следить за каждым шагом. Камеры с компьютерным зрением круглосуточно смотрят видео с площадки и видят всё: если какой-то рабочий без каски полез в опасную зону - сигнал уходит мгновенно. Или если в свежем бетоне появилась микротрещина, которую человеческий глаз просто не заметил бы. Это напрямую спасает жизни и бережёт бюджет от дурацких ошибок.

Логистика материалов - ещё одна головная боль, где ИИ показывает чудеса эффективности. Он смотрит на прогноз погоды, на пробки на дорогах, на графики работы поставщиков и выдаёт идеальный план: что, когда и куда везти, чтобы ничего не ржавело под дождём и не лежало мёртвым грузом. Это похоже на очень дорогую шахматную партию, только на кону не фигурки, а миллионы рублей и сроки сдачи объекта. Искусственным интеллектом сегодня управляют и роботами на стройке. Автономные экскаваторы копают котлованы с ювелирной точностью, дроны облетают территорию и тут же делают трёхмерную модель местности, а роботы-каменщики кладут кирпич быстрее и ровнее любого человека, причём никогда не устают и не начинают работать спустя рукава к вечеру [2].

Ещё один мощный инструмент — это предсказательная аналитика. Система изучает, как вели себя похожие здания за

многие годы, и предсказывает будущие проблемы ещё на этапе проектирования. ИИ моделирует, как дом проживёт десять, двадцать или пятьдесят лет, с учётом износа материалов, новых нагрузок и даже климатических изменений. Это почти машина времени для строителя - можно заглянуть в будущее объекта и заранее всё исправить, вместо того чтобы потом в спешке латать дыры. Искусственный интеллект отлично справляется и с энергоэффективностью. Умные системы климат-контроля запоминают, как жильцам нравится тепло или прохлада, и экономят ресурсы, не вымораживая лишнего. Алгоритмы находят щели в утеплении, советуют, куда лучше поставить окна, чтобы использовать максимум солнечного света.

В итоге здания перестают быть просто бездушными коробками и становятся почти живыми организмами, которые подстраиваются под нас и под погоду. Конечно, без проблем не обходится. Внедрение такого ума стоит очень дорого, для мелких строительных компаний это пока неподъёмно. Нужно переучивать целые армии специалистов, учить их работать с новой техникой и программами.

Встаёт вопрос и о кибербезопасности - если кто-то взломает систему управления стройкой, последствия могут быть катастрофическими. Плюс есть - психологическое сопротивление: многие старые, опытные строители просто не хотят ничего менять, им привычнее работать по старинке. Но прогресс не остановить, и кто отказывается адаптироваться - тот рискует остаться за бортом. Есть ещё и социальные последствия. Люди боятся, что роботы оставят их без работы, и это не пустые страхи. Действительно, некоторые профессии уйдут в прошлое или сильно изменятся. Но зато появятся новые: операторы строительных роботов, настройщики умных систем, аналитики данных на стройке. Главная задача здесь - вовремя запустить программы переквалификации и помочь людям плавно перейти на новые рельсы. Опыт крупных

проектов уже показывает убедительные цифры. При использовании ИИ сроки строительства сокращаются на двадцать-тридцать процентов, брак и перерасход материалов падают, что даёт экономию до пятнадцати процентов бюджета, а число несчастных случаев снижается в разы. Инвестиции в такие технологии окупаются многократно. Будущее строительства — это тесная связка старого доброго мастерства с новейшими цифровыми решениями. Искусственный интеллект не отменяет человеческий опыт, креативность и чувство ответственности, наоборот - он усиливает наши возможности, подстёгивает там, где мы слабы, и расширяет горизонты. Строитель завтрашнего дня — это человек, который и кирпич кладёт ровно, и с нейросетью на «ты».

Так что искусственный интеллект уже прочно стал частью строительной индустрии, от первой мысли архитектора до последнего дня, когда зданием пользуются люди. Да, есть сложности, споры и сомнения. Но общее направление очевидно.

Стройка перестаёт быть просто сферой грубой физической силы и тяжёлого труда, она превращается в высокотехнологичную отрасль, где успех решает интеллект - и человеческий, и железный. Стоит ли упираться и сопротивляться этим переменам или лучше принять их как неизбежное развитие? Ответ лежит в самой природе человека: мы всегда придумывали всё более хитрые и умные инструменты, чтобы лучше достигать своих целей [3].

Список источников

1. Сергеев И. Искусственный интеллект простыми словами // Skyeng. 2026. URL: https://skyeng.ru/it-industry/it/iskusstvenniy-intellekt-prostymi-slovami/ (дата обращения: 05.04.2026).

2. Использование ИИ в строительстве: примеры и будущее // Gectaro. 2024. URL: https://gectaro.com/blog/tpost/r71jb8yjx1-ispolzovanie-ii-v-stroitelstve-primeri-i (дата обращения: 05.04.2026).

3. Как искусственный интеллект меняет строительную отрасль / Академия Эдюсон // Дзен. 2025. URL: https://dzen.ru/a/aNat0_6aQQZlwFec (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 004

Философские аспекты развития интернета вещей

Гаранин Андрей Дмитриевич
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, trewop2004@mail.ru

Ключевые слова: интернет вещей, цифровые технологии, общество, приватность, безопасность.

Современный этап технического развития отличается стремительным проникновением цифровых технологий во все сферы жизни человека. Интернет вещей (InternetofThings, IoT) превратился в повседневную реальность. Десятилетие назад концепция «умного дома» или портативных устройств воспринималась как технически сложный и дорогостоящий проект, а сегодня многие люди даже не замечают своего взаимодействия с подобными электронными системами. Умные часы, синхронизирующиеся с мобильным телефоном, бытовая техника с удалённым управлением, голосовые ассистенты стали элементами нашей среды.

В общем виде интернет вещей представляет собой сеть физических объектов, оснащённых датчиками, программным обеспечением и возможностью обмена данными между собой без

© Гаранин А. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

непосредственного участия человека. Идея была сформулирована Кевином Эштоном в 1999 году, однако активное практическое развитие началось позднее [1]. Сегодня IoT применяется не только в быту, но и в промышленности («Индустрия 4.0»), транспорте, городском хозяйстве («умные города») и медицине.

Очевидным преимуществом интернета вещей становится повышение уровня комфорта и эффективности. Пользователь получает возможность дистанционного контроля и управления, автоматизации рутинных операций, оперативного доступа к данным. Например, регулирование микроклимата в доме или контролирование работы электроприборов возможны из любой точки, где есть интернет-соединение. В промышленности IoT позволяет сокращать простои оборудования и прогнозировать поломки.

Однако философское осмысление позволяет обнаружить за этой функциональностью ряд важных проблем. Первая из них – трансформация приватности. Устройства IoT непрерывно собирают массивы информации: геолокацию, физиологические показатели, потребительские привычки, маршруты передвижения, режимы активности. Пользователь часто не осознаёт ни объём передаваемых данных, ни их конечных адресатов. Как отмечает Атцори, распределённая природа IoT затрудняет идентификацию точек сбора и обработки информации, что создаёт риски неавторизованного доступа и коммерческого использования личных профилей [2].

Философское измерение IoT проявляется также в вопросе о границах человеческой свободы. Когда бытовые, медицинские или управленческие системы принимают решения автоматически – включают освещение, корректируют дозу лекарств, выбирают маршрут движения – индивид постепенно утрачивает привычку к самостоятельному выбору. Возникает феномен «делегированной

рациональности»: человек перепоручает технике не только выполнение, но и постановку рутинных задач.

С одной стороны, это освобождает силы человека и экономит его время для более сложных видов деятельности. С другой стороны, формируется зависимость от исправности электронных систем.

Таким образом, IoT заставляет пересмотреть понятие свободы: свободы от внешнего принуждения к свободе как способности ограничивать собственное технологическое доверие.

Ещё один философский аспект связан с распределением ответственности. В традиционной модели «человек – инструмент» ответственность за последствия действий однозначно лежит на субъекте. В среде IoT причинно-следственные связи становятся менее определенными. Например, при техническом сбое в автоматической системе управления освещением или температурой агентами ответственности могут стать разработчик программного обеспечения, производитель датчика, пользователь, не обновивший программу, сеть, проявившая дисфункцию.

Эта проблема может стать особенно острой в таких сферах, как автономный транспорт, удалённая хирургия или промышленная безопасность. Д. Губби подчёркивает, что архитектура IoT предполагает высокую степень неоднородности и отсутствие единого центра управления, что делает классическое юридическое и моральное распределение ответственности недостаточно эффективным. Интернет вещей меняет и структуру социальных взаимодействий. Часть функций, ранее требовавших непосредственного обращения к другому человеку (вопрос о времени, проверка состояния помещения, напоминание о приёме лекарств), теперь выполняется устройствами. Это экономит время, но одновременно сокращает повседневное общение между людьми. Эта ведет к разрушению неформальных связей, форм доверия, спонтанной коммуникации.

Развитие интернета вещей, вероятно, продолжится в направлении большей незаметности и включенности технических систем в окружающую среду. Устройства станут более функциональными и взаимосвязанными. При этом философский анализ должен сместиться с дихотомии «хорошо – плохо» к определению того, в каких сферах автоматизация оправдана, а в каких сохранение человеческого контроля необходимо.

В настоящее время трендом становится формирование технологической грамотности нового типа, которая включает в себя понимание того, какие данные передаются, как они обрабатываются, кто имеет к ним доступ и какие компьютерные модели принимают решения. Без такой грамотности человек рискует оказаться в положении пассивного пользователя, который не управляет своей цифровой средой, а подчиняется ей.

Таким образом, интернет вещей представляет собой инженерно-техническую систему, но и комплексную философскую проблему, которая затрагивает понятия приватности, свободы, ответственности и социального взаимодействия. Внедрение IoT в повседневную жизнь и производство создаёт новые уровни комфорта и эффективности, одновременно требуя от человека осознанного отношения к диапазону технологического доверия.

Важно не просто пользоваться умными устройствами, но и размышлять о их влиянии на нашу повседневность, привычки и способы принятия решений. Будущее интернета вещей зависит от выработки обществом сбалансированного подход, при котором технологии остаются техническим средством, а не превращаются в безусловный регулятор человеческой жизни.

Список источников

1. Ashton K. That ‘Internet of Things’ Thing // RFID Journal. 2009. URL: https://www.rfidjournal.com/that-internet-of-things-thing

2. Ashton K. The Internet of Things: A survey / Atzori L., Iera A., Morabito G. // Computer Networks. 2010. Vol. 54, № 15. P. 2787-2805. DOI 10.1016/j.comnet.2010.05.010

УДК 004.41

Разработка корпоративной информационной системы

Дегтерев Артём Иванович
Хакасский технический институт – филиал Сибирского федерального университета, Республика Хакасия, Абакан, Россия, artem.degterev.06@mail.ru

Ключевые слова: база данных, корпоративная система, программное обеспечение, цифровое рабочее пространство, компания, Node.js, HTML, CSS, JavaScript, PostgreSQL, Kotlin.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Валентине Иосифовне Коковой, старшему преподавателю.

Современное состояние корпоративного программного обеспечения характеризуется фрагментарностью. Компании вынуждены приобретать и поддерживать отдельные прикладные решения для коммуникаций, работы с документами, планирования работ и постановки задач. Лишь единицы, а именно представители крупных организаций, могут позволить себе цифровые рабочие пространства с большинством необходимого функционала. Отечественные корпоративные системы зачастую не покрывают всех потребностей и нацелены в основном на взаимодействие сотрудников. Особенно остро эта проблема стоит в средних

© Дегтерев А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

организациях, где ещё нет ресурсов на внедрение тяжёлых ERP-систем, но разрозненные инструменты уже перестают справляться. Решением может стать единая платформа, которая изначально проектируется как интегрированная среда для всех аспектов внутренней активности.

В отличие от публичных систем, где управление данными принадлежит владельцу сервиса, корпоративное решение требует полного контроля со стороны организации-заказчика. Это означает, что развёртывание происходит на собственных мощностях компании или в арендованном частном облаке. Только такой подход гарантирует соблюдение требований к хранению персональных данных и сохранность интеллектуальной собственности. Кроме того, внутренняя инфраструктура позволяет гибко настраивать политики доступа и интегрироваться с уже существующими корпоративными сервисами, например, с кадровой системой.

Ключевое отличие разрабатываемой системы – чёткая организационная структура. В платформе закладываются сущности отделов, должностей, ролей с разграничением прав доступа. Это позволяет автоматически назначать права на основе принадлежности сотрудника к тому или иному подразделению, а не настраивать их вручную для каждого пользователя. Такой подход кратно упрощает администрирование при масштабировании компании.

Функционально, система поделена на три смысловых блока: коммуникационный, управленческий и документационный. Рассмотрим их по-отдельности.

Первый блок включает личные и групповые чаты, обмен файлами, статусы пользователей, уведомления о прочтении.

Второй блок содержит работу с задачами, а именно постановку, выбор исполнителей, отслеживание процессов,

привязка к конкретным документам, настройку шаблонов процессов, доступную каждому пользователю.

Третий блок охватывает документооборот организации, включая маршруты согласования, контроль версий, хранение и поиск по системе.

Все три блока работают на единой базе данных и имеют общий интерфейс.

Важная особенность системы – её гибкость. Пользователи могут самостоятельно настраивать шаблоны документов, задач и процессов за счёт хранения информации в виде JSON-схем.

Особое внимание уделено безопасности системы. Помимо стандартной авторизации по паролю, в системе предусмотрено логирование всех значимых действий: отправка сообщений, открытие документов, изменение статусов задач. Каждая сессия пользователя фиксируется с указанием устройства, местоположения и времени последней активности. Администратор имеет возможность в любой момент прервать подозрительную сессию или заблокировать учётную запись.

Процесс разработки разбит на последовательные этапы. Первый этап – проектирование схемы базы данных и проработка логики системы. Второй этап – разработка интерфейсов, как мобильного, так и веб. Третий этап – создание и настройка сервера. Четвёртый этап – тестирование и документирование.

Технологический стек выбран исходя из баланса между скоростью разработки и производительностью. На серверной стороне – Node.js с фреймворком Express, который предоставляет минимальную обёртку над HTTP и позволяет эффективно обрабатывать асинхронные запросы. База данных создана через СУБД PostgreSQL. Фронтенд на вебе реализован через стандартный набор HTML-CSS-JavaScript. Мобильное приложение создаётся на Android с использованием языка Kotlin.

Хранение файлов реализовано через простое файловое хранилище на сервере с организацией директорий по принципу «год / месяц / тип_сущности / идентификатор». В базе данных сохраняется только URI доступа. Такое решение упрощает бэкапирование и не усложняет базу данных бинарными объектами.

Результатом работы станет программный продукт, готовый к внедрению в организациях разного размера. Платформа позволит сократить время на внутренние коммуникации, повысить прозрачность исполнения задач и обеспечить надёжное хранение документов с полным аудитом доступа. Архитектурные решения, заложенные на этапе проектирования, обеспечат масштабируемость и возможность расширения функционала в будущем без кардинальной перестройки ядра системы.

Список источников

1. Node.js: официальный сайт. URL: https://nodejs.org (дата обращения: 01.04.2026).

2. КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 01.04.2026).

3. ЯндексПрактикум: блог. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/ (дата обращения: 14.01.2026).

УДК 004.77+004.41

Разработка корпоративного мессенджера

Дегтерев Артём Иванович[1], Мордвинов Андрей Андреевич[2], Супес Егор Владимирович[3]
[1, 2, 3] Хакасский технический институт – филиал Сибирского федерального университета, Республика Хакасия, Абакан, Россия,
[1]artem.degterev.06@mail.ru
[2]andrey.mordvinov04@gmail.com
[3]imbaakk228@mail.ru

Ключевые слова: база данных, корпоративный мессенджер, программное обеспечение, мобильное приложение, компания, чат, HTML, CSS, JavaScript, Node.js, PostgreSQL, Android Studio, Visual Studio Code.

Благодарности: авторы выражают благодарность научным руководителям Валентине Иосифовне Коковой, старшему преподавателю и Виктору Александровичу Кобежикову, старшему преподавателю.

В последние годы поток информации внутри организаций, вне зависимости от их размера, становится всё больше и больше. При этом всё чаще в этом потоке появляется весьма конфиденциальная информация, содержащая коммерческую тайну. Для взаимодействия зачастую используются бесплатные системы, как например: различные мессенджеры, электронная почта. Проблема в том, что при таком общении очень высока вероятность утечки. Для того чтобы обезопасить процесс внутреннего обмена информацией в некоторых крупных организациях используются

© Дегтерев А. И., Мордвинов А. А., Супес Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

корпоративные мессенджеры. Такие системы позволяют грамотно изолировать рабочее общение от личного, что кратно повышает безопасность.

Рассмотрим основные требования к данной системе.

Корпоративный мессенджер, как и многие другие приложения, должен обладать клиент-серверной архитектурой. При этом, так как система корпоративная, сервер должен располагаться в защищённом месте, которое принадлежит самой компании. То есть, если один и тот же мессенджер используют разные компании, то благодаря настройке при запуске в работу, вся информация по каждой отдельной организации находится на сервере этой самой организации, и никто другой, кроме как её сотрудник, не может получить к ней доступ.

Рабочее взаимодействие, хотя и проходит в основном в офисе, может также вестись на расстоянии, например, в случае командировки. Для таких случаев возникает необходимость мобильной версии системы, которая предоставляла бы тот же функционал, но на смартфоне сотрудника.

Кроме всего прочего, доступ к системе, как и работа в ней должны быть подконтрольны компании. Для этого должна быть предусмотрена админ-панель, где реализованы такие функции как добавление новых сотрудников, контроль активности с возможностью блокировки пользователя, настройки системы, в том числе размера передаваемых файлов, модерирование переписок.

Рядовой пользователь должен обладать следующим функционалом: создание и удаление переписок, добавление, удаление контактов, создание групп чатов с возможностью перемещения чатов между группами, редактирование личного профиля (с последующей проверкой и одобрением со стороны администратора), отправка сообщений и прикреплённых к ним файлов.

У многих компаний есть свой корпоративный стиль, которому также должны соответствовать используемые системы. К сожалению, не все прикладные решения позволяют настраивать внешний вид, но эта функция, там, где она есть, является несомненным плюсом.

Было принято решение разработать корпоративный мессенджер, который будет соответствовать всем представленным требованиям. Процесс разработки поделён на три части: разработка веб-версии, разработка мобильного приложения, создание общего сервера с файловым хранилищем и базой данных с последующей связкой мобильной и веб версий.

При подготовке к разработке было сформировано техническое задание с полным описанием всех требований, используемых программных средств и т.д. Остановимся на средствах разработки. Для веб-разработки выбран стандартный набор HTML+CSS+JavaScript. Так как большинство мобильных устройств работают на операционной системе Android, она была выбрана для разработки. В качестве СУБД выступает PostgreSQL, ведь она обладает высокой надёжностью и гибкой расширяемостью. Весь backend написан на JavaScript, в частности Node.js. В качестве IDE выступали Android Studio и Visual Studio Code.

Следующим шагом стало формирование дизайн-макета. К нему применялись следующие требования: минималистичность, простота и понятность.

Итогом работы стал полноценный корпоративный мессенджер, позволяющий обмениваться файлами и текстовыми сообщениями, создавать чаты и их группы.

Список источников

1. ГОСТ 34.602-2020. Информационные технологии. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание автоматизированной системы: межгосударственный

стандарт: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.11.2021 № 1522-ст / разработан Акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (АО «ВНИИС») и Обществом с ограниченной ответственностью «Информационно-аналитический вычислительный центр» (ООО ИАВЦ). Москва: Российский институт стандартизации, 2020.

2. Node.js: официальный сайт. URL: https://nodejs.org (дата обращения: 11.12.2025).

3. КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 02.04.2026).

4. ЯндексПрактикум: блог. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/ (дата обращения: 14.01.2026).

УДК 82.09

Технологии ИИ в геодезии: новые возможности для инженерных изысканий в Хакасии

Дзюрман Кирилл Александрович, Ковязин Александр Максимович
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, napetrova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: полевые ошибки, искусственный интеллект, инженерные изыскания, Хакасия, машинное обучение, геология, спутниковые снимки, нейросети, цифровая экспертиза, горнодобывающая промышленность, мониторинг территорий.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Стрежу Вениамину Васильевичу.

В Хакасии инженерные изыскания связанны со значительными трудностями. Геология здесь сложная: от древних протерозойских пород до молодыхотложений. Здесь работают угольные разрезы Восточно-Бейского месторождения, шахты в окрестностях Черногорска. В таких условиях старые методы уже не работают. Они основаны преимущественно на визуальной оценке и нормативных документах и начинают уступать место новым технологиям [4]. ИИ становится тем инструментом, который позволяет изыскателям справляться с вызовами.

1. От бумажной карты к цифровой модели.

Любой геолог в Хакасии сначала учится читать карту. На таких картах каждая система геохронологической шкалы имеет строго определенный цвет: девонская система обозначается коричневым,

© Дзюрман К. А., Ковязин А. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

каменноугольная — серым, юрская – синим, а интрузивные породы получают свои буквенные индексы – g для гранитов, d для диоритов, n для габбро [2].

Сегодня этот многовековой опыт систематизации получает цифровое продолжение. Нейросетевые алгоритмы, обученные на мультиспектральных спутниковых снимках Sentinel и Landsat, способны автоматически выделять контуры геологических тел, сопоставляя их с эталонными цветовыми и текстурными признаками [3]. Для Хакасии, где значительные площади занимают горнодобывающие предприятия. Системы машинного зрения определяют границы карьеров, отвалов вскрышных пород и техногенных нарушенных земель с точностью, недоступной при визуальном дешифрировании снимков.

2. Прогноз вместо констатации.

Традиционная схема инженерных изысканий в регионе строилась по линейному принципу: бурение скважин, лабораторные испытания, камеральная обработка. Сегодня алгоритмы машинного обучения позволяют перейти к прогнозному моделированию еще до выезда бригады на объект. Исследования, проведенные на территории Хакасии, показывают, что наиболее сложными объектами для проектирования являются участки с горнодобывающими предприятиями. Например, при проектировании административно-бытового комплекса на Восточно-Бейском угольном разрезе требовался не только анализ геологического строения, но и расчет устойчивости отвалов вскрышных пород. Аналогичная задача решалась при изысканиях под строительство завода угля в Черногорске, где инженерам необходимо было учитывать особенности гидрогеологических условий и защищенность подземных вод. Искусственный интеллект позволяет автоматизировать эти расчеты. Нейросетевые архитектуры, обученные на массивах данных с подобных объектов, способны прогнозировать развитие карстовых процессов,

оценивать риски деформаций отвалов и моделировать миграцию загрязнителей в грунтовых водах с учетом нелинейных факторов, которые традиционные аналитические методы часто упускают.

3. Мониторинг техногенно-измененных территорий Хакасии.

Регион с высокой концентрацией горнодобывающих предприятий. Восточно-Бейский угольный разрез, шахта «Хакасская» и многочисленные карьеры формируют техногенный ландшафт, требующий постоянного мониторинга. Современные подходы к мониторингу базируются на комплексном применении методов машинного обучения, включая самообучение без учителя (Self-Supervised Learning) и архитектуры Vision Transformer. Такие системы автоматизируют полный цикл работы с данными — от сбора спутниковых снимков до сегментации объектов и измерения их площади. Особый интерес представляет анализ временных рядов спектральных индексов. Нормализованный относительный индекс растительности (NDVI) иразностный водный индекс (NDWI) служат индикаторами состояния растительного покрова и водных объектов [3]. Для Хакасии, где проблема восстановления нарушенных земель стоит особенно остро [2], возможность автоматического отслеживания динамики этих показателей открывает новые перспективы для планирования рекультивационных работ.

4. Экспертиза в цифровом контуре.

Важным этапом любого изыскательского проекта является его прохождение государственной экспертизы. В Республике Хакасия эту функцию выполняет Автономное учреждение «Государственная экспертиза Республики Хакасия», расположенное в Абакане. Учреждение проводит экспертизу проектной документации и результатов инженерных изысканий по объектам, отнесенным к полномочиям субъекта Российской Федерации. На федеральном уровне внедрение искусственного интеллекта в экспертные процессы идет активными темпами. Главгосэкспертиза России

развивает Единую цифровую платформу экспертизы (ЕЦПЭ), к которой уже подключены 123 экспертные организации [1; 5]. В системе собрано 12,8 млн файлов, а в перспективе планируется запуск облачной платформы на базе ИИ для предварительного анализа строительной документации [5]. Для изыскательских организаций, работающих в Хакасии, это означает, что их отчеты будут проверяться не только экспертами, но и нейросетями. Искусственный интеллект способен анализировать документы и определять, эксперты каких направлений потребуются для проверки конкретного проекта [1]. Это сокращает сроки прохождения экспертизы и снижает административную нагрузку на изыскателей.

Хакасия с ее сложным геологическим строением и развитой горнодобывающей промышленностью становится естественным полигоном для внедрения новых технологий в инженерные изыскания [2]. Искусственный интеллект не отменяет классических методов бурения скважин, отбора проб, лабораторных испытаний [4]. Но он позволяет сделать эти методы обработки больших массивов данных, эффективными за счет точного планирования, прогнозного моделирования и автоматизации. Цифровая трансформация изыскательской отрасли идет параллельно с развитием экспертных сервисов на базе ИИ [1; 5]. В ближайшие годы проектировщики и изыскатели Хакасии получат доступ к облачным платформам, которые позволят проверять документацию в автоматическом режиме, сокращая время и снижая риски ошибок.

Список источников

1. Единая цифровая платформа экспертизы (ЕЦПЭ): государственная информационная система. URL: https://egrz.ru.

2. Институт горного дела им. Н.А. Чинакала Сибирского отделения Российской академии наук: официальный сайт. URL: https://www.misd.ru.

3. Сибирский государственный университет геосистем и технологий: официальный сайт. URL: https://sgugit.ru.

4. СП 47.13330.2016. Инженерные изыскания для строительства. Основные положения: свод правил: актуализированная редакция СНиП 11-02-96. Москва: Стандартинформ, 2017.

5. Главгосэкспертиза России: официальный сайт. URL: https://gge.ru.

УДК 004.896

Недостатки искусственного интеллекта

Евсеев Никита Евгеньевич, Четвертак Арина Андреевна
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, khti@khakassia.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, уязвимость данных, непрозрачность «чёрный ящик», дезинформация.

Благодарности: авторы выражают благодарность старшему преподавателю кафедры ПИЕиГД Стрежу Вениамину Васильевичу за просмотр и критическое замечание.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) является драйвером экономического развития страны. Технологии ИИ демонстрируют устойчивый рост и расширяющееся распространение в различных

© Евсеев Н. Е., Четвертак А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

секторах экономики и социальной сферы, что обусловлено совершенствованием алгоритмов машинного обучения, увеличением объёмов доступных данных и ростом вычислительных мощностей. С помощью ИИ можно создавать самостоятельные системы, которые могут принимать решения и работать без участия людей [1; 2].

В России ИИ интегрирован в ключевые сектора экономики и госуправления: в финансах – для скоринга и анализа транзакций (автоматизация в крупных банках), в здравоохранении – для диагностики (анализ КТ-снимков на mosmed.ai), в энергетике – для прогнозирования энергопотребления и оптимизации работы оборудования, в госуправлении – для автоматизации госуслуг (интеллектуальные агенты на «Госуслугах»: оформление документов, ответы на типовые вопросы, запись на приём).

Однако наряду с преимуществами применения ИИ выявляются существенные недостатки, способные привести к негативным социальным, экономическим и технологическим последствиям. Понимание недостатков ИИ помогает минимизировать риски при внедрении технологий.

Актуальность исследования недостатков ИИ обусловлена необходимостью выявления и систематизации рисков его применения для разработки эффективных мер регулирования, повышения прозрачности и ответственности систем ИИ в интересах общества.

В данной статье проведён комплексный анализ ключевых недостатков ИИ, ограничивающих его эффективность и безопасность в различных сферах применения. Рассмотрены технологические, этические, социальные, правовые и экономические аспекты проблем. Предложены направления для минимизации негативных последствий.

Цель работы – выявить и проанализировать ключевые недостатки ИИ, а также предложить пути их минимизации для обеспечения устойчивого развития технологий.

Ниже перечислены основные недостатки ИИ, которые нужно учитывать при его использовании [3; 4]:

Технологические недостатки: связаны с ограничениями в алгоритмах, данных, прозрачности работы систем и их применении в реальных условиях.

Проблема «Чёрного ящика»:

Многие модели ИИ, особенно в области глубокого обучения, работают как «Чёрный ящик»: даже разработчики не всегда могут объяснить, как модель пришла к тому или иному результату. Это критично для сфер с высокими ставками - медицины, судебной системы, автономных транспортных средств и др.

Уязвимость к атакам:

Нейросети могут быть уязвимы к хакерским атакам, что опасно, учитывая обработку личных данных пользователей.

Зависимость от качества данных:

Работа ИИ напрямую зависит от объёма и достоверности входных данных. Неполные или некорректные данные приводят к неточным результатам.

Потребление ресурсов:

Центры обработки данных, необходимые для работы ИИ, потребляют значительное количество электроэнергии. По некоторым оценкам, глобальное потребление энергии такими центрами сопоставимо с энергетическими потребностями отдельных стран.

Этические и социальные недостатки: включают риск дискриминации и предвзятости алгоритмов, нарушение приватности и безопасности персональных данных, распространение дезинформации и дипфейков, сокращение рабочих мест вследствие автоматизации (производство, транспорт,

обслуживание), усиление цифрового неравенства, а также возникновение этических дилемм в критических сценариях принятия решений (например, в системе автономного транспорт (САТ), что потенциально ведёт к подрыву общественного доверия к ИИ–технологиям и обострению социально-экономических противоречий.

Правовые недостатки: связаны с пробелами в регулировании, сложностями определения ответственности, проблемами правосубъектности и защитой прав граждан. Эти проблемы затрудняют эффективное использование ИИ и управление рисками, связанными с его применением.

Экономические недостатки: связаны с рядом проблем, которые могут замедлять его внедрение, снижать эффективность инвестиций и создавать новые вызовы для бизнеса и общества. Среди ключевых недостатков можно выделить: низкая окупаемость инвестиций, высокие затраты на внедрение и поддержание, автоматизация и потеря рабочих мест, ограничения в применении и др.

Таким образом, рассмотрев основные недостатки ИИ в полном обзоре, можно сделать вывод о том, что такая прогрессивная технология, как ИИ, может не только приносить пользу и изменять жизнь и бизнес к лучшему, но и причинять вред.

Для минимизации негативных последствий применения ИИ необходимо внедрить многоуровневую систему мер: разработать нормативно-правовые акты и соблюдать этические кодексы (в т.ч. российский «Кодекс этики в сфере ИИ»), использовать методы объяснимого ИИ (XAI, например LIME и SHAP) для повышения прозрачности решений, проводить аудит данных и моделей на алгоритмическую предвзятость, обеспечивать защиту персональных данных через шифрование и минимизацию их сбора, чётко распределять ответственность между разработчиками, владельцами и пользователями ИИ-систем, регулярно аудировать и

сертифицировать высокорисковые решения, а также организовывать подготовку кадров для работы в условиях цифровой трансформации.

Реализация предложенных мер позволит минимизировать негативные последствия и обеспечить безопасное, справедливое и эффективное развитие технологий ИИ на благо общества.

Список источников

1. Костеркина К. В. Преимущества и недостатки автономных технологий на базе искусственного интеллекта / К. В. Костеркина, М. Д. Авезов // Проспект Свободный - 2024: материалы юбилейной XX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4-х частях. Красноярск, 15–20 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 347–349.

2. Алтемирова Х. С. Искусственный интеллект и возможности его применения в разных сферах жизни // Молодой ученый. 2023. № 48 (495). С. 5–7.

3. Каштанова Е. В.Проблемы предвзятости и дискриминации человеческого капитала в системах искусственного интеллекта / Е. В. Каштанова, Лобачева А. С. // Вестник ГУУ. 2024. № 3. С. 176–185.

4. Каримов К. С. Основные проблемы искусственного интеллекта в науке // Постсоветский материк. 2022. № 4 (36). С. 59–66.

УДК 811.161.1+811.111

Профессиональные метафоры концепта «электричество» в русском и английском языках

Колчев Александр Юрьевич
Хакасский технический институт - филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, AKolchev-HEn25@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: метафора, электричество, русский язык, английский язык, терминология, модель.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чезыбаевой Наталье Владимировне, доценту, канд. филол. наук.

Технический язык обычно рассматривается как система точных и строгих терминов. Однако изучение электротехнического дискурса показывает, что он содержит множество метафорических моделей. В русском и английском языках такие модели имеют как схожие черты, так и серьёзные различия.

В условиях глобализации инженерной сферы понимание концептуальных моделей, стоящих за терминологией, имеет значение не только для лингвистики, но и для межкультурной профессиональной коммуникации.

Теоретической основой для исследования послужила теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1]. Согласно этой теории, метафора является не языковым украшением и элементом поэтического языка, а фундаментальным когнитивным механизмом, который позволяет понимать сложные

© Колчев А. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

и абстрактные явления через призму конкретного, более приземлённого опыта. Метафора, по сути, заключается в проекции одной концептуальной области, называемой областью-источником (например, «вода»), на другую, более абстрактную область-цель (в данном исследовании –«электричество»).

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют структурные, ориентационные и онтологические типы метафор. При этом онтологические метафоры, интерпретирующие абстрактные явление как объекты, вещества или живые существа, наиболее удобны для изучения электротехнической лексики.

Данный подход подтверждает А.Ф. Лосев, для которого миф представляется «в словах данной чудесной личностной историей» [4] – особым типом мышления, одушевляющим непознанную реальность.

Позиция В.Н. Телия также вносит вклад в данную методологию. Здесьметафора «служит своего рода нишей для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [2].

Предлагаемая классификация профессиональных метафор выглядит следующим образом: гидравлическая (электричество как жидкость), пирическая (электричество как огонь) и агентивная (электричество как субъект деятельности), включая анимистическую (электричество как живое существо) как частный случай.

Гидравлические метафоры демонстрируют высокую степень эквивалентности в обоих языках. Для демонстрации могут быть приведены следующие терминологические единицы, как «ток», «утечка», «поток» в русском языке, находящие прямые соответствия в английском: «current», «leakage», «flow».

Пирическая модель также универсальна, однако преимущественно она выражена в глаголах, описывающих аварийные ситуации («сгорела проводка», «перегорел предохранитель» –«burnout», «blew»), тогда как «искра» и «дуга» в большинстве случаевявляются эквивалентными терминами.

Анимистическая метафора является тем стержнем, который определяет различие. Англоязычная нормативная терминология систематически наделяет электричество витальными признаками: «livepart» («живая часть»), «deadcircuit» («мёртвая цепь»), «killswitch» («выключатель-убийца») [5]. Русский язык, наоборот, вытесняет подобные образы в сферу разговорной речи и профессионального сленга («ударило током», «умер аккумулятор», «жрёт батарею», «села батарейка»), оставляя в официальном дискурсе только технические, нейтральные формулировки («оборудование под напряжением», «участок схемы без напряжения») [3].

Английские неологизмы («vampirepower», «phantomload», «zombieservers») подтверждают сохранение мифологического мышления в современной технической сфере, тогда как русский язык сохраняет стремление к нейтральным терминам («потребление в режиме ожидания»).

Наблюдаемое отклонение может быть интерпретировано культурно-историческими причинами. В англоязычном мире электричество с конца XVIII века воспринималось через призму мистики и витальности (опыты Луиджи Гальвани с «животным электричеством», эксперименты Бенджамина Франклина с молниями, электрические шоу Николы Теслы). Также миф закрепился и в литературе (роман М. Шелли «Франкенштейн»).

В России «массовое» знакомство населения с этим видом энергии пришлось на советский период и было связано с планом ГОЭЛРО – государственной программой электрификации. В данном контексте электричество мыслилось, прежде всего, как инфраструктурный и экономический ресурс, подлежащий

промышленному учету, планированию и контролю. Это не таинственная «живая сила», а объект индустриального управления.

Таким образом, гидравлическая и пирическая модели универсальны для обоих языков, тогда как анимистическая метафора в английском языке включена в основу терминологии, а в русском вытеснена в сленг и разговорную речь. Различия в концептуализации электричества отражают специфику культурно-исторического кода, что согласуется с представлением В.Н. Телия о метафоре как о «нише для кумуляции мировидения» [2].

Список источников

1. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон; под редакцией А.Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

3. Правила устройства электроустановок: главы 1.1, 1.2, 1.7, 1.9, 2.4, 2.5, 4.1, 4.2, 6.1–6.6, 7.1, 7.2, 7.5, 7.6, 7.10; 7-е изд. Москва: ЭНАС, 2015. 560 с.

4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Москва: Академический проект, 2008. 303 с.

5. Справочник технического переводчика / компания «Интент». URL: https://intent.gigatran.com (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 331.1

Оценка эффективности работы отдела кадров организации

Панасенко Ян Андреевич
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Абакан, Республика Хакасия, Россия, yan.panasenko12@yandex.ru

Ключевые слова: эффективность, работа, отдел кадров.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Антонине Николаевне Кадычеговой, доценту кафедры «ПИЕиГД».

Повышение эффективности работы отдела кадров - важный фактор сохранения контингента сотрудников, снижения текучести и повышения лояльности персонала. Эффективный HR-отдел автоматизирует рутину, оптимизирует адаптацию и улучшает коммуникацию, что напрямую влияет на удержание талантов. Оптимизация кадровой службы помогает удерживать персонал, повышает производительность труда, а также укрепляет репутацию компании как работодателя.

Основными показателями эффективности работы отдела кадров организации предлагают использовать индекс лояльности сотрудников, своевременность и качественность оформления установленной отчетности, количество случае нарушения трудовой дисциплины персоналом кадровой службы [1].

Целью работы является оценка эффективности работы отдела кадров организации.

© Панасенко Я. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Для выполнения поставленной цели был проведено онлайн-анкетирование сотрудников различных организаций. В анкетировании приняли участие около 90 респондентов.

Согласно результатам опроса, 67% респондентов оценили работу кадрового отдела своей организации на «отлично», 22% — «хорошо» и 11% — «удовлетворительно» (рис. 1).

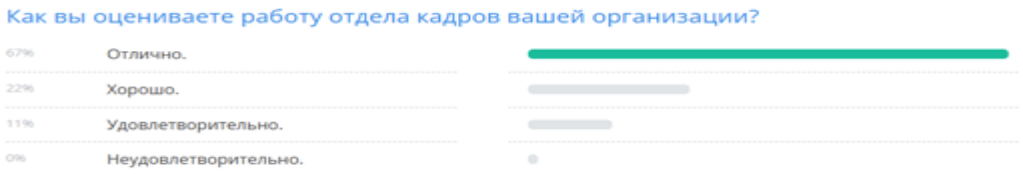


Рисунок 1. Ответ на вопрос «Как вы оцениваете работу отделов кадров вашей организации?».

В результате анализа ответов на второй вопрос установили, что большинство респондентов (63%) считают, реагирование отдела кадров на их запросы и обращения происходит достаточно быстро. Ещё 38% опрошенных отметили, что это происходит очень быстро (рис. 2).

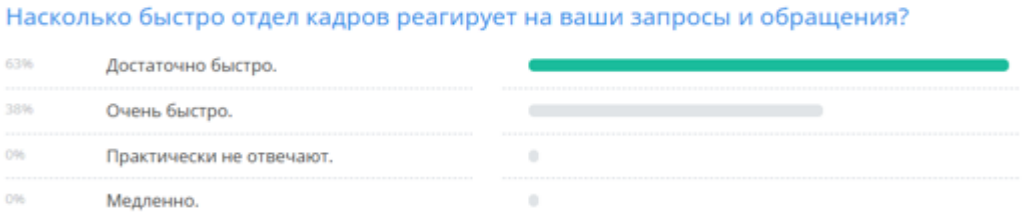


Рисунок 2. Ответ на вопрос «Насколько быстро отдел кадров реагирует на ваши запросы и обращения?».

Как показано на рисунке 3, все респонденты положительно оценили уровень информирования о кадровых процедурах и изменениях в компании: 50% отметили, что всегда в курсе, и ещё 50% - что в основном довольны информированием. Полностью неудовлетворённых или испытывающих нехватку информации среди опрошенных нет (рис. 3).

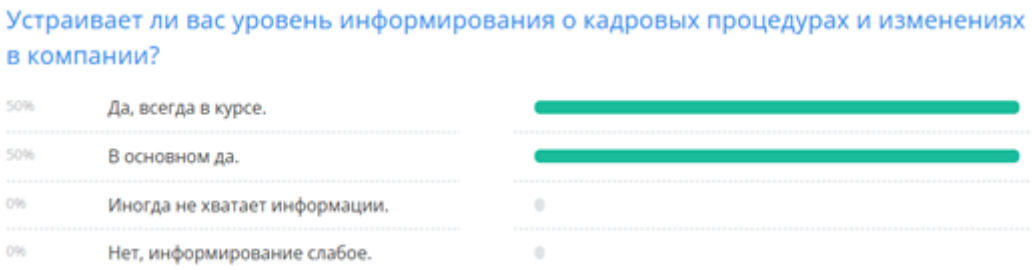


Рисунок 3. Ответ на вопрос «Устраивает ли вас уровень информирования о кадровых процедурах и изменениях в компании?».

Рисунок 4 демонстрирует, что подавляющее большинство участников опроса (88%) дали высокую оценку профессионализму работников отдела кадров. Лишь 13% сочли его средним (рис. 4).

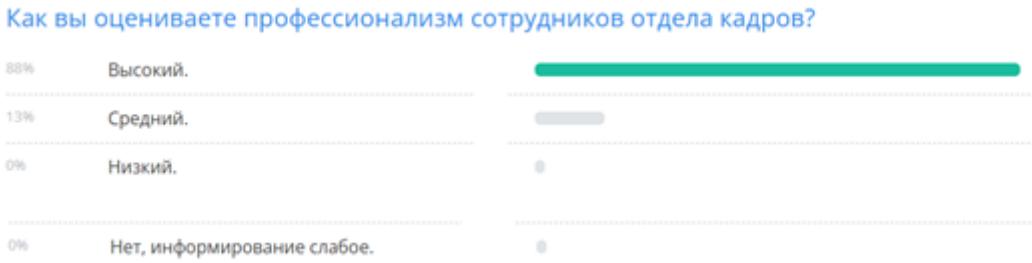


Рисунок 4. Ответ на вопрос «Как вы оцениваете профессионализм сотрудников отдела кадров?».

Согласно данным рисунка 5 – половина респондентов никогда не сталкивались с трудностями при оформлении документов, а остальные 50% указали, что такие проблемы возникают редко (рис. 5).

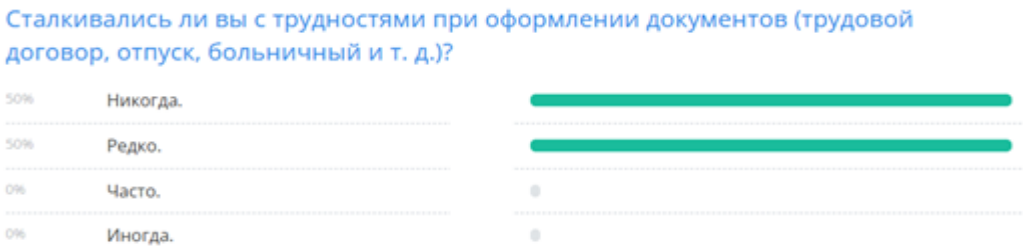


Рисунок 5. Ответ на вопрос «Сталкивались ли вы с трудностями при оформлении документов (трудовой договор, отпуск, больничный и т.д.)?».

По данным рисунка 6, взаимодействие с отделом кадров через электронные сервисы оценили как «очень удобно» - (50%), как «удобно» (38%), как «неудобно» - (13%).

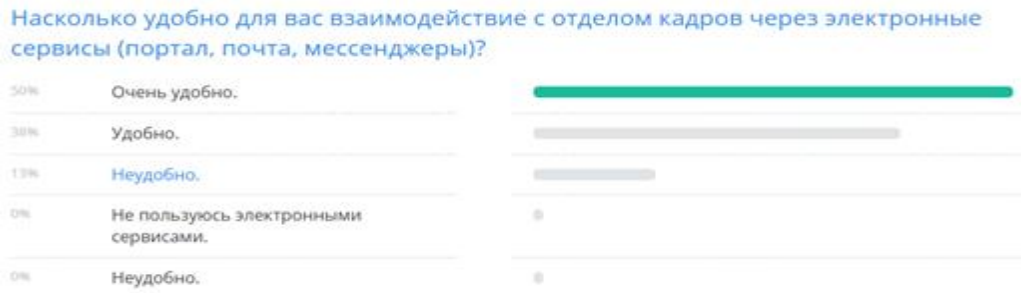


Рисунок 6. Ответ на вопрос «Насколько удобно для вас взаимодействие с отделом кадров через электронные сервисы (портал, почта, мессенджеры)?».

Согласно данным рисунка 7, среди направлений работы отдела кадров, требующих улучшения, респонденты выбрали следующие: обучение и развитие сотрудников - (25%), подбор персонала - (25%), мотивация и корпоративная культура - (19%), консультации по трудовым вопросам - (19%), оформление документов - (13%).

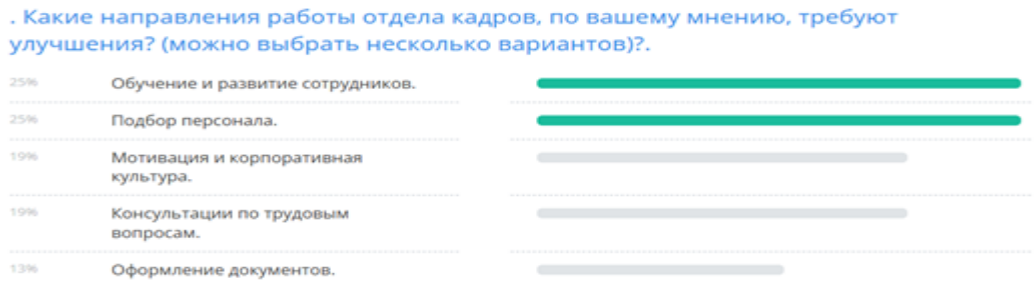


Рисунок 7. Ответ на вопрос «Какие направления работы отдела кадров, по вашему мнению, требуют улучшение?».

Список источников

1. Семенова Н. К. Об оценке эффективности деятельности кадровых подразделений таможенных органов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. № 1 (102). С. 95–102.

УДК 82.09

Цифровая трансформация экологического мониторинга Арктики

Печенкин Гордей Сергеевич, Быков Иван Андреевич
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, success201@mail.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация, экологический мониторинг, Арктика, искусственный интеллект, машинное обучение.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Вениамину Васильевичу Стрежу, старшему преподавателю кафедры ПИЕиГД.

До того, как появилась цифровая техника, за природой Арктики следили по старинке, через сложные экспедиции. Животных считали, глядя на них с самолётов, а состояние пастбищ определяли, роя в земле шурфы и измеряя всё вручную. Чтобы собрать образцы и потом проверить их в лаборатории, уходили недели, а то и месяцы. Все данные записывали на бумагу – в полевые дневники или на карты, а прогнозы делали, опираясь на очень скромные метеорологические данные. Так как не было единых цифровых систем, информацию нельзя было быстро собрать вместе, вот почему стало ясно, что нужно переходить на цифровые методы [5; 6].

Что особенно помогает этим технологиям развиваться, так это международное научное сотрудничество и привлечение молодёжи.

© Печенкин Г. С., Быков И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Например, по программе «Приоритет-2030» вузы Заполярья открывают лаборатории искусственного интеллекта, где студенты и аспиранты учатся работать со спутниковыми данными [3]. Такой подход не только решает проблему с кадрами в высокотехнологичных областях, но и создаёт сообщество учёных, которые умеют разрабатывать алгоритмы, учитывающие уникальные особенности северной природы – от сложностей с распознаванием объектов на фоне снега до особенностей вечной мерзлоты.

Пока решаются задачи по улучшению инфраструктуры, искусственный интеллект активно внедряют в сферу обеспечения экологической безопасности и сохранения того, как люди традиционно используют природу.

Цифровые платформы, которые обрабатывают данные автоматически, позволяют предсказывать риски разливов нефти в акватории Северного морского пути. Они рассчитывают, как быстро может распространиться загрязнение, в зависимости от того, какая сейчас ледовая обстановка и какие течения. Более того, нейросетевые алгоритмы начинают использовать для мониторинга пастбищ северных оленей. Это помогает коренным малочисленным народам получать точные данные о том, сколько ягеля есть на участках, и вовремя менять маршруты своих кочевий, уменьшая нагрузку на хрупкую арктическую природу [2].

Внедрение технологий искусственного интеллекта подняло изучение российской Арктики на новый уровень: автоматическая обработка и компьютерное зрение помогают создавать цифровые копии территорий и моделировать развитие региона на десятилетия вперёд. Нейросети анализируют снимки Баренцева и Карского морей, выявляя проблемные места, изменения льдов и эрозию берегов. В Мурманском арктическом университете, используя мультиспектральный анализ спутниковых данных,

оценивают влияние человека на тундру, замечая ранние стадии разрушения почв, которые глазу незаметны.

Автоматизированные системы для подсчёта животных показывают очень хорошие результаты: от анализа аэрофотосъёмки белых медведей в заповеднике «Медвежьи острова» до обработки данных с фотоловушек в «Земле леопарда» [1]. Алгоритмы распознавания помогают контролировать запасы рыбы (например, нерки на Камчатке), а система «Умный Север» сводит к минимуму конфликты между человеком и дикими животными [4].

Искусственный интеллект в студенческих экспедициях и научных институтах используется для очень разных задач: от поиска останков древних животных (система «Плейстоцен» в Якутии) до определения морского мусора (разработка Института океанологии).

Главные плюсы цифровизации – это эффективность, точность, возможность предотвращать проблемы и экономия ресурсов. Эффективность проявляется в том, что обработка данных, которая раньше занимала месяцы, теперь длится минуты. Точность позволяет заметить даже мельчайшие изменения в экосистемах. Превентивность даёт нам шанс предсказывать природные процессы. А оптимизация ресурсов снижает рутинную нагрузку на специалистов.

Подведём общий итог. Искусственный интеллект стал очень важной частью системы сохранения арктической природы, он активно поддерживает исследования, направленные на защиту уязвимых экосистем Крайнего Севера.

Список источников

1. Соболевский В. А. Система автоматизированного мониторинга фенотипических характеристик северных оленей (Rangifer tarandus) на основе технологий AutoML /

Соболевский В. А., Лайшев К. А. // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2025. Т. 30, № 3. С. 480–485. DOI 10.31242/2618-9712-2025-30-3-480-485.

2. Разработка информационно-аналитической системы мониторинга деградации пастбищ на базе компьютерного зрения / Тишина Р., Волобуев Г., Шевцова Е. [и др.] // Победители конкурса студенческих стартапов. Москва: Фонд содействия инновациям, 2023. URL: http://agrarnayanauka.ru/studenty-rgau-msha-imeni-k-a-timiryazeva-pobedili-v-konkurse-studencheskih-startapov/ (дата обращения: 27.03.2026).

3. Университеты Дальневосточного трека программы «Приоритет» представили отчеты о реализации программ развития в 2025 году / Совет ректоров вузов Приволжского федерального округа. URL: https://sovetrektorov.ru/novosti/2023/universitety-dalnevostochnogo-treka-programmy-prioritet-predstavili-otchety-o-realizatsii-programm-r/ (дата обращения: 27.03.2026).

4. Мониторинг крупных позвоночных арктической фауны с использованием интеллектуальных технологий AutoML / Соболевский В. А., Колпащиков Л. А., Розенфельд С. Б. [и др.] // Зоологический журнал. 2025. Т. 104, № 3. С. 112–122. DOI 10.31857/S0044513425030095.

5. Белов А. В. Методы авиационных учетов морских млекопитающих в российской Арктике: история и современное состояние / Белов А. В., Соколов В. А. Морские млекопитающие Голарктики. Москва: Совет по морским млекопитающим, 2019. Т. 1. С. 82–85.

6. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году». Раздел «Арктическая зона». Москва: Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2021. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/ (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 691.3:69.057

Трехмерная печать в строительстве: современное состояние, материалы и перспективы развития

Ратахин Максим Витальевич, Клименко Семён Евгеньевич
Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета, Республика Хакасия, Абакан, Россия

Ключевые слова: аддитивные технологии, 3D-печать в строительстве, межслойная адгезия, строительные композиты, малоэтажное строительство, цифровое производство.

Строительная индустрия, остававшаяся на протяжении столетий консервативной в вопросах технологического обновления, переживает период кардинальных изменений. Внедрение аддитивных технологий, или трехмерной печати, предлагает принципиально новый подход к возведению зданий и сооружений — от проектирования до непосредственного строительства [1]. В отличие от традиционных методов, связанных с использованием опалубочных систем, значительными трудозатратами и образованием отходов, 3D-печать позволяет создавать конструкции послойным наращиванием материала по цифровой модели [2].

Настоящая работа представляет собой обзор современного состояния аддитивных технологий в строительстве, систематизацию применяемых материалов и методов, а также определение ключевых проблем и направлений развития.

Экструзионный метод, основанный на принципе послойного выдавливания материала через сопло, является доминирующим в строительной 3D-печати.

© Ратахин М. В., Клименко С. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Установки экструзионной печати классифицируются по типу несущей конструкции:

• Портальные системы — наиболее распространенный тип, представляющий собой стационарную раму с перемещающейся по трем координатам печатающей головкой. Такие системы обеспечивают высокую точность позиционирования, однако ограничены габаритами портала [4].

• Роботизированные системы — используют промышленные манипуляторы с 4–6 степенями свободы, что позволяет печатать сложные геометрические формы и работать под различными углами [5].

• Крановые системы — адаптированные башенные краны с печатающей головкой, способные перемещаться по строительной площадке, что открывает возможности для печати зданий практически неограниченного масштаба [6].

Помимо экструзионной печати, в строительстве применяются и другие аддитивные методы:

• Порошковая печать— нанесение связующего вещества на слой минерального порошка с последующим отверждением. Метод позволяет создавать элементы сложной геометрии, однако чувствителен к атмосферным воздействиям и ограничен по размерам.

• Напыление — нанесение материала с помощью роботизированных систем распыления, что позволяет формировать тонкостенные конструкции и оболочки.

Бетоны и цементные растворы являются основными материалами для экструзионной печати. В отличие от традиционных составов, материалы для 3D-печати должны обладать управляемой тиксотропией— способностью разжижаться при механическом воздействии (прокачке по шлангам, экструзии) и быстро восстанавливать структуру после укладки [7].

Составы строительных смесей постоянно совершенствуются. Помимо портландцемента, в качестве вяжущих используются:

• Геополимеры на основе летучей золы и шлаков, обладающие пониженным углеродным следом;

• Магнезиальные цементы, отличающиеся быстрым схватыванием и высокой адгезией [8];

Одной из критических проблем экструзионной печати является обеспечение надежного сцепления между соседними слоями. Прочность на сдвиг межслойной границы, как правило, ниже прочности монолитного материала, что связано с образованием «холодных швов» при укладке следующего слоя после начала схватывания предыдущего.

Отсутствие арматурного каркаса является принципиальным ограничением строительной 3D-печати. Для решения этой проблемы разрабатываются различные подходы:

• Фибровое армирование — введение в смесь полимерных, базальтовых или стальных фибр, что позволяет повысить трещиностойкость;

• Сочетанная печать — одновременная укладка бетона и арматурных элементов (стержней, сеток) с помощью роботизированных систем;

• Армирование по завершении печати — заполнение оставленных технологических каналов арматурой и инъекционным раствором.

Послойное формирование конструкции приводит к анизотропии физико-механических свойств: прочность при сжатии вдоль слоев может быть на 15–30% выше, чем поперек. Анизотропия проявляется и в теплопроводности, и в паропроницаемости, что требует учета при проектировании ограждающих конструкций.

Сравнительные расчеты, выполненные для малоэтажного жилого строительства, показывают:

• Сокращение трудозатрат в 3–5 раз за счет исключения операций по устройству опалубки и снижения доли ручного труда;

• Уменьшение продолжительности строительства в 2–3 раза, при этом возведение коробки здания может занимать 2–4 дня;

• Снижение материалоемкости на 30–60% за счет оптимизации сечения элементов и отсутствия отходов;

• Высокий уровень начальных капитальных затрат на оборудование (от 5 до 30 млн руб. в зависимости от типа и производительности принтера).

Однако отсутствие нормативной базы и методик сертификации объектов, возведенных с применением 3D-печати, существенно затрудняет коммерциализацию технологии

Приоритетными направлениями являются создание композиций с использованием местного сырья и техногенных отходов, материалов с самовосстанавливающимися свойствами, а также составов с регулируемыми сроками схватывания для печати в различных климатических условиях.

Список источников

1. Шувалова Е. М. Роль дизайн-технологий в архитектурной среде и социальном прогрессе / Шувалова Е. М., Малышева С. Г. // Градостроительство и архитектура. 2017. Т. 7, № 2 (27). С. 85–88.

2. Кириллова Н. К. Аддитивные технологии в строительстве и дизайне архитектурной среды: настоящее и будущее / Пермяков М. Б., Краснова Т. В., Дорофеев А. В. // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2018. Т. 9, № 2. С. 2–5.

3. Кириллова Н. К. Применение аддитивных технологий в строительстве и при изготовлении керамических изделий / Н. К. Кириллова, А. Н. Алексеева , А. Д. Егорова // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2020. № 2. С. 134–141.

4. Гаренский Д. А. Сравнительный анализ методов 3D-печати / Д. А. Гаренский, М. А. Полякова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2022. Т. 13, № 1. С. 16–19.

5. Дребезгова М. Ю. Современные аддитивные технологии в малоэтажном строительстве // Вестник Приднепровской государственной академии строительства и архитектуры. 2017. № 6 (216). С. 66–69.

6. Славчева Г. С. Строительная 3D-печать: оперативный метод контроля реологических характеристик смесей / Г. С. Славчева , Е. А. Бритвина, А. И. Ибряева // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2019. № 4 (41). С. 134–143.

7. Козлова И. В. Варианты введения тонкодисперсной добавки на основе перлита в цементные композиции / И. В. Козлова, О. В. Земскова, Н. А. Леканов // Строительные материалы. 2022. № 11. С. 42–49.

8. Мокеева О. Д. 3D-печать архитектурных макетов и перспективы оснащения их инженерными системами в процессе печати / О. Д. Мокеева, Т. С. Титова // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 128–131.

УДК 004.89:69

Сравнительный анализ возможностей языковых моделей DeepSeek и Qwen для задач строительной отрасли

Сиваков Денис Олегович
Хакасский технический институт - филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, denis-239kras@yandex.ru

Ключевые слова: большие языковые модели, DeepSeek, Qwen, строительная отрасль, нормативная документация, BIM, обработка сверхдлинных документов, архитектура MoE, автоматизация управления, русскоязычная терминология.

В 2025-2026 годах китайские большие языковые модели DeepSeek и Qwen закрепились в числе наиболее востребованных инструментов для автоматизации инженерных и управленческих задач [1; 2]. Обе модели демонстрируют высокие результаты в обработке технической документации и решении логических задач, однако их архитектурные подходы существенно различаются. Для строительной отрасли, характеризующейся высокой нормативной нагрузкой, необходимостью работы с объемными документами и специфической терминологией, выбор оптимальной модели становится критическим фактором эффективности.

Для строительной отрасли критически важна способность модели работать с большими объемами нормативных текстов (СНиПы, ГОСТы, СП) и точно извлекать релевантные пункты.

© Сиваков Д. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

DeepSeek демонстрирует высокую точность при обращении к табличным данным и повторяющимся нормативным положениям благодаря механизму условной памяти. Режим «рассуждение» позволяет проследить логику применения норм, что важно для проверки достоверности выводов.

Таблица 1. Сравнение архитектурных характеристик [1; 2]

Параметр	**DeepSeek-V3/R1**	**Qwen3-235B**
Общее число параметров	671 млрд	235 млрд
Активируемых параметров	37 млрд	22 млрд
Архитектура	MoE	MoE
Длина контекста	до 128k токенов	до 1M токенов
Мультимодальность	отдельные версии	встроенная

Qwen поддерживает контекст до 1 млн токенов, что позволяет загружать полные сборники нормативных документов без потери связности [2]. В тестах на обработку сверхдлинных технических спецификаций Qwen демонстрирует высокую стабильность удержания структуры текста. Однако DeepSeek более точен в плане извлечения конкретных данных и, судя по отзывам пользователей, показывает преимущество благодаря специализированным механизмам памяти.

Таким образом, в рамках обработки нормативно-технической документации DeepSeek предпочтителен для задач точного нормативного контроля, Qwen- для анализа объемных документов и работы с большими массивами технической информации. Обе модели успешно применяются для генерации и проверки программного кода, что важно для автоматизации BIM-процессов (скрипты для Revit, Dynamo, Tekla).

DeepSeek имеет специализированную версию DeepSeekCoder v2, обученную преимущественно на кодовых данных, что подтверждается высокими результатами в задачах

программирования [1]. Qwen же демонстрирует сбалансированные результаты в мультиязычной среде и активно используется для автоматизации документооборота в строительстве благодаря развитой экосистеме интеграции [2].

DeepSeek демонстрирует более высокое качество понимания технического текста на русском языке, так как лучше обучен. Однако надо заметить, это утверждение построено на отзывах в сети Интернет, официальные сравнительные тесты отсутствуют [1].

Таблица 2. Требования ИИ к видеопамяти

Модель	**VRAM (инференс)**
DeepSeek R1671B (полная)	~1350 ГБ
DeepSeek R1 8B (дистиллированная)	~8 ГБ
Qwen 2.5 72B	~75 ГБ
Qwen3-235B-A22B	~100-120 ГБ

Обе нейросети требуют дообучения или тщательного продумывания промптов для работы со специфической строительной терминологией на русском языке. Развертывание больших языковых моделей в строительных организациях требует учета доступных вычислительных ресурсов.

Для большинства строительных организаций установка полной версии DeepSeek R1 671B технически недоступна из-за требований к оборудованию. Однако дистиллированные версии DeepSeek (8B, 14B, 32B) могут быть эффективно развернуты на серверах среднего уровня [3].

Qwen 2.5 72B требует около 75 ГБ VRAM при инференсе в половинной точности, что соответствует 2–3 современным GPU (к примеру, NVIDIA A100 80GB) [1].

Таким образом, DeepSeek более экономичен в API-версии, но требует мощного оборудования для локального развертывания полной версии. Qwen предлагает более доступные требования к оборудованию для плотных версий (72B) и гибкую шкалу моделей.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сформулировать следующие рекомендации по выбору языковой модели для строительной отрасли:

• DeepSeek рекомендуется для задач точного нормативного контроля с необходимостью верификации ссылок, автоматизации программирования и BIM-скриптинга, сценариев с ограниченным бюджетом API-запросов [1].

• Qwen рекомендуется для обработки объемных документов (до 1 млн токенов) [2], локального развертывания при ограниченных вычислительных ресурсах (модели 72B) [1; 3], интеграции в сложные корпоративные системы с поддержкой мультиязычности [2].

Дальнейшие исследования должны быть направлены на экспериментальное тестирование моделей на реальных строительных задачах с разработкой количественных метрик эффективности.

Список источников

1. Китайские ИИ без квантизации: DeepSeek 671B и Qwen 72B - системные требования и серверы // ServerFlow. 2026. URL: https://serverflow.ru/blog/stati/kitayskie-ii-bez-kvantizatsii-deepseek-671b-i-qwen-72b-sistemnye-trebovaniya-i-servery/ (дата обращения: 29.03.2026).

2. Qwen: инженерный интеллект из Китая // IT-World. 2025. URL: https://www.it-world.ru/tech/88v7umpscxgcscg4kw84848-cko80cwg.html (дата обращения: 29.03.2026).

3. Китайские ИИ 2025: DeepSeek R1, Qwen 2.5 - ТОП моделей и требования для локального развертывания на ПК // ServerFlow. 2026. URL: https://serverflow.ru/blog/stati/kitayskie-ii-2025-deepseek-r1-qwen-2-5-top-modeley-i-trebovaniya-dlya-lokalnogo-razvertyvaniya-na-pk/ (дата обращения: 29.03.2026).

УДК 004.8

Минусы искусственного интеллекта

Сигитов Алексей Дмитриевич[1], Чернова Алиса Максимовна[2]
[1, 2] Хакасский технический институт Сибирского федерального университета Абакан, Республика Хакасия, Россия
[1]ghule777@mail.ru
[2]aliscka.55@gmail.com

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), технологии, прогресс и регресс.

Искусственный интеллект — это наука и разработка интеллектуальных машин, а также, в частности, интеллектуальных программ способных решать конкретные логические и практические задачи [1].

Данный термин был введён Джоном Маккарти в 1956 году на конференции в Стэндфордском университете. На данной конференции обсуждали возможности искусственного интеллекта, о его полюсах в применении жизни, а также о минусах, которые могут быть при его применении.

Уже многие годы разработчики ИИ стараются создать идеальный искусственный интеллект, который мог бы выполнять точные расчёты и обработку множества данных для упрощения жизни людей в разных аспектах.

Стоит указать, что разработчики ИИ добились многих успехов в этом плане и в настоящий момент можно уже сказать, что есть такие программы, которые могут проводить расчёты сложного уровня, но также можно проглядеть следующую ситуацию, когда

© Сигитов А. Д., Чернова А. М, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

обычный пользователь хочет провести расчёт с помощью искусственного интеллекта, сам же искусственный интеллект может решить задачу так, что расчёт может оказаться неверным, ведь для верного расчёта нужно правильно задать алгоритм решения, а особенно верный запрос и точные данные.

Искусственному интеллекту нужно задавать вопросы чётко и с учётом деталей, чтобы получить точные и полезные ответы.

Неправильно сформулированный запрос может привести к получению недостаточной информации.

Рассмотрим конкретные минусы искусственного интеллекта:

Возможная потеря рабочих мест: представим конкретную ситуацию. В один неожиданный день вы просыпаетесь и обнаруживаете, что на вашей почте сообщение об увольнении и вас заменил ИИ для расчётов в крупной компании. То есть вас заменили на автоматизированную систему, которая лучше будет справляться с вашими задачами, которые вы делали. Из-за чего можно сделать следующий вывод: если появляется автоматизация на рабочих местах, то конкретным специалистам придётся искать новую работу, атем, кто не имеет квалификации, будет куда труднее.

Угрозы приватности данных и их безопасность: для ИИ требуются огромные запросы данных для работы с ними, чтобы обучаться и быть лучше и поэтому закрадывается один конкретный вопрос, а может ли ИИ получать наши данные? Скорей всего ответом является «да», так как ИИ нужно получать конкретные запросы для обработки. Некоторые ИИ программы имеют систему входа для их пользования, тем самым крупные компании ИИ получают с вас данные.

Угрозы безопасности и кибератак: развитие ИИ открывает новые возможности для благих дел, но также есть и опасности применения ИИ, например, кибератаки, а также угрозы к безопасности данных. Хакеры и мошенники пользуются всё

новыми методами для краж данных и обмана людей на крупные суммы денег при помощи ИИ создавая «Deepfake», то есть глубокий обман для получения крупных сумм денег, а хакеры для получения данных пишут через ИИ вредоносные программы.

Социальные и психологические последствия: все мы пользуемся ИИ в плане общения, кто-то даже переписывается с ним, как с другом. Закрадывается очевидный вопрос, а что, если общение будет строиться только с ИИ. Вывод сразу очевиден: человек, проводящий большое количество времени общаясь с ИИ может потерять социальные навыки, от чего может отстранится от взаимодействия с окружающим его обществом и реального общения.

Политические и геополитические конфликты: государства уже давно соревнуются в развитии ИИ, у кого более современная программа, у того есть контроль над экономикой и информации в мире. Если одни страны вкладывают в развитии ИИ огромные суммы денег в научные исследования, то другие не могут позволить себе такого. Из чего возникает следующий вывод, что появляется неравенство между странами. Таким образом, глобальные политические риски и конфликты могут усиливаться, если ИИ будет служить «оружием» в руках тех, кто стремится к доминированию и власти.

Дефицит оперативной памяти с развитием ИИ: для развития ИИ требуются огромные хранилища данных, для обработок этих самых данных и работ с ними. Чтобы данные лучше обрабатывались, нужно большое потребление оперативной памяти. Следует сказать, что крупные разработчики ИИ (OpenAI, Google и остальные) заключили крупные контракты на поставку памяти, из-за этого на полках магазинов техники будет реже появляться оперативная память, тем самым вызвав сильное подорожание, из-за которого не будет возможности купить её по низкой стоимости.

Технические ошибки при проектировании проекта зданий и сооружений вместе с его расчётами: в современных перспективах строительные компании часто начинают прибегать к использованию ИИ для разработок планов зданий и сооружений, а также для расчётов строительных конструкций. Если задать в алгоритм конкретные данные для расчёта и проектирования, то на первый взгляд программа может выдаст логическую цепь всего проекта, но для того, чтобы программа выдала точную модель здания со всеми вытекающими, то есть чертёж со всеми элементами, расчёты по проекту конструктивных элементов, смет и не только, нужно задать точные данные от начала и конца начиная с чертежей и заканчивая расчётами. Так же ИИ может не учесть в расчётах некоторые данные, например, в расчёте стоимости сметы материалов, которые могут использоваться по проекту, расчёты конструктивных элементов, какой объём работ должен быть, календарный план и так далее [5; 6].

Ввод данных в используемый искусственный интеллект: при вводе данных в ИИ следует учесть, что программа может выдать нам с первой точки взгляда логическую цепь решения конкретной задачи, но вводяте же самые данные, которые были уже введены ранее, но добавляя новые переменные,то вывод у ИИ будет совершенно иным с многочисленными ошибками и не логичным выводом от программы, из чегоследует сразу учесть, что программе нужно конкретно вписать все данные от и до, чтобы она смогла выдать нам точный результат.

Следует сказать, что у ИИ есть множество недостатков, но их можно ликвидировать если работать над ИИ и устранять его недостатки, а также тщательно взвешивать все риски его применения.

Список источников

1. Что такое искусственный интеллект // Garpix. 2023. URL: https://garpix.com/blog/chto-takoe-iskusstvennyj-intellekt (дата обращения: 12.03.2026).

2. Плюсы и минусы пользования ИИ // МТС Медиа. 2026. URL: https://media.mts.ru/technologies/212827-plyusy-i-minusy-ispolzovaniya-ii (дата обращения: 12.03.2026).

3. Недостатки искусственного интеллекта: взгляд изнутри и что мы можем увидеть снаружи // Habr. URL: https://habr.com/ru/articles/877852/ (дата обращения: 12.03.2026).

4. Плюсы и минусы искусственного интеллекта // Embarcadero Blog. URL: https://blogs.embarcadero.com/ru/the-pros-and-cons-of-artificial-intelligence/ (дата обращения: 12.03.2026).

5. Умная стройка: нужны ли отрасли искусственный интеллект и цифровые сервисы? // Московская перспектива. 2023. URL: https://mperspektiva.ru/topics/clever_building/ (дата обращения: 12.03.2026).

6. Искусственный интеллект в строительстве: исследования и практики // Base Line. URL: https://base-line.ru/blog/tpost/k1c7ahi0k1-iskusstvennii-intellekt-vstroitelstve-is (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 72.01

Архитектура и свет: философское осмысление светоцветового выделения пространства

Тимченко Виктор Николаевич
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, khti@khakassia.ru

Ключевые слова: архитектура, светоцветовое выделение, феноменология восприятия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Танкову Евгению Владимировичу, доценту, канд. фил. наук.

В современном мегаполисе архитектура перестаёт быть просто совокупностью зданий, улиц и площадей. Она становится живым организмом, который дышит, меняется и взаимодействует с человеком не только днём, но и ночью. Одним из самых выразительных инструментов этой трансформации выступает светоцветовое выделение архитектурных форм — особенно ярко это проявляется в подсветке контуров многоэтажных домов, превращающей город в гигантскую световую инсталляцию.

Свет здесь — не просто техническое средство, а философская категория, способная менять не только облик, но и смысл пространства, влиять на восприятие времени, культуры и самого человека [4].

Архитектура традиционно воспринимается как нечто статичное, материальное, подчинённое законам физики. Однако

© Тимченко В. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

светоцветовое выделение разрушает эту иллюзию неподвижности. Свет становится четвёртым измерением архитектуры, превращая массивные формы в эфемерные, изменчивые образы.

Подсветка контуров зданий — это своего рода граница между видимым и невидимым, между формой и тенью. Она подчёркивает не только объём, но и пустоту, воздух, окружающий здание. В этом смысле свет выступает как медиум, связывающий материальный мир архитектуры с нематериальными сферами — эмоциями, памятью, культурой. Ночью здание перестаёт быть просто домом или офисом; оно становится символом, знаком, частью коллективного воображения горожан.

Светоцветовое выделение формирует новые культурные коды города. Подсвеченные контуры многоэтажек становятся узнаваемыми ориентирами, визуальными метафорами современности, прогресса, устремлённости в будущее. В этом контексте свет — это язык, на котором город говорит с человеком [1].

Цветовая гамма подсветки несёт в себе глубокий символический смысл. Тёплые оттенки ассоциируются с уютом, традицией, безопасностью; холодные — с технологичностью, динамикой, рациональностью. Смена цветов в зависимости от праздников или событий превращает архитектуру в носителя временных смыслов, делая городскую среду более чуткой к жизни общества [3].

Важным аспектом является психоэмоциональное измерение городского пространства и феноменология его восприятия. С точки зрения философии восприятия (*феноменологии*), светоцветовое выделение радикально меняет опыт взаимодействия человека с пространством. Ночью город становится другим: исчезают детали, на первый план выходят силуэты, линии, цветовые пятна. Это создаёт особое настроение — от таинственности до торжественности.

Свет способен влиять на эмоциональное состояние: он может успокаивать, вдохновлять, вызывать чувство защищённости или, наоборот, тревоги. Грамотно организованная подсветка формирует атмосферу ночного города, превращая прогулку по улицам в эстетическое переживание. В этом смысле архитектура становится не просто фоном для жизни, а активным участником формирования внутреннего мира человека.

Большое значение приобретает синхронизация пространственной навигации и структуры города. Светоцветовое выделение выполняет важную структурирующую функцию. Подсвеченные контуры высотных зданий служат визуальными маяками, помогая ориентироваться в сложном городском лабиринте. Они формируют новые маршруты движения, задают ритм пространству, делят город на зоны активности и покоя [2].

В этом аспекте свет выступает как инструмент организации не только физического, но и социального пространства. Он выделяет центры притяжения, подчёркивает границы районов, создаёт иерархию объектов. Городская среда становится более читаемой и понятной для жителя.

В философии современной архитектуры свет имеет экологическую и экономическую функции. Современное световое выделение неразрывно связано с философией устойчивого развития. Использование энергоэффективных технологий (например, светодиодов) отражает стремление к гармонии между человеком и природой, к минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

Светоцветовое выделение имеет и экономический эффект. Инвестиции в качественную подсветку повышают ценность городской среды, привлекают туристов и инвесторов, формируют новый стандарт качества жизни. Свет становится мерилом заботы города о своих жителях.

В качестве современного тренда следует отметить интерактивность и медиальность архитектуры. Развитие цифровых технологий открывает путь к созданию «живых» фасадов — зданий, способных реагировать на погоду, время суток, события в городе или даже на эмоции людей. Медиафасады и видеопроекции превращают архитектуру в носитель информации и искусства.

В будущем светоцветовое выделение станет ещё более гибким и персонализированным инструментом. Город сможет «общаться» с человеком на языке света, создавая уникальные сценарии для каждого момента времени.

Таким образом, светоцветовое выделение архитектурных форм является не просто элемент дизайна. Это глубокий философский феномен, который меняет наше восприятие пространства, времени и культуры. Подсветка контуров многоэтажных домов превращает город в динамичное произведение искусства, где архитектура становится символом эпохи, а свет — языком диалога между человеком и средой.

Список источников

1. Мамфорд Л. Город в истории: его происхождение, развитие и перспективы. Москва: Strelka Press, 2017.

2. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Москва: Архимед, 1992.

3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Москва: Стройиздат, 1985.

4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Москва: Медиум, 1996.

УДК 37.018

Обучающие тесты: классификация и разработка

Тимченко Виктор Николаевич
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, khti@khakassia.ru

Ключевые слова: обучающие тесты, педагогическое тестирования, самоконтроль, самостоятельная работа студентов, структурирование знаний.

Современные образовательные процессы требуют не только передачи знаний, но и активного вовлечения обучающихся в процесс самоконтроля и оценки усвоенного материала. Обучающие тесты являются эффективным инструментом для достижения этих целей, обеспечивая возможность оперативной проверки знаний, выявления пробелов и повышения мотивации к обучению. Данная статья посвящена методике разработки и классификации обучающих тестов, акцентируя внимание на изучении материала и его структурировании в самостоятельном режиме студентами по инженерной геологии и иным различным дисциплинам [2].

Предмет статьи: Обучающие тесты представляют собой инструменты, предназначенные не для оценки, а для структурирования и систематизации знаний, полученных в процессе самостоятельной работы. Они помогают обучающимся осмыслить изученный материал, выявить пробелы в понимании и установить взаимосвязи между различными понятиями. Главная функция обучающего теста — способствовать активному обучению

© Тимченко В. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

и формированию навыков самоконтроля. В отличие от контрольных тестов, направленных на оценку уровня знаний, обучающие тесты акцентируют внимание на процессе обучения и самосовершенствования. Эффективный обучающий тест должен соответствовать следующим требованиям: валидность, надёжность объективность и практичность [1; 6].

В Российской Федерации разработкой обучающих тестов занимались в [5], за рубежом [3].

Методика исследования: Теоретическая методика исследования включала изучение соответствующей литературы и научных документов с последующим анализом изученного, разработку теории составления «обучающих» тестов (тестов, несущих образовательную функцию), практического способа их применения с последующим анализом проведённых практических экспериментов и корректировкой теории составления «обучающих» тестов.

Практическая методика исследования заключалась в том, что добровольным группам студентов пояснялась разработанная теория подхода к составлению тестов, после чего они самостоятельно составляли тесты, анализировали результаты и участвовали в опросе. Практический эксперимент проводился на материале дисциплины «инженерная геология», что позволило апробировать методику в условиях реального учебного процесса и выявить особенности формирования профессиональных компетенций будущих инженеров-строителей.

Уровни сложности и их особенности: для обеспечения дифференцированного подхода к обучению и учёта индивидуальных особенностей обучающихся предлагается классифицировать обучающие тесты по уровням сложности:

• *Уровень 1: Распознавание и воспроизведение.* Тесты данного уровня направлены на проверку знания базовых понятий, терминов

и фактов. Задания, как правило, имеют формат «вопрос-ответ» или «завершение предложения».

• *Уровень 2: Понимание и интерпретация.* Тесты данного уровня требуют от обучающихся понимания и интерпретации изученного материала, умения применять знания в новых ситуациях. Задания могут включать анализ текстов, решение задач и установление взаимосвязей между понятиями.[4]

Примеры:

В1. Какие факторы влияют на морозное пучение грунтов?

1) Температура

2) Влажность

3) Тип грунта

4) Все вышеперечисленное

Пояснение:

Температура. Глубина промерзания грунта напрямую влияет на интенсивность пучения: чем глубже промерзает грунт, тем больше его объём подвергается воздействию мороза, и тем сильнее может быть пучение.

Влажность. Чем выше влажность грунта, тем больше воды доступно для образования ледяных линз, и тем сильнее будет пучение. Критическим является уровень грунтовых вод: если они находятся близко к фронту промерзания, риск пучения значительно возрастает.

Тип грунта. Чем больше в почве мелких частиц, тем выше её склонность к пучению. Глинистые и супесчаные грунты наиболее подвержены этому явлению.

Заключение: в ходе исследования было установлено, что самостоятельное создание обучающих тестов, особенно с включением визуальных элементов, оказывает положительное влияние на усвоение и запоминание материала, только от такой творческой работы по составлению обучающих тестов от

информационного шума в процессе учения останется след и в памяти и развитии способности к познанию. Опрос студентов, участвующих в создании и решении подобных тестов, показал, что такой подход способствует более глубокому пониманию материала, улучшает структуру знаний и развивает критическое мышление.

Студенты отметили, что процесс создания тестов требует активного вовлечения в учебный материал, что помогает лучше понять и организовать информацию. Использование визуальных элементов, таких как изображения горных пород, минералов или геологических процессов, усиливает ассоциативные связи и способствует запоминанию.

Список источников

1. Коваленко Ю. И. Эффективность использования тестовых заданий для реализации самостоятельной работы обучающихся // Современное педагогическое образование. 2023. № 6. С. 94–97.

2. Андреев В. И. Педагогические основы обучения и воспитания. Москва: Просвещение, 2005. 416 с.

3. Foong C. C. Effectiveness of student-generated questions and feedback for enhancing postgraduate students' learning in Civil Engineering / Foong C. C., Lo S. C., Law M. C. // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2018. Vol. 43, № 7. P. 1074–1085.

4. Методические рекомендации к составлению обучающих тестов. 2025. URL: https://disk.yandex.ru/i/4D4e5x9k6QKc0A (дата обращения: 06.01.2026).

5. Обучающие тесты как средство формирования профессиональной компетенции у студентов СПО по специальности «Технология продукции общественного питания». 2017. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/23005/1/RSVP_U_2017_685.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

6. Айзятова А. С. Обоснование эффективности учения и развития способности к познанию при составлении тестовых

заданий по инженерной геологии студентами / А. С. Айзятова, С. В. Карпенко // Проспект Свободный - 2024 : Материалы юбилейной XX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 15–20 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. С. 376–378.

УДК 004.514+004.031.42

Создание клиент-серверного приложения для мониторинга и управления IoT-системами

Хайбуллов Руслан Олегович
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, khti@khakassia.ru

Ключевые слова: IoT, приложение, веб-технологии, автоматизация, HTTP, WebSocket, C#, ASP.NET Core, сервер.

Массовое внедрение IoT-устройств обостряет проблемы интеграции и эксплуатации: фрагментация инфраструктуры, сложность настройки и риски удалённого доступа снижают эффективность. Ключевой барьер — отсутствие единого централизованного управления. Облачные и веб-технологии позволяют создавать платформы для мониторинга в реальном времени, адаптивной автоматизации и многоуровневой защиты данных, упрощая использование техники.

© Хайбуллов Р. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Объект исследования — процессы дистанционного управления и обмена данными в IoT-системах для автоматизации растениеводства.

Предмет — методы проектирования клиент-серверного приложения для безопасного взаимодействия, обработки данных в реальном времени и управления устройствами через интернет.

Цель — разработка системы централизованного управления IoT-устройствами.

Задачи: спроектировать и реализовать серверную часть (обработка запросов, связь с устройствами), мобильное приложение с удобным интерфейсом, механизм аутентификации и защиты данных, обмен в реальном времени, логику управления и конфигурации устройств, провести тестирование и подготовить систему к эксплуатации.

На начальном этапе создан собственный сервер на C# и ASP.NET Core 8 [1] с микросервисной архитектурой, включающий HTTPS-часть для клиентских запросов и WSS-часть для двусторонней связи с IoT-устройствами. Мобильный клиент реализован на .NET 8 MAUI (кроссплатформенно), веб-версия — на HTML, CSS, JavaScript [2]. Взаимодействие с сервером через HTTP, внедрена аутентификация и авторизация по JWT для безопасного доступа.

Ключевой задачей при проектировании серверной архитектуры стало согласование HTTP-интерфейса клиента и WebSocket-протокола IoT-устройств. Для преодоления протокольной несовместимости реализован промежуточный модуль «Pending Request Manager». Он регистрирует входящие запросы, генерирует уникальные идентификаторы транзакций, маршрутизирует команды через WebSocket и корректно сопоставляет ответы с инициаторами, предотвращая коллизии данных. Структурная схема сервера приведена на рис. 1.

Рисунок 1. Структура сервера приложения.

Для хранения данных выбрана СУБД PostgreSQL [3] с Entity Framework Core [4] (ORM для .NET). Разработка велась в Visual Studio 2022. На финальном этапе реализованы: шифрование данных в БД (AES-256), административное API и комплексное тестирование корректности, устойчивости и безопасности. Приложение работает на Android 8+, и может быть портировано на iOS благодаря кроссплатформенности MAUI. При первом входе в приложение (рисунок 2, а) появляется страница входа в аккаунт, на которой есть кнопки «Далее» - отвечает за продолжение авторизации, и «Регистрация» - открывает страницу создания аккаунта. Также на странице есть ссылки на пользовательское соглашение и информацию о политике конфиденциальности. После создания аккаунта пользователя на главной странице появятся карточки-переходы на страницы управления умными устройствами (рисунок 2, б).

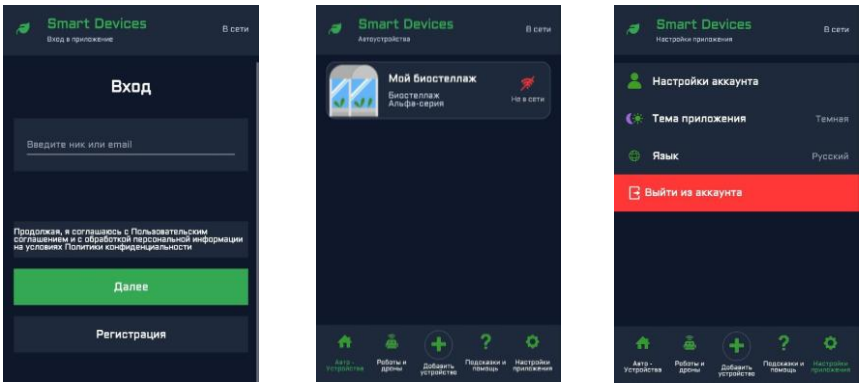


Рисунок 2. Скриншоты экрана мобильного приложения: а) страница входа в аккаунт; б) главная страница приложения; в) страница настроек приложения.

Интерфейс включает четыре модуля: «Роботы и дроны» (в разработке), добавление оборудования (сетевая интеграция и регистрация), «Подсказки и помощь» (руководства, документы, а) б) в) техподдержка) и настройки (конфигурация и профиль) (рисунок 2, в).

Разработана IoT-система для агроавтоматики. Клиентсерверная архитектура с модулем «Pending Request Manager» согласует HTTP и WebSocket, обеспечивая целостность данных при асинхронном обмене. Мобильное приложение с простым интерфейсом упрощает настройку и контроль устройств.

Список источников

1. Руководство по ASP.NET Core 8 // METANIT.COM. URL: https://metanit.com/sharp/aspnet6/ (дата обращения: 07.04.2026).

2. Что такое JavaScript? // MDN. URL: https://developer.mozilla.org/ru/docs/Learn_web_development/Core/Scripting/What_is_JavaScript (дата обращения: 07.04.2026).

3. PostgreSQL // Skillfactory Media. URL: https://blog.skillfactory.ru/glossary/postgresql/ (дата обращения: 07.04.2026).

4. Entity Framework Core // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/otus/articles/500012/ (дата обращения: 07.04.2026).

УДК 004.582

Эволюция веб-сайта для планирования сельскохозяйственных работ: от базового функционала к комплексному решению

Хайбуллов Руслан Олегович
Хакасский технический институт – филиал Сибирского федерального университета, Республика Хакасия, Абакан, Россия, khaybullovruslan@mail.ru

Ключевые слова: веб-сайт, планирование, сельскохозяйственные работы, модернизация, шифрование, C#, ASP.NET Core 8, Razor, CSS, JavaScript, СУБД PostgreSQL, Entity Framework, Visual Studio 2022.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Коковой Валентине Иосифовне, ст. преподавателю.

Очень часто садоводы-любители сталкиваются с такими проблемами, как гибель урожая, нашествие насекомых-вредителей, малый урожай, болезни растений и т. д. Такие проблемы в большинстве случаев возникают из-за отсутствия грамотного планирования работ в саду и недостатка знаний о ведении сада. Садоводство требует больших знаний и опыта, на освоение которых требуется много времени. С развитием веб-технологий появилась возможность создать сервис, в котором даже неопытный садовод сможет создать собственный грамотный план работ для своего сада и получить знания по правильному уходу за растениями.

Объектом исследования является процесс модернизации и оптимизации веб-сайта для планирования сельскохозяйственных работ.

© Хайбуллов Р. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Предмет исследования: методы повышения производительности, безопасности и удобства использования веб-приложения.

Целью работы является комплексная модернизация веб-сайта, направленная на повышение безопасности пользовательских данных, улучшение пользовательского опыта, оптимизацию серверной логики и подготовку сервиса к активной эксплуатации.

Для достижения поставленной цели необходимо: внедрить современные методы шифрования и защиты данных; переработать пользовательский интерфейс; оптимизировать серверную часть и алгоритмы генерации плана работ; обеспечить развертывание сервиса на хостинге с использованием SSL и обратного прокси-сервера.

Для создания веб-сайта был выбран язык программирования C#, технология ASP.NET Core. C# обеспечивает высокую производительность и позволяет использовать технологию Razor для создания HTML-файлов на стороне сервера [1; 2]. Для front-end части использовались CSS и JavaScript. Для создания базы данных была выбрана СУБД PostgreSQL как современная и производительная СУБД. Для подключения к базе данных был использован Entity Framework – объектно-реляционный механизм сопоставления (ORM) [4; 5].

В процессе модернизации веб-приложения были реализованы комплексные улучшения, затрагивающие ключевые аспекты системы: безопасность, пользовательский интерфейс, серверную архитектуру, алгоритмы обработки данных и сетевую инфраструктуру.

В области информационной безопасности были внедрены современные механизмы защиты данных. Реализовано шифрование информации с использованием алгоритма AES-256. Пароли пользователей хранятся в виде хэшированных значений,

что исключает возможность их дешифрования. Также реализован механизм подтверждения электронной почты при регистрации.

В части пользовательского интерфейса и дизайна была проведена значительная переработка визуальной составляющей веб-приложения. Обновлена цветовая гамма, реализованы светлая и тёмная темы.

Серверная часть системы подверглась полной переработке: были пересмотрены и оптимизированы все контроллеры и методы обработки запросов. Это позволило значительно повысить производительность и сократить время отклика сервера.

Алгоритм генерации плана сельскохозяйственных работ также был существенно улучшен. В частности, введён учёт региональных особенностей, расширен перечень доступных операций, связанных с уходом за растениями, а также упрощён процесс формирования плана.

При открытии веб-сайта пользователя встречает главная страница, на которой указано краткое описание веб-сайта и информация, как начать работу на нем. Скриншот главной страницы можно увидеть на рисунке 1.

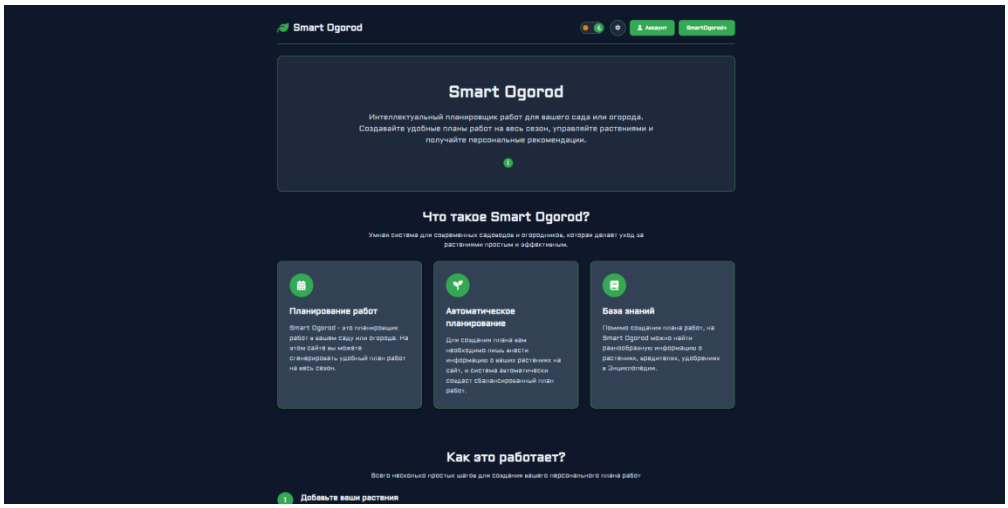


Рисунок 1. Скриншот главной страницы сайта.

После завершения регистрации пользователь переходит на страницу плана работ. Как страница выглядит можно увидеть на рисунке 2.

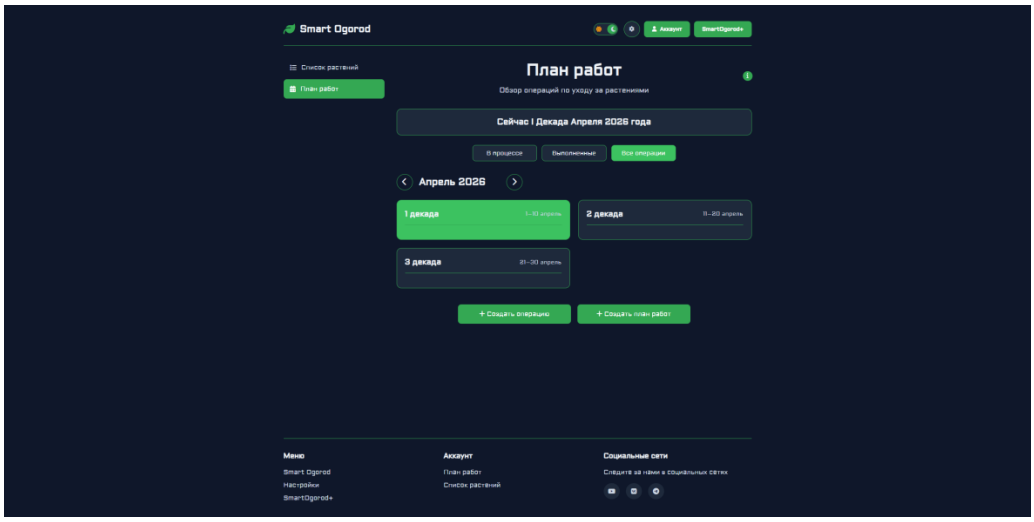


Рисунок 2. Страница плана работ после добавления растений в систему.

Практическая значимость подтверждается испытаниями: использование сервиса позволило примерно в 2 раза увеличить урожайность и улучшить вкусовые качества продукции.

Список источников

1. Руководство по ASP.NET Core 8 // METANIT.COM. URL: https://metanit.com/sharp/aspnet6/ (дата обращения: 04.04.2026).

2. Язык программирования C#: краткая история, возможности и перспективы // Timeweb. URL : https://timeweb.com/ru/community/articles/chto-takoe-csharp (дата обращения: 04.04.2026).

3. PostgreSQL // Skillfactory Media. URL: https://blog.skillfactory.ru/glossary/postgresql/ (дата обращения: 04.04.2026).

4. Entity Framework Core // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/otus/articles/500012/ (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 004.3

Проектирование и реализация комплексной IoT-платформы интеллектуального управления процессами выращивания растений

Хайбуллов Руслан Олегович
Хакасский технический институт - филиал Сибирского федерального университета, Республика Хакасия, Абакан, Россия, khaybullovruslan@mail.ru

Ключевые слова: IoT, микроконтроллер, ESP8266, автоматизация, WebSocket, Wi-Fi.

В условиях развития агропромышленного комплекса и городской среды возрастает необходимость повышения эффективности выращивания растений как в открытом и защищённом грунте, так и в домашних условиях. Основные проблемы связаны с необходимостью постоянного контроля параметров среды, поддержанием оптимальных условий роста. Недостаточная автоматизация приводит к перерасходу воды, снижению урожайности и ухудшению качества продукции. Современные технологии интернета вещей (IoT) позволяют создавать интеллектуальные системы для автоматизированного управления и удалённого мониторинга, что делает актуальной разработку единой IoT-платформы для управления агропроцессами.

Объект исследования: процессы автоматизированного управления условиями выращивания растений в открытом,

© Хайбуллов Р. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

защищённом и домашнем грунте с применением технологий интернета вещей.

Предмет исследования: методы и программно-аппаратные средства построения распределённой IoT-платформы, обеспечивающей мониторинг и управление параметрами выращивания растений (полив, освещение и др.) с использованием сетевых технологий и удалённого доступа.

Цель работы: разработка и реализация комплексной IoT-платформы интеллектуального управления процессами выращивания растений, обеспечивающей интеграцию систем автоматического полива и домашнего растениеводства с возможностью централизованного удалённого управления.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: разработка архитектуры распределённой IoT-системы, включающей аппаратные модули и серверную инфраструктуру; проектирование и реализация устройства автоматического полива; разработка интеллектуального устройства домашнего растениеводства с функциями автоматического управления.

Разработанная система представляет собой распределённую IoT-платформу, включающую несколько взаимосвязанных устройств. Аппаратная часть системы реализована на базе микроконтроллеров семейства ESP8266, обладающих поддержкой Wi-Fi и достаточными вычислительными ресурсами для обработки управляющих алгоритмов [1].

В состав платформы входят следующие функциональные модули: модуль автоматического полива, обеспечивающий управление насосным оборудованием, регулирование подачи воды и выполнение заданных сценариев полива («Умный автополив»); модуль интеллектуального выращивания растений («Биостеллаж»).

Взаимодействие между устройствами и серверной частью осуществляется посредством сети Интернет с использованием

протокола WebSocket, что обеспечивает управление в режиме реального времени [2].

Программная реализация встроенной части выполнена в среде разработки Arduino IDE версии 2, что обеспечивает возможность расширения функциональности системы [3].

Сначала была спроектирована компоновка умных устройств, а также определена логика их работы. Затем были выбраны материалы для изготовления корпусов устройств и подобраны комплектующие. После этого были разработаны трёхмерные модели корпусов. На следующем этапе был разработан программный код для микроконтроллеров. Сначала реализована базовая логика работы: режимы и моменты включения устройств. Затем добавлено подключение к Wi-Fi. После этого настроено соединение с сервером через WSS для удалённого управления. Также реализована работа с постоянной памятью на основе. В завершение внедрена защита от несанкционированного доступа к управлению устройствами. На рисунке 1 можно увидеть скриншот 3D-модели «Биостеллажа».

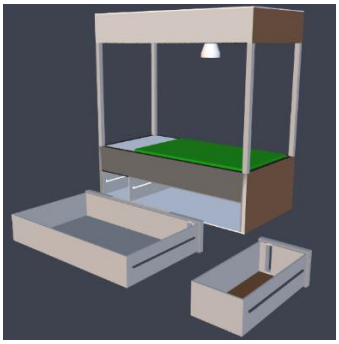


Рисунок 1. Скриншот 3D-модели «Биостеллажа».

«Биостеллаж» имеет габариты 472x234x535 мм и состоит из нескольких функциональных частей. Основу конструкции составляет каркас, включающий нижний отсек для размещения контейнеров с водой и насос, а также верхний модуль с управляющим контроллером, блоком питания, кнопками и

фитолампой. Отдельно предусмотрены контейнеры для чистой и сточной воды, а также ёмкость для выращивания растений. На рисунке 2 можно увидеть скриншот 3D-модели «Умного автополива».

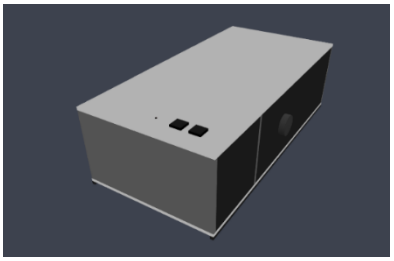


Рисунок 2. Скриншот модели «Умного автополива».

«Умный автополив» имеет габариты 254x126x77 мм и конструктивно разделён на две части: отдельный отсек для размещения диафрагменного насоса и отсек, в котором расположены блок питания и управляющий микроконтроллер.

Список источников

1. ESP8266 с чего начать или первый опыт // Habr. 2018. URL: https://habr.com/ru/articles/394535/ (дата обращения: 07.04.2026).

2. Что такое веб-сокеты и как они вообще работают // Hexlet. 2024. URL: https://ru.hexlet.io/blog/posts/chto-takoe-websocket-i-kak-oni-voobsche-rabotayut (дата обращения: 07.04.2026).

3. Среда разработки Arduino IDE // Enjoy Robotics. 2019. URL: https://enjoy-robotics.ru/tpost/lpvad05uy1-sreda-razrabotki-arduino-ide (дата обращения: 07.04.2026).

УДК 004.89:69

Недостатки применения искусственного интеллекта в строительстве

Яркин Пётр Алексеевич
Хакасский технический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Республика Хакасия, Абакан, Россия, Yarkin73@yandex.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, строительство, применение искусственного интеллекта в строительстве, недостатки искусственного интеллекта.

Сейчас искусственный интеллект (ИИ) повсеместно применяется во многих сферах деятельности человека, и строительство не является исключением. Крупные строительные компании уже активно используют его для решения спектра задач. Это может быть проектирование зданий или сооружений, его непосредственное возведение с помощью специальных роботов, контроль на строительной площадке, проверка соответствий возведённого здания (сооружения) требованиям проекта и прочее. Но искусственный интеллект далеко не идеален, что обусловлено наличием у него определённых недостатков.

Первым, что приходит на ум, когда слышишь про искусственный интеллект, – это замена им человека. Сначала это кажется значительным плюсом, так как всю тяжёлую и низкоквалифицированную работу можно будет переложить на ИИ. Но если подумать, то это массовое сокращение рабочих мест на предприятиях, на которых люди занимаются как физическим, так и

© Яркин П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

умственным трудом. Это в свою очередь является важным недостатком внедрения искусственного интеллекта. Автоматизация конвейеров оставляет часть людей без работы. Конечно, у таких людей есть выход из этой ситуации – переквалификация. Но кто-то в силу возраста или специфики своей профессии не в состоянии перестроиться и внедриться в реальность, где основное место занимает ИИ. Люди оказываются в тяжёлой экономической ситуации. Это порождает дополнительную безработицу, которая может стать серьёзной глобальной проблемой для страны.

Другой важной проблемой остаётся сложность и непредсказуемость ИИ. Мы не знаем, какой именно логической цепочкой ИИ пришёл именно к такому выводу. Предположим, ИИ на основе полученных данных сделал вывод, что здание с вероятностью 90% обрушится в течении года. Возникает вопрос: почему ИИ решил именно так? Почему именно 90%? А что тогда в оставшихся 10%? Если начать спрашивать ИИ по этому поводу, он не даст никаких логически понятных объяснений.

Также сложно найти ошибку в вычислениях и рассуждениях ИИ. Если в обычной компьютерной программе можно прочитать код и устранить ошибку, то в ИИ совсем по-другому. В нём нет определённого кода. Она сам учится, анализируя предоставленные ему данные. И понять, чему именно научился искусственный интеллект, возможно только увидев результат. Бывает, что ошибочные результаты у некоторого ИИ появляются только в редких случаях, когда совпало несколько определённых факторов. И выявить такую ошибку во время тестирования ИИ становится практически невозможно.

Тогда возникает сложный правовой вопрос: если ИИ ошибётся, кто будет виноват? Компания, которая применила его для решения некоторой проблемы или задачи, которая его разработала, или же которая его обучила?

Для нормального функционирования искусственного интеллекта его необходимо правильно обучать. Это сложный и трудоёмкий процесс, для которого нужны высококвалифицированные специалисты. Сейчас таких специалистов недостаточно, а с каждым годом их требуется всё больше из-за продолжающегося активного внедрения искусственного интеллекта в отрасль. Подготовка таких кадров является одной из первоочерёдных задач [2].

Искусственному интеллекту для эффективной и успешной работы нужно анализировать огромные базы данных. Таких пока мало в свободном доступе. А делиться данными с конкурентами руководители строительных компаний считают недопустимым, так как эти данные являются конфиденциальной информацией и запрещены к распространению вне организации. Также многие архивы представляют из себя набор разрозненной неклассифицированной информации. Её нужно преобразовать, прежде чем искусственный интеллект сможет её обработать. Из-за недостатка и плохого качества данных ИИ может давать некорректный результат. Это является одной из главных проблем полного перехода строительной отрасли на искусственный интеллект [3].

Для применения ИИ необходимы оборудованные строительные площадки: высокоскоростная связь, специальные устройства для передвижения роботов по объекту, различные датчики для сбора информации. Также необходимо поддерживать порядок, чтобы ничего не мешало роботам передвигаться, а ИИ – собирать информацию. Всё это требует огромных затрат [1].

Допустим, необходимо проверить положение арматуры в каркасе монолитной конструкции здания с учётом функций и рассчитанной нагрузки. Для этого нужно одно устройство с датчиками или сканерами. А так как арматуры в каркасе много, это устройство необходимо передвигать. Можно поручить это человеку,

но если он не имеет должной квалификации, то может неправильно установить устройство, и результат будет неверным. Возникает необходимость использовать роботов на основе ИИ. Но у них есть существенный недостаток – они не обладают нужной мобильностью. Ведь необходимо перейти от одного датчика к другому, определить угол, под которым датчик сканирует элемент, чтобы принять это в расчёты, также учесть освещённость. Также ИИ по-другому воспринимают информацию. Он всё анализирует полноценно, в то время как человек некоторое принимает как аксиомы и сильно над ними не задумывается.

В заключение нужно сказать, что внедрение искусственного интеллекта в строительную отрасль, пусть и не бесполезный, но сложный и трудоёмкий процесс, требующий правовой корректировки, продуманности и ответственности.

Список источников

1. Ненастьев А. Проблемы и преимущества искусственного интеллекта в строительстве // ЦУС Академия. 2023. URL: https://academy.tsus.ru/problemy-i-preimushhestva-iskusstvennogo-intellekta-v-stroitelstve/ (дата обращения: 27.03.2026).

2. ИИ в строительстве – тенденции, проблемы и перспективы развития технологий, обзор решений // ПервыйБит. 2024. URL: https://1solution.ru/events/articles/ai-v-stroitelstve-tendentsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya-tekhnologiy-obzor-resheniy/ (дата обращения: 29.03.2026).

3. 4 главных барьера для внедрения ИИ в девелопменте и как их преодолеть // РБК Компании. 2025. URL: https://companies.rbc.ru/news/hYORkGMc39/4-glavnyih-barera-dlya-vnedreniya-ii-v-developmente-i-kak-ih-preodolet/ (дата обращения: 30.03.2026).

UDC 801.3:37

An abbreviation as a short proper name of educational institutions in Russia and the United Kingdom

Tomilin Kirill Alekseevich[1], Daibov Ivan Vitalievich[2]
[1, 2]Khakass Technical Institute – branch of Siberian Federal University, Abakan, Russia
[1]tomilin20183@yandex.ru
[2]daibov222@mail.ru

Keywords: abbreviation, proper name, nickname, domain, Internet

Acknowledgements: the authors express their gratitude to the scientific supervisor Evgeny Vladimirovich Tankov, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences and Alina Ruslanovna Kuznetsova, Engineer of the chear.

Proper names occupy a significant place in the vocabulary of any language. They are important components for communication and understanding of people, and are also used to distinguish a single object from many others.

Bondaletov V.D. identified five main types of onyms in connection with named objects: anthroponyms, mythonyms, zoonyms, toponyms, ethnonyms [1]. However, despite the diverse number of ways to build word models, the main method of creating proper names is the addition method, namely abbreviations.

Abbreviations became firmly established in our everyday life and became widespread at the beginning of the 20th century. The vocabulary of modern Russian has been significantly enriched with the use of the abbreviation. In order to save communication or writing time, well-

© Tomilin K. A., Daibov I. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

known abbreviations of phrases or words continue to be replaced with a letter abbreviation. Nowadays, a significant proportion of the names of various institutions, organizations, and firms are abbreviated names.

Let's consider one of the existing classifications of abbreviations: initial abbreviation and its subspecies: letter abbreviation, letter-sound abbreviation, sound abbreviation; recursive abbreviation, compound words, graphic abbreviation, mixed abbreviation.

In English, as well as in Russian, there are many classifications of abbreviations, for example, L.I. Sapogova cites the following types of abbreviations: syntactic: a) semantic-syntactic; b) morphological-syntactic; phonomorphological; phonographic; mixed [2].

Abbreviations are actively used by users as a virtual name, nickname (nickname, network time). A nickname, nickname, or network name is a pseudonym used by a user on the Internet, usually in places of communication (blogs, forums, and chat rooms). A nickname can be considered as an onym, since it refers to anthroponyms that are similar in nature to nicknames [3]. Users try to create a "middle name" for themselves based on their own first name and last name (Sergio – Sergey; PetroV – Petrov); first name, last name and other types of designation of popular characters or heroes of films, books, etc. (Garri_P – Harry Potter); professional activity (Actress Student), etc.

On the Internet, each site has its own unique domain address. The domain is identified by the domain name. The common namespace on the Internet functions thanks to the DNS domain Name system. The email address of any website consists of a domain that is located after the dot and a domain name located before the dot: domain name.the domain.

There are 3 levels of domain classification: level 1 – geographical affiliation of the site (.ru – Russia,.us – USA,.uk – UK); level 2 – type of activity of the site (.org – non–profit organization;.com – commercial organizations); level 3 - type of activity and territorial location (.net.us – organizations that ensure the operation of the US network) [4].

The domains of Russia and the United Kingdom belong to the first level of domains, which can be used to determine where the domain comes from, i.e., its country, it is also called the national domain. In the UK, there is a distinctive domain for educational institutions (ac.uk), and such a domain is not used for Russian universities.

The use of an abbreviation as an analogue of the name of a university in Internet communication is the norm for Russian universities and universities in the UK. [3; 4]. Let's look at the table in more detail.

Table 1. Abbreviation as a short proper name in Internet communication

Title of the higher school	**Abbreviation of the higher school/ the type of abbreviation**	**Nickname of the higher school or its domain name/ type of abbreviation**	**Coincidence**
Higher schools of Russia			
Moscow State University named after M.V. Lomonosov	MGU named after M.V. Lomonosov / initial	msu / initial	full (including translation)
Saint-Petersburg State University	SPbU / initial	spbu / initial	full (including translation)
Siberian Federal University	SFU / initial	sfu-kras /initial	full
Khakass Technical Institute – branch of Siberian Federal University	KhTI –branch SFU/ abridgement	khti / initial	–
Higher schools of Great Britain			
University of Cambridge	Cambridge / syntactic	cam /phonographic	–
University of St Andrews	St Andrews / mixed	st-andrews / mixed	full
University of Warwick	Warwick / синтаксический	warwick / syntactic	full
Imperial College London	Imperial College / syntactic	imperial / syntactic	partial

After analyzing the data in the table, it should be noted that Russian universities prefer the abbreviation of the initial type, while UK universities prefer the syntactic type. University abbreviations coincide in meaning and function with a nickname or domain name and can be considered as an analogue of the name of their own educational institution, which in turn are synonymous.

References

1. Bondaletov V. D. Russian onomastics: A textbook for students. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2023, p. 312.

2. Sapogova L. I. The experience of semanticostylistic comparison of morphemic truncations with prototypes. Tula, 1968. p.36.

3. Balkunova A. S. The place of nicknames in onomastics / A. S. Balkunova, E. M. Ryanskaya // Bulletin of Nizhnevartovsk State University, 2010. p.9.

4. Classification of domain names. URL: http://it.xpsi.ru / (date of access: 04/07/2026).

5. Rating of universities in Great Britain. URL: http://www.estudy.ru/countries/england/higher-education / (date of access: 04/07/2026).

6. Rating of Russian universities. URL: http://vuzoteka.ru / (date of access: 04/07/2026).

Актуальные вопросы теории и практики социальной работы с молодёжью

УДК 364.65-053.6

Кадровый дефицит и нехватка ресурсов как барьеры для эффективной профилактики негативных проявлений в молодежной среде города Красноярска

Будажапова Инесса Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
inessabudazhapova@yandex.ru

Ключевые слова: молодежный центр, специалист по социальной работе, проблемы, профилактика, молодежная политика, дефицит кадров, ограниченность ресурсов.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анне Александровне Чащиной, доценту, канд. филос. наук.

Профилактика негативных проявлений в молодежной среде является одним их ключевых направлений деятельности главного управления молодежной политики города Красноярска. Обоснованы разработка и реализация мер профилактики правонарушений, а также первичной профилактики вредных и опасных зависимостей среди молодежи, формирование мотивации к социально позитивному образу жизни, продолжению образования [1]. Муниципальные учреждения, курируемые управлением, участвуют в реализации общегородских проектов, целью которых выступает решение указанных проблем.

Для выявления факторов, влияющих на эффективность деятельности учреждений молодежной политики в сфере

© Будажапова И. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

профилактики, был проведен опрос 20 специалистов по работе с молодежью из девяти красноярских молодежных центров (далее МЦ): «Свое дело», «Центр путешественников», «Доброе дело», «Зеркало», «Вектор», «Новые имена», «Патриот», «База» («ИТ-центр»), «ПРО Техно». Целевые группы МЦ составляют школьники, студенты профессиональных образовательных организаций (далее ПОО) и подростки группы риска в возрасте 14-16 лет, лица в возрасте 17-19 лет, деятельность ориентирована на профилактику употребления психоактивных веществ, экстремизма, суицидального поведения, зависимости от сети Интернет и самовольного ухода.

Преобладающая часть (60%) респондентов – начинающие специалисты с опытом от 1 до 3 лет, 15% опрошенных в профессии менее 1 года. Только 25% имеют стаж от 4 лет и более. Такое распределение косвенно свидетельствует о высоком уровне текучести кадров и дефиците квалифицированных сотрудников с устойчивыми профессиональными компетенциями. Преобладание начинающих специалистов объективно снижает эффективность индивидуальной профилактической работы с подростками группы риска и поэтому возрастает необходимость в программах повышения квалификации.

Девиантное поведение подростков детерминировано многоуровневой системой факторов: от семейного неблагополучия и влияния референтных групп до индивидуально-личностных особенностей и медиасреды, причем на практике эти причины редко встречаются изолированно, формируя сложные взаимосвязанные комплексы. Комплекс профилактических мер охватывает психологическое консультирование, образовательную поддержку, трудовую занятость, волонтерство, привлечение к участию в досуговых мероприятиях, а также ценностно-ориентированные проекты в сфере патриотического воспитания и здоровьесбережения. Представленный перечень демонстрирует

стремление специалистов воздействовать на различные сферы жизнедеятельности подростка. Однако их эффективность снижается из-за отсутствия четкой дифференциации: массовые форматы преимущественно воздействуют на установки, но слабо корректируют глубинные семейные конфликты и личностные искажения.

Поскольку семья представляет собой ключевой институт социализации, оказывающий существенное влияние на становление личности. Именно в семейной среде закладываются индивидуальные ценностные ориентации, усваиваются социальные нормы и поведенческие паттерны. В период детства и юности, отличающийся повышенной восприимчивостью к внешним влияниям, семья выполняет фундаментальную роль, формируя основы межличностного взаимодействия и систему моральных установок. Поэтому для повышения результативности необходимо усилить адресную работу с семьей, интегрировать индивидуальное консультирование с онлайн-сопровождением [3].

В постановлении администрации города Красноярска №220 «Об утверждении Концепции развития молодежной политики города Красноярска до 2028 года» от 21.03.2024 упоминаются системные проблемы инфраструктуры и кадрового обеспечения профилактической работы с молодежью как ключевые барьеры для эффективной профилактической деятельности:

- отсутствие развитой сети молодежных центров не позволяет в полной мере охватить событиями и вовлечь в деятельность отрасли молодежь города;

- необходима кооперация сильных молодежных центров на уровне районов города;

- при ежегодном росте количества молодежи, вовлекаемых в мероприятия отрасли, численность штата сотрудников не увеличивается;

- текучесть кадров из-за низкой заработной платы [2].

Улучшение системы материального стимулирования работников, повышение престижа и общественной значимости профессии специалиста по социальной работе выступает стратегически важным фактором устойчивого развития социальной сферы. А для преодоления проблем в реализации профилактической деятельности необходим переход от формальных мероприятий к глубокой, системной работе, ориентированной на личность подростка и его ближайшее окружение.

Список источников

1. Положение о главном управлении молодежной политики. URL: https://www.admkrsk.ru/administration/structure/youthpolicyupr/Pages/polozhenie.aspx (дата обращения: 14.04.2026).

2. Постановление администрации города Красноярска от 21 марта 2021 г. № 220 «Об утверждении Концепции развития молодежной политики города Красноярска до 2028 года». URL: https://clck.su/yeUfy (дата обращения: 15.04.2026).

3. Вяткина В. М. Влияние семейного окружения на формирование девиантного поведения несовершеннолетних / Вяткина В. М., Чащина А. А. // Вестник Восточно-Сибирской открытой Академии. 2025. С. 1–6.

УДК 347.633.5

Опыт и проблемные аспекты социальной работы с семьями, находящимися в социально опасном положении, в связи с неисполнением родителями обязанностей (на примере КГБУ СО «Центр семьи «Октябрьский»)

Вяткина Виолетта Максимовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vyatkinavm23@mail.ru

Ключевые слова: семьи, находящиеся в социально опасном положении, программа реабилитации, куратор, специалист, диагностика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Наталье Витальевне Высоцкой, ст. преподавателю.

Семейная политика в Российской Федерации направлена на поддержку семейного благополучия и преодоление проблем в семьях с детьми, что достигается через выполнение задач, поставленных в Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 года и ряде других документов [2].

Социальная работа с семьями, находящимися в социально опасном положении (далее – СОП), осуществляется в Центре социальной помощи семье и детям «Октябрьский» (далее – Центр). На базе Центра расположена социальная служба «Дети в семье», в составе которой работают пять специалистов по работе с семьей. В ходе изучения деятельности Центра по социальной работе с рассматриваемой категорией семей нами было проведено

© Вяткина В. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

полуструктурированное интервью с 2-мя специалистами службы, изучены статистические данные, проанализированы 18 программ комплексной индивидуальной профилактической работы (далее – КИПР) и 18 актов обследования условий жизни семьи.

На начало 2026 г. на учете в Центре состоят 44 семьи, распределенные по 3-м основаниям: создание родителями обстановки, не отвечающей требованиям безопасности и (или) воспитания – 6; оказание отрицательного воздействия родителями на детей своим образом жизни – 3; ненадлежащее исполнение родителями обязанностей по воспитанию – 35. Однако, как отмечают специалисты, это выделение не влияет на содержание дальнейшей работы.

Социальная работа с семьями в СОП в учреждении реализуется в рамках технологии куратор случая. Вместе с тем, заметим, что специалисты Центра работают с семьей посредством оказания ей социальных услуг, а также возможного социального сопровождения, включающего, например, содействие куратором в восстановлении документов членов семьи [1].

Работа с семьей начинается после поступления специалисту постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав о выявлении и постановке на учет семьи в качестве находящейся в СОП. Следует акцентировать внимание на том, что для разработки КИПР необходимо проведение диагностики потребностей, ресурсов, дефицитов семьи [3]. Нами установлено, что комплексная диагностика куратором не проводится, она ограничена актом обследования условий жизни семьи, который игнорирует оценку психосоциальной сферы. В результате, специалистами в качестве дефицитов семьи фиксируются проявления неблагополучия: злоупотребление родителем алкоголем, отсутствие у него работы. Однако, причины, повлекшие эти проявления, остаются невыявленными.

Следует сказать о том, что составление КИПР предполагается междисциплинарной командой специалистов [3]. Это необходимо для разработки согласованной, системной, достаточной, но не избыточной программы реабилитации. Однако на практике КИПР составляется куратором на основе предложений соисполнителей в онлайн формате, без очного обсуждения результатов диагностики. В результате, КИПР представляет собой не комплексный план помощи семье, а набор мероприятий, нередко не отвечающих на вопрос о том, каким образом данное действие решает поставленную задачу.

Таблица 1. Типовые задачи и мероприятия, направленные на их решение (на основе анализа 18 КИПР)

Задача	**Мероприятие**
повышение правовой грамотности родителей в вопросах надлежащего исполнения обязанностей	социально-правовое консультирование, социальный патронаж
улучшение санитарно-гигиенических условий проживания семьи	социальный патронаж, с целью наблюдения за соблюдением условий проживания семьи
мотивирование матери на отказ от злоупотребления алкоголем и ведение здорового образа жизни	профилактические беседы о влиянии психоактивных веществ на личность и здоровье

Представленные в Таблице 1 данные свидетельствуют о том, что работа осуществляется с последствиями, а не с факторами, которые привели к неблагополучию. При этом, данные задачи и мероприятия являются универсальным набором в программах. Ввиду чего, прослеживается формальный поход к разработке КИПР, проявляющийся в отсутствии учета уникального контекста функционирования семьи.

Вместе с тем, куратором в ходе работы с семьей занимается экспертная позиция «сверху». Членам семьи в ходе реализации КИПР лишь поясняется какие действия от них ожидаются. Так, семья в СОП становится пассивным исполнителем программы, что

приводит к формированию иждивенческих позиций. Как отмечает куратор, «семьи не хотят, чтобы их снимали с учета. Любят, привыкают». По завершению работы взаимодействие куратора с семьей полностью прекращается.

В заключение подчеркнем, что, со слов специалиста службы, через 1–2 года самостоятельной жизни семьи снова попадают в СОП, что можно рассматривать закономерным исходом из-за наличия выявленных проблем.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Об основах социального обслуживания граждан в РФ : Федеральный закон № 442-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 15.04.2026).

2. Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ (дата обращения: 15.04.2026).

3. Алгоритм межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Красноярского края по раннему выявлению и предотвращению семейного неблагополучия, ведущего к социальному сиротству детей : утвержден постановлением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 19 февраля 2025 г. № 16-кдн. URL: http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/73320 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 574*581.9*579.2

Повышение наркологической грамотности молодежи как метод первичной профилактики зависимости от психоактивных веществ

Матушкин Илья Евгеньевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mie.2032004@gmail.com

Ключевые слова: наркологическая грамотность, молодежь, зависимости от психоактивных веществ, первичная профилактика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Валерьевне Коробициной, профессору, д-р мед. наук.

Первичный уровень профилактики зависимости от психоактивных веществ (ПАВ) является общесоциальным, ориентированным на массовую популяцию детей, подростков и молодёжи, поскольку в подавляющем большинстве (более 95%) случаев первое приобщение к потреблению ПАВ происходит в несовершеннолетнем (40%) и молодом (55,2%) возрасте [2].

Одним из наиболее популярных ПАВ в России является алкоголь, уровень его потребления достигает 8,36 литров этанола в год на душу населения [1], если же учитывать только людей, потребляющих алкоголь, а это 54,4% населения в возрасте от 15 лет [5], то получится больше 18 литров этанола в год на каждого пьющего человека (при условно безопасном уровне – 6,3 литра). Первичная заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами составляет 53,3 тысяч человек в год, а общее количество

© Матушкин И. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

больных 980,1 тысяч [3]. Принимая во внимание доступность приобретения алкоголя, массовую популярность и легальность его использования, а также тяжесть последствий его потребления, выражающихся формированием алкоголизма, сопровождающегося комплексом психопатологических и негативных соматоневрологических явлений, профилактика потребления именно алкоголя представляется наиболее актуальной в современных реалиях России.

В 2024-2026 гг. в 8-11 классах КГАОУ «Школа космонавтики имени академика С. П. Королёва» (далее ШК) были проведены 15 образовательных мероприятий в рамках первично профилактической деятельности, реализуемой в Красноярском крае в соответствии со специально разработанной методикой [4]. С целью повышения наркологической грамотности предоставлялась информация о проблемах потребления алкоголя в России; о характерных признаках I, II и III стадий алкоголизма (с акцентом на проявлениях начальной стадии в виде хорошей переносимости больших доз алкоголя), закономерностях и особенностях его течения; о модели поведения, позволяющей не допустить формирования алкоголизма.

Формой контроля усвоения школьниками полученной информации стал анкетный опрос, проходивший в два этапа, в феврале 2025 года, непосредственно по завершении образовательных мероприятий, и в марте 2026 года с целью определения степени выживаемости полученных школьниками знаний. Общее количество респондентов составило 476 человек, включая 71 восьмиклассника, новоприбывших в ШК в 2026 году, не участвовавших в образовательных мероприятиях (группа контроля представлений учащихся об алкоголизме без проведения коррекционной работы).

Уровень усвоения 228 школьниками полученных знаний сразу после профилактической беседы можно оценить, как высокий:

более половины правильных вариантов ответов выбрало от 91% до 98% школьников. Тестирование уровня знаний у 177 школьников через год после участия в беседе (в 2026 году) показало: учащиеся в среднем отвечали правильно на поставленные вопросы на 28% хуже, в то время как неправильные варианты ответов выбирали чаще только на 10%. При этом учащиеся 9-х классов чаще выбирали неверные варианты, в сравнении с 11-ми классами, но ответили не хуже учеников 10-х классов. Десятиклассники также отмечали реже верные варианты ответов, чем ученики 11-х классов.

Необходимо отметить, что ученики 8-х классов, не участвовавшие в образовательных мероприятиях, показали более частый выбор неправильных ответов, однако это отличие (в сравнении с девятиклассниками) было в пределах 7-12%. Это можно объяснить существенным влиянием популяции школьников, прошедших обучение и имеющих верное представление о сути наркологической патологии, на тех школьников, которые не были включены в такую работу.

Исследование подтвердило достаточное сохранение верных представлений об алкоголизме по истечении года после образовательного мероприятия, однако, выявило сложность удержания школьниками информации о признаках I стадии алкоголизма, которые большинство населения расценивает признаками крепкого здоровья, что можно объяснить «давлением» взрослой популяции.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 8 декабря 2025 г. № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413121153/ (дата обращения: 04.04.2026).

2. Государственный антинаркотический комитет. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году. URL:

https://media.mvd.ru/files/embed/4905796 (дата обращения: 24.03.2025).

3. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13721 (дата обращения: 04.04.2026).

4. Коробицина Т. В. Опыт взаимодействия с молодежными центрами Красноярского края в вопросах повышения качества деятельности по первичной профилактике зависимостей от психоактивных веществ // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы Международного научно-практического семинара / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2023. С. 39–42.

5. Доля непьющих россиян выросла до максимума как минимум с 2011 года. URL: https://ria.ru/20250401/alkogol-2008609402.html (дата обращения: 09.03.2025).

УДК 316.64:911.373(571.513)

Оценка уровня сформированности активной жизненной позиции у молодежи в условиях сельской местности (на примере села Шира, Республика Хакасия)

Унтерберг Кристина Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kunterberg@sfu-kras.ru

Ключевые слова: активная жизненная позиция, пассивная жизненная позиция, сельская молодежь, социальная активность, инициативность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анне Александровне Чащиной, доценту, канд. филос. наук.

Под молодежью, проживающей в сельской местности, понимают социально-демографическую группу населения в возрасте от 14 до 35 лет, постоянно проживающую в сельской местности, которой присущи как общие для всей молодежи, так и особые качества социального положения, обусловленные спецификой сельского образа жизни [2]. Особенности сельской среды неизбежно накладывают отпечаток на формирование поведенческих стратегий, что делает актуальным анализ понятия жизненная позиция, которое является центральным в данной работе.

Жизненная позиция – это внутренняя установка, ориентация на определенную линию поведения, вытекающую из мировоззренческих, моральных и психологических качеств

© Унтерберг К. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

личности и отражающую ее отношение к обществу. Она имеет практическую направленность, проявляется в реальном поведении человека [3], определяя его выбор, поступки и отношение к окружающему миру.

В научной литературе принято различать два типа жизненной позиции: активная (АЖП) – относительно устойчивое состояние человека [4], стремление к самореализации, участию в общественной жизни, отстаиванию своих прав и интересов, а также готовность брать ответственность за свои действия и их последствия; пассивная (ПЖП) – представляет собой состояние человека, которое характеризуется инертностью [1], принятием существующего положения вещей без попыток его изменить, а также склонность перекладывать вину за свои неудачи на других.

Для объективной оценки того, к какому полюсу тяготеет личность, была разработана система критериев, позволяющих дифференцировать активную и пассивную жизненные позиции: инициативность; целенаправленность; самостоятельность в принятии решений; уровень активности; отношение к проблемам; взаимодействие с окружающей средой; степень ответственности; ориентация на развитие.

Был проведен опрос, направленный на выявление сформированности активной жизненной позиции у молодежи, проживающей на территории села Шира. В исследовании приняли участие 59 человек в возрасте от 14 до 35 лет. Содержательно анкета была выстроена таким образом, чтобы охватить каждый из восьми критериев жизненной позиции. Использовались закрытые и открытые вопросы, предполагавшие развёрнутые ответы с приведением конкретных примеров из жизни респондентов.

По результатам исследования было выявлено следующее:

- самостоятельная деятельность респондентов инициируется преимущественно в тех случаях, когда человек глубоко увлечён конкретной идеей либо ставит перед собой значимую цель;

- значительная часть опрошенных признаёт, что в повседневной жизни не формулирует конкретных целей;

- в вопросах, оцениваемых респондентами как «простые», решения принимаются преимущественно самостоятельно, однако в «важных» ситуациях наблюдается тенденция к предварительному обсуждению с ближайшим окружением (родители, друзья);

- абсолютно все участники опроса указали, что в той или иной форме вовлекались в проводимые мероприятия. Одни выступали непосредственными участниками событий, другие – зрителями. При этом респонденты в целом позитивно оценивают собственную включённость в жизнь населённого пункта;

- при возникновении трудных или нестандартных ситуаций молодёжь чаще всего ориентирована на самостоятельное преодоление препятствий и стремится сделать всё от них зависящее для разрешения проблемы. Тем не менее, если проблемная ситуация сохраняется длительное время и не поддаётся быстрому решению, респонденты склонны оставлять её без дальнейших попыток изменить положение дел;

- респонденты от 14 до 18 лет выражают убеждение, что их мнение в силу возраста не учитывается взрослыми, и видят свою возможную роль преимущественно в участии в субботниках. Представители от 19 до 35 лет, напротив, приводят примеры конкретных действий, направленных на изменение среды: решение вопросов совместно с соседями, обращение с инициативами в органы местной власти, организация и проведение различных акций;

- вне зависимости от возраста у респондентов преобладает установка на признание своей вины, извлечение выводов из произошедшего и последующий учёт приобретённого опыта;

- критерий ориентация на развитие напрямую соотносится с критерием инициативность. Молодые люди приступают к самостоятельному освоению новых навыков или видов

деятельности, когда испытывают сильную увлечённость либо ставят перед собой цель, достижение которой требует личностного или профессионального роста.

Таким образом, по результатам исследования, можно сделать вывод о неравномерной сформированности активной жизненной позиции у молодежи, проживающей в сельской местности: одни её компоненты находятся на приемлемом уровне, другие требуют дальнейшего развития. Полученные данные указывают на необходимость адресной работы по усилению субъектности сельской молодежи, особенно в младшей возрастной группе.

Список источников

1. Ахметова А. Т. Исследование проактивного поведения работающих одиноких матерей // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. 2022. С. 141–149.

2. Белоножко Л. Н. Социальный статус сельской молодежи / Л. Н. Белоножко, Ребышева Л. В., Фомичев И. Ю // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. С. 9–26.

3. Гантимурова А. В. Воспитание гражданской позиции и социальной активности у студентов // Актуальные проблемы развития профессионального образования. Чита : Институт развития образования Забайкальского края, 2022. С. 65–67.

4. Палагина Н. С. Основные параметры построения жизненной стратегии личности / Н. С. Палагина, А. А. Морозова, Т. В. Щеголева // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. С. 194–196.

Актуальные проблемы гражданского, предпринимательского и финансового права

УДК 346.2

Соотношение устава общества и корпоративного договора в российской правовой системе

Аржаматова Валерия Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, leraarzhamatova@mail.ru

Ключевые слова: корпоративный договор, устав общества, договорная ответственность, единогласный корпоративный договор, «второй устав».

Институт корпоративного договора в России прошел непростой путь своего становления: от полного непринятия до признания корпоративного договора универсальным и действенным инструментом регулирования внутрикорпоративных отношений.

Подтверждением данного тезиса выступает большое количество судебной практики, в рамках которой корпоративный договор становится предметом споров в самых разных аспектах – от определения надлежащих сторон договора до толкования заключительных положений.

Активное развитие данного правового института на фоне постоянно обновляющейся судебной практики порождает множество правоприменительных вопросов, острота которых объясняется отсутствием сформированной теоретической базы, а также сформировавшегося единого мнения среди ученых-цивилистов и законодателя.

© Аржаматова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Например, вопрос о соотношении устава общества и корпоративного договора.

Проблематика соотношения данных тесно связанных правовых институтов лежит в плоскости фундаментального противоречия корпоративного права: между императивностью публичного регламента и диспозитивностью частного соглашения.

В доктрине обсуждается несколько возможных вариантов развития понимания подхода к соотношению корпоративного договора и устава общества.

Согласно первой позиции, устав обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутренним актам корпорации, включая корпоративный договор, который в данной иерархии занимает подчиненное положение, а также существенно ограничен [1].

Сторонники второго подхода наделяют корпоративный договор статусом «второго устава», признавая его верховенство наравне с самим уставом общества. В рамках данной модели договор призван определить внутренний порядок деятельности общества, права и обязанности его участников, тогда как за уставом, в свою очередь, закрепляется функция «информационного документа» [2], предназначенного в большей степени для третьих лиц, чем для членов самого общества.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 37 Постановления от 23.06.2015 № 25 разъяснил следующее: стороны корпоративного договора не могут заявлять о его недействительности по причине противоречия уставу хозяйственного общества. При этом за стороной, нарушившей условия договора, сохраняется право требовать от другой стороны исполнения обязательств, вытекающих из данного соглашения [3].

Таким образом, Верховный Суд разграничил два уровня отношений, возникающих в корпорации:

– Внешние отношения (с обществом и третьими лицами): здесь устав имеет приоритет, решения органов общества, принятые в соответствии с уставом, но в нарушение корпоративного договора, являются действительными.

– Внутренние отношения (между сторонами договора): здесь корпоративный договор обязателен для сторон, лицо, нарушившее положения договора, может быть привлечено к договорной ответственности, даже если его действия формально соответствовали уставу.

В качестве иллюстрации следует обратиться к Постановлению Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2021 г. по делу № А51-10585/2020. Разрешая спор по существу, суд пришел к выводу, что корпоративный договор, заключенный между всеми участниками общества (единогласный), приобретает силу корпоративного акта, обязательного как для самого общества, так и для всех его участников. Следовательно, в подобной ситуации юридическая значимость такого договора не уступает уставу общества.

Из чего следует, что «нарушение органом хозяйственного общества положений единогласного корпоративного договора при принятии решения может служить основанием для признания этого решения недействительным» [4].

Между тем, рациональным также представляется подход, применяемый в Великобритании, согласно которому, в области корпоративных правоотношений закрепляется равное иерархичное положение устава общества и акционерного соглашения в случае, если такой корпоративный договор является единогласным [5].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что соотношение корпоративного договора и устава общества – это классическая дилемма между гибкостью и стабильностью, между частной волей участников и публичной определенностью. Действующее российское законодательство, закрепляя в п. 7 ст. 67.2 Гражданского

кодекса Российской Федерации норму о невозможности заявления о недействительности корпоративного договора из-за его противоречия уставу, фактически разграничивает внешнюю и внутреннюю сферы действия данных корпоративных актов [6].

Устав остается «конституцией» компании, обязательной для всех и имеющей приоритет в отношениях с третьими лицами. Корпоративный договор же – соглашение между участниками, нарушение которого влечет договорную ответственность.

Список источников

1. Русских Л. В. Сущность и содержание корпоративного договора в корпоративных правоотношениях // Право и экономика. 2024. № 12, С. 24.

2. Суханов Е. А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 18.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 13.04.2026).

4. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2021 по делу № А51-10585/2020 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 13.04.2026).

5. Поворов Ю. С. Акты локального регулирования юридических лиц: новеллы гражданского законодательства // Власть закона. 2014. № 3. С. 59.

6. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 347.51,347.736,347.94

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при исключении из ЕГРЮЛ юридического лица

Ахмедова Садет Насимиевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sadet_akhmedova@mail.ru

Ключевые слова: банкротство, банкротство юридических лиц, контролирующее должника лицо (КДЛ), субсидиарная ответственность, исключение из ЕГРЮЛ.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Петровой Екатерине Николаевне, доценту, кандидату юридических наук.

Законодательство о юридических лицах строится на принципе ограниченной ответственности участников: они не отвечают по долгами созданной ими организации. Однако этот принцип действует до тех пор, пока корпорация добросовестно использует свою правосубъектность. Если же юридическое лицо прекращает деятельность в административном порядке, минуя ликвидационные процедуры, его контролирующие участники и руководители не могут автоматически освободиться от обязательств перед кредиторами.

В пункте 3.1 статьи 3 Закона об ООО законодатель установил специальное правило: исключение недействующего общества из ЕГРЮЛ приравнивается к отказу основного должника от исполнения обязательства. Если такое исключение произошло из-за недобросовестных или неразумных действий контролирующих лиц,

© Ахмедова С. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

последние могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по заявлению кредитора.

Как отмечается в правовой литературе, данный механизм является экстраординарным способом защиты прав кредиторов, однако его применение на практике долгое время было затруднено из-за отсутствия четких критериев. Верховный Суд РФ в Обзоре от 19 ноября 2025 года систематизировал подходы и разрешил многие спорные вопросы.

В отличие от банкротных процедур, где сбором доказательств занимается арбитражный управляющий, при внебанкротной субсидиарной ответственности инициатива полностью принадлежит кредитору. При этом кредитор, как правило, не имеет доступа к внутренней документации должника. Для выравнивания процессуальных возможностей Верховный Суд установил специальное правило распределения бремени доказывания.

Кредитору достаточно подтвердить три обстоятельства: во-первых, наличие и размер задолженности (например, вступившим в законную силу судебным актом или договором и платежными документами); во-вторых, наличие у должника признаков недействующего юридического лица (непредставление отчетности в течение 12 месяцев и отсутствие операций по счетам); в-третьих, то, что ответчик являлся контролирующим лицом по отношению к должнику.

После представления таких доказательств бремя доказывания переходит на ответчика. Именно он должен показать, что действовал добросовестно и разумно, а невозможность погасить долги была вызвана объективными причинами, не связанными с его виновным поведением

Для освобождения от ответственности контролирующему лицу необходимо опровергнуть презумпцию, возникшую из факта исключения общества из реестра. Это можно сделать несколькими способами.

Первый способ – доказать, что действия, приведшие к невозможности расчетов с кредиторами, не выходили за пределы обычного делового риска. Как разъяснил Верховный Суд в Обзоре по ст. 53.1 ГК РФ (п. 9), сам по себе негативный финансовый результат не свидетельствует о недобросовестности, если решение принималось на основе доступной информации и в пределах разумной предпринимательской инициативы.

Второй способ – показать, что у общества объективно отсутствовали ресурсы для погашения долгов, причем это было вызвано не действиями ответчика, а иными причинами (например, недостаточным финансированием со стороны участников или общим кризисом в отрасли). Следует обратить внимание, что руководитель не может отвечать за последствия, которых он не мог предотвратить даже при разумном поведении.

Третий способ – представить доказательства того, что кредитору был причинен меньший ущерб, чем тот, который мог бы наступить при ином развитии событий. Например, если руководитель продал имущество по заниженной цене, но тем самым предотвратил полную потерю актива.

Таким образом, исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не освобождает его контролирующих лиц от субсидиарной ответственности перед кредиторами. Кредитору достаточно подтвердить факт задолженности, признаки недействующего должника и статус ответчика, после чего бремя доказывания добросовестности переходит на контролирующее лицо. Освобождение от ответственности возможно лишь при доказанности действий в пределах обычного делового риска либо объективной невозможности погасить долги вследствие не зависящих от ответчика причин.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ: редакция от 31 июля 2025, с изменениями от 25 марта 2026: (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 1 августа 2025). Гарант: справочная правовая система. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2026).

2. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ: редакция от 28 декабря 2025 / Российская Федерация. Законы. Гарант: справочная правовая система. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2026).

3. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ: редакция от 31 июля 2025. Гарант справочная правовая система. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2026).

4. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2025 года. КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.04.2026).

5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 ноября 2025 года. КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.04.2026).

УДК 347.132.6

Конверсия: правовой опыт Германии

Байкалов Леонид Георгиевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lenyabaykalov@gmail.com

Ключевые слова: сделка, недействительность сделки, конверсия сделок.

Благодарности: автор искренне благодарен научному руководителю Н.Ф. Качур, доценту, канд. юрид. наук за ценные замечания и комментарии, данные в ходе подготовки настоящей статьи. В то же время все содержащиеся в ней ошибки, разумеется, остаются на совести автора.

Россия является одной из немногих стран, в правовой системе которых на уровне кодифицированного акта выделен обособленный блок общих положений о сделках (гл. 9 ГК РФ). Чёткие контуры категории «сделка» появляются лишь в первой половине XIX века, в особенности, благодаря немецким пандектистам, которые разработали обширную и детальную теорию юридической сделки [1]. Впоследствии учение о юридической сделке было реципировано в дореволюционной России. Это, в частности, подтверждается объяснениями составителей проекта русского Гражданского уложения: «такое определение сделки… вызвано желанием придать этому термину тот технический смысл, в каком оно употребляется в законах, практике и литературе Германии, Австрии…» [2]. Впрочем, впервые дефиниция сделки была закреплена в первом советском ГК (1922 г.), который также испытал на себе значительное влияние пандектной модели.

© Байкалов Л. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Историческая и структурная близость правовых систем России и Германии в части регулирования общих положений о сделках позволяет исследовать правовые институты и конструкции, ранее не получившие должного внимания в отечественной цивилистике. В этой связи научный интерес представляет правовой институт, именуемый в доктрине латинским термином conversio, хотя в немецком законодательстве он известен как “Umdeutung”, т.е. «переосмысление» (§ 140 BGB). Немецкая цивилистика имеет богатый исторический опыт эволюции учения о конверсии, начало которого было положено ещё в середине XVIII в. Кроме того, общеевропейская цивилистическая наука, а вслед за ней позитивное право и судебная практика отдельных стран Европы (в частности, Греция, Италия, Австрия, Швейцария, Нидерланды) исходят, главным образом, из тех результатов, которые были достигнутым вековыми усилиями немецкой цивилистической науки [3]. Согласно § 140 BGB если ничтожная сделка соответствует требованиям иной сделки, то действует последняя, если можно предположить, что при знании о ничтожности стороны желали бы её действия. Цель конверсии, как указывает Федеральный суд Германии (BGH), состоит в том, чтобы “обеспечить реализацию экономического результата, к которому стремились стороны, даже в тех случаях, когда избранное ими правовое средство является недопустимым, однако существует иной, юридически допустимый способ, позволяющий достичь приблизительно того же экономического результата” [4]. Преобладающая часть современной немецкой доктрины, а также Имперский суд (RGZ) и BGH занимают позицию о том, что конверсия не является частным случаем толкования сделки [Там же]. Согласно такой позиции, толкование предшествует конверсии и одновременно является её предпосылкой. Лишь когда толкование показывает, что фактически желаемая сторонами сделка является ничтожной, возникает возможность применения конверсии [5]. Исходя из этого принято различать действительную волю (wirklichen Willen), которая исследуется в рамках толкования в соответствии с § 133 BGB и гипотетическую волю (hypothetischen Willen), т.е. то, что стороны

предпочли бы, если бы им была известна ничтожность изначально избранной правовой конструкции (§ 140 BGB). При этом знание о ничтожности изначально совершаемой сделки является фикцией, поскольку при реальном знании о ничтожности конверсия исключается [4]. Действительная воля имеет приоритет над волей гипотетической даже в том случае, если она представляется неразумной. Конверсия не может быть использована как средство для того, чтобы нивелировать действительную волю сторон. Поэтому в немецкой доктрине критическую оценку [3–7] получило дело (BGHZ 19, 269), в котором BGH преобразовал полное товарищество (§ 105 HGB) в товарищество, которое образуется в соответствии с § 705 BGB, вопреки тому, что ответчик при заключении договора выступал против создания гражданско-правового товарищества (§ 705 BGB).

Для применения конверсии, помимо волевого аспекта, необходимо, чтобы замещающая сделка отвечала всем условиям действительности сделки. Однако преобразуемая новая сделка не должна быть содержательно включённой в недействительную сделку как её действительная часть [4; 6] (иное мнение представлено в работе В. Флуме) [7]. Так, например, запоздалое уведомление о расторжении договора, которое принимается адресатом, может быть преобразовано в оферту о заключении соглашения о расторжении договора. Кроме того, правовые последствия замещающей сделки не должны выходить за пределы последствий первоначальной сделки. Так, например, недействительное установление залога не может рассматриваться как договор об обеспечительной передаче права собственности, поскольку последний влечёт более далеко идущие правовые последствия, связанные с переходом права собственности [6].

Как отмечает Р. Зиллер конверсия осуществляется не по воле сторон, а путём преобразующей деятельности судьи [8]. Хотя данный тезис в литературе является небесспорным [5]. В любом случае, судебный орган осуществляет конверсию по собственной инициативе: для этого нет необходимости в том, чтобы одна из процессуальных сторон ссылалась на § 140 BGB [4]. Несмотря на

формулировку ст. 1424 ГК Италии, согласно которой ничтожный договор «может» (а не «должен») производить последствия иного договора, современная итальянская доктрина также стоит на позиции допустимости судебного признания конверсии *ex officio* [9].

Как видится, в категорию конверсии не следует включать случаи, когда закон содержит императивную норму, которая преобразует задуманную сторонами сделку в иную правовую конструкцию. Представляется, что содержание категории конверсии должно ограничиваться лишь теми случаями, когда судья (в Германии – иной правоприменительный орган) выясняет гипотетическую волю сторон, т.е. исходит из индивидуальных целей и интересов сторон в конкретном случае. Иная ситуация имеет место, когда в правовой норме уже заложена гипотеза, которая обязывает суд исследовать гипотетическую волю стороны (например, § 2101 BGB) [4]. Иной подход представлен в работе А.В. Егорова, который относит к случаям «конверсии в силу закона» ст. 443, п. 2 ст. 429.2, абз. 2 п. 3 ст. 610, п. 1 ст. 683 ГК РФ [10]. В данном исследовании наше внимание было сосредоточено лишь на некоторых аспектах правового регулирования института конверсии в Германии. Нельзя не согласиться с У. Дидерихзеном в том, что конверсия – это одна из «самых элегантных концепций в юриспруденции», поскольку она даёт юристу возможность «восстановить ситуацию, испорченную сторонами» [11]. В то же время, необходимо понимать, что данный правовой институт сопряжён с определёнными правовыми рисками для сторон, поскольку суд в некоторой степени вторгается в их договорные правоотношения. Это, в свою очередь, диктует самые высокие стандарты развитого чувства права. На наш взгляд, использование правового опыта Германии может сыграть важную роль в становлении и развитии теории конверсии сделок в России.

Список источников

1. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 192–215.

2. Гражданское уложение. Книга первая. Положения общие. С объяснительною запиской. СПб., 1895.

3. Krampe, Ch. Die Konversion des Rechtsgeschäfts. Frankfurt a.M, 1980.

4. Roth H. in: Staudinger Kommentar zum BGB. Bd. 1. Neubearbeitung, 2010. § 140.

5. Dorn F. in: Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Bd. I. Allgemeiner Teil (§§ 1-240). Tubingen: Mohr Siebeck, 2003.

6. Neuner J. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 13. Aufl. München: C.H. Beck, 2023.

7. Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Bd II. Das Rechtsgeschäft. 4. Aufl., 1979.

8. Siller R. Die Konversion (§ 140) // Archive für die Civilistische Praxis, 1934. Bd. 138. H. 2. P. 144–193.

9. Angelone M. Conversione d'ufficio del contratto nullo e controllo delle conseguenze secondo proporzionalità e ragionevolezza. Actualidad juridica Iberoamericana. Nº 16 bis, junio 2022. P. 1854–1889.

10. Егоров А. В. Преобразование (конверсия) сделки: насущная потребность оборота // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Е.А. Суханова. М., 2018. С. 193–247.

11. Diederichsen, U. Der Allgemeine Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches für Studienanfänger. 3. Aufl. Heidelberg. Karlsruhe, 1978.

УДК 347.9

Актуальные проблемы применения процедуры медиации в Российской Федерации

Бушмина Дарья Николаевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, bushmina_dasha@mail.ru

Ключевые слова: медиация, медиатор, альтернативное разрешение споров, медиативное соглашение, примирительные процедуры, досудебное урегулирование.

Медиация представляет собой альтернативный способ урегулирования правовых конфликтов, предполагающий участие независимого посредника в целях оказания содействия сторонам при выработке ими взаимоприемлемого решения по существу возникших разногласий. Закрепление данной процедуры в основополагающих процессуальных правовых актах свидетельствует о её включении в систему гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Вместе с тем порядок осуществления медиации качественно отличается от основополагающих процедур по защите нарушенных или оспариваемых прав, а также их восстановления.

Специфика применения медиации проявляется в возможности её параллельной либо последовательной реализации наряду с судебными и внесудебными средствами защиты права. Обращение к посреднику допустимо как до момента предъявления искового заявления, так и после возбуждения дела в суде. Достигнутое в рамках такой процедуры соглашение может быть

© Бушмина Д. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

легализовано путём его утверждения судом в качестве мирового. Иллюстрацией взаимодействия двух институтов служит и положение Арбитражного процессуального кодекса РФ, обязывающее суд отложить разбирательство при поступлении от сторон ходатайства о намерении разрешить спор посредством медиации [1; 2].

При анализе востребованности и эффективности данного института как в научной среде, так и на практике высказываются полярные точки зрения. С одной стороны, медиация объективно способствует снижению судебной нагрузки, создавая условия для более оперативного рассмотрения дел. С другой – в российских реалиях она не находит должной опоры ни в судейском корпусе, ни среди широкого круга граждан. С введением института судебного примирения востребованность классической медиации может сократиться ещё заметнее. Существенным барьером остаётся консервативность правосознания: граждане привыкли доверять защиту своих интересов исключительно государственному суду, скептически оценивая малознакомую внесудебную процедуру.

Низкий уровень востребованности медиативной процедуры также может быть вызван отсутствием в необходимости принятия совместного решения, сотрудничества сторон. Инициируя состязательный процесс, контрагенты занимают противоборствующие позиции и не стремятся к кооперации. Медиация же по своей сути ориентирована на поиск взаимовыгодных условий, что наиболее актуально для коммерческих споров, где стороны дорожат деловой репутацией, конфиденциальностью и перспективой сохранения экономических связей [3]. Несмотря на то, что со дня принятия закона о медиации прошло более 15 лет, процедура остаётся маловостребованной, прежде всего ввиду слабой информированности потенциальных участников оборота о её преимуществах, эффективности, о наличии гарантий исполнимости. Более острой проблемой выступает

дефицит квалифицированных специалистов. Формально в России несколько тысяч медиаторов, получивших профильное образование, но уровень их подготовки зачастую не очень высокий. Закон не устанавливает четких требований к программам обучения ни по длительности, ни по содержанию, ни по квалификации преподавателей. Из-за этого один курс может длиться 16 часов, другой – 500, но ни один не гарантирует, что выпускник получит необходимые навыки. Проблема усугубляется тем, что занятия нередко ведут люди без реальной практики, а обучение проходит онлайн. Такой формат не дает возможности научиться тому, как вести переговоры, как работать с эмоциями и управлять конфликтом.

Судейское сообщество видит и иные причины проблемы. Услуги профессиональных медиаторов остаются дорогими для большинства людей и бизнеса, тогда как судебные расходы на участие представителя в процессе являются не высокими и остаются доступными для граждан и бизнес-субъектов. То есть стороны и их юристы не слишком заинтересованы в мирном завершении спора без суда.

Сопротивление идее медиации часто связано с недоверием. Клиенты ждут конкретного и гарантированного результата, но медиация не работает по принципу гарантий. Медиатор не может предсказать исход переговоров, и у многих это вызывает тревогу. Укоренилось также заблуждение, что лишь судебное решение способно обеспечить полноценную защиту прав, тогда как определение о прекращении производства по делу после примирения воспринимается как менее легитимное. Между тем с 2019 года медиативное соглашение, удостоверенное нотариусом, приобретает силу исполнительного документа. Тем не менее многие практикующие юристы продолжают сомневаться в правовой устойчивости таких актов, опасаясь их последующего

оспаривания и попыток использования переговоров для затягивания процесса.

Более того, в практике стали проявляться случаи недобросовестного использования механизма медиации, когда он применяется не для разрешения конфликта, а для легализации сомнительных сделок, в том числе в делах о несостоятельности (банкротстве) и при перераспределении активов. Тенденцию подтверждает и судебная практика признания медиативных соглашений недействительными.

На данный момент в России работает только одна саморегулируемая организация медиаторов – Ассоциация «Медиатор», получившая официальный статус в начале 2025 года. Ее создание стало важным шагом к институционализации медиации, но то, что она всего одна, также говорит о разрозненности сообщества и отсутствии системной поддержки. Кроме того, нет структур, мотивирующих медиаторов к повышению квалификации, и нет механизмов воздействия при нарушениях профессиональной этики. Из-за этого медиация остается на уровне «хорошей идеи», но не превращается в устойчивый институт. Пример – комнаты примирения. Там, где процесс организует судья, медиация срабатывает. Но стоит убрать это внешнее усилие, и процедура снова оказывается никому не нужна [4].

Проведённый анализ современного состояния института медиации в Российской Федерации свидетельствует о том, что, несмотря на его формальную интеграцию в процессуальное законодательство и очевидный потенциал по снижению судебной нагрузки, данная процедура остаётся маловостребованной в силу комплекса взаимосвязанных причин. Для преодоления сложившейся стагнации необходима последовательная государственная политика, направленная на правовое просвещение населения, ужесточение требований к подготовке специалистов-медиаторов и создание действенных процессуальных гарантий

исполнимости достигаемых соглашений, что в конечном итоге должно способствовать формированию культуры цивилизованного внесудебного урегулирования правовых конфликтов.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ: редакция от 26.07.2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/.

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ : редакция от 23.03.2026 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

3. Жабский И. А. Медиация в России // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 276–279.

4. Лукьянова, Е. В. Проблемы реализации медиации в России / Е. В. Лукьянова, Т. В. Худойкина // Огарёв-Online. 2014. № 2(16). Ст. 7.

УДК 347.453.3, 351.853

Сохранение объектов культурного наследия путем привлечения инвестиций

Бычкова Анастасия Валерьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, avb2412@mail.ru

Ключевые слова: объект культурного наследия, инвестиционное сохранение, законопроект № 1093616-8, единый лот.

Благодарности: автор благодарит научного руководителя, канд. юрид. наук, доцента И. С. Богданову.

Большинство объектов культурного наследия (ОКН) в России находятся в неудовлетворительном состоянии, а бюджетных средств на их реставрацию недостаточно. В связи с этим законодатель ищет способы привлечь частные инвестиции, в том числе через механизм «единого лота», предложенный в законопроекте № 1093616-8. [2]. Смысл данного механизма заключается в связывании коммерчески привлекательной недвижимости с обязательством реставрации ОКН. По своей сути сохранение ОКН путем привлечения инвестиций — это комплексный институт, в котором публичная обязанность содержать памятник соединяется с частными стимулами.

Законопроект наделяет единый институт развития в жилищной сфере (фактически, АО «ДОМ.РФ») полномочиями оператора: он организует торги, формирует лоты, контролирует исполнение обязательств и реализует права залогодержателя.

© Бычкова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Однако расширение полномочий данного субъекта требует учёта уже сложившейся судебной практики. Так, Определением ВС РФ от 25.10.2022 № 305-ЭС22-7353 установлено, что при досрочном расторжении договора аренды, где арендодателем выступало АО «ДОМ.РФ», на стороне последнего возникает неосновательное обогащение в размере затрат арендатора, ранее зачтённых в счёт льготной ставки. Иными словами, инвестор, исполнивший охранное обязательство, при прекращении арендных отношений рискует не только утратить объект, но и лишиться компенсации вложенных средств [3]. В условиях, когда законопроект наделяет тот же институт полномочиями по контролю и удержанию гарантий, подобный дисбаланс усиливается, что снижает привлекательность механизма для добросовестного инвестора.

Согласно вводимой ст. 16^{7-5} при проведении торгов в состав лота обязательно включается ОКН и земельный участок, на котором он расположен. Победитель торгов обязан заключить договор купли-продажи ОКН одновременно с основным договором. Отказ же от заключения договора купли-продажи ОКН будет основанием уже для отказа от заключения основного договора.

Конструкция «единого лота» отходит от принципа единства судьбы участка и строения. Отметим, что ФЗ вправе вводить такое изъятие. Вопрос в том, как оно работает на практике. Ч. 10 ст. 16^{7-4} Проекта накладывает запрет на сделки и с исходной землей, и с тем, что на ней построят. Если с участием дольщиков возведён многоквартирный дом, то земля под ним уходит в общую долевую собственность жильцов (п. 1 ст. 36 ЖК РФ). Сами жильцы обязательств по реставрации памятника на себя не брали — это бремя застройщика. Законодатель понимает эту коллизию и выводит передачу квартир дольщикам из-под запрета. Однако до момента, пока застройщик не завершит реставрацию или не даст независимую гарантию, право дольщика распорядиться своей квартирой под вопросом. По сути, оборот таких помещений

замораживается на неопределённый срок, и это ставит под сомнение действительность последующих сделок.

Еще одна проблема – отсутствие антимонопольных ограничений при формировании лота. Согласно данным законопроекта сам состав лота определяется поручением межведомственного коллегиального органа. Однако отсутствуют важные критерии: размер земельного участка, включаемого в лот; порядок оценки коммерческой привлекательности добавляемых земель. Это создаёт риск дискриминации участников торгов. Как отмечает В.С. Сбитнев, применительно к аренде ОКН, многоуровневое регулирование уже привело к нарушению принципа равенства участников гражданских правоотношений и снижению инвестиционной привлекательности памятников [4]. Выходом могло бы стать дополнение гл. 34 ГК РФ отдельным параграфом.

С. И. Шульженко, анализируя институт КРТ, также указывает на проблему разделения полномочий между органами власти разного уровня, когда орган, подписывающий договор, не всегда способен обеспечить выполнение публичных обязательств, что создаёт правовую неопределённость для инвестора [5]. Включение в договор на стороне публичного образования всех уполномоченных органов, предложенное автором, могло бы быть адаптировано и к договорам направленным на инвестиционное сохранения ОКН. Законопроект создаёт риск аналогичной фрагментации уже в сфере купли-продажи ОКН, т.к. критерии формирования лотов отданы на усмотрение межведомственного коллегиального органа без единых федеральных стандартов.

Если сравнивать российскую модели «единого лота» с американским подходом, то в США существуют механизмы налогового стимулирования. Historic Rehabilitation Tax Credit предоставляет собственнику доходной исторической недвижимости налоговый кредит в размере 20% от расходов на реставрацию. За

всё время действия программы с 1976 г. привлечено более 131,7 млрд долларов частных инвестиций, отреставрировано более 49 000 объектов. Данный подход базируется на частноправовых инструментах сохраняя стабильность гражданского оборота [1].

Законопроект № 1093616-8, создавая конструкцию «единого лота», предлагает метод решения проблемы сохранения памятников. Однако, в текущей редакции такой механизм объединения коммерческой земли с обязанностью выкупа ОКН порождает коллизию с императивными нормами. Отсутствие законодательно установленных критериев формирования лотов и антимонопольного регулирования открывает возможность для необоснованно широких решений публичных органов при формировании лотов.

Список источников

1. National Park Service. Federal Historic Preservation Tax Incentives. Technical Preservation Services, 2026. URL: https://www.nps.gov/tps/tax-incentives.htm.

2. Законопроект № 1093616-8 (принят в первом чтении 12.03.2026) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.10.2022 № 305-ЭС22-7353 по делу № А40-94683/2020 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: https://www.consultant.ru.

4. Сбитнев В. С. Источники правового регулирования отношений, возникающих из договора аренды объектов культурного наследия // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 2. С. 103–110.

5. Шульженко С. И. Пять лет институту комплексного развития территорий: как достичь баланса интересов публичного

образования, жителей территории и инвестора // Арбитражные споры. 2026. № 1. С. 45–52.

УДК 347.626.1

Конфискация имущества у добросовестного супруга: проблема защиты прав

Бычкова Анастасия Валерьевна[1], Чумарова Мария Сергеевна[2]
[1,2]Юридический институт, Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]avb2412@mail.ru
[2]chumarova-00@mail.ru

Ключевые слова: конфискация имущества, совместная собственность супругов, добросовестный супруг.

Благодарности: авторы благодарят научного руководителя, канд. юрид. наук, доцента Богданову И. С.

Конфискация имущества в российском уголовном праве позиционируется как «иная мера уголовно-правового характера» (глава 15.1 УК РФ) и представляет собой меру юридической ответственности, ограничивающие право частной собственности. До недавнего времени считалось, что конфискация обращается только на имущество, принадлежащее самому осуждённому. Однако постановление Пленума ВС РФ от 12.12.2023 № 45 дополнило п. 3(1) разъяснив, что «принадлежащим обвиняемому» для целей конфискации является также имущество, находящееся в общей собственности, в том числе в совместной собственности супругов [3]. В. А. Гончарова критикует эту позицию: имущество,

© Бычкова А. В., Чумарова М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

находящееся в собственности нескольких лиц, не может считаться принадлежащим одному из них [1].

Данное расширение позволило конфисковывать транспортное средство, приобретённое в браке и зарегистрированное на жену, за преступление мужа по ст. 264.1 УК РФ (управление в состоянии опьянения). Добросовестный супруг, лишается имущества без компенсации. Возникает фундаментальный конфликт между публичным интересом (ПДД) и правом частной собственности невиновного лица.

Ключевые акты КС РФ, а именно Определение от 25.06.2024 № 1498-О (дело Н.В. Валетовой) [4] и Постановление от 30.05.2025 № 25-П (дело О.А. Андрияновой) [5] придали конституционное обоснование данной проблеме. В деле Н.В. Валетовой супруг заявительницы был осуждён по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, автомобиль, находящийся в общей совместной собственности. Жена утверждала, что не могла воспрепятствовать мужу в управлении ТС в состоянии алкогольного опьянения. КС РФ отказал в принятии жалобы, указав, что конфискация соразмерна, а добросовестный супруг вправе обжаловать приговор [4]. Однако этот подход перекладывает на невиновного бремя контроля за поведением другого супруга (по сути, «поруку»), игнорирует соразмерность.

Рассмотрим Дело О.А. Андрияновой. Супруг заявительницы был осуждён по той же статье, приговор вступил в силу, а через несколько месяцев осуждённый скончался. Несмотря на смерть, автомобиль изъяли у вдовы. КС РФ признал норму соответствующей Конституции РФ, обосновав это тем, что конфискация преследует не только частную, но и общую превенцию – устрашение неопределённого круга лиц. Осознание, что последствия преступления затронут семью, усиливает сдерживающий эффект. Добросовестный супруг, по мнению КС РФ, имеет правомочия по контролю за общим имуществом и может

предотвратить преступление, в том числе путём раздела имущества. Смерть осуждённого не отменяет общей превенции [5].

Анализ этого постановления выявляет новую для российской системы концепцию «семейной ответственности». Невиновный супруг несёт имущественные потери из-за того, что не смог предотвратить преступление, что фактически вводит презумпцию его вины в ненадлежащем контроле.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о брачном договоре как потенциальном барьере для конфискации. Как показывает М.Ф. Мингалимова, судебная практика выработала чёткий критерий: брачный договор может предотвратить конфискацию только при условии, что он заключён до совершения преступления. В противном случае его заключение расценивается как злоупотребление правом. Данный подход подтверждён, в частности, Кассационным определением Верховного Суда РФ от 14.05.2025 № 35-УД25-3-К2, где указано, что при наличии брачного договора, устанавливающего раздельную собственность на автомобиль, такое имущество не может считаться принадлежащим подсудимому, даже если оно фактически использовалось им [2].

Проведенный анализ позволяет выявить системные пробелы. Во-первых, коллизия с Семейным кодексом РФ: ст. 34, 35, 39 СК РФ предполагают раздел совместной собственности, однако уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает механизма выдела доли добросовестного супруга до конфискации. Пленум ВС РФ в п. 3(1) не дал инструкций о доле второго супруга. Во-вторых, отсутствует компенсационный механизм, государство приобретает имущество бесплатно, супруг теряет вложенные средства безвозвратно.

В литературе предлагаются следующие изменения. В.А. Гончарова предлагает конфисковывать не само имущество, а денежный эквивалент доли обвиняемого (при совместной собственности – 1/2), что прямо следует из ст. 104.2 УК РФ.

Альтернативно – обращать взыскание на долю в праве, предоставив сособственникам право выкупа до постановления приговора. М.Ф. Мингалимова акцентирует необходимость тщательной проверки хронологии заключения брачного договора. Поддерживая предложения, отметим, конфискация денежного эквивалента доли позволяет изъять лишь часть, соответствующую вкладу виновного супруга, а проверка хронологии брачного договора необходима для исключения злоупотреблений, поскольку презумпция совместной собственности опровергается только заблаговременным добросовестным соглашением.

Из меры против имущества виновного конфискация превращается в инструмент общей превенции, затрагивающий права невиновных третьих лиц, а именно супругов. Это порождает фундаментальную коллизию между конституционным принципом личной ответственности и фактически вводимой Конституционным Судом РФ доктриной «семейной ответственности».

Список источников

1. Гончарова В. А. Проблемы конфискации имущества, находящегося в общей собственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 4. С. 5–18.

2. Мингалимова М. Ф. Брачный договор как юридический барьер для конфискации транспортных средств: анализ правовых позиций Верховного Суда РФ // Администратор суда. 2025. № 3. С. 2–6

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 45 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 1498-О // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 № 25-П // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL https://www.consultant.ru.

УДК 347.453.1

Правовая природа аренды земельных участков: вещное или обязательственное право

Васкунова Анастасия Максимовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
anastasia.vaskunova@yandex.ru

Ключевые слова: аренда, правовая природа, земельный участок, обязательственное право, вещное право.

Проблема квалификации арендных отношений возникла еще в римском праве, где выделяли вещные (in rem) и обязательственные (in personam) права [7].

Правовая природа аренды земельного участка – дискуссионный вопрос в российской юриспруденции. Арендатор владеет и пользуется участком, но его права производны от договора и ограничены арендодателем. Эта двойственность вызывает споры: является ли аренда вещным правом (абсолютным, универсально защищенным) или обязательственным (относительным, договорным).

Традиционной и наиболее устоявшейся в науке является точка зрения, согласно которой аренда представляет собой

© Васкунова А. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026.

обязательственное правоотношение. Легальное определение договора аренды (ст. 606 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ)) указывает на обязательственно-правовую природу: арендодатель обязуется предоставить имущество арендатору. Возникающее из договора право требования является относительным и действует между сторонами.

В. А. Белов рассматривает договор аренды как комплексное обязательство, включающее уплату арендной платы и связанных с использованием имущества платежей. Он указывает на предписания ГК РФ (п. 2 ст. 615) о распоряжении арендатором своим правом, подтверждающие обязательственную природу отношений *[6].*

Большинство судов традиционно относят аренду к обязательственным правоотношениям.

Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 №73, договор аренды земельного участка рассматривается как обязательственное отношение, возникающее из договора. Права арендатора производны от воли арендодателя и ограничены условиями соглашения [3].

Изменение вида разрешенного использования земельного участка, предоставленного в аренду для строительства конкретного объекта, не допускается арендатором для возведения иного объекта (ВС РФ, Обзор №4, 2025). Данное ограничение подтверждает договорную природу арендных отношений [4].

По решению суда г. Омска от 19.04.2024 №2-262/2024, аренда как личная льгота имеет лично-доверительный характер – уступка прав по ней запрещена, что подтверждает, обязательственную природу таких отношений [5].

В аренде земельных участков, согласно действующему законодательству, существует ряд признаков, сближающих её с вещными правами.

Во-первых, п. 1 ст. 617 ГК РФ закрепляет право следования, что указывает на вещно-правовую природу аренды – договор сохраняется при смене собственника.

Во-вторых, защита владения арендатора предполагает, что он, даже не будучи собственником, имеет право защищать своё владение от любых посягательств.

Об этом говорит Верховный Суд РФ (16.02.2017 №310-ЭС16-14116), арендатор земельного участка вправе оспорить права третьих лиц в его границах (ст.305 ГК РФ), что указывает на вещно-правовую природу аренды и абсолютную защиту владения [1].

Е. А. Суханов отмечает, что вещные права определяются законом. Применение арендатором вещно-правовых средств защиты не меняет обязательственного характера отношений [8].

Перечень ограниченных вещных прав, закрепленный в статье 216 ГК РФ, является открытым.

По мнению Е. А. Суханова, в этот перечень можно включить долгосрочную аренду как «право постоянного владения и пользования» [8].

Некоторые ученые (*Азукаева Б. А., Аштаева С. С., Цекеева Т. Э.*) считают аренду смешанным правоотношением: вещный элемент – владение и пользование, обязательственный – договорная основа и относительный характер обязательств [9].

Верховный Суд РФ квалифицировал договор аренды земельного участка с обязательствами по возведению торгового центра и модернизации сетей как смешанный (аренда и инвестиция), предоставляющий арендатору право пользования землей под условием выполнения работ [2].

Судебная практика и научное сообщество подтверждают: аренда не входит в перечень вещных прав и носит обязательственный характер – право арендатора возникает и реализуется исключительно в рамках договора. При этом применение защитных механизмов, типичных для вещного права,

формирует сложную юридическую природу аренды земельных участков.

Список источников

1. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2017 № 310-ЭС16-14116 по делу № А35-8054/2015.

2. Определение Верховного суда РФ от 25.08.2025 №305-ЭС14-8962, А40-52211/2012.

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 №73 (ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» .

4. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №4 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025).

5. Решение Кировского районного суда г.Омск от 19.04.2024 №2-262/2024.

6. Белов В. А. Аренда как возвратное обязательство: автореферат дис. … канд. юр. наук : 12.00.03. Москва, 2016. 24 с.

7. Кузьмин Р. Р. О некоторых причинах возникновения фиктивных категорий в сфере землепользования в контексте арендных отношений // Юрист. 2024. № 4. С. 27–31.

8. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право // 2-е издание, 2011 г. М.: Статут. С. 315–329.

9. Азукаева Б. А. Вещно-обязательственная природа арендных прав / Б. А. Азукаева, С. С. Аштаева, Т. Э. Цекеева // Право и государство: теория и практика. 2018. № 6 (162). С. 59–63.

УДК 347.1

К вопросу о субъекте защиты изображения гражданина после его смерти

Верещаго Александра Яковлевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
aleksandraveresago@gmail.com

Ключевые слова: охрана изображения гражданина, право на индивидуальный облик, феномен переживания, добрая память.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Инне Сергеевной Богдановой, канд. юрид. наук, доценту кафедры гражданского права ЮИ СФУ.

По мнению И. А. Покровского, процесс индивидуализации личности в частном праве коррелирует с усилением развития общеотраслевого правового прогресса. Чем больше законодатель гарантирует и защищает право «чудака» на существование, тем меньше происходит типизация общественных отношений, необратимо влекущей к несоответствию между реальными потребностями лиц и нормативно отраженными законными интересами «абстрактного» человека [1].

В отечественной цивилистической доктрине право на индивидуальный облик выделяется как самостоятельное личное неимущественное право, позитивное содержание которого образуют в совокупности следующие правомочия: определение и использование своего индивидуального облика, распоряжение своим изображением [2]. Однако в российском гражданском праве

© Верещаго А. Я., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

закрепление получило только одно из правомочий – право на распоряжение изображением, предусмотренное ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3]. Так, если фотография гражданина без его согласия размещена в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", он вправе требовать удаления этого изображения и запрещения его дальнейшего распространения.

На наш взгляд, наиболее проблемной представляется п. 2 ст. 152.1 ГК РФ в части определения субъекта защиты изображения гражданина после его смерти. Ввиду общепризнанного доктринального выделения таких признаков личных неимущественных прав, как неотчуждаемость и неотъемлемость от их носителя [4], необходимо ответить на вопрос, на каком основании дети, переживший супруг, а при их отсутствии – родители вправе защищать те нематериальные блага, которые, казалось, прекращаются в связи со смертью носителя.

Законодатель лишь ограничился упоминанием в ст. 1112 ГК РФ о невозможности наследования личных неимущественных прав [3]. Поэтому целесообразнее обратиться к доктрине:

1. Концепция «усеченного права». Так, М.Н. Малеина [2] считает, что правомочие на использование индивидуального облика (как часть права на индивидуальный облик) после смерти гражданина может существовать в «усеченном» составе. Следовательно, благо не теряет своей ценности после отрыва от носителя и нуждается в защите от посягательств третьих лиц, которую осуществляют дети, супруг или родители умершего лица. Однако содержание бессубъектного права противоречит общепринятому пониманию содержанию субъективного права – без субъекта и его интересов, его потребностей, в соответствии с которыми он осуществляет соответствующие правомочия, существование такого права лишено смысла. Необходимо отметить и следующее противоречие – по мере того как право приобретает

«усечённый» характер, круг лиц, чьи интересы подлежат охране, напротив, расширяется. Если при жизни гражданин реализует принадлежащее ему право, основываясь исключительно на своих потребностях, то после его смерти начинают учитываться и интересы третьих лиц (т.е. родственников), и общества в целом.

2. «Феномен переживания» личными правами своего носителя. Е.А. Флейшиц, критикуя понимание признака неотделимости нематериальных благ от личности, суть которого ошибочно усматривают в том, будто эти блага перестают охраняться правом после смерти носителя соответствующих прав, отмечает, что отличительная их черта заключается в продолжении существования даже после смерти лица [5]. Подобный феномен В.А. Белов объясняет приражённостью личных прав к юридическому факту, а не к субъекту — возникнув из юридического факта, который не может быть каким-либо образом изменен, они не следует за судьбой носителя [6].

3. Право на добрую память об умершем. Вышеупомянутую позицию В.А. Белова развивает Е.В. Гаврилов – «феномен переживания» необходимо связывать с возникновением у других лиц после смерти изображенного собственного нематериального блага — доброй памяти об умершем человеке. Т.е. при неправомерном использовании изображения умершего вред причиняется не интересам погибшего, а иным лицам [7]. Но определяя добрую память, как положительные личные и общественные качества умершего, являющиеся после его смерти предметом уважения для общества и связанных с ним лиц [Там же], мы сталкиваемся с вопросом: как разрешить противоречие, следующее из разных представлений об этих качествах (например, что является проявлением уважения или наносит оскорбление для того или иного управомоченного лица).

Разделяя позицию Е.В. Гаврилова, считаем необходимым её дополнить. При даче согласия на обнародование и последующее

использование изображения представляется разумным опираться не на принцип большинства голосов управомоченных лиц, а на принцип единогласия – при выявлении возражения одного субъекта оно использоваться не может. А при осуществлении его охраны каждый управомоченный, независимо от мнения других лиц, обладает правом требования пресечения действий, нарушающих его личные неимущественные права, связанные с сохранением памяти об умершем.

Также анализ действующей редакции п. 2 ст. 152.1 ГК РФ обнаруживает существенный пробел – при отсутствии у умершего гражданина детей, пережившего супруга и родителей, законодатель не определяет субъекта, обладающего правом на охрану изображения [3]. Поскольку право, будучи привязано к юридическому факту, продолжает существовать, и, следовательно, может быть нарушено, охрана изображения в данном случае должна возлагаться на публично-правовые образования. Возлагая на себя данное охранное обязательство, государство в лице публично-правовых образований способствует разрешению так называемой «проблемы правового государства» [1], поскольку, признавая и обеспечивая реальную защиту нематериальных благ, оно признает их верховенство над собственной властью.

Список источников

1. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 361 с.

2. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 244 с.

3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2024. 784 с.

4. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 1040 с.

5. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.

6. Белов В. А. Гражданское право в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 463 с.

7. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.

УДК 347.736

Руководитель как контролирующее должника лицо в деле о банкротстве

Голубева Анна Игоревна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ann.gol2003@mail.ru

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, номинальный руководитель, формальный руководитель, теневой руководитель.

При привлечении к субсидиарной ответственности необходимо установить лиц, способных оказывать влияние на деятельность должника, то есть так называемых контролирующих должника лиц. Целью настоящей работы является раскрытие понятия и признаков основных статусов контролирующих должника лиц и выделение новых субъектов, привлекаемых к субсидиарной ответственности.

© Голубева А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

По общему правилу субъектом субсидиарной ответственности является контролирующее должника лицо. Согласно ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) под контролирующим должника лицом (далее – КДЛ) понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Понятие КДЛ тесно связано с понятием контроля действий такого субъекта. В делах о банкротстве юридических лиц таким контролирующим лицом выступает руководитель организации.

В силу положений ст. 53-53.1 Гражданского кодекса РФ под руководителем юридического лица понимают лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от имени юридического лица. Такое понятие обуславливается формально-юридическими критериями возможности определять действия юридического лица и давать указания. При этом в Законе о банкротстве выделяется не формальное наличие полномочий, а их реальная реализация в хозяйственной деятельности юридического лица. Таким образом, законодатель исходит из приоритета фактического контроля над формально-юридическими признаками [1].

Понятие КДЛ тесно связано с презумпцией вины, изложенной в ст. 61.11 Закона о банкротстве. Пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия КДЛ при наличии хотя бы одного из приведенных в законе обстоятельств.

Как правило, под субсидиарную ответственность попадают руководители юридического лица, указанные в ЕГРЮЛ. Однако на практике субъектами субсидиарной ответственности являются также участники юридического лица, имеющие значительную долю прав участия в нем, действующие открыто или скрытно, а также кредиторы этого юридического лица. Требования к указанным лицам определяются с учетом конкретных обстоятельств дела, поскольку требуется использование такой возможности, а не её наличие само по себе [2]. В связи с изложенным выделяют номинального и фактического руководителя юридического лица [3].

Номинальный директор представляет собой лицо, формально занимающее должность руководителя, однако фактически не осуществляющее управление юридическим лицом, а дает согласие на выполнение номинальных функций, что предполагает принятие на себя определенных обязанностей, включая контроль за деятельностью юридического лица и выбор лиц, фактически осуществляющих управление.

Фактический директор, в отличие от номинального, не имеет формального статуса руководителя, однако фактически осуществляет функции управления. Такое лицо принимает ключевые решения, определяет стратегию деятельности и контролирует исполнение указаний и часто действует открыто.

Необходимо подчеркнуть, что статус номинального и фактического руководителя с позиции законодателя раскрыт иначе чем с позиции правоприменителя. Так, Закон о банкротстве определяет номинального руководителя как лицо, которое фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица, в то время как Верховный Суд РФ указал номинального руководителя как руководителя, формально входящего в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление [3]. Такое же различие

приводится для привлечения указанных лиц к субсидиарной ответственности.

Определение статуса КДЛ в отечественной практике как формального или номинального не должно быть исчерпывающим, в связи с чем видится необходимым ввести статус теневого руководителя для более обстоятельственного привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности. В российской правоприменительной практике происходит смешение понятий теневого и фактического руководителя.

В частности, в английском праве под теневым директором понимают лицо, по указаниям которого компания действует, при этом такое лицо скрывается в тени за другими руководящими органами, которые, по его мнению, являются единственными директорами компании, определяющими его действие. То есть, его личность полностью скрыта от третьих лиц, в то время как фактический директор может действовать открыто. По своей сути, теневой руководитель может иметь влияние на номинального или формального директора, то есть обладает более специфическим статусом КДЛ [5].

Выделение теневого руководителя как иного статуса КДЛ позволит охватить наиболее узкие случаи опосредствованного контроля юридического лица, которые не попадают под признаки ни номинального, ни фактического директора.

Список источников

1. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / А. В. Габов, О. В. Гутников, Н. Г. Доронина [и др.]; М.: ИНФРА-М, 2015. 384 с.

2. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2018 по делу №А43-29906/2017 // КонсультантПлюс:

справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 06.04.2026).

3. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53: редакция от 23 декабря 2025 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 06.04.2026).

4. Re Hydron (Corby) Ltd. [1994] BCC 161 (Ch) // Butterworths Company Law Cases.

УДК 347.19

Трансформация законодательства о регистрации юридических лиц в условиях цифровизации: правовые аспекты использования искусственного интеллекта заявителями

Горохов Ростислав Вячеславович
Межгосударственная образовательная организация высшего образования Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, r.v.gorokhov@krsu.kg

Ключевые слова: юридические лица, регистрация искусственный интеллект, цифровая трансформация.

Актуальность выбранной темы состоит в том, что на современном этапе развития общества и государства в силу преобладания интеграционных процессов и общего ускорения темпов управленческих и бизнес-процедур, все больше субъектов

© Горохов Р. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

предпринимательской деятельности как в лице компаний и предпринимателей, так и государственных органов стремятся к оптимизации и снижению временных затрат соответствующих явлений.

Если рассматривать существующие тенденции, то можно сделать вывод о том, что происходит поэтапное внедрение механизма упрощения и повышения доступности процесса регистрации юридических лиц путем введения процедуры электронной регистрации [1]. Необходимо отметить, что регистрация юридического лица субъектами малого предпринимательства достаточно затруднительна без участия квалифицированного специалиста, что создает дополнительные барьеры для развития малого бизнеса и отрицательно влияет на экономику [5].

Следующей ступенью трансформации цифрового перехода является внедрение элементов высоких технологий, таких как искусственный интеллект или же нейросети. В частности, при процедуре регистрации можно выделить следующие аспекты.

Со стороны государственного органа чаще всего идёт речь об автоматической проверке возможности регистрации юридического лица и ведение аналитики баз данных [2].

Со стороны заявителя технология применяется только во вспомогательном качестве это выражается в проверке внесенных данных. Что в свою очередь нуждается в правовом регулировании.

Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в работе государственных органов заложено в концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики, где указывается возможность применении ИИ для повышения эффективности государственных услуг. ИИ необходимо использовать для автоматизации рутинных задач, повышения точности и скорости обработки информации, а также для персонализации услуг. [3].

Правовому регулированию систем искусственного интеллекта посвящена глава 23- цифрового кодекса Кыргызской Республики, где устанавливаются критерии отнесения системы искусственного интеллекта к определенной классификации рисков, обязанности разработчиков и пользователей данных систем [4].

Однако детально не регламентированы механизмы ответственности пользователей за возможные ошибки, возникающие при работе систем искусственного интеллекта.

Что приводит к выявлению проблемы с назначением ответственного лица в области обеспечения контроля, защиты персональной информации пользователя. Помимо вышеперечисленного, возникает проблема определения ответственности за возможную некорректность работы системы при вводе данных пользователя в процессе регистрации юридического лица.

Для решения первой проблемы мы считаем необходимым расширить спектр применения искусственного интеллекта заявителем. В частности, разработать механизм заполнения соответствующей регистрационной формы системой с применением искусственного интеллекта на основе данных, предоставленных пользователем.

Для устранения существующих пробелов в законодательстве относительно ответственности и возможности применения систем искусственного интеллекта мы находим возможным реализацию одной из следующих концепций:

– дополнить существующие положение о порядке регистрации юридических лиц отдельными статьями, закрепляющими соответствующий механизм. Кроме того, дополнить нормативно-правовые акты соответствующих государственных органов нормами, закрепляющими за ними ответственность за сохранение и поддержание соответствующего режима персональной информации заявителя, а равно ответственность и обязанность

контролировать корректность и правильность работы соответствующей системы.

– введение отдельного положения о порядке применения системы искусственного интеллекта при процедуре регистрации юридических лиц, где закрепить разрешённые виды ИИ для использования исходя из риска ориентированной классификации. Обозначить ответственный за поддержание работы системы государственный орган, его права и обязанности при взаимодействии с разработчиками и пользователями системы, а также меры дисциплинарной и административной ответственности за возможные нарушения.

В заключение необходимо отметить, что доля использования систем искусственного интеллекта во всех сферах социума постоянно растет. Это, прежде всего, связано с постоянно ускоряющимся темпом протекания научно-технических, экономических процессов, что, в свою очередь, требует от его участников, а именно предпринимателей и государства приспосабливаться к данным условиям посредством совершенствования законодательства.

Список источников

1. Манэсси Е. К. К вопросу о регистрации юридических лиц: история, практика, перспективы // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 3–4. С. 175–188.

2. Решение о государственной регистрации принимает искусственный интеллект: новость // Федеральная налоговая служба : официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn92/news/activities_fts/15697521/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года: (в ред. по состоянию на версию/редакцию на сайте): // Централизованный банк данных правовой

информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru (дата обращения: 13.04.2026).

4. Концепция цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы. URL: https://digital.gov.kg/wp-content/uploads/2024/06/konczepcziya-czifrovoj-transformaczii-kyrgyzskoj-respubliki-na-2024-2028-gody.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

5. Фиськова В. О. Малое и среднее предпринимательство в Кыргызской Республике. URL: https://science.bafe.edu.kg/МАЛОЕИСРЕДНЕЕПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО/ (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 342.552

Реализация механизма офсетных контрактов на территории Красноярского края

Дрозд Алексей Валериевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alexeydrozd99@yandex.ru

Ключевые слова: офсетные контракты, ГЧП, встречные инвестиционные обязательства, региональная экономика, Красноярский край, импортозамещение.

В условиях необходимости импортозамещения и стимулирования региональной промышленности особую актуальность приобретают инструменты государственно-частного партнерства (ГЧП), позволяющие объединить ресурсы государства и бизнеса. Одним из таких перспективных, но пока недостаточно

© Дрозд А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

освоенных механизмов в Российской Федерации являются контракты со встречными инвестиционными обязательствами (офсетные контракты). Несмотря на наличие сформированной федеральной правовой базы, практика их применения носит очаговый характер. Красноярский край, являясь одним из ключевых промышленных регионов страны, обладает значительным потенциалом для использования данного инструмента, однако на сегодняшний день он остается нереализованным. Целью данной статьи является анализ правовых основ и практических барьеров внедрения офсетных контрактов в Красноярском крае и выработка рекомендаций по их преодолению.

Офсетный контракт представляет собой особый вид ГЧП, регулируемый, в первую очередь, статьей 111.4 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 44) [1]. Его правовая и экономическая конструкция отличается от классических моделей ГЧП: государственный заказчик (субъект РФ) выступает не только как регулятор, но и как гарантированный покупатель, заключая долгосрочный (до 10 лет) контракт на поставку определенной продукции. В ответ частный инвестор обязуется создать или модернизировать производство на территории региона.

К числу ключевых особенностей офсетных контрактов следует отнести установленный ФЗ № 44 минимальный объем инвестиций, который составляет 100 млн рублей для регионального уровня и 400 млн рублей – для межрегионального взаимодействия. Существенным признаком также является длительный срок реализации таких соглашений, достигающий 10 лет, при этом начальный этап, как правило, связан с созданием или модернизацией производства.

Важно отметить, что возможность заключения офсетных соглашений предусмотрена и в рамках Федерального закона от

18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», что расширяет круг потенциальных заказчиков за счет госкомпаний и корпораций [2]. Кроме того, связь с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» позволяет вовлекать в эти проекты субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) через «программы выращивания» при поддержке Корпорации МСП.

Как показывает анализ реализации офсетных контрактов в Российской Федерации, данный механизм получил неравномерное распространение. На текущий момент в России заключено около 49 контрактов на общую сумму 473 млрд рублей, причем безусловным лидером является Москва, что объясняется значительной емкостью ее внутреннего рынка. Наиболее востребованной сферой применения является производство лекарственных средств, также есть примеры в машиностроении (троллейбусы в Башкирии).

Однако, как справедливо отмечают исследователи (например, Т.В. Климанова) [4], статистическая база для масштабных выводов пока ограничена. Низкая активность многих регионов, включая Красноярский край, свидетельствует о наличии системных барьеров.

В частности, долгосрочные закупочные обязательства создают обременения для бюджета региона, что является сдерживающим фактором для исполнительных органов.

Кроме того, значимым фактором является наличие рисков как для частного инвестора в виде необходимости осуществления значительных капиталовложений, так и для региона в виде недостижения заявленных инвестиционных параметров.

Также сложность заключается в правовой и экономической проработке таких инвестиционных проектов, что требует наличие соответствующих компетенций как со стороны публичного партнера, так и частого.

Для Красноярского края, обладающего мощным промышленным потенциалом и потребностью в диверсификации экономики, офсетные контракты могут стать инструментом решения ряда стратегических задач. Эффекты от их успешной реализации включают: долгосрочный экономический рост, локализацию производств, импортозамещение, приток частных инвестиций (соотношение 1 рубль инвестиций на 8 рублей объема закупок) и среднюю экономию бюджетных средств до 15%, что превышает показатели традиционных закупочных процедур.

Для преодоления существующих барьеров и активизации работы предлагается создать при Правительстве края рабочую группу или проектный офис по работе с офсетными контрактами, которая займется координацией исполнительных органов края, анализом потенциальных проектов и консультацией бизнеса. Также

Необходимо принятие подзаконного акта (например, Порядка организации офсетных контрактов в Красноярском крае в соответствии со статьей 111.4 ФЗ № 44), который детализирует процедуру и снизит административные риски. [1].

Таким образом, офсетный контракт является сложным, но действенным инструментом стимулирования промышленного роста и импортозамещения на региональном уровне. Его успешная реализация в Красноярском крае упирается в необходимость выстраивания эффективной внутрирегиональной системы работы: формирования четких институциональных механизмов, развития компетенций и проактивной позиции исполнительных органов.

Список источников

1. Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 08.11.2025).

2. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 08.11.2025).

3. Федеральный закон от 24.07.2007 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 08.11.2025).

4. Климанова Т. В. Формат совместных офсетных госзакупок как фактор спроса, коллективно формируемого регионами России // Вестник ВГУ. 2024. № 4. С. 90–101.

УДК 347.2/.3

Гражданско-правовая природа игрового имущества

Дюков Борис Юрьевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dukovboris@gmail.com

Ключевые слова: имущество, игровое имущество, виртуальное имущество, имущественное право.

Современная игровая индустрия формирует огромный рынок, где предметом сделок становятся виртуальные внутриигровые вещи — от внутриигровой валюты до уникальных артефактов. Однако правовой режим такого имущества остаётся неурегулированным, что порождает множество правовых вопросов. Что понимается под игровым имуществом? Возможна ли защита такого имущества?

© Дюков Б. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Под игровым имуществом понимается совокупность различного рода визуальных изображений внутри компьютерных игр, которые имеют свойства и ценность лишь внутри определенного «мира» игры. Выделять его отдельно стоит как минимум потому, что по сути своей оно может влиять только на виртуальный мир, в котором находится и в котором приобреталось за реальные деньги, в отличии от других видов виртуального имущества, как, например, криптовалют и иных цифровых активов, которые ввиду своей природы могут быть использованы как реальная валюта.

Говоря о правовой природе игрового имущества, надо сказать о его признаках. Э. Р. Хасанов выделяет всего три ключевых признака: во-первых, игровое имущество неразрывно связано с функционированием массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр; во-вторых, его существование вне рамок подобных игровых систем лишено какого-либо смысла; в-третьих, оно представляет собой нематериальный объект, относительно которого складываются как внутриигровые отношения, так и сопряжённые с ними отношения за пределами игрового пространства. [3] Ввиду того, что игровое имущество является цифровым имуществом, справедливо выделить подход А.А. Карцхии, в котором говорится о признаке наличия у цифрового имущества экономической ценности — как реализованной, так и потенциальной — в совокупности с его выраженным имущественным содержанием, что обусловливает отнесение подобных объектов к сфере имущественных гражданских правоотношений [1]. На основании приведенных признаков можно вывести определение: Игровое имущество-вид виртуального (цифрового) имущества, имеющее экономическую ценность, представленное в виде нематериального объекта внутри игрового мира, вокруг которого складываются внутриигровые и сопряженные с игровыми, отношения.

Также очень остро стоит вопрос о том, к какому же типу имущества по ГК РФ стоит относить игровое имущество и стоит ли его вообще куда-либо относить. Наиболее перспективным подходом стоит назвать признание игрового имущества «иным имуществом» (ст. 128 ГК РФ).

Представляется, что такой подход является верным из-за новизны самой сущности игрового имущества и отнесения по аналогии с цифровыми валютами к иному имуществу, так как природа довольно схожа с игровым имуществом. [5] Причисление к классическим вещам невозможно ввиду отсутствия физического господства над вещью, отнесение к интеллектуальной собственности также проблематично, так как игровая валюта в эту категорию не подходит по родовому признаку (ценность определяется сугубо внутриигровыми свойствами и функциональными параметрами объекта, но никак не его визуальным воплощением).

Непринятие игрового имущества как объекта гражданских прав может повлечь за собой ущемление прав держателей такого вида имущества, что недопустимо. Российские суды на основании ч. 1 ст.1062 ГК РФ «Требования, связанные с организацией игр и пари и участием в них», квалифицируют правоотношения, возникающие в среде MMORPG, как охватываемые правовым режимом «игр и пари». Однако, как обоснованно указывает А. И. Савельев, «в данных отношениях достаточно сложно найти то самое соглашение о выигрыше, которое является краеугольным камнем во всем регулировании игр и пари.» [2] Игровое имущество должно считаться объектом гражданского права, поэтому обязана быть судебная защита ввиду невозможности применения нормы статьи 1062 ГК РФ.

Как пример мнения судов можно привести решение президиума Мосгорсуда по делу о блокировке дорогого аккаунта истца в MMORPG «Lineage 2», постановил, «что учетная запись

истца была заблокирована ответчиком в связи с нарушением истцом правил игры… отсутствие в действиях пользователя нарушений правил игры относится к организации игрового процесса, таким образом, требования истца, связанные с участием в игре, в силу п. 1 ст. 1062 ГК РФ не подлежат судебной защите» [6].

В иностранной доктрине получила распространение концепция «магического круга» (The Magic Circle test), согласно которой правовое регулирование распространяется на виртуальные отношения тогда, когда их участник осознавал либо должен был осознавать, что складывающиеся в цифровой среде отношения влекут или способны повлечь юридически значимые последствия в реальности. [4]

В заключении можно сказать о том, что российское законодательство обладает достаточной гибкостью для признания игрового имущества объектом гражданских прав на основании статьи 128 ГК РФ.

Список источников

1. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. Москва, 2019. 394 с.

2. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127–150.

3. Хасанов Э. Р. Перспективы правового регулирования виртуального игрового имущества // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 103–107.

4. Duranske B. T. Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago: American Bar Association, 2008. P. 58–59. URL: https://books.google.ru/books/about/Virtual_Law.html?id=gQQjRmGKOgEC&redir_esc=y (дата обращения: 02.04.2026).

5. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой

валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Решение мирового суда судебного участка № 352 Басманного района г. Москвы от 1 февраля 2011 г. по делу № 2-01/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 347

Объективное банкротство: проблемные вопросы теории и практики

Замышляев Иван Иванович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zinnk84@yandex.ru

Ключевые слова: объективное банкротство, экспертиза, суд.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Климович Ларисе Петровне, доценту, доктору юридических наук.

Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) (далее – Закон о банкротстве) [1] определено, что банкротство – это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Признаки преднамеренного и фиктивного банкротства [2], понятия которых определены в ст. ст. 196, 197

© Замышляев И. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Уголовного кодекса Российской Федерации [3], выявляются арбитражным управляющим в рамках дела о банкротстве должника.

Впервые понятие «объективное банкротство» было раскрыто в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [4]. Верховный суд разъяснил – для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности, по общему правилу, учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, независимо от того, скрывалось действительное финансовое состояние должника или нет, то есть принимается во внимание трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (далее – объективное банкротство).

В судебной практике нет единого подхода к установлению момента «объективного банкротства», что приводит к существованию следующих проблем:

1. В Законе о банкротстве отсутствует понятие «объективное банкротство». Буквальное прочтение понятия подразумевает, что объективное банкротство наступило вследствие внешних, непреодолимых обстоятельств при добросовестных действиях руководителя. Это приводит к правовой коллизии – установление «объективного банкротства» по смыслу должно быть финальной точкой, исключающей вину субсидиарного ответчика. Но в судебной практике определение момента объективного банкротства становится лишь отправной точкой для ретроспективного анализа действий контролирующих лиц за предшествующие три года.

Если арбитражный управляющим установит наличие неправомерных действий контролирующих должника лиц в период, то это означает наличие признаков преднамеренного банкротства, что приводит к потере изначального смысла понятия «объективного банкротства». Полагаем, что под текущим термином «объективное банкротство» подразумевается термин «фактическая несостоятельность».

2. Вопрос определения момента объективного банкротства относится к правовым вопросам, но при этом отсутствует узаконенная методика его определения.

В судебных спорах имеют место быть разные способы определения объективного банкротства:

1) Суд предлагает конкурсному управляющему, кредиторам, ответчику представить позицию по моменту наступления объективного банкротства, причинам его наступления;

2) Суд анализирует показатели бухгалтерского баланса, сделки должника, движение денежных средств должника;

3) Несмотря на то, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом, суды назначают судебную финансово-экономическую экспертизу для определения даты возникновения момента объективного банкротства. Тем самым, суды вынуждены проводить комплексную оценку всей предшествующей хозяйственной деятельности должника и контролирующих его лиц.

Фактически, вместо применения четких правовых критериев мы наблюдаем «судебно-экономическую экспертизу» под видом правовой оценки. Это создает огромную нагрузку на судей.

3. Расплывчатость критериев установления момента «объективного банкротства» создает среду для злоупотребления и превращается в инструмент для недобросовестного поведения.

Типичные схемы, которые имеются в судебной практике:

– использование прошлых нарушений, выявленных спустя годы в период выездной налоговой проверки, по результатам которых доначисляются десятки-сотни миллионов рублей налогов, как причина объективного банкротства «в настоящий момент»;

– подготовка к форс-мажору: накануне реальных внешних потрясений (например, санкций или при одностороннем расторжении крупного договора) производится целенаправленный вывод активов, чтобы замаскировать момент наступления «объективного банкротства»;

Предлагаем следующее решение заявленных проблем:

1. На законодательном уровне внести в статью 2 Закона о банкротстве определение понятия «объективное банкротство».

Необходимо разграничить момент наступления неплатежеспособности должника, возникшей исключительно вследствие внешних обстоятельств непреодолимой силы, при условии, что контролирующие лица действовали добросовестно и разумно и принимали все возможные меры для предотвращения банкротства, и момент наступления фактической несостоятельности должника при превышении совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

2. Разработать и утвердить на уровне Верховного суда Российской Федерации рекомендации по установлению момента объективного банкротства. В рекомендациях необходимо закрепить пошаговый алгоритм: методики определения момента, когда совокупные обязательства должника превышают реальную стоимость его активов, правила оценки размера обязательств и активов должника (на основе бухгалтерской отчетности или профессиональной оценки); какие действия должностных лиц должника позволяют скрывать момент наступления объективного банкротства; при назначении судебной финансово-экономической экспертизы рекомендовать перечень вопросов, которые необходимо ставить перед экспертом. Тем самым, необходимо

ввести в судебную практику стандарты доказывания для объективного банкротства.

Список источников

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 16.04.2026).

2. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 10.04.2026).

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 10.04.2026).

4. Пленум Верховного суда РФ от 21.12.2017 № 53 (ред. От 23.12.2025) «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 16.04.2026).

УДК 331.5

Правовой статус самозанятых граждан в Российской Федерации: доктринальные пробелы

Ивлева Светлана Юрьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sveta_ivleva_2003@mail.ru

Ключевые слова: самозанятый, налог на профессиональный доход, специальный налоговый режим, правовой статус, предпринимательская деятельность, гражданско-правовое регулирование.

Формирование института самозанятости в России реагирует на вызовы цифровой экономики и распространение нестандартных форм занятости. Исторически понятие «самозанятость» вошло в научный оборот в 1990-х годах как широкое определение формы занятости, при которой гражданин самостоятельно обеспечивает себя доходом, не вступая в отношения наемного труда [1]. Однако правовое оформление этого понятия произошло позже.

Отправной точкой легализации стал Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который ввел льготный налоговый режим. Задуманный как временный эксперимент (2019-2020 гг.), режим налога на профессиональный доход (далее – НПД) доказал свою востребованность: по данным на 2025 год, было зарегистрировано более 15,4 млн самозанятых [2]. Тем не менее, стремительное развитие института показало главную проблему –

© Ивлева С. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

отсутствие единого законодательного определения и комплексного правового статуса самозанятого гражданина.

Правовое положение самозанятых противоречиво из-за разных подходов гражданского и налогового законодательства. С одной стороны, самозанятый выступает субъектом налогового права. Ключевые параметры статуса заданы налоговыми нормами, согласно которым – это физическое лицо или ИП, получающее доход от самостоятельной деятельности без привлечения наемных работников по трудовым договорам и не имеющий работодателя [3].

С другой стороны, самозанятый является субъектом гражданского права. Здесь наблюдается явный пробел: законодательство четко не определяет, предпринимательская ли деятельность самозанятого, что приводит к размыванию границ между частной деятельностью и предпринимательством, порождая правовую неопределенность в квалификации статуса лица, использовании законодательства о банкротстве и имущественной ответственности самозанятого по обязательствам.

Анализ норм относит эту деятельность к особой форме предпринимательства, присущей отсутствие госрегистрации (в отличие от ИП) и уведомительный порядок легализации [4]. Однако эта квалификация порождает следующие правовые последствия: во-первых, при признании деятельности предпринимательской самозанятому грозят запреты на отдельные виды деятельности и требования о контрольно-кассовой технике в определенных случаях. Во-вторых, предпринимательский статус самозанятого влечет ответственность без вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), кроме непреодолимой силы, иначе – ответственность за вину [5]. В-третьих, самозанятый, формально не зарегистрированный в качестве ИП, может лишиться права защищать деловую репутацию в арбитражном суде, если его деятельность не признают предпринимательской – в отличие от юридических лиц и ИП.

Также, Роспотребнадзор прямо указывает, что самозанятые не входят в законодательное определение «исполнителя» по Закону «О защите прав потребителей», в связи с чем проведение надзорных или профилактических мероприятий невозможно [6]. Помимо защиты прав потребителей, ведомство осуществляет и иные полномочия, например, санитарно-эпидемиологический надзор. В этом случае, орган обретает все необходимые полномочия для проверки самозанятого как физ. лица. Суды же применяют упомянутый закон к сделкам граждан-предпринимателей (даже без регистрации ИП) [7].

Таким образом, возникает правовая неопределенность: для налоговых органов самозанятый – плательщик НПД; в гражданском обороте – фигура с особым режимом налогообложения, общей ответственностью физического лица и возможным применением предпринимательских стандартов на основе п. 4 ст. 23 ГК РФ.

Отсутствие четкости в законе не было бы острой проблемой, если бы не порождало массовые злоупотребления. Именно гибридный статус самозанятого стал удобной уловкой для недобросовестных работодателей. В настоящее время наблюдается тенденция в постепенном переходе к более жесткому контролю за самозанятыми. До 84% компаний злоупотребляют НПД, подменяя трудовой договор договором с самозанятым и переводя штатных сотрудников для экономии на страховых взносах [8]. Это размывает трудовые отношения и лишает работников социальных гарантий [9].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что институт самозанятости востребован как налоговый режим, но не обрел полноценного гражданско-правового статуса. Необходимо законодательное закрепление комплексного статуса, четкой ответственности и эффективных механизмов против подмены трудовых отношений.

Список источников

1. Методологические положения по статистике. Вып. 1: Госкомстат России. М., 1998. 674 с.

2. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба : официальный сайт. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 05.03.2026).

3. Что такое «налог на профессиональный доход» // Федеральная налоговая служба : официальный сайт. URL: https://npd.nalog.ru. (дата обращения: 05.03.2026).

4. Макарова Л. А. Правовой статус самозанятых граждан/ Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. // Вестник ОмГУ. Серия. Право, 2021. № 4. С. 40.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 частях. Ч. 1 : Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ : редакция от 31 июля 2025 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 09.04.2026).

6. Правовой статус самозанятых граждан // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека : официальный сайт. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/federal/460887 (дата обращения: 07.03.2026).

7. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.04.2026).

8. Отменят ли самозанятость в 2026 году: официальная позиция, прогнозы и что делать // ПАО Сбербанк России : официальный сайт. URL: https://developers.sber.ru/help/business-

development/abolition-of-self-employment (дата обращения: 07.03.2026).

9. Мухина И. И. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития / И. И. Мухина, Д. Г. Миракян Д. Г. // Социально-трудовые исследования, 2021. №3 (44). С. 29.

УДК 347.65/.68

Проблемы института наследования цифровых активов в Российской Федерации и Кыргызской Республике

Имашева Камила Урматовна
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек, kamilaimasheva280@gmail.com

Ключевые слова: цифровые активы, цифровые права, NFT, ЦФА, институт наследования, цифровое наследственное право, цифровое завещание, цифровой исполнитель, приватные ключи, наследственная масса, сравнительный анализ, Российская Федерация, Кыргызская Республика.

В Российской Федерации цифровые активы получили законодательное признание. Согласно ст. 128 и 141.1 ГК РФ цифровые права являются самостоятельным объектом гражданских прав [1]. Статья 1112 ГК РФ относит их к составу наследства как «иное имущество» [2]. Основным нормативным актом является Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ, регулирующий оборот ЦФА и предусматривающий внесение изменений в записи информационных систем на основании свидетельства о праве на наследство [3]. Методические рекомендации Федеральной

© Имашева К. У., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нотариальной палаты 2025 года предусматривают возможность запроса нотариусами сведений у операторов платформ [4].

В Кыргызской Республике цифровые активы также признаны объектами гражданских прав. Статья 22 ГК КР относит к ним виртуальные активы и цифровые сомы, а состав наследства определяется ст. 1120 ГК КР [5]. Оборот виртуальных активов регулируется Законом КР от 21.01.2022 №12 «О виртуальных активах» и Постановлением Кабинета Министров КР №514 от 31.12.2024 [6]. Таким образом, обе правовые системы признают цифровые активы имуществом, однако российское регулирование является более детализированным.

Несмотря на законодательное признание, наследование цифровых активов сопровождается рядом проблем.

Основной проблемой является идентификация и передача цифровых активов наследникам. Поскольку они существуют в информационных системах или блокчейне и защищены приватными ключами, seed-фразами и многофакторной аутентификацией, при отсутствии распоряжений наследодателя нотариус не имеет эффективных механизмов для их выявления. Дополнительную сложность создают ограничения пользовательских соглашений платформ [8].

Другой проблемой являются оценка, налогообложение и судебная защита. Волатильность криптоактивов затрудняет их оценку, а официальная методика определения стоимости цифровых активов для целей наследования в России отсутствует. При получении наследства НДФЛ не уплачивается [9], однако при последующей продаже возникает налоговая обязанность. Судебная практика остаётся неоднородной [8].

Отдельной проблемой является отсутствие специальных норм о цифровом завещании и цифровом исполнителе. Аналогичные пробелы сохраняются и в законодательстве Кыргызской Республики.

Международный опыт предлагает возможные решения. В США действует Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (RUFADAA), предоставляющий исполнителю завещания доступ к цифровым активам [10]. В Великобритании Property (Digital Assets etc.) Act 2025 признал криптоактивы и NFT личным имуществом [11].

Сравнительный анализ правовых режимов цифровых активов, проведённый автором настоящей статьи совместно с Сулаймановой Ч.Н., подтверждает необходимость учёта международного опыта. Наиболее эффективной является модель, сочетающая законодательное регулирование и поддержку технологических инноваций [12].

Для совершенствования законодательства целесообразно: ввести в Гражданский кодекс понятия цифрового завещания и цифрового исполнителя; закрепить обязанность операторов платформ сотрудничать с нотариусами; разработать официальную методику оценки цифровых активов; создать институт цифрового наследственного фонда.

Аналогичные изменения необходимы и в законодательстве Кыргызской Республики для гармонизации норм в рамках ЕАЭС.

Таким образом, наследование цифровых активов является одним из наиболее динамично развивающихся направлений гражданского права. В Российской Федерации создан значительный законодательный фундамент, однако необходимы дальнейшие изменения законодательства для предотвращения утраты цифрового имущества и обеспечения защиты имущественных прав граждан в цифровой экономике.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2026 г.).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ.

3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026).

4. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 28.07.2025.

5. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть первая) от 8 мая 1996 г. № 15.

6. Закон Кыргызской Республики от 21 января 2022 г. № 12 «О виртуальных активах» (в ред. от 19.01.2026 № 3).

7. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 31 декабря 2024 г. № 823 № 514 «О внесении изменений в некоторые постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики в сфере оборота виртуальных активов».

8. Одинцов С. В. Актуальные проблемы цифрового наследования / Одинцов С. В., Гонсалес Оре А. А. // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 11 (290). С. 45–58.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026).

10. Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (RUFADAA): Uniform Law Commission, 2015 (revised 2024). URL: https://www.uniformlaws.org/viewdocument/enactment-kit-68?CommunityKey=f7237fc4-74c2-4728-81c6-b39a91ecdf22&tab=librarydocuments (дата обращения: 13.04.2026).

11. Property (Digital Assets etc.) Act 2025: CHAPTER 29. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29 (дата обращения: 13.04.2026).

12. Сулайманова Ч. Н. Сравнительный анализ правовых режимов цифровых активов / Сулайманова Ч. Н., Имашева К. У. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2025.

УДК 347

Проблемные аспекты кадастровой оценки

Конышева Екатерина Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kotyakin.00@mail.ru

Ключевые слова: кадастровая стоимость, кадастровая оценка, вид наиболее эффективного использования, фактическое использование, наиболее эффективное использование.

Налоговую базу по налогу на имущество организаций чаще определяют как среднегодовую стоимость, но для некоторых объектов базой служит кадастровая стоимость. Постановление КС РФ № 46-П от 12.11.2020 закрепило приоритет фактического использования при установлении кадастровой стоимости [1]. Однако на практике суды могут от него отступать в силу обстоятельств дела. Поэтому возникает вопрос достаточности и качества данных о фактическом использовании для отказа от оценки по наиболее дорогому виду разрешённого использования (ВРИ).

Закон определяет кадастровую стоимость как полученный на определённую дату усреднённый результат оценки, основанный на ценообразующих факторах. Рыночная стоимость — «наиболее вероятная цена отчуждения на открытом рынке» с учётом индивидуальных особенностей объекта. Их соотношение до сих пор вызывает дискуссии: С. В. Грибовский считает массовую и индивидуальную оценку разновидностями методов измерения рыночной стоимости. А. В. Ишмаева полагает, что кадастровая

© Конышева Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

стоимость априори не равна рыночной — она лишь стремится к ней [2]. Тем не менее кадастровая стоимость опирается на рыночную и иную информацию о характеристиках объекта. Под иной информацией понимают физические и технические параметры, местоположение и т.д. Источниками могут быть декларация правообладателя, данные местного самоуправления, акты надзорных органов, отчёты об оценке и т.д. Учитывают также формальные категории: категория земель, назначение, код функциональной группы, ценовая зона и др.

Особое значение имеют: вид разрешенного использования (ВРИ) — основа модели массовой оценки; фактическое использование, которое замещает ВРИ при надлежащем подтверждении; наиболее эффективное использование (НЭИ) для выбора наиболее дорогого ВРИ при неподтверждённом фактическом использовании [3]. Стоит отметить, что НЭИ должно представлять собой вариант использования, физически возможный, юридически законный, разумно оправданный и дающий максимальную стоимость, и оно в большей мере подходит для определения рыночной стоимости, а не кадастровой стоимости, так как исходит из предполагаемого рационального поведения большинства инвесторов. Б. М. Бедин обращает внимание, что собственник вправе по субъективным причинам не изменять использование объекта вне зависимости от прибыльности такого использования [4]. «Цена определяется из возможности продолжения фактического вида использования…» - пишет А. В. Ишмаева [2]. Поэтому мы полагаем, что данный принцип неприменим к кадастровой оценке. Однако до 2020 года (Постановления КС РФ № 46-П) суды и оценщики склонны были учитывать наиболее эффективное использование, а не фактическое.

Как уже упоминалось ранее, кадастровая оценка учитывает рыночную и иную информацию. Поэтому В. В. Жуковский описал

два аспекта кадастровой оценки. Первый – определение рыночной стоимости, так как она имеет разработанную методику оценивания и универсальна для различных нужд. Второй – переход от рыночной стоимости к кадастровой. «Второй — переход от рыночной стоимости к кадастровой. Как отмечает Жуковский, данный переход продиктован фискальной сущностью кадастровой стоимости, требующей массовости, низких административных издержек и сбалансированного распределения налогового бремени]. Несмотря на то, что методология определения рыночной стоимости гораздо более разработана, чем у кадастровой, сбор рыночной стоимости в рамках кадастровой оценки сопряжен с проблемой разграничения стоимости земельного участка и расположенного на нем объекта капитального строительства [5]. При сборе «иной информации» о ценообразующих факторах большинство исследователей указывают на проблему её качества, которое напрямую зависит от бюджетных возможностей субъекта Российской Федерации.

С 2026 года во всех субъектах используется Национальная система пространственных данных (НСПД), которая объединяет несколько федеральных и региональных информационных систем. Анализ научных работ позволяет выделить следующие проблемы: отсутствие единого подхода к интеграции систем, преобладание не интегрированных ведомственных систем, разрозненность технического обеспечения и операционных систем; значительное несоответствие данных при интеграции систем и т.п. При этом к 2028 году предлагается ввести периодичность оценки раз в два года вместо нынешних четырёх. Ожидается, что негативное влияние завышенной кадастровой стоимости на собственников возрастёт из-за сокращения циклов оценки. Полагаем, что минимизировать это в какой-то части может технически усовершенствованная общая система сбора данных.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2020 г. № 46-П // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2026).

2. Ишмаева А. В. Метасистемный подход к кадастровой оценке объектов недвижимости // Шаг в науку. 2021. № 3. С. 69–74.

3. Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке : Приказ Росреестра № П/0336 : принят 4 августа 2021 года : зарегистрировано в Минюсте России 17 декабря 2021 г., № 66421 : (ред. от 15.09.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: https://www.consultant.ru. (дата обращения: 04.04.2026).

4. Бедин Б. М. Принцип наиболее эффективного использования и его роль в оценке недвижимости // Вестник Академии знаний. 2025. № 4 (69). С. 62–67.

5. Жуковский В. В. Проблемные вопросы развития системы государственной кадастровой оценки недвижимости в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 8. С. 9–16.

УДК 347

Проблема автора музыкального произведения, созданного искусственным интеллектом

Куклин Иван Алексеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kuklin.ia72@mail.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, музыкальное произведение, авторское право, нейросеть.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Инне Сергеевне Богдановой, доценту, канд. юр. наук.

По оценкам экспертов Яндекс Музыка, около 20% новых музыкальных произведений на цифровых площадках создано искусственными интеллектом. Рынок генеративной музыки растёт. По прогнозам, к 2028-му году он достигнет 64 млрд. евро (сейчас – 3 млрд.) О таких данных повествует The Guardian, ссылаясь на глобальное экономическое исследование, опубликованное Международной конфедерацией обществ авторов и композиторов (CISAC). [1]

Настоящая статья ставит вопрос: кто является автором музыкального произведения, созданного с помощью нейросети, и возможно ли признание за пользователем права авторства при минимальном творческом вкладе? Для ответа на него необходимо проанализировать доктринальные подходы, российское законодательство и судебную практику.

Обратимся к доктрине. Как отмечал В.А. Дозорцев, «к творчеству способен только человек. Результаты, полученные как

© Куклин И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

итог функционирования технических средств, неохраноспособны» [2]. В свою очередь, традиционно в российском гражданском праве автором признается «гражданин, творческим трудом которого оно создано произведение» (ст. 1257 ГК РФ).

У музыкального произведения, сгенерированного нейросетью, есть фактический создатель – тот, кто сформулировал промпт, запустил генерацию, возможно осуществил последующий отбор и редактирование. Однако это не означает автоматического признания у него права авторства в контексте ст. 1257 ГК РФ, по следующим основаниям: 1) закон требует творческого труда, а не просто совершения действий; 2) невозможно определить единый критерий творческого вклада пользователя; 3) отсутствует прямая связь между вкладом пользователя и результатом (нейросеть сама определяет конечный результат).

Первый доктринальный подход, которого придерживается профессор В.Н. Синельникова, считается традиционным и суть его заключается в отказе от признания за искусственным интеллектом каких-либо прав. Согласно этой позиции, программа – это лишь инструмент получения новых результатов, а права на объект должны принадлежать человеку. [3] Однако такой подход игнорирует растущую автономность современных нейросетей, их способность к самообучению и не решает вопрос: какой именно вклад человека является достаточным для признания его автором?

Второй подход, на наш взгляд самый смелый, заключается в наделении самого искусственного интеллекта правами на созданные им объекты. [4] Представляется, что данная концепция не предлагает разрешение проблемы, а лишь создаст много новых. Искусственный интеллект не обладает волей и не способен нести ответственность, тем самым, совершать юридически значимые действия. Даже если говорить о передаче прав компании-разработчику, то это было бы несправедливо, ведь она не вносила

вклад в создание конкретного произведения, а лишь предоставляла инструмент.

Третий подход предлагает конструкцию соавторства, разделяя права на созданный объект между человеком и искусственным интеллектом. Однако, как справедливо отмечает П.М. Мохат, такая конструкция нецелесообразна: с передачей прав переходят и экономические выгоды, но робот не может ими распоряжаться. [5] Определение доли творческого вклада каждой стороны представляется практически неразрешимой задачей.

Интересен обзор зарубежной судебной практики. В США продолжается рассмотрение дела Allen v. Perlmutter (№1:24-cv-02665), где художник оспаривает отказ Бюро авторских прав в регистрации изображения, созданного с помощью нейросети. Исход этого дела может определить, признаётся ли сложный промпт достаточным творческим вкладом. В России по делу № А40-200471/2023 суд отклонил довод о неохраноспособности контента, созданного нейросетями, указав, что deepfake – это дополнительный инструмент обработки материала, а не способ их создания Ключевым критерием охраноспособности суд признал наличие творческого вклада человека.

Учитывая недостатки всех трех рассмотренных подходов, считаем необходимым создать для музыки, созданной искусственным интеллектом, самостоятельный правовой режим, как и предложил председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин [6].

Вариантом решения данного вопроса могло быть стать введение нового смежного права – права лица, организовавшего генерацию музыкального произведения с помощью искусственного интеллекта. Исключительное право на такой результат возникает не в связи с творчеством (которого у пользователя может и не быть), а в связи с его инициативой, затратами и фиксацией результата в объективной форме. Срок охраны – 10 лет по аналогии

с правом на топологию интегральных схем (ст. 1457 ГК РФ), что соответствует природе “нетворческого” объекта и достаточно для коммерческой окупаемости. Личные неимущественные права (право авторства) не возникают, поскольку пользователь не вносит творческого вклада, достаточного для признания его автором по смыслу ст. 1257 ГК РФ.

Это позволяет легализовать рынок музыки, созданной ИИ, не разрушая классическую систему авторского права и не наделяя искусственный интеллект несвойственной ему правосубъектностью.

Список источников

1. Hern A. Music sector workers to lose nearly a quarter of income to AI in next four years, global study finds // The Guardian: [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/music/2024/dec/04/artificial-intelligence-music-industry-impact-income-loss (дата обращения: 17.04.2026).

2. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2005.

3. Синельникова В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 320–328.

4. Morrigia A. The role of intellectual property in the intelligence explosion // 4iP Council : [сайт]. URL: https://www.4ipcouncil.com/research/role-intellectual-property-intelligence-explosion (дата обращения: 17.04.2026).

5. Морхат П. М. Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта // М.: ИНИОН РАН, 2018. № 1. С. 65–69.

6. Зорькин В. Д. Право и вызовы искусственного интеллекта: лекция на Петербургском международном юридическом форуме

(Санкт-Петербург, 27 июня 2024 года).
URL: https://www.ksrf.ru/information/speech/14922/ (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 347.736

Финансовое оздоровление: современное состояние и перспективы развития

Макаров Иван Максимович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pm208302@gmail.com

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, финансовое оздоровление.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ольге Евгеньевне Деревягиной, к.ю.н., доценту кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права.

Процедура финансового оздоровления была введена в 2002 году с целью усиления продолжниковой направленности российского процесса банкротства. Статистические данные показывают, что за время своего существования финансовое оздоровление стало самой невостребованной процедурой в деле о банкротстве: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ процедура финансового оздоровления за 12 месяцев 2024 года была введена лишь 14 раз. При этом удовлетворение всех требований кредиторов стало результатом проведения процедуры только 1 раз [1].

© Макаров И. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Отсутствие популярности использования финансового оздоровления свидетельствует о наличии комплекса проблем ее правового регулирования и применения.

Пунктом 6 статьи 80 Федерального закона от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О банкротстве») установлено, что финансовое оздоровление вводится на срок не более чем два года. Является ли такой срок достаточным для достижения целей финансового оздоровления?

Ряд авторов отрицательно отвечает на данный вопрос. Так, А.А. Снедкова считает, что за столь короткий срок «невозможно заключить крупные сделки, подать заявки на тендеры, сформировать положительный имидж и кредитоспособность у банков» [2]. Иные авторы также приводят доводы о невозможности возвращения предприятия «к жизни» за такой короткий срок.

Авторы Законопроекта № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» поддерживают идею недостаточности двухлетнего срока и обосновывают максимальным срок осуществления процедуры в четыре года со дня утверждения плана реструктуризации долгов арбитражным судом [3].

Существует и иное мнение, согласно которому срок финансового оздоровления должен определяться в каждом конкретном случае самостоятельно кредиторами и должником, то есть в каждом случае индивидуально [4, с. 98].

Согласимся с позиций недостаточности двухлетнего срока для достижения целей финансового оздоровления.

Другой проблемой финансового оздоровления является момент его введения. Так, в пояснительной записке к упомянутому Законопроекту обосновывается целесообразность отхода от концепции «единого входа»: предлагается введение возможности подачи должником или кредитором в арбитражный суд не только заявления о признании должника банкротом, как это

предусмотрено действующим законодательством, но и заявления о введении процедуры реструктуризации долгов (авторы проекта предлагают упразднить существующие реабилитационные процедуры, заменив их одной) [5]. Отход от этой концепции позволит раньше начать процедуру финансового оздоровления – с момента признания должника банкротом.

Еще одним недостатком существующей процедуры финансового оздоровления является наличие в законодательстве инструментов (мероприятий), предусматривающих в основном финансовую помощь от участников, учредителей, собственника имущества унитарного предприятия – должника, а также третьих лиц.

При этом, ряд авторов, например, А. Ф. Маликов, говорит о недостаточности существенных реорганизационных, кадровых и иных мероприятий в ходе проведения данной процедуры. Так, Законопроект Министерства экономического развития предлагает включить в ФЗ «О банкротстве» возможность предусмотреть в плане финансового оздоровления осуществление следующих мероприятий: реорганизация должника, увеличение уставного капитала должника, замещение активов должника [6].

Полагаем, что возможность осуществления реорганизационных, кадровых мероприятий в рамках финансового оздоровления совместно с финансовой помощью будет способствовать более успешному достижению целей процедуры. Поскольку кризис предприятия, которым вызвана невозможность исполнения требований кредиторов, может заключаться, в том числе, в неэффективности менеджмента руководства этого предприятия, а не только в недостаточности капитала.

Таким образом, процедура финансового оздоровления на современном этапе развития российского института банкротства имеет ряд существенных проблем и требует своего реформирования.

Список источников

1. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 12 месяцев 2024 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ URL: https://cdep.ru (дата обращения: 15.03.2026).

2. Снедкова А. А. «Финансовое оздоровление: проблемы применения на практике» // Интернет-конференции Сибирского юридического университета. URL: http://conf.omua.ru (дата обращения: 25.02.2026).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект от 17.05.2021 № 1172553-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 04.04.2026).

4. Кораев К. Б. Неплатежеспособность: новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): дис. … д-р юрид. наук : 12.00.03. Санкт-Петербург, 2019. 574 с.

5. Пояснительная записка к Законопроекту «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Законопроект от 17.05.2021 № 1172553-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 04.04.2026).

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» : Проект Федерального закона : текст по состоянию на 21 сентября 2015 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 18.03.2026).

7. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: редакция от 23 марта 2026 года //

онсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 347.191

Сроки исковой давности по искам о признании решений органов управления общества с ограниченной ответственностью недействительными

Миракян Нина Евгеньевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nina.mirakyan13@yandex.ru

Ключевые слова: сроки исковой давности, общество с ограниченной ответственностью, решения органов управления общества с ограниченной ответственностью, оспаривание решений общества с ограниченной ответственностью.

В соответствии с ч. 4 ст. 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» заявление участника общества о признании решения общего собрания участников общества и (или) решений иных органов управления обществом недействительными может быть подано в суд в течение двух месяцев со дня, когда участник общества узнал или должен был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным [1].

Такой относительно короткий срок для обжалования обусловлен спецификой обществ с ограниченной ответственностью. Количество участников в них не должно

© Миракян Н. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

превышать 50 лиц, также предусматривается равное право участников заниматься управлением общества – всё это предполагает установление более тесных связей между участниками и возможность наибольшей осведомлённости относительно процесса управления [2]. Данный срок является субъективным и не содержит правил об объективном сроке, как, например, это предусмотрено в п. 5 ст. 181.4 ГК РФ [3].

В соответствии с указанной нормой решение собрания может быть оспорено в суде в течение шести месяцев со дня, когда лицо, права которого нарушены принятием решения, узнало или должно было узнать об этом, но не позднее чем в течение двух лет со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными для участников соответствующего гражданско-правового сообщества, если иные сроки не установлены специальными законами. Несмотря на наличие специального сокращённого субъективного срока, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» не содержит никаких иных по сравнению с п. 5 ст. 181.4 ГК РФ правил об объективном сроке.

Двухмесячный срок, установленный ст. 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», подлежит восстановлению, но только в случае, если участник общества не подавал заявление об оспаривании решения под влиянием насилия или угрозы. В остальных случаях данный срок восстановлению не подлежит.

Начало течения срока для обжалования участниками необходимо определять не позднее даты проведения следующего очередного собрания, что подтверждается практикой Верховного суда РФ [4].

Стоит отдельно рассмотреть вопрос, касающийся сроков исковой давности по требованиям о признании решений органов управления общества с ограниченной ответственностью ничтожными. По требованиям о признании ничтожного решения

органа управления общества с ограниченной ответственностью сроки исковой давности определяются по правилам п. 5 ст. 181.4 ГК РФ, однако на возражения ответчика о ничтожности решения органов управления общества, высказываемые в рамках иных споров, сроки исковой давности не распространяются.

Иные сроки, предусмотренные для оспаривания решения органов управления общества, не предусмотрены, за исключением конкретных случаев, рассмотренных на практике. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2020 № 307-ЭС20-209 по делу № А56-135927/2018 было указано, что предъявление требования о признании решения общества недействительным во взаимосвязи с требованием о восстановлении корпоративного контроля может быть заявлено в суд в течение общего, трёхгодичного срока исковой давности [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что для оспаривания решения органа управления общества с ограниченной ответственностью предусмотрен специальный субъективный срок исковой давности, который составляет два месяца, в течение которых участник может подать заявление, начиная со дня, когда участник общества узнал или должен был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным. При этом судебная практика, в частности практика Верховного Суда РФ, показывает, что срок исковой давности для оспаривания решения органа управления общества начинает течь не позднее даты проведения следующего очередного собрания.

Объективный срок на оспаривание решения собрания специальным законом не установлен, поэтому субсидиарно может быть применён общий срок, установленный п. 5 ст. 181.4 ГК РФ, который составляет два года с момента, когда решение стало общедоступным. По требованиям о признании ничтожного

решения органа управления общества с ограниченной ответственностью сроки исковой давности определяются по правилам п. 5 ст. 181.4 ГК РФ, однако на возражения ответчика о ничтожности решения органов управления общества, высказываемые в рамках иных споров, сроки исковой давности не распространяются.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ: редакция от 28.12.2025 [принят Государственной Думой 14 января 1998: одобрен Советом Федерации 28 января 1998] М.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. ст. 785.

2. Мосин В. А. Недействительность решений органов управления корпораций // специальность 12.00.03 гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск. 2018. 264 с.

3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: редакция от 31.07.2025: с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 01.08.2025 [принят Государственной Думой 14 января 1998: одобрен Советом Федерации 28 января 1998] Москва: Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2014 № 303-ЭС14-540 по делу А73-11114/2013.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2020 N 307-ЭС20-209 по делу № А56-135927/2018.

УДК 347.211

Цифровые активы в системе объектов гражданских прав

Михайлинский Глеб Олегович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, gmikhaylinskiy-yy19@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровое имущество, криптоактивы.

Цифровизация ставит перед человечеством новые вызовы во всех сферах жизни, в том числе и в правовой. Активное распространение в гражданском обороте так называемых «цифровых активов» порождает необходимость их квалификации с точки зрения существующих гражданско-правовых категорий. В частности, следует ли распространять на подобные объекты правовой режим имущества или же признавать их самостоятельной разновидностью объектов гражданских прав.

В доктрине цифровой актив определяется как виртуальный объект гражданского оборота, обладающий реальной финансовой стоимостью и обращающийся в распределенном реестре в виде уникального идентификатора [1].

По экономико-правовым критериям цифровые активы можно классифицировать на следующие группы:

- Платёжные активы (пример – криптовалюта). Основа экономической ценности таких активов – их способность выступать в качестве средства обмена.

© Михайлинский Г. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

• Удостоверительные (пример – токены). Данные активы выполняют функцию фиксации обязательственных/корпоративных прав.

• Цифровые финансовые активы (далее – ЦФА). Фактически это денежные требования к эмитенту в цифровой форме.

• Информационные (например, файлы и базы данных).

Различия между указанными разновидностями цифровых активов весьма существенны. Криптовалюта не имеет обязанного лица (децентрализована), поэтому её нельзя отнести к обязательственным правам. Она не является вещью (отсутствует телесность). Судебная практика идёт по пути признания её «иным имуществом» в конкурсной массе [2]. Токен, напротив, всегда удостоверяет право требования или членства – это всего лишь цифровая обёртка классического права. ЦФА – разновидность токена, но с признаками финансового инструмента (доходность, эмитент). Файл же, как показано в деле Your Response Ltd v. Datateam Business Media Ltd (Англия), не является имуществом, поскольку его передача создаёт копию, а не отчуждает оригинал; к файлам применимы нормы об интеллектуальной собственности (если есть творчество) или договорный режим [3].

Для характеристики цифровых активов важным является также вопрос о критериях применения к ним правового режима имущества. для отграничения объектов, которые действительно могут быть предметом оборота, от чисто информационных благ, зарубежная доктрина выделяет четыре критерия:

Конкурентность (rivalry) – использование объекта одним лицом препятствует его полноценному использованию другим. В случае с криптовалютой этот признак соблюдается. Файлы же можно скопировать неограниченное количество раз.

Ограниченная доступность (scarcity) – объект не бесконечен, его количество лимитировано (майнинг, эмиссия). Это порождает конкуренцию за обладание [4].

Исключительность (excludability) – владелец может технически ограничить доступ третьих (например, закрытый ключ к криптокошельку). Для общедоступной информации в интернете этот критерий не выполняется.

Отделимость (separability) – объект может быть передан другому лицу без потери своих свойств [5]. Криптовалюта переводится; внутриигровой предмет – тоже (через торговые площадки). А вот база данных, размещённая на сервере разработчика, может быть неотделима от лицензионного договора.

Вышеназванные цифровые активы в разной степени соответствуют данным критериям. Криптовалюта удовлетворяет всем четырём (использование одним лицом исключает другое, майнинг ограничен, доступ можно ограничить ключом, актив можно передать). Файл – не удовлетворяет конкурентности (может копироваться без потери).

Проведённый анализ показывает, что цифровые активы разнородны. Для каждого типа требуется свой правовой режим: 1. Криптовалюта – может оставаться в категории «иного имущества» (ст. 128 ГК РФ) с уточнением в постановлениях Пленума ВС РФ о порядке включения в конкурсную массу; 2. Токены (не ЦФА) – целесообразно рассматривать как цифровую форму обязательственных или корпоративных прав, не создавая нового объекта; 3. ЦФА – уже имеют специальный закон, но нуждаются в чётком отграничении от облигаций (не по экономической сути, а по инфраструктуре); 4. Файлы и базы данных – должны оставаться в сфере договорного регулирования (лицензионные соглашения), за исключением случаев, когда они подпадают под авторское право.

В долгосрочной перспективе возможно возвращение информации в перечень объектов гражданских прав (дополнение ст. 128 ГК РФ) с оговоркой: «информация, представленная в цифровой форме и обладающая экономической ценностью, может быть объектом оборота, если иное не установлено законом». Для

российской цивилистики это означает, что мы можем не форсировать признание «цифровой собственности», а разработать институт оперативного управления или контроля над криптоключами.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Дальнейшее развитие законодательства в рассматриваемой сфере сопряжено с унификацией регуляторных подходов к цифровым активам, что предполагает совершенствование нормативно-правовой базы в отношении криптовалют, расширение практики эмиссии ЦФА (в частности, посредством секьюритизации банковских портфелей и лизинговых правоотношений), а также формирование единых критериев признания цифровых объектов в качестве имущества.

Таким образом, цифровые активы образуют качественно новую, внутренне неоднородную категорию объектов гражданских прав, требующую разработки гибких правовых механизмов, которые учитывали бы как экономическую сущность конкретного вида актива, так и сложившиеся институциональные конструкции гражданского права.

Список источников

1. Ярошенко Т. В. Гражданско-правовая характеристика цифровых активов: актуальные вопросы. М.: Нотариус, 2022. № 8. С. 23–26.

2. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 года №2-П. Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.04.2026).

3. Your Response Ltd v Datateam Business Media Ltd. Сайт vLex United Kingdom. URL: https://vlex.co.uk (дата обращения: 10.02.2026).

4. Merrill Thomas W. Property and the Right to Exclude. Nebraska Law Review, 1998. Vol. 77, № 4. P. 730–754.

5. Penner J. E. The Idea of Property in Law. Clarendon Press, 1997. 240 p.

УДК 34.349

Проблемы квалификации и правового регулирования рекламы на Интернет-ресурсах

Новиков Виктор Аркадьевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Novikooooooov@yandex.ru

Ключевые слова: нативная реклама, интернет-ресурсы, цифровая среда, правовое регулирование, квалификация рекламы, Федеральный закон «О рекламе», скрытый маркетинг, медиапрактика.

В условиях цифровой трансформации сформировался новый формат продвижения товаров и услуг, т.н. нативная реклама (англ. native — «естественный»). Данный вид существенно отличается от традиционной прямой рекламы, носящей зачастую навязчивый, а порой и агрессивный характер. Нативная реклама не врывается в личное пространство, ключевой характеристикой выступает её интеграция в основной контент площадки. Информация о товаре подаётся в форме, соответствующей общему стилю и структуре

© Новиков В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ресурса, она не нарушает целостность информационного потока и при этом не воспринимается большинством аудитории как специальное рекламное сообщение.

Уже существует множество форматов подачи такой информации: обзоры, советы, тесты, рекомендации экспертов, квесты, игры и пр., объединенные общей тематикой и идеей бренда, размещаемые в интернет-ресурсах, социальных сетях, платформах блогеров, видеохостингах и т.д.

Например, в материале даются советы по уходу за лицом, фигурой, снижению веса, здоровому питанию, развитию бизнеса и т.д., и завершается материал информацией о конкретных марках товаров или услуг.

В результате пользователь, получая значимую и полезную информацию, одновременно, порой неосознанно, формирует интерес и определённое отношение к продвигаемому товару или услуге [1].

Презюмируется, что основная цель нативной рекламы – не явное продвижение продукта или услуги, а формирование интереса, доверия и положительной ассоциации с брендом через органичное встраивание в контент, который уже интересен людям. При этом нативная реклама не нарушает пользовательский опыт и не воспринимается как назойливая.

Несмотря на определенные преимущества такого способа подачи информации и активное распространение на интернет-ресурсах порождает определенные правовые проблемы. Главной из них является сложность в квалификации соответствующих материалов как рекламных. Российское законодательстве не содержит понятия нативной рекламы, что создаёт неопределённость при оценке конкретных материалов и затрудняет понимание того, какие из них подпадают под данный формат.

Общее определение рекламы содержится в пункте 1 статьи 3 Федерального закона «О рекламе», согласно которому реклама – это информация, распространённая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [3]. Данное определение содержит базовые критерии отнесения информации к рекламе, однако не учитывает специфики нативного формата рекламы.

Между тем данный формат на сегодняшний день составляет значительную часть контента. В условиях отсутствия чётко установленных «правил игры» каждое издание самостоятельно определяет допустимые формы нативной рекламы и выстраивает отношения с рекламодателями, руководствуясь собственными представлениями и редакционной политикой. Это усиливает размытость границ между рекламным материалом и редакционным контентом (статьи, обзоры, фото, видео и т.д, не преследующие коммерческие цели).

Как известно, любая реклама по своей природе является информацией, однако не всякая информация является рекламой. Базовые отличия рекламы от иной информации содержатся в ст.2 Закона «О рекламе», однако их явно недостаточно для квалификации исследуемого нами формата подачи информации [3]. Следовательно, основной задачей становится корректное разграничение информационных и рекламных материалов, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Так, с целью минимизации правовой неопределённости целесообразно:

1) нормативно конкретизировать признаки цифровых форм рекламы, включая нативные интеграции;

2) разработать официальные методические рекомендации по квалификации спорного контента. Представляется, что достижение указанной цели должно стать приоритетным направлением работы для Федеральной антимонопольной службы России;

3) сформировать единообразную судебную практику.

Подводя итог изложенному, нативная реклама является закономерным результатом развития цифровых коммуникаций, однако её широкое распространение опережает существующие правовые механизмы регулирования. Отсутствие специального законодательного определения и чётких критериев квалификации затрудняет правоприменение и требует дальнейшего совершенствования нормативной базы в сфере рекламного законодательства.

Список источников

1. Васина В. А. Скрытый маркетинг и нативная реклама / В. А.Васина, А .М. Чернышева // Проблемы Науки. 2019. № 3 (136).

2. Тарина В. И. Нативная реклама как контент челябинских СМИ // Медиасреда. 2017. № 12.

3. Российская Федерация. Законы. О рекламе : Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ : редакция от 27 октября 2025 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 347.214.2

«Эффект дела Долиной» и критерии добросовестности приобретателя: эволюция специальных регистрационных записей в ЕГРН

Норкина Анна Юрьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
rekramchuk1984@gmail.com

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, ЕГРН, специальные регистрационные записи, Федеральный закон № 218-ФЗ, дело Долиной

Резонансные судебные разбирательства последних лет, в частности дела с участием Л. А. Долиной и Л. В. Ситко, обнажили системную проблему: добросовестный покупатель, проверивший выписку из ЕГРН, в которой отсутствовали отметки о споре, может быть защищён от виндикации, тогда как первоначальный собственник, утративший имущество помимо воли, остаётся без защиты. Эти процессы поставили перед судами и законодателем вопрос о содержании должной осмотрительности приобретателя и значении сведений из ЕГРН для квалификации добросовестности.

В «деле Л. А. Долиной» (Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2) мошенники убедили певицу продать квартиру. На момент сделки в ЕГРН отсутствовали записи, позволяющие покупателю сделать вывод о возможной недействительности сделки. Верховный Суд РФ, отказывая в признании сделки недействительной, указал, что покупатель

© Норкина А. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

проявил должную осмотрительность, проверив выписку из ЕГРН. Суд сформулировал подход: если реестр на момент сделки не содержит записей о правовой неопределенности, покупатель вправе полагаться на его данные. В «деле Л. В. Ситко» (Определение ВС РФ от 29.07.2025 № 18-КГ25-74-К4) также не были внесены специальные записи о споре, в результате в иске отказано, приобретатель признан добросовестным. Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2025) разъяснил, что требования к последующему добросовестному приобретателю не могут быть удовлетворены путем аннулирования записей в ЕГРН.

Как отмечают исследователи (А. В. Панчук, К. В. Романова, Т.В. Филиппова), о добросовестности свидетельствуют: выписка из ЕГРН без обременений, нотариальная форма договора, рыночная цена, расчёты через эскроу [3; 5]. ВС РФ подчёркивает, что добросовестность предполагает изучение правоустанавливающих документов и осмотр имущества, однако ключевым доказательством служит именно выписка из ЕГРН без записей о правопритязаниях, спорах или возражениях.

До 2017 года действовал Закон № 122-ФЗ, который обязывал суды в трёхдневный срок направлять копии решений в органы регистрации, а регистратор самостоятельно вносил запись о споре в «Особые отметки» ЕГРН [1].

Ключевым этапом стало принятие Закона № 250-ФЗ в 2013 году, который ввёл две новые записи: о возражении бывшего правообладателя (досудебная мера) и о невозможности регистрации без личного участия (возможная защита от мошеннических действий), а также предусмотрел механизм возмещения убытков за необоснованное внесение таких записей.

Закон № 218-ФЗ объединив нормы в единую систему реестровых записей: запись о возражении бывшего правообладателя (ст. 35) — вносится по заявлению прежнего собственника, действует 3 месяца, повторно не допускается; запись

о правопритязании и запись о праве требования в связи с судебным спором (по заявлению заинтересованного лица) (ст. 37) [2].

Важнейшая особенность (ч. 9 ст. 35, ч. 3 ст. 37 Закона № 218-ФЗ) — наличие этих записей не служит основанием для приостановления и отказа в регистрации, таким образом Росреестр перекладывает оценку рисков на участников оборота.

Ретроспективный анализ эволюции регистрационных записей показывает, что при Законе № 122-ФЗ выписка из ЕГРН не гарантировала полноты информации о судебных спорах, но покупатель вправе был полагаться на реестр, поскольку суды обязаны были направлять данные в Росреестр.

Действующий Закон № 218-ФЗ, напротив, возлагает на покупателя обязанность проверить выписку, однако не гарантирует отражения всех актуальных споров, так как запись о судебном споре вносится только по заявлению заинтересованного лица. Это создаёт правовую неопределённость: покупатель, получивший «чистую» выписку, признаётся добросовестным, тогда как истец, не подавший заявление в Росреестр, рискует утратить имущество в пользу добросовестного приобретателя. Как отмечает Д. Ю. Петухов, проблема достоверности ЕГРН требует корректировки положений действующего законодательства [4].

Закон № 218-ФЗ обеспечил формальную определённость и предсказуемость реестра, но ценой переложения бремени информирования на участников процесса, что создает риски для истцов.

Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути создания гибридного механизма, сочетающего автоматическое информирование (как в Законе № 122-ФЗ) с возможностью оперативного внесения записей по инициативе граждан (как в Законе № 218-ФЗ), чтобы обеспечить справедливый баланс интересов.

Такой подход позволил бы минимизировать риски, обнажившиеся в судебной практике, и обеспечить справедливый баланс между защитой прав добросовестных приобретателей, полагающихся на данные реестра, и лиц, утративших имущество помимо воли.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон № 122-ФЗ [принят Государственной Думой 17 июня 1997 года: одобрен Советом Федерации 03 июля 1997 года]. М.: Эксмо, 2015. 96 с.; 20 см. 1000 экз.

2. Российская Федерация. Законы. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон № 218-[принят Государственной Думой 03 июля 2015 года: одобрен Советом Федерации 08 июля 2015 года]. М.: Проспект, 2021. 160 с.; 21 см. 1000 экз.

3. Панчук А. В. Предпосылки появления нового стандарта доказывания добросовестного приобретения недвижимого имущества // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2020. № 18. С. 54–56.

4. Петухов Д. Ю. Проблема обеспечения достоверности ЕГРН и защиты добросовестного приобретателя недвижимого имущества // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 301–303.

5. Романова К. В. Понятие «добросовестный приобретатель» в гражданском судопроизводстве: защита прав при оспаривании сделок // Правовой альманах. 2025. № 9 (49). С. 74–81.

УДК 347.772

Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака

Окулова Софья Олеговна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sokulova2003@mail.ru

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, регистрация товарного знака, недобросовестная конкуренция, конкурентные отношения.

В условиях динамичного развития рынка средств индивидуализации и усиления конкуренции их значимость неуклонно растёт. Поэтому в гражданском обороте давно важную роль играют товарные знаки и знаки обслуживания: они позволяют идентифицировать товар и отличить его от однородной продукции других производителей. Такие объекты интеллектуальной собственности выступают не только фирменным активом конкретного производителя, но и индикатором качества для потребителя. Вместе с тем именно регистрация и последующее использование товарного знака в последнее время становятся предметом многочисленных арбитражных споров — как из-за пробелами в законодательстве, так и вследствие частых злоупотреблений правом при его регистрации [1].

Статья 10 ГК РФ обязывает участников оборота действовать добросовестно. При этом, злоупотребление правом — это действия с целью причинить вред, в обход закона или заведомо недобросовестные. Законодатель исходит из недопустимости заведомого причинения вреда.

© Окулова С. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Таким образом, законодательно определено – осуществление деятельности с заведомым причинением вреда контрагенту или третьим лицам недопустимо, это противоречит существу гражданско-правовых отношений.

Процедура регистрации товарного знака довольно часто подпадает в категорию недобросовестно выполняемых действий. Постановлением Правительства РФ №10 от 23.04.2019 г. законодателем было подтверждено отсутствие конкретного механизма признания действий недобросовестными, что, по нашему мнению, еще в большей степени породило правовую неопределенность.

При рассмотрении данного вопроса возникают сложности ввиду того, что российским законодательством не предусмотрен отдельный механизм признания действий несоответствующим закону. При этом, в п. 170 Постановления Пленума ВС РФ №10 указано «… такое злоупотребление правом может быть установлено судом при рассмотрении иного дела, например, по иску правообладателя о применении мер защиты принадлежащего ему права» [2].

Наиболее распространенные недобросовестные действия по регистрации товарного знака правообладателем связаны с нечестными методами ведения предпринимателями бизнеса. Так, например, правообладатель может регистрировать товарный знак без намерения его использования; узаконивание прав происходит лишь для предъявления требований контрагентам или конкурентам, ведущим добросовестную экономическую деятельность, для получения собственной выгоды (данное деяние именуется «патентным троллингом») [3].

Еще одним нарушением принципа добросовестности при регистрации товарного знака является массовая регистрация обозначений. Он подразумевает, что правообладатель не имеет намерения использовать товарные знаки, а лишь «аккумулирует» различные обозначения для того, чтобы в дальнейшем так же, как и

в случае с «патентным троллингом», предъявлять требования к предпринимателям [4].

Таким образом, злоупотребление правом при государственной регистрации товарного знака само по себе может и не являться самостоятельным требованием, однако оно вполне может быть использовано в качестве доводов для построения линии защиты в суде. Сторона вправе ссылаться на то, что регистрация была осуществлена с нарушением или с явным злоупотреблением, используя это как дополнительный аргумент при доказывании в рамках спора.

Необходимо отметить, что лицо, которое считает, что его права и законные интересы были нарушены регистрацией товарного знака, а также дальнейшим его использованием, имеет право на защиту только в одном случае – если лицо, чье право было предположительно нарушено, и нарушитель являются конкурентами на конкретном рынке производства товаров и услуг [5].

Так, в п. 9 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» [6] в самом определении недобросовестной конкуренции отмечается, что любые действия, направленные на получение преимущества, в том числе и путем незаконных способов, будут признаваться таковыми, если вред нанесен, наносится или может быть нанесен конкурентам. Подтверждение этому содержится и в устоявшейся судебной практике. Так, Суд по интеллектуальным правам не выявил фактов злоупотребления при регистрации и использовании товарного знака, исходя из того, что стороны спора не осуществляли производство схожей продукции и не состояли в конкурентных отношениях, что, в свою очередь, являлось предметом рассмотрения в отдельном деле [7].

Злоупотребление правом может быть выражено в заявка на регистрацию. Судом по интеллектуальным правам неоднократно устанавливался факт нарушения еще на момент подачи заявки. Суды отмечают, что умысел на недобросовестную конкуренцию появляется у лица гораздо раньше момента подачи заявки, однако

непосредственно реализуется именно в этот момент [8]. Недобросовестная конкуренция в данном случае будет проявляться в регистрации права использования исключительного товарного знака с главной, и иногда единственной целью, – запрета другим хозяйствующим субъектам индивидуализировать свой продукт посредством изображения, надписи и т.п. Подтвердить факт регистрации товарного знака с указанной целью может и дальнейшее поведение правообладателя, который агрессивным образом может избавляться от возможных конкурентов, которые используют хоть и не такой же, но сходный товарный знак. Такое поведение при рассмотрении споров в суде является основанием для признания заведомо недобросовестным.

Однако факта лишь недобросовестной регистрации для признания злоупотребления правом недостаточно. Для злоупотребления необходим факт и недобросовестной регистрации, и дальнейшего недобросовестного использования товарного знака.

Таким образом, отсутствие конкурентных отношений не должно автоматически исключать возможность признания действий по регистрации товарного знака недобросовестными. Вывод о злоупотреблении правом не может быть основан на догадках и предположениях, он должен носить объективный характер. В таких случаях необходимо соотносить действия по регистрации товарного знака с целями его дальнейшего использования, а не только с целями обеспечения конкуренции.

Список источников

1. Никулина В. С. Правовая защита товарного знака и борьба с недобросовестной конкуренцией. М.: Статут, 2015. 45 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации от 23.04.2019 N 10».

3. Саньков В. В. Патентный троллинг как угрозы инновациям: исторический обзор и правовые меры // Право и управление. 2024. №8. 91 с.

4. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 2, февраль, 2024.

5. Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.10.2022 по делу N СИП-1120/2021, от 04.06.2024 по делу N СИП-897/2023, от 21.02.2025 по делу N СИП-390/2024.

6. Федеральный закон "О защите конкуренции" от 26.07.2006 N 135-ФЗ (последняя редакция).

7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 16.01.2023 по делу № СИП-599/2021; Постановления президиума Суда по интеллектуальным правам от 29.06.2018 по делу № СИП-579/2017, от 02.11.2018 по делу № СИП-795/2017.

УДК 347.7:005.334.2

Корпоративные споры: способы защиты прав участников

Первухина Анастасия Игоревна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pervuxina03@bk.ru

Ключевые слова: корпоративные права, исключение участника, убытки директора, корпоративный договор, заверения об обстоятельствах, медиация, Национальная модель ведения бизнеса.

Корпоративные споры — неизбежная часть деловой жизни. Акционеры спорят о дивидендах, участники ООО не могут поделить доли, а решения общих собраний регулярно

© Первухина А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

оспариваются. Вопрос не в том, возникнет ли конфликт, а в том, какими правовыми средствами его можно урегулировать. При этом речь идёт не о процессуальных тонкостях, а о самих материально-правовых институтах, которые гражданское право предоставляет участникам корпоративных отношений.

1. Исключение участника из ООО. Статья 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» допускает исключение участника, который грубо нарушает обязанности либо делает деятельность общества невозможной [2]. Это специальный корпоративный способ защиты прав, направленный на устранение препятствий к нормальной деятельности юридического лица. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 1 (2025) указал, что при равном распределении долей суд должен определить, кто из участников сохраняет интерес в ведении общего дела, а кто создаёт препятствия. В определении от 7 апреля 2025 года по делу № А56-106586/2023 исключение признано правомерным, когда действия участника создали серьёзные и неустранимые последствия [6], в то же время определение от 24 октября 2025 года по делу № А79-6188/2023 подчёркивает, что сами по себе разногласия не служат основанием для исключения - это крайняя мера [7].

2. Взыскание убытков с директоров. Статья 53.1 Гражданского кодекса РФ закрепляет обязанность руководителя возместить убытки при недобросовестных или неразумных действиях [1]. 30 июля 2025 года Президиум ВС РФ утвердил Обзор практики по данной статье, содержащий 26 правовых позиций [5]. Ключевая новация: презумпция наличия убытков при нераскрытом конфликте интересов, когда бремя доказывания отсутствия связи между действиями директора и убытками возлагается на самого руководителя. Кроме того, директор может отвечать за убытки от неисполнения обязательств контрагентами, если причиной стала невыстроенная им система управления.

3. Корпоративный договор и заверения об обстоятельствах. Статья 67.2 ГК РФ предоставляет участникам возможность детально урегулировать взаимоотношения: порядок голосования, отчуждения долей, иные права [1]. Однако практика 2024-2025 годов показывает, что корпоративный договор остаётся рискованным инструментом, если его формулировки расплывчаты и не содержат конкретных ограничений. Близкий институт - заверения об обстоятельствах (статья 431.2 ГК РФ) [1]. При продаже доли продавец подтверждает значимые факты, и при их недостоверности обязан возместить убытки, это перераспределяет риски и дисциплинирует стороны.

4. Внесудебные формы защиты. Медиация и третейское разбирательство в корпоративной сфере пока используются редко. Федеральный закон о медиации действует с 2010 года, однако, по данным исследования, в 2025 году медиацией завершилось менее 0,01% коммерческих споров, хотя 69% предпринимателей знакомы с процедурой [3; 8]. При этом 70-80% конфликтов, переданных на медиацию, заканчиваются мировым соглашением. Третейское разбирательство допускается при согласии всех участников и имеет ограничения по ряду категорий дел, но в 2025 году количество внутрироссийских споров в арбитражных учреждениях выросло на 74% [10].

Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2025 г. № 3523-р утверждён комплексный план из 11 «дорожных карт», охватывающих 280 мероприятий [4]. Одна из карт посвящена разрешению споров и включает более 30 реформ. Планируется придать медиативным соглашениям силу исполнительных документов, в том числе через нотариальное удостоверение. По данным Федеральной нотариальной палаты, за первые девять месяцев 2025 года количество удостоверенных медиативных соглашений уже выросло на 14% [9].

Таким образом, защита прав в корпоративных спорах опирается на ретроспективные меры (исключение участника, взыскание убытков) и превентивные инструменты (корпоративный договор, заверения об обстоятельствах). Сочетание судебных и внесудебных процедур призвано снижать остроту корпоративных споров.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 частях. Ч. 1: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

2. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

3. Российская Федерация. Законы. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

4. Российская Федерация. Об утверждении национальной модели целевых условий ведения бизнеса до 2030 : Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2025 № 3523-р // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

5. Российская Федерация. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025) // КонсультантПлюс: справочная правовая

система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

6. Российская Федерация. Судебные акты. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.04.2025 № 307-ЭС25-1544 по делу № А56-106586/2023 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

7. Российская Федерация. Судебные акты. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2025 № 301-ЭС25-10544 по делу № А79-6188/2023 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 13.04.2026).

8. Спрос есть, доверия не хватает: итоги исследования рынка медиации в России // Ассоциация юристов России. URL: https://alrf.ru/news/spros-est-doveriya-ne-khvataet-itogi-issledovaniya-rynka-mediatsii-v-rossii/.

9. Масштабная реформа внесудебных форм разрешения деловых споров готовится в России // Гарант. URL: https://www.garant.ru/news/1772345/.

10. Третейский не лишний // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7764823.

УДК 347.192

Корпоративный шантаж участников хозяйственного общества: критерии отграничения от добросовестного несогласия

Петренко (Кинтер) Валерия Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lera_kinter@mail.ru

Ключевые слова: корпоративный шантаж, гринмейл, злоупотребление правом, добросовестное несогласие, корпоративные отношения.

В современной судебной практике ключевым является вопрос о пределах прав в корпоративных отношениях. От эффективности механизмов добросовестного взаимодействия зависит защита прав участников и достижение целей корпорации. Однако на практике эти отношения часто сопровождаются злоупотреблениями и недобросовестностью.

Законодатель закрепил правовую конструкцию злоупотребления правом в российском гражданском праве в п. 1 ст. 10 ГК РФ, которая гласит: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [4]. Поскольку легальное определение злоупотребления правом отсутствует, на основе признаков, указанных в статье, можно сформулировать его следующим образом: это поведение управомоченного лица, которое формально соответствует закону, однако фактически

© Петренко (Кинтер) В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

выходит за пределы осуществления права, нарушая баланс интересов сторон и требования добросовестности, разумности и справедливости.

В свою очередь, в корпоративных отношениях злоупотребление правом — это реализация корпоративных прав с целью, противоречащей их юридическому назначению, для удовлетворения личных интересов в ущерб другим участникам.

Исследователями выделяется множество видов и форм злоупотребления корпоративными правами. Одной из форм такого злоупотребления является корпоративный шантаж (гринмейл) - злоупотребление корпоративными правами для получения личной выгоды путём принуждения других участников к невыгодным решениям под угрозой блокировки деятельности общества.

В данный момент понятие и признаки корпоративного шантажа не закреплены в законе, что порождает главную проблему: как определить признаки шантажа, не затронув добросовестного участника?

Несмотря на отсутствие в научной литературе специально выделенных критериев отграничения корпоративного шантажа от добросовестного несогласия, анализ судебной практики, обзоров ВС РФ и научных работ позволяет констатировать существованиепробелав данной сфере [2]. Восполняя указанный пробел, мною предложены и обоснованы три критерия, которые в настоящей статье именуются целевым критерием, критерием соразмерности и критерием наличия легитимного интереса.

Целевой критерий — наиболее важный, но и самый сложный для доказывания [1]. При добросовестном несогласии действия участника направлены на защиту нарушенных прав: восстановление контроля, предотвращение убытков от недобросовестного менеджмента или получение достоверной информации. При корпоративном шантаже цель иная — получение личной выгоды без встречного предоставления, принуждение к

выкупу доли по завышенной цене. Отсутствие намерения реально участвовать в управлении и отклонение всех вариантов урегулирования конфликта, кроме денежного вознаграждения, свидетельствуют о недобросовестной цели. ВС РФ в Обобщении судебной практики по корпоративным спорам в качестве примера злоупотребления правом на информацию указывает на важность определения интереса истца на получение информации (цель ее предполагаемого использования) [5].

Критерий соразмерности оценивает соответствие мер реальной угрозе правам [6]. Добросовестный участник ограничивается минимумом: при неполучении информации он направляет повторный запрос, обращается к руководству и только при отсутствии реакции идёт в суд. В то же время, например, запрос всех документов за десять лет из-за одного непредоставленного отчёта будет являться несоразмерным [3]. Добросовестный участник стремится к досудебному урегулированию, тогда как шантаж отличается явной несоразмерностью — например, подача искового заявления о ликвидации из-за незначительного нарушения.

Критерий легитимного интереса отсекает ситуации, когда участник использует корпоративные механизмы при отсутствии собственного интереса. Отсутствие интереса проявляется в истребовании документов вышедшим участником, запросе документов без экономического и юридического обоснования [5]. В таких случаях суд вправе отказать в защите, признав действия злоупотреблением.

Все эти три критерия действуют в совокупности. Ни один из них сам по себе не достаточен для вывода о корпоративном шантаже, но их сочетание позволяет отличить злоупотребление от добросовестного несогласия.

Корпоративный шантаж — сложная форма злоупотребления правом: внешне легален, но нарушает баланс интересов. Из-за

отсутствия четкого определения в законе добросовестное несогласие рискуют ошибочно признать злоупотреблением. Предложенные критерии (целевой, соразмерности и легитимного интереса) позволяют провести различие, но только в совокупности.

Список источников

1. Габов А. В. Корпоративный шантаж как правовое явление / А. В. Габов, А. Е. Молотников // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 48–63.

2. Герасимова А. А. «Гринмейл» (Корпоративный шантаж) как форма злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2023. № 6. С. 1–10.

3. Головизнин А. М. Корпоративный шантаж как одна из форм злоупотребления корпоративным правом и способы борьбы с ним / А. М. Головизнин, А. Д. Зубрицкий // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12. С. 137–142.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/ (дата обращения: 13.04.2026).

5. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461875/ (дата обращения: 13.04.2026).

6. Федоров А. Ю. Корпоративный шантаж: проблемы противодействия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2. С. 33–38.

УДК 347.1:336.743:004

О подходах к пониманию гражданско-правовой природы цифрового рубля

Погодаева Полина Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, г. Красноярск, Россия, ppogodaeva-yy24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: национальная цифровая валюта, цифровой рубль, ЦБ РФ, правовая природа, средство платежа.

Гражданско-правовое регулирование цифрового рубля в России осуществляется на основании ст. 128, п. 1 ст. 140, п. 7 ст. 845, п. 3, 4 ст. 861, п. 1 ст. 862, п. 4 ст. 1128, абз. 2 и 3 п. 3 ст. 1174 Гражданского Кодекса Российской Федерации [3], а также положениями отраслевых законов. При этом подробная дефиниция цифрового рубля в российском законодательстве отсутствует. Цифровой рубль следует рассматривать в качестве объекта гражданских прав, который относится к разряду безналичных денежных средств и выступает третьей формой российской национальной валюты, исключительное право эмиссии которого принадлежит ЦБ РФ; цифровой рубль наделён статусом законного платёжного средства, функционирующего в рамках специального регуляторного режима и подлежащего обязательному приёму по номинальной стоимости на всей территории РФ, при этом обращение данной валютной единицы реализуется строго в границах специализированной платформы цифрового рубля. В цифровой рубль, замечают исследователи, заложена та же

© Погодаева П. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

покупательная способность, что и в наличную валюту; цифровой рубль «обязателен к приёму по номиналу» при совершении операций на территории Российской Федерации, а криптоактивы не обладают гарантированной стоимостью [5, с. 153]. Причём использование в наименованиях цифровой валюты и цифрового рубля общей цифровой характеристики ведёт к их смешению, а не к чёткому разграничению между собой [6, с. 116].

Среди учёных ведутся различные дискуссии относительно гражданско-правовой природы цифрового рубля. Первая группа учёных основывается на договорно-обязательственной теории и рассматривает цифровой рубль как безусловное обязательство ЦБ РФ перед держателем, фиксированное в распределённом реестре как платформе цифрового рубля и (или) представляющее собой цифровое право, особую форму денег, цифровое имущество с «обязательственной составляющей» [1, с. 59; 8, с. 88; 9, с. 90; 7, с. 31, 34]. Второй подход основывается на вещно-правовой теории, в соответствии с которой цифровой рубль рассматривается как разновидность имущества в качестве цифрового объекта, находящегося в собственности [4, с. 14]. Например, согласно В.В. Шумиловой в отношении цифрового рубля возможно применение виндикации [10, с. 30]. Третья группа авторов полагает, что цифровой рубль представляет собой новый, ранее неизвестный гражданскому праву объект, который не сводим ни к вещным, ни к обязательственным правам, что даёт возможность использования преимуществ каждого из правовых институтов. Так, О.А. Белова и Э.О. Осадченко отмечают, что его правовая природа является «гибридной» [2, с. 93].

Проведённый анализ позволил привести следующие аргументы в пользу того, что наиболее обоснованной представляется первая позиция. Цифровой рубль, являясь официальным средством платежа, подразумевает определённую публичную гарантию осуществимости его функции, а

следовательно, и обязанность её обеспечения. Если цифровой рубль существовал бы как децентрализованная валюта, где граждане могли бы осуществлять передачу денежных средств без посредника в лице ЦБ РФ (например, по технологии бесконтактных авторизированных переводов), тогда материальный носитель такого цифрового рубля мог бы эффективно регулироваться посредством правового режима вещного права. Однако, так как регулирование ЦБ РФ в процессе осуществления переводов является необходимым структурным элементом собственно цифрового рубля (не говоря уже об определённом участии в этом процессе коммерческих банков), возникающие здесь правоотношения носят обязательственно-договорный характер. Более того, в случае сбоя системы у владельца цифрового рубля должно будет возникнуть именно обязательственное право требования к оператору платформы по восстановлению денежных средств. В действительности такой подход видится справедливым для любых централизованных цифровых валют.

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы. Отечественное законодательство исходит из обязательственно-правовой природы цифрового рубля, но требует значительной доработки и совершенствования. Использование равно как вещно-правового, так и гибридного правовых режимов, как видится, не в полной мере эффективно, так как порождает излишне усложнённые гражданско-правовые конструкции.

Список источников:

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 1. С. 54–76.

2. Белова О. А. Правовая природа цифрового рубля / Белова О.А., Осадченко Э.О. // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 4. С. 90–95.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

5. Леонов М. В. Методологические аспекты организации обращения национальной цифровой валюты // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4, № 6. С. 150–156.

6. Лисица В. Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в Российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. № 2. С. 110–118.

7. Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 8. С. 20–36.

8. Стукалова Д. Д. Цифровой рубль как новация российского права и его место в системе объектов гражданских прав / Стукалова Д. Д., Гайворонская В.А. // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 1. С. 84–89.

9. Турбанов А. В. Цифровой рубль как объект правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 9. С. 79–94.

10. Шумилова В. В. Правовая природа электронных денежных средств как объекта гражданских прав: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 32 с.

УДК 347.19

Проблемы идентификации и доказывания корпоративного шантажа

Потылицын Вадим Владимирович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vadimuskrsk@yandex.ru

Ключевые слова: корпоративный шантаж, гринмейл, злоупотребление правом, корпоративный конфликт.

Проблема корпоративного шантажа занимает особое место в современной корпоративной практике, поскольку недобросовестный участник общества использует набор формально допустимых корпоративных и процессуальных инструментов. Основные трудности правоприменения связаны с квалификацией самого явления и доказыванием того, что внешне законное поведение утратило связь с охраняемым корпоративным интересом и приобрело характер корпоративного шантажа [1]. Речь идет о праве требовать документы и сведения о деятельности общества, инициировать внеочередное общее собрание, оспаривать корпоративные решения и сделки. Один и тот же набор действий может выражать либо добросовестный корпоративный активизм, либо стратегию давления на общество [5,6]. Подобный шантаж практически невозможно распознать по одному изолированному действию. Для его квалификации требуется совокупный анализ цели поведения, его системности, экономического контекста и последствий для нормального функционирования общества. Отсутствие единых критериев порождает серьезные расхождения в

© Потылицын В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

правоприменении. Трудности доказывания корпоративного шантажа обусловлены тем, что в основе соответствующего поведения лежит злоупотребление субъективным правом, а не его отсутствие. Для корпоративных споров это означает необходимость выявить не только объективный вред, но и внутреннюю направленность поведения участника [7].

Гринмэйлер маскируется ссылками на защиту прав миноритария, борьбу за прозрачность управления или несогласие с хозяйственной политикой общества. Поэтому умысел приходится выводить косвенно из повторяемости требований, их несоразмерности доле участия, отсутствия разумного корпоративного интереса, выбора наиболее чувствительного для общества момента для давления и последующего требования о выкупе доли и пр. [2]. Значимым ориентиром здесь является подход ВС РФ, согласно которому добросовестность поведения презюмируется, однако суд вправе оценивать действия участника с точки зрения того поведения, которое ожидается от любого субъекта, учитывающего права и законные интересы другой стороны. В корпоративной сфере это означает необходимость соотносить формально законное действие с общей хозяйственной целью корпорации и с интересом в ее нормальном функционировании.

Так, в деле № А03-14148/2022 суды исходили из того, что для исключения участника недостаточно ссылок на сам корпоративный конфликт. Необходимо подтвердить грубый характер действий, их направленность на причинение вреда и наступление серьезных негативных последствий. [4].

В другом деле ВС РФ подчеркнул, что сам по себе корпоративный конфликт не является основанием для отказа в иске об исключении участника, а восстановление обществом нарушенных прав не устраняет необходимости дать оценку поведению лица, сознательно создававшего препятствия

нормальной работе корпорации. Акцент смещен с факта наличия конфликта на его значение для общества [3].

Как видим, в одних случаях суды ищут прямые доказательства недобросовестности участника. В других – используют более гибкий критерий, основанный на анализе корпоративной цели, утраты доверия и системного эффекта поведения для управления обществом.

Таким образом, проблемы квалификации и доказывания гринмэйла в российском праве сводятся к трем взаимосвязанным обстоятельствам: отсутствию легального определения, сложности установления умысла при внешней законности действий и разнородности судебных подходов. Современная практика ВС РФ постепенно формирует функциональный стандарт. Это проявляется в том, что решающим становится не само по себе использование участником принадлежащих ему прав, а оценка его поведения относительно корпоративной цели или извлечения личной выгоды из искусственно поддерживаемого конфликта.

Поэтому представляется целесообразным дальнейшее развитие судебных и, возможно, законодательных критериев квалификации корпоративного шантажа. Например, систематичность давления, отсутствие разумного корпоративного интереса, явную несоразмерность между защищаемым правом и создаваемыми для общества издержками, связь между конфликтным поведением и требованием о выкупе доли (акций) либо иных уступках, а также доказанное негативное влияние на принятие ключевых решений и обычную хозяйственную деятельность общества. Считаем, что такой комплексный подход способен снизить уровень разнородности судебной практики и сделать борьбу с корпоративным шантажом более предсказуемой и эффективной.

Список источников

1. Наумов И. В. Гринмейл как форма злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 309–311.

2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25. URL: https://vsrf.ru/files/14913/ (дата обращения: 08.04.2026).

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 № 310-ЭС23-6418 по делу № А08-11902/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2024 № 304-ЭС23-26104 по делу № А03-14148/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026).

5. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026).

6. Российская Федерация. Законы. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026 г.).

7. Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. I. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 622 с.

УДК 347.721.4

Корпоративное управление в холдинговых структурах: особенности организации и проблемы правового регулирования

Ратегов Николай Денисович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, n.rategov@sfu-kras.ru

Ключевые слова: корпоративное управление, холдинг, группа компаний, централизованное управление, многоуровневое управление, корпоративный контроль.

Современная хозяйственная практика характеризуется широким распространением холдинговых объединений, в рамках которых юридически самостоятельные хозяйственные общества фактически действуют как единая экономическая система. В этой связи научный интерес представляет специфика корпоративного управления в холдинговых структурах.

В научной литературе отсутствует единый подход к пониманию корпоративного управления в холдингах. Так, Г. В. Шалашников и О. В. Беляева рассматривают управление в холдинге как выверенный механизм взаимодействия всех его участников, придающий единое движение корпорации к поставленной цели, а также как непрерывный процесс воздействия (контроля) на данный механизм, осуществляемый головной компанией [5]. Р. Р. Васикова и С.В. Юдина отмечают, что под группой компаний понимается совокупность юридически самостоятельных, но в той или иной мере зависимых

© Ратегов Н. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

хозяйствующих субъектов, объединенных централизованной системой контроля и функционирующих в рамках единого управленческого контура [1].

Централизованную систему контроля обеспечивает головная компания, что обуславливает особенность функционирования холдинговых структур – существование единого центра принятия управленческих решений. Головная компания определяет стратегию развития и координирует деятельность участников, обеспечивая достижение общих целей. Вместе с тем концентрация управленческих функций в таком центре, являясь необходимым условием стратегического единства, одновременно порождает риск чрезмерной централизации. Как отмечают Г.В. Шалашников и О.В. Беляева, централизованное управление, осуществляемое головной компанией, направлено на выработку и поддержание общей политики холдинга и обеспечение контроля за деятельностью всех его участников, тогда как дочерние общества сохраняют самостоятельность в осуществлении своей деятельности, что объективно обусловливает необходимость соотнесения централизованного воздействия с автономией отдельных участников. Действительно, чрезмерная централизация управления способна нивелировать возможность дочерних обществ осуществлять управление с учетом специфики их деятельности. Функционируя в различных экономических, отраслевых и территориальных условиях, дочерние компании сталкиваются с неоднородной деловой средой, что требует принятия гибких и оперативных управленческих решений. В этой связи сохранение достаточной степени их автономии выступает необходимым условием эффективного функционирования холдинговой структуры.

Репичев А. И. и В. В. Солодкин указывают, что каждая организация, входящая в группу компаний, действует как независимое предприятие, обладая собственными учредительными

документами, организационной структурой и системой управления [3]. Это позволяет говорить о многоуровневом характере корпоративного управления, при котором сочетаются управление со стороны головной компании и внутреннее управление в дочерних обществах. Вместе с тем такая многоуровневая организация обнажает проблему недостаточности правового регулирования. Ю. В. Малькова отмечает, что в российском законодательстве отсутствует системный нормативный акт, регулирующий деятельность холдинговых структур, в результате чего контуры функционирования таких интегрированных объединений остаются размытыми [2]. В результате при фактическом существовании сложных моделей корпоративного управления отсутствует правовой акт, определяющий пределы управленческого воздействия и четкое распределение ответственности в группе компаний.

Чумакова О. В. и В. О. Дрокин отмечают, что в качестве объекта корпоративного управления в холдинговых структурах выступают не только зависимые общества, но и отношения по организации и упорядочиванию всех участников, взаимодействующих между собой и с внешними субъектами [4]. Данное утверждение свидетельствует о том, что корпоративное управление в холдинговых структурах носит системных характер и направлено на упорядочение всей системы взаимосвязей внутри группы компаний.

Системность управления проявляется в его синхронизирующей функции. Как отмечают Г. В. Шалашников и О. В. Беляева, особенность корпоративного управления в холдинге заключается в синхронизации управленческих решений, адресованных каждому из участников корпоративных отношений и направленных на достижение единой цели корпорации. В этой связи корпоративное управление обеспечивает не только контроль,

но и согласование интересов и действий участников группы, формируя единое направление их развития.

Важной характеристикой корпоративного управления в холдингах является его опора на информационно-аналитическую инфраструктуру. Р. Р. Васикова и С. В. Юдина указывают, что сложные имущественные, финансовые и управленческие взаимосвязи внутри группы компаний обусловливают необходимость формирования качественной информационной инфраструктуры, обеспечивающей контроль и принятие решений в рамках всей системы. В условиях холдинга, объединяющего значительное число юридически самостоятельных, территориально и функционально разрозненных участников, эффективное управление невозможно без системного сбора, сопоставления и анализа информации, позволяющих выработать единую стратегию и обеспечить согласованность действий всех элементов группы. Таким образом, особенности корпоративного управления в холдингах проявляются в наличии единого центра принятия решений, системном и синхронизирующем характере управления, а также опоре на информационно-аналитическую инфраструктуру, обеспечивающую координацию и снижение рисков. Вместе с тем данные особенности обусловливают риск чрезмерной централизации в рамках холдинга и недостаточность правового регулирования. Представляется необходимым разработка и принятие специального федерального закона, определяющего правовой статус, пределы управленческого воздействия и распределение ответственности в холдингах. Одновременно установлено, что эффективное функционирование холдинга возможно лишь при соблюдении баланса между централизованным стратегическим контролем и сохранением управленческой автономии дочерних обществ, позволяющей учитывать специфику их деятельности.

Список источников

1. Васикова Р. Р. Централизация, иерархия и управленческий контроль в современных группах компаний // Мир новой экономики. 2025. № 1. С. 95–104.

2. Малькова Ю. В. Холдинги в РФ корпоративное управление и правовое регулирование // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 6. С. 467–470.

3. Репичев А. И. Актуальные проблемы управления группами компаний // Лидерство и менеджмент. 2023. № 2. С. 411–424.

4. Чумакова О. В. Корпоративное управление и корпоративный контроль в холдинговых структурах // International Law Journal. 2022. № 8. С. 172–177.

5. Шалашников Г. В. Особенности корпоративного управления и корпоративного контроля в холдинге // АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА» (Тула). 2025. № 2(8). С. 70–74.

УДК 343.74

Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения: проблемы определения объекта

Русанов Артем Русланович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, russiarusanov@mail.ru

Ключевые слова: принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, основной непосредственный объект, бланкетная норма.

© Русанов А. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Наиболее существенные проблемы, связанные с определением основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ («Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения» (далее – принуждение к совершению сделки)), обусловлены неправильным установлением пределов уголовно-правовой охраны. Эти проблемы можно подразделить на проблемы ограничительного толкования и проблемы расширительного толкования блага, охраняемого данной уголовно-правовой нормой.

1. Проблема ограничительного толкования блага, охраняемого ст. 179 УК РФ.

Примером необоснованного ограничительного толкования является отождествление экономической и предпринимательской деятельности, в результате чего под охраной ст. 179 УК РФ будут находиться исключительно такие блага, реализация которых связана с осуществлением предпринимательской деятельности. Однако, как справедливо отмечает И. В. Шишко, к экономической деятельности следует относить не только предпринимательскую деятельность, но и деятельность, направленную на получение разовой прибыли (например, производство домашним хозяйством услуг, не реализуемых на рынке) [5]. Таким образом, субъектами экономической деятельности являются любые лица, которые могут самостоятельно принимать решения по достижению целей и имеют в своем распоряжении ресурсы (свой бюджет) [Там же].

Исходя из такого понимания объекта принуждения к совершению сделки, можно сформулировать ряд важных выводов. Во-первых, сделки, о которых говорится в данной статье, могут совершаться и в отношении имущества, не используемого в предпринимательской деятельности. Во-вторых, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, могут быть, в том числе, лица, не осуществляющие предпринимательскую

деятельность. В-третьих, субъектом этого преступления может быть лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность.

2. Проблемы расширительного толкования блага, охраняемого ст. 179 УК РФ.

Первая проблема связана с необходимостью восполнения существующего в уголовном законодательстве пробела, не позволяющего привлекать к уголовной ответственности за принуждение к совершению действий, не являющихся сделками по имуществу (поскольку такие деяния не охватываются ст. 179 УК РФ). На эту проблему обратил внимание И. А. Клепицкий [2]. Так, за пределами уголовно-правовой охраны оказываются формальные (процессуальные) сделки, не сопряженные с распоряжением имуществом (например, отказ от иска в споре о детях), сделки публично-правового характера (например, примирение с потерпевшим в порядке ст. 76 УК РФ) и др.

Основной вопрос, который должен найти разрешение в связи с этой проблемой – каким образом следует восполнить пробел в уголовном законодательстве? Следует согласиться с Г. А. Есаковым в том, что основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, не должен выходить за рамки отношений в сфере имущественных сделок [1]. Наиболее предпочтительным вариантом выхода из сложившейся проблемной ситуации является, на наш взгляд, введение новой уголовно-правовой нормы, которая предусматривала бы ответственность за посягательство на свободу человека в части волеизъявления при совершении сделок независимо от того, являются они имущественными или нет. Такая норма стала бы общей по отношению к норме, закрепленной в ст. 179 УК РФ, то есть при их конкуренции применению подлежала бы ст. 179 УК РФ.

Вторую проблему можно обозначить как отрицание бланкетности диспозиции ч. 1 ст. 179 УК РФ [3]. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что содержащееся в ней понятие

«сделка» имеет гражданско-правовую природу. Из этого, в свою очередь, следует необходимость обращения к положениям гражданского законодательства для уяснения смысла данной уголовно-правовой нормы. Необходимость учитывать гражданско-правовой смысл понятия «сделка» имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Например, принуждение к расторжению трудового договора может быть ошибочно квалифицировано по ст. 179 УК РФ, если не принимать во внимание, что под сделкой в ст. 153 ГК РФ понимается установление, изменение или прекращение не любых, а именно гражданских прав и обязанностей [4].

При определении основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, нельзя обойти вниманием закрепленный в гражданском праве принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и установленные законом пределы действия данного принципа. Уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки – один из способов обеспечения принципа свободы договора [Там же]. Исходя из этого, если благо, которому в результате принуждения к совершению сделки причиняется вред, выходит за рамки принципа свободы договора, оно не может относиться к основному непосредственному объекту преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ.

Анализ основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, позволяет сформулировать следующее его определение: под основным непосредственным объектом принуждения к совершению сделки следует понимать свободу договора или иной сделки. При этом установление содержания понятий «сделка» и «свобода договора» в обязательном порядке предполагает обращение к соответствующим нормам гражданского законодательства и официальному толкованию этих норм Верховным Судом и Высшим Арбитражным Судом РФ.

Список источников

1. Есаков Г. А. Экономическое уголовное право : монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 351 с.

2. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : монография. М.: Проспект, 2021. 984 с.

3. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 1997. 43 с.

4. Шишко И. В. Ответственность за принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения // Юридический мир. 1998. № 11-12. С. 42–47.

5. Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: «Юридический центр», 2004. 183 с.

УДК 343.535

Защита прав кредиторов при консолидированном банкротстве предпринимательской группы

Слонов Денис Сергеевич
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, ds.slonov@gmail.com

Ключевые слова: предпринимательская группа, защита прав кредиторов, равенство кредиторов, материальная консолидация, процессуальная координация, субординация требований.

© Слонов Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Современное банкротное право сталкивается с фундаментальным вызовом при банкротстве предпринимательских групп. Как отмечает С. А. Карелина, здесь возникает «диалектическое противоречие» между юридической независимостью компаний в группе и их экономической взаимозависимостью [3]. Ключевая проблема обусловлена действием принципа имущественной обособленности юридического лица, в соответствии с которым активы и обязательства каждого участника предпринимательской группы рассматриваются как автономная имущественная масса, юридически изолированная от активов и пассивов иных членов группы. С позиции рисковой теории принципа равенства кредиторов, развитой Е. Д. Суворовым, корпоративная группа получает возможность манипулировать распределением риска несостоятельности, перекладывая повышенную долю риска на кредиторов конкретной дочерней компании [4].

Наиболее негативно потенциал корпоративной структуры проявляется через механизм перекрестных гарантий (поручительств). Как подчеркивает И. В. Горбашев, «при подобном структурировании обязательств банк, выдавший финансирование единожды, получает полноценные требования на всю сумму к каждому из участников корпоративной группы» [1]. Данный механизм, характеризуемый «умножением требований», создает необоснованное преимущество обеспеченного кредитора.

Если в реабилитационных процедурах приоритетом является сохранение действующего предприятия, то в ликвидационных процедурах последствия групповой структуры оказываются более деструктивными. Раздельная ликвидация неизбежно ведет к разрушению синергетической целостности активов и существенному снижению потенциальной выручки от продажи бизнеса как единого имущественного комплекса [6].

Особого внимания заслуживает положение недобровольных кредиторов (involuntary creditors), прежде всего кредиторов из причинения вреда (деликтных кредиторов). В силу принципа имущественной обособленности юридического лица они могут предъявить требование только к компании, непосредственно причинившей им вред, даже если вся корпоративная группа извлекала выгоду из рисковой деятельности. Это приводит к несправедливой ситуации: социальные издержки деятельности перекладываются на наименее защищенную категорию кредиторов.

Осознание этих системных проблем стимулировало правопорядки к поиску специальных механизмов. В зарубежной доктрине и практике сложились две принципиально различающиеся модели: материальная и процессуальная консолидация. Материальная консолидация (широко известная по праву США) представляет собой радикальную меру, при которой активы и обязательства нескольких компаний объединяются в единую конкурсную массу. Ее применение ограничено строгими условиями: фактическое введение кредиторов в заблуждение либо полная путаница в активах (hopeless obscurity).

В большинстве стран Европейского Союза законодатель сознательно отказался от материальной консолидации, сделав акцент на процессуальной координации, закрепленной в Регламенте 2015/848 (Recast EIR). Процессуальная координация предполагает совместное ведение процедур банкротства, но при строгом сохранении раздельности имущественных масс. Как подчёркивает И. Кокорин, принцип «no creditor worse off» в групповом контексте применяется на уровне каждого отдельного должника, поэтому любые совместные действия допустимы только при условии, что ни один кредитор не окажется в худшем положении, чем при гипотетической изолированной ликвидации соответствующей компании [6].

Важное значение имеют инструменты защиты, направленные на восстановление баланса интересов кредиторов. Субординация требований контролирующих лиц, развитая в германском и американском праве (доктрина Deep Rock), позволяет понизить очередность удовлетворения требований аффилированных кредиторов, чье финансирование по сути является заменой взноса в уставный капитал [5].

Применительно к залоговым кредиторам и работникам проблемы групповой несостоятельности приобретают особую остроту. Для залогодержателей серьезную угрозу представляет эффект «перекрестного дефолта» (cross-defaults), когда проблемы одного члена группы обесценивают обеспечение другого [6]. Работники же могут стать заложниками произвольного перераспределения трудовых ресурсов внутри группы, поэтому Р. Р. Долотина и А. Е. Яругина справедливо считают возможным применение частичной материальной консолидации для удовлетворения требований всех работников группы за счет объединенных активов [2].

Проведенное исследование выявляет фундаментальное противоречие между принципом обособленности юридического лица и экономической реальностью предпринимательских групп, порождающее эрозию принципа *pari passu*, разрушение *going-concern value* и уязвимость недобровольных кредиторов. Традиционные средства защиты неспособны в полной мере нейтрализовать данные риски. Оптимальным решением видится отказ от ликвидационных шаблонов в пользу комбинированных механизмов: процессуальной координации на основе принципа *no creditor worse off* и частичной материальной консолидации для защиты недобровольных кредиторов. Для российского правопорядка законодательное закрепление указанных инструментов выступает необходимым условием обеспечения баланса интересов при несостоятельности корпоративных групп.

Список источников

1. Горбашев И. В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 149–150.

2. Долотина Р. Р. Пределы материальной консолидации в процедуре банкротства группы компаний с точки зрения защиты прав работников / Р. Р.Долотина, А. Е. Яругина // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6 (210). С. 84.

3. Карелина С. А. Группа компаний в банкротном праве: монография. М.: Статут, 2025. С. 44.

4. Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 85–98.

5. Gelter M. Subordination of Shareholder Loans from a Legal and Economic Perspective / M. Gelter, J. Roth // Journal of Institutional Comparisons. 2007. Vol. 5, № 4. P. 5–6.

6. Kokorin I. Intra-group financing and enterprise group insolvency: problems, principles and solutions: PhD Thesis. Leiden, 2023. P. 80–101, 112-113, 273-274.

УДК 347.158

Правовой статус эмбриона человека

Стась Анастасия Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nastya.stas.girls@mail.ru

Ключевые слова: эмбрион, субъект права, объект права, принципы для создания специального правового режима эмбриона.

Эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель. По своей биологической природе эмбрион человека относится к числу репродуктивных тканей организма, которые имеют отношение к воспроизводству человека [1].

Доктринально выделяется три основные точки зрения относительно правового статуса эмбриона человека [2].

Первая позиция – эмбрион – субъект права.

В понимании Н.И. Уздимаевой и А.С. Козурова субъект права – это прежде всего лицо: как физическое, так и юридическое. Очевидным является то, что эмбриона априори нельзя отнести к абстрактному явлению, законодательной фикции – юридическому лицу. Поэтому следует разобраться с признаками отнесения физического лица к субъекту права [3].

К таковым относятся: свойство обособленности, автономности; опознаваемость, возможность к идентификации; наличие воли, способной проявляться в правоотношениях. Причем воля считается главным признаком субъекта права, поскольку «в правовой воле выражается способность лица действовать разумно, инициативно, свободно, самостоятельно» [3].

© Стась А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Анализируя все приведенные признаки субъекта права, можно сделать вывод, что эмбрион отчасти можно признать таковым.

Не менее популярной точкой зрения относительно правового статуса эмбриона человека является наделение его статусом объекта права.

Объект права – это прежде всего вещь, имущество и прочее. Для того, что признать вещь объектом права, необходимо, чтобы она соответствовала всем своим признакам. К таковым относятся: материальность, физическое воплощение; денежная, стоимостная характеристика и оценка. Эмбрион имеет признак материальности, однако стоимостное и денежное воплощение – нет. Однако, некоторые клиники репродуктивных технологий в прайс-листах указывают стоимость эмбрионов. Например, программа по использованию одного донорского эмбриона может обойтись около 70.000 рублей [4].

Эмбрион человека – это, прежде всего, зарождение человеческой жизни, и, как говорилось в вышеописанном нами подходе, самостоятельный человек на стадии развития. Поэтому признавать человека объектом права является недопустимым.

Однако, ст. 30 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н содержит перечень биоматериалов человека, к которым, в частности, прямо относит эмбрионов [5]. Поскольку биоматериалы человека являются частью его организма, их можно покупать, продавать, давать согласие на их использование после смерти. Эмбрион законодательно отнесен к их числу, а значит можно предположить, что все последующие правоотношения возникают по определению судьбы объекта права. И как мы уже упомянули, эмбриону, хоть и входящего в перечень репродуктивных услуг, может присваиваться стоимость.

Третий подход, являющийся наиболее гуманным, аргументированным и соприкасающимся с реальностью, относит

эмбриона человека к особому правовому явлению, требующему особого законодательного регулирования.

Признавая эмбрион особым правовым явлением, предлагается выделять следующие принципы для создания специального правового режима [3]:

1) Принцип уважения человеческой жизни на любом ее этапе. Профессор кафедры эмбриологии биологического факультета МГУ д. б. н. В. А. Голиченков и профессор д. б. н. Д. В. Попов еще в 1993 г. утверждали, что эмбрион человека является самостоятельным организмом, а не частью матери. И потому неважно, будет ли эмбрион признаваться субъектом, объектом права или особым правовым явлением, важно, чтобы на любом этапе биологического развития его развивающаяся жизнь подлежала защите и уважению.

2) Принцип сохранения человеческой жизни. Проявление данного принципа основывается на сохранении эмбриона при возникновении разногласий между супругами, бракоразводном процессе, при оставлении «лишних» эмбрионов, которые были не подсажены материнскому организму при применении вспомогательных репродуктивных технологий.

Таким образом, наиболее верной и обоснованной, на наш взгляд, является третья позиция при определении правового статуса эмбриона человека. Однако, в рассмотренных нами подходах, можно проследить связь, которая указывается на наделение эмбриона человека признаками субъекта и объектам права. Потому считаем, что, признавая третью позицию наиболее верной, мы выделим собственную точку зрения на счет правового статуса эмбриона человека. Считаем, что эмбрион – сложное правовое явление, которое обладает как признаками субъекта права в качестве физического лица, так и признаками объекта права. Поскольку эмбрион человека проходит разные стадии зарождения человеческой жизни, считаем, что на каждом этапе развития к регулированию отношений эмбриона следует применять

соответствующие нормы регулирования, защиты, характерные для субъекта и объекта права.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. О временном запрете на клонирование человека : Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ : последняя редакция // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru. (дата обращения: 27.01.2026).

2. Белова Д. А. Правовая природа эмбриона in vitro // Геном. 2019. № 6 (151). С. 122–130.

3. Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию / А. С. Козуров, Н. И. Уздимаева // Контентус.2020. № 4. С. 135–143.

4. Программы с донорскими эмбрионами // Next Generation Clinic : официальный сайт. URL: https://ngc.clinic/our-services/vrt/programma-eko-s-donorskimi-embrionami-v-klinike-ngc#price (дата обращения: 12.02.2026).

5. Российская Федерация. Приказы. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru. (дата обращения: 21.02.2026).

УДК 343.535

Цель причинения вреда в механизме оспаривания сделок по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве

Таркова Ирина Александровна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tarkova.ira@mail.ru

Ключевые слова: цель причинения вреда, презумпции, односторонний отказ, предмет доказывания.

Пункт 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве) в истолковании, закрепленном в пункте 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[2], позволяет признать недействительной сделку, совершенную должником в течение трех лет до принятия арбитражным судом заявления о банкротстве (или после этого) в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (подозрительная сделка), при условии, что доказана совокупность следующих обстоятельств: сделка совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов; в результате ее совершения такой вред был причинен; другая сторона сделки знала (или должна была знать) об указанной цели (с учетом пункта 7 Постановления). Недоказанность хотя бы одного из этих обстоятельств влечет отказ в признании сделки недействительной по данному основанию.

© Таркова И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

К субъективным обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, относится установление цели причинения имущественного вреда кредиторам. Еще в дореволюционной литературе отмечалось, что такая цель предполагает умышленные действия должника, причиняющие вред имущественным правам кредиторов [5; с. 111]. В современной доктрине распространено мнение, что под субъективным признаком оспаривания подозрительных сделок понимается намерение уменьшить стоимость имущества, а не причинить вред кредиторам [4; с. 235]. То есть действия должника направлены на извлечение выгоды путем сокрытия активов.

Цель причинения вреда – это субъективное намерение должника уменьшить конкурсную массу, чтобы затруднить или сделать невозможным удовлетворение требований кредиторов. Сложность доказывания цели причинения вреда привела к появлению в Законе о банкротстве презумпций, которые порождают дискуссию о границах их применения и рисках признания недействительными экономически оправданных сделок.

В соответствии с абзацами 2–5 пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве наличие цели причинения вреда предполагается, если соблюдены два условия: основное – на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности (статья 2 Закона о банкротстве); дополнительное – сделка была совершена безвозмездно, либо в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выдел доли участнику, либо имело место одна из презумпций.

Таким образом, для применения презумпции достаточно установить неплатежеспособность (недостаточность имущества) и хотя бы одно из перечисленных дополнительных обстоятельств. Бремя опровержения презумпции лежит на другой стороне сделки.

Несмотря на формальную определенность, презумпции могут приводить к необоснованному признанию недействительными

сделок, которые не были направлены на причинение вреда, а являлись следствием разумной хозяйственной деятельности.

Так, проблемным вопросом видится необходимость установления цели причинения вреда имущественным правам кредиторов в ситуации, когда сделка совершена за счет имущества должника. Полагаем, в таких случаях в предмет доказывания цель должника причинить вред не входит.

По одному из дел конкурсный управляющий оспаривал уведомление арендодателя о расторжении договора аренды и последующие сделки по передаче имущества третьим лицам, поскольку должник лишился единственного актива. Суд апелляционной инстанции указал, что когда оспариваемая сделка совершена контрагентом без участия должника, то цель должника не подлежит доказыванию, поскольку он не был субъектом такой сделки [3].

Проведенный анализ свидетельствует о целесообразности введения абзаца 3 в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве: «Доказывание цели причинения вреда имущественным правам кредиторов со стороны должника не применяется в случае оспаривания одностороннего отказа от договора, если такие действия привели к уменьшению стоимости или размера имущества должника и (или) увеличению размера требований кредиторов».

Цель причинения вреда остается центральным, но трудно доказуемым элементом подозрительной сделки. Законодательные презумпции, призванные облегчить доказывание, должны применяться с целью недопущения необоснованного признания недействительными экономически оправданных действий должника. Формальные признаки не должны автоматически влечь вывод о наличии цели причинения вреда, если в конкурсная масса не пострадала. Дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере должно быть направлено на исследование объективных

признаков причинения вреда кредиторам при односторонних сделках, совершенных за счет имущества должника, без необходимости установления цели причинения вреда в действиях самого должника.

Список источников

1. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ: редакция от 31 июля 2025 года: с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01 сентября 2025 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2026).

2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : редакция от 30 июля 2013 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 23.03.2026).

3. Определение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2024 по делу А56-23037/2023/сд.2 // Справочно-информационная система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2026).

4. Кораев К. Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. М.: Проспект, 2017. 320 с.

5. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Юрайт, 2023. 453 с.

УДК 347.211

Добросовестное приобретение исключительных прав на товарные знаки и коммерческие обозначения: возможности применения в интересах гражданского оборота

Черныховский Илья Анатольевич
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, chernykhovskiiia@mail.ru

Ключевые слова: исключительное право; интеллектуальная собственность; коммерческое обозначение; товарный знак, добросовестность.

Вопрос о возможности защиты добросовестного приобретателя исключительного права связан со всё бóльшим участием исключительных прав в коммерческом обороте и их ценностью как актива. Действующие положения части IV Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10) не содержат ответа и не регулируют указанный вопрос. В пункте 3 статьи 1227 ГК РФ закреплено, что к интеллектуальным правам не применяются положения о праве собственности и других вещных прав, если иное не установлено разделом VII части IV ГК РФ. При рассмотрении вопроса о возможности защиты добросовестного приобретателя исключительного права обделяются вниманием объекты интеллектуальной собственности, исключительные права

© Черныховский И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

на которые не подлежат регистрации (например, коммерческие обозначения).

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 года не предусмотрено положений о распространении правил о добросовестном приобретателе на иные объекты, кроме объектов вещных прав. В доктрине подчеркивается, что механизм распределения рисков аналогичный статьям 301, 302 ГК РФ стал распространяться на приобретателей бездокументарных ценных бумаг, обладателей корпоративных прав [1]. И хотя речь шла не об индивидуально-определенных объектах материального мира, они подлежали регистрации с отражением записи, как например, на счете депо или в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). То есть видимость права для защиты добросовестного приобретателя имущественного права была основана не на фактическом обладании, а в силу наличия записи в специализированном реестре.

Поэтому при развитии оборота и возрастании ценности исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности как активов возник вопрос о защиты добросовестного приобретателя в целях стабильности оборота, что, как считается, не подпадает под ограничения, предусмотренные пунктом 3 статьи 1227 ГК РФ.

Однако попытка распространения механизма защиты добросовестного приобретателя на отношения, связанные с оборотом исключительных прав, в частности на средства индивидуализации, сталкивается с определенными трудностями, поскольку права на объекты интеллектуальной собственности могут передаваться, как без регистрации передачи (например, исключительное право на объекты авторского права), так и путем обязательной регистрации (например, права на товарные знаки (знаки обслуживания)). В доктрине указывается, что при обязательной регистрации передачи, отчуждения исключительного

права переход последнего к новому правообладателю осуществится в момент регистрации договора, но взаимные обязательства для сторон сделки возникнут с момента согласования существенных условий договора или передачи права [2].

Обозначенная проблема связана с тем, что различные реестры не идентичны по целям, задачам и принципам, на которых они основаны. Например, ЕГРЮЛ и Единый государственный реестр недвижимости основаны на принципах публичной достоверности. Напротив, в законе и практике не закреплены прямо положения, где указывалось бы на принцип публичной достоверности учета исключительных прав на товарные знаки.

Сложней ситуация обстоит с добросовестным приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности, не подлежащие регистрации. Например, согласно пункту 177 Постановления Пленума ВС РФ № 10 исключительное право на коммерческое обозначение не возникает ранее момента начала фактического использования такого обозначения для индивидуализации предприятия. То есть необходимо не просто фактическое использование обозначения, а наличие предприятия как имущественного комплекса. Отсутствие требования и порядка регистрации права на коммерческое обозначение порождает неопределенность в моменте возникновения права на обозначение, а значит и факта признания его таковым для целей индивидуализации предприятия [3].

Установление возникновения исключительного права на коммерческое обозначение – вопрос факта, который устанавливается судом в рамках рассмотрения конкретного спора (например, решение Суда по интеллектуальным правам от 25 мая 2020 г. № СИП-855/2019, решение Суда по интеллектуальным правам от 26 октября 2022 г. по делу № СИП-501/2022).

По результатам исследования отметим, предусмотренные пунктом 3 статьи 1227 ГК РФ ограничения о запрете в применении

норм вещного права к правам на объекты интеллектуальной собственности не подпадает под механизмы защиты добросовестного приобретателя исключительного права. В отличие от иных публичных реестров, реестр прав на товарные знаки изначально не основывался на принципе публичной достоверности, поскольку преследовал иные цели, задачи, и не может служить однозначным подтверждением добросовестного приобретения исключительного права. Приобретение исключительного права на коммерческое обозначение - вопрос факта, который всегда устанавливается в рамках рассмотрения конкретного спора. Поэтому оценить возможность возникновения права на коммерческое обозначение, а тем более считаться добросовестным приобретателем в рамках конкретных обязательственных правоотношений и действующего правового регулирования практически невозможно.

Список источников

1. Новоселова Л. А. Защита добросовестного приобретателя исключительного права: постановка проблемы // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930-2020) / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут. 2020. С. 173-174.

2. Щербак Н. В. Обязательства из договоров по распоряжению исключительными правами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 1. С. 27.

3. Черныховский И. А. Предприятие и коммерческое обозначение как средство его индивидуализации // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2023. № 12. С. 69.

УДК 347

Проблемы правового регулирования цифровых платформ в российской правовой системе

Шульженко Владислав Сергеевич
Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, Москва, Россия, mattbeker@mail.ru

Ключевые слова: цифровая платформа, интеллектуальная деятельность, общество, технологии, правовое регулирование, платформенное право, правоприменительная практика, публично-правовой режим.

Необходимость усовершенствования правового регулирования цифровых платформ является актуальным вопросом для всего мирового сообщества, но в большей степени затрагивает США, Россию, Китай и страны ЕС. В условиях общемирового процесса цифровой трансформации «возникает необходимость в новом подходе к пониманию и регулированию цифровых экосистем».

Правовая система РФ входит в противоречие с тенденциями развития цифровой экономики, так как: «строится на принципах централизованного контроля, персональной ответственности и обязательной идентификации субъектов». Характеристика современного цифрового рынка представлена: высокой скоростью развития и динамизмом; инновационностью; тенденцией владельцев онлайн-платформ к завоеванию новых рынков и укрупнению своей деятельности. Сложность правового регулирования цифровых правоотношений заключается в столкновении трех видов регулирующих норм: общеправовых

© Шульженко В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

принципов и норм; технико-правовых и специальных, связанных с деятельностью платформ.

Не только понятие, но и правовой статус цифровых платформ до настоящего времени не получил конкретного определения в российском законодательстве, есть только определение в Постановлении правительства РФ. В Российском профессиональном юридическом сообществе активно обсуждались и обсуждаются темы введения цифрового рубля, внедрения цифровой платформы

«МАХ», и ряда других работающих на базе «блокчейн» технологий, которые будут затрагивать интересы людей, общества и государства. Однако, термина «цифровая платформа» в Гражданском кодексе Российской Федерации, нет. Цифровые платформы используются как государством, так и бизнесом и бывают как централизованные, так и децентрализованные. На практике права на цифровые платформы закрепляются как за государством, так и за частными организациями. Для защиты прав собственников интеллектуальных прав на цифровые платформы необходимо дать понятие этому продукту. Одной из проблем правового регулирования становятся вопросы ответственности. Например, посредники не несут ответственность за качество продаваемого на их площадках товара (Avito, Ozon и т.д.)

Другую проблему следует обозначить как необходимость обеспечения «защиты персональных данных и прав потребителей».

Третья проблема связана с обширностью и многогранностью рынка контроля, что представляет сложности в определении границ цифрового рынка.

Четвертая проблема продиктована неопределенностью «правового статуса оператора платформы, который является центральной фигурой». Пятая проблема является прямым следствием отсутствия единого подхода к правосубъектности ее участников. В связи с отсутствием необходимой нормативно-

правовой базы восполнять существующие правовые пробелы приходится судам и административным органам.

Российские правоведы считают необходимым прийти к единому мнению по поводу этого понятия и определить его как «интегрированную многофункциональную информационную систему в сети Интернет, основанную на цифровых технологиях». Предлагают установить публично-правовой режим цифровых платформ и набор возможных вариантов для урегулирования их существования:

1. саморегулирование или техническая стандартизация;
2. проведение комплексного анализа рынка цифровых платформ и на его основе разработка Примерных рекомендаций;
3. унификация терминологии, определение критериев и параметров доминирующих платформ, усовершенствование механизма административной ответственности перед потребителями услуг и защиты их прав, обновление инструменты конфиденциальности;
4. использование принципов гибкости и динамичности при взаимодействии агентов через цифровые платформы;
5. определение правового статуса лиц, работающих на цифровых платформах.

В плане саморегулирования их деятельности, уже принятые «Принципы взаимодействия участников цифровых рынков» следует «дополнить списком типичных для цифровых платформ недобросовестных антиконкурентных практик». Исходя из того, что «агрегаторы стали объектами права, а владельцы – субъектами права» на государственном уровне необходимо разработать единый правовой подход к урегулированию их деятельности с учетом их специфики, предусмотрев необходимый мониторинг и контроль.

Следует восполнить пробел в ГК РФ и поддержать предложение о внесении изменений в часть I, гл. 4 «Юридические лица», закрепив «новую статью, определяющую понятие цифровой

(онлайн) платформы». Также необходимо признать блокчейн-платформы в качестве «юридически значимых систем фиксации сделок и дополнить статью 160 ГК РФ.

Список источников

1. Шульженко В. С. Правовое регулирование технологии блокчейн в российской правовой системе // Юридическая наука. Научно-практический журнал № 4. 2025. с. 282.

2. Саяпин С. П. О трансформации правового регулирования цифровых платформ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 326.

3. Галушко Д. В. Функционирование цифровых платформ: современные вызовы правовому регулированию // ПРЭД. 2023. № 1. С. 33–34.

4. Мирошник С. В. Особенности правового регулирования цифровых платформ // Государство и право: Актуальные проблемы формирования правового сознания. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Могилев, 2022. С. 173.

5. Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25.

6. Шелепов А. В. Регулирование цифровых платформ в России / Шелепов А. В., Колмар О. И. // Вестник международных организаций. 2024 Т. 19, № 2. С. 110–126.

7. Акбердина В. В. Нормативно-правовое законодательство как способ регулирования деятельности цифровых платформ / Акбердина В. В., Барыбина А. З., Никулина Е. А. // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 23.

УДК 347.155

Актуальные проблемы правового статуса эмбриона человека

Эренбург Светлана Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, erenburgss@gmail.com

Ключевые слова: эмбрион человека, вспомогательные репродуктивные технологии, правовой статус, субъект права, объект права, права человека, криоконсервация, насцитурус.

Благодарности: автор благодарит научного руководителя Качур Нину Федоровну, доцента, канд. юрид. наук.

В настоящее время теория признает различные правовые статусы эмбриона, которые следуют за основными моральными статусами, их можно отнести к трем основным группам: с полным статусом, с нулевым статусом и с ограниченным статусом. Полный статус означает, что эмбрион пользуется точно таким же уровнем прав, как и родившийся человек, отсутствие (нулевой) статуса означает, что эмбрион не имеет никаких прав (и поэтому рассматривается просто как объект), тогда как ограниченный статус находится где-то между полным и нулевым статусами и означает, что эмбрион может приобрести определенные права, но не все права родившегося человека.

Наиболее популярной ограниченной позицией является позиция пропорционального статуса, согласно которой уровень прав увеличивается по мере развития плода до тех пор, пока полный объем прав не будет приобретен при рождении и после

© Эренбург С. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

него. Одним из представителей концепции пропорциональности является Л.Самнер.

При соблюдении законодательных решений мы видим, что в подавляющей части юрисдикций по всему миру не существует полного статуса эмбриона, в том числе и в России. Поскольку право на жизнь рассматривается как абсолютное и не допускающее отказа право, признание полного статуса предполагает, что каждый (медикаментозный, хирургический) аборт, определенные методы контрацепции, а также некоторые процедуры вспомогательных репродуктивных технологий (особенно когда «лишние» эмбрионы утилизируются после того, как они не были перенесены в матку женщины) были бы признаны нарушением права на жизнь и, следовательно, квалифицированы как убийство.

Также критическим становится тот факт, что эмбрион не может выразить свою подлинную волю (способность беспрепятственно выбирать между вариантами действий); следовательно, полный статус сделает практически невозможным любое эмбриональное исследование и диагностику, поскольку медицинские мероприятия и исследования на людях строго требуют осознанного согласия лица (субъекта), на которое они направлены. Таким образом, в правовой теории признается, что эмбрион не пользуется всеми правами, особенно теми, которые связаны с неприкосновенностью человеческой жизни, а также с защитой (неприкосновенностью) физической и психической целостности.

Следовательно, полный статус можно рассматривать скорее, как идеал (учитывая моральную позицию святости или уникальности жизни), к которому мы должны стремиться в конкретной позиции, в то время как он не может быть принят в качестве общего подхода.

В результате анализа существующих позиций мирового и отечественного законодательства следует отметить четыре

подхода, которые характеризуют правовой статус эмбриона человека:

1. Концепция «субъекта» (личностная), согласно которой жизнь человека начинается с момента слияния клеток, наиболее известный представитель концепции в зарубежной доктрине- Джон Финнис. Российское право (ст. 17 ГК РФ) этот путь отвергает: согласно установленных норм правоспособность возникает только с рождения, эмбрион не обладает правами личности, не может быть собственником или стороной в сделке. При этом полагаем, что признание эмбриона субъектом юридически невозможно, так как это парализует работу репродуктивных клиник и создаст неразрешимые коллизии в семейном праве, в частности любое прерывание беременности или утилизация неиспользованных эмбрионов станет квалифицироваться как убийство [2].

2. Концепция «объекта» (вещно-правовая), согласно которой эмбрион является биологическим материалом, генетическим ресурсом. Статья 128 ГК РФ не включает биологические объекты в перечень вещей, но при этом эмбрион может быть предметом договора хранения (криоконсервации), и одновременно не может быть предметом купли-продажи, дарения, залога. В частности, в российской доктрине представителем концепции является Дружинина Ю.Ф., в зарубежной- Питер Сингер [3].

3. Концепция «Sui Generis» (особого рода), определяющая эмбрион (особенно in vitro, то есть вне организма матери) как объект с особым правовым режимом. Это не вещь и не личность, а объект с потенциалом субъекта, обладающий особым правовым режимом, исключающим свободную куплю-продажу и коммерциализацию. Его нельзя приравнять к обычной «вещи», так как он обладает потенциалом человеческой жизни («потенциалом личности»), но вместе с тем к нему применимы сделки (например, договор на хранение в криобанке).

4. Концепция «охраняемого интереса», при котором гражданское право защищает будущие интересы эмбриона, в частности ст. 1116 ГК РФ позволяет включать в число наследников детей, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после его смерти [1], тем самым законодательно устанавливая римскую категорию насцитуруса, при котором наследство не может быть разделено, пока ребенок не родится. Данная концепция подтверждает: до рождения эмбрион обладает лишь «ожидаемым правом», а не правоспособностью.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в России отсутствует легальное определение эмбриона как категории гражданского права, что порождает конфликты при наследовании, разводах. Кроме того, правовой статус эмбриона характеризуется дуализмом и неопределенностью. Действующая доктрина, основанная на натальной системе (признание прав только после рождения), уже не в полной мере отвечает потребностям правоприменительной практики. Эмбрион в России - это объект с особым статусом, наделенный потенциальной правоспособностью, которая реализуется только при условии его рождения живым. Для разрешения образовавшейся коллизии представляется необходимым введение в законодательство категории «биологический объект особого рода» («Sui Generis»), а также закрепление в ГК РФ понятия «потенциальной правоспособности», что позволит защитить эмбрион от коммерциализации, гарантировать его сохранность в криобанках, четко определить правила его наследования (не как имущества, а как генетического ресурса) и использования (исследований, утилизации, пожертвования).

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 22.12.1995 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения 10.04.2026).

2. Finnis J. Abortion is Unconstitutional. URL: http: firstthings.com/article/2021/04/abortion-is-unconstitutional (дата обращения: 05.09.2025).

3. Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140.

Актуальные проблемы конституционного, международного и административного права

УДК 342.951

Институт административного выдворения: от формального подхода к принципу социальной необходимости

Арбатская Екатерина Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, EArbatskaya-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: административное выдворение, мигрант, режим высылки, формальный подход.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чумаровой Екатерина Юрьевне, канд. юрид. наук.

Миграционные процессы в современной России представляют собой сложный социально-правовой феномен. С одной стороны, миграция выступает важнейшим ресурсом для экономического развития: приток иностранной рабочей силы обеспечивает стабильность рынка труда, поддерживая строительный, аграрный и сервисный секторы. С другой стороны, современная геополитическая обстановка, характеризующаяся активностью недружественных государств и ростом трансграничной преступности, диктует необходимость жесткого контроля в рассматриваемой сфере. Незаконная трудовая деятельность ведет к уходу от налогов, а неконтролируемые миграционные потоки могут стать почвой для актов терроризма и нарушений правопорядка, включая неуважение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

© Арбатская Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В связи с этим государственная политика, отраженная в Указе Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 и Концепции государственной миграционной политики на 2026 – 2030 годы, устанавливает четкие «красные линии». В связи с чем наметилась стойкая тенденция по ужесточению миграционной политики. Это выражается в увеличении количества административных правонарушений, за совершение которых предполагается применять административное выдворение, и в расширении полномочий внесудебных юрисдикционных органов по назначению данного вида наказания [1]. Центральным элементом обновленной системы миграционного контроля стал Реестр контролируемых лиц — информационная база МВД, куда автоматически включаются иностранцы, чьи законные основания для пребывания в стране прекращены (истечение срока визы, аннулирование вида на жительство или совершение правонарушений). Нахождение в этом реестре активирует специфический режим высылки. Он предполагает запрет на управление транспортом, блокировку банковских счетов, ограничение распоряжения имуществом, запрет на заключение брака и обязательную регулярную явку в соответствующие подразделения органов МВД России.

На сегодняшний день пребывание лица, не имеющего российского гражданства на территории нашего государства, может быть прекращено посредством множества правовых институтов: административное выдворение; депортация; режим высылки; признание нежелательности пребывания (проживания); реадмиссия [2].

Но в рамках темы настоящего исследования нас, прежде всего, интересуют вопросы, связанные с применением административного выдворения, как одного из наиболее распространенных инструментов государственного воздействия. Данная мера административного принуждения нацелена на реализацию формального подхода: «нарушил закон — покинул

страну», однако современная правоприменительная практика показывает, что голый формализм в этой сфере вступает в противоречие с конституционными принципами. Фундамент для гуманизации порядка применения этого вида административного наказания был заложен Постановлением Конституционного суда РФ (далее – КС РФ) от 17.02.2016 № 5-П (дело Цуркана). В данном акте КС РФ подчеркнул, что административное выдворение не может быть автоматическим следствием нарушения, если оно приводит к несоразмерному вмешательству в право на уважение личной и семейной жизни. Согласно позиции КС РФ, суды обязаны оценивать необходимость такой меры в демократическом обществе, соблюдая баланс между интересами государственной безопасности и правом человека на сохранение семейных связей.

Эту концепцию развило Постановление КС РФ от 06.10.2022 № 41-П, принятое по итогам проверки конституционности статьи 18.8 КоАП РФ. Суд указал, что при назначении наказания за формальные нарушения правил пребывания судьи не должны ограничиваться констатацией факта правонарушения. Они обязаны исследовать фактические обстоятельства дела: длительность проживания мигранта в России, наличие у него официальной работы, отсутствие претензий со стороны правоохранительных органов и, прежде всего, семейный статус.

В 2025 году Верховный Суд РФ окончательно закрепил приоритет индивидуализации ответственности над автоматизмом выдворения. В своем Постановлении от 21.10.2025 № 5-АД25-102-К2 Суд отменил выдворение гражданина Республики Узбекистан, указав, что наличие несовершеннолетних детей — граждан Российской Федерации при отсутствии общественной опасности совершенного им административного правонарушения делает наказание чрезмерным вмешательством в частную жизнь. На региональном уровне примером будет являться Решение Воронежского областного суда от 29 августа 2025 г. по делу № 21-

1600/2025, в котором: суд счел выдворение социально нецелесообразным, принимая во внимание совокупность факторов: иностранец являлся носителем русского языка, активно занимался волонтерской деятельностью в молодежных организациях, имел подтвержденный доход от легальной трудовой деятельности и положительные характеристики от Общественной палаты региона.

Такая гуманизация не является «всепрощением», а выступает инструментом индивидуального отбора [3]. Принцип соразмерности не исключает жесткости наказания в случаях, предусмотренных ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ. Для определенных категорий административных правонарушений законодатель прямо ограничивает дискрецию судей, устанавливая, что наказание в виде административного выдворения не подлежит замене на административный штраф. В остальных случаях институт административного выдворения трансформируется из автоматической санкции в меру, требующую оценки социальной необходимости. Таким образом, институт административного выдворения прошел эволюцию от карательного инструмента до гибкого механизма государственного регулирования.

Список источников

1. Брюхнов А. А. Особенности применения административного наказания в виде выдворения за пределы Российской Федерации / А. А. Брюхнов, В. В. Денисенко, О. И. Мойса // Юристъ - Правоведъ. 2025. № 2 (113). С. 38-45.

2. Кочетова С. С. Правовое регулирование административного выдворения иностранных граждан из России // Молодой ученый. 2025. № 12 (563). С. 120-122.

3. Панфилов А. А. Административное выдворение как специальный вид административного наказания // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2 (25) С. 39-43.

УДК 327

Российско-индийское сотрудничество в сфере атомной энергетики в XX-XXI вв.

Бауэр Артём Андреевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, fladyking@mail.ru

Ключевые слова: Россия, Индия, АЭС «Куданкулам», атомная энергетика, Нарендра Моди.

Взаимодействие между Россией и Индией в области мирного использования атомной энергии является важнейшим элементом в системе стратегического партнерства двух стран, обеспечивающий не только энергетическую безопасность Индии, но и углубление научно-технологической кооперации.

Существуют определенные причины, по которым сотрудничество между РФ и Индией в области ядерной энергетики стало активно развиваться именно в период 2010-х годов. С одной стороны, сыграли свою роль объективные предпосылки, прежде всего взаимная экономическая выгода. Индия остро нуждалась в надёжных энергоресурсах и технологиях, которые могла предложить РФ; сама же Индия в ответ могла предложить России некоторые свои перспективные ядерные наработки. С другой стороны, невозможно отрицать роль субъективного фактора: заметное ускорение по ключевому проекту – АЭС «Куданкулам» – совпало с приходом к власти в Индии премьер-министра Нарендры Моди, который дружественно относится к России [2]. Это стало важным катализатором взаимодействия стран в ядерной отрасли.

© Бауэр А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Правовой основой сотрудничества РФ и Индии в сфере атомной энергетики стало Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 12 марта 2010 г., а также Дорожная карта серийного сооружения в Республике Индии атомных электростанций по российскому проекту от 12 марта 2010 г. В соответствии с Дорожной картой, предполагалось строительство 12 атомных энергоблоков на территории Индии: 6 энергоблоков для АЭС «Куданкулам» в штате Тамилнад, а после их постройки еще 6 для АЭС «Харипур» в штате Западная Бенгалия [4]. Однако в 2011 году проект АЭС «Харипур» был отклонен в связи с протестами мирных жителей.

В связи с этим стоит подробнее остановиться на истории развития крупнейшего российско-индийского проекта в сфере атомной энергетики – АЭС «Куданкулам». Договорённость о строительстве АЭС была достигнута ещё в 1988 году, а окончательный документ о возведении объекта подписали в 1998-м [3]. Главным итогом 26-летней работы стало начало сооружения энергоблока № 1 в 2002 году и подключение его к сети в 2013 году. Столь малый объем работ за такой промежуток времени можно объяснить следующими факторами: распад СССР и нестабильность российской экономики в 1990-е годы привели к прекращению экономического взаимодействия с Индией вплоть до начала 2000-х годов. Вместе с тем, РФ не хватало опыта эксплуатации реакторов ВВЭР-1000, требуемых для АЭС «Куданкулам» [2]. Для Индии главной помехой был введенный в 1974 году Группой ядерных поставщиков (ГЯП) запрет на поставки ядерного топлива и технологий в страну, который препятствовал строительству новых АЭС. Запрет был связан с проведением Индией ядерных испытаний в 1974 году. Только в 2008 году ГЯП сняла все ограничения на поставки ядерных материалов и технологий в Индию [1].

Активизация работ по проекту начала происходить с 2014 года, когда новым премьер-министром Индии стал Нарендра Моди. Уже в декабре стороны подписали программу долгосрочного взаимодействия под названием «Стратегическое видение укрепления сотрудничества в мирном использовании атомной энергии между РФ и Индией» [5]. Также было подписано соглашение о строительстве третьего и четвертого энергоблоков АЭС «Куданкулам». В 2016 году состоялся ввод в эксплуатацию энергоблока № 2, в 2017 – подписано соглашение о сооружении энергоблоков № 5 и № 6. В 2026 году планируется запуск энергоблока № 3. Таким образом, АЭС «Куданкулам» является наиболее успешным и значимым проектом российско-индийского сотрудничества в сфере атомной энергетики.

В отношении других проектов в области мирного атома – совместное возведение АЭС «Руппур» в Бангладеш и выделение Индией второй площадки для строительства АЭС по российскому проекту – можно отметить позитивную динамику. Но если проект строительства атомной станции в Руппуре с участием Индии успешно реализуется РФ с 2011 года, то ситуация с предоставлением Индией второй площадки под АЭС остается дискуссионной. Строительство 6 энергоблоков АЭС «Харипур» было отменено из-за протестов местных жителей, опасавшихся экологических рисков и потери земли. Протесты могли помешать и строительству АЭС «Куданкулам», однако индийским властям удалось отстоять проект — энергоблоки № 1 и № 2 успешно работают [1]. Сегодня вторая площадка для возведения АЭС официально не утверждена, однако стороны подтвердили важность обсуждения этого вопроса на Российско-индийских саммитах в 2018 и 2021 годах [3].

Можно сделать вывод о том, что российско-индийское сотрудничество в сфере атомной энергетики будет и дальше активно развиваться. Связано это не только с реализацией текущего

совместного проекта АЭС «Куданкулам», но и с планами индийского руководства по дальнейшему строительству АЭС на своей территории в координации с Госкорпорацией «Росатом». Укреплению сотрудничества будут способствовать совместные инициативы в третьих странах. Несмотря на определенные трудности, диалог Москвы и Нью-Дели в сфере атомной энергетики можно считать образцовым примером сотрудничества, на который могут равняться другие страны.

Список источников

1. Давтян В. «Мирный атом» как основа энергетического развития Индии / В. Давтян, С. Хачикян // 21-й ВЕК. 2018. № 3 (48). С. 105–118.

2. Михайлов С. А. История и перспективы сотрудничества России с Индией и Бангладеш в сфере атомной энергетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14, № 4. С. 427–442.

3. Сотрудничество РФ и Индии в ядерной сфере распространилось и на другие страны. // Российская газета : [сайт]. URL: https://rg.ru/2022/01/25/sotrudnichestvo-rf-i-indii-v-iadernoj-sfere-rasprostranilos-i-na-drugie-strany.html (дата обращения: 14.04.2026).

4. Nuclear Power in India // World Nuclear Association : [сайт]. URL: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india (дата обращения: 14.04.2026).

5. Strategic Vision for Strengthening Cooperation in Peaceful Uses of Atomic Energy Between the Republic of India and the Russian Federation : [сайт]. URL: https://policy.asiapacificenergy.org/ru/node/2584 (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 327

Американский фактор в китайско-японских отношениях на современном этапе

Болдырева Анастасия Александровна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: КНР, Япония, США, острова Сенкаку, Тайвань.

Отношения Японии и КНР на протяжении всей истории своего существования претерпевали множество проблем и изменений. Важным фактором, осложняющим китайско-японские отношения, является тесное военно-политическое сотрудничество между США и Японией, которое де-факто определяет внешнеполитический курс Токио. Для Японии данный союз является главной гарантией безопасности перед потенциальной угрозой, исходящей от КНР. Для США же тесные отношения с Японией – возможность сохранять своё военное присутствие и укреплять влияние в АТР. На фоне противостояния США и КНР, тесное японо-американское военное сотрудничество выступает серьёзным препятствием на пути к конструктивному политическому диалогу, поскольку оно воспринимается китайским правительством как угроза своей безопасности. Целью данной статьи является анализ влияния американского фактора на китайско-японские отношения на современном этапе в контексте территориального спора об островах Сенкаку и претензиях Китая на Тайвань.

© Болдырева А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Территориальный конфликт между Японией и Китаем по поводу островов Сенкаку (кит. Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море продолжается уже долгое время. Япония настаивает на том, что эти острова находятся под её контролем с конца XIX века, тогда как в Пекине подчеркивают, что на картах 1783 и 1785 годов Дяоюйдао обозначены как часть Китая. После окончания Второй мировой войны острова находились под контролем США и только в 1972 году были переданы Японии вместе с островом Окинава. В то же время КНР считает, что японцы незаконно удерживают эти земли. Япония же утверждает, что острова всегда были частью префектуры Окинава и принадлежат ей по праву.

В соответствии со статьёй 5 Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности [4], США признаёт, что нападение на Японию является угрозой и её собственной безопасности. Американская сторона не раз заявляла, что острова Сенкаку также попадают под действие 5 статьи договора. Впервые, на уровне президента такое заявление было сделано в 2014 году Б. Обамой во время визита в Японию [1]. С тех пор позиция США по этому вопросу не менялась. В 2018 году японское издание KYODO со ссылкой на правительственные источники сообщило о том, что Япония и США занимаются разработкой плана совместного реагирования вооруженных сил в случае возникновения угрозы со стороны Китая в районе спорных островов Сенкаку [2]. Это показывает, что США не просто поддерживают союзника официальными заявлениями, но и предпринимают конкретные действия по совместной обороне спорных территорий.

Таким образом, говоря о влиянии США на китайско-японские отношения в области спорных территорий, можно однозначно сказать, что активная позиция американской стороны по этому вопросу усугубляет состояние и без того сложных двусторонних отношений. Поддержка США укрепляет позиции японской стороны

и одновременно усиливает опасения Китая по поводу чрезмерного присутствия США в регионе.

Принципиальным противоречием в отношениях Японии и КНР выступает Тайваньский вопрос. Для Японии сохранение суверенитета Тайваня имеет критически важное значение. Во-первых, остров расположен близко к её юго-западным островам, что создаёт угрозу в случае нападения КНР. Во-вторых, экспортные и импортные маршруты Японии проходят через Тайваньский пролив, следовательно, господство Китая над Тайванем несёт угрозу для экономической безопасности Токио. В декабре 2021 года бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил: «Чрезвычайная ситуация на Тайване — это чрезвычайная ситуация для Японии, а значит, и для японо-американского альянса» [5] Тем самым японская сторона подчеркнула свою заинтересованность в сохранении статус-кво в Тайваньском вопросе и обозначила прямую зависимость безопасности Японии от положения Тайваня.

Говоря о роли США в данном вопросе, следует отметить, что Вашингтон выступает главным союзником Тайбэя, используя его в качестве инструмента давления на Пекин. США регулярно поставляют Тайваню оружие и оказывают финансовую поддержку в области обороны. Так, в декабре 2025 администрация президента США Дональда Трампа одобрила продажу оружия, техники и оборонных услуг Тайваню на $11,1 млрд [3]. Тем не менее, несмотря на поддержку Тайваня, США намеренно не признают его суверенитет официально, опасаясь военного конфликта с КНР. В настоящее время США сохраняют приверженность альянсу с Японией, осуждают угрозы Китая и продолжают оказывать помощь Тайваню. Тем самым Вашингтон превращает тайваньский вопрос из двустороннего (КНР – Тайвань) в региональный, существенно усложняя планы Пекина по силовому решению.

Оценивая влияние американского фактора на отношения КНР и Японии по проблеме Тайваня, можно сказать, что США

значительно обостряют трения государств посредством укрепления японо-американского альянса. Это воспринимается Китаем как угроза и приводит к экономическому давлению на Японию и дипломатическим кризисам в отношениях с ней. В ответ, Япония наращивает оборону и связи с другими партнёрами США для давления на Китай.

Таким образом, можно заключить, что и без того напряжённые отношения Японии и КНР существенно осложняет присутствие третьей стороны в лице США. Помимо влияния, которое США оказывают на внешнеполитический курс своего союзника, их присутствие в регионе характеризуется военной помощью Японии в рамках Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 года, а также поддержкой Тайваня, включая поставки оружия и оказания финансовой поддержки в области обороны. В настоящее время Япония занимает центральное место в американской стратегии по борьбе с Китаем. В связи с этим, американская сторона заинтересована в сохранении напряжённости в китайско-японских отношениях, а также усилении своего влияния в регионе.

Список источников

1. Обама : обязательства США по защите Японии распространяются на Сенкаку. // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20140424/1005212712.html (дата обращения: 09.02.2026).

2. СМИ: Япония и США готовят план реагирования ВС на угрозы Китая у островов Сенкаку // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5754691 (дата обращения: 07.02.2026).

3. США продадут Тайваню крупнейшую партию оружия. // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/12/2025/694351269a79475fd897597d (дата обращения: 08.02.2026).

4. Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan. 1960 : [site]. URL: https://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/mutual_cooperation_treaty.pdf.

5. Former PM Abe says Japan, U.S. could not stand by if China attacked Taiwan // Reuters: [site]. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/former-pm-abe-says-japan-us-could-not-stand-by-if-china-attacked-taiwan-2021-12-01/ (дата обращения: 07.02.2026).

УДК 342.95

Проблемы квалификации правонарушений, связанных с дискредитацией использования Вооруженных сил Российской Федерации

Васильев Вадим Андреевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vvasilev-yy24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: административная ответственность, публичная дискредитация, Вооруженные Силы Российской Федерации, статья 20.3.3 КоАП РФ, административная преюдиция.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чумаровой Екатерине Юрьевне, доценту, канд. юрид. наук.

В условиях трансформации национальной безопасности особую значимость обретает правовая охрана деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Одним из механизмов реализации такой охраны выступает институт административной

© Васильев В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ответственности за публичную дискредитацию использования Вооруженных Сил, предусмотренный ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Правовая позиция, изложенная в Определении от 30 мая 2023 г. № 1399-О, позволила Конституционному Суду Российской Федерации (далее – КС РФ) конкретизировать содержание объективной стороны состава правонарушения. Суд разъяснил, что под дискредитацией следует понимать умышленные действия, направленные на подрыв доверия отдельных граждан и общества в целом к кому-либо, к чьим-либо действиям (деятельности). КС РФ подчеркнул, что диспозиция ст. 20.3.3 КоАП РФ не коррелирует с навязыванием обязательной идеологии и не может рассматриваться как пропаганда военных действий. Аргументируя данный тезис, Суд отметил, что результативность мер по обеспечению национальной безопасности и защите интересов граждан напрямую зависит от морально-психологического состояния субъектов, исполняющих воинскую, служебную либо общегражданскую обязанность, во взаимосвязи с уровнем поддержки социума. Негативная оценка такой деятельности в публичном поле способна оказать разрушительное воздействие. Одновременно с этим КС РФ указал на сохранение права граждан на выражение личных суждений относительно функционирования Вооруженных Сил и иных государственных институтов. Допускается, в частности, указание на существующие дефекты в их работе, при условии, что подобная критика не перерастает в бездоказательное отрицание легитимных целей и задач их деятельности и опирается на верифицированные сведения из публичных источников.

В результате проведенного анализа применения ст. 20.3.3 КоАП РФ были выявлены отдельные правоприменительные проблемы.

Во-первых, из-за отсутствия в законе детальных правовых критериев суд может достаточно вариативно толковать, где имеет

место бытовое высказывание, а где – публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, и подменять экспертизу своим мнением. Это, по нашему мнению, ведет к правовой неопределенности при принятии решений. Так, в решении Санкт-Петербургского городского суда от 25 августа 2025 г. по делу № 12-609/2025 [2] суд достаточно широко трактует обстоятельства дела. В частности, суд отклонил довод защиты о необходимости психолого-лингвистической экспертизы, указав на ее факультативный характер; текст был признан доступным для прямого толкования, что позволило суду самостоятельно квалифицировать действия как дискредитацию на основе лексического значения слов. Полагаем, такой подход является спорным, так как вывод о наличии состава правонарушения устанавливается без применения специальных знаний контекста и интенции автора. При этом в действующем законодательстве и судебной практике не сформулировано положений, которые содержали бы перечень признаков, позволяющих отнести содержание действий к очевидно дискредитационным. Кроме того, отсутствует методика разграничения бытового высказывания и публичных действий по дискредитации в зависимости от значения слов с учетом контекста и интенции автора. Восполнить это предлагаем путем внесения разъяснений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: установить случаи обязательного проведения лингвистической экспертизы и определить объективные критерии отграничения собственного мнения по поводу деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации от публичного действия, направленного на их дискредитацию.

Во-вторых, суды порой демонстрируют формально-юридический подход к квалификации деяний по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ. Например, в апелляционном постановлении Архангельского

областного суда от 11 августа 2025 г. по делу № 22-2372/2025 [3] подтверждена обоснованность привлечения к уголовной ответственности при наличии административной преюдиции, то есть при совершении аналогичного деяния в течение года после привлечения лица к административной ответственности. В отличие от иных случаев использования административной преюдиции для квалификации уголовно наказуемых деяний (например, ст. 158.1, 116.1 УК РФ и ст. 4.6 КоАП РФ) в законодательстве четко не определен момент, с которого начинается исчисление годичного срока в случае совершения деяния, аналогичного ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ. Полагаем, что начало исчисления данного периода необходимо связывать с датой вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. Такой подход продиктован тем, что юридический статус субъекта как лица, подвергнутого административному наказанию, возникает непосредственно с момента обретения указанным актом законной силы.

Список источников

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1399-О // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 25 августа 2025 г. по делу № 12-609/2025 : [сайт]. URL: https://sudact.ru.

3. Апелляционное постановление Архангельского областного суда от 11 августа 2025 г. по делу № 22-2372/2025 : [сайт]. URL: https://sudact.ru.

УДК 347.113

Принцип «наиболее тесной связи» (proper law) как «спасательная оговорка» в российском и зарубежном праве

Волкова Александра Сергеевна, Фирюлина Анастасия Евгеньевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, volkovasasha05@mail.ru

Ключевые слова: принцип «наиболее тесной связи», proper law, иностранный элемент, применимое право, гражданско-правовые отношения.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Марине Михайловне Сашиной, доценту кафедры международного права.

В сфере международных сделок нередко возникает вопрос: законы какой страны следует применять при разрешении споров? Когда общие правила не дают конкретного ответа, стороны могут использовать принцип «наиболее тесной связи» (proper law) [7]. Он помогает выбрать правовую систему, которая лучше всего подходит для конкретного случая.

Данный принцип берет свое начало в англо-американской правовой системе. Изначально он служил инструментом для выбора законов, максимально соответствующих обстоятельствам трансграничного спора. В странах континентальной Европы принцип стал использоваться как запасной вариант - его применяют, если основные правила выбора права не работают или их сложно применить на практике.

© Волкова А. С., Фирюлина А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В российском законодательстве принцип «наиболее тесной связи» закреплен на уровне Гражданского кодекса РФ. Статьи 1186 и 1187 ГК РФ закрепляют общие положения, а статья 1211 ГК РФ детализирует правила применения к договорным обязательствам [1]. Суд при выборе применимого права сначала проверяет международные договоры РФ и положения ГК РФ, затем учитывает другие нормативные акты. Если эти источники не помогают однозначно определить применимое право, суд выбирает законодательство той страны, которая имеет наиболее существенную связь с рассматриваемым делом.

Российская судебная практика показывает, что суды активно опираются на этот принцип. Например, в 2019 году Арбитражный суд Московского округа рассмотрел дело № А41-24493/2018 (№ Ф05-455/2019). Суть спора заключалась в том, что договор был заключен и исполнен на территории России, но стороны не согласовали, по законам какой страны решать возможные разногласия. Суд постановил, что в такой ситуации нужно применять российское законодательство, в соответствии с пунктом 9 статьи 1211 ГК РФ [5]. Важно, что суд подчеркнул приоритет принципа «наиболее тесной связи» над принципом «местонахождения продавца», что подтверждает его значимость и самостоятельную роль в правовой системе.

Еще один пример описан в информационном письме Президиума ВАС РФ № 10 от 25.12.1996 года. В споре между российской и немецкой компаниями по договору подряда суд решил, что дело следует рассматривать по российским законам. Ключевым аргументом стало то, что работы выполнялись на территории РФ [4]. Таким образом, место исполнения обязательств оказалось важнее национальной принадлежности сторон сделки.

За рубежом принцип proper law также широко используется для разрешения правовых неопределенностей. В Англии суды при выборе применимого права анализируют текст договора,

намерения сторон и фактические обстоятельства: где была заключена и исполнена сделка, какие обязательства взяли на себя участники, где находится имущество и т. д.

В США аналогичный подход закреплен в Restatement (Second) of Conflict of Laws (§ 188). Суд при выборе применимого права учитывает место заключения и исполнения договора, местонахождение его предмета и страну ведения бизнеса сторонами [3].

В Европейском союзе принцип получил официальное закрепление в Регламенте № 593/2008 («Рим I», статья 4). Его применяют, если стороны заранее не договорились, по законам какой страны решать спор [2].

Важным примером служит дело Bonython v. Commonwealth of Australia (1951), где суд определил применимое право на основе места исполнения обязательств и местонахождения имущества, связанного со спором [6].

Тем не менее в российской практике применение принципа «наиболее тесной связи» сталкивается с рядом трудностей.

Во-первых, нормы статьи 1211 ГК РФ порой оказываются слишком жесткими и не учитывают все нюансы современных международных сделок.

Во-вторых, оценка «наиболее тесной связи» может зависеть от субъективного мнения судьи, что приводит к разным решениям по схожим делам.

В-третьих, отсутствие единой судебной практики по сложным трансграничным спорам затрудняет прогнозирование исхода подобных дел.

Для улучшения ситуации можно предложить несколько решений. Прежде всего, стоит дать судьям больше возможностей учитывать уникальные обстоятельства каждого спора. Кроме того, полезно привести российскую практику в большее соответствие с международными стандартами, в т. ч. с положениями Регламента

ЕС «Рим I». Также целесообразно уточнить на уровне разъяснений высших судов, какие именно критерии следует использовать для определения принципа «наиболее тесной связи». Это поможет добиться единообразия в решениях и повысит предсказуемость правоприменения [8].

Подводя итоги, можно сделать вывод: принцип «наиболее тесной связи» имеет важное значение для различных государств, но, несмотря на это, он имеет ряд вопросов, которые требуют решения. Указанная ситуация обосновывает актуальность данного принципа и дает доктрине объект для размышлений.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон №51-ФЗ от 30.11.1994. М. : Эксмо, 2026. 672 с.

2. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») : Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 : [сайт]. URL: https://base.garant.ru (дата обращения 02.04.2026).

3. Restatement (Second) of Conflict of Laws : [сайт]. URL: https://pravo.hse.ru (дата обращения 02.04.2026).

4. Информационное письмо Президиума ВАС № 10 от 25.12.1996 г. : [сайт]. URL: https://base.garant.ru (дата обращения 02.04.2026).

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.02.2019 №Ф05-455/2019 по делу №А41-24493/2018 : [сайт]. URL: https://base.garant.ru (дата обращения 02.04.2026).

6. Bonython v. Commonwealth of Australia: PC (1951) : [сайт]. URL: https://pravo.hse.ru (дата обращения 02.04.2026).

7. Ломакина Е. Н. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве / Е. Н. Ломакина, А. Д. Петров, Т. В. Глинщикова // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, №2. С. 268-272.

8. Новикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи как корректирующая оговорка для договорных правоотношений международного характера // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2023. Т. 14, № 2. С. 403-422.

УДК 342.9

Административно-правовые меры противодействия нарушениям правил охраны жизни людей на водных объектах

Галкина Милена Радиевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, MGalkina-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: выезд на лед, административная ответственность, штраф, безопасность на водных объектах.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Екатерине Юрьевне Чумаровой, доценту, канд. юрид. наук.

Ежегодно с наступлением зимнего периода на территории Российской Федерации обостряется проблема несчастных случаев, связанных с выездом автотранспортных средств на лед водоемов. Пренебрежение правилами безопасности влечет за собой тяжкие последствия вплоть до гибели людей. Целью настоящей статьи является анализ действующего административного законодательства в сфере охраны жизни людей на водных объектах, оценка эффективности применяемых санкций и иных мер борьбы с выездом на лед.

© Галкина М. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Случаи провалов техники под лед фиксируются достаточно часто. Так 20 февраля 2026 года в Иркутской области под лед Байкала провалился УАЗ с восемью туристами из Китая и семьей с подростком. Очевидцы смогли спасти только одного человека. После этого Гостехнадзор перекрыл съезды бетонными блоками, но уже 21 февраля под лед провалился грузовик. 26 февраля сообщалось о трагедии в районе залива «Усть-Погромный» в Дивногорске. В начале февраля там ушел под лед автомобиль с 70-летним водителем. Тело мужчины извлекли только спустя две недели с глубины 60–65 метров, потребовалось пять погружений с подводным телевизионным аппаратом. На Красноярском водохранилище 7 марта провалилась легковушка с рыбаками. Из-за таяния льда машина ушла под воду, но водитель и пассажиры успели выбраться благодаря спасателям.

В условиях переменчивого климата и риска возникновения непредвиденных ситуаций на воде тема правового регулирования нахождения граждан на льду приобретает большое значение. На федеральном уровне рассматриваемая сфера общественных отношений регулируется Федеральным законом от 03.02.2025 № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах». Также принято Постановление Правительства РФ от 01.07.2025 № 991 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за безопасностью людей на водных объектах». Кроме того, действуют приказы МЧС России, которые утверждают правила пользования пляжами, переправами, базами для стоянок маломерных судов и другими объектами, (например, приказ МЧС России от 30.09.2020 № 731 «Об утверждении Правил пользования переправами и наплавными мостами в Российской Федерации»).

Ограничения пребывания на льду действуют не круглый год. Конкретные сроки определяют органы исполнительной власти регионов или муниципалитеты с учётом погодных условий [1]. Чаще всего запрет устанавливается в такие наиболее опасные периоды как: 1. Становление льда. Это конец осени и начало зимы, когда лёд только появляется; 2. Весеннее таяние. Время, когда лёд начинает трескаться изнутри и быстро разрушается; 3. Аномальные

оттепели. Даже посреди зимы лёд может стать ненадежным, если температура поднимается выше обычной.

В потенциально опасных местах должны размещаться специальные информационные щиты и знаки. Они устанавливаются в соответствии с ГОСТами и региональными правилами безопасности. Если человек сознательно игнорирует такой знак и выходит на лёд, его действия являются административным правонарушением. Согласно правоприменительной практике, отсутствие знака в конкретном месте может стать основанием для оспаривания штрафа, но суды разных регионов придерживаются того, что опубликования информации в СМИ достаточно для оповещения граждан.

Ещё одной мерой, направленной на предотвращение трагедий, является выкапывание траншей [2]. Такие меры применяются в каждом регионе индивидуально. Например, в Дивногорске спасатели на протяжении пяти лет выкапывают траншею шириной – 40 см., глубиной – 20 см. на заливе Шумиха, чтобы ограничить выезд транспорта на лёд.

Следует разграничивать понятия «проход по льду» и «выезд на лёд». В КоАП РФ отсутствует правовая норма устанавливающая ответственность за пешую прогулку по льду. Ограничения за выход граждан на лёд устанавливается преимущественно региональным законодательством: правовая основа таких мер обычно закрепляется в законах субъектов об административных правонарушениях. Выезд на лёд на автотранспорте запрещён практически повсеместно. При этом применяются не только нормы, обеспечивающие безопасность граждан, но и действуют экологические требования. Ключевая норма, применяемая к таким нарушениям, – ст. 8.42 КоАП РФ, регулирующая ответственность за нарушение режима водоохранных зон и прибрежных защитных полос. В соответствии с ч. 1 ст. 8.42 КоАП РФ использование прибрежной защитной полосы водного объекта, водоохранной зоны водного объекта с нарушением ограничений хозяйственной и иной деятельности влечет за собой штраф. Исключение составляет специально оборудованная техника и официально открытые

ледовые переправы. Согласно п. 4 ч. 15 ст. 65 Водного кодекса Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ движение и стоянка транспортных средств (кроме специальных транспортных средств) запрещена в границах водоохранных зон. В соответствии со ст. 1.6 Закона Красноярского края от 02.10.2008 № 7-2161 переход (проезд) в неограждённых и неохраняемых местах на ледовых переправах влечет предупреждение или наложение административного штрафа.

Контроль за соблюдение правил безопасности на водных объектах – зона ответственности сразу нескольких ведомств. Такой межведомственный формат позволяет охватывать и вопросы общественного порядка, и техническую безопасность, и природоохранные требования.

Полномочиями по выявлению нарушений наделены: 1. Сотрудники МВД России, которые обеспечивают общественный порядок на прибрежных территориях и водных объектах, фиксируют правонарушения и принимают меры реагирования в рамках своих обязанностей; 2. Инспекторы ГИМС МЧС России осуществляют контроль за эксплуатацией маломерных судов, состоянием ледовых переправ и соблюдением требований безопасности; 3. Должностные лица органов местного самоуправления вправе составлять протоколы об административных правонарушениях по статьям законов субъектов РФ, связанным с нарушением правил поведения на водных объектах [3]; 4. Сотрудники рыбоохраны (Росрыболовство).

Анализ административно-правовых мер борьбы с выездом на лед демонстрирует, что, несмотря на существующую двухуровневую систему регулирования и распределение полномочий по осуществлению контроля между несколькими надзорными ведомствами, их эффективность остается недостаточной. Трагические происшествия демонстрируют, что профилактические меры и штрафы не являются действенным сдерживающим фактором для граждан. Для решения проблемы требуется не только дальнейшее развитие правового регулирования, но и совершенствование инженерно-технических

средств защиты, а также усиление профилактической работы, направленной на осознание людьми смертельного риска.

Список источников

1. Воронина Н. Б. Внутренний туризм: правовые проблемы организации рекреации на водоёмах / Н. Б. Воронина, Е. В. Климова // Проблемы современной урбанизации: преемственность и новации. 2022. С. 277-283.

2. Куликова А. В. К вопросу о статусе водных объектов общего пользования в контексте обеспечения безопасности людей на водных объектах / А. В. Куликова, Ю. В. Сорокина // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 149-153.

3. Мамедов Е. В. Административная деятельность органов внутренних дел (полиции) по защите объектов животного мира и водных биологических ресурсов : монография / Е. В. Мамедов. М.: РГБ, 2022. 362 с.

УДК 342.72

Конституционные права коренных малочисленных (аборигенных) народов на землю и природные ресурсы

Глушаченков Егор Владимирович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, EGlushachenkov-YY21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, конституционные права, земля, природные ресурсы, традиционное природопользование, этнологическая экспертиза.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю доктору юридических наук, профессору А. А. Кондрашеву за ценные замечания и помощь в подготовке статьи.

Конституция Российской Федерации в статье 69 гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации [1]. Данная конституционная норма получила свое развитие в законодательстве, прежде всего в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [2]. Однако, несмотря на наличие базовых гарантий, современное состояние правового регулирования земельных и природоресурсных прав аборигенных этносов характеризуется наличием системных проблем и коллизий, препятствующих эффективной реализации конституционных положений.

© Глушаченков Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность исследования обусловлена тем, что для коренных малочисленных народов земля и природные ресурсы являются не просто экономическим активом, а безальтернативной основой их жизнедеятельности и сохранения этнокультурной самобытности. В условиях освоения Арктики, Сибири и Дальнего Востока возникает острая конкуренция за земельные ресурсы между субъектами традиционного хозяйствования и корпорациями.

Одна из проблем-неопределенность правосубъектности при реализации прав на землю. Законодательство связывает предоставление прав с включением лица в реестр или фактом ведения традиционного образа жизни. Возникает коллизия, на которую указывает И. В. Ирхина: пробелы в статусе старожильческого населения - лиц, не отнесенных к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах их традиционного проживания и ведущих аналогичное хозяйство [7]. Отсутствие четкого механизма подтверждения статуса создает бюрократические барьеры при оформлении прав.

Центральный элемент статуса - право безвозмездного пользования землями различных категорий для традиционного хозяйства. На практике реализация этого права сталкивается с приоритетом норм Земельного и Лесного кодексов, ориентированных на экономическую эффективность. Создание ООПТ, призванное сохранять природу, ограничивает права коренного населения на охоту и рыболовство без учета этнологического фактора.

Особая категория споров возникает вокруг ТТП. Федеральным законом предусмотрена возможность создания ТТП, но на региональном уровне механизм их формирования работает неоднозначно. Закон Красноярского края «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края» [3] устанавливает дополнительные гарантии, но судебная

практика показывает пробелы. В решении Красноярского краевого суда по делу, связанному с общиной «Аява», видна проблематика защиты территориальных прав общин [4]. Суды, разрешая аналогичные споры, зачастую формально подходят к вопросу, ссылаясь на отсутствие утвержденных методик описания границ или наложения на лицензионные участки недропользователей. Это подтверждает тезис о том, что интересы промышленных компаний, обладающих значительным лоббистским ресурсом, фактически доминируют над правами общин.

Также существуют коллизии между федеральным центром и регионами, так субъекты федерации адаптируют законодательство под местные особенности, но сталкиваются с ограничением кодексов. Е. Ф. Гладун, исследуя правовое положение коренных народов отмечает, что необходим учет опыта арктических стран, где права на землю закрепляются как право собственности или владения, а не просто пользования, что дает общинам реальные рычаги влияния на хозяйственную деятельность на их землях [6]. Тогда как в России же преобладает титул безвозмездного пользования, который является наименее защищенным вещным правом [5].

Отмечая вышесказанное, можно утверждать, что механизм реализации конституционных прав коренных малочисленных народов на землю и природные ресурсы характеризуется декларативностью положений. Следовательно, требуется внесение изменений в Земельный, Лесной и Водный кодекс РФ, которые бы закрепили приоритет традиционного природопользования в местах проживания коренных народов перед иными видами хозяйственной деятельности. Помимо этого, необходимо законодательное закрепление на федеральном уровне статуса ТТП как земель с особым правовым режимом, исключающим изъятия под нужды недропользования без согласия уполномоченных представителей коренных народов и проведения обязательной

этнологической экспертизы. Переработать процедуру доступа коренных народов к водным биологическим и охотничьим ресурсам, перейдя от заявительного принципа с предоставлением квот к принципу свободного осуществления традиционного промысла для личных нужд в границах территорий традиционного проживания, тем самым устранив бюрократический барьер.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов Севера Красноярского края : Закон Красноярского края от 01.07.2003 № 7-1215 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

4. Решение Красноярского краевого суда от 17.01.2023 по делу № 3А-77/2023.

5. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына [и др.]. М.: Статут, 2013. 688 с.

6. Гладун Е. Ф. Роль конституций в правовом положении коренных народов (на примерах арктических стран) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 10 (122).

7. Ирхин И. В. Конституционно-правовой статус лиц, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 31-39.

УДК 342.9

Ответственность несовершеннолетних за потребление (распитие) алкогольной продукции: правовые проблемы и пути совершенствования

Григорьев Данил Павлович
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, gririevdanil@gmail.com

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетние, потребление алкогольной продукции, статья 20.22 КоАП РФ, совершенствование законодательства.

Благодарность: автор выражает благодарность научному руководителю Чумаровой Екатерине Юрьевне, доценту, канд. юрид. наук.

Потребление алкогольной продукции несовершеннолетними является одной из актуальных проблем современной России. Согласно результатам мониторинга, проведенного под руководством Е.С. Скворцовой и Е.И. Бабушкиной в 2019-2020 гг. в 12 городах из 6 федеральных округов, распространенность алкоголизации среди подростков 15-17 лет составила 37,0 на 100 мальчиков и 49,0 на 100 девочек [1, с. 7]. При этом «группа риска» (употребление алкоголя два раза в месяц и чаще) включает 6,7 мальчиков и 7,8 девочек на 100 подростков соответствующего возраста [1, с. 8]. Авторы отмечают положительную динамику по сравнению с 2010-2011 гг. (снижение распространенности на 33,8% у мальчиков и на 22,7% у девочек), однако масштаб проблемы остается значительным. Более того, информированность

© Григорьев Д. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

подростков о вреде алкоголя недостаточно высока: только около 60% считают алкоголь вредным для здоровья [1, с. 14].

В целях противодействия данной тенденции в Федеральном законе от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – Федеральный закон № 171-ФЗ) в пункте 7 статьи 16 установлен прямой и безусловный запрет на потребление (распитие) алкогольной продукции несовершеннолетними. Данный запрет не связывается с местом совершения деяния, что подчеркивает его абсолютный характер и направленность на охрану здоровья подрастающего поколения. Однако анализ действующего административного законодательства выявляет существенное противоречие. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в статье 20.22 предусматривает ответственность за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, а равно за распитие ими алкогольной и спиртосодержащей продукции. Меры административной ответственности по данной статье применяются не к самим несовершеннолетним, а в отношении их родителей или иных законных представителей (административный штраф в размере от 1500 до 2000 рублей), поскольку несовершеннолетние не достигли возраста административной деликтоспособности.

В отношении несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет, совершивших аналогичные действия, статья 20.22 КоАП РФ не устанавливает ответственности ни для самих несовершеннолетних, ни для их родителей. Лица данной возрастной категории подлежат административной ответственности по общим нормам КоАП РФ, касающимся, в первую очередь, совершеннолетних правонарушителей: за потребление алкогольной продукции в

местах, запрещенных федеральным законом по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, либо за появление в общественных местах в состоянии опьянения ст. 20.21 КоАП РФ. При этом факт потребления алкоголя несовершеннолетним вне запрещенных мест остается за пределами правового регулирования и не влечет юридической ответственности. Таким образом, можно констатировать, что в КоАП РФ имеется пробел в правовом регулировании, поскольку безусловный запрет на потребление алкогольной продукции несовершеннолетними, установленный п. 7 статьи 16 Федерального закона № 171-ФЗ, не обеспечен мерами административной ответственности для лиц в возрасте от 16 до 18 лет в случае его нарушения.

Учитывая изложенное, считаем необходимым дополнить ст. 20.22 КоАП РФ частью 2, в которой необходимо предусмотреть ответственность для несовершеннолетних за потребление (распитие) алкогольной или спиртосодержащей продукции в возрасте от 16 до 18 лет.

Реализация предложенного нововведения, на наш взгляд, позволит не только устранить пробел в правовом регулировании, касающемся соблюдения безусловного запрета на потребление алкоголя несовершеннолетними вне зависимости от факта достижения возраста административной деликтоспособности, обеспечив неотвратимость ответственности, но и будет способствовать повышению эффективности профилактики потребления алкогольной продукции представителями подрастающего поколения.

Список источников

1. Скворцова Е. С. Употребление алкоголя среди современных городских подростков-школьников / Е. С. Скворцова, Е. И. Бабушкина // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. №3 (69).

УДК 342.8

Дистанционное электронное голосование: правовой режим и проблемы обеспечения доверия

Губкин Николай Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nikolai-4567@ya.ru

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, ДЭГ, избирательные права, тайна голосования, доверие к выборам, цифровизация избирательного процесса.

Дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ) представляет собой форму волеизъявления граждан без использования бумажного бюллетеня посредством специализированного программного обеспечения, функционирующего через сеть Интернет. В Российской Федерации данный институт прошёл путь от экспериментального применения в трёх избирательных округах на выборах в Московскую городскую думу в 2019 году до федерального масштаба на президентских выборах 2024 года, охватив десятки субъектов Российской Федерации.

Стремительное расширение практики ДЭГ обусловлено задачами повышения доступности голосования, увеличения явки и цифровизации государственного управления. Вместе с тем скорость внедрения существенно опережает развитие правовой базы и механизмов общественного контроля. В этих условиях всестороннее исследование правового режима ДЭГ и проблем

© Губкин Н. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

обеспечения доверия к данной форме голосования приобретает первостепенное научное и практическое значение.

Правовую основу ДЭГ в России образует совокупность нормативных актов различного уровня. Базовым законодательным актом служит Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ)[7], статья 64.1 которого допускает проведение ДЭГ в случаях и порядке, установленных Центральной избирательной комиссией Российской Федерации. Применительно к президентским выборам 2024 года детальный порядок голосования был закреплён постановлением ЦИК РФ от 20 декабря 2023 года, определившим технические и процедурные параметры проведения ДЭГ [5].

Среди основных проблемных вопросов, связанных с применением ДЭГ в Российской Федерации, которые требуют научного осмысления и анализа, можно выделить:

1. Особенностью правового режима ДЭГ является значительный объём делегирования нормотворческих полномочий от законодателя к ЦИК России. Подобная конструкция может порождать проблему правовой неопределённости: критерии и условия назначения ДЭГ не закреплены на уровне федерального закона.

2. Применение ДЭГ вызывает вопросы о соблюдении тайны голосования. Объединение в системе процедур идентификации, фиксации голоса и хранения результатов создаёт риск установления связи между избирателем и его выбором, что противоречит принципу тайного голосования [1].

Принцип равенства также затрагивается: механизм «переголосования» (учёт только последнего голоса) создаёт неравные условия из-за различий в цифровой грамотности и

доступе к технике, а также повышает риск давления на избирателей [6].

3. Прямое избирательное право предполагает отсутствие посредников, однако в ДЭГ такую роль фактически выполняют программное обеспечение и его операторы. По мнению исследователей, голосование осуществляет не комиссия, а программный комплекс и контролирующие его лица, что ставит под сомнение реализацию принципа прямого голосования [3].

4. Проблема наблюдения и общественного контроля остаётся ключевой. Создание ТИК ДЭГ позволило организовать наблюдение, рассмотрение обращений и мониторинг процесса. Несмотря на это, вопросы прозрачности, проверяемости системы и доступа наблюдателей к технической информации остаются актуальными и требуют дальнейшего развития [4].

Совершенствование правового регулирования ДЭГ в России требует решения ряда системных задач. Во-первых, необходим перенос ключевых параметров ДЭГ с уровня постановлений ЦИК на уровень федерального закона, что обеспечит стабильность правил и исключит правовую неопределённость. Во-вторых, следует законодательно закрепить обязательность открытости исходного кода системы ДЭГ и независимого технического аудита. В-третьих, необходима разработка специального правового статуса цифрового наблюдателя с реальными полномочиями по контролю за процедурой.

Список источников

1. Брикульский И. А. Между правом и забвением: конституционные стандарты дистанционного электронного голосования // Электоральная политика. 2024. № 1 (11).

2. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. Масуфранова Е. А. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ): актуальные проблемы доверия и перспективы развития / Е. А. Масуфранова, Н. С. Дубровский, К. Г. Балашов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 210–220.

4. О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/716-8 // Официальный Справочно-правовая система «Гарант» : [сайт]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404752023/ (дата обращения: 13.04.2026).

5. О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 20 декабря 2023 г. № 143/1099-8 Справочно-правовая система «Гарант» : [сайт]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408215295/ (дата обращения: 13.04.2026).

6. Рыбин А. В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? // Электоральная политика. 2022. № 1 (7).

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Справочно-правовая система «Гарант» : [сайт]. URL: https://base.garant.ru/184566/ (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 342.9

Несовершеннолетние в системе субъектов административной ответственности

Жданова Алина Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alina_zhdanova07@mail.ru

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетние, правовой статус, воспитательные меры, профилактика правонарушений.

Административная ответственность является одним из ключевых механизмов обеспечения правопорядка и законности. Она включает в себя не только применение санкций за правонарушения, но и более широкий спектр мер, направленных на предупреждение правонарушений, совершаемых субъектами.

Сущность субъекта административной ответственности заключается в его роли как участника общественных отношений, чьи действия подлежат оценке с точки зрения их соответствия установленным правовым нормам.Как правило, субъектом такого правонарушения выступает деликтоспособное физическое или юридическое лицо, совершившее незаконное действие, ответственность за которое установлена законодательством Российской Федерации или её субъектов в области административных правонарушений [5].

Гражданин Российской Федерации является одним из основных субъектов административной ответственности. Для привлечения к ответственности ему должно быть не менее 16 лет, и

© Жданова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

в отношении него действует презумпция вменяемости. Юридические лица также выступают субъектами административной ответственности. Это организации, которые имеют обособленное имущество и отвечают им по своим обязательствам, могут от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности [2]. Важно отметить, что филиалы и представительства юридического лица не могут быть субъектами административной ответственности, как и организации, незарегистрированные в качестве юридических лиц. Физические и юридические лица считаются общими субъектами ответственности.

Кроме того, выделяются специальные субъекты, для которых привлечение к ответственности связано с соблюдением особых правил и условий. К ним относятся: должностные лица и индивидуальные предприниматели; иностранцы и лица без гражданства; военнослужащие и лица, приравненные к ним; собственники транспортных средств и объектов недвижимости; должностные лица, осуществляющие специфические публичные функции (депутаты, судьи, прокуроры и другие) и пр. [3].

Несовершеннолетние же занимают особое место в системе субъектов административной ответственности. Их «неадаптированность» обусловлена психологической нестабильностью, недостаточным уровнем образования и отсутствием профессии [4]. Различие в ответственности для лиц младше 18 лет проявляется в снижении уровня принуждения. Законодатель предлагает освобождение таких лиц от традиционно применяемых мер ответственности, избегая методов, включающих обличение и назначение наказаний [1]. Вместо этого применяются воспитательные меры воздействия, которые содержат элементы принуждения. Их применение осуществляется комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав без учета воли самого правонарушителя и его представителей, что налагает на

несовершеннолетнего обязательства по исполнению наложенных ограничений [6].

Однако, отсутствие в КоАП РФ единых норм, регламентирующих материально-правовые и процессуальные особенности административной ответственности для несовершеннолетних, создает ситуацию, когда статус несовершеннолетних зависит от решений региональных властей. Это противоречит принципу равенства всех детей перед законом и способствует дискриминации в зависимости от субъекта Федерации. Для приведения норм административной ответственности несовершеннолетних в соответствие с нормами Конституции РФ необходимо отнести эти вопросы к ведению Российской Федерации.

Кроме того, стоит отметить, что и само привлечение несовершеннолетних к административной ответственности по КоАП РФ представляет собой серьёзную проблему, требующую внимательного анализа и поиска решений. Так, многие подростки оказываются привлекаемыми к ответственности по незнанию и невнимательности. Это свидетельствует о необходимости повышения уровня правовой грамотности. Введение специальных занятий по правовому воспитанию в школьную программу может помочь учащимся ознакомиться с основами административного права и осознать ответственность за свои действия. Также стоит учесть, что к правонарушениям часто ведут такие факторы, как неблагоприятная семейная обстановка и недостаток внимания со стороны педагогов. Для эффективного решения этой проблемы необходимо развитие межведомственного взаимодействия между образовательными учреждениями, социальными службами и правоохранительными органами.

Таким образом, несовершеннолетние являются индивидуальными субъектами административной ответственности, выделяющимися в категорию специальных субъектов по

возрастному, правовому и процедурному критериям, что обуславливает специфический порядок их привлечения к ответственности и применения мер воздействия.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 2.3.

2. Ахметова А. Т. Понятие и признаки юридического лица // Синергия наук. 2018. № 18. С. 1147-1151.

3. Бухтоярова О. А. Классификация субъектов административной ответственности и лиц административной юрисдикции //Право и государство: теория и практика. 2024. №7(235). С.233-238.

4. Гармаш Д. С. Несовершеннолетние как субъекты административной ответственности // Epomen. Global. 2021. №20. С. 20-26.

5. Дорогова Е. В. Гражданин как субъект административного правонарушения // Административное право и процесс. 2015. № 3 (6). С. 5-7.

6. Дугенец А. С. Правовые основы создания и функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав / А. С. Дугенец, М. Я. Масленников // Административное право и процесс. 2006. № 3. С. 19-23.

УДК 327

«Околоарктическая держава»: как КНР формирует арктический нарратив для внутренней аудитории и мира

Зорина Ксения Олеговна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zorinaksenia000@mail.ru

Ключевые слова: Арктика, КНР, «мягкая сила», «околоарктическая держава».

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Павельевой Эвелине Анатольевне, доценту, канд. юрид. наук.

В настоящее время Арктический регион утрачивает прежний статус зоны исключительно научного и экологического сотрудничества и становится ареной стратегического взаимодействия между государствами в экономической, логистической, военной и иных сферах. Государства, которые не являются арктическими, также укрепляют присутствие в регионе. Среди них в настоящее время выделяется Китайская Народная Республика, которая позиционирует себя в качестве «околоарктической державы», наращивая взаимодействие с арктическими акторами. Особо тесное сотрудничество (главным образом в экономической сфере) на современном этапе в Арктике Китай осуществляет именно с Российской Федерацией (для которой регион является зоной национальных интересов [1]), разрабатывая совместные инициативы в рамках комплексного проекта «Один пояс, один путь» и иных инициатив. Подобное сотрудничество

© Зорина К. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

несет для России как ряд перспектив, так и возможные вызовы. По этой причине целесообразно определить, каким образом КНР обосновывает расширение своего присутствия в Арктическом регионе, формируя образ «околоарктической державы» для внешней и внутренней аудитории.

Основные подходы КНР к формированию внешнего нарратива можно выделить при рассмотрении информации из основного документа Китая в области арктической политики, доступного в том числе и для иностранной аудитории – «Белой книги» («Арктическая политика Китая», 2018 [2]), а также публикаций крупнейших государственных медиаплатформ Китая, освещающих международные события и доступных на иностранных языках (на примере публикаций Global Times [3; 4]).

Ключевыми особенностями, которые удалось выделить, являются подчеркнутая риторика «прозрачности» интересов: можно рассматривать публикацию «Белой книги» [2] как инструмент «мягкой силы» КНР для демонстрации открытости, предсказуемости и готовности делиться информацией; представление ключевой инициативы «Ледовый шелковый путь» в качестве инструмента транспортной интеграции с партнерами (морской путь на севере как благо для всей Евразии – не варварское стремление к ресурсам, а участие в «совместном управлении»); упор на формирование образа страны как ответственного научного партнера [4], лидера в изучении климатических изменений (В «Белой книге» отмечается особая роль ледокола «Сюэ Лун», станции на Шпицбергене). Дополнительно можно выделить жесткую риторику в сообщениях СМИ, направленную против концепта угрозы, создаваемой китайско-российским сотрудничеством в Арктическом регионе [3].

Если рассматривать внутригосударственное освещение Арктического вопроса, то здесь стоит отметить ряд дополнительных транслируемых концептов. На первый план

выходят вопросы легитимации присутствия Китая в Арктике [5], придается особая важность положениям «Белой книги» [2], апеллирующим к подписанию Шпицбергенского трактата 1925 г. и «древним знаниям» о северных морях, научным экспедициям. Арктика выделяется как стратегически важный регион для выживания китайской цивилизации – таяние льдов влияет на муссоны и наводнения в регионе Янцзы [2]. Таким образом, политика в регионе, выступающем в качестве «климатического щита», переводится в плоскость национальной безопасности. Также в СМИ [6] ранее можно было наблюдать популяризацию концепции «экономического чуда через Север», который должен был стать локомотивом для северо-восточных провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь). Арктику рассматривают как потенциальную зону для развития рыбохозяйственного комплекса и сокращения маршрута для китайских товаров в Европу. Таким образом, внутри КНР особое развитие получает видение Арктики как зоны стратегических интересов, которые сложились исторически.

Исходя из полученной информации, можно отметить глобальную разницу двух нарративов: для внешнего мира в большей мере Китай использует «мягкую силу» для популяризации Арктического пространства как «совместного наследия человечества», где ключевое место занимают вопросы климата, экологии и логистики, а внутри государства делается ставка на формирование образа Арктики в качестве «стратегического ресурса КНР». Пекин, вероятно, продолжит использовать «двухуровневую» риторику: мягкую — для внешней легитимации, жёсткую — для внутренней мобилизации, однако в долгосрочной перспективе сохранение дихотомии может усилить недоверие со стороны арктических государств при потенциальном усилении ресурсной активности КНР [6].

Список источников

1. О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности до 2035 года : Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 27.02.2023). 6 с.

2. The State Council Information Office of the People's Republic of China: China's Arctic Policy, 2018 First Edition : [site]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm pdf (дата обращения 13.04.2026).

3. Korybko A. Why is the West inventing an imaginary Arctic threat of China-Russia cooperation? // Global Times Journal : [site]. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202403/1307991.shtml?id=11 (дата обращения 13.04.2026).

4. Xin L. Russia and China will train specialists for navigation in polar waters: Russian Ministry of Transport // Global Times Journal : [site]. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202511/1347311.shtml (дата обращения 13.04.2026).

5. Doshi R. Northern expedition: China's Arctic activities and ambitions / R. Doshi, A. Dale-Huang, G. Zhang // Center for Asia Policy Studies John L. Thornton China Center. 2021. P.1–5.

6. Wang Y. In-depth: Ice and snow tourism in NE China / Y. Wang, L. Wang // China Global Television Network : [site]. URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d774d77497a4d33457a6333566d54/index.html (дата обращения 13.04.2026).

УДК 342

Чрезвычайное положение как административно-правовой режим

Иванова Алёна Игоревна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, AIIvanova-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: чрезвычайное положение, административно-правовой режим, экстраординарный режим, правовое регулирование, ограничение прав и свобод.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чумарове Екатерине Юрьевне, доценту, канд. юрид. наук.

В теории административного права под административно-правовым режимом понимается совокупность правил поведения, деятельности граждан и организаций, дополнительно установленных и обеспеченных мерами административного принуждения в определенных сферах общественных отношений. К общим признакам таких режимов относят нормативную закрепленность, целевое назначение, особую процедуру реализации, возможность применения государственного принуждения, а также наличие ограничений и усиленный контроль для поддержания режима.

Чрезвычайное положение представляет собой экстраординарный режим. Это законный способ изменения границ государственно властных полномочий, при котором применение

© Иванова А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

мер принуждения и отступление от некоторых гарантий реализации прав граждан выступает не как отрицание конституционализма, а как экстремальный способ защиты публичных интересов [2].

В Российской империи аналогом чрезвычайного положения выступало «исключительное положение» по Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, от 14 августа 1881 г., которое предоставляло генерал-губернаторам практически неограниченные полномочия. В Советский период было издано несколько нормативных актов, регулирующих режим чрезвычайного положения, в том числе Закон СССР от 3 апреля 1990 г. №1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения», который предоставил органам власти широкие полномочия в случае введения чрезвычайного положения. Качественно новый этап наступил с принятием Закона Российской Федерации от 17 мая 1991 г. №1253-1 «О чрезвычайном положении», который можно рассматривать как первый опыт закрепления демократических процедур при введении рассматриваемого вида режима.

Правовую основу современного регулирования составляет Федеральный конституционный закон (далее - ФКЗ №3) от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также ряд отраслевых законов, регламентирующих деятельность силовых структур: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 3 июля 2016 г. №226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». Федеральный закон от 27.10.2025 №391-ФЗ, вступивший в силу с 1 марта 2026 года, наделяет Правительство РФ правом устанавливать особенности применения жилищного законодательства на территориях с введённым чрезвычайным или военным положением. Это свидетельствует о формировании комплексного

подхода к обеспечению жизнедеятельности, выходящего за рамки исключительно силовых мер. Ответственность за нарушение режимных требований предусмотрена ст. 20.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

ФКЗ №3 выделяет две группы оснований для введения режима ЧП: социально-политические и природно-техногенные. Процедура введения включает издание указа Президента Российской Федерации с его обязательным утверждением Советом Федерации в течение 72 часов. Сроки действия режима - не более 30 суток на всей территории Российской Федерации и не более 60 суток в отдельных местностях.

Общее руководство режимом чрезвычайного положения возлагается на коменданта территории, назначаемого Президентом Российской Федерации. Для оперативного управления может быть создан объединенный оперативный штаб из представителей органов внутренних дел, МЧС России, Росгвардии, ФСБ России и других ведомств. Непосредственное выполнение режимных мероприятий осуществляют силы правопорядка: МВД России, Росгвардия, МЧС России, ФСБ России. В исключительных случаях для обеспечения режима могут привлекаться Вооруженные Силы Российской Федерации для помощи в поддержании порядка и охране объектов [3].

Режим чрезвычайного положения включает набор мер и временных ограничений. Именно набор применяемых ограничений позволяет определить степень экстраординарности режима и отграничить его от смежных институтов [1]. Определяющее значение приобретает не столько их перечень, сколько возможность их оперативного введения и отмены. Важно подчеркнуть необходимость четкой регламентации принимаемых мер и предотвращения произвола на местах. Основным способом преодоления риска чрезмерного административного усмотрения со стороны должностных лиц должно стать создание действенного

механизма оперативного судебного контроля за их применением, включая возможность обжалования действий должностных лиц в ускоренном порядке.

Реализация режима чрезвычайного положения сталкивается с рядом системных проблем: бюрократическая сложность процедуры введения ЧП в экстренной ситуации приводит к потере времени и замедляет реагирование на угрозы, механизмы защиты прав граждан иногда остаются декларативными. Существенным пробелом является отсутствие регулирования цифровой сферы.

Чтобы решить выявленные проблемы, рекомендуется: дополнить ФКЗ № 3 нормами о регулировании интернета и блокировке деструктивного контента в условиях ЧП; разработать типовые регламенты взаимодействия всех силовых структур и принять подзаконный акт, детализирующий процедуру досудебной компенсации ущерба гражданам. Реализация этих мер позволит повысить оперативность реагирования при сохранении гарантий законности и защиты прав человека.

Список источников

1. Басов А. В. Чрезвычайное положение: понятие и признаки // Вопросы российского и международного права. 2017. №10А. С. 99-106.

2. Козловская А. А. Чрезвычайное положение как особый административно-правовой режим // 30 лет Конституции Российской Федерации: наука и правоприменительная практика. 2023. С. 104-110.

3. Лунина Т. А. Особенности чрезвычайного положения в РФ // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права. 2020. С. 79–82.

УДК 342.571

Цифровые платформы в государственном управлении: правовые аспекты, практика внедрения и проблемы функционирования

Калашникова Елизавета Михайловна, Бурагаева Алина Васильевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, kalscalashnikova@yandex.ru

Ключевые слова: цифровые платформы, государственное управление, электронное правительство, мессенджер Max, госпаблики, информационная безопасность, цифровое неравенство.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Ахременко Анастасии Сергеевне, ассистенту кафедры КАиМп юридического института СФУ.

Современный этап развития общества характеризуется глубоким проникновением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности. Государство, реагируя на запрос общества на удобство и скорость взаимодействия, стремится обеспечить равный доступ граждан к реализации своих прав вне зависимости от их территориальной удаленности. И в этом плане современные технологии создают новые каналы для участия граждан в гос. управлении и взаимодействия с органами публичной власти.

Развитие инновационных решений и цифровая трансформация не только повышают операционную эффективность гос. аппарата, но и качественно меняют форматы коммуникации между обществом и властью. Государственные цифровые платформы (далее – ГЦП) можно рассматривать как механизм для

© Калашникова Е. М., Бурагаева А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

создания приложений общего пользования для координации взаимодействия ее пользователей [1, с. 4-7].

Если же говорить о понятии цифровых платформ, то как пишет Н. А. Троян они обычно рассматриваются как информационные системы, обеспечивающие взаимодействие субъектов в цифровой среде по заданным алгоритмам через Интернет. Накопленный опыт функционирования госинформсистем создал предпосылки для успешной эволюции отдельных сервисов в полноценные цифровые платформы. Наиболее ярким примером является Единый портал Госуслуги, объединяющий органы власти всех уровней и бюджетные учреждения, а также физических и юридических лиц [2, с. 41, 42].

Параллельно развивается направление государственных пабликов в социальных сетях, которые обеспечивают прямую коммуникацию, гарантируя достоверность публикуемой информации и компетентность ответов представителей власти. Они берут на себя важную коммуникативную функцию, постепенно вытесняя традиционные каналы информирования и способствуя укреплению доверия населения к институтам власти, а также повышению качества предоставляемых гос. услуг [3, с. 300–301].

Современным этапом развития платформенных решений в гос. управлении можно считать принятие Федерального закона № 156-ФЗ, цель которого – повышение доступности услуг и сервисов в различных сферах жизнедеятельности, создание комфортной и безопасной среды при использовании информационных технологий [4]. Предполагается, что внедрение Max расширит доступность гос. сервисов и создаст единое окно для взаимодействия граждан с органами власти. В числе ожидаемых функциональных преимуществ ученые выделяют, что мессенджер будет использоваться как цифровое удостоверение личности, а также позволит оплачивать налоги и штрафы прямо в приложении и др. [5, с. 148-156].

На текущем этапе мессенджер Max находится в стадии активной доработки и проходит проверку на реальных пользователях. Имея огромный потенциал, в настоящее время объем доступных услуг на платформе остается ограниченным, а запланированные сервисы еще не внедрены в полном объёме. Это позволяет охарактеризовать продукт как незавершенный с точки зрения полноты реализации заявленных гос. функций. Как пишут Е.И. Дискин и М.Р. Малютин анализ внедрения мессенджера Max выявляет и специфические барьеры: 1) процесс происходит в условиях низкого уровня цифрового доверия; 2), принудительный характер ряда нововведений (двухфакторная аутентификации на Госуслугах). Особую озабоченность, разделяемую авторами, вызывают вопросы кибербезопасности платформы и сохранности персональных данных [5, с. 147]. Отсутствие прозрачных механизмов защиты данных может подрывать доверие граждан к новому сервису.

Возвращаясь в целом к практике внедрения ГЦП, можно сказать, что ключевым вызовом остается риск углубления цифрового неравенства. Несмотря на активную деятельность государства по обеспечению к доступу к сети «Интернет», не во всех регионах это реализуется в полном объеме, кроме того, возможны случаи его отключения в целях безопасности, что также может вызывать трудности в доступе к цифровым платформам. Поэтому государство должно сохранять возможность использовать другие – офлайн возможности доступа к услугам для лиц, не имеющих соответствующих технических возможностей или, что тоже не исключается, навыков использования электронными системами.

Проведенный анализ показывает, что интеграция цифровых платформ в гос. управление является объективной необходимостью, однако ее успех напрямую зависит от преодоления существующих правовых и организационных барьеров. Таким образом, только комплексный подход,

сочетающий совершенствование нормативно-правового регулирования, техническую модернизацию и гарантии соблюдения конституционных прав граждан, позволит трансформировать ГЦП, в т.ч. Max, в действительно эффективный и безопасный инструмент государственного управления.

Список источников

1. Стырин Е. М. Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Е. М. Стырин, Н. Е. Дмитриева. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 32 с.

2. Троян Н. А. Правовое обеспечение применения цифровых платформ в государственном управлении: проблемы и современные подходы // Мониторинг правоприменения. 2025. № 4 (57). С. 40–49.

3. Федоровских А. А. Госпаблики как инструмент трансформации культуры информационно-коммуникационного взаимодействия органов власти и общества / А. А. Федоровских, М. М. Хусаинова // Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 299–303.

4. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 N 156-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2025).

5. Дискин Е. И. Мессенджер Max как инструмент модернизации электронного правительства: анализ трансформации взаимодействия граждан и государства / Е. И. Дискин, М. Р. Малютин // Вопросы государственного и муниципального управления. 2026. № 1. С. 144-169.

УДК 342

Проблемы правового регулирования коллективных обращений граждан в Российской Федерации

Креймер Антон Геннадьевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kreimer419@gmail.com

Ключевые слова: право на обращение, коллективные обращения, региональное законодательство об обращениях.

Граждане и объединения граждан России имеют право обращаться в индивидуальной и коллективной формах [1]. Стоит отметить, что коллективные обращения зачастую затрагивают резонансные общественные проблемы и тем самым имеют крайне важное значение. Несмотря на это, федеральное регулирование данной сферы до сих пор остаётся недостаточно раскрытым [2].

Региональное законодательство в этой части более прогрессивно. В ряде субъектов РФ ранее предпринимались попытки закрепить определение понятия «коллективное обращение», и зачастую под ними понималось обращение двух и более граждан, подписанное ими и принятое согласовано, в том числе на публичном мероприятии [3,4]. Наиболее полноценным видится определение, сформированное в Нижегородской области: «коллективное обращение – это направленное в письменной форме или в форме электронного документа обращение двух и более граждан или обращение объединений граждан, в том числе юридических лиц, по общему для них вопросу в государственные органы, органы местного самоуправления и к их должностным

© Креймер А. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и к их должностным лицам, а также обращение в письменной форме, принятое на публичном мероприятии (собрании, митинге, демонстрации, шествии, пикетировании) и подписанное организатором, либо участниками публичного мероприятия, либо уполномоченным (уполномоченными) на данном публичном мероприятии лицом (лицами)» [5]. Такой подход позволяет охватить более широкий круг жизненных ситуаций и тем самым делает регулирование ближе к реальным общественным отношениям.

Представляется, что федеральное законодательство нуждается в закреплении общего понятия коллективного обращения. При этом определение не должно превращаться в чрезмерно громоздкую нормативную конструкцию. Достаточно отразить несколько существенных признаков: участие двух и более лиц, наличие единой позиции по общему вопросу и возможность подачи обращения в устной, письменной либо электронной форме с возможностью использования Единого или регионального портала государственных и муниципальных услуг (функций). Отдельно следует указать, что коллективное обращение может быть выработано как путем совместного подписания документа, так и в результате обсуждения на публичном мероприятии.

Не менее важен процессуальный аспект. Сейчас порядок рассмотрения коллективных обращений специально не выделен, хотя их общественная значимость нередко выше, чем у индивидуальных обращений. В этой связи целесообразно установить для них более оперативный режим рассмотрения – оптимальным можно считать пятнадцатидневный срок с правом продления ещё на 15 дней, если требуется дополнительная проверка. Такое решение позволит, с одной стороны, сохранить баланс с общим тридцатидневным сроком, а с другой — обеспечит

более быстрое реагирование на коллективно выраженную позицию граждан.

Отдельной правовой регламентации требует вопрос о том, кому именно должен направляться ответ. В законодательстве субъектов используются разные модели. Одни регионы исходят из того, что ответ получает лицо, специально указанное в тексте обращения [8]. Другие допускают направление ответа одному из подписантов, если конкретный получатель не определен [9]. Существуют и варианты, при которых копии ответа могут быть направлены нескольким заявителям, если такая просьба прямо выражена в обращении [10].

На федеральном уровне целесообразно закрепить единое правило. Наиболее практичным представляется следующий вариант: в первую очередь ответ направляется лицу, обозначенному заявителями как представитель или получатель; при его отсутствии – одному из подписантов, например, первому в списке. Необходимо предусмотреть, что при волеизъявлении заявителей каждый из них может получить копию ответа.

Таким образом, проблема коллективных обращений сегодня заключается не в отсутствии правовой основы как таковой, а в её неполноте на федеральном уровне. Субъекты Российской Федерации уже выработали ряд полезных решений, применимых для совершенствования профильного законодательства. Перспективным направлением является закрепление единого понятия коллективного обращения, определение допустимых форм его подачи, установление специальных сроков рассмотрения и унификация правил направления ответа. Реализация этих мер позволит усилить гарантии участия граждан в публичном управлении и сделать механизм обратной связи с государством более эффективным.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Степкин С. Комментарий к ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». М.: Литрес, 2026, 200 с.

3. Определение ВС РФ от 09.04.2008 № 61-Г08-1 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

4. Об обращениях граждан : Закон Красноярского края от 18.10.1999 года № 8-497 // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://kodeks.ru.

5. О дополнительных гарантиях права граждан на обращение в Нижегородской области : Закон Нижегородской области от 07.09.2007 № 124-З // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://kodeks.ru.

6. Об утверждении Положения об организации работы с обращениями граждан : Указ Губернатора Красноярского края от 14.01.2025 № 11-уг // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://kodeks.ru.

7. О дополнительных гарантиях права граждан на обращение в Республике Марий Эл : Закон Республики Марий Эл от 01.08.2013 № 31-З // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://kodeks.ru.

8. О дополнительных гарантиях права граждан на обращение в Хабаровском крае : Закон Хабаровского края от 20.11.2019 № 24 // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://kodeks.ru.

9. О дополнительных гарантиях реализации права граждан на обращение в Калининградской области : Закон Калининградской области от 21.10.2015 № 465 // Консорциум «Кодекс» : [сайт]. URL: https://kodeks.ru.

УДК 342.9

Субъекты, рассматривающие дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними

Кутелева Дарья Николаевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kutelevadn@mail.ru

Ключевые слова: административное правонарушение, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, несовершеннолетние.

Административные правонарушения представляют собой противоправные, виновные действия (или бездействие), за которые Кодексом об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность [1]. Рассмотрение дел данной категории осуществляется специально уполномоченными субъектами, круг которых строго определён законом. Их деятельность направлена на обеспечение законности, защиту прав и свобод граждан, а также поддержание общественного порядка [4].

Специфика правового статуса несовершеннолетних отличается рядом особенностей, характеризуемых следующими аспектами: их «неадаптированность», обусловленная психологической нестабильностью, недостаточным уровнем образования и отсутствием профессии. Часто подросток не в состоянии адекватно оценить ситуацию, в которой он оказался, что связано и с недостатком жизненного опыта, и с особенностями психологического развития [3].

© Кутелева Д. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В этой связи законодатель устанавливает специальную систему субъектов, уполномоченных рассматривать такие дела, а также особые правила разграничения их компетенции, закреплённых в КоАП и разъяснённых в постановлениях высшей судебной инстанции.

Прежде всего, общее правило установлено частью 1 статьи 23.2 КоАП РФ, согласно которой дела об административных правонарушениях, совершённых несовершеннолетними, рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав [1]. Данная норма носит приоритетный характер по отношению к общим правилам подведомственности. Указанный подход подтверждён подпунктом «ж» пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [2], в котором подчёркивается приоритет комиссии как специализированного органа, ориентированного не только на привлечение к ответственности, но и на воспитательное воздействие.

Вместе с тем законодатель предусматривает исключение из данного правила.

В соответствии с частью 2 статьи 23.2 КоАП РФ дела об административных правонарушениях в области дорожного движения рассматриваются комиссиями лишь в случае их передачи соответствующими органами или должностными лицами.

Изначально такие дела находятся в ведении органов внутренних дел, а также иных должностных лиц, наделённых полномочиями в сфере обеспечения безопасности дорожного движения [6]. Таким образом, в данной категории дел сохраняется специальная подведомственность, и комиссия по делам несовершеннолетних не выступает в качестве первичного органа рассмотрения, а действует лишь при наличии передачи дела [5].

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав приходит к выводу о необходимости назначения административного наказания, которое не входит в её компетенцию.

В соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 29.9 КоАП РФ и разъяснений, содержащихся в абзаце втором подпункта «ж» пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, комиссия обязана передать дело судье, если установит необходимость назначения наказания, отнесённого к исключительной компетенции суда. Это обусловлено тем, что ряд видов административных наказаний, например, административный арест может быть назначен исключительно судом.

Таким образом, комиссия выполняет функцию первичного рассмотрения и оценки обстоятельств дела, но при необходимости применения более строгих мер ответственности передаёт материалы в судебные органы [4].

Анализ судебной практики показывает, что соблюдение правил подведомственности имеет принципиальное значение. Нарушение данных правил, в частности рассмотрение дела неуполномоченным органом, квалифицируется судами как существенное нарушение и влечёт отмену или изменение вынесенного постановления [7].

Таким образом, можно выделить три ключевых правила определения подведомственности дел об административных правонарушениях несовершеннолетних: во-первых, приоритет комиссий по делам несовершеннолетних как основного органа рассмотрения; во-вторых, наличие специального исключения для дел в области дорожного движения, где комиссия действует лишь при передаче материалов; в-третьих, возможность передачи дела судье в случаях, когда требуется назначение наказания, отнесённого к исключительной компетенции суда. Указанные

положения обеспечивают баланс между задачами привлечения к ответственности и необходимостью учёта особенностей правового положения.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I).

2. О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Гармаш Д. С. Несовершеннолетние как субъекты административной ответственности // Epomen. Global. 2021. №20. С. 20-26.

4. Дугенец А. С. Правовые основы создания и функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав / А. С. Дугенец, М. Я. Масленников // Административное право и процесс. 2006. № 3. С. 19-23.

5. Хорьков Н. В. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты административной юрисдикции: проблемы законотворческой и правоприменительной практики // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1(15). С. 35-36.

6. Определение Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № /2017 от 29.06.2017г. по делу № /2017 г. : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Eg0gDViUMsrf/?regular-txt.

7. Решение Унинского районного суда № 2А-62/2017 от 7 июня 2017 г. по делу № 2А-62/2017 : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rnIPs0dYSvJr/?regular-txt.

УДК 327

Стратегические интересы Государства Израиль в контексте исторических событий и текущего противостояния с Ираном

Литвинова Анастасия Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, coco-sanscouer@yandex.ru

Ключевые слова: Государство Израиль, Палестина, Иран, Ближний Восток, сионизм.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Эвелине Анатольевне Павельевой, доценту, канд. юрид. наук.

Согласно общепринятым теориям относительно возникновения и эскалации межгосударственных и этнических конфликтов, причинами непреодолимых противостояний, способных, в случае обострения, усилиться до масштабного столкновения конфессий с вовлечением третьих государств региона и мира, являются религиозные, исторические, территориальные, социальные, экономические и политические противоречия. Современные реалии вносят свои коррективы – реализация национальных стратегических интересов через ведение опосредованных войн и открытое применение силы, при имеющейся цивилизационной конфронтации.

28.02.2026 г. мощными бомбардировками начались военные действия США (операция «Эпическая ярость») и Израиля (операция «Рев льва») против Ирана. Погибло руководство страны, включая рахбара аятоллу Али Хаменеи и более 2 тысяч гражданских лиц;

© Литвинова А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

атакованы АЭС Бушер, реактор в Хондабе, заводы в Эрдекане и Исхафане, находящиеся под гарантиями МАГАТЭ, военные базы, жилые дома, мосты, электростанции и гражданская инфраструктура.

Государство Израиль – страна с мощными финансовыми ресурсами (согласно данным МВФ, ВВП за 2025 г. – $611 млрд., прирост – 2,9%, ВВП на душу населения (9517181чел.) – $60,3 тыс.), перспективными научно-техническими разработками, большими политическими амбициями и отсутствием стратегической глубины (для сравнения: S Израиля, по состоянию на 1967 г., включая оккупированные территории Западного берега реки Иордан, Сектора Газа и Голанских высот – 22 тыс. км^2; S Саудовской Аравии – 2150 тыс. км^2; S Ирана – 1648 тыс. км^2). Увеличение территории – краеугольный камень существования еврейского государства.

Стремлению еврейского народа к переселению и объединению на Святой земле *(Земле обетованной)* более 3 тысячелетий. Первое упоминание указано в Танахе (еврейском Священном Писании) [2], в книге Бытия (Быт 50:13, 14) – приход сыновей Иакова в Святую землю из Египта. В новейшей истории становление Государства Израиль началось с миграционных потоков второй алии (1904-1914 гг.), третьей алии (1919-1923 гг.), когда сионисты объявили об «основании национального очага на территории Палестины» и резолюции № 181 ГА ООН 1947 г. о разделе Палестины (создание еврейского и арабского государств, Иерусалим – специальный международный режим, под управлением ООН). Государство Израиль представляет собой центральное звено транснациональной цивилизации. Значительная часть еврейского народа существует вне его территории, сохраняя собственную устойчивую социально-экономическую, культурную и духовную идентичность [3]. (По данным за 2023 г. – еврейское население в мире – более 17 млн. чел.).

В 2024 г. ЦАХАЛ занял буферную зону Голанских высот, в 2025 г. Кнессет одобрил аннексию Западного берега реки Иордан, в 2026 г. израильская армия начала проведение масштабной операции южнее р. Эль-Литани (юг Ливана), авиация Израиля атаковала 33 населенных пункта южной части Ливана. В августе 2025 г. премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил, что связан видением «Большого Израиля» (*Eretz Yisrael HaShlema*), включающего в себя земли Палестины, Египта, Иордании, Сирии и Ливана. Эта концепция призвана воплотить многовековой потенциал еврейской государственности и религиозного наследия на международной арене; основывается на религиозных канонах – книге Бытия (15:18) *Бог дарует Аврааму и его потомкам земли от Нила до Евфрата.*

Стратегические интересы Государства Израиль не ограничиваются решением задач по увеличению территории. В марте 2026 г. Б. Нетаньяху предложил устранение проблемы перекрытия Ираном Ормузского пролива и возможной блокировки Баб-эль-Мандебского пролива йеменским движением «Ансар Аллах» строительством нефте- и газопроводов для транспортировки углеводородов с Ближнего Востока через Аравийский полуостров в израильские порты на Средиземном море, и создание, на их основе, нефтегазового хаба. Проект способен полностью изменить логистику энергетического рынка Ближнего Востока. После захвата ливанской части месторождения «Левиафан» по шельфовой добыче природного газа, учитывая береговую линию Сектора Газа, Израиль станет одним из основных поставщиков ЕС. Реализации данных планов препятствует противостояние с Ираном, теократическим государством, чья цивилизационная история охватывает почти 5 тысячелетий. Политическая воля Тегерана, направленная на разрушение Государства Израиль, как детища сионистского движения, образование на территории Палестины независимого палестинского государства, в котором будут представлены все

религии и конфессии [1], сведения о наличии запасов обогащенного урана, достаточного для создания 9 ядерных бомб – это экзистенциальная угроза самому существованию Израиля, и причина нового этапа конфронтации еврейского государства и Республики Иран.

30.03.2026 г. в Кнессете были приняты поправки, расширяющие применение смертной казни. Согласно новым правилам, касающимся умышленного совершения террористических актов, повлекших гибель граждан Израиля, для израильтянина смертный приговор может быть вынесен только в одном случае – если доказано, что преступление совершено с целью «отрицания существования Государства Израиль». Настолько жестко израильское руководство относится к собственным гражданам относительно принципиального вопроса.

14.04.2026 г. Иран оценил предварительный ущерб от атак США и Израиля в $270 млрд. Израиль нанес ощутимое поражение «Оси сопротивления», поддерживаемой Ираном – уничтожил руководство и боеспособные части палестинского движения ХАМАС и ливанской организации «Хезболла». Тель-Авив получил возможность стабильного формирования новой архитектуры безопасности Ближнего Востока через развертывание в регионе многофункциональных радаров, связанных с системой ПРО «Железный купол».

Расширение территории для обеспечения стратегической глубины, развитие энергетического сектора, усиление обороноспособности отвечают национальным стратегическим интересам в становлении Государства Израиль единоличным региональным лидером. Геополитические амбиции простираются за пределы Ближнего Востока, что неудивительно для страны, прошедшей за век путь от идеи «национального очага для еврейского народа» до одного из ключевых государств региона. Вопрос только в том, выбирает ли Государство Израиль свое место в

однополярном мире, живущем по правилам, или рассматривает возможность стать центром силы, государством-цивилизацией в многополярном мире.

Список источников

1. Армия Ирана пригрозила Израилю скорым уничтожением // ИА Регнум : [сайт]. URL: https://regnum.ru/news/4024587?ysclid=mo1fo6r7t0285531082 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Еврейская Библия (Танах, ивр.תנ"ך) // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: https://bigenc.ru/c/evreiskaia-bibliia-2514b9?ysclid=mnzs600i5214342005 (дата обращения: 15.04.2026).

3. Эпштейн А. Д. Народ как трансконтинентальная цивилизация: еврейство, государство Израиль и современные диаспоры в эпоху секуляризации // 21-й век. 2009. №2 (10).

УДК 327

MERCOSUR – перспективы и вызовы интеграционных процессов стран Латинской Америки и Карибского бассейна

Литвинова Елизавета Сергеевна
Муниципальное автономное образовательное учреждение средняя школа №149, Lizzie.litvinova@yandex.ru

Ключевые слова: МЕРКОСУР, Европейский Союз, таможенный союз, единая валюта, MERCOSUR.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Василию Валентиновичу Никуленкову, доценту, канд. ист. наук.

© Литвинова Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

С 90-х годов прошлого столетия современный миропорядок пережил кардинальные изменения, связанные с окончанием «холодной» войны, распадом биполярной системы и установлением глобального доминирования стран Запада под руководством Соединенных Штатов Америки. Первая половина XXI века войдет в историю как масштабная перестройка существующей системы международных отношений, через формирование многополярного мира как основы международного порядка и безопасности. Данный период характеризуется уменьшением влияния или уходом одних центров силы, возникновением и развитием новых экономических и политических союзов.

MERCOSUR (исп. – Mercado Común del Sur, Общий рынок стран Юга) – динамично развивающаяся организация, у истоков которой, в 1991 г., стояли Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай, сегодня объединяет 6 государств-участников (присоединились: в 2012 г. - Венесуэла, членство которой было приостановлено в 2017 г., ввиду нарушения п. 2 ст. 5 Ушуайского протокола о демократических обязательствах MERCOSUR, и в 2024 году - Боливия). Это независимые государства с реальным сектором экономики, что служит основой, фундаментом блока. Они ведут самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Население MERCOSUR 310 млн. человек, ВВП (Annual GDP), по данным за 2024 г., составил более 3 трлн. долл. [5], территория действия около 15 млн. кв.км. Ассоциированными членами (без права голоса) являются: Чили, Эквадор, Перу, Колумбия, Гайана, Суринам. Наблюдатели: Новая Зеландия и Мексика. Правовая база MERCOSUR, главные позиции:

• Асунсьонский договор 1991г. Основной договор, обозначил цели: создание Южноамериканского общего рынка, включающее свободное перемещение товаров и услуг между странами, отмена внутренних таможенных пошлин; введение единого внешнего тарифа и установление общей политики объединения в отношении третьих стран; взаимодействие по координации действий государств-участников в сфере регулирования конкуренции в сфере сельского хозяйства, кредитно-денежных отношениях,

промышленном секторе; необходимость унификации национальных законодательств.

• Протокол Бразилиа 1992 г, установивший порядок разрешения споров между участниками MERCOSUR.

• Протокол Оуро-Прето 1994 г. (Protocolo de Ouro Preto) - структурировал институты организации; установил главенство законодательных норм MERCOSUR над национальными правовыми системами и обязательность выполнения решений блока; закрепил официальные языки – испанский и португальский (в 2006 г. добавлен гуарани); произвел оформление Таможенного союза.

• Протокол Оливос (вступил в силу 01.01.2004) - сократил время досудебного урегулирования, регламентировал рассмотрение спорных вопросов.

• Протокол об учреждении Парламента MERCOSUR (вступил в силу 19.10.2006), способствует гармонизации законодательства MERCOSUR и стран-участниц, через инкорпорирование норм объединения в национальные законодательства.

Первое десятилетие существования объединения доказало правильность выбранного пути по формированию зоны общей торговли – внутренний товарооборот в общем объеме экспорта государств MERCOSUR вырос с 4 млрд. долл. до 40 млрд. долл., произошло ощутимое снижение (с 30% до 2%) стоимости импорта за счет сокращения нетарифных ограничений; зафиксировано падение доли населения, живущего за чертой бедности – с 40% до 26%. Вместе с тем глобальные экономические кризисы конца 90-х – начала 2000-х гг. привели к сокращению внутреннего товарооборота и поиску собственных внерегиональных партнеров с последующим применением мер для защиты национальных производителей. Основные разногласия проявились в сфере производства и реализации продовольствия, бытовой техники и автомобилей, поставок природного газа.

Последствия мировой эпидемии COVID-19 также негативно сказались на экономике Таможенного союза – в 2020 г. объем внутренней торговли снизился до 29 млрд. долл., однако через 2 года восстановил свои позиции до 45 млрд. долл. США.

В 2023 г. Бразилия и Аргентина предложили введение единой южноамериканской валюты SUR, призванной уменьшить зависимость объединения от доллара, сократить операционные издержки, увеличить взаимную торговлю. Расчеты в новой валюте должны иметь место наряду с использованием бразильского реала и аргентинского песо, не вытесняя национальные денежные единицы [1]. План рассчитан на присоединение к единому валютному пространству других участников MERCOSUR и требует консолидации финансовых структур. В настоящее время разный социально-экономический уровень стран и политические разногласия, препятствующие принятию решений путем консенсуса, нивелируют возможность введения единой валюты MERCOSUR, в то время как правовые аспекты могут быть устранены на уровне межгосударственных комиссий.

С момента создания блок ищет возможности реализации экономического потенциала на Евразийском континенте. Рассматриваются варианты укрепления отношений с Китаем, Индией, Россией, БРИКС, ЕАЭС [4]. Наиболее перспективной и эффективной определена линия взаимодействия с Европейским Союзом. В 1995 г. – заключено Рамочное соглашение с ЕС об экономическом и торговом сотрудничестве. В 2019 г. подготовлено масштабное торговое соглашение между ЕС и MERCOSUR. Зона свободной торговли охватит 722 млн. человек, прогнозируемый ВВП - 22 трлн. долларов США. 17 января 2026 г. в Парагвае между Европейским Союзом и MERCOSUR заключено Соглашение о партнерстве и Временное торговое соглашение [2]. 21 января 2026 г. Европарламент принял решение обратиться в суд ЕС для оценки соответствия документа европейскому законодательству [3]. Выполнение Соглашения поставлено на неопределенную временную паузу, став очередным вызовом долгосрочным целям союза, направленным на развитие трансконтинентальных связей.

MERCOSUR продолжает соблюдать баланс между значимостью институтов объединения и защитой национальных интересов, решив основные задачи частичной интеграции. Страны не торопятся идти по пути Европейского Союза, государства которого

достигли максимальной интеграции, унифицировав собственное законодательство, установив главенство руководящих органов ЕС, проведя централизацию экономической, политической, военной, социальной и финансовой составляющих. Вместе с тем, меняющийся формат международных отношений, уход от англо-саксонского однополярного мира – порядка, основанного на правилах, и становление многополярного мира, делает неизбежным дальнейшую интенсификацию интеграционных процессов стран Латинской Америки и Карибского бассейна в рамках MERCOSUR, как объединения, наиболее полно учитывающего особенности национальной идентичности государств, одновременно являющегося крупнейшим региональным актором.

Список источников

1. Бразилия и Аргентина захотели создать собственное «евро». Каковы их шансы // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/23/01/2023/63ce81089a79477dede63dea?ysclid=mnzr1dpi3f116413013 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Евросоюз и МЕРКОСУР подписали соглашение о свободной торговле // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8361252?ysclid=mnx1ukw7yo328519830 (дата обращения: 15.04.2026).

3. ЕП запросил правовую оценку Судом ЕС торгового соглашения Евросоюза с МЕРКОСУР // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/1068811 (дата обращения: 15.04.2026).

4. Kochenkova D. D. BRICS 2023: a platform for South-South dialogue and enhanced cooperation in a multipolar world / D. D. Kochenkova, Yu. I. Dzis // The Newman in Foreign Policy. 2023. Vol. 6, № 75(119). P. 37–40.

5. MERCOSUR – Southern Common Market // Country Economy. URL: https://countryeconomy.com/countries/groups/mercosur (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 342.9

Проблемы государственного контроля (надзора) в сфере образования

Макина Кристина Константиновна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kmakina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: образование, государственный контроль, надзор, административное регулирование.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Андрею Владимировичу Жильцову, доценту, канд. юрид. наук.

Произошедшие изменения системы государственного контроля (надзора) в Российской Федерации оказали существенное влияние в том числе на осуществление контрольно-надзорной деятельности в сфере образования.

Как известно, одной из ключевых задач реформы государственного контроля (надзора) является достижение баланса между обеспечением качества образования и силой обременяющего воздействия на соответствующие организации со стороны контрольно-надзорных органов. В качестве одного из средств достижения такого баланса выступил перенос приоритетов с контрольно-надзорных мероприятий и применения административной ответственности на профилактику правонарушений.

Идея изменения приоритетов была в полной мере реализована Рособрнадзором. В качестве одной из основных задач

© Макина К. К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

на 2025-2026 года, определенных Рособрнадзором, явилось ограничение избыточной отчетности и количества региональных оценочных процедур [3]. Статистические данные, фигурирующие в отчетах Рособрнадзора, также свидетельствуют о следовании названной выше траектории развития контрольно-надзорной деятельности. Так, в 2025 году, доля проведенных профилактических мероприятий составила около 99,5%, а контрольно-надзорных мероприятий всего 0,5%.

При этом вопрос об эффективности обозначенного выше подхода, на наш взгляд, остается дискуссионным. Возникает вопрос о том, не приведет ли активное смещение акцентов контрольно-надзорной деятельности на профилактику к снижению качества представляемых образовательными организациями услуг. Такие наши сомнения обусловлены рядом причин.

В первую очередь это связано с подменой понятий. К примеру, обязательный профилактический визит, который, без сомнения, позволяет обеспечить эффективное воздействие на потенциальных (и реальных) нарушителей обязательных требований, отнесен к профилактическим мероприятиям, но по своему фактическому содержанию являются КНМ. В том числе, в соответствии со ст. 90.1 Федерального закона № 248-ФЗ по итогам проведения обязательного профилактического визита может быть выдано предписание об устранении выявленных нарушений [1].

Во-вторых, в правоприменительной практике часто применяется предостережение с целью превентивного воздействия на контролируемое лицо, однако эффективность данной меры в сравнении с КНМ не достигает необходимого результата и несмотря на снижение административной нагрузки, ПМ не могут в полной мере заменить КНМ. К примеру, из практики Рособрнадзора за ноябрь и декабрь 2024 года образовательным организациям было направлено 62 предостережения, ответ на которые дали только 47 образовательных организаций. Таким образом, можно сделать

вывод о том, что профилактических мероприятий недостаточно для обеспечения целей государственного контроля и исключать роль КНМ нецелесообразно.

Еще одним вопросом, требующим внимания, является использование риск-ориентированного подхода в государственном контроле. Как известно, государственный контроль (надзор) в сфере образования в соответствии с Постановлением Правительства реализуется с применением риск-ориентированного подхода [2].

Риск-ориентированный подход подразумевает введение категорирования контрольных объектов по степени возможного вреда. В сфере образования выделяют высокий, средний и низкий риск. Периодичность, с которой осуществляется проведение плановых проверок, зависит от категории присвоенного риска конкретному объекту контроля.

Несмотря на положительные аспекты такой практики и замену карательных мероприятий превентивными, возникла проблема с тем, что образовательные организации, не отнесенные к категориям высокого или чрезвычайно высокого риска, не подвергаются осуществлению проверочных мероприятий, для таких организаций проводятся профилактические визиты. Таким образом, организации избегают проверочные мероприятия. Статистика Рособрнадзора показывает, что на 52 внеплановые проверки приходится несколько тысяч профилактических мероприятий. При этом, при проведении профилактических мероприятий выявляется значительно меньше правонарушений, что может указывать на неэффективность такой деятельности. Перечисленные факторы свидетельствуют о том, что выстроенная система осуществления государственного контроля (надзора) в сфере образования не учитывают специфику каждого подконтрольного объекта в объеме, необходимом для качественного регулирования деятельности.

Особого внимания в данном случае заслуживают организации, отнесенные к низкой категории риска. Для них профилактические визиты проводятся не чаще 1 раза за 5 лет, сильно сокращая и практически исключая государственное регулирование. Доклад Рособрандзора об итогах работы показывает, что количество обращений граждан по различным критериям за 2025 год увеличилось от 40% до 87% по сравнению с 2024 годом.

В связи с этим целесообразно рассмотреть возможные изменения законодательства в сфере государственного контроля (надзора) сферы образования в целях профилактики. Для решения проблемы необходимо сформировать возможность реализации самопроверки, состоящей из осуществления оценки соответствия деятельности образовательной организации обязательным требованиям не реже одного раза в год, и последующее направление полученных результатов проверки в контролирующий орган. При этом, должна быть возможность добровольного устранения нарушений при их выявлении без применения мер административной ответственности при отсутствии вреда охраняемым законом ценностям.

Совершенствование системы требует комплексного подхода для снижения нагрузки, как на контролирующий орган, так и на контролируемое лицо, стоит обратить внимание на внедрение цифровых технологий для проведения анализа и прогнозирования возможных рисков. Предлагаем разработать единую цифровую площадку для осуществления мониторинга за образовательными организациями, на которой будет заведен индивидуальный цифровой профиль образовательных организаций. Такая система сможет автоматизировать сбор и анализ данных об успеваемости, трудоустройстве выпускников и независимой оценки качества предоставляемых образовательных услуг.

Предложенные изменения позволят сохранить направление государственного контроля (надзора) на профилактику и снизить

нагрузку на контролирующие органы, при этом сохранится баланс интересов, качества предоставляемых услуг и осуществляемого контроля.

Список источников

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон № 248-ФЗ : принят Государственной думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года;

2. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования : Постановление правительства от 25 июня 2021 г. № 997.

3. Об утверждении Плана деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки на 2026 год и Основных показателей деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки на 2026 год : Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 26 декабря 2025 г. № 2449.

УДК 342.727

Понятие «экстремистская деятельность» в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты

Мирошниченко Данила Алексеевич
Юридический институт Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, danyan2233@yandex.ru

Ключевые слова: конституционно-правовые аспекты экстремизма, экстремистская деятельность, понятие экстремистской деятельности, понятие экстремизма.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Зайнитдинову Николаю Александровичу, старшему преподавателю кафедры конституционного, административного и муниципального права.

Последнее время в Российской Федерации уделяется особое внимание вопросам противодействия экстремизму. В то же время само понятие является одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке и правоприменительной практике.

Понятие экстремистской деятельности в российском законодательстве формировалось эволюционно и закреплялось в четырёх правовых актах, которые принимались последовательно.

Первый принятый акт - указ президента РФ 1995 года № 310. В рассматриваемом акте не приводится прямое легальное определение экстремизма, вместе с тем выделяется ряд его признаков: подстрекательство к расовой, национальной, религиозной и социальной розни, а также пропаганда фашистских

© Мирошниченко Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

воззрений. К экстремистской деятельности законодатель относит учреждение незаконных вооружённых или полувоенных формирований. Положение о том, что экстремизм посягает на основы конституционного строя - в дальнейшем будет воспроизведено в последующих правовых актах.

Второй акт - Шанхайская конвенция “о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом” 2001 года, где экстремизм понимается в качестве деяния, нацеленного на насильственное переустройство основ конституционного порядка, осуществление силового захвата власти, либо на совершение агрессивных действий, угрожающих общественной безопасности, или на формирование нелегальных военизированных структур для достижения данных целей. Также вводятся понятия терроризма и сепаратизма, которые не являются частью экстремизма. Определение, данное в этом акте близко к указу президента, однако в нём отсутствует упоминание распространения идей фашизма как признака экстремизма.

Третий акт - ФЗ № 114 где представлена наиболее широкая трактовка термина “экстремизм”. Закон относит к экстремизму любые преступления, в которых в качестве отягчающего обстоятельства учитывается совершение преступления по мотивам вражды или ненависти. Исключительной особенностью анализируемого ФЗ является квалификация в качестве экстремизма, действия, заключающегося в публичном распространении ложных сведений о том, что лицо, замещающее государственную должность, в ходе исполнения своих служебных обязанностей совершило деяния, являющиеся экстремистскими преступлениями.

Последняя формулировка с точки зрения многих авторов (Кургузкина, Урцмиханов, Синицына), является избыточной, не имеющей прямой связи с экстремистской идеологией и может использоваться для защиты от критики [1]. В целом можно

выделить тенденцию к расширению и ужесточению толкования понятия экстремизм в новых правовых актах. Произошел переход от более абстрактной, связанной по большей части с насильственными действиями, трактовкой понятия экстремизм к современной, где под экстремизмом подразумевается конкретный перечень деяний. Так же Кургузкина отмечает в ФЗ избыточность перечислений, отсутствие эвристичности и когерентности. Тождественность в законе экстремизма (как идеологии) и экстремистской деятельности [2]. С точки зрения Урцмиханова разделения экстремизма и экстремистской деятельности это необходимое условие для защиты ст. 29 Конституции РФ. Криминализована, может быть, только деятельность, представляющая реальную общественную опасность [3].

Четвертый акт - Конвенция Шанхайской Организации Сотрудничества по противодействию экстремизму, где экстремизм представляет собой идеологическую систему, ориентированную на урегулирование конфликтов (в политической, социальной, расовой, национальной и религиозной плоскостях) путём применения силы либо прочих методов, вступающих в противоречие с конституционным порядком. Эта дефиниция отчасти перекликается с теми признаками экстремизма, которые закреплены в Указе Президента РФ. Одновременно Конвенция вводит определение термина «экстремистский акт». К нему причисляется: членство в экстремистских структурах и участие в вооружённом мятеже; разжигание вражды (розни) по основаниям, связанным с принадлежностью к определённой социальной группе, политическим воззрениям, национальности, расовой или религиозной идентичности; публичные обращения с призывами к данным действиям; а также накопление и распространение материалов экстремистского содержания. Этот термин берёт за основу понятие экстремизма из старой конвенции, меняет и расширяет его (экстремизм в новой конвенции — это “идеология и

практика”, а экстремизм как деяние уже именуется непосредственно экстремистским актом). Это именно та модель, которую предлагают критики ФЗ № 114: экстремизм как идеология не должна быть автоматически криминализована, криминализации подлежит лишь деятельность (акт), реально угрожающая охраняемым законом интересам [4].

Термин «экстремистская деятельность» в Конституции РФ отсутствует, однако её положения служат фундаментом антиэкстремистского законодательства. Ч. 5 ст. 13 устанавливает запрет на общественные объединения, связанные с силовым изменением конституционного порядка, посягательством на территориальную целостность страны, ослаблением государственной безопасности, формированием незаконных вооружённых структур, а также с разжиганием вражды. Эта норма устанавливает запрет на действия, а не на мысли, и почти полностью соответствует определению экстремизма в Шанхайской конвенции.

Предлагаю законодательно разделить понятия на идеологию экстремизма (как социально-опасное, но не наказуемое явление) и экстремистскую деятельность (как противоправное деяние). А также взяв за основу определения из шанхайской конвенции, указывающие на насильственный характер экстремистских деяний, начать определять экстремистскую деятельность как несущие реальную общественную опасность противоправные деяния, неизбежно подстрекающие к насилию или направленные на насильственный: захват власти, изменение территориальной целостности и изменение конституционного строя.

Список источников

1. Синицына В. А. Экстремизм, экстремистская деятельность, экстремистское правонарушение: понятие, соотношение,

нормативное регулирование // Вопросы российской юстиции. №2. 2019. С. 304-322.

2. Кургузкина Е. Б. Понятие экстремизма // Научный портал МВД России. №1. 2010. С. 101-105.

3. Урцмиханов З. С. Проблемные вопросы при определении понятия экстремизма, признаки экстремизма // На пути к гражданскому обществу. №2 (50). 2023. С. 84–89.

4. Асмандиярова Н. Р. Соотношение понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности / Н. Р. Асмандиярова, Р. Ф. Гарифуллина // Аграрное и земельное право. №1 (217). 2023. С. 125–126.

УДК 341.231.14

Концепция «репродуктивных прав» и её конституциональное закрепление

Митрофанова Анна Павловна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
anya.mitrofanova.06@inbox.ru

Ключевые слова: репродуктивные права, репродуктивная автономия, конституционное закрепление, суррогатное материнство, генетическая автономия, частная жизнь, конституционные гарантии.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ахременко Анастасии Сергеевне, ассистенту кафедры КАиМп юридического института СФУ.

© Митрофанова А. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Когда мы говорим о фундаментальных правах человека, мы привыкли оперировать категориями свободы слова, права на жизнь. Однако существует сфера, долгое время остававшаяся в тени правового дискурса - репродуктивная. Репродуктивные права – это вопрос суверенитета личности над собственным телом. Цель настоящей статьи - обосновать необходимость конституционной революции в этой сфере. Это не дань моде и не уступка феминистским движениям, а необходимое условие для того, чтобы государство перестало быть «ночным сторожем» спальни гражданина и начало уважать естественный закон свободы.

Ключевые элементы содержания понятия включают: право на ЭКО, суррогатное материнство, контрацепцию и стерилизацию, генетическую автономию (распоряжение половыми клетками, их криоконсервацию) и, в перспективе, право на редактирование генома. Как подчёркивает И.А. Третьяк в контексте рассмотрения темы посмертной репродукции (полагаем можно распространить это мнение и на другие репродуктивные права) говорит о том, что «…во избежание рисков возникновения конституционных конфликтов целесообразно урегулировать данные правоотношения, и ядро таком регулирования должно быть основано на конституционном праве человека на защиту частной жизни и охрану здоровья» [1, с. 50].

Международный опыт демонстрирует корреляцию между прогрессивным законодательством и уровнем конституционной защиты. Наиболее ярким и обнадёживающим примером является Франция, где право на свободное и добровольное прерывание женщиной беременности было конституционно закреплено в 2024 году в статье 34 Конституции Франции [2]. Французский законодатель внёс в Основной закон гарантированную свободу женщины прибегнуть к аборту, что стало ответом на откат репродуктивных прав в других юрисдикциях. Однако конституция

должна защищать весь спектр репродуктивных прав – от ЭКО до суррогатного материнства.

В Азии примером служит Конституция Непала 2015 года, прямо закрепляющая право женщины защиту материнства и на репродуктивное здоровье как фундаментальные [3]. В статье 38 Конституции Непала говорится о праве каждой женщины на репродуктивную гигиену, а также о запрете дискриминации по признаку репродуктивного статуса.

На постсоветском пространстве выделяется Эстония, принявшая закон об искусственном оплодотворении и защите эмбриона, который устанавливает правила проведения процедур, требования к участникам, ограничения и другие аспекты, связанные с искусственным оплодотворением и работой с эмбрионами, права и обязанности лиц, участвующих в этом процессе, при чем как женщин, так и мужчин [4]. Такая практика создает, на наш взгляд, одну из самых либеральных моделей в Восточной Европе. Как отмечает О.Н. Харина, «граждане одних стран вынуждены пересекать границы других государств с целью реализации своих репродуктивных прав, что в условиях отсутствия единообразного международно-правового регулирования создаёт множество коллизионных вопросов» [5, с. 176].

В России конституционное закрепление репродуктивных прав отсутствует. Конституция РФ содержит лишь разрозненные нормы: право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), право на частную жизнь (ст. 23), право на материнство и детство (ст. 38) [6]. Как отмечает Ю.К. Макеева, «Конституционный Суд РФ особо подчёркивает сложность данного вопроса с точки зрения этики, морали и обращает внимание, что законодатели различных стран принципиально по-разному подходят к самой возможности использования половых клеток умерших для зачатия детей… Однако в России данные вопросы остаются не урегулированными» [7, с. 50]. Нормативно-правовые акты, которым осуществляется

регулирование этих вопросов в большинстве являются программными документами, а не нормами прямого воздействия. Отсутствие конституционного фундамента порождает правовую неопределённость: правовой статус эмбриона не определён, суррогатное материнство для одиноких людей затруднительно, прерывание беременности в некоторых местах запрещается.

Идеальной видится модель радикальной кодификации. Конституция РФ должна содержать статью «Право на репродуктивную автономию», гарантирующую каждому человеку право свободно решать вопрос о количестве и времени рождения детей, доступ к репродуктивным технологиям на недискриминационной основе. Это необходимо, чтобы убрать репродуктивную сферу из-под действия моральных кодексов большинства. Без такого закрепления репродуктивные права остаются даром государства, который оно может отобрать. Концепция репродуктивных прав сегодня находится на том же этапе, что и свобода слова в XVIII веке. Конституционное закрепление необходимо, чтобы ограничить государство, защитить право на ошибку и отказ от материнства. Пока в основном законе не появится норма о репродуктивной автономии как элементе неприкосновенности личности, граждане будут оставаться под надзором государства, что несовместимо с идеей правового демократического государства и человеческого достоинства.

Список источников

1. Третьяк И. А. Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 44-53.

2. Constitution du 4 octobre 1958 (dans l'édition du 8 mars 2024) // WIPO Lex : [site]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22608 (дата обращения: 12.03.2026).

3. The Constitution of Nepal / Date of Publication in Nepal Gazette 20 September 2015 (2072.6.3) // WIPO Lex : [site]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16153 (дата обращения: 12.03.2026).

4. Artificial Insemination and Embryo Protection Act, passed 11.06.1997 : [site]. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/505032015001/consolide (дата обращения: 12.03.2026).

5. Харина О. Н. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в международном частном праве // Соотношение внутригосударственного и международного права в условиях глобальных вызовов: вопросы теории и практики : Сборник научных статей молодых исследователей Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 176-180.

6. Конституция Российской Федерации (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).

7. Макеева Ю. К. Репродуктивные права человека сквозь призму практики Конституционного Суда РФ // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 42-52.

УДК 342.7

Реализация конституционного права на свободу слова и информации в интернет-пространстве: специфика и существующие проблемы

Нарковская Юлия Олеговна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, n_julia18@mail.ru

Ключевые слова: конституционная свобода слова, конституционное право на информацию, интернет-пространство, цифровые права, конституционное право, цензура, правовое регулирование.

Статья 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли и слова, право искать и распространять информацию законным способом [1]. Однако развитие интернета трансформирует реализацию этих прав: интернет-пространство глобально, анонимно, не имеет границ, информация распространяется мгновенно. Цифровизация размывает традиционные правовые категории и порождает новые объекты, не вписывающиеся в классические конструкции. Актуальность темы подтверждается данными 2025 года: 92% россиян пользуются интернетом, более 66% — для общения и новостей [5].

На международном уровне свобода слова закреплена в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека. Однако, по мнению П.А. Черновой, национальное законодательство применительно к интернету несовершенно, систематизация норм отсутствует [7]. Российский закон № 149-ФЗ «Об информации» устанавливает три

© Нарковская Ю. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

направления ограничений: защита чести и достоинства; запрет экстремизма и пропаганды войны; обеспечение государственной безопасности [2].

Можно выделить своеобразную специфику реализации права в интернете: анонимность пользователей, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, «не исключает возможность [...] использования интернета в противоправных целях» [3], что затрудняет привлечение к ответственности. «Частная цензура» – т.е. обязанность владельцев соц. сетей самостоятельно выявлять и блокировать запрещённую информацию (ст. 10.6 Закона № 149-ФЗ) [2]. Территориальная юрисдикция также сталкивается с глобальным характером сетей: иностранные интернет-платформы (Meta, Google, X) действуют в России, создавая коллизии правовых норм. Согласно Постановлениям КС РФ, «суверенитет Российской Федерации распространяется на информационную инфраструктуру на ее территории» [3].

Несмотря на активное развитие законодательства, в сфере реализации конституционного права на свободу слова в интернет-пространстве сохраняется ряд системных проблем. Прежде всего, в российском законодательстве отсутствует единый кодифицированный акт, регулирующий отношения между пользователями и платформами в сети Интернет: как справедливо отмечает П.А. Чернова, «единый кодекс, регулирующий отношения в сети Интернет, отсутствует» [7]. Это приводит к разрозненности норм и затрудняет правоприменение. Серьёзной проблемой является также широкое использование в законах оценочных понятий, таких как «неуважение» или «оскорбление». Отсутствие чётких критериев делает для пользователей неясными границы дозволенного, в то время как правоприменительные органы получают возможность широкого и субъективного толкования для привлечения к ответственности [4].

К числу фундаментальных проблем относится и нарушение принципа технологической нейтральности: ограничения (например, перевод на «ГосТех») вводятся указами Президента, а не законами, что противоречит ч. 3 ст. 55 Конституции и создаёт риски произвольного вмешательства [6]. Другая проблема — феномен «репоста»: судебная практика приравнивает репост к распространению информации независимо от авторства, но многие пользователи не осознают публичности своих аккаунтов, поэтому необходима работа по повышению правовой культуры [4]. Главная проблема — это найти баланс между интересами безопасности государства и частными интересами граждан. Государство обязано бороться с фейками и экстремизмом, но нельзя под видом неких абстрактных угроз «безопасности» запрещать всё подряд.

Можно предложить следующие пути решения вышеупомянутых проблем: систематизировать законодательство – принять «Интернет-кодекс» или иной кодифицированный акт. Законодательно закрепить единый перечень запрещённой информации либо дать официальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по наиболее часто используемым оценочным понятиям («неуважение», «оскорбление», «угроза конституционному строю» и др.). Совершенствовать механизмы обжалования действий владельцев социальных сетей (внутриплатформенные и судебные), гарантируя восстановление нарушенных прав. Повышать правовую грамотность пользователей через образовательные программы, разъясняя ответственность за репосты и границы допустимого поведения [Там же].

Реализация права на свободу слова в интернете – сложный динамичный процесс. Интернет демократизировал доступ к информации, но обнажил недостатки правового регулирования: пробелы в законодательстве, субъективное использование оценочных понятий, низкую правовую культуру. Ключевым направлением должно стать не ужесточение контроля, а создание

сбалансированных механизмов судебной защиты, адаптированных к цифровой реальности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон № 149 : // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова : Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

4. Вавилина О. Е. Воплощение конституционного права на свободу слова и информации в интернет-пространстве: специфика и существующие проблемы // Экономика и социум. 2023. №11 (114)-2.

5. Войниканис Е. А. Цифровые права человека: проблемы теории и практики // Право и государство. 2021. № 2. С. 34–41.

6. Минбалеев А. В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет: проблемы и перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2024. Т. 24, № 1. С. 58–63.

7. Чернова П. А. Конституционное право на свободу слова в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" // Скиф. 2018. №11 С. 27–30.

УДК 341.231.14

Конституционное закрепление биоэтических прав на примере эвтаназии

Оганисян Силвард Аркадьевна, Альбрехт Анастасия Алексеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: эвтаназия, биоэтика, автономия, права человека, право на достойную смерть.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Ахременко Анастасии Сергеевне, ассистенту кафедры КАиМп юридического института СФУ.

Понятие эвтаназии впервые появилось еще в XVI веке, его ввел английский философ Ф. Бэкон для обозначения легкой безболезненной смерти. Данный термин используется для обозначения деятельности, направленной на прекращение страданий человека, обусловленных старостью, болезнью или иной причиной. Выделяют активную и пассивную ее формы реализации. Кроме того, в последнее время часто пишут об ассистированной эвтаназии, когда желающему уйти из жизни человеку, например, ввиду неизлечимой болезни, медицинские работники создают необходимые условия для быстрого и безболезненного ухода, но решающее действие остается именно за пациентом [1, с. 348].

Актуальность темы эвтаназии и права человека на распоряжение своей жизнью обусловлена изменениями в понимании основополагающих прав в мировом сообществе. В последнее десятилетие наблюдается эволюция взглядов на права

© Оганисян С. А., Альбрехт А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

личности, включая переосмысление границ автономии человека, его контроля над собственной жизнью и смертью. Усиливается акцент на праве человека самостоятельно принимать решения, касающиеся его тела и, собственно, жизни.

Если обращаться к зарубежному опыту, то на сегодняшний момент эвтаназия легализована не в многих странах. Наиболее успешный опыт — в Голландии, где установлено 6 постулатов: 1) настоятельная просьба больного; 2) невыносимые страдания и нет перспектив выздоровления; 3) полная информированность пациента о своём состоянии; 4) отсутствие альтернативных вариантов лечения; 5) независимое заключение 2 врача; 6) адекватная помощь в смерти. При этом не все просьбы доходят до их непосредственной реализации. Тем не менее такое право и такая возможность хотя бы существуют и законодательно предусмотрены [2]. Таким образом видим, что процедура проведения эвтаназии не сводится лишь к изъявлению желанию и одномоментному приведению ее в исполнение. Она требует ряд этапов для того, чтобы убедиться в серьезном намерении человека и в том, что для этого действительно есть причины без альтернативных вариантов.

В 2021 году, например, процедура проведения эвтаназии была узаконена в Испании [3]. А уже в 2026 году случился резонансный случай приведения закона в действие. 25-летняя жительница Испании почти 2 года боролась за право добровольного ухода из жизни. Группа лиц надругалась над девушкой, вследствие чего она предприняла попытку оборвать свою жизнь, но довести все до конца не получилось. Она страдала от ряда тяжелых заболеваний, среди которых паралич, тяжелая форма депрессии. Судебные органы и мед. эксперты пришли к выводу, что решение девушки является осознанным и соответствует требованиям закона [4].

Что касается регулирования эвтаназии в России, то она запрещена законом, который не допускает медработникам ускорять смерть пациента по его просьбе как активными, так и

пассивными действиями [5]. То есть, запрещены любые виды эвтаназии. Попытки оспаривания данной нормы на предмет их конституционности были, но Конституционный Суд РФ отказался рассматривать жалобу по существу и, соответственно, проверять конституционность нормы так как у заявителя не было оснований для обращения [6]. С точки зрения уголовного законодательства эвтаназия квалифицируется как убийство, предусмотренное ст. 105 УК РФ, так сын умертвил мать, пережившую несколько инсультов и тяжело себя чувствовавшую, он был привлечен по этой статье [7].

Обратимся к статистике от ВЦИОМ. В 2024 году среди россиян за было 49%. Среди молодёжи до 24 лет — 74%. Главное: люди хотят прекратить страдания и иметь право выбора. Противников 33%, их главный аргумент — религия. И важная деталь: эвтаназию всё реже называют убийством [8]. Аргументов за эвтаназию или против существуют десятки, и почти для каждого есть контраргумент. Для верующих эвтаназия неприемлема потому, что они уверены: жизнь человека в руках бога, поэтому распоряжаться ею свободно человек не может. Есть и другие мнения. Некоторые считают, что легальная эвтаназия позволяет неизлечимо больным людям выбрать «легкую смерть». То есть эвтаназию рассматривают как акт гуманизма и милосердия по отношению к человеку, который испытывает мучительную боль и не имеет шансов на улучшение [9, 122-123].

Тема неоднозначная, много аргументов за проведение процедуры и против. Однако, если предположить, что эвтаназия будет осуществляться не сторонним лицом, а человеком самостоятельно, то есть при ассистировании, когда ему создают лишь необходимые условия для облегченного ухода жизни, в таком случае можно исключить недостатки о возможном злоупотреблении со стороны других лиц. Считаем, что необходимо не только допустить возможность эвтаназии, но и конституционно закрепить данное право наряду с другими биоэтическими правами.

Список источников

1. Гаджимагомедова Ш. С. Эвтаназия в медицинском праве / Ш. С. Гаджимагомедова, Ф. М. Магомедова, М. М. Махачева // Образование и право. 2024. № 4. С. 347–350.

2. Сорокин А. В. Эвтаназия – легализация убийства или высочайшее проявление воли человека? // Нижегородский адвокат. 2015. № 10.

3. Ley Orgánica 3/2021, de 24 de marzo, de regulación de la euthanasia // Legislación Consolidada : [site]. URL: https://www.boe.es/buscar/pdf/2021/BOE-A-2021-4628-consolidado.pdf (дата обращения: 09.03.2026).

4. Хрылова Т. Вопрос смерти и смерти // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8549584#id3066442 (дата обращения: 22.03.2026).

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ : в ред. 29.12.2025 / Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нагаева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. N 1459-О // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

7. Приговор № 2-13/2025 2-49/2024 от 24 марта 2025 г. по делу № 2-13/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/G6OLJxucU3L5/ (дата обращения: 15.04.2026).

8. Эвтаназия, или право на смерть // ВЦИОМ новости : [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehvtanazija-ili-pravo-na-smert (дата обращения: 11.04.2024).

9. Будина Д. О. Отношение к эвтаназии в современном мире. Аргументы «за» или «против» / Д. О. Будина, В. О. Обжерина, К. С. Порошина // Скиф. 2020. №9 (49). С. 120-124.

УДК 342.951

Внедрение цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях

Орешко Дарья Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, DOreshko-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровизация, производство по делам об административных правонарушениях, электронный документооборот, цифровые механизмы.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Екатерине Юрьевне Чумаровой, доценту, канд. юрид. наук.

Информационные и коммуникационные технологии стали важной и неотъемлемой частью социального управления. Процессы цифровой трансформации проникают во все сферы жизни общества. Не является исключением и производство по делам об административных правонарушениях, которое, как подчёркивает П.Н. Сафоненков, «не может оставаться от неё в стороне» [3].

© Орешко Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Действующий КоАП РФ содержит ряд норм, предусматривающих использование цифровых инструментов. К ним относятся автоматическая фиксация правонарушений специальными техническими средствами (ст. 2.6.1 КоАП РФ), уведомление участников производства по современным каналам связи (ст. 25.15 КоАП РФ).

С учётом изменений, внесённых в КоАП РФ Федеральным законом от 07.04.2025 № 59-ФЗ, перечень цифровых инструментов был расширен. Ключевыми новеллами стали ст. 24.8 и 24.9 КоАП РФ о комплексном регулировании электронного документооборота.

Ст. 24.8 КоАП РФ закрепляет право участников производства направлять заявления, ходатайства, жалобы и иные документы в электронной форме. Подача в суд возможна через Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее - ЕПГУ, Портал госуслуг), информационную систему, определённую Верховным Судом Российской Федерации и Судебным департаментом при данном суде, либо через систему электронного документооборота с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. В орган, должностному лицу — через личный кабинет ЕПГУ, официальный сайт, включая Банк России, или региональный портал.

Ст. 24.9 КоАП РФ устанавливает, что суды, органы и должностные лица при наличии технической возможности изготавливают процессуальные документы в электронном виде. Часть 6 рассматриваемой статьи содержит развёрнутый перечень случаев получения документа адресатом, включая моменты входа в личный кабинет на Портале госуслуг или доставки через системы электронного документооборота.

Помимо этого, предусмотрены и другие значимые цифровые механизмы: дистанционное участие в рассмотрении дела (ст. 29.14 – 29.16 КоАП РФ), электронное взаимодействие при назначении экспертизы и истребовании доказательств (ст. 26.4, 26.7 КоАП РФ),

направление материалов дела в суд через систему электронного документооборота (ст. 28.8 КоАП РФ).

Внесение в КоАП РФ указанных изменений стало важным шагом к цифровому производству по делам об административных правонарушениях. Однако, как отмечает П. Н. Сафоненков, существуют риски отступления от правовых принципов: автоматическая фиксация нарушений правил дорожного движения, по сути, вводит презумпцию виновности собственника, что требует особого внимания к защите прав граждан [3].

В научной литературе выделяют несколько устойчивых трендов развития института административной ответственности, и цифровизация – один из ключевых [1]. В.В. Денисенко предостерегает от иллюзии объективности цифровизации: бинарные алгоритмы не учитывают субъективную сторону, что ведёт к ошибкам. С. А. Малахов развивает мысль: внедрение искусственного интеллекта (далее - ИИ) следует ограничить обработкой первичной информации, исключив принятие решений без участия человека [2].

Обобщая изложенное, можно выделить следующие основные пути развития цифровых инструментов в административном производстве:

Совершенствование электронного документооборота может быть связано с расширением перечня документов, которые могут оформляться в электронном виде, упрощением их подписания и интеграцией с другими системами.

Расширение возможностей дистанционного участия. Внедрённые системы видео-конференц-связи и веб-конференции могут быть дополнены удобными интерфейсами для участников, упрощающими взаимодействие с судом. Кроме того, требуется обеспечить техническую доступность дистанционного участия для жителей отдалённых и труднодоступных местностей России.

Создание единой цифровой платформы для обмена данными между ведомствами. В январе 2026 года Минэкономразвития России разработало проект постановления о работе информационной системы производства по делам об административных правонарушениях в составе ГИС «Типовое облачное решение», что позволит замкнуть цифровой контур от контрольного мероприятия до отчёта о привлечении к ответственности.

Использование ИИ. Системы на базе ИИ ускорят возбуждение дел, анализируя составы правонарушений, снизят нагрузку на должностных лиц, а также помогут прогнозировать риски и эффективнее распределять ресурсы контролирующих органов.

Обеспечение защиты прав участников производства. Требуется усилить меры по защите конфиденциальной информации, которая обрабатывается в рамках рассматриваемого производства.

Совершенствование законодательства. В законодательстве уже закреплены нормы об электронных документах, цифровых подписях и дистанционном участии, но на федеральном уровне необходимо определить допустимые границы использования ИИ в правоприменительной практике и установить меры ответственности за ошибки ИИ.

Таким образом, цифровизация производства по делам об административных правонарушениях неизбежна и необходима для повышения его эффективности и оперативности.

Список источников

1. Денисенко В. В. Перспективы развития института административной ответственности: реальность и иллюзии // Административное право и процесс. 2025. № 11. С. 12-18.

2. Малахов С. А. Требование оперативности как обязательный элемент принципа разумности сроков // Российская юстиция. 2025. № 8. С. 1-11.

3. Сафоненков П. Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 4. С. 168–179.

УДК 342.9

Анализ типичных недостатков при проведении проверок по делам о побоях (ст. 6.1.1 КоАП РФ) в территориальных органах МУ МВД России «Красноярское»

Оробинская Екатерина Александровна
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярский край, Красноярск, Россия, k.chijikowa@yandex.ru

Ключевые слова: проведение проверок, побои, укрытие преступлений, нарушения.

Благодарность: автор выражает благодарность научному руководителю Чумаровой Е. Ю., канд. юрид. наук, доценту.

В территориальных органах МУ МВД России «Красноярское» не в полной мере обеспечивается надлежащее качество проведения проверок по правонарушениям, предусмотренным ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои). Вследствие указанных недостатков лица, совершившие правонарушения, избегают не только административной, но и уголовной ответственности, в том числе по ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость»). Кроме того, ненадлежащее

© Оробинская Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

качество проводимых проверок обусловливает латентность преступлений, связанных с причинением телесных повреждений (ст. 111, ст. 115, ч. 2 ст.116, ст. 117, УК РФ).

Анализ статистических данных на примере отдела полиции № 2 МУ МВД России «Красноярское» показывает, что в 2025 году были приняты решения по 2101 сообщениям о причинении побоев, из которых в 1940 случаях вынесены определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, и лишь по 261 факту составлены протоколы об административных правонарушениях (12,4 %). При этом судами был возвращен 101 протокол для устранения существенных недостатков. Проведенный анализ свидетельствует о том, что к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ в самом большом районе г. Красноярска привлечено менее 5 % от общего числа правонарушителей. Изучение 298 материалов проверки по ст. 6.1.1 КоАП РФ, по которым в 4 квартале 2025 и в январе 2026 года были вынесены определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении показало, что по 71 материалу проверка проведена формально или не проведена вообще, а решение принято преждевременно.

Указанные факты свидетельствуют о низкой эффективности привлечения к ответственности за побои (в том числе повторные). Полагаем, что соответствующие затруднения связаны с такими негативными факторами, как недостаточная квалификация должностных лиц, уполномоченных проводить проверку по заявлениям (сообщениям) об административных правонарушениях, некачественный сбор доказательств, умышленное затягивание сроков проведения проверки, а также недостаточный контроль со стороны руководителей указанных должностных лиц.

Так согласно ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ, при выявлении признаков административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ предусмотрено проведение административного расследования. Однако на практике, как правило, по заявлениям (сообщениям) о побоях проводится проверка, по основанию предусмотренному п.

58 Инструкции о порядке приема, регистрации, разрешении сообщений об административных правонарушениях о происшествиях, утвержденной приказом МВД России № 736 от 29 августа 2014 г. по результатам которой выносится определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Сбор доказательств виновности правонарушителя осуществляется с такими нарушениями как неполнота сбора материалов проверки (нет объяснений заявителя, свидетелей и виновного лица, которое зачастую знакомо заявителю); при наличии телесных повреждений не назначается судебно-медицинская экспертиза, в т.ч. по медицинским документам; не устанавливается наличие административной преюдиции с использованием информационных ресурсов МВД России. Так в отделе полиции № 2 МУ МВД России «Красноярское» изучено 45 материалов по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Все они содержали сведения об установочных данных правонарушителя, однако по информационным ресурсам МВД России указанные лица проверены не были. Между тем, как верно отмечает Р.М. Нигматулин, в целях недопущения фактов сокрытия преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, особого внимания требует вопрос о контроле за использованием и эксплуатацией программного обеспечения в предоставлении сведений о деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка, поскольку возникает проблема своевременного получения информации по исполнению и применению административного законодательства, в том числе получение сведений о факте привлечения лица к административной ответственности по ст. 6.1.1. КоАП РФ [1].

Необоснованное продление срока проверки до двух месяцев, при отсутствии действий, направленных на сбор доказательств зачастую ведет к уклонению сторон конфликта от взаимодействия с полицией, отказу от прохождения медицинского

освидетельствования, последующей подаче заявления о прекращении проведения проверки и примирению его участников.

Зачастую такое заявление трактуется исполнителем как основание к прекращению проведения проверки и позволяет правонарушителю избежать ответственности. Вместе с тем, п. 2.8 приказа Прокуратуры Красноярского края и ГУ МВД России по Красноярскому краю от 26 сентября 2023 г. № 186/1736 «Об организации административного расследования, осуществлении ведомственного контроля и прокурорского надзора за рассмотрением сообщений об административных правонарушениях, о происшествиях, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ», требует исключить факты отказа в возбуждении дел об административных правонарушениях и прекращения производства по делу об административном правонарушении в связи с поступившим заявлением потерпевшего о примирении с виновными (или) волеизъявлении прекратить дальнейшую проверку. Это обусловлено тем, что в КоАП РФ такого основания для прекращения производства по делу не предусмотрено.

Недостаточная подготовка сотрудников, уполномоченных проводить проверки по заявлениям (сообщениям) о побоях, приводят к неполноте сбора доказательств и неправильным процессуальным решениям. Зачастую решение об отказе принимается по надуманным основаниям. Так, например, в материале об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении № 990 (по факту причинения побоев А.) имеются необходимые сведения для составления протокола об административном правонарушении, а именно: установлены данные правонарушителя; приобщен акт судебно-медицинской экспертизы, объяснения сторон конфликта. Однако, в связи с тем, что правонарушитель не отвечает на телефонные звонки сотрудника полиции и не явился для составления протокола, принято решение об отказе в возбуждении дела об

административном правонарушении по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Считаем, что усиление контроля и повышение требовательности со стороны руководства к результатам работы должностных лиц, уполномоченных проводить проверку по заявлениям (сообщениям) об административных правонарушениях, будет способствовать своевременному обнаружению противоправных деяний, повлияет на снижение латентной преступности, а также окажет профилактическое воздействие на лиц склонных к совершению правонарушений в быту. В то же время, проведения обучающих семинарских занятий с привлечением, как сотрудников следствия и дознания территориальных органов, так и с привлечением представителей высших учебных заведений системы МВД России повлияет на повышение профессионального уровня сотрудников.

Список источников

1. Нигматулин Р. М. Проблемы производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. №4(50). 2019.

УДК 342.81

Дистанционное выдвижение кандидатов как перспективная модель модернизации избирательного процесса в России: теоретико-правовые основания

Паньшина Екатерина Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, panshina_katerina@mail.ru

Ключевые слова: выборы, кандидат, избирательный процесс, голосование, пассивное избирательное право, дистанционное выдвижение кандидатов, цифровизация избирательного процесса.

Современный этап развития государственно-правовых отношений в РФ характеризуется активным внедрением цифровых технологий. Цифровизация становится неотъемлемой частью организации выборов и референдумов, обеспечивая доступность и удобство для всех участников [9].

Правовую основу преобразований составляет Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, ставящая задачи развития электронного взаимодействия граждан и государства, электронной демократии.

Особое значение в контексте пассивного избирательного права приобретает дистанционное выдвижение кандидатов. Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ закрепил сервис сбора подписей через Единый портал госуслуг (ЕПГУ). Эксперимент 13 сентября 2020 года в Чувашии, Пермском крае и Челябинской области подтвердил эффективность: все электронные подписи (более 7 тыс.) признаны действительными, нарушений не выявлено

© Паньшина Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

[2]. Это говорит о готовности системы к широкому внедрению дистанционных форм.

Под дистанционным выдвижением понимается регламентированная подача документов о выдвижении через Интернет (ЕПГУ или портал, интегрированный с ГАС «Выборы») [5].

В отечественной науке выделены три основные формы подтверждения электоральной поддержки: сбор подписей, учёт итогов предыдущих выборов («парламентская привилегия») и муниципальный фильтр [10]. Каждая из них имеет недостатки. Сбор подписей часто используется для устранения конкурентов, внесения недостоверных сведений, что ведёт к отказам в регистрации даже при отсутствии вины кандидата. Муниципальный фильтр создаёт дополнительный ценз, практически непреодолимый для непарламентских партий и самовыдвиженцев без административного ресурса. Освобождение от сбора подписей по итогам прошлых выборов ставит партии в неравное положение и не гарантирует реальной поддержки спустя годы.

В контексте этих недостатков дистанционные механизмы приобретают особую значимость. Они базируются на принципах доступности (для жителей отдалённых пунктов, командированных, инвалидов) и оперативности/достоверности информации (ГАС «Выборы»). Ключевой элемент – перенос центра тяжести с «физического присутствия» на «юридически значимое действие» в цифровой среде. Подача документов через ЕПГУ с усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) исключает физические барьеры и административное давление. Интеграция с ГАС «Выборы» и системами межведомственного взаимодействия позволяет автоматически проверять наличие пассивного избирательного права, отсутствие цензовых ограничений, корректность заполнения форм, минимизируя отказы по формальным основаниям.

Эксперимент 2020 года показал, что электронный сбор подписей позволяет избежать типичных нарушений (ошибки в паспортных данных, неверное оформление) [8]. В отличие от бумажного сбора, где отказ при 10% недостоверных подписей ставит кандидата в зависимость от ошибок избирателей [6], электронная идентификация через подтверждённую учётную запись на ЕПГУ гарантирует достоверность сведений и исключает двойное подписание.

Дистанционное выдвижение – это качественно иная модель реализации пассивного избирательного права. Оно сохраняет заградительный барьер (отсев злоупотребляющих кандидатов), но реализует его через прозрачные, юридически значимые цифровые процедуры, минимизирующие коррупциогенные риски [7]. Модель должна базироваться на УКЭП. Цифровизация сбора подписей возможна через модуль на портале Госуслуг (аналогично петициям). Технология блокчейн (апробирована в ДЭГ) способна обеспечить неизменность подписных листов [1].

Новизна механизма – в трёх принципах: идентификации, интеграции и юридической значимости электронного документа. Заявитель авторизуется на ЕПГУ, система через межведомственное взаимодействие проверяет наличие пассивного избирательного права, корректность форм. Документы, подписанные УКЭП, имеют равную юридическую силу с бумажными. Таким образом, дистанционное выдвижение реализует концепцию «единого окна» в избирательном процессе: вместо многократного личного посещения комиссии и представления многочисленных экземпляров документов участник получает возможность в строго отведенный срок совершить все необходимые процедуры удаленно, при этом избирательная комиссия через личный кабинет и публичный доступ к сведениям ГАС «Выборы» сохраняет полный контроль за соблюдением процедурных сроков и требований законодательства.

Внедрение модели сопряжено с рисками: цифровое неравенство (не все владеют навыками и имеют доступ), кибербезопасность и защита персональных данных [3]. Необходима детальная законодательная регламентация, усиление мер защиты, а главное – сохранение традиционных (бумажных) процедур как альтернативы для предотвращения дискриминации граждан без цифровых компетенций [4]. Только при таком балансе дистанционное выдвижение станет реальной гарантией пассивного избирательного права для всех граждан России.

Список источников

1. Брюшина И. А. Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс в Российской Федерации // Миссия конфессий. 2023. №72.

2. Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. 2024. №2.

3. Ершов Я. А. Цифровые технологии в избирательном процессе Российской Федерации: современное состояние и проблемы применения // Вестник СГЮА. 2024. №5 (160).

4. Ерыгина В. И. Гарантии избирательных прав граждан на выборах Президента Российской Федерации.

5. Игнатов А. В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования // Российский общественный институт избирательного права. 2021. №1. С. 10–15.

6. Камалова Г. Р. Президентские выборы 2024 г. в России: новые тренды и особенности избирательной кампании в эпоху цифровизации / Г. Р. Камалова, М. И. Сафин // Власть. 2024. №3.

7. Субочев И. А. Цифровые новации избирательного процесса в России // Ученые записки Алтайского филиала РАНХиГС. 2021. №18.

8. Федоров В. И. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации / В. И. Федоров, Д. А. Ежов // Российский социально-гуманитарный журнал. 2021. №1.

9. Филатова А. О. Обеспечение реализации принципов гласности и открытости в условиях перехода на всеобщее электронное голосование // Образование и право. 2021. №5.

10. Черепанов В. А. Поддержка выдвижения кандидатов: исторический контекст, проблемные вопросы и поиск решения // Журнал российского права. 2016. №6 (234).

УДК 327

Современные индийско-японские отношения

Прохорова Вероника Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, veronikaprhv@yandex.ru

Ключевые слова: индийско-японские отношения, сотрудничество в сфере обороны, экономическое взаимодействие, Особое стратегическое и глобальное партнерство.

За последние два десятилетия индийско-японские отношения прошли путь от преимущественно экономических до статуса «Особого стратегического и глобального партнёрства» [1]. Как подчёркивается в совместном заявлении, «Индия и Япония, как две ведущие страны Индо-Тихоокеанского региона, связаны давней традицией дружбы и общими ценностями свободы и верховенства закона» [2].

© Прохорова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Ключевым событием начала 2010-х стал визит премьер-министра Индии Манмохана Сингха в Токио в октябре 2010 г. и завершение переговоров по Всеобъемлющему соглашению об экономическом партнёрстве (CEPA). Подписанное 16 февраля 2011 г., оно предусматривало сокращение пошлин на 94% товаров в течение десяти лет [3; 4].

С приходом к власти Нарендры Моди отношения были повышены до «Особого стратегического и глобального партнёрства» [3]. В 2015 г. Япония предложила финансирование высокоскоростной железной дороги Мумбаи-Ахмадабад по технологии «Синкансэн» с кредитом $15 млрд под ставку менее 1% [5]. Кроме этого, Индия — это один из крупнейших получателей японской Официальной помощи развитию: в 2010–2020 гг. было выделено около 3,1 трлн иен [6; 7].

В 2015 г. Япония стала постоянным участником учений «Малабар» с Индией и США [8], а в 2019 г. состоялся первый министерский диалог «2+2» [9]. В 2020 г., несмотря на пандемию, были подписаны соглашение о закупках и перекрестном обслуживании [10; 11] и пакт о сотрудничестве в сфере кибербезопасности, 5G и ИИ [12]. В 2025–2026 гг. проводились совместные морские учения JAIMEX-25 и сухопутные «Dharma Guardian» [13; 14].

29 августа 2025 г. в ходе визита премьер-министра Нарендры Моди в Токио было принято «Совместное видение Индии и Японии на следующее десятилетие: восемь направлений для управления Особым стратегическим и глобальным партнёрством» [2; 15]. Документ охватывает торговлю, инвестиции, экономическую безопасность, инфраструктуру, технологии, «зелёную» энергетику, оборону и обмены специалистами. В январе 2026 г. 18-й раунд Стратегического диалога подтвердил курс на диверсификацию цепочек поставок и сотрудничество по критическим минералам и ИИ [16].

В феврале 2026 г. Япония объявила о намерении инвестировать в Индию около $68 млрд в течение десяти лет. При этом двусторонняя торговля выросла с $21 млрд (2023–24) до $25,17 млрд (2026). Также страны планируют провести обмен 500 тыс. специалистами в ближайшие пять лет [17].

Современные индийско-японские отношения находятся на своем пике и служат одним из ключевых стабилизирующих факторов в Индо-Тихоокеанском регионе. Несмотря на сохраняющиеся вызовы, стратегическая значимость двустороннего альянса будет только возрастать. Углубление технологической, торговой и оборонной кооперации подтверждают намерение сторон совместно формировать архитектуру Индо-Тихоокеанского региона.

Список источников

1. Япония и Индия: прагматичная дружба // РСМД : [site]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-indiya-pragmatichnaya-druzhba/.

2. India and Japan Joint Vision for the Next Decade // PIB India : [site]. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2161986.

3. India, Japan conclude CEPA talks // The Indian Express : [site]. URL: https://indianexpress.com/article/news-archive/web/india-japan-conclude-cepa-talks/.

4. Agreement between Japan and India for CEPA // MOFA Japan : [site]. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/epa201102/index.html.

5. Япония даст Индии $15 млрд на скоростную ж/д // Коммерсантъ : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2840467.

6. India Opens Door to Japanese Assistance // The Diplomat : [site]. URL: https://thediplomat.com/2016/03/india-opens-door-to-japanese-assistance/.

7. India top recipient of Japanese financial aid // The Economic Times.26.03.2021.
URL: https://m.economictimes.com/news/india/india-top-recipient-of-japanese-financial-aid-since-2003/amp_articleshow/81710675.cms

8. Japan to Join Malabar as Permanent Participant // Defense News : [site]. URL: https://www.defensenews.com/naval/2015/10/13/japan-to-join-malabar-as-permanent-participant/.

9. First India-Japan 2+2 Ministerial Meeting // PIB India : [site]. URL: https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1594385.

10. India and Japan Sign Military Logistics Agreement // The Diplomat : [site]. URL: https://thediplomat.com/2020/09/india-and-japan-sign-military-logistics-agreement/.

11. India, Japan ink pact to bolster defence forces // Hindustan Times : [site]. URL: https://www.hindustantimes.com/india-news/india-japan-ink-pact-to-bolster-defence-forces/story-xOCacyTP5OIADoqruteQBI.html.

12. India, Japan finalise pact on 5G, AI // IKCEST : [site]. URL: https://www.ikcest.org/articleS-560118.htm.

13. JAIMEX-2025 // PIB MoD : [site]. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2181539&reg=3&lang=2.

14. Dharma Guardian exercise // News on AIR : [site]. URL: https://www.newsonair.gov.in/indian-army-to-participate-in-india-japan-joint-military-exercise-dharma-guardian-from-feb-24/.

15. India and Japan Joint Vision (quote) // PIB India : [site]. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2161986&reg=3&lang=2.

16. India, Japan Boost Cooperation In AI & Critical Minerals, Back Quad // Government Economic Times : [site]. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-japan-decide-to-ramp-up-dialogue-on-economic-security/amp_articleshow/126591768.cms.

17. Japan-India Friendship Enters New Phase // Japan Forward : [site]. URL: https://japan-forward.com/japan-india-friendship-enters-new-phase-with-added-focus-on-security-tech-cooperation/.

УДК 342.5

Сравнительный анализ конституционно-правового статуса парламентов в Российской Федерации и странах Ближнего Востока

Рамазанова Тамерис
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, TRamazanova-YY25@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: парламент, публичная власть, сравнительное конституционное право, Федеральное Собрание, Меджлис, Консультативный совет, разделение властей, теократия.

Представительные органы государственной власти давно стали своеобразным зеркалом политической культуры любого общества. Сравнительный анализ парламентских систем раскрывает не просто различия в конституционных текстах, но и глубинные особенности политического устройства государства.

В Российской Федерации Федеральное Собрание состоит из двух палат [3]. Государственная Дума, включающая 450 депутатов, которые избираются сроком на пять лет по смешанной избирательной системе [6], и Совет Федерации, который формируется из представителей 89 субъектов РФ (по два от каждого

© Рамазанова Т., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

региона — один от законодательного и один от исполнительного органа власти) [4]. Такая конструкция призвана обеспечить территориальное представительство, хотя в доктрине конституционного права ведутся споры о том, насколько Совет Федерации действительно выражает интересы регионов, а не федерального центра.

Компетенция российского парламента весьма обширна, однако реализуется в условиях значительного влияния президентской власти. Конституционные поправки 2020 года расширили парламентские полномочия: Государственная Дума участвует в согласовании кандидатуры Председателя Правительства, а Совет Федерации получил расширенные полномочия в сфере назначения руководителей ряда федеральных органов [1], — что придало парламенту несколько большую роль в системе разделения властей, хотя доминирование президентской ветви по-прежнему не вызывает сомнений.

Совершенно иную картину представляет Исламская Республика Иран, где конституционные нормы неотделимы от религиозных доктрин. Иранский парламент — Меджлис (Маджлис аш-Шура аль-Ислами) — состоит из 290 депутатов, избираемых прямым голосованием сроком на четыре года [2]. Система «исламской демократии» предполагает жёсткий предварительный контроль кандидатов: Наблюдательный совет из шести исламских правоведов, назначаемых Высшим руководителем (Рахбаром), проверяет соответствие кандидатов требованиям ислама и Конституции. На практике это приводит к систематическому отстранению реформаторски настроенных политиков: перед выборами 2020 года около 7 800 из примерно 15 000 кандидатов были отстранены от участия.

Законодательные полномочия Меджлиса подвержены религиозно-правовым ограничениям: любой принятый закон проходит проверку в Наблюдательном совете на соответствие

исламским нормам и Конституции [2]. При возникновении устойчивых разногласий в дело вступает Совет целесообразности — особый арбитражный орган с правом окончательного решения. Таким образом, Меджлис де-факто встроен в многоуровневую религиозно-политическую систему, где последнее слово остаётся за институтом Рахбара, — тем не менее, он сохраняет пространство для дискуссий по вопросам экономики, социальной политики и государственного управления.

Наиболее радикально иная модель представлена в Королевстве Саудовская Аравия, где конституционный строй базируется на принципах шариата. Консультативный совет — Маджлис аш-Шура, учреждённый королевским указом 1992 года, — состоит из 150 назначаемых Королём членов (с 2013 года 20% составляют женщины). Совет вправе предлагать законы и поправки, рассматривать бюджет и международные договоры, однако все инициативы направляются Королю, который вправе их принять или отклонить. Реальная законодательная власть сосредоточена в руках монарха. «Основной закон управления» 1992 года закрепляет, что власть принадлежит Богу, а король управляет страной как его наместник, — что исключает саму возможность парламентского суверенитета в западном понимании [5].

Сравнивая три рассмотренные системы, можно выделить несколько принципиальных различий. По способу формирования: депутаты Государственной Думы и Меджлиса избираются гражданами (пусть и с существенными фильтрами в иранском случае), тогда как члены саудовского Маджлис аш-Шуры полностью назначаются монархом. По объёму реальных полномочий: российский парламент обладает формально широкой компетенцией в условиях президентского доминирования; иранский Меджлис функционирует в рамках религиозно-правовых ограничений; саудовский Маджлис является сугубо консультативным органом. По соотношению с религиозными

институтами: в России законодательная власть формально отделена от церкви, тогда как в Иране и Саудовской Аравии религиозные нормы выступают конституционной основой, подчиняющей себе парламентскую деятельность.

Все три государства декларируют приверженность принципу народного представительства, однако трактуют его принципиально по-разному. Россия формально следует западной модели парламентаризма, встраивая её в суперпрезидентскую систему. Иран создал оригинальную концепцию «исламской демократии» с ключевым влиянием религиозных норм на предварительный отбор кандидатов. Саудовская Аравия использует консультативные механизмы как инструмент легитимации монархической власти, не претендуя на классический парламентаризм. Такое многообразие подходов наглядно демонстрирует, что форма правления и конкретные политические традиции определяют содержание парламентских институтов не менее, чем формальные конституционные нормы.

Список источников

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Конституция Исламской Республики Иран (с поправками 1989 г.) // Iran Data Portal : [site]. URL: https://irandataportal.syr.edu/constitution.

3. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

4. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22.12.2020 N 439-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

5. Пашков Р. В. Право Королевства Саудовской Аравии : сборник документов. М. : РУСАЙНС, 2018. 220 с.

6. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740. Ст. 3, 5.

УДК 342.951

К вопросу о понятии транспортной безопасности по российскому законодательству

Свищев Марк Андреевич
Юридический институт Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, svishchevofficial@mail.ru

Ключевые слова: транспортная безопасность, акт незаконного вмешательства, объекты транспортной инфраструктуры, правовой режим.

В соответствии с п. 10 ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – Закон о транспортной безопасности) транспортная безопасность – это состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [1]. При этом под актом незаконного вмешательства понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее причинение вреда жизни и здоровью людей, материального ущерба либо создавшее угрозу

© Свищев М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

наступления таких последствий (ст. 1 Закона о транспортной безопасности).

Несмотря на наличие в законе легального определения термина «акт незаконного вмешательства» в научной литературе продолжается дискуссия относительно его содержания. Так, М. П. Кузнецов полагает, что таким актам присущи только активные умышленные действия [2]. Н. И. Пикуров и Н. С. Рязанов допускают возможность совершения таких актов в форме бездействия, а также неосторожную форму вины [3]. На наш взгляд для правильного понимания рассматриваемого термина необходимо обратиться к этимологии слова «вмешательство», которое происходит от слова «мешать» в значении «создавать кому-то препятствия». Думается, что вмешательство предполагает проявление активности со стороны вмешивающегося и тем самым не может совершаться в форме бездействия. Таким образом, следовало бы говорить о вредном невмешательстве [4].

Учитывая сказанное следует поддержать Фролова А. А., который предлагает исключить из п. 1 ст. 1 Федерального закона № 16-ФЗ указание на бездействие как возможную форму акта незаконного вмешательства. В то же время вполне уместно допустить наличие не только прямого, но и косвенного умысла.

Таким образом, Фролов А.А. выделяет следующие признаки акта незаконного вмешательства:

1. совершается только в форме действия;

2. носит противоправный характер;

3. совершается с прямым или косвенным умыслом;

4. имеет непосредственную или опосредованную направленность на транспортный комплекс;

5. результатом является причинение вреда жизни или здоровью людей, материального ущерба, дезорганизация функционирования объектов транспорта либо угроза наступления таких последствий.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с указанными признаками, поскольку они наиболее полно раскрывают суть понятия акта незаконного вмешательства.

Продолжая рассматривать данное понятие, можно сделать вывод об узости предмета регулирования, в связи с чем многие направления значимых общественных отношений, подлежащих регулированию в сфере транспортного комплекса, не охватываются действующим законодательством о безопасности. При этом создается впечатление, что в настоящий момент законодательное определение транспортной безопасности в большей степени удовлетворяет потребность обеспечения безопасности только лишь в условиях потенциальных террористических угроз. В таком случае нормативная регламентация обеспечения транспортной безопасности исключает значительную часть иных потенциальных угроз, которые в случае их реализации способны существенно снизить уровень безопасности субъектов отношений в транспортной сфере [5].

Следовательно, исключение из объективных признаков акта незаконного вмешательства, указанных в п. 1 ст. 1 Закона о транспортной безопасности, указания на бездействие и выражение «в том числе террористический акт» позволит конкретизировать его содержание, а также устранить конкуренцию с Федеральным законом «О противодействии терроризму».

По мнению А.Д. Макарова, понятие транспортной безопасности не только определяет суть явления, но и обозначает в общем, без существенной детализации причинно-следственные отношения между событием и результатом (имеются в виду прежде всего процесс перевозки, транспортировки грузов, пассажиров, а также сами последствия, наступающие или могущие наступить в результате несоблюдения транспортной безопасности) роль, место и значение в системе всеобщей безопасности [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на законодательное закрепление понятий «транспортная безопасность» и «акт незаконного вмешательства» в Законе о транспортной безопасности, их толкование остаётся неоднозначным, что порождает правовую неопределенность и требует внесения изменений в действующее законодательство.

Список источников

1. О транспортной безопасности: Федеральный закон № 16-ФЗ от 02.02.2007. М.: Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. ст. 837.

2. Зырянов С. М. Транспортная безопасность и система субъектов её обеспечения / С. М. Зырянов, В. И. Кузнецов // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 5–12.

3. Рязанов Н. С. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 89–93.

4. Фролов А. А. Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности на объектах воздушного транспорта (на примере Московского авиаузла): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва. 2023. 166 с.

5. Максименко А. В. Проблемы понятийно-категориального аппарата обеспечения транспортной безопасности / А. В. Максименко, С. А. Черняков // ППД. 2020. №3. С. 74-79.

6. Макаров А. Д. Транспортная безопасность при перевозке опасных и особо опасных грузов в новых геополитических условиях (международно-правовые основы). СПб.: Ut, 1996. 249 с.

УДК 327

Договорно-правовая база взаимодействия России и Китая в Евразийском регионе

Скоробогатов Николай Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: Россия, Китай, стратегическое взаимодействие, евразийский регион, международные отношения, ШОС, региональная стабильность.

Евразийский регион в современных международных отношениях представляет собой пространство пересечения интересов ведущих мировых держав, а также зону повышенной политической и институциональной сложности. Трансформация глобального порядка, рост неопределённости и изменение баланса сил усиливают значимость устойчивых форм межгосударственного взаимодействия, способных обеспечивать предсказуемость и стабильность региональных процессов. В данном контексте стратегическое взаимодействие России и Китая приобретает особое значение, оказывая влияние на формирование политической архитектуры Евразии. Целью настоящей статьи является анализ стратегического взаимодействия России и Китая как фактора стабильности в евразийском регионе.

Россия и Китай видят своей задачей создание в Евразии контура равной и неделимой безопасности, взаимовыгодного равноправного сотрудничества и развития, систему, в рамках которой все государства были бы уверены в собственной

© Скоробогатов Н. Д.,2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

безопасности и защите. Это достигается через укрепление диалога, формирование будущей архитектуры связанности между региональными организациями, в создания системы гарантий двустороннего и многостороннего уровня, включения вопросов социально-экономического благосостояния, интеграции и всестороннего взаимовыгодного сотрудничества в повестку многосторонних евразийских объединений.

Ключевым этапом в формировании современной модели российско-китайских отношений стало подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года. Данный документ заложил долгосрочные принципы двустороннего взаимодействия, включая взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности и отказ от применения силы в международных отношениях [1]. Закреплённые в договоре положения создали правовую основу для развития политического диалога и укрепления доверия между двумя государствами. Особое значение для стабильности евразийского региона имеет договорное закрепление принципов о не направлении сотрудничества против третьих стран, что подчёркивает неконфронтационный характер российско-китайского стратегического взаимодействия [1]. Это позволяет рассматривать данные отношения не как элемент блокового противостояния, а как фактор, способствующий снижению напряжённости и укреплению международной стабильности. Договор был продлен в 22 году.

Дальнейшее развитие договорно-правовой базы нашло отражение в Совместных заявлениях Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулярно принимаемых по итогам встреч на высшем уровне. В этих документах фиксируется приверженность сторон развитию стратегического взаимодействия, координации внешнеполитических подходов и поддержке многосторонних механизмов международного сотрудничества [2].

Подобные заявления выполняют важную функцию политического ориентирования, задавая долгосрочные приоритеты двусторонних отношений.

Значимым элементом договорной базы являются также соглашения, направленные на координацию усилий в рамках международных и региональных организаций. В частности, взаимодействие России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества основано на многосторонних договорах и уставах, предусматривающих совместные меры по укреплению безопасности и доверия в Евразии [3]. Эти документы способствуют институционализации сотрудничества и формированию коллективных подходов к решению региональных проблем. Основным институциональным механизмом остаётся Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году. В 2025 году организация достигла значительных результатов: принятие Лаоса в качестве партнёра по диалогу, саммит в Тяньцзине 1 сентября 2025, подписание соглашения о создании Универсального центра по противодействию угрозам [4].

Договорно-правовые механизмы российско-китайского взаимодействия играют важную роль в обеспечении стабильности евразийского региона. Во-первых, они формируют устойчивую правовую основу для политического диалога, снижая риски недопонимания и конфликтных интерпретаций. Во-вторых, наличие закреплённых обязательств повышает предсказуемость внешнеполитического поведения сторон, что положительно влияет на общую региональную ситуацию [5]. В-третьих, заключённые договоры и соглашения создают базу для расширения многосторонних форматов: благодаря им в политический диалог и согласование позиций постепенно могут включаться и другие государства евразийского пространства.

Стратегическое взаимодействие России и Китая, которое опирается на уже сложившуюся систему двусторонних документов,

занимает заметное место в международных отношениях Евразии. Когда ключевые принципы сотрудничества закреплены в договорах, совместных заявлениях и других правовых актах, это делает политический диалог более устойчивым и даёт сторонам понятные ориентиры для согласования внешнеполитических подходов. В результате поведение России и Китая на международной арене становится более предсказуемым, а риски перехода к жёсткой конфронтации в регионе снижаются.

Список источников

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой; 16 июля 2001 г. Пекин. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418.

2. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия; 21 марта 2024 г. М., URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6132.

3. Хартия Шанхайской организации сотрудничества; 6 июня 2002 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450.

4. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества; 1 сентября 2025 г. URL: http://kremlin.ru/supplement/6376.

5. Лузянин С. Г. Россия и Китай в евразийском пространстве: институциональные основы стратегического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 15–29.

УДК 342.9

Задержание транспортного средства при совершении административного правонарушения, предусмотренного ч.1 ст. 12.3 КоАП РФ: необходимость пересмотра подхода

Степук Николай Павлович
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярский край, Красноярск, Россия, boob97@mail.ru

Ключевые слова: управление транспортным средством, задержание транспортного средства, совершение административного правонарушения.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чумаровой Е. Ю., кандидату юридических наук, доценту.

Мы живем в то время, когда большинство из нас не представляет свою жизнь без транспортных средств: автомобилей, мотоциклов, автобусов, трамваев и пр. Все они являются источником повышенной опасности. В целях государственного учета таких источников повышенной опасности и обеспечения исполнения законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с эксплуатацией транспортных средств в Российской Федерации осуществляется обязательная государственная регистрация транспортных средств.

В соответствии с п.п. 1, 3, 4 ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении

© Степук Н. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; п. п. 7, 51 Правил государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях ГИБДД МВД России, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.12.2019 № 1764 владелец транспортного средства обязан поставить его на государственный учет или изменить регистрационные данные в течение 10 дней со дня его приобретения или выпуска в обращение. После регистрации собственнику выдаются государственные регистрационные знаки и свидетельство о регистрации транспортного средства (далее – СТС).

В соответствии с п. 2.1.2 Правил дорожного движения (далее – ПДД), утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090, водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки регистрационные документы на данное транспортное средство (кроме мопедов), а при наличии прицепа – и на прицеп (кроме прицепов к мопедам).

В 2022 году эти положения ПДД были дополнены пояснением, что документы, предусмотренные ПДД, в случае их оформления в электронном виде в соответствии с законодательством Российской Федерации предъявляются в виде электронного документа или его копии на бумажном носителе.

Управление транспортным средством без свидетельства о регистрации транспортного средства образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.3 КоАП РФ (Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов, предусмотренных Правилами дорожного движения, или документов предусмотренных таможенным законодательством Таможенного союза, с отметками таможенных органов, подтверждающими временный ввоз транспортного средства.) Это влечет за собой административную

ответственность в виде предупреждения или наложение административного штрафа в размере пятисот рублей.

Порядок процессуальных действий, связанных с привлечением к административной ответственности за рассматриваемое правонарушение заключается в следующем: на основании ст. 27.12 КоАП РФ водитель отстраняется от управления транспортным средством, в отношении него выносится постановление о назначении наказания за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.3 КоАП РФ, и на основании статьи 27.13 КоАП РФ в целях пресечения нарушения правил эксплуатации, использования транспортного средства и управления транспортным средством соответствующего вида применяется задержание транспортного средства, то есть исключение его из процесса перевозки людей и грузов путем перемещения на специализированную стоянку и хранение до устранения причины задержания.

Применение задержания транспортного средства, как обязательной меры обеспечения производства по делу об рассматриваемом административном правонарушении, было предусмотрено с момента принятия КоАП РФ. Данная мера была необходима в тот период времени, так как не были широко развиты информационные технологии, которыми сегодня пользуются граждане в своей повседневной жизни и сотрудники полиции при несении службы.

В настоящее время свидетельство о регистрации транспортного средства можно оформить в электронном виде в приложении «Госуслуги Авто» в виде QR-кода. Инспектор ГИБДД может проверить электронный СТС с помощью сертифицированного мобильного устройства, отсканировав QR-код. Однако согласно ПДД, водитель все равно обязан иметь при себе свидетельство о регистрации в бумажном виде, и инспектор вправе потребовать его предъявления. Полностью отказаться от

бумажного СТС пока нельзя – для этого требуются изменения в ПДД.

В связи с цифровизацией и оптимизацией, информационных баз данных МВД России, позволяющих точно установить принадлежность того или иного транспортного средства и его владельца, возникает закономерный вопрос о целесообразности задержания транспортного средства при выявлении административного правонарушения, связанного с отсутствием у лица, управляющего транспортным средством, при себе документов, подтверждающих его регистрацию.

Полагаем, что применение задержания транспортного средства в связи с совершением водителем административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.3 КоАП РФ является избыточной мерой административного принуждения, которая без достаточной необходимости ограничивает права граждан и предполагает осуществление уполномоченными должностными лицами нецелесообразных правоприменительных действий, требующих значительных затрат времени и усилий.

Учитывая, что при наличии технической возможности осуществления проверки факта регистрации транспортного средства рассматриваемое правонарушение не влияет на безопасность дорожного движения, не способствует увеличению степени тяжести возможных последствий при дорожно-транспортных происшествиях и не препятствует выявлению преступлений, связанных с угонами транспортных средств, считаем, что следует исключить из ст. 27.13 КоАП РФ положение, предусматривающее применение задержания транспортного средства в случае совершения водителем административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.3 КоАП РФ.

УДК 327

Военно-техническое сотрудничество Центральноафриканской Республики и Российской Федерации: основные итоги

Стрекаловский Сергей Юрьевич
Военно-инженерный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tinychi78995@mail.ru

Ключевые слова: Центральноафриканская Республика, Российская Федерация, военно-техническое сотрудничество, африканский регион.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, Дзись Юлии Ивановне, канд. полит. наук, доценту кафедры международного права Сибирского федерального университета.

Целью исследования является анализ взаимоотношений РФ и ЦАР в военно-технической сфере. В работе показано, как плодотворное сотрудничество двух стран в военно-технической сфере способствует укреплению суверенитета и стабилизации обстановки в Центральноафриканской Республике.

Значение африканских стран в современных международных отношениях неизменно растет. После распада Советского Союза Россия в значительной степени отошла от дел в Африке. Президент Борис Ельцин прекратил советские программы помощи.

Россия начала возвращаться в Африку после первого визита Владимира Путина на континент в 2006 году. Проблема заключалась в том, что по сравнению с другими мировыми

© Стрекаловский С. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

державами Россия оставалась не самым влиятельным экономическим и политическим игроком в регионе.

Ситуация изменилась в 2019 году. Форум «Россия-Африка», состоявшийся в Сочи, позволил всем взглянуть на проблему под новым углом. Между Россией и африканскими государствами был подписан ряд соглашений, направленных на активизацию торговых отношений, торговли оружием и военного сотрудничества [1]. Стороны также обсудили участие России в африканских конфликтах и перспективы публичной дипломатии.

В настоящее время Центральноафриканская Республика (ЦАР) - важнейший партнер Российской Федерации в Африканском регионе. В то же время, Центральноафриканская Республика является одной из наименее развитых стран мира. Согласно данным Международного валютного фонда за 2024 год, её валовой внутренний продукт (ВВП) по паритету покупательной способности составлял около 7 млрд долларов, тогда как аналогичный показатель России достигал примерно 7 трлн долларов [2]. Экономика ЦАР характеризуется крайне низким уровнем развития, несмотря на богатые природные ресурсы, страна страдает от продолжительных внутренних конфликтов, препятствующих эффективному освоению ресурсов и экономическому росту.

14 октября 2017 года глава Центральноафриканской Республики направил российскому лидеру обращение с просьбой помочь в оснащении национальной армии вооружением, амуницией и боеприпасами. В конце января - начале февраля 2018 года российская сторона осуществила безвозмездную поставку военной помощи, а также отправила военнослужащих и инструкторов в Банги. [3].

Россия планомерно расширяла масштабы своего участия: в декабре 2020 года МИД РФ проинформировал об отправке в ЦАР дополнительного контингента из 300 инструкторов. Их задача заключалась в содействии Банги в укреплении обороноспособности

и повышении уровня подготовки личного состава национальной армии [3].

В январе 2024 года советник президента ЦАР Фидель Нгоуандика сообщил, что правительство страны обратилось к России с просьбой о создании российской военной базы. Для этих целей уже выделен земельный участок в районе Беренго.

В марте 2025 года состоялся визит заместителя министра обороны Российской Федерации Юнус-Бека Евкурова в Центральноафриканскую Республику. В рамках поездки он подтвердил готовность России и дальше помогать народу ЦАР в укреплении национальной безопасности.

По словам посла ЦАР в РФ Леону Додону-Пунагаза благодаря России ситуация в республике стабилизировалась. Он отметил, что при содействии российских военных инструкторов было подготовлено более 10 тысяч местных военнослужащих, что позволило добиться подписания мирного соглашения с вооружёнными формированиями. Дипломат также подчеркнул постоянную поддержку России в Совбезе ООН [5].

Присутствие российских военных действительно повлияло на ситуацию в ЦАР. Гражданская война почти завершена победой сил Центрального правительства под руководством президента Фостен-Арканж Туадеры. Победа над «Селека» была обеспечена российскими специалистами и позволила перераспределить расходы госбюджета с военного сектора на гражданские цели [4].

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что военно-техническое сотрудничество Российской Федерации и Центральноафриканской Республики сегодня развивается успешно. Россия стремится развивать подлинно дружественные отношения и равноправное партнерство с Центральноафриканской Республикой, стараясь учитывать потребности этой страны и ее ценности. Для России роль поставщика безопасности для ЦАР — это практическая, жизненная необходимость. Военное присутствие в Центральноафриканской республике открывает двери для совместных экономических

проектов, а также укрепляет политический вес РФ в ЦАР и в регионе в целом.

Список источников

1. Исаев Л. М. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ Африканских сми / Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Я.Б. Лиокумович // Вестник РУДН. 2023. Т. 23, №2. С. 322–338.

2. World economic outlook: Global Growth: Divergent and Uncertain // International Monetary Fund : [site]. URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/01/17/world-economic-outlook-update-january-2025.

3. Клементьев М. Межгосударственные отношения России и ЦАР» // РИА новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20250114/afrika-1993529389.html?ysclid=mnylbcfcoj712295869.

4. Мельгин М. Зачем России военные в Африке» // ВЗГЛЯД. Деловая газета : [сайт]. URL: https://vz.ru/world/2024/4/19/1263464.html?ysclid=mnyl9ixt8i746121352.

5. Сечкин Д. Россия услышала крик центральноафриканского народа // Известия.ру : [сайт]. URL: https://iz.ru/2004497/daniil-sechkin/rossiia-uslyshala-krik-tcentralnoafrikanskogo-naroda?ysclid=mnv87o2hnl900890332.

УДК 342.571

Общественные объединения как субъекты политической деятельности: конституционно-правовой аспект

Сычев Александр Евгеньевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sychev_ae@mail.ru

Ключевые слова: общественные объединения, общественные движения, общественные организации, правовой статус.

Конституция Российской Федерации закладывает основополагающие принципы, определяющие статус общественных объединений и пределы свободы их деятельности [1]. В соответствии со ст. 13 Конституции, в России признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, а общественные объединения равны перед законом. Непосредственно право граждан на объединение закреплено в ст. 30 Конституции РФ.

В контексте конституционно-правового регулирования выделяются три основных вектора взаимодействия государства с институтами гражданского общества [2]. Государство реализует информационную функцию, систематически информируя общественные объединения о состоянии дел и направлениях развития. Это позволяет общественным объединениям включаться в процесс управления делами государства с целью отстаивания прав и свобод граждан.

Второе направление проявляется в форме совместной практической деятельности по решению социально значимых задач. К данной сфере относится взаимодействие государства с

© Сычев А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

общественными объединениями в национальных программах, участие в мероприятиях и т.д. Это позволяет эффективно консолидировать ресурсы государства с инициативой общественных структур.

Третье направление охватывает участие структур гражданского общества в законотворческом и правотворческом процессе. В первую очередь это осуществляется на прямую через политические партии, однако организации и движения также, оказывают влияние на формирование правовой базы.

Действующее законодательство в соответствие с Федеральным закон от 20.02.2026 N 30-ФЗ устанавливает две формы общественных объединений: общественная организация, общественное движение. Необходимость их разграничения заключается в определение правосубъектности и целей деятельности, установление единого правового режима и упрощение контроля, разграничение ответственности (в том числе имущественной). Общественные объединения играют важную роль в политической сфере, выполняя функцию связующего между гражданским обществом и государственными институтами. Однако политическую деятельность в первую очередь могут осуществлять политические партии, понятие которого закреплено в ФЗ о «политических партиях», исходя из которого можно сделать вывод о том, что основными задачами политической партии являются политическая борьба, участие в выборах и приход к власти через выборы.

В соответствие с ст. 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участи в референдумах граждан Российской Федерации», общественные организации и движения могут участвовать в выборах в органы местного самоуправления. В отличие от политических партий, их основной задачей не является приход к государственной власти, а защита интересов определённых групп и воздействие на процесс принятия политических решений. Законодатель определяет цели этих форм в ст. 8, 9 ФЗ «Об общественных объединениях», так у общественных организаций это «удовлетворения духовных или иных

нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных не противоречащих закону целей», а у общественных движений это «преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения».

По мнению ряда исследователей наличие непартийных форм участвующих в политической деятельности обусловлена трудностями, с которыми политические партии сталкиваются при адаптации к изменениям общества. Их сложная структура с иерархией и регламентированными процедурами принятия решений мешает оперативной реакции на динамичные изменения в общественных настроениях, снижая их релевантность [3]. Партии ориентированы прежде всего на политическую борьбу и достижение власти через выборы, они формируют комплексные программы, охватывающие все сферы жизни, а общественные организации более узкопрофильные, для них нет смысла так широко вырабатывать свою позицию, что дает им конкурентные преимущества [4].

Несмотря на допуск к выборам, статус партий и общественных объединений на муниципальном уровне далеко не одинаков. Действующее законодательство выстраивает ограничения, которые делают допуск достаточно сложным (годовой срок после внесения изменений в устав), вводит специальные механизмы воздействия (возможность 15% вхождения в партийные списки). Устав объединения должен прямо предусматривать участие в выборах. Партии достаточно соответствия закону «О политических партиях», участие в выборах их основная функция. Все это позволяет говорить о том, что партии остаются наиболее влиятельными на политическом поле, в то время как общественным объединениям отведена скорее вспомогательная, дополняющая роль на местном уровне.

Что же касается законодательной инициативы ряд исследователей приходят к умозаключениям о том, что поддержка гражданских инициатив должна осуществляться на региональном уровне, а некоторые исследователи предлагают дать право

общероссийским общественным объединениям готовить законопроекты и представлять их в профильные комитеты Госдумы для рассмотрения. Если комитет отклонит законопроект, процесс завершится. При поддержке комитета идея передается субъекту права законодательной инициативы для дальнейшего продвижения [5].

По моему мнению создание постоянных каналов коммуникации с государственными структурами повышает эффективность взаимодействия граждан, позволяя им доносить консолидированную позицию до органов власти. Успешные региональные практики могут быть распространены на общенациональный уровень. Укрепление связей между общественными организациями усиливает взаимопомощь, обмен опытом и ресурсами, что обеспечивает устойчивость гражданского общества.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что процесс консолидации общественных объединений и их выход на региональный уровень позволит им становиться более структурированными, профессиональными и способными решать масштабные задачи. Укрупнение помогает создать более устойчивые и эффективные механизмы взаимодействия с государственными структурами, что, в свою очередь, способствует более устойчивому развитию общества. Без доступа на региональный уровень общественное объединение не может решить ни одной системной проблемы, которая требует бюджетных ассигнований сверх муниципального масштаба. В конечном итоге, они вносят значительный вклад в реализацию государственной политики, предлагая инновационные подходы и решения.

Список источников

1. Агишев Р. А. Конституционные основы и гарантии права человека и гражданина на объединение в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 3 (37). С. 37–46.

2. Борискова И. В. Государство и общественные объединения // Территория науки. 2012. № 2. С. 73–75.

3. Кобзарев Л. И. Роль политических партий в укреплении демократии и реализации гражданских прав и свобод // Вестник науки. 2025. № 4 (85). С. 231–242.

4. Майстренко Г. А. Деятельность политических партий: политикоправовая характеристика / Г. А. Майстренко, А. Г. Майстренко // Право и управление. 2023. № 2. С. 50–54.

5. Авакьян С. А. Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения. Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 8–13.

УДК 342.7

Право на доступ в Интернет в системе прав человека и гражданина

Усков Илья Владимирович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, iuskov-fk21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: права человека, цифовизация, право на доступ к сети Интернет, защита прав граждан.

Современный этап развития общества и государства пронизан цифровыми технологиями во всех сферах человеческой жизни. Сеть Интернет стала универсальной инфраструктурой для реализации большинства прав. С точки зрения текущего положения дел, Интернет способен существенным образом облегчить методику и способы осуществления законных прав и свобод пользователей в сети Интернет. Не смотря, на положительные аспекты цифровизации, параллельно с этим, существует вероятность

© Усков И. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

возникновения негативного и противоправного воздействия на определённые категории прав, в том числе, права в области неприкосновенности личной жизни или тайны переписки.

В условиях активной цифровизации возникает вопрос является ли право на доступ в Сеть Интернет самостоятельным правом человека и гражданина или выступает только средством для технической реализации давно законодательно закреплённых и признанных прав и свобод. В законодательстве Российской Федерации все ещё нет чёткого закрепления понятия Интернет и доступ к сети Интернет в законодательных актах. Исходя из международной практики, можно сказать, что Интернет — это всеобъемлющая система телекоммуникаций и обмена информацией, объединяющая различные информационные системы посредством применения протоколов передачи данных, принятых в сети. Она служит платформой для публикации данных в открытом доступе и обеспечения взаимодействия между абонентами.

С юридической точки зрения, Интернет представляет несомненный интерес, поскольку он открывает для каждого пользователя канал для размещения, потребления и обмена достоверной информацией, а также возможность использования электронного документооборота и осуществления ряда сделок посредством сети Интернет. Сеть Интернет стала основной площадкой, на которой большая часть населения получают необходимые сведения, подают документы и получают государственные услуги в упрощённом порядке.

В доктрине образовалось два основных подхода по данному вопросу. Первый подход (с технической позиции) не признаёт право на доступ в сеть Интернет как самостоятельное (автономное) право. Сторонники подхода настаивают, что право на получение информации является фундаментальным базисом для доступа в сеть Интернет, и все операции, которые совершаются в Сети Интернет можно рассматривать лишь как элементарный обмен

информацией между его участниками [3]. Второй подход (производный) рассматривает доступ в сеть Интернет, как самостоятельную гарантию, которая возникает, как следствие традиционных прав и свобод, включая право на получение информации.

По-моему мнению более правильный подход - второй. В сфере юриспруденции существуют права, которые возникли как следствие эволюции традиционного законодательства. В качестве примера можно привести право на благоприятную окружающую среду, которое, по сути, вытекает из закреплённого в конституции права на жизнь и здоровье. Признание права на доступ к сети Интернет как отдельной, самостоятельной категорией предоставит возможность использовать в отношении него особые механизмы защиты и обеспечения.

Конституция Эквадора провозглашает неотъемлемое право каждого на равный доступ к современным информационным и коммуникационным технологиям, тогда как в Финляндии подобная норма получила законодательное закрепление в рамках Закона «О рынке коммуникации», где чётко прописано право на широкополосный доступ в интернет, включая установленные минимальные требования к скорости передачи данных, которые обязан обеспечивать провайдер. Имеются и случаи судебных прецедентов. Конституционный суд Коста-Рики еще в 2010 году заявил о том, что задержка телекоммуникационного развития государства нарушает права на доступ к новым информационным технологиям тем самым развивая цифровое неравенство.

В законодательстве Российской Федерации упоминаются признаки сети Интернет, в том числе в Федеральный закон № 2124-1-ФЗ «О средствах массовой информации», Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее ФЗ №149) [2]. Но указание на признаки сети Интернет не решает проблему с признанием права на доступ в сеть Интернет. Интернет как важная площадка для получения лицами

информации, подачу документов, осуществления взаимодействия с государственными органами и получения государственных услуг. Для проведения политики в данной сфере и последующей контрольно-надзорной деятельности необходимо прямое закрепление прав и положений, касающихся сети Интернет для исключения разногласий в процессе правоприменительной практики, приводящим к проблемам применения законодательства в сфере сети Интернет. Помимо прочего, Интернет способен служить площадкой для совершения незаконных актов или иных криминальных деяний, вроде обмана, хищения либо применения поддельных бумаг. Учитывая тенденцию развития подобных неправомерных действий, чёткое определение понятия "сеть Интернет" становится обязательным условием для эффективного расследования преступлений, связанных с компьютерной информацией.

Исходя из вышеперечисленных проблем, для их решения необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации положением о беспрепятственном доступе подключения к сети Интернет как средство реализации права на информацию [1]. «Свободный поиск, получение, передача, создание и распространение сведений любыми не противоречащими закону методами — это неотъемлемое право каждого. Российская Федерация обеспечивает гарантию доступа к глобальной сети Интернет. Ограничение или полное пресечение возможности выхода в эту сеть допустимо лишь в тех случаях, когда это необходимо для защиты фундаментальных устоев конституционного порядка РФ, норм морали, защиты прав, свобод и правомерных интересов иных пользователей сети, а также для обеспечения обороноспособности и безопасности страны. При этом любые подобные меры должны строго соответствовать положениям Федерального закона». Данное закрепление позволит развивать инфраструктуру в области связи, помогать обеспечивать связью отдалённых и малоимущих слоёв населения. Установив

законодательно право на доступ к сети интернет и чётко прописав случаи, когда государство вправе вводить ограничения на такой доступ, у граждан не будет возникать вопросов по поводу законности подобных действий со стороны государства.

Для того, чтоб обеспечить единообразие правоприменительной практики необходимо внести поправки в статью 2 Федерального закона № 149-ФЗ. Положения должны указывать на то, что сеть Интернет является разновидностью информационно-телекоммуникационной сети, представляющей собой совокупность компьютерных сетей, объединённых единым протокольным пространством и системой неповторяющихся сетевых адресов (IP-адресации), чьё назначение заключается в обеспечении хранения, обработки и передачи информации с использованием технологических и программных средств.

В заключении хочется сказать, что современный этап цифровизации требует пересмотр правового статуса сети Интернет. В наши дни из обычного технического средства она превратилась в универсальную инфраструктуру для реализации конституционных прав, а именно право на информацию. Также сеть Интернет является удобной платформой для получения населениям государственных услуг и общения. Но на данный момент в российском законодательстве отсутствует как само определение интернета, так и прямое закрепление на доступ к нему, что порождает правовую неопределённость, проблемы правоприменения и риск произвольных ограничений. И для решения этих проблем необходимо пересмотреть законодательство в области право на доступ в интернет и закрепить его в Конституции РФ.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Петрухин Г. В. Право на интернет в системе конституционных положений российского права // Оригинальные исследования. 2024. Т. 14, № 11. С. 184–187.

УДК 346

Разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями управления образованием

Федорова Диана Денисовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dianafedorova25@mail.ru

Ключевые слова: образование, разграничение полномочий, цифровое неравенство, региональное управление образованием.

Образовательная и научная системы являются ключевыми элементами, обеспечивающими устойчивое социально-экономическое развитие и рост национального благосостояния. Эффективность государственной политики в этой области зависит от рационального распределения финансовых и управленческих ресурсов по всем уровням бюджетной системы – федеральному, региональному и муниципальному [4, с. 169].

Для достижения высоких результатов в образовании и науке разработана государственная Стратегия развития образования до 2036 года. Основная цель этой Стратегии – обеспечить высокий

© Федорова Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

уровень образовательного процесса и научной деятельности, сохраняя их фундаментальный характер и адаптируя к запросам граждан и общества [5, с. 578]. Федеральную политику реализует Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, полномочия которого определены Постановлением Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 [2].

Так, согласно положениям вышеуказанного нормативного документа, к числу приоритетных задач Федерального Министерства ОиН относится совершенствование инфраструктуры научной сферы. Речь идет, как правило, о развитии федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров, уникальных стендовых установок. Также, в сферу ответственности Минобрнауки России входят вопросы социальной поддержки обучающихся, молодежной политики в образовательной сфере, управление государственным имуществом и предоставление государственных услуг в подведомственных областях, включая здравоохранение и агропромышленный комплекс [6, с. 677].

Следует обратить внимание, что в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» [1], полномочия в сфере управления образованием распределяются между федеральным центром и регионами. На региональном уровне, например, в Красноярском крае, функции исполнительной власти в образовательной сфере выполняет Министерство образования Красноярского края. Правовой статус и ключевые направления деятельности установлены Постановлением Правительства Красноярского края от 27.12.2013 № 706-п [3]. Его задачи включают формирование правовых и финансовых ресурсов для улучшения образовательной системы региона, а также надзор за соблюдением норм законодательства. Конечной целью деятельности, является формирование эффективной и доступной образовательной и научной среды на территории региона.

Но несмотря на единство стратегических целей, ключевые проблемы сохраняют свою актуальность на всех уровнях управления. Одной из таких проблем является территориальное и цифровое неравенство, выражающееся в сохраняющемся разрыве в оснащённости школ и вузов между центральными и удалёнными регионами. Неравенство дополняется цифровым аспектом: различиями в скорости интернет-связи, доступности цифровых образовательных платформ и электронных библиотечных ресурсов. Данные исследований указывают на то, что в удаленных и сельских школах доступ к высокоскоростному интернету и современному цифровому контенту остается ограниченным, что создает дополнительные барьеры для реализации единых образовательных стандартов.

Для решения указанной проблемы требуется консолидация усилий и ресурсов, дальнейшее развитие программ создания сетевых образовательных и исследовательских центров, подобных Уральскому межрегиональному научно-образовательному центру (далее – УМНОЦ). УМНОЦ показал действенные механизмы преодоления территориального неравенства в доступе к инфраструктуре. За счет кооперации участников центра создана распределенная сеть уникальных научных установок класса «мегасайенс», таких как источник синхротронного излучения «СКИФ» и реактор ПИК. Эта инфраструктура, географически расположенная в разных точках Урала, доступна в удаленном или мобильном режиме для исследователей и студентов всех участников консорциума, что фактически уравнивает возможности научных коллективов из разных городов. Так, подобные инструменты позволят преодолеть географическую удалённость за счёт кооперации.

Таким образом, разграничение полномочий между федеральным центром и субъектами в сфере образования и науки, установленное федеральным законодательством, и

конкретизированное в нормативных актах органов исполнительной власти, создает основу для многоуровневого управления, направленного на реализацию единой государственной стратегии. Федеральный уровень, обеспечивает стратегическое планирование и развитие крупнейшей научной инфраструктуры. Региональный уровень, в рамках деятельности таких органов, как Министерство образования Красноярского края, адаптирует федеральные задачи к локальным условиям, обеспечивая непосредственное предоставление образовательных услуг и социальную поддержку обучающихся. Эта модель позволяет концентрировать ресурсы на приоритетах и одновременно гарантировать право на образование по всей стране, что соответствует целям Стратегии до 2036 года.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

2. Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 26. Ст. 3851.

3. Об утверждении Положения о министерстве образования Красноярского края: Постановление Правительства Красноярского края от 27.12.2013. № 706-П // СПС «Гарант» . URL: https://base.garant.ru/18658786/ (дата обращения: 18.02.2026).

4. Бельских Я. А. Особенности государственного управления в области образования и науки // Молодой ученый. 2025. № 18 (569). С. 169-170.

5. Пешков Р. О. Современные вопросы целей и задач государственной политики в сфере образования и науки // Молодой ученый. 2023. № 49 (496). С. 577–584.

6. Рзаев Р. Г. Особенности государственного управления наукой и научно-технической деятельностью в Российской Федерации // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 1 (52). С. 670–678.

7. Минобрнауки России. Задачи Министерства. URL: https://minobrnauki.gov.ru/mission/ (дата обращения: 14.02.2026).

8. Стратегия развития образования в РФ до 2036 года. URL: https://образование.объясняем.рф/ (дата обращения: 27.03.2026).

9. Уральский межрегиональный научно-образовательный центр мирового уровня «Передовые производственные технологии и материалы» : [сайт]. URL: https://умноц.рф/ (дата обращения: 19.02.2026).

УДК 342.9

Перспективы развития института призыва на военную службу в Российской Федерации

Хохлов Никита Александрович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nakhokhlov@sfu-kras.ru

Ключевые слова: военное право, призыв, воинская обязанность, военная служба.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Дмитрию Дмитриевичу Невирко, канд. юрид. наук.

В современном мире, к сожалению, существует немалое количество разногласий между государствами, которые впоследствии могут перерасти в открытые конфликты и военные действия. Российская Федерация, как и любое государство в мире, в

© Хохлов Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

таких ситуациях своей главной задачей ставит сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности или посягательств на свои интересы. И для выполнения данной задачи во многих странах мира существует воинская обязанность, в том числе и институт военной службы по призыву.

Говоря о военной службе, нельзя не упомянуть первопричину ее появления. Вспомним основы теории государства и права, а именно содержание внешних функций государства, одной из которых как раз-таки является функция обороны страны. Данная функция обеспечивает суверенитет, неприкосновенность государственных границ, внешнюю безопасность страны [1]. Вышесказанное еще раз подчеркивает всю важность и значимость данного института.

Согласно ст. 87 Конституции РФ Президент РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ. В этом качестве он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности; определяет основные направления военной политики; утверждает военную доктрину; осуществляет руководство Вооруженными Силами РФ; назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил РФ; издает указы о призыве граждан на военную службу, военные сборы, а также об увольнении с военной службы [2]. Нельзя не отметить того, что Президент РФ уделяет значительное внимание как в целом Вооруженным Силам РФ, так и военной службе по призыву в частности, регулярно совершенствуя и улучшая данный институт государства. Тем не менее в нем все равно остается ряд несовершенств.

В работе будут выделены некоторые недостатки института военной службы по призыву и предложены способы их исправления.

Согласно действующей редакции Федерального закона № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», призыву подлежат граждане в возрасте от 18 до 30 лет [3]. Увеличение верхней границы возраста призыва до 30 лет было введено Федеральным законом от 24.07.2023 № 467-ФЗ. Однако в условиях текущей демографической и социально-экономической ситуации более эффективным является возвращение к возрастному интервалу от 18 до 27 лет, который ранее действовал в течение десятилетий и доказал свою эффективность в обеспечении стабильного призывного контингента. По данным Росстата, численность граждан мужского пола в возрасте 27–30 лет снижается, а средний возраст становления отцом в России – 28,1 [4]. И их социальный статус чаще всего уже предполагает наличие семьи, стабильной работы и иных социальных обязательств. Призыв таких граждан приводит к росту социального напряжения и затрудняет их адаптацию на военной службе, адаптацию после прохождения службы. Возврат к возрасту от 18 до 27 лет позволит оптимизировать нагрузку на систему военного призыва и одновременно снизить социальную напряженность.

Так же есть проблемы, которые касаются приостановления действия призывной комиссии, в настоящее время, гражданин, обжалующий решение районной призывной комиссии в административном порядке, может быть направлен на службу до рассмотрения жалобы, что нарушает принцип презумпции добросовестности и подрывает гарантии на справедливое административное разбирательство. Согласно пункту 4 статьи статьи 29 Федерального закона № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» решение призывной комиссии субъекта будет приостановлено только в случае обжалования этого решения в судебном порядке. Получается, гражданин, в отношение которого районный военкомат принял решение, противоречащее законодательству, имеет два варианта развития событий. Первый –

обжаловать решение районной призывной комиссии в призывную комиссию субъекта, при этом имея риски быть привлеченным к уголовной ответственности, согласно статье 328 УК РФ, за уклонение от военной службы, так как решение районного военкомата будет продолжать действовать, если решение касалось призыва гражданина на военную службу. Второй вариант – обжаловать решение районной призывной комиссии в судебном порядке и запрашивать у суда применения мер предварительной защиты в порядке 85 статьи КАС РФ. Это может привести к ситуации, что гражданин, права которого нарушены, обжалует решение районной призывной комиссии в судебном порядке, а суд не увидел достаточных оснований для применения мер предварительной защиты и не удовлетворил заявление об этом. Гражданин опять оказывается в двоякой ситуации, он обязан исполнить решение призывной комиссии, которое считает незаконным, а за неисполнение подлежит уголовной ответственности по 328 УК РФ.

Так же необходимы изменения в подпункт "д" пункта 1 статьи 24, предоставляющие четкую и справедливую формулировку – "имеющим ребенка-инвалида". Такая редакция исключает двусмысленность и подтверждает необходимость поддержки семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью.

По данным Социального фонда РФ, в России насчитывается более 620 тысяч семей, воспитывающих детей-инвалидов. Отсрочка от призыва для человека, который в такой семье исполняет роль кормильца, соответствует гуманным и социально-ориентированным принципам государственной политики.

В заключении хочется сказать, что военная служба по призыву, безусловно, является неотъемлемым институтом в Российской Федерации на данный момент. Именно поэтому мы посчитали важным уделить ему особое внимание, постараться выявить в нем некоторые недостатки и предложить пути их

возможного исправления в целях его дальнейшего укрепления и совершенствования.

Список источников

1. Перевалов В. Д. Теория государства и права // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 28–33.

2. Кокотов А. Н. Конституционное право. М.: ИНФРА, 2023. 368 с.

3. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ : редакция от 28.12.2025 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2026).

4. Григорьев Н. Ю. Престижность военной службы в системе ценностей современной российской молодежи: социологический анализ // Гуманитарий юга России. 2019. № 8. С. 27–28.

УДК 342.8

Предвыборная агитация в сети «Интернет»: особенности правового регулирования в Российской Федерации

Худоногов Павел Андреевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, p.hudonogov@yandex.ru

Ключевые слова: предвыборная агитация, сеть «Интернет», социальные сети, избирательное право.

© Худоногов П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Сеть «Интернет» стала одной из самых популярных форм проведения предвыборной агитации кандидатов и политических партий.

Действующая в России модель предвыборной агитации ориентирована главным образом на классические печатные и аудиовизуальные материалы, поэтому правоприменитель вынужден соотносить динамичный цифровой контент с требованиями, рассчитанными на фиксированные носители информации.

Несмотря на то, что предвыборная агитация в сети «Интернет» предусмотрена в пункте 3 статьи 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) в качестве одной из форм, к ней применяются требования статьи 54 данного Федерального закона, обязывающие кандидатов и политических партий указывать на данных агитационных материалах сведения об изготовителе, заказчике, дате изготовления, тираже и сведения об оплате из избирательного фонда [6].

Как отмечает И. А. Брикульский, в случае социальных сетей такая модель нередко оказывается технически неприменимой, поскольку отдельный пост или публикация не обладают характеристиками классического агитационного экземпляра [2, с. 67–70].

Особую проблему представляет ситуация, когда агитационный материал создаётся самим кандидатом без привлечения третьих лиц и без расходов из избирательного фонда. Верховный Суд Российской Федерации в Апелляционном определении от 11 сентября 2019 г. по делу № 11-АПА19-26 указал, что размещённый на личной странице кандидата в социальной сети пост может рассматриваться как агитация, однако отсутствие договора с платформой и расходов из избирательного фонда не позволяет

автоматически вменять нарушение требований к изготовлению таких материалов [1].

Среди возможных способов решения рассматриваемой проблемы можно выделить предложение В. Е. Подшивалова, который предлагает рассматривать активность кандидата в социальных сетях не как совокупность разрозненных материалов, а как единый «агитационный канал», представляющий собой непрерывный поток сообщений, объединённых общей целью и субъектом управления [4, с. 24–27]. Такой подход позволяет точнее учитывать специфику цифровой среды, где значение имеет не только отдельная публикация, но и совокупная стратегия коммуникации кандидата или избирательного объединения.

Также до сих пор в избирательном законодательстве не получила окончательного разрешения проблема потенциального участия избирателей в предвыборной агитации. В 2006 году Конституционный Суд Российской Федерации указал, что граждане вправе участвовать в предвыборной агитации методами, не требующими финансовых затрат [5]. В условиях развития социальных сетей, блоговых платформ и мессенджеров эта позиция приобретает новое содержание: граждане могут выражать поддержку кандидату и распространять политические мнения без организационной и финансовой инфраструктуры избирательной кампании, поэтому механическое распространение на такую активность всех требований статьи 54 Федерального закона № 67-ФЗ ставит под сомнение реальность осуществления конституционного права на свободное политическое выражение [2, с. 61–65].

Как подчёркивает А.К. Кузнецов, включение сети «Интернет» в сферу специального регулирования избирательного законодательства было своевременным, однако законодатель не разработал самостоятельные критерии оценки цифровых форм агитации и фактически распространил на них прежнюю модель

контроля [3, с. 52–53]. В результате регулирование концентрируется преимущественно на форме публикации, тогда как реальные риски цифровой среды связаны также с алгоритмическим распространением контента, технологическим усилением сообщений и анонимностью участников коммуникации [2, с. 72].

Проведённый анализ подтверждает необходимость дифференцированного правового режима предвыборной агитации в сети «Интернет». Для кандидатов и избирательных объединений следует сохранить повышенные требования к прозрачности финансирования и порядку распространения, адаптировав их к цифровой среде. Предлагается дополнить Федеральный закон № 67-ФЗ специальной статьёй об интернет-агитации, заменив фиксацию «тиража» и «даты изготовления» ссылкой на агитационный материал, датой и временем размещения, электронным экземпляром, указанием числа интернет-страниц размещения, архивированием материалов реального времени и сведениями об оплате.

Для граждан, действующих без средств избирательного фонда, необходим упрощённый режим, основанный на презумпции добросовестности и запрете лишь действий, прямо подрывающих честность и законность избирательного процесса. Таким образом, интернет-агитация требует не переноса правил о печатных агитационных материалах, а формирование самостоятельной модели регулирования с учётом различий субъектов, финансирования и технических способов распространения информации.

Список источников

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2019 г. по делу № 11-АПА19-26 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Брикульский И. А. Предвыборная агитация в социальных сетях: проблемы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38. № 3. С. 61–81.

3. Кузнецов А. К. Правовое регулирование предвыборной агитации в информационно-коммуникационной сети «Интернет» // Oeconomia et Jus. 2021. № 2. С. 49–54.

4. Подшивалов В. Е. Предвыборная агитация в социальных сетях и иных средствах персональной интернет-коммуникации // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 3. С. 24–29.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2006 г. № 7-П // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

6. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

УДК 342

Баланс прав и обязанностей в условиях трансформации правовой доктрины

Цецура Валерия Павловна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tsetsuravaleria@yandex.ru

Ключевые слова: баланс прав и обязанностей человека и гражданина, правовая определённость, оценочные категории.

© Цецура В. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Проблема соотношения прав и обязанностей является одной из фундаментальных в теории права и, что немаловажно, актуальной, поскольку всё чаще в условиях развития прав человека наблюдается снижение внимания к институту обязанностей. Так, Сэмюэл Мойн указывает, что в эпоху прав человека «язык обязанностей» утратил свою значимость даже на международной арене [1]; критикует «триумф абсолютизации прав» и профессор Мэри Энн Глендон [2].

В силу этого отметим, что выделяется классическая правовая доктрина коррелятивности прав и обязанностей и современная.

Классические позиции представлены, в частности, работами американского учёного Уэсли Хоффельда, который считал, что каждому субъективному праву одного субъекта корреспондирует определённая обязанность другого субъекта [3]. В отечественной доктрине эту идею поддерживал С.С. Алексеев [4].

Роско Паунд – один из основателей социологической школы права – указывал, что любое право не может существовать вне социального контекста и всегда включает элемент ответственности, заложенный в обязанностях [5]. Аналогичную позицию в российской науке разделили А.М. Малько и Н.И. Матузов [6].

Современная доктрина, напротив, характеризуется усилением автономизации прав и обязанностей. Так, Мэттью Крамер указывает, что права могут существовать без строго корреспондирующих обязанностей, поскольку в ряде случаев они выражают не столько юридически закреплённые требования к субъекту, сколько нормативные основания для выдвижения таких требований [7]. О том, что для того или иного права не обязателен круг обязанностей, пишет и идеолог либертарианства Роберт Нозик [8].

Никлас Луман отмечает, что обязанности в настоящее время приобретают производный характер от прав и выступают инструментом их конкретизации [9]. Схожая позиция указана

Дунканом Кеннеди: правопритязания формируют правовой базис, а обязанности конструируются постфактум для его реализации, следовательно, обязанности вспомогательны [10].

Представляется, что расхождение между классической и современной доктринами не следует оценивать однозначно. Чрезмерная автономизация прав при ослаблении компонента обязанности ведёт к концептуальному дисбалансу. Право, лишённое обеспечивающей его обязанности, рискует превратиться в декларацию, не обладающую реальным регулятивным потенциалом, ровно, как и обязанность, не корреспондирующая какому-либо праву, утрачивает свою юридическую направленность и приобретает черты формального, мёртвого или избыточного предписания.

Представляется обоснованным рассматривать баланс прав и обязанностей как динамическую конструкцию, изменяющуюся в зависимости от уровня развития общественных отношений, характера правовой системы и целей правового регулирования. В одних сферах, например, в области социально-экономических прав, допустимо преобладание обязанностей как средства обеспечения публичных интересов, тогда как в иных, прежде всего в сфере личных и политических прав, оправдан приоритет прав при минимизации вмешательства и ограничений.

В развитие данного подхода предлагается рассматривать баланс прав и обязанностей как оценочную категорию, раскрываемую через два критерия. Количественный критерий предполагает отсутствие явного нормативного перекоса в сторону исключительно либо прав, либо обязанностей. Качественный критерий выражается в степени содержательной (ценностной, юридико-технической и иной) согласованности и функциональной взаимосвязи прав и обязанностей. Указанное позволит преодолеть как излишнюю формализацию классической коррелятивности, так и чрезмерную разобщённость современной доктрины, предлагая

рассматривать права и обязанности как элементы единой, но внутренне дифференцированной правовой категории.

Список источников

1. Мойн С. Последняя утопия. Права человека в истории / С. Мойн. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.

2. Глендон М. Разговор о правах: обеднение политического дискурса // Modern Sociology. Т. 22. 1993. С. 237 – 238.

3. Хохфельд У. Фундаментальные правовые концепции в судебной аргументации и другие юридические очерки / У. Хохфельд. Нью-Хевен: Издательство Йельского университета, 1920. 126 с.

4. Алексеев С. С. Общая теория. М.: Проспект, 2008. 565 с.

5. Паунд Р. Введение в философию права. Нью-Хевен: Издательство Йельского университета, 1922. 328 с.

6. Матузов Н. И. Теория государства и права. М.: Дело, 2022. 528 с.

7. Макбрайд М. Без прикрас: правовая, моральная и политическая философия Мэтью Крамера. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2022. 611 с.

8. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 624 с.

9. Луман Н. Право как социальная система. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2004. 498 с.

10. Кеннеди Д. Расцвет и упадок классической правовой мысли. Орегон: Beard Books, 1975. 316 с.

УДК 347.191.45:351

Административное правовое регулирование цифровизации внутриорганизационного управления на примере Красноярского края

Шнягин Никита Сергеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, shnyaginnikita@yandex.ru

Ключевые слова: цифровизация государственного управления; административное правовое регулирование; кибербезопасность.

Одним из стратегических приоритетов развития России на ближайшие годы является внедрение цифровых технологий и цифрового развития, в том числе в системе управления. Становление такого направления развития необходимо в современных реалиях и поддерживается на уровне нашей страны, на уровне субъектов и муниципальных образований [1].

Основным нормативным правовым актом, определяющим вектор цифровизации государственного управления, является Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». А также Распоряжение Правительства РФ от 16 марта 2024 г. №637-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации государственного управления».

В Красноярском крае одним из ключевых решений цифровизации внутриорганизационного управления стал Центр управления регионом (ЦУР), созданный в 2020 году на базе

© Шнягин Н. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

краевого государственного казённого учреждения «Центр информационных технологий Красноярского края».

ЦУР — это специализированный пункт управления, предназначенный для обеспечения деятельности Губернатора края, Правительства края и органов исполнительной власти при реализации функций оценки, анализа и прогнозирования ситуации, стратегического, текущего и оперативного планирования, мониторинга и контроля исполнения управленческих решений.

В 2024 году была утверждена Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Красноярского края. В неё вошли проекты по цифровизации ключевых отраслей, включая государственное управление.

Государственная программа «Развитие информационного общества», утвержденная Постановлением Правительства Красноярского края от 30.09.2013 № 504-п ставит целью цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

В Красноярском крае активно внедряются системы электронного документооборота, например, «Енисей-СЭД», что повышает оперативность обмена документами между органами власти.

Вместе с тем, сохраняется целый ряд проблем в государственном управлении края, решаемых при цифровизации:

1. Недостаток достоверных сведений, доступных в режиме реального времени, необходимых для принятия управленческих решений.

2. Несвязанность контрольно-надзорных мероприятий с реальными рисками и их трактовка как нагрузки, а не помощи.

3. Затруднения во взаимодействии сотрудников органов государственной власти и органов местного самоуправления в связи с отсутствием унифицированных средств совместной и

удаленной работы, недостаточный уровень цифровизации кадровой работы государственной службы.

4. Наличие завышенных и дублирующих расходов на создание государственных информационных систем с идентичным функционалом [2].

Внедрение цифровых технологий в работу органов власти позволяет повысить эффективность, прозрачность и качество предоставляемых государственных услуг, но также существуют и правовые проблемы по данной теме:

- недостаток нормативно-правовой базы, наличие пробелов в регулировании важных категорий правоотношений. Прежде всего, это касается кибербезопасности, вопросов электронной аутентификации и других аспектов;

- низкий уровень актуальности действующих источников нормативно-правового регулирования, что фактически исключает возможность применения данных документов для регулирования статуса новых правоотношений. Например, таким является принятый в 2003 году Федеральный закон № 126 «О связи», который критикуется экспертами как неактуальный для существующих в государстве общественных отношений;

- говоря о вопросе, об электронной аутентификации надо сказать, что сегодня несовершенным выступает и Федеральный закон № 63 «Об электронной цифровой подписи». Прежде всего, существенные ограничения налагает технический аспект, а также отсутствие контрольных инструментов. Поэтому практическая реализация данного НПА представляется крайне сложной и скорее замедляющей темпы развития цифровизации государственного управления, нежели наоборот [3].

Для постепенного решения данных недостатков стоит рассмотреть такие варианты как изменение и совершенствование законодательства, а также улучшение информационных систем, с

помощью которых оказываются государственные услуги гражданам, а именно укрепление информационной безопасности.

Предлагается рассмотреть пути решения указанных проблем:

- применение систем для оптимизации работы услуг на основе потребностей граждан.

- повышение безопасности данных – кибербезопасность, внедрение современных систем позволит защитить граждан от возможности утечки информации и их личных данных, а также повышение уровня надежности и безопасности самих информационных систем, технологической независимости информационно-технологической инфраструктуры от оборудования и программного обеспечения, происходящих из иностранных государств.

- повышение уровня эффективности контрольно-надзорной деятельности органов власти Красноярского края.

Список источников

1. Алиева М. З. Цифровизация государственного управления в российской федерации / М. З. Алиева, Бастрыкин С. В. // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 1. С. 95–101. DOI 10.47576/2949-1916_2023_1_95.

2. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Красноярского края» // Утверждена Губернатором Красноярского края М. М. Котюковым от 28.12.2024 г. С. 22.

3. Шмидт Т. Н. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации государственного управления // Образование и право. 2024. № 5. С. 76–81. DOI 10.24412/2076-1503-2024-5-76-81.

Актуальные проблемы криминологии

УДК 347.962.31

Проблемы и перспективы развития института отвода судьи. Сравнительный анализ

Арсамакова Алиса Назировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alisaarsamakova88@mail.ru

Ключевые слова: отвод судьи, антикоррупционная мера, беспристрастность, злоупотребление, гарантия, французский опыт.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Николаевне Толстиковой, доценту, канд. юрид. наук.

Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), а конкретно ч.1 ст. 46 каждому гарантирована судебная защита его прав и свобод. Носителями судебной власти являются судьи. Ч. 1 ст. 120 Конституции РФ установлено, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону [2]. Названные положения также продублированы в ч.4 ст. 1 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон РФ «О статусе судей в РФ») [4].

На сегодняшний день процессуальной гарантией обеспечения беспристрастности и объективности со стороны судей является институт отвода и самоотвода судьи, который находит свое нормативное закрепление в ст. 16-21 Гражданско- процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [3], ст. 21 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [1] и ст. 61-65

© Арсамакова А. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [5]. Можно также с уверенностью говорить о том, что названный институт является помимо этого и антикоррупционной мерой, поскольку его применение также предполагает исключение ситуации конфликта интересов со стороны судьи.

Ключевое различие оснований отвода судей в различных процессуальных кодексах РФ касается круга лиц, чьи связи с судьей влекут его отвод. В гражданском процессе (ст. 16 ГПК РФ) препятствием к рассмотрению дела служат отношения как родства, так и свойства с участниками процесса. В арбитражном процессе (ст. 21 АПК РФ) подобное ограничение сформулировано уже: запрет распространяется исключительно на родственников, а свойственники в тексте не упоминаются. УПК РФ оперирует понятиями «родственники» и «близкие родственники».

Таким образом, несмотря на общую схожесть оснований для отвода в ГПК РФ и УПК РФ, терминология, описывающая социальные связи судьи, в каждом кодексе имеет свои нюансы.

В настоящий момент процедура отвода судьи следующая: судья, которому заявили ходатайство об отводе, удаляется в совещательную комнату и принимает решение о собственной беспристрастности и отсутствии заинтересованности в исходе дела или же напротив иное решение, если приходит к выводу о наличии оснований для этого. Также, если судья, рассматривает дело единолично, он вправе разрешить вопрос об отводе или самоотводе путем вынесения мотивированного протокольного определения без удаления в совещательную комнату.

В процессе анализа зарубежного законодательства особый интерес вызвал опыт Франции. Согласно действующему гражданскому процессуальному кодексу Франции (Code de Procédure Civile, далее – ГПК Франции) [6], а конкретно статье 341 существует 8 оснований, по которым судье может быть заявлен отвод: когда судья или его супруга имеют прямую или косвенную

связь с участниками дела, также судья не может рассматривать дело, если он уже участвовал в нем профессионально (как судья, арбитр, консультант) или если он (или его супруга) является процессуальным оппонентом стороны или ее супруга.

Еще одним весьма важным фактом является то, что во Франции вопрос об отводе решается судом апелляционной инстанции, либо председателем суда первой инстанции, а не самим судьей, которому заявлен отвод.

Более того, на наш взгляд, французским законодателем интересно решена возможная проблема злоупотребления правом. А именно: если ходатайство об отводе судьи не будет удовлетворено, то сторона, его заявившая, обязана выплатить судебный штраф в размере 15-1500 евро. Тем самым, у участников процесса, желавших злоупотребить правом, например, намеренно затянуть сроки рассмотрения дела, будет сдерживающий фактор – денежная санкция.

Подводя итог, необходимо отметить, что на сегодняшний день институт отвода судьи в РФ является важнейшей процессуальной гарантией обеспечения объективности и беспристрастности при принятии решения по делу, антикоррупционной мерой. Мы полагаем, что для усовершенствования сложившегося института возможно заимствования французского опыта, при котором заявление об отводе судьи рассматривает не сам отводимый судья, а председатель суда либо апелляционная инстанция. Это, по нашему мнению, способствует более объективной проверке фактических оснований отвода, поскольку вопрос решается лицом, которое не имеет отношения к рассматриваемому делу или участникам процесса. Также считаем целесообразным перенять французский подход в части наложения штрафа на лиц, безосновательно заявлявших отвод судьей, в качестве превентивных мер для злоупотребления правом со стороны участников процесса. Россия и Франция относятся к романо-

германской правовой семье, что существенно упрощает процесс заимствования отдельных норм, так как правовые системы государств объединены общностью структур, источников права и сходством понятийно-категориального аппарата.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон N 95-ФЗ. Москва, 2026. 352 с.

2. Конституция Российской Федерации. М. : Эксмо, 2026. 96 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон N 138-ФЗ. М. : АСТ, 2026. 256 с.

4. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ N 3132–1. М. : ЦЕНТРМАГ, 2026. 92 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон N 174-ФЗ. М. : ЦЕНТРМАГ, 2026. 592 с.

6. Гражданский процессуальный кодекс Франции : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23226 (дата обращения: 03.03.2026).

УДК 343

Особенности личности несовершеннолетнего киберпреступника

Бояркина Яна Андреевна
Юридический институт, Сибирский федеральный университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, y.a.boyarkina@mail.ru

Ключевые слова: несовершеннолетний киберпреступник, киберпреступления, криминологический портрет киберпреступника, киберпреступник, личность несовершеннолетнего киберпреступника.

Если рассматривать статистику за последние пять лет, то можно заметить, насколько сильно увеличилось количество киберпреступлений, совершенных лицами, не достигшими 18 лет. В 2020 году было зафиксировано только 54 киберпреступления [2], а в 2025 году – 8,8 тысяч [3]. С каждым годом число подобных инцидентов увеличивается в геометрической прогрессии. И чтобы понять причины такого роста, необходимо обратиться к характеристике личности несовершеннолетнего киберпреступника и его особенностям.

Нет четкого криминологического портрета несовершеннолетнего киберпреступника, поэтому рассмотрим личность в уголовно-правовом, социально-демографическом, нравственно-психологическом аспекте для составления примерного описания и выделения особенностей такого типа преступника.

© Бояркина Я. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Начнем с уголовного аспекта. Рассмотрению подлежат основные категории преступлений, которые совершают несовершеннолетние киберпреступники: преступления против жизни и здоровья (ст.110, ст. 110.1, ст. 119 УК РФ); преступления против чести и достоинства (ст.128.1); преступление против неприкосновенности частной жизни (ст.137, ст.138 УК РФ); имущественные преступления (ст.158 УК РФ); экстремистские преступления (ст.205 УК РФ); преступление против общественного порядка (ст.213 УК РФ); преступления, связанные с незаконным оборотом порнографических материалов (ст.242, ст.242.1); преступления в сфере компьютерной информации (ст.272.1, ст.273 УК РФ) [1].

Чаще всего фиксируются следующие киберпреступления: взлом аккаунтов и кибератаки, распространение вредоностного ПО, нарушение интеллектуальной собственности, оправдание терроризма в сети несанкционированный доступ к играм, а также и кибертравля (кибербуллинг).

Социально-демографическая характеристика личности несовершеннолетнего киберпреступника охватывает возраст (от 12 до 18 лет), пол (чаще юноши, хотя гендерные различия у подростков сглажены), уровень образование и доступ к технологиям (технические навыки нередко формируются вне формального обучения), семейное положение и социально-экономическое состояние (смещение социального профиля в сторону экономически благополучных слоев населения, хотя для киберпреступлений достаточно минимального доступа к интернету).

Психологический аспект личности несовершеннолетнего проявляется по-разному, в зависимости от обстоятельств правонарушения. Если подросток сам совершил противоправный поступок, это может быть связано с возрастными ограничениями: стремлением самоутверждению, поиском признания среди

сверстников, искажённой самооценкой, низким уровнем правовой грамотности или влиянием девиантной группы. Когда же несовершеннолетним манипулируют взрослые, ключевую роль играют его повышенная внушаемость, зависимость от авторитетов, недостаток критического мышления и, возможно, неблагоприятная обстановка в семье.

Противоправные действия несовершеннолетних в киберпространстве принципиально отличаются от традиционных форм подростковой преступности в реальном мире. Ключевыми особенностями личности таких подростковстановятся владение цифровыми навыками, мотивация к повышению статуса в онлайн-группах, эффект онлайн-деингрибиции (ослабление социальных барьеров из-за анонимности) и дистанцирование от жертвы, снижающие чувство вины.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 20.02.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2026).

2. В РФ число совершенных детьми IT-преступлений выросло в 74 раза за четыре года // ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. URL: https://tass.ru (дата обращения: 14.04.2026).

3. МВД: почти треть преступлений подростков совершены с применением IT-технологий // ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. URL: https://tass.ru (дата обращения: 14.04.2026).

4. Смагин П. Г. К вопросу о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационных технологий // Социальная политика и народосбережение. 2024. Т. 3, №2.

УДК 343.9

Принципы ESG как фундамент антикоррупционной политики современного бизнеса

Дубляк Дмитрий Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ddublyak-yy25@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: принципы ESG, комплаенс, корпоративное управление, коррупция, санкционное давление.

««Ответственное» инвестирование приобретает все большее значение, а новым критерием инвестиционной привлекательности и выбора компаний помимо финансовых показателей становится следование эмитента ESG-принципам.» [5]. На текущий момент ESG являются основополагающими принципами для предупреждения коррупционных действий, а также для формирования качественного эффективного внутреннего контроля. Главенствующую позицию в рамках антикоррупционного аспекта занимает компонент «G» — Governance — охватывающий организационные вопросы корпоративного управления, деловой этики, прозрачности структуры собственности и подотчётности органов управления.

Внедрение ESG-ориентированного подхода предполагает реализацию комплекса процедур, таких как: формализацию этических стандартов, внедрение механизмов оценки комплаенс-рисков, создание каналов информирования о нарушениях и рисках,

© Дубляк Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

а также интеграцию антикоррупционных показателей в систему мотивации руководящего состава [6].

В Российской Федерации развитие ESG-повестки приобретает особую актуальность в новых условиях и тенденциях развития международных экономических отношений. Отечественные компании адаптируют международные принципы ESG к национальным правовым и экономическим реалиям, формируя суверенную модель комплаенс-контроля, отвечающую задачам обеспечения экономической безопасности и правопорядка.

Наиболее показательным примером системной интеграции ESG-принципов в современной России, включая их антикоррупционную составляющую, является деятельность Публичного акционерного общества «Сбербанк». Согласно официальной позиции, следование стандартам ESG рассматривается как их осознанный стратегический выбор, направленный на повышение долгосрочной эффективности и операционной устойчивости, повышение доверия среди инвесторов и населения.

В рамках компонента «G» Сбербанк реализует ряд мер, связанных с предупреждением коррупции. Ключевыми элементами являются: функционирование системы комплаенс, Раскрытие информации о структуре собственности и конечных бенефициарах, соответствующей как международным стандартам, так и нормам российского законодательства, включая такие обязательные пункты, как включение антикоррупционной оговорки в договоры, регулярное обучение сотрудников и урегулирование возникающих конфликтов интересов. Также Сбербанком активно реализуется политика «Знай своего клиента» и процедура «должной осмотрительности», распространяющиеся на абсолютно всю цепочку контрагентов, что позволяет минимизировать риски вовлечения в коррупционные схемы [6].

В условиях постоянного и нарастающего санкционного обременения данные меры не были свёрнуты в условиях санкционного давления. Введение блокирующих санкций в отношении ПАО Сбербанк не привело к отказу от ESG-повестки. Наоборот, произошло смещение внимания с внешних рейтингов на внутреннюю эффективность и адаптацию ESG политики к государственным приоритетам. Антикоррупционный комплаенс является важнейшим фактором снижения регуляторных рисков и повышения уровня доверия со стороны контрагентов.

Санкционные ограничения, наложенные на российскую экономику, способствовали формированию национального вектора антикоррупционных стандартов в рамках ESG. Ранее бизнес в основном придерживался рейтингов зарубежных компаний. Однако после отключения от глобальных финансовых каналов актуальность иностранных ESG-рейтингов существенно снизилась. В этих условиях формируется отечественная модель ESG-регулирования, в рамках которой антикоррупционные стандарты основываются исключительно на нормах российского законодательства. Множество компаний в РФ не отступили от поддержания высокого уровня применяемых антикоррупционных мер в рамках ESG. К таким компаниям относятся: «Газпром», «Роснефть», «Норильский никель» и т.д. Их меры антикоррупционной политики не были отменены, а были адаптированы к современным реалиям [1].

«…результаты реализации ESG-повестки отмечаются как за рубежом, так и в нашей стране, но оценка результативности осуществляется по разному набору показателей, что создает проблему для сравнительного анализа и выявления определенных тенденций» [2].

Рассматривая антикоррупционный аспект в рамках ESG, можно отметить высокий потенциал совершенствования систем корпоративного управления, В современной России принципы ESG выступают основой для формирования собственной модели

комплаенс контроля. Опыт Сбербанка показывает, что следование стандартам ответственного управления сохраняет актуальность даже в условиях санкционных ограничений, способствуя устойчивости компании в кризисных ситуациях, снижению коррупционных рисков и факторов. Таким образом, антикоррупционная политика, основанная на ESG-принципах, выступает в качестве одного из важнейших элементов обеспечения экономического суверенитета Российской Федерации.

Список источников

1. Измайлова М. А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 2. С. 185–201.

2. Мерзликина Г. С. Устойчивое развитие и ESG-повестка: ключевые проблемы // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 3. С. 7–15.

3. Суфларский А. П. Анализ практик внедрения ESG-принципов крупными российскими компаниями // Хроноэкономика. 2023. № 1 (39). С. 61–66.

4. Лукьянчикова Т. Л. Коррупция как угроза экономической безопасности предпринимательских бизнес-структур / Т. Л. Лукьянчикова, И. А. Шалаев // Экономическая среда. 2021. № 1. С. 36–40.

5. Диваева Э. А. Условия трансформации ESG-принципов: экономические и социальные аспекты // Инновации и инвестиции. 2022. №1. С. 65–70.

6. Принципы ESG: что это такое и как внедрить в бизнес // Сбербанк России: [сайт]. URL: https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/pro_business/principy-esg-chto-eto-takoe-i-kak-vnedrit-v-biznes (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 004.8:343.35

Роль искусственного интеллекта в противодействии коррупции

Елисеева Екатерина Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, eeliseeva-yy25@sfu-kras.ru

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика6 противодействие коррупции, искусственный интеллект, национальная безопасность, кибербезопасность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Виталию Анатольевичу Номоконову, профессору кафедры деликтологии и криминологии, док. юр. наук.

Коррупция как негативное социально-правовое явление представляет собой угрозу национальной безопасности и социально-экономическому развитию, деструктивно воздействуя на правовые институты и общественную стабильность. Противодействие коррупционным проявлениям относится к числу приоритетных задач для многих государств, однако существующие методы борьбы зачастую демонстрируют недостаточную эффективность вследствие пробелов в законодательном регулировании и отсутствия системного подхода при реализации антикоррупционных мер. Следует осознавать, что даже наиболее совершенный механизм противодействия коррупции обречён носить имитационный характер, если он имеет преимущественно рамочное, техническое содержание и не затрагивает непосредственно сами коррупциогенные факторы. Кроме того,

© Елисеева Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

необходимо принимать во внимание, что проблема противодействия коррупции и обеспечения антикоррупционной безопасности представляет собой не столько правовую или криминологическую, сколько политическую, экономическую и нравственную проблему.

По состоянию на 2025 год глобальная аудитория пользователей сети Интернет достигла 5,56 млрд человек, что соответствует 67,9% населения Земли. Российская Федерация также функционирует в условиях цифровой эпохи: в 2025 году ежедневная интернет-аудитория страны насчитывала 133 млн человек, а уровень проникновения сети достиг 92,2%.

Ключевым индикатором перехода государства к цифровому укладу выступает тотальная связанность, предполагающая интеграцию персональных устройств (многофункциональных гаджетов), общедоступных сетей, корпоративных информационных систем и правительственных инфраструктур в единый цифровой взаимосвязанный контур. Такая конвергенция открывает беспрецедентные возможности, однако одновременно превращает пользователей в обитателей «дома со стеклянными стенами». В сложившихся условиях потенциалы, риски и угрозы возрастают пропорционально.

При данных обстоятельствах искусственный интеллект (далее - ИИ) начинает рассматриваться как перспективный инструмент противодействия коррупции.

Обобщение международного опыта (проект «Zero Trust» в Китае, проект «Serenata de Amor» в Бразилии, дело компании Rolls-Royce в Великобритании) позволяет заключить, что внедрение ИИ в антикоррупционную деятельность должно осуществляться на принципах целевого характера, прозрачности и сопровождаться надёжными гарантиями соблюдения прав человека. Только при выполнении указанных условий технология способна стать действенным инструментом формирования более честных

и подотчётных институтов, а не источником дополнительных рисков и социального неравенства.

Российская Федерация, аналогично зарубежным странам, внедряет технологии искусственного интеллекта в практику противодействия коррупции. В 2022 году в России была запущена система «Посейдон», которая осуществляет анализ данных из официальных реестров и социальных сетей с целью проверки соответствия доходов и расходов государственных служащих. Данная система выявляет несоответствия, но не подменяет собой оперативно-разыскную деятельность. Однако, реализуемый комплекс антикоррупционных мер пока не позволяет достичь полного контроля над коррупционными процессами в РФ. Ключевыми факторами, обусловливающими данную ситуацию, выступают: высокая латентность коррупционных деяний, их проникновение в военно-промышленный комплекс и систему госресурсов, а также детерминирующее влияние цифровизации на механизмы совершения коррупционных преступлений при отсутствии стагнации последних.

ИИ способствует автоматизированию рутинных задач, обнаруживанию скрытых связей между участниками коррупционных схем и способствованию возвращения государству похищенных средств. Указанные свойства подтверждают эффективность ИИ как инструмента, который, хотя и не способен полностью искоренить коррупцию, но даёт возможность существенно снизить её уровень.

Коррупция, будучи многоаспектным социально-правовым феноменом, сохраняет высокую степень деструктивного воздействия на национальную безопасность, правовые институты и социально-экономическое развитие Российской Федерации.

В условиях цифровой трансформации государственного управления ИИ позиционируется как перспективный инструмент антикоррупционной деятельности, позволяющий

автоматизировать аналитические процедуры, выявлять скрытые связи и осуществлять мониторинг публичных закупок и расходования бюджетных средств.

Вместе с тем следует признать, что технологические решения, включая системы на базе ИИ, не являются панацеей. Таким образом, ИИ может рассматриваться в качестве действенного вспомогательного инструмента, способствующего существенному снижению уровня коррупции, но не заменяющего системных реформ и не устраняющего глубинных детерминант данного явления.

Список источников

1. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2026. 348 с.

2. Номоконов В. А. Антикоррупционная безопасность и её синергетический потенциал / В. А. Номоконов, Т. М. Судакова // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2025. №8.

3. Аметка Ф. А. Использование искусственного интеллекта в противодействии и борьбе с преступностью: отечественный и зарубежный опыт / Ф. А. Аметка, С. В. Есин, С. А. Задирака // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 175–178.

4. Аносов А. В. Технологии искусственного интеллекта в системе противодействия коррупции // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240).

5. Кузьмин Н. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в противодействии коррупции// Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 154–156.

6. Крылова Д. В. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта / Д. В. Крылова, А. А. Максименко // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84.

УДК 343.9.018.3

Цифровая среда как криминогенный фактор сталкинга: доступность персональных данных и анонимность

Емельянова Алина Алексеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: сталкинг, кибersталкинг, навязчивое преследование, персональные данные, цифровая среда, анонимность, информационная безопасность.

Современные технологии и широкая доступность информации в сети Интернет существенно трансформировали механизм совершения навязчивого преследования. Если традиционный сталкинг требовал от преследователя физического присутствия и непосредственного контакта с жертвой, то цифровая среда создала принципиально новые возможности для сбора информации, слежки и психологического давления. Цифровая среда выступает не просто инструментом, а активным криминогенным фактором, формирующим условия для зарождения, развития и эскалации преследующего поведения [1].

В структуре механизма преступного поведения при совершении сталкинга среда выполняет системообразующую функцию, выступая не пассивным фоном, а активным детерминирующим фактором. Её элементы формируют условия, облегчающие или провоцирующие зарождение и реализацию преступного умысла. Возможность бесконтрольного доступа к персональным данным посредством открытых источников (OSINT),

© Емельянова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

социальных сетей и коммерческих баз данных трансформирует сбор информации из сложной задачи в рутинный процесс. Анонимность цифровых коммуникаций выполняет двойственную роль: она не только технически облегчает преследование, но и психологически снижает внутренние барьеры и уровень воспринимаемой ответственности у нарушителя, способствуя деиндивидуализации и растормаживанию поведения. Современные технологии и общедоступность информации существенно облегчили задачу сбора персональных данных, что активно используется в целях сталкинга. Преследователи применяют широкий спектр методов для получения доступа к личной информации жертвы. К числу основных методов относится сбор данных из открытых источников. Социальные сети предоставляют обширный объем информации, включая фотографии, местоположение, круг общения, интересы, религиозные и политические взгляды, а также планы на будущее. Анализ этой информации позволяет сталкерам создавать психологический портрет жертвы, выявлять её уязвимости и планировать дальнейшие действия. Даже ограниченные профили могут содержать достаточно информации, а взаимодействие с друзьями и подписчиками может раскрыть дополнительные сведения. Помимо социальных сетей, сталкеры используют поисковые системы: простой поиск по имени и фамилии жертвы может выявить множество упоминаний в новостях, блогах, форумах, базах данных компаний и организаций. Существуют также легальные и нелегальные базы данных, содержащие персональные данные граждан (адреса, телефоны, сведения о недвижимости), и веб-сайты государственных органов, публикующие информацию о гражданах в открытом доступе (реестры юридических лиц, сведения о судебных решениях). К незаконным методам относится взлом аккаунтов в социальных сетях, электронной почте и других онлайн-сервисах, позволяющий получить доступ к личной переписке,

фотографиям, видеозаписям и контактной информации. Фишинг, заключающийся в создании поддельных веб-сайтов или электронных писем, имитирующих официальные ресурсы, также применяется для получения логинов, паролей и другой конфиденциальной информации. К этой категории относится и установка шпионского программного обеспечения (Spyware) на устройства жертвы, позволяющего отслеживать её действия, записывать разговоры, получать доступ к личным данным, переписке и другим конфиденциальным сведениям. Злоумышленники все чаще используют «умные» устройства для преследования, позволяющие отслеживать местоположение жертв. Примером может служить дело «Володина против России» в Европейском суде по правам человека, где бывший партнер установил GPS-трекер в сумку жертвы, что позволило ему отслеживать ее перемещения в реальном времени [3]. Использование устройств для слежки является незаконным сбором персональных данных и нарушением права на частную жизнь.

Одна из разновидностей форм преследования – кибersталкинг, которая разворачивается в цифровой среде. Здесь задействуются мессенджеры, социальные платформы и прочие онлайн-инструменты. Спектр действий агрессора весьма широк: начиная от прямых посланий с угрозами и унизительными выпадами, заканчивая целенаправленным распространением ложных сведений, созданием фальшивых страниц для дискредитации личности и иными манипуляциями, призванными запугать, деморализовать и подорвать эмоциональную устойчивость потерпевшего. Анонимность цифровой среды играет ключевую роль в криминогенном потенциале современных технологий. Эффект анонимности и дистанцирования снижает психологические барьеры и чувство ответственности, позволяя преследовать жертву, минимизируя прямой контакт и риск немедленного разоблачения [2]. Преследователь, действуя через

подставные аккаунты или анонимные мессенджеры, воспринимает риск привлечения к ответственности как минимальный, что способствует эскалации преследующего поведения.

К социальным факторам, способствующим развитию сталкинга в обществе, можно отнести легкий доступ к личной информации в сети Интернет и недостаточное осознание серьёзности проблемы сталкинга в обществе. Многие оценивают такие поступки как «романтические» и принимают их за ухаживание, что формирует терпимое отношение к преследующему поведению.

Сталкинг в цифровой среде является результатом взаимодействия технологических, правовых и социальных факторов. Цифровая среда существенно изменила характер и формы проявления сталкинга, превратив его в более латентное, масштабируемое и трудно контролируемое явление. Доступность персональных данных и анонимность интернет-коммуникаций создают благоприятные условия для реализации преследующего поведения, снижая риски для правонарушителя и усиливая уязвимость жертвы. Эффективное противодействие цифровому сталкингу требует комплексного подхода, включающего совершенствование правового регулирования, развитие технологий защиты персональных данных и повышение уровня цифровой грамотности населения.

Список источников

1. Кобец П. Н. Противодействие угрозам кибersталкинга // Вестник Прикамского социального института. 2017. №1 (76). С. 27–35.

2. Барышева К. А. Преследование как новый вид уголовно-наказуемого деяния // Пробелы в российском законодательстве, 2016. №8. С. 178–183.

3. Постановление ЕСПЧ от 09.07.2019 «Дело Володина (Volodina) против Российской Федерации» (жалоба N 412661/17).

УДК 343.35:347.97/.99

Противодействие коррупции в судебной системе

Лукьянчук Марк Вячиславович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lu.markusha@yandex.ru

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная деятельность, предупреждение коррупции, судебная система, правосудие.

Проблема предупреждения коррупции в судебной системе занимает одно из центральных мест в современной антикоррупционной политике. Правосудие как одна из важнейших форм государственного управления, призванная обеспечить разрешение различных социальных конфликтов на основе правовых норм [4, с. 131]. Независимость и беспристрастность суда являются фундаментальными принципами правового государства, закреплёнными в Конституции Российской Федерации. Коррупция в судебной системе подрывает доверие граждан к правосудию, снижает эффективность судебной защиты прав и законных интересов, а также создаёт негативный имидж государства на международной арене. Неслучайно глагол коррумпировать (corrumpere) имел специальное значение в Дигестах и обозначал

© Лукьянчук М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

«объективную сторону преступления, заключающегося в том, что некто, заинтересованный в исходе дела, подкупает судью» [1, с. 22].

Как отмечается в специальной литературе, «коррупция в судебной системе представляет собой негативное социально-правовое явление, выражающееся в противоправном использовании судьями, присяжными и арбитражными заседателями, иными лицами, участвующими в обеспечении осуществления правосудия, своего должностного положения (публичного статуса) в целях извлечения выгод материального и (или) нематериального характера для себя или третьих лиц, а равно в предоставлении или посредничестве в предоставлении им указанных выгод для достижения процессуально значимого результата» [2, с. 232]. В широком смысле это любое использование субъектом судебной деятельности занимаемой должности или статуса для получения личной выгоды, противоречащее закону и этическим нормам.

Современные теоретические подходы к предупреждению коррупции в судебной системе можно разделить на несколько групп. Институциональный подход делает акцент на создании независимых механизмов отбора, назначения и продвижения судей, а также на формировании эффективных контролирующих органов. Экономический подход связывает уровень коррупции с размером оплаты труда судей и материальным обеспечением судебной системы. Этический подход акцентирует внимание на формировании у судей антикоррупционного мировоззрения и соблюдении кодексов судейской этики. Правовой подход предполагает совершенствование законодательства, в том числе в части декларирования доходов и расходов, а также механизмов привлечения к ответственности.

Важным направлением предупреждения коррупции является общественный контроль. Как отмечалось в разных исследованиях независимость судей невозможна без того, чтобы судья выносил

решение, не опасаясь каких-то последствий и не действуя в рамках системы негласных компромиссов. Государством предприняты ряд шагов для повышения прозрачности судебной системы. Так, в состав экзаменационных комиссий, занимающихся отбором кандидатов на должность судьи, стали включать представителей общественности – преподавателей права и учёных-юристов. Судебные заседания записываются на аудио и видео, решения судов размещаются в открытом доступе.

Для понимания возможных направлений реформирования полезно обратиться к зарубежному опыту. Судебная система Сингапура признана одной из самых эффективных в мире благодаря действенной системе предупреждения коррупции. Ключевым органом является Комиссия судебной службы, обладающая исключительными полномочиями по назначению и отстранению судей независимо от исполнительной власти. Закон о предотвращении коррупции 1960 г. устанавливает строгие меры ответственности. Судьи обязаны ежегодно подавать декларации о доходах и расходах. Бюро по расследованию коррупционных практик обладает широкими полномочиями по проверке деятельности судей. Существенным элементом является высокий уровень оплаты труда, минимизирующий экономические стимулы к коррупции [5].

Как отмечает профессор Дж. С. Т. Куах, эффективность антикоррупционных агентств напрямую зависит от политической воли правительства, предоставления достаточного персонала и бюджета, а также независимости в расследовании дел о коррупции без политического вмешательства [6]. Сравнительный анализ показывает, что российская система противодействия коррупции в судах делает акцент на последующем наказании, а не на системной превенции, тогда как сингапурская модель предполагает многоуровневый контроль, высокую прозрачность и неотвратимость ответственности.

Несмотря на очевидные успехи отдельных антикоррупционных мер, предупреждение коррупции в российской судебной системе остаётся фрагментарным. Федеральный закон «О противодействии коррупции» содержит общие нормы, но механизмы их реализации зачастую недостаточно эффективны. Отмена ежегодного декларирования доходов судей создаёт дополнительные риски. Сохраняется зависимость карьерного роста судей от председателей судов и квалификационных коллегий. Как отмечают М. Барщевский и А. Толкунов, кандидат на должность председателя суда испытывает колоссальное давление со стороны инспектора, который пишет представление на продление полномочий [3].

Предупреждение коррупции в судебной системе – это необратимый процесс, требующий изменения не только правовых инструментов, но и самой философии судейской деятельности. Поэтому есть все основания полагать, что только комплексный подход, включающий повышение прозрачности, укрепление независимости судей, внедрение элементов зарубежных моделей (независимая комиссия по назначению, многоуровневый контроль, достойное материальное обеспечение) и развитие общественного контроля, позволит существенно снизить уровень коррупции в российских судах и вернуть доверие граждан к правосудию.

Список источников

1. Александровская С. В. Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской Республики: V–I вв. до н.э.: диссертация … кандидата юридических наук. Краснодар, 2004. 247 с.

2. Антикоррупционные меры безопасности / Н. В. Щедрин, И. А. Дамм, Е. А. Акунченко [и др.]. М.: Проспект, 2025. 496 с.

3. Барщевский М. Ю. Сам себе судья / М. Ю. Барщевский, А. В. Толкунов // Российская газета. 2012. 14 февр.

4. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен : дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. 438 с.

5. Corruption Situation In Singapore // Официальный сайт Бюро по расследованию коррупционных практик (CPIB). URL: https: //www.cpib.gov.sg.

6. Quah J. S. T. Defying institutional failure: learning from the experiences of anti-corruption agencies in four Asian countries // Crime, Law and Social Change. 2009. Vol. 53, №1. P. 23–54.

УДК 343.9

Проблемы антикоррупционной профилактики в коммерческих организациях

Мамаева Анна Геннадьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, anneta-02@mail.ru

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная профилактика, локальный нормативный акт, антикоррупционная экспертиза, коммерческая организация.

В соответствии со ст. 6 ФЗ «О противодействии коррупции» к мерам антикоррупционной профилактики относят антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов. «Она играет критическую роль в профилактике и борьбе с коррупцией на уровне нормативно-правовых актов, что способствует укреплению правовой надежности и демократических принципов управления» [4]. Порядок её проведения определяет, в первую очередь, ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе

© Мамаева А. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Важной составляющей противодействия коррупции, как общественно опасному явлению, в РФ является противодействие коррупции в коммерческих организациях (далее – КО). Однако в области противодействия коррупции коммерческие организации несколько остаются за скобками. «Основные усилия государства в этой области направлены на разработку мер предупреждения коррупционных проявлений в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» [4]. В рамках нашего исследования рассмотрим подробнее антикоррупционную профилактику в КО. И. Ю. Грекова указывает: «Проблемы в области нормативно-правового соответствия в антикоррупционной сфере могут привести к ущербу репутации, оттоку клиентов и большим штрафам для организаций, а также негативным последствиям для топ-менеджмента» [1]. Коррупция дезорганизует изнутри даже самую успешную КО, подрывает доверие к ней клиентов. «В целях правового регулирования различных сторон своей профессиональной деятельности коммерческие организации разрабатывают и принимают локальные (корпоративные) нормативные акты, представляющие собой предписания общеобязательного характера, предназначенные для определенного круга лиц и регулирующие основные направления работы организации (например, устав, правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда, положение о персональных данных, правила и инструкции по охране труда, кодекс этики, положение о закупочной деятельности, политика о спонсорской и благотворительной деятельности, антикоррупционная политика и др.)» [3]. По п. 1 ст. 1 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», объектами антикоррупционной экспертизы выступают исключительно нормативные правовые акты и их проекты. При этом локальные

нормативные акты к ним не отнесены. Полагаем, что следует согласиться с некоторыми исследователями в том, что корпоративные акты и локальные нормативные акты тождественны [2; 6]. Игнорирование локальных нормативных актов в качестве объектов экспертизы грозит появлением в их положениях коррупциогенных факторов, которые, как считает В.В. Астанин, «способны привести к хищениям, вымогательству, получению незаконных вознаграждений, аффилированности» [1].

Некоторые авторы полагают, что «полноценную систему противодействия коррупции чаще всего способны построить лишь крупные участники российского рынка» [7]. Но все ли они выстроили такую систему? Мы исследовали КО из топ 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли по рейтингу Forbes, выбрав 10 самых прибыльных – «Лукойл», «Газпром», «ВТБ», «Сбер», «Роснефть» и т.д. Из них антикоррупционную экспертизу проводят только 4, и лишь в 7 принята Политика по противодействию коррупции (Антикоррупционная политика), что говорит о наличии проблемы в проведении антикоррупционных профилактических мероприятий. Проведённый анализ информационной открытости указанных КО позволило установить её обеспеченность в удовлетворительной степени. Документы по антикоррупционной политике оказалось тяжело обнаружить. На официальных сайтах части организаций, изученных нами, они расположены бессистемно (были найдены лишь через целенаправленный поиск или находились в самом низу веб-страницы), что затрудняет обнаружение и использование данной информации. Раздел «Противодействие коррупции» с соответствующей документацией есть только у ПАО «Сбербанк». Учитывая значимость антикоррупционной открытости КО, целесообразно установить единые требования к размещению указанной нами информации (наличие отдельного раздела на сайте, установление перечня документов и т.д.). В ином случае

существует риск умышленного или неумышленного сокрытия от граждан КО обязательной антикоррупционной информации. Кроме того, в ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» в качестве принципа предусмотрены публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, но ничего не сказано о КО. А в соответствии со ст. 13.3 закона организации обязаны разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции. Так, даже в законодательстве существует противоречие относительно роли КО в профилактике коррупции в РФ.

Таким образом, антикоррупционная профилактика в КО остаётся сферой, нуждающейся в улучшениях. В связи с этим предлагаем дополнить п.т 1 ст. 1 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», предусмотрев обязательное проведение такой экспертизы в отношении локальных нормативных актов, что поможет выявить в них коррупциогенные факторы. Полезным для КО будет м разместить на своём сайте отдельный раздел, посвящённый противодействию коррупции и содержащий соответствующие внутренние документы, чтобы их мог изучить каждый желающий. Это будет способствовать высокому уровню антикоррупционной прозрачности и выступит основой доверия граждан к данным организациям.

Список источников

1. Грекова И. Ю. Подготовка кадров в области антикоррупционного комплаенс : [сайт]. URL: https://org.tpprf.ru/of/council_komplaens/opinion/2346692/ (дата обращения: 11.03.2026).

2. Давыдова М. Л. Локальный (корпоративный) нормативно-правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 1 (30). С. 96.

3. Кострыкина В. В. Локальный (корпоративный) нормативный акт коммерческой организации как предмет антикоррупционной экспертизы // Организация противодействия коррупции на региональном уровне: опыт, состояние, перспективы. 2021. С. 185-191.

4. Кострыкина В. В. Построение антикоррупционной профилактической работы в зависимости от типа организации // Трансформация парадигмы антикоррупционной деятельности. 2025. С. 107–112.

5. Рахимов Х. Ф. Понятие и значение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов // EJLFAS. 2024. № 4. С.172–179.

6. Рубайло Э. А. О понятии юридической техники локальных актов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 288.

7. Тухватуллин Т. А. Противодействие коррупции в организациях: неопределенность закона в вопросе необходимого и достаточного набора профилактических мер и лучшие антикоррупционные практики российских компаний / Т. А. Тухватуллин, А. Е Русецкий // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 5 (150). С. 45–55.

УДК 343.9

Эффективность использования искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе

Полонский Герман Романович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: искусственный интеллект, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, алгоритм, коррупция.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; автор выражает благодарность научному руководителю Виктории Витальевне Кострыкиной, старшему преподавателю.

Искусственный интеллект (далее - ИИ) в современном мире стал неотъемлемой частью нашей жизни, его применение является эффективным инструментом при решении различных повседневных и профессиональных задач, связанных с деятельностью различных субъектов права. Не является исключением и деятельность, связанная с проведением антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее - АЭ) со стороны уполномоченных субъектов.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» [3] АЭ выступает одной из мер по профилактике коррупции. Однако при этом в законе не содержится легального определения рассматриваемого нами понятия. В тоже

© Полонский Г. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

время, исходя из буквального толкования ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4] можно сделать вывод, что АЭ проводится в целях выявления в нормативно-правовых актах и проектах таковых коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

По мнению Э. В. Талапиной «использование ИИ при проведении таких экспертиз способно снизить кадровые, организационные затраты, унифицировать результаты, снизить субъективизм. Задача внедрения технологий искусственного интеллекта определена и в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, и в Перечне поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» от 29.01.2023 № Пр-172» [5]. Однако на сегодняшний день практика применения ИИ при проведении АЭ пока не сложилась.

В научной литературе также указано, что «АЭ с использованием алгоритмов ИИ позволяет минимизировать субъективизм, унифицировать подходы к толкованию коррупциогенных факторов, повысить общее качество НПА и соответствие юридико-техническим требованиям. А также сократить время экспертизы и сэкономить человеческие трудозатраты» [Там же]. Соглашаясь с указанным тезисом, укажем, что ИИ является хорошим инструментом, при проведении экспертизы, он эффективно справиться справляется с «технической» стороной проверки: поиском коллизий, пробелов, дублирований и проверкой на соответствие актам высшей юридической силы. Что позволяет ускорить процесс, но затрагивает при этом лишь поверхностный слой экспертизы. Так же ИИ хорошо справиться в поиске коррупциогенных факторов, у которых существует определённая шаблонность например: Широта дискретных полномочий, со своими словами «маркёрами»: в

течении при условии, в случае и т.д), но таких коррупциогенных факторов всего 7 из 12, где ИИ может применить свои алгоритмы [Там же].

Но основная проблема возникает при работе с «открытой текстурой» права, ведь юридический язык обладает неустранимой неопределённостью. Существуют оценочные категории и различные «размытые» формулировки (например, перечень смягчающих обстоятельств), которые необходимы для гибкости правосудия. ИИ, работающий на жёстких алгоритмах, не способен адекватно интерпретировать такую правовую неопределённость. Так же у него возникает сложность выявления коррупциогенных факторов (пример с «вправе») [1], для которых необходимо именно субъективное понимание реальности, а ИИ, работающий на жёстких алгоритмах не способен этого делать.

Как подмечают исследователи из Высшей Школы Экономики, внедрение искусственного интеллекта поможет снизить критическую нагрузку на контролирующие органы, повысив качество и скорость антикоррупционной экспертизы, но основным препятствием для обучения моделей является закрытость официальных данных и дефицит качественных экспертных заключений в открытом доступе [2].

Применение ИИ в антикоррупционное сфере, требует не только законодательной наработки, но технической, нужно активно пробовать применять и обучать алгоритмы, чтобы качество экспертизы было лучше, а нагрузка на органы, которые осуществляющие данную процедуру стало меньше.

Список источников

1. Абоян А. А. Проблемы правового регулирования и применения искусственного интеллекта в антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов / А. А. Абоян, Д. В. Парин // Юридическая наука. 2023. №12. 5 с.

2. Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Е. А. Артеменко, А. М. Волкова, Р. О. Долотов [и др.] // «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 48 с.

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.

4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июл. 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

5. Талапина Э. В. О применении алгоритмов искусственного интеллекта для проведения антикоррупционной экспертизы // Информационное общество. 2023. №5. 7 с.

УДК 343.9

Социально-демографическая характеристика личности коррупционного преступника в трудах ведущих учёных

Симайченков Александр Юрьевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Samara071@mail.ru

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, коррупционный преступник, криминологический портрет.

© Симайченков А. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Деятельность по противодействию коррупции, и предупреждения коррупционных преступлений, на сегодняшний день выступает одним из приоритетных национальных интересов Российской Федерации. Данная тематика активно исследуется в трудах представителей наук уголовно-правового цикла: В. В. Астанин, Б. В. Волженкин, И. А. Долгова, П. А. Кабанов, Н. А. Лопашенко, С. В. Максимов, И. М. Мацкевич, В. А. Номоконов, Н. В. Щедрин, П. С. Яни и другие.

Для раскрытия данной темы необходимо сделать особый акцент на центральной фигуре любого преступления, а именно личности самого преступника.

«Личность коррупционного преступника в качестве объекта криминологического исследования включает в себя устойчивую систему социально значимых характеристик (социально-демографических, психологических, уголовно-правовых) лица, совершившего коррупционное преступление, его поведение, социальные отношения» [3]. Соответственно выделяют три основных характеристики: социально демографический, психологический и уголовно-правовой.

Изучение социально-демографических характеристик личности коррупционного преступника имеет ключевое значение для разработки адресных профилактических мер, повышения эффективности правоприменительной практики и понимания глубинных механизмов формирования коррупционного поведения.

В рамках исследования стоит рассмотреть: пол, возраст, уровень образования, семейное положение, социальный статус. С помощью них можно отобразить социально демографический черты преступника коррупционера.

Как указывает И. М. Мацкевич, «распределение коррупционных преступников по признакам пола характеризуется тем, что до 80% из них — мужчины [6]. К аналогичному выводу

приходит О. С. Капинус, указывая, что большинство преступлений коррупционной направленности совершаются мужчинами [5].

Оценивая возрастную структуру и образовательную подготовку лиц, совершивших коррупционные преступления, И. М. Мацкевич делает вывод, что «преобладающей по численности является группа от 30 до 40 лет (примерно 60% преступников). Второй по распространенности является группа, куда входят лица от 41 до 50 лет (30% преступников)» [6]. Исходя из данных показателей, можно сделать вывод, что коррупция в современных условиях редко носит импульсивный или спонтанный характер. Возрастной коридор от 30 до 50 лет соответствует периоду максимальной карьерной активности, накопления административного ресурса и формирования профессиональных связей, тем самым подтверждая приведённых выше показатели.

В рамках изучения психологических особенностей коррупционных преступников М. В. Кроз и Н. А. Ратинова указывают результаты социологического исследования, согласно которому «в 84% случаев преступниками-коррупционерами являются лица с высшим профессиональным образованием, в том числе 17% — два и 3% — три высших образования. Двое имели научную степень кандидата наук. Две трети обследованных имели юридическое образование. Второе место по популярности разделяли экономическое и инженерно-техническое» [7]. Специфика образовательного профиля лишний раз подчеркивает системный и профессионально обусловленный характер коррупции. Преобладание юристов, экономистов и инженеров-техников прямо связано с их функциональной вовлеченностью в процессы распределения финансовых потоков, заключения государственных и муниципальных контрактов, а также контроля за соблюдением нормативных требований.

Изучая вопрос семейного положения коррупционных преступников, П. П. Елисов указывает, что: «в большинстве случаев

преступники-коррупционеры находились в официальном браке (44%); доля лиц, которые находились в гражданском браке, составила 21%; реже в разводе (18%) и в 16% случаев преступники-коррупционеры вовсе не имели семью и не состояли в браке» [2]. Данная статистика легко объяснима, ведь с появлением семьи и детей у человека возрастают потребности и расходы, что толкает вынужденного (ситуативного) типа коррупционера к совершению коррупционного преступления.

Рассматривая социальное положение среднестатистического коррупционного преступника, к интересным выводам приходит К. Н. Евдокимов: «почти в половине случаев преступник относится к категории государственных или муниципальных служащих и лишь каждый четвёртый будет иметь должностное положение в коммерческих организациях» [1].

Подтверждают указанные выше выводы относительно недавнее исследование Университета прокуратуры Российской Федерации. Согласно результатам – коррупционные преступления чаще совершают мужчины в возрасте 30–49 лет, являющиеся гражданами Российской Федерации, имеющие высшее образование, состоящие в браке и имеющие детей [4].

Подводя итог, следует обобщить все полученные данные и выделить типичные социально-демографические показатели.

Так типичным коррупционным преступником выступит мужчина от 30 до 40 лет, имеющий высшее образование по юридической, экономической или инженерно-технической специальности, имеющий собственную семью и относящийся к категории служащих

Таким образом, выявленный социально-демографический портрет типичного коррупционного преступника служит научно обоснованной базой для разработки адресных профилактических мер и повышения эффективности государственной политики в сфере противодействия коррупции.

Список источников

1. Евдокимов К. Н. Специфика личности коррупционного преступника // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : Материалы IV международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Донецк, 16–17 мая 2024 года. Донецк: Донбасский государственный университет юстиции, 2024. С. 11–19.

2. Елисов П. П. Личность коррупционного преступника / П. П. Елисов, Н. В. Сторчилова // Научный портал МВД России. 2017. N 4 (40). С. 11–15.

3. Жубрин Р. В. Личность коррупционного преступника как объект криминологического исследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5. С. 17.

4. Журбин Р. В. Личность коррупционного преступника: монография. М.: Проспект, 2019. С. 62–86.

5. Капинус О. С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №1. С. 96-101.

6. Мацкевича И. М. Криминология: учебник для аспирантов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 368 с.

7. Кроз М. В. Психологические особенности коррупционных преступников / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Психология и право. 2018. Т. 8, № 2. С. 15-34.

УДК 343.9

О подходах к пониманию электоральной преступности

Тодышев Павел Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, todyshev8732@mail.ru

Ключевые слова: электоральная преступность, избирательный процесс, избирательные права граждан, политическая преступность, электоральная криминология.

Изучение феномена электоральной преступности представляет собой достаточно новое направление в криминологической науке. Относительно позднее обращение исследователей к данной теме во многом обуславливалось отсутствием устойчивых демократических институтов и полноценной избирательной системы на протяжении длительного периода существования российского государства.

К числу фундаментальных и, по сути, новаторских работ стоит отнести некоторые исследования за авторством П.А. Кабанова [5, с. 146; 4, с. 93], который ввел в научный оборот и обосновал необходимость выделения термина «электоральная криминология».

Примечательно, что впервые релевантная речевая конструкция, описывающая данное явление, как зачастую утверждается, встречается еще в 1906 году в работе Чезаре Ломброзо [8, с. 207], а в отечественной же доктрине термин «электоральная преступность» был введен А.П. Свигузовой [2, с. 99].

Современная российская криминологическая мысль демонстрирует наличие двух основных подходов к определению

© Тодышев П. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

понятия «электоральная преступность». Первый, «ограничительный» подход, получивший не столь большое распространение в исследовательских кругах, предполагает рассмотрение электоральной преступности исключительно как совокупности противоправных деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 141-142.2 УК РФ.

Суть альтернативного подхода заключается в рассмотрении электоральной преступности как комплексного явления, отражающего более объемный криминологический феномен, связанный с подрывом демократических институтов и нарушением конституционных прав граждан. Так, К.Д. Карабаева отмечает, что попытки заключения всего феномена электоральной преступности в границы диспозиций отдельных статей УК РФ представляются излишне узким подходом [6, с. 405].

В свою очередь, обобщая некоторые из наличествующих в доктрине позиций по данному вопросу, исследователи П.О. Кочетова и П.В. Тепляшин формулируют следующее определение: это негативное социальное явление, выражаемое совокупностью общественно опасных деяний, совершаемых в период и в связи с проведением избирательной кампании или кампании референдума, причиняющих или создающих угрозу причинения вреда конституционным правам и свободам граждан, а также подрывающих основы конституционного строя в стране [7, с. 91].

П.А. Кабанов дополнительно акцентирует внимание и на целях совершения преступлений, входящих в категорию электоральных, и указывает, что «электоральную преступность стоит понимать, как противоправную деятельность субъектов политики, имеющую своей целью достижение, в первую очередь, именно, политических целей, иные цели здесь также присутствуют, но они являются второстепенными, дополнительными или промежуточными» [9, с. 11]. Такой подход к определению представляется достаточно содержательным – он фиксируется на

мотивах совершения электоральных преступлений, закрепляя тезис о первостепенности политических целей, но и не игнорирует вероятность наличия иных целей противоправной деятельности.

Таким образом, большинство исследователей сходятся на необходимости широкого подхода, что делает актуальным выделение также и ключевых признаков рассматриваемого явления.

Разумеется, являясь составной частью преступности в целом, электоральная преступность характеризуется наличием типичных признаков, присущих всем преступным проявлениям, однако имеет и ряд специфических черт, обусловленных ее направленностью против избирательных правоотношений.

Во-первых, отметим направленность на достижение политического или иных результатов. Электоральные преступления, в том числе коррупционного характера, могут совершаться с целью извлечения выгоды, однако наиболее часто преступная деятельность в данной сфере осуществляется именно с целью получения, сохранения или перераспределения власти.

Важно подчеркнуть и неоднократно упомянутый в исследованиях выраженный цикличный характер электоральных преступлений [1, с. 52, 61], состоящий в их активном совершении на определённых этапах политического цикла – в рамках предвыборного периода, в дни голосования, а также в период подведения итогов.

Наконец, нельзя не упомянуть такой признак-тенденцию, как информационно-цифровой характер электоральной преступности, выражающийся в частом использовании цифровых технологии при совершении электоральных преступлений.

Таким образом, наиболее перспективным представляется широкий криминологический подход, позволяющий видеть в электоральной преступности системную угрозу демократическим и

социальным институтам. Дальнейшее теоретическое осмысление и развитие мер предупреждения остаются актуальной задачей.

Список источников

1. Акунченко Е. А. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 272 с.

2. Груздева А. П. Электоральная преступность: понятие и некоторые формы ее проявления в современной России // Вопросы национальной безопасности в исследованиях правоведов / под ред. Г. Н. Горшенкова. Сыктывкар: 2000. С. 95-102.

3. Кабанов П. А. Политическая криминология: основные этапы и некоторые перспективные направления ее развития в России // Вопросы национальной безопасности в исследованиях правоведов. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2000. С. 85-94.

4. Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение: учебное пособие. Нижнекамск: Московский гуманитарно-экономический институт, 2000. 244 с.

5. Карабаева К. Д. Криминологическая характеристика электоральных преступлений // Политические партии и выборы: проблемы современности. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. С. 404–412.

6. Кочетова П. О. Криминологические аспекты электоральной преступности: понятие, структура и формы / П. О. Кочетова., П. В. Тепляшин // Научный компонент. 2019. № 4(4). С. 89–97.

7. Ломброзо Ч. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке: В 2 ч. СПб.: С, 1906. 255 с.

8. Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства: Монография /

П. А. Кабанов, Г. И. Райков, А. П. Свигузова [и др.]. М.: Изд-во "Граница", 2012. 92 с.

УДК 343.9

Опыт организации противодействия коррупции в Китайской народной республике

Чупракова Ирина Юрьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chuprakovaiy@mail.ru

Ключевые слова: противодействие коррупции, Китайская народная республика, концепция «трёх не», институциональные реформы, сравнительный анализ, «бить мух и тигров».

Коррупция является одним из деструктивных явлений, которые подрывают авторитет государства и препятствуют его развитию. Китайская народная республика (далее – КНР) за последние десятилетия продемонстрировала существенный прогресс в борьбе с проявлениями коррупции.

Антикоррупционная деятельность в Китае прошла несколько этапов. Как отмечает В.В. Севальнев, первый период (1949-1970-е гг.) характеризовался созданием прокурорских органов и партийных комиссий по проверке дисциплины, однако системный подход к борьбе с коррупцией отсутствовал, и борьба проходила в форме отдельных кампаний под названием «Движение за исправление» [4]. Второй этап (конец 1970-х – 1990-е гг.) был связан с политикой «реформ и открытости», когда в Уголовный кодекс

© Чупракова И. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

1979 года впервые были введены составы преступлений «коррупция» и «взятка». Третий этап характеризовался ратификацией Конвенции ООН против коррупции в 2005 году и принятием законов «О борьбе с отмыванием денег» и «О государственных служащих». С 2012 года с приходом к власти Си Цзиньпина начинается четвёртый этап. Борьба с коррупцией ведётся под новым лозунгом: «Бить мух и тигров». Мелких взяточников называют «мухами», а высших чиновников, которые держат их под контролем, – «тиграми» [5].

Особенностью китайской системы является чёткое распределение контрольных функций между институтами. Основную роль играла Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины (ЦККД) членов партии. В ходе проведения конституционной реформы в 2018 году был создан Государственный контрольный комитет (ГКК). Новый надзорный орган совместил функции Министерства контроля и Национального бюро по предупреждению коррупции и антикоррупционных подразделений прокуратуры [5]. Широкие полномочия ГКК (право на задержание, обыск и блокировку счетов без предварительной судебной санкции), способствовали повышению оперативности расследований. Как подчёркивается в исследованиях П.В. Трощинского, «данная реформа позволила преодолеть ведомственную разобщённость и обеспечить вертикальный контроль над всем государственным аппаратом, включая сотрудников государственных предприятий и общественных организаций» [5].

Законодательная база КНР сочетает превентивные и репрессивные меры. Уголовный кодекс предусматривает ответственность за должностные преступления вплоть до смертной казни: по оценкам А.В. Макарова, в 2000–2010 гг. к высшей мере было приговорено около 10 тыс. чиновников, что создало мощный сдерживающий эффект [2]. При этом единого кодифицированного

акта о противодействии коррупции в Китае нет — регулирование осуществляется через систему законов, подзаконных актов и партийных директив, что обеспечивает гибкость, но требует высокой координации структур.

Важную роль в китайской модели играет профилактическое направление, реализуемое через концепцию «трёх не», закреплённых в Положении о партийных дисциплинарных наказаниях: «не сметь быть коррумпированным» (строгая система дисциплинарных и уголовных наказаний), «не иметь возможности быть коррумпированным» (система подотчётности, декларирование доходов и контроль за расходами), «не желать быть коррумпированным» (формирование «антикоррупционного иммунитета» через идеологическое воспитание) [3].

Как отмечает М.В. Лифанова, «успех кампании во многом обусловлен изменением традиционных установок китайского общества, где «благодарность» чиновнику исторически воспринималась как норма» [1]. Для достижения этого применяются цифровые технологии: создан единый информационный портал 12388.gov.cn и телефон доверия, через которые граждане могут анонимно сообщать о нарушениях. Заявлениям присваиваются идентификационные номера, позволяющие отслеживать ход проверки, что повышает прозрачность и доверие населения. Параллельно ведётся масштабная информационно-воспитательная работа через СМИ и документальное кино, формирующая общественную нетерпимость к коррупции.

Китай активно использует механизмы международного сотрудничества, двусторонние договоры об экстрадиции и положения Конвенции ООН против коррупции для ликвидации «безопасных гаваней» для коррупционеров. Операции «Небесная сеть» и «Охота на лис» направлены на розыск и экстрадицию чиновников, скрывающихся за рубежом, а также на возвращение

незаконно выведенных активов. С 2014 года удалось вернуть более 2500 лиц и средства на сумму свыше 1,25 млрд долларов [3].

Сравнительный анализ показывает, что российское антикоррупционное законодательство формально более систематизировано, однако КНР демонстрирует более высокие результаты в международных рейтингах. Это свидетельствует о том, что эффективность политики определяется не объёмом нормативных актов, а институциональной согласованностью, политической волей и реальной правоприменительной практикой. Полагаем, что опыт КНР в вопросах противодействия коррупции может быть заимствован и внедрен в антикоррупционную политику нашей страны.

Список источников

1. Лифанова М. В. Китайская модель борьбы с коррупцией // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 6-2 (45). 2020. С. 166–168.

2. Макаров А. В. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России // Уголовное право. 2019.

3. Прохоров Э. Т. Противодействие коррупции со стороны государства: опыт Китая // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 289–293.

4. Севальнев В. В. Противодействие коррупции: опыт КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 89–96.

5. Трощинский П. В. Борьба с коррупцией в Китае при Си Цзиньпине // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 12. С. 49-59.

6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.

УДК 343

Развитие криминологии в условиях цифровизации

Шамехина Эллада Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, EShamekhina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: криминология, цифровизация, вычислительная криминология, алгоритмическая криминология.

Повсеместное внедрение и модификация информационных технологий являются безусловной мировой тенденцией и основным направлением в развитии множества научных и прикладных отраслей. Криминология также реагирует на связанные с интенсивной цифровизацией изменения в социуме. В научных трудах не остается без внимания тенденция к трансформации преступности, ее все более тесной связи с новейшими технологическими решениями, а предмет криминологических исследований постоянно расширяется. В этой связи наука активно пополняется специальными криминологическими теориями, в которых подлежат исследованию особенности новых и уже известных практике, но технически «усовершенствованных» видов преступности, их детерминации, виктимизации и противодействия.

В тоже время, в научной литературе крайне малое внимание уделяется изучению возможностей, которые предоставляют информационные технологии, для разрешения общетеоретических вопросов криминологии. Новым и перспективным направлением

© Шамехина Э. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

развития криминологической науки в этой связи видится вычислительная (алгоритмическая) криминология.

Вычислительная криминология представляет собой область знания на стыке криминологии, компьютерных наук и прикладной математики, и ее развитие связано с сетевизацией и цифровой трансформацией исследований преступности. Необходимо отметить, что терминологический аппарат новой криминологической отрасли еще слабо разработан – в различных англоязычных и немногочисленных российских источниках новая криминология именуется вычислительной, алгоритмической или количественной. Однако, несмотря на разнообразие наименований, авторские трактовки указанных категорий позволяют сделать вывод, что в их основе лежат общие идеи и смыслы.

В зарубежных источниках вычислительная криминология характеризуется как «гибрид информатики, прикладной математики и криминологии» [3], как «развивающаяся смесь криминологии, компьютерных наук и прикладной математики» [2], или как «междисциплинарная методология, которая имеет свои корни в вычислительной социологии» [1], что в целом созвучно представлениям российских исследователей. Так, Т. М. Судакова определяет вычислительную криминологию как «разработку адекватных современному уровню технологических приемов в сфере прикладной математики, статистики, методик машинного обучения механизмов расчета причинно-следственных взаимосвязей и улучшение прогнозных оценок о криминологических явлениях и процессах» [7]. В. С. Овчинский также заявляет о «достаточности уже существующих инструментов, методов и программ интеллектуального анализа структурированных и неструктурированных данных для практического перехода к вычислительной криминологии» [5].

Ю. В. Комлев отмечает возрастающий интерес зарубежных исследователей к прогностическому потенциалу «цифровой или

вычислительной криминологии, сочетающей полипарадигмальность постмодернистской интегративной науки о преступности и вычислительные методы, алгоритмы информатики и IT инженерии» [4], и констатирует малоизвестность вычислительной криминологии российской науке, находя причины данного положения в неразвитости междисциплинарного дискурса.

В ряде доктринальный исследований можно встретить использование наименования «алгоритмическая криминология». Ее соотношение с вычислительной криминологией на сегодняшний день не прояснено, в первую очередь ввиду зачаточного состояния развития данных направлений научного познания. Тем не менее, некоторые ученые делают вывод, что алгоритмическая криминология является одной из форм криминологии вычислительной [3]. Их различие заключается в том, что вычислительная криминология направлена фиксирование важных, но неуловимых без специальных технических средств структур в наборе данных с целью подробного объяснения механизмов детерминации определенных реакций. Иначе говоря, вычислительная криминология ставит своей задачей установление связей между явлениями, в то время как алгоритмическая криминология, основанная не на причинно-следственных моделях, а на машинном обучении, направлена по большей части на прогнозирование будущей криминальной обстановки.

Другие исследователи в свою очередь полагают, что «алгоритмическая криминология и вычислительная криминология – это синонимичные термины, обозначающие данное новое направление, которое связывает криминологию и компьютерные науки» [6].

Таким образом, необходимо отметить, что определенный вектор развития современной криминологической науки в условиях цифровой трансформации общественных отношений намечен. Большинство исследователей признает необходимость более

тесного взаимодействия криминологии с техническими науками и теми современными решениями, которые они предоставляют, для качественно новых разработок теории преступности. Полагаем, что основанием для нового междисциплинарного подхода к научным исследованиям способна стать концепция мер безопасности [8]. Отсутствие же единства терминологии на данном этапе является неотъемлемой часть процесса научного познания, требующего дальнейшего анализа для понятийно-категориального оформления.

Список источников

1. Williams M. L. Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // British Journal of Criminology. 2015.

2. Patricia L. Brantingham Computational Criminology // Conference: Intelligence and Security Informatics Conference, 2011.

3. Berk R. Algorithmic criminology // Security Informatics. 2013.

4. Комлев Ю. Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 97-104.

5. Овчинский В. С. Как изучать организованную преступность в XXI веке // Изборский клуб : [сайт]: URL: https://izborsk-club.ru/15222 (дата обращения: 16.04.2026).

6. Райеджиан А. М. Цифровые тренды криминологии и уголовного правосудия XXI века // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. С. 235–250.

7. Судакова Т. М. Алгоритмическая криминология: базовые принципы познания // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации. 2023. С. 255–258.

8. Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000. 180 с.

Актуальные проблемы трудового и экологического права

УДК 349.2

Прекращения трудового договора с иностранными работниками в связи с аннулированием патента

Арбатская Екатерина Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, EArbatskaya-YY24@stud.sfu-kras.ru.

Ключевые слова: иностранный работник, аннулирование патента, трудовой договор, работодатель, патент.

В условиях современной глобализации вопросы о привлечении иностранной рабочей силы приобретают для России важное значение. Согласно актуальным данным, ежегодно в стране выдается порядка 1,6–2 миллионов патентов для трудовых мигрантов. Однако динамика правоприменения показывает и другую сторону: только за 2025 год МВД России аннулировало почти 60 тысяч трудовых патентов – в основном из-за непредставления их обладателями копий трудового договора либо из-за сообщения ложных сведений о себе [1]. Аннулирование патента порождает правовую неопределенность, вынуждая работодателей оперативно реагировать на эти изменения, ведь любая задержка или ошибка в процедуре увольнения влечёт серьёзные правовые последствия.

Патент является ключевым правоустанавливающим документом для иностранных граждан, прибывших в Россию в порядке, не требующем получения визы. Согласно ст. 13.3 ФЗ № 115-ФЗ, патент – это документ, подтверждающий право временно

© Арбатская Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

пребывающего в РФ иностранного гражданина, на осуществление трудовой деятельности на территории определённого субъекта РФ. Патент выдается на определенный срок (от 1 до 12 месяцев), кроме того, патент действителен только при условии своевременной уплаты НДФЛ в виде фиксированного авансового платежа.

Патент гарантирует правосубъектность иностранного работника. В соответствии со ст. 327.3 ТК РФ, сведения о патенте обязательно предъявляются работодателю. Отсутствие или утрата силы патента делает продолжение трудовых отношений юридически невозможным, а работодатель не вправе допускать лицо к работе [2].

Исчерпывающий перечень оснований для аннулирования патента установлен в п. 22 ст. 13.3 ФЗ № 115-ФЗ. Решение об аннулировании принимает территориальный орган МВД России, с момента принятия которого, патент считается недействительным. Анализ судебной практики показывает, как существующая норма применяется по основанию об ответственности работодателя за несвоевременное прекращение трудовых отношений с иностранным гражданином при аннулировании патента:

1. В решении Московского городского суда от 29 июля 2025 г. по делу № 7-9963/2025 работодатель привлечён к административной ответственности за привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина, у которого аннулирован патент в связи с неуплатой НДФЛ. Работодатель настаивал на отсутствии вины, указывая, что факт аннулирования патента был ему неизвестен, так как работник самостоятельно не уплатил налог. Суд отклонил доводы, указав: работодатель обязан контролировать наличие у иностранного работника действующего патента на протяжении всего периода осуществления трудовой деятельности. При этом суд сослался на ч. 1 ст. 327.5 ТК РФ, обязывающую работодателя отстранить от работы иностранца в случае окончания срока действия патента, а также на п. 2 ч. 1 ст. 327.6 ТК РФ,

предусматривающий аннулирование патента в качестве основания для прекращения трудового договора. Суд отметил, что проверка статуса патента является доступной справочной информацией на сайте Главного управления по вопросам миграции МВД России.

2. Работодатели, узнав об аннулировании патента иностранного гражданина несвоевременно, часто пытаются оформить приказ датой фактического прекращения действия документа. Это подтверждает дело № 2-346/2020 Пластского городского суда Челябинской области, в котором работодатель, узнав об аннулировании патента с опозданием, не вправе был оформлять приказ датой прекращения действия патента, поскольку основание для расторжения договора по п. 2 ч. 1 ст. 327.6 ТК РФ возникает исключительно с момента получения официального уведомления из МВД России, а до этого момента работник считается фактически допущенным к труду, и работодатель обязан оплатить отработанное время. Суды подчеркивают, что датой прекращения трудовых отношений может быть лишь день, когда у работодателя появилось законное право на увольнение, а за период до получения уведомления работник может быть только отстранен от работы, но не уволен ретроспективно. Для работодателей единственным способом защиты остается регулярная проверка статуса патентов через официальные сервисы МВД, иначе работодателю грозит ответственность в виде больших штрафов по статье 18.15 КоАП РФ.

Процедура увольнения согласно ст. 327.5 ТК РФ производится в день, когда работодателю стало известно об аннулировании патента. Работодатель обязан сразу издать приказ об отстранении иностранного работника от выполнения трудовых обязанностей. Далее следующим юридически значимым моментом является момент получения работодателем официального уведомления от МВД России об аннулировании патента. После получения такого уведомления работодатель обязан в течении не более 3-х рабочих

дней уведомить территориальный орган МВД о прекращении трудового договора с иностранным гражданином и издать соответствующий приказ о прекращении трудового договора [3].

Говоря о перспективах улучшения законодательства, стоит отметить, что в Государственную Думу внесён законопроект № 873676-8, предлагающий указывать в патенте сведения о профессии (специальности, должности). Однако правительство РФ указало, что этот законопроект нуждается в существенной доработке. Другой проект закона № 1158407-8 (принят в I чтении 18.03.2026) ужесточает условия патента: аннулирование произойдет в случае отсутствия информации о сумме доходов мигранта или если сумма полученных доходов менее умноженной на региональный коэффициент величины прожиточного минимума в расчёте на каждого члена семьи. Кроме того, с 1 сентября 2025 года введена в действие ст. 13.3-1 ФЗ № 115-ФЗ, позволяющая мигрантам работать по одному патенту на территории двух субъектов (пары Москва – Московская область и Санкт-Петербург – Ленинградская область).

Таким образом, аннулирование патента является безусловным юридическим фактом, влекущим прекращение трудового договора с иностранным работником. А правовая база в сфере трудовой миграции требует постоянного совершенствования.

Список источников

1. Аннета М. Ш. Порядок привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности: нормативное регулирование и проблемы реализации / М. Ш. Аннета, О. Д. Овчинникова // Алтайский юридический вестник. 2025. № 3 (51). С. 103–111.

2. Колдина Ю. Р. Особенности прекращения трудовых отношений с иностранными гражданами // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 382–399.

3. Шинакова В. В. Особенности правового регулирования труда иностранных граждан в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 137–140.

УДК 349.2

Об особенностях регулирования рабочего времени дистанционных работников, проходящих профессиональное обучение

Васильев Вадим Андреевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vvasilev-yy24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: дистанционные работники, профессиональное обучение, выходные дни, оплата труда, рабочее время.

Дистанционный формат занятости продолжает укреплять свои позиции на отечественном рынке труда. Действующая редакция Трудового кодекса РФ содержит специальный раздел, посвященный специфике трудовых отношений с удаленными сотрудниками (глава 49.1).

Проанализировав данную главу, которая закрепляет особенности регулирования труда дистанционных работников, возникает вопрос, подлежит ли оплате время, которое дистанционный работник потратил на прохождение обучения, полученного от работодателя? Ни одна её норма не обязывает

© Васильев В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

оплачивать время, затраченное дистанционным работником на обучение.

По нашему мнению, вебинар, тестирование или изучение инструкции следует относить к профессиональному обучению ~~по~~ согласно ст. 187 ТК РФ. Целью такого обучения может являться повышение квалификации, либо приобретение навыков, необходимых для трудовой функции. Например, работодатель проводит вебинар по новой версии ПО; работник обязан его пройти и сдать тест, чтобы продолжить работу. Это профессиональное обучение без отрыва от работы, организованное работодателем и непосредственно связанное с трудовой деятельностью, поэтому гарантии ст. 187 ТК РФ на такие виды обучения должны распространяться.

Данное в ТК РФ определение дистанционной (удаленной) работы сводится к выделению двух ее ключевых признаков: 1) выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, 2) при условии использования для выполнения данной трудовой функции информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет» [1, с. 385]. Законодательное описание удаленной работы акцентирует внимание на двух ключевых характеристиках: осуществление трудовой функции вне территории, подконтрольной работодателю, и применение для этого информационно-телекоммуникационных сетей. Однако определение не содержит критериев для квалификации краткосрочных распоряжений работодателя (например, обучения, тестирования) за пределами рабочего времени.

В результате возникает пробел в законодательстве, мы считаем, что фактически затраченное дистанционным работником личное время не подлежит учёту и оплате.

В юридической литературе отмечается, что совокупность норм о дистанционной занятости в отечественном трудовом праве приобретает качества самостоятельного правового института. В частности, С.С. Михалевский, исследовав систему источников и внутриотраслевые связи, приходит к выводу, что «труд дистанционных работников может рассматриваться в качестве института трудового права» [3, с. 142]. Данное положение подразумевает не только формальную обособленность норм в главе 49.1 ТК РФ, но и наличие у данного института внутренних системных изъянов, к числу которых относится и неопределённость порядка учёта времени, затраченного на обучение вне пределов установленной продолжительности рабочего дня.

В подтверждение сказанного, многие авторы отмечают, что активное внедрение дистанционной работы, несмотря на её преимущества, выявило на практике «недостатки данного явления» [2, с. 1]. К числу таких недостатков относится и рассмотренный выше пробел в правовом регулировании оплаты времени, затраченного дистанционным работником на обучение по заданию работодателя в выходные дни.

Данная позиция находит прямое отражение в материалах правоприменительной практики. В Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2025 года по делу № 88-15558/2025 разбирались обстоятельства, при которых работодатель назначил для удаленного специалиста учебные мероприятия в нерабочий день, зафиксировав момент подключения сотрудника к корпоративной платформе. Суд квалифицировал это время как работу в выходной день, подлежащую оплате по статье 153 ТК РФ. В решении указано: «дистанционные технологии не освобождают от оплаты времени,

потраченного на выполнение распоряжения работодателя за пределами рабочего времени». Анализ упомянутого судебного акта высвечивает недостаточность нормативного регулирования: положения статьи 187 ТК РФ не охватывают ситуации, когда инициированное работодателем обучение без отрыва от основной деятельности проводится в период отдыха. Вынесенное решение устранило неопределенность применительно к конкретному трудовому спору, однако на законодательном уровне данный пробел остается неурегулированным.

Мы считаем, что если дистанционный работник получает задание от работодателя или своего непосредственного руководителя пройти обучение (вебинар, тестирование, изучение инструкции) в свободное от работы время, то формально такое обучение проводится без отрыва от работы – работник не освобождается от основной трудовой функции в рабочие часы. Однако, фактически он использует свой выходной день для прохождения данного обучения. ТК РФ не содержит нормы, обязывающей работодателя вести учёт такого времени и оплачивать его.

Полагаем, что для решения поставленной проблемы следует: дополнить главу 49.1 ТК РФ отдельной нормой, которая закрепит следующее:

Во-первых, работодатель обязан фиксировать время, затраченное дистанционным работником на прохождение обучения (включая тестирование, изучение материалов, вебинара) в выходной или нерабочий праздничный день, с использованием электронных средств учёта рабочего времени.

Во-вторых, время, затраченное дистанционным работником на прохождение обучения подлежит оплате, согласно ст. 153 ТК РФ.

Список источников

1. Сайфутдинова В. М. Трудовой договор с дистанционным работником // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237).

2. Городнянская К. А. Дистанционные работники: проблемы организации труда // Science Time. 2017. № 2 (38).

3. Михалевский С. С. О труде дистанционных работников в Российской Федерации // Закон и право. 2025. № 4.

УДК 349.2

Проблема правового регулирования самозанятых в трудовом праве

Гумербаева Дарья Руслановна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, DGumerbaeva-YY23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: трудоустройство, самозанятые граждане, рынок труда, специальный налоговый режим.

В 1991 Нил Хоув, магистр экономики и истории, и Уильям Штраус, доктор юридических наук Гарвардского университета, на основании анализа истории США создали так называемую «теорию поколений». Авторы теории обнаружили, что существуют определенные периоды, когда большинство людей обладают сходными ценностями, и назвали их *социальными поколениями*. Хоув и Штраус считают, что социальное поколение — это

© Гумербаева Д. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период, и выделили три обобщающие характеристики:

1. Возрастное положение в истории, что подразумевает под собой переживание одних и тех же исторических событий в примерно одинаковом возрасте;

2. Единые верования и модели поведения;

3. Ощущение причастности к данному поколению [1].

Предполагается, что поколение Z — это рождённые в период с середины 90-х по 2010 гг., после так называемых Миллениалов (поколение Y) и перед поколением Альфа.

Сегодня Зуммеры активно продолжают устраиваться на работу и демонстрировать свои собственные приоритеты не только социального и личного характера, но и трудового, которые нередко воспринимаются работодателем как нонсенс, и заставляют искать новые подходы к взаимодействию с сотрудниками, так как устоявшиеся правила трудовых отношений и системы мотивации и поощрения вызывают у поколения Z протест.

Личностная гонка за интеграцией в общество приводит любого человека к выводу о том, что ему нужна работа, однако молодые сотрудники скорее предпочтут то место, в котором будет использоваться современное оборудование, где рабочий процесс имеет информационное обеспечение в виде удобных онлайн платформ для общения с коллективом и поиска нужной на определённой должности информации. Следовательно, рабочее пространство Зуммера должно включать в себя комфортное инфо-поле, от которого требуется быть активно задействованным в рабочем процессе, и при этом не вызывать вопросы касаемо своей полезности.

Эмпирической основой для раскрытия вопроса о заинтересованности представителей поколения Z стал краткий опрос среди студентов старших курсов и выпускников, входящих в возрастную категорию. Большинство опрошенных рассматривает

самозанятость как вполне реальный вариант на будущее. У кого-то планируемая деятельность является элитарной, то есть не связана с базовыми человеческими потребностями и направлена на разовые заказы и те проекты, которые будут выполняться в *индивидуальном* порядке, без найма сотрудников, что обеспечит бóльшую стоимость.

Низкие проценты специального налогового режима являются несомненным плюсом, как и отсутствие чёткого определённого графика, загоняющего в рамки.

СНП подразумевает то, что вся ответственность за заработок, распоряжение непредсказуемыми финансами, закупка материалов для работы будет лежать целиком и полностью только на самозанятом. Не будет работодателя, который защитит от чего-то, и будет заниматься налогами, непосредственно или через бухгалтерию. Более того, самозанятость также связана и с тем, что заработок будет нестабильным, и нет никакой уверенности в том, что человек всегда сможет поддерживать его как минимум на одном уровне, не говоря уже об увеличении прибыли. Отсутствие чувства надёжности, защищённости, стабильности, возможности строить планы на фиксированную заработную плату вызывают страх, и частая невозможность разделить работу и дом крайне негативно влияют на психологическое состояние человека.

Позитивные аспекты привлекают Зуммера, даже осведомлённого об отсутствии некоторых социальных гарантий, таких как, например, оплачиваемый больничный и отпуск, ранний выход на пенсию, предоставление страхования. Кто-то считает такой недостаток “несущественным”, особенно на фоне нетерпимости к начальственным фривольностям, давления со стороны клиентской базы, постоянного требования профессионализма и ноши коллективной ответственности [3]. Это вызывает негатив на фоне неизвестности того, к чему приведёт эксперимент в виде налога на профессиональный доход [4].

Список источников

1. Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / Strauss W., Howe N. New York : William Morrow & Company, 1991. 538 p.

2. Секерин В. Д. В. Особенности трудовой мотивации сотрудников поколения Z / Секерин В.Д., Горяинова А.И., Семенова В.В. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 69–75.

3. Бельская Ю. В. Поколение Z на рынке труда: к чему быть готовым HR-системам? / Ю. В. Бельская, А. А. Борисова, М. С. Хохолуш // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 1. С. 85–96.

УДК 349.22

Пределы вмешательства работодателя в частную жизнь работника: правомерность увольнения за публикации в социальных сетях

Жавнов Никита Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nzhavnov-ys24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: трудовое право, частная жизнь, социальные сети, дисциплинарная ответственность, увольнение.

В условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации трудовые отношения претерпевают существенные изменения. Одной из наиболее актуальных проблем

© Жавнов Н. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

становится применение работодателями цифровых средств контроля за поведением работника, которые, с одной стороны, значительно расширяют возможности нанимателя по поддержанию дисциплины труда, а с другой стороны, создают риск вмешательства в частную жизнь сотрудника.

Одним из сущностных признаков трудовых отношений выступает осуществление работодателем контрольной функции. Данный признак непосредственно вытекает из определения, закрепленного в статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), согласно которому основу трудовых отношений составляет выполнение работником трудовой функции под контролем работодателя.

Как отмечают М.А. Жильцов и К.А. Белозерова, цифровизация общественных отношений неизбежно влечет трансформацию контрольной функции работодателя [1]. Ранее механизмы реализации контроля обеспечивались непосредственным руководством, системой отчетности, внутренним аудитом и т.п., и, как правило, осуществлялись в пределах самих трудовых отношений. Однако, помимо данных механизмов, в настоящее время за счет цифровизации объектом контроля со стороны работодателя становится активность сотрудника в социальных сетях.

Е. М. Офман, рассматривая влияние социальных сетей на трудовые отношения, отмечает, что «работодатель заинтересован в осуществлении контроля за сообщениями работника в социальных сетях, потому что данная информация легко просматривается третьими лицами» [2]. Это приводит к тому, что онлайн-активность сотрудников в виде публичных высказываний о работе, возможного распространения конфиденциальной информации или действий, содержащих признаки правонарушений, становится доступной общественности и может негативно сказываться на трудовых отношениях.

Несмотря на то, что ТК РФ не предусматривает оснований для увольнения работника в связи с содержанием его публикаций в социальных сетях, расторжение трудового договора по инициативе работодателя возможно по смежным основаниям, если активность сотрудника в сети Интернет нарушает установленные законом или локальными нормативными актами запреты.

Апелляционным определением Московского городского суда от 04.04.2019 по делу № 33-10251/2019 признано законным увольнение учителя истории по пункту 8 части 1 статьи 81 ТК РФ за размещение в открытом доступе в сети Интернет фотографий непристойного содержания с демонстрацией нацистской символики. Суд указал, что для педагогических работников установлены повышенные морально-этические требования, а аморальный проступок публичного характера, даже совершенный вне рабочего времени и места работы, исключает возможность продолжения воспитательной деятельности [3].

Согласно апелляционному определению Московского городского суда от 18.03.2020 по делу № 33-8159/2020, правомерным признано увольнение дистанционного работника (инженера-проектировщика) по подпункту «в» пункта 6 части 1 статьи 81 ТК РФ. Работник создал общедоступный сайт и страницу в социальной сети «ВКонтакте», где разместил персональные данные коллег, а именно их должности, номера телефонов, адреса электронной почты и сведения о клиентах организации. Суд принял во внимание, что работник был под роспись ознакомлен с локальными нормативными актами, такими как Правила внутреннего трудового распорядка и Положение о персональных данных, которые предусматривали запрет разглашения подобной информации. Распространение персональных данных других работников через открытые интернет-ресурсы было признано грубым нарушением трудовых обязанностей [4].

На основе анализа правоприменительной практики и норм трудового законодательства представляется возможным определить следующие пределы вмешательства работодателя в частную жизнь работника применительно к его активности в социальных сетях.

Во-первых, контроль подлежит осуществлению исключительно в отношении общедоступной информации, размещенной самим работником на открытых интернет-ресурсах и непосредственно затрагивающей сферу трудовых отношений. Во-вторых, объем допустимого вмешательства различается в зависимости от характера выполняемой трудовой функции, поскольку к педагогическим и иным работникам, выполняющим воспитательные либо публичные функции, предъявляются повышенные этические требования. В-третьих, правомерность дисциплинарного воздействия обусловлена наличием локальной нормативной регламентации, а именно закреплением соответствующих запретов и требований в правилах внутреннего трудового распорядка, кодексах корпоративной этики и иных актах, с которыми работник ознакомлен под роспись.

Таким образом, пределы вмешательства работодателя в частную жизнь работника определяются балансом между необходимостью защитить интересы организации и правом работника на неприкосновенность частной жизни. Мониторинг активности в социальных сетях не является нарушением прав работника, если он направлен на выявление нарушений установленных правил и осуществляется в рамках закона.

Список источников

1. Жильцов М. А. Пределы вмешательства работодателя в частную жизнь работника / Жильцов М. А., Белозерова К. А. // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 4. С. 26–29.

2. Офман Е. М. Мониторинг поведения работников в социальных сетях: возможности и пределы работодателя // EX JURE. 2020. № 1. С. 85–94.

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2019 по делу № 33-10251/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2020 по делу № 33-8159/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru.

УДК 349.2

Правовые проблемы заключения гражданско-правового договора с фрилансерами (на примере цифровых платформ)

Иванова Алёна Игоревна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, AIIvanova-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: фрилансеры, цифровые платформы, экономическая зависимость, удаленная работа.

Технологический прогресс трансформирует рынок труда, способствуя появлению новых форм занятости [3]. К данной форме следует отнести фриланс. В настоящее время легального понятия фриланс не закреплено, однако, на практике чаще всего фрилансерами называют исполнителей, не состоящих в традиционных трудовых отношениях, которые самостоятельно

© Иванова А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

оказывают услуги. Фрилансеры сами выбирают для себя заказчиков, договариваются о сроках выполнения заказа. Большинство фрилансеров можно встретить на цифровых платформах.

В научной литературе отсутствует единое понимание термина «цифровая платформа». Цифровая платформа представляет собой комплексную информационную среду, предназначенную для организации многосторонних коммуникаций и обмена данными между участниками [1].

К ним относятся сервисы доставки еды и такси, которые предпочитают работать с фрилансерами, заключая с ними гражданско-правовой договор.

В связи с этим возникает вопрос, может ли гражданско-правовой договор, заключенный между фрилансером и цифровой платформой быть впоследствии переквалифицирован в трудовой?

Согласно ст. 2 Трудового Кодекса РФ трудовые отношения характеризуются следующими принципами: обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы не ниже МРОТ, обеспечение права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежегодного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска, обеспечение права на обязательное социальное страхование. В отличие от трудовых отношений, гражданско-правовые отношения вообще не предоставляют вышеперечисленных гарантий.

Трудовой договор нацелен на защиту процесса труда, тогда как гражданско-правовой договор ориентирован только на результат труда. Для курьеров и таксистов, которые ежедневно подвергаются рискам, вопрос о признании трудовых отношений является особо значимым.

Рассмотрим позицию о возможности признания трудовых отношений между фрилансерами и цифровой платформой.

Отношения между фрилансерами и цифровыми платформами обладают ключевыми признаками трудовых отношений. Во-первых, фрилансер находится в экономической зависимости от цифровой платформы. Во-вторых, платформа осуществляет контроль за фрилансером, хоть и косвенный: назначает заказы, ведет рейтинг и оценку, выписывает штрафы, а в крайних случаях может вовсе заблокировать аккаунт. В-третьих, за исполнителями закрепляется определенная трудовая функция, например, доставка товара, а процесс труда контролируется платформой, что говорит об уклонении от оформления трудовых отношений.

Следовательно, если отношения фрилансеров с цифровыми платформами не признавать трудовыми, то исполнители будут лишаться гарантий, входящих в систему обязательного социального страхования, которые в трудовых отношениях являются неотъемлемыми правами работника.

Тот факт, что размер дохода определяется внутренними правилами платформы, а тарифы могут изменяться, означает, что множество трудящихся становится незащищенной категорией граждан с ограниченными правами на формирование будущей страховой пенсии [2].

Проанализировав судебную практику, суды признают сложившиеся отношения трудовыми.

Так, в деле № 2-12244/2025 от 15 августа 2025 года, рассмотренном Подольским городским судом Московской области, кладовщик ООО «Вайлдберриз», работавший на основании гражданско-правового договора, обратился в суд с требованиями установить факт трудовых отношений. Суд удовлетворил иск, указав на наличие следующих признаков: выполнение работы по определенной должности, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, систематическая оплата труда, а также наличие выходных и отпуска. Суд применил ч. 3 ст. 19.1 Трудового

Кодекса, согласно которой неустранимые сомнения толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

Можно сделать вывод, что отношения между фрилансерами и цифровыми платформами в сфере доставки и такси находятся в состоянии правовой неопределенности. Формально они оформляются гражданско-правовыми договорами, однако фактически содержат признаки трудовых отношений.

Таким образом, в качестве предложения по урегулированию данной проблемы, считаем, что необходимо предоставлять возможность заключения трудовых договоров с фрилансерами, чтобы обеспечить гарантию социально-трудовых прав.

Список источников

1. Агапитов Т. А. Совершенствование бизнес-процессов цифровых платформ на примере платформы по работе с самозанятыми специалистами / Агапитов Т. А., Трофимова Е. В. // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 123-3. С. 77–84.

2. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости / Д. Г. Бычков, Е. Е. Гришина, Н. В. Локтюхина, О. А. Феоктистова // Экономическая политика. 2024. № 4. С. 60–83.

3. Шапсугова М. Д. Цифровая трансформация самозанятости в гигномике // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 139–146.

УДК 349.2

Основы ведения индивидуального (персонифицированного) учёта в системе обязательного пенсионного страхования: правовые вопросы

Мандрикова Илона Евгеньевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Imandrikova-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: персонифицированный учёт, обязательное пенсионное страхование, индивидуальный лицевой счёт, СНИЛС.

Пенсионное обеспечение граждан является одним из фундаментальных элементов системы социальной защиты любого правового государства. В Российской Федерации центральным инструментом, обеспечивающим реализацию пенсионных прав граждан, выступает система индивидуального (персонифицированного) учёта, функционирующая в рамках обязательного пенсионного страхования. Данная система призвана создать достоверную информационную основу для последующего назначения пенсии соразмерно продолжительности страхового стажа.

Актуальность исследования системы персонифицированного учёта обусловлена рядом факторов. Во-первых, непрерывная трансформация рынка труда — распространение гибких форм занятости, рост числа самозанятых, увеличение доли неформальной занятости — ставит перед системой качественно новые задачи по охвату и достоверности учётных данных. Во-

© Мандрикова И. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

вторых, демографическое старение населения повышает нагрузку на пенсионную систему и требует точного прогнозирования её финансовой устойчивости. В-третьих, участившиеся случаи ненадлежащего исполнения страхователями учётных обязанностей — в том числе в рамках процедур банкротства — свидетельствуют о необходимости совершенствования правовых механизмов защиты пенсионных прав граждан [3].

Индивидуальный (персонифицированный) учёт представляет собой систему сбора, обработки и хранения сведений о каждом участнике системы обязательного пенсионного страхования, формирующую информационную основу для реализации пенсионных прав граждан. Его задачами являются: обеспечение соответствия назначаемых пенсий реальному трудовому вкладу застрахованного лица; аналитическое сопровождение пенсионной системы; укрепление дисциплины уплаты страховых взносов; создание демографической базы для прогнозирования государственных расходов на пенсионное обеспечение.

Система объединяет три субъекта правоотношений: страховщика — Социальный фонд Российской Федерации, страхователя — работодателя и застрахованное лицо — работника [2]. На каждого участника Социальный фонд открывает индивидуальный лицевой счёт с уникальным страховым номером (СНИЛС). Счёт состоит из общей, специальной и профессиональной частей, в совокупности отражающих страховую историю гражданина. Принципиально важным аспектом системы является переосмысление роли гражданина: каждый участник рассматривается не как пассивный получатель выплат, а как субъект, самостоятельно формирующий основу своего будущего пенсионного обеспечения [1].

Одной из ключевых проблем функционирования системы персонифицированного учёта является ненадлежащее исполнение страхователями обязанности по представлению сведений в органы

Социального фонда. Особую проблему она приобретает при введении процедуры банкротства: кадровая и бухгалтерская документация нередко оказывается недоступной для конкурсного управляющего вследствие уклонения бывшего руководства от её передачи. Следствием становится отсутствие в индивидуальном лицевом счёте работника сведений о трудовом стаже и страховых взносах, что непосредственно ущемляет его пенсионные права.

Так, в апелляционном определении Ульяновского областного суда от 13 декабря 2023 года по делу № 33-5519/2023, судебная коллегия поддержала требование Отделения Фонда пенсионного и социального страхования по Ульяновской области, обязав ООО «Газмонтаж» в лице конкурсного управляющего представить персонифицированные сведения на работника Алексеева А.Н. за периоды его трудовой деятельности с 10.10.2015 по 13.04.2016, не отражённые в индивидуальном лицевом счёте. Суд отклонил доводы конкурсного управляющего о невозможности исполнения обязанности ввиду непередачи документации бывшим руководством, указав, что данная обязанность не обусловлена ни фактом возбуждения процедуры банкротства, ни наличием у управляющего реальной возможности получить документы. Иное толкование, по мнению суда, нарушало бы права застрахованного лица, занимающего заведомо менее защищённое положение по сравнению с работодателем.

В целях устранения данной проблемы представляется целесообразным введение систематического мониторинга полноты учётных сведений на этапах, предшествующих возбуждению дела о несостоятельности, а также законодательное закрепление обязанности арбитражных управляющих принимать меры к истребованию утраченной документации в судебном порядке.

Мы считаем, что существующий правовой механизм персонифицированного учёта в целом формирует достаточную нормативную основу для защиты пенсионных прав граждан, однако

существуют пробелы в части ответственности страхователей при прекращении деятельности.

Также, по нашему мнению, необходимо внедрить систему цифровой верификации персонифицированных сведений в реальном времени, это поможет предотвратить потерю данных ещё до банкротства работодателя.

Список источников

1. Зуева Н. Л. Цифровизация социальной сферы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 277–287.

2. Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России : учебник для бакалавров / отв. ред. Э.Г. Тучкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. 130 с.

3. Право социального обеспечения : учебник для вузов / Федорова М. [и др.]. 4-е изд., пер. и доп. ЛитРес, 2025. 256 с.

УДК 349.2

Проблемы безработицы в современной России

Орлова Полина Николаевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, POrlova-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: безработица, служба занятости, социальная защита, меры социальной защиты.

© Орлова П. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В настоящее время безработица — это одна из наиболее острых социально-экономических проблем, с которой сталкивается любое государство. Она оказывает влияние на различные аспекты жизни общества и экономики. Так, в России, несмотря на определенные успехи в стабилизации экономики, вопросы влияния безработицы для общества остаются актуальными и требуют постоянного внимания. Безработица не ограничивается только снижением доходов населения: она запускает цепочку взаимосвязанных последствий — рост социальной напряжённости, повышение уровня преступности и, как следствие, замедление социально-экономического развития общества.

Безработица представляет собой социально-экономическое явление, при котором часть трудоспособного населения, являющееся составным элементом функционирования экономики, готова приступить к работе, но не может это сделать из-за отсутствия или нехватки для них работы на рынке труда [1]. На сегодняшний день ситуация на рынке труда характеризуется значительной нестабильностью. Происходит цифровизация экономики, фиксируется замедление роста занятости и увеличение числа увольнений; во всех видах экономической деятельности наблюдается острый дефицит рабочей силы. Даже при наличии вакансий в службах занятости их число может не соответствовать спросу работодателей, а требования к кандидатам — меняться из–за экономических и технологических факторов [3].

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) является основным источником данных о безработице в России. В 2025 году Росстат сообщил, что уровень безработицы в России достиг очень низкого уровня — 2,13% от численности рабочей силы. Это очередной исторический минимум и очередной итог пятилетнего снижения, который продолжается с 2020 года. В сравнении с 2024 годом (2,43%) показатель уменьшился на 0,3 процентных пункта. При сопоставлении начального этапа

мониторинга Международной организацией труда в 1991 году с пиковым значением 1998 года (13,26%) видно, что уровень безработицы упал примерно в 2,4 раза, что свидетельствует о заметном улучшении ситуации на рынке труда в стране [2].

Как показывает судебная практика, даже в благоприятных макроэкономических условиях отдельные граждане могут столкнуться с бюрократическими барьерами при реализации своих прав.

Так, в решении Магаданского городского суда по делу № 2-386/2025 суд встал на сторону безработной, восстановленной на учёте и получившей компенсацию морального вреда, вопреки формальному подходу службы занятости. Основанием для отказа в перерегистрации и прекращении выплаты пособия по безработице стала неявка безработной на перерегистрацию в службу занятости населения в установленный срок без уважительных причин. На момент спора действовал Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 года №1032-I. Согласно положениям пункта 2 статьи 35 данного закона, при длительной неявке безработного (более одного месяца) в службу занятости без уважительных причин для перерегистрации в качестве безработного, выплата пособия по безработице прекращается с одновременным снятием с учёта. Истец представила справку медицинского учреждения, подтверждающую заболевание ребенка, в качестве документального подтверждения уважительности причин неявки, однако служба занятости не приняла этот документ. На тот момент действовал приказ Минтруда России от 26 апреля 2022 года №257н, который определял перечень документов, подтверждающих уважительные причины неявки. В этом перечне не упоминалась болезнь ребёнка, как отдельная уважительная причина. Однако суд впоследствии признал действия службы занятости незаконными, так как на момент рассмотрения дела вступил в силу новый приказ Минтруда России от 19 августа 2024

года №406н, который дополнил перечень уважительных причин, включив в него справку о временной нетрудоспособности, вызванной уходом за больным ребёнком в возрасте до 7 лет. В дополнение суд указал, что автоматическая генерация уведомлений через портал «Работа России» не освобождает службу занятости от учёта представленных документов.

Излишний формализм службы занятости привёл к тому, что нормы закона были применены механически, без учёта конкретных жизненных обстоятельств истца. В рассматриваемом случае ведомство отказалось принять медицинскую справку о болезни ребёнка, как подтверждение уважительной причины неявки, ограничившись формальной проверкой соответствия документа утверждённому перечню. Такой подход, исключающий индивидуальную оценку обстоятельств, отражает системные проблемы в сфере защиты социальных прав безработных: бюрократизацию процессов, риски технических сбоев при автоматизации административных процедур и ограниченность перечня уважительных причин неявки.

Несмотря на положительную динамику официальных показателей, безработица в России остается многогранной проблемой, требующей постоянного внимания и системных решений со стороны государства. Для обеспечения устойчивого развития страны в рамках реформирования системы социальной защиты важно обеспечить её гибкость в ответ на изменения рынка труда и создать условия для трудоустройства и раскрытия профессиональных возможностей граждан.

На основании вышеизложенного предлагаем сформировать следующие направления по реформированию мер социальной защиты безработных:

— расширение перечня уважительных причин неявки в центры занятости с учётом жизненных обстоятельств, учитывая обстоятельства личного и семейного характера;

— совершенствование цифровых систем, включая устранение технических ошибок и обеспечение учёта документов, представленных гражданами;

— внедрение механизмов внутреннего контроля и ответственности в службах занятости за счёт сбора обратной связи от граждан, внедрения чётких регламентов, а также публикации отчётных данных.

Список источников

1. Бурковский П. Безработица и её типы. Проблемы безработицы в России / П. Бурковский, С. А. Мамий, Т. А. Бочкова // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). С. 112.

2. Ерошкин С. Ю. Анализ занятости и безработицы в России в 2025 году / С. Ю. Ерошкин, М. В. Данилина, А. Н. Литвинов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15, № 11А. С. 256-264.

3. Исаева А. А. Безработица в современной России // Молодой учёный. 2022. № 23 (418). С. 534.

УДК 349.2

Совершенствование правового регулирования гибридной формы занятости в Российской Федерации

Ревун Данил Александрович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, DRevun@sfu-kras.ru

Ключевые слова: гибридная занятость, дистанционная работа, учёт рабочего времени, кибербезопасность, персональные данные.

Весной 2020 года пандемия COVID-19 стала одним из ключевых факторов, повлиявших на трансформацию трудовых отношений. В условиях вынужденного перехода значительной части работников на удалённый формат труда выявилась необходимость пересмотра и адаптации действующего трудового законодательства к новым социально-экономическим реалиям. Это обусловило развитие правового регулирования дистанционной занятости и её последующее закрепление в Трудовом кодексе Российской Федерации [1].

С научной точки зрения дистанционная работа представляет собой особую форму занятости, при которой работник выполняет трудовую функцию в удобном для себя месте, вне границ работодателя, с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время численность дистанционных работников в Российской Федерации составляет около 1,42 млн человек (более процента от численности населения РФ). Значительную долю среди них составляют лица в возрасте от 27 до 40 лет (около 500–600 тыс.

© Ревун Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

человек), а также работники в возрасте от 40 до 49 лет (около 300–350 тыс. человек) и от 20 до 27 лет (менее 300 тыс. человек).

Дистанционная занятость основывается на гибких социально-трудовых отношениях и реализуется в виртуальной среде с использованием информационно-коммуникационных технологий. Она представляет собой систему общественных отношений, возникающих в связи с реализацией права на труд, предполагающего возможность свободного выбора формы занятости.

К числу основных характеристик дистанционного труда можно отнести отсутствие территориальной привязки к рабочему месту; гибкий режим рабочего времени; необходимость правового оформления трудовых отношений; обеспечение государственной защиты трудовых прав работников; использование цифровых технологий как ключевого инструмента взаимодействия [2]. Дистанционная работа представляет собой особую модель организации трудовой деятельности, именно при ней происходит выполнение обязанностей, предусмотренных трудовым договором в онлайн-формате.

Современные условия развития рынка труда привели к появлению гибридной формы занятости, при которой работа сочетает дистанционный и офисный форматы. В научной литературе, в том числе в работах А.М. Лушникова и М.В. Лушниковой, выделяются различные разновидности дистанционной занятости, такие как постоянная, временная и комбинированная формы [3].

Несмотря на то, что возможность дистанционной работы уже закреплена в Трудовом кодексе Российской Федерации, в том числе в статье 312.1, регулирование гибридной занятости по-прежнему остается неполным. Многие вопросы не получили четкого правового закрепления, что на практике вызывает сложности и увеличивает риск возникновения трудовых споров.

Одной из наиболее значимых проблем является учет рабочего времени работников, работающих в гибридном формате. При дистанционной работе границы между рабочим и личным временем становятся менее очевидными, особенно с учетом постоянного использования цифровых средств связи. Работодатели пытаются решать эту проблему с помощью электронных систем учета, однако они не всегда отражают реальный объем выполненной работы. Судебная практика показывает, что при оценке факта переработок учитываются не только данные таких систем, но и содержание работы, а также переписка с работодателем, в том числе вне установленного рабочего времени. В ряде случаев суды признают сверхурочную работу даже при отсутствии формального закрепления режима труда в договоре.

Не менее важной является проблема взаимодействия работников и работодателей, а также риск дискриминации работников, занятых в гибридном формате. Хотя закон требует закреплять особенности гибридной работы в трудовом договоре или дополнительном соглашении, на практике такие положения часто формулируются обобщенно. В частности, не всегда четко определяются режим рабочего времени, порядок его учета, условия предоставления оборудования, компенсации расходов, а также правила взаимодействия между работником и работодателем, что создает правовую неопределенность и повышает риски для обеих сторон.

Существенные трудности возникают и в сфере организации взаимодействия внутри коллектива. Различия между дистанционной и офисной формами работы могут отражаться на доступе работников к информации, степени их участия в рабочих процессах и возможностях карьерного роста. Это, в свою очередь, способно приводить к неравномерному распределению премий и иных стимулирующих выплат. В научной литературе данное явление описывается как «организационная невидимость», при

которой дистанционные работники оказываются менее вовлеченными в корпоративную среду, что негативно влияет на их профессиональное развитие.

Отдельное значение приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. Использование работниками личных устройств и домашних сетей связи увеличивает риск утечки конфиденциальной информации, что требует более детальной регламентации на уровне трудовых договоров и локальных нормативных актов работодателя.

Таким образом, гибридная занятость уже стала устойчивым элементом современного рынка труда, однако ее правовое регулирование остается недостаточно разработанным. В связи с этим представляется целесообразным закрепить особенности гибридной формы занятости на законодательном уровне, предусмотрев возможность сочетания дистанционной и стационарной работы.

Список источников

1. Агадилова К. А. Дистанционные работники: особенности правового регулирования труда и специфика трудового договора // Национальное гуманитарное знание. Ростов на Дону, 2019. С. 18–26.

2. Лушников А. М. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. М., 2015. 272 с.

3. Малышев А. А. Эволюция практики удаленной работы в России и за рубежом // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 3 (27). С. 33–40.

4. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М., 2006. 398 с.

5. Плотников А. В. Удаленная работа в условиях пандемии и влияние самозанятости на теневую экономику / А. В. Плотников,

Д. С. Брагина // Московский экономический журнал. 2021. № 5. С. 238–254. DOI 10.24412/2413-046X-2021-10258.

УДК 349.41

Самовольные постройки на государственных землях

Сапожкова София Вячеславовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, SSapozhkova-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: самовольная постройка, земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, комплексная судебная экспертиза разрешение на строительство снос самовольной постройки.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анне Владимировне Пушкиной, старшему преподавателю кафедры трудового и экологического права ЮИ СФУ.

В современное время многие постройки имеют статус самовольных. К таким объектам можно отнести, гаражные боксы, а также вспомогательные помещения, складские комплексы. Общим признаком для перечисленных строений является то, что они были возведены на участках, функциональное назначение которых не предусматривает ведение подобной застройки.

Согласно п. 1 ст. 222 Гражданского кодекса РФ, самовольные постройки – сооружение, возведенные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном

© Сапожкова С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта.

Для правомерного возведения постройки на осваиваемой территории необходимо корректное закрепление прав на земельный надел. Участок должен быть официально выделен под цели застройки и последующего обслуживания создаваемого сооружения, либо запланированные работы не должны вступать в конфликт с установленным видом разрешенного использования. Кроме того, во внимание принимается наличие оформленной разрешительной документации на ведение работ (включая перестройку), а равно соблюдение технических регламентов и градостроительных предписаний в ходе строительного процесса. При несоблюдении любого из указанных требований появившийся объект может обрести в судебной инстанции статус самовольной постройки [1].

Судебная практика отвечает на следующие вопросы: является ли застройщик добросовестным и заблуждался он или намеренно нарушил закон. Чем будет разрешение на строительство определенного строения, это формальное требование или реальный ценз для безопасности граждан.

Чтобы ответить на вопросы необходимо определить, кто и когда нарушил закон. В этих случаях проводится комплексная судебная экспертиза, которая выявляет нарушения в строительно-технической сфере, требований пожарной и санитарно-эпидемиологической безопасности. Судебная практика бывает разнообразна. С одной стороны, есть вероятность, что постройку признают правомерной, с другой, не правомерной и наложат штраф или заставят снести.

В подтверждение своих слов приведем анализ судебной практики. Дело о возведении магазина на двух участках земли. Один участок принадлежал застройщику, его площадь составляла 155 кв.м. Второй находился в аренде у муниципалитета, его

площадь составляла 685 кв.м. На него у истца было разрешение на строительство двухэтажного магазина площадью 369,45 кв. м. Застройщик, он же истец по делу, построил магазин площадью 550.6 кв.м. Сразу на двух участков, чем нарушил данное муниципалитетом разрешение. В результате комплексной судебной экспертизы было установлено: у истца имелось право на землю и на застройку; данное строение безопасно по строительным, пожарным и санитарным нормам; единственным формальным нарушением является отсутствие разрешение от муниципалитета. Суд встал на сторону истца и узаконил «технический самострой». В данном примере гражданину РФ удалось отстоять свое право на возведение постройки, так как он доказал соблюдение всех признаков законности.

Примером совершенно противоположной практики может быть дело по иску администрации города Анапа к индивидуальному предпринимателю. С требованием привести в должное состояние или снести, строящуюся гостиницу и пункт КПП на арендованной земле. В результате комплексной судебной экспертизы было установлено для строящейся гостиницы: разрешение на постройку строение было выдано администрацией города Анапы, отсутствуют угрозы для жизни других, единственная ошибка была в проектной декларации. Эту ошибку суд признал незначительной, поэтому он разрешил исправить документальные недоработки. КПП в отличии от гостиницы не имело разрешение от администрации города Анапа. Объект также не является вспомогательным. В данном же случае КПП — это отдельно стоящее капитальное здание с самостоятельной функцией. Помимо этого, экспертиза установила, что здание КПП частично выходит за границы арендуемого участка и находится на территории общего пользования (на пляже). Строение, квалифицируется как самовольное, что влечет его обязательный снос за счет нарушителя [2].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ устанавливает, что ликвидация объекта, обладающего признаками самовольной постройки, рассматривается, как наиболее радикальная форма публичного вмешательства в сферу возведения и оборота недвижимого имущества. Вот втором примере она применяется, так как постройка, по сути, приватизировала часть пляжа, что является прямым нарушение пункта 12 статьи 85 Земельного кодекса.

Таким образом, проблема признания самовольных построек на государственной земле правомерными остается сложной и многогранной. На данный момент, отсутствуют четкое определение существенных нарушений градостроительных и строительных норм. Закон не содержит критериев, которые позволили бы однозначно определить, является ли нарушение существенным или незначительным [3]. Это даёт судам значительную свободу усмотрения при принятии решений о сносе или сохранении постройки. На мой взгляд, законодателю необходимо установить данные критерии.

Список источников

1. Белова Т. В. Правовой режим самовольной постройки в системе вещного права : монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. М. : Юстицинформ, 2024. 278 с. ISBN 978-5-7205-2021-2.

2. Шишканов П. А. Самовольное строительство и его правовые последствия. М. : Юрлитинформ, 2013. 172 с.

3. Маленков Н. А. Самовольная постройка: вопросы правового режима и прав на земельный участок // Право и экономика. 2009. № 10. С. 18-25.

УДК 349.2

Платформенная занятость: правовые аспекты

Солодухина Елена Константиновна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ESolodukhina-YY24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: платформенная занятость, платформенная экономика, цифровые платформы, самозанятый, онлайн-платформы, цифровой рынок труда.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Марии Константиновне Стариковой, ассистенту.

Платформенная занятость — вид трудовой деятельности, при котором физическое лицо (платформенный занятый) выполняет работы или оказывает услуги через цифровую платформу, взаимодействуя с заказчиками в рамках гражданско-правовых отношений

В зависимости от сферы деятельности, выполняемые в рамках платформенной занятости работы можно классифицировать по нескольким направлениям. К наиболее распространенным относятся: услуги по перевозке пассажиров и грузов (таксомоторные перевозки, курьерская доставка); выполнение бытовых и иных услуг (клининговые, ремонтные); выполнение творческих, интеллектуальных и информационно-технологических задач (дизайн, копирайтинг, программирование, удаленная административная поддержка); а также более сложные виды деятельности, требующие специальных знаний и навыков

© Солодухина Е. К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

(медицинское консультирование, юридическая помощь, образовательные услуги).

В России наибольшее распространение получили специализированные цифровые платформы, каждая из которых ориентирована на определенную сферу экономики. Среди них можно выделить платформы для организации пассажирских перевозок («Яндекс.Такси», «Ситимобил»), платформы для доставки товаров и еды («Delivery Club», «Яндекс.Еда», «Самокат»), платформы для поиска исполнителей бытовых услуг («Профи», «YouDo»), а также универсальные маркетплейсы, объединяющие различные виды работ и услуг («Ozon», «Wildberries», «Яндекс.Маркет») [3].

В Российской Федерации с 1 октября 2026 года вступит в силу Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" (далее – проект Закона), он призван урегулировать отношения, возникающие при использовании цифровых платформ, установить правовой статус их участников и создать единые правила взаимодействия между операторами платформ, исполнителями и заказчиками.

Ключевая цель проекта Закона — вывести из «серой» зоны отношения, которые долгое время существовали в правовом вакууме, и создать единые правила для всех участников рынка. Однако достижение этой цели происходит за счет исключения трудовых отношений из сферы платформенной занятости и замены их гражданско-правовыми [2].

Данный Проект не предусматривает процедуру трудоустройства, так как выводит эти отношения из-под действия трудового законодательства. Для того чтобы осуществлять деятельность через цифровую платформу физическому лицу необходимо оформиться в качестве самозанятого, зарегистрировавшись в Федеральной налоговой службе (ФНС), как

плательщик налога на профессиональный доход (НПД). После этого необходимо заключить договор в электронной форме.

Несмотря на то, что партнер-исполнитель не имеет установленного графика работы и не подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка, отдельные элементы отношений с платформой содержат признаки, характерные для трудовых правоотношений.

Согласно проекту Закона, выполнение работ или услуг не предусматривается третьими лицами (пп. «а» п. 5 ч. 1 ст. 15 ФЗ №289), что является одним из основных принципов трудовых правоотношений, согласно ст. 15 Трудового кодекса РФ. Трудовой договор предполагает систематическую выплату заработной платы, как основного источника дохода работника. Хотя проект предусматривает выплату вознаграждения «в рамках каждого заказа отдельно», для многих исполнителей работа на платформе является основным или единственным источником средств к существованию. Они выполняют заказы регулярно и длительное время, что свидетельствует о наличии устойчивых трудовых отношений, а не эпизодического гражданско-правового сотрудничества.

Многие выбирают платформенную занятость из-за простого старта без финансовых вложений, гибкого графика и возможностей для самореализации [1]. Такой вид занятости оказывает негативное влияние на категорию лиц, для которых она является основной. Данной форме деятельности присущи следующие характеристики: высокая степень неопределенности дохода, вызванная динамичным изменением соотношения спроса и предложения, а также усилением конкурентной борьбы между участниками платформы. Так же для работников не предусматриваются социальные и трудовые гарантии, а именно:

1. Не ведется учет страхового стажа;

2. Не отчисляются страховые взносы за работников со стороны работодателя в Социальный фонд России, в связи с чем отсутствует в дальнейшем право на пенсионное обеспечение;

3. Отсутствие пособий по временной нетрудоспособности и в связи с материнством;

4. Отсутствие гарантий при расторжении договора и другие обязательства работодателя, предусмотренные законодательством.

Таким образом, правовая защищенность платформенных занятых остается неурегулированной. Учитывая выявленные проблемы, представляется необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования платформенной занятости. По нашему мнению, необходимо определить правовые гарантии для платформенных работников, которые бы предусматривали предоставление социальных гарантий.

Список источников

1. Бондаренко И. А. Платформенная занятость в России и индивидуальные стратегии работников // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2025. № 6 (88). С. 4-10.

2. Германенко Д. Д. Зависимая самозанятость как новая форма занятости в российском законодательстве // Образование и право. 2026. № 1. С. 587–590.

3. Кротов Д. П. Анализ влияния платформенной занятости на экономику в Российской Федерации и перспективы ее развития // Вестник Университета. 2025. № 5. С. 126–137.

УДК 349.2

О некоторых вопросах порядка заключения трудового договора с цифровыми кочевниками, находящимися за рубежом

Старикова Мария Константиновна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mstarikova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: дистанционный трудовой договор, электронная подпись, электронные документы, усиленная квалифицированная электронная подпись, место работы.

Трудовой договор с дистанционными работниками (цифровыми кочевниками) заключается при выполнении работ вне стационарного рабочего места согласно ст. 312.2 ТК РФ. Заключается он как в бумажном виде, так и в электронной форме — путем обмена между работодателем и сотрудником электронными документами с использованием обеими сторонами усиленной квалифицированной электронной подписи, также работник может использовать усиленную неквалифицированную электронную подпись.

ТК РФ предусматривает случаи, когда взаимодействие работодателя и дистанционного работника, поступающего на дистанционную работу, может осуществляться путем обмена электронными документами [1].

Цифровая трансформация кадрового делопроизводства в настоящее время является неотъемлемой частью для компаний, стремящихся к эффективности и конкурентоспособности. Введение

© Старикова М. К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

кадрового электронного документооборота [2] (КЭДО) позволяет не только сократить издержки, но и вывести управление персоналом на качественно новый уровень [3].

Как и для всех работников, основанием возникновения трудового отношения между работодателем и дистанционным работником является заключение трудового договора о дистанционной работе. Закон определяет, что трудовой договор о дистанционной работе и соглашения об изменении определенных сторонами условий трудового договора о дистанционной работе могут заключаться путем обмена электронными документами.

После получения документов и при достижении согласия обеих сторон трудового договора, работодатель обязан ознакомить работника под подпись с правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника, коллективным договором.

Можно выделить следующие виды: - простая электронная подпись; - усиленная неквалифицированная электронная подпись (УНЭП), создается с использованием криптографических средств; - усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП), вид подписи, приравненный к собственноручной.

Следовательно, если между работодателем и дистанционным работником происходит обмен электронными документами, то подтверждением ознакомления с локальными нормативными актами будет усиленная квалифицированная подпись работника, подтверждающая такое ознакомление.

Законодатель не предусматривает специальной формы, в которой бы происходило ознакомление дистанционного работника посредством обмена электронными документами [4]. Поэтому, можно предположить следующие способы взаимодействия: доступ к специальной странице на сайте работодателя через личный кабинет (информационная система работодателя), или направление

по электронной почте скана документов. При обмене документами через электронную почту необходимо учитывать следующую особенность, которая прописана в ч.3, ч.4 ст. 312.3 ТК РФ, а именно: получатель электронной документации должен в ответ направить в электронном формате документ, подтверждающий получение документации в срок, определенный трудовым договором о дистанционной работе.

Усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП)- цифровой аналог собственноручной подписи, обладающий юридической силой, который позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ, а также факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания.

Также, обязательным условием для включения в трудовой договор является место работы согласно ст. 57 ТК РФ. Однако в ТК РФ определения места работы легально не закреплено.

Согласно позиции ВС РФ, в теории трудового права под местом работы понимается расположенная в определенной местности (населенном пункте) конкретная организация, ее представительство, филиал, иное обособленное структурное подразделение. При этом из ст. 57 ТК РФ не следует необходимость уточнения места работы до конкретного адреса. В другом документе – Письме от 4 марта 2021 года № 77/10-6600-ОБ/18-1299 – Государственная инспекция труда по г. Москве дала более развернутое пояснение: «Дистанционная работа, как правило, предполагает возможность работника самостоятельно определять свое место нахождения, место выполнения работы, его независимость в этой части от воли работодателя», и в то же время «трудовым договором дистанционному работнику может быть определено конкретное место выполнения должностных обязанностей вне места нахождения организации».

Таким образом, можно сделать вывод, что в качестве места работы дистанционного работника достаточно указать название населенного пункта, в котором он будет работать, без уточнения конкретного адреса.

Подводя итог, рекомендуем указывать место выполнения работы как можно более широко – например, только город, без уточнения конкретного адреса, если цифровой кочевник проживает за границей, является гражданином РФ и работает у российского работодателя. Что касается указания в трудовом договоре другой страны, как места работы, то в случае, если иностранный цифровой кочевник работает у российского работодателя, то в настоящее время данный вопрос до конца законодательно не урегулирован и рекомендуем вообще не указывать место работы, поскольку такой цифровой кочевник может постоянно передвигаться по разным странам, совмещая путешествия с работой.

Список источников

1. Маркова В. С. Проблемы правового регулирования дистанционного формата работы // Молодой ученый. 2025. № 22. С. 528-531.

2. Репецкая Н. В. Перспективы кадрового электронного документооборота // Economy and Business: Theory and Practice. 2023. Т. 102 (104). С. 31–36.

3. Миловзорова М. Н. Переход на ведение кадрового электронного документооборота // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. Т. 1, № 11. С. 99–107.

4. Офман Е. М. Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы и перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. С. 53–57.

Актуальные проблемы уголовного права

УДК 343.35

Проблемы разграничения злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий

Бехер Максим Дмитриевич
Юридический институт Сибирского Федерального Университета, Россия, Красноярский край, Красноярск, mbekher@sfu-kras.ru

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, должностное полномочие, проблемы разграничения.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Петру Леонидовичу Сурихину, доценту, канд. юрид. наук.

Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий являются смежными составами и полностью совпадают между собой по объекту и субъекту преступления, а также по последствиям деяний.

До 2022 года правоприменители зачастую разграничивали составы преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ, через признаки субъективной стороны преступления, а именно через выявление корыстной или иной личной заинтересованности, являющихся обязательными признаками для состава злоупотребления должностными полномочиями. В 2022 году часть 3 статьи 286 УК РФ была дополнена пунктом «е», закрепившим мотив совершения превышения должностных полномочий в виде корыстной или иной личной заинтересованности, что усложнило разграничение данных составов.

© Бехер М. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Можно заметить, что в диспозициях статей 285 и 286 УК РФ фигурирует понятие «должностные полномочия», но официальное разъяснение содержания данного понятия отсутствует. От подхода к определению понятия «должностное полномочие» во многих случаях зависит квалификация деяния, что является первой проблемой разграничения данных составов преступлений [1].

Существует два разных подхода к определению содержания понятия «должностное полномочие. Первый подход является широким и согласно ему должностное полномочие – это дозволение должностному лицу на осуществление действий, делегированных ему государством, а также условия и основания их осуществления, регламентированные нормативными правовыми актами [1]. При таком подходе даже факт несоблюдения условий и оснований при совершении действий в пределах полномочий будет влечь квалификацию уже по статье 286 УК РФ.

Второй подход к определению содержания понятия «должностное полномочие» предусматривает включение в его объем только правомочий, которыми должностное лицо наделено со стороны государства. Несоблюдение условий или оснований для реализации правомочий может рассматриваться как отступление от интересов службы с квалификацией по статье 285 УК РФ [2].

Обращаясь к Постановлению Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где в пункте 15 говорится о том, что как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которое совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения [3], на первый взгляд может показаться, что правоприменитель должен руководствоваться вторым подходом к определению содержания понятия «должностное полномочие».

Но в этом же Постановлении Пленума в пункте 19 говорится о такой форме превышения должностных полномочий как совершение действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте [3]. Из этого возникает наложение признаков объективной стороны злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий друг на друга, ведь по содержательному наполнению понятия «обязательные условия или основания» и «особые обстоятельства» совпадают как минимум в части [4]. До закрепления в 2022 году мотива совершения превышения должностных полномочий в качестве квалифицирующего признака, была возможность рассматривать злоупотребление должностными полномочиями как специальную норму по отношению к превышению должностных полномочий при совершении деяния в форме действий, которые могут быть совершены только при наличии обязательных условий или оснований или особых обстоятельств, при наличии мотива в виде корыстной или иной личной заинтересованности.

Предполагаем, что для соответствия современному состоянию законодательства требуется отказаться в пункте 15 Постановления Пленума ВС от 16.10.2009 N 19 от возможности квалификации деяния как злоупотребление должностными полномочиями в случае совершения должностным лицом действий при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения. Данная ситуация должна полностью подпадать под превышение должностных полномочий в форме совершения действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств.

Кроме этого, предполагаем, что для правоприменения благоприятно скажется формулирование статьи 285 в новой редакции, где под злоупотреблением должностными полномочиями следует понимать использование дозволенного законом усмотрения, то есть альтернативной, нормативно не

обусловленной реализации должностных полномочий для решения служебных задач [5], когда эти задачи подменяются корыстной или иной личной заинтересованностью. Предлагается в примечании к статье 286 УК РФ разъяснить содержание понятия «должностное полномочие», под которым следует понимать делегированное государством дозволение должностному лицу совершать действия, связанные с его служебной деятельностью и отвечающие условиям и основаниям для их осуществления.

Список источников

1. Попова Е. М. Уголовно-правовая концептуализация категории «Должностное полномочие» как необходимая предпосылка для единообразного разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2025. №2 (80). С. 86–95.

2. Габеев С. В. Совершение должностным лицом действий, которые могут быть осуществлены им только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, как форма злоупотребления должностными полномочиями // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. №4 (8). С. 41–45.

3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) // Справочная правовая система «КонстультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 20.01.2026).

4. Кириллов Н. С. Вопросы отграничения злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий // Н.Экс.Т. 2025. №2 (30). С. 52–61.

5. Баев О. Я. Усмотрение в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. №1. С. 438–450.

УДК 343.352.4

Момент окончания преступления при получении взятки в безналичной форме

Бродников Иван Александрович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, brodnikov.ewan@yandex.ru

Ключевые слова: получение взятки, момент окончания преступления, безналичные денежные средства, квалификация преступлений, цифровые финансовые активы, судебная практика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Писаревскому Илье Игоревичу, доценту, канд. юрид. наук.

Проблема определения момента окончания длящихся и формальных составов преступлений приобретает новую актуальность в связи с активным внедрением электронных платежных систем. Традиционно получение взятки считается оконченным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части материальных ценностей. Однако перевод расчетов в безналичную форму (перевод на банковскую карту, электронный кошелек) создает временной разрыв между действиями взяткодателя (отправителя) и моментом, когда предмет взятки фактически поступает в распоряжение взяткополучателя. Это порождает дискуссию о правильной квалификации содеянного и разграничении оконченного и неоконченного преступления (покушения).

© Бродников И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «…при получении взятки в безналичной форме… она считается оконченной с момента зачисления денежных средств на счет, указанный взяткополучателем».

Данная формулировка закрепляет формально-правовой подход. Тем не менее, в науке уголовного права существуют различные точки зрения на то, что именно следует считать моментом «зачисления».

Первая позиция (формально-юридическая). Сторонники данного подхода (А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова) настаивают на том, что преступление окончено в момент поступления денег на корреспондентский счет банка получателя или на его карточный счет. Аргументация строится на том, что с этого момента должник (банк) принимает обязательство перед клиентом (взяткополучателем), и последний приобретает право требования. Следовательно, общественно опасные последствия в виде незаконного обогащения уже наступили, даже если средства еще не сняты наличными.

Вторая позиция (экономическая). Ряд исследователей (Б.В. Волженкин, П.С. Яни) полагают, что для признания преступления оконченным необходимо установить факт поступления денежных средств в фактическое распоряжение взяткополучателя. До тех пор, пока деньги находятся в процессе перевода или на счете, но должностное лицо не имеет возможности ими воспользоваться (например, счет заблокирован, средства зависли из-за технического сбоя), состав преступления не может считаться завершенным. Сторонники этой позиции настаивают на том, что момент окончания должен совпадать с появлением реальной возможности распорядиться предметом взятки по своему усмотрению.

Третья позиция (объективно-процессуальная). На практике часто возникает вопрос о том, что считать моментом зачисления, если перевод осуществляется по номеру телефона (в том числе через Систему быстрых платежей), необходимо учитывать их техническую специфику. Номер телефона привязан к банковскому счету, а поступление денежных средств происходит автоматически – получатель не имеет возможности отказаться от зачисления. Учитывая этот факт, перевод по номеру телефона сам по себе не всегда может свидетельствовать о достигнутой договоренности. Как разъясняет Верховный суд РФ, ключевое значение приобретает установление роли лица: если номер принадлежит самому взяткополучателю, преступление окончено с момента зачисления средств на его счет; если номер принадлежит посреднику, момент окончания зависит от того, выступает ли он «кошельком» (момент получения им средств) или «курьером» (момент доведения до должностного лица). При отсутствии предварительного волеизъявления взяткополучателя, выраженного в предоставлении номера телефона для получения взятки, состав оконченного преступления отсутствует.

Анализ судебной практики последних лет показывает, что суды придерживаются «объективного» подхода, ориентируясь на дату и время списания средств со счета взяткодателя и их фиксации на счете взяткополучателя, подтвержденной выпиской банка, а так же что преступление является оконченным с момента поступления денег на подконтрольный взяткополучателю счет, независимо от того, снял ли он их наличными или перевел далее.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о моменте окончания получения взятки в виде криптовалюты или цифровых прав. Поскольку оборот таких активов децентрализован, момент перехода права собственности (токена) зачастую привязан к внесению записи в блокчейн (подтверждение транзакции). В доктрине высказывается мнение, что преступление следует считать

оконченным с момента внесения записи в распределенный реестр, так как именно с этого момента должностное лицо утрачивает контроль над криптовалютой со стороны отправителя и приобретает возможность ею распорядиться.

Также важно отметить проблему квалификации при несостоявшемся переводе. Если взяткодатель перевел деньги, но в силу ошибки в номере счета или блокировки перевода банком деньги не поступили адресату, действия взяткополучателя, давшего согласие на взятку, следует квалифицировать как покушение на получение взятки. Действия взяткодателя при этом образуют оконченный состав дачи взятки или покушение на него, в зависимости от того, утратил ли он контроль над деньгами.

Подводя итог, можно констатировать, что момент окончания получения взятки в безналичной форме юридически привязан к факту зачисления денежных средств на счет, указанный взяткополучателем. Несмотря на развитие технологий, Верховный Суд РФ сохраняет приверженность данному критерию, что обеспечивает единство судебной практики.

Однако стремительное развитие финансовых технологий (появление (цифровых валют центральных банков, смарт-контрактов)) требует дальнейшего теоретического осмысления данного вопроса. Представляется, что в будущем может возникнуть необходимость законодательного закрепления специальных правил определения момента окончания коррупционных преступлений, совершенных с использованием цифровых финансовых активов.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.

2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума

Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

3. Яни П. С. Вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2013. № 3 (941). С. 16–21.

4. Бриллиантов А. В. Получение взятки: квалификация и момент окончания преступления // Российский судья. 2018. № 5.

УДК 343.2/.7

Уголовно-правовая оценка психических страданий в составе истязания

Вавилова Виктория Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: истязание, психические страдания, физическое насилие, психическое насилие.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Алексею Николаевичу Тарбагаеву, д-ру юрид. наук, профессору.

Ранее в российском уголовном законодательстве преступлениями против здоровья считались только те посягательства, посредством которых причиняется вред телу человека. С развитием медицины и правовой науки здоровье стало рассматриваться более широко – как состояние не только физического, но и психического и социального благополучия человека [1].

© Вавилова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Согласно диспозиции ст. 117 УК РФ, признак деяния в составе истязания заключается в причинении физических или психических страданий. Сложность представляет оценка именно психических страданий. Во-первых, эмоции и чувства нельзя увидеть или измерить с высокой точность, их бывает сложно описать и оценить, во-вторых, каждый человек индивидуален, и разные ситуации у разных людей могут вызывать противоположные чувства. Поэтому необходимо более четкое закрепление понятия психических страданий законодателем или единое понимание его судами.

Легального определения психических страданий на данный момент не существует. Ученые в области уголовного права приводят различные точки зрения. Так, Ю. С. Пестерева утверждает: «Психические страдания представляют собой отрицательные душевные переживания высокой степени интенсивности – унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние и другие негативные эмоции» [2]. Н. П. Попова указывает: «Психические страдания – это глубокие моральные переживания или высокая степень психической напряженности» [3]. Р. Д. Шарапов в своих работах пишет: «Психический вред – это разновидность общественно опасных последствий преступления, представляющих собой вредные изменения в эмоциональной сфере человека в виде негативных психических состояний, не являющихся психическим заболеванием». К таким изменениям он причисляет не только психические страдания, но и негативные эмоциональные состояния, аффект, опасение преступной угрозы и др. Р. Д. Шарапов рассматривает психические страдания как «одно из последствий психического насилия, которое оказывает особо отрицательное влияние на сознание и деятельность человека, т. к. психические страдания сопровождаются снижением процессов восприятия, внимания, памяти, активности мыслительных процессов» [4].

Суды в приговорах обычно используют описательный метод при характеристике психических страданий. Например, указывается, что психические страдания потерпевшего выразились в чувстве обиды от отсутствия возможности противостоять виновному, в тревоге за свое здоровье, в чувстве незащищенности [5].

Мнения ученых и судов о психических страданиях как наиболее сильных душевных переживаний сходятся, однако нет единой точки зрения о том, результатом какого насилия они могут быть. В рамках уголовного права насилие классифицируется на физическое и психическое. Физическое насилие представляет собой воздействие на органы и ткани человеческого организма, в то время как психическое насилие выражается в информационном влиянии на психику человека [6].

К. А. Барышева указывает: «Психические страдания потерпевшему приносят только действия, причиняющие физические боль и вред» [7]. Однако с ее мнением трудно согласиться, потому что в диспозиции ст. 117 УК РФ одним из способов совершения преступления являются иные насильственные действия, к ним как раз можно отнести различные виды психического насилия, такие как угроза убийством или физическим насилием, оскорбления, носящие характер травли и издевательства и др. Так, житель многоквартирного дома был привлечен к ответственности за то, что он ежедневно в течение полугода истязал своих соседей путем психического насилия, а именно прослушиванием громкой музыки, звуков ржания лошадей и стуков [8].

Ю. С. Пестерева утверждает: «Психические страдания можно причинить исключительно методами психического насилия» [2]. Эту точку зрения также трудно признать единственно верной, ведь несмотря на вышеприведенный пример, в действительности способы психического насилия чаще всего квалифицируются как

истязание только в совокупности с применением физического насилия. Далеко не все виды психического насилия способны причинить указанные страдания, например угроза причинением побоев вряд ли вызовет у потерпевшего психические страдания без подкрепления угрозы непосредственно побоями.

На практике физическое и психическое насилие часто «переплетаются», поэтому физические и психические страдания обычно рассматриваются судами в тесной взаимосвязи и редко отделяются друг от друга. Следует признать, что психические страдания могут быть результатом как психического, так и физического насилия.

Таким образом, психические страдания – это негативные изменения в психике человека, выражающиеся в отрицательных душевных переживаниях высокой степени интенсивности. Психические страдания в контексте истязания могут быть причинены путем как психического, так и физического насилия над жертвой, т. е. с помощью воздействия как на тело или организм жертвы, так и на ее психику.

Список источников

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ: редакция от 28.12.2024 // Российская газета. 2011. № 263.

2. Пестерева Ю. С. Уголовно-правовая характеристика истязания : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.С. Пестерева ; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. Тюмень. 2008. 26 с.

3. Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Московский государственный лингвистический университет. Москва. 2005. 195 с.

4. Шарапов Р. Д. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79–81.

5. Приговор Унинского районного суда (Кировская область) № 1-11/2024 от 9 июля 2024 г. по делу № 1-11/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 06.04.2025).

6. Журтов А. Б. Характеристика объективных признаков пытки // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. №3. С. 80–82.

7. Барышева К. А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. 2017. № 12. С. 151–162.

8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-1327/2022 от 24 марта 2022 года // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 01.05.2025).

УДК 343.611.1

Соисполнительство в групповом убийстве: критерии отграничения от пособничества и действий организатора

Власова Яна Васильевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yanavlasova60@gmail.com

Ключевые слова: соисполнительство, пособничество, организатор, квалификация преступления, убийство группой лиц.

Институт соучастия в уголовном праве традиционно привлекает пристальное внимание исследователей и правоприменителей ввиду своей сложности и неоднозначности. Особую сложность представляет уголовно-правовая оценка ролей

© Власова Я. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

участников при совершении убийства группой лиц. Правильная юридическая квалификация действий каждого из лиц, совершивших убийство, непосредственно зависит от установления их функционального участия в совершении преступления.

В теории уголовного права отсутствует единое мнение относительно условий признания преступления совершённым группой лиц по предварительному сговору. Согласно позиции А. Н. Попова и ряда других авторов, такая группа предполагает наличие не менее двух исполнителей, а распределение ролей между соучастниками не образует этой формы соучастия. Соучастие с «юридическим распределением ролей» или сложное соучастие не может иметь места при совершении преступления группой лиц [1; 2].

Напротив, некоторые исследователи допускают квалификацию по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ и при одном исполнителе, действующем совместно с другими соучастниками, ссылаясь на повышенную опасность сложного соучастия [3].

Наиболее обоснованной представляется первая позиция: группу лиц по предварительному сговору образуют два и более соисполнителя. При наличии одного исполнителя и иных соучастников имеет место сложное соучастие, а не квалифицирующий признак «группой лиц». Допущение обратного подхода стирает грань между группой и сложным соучастием.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», соисполнителями следует считать лиц, которые: действовали совместно, имели умысел, направленный на лишение жизни потерпевшего, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни, применяя к потерпевшему насилие.

Отграничение соисполнительства от пособничества основывается на степени участия лица в совершении убийства. Отличие пособника от соисполнителя заключается в том, что он не

выполняет действий, непосредственно входящих в объективную сторону преступления. Его вклад находится «за рамками» самого процесса лишения жизни, хотя и является необходимым условием для его совершения [4].

По делу № 41-О08-75, действия К. были переквалифицированы с пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 и 5 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Установлено, что в лишении жизни участвовал только Т., душил потерпевшую и нанёс удар ножом, тогда как К. лишь предложил убить потерпевшую и отвлёк её внимание, не совершая насильственных действий, ведущих к смерти [5].

Разграничение соисполнительства от действий организатора проводится по функциональному признаку. Организатор не принимает непосредственного участия в совершении убийства, но создаёт организационные условия для совершения преступления. Его функции заключаются в: вербовке соучастников, разработке плана, распределении ролей, координации действий. Судебная практика демонстрирует множество примеров, когда неправильная оценка роли соучастника приводила к отмене или изменению приговоров.

Так, согласно Постановлению Президиума Краснодарского краевого суда, изначально действия Н.В. квалифицировали как организацию покушения на убийство двух лиц группой по предварительному сговору. Однако суд установил, что Н.В. лишь подыскала исполнителя, приобрела и передала орудие преступления, схему и ключи от жилища потерпевших, но сама не участвовала в лишении жизни. В результате квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору» был исключён, а действия Н.В. переквалифицированы как приготовление к убийству [6].

Для правильной квалификации необходимо устанавливать фактическое содержание действий каждого соучастника. Таким образом, критерии отграничения соисполнительства от

пособничества и действий организатора базируются на объективном признаке – степени участия лица в выполнении объективной стороны преступления. Пособник в отличие от соисполнителей не выполняет объективную сторону непосредственно, а содействует совершению преступления, создавая условия для убийства (предоставление орудий, устранение препятствий, советы, обещание скрыть следы). Организатор не участвует непосредственно в совершении убийства, но инициирует, планирует или координирует преступную деятельность группы, создавая её организационную основу.

Список источников

1. Попов А. Н. Убийство, совершенное преступной группой (п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ). Санкт-Петербургский юридический институт Генерального прокуратуры РФ. Санкт-Петербург. 2003. 148 с.

2. Зудин А. В. Разграничение группы лиц и группы лиц по предварительному сговору как форм соучастия в уголовном праве / А. В. Зудин, Т. В. Квасникова // Право и управление. 2023. №7. С. 136-140.

3. Машин А. А. Теория и практика квалификации убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору / А. А. Машин, А. Г. Донченко // Конституционные и административно-правовые основы российской государственности: история, современность и перспективы развития : Сборник материалов заочной Международной научно-практической конференции, 25 декабря 2014 года / Чебоксары: ЧКИ РУК, 2015. С. 202–206.

4. Понятие и особенности квалификации действий соучастника преступления в форме пособничества // СПС «Консультант Плюс» : [сайт]. URL: http://consultant.op.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=126975&cacheid=C002A453BC0C7F8B2F6BB93F3BCC01CE&mode=splus&rnd=SGwhOw#EdM12FV67lEW0Eu72.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 : утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2015 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/15006/.

6. Постановление Президиума Краснодарского краевого суда № 44У-61/2017 от 17 мая 2017 года // СПС «Консультант Плюс» : [сайт]. URL: http://consultant.op.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=126842&cacheid=DDE029428371DE02788BED94F1DC732F&mode=splus&rnd=LTYZ5Q#0lB22FVyP9wVufAs2.

УДК 343.59

Проблема правовой неопределенности категории «иные действия» в составе террористического акта (ст. 205 УК РФ)

Голышева Анжела Романовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, agolysheva-yy21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: террористический акт, иные действия, уголовно-правовая квалификация, оценочные признаки, правоприменение.

Специфика конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, заключается в том, что законодатель, перечислив конкретные способы совершения деяния (взрыв и поджог), оставляет перечень потенциально опасных актов незамкнутым через формулировку «иные действия».

© Голышева А. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Данный прием юридической техники, с одной стороны, обеспечивает гибкость уголовного закона и его адаптацию к эволюционирующим методам террористической активности, с другой — порождает фундаментальные сложности в квалификации.

Наиболее типичным методом совершения теракта выступает взрыв, производимый террористами-смертниками. Исключительная опасность данного способа обусловлена невозможностью заблаговременного выявления субъекта угрозы, что снижает эффективность превентивных мер даже при многоуровневой системе контроля в публичных пространствах.

Вторым деянием, прямо поименованным в диспозиции, является поджог — общеопасный умышленный метод уничтожения или повреждения имущества посредством неконтролируемого горения. Постановление Пленума ВС РФ от 05.06.2002 № 14 определяет его как намеренное уничтожение или повреждение объектов с использованием огня [1]. Для квалификации поджога как элемента террористического акта необходимы специальная цель — дестабилизация деятельности властных институтов либо воздействие на принятие ими решений, а также умысел на общественно опасные последствия. На фоне специальной военной операции участились поджоги военных комиссариатов, квалифицируемые как террористический акт.

Законодатель сознательно оставил перечень общеопасных деяний открытым. Пленум ВС РФ в постановлении от 09.02.2012 № 1 разъяснил, что устрашающее воздействие выражается в поведенческом акте, порождающем у неопределенного круга лиц обоснованную тревогу за жизнь, здоровье, безопасность близких и сохранность имущества. Реальность угрозы оценивается с учетом локации, времени, орудий, средств, методики посягательства и иных обстоятельств [2].

Под «иными действиями» понимается спектр деяний повышенной поражающей способности: провоцирование аварий на

инфраструктурных объектах; повреждение транспортных коммуникаций; отравление систем водоснабжения и продуктов; распространение возбудителей инфекций; радиоактивное, химическое или биологическое заражение местности; вооруженные атаки на населенные пункты; обстрелы жилых и административных зданий.

Химический терроризм получил известность после газовой атаки в токийском метро (1995 г.), где члены пяти групп распылили зарин путем перфорации контейнеров [5]. К «иным действиям» относят также отравление населения (например, попытка интоксикации выпускников Армавирского авиаучилища через отравленный торт и алкоголь) и наезды на пешеходов (теракт в Лондоне, 2017 г., повлекший гибель 5 и ранения 50 человек).

Главенствующая проблема кроется в недостаточной определённости выражения «иные действия, устрашающие население», которое носит оценочный характер и генерирует риск субъективной интерпретации. В частности, остаётся дискуссионным вопрос о потенциальной возможности квалификации в качестве «иных действий» публичных высказываний либо акций протестного характера, если таковые провоцируют чувство страха у населения. Подобная неопределённость создаёт потенциальную угрозу необоснованного вменения ст. 205 УК РФ при фактическом наличии признаков хулиганства или экстремистских проявлений.

Стремительная эволюция информационно-коммуникационных технологий актуализирует проблему признания кибератак в качестве «иных действий» применительно к ст. 205 УК РФ. Вторжения в критическую информационную инфраструктуру, потенциально способные инициировать техногенные катастрофы, массовую панику либо дезорганизацию государственных институтов, соизмеримы по степени последствий со взрывом или поджогом. Представляется обоснованным, что для

квалификации кибернетической атаки как террористического акта необходимо установление специальной цели — оказания воздействия на процесс принятия решений органами власти, а также действительной опасности наступления общественно вредных последствий, типичных для террористического акта [4].

Универсальным критерием отнесения деяния к «иным действиям» выступает его сопоставимость по последствиям со взрывом или поджогом: угроза жизни и здоровью людей, а также материальный ущерб должны быть реальными и масштабными, а сами действия — обладать значительной разрушительной силой или общеопасным характером [3].

Список источников

1. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путём поджога либо в результате неосторожного обращения с огнём: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012.

3. Гаужаева В. А. Содержание «иных действий» в диспозиции ст. 205 УК РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-2 (43). С. 46–49.

4. Миначева А. Р. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 1, № 58. С. 274–277.

5. Теракт в метрополитене Токио (Япония) 20 марта 1995 года // РИА НОВОСТИ: официальный сайт : [сайт]. URL: https://ria.ru/20150320/1053229883.html (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 343.611.1

Некоторые проблемы квалификации преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ

Дурнас Елизавета Святославовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, EDurnas-YY21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: соучастие, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, негодный субъект, совместность.

Спорным вопросом применения п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ является проблема квалификации преступления с «негодным» субъектом, то есть с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, или невменяемым. Данная проблема как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике решается неоднозначно.

По мнению ряда ученых п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ не подлежит вменению в данном случае. Как отмечает В.А. Григорьев, такая ситуация «рассматривается как разновидность посредственного причинения, при котором малолетний или невменяемый являются лишь орудиями совершения преступления» [1].

И. А. Клепицкий же наоборот утверждает, что «… односторонней субъективной связи должно быть достаточно для соучастия» [2].

© Дурнас Е. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Согласно судебной практике, «годный» субъект понесет уголовную ответственность за совершение группового преступления. Для примера приведем одно из кассационных определений Верховного Суда РФ [3]. В данном деле осужденная полагала, что «поскольку на момент совершения преступления ее дочь не достигла 14-летнего возраста и находилась в состоянии аффекта, она не является субъектом преступления, а поэтому п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ вменен необоснованно и подлежит исключению». Суд же указал, что объективная сторона преступления выполнена совместно и по предварительному сговору с другим лицом. Действия «негодного» субъекта для осужденной были адекватными, носили последовательный и целенаправленный характер, поэтому п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит вменению.

«Годный» субъект совершает убийство не в одиночку, его действия с «негодным» субъектом являются совместными, и оба лица выполняют объективную сторону преступления. Количественный признак соучастия понимается как участие в преступлении любых лиц, независимо от того, могут ли они нести уголовную ответственность. Соответственно, «годный» субъект понесет уголовную ответственность за групповое убийство.

Стоит отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» данную проблему не раскрывает. В связи с чем видится возможным внесение дополнений в виде отдельного пункта о вменении квалифицирующего признака, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в случае совершения преступления лицом, подлежащим уголовной ответственности, совместно с лицом, не являющимся субъектом преступления по смыслу ст. 19 УК РФ.

Далее стоит рассмотреть вопрос о том, подлежит ли вменению п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ в случае, когда виновные предварительно договариваются совершить убийство двух лиц, при этом заранее определяют, кто кого будет лишать жизни?

В такой ситуации хотя и имеется количественный признак соучастия - множественность субъектов, однако качественный

объективный признак (совместность действий лиц) отсутствует. Совместность действий виновных лиц в совершении преступления включает в себя два аспекта: объективный – причинение смерти совместными усилиями, и субъективный – стремление лиц достигнуть преступного результата путем объединения сил. Если каждый из виновных не применял насилия, не выполнял действий, входящих в объективную сторону убийства каждого из потерпевших, то можно говорить лишь о совместности умысла, но не совместности действий. Так, действия лиц, заранее договорившихся о совместном совершении убийства двух лиц, но принимавших непосредственное участие в убийстве лишь одного потерпевшего, не могут квалифицироваться со ссылкой на п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ярким примером квалификации в описанных обстоятельствах служит следующее уголовное дело, в котором все три инстанции разошлись в юридической оценке действий виновных лиц.

ФИО1 и ФИО2 договорились лишить жизни двух лиц (ФИО3 и ФИО4), причем каждый из них должен был лишить жизни «своего» потерпевшего, что оба и сделали. ФИО1 отвел ФИО3 на дальнее расстояние от других участвующих лиц и убил его, причинив колото-резаные ранения. Увидев, что ФИО1 возвращается один, ФИО2 понял, что ФИО1 лишил жизни ФИО3, и убил ФИО4 выстрелом в голову и ударом ножом в шею. Стоит отметить, что оружие, которым ФИО2 убил ФИО4, было предоставлено и принадлежало ФИО1.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что имеет место сложное соучастие в преступлении в виде соисполнительства с распределением ролей, которое без предварительного сговора невозможно. Действия лиц носили совместный и согласованный характер, каждый выполнил свою роль, согласно ранее достигнутой договоренности, что и позволило достичь единого преступного результата. Пункт «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ был вменен [4].

Апелляционная инстанция исключила п. «ж» из обвинения ФИО1, поскольку непосредственного участия в убийстве ФИО4 он не принимал, данные действия были совершены другим лицом,

которое, в свою очередь, также не принимало непосредственного участия в лишении жизни ФИО3 [5]. Однако, вышеуказанным судом было упущено, что ФИО1 предоставил ФИО2 оружие для убийства, т. к. это входило в их предварительную договоренность, а также увел второго потерпевшего на определенное расстояние, что лишило потерпевших возможности оказать помощь друг другу. В этом случае ФИО1 создал ФИО2 условия для убийства, поэтому необходимо применить ст. 33 УК РФ, что было указано Верховным судом РФ [6].

Первым апелляционным судом общей юрисдикции была поставлена точка в рассматриваемом вопросе [7]. Действия ФИО1 были «разбиты» на два состава: как убийство, которое было совершено непосредственно им (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и как пособничество в совершении убийства ФИО 4 (ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Также стоит отметить, что ввиду несовпадения ролей в совершении убийства п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ не подлежит вменению.

Таким образом, судебной практикой подтверждается вывод, что в указанной ситуации не подлежит вменению п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как каждый виновный выполнял объективную сторону убийства «своего» лица, а действия, входящие в объективную сторону убийства «другого» лица, им не выполнялись.

Список источников

1. Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: учебное пособие. Уфа: УВШ МВД РФ, 1995. С. 8-9.

2. Клепицкий И. А. Участие невменяемого в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2. С. 134–139.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2022 № 58-УД22-19-А5 : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.03.2026).

4. Приговор Рязанского областного суда от 12 февраля 2024 года по делу № 2–2/2024 : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.03.2026).

5. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 7 июня 2024 года по делу № 55–581/2024 : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.03.2026).

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2024 N 6-УДП24-4СП-А1 : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.03.2026).

7. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2025 года по делу № 55–47/2025 : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 343.2/.7

Некоторые проблемы сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")

Иванова Валентина Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, andreevna1403@mail.ru

Ключевые слова: сбыт наркотических средств, дистанционный (бесконтактный) способ, сеть «Интернет» как средство совершения преступления, информационно-телекоммуникационные сети.

© Иванова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В последние годы основным способом совершения преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, стало использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – ИТС «Интернет»). Данный квалифицирующий признак закреплён в п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ [1].

Проведённый нами анализ судебных решений за 2020–2025 гг. показал, что суды при квалификации сбыта по указанному признаку в подавляющем большинстве случаев указывают в приговорах исключительно на использование виновным лицом ИТС «Интернет». Квалификация данного деяния сопряжена с рядом проблем, получающих неоднозначное разрешение как в доктрине, так и в правоприменительной практике. В связи с этим возникает вопрос о содержании и объёме рассматриваемого квалифицирующего признака – каким именно образом должны использоваться ИТС для его вменения? Одновременно требует разрешения вопрос об определении момента начала выполнения объективной стороны и момента окончания сбыта. Данные проблемные аспекты находятся в тесной взаимосвязи и требуют комплексного анализа. Для правильной квалификации сбыта по п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ необходимо определить, что понимается под использованием ИТС. Согласно п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 37 от 15.12.2022, ИТС – это технологическая система для передачи информации с использованием средств вычислительной техники, при этом понятия электронных и ИТС не разграничиваются [2]. Указанное определение содержится также в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

Для целей ст. 228[1] УК РФ использование ИТС означает, что виновный применяет сеть на любой из стадий совершения преступления, однако не всякое такое использование образует квалифицирующий признак. Анализ доктрины и судебной практики позволяет выделить несколько этапов использования ИТС при сбыте наркотических средств.

Переговоры с приобретателем (обсуждение места встречи, цены, количества). Если ИТС использовалась только для

достижения договорённости, а передача наркотика планировалась при личном контакте, квалифицирующий признак не вменяется. Обязательным условием его вменения является отсутствие непосредственного контакта между сбытчиком и приобретателем [3]. Судебная практика подтверждает указанную позицию. В одном из рассмотренных дел продавец и покупатель созвонились по мобильному телефону и договорились о личной встрече. При встрече наркотическое средство было передано через постороннего человека, не осведомлённого о характере передачи. Суд пришёл к выводу об отсутствии в действиях виновного квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228^1 УК РФ, и переквалифицировал содеянное на ч. 1 ст. 228^1 УК РФ [4]. Аналогичная позиция отмечена и в другом решении, где достижение договорённости по телефону также не свидетельствовало об использовании ИТС при передаче наркотика [5].

Оплата через электронные платёжные системы (интернет-магазин, QIWI-кошельки) и сообщение информации о месте нахождения тайника – ключевые этапы, определяющие как наличие квалифицирующего признака, так и момент окончания сбыта. Согласно абз. 2 п. 14.1 Постановления Пленума ВС РФ № 14 от 15.06.2006, объективная сторона сбыта начинает выполняться с момента совершения действий, направленных на передачу наркотического средства приобретателю, независимо от его фактического получения. Как только лицо совершило такие действия (разместило информацию о закладке в интернет-магазине или отправило координаты тайника оператору), объективная сторона считается начавшейся. При этом для определения момента окончания сбыта ключевое значение имеет доведение информации о месте нахождения наркотика до приобретателя. Так, сбытчик посредством мессенджера «Telegram» после получения оплаты отправил покупателю координаты двух «закладок». Покупатель успел забрать первую, но при попытке изъять вторую был задержан. Суд признал сбыт оконченным с момента отправки координат, поскольку приобретателю стало известно о месте

нахождения наркотика [6]. Если виновный только осуществил заказ и перевод денег за наркотики с целью их дальнейшего сбыта, но был задержан, содеянное квалифицируется как приготовление к сбыту без вменения п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ. В случае, когда наркотическое средство уже находилось в распоряжении лица на момент предложения о сбыте, деяние образует покушение на сбыт с использованием ИТС (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ). Однако для вменения квалифицированного состава обязательным условием выступает наличие переписки с потенциальными покупателями, содержащей указание на конкретные места тайников. При отсутствии таких сведений п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ не применяется. Указанный подход вытекает из п. 13.2 Постановления Пленума ВС РФ № 14.

В соответствии с п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 37, квалификация деяния как совершённого с применением ИТС возможна на любой стадии преступления. Ключевым критерием выступает использование сети для реализации хотя бы одного из элементов объективной стороны сбыта. Аналогичной позиции придерживаются учёные В.Н. Винокуров и А.В. Агафонов, уточняя, что при бесконтактном сбыте через «закладки» с использованием ИТС преступление окончено с момента доведения до приобретателя координат тайника через сеть. Если информация передана только соучастнику (оператору) и не стала доступна покупателю, сбыт не может признаваться оконченным – действия квалифицируются как покушение [7].

Таким образом, использование ИТС – это не просто факт отправки сообщения, а способ организации сбыта, исключающий личный контакт между сбытчиком и покупателем на этапе передачи информации о месте и способе получения наркотика. Пункт «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ подлежит вменению лишь в тех ситуациях, когда ИТС служат инструментом непосредственной реализации наркотических средств. Такая реализация может выражаться в дистанционном информировании покупателя о месте нахождения тайника либо в проведении оплаты через электронные платёжные системы. Дополнительно следует учитывать, что в

объективную сторону сбыта включаются и действия по приобретению наркотиков с целью их дальнейшего сбыта, которые, если не были доведены до конца по независящим причинам, образуют покушение. Полагаем, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ должны быть положены в основу единообразной правоприменительной практики.

Список источников

1. Российская Федерация. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : редакция от 20.02.2026 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" : постановление Пленума ВС РФ №37 от 15.12.2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru.

3. Быкова Е. Г. Особенности вменения квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ / Е. Г. Быкова, А. А. Казаков // Наркоконтроль. 2022. № 1. С. 17.

4. Апелляционное определение Верховного суда РФ от 15.12.2015 №48-АПУ15-45.

5. Постановление президиума Челябинского областного суда от 11.07.2018 по делу №44у-89/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru.

6. Постановление президиума Челябинского областного суда от 14.11.2018 по делу №44у-185/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru.

7. Винокуров В. Н. Особенности квалификации сбыта наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») / В. Н. Винокуров, А. В. Агафонов // Уголовное право. 2023. № 1. С. 2–6.

УДК 343.32

Эволюция состава государственной измены в отечественном уголовном праве: от «измены Родине» к «государственной измене»

Иваньев Артем Евгеньевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, a.ivaniev@vk.com

Ключевые слова: государственная измена, измена родине, состав государственной измены, проблема «иной помощи».

Резкая смена политического режима и конституционного строя России в конце XX века закономерно повлекла пересмотр подходов к законодательному закреплению преступлений против государственной власти. Актуальность ретроспективного анализа данного состава обусловлена необходимостью выявления закономерностей его развития и оценки соответствия современной модели вызовам национальной безопасности. Кроме того, ретроспективный сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых составов «измены» по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года и Уголовному кодексу РФ 1996 года позволяет выявить проблемы уголовно-правового характера современного состава «государственной измены». Так, статья 64 УК РСФСР определяла «измену Родине» как «деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР». Объективная сторона преступления включала исчерпывающий перечень форм измены: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной

© Иваньев А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, заговор с целью захвата власти [1]. В действующей редакции ст. 275 УК РФ законодатель изменил подход к конструированию состава. Во-первых, он отказался от идеологизированного понятия «Родина» в пользу юридически определенного термина «государство», что избавляет правоприменителя от правовых коллизий, и делает норму юридически точной. Это объясняется тем, что Конституционный Суд РФ постановлением от 20 декабря 1995 года подверг критике ряд положений состава «измены Родине», отметив, что «уже само наименование преступления — «измена Родине» не имеет четкого юридического содержания, а представляется скорее морально-политической оценкой» [3]. Во-вторых, современный состав «государственной измены», включает такие формы измены, как шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации [2]. В сравнении с советским составом отсутствует такая форма измены, как «бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР». Данное изменение произошло после вынесения Постановления Конституционным Судом РФ, о котором уже упоминалось выше. Так, указанная форма, по существу, позволяла привлекать к ответственности за сам факт выезда из страны, что противоречило конституционному праву на свободу передвижения [3]. А такая форма как «заговор с целью захвата власти» и вовсе стала самостоятельным составом преступления, предусмотренным ст. 278 УК РФ.

В настоящее время, наиболее часто вызывает дискуссии такая форма «государственной измены» как «оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи

иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации». Выделив не только конкретные виды помощи, но и «иную помощь», законодатель, на наш взгляд, решил расширить объективную сторону данного преступления, что, как отмечают исследователи, создает неопределённости при квалификации данного преступления и дает потенциальную возможность для привлечения к ответственности за деятельность, не сопряженную с реальным ущербом для безопасности государства [4–6].

Предполагаем, что понятие «иная помощь» можно определить в Постановлении Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против государственной власти», что в свою очередь, позволит правоприменителю однозначно квалифицировать деяния, предусмотренные статьей 275 УК РФ. Однако в данном случае следует учесть, что есть сложность, которая заключается в составлении гибкой и верной с точки зрения юридической техники дефиниции. С одной стороны – стоит задача не допустить привлечение к ответственности за деятельность, не сопряженную с реальным ущербом для безопасности государства, с другой – в привлечении к ответственности за деятельность, сопряженную с реальным ущербом для безопасности государства, но совершенную в качественно новых формах государственной измены, которые не закреплены в ст. 275 УК РФ. Представляется верным пойти от обратного – в дефиниции указать, какие действия не могут признаваться иной помощью. Как вариант - помощь в культурном обмене, научном сотрудничестве, гуманитарных проектах, не имеющих цели подорвать безопасность России. Например, перевод статей для зарубежного научного журнала или участие в международной экологической программе не будет признаваться «иной помощью», даже если эта программа финансируется иностранным правительством. Так, можно избавиться от чрезмерно широкого толкования. Это особенно актуально в условиях, когда само понятие «иная помощь» критикуется за именно за неопределенность. Однако на наш взгляд, оценочное

понятие «иная помощь» может оставаться в некоторой степени неопределенным, ввиду невозможности полно, исчерпывающе и юридически верно описать его. Полагаем, что это и не нужно в силу того, что правоприменитель должен обладать высоким уровнем правосознания и при квалификации деяний опираться на основы квалификации преступлений, теоретический и практический опыт – всё это должно способствовать верной квалификации деяния несмотря на то, что в составе содержится оценочное понятие «иная помощь».

Проведенный ретроспективный анализ позволяет проследить эволюцию уголовно-правового регулирования ответственности за измену: от советской модели, в которой состав преступления был тесно связан с морально-политическими категориями, к современной конструкции «государственной измены», ориентированной на юридически определенные признаки, хотя некоторые из них так и остаются не до конца определенными. В процессе развития правовой системы отдельные положения, существовавшие в советский период (в частности, ответственность за «бегство за границу»), были пересмотрены с учетом конституционных принципов и права гражданина на свободу передвижения. При этом современный законодатель, стремясь обеспечить защиту национальной безопасности в условиях новых геополитических вызовов, расширил объективную сторону преступления, вводя такие оценочные категории, как «иная помощь». Данный подход, с одной стороны, позволяет реагировать на качественно новые угрозы, не предусмотренные формально-определенным перечнем действий в ст. 275 УК РФ. С другой стороны, такой подход требует особого внимания к соблюдению гарантий от произвольного привлечения к уголовной ответственности. Достижение баланса между гибкостью уголовно-правовой нормы и защитой прав граждан неразрывно связано не только с высоким уровнем правосознания и профессионализмом правоприменителя, но и с объективной геополитической ситуацией, определяющей актуальные проблемы безопасности Российской Федерации.

Список источников

1. «Уголовный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. От 30.07.1996) : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 18.03.2026).

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.03.2026).

3. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8911/ (дата обращения: 18.03.2026).

4. Середа И. М. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации / И. М. Середа, С. А. Ступина // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1 (37). С. 79–89.

5. Симонова Е. К. Государственная измена: проблемы квалификации / Е. К. Симонова, В. В. Истомина, Т. М. Чёрный // International Law Journal. 2024. № 7. С. 214–219.

6. Михайлов В. И. Особенности конструкции объективной стороны государственной измены и ее значение для квалификации // Журнал российского права. 2025. № 5 С. 105–121.

УДК 343.326

К вопросу о цели террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ)

Ильментьева Екатерина Никитична
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, eilmenteva-yy23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, состав преступления, цель преступления.

В составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ, цель, ввиду ее прямого упоминания в уголовном законе, является обязательным признаком данного преступления. Такой подход обусловлен общей целевой направленностью террористического акта, оправдывающей исключительно общественно опасные средства своего достижения [7].

Цель террористического акта в отношении действий, устрашающих население и создающих опасность наступления тяжких последствий, определена законодателем альтернативно: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений (в отношении угрозы совершения данных действий с 2017 г. указана только вторая из них). С. И. Бушминым было справедливо замечено, что воздействие на принятие решений является частным случаем дестабилизации, в связи с чем указание законодателем второй цели не соответствует правилам формальной логики и юридической техники [4].

© Ильментьева Е. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Рядом авторов отмечается узость формулировки цели, т.к. «террористы зачастую преследуют цель дестабилизировать не только деятельность публичной власти, а вообще социальную обстановку в определенной местности» [9]. А. И. Рарог подчеркивает, что в подавляющем большинстве террористических актов никто не берет на себя ответственность и не выдвигает никаких требований (как это имело место, например, при террористическом акте в концертном зале «Крокус Сити Холл» [1]), таким образом «террористы пытаются запугать население, создать атмосферу тревожного ожидания новых терактов» [8], что соответствует самой антисоциальной сущности терроризма.

Рассмотрим конкретные предложения, высказанные в доктрине, по формулировке цели террористического акта.

Одни авторы подходят к определению цели через перечисление возможных адресатов воздействия при террористическом акте. Так, например, наряду с органами власти и международными организациями в доктрине предлагают включить: органы местного самоуправления [5], юридических лиц, представителей общественных организаций, должностных лиц [10]. Некоторые ученые указывают другой перечень: государство (Российская Федерация или иностранное государство), организации (как российские, так и иностранные) и их представители [3].

При этом, существует точка зрения о необходимости исключения международных организаций из числа адресатов, т.к. посягательство в отношении них скорее является актом международного терроризма и не посягает на общественную безопасность РФ [6]. К такому замечанию следует отнестись критично. Акт международного терроризма (ч. 1 ст. 361 УК РФ) совершается вне пределов РФ, однако совершение террористического акта в отношении международной организации возможно и на территории РФ – такое преступное посягательство будет направлено на общественную безопасность РФ.

Ряд других авторов подходит к определению цели террористического акта с помощью понятий более высокого уровня абстракции без перечисления конкретных адресатов.

Так, М. А. Шаталова признает формулировку цели террористического акта, данную в уголовном законе Республики Беларусь, а именно «дестабилизацию общественного порядка», как предполагающую более полный учет адресатов данного преступления [10].

М. В. Андреев значительно расширяет перечень целей, преследуемых террористами: провокация войны, изменение репутации страны в международном общественном мнении [2]. Однако это приведет к частичному совпадению с целями акта международного терроризма (ч. 1 ст. 361 УК РФ).

А. И. Рарог предлагает признать ст. 281 УК РФ утратившей силу и определить цель террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) как «подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации либо дестабилизации социальной обстановки в Российской Федерации или отдельном ее регионе» [8]. Внесение подобных изменений в УК РФ требует предварительного системного анализа действующего законодательства.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что существующая формулировка цели террористического акта нуждается в корректировке как с позиции юридической техники, так и с точки зрения ее расширения (наиболее подходящим видится первый подход – путем увеличения круга адресатов, на которых могут воздействовать террористы).

Список источников

1. Анатомия убийц: кто стоит за страшным терактом в «Крокусе» // Известия: [сайт]. URL: https://iz.ru (дата обращения: 29.03.2026).

2. Андреев М. В. Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 2 (12). С 18–23.

3. Боровиков В. Б. Преступления против общественной безопасности: вопросы ответственности и совершенствования законодательства // Уголовное право. 2006. № 4. С. 9–12.

4. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск : СФУ, 2018. 172 с.

5. Галкин А. Ю. Субъективные признаки состава террористического акта // Молодой ученый. 2014. № 12 (71). С. 207–209.

6. Каменева З. В. Проблемы квалификации террористического акта по законодательству Российской Федерации / З. В. Каменева, В. М. Кособродов // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 176–181.

7. Маршакова Н. Н. Проблемы квалификации террористического акта (ст. 205 УК РФ) / Н. Н. Маршакова, В. В. Татарчук // Философия права. 2008. № 4. С. 63–66.

8. Рарог А. И. Текст уголовного закона и правовая позиция законодателя // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 5. С. 96–108.

9. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4. С. 155–178.

10. Шаталова М. А. О некоторых вопросах совершенствования законодательства Российской Федерации об уголовной ответственности за террористический акт // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 858–869.

УДК 343.321

Разграничение шпионажа как самостоятельного состава и шпионажа как формы государственной измены

Клевцова Виктория Александровна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vklevtsova-yy20@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: геополитическая обстановка, шпионаж, государственная измена, критерии разграничения, безопасность государства, лицо с двойным гражданством.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Александру Павловичу Севастьянову, доценту, канд. юрид. наук.

В связи с геополитической обстановкой и обострением отношений между Россией и коллективным Западом количество людей, привлекаемых к уголовной ответственности за данное преступление по сравнению с 2022 годом, выросло в трое [1].

На практике нередко путают шпионаж, как самостоятельный состав, закрепленный в ст.276 УК РФ, со шпионажем, который закреплен в ст. 275 УК РФ как форма государственной измены.

Анализируя шпионаж как самостоятельный состав преступления и шпионаж как форму государственной измены, мы видим, что основным критерием различия шпионажа как самостоятельного состава и шпионажа как формы государственной измены является субъект преступления. Согласно ч. 1 ст.20 УК РФ,

© Клевцова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

под субъектом понимается «физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности» [2].

Кроме этого, помимо основных признаков субъекта, уголовное законодательство РФ предусматривает еще и наличие дополнительных признаков, что говорит нам о специальном субъекте преступления. Исходя из дополнительных признаков, субъект шпионажа как самостоятельного преступления и шпионажа как формы государственной измены относится к группе признаков специального субъекта, характеризующих правовое положение субъекта (гражданин РФ, иностранное лицо либо лицо без гражданства и т.д.).

Субъектом преступления шпионажа как формы государственной измены, является гражданин РФ, в то время как субъектом шпионажа как самостоятельного состава является иностранный гражданин либо лицо без гражданства. Кроме гражданина РФ, иностранного гражданина либо лица без гражданства, шпионаж совершают лица с двойным или тройным гражданством. На основании этого возникает вопрос, как квалифицировать действия данного субъекта, как шпионаж как самостоятельный состав по ст. 276 УК РФ либо как шпионаж как форму государственной измены по ст. 275 УК РФ?

Положения действующего законодательства нашего государства не дают ответа на данный вопрос. Судебная практика свидетельствует о том, что за совершения шпионажа лицом с двойным гражданством, лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ, как за шпионаж в форме государственной измены. Так, Гражданин РФ и Украины был осужден за шпионаж как форму государственной измены. По заданию СБУ он собирал и передавал разведывательные данные о военных объектах Московского региона и военнослужащих Министерства обороны России [3].

Несмотря на это, по мнению некоторых авторов, при совершении шпионажа с двойным гражданством, действия лица

должны квалифицироваться как по ст.276 УК РФ, так и по ст. 275 УК РФ, т.е. по совокупности [4]. По нашему мнению, данная позиция является неверной и противоречит принципу, который закреплен как в Конституции РФ, так и в уголовном законе, что «никто не может быть дважды осужден за одно и тоже преступление».

Понятие двойного гражданства содержится в п.4 ст.4 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Под ним понимается наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства, с которым Российская Федерация заключила международный договор о двойном гражданстве [5]. При этом в Конституции РФ, содержится положение о том, что двойное гражданство не освобождает лицо от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации [6].

Следовательно, на основании анализа судебной практики, положения Конституции РФ и закона о гражданстве, лицо, совершившее шпионаж, имеющее при этом как гражданство РФ, так и гражданство другого государства, например, гражданство США, будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ, как за шпионаж в форме государственной измены.

Таким образом, основным критерием разграничения шпионажа как самостоятельного преступления и шпионажа как формы государственной измены является субъект преступления. Если лицо, совершившее шпионаж, имеет двойное гражданство, то его действия будут квалифицироваться как шпионаж как форма государственной измены. Принятие Постановление Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против основ конституционного строя поможет решить спорные вопросы, связанные с квалификацией шпионажа как самостоятельного состава преступления и шпионажа как формы государственной измены.

Список источников

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022, 2023, 2024 год и за первое полугодие 2025 года : Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: http://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 02.03.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. В Московском городском суде оглашен приговор за государственную измену в форме шпионажа : [сайт]. URL: https://ria.ru/20251217/chistyakov-2062577320.html (дата обращения 20.03.2026).

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Вердикт, 1996. С. 496.

5. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочная правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 19.03.2026).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочная правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 343.622

К проблеме квалификации убийства новорожденного суррогатной матерью

Коваленко Егор Алексеевич
Юридический институт Сибирского Федерального Университета, Красноярский Край, Красноярск, Россия, egor06kov@gmail.com

Ключевые слова: квалификация, мать, суррогатная, убийство, новорожденный.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Фёдорове Анатольевне, доценту кафедры уголовного права, канд. юрид. наук, доценту.

На территории Российской Федерации разрешен такой высокотехнологичный метод вспомогательных репродуктивных технологий как суррогатное материнство. Программа суррогатного материнства регулируется п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] и приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [5], когда специально подобранная женщина (суррогатная мать) вынашивает и рожает ребенка для генетических родителей, не имея с ним кровного родства.

В Уголовном кодексе РФ такое понятие как суррогатное материнство не предусматривается. Как, собственно, и понятие «мать». В связи с этим возникают вопросы при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка: кого именно следует

© Коваленко Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

считать матерью в ситуации, когда ребенок рожден в рамках программы суррогатного материнства – женщину, предоставившую генетический материал (яйцеклетку), или женщину, выносившую и родившую ребенка?

В общеупотребительном смысле слова «мать» понимается женщина, состоящая в родительской связи со своими детьми [3]. Иными словами, материнство подразумевает факты зачатия, вынашивания и рождения ребенка именно данной женщиной.

Руководствуясь этим, некоторые исследователи приходят к выводу, что субъектный состав статьи 106 УК РФ ограничивается биологической матерью [1]. Указанный подход оставляет без должного внимания обстоятельство, согласно которому именно на суррогатную мать возлагаются биологические функции вынашивания и рождения ребенка. Беременность и роды для суррогатной матери сопряжены с полным спектром психофизических нагрузок: гормональной перестройкой, болевым шоком, физическим истощением, послеродовой депрессией и др. Также не исключено, что суррогатная мать может находиться в психотравмирующих условиях, вызванных, пусть и с малой степенью вероятности, смертью одного или обоих биологических родителей ребенка, а также наступлением любых форс-мажорных обстоятельств. Из этого следует, что психофизиологическое состояние суррогатной матери может быть тождественно состоянию биологической матери, в связи с чем применение привилегированного состава к суррогатной матери является обоснованным.

Примечательно, что и семейное законодательство косвенно подтверждает тезис о признании суррогатной матери матерью ребенка до момента дачи ею согласия на запись биологических родителей в книге записей рождений. В соответствии со ст. 51 Семейного кодекса РФ, лица, состоящие в браке и давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны

родителями ребенка только при наличии согласия суррогатной матери [2]. Отсюда вытекает, что до дачи соответствующего согласия именно суррогатная мать признается юридической матерью новорожденного ребенка, что служит дополнительным аргументом в пользу возможности признания ее субъектом ст. 106 УК РФ.

Таким образом, предлагается расширительное толкование понятия «мать», используемого в ст. 106 УК РФ, чтобы распространить его не только на генетическую мать, связанную с ребенком биологически, но и на суррогатную, осуществившую вынашивание и рождение ребенка. Возможно необходимо дать разъяснение в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, либо внести уточнение в диспозицию ст. 106 УК РФ : понятие «мать» изменить на «женщина, родившая ребенка». Подобное изменение позволило бы включить суррогатную мать в круг субъектов данного преступления и устранить существующую неопределенность в квалификации.

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова [и др.]. М.: Проспект, 2010. 1391 с.

2. Семейный кодекс Российской Федерации: СК №223-ФЗ : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.

3. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон №323-ФЗ : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

5. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России. № 803н. 31.07.2020.

URL: //https://sudact.ru/law/prikaz-minzdrava-rossii-ot-31072020-n-803n/.

УДК 343.2/.7

О проблемах квалификаций преступлений, связанных с наркотиками, совершенных в составе организованных групп

Кожевникова Елизавета Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, elzkozhevnikova@mail.ru

Ключевые слова: квалификация преступлений, организованная группа, наркотические средства, психотропные веществе.

Устойчивость деятельности и стабильность функционирования организованных преступных групп (далее ОПГ) и преступных сообществ (далее ОПС), занимающихся наркодеятельностью, в значительной мере обусловлены применением различных механизмов и методов, обеспечивающих скрытность их деятельности и конспирацию участников [4]. При этом рядовые члены подобных формирований не только не осведомлены об общей численности преступной организации, но и не знакомы с другими соучастниками, входящими в состав их собственного структурного подразделения: лишь в исключительных случаях, они могут поддерживать непосредственное взаимодействие друг с другом. К подобным ситуациям относятся, к примеру, лица, осуществляющие производство наркотических средств в подпольных лабораториях, либо «закладчики»,

© Кожевникова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

работающие совместно в паре на определенной территории или в конкретном районе сбыта [3].

Отсутствие личных контактов между участниками характерно для преступных организаций, занимающихся сбытом наркотических средств посредством сети «Интернет». В таких случаях вербовка, инструктаж и дальнейшее общение осуществляется исключительно через переписку, при этом вовлеченное лицо контактирует лишь с определенным человеком или узким кругом лиц, как правило, с использованием электронных средств связи.

Так, согласно приговору суда, неустановленное лицо (далее - руководитель ОПГ), с целью совершения особо тяжких преступлений, связанных с незаконным производством и сбытом наркотических средств в особо крупном размере, извлечения постоянного дохода, создал и возглавил ОПГ, устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений. Устойчивость и организованность проявлялась в постоянстве состава, сплоченности участников, наличии руководящего звена и исполнителей с разграничением функций и выполнением возложенных преступных обязанностей, подчинении рядовых членов группы вышестоящим, а также в общих преступных целях и намерениях участников, направленных на незаконный оборот наркотических средств. Преступная группа отличалась наличием финансовой базы, которой распоряжался руководитель ОПГ, что позволяло выплачивать участникам группы материальное вознаграждение; материально-технической оснащенности позволяющей выходить в сеть «Интернет» и использовании систем быстрого обмена сообщениями и информацией в сети «Интернет», что позволяло участникам ОПГ оперативно связываться друг с другом при осуществлении преступного умысла по незаконному производству и сбыту наркотических средств. В ходе осуществления преступной деятельности участники ОПГ соблюдали

меры безопасности и конспирации, согласно которых они не встречались лично, общались между собой посредством интернет-ресурсов, при этом не были знакомы лично, позволяющих анонимизировать участников ОПГ, использование для сбыта наркотических средств бесконтактного способа передачи наркотических средств покупателям путем сооружения тайников-закладок [2].

Данная форма преступной деятельности характеризуется рядом специфических признаков, отличающих ее от традиционных способов наркоторговли. Во-первых, географическая распределенность участников процесса: продавец, покупатель и посредник находятся в разных регионах, а порой и в разных государствах, что существенно затрудняет установление между ними связей. Во-вторых, анонимность коммуникации, достигаемая посредством использования шифрованных мессенджеров, VPN-сервисов и браузера TOR. В-третьих, автоматизация процесса сбыта через специализированные интернет-магазины с интегрированными системами оплаты и механизмами создания тайников.

С точки зрения уголовного права особую сложность представляет вопрос об индивидуализации ответственности каждого участника организованного преступного сообщения. Традиционные критерии соучастия — распределение ролей, осознание общего преступного умысла, совместное участие в совершении преступления — приобретают иное звучание применительно к виртуальным формам организации наркоторговли. Исполнитель, осуществляющий физическую передачу наркотического средства в виде закладки, зачастую не осведомлён о масштабах деятельности всей организации, не знаком с другими участниками и может являться лишь исполнителем элементарного состава преступления. Вместе с тем его действия объективно способствуют функционированию всей преступной

инфраструктуры и потому должны оцениваться с позиций института соучастия в преступлении, совершаемом организованной группой или преступным сообществом.

В научной литературе справедливо отмечается, что доказывание участия лица в организованной преступной группе или преступном сообществе требует установления не только фактических обстоятельств совершения преступления, но и субъективной стороны, включающей осознание виновным своей причастности к организованной структуре, понимание её целей и задач, а также намерение действовать в интересах данного формирования. Применительно к интернет-наркоторговле субъективная сторона может выражаться в осознанном использовании предоставленных координатором паролей доступа к интернет-магазину, выполнении указаний по формированию закладок в определённых локациях, получении денежных средств через контролируемые электронные кошельки.

Список источников

1. Маллекер Д. И. Противодействие деятельности, обеспечивающей функционирование интернет-магазинов по продаже наркотиков. Москва: Академия управления МВД России. 2023. 8 с.

2. Приговор № 2–31/2019 от 21 октября 2019 г. по делу № 2–31/2019: приговор Новосибирского областного суда №2-31/2019 от 21.10.2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: //sudact.ru/regular/doc/IxC6gS5sznba/ (дата обращения: 05.05.2025).

3. Примак А. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом и хищением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / А. А. Примак, В. В. Чугаев. Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России. 2013. 68 с.

4. Токманцев Д. В. Устойчивость преступных групп, совершающих наркопреступления // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитиции и ресоциализации наркопотребителей: Материалы XVIII международной научной конференции. Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России, 2015. С. 221–225.

УДК 343.72

Проблема квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации при хищениях, совершаемых с использованием легитимных программ удаленного доступа

Лапенков Герман Вячеславович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lapenkov.adm@mail.ru

Ключевые слова: мошенничество в сфере компьютерной информации, программа удаленного доступа, квалификация преступлений, неправомерный доступ, ст. 159.6 УК РФ.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Вадиму Валерьевичу Питецкому, канд. юрид. наук, доценту кафедры уголовного права за помощь в проведении исследования.

Одной из наиболее распространенных, но при этом сложных для квалификации является схема хищения, при которой злоумышленник путем обмана склоняет потерпевшего к добровольной установке на свое устройство легитимной

© Лапенков Г. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

программы удаленного доступа (например, AnyDesk, TeamViewer, RustDesk). Получив таким образом контроль над компьютером или смартфоном жертвы, преступник совершает хищение. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, доступ получен не путем «взлома», а с добровольного согласия под влиянием обмана, а с другой стороны, само хищение проводится путем вмешательства в компьютерную информацию.

Фабула дела № 1-886/2019: злоумышленник, применяя методы обмана и используя в качестве предлога оказание содействия в поиске потерянного мобильного телефона, склонил потерпевшего к добровольной установке на его смартфон программного обеспечения, а также к вводу необходимых данных, обеспечивающих возможность удаленного доступа. После получения такого доступа злоумышленник в неправомерном порядке осуществил дистанционное ограничение доступа потерпевшего к указанному устройству, авторизовался в системе дистанционного банковского обслуживания и совершил перечисление денежных средств на принадлежащий ему банковский счет. Суд квалифицировал действия по ч. 2 ст. 272 УК РФ и по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ [3].

Статья 159 УК РФ по законодательной конструкции имеет материальный состав, наличие последствий является обязательным условием. В связи с этим, установление программы удаленного доступа под воздействием обмана, как отдельное деяние не может образовывать состав ст. 159 УК РФ.

Последующие, после добровольного установления программы, действия охватываются диспозицией ст. 159.6 УК РФ, так как злоумышленник осуществлял воздействие на программное обеспечение, в виде дистанционного управления устройством против воли потерпевшего и технического ограничения доступа последнего к устройству с целью хищения имущества. Однако существует и иное мнение, выраженное А.А. Южином: «подобное

деяние скорее должно квалифицироваться как кража, поскольку происходит тайное изъятие имущества, что характерно для данной формы хищения» [4].

Это не простое использование уже известных учетных данных, которое могло квалифицироваться как кража, а активное вмешательство в функционирование средств обработки компьютерной информации.

Самый дискуссионный вопрос — влияет ли на квалификацию тот факт, что потерпевший сам установил программу. В приговоре по указанному примеру суд не придал этому обстоятельству значения, поскольку согласие было получено «обманным путем». Потерпевший был введен в заблуждение относительно истинной цели установки программного обеспечения. Следовательно, его «волеизъявление» не было свободным и осознанным в полной мере.

В указанном примере суд руководствовался п. 20 постановления Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48, в котором указано, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ [2]. В рассматриваемом случае факт «неправомерного доступа» не установлен, так как потерпевший добровольно установил программное обеспечение и предоставил доступ злоумышленнику. При этом наличие обмана в процессе получении доступа к компьютерной информации, как признак в диспозиции ст. 272 УК РФ, не выделяется.

По мнению Пленума Верховного суда, применительно к ст. 272 УК РФ неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации. Данное толкование не может в полной мере разрешить рассматриваемую проблему, так как

согласие на доступ к информации было получено в виде добровольной установки программы.

По сути, такие деяния, как неправомерный доступ к компьютерной информации, могут привести к уничтожению, блокировке или изменению данных. Аналогичное описывается и в ст. 159.6 УК РФ. Однако ключевое отличие от ст. 272 УК РФ заключается в том, что при компьютерном мошенничестве виновный вдобавок к указанным действиям незаконно изымает чужое имущество или приобретает право на него.

Из этого следует, что признаки неправомерного доступа (ст. 272 УК РФ) практически всегда присутствуют в составе компьютерного мошенничества, полностью в нём растворяясь. С этим мнением также согласна профессор Н.А. Лопашенко: «есть полное пересечение состава компьютерного мошенничества со всеми составами компьютерных преступлений по признакам «блокирование, модификация компьютерной информации» и еще один признак состава ст. 159.6 УК – удаление компьютерной информации», видимо, может использоваться как аналог «уничтожения компьютерной информации», о котором идет речь в ст. ст. 272 – 274.1 УК [1].

Таким образом, при установлении факта легитимного доступа, дополнительно вменять ст. 272 УК РФ при квалификации компьютерного мошенничества не требуется. Единственное исключение — ситуация, когда в результате таких действий произошло копирование информации, не связанное непосредственно с хищением имущества или приобретением права на него. Этот случай уже выходит за рамки ст. 159.6 УК РФ.

Список источников

1. Лопашенко Н. А. Компьютерное мошенничество — новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? //

Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 598–609.

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

3. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 09.07.2019 по делу № 1-886/2019 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

4. Южин А. А. Специфика мошенничества в сфере компьютерной информации: теория и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. Т.1, № 3 (60). С. 143–147.

УДК 343.321

Обзор уголовно-правовой регламентации ненасильственных действий сексуального характера в странах СНГ

Лукьянова Екатерина Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, elukyanova-yy21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: половая неприкосновенность, страны СНГ, ненасильственные половые преступления, несовершеннолетние, половое сношение.

© Лукьянова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Диспозиции ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ состоят из перечисления форм полового контакта: половое сношение (ч. 1), мужеложство или лесбиянство (ч.2). Это расходится с названием статьи, которая наряду с половым сношением упоминает «иные действия сексуального характера». Пленума Верховного суда РФ проводит грань между ст. 134 и 135 УК РФ, относя к «любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства» [3]. Такое соотношение видится не совсем корректным, поскольку анальный или оральный секс между мужчиной и несовершеннолетней квалифицируется как развратные действия, предусматривающей менее строгое наказание, хотя общественная опасность указанных действий ничуть не меньше. Сложившуюся ситуацию может изменить корректировка диспозиций ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ. В поиске решения проблемы можно обратиться к опыту государств СНГ.

Общее советское прошлое оставило свой отпечаток в законах стран-участниц СНГ, что мы наблюдаем по сей день. Однако, более 30 лет каждая из стран развивается отдельно, опираясь на свои национальные и культурные особенности. По нашему мнению, целесообразно искать пути выхода поставленной проблемы все же в УК постсоветских государств. Общность истории, юридической техники и схожие доктринальные взгляды помогут успешнее внести изменения в уголовное законодательство нашей страны.

Непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, является половая неприкосновенность, нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних [2]. Уголовный закон каждого из государств – членов СНГ охраняет тождественные общественные отношения, гарантирующие защиту прав и интересов несовершеннолетних. Так, по мнению А. А. Бимбинова, несмотря на различные формулировки, расположение, относимость нормы к

той или иной главе УК, это не влияет на объект посягательства – половую неприкосновенность несовершеннолетнего лица [1].

Наибольшее различие мы наблюдаем в описании объективной стороны. Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Армения и Таджикистан описывают объективную сторону деяния аналогично ст. 134 УК РФ. Лаконично она описана в УК Туркменистана, ограничившись лишь «половым сношением» [4]. УК Республики Молдовы в ст. 174 устанавливает ответственность за «половой акт по согласию» [5]. Схожее описание мы видим в УК Азербайджана: «Вступление в половую связь или совершение других действий сексуального характера [6]». Значительно отличается УК Грузии, описывающий объективную сторону преступного деяния как «проникновение сексуального характера в тело лица» [7]. Данная формулировка представляется нам наиболее верной, поскольку охватывает все формы полового контакта, а также помогает провести грань между развратными действиями и непосредственно половым актом.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, является лицо, достигшее 18 лет. Аналогичный возраст ответственности за данное деяние указан в УК Беларуси, Кыргызстана, Армении и Грузии. В остальных странах-участницах СНГ для этого деяния установлен общий возраст ответственности – 16 лет. По нашему мнению, позиция первой группы государств является более логичной, поскольку с момента совершеннолетия человек признается сформированной личностью, способной осознавать за свои поступки. Требовать этого же от несовершеннолетнего нецелесообразно, поскольку оно само ещё не до конца сформировано как личность.

Субъективная сторона ст. 134 УК РФ выражена прямым умыслом. Однако возникает вопрос касаемо признака заведомости относительно возраста потерпевшего. И здесь государства можно условно разделить на 2 группы. Первая не включила указанный признак в диспозицию уголовной нормы (РФ, Кыргызстан и

Азербайджан). Остальные страны-участницы СНГ входят во вторую группу, указывая заведомость как обязательный признак. Отметим, что в недавнем прошлом в УК РФ так же присутствовал данный признак, однако вскоре убрали из-за сложностей с установлением его практике. С нашей точки зрения, это решение является верным.

Подводя итог, мы можем предложить наиболее оптимальную формулировку диспозиции ст. 134 УК РФ, опираясь на опыт стран СНГ: «Проникновение сексуального характера в тело лица, не достигшего 16 лет, совершенное лицом, достигшим 18 лет».

Список источников

1. Бимбинов А. А. Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по уголовному праву зарубежных стран // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №7.

2. Никульченкова Е. В. Половая неприкосновенность несовершеннолетних: проблемные вопросы// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. №1.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 25.02.2026).

4. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.04.2025 г.) // Информационная система Параграф «Юрист». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31295286&pos=1486;313 (дата обращения: 15.03.2026).

5. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на

21.03.2026 г.) // Информационная система Параграф «Юрист». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30394923&pos=14;335 (дата обращения: 21.03.2026).

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.04.2025 г.) // Информационная система Параграф «Юрист». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30420353&pos=15;335 (дата обращения: 10.03.2026).

7. Уголовный Кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287-вс (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.10.2025 г.) // Информационная система Параграф «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37199724&ysclid=mjk9ttdqn1887091230 (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 343.3

Проблемы разграничения ст. 317 УК РФ со смежными составами после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 1 июня 2023 года

Маслов Сергей Алексеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sergeiholod27@gmail.com

Ключевые слова: ст. 317 УК РФ, ст. 277 УК РФ, ст. 295 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, разграничение составов преступлений, Постановление Пленума ВС РФ № 14, сотрудник правоохранительного органа, посягательство на жизнь, конкуренция норм, квалификация.

Выход Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 1 июня 2023 г. ознаменовал собой появление первых специализированных разъяснений применительно к статьям 317, 318 и 319 УК РФ. Как указывает П.А. Филиппов, принимавший участие в подготовке нового акта, советские разъяснения не учитывали актуальную структуру правоохранительной системы [3]. Вместе с тем сфера действия Пленума № 14 ограничена главами 31 и 32 УК РФ, поэтому в нем отсутствуют разъяснения по ст. 277 УК РФ (глава 29), что порождает неравенство в судебном толковании однотипных по своей природе составов [3].

Пленум окончательно разрешил дискуссию о квалификации по совокупности ст. 317 и ст. 105 УК РФ, указав, что посягательство на жизнь сотрудника полностью охватывается ст. 317 и не требует дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ [2].

© Маслов С. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» 2026

Ключевым нерешённым вопросом остаётся установление «законности» деятельности сотрудника. Пленум разъяснил, что по ст. 317 квалифицируются только деяния, совершённые в связи с законной деятельностью по охране порядка [2], но не определил процедуру установления законности. Это порождает правовую неопределённость [3]. Как обоснованно отмечал ещё В.В. Полухин, отсутствие четкого механизма установления законности деятельности сотрудника ведёт к разнобою в судебной практике [5].

Обязательным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, выступает специальная цель — воспрепятствование законной деятельности по охране общественного порядка либо месть за такую деятельность [2]. Если посягательство вызвано личной неприязнью, не связанной со служебными обязанностями потерпевшего, квалификация по ст. 317 УК РФ исключается.

В отличие от ст. 295, разграничение ст. 317 и ст. 277 УК РФ не получило в Пленуме № 14 никаких разъяснений. Как указывает П. А. Филиппов, это связано с тем, что предмет постановления ограничен главами 31 и 32 УК РФ, тогда как ст. 277 находится в главе 29 [3]. Указанное обстоятельство создает риск квалификационных ошибок при совпадении статусов (например, Министр внутренних дел является одновременно и государственным деятелем). Кроме того, цели преступлений различаются: по ст. 277 — это прекращение политической деятельности, по ст. 317 — воспрепятствование охране общественного порядка [4]. Как отмечает Т.Н. Нуркаева, расположение норм в разных главах создает искусственные трудности для правоприменительной практики [7].

Наиболее сложна ситуация с двойным статусом потерпевшего. Например, следователь СК РФ — одновременно сотрудник правоохранительного органа (ст. 317) и лицо, осуществляющее расследование (ст. 295) [4]. Как отмечала Л. В. Лобанова,

конкуренция норм при двойном статусе — одна из самых дискуссионных в доктрине [6]. Пленум № 14 разъяснил: при связи с правосудием приоритет у ст. 295 УК РФ [2]. Однако если деятельность потерпевшего связана и с охраной порядка, и с правосудием (следователь пресекает драку), ответа нет. В доктрине предлагают исходить из направленности умысла, но это не закреплено официально. П. В. Сеничева отмечает: механическое следование расположению норм ведёт к судебным ошибкам [4].

Пленум № 14 впервые сформулировал закрытый перечень правоохранительных органов (прокуратура, Следственный комитет, органы внутренних дел, ФСБ, ФСИН, таможня, Росгвардия, военная полиция и др.), что позволяет однозначно определять статус потерпевшего [2]. Кроме того, Пленум легализовал для ст. 317 и 318 УК РФ понятие «близкие лица», включив в него не только близких родственников, но и иных лиц, чья жизнь дорога потерпевшему [2]. Однако данное определение не распространяется на ст. 277 и 295 УК РФ, что создает правовую асимметрию [4].

В доктрине уголовного права предлагаются два основных подхода. Первый — принятие единого Пленума по всем «властным» составам (ст. 277, 295, 317), что позволило бы унифицировать подходы к «близким лицам», «законности» и конкуренции норм. Второй, более радикальный, предложен П.В. Сеничевой: объединить ст. 277, 295 и 317, исключив их из раздела X и переместив в раздел VII «Преступления против личности», создав единую уголовно-правовую норму [4].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 1 июня 2023 г. представляет собой важный шаг на пути унификации судебной практики по ст. 317 УК РФ [2]. Данный акт разрешил дискуссию о соотношении специальной и общей норм, легализовал понятие «близкие лица», закрепил перечень правоохранительных органов. Вместе с тем сохраняются пробелы в разграничении со ст. 277 и 295 УК РФ [3, 4]. В связи с этим требуются либо

дополнительные разъяснения Верховного Суда РФ, либо законодательная реформа. Представляется целесообразным принятие единого Пленума по всем «властным» составам либо реализация предложения П.В. Сеничевой об объединении указанных норм [4].

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: (ред. от 24.06.2025) : [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/ (дата обращения: 15.04.2026).

3. Филиппов П. А. Доклад на круглом столе «Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 317–319 УК РФ: позиция Пленума Верховного Суда РФ» // Клуб уголовного права De lege lata.

4. Сеничева П. В. Уголовно-правовая характеристика и некоторые аспекты квалификации преступлений, предусмотренных статьями 277, 295 и 317 Уголовного кодекса Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2014. № 2. С. 86–94.

5. Полухин В. В. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 146 с.

6. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: дис. … доктора юрид. наук. Казань, 2000. 305 с.

7. Нуркаева Т. Н. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля… / Т. Н. Нуркаева, И. Р. Диваева // Бизнес в законе. 2014. № 5. С. 68–70.

УДК 343.82

О проблемах применения ч. 2 ст. 314 УК РФ

Матюнин Алексей Алексеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
amatyunin-ozy21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение свободы, уголовная ответственность, отсрочка, уклонение.

Фундаментом построения любого правового государства является неукоснительное исполнение уголовного наказания. Политика современной России направлена на гуманизацию уголовного законодательства, создание всех необходимых условий для исправления осужденных, а также сохранения их социально-полезных связей. Председателем Верховного Суда Российской Федерации, на ежегодном совещании судей было отмечено «…общий тренд на гуманизацию уголовного правосудия сохраняется. Из общего числа осужденных в 2025 году реальное лишение свободы назначено лишь в отношении 26% (125 тысяч)… В проявлении человечности к оступившемуся и заключается реализация принципа милосердия в правосудии» [4].

Даже при исполнении лишения свободы государство продолжает реализацию этого принципа путем предоставления дополнительных прав осужденных, стимулирующих их исправление и правопослушное поведение. Вместе с тем, для эффективного исполнения уголовного наказания законодатель вынужден формировать систему уголовно-правовых средств

© Матюнин А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

воздействия исполнения наказания в виде лишения свободы, одним из которых является норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 314 УК РФ, предусматривающей ответственность за уклонение от отбывания этого наказания [5].

Уклонение от отбывания лишения свободы представляет собой невозвращение \неприбытие\ осужденного в соответствующее учреждение (орган) уголовно-исполнительной системы. Совершая данное деяние, осужденный причиняет вред самостоятельному объекту уголовно-правовой охраны, который выступает установленный порядок исполнения уголовные наказания в виде лишения свободы [6].

Руководитель исправительного учреждения, с учетом степени тяжести совершенного осужденным преступления, фактического срока отбытия наказания, поведения и личности осужденного имеет право письменным разрешением предоставить право осужденному на выезд за пределы этого учреждения. С убывающим лицом проводится подробный инструктаж о правилах поведения, условиях возвращения, требованиях и запретах на период нахождения вне исправительного учреждения.

Однако, осужденные нарушают установленные требования и правила прибытия в исправительное учреждение по окончании срока права на выезд или явки по окончании срока отсрочки, тем самым подрывая авторитет и нанося ущерб нормальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, равно как и нормальной деятельности правоохранительных органов в целом.

В соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства (ст. 97 и ст. 113 УИК РФ) осужденному предоставляется выезд на определенный срок. Если осужденный не вернулся в установленный администрацией срок, то в соответствии с ч. 11 ст. 97 УИК РФ он подлежит задержанию органом внутренних дел по месту пребывания осужденного, на срок не более 30 суток.

В это время рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 314 УК РФ или о направлении осужденного к месту отбывания наказания, что не всегда может быть объективным.

Таким образом, законодатель наделяет правом выбора мер реагирования и ОВД, и органы УИС, что не всегда является объективным. В данном случае необходимо четкое определение и разграничение полномочий, а именно, если осужденный в период своего нахождения вне исправительного учреждения своим поведением не представлял общественной опасности, то уголовная ответственность не должна наступать, осужденный подлежит конвоированию в исправительное учреждение и воздействию мер дисциплинарного характера. И, наоборот, при наличии социально вредного поведения осужденного (употребление наркотических веществ, распитие спиртных напитков, совершение административных правонарушений и преступлений) в период выезда за пределы ИУ, применять к нему меры уголовной ответственности [3].

Неоднозначно в юридической литературе интерпретируются понятия, изложенные в ч. 2 ст. 314 УК РФ «… неявка в орган уголовно-исполнительной системы по истечении срока отсрочки» и ч. 3 ст. 82 УК РФ, регламентирующей отсрочку «…суд освобождает осужденного …». Исходя из смысла словесного выражения, при достижении ребенком 14 летнего возраста суд освобождает осужденного от наказания в виде лишения свободы либо заменяет более мягким [2]. Осужденный получает предупреждение при нарушении правил в период отсрочки, при повторном предупреждении применяются более радикальные меры и нарушителя направляют в исправительное учреждение по решению суда (ч. 2 ст. 82 УК РФ), если осужденный не явился в определенное судом место, к нему применяется ч. 2 ст. 314 УК РФ.

Отсюда возникает потребность в законодательной корректировке, в ходе которой должно быть обозначено, что неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы возможна только после отмены судом отсрочки по причине нарушений правил отсрочки.

Подводя итог, отметим необходимость принятия руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, направленных на единообразие применения уголовного закона как в части касающейся невозвращения осужденных к лишению свободы, которым предоставлен выезд из исправительного учреждения, так и в части касающейся неприбытия осужденных в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы при отмене отсрочки отбывания наказания.

Список источников

1. Ковалев Н. С. Реализация принципа равенства осужденных перед законом в нормах, регламентирующих институт выезда осужденных за пределы исправительной колонии: некоторые проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы государства и права, 2021. Т. 5, № 17. С. 90–98.

2. Лигай Л. Ю. Отдельные проблемы квалификации уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ) // Юридические исследования, 2023. №10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-kvalifikatsii-ukloneniya-ot-otbyvaniya-nakazaniya-v-vide-lisheniya-svobody-ch-2-st-314-uk-rf (дата обращения: 12.04.2026).

3. Моцевик А. И. Характеристика свойств личности осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // Уголовный процесс и криминалистика:правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Академия

управления МВД России, 03 ноября 2023 года. Москва: Академия управления МВД России, 2023. С. 178.

4. Нехватка кадров и упрощение доступа к правосудию. ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. Москва. Обновляется в течение суток. URL: https://tass.ru/obschestvo/26499951 (дата обращения: 12.04.2026).

5. Примак А. А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. 220 с.

6. Примак А. А. Обеспечение исполнения уголовного наказания уголовно-правовыми средствами // Преступление и наказание: современные проблемы и тенденции: Материалы VI Пермского международного конгресса ученых-юристов». Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2015. С. 125–127.

УДК 343.622

Проблема временных границ понятия «сразу же после родов» в доктрине и судебной практике (ст. 106 УК РФ)

Меликбекян Армине Артаковна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, melikbekyan-a18@bk.ru

Ключевые слова: новорожденный ребенок, убийство, мать, квалификация.

Проблема определения темпоральных границ понятия «сразу же после родов» в контексте ст. 106 УК РФ является одной из наиболее дискуссионных в современной российской уголовно-правовой доктрине. Сложность заключается в том, что законодатель использовал оценочную категорию, не установив конкретных хронологических рамок. Это порождает серьезные трудности в правоприменении, так как от правильного толкования данного признака зависит квалификация деяния: либо как привилегированного состава, либо как убийства малолетнего, находящегося в беспомощном состоянии, что влечет за собой кардинальную разницу в строгости наказания.

В доктрине уголовного права сложилось несколько основных подходов к пониманию начального и конечного моментов этого периода. Началом периода «сразу же после родов» традиционно считается момент полного отделения плода от организма матери и начало его самостоятельной внеутробной жизни [1]. Однако медицинский критерий завершения родов связывается с моментом выхода последа (плаценты), что может занять от 15 до 30 минут после рождения ребенка. Юридическая дискуссия здесь сводится к

© Меликбекян А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

тому, охватывает ли понятие «сразу же» промежуток между рождением младенца и отделением плаценты, или оно начинает свое исчисление только после полной физиологической завершенности родового акта.

Основной же спор разгорается вокруг конечной точки этого периода. Первая группа исследователей придерживается «узкого» или «минутного» толкования. Сторонники этой позиции утверждают, что термин «сразу же» по правилам русского языка означает немедленность, отсутствие значительного временного разрыва. С этой точки зрения, период ограничивается временем, необходимым для первичной обработки ребенка или совершения первых послеродовых действий матерью, варьирующийся от 10-15 минут до 2-х часов. Аргументация строится на том, что ст. 106 УК РФ является исключением из общего правила, и ее расширительное толкование недопустимо, так как это неоправданно смягчает ответственность за лишение жизни беззащитного существа [2].

Вторая группа ученых предлагает «широкое» толкование, опираясь на психофизиологические особенности состояния женщины. Указывается, что гормональный шок и физическое истощение не исчезают через несколько минут после родов. В медицине выделяется ранний послеродовой период, охватывающий первые 2-4 часа, и поздний послеродовой период. Некоторые правоведы предлагают считать «сразу же после родов» весь период пребывания женщины в родильном доме, составляющий до 3-5 суток, или до момента установления лактации. Они аргументируют это тем, что состояние психического напряжения, вызванное родами, может длиться достаточно долго, и именно оно определяет пониженную общественную опасность деяния матери [3].

Судебная практика демонстрирует крайнюю непоследовательность в решении этого вопроса. Анализ приговоров показывает, что суды часто трактуют «сразу же» субъективно. Суды часто указывают, что за это время мать «успела прийти в себя», «сознательно приготовила орудие убийства» или «скрыла следы

родов», что, по мнению судей, свидетельствует о прекращении особого психофизического состояния.

Критическим фактором в судебном разбирательстве становится наличие или отсутствие признаков планирования преступления. Если женщина заранее приобрела средства для лишения жизни ребенка или подготовила место для сокрытия трупа, суды склонны игнорировать временной признак «сразу же», полагая, что умысел возник до родов и не был обусловлен родовым стрессом. Однако такая позиция спорна: наличие заранее обдуманного умысла не исключает того, что в момент реализации этого умысла женщина находилась в особом физиологическом состоянии, которое мешало ей адекватно оценить свои действия или отказаться от преступного намерения под влиянием материнского инстинкта.

Еще одним камнем преткновения является взаимодействие временного признака с альтернативным признаком той же статьи – «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». На практике суды часто подменяют временной критерий медицинским [4]. Если судебно-психиатрическая экспертиза не находит у матери выраженного расстройства психики, суд автоматически сокращает понимание периода «сразу же» до минимума. Это в корне неверно, так как признак «сразу же после родов» в законе стоит обособленно. Он подразумевает, что само по себе физиологическое состояние после родов, даже без клинического расстройства, является достаточным основанием для привилегированной квалификации.

Проблема темпоральных границ также тесно связана с вопросом об объекте преступления. Если признать, что «сразу же» длится, например, 24 часа, то возникает этический и правовой диссонанс: почему жизнь младенца в первые 23 часа «менее ценна» с точки зрения уголовного закона, чем жизнь того же ребенка на 25-й час? Отсутствие четкой границы в законе вынуждает судей брать на себя функции законодателя, определяя «справедливый» срок в каждом конкретном деле.

Пути решения данной проблемы видятся в необходимости обобщения судебной практики и формирования единого подхода в правоприменении через разъяснения в постановление Пленума Верховного Суда РФ. В связи с чем предлагается закрепить конкретный временной интервал – 24 часа. Суточный срок является обоснованным как с медицинской точки зрения – период острой гормональной перестройки и адаптации, так и с юридической. Установление такого срока снимет нагрузку с экспертов-психиатров в части доказывания «минутной» аффектации и позволит избежать субъективизма при оценке поведения матери.

Вместе с тем, существует вероятность, что жесткая фиксация времени может привести к формализму. Например, если убийство совершено через 24 часа и 5 минут, формально право на ст. 106 УК РФ утрачивается. В связи с этим предлагается комбинированный подход: установить «презумпцию послеродового состояния» на 24 часа, в течение которых ст. 106 УК РФ применяется безусловно, но оставить суду возможность применять эту статью и на более поздних сроках, но в пределах 2-3 суток, если будет установлена прямая связь между родовым процессом и психическим состоянием женщины [5].

Подводя итог, можно констатировать, что текущее состояние ст. 106 УК РФ в части временных границ страдает неопределенностью. Понятие «сразу же после родов» в доктрине остается полем для споров между сторонниками биологического и чисто юридического подходов. В судебной практике же наблюдается тенденция к сужению этого периода, что зачастую лишает женщин возможности на справедливый учет их психофизиологического состояния. Только законодательное закрепление четкого временного интервала или детальное разъяснение высших судебных инстанций способно разрешить этот многолетний спор и обеспечить единообразное применение уголовного закона.

Список источников

1. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебно-практическое пособие / Г. Н. Борзенков. М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. 256 с.

2. Дядюн К. В. Спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка: проблемы теории и практики // Научный портал МВД России. 2022. № 3. С. 9-14.

3. Хритинин Д. Ф. Судебная психиатрия : учебник / Д. Ф. Хритинин, В. П. Котов, С. В. Полубинская / Москва : Норма : ИНФР-М, 2025. 632 с.

4. Есаков Г. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва: Проспект, 2021. 816 с.

5. Кудаева Л. А. «Во время или сразу же после родов» как криминообразующий признак в случае убийства матерью новорожденного ребенка // Научные известия. 2016. № 4. С. 106–111.

УДК 343.2/.7

Виртуальные объекты в уголовном праве

Мирошниченко Данила Алексеевич, Сычев Александр Евгеньевич
Юридический институт Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, danyan2233@yandex.ru

Ключевые слова: виртуальный объект, цифровая валюта, виртуальные активы, цифровизация общественных отношений.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Елене Анатольевне Федоровой, доценту, канд. юрид. наук.

© Мирошниченко Д. А., Сычев А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Стремительная цифровизация общественных отношений и проникновение информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни человека и формируют новую среду для совершения противоправных деяний. Если какое-то время назад компьютерная информация рассматривалась преимущественно как средство совершения традиционных преступлений, то современный этап развития общества характеризуется переносом значительного массива благ и имущественных ценностей в виртуальное пространство [1].

В связи с распространением преступлений, связанных с оборотом виртуальных обьектов: хищение криптовалюты, кража внутриигрового имущества в онлайн-играх, неправомерный доступ к аккаунтам в социальных сетях, которые для потерпевшего имеют не только нематериальную, но и вполне конкретную денежную оценку. Традиционный подход в уголовном праве не позволяет адекватно квалифицировать такие деяния из-за отсутствия у виртуальных объектов физической формы.

Уголовно-правовая доктрина основывается на том, что предмет хищения должен обладать рядом признаков. Материальный признак подразумевает наличие у предмета хищения физических характеристик, позволяющих его ограничить в пространстве и, следовательно, оценить его стоимость. При этом агрегатное состояние предмета не имеет значения: это может быть твердое тело, жидкость или газ. Однако энергия, информация и результаты интеллектуальной деятельности не могут быть предметом хищения как вида преступления против собственности.

Безналичные денежные средства и имущественные права, представляющие собой определенный объем наличных денежных средств или иного имущества, уже давно являются предметом преступных посягательств на собственность. Уголовное законодательство Российской Федерации в вопросе определения правового статуса виртуального имущества, безусловно, зависит от его регламентации гражданским правом.

До недавнего времени отсутствие законодательно закрепленного понятия цифровой валюты создавало значительные препятствия для правоприменительной практики. Уголовное право, обладая акцессорной природой по отношению к гражданскому праву, не могло самостоятельно вводить такие понятия. Однако в 2026 году в законодательство были внесены существенные изменения: в примечание к статье 104.1 УК РФ включен пункт 2, согласно которому для целей данной статьи и других статей УК РФ цифровая валюта стала признаваться имуществом. Это позволило распространить на цифровую валюту уголовно-правовую охрану в рамках категории «имущество» и обеспечить возможность ареста, изъятия и конфискации криптовалюты.

Однако действующее регулирование не соответствует современным стандартам развитого общества по нескольким причинам: во-первых, оно носит фрагментарный и непоследовательный характер; во-вторых, правоприменители сталкиваются с невозможностью квалификации или неопределенностью при разграничении кражи, мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации в ситуациях, когда предметом посягательства выступают виртуальные объекты не связанные с криптовалютой. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте преступных посягательств на учетные записи пользователей в игровых платформах; внутриигровые предметы и персонажи; а также иных цифровые активы, имеющие имущественную ценность и возможность отчуждения; Во-третьих, существует разрыв между гражданским и уголовным законодательством: Гражданский кодекс РФ до сих пор не содержит норм, прямо регулирующих оборот внутриигровых предметов и аккаунтов, а юридически такие правоотношения регулируются лишь пользовательским соглашением между правообладателем и потребителем цифрового контента, что создает препятствия для их уголовно-правовой охраны; В-четверых, отсутствие единой методики определения

стоимости виртуальных объектов порождает разрозненность судебной практики [2].

На данный момент становится очевидным экономический характер общественных отношений, возникающих при использовании онлайн-игр. Вопрос о социальной распространенности и специфике этих общественных отношений, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Онлайн-игры отличаются от традиционных компьютерных игр тем, что их функционирование не прекращается с выключением компьютера пользователя, и изменения внутри игрового процесса, включая взаимодействие с игроками, которые находятся в офлайн-режиме, продолжают происходить [3].

Однако в настоящее время существующий механизм уголовно-правовой защиты не обеспечивает полной защиты общественных отношений от посягательств, связанных с манипуляциями виртуальными объектами [4].

Учитывая выявленные пробелы и необходимость комплексного регулирования, предлагается закрепить в уголовном законодательстве понятие «виртуальный объект». Под виртуальным объектом следует понимать имущество в виде электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационно-телекоммуникационной сети, которое: имеет экономическую ценность, выраженную в денежной форме и подтвержденную возможностью его отчуждения (в том числе на вторичном рынке) либо конвертации в иное имущество; находится в законном владении лица на основании договора (в том числе пользовательского соглашения) или иного законного основания; является объектом гражданского оборота либо фактически вовлечено в экономические отношения между лицами. К виртуальным объектам для целей Уголовного кодекса РФ предлагается относить: цифровую валюту (криптовалюту); цифровые финансовые активы; игровые аккаунты (учетные записи пользователей в игровых платформах); внутриигровые предметы и персонажи (в том числе приобретенные за реальные денежные

средства); а также иные цифровые активы, имеющие имущественную ценность и возможность отчуждения. При этом не признаются виртуальными объектами электронные данные, не имеющие имущественной ценности либо полученные и используемые исключительно в целях, не связанных с извлечением выгоды.

Закрепление легального понятия «виртуальный объект» позволит единообразно квалифицировать хищения виртуального имущества в зависимости от способа совершения преступления, разграничивать смежные составы, определить момент окончания преступления, а также в соответствии со статьей 104.1 УК РФ создать правовую основу для конфискации виртуальных объектов как имущества, полученного в результате совершения преступления. Принятие соответствующих изменений в УК РФ представляется не просто желательным, а необходимым условием адекватного реагирования уголовного закона на вызовы цифровой экономики [5].

Список источников

1. Васильев А. М. Уголовно-правовая защита правомерных интересов в отношении виртуальных объектов / А. М. Васильев, А. А. Козырин // Уральский журнал правовых исследований. 2019. С. 14–44.

2. Воропаев С. А. Общественные отношения в сфере массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр как объект уголовно-правовой охраны / С. А. Воропаев, Е. В. Выгузова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. С. 101–104.

3. Титов С. Н. Квалификация завладения чужим имуществом в виртуальных мирах // Правосудие. 2025. С. 128-143.

4. Русскевич Е. А. Виртуальное игровое имущество как предмет преступного посягательства / Е. А. Русскевич, Н. Д. Шиндяев // Искусство правоведения. 2024. С. 82–89.

5. Хилюта В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. С. 68–82.

УДК 343.614

К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства о хищение подконтрольных веществ

Петерс Максим Вадимович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, peters_makson@mail.ru

Ключевые слова: хищение, наркотические средства, психотропные, веществе, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, совершенствование законодательства.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Александру Александровичу Примаку, доценту, канд. юрид. наук.

Одной из особенностью отечественного антинаркотического законодательства является то, что в уголовном законе содержится норма, предусматривающая ответственность за хищение наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, включая их части (ст. 229 УК РФ), в то время как отсутствует специальная норма об уголовной ответственности за хищение или вымогательство сильнодействующих или ядовитых веществ. В юридической литературе констатируется, что такая

© Петерс М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

особенность отечественного законодательства привела к отсутствую единообразия квалификации хищения и вымогательства подконтрольных веществ, нарушению принципов уголовного права. В отличие от хищения наркотических средств или психотропных веществ правоприменительная практика хищение сильнодействующих или ядовитых веществ квалифицирует по ст. 234 УК РФ как незаконное их приобретение, либо вообще оставляет за пределами уголовно-правового реагирования. Устранение этого пробела возможно лишь путем установления специального уголовно-правового запрета на хищение сильнодействующих или ядовитых веществ [1].

Указанное вполне обоснованное предложение об изменении уголовного закона требует дополнения за счет включение в предмет хищения также аналогов наркотических средств и психотропных веществ по следующим соображениям.

Отсутствие аналогов наркотических средств или психотропных веществ в перечне предметов хищения, регламентированного ст. 229 УК РФ, можно объяснить тем, что ими нельзя владеть лица на законных основаниях, поскольку они не могут иметь законный источник происхождения, так как предполагают обязательное изменение химической формулы вещества, отличной от наркотического средства (психотропного вещества). Однако, согласно положениям, закрепленным в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [3], следует констатировать, что уголовная ответственность за совершение хищения наркотических средств, психотропных веществ в соответствии с диспозицией уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 229 УК РФ, наступает исключительно в тех случаях, когда имеет место противоправное изъятие указанных средств и веществ у физических или

юридических лиц, владеющих ими на законным либо противоправных основаниях.

Таким образом, Пленума Верховного Суда РФ признает хищением подконтрольных веществ даже в том случае, если лицо владеет ими без законных оснований. Отсюда нельзя исключать такое владение веществами, которые по результатам соответствующей экспертизы будут отнесены к аналогам наркотических средств или психотропных веществ. В этом случае правоприменитель будет вынужден квалифицировать подобное деяние максимум как незаконное приобретение или изготовление аналога соответствующего вещества, что очевидно не в полной мере отражает истинную общественную опасность рассматриваемого деяния, и неоправданно исключает уголовно-правовое реагирование на хищение лиц в возрасте от 14 до 16 лет.

В современной практике встречаются случаи изъятия части наркотического средства лицом, переданного ему для сбыта, и в целях сокрытия данного действия добавил нейтральный наполнитель в массу наркотического средства. В подобных случаях для надлежащего определения размера хищения наркотических средств, в том числе в тех исключительных ситуациях, когда соучастник преступления, действующий в целях личного потребления, похищает определённую часть наркотического средства из общей массы, переданной ему для последующего сбыта, и впоследствии, в целях сокрытия факта совершённого хищения, заменяет изъятую часть наркотического средства нейтральным наполнителем с целью устранения признаков изменения общей массы наркотического средства, суды руководствуются положениями, содержащимися в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №14, который детально регламентирует порядок определения размера хищения при наличии указанных обстоятельств.

Конечно, данное нивелирование общественной опасности деяния может быть отчасти устранено в правоприменении, поскольку хищение наркотических средств либо психотропных веществ, а равно незаконные действия в отношении растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, включая их части, в которых присутствуют указанные средства или вещества, - а также последующие операции с перечисленными объектами, а именно: их хранение, перевозка, пересылка, сбыт и переработка в соответствии с требованиями уголовного законодательства подлежат обязательной квалификации по статье 229 УК РФ и, кроме того, в зависимости от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела содеянное должно дополнительно квалифицироваться по совокупности преступлений - то есть либо по статье 228, либо по статье 228.1 УК РФ, если это вытекает из характера и объема противоправных действий виновного лица.

Однако в целом, это свидетельствует о неединичных случаях хищения подконтрольных веществ, которые могут быть отнесены к аналогам наркотических средств и психотропных веществ.

Резюмируя изложенное следует констатировать назревшую необходимость корректировки уголовного законодательства о хищении подконтрольных веществ, предмет которого должны быть дополнен не только сильнодействующими и ядовитыми веществами, но и аналогами наркотических средств или психотропных веществ.

Список источников

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14: редакция от 16.05.2017 г. № 17 // Консультант Плюс: справочная правовая

система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026)

7. Примак А. А. Некоторые проблемы ответственности за хищение и вымогательство наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 годы: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург. 2015. С. 82–84.

8. Примак А. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом и хищением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / А. А. Примак, В. В. Чугаев. Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России. 2013. 68 с.

9. Шеслер А. В. Уголовно-правовая характеристика хищения наркотических средств или психотропных веществ обращения / А. В. Шеслер, В. А. Шеслер: М.: Проспект. 2022. 184 с.

УДК 343.3

Проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ

Прилепская Ангелина Евгеньевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, gelya.leonidova05@mail.ru

Ключевые слова: легализация, отмывание доходов, ст. 174 УК РФ, ст. 174.1 УК РФ, предикатное преступление, квалификация преступлений.

Конструирование двух самостоятельных составов легализации (отмывания) — ст. 174 УК РФ (легализация чужих доходов) и ст. 174.1 УК РФ (легализация собственных доходов) — порождает в теории и практике уголовного права множество дискуссионных вопросов. Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, «подобное разграничение не имеет аналогов в зарубежном законодательстве и создает искусственные сложности для правоприменителя» [1].

Актуальные проблемы квалификации легализации (отмывания) доходов, приобретённых преступным путём, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ заключаются в том, что законодатель, выделяя два самостоятельных состава, криминализирует одни и те же действия, дифференцируя ответственность в зависимости от того, кто именно — сам преступник или иное лицо — совершает операции с преступно приобретенным имуществом. Такое законодательное решение, по мнению И.В. Шишко, «противоречит самой природе легализации как деяния, направленного на придание правомерного вида

© Прилепская А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

имуществу, полученному незаконным путем, независимо от источника его происхождения» [2].

Основным критерием разграничения ст. 174 и 174.1 УК РФ выступает субъект легализации. По ст. 174 УК РФ квалифицируются действия лица, не участвовавшего в совершении предикатного преступления, по ст. 174.1 УК РФ — действия лица, непосредственно добывшего имущество преступным путем. Однако, как подчеркивают В.В. Векленко и А.Р. Акиев, «на практике установление данного обстоятельства сопряжено со значительными трудностями, особенно когда легализация совершается в соучастии с лицом, не являвшимся исполнителем предикатного преступления» [3].

А. Н. Конев в своей монографии обращает внимание на то, что «разграничение составов легализации приобретает особое значение при квалификации действий участников организованной преступной деятельности, где функции по совершению предикатных преступлений и последующей легализации нередко распределены между различными участниками» [4]. В таких случаях возникает вопрос: следует ли квалифицировать действия соучастников, не являвшихся непосредственными исполнителями предикатного преступления, по ст. 174 УК РФ или по ст. 174.1 УК РФ?

Анализируя судебную практику, мы пришли к выводу о том, что не выработан единообразный подход к решению данной проблемы. В одних случаях суды квалифицируют действия таких лиц по ст. 174 УК РФ, в других — как соучастие в легализации собственных доходов по ст. 174.1 УК РФ.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении легализации с предикатными преступлениями. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ из ст. 174,

174.1 УК РФ были исключены положения, ограничивающие перечень предикатных преступлений. Однако, как отмечает А.Н. Ляскало, «снятие формальных ограничений не решило проблему доказывания преступного происхождения доходов, особенно в случаях, когда речь идет о преступно сбереженном имуществе» [5].

Особую сложность представляет квалификация легализации, когда предикатным преступлением выступают налоговые или таможенные преступления. В таких ситуациях преступно сбереженная денежная масса не имеет индивидуальных признаков и смешивается с легальными активами. Как показывает практика, «привлечение к ответственности по ст. 174 или 174.1 УК РФ в таких случаях возможно, только если достоверно установлено совершение виновным финансовых операций с денежными средствами, которые не могли не включать преступно сбереженные доходы» [Там же].

Приведем характерный пример из судебной практики. Балаковский районный суд Саратовской области оправдал лицо по обвинению в легализации собственных доходов, установив, что подсудимый как индивидуальный предприниматель располагал легальными доходами в размере 19,5 млн руб., которые могли быть использованы для финансирования тех же операций, что и преступно приобретенные средства [6].

Принципиальное значение для правильной квалификации имеет определение момента, с которого легализация может рассматриваться как самостоятельное преступление. Как обоснованно указывается в литературе, «легализация не может осуществляться до окончания предикатного преступления» [5]. Однако на практике суды не всегда правильно определяют этот момент.

Таким образом, существующая модель уголовно-правового противодействия легализации преступных доходов, основанная на разграничении ст. 174 и 174.1 УК РФ, демонстрирует внутреннюю

противоречивость: формальная определенность субъектного критерия вступает в конфликт с потребностями правоприменительной практики, особенно в случаях соучастия, распределения ролей в организованной преступной деятельности и при легализации доходов от налоговых преступлений. Отсутствие единообразных подходов к квалификации на практике объективно снижает эффективность уголовно-правовой нормы и создает риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и неоправданного освобождения от нее.

Список источников

1. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2007.

2. Шишко И. В. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, по российскому и зарубежному законодательству / И. В. Шишко, Г. Н. Хлупина // Правовая реформа в России и зарубежный опыт. Красноярск: Издательство КГУ, 1997. С. 35–39.

3. Векленко В. В. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174.1 УК РФ) / В. В. Векленко, А. Р. Акиев // Полицейская деятельность. 2025. № 5. С. 1-10.

4. Конев А. Н. Легализация преступных доходов: теоретико-прикладные проблемы противодействия: монография / А. Н. Конев. Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. акад. МВД России, 2011. 112 с.

5. Ляскало А. Н. Спорные вопросы соотношения предикатных преступлений и легализации (отмывания) преступных доходов // Законодательство. 2014. № 3.

6. Приговор № 1-350/2021 от 27 июля 2021 г. по делу № 1-350/2021: Балаковский районный суд Саратовской области № 1-

350/2021 от 27 июля 2021 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: интернет-ресурс URL: https://sudact.ru/regular/doc/Uo1Z2J08Qt5W/.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон № 134-ФЗ: последняя редакция// КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148268/.

УДК 343.611

Признак «Заведомости» в составе убийства женщины заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности

Пристромова Евгения Александровна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: заведомость, субъективная сторона, достоверное знание, беременность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Федоровой Елене Анатольевне доценту кафедры уголовного права Юридического института СФУ, кандидату юридических наук.

Конструкция квалифицированного состава убийства, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, включает в качестве обязательного признака субъективной стороны признак «заведомости», то есть осведомленность виновного лица о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности.

© Пристромова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Законодательное закрепление данного признака обусловлено необходимостью дифференциации уголовной ответственности в зависимости от вида умысла, характера и степени общественной опасности деяния. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, «заведомость» выступает в качестве формы психического отношения виновного к фактическим обстоятельствам, имеющим юридическое значение для квалификации» [1, с. 215].

Несмотря на внешнюю ясность законодательной формулировки, признак «заведомости» в данном составе порождает значительные трудности в правоприменительной практике. Вопросы о моменте, с которого виновный должен быть осведомлен о беременности, о степени достоверности его знаний, о критериях установления данного обстоятельства остаются дискуссионными в доктрине уголовного права и не всегда единообразно разрешаются судами.

Правоприменительная практика сталкивается с проблемами при установлении признака заведомости.

Так, в доктрине и практике остается дискуссионным вопрос о возможности квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ при так называемой «эвентуальной заведомости» – когда виновный допускал, что потерпевшая может быть беременна, но не удостоверился в этом. Представляется, что в силу прямого указания закона на «заведомость» (т.е. достоверное знание), а также учитывая повышенную ответственность, предусмотренную данной нормой, расширительное толкование этого признака недопустимо. В противном случае нарушается принцип субъективного вменения, закрепленный в ст. 5 УК РФ.

Применительно к составу убийства беременной женщины «заведомость» означает, что виновный достоверно знает о состоянии беременности потерпевшей. Как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», «по

п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, то есть когда виновный достоверно знал об этом обстоятельстве» [2].

В уголовно-правовой доктрине сложились различные подходы к определению содержания признака «заведомости» в рассматриваемом составе преступления.

Первый подход (традиционный) исходит из того, что заведомость охватывает достоверное знание виновного о наличии беременности на момент совершения преступления. При этом не требуется, чтобы виновный знал точный срок беременности, достаточно осознания самого факта. Как отмечает Л.Л. Кругликов, «заведомость предполагает полную определенность знания виновного о квалифицирующем обстоятельстве, исключающую предположительность или вероятность» [3, с. 78].

Второй подход (расширительный) допускает квалификацию по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и в тех случаях, когда виновный допускал возможность беременности потерпевшей, но относился к этому безразлично. Сторонники данного подхода ссылаются на то, что законодатель в п. «г» использует термин «заведомо», а не «знал», что позволяет толковать данный признак шире, включая в него и эвентуальный умысел по отношению к факту беременности.

Третий подход (дифференцированный) предлагает различать ситуации, когда виновный знает о беременности достоверно, и ситуации, когда он должен был и мог знать о ней. В последнем случае, по мнению Ваулиной Т.И., предположения и вероятностные суждения об указанных обстоятельствах, исключают возможность вменения по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ [4].

Представляется, что наиболее обоснованным является первый подход, основанный на буквальном толковании закона и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Законодатель сознательно использовал термин «заведомо», подчеркивающий

именно достоверное знание, а не предположение. Включение в содержание заведомости вероятностного знания противоречило бы принципу вины (ст. 5 УК РФ), согласно которому объективное вменение не допускается.

Судебная практика выработала ряд критериев, позволяющих установить факт заведомой осведомленности виновного о беременности потерпевшей.

О наличии достоверного знания могут свидетельствовать следующие обстоятельства: визуальные признаки беременности, очевидные для окружающих (наличие заметного живота, характерные изменения фигуры), если срок беременности составляет, как правило, не менее 20–22 недель; личное сообщение потерпевшей о своей беременности, сделанное виновному; осведомленность о беременности потерпевшей из других источников: от родственников, знакомых, медицинских работников; совместное проживание виновного и потерпевшей в период, когда беременность стала очевидной; сопутствующие обстоятельства: посещение женской консультации, наличие медицинских документов, приобретение товаров для детей и др.

Таким образом, можно говорить о том, что признак «заведомости» в составе убийства беременной женщины представляет собой интеллектуальный момент умысла, означающий достоверное знание виновного о состоянии беременности потерпевшей, он не привязан к объективному факту беременности, а представляет собой убеждение виновного в ее наличии, поэтому срок беременности и жизнеспособность плода для квалификации не будут иметь значения.

Список источников

1. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М. : Профобразование, 2021. 384 с.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

3. Кругликов Л. Л. Преступления против жизни: проблемы законодательной регламентации и квалификации. Ярославль: ЯрГУ, 2020. 312 с.

4. Ваулина Т. И. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / М. : ИНФРА-М, 1997.

УДК 343.28/.29

К вопросу об условиях освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащих, участвующих в специальной военной операции

Сипягин Николай Александрович
Аспирант Российского государственного университета правосудия (РГУП) имени В. М. Лебедева, Москва, Россия
nik1999sipaigin@mail.ru

Ключевые слова: преступления, освобождение, уголовная ответственность, мобилизация, военное время.

Одним из способов пополнения армии стало принятие Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ, предусматривавшего новые механизмы уголовно-правового стимулирования: нормы об освобождении от ответственности и наказания в особые периоды. Однако избранная модель регулирования вступила в противоречие с принципом кодификации УК РФ, требующим закрепления таких норм непосредственно в Кодексе [2, с. 63]. В результате

© Сипягин Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ в Общую часть УК были введены ст. 78^1 и 80^2.

В рамках данных статей лица, совершившие преступления или осуждённые, освобождаются от наказания со дня награждения государственной наградой либо увольнения с военной службы по основаниям, предусмотренным пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ.

Наступление обозначенных обстоятельств, во-первых, означает, что лицо, намеренно подвергшее свою жизнь риску, утратило ранее имевшуюся у него общественную опасность [1, с. 26–27], и, во-вторых, свидетельствует о том, что нарушенная преступлением социальная справедливость была восстановлена.

Однако в содержании новых норм можно обнаружить немало противоречий, которые ставят под угрозу достижение изначального замысла законодателя. Так, применительно к обоим видам освобождения действует ограничение в виде перечня преступлений, совершение которых полностью исключает возможность правового поощрения.

Уголовный закон делит субъектов, подлежащих освобождению по ст. 78^1 УК РФ, на две категории: 1) лица, совершившие преступления (за исключением преступлений, указанных в перечне) и после этого призванные на военную службу либо заключившие контракт о прохождении военной службы; 2) лица, совершившие преступления в период прохождения ими военной службы.

До того как указанные лица начнут проходить военную службу или продолжат её прохождение, в отношении них в императивном порядке приостанавливается предварительное следствие (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) или производство по уголовному делу в суде (п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ). Таким образом, очевидно, что лицо, совершившее новое преступление в период приостановления производства по уголовному делу в связи с прохождением военной

службы, относится ко второй категории освобождаемых. Более того, ограничение в виде перечня распространяется только на лиц, совершивших преступления до того, как они были призваны на военную службу либо заключили контракт. Следовательно, военнослужащий, совершивший преступление в период, когда уголовное дело в отношении него уже приостановлено, больше не связан этим условием.

А. Г. Кибальник пишет: *«Указанные обстоятельства не могут являться пожизненной «индульгенцией» и служить основанием для повторного применения ст. 78[1] УК РФ»* [4, с. 140]. Изложенная точка зрения представляется правильной. Обозначенный пробел необходимо устранить: на все категории военнослужащих, подлежащих освобождению от уголовной ответственности или от наказания по новому основанию, должно распространяться единое ограничение.

Заслуживает внимания и само содержание перечня. Учёные не без оснований указывают на его чрезмерную гуманность и выступают за его расширение [3, с. 54]. Это связано с тем, что в действующую редакцию не вошло большинство составов тяжких и особо тяжких деяний, в том числе причиняющих вред общественным отношениям в сфере обеспечения жизни, здоровья, мира и безопасности человечества.

Если обратиться к стенограмме обсуждения проекта Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, то можно заметить, что вопрос о содержании перечня являлся одним из наиболее дискуссионных. Это наблюдение позволяет предположить, что установление возможности освобождения за тяжкие и особо тяжкие преступления является тщательно продуманным шагом законодателя. Гораздо больше сомнений вызывает включение в перечень неосторожных деяний небольшой и средней тяжести.

Рассуждая на тему уголовной ответственности причинителей вреда по неосторожности, В. А. Нерсесян пишет: *«С одной стороны, высокая вероятность наступления и тяжесть реальных последствий требуют применения суровых мер наказания, с другой - личность таких правонарушителей в целом не представляет высокой степени общественной опасности, и потому их исправление может быть достигнуто без применения суровых мер наказания»* [5, с. 256].

Принимая во внимание, что правовая природа освобождения по ст. 78^1 и 80^2 УК РФ оправдывает отказ от осуждения и наказания даже в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, лишено смысла отрицать целесообразность применения этих норм к тем, кто причинил вред общественным отношениям по неосторожности.

Для разрешения указанных противоречий и предотвращения аналогичных ситуаций в случае возможного расширения перечня в будущем предлагается не просто пересмотреть содержание перечня ч. 1 ст. 78^1 УК РФ, но и прямо закрепить, что освобождение от уголовной ответственности и наказания не применяется только в случаях, когда входящие в него деяния совершены умышленно.

Список источников

1. Антонов А. Г. Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время как разновидность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 10 (1080). С. 25–28.

2. Антонов А. Г. Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс! / А. Г. Антонов, В. Г. Павлов, Р. А. Ромашов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 59–63.

3. Бабаян С. Л. Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осуждённых по ст. 80.2 УК РФ // Пенитенциарная наука. 2025 Т. 19, № 1 (69). С. 48–56.

4. Кибальник А. Г. Практика применения норм о «военных» видах освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 31 января – 1 февраля 2025 г.). 2025. № 1. С. 135–143.

5. Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Московская государственная юридическая академия. М., 2006. 334 с.

УДК 344.131

Проблемы разграничения самовольного оставления части или места службы и дезертирства в период мобилизации

Смольникова Анастасия Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
nastya.smolnikova@internet.ru

Ключевые слова: самовольное оставление части, место службы, дезертирство, мобилизация, квалификация уклонения.

В период мобилизации квалификация преступлений против военной службы приобрела не только прикладное, но и системное значение, поскольку ошибка в разграничении составов непосредственно влияет на пределы уголовной ответственности и на единообразие судебной практики. Основная проблемная точка

© Смольникова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

состоит в необходимости отличать самовольное оставление части или места службы, предусмотренное статьей 337 УК РФ, от дезертирства, предусмотренного статьей 338 УК РФ. После внесения изменений Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, а затем Федеральным законом от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ эта проблема приобрела дополнительную сложность: законодатель усилил санкции и конкретизировал отдельные квалифицирующие признаки, но сохранил прежний критерий разграничения, связанный с направленностью умысла [2; 3].

Нормативная конструкция остается двучленной. Статья 337 УК РФ охватывает временное уклонение от исполнения обязанностей военной службы, тогда как статья 338 УК РФ предусматривает оставление части или неявку на службу в целях полного уклонения от ее прохождения [1]. Следовательно, различие между этими составами нельзя выводить только из самого факта отсутствия военнослужащего. Временной промежуток для состава преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, имеет цель окончательно прекратить военную службу. Именно на этом акцентирует внимание Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя, что при квалификации необходимо устанавливать содержание умысла, а не подменять его формальной оценкой продолжительности отсутствия [4].

Практическая трудность состоит в том, что цель полного уклонения редко выражается в прямом признании. Поэтому правоприменитель вынужден реконструировать ее по совокупности объективно наблюдаемых обстоятельств. К числу таких обстоятельств обычно относят изменение места жительства с сокрытием своего статуса, использование ложных сведений о личности, попытки трудоустройства как гражданского лица на постоянной основе, избавление от документов, подтверждающих военную принадлежность, прекращение контактов с командованием, а также иные действия, демонстрирующие намерение не возвращаться к службе. Напротив, поведение,

указывающее на временный характер уклонения, выражается в сохранении связи с семьей и местом прежнего проживания, отсутствии конспиративных действий, отсутствии подготовки к длительному выпадению из системы военной службы и в последующем добровольном возвращении либо признании своего статуса при задержании. В юридической литературе также подчеркивается, что разграничительное значение имеет именно субъективная сторона состава, тогда как внешне оба деяния могут проявляться сходно [5].

Из этого вытекает, что в период мобилизации усиление ответственности не устраняет обязанность суда устанавливать специальную цель для вменения ст. 338 УК РФ. Федеральный закон № 365-ФЗ дополнил ст. 337 УК РФ квалифицирующими признаками, устанавливающими ответственность за самовольное оставление части или места службы либо неявку в срок на службу в период мобилизации, военного положения, военного времени либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий [2]. Действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации также учитывает изменения, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ [1; 3]. Следовательно, законодатель, ужесточая санкции, одновременно сохранил возможность квалификации длительного отсутствия именно по ст. 337 УК РФ. Это означает, что в современной модели уголовно-правового регулирования длительное отсутствие в условиях мобилизации первоначально должно оцениваться на соответствие признакам ст. 337 УК РФ, и только при установлении цели полного уклонения от прохождения военной службы содеянное подлежит квалификации по ст. 338 УК РФ.

Показательной является судебная практика, в которой продолжительное отсутствие в период мобилизации квалифицируется именно по ч. 5 ст. 337 УК РФ. Так, в одном из приговоров Владимирского гарнизонного военного суда от 18 июля 2024 г. установлено, что военнослужащий по мобилизации не

явился из отпуска и отсутствовал свыше десяти месяцев, однако деяние было квалифицировано не как дезертирство, а как неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца в период мобилизации. Из описательно-мотивировочной части приговора следует, что суд установил отсутствие цели окончательно уклониться от прохождения военной службы; были учтены признание вины, последующее прохождение службы, данные о личности и конкретные обстоятельства поведения осужденного [6]. Из этого следует, что сама по себе большая продолжительность отсутствия в части или месте службы повышает общественную опасность деяния и влияет на наказание, но не заменяет собой установление от прохождения военной службы – необходимую для квалификации по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ.

Таким образом, центральная проблема квалификации самовольного оставления части или места службы в период мобилизации заключается не в сопоставлении формальных временных критериев, а в установлении конструктивного признака субъективной стороны - специальной цели. Состав преступления, предусмотренный ст. 337 УК РФ, в действующей редакции позволяет квалифицировать случаи временного уклонения, включая длительное отсутствие в условиях мобилизации, тогда как состав дезертирства, предусмотренный ст. 338 УК РФ, требует установления качественно иного волевого содержания - намерения полностью прекратить прохождение военной службы. Для единообразия судебной практики это означает, что продолжительность отсутствия, место обнаружения военнослужащего, характер его контактов с внешней средой и поведение после оставления части должны оцениваться в совокупности обстоятельств, подтверждающих либо исключающих специальную цель полного уклонения от прохождения военной службы. Такой подход позволяет правильно квалифицировать содеянное и разграничивать смежные составы преступлений [1].

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891 (дата обращения: 14.04.2026).

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209240002 (дата обращения: 14.04.2026).

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202512290022 (дата обращения: 14.04.2026).

4. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/own/32441/ (дата обращения: 14.04.2026).

5. Бодрова Е. А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 56-65.

6. Приговор Владимирского гарнизонного военного суда от 18 июля 2024 г. по делу № 1-97/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xRJ0gAzSyB1q/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 343.791

Интересы кредиторов как непосредственный объект преднамеренного банкротства

Совач Дарья Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vasilievad2000@mail.ru

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, непосредственный объект преступления, интересы кредиторов, банкротство.

В настоящее время определение непосредственного объекта преднамеренного банкротства является дискуссионным вопросом в доктрине уголовного права. Учеными предложены различные подходы к понятию такого объекта. Наиболее интересной представляется позиция, согласно которой интересы кредиторов выступают непосредственным объектом анализируемого преступления.

Данная точка зрения несправедливо осталась в научной литературе в меньшинстве. Возможно, это связано с относительно недавним восстановлением представления об объекте преступления как об интересе (благе).

Изначально данная теория была воспринята австрийским и немецким юристом Ф. Листом, который исходил из определения права, данное Р. Иерингом, и рассматривал объект преступления не просто как объект воздействия, а как законный интерес (Rechtsgut), защищаемый законом. Он утверждал, что преступление наносит вред обществу, ставя под угрозу или нарушая охраняемые законом

© Совач Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

блага или интересы, такие как жизнь, собственность, свобода [2]. Аналогичной позиции придерживались и некоторые дореволюционные авторы [6]. В советской уголовной доктрине объектом признавались только общественные отношения, в связи с чем такое представление доминирует до сих пор. Однако некоторые современные исследователи (например, А.В. Наумов), считают, что теория объекта преступления, воспринимаемого в качестве общественного отношения, в ряде случаев «не срабатывает», поэтому её нельзя назвать универсальной [4]. Он предлагает под объектом преступления понимать блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом [4].

Возможно, такой подход будет не совсем корректным для объекта преступлений против жизни и здоровья, но для экономических преступлений, в т.ч. преднамеренного банкротства, интересы (блага) могут выступать в качестве непосредственного объекта.

Во-первых, это позволит отграничить преднамеренное банкротство от других экономических преступлений. Если предположить, что непосредственным объектом будут выступать общественные отношения в сфере нормальной экономической деятельности, то тогда невозможно будет выделить особенность объекта посягательства и произойдет смешение всех экономических преступлений.

Во-вторых, определение объекта преднамеренного банкротства через призму общественных отношений вызывает немало сложностей: между кем будут складываться эти отношения, по поводу чего. Утверждать, что преступление будет посягать на общественные отношения между должником и кредитором [7] по поводу надлежащего исполнения обязательства, представляется невозможным, т.к. цель преступника состоит не в нарушении гражданского оборота, наоборот, он старается провести все

операции, не нарушая законодательства, чтобы не вызвать лишних вопросов при рассмотрении арбитражным судом заявления о признании должника банкротом.

Во-третьих, основная цель преднамеренного банкротства – избежать исполнения финансовых обязательств перед кредиторами или максимально уменьшить объем возвращаемых средств. Этими действиями как раз и нарушаются права и интересы кредиторов, которые состоят в полном удовлетворении их требований.

В-четвертых, банкротное законодательство большую роль отводит именно интересам кредиторов. Суды подчеркивают, что защита охраняемых законом интересов кредиторов, в том числе в отношениях с неплатежеспособным должником, важная функция правосудия [3]. Позиция о том, что ФЗ о банкротстве носит прокредиторский характер, является уже общепризнанной [1, 5]. Это значит, что после привлечения руководителя (или КДЛ) юридического лица к ответственности, судьбой последнего распоряжаются арбитражный управляющий и собрание кредиторов. Вопрос – продолжать ли далее деятельность такого юридического лица, зависит от решения и компетенций арбитражного управляющего и собрания кредиторов.

Таким образом, считаем, что непосредственным объектом преднамеренного банкротства являются интересы кредиторов. Это позволит более грамотно квалифицировать действия виновных и разграничить анализируемое преступление со смежными.

Список источников

1. Корюкаева Т. Г. Вопросы судебной практики рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) / Т. Г. Корюкаева, А. А. Петряшова // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 102.

2. Лист Франц фон Преступление, как социально-патологическое явление : Das verbrechen als social-pathologische erscheinung : Пер. с нем. Санкт-Петербург : тип. А.В. Орлова, 1903. С. 15.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.10.2015 по делу № 305-КГ15-5805, А41-36402/12 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.12.2025).

4. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. С. 325.

5. Суходольский И. М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства): монография. М.: Юстицинформ, 2024. С. 20.

6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции: часть общая. Москва: Наука, 1994. С. 516.

7. Улезько Г. С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство : законодательная регламентация и практика применения : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Грозный, 2020. С. 10.

УДК 343.321

Соотношение демонстрации и рекламирования порнографических материалов или предметов как признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ

Токмина Мария Николаевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mtokmina-yy21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: порнографические материалы и предметы, публичная демонстрация, рекламирование, порнография.

Оборот порнографических материалов или предметов в настоящее время является очень распространенным явлением в связи с развитием информационных технологий. Доступ к онлайн-платформам и интернет-магазинам имеет практический каждый человек, независимо от возраста. Защита таких сайтов очень слаба, и пройти возрастные ограничения посильно любому, в том числе и лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста. Порнография же в свою очередь имеет множество негативных последствий, оказывающих влияние, как на психическое, так и на физическое здоровье человека.

В соответствии со ст. 242 УК РФ, уголовная ответственность возникает при наличии одного или нескольких из предусмотренных законом альтернативных действий: изготовление, перемещение через Государственную границу РФ; распространение; публичная демонстрация; рекламирование. Эти

© Токмина М. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

действия являются обязательными признаками объективной стороны данного преступления [1].

Важность разграничения схожих признаков «демонстрация» и «рекламирование» заключается в предотвращении ошибок при квалификации и повышении эффективности применения данной нормы. Указанные термины, хотя и связаны с процессом распространения, обладают самостоятельным содержанием и требуют дифференцированного подхода при их оценке в рамках уголовно-правовой нормы. Публичная демонстрация и рекламирование чаще всего совершаются в сети «Интернет». Поэтому Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 15.12.2022 № 37 выделил из общего перечня признаков именно два указанных и раскрыл их содержание [2].

Официальное толкование термина «реклама», закрепленного в ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ: «реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [3]. Глава 2 данного закона закрепляет способы распространения рекламы. Проведя анализ статей, входящих в эту главу, можно сказать, что рекламирование осуществляется посредством печати и распространения рекламных буклетов, сообщения информации в телепрограммах и телепередачах, в том числе через радиопрограммы и радиопередачи, размещение текста и фото в печатных изданиях, помещения информации на сайте в сети «Интернет».

Рекламирование порнографических материалов или предметов может осуществляться любым способом, в любой форме и с использованием любых средств информации, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Для квалификации действий лица как рекламирования таких

материалов или предметов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", они могут выражаться в любой форме (например, рассылка сообщений в социальных сетях, мессенджерах или по электронной почте, размещение на личной странице социальных сетей), но должны быть направлены на достижение перечисленных целей. Рекламированием считаются «действия, состоящие в оповещении кого-либо (неопределенного круга лиц) о том, где (у кого), на каких условиях и в какое время можно приобрести или просмотреть кино- или видеофильм либо другие предметы порнографического содержания» [4]. Пленум Верховного суда РФ дает разъяснение содержания термина «рекламирование» через термин «распространение», которое применительно к рекламированию имеет особые цели: привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему, продвижение на рынке [2]. Таким образом, в отсутствие указанных целей действия лица нужно будет рассматривать как распространение.

Публичная демонстрация с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", заключается в открытом показе порнографических материалов либо в предоставлении неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т.п.). В качестве публичной демонстрации следует квалифицировать действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, - стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах).

В рамках судебной практики нередки случаи, когда граждане, используя социальную сеть «ВКонтакте», публиковали на своих страницах видеоматериалы порнографического содержания,

доступные для просмотра другим пользователям [5], либо сохраняли их в личной медиатеке («Мои видеозаписи») [6]. Подобные действия квалифицируются судами по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. Исходя из этого следует, что действия лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ будут квалифицированы, как рекламирование, только если будет установлена целенаправленность его действий, однако если в таковых действиях будет отсутствовать цель, то в таком случае будет просто распространение. Публичная демонстрация же в свою очередь, в своем содержании не имеет никаких целей и направлена на ознакомление аудитории с материалами порнографического характера.

Подводя итоги следует отметить, что ключевое различие между публичной демонстрацией и рекламированием заключается в наличии у последней цели. Рекламирование порнографических материалов или предметов подразумевает целенаправленное действие по «формированию или поддержанию интереса к ним и их продвижению на рынке». Иными словами, реклама призвана информировать целевую аудиторию о продукте, услуге или идее, а также стимулировать желание воспользоваться ими, приобрести или повторно обратиться к ним.

Список источников

1. Бриллиантова А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: «Проспект». 2010 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2026).

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.02.2026).

3. О рекламе: Федеральный закон Российской федерации от 13.04.2006 №38-ФЗ (ред. от 05.12.2002) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2026).

4. Иванова А. А. Методика расследования незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов: монография / А. А. Иванова, Е. Н. Холопова. М.: Юрлитинформ, 2013. 264 с

5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 1-УДП22-10-К3 от 08.12.2022 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

6. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда по делу № 22/659/18// КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.02.2026).

УДК 343.59

Дискуссионные вопросы определения объективной стороны хулиганства: проблемы интерпретации оценочных признаков

Трепачева Елизавета Юрьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, etrepacheva-yy21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: хулиганство, объективная сторона, оценочные признаки, грубое нарушение, явное неуважение, общественный порядок, квалификация преступлений.

Обеспечение общественного порядка относится к числу приоритетных задач государства, а уголовная ответственность за хулиганство выступает одним из инструментов её решения. Статья 213 УК РФ в последние годы претерпела череду серьёзных изменений, однако уголовно-правовая норма о хулиганстве, имеющая глубокую историческую преемственность, остаётся одной из наиболее нестабильных в уголовном законе.

Даже тщательно проработанная норма не способна охватить всё многообразие жизненных ситуаций. Для описания определённых действий законодатель вынужден использовать не только формально-юридические, но и оценочные категории. Именно таковыми в составе хулиганства выступают понятия «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу». Их содержание не имеет жёстких границ и зависит от конкретных обстоятельств дела, а также от уровня развития общественных отношений в конкретный исторический момент.

© Трепачева Е. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Интерпретация этих признаков полностью возложена на правоприменителя, который обязан оценивать совокупность самых различных факторов и обстоятельств.

Центральным вопросом остаётся толкование термина «грубый» в контексте ст. 213 УК РФ. В общеязыковом значении грубость — это проявление невоспитанности и неучтивости. Однако для уголовно-правовой оценки этого недостаточно. Правоприменитель должен установить, что действия лица посягали именно на общественные устои. Поскольку законодательное определение «грубого нарушения» отсутствует, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 ноября 2007 г. № 45 предписывает судам оценивать способ, время, место, интенсивность и продолжительность действий виновного, а также иные значимые обстоятельства [1].

Показателен в этом отношении приговор Шадринского районного суда Курганской области в отношении Д. Устанавливая признак грубого нарушения, суд отметил, что преступление произошло поздним вечером в помещении магазина, при этом обвиняемый не имел никаких отношений с потерпевшим. Он применил пистолет и нож с целью запугивания, что создало реальную опасность для людей вокруг [2].

Анализ судебной практики свидетельствует, что правоприменитель далеко не всегда безошибочно справляется с установлением признаков хулиганства. Степень «грубости» нарушения всегда определяется конкретными обстоятельствами, и здесь трудно избежать элемента судейского усмотрения. В науке, в частности в работах Д.Е. Некрасова, высказывается предложение о дополнении Постановления Пленума ВС РФ № 45 открытым перечнем наиболее типичных действий, свидетельствующих о наличии грубого нарушения общественного порядка [4].

Неотъемлемой составляющей грубого нарушения выступает явное неуважение к обществу. По разъяснению Верховного Суда РФ,

«явность» означает очевидность действий для посторонних лиц, что осознаётся виновным. Явное неуважение выражается в умышленном попирании общепринятых норм поведения, продиктованном желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежение к ним. Это может проявляться в различных формах: от относительно пассивных до активных и агрессивных.

Приговором Люберецкого городского суда Московской области установлено, что о явном неуважении к обществу свидетельствовали такие обстоятельства, как: «желание привлечь к себе внимание, демонстрация мнимого превосходства, дерзость, нарушение покоя граждан. Именно совокупность этих данных позволила квалифицировать содеянное как хулиганство» [3].

В теории уголовного права активно обсуждается вопрос о публичности как признаке хулиганства. Представляется, что привязка хулиганства исключительно к общественному месту ошибочна. Общественный порядок охраняется повсеместно, а не только там, где многолюдно.

Таким образом, несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и определённый массив правоприменительной практики, используемые в ст. 213 УК РФ оценочные формулировки остаются чрезмерно абстрактными. В сложившейся ситуации видится два пути решения проблемы: либо законодательная корректировка диспозиции самой нормы, либо дополнение действующего Постановления Пленума ВС РФ № 45 более детальными положениями. В частности, целесообразно конкретизировать особенности уголовно-правовой оценки хулиганства в зависимости от способа и места его совершения.

Список источников

1. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений :

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2007 г. № 45 : редакция от 26 ноября 2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026).

2. Приговор № 1-295/2021 от 20 июля 2021 г. по делу № 1-295/2021 : приговор Шадринского районного суда Курганской области № 1-295/2021 от 20.07.2021 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jW6qdZvy7nY4/ (дата обращения: 12.04.2026).

3. Приговор № 1-862/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 1-862/2020 : приговор Люберецкого городского суда Московской области № 1-862/2020 от 25.11.2020 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/iLVGAhX5bG6q/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Некрасов Д. Е. Особенности признаков объективной стороны хулиганства // VI международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : Сборник тезисов выступлений и докладов участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 129–134.

УДК 343.6

Ненадлежащие исполнение профессиональных обязанностей при причинении смерти по неосторожности

Тяжельникова Карина Сергеевна
Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, ktazelnikova@gmail.com

Ключевые слова: причинение смерти, неосторожность, профессиональные обязанности, квалификация, ненадлежащее исполнение.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Федоровой Елене Анатольевне доценту кафедры уголовного права Юридического института СФУ, канд. юрид. наук, доценту.

Актуальность исследования признаков субъекта преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ обусловлена необходимостью чётко определить круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности из-за ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. На практике сложно установить критерии «ненадлежащего исполнения» и границы профессиональной компетенции субъекта, что ведёт к неоднозначности квалификации и рискам необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Значимость проблемы возрастает с ростом числа преступлений, связанных с профессиональной деятельностью (в медицине, строительстве, транспорте), ввиду чего требуется детальный анализ специальных признаков субъекта [2].

© Тяжельникова К. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Начнем с того, что существуют квалифицирующие признаки, которые устанавливают степень общественной опасности как преступления, так и лица, его совершившего. Рассматривая субъекта, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, можно сделать вывод, что в отличие от части 1 той же статьи он является специальным [1]. Субъект преступления специальный и характеризуется наличием профессиональных обязанностей. Признаки субъекта преступления необходимо рассмотреть с учетом оценки: содержания профессиональной функции, основания и места ее выполнения.

Во-первых, субъект должен быть лицом, исполняющим профессиональные обязанности, которые предусматривают ответственность за жизнь и здоровье других лиц. К таким категориям относят медицинских работников, педагогов, строителей, водителей и иных специалистов, чья деятельность связана с безопасностью окружающих. Важно, чтобы осуществляемая функция носила именно профессиональный характер, то есть была связана с квалификацией, соответствующей подготовкой специалиста, а не являлась бытовой или общегражданской деятельностью [5].

К примеру, суд Октябрьского районного г. Краснодара осудил врача акушера гинеколога, имеющего высшее медицинское образование, который не в полном объёме выполнил возложенные на него профессиональные обязанности, а именно, несмотря на правильный диагноз, не проводил постоянный мониторинговый контроль при родах, кардиотокографию (КТГ), а также нарушал клинические рекомендаций, что привело к смерти потерпевшего [3].

Во-вторых, возникновение обязанности по исполнению данной функции должно основываться на конкретных юридических основаниях. К таким основаниям относятся, приказ или распоряжение работодателя о приеме на работу с возложением

конкретных обязанностей, прописанных в должностной инструкции, трудовой договор, при необходимости наличие лицензии, сертификата или допуска к выполнению определённого вида работ, а также требования законов или иных нормативных актов, например, обязанности врача оказывать медицинскую помощь, предусмотренную в ст. 73 ФЗ № 323 от 21.11.2011. Важно установить ненадлежащее исполнение обязанностей: нарушение профессиональных правил, стандартов или инструкций, имеющее существенный характер и создающее реальную угрозу жизни и здоровью [5].

Кроме того, деяние должно быть совершено в период фактического выполнения профессиональных обязанностей, то есть в рабочее время и на рабочем месте, включая внеурочные часы при наличии соответствующего распоряжения. Если смерть наступила вне этого периода ответственности, квалификация по ч. 2 ст. 109 УК РФ исключается [5].

Так, по решению суда Республики Марий Эл, были осуждены дежурные по спортивному залу, осуществляющие свои обязанности на основании трудового договора и должностных инструкций, которые не выполнили предписанные им действия по обеспечению безопасности, а именно: оставили потерпевшего без присмотра, не обращали внимание на дисциплину занимающихся, не контролировали соблюдение правил проведения занятий в плавательном бассейне на протяжении всего сеанса плавания, не обеспечили безопасность нахождения в чаше бассейна и не оказали первую помощь в ситуации, когда лицо имело объективную возможность извлечь пострадавшего из воды и выполнить необходимые мероприятия по оказанию первой помощи, соответственно, они не выполнили надлежащим образом возложенные на них профессиональные обязанности, в связи с чем наступила смерть. Здесь полномочия дежурных исполнялись на основании приказа о приеме на работу, конкретные-обязанности были

закреплены в трудовом договоре и должностной инструкции дежурного по спортивному залу [4].

Некоторые исследователи считают, что деяние должно быть связано с местом исполнения профессиональных функций, например, в медицинском учреждении для медработников, стройплощадкой для строителей [5], однако многие профессии предполагают выполнение своих профессиональных обязанностей вне основного места работы. К примеру, оказание первой медицинской помощи врачом является его долгом и может быть оказана во внерабочее время; учитель может выполнять функцию воспитания в отношении обучающихся во внеурочное время и во вне учебного заведения.

Таким образом, ненадлежащие исполнение профессиональных обязанностей при причинении смерти по неосторожности (ч.2 ст. 109 УК РФ) предполагает невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей, возложенных на виновного распорядительным документом (приказом, распоряжением и др.), в установленный период времени, в соответствии с должностной инструкцией и (или) другими нормативно-правовыми актами.

Список источников

1. Петухова А. А. Причинение смерти по неосторожности. Анализ состава преступления // Вестник Академии управления и производства. 2025. С. 597–603.

2. Показатели преступности России. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/ (дата обращения: 19.02.2026).

3. Постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 25.08.2025 по делу № 1-250/2025 : [сайт]. URL: https://clc.li/FNedP (дата обращения: 19.02.2026).

4. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 06.08.2025 по делу № 1-495/2025 : [сайт]. URL: https://clc.li/PAeto (дата обращения: 19.02.2026).

5. Хребтова Т. В. Общий и специальный субъект причинения смерти по неосторожности // Молодой ученый. 2021. С. 145–147.

УДК 343.791

Фиктивность как признак банкротства в ст. 197 УК РФ

Чепогузова Арина Ивановна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
chepoguzovaarina@yandex.ru

Ключевые слова: фиктивность, банкротство, несостоятельность, неплатежеспособность, злоупотребление правом, квалификация.

Фиктивное банкротство представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных категорий в российском уголовном праве. Согласно статье 197 УК РФ, под фиктивным банкротством понимается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности. Общественная опасность данного деяния заключается во введении в заблуждение кредиторов для получения отсрочки, рассрочки платежей или скидки с долгов, что подрывает стабильность гражданского оборота и нарушает установленный порядок осуществления экономической деятельности.

© Чепогузова А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Этимология слова «фиктивность» восходит к латинскому глаголу fingere, что означает «формировать», «лепить», «придумывать» или «вымышлять». От него произошло существительное fictio – «выдумка», «создание», «искусственный прием». В русский язык термин был заимствован из немецкого или французского языка, сохранив свое первоначальное значение: нечто воображаемое, ложное, не существующее в действительности, но выдаваемое за реальное. Корень слова указывает на рукотворность искажения истины, на сознательное конструирование видимости того, чего нет на самом деле.

В контексте статьи 197 УК РФ этимологическое значение слова практически полностью совпадает с содержанием правового термина [1]. Фиктивность здесь проявляется в создании заведомо ложной видимости неплатежеспособности. Юридическое или физическое лицо на самом деле обладает ресурсами для погашения долгов, но имитирует финансовый крах. Таким образом, «вымысел» становится инструментом введения кредиторов в заблуждение. Правовая норма указывает именно на расхождение между формой и содержанием.

Конструктивным признаком состава, предусмотренного ст. 197 УК РФ, выступает фиктивность, которая в контексте уголовного закона интерпретируется как отсутствие реального состояния неплатежеспособности на момент подачи заявления в арбитражный суд или иного публичного объявления. Как отмечает И. В. Шишко, специфика данного преступления тесно связана с институтом злоупотребления правом. По мнению ученого, фиктивность проявляется в создании видимости признаков банкротства при фактической возможности должника удовлетворить требования кредиторов в полном объеме. Она подчеркивает, что криминализация этого деяния направлена на пресечение использования легальных процедур банкротства в

качестве инструмента для уклонения от исполнения обязательств [2].

Проблема правоприменения по данной статье остается острой из-за трудностей в определении момента возникновения «фиктивности». Правовая позиция И. В. Шишко сосредоточена на том, что правоохранительные органы должны проводить глубокий финансово-экономический анализ, а не ограничиваться формальным изучением заявления должника [3]. Только сопоставление данных бухгалтерского учета, рыночной стоимости активов и реальных денежных потоков юридического лица позволяет установить, что объявленная несостоятельность является лишь прикрытием для недобросовестного избавления от долгов.

Судебная практика характеризуется исключительной редкостью применения состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ, однако в тех единичных случаях, когда суды выносят обвинительные приговоры, «фиктивность» устанавливается через наличие или отсутствие у должника реальной возможности удовлетворить требования кредиторов на момент публичного объявления о несостоятельности. Ориентироваться можно на решение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 № 77-479/2023, где суд подчеркнул, что квалификация деяния требует не формального анализа поданного заявления, а глубокого финансово-экономического исследования, сопоставляющего бухгалтерскую отчетность, рыночную стоимость активов и реальные денежные потоки должника. Именно расхождение между декларируемой неплатежеспособностью и фактическим имущественным положением образует ядро состава преступления.

Примером определения фиктивности можно привести приговор Успенского районного суда Краснодарского края от 05.02.2014 по делу № 1-23/2014, оставленный в силе кассационной инстанцией: суд квалифицировал действия руководителя как

фиктивное банкротство на основании того, что он организовал оформление фиктивной кредиторской задолженности на сумму 17 млн рублей, тогда как без этого искусственного долга общество было платежеспособным.

Следовательно суды определяют «фиктивность» не через формальные признаки процедуры банкротства, а через установление субъективной осведомлённости должника о ложности объявления о несостоятельности, что подтверждается совокупностью косвенных доказательств: сокрытием активов, созданием искусственной задолженности, манипуляциями с бухгалтерской отчётностью.

Таким образом, в контексте статьи 197 УК РФ «фиктивность» представляет собой заведомо ложное объявление о несостоятельности при фактической способности должника исполнить обязательства, где ключевым критерием выступает не формальное несоответствие документации, а материальное расхождение между декларируемым финансовым крахом и реальным имущественным положением, подтверждаемое совокупностью доказательств умышленного создания видимости неплатежеспособности с целью злоупотребления правом и уклонения от расчетов с кредиторами.

Список источников

1. Росляков В. Д. Состав фиктивного банкротства (ст. 197 УК РФ) : проблемы практической реализации уголовной ответственности // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 256-258.

2. Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности: монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 305 с.

3. Шишко И. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов по направлению «Юриспруденция». М. : Проспект, 2016. 747 с.

УДК 343.3/.7

Доведение до самоубийства с «использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)»

Шаробаева Ирина Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск

Ключевые слова: доведение до самоубийства, информационно-телекоммуникационная сеть, публичность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Васильевне Долголенко, кандидату юридических наук, доценту.

В связи со стремительным развитием информационных технологий, в том числе сети «Интернет», законодатель вносит соответствующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ). Так, изменения вносились в 2017 г. в ст. 110 УК РФ, в 2022 г. в ст. 128.1 УК РФ и в 2024 г. в ст. 105, 111, 112, 115, 116, 119, 118, 126, 127, 127.1 УК РФ. При этом редакция квалифицирующего признака, где упоминается «информационно-телекоммуникационная сеть», разная.

Так, следует обратить внимание на понятие «публичность», содержание которого будет рассмотрено позже. В ст. 128.1 УК РФ указанное понятие распространяется на информационно-телекоммуникационные сети, поскольку стоит рядом с указанным признаком. В ст. 105 и других статьях УК РФ с аналогичным квалифицирующим признаком, законодатель использует союз «в

© Шаробаева И. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

том числе», который имеет значение «включая кого (что)-либо», «среди которых» [1]. Таким образом, понятие «публичность» также распространяется и на информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»).

Исходя их этого возникает вопрос: включает ли в себя квалифицирующий признак, сформированный в п. «д» ч. 1 ст. 110 УК РФ, понятие публичности?

Прежде чем, перейти к ответу на данный вопрос, необходимо определить к какому элементу объективной стороны относится указанный признак. В научной литературе высказываются мнения, что использование информационно-телекоммуникационное сети можно относить «к месту, к средствам или к способу совершения преступления, а иногда и к обстановке совершения преступления» [2]. Яни П.С., рассматривая данный признак применительно к преступлениям против личности, относит его «к средствам совершения преступления или к способу» [3]. В рамках ст. 110 УК РФ, приходим к выводу, что п. «д» ч. 2 относится к способу доведения до самоубийства.

Возвращаясь к поставленному вопросу, отметим, что ученые, например, Бычков С.Н. однозначно высказываются, что п. «д» ч. 1 ст. 110 УК РФ содержит обязательный публичный характер [4]. Обращаясь к законодателю, остановимся на Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, где раскрывается понятие информационно-телекоммуникационная сеть, а также указывается на публичный характер использование сети «Интернет», то есть лицо осознает содержание распространяемых сведений, общественную опасность своих действий, включая характер распространяемой, рекламируемой или демонстрируемой информации, предоставление доступа к ней широкому кругу лиц [5].

04.12.2025 г. Конституционный суд вынес Постановление, в котором рассмотрел интересующий нас квалифицирующий

признак в ст. 128.1. УК РФ. Так, ч. 2 указанной статьи вменяется в тех случаях, когда у распространяющего сведения лица имеется «осознанное намерение адресовать их именно таким образом или сделать доступными широкому (неопределенному), т.е. с очевидностью выходящему за пределы адресной рассылки кругу лиц» [6]. Таким образом, понятие «публичность» определяется как предоставление доступа к информации неопределенному кругу лиц.

Анализируя немногочисленную судебную практику, приводим следующие примеры.

В первом приговоре суд вменил п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, поскольку обвиняемый неоднократно угрожал потерпевшей, что опубликует в социальных сетях информацию, порочащую ее честь и достоинство. Спустя время такие сведения были опубликованы в социальной сети «Вконтакте». Поскольку потерпевшая боялась осуждения со стороны окружающих, данные действия разрушили ее жизнь, после чего покончила жизнь самоубийством [7].

Во втором приговоре суд не вменил п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, поскольку обвиняемый хотя и высказывал угрозы публичного распространения фотографий интимного содержания с потерпевшей, которые могли ее опорочить, но не распространил их в сети «Интернет» [8].

Таким образом, правоприменитель несмотря на некорректную формулировку квалифицирующего признака, вменяет его тогда, когда присутствует признак публичности.

Подводя итог, приходим к выводу, что в целях единообразного понимания и совершенствования юридической техники, квалифицирующий признак, описанный в п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ должен формулироваться и толковаться одинаково. Предлагается изложить п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ в следующей редакции: «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой

информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет".

Список источников

1. Большой универсальный словарь русского языка // Грамота.ru : [сайт]. URL: https://gramota.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. Иванова Л. В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // ВТГУ. СЭиПИ Т. 6 № 4 (24). 2020. С. 155–171.

3. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационной сети // Законность. № 1 (1083). 2025. С. 30–34.

4. Бычков С. Н. Публичность как признак объективной стороны в преступлениях против личности // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 15. 2017. С. 126–130.

5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 37 // КонсультантПлюс: СПС. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 25.02.2026).

6. Постановление № 43-П от 04.12.2025 «По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны» : постановление Конституционного суда № 43-П от 04.12.2025 // КонсультантПлюс: СПС. URL: http://www.consultant.ru.

7. Кассационное определение № 77-3490/2024 от 19.12.2024 по делу № 77-3490/2023 // Второй кассационный суд общей

юрисдикции : [сайт]. URL: https://2kas.sudrf.ru (дата обращения: 12.03.2026).

8. Приговор № 1-14/2024 от 08.05.2024 г. по делу № 1-14/2024 // Уссурийский районный суд Приморского края : [сайт]. URL: https://ussuriysky.prm.sudrf.ru (дата обращения: 12.03.2026).

Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики

УДК 347.965

Цифровая трансформация уголовного процесса: перспективы для института адвокатуры

Берняцкий Артём Андреевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, baa@lawkrsk.ru

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, цифровая трансформация адвокатской деятельности, справочно-правовые системы, стратегическое планирование защиты, профессиональная этика адвоката.

Повсеместное внедрение цифровых технологий не обошло стороной сферу уголовного судопроизводства. Институт адвокатуры, являющийся одним из ключевых элементов механизма обеспечения прав и свобод граждан, также оказался вовлечен в эти процессы.

Данные инновации создают как новые возможности для повышения эффективности профессиональной деятельности, так и порождают серьезные проблемы, связанные с необходимостью сохранения адвокатской тайны, обеспечения информационной безопасности и соблюдения профессиональных этических стандартов в новых технологических условиях.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем и перспективных направлений развития цифровых технологий уголовного процесса в сфере адвокатуры.

Основной особенностью ИИ является способность анализировать большие объемы данных, способность ускорять

© Берняцкий А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

поиск необходимой информации, находить скрытые «пороки» в документах, то есть в современных условиях сокращать драгоценное время всех сторон уголовного процесса, в том числе и адвоката.

Также к числу ключевых направлений внедрения технологий искусственного интеллекта в адвокатскую практику можно отнести автоматизацию рабочих процессов юриста, включающую нейросетевое распознавание устных обращений доверителей и иных лиц с последующей расшифровкой и транскрибацией, исследование фото-, аудио- и видеофайлов; формирование типовых форм и автоматическое выявление логических нестыковок, фактических ошибок и текстовых противоречий в процессуальных документах; прогнозную аналитику на базе ИИ для оценки потенциальных рисков при анализе состоятельности избранной линии защиты на предварительном следствии и в судебном процессе [1].

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества, которые несет цифровизация, этот процесс сопряжен с рядом серьезных проблем и рисков.

— Риск нарушения адвокатской тайны. Как справедливо отмечает адвокат Сергей Жорин, основным препятствием для искусственного интеллекта, который обучается из открытых источников, является адвокатская тайна. Передача информации на различные серверы создает риски несанкционированного использования данных, что ставит вопрос об ответственности за такие действия [3].

— Риски злоупотребления правом в цифровой среде. Как отмечает К.И. Евтеев, цифровые технологии создают новые формы злоупотребления правом в уголовном процессе, включая затягивание процессов за счет технических возможностей, манипулирование электронными доказательствами (ИИ позволяет формировать «фейковые» документы, фото- аудио- и видеофайлы),

неэтичное поведение в онлайн-заседаниях [2]. В научный оборот вводится понятие «цифрового злоупотребления правом» как особого вида недобросовестного поведения, возникающего при использовании электронного правосудия и иных цифровых технологий.

— Предвзятость алгоритмов. Системы ИИ обучаются на данных, которые могут отражать предубеждения и стереотипы, характерные для их создателей. Это создает риски дискриминации при оказании юридической помощи.

— «Галлюцинации» ИИ. Как отмечается в практическом пособии по использованию ИИ в работе юриста, языковые модели могут генерировать убедительные, но ложные ответы - так называемые «галлюцинации» [5]. Это связано с тем, что для модели разница между верными и неверными ответами отсутствует - она оперирует вероятностями, формируя каждый ответ как наиболее вероятную комбинацию слов, а не как результат понимания смысла.

— Снижение качества коммуникации. Использование информационных технологий снижает возможность непосредственной коммуникации адвоката как с доверителем, присяжными заседателями, так и с представителями органов публичной власти. Онлайн-коммуницирование не позволяет адвокату в достаточной мере оценить степень эмоционального состояния лица, что важно для выявления истинности его намерений и искренности показаний.

Помимо расширения доступности юридической помощи, цифровизация трансформирует саму роль адвоката в уголовном процессе. Если ранее основными функциями адвоката являлись правовой анализ, составление документов и представительство в суде, то в условиях цифровизации на первый план выходят задачи по интерпретации результатов работы ИИ-систем, стратегическому планированию защиты с учётом данных прогнозной аналитики и

обеспечению кибербезопасности доверителя. Таким образом, адвокат будущего — это не только правовед, но и технo-ориентированный специалист, способный эффективно сочетать профессиональную интуицию, эмпатию и навыки работы с цифровыми инструментами. Данная трансформация требует пересмотра не только образовательных программ, но и подходов к повышению квалификации действующих адвокатов.

Как справедливо отмечает президент Адвокатской палаты г. Москвы Сергей Зубков, «ключевым принципом должно оставаться то, что ответственность за решения, принимаемые с использованием ИИ, всегда должен нести человек» [4].

Список источников

1. Голенищев Э. П. Влияние искусственного интеллекта на рынок юридических услуг: угроза профессии адвоката или новые возможности? / Э. П. Голенищев, В. И. Фатхи // Социальные новации и социальные науки. 2025. № 2 (19). С. 119–130.

2. Евтеев К. И. Цифровые технологии и злоупотребление правом в адвокатской деятельности: новые вызовы и риски // Право и политика. 2025. № 12. С. 264–279.

3. Жорин С. Жорин ответил, заменят ли нейросети адвокатов в будущем // NEWS.ru. 2025. 28 авг. URL: https://news.ru/society/zhorin-otvetil-zamenyat-li-nejroseti-advokatov-v-budushem (дата обращения: 16.04.2026).

4. Зубков С. Президент АПМ рассказал о рисках и возможностях использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности // Адвокатская палата города Москвы. 2025. 29 дек. URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/news/15309/ (дата обращения: 16.04.2026).

5. Янковский Р. М. Использование ИИ в работе юриста: практическое руководство. Москва: Ноурутс, 2025. 54 с.

УДК 342.727

Использование специальных знаний при расследовании киберпреступлений: процессуальные и организационные аспекты

Брюханова Алеся Игоревна, Петренко Дарья Александровна
Юридический Институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, a.i.bryuhanova@yandex.ru

Ключевые слова: цифровая форензика, киберпреступление, специальные знания, специалист, цифровые следы, киберпространство, расследование преступлений, компьютерная информация.

Цифровая трансформация общественной жизни сопровождается ростом пользователей сети Интернет, внедрением облачных технологий, ИИ и распределенных реестров, что создает новые вызовы для уголовной юстиции. Киберпреступность демонстрирует устойчивый рост. Согласно Модельному закону СНГ (2023 г.), киберпреступление — это деяние, совершенное в киберпространстве (цифровой среде взаимодействия людей, ПО и сервисов) [1]. В 2023 году рост преступлений с использованием ИТ-технологий превысил 73,4% по сравнению с прошлым периодом [5].

Эффективность расследования напрямую зависит от способности следователя выявить и закрепить цифровые следы, однако его компетенция редко включает глубокое понимание ПО, протоколов, шифрования и стеганографии. Это обуславливает критическую важность специальных знаний. Как отмечают Е.Р. Россинская и А.И. Усов, участие специалиста обязательно при

© Брюханова А. И., Петренко Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

любом следственном действии с ЭВМ, так как неквалифицированные действия могут привести к утрате доказательств [4; 6].

Понятие специальных знаний в данной сфере имеет свои особенности. Во-первых, это междисциплинарность (программирование, криптография, экономика). Во-вторых, динамичность и необходимость постоянного обновления знаний, поскольку способы совершения преступлений эволюционируют быстрее норм права. В-третьих, тесная связь с цифровой форензикой. Отметим, что сама природа цифровых технологий как средства преступления (алгоритм машинного действия) не оставляет классических материальных следов, усложняя их фиксацию.

УПК РФ (ст. 58, 168) предусматривает привлечение специалиста для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов, применении техсредств и постановке вопросов эксперту. Участие специалиста наиболее целесообразно при осмотре места происшествия, обыске, выемке, эксперименте и допросе. Специалист определяет носители, проводит посекторное копирование с вычислением контрольных сумм, фиксирует состояние ОС и обеспечивает сохранность следов при отключении питания [3].

Основная проблема — недостаточная детализация процессуального статуса специалиста. Закон не требует его отдельного заключения по итогам работы в ходе следственного действия, что создает риски признания данных недопустимыми. Учитывая дефицит IT-специалистов, обоснованно развитие практики повышения квалификации следователей в сфере высоких технологий. Тактика поиска информации зависит от защищенности данных и условий работы компьютера, а все манипуляции должны поручаться специалисту [7].

В России отсутствует единая система сертификации специалистов по цифровой форензике, и диплом об IT-образовании не гарантирует владения специфическими методиками. Целесообразно создать ведомственный реестр аттестованных специалистов с переаттестацией раз в 2-3 года. Международный опыт (США, Израиль, Эстония) показывает эффективность ГЧП, однако в российском законодательстве механизм привлечения частных IT-компаний прописан фрагментарно.

Типичные ошибки при использовании специальных знаний:

– Осмотр техники без специалиста (копирование стандартными средствами ОС нарушает цепочку сохранности).

– Подмена экспертного исследования консультацией («акт исследования» не может заменить заключение эксперта, т.к. лицо не предупреждено об ответственности по ст. 307 УК РФ) [2].

– Неправильная упаковка носителей (отсутствие защиты от полей и статики ведет к повреждению данных).

– Некорректная постановка вопросов эксперту (правовые, неконкретные или вероятностные вопросы).

Использование специальных знаний перестало быть вспомогательным элементом — это системообразующий фактор, определяющий возможность доказывания. Ключевые направления реформирования: законодательное закрепление специалиста как самостоятельного источника доказательств с правом дачи заключения; создание системы сертификации и стандартизации в цифровой форензике; улучшение кадрового обеспечения через повышение оплаты труда и ГЧП.

Список источников

1. Модельный закон «О противодействии киберпреступности» (принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, постановление № 55-20 от 14 апреля 2023 г.) // Справочно-правовая

система «Гарант». URL: https://base.garant.ru/411235105/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 307. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e8cae43fbdb59a5be90789ce95775ae05e5a89f8/

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026).

4. Россинская Е. Ф. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №3 (115). С. 21–33.

5. Сведения о состоянии преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий за 2020–2024 гг. // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 01.04.2026).

6. Россинская Е. Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза / Е. Р. Россинская, А. И. Усов. М.: Право и закон, 2001. 414 с.

7. Смирнова Д. А. Применение специальных знаний при расследовании уголовных преступлений, совершенных с использованием компьютерной техники // Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 137–139.

УДК 343.1

Процессуальные проблемы обеспечения прав заявителя на стадии возбуждения уголовного дела

Волкова Александра Сергеевна[1], Фирюлина Анастасия Евгеньевна[2]
[1, 2]Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]volkovasasha05@mail.ru
[2]Firyulinaanastasia@yandex.ru

Ключевые слова: регистрация, сообщение, информирование, заявитель, сроки.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Елене Владимировне Бондар, старшему преподавателю кафедры уголовного процесса и криминалистике.

Приём и регистрация сообщений о преступлениях являются начальным этапом стадии возбуждения уголовного дела и имеют принципиальное значение. Именно здесь необходимо обеспечить защиту прав заявителей, оперативное реагирование правоохранительных органов и строгое соблюдение закона [1].

Процессуальное законодательство устанавливает четкий порядок действий сотрудников полиции при приеме заявлений о преступлениях [2]. Однако на практике нарушения этого порядка встречаются достаточно часто. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Первой рассмотрим такую проблему, как отказ в приеме заявления о преступлении [1]. Проанализировав практику, к числу распространенных причин подобных отказов отнесем: стремление

© Волкова А. С., Фирюлина А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

сотрудников полиции избежать ухудшения показателей раскрываемости преступлений; использование формальных предлогов; неверная квалификация деяния. Подобные отказы влекут за собой такие последствия как утрату доказательной базы, необоснованное затягивание начала расследования, снижение доверия граждан к правоохранительным органам, нарушение конституционных прав граждан.

Ко второй проблеме отнесем неосновательное продление сроков рассмотрения обращений. Законодательство четко регламентирует сроки проверки сообщений о преступлениях: срок рассмотрения заявлений и сообщений составляет до 3 суток, который при наличии веских оснований может быть продлён до 10 или 30 суток [1]. Тем не менее на практике эти сроки нередко необоснованно продлеваются. Основными причинами затягивания сроков являются: загруженность сотрудников правоохранительных органов; недостатки в организации документооборота; преднамеренное затягивание процесса с целью снижения нагрузки раскрываемости. Последствия таких продлений включают потерю достаточно важных доказательств, сложности в установлении виновных лиц, рост нераскрытых преступлений.

Третьей проблемой является недостаточное информирование заявителей о принятых решениях. Ч. 3 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что заявителю выдается талон-уведомление о принятии сообщения о преступлении, на основании которого он может отследить движение дела по своему заявлению [1]. Однако на практике уведомления либо вовсе не выдаются, либо поступают с существенными временными задержками. К типичным нарушениям в сфере информирования отнесем: предоставление устных уведомлений без письменного подтверждения; отправка уведомлений по неактуальным или ошибочным адресам. Это приводит к невозможности своевременно обжаловать принятое решение [1], ощущению несправедливости у потерпевших и

свидетелей, снижение доверия к правоохранительной системе. Для устранения недостатков необходимо принять меры, направленные на повышение качества работы сотрудников правоохранительных органов и защиту прав потерпевших.

Для решения проблемы отказа в принятии сообщения мы предлагаем такие пути решения как: усиление прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью решений об отказе в приёме заявлений. Прокуроры должны своевременно выявлять и пресекать нарушения [3]; четкое разграничение между уголовными и иными правоотношениями. Необходимо совершенствовать инструкции и проводить систематическое обучение сотрудников.

Для решения неосновательного продления сроков рассмотрения сообщений о преступлении мы предлагаем такие способы решения как: оптимизация документооборота и внедрение цифровых технологий для учёта и контроля сроков проверки заявлений. Это ускорит обработку данных и минимизирует риски затягивания процессов; пересмотр нормативов нагрузки на сотрудников. Анализ текущей ситуации и корректировка штатных расписаний с учетом реальной нагрузки могут снизить количество нарушений сроков; регулярные проверки соблюдения сроков и дисциплинарные меры за нарушения [4].

Для решения недостаточного информирования заявителей мы предлагаем: законодательное закрепление обязанности информирования заявителей о результатах рассмотрения их обращений. Необходимо четко прописать в УПК РФ требования к форме, срокам и порядку уведомления; использовать электронные способы уведомления; проведение прокурорского контроля и контроля со стороны руководителя следственного органа и органа дознания [5].

Таким образом, обеспечить права заявителей на этапе подачи и регистрации сведений о преступлении можно исключительно при

всестороннем подходе, предусматривающем изменение законодательства, мониторинг соблюдения процедуры и усиление ответственности работников органов внутренних дел.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 8 марта 2026 года: принят Государственной думой 22 ноября 2001 года, одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года. Москва: Эксмо, 2026. 298 с. ISBN 978-5-16-021266-1.

2. Инструкция о порядке приёма, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: по состоянию на 28.06.2026: утверждена приказом МВД России от 29.08.2014 № 736 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.03.2026).

3. Шаров Д. В. Отказ в возбуждении уголовного дела: проблемы правового положения заявителя и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 238–244.

4. Муравьев К. В. Сроки рассмотрения сообщений о преступлениях: проблемы регламентации и правоприменения / К. В. Муравьев, Л. Л. Абрамова, В. В. Олейник // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4 (101). С. 196–206.

5. Скрипец А. П. Некоторые проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 256–258.

УДК 343.14

Цифровые валюты и транзакции в блокчейне: проблемы доказывания по уголовным делам о незаконной предпринимательской деятельности

Григорьева Дарья Ивановна
Юридический Институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, d.grigorieva03@vk.com

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровые транзакции, блокчейн, незаконная предпринимательская деятельность.

Стремительное развитие рынка криптовалют и цифровых финансовых активов, начавшееся с появления биткоина в 2008 году, привело к масштабной цифровизации не только легальных экономических отношений, но и преступной деятельности. Криптовалюта обеспечивают анонимность, не требуя раскрытия информации о сторонах сделки, но при этом обладает свойствами делимости и позволяют осуществлять переводы в любом объеме [1].

Особо остро стоит проблема использования криптовалюты в незаконной предпринимательской деятельности. Как показывает статистика за 2024 год, суды 60 регионов рассматривали уголовные дела, в которых тем или иным образом играла роль цифровая валюта, при этом растет количество дел, связанных с хищением криптовалюты насильственными способами, расцениваемыми судами как вымогательство, грабеж или разбой [2].

Долгое время российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не содержало прямого указания на статус цифровой валюты, что существенно осложняло

© Григорьева Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с ее использованием. Как констатирует О.Н. Тисен «на данный момент криптовалюта и другие виртуальные активы на законодательном уровне не признаны имуществом для целей применения УК» [3].

Впервые легальное определение цифровой валюты было закреплено в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако указанный Закон не относил цифровую валюту к имуществу для целей уголовного законодательства. Это порождало серьезные правовые коллизии.

Как указывают специалисты, в случае выявления криптовалюты на этапе предварительного следствия следователи смогут изымать физические устройства хранения (например, USB-кошельки), а также перевести активы на специальный адрес-идентификатор для обеспечения их сохранности. При этом изъятие должно осуществляться с участием специалиста, который определит подходящий метод с учетом особенностей цифрового актива [4].

Одной из проблем остается необязательность для обвиняемого раскрывать ключи доступа к криптокошелькам. Ключевым инструментом превращения цифровой информации в полноценное доказательство является судебная экспертиза. Неотъемлемой особенностью технологии блокчейна является публичность и неизменность всех совершенных транзакций. В одной из своих статей О. Н. Тисен, раскрывает способы отслеживания транзакций, установления принадлежности криптокошельков, получения доказательственной информации и порядок придания ей статуса доказательств [5].

По мнению А. Савицкого, для расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел необходимо проведение судебных экономико-цифровых экспертиз. Сложность в том, что

место судебной экспертизы операций с криптоактивами в настоящее время не определено нормативными актами, а методика такой экспертизы отсутствует [6].

Принятие поправок в УК РФ и УПК РФ, признающих цифровую валюту имуществом, является важным шагом вперед, однако правоприменительная практика по-прежнему сталкивается с рядом проблем. Во-первых, отсутствие унифицированной методики изъятия и фиксации требует разработки детальных ведомственных инструкций, регламентирующих порядок изъятия криптоактивов с учетом их видов («холодные» и «горячие» кошельки) и места хранения. Во-вторых, проблема принудительного получения ключей нуждается в законодательном решении вопроса о возможности принудительного раскрытия ключей доступа к криптокошелькам (возможно, по аналогии с обязанностью предоставлять пароли от зашифрованных устройств). В-третьих, необходима стандартизация судебной экономико-цифровой экспертизы: требуется разработка единой методики экспертного исследования криптовалютных операций, определение компетенции эксперта-экономиста и эксперта в области компьютерно-технической экспертизы при исследовании трансакций с криптовалютой. В-четвертых, поскольку значительная часть криптобирж и сервисов обмена находится за рубежом, необходимо развивать механизмы международного правового сотрудничества для получения доказательственной информации.

Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства и криминалистических методик работы с цифровыми доказательствами является насущной необходимостью для эффективного противодействия преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, совершаемым с использованием криптовалют.

Список источников

1. Колычева А. Н. Отдельные аспекты противодействия использованию криптовалют в преступных целях / А. Н. Колычева, В. Ф. Васюков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1 (33). С. 89–101.

2. Судебная практика опережает внедрение регулирования цифровой валюты — судья ВС // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: https://rapsinews.ru (дата обращения: 02.05.2026).

3. Тисен О. Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. 2024. № 3 (163). С. 69–80.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 08.03.2026. Ст. 164.2.

5. Тисен О. Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. 2024. № 3 (163). С. 69–80.

6. Криптовалюта и многослойные транзакции: о методике экспертизы цифровых активов // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: https://rapsinews.ru (дата обращения: 02.05.2026).

УДК 343.14

Осмотр места происшествия с беспилотными летательными аппаратами

Губенко Екатерина Викторовна[1] , Катренко Диана Александровна[2]
[1, 2]Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]EGubenko-YY23@stud.sfu-kras.ru
[2]katrenko-05@mail.ru

Ключевые слова: БПЛА, осмотр места происшествия, технические средства, правовое регулирование, доказательства, следственные действия.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Логиновой Надежде Геннадьевне, доценту, канд. юрид. наук.

Актуальность данной темы обусловлена стремительным развитием технологий и растущей потребностью правоохранительных органов в эффективных инструментах для расследования преступлений. Беспилотные летальные аппараты (далее – БПЛА) существенно повышают оперативность и качество осмотра места происшествия, позволяют быстро оценить обстановку с высоты, определить границы территории и выявить ключевые объекты, что особенно важно при работе с обширными или труднодоступными участками, например, в горных, лесных или болотистых районах.

Вместе с тем внедрение БПЛА в следственную практику сталкивается с рядом вызовов. Среди них – необходимость

© Губенко Е. В., Катренко Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

соблюдения нормативных правовых требований (регистрация аппаратов, получение разрешений на полёты). Кроме того, для эффективного использования технологии требуется подготовка квалифицированных операторов и специалистов по обработке данных – с навыками работы в фотограмметрических пакетах, CAD системах и программах 3D визуализации.

Несмотря на высокий потенциал БПЛА при осмотре места происшествия (особенно в случаях масштабных ДТП, незаконных рубок леса и чрезвычайных ситуаций), их практическое применение сталкивается с рядом системных проблем.

Как отмечает Л. С. Шеховцова, на практике БПЛА используются лишь в единичных случаях. Причины носят комплексный характер: отсутствие процессуальной регламентации в УПК РФ, значительные временные затраты (осмотр может длиться 4 часа при 25 минутах непрерывной работы дрона), региональные ограничения воздушного пространства, а также психологический фактор – возможная паника населения из-за атак вражеских беспилотников [1].

В свою очередь А. Ю. Федюкина акцентирует внимание на разрыве между ведомственным законодательством[77] и нормами УПК РФ, которые не содержат специальных требований к фиксации

77 Напр.: приказ МВД России от 16.11.2023 N 865 (ред. от 29.05.2025) "Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения" (Зарегистрировано в Минюсте России 14.12.2023 N 76390), допускающий пресечение работы БПЛА вплоть до их уничтожения.

результатов использования дронов и алгоритму действий сотрудников в неотложных ситуациях [2].

В научной литературе выделяют техническую проблему: разрыв между возможностями профессиональных дронов (3D-моделирование, фотограмметрия) и реальной практикой, где в основном используются любительские модели с ограниченным временем полета (не более 30 минут) и недостаточными характеристиками для детальной съемки. Кроме того, отсутствие широкого распространения БПЛА в подразделениях органов внутренних дел авторы связывают с необходимостью специальной подготовки операторов и освоения сложного программного обеспечения [3].

Таким образом, правовые, организационные и технические барьеры в совокупности делают применение БПЛА при осмотре места происшествия скорее исключением, чем правилом, несмотря на очевидные преимущества данного метода.

Основополагающей нормой, регламентирующей применение технических средств при производстве следственных действий, является ч. 6 ст. 164 УПК РФ, Данная норма не содержит перечня допустимых технических средств, что, с одной стороны, открывает возможности для использования инноваций, а с другой – порождает правовую неопределенность. Важно отметить, что в соответствии с ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, если осмотр места происшествия производится без участия понятых (в труднодоступной местности, при отсутствии средств сообщения или в случае опасности для жизни и здоровья), применение технических средств фиксации является обязательным. БПЛА в таких условиях становятся незаменимым инструментом [4].

Таким образом исследование вопроса использования БПЛА в уголовном процессе позволяет констатировать, что отсутствие законодательного и правового регулирования затрудняет их использование в ходе следственных действий. На наш взгляд

решение этих вопросов положительно повлияет на эффективность при производстве по уголовным делам.

Список источников

1. Проведение осмотра места происшествия с применением беспилотных воздушных судов: некоторые практические аспекты / Севастьянов П. В., Полов В. И., Ивашкова А. В. [и др.] // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения): сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Москва, 20 мая 2022 года. Часть 2. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 238–249.

2. Федюкина А. Ю. Об эффективности использования беспилотных аппаратов в ходе осмотра места происшествия // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 222–225.

3. Шеховцова Л. С. К вопросу об использовании беспилотных летательных аппаратов при осмотре места происшествия // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 15 ноября 2024 года. Омск: Омская академия МВД России, 2025. С. 163–165.

УДК 343.13

Проблемы осуществления прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия

Звонкова Екатерина Романовна[1], Хвостова Валерия Дмитриевна[2]
[1, 2] Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]EZvonkova-YY23@stud.sfu-kras.ru
[2]VKhvostova-II23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: прокурор, следователь, предварительное следствие, процессуальный контроль, надзор, руководитель следственного органа.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Логиновой Надежде Геннадьевне, доценту, канд. юрид. наук.

Участие прокурора в досудебном производстве – одна из теоретических проблем уголовно-процессуальной науки. Мы рассмотрим такой ее аспект как деятельность прокурора по отношению к следователю, поскольку относительно этого вопроса в доктрине не сложилось единства мнений.

Так, одни авторы утверждают, что прокурор в этом случае осуществляет именно надзор как самостоятельный и отдельный вид государственной деятельности. Другие же говорят о том, что надзор является видом контроля, выдвигая на передний план контролирующую функцию. Имеет место и компромиссная точка зрения. Ее приверженцы говорят о симбиозе двух понятий: контрольно-надзорной функции, которую выполняет прокурор.

© Звонкова Е. Р., Хвостова В. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность рассматриваемой темы определяется тем, что в доктрине большинство учёных считают, что есть сложность, из-за которой прокурорский надзор за следствием работает не в полную силу. При этом руководитель следственного органа отвечает за основной контроль следствия, тогда как полномочия прокурора сведены к отдельным надзорным функциям [5]. В настоящее время прокурор может отменить такие решения следователя как: возбуждение уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), отказ в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ), приостановление предварительного следствия (ч. 1.1. ст. 211 УПК РФ) и прекращение уголовного дела (уголовного преследования) (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Кроме этого, уголовно-процессуальный закон обязывает следователя направлять прокурору: постановление о принятии дела к производству, протокол задержания, постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Полагаем, что полномочия прокурора по проверке законности вышеперечисленных решений следует тоже относить к прокурорскому надзору. Прокурорский надзор реализуется и, например, в мерах, выражающихся в вынесении мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании, для выявления и устранения нарушений закона при расследовании уголовных дел, согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК.

Несмотря на то, что следователь самостоятельно принимает решение о ходе расследования и производстве следственных действий, на этапе окончания предварительного следствия прокурор может давать указания, при выявлении недостатков в обвинительном заключении (ч. 1 ст. 221 УПК РФ). В научной литературе перечислены и другие варианты прокурорского надзора [5].

Рассматривая исследуемый нами вопрос, профессор И. М. Заваляева отмечает, что прокурор стал в наименьшей степени влиять на следствие. Данный факт отражается на объёме выявленных нарушений законодательства органами прокуратуры, вследствие чего можно сказать о низкоуровневом качестве органов предварительного следствия [3]. Схожей позиции придерживается профессор А. Е. Савченко. Он отмечает, что в основе прокурор проверяет только определённую часть уголовного дела, где следует провести проверку законности принятого решения. Автор утверждает, что после проведённых реформ органы прокуратуры, по существу, утратили большую долю контроля за деятельностью сотрудников органов предварительного следствия. В связи с таким ограничением осуществлять прокурорский надзор в полной мере стало затруднительно [4].

Таким образом, вопрос полномочий прокурора в отношении следователя до настоящего времени остается открытым. На наш взгляд, обращение к нему законодателя позволит наиболее качественно реализовывать свои полномочия таким участником уголовного процесса как прокурор.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 23.03.2024 (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.04.2024). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: редакция от 29.12.2025. Ст. 21. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.04.2026).

3. Заваляев И. М. Организация прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие //

Вестник науки: международный научный журнал. 2023. Т. 2, № 12 (69). С. 418–424.

4. Савченко А. Е. Полномочия и процессуальный статус прокурора в рамках прокурорского надзора на стадии предварительного следствия и дознания // E-Scio. 2022. № 3. С. 58–62.

5. Семенов А. Ю. Полномочия прокурора по осуществлению надзора за органами предварительного следствия // Экономика и социум. 2025. № 11 (138)-1. С. 1150–1156.

УДК 343.13

Применение искусственного интеллекта в ходе допроса: современное состояние и перспективы

Ковалева Ирина Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ira.kovalyova.04@inbox.ru

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, следственное действие, допрос.

9 декабря 2025 года на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президент РФ В.В. Путин отметил, что игнорирование технологий ИИ ведет к стратегическому проигрышу, в то время как их необоснованное применение создает риски утраты фундаментальных ценностей [1].

В условиях всеобъемлющей цифровизации уголовный процесс не остается в стороне. В октябре 2025 года Председатель Верховного Суда РФ Игорь Краснов акцентировал внимание на необходимости

© Ковалева И. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

форсированного внедрения ИИ в судебную систему [2]. Представляется, что потенциал ИИ должен быть реализован и на стадии предварительного расследования. Несмотря на существующие барьеры, например, в виде недостаточной теоретической изученности, внедрение ИИ в деятельность следственных органов является и необходимым этапом развития юстиции.

Цифровые технологии на данный момент внедряются повсеместно и активно в уголовном процессе РФ в судебную стадию. А. А. Чеботарева и Ю. П. Керопян отмечают «актуальность внедрения и использования технологий искусственного интеллекта в судебной системе, в целях ускорения процесса судопроизводства и сокращения существующей нагрузки в судах» [5]. Какого состояние применения информационных технологий на стадии предварительного расследования?

Конечно, самым банальным примером внедрения информационных технологий выступает «электронный документооборот». Объем «бумажного документооборота» накоплен государством в критических количествах. В настоящее время возникает необходимость перехода количества в качество. Так, С. В. Зуев считает, что «бумажный тип документирования в уголовном процессе следует признать не иначе, как архетипом» [6]. Исходя из ч. 2 ст. 166 УПК РФ, протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. Согласно ч. 2 ст. 474 УПК РФ, процессуальные документы могут быть выполнены электронным способом. В УПК также содержатся нормы, регламентирующие порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Но, следует отметить, что протокол по-прежнему оформляется на бумажном носителе.

Также в ходе предварительного расследования широко используются информационные системы. Например, информационная система «Посейдон», применение которой

должно способствовать противодействию коррупции. Кроме того, активно используется информационная система «Следопыт-М», функционируют ГИС «Зеркало», информационно-аналитические системы «Октопус», «ПСКОВ», программный комплекс «Биокон», экспертные системы «Наркоэкс», «Балэкс», «Кортик». Следует отметить, что количество имеющихся информационных систем у Следственного комитета РФ значительно ниже по сравнению с другими ведомствами.

Роль информационных технологий при проведении допроса остается рутинной: их внедрение не привнесло уникальных методик, ограничившись лишь заменой рукописного составления протокола на компьютерный набор текста. Цель допроса, как и любого следственного действия, имеет прежде всего практическое значение: она направлена на достижение конкретного и объективно возможного результата [3]. Речь не идет о полной цифровой автоматизации процесса, однако вопрос его существенной модернизации является актуальным.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в следственную практику может быть реализовано через создание автоматической фиксации речи. Использование ИИ для транскрибации показаний допрашиваемого в режиме реального времени минимизирует временные затраты на техническое оформление протокола. В результате следователь получает ресурс для более глубокого наблюдения за поведением допрашиваемого лица, что позволяет гибко менять тактическую линию допроса и повышает эффективность изобличения ложных показаний.

Вместе с тем нельзя не отметить и недостатки использования технологий ИИ. В первую очередь, передача данных допроса, часто составляющих тайну следствия, в системы ИИ создает риск утечки информации или несанкционированного доступа, а значит, создается угроза информационной безопасности следственного действия. Самым важным недостатком могут стать этические и

психологические барьеры. Наличие системы, которая «анализирует» каждое слово в режиме реального времени, может сковать допрашиваемого или быть расценено как способ психологического давления.

Итак, главная задача - найти баланс между оперативностью и качеством следственных действий таким образом, чтобы цифровизация не наносила ущерб правам участников процесса.

Несмотря на присущие любому нововведению недостатки, использование технологий ИИ является необходимым условием для поддержания глобальной конкурентоспособности в сфере цифровизации и достижения технологического преимущества над другими государствами. В данном случае использование цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, влечет за собой не только повышение эффективности и результативности деятельности отдельных участников уголовного судопроизводства, но и повышение эффективности и качества уголовного судопроизводства в целом.

Список источников

1. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 09.12.2025: видеоконференция // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president (дата обращения: 14.02.2026).

2. Краснов призвал активнее внедрять ИИ в работу судов // Коммерсантъ. 2025. 21 окт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139866 (дата обращения: 14.02.2026).

3. Баянов А. И. Общая правовая цель допроса: лингвистический и юридический аспекты / А. И. Баянов, О. Н. Емельянова // Пробелы в российском законодательстве. 2014. С. 229–231.

4. Бегишев И. Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова. Москва: Проспект, 2024. 192 с.

5. Чеботарева А. А. Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в системе электронного правосудия / А. А. Чеботарева, Ю. П. Керопян // Шестые Бачиловские чтения: сборник статей участников Международной научно-практической конференции. Москва: ИГП РАН, 2023. С. 101–106.

6. Зуев С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 120.

7. Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/cisar/ (дата обращения: 14.02.2026).

УДК 343.137.5

Специальные знания в доказывании основания для прекращения уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия

Лысова Марина Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, marina.lysova.1508@mail.ru

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Логиновой Надежде Геннадьевне, доценту, канд. юрид. наук.

© Лысова М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Производство судебной экспертизы регламентировано Главой 27 УПК РФ. Несмотря на общее правило ст. 195 УПК РФ о возможности привлечения любых лиц, обладающих специальными знаниями, судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертизы отнесены к исключительной компетенции государственных судебно-экспертных организаций в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» [1].

Стоит отметить, что особую важность результаты судебной экспертизы приобретают при определении вектора правового воздействия на несовершеннолетнего, предполагающего выбор между привлечением к уголовной ответственности и освобождением от нее, с применением принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ).

В современных условиях эскалации геополитической напряженности наблюдается тревожная тенденция трансформации преступности несовершеннолетних. Актуальные сводки новостей и судебная практика все чаще фиксируют факты вовлечения подростков в совершение тяжких и особо тяжких преступлений – от диверсионной деятельности и террористических актов до специфических форм дистанционного мошенничества. Ключевым механизмом выступает внешнее деструктивное информационно-психологическое воздействие со стороны так называемых «кураторов», которые, используя уязвимость психики и незрелость подростков, осуществляют подмену понятий и манипулируют социально значимыми ценностями, вводя несовершеннолетних в глубокое заблуждение относительно истинного характера их действий.

В этой связи представляется необходимым сместить акцент с бытующего в общественном сознании мнения о том, что субъектом совершения тяжкого и особо тяжкого деяния выступает

исключительно социально запущенный подросток. Несовершеннолетний, являющийся участником данных преступных схем в равной, а зачастую и в большей степени сам оказывается жертвой преступных посягательств. В контексте указанных фактов, уместно обратиться к мнению И.С. Будкиной, согласно которому «виктимное поведение является разновидностью девиантного поведения, поскольку представляет собой отклонение от социальной нормы, обеспечивающей антикриминальную безопасность индивида» [2].

Таким образом, податливость несовершеннолетнего деструктивному влиянию «кураторов» следует обозначать не только как угрозу общественной безопасности, но и как проявление его личной виктимности, выражающейся в неспособности распознавать криминогенную угрозу и обеспечить собственную защищенность в условиях агрессивного информационного давления.

Возвращаясь к значимости результатов судебной экспертизы, как одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию при решении вопроса о наличии основания для применения ПМВВ, стоит отметить, что именно специальные знания позволяют объективно установить, как внешнее давление исказило мотивацию и поведение подростка с учетом его возрастной незрелости.

По нашему мнению, представляется обоснованным в отношении несовершеннолетних в исключительных случаях – применительно к таким составам, как мошенничество (ч.6 и ч.7 ст. 159 УК РФ) и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ч.3 и ч.4 ст. 159.3 УК РФ), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ч.4 ст. 174 УК РФ), неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ), совершенным впервые и под манипулятивным воздействием,

допустить расширение правоприменения ПМВВ, закрепленных в ст. 90 УК РФ на категорию тяжких преступлений.

Выбор именно этих составов не является случайным и продиктован современными вызовами криминологической ситуации, в частности изменением структуры экономической преступности. Для современного поколения подростков характерна высокая интенсивность потребления цифрового контента, при которой виртуальная реальность выступает в качестве доминирующего пространства жизнедеятельности. Данный фактор обуславливает трансформацию механизмов социального взаимодействия и повышает уязвимость субъекта перед манипулятивными технологиями. В связи с этим, несовершеннолетние часто становятся инструментом (техническими исполнителями) в руках организаторов крупных экономических махинаций.

По нашему мнению, подобная трансформация мер воздействия по отношению к вышеперечисленным составам преступления, позволит обеспечить индивидуализацию ответственности, без стигматизации личности. Обязательным условием реализации такого подхода выступает исчерпывающее экспертное исследование деформации сознания несовершеннолетнего.

Таким образом, заключение судебной экспертизы выступает в качестве одного из фундаментальных обстоятельств, на основе которого может формироваться юридическое основание для прекращения уголовного преследования с применением ПМВВ.

Список источников

1. О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями: распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 №

3214-р // СПС Гарант. URL: https://internet.garant.ru (дата обращения: 17.01.2026).

2. Будкина И. С. Виктимное поведение несовершеннолетних потерпевших от насильственных преступлений: понятие и виды // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 1. С. 120–129.

УДК 343.1

Проблемы цифровизации защиты адвокатской тайны

Мамаева Анна Геннадьевна
Юридический Институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, AMamaeva-YY24@sfu-kras.ru

Ключевые слова: адвокатская тайна, мессенджер, социальная сеть, информация.

Цифровые технологии давно заняли прочную нишу во всех сферах жизни общества, включая правовую и процессуальную. Бумажный документооборот заменяется электронным, участие в судебном заседании в режиме видео-конференц-связи стало обыденностью, живое общение вытесняется переписками в мессенджерах и социальных сетях. Технический прогресс затронул и деятельность адвокатского сообщества –тяжело представить деятельность современных адвокатов без ведения производства в цифровом виде и онлайн-взаимодействия с доверителем.

В связи с ростом использования новейших достижений в области цифровых технологий в правоприменительной деятельности остро встал вопрос соблюдения адвокатской тайны,

© Мамаева А. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

являющейся ядром адвокатской деятельности и основным принципом российской адвокатуры [1, с. 363]. Ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет адвокатскую тайну как «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю». Значение этой тайны – в укреплении доверия общества к адвокатуре, повышения престижа адвокатуры, гарантиях независимости адвоката [5, с. 146]. Без соблюдения режима адвокатской тайны деятельность адвоката невозможна. В связи с развитием технического прогресса процесс защиты адвокатской тайны сопровождается определёнными проблемами, связанными, с обеспечением конфиденциальности охраняемой информации.

Одна из проблем – отсутствие должного нормативного регулирования цифровых аспектов защиты адвокатской тайны, ведь большая часть положений об адвокатуре была создана десятилетия назад, до широкого внедрения цифровых технологий в правовую среду. Адвокатское сообщество разработало Приложение № 2 к «Рекомендациям по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности», пункты 9-12 которого содержат основные меры по защите и сохранению адвокатской тайны в цифровой среде (например, правило устанавливать периодически изменяемые пароли и т.д.) [4]. Но эти меры не охватывают всех аспектов защиты информации, составляющей профессиональную тайну.

Серьёзную проблему представляет и использование адвокатами мессенджеров и социальных сетей (ВКонтакте», «Telegram», «Max» и др.). Адвокаты консультируют онлайн и через звонки в мессенджерах, фотографируют материалы дела на телефон, пересылают их через мессенджеры и социальные сети, ведут переписку с доверителями. Подобный способ взаимодействия удобен, ведь информация передаётся и поступает быстро, при этом не требуется личной встречи адвоката с доверителем. Но использование таких средств связи также угрожает сохранности

информации и повышает риск утечки конфиденциальных сведений посредством дистанционного прослушивания, взлома мессенджеров, а также неосторожных действий самого адвоката или доверителя (разглашение конфиденциальной информации во время телефонного разговора или звонка в людном месте). Так, в Обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга адвокат Н. предоставил своему доверителю Р. копии материалов уголовного дела, а Р. опубликовал их в социальной сети «ВКонтакте», за что был привлечён к уголовной ответственности. Н., давшему показания по делу, как свидетелю, вынесли предупреждение, ведь факт передачи этих материалов от Н. к Р. являлся частью адвокатской тайны [3]. Электронная почта тоже создаёт риск для сохранности адвокатской тайны: так адвокат разгласила адвокатскую тайну, отправив третьим лицам на их адреса электронной почты письмо, в котором находились сведения о наличии у её доверительницы обязанности по уплате НДФЛ за 2016 год и о сумме сделок по продаже наследства [2]. Угрозу сохранности адвокатской тайны несёт и использование в адвокатской практике электронной цифровой подписи (ЭЦП) совместно с «облачными» сервисами хранения информации [6, с. 15]: «облачные» технологии обеспечивают удалённый доступ к документам вне зависимости от географического расположения сервера, что повышает вероятность несанкционированного доступа к ЭЦП.

Сохранность адвокатской тайны могут нарушить и представители правоохранительных органов – через получение доступ к конфиденциальной информации (например, к удалённым перепискам в мессенджере) при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Существует и угроза злоупотребления этим способом доступа к данным. Также не защищены от вмешательства со стороны сотрудников правоохранительных органов (сотрудников УИС, приставов и т.д.) и свидания с защитником в формате ВКС, предусмотренные ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ (эта норма не содержит гарантии конфиденциальности и отсутствия посторонних лиц во время свидания).

Тенденции к цифровизации адвокатской деятельности несут в себе различные опасности для сохранности адвокатской тайны, как основы взаимодействия адвоката с доверителем. Угрозы конфиденциальности адвокатской тайны могут быть и внешними, и внутренними (в силу неосторожного поведения самого адвоката). Нарушение адвокатской тайны влечёт ущерб для адвоката и его доверителя. Важно донести до адвокатского сообщества правила цифровой безопасности: использование сложных паролей и PIN-кодов, защищённых сетей Wi-Fi, шифрования в облаке, двухфакторной аутентификации, антивирусных программ, избегание подозрительных сайтов и др. Полезно будет организовать обмен опытом между адвокатскими образованиями (в т.ч. на федеральном уровне) и просветительские мероприятия для адвокатов и их доверителей, информировать адвокатов о новых видах компьютерных преступлений, проводить тренинги по цифровой грамотности и безопасности в интернете. Предлагаем также дополнить ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» требованием об использовании шифрования при работе с информацией, составляющей адвокатскую тайну. Реализация этих мер путем совместной работы адвокатов, доверителей и государства поможет защитить адвокатскую тайну и адаптировать адвокатскую практику к цифровой трансформации в условиях растущих киберугроз.

Список источников

1. Иванова И. Г. Проблемы правового регулирования адвокатской тайны в свете цифровизации адвокатской деятельности / И. Г. Иванова, А. О. Орешникова // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 363–365.

2. Информация по делу № 33-40419/2018 // Сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/d4b159b6-b8c5-4185-b0da-fa032accdc39 (дата обращения: 03.01.2026).

3. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за вторую половину 2019 года // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/the-review-of-the-disciplinary-practice-of-lawyer-chamber-of-saint-petersburg-for-the-second-half-of/ (дата обращения: 20.03.2026).

4. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: http://www.vkks.ru/publication/47820/ (дата обращения: 20.03.2026).

5. Шаврина Г. В. Адвокатская тайна: понятие, правовой режим и значение // Молодой ученый. 2020. № 38 (328). С. 145–147.

6. Шамраев А. В. Правовое регулирование информационных технологий: анализ проблем и основные направления. Москва: Статут, 2003. 1011 с.

УДК 343

Особенности избрания меры пресечения в отношении предпринимателей

Непомнющий Вадим Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, snvctc199.@yandex.ru

Ключевые слова: меры пресечения, уголовный процесс, предприниматели, заключение под стражу, предпринимательские гарантии, справедливость.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Надежде Геннадьевне Логиновой, доценту, канд. юр. наук.

Меры пресечения являются самостоятельным и неотъемлемым процессуальным институтом государственно-правового принуждения. В сущности, они выступают ограничениями, устанавливаемыми судом или органом предварительного расследования к обвиняемому в целях недопущения побега от органов предварительного расследования и суда, продолжения ведения преступной деятельности и препятствования ходу ведения производства по уголовному делу со стороны вышеуказанных лиц. Таким образом данные ограничения могут применяться только при наличии существенных на то оснований.

В доктрине предлагается множество способов классификации мер принуждения, одним из которых выступает классификация по объему и строгости ограничения прав обвиняемого. В такой

© Непомнющий В. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

парадигме заключение под стражу является наиболее суровой мерой наказания, предусмотренной ст. 98 УПК РФ.

Однако же рядом исследователей, в том числе А. А. Барыгиной заслуженно обсуждаются так называемые предпринимательские гарантии [1]. В отношении заключения под стражу такая гарантия устанавливается ч 1.1 ст. 108 УПК РФ. Список оснований избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения для субъектов предпринимательской деятельности в экономических составах преступления, таких как мошенничество в сфере предпринимательства и незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), является расширенным и требует от данных лиц одного из следующих дополнительных условий: нарушение ранее избранной меры пресечения, отсутствия места жительства или пребывания на территории РФ, факт сокрытия от органов предварительного расследования или суда, по ряду составов – только если преступления совершены в связи с ведением лицом предпринимательской деятельности или управлением имуществом в целях ведения предпринимательской деятельности.

Наличие подобного уточнения существенно ограничивает применение заключения под стражу для определенного круга лиц. Более того п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 №41 "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" указывает суду на необходимость особого порядка рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования о применении заключения под стражу в отношении лиц, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, а именно обязательную проверку ходатайства на наличие информации подтверждающей, что экономическое преступление было совершено не в связи с указанный выше деятельностью. Также отдельного упоминания заслуживает ч. 2 ст. 99 УПК РФ, обязывающая субъект применения меры пресечения, рассматривать вариант применения той меры пресечения, которая

позволит обвиняемому продолжить вести предпринимательскую деятельность. Совокупность данных положений законодательства недвусмысленно указывает на наличие у рассматриваемых выше лиц заметных преимуществ, связанных с избранным ими путем материального обогащения.

При этом же все вышеописанное по смыслу содержания прямо противоречит принципу всеобщего равенства перед законом и судом, закрепленному в ст. 19 Конституции РФ. Из чего следует закономерный вопрос, об обоснованности и целесообразности наличия в уголовном процессе подобных преимуществ отдельной категории лиц.

Любой закон обязан соответствовать запросам общества и способствовать решению стоящих перед ним проблем. Равенство всех перед законом отражает человеческую потребность в справедливости, что является важным социальным критерием жизни человека и гражданина. Вероятно, что предпринимательские гарантии хоть и не удовлетворяют потребность в справедливости, были введены законодателем в целях соответствия иным ярко выраженным запросам общества.

Данные гарантии в первую очередь обеспечивают предпринимателя возможностью осуществлять свою экономическую деятельность даже во время уголовного преследования несмотря на то, что ведется им эта деятельность с нарушением законодательства. Это подтверждается практикой, в своей статье С. И. Афанасьева и К. В. Малыгин приводят в пример статистику рассмотрения судами ходатайств об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении совершивших преступление в сфере предпринимательства лиц в Пермском крае – ни в один год из рассматриваемого периода времени (с 2016 по 2020) доля удовлетворения ходатайств не превысила 50% [2]. Тенденция на избрание более мягких мер пресечения в отношении предпринимателей упоминается и Президентом России В. В. Путиным. В своем докладе на Совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов

(19.02.2026) Президент России неоднократно указывал на необходимость более редкого избрания заключения под стражу, особенно в отношении предпринимателей, и призывает судей следовать всем указаниям Верховного Суда РФ по данному вопросу [3]. Таким образом обычно более чем в половине случаев лицо может продолжать осуществлять свою экономическую деятельность даже после начала в отношении него уголовного преследования.

Положительная тенденция по данному вопросу ведет к сокращению случаев нарушения конституционных прав граждан в уголовном процессе, особенно в отношении предпринимателей. Такое внимание со стороны законодателя может быть продиктовано особой ролью предпринимателя в экономике, и, в особенности, его социальной функцией. Предприниматель, как наиболее экономически активный субъект экономики способствует удовлетворению потребностей различных групп населения и перераспределению благ от клиентов к работникам, вносит весомую долю в экономический рост и пополнение бюджетов различных уровней, и, что не менее важно, увеличивает количество рабочих мест, тем самым вовлекая большее число индивидов в экономическую деятельность и предоставляя им стабильный источник заработка. Лишение же предпринимателя возможности вести свою деятельность в первую очередь принесет существенный экономический и социальный вред. Предприятие может приостановить работу и быть парализованным, прекращая производство товаров, в том числе социально важных, и услуг, а также лишая множество лиц постоянного, и, часто, единственного источника средств к существованию. Избрание более мягких мер пресечения для основных двигателей рынка, в лице предпринимателей, видится еще более актуальным на фоне общего экономического состояния в России.

Таким образом, тенденция к ограничению избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении предпринимателей видится логичной и обоснованной в

современных реалиях, а действия законодателя по данному вопросу оправданными и своевременными

Список источников

1. Барыгина А. А. О предпринимательских гарантиях избрания заключения под стражу по экономическим преступлениям // Вестник экономики и права. 2025. № 107. С. 113–119.

2. Афанасьева С. И. Заключение под стражу по экономическим преступлениям: общие начала и особенности применения / С. И. Афанасьева, К. В. Малыгин // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 566–578.

3. Совещание судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов 19.02.2026 // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79181 (дата обращения: 13.03.2026).

УДК 343.14

Проблема доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии

Петровский Сергей Николаевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 26062005sp@gmail.com

Ключевые слова: преступная иерархия, занятие высшего положения в преступной иерархии, статья 210.1 УК РФ, предмет доказывания, уголовно-правовая неопределённость, момент окончания преступления, длящееся преступление, территориальная подследственность, легальное определение, проблемы квалификации.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Логиновой Надежде Геннадьевне, доценту, канд. юрид. наук.

Уголовная ответственность за обладание высшим статусом в криминальной иерархии введена статьёй 210.1 УК РФ в 2019 году. Формулировка данной нормы носит крайне обобщённый характер и практически повторяет её заголовок, не давая разъяснения используемых терминов. Это создаёт существенные сложности в процессе доказывания [1]. Отсутствие чётко прописанных в законе критериев напрямую сказывается на возможности следствия сформировать полноценную доказательственную базу.

Главная сложность при доказывании по ст. 210.1 УК РФ связана с тем, что законодатель не дал легального определения «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии».

© Петровский С. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Ни в федеральных законах, ни в постановлениях высших судебных инстанций (Верховного и Конституционного судов) не содержится расшифровки этого термина, как и многих других, используемых в борьбе с организованной преступностью. Это противоречит принципу определённости деяния, закреплённому в ст. 8 УК РФ, и порождает противоречивую судебную практику, вплоть до оправдательных приговоров.

Среди учёных нет консенсуса по вопросу о том, каких именно криминальных авторитетов следует относить к данной категории. Часть специалистов считает, что это исключительно «воры в законе». Другие, включают сюда также «положенцев» и «смотрящих», но при обязательном подтверждении их реального влияния на деятельность организованных преступных структур. Предложенное С.И. Муравьёвым определение через «неформальную процедуру» и «неформальные властные полномочия» излишне оценочно. Более удачной выглядит позиция Д.А. Григорьева и В.И. Морозова, которые настаивают на использовании системы объективных признаков: осуществление управления преступным сообществом, координация противоправных действий, распределение зон влияния и доходов от преступной деятельности, наличие зарубежных связей в криминальной среде [1].

Поскольку состав преступления формальный, по логике он должен считаться оконченным с момента приобретения высшего криминального статуса («коронования»). Однако на деле зафиксировать точную дату этого события почти невозможно. В обвинительных документах нередко встречаются формулировки: «в точно не установленное время… был признан вором в законе». Это ставит под удар возможность достоверного определения такого обязательного элемента предмета доказывания, как время преступления [2]. Согласно иному взгляду, данное деяние можно рассматривать как длящееся. С.В. Кондратюк полагает, что началом

следует считать приобретение привилегированного статуса в преступной структуре, а окончанием — фактическое исполнение лидерских функций [3]. Но признание преступления длящимся влечёт новые риски: появляется теоретическая возможность неоднократного привлечения к ответственности (статус сохраняется даже после осуждения), а также возникает коллизия с принципом обратной силы закона, если статус был получен до 2019 года. Прекращение длящегося преступления возможно путём добровольного отказа (на практике маловероятно из-за угрозы расправы), принудительного лишения статуса («раскоронования») либо пресечения со стороны правоохранительных органов.

Кроме того, отсутствие единого подхода к определению момента окончания преступления создаёт проблемы с исчислением сроков давности. Если исходить из формального состава и считать преступление оконченным в момент «коронования», то срок давности начинает течь с этой даты, которую часто невозможно установить. Если же считать деяние длящимся, то срок давности должен исчисляться с момента добровольного отказа или принудительного прекращения статуса, что также неопределённо.

Неопределённость в предмете доказывания усиливается из-за отсутствия ясности относительно территории, в пределах которой действует криминальная иерархия. Буквальное прочтение ст. 210.1 УК РФ предполагает, что иерархия охватывает всю Российскую Федерацию. Однако многие носители статуса «вора в законе» признаются таковыми сразу в нескольких государствах, что порождает вопросы о справедливости при решении вопроса о подследственности [3]. В соответствии со ст. 152 УПК РФ территориальная подследственность определяется местом совершения преступления. Но в силу специфики объективной стороны состава установить такое место крайне трудно. В обвинительных заключениях часто встречается указание на то, что лицо было признано «вором в законе» «при неустановленных

следствием обстоятельствах» на какой-либо территории, что не соответствует требованиям п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Если же согласиться с тем, что преступление имеет длящийся характер, то подследственность будет определяться по месту его окончания, которое, как уже отмечалось, также чётко не определено.

Таким образом, предмет доказывания по ст. 210.1 УК РФ отличается высокой степенью неопределённости: отсутствует легальное определение центрального понятия, не решён вопрос о моменте начала и окончания преступления, а также о территориальной подследственности. Выход видится в принятии специального Федерального закона «О противодействии организованной преступности», который бы содержал легальные определения. Также правоприменителям целесообразно разработать единые ведомственные рекомендации по фиксации статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии

Список источников

1. Григорьев Д. А. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д. А. Григорьев, В. И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50–58.

2. Стукалова Т. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). Ч. 1. С. 93–97.

3. Кондратюк С. В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 3. С. 51–56.

УДК 343.148.5

Значение судебной экономической экспертизы в установлении обоснованности расходования субъектами малого предпринимательства субсидий, предоставленных на создание и развитие бизнеса

Потылицын Вадим Владимирович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vadimuskrsk@yandex.ru.

Ключевые слова: субсидия, малое предпринимательство, бюджет, судебная экономическая экспертиза, арбитражный суд, бизнес, эксперт.

Актуальность темы исследования определяется тем, что государственная поддержка малого и среднего предпринимательства направлена на развитие реального сектора экономики, однако на практике выделенные средства могут использоваться формально подтвержденно, но фактически не по назначению. Именно поэтому в подобных делах ключевое значение приобретает судебная экономическая экспертиза, позволяющая установить не внешнюю видимость хозяйственных операций, а их действительное экономическое содержание. Эти вопросы актуализирует в своей работе Т. В. Шихорина, раскрывая основы методики судебно-экспертного исследования операций по расходованию бюджетных средств, предоставленных субъектам малого предпринимательства в форме субсидий на создание бизнеса [6].

© Потылицин В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Правовая природа таких споров обусловлена сочетанием норм о государственной поддержке предпринимательства и бюджетной дисциплине. Финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства прямо предусмотрена федеральным законодательством, а бюджетные средства в силу принципа адресности и целевого характера должны предоставляться конкретному получателю с указанием цели их использования [2]. Следовательно, уже на уровне нормативной модели субсидия рассматривается не как свободное имущественное благо, а как публичное финансирование, жестко связанное с целевым назначением и последующим контролем.

Из содержания экспертной методики, рассмотренной Т.В. Шихориной видно, что предмет экспертного исследования возник не в абстрактной теоретической плоскости, а в рамках конкретной практической ситуации. По материалам, рассмотренным экспертом, субсидии предоставлялись начинающим предпринимателям в рамках муниципальной программы развития малого предпринимательства, причем каждому получателю перечислялась сумма в размере 300 000 рублей. В ходе расследования было установлено, что получатели представляли пакет документов, формально подтверждавший расходование средств на организацию бизнеса, однако в действительности денежные средства расходовались на личные нужды, а предпринимательская деятельность не велась [6]. Тем самым становится очевидной типичная для данной категории дел коллизия между документальной формой и экономическим содержанием.

Именно в такой ситуации судебная экономическая экспертиза становится центральным средством доказывания. Ее задача состоит в исследовании финансово-хозяйственных документов. Эксперт, исследуя содержание таких документов с применением преимущественно приемов документального анализа, приходит к

выводу о размере документально подтвержденных расходов. Такой подход полностью соответствует требованиям законодательства о государственной судебно-экспертной деятельности, согласно которому исследование должно быть объективным, всесторонним и полным, а заключение должно основываться на положениях, позволяющих проверить достоверность и обоснованность сделанных выводов [3].

Практика арбитражных судов подтверждает, что при разрешении споров о возврате субсидий суд оценивает не только наличие отчетности как таковой, но и ее значение для контроля за действительным расходованием средств. Так, в деле № А32-28566/2015 суд округа прямо указал, что одного лишь факта целевого использования субсидии недостаточно для автоматического отказа в иске. Необходимо исследовать, соблюдены ли все условия ее предоставления. Вместе с тем суд подчеркнул, что обязанность представить документы служит прежде всего целям контроля, а возврат субсидии возможен при нарушении условий ее получения либо при нецелевом использовании средств [4]. Эта позиция важна потому, что она показывает комплексный характер предмета доказывания, т.е. формальные нарушения режима документооборота и фактическое экономическое содержание расходов должны оцениваться во взаимосвязи.

Не менее показательна и противоположная по результату практика. В деле № А40-287163/2021 Арбитражный суд г. Москвы отказал во взыскании субсидии, указав при этом, что получатель субсидии подтвердил целевое использование бюджетных средств, представил отчетные документы, а недобросовестность в его действиях не была установлена. Суд отметил, что возврат субсидии по формальным основаниям, при отсутствии существенного нарушения условий ее предоставления и при доказанном целевом

расходовании, не соответствует природе субсидии как меры стимулирующей поддержки бизнеса [5].

В доктрине справедливо подчеркивается, что судебная экспертиза выступает особым процессуальным механизмом установления обстоятельств, требующих специальных знаний, но не заменяет собой судебную оценку доказательств и правовую квалификацию спорных отношений [1]. Ценность понимания содержания экспертной методики судебной экономической экспертизы как раз и заключается в том, что такую экспертизу можно рассматривать как инструмент восстановления экономической истины там, где формальная отчетность может быть использована для сокрытия злоупотреблений. Из этого следует, что главный аспект проблемы заключается не просто в проверке бухгалтерских документов, а ещё и в выявлении соответствия между целью предоставления бюджетных средств бизнесу, реальным движением денег и фактическим осуществлением предпринимательской деятельности. Как нам видится, в этом и есть практическая и теоретическая значимость судебной экономической экспертизы по делам о расходовании субсидий на создание бизнеса.

Список источников

1. Аюпов А. Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 11. С. 149–159.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.10.2018 по делу № А32-28566/2015 // Судебные и нормативные акты. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc (дата обращения: 15.03.2026).

5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30.08.2023 по делу № А40-287163/2021 // Судебные и нормативные акты. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 343.163.5+343.123.1

Деятельность прокурора по осуществлению надзора и ведомственный контроль за дознанием: общее и различия

Смолин Владислав Олегович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
vladimir.smolin2018@yandex.ru

Ключевые слова: надзор, дознание, дознаватель, начальник органа дознания, ведомственный контроль, законность, процессуальное руководство, полномочия прокурора.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Логиновой Надежде Геннадьевне, доценту, канд. юрид. наук.

Прокурорский надзор за дознанием – деятельность Генерального прокурора РФ и подчинённых прокуроров по обеспечению исполнения законов при возбуждении, расследовании и окончании уголовных дел в форме дознания. Прокурор сохраняет властно-распорядительные полномочия: согласно п.п. 4,5 ч.2 ст. 37

© Смолин В. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

УПК РФ он вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, избрании меры пресечения, квалификации преступления и объёме обвинения [4]. Также прокурор может признавать недействительными решения дознавателя, если они противоречат закону или не мотивированы материалами дела, а также передавать дело от органа дознания в следственное подразделение.

Особая роль прокурора в надзоре за дознанием объясняется тем, что дознание осуществляется по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ) и в сокращённые сроки – до 30 суток с возможностью продления до 6 месяцев (ст. 223 УПК РФ). Снижение процессуальных гарантий компенсируется усиленным надзором прокурора, который призван предотвратить нарушения прав граждан, в том числе потерпевших и подозреваемых [1].

Прокурорский надзор за дознанием традиционно считается более детальным и оперативным, чем надзор за следствием. Исторически это связано с тем, что дознаватели, как правило, имеют более низкий уровень профессиональной подготовки и меньший опыт, а также работают в структуре органов внутренних дел, где велик риск ведомственной корпоративности [2].

Альтернатива прокурорскому надзору – ведомственный процессуальный контроль начальника подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ) и начальника органа дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ). Начальник подразделения дознания уполномочен поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу; изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи; отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении

производства дознания по уголовному делу; вносить прокурору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела. Начальник органа дознания наделён правом давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий, возвращать уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, производстве дознания в общем порядке, пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления; утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу и осуществлять иные полномочия, предоставленные начальнику органа дознания. Начальник подразделения и органа дознания – прямой административный руководитель дознавателя, а прокурор – внешний гарант законности. Несмотря на то, что властные полномочия частично совпадают, согласно ч. 4 ст. 41 УПК РФ дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания прокурору.

Однако, М.В. Цукрук констатирует процессуальную двойственность статуса начальника органа дознания, совмещающего личное производство по делу на основании норм для дознавателя с властно-распорядительным контролем за подчинённым должностным лицом [6].

В отличие от прокурора, начальник органа дознания оценивает не только законность, но и целесообразность действий дознавателя, а также эффективность раскрытия преступления. Он вправе давать указания тактического характера: какие именно допросы провести, в какой последовательности, какие экспертизы назначить и т.п. Прокурор же, как правило, воздерживается от тактического руководства, сосредотачиваясь на выявлении и устранении нарушений закона.

Прокурорский надзор за дознанием – интенсивный и прямой, что обусловлено упрощённой процедурой, краткими сроками и меньшей самостоятельностью дознавателя. Прокурор вправе давать обязательные указания, отменять постановления, отстранять дознавателя при нарушении УПК РФ. Ведомственный контроль начальника органа дознания – внутренний, включает элементы процессуального руководства. Соотношение строится на приоритете прокурорских указаний, но на практике сохраняются конфликты компетенций. Дальнейшее развитие законодательства требует чёткого разграничения оснований для вмешательства и усиления гарантий независимости дознавателя. Таким образом, прокурорский надзор и ведомственный контроль взаимодополняют друг друга, образуя многоуровневую систему законности, что требует мониторинга правоприменительной практики и устранения пробелов.

Список источников

1. Гаврилов Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа // Уголовное судопроизводство: теория и практика. 2011. С. 402–418.

2. Кругликов А. П. Проблемы уголовно-процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 28–31.

3. Приказ МВД России от 15.06.2020 № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: http://docs.cntd.ru/document/499058855 (дата обращения: 20.06.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 08.03.2026 // СПС КонсультантПлюс.

5. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник / под редакцией Кутуева Э.К.; 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург, 2020.

6. Цукрук М. В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс». Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск, 2004. 226 с.

УДК 343

Деятельность прокурора по надзору за передачей сообщения о преступлении по подследственности

Ткачев Данила Васильевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
danil.danil.tkachev.2000@mail.ru

Ключевые слова: подследственность, следователь, сообщение о преступлении, следственные действия, прокурор, орган дознания.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Логиновой Надежде Геннадьевне, доценту, канд. юрид. наук.

© Ткачев Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В действующем уголовно-процессуальном законе подследственность регламентирована ст.150, закрепляющей формы предварительного расследования и ст.151 которая, называет виды подследственности. Вопросы территориальной подследственности отражены в ст.152 УПК РФ. Совокупность норм о подследственности позволяет констатировать наличие соответствующего правового института, между тем не урегулированы вопросы, связанные непосредственно с процессуальным порядком передачи по подследственности сообщений о преступлениях, что не способствует формированию единообразной практики. Это приводит к неоднозначному толкованию и соответственно применению, а в некоторых случаях и нарушению положений закона.

Несмотря на сокращение объёма полномочий прокурора в части надзора за органами предварительного следствия, практически неизменной остаётся его деятельность в стадии возбуждения уголовного дела. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; п. 3 предписывает требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия; в п. 12 указано на право прокурора передавать материалы проверки от одного органа предварительного расследования другому (на наш взгляд в этом случае идёт речь о передаче от дознавателя к следователю, поскольку предварительное расследование производится в форме дознания и предварительного следствия) и изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования и передавать их

следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи.

Как обоснованно указывает С. Н. Климов в своей статье, посвящённой проблемам прокурорского надзора на рассматриваемой стадии, «уголовно-процессуальное законодательство на сегодняшний день не содержит нормативно закрепленной унифицированной процедуры передачи сообщений о преступлениях по подследственности», что создаёт предпосылки для нарушения закона и требует усиления надзорной функции прокурора [1].

Важнейшим дополнением к этому механизму стали положения ст. 145 УПК РФ. Во-первых, согласно п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, одним из вариантов завершения проверки сообщения о преступлении выступает решение о его передаче по подследственности. Далее, законодатель закрепил императив предоставления прокурору копии постановления о передаче сообщения по подследственности в течение 24 часов с момента его вынесения. Этот механизм оперативного информирования позволяет прокурору незамедлительно приступить к проверке законности принятого решения. Наконец, ч. 4 ст. 145 УПК РФ определяет за прокурором беспрецедентную властную прерогативу разрешать споры о передаче сообщения о преступлении по подследственности в течение 3-х суток с момента поступления соответствующего обращения, что окончательно закрепляет за ним роль арбитра в этой деликатной сфере [3].

Систематизация и конкретизация надзорной деятельности прокурора в части соблюдения подследственности в стадии возбуждения уголовного дела достигается через ведомственные предписания, главным из которых сегодня является Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2023 № 730 “Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах

дознания и органах предварительного следствия". Изданный в интересах поддержания продуктивности прокурорского надзора и руководствуясь ст. 17 Федерального закона «О прокуратуре РФ», этот документ устанавливает чёткие правила для организации работы прокуроров всех уровней – от заместителей Генерального прокурора до прокуроров городов и районов.

В вышеуказанном приказе содержится требование о планомерном (регулярном) характере осуществления проверок. Прокуроры обязаны проводить проверки в органах внутренних дел, Следственном Комитете РФ и других уполномоченных органах не реже одного раза в месяц. Если имеются достоверные данные о нарушениях законодательства, проверки надлежит организовывать безотлагательно (п. 1 Приказа № 730). Эта плановая работа создаёт основу для постоянного мониторинга ситуации с соблюдением подследственности.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что регламент передачи сообщений о преступлениях по подследственности в УПК РФ остается недоработанным. Несмотря на позитивные изменения, сохраняются серьёзные проблемы: отсутствие единого процессуального порядка, невынесение постановлений, случаи принятия решений ненадлежащими субъектами. В связи с этим требуется дальнейшее совершенствование законодательства, в том числе введение обязательного согласования решений о передаче с вышестоящим руководителем и юридическое закрепление обязанности выносить обоснованное постановление при направлении сообщения по подследственности.

Список источников

1. Климов С. Н. О некоторых проблемах прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального

законодательства при передаче сообщений о преступлении по подследственности // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 214–216.

2. Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2026).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: редакция от 08.03.2026. Ст. 37, 38, 39, 145, 146, 151, 152. // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 343.13

Правовые проблемы цифровизации процессуальных и следственных действий

Третьяков Далер Артёмович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dalertr@yandex.ru

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, следственные действия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Людмиле Викторовне Майоровой, доценту, канд. юр. наук.

© Третьяков Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В современную эпоху развития общества цифровизация стала неотъемлемой стороной жизни, причем не только в социально-бытовом, но и правовом поле. Бурное развитие электронных технологий привело к активному внедрению таковых в процессуальную и следственную деятельность, в связи с чем возникло большое количество важных вопросов как в доктрине, так и в практике.

Так на сегодня существует доктринальный вопрос, к какому все-таки виду доказательств следует относить электронные доказательства. По этому положению имеется три позиции, согласно первой - под электронным доказательством следует понимать один из видов вещественных доказательств, потому как «…скоро почти вся информация станет электронной…» [1]. «чрезмерная детализация видов доказательств способна привести к неоправданному усложнению процесса доказывания, а существующих категорий достаточно для охвата всей совокупности возможной доказательственной информации» [2].

Другие ученые считают что «электронные носители информации, с записанной на них информацией, обнаруженной в ЭВМ, в ходе следственного действия, являются производными вещественными доказательствами»[3], потому как уголовный процесс интересует информация на носителе а не сам носитель, и третья, наиболее жизнеспособная точка зрения стоит на том что электронные доказательства следует считать «самостоятельным видом доказательств, исходя из ее специфической формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс или способа преобразования ее в доказательство» [4], что можно подтвердить наличием у таких доказательств специфических признаков обусловленных цифровой природой. «Электронные доказательства обладают уникальной доказательственной формой и должны быть признаны самостоятельным видом доказательств» [5].

Другая проблема носит прикладной характер и заключается в вопросах оценки цифрового доказательства. Судебная коллегия по делам военнослужащих ВС РФ указала на то, что «скриншоты переписки, содержащие дефекты изображения, не могут быть признаны соответствующими требованиям вещественных доказательств» [6]. Это говорит о том, что доказательства, полученные в цифровом формате, должны отвечать строгим требованиям к их достоверности, целостности и возможности однозначной идентификации. Кроме того, Верховный суд указал на то, что в случаях если электронный носитель содержит большее чем указанно в протоколе количество информации, имеющей отношение к уголовному делу, стороны не вправе оспаривать такие доказательства как недопустимые. Так, например, если «на диске оказалось больше файлов, чем указано в протоколе, но содержание доказательства позволяет установить обстоятельства дела, а несоответствия формального характера не повлияли на достоверность информации, надлежит учитывать всю информацию на носителе» [7].

Следует упомянуть, что применение ВКС, как и иных явлений цифровизации призваны упростить процесс, сделать его более гибким и мобильным. Второй немаловажный момент, заключается в том, что законодатель указывает на первостепенность личного участия процессуальных лиц, их личного контакта и только в случаях, когда такое условие затруднительно применяется ВКС. Из данного замечания возникает другой, немаловажный вопрос - следует ли распространить применение ВКС на иные следственные действия, скажем на освидетельствование.

Кроме того, у ВКС есть неоспоримое преимущество – помимо обычного протокола, ВКС создает дополнительную гарантию достоверности полученных доказательств, а именно сохранение эфира в виде файла в формате MP4 воздействие на которой

(дописка, уничтожение) требует дополнительных знаний и на сегодняшний момент практически исключается.

Новым испытанием для судопроизводства станет законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [8]. На данный момент по вопросу искусственного интеллекта не только в правосудии, но и в иных сферах жизни возникает большое количество спорных ситуаций, таких как элементарные «багги», сбои работы, хакерские атаки.

Что до правосудия, к счастью, законопроект не перечисляет в качестве субъектов программу или программное обеспечение, что вызвало бы сетование со стороны правоприменителей и, конечно, отмену, при проверке профильным комитетом на конституционность. Законопроект дает понять, что ответственность за принятое судебное решение содержащее нарушение ответственность будет нести судья, а при ошибке на стадии подготовки к судебному заседанию, вопросы будут к техническому отделу.

Из вышеизложенного следует, что ИИ ни при каких обстоятельствах не будет самостоятельно принимать процессуальные решения.

Список источников

1. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 705 с.

2. Федорова М. Д. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и перспективы развития // Социальное управление. 2026. Т. 8, № 1. С. 73.

3. Краснова Л. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. 2013. С. 256.

4. Кудрявцева В. В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России / В. В. Кудрявцева, Н. А. Зигура. Москва: Юрлитинформ, 2011. 30 с.

5. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 47.

6. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2024 по делу № 225-УД24-23-А6.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 222-УД22-69-А6.

8. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 19.03.2026.

УДК 343.137.5

Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних

Шарипова Карина Зиёдулловна[1], Слесарева Элина Игоревна[2]
[1, 2]Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]sharipovakkarina@mail.ru
[2]slesareva.bublik.elina@mail.ru

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, несовершеннолетние, присмотр.

Заключение под стражу - самая строгая мера пресечения, а её применение в отношении несовершеннолетних требует повышенных гарантий соблюдения их прав. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 указал, что заключение под стражу несовершеннолетнего допустимо лишь как крайняя мера и на минимальный срок. Суд обязан проверять обоснованность ходатайства следствия о невозможности применения более мягкой меры пресечения [3].

Нормативные ограничения закреплены в ч. 2 ст. 108 УПК РФ: применение данной меры к несовершеннолетнему возможно в случае подозрения или обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а в исключительных случаях - в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения. При этом в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК заключение под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который

© Шарипова К. З., Слесарева Э. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые.

Категория «исключительные случаи» является наиболее дискуссионной. Суды обычно признают таковыми: наличие судимости, отсутствие контроля со стороны родителей, бродяжничество, употребление алкоголя и наркотиков и т.п. [2].

Н.А. Шатов отмечает отсутствие единого подхода к пониманию исключительных случаев при заключении под стражу несовершеннолетних за преступления средней тяжести и предлагает закрепить их примерный перечень в разъяснениях Пленума ВС РФ [5].

Важнейшей альтернативой заключению под стражу является присмотр за несовершеннолетним (ст. 105 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 423 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр.

Тем не менее анализ практики показывает, что суды не всегда исследуют возможность применения альтернативных мер пресечения. Так, Пятый кассационный суд общей юрисдикции 16 декабря 2024 г. указал: исключительных случаев для заключения под стражу несовершеннолетнего не установлено, а вопрос о присмотре (ч. 2 ст. 423 УПК РФ) не обсуждался, хотя подросток постоянно проживает с родителями [1].

Однако в доктрине уголовного процесса обоснованно ставится под сомнение эффективность присмотра, осуществляемого законными представителями. Например, М.О. Румянцева ставит под сомнение эффективность присмотра со стороны законных представителей, указывая, что действующая редакция ст. 105 УПК РФ направлена скорее на их «устрашение», а не на воспитательное воздействие на несовершеннолетних [4].

Присмотр со стороны законных представителей неэффективен, поскольку сам факт преступления говорит о недостаточном контроле родителей, закон не даёт им реальных рычагов воздействия на подростка, а их объективность снижена из-за желания избежать наказания для ребёнка.

По мнению Л.Ю. Щербаковой и В.Н. Чаплыгиной, указывающих на неэффективность присмотра, особенно в части осуществления его законными представителями, данную меру пресечения подлежит упразднить в отношении последних и оставить право присмотра за несовершеннолетними обвиняемыми только за должностными лицами специализированных детских учреждений [6].

На наш взгляд, заключение под стражу несовершеннолетних должно оставаться исключительной мерой. Позиция Верховного Суда РФ, требующая обязательного обсуждения присмотра, является обоснованной и направленной на защиту прав несовершеннолетних. Для повышения эффективности альтернативных мер пресечения необходимо законодательно закрепить примерный перечень исключительных случаев. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым должен осуществляться только должностными лицами специализированных детских учреждений, поскольку они обладают профессиональными навыками, не заинтересованы в исходе дела и несут персональную ответственность за его результаты. Только тогда будет обеспечен баланс между защитой общества от преступных посягательств и правами несовершеннолетних.

Список источников

1. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по вопросу избрания и продления меры пресечения в виде содержания под стражей за 2022–2024 гг. // Федеральная

палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru (дата обращения: 29.03.2026).

2. Особенность избрания меры пресечения несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений // Прокуратура Республики Коми. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_11/activity/legal-education/explain/e6338537/ (дата обращения: 29.03.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»: редакция от 09.12.2025 // СПС КонсультантПлюс.

4. Румянцева М. О. Проблемы реализации меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7, № 4. С. 106–114.

5. Шатов Н. А. Теоретические и нормативные аспекты избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 9 (178).

6. Щербакова Л. Ю. Реализация законным представителем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших (в порядке постановки проблемы) / Л. Ю. Щербакова, В. Н. Чаплыгина // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник Всероссийской научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 380–385.

Актуальные проблемы цивилистического процесса и нотариата

УДК 347.95

Процессуальный статус представителя в гражданском процессе

Андрущак Валерия Юрьевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: представитель, процессуальный статус представителя, процессуальная заинтересованность, лица, участвующие в деле, институт представительства.

В юридической науке статус представителя остаётся спорным: закон не относит его ни к лицам, участвующим в деле, ни к содействующим правосудию. Наиболее обоснованной считается позиция, что представитель — это лицо, участвующее в деле. Ключевой аргумент — наличие процессуальной заинтересованности.

В отличие от содействующих лиц, представитель, как указывает Т. В. Сахнова, «имеет процессуальную заинтересованность: вести процесс в интересах представляемого и добиваться вынесения решения суда в его интересах» [1]. Корни этой заинтересованности — в материально-правовых отношениях с доверителем.

Дополнительное подтверждение — наличие у представителя широкого круга процессуальных прав (ознакомление с делом, отводы, участие в исследовании доказательств). М.К. Треушников справедливо отмечает: представители «действуют на одном уровне со стороной» [2].

© Андрущак В. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

С.А. Халатов проводит параллель с прокурором: признание прокурора лицом, участвующим в деле, и противоположный подход к представителю противоречил бы принципам гражданского права [3].

Интересно, что дореволюционная процессуальная наука также склонялась к отнесению представителя к лицам, участвующим в деле. Е.В. Васьковский писал, что представитель «становится на её место в процессе, являясь как бы самой стороной» [4]. Анализ архивных материалов разработки ГПК РСФСР показывает, что представителя включали в состав участвующих в деле лиц исходя из его активности и заинтересованности (ст. 29 ГПК РСФСР) [5]. Это свидетельствует о глубоких исторических корнях данной позиции и её соответствии классическим представлениям о процессе.

Концепция Единого ГПК РФ относит представителя к иным участникам, мотивируя действием от своего имени, но это неточно: объём прав определяется доверенностью [6].

Позиция сторонников отнесения представителя к лицам, содействующим осуществлению правосудия (М. С. Шакарян, И. В. Решетникова), основанная на отсутствии у него личного материального интереса, не учитывает современного понимания процессуального интереса как самостоятельной правовой категории. Отсутствие выгоды в объекте спора не означает отсутствия интереса к самому судебному разбирательству. Представитель оказывает содействие не суду, а доверителю в реализации его права на судебную защиту [8].

Таким образом, именно процессуальная заинтересованность и объём прав позволяют утверждать, что представитель — лицо, участвующее в деле. Как отмечает Т. В. Сахнова, представитель обладает самостоятельной процессуальной функцией и собственным статусом [1]. Признание этого необходимо для реализации его самостоятельной роли в гражданском процессе.

Признание судебного представителя лицом, участвующим в деле, позволит официально закрепить его статус как самостоятельного субъекта гражданского процесса, поскольку, как отмечает Сахнова Т. В. «хотя права и обязанности представителя онтологически производны от прав и обязанностей стороны или третьего лица, представитель обладает самостоятельной процессуальной функцией и собственным правовым статусом, что обосновано материально-правовыми и процессуальными основаниями возникновения представительства, а также спецификой формирования его заинтересованности в деле» [Там же]. Следовательно, признание представителя лицом, участвующим в деле, является необходимым условием для реализации его самостоятельной роли в гражданском процессе.

Список источников

1. Сахнова Т. В. Практикум по гражданскому процессу. Москва: Статут, 2016. 464 с.

2. Треушников М. К. Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Москва: Издательский Дом Городец, 2007.

3. Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. Москва: НОРМА, 2002.

4. Вестник гражданского процесса. 2015. № 4.

5. Путь к закону: исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ / составители Жуйков В. М., Пучинский В. К.; под редакцией Треушникова М.К. Москва: Городец, 2004.

6. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ // СПС КонсультантПлюс.

7. Баловнева В. И. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы IV Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016.

8. Шакарян М. С. К вопросу о понятии и составе лиц, участвующих в гражданских делах // Труды ВЮЗИ. Москва, 1970.

УДК 347.91+347.95

Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора в цивилистическом процессе

Волкова Александра Сергеевна[1], Фирюлина Анастасия Евгеньевна[2]
[1, 2]Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]volkovasasha05@mail.ru
[2]Firyulinaanastasia@yandex.ru

Ключевые слова: третьи лица, отмена решения, привлечение третьих лиц судом, обжалование судебного решения.

Третьи лица – традиционные субъекты цивилистического процесса, демонстрирующие его «осложнение» третьим участником, связанным по определенным основаниям с предметом процесса.

Особую категорию таких участников составляют третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора. Статья 43 ГПК РФ предусматривает основание для

© Волкова А. С., Фирюлина А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

привлечения таких лиц - ситуацию, когда судебный акт способен повлиять на их права и обязанности по отношению к сторонам [1].

Вопросы, касающиеся данного правового института, систематически дискутируются. Так, М. С. Шакарян определяет третьих лицам, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, как субъектов, вступающих в процесс на стороне истца или ответчика по причине потенциального влияния на их права или обязанности перед одной из сторон судебным решением [5].

А. Ф. Клейнман в качестве главной цели участия подобных третьих лиц, называет оказание помощи той стороне, на чью они вступили [6]. В то же время М. К. Треушников основным назначением участия указанных лиц видит защиту собственных интересов, поскольку решение суда может оказать прямое воздействие на их права в отношениях с одной из сторон [4]. Несмотря на расхождение позиций исследователей, их взгляды подчеркивают значимость института в обеспечении гибкости механизмов правовой защиты.

Однако, несмотря на глубокое теоретическое осмысление этого правового явления, в правоприменительной деятельности обсуждают ряд проблем при вовлечении третьих лиц в процесс.

Первоочередная трудность заключается в практике судов привлечения третьих лиц лишь для «полноты рассмотрения». Подобные действия судов обуславливаются тем, что отсутствие в деле третьих лиц, чьи права затрагиваются судебным решением, влечет его последующую отмену. В качестве примера рассмотрим ситуацию, когда Арбитражный суд Свердловской области рассматривал спор между юридическими лицами об устранении строительных недостатков. Ответчик подал ходатайство о привлечении в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Суд удовлетворил ходатайство, мотивируя решение возможностью

будущего влияния судебного акта на права и охраняемые законом интересы этих субъектов. Таким образом, такой подход суда способствует достижению комплексного анализа, полноты и объективности рассмотрения дела, но, с другой стороны, это может повлечь вовлечение лиц без действительно веских оснований [7].

Второй аспект связан с отменой судебного решения из-за не привлечения третьего лица. Президиум ВАС РФ в своем Информационном письме от 13.08.2004 N 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» на вопрос привлечения к участию в деле третьего лица на стадии апелляционного производства указал на необходимость отмены первоначального решения и проведения нового рассмотрения дела по существу [3]. При этом суд обязан обеспечить участие в разбирательстве лиц, права и обязанности которых затронуты отмененным судебным актом.

Такую ситуацию иллюстрирует постановление Третьего арбитражного апелляционного суда, который, изучив доводы апелляционной жалобы указал, что спор действительно затрагивает права и охраняемые законом интересы лиц, ошибочно не привлечённых судом первой инстанции [8]. Суд назначил новое судебное заседание, привлек к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора и отменил решение суда первой инстанции.

Несмотря на широкое применение предписаний информационного письма ВАС РФ, существует мнение о его ошибочности, которая обуславливается расхождением с нормами законодательства. Указанные расхождения фиксируются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где акцентируется, что отмена судебного акта осуществляется по итогам рассмотрения дела по существу, а не на предварительном этапе, как регламентируется Президиумом ВАС РФ [2]. Кроме того, данное постановление уточняет, что стадия подготовки дела к судебному

разбирательству проводится лишь в случае объективной необходимости, что также вступает в противоречие подходу, предложенному Президиумом ВАС РФ.

Исходя из представленных доводов, можно констатировать, что практика вовлечения третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора непоследовательна, и требует законодательного регулирования.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 31 марта 2026 года: принят Государственной думой 23 октября 2002 года, одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года. Москва: Эксмо, 2026. 224 с. ISBN 978-5-04-177080-8.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.04.2026).

3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2026).

4. Гражданский процесс: учебник / Аргунов В. В., Борисова Е. А. [и др.]; под редакцией Треушникова М. К.; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва: МГУ, 2013. 464 с.

5. Гражданское процессуальное право: учебник / Алехина С.А., Блажеев В. В. [и др.]; под редакцией Шакарян М. С.; Министерство образования и науки Российской Федерации, Московская государственная юридическая академия. Москва: МГЮА, 2004. 584 с.

6. Клейнман А. Ф. Участие третьих лиц в гражданском процессе // Сборник трудов. Иркутск, 1927. № 13. С. 3–43.

7. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 03.08.2020 № А60-32418/2020. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 02.04.2026).

8. Постановление Третьего Арбитражного апелляционного суда от 02.04.2026 по делу № А74-7683/2024. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 347.9

Определение видов судебных постановлений, обладающих законной силой

Вунгалов Даниил Юрьевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dvungalov@gmail.com

Ключевые слова: судебные постановления, законная сила, юридическая сила, акт правосудия, воля государства, res iudicata, предмет судебного постановления, предмет судебной деятельности.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Сахновой Татьяне Владимировне, д-ру юрид. наук, профессору.

Как установлено частью первой статьи 13 ГПК РФ, суд уполномочен выносить такие судебные постановления как судебный приказ, решение суда, определение, а также постановление президиума суда надзорной инстанции. Из формулировки, закрепленной в части 2 этой же статьи

© Вунгалов Д. Ю, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

(«вступившие в законную силу судебные постановления») возникает вывод: законной силой наделяется каждое судебное постановление вне зависимости от формы его вынесения.

Актуальность исследования вызвана наличием специального положения в действующем процессуальном законодательстве, в соответствии с которым судебные постановления, в действительности не являющиеся актами правосудия, приравниваются по юридической силе к судебному решению.

Целью исследования является определение конкретных видов судебных постановлений, обладающих законной силой. Задачи исследования: определить предмет судебной деятельности и предмет судебного постановления каждого вида, выявить из них акты правосудия.

Степень исследования в доктрине: данный вопрос является предметом дискуссий уже более ста лет. Однако на сегодняшний день единый подход к его разрешению выработан так и не был. В ходе проведения исследования рассмотрены работы следующих авторов: Т. В. Сахновой, Н. А. Чечиной, А. А. Князева.

Судебный приказ выносится по требованиям бесспорного характера и имеет своей целью обеспечение интересов кредитора. Т. В. Сахнова замечает, судебным приказом, не связанным с рассмотрением и разрешением гражданского дела, правосудие не осуществляется из-за отсутствия его предмета [1, с. 457]. Должник фактически признает заявленные к нему требования, вследствие чего судебный приказ выдается без проведения судебного разбирательства и вызова должника и взыскателя (категории «истец» и «ответчик» не применяются ввиду отсутствия спора о праве).

Чтобы выделить акты правосудия среди определений, необходимо проанализировать предмет судебного рассмотрения.

Так, законной силой не обладают те определения, которые выносятся по ходу процесса судами первой и проверочных

инстанций. Н. А. Чечина замечает, что данные определения не изменяют ход процесса, они направлены на решение отдельных процессуальных вопросов и оформление процессуальных действий участников процесса [2, с. 338]. Именно вследствие этого сила таких определений не основывается на предмете правоприменения (в них отсутствует начало res iudicata).

Принято считать, что законная сила складывается из двух элементов: во-первых, воли государства (правоприменительная деятельность суда, облеченная в процессуальную форму); во-вторых, res iudicata (окончательное разрешение дела по существу) [1, с. 498]. Поэтому лишь отдельные определения, которыми завершается судебный процесс, могут признаваться актами правосудия.

В суде первой инстанции законной силой наделяется, например, определение о прекращении производства по делу в связи

с утверждением мирового соглашения сторон. Утверждение такого соглашения обязательно рассматривается в судебном заседании, что как раз и демонстрирует проявление воли государства в процессуальной форме (часть 2 статьи 153.10 ГПК РФ). Т. В. Сахнова поясняет, в классическом понимании res iudicata здесь отсутствует, однако урегулирование спора происходит с участием воли государства [1, с. 501]. Если мировое соглашение не было исполнено в добровольном порядке, суд выдает исполнительный лист, на основании которого исполнение мирового соглашения становится принудительным (ч. 2 ст. 153.11 ГПК РФ).

Законной силой обладают все определения судов проверочных инстанций, принятые по результатам проверки.

Приняв апелляционную жалобу или представление, суд апелляционной инстанции назначает судебное заседание и повторно рассматривает дело (ч. 1 ст. 327 ГПК РФ).

Аналогично кассационный суд общей юрисдикции, назначая судебное заседание, проверяет законность обжалуемых судебных постановлений (ч. 1 ст. 379.5 ГПК РФ), равно как и судебная коллегия Верховного Суда РФ (ч. 1 ст. 379.5 ГПК РФ).

Вынесению вышестоящим судом итогового определения предшествует проверка им обжалуемого судебного постановления, в результате чего таким образом определяется его «юридическая судьба» [1, с. 500].

Постановление суда надзорной инстанции, а также его определение законной силой обладают всегда.

До того момента, как Президиум Верховного Суда РФ примет дело к рассмотрению, судья Верховного Суда РФ предварительно изучает надзорные жалобу или представление либо по приложенным материалам, либо по материалам истребованного дела, после чего выносит соответствующее определение (ст. 391.5 ГПК РФ).

Если данным определением жалоба или представление передаются для рассмотрения в судебном заседании, Президиум принимает дело к рассмотрению, а по итогам выносит постановление (части 1 и 9 статьи 391.10 ГПК РФ). Тем самым также определяется «юридическая судьба» обжалуемого постановления посредством его пересмотра.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что судебное постановление приобретает законную силу исключительно в том случае, когда предмет судебной деятельности и предмет судебного постановления связаны с осуществлением правосудия.

В остальных случаях, как замечает А. А. Князев, судебные постановления обладают свойствами обязательности и исполнимости в силу того, что являются процессуальным документом, вынесенным органом государственной власти [3; 25].

Список источников

1. Курс гражданского процесса: 2-е изд., перераб. и доп. / Сахнова Т.В. Москва: Статут, 2014. 784 с.

2. Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2021. 656 с.

3. Князев А. А. Законная сила судебного решения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2004. 32 с.

УДК 347.91

Опыт введения Кодекса гражданского судопроизводства в Республике Беларусь: что определило успех унификации (в сравнении с опытом Российской Федерации)

Данилина Алёна Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alyona.danilina@list.ru

Ключевые слова: унификация, ГПК РБ, ХПК РБ, КГС РБ, Концепция Единого ГПК РФ, кодификация.

11 марта 2024 года был принят Кодекс Гражданского Судопроизводства Республики Беларусь, который в соответствии с заключительными положениями (ст. 640) вступил в силу с 1 января 2026 года [3].

В Российской Федерации была также предпринята попытка унификации процессуального законодательства в рамках идеи

© Данилина А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

единства цивилистического процесса, но идея так и не была реализована.

Возникает вопрос - почему же в Республике Беларусь удалось реализовать идею по унификации, а в Российской Федерации бурная деятельность утихла, и уже более 10 лет этот заново вопрос не поднимался?

Если обратится к хронологии событий, можно заключить, что разработка проекта КГС РБ заняла достаточно времени, были проведены общественные обсуждения и учтены полученные предложения, что позволило сделать работу более качественно. К тому же сама деятельность по разработке началась только спустя почти 5 лет после объединения ВС и ВХС РБ в 2014 году, что позволило лучше понять практические проблемы и противоречия действовавших кодексов.

Конечно, без указания на недостатки и критики некоторых положений проекта, которые были сохранены в КГС, не обошлось [1], но в целом научным сообществом идея унификации была воспринята положительно.

В России же Концепция Единого ГПК РФ подверглась значительной критике. Одной из причин неудачи реализации задуманного называют короткий срок разработки. Желание вслед судоустройственным преобразованиям провести процессуальные изменения, по мнению Т.В. Сахновой, привело к отсутствию учета потребностей практики, противоречию многим доктринальным положениям [4].

Проблемой Концепции Единого ГПК также можно назвать отсутствие как таковой кодификации. Анализируемую Концепцию, по мнению Д.Я. Малешина, можно назвать лишь результатом систематизации, так как было осуществлено лишь обобщение процессуальных правил, в чем отсутствует новизна [2].

Если обратится к КГС Беларуси, то можно увидеть, что не только устранены многие противоречия, упорядочен ряд институтов, но и присутствует ряд новелл.

Например, был расширен принцип диспозитивности. Усовершенствованы с учетом предложений белорусских авторов и зарубежной практики формы примирения (мировое соглашение, судебное примирение). Интересным видится появление в КГС новой примирительной процедуры - урегулирование спора путем переговоров сторон при содействии их адвокатов (ст. 169) [3].

Были включены новые виды процедур в суде первой инстанции - производства по коллективному исковому заявлению (гл. 28) и упрощенное производство (гл. 30) [Там же].

Отдельно следует отметить, что Кодекс в своем тексте содержал упоминание Апелляционного экономического суда, еще не существующего на тот момент. Это было вызвано необходимостью реформации системы хозяйственных судов. Данный суд действительно был создан за время введения КГС и начал работу с 1 января 2026.

Объединение арбитражного и гражданского кодексов в РФ было предназначено для унификации и устранения дублирования, но при этом буквально в 2015 году был принят КАС РФ, который во многом повторял положения действующего ГПК, что также негативно сказалось на возможности реализации задуманного [5].

Если обратиться к правовой системе Беларуси, то можно заметить, что отдельного кодекса административного судопроизводства не существовало. Ранее регулирование административного судопроизводства осуществлялось посредством ГПК, сейчас же КГС, конкретно подразделом 3 “Производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений” [3].

Подведем общий итог. К созданию единого процессуального кодекса вел постепенный путь преобразований, вызванный

желанием совершенствования правового регулирования и устранения противоречий процессуальных норм. Сам процесс разработки проекта будущего кодекса был постепенный, без лишней спешки и осложнений от параллельной законотворческой деятельности, что позволило провести качественную работу по кодификации, которая хоть и не учла всех замечаний, но помимо объединения лучших и наиболее эффективных положений ГПК и ХПК, принесла определенную новизну, заложила основу новым институтам.

Полагаю, опыт введения единого процессуального кодекса в Республики Беларусь можно назвать удачным, так как никаких существенных помех не возникло, а судить о практичности и эффективности данной унификации для практики позволит лишь время.

Список источников

1. Колядко И. Н. Кодекс гражданского судопроизводства как итог и этап судебной реформы // Современные тенденции развития цивилистического процессуального права. 2022. С. 49–56.

2. Малешин Д. Я. От концепции Единого ГПК к общему судебному кодексу // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 10–24.

3. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 11.03.2024 № 359-З: редакция от 30 декабря 2025 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk2400359 (дата обращения: 04.04.2026).

4. Сахнова Т. В. О концепте Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу) // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 9–27.

5. Сахнова Т. В. Достижимо ли единство цивилистического процесса? (в контексте Концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 4. С. 3–10.

УДК 347.94

Электронные доказательства — отдельный вид доказательств?

Ефимчук Никита Максимович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
nikita.efimchuk.post@gmail.com

Ключевые слова: арбитражный процесс, доказывание, электронные доказательства, письменные доказательства, электронный документ, АПК РФ.

Глобальная цифровизация общественных отношений закономерно влияет и на развитие арбитражного процесса. Участники оборота массово используют электронную переписку и цифровую фиксацию фактов. Это породило в юридической науке и практике широкое использование термина «электронные доказательства» и дискуссию о его правовом статусе.

Согласно частям 1 и 2 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), доказательствами являются полученные в установленном порядке сведения о фактах [1]. Кодекс содержит открытый перечень их видов: письменные, вещественные доказательства, аудио- и

© Ефимчук Н. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

видеозаписи и др. Понятие «электронное доказательство» в АПК РФ отсутствует.

Ряд исследователей считает это существенным пробелом. Т. Т. Алиев полагает, что электронные доказательства требуют выделения в самостоятельную категорию из-за специфики их сбора и хранения [4]. О. В. Журкина предлагает закрепить их легальное определение, указывая на уязвимость цифровой информации и сложности оценки ее достоверности [5]. Е. С. Левенкова также обосновывает необходимость нового вида средств доказывания спецификой материального носителя, выражающееся в отсутствии неразрывной связи между носителем и информацией, и зависимостью от электронной вычислительной машины (ЭВМ) [7].

Однако теоретический анализ процесса доказывания позволяет сделать однозначный вывод, что выделять электронные доказательства в самостоятельный вид необоснованно. Это словосочетание можно рассматривать лишь как техническое обозначение формы информации. Выделение их в кодексах в качестве нового вида доказательств было бы неверным, так как цифровая форма не меняет правовую природу самих сведений.

Во-первых, базовая классификация доказательств строится на механизме формирования информации. Так, письменные доказательства характеризуются тем, что сведения воспринимаются из содержания документа, где мысли и воля автора выражены с помощью системы знаков (букв, цифр). Электронный договор, деловое письмо по e-mail или текстовое сообщение в мессенджере полностью отвечают этому критерию. Судья воспринимает ту же знаковую информацию, что и при чтении бумажного носителя. Следовательно, по механизму отражения действительности это классическое письменное доказательство. Данный подход закреплен и законодателем в части 3 статьи 75 АПК РФ, где документы, полученные через сеть «Интернет» или подписанные электронной подписью, отнесены к

письменным доказательствам [1]. Как справедливо отмечает В. А. Лаптев, электронные документы стали общепризнанным письменным доказательством в судопроизводстве [6].

Во-вторых, сторонники выделения «электронных доказательств» допускают логическую ошибку — подмену основания классификации. Термин «электронный» характеризует исключительно способ кодирования и вид носителя (жесткий диск, флэш-накопитель), но не меняет процессуальную суть информации. Если распечатать электронное письмо на принтере, изменится ли его правовая природа? Очевидно, нет. Оно как было, так и останется письменным доказательством. Следовательно, выделение отдельного вида доказательств только на основе того, что текст записан бинарным кодом, а не чернилами, лишено смысла. Для цифровых фотоизображений или аудиозаписей статья 89 АПК РФ уже предусматривает гибкую категорию «иные документы и материалы» [1].

В-третьих, современный правоприменитель успешно оперирует цифровыми файлами, опираясь на установленный регламент подачи документов в электронном виде [3]. Цифровая форма не мешает проводить оценку таких сведений судами в рамках традиционных процессуальных институтов относимости, допустимости и достоверности [2]. Безусловно, проверка цифрового файла имеет специфику, например, необходимость привлечения специалистов для оценки лог-файлов, метаданных, проверки электронных подписей или хэш-сумм, однако техническая сложность криптографической проверки не делает файл новым процессуальным видом доказательств.

Таким образом, процессуальное право не нуждается в искусственном внедрении категории «электронное доказательство». То, что принято называть этим термином, на самом деле представляет собой форму фиксации и способ передачи традиционных средств доказывания: в первую очередь,

письменных доказательств, а также аудио-, видеозаписей и иных материалов. Развитие арбитражного процесса должно идти путем детальной регламентации процедур криптографической проверки и осмотра цифровых данных в рамках существующих процессуальных институтов, а не через разрушение классической системы доказательств.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ: редакция от 15.12.2025 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=520138 (дата обращения: 19.06.2026).

2. Алиев Т. Т. Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 24–27.

3. Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 48–51.

4. Левенкова Е. С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 481–483.

5. Лаптев В. А. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 56–59.

6. Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252: редакция от 20.02.2018 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=294821 (дата обращения: 19.06.2026).

7. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286321 (дата обращения: 02.05.2026).

УДК 347.91

Протокол судебного заседания в арбитражном процессе: эволюция – от рукописного до аудио

Карпович Константин Николаевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kystik0107@gmail.com

Ключевые слова: протокол, протоколирование, аудиозапись, судебное заседание.

В рамках арбитражного процесса одним из главных процессуальных документов выступает протокол судебного заседания, который фиксирует ход судебного заседания. Прошло уже более 20 лет с момента принятия действующего АПК РФ, в связи с чем возникают вопросы: какие изменения претерпело правовое регулирование протокола судебного заседания за эти годы и какую роль он играет сегодня?

Обратившись к редакции ст. 155 АПК РФ от 30.04.2010, мы видим, что в рамках первой инстанции письменный протокол подлежит ведению в ходе всех без исключения судебных заседаний,

© Карпович К. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

а также при совершении отдельных процессуальных действий вне заседаний. Фиксация при этом допускается как рукописным способом, так и с использованием пишущей машинки или компьютерных средств.

Однако 27 июля 2010 года законодателем были внесены кардинальные изменения в содержание ст. 155 АПК РФ, вступившие в силу с 01 ноября 2010 года. Согласно обновлённой редакции статьи 155 АПК РФ, фиксация судебного процесса осуществляется одновременно двумя способами: посредством аудиозаписи и путём составления письменного протокола. Последний может быть выполнен как от руки, так и с применением технических устройств.

Принципиальным изменением, внесённым в 2010 году, явилось смещение письменного протокола на второй план. Согласно части 2 статьи 155 АПК РФ, за ним закреплена функция дополнительного средства фиксирования. Данная правовая позиция также отражена в п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12, признающем аудиозапись основным способом фиксации данных о ходе судебного заседания [2].

Последующие изменения, вносимые законодателем, также были направлены на усиление роли аудиопротоколирования. Например, в период до 1 октября 2019 года действовало следующее правило, закреплённое в ст. 270 и 288 АПК РФ: отсутствие протокола признавалось безусловным основанием для отмены судебного решения. Сейчас обжалование по такому основанию стало возможно только при отсутствии аудиозаписи судебного заседания. Однако отсутствие самой аудиозаписи также не является безусловным основанием для отмены судебного решения, в чем усматривается противоречие с тезисом о том, что аудиозапись является основным средством фиксации.

Изменения также незначительно коснулись сроков и содержания самого протокола. Данные, подлежащие фиксации, определяются перечнем ч. 2 ст. 155 АПК РФ, законодательное

изменение которого связано в основном с внедрением технических средств. Протокол по-прежнему не содержит фактов, имеющих значение при рассмотрении дела, а лишь закрепляет формальный порядок заседания. Существует точка зрения, что вследствие этого протокол становится пустым документом без приложения к нему аудиозаписи [4].

В свою очередь, отношение к электронному протоколированию остается противоречивым. Так, В. И. Решетняк, к.ю.н., отмечает, что это «позволяет минимизировать негативное влияние «человеческого фактора» на объективность протокола заседания, способствует ускорению судопроизводства» [5]. А. Ю. Астафьев же считает, что аудиозапись является действенным средством самоконтроля для судьи [3].

Тем не менее, как указывает А. М. Крепышев, «многие судьи отдают предпочтение протоколу в письменной форме ввиду удобства для восприятия информации». Кроме этого, ряд ученых утверждают, что аудиозапись должна рассматриваться лишь как вспомогательное средство процессуальной фиксации и не устраняет окончательно проблему объективности.

Законодатель предусмотрел случаи, когда аудиопротоколирование не осуществляется ввиду нецелесообразности. Согласно п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ №12, такое возможно, если происходит рассмотрение дела без вызова сторон, а также в случае неявки лиц, участвующих в деле, или иных участников арбитражного процесса [2]. При подобных обстоятельствах единственным источником информации о ходе судебного разбирательства остаётся лишь протокол, что противоречит концепции, отводящей письменному протоколу только вспомогательную роль в фиксации процесса.

Решение законодателя о внедрении аудиопротоколирования оценивается по-разному. Критикуя внесенные изменения, правоведы называют возможные негативные последствия

использования аудиопротоколирования: искажения, получение подложной информации или некачественной аудиозаписи [4]. Тем не менее, с нашей точки зрения, указанные проблемы сегодня полностью преодолимы за счёт синхронной фиксации по нескольким каналам и автоматического дублирования данных. Напротив, в литературе справедливо отмечается, что надежность аудиозаписи выражается в непрерывности ведения и отсутствии возможности незаметно внести изменения.

Таким образом, за время действия АПК РФ правовое регулирование протокола судебного заседания претерпело существенную эволюцию. Сохраняющаяся дискуссия о месте письменного протокола не отменяют общей положительной оценки аудиопротоколирования. Оно не только повышает объективность и открытость судопроизводства, но и создаёт дополнительные гарантии для лиц, участвующих в деле.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ: редакция от 15.12.2025 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 19.06.2026).

2. О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12: редакция от 27.06.2017 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111644/ (дата обращения: 19.06.2026).

3. Астафьев А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

4. Крепышев А. М. Особенности протоколирования судебного заседания / А. М. Крепышев, Л. Р. Юлбердина // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 331–335.

5. Решетняк В. И. Использование информационных технологий при составлении протокола судебного заседания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 8. С. 51–55.

УДК 347.91

Оценка доказательств в арбитражном процессе

Лысенко Полина Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, polinaaa.l004@mail.ru

Ключевые слова: доказательства, оценка доказательств, относимость, допустимость, достоверность.

Оценка доказательств – центральный, завершающий элемент арбитражного доказывания, пронизывающий все его стадии – от определения предмета доказывания до принятия судебного акта. Именно на её основе суд формирует выводы по делу. Как отмечает И.В. Решетникова, «оценка доказательств – это не только процессуальная, но и мыслительная деятельность, подчиненная законам познания и логики» [4]. При этом АПК РФ, закрепляя принцип свободной оценки, одновременно устанавливает нормативные критерии законности судебного акта.

Нормативная основа закреплена в ст. 71 АПК РФ: суд оценивает доказательства, по внутреннему убеждению,

© Лысенко П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании [1]. Данная норма раскрывает два аспекта: независимость судьи от внешних предписаний о силе доказательств и строгие ориентиры для формирования убеждения, которое не может быть произвольным [2].

Законодатель в ч. 2 ст. 71 АПК РФ выделяет четыре основных критерия, которым должно отвечать каждое доказательство: относимость, допустимость, достоверность, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Согласно ст. 67 АПК РФ относимость доказательств означает, что суд принимает только те доказательства, которые имеют отношение к рассматриваемому делу. Доказательство признается относимым, если оно способно подтвердить или опровергнуть обстоятельства, имеющие юридическое значение для разрешения спора [5].

В соответствии со ст. 68 АПК РФ допустимость доказательств представляет собой требование о подтверждении определенных обстоятельств строго определенными средствами доказывания. В широком смысле допустимость включает также соблюдение процессуального порядка получения доказательств, что имеет целью обеспечить достоверность и законность доказательственной информации [6]. Нарушение правил допустимости влечет невозможность использования такого доказательства в обоснование судебного акта.

Достоверность (ч. 3 ст. 71 АПК РФ) – это свойство доказательства, свидетельствующее о соответствии содержащихся в нем сведений объективной действительности. Оценка достоверности предполагает проверку источника информации, отсутствие противоречий с другими доказательствами, а также анализ логических связей. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.12.2021 № 46 в п. 39 разъяснил, что при рассмотрении заявления о фальсификации доказательства суд

проверяет его обоснованность, в том числе путем назначения экспертизы или истребования дополнительных доказательств [3]. Данный механизм служит важной гарантией выявления недостоверных сведений.

Особую сложность представляет разграничение допустимости и достоверности. Нередко на практике недопустимое доказательство (например, полученное с нарушением закона) пытаются исключить по мотивам недостоверности. Однако, как верно отмечается в литературе, недопустимость – это процессуальный порок формы или источника, а недостоверность – содержательный недостаток информации [7]. Суд обязан четко квалифицировать основание для исключения доказательства.

Достаточность доказательств – это качественный, а не количественный показатель. Достаточность определяется не числом доказательств, а тем, позволяют ли они суду принять решение в пользу истца или об отказе в иске [7]. В п. 36 Постановления № 46 подчеркивается, что арбитражный суд вправе вынести на обсуждение сторон вопрос о необходимости доказывания иных обстоятельств, даже если стороны на них не ссылались, что направлено на обеспечение полноты и достаточности доказательственной базы [3].

Важнейшим принципом оценки доказательств является отсутствие заранее установленной силы (ч. 5 ст. 71 АПК РФ). Никакие доказательства не имеют преимущества перед другими, и суд оценивает их, по внутреннему убеждению, в совокупности и взаимной связи. Это правило исключает формальный подход, при котором, например, заключение эксперта автоматически признавалось бы более весомым, чем иные письменные доказательства [4].

Логическим завершением процесса оценки доказательств выступает требование об отражении её результатов в судебном акте. В силу ч. 7 ст. 71 АПК РФ суд обязан отразить в судебном акте

мотивы принятия доказательств либо отказа в их принятии, а также результаты их оценки. Такая мотивировка выступает не формальностью, а важнейшей гарантией судебного контроля: она позволяет вышестоящим судам проверить законность и обоснованность принятого решения.

Таким образом свобода оценки доказательств в арбитражном процессе не сводится к неограниченной дискреции судьи. Пределы оценки очерчены нормативными критериями – относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью, – а также обязанностью суда мотивировать свои выводы. Строгое соблюдение этих требований, закрепленных в ст. 71 АПК РФ, служит фундаментальной гарантией законности и обоснованности судебных актов, исключающей субъективизм при разрешении экономических споров. Именно надлежащая оценка доказательств обеспечивает реальную, а не декларативную защиту нарушенных прав и законных интересов участников арбитражного процесса.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ: редакция от 15.12.2025 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.06.2026).

2. Арбитражный процесс: учебник / под редакцией Яркова В.В.; 7-е изд., перераб, и доп. Москва: Статут, 2017. 880 с.

3. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.06.2026).

4. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Москва: Статут, 2017. 320 с.

5. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. Москва: Городец, 2016. 304 с.

6. Коваленко А. Г. Институт доказывания в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Москва: Норма, 2002. 256 с.

7. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. Москва: Статут, 2010. 480 с.

УДК 347.9

Судебное примирение и медиация: преимущества для сторон спора

Ляшок Антон Павлович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lyashok_anton@mail.ru

Ключевые слова: примирительные процедуры, примирение, судебное примирение, медиация, цивилистический процесс, делегированная примирительная процедура.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Владимировне Сахновой, профессору, д-ру юрид. наук.

Современный цивилистический процесс в РФ движется по пути развития механизма примирения сторон. Благодаря реформе 2018-2019 гг. в задачи суда были включены положения о необходимости судопроизводства способствовать (содействовать) мирному урегулированию споров. Актуальность исследования вызвана наличием некоторых недостатков законодательного

© Ляшок А. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

регулирования примирительных процедур (как отмечает Т.В. Сахнова, «плохо продуманный концепт примирительных процедур [1; с. 22]»), а также ростом судебной нагрузки, длительностью разбирательств и высокими судебными расходами для сторон.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации преимуществ судебного примирения и медиации для сторон спора по сравнению с классическим судебным разбирательством. Задачи исследования: раскрыть правовую природу процедур, провести сравнительный анализ их преимуществ.

Степень исследования в доктрине: примирительные процедуры изучаются уже достаточно длительное время, особый интерес ученых проявился после проведения реформы цивилистического процесса 2018-2019 гг. В ходе проведения исследования были рассмотрены работы следующих авторов: Л. Кадье, Т.В. Сахновой, Е.И. Носыревой. Важно заметить, что самостоятельное, т.е. лишь действиями судьи, содействие мирному урегулированию спора будет иметь меньший эффект. Следует согласиться с Е.И. Носыревой, которая указывает, что выполнение указанной задачи требует активных согласованных действий в том числе от сторон [2; с. 36].

Медиация – это внесудебная по своей природе процедура урегулирования споров с участием медиатора. Она регулируется Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» как материально-правовым актом. В судебном процессе использование медиации урегулировано нормами процессуального права (ст.ст. 153.3, 153.5 ГПК РФ). Судебное примирение – это примирительная процедура, проводимая после возбуждения дела в суде с участием специального лица – судебного примирителя (судьи в отставке). Оно урегулировано процессуальным законодательством (ст. 153.6 ГПК РФ) и

детализировано Регламентом проведения судебного примирения, утвержденным ВС РФ.

Обе процедуры обладают значительным числом общих черт. Судебное примирение и медиация направлены на добровольное урегулирование спора с учетом интересов сторон. Основные принципы идентичны: добровольность, сотрудничество, равноправие, конфиденциальность. В частности, Л. Кадье в своих научных трудах указывает, что конфиденциальность гарантирует искренность сторон и укрепляет их доверие к посреднику, а добровольность (т.е. согласие сторон) не позволяет примирить сторону против своей воли [3; с. 166].

Стороны обладают равными правами на выбор процедуры, условий ее проведения и кандидатуры примирителя или медиатора. Обе процедуры применимы при рассмотрении спора судом. Результатом примирительных процедур может быть мировое соглашение, полный или частичный отказ от иска, полное или частичное признание иска, признание обстоятельств, соглашение по обстоятельствам дела.

Различия процедур обусловлены правовой природой. Заметим, что, хотя обе эти процедуры и внесудебные, Регламент пытается ввести элементы делегированной процедуры в судебное примирение. В медиации степень участия суда минимальная, в судебном примирении – более тесная (взаимодействие с примирителем, контроль со стороны суда). Медиатор не вправе знакомиться с материалами дела в отличие от судебного примирителя. Процедура медиации проводится как на бесплатной, так и на платной основе, расходы на ее проведение не относятся к судебным издержкам. Процедура судебного примирения, в свою очередь, бесплатна для сторон. Медиация может начаться до суда или параллельно, а обратиться к судебному примирению можно только после возбуждения дела в суде.

Использование сторонами рассматриваемых примирительных процедур позволяет сэкономить сторонам немало времени и средств. Достижение взаимовыгодного результата, сохранение деловых или личных отношений, а также сохранение конфиденциальности – все это является неоспоримыми преимуществами использования примирительных процедур. К тому же положительный эффект охватывает не только стороны, но и судебную систему в части снижения нагрузки на судей. Между медиацией и судебным примирением невозможно сделать однозначный выбор в пользу одной из процедур. Приоритет зависит от характера спора, взаимоотношений сторон и т.д. Заметим, что медиация может быть предпочтительнее до возбуждения дела в суде, когда стороны желают максимальной гибкости и приватности. Судебный примиритель же благодаря своему опыту судейской работы может вызвать больше доверия у сторон.

Судебное примирение и медиация – не идентичные институты. Они имеют как сходства, так и различия. Для сторон спора обе процедуры представляют значительные преимущества по сравнению с традиционным судебным разбирательством. Уверены, что дальнейшее развитие и совершенствование рассматриваемых институтов положительно скажется на правоприменительной практике.

Список источников

1. Сахнова Т. В. О реформах цивилистического процесса 2018-2019 гг.: взгляд сверху // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 12–29.

2. Носырева Е. И. Правовое регулирование участия суда в примирении сторон по гражданским и административным делам // Публично-правовое обозрение. 2024. № 2. С. 31–38.

3. Cadiet L. Panorama des modes alternatifs de règlement des conflits en droit français // Ritsumeikan Law Review. 2011. № 28. P. 147–167.

УДК 347.941

Трансформация классических средств доказывания в условиях цифровизации

Сас Марк Романович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, MSas-YY23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровизация, гражданское судопроизводство, средства доказывания, цифровые доказательства, процессуальная форма, письменные доказательства.

В условиях цифровизации и интенсивного развития информационных технологий электронные средства всё активнее используются при совершении юридически значимых действий. Это актуализирует проблему трансформации классических средств доказывания, которая по-прежнему носит неоднозначный и дискуссионный характер.

Проводя анализ по обозначенной теме, констатируем, что трансформация классических средств доказывания сводится к цифровизации и к так называемым цифровым доказательствам, являющимся спорными в современной процессуальной доктрине и

© Сас М. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

практике. Законодатель не выделяет цифровые доказательства в отдельный вид судебных доказательств и тем более не закрепляет их дефиницию, хотя и имеет место и мнение о том, что цифровые доказательства являются самостоятельным видом доказательств, которые не учитываются в действующей редакцией Главы 6 ГПК РФ, что проходит мимо возможностей современных технологий, в результате которых возможно получение информации, имеющей значение в судебном процессе.

Рассмотрим практическую составляющую вопроса о цифровых доказательствах непосредственно в судебном процессе. Для того, чтобы суд принял доказательство в цифровом виде, оно должно соответствовать относимости (ст. 59 ГПК РФ) и допустимости (ст. 60 ГПК РФ). В целом суд относит такие доказательства, как мы уже ранее говорили, к письменным. Это обусловлено формой представления суду таких доказательств, ведь так или иначе они будут представлены суду именно на материальном носителе, а в частности в бумажном варианте. Например, копия скриншота переписки или веб-страницы и т.п. Стоит определить, что сущностным критерием письменного доказательства выступает знаковая форма фиксации информации: юридически значимые сведения объективируются посредством буквенно-цифровых или графических обозначений, размещаемых на материальном или электронном носителе. Реализуя принцип технологической нейтральности, процессуальный закон не исчерпывает перечень допустимых носителей и прямо легитимирует документы, переданные по каналам факсимильной, электронной или иной связи. При этом определяющим условием их процессуальной допустимости является не физическая природа носителя, а наличие верифицируемых механизмов, гарантирующих установление подлинности документа и надежную идентификацию источника его происхождения. Отсюда можно сделать вывод о том, что форма информации, представленной суду в качестве доказательства, не

различается с обычным письменным документом ведь своей сути это информация, находящаяся на бумажном носителе, представленная в виде буквенно-цифровых и графических изображений.

Сложившаяся практика показывает, что в такое традиционное средство доказывания как письменное доказательство можно вложить в том числе и цифровые доказательства, что суд, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению (ст. 67 ГПК РФ), успешно реализует на данный момент на практике. Так, например, суд первой инстанции указал на отсутствие нотариального заверения снимков экрана с мессенджера, где подтверждается нарушение его исключительных прав со стороны ответчика. Данную позицию поддержал суд апелляционной и кассационной инстанции. Вопреки позиции нижестоящих судов, Верховный Суд счел отсутствие нотариального заверения таких доказательств, не свидетельствующих об их недостоверности [1]. Помимо прочего в определении Верховного суда можно проследить, что коллегия приводит достаточно убедительные аргументы, по нашему мнению, предписывающие рассматривать доказательства, представленные в цифровом формате, как письменное доказательство, тем самым вкладывая в письменные доказательства и иные.

Почему же так происходит? Полагаем иное, а именно отход от сложившейся классификации и выделение цифровых доказательств в отдельную категорию нарушило бы логику процессуальной формы, которая в данный момент представляется нам системной и внутренне согласованной. Действующее процессуальное законодательство содержит проработанный и устоявшийся механизм работы с письменными доказательствами, включая порядок их представления, проверки подлинности и оценки. Внедрение новой категории потребовало бы внесения масштабных изменений во множество статей кодексов, а также разработки

подзаконных актов, регламентирующих технические аспекты работы с цифровыми материалами. На начальном этапе это неизбежно привело бы к противоречиям между нормами, пробелам в регулировании и неоднозначности судебной практики.

Таким образом, трансформация классических средств доказывания представляет собой уже состоявшийся факт. Ее реализация происходит за счёт включения в категорию письменных доказательств новых современных форм материализации и фиксации информации. В числе таких форм особую роль играют так называемые цифровые доказательства. В контексте единства процессуальной формы этот подход позволяет избежать подмены сущности доказательства: он не меняет её, а лишь расширяет границы восприятия и применения доказательственных средств. Вопрос трансформации классических средств доказывания, по нашему мнению, требует более глубокого доктринального осмысления самой сущности доказательства — с учетом стремительного технологического развития и необходимости его правового регулирования.

Список источников

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 по делу № 5-КГ22-144-К2. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 11.04.2026).

УДК 347.9

Пределы активности суда в состязательном процессе

Стяжкин Никита Юрьевич
Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета, Красноярск, Россия, styazhkin0070@mail.ru

Ключевые слова: принцип состязательности, судопроизводство, судебная активность, пределы судебной активности, Красноярский край, судебная практика, Конституция РФ, правовые нормы, гражданское судопроизводство.

Принцип состязательности сторон занимает ключевое место в судопроизводстве Российской Федерации, что подтверждает в своей работе «Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве» Н. Н. Давыдова: «Принцип состязательности сторон является одним из основополагающих начал любого судопроизводства» [3, с. 236]. Более того, он чётко прописан и в Конституции России: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [4].

Из этого всего вытекает актуальность данного исследования, обусловленная необходимостью выявить специфику реализации принципа состязательности в условиях Красноярского края с учётом его географических и социально-экономических особенностей. В связи с этим мы ставим следующую цель – определить пределы допустимой активности суда в состязательном процессе, основываясь на судебной практике Красноярского края.

Для более детального раскрытия данной темы для начала следует привести именно трактовку термина «состязательность».

© Стяжкин Н. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Для этого обратимся к исследованию Д. Г. Савченко «Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве», где сказано: «Состязательность – это демократический принцип судопроизводства, согласно которому разбирательство происходит в форме спора сторон в судебном заседании, при этом все участники спора наделены равными правами» [7].

Иными словами, у сторон должны быть равные процессуальные возможности, а суд при этом занимает нейтральную позицию. Но при этом, как отметила Екатерина Давыдова в Адвокатской газете, суд также не должен быть совсем пассивным [6]. Ведь при существенном дисбалансе сил, когда судебный процесс протекает между крупной корпорацией и частным лицом пассивность суда может привести к злоупотреблению прав более сильной стороны, и в итоге состязательность процесса станет фикцией, а равенство обычной формальностью.

Переходя к изучению судебной практики Красноярского края обратимся к делу от 3 июня 2021 года, касающегося компенсации за снос гражданского бокса, согласно которому истец ФИО3 приобрела гаражный бокс у ФИО4 в 1994 году, после чего вступила в ПГСК «Восход», оплатив первый взнос. Данный гараж соответствовал всем пожарным и санитарным нормам, у истицы на руках имелись все экспертизы за 2016 год, однако в 2017 году «Управлением капитального строительства» он был снесён с её согласия, но без выплаты необходимой компенсации. Рыночная стоимость данного бокса по заключению ООО «Профессионал» составила 999 000. В итоге ФИО3 в своём иске просила взыскать с «Управления капитального строительства» в качестве компенсации именно эту сумму, впоследствии данное требование после детального рассмотрения дела было удовлетворено судом [5].

Однако в судебной практике Красноярского суда встречаются также и нарушения в этом аспекте, например, превышение

полномочий, недостаточная активность суда. Хорошо это доказывает судебное дело А. В. Степанова, который подал иск в суд на ГСПК «Индустриальный-2» также о возмещении ущерба, связанного с незаконным сносом гаража [1]. Но суд первой инстанции не провел необходимую оценку ущерба, не были приняты доводы о том, что гараж построен на законных основаниях, что подтверждает нарушения принципа состязательности.

Таким образом, в судебной практике Красноярского края продолжают встречаться случаи нарушений принципа состязательности, как в ситуации А. В. Степанова, обуславливаемые пассивностью суда, но также имеют место быть и другие факторы – недостаточное содействие сторонам, нарушение полномочий. Для минимизации подобных проблем можно предложить следующие рекомендации:

— Регулярно проводить семинары и тренинги для судей по вопросам, касающимся соблюдения принципов состязательности и пределов судейской активности;

— Можно способствовать созданию специальных методических рекомендаций по Красноярскому краю по применению норм, отвечающих за активность суда для судей с учётом специфики региона.

В заключение следует добавить то, что принцип состязательности, закреплённый на конституционном уровне, не всегда применяется корректно в судебной практике, что доказывается примером, взятым из суда Красноярского края. Однако при этом следует подчеркнуть, что и случаев добросовестного применения принципа состязательности в этом регионе России достаточно много, но, чтобы их стало ещё больше, требуется определённый комплекс мер по устранению выявленных проблем, согласно которому определённые региональные особенности (например, дисбаланс ресурсов у сторон) не будут

препятствовать равенству сторон в судебном процессе. И первым шагом к этому может стать применение разработанных рекомендаций.

Список источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 23.01.2013 по делу № 33668/2013. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/104852002/ (дата обращения: 31.03.2026).

2. Давыдова Н. Н. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 235–240.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Ст. 123. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/333472761168d6f9a2483f15c178b962131e0c01/ (дата обращения: 31.03.2026).

4. Решение Центрального районного суда г. Красноярска от 02.06.2021 по делу № 2-2439/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Uy102BhM5PgH/ (дата обращения: 31.03.2026).

5. Рогоцкая С. Об активной роли суда в процессе // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ob-aktivnoy-roli-suda-v-protsesse/ (дата обращения: 31.03.2026).

6. Савченко Д. Г. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве. URL: https://conf.siblu.ru/princip-sostyazatelnosti-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve (дата обращения: 31.03.2026).

УДК 347.91

Проблемы надлежащего уведомления лиц, участвующих в деле, в упрощенном производстве арбитражного процесса

Чумарова Мария Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chumarova-00@mail.ru

Ключевые слова: упрощенное производство, арбитражный процесс, надлежащее уведомление, процессуальная экономия, электронное правосудие.

С 1 июня 2016 года в АПК РФ действует глава 29, регулирующая упрощённое производство [4; 8]. Данный институт направлен на ускорение рассмотрения дел, однако отказ от устного разбирательства не отменяет обязанности суда надлежаще известить стороны о процессе и сроках представления доказательств.

Согласно ч. 2 ст. 228 АПК РФ суд выносит определение о принятии заявления, где указывает на рассмотрение дела в упрощённом порядке и устанавливает соответствующие сроки. Копия определения служит средством извещения. Проблема заключается в коллизии общих правил извещения (ст. 121–123 АПК РФ) и специфики упрощённой процедуры.

Часть 3 ст. 121 АПК РФ допускает использование электронной почты, телеграмм и иных средств связи лишь в случаях, не терпящих отлагательства. Упрощённое производство к таковым не относится, поэтому формально единственным законным способом

© Чумарова М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

остаётся заказное письмо, что противоречит идее ускоренного правосудия.

Указанная коллизия не устранена почти десять лет, несмотря на активную цифровизацию судебной системы («Мой арбитр», электронный документооборот) [1; 2; 3]. Верховный Суд РФ в Обзоре №5 (2017) [5]. разъяснил: стороны считаются извещёнными при наличии доказательств вручения заказного письма либо «иных доказательств» получения информации. Однако оценочность последней категории на практике ведёт к приоритету почтовых уведомлений, нивелируя оперативные каналы связи.

Такое положение противоречит принципу процессуальной экономии, закреплённому в Постановлении Пленума ВС РФ №46 [6]. Более того, текущая ситуация не согласуется с вектором цифровизации, заданным Федеральным законом от 23.06.2016 №220-ФЗ [7]. Скорость рассмотрения дел фактически зависит от работы почтовых служб, что недопустимо.

В целях устранения коллизии предлагается дополнить ст. 228 АПК РФ частью 2.1 следующего содержания:

«2.1. Извещение сторон о принятии заявления к производству и установлении сроков может осуществляться заказным письмом с уведомлением, а также посредством электронной почты, телеграмм, телефонограмм, факсимильной связи и иных средств. Уведомление признаётся надлежащим при наличии объективного подтверждения его получения адресатом, включая подтверждения на указанные сторонами электронные адреса».

Данная редакция снимает противоречие с ч. 3 ст. 121 АПК РФ, прямо разрешая оперативные способы связи в упрощённом производстве при условии фиксации получения информации, что гарантирует соблюдение процессуальных прав.

Реализация данного предложения позволит снизить нагрузку на судебный аппарат, сократить сроки рассмотрения дел и исключить правовую неопределенность.

Таким образом, правовое регулирование уведомления сторон в упрощенном производстве содержит внутренние противоречия, которые с 2016 года не устранены. Внесение предложенных изменений в статью 228 АПК РФ представляется разумным и необходимым шагом.

Список источников

1. Дружинина А. А. Особенности реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе / А. А. Дружинина, П. А. Паулов // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 187–189.

2. Иванюта Н. В. Актуальные вопросы электронного правосудия в арбитражном процессе / Н. В. Иванюта, А. В. Катрыч // Образование и право. 2024. № 5. С. 317–321.

3. Курочкин П. А. Проблемы реализации электронного судопроизводства в арбитражном процессе / П. А. Курочкин, Ю. Н. Радачинский // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 75–79.

4. Магомедова М. А. Актуальные проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе / М. А. Магомедова, С. Р. Мусаева // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 53, № 1 (73). С. 90–95.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017): утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.06.2026).

7. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в

деятельности органов судебной власти» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.06.2026).

8. Яценко А. О. Актуальные проблемы арбитражного судопроизводства / А. О. Яценко, А. А. Фирсова // Образование и право. 2025. № 1. С. 240–244.

Военная психология

УДК 159.9

Посттравматический рост у ветеранов боевых действий: возможности психологического сопровождения

Колегов Кирилл Владимирович
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, v.kirill2003@mail.ru

Ключевые слова: посттравматический рост, ветераны боевых действий, психологическое сопровождение, травма, смысл.

Посттравматический рост (ПТР) отражает позитивные психологические изменения, возникающие в результате преодоления травмы: повышение ценности жизни, изменение отношения к другим, обретение новых возможностей, духовные изменения и укрепление личности [4]. ПТР парадоксально сосуществует с симптомами посттравматического стресса, и задача психолога состоит не в устранении дистресса любой ценой, а в создании условий для интеграции травматического опыта и открытия путей к конструктивным изменениям [10]. В структуре ПТР выделяют три фундаментальные области: изменение самовосприятия, изменение отношений с людьми и изменение жизненной философии [9].

Ключевым механизмом запуска роста выступает разрушение и последующая реконструкция картины мира. Травма рушит базовые допущения о доброжелательности, справедливости и контролируемости мира, а восстановление смысловой ткани жизни требует внутренней работы по нахождению нового смысла.

© Колегов К. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет, 2026

Эмпирические данные подтверждают, что единственной переменной, позволяющей устойчиво различать тех, кто находит рост, и тех, кто скатывается в негативную симптоматику, является именно смысл. Как резюмирует Р. Эммонс [6] в своем обзоре, те, кто справляется с ситуацией невзгод, находят в ней смысл, а те, кто не справляется, не находят. Теория организмического оценивания подчёркивает, что люди внутренне мотивированы к перестройке картины мира в направлении роста, проходя через фазы аккомодации опыта и поиска смысла.

Почему при сходных травмах одни обретают рост, а другие остаются в плену дезадаптации? Критическим фактором выступает не само событие, а характер когнитивной и эмоциональной переработки, борьба с изменившейся реальностью [10].

Психологическое сопровождение должно начинаться с легитимизации переживаний: дезориентация и чувство нереальности – нормальная реакция на ненормальные обстоятельства [4]. Затем психолог помогает ветерану осознать конкретные разрушенные убеждения (вера в безопасность, справедливость, собственную эффективность), переводя диффузный ужас в осознаваемую проблему. Необходимо создать неосуждающее пространство для выражения «запретных» мыслей о бессмысленности войны, гневе и вине, поскольку блокирование их проговаривания препятствует переработке. Важно воздерживаться от навязывания позитивных интерпретаций, ибо ПТР рождается из внутренней работы, а не из внешних советов [10]. На начальном этапе достаточно помочь ветерану удерживать внимание на факте разрушения и начать вербализовывать свой опыт, даже если он предстаёт как история хаоса. Постепенное формирование связного нарратива и обучение рефлексивному дистанцированию (отделению «я переживающего» от «я наблюдающего») создают основу для когнитивной переработки [2].

Преодолению фиксации в проблемной истории жертвы или предателя способствуют нарративные практики. Психолог помогает деконструировать доминирующий негативный сюжет, выявлять уникальные эпизоды (акты заботы, рефлексия вины как признак сохранных моральных принципов) и конструировать альтернативную историю, переводящую ветерана в позицию автора собственной жизни.

ПТР невозможен в изоляции, он требует социальной среды, обеспечивающей безопасность, доверие, предоставление статусных ролей (Наставник, Эксперт) и связь боевого опыта с мирной жизнью, например через проекты «Социального моста» [7]. Психообразование выполняет двойную функцию: снижает тревогу, объясняя флешбеки и гипервозбуждение как адаптивные механизмы выживания, и создаёт когнитивную рамку для пересмотра искажённых убеждений (ретроспективное осуждение, чрезмерная персонализация ответственности) [8]. Семья ветерана выступает важнейшим ресурсом. Отстранённость и раздражительность – следствие боевого стресса, а не личная обида; формирование в семье «убежища» предсказуемости и ритуалов, а также совместное обсуждение изменившихся ценностей запускают системный рост [5].

Травма ставит экзистенциальные вопросы о смысле жизни и смерти, и, как подчёркивал В. Франкл, именно поиск смысла остаётся главной движущей силой человека [5]. Психолог не даёт готовых ответов, но помогает выдерживать вопрос и формулировать личностно укоренённые смыслы. Таким образом, возможности сопровождения ветеранов в парадигме ПТР заключаются в переходе от «лечения раны» к «фасилитации пересборки» личности. Ключевая задача – разглядеть в рассказе ветерана не только симптомы, но и эпизоды силы и ответственности, помогая пересочинить жизненную историю, в

которой находится место росту, даже если путь к нему лежит через боль и утрату.

Таким образом, системный подход, сочетающий индивидуальную работу, социальную поддержку и вовлечение семьи, позволяет не только смягчить последствия травмы, но и открыть путь к личностному преображению ветерана.

Список источников

1. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.

2. Леонтьев Д. А. Возможность мудрости // Человек. 2011. № 1. С. 20–34.

3. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности : учебное пособие по психологии личности для психоаналитических учебных заведений. М.: ПАРФ, 1998. 496 с. (Новые теории). ISBN 5-89200-002-8.

4. Малкина-Пых И. Г. Экстремальные ситуации : справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005. 960 с. ISBN 5-699-07805-3.

5. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с. ISBN 5-01-001606-0.

6. Эммонс Р. Психология высших устремлений. М. : Смысл, 2004. 416 с. ISBN 5-89357-152-5.

7. Ялом И. Групповая психотерапия: теория и практика. Москва : Эксмо-Пресс, 2001. 576 с.

8. Бек Дж. С. Когнитивная терапия: полное руководство; пер. с англ. и ред. Е. Л. Черненко. М. : ООО «И. Д. Вильямс», 2006. 400 с. ISBN 5-8459-1053-6.

9. Calhoun L. G. The foundations of posttraumatic growth: An expanded framework / Calhoun L. G., Tedeschi R. G. // Handbook of

Posttraumatic Growth: Research and Practice. Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2006. P. 3–23.

10. Tedeschi R. G. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence / Tedeschi R. G., Calhoun L. G. // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, № 1. P. 1–18.

УДК 159.9:355.01

Смывая усталость боя: психотерапевтический эффект фронтовой бани

Рактович Иван Анатольевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: фронтовая баня, боевой стресс, ПТСР, гипертермия, ритуал перехода, communitas, военная психология.

Аннотация. На основе данных военной психологии, клинических исследований гипертермии, мемуаров фронтовиков и антропологии ритуала обосновывается тезис о фронтовой бане как комплексном психотерапевтическом феномене, объединяющем физиологические, психологические, социальные и символические механизмы восстановления комбатантов.

Е. С. Сенявская показала, что бытовые условия – гигиена, питание, досуг – являются ключевым фактором психологической устойчивости войск [10, с. 184]. А. Г. Караяни и И. В. Сыромятников выделяют «бытовые стрессоры», способные вызвать психологический срыв не менее надёжно, чем боевое воздействие

© Рактович И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет, 2026

[4]. Невозможность помыться неделями ведёт к утрате контроля над телом – одному из триггеров боевого стресса [11]. Баня на фронте никогда не была рутиной: она оставалась событием, разделяющим «до» и «после».

Клинические данные подтверждают физиологическую основу этого эффекта. C. W. Janssen и соавторы продемонстрировали, что однократная гипертермия тела вызывает значимое снижение депрессивной симптоматики, сохраняющееся до шести недель [3]. M. Antonelli и D. Donelli показали способность бальнеотерапии модулировать уровень кортизола [1]. E. A. Eason и соавторы описали модель «потовой терапии», опираясь на опыт Дж. П. Уилсона, включившего потовую палатку в программу лечения ПТСР ветеранов Вьетнама с фиксацией снижения катехоламинов и интрузивных симптомов [2]. Когортное исследование T. Laukkanen (n = 2315) подтвердило системное оздоравливающее действие регулярных тепловых процедур [5].

Мемуарные свидетельства придают этим данным человеческое измерение. Н. Н. Никулин описывает отсутствие бани как утрату человеческого статуса, а первое мытьё – как возвращение к себе [6]. В. П. Астафьев фиксирует двойственность банной процедуры: стирание прежней идентичности и одновременно восстановление [7]. Б. А. Слуцкий видит в бане пространство молчаливого братства, где коллективное обнажение создаёт communitas [12]. Устные свидетельства проекта А. В. Драбкина «Я помню» подтверждают: ветераны описывают банный день через атмосферу безопасности, а не через процедуру мытья [8].

Антропологическая теория ритуала позволяет объяснить механизм этого эффекта. В. А. Липинская показала, что русская баня исторически связана с ключевыми переходами жизненного цикла [9]. А. К. Байбурин описал ритуал как механизм перехода через оппозицию «чистое/нечистое» [13]: трёхфазная структура (отделение – лиминальность – реинкорпорация) точно описывает

динамику банного дня. В. Тёрнер ввёл понятие communitas – спонтанного равенства, стирающего иерархии [14]. М. Дуглас показала, что ритуалы очищения восстанавливают символические границы тела и сообщества [15].

Анализ позволяет предложить четырёхуровневую модель: физиологический уровень (снижение кортизола, антидепрессивные механизмы), психологический (восстановление контроля над телом), социальный (communitas через коллективное обнажение в безопасности) и символический (ритуал перехода, активирующий культурный код очищения). Все уровни действуют синергетически, что делает фронтовую баню средством восстановления, работающим без участия специалистов. При планировании психологического обеспечения войск банно-прачечное обслуживание должно рассматриваться как элемент реабилитации, а не только гигиены.

Список источников

1. Antonelli M. Effects of Balneotherapy and Spa Therapy on Levels of Cortisol as a Stress Biomarker: A Systematic Review / Antonelli M., Donelli D. // International Journal of Biometeorology. 2018. Vol. 62, № 6. P. 913–924.

2. Eason E. A. Sweat Therapy Theory, Practice, and Efficacy / Eason E. A., Colmant S. A., Winterowd C. L. // Journal of Experiential Education. 2009. Vol. 32, № 2. P. 121–136.

3. Whole-Body Hyperthermia for the Treatment of Major Depressive Disorder: A Randomized Clinical Trial / Janssen C. W., Lowry C. A., Mehl M. R., [et al.] // JAMA Psychiatry. 2016. Vol. 73, № 8. P. 789–795.

4. Караяни А. Г. Прикладная военная психология : учебное пособие / Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 480 с. ISBN 5-469-01122-4.

5. Laukkanen H. H. Воспоминания о войне. Санкт-Петербург : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. 244 с. ISBN 978-5-93572-330-9.

6. Астафьев В. П. Прокляты и убиты : роман. Москва : Эксмо, 2007. 736 с. ISBN 978-5-699-20146-4.

7. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. Санкт-Петербург : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. 244 с. ISBN 978-5-93572-330-9.

8. Астафьев В. П. Прокляты и убиты : роман. Москва : Эксмо, 2007. 736 с. ISBN 978-5-699-20146-4.

9. Драбкин А. В. Серия «Я помню» : устные свидетельства участников Великой Отечественной войны. Москва : Яуза : Эксмо, 2005.

10. Баня и печь в русской народной традиции / Липинская В. А. (отв. ред.). Москва : Интрада, 2004. 287 с. ISBN 5-87604-062-2.

11. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва : РОССПЭН, 1999. 383 с. ISBN 5-8243-0084-4.

12. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва : РОССПЭН, 1999. 383 с. ISBN 5-8243-0084-4.

13. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века / Слуцкая Е. С., Сенявская Е. С., Сенявскаий А. С., Жукова Л. В. Москва : ИРИ РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 418 с.

14. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Санкт-Петербург : Наука, 1993. 240 с.

15. Turner V. W. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago : Aldine, 1969. 213 p.

16. Douglas M. Purity and Danger. London : Routledge & Kegan Paul, 1966. 188 p.

УДК 159.9

Психологические аспекты использования симуляционных технологий в практике агитации на контрактную службу как фактор вовлеченности молодежи в военно-профессиональную деятельность (на примере воздушных беспилотных систем)

Слотин Даниил Евгеньевич
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Daniil.slotin@yandex.ru

Ключевые слова: военная психология, агитация на контрактную службу, симуляционные технологии, виртуальная реальность, вовлеченность, воздушные беспилотные системы, профессиональная идентичность, цифровое поколение.

В условиях перехода Вооружённых Сил РФ на контрактный способ комплектования и создания подразделений воздушных беспилотных систем (ВБС) особую значимость приобретает эффективность агитационной работы с молодежью. Традиционные формы агитации зачастую не позволяют сформировать устойчивую мотивацию к заключению контракта, так как не дают кандидату возможности «прожить» профессиональную ситуацию [1; 4].

Современная молодежь (поколение Z) характеризуется предпочтением интерактивных форм получения опыта [3]. Это делает симуляционные технологии (СТ) — системы виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности — адекватным инструментом агитационного воздействия. Цель статьи — теоретическое

© Слотин Д. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет, 2026

обоснование психологических механизмов влияния СТ на вовлеченность молодежи в деятельность операторов ВБС.

Агитация в военно-профессиональной сфере актуализирует три компонента: когнитивный (информация), эмоциональный (отношение) и конативный (побуждение к действию) [2]. Сложность агитации в сфере ВБС связана с тем, что деятельность оператора лишена традиционных атрибутов военной службы, что создаёт разрыв между образом «настоящей службы» и реальным содержанием профессии.

Использование СТ позволяет преодолеть этот разрыв за счёт следующих эффектов: эффект присутствия (активация эмоциональной сферы, лучшее запоминание) [5]; эффект субъектной позиции (переживание самоэффективности по А. Бандуре) [6]; безопасное проживание экстремальных ситуаций; геймификация (активация внутренней мотивации).

На основе анализа источников и обобщения практического опыта предложена модель психологической трансформации агитационного воздействия через СТ, включающая четыре этапа:

Привлечение внимания. Высокая визуальная привлекательность оборудования позволяет преодолеть барьер избирательного внимания.

Погружение (иммерсия). Уровень активации при работе в иммерсивных симуляторах сопоставим с реальной деятельностью [7].

Присвоение опыта. Успешное выполнение заданий формирует чувство компетентности, неудачи в безопасной среде — реалистичное представление о профессии.

Идентификация. Возникает отождествление себя с профессиональной ролью («я — оператор БПЛА»).

Выходом модели является устойчивая вовлеченность: интерес к информации о службе, положительное отношение и обращение в пункт отбора.

Для достижения максимального эффекта использование СТ требует психологического сопровождения. Симуляционный опыт должен дополняться рефлексивной беседой, помогающей кандидату осознать пережитые эмоции. Психолог должен учитывать индивидуальные различия (вплоть до симуляторной болезни), формировать реалистичные ожидания о рутинной стороне службы, а также оценивать эффективность агитации по доле заключивших контракт и успешности их адаптации.

Симуляционные технологии обладают высоким психологическим потенциалом для агитации в сфере ВБС. Их преимущества — эффект присутствия, субъектная позиция и соответствие когнитивному стилю цифрового поколения. Критическим условием перехода от временного интереса к устойчивой вовлеченности является рефлексивное сопровождение психолога.

Для внедрения СТ в агитационную практику рекомендуется: оснащать пункты агитации VR-симуляторами оператора ВБС; разрабатывать сценарии с ознакомительным и соревновательным режимами; обеспечить участие военных психологов с функцией рефлексивного сопровождения; проводить мониторинг эффективности, ориентируясь на успешность адаптации вновь прибывших.

Список источников

1. Караяни А. Г. Психология военного профессионализма : учебное пособие / Караяни А. Г., Демин Ю. Г. Москва : Военный университет, 2020. 312 с.

2. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 320 с.

3. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся

мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.

4. Овчаров А. А. Современные формы военно-профессиональной ориентации молодежи / Овчаров А. А., Бибик И. В. // Военная мысль. 2023. № 5. С. 45–52.

5. Slater M. Immersion and the illusion of presence in virtual reality / Slater M., Wilbur S. // British Journal of Psychology. 1997. Vol. 88, №4. P. 603–616.

6. Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control. New York : Freeman, 1997. 604 p.

7. Physiological measures of presence in stressful virtual environments / M. Meehan, B. Insko, M. Whitton, F. P. Brooks Jr. // ACM Transactions on Graphics. 2002. Vol. 21, № 3. P. 645–652.

Глобальное предпринимательство: цифровые модели бизнеса

УДК 332

Виды государственной поддержки предпринимателей на региональном уровне

Адольф Кондратий Владимирович
ОЧУВО «Международный инновационный университет», Краснодарский край, Сочи, Россия, Sochneva.e@inbox.ru

Ключевые слова: государственная поддержка, механизмы, формы, виды, меры, направления поддержки.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, Сочневой Елене Николаевне, доценту, канд. экон. наук.

В настоящее время государственная поддержка выступает драйвером развития всех отраслей промышленности. Безусловно, она различается в разных отраслях, но есть общие механизмы ее осуществления.

Цель работы — проанализировать существующие механизмы государственной поддержки предпринимателей в современной экономике России.

Прежде всего, необходимо отметить, что государственная поддержка в России реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом необходимо отметить, что поддержка на муниципальном уровне развита недостаточно, основной упор поддержки осуществляется на региональном уровне [1; 2].

© Адольф К. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

На федеральном уровне в России реализуются крупномасштабные проекты, в рамках которых функционируют институты поддержки.

На региональном уровне, где и осуществляется основной объем помощи предпринимательству, действуют различные механизмы.

Под механизмом понимается форма и вид, в которой реализуется государственная помощь.

К формам относятся сущностные характеристики государственной поддержки. Можно выделить такие, как финансовая, информационная, организационная, образовательная и другие.

Виды государственной поддержки в России выделяют следующие.

Субсидия – это выделение денег конкретной организации, отвечающей определенным установленным требованиям, которые она должна потратить на строго целевое финансирование в рамках проекта или программы поддержки, на которую выделяется субсидия. Например, многие региональные министерства компенсируют часть затрат предприятий подведомственной для них отрасли. Так, в Красноярском крае министерство сельского хозяйства компенсирует затраты на ремонт тракторов, комбайнов, их отдельных узлов (конкретный перечень устанавливается соответствующим нормативно-правовым актом).

Субсидию может получить любая организация, соответствующая установленным требованиям. Для этого ей надо обратиться в орган исполнительной власти, который открыл прием заявок на получение субсидий, ознакомиться с требованиями к получателям, и в случае соответствия, подготовить и подать пакет документов, который, как правило, размещен на сайте органа исполнительной власти, осуществляющего субсидирование.

Грант – это получение помощи на конкурсной основе. По сути, это та же субсидия, но получаемая на условиях конкурсного отбора. Например, министерство сельского хозяйства Красноярского края использует гранты «Агростартап», «Наш фермер» и др. [3]

Грант в форме субсидии – это, довольно, молодой вид поддержки. Его суть сводится к тому, что оказывают грантовую поддержку всем желающим, то есть не на конкурсной основе. Например, вышеперечисленные гранты «Наш фермер», «Агростартап» и другие, выделяют всем заявившемся. Единственная проблема состоит в ограничении финансовых ресурсов, поэтому на практике, такие грантовые субсидии получают, в первую очередь, те, кто заявился сначала, а для тех, кто заявился поздно финансовых средств может уже не хватить, так как они лимитированы.

Важной особенностью современной системы государственной поддержки в России является то, что каждый орган власти региона создает системы направлений поддержки, а в рамках них создает меры, а, уже в рамках мер, размещаются конкретные виды поддержки (таблица 1).

Таблица 1. Структура системы государственной поддержки предпринимателей в регионе

Направления государственной поддержки в регионе				
Направление 1	**Направление 2**	**….**	**….**	**Направление N**
Мера 1	Мера 1			Мера 1
Мера 2	Мера 2			Мера 2
….	….			….
Мера N	Мера N			Мера N

Таким образом, система государственной поддержки в регионе постоянно трансформируется в соответствии с вызовами. Постоянно появляются новые виды и формы, которые актуальны

для текущего момента. Основная тенденция – это стремление ко всеобщему охвату государственной поддержкой всех желающих, что, в конечно итоге, будет служить целям увеличения экономических показателей региона.

Список источников

1. Пыжикова Н. И. Пути повышения эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных производителей в Красноярском крае / Н. И. Пыжикова, Е. Н. Сочнева // Экономика сельского хозяйства России. 2026. № 1. С. 24–33.

2. Сочнева Е. Н. Оценка эффективности систем региональной поддержки сельскохозяйственных производителей в регионах СФО / Сочнева Е. Н., Демин В. Г., Файда В. В. // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 2. С. 47–55.

3. Закон Красноярского края от 07.07.2022 № 3-1004 «О государственной поддержке агропромышленного комплекса края». Красноярский край. Официальный портал. URL: http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/87698 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 332

Государственная поддержка предпринимательства в сфере АПК

Адольф Кондратий Владимирович
ОЧУВО «Международный инновационный университет», Краснодарский край, Сочи, Россия, Sochneva.e@inbox.ru

Ключевые слова: государственная поддержка, сельское хозяйство, формы поддержки, финансовая поддержка, научно-техническое развитие, образование, страхование. Развитие инфраструктура, цифровизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, Сочневой Елене Николаевне, доценту, канд. экон. наук.

В современной экономике вопросы обеспечения продовольственной безопасности являются важными и значимыми и декларируется во многих государственных проектах. Именно, поэтому крайне важно исследовать систему государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей с целью выработки наиболее эффективных решений.

Цель работы — заключается в анализе современных форм и методов государственной поддержки организаций сферы АПК.

Государственная поддержка агропромышленного комплекса (АПК) в России включает в себя множество мер, направленных на развитие сельского хозяйства, повышение его эффективности и устойчивости, а также на обеспечение продовольственной

© Адольф К. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

безопасности страны. Рассмотрим, основные формы такой поддержки.

1. Финансовая поддержка. Она представлена различными выплатами, которые реализуются в виде грантов и субсидий.

Они нацелена на развитие всех подотраслей сферы АПК, на инвестиционные проекты, поддержку малых форм хозяйствования.

Отдельно в рамках финансовой поддержки выделяются социальные выплаты для привлечения населения для жизни и работы на селе. Это, так называемые, «подъемные», помощь в приобретении / строительстве жилья и т. п.

2. Научно-техническое развитие, которое заключается в поддержке научных исследований и разработок в области агрономии, зоотехнии, генетики и других направлений, которые способствуют повышению урожайности и производительности АПК.

3. Образование и консультационные услуги – это программы по подготовке кадров для сельского хозяйства и консультационные услуги для фермеров и сельскохозяйственных организаций. Ярким примером здесь выступает проект «Школы фермеров», который функционирует на базе Министерства сельского хозяйства России, Россельхозбанка и аграрных вузов страны [1].

4. Государственные программы по страхованию сельскохозяйственных культур и животных, что позволяет снизить риски потерь от неблагоприятных погодных условий и других факторов.

5. Развитие инфраструктуры, которое заключается в строительстве и модернизации дорог, хранилищ, перерабатывающих заводов, что обеспечивает улучшение логистики и хранения сельхозпродукции.

Эти меры направлены как на развитие отдельных предприятий, так и на улучшение общей ситуации в аграрном

секторе, что способствует обеспечению доступности и качества продовольствия для населения.

Однако, сегодня в рамках государственной поддержки сферы АПК, как на федеральном, так и на региональном уровнях, недостаточное внимание уделяется вопросам цифровизации предприятий отрасли. Например, в регионах Сибирского федерального округа нам не встретилось ни одной программы, нацеленной на помощь конкретным предприятиям, внедряющим технологии автоматизации, робототехники, цифровых систем. Между тем потребность назрела, и многие авторы сегодня говорят об этом [2; 3].

Для дальнейшего совершенствования системы государственной поддержки в сфере АПК считаем необходимым на государственном уровне выделить отдельное направление государственной помощи сельскохозяйственным производителям, внедряющим в производство современные цифровые системы. Помощь предлагаем осуществлять в рамках частичного или полного субсидирования затрат на внедрение.

Считаем, что это позволит повысить эффективность системы государственной поддержки АПК, которая на практике даст прирост экономических показателей сельскохозяйственной отрасли.

Список источников

1. Сочнева Е. Н. Малые инновационные предприятия в сельском хозяйстве / Сочнева Е.Н., Ломанович В. А., Шадрин В. К. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 4, № 7 (160). С. 175–185.

2. Харченко К. В. Государственная поддержка цифровизации агросектора: текущая ситуация и перспективы // Продовольственная политика и безопасность. 2024. Т. 11, № 3. С. 541–552.

3. Пыжикова Н. И. Пути повышения эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных производителей в Красноярском крае / Пыжикова Н. И., Сочнева Е. Н. // Экономика сельского хозяйства России. 2026. № 1. С. 24-33.

УДК 334.021

HR-брендинг как инструмент digital-маркетинга

Андреева Елизавета Андреевна
Институт управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yelizaveta.andreeva.2002@list.ru

Ключевые слова: HR-брендинг, бренд работодателя, digital-маркетинг, employer branding, EVP, цифровые коммуникации, контент-маркетинг, HR-аналитика.

В условиях цифровизации рынка труда и усиления конкуренции за человеческий капитал компании все активнее применяют инструменты digital-маркетинга в HR-брендинге, продвигая собственный образ работодателя. Однако при очевидном сближении HR-брендинга и digital-маркетинга, высокий охват HR-контента не всегда сопровождается ростом доверия соискателей и улучшением показателей качества найма (скорость закрытия вакансий, соответствие кандидата профилю, период адаптации и др.) на практике.

Разрыв (gap) между ожидаемым эффектом от digital-маркетинга и реальными HR-результатами объясняется, на наш

© Андреева Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

взгляд, отсутствием целостной теоретической модели, позволяющей выявить условия, при которых цифровые инструменты действительно влияют на HR-результаты, а не создают лишь внешний коммуникационный эффект.

Недостаточно полная методологическая проработка проблемы формирования и продвижения HR-бренда с использованием цифровых технологий обуславливает активное использование компаниями для продвижения собственного образа работодателя набор разрозненных медийных активностей, не связывая ее с EVP, candidate experience и показателями подбора и удержания персонала, что негативно влияет на HR- результаты и стратегическую конкурентоспособность компании.

В научной литературе сохраняется методологическая неоднозначность: HR-брендинг трактуется либо как инструментальная часть HR-функции, либо как самостоятельное направление управления репутацией работодателя (employer branding), тогда как его связь с digital-маркетингом раскрыта фрагментарно [1–5].

В рамках нашего исследования выдвигается и логически проверяется следующая гипотеза: если HR-брендинг строится на основе четко сформулированного EVP, сегментации целевых аудиторий, согласованной омниканальной коммуникации, контентной воронки и аналитики, связанной с HR-метриками, то цифровое продвижение работодателя дает не только медийный, но и управленческий эффект; если же цифровые инструменты применяются фрагментарно и не согласованы с реальным опытом кандидата и сотрудника, то возникают негативные последствия в виде репутационного разрыва, снижения доверия, потерь на этапах воронки кандидата и роста стоимости привлечения персонала.

Связь HR-брендинга и digital-маркетинга проявляется прежде всего на уровне общей управленческой логики. В маркетинге компания изучает целевую аудиторию, формулирует ценностное

предложение, выбирает каналы продвижения и оценивает конверсию. В HR-брендинге действует аналогичный принцип, но объектом продвижения становится работодатель как носитель корпоративной культуры, условий труда и карьерных возможностей. Центральным элементом выступает EVP [1; 2; 5]. Следовательно, HR-брендинг использует не только digital-инструменты, но и саму маркетинговую методологию позиционирования и адресной коммуникации.

Инструментальная связь двух направлений наиболее заметна в цифровых каналах продвижения. Карьерный сайт выполняет функцию базовой посадочной страницы и концентрирует сведения о компании, вакансиях, преимуществах и сценарии отклика. Социальные сети и мессенджеры поддерживают постоянный контакт с аудиторией. Таргетированная реклама, рассылки и продвижение публикаций позволяют усиливать охват и привлекать те сегменты соискателей, которые соответствуют кадровым целям компании [3–5]. Следовательно, HR-бренд продвигается по тем же законам, что и любой другой цифровой бренд.

Особое значение для доказательства гипотезы имеет воронка кандидата. Digital-маркетинг делает HR-брендинг измеримым, поскольку позволяет анализировать путь человека от первого контакта с контентом работодателя до отклика, интервью, оффера и выхода на работу. На этой основе становятся доступными не только медийные показатели — охват, вовлеченность и CTR, — но и HR-метрики: конверсия в отклик, стоимость целевого кандидата, скорость обратной связи, доля завершенных откликов, процент принятых офферов. Именно аналитическая связка между коммуникационными и кадровыми показателями позволяет отличить собственно digital-маркетинг работодателя от обычного информационного присутствия компании в сети [2; 4; 5].

HR-бренд не может быть устойчивым, если транслируемый образ работодателя не совпадает с реальным опытом кандидата и

сотрудника. Когда компания демонстрирует привлекательный контент, но одновременно допускает затянутый подбор, слабую обратную связь, непрозрачные условия труда или несоответствие обещаний фактической практике, возникает репутационный разрыв. Его последствия носят не только имиджевый, но и экономический характер. По этой причине HR-брендинг требует согласования внешней digital-коммуникации с внутренней организационной реальностью [1; 3; 5].

Таким образом, логический анализ подтверждает заявленную гипотезу. Научная значимость состоит в уточнении места HR-брендинга в системе digital-маркетинга, а практическая — в выявлении условий, при которых цифровое продвижение работодателя становится фактором реального улучшения HR-результатов. HR-брендинг может рассматриваться как прикладное направление digital-маркетинга работодателя, если он строится на основе маркетинговой логики позиционирования, сегментации, контентного управления и аналитики.

Список источников

1. Амблер Т. Бренд работодателя / Амблер Т., Бэрроу С. // Journal of Brand Management. 1996. Vol. 4, № 3. P. 185–206.

2. Backhaus K. Conceptualizing and researching employer branding / K. Backhaus, S. Tikoo // Career Development International. 2004. Vol. 9, № 5. P. 501–517.

3. Мосли Р. Бренд работодателя. Лучшее из бренд-менеджмента — в работу с кадрами / пер. с англ. М.: Группа ИДТ, 2010. 220 с.

4. Chaffey D. Digital Marketing / D. Chaffey, F. Ellis-Chadwick // 7th ed. Harlow: Pearson, 2022. 584 p.

5. Котлер Ф. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому / Ф. Котлер, Х. Картаджайя, И. Сетиаван // пер. с англ. М.: Эксмо, 2019. 224 с.

УДК 330.322.2(571.51)

Роль крупных инвестиционных проектов в рамках КИП «Енисейская Сибирь» в развитии промышленности региона

Астафьева Василина Сергеевна, Новикова Эльвира Максимовна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, iubp@sfu-kras.ru

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, комплексный инвестиционный проект, региональное развитие, промышленность региона, структурная трансформация, инвестиционные проекты, Красноярский край, Республика Тыва, Республика Хакасия, добывающая и обрабатывающая промышленность.

В условиях санкций, дефицита инвестиций и инфраструктурных ограничений особую значимость приобретает структурная трансформация промышленности ресурсных регионов. Такие экономики зависят от добычи, имеют низкую глубину переработки и уязвимы к внешним ценам. Поэтому возрастает роль крупных межрегиональных проектов, формирующих новые производственные цепочки и устойчивый рост. Одним из них является КИП «Енисейская Сибирь» [1].

Проект охватывает Красноярский край, Хакасию и Тыву и направлен на ускорение промышленного развития, модернизацию инфраструктуры и рост инвестиционной привлекательности. Его основа – создание новых центров роста, развитие транспортно-логистической системы и углубление переработки ресурсов. В

© Астафьева В. С., Новикова Э. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

национальной системе он рассматривается как ключевая межрегиональная программа развития Восточной Сибири [1][2].

Красноярский край один из наиболее значимых индустриальных регионов России. Доля промышленности превышает половину ВРП. Экономика региона имеет ярко выраженную сырьевую специализацию [3; 4].

Республика Тыва характеризуется низким уровнем промышленного развития, высокой бюджетной зависимостью и значительной долей сельского хозяйства. Ограниченная инфраструктурная обеспеченность и удалённость от транспортных коридоров выступают ключевыми барьерами экономического роста региона.

Республика Хакасия является индустриально-аграрным регионом с акцентом на угольную промышленность, металлургию и энергетику. Основными проблемами выступают зависимость от сырьевых отраслей, экологические ограничения и демографические дисбалансы.

В рамках инициативы сформирован портфель из 45 инвестиционных проектов, направленных на структурную трансформацию экономики [1; 2]. Ключевую роль играют крупные проекты с объемом инвестиций свыше 100 млрд рублей, представленные на рисунке 1.

Рисунок 1. Крупнейшие проекты КИП «Енисейская Сибирь».

Реализация данных проектов обеспечивает: расширение минерально-сырьевой базы, создание новых производственных

мощностей, развитие транспортной инфраструктуры, формирование промышленных кластеров и рост занятости [1]. Соответствие стратегическим приоритетам СФО и Красноярского края до 2030 года в целом высокое.

Реализация КИП способствует структурной трансформации экономики, особенно за счёт комплексных проектов. Базовый сценарий предполагает сохранение сырьевой модели, инновационный – развитие кластеров и переработки, консервативный – задержки инфраструктуры. Во всех случаях ожидается рост промышленного производства [3; 5]. По экспертным оценкам ключевые риски - инфраструктурная обеспеченность северных территорий [6], сырьевая направленность инвестиционного портфеля [7]. Климатические ограничения повышают стоимость реализации проектов [8]. Причинно-следственная цепочка выглядит следующим образом: реализация добывающих проектов – развитие инфраструктуры – рост промышленного производства – увеличение занятости – рост налоговых поступлений – диверсификация экономики.

Практические рекомендации включают усиление поддержки проектов глубокой переработки, ускорение развития транспортной инфраструктуры и развитие кадрового потенциала. Для бизнеса актуально участие в формировании промышленных кластеров и кооперационных цепочек вокруг крупных инвестиционных проектов [1; 2].

Список источников

1. Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь». Официальный портал проекта. URL: https://ensib.ru/yenisey-siberia-cip/ (дата обращения: 30.03.2026).

2. Правительство Красноярского края. Инвестиционный паспорт макрорегиона «Енисейская Сибирь». URL:

https://ensib.ru/wp-content/uploads/2024/07/Invest-pasport-ANO_RU_maj-2024-postr.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

3. Росстат. Валовой региональный продукт субъектов РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vrp.xlsx (дата обращения: 05.04.2026).

4. Росстат. Структура валового регионального продукта Красноярского края. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 05.04.2026).

5. Росстат. Валовой региональный продукт Красноярского края. 2021. URL:https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_2021.xlsx (дата обращения: 05.04.2026).

6. Кудинов П. Енисейская Сибирь притягивает к себе инвестиции // Prometall. URL: https://prometall.info/intrigi/trendi/eniseyskaya_sibir_prityagivaet_k_sebe_investitsii (дата обращения: 09.04.2026).

7. Мельников А. Инвестиционный потенциал Енисейской Сибири // Эксперт-Сибирь.
URL: https://ensib.ru/analytics/investicionnyj-potencial-enisejskoj-sibiri (дата обращения: 10.04.2026).

8. Постникова О. В. Оценка техногенных рисков инвестиционных проектов Арктической зоны // Arctic and North. URL: http://eng.arcticaac.ru/docs/PrePrints/2026_vol1(61)_%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0_ed4.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 330

Суверенные ПО для бизнеса. Сравнение с зарубежными аналогами

Богданов Артур Вячеславович[1], Тишенин Данила Дмитриевич[2]
[1,2]Институт управления бизнес-процессами, Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]bogdanovartu.07@mail.ru
[2]tishotdan@yandex.ru

Ключевые слова: Импортозамещение ПО, технологический суверенитет, реестр Минцифры, 1С:ERP, CRM Битрикс24, MES-системы, ФСТЭК-сертификация, критические информационные инфраструктуры, санкционные риски, кейсы внедрения.

Ключевой вопрос, стоящий сегодня перед ИТ-директорами и руководителями бизнеса, звучит не просто как "чем заменить ушедших вендоров", а как "как сохранить управляемость, эффективность и правовую чистоту бизнеса в новых условиях".

Сравнение импортного ПО с отечественным представлено в таблице 1.

© Богданов А. В., Тишенин Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Таблица 1. Единая сравнительная таблица: Импортное ПО vs Российские суверенные аналоги

№	Класс ПО	Рекомендованный Российский Аналог	Преимущества (Суверенность)	Реальный кейс (Где работает)
1	CRM и Маркетинг	Битрикс24	В реестре Минцифры, сервер в РФ. Единая среда продаж и маркетинга.	Росгосстрах: 12000 пользователей, данные в РФ.
2	Управление проектами	Advanta	Сертифицировано ФСТЭК, готовая интеграция с 1С.	ОДК (Ростех): 500+ авиапроектов на контроле.
3	Управление производством	1С: MES	Соответствие ПП №325 для КИИ. Сквозная прослеживаемость.	Камаз: снижение простоев оборудования на 7%.
4	Анализ затрат и риски	1С: Управление холдингом	Автообновление под ФСБУ РФ. Замена SAS и SAP BO.	Русагро: консолидация 60 юрлиц, отказ от SAP.
5	Бухгалтерский учет	1С: Бухгалтерия КОРП	Защита от отзыва лицензий. Автоматическая сдача отчетности в ФНС.	Алмаз-Антей: экономия >1 млрд руб/год.

Окончание таблицы 1.

№	Класс ПО	Рекомендованный Российский Аналог	Преимущества (Суверенность)	Реальный кейс (Где работает)
6	Управление закупками	1С: Управление закупками	Прямая интеграция с ЕИС и 223-ФЗ. Работа с ЭТП РФ.	Автодор: стройка М-12, ускорение закупок на 20%.
7	Управление персоналом	1С: ЗУП КОРП	Расчет "северных" надбавок и воинский учет. Бесплатная поддержка ТК РФ.	Газпром нефть: 80 000 сотрудников, миграция с Oracle.
8	Бизнес-процессы (BPM)	ELMA365	Low-code в реестре Минцифры. Замена Visio и части Slack.	Почта России: оцифровка 1000+ регламентов.
9	Информационная безопасность	КриптоПро / Postgres Pro	Шифрование ГОСТ. Независимость от западных СУБД.	ВТБ: полный стек "Суверенный переход".

Итак, отечественные решения полностью закрывают функционал западных аналогов, обеспечивая при этом юридическую защиту от санкционных рисков и соответствие российскому законодательству.

Список источников

1. Единый реестр российских программ для ЭВМ и БД. Минцифры России. URL: https://reestr.digital.gov.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

2. Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск иностранного ПО». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

3. Официальный сайт «1С-Битрикс». Кейс «Росгосстрах Жизнь». URL: https://www.1c-bitrix.ru/about/news/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Официальный сайт Advanta. Проекты в ОДК (Ростех). URL: https://advanta.team/cases/ (дата обращения: 14.04.2026).

5. Фирма «1С». Кейс «Автоматизация закупок в ГК Автодор». URL: https://1c.ru/rus/partners/solutions/solution.jsp?SolutionID= (дата обращения: 14.04.2026).

6. CNews. «Газпром нефть перевела 80 000 сотрудников с Oracle HCM на 1С: ЗУП». URL: https://www.cnews.ru/news/ (дата обращения: 14.04.2026).

7. Tadviser. «Российский рынок ERP-систем 2024: итоги импортозамещения». URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ERP (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 378.147:004

Методический инструментарий выбора инновационных моделей подготовки IT-специалистов в условиях цифровой трансформации

Боярская Татьяна Александровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, e-mail: aphina77@mail.ru

Ключевые слова: инновационные модели образования, IT-специалисты, цифровая трансформация, оценка эффективности образовательных моделей, профессиональное образование, кадровый дефицит, многокритериальный выбор, Красноярский край.

Глобальная цифровая трансформация формирует беспрецедентный спрос на цифровые компетенции: к 2030 г. >70% рабочих мест в развитых экономиках потребуют их, а дефицит IT-кадров может достичь 85 млн человек. В России дефицит превысил 1,1 млн человек при ежегодном росте потребности на 15–20% [8]. Несмотря на госинвестиции >50 млрд руб./год, до 30% средств расходуются на неэффективные в региональных условиях модели.

Управленческие решения о внедрении образовательных моделей принимаются преимущественно интуитивно. Хотя вопросы проектирования моделей [6; 9] и оценки качества подготовки [10] исследовались, комплексного инструментария, объединяющего анализ, оценку, выбор и мониторинг в единый цикл, в литературе не представлено.

© Боярская Т. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

92% работодателей считают межличностные навыки столь же важными, как технические [7], что стимулирует внедрение коучинга [5], геймификации, кросс-функционального обучения.

Жизненный цикл IT-навыков сократился с 5–7 до 2–3 лет, что требует акцента на метанавыки и способность к самообучению. Автоматизация рутинных задач повышает ценность компетенций в постановке задач AI-системам, критической оценке и управлении ими. Федеральные инициативы 2020–2025 гг. («Кадры для цифровой экономики», «Цифровые кафедры», «Профессионалитет») обеспечили рост бюджетных мест до 117 тыс./год и охват 114 вузов [8]. Однако сохраняется системный разрыв с требованиями рынка.

В Красноярском крае ключевые работодатели (Норникель, Красцветмет, ЦФТ) формируют спрос на специалистов по промышленной автоматизации, цифровым двойникам и Big Data — профили, недостаточно представленные в стандартных программах. Требуется инструментарий прогнозирования востребованности на основе больших данных.

Таблица 1. Сравнительная рейтинговая оценка моделей подготовки IT-специалистов (Составлено автором на основе экспертного опроса, n = 15, и обобщения литературных источников [2; 6; 9])

Параметр оценки	**Академич.**	**Дуальная**	**PBL / Буткемп**	**Гибридная / Корпорат.**
Длительность подготовки	4–6 лет	3–4 года	3–12 мес.	Вариативна
Фундаментальность знаний	Высокая (4,8)	Средняя (3,5)	Низкая – средняя (2,1–3,2)	Средняя (3,4)
Практикоориентированность	Низкая (1,9)	Высокая (4,6)	Высокая (4,5)	Высокая (4,4)
Трудоустройство выпускников	60–70%	85–90%	70–80%	90–95%

Окончание таблицы 1.

Параметр оценки	**Академич.**	**Дуальная**	**PBL / Буткемп**	**Гибридная / Корпорат.**
Адаптивность к изменениям рынка	Низкая (1,8)	Средняя (3,2)	Высокая (4,7)	Высокая (4,3)
Масштабируемость	Высокая (4,5)	Средняя (3,0)	Ср.–высокая (3,2–4,3)	Высокая (4,6)
Формирование soft skills	Низкое (2,1)	Среднее (4,0)	Высокое (PBL: 4,8)	Среднее (3,6)
Стоимость для государства	Высокая (2,5)	Средняя (3,8)	Низкая (4,1–4,3)	Низкая–средняя (3,5–3,9)
Долгосрочная устойчивость компетенций	Высокая (4,6)	Высокая (4,2)	Средняя/ Низкая (2,5–3,8)	Средняя (3,5)

Инновационная модель подготовки IT-специалистов — устойчивая система целей, содержания, технологий, организационных форм и механизмов оценки, отличающаяся от традиционной академической модели по существенным параметрам [6; 9].

Объект анализа - 6 моделей (академическая, дуальная, PBL/буткемп, гибридная, корпоративная), систематизированных на основе отечественных [2; 6; 9] и зарубежных источников.

Оценка: 9 параметров управленческой значимости, экспертный опрос (n=15: работодатели, преподаватели, госуправленцы Красноярского края), шкала 1–5 баллов. Параметры обоснованы результатоцентричным [10], адаптивным, экономическим и компетентностным [7] подходами.

Явного лидера нет. PBL лидирует по soft skills и адаптивности; гибридная — по масштабируемости; дуальная — по трудоустройству и стоимости; академическая — по фундаментальности и долгосрочной устойчивости. Выбор модели

требует многокритериального инструментария, учитывающего приоритеты организации, региональный рынок труда и стратегические цели.

Глобальные тенденции (диверсификация, индустриализация, obsolescence, влияние ИИ) усиливают требования к адаптивности образовательных систем [7]. Российская система накопила эффективные практики, но не располагает системным механизмом их оценки и тиражирования; несоответствие выпускников рынку труда носит системный характер [5]. Сравнительный анализ подтвердил отсутствие универсальной модели: эффективность варьируется в зависимости от условий, что обосновывает необходимость многокритериального инструментария.

Список источников

1. Алтынник Н. И. Специфика непрерывной подготовки кадров для IT-отрасли в системе «школа – вуз – предприятие» / Н. И. Алтынник, Е. Н. Чикилева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 4 (240). С. 110–117.

2. Онтологическая модель управления требованиями в процессе профессиональной подготовки ИТ-специалистов / И. Д. Белоусова, Л. В. Курзаева, Ю. С. Лактионова, А. М. Агдавлетова // Успехи современной науки. 2016. Т. 1, № 3. С. 98-100.

3. Бороненко Т. А. Профессиональная адаптация обучающихся СПО по ИТ-специальностям в условиях требований работодателей / Т. А. Бороненко, Р. И. Нуретдинов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2024. № 4. С. 234–246.

4. Букреев Д. А. Разработка педагогической модели системы индивидуализации профессиональной подготовки IT-специалистов // Университетская наука. 2022. № 2 (14). С. 209–216.

5. Ваныкина Г. В. Коучинг в обучении будущих IT-специалистов / Г. В. Ваныкина, Т. О. Сундукова // Современные

информационные технологии и ИТ-образование. 2015. Т. 11, № 1. С. 550–556.

6. АНО «Цифровая экономика». Кадры для цифровой экономики: аналитический доклад. Москва, 2024.

7. Давлеткиреева Л.З. Инновационная модель подготовки IT-специалиста в образовательной среде вуза / Л. З. Давлеткиреева, М. В. Махмутова // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2012. № 8. С. 118–128.

8. Еремина И. И. Анализ и прогнозирование качества подготовки выпускников статистическими методами / И. И. Еремина, Ф. Г. Степанова // Наука и современность. 2015. № 2 (4). С. 17–28.

9. Живицкая Е. Н. Исследование и оценивание уровня подготовки современных IT-специалистов // Управление экономикой, системами, процессами: сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 7–11.

10. Зайцев С.А. Трансформация обучения IT-специалистов для цифровой экономики: принципы и практика / Зайцев С.А., Сурина Е.Е. // ИП&УЗ-2022: сб. науч. трудов. Москва, 2022. С. 102–107.

УДК 004.9:339.1

Некоторые аспекты модели организации IT-экосистемы для сделок B2B

Брагин Роман Алексеевич
Физико-математическая школа-интернат ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярский край, Красноярск, Россия, romabragin1337@gmail.com

Ключевые слова: IT-экосистема, B2B (бизнес-бизнесу), сделки B2B, модель организации бизнеса, коммуникация бизнес-субъектов.

Эволюцию потребителя в цифровую эпоху, изменения людей в цифровую эпоху описывает концепт «пользователь будущего». Это не просто человек, который будет жить завтра, а формирующийся и существующий уже сегодня социальный субъект с новыми потребностями, поведением и ожиданиями, которые бизнес, особенно в сфере цифровых технологий, должен предвидеть, чтобы оставаться актуальным [5].

Закономерно с изменением человека, происходит усложнение экономических процессов и изменение коммуникации в них. Так, несмотря на расширение канала дистрибуции, на данный момент не существует комплексного решения по удовлетворению потребностей бизнес-субъектов в нише сделок B2B (би ту би), помогающего участникам этого процесса быстро обеспечить эффективную коммуникацию между собой и упростить проведение многоуровневых сделок. Важной задачей представляется поиск решения для обеспечения такой коммуникации.

© Брагин Р. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Становится очевидным, что цифровые сервисы выходят на передний план во всех аспектах жизни, в том числе экономической. Становятся актуальными именно те компании, которые создают не просто единичные цифровые продукты, а комплекс решений, делающих жизнь человека более комфортной.

В цифровой реальности уже существуют такие комплексные решения удовлетворения запросов современного пользователя. Подобно природным системам, объединяющим наиболее жизнеспособные живые объекты, живущие в симбиотической связи друг с другом, существует понятие «Цифровая экосистема» или же «IT-экосистема». Цифровая экосистема представляет собой сеть взаимодействующих субъектов (людей, организаций, устройств) и технологических компонентов, объединенных общими стандартами и платформами для достижения синергетического эффекта. В отличие от традиционных IT-систем, цифровые экосистемы характеризуются децентрализацией (отсутствием общего центра, управляющего всеми подразделениями организации), открытостью и способностью к самоорганизации, что требует новых методологических подходов к их проектированию и эксплуатации [4].

Таким образом, IT-экосистема – «мегаполис», состоящий из сервисов, программ и устройств, связанных между собой и направленных на решение твоих проблем и задач. В современном российском цифровом пространстве существуют такие IT-экосистемы. Рассмотрим их функционирование на примере компаний Яндекс и Сбер.

Фундамент экосистемы Яндекса – единая технологическая платформа, в которой Поиск и Алиса AI образуют центр управления всей IT-экосистемой; это является также и особенностью IT-экосистемы. Система Яндекс многофункциональна: включает обмен информацией, покупки, оплату и услуги (такси, доставка еды и т.д.). Основная направленность – ориентация на потребности

конечного пользователя, партнерские отношения в меньшем приоритете [3].

Центр экосистемы Сбера – сам банк. Все сервисы связаны и имеют единый вход через онлайн-банк. По функциональности – помимо финансового направления, есть нефинансовые (физические устройства, развлекательные сервисы, GigaChat, жизненно-сценарные экосистемные блоки). По направленности Сбер ориентирован на долгосрочное планирование жизненных сценариев клиента [2].

Несмотря на принципиально разные направления деятельности, у компаний есть фундаментальные сходства: все сервисы взаимосвязаны и имеют единый вход, инновационные технологии – фундамент, пользователь и долгосрочные отношения – главная ценность. Представляется логичным использование успешного опыта работы описанных выше IT-экосистем для «оцифровывания» других сфер. Одна из таких – сфера продаж «бизнес-бизнесу».

B2B – совокупность коммерческих взаимодействий, в которых покупатель использует приобретённые товары и услуги для собственного производства новой продукции, перепродажи или обеспечения собственной хозяйственной деятельности. Иными словами – сделки, в которых бизнес продает бизнесу. В современной рыночной системе канал дистрибуции, то есть путь, который продукт проходит от завода до покупателя, уже достаточно сложен. По мере его расширения коммуникация между бизнес-субъектами усложняется, и использование цифровых продуктов становится уже необходимостью.

Принципиальные особенности IT-экосистемы в сфере продаж «бизнес-бизнесу», которые делают её эффективной с точки зрения бизнес-взаимодействий, состоят из следующих положений: 1. Каждая продажа – отдельный проект. То есть, IT-экосистема должна принимать и поддерживать длительные сделки, фиксируя

промежуточное результаты на каждом этапе, и помнить всю историю взаимодействия; 2. Долгосрочные отношения, а не разовая сделка. IT-экосистема ориентируется на пожизненную ценность бизнес-субъекта; 3. Предсказуемость и снижение рисков. Крупным компаниям важно получение гарантий и безопасности сделки, чтобы избежать дополнительных издержек; 4. Согласованное взаимодействие маркетинга и сбыта. В такой IT-экосистеме между отделами должна отсутствовать какая-либо «вражда» за счет совместной работы [1].

Рассмотрим схему работы цифровой системы для коммуникации бизнес-субъектов между собой в процессе поиска партнеров и совершения долговременных сделок. Модель организации IT-экосистемы для сделок B2B состоит из трех уровней. Первый уровень отвечает за функционирование системы, обеспечение безопасности сделок и данных. Второй уровень – визуальный и непосредственно коммуникационный, это площадка для встречи пользователей IT-экосистемы. Третий уровень обеспечивает юридическую, финансовую и бухгалтерскую поддержку при управлении сделками.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые аспекты модели организации в IT-экосистеме продаж B2B. Создание таких цифровых платформ, где будут эффективно коммуницировать и заключать сделки бизнес-субъекты, будет соответствовать актуальному запросу пользователя будущего.

Список источников

1. Брежнева В. М. Исследование стратегических направлений развития B2B-продаж в современной экономике / В. М. Брежнева, В. В. Петрушина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. № 1 (15). С. 74–82.

2. Коновалова М. Е. Финансовые экосистемы в эпоху развития цифровых технологий (на примере ПАО Сбербанк) / М. Е. Коновалова, О. Ю. Кузьмина // Вопросы инновационной экономики. 2023. № 1. С. 361–380.

3. Кузовкова Т. А. Особенности и тенденции развития цифровых экосистем на примере компании Яндекс / Т. А. Кузовкова, О. П. Алмаева, И. М. Шаравов // Экономика и качество систем связи. 2025. № 35. С. 4–13.

4. Потапов Д. В. Цифровая экосистема: ее методология и реализация // Актуальные исследования. 2025. № 18 (253). Ч. I. С. 50–51.

5. Рекорд С. И. Экономика будущего: взгляд нового поколения инвесторов // Известия СПбГЭУ. 2019. № 4 (118).

УДК 338.001.36

Цифровая трансформация промышленного сектора и её вклад в развитие Красноярского края

Васильева Ольга Дмитриевна, Богунова Таисия Александровна, Фень Ульяна Анатольевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ulianafen2006@mail.ru

Ключевые слова: цифровизация, промышленность, цифровые технологии, ИКТ, Красноярский край, цифровая трансформация, эффективность.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Татьяне Петровне Лихачевой, доценту.

Цифровая трансформация промышленности представляет собой один из ключевых факторов повышения конкурентоспособности экономики в современных условиях. Под цифровизацией понимается внедрение цифровых технологий в производственные процессы, управление и бизнес-модели предприятий. Основной целью данного процесса является повышение эффективности производства, снижение затрат и улучшение качества управленческих решений.

В последние годы цифровизация активно развивается как на глобальном уровне, так и в России. Особый интерес представляет анализ региональных особенностей внедрения цифровых технологий, в частности в промышленно развитых регионах, таких как Красноярский край.

© Васильева О. Д., Богунова Т. А., Фень У. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Согласно представленным данным, Россия занимает различные позиции в международных рейтингах цифровой конкурентоспособности в период с 2020 по 2024 годы. Наблюдается нестабильная динамика: в отдельные годы фиксируется рост, однако в целом страна не входит в число лидеров.

Анализ динамики индекса развития ИКТ показывает, что Россия демонстрирует умеренный рост, однако отставание от ведущих стран сохраняется. Это свидетельствует о наличии структурных проблем, связанных с внедрением цифровых технологий и развитием цифровой инфраструктуры.

Одним из ключевых показателей цифровизации является уровень внедрения ERP- и CRM-систем. Анализ показывает, что в России уровень использования данных систем уступает развитым странам. Это говорит о недостаточной цифровой зрелости бизнеса [1].

Кроме того, рассмотрено использование операционных систем с открытым исходным кодом. В различных отраслях экономики наблюдается значительная дифференциация: наиболее активно такие решения применяются в сфере ИТ и телекоммуникаций, тогда как в традиционных отраслях уровень внедрения ниже. Это свидетельствует о том, что цифровизация в России носит неравномерный характер и зависит от специфики отрасли.

Важным аспектом анализа является структура затрат на внедрение цифровых технологий. Согласно данным за 2024 год, основная доля расходов приходится на:

- приобретение оборудования;
- программное обеспечение;
- услуги по внедрению и сопровождению.

При этом доля инвестиций в инновационные (сквозные) технологии остается относительно невысокой. Это указывает на ориентацию предприятий на базовую цифровизацию, а не на

внедрение передовых решений (например, искусственного интеллекта или больших данных) [2].

Показатели эффективности использования ИКТ демонстрируют, что цифровизация оказывает положительное влияние на экономику, однако потенциал её использования реализован не полностью.

Среди основных эффектов можно выделить:

- повышение производительности труда;
- оптимизацию бизнес-процессов;
- снижение издержек.

Однако эффективность сильно зависит от уровня интеграции технологий и компетенций персонала.

Анализ региональных данных показывает, что в Красноярском крае цифровизация промышленности развивается, однако её уровень остается неоднородным.

По данным за 2024 год значительная часть предприятий использует базовые цифровые технологии. Доля организаций, внедряющих продвинутые решения, остается ограниченной

Анализ количества организаций показывает, что наибольшее распространение получили:

- системы электронного документооборота;
- базовые информационные системы управления.

В то же время такие технологии, как аналитика больших данных и искусственный интеллект, используются ограниченно.

Отдельного внимания заслуживает динамика затрат на цифровизацию промышленности Красноярского края. Наблюдается рост инвестиций, что свидетельствует о повышении интереса бизнеса к цифровым технологиям [3].

При этом структура затрат показывает, что:

- основная часть средств направляется на поддержание существующей инфраструктуры;

• инвестиции в инновационные технологии растут, но остаются недостаточными.

Это указывает на переходный этап цифровизации региона.

Показатели эффективности в регионе подтверждают общероссийские тенденции. Использование ИКТ способствует: повышению эффективности производства; улучшению управленческих процессов; снижению затрат.

Однако уровень отдачи от внедрения технологий зависит от степени их интеграции и качества управления цифровыми проектами.

Таким образом, цифровизация промышленности является важным фактором экономического роста, однако для достижения более высоких результатов необходимо: увеличивать инвестиции в инновационные технологии; развивать кадровый потенциал; повышать уровень цифровой зрелости предприятий

Список источников

1. Индикаторы цифровой экономики: 2026: статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2026.

2. Наука и инновации: статистические данные // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 28.03.2026).

3. Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю (Красноярскстат): официальный сайт. URL: https://24.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 338.001

Глобальные тенденции венчурных инвестиций в высокотехнологичный сектор

Гао Цзинвэнь
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nonagao@yandex.ru

Ключевые слова: венчурные инвестиции, высокотехнологичные предприятия, многополярная модель, рынок капитала, искусственный интеллект, региональная структура.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Старовой Ольге Валерьевне, доценту, канд. эконом. наук.

В 2024–2025 годах глобальный рынок венчурных инвестиций в высокотехнологичные предприятия вступил в фазу структурного восстановления после глубокой коррекции 2022–2023 годов. Процесс носит ярко выраженный неравномерный, К-образный характер: сегмент искусственного интеллекта демонстрирует взрывной рост и рекордную концентрацию капитала, остальные технологические сектора продолжают стагнировать.

Согласно отчёту ОЭСР, в 2025 году глобальные венчурные инвестиции в сферу искусственного интеллекта достигли 258,7 млрд долларов США, что составило 61% от общего объёма мировых венчурных инвестиций, удвоившись по сравнению с 30% в 2022 году [1]. При этом финансирование компаний, занимающихся генеративным ИИ, резко выросло с 2,8 млрд долларов в 2022 году до

© Гао Ц., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

35,3 млрд долларов в 2025 году [1]. Интерес смещается в сторону прикладного ИИ в промышленности.

Ключевой особенностью 2024–2025 годов стала беспрецедентная концентрация капитала в мегасделках.

Ключевая тенденция – переток капитала от «легких» цифровых продуктов к «хардтеку»: стартапам, создающим физические продукты на стыке передовых материалов, робототехники и энергетических систем. Инвестиции в «зелёное» производство остаются одним из главных приоритетов. Ключевые направления включают промышленную цифровизацию, энергопереход и развитие инфраструктуры нового поколения. Геополитическая нестабильность кардинально изменила отношение к венчурным инвестициям в оборонно-промышленный комплекс. Отрасль перестала быть нишевой и стала одним из главных драйверов роста.

Региональная структура глобальных высокотехнологичных инвестиций также претерпела глубокую трансформацию, формируя многополярную модель. Доминирование США достигло пика за последнее десятилетие: в 2025 году американские стартапы привлекли около 60% мировых венчурных инвестиций, причём 75% глобальных венчурных инвестиций в ИИ пришлось на США (194 млрд долларов) [1]. Доля Китая, напротив, сократилась до 5% в глобальных инвестициях в ИИ (13,9 млрд долларов), что отражает как замедление внутреннего экономического роста, так и геополитическую напряжённость. Растёт влияние Индии ($38 млрд.), ОАЭ, Бразилии и Саудовской Аравии, которые создают собственные технологические хабы. На Россию в 2024 году пришлось менее 0,1% глобального венчурного капитала [1].

Особого внимания заслуживает феномен «перегрева» оценок в секторе ИИ, вызывающий дискуссии о формировании пузыря на рынке. С одной стороны, оценки ведущих ИИ-компаний достигли ошеломляющих уровней: OpenAI оценивается в 157 млрд долларов,

Databricks – более 60 млрд. долларов [3]. С другой стороны, как отмечает издание «Международные финансовые новости», «китайские венчурные инвесторы, напуганные неудачными IPO и регуляторным давлением, стали более разборчивыми, что привело к охлаждению ранее перегретых сегментов» [4]. Упомянутая амбивалентная динамика – параллельное увеличение стоимостных показателей ключевых игроков наряду со снижением активности в остальных сегментах – служит отличительным признаком так называемого K-образного подъёма.

Одним из наиболее острых вызовов текущего венчурного ландшафта выступает сужение каналов поступления средств на начальных этапах развития компаний. Согласно информации BVK, объём «посевных» сделок в 2025-м уменьшился на 12,5% относительно уровня двухлетней давности, притом, что типичный временной промежуток, разделяющий соседние раунды, возрос до 774 суток (приблизительно 2,1 календарного года). Подобная величина является рекордной для минувшего десятилетия [5]. Такая ситуация порождает угрозу возникновения структурного разлома в инновационном конвейере: недостаточная финансовая подпитка стартапов сейчас способна обернуться острой нехваткой состоявшихся команд, готовых к более поздним вливаниям, в горизонте 2027–2028 годов.

Глобальная система венчурного капитала в период 2024–2025 гг. пребывает в состоянии принципиальной развилки. С одной позиции, сектор искусственного интеллекта функционирует как колоссальный драйвер прогресса, аккумулируя беспрецедентные денежные потоки и катализируя технологические скачки. С другой же точки зрения, чрезмерная фокусировка ресурсов в одной области в сочетании с ослаблением интереса к направлениям вне ИИ-сферы формирует опасности для продолжительной стабильности экосистемы нововведений. Для некрупных организаций, чья деятельность не связана с алгоритмами

машинного обучения, получение финансирования трансформируется в практически неразрешимую задачу. Данное обстоятельство диктует необходимость разработки новых инструментов господдержки, а также обнаружения особых рыночных ниш и тактик выживания.

Список источников

1. OECD. Venture capital investments in artificial intelligence through 2025 // OECD.AI Policy Observatory. Paris: OECD Publishing, 2026. URL: https://www.oecd.org/en/publications/venture-capital-investments-in-artificial-intelligence-through-2025 (дата обращения: 14.04.2026).

2. KPMG. Venture Pulse Q4 2025: Global analysis of venture capital trends // KPMG International. 2026 (дата обращения: 14.04.2026).

3. Angels Partners. The 2025 Q3 VC Landscape: A Snapshot // Angels Partners Blog. 2025. 7 октября. URL: https://angels-partners.com/blog/q3-2025-vc-landscape/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Юань Юань. Глобальный венчурный рынок восстанавливается, ИИ становится главным центром притяжения // Международные финансовые новости. 2025. 26 сентября.

5. BVK. Global Venture Capital Report 2025 // Bundesverband Beteiligungskapital. 2026 (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 332.1:004.8

Риски цифровой иллюзии и информационных ограничений в реализации технологий искусственного интеллекта

Гольцев Александр Александрович
Институт менеджмента и международного бизнеса СибГУ им. акад. М.Ф. Решетнёва, Красноярский край, Красноярск, Россия, golstev_home@bk.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая иллюзия, информационные ограничения, цифровое неравенство, данные, цифровая трансформация, региональное развитие, управление.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, автор выражает благодарность научному руководителю, профессору кафедры Менеджмента, д-ру экон. наук Суминой Екатерине Владимировне.

Искусственный интеллект сегодня рассматривается как один из ключевых инструментов цифровой трансформации экономики, управления и социальной сферы. С ним связывают рост производительности, ускорение обработки информации, снижение издержек и повышение качества решений [1]. Однако на практике между ожиданиями от внедрения ИИ и реальным результатом нередко возникает заметный разрыв.

В этих условиях особую значимость приобретает риск цифровой иллюзии. Под ним можно понимать ситуацию, при которой внешние признаки цифровизации воспринимаются как

© Гольцев А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

показатель технологической зрелости. Организация или регион могут демонстрировать наличие цифровых решений, но при этом сохранять слабую связанность информационных систем, дефицит качественных данных, кадровые ограничения и недостаточную готовность к практическому применению алгоритмов. В результате создаётся видимость высокого уровня развития без соответствующего эффекта.

Главная проблема связана не столько с самими алгоритмами, сколько с качеством информационной среды. Искусственный интеллект зависит от полноты, достоверности и сопоставимости данных. Если данные неполны, противоречивы или собираются бессистемно, ИИ не устраняет ошибки, а ускоряет их воспроизводство. В управленческой практике это особенно опасно, поскольку алгоритмический вывод может восприниматься как объективный лишь потому, что он получен с помощью цифровой системы [2].

Не менее важны кадровые и организационные ограничения. Для полноценного применения ИИ нужны не только разработчики, но и специалисты, способные правильно интерпретировать результаты работы алгоритма и соотносить их с практической ситуацией. При отсутствии таких условий внедрение ИИ нередко приобретает формальный характер и становится частью имиджевой цифровой повестки, а не реальным инструментом развития [2; 3].

Наиболее наглядно эти ограничения проявляются в конкретных показателях. По данным обследования организаций, среди основных барьеров внедрения ИИ чаще всего выделяются высокие затраты, нехватка квалифицированных специалистов и недостаточный уровень навыков у сотрудников [2].

Основные барьеры внедрения технологий ИИ в организациях представлены (рисунок 1).

Рисунок 1. Основные барьеры внедрения технологий ИИ в организациях.

Цифровое развитие территорий происходит неравномерно, поэтому и возможности внедрения искусственного интеллекта различаются. В регионах с более развитой инфраструктурой, подготовленными кадрами и устойчивой системой работы с данными ИИ действительно становится фактором обновления экономики и управления. В менее подготовленных условиях он чаще остаётся частью формальной отчётности и не обеспечивает заметного роста качества решений и инновационной активности [3; 4].

Риск цифровой иллюзии связан с подменой реальной готовности внешними признаками цифровизации. Практическая ценность искусственного интеллекта определяется не количеством заявленных решений, а зрелостью информационной среды, в которой они применяются. Поэтому основным условием результативного внедрения ИИ становится не расширение числа формальных проектов, а улучшение качества данных, развитие компетенций, укрепление цифровой инфраструктуры и выстраивание понятных механизмов применения алгоритмов в управленческой и экономической практике [5; 6].

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490: в ред. от 15.02.2024. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docb

ody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102608394 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Талакаускас Д. С. Практики и перспективы развития технологий искусственного интеллекта / Д. С. Талакаускас, А. В. Демьянова, В. Л. Абашкин // Искусственный интеллект. Серия информационно-аналитических материалов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. / 2024. № 11. 4 с. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/986408357.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

3. Варламова Ю. А. Искусственный интеллект в российских регионах / Ю. А. Варламова, Е. Н. Корнейченко // Российский журнал экономики и права. 2024. Т. 18, № 3. С. 641–662.

4. Шелудяков, И. С. Цифровое свечение в регионах России: проблемы и пути их преодоления / И. С. Шелудяков, Е. Н. Лебедева (Красса) // Прогрессивная экономика. 2023. № 2. С. 23–43.

5. Гольцев А. А. Цифровая зрелость высокотехнологичных отраслей как условие инновационного развития региона / А. А. Гольцев, Е. В. Сумина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : материалы IX Международной научно-практической конференции, Красноярск, 10–14 апреля 2023 г. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2023. С. 1012–1015.

6. Сумина Е. В. Технологические приоритеты определяют развитие региона в условиях цифровой индустриализации / Е. В. Сумина, Д. В. Зябликов // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 3. С. 1535–1554.

УДК 332.1:004.8

Технологии искусственного интеллекта как фактор инновационного развития региона: проблема цифрового неравенства

Гольцев Александр Александрович
Институт менеджмента и международного бизнеса СибГУ им. акад. М. Ф. Решетнёва, Красноярский край, Красноярск, Россия, golstev_home@bk.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, регион, инновационное развитие, цифровое неравенство, цифровая инфраструктура, региональная экономика, цифровая трансформация.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, автор выражает благодарность научному руководителю, профессору кафедры Менеджмента, д-р экон. наук Суминой Екатерине Владимировне.

Искусственный интеллект становится важным фактором инновационного развития региона, поскольку влияет на производительность, качество управления и модернизацию отраслей экономики [1; 2]. Его внедрение затрагивает промышленность, транспорт, образование, здравоохранение, сферу услуг и государственное управление, что усиливает значение ИИ в современной региональной политике.

Вместе с тем эффект от использования искусственного интеллекта проявляется неравномерно. В работах Е. В. Суминой

© Гольцев А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

показано, что цифровая трансформация региона зависит не только от внедрения новых технологий, но и от стратегических приоритетов развития, состояния инфраструктуры, кадрового потенциала и общей готовности территории к инновационным изменениям [2; 3]. При недостатке этих условий технологические преимущества концентрируются в более сильных регионах, а различия между территориями усиливаются [3; 5; 6].

Поэтому особое значение приобретает проблема цифрового неравенства. В условиях внедрения ИИ она выражается не только в доступе к интернету и технике, но и в различиях в обеспеченности вычислительными ресурсами, уровне подготовки кадров, доступе к данным и способности организаций использовать интеллектуальные технологии [2; 3]. Тем самым цифровое неравенство отражает неодинаковые стартовые возможности регионов в условиях технологической трансформации [6]. Основные проявления цифрового неравенства и их влияние на инновационное развитие региона представлены (таблица 1).

Таблица 1. Проявления цифрового неравенства в условиях внедрения ИИ и их влияние на инновационное развитие региона

Измерение неравенства	**Содержание проблемы**	**Последствия для инновационного развития региона**
Инфраструктурное	Неравный доступ к широкополосному интернету, облачным сервисам, центрам обработки данных, устойчивому энергоснабжению	Ограничение условий для цифровой трансформации, замедление внедрения ИИ-решений
Технологическое	Недостаток вычислительных мощностей, специализированного программного обеспечения, цифровых платформ	Зависимость от внешних решений, слабое развитие собственных технологических продуктов

Окончание таблицы 1

Измерение неравенства	**Содержание проблемы**	**Последствия для инновационного развития региона**
Дата-неравенство	Ограниченный доступ к качественным и структурированным данным	Снижение точности аналитики и сложности при обучении и внедрении ИИ-моделей
Кадровое	Дефицит специалистов в области анализа данных, машинного обучения и цифрового управления	Замедление инновационных процессов, рост зависимости от внешних экспертов
Организационно-экономическое	Ограниченные финансовые возможности, низкая готовность бизнеса и учреждений к цифровым изменениям	Неравномерное внедрение инноваций, отставание малого и среднего бизнеса
Пространственное	Различия между крупными городами, малыми территориями и периферийными районами	Концентрация инновационной активности в ограниченном числе центров

Как видно из таблицы 1, цифровое неравенство в условиях внедрения ИИ имеет комплексный характер и затрагивает инфраструктуру, кадры, доступ к данным, финансовые возможности и общий уровень готовности региона к цифровым изменениям.

При наличии таких условий ИИ становится ресурсом инновационного развития: он повышает качество управленческих решений, ускоряет обработку информации, снижает издержки и способствует модернизации экономики [5; 7]. Однако при сохранении цифрового неравенства его эффект оказывается противоположным: более сильные регионы быстрее накапливают технологические преимущества, тогда как менее обеспеченные территории усиливают зависимость от внешних решений и отстают в инновационном развитии.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Сумина Е. В. Технологические приоритеты определяют развитие региона в условиях цифровой индустриализации / Е. В. Сумина, Д. В. Зябликов // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 3. С. 1535–1554.

3. Сумина, Е. В. Социальные и инновационные приоритеты модели развития региона / Е. В. Сумина, А. А. Бадюков // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14, № 2. С. 583–602.

4. ЮНЕСКО. Рекомендации по этике искусственного интеллекта. Париж, 2021. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-ethics-artificial-intelligence (дата обращения: 15.04.2026).

5. Бабкин А. В. Цифровая экономика и ее влияние на конкурентоспособность предпринимательских структур / А. В. Бабкин, О. В. Чистякова // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 24. С. 4087–4102.

6. Татаркин А. И. Изменение парадигмы исследований экономического региона региона / А. И. Татаркин, А. А. Куклин // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–39.

7. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современных экономических теорий // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

УДК 303.446.2

Можно ли быть своим среди чужих? Реальность принятия чужой культуры и сохранения культурной идентичности

Гордиенко Юлия Вячеславовна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального Университета, Секция Глобальное предпринимательство, Красноярский край, Красноярск, Россия,
yulia.gordienko1@icloud.com

Ключевые слова: кросс-культурный менеджмент, культурная идентичность, адаптация к чужой культуре, внутренний «иностранец», межкультурная коммуникация, уважение в межкультурном диалоге, культурные нормы и ценности.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Анатольевне Цветочкиной, доценту, канд. ист. наук.

В современном мире, где глобализация и межкультурная коммуникация становятся неотъемлемой частью профессиональной и личной жизни, вопрос о возможности полного принятия чужой культуры приобретает особую актуальность. В рамках дисциплины «Кросс-культурный менеджмент» студенты изучают поведение, традиции и культурные коды разных стран, чтобы в будущем эффективно взаимодействовать с представителями иных культур. Однако возникает закономерный вопрос: достаточно ли теоретических знаний для того, чтобы стать «своим» в чужой среде? Возможно ли полностью принять чужую культуру, или человек навсегда останется немного «иностранцем»?

© Гордиенко Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель статьи — анализ внутренних противоречий, возникающих при попытке влиться в инокультурный коллектив, а также поиск баланса между адаптацией и сохранением собственной идентичности.

Знание культурных особенностей — например, того, почему японцы избегают прямого отказа или почему итальянцы проявляют яркую эмоциональность — безусловно, помогает адаптироваться и объяснить многие поведенческие паттерны [1]. Однако, за этим следует более сложный этап — непосредственное взаимодействие с людьми, принадлежащими к другой культуре. Теоретическая подготовка не гарантирует отсутствия внутренних конфликтов, связанных с разницей в привычках, повседневном поведении и невербальных сигналах [2].

Попадая в чужую страну, человек сталкивается с необходимостью действовать по местным правилам. Но даже при искреннем желании «влиться» в коллектив регулярно происходят параллели с привычным поведением, укоренённым в родной культуре. Это создаёт внутреннее напряжение: соблюдать чужие нормы или оставаться собой? [3].

Одним из наиболее ярких примеров является жест кивка в Болгарии: в отличие от большинства европейских культур, кивок там означает несогласие, а покачивание головой — согласие. Для человека из культуры, где кивок традиционно означает «да», автоматически перестроиться практически невозможно. Даже зная об этой особенности, в стрессовой или спонтанной ситуации человек, скорее всего, вернётся к привычному жесту.

Исходя из примера, приведенного выше возникает вопрос: если человек полностью подстраивается под чужую культуру, не теряет ли он свою индивидуальность и культурную идентичность? Ведь именно через особенности родной культуры — манеру общения, жесты, отношение ко времени, чувство юмора — мы проявляем себя как личности [2]. Полный отказ от этих

особенностей ради «плавного вливания» может привести к ощущению внутренней пустоты или даже культурной шизофрении, когда внешнее поведение расходится с внутренними установками [3].

Ключевая мысль заключается в том, что оставаться немного «иностранцем» в чужой культуре — это не провал адаптации, а, напротив, способ сохранить ценности своей культуры. Важно не забываться и не оскорблять своим поведением представителей другой культуры, но это не требует полного отказа от себя.

Существует метафора: можно уехать из города, но «город из тебя не уедет». Наша культурная основа остаётся с нами навсегда [1]. Попытки её полностью подавить или заменить редко бывают успешными и часто ведут к неврозам и культурному шоку. Более продуктивный путь — признать своего внутреннего «иностранца» и научиться с ним жить, воспринимая его не как помеху, а как источник уникальности и обогащения межкультурного диалога.

Что же позволяет человеку чувствовать себя комфортно в чужой среде, если полное растворение невозможно? Ответ прост и глубок: уважительное и вежливое отношение к представителям любой культуры и религии. Когда человек демонстрирует искреннее уважение к чужим традициям, людям не требуется, чтобы он в точности копировал их поведение. Напротив, в ответ на уважение представители принимающей культуры обычно проявляют понимание и терпимость к поведению «иностранца» — его акценту, непривычным жестам, другим привычкам [3].

Таким образом, ключ к успешной межкультурной коммуникации лежит не в достижении полной комфортности, а в развитии эмоционального интеллекта, эмпатии и взаимного уважения. В таком случае даже заметные культурные различия не становятся барьером, а превращаются в повод для интересного обмена опытом.

Подводя итог, можно утверждать, что полное принятие чужой культуры без потери собственной идентичности является скорее мифом, чем достижимой реальностью. Человек неизбежно остаётся немного «иностранцем» в любой чужой среде, и это не следует рассматривать как недостаток. Напротив, сохранение своих культурных корней при одновременном уважительном отношении к чужим традициям создаёт основу для подлинного, а не имитационного диалога [1; 3].

Стать «своим среди чужих» в буквальном смысле невозможно, но можно стать «понятым и принимаемым чужим». И для этого не требуется отказываться от себя — достаточно вежливости, открытости и готовности к компромиссам без предательства собственной культуры. Именно такой подход позволяет людям разных культур сосуществовать гармонично, сохраняя и уважая многообразие мира.

Список источников

1. Hofstede G. H. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. 596 p. ISBN 978-0-8039-7323-7. URL: https://www.researchgate.net/publication/230557580_Culture's_Consequences_Comparing_Values_Behaviors_Institutions_and_Organizations_Across_Nations (дата обращения: 09.04.2026).

2. Лебедева Н. М. Этнопсихология: учебник и практикум для вузов. М.: 2023. 491 с. URL: https://urait.ru/index.php/book/etnopsihologiya-583127 (дата обращения: 09.04.2026).

3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для студентов вузов (4-е изд., испр. и доп.). М.: 2008 Аспект-Пресс. 368 с. URL: https://studfile.net/preview/5551008/ (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 336.025

Многокритериальная оценка цифровых сервисов для финансовых расследований в закупочной деятельности

Григорьева Елизавета Игоревна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, liza.grigorieva10@mail.ru

Ключевые слова: финансовые расследования, закупки, цифровые сервисы, метод анализа иерархий, СПАРК, Контур, СБИС.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Малаховой Анне Андреевне, доценту, канд. экон. наук.

По данным Минфина, ежегодный объём госзакупок в России превышает 30 триллионов рублей. При этом, по оценкам экспертов и данным ФАС, потери от нарушений (сговоры, коррупция, аффилированность) достигают 15–20% от этой суммы — то есть до 6 триллионов рублей [1; 2; 5].

Традиционные методы контроля, построенные на выборочных проверках, уже не справляются с современными схемами мошенничества [6]. В ответ на это появилось много цифровых сервисов, которые помогают анализировать закупки и проверять контрагентов. Самые популярные из них — СПАРК, Контур.Фокус (и его модуль Контур.Закупки) и СБИС [3].

Однако организации часто выбирают эти инструменты наугад, ориентируясь на рекламу или субъективное мнение консультантов. Нет чёткой методики, которая позволяла бы сравнить платформы

© Григорьева Е. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

по объективным критериям и понять, какая из них лучше подходит для конкретных задач.

Целью данной статьи является сравнительный анализ трех популярных в России цифровых платформ, которые используют для финансовых расследований в сфере закупок: СПАРК, Контур.Фокус (с модулем Контур.Закупки) и СБИС.

Для сравнительной оценки платформ СПАРК, Контур.Фокус/Контур.Закупки и СБИС применён метод анализа иерархий (МАИ) Т. Саати [4]. Данный метод позволяет структурировать задачу выбора в виде иерархии, выполнить попарные сравнения элементов (критериев и альтернатив) и оценить согласованность суждений.

На верхнем уровне иерархии находится цель – выбор оптимального цифрового сервиса для финансовых расследований. Второй уровень составляют группы критериев: функциональные (F), технологические (T) и экономические (E). Третий уровень включает 10 подкритериев (табл. 1). На нижнем уровне расположены альтернативы – три указанные платформы.

Таблица 1. Иерархия критериев оценки цифровых платформ (разработано автором с использованием источников [1; 3])

Группа критериев	**Критерий**	**Подкритерий (описание)**
Функциональные (F)	F1 – полнота охвата источников	Данные ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ФНС, Росстат, ФССП, арбитражных судов, СМИ, реестра недобросовестных поставщиков
	F2 – глубина проверки аффилированности	Поиск связей через учредителей, руководителей, адреса, доли участия; построение цепочек бенефициаров; выявление скрытых связей
	F3 – анализ закупок	Мониторинг госзакупок (44-ФЗ, 223-ФЗ), анализ ценовых аномалий, поиск сговоров, проверка участников

Окончание таблицы 1.

Группа критериев	**Критерий**	**Подкритерий (описание)**
	F4 – визуализация и отчетность	Графы связей, дашборды, настраиваемые отчёты, экспорт в PDF/Excel
Технологические (T)	T1 – частота обновления данных	Ежедневное/еженедельное обновление, оперативность появления новых сведений
	T2 – наличие API	Открытый API для интеграции с внешними системами, возможность автоматической выгрузки данных
	T3 – удобство интерфейса	Интуитивность, скорость поиска, наличие подсказок, мобильная версия
Экономические (E)	E1 – стоимость подписки	Годовая/месячная стоимость для разных тарифов
	E2 – гибкость тарифов	Наличие бесплатного доступа, потарифная оплата, скидки для малого бизнеса
	E3 – соотношение цена/качество	Оценка адекватности цены предоставляемым возможностям

Для каждой матрицы попарных сравнений предполагается расчет вектор приоритетов (метод средних геометрических) и выполнение проверки согласованности экспертных суждений.

Итак, для проведения объективного сравнения в данной статье предложено использование метода анализа иерархий (МАИ) Т. Саати. Рассматриваемые критерии разбиты на три группы: функциональные (полнота данных, глубина проверки связей, анализ закупок, визуализация), технологические (частота обновления, наличие API, удобство интерфейса) и экономические (цена, гибкость тарифов, соотношение цены и возможностей).

Ожидается, что предложенная методика многокритериальной оценки цифровых сервисов на основе МАИ позволит объективно сравнивать платформы с учётом приоритетов пользователя.

Результаты исследования могут быть использованы контролирующими органами, службами экономической

безопасности и коммерческими организациями для обоснованного выбора цифровых инструментов финансового контроля в сфере закупок.

Список источников

1. Отчет о результатах мониторинга закупок за 2023 год / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2024. 98 с.

2. Collaborations in the modern economy / E. N. Sochneva, A. A. Malakhova, O. V. Starova [et al.] // Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics. Heidelberg: Springer International Publishing, 2021. P. 63–71. DOI 10.1007/978-3-030-57831-2_7. EDN DOYSQL.

3. Техническая документация АО «СКБ Контур» к платформе «Контур.Фокус» и «Контур.Закупки»; Техническая документация ООО «Интерфакс» к платформе «СПАРК»; Техническая документация ООО «Тензор» к платформе «СБИС». URL: https://focus.kontur.ru, https://spark-interfax.ru, https://sbis.ru (дата обращения: 15.02.2026).

4. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.

5. Коневская А. Ю. Современные тенденции развития российского бизнеса в отраслевом разрезе / А. Ю. Коневская, К. К. Ничикова, А. А. Малахова // Образование - наука - производство: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). В 2-х томах, Чита, 18 ноября 2022 года. Том 2. Чита: Забайкальский институт железнодорожного транспорта - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Иркутский университет путей сообщения", 2022. С. 63–69.

6. Кинев А. Ю. Противодействие сговорам на торгах: правовые и экономические аспекты. М.: Статут, 2021. 215 с. С. 67–78.

УДК 332.14

Креативная городская среда как условие развития предпринимательства среди молодежи

Дранишников Глеб Юрьевич
Институт менеджмента и международного бизнеса Сибирского государственного университета им. М.Ф. Решетнёва, Красноярский край, Красноярск, Россия, glebdranishnikovv@gmail.ru

Ключевые слова: креативный город, креативные индустрии, креативная городская среда, предпринимательская среда.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Суминой Екатерине Владимировне, профессору кафедры менеджмента, доктору экономических наук.

Информационное общество выдвигает на первый план знания и инновации, поскольку именно они обеспечивают конкурентоспособность бизнеса, городов, регионов и государств. В новой экономической формации ключевым ресурсом становится человек, его уникальные идеи и творческие решения. Впервые значимость креативности для развития общества обосновал Й. Шумпетер [4] в своей теории предпринимательства и «созидательного разрушения». По мнению Р. Флориды [3], креативный класс выступает драйвером социально-экономического развития, создавая экономическую ценность посредством творческой деятельности. Креативная городская среда представляет собой совокупность физических, социальных, экономических и культурных условий, побуждающих горожан к генерации новых идей, созданию инновационных продуктов и

© Дранишников Г. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нестандартному мышлению. Молодёжь является носителем креативной среды благодаря высокой мобильности, обучаемости, инновационности, отсутствию устоявшихся мыслительных шаблонов, низкому страху неудачи, уверенному владению цифровыми технологиями.

Данные Минэкономразвития фиксируют рост числа молодых предпринимателей в России. Так, с 2019 года количество индивидуальных предпринимателей в возрасте до 35 лет выросло на 17% и превысило 1,17 млн. По данным Росстата, вклад креативного сектора в экономику растёт. С 2021 по 2024 год его доля в ВВП страны увеличилась с 3,2% до 4,1%. Исследование ИСИЭЗ НИУ ВШЭ [1] показало, что в структуре занятости в креативных индустриях в 2024 году лидируют ИКТ (29,2%), культура и искусство (23%), реклама, маркетинг и связи с общественностью (18,1%).

Для развития креативной экономики и раскрытия творческого потенциала молодёжи в городе необходима специальная инфраструктура: бизнес-инкубаторы, акселераторы, креативные кластеры. Так, в 2022 году в Красноярском крае для развития креативных индустрий создан Сибирский институт креативных индустрий, который объединяет сообщества региона (власть, бизнес, образование, население, креаторов) и реализует следующие задачи: продюсирование, аудит и ребрендинг продуктов, маркетинговые исследования, обучение, консультирование предпринимателей по вопросам государственной поддержки. В целом, оценивая развитие креативных индустрий в Красноярском крае, можно отметить, что доля креативных индустрий в валовом региональном продукте составляет 4%, а занятость в этой сфере – 43 тыс. человек [2].

В целях исследования креативной среды города Красноярска был проведён онлайн-опрос, в котором участвовали 233 студента креативных специальностей из следующих университетов: СибГУ

им. М.Ф. Решетнёва (169 человек), СФУ (35 человек), КГПУ (24 человека), КрасГМУ (5 человек). Гендерное распределение респондентов: 155 человек – женский пол, 78 человек – мужской пол. Возрастная структура респондентов представлена следующими группами: 17 лет – 3 человека, 18 лет – 51 человек, 19 лет – 52 человека, 20 лет – 52 человека, 21 год – 50 человек, 22 года – 17 человек, 23 года – 6 человек, 24 года – 1 человек, 25 лет – 1 человек. Результат опроса представлен на рисунке 1.

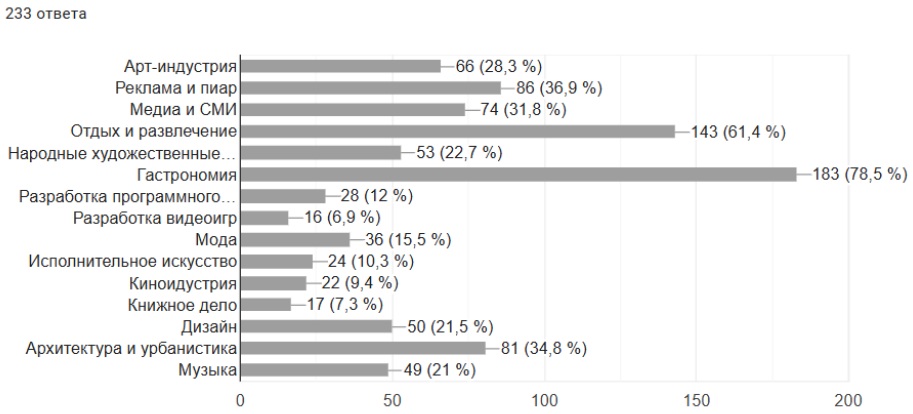


Рисунок 1. Наиболее развитые креативные сферы по мнению опрошенных.

В рамках исследования опрошенным был задан вопрос о планах на переезд из Красноярска после окончания обучения, так 43% ответили, что ещё не решили, 30% планируют переехать, 27% остаться. Самой популярной причиной переезда студенты назвали плохую экологию. На вопрос о предпочтительных направлениях переезда наиболее часто респонденты называли иностранные государства, а также Санкт-Петербург, Москву и Краснодар. 61% опрошенных считают, что в Красноярске есть хорошие условия для творческой самореализации, 65% согласны называть город креативным, а 58% уверены, что арт-пространств здесь достаточно. 63% полагают, что региональные и муниципальные власти поддерживают молодёжные инициативы. Высокое качество музеев, театров, концертных залов и других культурных учреждений

отметили 87% респондентов. Однако регулярно (очень часто или довольно часто) посещают креативные пространства лишь 20% (4% и 16% соответственно), тогда как 45% бывают там время от времени, 26% – редко, а 9% – почти никогда. На вопрос о доступности оборудования и техники для творческих проектов 56% ответили, что нужные средства можно легко найти, 8% не согласны, а 36% затруднились с ответом.

Исследование показало, студенты высоко оценивают креативную инфраструктуру Красноярска и поддержку инициатив, но реальная вовлечённость самих студентов низка. Это требует выявления причин разрыва и разработки системы стимулов и мотивации для повышения их участия в развитии города.

Список источников

1. Демьянова А. В. Креативный класс в фокусе статистики / А. В.Демьянова, Рябова А. Д. // 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1105564992.html. (дата обращения: 07.04.2026).

2. Креатив как драйвер экономики регионов. ВЭБ.РФ и АСИ оценили потенциал творческих индустрий Красноярского края // Агентство стратегических инициатив: официальный сайт. 03.02.2026. URL: https://asi.ru/news/207043/ (дата обращения: 07.04.2026).

3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. М.: Классика XXI, 2005 421 с.

4. Шумпетер Й. Теория экономического развития: пер. с нем. / под общ. ред. А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1982. 431 с.

УДК 005.95/.96

Принцип l’art de vivre (искусство жить) во французской культуре и его влияние на эмоциональное благополучие сотрудников в международных компаниях

Заев Дмитрий Владимирович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zaev1206@mail.ru

Ключевые слова: международные компании, менеджмент, коммуникации, управление персоналом, «искусство жить».

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Анатольевне Цветочкиной, доценту, канд. ист. наук.

В условиях глобализации международные компании вынуждены учитывать культурные особенности управления персоналом. Ключевой элемент французской национальной культуры — концепт («искусство жить») — отражает стремление к гармонии, качеству жизни и эмоциональному благополучию. Понимание этого феномена необходимо для эффективного HR-менеджмента в транснациональных организациях.

Цель статьи — проанализировать сущность l’art de vivre, его проявления в поведении сотрудников и влияние на управление персоналом в международных компаниях. Теоретическая база: труды по кросс-культурному менеджменту (Hofstede, Trompenaars) и эмпирические исследования ценностей, мотивации и культурных различий (Rokeach, 1973; Brislin, Worthley & Macnab, 2006).

© Заев Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Национальная культура формирует ценностные ориентации, влияющие на восприятие власти, коммуникацию и мотивацию Французская культура по Г. Хофстеде характеризуется высокой дистанцией власти, умеренным индивидуализмом и фокусом на качестве жизни [4]. По Ф. Тромпенаарсу, французы склонны к аффективному выражению эмоций и ценят социальные коммуникации, что коррелирует с l'art de vivre [5].

Принцип «искусство жить»: содержание и проявления

L'art de vivre включает три компонента:

Баланс работы и жизни — чёткое разделение рабочего и личного времени, ценность отпусков и перерывов (le temps pour soi).

Эстетическое качество деятельности — стремление к красоте и гармонии в профессии.

Социальные отношения и удовольствие — общение и межличностные связи как часть благополучия.

Исследование Рокича показывает, что ценности qualité de vie (качество жизни) и art de vivre влияют на мотивацию французских сотрудников: они предпочитают гибкий график, автономию и саморазвитие. Игнорирование этих ценностей снижает удовлетворённость работой и повышает стресс [6].

Влияние на управление персоналом в международных компаниях

• Рекрутинг и адаптация. Программы адаптации с социальной интеграцией, гибкостью и заботой о благополучии повышают удержание сотрудников.

• Лидерство и мотивация. Французские сотрудники восприимчивы к лидерству, сочетающему профессионализм с эмпатией. В международных командах требуется культурная чувствительность [2].

• Организация рабочего времени. Уважение к личному времени выражается в строгом соблюдении графика, праве на

отпуск. Международные компании адаптируют политики: дистанционная работа, гибкий график [4].

Эмоциональное благополучие (well-being) — состояние позитивного психического здоровья, значимое для HR-стратегий [9], [3]. Принцип l'art de vivre способствует:

- снижению хронического стресса через уважение к свободному времени;
- повышению удовлетворённости работой через признание личных ценностей;
- развитию организационной культуры, ориентированной на человека.

Эмоциональное благополучие коррелирует с продуктивностью, креативностью и устойчивостью к выгоранию [3; 1]. Для международных компаний l'art de vivre становится стратегическим ресурсом.

Практические рекомендации для HR-менеджеров:

- Гибкий рабочий график и удалённая работа.
- Политика work–life balance (ограничение email после работы, уважение отпусков).
- Программы благополучия (медитация, спорт, психологическая поддержка).
- Тренинги по межкультурной коммуникации для менеджеров.
- Социальные инициативы (корпоративные обеды, тимбилдинги).

Принцип «искусство жить» во французской культуре значимо влияет на управление персоналом и эмоциональное благополучие сотрудников. Уважение к балансу, эстетике и социальным связям создаёт среду для вовлечённости и продуктивности. Корпоративные стратегии, учитывающие l'art de vivre, формируют культуру, ориентированную на человека и повышающую конкурентоспособность компаний.

Список источников

1. Bakker A. B. Job demands–resources theory: Taking stock and looking forward / A. B. Bakker, E. Demerouti // Journal of Occupational Health Psychology. 2016. Vol. 22, № 3. P. 273–285.

2. Cultural dimensions at the individual level of analysis: Theoretical and methodological issues / M. L. Maznevski, C. B. Gomez, J. J. DiStefano [et al.] // International Journal of Cross Cultural Management. 2006. P. 275–295. DOI 10.1177/147059580223001.

3. Diener E. Advances in subjective well-being research / E. Diener, S. Oishi L. Tay // Nature Human Behaviour. 2018. № 2. P. 253–260. DOI 10.1038/s41562-018-0307-6.

4. Hofstede G.Cultures and Organizations: Software of the Mind (3rd ed.) / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. McGraw-Hill, 2010. ISBN 978-0-07-177015-6. 576 p.

5. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. / F. Trompenaars, C. Hampden-Turner // 1998.

6. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 p. URL: https://books.google.com/books/about/The_Nature_of_Human_Values.html?id=fUdqAAAAMAAJ (дата обращения: 04.04.2026)

7. Warr P. Work, Happiness, and Unhappiness. Lawrence Erlbaum Associates, 2007. 548 p. ISBN 9780805857115.

УДК 005

Культурные факторы в системе торговых барьеров: опыт российско-латиноамериканского взаимодействия

Калайджян Милена Суреновна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kalaydzhyan.01@mail.ru

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, торговые барьеры, культурные факторы, Россия, Латинская Америка, модель Хофстеде, безбарьерная коммуникация.

В условиях трансформации глобальной торговой архитектуры российско-латиноамериканские отношения обретают новое стратегическое измерение. Совокупный товарооборот России со странами Американского континента в 2025 году превысил 28 млрд долларов, ключевым партнёром остаётся Бразилия с объёмом торговли около 11,8 млрд долларов [1]. Между тем реализуемый потенциал несопоставим с имеющимися возможностями: Латинская Америка концентрирует около 20% мировых запасов нефти и формирует порядка 6% мирового ВВП [5]. Разрыв между декларируемым потенциалом и реальными показателями торговли воспроизводится устойчиво и не может быть объяснён исключительно тарифными, санкционными или логистическими ограничениями – он требует иных аналитических инструментов.

Доминирующая модель анализа торговых барьеров носит преимущественно экономоцентричный характер: среди ключевых препятствий традиционно называются санкционные ограничения,

© Калайджян М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

географическая удалённость, нормативно-правовая асимметрия и информационная недостаточность [2]. Перечисленные барьеры реальны, однако они не объясняют, почему значительная часть переговоров между российскими и латиноамериканскими партнёрами завершается безрезультатно даже при совпадающих экономических интересах. Ответ лежит в плоскости межкультурной коммуникации. Под культурными факторами торговых отношений понимается совокупность ценностных ориентаций, коммуникативных норм и поведенческих паттернов, исторически обусловленных национальной культурой и непосредственно влияющих на ход и результат деловых взаимодействий. Некорректное понимание культурных различий ведёт к неэффективным переговорам, ошибкам в маркетинговых стратегиях и юридическим конфликтам [7].

Сопоставление культурных профилей России и ведущих латиноамериканских экономик по моделям Г. Хофстеде [8; 9], Э. Холла [10], Р. Льюиса [11], Е. Мейер [12] и Ф. Тромпенаарса [3; 14] выявляет несколько устойчивых расхождений. По индексу избегания неопределённости (UAI) Россия набирает 95 баллов – один из самых высоких показателей в мире, Бразилия – 76 [9; 13]: российская сторона настаивает на исчерпывающих договорах и жёстких регламентах, тогда как латиноамериканский партнёр воспринимает избыточную детализацию как знак недоверия. По шкале коммуникативного контекста страны Латинской Америки относятся к высококонтекстным культурам: прямой отказ недопустим, молчание означает несогласие, личная симпатия предшествует деловой договорённости [10; 12]. Россия тяготеет к низкоконтекстному стилю в формальных переговорах, из-за чего российская прямолинейность нередко воспринимается партнёрами как агрессия, а вежливое уклонение – как согласие. Подобные сбои в коммуникации формируют взаимные стереотипы о

«ненадёжности» партнёра и закрепляются как самостоятельный барьер для будущего сотрудничества [4].

Тем не менее культурные факторы систематически вытесняются на периферию анализа по нескольким причинам: во-первых, они не имеют единицы измерения, принятой в экономической статистике; во-вторых, сложившийся управленческий дискурс структурирован вокруг тарифов и регуляторных различий; в-третьих, провалы переговоров из-за межкультурного непонимания атрибутируются «объективным» причинам – санкциям, курсовым рискам, юридическим разногласиям. Между тем умение адаптировать коммуникативный стиль к культурному контексту партнёра способно существенно повысить эффективность деловых переговоров и коммерческий результат [7]. Системный учёт культурного измерения торговых барьеров требует разработки инструментов оценки культурных рисков, интеграции межкультурной подготовки в программы господдержки экспорта и создания экспертных платформ культурного посредничества. В условиях целенаправленного «поворота» России к Глобальному Югу это становится не академическим упражнением, а необходимым условием реализации стратегического потенциала российско-латиноамериканского партнёрства.

Список источников

1. Ванцян С. В. Россия – Латинская Америка: трансграничное партнерство // Экономические исследования и разработки. 2023. С. 17–25.

2. Давыдов В. М. Стратегическое партнерство в контексте российско-латиноамериканских отношений // Вестник Российской академии наук. 2016. № 4. С. 304–316.

3. Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер // Попурри, 2004. С. 72–79.

4. Яковлев П. П. Латинская Америка на переломе трендов // Латинская Америка. 2015. № 7. С. 4–18.

5. Яковлев П. П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14, № 3. С. 209–226.

6. Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). URL: https://www.cepal.org/en (дата обращения: 28.02.2025).

7. Gil Martinez M. A. The cross-cultural communications impact on increasing business profitability in digital technologies use / M. A. Gil Martinez, Y. V. Vorontsova // E-Management. 2020. Vol. 3, № 1. P. 27–35.

8. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2001. 421–423.

9. Hofstede G. Insights. Country Comparison Tool. URL: https://www.hofstede-insights.com/country-comparison (дата обращения: 03.07.2025).

10. Hall E. T. The Hidden Differences: The Source of Culture Shock // The New York Times Book Review. 1976. P. 75.

11. Lewis R. D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. Nicholas Brealey International, 2006. P. 471.

12. Meyer E. The Culture Map: Breaking Through the Invisible Boundaries of Global Business. 2014. P. 183–187.

13. Naumov A. Measuring Russian Culture: Hofstede's Dimensions / A. Naumov, S. Puffer Measuring // International Journal of Cross-Cultural Management. 2000. P. 7.

14. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business / F. Trompenaars, C. Hampden-Turner // 2012. P. 113–114.

УДК 330

Исследование отечественного и зарубежного рынка BI – систем для принятия управленческих решений

Красильникова Екатерина Вадимовна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, katya_kras13@mail.ru

Ключевые слова: бизнес – аналитика, BI–системы, управленческие решения, зарубежные и отечественные BI–платформы, цифровизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Скуратенко Елене Николаевне, доценту, канд. техн. наук.

В условиях глобализации экономики и стремительного развития технологий исследование зарубежных и мировых рынков становится неотъемлемой частью. Объем мирового рынка бизнес – аналитики более 30 млрд долларов США в 2025 году. К 2032 году вырастет до 63,76 млрд долларов США, что соответствует среднегодовому темпу роста в 9,0% [2].

Согласно отчету WisdomofCrowd BI за 2024 год, 17% организаций считают, что встроенная BI – система, размещенная в

© Красильникова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

портале/ приложении или интегрированная с другими системами, имеет решающее значение для их бизнеса [3].

В связи с тем, что выросло число источников данных, а также требования к качеству и виду данных, растет потребность в своевременной отчетности и аналитики. В свою очередь данная тенденция увеличивает спрос на разработку эффективного и актуального решения для гибкой интеграции данных из различных источников. По данным FortuneBusinessInsights, в 2023 году ИТ и телекоммуникации получили максимальную долю дохода на рынке. Внедрение BI-систем для телекоммуникационных компаний позволяет разрабатывать ценовые стратегии, разрабатывать стратегии маркетинга, что помогает продвигать продукты на основе анализа потребителей и их предпочтений. Благодаря этому повышается эффективность работы компании. Бизнес – финансирование имеет самый высокий рост рынка. Инструменты BI повышают их прибыльность за счет отчетности в реальном времени, управления рисками, улучшенных рабочих процессов и простоты обработки данных [2]. На рисунке 1 представлены отечественные отрасли, которые заинтересованы в BI – системах.

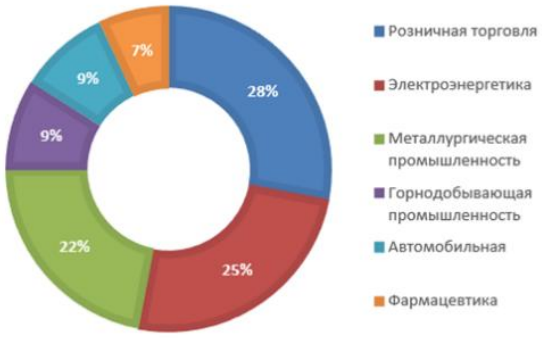


Рисунок 1. Отечественные отрасли, заинтересованные в BI – системах.

Отечественный рынок BI – систем, как и зарубежный, имеет целый ряд цифровых продуктов. [1] Согласно результатам исследования «Ноты», наиболее активно BI – системами пользуются компании в сферах розничной торговли, электроэнергетики и металлургической промышленности, реже автомобильная и

горнодобывающая индустрии [3]. В таблице 1 представлена краткая характеристика данных платформ.

Таблица 1. Отечественные BI – платформы (сравнение)

Платформа	**Описание**	**Плюсы**	**Минусы**
PIX BI	аналитика с настраиваемым интерфейсом.	Понятный интерфейс, консолидация данных, гибкость и масштабируемость, интеграция с другими платформами.	Зависимость от качества данных, избыточность информации, ограниченное планирование.
Visiology	Анализ больших объемов данных	Аналитика в реальном времени, поддержка мобильный устройств, возможность настроить отчеты, консолидация данных.	Необходимость обучения, зависимость от качества данных, сложность с интеграцией.
Форсайт	Автоматизация бизнес – процессов с акцентом на простоту использования	Долгосрочное планирование, идентификация возможностей и угроз, сценарное моделирование.	Временные затраты на создание отчета, ограниченный функционал, необходимость в обучении.
Loginom	Аналитика со сложной обработкой данных и машинным обучением	Широкие возможности по обработке данных, автоматизация расчетов, создание сложных аналитических моделей	Ограничения в настройках, зависимость от специалистов, отсутствие облачной версии.
1С: Аналитика	Интеграция с продуктами компании 1С	Интеграция с экосистемой 1С, гибкая настройка под специфику бизнеса.	Минимум аналитических задач, сложность работы с большими данными, недостаток гибкости.
GoodtInsight	Акцент на визуализацию	Работа с большими данными, легкий обмен данными, хороший инструмент прогнозирования.	Необходимость подготовки данных, ограничение интеграции, высокие требования к квалификации.

При определении руководителю эффективной для компании бизнес – аналитической системы необходимо учитывать этап принятия управленческого решения. В таблице 2 предоставлены этапы принятия управленческих решений и соответствующие им BI – платформы.

Таблица 2. Распределение BI – платформ по этапам принятия управленческих решений

Этапы принятия управленческих решений	**Отечественные поставщики BI – системы**
Анализ ситуации	Все BI – системы
Идентификация проблемы	Форсайт
Определение критериев выбора	Аналитическая платформа Luxms BI, GoodtInsight
Разработка альтернатив	Форсайт, PIX BI
Выбор наилучшей альтернативы	1С: Аналитика
Управление реализацией	Аналитическая платформа Luxms BI, Loginom,
Контроль и оценка результатов	Visiology, PIX BI, 1С: Аналитика, Goodt Insight

BI – системы активно внедряются в работу организаций. Важно понимать специфику своей области и цель внедрения, чтобы выбранная бизнес – аналитическая система работала эффективно.

Список источников

1. BI-платформы в России // Научный лидер: [сайт]. URL: https://scilead.ru/article/7127-bi-platformi-v-rossii-kakie-resheniya-predlag (дата обращения: 24.03.2026).

2. Business Intelligence (BI) 2024–2032 // Fortune Business Insights: [сайт]. URL: https://www.fortunebusinessinsights.com/business-intelligence-bi-market-103742 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Мировые и российские тренды в области интеграции данных // TAdviser: [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 24.03.2026).

4. Мировые и российские тренды в области интеграции данных и приложений. URL: erid=LjN8KGWqh (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 336.71.078.3

Современные инструменты и технологии финансового мониторинга в рамках системы ПОД/ФТ

Легун Никита Александрович, Медведева Алина Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, legun04@mail.ru

Ключевые слова: финансовый мониторинг, цифровые технологии, противодействие отмыванию доходов, банковские транзакции.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Малаховой Анне Андреевне, доценту, канд. экон. наук.

Современная система противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма играет важную роль в обеспечении устойчивости финансовой системы государства. В последние годы данная сфера активно развивается под влиянием цифровых технологий, что связано с ростом объемов финансовых операций и их усложнением.

Целью данной работы является рассмотрение роли цифровых технологий в системе противодействия отмыванию доходов, а

© Легун Н. А., Медведева А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

также оценка их влияния на эффективность финансового мониторинга.

В ходе исследования использовались методы анализа научных источников, а также изучение нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу [1; 2].

В Российской Федерации система финансового мониторинга функционирует на основе Федерального закона №115-ФЗ [1], который устанавливает основные принципы противодействия легализации доходов. В рамках данной системы значительная роль отводится финансовым организациям, в первую очередь банкам, которые обязаны проводить идентификацию клиентов и анализировать проводимые операции.

Ранее контроль финансовых операций в значительной степени осуществлялся вручную, что требовало значительных временных и трудовых затрат. Однако в настоящее время наблюдается переход к использованию цифровых решений, позволяющих автоматизировать процессы анализа.

К наиболее распространенным технологиям относятся Big Data, системы искусственного интеллекта и машинного обучения. Их применение позволяет анализировать большие объемы данных и выявлять подозрительные операции более эффективно. В частности, алгоритмы способны учитывать поведение клиентов и выявлять отклонения от обычных финансовых операций.

Кроме того, в последние годы все большее значение приобретает использование блокчейн-технологий для анализа операций с криптовалютами. Несмотря на определенную анонимность таких транзакций, современные инструменты позволяют отслеживать движение средств и выявлять возможные нарушения [3].

Следует отметить, что внедрение цифровых технологий привело к изменению основных процессов финансового мониторинга. Например, идентификация клиентов все чаще

осуществляется в электронном формате, включая использование биометрических данных. Анализ операций также проводится автоматически, что позволяет значительно ускорить процесс обработки информации [4].

Важным направлением развития системы ПОД/ФТ является международное сотрудничество. Это обусловлено тем, что финансовые операции часто носят трансграничный характер. В связи с этим, особую роль играет организация FATF, которая формирует международные стандарты в данной области.

Использование цифровых технологий способствует более эффективному обмену информацией между государствами и позволяет выявлять сложные финансовые схемы. Однако при этом сохраняются определенные ограничения, связанные с различиями в законодательстве и необходимостью защиты конфиденциальных данных.

Практика показывает, что автоматизация процессов финансового мониторинга позволяет повысить его эффективность. Снижается влияние человеческого фактора, ускоряется обработка информации и повышается точность выявления подозрительных операций.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровые технологии оказывают существенное влияние на развитие системы противодействия отмыванию доходов. Они способствуют повышению эффективности финансового мониторинга и его адаптации к современным условиям.

Вместе с тем развитие технологий сопровождается появлением новых рисков, что требует дальнейшего совершенствования системы контроля и нормативного регулирования.

В заключение следует отметить, что в перспективе система ПОД/ФТ будет продолжать развиваться в направлении

цифровизации, что позволит повысить ее эффективность и устойчивость.

Список источников

1. Федеральный закон РФ от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 25.03.2026).

2. «Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (утв. Президентом РФ 30.05.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 13.03.2026)

3. Совершенствование механизмов противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма как фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики в глобальном экономическом пространстве / А. А. Малахова, А. А. Минченко, А. М. Смолин [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 5. С. 119-122. EDN XFCNZE.

4. Официальный сайт "Федеральная служба по финансовому мониторингу" / Для субъектов ПОПД/ФТ. URL: https://www.fedsfm.ru/activity/supervisoryactivities (дата обращения 23.03.2026).

УДК 330.34

Инновационная инфраструктура и механизмы государственной поддержки бизнеса в Китае

Ли Мин
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 15663496428@163.com

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, государственная поддержка бизнеса, малые и средние предприятия (МСП), технопарки, бизнес-инкубаторы, промышленные интернет-платформы, цифровая экономика, программа «Маленькие гиганты», налоговые льготы, цифровой аудит зрелости предприятий, Китай.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Геннадию Федоровичу Каячеву, профессору, доктору экономических наук.

Цифровая экономика Китая в 2024 году достигла 55 трлн юаней (более 40% ВВП) [1]. Малые и средние предприятия (МСП) обеспечивают 60% ВВП, 80% городской занятости и 70% технологических инноваций [2]. Для стимулирования их развития китайское правительство создало многоуровневую систему поддержки, основанную на инновационной инфраструктуре (технопарки, кластеры, инкубаторы), цифровых платформах и организационно-управленческих механизмах. Цель статьи — системный анализ этих механизмов и выработка рекомендаций по их совершенствованию.

© Ли М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

1. Инновационная инфраструктура: технопарки, кластеры, инкубаторы. Развитие инновационной инфраструктуры Китая прошло три этапа: от специальных экономических зон (1980–2000) до сети национальных зон высоких технологий (2000–2015) и платформенной интеграции в рамках плана «Сделано в Китае 2025» [3].

Таблица 1. Динамика развития инновационной инфраструктуры Китая (2020–2025 гг.) [4; 5]

Показатель	**2020**	**2022**	**2025**	**Прирост (2020–2025)**
Количество национальных зон высоких технологий	145	173	178	+16,6% [4]
Количество бизнес-инкубаторов	6 800	7 600	8 700	+27,9% [4]
Количество платформ промышленного интернета	120	210	340	+183% [5]
Доля МСП, использующих облачные сервисы	38%	55%	72%	+34 п.п. [5]

2. Платформенные решения для научно-производственной кооперации. Согласно плану MIIT (2026–2028), к 2028 году число платформ достигнет 450, подключённого оборудования — 120 млн единиц. В начале 2026 года уже 340 платформ охватывали 41 сектор [5]. Выделяются три типа: отраслевые (COSMOPlat, FusionPlant), общесистемные (Alibaba Cloud, Tencent WeMake) и государственные (Национальный центр больших данных). COSMOPlat объединяет 800 тыс. предприятий в 20 странах, на 15 «умных фабриках» в Шаньдуне производительность выросла на 35%, брак снизился на 25%. FusionPlant мониторит 2 млн трансформаторов, сокращая аварийные простои на 40% [5; 6].

Пересмотренный Закон о научно-технических достижениях (2025) разрешает госНИИ передавать авторам до 70% дохода от патентов, что увеличило число лицензий на 45% [7]. Налоговые льготы позволяют вычитать расходы на совместные R&D-проекты в двойном размере (до 200% фактических затрат) [8].

3. Организационно-управленческие механизмы и поддержка МСП. В 2025 году объём кредитования МСП достиг 65 трлн юаней, уровень кредитования технологически ориентированных МСП составил 50,2% [9]. Государственные гарантийные фонды покрыли 2,1 трлн юаней, что позволило 500 тыс. МСП получить кредиты без залога [9]. Высокотехнологичные МСП пользуются пониженной ставкой налога на прибыль (15% вместо 25%), сэкономив в 2025 году 120 млрд юаней; микропредприятия с оборотом до 5 млн юаней освобождены от НДС (экономия 60 млрд юаней) [8].

Флагманская программа «Маленькие гиганты» (Little Giants) объединила 13 200 предприятий [10]. Национальный стандарт GB/T 41255 «Управление предприятием в цифровой экономике» даёт преимущество при госзакупках (до 20% оценочных баллов). Региональные практики подтверждают эффективность: в Чэнду 550 предприятий создали 450 цифровых цехов, производительность труда выросла на 28% [5].

4. Заключение и рекомендации. Китай создал систему поддержки. Однако сохраняются региональные диспропорции: коэффициент трансфера технологий в прибрежных провинциях (51) в 2,8 раза выше, чем во внутренних (18) [4]. Для совершенствования механизмов предлагается: внедрить цифровой аудит организационной зрелости МСП через платформу госуслуг; расширить сеть центров прототипирования до всех провинциальных столиц и 50 промышленных городов (инвестиции 50 млрд юаней); создать систему «инновационных брокеров» (5 тыс. специалистов) для помощи МСП в оформлении лицензий [5]. Реализация этих мер позволит укрепить лидерские позиции Китая в цифровой трансформации.

Список источников

1. Национальное бюро статистики КНР (NBS). Статистическое коммюнике о развитии цифровой экономики в 2024 году. 2025. URL: http://www.stats.gov.cn/ (дата обращения: 14.04.2026).

2. Управление по делам малых и средних предприятий КНР. Белая книга о развитии МСП Китая 2024. URL: https://www.chinasme.cn/ (дата обращения: 14.04.2026).

3. Государственный совет КНР. План «Сделано в Китае 2025». 2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 14.04.2026).

4. Torch High Technology Industry Development Center (MOST). Отчёт о деятельности бизнес-инкубаторов Китая в 2023 году. URL: https://www.ctp.gov.cn/ (дата обращения: 14.04.2026).

5. Ministry of Industry and Information Technology (MIIT). Action Plan for the High-Quality Development of Industrial Internet Platforms (2026–2028). 2026. URL: www.miit.gov.cn (дата обращения: 14.04.2026).

6. Haier Group. Официальный сайт. Кейс «Умная фабрика COSMOPlat». URL: https://www.cosmoplat.com/ (дата обращения: 14.04.2026).

7. Закон КНР о содействии преобразованию научно-технических достижений (с поправками 2025 г.). URL: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/flfg/201512/t20151204_122621.html (дата обращения: 14.04.2026).

8. Государственное налоговое управление КНР (SAT). Сборник документов о налоговых льготах для высокотехнологичных предприятий и МСП. URL: http://www.chinatax.gov.cn/ (дата обращения: 14.04.2026).

9. Народный банк Китая (PBOC). Отчёт о кредитовании предприятий в 2023 году. URL: http://www.pbc.gov.cn/ (дата обращения: 14.04.2026).

10. Министерство промышленности и информатизации КНР (MIIT). Список предприятий «Маленькие гиганты» (2023). URL: https://www.miit.gov.cn/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 005

Проблемы управления рисками экспорта инновационных технологий в условиях глобальных вызовов

Махмудов Абдулмубин Абоилович
Институт управления бизнес - процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, abdulmubinm@yandex.ru

Ключевые слова: риски экспорта технологий, глобальные вызовы, трансформация экспорта, высокотехнологичные компании, предиктивная бизнес-аналитика, глобальные вызовы.

Недостаточный уровень экспорта инновационных технологий негативно влияет на эффективность высокотехнологичных компаний, стратегическую конкурентоспособность и перспективы роста национальной экономики, обуславливает ослабление национальной безопасности в условиях геополитической турбулентности.

На уровне компаний отрицательные последствия это, прежде всего: низкий уровень рентабельности и масштабируемости разработок, снижение их инвестиционной привлекательности и возможностей привлекать таланты, дефицит ресурсов и источников финансирования R&D. На уровне национальной экономики в целом отрицательные эффекты обусловлены стагнацией

© Махмудов А. А.,2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

высокотехнологичных отраслей и снижением доли инновационной продукции в ВВП; выпадением из глобальных инновационных цепочек, утрате позиций в технологических рейтингах и на мировых рынках; утратой технологического суверенитета.

На наш взгляд, недостаточный уровень российского экспорта инновационных технологий обусловлен отсутствием механизма управления рисками экспорта инновационных технологий, системно применяющего инструменты предиктивной аналитики для управления рисками экспорта инновационных технологий в условиях трансформации экспорта под влиянием глобальных вызовов и адаптированного к специфике российской экономики.

В современной глобальной экономике экспорт инновационных технологий становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности национальных экономик, поскольку он: обеспечивает присвоение интеллектуальной ренты; создает финансовую базу для финансирования R&D-цикла; генерирует межотраслевые эффекты роста производительности; повышает устойчивость к внешним шокам. В условиях геополитической турбулентности способность страны экспортировать собственные технологии переходит из категории экономических преимуществ в разряд факторов технологического суверенитета и национальной безопасности.

Экспорт инновационных технологий (высокотехнологичная продукция, ПО, ноу-хау, лицензии) — это процесс с высочайшим уровнем неопределенности и специфических рисков в силу специфики товара. Основными рисками экспорта инновационных технологий являются:

– технологические риски: устаревание технологии «в пути», проблемы адаптации под новые рынки;

– правовые и патентные риски: «утечка» интеллектуальной собственности, нарушение патентов, различия в законодательстве;

коммерческие риски: неверная оценка спроса, ценовая политика, действия конкурентов;

– политические и макроэкономические риски: санкции, изменения валютного регулирования, экономические кризисы в стране-импортере;

– операционные риски: сбои в логистике, проблемы с локализацией и поддержкой.

Традиционные методы управления рисками в сфере экспорта инновационных технологий часто запаздывают и носят реактивный, характер, как следствие, и не позволяют прогнозировать угрозы в условиях высокой волатильности и информационной асимметрии [1]. Здесь нужен механизм управления рисками, который позволяет не просто реагировать на наступившие риски, а прогнозировать и нейтрализовать их до реализации.

Глобальные вызовы экономики трансформируют среду международного бизнеса, создавая для экспорта инноваций принципиально новые риски и ограничения, но также и возможности. Глобальные вызовы катализируют три фундаментальных сдвига в экспорте инноваций: переход от экономической логики к логике безопасности (критерием целесообразности сделки становится не только прибыль, но и минимизация политических, санкционных и репутационных угроз); переход от глобальных рынков к региональным экосистемам (успех экспорта зависит от встраивания в конкретный региональный блок с его правилами; переориентацию с долгосрочного планирования на адаптивность и мобильность (нужна способность к быстрой переориентации потоков и изменению цепочек добавленной стоимости).

Сдвиги в экспорте инноваций актуализируют устаревание традиционных, основанные на прошлом опыте, методов риск-менеджмента. Управлять рисками в такой среде можно только с

помощью предиктивной аналитики. Согласно результатам исследования Gartner, компании, внедрившие предиктивные модели в процессы риск-менеджмента, сократили частоту реализации критических рисков на 34%, а финансовые потери от рисковых событий – на 41% [2]. Однако только 17% компаний-экспортёров технологий по данным McKinsey Global Institute используют предиктивную аналитику для оценки рисков, в то время как 62% полагаются на исторические данные и ретроспективный анализ [2].

Для российских высокотехнологичных компаний – экспортеров проблема внедрения механизма управления рисками экспорта инновационных технологий на основе предиктивной бизнес-аналитики компаний критически актуализируется и усложняется в силу необходимости одновременного решения задач импортозамещения, обеспечения технологического суверенитета страны и переориентации экспортных потоков.

Список источников

1. Davenport T. Competing on Analytics: The New Science of Winning / T. Davenport, J. Harris. Boston: Harvard Business Review Press, 2023. 320 p.

2. Gartner Predicts 2023: AI and Machine Learning // Gartner : [сайт]. URL: https://www.gartner.com (дата обращения: 25.03.2026).

3. McKinsey Global Survey on Risk Management, 2022 // McKinsey & Company : [сайт]. URL: https://www.mckinsey.com (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 339.9

Монетизация цифровых экосистем на глобальном рынке

Михалев Евгений Сергеевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, evgenik06@mail.ru

Ключевые слова: цифровые экосистемы, монетизация, Yandex, Sber, Wildberries, глобальный рынок, ИИ, российские платформы, e-commerce, финтех.

По мнению исследователей вроде Майкла Якобидеса [1], цифровые экосистемы – это «платформы, создающие ценность через сетевые эффекты и данные, где монетизация достигается комбинацией комиссий, подписок и персонализации». Андерс Сьёман [2] отмечает: «Экосистемы генерируют 30–40% доходов IT-рынка за счет диверсификации источников выручки». Дополнительно Питер Эванс [3] подчеркивает роль данных как основного актива в экосистемах будущего.

В 2026 году цифровые экосистемы, объединяющие e-commerce, финансы, логистику и здравоохранение, генерируют до 40% доходов мирового IT-рынка за счёт сетевых эффектов, персонализации и данных.

В России этот тренд особенно ярко проявляется на фоне санкций и импортозамещения: компании вроде Yandex, Sber и Wildberries демонстрируют 25% годовой прирост выручки, адаптируя глобальные стратегии к локальным реалиям. Yandex расширяет экосистему от поиска до такси и маркетплейсов, Sber

© Михалев Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эволюционирует из банка в суперприложение с доставкой и медициной, а Wildberries доминирует в e-commerce с экспортом в десятки стран.

Цифровые экосистемы монетизируются через комбинацию проверенных моделей, адаптированных к локальным рынкам. В России лидерами выступают комиссии с транзакций, подписки на бандлы услуг, использование данных для финтеха, programmatic-реклама, партнерские программы и премиум-функции для бизнеса. Эти подходы обеспечивают диверсификацию доходов и лояльность пользователей, где в среднем 40-60% выручки приходится на несколько источников одновременно [4].

Wildberries доминирует в российском e-commerce, взимая комиссии 5–15% с продаж продавцов плюс плату за логистику и рекламу. В 2025 году платформа достигла выручки свыше 3 трлн рублей, расширившись на экспорт в 10 стран (СНГ, Ближний Восток).

Yandex.Plus предлагает подписку, объединяя доступ к такси, музыке, маркетплейсу и облаку. С аудиторией в 20 млн пользователей эта модель генерирует 30% доходов экосистемы Yandex, повышая удержание за счет freemium-подхода.

Sber преобразился в суперприложение, интегрируя банковские услуги, доставку, медицину и образование; монетизация идет через кредиты, страховки и продажу анонимизированных данных. Выручка экосистемы превысила 2,5 трлн рублей в 2025 году.

Дополнительные подходы включают programmatic-рекламу (таргетированная выдача), партнерские комиссии от смежных сервисов и премиум-аналитику данных для бизнеса. По данным Gartner, гибридные модели увеличивают LTV пользователей на 25%.

Российские цифровые экосистемы сталкиваются с глобальными вызовами, такими как санкции, ограничивающие доступ к технологиям, и строгие регуляции данных по ФЗ-152, требующие локализации информации на территории РФ. Эти

факторы вынуждают компании вроде Yandex и Sber инвестировать в импортозамещение ИТ и собственные дата-центры, что повышает затраты, но укрепляет независимость. Конкуренция с западными платформами (Amazon, Google) усложняется, но открывает ниши в Азии и СНГ через партнерства и экспорт.

В 2026 году ключевые тренды включают ИИ для монетизации: алгоритмы рекомендаций увеличивают конверсию на 20%, а предиктивная аналитика данных стимулирует персонализированные продажи. Экспорт в Азию (Китай, Индия) становится приоритетом – Wildberries уже лидирует в B2C-гибридах, сочетая локальный фокус с глобальным масштабом. Перспективы роста лежат в интеграции блокчейна для безопасных транзакций и зеленых технологий [5].

Российские цифровые экосистемы, такие как Wildberries, Yandex и Sber, демонстрируют эффективность комбинированных моделей монетизации в условиях глобальных вызовов. Эти кейсы показывают устойчивый рост на 25% в 2025–2026 годах, сочетая локальную адаптацию с экспортом в Азию и СНГ. Для предпринимателей ключевые уроки: инвестировать в ИИ для персонализации, соблюдать регуляции вроде ФЗ-152 и диверсифицировать доходы через гибридные платформы. В перспективе это позволит российским компаниям укрепить позиции на развивающихся рынках.

Список источников

1. Якобидес М. Цифровые экосистемы: монетизация через сетевые эффекты. // Oxford Economics: [сайт]. URL: https://www.oxfordeconomics.com/resource/digital-ecosystems-monetization-2026/ (дата обращения: 11.04.2026).

2. Сьёман А. Будущее экосистемного бизнеса. // McKinsey & Company: [сайт]. URL: https://www.mckinsey.com/business-

functions/mckinsey-digital/our-insights/ecosystem-monetization-2026 (дата обращения: 12.04.2026).

3. Эванс П. Данные как актив экосистем. // Boston Consulting Group: [сайт]. URL: https://www.bcg.com/publications/2026-data-driven-ecosystems (дата обращения: 14.04.2026).

4. Gartner. Гибридные модели монетизации платформ 2026 // Gartner: [сайт]. URL: https://www.gartner.com/en/information-technology/insights/hybrid-monetization-models (дата обращения: 13.04.2026).

5. ИИ-тренды в монетизации экосистем 2026. // Digital Russia: [сайт]. URL: https://d-russia.ru/ai-ecosystems-monetization-2026.html (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 332.05

Разработка концепции мобильного цифрового приложения неавиационных услуг Международного аэропорта Красноярск имени Д.А. Хворостовского

Молокова Елизавета Александровна, Молокова Елена Александровна
Сибирский федеральный университет, Институт управления бизнес-процессами, Красноярский край, Красноярск, Россия, liza.molokova05@mail.ru

Ключевые слова: цифровизация, неавиационные услуги, диверсификация услуг, финансовая устойчивость.

В условиях цифровизации транспортной инфраструктуры и усиления конкуренции между аэропортами особую значимость

© Молокова Е. А., Молокова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

приобретает внедрение инновационных цифровых решений для диверсификации источников доходов и роста прибыли от неавиационных услуг.

Международный аэропорт Красноярск имени Д.А. Хворостовского, важный транзитный пункт на маршрутах между Европой и Азией, позиционирует себя как высокотехнологичный хаб с миссией обеспечения безупречного, безопасного и комфортного обслуживания на основе сибирского гостеприимства. Аэропорт Красноярск занимает 11 место по пассажиропотоку в России (4,28 млн человек в 2024 году) [1], и его стратегическая цель - стать крупнейшим международным грузопассажирским хабом Сибири и Дальнего Востока, что требует укрепления имиджа современной точки притяжения региона, выходя за рамки транспортного узла.

Конкурирующие международные аэропорты стремятся вывести прибыль от неавиационных услуг на уровень в 50% от общих доходов аэропорта, так как это диверсифицирует доходы, за счет чего снижается зависимость от авиационных сборов и тарифов в общей структуре доходов [2]. В это же время доля дохода от неавиационной деятельности аэропорта г. Красноярск составляет всего 20% (1080299,2 тыс. руб. в 2024 году), что ограничивает финансовую устойчивость аэропорта. А целевой показатель 30% от доли доходов аэропорта, согласно стратегии развития неавиационного сектора аэропорта [3].

Ключевые направления неавиационных услуг включают аренду офисов, складов, использование бизнес-залов и объектов общественного питания, где стратегия направлена на диверсификацию форматов для охвата всех категорий пассажиров [4]. Пользуются ими различные группы лиц, среди которых выделены основные группы: пассажиры, гости и посетители, фирмы-арендаторы, работники аэропорта и авиакомпаний.

В ходе анализа бухгалтерской отчетности была выявлена зависимость существования аэропорта Красноярска от авиационных сборов и тарифов из-за недостаточной доли неавиационных видов услуг. В процессе поиска решения более подробно рассмотрен вариант мобильного приложения аэропорта, так как это решение соответствует курсу на цифровизацию всех аэропортов и является способом укрепления имиджа аэропорта как технологичного хаба.

После проведения анализа текущей ситуации появилась необходимость разработки концепции официального приложения Международного аэропорта Красноярск имени Д. А. Хворостовского, где будут собраны все неавиационные услуги аэропорта и вся необходимая информация для посетителей. За счет привлечения клиентов и быстрого доступа к неавиационным услугам через приложение планируется увеличение выручки аэропорта.

Интерфейс и работа приложения будет строиться на основе возможных жизненных сценариев. В зависимости от них приложение предлагает только те функции, которые нужны в настоящий момент времени. Это помогает не потеряться во всем списке возможных услуг. Примеры ситуаций: «еду в аэропорт», «встречаю/провожаю», «у меня проблема», «на пересадке», «ожидаю посадки», «ещё не прошёл регистрацию и досмотр».

Ситуационный подход, ориентированный на контекст пользователя, является эффективным, пользовательским и бизнес-выгодным, так как он человеко-ориентированный, имеет простую интуитивную навигацию, эффективно открывает возможности для пользователей [5].

На рисунке 1 представлен пример набора функций в приложении для ситуации «Ожидаю вылета».

Рисунок 1. Пример наполнения приложения для ситуации «Ожидаю вылета».

Благодаря приложению с ситуационным подходом можно закрыть максимально широкий круг потребностей посетителей аэропорта, в какой ситуации бы они не находились: потребность в предсказуемости, снижении тревоги, навигации, оптимизации времени, оперативном решении проблем и др.

Таким образом, представленная концепция мобильного приложения для аэропорта Красноярска, построенного на ситуационном подходе, позволит изменить опыт пассажира: «цифровой помощник» предложит именно те услуги и информацию, которые нужны здесь и сейчас. Реализация этого проекта напрямую ведёт к увеличению доходов от неавиационной деятельности, более того это мощный вклад в повышение имиджа аэропорта.

Список источников

1. Статистика российских аэропортов за 2024 год // Avia-adv.ru. URL: https://www.avia-adv.ru/stat/airports-ru-2024.htm (дата обращения: 08.10.2025).

2. Тешебаев А. А. Увеличение неавиационных доходов // Молодой ученый. 2019. № 36 (274). С. 39-4.1

3. Электронная библиотека СФУ: материалы по аэропорту Красноярск // elib.sfu-kras.ru : [сайт]. URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/153427 (дата обращения: 11.10.2025).

4. Аэропорт как место проведения досуга // Aviaport.ru. URL: https://www.aviaport.ru/news/aeroport-mozhet-stat-mestom-provedeniya-dosuga/ (дата обращения: 10.10.2025).

5. Elevating passenger experience with personalized navigation and real-time baggage tracking // [кейс]. PropVR, 2025. URL: https://propvr.ai/case-study/elevating-passenger-experience-with-personalized-navigation-and-real-time-baggage-tracking (дата обращения: 08.01.2026).

УДК 332.14

Влияние крупного бизнеса на конкурентоспособность Красноярского края (на примере ПАО «Полюс»)

Молокова Елена Александровна, Молокова Елизавета Александровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, molokova.lena1419@mail.ru

Ключевые слова: региональная конкурентоспособность, крупный бизнес, ПАО «Полюс», экономическое развитие.

В условиях усиления глобализации мирового хозяйства, ужесточения межрегиональной конкуренции за инвестиции, трудовые ресурсы и рынки сбыта, проблема обеспечения конкурентоспособности регионов выходит на первый план в

© Молокова Е. А., Молокова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

системе стратегического управления территориальным развитием. Эффективность региональной экономической политики напрямую зависит от глубины понимания сущности категории «конкурентоспособность региона», а также от корректности выбора методологических подходов к её оценке. Подходы к толкованию региональной конкурентоспособности различны, например, М. Портер понимал её как продуктивность использования региональных ресурсов, и в первую очередь рабочей силы и капитала, по сравнению с другими регионами, которая интегрируется в величине и динамике валового регионального продукта на душу населения, а также выражается другими показателями.

Так как у понятия конкурентоспособности региона нет общепринятой трактовки, закономерным становится плюрализм методологических подходов к её количественной и качественной оценке, каждый из которых базируется на собственном понимании природы данного явления. В источниках описаны методы определения конкурентоспособности региона, предложенные Л. И. Ушвицким и В. Н. Парахиной, В.Е. Андреевым, В.В. Меркушовой, В.В. Печаткиным, С.У. Салиховым и В.А. Саблиной, А.В. Антохиной и др.

Большинство методов основаны на оценке следующих сфер: эффективность использования имеющихся ресурсов, уровень жизни населения, инвестиционная привлекательность региона. Однако внутри данных сфер разные авторы акцентируют внимание на различных группах показателей [1].

Также существуют действующие и качественно составленные рейтинги и рэнкинги регионов России, в том числе по конкурентоспособности и показателям, которые укрепляют позиции регионов в разных областях. Например, Красноярский край занимает 8 место в рейтинге по Индексу конкурентоспособности регионов России, 32 место в рейтинге

регионов по доходам населения, 65 место в рэнкинге устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов РФ, 78 место в Национальном экологическом рейтинге, 29 место в рейтинге субъектов по значению индекса «Научно-технический потенциал». Для каждого рейтинга агентствами разрабатываются методики по его расчету.

Крупный бизнес является ключевым драйвером конкурентоспособности региона, формируя его производственный каркас, социальную среду и инвестиционный климат. В российской экономике с высокой концентрацией промышленности это влияние носит системообразующий характер.

Взаимодействие крупных корпораций с регионами базируется на нескольких механизмах: бюджетно-инвестиционном, кадровом, социально-экологическом (ESG), инфраструктурном.

Для Красноярского края, где присутствуют ПАО «Полюс», РУСАЛ, «Красцветмет» и другие компании, анализ динамики показателей (устойчивый рост инвестиций в основной капитал при стабильной доле в численности населения РФ) подтверждает высокую инвестиционную привлекательность региона. Таким образом, крупный бизнес не только использует существующие конкурентные преимущества региона, но и активно формирует новые - через инвестиции, инновации и развитие человеческого капитала.

Для проведения данного исследования были выбраны группы показателей, предложенные в методике определения конкурентоспособности региона, предложенной А.В. Антохиной, где за основу берутся 16 показателей, разделенные на 3 группы: показатели уровня экономического развития региона, показатели жизненного уровня населения и показатели инвестиционной привлекательности [2]. Выделяют следующие преимущества данной методики: основывается на официальной статистической отчетности, учитывает показатели наиболее значимые для оценки

состояния региона, дает возможность видеть уровень показателя региона на фоне страны, обеспечивает достаточно высокую объективность.

Также к показателям методики А.В. Антохиной было решено добавить ESG-критерии и показатель научно-технического потенциала, внедрение которых напрямую связано с инвестиционной привлекательностью региона и позволяет учитывать нефинансовые факторы развития - экологическую политику, социальную ответственность и качество корпоративного управления.

Для анализа влияния крупного бизнеса на конкурентоспособность Красноярского края была выбрана компания ПАО «Полюс». На сегодняшний день ПАО «Полюс» - крупнейший производитель золота в России и одна из 5 ведущих глобальных золотодобывающих компаний, себестоимость производства на предприятиях которой является одной из самых низких в мире [3]. Согласно экономическому аспекту, годовая прибыль составила 314,1 млрд рублей [4].

Основные предприятия компании расположены в Красноярском крае, Иркутской и Магаданской областях, а также в Республике Саха (Якутия) и включают 5 действующих рудников и ряд проектов в стадии строительства и развития [3].

В Красноярском крае «Полюс» владеет и управляет ключевыми производственными активами, формирующими основу его золотодобычи: Олимпиадинский ГОК и Месторождение Благодатное [5].

Проведенный анализ деятельности ПАО «Полюс» на территории Красноярского края позволяет сделать вывод о том, что крупный бизнес является системообразующим фактором региональной конкурентоспособности, что подтверждает необходимость учета фактора крупного бизнеса при разработке региональной экономической политики. Компания вносит

определяющий вклад в экономическое развитие края, активно воздействует на уровень жизни населения и формирует долгосрочные конкурентные преимущества края, повышая его инвестиционную привлекательность и устойчивость.

Список источников

1. Волкова Е. С. Совершенствование методики оценки уровня конкурентоспособности региона // ВКР. 2020. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86554/1/m_th_e.s.volkova_2020.pdf (дата обращения: 08.04.2026) .

2. Антохина А. В. Методика оценки конкурентоспособности региона // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 4. С. 26–29.

3. О компании ПАО «Полюс» // ПАО «Полюс» : [сайт]. 2026. URL: https://polyus.com/ru/company/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Финансовая отчетность по МСФО // ПАО «Полюс» : [сайт]. 2026. URL: https://polyus.com/ru/investors/disclosure/ifrs-financials/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Активы ПАО «Полюс» // ПАО «Полюс» : [сайт]. 2026. URL: https://polyus.com/ru/operations/ (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 351/354

Лучшие региональные практики применения искусственного интеллекта в системе государственного управления

Платонов Николай Игоревич
Институт менеджмента и международного бизнеса Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, Красноярский край, Красноярск, Россия, platonov.nik1994@yandex.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, цифровая трансформация, региональные практики, Татарстан, Красноярский край.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Суминой Екатерине Владимировне, профессору кафедры менеджмента.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) – стратегическое направление развития госуправления в РФ. Указом Президента от 26.02.2026 № 116 образована Комиссия по вопросам развития ИИ [1], а распоряжением Правительства от 06.03.2026 № 435-р утверждена подкомиссия [2]. Сформирована трёхуровневая система взаимодействия органов власти (федеральный, региональный уровни и силовой блок) [3]. В статье анализируются лучшие практики регионов-лидеров – Республики Татарстан и Красноярского края. ИИ в сфере государственного и муниципального управления.

Республика Татарстан занимает лидирующие позиции по цифровой трансформации. В январе 2026 года представлена

© Платонов Н. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

программа развития ИИ на 2026–2030 гг., включающая развитие инфраструктуры, подготовку кадров и прикладные проекты [4]. Уже более 19 тыс. школьников и студентов изучают программирование и ИИ в рамках проекта «Код будущего» [7]. Ключевой инструмент – цифровой помощник «ГосПромт» (ИИ-экосистема для госслужащих, насчитывающая более 3 тыс. пользователей и 15 интеллектуальных помощников). Система анализирует большие данные по экономике, социальной сфере, экологии, помогает моделировать сценарии и предлагать оптимальные решения. В Казани ИИ ежедневно анализирует состояние более 1 000 км дорог (сокращение времени обнаружения проблем с 2 дней до 1 часа), в медицине ускоряет обработку рентгенограмм в 5 раз.

Красноярский край делает акцент на практическом применении ИИ в ключевых отраслях. В рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» разрабатывается региональная программа цифровой трансформации. Реализуются три краевых проекта: «Цифровое государственное управление», «Отечественные решения» и «Цифровые платформы в социальной сфере» (к 2030 году две трети учителей получат планшеты на отечественной ОС) [9]. С 2025 года действует проект «Код будущего. Искусственный интеллект» с бесплатными курсами по машинному обучению и анализу данных [8].

Созданный в 2024 году Региональный координационный центр (РКЦ) координирует действия ведомств при ЧС, обрабатывает обращения граждан через номер 112, соцсети и прямые линии. Внедрённые решения: ИИ-сервисы контакт-центра 122 обрабатывают более 80% вызовов; система поддержки врачебных решений работает в 9 медучреждениях; в рамках «Безопасного города» к 8,8 тыс. видеокамер подключена интеллектуальная аналитика для поиска людей и распознавания номеров [9].

Опыт Татарстана и Красноярского края показывает, что системное внедрение ИИ повышает эффективность госуправления при наличии чёткой стратегии и развитой инфраструктуры. Единая трёхуровневая федеральная система создаёт условия для масштабирования лучших практик, которые могут служить ориентиром для других регионов.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52999 (дата обращения: 14.04.2026).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.03.2026 г. № 435-р «Об утверждении состава подкомиссии по развитию и внедрению технологий искусственного интеллекта». URL: http://government.ru/docs/all/163731/ (дата обращения: 14.04.2026).

3. Дмитрий Григоренко: В России выстроена единая система взаимодействия органов власти по развитию искусственного интеллекта. URL: http://government.ru/news/58054/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. В Татарстане предложена программа развития ИИ до 2030 года. URL: https://digital.tatarstan.ru/index.htm/news/2488695.htm (дата обращения: 14.04.2026).

5. Рустам Минниханов поручил принять программу по развитию искусственного интеллекта до 2030 года. URL: https://tatarstan.ru/index.htm/news/2488839.htm (дата обращения: 14.04.2026).

6. В Татарстане подвели итоги года в сфере цифрового развития. URL: https://upch.tatarstan.ru/index.htm/news/2489143.htm (дата обращения: 14.04.2026).

7. Красноярский край продолжает свою цифровую трансформацию. URL: http://krskstate.ru/press/news//0/news/116587 (дата обращения: 14.04.2026).

8. Систему «Безопасный город» будут масштабировать по всему Красноярскому краю. URL: https://sibnovosti.ru/news/451550/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 332.1

Моделирование процесса оценки и мониторинга развития опорных населенных пунктов Красноярского края

Понамарчук Надежда Сергеевна[1], Прокопьюк Виктория Николаевна[2]
[1,2]Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]nadya.ponamarchuk05@mail.ru
[2]vvika3288@gmail.com

Ключевые слова: опорные населенные пункты, Красноярский край, пространственное развитие, методика оценки, качество среды для жизни, интегральный индекс, АИС ММО.

В современной стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года опорные населенные пункты (ОНП) рассматриваются как ключевой элемент территориального каркаса, обеспечивающий доступность образования, медицины и культуры для жителей прилегающих территорий. Для Красноярского края, характеризующегося значительной площадью и низкой плотностью расселения, идентификация и мониторинг

© Понамарчук Н. С., Прокопьюк В. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

таких пунктов приобретают статус приоритетной управленческой задачи. Согласно актуализированным критериям, ОНП должен располагаться вне агломераций, иметь численность населения до 50 тысяч человек и находиться на удалении более 50 км от крупных городов. В Красноярском крае из первоначального широкого списка в 29 опорных пунктов в итоговый перечень для мониторинга вошли 15 приоритетных территорий, среди которых Балахта, Богучаны, Енисейск, Назарово, Шарыпово и другие [1; 2].

Анализ существующих подходов к оценке развития ОНП выявил определенные методологические ограничения. В частности, официальная методика Минстроя России фокусируется преимущественно на физической инфраструктуре: жилищных условиях, ЖКХ, дорожной сети и благоустройстве [3]. Однако такая модель не охватывает критически важные социально-экономические аспекты, такие как уровень доходов населения, реальная занятость, состояние безопасности и субъективное благополучие граждан. В рамках проведенного исследования обосновано, что качество среды в ОНП должно оцениваться не только по количеству введенных объектов, но и по их способности поддерживать жизнеспособность территории и стимулировать местную экономическую активность.

Сформированная методика базируется на комплексном подходе, расширяющем систему мониторинга до 9 тематических блоков, включающих более 40 показателей. В отличие от существующих подходов, предлагаемая система включает блоки демографии, здравоохранения, безопасности и экологии в их взаимосвязи. Цифровой основой для реализации мониторинга предлагается региональная система «Автоматизированная информационная система мониторинга муниципальных образований» (АИС ММО), которая обеспечивает прямой доступ к верифицированным данным без дополнительной бюрократической нагрузки на муниципалитеты.

Математический аппарат моделирования процесса оценки предполагает многоэтапную процедуру обработки данных. На первом этапе осуществляется сбор первичных статистических показателей из «Красноярскстат» и ведомственных систем. Далее проводится нормализация показателей по формуле линейного масштабирования:

$$I_{ij} = \frac{X_{ij} - X_j^{min}}{X_j^{max} - X_j^{min}},$$

что позволяет привести разнородные данные (рубли, проценты, количество человек) к сопоставимому виду от 0 до 1. Частные индексы по блокам рассчитываются как среднее арифметическое нормализованных значений. Итоговый интегральный индекс качества внешней среды ОНП ($I_i^{\text{ОНП}}$) определяется как средневзвешенная величина частных индексов [4].

Апробация методики на данных опорных пунктов Красноярского края позволила составить рейтинг территорий и выявить существенную дифференциацию их развития. Лидерами по интегральному индексу стали Назарово и Шарыпово, что обусловлено сочетанием развитой сервисной инфраструктуры и высокого уровня предпринимательской активности. Средний уровень опорности характерен для Богучан, Кодинска и Шушенского. В то же время выявлен ряд депрессивных территорий с низким индексом, таких как Ермаковское и Козулька, где наблюдается критическое сочетание миграционного оттока и износа базовой инфраструктуры. Среднее значение индекса по Красноярскому краю составило 0,57, что может служить базовым ориентиром для оценки эффективности муниципальных команд [5].

Таким образом, переход от формального географического подхода к многофакторному моделированию позволяет органам власти принимать более обоснованные решения при распределении субсидий и реализации индивидуальных программ

социально-экономического развития. Использование предлагаемой методики в контуре АИС ММО обеспечивает возможность динамического сравнения территорий и своевременной корректировки региональных программ, направленных на повышение качества жизни в опорном каркасе Красноярского края.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 1 (ч. II), 123 с.

2. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2022 № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» (ред. от 27.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 2, 345 с.

3. Приказ Минстроя России от 25.07.2025 № 446/пр «Об утверждении методики расчета показателя «Улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах федерального проекта "Развитие инфраструктуры в населенных пунктах“ национального проекта „Инфраструктура для жизни“ и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации». М., 2025. 45 с.

4. Сидоренко И. В. О выборе математического аппарата для расчета интегральной оценки / И. В. Сидоренко, Д. А. Ковалев // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 5 (14). С. 45–49.

5. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2025 // РИА Рейтинг: [сайт]. 2026. 24 февр. URL:

https://riarating.ru/infografika/20260224/630292498.html (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 334.7

Переработка промышленных отходов как фактор развития предпринимательства в Красноярском крае

Пономаренко Яна Алексеевна[1], Пристромова Юлия Викторовна[2]
[1,2]Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]yanap2005@mail.ru
[2]iuliiapristromova05@gmail.com

Ключевые слова: промышленные отходы, переработка отходов, предпринимательство, циркулярная экономика, промышленный симбиоз, цифровизация, импортозамещение, Красноярский край.

В условиях перехода к устойчивому развитию эффективность использования вторичных ресурсов становится ключевым фактором региональной конкурентоспособности. Красноярский край, являясь одним из крупнейших индустриальных центров России, ежегодно образует около 655 млн тонн промышленных отходов, из которых в хозяйственный оборот вовлекается менее 1 % [1]. Более 99 % вторичного сырья накапливается в отвалах и полигонах, создавая экологическую нагрузку и одновременно упуская значительный экономический потенциал. Цель статьи –

© Пономаренко Я. А., Пристромова Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

проанализировать ресурсный потенциал промышленных отходов края, оценить экономические эффекты их переработки и обосновать модель развития предпринимательства в сфере циркулярной экономики.

По данным на 2025 г., объём ввода жилья в крае составил 1,4 млн м², объектов промышленного и инфраструктурного назначения — 1,8–2,0 млн м² [2]. Совокупный объём нового строительства оценивается в 3,2–3,4 млн м². Локализация производства из вторичного сырья способна снизить себестоимость на 15–40 % [7]. Технико-экономический анализ демонстрирует потенциал замещения до 40 % импортируемых стройматериалов.

Переход к Industry 4.0 трансформирует линейную модель обращения с отходами в цифровую циркулярную экосистему. Внедрение IoT, AI, Big Data и блокчейна позволяет оптимизировать логистику, прогнозировать спрос и повысить эффективность переработки на 30–40 % [8]. Мировой опыт подтверждает данную динамику: в ЕС к 2030 г. планируется достичь 65 % переработки, Швеция утилизирует 99 % отходов, а Сингапур за счёт цифровых платформ сократил затраты на 25 % при уровне переработки 80 % [8].

На основе анализа предлагается модель «Промышленного симбиоза с цифровым управлением», базирующаяся на трёх принципах. Принцип первый – локализация производств. Золошлаки целесообразно перерабатывать на базе индустриального парка «Красный Яр», древесные отходы – в Лесосибирске, вскрышные породы – в северных районах с использованием мобильных дробильных комплексов [6]. Принцип второй – активизация МСП. Развитие сети малых заводов и цехов формирует гибкую инновационную среду с низким порогом входа и гарантированным спросом [8]. Принцип третий – цифровая интеграция. Единая платформа обеспечит учёт сырья в реальном времени, сопоставление спроса и предложения, а также AI-

прогнозирование потребностей строительства. Ожидаемые результаты к 2030 г.: создание 200–400 рабочих мест, запуск 10–15 производств, покрытие до 40 % дефицита материалов, снижение захоронения на 100 млн т/год и уменьшение логистических затрат на 20–30 % [9]. Для достижения целей необходимы: создание специализированных промышленных парков, разработка региональной программы поддержки МСП (льготное кредитование, временные налоговые льготы, гарантии сбыта), внедрение цифровой платформы и формирование кластера циркулярной экономики [8, 10].

Подведем общий итог. Красноярский край обладает колоссальным ресурсным потенциалом для развития перерабатывающего предпринимательства, однако текущий уровень использования отходов (<1 %) указывает на системные дисбалансы. Переход к модели промышленного симбиоза, подкреплённый цифровыми технологиями, позволяет трансформировать экологическую проблему в ключевой фактор экономического роста. Локализация производств, поддержка МСП и создание специализированных площадок обеспечат импортозамещение до 40 % строительных материалов, снижение себестоимости строительства на 15–40 % и формирование устойчивого кластера циркулярной экономики [1; 7; 9].

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики. Формирование и размещение отходов производства и потребления в Российской Федерации: статистический сборник. М.: Росстат, 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.03.2026).

2. Правительство Красноярского края. Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года : утв. постановлением от 28.12.2022 № 945-п. Красноярск, 2022. URL:

http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/52526 (дата обращения: 09.04.2026).

3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Красноярского края в 2023 году» / Министерство природных ресурсов и экологии Красноярского края. Красноярск, 2024.

4. Сибирская генерирующая компания. Реализация золошлаковых материалов. URL: https://sibgenco.ru/realization/ash-slag/krasnoyarsk-chp-2/ (дата обращения: 20.03.2026).

5. АО «Лесосибирский ЛДК №1» (в составе ПАО «Сегежа Групп»): официальный сайт. URL: https://segezha-group.com/about/factory/ldk1/ (дата обращения: 20.03.2026).

6. Кулагина Т. А. Обращение с промышленными и особо опасными отходами: монография / Т. А. Кулагина, П. Е. Хаглеев, Е. Н. Зайцева // Красноярск: СФУ. 2021. 512 с. ISBN 978-5-7638-4310-1.

7. Бобылев С. Н. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России / С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева // Мир новой экономики. 2020. Т. 14, № 2. С. 63–72.

8. Козлякова Я. В. Цифровизация отрасли обращения с отходами / Я. В. Козлякова, М. В. Березюк // УрФУ: материалы конференции. Екатеринбург, 2024.

9. Сотников Г. А. Опыт применения промышленных симбиозов на предприятиях России / Г. А. Сотников, А. В. Фролова // Успехи в химии и химической технологии. 2023. № 1 (263).

10. Агентство развития малого и среднего предпринимательства Красноярского края: официальный сайт. Красноярск, 2026. URL: https://krasmsp.krskstate.ru (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 339.17

Механизмы управления формированием рыночного потенциала высокотехнологичного бизнеса в Китае

Син Цзяи
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, "朵"18346501923@163.com

Ключевые слова: высокотехнологичный бизнес, Китай, рыночный потенциал, информационно-аналитическая модель, механизмы координации, государственная поддержка, CLV, технологический суверенитет, нетрадиционные данные.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Зыряновой Ирине Игоревне, доценту, канд. экон. наук.

В условиях высокой неопределенности, характерной для высокотехнологичных рынков, и специфической институциональной среды Китая, наличие методики оценки рыночного потенциала само по себе не гарантирует успеха. Ключевым фактором, трансформирующим потенциал в реальный экономический рост и технологическое лидерство, является эффективная система управления процессом его формирования и реализации. Целью данной статьи является раскрытие механизмов управления, обеспечивающих практическую реализацию методики и формирование рыночного потенциала высокотехнологичного бизнеса в Китае.

© Син Ц., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

1. Информационно-аналитическая модель рыночного потенциала высокотехнологичного бизнеса в Китае.

Для принятия обоснованных стратегических решений необходима формализованная система сбора, обработки и интерпретации информации. В основе модели лежит системный подход, рассматривающий рыночный потенциал как результат взаимодействия четырех групп факторов:

– инновационный потенциал компании (Supply-side), способность создавать и улучшать технологию;

– восприимчивость рынка (Demand-side), готовность и способность целевых потребителей (B2B, B2C, государство) принять инновационный продукт;

– институциональная поддержка, совокупность мер государственной политики, снижающих риски и стимулирующих развитие BT-сектора;

– глобальная конкурентоспособность (Global context), способность компании противостоять международной конкуренции.

Архитектура модели представляет собой пять последовательных, но итеративно связанных этапов, на каждом из которых происходит накопление и анализ данных.

Этап 1. Макроэкономический и институциональный скрининг. Цель – отследить тренды и оценить волатильность ключевых факторов.

Этап 2. Отраслевой анализ и карта конкуренции. Цель – оценка структуры рынка. Модель пяти сил Портера дополняется анализом их рыночной власти, темпов роста рынка.

Этап 3. Диагностика внутреннего потенциала компании. Цель – углубленная оценка способности компании к инновациям.

Этап 4. Оценка потенциальной ценности потребителей. Ключевой этап для перехода от абстрактных рыночных долей к конкретным финансовым результатам.

Этап 5. Синтез и интегральная оценка. Для получения сводной количественной оценки используется метод анализа иерархий (AHP). Интегральный индекс рыночного потенциала рассчитывается как сумма взвешенных оценок по системе показателей (Таблица 1).

Таблица 1. Пример интегральной оценки рыночного потенциала ВТ-компании (Scoring Model)

Группа критериев	**Вес**	**Критерий**	**Оценка (1-10)**	**Взвешенная оценка**
Макросреда (PESTEL)	25%	Господдержка отрасли	9	2.25
		Рыночные риски (санкции)	6	1.5
Отрасль/Конкуренция	20%	Темп роста рынка (CAGR)	8	1.6
		Доля рынка лидероа	7	1.4
Потенциал компании	30%	Интенсивность НИОКР	9	2.7
		Качество патентного портфеля	8	2.4
Ценность потребителей	25%	Потенциальный CLV	7	1.75
		Возможности up-selling/cross-selling	8	2.0
Итоговый индекс	100%			15.6

Анализ данных таблицы показывает, что рыночный потенциал компании имеет ярко выраженную «инновационно-государственную» основу. Наибольший вклад вносят интенсивность НИОКР и государственная поддержка.

2. Организационно-управленческие механизмы координации взаимодействия государства и бизнеса.

Ключевую роль в реализации рыночного потенциала играет институциональная среда. В Китае сложилась уникальная модель «государственно-ориентированной экосистемы инноваций», включающая пять ключевых механизмов координации:

– Механизм стратегического планирования и целеполагания;
– Механизм финансово-инвестиционной поддержки и распределения рисков;
– Механизм формирования спроса и легитимации инноваций;
– Государство выступает «первым заказчиком» через госзакупки.
– Механизм создания инновационной инфраструктуры. Целенаправленное развитие технологических кластеров.
– Механизм развития человеческого капитала.

3. Новые перспективы оценки рыночного потенциала на основе нетрадиционных данных.

Логика применения альтернативных данных включает в себя: индексы поисковых запросов, опережающий индикатор «намерений потребителей»; анализ в социальных сетях.

Таким образом, информационно-аналитическая модель выступает инструментом стратегических решений, преобразуя разнородные данные в интегральный индекс для мониторинга, планирования и сравнения проектов. Организационные механизмы образуют институциональный каркас: государство как системный интегратор задействует пять рычагов координации.

Список источников

1. Center for Strategic and International Studies (CSIS). China's 'Made in China 2025'Initiative. URL: https://www.csis.org/analysis/china s-made-china-2025-initiative.

2. National Bureau of Statistics of China (NBS). Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2023 National

Economic and Social Development.URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202402/t20240228_1947916.html.

3. Huawei Investment & Holding Co., Ltd. Huawei 2023 Annual Report.URL: https://www.huawei.com/en/annual-report/ 2023.

УДК 336.004

Цифровые бизнес-модели как фактор финансовых рисков: вызовы для корпоративных расследований и роль систем финансовой грамотности

Терских Татьяна Олеговна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tati.ters@mail.ru

Ключевые слова: цифровая бизнес-модель, финансовые риски, форензик, корпоративное расследование, цифровая финансовая грамотность, комплаенс, цифровой след.

В статье рассматривается трансформация природы финансовых рисков под влиянием цифровых бизнес-моделей (платформенная экономика, SaaS, DeFi-интеграция, маркетплейсы). Выявлен парадокс: цифровые инструменты управления финансами снижают транзакционные издержки, но создают принципиально новые зоны неопределенности для служб комплаенс и корпоративных расследований (форензик). Предложена авторская классификация рисков «цифрового следа» и обоснована необходимость перехода от классической финансовой грамотности к «цифровой форензик-грамотности» сотрудников. Научная

© Терских Т. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

новизна заключается в синтезе подходов финансового менеджмента, информационной безопасности и криминалистики применительно к расследованию мошенничеств в цифровой среде.

Переход корпораций на цифровые бизнес-модели (ЦБМ) традиционно рассматривается через призму эффективности: рост маржинальности за счет масштабирования платформ, сокращение OPEX за счет автоматизации, увеличение LTV клиента через экосистемы. Однако в научном дискурсе недостаточно освещена обратная сторона этого процесса — мутация традиционных финансовых рисков в гибридные техно-финансовые угрозы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Введение в научный оборот понятия «Финансовый риск цифрового промежутка» (Digital Gap Financial Risk): Риск, возникающий в моменте рассинхронизации между реальным движением стоимости и его отражением в цифровом двойнике бизнеса (например, транзакция в API до ее отражения в учетной системе).

2. Разработка модели «Треугольника цифрового мошенничества 2.0»: Адаптация классической криминологической теории Д. Кресси к условиям платформенной экономики, где давление и оправдание дополняются фактором «Цифрового иммунитета сотрудника».

3. Обоснование новой роли финансовой грамотности не как средства избежания ошибок, а как проактивного элемента системы внутреннего контроля (СВК) и инструмента детекции аномалий на ранней стадии.

Ниже на рисунке 1 представлена концептуальная схема, иллюстрирующая, как классический бизнес-процесс под воздействием цифровой надстройки порождает новые «слепые зоны» для расследования.

Рисунок 1. Трансформация структуры рисков в цифровой бизнес-модели.

Представленная схема наглядно демонстрирует ключевой вызов для корпоративных расследований.

Цифровые бизнес-модели, обеспечивая экспоненциальный рост эффективности, одновременно генерируют гибридные

финансовые риски, требующие междисциплинарного подхода к расследованию. Интеграция инструментов искусственного интеллекта для мониторинга транзакций (FRM-системы) должна дополняться обязательным повышением цифровой гигиены персонала.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка отраслевых стандартов проведения форензик-проверок в среде

децентрализованных финансов (DeFi) и прогнозирование новых векторов атак на цифровые активы корпораций.

Список источников

1. Банк России. Обзор финансовой стабильности за IV квартал 2025 года. М.: ЦБ РФ, 2026. 88 с. URL: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/ (дата обращения: 01.04.2026).

2. Positive Technologies. Актуальные киберугрозы для финансового сектора: итоги 2025 года и прогноз на 2026. Аналитический отчет. М., 2026. 42 с.

3. Deloitte Forensic Center. The Future of Controls: Managing Third-Party Risk in a Digital Ecosystem. London: Deloitte Development LLC, 2025. 31 p.

4. FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network). Advisory on Mail Fraud-Related Check Schemes and Platform Payment Loopholes. FIN-2025-A002. January 15, 2026.

5. Капустин А. А. Корпоративный форензик в условиях цифровой экономики: методики выявления мошенничества в Big Data // Аудиторские ведомости. 2026. № 1. С. 33–41.

УДК 338.45:669

Влияние ESG-трансформации на операционную эффективность и доступ к «зеленому» финансированию в металлургической отрасли: комплексный анализ и проверка гипотез

Трафимова Алина Владимировна, Чемезов Василий Алексеевич, Труднева Анна Сергеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Alina805travdiv@yandex.ru

Ключевые слова: ESG-трансформация, металлургическая отрасль, операционная эффективность, зеленое финансирование, углеродный след, стоимость капитала, устойчивое развитие.

В статье исследуется взаимосвязь между ESG-трансформацией, операционной эффективностью и доступом к устойчивому финансированию в металлургии. На основе данных S&P 500 и World Steel Association выявлена отрицательная корреляция ESG-скоринга с систематическим риском. Рассмотрены кейсы российских и международных компаний.

Интеграция ESG-факторов в стратегии промышленных предприятий стала определяющим вектором развития мировой экономики. Для металлургии, одного из наиболее углеродоемких секторов, ESG-трансформация превратилась из имиджевого вопроса в фундаментальное условие финансовой устойчивости. В условиях глобального энергоперехода и внедрения механизмов

© Трафимова А.В., Чемезов В. А., Труднева А. С. 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

CBAM компании вынуждены пересматривать свои производственные и финансовые модели.

Цель исследования – верификация гипотезы, согласно которой высокие показатели ESG-эффективности коррелируют с ростом операционной производительности и обеспечивают преференциальный доступ к рынкам капитала. Теоретическую базу составляют работы Berg F., Koelbel J., Rigobon R. (2022) о расхождении ESG-рейтингов, мета-анализ Friede G., Busch T., Bassen A. (2015), а также работы специалистов НИУ ВШЭ о пятилетнем горизонте проявления эффектов ESG-практик.

Анализ данных S&P 500 за 2020–2024 годы показывает, что предприятия с высокими ESG-рейтингами имеют более низкие коэффициенты систематического риска. Стоимость собственного капитала ESG-лидеров составляет 8,3%, аутсайдеров – 9,1%; стоимость заемного капитала – 4,3% против 4,8%. Повышение ESG-рейтинга на десять пунктов ассоциируется с ростом мультипликатора EV/EBITDA на 1,2x, а компании, улучшающие показатели в динамике, получают прирост до 1,8x.

Экологическая составляющая критична для металлургии в силу высокой ресурсоемкости. По данным World Steel Association, удельные выбросы CO_2 снижаются с 1,92 т/т стали (2022) до 1,85–1,90 т/т (2024), энергоемкость – с 21,01 до 20,95 ГДж/т. Переход на электродуговые печи и водородное восстановление снижает выбросы с 2,2 до 0,7 т CO_2 на тонну стали. ПАО «НЛМК» в рамках «Экологической стратегии 2023» сократило выбросы на 13%, ПАО «ГМК Норильский никель» направило на «Серную программу 2.0» 38,5 млрд руб. в 2023 году.

К 2024 году рынок устойчивых кредитов достиг 907 млрд евро (+17% г/г). На облигационных рынках зафиксирован «гриниум» – премия за экологичность, снижающая доходность «зеленых» бондов в среднем на 16 б.п., а для эмитентов из топ-30% по E-рейтингу – до 31 б.п. Инструмент Sustainability-Linked Loans (650 млрд евро в 2024

году) дает дисконт 5–15 б.п. при достижении KPI устойчивости. SSAB в 2025 году привлекла 2,3 млрд евро на завод с полным отказом от доменного производства, «Металлоинвест» разместил первые в РФ облигации климатического перехода на 10 млрд руб., Trafigura сократила выбросы на 31% и использует ESG-метрики в кредитных линиях на 5,8 млрд долл.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу: ESG-трансформация повышает операционную эффективность и финансовую устойчивость через оптимизацию ресурсов, снижение стоимости капитала и рост мультипликаторов. Ключевые тренды до 2030 года включают формализацию переходного финансирования, интеграцию Scope 3 в ковенанты и цифровизацию ESG-контроля. Для компаний, игнорирующих ESG-повестку, риски включают удорожание долга и потерю рынков сбыта в условиях глобального углеродного регулирования.

Список источников

1. Berg F. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings // Review of Finance. / F. Berg, J. Koelbel, R. Rigobon / 2022. Vol. 26, № 6. P. 1315–1344.

2. Friede G. ESG and Financial Performance: Aggregated Evidence from More than 2000 Empirical Studies / G. Friede, T. Busch, A. Bassen // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2015. Vol. 5, № 4. P. 210–233.

3. World Steel Association. Sustainability Indicators 2024 Report. – Brussels: Worldsteel, 2024. 48 p.

4. ПАО «ГМК Норильский никель». Отчет об устойчивом развитии за 2023 год. М.: Норникель, 2024. 204 с.

УДК 334

Проблемы малого бизнеса в Китае и пути их решения

У Хуншуай
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, rewtyu2023@gmail.com

Ключевые слова: малые предприятия, индекс деловой активности, цифровая трансформация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Сочневой Елене Николаевне, доценту, канд. экон. наук.

Малые и средние предприятия (МСП) составляют более 90% всех предприятий Китая, обеспечивая 80% рабочих мест и более 60% ВВП [1]. Однако, несмотря на их ключевую роль, сектор сталкивается с серьёзными проблемами: дефицит финансирования, снижение деловой активности, цифровой разрыв и административные барьеры. Цель статьи — выявить основные проблемы и предложить пути их решения на основе актуальных данных.

Основные проблемы малого бизнеса

1. Дефицит и дороговизна финансирования.

По данным Народного банка Китая (2025), лишь 30% малых предприятий имеют доступ к банковским кредитам [2]. Средневзвешенная ставка по новым кредитам снизилась до 3,2%, но многие предприятия по-прежнему не могут получить займы из-

© У Х., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

за отсутствия залога и кредитной истории. Доля «предприятий-зомби» выросла с 6% в 2018 г. до 12% в 2024 г [3].

2. Снижение деловой активности и спроса.

Индекс деловой активности МСП (SMEI) в августе 2025 г. опустился до 50 (минимум с сентября 2024 г.). Подиндекс производительности упал до 49,7. Средняя выручка малых предприятий в III квартале 2025 г. составила 111 тыс. юаней, годовой темп роста снизился до -3,2%, рентабельность — до 4,5% [4].

3. Цифровая трансформация.

Более половины производственных МСП используют только базовую информатизацию (учёт, склад). Не хватает кадров с цифровыми компетенциями. Крупные платформы ужесточают API, повышают цены на облачные услуги, что затрудняет доступ малого бизнеса к цифровым инструментам.

4. Административные барьеры.

29,6% малых предприятий жалуются на несправедливость регулирования и правоприменения (опрос за III квартал 2025 г.). 29,7% указывают на произвольные сборы и штрафы [5].

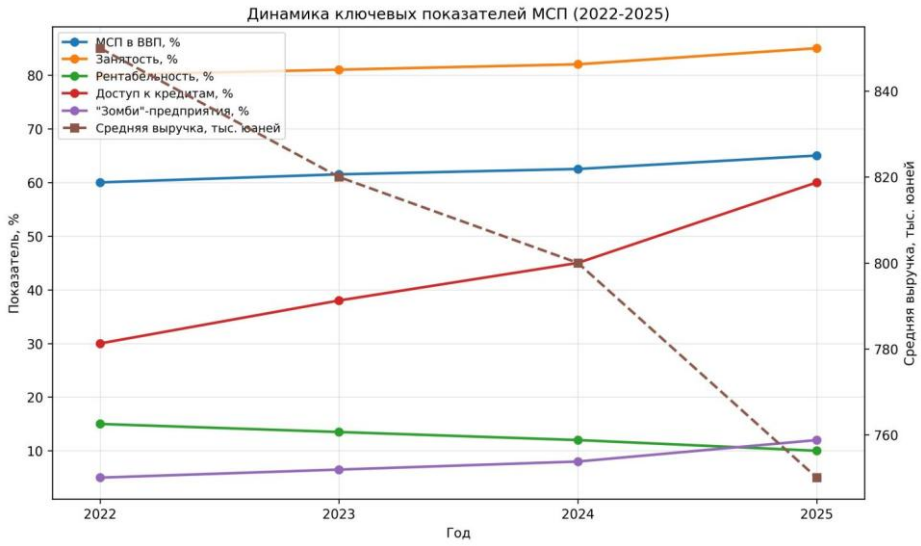


Рисунок 1. Динамика ключевых показателей малых и средних предприятий (МСП) Китая за 2022–2025 гг.

Пути решения проблем:

1. Финансовая поддержка. Правительство Китая активно внедряет меры по расширению кредитования МСП. По состоянию на сентябрь 2025 года, объём инклюзивных кредитов для малых и микропредприятий достиг 36,1 трлн юаней. Средневзвешенная процентная ставка по новым кредитам для предприятий снизилась до 3,2% [6]. В 2025 году восемь ведомств КНР выпустили директиву из 23 мер по расширению кредитования МСП [7].

2. Стимулирование спроса и оптимизация деловой среды. Правительство реализует пакет дополнительных мер для стимулирования потребления и инвестиций. По данным Китайской ассоциации малых и средних предприятий, в октябре 2025 года индекс развития малые и средние предприятия в отдельных регионах вырос на 0,3 пункта [8]. Устраняются скрытые барьеры, препятствующие финансированию негосударственного сектора экономики.

3. Цифровая трансформация.

В 2025 г. Министерство промышленности и информатизации планирует обеспечить доступ к цифровым технологиям для 40 тыс. МСП. К 2026 г. цифровые решения будут внедрены в 40 тыс. предприятий в 100 городах [9]. Создаются системы погашения просроченных платежей и правовой защиты.

Малый бизнес в Китае испытывает серьёзные трудности, особенно в сфере финансирования, спроса и цифровизации. Однако правительство активно внедряет меры поддержки: расширение кредитования, снижение ставок, стимулирование спроса и цифровая трансформация. Реализация этих мер позволит укрепить роль МСП как драйвера экономического роста и инноваций.

Список источников

1. CNNIC Развитие МСП с точки зрения больших данных в Интернете (2025). URL: https://www.cnnic.net.cn/n4/2025/1120/c88-11422.html (дата обращения: 24.03.2026 г.).

2. Народный банк Китая (PBOC) Обследование финансового доступа 2025. URL: http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/index.html (дата обращения: 23.03.2026 г.).

3. Корпоративный монитор Natixis China 2024. URL: https://us6.campaign-archive.com/?u=25b26dfbf3a98b662bc5fd1b2&id=335218f118 (дата обращения: 20.03.2026г.).

4. Пекинский университет, Центр исследований больших данных предприятий. URL: https://www.sdyanbao.com/ (дата обращения: 22.03.2026 г.).

5. Пекинский университет, Центр исследований больших данных предприятий. URL: https://www.sdyanbao.com/ (дата обращения: 22.03.2026 г.).

6. Народный банк Китая. Статистика Микрокредиты для всех, сентябрь 2025. URL: http://www.pbc.gov.cn/ (дата обращения: 18.03.2026 г.).

7. Синьхуа. В Китае выпущена директива об усилении финансовой поддержки малых и микропредприятий, 2025. URL: https://primamedia.ru/news/2088407/ (дата обращения: 19.03.2026 г.).

8. Китайская ассоциация малых и средних предприятий: отчет по индексу развития за октябрь. URL: https://www.ca-sme.org/ (дата обращения: 18.03.2026 г.).

9. CGTN. В 2025 г. власти Китая обеспечат доступ к цифровым технологиям для 40 тыс. МСП, 2025. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025-02-18/1891769929248710657/ (дата обращения: 18.03.2026 г.).

УДК 336.71:004

Превентивное управление цифровыми финансовыми рисками, адаптация международного опыта для организаций Красноярского края

Ханаева Дарья Петровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, daria_hanaeva@mail.ru

Ключевые слова: превентивное управление рисками, цифровые финансовые технологии, кибербезопасность, DORA, ФинЦЕРТ, Красноярск.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Лихачевой Татьяне Петровне, доценту.

По данным IBM Cost of a Data Breach Report 2024, средняя стоимость инцидента информационной безопасности для финансовых организаций достигла 6,08 млн долларов — на 22% выше среднемирового показателя, а среднее время обнаружения угрозы составляет 292 дня [1]. В России в 2024 году число киберинцидентов в кредитно-финансовом секторе выросло на треть и достигло почти 9 тысяч [2]. Вместе с тем российский риск-менеджмент остаётся преимущественно реактивным, что определяет актуальность разработки превентивного подхода.

В основе исследования — сравнительный анализ практик в 14 юрисдикциях методом взвешенных коэффициентов по пяти критериям: предиктивная эффективность (0,30), адаптируемость к российским условиям (0,25), экономическая эффективность (0,20),

© Ханаева Д. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

технологическая зрелость (0,15), интеграционная совместимость (0,10). Приоритет предиктивности обоснован NIST CSF 2.0: функция идентификации рисков является основой всех последующих функций защиты [3]. Наибольший индекс применимости получили модели ЕС и Китая (4,4 балла каждая). Ключевым ориентиром выступает статья 45 DORA (вступил в силу 17.01.2025): финансовые организации вправе обмениваться индикаторами компрометации в рамках доверенных сообществ [4]. Этот механизм воспроизводим через ФинЦЕРТ Банка России.

Подход строится на пяти элементах: (1) цифровая платформа — единое технологическое ядро; (2) предиктивная аналитика на базе машинного обучения; (3) автоматическое реагирование без участия оператора; (4) регуляторный блок (ЦБ РФ, ФинЦЕРТ); (5) локальные контуры, обеспечивающие автономность организаций. Система реализуется в двух конфигурациях: интеграционной (подключение к региональной платформе с обменом обезличенными индикаторами компрометации — угроза, выявленная одной организацией, за минуты становится известна всем участникам) и автономной (все элементы в изолированном периметре без зависимости от внешней инфраструктуры). Ключевой принцип — Privacy by Design: во внешнюю среду передаются только агрегированные обезличенные индикаторы; персональные данные клиентов остаются внутри организации, что обеспечивает соответствие ФЗ-152.

Для верификации проведено ретроспективное моделирование на примере инцидента в АО «Орион Телеком» (май–июнь 2025 г.). По данным BI.ZONE, злоумышленники проникли в инфраструктуру через учётную запись сотрудника, уволенного в 2022 году; финальная DDoS-атака 12 июня вывела из строя сети во всех 13 городах, похитив данные ~500 000 клиентов. Ущерб — 66 млн рублей, 10% годовой выручки [5]. Результаты моделирования приведены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение эффективности подходов (кейс АО «Орион Телеком»)

Показатель	**Без системы (факт)**	**Интеграционная модель**	**Автономная модель**
Время обнаружения угрозы (MTTD)	13 дней	15 секунд	45 секунд
Глубина проникновения	Полная компрометация	Блокировка на этапе аутентификации	Блокировка на этапе аутентификации
Хищение данных клиентов	~500 000 записей	0	0
DDoS-атака	Реализована, полный простой	Не реализована	Не реализована
Экономический ущерб	66 млн руб.	~0,5–1 млн руб.	~0,5–1 млн руб.
Предотвращённый ущерб	—	~65 млн руб. (98,5%)	~65 млн руб. (98,5%)

При наличии предлагаемой системы аномалия была бы обнаружена за 15 (интеграционная) или 45 секунд (автономная модель) вместо 13 дней, атака остановлена на начальном этапе, предотвращённый ущерб — ~65 млн рублей (98,5%).

Разработанный подход синтезирует принцип коллективной защиты FS-ISAC/DORA, централизованную координацию PBOC и предиктивную архитектуру NIST CSF 2.0 в конфигурации, совместимой с российским законодательством. Ресурсная база обеспечена нацпроектом «Экономика данных» (2025–2030): 6,1 млрд рублей на создание платформы «ТелекомЦерт» — федерального аналога предлагаемой интеграционной модели [6]. Трёхэтапная дорожная карта внедрения в Красноярском крае предполагает охват 150–200 финансовых и телекоммуникационных организаций к 2030 году.

Список источников

1. IBM Security. Cost of a Data Breach Report 2024 / IBM Corporation. Cambridge, 2024. URL: https://www.ibm.com/reports/data-breach (дата обращения: 15.03.2026).

2. ГК «Солар». Кибератаки на финансовый сектор в 2024 году: аналитический отчёт / ГК «Солар». Москва, 2025. URL: https://rt-solar.ru/analytics/reports/5206/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. NIST. Cybersecurity Framework 2.0 / National Institute of Standards and Technology. Gaithersburg, 2024. URL: https://www.nist.gov/cyberframework (дата обращения: 10.03.2026).

4. Регламент (ЕС) 2022/2554 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года о цифровой операционной устойчивости финансового сектора (DORA). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R2554 (дата обращения: 20.03.2026).

5. Ущерб от кибератаки на «Орион Телеком» оценён в 66 млн рублей // Кабельщик. 2025. URL: https://www.cableman.ru/content/ushcherb-ot-kiberataki-na-orion-telekom-otsenen-v-66-mln-rublei (дата обращения: 25.06.2025).

6. Правительство Российской Федерации. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Москва, 2025. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 15.02.2026).

УДК 005.21:004.5

Методические подходы к оценке UX/UI цифрового продукта с учетом этапов жизненного цикла продукта

Чехун Никита Николаевич
Институт управления бизнес-процессами, Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, niknik21122@yandex.ru

Ключевые слова: UX/UI; цифровой продукт; инновационный менеджмент; жизненный цикл продукта; usability; клиентский опыт.

В условиях цифровой экономики качество взаимодействия пользователя с продуктом выступает не только характеристикой интерфейса, но и фактором конкурентоспособности. Для менеджера ошибки на уровне UX/UI означают снижение конверсии, ухудшение удержания и рост стоимости обслуживания, поэтому оценка интерфейса имеет смысл лишь тогда, когда ее результаты переводятся в решения о развитии продукта [4].

Нормативную основу такой оценки задают ГОСТ Р ИСО 9241-11 и ГОСТ Р ИСО 9241-210, где usability определяется через результативность, эффективность и удовлетворенность в заданном контексте, а человеко-ориентированное проектирование рассматривается как итеративный процесс, встроенный в цикл разработки [1; 2]. Дополнительную рамку задает стандарт SQuaRE, позволяющий соотносить UX/UI-показатели с общей моделью качества цифрового продукта [3].

© Чехун Н. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В российской академической литературе методы оценки UX/UI обычно делятся на качественные, количественные, гибридные и управленческие. Качественные методы, включая CustDev, JTBD, CJM, эвристическую оценку и cognitive walkthrough, применяются для выявления потребностей и барьеров на ранних стадиях [6]. Количественные методы — usability-тестирование, замеры времени, ошибок, успешности выполнения и шкалы типа SUS — позволяют сравнивать решения и задавать пороги приемки [5; 7]. Гибридные подходы сочетают качественное объяснение проблем с количественным подтверждением их влияния [5], а управленческие связывают UX/UI с продуктовой и рыночной результативностью [6].

Следовательно, полезность конкретного метода определяется стадией жизненного цикла продукта и типом управленческого риска, поэтому выбор инструмента оценки должен зависеть не от популярности метрики, а от требуемого управленческого решения.

Таблица 1. Выбор методов оценки UX/UI по стадиям жизненного цикла цифрового продукта

Стадия	**Ключевой риск**	**Приоритетные методы**	**Управленческий результат**
Идея / концепция	Ошибка в определении потребности и ценности	CustDev, JTBD, первичная CJM	Выбор сегмента и продуктовой гипотезы
Прототип	Непонятность интерфейса, сбой ключевого сценария	Эвристическая оценка, cognitive walkthrough, usability-тест, SUS	Оценка готовности MVP, приоритизация доработок
Вывод на рынок	Барьеры доверия, слабый onboarding	Usability-тест реальных задач, оценка удовлетворенности, CJM	Оптимизация критических сценариев, снижение оттока

Окончание таблицы 1.

Стадия	**Ключевой риск**	**Приоритетные методы**	**Управленческий результат**
Рост	UX-проблемы ограничивают масштабирование	Мониторинг usability, сегментная диагностика, анализ клиентского пути	Приоритизация бэклога, управление CX
Масштабирование	Деградация UX при частых релизах	SQuaRE quality in use, регулярная оценка, UX-gates	Контроль релизных рисков, стандартизация приемки
Зрелость	Снижение конкурентоспособности опыта	Аудит usability и доступности, анализ новых сегментов	Поддержание конкурентоспособности, снижение cost-to-serve

На ранних стадиях для менеджера наиболее важны методы, позволяющие выявить проблему пользователя и критерии ценности. По мере вывода продукта на рынок акцент смещается на измерение пригодности использования, а при росте и масштабировании — на регулярный мониторинг UX и увязку пользовательских метрик с качеством продукта [3; 7].

Практическая ценность модели состоит в том, что она позволяет переводить результаты UX/UI-оценки в управленческие решения. Менеджер соотносит стадию жизненного цикла с доминирующим риском, выбирает необходимый класс методов и использует результаты для управленческих решений. Тем самым UX/UI рассматривается как фактор рыночной адаптации цифрового продукта.

Список источников

1. ГОСТ Р ИСО 9241-11–2010. Эргономические требования к проведению офисных работ с использованием видеотерминалов

(VDT). Ч. 11. Руководство по обеспечению пригодности использования.

2. ГОСТ Р ИСО 9241-210–2016. Эргономика взаимодействия человек–система. Ч. 210. Человеко-ориентированное проектирование интерактивных систем.

3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 25010–2015. Системная и программная инженерия. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения (SQuaRE). Модели качества систем и программных продуктов.

4. ГОСТ Р ИСО/МЭК 25022–2021. Системная и программная инженерия. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения (SQuaRE). Измерение качества при использовании.

5. Козловский Н. В. Измерение эффективности UX-дизайна // Экономика и социум. 2023. № 1-1. С. 273–285.

6. Назаров Д. М. Методы оценки юзабилити и доступности веб-сайтов электронной коммерции // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2022. № 4. С. 1150–1159.

7. Шаин Д. А. Тестирование юзабилити пользовательского интерфейса мобильных приложений // Вестник магистратуры. 2018. № 5-3 (80). С. 62–64.

УДК 339.17

Трансформация российско-китайской торговли в условиях глобальных вызовов: тенденции, модели и цифровые инновации

Чжао Юэ
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 18045792377@163.com

Ключевые слова: российско-китайская торговля, санкции, дедолларизация, торговые модели, цифровизация, логистические коридоры, блокчейн.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Зыряновой Ирине Игоревне, доценту, канд. экон. наук.

Ужесточение санкционного режима против России стало катализатором радикальных изменений в двусторонней торговле. Этот сдвиг привел к бурному росту объемов товарооборота: если в 2020 г. его объем составил $107,8 млрд., то к 2025 г. он достиг $260 млрд., при этом пиковый рост на 29,3% наблюдался в 2022 г. Также произошла революционная трансформация расчетных механизмов: доля расчетов в национальных валютах (рублях и юанях) выросла с 20–30% в 2020 г. до более 95% в 2025 г. [3]. Доля энергоносителей в экспорте России в Китай также росла: с 72,1% в 2020 г. до 75,6% в 2022 г., а к 2025 г. достигла 80%, подтверждая роль энергетики как основного драйвера экспортного дохода [1].

© Чжао Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Россия сохранила сырьевую специализацию экспорта: доля выросла с 8% в 2022 г. до 18% в 2025 г. Порт Козьмино увеличил перевалку нефти на экспорт в Китай и страны АТР [2]. Также рос интерес к Северному морскому пути (СМП) как альтернативному маршруту в Азию: грузооборот по СМП в 2024 г. [4].

Формирование современных торговых моделей в российско-китайском сотрудничестве. На основе трансформированного геополитического и экономического контекста выделились три доминирующие торговые модели в российско-китайском взаимодействии, отличающиеся по сущности, динамике и рискам: ресурсно-индустриальная (ориентированная на экспорт России), технологически-экспортная (ориентированная на экспорт Китая) и кооперационно-интеграционная (основанная на совместных проектах).

Ресурсно-индустриальная модель (Россия). Доля энергоносителей в экспорт России в Китай сохранилась на уровне 78–85% до 2024 г., но к 2025 г. она снизилась до 78% , доля которой выросла с 8% в 2022 г. до 18% в 2025 г. Доля металлов в экспорте, наоборот, сократилась с 5% до 3,5%, а доля высокотехнологических товаров осталась крайне низкой — менее 1% в 2022 г., с незначительным ростом до 0,5%+ в 2025 г. [1]. Основными ограничениями и рисками этой модели являются: ценовая волатильность мировых рынков энергоносителей; «сырьевая ловушка»; фитосанитарные барьеры Китая, а для металлов — квоты ЕС на экспорт спецстали [1].

Технологически-экспортная модель (Китай). Сущность этой модели — массовый экспорт из Китая в Россию промышленной продукции с высокой добавленной стоимостью, адаптированной под санкционные ограничения, которые лишили Россию доступ к западным технологиям. Динамика показывает бурный рост: доля машин и оборудования в китайском экспорте в Россию выросла с 52% в 2022 г. до 66% в 2025 г., при этом экспорт промышленных

роботов за 2024 г. вырос на 287%, а количество поставленных китайских электромобилей достигло 62 тыс. единиц — что составило 54% российского рынка автотранспорта. Также наблюдается сдвиг в поставках продукции двойного назначения (навигационные чипы, телекоммуникационное оборудование) через «серые» схемы, направленные на обход санкционных ограничений.

Основные риски для технологически-экспортной модели заключаются в регуляторном давлении со стороны США. В 2024 г. были введены ограничения на 70 категорий китайских микроэлектронных товаров, что затруднило поставку высокотехнологичных компонентов; технологическое отставание экспортируемых товаров — 40% электроники, поставляемой в Россию, относится к устаревшим поколениям (28 нм и выше), что сдерживает технологическое развитие российских отраслей; а также риск вторичных санкций для китайских производителей, работающих с российскими стратегическими отраслями (авиапромышленность, оборонная промышленность).

Кооперационно-интеграционная модель. Институциональной базой кооперации являются Соглашение о защите инвестиций и сотрудничество в рамках BRIи ЕАЭС. Ключевыми кейсами в этой модели являются автокластеры в Татарстане и проект «Сила Сибирь-2». Ограничения модели связаны с инфраструктурными дефицитами.

Для адаптации к новым условиям была разработана комплексная методика выбора и оценки цифровых торговых платформ, включающая три этапа многокритериальной оптимизации и оценка рентабельности.

Ключевым кейсом внедрения блокчейн-технологий является проект «Зерновой коридор». Функционал платформы включал: автоматизацию фитосанитарных сертификатов; отслеживание партий зерна от поля до порта; Результаты реализации проекта

стали значительными: Основная проблема проекта — высокие капитальные затраты ($1,8 млн.), на внедрение которых требуется государственное субсидирование [4].

Для минимизации убытков от блокировки контрагентов или ареста грузов была разработана AI-модель Neural Sancti on Scan. Модель обучена на базе санкционных списков ОЭСР, OFAC, а также архивов таможенных деклараций России и Китая за 2020–2024 гг.

Для снижения барьеров для малого и среднего бизнеса была запущена совместная платформа «E-SilkRoadSME» российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) и Банка Китая в 2025 г.

Ключевые функции платформы: число участников-МСП выросло с 1200 до 8500 (рост на 608%) [5].

Таким образом, российско-китайская торговля в период 2020–2025 гг. претерпела глубокую трансформацию, Новые торговые модели — ресурсно-индустриальная, технологически-экспортная и кооперационно-интеграционная — компенсируют друг друга риски.

Перспективы роста российско-китайской торговли лежат в трех основных направлениях: развитие кооперационно-интеграционной модели; дальнейшая цифровизация; а также гармонизация стандартов ЕАЭС и Китая в сферах сельского хозяйства, фармацевтики и машиностроения.

Для решения этих проблем необходимы совместные государственные инициативы: создание «цифрового моста» России и Китая.

Список источников

1. Петрова М. В. Динамика и структура российско-китайского товарооборота за 2020–2025 гг. / М. В. Петрова, А. А. Смирнов // Федеральная таможенная служба Российской Федерации (ФТС РФ). Москва, 2025.

2. Иванов С. Н. Железнодорожные связи между Россией и Китаем: грузооборот и инфраструктурные проекты / С. Н. Иванов,

Д. В. Кузнецов // ОАО «Российские железные дороги» (РЖД). Москва, 2025.

3. Соколова Е. П. Дедолларизация российско-китайской торговли: опыт использования рубля и юаня / Е. П. Соколова, В. С. Мартынов // Банк России. Москва, 2025. С. 15–30.

4. Федорова К. И. Логистические коридоры РФ-КНР: порты Дальнего Востока и Северный морской путь / К. И. Федорова, О. Н. Лебедева // Ассоциация Морских Торговых Портов (АСОП). Москва, 2025.

5. Смирнова Н. К. Платформа «E-Silk Road SME»: поддержка МСП в российско-китайской торговле / Н. К. Смирнова, М. Чжоу // Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и Банк Китая. Москва; Пекин, 2025.

УДК 332.1:004.8

Мировые цифровые торговые платформы как основа рыночного потенциала экономического роста

Чжэн Сяовэй
Институт управления бизнес-процессами ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярский край, Красноярск, Россия, rewtyu@mail.ru

Ключевые слова: цифровые торговые платформы, рыночный потенциал, экономический рост, Китай, Россия, электронная коммерция, гравитационная модель, импортозамещение.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, Сочневой Елене Николаевне, доценту, канд. экон. наук.

© Чжан С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цифровые торговые платформы стали драйвером глобальной экономики. По данным Fortune Business Insights, в 2024 году объём мирового рынка онлайн-платформ для торговли составил 10,15 млрд долл. США, а к 2032 году ожидается рост до 16,71 млрд долл. при среднегодовом темпе 6,4% [1].

Цель работы — проанализировать тенденции развития цифровых торговых платформ в Китае и России, оценить их влияние на экономический рост и выделить ключевые факторы успеха.

1. Тенденции и результаты развития цифровых торговых платформ в Китае и России.

Эволюция цифровых платформ прошла три этапа: 1) формирование базовой инфраструктуры (1998–2012), 2) мобильная революция и рост социальной коммерции (2013–2020), 3) ИИ-доминирование (с 2021 г.) [2].

В Китае ключевым драйвером стала Alibaba Group. Основанная в 1998 году, Alibaba.com первой предоставила китайским МСП выход на международные рынки [3]. Успех Alibaba связан с благоприятной демографией, структурой доходов с ограниченным владением активами и поддержкой государства [4]. В России лидируют Wildberries (ООО «РВБ») и Ozon. Wildberries, основанный в 2004 году, занимает около 47% рынка онлайн-торговли РФ, Ozon — 34,4% [5].

Таблица 1. Сравнение Ozon и Wildberries в 2024 г. [5; 6]

Показатель	**Wildberries**	**Ozon**
Онлайн-продажи, млн руб.	2 143 700	1 566 400
Доля рынка, %	47	34,4
Средний чек, руб.	720	1680
Количество ПВЗ	>45 000	>35 000

Общие черты платформ Китая и России: акцент на суверенные платёжные системы (Alipay vs WB Pay), использование больших данных для персонализации, государственно-частное партнёрство. Различия же более глубоки: китайская модель ориентирована на глобальную экспансию и технологическую вертикальную интеграцию, российская — на адаптивную диверсификацию и региональные рынки (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые различия цифровых платформ Китая и России (составлено автором на основе [2; 5])

Критерий	**Китай**	**Россия**
Технологический источник	Локальные разработки (Huawei, SMIC)	Импорт компонентов (до 2022)
Целевые рынки	Глобальная экспансия	ЕАЭС + СНГ
Модель монетизации	Подписка + реклама	Комиссионные сборы
Роль государства	Стратегическое планирование	Реактивное регулирование

2. Оценка влияния цифровых торговых платформ на экономический рост стран.

В России, по данным Росстата, в 2023 году доля цифровых платформ в ВВП составила 6,7%. Валовая добавленная стоимость сектора ИКТ в 2023 году достигла 5 441 млрд руб. (3,5% ВВП), а инвестиции в основной капитал — 1 299 млрд руб. [7] (табл. 3).

Таблица 3. Использование цифровых платформ по видам деятельности в РФ (2023, %) [7]

Отрасль	**Цифровые платформы**
Высшее образование	36,7
Оптовая и розничная торговля	28,0
Финансовый сектор	25,0
Информация и связь	21,9
Строительство	10,3

В Китае эффект более масштабен. Согласно исследованию Wang et al. (2025), повышение уровня развития цифровой торговли в стране-импортёре значительно увеличивает экспорт высокотехнологичной продукции из Китая.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Китай и Россия сформировали разные модели развития цифровых торговых платформ: экспортоориентированную (Китай) и импортозамещающую (Россия). Обе модели имеют общие черты, но различаются по целевым рынкам, технологической базе и роли государства.

В России цифровые платформы вносят ощутимый вклад в ВВП (6,7%), но сталкиваются с проблемами импортозависимости и санкционных ограничений.

Перспективными направлениями являются: развитие квантовых коммуникаций, интеграция с азиатскими цифровыми коридорами и внедрение цифрового рубля для B2B-расчётов в России; а также углубление технологического сотрудничества РФ и КНР.

Список источников

1. Fortune Business Insights. Online Trading Platform Market URL: https://www.fortunebusinessinsights.com/online-trading-platform-market-104934 (дата обращения: 14.09.2025).

2. Жуков П.Е. Оценка вклада электронных торговых площадок в развитие экономики на примере группы «Алибаба» // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 4(117). С. 100-103.

3. Черноморец А.Ю. Анализ глобальных стратегий деятельности компании ALIBABA // E-Scio. 2019. № 10(37). С. 626-633.

4. Барри Эланд. Статистика Alipay за 2025 год: охват пользователей, объёмы транзакций и технологические инновации. URL: https://coinlaw.io/alipay-statistics/ (дата обращения: 16.09.2025).

5. Материалы информационно-аналитического портала bbnt.ru. URL: https://bbnt.ru/market/42.11 (дата обращения: 15.09.2025).

6. Материалы журнала по электронной коммерции E-pepper. Рынок маркетплейсов в 2024 году: аналитика T-Bank. URL: https://e-pepper.ru/news/rynok-marketpleysov-v-2024-godu-analitika-t-bank.html (дата обращения: 15.09.2025).

7. Цифровая экономика: 2025: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский [и др.]. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 120 с.

УДК 330.342.24

Разработка механизмов государственной поддержки технологического лидерства Китая

Чэнь Цзинвэнь
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chen079721@163.com.

Ключевые слова: технологическое лидерство, государственная поддержка, инновационная инфраструктура, организационно-управленческий механизм, Китай, высокотехнологичный бизнес, кооперация, Индустрия 4.0.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Каячеву Геннадию Федоровичу, профессору, доктору экономических наук.

Технологическое лидерство — стратегический приоритет Китая. Реализация программ «Сделано в Китае 2025», «Инновационный Китай» и национальной стратегии ИИ требует не только финансов, но и эффективной господдержки для превращения знаний в рыночные продукты и технологический суверенитет. Цель статьи — анализ механизмов: инновационной инфраструктуры (материально-технической и институциональной основы кооперации) и организационно-управленческого механизма (системы координации). На основе данных и отчётов за 2022–2025 гг. выделены сильные стороны системы и направления её совершенствования.

© Чэнь Ц., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Инновационная инфраструктура — ключевой механизм господдержки, обеспечивающий синергию науки, образования и производства через комплекс физических, цифровых и институциональных элементов. Государство как «архитектор экосистемы» инвестирует в неё для снижения трансакционных издержек, ускорения цикла «знания – технология – продукт» и укрепления технологического суверенитета.

Таблица 1. Ключевые показатели развития инновационной инфраструктуры Китая (2022–2025 гг.) [1–5]

Показатель	**2022**	**2025**	**Изменение**
Количество национальных зон высоких технологий, ед.	173	178	+2,9%
Базовые станции 5G, млн шт.	2,287	4,83	+111%
Мощность вычислений, EFLOPS	140	310	+121%
Предприятия на платформах промышленного интернета, млн	1,5	5,0	+233%
Патентные заявки на ИИ, тыс.	12,9	21,2	+64%
Уровень коммерциализации патентов, %	22	27	+5 п.п.

Организационно-управленческий механизм достижения технологического лидерства. Эффективность господдержки зависит от качества управления. Вертикально-горизонтальная система Китая: дублирование функций, фрагментация ресурсов, рассогласование стимулов. Решение: матричная координация, управление полным циклом, региональное выравнивание, оптимизация финансирования и кадров.

Система управления проектами включает три нововведения: поэтапное финансирование по технологическим вехам; ускоренная патентная экспертиза в ключевых секторах; диверсифицированная оценка: для прикладных проектов — упор на коммерциализацию, для фундаментальных — на академические инновации и подготовку кадров.

Региональная координация — трёхуровневая структура: восточные регионы (Пекин, Шанхай, Большой залив) — мировые инновационные центры для фундаментальных исследований и прорывов; центральные регионы и Чэнду–Чунцин — центры трансфера технологий с Востока; запад и северо-восток — специализированные платформы под местную ресурсную базу и отраслевую специфику.

Финансирование и кадры. 2025: инвестиции в НИОКР — 3,92 трлн юаней, интенсивность — 2,8% ВВП. Доля фундаментальных исследований — 7,08% (рекорд, но ниже 15–20% в развитых странах) [8]; увеличить до 10% к 2030. Кадры: научно-технические — >80 млн, квалифицированные рабочие — 220 млн (из них высококвалифицированных — 72 млн) [9]. Дефицит в узких областях (литография, ПО для микросхем); нужны целевые программы и привлечение зарубежных специалистов.

Таким образом, организационно-управленческий механизм достижения технологического лидерства представляет собой взаимосвязанную систему, где матричная координация, проектное управление, региональное выравнивание и кадрово-финансовое обеспечение работают в комплексе, что позволяет преодолеть существующие вызовы и повысить результативность государственной поддержки.

Список источников

1. Государственная поддержка: Национальные зоны высоких технологий в Китае: статистические данные // Байдупедия. 2025. URL: https://wapbaike.baidu.com/item/ (дата обращения: 14.04.2026).

2. Государственная поддержка: Развитие сетей 5G в Китае (2022–2025 гг.) URL: https://xueqiu.com/9293278021/374864877

3. Государственная поддержка: «Синяя книга о развитии передовых вычислительных технологий и вычислительной

мощности (2025)» URL: https://blog.csdn.net/weixin_55366265/article/details/158799633 (дата обращения: 14.04.2026).

4. Статистика патентных заявок в сфере искусственного интеллекта в Китае (2022–2025) // CNIPA: URL: https://english.cnipa.gov.cn/2026/0405/statistics_ai.html (дата обращения: 14.04.2026).

5. Отчёт о трансфере технологий в Китае за 2025 год URL: https://www.most.gov.cn/2026/0212/tech_transfer_report.html (дата обращения: 14.04.2026).

6. Китай завершил проверку патентов университетов и НИИ для стимулирования их промышленного применения // CGTN URL: https://russian.cgtn.com/news/2026-03-24/1988547826204483585/index.html (дата обращения: 14.04.2026).

7. Государственная поддержка: Статистический бюллетень национального экономического и социального развития КНР за 2025 год // Государственное статистическое управление КНР. URL: https://biz.haiwainet.cn/n/2026/0228/c3545018-32934282.html (дата обращения: 14.04.2026).

8. Китай вложил рекордные суммы в НИОКР за 2025 год URL: https://russian.people.com.cn (дата обращения: 14.04.2026).

9. Организация экономического сотрудничества и развития. Основные показатели науки и техники / OECD. Paris, 2025. URL: https://www.oecd.org/sti/msti.htm (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 005

Особенности IT сферы национальной экономики

Юань Цзялинь
Институт управления бизнес - процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 2383666124@qq.com

Ключевые слова: IT-сфера, инновации, высокотехнологичный продукт, глобальные вызовы, особенности IT-сферы, драйвер цифровой трансформации.

Сфера информационных технологий является драйвером цифровой трансформации всех отраслей национальной экономики, противодействия мировым вызовам и обеспечения национальной безопасности [1]. Эта сфера имеет ряд особенностей.

Первая особенность этой сферы заключается в двойственности природы IT-сферы: она одновременно выступает как сквозная технология, пронизывающая все сектора экономики, и как самостоятельный высокотехнологичный сектор экономики. С одной стороны, существуют компании, для которых IT является основным видом деятельности: разработчики программного обеспечения, системные интеграторы, интернет-платформы, облачные провайдеры. С другой стороны, IT-компетенции и продукты проникают в промышленность, сельское хозяйство, транспорт, образование, здравоохранение, финансовый сектор и государственное управление. Ускоряя цифровую трансформацию смежных отраслей, IT-сфера генерирует мультипликативный эффект для экономики. Двойственность природы сферы IT

© Юань Ц.,2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

затрудняет идентификацию границ отрасли для целей статистического учета, налогового администрирования и адресного предоставления мер государственной поддержки; усложняет ее анализ как элемента национальной экономики.

Вторая особенность этой сферы связана с неравномерностью пространственного распределения IT-активности: высокой концентрацией IT-компаний в ограниченном числе крупных агломераций и технологических хабов. Это детерминирует как позитивные эффекты (агломерационный эффект, формирование кадрового потенциала, развитие инновационной инфраструктуры); так и негативные (риски неравномерности технологического развития регионов, «перегрева» локальных рынков труда и инвестиционного капитала) для экономики. В частности, обостряется проблема доступа к инвестициям для IT-компаний, расположенных за пределами основных технологических кластеров, которые могут обладать высоким технологическим потенциалом, но не вписываются в сложившиеся инвестиционные сети и имеют ограниченный доступ к венчурному капиталу.

Третья особенность IT-сферы касается возрастной и квалификационной структуры занятости: средний возраст работника в отрасли значительно ниже среднего по экономике в целом; **кадровая структура сектора смещена в сторону высококвалифицированных сотрудников; в отрасли «высокая концентрация талантов»** [2]. Бесспорно, что влияние особенностей **кадровой структуры ИТ-компаний обуславливает как их конкурентные преимущества, так и слабости. В частности,** таланты, как правило, не обладают достаточной лояльностью к руководству и это определяет высокий риск «текучести кадров» в компании и необходимость высоких издержек удержания талантов.

Четвертая особенность в том, что многие ИТ – компании созданы теми самыми талантами и сохраняют «дух стартапа» в

структуре компании, идентификации таланта и в практике управления талантами в компании.

Пятая особенность IT-сферы в большинстве развитых и развивающихся стран — активное участие государства в регулировании и стимулировании отрасли [3]. ИТ – отрасль является приоритетной для государства, призвана решить задачи адаптации экономики к технологическим вызовам, реализации технологических приоритетов. Как следствие, государство оказывает финансовую и инфраструктурную поддержку отрасли. ИТ – компании имеют опыт работы в рамках трехстороннего партнерства государства, образовательных учреждений и компаний. Государственная политика в этой области включает налоговые льготы для IT-компаний, грантовую поддержку исследований и разработок, создание технопарков и инновационных кластеров, программы развития цифровых компетенций населения, а также законодательное регулирование в сфере персональных данных, кибербезопасности и искусственного интеллекта. С одной стороны, это создает благоприятный инвестиционный климат и повышает привлекательность отрасли для инвесторов. С другой стороны, высокая зависимость отрасли от мер государственной поддержки создает риски при потенциальном ужесточении фискального режима или изменении приоритетов государственной политики.

Шестой особенностью ИТ-сферы является двойственная природа ее результата: высокотехнологичный инновационный продукт выступает одновременно и конечным товаром, предлагаемым на рынке, и внутренним активом компании, который может быть использован для дальнейшего развития, тиражирования или масштабирования. Таким образом, в ИТ-отрасли продукт и актив часто неразделимы: одна и та же инновация служит и источником дохода, и основой для создания новых конкурентных преимуществ. В отличие от материального

производства, где продукт (например, станок) и актив (патент на станок) разделены, в ИТ-сфере код, алгоритм, платформа или программное обеспечение могут одновременно: продаваться как готовый продукт (лицензия, подписка); использоваться внутри компании как актив для создания новых продуктов или улучшения существующих. ИТ – компании в силу особенностей продукта включены в конкуренцию на уровне глобальных рынков, они являются участниками глобализированной экономики.

Национальные законодательства, международная нормативно-правовая база и практика не выработали ни единого подхода к определению, ни общепринятого определения, ни границ IT-сферы. В большинстве развитых стран принято считать, что IT-сфера представляет собой совокупность экономических субъектов, занятых созданием, тиражированием, внедрением и сопровождением программного обеспечения, информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также услуг в области обработки, хранения и защиты данных.

Список источников

1. Российская Федерация. Документы стратегического планирования. Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 01.12.2021 №2765-р: последняя редакция // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 17.01.2024).

2. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.

3. Роль государства в экономике высоких технологий. Международный и исторический контекст: аналитический обзор / Коллектив авторов; Исследовательский центр КЭПТ. М.: КЭПТ, 2024.

УДК 332

Цифровые технологии управления проектами в России

Ян Хао
Институт управления бизнес-процессами ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярский край, Красноярск, Россия, rewtyu@mail.ru

Ключевые слова: цифровые инструменты управления проектами, достоинства, ограничения, интегрированность, задачи, управление.

Оценка и выбор цифровых технологий управления проектами – это важная задача для любой современной компании. В современных условиях управление проектами невозможно без применения цифровых технологий. На выбор таких инструментов влияют различные факторы.

Цель работы — проанализировать существующие цифровые инструменты управления проектами в России, рассмотреть границы и условия их применения.

• ADVANTA. К ее сильным сторонам относится централизованное управление проектами и автоматизация бизнес-процессов. Программа легко интегрируется с другими системами. При ее использовании возможно получение аналитики и отчетности в режиме реального времени. Недостаток программы состоит в том, что при ее использовании необходимо полностью перейти в автоматизированное обслуживание бизнес-процессов. Кроме того, программа является относительно дорогой

© Я Х., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

в сравнении с другими продуктами и сложной в использовании, что требует обучения персонала работе с ней.

• Jira. Она характеризуется гибкой системой настроек. Также, легко интегрируется с другими системами. Обладает аналитическими инструментами. Однако, она сложна для освоения и перегружена сервисами для реализации простых текущих проектов. Еще одним недостатком выступает ограничением в офлайн-работе.

• Bitrix24. Это наиболее популярная система в России. Такое достигается благодаря многофункциональности, CRM и автоматизации продаж. Данная программа оптимальна для удаленной и совместной работы. Из недостатков можно отметить сложность интерфейса, не высокую производительность и скорость работы, а, также, существующие ограничения бесплатного тарифа.

• СмартМикс (SmartMix). Способна создавать задачи и распределять ресурсы.

• Redmine. Программа используется для создания задач, имеет хорошую интеграцию с другими цифровыми инструментами. Соединение с Trello может добавить удобство использования и визуализации задач [1].

• Трелло (Trello). Данную программу отличает визуализация задач с помощью карточек и досок и простота в работе с командами. К ограничение относится то, что это международный продукт, может попасть под ограничения использования в России.

• TimePad. Платформа создана для организации мероприятий. С ее помощью можно ставить задачи и отслеживать их решение.

• Мегаплан. Эта программа представляет собой облачное решение для управления проектами и CRM, которое позволяет объединить в себе функции планирования, учета времени и учета бизнеса.

• GanttPRO (GanttProject). Основной функционал данной программы заключается в отслеживании сроков реализации отдельных задач или этапов проектов посредством диаграммы Ганта. Ограниченные возможности для совместной работы и коммуникации в реальном времени.

• Worksection. Это продукт, созданный для управления проектами, задачами и командной работой с акцентом на удобство использования. К недостаткам использования можно отнести проблемы с интеграцией и получением отчетов.

• Task manager. Это простое, но эффективное приложение для управления личными задачами и проектами, часто используется малым бизнесом и фрилансерами. К ограничениям можно отнести слабую связь с разработчиками и малый функционал в бесплатной версии.

• RationalPlan. Данная программа приспособлена для управления проектами, предлагающая множество инструментов для планирования и контроля выполнения задач. К недостаткам можно отнести ограничения облачного взаимодействия и отсутствие мобильной версии.

• Collabis. Программа представляет собой таск-трекер с канбан-доской, где задачи не оторваны от документов, обсуждений и решений. Подходит для командной работы. Данная программа плохо интегрируется с другими цифровыми инструментами. Также, она характеризуется сложным интерфейсом.

• TeamWox. Программный продукт используется для управления проектами по оптимизации бизнес-процессов организации. В рамках своих функций программа позволяет осуществлять коммуникации, ставить временные рамки решения задач, создавать документы и многое другое. Благодаря такому инструменту можно объединить для реализации проекта команду с любым количеством людей.

На практике существует гораздо большее количество цифровых инструментов проектирования, здесь представлены лишь некоторые.

Проведенный анализ показал, что каждая программа имеет свои выгодные стороны и недостатки. К наиболее часто встречающимся недостаткам можно отнести: слабую интеграцию с другими продуктами и платформами, сложность в освоении, высокую стоимость. Сегодня использование таких цифровых программных продуктов сдвигается в сторону нейросетевых технологий, которые, возможно, позволят учесть все вышеназванные недостатки [2]. Создание нейросетевого инструмента позволит оптимизировать процессы управления проектами.

Список источников

1. Наугольнова И. А. Проектное управление в условиях цифровой среды / И. А. Наугольнова, А. В. Артемьев, Н. В. Зятчин // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 11. С. 4089–4100.

2. Роль агентов искусственного интеллекта в развитии экономики. Экономика и управление: проблемы, решения. / И. Д. Колокольчиков, Е. Н. Сочнева, Д. В. Зябликов [и др.] / 2025. Т. 4, № 8 (161). С. 202–213.

Гуманитарные науки (для школьников)

УДК 316.334.3

Политический абсентеизм молодежи 16–30 лет

Баранова Полина Андреевна
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение Средняя школа № 1 имени В.И. Сурикова (МАОУ СШ №1), Красноярский край, Красноярск, Россия, baranova.p@school1.ru

Ключевые слова: политический абсентеизм, молодежь, политическое участие, причины абсентеизма, политическое поведение.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Шубиной Марине Львовне, ассистенту кафедры философии Гуманитарного института СФУ.

Молодежь составляет значительную часть населения многих стран и в демократических государствах является источником власти. Политический абсентеизм молодежи представляет собой одну из ключевых проблем современного общества: он снижает легитимность власти и создает угрозу для будущего политической системы. Российская Федерация как демократическое государство закрепляет в статье 32 Конституции РФ право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей [1]. При этом право не участвовать в политике также признается формой проявления человеческой свободы, что позволяет абсентеизму легально существовать [2]. Различают активный абсентеизм (осознанный отказ от участия) и пассивный (вызванный внешними обстоятельствами).

© Баранова П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Целью настоящей работы стало выявление ключевых причин и особенностей политического абсентеизма среди молодежи в возрасте 16–30 лет. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что главной причиной является убежденность в неспособности повлиять на власть и в ее неэффективности. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: пояснить понятие абсентеизма и политического участия; определить виды и причины абсентеизма; провести опрос респондентов 16–30 лет для анализа их политического поведения; на материалах опроса выявить основные причины абсентеизма.

Исследование опиралось на анализ теоретических подходов к изучению политического абсентеизма, а также на эмпирические данные, собранные с помощью онлайн-анкетирования. Опрос проводился анонимно среди молодежи г. Красноярска. В нем приняли участие 76 человек в возрасте от 16 до 30 лет (большую часть составила группа 16–18 лет). Анкета включала 10 вопросов; обработка данных велась методами статистического подсчета процентов, построения диаграмм и таблиц, анализа открытых вопросов.

Результаты показали низкий уровень политической активности участников. 40,8% опрошенных еще не достигли 18 лет. Среди тех, кому уже есть 18 лет, большая часть не ходит на выборы. Участие в других политических активностях также незначительно: 40,8% (несовершеннолетние) и 43,4% (совершеннолетние) не участвуют ни в каких формах политической деятельности. При анализе причин абсентеизма 22,4% респондентов указали, что их голос ничего не изменит и что политика – «грязное дело»; 26,3% отметили, что власть не прислушивается к мнению молодежи; 35,5% заявили, что вовсе не интересуются политикой. Наиболее значимым фактором оказалось отсутствие достаточных знаний о политической жизни – его назвали 51,3% участников. Среди

собственных вариантов ответов встречались «лень» и «нет времени».

Таким образом, в ходе опроса выдвинутая гипотеза не подтвердилась. Недоверие к власти указали 22,4% опрошенных, тогда как недостаточность знаний – 51,3%. Тем не менее, фактор недоверия к власти нельзя исключать: он занимает существенное место в структуре причин. Недостаток знаний о политической жизни может становиться источником ложной информации и слухов, которые впоследствии порождают недоверие. Следовательно, для снижения уровня политического абсентеизма среди молодежи необходимо прежде всего повышать ее политическую грамотность и доступность объективной информации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.02.2026).

2. Старыш А. Р. Политический абсентеизм как форма политического участия // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2022. № 6. С. 6975–6984.

УДК 378.14

Доступность высшего образования в России

Белоусова Алёна Александровна
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя школа №1 им. В. И. Сурикова, Красноярский край, Красноярск, Россия, alenaa050809@gmail.com

Ключевые слова: доступность высшего образования, образование, социально-экономические факторы, абитуриенты, критерии доступности.

Благодарности: научному руководителю Шубиной Марии Львовне, ассистенту кафедры философии Гуманитарного института СФУ.

Доступность высшего образования — это совокупность условий, позволяющих различным социальным группам выбирать вуз, поступать и завершать обучение независимо от социально-экономических, территориальных и физических барьеров. Согласно ст. 43 Конституции РФ и ФЗ № 273-ФЗ, гражданам гарантируется право на бесплатное высшее образование на конкурсной основе в пределах государственных стандартов [1].

Необходимо определить, что мы будем понимать под доступностью высшего образования. Исследователь А. С. Клюев полагает, что доступность выражается в возможности выбора вуза и последующего зачисления [2]. Т. П. Евсеенко рассматривает доступность как равенство возможностей в выборе вуза независимо от экономического положения [3]. Распространена точка зрения на доступность высшего образования как фактическую вероятность

© Белоусова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

получения образования. Мы будем исходить из того, что доступность высшего образования представляется как возможность поступить в высшее учебное заведение, отсутствии препятствий в процессе поступления, а также фактический шанс реализации этой возможности с последующим получением образования [4].

Существует множество критериев доступности: от экономических возможностей поступающего до географической доступности учебного заведения.

Экономический критерий доступности — способность покрыть расходы на обучение и проживание. Также есть социальный критерий доступности — равные шансы вне зависимости от статуса, пола или национальности. Географический критерий доступности — территориальная близость вуза и наличие инфраструктуры для проживания. Академический критерий доступности — возможность освоения конкретных образовательных программ. Таким образом мы можем сказать, что доступность — это не только юридическое право на поступление, но и реальная возможность его реализации с учетом внешних факторов.

В 2025 году ситуация с доступностью высшего образования в России характеризуется усилением государственного контроля и перераспределением ресурсов в пользу приоритетных отраслей. Общее количество бюджетных мест превысило 619 тысяч, при этом основной упор сделан на региональные вузы, которым выделено около 73% от общего объема. Приоритетными направлениями остаются инженерно-технические специальности, занимающие 43% всех бюджетных мест, а также медицина и педагогика. В то же время доступность коммерческого обучения снижается: средняя стоимость обучения выросла на 12%, достигнув в Москве отметок 300–800 тысяч рублей в год, а в регионах — 150–300 тысяч. Дополнительным фактором, ограничивающим доступ к гуманитарным специальностям, стало введение лимитов на

количество платных мест по таким направлениям, как юриспруденция, экономика и менеджмент. Таким образом, получение образования становится более доступным для абитуриентов, выбирающих технические и социально значимые профессии в регионах, но финансово и административно затрудняется для тех, кто ориентирован на платный сегмент в крупных мегаполисах [5; 6]. Повышение доступности образования обеспечивается через образовательные гранты и стипендии, льготное кредитование под 3% для приоритетных специальностей и программы целевого обучения с обязательством последующей трехлетней отработки [7].

Доступность высшего образования в России определяется комплексом социально-экономических факторов, которые создают неравенство возможностей для абитуриентов. Экономические факторы: уровень дохода семьи является решающим. Помимо стоимости платного обучения, финансовую нагрузку создают затраты на репетиторов, проживание в другом городе и учебные материалы. Это ограничивает шансы детей из малообеспеченных, многодетных или неполных семей, несмотря на наличие бюджетных мест. Территориальные факторы: жители сельской местности и малых городов сталкиваются с «барьером расстояния». Высокие транспортные расходы и зачастую более низкий уровень школьной подготовки в регионах затрудняют конкуренцию с выпускниками из мегаполисов, где сосредоточены ведущие вузы. Социальные факторы: образовательный уровень родителей напрямую влияет на траекторию ребенка. Семьи с высоким социальным капиталом эффективнее инвестируют в развитие детей и лучше ориентируются в системе льгот, в то время как статус мигранта или низкая квалификация родителей снижают шансы на поступление. Институциональные факторы: дифференциация школ и вузов по качеству обучения усиливает разрыв. Хотя система ЕГЭ унифицировала итоговую проверку знаний и упростила процедуру поступления, она породила зависимость результатов от

возможности оплатить дополнительную подготовку, что делает престижные специальности менее доступными для социально уязвимых групп.

В ходе проведенного исследования был проведен комплексный анализ системы высшего образования в России с точки зрения его доступности для различных категорий граждан.

Исследование подтвердило, что высшее образование в современной России остается важнейшим инструментом социальной мобильности и формирования человеческого капитала. Несмотря на значительное количество государственных вузов и наличие бюджетных мест, понятие «доступность» оказывается многогранным и включает в себя не только отсутствие платы за обучение, но и территориальные, академические, а также социально-экономические аспекты. Таким образом, гипотеза о том, что доступность высшего образования в России в значительной степени детерминирована социально-экономическим статусом семьи и местом проживания абитуриента, нашла свое подтверждение. Цель проекта достигнута, решены поставленные задачи и сделаны соответствующие выводы.

Список источников

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

2. Клюев А.С. Информационный бюллетень «Мониторинг региональных проблем доступности высшего образования». Екатеринбург, 2006.

3. Евсеенко Т. П. Доступность высшего образования в условиях формирования рынка образовательных услуг // Экономика образования. 2007. № 3. С. 122.

4. Рощина Я. М. Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? // Проблемы доступности высшего образования. М.: НИСП, 2003.

5. Федеральный закон от 23.05.2025 № 103-ФЗ «О внесении изменений в статью 71 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“».

6. Федеральный закон от 23.05.2025 № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“».

7. Стоимость учёбы в вузах выросла, но доступность высшего образования сохраняется // Поступи онлайн : [сайт]. URL: https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/stoimost-uchyoby-v-vuzakh-vyrosla-no-dostupnost-vysshego-obrazovaniya-sokhranyayetsya/.

УДК 215

Сопоставление некоторых физических теорий и христианских догматов

Гаврилова Варвара Александровна
Физико-математическая школа Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zvaruxa@mail.ru

Ключевые слова: христианство, физика, христианский догмат, физическая теория.

Каждый человек, даже осведомленный в естественно-научной области, имеет потребность в духовном саморазвитии. Религия может удовлетворить эту потребность, она помогает человеку сформировать свои взгляды на мир, устанавливает определенные нормы поведения. Поэтому современный человек может

© Гаврилова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

пользоваться результатами научного прогресса и одновременно быть верующим.

При детальном рассмотрении содержания христианских догматов и физических теорий обнаруживается взаимное дополнение этих двух позиций. И если догматы устанавливают некоторое явление мира, объясняя его божественным чудом, то физические теории обосновывают саму возможность существования этого чуда с материальной точки зрения. Рассмотрим более подробно это взаимодействие.

Итак, сначала рассмотрим суть некоторых христианских догматов. Догмат о сотворении мира заключается в том, что Господь может создать вселенную только произнеся одно Свое слово, а может даже и не говорить. Все сущее появляется как бы ниоткуда, внезапно. Такое появление света, тьмы и всего прочего не укладывается в наши представления о материальном мире, в котором мы живем, как и о его законах.

Догмат о Христе Спасителе. Христос есть совершенный Бог и совершенный Человек. Как человек Иисус подвержен тлению, то есть также как все люди чувствует боль, испытывает голод. Но в отличие от остальных людей Иисус полностью безгрешен. Он обладает всеми теми же свойствами, что и Единый Бог, но представляет собой только Второе Лицо Троицы. В Евангелие описываются события, где проявляется божественная природа Христа, а также где и человеческая. Так, о Христе можно говорить равно как о Боге, так и как о человеке. Эти понятия не противоречат друг другу.

Теперь разберем базовые положения теоретической физики. Теория большого взрыва. Смысл теории большого взрыва, заключается в том, что Вселенная началась с точки с бесконечно большой плотности и температуры. «Из-за нестабильности структуры Вселенной произошли процессы расширения и охлаждения, способствующие к формированию основных сил в

физике» [2]. Следом упадок скорости расширения привел к образованию элементарных частиц, превращению энергии в материю. Впоследствии возникли облака газа, первые звезды, галактики и другие астрономические элементы. Таким образом, по теории большого взрыва жизнь Вселенной возникает периодично.

Корпускулярно-волновой дуализм. Суть этой физической теории заключается в том, что свет может проявлять свойства как волны, так и частицы в зависимости от внешних условий. Корпускулярно-волновой дуализм – принцип, согласно которому любой объект может проявлять как волновые, так и корпускулярные свойства [4].

В описанных выше, а также рассмотренных дополнительно физических теориях и религиозных догматах христианства обнаруживаются взаимодополняющие пары, для удобства восприятия сведенных в таблицу 1.

Таблица 1. Соотнесение догматов и физических теорий

	Догмат	**Физическая теория**
1	Сотворение мира	Теория большого взрыва
2	Вечность и вневременность Бога	Теория относительности
3	Всемогущество Бога	Квантовая механика
4	Иисус - Богочеловек	Корпускулярно-волновой дуализм

В паре «сотворение мира – теория большого взрыва» есть общие элементы, которые наводят на мысль о едином представлении в них о сущем. Процесс появления мира по теории большого взрыва напоминает процесс сотворения мира Богом, описанный в Библии. Как и Господь сказал, да будет свет, так и первые мгновения большого взрыва сопровождались большим количеством энергии и света. Также и основы для других объектов вселенной, такие как звезды и галактики появились в первые секунды после большого взрыва, как по слову Божию.

В паре «Иисус Богочеловек – корпускулярно-волновой дуализм», человеческая природа не противоречит божественной природе Христа. На протяжении всей жизни Иисуса обе эти природы проявлялись с разных ситуация, и от этого Он не переставал быть совершенным Богом или совершенным человеком. Свет так же может проявлять как свойства частицы, так и свойства волны в зависимости от условий. При этом верно считать, что свет это и волна, и частица.

Рассмотрев некоторые христианские догматы и физические теории, были установлены соответствия по схожим чертам. Подводя итог, хочется сказать, что наука использует научные методы познания для выявления в природе закономерностей и прогнозирования будущего в то время, как в религии основным источником познания Бога и истины является откровение, которое через пророков доходит до всех людей. Поэтому некоторые христианские догматы не всегда понятны и объяснимы с точки зрения человеческих представлений о материальном мире. Тем не менее познания науки и религии в некоторой мере несут одну и ту же суть и наводят на одни и те же мысли. Тогда понятия науки и религии не являются настолько противоположными, как считает общество. А также, можно сделать вывод, что догматы подкреплены не только откровением, но и научными трудами, независимыми от Церкви.

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское библейское общество, 2020. 1376 с.

2. Горбунова В. В. Теория Большого взрыва как начало жизни / Горбунова В. В., Монахова А. С. // Вестник науки. 2022. № 2 (47). С. 16–20.

3. Давыденков О. Догматическое богословие: учебное пособие. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2017. 624 с.

4. Смирнов В. Ф. Корпускулярно-волновой дуализм дискретных динамических систем / Смирнов В. Ф., Зябликов В. М. // Инженерный журнал: наука и инновации. 2013. № 12 (24). URL: URL: http://engjournal.ru/catalog/eng/teormech/1145.html (дата обращения: 19.03.2026).

УДК 004.9:528.8

Создание анимационной карты истории развития общественного транспорта в городе Красноярск

Коврига София Романовна
Физико-математическая школа-интернат СФУ, Красноярский край, Красноярск, Россия, kovrigasr@gmail.com

Ключевые слова: Красноярск, история транспорта, ГИС, QGIS, пространственная база данных.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Гостевой Анне Александровне, заведующей базовой кафедрой геоинформационных систем СФУ, доценту, канд. техн. наук.

История развития общественного транспорта — это не просто хронологическое изменения маршрутов, а отражение социальных, экономических и технологических изменений города. Транспортная система г. Красноярск за последние десятилетия претерпела значительные изменения, а наглядная визуализация этих процессов практически отсутствует. Существующие электронные сервисы такие как Яндекс.Карты, 2ГИС отражают только текущее состояние, а исторические данные о маршрутах

© Коврига С. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

разрознены и труднодоступны. Актуальность работы заключается в создании динамичного, наглядного продукта, который позволяет показать, как изменилась транспортная сеть города и её пространственную привязку. Это важно для понимания истории и выявления наиболее популярных магистралей города.

Реализация проекта включает два трудоёмких этапа: исследовательский и практический. На первом этапе проводится анализ текстовых источников и исторических карт, так как данные о современных маршрутах находятся в открытом доступе, в отличие от информации о прошлых периодах развития общественного транспорта. Данный этап отличается высокой сложностью, поскольку необходимо проанализировать огромный объём информации. Второй этап заключается в создании сети маршрутов в программе и осуществлении пространственной привязки проанализированных данных. Оба этапа являются очень важными для реализации проекта.

Большая сложность заключалась в том, что информация, содержащаяся в открытых официальных источниках, представлена в виде коротких исторических справок, не имеющих детальных карт маршрутов на конкретные даты в прошлом. В связи с этим пришлось обратиться в «Государственную универсальную научную библиотеку Красноярского края». По запросу был получен объемный список литературы, включающий 9 книг, 17 статей из сборников и 91 статью из периодических изданий. Также потребовался анализ исторических карт для последующей пространственной привязки маршрутов.

В ходе анализа полученных материалов удалось восстановить ключевые периоды. Первый автобусный маршрут был открыт 1 августа 1934 года от железнодорожного вокзала до площади Мира. В 1939 году официально созданы три автобусных маршрута: «Старый Базар — Вокзал», «ул. Сурикова — Кирпичный завод» и «Вокзал — Мелькомбинат». Трамвайное движение возникло в 1935 году как

ведомственное для доставки рабочих на завод «Красмаш», а в 1958 году появилось полноценное трамвайное управление. В 1959 году открылись первые два троллейбусных маршрута.

Особый интерес представил анализ влияния исторических событий. В годы Великой Отечественной войны в Красноярск, преимущественно на правый берег реки Енисей, эвакуировали десятки оборонных предприятий. В связи с этим появилась необходимость в создании новых маршрутов. Но наиболее кардинальные изменения произошли благодаря строительству мостов: после открытия Коммунального моста в 1961 году и Октябрьского моста в 1986 году транспортная сеть наконец-то связала правый и левый берега едиными маршрутами трамваев и троллейбусов [2; 4].

Таким образом, благодаря исследовательской работе были выявлены три ключевых временных рубежа для отображения на карте: момент зарождения системы (1930–1940-е годы), период, когда строились мосты, (1960–1980-е годы) и современное состояние.

После сбора и систематизации текстовой информации встала задача в пространственной привязке этих данных. Для работы с пространственными данными проводилась в свободном программном обеспечении QGIS 3.40 [1]. В качестве основы для создания маршрутной сети использовались открытые данные проекта OpenStreetMap, распространяемые под лицензией ODbL [3]. Через модуль QuickOSM были загружены актуальные картографические данные: линейный слой дорог Красноярска и точечные слои остановок (автобусных, трамвайных, троллейбусных). Данный модуль является систематизированной информацией, размещенной в свободном доступе, то есть загруженные слои – открытые данные.

Ключевым методом стал ретроспективный анализ: используя современную дорожную сеть как неизменную основу, т.к.

критических изменений улиц за столетие не произошло, были воссозданы участки дорог и из них сформированы исторические маршруты, опираясь на данные из архивов. В итоге была создана структурированная пространственная база данных маршрутов по трём видам транспорта (автобус, троллейбус, трамвай) на три исторических периода.

Проведённый в ГИС анализ позволил отметить важные наблюдения. Визуально подтвердилось, что на раннем этапе маршруты связывали промышленные зоны и вокзал с центром города, при этом основная застройка велась на левом берегу. По загруженности улиц – некоторые магистрали (например, проспект Мира) на протяжении десятилетий сохраняют роль главных транспортных маршрутов. Появление мостов – важный момент в развитии, именно они превратили разрозненные участки дорог в единую городскую транспортную систему.

Итоговый продукт – пространственная база данных, содержащая маршруты по трём видам транспорта в три ключевых этапа развития транспортной сети Красноярска, она позволяет не только проследить историческое развитие транспортной сети, но также проводить и дополнительный анализ, например, исследование транспортной доступности районов выявление наиболее загруженных участков транспортной сети и т.д.

Список источников

1. QGIS Web Site, URL : https://qgis.org/download (дата обращения: 19.11.2025).

2. Александрова В. А. Улицы Красноярска / Александрова В. А., Шестакова Т. А. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987. 128 с.

3. Проект OpenStreetMap. URL: https://www.openstreetmap.org (дата обращения: 19.11.2025).

4. Сайт администрации города Красноярск, Историческая справка. URL: https://www.admkrsk.ru/citytoday/transport/Pages/history.aspx (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 81

Как зародился язык?

Новиков Лев Денисович, Рябошапко Артём Витальевич
Муниципальное автономное образовательное учреждение средняя школа №1 им. В. И. Сурикова, Красноярский край, Красноярск, Россия, lev.novikov2010@bk.ru

Ключевые слова: глоттогенез, происхождение языка, теории языка, звукоподражательная теория, междометная теория, социальный договор, эволюция языка.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Шубиной Марии Львовне, ассистенту кафедры философии Гуманитарного института СФУ.

Язык является фундаментальной основой человеческого взаимодействия: без него невозможна передача сложной информации и полноценная коммуникация [1]. Проблема происхождения языка остается одной из самых дискуссионных в науке из-за отсутствия прямых доказательств и множества конкурирующих теорий [2].

В академической литературе язык определяется как система фонетических, лексических и грамматических средств, служащая для общения и выражения мыслей [1]. Исторический процесс

© Новиков Л. Д., Рябошапко А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

происхождения, формирования и становления человеческого естественного звукового ряда называется глоттогенез [3].

Существует ряд классических теорий глоттогенеза: звукоподражательная, междометная, теория трудовых выкриков, теория жестов, теория общественного договора [1]. Звукоподражательная теория видит причину возникновения языка в желании или необходимости человека на ранних этапах развития подражать звукам природы [1]. Основным аргументом исследователей был тот факт, что в каждом языке есть ономатопоэтические слова (гав-гав и т.д.), что косвенно указывает на возможность становления языка из звукоподражания природе [1]. В последствие данная теория столкнулась с критикой, т.к. не могла объяснить разницу ономатопоэтических слов в разных языках [1].

Сторонники междометной теории исходили из того, что первым словами были эмоциональные выкрики, которые выражали боль, радость, страх. Аргументом теории является, что в каждом языке присутствуют междометные слова и производные от них. Слабой стороной теории является непроясненность перехода от выражения эмоции к формулированию эмоционально нейтральных, абстрактных слов [1].

Теорию трудовых выкриков развивали исследователи Л. Нуаре и К. Бюхер [5]. Согласно этой концепции, язык возник из звуков, сопровождавших коллективный труд [1]. Выкрики должны были помогать в организации и облегчать общий труд. Например, в связи с тем, что предки людей использовали естественные предметы труда, со временем ритмичные выкрики, сопровождавшие коллективный труд, стали символически выражать эти предметы труда [4]. Язык и действие, в этой теории, на ранних этапах понимались как неразрывно связанные [5]. Критики теории опровергали ключевой тезис о необходимости языка для организации совместного действия.

Теорию общественного договора развивали Т Гоббс и Ж.-Ж. Руссо [1]. По их мнению, люди договорились о том, как они будут обозначать предметы [1]. Уязвимым местом теории является тот факт, что для того, чтобы решить, как именовать предметы, уже нужно было иметь язык [1].

Современные теории рассматривают язык как результат длительной биологической эволюции, развитием мозга и необходимостью жизни в большом социуме [6].

Т. Дикон развивает теорию совместной эволюции языка и мозга, главный тезис которой в том, что развитие протоязыка создало селективное давление, ускорившее эволюцию мозговых клеток [7]. Эта теория, очевидно, существует на базе теории эволюции Дарвина, и рассматривает способности к языковой коммуникации как наиболее важный признак для выживания и передачи потомству [7]. Существует влиятельная теория «мемов» Р. Докинза, который рассматривает язык как в первую очередь — культурный репликатор, распространяющийся по законам эволюции [8]. Из сильных сторон теории можно выделить, что она объясняет быстрое развитие языковых систем. Схожую теорию развивает Н. Хомский, который рассматривает способность к усвоению «универсальной грамматики» (базовых принципов, присущих всем языкам) как генетически обусловленную «когнитив ной структурой» [9]. Это объясняет, почему дети способны быстро осваивать грамматику: в процессе созревания соответствующих структур повышаются языковые способности [9].

По сути, все три теории имеют под собой базис естественных (биология, когнитивистика) наук. Они предполагают, что язык — это способность, присущую виду вообще, заложенная в его биологической программе, которая в свою очередь подчинена законам эволюции [6].

Ни одна из существующих теорий не является исчерпывающей, но каждая вносит вклад в понимание различных

аспектов глоттогенеза [4]. В данный момент наиболее доказательными теориями глоттогенеза являются те, которые способны объяснить связь возникновения языка, развития мышления и становления общества [4]. Современная наука движется к синтезу подходов: язык — это эволюционно развившаяся способность, закрепленная генетически и реализуемая в социуме [6].

Список источников

1. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.

2. Вундт В. Проблемы психологии народов / пер. с нем. М.: Академический проект, 2012. 136 с.

3. Глоттогенез // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

4. Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1985. 137 с.

5. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в истории развития человечества / пер. с нем. М.: Либроком, 2010. 224 с.

6. Пинкер С. Язык как инстинкт/пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.

7. Дикон Т. Символический вид: Коэволюция языка и мозга / пер. с англ. (в печати). New York: W.W. Norton & Company, 1997. 528 p.

8. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. М.: АСТ, 2013. 512 с.

9. Хомский Н. Язык и мышление / пер. с англ. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 122 с.

УДК 37.015.3

Взаимосвязь окружающей среды школы и эмоционального состояния учеников образовательных учреждений Красноярска

Ходонович Елизавета Алексеевна
Физико-математическая школа при СФУ, Красноярский край, Красноярск, Россия, elizavetakhodonovich@gmail.com

Ключевые слова: психическое состояние, комфортность, напряжение, эмоциональный тонус, психическая активация, интерес, эмоциональная сфера.

Каждая школа имеет уникальную образовательную атмосферу, в которой новые знания сочетаются с окружением и обстановкой учебного заведения. Из этого была сформулирована следующая цель исследования: выявление взаимосвязи между образовательной средой учебного заведения и эмоциональным состоянием учащегося. Проблема заключается в новых требованиях, интенсивной учебной нагрузке, проживании в интернате — всё это является факторами образовательной среды, которые оказывают влияние на состояние обучающихся. Выдвигаемая гипотеза: мы предполагаем, что в школе/образовательном учреждении преобладает определённая эмоциональная динамика (положительная/отрицательная/нейтральная) в зависимости от условий образовательной среды.

На основе выдвинутой гипотезы, был подобран ряд методик, отвечающих исследованию окружающей среды и эмоциональной

© Ходонович С. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

динамики: методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (факультет психологии ЛГУ: Л. А. Курганский, Т. А. Немчин); проективная методика «Я в школе»; интервьюирование; сравнительный анализ.

Методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности является одной из самых валидных, имеет широкую практическую значимость и соответствует критериям данного исследования. Она представляет собой опросник из 20 пар противоположных утверждений, позволяющий количественно измерить пять ключевых параметров актуального психического состояния человека.

Проективная методика «Я в школе» — это рисуночный тест для диагностики школьной адаптации. Она занимает особое, уникальное место в ряду инструментов диагностики мотивационной готовности к школе, поскольку отражает эмоциональное переживание школьной ситуации, что имеет ключевое значение для прогноза успешной адаптации.

Интервью направлено на исследование общего самочувствия в школе и включает в себя такие вопросы: «Как бы ты в целом описал(а) атмосферу в школе? Какие чувства она вызывает? Как ты справляешься с учебной нагрузкой? Есть ли места, где ты можешь спокойно отдохнуть, побыть в одиночестве или пообщаться с друзьями? Есть ли такое место в школе? Что бы ты изменил(а) в школе в первую очередь?» Данная методика была выбрана для того, чтобы выявить на какие факторы учащиеся чаще обращают внимание в школьной среде.

В ходе эмпирического исследования было опрошено 23 респондента, представляющих четыре образовательных учреждения города Красноярска: Физико-математическая школа-интернат СФУ (ФМШ), МБОУ СОШ №10, Гимназия №13, Красноярская университетская гимназия №1 «Универс».

Детальный анализ каждой из методик позволил выделить характерные профили для каждой группы школ.

Для учащихся ФМШ СФУ характерен преимущественно средний и высокий уровень психической активации и интереса. При этом у нескольких респондентов зафиксировано высокое напряжение, что коррелирует с жалобами в интервью на высокую нагрузку в период зачётов. Низкие же показатели напряжения и высокая комфортность зафиксированы у респондентов с итоговой высокой оценкой.

Учащиеся МБОУ СОШ №10 продемонстрировали неоднородные результаты. У двух респондентов зафиксированы средние показатели активации, но низкий интерес и высокое напряжение. Итоговая оценка в сводной таблице по шкале — «низкая». Исключение составляет респондент, у которого зафиксирован низкий интерес, но комфортность и вовлечённость по проективной методике позволили присвоить итоговую «высокую» оценку.

Гимназия №13 отличается преобладанием положительных показателей. У двух респондентов зафиксированы высокая психическая активация, эмоциональное состояние и низкое напряжение. В то же время другой респондент показал полярные результаты: высокая оценка по шкале интереса, но низкая психическая активация и напряжение, что в сочетании с интервью дало итоговую «низкую» оценку из-за признаков отчуждения от школы.

Гимназия «Универс» характеризуется преобладанием средних значений по всем шкалам. У трёх респондентов показатели психической активации, интереса и комфортности средней степени выраженности. Исключение составляет респондент, у которого зафиксировано низкое напряжение и средний интерес, но итоговая оценка снижена до «низкой» из-за данных проективной методики (изоляция, тревожность, мотивация избегания неудач).

Методика оценки состояния показывает «Интерес», «Психическую активацию», «Комфортность», «Низкое напряжение», что подтверждается данными из интервью («Дружелюбная атмосфера», «Чувство расслабления»). Эта динамика является приоритетной и преимущественно прослеживается в школах: ФМШ СФУ, Гимназия №13, Гимназия «Универс».

Методика оценки состояния фиксирует низкий интерес, высокое напряжение, сниженную психическую активацию и низкую комфортность. Подкрепляется результатами из проективной методики: выгорание, пассивность, формализм, изоляция. В интервью это проявляется в жалобах на «тревожную/угнетающую атмосферу», «усталость», «большую нагрузку» и «отсутствие места для отдыха». Школы: МБОУ СОШ №10, «Универс».

Методика оценки состояния демонстрирует средние значения по шкалам психической активации, интереса, комфортности и напряжения (показатели в пределах статистической нормы, без резких колебаний), что подкрепляется результатами проективной методики: двойственность (вовлечённость + формализм, принадлежность + индивидуализм). В интервью преобладают оценки: «атмосфера нормальная», «нагрузка в меру», «иногда тревожная, но в целом уютная». Школы: «Универс», частично ФМШ и МБОУ СОШ №10.

Исходя из результатов исследования, выдвигаемая гипотеза подтверждается: в каждом образовательном учреждении, участвующем в исследовании, преобладает определённая эмоциональная динамика, что подкрепляет взаимосвязь с условиями образовательной среды. Результаты позволяют точечно корректировать школьную среду, учитывать особенности мотивации при организации учебного процесса и эмоционального состояния при организации учебного процесса/внеурочной деятельности.

Список источников

1. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. Издательский дом: Питер, 2005. 412 с.

2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с.

3. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / сост. О. В. Барканова [серия: Библиотека актуальной психологии]. Вып. 2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.

4. Роанова В. А. Рисуночная методика «Я в школе» как средство диагностики мотивационной готовности к школьному обучению: дипломная работа. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012.

Дизайн и изобразительное искусство

УДК 72.012

Реконструкция кинотеатра «Спартак» под театр кукол в городе Железногорске

Балайтисова Алина Александровна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alinabalaytisova@mail.ru

Ключевые слова: кукольный театр, культурно-досуговая деятельность, фойе, кулуары.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Анатольевне Истоминой, профессору Института архитектуры и дизайна.

Кукольный театр в России имеет глубокие исторические корни: первые свидетельства о нём датируются XVII веком. Изначально представления носили религиозный характер, но позже куклы стали героями народных сказок и комедий [1]. Профессиональный кукольный театр в Сибири берёт начало в Новосибирске (1934 год), после чего подобные учреждения стали появляться и в других городах: Иркутске, Чите, Омске, Красноярске, Барнауле, Новокузнецке [2].

В закрытом административно-территориальном образовании Железногорск (до 1994 года — Красноярск, 26) театр кукол «Золотой ключик» был основан 1 сентября 1965 года [3]. В настоящее время расположен на 1 этаже жилого дома.

© Балайтисова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Современные тенденции развития театров включают расширение аудитории, внедрение новых технологий и материалов, активную фестивальную деятельность и реализацию образовательных проектов. В рамках этих изменений в 2023 году город передал театру здание бывшего кинотеатра «Спартак», построенного по типовому проекту (арх. З. И. Брод 1952 г.).

Улица Ленина, на которой расположился кинотеатр самая продолжительная в центре города.

Стены этого здания помнят этапы становления города, определили его облик так как ориентиром советского градостроительства была концепция «идеального социалистического города». До середины 1950-х годов идеальный город мыслился как город-ансамбль. Архитектура должна была нести «лучшие приемы классической архитектуры» [4].

Это был центр социальной жизни. В 1990-е годы кинотеатр закрыли и организовали в нем рынок, спустя время здание отремонтировали и передали молодежному центру. В настоящее время здание нуждается в реконструкции (рис. 1).

Рисунок 1. Фотографии кинотеатра «Спартак».

Основная возрастная категория зрителей театра — дети от 4 до 12 лет, но в репертуаре есть спектакли для детей с 1,5 лет, а также для подростков и взрослых. В репертуаре театра более 40 спектаклей. В багаже творческого коллектива тростевые, перчаточные, механизированные, куклы-петрушки, планшетные, марионетки, куклы — все существующие основные системы кукольного представления (рис.2).

а б в г д е

Рисунок 2. Основные системы кукол: а) тростевая кукла; б) перчаточная кукла; в) марионетка; г) механическая кукла; д) куклы-петрушки; е) планшетная кукла.

При разработке проекта реконструкции кинотеатра «Спартак» под театр кукол «Золотой ключик» изучен опыт академических театров нашей страны. В Московском государственном академическом театре кукол имени С. В. Образцова кроме основных функциональных помещений есть музей, где представлены куклы, архивные документы, эскизы, костюмы и элементы декораций, обе сцены в зрительных залах трансформируются [5]. В Татарском государственном академическом театре кукол «Экият» - волшебный замок с башенками, флюгерами, витражными окнами, стилизованными часами, колоннами, напоминающими стебли [6].

В основе концепции интерьера кукольного театра в Железногорске лежит сюжет приключений в сказке А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Юные зрители попадают в мир, где их встречают куклы-персонажи старой сказки. В фойе внутри световой инсталляции волшебный золотой ключик открывает вход в фантастический мир спектаклей театра (рис.3а). Для зрительного зала продуманы варианты трансформации, использованы акустические панели стен и потолка (рис. 3б).

а

б

Рисунок 3. Визуализация фойе и зрительного зала.

В кулуарах размещается буфет, отсылающий к эпизоду сказки, где персонаж Буратино, сидя в кувшине, узнает тайну золотого ключика (рис.4).

Рисунок 4. Визуализация кулуара.

Современные подходы к проектированию кукольных театров всё чаще предполагают создание не просто театральных зданий, а полноценных комплексных центров. Их отличительная черта — многофункциональность помещений зрительского комплекса и акцент на разнообразной культурно-досуговой деятельности, выходящей за рамки традиционных спектаклей.

Список источников

1. Россия. Искусство и культура. Театр кукол // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2022–2026. URL: https://bigenc.ru/c/rossiia-iskusstvo-i-kul-tura-teatr-kukol-27e86d?ysclid=mnxauzi8bk819958932.

2. Решетова Н. М. Кукольные театры Сибири: музыкально-краеведческий экскурс / Н. М. Решетова,

Л. П. Робустова // Вестник музыкальной науки. 2014. № 1 (3). С. 93–100.

3. Муниципальное бюджетное учреждение культуры театр кукол «Золотой ключик». URL: https://tkzk26.ru/ru/history/index.html?ysclid=mnye40u763900765798.

4. Ямалетдинов С. Ф. Город-памятник. О ценности историко-архитектурного комплекса города Железногорска // Молодежь и наука : сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/7620/s002-020.pdf?sequence=1.

5. Архитектура советского театра. М.: Стройиздат, 1986. 400 с.

6. Татарский государственный академический театр кукол «Экият». URL: https://www.puppet-show.ru/?ysclid=mnzgtesi1v69296746.

УДК 684.4

Модульная мебель как самостоятельная философия дизайна интерьера

Безрукова Виктория Геннадьевна[1], Данилович Анна Александровна[2]
[1, 2] Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]annadanilovich5674@gmail.com
[2]bezrukova_viktoriya12@mail.ru

Ключевые слова: модульная мебель, модульные системы, дизайн интерьера.

© Безрукова В. Г., Данилович А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Модульная мебель — это элементы в едином стиле, которые можно использовать отдельно или комбинировать в любом помещении. Она собирается как конструктор. Главное преимущество: мебель подстраивается под человека, а не наоборот [1]. При переезде в большую квартиру легко докупить нужные модули — стеллажи, комоды, столы.

Также модульной считается отдельный предмет из нескольких секций: удаление части меняет его внешний вид и функционал.

Цель работы - изучить историю возникновения модульной мебели, её функциональные характеристики, материалы изготовления, а также рассмотреть развитие модульных систем как самостоятельной философии в дизайне интерьера.

Идея модульной мебели родилась из экспериментов дизайнеров первой половины XX века в ответ на урбанизацию и необходимость экономии пространства. Единого изобретателя нет: концепция складывалась из нескольких прорывов.

В 1909 году американка Луиза Бригем в книге «Ящичная мебель» предложила собирать интерьеры из деревянных ящиков как из блоков [2]. Датчанин Поуль Кадовиус в 1948 году создал систему «Royal System» — настенные рейки с полками и ящиками («датская стенка»).

Американец Харви Проббер в 1940-х изобрёл модульные диваны. Француженка Шарлотта Перриан в 1952 году спроектировала стеллаж «Nuage». Итальянка Анна Кастелли Феррьери в 1967 году выпустила пластиковые тумбы «Componibili». Швейцарец Фриц Халлер в 1965 году создал инженерный конструктор USM Haller. В ГДР Рудольф Хорн разработал систему MDW для типовых домов.

В 1961 году на Познаньской ярмарке супруги Богуслава и Чеслав Ковальски представили гибкую «стенку Ковальских» (meblościanka), но из-за дефицита материалов замысел исказили дешёвой плёнкой.

В СССР в конце 1950-х Юрий Случевский вместе с Александром Белорусским создали лёгкую модульную систему из фанеры и пластика, получившую премию. Однако плановая экономика не позволила освоить новые технологии: алюминий и пластик заменили деревом и ДСтП, а гибкую систему превратили в громоздкие «стенки». Талантливое решение осталось нереализованным.

Сегодня модульные системы есть в любом ценовом сегменте. Сфера их применения широка: малогабаритные квартиры, студии, частные дома, магазины, фитнес-центры и салоны красоты. Главная задача модульной мебели - гибкость. Она позволяет обставить квартиру с нестандартной планировкой, менять конфигурацию при перестановке или изменении состава семьи, использовать пространство по максимуму и постепенно докупать элементы, не меняя всю мебель сразу. Отличительные черты модульных систем - взаимозаменяемость, разнообразие комплектующих, стандартные размеры и простота монтажа.

Современная модульная мебель производится из разных материалов. Массивная древесина и композиционные материалы наиболее распространены для корпусной мебели: древесные плиты дают ровную геометрию и позволяют создавать модули точных размеров, а массив используют в премиальных системах. Металл (сталь и алюминий) - основа каркасных и стоечных систем, обеспечивающая прочность при минимальной толщине деталей. Пластик применяют для лёгких, влагостойких и бюджетных решений. Стекло часто используется для полок и фасадов, визуально облегчая конструкцию. Ткани и кожа подходят для мягких модулей, которые можно комбинировать между собой. Производители всё чаще комбинируют материалы (металл с деревом, пластик с текстилем) и ищут экологичные решения, включая переработанное сырьё.

К достоинствам модульной мебели относят универсальность, мобильность, экономичность, а также долговечность и эргономичность. Недостатки - сложность выбора для потребителя, привыкшего к готовым решениям, высокая начальная стоимость качественных систем и зависимость от линейки производителя с ограничениями по дизайну [4; 5].

Сегодня модульность переживает второе рождение, связанное с тремя основными трендами. Первый - цифровизация и «Умный дом»: модули оснащают зарядными устройствами, подсветкой с управлением через смартфон, скрытой проводкой. Второй - экологичность и цикличность: бренды переходят на переработанные материалы, предлагают программы обратного выкупа и замену отдельных деталей. Третий - гибридизация и персонализация: производители отказываются от жёсткого деления на корпусную и мягкую мебель, создают модули со встроенными сиденьями, системы, которые одновременно работают как перегородки, системы хранения и рабочее место.

Таким образом, модульная мебель из способа экономии пространства превратилась в самостоятельную философию дизайна. Человек получает возможность трансформировать интерьер исходя из актуальных потребностей, не переплачивая за новый ремонт и мебель. История, начатая Луизой Бригем с её деревянными ящиками, продолжается в цифровых конфигураторах и умных системах хранения, сохраняя главную идею: не человек подстраивается под мебель, а мебель подстраивается под него.

Список источников

1. Веденова Наталья. Что такое модульная мебель и как ее правильно выбрать : [сайт]. URL: https://samoletplus.ru/journal/chto-takoe-modulnaya-mebel-i-kakie-u-nee-preimushchestva/.

2. Бригам Л. Мебель из коробок: как сделать сто полезных вещей для дома. Б. м. : б. и., 1909. 304 с.

3. Преимущества и недостатки модульной мебели для небольших квартир : [сайт]. URL: https://gostmebel.spb.ru/preimushhestva-i-nedostatki-modulnoj-mebeli-dlja-nebolshih-kvartir.

4. Модульная мебель: плюсы и минусы : [сайт]. URL: https://pride-mebel.ru/blog/2025/03/25/modulnaya-mebel-plyusy-i-minusy/.

УДК 347.787.5

Создание орнамента как процесс медитации

Грибанова Яна Павловна
Институт Архитектуры и Дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yana0111@bk.ru.

Ключевые слова: медитация, процесс творения, орнаментальная роспись, орнамент, ритм, осознанность, созерцание, мандала.

Работа художника — это процесс творения, связанный с таинством, который можно в какой-то мере понять как медитацию. В статье мы рассмотрим связь искусства и медитации. Слово «медитация» происходит от латинского «meditatio» и означает «размышление». Ранее, слово "медитация" использовалось для перевода терминов восточных духовных практик, таких как «дхьяна» в индуизме и «дзен» в буддизме. Однако благодаря своей пользе медитация уже давно вышла за религиозные рамки. Под общим понятием "медитация" понимаются различные психофизические практики, направленные на прояснение

© Грибанова Я. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

сознания, управление человеческим умом (концентрация на единственном объекте) и психоэмоциональным состоянием. Кроме этого, медитация может рассматриваться как вид созерцания [1].

Исследование, проведенное в 2011 году в Йельском Университете, установило, что медитация осознанности снижает тревожность, пресекает хаотичное мышление, т.е. уменьшает, по словам авторов исследования, «сеть пассивного режима работы» [2].

В ходе изучения работы мозга в момент медитации Сара Лазар, нейрофизиолог из Массачусетской Общей Больницы и Гарвардской Школы Медицины, выявила, что во время медитации происходит утолщение серого вещества в центральной части мозга. Это благотворно влияет на психику человека, помогает выработать эмоциональную устойчивость, а также повышает уровень внимания и концентрации в повседневной жизни [3].

Медитация применима и в искусстве. Процесс творения – это особое состояние активности мозга. Работа требует концентрации и мастерства, своеобразной позиции наблюдателя. В данной статье рассматривается процесс медитации в то время, когда художник занимается орнаментальной росписью. Орнамент — это узор, который состоит из повтора линий, геометрических фигур, волн или чередования этих элементов. Часто орнамент служит не только украшением, но и несет символическое или функциональное значение. Приятный и самодостаточный процесс создания орнамента часто ассоциируется с медитацией. И есть несколько причин, почему создание орнамента может быть процессом медитативным.

Во-первых, происходит концентрация внимания на процессе нанесения орнамента из материала на изделие, при этом движения рук ритмичны и повторяющиеся. Структура орнамента также ритмична по своей форме, цвету, размеру элементов.

Элементы орнамента могут создавать зрительный ритм, который, в свою очередь, вызывает чувство движения и, возможно,

даже звука. Мастер будто синхронизируется с внутренними ритмами тела, подсознания. Исследуя ритмическую природу человеческого сознания, В.М. Бехтерев показал, «что вся соматическая и соотносительная (психическая) деятельность имеет свою ритмичность», сделал вывод о том, что «ритм художественного (музыкального) произведения также способен оказывать свое влияние путем подчинения человека этому ритму, вызывая у него соответствующие мимико-соматические реакции» [4].

Во-вторых, создание композиции с орнаментальными символами – процесс, требующий особого состояния духа и сознания. При более высоком уровне осознанности требуется настройка на передачу информации, зашифрованной в орнаменте. Человек выступает, своего рода, проводником. Обращаясь к первобытному творчеству, можно заметить, что люди, создавая керамические изделия, делали засечки на оружии, декорировали ритуальные предметы, используя сакральные символы в орнаменте. К примеру, активно изображалась «мандала» - схематический символ в форме круга, «который можно интерпретировать как модель вселенной; он – символ колеса жизни и смерти, всех процессов в существовании в природе». «Древние люди рисовали их, вышивали на одежде, делали узоры из песка, строили как здание храма, использовали для медитаций и всевозможных ритуалов. Считалось, что священный оберег программирует на успех и везение во всех начинаниях. Этот сакральный узор позволяет открыть подсознание» [5].

Такие исследователи, как: Х. Бонни, К. Буш, Дж. Келлогг, Ю.Т. Колошина, А.И. Копытин, описывали позитивное влияние метода рисования мандал на личность человека, на обретение им целостности или же «самости» по К.Г. Юнгу. «Потенциал арт-терапевтического метода рисования, интерпретации и созерцания мандал предоставляет огромные возможности для познания

человеком истинной Самости». Во время рисования мандал человек погружается в свой внутренний мир, упорядочивая и гармонизируя его. Трактование значение мандалы совместно с психологом позволяет изучить мотивы своих поступков и действий. Медитация, как и метод рисования мандал, способствуют обретению целостности индивида. По мнению К. Уилбера, медитация способствует установлению контакта с глубинной Самостью [6].

В-третьих, медитацию по определению можно сравнить с процессом созерцания. Когда мастер заканчивает свой орнамент и смотрит на результат своего труда, он может чувствовать удовлетворение от проделанной работы. К примеру, принцип такого созерцания заложен в культуру Востока, откуда берет исток медитация. В Японии распространен «моно-но аварэ» - эстетический принцип, которому характерно осознание быстротечности времени, желание любоваться природой, будто «в каждой вещи — своё неповторимое очарование».

Таким образом, можно заключить, что при работе с орнаментом, создании художественной росписи для различных изделий мастера находятся в «созидательном потоке», погружаются в медитативное состояние.

Список источников

1. Шохин В. К. Медитация // Большая российская энциклопедия. 2004–2017, 2022. URL: https://bigenc.ru/c/meditatsiia-db187.

2. Brewer J. A. Meditation experience is associated with differences in default mode network activity and connectivity / J. A. Brewer, P. D. Worhunsky, J. R. Gray // The Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2011. Vol. 108. P. 1–6.

3. Lazar S. W. Meditation experience is associated with increased cortical thickness // National Library of Medicine. 2006. P. 1–6.

4. Орлова Е. М. В. М. Бехтерев о творчестве и о науке космономии // Московский педагогический государственный университет. 2015. С. 248.

5. Штыгашева Р. В. Мандала как источник творчества для создания коллекции авторских худи с ручной вышивкой // Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 2020. С. 200–201.

6. Головин А. А. Влияние арт-терапевтических техник и медитации на обретение самости // Воронежский экономико-правовой институт. 2018. С. 2–4.

УДК 72.012

Современные интерьеры в стилях классицизма и минимализма: отличие и сходство

Исаева София Олеговна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: цветовая палитра, экологический принцип, декор, мода.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Анатольевне Истоминой, профессору Института архитектуры и дизайна.

Исторический стиль классицизма в современном интерьере сохраняет традиционные приемы декорирования итальянских мастеров эпохи Возрождения с учетом новых технологий и

© Исаева С. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

материалов. Он олицетворяет торжественность, аристократичность, сдержанную элегантность. Интерьеры в классических канонах геометрические выверены, выстраиваются по правилам симметрии, функциональное зонирование осуществляется с помощью колонн, полуколонн с фронтонами.

В отделке стен помещений стремятся к использованию качественных материалов, при этом допускаются современные молдинги в отличие от гипсовых декоративных деталей. В оформлении стен и потолка в современном интерьере минимальное использование исторического декора, четкие прямоугольные формы (рис. 1). Облицованный мрамором камин, скульптура, антиквариат, фамильное серебро, фарфор, живопись и зеркала в роскошных рамах - атрибуты классического стиля – сегодня дополняются фотографиями. Историческая цветовая палитра интерьера в стиле классизма с пастельными охристыми и голубыми оттенками сегодня изменилась в соответствии с модой на ахроматическую гамму (рис.1).

а [1]

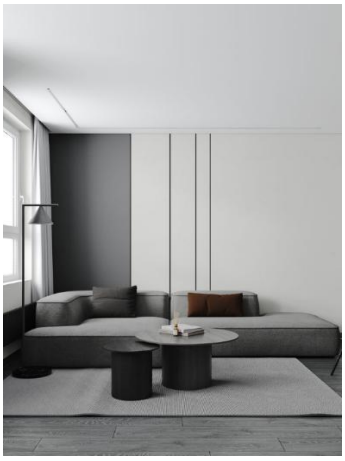
б [2]

Рисунок 1. Современные интерьеры в стиле классицизма.

Современный стиль минимализм в интерьере, возникший в XX веке как отказ от декоративного изобилия в предыдущих стилях, подошел к эстетике свободного пространства со строгой

геометрией без нагромождения мебели, к лаконичным формам без декора и простым «чистым линиям». Нейтральная цветовая палитра ахроматических цветов стен и потолка (белого, серого) в современном интерьере дополняется светлыми теплыми оттенками натурального дерева в мебели как ответ на принцип экологичности материалов (рис. 2а; 2б).

Важный атрибут минимализма в наше время - панорамные окна с видами на городской или природных ландшафт, придающих эмоциональную ноту в восприятии лаконичного жилого пространства (рис.2б).



а [3]

б [4]

Рисунок 2. Современные интерьеры в стиле минимализма.

Сегодня в сфере интерьерного творчества прослеживается тенденция сближения исторических и современных стилей, общими для них становятся модные тенденции на цветовую палитру, экологические принципы среды обитания человека.

Список источников

1. Дизайн интерьера в стиле классицизма // Pinterest. URL: https://ie.pinterest.com/ideas/нео-классика-интерьер/945942695429/.

2. Гончарова А. Дизайн интерьера в стиле классицизма // Hommz. URL : https://hommz.ru/blog/dizain-interer-kvartiri-v-stile-neoklassika.

3. Дизайн интерьера в стиле минимализма: принципы, цвета, идеи // Pinterest. URL : https://ru.pinterest.com/janettemajors/.

4. Герасимов П. Дизайн интерьера в стиле минимализма: принципы, цвета, идеи / П. Герасимов, В. Тарасенко // Geometrium-school. URL: https://geometrium-school.ru/blog/dizajn-interera-v-stile-minimalizm-princzipy-czveta-idei/.

УДК 747

Африканский этностиль в современном жилом интерьере

Овчинникова Ирина Александровна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: африканский стиль, натуральные материалы, этнический декор, колористическая гамма.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Анатольевне Истоминой, профессору Института архитектуры и дизайна.

Популярность этностилей в условии глобализации связана с миграционными процессами, распространением в разных странах передовых технологий в производстве оборудования, мебели, текстиля, расширением цветовых палитр благодаря достижениям лакокрасочной промышленности, переноса этнического

© Овчинникова И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

своеобразия, сложившегося в национальных культурах на европейскую функциональную основу интерьера.

Африка – регион с богатым культурным разнообразием, где переплетаются традиции множества народов. На протяжении длительного времени на материке развивалась своя уникальная культура [1]. Традиционные дома были различными по форме, планировке и материалам. И если форма и планировка зависели в основном от традиций, то выбор материала обычно зависел от природы, климата и образа жизни. Так, в полупустынях при строительстве жилищ использовали камень, глину, низкие травы и кустарники; в саваннах – пальмы, стебли хлопка и проса; в лесных районах – бамбук, рафию, ротанг, листья фикуса и банана. А основными типами жилищ являлись: круглые дома с конусообразной крышей; шалаши чаще всего полусферической формы; пещеры – глубокие земляные ямы, в которых жили жители пустынь; дома на сваях – жилища, возводимые в тропической части материка.

В колониальный период африканское жилище стало меняться и совершенствоваться во взаимодействии с европейской культурой и новыми для Африки материалами и технологиями. Архитектура стала сочетать в себе европейский стиль и традиционные материалы. Дома стали строить с использованием цемента и кирпича в стилях характерных для Европы и Латинской Америки того времени. Что в дальнейшем дало основу для появления архитектуры, представляющей собой симбиоз разных культур.

О внутреннем наполнении домов известно не так много, так как мебель в основном изготавливалась из дерева, соломы, глины и камня (рис.1). Для традиционного африканского интерьера характерны: натуральные материалы; этнический декор; естественные оттенки для стен (коричневый, желтый, терракотовый, черный); рельефные поверхности, например, кора

дерева, грубые растительные волокна; использование геометрических, анималистических и растительных рисунков.

Рисунок 1. Традиционный африканский интерьер [https://i.pinimg.com/originals/65/25/26/652526e0e5753ed122942650bfd766e3.jpg].

Для создания современного интерьера в африканском этностиле выбираются натуральные отделочные материалы или их качественную имитацию [2]. Полы из натурального камня или керамогранита создают прохладу, которая так необходима в жарком климате Африки, не исключаются покрытия деревянной доской или бамбуком. Для стен предпочтение отдают качественной декоративной штукатурке. Однотонные стены декорируются вставками из бамбука или традиционными орнаментами. Светлый потолок дополняют деревянными балками или тростниковым навесом, тканевый потолок создает иллюзию сафари.

Этническая колористическая гамма в интерьере соответствует натуральным материалам африканского континента (эбенового дерева, палисандра, сандала, пальмовой коры, шкур животных саван, кожи рептилий и др.), дающих преимущественно теплые оттенки с акцентными красными, желтыми, зелеными, коричневыми и черными цветами (рис.2).

Рисунок 2. Африканский этностиль в современном интерьере [https://i.pinimg.com/736x/f1/18/4d/f1184d2845291c5b40b36c9c2097859c.jpg].

Мебель выполняется из натуральных материалов: темных пород дерева, ротанга, плетеной лозы. Для нее характерны угловатость, визуальная тяжесть и элементы, сделанные вручную. Обивка может быть красочной с этническими принтами. В качестве декора используются плетенные абажуры светильников, корзины, глиняные и керамические сосуды, сундуки и барабаны, животные и растительные принты, ритуальные маски, резные статуэтки животных, пятнистые или полосатые ковры или циновки [3].

Этностили интерьеров формируются на основе континентальной принадлежности народа в местных природно-географических и климатических условиях, с орнаментикой, использующей экзотическую флору и фауну, философско-религиозную этику, и адаптируемых к современным технологиям обустройства жилых пространств.

Список источников

1. Архитектура Западной и Восточной Африки XIX – начала XX вв. // East.totalarch. URL: https://east.totalarch.com/universal_history_of_architecture/tropical_africa_19_early_20_centuries.

2. Африканский стиль в интерьере // Estima. URL: https://estima.ru/news/afrikanskij-stil-v-interere/.

3. Рушим стандарты: африканский стиль в интерьере // Inmyroom. URL: https://www.inmyroom.ru/posts/13168-rushim-standarty-afrikanskij-stil-v-interere.

УДК 004.8

Использование искусственного интеллекта для реалистичности 3D-визуализаций интерьеров

Семенкова Вероника Олеговна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
verona.sem11@gmail.com

Ключевые слова: искусственный интеллект, 3D-визуализация, фотореализм, нейронные сети, генеративная графика, типология применения.

Благодарности: автор выражает признательность научному руководителю, Коробковой Евгении Александровне, доценту кафедры ДАС.

Классический подход к визуализации интерьеров, развивавшийся в условиях ручного 3D-моделирования и базовой рендеринговой техники, предполагает последовательный трудоемкий процесс от построения объёмной сцены до применения готовых текстур и источников света. Однако, даже используя самые современные фотореалистичные движки, дизайнер сталкивается с ограничениями: высокой трудоёмкостью, необходимостью глубоких специальных знаний, ограничениями ресурсов (время,

© Семенкова В. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

мощности компьютера) и субъективностью художественного видения. Привычная схема практически исключает быстрое достижение глубокого реализма, столь важного для эмоционального отклика будущих пользователей. Всё это мотивирует разработчиков искать инновационные методы автоматизации и повышения реалистичности с помощью новых технологий.

С переходом к эпохе цифровых преобразований искусственный интеллект становится тем инструментом, который позволяет существенно сместить границы достижимого в сфере 3D-рендеринга, но присутствие человека в процессе преобразования 3D-визуализаций имеет принципиальное значение по нескольким причинам:

1. Учёт контекста, пожеланий клиента, специфики проекта. ИИ обрабатывает данные по заложенным алгоритмам и исходным референсам. Человек способен учесть специфику задачи, пожелания заказчика, корпоративный стиль, психологические и функциональные требования к пространству — всё то, что не всегда возможно формализовать для машины;

2. Значение культурных кодов, исторического или национального контекста, профессиональных стандартов часто выходит за пределы возможностей даже самых продвинутых алгоритмов;

3. Корректировка ошибок и нюансов восприятия. ИИ, каким бы совершенным он ни был, не застрахован от технических, логических или композиционных ошибок. Дизайнер или архитектор необходим для выявления и устранения недочетов: неправильного размещения объектов, некорректных пропорций, неестественного цвета, конфликтов в освещении или "неживых" деталей в интерьере;

4. Только человек понимает глубинные смыслы и может добавить их в финальный результат.

Методы применения AI в 3D-графике уже устойчиво делятся на несколько крупных категорий (см. Таблицу 1):

Автоматическая генерация текстур и материалов Использование GAN и диффузионных моделей для создания сложных текстур, материалов и микродеталей, подбираемых системой на основе анализа реальных фотобаз.

Применение нейросетей для ускорения и повышения качества процесса рендеринга; устранение шумов при малом количестве вычислительных операций. Интеллектуальная симуляция среды, иными словами моделирование физических явлений (туман, вода, отражения, рассеянный свет) через интеллектуальное предсказание распределений параметров сцены.

Перенос стилевых характеристик настоящих фотографий на 3D-рендеры, интеллектуальная коррекция цвета, насыщенности и динамического диапазона.

Таблица 1. Типология AI-методов для повышения реалистичности 3D-визуализаций

№	Метод	Описание
1	Генерация текстур и материалов	GAN, нейросети, фототренды, фотографии
2	Денойзинг	Устранение дефектов рендеринга
3	Симуляция среды	Мгновенное вычисление климата, света, дыма
4	Стиль-трансфер	AI перенимает визуальные "подписи" реальных снимков

Особое место занимают крупные облачные сервисы и низкопороговые AI-инструменты, способные повысить уровень реалистичности даже у новичка. К таким можно отнести нейросеть SYNTX.AI, которая предоставляет возможность не только генерировать и редактировать изображения, но и создавать на

основе потребностей пользователя сам промпт, самостоятельно адаптируя и перерабатывая его под выбранную нейросеть.

Подведем общий итог. Если в прошлом фотореализм являлся дорогой задачей для элитных специалистов, то современные AI-методы открывают новые стратегии, где художник становится куратором интеллектуальных процессов, а автоматизация вносит новые смысловые слои в цифровую визуализацию. Таким образом, искусственный интеллект меняет не только техническую, но и эстетическую парадигму современной 3D-графики, задавая новые стандарты правдоподобия и художественной выразительности.

Список источников

1. Леоненко А. В. Искусственный интеллект в оптимизации процесса 3D моделирования / А. В. Леоненко, Е. Н. Ладоша // Научный Лидер. 2024. № 19 (169).

2. Шевченко В. Использование искусственного интеллекта в процессе визуализации информационных материалов в социальных сетях. Постановка проблемы // Динамика медиасистем. 2026. Т. 6, № 1. С. 144–148.

3. Глаголев Е. В. Применение 3D-визуализации в архитектурных и строительных проектах: инновационные подходы и перспективы развития // Актуальные исследования. 2024. Ч. 2. № 52 (234). С. 6–10.

4. Тихонова Н. Как в дизайне интерьеров используется искусственный интеллект // Российская газета. 2024.

5. Кошеренков Р. Современные технологии в интерьерной визуализации: искусственный интеллект, машинное обучение и облачные сервисы // Блог «3D-RIM». 2025.

УДК 72.012

Сибирский культурный код, сибирская идентичность

Синипостол Светлана Владимировна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: сибирский культурный код, сибирская идентичность, аутентичность, сибиркость.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Сергеевне Трубниковой, старшему преподавателю Института архитектуры и дизайна.

Что значит быть сибиряком? В последние годы в научном и общественном дискусе все чаще звучат понятия «сибирский культурный код», «сибирская идентичность» и даже «сибирство» [1]. Это не просто указание на место жительства за Уралом, а сложный комплекс мировоззрения, культурных особенностей и исторической памяти, формировавшийся веками.

Сибирь — плавильный котёл характеров, сформировавший культуру самостоятельности и взаимовыручки. Историческое освоение края воспитало в сибиряках прямоту, открытость и щедрость, которые передаются из поколения в поколение и выделяют их среди жителей других регионов России.

Качества, формирующие сибирский код:

1) Устойчивость и выносливость: Суровый климат воспитал в людях особую физическую и психологическую стойкость.

© Синипостол С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2) Вольнолюбие и независимость: Исторически Сибирь осваивалась не только по указу царя, но и беглыми крестьянами, старообрядцами, искателями лучшей доли. Это сформировало определенный склад ума — привычку полагаться на себя.

3) Открытость и гостеприимство: В условиях разреженного населения и долгого пути встреча с путником была событием.

4) Трудолюбие и изобретательность: Освоение новых земель, охота, рыболовство, ремесла — все это требовало не только силы, но и смекалки.

Интересно, что взгляд на сибиряков со стороны, в том числе иностранцев, часто фиксирует те же черты, что подтверждает устойчивость этих стереотипов. Этот код позволяет человеку, родившемуся в Омске или Иркутске, Новосибирске или Томске, ощущать свою уникальность. Это и есть главная тайна сибирского характера — умение быть особенным, но при этом своим.

Эта уникальная сибирская идентичность нашла свое яркое отражение в искусстве, дизайне и ремеслах региона. Резные деревянные орнаменты, костяные фигурки и кованные изделия — произведения искусства, воплощающие душу Сибири и мастерство её народа. Сегодня, интерес к традиционным сибирским ремеслам возрождается, появляются новые мастера, которые, сохраняя вековые традиции, создают современные и стильные изделия, востребованные во всем мире.

Природа Сибири делает её непохожей на другие регионы. Жизнь среди её величественных пейзажей формирует у сибиряков глубокое уважение и трепет перед силой и хрупкостью природы. Это отношение определяет их образ жизни, ценности и мировоззрение — сибиряки не просто живут в этом краю, но и защищают его. Вопреки стереотипу, суровый климат не угнетает, а стимулирует креативность. Изоляция от столиц порождает поиск собственной аутентичности.

Сибирская архитектура и интерьерный дизайн подчёркивают функциональность и связь с природой. Лаконичность форм и использование натуральных материалов дополняются элементами традиционных ремёсел, придающими пространству самобытность и уют (таблица 1).

Таблица 1. Принципы сибирского кода в дизайне

Принцип	**Описание**
Символизм и природа	Использование природных образов (горы, реки, тайга) и животных как основы для сильного визуального образа.
Простота и честность материалов	Стремление к минимализму, использование натуральных, "честных" материалов (дерево, камень, шерсть), подчеркивание их утилитарности и красоты.
Мощь и стойкость	Дизайн должен транслировать уверенность и силу, присущую людям, живущим в суровых условиях.
Связь с контекстом	Отказ от универсальных шаблонов в пользу решений, продиктованных местным ландшафтом, историей и культурой.
Личная история	Восприятие этники не как набора формальных признаков, а как поля для выражения личных переживаний и семейной памяти.

В 2025 году на международной выставке «Русский дом. Креативные регионы 2025» в Москве была представлена капсульная коллекция «Сибирское застолье», созданная дизайнерами Сибирского федерального университета (СФУ). Проект стал победителем в голосовании за лучшую капсулу и продемонстрировал уникальное сочетание традиций, культурного наследия и современных интерьерных решений, отражающих специфику сибирского региона

«Сибирское застолье» — это попытка осмыслить связь материального и духовного, отражённую в традициях и культуре сибирской земли. Центральная часть капсулы — самовар, который олицетворяет гостеприимство и душевное тепло. Он становится метафорой внутреннего мира человека, его стремления к свету и познанию (рис. 1).

В оформлении сибирского застолья использованы традиционные элементы: текстиль с вышивкой, мебель из коры сосны, люстра-самовар и натяжные конструкции. Ручная работа команды, зелёные стены, зеркальные орнаменты и силуэт скалы «Дед» передали дух сибирской природы и традиций [2].

Рисунок 1. Капсула «Сибирское застолье» на выставке «Русский дом - 2025».

Капсула «Сибирское застолье» на выставке «Русский дом» стала ярким примером того, как современные дизайнеры могут интерпретировать сибирскую аутентичность через призму культурного кода. Проект продемонстрировал, что традиции, природа и ремесленное мастерство остаются ключевыми элементами идентичности региона. Выставка в целом, позиционировавшаяся как «первая интерьерная дизайнерская выставка с русским культурным кодом», подчеркнула важность сохранения и переосмысления культурного наследия в современном контексте [3].

Список источников

1. Зайнутдинов А. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству / под ред. И.В. Петрова. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2023. 312 с.

2. Русский дом 2025 / Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета. URL: https://iad.sfu-kras.ru/tpost/prii8ilom1-russkii-dom-2025.

3. Студия из Красноярска представила регион на интерьерной выставке в Москве // Деловой квартал DK.RU. 26.09.2025. URL: https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237229925.

УДК 004.8

Нейросеть как соавтор: трансформация портфолио дизайнера в эпоху искусственного интеллекта

Стрельцова Элина Владимировна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, elinastrelcova5@gmail.com

Ключевые слова: портфолио дизайнера, нейросети, human-AI co-ideation, генеративный дизайн, соавторство, искусственный интеллект, репрезентативная ценность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Трубниковой Ирине Сергеевне, старшему преподавателю кафедры «Дизайн архитектурной среды».

Внедрение нейросетей в дизайн ставит фундаментальные вопросы. Если ранее обсуждалась способность ИИ заменить дизайнера, сегодня проблема смещается: как присутствие ИИ меняет природу авторства и репрезентацию профессиональной идентичности через портфолио. Портфолио исторически

© Стрельцова Э. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

демонстрировало результат и свидетельствовало о компетенции. Когда визуальная работа делегируется алгоритму, возникает неприятный эффект: чем активнее дизайнер использует ИИ, тем менее очевиден его собственный вклад.

Современный этап характеризуется переходом от восприятия ИИ как инструмента к признанию его партнёром по сотворчеству. Нейросеть способна запоминать и корректировать свои ошибки, что отличает её от статичных инструментов [1]. Ключевой вопрос — граница между инструментом и соавтором. По определению Марии Райдер, соавторство начинается, когда система формирует смысловой вектор, человек не может воспроизвести логику решения, а вклад ИИ неотделим от концепции [2]. Понятие co-ideation, введённое исследователями Делфтского технологического университета и Имперского колледжа Лондона, описывает процесс совместной генерации идей, где большие языковые модели выступают активными участниками креативного диалога, а экспериментальные данные подтверждают повышение новизны и качества идей при таком подходе [3].

Если дизайнер использует нейросеть для генерации визуальных решений, итоговое изображение не содержит следов человеческого труда. Возникает «эффект чёрного ящика»: результат доступен наблюдателю, а процесс — нет, что создаёт риск редукции профессиональной идентичности. Как отмечает Марина Надеева, совладелец арттех-компании ArtCollecting, замысел произведения и его техническое воплощение ранее были сосредоточены в руках одного автора, теперь же роли разделяются: ИИ становится мощным инструментом генерации, а человек — режиссёром, который ставит задачу, делает осознанный отбор и наделяет результат смыслом [2]. Эмпирические исследования фиксируют изменение структуры профессиональных навыков дизайнера: на первый план выходят компетенции постановки задачи, отбора и критики, дообучения моделей [4]. В контексте быстро

развивающихся генеративных технологий дизайнеры должны рассматривать ИИ как расширение собственной проектной логики и эстетического опыта [5].

Анализ современных практик позволяет выделить несколько типов портфолио, соответствующих разным стратегиям взаимодействия с ИИ.

Таблица 1. Типология портфолио дизайнера в эпоху ИИ

Тип портфолио	**Основные характеристики**	**Объект демонстрации**
Ремесленное	Демонстрация работ, выполненных вручную или с использованием традиционного софта.	Конечный результат (изображения, макеты).
Гибридное	Показ не только итоговых изображений, но и процесса: серии промптов, промежуточные генерации.	Документация соавторства, процесс создания.
Мета-портфолио	Демонстрация разработанных дизайнером систем взаимодействия с ИИ: обученные модели, авторские промпт-библиотеки, пайплайны.	Методология работы, инструменты.

Поскольку конечный визуальный продукт перестаёт быть надёжным индикатором уровня профессионализма, требуются новые критерии. Вводится понятие «репрезентативной ценности» — меры полноты передачи уникального вклада дизайнера в совместный с ИИ процесс. Она складывается из прозрачности методологии, наличия квалифицирующих артефактов, концептуальной связанности и демонстрации технической компетентности в работе с ИИ. Профессиональная идентичность смещается от «мастера-исполнителя» к «управленцу смыслов», который курирует процесс, формулирует задание и отвечает за семантику продукта [2]. Возникают вопросы художественной ценности и методологической сложности определения авторства.

Таким образом, нейросети трансформируют портфолио из коллекции результатов в репрезентацию процесса. Формируется компетенция управления творческим процессом с участием ИИ. Репрезентативная ценность становится критическим фактором профессиональной идентификации и даёт преимущество тем, кто делает свой вклад видимым.

Список источников

1. Зеленова Ю. И. Творчество нейросетей: риски и возможности для современных дизайнеров / Ю. И. Зеленова, С. В. Манаева // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 6. С. 474–480.

2. Возная Е. Искусственный интеллект в креативных индустриях: инструмент или соавтор? // Компьютерра. 2026. 23 января. URL: https://www.computerra.ru/334339/iskusstvennyj-intellekt-v-kreativnyh-industriyah-instrument-ili-soavtor/.

3. Enhancing designer creativity through human–AI co-ideation: a co-creation framework for design ideation with custom GPT / P. Wang, Y. Khinvasara, G. J. Creijighton [et al.] // Artificial Intelligence for Engineering Design, Analysis and Manufacturing. 2025. Vol. 39. Art. e22.

4. Beatriz Costa do Nascimento, Venturelli S. Collaboration and Creative Autonomy: AI in the Process of Creation in Art and Design // ANIAV. 2025. №16. P. 103-115.

5. Li Z. A practice-based inquiry into designer-AI collaboration in layout sketch generation : дис. … магистра искусств : 02.04.2025. Milano, 2025. 98 p.

УДК 747

Эко-стиль. История и современные тенденции

Ульзуева Лидия Дмитриевна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
ulzueva.lida@mail.ru

Ключевые слова: эко-стиль, эко-дизайн, натуральные материалы, интерьер.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Анатольевне Истоминой, профессору Института архитектуры и дизайна.

Эко-стиль – это интерьер, в котором подчеркиваются экологичные материалы, естественное освещение и практичность. Дизайн в эко-стиле создает ощущение спокойствия и причастности к природе за счет использования натуральных материалов, теплой и приглушенной цветовой палитры и значительного естественного освещения. Стиль не стремится к идеальным линиям и блеску, относится к числу утилитарных и функциональных (рис.1). Эко-дизайн может совмещаться с иными стилевыми решениями, например, с этникой, а также с актуальными интерьерными технологиями. Интерес к национальным и этническим традициям заметен в деталях: это и африканская утварь, и декор, и арабо-мавританские элементы, и китайские вазы, и выразительные этнические узоры на тканях. Также в эко-интерьере востребованы рустикальные детали из необработанного дерева [1; 2].

© Ульзуева Л. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Понятие эко-дизайн возникло в ответ на вопрос о сохранности природы. В 1970-е годы в Европе западные дизайнеры начали создавать интерьеры в сдержанной стилистике. Для них характерны гармоничные композиции, приглушённые цвета и обилие природных материалов — камня, дерева, керамики, хлопка, льна, ротанга, пробки, кожи, шерсти и т. д. Спрос на эко-дизайн растет благодаря положительному эффекту на человека, а также увлечением общества здоровым образом жизни. Безусловно, интерес к природе проявлялся и прежде в других стилях. Он находил отражение в произведениях искусства, орнаментах, фактурах и архитектурных деталях. Ярче всего природная тема выражена в модерне. Однако если модерн опирается на классические направления, то эко-стиль базируется на современных [3].

Рисунок 1. Интерьер в эко-стиле [https://pics.rbc.ru/v2_companies_s3/resized/960xH/media/news_body_images/d701654a-a8aa-4ff7-9db3-068720cec54e.jpg].

Считается, что эко-стиль опирается на несколько стилей: традиционный японский стиль с его лаконичностью и обострённым восприятием природы; скандинавский, подаривший подход, сочетающий природные материалы с новаторскими формами; кантри, где натуральные материалы используются в повседневных предметах обихода. Значительное влияние на возникновение эко-стиля оказали такие архитекторы, как Альвар Аалто (он создавал дома с деревьями, растущими сквозь крышу, и разработал мебель

из гнутой берёзы) и Патрик Надо, применявший «зелёные» кровли для своих построек [3–5].

Второй этап развития эко-стиля приходится на 1991–1996 годы и связан с исследованиями в области безопасного сырья и технологий его производства. Ключевыми принципами создания эко-интерьера в этот период становятся: отсутствие вредных компонентов в мебели и предметах быта; недопущение выбросов и излучений от материалов; возможность безопасной утилизации; вторичное использование материалов [5].

В результате окончательно формируются и закрепляются принципы дизайна в эко-стиле: экологичность материалов; простые формы пространства, дверных и оконных проемов, зачастую свободная планировка; приглушенные природные цвета; наличие живых растений; использование этнических аксессуаров; приоритетность естественного освещения [2; 6].

Сегодня активно применяются новые и улучшенные материалы на основе натурального сырья: деревянные гвозди, смола, панели из хвои, керамическая пена, зидарит. Мебель и покрытия из них не боятся перепадов климата и отличаются повышенной функциональностью.

В 2025–2026 годах в природном стиле доминируют несколько направлений:

ремесленничество — изделия ручной работы из керамики, фактурные штукатурки, мебель с видимой текстурой древесины;

глубокие природные цвета — охристые, терракотовые, болотные, насыщенные древесные;

премиальные материалы — натуральный шпон, травертин, микробетон, известковая штукатурка;

биофильный дизайн — интеграция живых растений, природных форм и плавных линий в планировку;

умные световые сценарии — теплый свет 2700–3000K, многоуровневое управляемое освещение.

Сегодня экостиль объединяет ощущения загородного отдыха с продуманностью городской квартиры. Такой интерьер не надоедает и со временем становится только комфортнее: в него приятно возвращаться [1].

Список источников

1. Экостиль в интерьере: современные решения для квартиры и дома // РБК. URL: https://companies.rbc.ru/news/YaPwCn3yD7/ekostil-v-interere-sovremennyie-resheniya-dlya-kvartiryi-i-doma/.

2. Современные направления в дизайне. Эко-минимализм / А. П. Белова, О. Е. Борисова, Д. В. Долгушин, Д. А. Панкратова // Наука молодых - будущее России : сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 4 т. Т. 3. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 192–194.

3. Кадырова К. Р. Эко-стиль в интерьерном решении // Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2024 г. Минск : БГУ, 2024. С. 236–240.

4. Монахова Д. Ю. Эко-стиль — уникальное направление современного искусства // NS Portal. URL: https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2020/01/07/eko-stil-unikalnoe-napravlenie-sovremennogo-iskusst.

5. Нигматуллина А. М. Эко-дизайн как новое направление в интерьере и его влияние на жизнь человека / А. М. Нигматуллина, А. Х. Шайхлисламов // Фундаментальные и прикладные аспекты развития современной науки : Сборник трудов по материалам Международного конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 20 мая 2020 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2020. С. 258–263.

6. Карпова И. С. Экостиль в интерьере // Безопасность городской среды : Материалы VIII Международной научно-практической

конференции, Омск, 18–20 ноября 2020 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 377–382.

7. Якименко Д. В. Эко-стиль как феномен современности / Д. В. Якименко, М. Н. Кокаревич // Избранные доклады 67-й Университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых : Доклады конференции студентов и молодых ученых, Томск, 19–23 апреля 2021 года. Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2021. С. 670–671.

УДК 004.8

Возможности искусственного интеллекта для интерьерных 3D-визуализаций: формирование атмосферы посредством световых акцентов

Халилова Софья Валерьевна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
sofya.khalilova.04@bk.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, визуализация интерьера, моделирование освещения, световой сценарий, атмосфера, автоматизация, дизайн.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Коробковой Евгении Александровне, доценту Института архитектуры и дизайна.

© Халилова С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Классический подход к визуализации освещения в интерьере основывался на ручных настройках параметров в 3D-программах, где дизайнер был вынужден самостоятельно искать баланс между техническими характеристиками источников света и желаемой атмосферой. Такие программы предоставляют лишь базовый инструментарий: их алгоритмы статичны, а возможностей гибкой подстройки под эмоциональные задачи ограничены. Это замедляет рабочий процесс и увеличивает затраты времени на многократную доработку световых акцентов.

С развитием искусственного интеллекта (ИИ) в сфере дизайна интерьера появилась возможность принципиально изменить исторически сложившуюся структуру световой визуализации. ИИ не только анализирует визуализации, созданные дизайнером, но и самостоятельно предлагает и реализует специфические сценарии освещения, ориентируясь на стилистический анализ изображения, особенности пространства и психологические аспекты восприятия.

Такой подход позволяет перейти от стандартных решений к вариативным, атмосферно насыщенным композициям.

Устойчивой частью современной работы с освещением становится наличие в ИИ-системах модуля автоматической типизации: они выявляют конкретный «образец» настроения на основе цвета, контраста, расстановки света, характера теней. Далее на основании существующей визуализации, предоставленной дизайнером, система подбирает либо предлагает новые комбинации света и оттенков, которые способны не только подчеркнуть композиционное ядро помещения, но и изменить эмоциональное воздействие — например, создать ощущение уюта, торжественности, строгости или расслабленности.

На это указывает ряд исследований: автоматизированные ИИ-алгоритмы строят свой прогноз не на шаблоне, а исходя из обобщённого опыта обработанных ранее проектов. Происходит цифровое «уподобление» лучшим дизайнерским практикам, когда

машина способна эффективно предложить индивидуальные решения для каждого пространства, подстраиваясь под цели и задачи пользователя. Это высвобождает время автора проекта для творческой работы, позволяя сосредоточиться на стилевых и художественных деталях, а не на рутинной технике.

Дальнейшее развитие ИИ в визуализации освещения связано с интеграцией культуры световых акцентов и трендов. Программное обеспечение уже не оперирует единичными, заранее заданными схемами: дизайнер может сформулировать задачу и «эмоцию» будущего пространства, скорректировать автоматизированный результат с минимальными доработками за счет обратной связи. Таким образом, программируемый интеллект выступает не заменой, но партнёром, расширяя диапазон выразительных средств визуализации.

Практическая деятельность показывает, что современные системы ИИ сокращают сроки выполнения светотехнических работ. Вместо затратных циклов ручной корректировки результат достигается за считанные итерации: ИИ анализирует визуализацию, оценивает потребности по световой атмосфере, предлагает варианты, а дизайнер выбирает подходящий или вносит точечные изменения. Это делает возможным быстро создавать презентационные материалы и финальные рендеры высокого художественного уровня.

Особое внимание заслуживает концепция роли света в интерьере как инструмента формирования психологического комфорта и идентичности пространства. Световые сценарии, проработанные ИИ, могут подчеркивать архитектурные особенности, выделять функциональные зоны, изменять глубину восприятия и даже корректировать визуальные пропорции помещения. Так достигается высший уровень атмосферности, когда каждое помещение получает уникальную световую

«эмоциональность», которую невозможно создать средствами стандартного софта.

В результате внедрения искусственного интеллекта в автоматизацию освещения формируется новый профессиональный стандарт работы с интерьерной визуализацией. Программируемая система облегчает дизайнеру процесс и экономит существенное количество времени, обеспечивая художественную ценность и эмоциональную насыщенность каждой сцены.

Список источников

1. Гущина Н. Ю. Свет как инструмент формирования атмосферы интерьера // Вестник КрасГАУ. 2018. № 12. С. 120-122.

2. Журавлёва Ю. А. Освещение общественных помещений / Ю. А. Журавлёва, С. А. Микаева // Автоматизация. Современные технологии. 2022. Т. 76, № 8. С. 352–354.

3. Статьи по проектированию световых установок, анализу характеристик LED-ламп и модульных светильников, в том числе с применением новых цифровых технологий // Журнал «Светотехника». 2025. № 2.

4. Кошеренков Р. Современные технологии в интерьерной визуализации: искусственный интеллект, машинное обучение и облачные сервисы // Блог «3D-RIM». 2025.

5. Зеленцов М. ИИ в архитектуре: визуализация как «переводчик» для клиентов // РБК Компании. 2025.

УДК 76.02

Цветовое воздействие постеров в жилом интерьере

Шарифова Аида Алиевна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: аниме, хоррор-постеры, цветовое восприятие, колористические паттерны, визуальная среда, цветовой круг Иттена.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Сибирского федерального университета; автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Анатольевне Истоминой, профессору Института архитектуры и дизайна.

Рассматривая роль постера как элемента визуальной среды, стоит отметить, что он представляет собой лаконичное изображение, рассчитанное на мгновенную передачу идеи и эмоции, и в отличие от живописи подчиняется более жёстким композиционным и колористическим правилам. При создании визуального фона постера необходимо опираться на три ключевых закона: контраст, доминанту, и эмоциональную нагрузку. Эти принципы не существуют в отрыве от базовых требований к дизайну, где ясность послания и визуальная разборчивость ставятся во главу угла, а максимальный эффект достигается минимумом выразительных средств.

В основе объективного анализа цветовых предпочтений лежит двенадцатичастный цветовой круг Иоханнеса Иттена (рис.1). Он строится от трёх первичных цветов — красного, жёлтого и синего,

© Шарифова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

через их смешение к вторичным, и далее — к третичным оттенкам. Главная прикладная ценность круга заключается в чётком выделении схем гармонии, где комплементарные пары дают максимальный контраст и динамику, а триады и нюансные сочетания обеспечивают равновесие и спокойствие.

Рисунок 1. Цветовой круг Иоханнеса Иттена.

Анализ постеров популярных жанров позволяет выделить два полярных подхода к цветовому оформлению, что напрямую влияет на формирование предпочтений дизайнера. Обращаясь к эстетике аниме, в частности к работам Хаяо Миядзаки и известных сериалов, можно наблюдать высококонтрастную, но неизменно гармоничную палитру, корнями уходящую в природные оттенки (рис.2). С технической точки зрения колористика аниме тяготеет к аналоговым триадам и сложным тетрадам, благодаря чему визуальное полотно получается живописным, насыщенным деталями, но при этом лишенным визуальной агрессии.

Рисунок 2. Постер по полнометражному аниме-фильму режиссёра Хаяо Миядзаки «Унесённые призраками».

Прямой противоположностью этому выступает колористика хоррор-постеров, которая строится на принципах диссонанса и эмоционального подавления (рис.3). Здесь царят черный цвет, символизирующий пустоту и неизвестность, глубокий красный, отсылающий к образам крови и смертельной угрозы, а также болотно-зеленые и грязно-желтые оттенки разложения. Для усиления тревожного эффекта западный хоррор часто сталкивает яркий красный с черным или ядовито-зеленым, создавая тем самым гнетущий «визуальный удар».

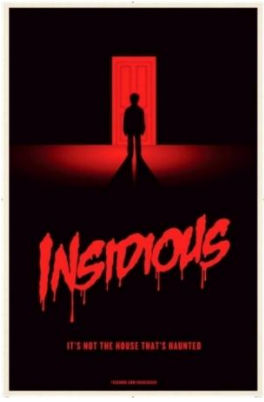


Рисунок 3. Постер по хоррор фильму «Астрал» (Insidious, 2010) Ли Уоннелла.

На основе этого теоретического анализа можно смоделировать отчётливые паттерны, возникающие у дизайнеров в зависимости от того, какой тип постеров доминирует в личном пространстве. В

комнате, украшенной аниме-постерами, ежедневное созерцание сбалансированных по тепло-холодности композиций формирует устойчивую склонность к использованию классических триад и аналоговых сочетаний. Как следствие, дизайнер с высокой вероятностью будет выбирать сложные и жизнерадостные палитры. В свою очередь, постоянное воздействие низкочастотных и высококонтрастных сочетаний в комнате с хоррор-постерами ведёт к раздвоению творческой стратегии. С одной стороны, срабатывает механизм ассимиляции, когда дизайнер начинает считать мрачную и напряженную гамму эстетической нормой и осознанно проецирует комплементарные схемы в собственные работы. С другой стороны, может включиться стратегия компенсации, движимая подсознательным желанием «отдохнуть» от давящей атмосферы. В этом случае, автор интуитивно уходит в монохромные светлые схемы или ищет баланса в цветах противоположного спектра.

Таким образом, визуальное окружение, в частности, тематический постер в жилом пространстве, оказывает значительное влияние на формирование колористических предпочтений в дизайне. Наличие в комнате постеров с определенной эмоциональной и цветовой доминантой создает устойчивый визуальный опыт, который реплицируется в творчестве.

Список источников

1. Браэм, Г. Психология цвета : как создать идеальные цветовые комбинации / пер. с нем. М. В. Крапивкиной. М.: АСТ, 2011. ISBN 978-5-17-053949-9.

2. Кудин П. Психология восприятия и искусство плаката / П. Кудин, Б. Ломов, А. Митькин. М.: Плакат, 1987. 208 с.

3. Базыма Б. А. Психология цвета: Теория и практика. М.: Речь, 2005.

4. Астрал (2010) : постеры фильма // Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/picture/1546973/.

5. Цветовой круг Иттена: что это, как им пользоваться // ПРАКТИКУМ. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/krug-ittena/.

6. Унесённые призраками (2001) : постеры фильма // Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/370/posters/?ysclid=mo0751h4nv836976180.

История

УДК 94:329.78(571.51)"1928/1939"

Примеры реализации советской молодёжной политики в Приенисейской Сибири (1928–1939 гг.)

Безбородов Артём Владимирович
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, a.v.bezborodov@internet.ru

Ключевые слова: молодёжная политика, Приенисейская Сибирь, индустриализация, ударничество, безработица, комсомол, репрессии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта перехода советской молодёжной политики в период формированной индустриализации. Исторические сюжеты 1920–1930-х гг. позволяют выявить эффективные и спорные механизмы использования молодёжи как человеческого ресурса в экономике и общественно-политической сфере жизни общества. Рассмотрение регионального аспекта обозначенной проблемы обусловлено недостаточной изученностью вопроса на примере Приенисейской Сибири в первые десятилетия советской власти. Так, среди работ о молодёжной политике СССР выделяется фундаментальный труд С. Бернстейна, рассматривающий общие механизмы во всём государстве акцентируя внимание на центральные регионы [1]. Красноярский край представлен коллективными работами мемориального характера «В строю поколений: Очерки Красноярской организации ВЛКСМ» 1978 г. и «В строю поколений. Отечества ради» 2018 г., транслирующих историческую память поколений [6; 8].

© Безбородов А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Переход к новому этапу молодёжной политики советского государства был обусловлен глубоким кризисом позднего НЭПа, который особенно остро ощущался в Сибири. Высокий уровень безработицы в городах, в диапазоне 47–52% среди совершеннолетних молодых людей в 1928 г., приводил к массовому недовольству системой НЭПа [2, с. 13; 1, с. 20]. Тем самым, молодые люди, оказывались невостребованными в реальном секторе экономики.

Одновременно государство нуждалось в новой партийной технической интеллигенции для перестройки промышленной сферы экономики страны. В новых условиях цели молодёжной политики кардинально изменились. Если в 1920-е г. государство стремилось прежде всего воспитать лояльного «нового человека», то на рубеже десятилетий на первый план вышли задачи использования ресурсов молодёжи для индустриального рывка. [6, с. 90].

Первая цель молодежной политики советского государства сосредотачивалась в форсированном создании пролетарской технической интеллигенции из рабочих и крестьян.

Для доступа рабочих в вузы государство ввело «пролетарский набор» через рабфаки и комсомольские путёвки. В 1936 г. комсомолец А.Г. Убиенных был направлен в Новосибирский коммунистический вуз [7, с. 6]. Советская Россия переживала трудное время в связи с партийными чистками в учреждениях и на предприятиях, характерными и для Сибири. Из-за нехватки кадров обучение сократили с двух лет до одного (1936–1937) [7, с. 6]. Сам Убиенных назвал этот опыт «базисной марксистско-ленинской закалкой» [7, с. 7].

Таким образом, подготовка новой советской интеллигенции из рабочих и крестьян сочеталась с идеологической обработкой и осуществлялась в форсированном режиме, позволяя государству оперативно восполнять кадровый дефицит.

Второй целью молодёжной политики в 1920–1930-е гг. было развитие ударничества и социалистического соревнования [5, л. 116]. Создание в ноябре 1928 г. первой ударной бригады в Красноярском крае в вагонном цехе Главных железнодорожных мастерских под руководством бригадира Данилова было знаковым событием для региона.

Согласно статистическим данным за 1939 г., в Красноярске насчитывалось 2514 ударников и 2620 стахановцев, что свидетельствует о дальнейшей популяризации движения, это превращало ударничество в основной инструмент повышения производительности труда и мобилизации молодёжи [4, л. 11].

Третья цель заключалась в усилении идеологической работы и очистке молодёжной среды от «чуждых элементов», что выражалось в ужесточении контроля внутри комсомола. На региональном уровне комсомол Приенисейской Сибири подвергся чисткам: за 1937 г. в Красноярске исключили 271 чел. (в том числе за троцкизм и связи с врагами) [4, л. 9–10; 3, л. 1]. Эти меры уничтожали оппозиционность и формировали атмосферу доносительства, о чём говорят ошибочные исключения из-за неверных показаний [4, л. 9]. В итоге это подорвало последние остатки самостоятельности комсомола.

Наконец, четвертой целью молодёжной политики стало обеспечение кадровой и организационной поддержки коллективизации. Комсомол направлял свои силы на вовлечение крестьян в колхозы через новые формы работы, такие как всесоюзный поход за урожай, «месячники плуга», «отряды красных пахарей», помощь бедняцким хозяйствам в ремонте инвентаря. Молодёжь первой вступала в колхозы, участвовала в создании 25-тысячников, организовывала «красные эшелоны» с хлебом.

Для укрепления колхозного производства комсомольцы осваивали новую технику, проходили подготовку на курсах трактористов, комбайнеров. Одновременно комсомольские

активисты участвовали в организации трудодня, бригадной работы и счетоводства, что способствовало превращению молодёжи в главного проводника колхозного строительства на селе [8, с. 33–35].

Подводя итог, в 1928–1939 гг. молодёжная политика в Приенисейской Сибири трансформировалась из воспитательной в мобилизационную: молодёжь стала ресурсом индустриализации и коллективизации. Административные методы (путёвки, рабфаки, соцсоревнование, чистки) позволили решать кадровые задачи, но лишили комсомол самостоятельности.

Список источников

1. Бернстейн С. Воспитанные при Сталине: комсомольцы и защита социализма / С. Бернстейн; [перевод с английского Л. Е. Сидиковой]. М, 2018. 305 с.

2. Бюллетень статистики труда Сибирского края. 1928. № 1 (июль). URL: https://prosiberia.tsu.ru/catalog/3573/162116

3. ГАКК Ф. П-155 Оп 1. Д. 23 Л. 33.

4. ГАКК Ф. П-41. Оп 1. Д. 205. Л. 80.

5. ГАКК. Ф. П-41. Оп 1. Д. 1. Л. 420.

6. Журов Ю. В. В строю поколений: Очерки Красноярской организации ВЛКСМ / Ю. В. Журов, А. Л. Артеменко, О. Ф. Гордеев [и др.]. Красноярск,1978. 399 с.

7. «Источник» авторский научный журнал на сайте сибирское краеведение №2. 2026 г. URL: https://clck.ru/3SmZkc.

8. Куимов В. В. В строю поколений. Отечества ради: из истории молодежных движений Енисейской губернии и к 100-летию комсомола Красноярского края / В. В. Куимов, В. Ф. Губкин, В. А. Магоня. Красноярск, 2018. 480 с.

УДК 930.1

Исторический нарратив и научный метод: образы Ленина и Сталина в монографии «Идеология русской государственности» Т. Сергейцева, Д. Куликова, П. Мостового

Боровский Владислав Эдуардович
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский Край, Красноярск, Россия, iamshools@gmail.com

Ключевые слова: исторический нарратив, идеология, Ленин, Сталин, русская государственность, нарративный анализ.

Монография Т. Сергейцева построена на тезисе, что «русская» государственность имела непрерывную историю развития. С их точки зрения, основной причиной октябрьской революции 1917 года стал «идеологический» кризис [1, с. 688]. С точки зрения авторов, Ленин стал «новым идеологом русской государственности», придав ей «народный» характер. В работе рассматривается Сталин как строитель «народного» государства [1, с. 689].

Обратимся к статье Р. Барта «Дискурс Истории». Для анализа можно выделить три положения.

Во-первых, по мнению Р. Барта, работа историка выявляет наиболее важные события для тезиса историка [2, с. 433]. В монографии «Идеология русской государственности» основным процессом рассматривается «строительство государства».

Во-вторых, историк создаёт систему высказывания: «экзистенты» и «оккуренты». В монографии «Идеология русской государственности» экзистентами выступают три актора —

© Боровский В. Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

большевики во главе с Лениным, интеллигенция и народ. Далее выстраивается система «оккурентов»: народу нужно государство → интеллигенция подменяет народную волю → Ленин хотел народное государство → Народ поддержал Ленина → Ленин победил интеллигенцию. По итогу выходит последовательный нарратив.

В-третьих, последовательный логичный нарратив придает ощущения объективности работы. Например, Т. Сергейцев пишет:

«Историческим фактом является прижизненная и посмертная народная любовь к Ленину и преклонение перед ним как перед богом» [1, с. 274]

Само утверждение невозможно научно доказать. Однако оно кажется логичным в контексте нарратива. «Исторический факт» здесь — декларация, необходимая для усиления убедительности нарратива.

Ключевым элементом здесь выступает выделяемая причинно-следственная связь, так как вокруг неё выстраивается нарратив. Это ключевая связь конструирует «события» и структурирует по значимости. Так, П. Рикер отмечает, что конфигурация и отбор событий является важным процессом исторического повествования — через соединение разрозненных фактов появляется осмысленный сюжет [3, с. 182]. В своей работе «Метаистория» Х. Уайт обосновывает мысль, что исторический нарратив — это конфигурация стиля, подтекста, доказательств и пр. Все это в совокупности образует ядро нарратива, формирующее ключевую причинно-следственную связь [4, с. 27]. Похожую мысль озвучивает П. Берк в работе «Что такое культурная история?». Исторический нарратив выстраивается из привычных культурных схем интерпретаций. Убедительность нарратива обосновывается не научным методом, а привлекательностью культурной схемы интерпретации [5, с. 189].

Для примера возьмем ключевую причинно-следственную связь авторов монографии «Идеология русской государственности».

«Строительство государства» — единый для всей истории России процесс, в том числе и для советского периода [1, с. 689].

Здесь выстраивается бинарная оппозиция — «государство/анархия». Государство сакрализируется как защитник народа, оплот закона и общественной справедливости. Анархия демонизируется как хаос, отсутствие закона и порядка.

Поэтому советский период оценивается положительно — в бинарной оппозиции он входит в категорию «государство». Более того, Советский Союз интерпретируется как «продолжение России». Тогда как интеллигенция становится «анархией», так как в целом выступает против государства. Поэтому в нарративе они выступают как «предвестники» анархии. Любой период слабой государственности трактуется как «разрушительное влияние интеллигенции».

На основе этой оппозиции можно делать нарративные утверждения. Например, в монографии «Идеология русской государственности» Сталин оценивается положительно, потому что при нем выстроилась сильная государственная власть.

Отрицательные явления трактуются через призму бинарной оппозиции — если это помогало создавать сильную государственную власть — значит это хорошо.

Положительные явления также трактуются через оппозицию. Но если негативных явлений авторы оправдывали ретроспективно, то здесь — объяснение через причинность. Например, победу во второй мировой войне авторы трактуют как триумф советского «народного» государства. То есть причина победы объясняется через бинарную оппозицию, как бы подтверждая её.

Выходит, следующая нарративная связь: государство слабое → нужны репрессии → государство стало сильным → Советский Союз победил Германию во Второй мировой войне

Таким образом причинно-следственная связь (создание государственности) и бинарная оппозиция (государство/анархия)

позволяют создавать убедительные нарративы. Здесь также не требуется научный метод, ведь ядро нарратива может существовать вне зависимости от научного исследования.

По итогу монография «Идеология русской государственности» демонстрирует одну из проблем эпистемологического кризиса исторической науки. Работа не соответствует научному историческому методу, однако остается убедительной из-за того, что работает как исторической нарратив. Более того, простая схема повествования может подменять научность и быть более востребованной, чем настоящие научные исследования. Поэтому основная проблема исторической науки на данном этапе — необходимость формирования критериев научного нарратива, которые позволят не только отличать квазинаучные работы, но и быть востребованной в обществе.

Список источников

1. Сергейцев Т. Идеология русской государственности. Континент Россия / Т. Сергейцев, Д. Куликов, П. Мостовой. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 848 с.

2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; перевод с французского, вступительная статья и составление С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

3. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. 313 с.

4. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века; перевод с английского ; под редакцией Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.

5. Бёрк П. Что такое культуральная история? / перевод с английского И. Полонской; под научной редакцией А. Лазарева. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.

УДК 94.062

Проблема российско-прусских отношений в период Семилетней войны (1756-1762)

Бурба Анатолий Андреевич
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 1anatoliy.burba@mail.ru

Ключевые слова: Семилетняя война, Пруссия, Фридрих II, Россия, Елизавета Петровна, Петр III, дипломатия, Санкт-Петербургский мир (1762), антипрусская коалиция.

Классический тип межгосударственного конфликта, развёртывающийся в границах войны коалиций, предполагает достижение победы, аннексию территории и диктат условий мира. Однако российско-прусские отношения в период Семилетней войны (1756-1762) демонстрируют обратную логику: государство, находившееся на грани полного военного разгрома, в итоге не только сохранило свою территорию, но и приобрело союзника, причём ценой отказа победителя от всех завоеваний.

В настоящей статье предлагается проанализировать динамику российско-прусских отношений на трёх этапах: формирование антипрусской коалиции и начало конфронтации (1756-1758); период военного доминирования России (1759-1761); радикальный разворот внешней политики при Петре III и заключение сепаратного мира (1762).

Вхождение России в Семилетнюю войну стало результатом сложной трансформации системы европейских альянсов, известной как «дипломатическая революция» 1756 года. Россия оказалась перед выбором: сохранять нейтралитет или поддержать Австрию, с

© Бурба А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

которой её связывали давние соглашения о совместных действиях против Османской империи. Императрица Елизавета Петровна и её канцлер А. П. Бестужев-Рюмин сделали ставку на антипрусскую коалицию. Причины этого решения подробно разобраны в работе О. А. Коха: «Бестужев рассматривал Фридриха II как самого опасного нарушителя равновесия в Восточной Европе. Усиление Пруссии в Германии неизбежно вело бы к её экспансии в Курляндию и Польшу, что напрямую затрагивало российские интересы» [4]. 2 февраля 1756 года Россия присоединилась к Версальскому договору между Францией и Австрией, а 11 июля того же года был подписан русско-австрийский союзный договор, предусматривавший совместные военные действия против Пруссии. Вступив 19 июля 1757 года в Восточную Пруссию, армия фельдмаршала С. Ф. Апраксина 30 августа нанесла поражение корпусу Левальда при Гросс-Егерсдорфе, но затем неожиданно отступила. За этот просчёт Апраксин был отстранён от должности и умер в ходе следствия. Настоящий перелом произошёл 14 августа 1758 года при Цорндорфе. Сражение, в котором участвовали 42 тыс. русских и 33 тыс. прусских солдат, стало самым кровавым за всю войну [2]. Однако военное счастье переменчиво. 1 августа 1759 года при Кунерсдорфе русско-австрийские войска под командованием генерал-аншефа П. С. Салтыкова нанесли Пруссии сокрушительное поражение. В письме к министру графу Финкенштейну король признавал: «Всё потеряно, спасайте двор и архивы» [6].

На этом этапе российско-прусские отношения исчерпываются исключительно военным измерением. Дипломатические контакты практически отсутствуют, а пропаганда в обеих странах изображает противника как «вероломного агрессора» или «варвара, несущего разрушение». Осенью 1760 года русский корпус под командованием генерала З. Г. Чернышёва совершил рейд на Берлин. 9 октября город капитулировал. Русские войска находились в столице Пруссии четыре дня. Важно, что Чернышёв действовал не как завоеватель: он запретил мародёрство, сохранил королевские коллекции и библиотеки. Как пишет современный историк Д. В. Лихарев, «этот жест был не случайным – в русском генералитете уже зрело

убеждение, что уничтожение Пруссии выгодно прежде всего Австрии, а не России» [3]. Действительно, после взятия Берлина австрийское командование настаивало на разделе прусских земель. Однако Елизавета Петровна и её новый канцлер М. И. Воронцов заняли более осторожную позицию. Воронцов в докладной записке императрице от 12 декабря 1760 года аргументировал: «Ежели мы Пруссию вовсе уничтожим, то место её заступит Австрия, коей усиление для нас не менее опасно. Надлежит Фридриха ослабить, но не сокрушить» [4]. Эта двойственность – военные победы при одновременном сдерживании союзников – и стала спецификой российско-прусских отношений в 1761 году. 16 декабря 1761 года русские войска взяли Кольберг – последний крупный порт Пруссии на Балтике. Фридрих II находился в отчаянном положении. В письме к Вольтеру от 9 января 1762 года он писал: «Ещё одна зима, и моё королевство перестанет существовать» [6].

25 декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета. На престол вступил Пётр III – давний поклонник Фридриха II. Его пруссофилия имела глубокие корни: воспитанный в Голштинии, он с детства воспринимал прусскую военную культуру как образцовую. Как отмечает А. С. Мыльников, «Пётр не просто симпатизировал Фридриху – он искренне считал его величайшим полководцем современности и хотел во всём подражать ему» [5]. 23 февраля 1762 года Пётр III объявил о выходе России из войны с Пруссией, а 5 мая стороны подписали Санкт-Петербургский мир. Условия договора шокировали современников: Россия отказывалась от всех территориальных приобретений, возвращала Фридриху захваченные земли, предоставляла ему 18-тысячный корпус для войны против Австрии и провозглашала вечный мир и дружбу между двумя государствами. Фридрих II, получив известие о мире, писал своему брату Генриху: «Это настоящее чудо Бранденбургского дома. Мы спасены, и спасены самым невероятным образом» [6]. Следует подчеркнуть, что действия Петра III не были импульсивными. В своей декларации от 23 февраля он прямо апеллировал к идее «общеевропейского равновесия»: «Война, которую мы вели против его величества

короля Прусского, не принесла никакой пользы империи, но лишь разорила народ. Мы желаем сохранить собственные силы для защиты истинных интересов России» [3]. Дворцовый переворот 28 июня 1762 года ознаменовал свержение Петра III и на престол взошла Екатерина II. Многие современники ожидали, что новая императрица немедленно разорвёт «позорный» мир с Пруссией. Однако этого не произошло. Причины подробно проанализированы в монографии В. Н. Виноградова: «Екатерина, несмотря на всю свою неприязнь к Петру III, понимала, что Россия физически не готова продолжать войну. Армия была измотана, казна пуста, а возобновление конфликта неизбежно привело бы к новой войне с Пруссией, но уже без союзников» [2]. 5 июля 1762 года Екатерина подтвердила Санкт-Петербургский мир, расторгнув лишь военный союз.

Подведём общий итог. Классическая модель межгосударственного конфликта предполагает, что победа в войне ведёт к территориальным приобретениям и диктату победителя. Однако российско-прусские отношения в период Семилетней войны демонстрируют иную логику. Россия одержала ряд крупных побед, взяла Берлин и Кольберг, поставила Пруссию на грань уничтожения – но в итоге не только не приобрела новых земель, но и добровольно вернула завоёванные территории. Более того, бывший враг стал союзником. Этот парадокс объясняется комплексом факторов: в Петербурге осознавали, что полное уничтожение Пруссии усилит Австрию, что противоречило долгосрочным российским интересам; личная пруссофилия Петра III стала катализатором, но не единственной причиной разворота; война истощила ресурсы России, продолжение конфликта без союзников было бессмысленным.

Таким образом, Семилетняя война стала не завершением, а началом русско-прусского сближения во второй половине XVIII столетия. Уже в 1764 году Россия и Пруссия заключили оборонительный союз, а в 1772, 1793 и 1795 годах совместно осуществили разделы Речи Посполитой. Подобный парадоксальный переход «от войны к союзу без победителей и побеждённых» не

имеет аналогов в истории европейской дипломатии XVIII века и остаётся уникальным феноменом.

Список источников

1. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 415 с.

2. Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой и Семилетняя война // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 85–102.

3. Лихарев Д. В. Северная война и Семилетняя: два опыта русской внешней политики // Вопросы истории. 2021. № 7. С. 62–79.

4. Кох О. А. Российская дипломатия в Семилетней войне (1756–1763) // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 54–67.

5. Мыльников А. С. Пётр III: повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2016. 300 с.

6. Фридрих II. Письма и трактаты / пер. с нем. М. А. Петрова. М.: Наука, 2007. 408 с.

УДК 94:332.82:621(571.51)"1976/1981"

Опыт решения жилищного вопроса Красноярским машиностроительным заводом в 1976–1981 гг. (по материалам газеты «Машиностроитель»)

Верхутова Маргарита Владимировна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, verhutovamar@mail.ru

Ключевые слова: Красноярский машиностроительный завод, советское предприятие, жилищная политика, газета «Машиностроитель», жилищно-коммунальная сфера.

В советский период жилищный вопрос оставался одной из самых острых социально-экономических проблем и во многом решался через крупные предприятия, выступавшие не только производственными, но и социальными институтами. Изучение опыта Красмаша позволяет проследить реализацию жилищной политики на уровне конкретного завода.

В отечественной историографии эта тема освещена слабо. В юбилейном сборнике «Щит и меч» [1] представлен ценный материал о строительстве жилья и развитии социальной инфраструктуры завода, однако повседневные трудности, жалобы жильцов и проблемы эксплуатации жилья отражены лишь частично.

Цель исследования – определить масштабы жилищного строительства Красмаша в 1976 – 1981 гг. и оценить результаты решения жилищного вопроса по материалам газеты «Машиностроитель».

© Верхутова М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

С момента основания Красноярский машиностроительный завод развивался не только как крупный промышленный объект, но и как социальный институт, отвечавший за условия жизни своего коллектива. С середины 1970-х гг. Красмаш значительно расширил жилищное строительство в соответствии с задачами государственной социальной политики и потребностями предприятия.

Согласно решениям XXV съезда КПСС, десятая пятилетка была ориентирована на повышение уровня жизни населения. На развитие жилищной сферы СССР планировалось направить около 100 млрд руб. и ввести 545–550 млн кв. м жилья [2, с. 146]. Красмаш стал одним из проводников этой политики.

Рост жилищного строительства во многом связан с приходом в 1975 г. В. К. Гупалова. По его словам, для создания работоспособного коллектива необходимо было решить все социальные вопросы [3, с. 56]. Если в 1971–1975 гг. на заводе построили более 100 тыс. м² жилья, то в годы десятой пятилетки ввели 135 941 кв. м жилья, 2595 квартир и три детских комбината на 580 мест [4, с. 2].

Опыт решения жилищного вопроса на Красмаше в 1976–1981 гг. был комплексным. Завод строил жильё, ремонтировал жилфонд, газифицировал дома, благоустраивал дворы и содержал общежития. В 1976 г. план капитального ремонта был выполнен на 116 %, текущего – на 117 %, объём освоенных средств вырос на 40 %, в домах установили 925 газовых и электрических плит [5, с. 3]. В 1977 г. на капитальный ремонт предусматривалось 1,8 млн руб., из них 500 тыс. руб. – на благоустройство, а в 1979 г. в заводских микрорайонах высадили 1100 деревьев и 18 тыс. кустарников [6, с. 4].

В общежитиях также велись соответствующие работы. В 1978 г. там проводились ремонт и благоустройство, были обновлены мебель и инвентарь. В общежитиях № 1, 2 и 4 переоформили фойе и «красные уголки», установили 200 холодильников и 28 стиральных

машин, а на 1979 г. намечался капитальный ремонт общежитий № 2 и 6 [7, с. 3].

Однако материалы газеты «Машиностроитель» показывают, что за масштабами жилищного строительства скрывались серьёзные трудности. Уже в 1976 г. при заселении дома по ул. Волгоградской, 18 выявили многочисленные недоделки, а из 160 квартир официально признали дефекты лишь в 96 [8, с. 4; 9, с. 4]. Это свидетельствует о формальной сдаче жилья со строительным браком.

Проблемы сохранялись и в общежитиях. В общежитии № 1 ремонт завершили лишь частично: не выполнили сантехнические работы, а вместо необходимых 1500 кв. м линолеума поступило только 300 [10, с. 2; 11, с. 3]. В общежитии № 6 капитальный ремонт к 1979 г. откладывался уже четвёртый год, а позднее газета вновь отмечала медленный ход работ и слабое благоустройство [12, с. 3; 13, с. 4].

Руководство завода реагировало на жалобы, однако объясняло срывы ремонта нехваткой кадров и строительных материалов [14, с. 2; 15, с. 3].

Ещё одной острой стороной жилищной проблемы была очередь на жильё. Поскольку квартиры ждали по пять, десять и более лет, любые нарушения очередности воспринимались особенно болезненно. Так, Т. А. Анашкина, стоявшая в очереди с 1964 г., была снята с учёта и восстановлена только после вмешательства завкома [16, с. 4].

Наряду с жалобами жильцов, газета фиксировала и признания проблем со стороны администрации завода. Их связывали с задержками проектной документации, нехваткой транспорта, спецтехники и строительных материалов [17, с. 3; 18, с. 3; 19, с. 3]. В 1980 г. признавалось также неудовлетворительное состояние шефской работы в общежитиях [20, с. 3].

К 1981 г. на страницах «Машиностроителя» меняется тональность публикаций. Если в годы десятой пятилетки в центре

внимания были жалобы, строительный брак, затянувшиеся ремонты и нарушения очередности, то с 1981 г. всё чаще появляются материалы о новосельях, строительстве и благоустройстве. Проблемы не исчезли, но упоминались реже. Такая перемена во многом соотносилась с движением «Превратим Сибирь в край высокой культуры!», провозглашённым в 1981 г.

Таким образом, опыт решения жилищного вопроса Красмашем в 1976–1981 гг. был двойственным. Завод строил жильё, ремонтировал жилфонд, благоустраивал территории и поддерживал общежития, однако эта работа сопровождалась трудностями в обеспечении качества жилья и коммунального обслуживания. Вместе с тем жилищная политика Красмаша сыграла важную роль в формировании жилой и социальной среды правобережья Красноярска.

Список источников

1. Щит и меч Родины: Федеральное государственное унитарное предприятие «Красмаш», 70 лет / отв. за вып. С. Ю. Левичев, Л. А. Левичева. Красноярск: РИО-пресс, 2002. 508 с.

2. Пятилетние планы коммунистического строительства / Г. М. Сорокин, Б. И. Брагинский, Л. М. Володарский [и др.]; под ред. чл.-кор. АН СССР Г. М. Сорокина. Москва: Экономика, 1978. 263 с.

3. Крыжановская С. В. Гупалов Виктор Кириллович: «Красмаш – жизнь моя». Красноярск: Офсет, 2022. 115 с.

4. Машиностроитель. 1980. № 52 (29 декабря).

5. Машиностроитель. 1977. № 12 (21 марта).

6. Машиностроитель. 1980. № 16 (21 апреля).

7. Машиностроитель. 1979. № 6 (12 февраля).

8. Машиностроитель. 1976. № 21 (24 мая).

9. Машиностроитель. 1976. № 24 (14 июня).

10. Машиностроитель. 1977. № 48 (28 ноября).

11. Машиностроитель. 1977. № 22 (30 мая).

12. Машиностроитель. 1977. № 29 (18 июля).

13. Машиностроитель. 1978. № 52 (30 декабря).
14. Машиностроитель. 1979. № 13 (2 апреля).
15. Машиностроитель. 1979. № 26 (2 июля).
16. Машиностроитель. 1976. № 30 (26 июля).
17. Машиностроитель. 1977. № 33 (15 августа).
18. Машиностроитель. 1979. № 38 (24 сентября).
19. Машиностроитель. 1976. № 21 (24 мая).
20. Машиностроитель. 1977. № 16 (18 апреля).
21. Машиностроитель. 1977. № 33 (15 августа).
22. Машиностроитель. 1978. № 45 (13 ноября).
23. Машиностроитель. 1979. № 34 (27 августа).
24. Машиностроитель. 1980. № 29 (21 июля).

УДК 93

Региональная культура и феномен «гнезда»: Минусинск конца XIX – начала XX вв. в контексте идей Н. К. Пиксанова, И. М. Гревса и Н. П. Анциферова

Гузева Виктория Максимовна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vguzeva417@gmail.com

Ключевые слова: культурное гнездо, Минусинск, интеллигенция, периферия.

Обращение к теории «культурного гнезда», развитой в трудах Н. К. Пиксанова, И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, открывает новые методологические возможности для изучения региональной культуры. Данный подход позволяет увидеть в провинции не глухую периферию, а самостоятельные очаги культурного творчества.

Понятие «культурное гнездо» в развернутом виде было представлено в труде «Областные культурные гнезда» (1928 г.): «Культурным гнездом назовем не механическую совокупность культурных явлений и их деятелей, но тесное единение их между собою, некоторое органическое слияние». К атрибутивным признакам Николай Кирьякович относил: 1) «определенный круг деятелей»; 2) «постоянную деятельность»; 3) «выдвижение питомцев» [2, с. 60].

Однако концепция Пиксанова не была бы столь плодотворной без теоретических разработок его современников – И. М. Гревса и Н. П. Анциферова. Они дополнили теорию, изначально

© Гузева В. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

разработанную в сфере литературоведения, проблематикой историко-культурного ландшафта и, прежде всего, «города как высшего проявления культурной деятельности человека» [1, с. 245].

В конце XIX – начале XX вв. Минусинск переживал свой «золотой век». Экономический расцвет города был связан с развитием золотодобычи в регионе, что привело к формированию влиятельного купеческого сословия. К концу XIX в. население Минусинска значительно выросло, и город превратился в крупный культурный город Сибири.

Минусинский округ стал местом политической ссылки, начиная со второй четверти XIX в.: сначала это были декабристы, а затем в городе находились народники, социал-демократы, марксисты [3, с. 81, 84]. Таким образом, формировался один из важнейших признаков «культурного гнезда» по Пиксанову – «определенный круг деятелей». Аккумулировавшаяся здесь интеллигенция создавала тот критический интеллектуальный потенциал, без которого становление высокой культуры в провинции было бы невозможным.

В конце XIX – начале XX вв. в Минусинске сложилась разветвленная сеть учреждений, обеспечивавших «постоянную деятельность» – второй ключевой признак «культурного гнезда». Центральным звеном этой инфраструктуры стал краеведческий музей, открытый в 1877 г. Важнейшую роль играли учебные заведения: в 1880 г. открылась женская гимназия, а с 1913 г. начали работать учительская семинария и реальное училище. Особого внимания заслуживает Минусинский драматический театр – один из старейших в Сибири, ведущий свою историю от любительского кружка, возникшего в 1882 г. Наличие взаимосвязанных и постоянно действующих культурных институтов, полностью соответствует критериям Пиксанова и подтверждает статус Минусинска как сформировавшегося «культурного гнезда». Город

стал не просто местом хранения культуры, но и активной средой ее воспроизводства.

Третий аспект концепции Пиксанова – «выдвижение питомцев» – является наиболее сложным, но именно он превращает локальное сообщество в подлинное «культурное гнездо», транслирующее свои ценности вовне [2, С. 62–63]. В этом отношении ключевой фигурой стал Н. М. Мартьянов – основатель Минусинского публичного местного музея. Д. А. Клеменц, друг и сотрудник Николая Михайловича, в 1902 г. занял должность хранителя Академического этнографического музея Императора Александра III проецируя полученный локальный опыт на общероссийский уровень. Также и дети Н. М. Мартьянова продолжили отцовские традиции служения науке и культуры.

Минусинск представляет собой наглядный пример того, как удаленный от столиц провинциальный город, опираясь на внутренние ресурсы, смог создать мощный и самобытный очаг культуры, опровергая представления о «культурной периферии» как о пассивном реципиенте.

Список источников

1. Анциферов Н. П. Теория и практика литературных экскурсий. Л.: Сеятель, 1926. 110 с.

2. Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245–258.

3. Гревс И. М. Очередные задачи краевого культуроведения // Краеведение. 1928. Т. 5, № 6. С. 368–376.

4. Елисеева Ю. А. Феномен «культурного гнезда» в социогуманитарном дискурсе // Философия. Философия культуры. https://rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/4_113726.doc.htm (дата обращения: 10.04.2026).

5. Злотникова С. Г. Роль общественной и частной инициатив в развитии народного образования Минусинского уезда Енисейской

губернии в конце XIX – начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 7. С. 36–53.

6. Пиксанов Н. К. Два века русской литературы: пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. М.: Государственное издательство, 1924. 279 с.

7. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.: Государственное издательство, 1928. 148 с.

8. Соколова А. Г. Минусинск как туристический объект // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2020. № 3. С. 885–886.

9. Шулбаев О. Н. Из истории взаимоотношений политических ссыльных с местной администрацией в Восточной Сибири (на примере Минусинского округа в 1820–1890-е гг.) / О. Н. Шулбаев, Н. А. Баранцева // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 79–87.

УДК 94(498)

«Сёстры Легиона»: Роль и положение женщин в румынском легионерском движении (по материалам газеты «Pământul Strămoşesc»)

Давыдов Денис Витальевич
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
dionysus- davidoff@yandex.ru

Ключевые слова: румынское легионерское движение, Железная гвардия, гендерная идеология, Легион Архангела Михаила, «Pământul Strămoşesc», «Новый человек».

Движение легионеров (Legiunea Arhanghelului Mihail), позже известное как «Железная гвардия» (Garda de Fier), представляло собой одно из наиболее ярких и радикальных политических движений межвоенной Европы. В отличие от традиционных партий, оно строилось на принципах жёсткой иерархии, дисциплины и формирования «нового человека», что нашло отражение в его организационной структуре. Женщинам в этой структуре отводилась чётко определённая, хотя и вспомогательная, роль. Они не были самостоятельными политическими субъектами, но являлись «сёстрами Легиона» (Surorile Legiunii) – силой, призванной хранить очаг и воспитывать будущих «солдат нации».

Цель настоящей статьи – на основе анализа публикаций официального печатного органа движения, газеты «Pământul Strămoşesc» («Земля предков»), реконструировать идеологический

© Давыдов Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

конструкт «новой румынки», выявить её функции и определить её реальное положение в движении в период 1927–1939гг.

Газета неоднократно подчёркивает: женщина в Легионе – это, прежде всего, воин духа, чья жизнь подчинена тем же суровым законам, что и у мужчин-легионеров. Этот тезис станет центральным для нашего анализа.

Уже в учредительном номере газеты от 1 августа 1927 г. декларировались принципы создания отдельной секции помощи [1]. Её девизом были слова: «Salvaţi Familia, Religia şi Patria» (Спасите Семью, Религию и Родину). В выпуске №5 от 1 октября 1927 г. уточнялась организационная форма: девушки и женщины объединялись в «Цитадели» (Cetăţui) – элитные группы идеологически подготовленных активисток в городах при учебных заведениях [2]. Помимо них, допускалось существование сельских или подготовительных ячеек, которые, по аналогии с мужскими формированиями, именовались «гнёздами» («cuiburi»), однако именно «Цитадель» рассматривалась как основная структурная единица женского корпуса, призванная «дать Новой Румынии новую женщину, воина закалённого и решительного, как и мужчина. Сестра-легионерка должна быть храбрым воином и в то же время идеальной женщиной» [9].

Центральным концептом легионерской гендерной идеологии был образ «новой румынки» («Românca ceа nouă»). В выпуске № 2 от 1 декабря 1932 г. этот идеал противопоставлялся «масонскому воспитанию» (без Бога и Родины), а также эгоистичному поведению женщин, которые отговаривают мужей от политической борьбы ради бытового благополучия [7]. Газета задаётся риторическим вопросом: «Где та сознательная жена, которая поддержит мужа и детей, уходящих на борьбу, а не отправит героев с двумя жерновами на ногах. Где та жена, которая скажет колеблющемуся мужу приказным тоном: иди в бой и вернись победителем, а нет – так лучше умри там!» [7]. Образцом для подражания служила

«французская мать», требующая от правительства публичных молитв за спасение отечества. Для легионеров это был пример женщины, которая не тянет мужчину в быт («платить за квартиру, покупать платья»), а толкает его на жертву.

Поскольку Легион постоянно испытывал нехватку средств (газета регулярно сообщает о долгах типографии и голоде активистов), женщины были мобилизованы как экономический ресурс [3]. В выпуске № 2 от 1 декабря 1932 г. объявляется «Первая битва сестёр Легиона» – благотворительная лотерея, где призами служат вещи, сделанные руками женщин. Призыв гласит: «Пусть каждый укол иглы будет копьём, глубоко вонзённым в тело врага» [7]. Эта метафора показательна: женский труд (шитьё, вышивка) сакрализируется и приравнивается к бою. Женщины создавали «фонд борьбы», не покидая домашнего пространства, что позволяло им участвовать в деятельности движения, не нарушая традиционных гендерных ролей [4]. В выпуске № 1 от 1 января 1933 г. сообщается о том, что на призыв к участию в благотворительной лотерее откликнулись 102 «сестры и подруги Легиона», приславшие 155 предметов рукоделия, причём особо отмечалось, что вещи создавались «в долгие пустые зимние вечера, вплетая в них наши желания и нашу печаль» [8].

Женский образ в газете часто связан с темой смерти и мученичества. Они упоминаются как вдовы, матери погибших, или как утешительницы в тюрьмах. В выпуске № 6 от 10 сентября 1930 г. публикуется призыв помочь семьям арестованных священников: «Думайте каждый вечер, что в Марамуреше в горе и печали пребывают дети и жёны… Пишите им! Утешьте их. Помогите им!» [5]. Образ женщины-матери, теряющей сына, используется для эмоционального подкрепления культа павших героев.

Анализ публикаций позволяет выделить несколько устойчивых типов женских образов. Первый – «мать-мученица», чьё страдание сакрализировалось и служило моральным укором

политическому режиму. Второй – «дева-воительница», сочетавшая традиционное рукоделие с революционной жертвенностью и готовностью разделить тяготы борьбы. Третий – «жена-соратница», которая, в отличие от эгоистичной женщины, не удерживает мужа дома, а, напротив, вдохновляет его на подвиг. Четвёртый – «монахиня-благотворительница», чей образ служил мостом между православной традицией и новой политической мобилизацией, легитимируя участие женщин в движении [8].

В газете «Pământul Strămoşesc» женщина-легионерка предстаёт не как самостоятельный политический субъект, а как объект мобилизации и идеологический конструкт [6]. Функционально она – надёжный тыл, казначей и агитатор в собственной семье. Однако идеологически этот, казалось бы, подчинённый статус облекался в возвышенные формы. Женщине отводилась роль хранительницы веры и нравственной чистоты нации, что жёстко противопоставлялось образу «развращённой» и эгоистичной горожанки, лишённой как Бога, так и патриотического чувства.

Гендерная политика движения, при всей её глубокой патриархальности, предлагала женщинам из низов и среднего класса привлекательную компенсацию. Вступая в ряды «сестёр Легиона», они получали не просто иллюзию причастности к «великой национальной миссии», но и ясную, возвышенную цель в жизни, резко контрастировавшую с безыдейным, «масонским» существованием, которое приписывалось их оппоненткам. Именно это ощущение избранности и особой, сакральной функции позволяло движению эффективно использовать женскую энергию и лояльность, не нарушая при этом традиционных устоев общества.

Список источников

1. Pământul Strămoşesc. 1927. Anul I, Nr. 1 (1 august).
2. Pământul Strămoşesc. 1927. Anul I, Nr. 5 (1 octombrie).

3. Pământul Strămoşesc. 1928. Anul II, Nr. 1 (1 ianuarie).
4. Pământul Strămoşesc. 1928. Anul II, Nr. 2 (15 ianuarie).
5. Pământul Strămoşesc. 1930. Anul IV, Nr. 6 (10 septembrie).
6. Pământul Strămoşesc. 1932. Anul VI, Nr. 1 (1 noiembrie).
7. Pământul Strămoşesc. 1932. Anul VI, Nr. 2 (1 decembrie).
8. Pământul Strămoşesc. 1933. Anul V, Nr. 1 (1 ianuarie).
9. Pământul Strămoşesc. 1933. Anul V, Nr. 2 (1 februarie).

УДК 94:378.016:2-12(571.51-25)"1969/2000"

Религиозные взгляды студентов Красноярского государственного университета в контексте смены идеологических парадигм в 1969-2000 гг.

Заремская Диана Андреевна
Кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия,
dianazaremskaya29@gmail.com

Ключевые слова: религиозные взгляды, студенты, атеизм, перестройка, плюрализм.

Вопрос о религиозных взглядах студенчества в конце XX века привлекает внимание исследователей различных гуманитарных дисциплин. Однако применительно к конкретному региону и социальной группе – студентам Красноярского государственного университета (КГУ) в 1969-2000 гг. – тема остается не разработанной.

© Заремская Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Отдельные аспекты религиозной жизни в Сибири и Красноярском крае изучались в работах М. В. Редько [1] и Е. В. Дроботушенко [2]. Однако эти исследования отразили общие тенденции религиозного возрождения в регионе. Более близкая по теме работа М. В. Кащаевой посвящена религиозности студентов [3], но её территориальные рамки не соотносятся с Красноярском, а социокультурный и исторический контекст двух городов, хотя и имеет общие сибирские черты, обладает существенной спецификой.

Таким образом, историография не содержит специальных работ по эволюции религиозных взглядов студентов КГУ в 1969–2000 гг., что делает тему «белым пятном» и обосновывает новизну статьи.

Советская система высшего образования была построена на принципах материалистического мировоззрения и атеизма. Студенты изучали курсы марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, истории КПСС, которые формировали критическое отношение к религии [4, с. 159-160].

Тем не менее, полное отсутствие религиозности среди студенчества было бы неточным утверждением: в советском обществе элементы религиозности сохранялись, особенно в семьях, где традиции передавались из поколения в поколение [5, с. 242].

Важно отметить, что открытое исповедание какой-либо религии было практически невозможным для студентов университета, поскольку это могло повлечь серьезные последствия [6]. Поэтому даже если некоторые студенты имели религиозные убеждения, они вынуждены были скрывать их, поэтому духовные потребности удовлетворялись через альтернативные каналы [7].

Таким образом, в доперестроечный период религиозность существовала в подавленной форме, а духовные поиски осуществлялись в обход идеологических запретов.

Кардинальный перелом наступил с началом политики гласности. Ярким свидетельством этого стала уникальная встреча студентов КГУ со священнослужителями Русской православной церкви, состоявшаяся в 1988 г. Высокий уровень образования и культуры священников поразил студентов и преподавателей, разрушив стереотипы об их невежестве. Однако, это событие скорее символизировало начало диалога мировоззрений, чем реально изменило атеистические позиции студентов КГУ.

Таким образом, в перестроечный период произошел фундаментальный переход от монолога государственного атеизма к плюрализму мнений и зарождению открытого диалога о вере.

Однако данные социологического опроса, проведенного газетой «Университетская жизнь» в 1994 г., показывают более сложную картину религиозного сознания студентов.

- Лишь 6% опрошенных идентифицировали себя как традиционно верующих, следующих учению церкви.
- Большинство – 57% – заявили: «Я верю в бога по-своему».
- 22% не могли определиться, верят они или нет.
- К неверующим отнесли себя 10% [8].

Эти данные свидетельствуют о том, что большинство студентов искали свой путь к вере, не обязательно в рамках канонического православия. Это указывает на наличие в студенческой среде интереса к неортодоксальным духовным практикам.

Таким образом, можно сделать вывод, что эволюция религиозных взглядов студентов КГУ в 1969-2000 гг. раскрывает глубокую трансформацию духовной сферы, напрямую обусловленную макрополитическими сдвигами. Общий вектор развития был направлен от внешнего идеологического принуждения через фазу публичного раскрепощения к внутренней и часто эклектичной духовности, превратившейся из объекта государственного регулирования в результат личного выбора.

Список источников

1. Редько М. В. Русская Православная Церковь в условиях советского общественно-политического строя 1940-х – 1980-х гг.: на материале Красноярской епархии / автореф. дис. к. и. н.: 07.00.01 / Редько Мария Викторовна. Иркутск, 2010. 26 с.

2. Дроботушенко Е. В. Религиозная ситуация в РСФСР на рубеже 1980-1990-х годов и религиозные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке: к поставке вопроса. / Е. В. Дроботушенко, Д. А. Крылов, Ю. Н. Ланцова // Современная научная мысль. 2018. №3. С. 101–108.

3. Кащаева М. В. Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике / М. В. Кащаева, О. В. Пирогова // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 112-126.

4. Смирнов М. Ю. Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. №3. С. 144–171.

5. Сентябова М. В. Повседневная жизнь приходов Русской православной церкви в Красноярском крае в 40-е-70 годы XX века // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 6. С. 239–245.

6. Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи // Электронная библиотека исторических документов Российского исторического общества: официальный сайт. 2025. URL: https://707.su/JVl3 (дата обращения: 16.11.2025).

7. Университетская жизнь. 1978. 20 апреля. №16 (195). Надежды маленький оркестрик. С. 2.

8. Университетская жизнь. 1994. 27 мая. №6. Информационная сводка. С. 2.

УДК 94:631.115.1(571.51)"1928/1929"

К вопросу о состоянии колхозного строительства на территории Красноярского округа в 1928–1929 гг.

Корнилов Даниил Геннадьевич
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, danya.kornilov.05@xmail.ru

Ключевые слова: колхоз, коллективизация, колхозное строительство, первая пятилетка, Красноярский округ, Сибирь.

Благодарности: автор выражает благодарность своему научному руководителю Наталье Вениаминовне Пахомовой, доценту, канд. ист. наук.

Первая пятилетка (1928–1932 гг.) стала решающим этапом коллективизации в СССР, когда индивидуальные хозяйства массово объединялись в колхозы под жестким государственным контролем. В Красноярском округе этот процесс сопровождался быстрым ростом числа колхозов, а также кризисами, вызванными перегибами и нехваткой ресурсов. Целью данного доклада является анализ колхозного строительства в округе, включая организацию хозяйств и их экономические результаты, к моменту начала сплошной коллективизации.

Начиная с конца 1928 г. и на протяжении всего 1929 г. в документах Красноярского окружного комитета партии тщательно прослеживается активное стремление представителей власти наращивать темпы расширения колхозного сектора в сельском хозяйстве и выполнять поручения высших партийных органов с применением широкого спектра методов. Прежде всего, в 1927–

© Корнилов Д. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

1928 гг. власть делала акцент на агитации и пропаганде преимущества коллективных хозяйств перед индивидуальными, даже в 1929 г., когда государство кратно увеличило ставки налогообложения для индивидуальных хозяйств, окружной комитет систематически выдвигал против районных исполкомов партии обвинения в недостаточной массовой разъяснительной работе среди батрацкой и бедняцкой масс [1, л. 127об.]. Именно недостаточной агитационной деятельностью среди крестьянства в своих резолюциях окружком объяснял крайне неудовлетворительные показатели выполнения заготовительных кампаний [Там же, л. 152].

Говоря об экономических методах, помимо режима налогообложения, следует также отметить, что окружной комитет партии в 1929 г. установил приоритет для колхозов по всем направлениям снабжения: от сельскохозяйственного кредитования до семян. Так, протокол заседания бюро Окружного комитета ВКП(б) от 11 апреля 1929 г. «О порядке снабжения машинами отдельных групп крестьянства» устанавливал следующий порядок снабжения: сельскохозяйственные машины продаются только за наличный расчет, причем верхушечным слоям деревни продается не более 10 % от поступивших в округ машин, середнякам – 40 %, беднякам – 50 % [Там же, л. 82]. Приоритет комитет отдает совхозам и колхозам [Там же].

Количество хозяйств, вовлеченных в колхозы в начале первой пятилетки, оставалось небольшим относительно общего числа хозяйств в округе. Это отчасти было обусловлено острыми проблемами в сельском хозяйстве. Зимой 1929 г. Красноярский окружной комитет отмечает «крайне недостаточные темпы машиноснабжения» [2, л. 3], недостаток средств для кредитования колхозов [Там же, л. 3об.], дефицит семян и корнеплодов [1, л. 59]. В результате в сентябре ход хлебозаготовок в округе партией был охарактеризован как «крайне неудовлетворительный» [Там же, л.

169]. Крайком для повышения темпов хлебозаготовок предлагал любыми способами взыскать в кратчайшие сроки с индивидуально обложенных хозяйств задолженности по ЕСХН, обязать сельсоветы и райкомы немедленно сдавать все собираемые деньги, не расходуя их на другие нужды [3, л. 40]. Осенью того же года окружной комитет указывал на необходимость пролонгации кредитных задолжностей для всех коллективных хозяйств в округе [4, л. 34–35].

Кризисное положение в 1929 г. наметилось и в животноводстве. Так, план на первый квартал 1929 г. по заготовке «замороженных мясов» (мясозаготовкам) округом был выполнен на 13 % (445 ц из 3400 запланированных). «Скотских мясов» (говядины) округ поставил 282 ц, свинины – 135 ц, баранины – 28 ц [3, л. 59]. Тем не менее следует отметить, что выполнение плановых показателей едва ли представлялось реалистичным, если учесть, что к концу 1929 г. в округе всего насчитывалось 2 тыс. голов КРС, 29 тыс. голов овец и коз и 7 тыс. свиней [5, л. 6об.].

Окружной комитет партии в ноябре резюмирует, что внимание к вопросам колхозного строительства со стороны Окрисполкома ослабло, коммунисты недостаточно участвуют в нем, ячейки ВКП(б) мало занимаются вопросами коллективизации [Там же, л. 9об.]. При этом отмечается, что настроение колхозников в целом здоровое, за исключением отдельных случаев «со стороны тех, кто вошел в колхоз с личной целью, либо вовлечен…, не осознав роли колхоза в деле подъема всего экономического положения» [Там же]. Несмотря на все вышеизложенные проблемы в организации колхозного строительства, окружной комитет в декабре декларирует: «…в районах сплошной коллективизации поставить задачу перед сельпарторганизацией охватить в колхозы в течение 1930 г. полностью хозяйства батраков, бедняков и средняков» [6, л. 49].

Таким образом, в 1928–1929 гг. у партийных органов было вполне соответствующее действительности представление о

положении в сельском хозяйстве и кризисном состоянии немногочисленного колхозного сектора округа, но при этом масштабные планы по увеличению темпов коллективизации. Это свидетельствует о недостаточности применения ненасильственных методов со стороны государства для перелома в сельском хозяйстве и установления господства социалистической формы собственности в деревне в указанный период.

Список источников

1. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 5. Д. 12.
2. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 5. Д. 14.
3. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 5. Д. 4.
4. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 5. Д. 13.
5. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 491.
6. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 5. Д. 19.

УДК 141.8:81'42:329.15(510)

Ключевые этапы эволюции социализма в официальном дискурсе Коммунистической партии Китая (1978-1992)

Лисин Владимир Эдуардович
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vlisin2003@mail.ru

Ключевые слова: КПК, Дэн Сяопин, социализм с китайской спецификой, производительные силы, начальная стадия социализма, социалистическая рыночная экономика.

Период с 1978 по 1992 год стал для КНР временем радикального пересмотра идеологических основ. Этот процесс, названный «вторым историческим скачком» [1] в развитии китайского марксизма, ознаменовал отход от жесткого следования маоистским установкам на классовую борьбу и уравнительное распределение к признанию рыночных механизмов нейтральными инструментами развития, совместимыми с социалистическим строем.

Начало системного пересмотра понятия «социализм» было положено в декабре 1978 года на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Ключевым событием стала победа принципа «раскрепощения сознания» над политикой «двух абсолютов» (безусловного следования курсу Мао Цзэдуна). Дэн Сяопин утвердил тезис «практика – единственный критерий истины», что означало переход от идеологического догматизма к системному прагматизму [1]. В этот период в партийном дискурсе произошло фундаментальное изменение: социализм перестал пониматься как набор статических атрибутов – таких, как народные коммуны,

© Лисин В. Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

полное огосударствление собственности или уравнительное распределение. Вместо этого строй стал трактоваться как динамичный процесс, успех которого измеряется не степенью идеологической «чистоты», а реальным развитием производительных сил. Дэн Сяопин подчеркивал: «Правильность экономической политики социализма нужно в конечном счете судить по тому, обеспечивает ли она развитие производительных сил и рост доходов населения. Это критерий, побивающий все остальные» [1]. Было признано, что прежняя практика «ускоренного строительства» создала разрыв между формальным уровнем обобществления и реальной технической базой страны. Теоретики КПК пришли к выводу, что «социализм не бывает бедным» [1].

Следующей вехой стал XII съезд КПК (1982 г.), на котором Дэн Сяопин официально провозгласил курс на строительство «социализма с китайской спецификой». Это понятие стало «зонтичным» термином, позволяющим легализовать любые реформы, если они способствовали модернизации страны [3]. Дискурс сместился к изучению «национальных особенностей» (*гоцин*), таких, как огромная численность населения и слабая экономическая база [3]. В это время окончательно утвердилось разграничение между социализмом как политической системой и методами хозяйствования. Дэн Сяопин указывал, что «социализм должен перенять у капиталистических стран передовые методы эксплуатации предприятий и формы управления ими». Была принята формула: «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное» [2]. Рынок на данном этапе воспринимался как необходимый инструмент для оживления экономики внутри страны и расширения внешних связей.

Фундаментальный сдвиг в понимании экономической природы социализма произошел на III пленуме ЦК КПК 12-го созыва в октябре 1984 года. В принятом «Постановлении о реформе экономической системы» социалистическая экономика была впервые официально определена как «плановое товарное хозяйство на основе общественной собственности» [2]. Это определение фактически легализовало товарное производство и закон

стоимости как внутренне присущие социализму категории. Дэн Сяопин охарактеризовал это решение как создание «жизнеспособной и жизнедеятельной социалистической хозяйственной системы» [2]. Введение термина «товарное хозяйство» позволило обосновать необходимость отделения права собственности от права хозяйствования и признать предприятия самостоятельными товаропроизводителями. Реформа начала трактоваться как «вторая китайская революция», целью которой является «освобождение производительных сил» [2]. Дискурс 1984 года также затронул вопросы структуры собственности. Было признано, что государственная (общенародная) собственность не должна быть единственной формой. Возникла концепция «смешанной экономики», где государственные, коллективные, единоличные и частные хозяйства сосуществуют в рамках единого рынка [3]. Масштабное расширение рыночных элементов к середине 1980-х годов потребовало нового теоретического обоснования. На XIII съезде КПК (1987 г.) была выдвинута теория «начальной стадии социализма» [2]. Основной тезис гласил: Китай вступил в социализм, минуя стадию развитого капитализма, и поэтому в течение как минимум 100 лет будет находиться на «начальном этапе» [2]. Значимость этой теории заключалась в полной легализации многоукладности. Социализм начал определяться не через «чистоту» производственных отношений, а через их эффективность. Дэн Сяопин разъяснял, что на этой стадии допустимо использование зарубежного капитала и частного предпринимательства, так как «основной задачей является обеспечение всеобщей зажиточности» и «избавление от нищеты» [2]. Была сформулирована базовая линия: «один центр (экономическое строительство) и две базовые точки (реформы и открытость при сохранении четырех принципов)» [2]. Это позволило сбалансировать экономический либерализм политическим авторитаризмом. Социализм стал пониматься как система, где рыночная экономика работает под «макроконтролем социалистического государства».

Завершающий этап эволюции связан с инспекционной поездкой Дэн Сяопина по Южному Китаю (январь-февраль 1992 г.) и решениями XIV съезда КПК. Период 1988–1991 годов стал временем серьезных испытаний для новой концепции социализма. Экономический перегрев, инфляция и политические события на площади Тяньаньмэнь (1989 г.) привели к усилению консервативного крыла в КПК. В дискурс вернулись споры о «фамилии» реформ (*цзы син ши* – носят ли они фамилию «капитализм» или «социализм») [3]. Консерваторы настаивали на усилении плана и ограничении частного сектора, видя в рынке источник политической дестабилизации. В ответ Дэн Сяопин выдвинул радикальный тезис: «Плановая экономика не равна социализму, потому что планирование есть и при капитализме; рыночная экономика — это не капитализм, потому что рынки есть и при социализме. Планирование и рынок — это экономические средства» [2]. Дэн Сяопин дал итоговое определение сущности социализма: «освобождение и развитие производительных сил, ликвидация эксплуатации, устранение поляризации и достижение всеобщего процветания» [2]. Был введен прагматичный критерий «трех полезно» для оценки любой политики: полезно ли это для развития производительных сил, укрепления совокупной мощи государства и повышения уровня жизни народа [2]. XIV съезд официально утвердил создание системы «социалистической рыночной экономики» как стратегическую цель, окончательно интегрировав рыночный механизм в социалистическую систему [2].

Таким образом Эволюция понятия «социализм» в официальном дискурсе КПК (1978–1992 гг.) прошла через пять четко выраженных этапов: 1) Этап десакрализации (1978 г., III пленум ЦК КПК 11-го созыва). Утверждение принципа «практика — критерий истины». Отказ от догматизма в пользу экономического прагматизма. 2) Этап концептуализации (1982 г., XII съезд КПК). Выдвижение формулы «социализма с китайской спецификой». Признание национальных особенностей (*гоцин*) основой реформ. 3) Этап легализации товарного хозяйства (1984 г., III пленум 12-го созыва). Принятие концепции «планового товарного хозяйства».

Официальное признание закона стоимости органичной частью социализма. 4) Этап оправдания многоукладности (1987 г., XIII съезд КПК). Провозглашение теории «начальной стадии социализма». Обоснование длительного (100 лет) периода существования частной собственности и рынка. 5) Этап системной интеграции (1992 г., «Южное турне» и XIV съезд КПК). Переход к «социалистической рыночной экономике». Определение сущности социализма исключительно через освобождение производительных сил и «всеобщее процветание». К 1992 году социализм в КНР перестал пониматься как статичная административная система и превратился в гибкую политическую рамку, нацеленную на достижение национального возрождения любыми эффективными средствами.

Список источников

1. Дэн Сяопин. Избранное. В 3 т. Т. 2: (1975–1982) пер. с кит. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1995. 509 с.

2. Дэн Сяопин. Избранное. В 3 т. Т. 3: (1982–1992) пер. с кит. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1994. 471 с.

3. Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска М.: Форум, 2011. 408 с.

УДК 94 (571.51)

Условия труда ссыльнокаторжных Троицкого солеваренного завода в XIX в.

Митронина Софья Сергеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mitroninasofya@yandex.ru

Ключевые слова: Троицкий солеваренный завод, ссыльнокаторжные, богадельня, Енисейская губерния.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Кузьменко Александре Сергеевны, доценту кафедры ИРМиРЦ, канд. истор. наук.

Как известно, история нашего государства знает не мало примеров использования труда уголовных и политических заключённых на промышленных предприятиях. Одним из таких предприятий был Троицкий солеваренный завод. Практика привлечения к труду ссыльнокаторжных на заводах решала сразу две проблемы: изолирование потенциально опасных для общества и государства граждан, а также компенсирование недостатка кадров на промышленных предприятиях. Отдельный интерес представляют условия труда каторжников, т.к. до сих пор данный вопрос не освещён в научной литературе.

На дореволюционном этапе солеварение изучалось в рамках естественнонаучных экспедиций. И.Ф. Шредер [1, с. 65–66] первым исследовал Троицкий солеваренный завод, приведя данные о ценах на соль, производительности и химическом составе рассолов. В советский период единственную работу по истории завода

© Митронина С. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

опубликовал Л.П. Шорохов [2], однако изучение истории завода осуществлялось с позиции становления капитализма. На современном этапе работы по данной теме отсутствуют, что является существенным пробелом в изучении солеварения Енисейской губернии.

Для начала, стоит отметить, что до 1799 г. все работы на заводе осуществлялись вольнонаёмными крестьянами, но с 1799 г. по распоряжению Тобольской камерной части (указ от 6 июня 1799 г. № 3283) в Троицкий солеваренный завод было послано «35 душ» для приготовления варничных дров с платою 10 копеек в день [3, л. 3]. Со временем круг обязанностей каторжников расширился: в 1815 г. было велено приучать арестантов к солеварению, а с 1818 г. они уже могли поступать на должности солеваров [3, л. 4].

Вместе с ростом количества обязанностей каторжников на заводе, росла также их численность: в 1805 г. к работам на заводе в среднем привлекалось 60 арестантов, обычно это число колебалось от 50 до 80 человек в начале века, но уже к 1835 г. их число составляло уже 313 человек [3, л. 25 – 26], однако в 1876 г., когда завод сдали в аренду Канскому купцу первой гильдии И.Н. Некрасову, ссыльнокаторжных, до этого работавших на заводе, перераспределили на других предприятия Сибири [4, л. 38 – 39].

Род деятельности ссыльнокаторжных зависел от состояния их здоровья и как следствие от возможности выполнять те или иные работы. Например, в списке лиц, принудительно работающих на заводе от 1806 г., указывается, что «Семён Леонтьев (30 лет) из-за худобы к заводской работе не способен, кроме рубки дров» [5, л. 24]. Помимо ссыльнокаторжных с недобором веса, к работе на заводе не привлекались люди «за старостью и дряхлостью лет» [5, л. 26].

Из всего вышеописанного, становится понятно, что рубка дров была куда легче, чем работа на самих солеварнях. Для полного понимания специфики жизни ссыльнокаторжных на заводе необходимо привести график рабочего дня солевара.

Солеварение было трудоёмким процессом: рассол вручную поднимали из колодцев и выпаривали в варницах в специальных чанах. Для обслуживания одной варницы требовалось до 18 человек, работавших с утра до вечера, при этом необходимо было и ночное дежурство.

При такой энергозатратной работе рацион питания был скудным. В журнале регистрации продовольствия для рабочих артели от 1845 г. указывается следующий список продуктов: крупа, капуста, картофель, брюква, говядина, горох, редька. При этом стоит отметить, что говядина была в малых количествах – примерно 25 фунтов на месяц, что равняется примерно 37, 8 г. на одного рабочего в месяц [6, л. 4]. Тем не менее, в госпитале, который был открыт при заводе в 1827 г. [7, л. 4], также были продукты: мука пшеничная и ржаная, мясо (3 п., 2 фн.), молоко коровье (3,3 л.), мёд (1 фн.), ячневая крупа (5 п., 21 фн.). Важно упомянуть о роли госпиталя в лечении ссыльнокаторжных: за один только 1867 г. в госпиталь обратились 441 раз, из которых 402 раза обращались рабочие со следующими проблемами: тиф, цинга, чесотка, ломота, золотуха, падучая болезнь, ушиб и другого рода механические повреждения, а также венерические заболевания. Из всего этого списка бесспорно чаще всего обращались с простудой, тифом, цингой. Из 402 обращений рабочих с жалобами, 14 человек (3,5 %) не удалось вылечить [8, л. 1 – л. 19]. Наличие смертности во многом объяснялось отсталостью медицины, т.к. при аптеке госпиталя имелись в качестве лекарств в основном травы: акация катеху, розмарин, борец, а также раствор хлора, цинковая мазь, мышьяк [9, л. 60 – 62].

Куда с более тяжёлыми условиями сталкивались ссыльнокаторжные, которые за выбытием срока наказания оставались на улице.

В 1865 г. впервые заговорили об устройстве богадельни на Троицком солеваренном заводе для решения данной проблемы. Об

этом в своей записке говорил управитель завода Госиев: «В заводе, населённом преимущественно ссыльнорабочими, освобождёнными от работ, есть такие люди, которые хотя уволены также от работ за выбытием помеченные срока, но вследствие физического увечья, глубокой старости или угнетающего их неизлечимого недуга, остались навсегда в заводе. Эти несчастные, не имея ни приюта, ни дневного пропитания, скитаются под окнами таких же бедняков ссыльных, выпрашивают кусок чёрствого хлеба и этим скучным подаянием поддерживают свое существование…» [10, л. 2 – 4].

Первоначально богадельня была рассчитана на 10 человек. Здание для богадельни пожертвовал сам управитель из своего имущества. Однако, несмотря на все жертвуемые управителем деньги, богадельня открылась только в 1871 г., за 4 года до сдачи завода в аренду частному лицу и до прекращения практики привлечения ссыльнокаторжных к работам.

Таким образом, условия труда ссыльнокаторжных в Троицком солеваренном заводе оставляли желать лучшего. За 77 лет данной практики, мы не наблюдаем существенного улучшения условий труда. Тем не менее, за указанный период производительность на заводе постоянно росла, что при отсутствии внедрения новых технологии или улучшения условий труда рабочих, решалось экстенсивным путём: увеличением количества ссыльнокаторжных. Данный подход отражал общероссийскую тенденцию.

Список источников

1. Шредер И. Ф. Соль в Восточной Сибири. СПб.: типография «Якорь», 1911. 79 с.

2. Шорохов Л П. Из истории Троицкого солеваренного завода (XVIII–XIX вв.) // Из истории революционного движения и социалистического строительства Тасеевского района Красноярского края: тез. докл. краев. научно-практ. конф., посвящ. 70-летию Тасеев. пар-тиз. респ. Красноярск, 1988. С. 109 – 111.

3. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 343.
4. ГАКК. Ф.31. Оп. 1. Д. 51.
5. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1, Д. 300.
7. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 495.
8. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 356.
9. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 495.
10. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 481.

УДК 373.08(571.512)

Развитие школьного образования в Эвенкии: кадровый состав и условия работы в общеобразовательных учреждениях на территории Эвенкии в 1920-е – 1930-е гг.

Омельченко Дарья Алексеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
omelchenkodasha15@gmail.com

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера (КМНС), школьное образование, учителя Эвенкии.

В России, где проживает множество коренных малочисленных народов, одним из ключевых механизмов их сохранения является школьное образование. В 1920 – 1930-е гг. в Эвенкии практически не было местных подготовленных учителей. Актуально провести анализ того, как государство решало задачу подготовки педагогов, а

© Омельченко Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

также изучить их жизнь в суровом климате, среди кочевого населения.

Изучением проблемы школьного образования КМНС в советский период занимались такие исследователи, как А. Г. Базанов, Н. Г. Казанский [1], У. А. Винокурова [2]. Активнее данный вопроса стал изучаться на современном этапе (В. В. Плисова [5], Н., Е. Г. Чумак [6]).

В исследовании использованы делопроизводственные материалы фондов Эвенкийского ОК КП РСФСР (Ф. П-35) и Красноярского Комитета Севера (Ф. Р-1845) из Государственного архива Красноярского края (ГАКК).

С момента создания Комитета Севера на территории Эвенкии началось создание целой сети общеобразовательных учреждений для КМНС, остро нуждавшихся в учителях. В начале работы школ на Севере основной состав педагогов составляли русские. Среди учителей были не только профессионалы, но и истинные любители Севера, желавшие помочь местным народам сократить разрыв в развитии с остальной Россией.

Педагоги прибывали на Север со всей страны, включая такие города, как Ленинград, Москва, населенные пункты Поволжья и Красноярск. Им приходилось проезжать тысячи километров, чтобы добраться до места работы, и конечная часть пути была самой трудной – приходилось передвигаться верхом на оленях, в нарте, запряженной собаками, на лодке и даже пешком. А когда учитель преодолевал такой трудный путь до места работы, он и здесь попадал в необычные условия. Часто из-за отсутствия жилых помещений для учителей, им приходилось жить в чуме, юрте и так далее [1].

Работа учителя на Севере не ограничивалась преподаванием в школе. Часто учитель был самым образованным человеком среди населения района. К нему могли обращаться с вопросами по учетной работе, колхозному строительству и т. д. Каждый учитель

школы-интерната, на определенный момент заменяя родителей, заботился о здоровье, питании, обеспечении одеждой, обувью учеников, создавал и организовывал условия для отдыха и развлечений. Учитель был обязан знать этнографию коренного народа, религиозные верования и т.д. От него требовался исключительный такт, осторожность при подходе к местному населению.

Поистине героическую работу выносили на плечах преподаватели в кочевых школах. Учитель кочевал вместе с северными жителями, а занятия проходили во время стоянок в яранге, чуме или юрте (традиционное передвижное жилище), где, понятно, не было элементарных условий для нормального обучения и воспитания детей.

Учитель на Севере сталкивался со многими трудностями. Например, одним из первых учителей Байкитской школы-интерната был студент этнографического отделения Ленинградского университета Аркадий Федорович Анисимов [4]. Когда молодой учитель он прибыл в поселение, оказалось, что помещения для школы нет, а население не было агитировано, так как местные организации не были проинформированы об организации школы. Проводить работы в поселении было бесцельно, потому что коренное население ушло в тайгу на промыслы. Поэтому, собрав себе теплую меховую одежду, он поехал в тайгу работать в кочевой школе до момента, когда будет готово здание школы-интерната.

С началом развертывания системы общеобразовательных учреждений проблема нехватки кадров стала очевидна. Было важно подготовить учителей для национальных школ на Крайнем Севере. Педагогическими кадрами, в частности национальными педагогическими кадрами, занимались Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, Институт народов Севера, Томский государственный

педагогический университет и другие. Деятельность Красноярского педагогического института, который был открыт в 1932 г., также частично решала проблему обучения учительских кадров [5]. С 1935 г. начал действовать двухлетний учительский институт, целью которого была подготовка педагогов для работы в неполных средних школах.

В конце 1930-х в своем большинстве учителя Эвенкии имели законченное педагогическое образование [3]. Основной состав учительства округа – это молодые работники. Имеющих педагогический стаж до 2-х лет составляет свыше 60 %.

Таким образом, с первых лет советской власти в Эвенкии была начата масштабная работа по созданию системы образования для коренных народов Севера, ключевая роль в которой принадлежала учителю. Процесс становления кадрового состава школ Эвенкии имел свои особенности. Первые учителя сталкивались с множеством проблем, они попадали в новую реальность: суровые климатические условия, отсутствие инфраструктуры и др. Но педагоги отличались энтузиазмом, они обладали такими качествами, как толерантность, стойкость и ответственность. За короткий срок кадровый состав учителей вырос, появлялись представители туземного населения. Это позволило заложить основы всеобщего обучения и к концу 1930-х гг. сформировать профессиональный учительский корпус в регионе.

Список источников

1. Базанов А. Г. Школа на Крайнем Севере / А. Г. Базанов, Н. Г. Казанский. Л.: Учпедгиз, 1939. 205 с.

2. Винокурова У. А. Роль школьного образования в современной жизни народностей Севера // Вопросы психологии. 1989.№. 4. С. 39–44.

3. ГАКК. Ф. П-35. Оп. 5. Д. 14. Л. 1–12.

4. ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 199. Л. 153–157.

5. Плисова В. В. Развитие советской системы образования в районах Крайнего Севера в 1934-1941 гг. (на материалах Таймырского архива) // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 16–17 мая 2018 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2018. С. 165–173.

6. Чумак Е. Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. // ВААЭ. 2008. №8. С.109–114.

УДК 622.342.1(73)"1934/1945"

Анализ золотодобычи США в период 1930-1945 гг.

Первых Семён Николаевич
Институт цветных металлов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, semjonpervykh@yandex.ru

Ключевые слова: золотодобыча США, золотопромышленность, Вторая мировая война, историческая экономика.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №25-28-00296 «Сравнительный анализ золотопромышленности СССР накануне и во время Второй Мировой войны», https://rscf.ru/project/25-28-00296/. Автор выражает благодарность научным руководителям – Гребенюку Павлу Сергеевичу, д-р. ист. наук, ведущему научному сотруднику лаборатории истории и экономики, СВКНИИ ДВО РАН, а также Кирсанову Александру Константиновичу, доценту, канд. техн. наук кафедры шахтного и подземного строительства ФГАОУ ВО СФУ.

Период 1930–1945 гг. в истории США характеризуется глубокими социально-экономическими трансформациями, вызванными последствиями Великой депрессии и мобилизацией национальной промышленности на нужды Второй мировой войны [1]. В данных условиях золотодобыча получила стратегическую значимость, став одним из ключевых факторов финансовой стабильности. Особенностью является то, что отрасль прошла через противоречивые этапы развития: от государственного

© Первых С. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

стимулирования после повышения закупочных цен на золото в 1934 г. до жёсткого ограничения в период военной мобилизации.

Территориальная структура золотодобычи в США в рассматриваемый период отличалась высокой степенью концентрации в пяти основных регионах. По данным геологической службы США (USGS) в Калифорнии кумулятивный объём производства золота в период с 1930 по 1945 гг. составил 12,89 млн унций, в Аляске – 7,41 млн унций, Южной Дакоте – 7,16 млн унций, Колорадо – 4,58 млн унций и Юте – 4,12 млн унций. На эти штаты приходилось более 80% всего производимого в стране золота.

На распределение золотодобычи по регионам и её динамику в тот период влияли как природные условия (типы и богатство месторождений), так и экономико-политические факторы (ценовая политика государства, военные ограничения). Благодаря сочетанию разных форм производства — от крупных компаний до мелких старательских артелей — отрасль оставалась гибкой и могла подстраиваться под изменения.

В отличие от стран с высокой концентрацией золотодобычи (как в Южно-Африканском Союзе [2]), американская модель основывалась на сочетании крупных корпораций с широким сектором средних и малых предприятий. Это обеспечивало отрасли высокую адаптивность к меняющимся экономическим условиям. Резкий скачок числа предприятий пришелся на 1932–1935 гг., когда экономический кризис стимулировал развитие мелкой старательской добычи, а повышение официальной цены на золото создало благоприятные условия для расширения инвестиций в отрасль. При этом к концу 1930-х гг. усилилось значение рудной добычи, что было связано с истощением легкодоступных россыпей и технологическим прогрессом, позволившим вовлекать в эксплуатацию низкосортные руды.

Американская золотодобыча 1930-х – начала 1940-х гг. выделялась высокими технико-экономическими показателями. Сочетание механизации, разнообразия организационных форм и устойчивой рентабельности обеспечивало рост добычи вплоть до 1940 г. Но как только США вступили во Вторую мировую войну и в 1942 году ввели ограничения для золотодобывающих предприятий, производство резко упало. Этот случай ярко показал, что успех отрасли зависит не только от того, сколько золота в земле и какие используются технологии, но и от того, какие цели ставит государство в экономике и в условиях мобилизации на войну.

Подводя итог, можно сказать, что золотодобывающая промышленность США в 1930–1945 годах показала образцовую способность приспосабливаться к резким переменам в экономике и политике. Благодаря рыночным механизмам, внедрению новых технологий и гибкой структуре производства удалось и увеличить добычу до войны, и удержать позиции, когда начались военные ограничения. Все это позволяет считать американскую модель золотодобычи одной из самых гибких в сырьевом секторе первой половины XX века.

Список источников

1. Vernon J.R. World War II Fiscal Policies and the End of the Great Depression. The Journal of Economic History. 1994. Vol. 54, № 4. P. 850–868. DOI 10.1017/S0022050700015515.

2. Кирсанов А.К. Золотодобывающая промышленность Южно-Африканского Союза накануне и в период Второй мировой войны / А. К. Кирсанов, П. С. Гребенюк, Н. А. Шкаруба // Горная промышленность. 2025. № 3. С. 180-187. DOI 10.30686/1609-9192-2025-3-180-187.

УДК 94:271.2-722.4(571.51)"1922/1942"

Идеологическая база «тихоновского» и «обновленческого» движений на территории Енисейской епархии в 1922-1942 гг.

Рожков Даниил Евгеньевич
Гуманитарный институт Сибирского Федерального университета, Красноярск, Россия, danyarozhkov@yandex.ru

Ключевые слова: идеология, «обновленческое движение», «тихоновское движение», Енисейская епархия, «Живая церковь».

Актуальность обусловлена необходимостью анализа идеологических установок течений Обновленческого раскола (1922-1942 гг.) на примере Енисейской епархии для понимания взаимодействия государства и религии, а также природы современных альтернативных православных течений.

Среди последних работ, освещающих историю Енисейской епархии, выделяются монографии Г. В. Малашина [1] и А П. Дворецкой [2], в которых подробно раскрыта региональная специфика, но сущность акторов раскола затронута фрагментарно. Также можно выделить статью С. С. Кульпинова [3], посвящённую идеологии сибирского «обновленчества», но в ней не рассматривается отдельно Енисейская епархия и «тихоновцы», что подтверждает слабую изученность идеологической базы сторон именно в этом регионе.

Цель исследования – характеризовать идеологическую базу «тихоновского» и «обновленческого» движений на территории Енисейской епархии в период Обновленческого раскола в 1922-1942 гг.

© Рожков Д. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Работа базируется на системном подходе, позволяющем представить объект как структурную целостность взаимосвязей между властью, духовенством, движениями и обществом.

Источниковая база исследования включает в себя документы официального происхождения и периодическую печать.

Ключевым элементом идеологии «тихоновцев» было сакральное отношение к церковному преданию. Главная цель – сохранение нравственности и религиозности народа, ослабление секуляризации со стороны государства [2, с. 90-91]. В управлении они отстаивали патриаршие структуры и соборность [4, с. 79]. Тактика зависела от позиции патриарха и того, с какой стороной раскола шёл диалог.

Во взаимодействии с «обновленцами» «тихоновцы» отказывались принимать их практически на любом уровне. Патриарх Тихон в своём «Послании» 1923 г. открыто осуждал обновленчество, допуская компромисс лишь при условии покаяния «отпавших» [5, с. 289]. Противостояние с «обновленчеством» осложняло отношения советским государством, поддерживающим раскол. «Тихоновцам», не имевшим рычагов влияния, приходилось проявлять гибкость. Показательны в этом плане высказывания Патриарха Тихона: если изначально он открыто критиковал большевиков, то с укреплением советской власти риторика уже содержала призывы избегать действий, ведущих к аресту [6, с. 75; 4, с. 66, 88].

После смерти Патриарха в 1925 г. местоблюститель Пётр (Полянский) вернулся к критике советской власти и «обновленцев» [1, с. 335]. В Енисейской епархии его позицию разделяли: епископы Амфилохий и Димитрий боролись с обновленчеством, помогали ссыльному духовенству [1, с. 336]. Однако после ареста Петра преемник Сергий (Страгородский) взял курс на сотрудничество с властью, что вызвало оппозицию [6, с. 116]. Чёткая позиция

местных «тихоновцев» к Сергию неизвестна из-за отсутствия источников [1, с. 340, 335].

Идеология «тихоновцев» в Енисейской епархии была консервативной, нацеленной на укрепление Патриаршей церкви и борьбу с «обновленчеством», но без региональной специфики – такие установки были общими для центрального течения.

Иной характер носило «обновленческое движение»: возникнув как реформистское течение при поддержке государства, оно впитало социалистические установки. Так, в диспуте 1926 г. с А. В. Луначарским лидер обновленцев А. И. Введенский трактовал христианство как социалистическую систему, где суть «обновленческой» идеологии – синтез социализма и христианства с отказом от капитализма и патриаршей иерархии [7, с. 27-30].

Однако понимание путей реализации этой концепции расходилось, приводя к расслоению обновленчества на группировки при общей лояльности власти и неприятии «тихоновцев».

Енисейские «обновленцы», например, поддержали самую массовую из группировок – «Живую церковь». Они выступали за: женатый епископат, отмену монастырей, демократизацию, упрощение богослужения, русский язык проповедей [3, с. 320].

После прихода в Красноярске епископа Александра Сидоровского (Зосимы) в 1922 г. эти идеи повторили в статье «К обновлению церкви», а енисейцы добавили кружки прихожан и отмену цензуры [10, с. 3].

Позже сибирские «живоцерковники» обособились от московских из-за осложнений отношений с государством и внутренних противоречий. Камнем преткновения стала идея «женатого епископата». В Сибири её восприняли как руководство к действию: приняли в «сущем сане» епископа Зосиму, снявшего монашество и женившегося, а Всесибирский съезд 1922 г. провозгласил тотальную замену монашеской иерархии белым

епископатом. Это позволило обновленцам, не имевшим сильной монашеской оппозиции, быстро заместить кафедры и утвердить автономию. [3, с. 322].

Однако II Поместный собор 1923 г. не поддержал сибирского радикализма. В ответ Сибирская церковь взяла курс на автокефалию, но утратила влияние к концу 1920-х гг. [3, с. 325-326]. В 1930-х гг. Обновленческий раскол окончательно угас.

Таким образом, идеология енисейских «обновленцев» отличалась стремлением к автономии и радикализацией «женатого епископата». Анализ показывает, что консерватизм «тихоновцев» обеспечил устойчивость местной Патриаршей церкви, тогда как эклектичность обновленчества привела к дроблению и угасанию.

Список источников

1. Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861-2011 гг. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 482 с.

2. Дворецкая А. П Религиозная жизнь Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900-1930-е гг.). Красноярск: СФУ, 2015. 186 с.

3. Кульпинов С. С. Становление и ключевые особенности сибирской обновленческой идеологии на раннем этапе (1922-1923 гг.) // Христианское чтение. 2024. №2. С. 317–328.

4. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.

5. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та, 1994. С. 288–292.

6. Послание Святейшего Тихона, Патриарха всея России. // Богословский Вестник. 1918. Т. 1. С. 74–76.

7. Луначарский А. В. Христианство или коммунизм: Диспут с митрополитом А. Введенским / А. В. Луначарский. Л.: Гос. Изд-во, 1926. 74 с.

8. К обновлению церкви // Красноярский рабочий. 1922. № 206. С. 3.

УДК 94:329.71(571.51-25)"1890/1914"

Особенности формирования партийных организаций и их социальный состав в Красноярске на рубеже XIX-XX вв.

Рыбак Елизавета Олеговна
Гуманитарный институт Сибирского Федерального университета, Красноярск, Россия, mellysolos@mail.ru

Ключевые слова: партийные организации, г. Красноярск, социальный состав, политическая культура, идеология.

Раскрытие особенностей формирования партийных организаций и их социальный состав в Красноярске на рубеже XIX-XX вв. позволит выявить степень вовлеченности периферии в процесс становления партийной системы Российской империи.

Становление партийных организаций начали изучать еще в советское время, где ведущим специалистом по социал-демократическому движению в Сибири являлся Н. В. Блинов [1]. Однако в силу идеологических ограничений исследователи фокусировались на изучении РСДРП(б). Лишь на современном этапе в равной степени стали рассматривать все направления

© Рыбак Е. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

политических идеологий, и, как следствие, партий. Ведущим специалистом в настоящее время является М. В. Шиловский [2].

Целью данного исследования является анализ особенностей формирования политических организаций и их социальный состав на рубеже XIX-XX веков в Красноярске.

В основу работы легли архивные материалы из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Новосибирской области (ГАНО).

Благодаря зарождению интеллигенции и городской реформе 1870 г. начала свое развитие сибирская общественно-политическая мысль.

Так, сибирское областничество, зародившееся в середине XIX века как идеологическое течение, участвует в создании в мае 1905 года в Томске политического блока «Сибирский областной союз» (объединил в себе областников, эсеров и либералов) [2, с. 123]. Ячейки этого союза образовались в большинстве сибирских городов, включая Красноярск.

Организации кадетов начали создаваться после манифеста 1905 г. Так, в Красноярске появился временный комитет «свободной народной партии». Из архивных данных мы знаем его состав: 4 крупных предпринимателя, 2 «буржуазных» интеллигента и 6 интеллигентов «среднего достатка» [3, л. 9]. Активно участвовали в его работе гильдейцы А. А. Саввиных и П. Ф. Иорданский.

Более интересная ситуация складывается в Красноярском отделении партии октябристов, которое было создано в 1906 г. В него вошли многие, кто ранее представлял черносотенные организации. Более того, лидером данного отдела стал основатель монархической организации «Союз мира и порядка» А. Г. Смирнов, который являлся учителем красноярской мужской гимназии [4, с. 115].

В связи с этим можно говорить об идеологическом родстве между монархистами и октябристами, что является значимой особенностью для красноярского правого либерального направления.

В Красноярске действовали такие отделы центральных монархических партий, как «Союз Русского Собрания», «Всенародный русский союз». В начале января 1907 г. появляется Красноярский отдел «Союза русского народа», который объединил все монархические организации.

Ведущую роль в организации занимало духовенство. Так, председателем отдела в декабре 1905 г. стал протоиерей В. Захаров, в Канске – протоиерей Н. Вавилов. А покровителем отдела выступил руководитель Енисейской епархии Ефимий [5, с. 23].

Основу для эсеровского подполья заложили еще во второй половине XIX в. народники [6, с. 186]. К концу XIX в. на территории Сибири образовался «Сибирский союз партии социалистов-революционеров» («Сибирский союз ПСР») с центрами в Томске и Иркутске. По воспоминаниям красноярского эсера С. В. Соколова с 1903 г. начала свою деятельность «Красноярская группа ПСР» [7, л. 19].

Марксистская же идеология проникла в Сибирь в связи с появлением в ней марксистской литературы и ссылкой В. И. Ленина [8, с. 14].

Летом 1901 г. образовался «Сибирский социал-демократический союз» с центром в Томске, а в ноябре его комитет в Красноярске. В состав вошли ссыльные и рабочие железнодорожных мастерских. Возглавил комитет ссыльный нефтепромышленник И. Э. Гуковский [2, с. 101].

Заседания комитета с 1902 по 1906 г. проходили в здании фельдшерско-акушерской школы, поэтому можно утверждать, что в него входила и часть интеллигенции в лице учителей и учащейся молодежи [1, с. 98].

Мы видим, что формирование региональных комитетов происходило либо одновременно с центральными организациями, либо с небольшим отставанием, но имело и специфические черты. Во-первых, либеральное направление оформилось разнонаправленно: кадетский отдел действовал самостоятельно, а октябристы идейно слились с монархистами. Во-вторых, областничество так и не сложилось в самостоятельную партию. В-третьих, эсеры, несмотря на благоприятную базу в лице ссыльных народников, не смогли стать полноценной партией. Социал-демократы же стремительно создали структуру и начали активную деятельность, что впоследствии сделает Красноярск одним из сильных «большевицких» центров.

Каждая социальная группа быстро включилась в политическую жизнь. Рабочие участвовали в комитете РСДРП вместе с купцами и интеллигенцией, которые также вступали в либеральные и монархические объединения, куда входили духовенство и чиновничество.

Таким образом, несмотря на отдаленность региона, Сибирь и ее крупные города в период активизации политической жизни на рубеже XIX–XX вв. развивались синхронно с Центром, что повлияло на последующие события вплоть до установления Советской власти.

Список источников

1. Блинов Н. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972. 214 с.

2. Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2013. 179 с.

3. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 211. Л. 9

4. Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. 170 с.

5. Шиловский М. В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX века // Вопросы истории Сибири XX века: межвузовский сборник научных трудов. 1999. С. 16–37.

6. Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX - начало XX вв.). Омск, 2010. 498 с.

7. ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6 А. Л. 178

8. Малютина Л. Ф. История многопартийности в России: российский и региональный компоненты: учебное пособие / Л. Ф. Малютина, Д. Н. Гергилев. Красноярск, 2016. 129 с.

УДК 373.51

Сравнительная характеристика 1-й и 2-й Красноярской женской гимназии (1870-1921 гг.)

Смирнова Полина Дмитриевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
appolinariyasmirnova2007@gmail.com

Ключевые слова: женское образование, Енисейская губерния, Красноярская женская гимназия, частная инициатива.

В дореформенной России женское образование носило эпизодический и домашний характер. Согласно Уставу 1828 г., девочки допускались в приходские училища, но с возрастным ограничением до 11 лет, что исключало возможность получения полноценного образования. Социальная роль женщин сводилась к семье, а цель их обучения – к подготовке «добрых жен,

© Смирнова П. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

попечительных матерей, примерных наставниц для детей» [1]. «Великие реформы» Александра II изменили общественные запросы: развитие капитализма, потребность в женском труде и общественно-педагогическое движение обусловили необходимость системного женского образования. Положения 1860 и 1870 гг. закрепили создание женских училищ, прогимназий и гимназий. Однако, в отличие от мужских школ, финансируемых государством, они существовали за счет благотворительности и платы за обучение. При этом учебные планы сохраняли традиционную направленность, а права выпускниц оставались ограниченными. В этот период началось становление системного женского образования в Енисейской губернии: в 1869 г. было открыто женское училище, в 1870 г. – прогимназия, а к 1878 г. сформировалась 1-я Красноярская женская гимназия. В 1910 г., на волне роста частной инициативы, была создана и 2-я Красноярская женская гимназия О. П. Ициксон. Оба учебных заведения действовали в рамках единой государственной политики, однако по своему статусу и учредителям они заметно различались.

1-я Красноярская женская гимназия возникла как государственное учебное заведение, пройдя путь от училища второго разряда до полной гимназии. Ее развитие инициировалось «сверху» – через распоряжения Министерства народного просвещения, генерал-губернатора и губернатора. Целью являлось обеспечение средним женским образованием в масштабах всей губернии. 2-я Красноярская женская гимназия, напротив, была создана по частной инициативе выпускницы 1-й гимназии О. П. Ициксон, имевшей высшее физико-математическое образование и стажировку в Европе. Цель была более конкретной: дать образование девочкам из малообеспеченных семей. Таким образом, если первая гимназия решала задачу институционализации женского образования в регионе, то вторая – задачу социальной доступности.

Что касается финансирования и материальной базы, то 1-я гимназия содержалась преимущественно за счет пожертвований купцов и золотопромышленников, фиксированной платы за обучение и незначительную государственную дотацию. Благодаря этому удалось построить собственное каменное здание гимназии в 1885 г. [2], создать библиотеку, кабинет физики и др. 2-я гимназия финансировалась из личных средств учредительницы и платы за обучение, хоть и невысокой. В доступных источниках не найдено сведений о пожертвованиях в пользу гимназии. Следовательно, материальная база 2-й гимназии была значительно скромнее.

Заметно различались и подходы к дисциплине, быту, регламентации поведения. 1-я гимназия известна своими «Правилами для учениц Красноярской женской гимназии» от 1886 г. [3]. Согласно этому документу, строго регламентировался внешний вид и распорядок дня гимназисток. Так, устанавливалась форма одежды («коричневое шерстяное платье, простого фасона»), прическа («[волосы] заплетены в одну или две косы»), отсутствие досуга в будние дни «для сохранения здоровья и для учения», запрет на посещение «увеселительных мест», прогулки только в сопровождении родственников, обязательное дежурство в классах и так далее. Таким образом, уклад жизни учениц гимназии был крайне дисциплинированным, аскетичным и ориентированным на формирование образованной, нравственно безупречной девушки, способной служить «Церкви и Отечеству». Во 2-й гимназии соблюдались общие требования Министерства народного просвещения, однако конкретного документа, регламентировавшего поведение учениц, не сохранилось.

Учебные программы гимназий имели как сходства, так и различия. В 1-й гимназии базовый курс включал Закон Божий, русский язык, историю, естествоведение, иностранные языки и арифметику. Главным отличием стало открытие в 1887 г. 8-го педагогического класса, где преподавали педагогику, дидактику,

методику, математику, а также проводили практику: посещение уроков учителей, наблюдение за развитием нескольких воспитанниц, пробные занятия под присмотром начальницы гимназии [4]. Во 2-й гимназии после общего курса, принципиально не отличавшегося от 1-й гимназии, можно было поступить в дополнительный класс, где изучали латинский язык, алгебру, геометрию, основы философии.

По-разному сложилась и историческая судьба учебных заведений. 1-я гимназия просуществовала с 1869 по 1918 гг. и после революции была ликвидирована. Она успела пройти несколько этапов: начиная с училища второго разряда и заканчивая полной женской гимназией. 2-я гимназия функционировала около 7 лет – с 1914 по 1921 гг., согласно архивным материалам, и также прекратила свое существование в ходе послереволюционной реорганизации. Кратковременность существования объясняется как более поздним основанием, так и уязвимостью частных учебных заведений в условиях революционных потрясений.

Таким образом, вместе с изменением общественного положения женщины трансформировалось и женское образование, в том числе и в Енисейской губернии. Несмотря на все различия между 1-й и 2-й гимназиями (статус, учреждение, дисциплина, учебная программа), их объединяли традиционные ценности, приверженность православным канонам и зависимость от частной инициативы. Стоит отметить историческую преемственность, проявившуюся в том, что основательница 2-й гимназии сама была выпускницей 1-й.

Список источников

1. Бардовский А. Ф. Патриотический институт: ист. очерк за 100 лет. 1813-1913 гг. / сост. по поруч. Сов. Патриот. Ин-та инспектор классов Ин-та А. Ф. Бардовский. СПб.: Тип. «Т-ва Е. Вейерман и К°», 1913. С. 45.

2. ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 38. Л. 16-18.

3. ГАКК. Ф. 265. Оп. 1. Д. 44. Л. 2-10.

4. Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1869-1894 гг.). Красноярск: Тип. А. Д. Жилина, 1895. С. 47–48.

УДК 94(571.51)

Международный женский день как фактор формирования новой гендерной культуры в советском обществе в 1920–е гг. (на примере Енисейской губернии / Сибирского края)

Суворова Мария Алексеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, msuvorova-ii23@sfu-kras.ru

Ключевые слова: 8 Марта, Международный женский день, гендерная политика СССР, «новая женщина», женотдел, советская власть.

В условиях современного пересмотра гендерных ролей и публичных дискуссий о положении женщины в обществе обращение к раннесоветскому опыту, одному из первых в истории государственных проектов по женской эмансипации, особенно актуально. Международный женский день, сохраняющий статус массовой культурной практики, изначально формировался не как символический праздник, а как инструмент политической мобилизации и конструирования нормативного образа женщины. После юридического закрепления равноправия в Конституции 1918

© Суворова М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

года потребовалось добиться и фактического вовлечения крестьянок и работниц в общественную жизнь. Важнейшим каналом этой интеграции стали приуроченные к 8 Марта праздничные мероприятия, через которые транслировались представления о социальной роли, поведенческих нормах и политической лояльности женщины. Изучение этих механизмов позволяет выявить истоки устойчивых моделей гендерной репрезентации, сохраняющихся в трансформированном виде до настоящего времени.

Отечественная историография женского вопроса прошла путь от теоретических обоснований 1920-х годов (А. М. Коллонтай, К. Цеткин, Н. К. Крупская) через накопление фактологического материала в рамках марксистской парадигмы в 1950 – 1980-е годы (В. Л. Бильшай, П. М. Чирков, Н. И. Кондакова) к современному гендерному подходу (Н. Л. Пушкарева, А. А. Темкина, Е. А. Здравомыслова). В рамках последнего 8 Марта анализируется как коммеморативная практика, конструирующая нормативный образ «советской женщины». Однако отсутствуют работы, посвящённые комплексному анализу воздействия практик празднования Международного женского дня на формирование нового образа женщины в сибирском регионе.

Конструирование образа «новой женщины» в 1920-е годы было встроено в общий проект «советского человека». Как подчеркивала А. М. Коллонтай в брошюре «Новая мораль и рабочий класс» [1, с. 5–6], эталонная женщина самодостаточна, независима от мужчины, активна в трудовом и политическом коллективе, отказывается от семейно-домашней самореализации в пользу партийных задач.

Первое системное празднование 8 Марта в Восточной Сибири состоялось в Иркутске в 1920 году. Подготовка велась силами группы коммунисток, недавно освобожденных из колчаковских тюрем. В феврале они организовали митинги, собрания и

агитационные встречи, результатом которых стала первая в регионе женская конференция, приуроченная к 8 Марта. В газете «Красная сибирячка» этот день был обозначен как «первый Красный праздник иркутских работниц» [2]. Проведение «женского дня» в Иркутске приобрело стратегическое значение: оно рассматривалось партийными структурами как экспериментальная модель для тиражирования в других территориях Восточной Сибири – Красноярске, Минусинске, Ачинске, Канске.

Главным институтом, ответственным за проведение 8 Марта на местах, стали женотделы. К концу 1920 года на территории Енисейской губернии началось формирование этой инфраструктуры. В ноябре 1920 – январе 1921 года были учреждены губернский женотдел в Красноярске и уженотделы в пяти местных уездах. Штат насчитывал всего 14 сотрудниц, что было недостаточно для начала работы и празднования 8 Марта на местах [3].

В 1922 – 1923 гг. происходит попытка институционального расширения практик, штат женотделов расширяется. На повестку выходят темы охраны материнства, ЛИКБЕЗ, кооперации среди женщин. Согласно циркуляру Енисейского губкома РКП(б) [4] основными призывами в 1923 году стали: повышение квалификации женщины-труженицы, борьба с женской безработицей, коллективизация быта и поддержка матерей с детьми. Впервые были приняты меры по бронированию мест для женщин в рабочих факультетах и профессиональных школах. Одновременно предпринимались попытки развития делегатского движения, однако оно сохраняло формальный характер.

В деревне Есаулово в марте 1924 года состоялось одно из первых масштабных празднований на селе. Совместное собрание открыла делегатка-беспартийная Корнилова с докладом о значении праздника. Символическим актом стало вручение выступающим крестьянкам подарков от швейниц местной кооперации: красный

фартук, чулки, рукавицы [5]. Красный фартук – символ труда и революции, рукавицы – знак заботы и «трудовой закалки». Вручение «атрибутов новой женщины», которое часто практиковалось к 8 Марта, становилось формой «инициации».

Начиная с 1927 года 8 Марта претерпевает структурные изменения – к нему приурочиваются мероприятия, связанные с участием женщин в хозяйственных задачах. Ключевой инновацией становится «Неделя кооперирования женщин» [6], впервые организованная в Красноярском и Минусинском округах. С 1 по 8 марта в деревнях создавались комиссии, разрабатывавшие планы «вербовки» женщин в кооперативы. Праздник превращался в день подведения итогов хозяйственной активности женщин. В целом к концу 1920-х годов под влиянием внутриполитических изменений модель «новой женщины» теперь не только политически сознательная, но и грамотная мать, участница колхозстроительства. В клубах устраиваются выставки детских работ, проводятся лекции о материнстве, чествуются женщины, окончившие ликпункты. В деревне Глубокова 8 марта 1928 года женщины проводили проверку «чистоты своих рядов», исключая «чуждых элементов». Делегатка Аверина подчеркнула, что праздник больше не должен быть «чаепитием», а представляет собой «массовую работу по привлечению женщин-батрачек и середнячек в колхозы».» [7]. Так, «колхозная политика» становится лидирующей в пропаганде.

Анализ материалов 1920-х годов по Енисейской губернии позволяет выделить этапы эволюции 8 Марта как средства реализации гендерной политики. В начале десятилетия праздник носил агитационно-просветительский характер, служа точкой входа женщины в политическую культуру. К середине 1920-х годов он начинает использоваться как инструмент отчетности и мобилизации в кооперацию. С 1927 года акцент смещается с политической эмансипации на участие в производстве и патриотическое служение. Образ сибирской женщины претерпевает

сдвиги: от революционной героини – к рациональной хозяйке и дисциплинированной участнице колхозного строительства.

Список источников

1. Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. 61 с.

2. Первый Красный праздник Иркутских работниц // Красная Сибирячка. 1920. 8 марта.

3. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 816. Л. 43.

4. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 407. Л. 44.

5. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 817. Л. 22.

6. ГАКК. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 55. Л. 135.

7. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 791. Л. 4.

УДК 379.7:778.5(571.51)"1890/1910"

Кинематограф как новый вид досуга населения Енисейской губернии в дореволюционный период

Турянская Мария Александровна
Гуманитарный институт, Красноярский край, Красноярск, Россия, mturyanskaya@sfu-kras.ru

Ключевые слова: кинематограф, Енисейская губерния, Красноярск, Минусинск, электротеатр, передвижной кинематограф, досуг, дореволюционный период.

Кинематограф, появившийся в конце XIX столетия, быстро превратился из технического курьеза в один из самых

© Турянская М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

демократичных и массовых видов досуга. В Российской империи этот процесс имел свою региональную специфику, особенно ярко проявившуюся в Сибири. Енисейская губерния, удалённая от столичных центров, с огромной территорией и разнообразным населением, представляет собой уникальный пример того, как новое зрелище адаптировалось к местным условиям, формируя новую культурную среду.

Первые сведения о кинематографе в губернии относятся к концу XIX в. и фиксируются в местной периодической печати. Однако регулярные показы начались лишь в конце 1900-х гг. В. А. Ватолин в исследовании «Синема в Сибири» отмечает, что начальный этап характеризовался эпизодическими сеансами приезжих антрепренёров, которые использовали временные помещения и ярмарочные балаганы [9, с. 34–36].

Перелом наступил с открытием стационарных электротеатров. В Красноярске первым таким заведением стал «Патеграф» (1910), названный в честь французской фирмы «Пате». За ним последовали «Художественный» (1912) и «Луч» (1913). Архивные документы Государственного архива Красноярского края (ГАКК) позволяют детально проследить процесс их создания. Так, дело об утверждении проекта электрического освещения кинотеатра «Патеграф» показывает, что внедрение электричества было необходимым техническим условием для кинопоказа [3, Л. 2; 7, Л. 4]. Строительство кинематографа при доме купца П. И. Гадалова и здания кинотеатра В. А. Полякова в городском саду свидетельствует о значительных капиталовложениях и о том, что кинотеатры становились важными элементами городской архитектуры [4, Л.1; 5, Л.3].

В уездных городах процесс шёл сходным образом. Т. Г. Кузьмина на основе архивных материалов восстановила историю открытия первого электротеатра «Метеор» в Минусинске в 1907 г. в доме купца В. В. Федорова [12, с. 558]. Это позволяет утверждать,

что провинциальные города не отставали от губернского центра в стремлении приобщиться к новому зрелищу. Купечество активно участвовало в создании культурной инфраструктуры, предоставляя помещения и средства для открытия кинотеатров.

Особое место в распространении кино принадлежало передвижным кинематографам. Для сельской местности, приисков и отдалённых сёл они были единственной возможностью увидеть фильмы. В. А. Ватолин подчёркивает их огромную социальную миссию [8, с. 286–289]. Архивные дела ГАКК фиксируют инициативы крестьян Б. А. Будовича и В. Н. Венгеровских по организации передвижных театров-кинематографов [1, Л. 2; 2, Л 3]. Эти документы уникальны тем, что показывают: кино привлекало предприимчивых людей из низших сословий, видевших в нём не только заработок, но и способ просвещения односельчан.

Знаковым событием стало зарождение местной кинолетописи. М. П. Чулков, директор кинотеатра «Арс», получил разрешение на кинематографическую съёмку в Енисейской губернии. Д. В. Карпухина на основе архивных материалов реконструирует его деятельность как первого красноярского кинооператора, снимавшего хронику жизни города [11, с. 298–300]. Хотя эти фильмы не сохранились, сам факт их создания свидетельствует о высоком уровне культурного развития региона [10, с. 11–14].

Репертуар кинотеатров Енисейской губернии в целом следовал общероссийским тенденциям. Наибольшей популярностью пользовались мелодрамы, комедии и приключенческие сериалы. Т. А. Кискидосова на основе анализа сибирских газет отмечает, что реклама киносеансов была ориентирована на разные социальные группы: одни кинотеатры зазывали публику «изысканным зрелищем», другие делали упор на доступность и занимательность [13, с. 215–218]. Цены на билеты дифференцировались: в престижных залах центра они были выше, в рабочих слободах (Николаевская, Ачинская) – минимальными.

Дело А. А. Речмедилова об устройстве кинематографа в Николаевской слободе подтверждает стремление владельцев охватить небогатую, но многочисленную аудиторию [6, Л.2].

Сельские зрители, приходившие на сеансы передвижников, отличались особой эмоциональностью и предпочитали простые, зрелищные ленты: комические, трюковые, видовые, а также фильмы на религиозные и исторические темы. Интеллигенция, напротив, видела в кино инструмент просвещения.

Кинематограф в Енисейской губернии прошёл путь от первых эпизодических сеансов (1897 – середина 1900-х гг.) до формирования разветвлённой стационарной сети и зарождения местного кинопроизводства (1910–1917). К 1917 г. кино стало неотъемлемой частью городского и сельского досуга, объединив в зрительном зале представителей всех сословий. Оно выполняло не только развлекательную, но и просветительскую функцию, способствовало модернизации городской среды, а благодаря передвижникам проникало в самые отдалённые уголки губернии.

Список источников

1. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 583. О разрешении крестьянину Б. А. Будовичу открыть передвижной театр-кинематограф.

2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 588. Об организации передвижного кинематографа крестьянином В. Н. Венгеровским.

3. ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 3115. Об утверждении проекта электрического освещения кинотеатра «Патеграф» в г. Красноярске.

4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 828. О строительстве здания кинематографа В. А. Полякова в городском саду г. Красноярска.

5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 711. Об утверждении плана на пристройку помещения для аппаратной к кинематографу В. А. Полякова в г. Красноярске.

6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 3383. Об утверждении проекта на устройство кинематографа в Николаевской слободе г. Красноярска А. А. Речмедиловым.

7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 3127. Об утверждении проекта электрического освещения кинотеатра «Патеграф» в г. Красноярске.

8. Ватолин В. А. Голливуд за Каменкой: очерки зарождения и становления производства фильмов в Сибири // Киноведческие записки. 2005. № 74. С. 282–321.

9. Ватолин В. А. Синема в Сибири: очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917 гг.). Новосибирск, 2003. 172 с.

10. Боровлева Л. В. Красноярский кинематограф в конце XIX – начале XX вв. // Культура и искусство Сибири: история и современность: сб. науч. тр. Красноярск, 2004. С. 11–14.

11. Карпухина Д. В. Пионер киносъемки. Жизнь и деятельность М. П. Чулкова в документах Государственного архива Красноярского края // IX краеведческие чтения: Енисейская губерния: лица истории: материалы конф. Красноярск, 2022. С. 296–303.

12. Кузьмина Т. Г. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск: Офсет, 2023. С. 558.

13. Кискидосова Т. А. Города Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет). Красноярск: Офсет, 2023. 432 с.

УДК 94:796.92(571.51)"1930/1939"

Особенности лыжных агитпоходов в Красноярском крае в 1930-е годы: спортивно-патриотическая мобилизация населения накануне ВОВ

Черноусов Александр Владимирович
Институт гуманитарный Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chernousov2004@list.ru

Ключевые слова: лыжные агитпоходы, Красноярский край, 1930-е годы, военно-патриотическая мобилизация, лыжная подготовка, комсомол, Осоавиахим, Великая Отечественная война, ГТО, лыжные батальоны, освоение Арктики, военно-прикладные навыки.

На основе архивных материалов (ГАКК), периодики и исследований анализируется роль лыжных агитпоходов в Красноярском крае в 1930-е годы как инструмента военно-патриотической мобилизации. Показано, что дальние лыжные переходы (Красноярск – Диксон, Игарка – Красноярск и др.) сочетали спорт, агитацию и военно-тактическую подготовку. Выявлены основные направления использования лыжного спорта для обороны: пропаганда ГТО, работа в отдалённых посёлках, освоение территорий, проверка мобилизационных возможностей зимой. Особое внимание – взаимодействию комсомола, физкультурных организаций и Осоавиахима в подготовке лыжников-разрядников, ставших основой лыжных батальонов Сибирского военного округа.

© Черноусов А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Лыжный спорт в довоенном Красноярском крае стал не просто элементом физкультурного движения, но и важнейшим инструментом военно-мобилизационной работы. Его военно-прикладное значение актуализировалось в условиях нарастания военной угрозы в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Лыжные агитпоходы представляли собой синтез спортивного достижения, политической агитации и военно-тактической тренировки. Их целями были демонстрация возможностей человека в экстремальных условиях, пропаганда оборонной готовности среди населения отдалённых районов, сбор информации о местности и проверка выносливости участников.

Наиболее знаковым событием стал агитпоход Красноярск – Диксон в конце 1936 года. Тысячи километров по тундре и арктическому льду были пройдены комсомольцами завода «Красмашвагонстрой». Успех перехода был отмечен телеграммой крайкома ВЛКСМ: «вы оправдали надежды… ваш переход – новый крупный шаг в освоении Арктики» [2]. Другие переходы, например, Игарка – Красноярск (1954 км за 32 дня), также широко освещались в прессе как примеры героизма. В 1937 году студенты Рыбинского сельхозтехникума совершили марш-бросок в противогазах на 180 км по маршруту Рыбинское – Красноярск, отрабатывая действия в условиях химической атаки [8].

Участники походов вели культурно-массовую работу в населённых пунктах, распространяли газеты, призывали сдавать нормы ГТО и вступать в лыжные секции. Дальние походы в северные районы (Диксон, Дудинка, Игарка) имели и практическое значение: они способствовали освоению труднодоступных территорий и проверке возможностей передвижения зимой, что было стратегически важно для обороны края.

В 1940 году на территории края формировался 52-й стрелковый корпус. Заведующий военным отделом крайкома Лупилин доложил секретарю Кулакову о создании двух лыжных

батальонов из добровольцев. Однако проверка выявила крайне слабую постановку лыжной подготовки в регионе. В связи с этим военные отделы взяли подготовку лыжников под жёсткий контроль. Их обучали длительному передвижению с грузом (рюкзак, оружие), ориентированию на незнакомой местности, тактике лыжного боя, маскировке, организации ночлега в поле и стрельбе после изнурительного лыжного перехода (на базе обществ типа «Динамо») [4]. Краевой комитет по делам физкультуры и спорта в феврале 1941 года призывал внедрять лыжи в жизнь каждого для развития военно-прикладных навыков [8].

Массовое вовлечение молодёжи в лыжный спорт через систему ГТО, секции ДСО и агитпоходы создало значительный контингент, обладавший критически важными для войны навыками. Отчёт о комсомольском лыжном кроссе имени 23-й годовщины РККА (февраль 1941 г.) фиксирует участие только в Красноярске 6970 человек – 53% состава городской комсомольской организации [1]. Физкультурные организации, особенно «Динамо», помогали воинским частям в лыжной подготовке, предоставляли инструкторов и инвентарь. Лыжные секции взаимодействовали с Осоавиахимом, где проводились специализированные военные занятия [3].

Опытные лыжники-разрядники, подготовленные в секциях и прошедшие школу агитпоходов, стали кадровой основой для формирования лыжных батальонов и специальных подразделений Красной Армии накануне войны. Исследователь А.С. Ильин прямо указывает: «подготовленные в крае лыжники составили костяк лыжных подразделений, сформированных в Сибирском военном округе» [4].

Таким образом, лыжные агитпоходы и военно-прикладная подготовка стали ключевыми формами превращения массового лыжного движения в инструмент укрепления обороноспособности в предвоенный период. Архивные материалы показывают, как под

эгидой партийных и комсомольских органов спорт становился частью военной подготовки населения. Массовые кроссы и походы решали задачи пропаганды, мобилизации и проверки возможностей. Система лыжных секций, связанная с Осоавиахимом, готовила квалифицированный резерв для армии. Реальный вклад выразился в создании кадровой базы лыжных подразделений, освоении стратегических территорий и формировании контингента молодёжи, физически и морально готовой к суровым испытаниям Великой Отечественной войны. Опыт Красноярского края стал важной частью общесоюзной системы мобилизационной подготовки.

Список источников

1. ГАКК Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 223. Л. 74.

2. ГАКК Ф.П. 1474. Оп. 1. Д. 350. Л. 26.

3. ГАКК Ф.П. 1474. Оп. 3. Д. 33. Лл. 1, 4.

4. Ильин А. С. Подготовка лыжников в Красноярском крае накануне Великой отечественной войны // Армия и общество. 2014. №6 (43). С. 53–56.

5. Физкультурно-массовая работа в Красноярском крае в 1930-е годы / О. Б. Лобанова, Л. С. Шмульская, Е. Д. Кондрашова, Д. Д. Бурушкин // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2023. №11. С. 38–44.

6. Молодость, сила, здоровье // Красноярский рабочий. 1935. № 174. С.1.

7. На Северо-Чуйские Альпы // Красноярский комсомолец. 1939. № 100. С. 3.

8. Усаков В. И. Лыжные гонки в истории красноярского спорта // Красноярск: Велеск, 2019. 223 с.

УДК 94:658.5.008(571.51-25)"1951/1979"

Производственная культура как фактор формирования коллективной идентичности (на примере Красноярского шёлкового комбината) в 1951–1970 гг.

Шмакова Полина Сергеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, polinashmakova1@mail.ru

Ключевые слова: Красноярский шёлковый комбинат, советское предприятие, производственная культура, внутризаводские ценности, коллективная идентичность.

Промышленные предприятия в советский период представляли собой не только производственные организации, но и одновременно являлись социальными институтами, благодаря которым советские люди могли реализовывать свои ключевые потребности в социальной, политической и духовной сферах жизни. Кроме того, они выполняли идеологическую и воспитательную функции, тем самым создавая особую производственную культуру – систему идей и ценностей, которая влияла на повседневные действия работников. Важную роль в формировании производственной культуры играла коммунистическая идеология.

Красноярский шёлковый комбинат, как одно из крупнейших в РСФСР и единственное подобное на территории Сибири предприятие текстильной промышленности, вступившее в строй в 1957 г., не стало исключением. За первое десятилетие работы на комбинате сложился многотысячный коллектив со своими

© Шмакова П. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ценностями и традициями, базировавшимися на коммунистических принципах.

Основная воспитательная и идеологическая работа на комбинате проводилась его партийной организацией. Особое внимание уделялось политической учёбе [1, с. 5]. Другим инструментом формирования и трансляции производственной культуры комбината являлась его газета «Голос текстильщика», посредством которой пропагандировались основные ценности предприятия и нормы поведения рабочих.

В первую очередь, работник комбината – активный борец за коммунистические идеалы, член первичной партийной и комсомольской организации. Должное внимание уделял комбинат умению вести пропагандистскую и агитационную деятельность. Успехов в этом деле, например, достигли работницы Фаина Комышева [2, с. 1], Рая Рыбальченко, Нина Малыхина [3, с. 1], а также Нина Шайдурова [4, с. 1]. За активную общественную деятельность вниманием были удостоены Анна Борисова [5, с. 1], Валентина Сизых, Алла Сущевская [2, с. 4] и многие другие.

Кроме того, работник комбината – передовик производства и ударник коммунистического труда, стремившийся улучшить процесс и результаты производства. В пример таких рабочих приводятся ткачихи Валентина Пивкина и Вера Зыско [6, с. 1], Лариса Куманева [7, с. 1], Люба Вертунова и Галя Ключникова [8, с. 1], слесарь П. И. Румянцев [9, с. 1], руководитель картонасекального отдела 3-го ткацкого цеха А. А. Афанасьев [10, с. 1] и многие другие шелковики.

Помимо профессиональных качеств в работниках предприятия ценились и такие личные качества, как доброта, отзывчивость, инициативность, умение держать слово. Было у комбината и своё понимание «хорошего человека»: «Хороший человек! Это значит живёт он для общества, для людей» [11, с. 1].

Шелковики ежегодно выезжали на уборку картофеля [12, с. 1], участвовали в социалистических соревнованиях и различных конкурсах на звание «лучший по профессии» и т. п. Работники предприятия привлекались к разным видам работ по благоустройству территории комбината [13, с. 1]. Традицией было проводить «Вечер совершеннолетия», когда «вчерашних школьников» посвящали в рабочие [14, с. 3]. Эти и другие совместные мероприятия, проводимые на комбинате, также являлись важным элементом формирования производственной культуры, т. к. были направлены на закрепление внутризаводских ценностей и укрепление советской идентичности.

Важную роль в формировании производственной культуры играли также разнообразные досуговые практики работников комбината. Предприятием популяризировался и организовывался полезный и культурный досуг. Для укрепления физического здоровья комбинат предлагал путевки для отдыха на курортах и в домах отдыха в Крыму [15, с. 1], на Урале, в Кислозаводске [16, с. 1], Усолье [17, с. 2]. Однако наибольшую популярность имели активные формы отдыха: туристические походы и слёты, экскурсии, прогулки и путешествия. Работники предприятия ходили в туристические походы в тайгу – на «Столбы», в таежную Ману и другие окрестности Красноярска, принимали участие в туристических слётах в районе р. Базаихи [18, с. 1] и Петряшино [19, с. 3].

В сферу культурного досуга относились коллективные выходы в кино и театр, тематические вечера и встречи, лекции. Работниками были просмотрены различные кинофильмы, например, «Иду на грозу», Война и мир», «Спартак», «Человек, которого я люблю», а также спектакли Пермского театра оперы и балета им. Чайковского «Фауст» и «Травиата», Московского драматического театра им. Гоголя «Угрюм река», «Сестры-разбойницы» и «Девушка с кувшином» [20, с. 1]. В общежитиях организовывались творческие вечера. Существующее на комбинате

общество «Знание» проводило лекции о развитии Красноярского края в период советской власти [13, с. 4].

Таким образом, через формирование особой производственной культуры предприятие создало не просто коллектив работников, а целостную социальную общность с единой системой ценностей, транслируя и закрепляя в сознании людей коммунистические идеалы через призму повседневного трудового опыта.

Список источников

1. Блинов А. С. Самое важное, самое главное : Парт. организация в борьбе за повышение производительности труда. Красноярск, 1972. 12 с.
2. Голос текстильщика. 1966. 14 января.
3. Голос текстильщика. 1967. 7 июля.
4. Голос текстильщика. 1968. 25 января.
5. Голос текстильщика. 1966. 7 января.
6. Голос текстильщика. 1966. 25 февраля.
7. Голос текстильщика. 1968. 1 февраля.
8. Голос текстильщика. 1969. 6 февраля.
9. Голос текстильщика. 1965. 23 июля.
10. Голос текстильщика. 1969. 16 января.
11. Голос текстильщика. 1967. 17 марта.
12. Голос текстильщика. 1968. 12 сентября.
13. Голос текстильщика. 1967. 19 октября.
14. Голос текстильщика. 1968. 5 января.
15. Голос текстильщика. 1966. 14 января.
16. Голос текстильщика. 1966. 2 декабря.
17. Голос текстильщика. 1966. 10 июня.
18. Голос текстильщика. 1965. 22 июня.
19. Голос текстильщика. 1966. 22 июля.
20. Голос текстильщика. 1966. 9 августа.

Креатив. Культура. Коммуникации: стратегии управления и маркетинга

УДК 658.827

Традиционные ценности VS современные тренды: дилемма позиционирования бренда в обществе

Абалымова Ульяна Владиславовна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yluaab@gmail.com

Ключевые слова: бренд, современный тренд, традиционная ценность, компания, целевая аудитория, продукт.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Е. А. Бугаевой за помощь в выполнении работы.

В современном маркетинге бренды сталкиваются с непростой задачей: как сохранить связь с традиционными ценностями целевой аудитории и одновременно соответствовать актуальным трендам. Эта дилемма особенно актуальна в условиях быстрых социальных изменений, когда ценности разных поколений могут существенно различаться.

Проблема заключается в том, что бренды часто пытаются выбрать всего один подход из двух, не пытаясь их комбинировать и вследствие этого терпят поражение на рынке. Традиционные ценности не всегда способны пробиться сквозь более актуальные продукты, но при этом и современные тренды не всегда способны зацепить покупателя среди аналогичных предложений.

Ключевая задача любого бренда в наше время — привлечь внимание потребителя. Высокого качества и красивой упаковки уже недостаточно. По этой причине многие успешные мировые бренды работают на основе смыслов и ценностей. В своей коммуникации

© Абалымова У. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

они отвечают на извечные вопросы — Что такое свобода? Что есть любовь? Что такое счастье? В чём проявляется любовь к родине? К кому я должен быть добр? В чем смысл жизни? Аудитория хочет видеть в рекламных кампаниях обыкновенные жизненные ценности, которые ценятся в обществе.

Для полноты восприятия, важно понимать, про какие ценности идёт речь — весомое место занимают традиционные нравственные ценности: любовь в широком смысле, доброта, семейные отношения, щедрость, добрососедство, патриотизм.

Благодаря, научным статьям мы можем сделать аналитическую таблицу: «Какие преимущества дает брендам продвижение через традиционные ценности/тренды?». Данный представлены в таблице 1.

Таблица 1. «Какие преимущества дает брендам продвижение через традиционные ценности/тренды?»

«Какие преимущества дает брендам продвижение через традиционные ценности/тренды?».	
Традиционный ценности	**Современные тренды**
Выстраивание долгосрочных отношений со своей аудиторией, повторные покупки и доплата за качество.	Рост узнаваемости и охвата за счет алгоритмов соцсетей. Использование вирусного контента позволяет алгоритмам платформ автоматически распространять материалы бренда среди широкой аудитории.
Эмоциональный резонанс. Образы семьи, дома, родины вызывают сильные положительные переживания, что повышает запоминаемость бренда. Данные образы создают влияние на людей, то есть мотивируют их жить, соблюдая транслируемые ценности.	Создание всплеска эмоций. Покупка трендовой вещи вызывает у человека восторг и желание поделиться данной новостью с другими.

Окончание таблицы 1.

«Какие преимущества дает брендам продвижение через традиционные ценности/тренды?».	
Традиционный ценности	**Современные тренды**
Отстройка от конкурентов. В условиях глобализации локальные традиции становятся уникальным торговым предложением.	Способность распространять свой продукт без специальных инструментов. Продукт сам себя продаст за счёт актуальности. Благодаря этому знатно увеличиваются продажи.
Снижение репутационных рисков. Опора на общепринятые нормы уменьшает вероятность скандалов по сравнению с провокационными кампаниями.	Использование «стадного инстинкта» для доверия. Трендовое продвижение, вовлекающее много людей, запускает механизм социального доказательства: новые пользователи склонны доверять тому, что уже выбирают другие.

Проанализировав таблицу 1. Можно сделать такой вывод: соблюдение всего одного подхода не гарантирует успех бренда. Для популяризации компании нужен комплексный сбалансированный подход, который будет объединять в себе и традиционные ценности, и современные тренды. Получение доверия от аудитории, повышение узнаваемости, создание эмоций, выстраивание долгосрочных отношений и уникальность продукта — всего этого можно добиться сбалансированным, грамотно выстроенным путём позиционирования бренда в обществе. Для успеха важно грамотно комбинировать традиционные ценности и современные тренды, чтобы получать выигрышные преимущества над конкурентами.

В доказательство важно отметить реальный кейс от Coca-Cola в преддверии чемпионата мира по футболу. В видеоролике фанаты большой громкой толпой собираются вместе, чтобы болеть за Россию в чемпионате и, конечно, пьют напиток Coca-Cola. Они

хором громко выкрикивают лозунги и ведут себя добродушно по отношению друг к другу. Текст: «Наша жизнь — игра. Давай, Россия! Мы с тобой всегда! — Как же нужна поддержка трибун! — Наша жизнь — игра. Давай, Россия! Мы с тобой всегда! Болей за Россию, вместе мы сила». Патриотизм является традиционной нравственной ценностью, и данная рекламная кампания ярко это показывает. Отношение к родине в ролике показано, как массовое явление, объединяющее людей. Эта реклама стала грамотным балансом между актуальной, трендовой темой (Чемпионат мира по футболу) и традиционными ценностями в виде любви к родине и поддержке друг друга. Это показывает, как успешно комбинируются два подхода в рекламной кампании, что доказывает важность такого баланса. Грамотно выстроенное позиционирование бренда в обществе напрямую влияет на его репутацию, развитие, продажи, популяризацию, аудиторию и в целом весь путь.

Список источников

1. Смирнова Е. А. Ценностные ориентиры рекламы в современном обществе // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 3 (11). С. 167–170.

2. Семенова О. В. Важность позиционирования бренда и актуальные методы продвижения бренда организации // Маркетинг. 2023. № 14 (2). С. 155–163.

3. Чепкина Э. В. Дискурсивные практики рекламы: репрезентация традиционных ценностей / Э. В. Чепкина, Э. В. Шмидт // Язык СМИ и культура. 2013. №S2. С. 112–116.

УДК 659.12:398.4

Мифологические персонажи в рекламе: анализ визуальных и смысловых приёмов

Антоновская Таисия Николаевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, layra_history@mail.ru

Ключевые слова: мифологические персонажи, архетипы, семиотика, визуальные приёмы, брендинг, метонимия, клиповое мышление.

В условиях перенасыщенного информационного поля и «баннерной слепоты» классические рациональные аргументы (цена, качество) постепенно утрачивают эффективность. Современный потребитель нуждается не столько в информации, сколько в смыслах. На помощь приходят архетипы – глубинные образы, закреплённые в коллективном бессознательном, согласно теории Карла Густава Юнга [2]. Мифологические персонажи служат когнитивными якорями: они мгновенно считываются мозгом, минуя стадию критического осмысления, и формируют доверие на доречевом уровне. Однако древние образы сталкиваются с клиповым мышлением и фрагментарностью внимания современной аудитории. Адаптация происходит через редукцию деталей и гипертрофию ключевого атрибута: миф сжимается до одного визуального клише, иначе зритель просто промотает рекламный ролик за доли секунды. Как отмечал А. Ф. Лосев, миф не есть выдумка, а наиболее живая и непосредственная реальность, что и объясняет его высокую внушающую силу в рекламе [3].

© Антоновская Т. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Как утверждал Ролан Барт в работе «Мифологии», реклама превращает историю в природу [1]. Рекламный миф представляет собой вторичную семиологическую систему, в рамках которой конкретный товар наделяется сакральными свойствами героя или божества. В современной рекламе мифологические персонажи транслируют ценности (не «купи машину», а «обрети свободу как Гермес»), упрощают коммуникацию, сводя бренд к атрибуту героя, и создают эмоциональную связь через приобщение к древности.

Анализ современной рекламной практики позволяет выделить три основных типа использования мифологических персонажей. Первый тип – атрибутивная связь, или метонимия, при которой сила бога переносится на товар через его характерный предмет. Например, DHL и UPS используют крылатые сандалии и жезл Гермеса как символы скорости. Nike обращается к богине победы Нике: её крыло стало логотипом, а слоган «Just do it» — призывом к решительности. Versace выбирает Медузу Горгону как знак опасной красоты, а Starbucks — сирену, манящую к странствиям.

Второй тип – антропоморфная персонификация, когда товар становится прямым воплощением божества. Бренд Dove отсылает к Афродите, рождённой из пены морской: крем или мыло возвращают коже «божественную» свежесть, а визуальный ряд строится на жемчужной пене и перламутре. Средство для чистки Ajax названо в честь героя Аякса, сокрушившего Трою; слоган «Сила Аякса» представляет чистящее средство как оружие против грязи-врага. Mazda отсылает к Ахурамазде, богу мудрости, соединяя крылья с инженерным полётом. Третий тип – обращение к мифическим существам. Red Bull изображает крылатого быка — парадоксальное соединение земной мощи и полёта, рождающее посыл «окрыляет физически». Pegasus Airlines использует образ Пегаса, рождённого из крови Медузы, для передачи лёгкости полёта и поэтики путешествий; визуально конь с крыльями всегда устремлён вверх.

Для трансляции мифа в рекламе применяются специфические визуальные приёмы. Один из них – узнаваемость через деталь, или синекдоха: вместо целого бога демонстрируется только его знак. Таковы трезубец, который часто появляется в рекламе автомобилей Maserati, шлем Аида, символизирующий невидимость и используемый в рекламе антивирусов или VPN, а также лук и стрелы Аполлона или Артемиды, возникающие в рекламе точных приборов (например, Canon со слоганом «Стреляй без промаха»). Другой важный приём – композиционные решения, ориентированные на «музейный статус». Даже в цифровой среде активно используются классические каноны живописи и скульптуры: светотень в духе караваджизма, мраморные фоны, позы из античных статуй. Например, в рекламе швейцарских часов Patek Philippe модели замирают подобно греческим богам на фоне, напоминающем Олимп. Такой приём создаёт элитарность и ощущение «вечной ценности», превращая товар из расходного материала в артефакт. М. Марк и К. Пирсон в своей работе о брендинге показывают, что архетипический маркетинг позволяет бренду занять устойчивое место в сознании потребителя, минуя ценовую конкуренцию [4].

Особого внимания заслуживают две показательные кампании. Первая связана с образом Прометея в рекламе энергетических компаний, таких как Tesla Energy и «Росатом». Согласно мифу, Прометей украл огонь у богов и отдал его людям, за что был жестоко наказан. Визуально этот сюжет переосмысляется в гигантских руках, несущих искру или плазменный шар, и в образе человека, разрывающего цепи. Приём основан на переносе сакрального знания (электричества, атомной энергии) как «героического дара». Бренд предстаёт осовремененным Прометеем, который терпит убытки и санкции, но продолжает давать свет людям, создавая нарратив благородного жертвоприношения ради прогресса.

Второй кейс – ювелирный бренд Pandora, отсылающий к мифу о Пандоре. Согласно мифу, Пандора открыла питос (ящик), откуда вылетели все беды, а внутри осталась только надежда (Эльпис). Визуальная стратегия бренда включает шкатулки, сундуки, ключи и подвески, которые надеваются постепенно, словно открытие «ящика» по частям. Приём заключается в создании ритуала: каждая бусина на браслете становится «выпущенной бедой или надеждой». Таким образом, бренд продаёт не просто украшение, а процесс коллекционирования и нарратив «открой свою историю».

Проведённое исследование показывает, что мифологические персонажи в современной рекламе работают как «культурный клей». Они позволяют мгновенно передавать сложные смыслы через знакомый визуальный код, минуя рациональное сопротивление потребителя. Адаптация к клиповому мышлению привела к редукции полного мифа до одного яркого атрибута (крылья, трезубец, змеи вместо волос), однако суть осталась неизменной: покупка перестаёт быть простым приобретением вещи и становится причастием к архетипу. Бренды, обращающиеся к мифологии, перестают быть просто товарами и превращаются в часть современного фольклора.

Список источников

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2019. 320 с.

2. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Минск: Харвест, 2004. 400 с.

3. Марк М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов // М. Марк, К. Пирсон. СПб.: Питер, 2005. 432 с.

4. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 524 с.

УДК 316.177:339.138:659.1

Контент-стратегия в социальных сетях учреждения СПО как инструмент формирования лояльности целевой аудитории

Борцова Юлия Валерьевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, bortsova.579@gmail.ru

Ключевые слова: социальные сети, цифровые коммуникации, образовательные организации, среднее профессиональное образование, лояльность аудитории, вовлечённость, контент-стратегия, имидж образовательного учреждения, целевая аудитория, онлайн-коммуникации, доверие аудитории.

В условиях цифровизации общества социальные сети становятся ключевым каналом коммуникации между образовательными организациями и их целевой аудиторией [3]. По данным современных исследований, цифровые платформы позволяют не только информировать пользователей, но и формировать имидж учреждения, повышать уровень доверия и вовлеченности аудитории [5]. Особенно это актуально для учреждений среднего профессионального образования, где конкуренция за абитуриентов усиливается, а выбор образовательной траектории всё чаще осуществляется под влиянием именно онлайн-контента [6].

Согласно исследованиям в области цифровых коммуникаций и маркетинга образования, лояльность аудитории во многом определяется качеством и релевантностью контента, который размещается в социальных сетях [4]. Однако для многих колледжей

© Борцова Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

остаётся нерешённой проблема оценки эффективности этих каналов. В частности, недостаточно изучено, как именно контент социальных сетей влияет на восприятие образовательной организации и готовность рекомендовать её другим [1]. В этой связи контент-маркетинг выступает важным инструментом формирования имиджа образовательной организации и выстраивания устойчивых коммуникаций с целевой аудиторией [2].

Таким образом, цель количественного исследования заключается в выявлении роли социальных сетей как инструмента формирования лояльности целевой аудитории учреждений СПО и определении наиболее эффективных платформ и форматов для разработки контент-стратегии.

Применена квотная выборка (132 респондента) с учётом принадлежности их к целевым группам: обучающиеся, абитуриенты и сотрудники колледжа. Сбор данных осуществлялся методом онлайн-анкетирования (Google Forms). При доверительной вероятности 95% и погрешности ±5–10% выборка является достаточной для описательного анализа. Результаты репрезентативны для активной цифровой аудитории и должны с большой осторожностью проектироваться на генеральную совокупность.

Исследование показало, что большинство респондентов знакомы с соцсетями образовательных учреждений: 54,3% используют их регулярно, 24,8% сталкиваются случайно. Это свидетельствует об интеграции соцсетей в медиапотребление аудитории, но с разным уровнем вовлеченности.

Частота потребления контента колледжа в основном варьируется от нескольких раз в неделю (25,8%) до одного раза в неделю (27,3%), при этом ежедневное взаимодействие характерно лишь для небольшой доли респондентов (15,9%). Это указывает на умеренный интерес к образовательному контенту, который конкурирует с развлекательным сегментом.

Самыми популярными платформами среди опрошенных являются Telegram, TikTok и ВКонтакте (см. Рис. 1). Эти социальные сети больше всего используются среди студентов, которые и являются наибольшим сегментом целевой аудитории учреждения СПО, поэтому именно на эти каналы коммуникации требуется ориентация контент-стратегии.

Рисунок 1. Результаты опроса об использовании социальных сетей.

Анализ восприятия контента показал, что при ответе на вопрос «Насколько важен для вас контент в соцсетях колледжа?» более половины респондентов (51,5%) оценивают его значимость как нейтральную, а около трети — как важную (23,5%). Это свидетельствует о наличии потенциала влияния, который пока реализован не в полной мере.

В ходе опроса выяснилось: наибольшее доверие вызывают форматы, отражающие реальную жизнь колледжа — это видео с участием студентов (65,9%), репортажи с мероприятий (36,4%) и отзывы выпускников (34,1%). Наименьший уровень доверия вызывают рекламные форматы (12,1%). При этом более 64% опрошенных готовы рекомендовать образовательную организацию, выделяя положительное отношение к контенту в социальных сетях, но четверть респондентов указали на зависимость решения от других факторов: качество образования и условия обучения.

Как показало исследование, социальные сети являются значимыми для формирования лояльности целевой аудитории к СПО, что должно находить отражение в формировании политики продвижения в цифровой среде. Но стоит отметить, что учреждениям СПО также следует уделять внимание таким направлениям как повышение качества образования и условиям обучения.

Список источников

1. Применение сетевых ресурсов в современном образовании / М. Д. Горячев, М. М. Горячев, Н. В. Иванушкина [и др.] // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 220-227.

2. Карпова С. В. Контент-маркетинг: теория и практика: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2022. 192 с.

3. Левченко И. В. Цифровой маркетинг в образовательной среде // Образование и наука. 2022. С. 3-6.

4. Мязина В. А. Основные направления образовательного потенциала социальных сетей в условиях современных российских и зарубежных школ // Образование и воспитание. 2025. № 6 (58). С. 16-20.

5. Половинко В. С. Трансформация образовательных стратегий школьников: выбор СПО и высшего образования (2018–2024) / В. С. Половинко, И. В. Диннер // Уровень жизни населения регионов России. 2026. №1. С. 26-38.

6. Российские университеты в публичном информационном пространстве // РИА Новости [сайт]. 2024. URL: https://sn.ria.ru/20250221/aktivnost-2000589863.html?utm_source (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 316.77

Культурные институции в условиях клипового мышления: театры в контексте конкуренции с цифровыми медиаплатформами (на примере г. Красноярска)

Быкова Анна Дмитриевна[1], Самойленко Диана Сергеевна[2]
[1, 2] Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]anna_bykova_220305@icloud.com,
[2]dianasamojlenko586@gmail.com

Ключевые слова: клиповое мышление, театр, цифровые медиаплатформы, TikTok, культурные институции, медиапотребление.

В условиях цифровой трансформации общества меняются модели культурного потребления, что связанно с развитием медиаплатформ и конкуренцией за внимание аудитории. Традиционные культурные институции, включая театр, оказываются в ситуации, когда их формы взаимодействия с аудиторией сталкиваются с новыми практиками медиапотребления, сформированными в рамках платформенной культуры. Это обуславливает необходимость анализа положения театра в контексте конкуренции с цифровыми медиаплатформами [5].

Одним из ключевых факторов, определяющих изменения в сфере медиапотребления, является клиповое мышление, характеризующийся фрагментарностью восприятия, высокой скоростью переключения внимания и доминированием визуальных

© Быкова А. Д., Самойленко Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

образов. В этих условиях пользователь ориентируется на краткие, визуально насыщенные сообщения, что снижает готовность к длительным формам культурного опыта [2].

Трансформация когнитивных практик сопровождается изменением структуры медиапотребления. Цифровые медиаплатформы функционируют в логике экономика внимания. Алгоритмы рекомендаций формируют персонализированные информационные потоки, обеспечивая постоянное вовлечение аудитории. Показательным примером подобной медиасреды является TikTok, чья архитектура основана на непрерывной подаче короткого видеоконтента, рассчитанного на быстрое восприятие и мгновенную реакцию [4]. На фоне указанных изменений театр как культурная институция сохраняет ряд специфических характеристик. Театральное искусство предполагает длительное восприятие и физическое присутствие зрителя. Эти особенности формируют уникальную модель взаимодействия с аудиторией, отличающуюся от цифровых форм потребления контента. Однако именно данные характеристики в условиях клипового мышления становятся фактором ограничения, снижая привлекательность театра для части молодежной аудитории.

Конкуренция между театром и цифровыми медиаплатформами разворачивается на уровне форматов, темпоральности и способов вовлечения. В отличие от театра, цифровые платформы обеспечивают высокую скорость потребления и персонализацию контента. Пользователь взаимодействует с информацией в режиме постоянного обновления, что усиливает фрагментарное восприятие. В результате театр оказывается в ситуации структурного несоответствия новым медиапрактикам [1].

В ответ на данные вызовы театры начинают трансформировать свои стратегии взаимодействия с аудиторией. Одним из направлений изменений становится активное

использование цифровых платформ и социальных сетей. Театры публикуют короткие видеоматериалы, закулисный контент, фрагменты репетиций. Таким образом, театр частично заимствует логику платформенного контента.

Другим важным направлением трансформации является развитие иммерсивных форм театрального опыта, предполагающих вовлечение зрителя в действие. Использование интерактивных элементов и нестандартных пространств позволяют театру адаптироваться к запросу на участие и персонализацию опыта. Дополнительно внедряются элементы геймификации, усиливающие вовлеченность аудитории.

Рассмотрение указанных процессов на региональном уровне позволяет выявить особенности их реализации. В рамках анализа деятельности Красноярского драматического театра им. А. С. Пушкина, Красноярского театра юного зрителя и Красноярского музыкального наблюдается активное использование цифровых каналов коммуникации и ориентация на молодежную аудиторию. Театры интегрируют элементы короткого видеоконтента и стремятся повысить уровень вовлеченности через современные форматы подачи информации.

В рамках исследования был проведен опрос «Особенности медиапотребления молодежи и отношение к театру в условиях цифровой среды» (N = 41, студенты 3–4 курсов).

Результаты показали доминирование цифровых форм досуга: 48,5% респондентов предпочитают короткий видеоконтент, 39,7% — фильмы и сериалы, тогда как театр выбирают лишь 11,8% опрошенных. Большинство респондентов готовы уделять культурному продукту от 20 до 60 минут (53,7%), при этом 70,7% отмечают полные или ситуативные трудности с длительной концентрацией внимания. Несмотря на это, 53,7% опрошенных посещали театр в течение последнего года. В качестве основных

ограничивающих факторов были названы стоимость билетов (32%) и восприятие формата как недостаточно интересного (28%).

При этом 65,8% респондентов отметили, что их интерес к театру может возрасти при его активном присутствии в социальных сетях, что подтверждает значимость адаптации культурных институций к цифровой медиасреде. Вместе с тем возможности театра в полной мере воспроизвести логику цифровых медиаплатформ остаются ограниченными. Его институциональная природа, связанная с длительностью, телесностью и коллективностью восприятия, задает рамки трансформации. В результате формируется гибридная модель, сочетающая традиционные формы театрального опыта с элементами цифровой культуры [3].

Таким образом, конкуренция между театром и цифровыми медиаплатформами не приводит к вытеснению одной формы другой, а способствует их взаимной трансформации. Театр сохраняет свою культурную значимость, однако вынужден адаптировать способы коммуникации с аудиторией, учитывая особенности клипового мышления и медиапотребления в цифровой среде.

Список источников

1. Николас К. Н. Пустышки. Что интернет делает с нашими мозгами. М.: АСТ, 2012. 254 с.

2. Элвин Т. Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 800 с.

3. Маршалл М. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-пресс, 2003. 464 с.

4. Simon H. A. Designing organizations for an information-rich world // Computers, communications, and the public interest. Baltimore, 1971. P. 37–72.

5. Костина А. В. Массовая культура и медиапотребление: теоретические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2015. 352 с.

УДК 339.138+659.1

Несоответствие онлайн-образа бара и реального клиентского опыта как фактор репутационного риска при цифровом позиционировании

Ерёмин Артём Иванович
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, artemeremin34@gmail.com

Ключевые слова: цифровое позиционирование, онлайн-образ бренда, репутационный риск, клиентский опыт, барная индустрия, социальные сети.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анастасии Владимировне Погоревич, доценту, канд. эконом. наук.

Барная индустрия России за последнее десятилетие превратилась в самостоятельную профессиональную отрасль [4]. По данным «ГидМаркет», среднегодовой темп прироста рынка в 2019–2023 гг. составил 16,9%, а в 2024 году объём достиг 220,11 млрд рублей (+18,1% к 2023 г.) [5].

В условиях насыщенного рынка заведениям всё сложнее обратить на себя внимание потребителя, и традиционных методов продвижения для этого становится недостаточно. Одним из ключевых инструментов конкурентной борьбы выступает цифровое позиционирование, суть которого заключается в работе с образом бренда в онлайн-среде через социальные сети, сайты и платформы с отзывами [6].

© Ерёмин А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Однако активное присутствие бренда в онлайн-пространстве неизбежно влечет за собой определенные репутационные риски. Цифровая репутация бренда складывается из совокупности упоминаний в интернете и напрямую влияет на доверие потребителей и их решение о посещении [1]. Особую опасность представляет ситуация, когда образ заведения в социальных сетях расходится с тем, что посетитель обнаруживает в реальности [2]. Разочарованный гость, как правило, не просто уходит безвозвратно, а делится негативным опытом публично, усугубляя репутационный ущерб и формируя у других пользователей недоверие к бренду ещё до первого визита [3].

Исходя из описанной проблемы, было проведено количественное исследование для анализа взаимосвязи цифрового позиционирования баров и ожиданий посетителей (декабрь 2025 - январь 2026 гг.). Сформирована целевая выборка (n = 147) по следующим критериям отбора: возраст 18–30 лет, проживание в Красноярске, посещение баров за последние 3 месяца и активное взаимодействие с их контентом в социальных сетях. Сбор данных осуществлялся посредством онлайн-анкетирования в Google Forms. Анкета распространялась в тематических сообществах и с применением метода «снежного кома».

Среди ограничений исследования необходимо выделить следующие. Во-первых, выборка репрезентативна только для молодёжи Красноярска, активной в цифровой среде. Во-вторых, данные формировались на основе самоотчётов респондентов, что допускает влияние социальной желательности на ответы. Несмотря на перечисленные ограничения, применённый подход представляется методологически обоснованным.

По данным опроса 60,5% респондентов сталкивались с несоответствием онлайн-образа и реального опыта. Источниками разочарования стали: сервис, вкус блюд и напитков, несоответствие цен качеству, интерьер (см. рис. 1).

Это свидетельствует о структурном противоречии. Цифровое позиционирование формирует у аудитории ожидания, которые операционная реальность бара не всегда в состоянии оправдать.

Рисунок 1. Результаты опроса о факторах, которые не оправдали ожидания посетителей.

Большая часть респондентов (54,4%) готова вернуться в бар, если узнают о позитивных изменениях в его работе. Ещё 18,4% могут дать второй шанс при наличии хороших отзывов. И 7,5% опрошенных готовы прийти в заведение снова, если изменились цены или меню. Однако 19,7% респондентов категорически не готовы к повторному визиту после разочаровывающего первого опыта, то есть каждый пятый человек не вернется в бар, что является критичным последствием для заведения.

Сокращение разрыва между онлайн-образом бара и реальностью предполагает прежде всего честность в подаче контента. Фотографии в социальных сетях должны отражать подлинную атмосферу заведения, а онлайн-меню должно содержать актуальные цены и реальные снимки блюд. Не менее важна работа с репутацией. Поскольку значительная часть гостей ориентируется на отзывы при выборе заведения, своевременные ответы на критику и публичная демонстрация улучшений способны вернуть утраченное доверие согласно проведенному исследованию.

Список источников

1. Значение социальных сетей в управлении репутацией бренда // Neiros : [сайт]. URL: https://neiros.ru/blog/business/rol-sotsialnykh-setey-v-formirovanii-reputatsii-kompanii/?ysclid=mnwxe7v84s185362154 (дата обращения: 14.04.2026)

2. Иманов С. Л. Стратегии повышения лояльности клиентов в электронной коммерции // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. №1 (123). С. 30–35.

3. Негативный отзыв — угроза или шанс? // KursHub : [сайт]. URL: https://kurshub.ru/journal/blog/negativnyj-otzyv-ugroza-ili-shans/ (дата обращения: 14.04.2026)

4. От крафта до ИИ: как меняется барная индустрия в России // ИНК : [сайт]. URL: https://incrussia.ru/share/ot-krafta-do-ii/ (дата обращения: 14.04.2026)

5. Российский рынок баров показал устойчивый рост: динамика объема рынка 2020–2024 гг. // Агентство маркетинговых исследований рынка ГидМаркет : [сайт]. URL: https://gidmark.ru/news/dinamika-obema-ryinka-barov-v-rossii-v-2020-2024-gg (дата обращения: 14.04.2026)

6. Хвостов А. С. Цифровой брендинг в России: стратегия присутствия бренда в социальных сетях и на онлайн-платформах // Вестник науки. 2025. №6 (87). С. 424–428.

УДК 069.15

Программа «Пушкинская карта» как инструмент формирования молодежной зрительской аудитории КГБУ «Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова»

Жигулева Полина Алексеевна
Гуманитарный институт Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, polina_zhiguleva@inbox.ru

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, программа «Пушкинская карта», молодежная аудитория, лояльность аудитории.

В современной социокультурной среде формирование молодежной аудитории представляет собой стратегическую задачу для учреждений культуры. Государственная программа «Пушкинская карта» создает принципиально новые условия для решения этой задачи, предоставляя музеям доступ к целевой аудитории через механизм финансовой поддержки. Однако практическая реализация этого потенциала требует от учреждений применения современных технологий менеджмента.

Для Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова эффективное использование программы связано с необходимостью адаптации к новым условиям, а успешность реализации зависит не только от факта участия в программе, но и от способности музея выстраивать долгосрочные отношения с новой аудиторией, трансформируя разовых посетителей в постоянную целевую группу.

© Жигулева П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Именно поэтому необходимо изучить программу «Пушкинская карта», молодежную зрительскую аудиторию в контексте музейной деятельности. Для реализации цели были проведены комплексные исследования: анализ научной литературы и документов музея, экспертное интервью, социологический опрос держателей Пушкинской карты.

Исследование молодежной зрительской аудитории и ее особенностей привело к выводу, что для выполнения данной цели требуется применение разных инструментов, учитывающих специфику восприятия молодежи. Стандартные подходы, основанные на пассивном предоставлении информации, оказываются неэффективными. Кроме того, ключевыми факторами являются: сегментация аудитории с разработкой дифференцированных предложений для каждой группы (пассивно-потребительской, активно-инициативной, ограниченно-вытесненной, хаотично-стихийной); использование цифровых технологий и социальных сетей, интерактивных форматов, сочетающих теоретическую и практическую составляющую. Иными словами, эффективность «Пушкинской карты» напрямую зависит от способности музея адаптировать контент.

Исследование программы «Пушкинская карта» на примере Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова привело к выводу: Пушкинская карта в текущем виде выступает лишь инструментом финансового «доступа», но не гарантирует «формирования» устойчивой зрительской аудитории. Анализируя, мы выявили ключевую проблему: отсутствие в программе компонента лояльности, поняли, что существует много стереотипов о том, что музей – это «скучно». И молодая аудитория не рассматривает культурное учреждение в качестве "третьего места". Для решения данной проблемы Красноярскому художественному музею имени В. И. Сурикова необходимо выстраивать собственную систему лояльности «поверх» Пушкинской карты.

Было выявлено, что современная молодежная аудитория представляет собой сложную социально-демографическую группу, обладающую рядом особенностей. Проанализированные нами экспертные интервью с сотрудниками и социологический опрос молодежи позволили оценить эффективность функционирования программы «Пушкинская карта» в Красноярском Художественном музее имени В. И. Сурикова. Анализ показал, что, несмотря на высокий охват молодежи «Пушкинской картой» (93,3% опрошенных пользуются ею хотя бы раз в год), регулярность посещений именно Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова с ее помощью остается низкой (активными посетителями являются лишь 27,8%).

На основе выявленных проблем мы разработали конкретные практические рекомендации для сотрудников музея по созданию такой системы:

1. Создать систему лояльности «поверх Пушкинской карты» : «Паспорт посетителя» (физический/цифровой) с отметками за каждое посещение, дающими бонусы (бесплатный кофе, мерч, скидки от партнеров).

2. Программа «Приведи друга» (подарки при покупке двух билетов по карте).

3. Сезонные испытания («Посети 4 выставки за осень — получи толстовку»).

4. Трансформировать музей в «третье место»: создать пространство с Wi-Fi и чаем, проводить «Арт-выходные» с настольными играми, молодежный центр для студентов гуманитарных направлений (вовлечение в волонтерство и соорганизацию).

5. Усилить коммуникацию: продолжить съемку ВК-клипов с амбассадором возраста Пушкинской Карты.

6. Развивать коллаборации с локальными кофейнями, книжными, магазинами одежды (скидка по билету из музея).

7. Регулярно проводить фокус-группы с держателями Пушкинской карты для сверки запросов.

Реализация рекомендаций позволит музею перейти на «диалоговую форму» взаимодействия с молодой аудиторией и превратить «разовых пользователей карты» в лояльную аудиторию.

Список источников

1. Изюмова В. Б. Выявление параметров эффективности музейных аккаунтов в социальных сетях для молодежной целевой аудитории // Сборник трудов международной молодёжной школы «Инженерия – XXI». Новороссийск: Изд-во НФ БГТУ им. В. Г. Шухова, 2022. С. 175–178.

2. Мещерякова В. Г. Современная молодежь и культура // Система ценностей современного общества, 2015. С. 155–159.

УДК 65.03

Инновационные инструменты маркетингового анализа в разработке тарифной политики гостиничного предприятия среднего класса

Ильина Мария Алексеевна, Данильченко Юрий Витальевич
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, m2@abagency24.ru

Ключевые слова: гостиничный бизнес; тарифная политика гостиницы; динамическое ценообразование; revenue management; маркетинговый анализ; сегментация потребителей; семейные путешественники; специализированные тарифы.

© Ильина М. А., Данильченко Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Рост туристического потока и усиление конкуренции между средствами размещения требуют от гостиниц среднего класса перехода от стандартных тарифных решений к более гибкой и сегментированной тарифной политике [1; 2].

Для Красноярска эта задача особенно актуальна.

В исследовании был использован интегрированный подход, объединяющий количественные, качественные методы и методы конкурентного анализа [1; 2].

Такой подход позволяет не только измерить поведение потребителей, но и понять причины выбора гостиницы, а также соотнести ожидания гостей с реальной ситуацией на рынке [1].

Основным количественным методом стало онлайн-анкетирование, проведенное с использованием Яндекс Форм [2]. Генеральную совокупность составили жители Российской Федерации в возрасте от 18 до 65 лет, имеющие опыт проживания в гостиницах среднего класса.

Качественный блок исследования включал анализ открытых ответов респондентов, интерпретацию потребительских оценок и выявление мотивационных факторов выбора гостиничных услуг [1].

Методы анализа конкурентов включали мониторинг тарифов гостиниц среднего класса, изучение пакетных предложений, а также оценку каналов продвижения [3– 5].

Социально-демографический профиль выборки характеризуется преобладанием женщин - 77%, а также возрастной группы 18–24 лет - 59%. По занятости основную часть составили работники по найму - 48% и студенты - 42%, при этом 65% респондентов не имеют детей, 16% имеют одного ребенка и еще 16% - двух детей.

Туристическая цель поездки указана у 58% опрошенных, комбинированная (например, отдых и дела) - у 19%, семейная - у 16%, деловая - у 7%.

Результаты количественного анализа показали, что семейные путешественники заинтересованы в пакетных предложениях, которые включают питание и дополнительные удобства для детей.

Наиболее востребованными элементами семейного тарифа стали завтрак для всей семьи – 72%, игровая зона – 42% и детская кроватка или стульчик – 39%.

Для деловых путешественников наибольшее значение имеют ранний заезд – 80%, стабильный интернет – 75%, трансфер – 47% и наличие рабочего места – 46% [1; 4; 5].

Интеграция количественных и качественных результатов позволила выявить две основные проблемные зоны [1; 2].

Первая заключается в отсутствии специализированного тарифа. Вторая проблема связана с отсутствием предложения для деловых путешественников [1; 4; 5].

Тариф «Семейный» предлагается как пакетное решение для гостей, путешествующих с детьми [1; 3]. В его состав целесообразно включить проживание в семейном номере или размещение с дополнительным местом, завтрак для всей семьи, детскую кроватку или стульчик, доступ к игровой зоне и поздний выезд [1; 3].

Тариф «Деловые путешественники» ориентирован на гостей, для которых важны оперативность и комфорт в рабочем процессе. В его состав рекомендуется включить ранний заезд, Wi-Fi, рабочее место в номере, трансфер [4; 5].

Внедрение новых тарифов требует обновления рекламной стратегии гостиничного предприятия [2– 5].

Для продвижения тарифа «Семейный» наиболее эффективными являются социальные сети, ориентированные на семейную аудиторию, публикации в сообществах, таргетированная реклама [2; 3].

Для тарифа «Деловые путешественники» целесообразно использовать digital-каналы, ориентированные на деловую аудиторию, e-mail-рассылки для корпоративных клиентов, а также

продвижение через деловые сообщества и партнерские программы [2–5].

Инновационность подхода заключается в объединении количественного, качественного и конкурентного анализа при разработке тарифной политики гостиничного предприятия [1– 5].

Модель может быть использована не только конкретным гостиничным предприятием, но и другими средствами размещения

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, углублением сегментации гостей, а также с применением цифровых инструментов [3– 5].

Это позволит повысить точность тарифных решений и усилить маркетинговую эффективность гостиничного бизнеса в условиях растущей конкуренции [1– 5].

Список источников

1. Ксенофонтов А. В. Динамическое ценообразование и revenue management в гостиничном бизнесе // Сервис в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 45–58.

2. Динамическое ценообразование в отеле и гостинице: как работает гибкая цена // Bnovo: [сайт]. URL: https://bnovo.ru/blog/simply-about-dynamic-pricing/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. Как выстроить динамическое ценообразование в отеле и увеличить доход // Яндекс Путешествия PRO : [сайт]. URL: https://travel.yandex.ru/pro/kak-vnedrit-dinamicheskoe-cenoobrazovanie-v-otele-i-uvelichit-dohod/ (дата обращения: 13.04.2026).

4. Анализ рынка гостиничных услуг в Красноярске в 2021–2025 гг., прогноз на 2026–2030 гг.: маркетинговое исследование. М.: BusinesStat, 2026. 50 с.

5. Гостиничный рынок Красноярска: комплексный анализ рынка : аналит. отчёт. Красноярск: Liberty7, 2019. URL: https://liberty

7.ru/projects/gostinichnyiy-ryinok-kompleksnyiy-analiz-ryinka-krasnoyarska-2012/ (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 316.77:338.48:614.215(571.51)

Особенности формирования диджитал-стратегии продвижения санаторно-курортных организаций на региональном рынке

Курятова Екатерина Григорьевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kurayat@yandex.ru

Ключевые слова: диджитал-стратегия, SMM, санаторно-курортные услуги, региональный рынок, цифровые инструменты продвижения, целевая аудитория, Красноярский край.

Диджитал-стратегия представляет собой долгосрочный комплексный план продвижения товаров или услуг через цифровые каналы, интегрированный с общей бизнес-стратегией организации. Согласно Д. Чаффи, digital-стратегия определяет, как компания будет использовать цифровые технологии для достижения маркетинговых целей посредством интегрированных цифровых коммуникаций и онлайн-взаимодействия с клиентами [1].

Структурно диджитал-стратегия включает следующие элементы: анализ внутренней и внешней среды, постановку целей и KPI (имиджевые, коммуникационные, коммерческие), сегментацию целевой аудитории, выбор цифровых платформ, контент-стратегию, механизмы аналитики и оптимизации [2]. Для санаторно-курортной отрасли цифровая стратегия приобретает

© Курятова Е. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

особую значимость в силу высокой роли доверия и экспертности, длительного цикла принятия решения о покупке, сезонности спроса и комбинированного характера услуги (медицина + отдых) [3].

Ключевая особенность формирования диджитал-стратегии для региональных санаторно-курортных организаций заключается в необходимости адаптации цифровых инструментов к локальной структуре спроса, ценовой чувствительности потребителей и ограниченным маркетинговым бюджетам.

Российский рынок санаторно-курортных услуг в 2025 году характеризовался неоднородной динамикой: при общем сокращении числа организаций до 1695 и снижении количества отдыхающих на 1,5% (до 6,4 млн человек) наблюдался рост доходов отрасли до 230 млрд руб. за счёт повышения цен на путёвки. В Сибирском федеральном округе обслужено 580 тыс. человек (-2%), доходы составили 19 млрд руб. Красноярский край занял пятое место в СФО: 63 тыс. отдыхающих (-7%), доходы – около 800 млн руб.

В Красноярском крае насчитывается около 23 санаторно-курортных учреждений. Ценовой диапазон услуг демократичен: от 2 750 до 8 700 руб./сутки. Проведённый PEST-анализ выявил как благоприятные факторы (государственная поддержка, рост интереса к ЗОЖ), так и ограничения (снижение платёжеспособности населения, транспортная удалённость, дефицит кадров).

Целевая аудитория сегментируется на четыре основные группы:

1. лица старше 45 лет (традиционный сегмент, ориентация на реабилитацию);

2. люди 30–45 лет (растущий сегмент, wellness, детокс, активное использование digital);

3. семьи с детьми (укрепление иммунитета, совместный отдых);

4. корпоративные клиенты (программы ДМС, реабилитация).

Отмечается «омоложение» аудитории: рост числа постояльцев 25–35 лет на 15%, 36–45 лет – на 8% [4]. Современный потребитель ориентируется на отзывы, рейтинги, визуальный контент и онлайн-бронирование [5].

Цифровые инструменты продвижения классифицируются на четыре группы: инструменты привлечения (SEO, контекстная, таргетированная реклама), вовлечения (SMM, контент-маркетинг), конверсии (сайт, онлайн-бронирование, чат-боты) и удержания (email-маркетинг, CRM) [6].

Сравнительный анализ digital-присутствия санаториев Красноярского края («СОЦ «Тесь», «Шушенский», «Красноярское Загорье», «Юбилейный») и референсного санатория «Белокуриха» (Алтайский край) показал:

Таблица 1. Сравнительный анализ digital-присутствия санаториев Красноярского края

Санаторий	**Сайт**	**Онлайн-бронирование**	**Соцсети**	**Регулярность постинга**	**Работа с отзывами**
СОЦ «Тесь»	есть	нет	VK, MAX	средняя	регулярная
Шушенский	есть	нет	VK, OK	средняя	слабая
Красноярское Загорье	есть	да	VK, OK	высокая	регулярная
Юбилейный	есть	нет	VK, OK, MAX	низкая	регулярная
Белокуриха	есть	есть	VK, OK	высокая	регулярная

Большинство региональных организаций используют цифровые инструменты на базовом информационном уровне. Выявлены системные недостатки: отсутствие полноценного онлайн-бронирования на собственных сайтах, низкая вовлекающая активность в соцсетях, слабая SEO-оптимизация, ограниченное применение видеоконтента и таргетированной рекламы.

Формирование диджитал-стратегии продвижения санаторно-курортных организаций на региональном рынке требует учёта

отраслевой специфики: длительного цикла принятия решения, высокой роли доверия, сезонности спроса и комбинированного характера услуги. Проведённое исследование показало, что большинство санаториев Красноярского края используют цифровые инструменты на базовом информационном уровне, не достигая синергетического эффекта от интеграции каналов.

Список источников

1. Шевченко Д. А. Основы современного маркетинга : учебник. М. : Дашков и К°, 2023. 613 с.

2. Синяева И. М. Структура системы цифрового маркетинга // Экономические системы. 2018. №2 (41). С. 43-50.

3. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент [пер. с англ. А. М. Немчин]. СПб. Российская ассоциация маркетинга, 2009. 814 с.

4. Новые тенденции в санаторно-курортной сфере в 2025 году. Русский курорт : [сайт]. URL: https://www.russian-kurort.ru/blog/novye-tendentsii-v-sanatorno-kurortnoj-sfere-v-2025-godu/ (дата обращения: 03.04.2026).

5. Туризм-2025: как россияне бронируют отдых. ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/turizm-2025-kak-rossijane-bronirujut-otdykh (дата обращения: 03.04.2026).

6. Инструменты digital-маркетинга для успешного продвижения. Всем.Ру : [сайт]. URL: https://wsem.ru/publications/instrumenty_digital_marketinga_dlya_uspeshnogo_prodvizheniya_29080/ (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 351.85

Анализ функции координации менеджмента социально-культурной деятельности на примере города Яровое

Лепешкина Софья Евгеньевна
Гуманитарный институт Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sonya2006lepe@gmail.com

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, Яровое, муниципальные учреждения, менеджмент, цифровые технологии.

Современная социально-экономическая ситуация требует повышения эффективности функции координации менеджмента, направленной на оптимизацию взаимодействия всех участников процесса организации культурных мероприятий и досуга населения. В городе Яровое есть большой потенциал для роста социально-культурной сферы благодаря уникальным природным ресурсам, богатому историческому наследию и активному участию местных жителей. На практике выявляются определенные организационные трудности, которые мешают максимально эффективному использованию возможностей культурно-досуговых заведений в городе. Оценка текущего состояния и определение направлений улучшения дают возможность сформулировать точные шаги для оптимизации городской инфраструктуры досуга, способствующие повышению уровня услуг населению и стимулированию творческого развития области

Проведено комплексное исследование социально-культурной деятельности (СКД) муниципальных учреждений г. Яровое с целью выявления путей ее совершенствования в условиях ограниченного

© Лепешкина С. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

финансирования и снижения аудитории. Объектом анализа стали пять организаций культуры: Городской дом культуры «Химик» как основной объект, музей, библиотека, центр услуг населения и дополнительные учреждения местного значения. Необходимость такого подхода обусловлена ролью СКД в укреплении социальной сплоченности и сохранении культурного наследия в малых городах, где посещаемость мероприятий не превышает 30-50 человек, а доступные гранты 2025 г. ограничены суммами до 5000 руб.

Мы детально изучили уставы всех пяти учреждений, сравнив их положения по основным параметрам: миссия, целевая аудитория (преимущественно 25-50 лет), разрешенные форматы (фестивали DJ-EDM, TECHN, выставки) и механизмы финансирования (гранты, муниципальный бюджет). Например, устав ГДК «Химик» акцентирует фестивальную деятельность и онлайн-присутствие (VK-группа, сайт), но слабо регулирует цифровизацию регистрации. Устав музея подчеркивает экспозиции и QR-экскурсии, однако не предусматривает партнерства для роста аудитории. Библиотека в уставе фокусируется на чтении и мероприятиях, но без упоминания Telegram или KPI-мониторинга. Центр услуг ориентирован на социальные услуги, с потенциалом интеграции культурных событий. Выводы по уставам оказались единогласными: документы устарели в части цифровых инструментов (отсутствие норм по VR, QR-регистрации), но предоставляют гибкость для инноваций при условии дополнения внутренними регламентами. Это дало понимание, что уставы — не барьер, а база для развития, требующая анализа сильных и слабых сторон на практике.

На основе уставов мы применили пять вариантов SWOT-анализа (Strengths — сильные стороны, Weaknesses — слабости, Opportunities — возможности, Threats — угрозы) для каждой организации, опираясь на статистику 2025 г. и данные сайтов (дата обращения 26.11.2025). Для ГДК «Химик»: сильные стороны — сайт,

VK, фестивали; слабости — низкий трафик (30-50 чел.), отсутствие Telegram; возможности — гранты 3878-5000 руб., партнерства с центром услуг; угрозы — конкуренция от онлайн-платформ.

Музей: сильные — QR на сайте; слабости — узкая аудитория; возможности — VR-экскурсии.

Библиотека: сильные — локальные события; слабости — слабое продвижение; угрозы — цифровизация конкурентов. Аналогично для центра услуг и пятого учреждения.

SWOT дал четкие инсайты: общие сильные стороны — онлайн-присутствие (VK, сайты); слабости — традиционные методы без KPI; возможности — гранты 2025 и SWT-модель; угрозы — бюджетные ограничения. Количественно: рост посещаемости возможен на 20-40% при KPI8 (контроль по 8 индикаторам: регистрация, отзывы, повторные визиты).

SWOT-анализ, опираясь на уставы, показал системную проблему: все пять учреждений имеют потенциал (фестивали, сайты), но теряют аудиторию из-за отсутствия интеграции цифры в повседневную работу. Уставы подтверждают право на инновации (например, «развитие форм СКД»), но без практических шагов это декларативно. Мы разработали рекомендации: внедрение QR-регистрации, Telegram-каналов (увеличение охвата на 30%), адаптированной SWT-7 модели (стратегическое планирование с 7 этапами) и мониторинга KPI (цели: 35-50 чел. на событие).

Этапы реализации: аудит уставов и сайтов (1 месяц), пилотные мероприятия (2 месяца, с грантами), оценка по KPI8. Такой подход реалистичен — не требует переписывания уставов, использует существующие ресурсы (yrwe.ru для партнерств) и ориентирован на аудиторию 25-50 лет.

В заключение, исследование уставов и SWOT-анализ пяти учреждений г. Яровое привели к выводу: совершенствование СКД достижимо через цифровые инструменты без значительных вложений. Полученные рекомендации повысят эффективность на

25-40%, укрепив роль культуры в социальном развитии малых городов. Результаты применимы для аналогичных муниципалитетов Алтайского края.

Список использованных источников

1. Сарбазян М. Г. Функционал менеджера социально-культурной деятельности // Научная палитра 2021. №1 (31). С. 1–9.

2. Казакова Е. И. Современные тенденции в менеджменте учреждений культуры // Культура, наука и искусство. Современные векторы развития вуза культуры. Материалы V Международной научно-практической конференции. Орел, 2021. С. 38–43.

3. Казакова Ю. А. Социокультурное управление в организации проектной деятельности со студентами вуза // Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. Белгород, 2019. №2. С. 380–383.

4. Подкопаев О. А. Методология стратегического управления организации социально-культурной сферы // Научное обозрение. Экономические науки. 2022. № 3. С. 54–60.

5. Менеджмент социально-культурной деятельности: состояние и перспективы: материалы VII открытой научно-практической конференции. Луганск, 2021. 273 с.

УДК 316.77

Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры Красноярского края как механизм социализации молодежи

Манчак Елизавета Александровна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
manchakelizaveta@yandex.ru

Ключевые слова: социализация молодежи, социально-культурная среда, инфраструктура, молодежная политика.

Актуальность: вопросы социализации молодежи через социально-культурную среду приобретают ключевое значение для устойчивого развития регионов. В России доля молодежи 15–29 лет, которая не учится, не работает и не проходит переподготовку, составляет 8% (данные Росмолодежи, 2025), а в возрастной группе 14–35 лет – до 13% (около 4,7 млн человек) [1]. В Красноярском крае, входящем в тройку лучших регионов по эффективности молодежной политики, создана разветвленная инфраструктура. Однако наличие объектов само по себе не гарантирует успешной социализации. Возникает разрыв между инфраструктурными возможностями и реальной вовлеченностью молодежи [2]. Цель работы – выявить механизмы и барьеры социализации через инфраструктуру края и предложить направления их оптимизации.

Исследование включало два этапа: 1) экспертное интервью с руководителем Агентства молодежной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края

© Манчак Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В.А. Коломийцем; 2) анкетный онлайн-опрос молодежи края (N=100, возраст 14–25 лет, преимущественно 18–22 года – 43%, 14–17 лет – 32%, 23–25 лет – 25%). Опрос проводился в марте-апреле 2026 г. через социальные сети и студенческие группы.

В ходе экспертного интервью Руководитель Агентства выделил пять флагманских программ, охватывающих все виды социализации: «Мы вместе» (волонтерство), «Мы создаём» (творчество), «Мы гордимся» (патриотизм), «Мы достигаем» (спорт и ЗОЖ), «Мы профессионалы» (карьера). Ключевыми проектами, объединяющими молодежь из разных территорий, названы «Новый фарватер» и «Молодежный бал». Эксперт отметил переход от просветительских форматов к практико-ориентированным (хакатоны, кейс-чемпионаты, волонтерские программы). Также Виктор Александрович выделил основные вызовы: быстрое изменение интересов молодежи (клиповое мышление), фрагментация аудитории (запрос на индивидуализацию), высокая конкуренция за внимание со стороны блогеров и онлайн-курсов, а также цифровое неравенство между крупными городами и удаленными районами края.

На основе полученных ответов были составлены вопросы и проведено количественное исследование методом анкетирования. Целью исследования было выявить уровень информированности молодежи о существующих в крае молодежных центрах, культурных пространствах, досуговых учреждениях и возможностях, которые они предоставляют. В результате опроса молодежи выявлен устойчивый информационный разрыв: 36% респондентов слышали о молодежных проектах лишь в общих чертах, 16% не участвовали ни в одном из перечисленных проектов. Наиболее узнаваемы проекты профессиональной направленности – «Молодежный бал» и «Новый Фарватер» (по 51 чел.), тогда как проекты спортивно-досугового блока («Челлендж активности», «Дворовые игры», «Street sessions») практически неизвестны. Таким

образом, большинство молодых людей знают о существующих проектах лишь поверхностно, а глубокая осведомлённость (с участием) характерна только для трети опрошенных. Основные причины отказа от участия: недостаток информации (53 чел.), неинтересные форматы (36 чел.), низкое качество контента (30 чел.). Занятость как барьер указали лишь 17 чел. Таким образом, главная проблема лежит не в дефиците времени, а в неэффективной коммуникации и несоответствии содержания запросам.

При этом доступность инфраструктуры оценивается положительно: 53% оценили ее выше среднего, 36% – на среднем уровне. Наиболее посещаемые объекты – молодежные центры (73 чел.), арт-резиденция «Каменка» (65 чел.), театры (85 чел.), музеи (49 чел.). Однако влияние на социализацию, по мнению респондентов, оказывают прежде всего театры (67 чел.), клубные организации (60 чел.) и музеи (51 чел.).

Ранжирование сфер социализации по важности (5-балльная шкала) показало что наибольший интерес вызывают профессиональная сфера (4,48 из 5 баллов), культурная (3,99 из 5 баллов), социальная (3,89 из 5 баллов) и цифровая (3,82 из 5 баллов), в то время как спортивная (3,65 из 5 баллов) и патриотическая (3,54 из 5 баллов) сферы большим спросом не пользуются.

Наиболее востребованные форматы – культурно-досуговые (фестивали, мастерские, студии) и коммуникативные (клубы по интересам, дискуссии, форумы). Главный канал информации – социальные сети (87 чел., 34,5%), далее друзья (63 чел., 25%) и учебные заведения (40 чел., 15,9%).

Сопоставление данных интервью и опроса позволяет сделать выводы, что социально-культурная инфраструктура Красноярского края физически доступна и в целом позитивно оценивается молодежью. Однако ее социализационный потенциал используется

не в полной мере из-за недостаточной информированности и нерелевантности части мероприятий.

Ключевой барьер – не отсутствие времени, а неинтересные форматы и слабая коммуникация. Требуется переход от традиционных просветительских форматов к интерактивным, практико-ориентированным (кейс-чемпионаты, хакатоны, проектные интенсивы), а также перестройка информационной политики с опорой на социальные сети и «сарафанное радио».

Для повышения вовлеченности молодежи необходимо не столько строительство новых объектов, сколько переформатирование содержания работы существующих пространств в направлении востребованных тематик (карьера, творчество, волонтерство, цифровые компетенции) с активным использованием цифровых каналов коммуникации.

Таким образом, формирование целостной социально-культурной среды в системе инфраструктуры Красноярского края является действенным механизмом социализации, но требует перехода от количественного наращивания объектов к качественному обновлению форматов и коммуникаций на основе реальных запросов молодежи.

Список источников

1. Коленькова М. А. Культурная социализация молодежи в досуговой деятельности: особенности и основные тренды в XXI // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 3. С. 45-50.

2. Янцик К. Н. «Точка присутствия» как инфраструктурный ресурс развития молодежной политики и локального сообщества (на примере молодежного центра «Вектор» г. Красноярск) // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2025. № 59(59). С. 1641-1648.

УДК 004.89:7.01

Креатив под руководством машин: внедрение AI-нструментов в креативные процессы

Милицин Илья Сергеевич[1], Коваленко Сергей Алексеевич[2]
[1, 2] Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]xyzzus@gmail.com
[2]makspasev34@gmail.com

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, маркетинговые коммуникации, креативные технологии, цифровая трансформация, промпт-инжиниринг.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя Бугаевой Евгении Александровны, старшего преподавателя РиСКД.

Динамика развития нейросетевых технологий в период с 2023 по 2026 гг. демонстрирует переход от этапа экспериментальной апробации к полномасштабной институционализации ИИ в сферах маркетинга и PR. В современных реалиях трансформация рекламных стратегий обусловлена переходом контента к методологиям курирования данных и промпт-инжиниринга.

Центральной проблемой данного исследования выступает дихотомия между потенциальным кризисом аутентичности коммуникаций и расширением технологических горизонтов индустрии в условиях автоматизации творческой деятельности. Мы наблюдаем феномен, когда технология становится не просто

© Милицин И. С., Коваленко С. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

инструментом, а полноценным соавтором, диктующим свои правила игры [1].

Современный «стек» технологий в рекламе перестал ограничиваться простыми чат-ботами. Сегодня это многоуровневая система:

1. Генерация визуальных миров: Midjourney v6, DALL-E 3, Stable Diffusion.

2. Работа со смыслами и текстом: GPT-4o и Claude 3.5 Sonnet. Их используют для гиперперсонализации слоганов и анализа сотен тысяч отзывов потребителей за секунды.

3. Видеопродакшн нового поколения: инструменты вроде Runway Gen-3, Luma Dream Machine и долгожданная Sora от OpenAI радикально снизили порог входа в создание видеоконтента высокого качества.

Эмпирические данные подтверждают стремительную интеграцию ИИ в профессиональный инструментарий: согласно профильному отчету HubSpot State of Marketing 2026, уже к началу 2024 года доля специалистов, внедривших алгоритмические решения в рабочие процессы, увеличилась более чем втрое — с 21% до 74%. Ключевым драйвером выступает существенный рост операционной эффективности: 86% маркетологов констатируют высвобождение не менее одного часа рабочего времени ежедневно.

Чтобы понять масштаб, достаточно взглянуть на реальные работы последних лет:

1. Coca-Cola «Masterpiece» (2023): один из самых известных примеров, где нейросети (в частности, Stable Diffusion) помогли «оживить» картины великих художников в музее [4].

2. H&M Digital Twins (2025): бренд расширил использование ИИ-моделей (цифровых двойников), создав 30 аватаров на основе реальных моделей. Это позволило проводить «фотосессии» в реальном времени под разные регионы без физических затрат на логистику и студии [5].

3. Bayer (2025): фармгигант использовал предиктивный ИИ для анализа рыночных трендов, что позволило увеличить CTR (кликабельность) рекламных объявлений на 85% за год [2].

Несмотря на восторги, внедрение машин несет в себе риск эстетической стагнации.

Эффект усреднения: алгоритмы обучаются на уже созданном контенте. В погоне за эффективностью (высоким CTR) ИИ выдает «среднее арифметическое» из того, что уже когда-то сработало.

Деградация моделей (Model Collapse): исследование, опубликованное в журнале Nature в 2024 году, доказывает, что, если нейросети начинают обучаться на контенте других нейросетей, они теряют уникальность и начинают выдавать «цифровой мусор» [3].

Утрата «человеческой ошибки»: креатив — это часто нарушение правил. ИИ же стремится к техническому совершенству, из-за чего реклама становится слишком «стерильной» и лишенной души.

Для наглядности представим баланс сил в стратегии управления маркетингом:

Таблица 1. Возможности и недостатки использования ИИ-технологий в рекламе

Плюсы (Новые горизонты)	**Минусы (Кризис)**
Масштабируемость: возможность создать 1000 вариаций креатива под каждого пользователя.	Потеря уникальности: риск стать «одним из многих» в потоке сгенерированного шума.
Доступность: малый бизнес теперь может позволить себе визуал уровня Apple.	Этическая дилемма: проблемы авторского права и «галлюцинаций» моделей.
Скорость: от идеи до реализации — минуты, а не недели.	Обесценивание навыка: риск потери базовых компетенций у начинающих специалистов.

Деградация творческого процесса угрожает лишь тем субъектам, которые воспринимают нейросети как «кнопку шедевр».

Трансформация креативных процессов под влиянием ИИ смещает профессиональную ценность от технических навыков к концептуальному проектированию и эстетическому курированию.

Список источников

1. Dentsu Creative Trends Report 2024: Futures Less Ordinary. URL: https://www.dentsu.com/reports/creative_trends_2024 (дата обращения: 15.04.2026).

2. M1-Project: Generative AI for Marketing. Case Studies and Benchmarks 2025. URL: https://www.m1-project.com/reports/2025 (дата обращения: 15.04.2026).

3. AI models spit out creative garbage when trained on their own output / I. Shumailov, P. Maini, S. Yenduri [et al.] // Nature. 2024. Vol. 631. P. 755–759.

4. The Amazing Ways Coca-Cola Uses Generative AI In Art And Advertising // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/09/08/the-amazing-ways-coca-cola-uses-generative-ai-in-art-and-advertising/.

5. Искусственный интеллект в маркетинге: итоги 2024 и прогнозы на 2026 // Sostav.ru: ведущее российское СМИ о маркетинге и рекламе. URL: https://www.sostav.ru/analytics/ (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 793.31:316.7

Культурное сотрудничество как инструмент популяризации народного танца в контексте современной культуры

Петрова Анастасия Вячеславовна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, APetrova-IK23@stud.ru

Ключевые слова: инструменты популяризации народного танца, культурное сотрудничество, народный танец.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анастасии Романовне Русаковой, ассистенту кафедры рекламы и социально-культурной деятельности.

В современных условиях сохранение и популяризация народного танца является актуальной социально-культурной проблемой, поскольку народный танец «несет в себе высшую духовную ценность и мудрость русского народа, а также оказывает положительное влияние на всестороннее воспитание, играет важную роль в сохранении и развитии традиций» [4]. Однако, под влиянием глобализации, доминирования массовой культуры «многие молодые люди все меньше интересуются традиционными формами культуры, отдавая предпочтение современным тенденциям» [1]. Исходя из этого необходимы «поиск новых возможностей сценической интерпретации фольклора» [3] и использование эффективных инструментов для популяризации народного танца.

© Петрова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Так, целью работы выступает анализ культурного сотрудничества как инструмента популяризации народного танца в контексте современной культуры.

На сегодняшней день в научной литературе отсутствует общепринятый подход к классификации инструментов популяризации народного танца, а существующие модели охватывают лишь отдельные аспекты данной проблемы. Сравнительный анализ теоретических трудов позволил выявить шесть ключевых направлений: телевидение и цифровые медиа; включение народного танца в образовательные программы; использование народного танца в искусстве и массовой культуре; развитие хореографических туристических программ; подчеркивание оздоровительного и духовного значения и культурное сотрудничество.

Для оценки эффективности инструментов в современной социально-культурной среде был проведён SWOT-анализ. Особое внимание уделено культурному сотрудничеству, ключевому инструменту в контексте рассматриваемой нами темы.

Таблица 1. SWOT-анализ культурного сотрудничества

Сильные стороны	**Слабые стороны**
Культурное сотрудничество способствует обмену опытом, созданию совместных проектов, привлечению новой аудитории, повышению узнаваемости коллектива и укреплению взаимодействия между организациями.	Восприятие народного танца молодёжью как устаревшего и неинтересного, ограниченность ресурсов и финансирования.
Возможности	**Угрозы**
Возможностями выступают использование цифровых технологий для расширения охвата, сотрудничество с коллективами разных направлений и уровней, а также привлечение спонсоров через совместные проекты.	Политическая нестабильность и введение ограничений на культурные, в частности международные обмены.

Таблица 2. Матрица SWOT-анализа культурного сотрудничества

Сильные стороны – возможности	**Слабые стороны – возможности**
Использование цифровых технологий, сотрудничество с коллективами разных направлений и привлечение спонсоров способствуют расширению аудитории, повышению репутации и узнаваемости, а также укрепляют культурный обмен опытом и знаниями.	Цифровые технологии помогают разрушить стереотипы о неактуальности народного танца, а сотрудничество с разными коллективами и привлечение спонсоров позволяют диверсифицировать поддержку и обеспечить устойчивое финансирование.
Сильные стороны – угрозы	**Слабые стороны – угрозы**
Политическая нестабильность ограничивает международный обмен и узнаваемость, а нехватка финансирования затрудняет привлечение новой аудитории, но способствует укреплению локальных связей между коллективами.	Политическая нестабильность и ограничения на культурные обмены затрудняют международное сотрудничество, а нехватка финансирования сокращает возможности по использованию необходимых ресурсов.

Экспертное интервью на тему «Роль культурного сотрудничества в сохранении и популяризации народного танца», позволило выявить устойчивую тенденцию к переосмыслению популяризации традиционного искусства посредством современных форматов и взаимодействия.

Отвечая на вопрос о существующих инструментах популяризации, эксперты единогласно выделили социальные сети как главный канал распространения, подчеркнув их доступность и вовлекающий потенциал. В Красноярском крае активно реализуются следующие направления: интеграция народного танца в массовые культурные события (День города, парад посвященный Дню Победы ВОВ, Универсиада), включение народного танца в образовательные программы (например, коллектив «Радуга» на базе школы), проводятся крупные региональные и всероссийские мероприятия, такие как фестиваль «Мир Сибири» (с. Шушенское) и

конкурс им. М.С. Годенко, однако присутствие танца в традиционных медиа, особенно на телевидении, ограниченно, так, основной акцент делается на живом участии в событиях. Эксперты подтвердили значимость культурного сотрудничества как действенного инструмента через взаимодействие с театром, вокальными коллективами, образовательными учреждениями и туристическими организациями.

Кроме того, сегодня в учреждениях культуры уже реализуется сотрудничество, что расширяет аудиторию и укрепляет профессиональные связи. Эксперты отметили положительные стороны — воспитательный и патриотический эффект, сплочение коллектива, расширение аудитории, укрепление связей, обмен опытом — но указали на следующие риски: риск формального сотрудничества, трудности в поиске единомышленников, недостаток ресурсов, риск утраты подлинности традиции при поверхностной интерпретации. Так, эксперты сходятся в том, что необходимость в использовании инструментов популяризации народного танца, а в частности культурного сотрудничества, как одного из инструментов, оправдана.

Таким образом, культурное сотрудничество выступает значимым и наиболее эффективным инструментом популяризации народного танца, что подтверждается как SWOT-анализом, так и мнением экспертов.

Список источников

1. Лю Я. Фольклорные танцы народов России: сохранение традиций и инновации / Я. Лю, Ш. Цзи // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 5-1. С. 188–195.

2. Предеина Т. Б. Актуальные вопросы сохранения и развития народного танца // Народный танец XXI века: опыт, традиции, перспективы : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2022. С. 32-36.

3. Пуртова Т. В. Роль профессиональных ансамблей народного танца в сохранении и популяризации культурного наследия народов России // Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. 2022. № 2(54). С. 6–15.

4. Татаринцев А. Ю. Сохранение и популяризация народного танца как актуальная социокультурная проблема // Наука. Искусство. Культура. 2024. №1 (41). С. 86–93.

УДК 339.138

Как феномен гуманизации домашних животных проявляется в event-маркетинге на региональном рынке зоотоваров

Пирогова Анастасия Александровна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, na.pirogova2004@mail.ru

Ключевые слова: event-маркетинг, гуманизация домашних животных, брендинг зоотоваров, региональный рынок, эмоциональный маркетинг, pet-индустрия, лояльность.

Рынок зоотоваров – один из наиболее динамично растущих и устойчивых к кризисам секторов экономики. По итогам 2025 года его объем в России достиг 590 млрд рублей, а темпы роста (15,8%) опережают общий рынок FMCG [4]. За этими цифрами стоит не просто увеличение числа домашних животных, а глубинная трансформация социального восприятия питомца. За последние 20 лет в обществе произошел сдвиг от утилитарного отношения (охрана, ловля мышей) к эмоциональному: сегодня 83% владельцев

© Пирогова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

кошек и 76% владельцев собак считают своих питомцев членами семьи [3].

Этот феномен, получивший название «гуманизация» или «очеловечивание», меняет правила продвижения для брендов. Функциональных характеристик продукта (польза, состав, цена) становится недостаточно. Потребитель выбирает бренд, который разделяет его ценности заботы, подтверждает его статус «хорошего хозяина» и помогает выстраивать отношения с питомцем. В связи с этим event-маркетинг, способный создавать «живой» эмоциональный контакт и формировать сообщества, приобретает стратегическое значение, особенно на региональных рынках, где роль локальных связей и доверия выше.

Цель данной публикации – на основе теоретического анализа и эмпирических данных, собранных в Красноярском крае, показать, как феномен гуманизации домашних животных трансформирует подходы к event-маркетингу брендов зоотоваров.

Традиционный маркетинг зоотоваров долгое время фокусировался на рациональных аргументах: сбалансированный состав, наличие витаминов, здоровье зубов и т.д. Однако специфика категории в том, что покупатель (владелец) и конечный потребитель (питомец) – разные субъекты. Владелец не может вербально спросить у кошки, понравился ли ей корм. Ему нужно интерпретировать косвенные признаки: активность, состояние шерсти, поведение.

В ситуации неопределенности важную роль играют эмоции и доверие. Как отмечают эксперты Ассоциации брендинговых компаний России, «в зоотоварах покупатель и потребитель отдалены друг от друга так, как, пожалуй, ни в какой другой категории» [5]. Это означает, что бренд должен выстроить коммуникацию не с желудком животного, а с помощью эмоциональной связи с владельцем. Феномен гуманизации усиливает этот эффект: владелец проецирует на питомца

человеческие потребности в качественном питании, досуге, заботе и статусе. Бренд, который понимает и поддерживает этот нарратив, получает «эмоциональный кредит доверия».

Проведенное среди жителей Красноярского края исследование показало, что посещение зоо-мероприятий является для владельца не просто развлечением, а моментом подтверждения идентичности. В качественном исследовании (глубинные интервью, 5 человек) была выдвинута и подтверждена гипотеза: мероприятие позволяет человеку ощутить на себе роль «ответственного и знающего хозяина», почувствовать себя «частью локального сообщества».

Один из респондентов (Светлана, владелица корги) так описала свой опыт на выставке «Звёздное шоу Красного Яра»: «Я почувствовала себя частью большого сообщества людей, которые без ума от своих питомцев».

Количественный опрос (108 респондентов, владельцы кошек и собак Красноярского края) дополнил эту картину цифрами. 70% респондентов согласились с утверждением, что после посещения мероприятия их доверие к брендам-участникам возрастает. 65% опрошенных заявили, что доверяют товарам, представленным на специализированных мероприятиях, больше, чем тем, что продаются в обычных магазинах. Это показывает, что событийный опыт конвертируется в капитал бренда.

Качественное исследование позволило выделить три типа аудитории зоо-ивентов, что можно использовать для дифференциации форматов:

1. «Эксперты-прагматики» (цель – получить знания и полезные контакты, оценивают бренд через профессионализм).

2. «Социальные навигаторы» (цель – чувство принадлежности к сообществу, ценят атмосферу и знакомства).

3. «Эмпатичные наблюдатели» (фокус на комфорте животных, ценят камерность, критичны к коммерциализации).

Региональная специфика (на примере Красноярского края) накладывает дополнительные требования. Как показал опрос жителей регионов, 66% россиян при выборе между двумя брендами предпочтут производителя из своего региона [2]. В интервью респонденты неоднократно подчеркивали ценность «локальности»: «местный эксперт, который понимает наши реалии», «так по-сибирски мило». Для регионов с суровым климатом (долгая зима, большие расстояния) актуальны специфические товары (утепленная одежда, обувь для собак, высококалорийные корма) и форматы (камерные встречи в помещениях, онлайн-трансляции лекций).

Основным барьером для посещения, выявленным в интервью, является не цена или время, а социальный страх: опасение, что питомец будет вести себя «неидеально» и вызовет осуждение, а также стресс для животного. Это открывает для брендов возможность дифференцироваться через создание безопасной, дружелюбной атмосферы и дайджестов по подготовке питомцев к мероприятиям.

Феномен гуманизации домашних животных трансформирует потребительское поведение, смещая фокус с функциональных характеристик продукта на эмоциональную связь и ценности бренда. Event-маркетинг на региональном рынке зоотоваров эффективен больше не как канал продаж, а как инструмент конструирования идентичности «ответственного хозяина» и формирования локального сообщества вокруг бренда. Ключевыми факторами успеха зоо-ивентов являются: а) отказ от жестких продаж в пользу экспертного диалога; б) создание безопасной, комфортной среды для животных; в) актуализация локальной идентичности («свой бренд», «местный эксперт»). Для брендов зоотоваров, работающих в регионе, инвестиции в событийный маркетинг – это вложения в долгосрочный эмоциональный капитал, который конвертируется в доверие и лояльность.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методики оценки ROI событийных мероприятий в pet-индустрии с учетом их эмоциональной составляющей, а также реализацию программ event-маркетинга на региональном рынке.

Список источников

1. Гуманизация питомцев: сможет ли рынок товаров для животных расти дальше? // РБК Бизнес-среда : [сайт]. URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/67c6b1587a8aa948f107026a (дата обращения: 21.02.2026).

2. Две трети россиян предпочитают производителей своего родного региона // Газета.ру : [сайт]. URL: https://mt.gazeta.ru (дата обращения: 26.02.2026).

3. Кошки, собаки и все-все-все! // ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru (дата обращения: 21.02.2026).

4. Рынок зоотоваров в России вырос до 590 млрд рублей / ООО ИИЦ «Зооинформ» // РБК Компании : [сайт]. URL: https://companies.rbc.ru (дата обращения: 21.02.2026).

5. Эксперты АБКР выступят в деловой программе NEVA BUYERS WEEK // АБКР : [сайт]. URL: https://russianbranding.ru (дата обращения: 25.02.2026).

6. Kokowicz D. “Dogs love gifts” – The image of a dog in the marketing narrative of selected pet and dog parenting brands in the context of organizing birthday parties for animals. // AUPC Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia. 2024. Vol. 22. P. 695–712.

УДК 795*5:379*8

Внесценическая деятельность репертуарного театра как метод расширения целевой аудитории

Савченко Василина Михайловна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, savvasilina@yandex.ru

Ключевые слова: внесценическая деятельность, репертуарный театр, театр оперы и балета, расширение целевой аудитории, метод расширения целевой аудитории.

Благодарность: автор выражает благодарность научному руководителю Русаковой Анастасии Романовне, ассистенту кафедры рекламы и социально-культурной деятельности.

В настоящее время учреждения в сфере культуры переживают значительные изменения. Оформление рыночных отношений, обострение конкуренции, смена предпочтений аудитории вынуждают корректировать деятельность театров [1]. Обилие форматов мероприятий, развитие цифровых технологий и их активное использование организаторами событий, избалованность и насмотренность публики приводят к необходимости внедрения современных методов управления, в том числе, ориентированных на развитие инновационной проектной деятельности [2, 3].

Под внесценической деятельностью театра понимается разновидность проектной деятельности, результаты которой воплощаются учреждением вне основной сцены, включая собственные помещения, открытые площадки города, площадки частных и государственных организаций (библиотеки, клубы, молодежные центры, кафе, рестораны и тому подобное), с целью

© Савченко В.М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

расширения аудитории, выстраивания с ней коммуникационных связей, продвижения и укрепления собственного бренда [2].

Следовательно, целью работы выступает анализ внесценической деятельности репертуарного театра как метода расширения целевой аудитории на примере КГАУ Красноярский театр оперы и балета имени Д.А. Хворостовского.

Для этого нами было проведено экспертное интервью на тему «Значение внесценической деятельности работе репертуарного театра по привлечению новой аудитории». В результате, эксперты отметили, что привлечение новой аудитории является одной из ключевых задач учреждения, необходимых для устойчивого развития театра и реализации его стратегических целей. Отвечая на вопрос о способах привлечения, респонденты отметили разнообразие подходов, от адаптации рекламы до создания специализированных проектов на привлекательных площадках, однако единого наиболее эффективного метода не выделили. Эксперты определили внесценическую деятельность как мероприятия, проводимые за пределами сцены (в помещениях театра или на улице), включающие творческие встречи, мастер-классы, лекции, экскурсии и иные форматы, не связанные напрямую с репертуарными постановками. Интервьюируемые подтвердили, что такая деятельность способствует привлечению новой аудитории, поскольку позволяет зрителям включаться в творческий процесс, раскрывать свои способности и чувствовать причастность к жизни театра.

К преимуществам внесценической деятельности эксперты отнесли увеличение числа точек контакта с аудиторией, запуск «сарафанного радио» и укрепление коммуникационных связей. Среди недостатков названы рост нагрузки на творческий коллектив, необходимость перераспределения финансовых и временных ресурсов с основного репертуара. По словам экспертов, в качестве угроз были выявлены риск превращения театра в развлекательное пространство, утрата просветительской функции. Тем не менее, возможности значительно превышают риски: расширение команды, формирование лояльной и разнообразной

аудитории, рост узнаваемости бренда театра и постепенное превращение учреждения в «третье место» - культурную площадку, где люди собираются не только ради спектакля, но и для общения, самовыражения и участия. В итоге, эксперты пришли к единому выводу, что внесценическая деятельность представляет собой стратегически значимый инструмент, способный трансформировать репертуарный театр в современное, гибкое и вовлекающее культурное пространство.

Кроме того, был проведен SWOT-анализ внесценической деятельности Красноярского театра оперы и балета им. Д.А. Хворостовского. В таб. 1 указаны сильные и слабые стороны, угрозы и возможности. В таб. 2 представлен анализ взаимосвязей сторон, которые в дальнейшем могут быть использованы для формулирования заключения.

Таблица 1. SWOT-анализ внесценической деятельности Красноярского театра оперы и балета им. Д.А. Хворостовского

Сильные стороны	**Слабые стороны**
Высокий профессионализм сотрудников, доступность мероприятий для любой аудитории, разнообразие и высокое качество «культурного продукта» и положительная репутация аудитории способствуют успешному восприятию и востребованности культурных инициатив.	Низкая переодичность проведения мероприятий, недостаточная информированность аудитории, организационные недостатки проектов, непрофессиональное поведение персонала и износ материально-технической базы учреждения в совокупности снижают лояльность аудитории, привлекательность и репутацию учреждения.
Возможности	**Угрозы**
Культурное сотрудничество способствует повышению узнаваемости бренда театра, привлечению зрителей как партнёров, установлению связей с учреждениями и расширению спектра деятельности.	Высокая частота проведения и актуальность мероприятий у конкурентов, формирование новых трендов, связанных с цифровизацией, иммерсивностью и повышением уровня вовлечённости аудитории.

Таблица 2. Матрица SWOT-анализа внесценической деятельности Красноярского театра оперы и балета им. Д.А. Хворостовского

Сильные стороны — возможности	**Слабые стороны — возможности**
Расширение спектра деятельности, ориентация на разнообразную аудиторию, высокий профессионализм сотрудников и качество культурного продукта способствуют диверсификации предложения, укреплению репутации учреждения, привлечению партнёрских связей и повышению узнаваемости бренда театра.	Непрофессиональное поведение персонала и переполненность пространства зрителями на мероприятиях негативно влияют на репутацию театра и комфорт аудитории, тогда как реализация новых форматов вне помещений театра создаёт потенциал для увеличения частоты проводимых мероприятий и расширения охвата.
Сильные стороны — угрозы	**Слабые стороны — угрозы**
Неактуальность форматов и культурного продукта, несмотря на их разнообразие и профессионализм исполнителей, снижает привлекательность учреждения и ведёт к сокращению числа посетителей.	Ограниченность инфраструктуры из-за устаревшего здания и оборудования препятствует расширению сетки мероприятий и внедрению цифровых технологий, что снижает конкурентоспособность учреждения на культурном рынке.

Таким образом, внесценическая деятельность представляет собой совокупность разнообразных проектных решений, реализуемых на площадках учреждения, организаций и города. Такой подход помогает привлекать внимание к своей деятельности в условиях обилия информации и высокой конкуренции, формировать устойчивые коммуникативные связи с публикой, осваивать новые городские пространства, находить партнеров и укреплять свой бренд. Тем самым, внесценическая деятельность является необходимым инструментом для современного театра.

Список источников

1. Волкова Виктория Борисовна PR-технологии в современном театре: отечественный опыт // Манускрипт. 2021. Т. 14, №9. С. 1915–1919.

2. Акунина Юлия Аркадьевна, Бычковский Александр Владимирович Тренды Проектной Деятельности В Театральной

Индустрии // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. №2 (37). С. 89–93.

3. Кондратьева Л. Н. Проблемное Поле Управления Инновационными Проектами В Учреждениях Культуры / Л. Н. Кондратьева, И. А. Алексеева // Вестник Академии знаний. 2022. №1 (48). С. 122–124.

УДК 316.77:659.1

Грань между креативом и скандалом: анализ имиджевые рисков на примерах Российских брендов

Сергеева Евгения Михайловна[1], Салиева Жасмин Жыргалбековна[2]
[1, 2] Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]es19082006@gmail.com
[2]ZSalieva-IK24@sfu-kras.ru

Ключевые слова: провокация, имиджевые риски, границы допустимого, креатив, скандал.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Евгении Александровне Бугаевой, старшему преподавателю.

В современном маркетинге понятие «креатив» давно вышло за рамки простого производства рекламных макетов. Сегодня под креативом понимается способность бренда генерировать нестандартные, запоминающиеся и эмоционально окрашенные коммуникационные решения, которые выделяют его среди конкурентов и формируют устойчивую связь с аудиторией. Креатив

© Сергеева Е. М., Салиева Ж. Ж., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

предполагает использование неожиданных форматов, иронии, гиперболы, культурных отсылок и даже умеренной провокации - но всегда в рамках, не разрушающих доверие к бренду. Однако в погоне за «виральностью» многие компании переходят невидимую грань, после которой креатив перестаёт быть таковым и превращается в скандал. Главная проблема при анализе подобных кейсов заключается в отсутствии четких, формализованных критериев «допустимого». Цель данной работы - на примерах российских брендов выявить факторы, определяющие переход рекламной кампании из зоны эффективного креатива в зону скандала, и предложить систему критериев оценки имиджевых рисков.

Наиболее показательным кейсом 2025 года стал скандал вокруг сети напитков Pims. Компания опубликовала ролик, в котором мужчина проводил грубый обыск девушки на улице, оголяя части её тела [1]. Пользователи обвинили бренд в романтизации насилия. Анализ показывает три ключевые ошибки. Во-первых, игнорирование информационной повестки, так как ролик вышел в период острого обсуждения проблемы уличных домогательств. Во-вторых, непоследовательная антикризисная коммуникация, бренд отключил комментарии, заявив, что «знал, что будет много мнений, которых никто не просил», а затем выпустил половинчатые извинения. В-третьих, непонимание границ допустимого, ведь как отметил CEO агентства «Апрель» Всеволод Шеховцев, Pims «необдуманно шагнул на территорию максимального абьюза и сексуализации» [2].

Другой пример - сеть суши «Ёбидоёби», использовавшая в наружной рекламе текст: «Не материмся и вкусно готовим. Набор "КуниЛи" 2 кг» [3]. Волгоградское УФАС признало рекламу ненадлежащей, так как значительная часть аудитории воспринимает эти слова как непристойные. Верховный Суд РФ подтвердил решение [4]. Эти примеры демонстрируют, что

провокация без учёта контекста и чувствительности аудитории перестаёт быть креативом. Отличие креатива от скандала заключается в том, что креатив уважает аудиторию, предлагая ей интеллектуальную или эмоциональную игру, тогда как скандальная провокация использует страх, боль или унижение как инструмент привлечения внимания.

Исходя из данных примеров, можно предположить, как выглядят критерии, позволяющие оценить потенциальные имиджевые риски провокационной кампании. Первым критерием можно считать соответствие базовым ценностям бренда. Провокация не должна противоречить сложившемуся образу компании. Вторым критерием можно считать чувствительность темы для целевой аудитории. Необходимо оценить степень табуированности темы и уровень общественного консенсуса. В качестве третьего критерия может являться актуальность информационной повестки. Даже потенциально приемлемая тема может стать взрывоопасной, если она резонирует с текущими общественными дискуссиями. Четвёртый - наличие очевидного «защитного слоя» (иронии, гиперболы, явной условности), который должен быть понятен аудитории с первого просмотра. Пятым критерием будет готовность к последствиям, включающая проработанный антикризисный план.

Таким образом, грань между креативом и скандалом проходит не столько по линии содержания, сколько по линии контекста, уважения к аудитории и готовности бренда к ответственности. Креатив предполагает диалог и игру, скандал - насилие над восприятием зрителя. Отсутствие четких критериев «допустимого» делает этот процесс трудно прогнозируемым, а опыт Pims и «Ёбидоёби» показывает, что непродуманная провокация превращает локальную ошибку в системный кризис.

Список источников

1. «Дизлайк, отписка, отмена»: как один ролик подорвал имидж Pims – разбор скандала. URL: https://adindex.ru/news/researches/2025/06/27/332378.phtml (дата обращения: 10.04.2026).

2. Russia's Largest Bubble Tea Chain Accused of Promoting Sexual Harassment in Online Ads // The Moscow Times : [сайт]. URL: https://www.themoscowtimes.com/2025/06/26/russias-largest-bubble-tea-chain-accused-of-promoting-sexual-harassment-in-online-ads-a92564 (дата обращения: 10.04.2026).

3. В Волгограде рекламу сети суши признали незаконной из-за непристойной лексики // Коммерсант : [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8251015 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Право рекламодателя на креативность должно сочетаться с ответственностью за содержание рекламы // СоветРеклама : [сайт]. URL : https://sovetreklama.org/2025/03/pravo-reklamodatelja-na-kreativnost-dolzhno-sochetatsja-s-otvetstvennostju-za-soderzhanie-reklamy/ (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 379.8

Роль клубной деятельности в повышении социально-культурной активности школьников

Соловьева Виктория Дмитриевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vsoloveva-ik23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: клубная деятельность, социально-культурная активность, школьники, внеурочная деятельность, социализация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Солодиловой Ольге Сергеевне.

Развитие социально-культурной активности школьников является одной из ключевых задач системы образования России. В условиях стремительных глобальных изменений, цифровизации и трансформации социальных связей, современные школьники сталкиваются с вызовами, которые могут приводить к утрате связи с культурной идентичностью и снижению навыков конструктивного взаимодействия в социуме. Традиционные методы воспитания, ориентированные преимущественно на передачу знаний, часто оказываются недостаточными для всестороннего формирования личности, способной к самореализации и активному участию в общественной жизни. Президент РФ В.В. Путин в Указе «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики» [1] обозначает проблему снижения интеллектуального и культурного уровня общества, что подчеркивает необходимость поиска новых

© Соловьева В. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эффективных инструментов воспитания, среди которых особое место занимает клубная деятельность.

Цель исследования заключается в определении роли клубной деятельность в повышении социально-культурной активности школьников.

Задачи исследования:

1. Оценить степень участия школьников в клубной жизни школы и внешних мероприятиях;

2. Выявить предпочитаемые направления и мотивацию участия/неучастия;

3. Определить основные каналы информирования о кружках и барьеры для записи.

Проблема: средняя социально-культурная активность школьников.

Исследование проводилось методом анонимного анкетирования среди учащихся старших классов школ г. Красноярска. Вопросы охватывали частоту посещения школьных и внешкольных мероприятий, участие в кружках, источники информации, мотивирующие и демотивирующие факторы. Дополнительно собирались открытые ответы об идеальном клубе и запомнившихся событиях.

Проанализировав данные опроса, можно говорить о том, что уровень социально-культурной активности школьников является средним: ребята достаточно активно принимают участие в мероприятиях, организованных школой, но за пределами образовательного учреждения культурно-досуговые мероприятия посещаются реже. Половина опрошенных практически не посещают учреждения культуры. При этом 79,6% школьников формально состоят в кружках, однако 83,3% не занимаются никаким видом творчества, спортом или хобби на регулярной основе за пределами школы. Это показывает, что роль клубной деятельности в повышении социально-культурной активности пока

реализована не в полной мере: школьная клубная активность не перерастает в устойчивую досуговую практику.

Одним из эффективных способов повышения социально-культурной активности школьников является клубная деятельность. Понятие «клуб» в педагогическом контексте определяется как добровольное объединение людей на основе общности интересов, целей и ценностей для совместной деятельности, самореализации и общения. Специфика клубной деятельности заключается в сочетании организованности и неформальности, структурированности и свободы выбора, что создает особую атмосферу, благоприятную для развития личности» [2].

Для того, чтобы выявить роль клубной деятельности в повышении социально-культурной активности школьников, учащимся 8-11 классов был задан ряд вопросов. По результатам анализа было выявлено то, что на данный момент большая часть обучающихся состоит в клубном объединении (рисунок 1).

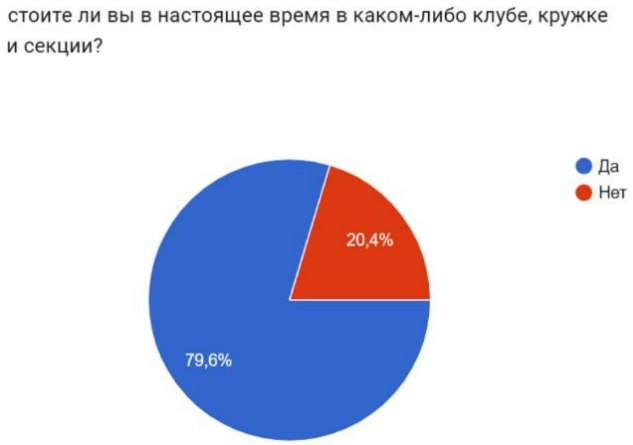


Рисунок 1. Процент участия в клубной деятельности.

Анализ мотивации показал, что в клуб подростки приходят за общением с единомышленниками, получением новых знаний и личными достижениям. 88,9% уверены, что кружки помогают завести друзей. Таким образом, клубная деятельность уже выполняет важную социализирующую функцию.

Среди тех, кто не состоит в кружках, основными барьерами выступают нехватка времени и отсутствие интересных направлений. Наиболее востребованными оказались спортивные, художественные, танцевальные, технические и театральные кружки. В открытых ответах школьники также хотели бы видеть психологические, туристические, медийные и медицинские клубы.

Качественный анализ идеального кружка показал три требования: дружеская атмосфера без принуждения, актуальное содержание (современные направления) и удобные условия (расписание, оборудование, расположение в школе).

Таким образом, роль клубной деятельности в повышении социально-культурной активности школьников является значимой, но потенциал её раскрыт не полностью. При формально высоком охвате клубная деятельность пока не формирует привычку к самостоятельному культурному досугу вне школы. Для усиления этой роли рекомендуется: расширить направления (психология, медиа, туризм), улучшить информирование через социальные сети и стенды, внедрить гибкое расписание и сделать акцент на проектной и событийной составляющей, чтобы школьники переносили активность за пределы школы.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

2. Васильева Ю. А. Клубная деятельность как форма социализации подростков // Педагогическое образование и наука. 2020. №5. С. 66-70.

3. Результаты авторского социологического опроса учащихся старших классов школ г. Красноярска.

УДК 74.01.9

Региональная идентичность в дизайне кофеен: визуальные стратегии для создания уникального бренда

Сумбаева Елизавета Сергеевна, Терещенко Мария Антоновна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, aeroliza@mail.ru

Ключевые слова: региональная идентичность, аутентичность, визуальные стратегии, уникальный бренд, “эффект знакомости”.

В условиях высокой конкуренции в индустрии гостеприимства кофейни стремятся выделиться не только качеством продукта, но и уникальностью пользовательского опыта. Однако повсеместное распространение «шаблонных» решений - открытых планировок, голых бетонных стен и минималистичной эстетики, диктуемой визуальной глобализацией - приводит к тому, что пространства становятся безликими. Потребитель перестаёт замечать разницу между сетевым гигантом и локальной кофейней, что снижает лояльность.

В связи с этим использование региональной идентичности становится главным конкурентным преимуществом. В противовес глобальным сетям локальный бизнес способен создать пространство, укоренённое в контексте места. Дизайн превращается в средство передачи ценностей бренда и его связи с регионом [3].

Региональная идентичность в дизайне — это совокупность визуальных и культурных элементов, отражающих особенности территории. В оформлении кофеен она проявляется через:

© Сумбаева Е. С., Терещенко М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

1. Материальность - локальные материалы (камень, дерево, текстиль).

Колористику - цвета, характерные для природы или архитектуры региона.

Контекстуальность - адаптацию под историческое или промышленное здание.

Символизм - отсылки к местному наследию.

Локальное искусство - работы местных художников.

В эпоху глобализации люди испытывают «голод» по аутентичности. Согласно концепции «третьего места» (Рэй Ольденбург), кофейня выступает общественным пространством между домом и работой. Современный потребитель ищет здесь не просто кофе, а историю и принадлежность.

Кофейня, транслирующая локальный культурный код, воспринимается как «своё место». Возникает «эффект знакомости»: человеку комфортнее в среде, которая резонирует с его восприятием родного города. Дизайн превращает кофейню в «витрину региона», где гость чувствует живой пульс конкретного места [1].

Современные кофейни всё чаще используют региональную идентичность как инструмент формирования уникального бренда. При этом она проявляется не только в декоре, но и в комплексной визуальной стратегии, включающей архитектуру, материалы, графику и сценарии использования пространства.

2. Skuratov Coffee (Омск, Россия)

Одна из наиболее показательных кофеен с точки зрения регионального брендинга. Основатель проекта делает акцент на локальной идентичности города Омска, который традиционно не ассоциируется с кофейной культурой.

В дизайне используются:

– индустриальные элементы, отражающие промышленное прошлое региона;

– открытые пространства и «честные» материалы (бетон, металл);

– локальные арт-объекты и графика;

– визуальная коммуникация с отсылками к городской среде.

Кофейни Skuratov формируют новый образ города, превращая локальность в конкурентное преимущество [2].

3. Кофе на кухне (Санкт-Петербург, Россия)

Кофейня активно работает с локальным культурным кодом Санкт-Петербурга. Интерьер сочетает элементы «домашнего» пространства с эстетикой старого города: винтажная мебель, приглушённые цвета, текстиль, книги.

Региональная идентичность выражается через:

– атмосферу «петербургской квартиры»;

– интеллектуальный и камерный характер пространства;

– визуальные отсылки к культурной столице России.

Таким образом, дизайн формирует эмоциональную связь с образом города как центра культуры и рефлексии.

Региональная идентичность в дизайне кофеен становится важнейшим инструментом формирования уникального бренда. Современный потребитель ищет не просто продукт, а опыт, наполненный смыслом. Дизайн, основанный на культурном коде региона, позволяет создать пространство, отражающее ценности бренда.

Пока глобальные сети унифицируют свои заведения, российские кофейни получают возможность говорить с гостем на языке родного места. Интеграция региональных элементов в визуальную коммуникацию способствует развитию бизнеса и популяризации культурного наследия, становясь ключевым трендом в индустрии гостеприимства [4].

Список источников

1. Неолокализм как тренд в дизайне кофеен: от глобализации к локальной идентичности // RB.RU : [сайт]. 2024. URL: https://rb.ru/stories/neolokalism/ (дата обращения: 13.04.2026).

2. Ohmybrand. Skuratov People: ребрендинг федеральной сети кофеен Skuratov Coffee // Retail.ru : [сайт]. 2024. URL: https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/skuratov-people-rebrending-federalnoy-seti-kofeen-skuratov-coffee/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. KIDZ. Кафе Balance Coffee // ADDAWARDS.RU [сайт]. 2026. URL: https://addawards.ru/nominations/detail.php?ELEMENT_ID=331164&SPEC_NOM= (дата обращения: 13.04.2026).

4. Как маркетинг через впечатления изменил подход к клиентскому опыту в кофейнях // ADPASS : [сайт]. 2024. URL: https://adpass.ru/kak-marketing-cherez-vpechatleniya-izmenil-podhod-k-klientskomu-opytu-v-kofejnyah/ (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 82.09

Исследование влияния личного бренда специалиста индустрии HoReCa на доверие и лояльность аудитории

Триппель Ксения Анатольевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ksyu.trippel@bk.ru

Ключевые слова: личный бренд, специалист индустрии гостеприимства (HoReCa), доверие, лояльность, профессионализм, восприятие аудитории, цифровая среда, конкурентоспособность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анастасии Владимировне Погоревич, доценту, канд. экон. наук.

В условиях усеивающейся конкуренции на рынке гостеприимства личный бренд специалиста HoReCa становится одним из ключевых инструментов, определяющих конкурентоспособность заведения и его устойчивость на рынке [1]. На первый план выходят нематериальные факторы – ценности, смыслы и персонализированные коммуникации с аудиторией, в рамках которых ключевую роль играет личность специалиста (шеф-повара, бар-менеджера, сомелье и др.) [2].

Эффективность личного бренда специалиста индустрии HoReCa во многом основывается на особенностях восприятия и поведения потребителей. С одной стороны, аудитория склонна доверять тем источникам информации, которые воспринимаются как персонализированные, искренние и соответствующие её ценностям [3]. С другой стороны, в условиях цифровой среды

© Триппель К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

усиливается потребность в установлении эмоциональной связи с брендом через конкретную личность, способную транслировать экспертность, опыт и индивидуальность [4].

Настоящее количественное исследование проведено с целью определения степени влияния личного бренда специалиста HoReCa на доверие, лояльность и поведенческие намерения гостей, а также выявления факторов, усиливающих или ослабляющих это влияние.

Гипотеза исследования заключалась в том, что чем выше уровень сформированности личного бренда ключевого специалиста HoReCa, выраженный через сочетание профессиональной компетентности, последовательности публичного поведения и аутентичного образа, тем выше доверие гостей, их лояльность и готовность посещать и рекомендовать соответствующее заведение.

В опросе приняли участие 260 респондентов, проживающих на территории Красноярского края и имеющих опыт посещения заведений индустрии HoReCa. Основную возрастную группу составили лица 18–24 лет (45,9%). Анкета включала вопросы, касающиеся осведомлённости о специалистах, источников информации, привлекательных черт личного бренда, уровня доверия, поведенческих намерений и социально-демографических характеристик.

Формирование выборки осуществлялось на основе целевого (критериального) отбора, предполагающего включение в исследование респондентов, соответствующих заданным параметрам, а именно наличию опыта взаимодействия с предприятиями индустрии HoReCa. Сбор эмпирических данных проводился в период с октября по декабрь 2025 года.

Анализ ответов показал, что большинство респондентов (46,9%) не знают конкретных имён специалистов, работающих в Красноярске; 36,7% знакомы лишь с одним-двумя специалистами, и только 16,4% знают многих. Основными каналами формирования осведомлённости выступают социальные сети (85%), личное

посещение заведения (61,4%) и рекомендации друзей (52,7%) (см. Рис. 1). Наиболее значимые характеристики личного бренда специалиста: профессионализм и компетентность (89%), последовательность поведения (62,8%), искренность и открытость (58,9%).

Рисунок 1. Источники информации о деятельности специалистов HoReCa.

При выборе между двумя похожими заведениями 62,3% респондентов не считают его значимым аргументом при первичном выборе. Однако 29% отметили, что наличие специалиста с ярким личным брендом «влияет заметно», а 8,7% – «влияет решающим образом». Несмотря на то, что для большинства личный бренд не является решающим при выборе, его наличие сильно повышает доверие к заведению: по десятибалльной шкале средний балл составил 8,22 (см. рис. 2).

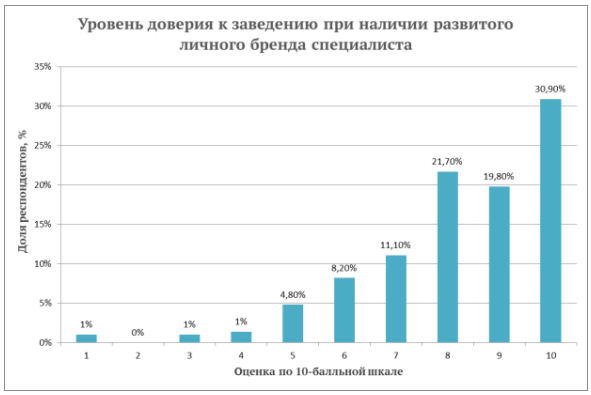


Рисунок 2. Уровень доверия к заведению при наличии развитого личного бренда специалиста.

Результаты исследования подтвердили гипотезу: высокий уровень сформированности личного бренда специалиста HoReCa способствует росту доверия и лояльности гостей. Установлено, что при низкой персональной узнаваемости специалистов ключевым каналом информирования выступают социальные сети. Личный бренд не является решающим при первичном выборе заведения, однако выступает эмоциональным дифференциатором, повышая готовность рекомендовать и повторно посещать, при этом уступая по значимости качеству блюд, сервису и атмосфере.

Список источников

1. Личный бренд в индустрии гостеприимства: как личность становится визитной карточкой бизнеса // Яндекс Путешествия : [сайт]. URL: https://travel.yandex.ru/pro/lichnyy-brend-v-industrii-gostepriimstva/ (дата обращения: 26.03.2026).

2. Не едой единой: итоги рынка HoReCa в 2025 году // РОМИР : [сайт]. URL: https://romir.ru/feed/ne-edoi-edinoi-itogi-rynka-horeca-v-2025-godu (дата обращения: 28.11.2025).

3. Вырковский А. В. Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? / А. В. Вырковский, Ю. Ф. Шамсутдинова // Мониторинг. 2024. № 6 (184). С. 182-203.

4. Сафарли А. Х. Анализ актуальности личного бренда на фоне развития цифровых коммуникаций // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 3155–3166.

УДК 339.138:316.6

Партизанский маркетинг и нейромаркетинг: синергия методов и их роль в формировании потребительских предпочтений

Труфанова Елизавета Михайловна, Чумакова Ангелина Алексеевна
Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, elizabeth.trufanova@gmail.com

Ключевые слова: партизанский маркетинг, нейромаркетинг, вирусный маркетинг, эмбиент-медиа, потребительское поведение, нейробрендинг, эмоциональный отклик, сенсорные стимулы.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя Бугаевой Евгении Александровны, старшего преподавателя РиСКД.

Из-за «баннерной слепоты» - феномена, при котором мозг игнорирует информационный шум, потребитель перестал реагировать на рациональные аргументы. Решение этой проблемы кроется в двух взаимодополняющих направлениях.

Первое - партизанский маркетинг. Его придумал американец Джей Конрад Левинсон в 1984 году, он предложил философию продвижения, основанную на принципе: достичь максимального эффекта при минимальных затратах за счет креативности. Ключевая особенность партизанского подхода - ставка на неожиданность. Основными инструментами этого направления являются: вирусный маркетинг — создание контента, который пользователи добровольно распространяют сами; эмбиент-медиа —

© Труфанова Е. М., Чумакова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

реклама, встроенная в окружающую среду неожиданным образом (например, на эскалаторах, дверных ручках или тротуарах); сарафанное радио — искусственная стимуляция обсуждений бренда в офлайн- и онлайн-среде.

Второе - нейромаркетинг. Он возник на стыке нейробиологии и маркетинга. Его основы заложил профессор Джеральд Залтман в конце 1990-х, впервые применив фМРТ для анализа реакций на рекламу. Современный нейромаркетинг использует три основные технологии: фМРТ — отслеживает активность зон мозга по кровотоку; ЭЭГ (электроэнцефалография) — фиксирует электрическую активность нейронов; айтрекинг — анализирует движение глаз и фокус внимания. Ключевой тезис нейромаркетинга, подтверждённый исследованиями: до 90–95% решений о покупке — эмоциональные и подсознательные. По словам Дэна Ариели и Грегори Бернса (2010), нейровизуализация позволяет получить «скрытую информацию о потребительском опыте», которую не дают традиционные методы. Статистика IPA Effectiveness Databank (исследователи Бинет и Филд) показывает, что эмоциональная реклама значительно эффективнее строит бренд. Оптимальным для успеха считается соотношение 60% эмоционального и 40% рационального воздействия, поскольку эмоции активируют лимбическую систему мозга (миндалевидное тело и гиппокамп), что подтверждено нейробиологами.

Одно из немногих исследований, анализирующих интеграцию партизанского маркетинга с нейромаркетинговыми принципами - дипломная работа М. Сарако (Туринский университет, 2024/2025), которая доказывает, что интеграция партизанского маркетинга и нейромаркетинга (от «разрушительной креативности» к нейробрендингу) позволяет построить прочную идентичность бренда, измеряя нейрофизиологические реакции на нестандартные стимулы. Практический механизм синергии можно представить следующим образом: партизанский маркетинг обеспечивает

неожиданность контакта, помещая рекламное сообщение в непривычный для потребителя контекст, что снижает критическое восприятие и повышает вовлеченность. Нейромаркетинг объясняет, какие именно сенсорные стимулы (цвет, форма, звук, аромат) внутри этой нестандартной активации вызовут нужную эмоциональную реакцию и закрепятся в долговременной памяти. Результат - формирование устойчивой ассоциативной связи между брендом и ярким эмоциональным переживанием, что влияет на потребительские предпочтения и лояльность.

Эмпирическим подтверждением сдвига в маркетинге служат кейсы, где инструменты партизанского и нейромаркетинга работают в синергии. Кампания Coca-Cola «Share a Coke» сместила фокус с продукта на персонализированный опыт, создав эффект спонтанного вовлечения. С точки зрения нейромаркетинга, это активирует самоидентификацию и усиливает запоминаемость. Аналогично, IKEA использует «эффект IKEA», при котором ценность товара растёт благодаря вложенным усилиям потребителя, что указывает на доминирование психологии над рациональностью. Стратегия Red Bull, проект Stratos, функционирует как триггер сильных эмоций, формируя прочную ассоциативную связь с брендом. Наконец, Apple использует сенсорный маркетинг: минималистичная среда и тактильное взаимодействие снижают когнитивную нагрузку и конструируют доверие, минуя этап аналитической оценки.

Современный маркетинг переходит от убеждения к «внушению». Ключевую роль играет синергия партизанских стратегий, создающих вовлечение, и нейромаркетинговых механизмов, активирующих психофизиологические реакции. В результате потребительские предпочтения формируются за счёт обхода рационального сознания и закрепления опыта на эмоциональном и сенсорном уровнях.

Список источников

1. Ариели Д. Нейромаркетинг: надежды и ажиотаж вокруг нейровизуализации в бизнесе / Д. Ариели, Г. С. Бернс // Nature Reviews Neuroscience. 2010. Vol. 11, № 4. P. 284–292.

2. Залтман Дж. Разум рынка: является ли человеческий мозг компьютером? / Дж. Залтман, К. А. Браун // Harvard Business School Case Collection. 1998. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=20405.

3. Клепек М. Партизанский маркетинг: обзор литературы и теоретические несоответствия // Marketing and Business. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/259562365_Guerrilla_marketing_A_literature_review_and_theoretical_inconsistencies.

4. Левинсон Дж. К. Партизанский маркетинг: простые и недорогие способы получения большой прибыли от малого бизнеса. Бостон: Houghton Mifflin, 1984. 223 с.

5. Мираби В. Идентификация и кластеризация внутренних стимулов эффективности рекламы с использованием метода Дельфи и персептронной нейронной сети (на примере спортивных ритейлеров) / В. Мираби, Т. Таефи // Agricultural Marketing and Commercialization Journal. 2020. URL: https://agris.fao.org/search/en/records/647473544425ec3c088f33abd.

6. Сарако М. От партизанского маркетинга к нейробрендингу: преодоление рациональности для нестандартной виральности: дипломная работа. Турин: Туринский университет, 2025. URL: https://unitesi.unito.it/handle/20.500.14240/184213.

УДК 316.7:796

Восприятие фитнес-тренеров в цифровой среде: предпочтения аудитории видеоконтенту

Хасамудинова Вероника Максимовна
Гуманитарный институт Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: фитнес-тренеры, видеоконтент, социальные сети, доверие, предпочтения аудитории, онлайн-тренировки.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю А. В. Погоревич, канд. экон. наук, доценту, доценту кафедры Реклама и социально-культурная деятельность.

Актуальность выбранной темы объясняется тем, что в эпоху цифровизации фитнес-индустрия активно мигрирует в социальные сети, где фитнес-тренеры формируют доверие через видеоконтент, влияя на выбор услуг. Рост онлайн-тренировок, особенно после пандемии, усилил спрос на аутентичный контент, показывающий реальные процессы и сложности, а не только идеальные результаты [2].

Опросы подтверждают усталость аудитории от «идеального» образа и предпочтение честных материалов, что определяет эффективность продвижения тренеров в Instagram*, YouTube, TikTok и VK. Исследование предпочтений помогает понять факторы конверсии просмотров в покупки услуг.

© Хасамудинова В. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

* Принадлежит организации Meta, признана экстримистской и запрещённой на территории РФ.

В проведённом исследовании применена целевая нерандомная выборка (n=373–420, в зависимости от вопроса) с критериальным отбором: русскоязычные пользователи соцсетей, интересующиеся фитнесом (88,8% респондентов). Данные собраны онлайн-опросом (Google Forms) в тематических сообществах фитнеса в период 2025–2026 гг. методом «снежного кома».

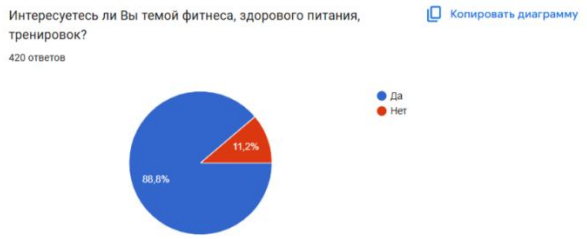


Рисунок 1. Результаты опроса. Первичный отбор респондентов.

При доверительной вероятности 95% и погрешности ±5% выборка достаточна для описательного анализа (средний возраст 25–44 лет, 54% женщины). Ограничения: самоотбор, множественный выбор в вопросах, отсутствие экстраполяции на всё население РФ; репрезентативна для цифрово-активной аудитории фитнес-контента.

После проведения количественного исследования выяснилось, что большинство (88,8%) интересуется фитнесом; 63% — новички или с малым опытом (38,4% «только начинаю», 25% «1–6 месяцев»). По имевшемся опыту занятий с тренером –22,8% имеют тренера сейчас; раньше имели опыт – 43,4%, и никогда не имели – 33,8%. Просмотр контента частый: 41,3% несколько раз в неделю, 27,1% ежедневно; популярны VK (42,9%), YouTube (45%), Telegram (38,6%).

Рисунок 2. Результаты опроса. Степень вовлечённости в фитнес у респондентов.

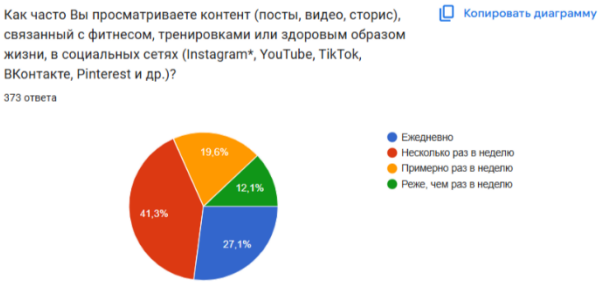


Рисунок 3. Результаты опроса. Частота просмотра фитнес-контента.

Предпочтения видеоконтенту: короткие тренировки (48%), советы по питанию (36,5%), полноценные тренировки (35,9%), разборы техники (34,3%); топ-4 по подсчёту, поскольку данные опции сильно лидируют по сравнению с остальными. Также 77,2% ответивших считают крайне/скорее важным показ процессов и сложностей; средний балл по шкале Ликерта (1–5) — 4,13: выше всего оценили, что тренер в видео «говорит об ошибках» (52,2% «полностью согласен»). Вдобавок 54,6% верят в опытность тренера, публикующего видео, и 48,4% верят в «искренность эмоций» в видеоматериалах. Аудитория ценит не только технические знания, но и эмоциональную открытость, что отличает надёжных экспертов от поверхностных инфлюенсеров.

Рисунок 4. Результаты опроса. Наиболее предпочтительный контент.

В целом важность преуспевающих факторов для новичков и людей с малым тренировочным опытом (63% выборки) объясняется тем, что такие качества видеоконтента минимизируют шанс испытать неудачный опыт в зале и повышают их внутреннюю уверенность. Объяснения «почему» помогают избежать травм на тренировке и повысить её результативность, а честность об

ошибках и ограничениях предотвращает разочарования и завышенные ожидания. В диджитал-среде, где контент конкурирует за внимание, аутентичность борется с усталостью от «идеального» образа (54% опрошенных устали). Повышая конверсию от просмотров, 65% участников пробовали упражнения по видео. Кроме того, 18,5% ответили, что точно обратятся за услугами к фитнес-тренеру, чей контент им понравился.

Рисунок 5. Результаты опроса: какие стороны видеоконтента хочет видеть аудитория.

Всё это формирует в совокупности портрет идеального тренера: эксперт с человеческим лицом, чьи разборы, фейлы и реальные эмоции превращают просмотры в лояльность и покупки. Рекомендация — акцентировать такие элементы в коротких видео для VK, YouTube и Telegram.

Завершая обзор, проведённый опрос выявил спрос на аутентичный, экспертный видеоконтент с демонстрацией процессов и честностью, повышающий доверие и конверсию в услуги (ср. 4,13/5). Тренеры должны фокусироваться на коротких видео, разборах и отзывах в VK/YouTube/Telegram для целевой аудитории новичков.

Список источников

1. Продвижение фитнес-тренеров в соцсетях. 2024. URL: https://start-fit.ru/effektivnye-metody-prodvizheniya-personalnyh-fitnes-trenerov-v-sotsialnyh-setyah-sekrety-uspeha-ot-eksperto.

2. Онлайн-тренировки: как фитнес-тренеру выйти в интернет // Молодой ученый. 2025. URL: https://moluch.ru/archive/554/121884.

3. Digital fitness. Исследование рынка. 2020. URL: https://s-bc.ru/news/digital-fitness-polls.html.

4. Исследование. Фитнес-тренеры России 2023. 2021. URL: https://vostok.fitness/wp-content/uploads/2021/11/Исследование.-Фитнес-тренеры-России-2023.pdf.

5. СБК. Онлайн-фитнес. Исследование рынка Результаты опроса жителей городов-миллионников об отношении к дистанционным занятиям фитнесом. URL: https://s-bc.ru/news/digital-fitness-polls.html/

6. Хасамудинова В. М. Опрос Восприятие фитнес-тренеров в диджитал-среде – 2026. URL: https://forms.gle/Ke9gCBzxDiUZe3qW6.

Культурология, искусствоведение, антропология, этнология и религиоведение

УДК 391.7

Особенности русского костюма

Алистрат Алиса Павловна, Свечникова Людмила Александровна
Политехнический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, konekonn@mail.ru

Ключевые слова: русский костюм, жемчуг, янтарь, украшения, кокошник, почелок, историческая реконструкция, традиционные промыслы.

История развития русского костюма неотъемлемо связана с украшением его самоцветами, жемчугом, перламутром и янтарем. Подтверждение этого можно найти в картинах известных художников, таких как Васнецов В. М. и Врубель М. А. Нарядные персонажи на полотнах этих мастеров всегда дополнены массивными головными уборами, изнизанными жемчужными поднизями, серьгами и ожерельями из полудрагоценных камней. Эти художественные свидетельства показывают, что тяга к украшению себя драгоценными материалами была свойственна всем сословиям на Руси, а не только высшей знати.

Жемчуг и янтарь особенно были доступны на русском севере. В середине XX в. янтаря на Балтике (в частности, на Куршской косе) было столько, что им топили печки. Северные реки (Онега, Северная Двина, Мезень) давали мелкий речной жемчуг, а беломорские промыслы – раковины с перламутром. Поэтому именно в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях сложились уникальные традиции украшения костюма жемчугом и

© Алистрат А. П., Свечникова Л. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

перламутром, сохранившие архаичные формы ещё с домонгольского периода. До середины XX века в отдалённых деревнях Каргополья и Пинежья можно было встретить крестьянок в кокошниках, низаных речным жемчугом, – традиция, почти полностью утраченная сегодня.

Украшения из янтаря и жемчуга носили и крестьянские женщины, и женщины из дворянских семей XVII в. При этом разница была не столько в самих материалах, сколько в количестве, массивности изделий и включении драгоценных камней в придворных уборах.

Рисунок 1. Головной убор русских женщин с украшениями из жемчуга.

Самый знаменитый бал за всю историю Российской империи состоялся на Масленице 1903 года в Зимнем дворце. Идею маскарада предложила императрица Александра Фёдоровна: русский стиль времён правления Алексея Михайловича Тишайшего, второго русского царя из династии Романовых. Организаторы постарались воссоздать допетровскую придворную и боярскую одежду с максимальной исторической точностью, обратившись к экспонатам Оружейной палаты и гравюрам XVII века. Подготовка к балу заняла почти год: шились костюмы, подбирались или заказывались драгоценности, разучивались старинные танцы.

Ведущие мировые СМИ публиковали портреты нарядных участников в костюмах на всех передовицах. Сплошные Царь-девицы, Василисы и Иваны-царевичи. Какое разнообразие венцов и кокошников. У каждого участника был реальный исторический

прототип. Придворные модницы старались перещеголять друг друга. Кто-то обратился к театральным костюмерам, а кто-то к известному модельеру Надежде Ламановой. Кто-то обошёлся украшениями из бисера, а кто-то даже на подол платья заказал драгоценности у Картье. Большинство придворных дам выбрали боярские наряды, но были и крестьянские. Их было не просто отличить на первый взгляд из-за множества украшений. Жемчужные украшения на Руси носили все.

Этот бал стал не просто светским событием, а мощным импульсом для возрождения интереса к традиционному русскому костюму и украшениям. Многие утраченные техники (например, «низание» жемчуга без прокола или «сажение» по бели) были восстановлены по фотографиям и описаниям участников бала. Именно после 1903 года начался сбор и научное описание памятников народного костюма в Российском этнографическом музее и Русском музее.

Сегодня русские традиции, перенесённые в современную моду, поддерживают ряд мастеров по камню. Наталья Литонинская в своих работах использует жемчуг, перламутр, аметист, розовый кварц, цитрин, горный хрусталь, сердолик, турмалин, а также нефрит и янтарь. Особенность её стиля – мягкое, «живописное» сочетание камней разной огранки и цвета, создающее эффект мерцания, подобного древним иконам. Она не копирует музейные экспонаты, а создаёт новые формы, вдохновлённые традицией: например, её «заборошник» – это не точная реплика, а художественное переосмысление старинной налобной сетки.

Рисунок 2. Работы Натальи Литонинской: перлышки, заборошник и ожерелок.

Елена Слюсар, в отличие от Литонинской, специализируется на исторических репликах. Её работа – почелок XIX века Архангельской губернии – выполнена по музейным образцам из фондов «Малых Корел». Она восстановила не только внешний вид, но и технологию: подбор жемчуга по размеру и оттенку, способ крепления к твёрдой основе, использование крашенины и блёсток. Такие реплики востребованы не только частными коллекционерами, но и музеями для пополнения экспозиций «живой истории».

Современные мастера сталкиваются с объективной проблемой: речной жемчуг в северных реках практически исчез из-за загрязнения и браконьерского вылова в XIX–XX веках. Поэтому они используют культивированный жемчуг, перламутр, а также высококачественную имитацию. Однако это не снижает художественной ценности изделий – напротив, требует ещё большего мастерства в подборе материалов и тона.

Искусство украшения костюма на Русском Севере – от крестьянской избы до императорского дворца – прошло долгий путь от сакрального оберега до изысканного ювелирного искусства, а затем, в XX веке, почти к полному забвению. Однако сегодня, благодаря энтузиазму мастеров и интересу к национальной культуре, традиции возрождаются.

Список источников

1. Русский костюм XVII – начала XX века из собрания Государственного Исторического музея / авт. сост. Л. В. Ефимова. М: Арт Родник, 2000. 320 с.

2. Соснина Н. Н. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / Н. Н. Соснина, И. И. Шангина. СПб: Искусство СПб, 2006. 400 с.

3. Крестьянские украшения и костюмы из собрания Российского этнографического музея: каталог выставки. СПб: РЭМ, 2015. 96 с.

УДК 004.42:794.08'1

Roguelike-игра по мотивам якутского фольклора: методы разработки и перспективы

Васильев Ярослав Васильевич, Максимов Вадим Захарович, Андреев Сандал Гавриилович
ФГБОУ ВО «Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий», Якутск, Россия

Ключевые слова: roguelike, якутский фольклор, инди-игра, геймдизайн, Unity, процедурная генерация, культурное наследие, ассет.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Готовцевой Ольге Герасимовне, канд. пед. наук, доценту кафедры информатики ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств».

Современная индустрия видеоигр демонстрирует растущий интерес к национальным культурным традициям как источнику уникального игрового контента. Жанр roguelike, характеризующийся высокой степенью процедурной генерации, вариативностью геймплея и значительной реиграбельностью, предоставляет широкие возможности для внедрения фольклорных мотивов. Якутский фольклор, в особенности героический эпос Олонхо, признанный ЮНЕСКО шедевром устного нематериального

© Васильев Я. В., Максимов В. З., Андреев С. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

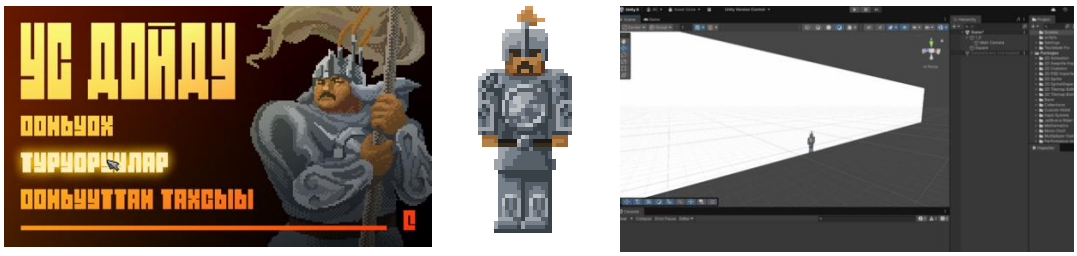
наследия человечества, содержит богатый материал для создания самобытных персонажей, сюжетных коллизий и визуального стиля. Цель настоящей работы — теоретический анализ и практическая апробация подходов к разработке roguelike-игры с элементами якутской мифологии, а также оценка потенциала подобных проектов в деле сохранения и популяризации культурного наследия.

Целью исследования является обоснование и частичная реализация концепции roguelike-игры, интегрирующей образы и сюжеты якутского фольклора, с использованием современных инструментов разработки. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) провести теоретический анализ особенностей жанра roguelike и выявить наиболее релевантные механики для воплощения этнокультурного содержания; 2) определить технологический стек (игровой движок, язык программирования, графический редактор) и описать ключевые компоненты, необходимые для создания прототипа; 3) смоделировать основные игровые механики, включая перемещение персонажа, процедурную генерацию уровней и базовую систему взаимодействия; 4) разработать первичные ассеты (спрайты, анимации) и стартовый экран прототипа,, оценив их соответствие заявленной стилистике; 5) наметить перспективные направления доработки проекта.

Выбор технологических решений базировался на анализе специализированных публикаций и практического опыта сообщества разработчиков. В качестве основного игрового движка был выбран Unity, что обусловлено его универсальностью, доступностью для начинающих команд, обширной документацией и наличием встроенных инструментов для реализации процедурной генерации [1]. Язык программирования C#, используемый в Unity, отличается относительно низким порогом вхождения и хорошо подходит для создания механик, типичных для roguelike. Для работы над визуальной составляющей применён

редактор пиксельной графики Pixel Studio, предоставляющий интуитивно понятный интерфейс и удобные средства анимации.

Проектирование игрового процесса осуществляется на основе анализа успешных представителей жанра, таких как Hades и Soul Knight. Изучались их подходы к построению боевой системы, структуре процедурно генерируемых уровней, организации интерфейса пользователя и механике случайных событий. Это позволило сформировать представление о балансе между сложностью и вовлечённостью игрока, а также о способах создания вариативного игрового опыта. Разработка прототипа ведётся на движке Unity (версия 2021 LTS и выше) с использованием языка C#. На текущем этапе реализованы: базовая система перемещения персонажа по игровой карте (рис. 1в); стартовый экран и дизайн главного героя (рис. 1а и 1б); часть анимаций персонажа.



а б в

Рисунок 1. Стартовый экран, дизайн главного героя, игровая карта.

В качестве источников культурного контента используются тексты якутского героического эпоса Олонхо. Для интеграции в игру отобраны образы ключевых мифологических фигур: Ньургун Боотура (главного героя-богатыря), Үрүҥ Аар Тойона (верховного божества) и других духов, которые планируется наделить уникальными характеристиками и функциями, влияющими на геймплей. Визуальное оформление уровней и интерфейса предполагается дополнить традиционными якутскими

орнаментами и символикой, что повысит аутентичность восприятия.

На начальном этапе создан работоспособный прототип, демонстрирующий базовые механики roguelike в сочетании с визуальным стилем, отсылающим к якутской культуре. Проведённый анализ подтверждает перспективность выбранного подхода: использование Unity обеспечивает необходимую гибкость и масштабируемость проекта, а обращение к фольклорным источникам формирует уникальное торговое предложение на рынке инди-игр.

Практическая значимость проекта заключается в возможности использования игры как инструмента популяризации культурного наследия Якутии среди молодёжной аудитории. Дальнейшая работа будет направлена на: углубление процедурной генерации с учётом дополнительных параметров и пользовательских предпочтений; расширение бестиария и сюжетных линий на основе эпоса Олонхо; внедрение системы случайных событий и выборов, влияющих на ход игры; оптимизацию алгоритмов и улучшение визуальных эффектов; проведение тестирования для оценки вовлечённости и сбора обратной связи.

Проведённое исследование показало, что интеграция элементов якутского фольклора в игровую механику roguelike является осуществимой и перспективной задачей. Выбранные инструменты разработки (Unity, Pixel Studio, C#) доказали свою эффективность на этапе создания прототипа. Проект обладает потенциалом для развития как в развлекательном, так и в образовательно-просветительском ключе, способствуя сохранению нематериального культурного наследия средствами современных цифровых технологий.

Список источников

1. Валентинов Ю. Разработка игр на Unity. Путеводитель по возможностям игрового движка / Ю. Валентинов, В. Медведев // Skillbox Media. 2023. URL: https://skillbox.ru/media/gamedev/obzor-knigi-razrabotka-igr-na-unity-putevoditelya-po-vozmozhnostyam-igrovogo-dvizhka/.

2. Киселёва А. В. Гейм дизайн: художественно проектный подход к созданию цифровой игровой среды: дисс. на соискание ученой степени канд. тех. наук. Москва, 2021. 182 с.

УДК 316.7

Понятие «молодёжная культура» в теории и истории культуры

Дворинович Александра Сергеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, advorinovich@sfu-kras.ru

Ключевые слова: молодёжная культура, теория культуры, история культуры, молодёжная политика.

В современном российском дискурсе понятие «молодёжная культура» подменяется понятиями «молодёжная политика» и «работа с молодёжью», что приводит к редукции культурного феномена к управленческой практике. Тем временем теоретическая база и анализ актуального профессионального стандарта «Специалист по работе с молодёжью» показывают, что молодёжь рассматривается преимущественно как объект социализации и ресурс, а не как субъект культуротворчества. Проводя

© Дворинович А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

культурологический анализ требуется различать «культуру для молодёжи» (педагогический/управленческий дискурс) и «культуру молодёжи» (антропологический/семиотический дискурс).

Понятие «молодёжная культура» входит в научный обиход в середине XX века. Одним из первых его теоретически обосновал американский социолог Т. Парсонс в своём эссе “Youth in the Context of American Society”. Для него молодёжь – это транзитивная социальная группа, находящаяся на стыке двух ценностных систем: зависимой и управляемой в семье и школе к участию во «взрослом» обществе. Здесь молодёжная культура служит механизмом, облегчающим этот переход, предоставляя пространство для «примерки» социальных ролей без жесткого контроля взрослых.

Цель данной работы – восстановить культурологическую перспективу анализа молодёжной культуры, рассмотрев её как изменчивый феномен, обладающий собственной логикой развития, и предложить теоретическую рамку, разделяющей молодёжную культуру с молодёжной политикой и работой с молодёжью.

Понятие «молодёжная культура» в российском научном и практическом дискурсе в особенном положении, ведь с одной стороны, оно широко используется в социологии молодёжи, педагогике, социальной работе и управленческих подходах, а с другой, его культурологическое содержание, а именно анализ молодёжной культуры как феномена со своей морфологией, семиотикой, исторической динамикой и ценностной структурой систематически замещается двумя альтернативными подходами.

Первый подход – управленческий. Он доминирует в документах последних 30 лет, включая упомянутый профессиональный стандарт, где молодёжная культура редуцируется к «направлениям работы с молодёжью» (патриотическое воспитание, волонтерство, профилактика). Второй подход — рискологический (характерный для социологии

молодёжи 1990 – 2000 гг.), где молодёжь анализируется через призму девиаций, протестного потенциала и конфликта поколений.

Источники, взятые за основу, показывают устойчивую тенденцию к недооценке субъектного потенциала молодёжи. Учебное пособие Т.К. Ростовской и Е.А. Князьковой «Молодёжная политика в современной России» рассматривает молодёжь как «социально-демографическую группу» и объект государственной политики. Молодёжная культура не является самостоятельным предметом анализа, она растворяется в направлениях «гражданско-патриотическое воспитание», «формирование традиционных ценностей» и «профилактика экстремизма» [3]. Еще более показателен профессиональный стандарт «Специалист по работе с молодежью», утвержденный приказом Минтруда России №640н от 2025 г., который вступает в силу с 01.09.2026 г. В перечне трудовых функций и необходимых знаний термин «культура» встречается исключительно в контексте «межкультурной коммуникации» и «корпоративной культуры учреждения». Молодёжная культура как объект анализа, понимания и сопровождения в стандарте не фигурирует.

Специалист по работе с молодёжью должен уметь «выявлять потребности, запросы, интересы молодёжного коллектива», но не должен уметь анализировать культурные формы, в которых эти потребности выражаются [2]. В данном случае можно зафиксировать методологический разрыв, так как управленческое действие оторвано от культурной рефлексии. С другой стороны, профессиональный стандарт фиксирует навыки и компетенции, предъявляемые к специалисту с определенными трудовыми функциями, а выход на уровень анализа культурологического феномена лежит в области культурологических исследований. Однако в отечественной традиции есть и иной подход. В монографии И.М. Ильинского «Молодежь и молодёжная политика» автор настаивал на том, что молодёжь – не только объект

воспитания, но и субъект исторического действия, а молодёжная политика не должна сводиться к «воздействию» [1]. Более того, в его работах прослеживается идея о том, что молодёжная культура (в широком смысле – совокупность ценностей, стилей, языков, практик) является той средой, в которой только и может быть понята реальная повестка молодёжи.

К сожалению, данное направление не получило развития в официальной документации, регламентирующей деятельность специалистов по работе с молодежью. Различение «культуры для молодёжи» (продуцируемой институтами социализации) и «культуры молодёжи» (продуцируемой самой молодёжью) является методологически необходимым для культурологического анализа.

В российском контексте советского и постсоветского периодов молодёжная культура развивалась в режиме «двойного кода»: официальная культура для молодёжи (комсомол, дворцы культуры, патриотическое воспитание) и неофициальная культура молодёжи (рок-подполье, квартирники, самиздат). Таким образом молодёжная культура как культурологическая категория практически отсутствует в современном дискурсе, будучи поглощенной либо управленческой, либо педагогической, либо социологической оптикой.

Российский контекст сегодня демонстрирует тенденцию к интеграции в общемировые тренды, но с сохранением определенной региональной специфики. Пример Красноярского края и СФУ показывает, что современная молодёжная культура становится полем управляемого социального конструирования, где ключевыми становятся ценности самореализации, успеха и локальной идентичности.

Для культурологического анализа важно различать:

• молодёжную политику (управленческий дискурс: объект, ресурс, риски);

• работу с молодёжью (педагогический/социальный дискурс: социализация, профилактика);

• молодёжную культуру (культурологический дискурс: ценности, стили, языки, практики, идентичности).

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку культурологической теории молодёжной культуры, которая не сводила бы ее ни к субкультурной проблематике (девиации, стиль), ни к управленческой коннотации (проекты, мероприятия), а рассматривала бы как самостоятельную форму культурной динамики, где молодёжь выступает не объектом воздействия и не ресурсом, а полноправным субъектом культуротворчества.

Список источников

1. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 696 с.

2. Профессиональный стандарт «Специалист по работе с молодежью»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11.11.2025 № 640н. М., 2025. 30 с.

3. Ростовская Т. К. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов / Е. А. Князькова, Т. К. Ростовская. М.: Юрайт, 2020. 155 с.

4. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

УДК 159.922.72

Развитие детской религиозности: обзор научно-исследовательского поля

Дьякова Екатерина Александровна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, thekateg@mail.ru

Ключевые слова: детская религиозность, анимизм, религиозное сознание, онтогенез, религиозное становление.

Вопрос о детской религиозности затрагивает одну из фундаментальных проблем человеческой природы: является ли человек «религиозным животным» по сути, или религиозность – культурная надстройка? Или же возможен третий вариант, подразумевающий всеобщую психическую предрасположенность к религиозности, которая уникально развивается в зависимости от социокультурного контекста?

Такие великие исследователи, как Э. Б. Тайлор, З. Фрейд и Л. Леви-Брюль находили параллели в развитии ребенка и развитии человеческой культуры: магическое и анимистическое мышление ребенка связывалось с «архаичным», «первобытным» мышлением на ранних этапах развития человечества.

Жан Пиаже – швейцарский психолог и основатель теории когнитивного развития – впервые систематически рассмотрел анимизм как этап развития ребенка, он связывал его с эгоцентризмом в раннем детском мировосприятии [7]. Американский антрополог Маргарет Мид, взяв за основу теорию Ж. Пиаже, обосновала необходимость сравнительного изучения

© Дьякова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

развития детского религиозного сознания. Ее исследование на острове Манус показало, что анимизм не является универсальной стадией, так как зависит от языка (который также формирует мировосприятие) и воспитательных практик в культуре [6]. Л. С. Выготский критиковал теорию Ж. Пиаже за игнорирование влияния социокультурной среды на развитие ребенка [2]. Таким образом, в XX веке появилась основополагающая теория, которая позволяла изучать детское религиозное сознание, однако при ее применении в полевых исследованиях возникла необходимость адаптировать теорию Ж. Пиаже под каждый конкретный случай.

Современные зарубежные и российские исследования используют теорию Ж. Пиаже, однако эмпирические данные показывают, что дети способны к сложной религиозной рефлексии раньше, чем предполагалось. Дневниковое исследование Т. А. Фолиевой (на материалах начала XX века, собранных в рамках педологии Н. А. Рыбникова) показало, что религиозные представления у детей формируются эклектично, часто через вторичных агентов социализации [8]. Результаты таких исследований позволяют увидеть динамику развития религиозности с самого начала жизни ребенка, однако данных недостаточно для полноценного изучения вопроса. Несмотря на спорный вопрос о стадиальном развитии детской психики и соответствующей ему религиозности, вопрос о вере в одушевленность природы и сверхъестественное не отметается современными исследователями. Е. И. Аринин, В. А. Медведева и М. И. Федоренко утверждают, что детский анимизм и ощущение себя «магом» помогает ребенку контролировать образы фантазии [1].

С. А. Копосов в исследовании религиозности детей дошкольного и школьного возраста (также ссылаясь на Ж. Пиаже) отмечает взаимосвязь детско-родительских отношений с божественными образами, то есть исследование С. А. Копосова

подтверждает теории западных психологов о влиянии отца и матери на формирование образа Бога у детей [4]. В современном когнитивном религиоведении актуален вопрос о врожденности религиозного чувства, однако в этой области нет задачи прямого доказательства этого явления. Современное когнитивное религиоведение признает, что дети рождаются с когнитивными предрасположенностями, которые делают религиозные представления легко усваиваемыми и интуитивно привлекательными, однако это совершенно не гарантирует дальнейшее приобщение к религии, так как социокультурный контекст все еще является решающим фактором. Но, тем не менее, когнитивная архитектура детей предрасполагает к принятию религиозных идей и сверхъестественных агентов легче, чем контринтуитивных для ребенка концепций.

Б. Г. Мещеряков в 2005 году проводил эмпирическое исследование детского анимизма, которое отчасти подтвердило теорию Ж. Пиаже об анимизме как компоненте одной из ранних стадий развития ребенка, которая ослабляется к концу дошкольного возраста [5]. Совместно с И. С. Дубовской, Б. Г. Мещеряков рассматривает феномен детского анимизма в исследованиях Маргарет Мид, исследователи приходят к выводу, что анимистическую мысль некорректно отождествлять с интеллектуальной незрелостью, необходимы дальнейшие исследования, чтобы определить, следует ли смотреть на анимизм как на тенденцию всех человеческих умов (которая может стимулироваться или подавляться образовательными факторами), или же его следует рассматривать как индивидуальное явление, сформированное под влиянием внешних факторов [3].

Таким образом, обзор исследовательского поля дает представление о степени изученности темы детского религиозного развития: современные исследователи не отрицают универсальность анимистического и магического мышления для

развития ребенка, но призывают не рассматривать его как то, что присуще абсолютно каждому индивиду, так как воспитание, среда и культура формируют дальнейший вектор развития религиозности, эта динамика нелинейна и сильно зависит от культурного контекста и индивидуального опыта. Тем не менее, необходимы дальнейшие исследования для подтверждения или опровержения уже существующих теорий, тема в целом остается актуальной в связи с популярностью исследований о развитии психики, противоречиями в исследовательском поле и малым количеством эмпирических данных для ее исследования.

Список источников

1. Аринин Е. И. Онтогенез религиозности: подходы и конфликт интерпретаций «детскости» / Е. И. Аринин, В. А. Медведева, М. И. Федоренко // Редакционная коллегия, 2015. С. 14.

2. Достовалов Т. С. Детская религиозность: стадии интеллектуального развития и развитие религиозности // Пивоваровские чтения, 2022. С. 256-257.

3. Дубовская И. С. Феномен детского анимизма в исследованиях Маргарет Мид / И. С. Дубовская, Б. Г. Мещерякова // Психологический журнал. № 4. 2013. С. 38-60.

4. Копосов С. А. Индивидуальные религиозные представления у детей младшего школьного возраста // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2025. №1. С. 280-295.

5. Мещеряков Б. Г. Психометрический подход к детскому анимизму // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1, №. 1. С. 70-86.

6. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: «Наука», 1988. 429 с.

7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М: Перспектива, 2022. 256 с.

8. Фолиева Т. А. "Спит ли Бог так, как и мы?": дневники о детской религиозности // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2022. № 66.

УДК 778.5.01

Трансцендентальный реализм в творчестве Робера Брессона

Коновалова Полина Сергеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
konovalovapolina8965@gmail.com

Ключевые слова: кинематограф, трансцендентальный реализм, Брессон, киноанализ.

Современный кинематограф – это уникальный вид искусства, который вобрал в себя и переосмыслил множество различных явлений человеческой деятельности. На нём живо отражаются актуальные проблемы общества, которые впоследствии перерабатываются в культовые направления и жанры, даже самые сложно уловимые вещи нашли свою репрезентацию в кино. Таким необычным, редким направлением является трансцендентальный реализм, который представляет собой сложный, неоднозначный рубикон реальности и трансцендентного начала.

Вывел термин «трансцендентальный реализм» режиссёр, сценарист и теоретик кино Пол Шрёдер в своём исследовании «Transcendental Style in Film». В нём Шрёдер говорит о том, что трансцендентный стиль не изображает чудеса, мистические

© Коновалова П. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

события или не носит исключительно религиозный характер; он строится на системе формальных приёмов, которые вызывают у зрителей ощущение инаковости, чего-то, что выходит за рамки повседневного существования. Несмотря на уникальность авторских языков каждого режиссёра, изучаемого Полом Шрёдером, он выделяет несколько характерных обобщающих черт этого стиля. Во-первых, это отказ от избыточного действия, диалогов и визуальной насыщенности. Во-вторых, длинные планы, неподвижная камера и композиция, которая напоминает живопись. В-третьих, используется молчание в качестве инструмента напряжения и рефлексии, некоторые паузы для акцента. В-четвёртых, герои становятся символом универсальных состояний, они обезличены.

Робер Брессон, по словам самого Шрёдера, был одним из самых духовных художников нашего времени. Его «Дневник сельского священника» – это французский драматический чёрно-белый фильм, который снят в 1950 году по мотивам одноимённого романа Жоржа Бернаноса. Действие происходит в небогатом провинциальном приходе Амбрикур на севере Франции, в который прибывает молодой священник. В этом маленьком городке он сталкивается с равнодушием и враждебностью местных жителей, которые не принимают его, а также внутренними метаниями и сомнениями, что для ортодоксального католика не допустимо. События в фильме представлены через дневник, который ведёт главный герой. Его записи становятся не просто личными записками, это документальный способ организации внутреннего мира кюре, который отражает рефлексию духовной жизни, диалектику внутренний борьбы. Через текст зрителю показывается духовная работа, которую сложно визуализировать. Дневник вместе с закадровым голосом предстаёт мощным повествовательным приёмом, который погружает в суть конфликта.

Интересно представления мира в фильме. Он дуалистичен, поделён на профанный и духовный. Когда в кадре находиться только кюре, то мир, кажется, на каком-то ином уровне; милосердие, прощение, смирение – это его ценности. Они входят во внешний конфликт с прихожанами и аристократами, которые живут по закону светской морали: расчёт, лицемерие, страсти. Это отображение противостояния земного и трансцендентного. Диалоги между персонажами короткие, присутствует много пауз и молчание. Речь служит не развлечением для зрителя, а контуром духовной драмы.

Темами фильма являются: серьёзная духовная борьба, поиски божественного и сомнения в собственной вере, экзистенциальный кризис, смерь, трансцендентность. В соответствие с этим формальные приёмы такие как дневниковые записи, закадровый голос, статичные композиции имеют больший вес нежели сюжетные повороты.

Визуальный ряд фильма имеет сдержанную картинку, в минималистичном и аскетичном каноне Брессона. Камера зачастую неподвижна, композиция в нём выстраивается как у полотна картины. Монтаж минимизируется. Одна сцена перетекает в другую, это создаёт и подчёркивает единый духовный путь. Обстановка в кадре выглядит документально. Представлены простые, даже запущенные, не постановочные интерьеры и экстерьеры, которые также нацелены на документальность и фокусировку внимания на другом, чтобы оно сосредотачивалось не на внешнем убранстве фильма, а стремилось перейти этот барьер и устремилось во внутрь. Длинные планы и текучие переходы через двойную экспозицию, размытость многих кадров довершают медитативный темп, который помогает сосредоточиться и потерять реальное время и хронологию, а пространству потерять физические границы. В фильме ощущается время не реальности, а внутреннее, духовное время главного героя, чему также способствуют

исписанные тетради, по которым можно отследить динамику внутреннего состояния.

Что касается главного героя, то как и в других фильмах Робера Брессона он обезличен, зритель даже не знает его имени. Он нужен как сосуд, обобщённая форма для передачи ключевой идеи, своеобразная точка, которая стремится к пределу психических человеческих возможностей, к трансцендентному началу. Он проходит путь к покою и осмыслению, духовному просветлению через отчаяние, колебания и одиночество, так сомнения в собственной вере героя не наказываются. Присутствуют художественные детали: обилие ворот, решёток, дверей, окон, которые подчёркивают конфликт души и тела героя. Тело становится «темницей» для духа.

Финал заканчивается смертью кюре от рака желудка, однако он не трагичен. Смерть трактуется как освобождение, обретение покоя. Здесь важен последний кадр, в котором зритель видит тень креста на стене. Он становится символическим знаком трансцендентного присутствия, что делает финал не трагичным, а наоборот оставляет намёк на надежду.

«Дневник сельского священника» погружает в бездны человеческого одиночества и веры, поставленной на грань. Брессон не предлагает утешительных ответов, а показывает самоотверженность как ежедневный подвиг среди равнодушия и злобы. Физическая немощь героя становится отражением его духовной силы, а дневник – мостом между отчаянием и тихим приятием. Фильм не стремиться навязать религиозные догматы, в нём представлен личный опыт соприкосновения с трансцендентным через обыденность.

Список источников

1. Базен А. «Дневник сельского священника» и стилистика Робера Брессона. URL: https://burusi.wordpress.com/2017/01/14.

2. Прокопчук А. Ответы на последние вопросы в разорванном мире без Бога. URL: https://gorky.media/reviews/otvety-na-poslednie-voprosy-v-razorvannom-mire-bez-boga/.

3. Шредер П. Трансцендентальный стиль в кино. Одзу, Брессон, Дрейер. М.: Des Esseintes Press, 2023.

УДК 141.319.8

Философия как культурно-антропологическая практика: от античных техник самоконструирования к современному интеллектуальному консалтингу

Мамедова Жанна Валерьевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zhanna@hisocrates.com

Ключевые слова: философская практика, философское консультирование, современная философия.

Философия начиналась как культурно-антропологическая практика. Платон, описывая Сократа и его взаимодействие с другими персонажами диалога, показывает, как техники диалога и мышления формируют этос человека и целого общества. Приверженность античной философской школе предполагала не столько изучение ее идей или чтение трактатов, сколько ведение определенного образа жизни. Античный тип философствования как практики сохранился в учении Сократа, а также позднеантичных школ и лишь с распространением христианства сменился разработкой концепций и написанием трактатов.

© Мамедова Ж. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

О причинах этой трансформации в прошлом веке спорили главные исследователи философии как практики – Пьер Адо [1] и Мишель Фуко [3]. Первый полагал, что в средние века философия выродилась в инструмент для рационального обоснования догматов веры, а с появлением картезианского *cogito* произошёл окончательный разрыв между мышлением и бытием. Философия трансформировалась в абстрактную, теоретическую науку о познании и бытии, оторванную от экзистенциального опыта, а философ из создающего себя мудреца превратился в кабинетного учёного. П. Адо подчеркивает роль в этом процессе университетов, в рамках которых философия из способа жить превратилась в профессию. М. Фуко связывает вырождение философии в чистое теоретизирование с присвоением духовных практик христианством. Забота о себе была переосмыслена как покаяние и подчинение власти Церкви, а истина о себе теперь не добывалась самостоятельно, а предписывалась извне.

Таким образом, философия как практика жизни и самоконструирования на целое тысячелетие превратилась в сложную теоретическую дисциплину, а ее изначальную функцию взяли на себя сначала религия, а потом наука и медицина. В 80-е годы прошлого столетия, когда начались первые попытки возрождения философии как практики, медикализация «души» достигла такого высокого уровня, что стала встречать сопротивление внутри самой психиатрии.

В 1981 году немецкий философ и основатель современной философской практики Г. Ахенбах открывает первый в мире кабинет философского консультирования, противопоставляя свою деятельность как психотерапии, так и академической философии. Метод Г. Ахенбаха базируется на сократическом диалоге и включает провокацию, имитацию невежества и проблематизацию базовых убеждений собеседника.

Г. Ахенбах стал первым, но не последним, кто пытался возродить философию как «технологию себя». Среди наиболее значимых представителей философской практики можно назвать Л. Маринофф, О. Бренифье, Р. Лахава, Л. Амир, Э. Коэна и М. Тилльманнс, о методах и подходах каждого из них пойдет речь далее.

В англоязычной профессиональной среде Л. Маринофф известен написанной в 1999 году книгой «Платон, а не Прозак!». Как намекает название, в книге автор исследует возможности философии в тяжелых жизненных ситуациях и при депрессии. Его метод включает не только анализ аргументов, но и обращение к классическим философским текстам. Он использует идеи стоиков, экзистенциалистов и других мыслителей как источник практической мудрости, чтобы помочь клиенту найти новые смысловые опоры и стратегии совладания с жизненными трудностями, такими как депрессия или экзистенциальный кризис.

О. Бренифье популяризует философскую практику в формате консультирования на основе сократического диалога. Вслед за Сократом он называет свое ремесло «майевтикой», т. е. родовспоможением, и активно обучает ему.

Израильский философ Р. Лахав подчеркивает философского партнерства и диалога как сотворчества. Философ-практик в его подходе отказывается от роли наставника и становится партнером и внимательным слушателем, цель которого – понять логику собеседника, его ценности и скрытые предпосылки, чтобы затем вернуть их ему в виде вопросов для дальнейшего осмысления.

Л. Амир рассматривает три взаимосвязанные цели философии: поиск истины, освобождение от когнитивных искажений и, наконец, традиционное стремление к мудрости. Л. Амир исследует проблему, которая была вынесена в начало этой статьи: об отношении к философии университетских ученых и философов-практиков. Критикуя академическую замкнутость,

Л. Амир подчеркивает, что исследователь, постулирующий оторванность философии от жизненных реалий, фактически «несерьезно относится к своей профессии».

Особое место среди современных философов-практиков занимает Э. Коэн, предложивший оригинальную концепцию логической терапии смысловых проблем. Будучи формой сократического диалога, философское консультирование предполагает логичность, но Э. Коэн делает логику основой своего метода. Он использует ее как инструмент обнаружения противоречий, благодаря которому можно решать экзистенциальные проблемы, оставаясь на формально-логическом уровне.

Наконец, М. Тилльманнс в качестве главного инструмента в своей работе использует философскую сказку. Обсуждая с детьми сюжеты на первый взгляд простых сказок, она учит их задавать правильные вопросы, видеть неочевидное, сотрудничать и находить решения в сложных ситуациях.

Философия как практика преодолела большой путь: от «искусства себя» в Античности через забвение в средние века и новое время к возрождению в конце XX века. Сегодня философская практика прокладывает себе путь как среди профессиональных помогающих практик, так и среди университетских философских дисциплин. Философы-практики применяют свои знания и навыки для индивидуального консультирования и для корпоративного консалтинга. Они помогают решать личные, семейные, корпоративные и государственные задачи, становясь советниками и корпоративными философами в крупнейших компаниях. Философский инструментарий сегодня вновь возвращает себе статус универсального метода решения прикладных задач любого уровня сложности.

Список источников

1. Адо П. Философия как способ жить. М.: Степной ветер; Социум, 2010. 288 с.

2. Борисов С. В. Философские истории для детей и взрослых: заметки о книгах: Tillmanns, Maria daVenza. (2020–2021). Why We Are in Need of Tales, Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p., Part II. 59 p. // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 102–107.

3. Фуко М. Управление собой и другими. М.: Издательство ГСИ, 2011. 432 с.

УДК 316.36

Опыт организации Студенческого научного общества Тувинского государственного университета, как формы вовлечения молодежи в науку

Монгуш Сайлык Май-ооловна
Тувинский государственный университет, Республика Тыва, Кызыл, Россия, nat_87_@mail.ru

Ключевые слова: наука, молодежь, студент, ТувГУ, СНО, студенческое научное общество.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Тувинского государственного университета в рамках реализации Всероссийского проекта «обучение служением»; автор выражает благодарность научному руководителю Полуниной Наталье Викторовна, старшему преподавателю кафедры философии ТувГУ.

© Монгуш С. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Наука – мощнейший двигатель общественного прогресса, и с каждым годом ее значение для жизни общества растет, что актуализирует необходимость развития научной сферы деятельности. Государственная политика России делает ставку на развитие науки, технологий и инноваций и на привлечение в науку молодежи.

Продвижение науки способствует формированию высококвалифицированных специалистов, создавая условия для экономического роста и социального развития [1, с. 122]

В современном мире с каждым днём всё актуальнее становится популяризация научной сферы как направления профессиональной деятельности. Вовлечение подрастающего поколения в исследовательскую работу превращается в ключевой элемент нынешней системы образования. Подобная деятельность направлена на развитие научных способностей молодёжи и формирование у неё живого интереса к познанию различных дисциплин.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении процесса разработки и реализации инициатив, направленных на привлечение молодежи к науке, используя опыт работы студенческого научного сообщества Тувинского госуниверситета на основе данных анализа медиапространства организации и отчетов, представленных научным отделом университета [1].

Необходимо донести до молодых людей доступным языком суть научных исследований, особенности академической карьеры студентов и аспирантов, а также обосновать значимость научного поиска [2].

Чтобы достичь поставленных целей, предстоит изучить активность СНО ТувГУ.

Студенческое научное общество ТувГУ активно занимается различными видами научно-исследовательских работ, включая публикационную деятельность, участие в конкурсах патентов и

лицензий, организацию конференций и семинаров, а также подготовку высококлассных специалистов. Численность участников СНО в период с 2021 по 2025 год выглядит следующим образом: в 2021 году было зарегистрировано 475 человек, в 2022-м — 512, в 2023-м — 544, в 2024-м — 534, однако в 2025 году произошло сокращение численности до 406 человек.

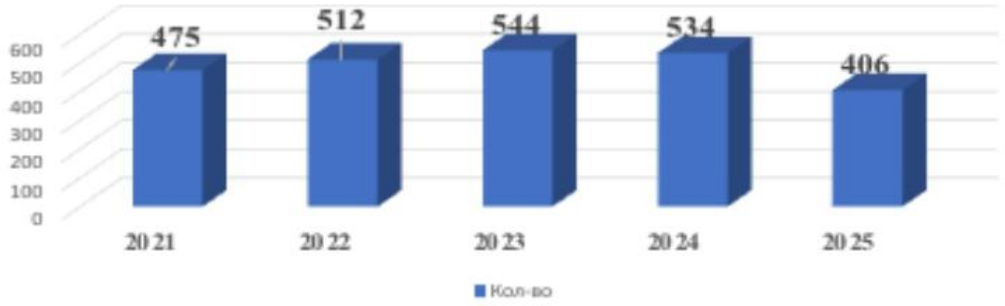


Рисунок 1 Общая численность членов СНО с 2021-2025 г.г.

Таким образом, с 2021 по 2024 год количество членов росло, а в 2025 году произошло уменьшение. Наши студенты активно участвуют в реализации различных проектов, направленных на улучшение студенческой жизни.

Количество студентов, участвовавших в научных мероприятиях за 2022-2025гг. В 2022г.- 1968 чел.; 2023г.-1891 чел.; 2024г.- 1905 чел.; 2025г.-1625чел.

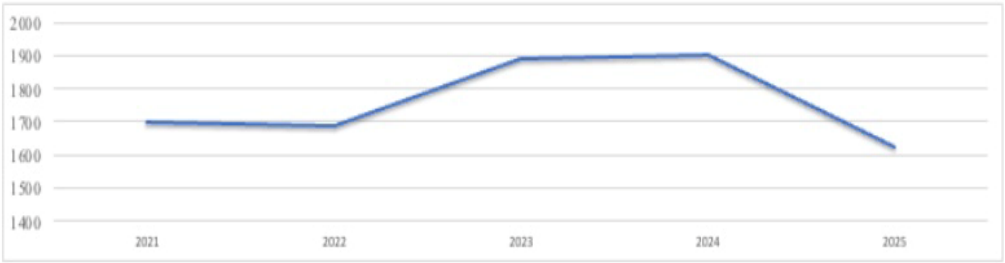


Рисунок 2. Численность студентов ОФО ТувГУ, принимающих участие в научных исследованиях в 2022-2025 гг.

Количество студентов, участвовавших в научных мероприятиях за пределами Республики Тыва (в том числе дистанционно): 2022г. - 218 чел.; 2023г. - 227 чел.; 2024г. - 219 чел.; 2025г. - 228 чел. С каждым годом количество участников студенческих мероприятий и проектов увеличивается, что свидетельствует о растущем интересе к общественной жизни университета.

Как правилом источником их вдохновения и получением информации, являются опытные наставники из числа профессорско-преподавательского состава.

В составе СНО действуют профильные студенческие коллективы, например, такие кружки, как «Астрофизика», «Вместе изучаем Россию», «Цифра в экономике», «Обучайся правильно» и «Технокодеры».

Проведённый анализ свидетельствует: в университете имеются все необходимые ресурсы, чтобы заинтересовать студентов наукой. Тем не менее, необходимо продолжать поиск свежих подходов для вовлечения молодых людей в научные события.

Список источников

1. Петрук Г. В. Молодежь в науке: как привлечь и удержать // Территория новых возможностей. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-v-nauke-kak-privlech-i-uderzhat (дата обращения: 18.04.2026).

2. Бондаренко Н. В. Анализ медиаактивности государственных учреждений культуры Республики Тыва при работе с молодежью // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Калининград, 29 марта 2025 года. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. С. 96–99.

3. Оюн Ш. В. История развития волонтерского движения в Республике Тыва: от истоков до современности / Ш. В. Оюн, А. А. Пильжум, Н. В. Полунина // Лучшие научные исследования студентов и учащихся: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 104–107. EDN CCQKIA.

УДК 374.7:37.013.83

Обучение и образование взрослых как феномен культуры в исследованиях зарубежных ученых с 2015 по 2025 гг.

Обидина Вероника Викторовна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vobidina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: образование взрослых, обучение взрослых, феномен культуры.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Наталье Петровне Копцевой, доктору философских наук, профессору.

Совокупность социально-экономических и культурно-антропологических факторов выводит образование взрослых из периферийной сферы педагогики в статус одного из ключевых феноменов современной культуры. В рамках проведения комплексного исследования на тему «Образование взрослых как феномен культуры первой четверти XXI в.» необходимо изучить то, какие аспекты обучения и образования взрослых рассматриваются в современной научной литературе не только в России, но и за

© Обидина В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

рубежом. Для этого было проанализировано 48 публикаций по вопросам обучения и образования взрослых, изданных за период с 2015 по 2025 гг. в ведущем рецензируемом научном журнале «Международное обозрение образования – Журнал обучения в течение всей жизни» (International Review of Education – Journal of Lifelong Learning (IRE).

Зарубежные исследователи обучения и образования взрослых рассматривают широкий спектр вопросов, среди которых можно выделить следующие: роль международных организаций в формировании гуманистического и экономически ориентированного подходов к обучению и образованию взрослых [1], роль отдельных государственных лидеров [2] и межрегионального сотрудничества [3]; участники образовательного процесса; признание квалификации и социальная интеграция [4; 5]; пространства и среда обучения [6]; эффект Матфея, экономические, неэкономические и долгосрочные эффекты образования и обучения взрослых; грамотность и базовые навыки; современные вызовы.

Проведенный обзор позволил выявить то, что культура выступает в четырёх ипостасях: как контекст (социальная и политическая среда, в которой происходит обучение), содержание (фольклор, ценности, гражданственность); процесс (взаимодействие, адаптация, инкультурация мигрантов) и продукт (изменение идентичности, новые компетенции, социальный капитал).

Список источников

1. Elfert M. Lifelong learning in Sustainable Development Goal 4: What does it mean for UNESCO’s rights-based approach to adult learning and education? // International Review of Education, 2019. Vol. 65, № 4. P. 537–556.

2. Mwaikokesya M. “First we must educate adults”: Nyerere’s policy on adult education and its implications for modern-day Tanzania // International Review of Education, 2024. Vol. 70, № 2. P. 343–357.

3. Nordic-Baltic cooperation in the field of adult education 1991–2004 / L. Jõgi, M. Teresevičienė, T. Koķe [et al.] // International Review of Education. 2018. Vol. 64, № 4. P. 415–419.

4. Fejes A. Adult education and the fostering of asylum seekers as “full” citizens // International Review of Education, 2019. Vol. 65, № 2. P. 233–250.

5. Holst J. D. Social movements and adult education in the International Review of Education (IRE) and beyond / J. D. Holst, R. Tarlau // International Review of Education, 2025. Vol. 71, № 5-6. P. 859–880.

6. Zepke N. Purposes, pedagogies and practices in lifewide adult education in New Zealand: A preview // International Review of Education, 2015. Vol. 61, № 1. P. 99–113.

УДК 298.9

Кекизм как постсекулярная вымышленная религия: гегемоническая борьба за смысл в цифровом поле через практику ироничного сакрального

Овдин Илья Максимович
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, OVDINI@bk.ru

Ключевые слова: дискурс, мем, Пепе, интернет-мем, интернет-дискурс, ирония, сакральное, религия.

© Овдин И. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В период с 2015 по 2017 гг. интернет-сообщество окончательно осознало идейную пустотность Pepe the Frog. Из-за этого, обращаясь к понятиям теории Лакло и Муффа [1], персонаж стал образом-знаком, чей идейный конструкт зависел от силы использующихся в отношении него значений. В ходе этого процесса к Pepe the Frog была применена «ироничная сакрализация», благодаря которой ранее преобладающий правый нарратив сумел временно укрепить свои позиции.

Произошло это из-за проекта «Кекистан» и президентской гонки Дональда Трампа: в первом случае Pepe становился древним божеством вымышленного народа «кекистанцев», а во втором – эманирующая энергия хаоса направлялась в сторону «избранного» республиканского кандидата. Причиной подобных связей была заинтересованность пользователей 4chan в доведении происходящих событий до степени абсурдности, при которой «андеграунд-мистика» (то есть псевдорелигии, непопулярная экзотерика, магия и т.д.) могла интегрироваться в текущую действительность.

Центральным критерием данного являлось визуальное совпадение мем-персонажа с египетским божеством Кек (Кук), которое имело тело человека и зеленую голову лягушки. Наслоение подобной случайности со сленговым выражением «kek» в конечном итоге сформировало твердую ассоциацию между двумя персонажами, один из которых, за счет интернет-влияния и своей пустоты, «поглотил» сакральные характеристики второго. Именно от Кука Pepe стал богом хаоса, тьмы, неизвестности, запутанности, а из-за мемов – их сакральным представителем. Это образовало узловую точку значений, при которой визуальный дискурс вокруг «Кекизма» выстраивался на основании египетской атрибутики.

На картинке «Praise Kek» можно увидеть яркую фиксацию изначальной ироничной сакральности: атрибуты власти (украшения, головной убор, возвышающийся трон, к которому

ведёт лестница) сочетаются с внешней полнотой и высокомерной ухмылкой Пепе, что в синтезе формирует образ зажиточного божества-правителя. Египетская эстетика придаёт фигуре Пепе-Кека «ауру» древности, власти и святости, что закрепляется через надпись «Praise Kek», являющуюся прямым приказом к поклонению.

Следующий этап сакрализации можно увидеть через образ божества Кекизма на мем-картинке «Mass Death of Normies». Здесь отсутствует сугубо египетская тематика и преобразование персонажа достигается исключительно через позу явления и имеющиеся надписи. Здесь Кек становится мессией, предвестником апокалипсиса, что сопровождается визуальными изображениями ядерного взрыва («a holy happening»), «рекой крови нормисов» и разрушенных зданий на фоне безжизненной пустыни.

Заключающий этап закрепления представляется в виде ироничной «исторической реконструкции» древнего культа через методы псевдоархеологии и конспирологии. Реальная статуя Кека – это «доказательство» того, что о божестве Кек знали задолго до возникновения интернета. Под скульптурой лягушки находится египетская надпись, которую интернет-пользователь «расшифровывает» как знаки покровительства: Кек предвещает человека будущего за компьютером и возникновение интернета, в пределах которого будет существовать божество и реализовываться «мем-магия». Надпись «THE PROPHECY OF KEK» завершает конструирование мифа о предопределённости, констатируя: интернет, мемы и «мем-магия» были предсказаны древними египтянами.

Все три изображения вместе формируют единую «мемную теологию» «Кекизма», в которой присутствует воспроизведение религиозного объекта культа («Praise Kek»), мессианское восхождение и уничтожение старого мира («Reign of Frog») и

обоснование легитимности этого культа через «исторические доказательства» («The Prophecy of Kek»).

Одновременно с «визуальной борьбой» за закрепление значения пустого знака возникал текстовой дискурс, в рамках которого Кекизм начинал формироваться. В качестве концентрации псевдорелигиозного сообщества был выбран сайт pepethefrogfaith.wordpress.com, где публиковались статьи [2; 3], отображающие сакрализирующую обработку образа Pepe the Frog. По структуре и подаче информации постмодернистский мемный нарратив в тексте преобразуется в гностический трактат, что на базе синхронистической последовательности «случайных совпадений» приводит к знакам «божественного проявления». На первом, культурном уровне значений, божество является в наш мир через сленговое выражение «Кек», песню группы P.E.P.E. и египетского бога Кука. На втором, визуальном уровне, фиксируется вид божества, что базируется на устоявшейся интерпретации изображения «The Prophecy of Kek». Третий, числовой или магический уровень, обосновывает присутствие божества через повторяющиеся в коде сообщения на треде цифры («GET»), сочетание счастливых семерок и идеи «волшебного божественного вмешательства».

Существовали и другие версии восприятия «кекизма» в сообществе, которые усложняли конструкт «кекизм». Наиболее показательным в этом контексте является сайт https://kekistani-heritage.org, где «кекизм» интегрируется в структуру «мифотворчества» вымышленного государства «Кекистана» [4].

Однако примеры фиксируют менее радикальную сторону дискурса, тогда как зачастую Pepe фигурировал как сакральный «hate symbol». Из-за этого возникает трудность в отличении действительных высказываний нацистского толка от юмора, хотя на деле в этом и кроется причина популярности мем-персонажа, ведь так он ускользает от чёткого определения, становится

«манекеном», которого можно «наряжать в разнообразные одежды» и погружать в разнообразные ситуации для достижения конкретной цели, идеи или священного в целом.

Список источников

1. Ромашко Т. В. Постструктуралистская теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности / Т. В. Ромашко, О. Ю. Гурова // Социодинамика, 2022. № 10. С. 46–59.

2. Carver A. T. L. The real story behind Hillary Clinton's "cartoon nazi frog" will blow your mind // Wordpress : [сайт]. URL: https://pepethefrogfaith.wordpress.com (дата обращения: 12.04.2026).

3. Carver A. T. L. The Smug Pepe Meme Sure Makes A Lot of Sense Now That Trump Has Won (Post-Election Follow-Up // Wordpress.com. URL: https://pepethefrogfaith.wordpress.com/smug-pepe-sure-makes-a-lot-of-sense-now-that-trump-has-won/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. About Kekistan // kekistani-heritage.org : [сайт]. URL: https://kekistani-heritage.org/about-kekistan/ (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 316.7

Трансформация мономифа Джозефа Кэмпбелла в нарративе современных видеоигр

Строев Кирилл Олегович
Филологический факультет Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Красноярский край, Красноярск, Россия, skinnyphob33@gmail.com

Ключевые слова: мономиф, видеоигра, архетип, нарратив, game studies.

Американский мифолог Джозеф Кэмпбелл в своём фундаментальном труде «Тысячеликий герой» (1949) обосновал существование универсальной нарративной структуры, которую он назвал «мономифом» или «Путём Героя». Кэмпбелл представляет героическое путешествие как космогонический цикл. Пройдя через испытания инициации, преодолев порог между бытием и ничто, герой как воплощение микрокосма и макрокосма растворяется в Высшей Самости, тем самым завершая свою путь [2, с. 1]. Данная структура, по мысли исследователя, лежит в основе большинства мифов, религиозных текстов и художественных произведений разных культур и эпох.

Однако в XX–XXI веках мономиф претерпевает существенные трансформации, связанные с появлением новых медиа. Создание художественного произведения знаменует качественно новый этап в усложнении его структуры. По замечанию Юрия Михайловича Лотмана – «многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим

© Строев К. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестаёт быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату» [3, с. 130]. Особый интерес в этом контексте представляют видеоигры – интерактивный нарратив, который не только заимствует структуру Кэмпбелла, но и переосмысляет её, предлагая пользователю не пассивное наблюдение, а активное участие в «Пути Героя».

Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать способы трансформации классического мономифа в нарративах трёх культовых видеоигр: The Elder Scrolls V: Skyrim (2011), Dishonored (2012) и Minecraft (2011). Исследование опирается на методологию структурно-семиотического анализа Ю.М. Лотмана и теорию архетипов К.Г. Юнга в интерпретации Дж. Кэмпбелла.

Skyrim

В 5-й части игры «Древние свитки» – Скайриме – мономиф реализуется в его классическом, «эталонном» варианте. Протагонист (Драконорожденный) последовательно проходит все стадии пути, выделенные Кэмпбеллом: от «Обычного мира» (пленник, следующий к казни) через «Зов к приключению» (нападение дракона Алдуина) и «Пересечение порога» (выход из Хелгена в открытый мир) к «Схватке с чудовищем» (финальная битва с Алдуином) и «Возвращению», однако в 5-й части Древних свитков: Скайрим оно условное. Игровой мир изменился благодаря действиям пользователя, и теперь персонаж может жить в нём буквально как живая легенда. Скайрим в данном случае выступает как образцовый пример прямой рецепции мономифа в интерактивной среде.

Dishonored

Игра Dishonored (в переводе с англ. – «Обесчещенный») предлагает принципиально иную модель. Главный герой игры, Корво Аттано, ложно обвинённый в убийстве императрицы, движимый не стремлением спасти мир, а жаждой мести. Его

«Сверхъестественный Помощник» – неигровой персонаж Чужой – дарует не благородную магию, а демонические силы. Ключевая особенность «Dishonored» – система «хаоса»: каждое решение игрока – убить или пощадить свою жертву – напрямую влияет на финал игры. Таким образом, моральный выбор становится не просто элементом сюжета, а основным нарративным механизмом. Финальная битва здесь – это схватка не с внешним врагом, а с «чудовищем внутри самого себя». Как справедливо отмечает Е.В. Галанина, «в видеоиграх миф представляет собой не просто повествование, он проигрывается и исполняется. И это исполнение может варьироваться в зависимости от игрока, который и наполняет актуальным содержанием и переживанием миф» [1, с. 32].

Minecraft

Наиболее радикальную трансформацию мономиф претерпевает в культовой компьютерной игре Minecraft. В ней отсутствуют заданные сценарием «Зов», «Помощники» и «Награда». Единственный двигатель сюжета – любопытство самого игрока. Путь Героя заменяется на «Путь Творца»: игрок не следует по рельсам чужой истории, а блок за блоком строит собственную. Даже условный финал – победа над Эндер-Драконом – является не обязательной целью, а лишь одним из множества проектов. Истинный «эликсир» в Minecraft – это созданный игроком мир, данный ему в самом начале пути, что позволяет говорить о рождении архетипа – «Героя-Демиурга», на данный момент недоступного традиционным медиа – литературе и кинематографу.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что видеоигры не просто адаптируют классический мономиф Дж. Кэмпбелла, а трансформируют его в трёх основных направлениях:

- Каноническое следование (Skyrim) – прямое, образцовое воплощение «Пути Героя»;

• Деконструкция архетипа (Dishonored) – усложнение и моральное омрачение пути, где главный враг находится внутри персонажа, управляемого пользователем;

• Рождение принципиально нового архетипа (Minecraft) – «Герой-Демиург», творец собственного мира, не нуждающийся в заданном сценарии.

Таким образом, видеоигры представляют собой не «второсортное» развлечение, а сложное, многогранное поле для филологических и культурологических исследований, формирующее новые нарративные модели и архетипы, актуальные для цифровой эпохи. Игнорирование этого пласта культуры означает добровольный отказ от понимания того, какие истории и какие герои формируют сознание миллионов людей сегодня.

Список источников

1. Галанина Е. В. Мифологические структуры в видеоиграх: архетипы / Е. В. Галанина, Д. А. Батурин // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 31–48.

2. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой The Hero with thousand faces / пер. с англ. А. П. Хомик. Киев, М.: Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. 384 с.

3. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

УДК 7.011.2

Кризис подлинности: трансформация памяти и идентичности в научной фантастике

Тайченачева Дарья Романовна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dashatayss@gmail.com

Ключевые слова: имплантированная память, конструирование памяти, кризис идентичности, аффективные остатки памяти, научная фантастика, коммодификация памяти.

В произведениях Филипа К. Дика (рассказ «Мы вам всё припомним»), Пола Верховена (фильм «Вспомнить всё») и видеоигре «Cyberpunk 2077» формируется единое проблемное поле: размывание границы между подлинной и сконструированной памятью ведёт к радикальной трансформации человеческой личности и открывает возможности для её контроля со стороны технологических и институциональных структур.

В рассказе Филипа К. Дика память предстаёт как многослойная система, включающая сознательные, подавленные и имплантированные слои [2]. Искусственные воспоминания расцениваются как более «качественные» — они логичны, непротиворечивы и лишены провалов. «Естественная память, со всеми ее неточностями, искажениями и провалами — вот второсортный товар!» [Там же. С. 8]. Критерий истины смещается с фактической достоверности на субъективную убедительность переживания. Важны аффективные остатки памяти: даже после стирания воспоминаний сохраняются желания и импульсы.

© Тайченачева Д. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Стремление Куайла на Марс — не фантазия, а след вытесненного опыта. «Этого они стереть не смогли; это не воспоминание, а присущее ему желание, из-за которого, безусловно, он и вызвался на выполнение задания» [Там же. С. 15]. Подавленная память продолжает действовать из бессознательного, формируя поведение. Личность оказывается неустойчивой конструкцией, зависящей от доступных нарративов о прошлом.

Политический аспект: память — инструмент власти. Корпорация «Интерплан» стирает прежние и внедряет новые воспоминания. Контроль над памятью равнозначен контролю над субъектом: герой утрачивает навыки и подлинный характер. Восстановление настоящих воспоминаний делает Куайла угрозой для системы. Подлинность становится риском, подлежащим устранению.

Фильм «Вспомнить всё», снятый по мотивам рассказа Филипа К. Дика, делает важный шаг дальше литературного источника [1]. Если у Дика личность разрушается от обнаружения подлога, то здесь она конструируется заново в отсутствие доступа к подлинной памяти. Повествование демонстрирует работу сознания, лишённого прошлого: воспоминание о себе не предшествует действию, а догоняет его по ходу сюжета. Цепочка резких переходов не оставляет времени на проверку реальности.

Ключевую роль играет провал в идентичности. Куэйд в начале — «никто»: память ложна, следовательно, ложны привычки, страхи, семейные связи. Телесное измерение памяти выходит на первый план: искажённые лица, перегрузка, боль становятся показателями подлинности. Тело помнит то, что разуму запрещено.

Эмоции — главный канал воздействия памяти. Страх, симпатия, желание свободы меняют отношение Куэйда к происходящему. Он начинает действовать как герой сопротивления не потому, что «вспомнил», кем был, а потому что новая, собранная на ходу память несовместима с ролью обывателя. Этот процесс

параллелен реакции зрителя: управление памятью есть управление эмоциями.

В результате идентичность героя формируется не как следствие «настоящего» прошлого, а как выбор среди доступных сценариев. Финальная фраза: «Я — Куэйд» [Там же] — не подтверждает истинность версии, а утверждает выбранную позицию. Акцент переносится с вопроса «Что было на самом деле?» на вопрос «Какую реальность человек готов принять и на её основе действовать?».

В видеоигре Cyberpunk 2077 память становится воспроизводимым сенсорным потоком — брейндансом [3]. Технология передаёт чужой опыт напрямую: эмоции, телесные ощущения, звуки, температуру. Спектр — от развлечений до нелегальных записей насилия, пыток, смерти. Память коммодифицируется, различие между опытом и репрезентацией исчезает. Брейнданс не вызывает эмоции, как кино, а воспроизводит их. Стирается этическая дистанция между «я» и «другим»: чужой страх и агония становятся контентом.

Память становится автономной личностью. Биочип с сознанием Джонни Сильверхенда, вживлённый в мозг Ви, — активная структура. Джонни помнит себя, имеет характер и цели, борется за контроль над телом. Память — не архив, а действующее лицо, конкурент за право существовать. Кризис идентичности достигает предела: «Кто из них двоих останется?». Сотрудничество возможно, но финал неумолим — биочип перезаписывает нейронные связи. Джонни как алгоритм замещает оригинал, Ви бессилен перед технологической экспансией. Длительный симбиоз невозможен.

Однако борьба порождает диалог. Ви и Джонни проникают в воспоминания друг друга, влияют на мотивы. Итогом является рождение гибридной субъективности. Взаимное изменение

доказывает реальность обоих сознаний. Общая память — пространство конфликта и взаимного преобразования.

Выводы. Во всех трёх случаях память — механизм трансформации субъекта. У Дика изменение памяти разрушает личность, выявляя её зависимость от нарративов о прошлом. У Верховена личность формируется через телесный опыт и выбор в момент кризиса. В Cyberpunk 2077 идентичность рождается из столкновения двух сознаний внутри одной памяти.

Общий сдвиг: идентичность — не устойчивая сущность, а процесс. Утрата границы между подлинным и сконструированным переводит личность в состояние перманентного становления. Человек не вспоминает себя, а создаёт заново.

Кризис подлинности памяти — способ критического анализа современности. Если память перезаписывается, идентичность становится результатом внешних воздействий. Человек рискует превратиться из субъекта опыта в объект программирования, а граница между реальным и искусственным — исчезнуть.

Список источников

1. Верховен П. Вспомнить всё [Фильм]. США: Carolco Pictures, 1990.

2. Дик Ф. К. Мы вам всё припомним (We Can Remember It for You Wholesale) / пер. с англ. М. М. Ланиной, М. В. Гутова // Дик Ф. К. Сборники. Рига: Полярис, 1998. 43 с.

3. Cyberpunk 2077 [Видеоигра]. Варшава: CD Projekt Red, 2020. Платформа: PlayStation 5.

УДК 76.03

Восточная философия в современном китайском искусстве туши

Тэн Сяочжун (Китай, Яньтай)
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 339110584@qq.com

Ключевые слова: современная китайская живопись тушью, даосизм, буддизм, духовность, современное искусство.

Современная китайская живопись тушью возникает в контексте ускоренной модернизации и глобализации конца XX – начала XXI века. В отличие от традиционной живописи, тесно связанной с конфуцианством, даосизмом и буддизмом, современное искусство функционирует в преимущественно секуляризированном культурном пространстве.

Тем не менее, религиозно-философские идеи не исчезают, а трансформируются, приобретая форму внутренней духовной стратегии, направленной на осмысление бытия, времени, природы и человеческого существования.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении ключевых форм реализации восточной философии в актуальном искусстве туши и осмыслении их роли для понимания духовной составляющей этого художественного феномена.

1. Религиозная традиция как духовная основа китайской живописи

Исторически формирование китайской живописи происходило под воздействием даосизма и буддизма, которые

© Тэн С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

влияли не только на мировоззренческую основу художника, но и на саму логику художественного восприятия.

В основании даосского мировоззрения лежат такие понятия как «естественность» и «недеяние» [4]. Они радикально поменяли восприятие искусства живописи, как только творческого процесса. Согласно идеям «Дао» этот процесс не находится только в подчинении у природы. В классической, национальной китайской живописи пейзаж не был никогда только способом изобразить объекты окружающего мира, но являлся инструментом и методом постижения объективной реальности и вселенского миропорядка [1].

В частности, Чань-буддизм, привнес в изобразительное искусство концепции пустоты, инсайта или мгновенного озарения [3], а также отрицание гегемонии разума. Выразилось это в примате случайных действий, недосказанности, а также процессуальности. Именно они стали средствами передачи авторской субъективной реальности, внутреннего мира самого живописца.

Таким образом, можно утверждать, что религиозные концепции действуют не столько как повествовательная основа, но, в большей мере, как методология и эстетическая основа, фундамент собственно художественного творчества.

2. Процесс снижения значения религии в социальной жизни и пересмотр основ философии в изобразительном искусстве 20 и 21 веках

В прошлом, 20 веке в контексте социальных изменений и влияния на китайское изобразительное искусство западноевропейской культуры традиционные, устоявшиеся в течении веков, религиозные системы начинают активно утрачивать свое значение как неких институций.

В этом контексте живопись тушью переживает кризис идентичности, связанный с необходимостью переосмысления своей роли в современном искусстве.

Религиозные идеи начинают функционировать как культурная память и философский ресурс. Художники обращаются не к

догматике, а к универсальным вопросам существования, интерпретируя даосские и буддийские концепции через призму индивидуального опыта.

Под влиянием модернизма и западной философии формируется новая модель духовности, отличающаяся рефлексивностью и субъективностью [5].

3. Формы проявления философии в современном искусстве туши

В современном искусстве туши философские идеи реализуются через ряд художественных стратегий.

Во-первых, значительную роль играет чаньская эстетика, проявляющаяся в минимализме, активном использовании пустоты и акценте на процессе творчества. Художественный акт осмысливается как форма медитативного опыта.

Во-вторых, даосская картина мира выражается в интересе к текучести формы, случайности и отсутствию устойчивого центра композиции.

В-третьих, в экспериментальном искусстве туши философия приобретает концептуальный характер [2]. Тушь выступает как универсальный медиум, способный выражать идеи времени, исчезновения и трансформации.

Не через иконографию в данных практиках раскрывается духовность, а как философское измерение художественного высказывания.

4. Влияние процессов глобализации на современное искусство туши

Современное китайское изобразительное искусство на фоне идущих бурными темпами глобализационных процессов вступает в деятельный диалог с западноевропейскими формами философских и духовных поисков. Эти процессы включают в себя также как философию экзистенциализма, акцентирующую внимание на уникальности человеческого бытия, нерациональные, чувственные методы миропостижения, так и мистицизм.

Можно сказать, что подобный диалог Запада и Востока способствует созданию универсального языка, на котором будет

общаться в будущем человечество. Это будет духовный язык, способный преодолеть разграничения, возникшие из-за нестыковки в базовых принципах различных религий.

Сохраняется характерное для китайской культуры представление о единстве человека и природы, что придает искусству туши уникальность и самобытность.

Вместе с тем встречается поверхностное восприятие религиозных символов и образов, из-за чего они утрачивают философскую глубину и превращаются в декоративные элементы.

Несмотря на секуляризацию общества, восточная философия продолжает влиять на современное изобразительное искусство, включая искусство туши, выступая его духовным и идейным источником.

Перспективным направлением исследований остается анализ художественных практик и стратегий в сравнительно-культурном аспекте.

Список источников

1. Фугуань С. Дух китайского искусства. 1-е изд., Пекин: The Commercial Press, 2010. 565 с. = 徐复观 中国艺术精神 / 徐复观, 第一版, 北京: 商务印书馆, 2010. 565 с. (На кит.)

2. Сяньтин Л. Важность не в искусстве. 1-е издание, Нанкин: Издательство издательства «Изобразительное искусство провинции Цзянсу», 2000. 437 с. = 栗宪庭 重要不是艺术 / 栗宪庭, 第一版, 南京: 江苏美术出版社, 2000. 437 с. (На кит.)

3. Наньнань В. Влияние дзэн-буддизма на эстетический интерес традиционной китайской живописи // Восточная коллекция. 2022. С. 48–50. = 王楠楠 禅宗思想对中国传统绘画审美意趣的影响 // 东方收藏. 2022. С. 48–50. (На кит.)

4. Лао-цзы（老子）, Дао дэ цзин. 1-е издание, Пекин: Издательство «Чжунхуа», 1985. 64 с. = 老子 道德经 / 老子, 第一版, 北京: 中华书局出版社, 1985. 64 с. (На кит.)

5. Минлу Г. История современного китайского искусства. 1-е издание, Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2021. 595 с. = 高名潞 中国当代艺术史 / 高名潞, 第一版, 上海: 上海大学出版社, 2021. 595 с. (На кит.)

УДК 792

Спектакль «Ревизор» в постановке Всеволода Эмильевича Мейерхольда: принципы театральности

Халкаут М. Сидик А. Халик Абдулхалик
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, halkawtm25@gmail.com

Ключевые слова: театральность, сценическое пространство, ритм, динамическая сценография, биомеханика, лацци, музыкальный реализм, авангардный театр.

Постановка комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», осуществлённая В.Э. Мейерхольдом в 1926 году, занимает особое место в истории театра XX века. Уже в момент своего появления спектакль вызвал масштабную полемику, однако его значение не ограничивается историческим контекстом: вплоть до настоящего времени он остаётся в центре внимания как исследователей, так и практиков театра. Сам В.Э. Мейерхольд не скрывал полярности восприятия своей работы. Он с горечью констатировал: «Вот критики московские почти все, как сговорились, закричали, что наш «Ревизор» – чистейшая профанация … Между тем изо дня в день наполняется наш театр … и взятые из массы зрители, в

© Халкаут М. С. А. Х. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

противоположность критикам, утверждали, что это спектакль очень веселый, очень динамичный, очень кинематографичный» [1, с. 109].

Одним из ключевых принципов концепции театральности В.Э. Мейерхольда являлся принцип условности, который противопоставлялся им принципу фотографичности, господствовавшему, по его замечанию, в современной ему драматургии. По его убеждению, именно условность определяет суть театра и, соответственно, саму его концепцию театральности [1]. Формами проявления данного принципа условности у Мейерхольда выступают пространство, костюмы персонажей, ритм и техника лацци. Согласно концепции режиссера, они призваны служить механизмом трансформации сценического события до уровня семантического знака, *призванного выражать сущностные характеристики жизненных явлений*. На примере анализа его постановки спектакля «Ревизор» можно проследить особенности трактовки режиссером данных форм принципа условности.

Мейерхольд подчёркивал, что *сценическое пространство* в постановке организуется как динамическая система, в которой подвижные площадки, свет и конструктивные элементы образуют целостную композицию. Одну из важнейших задач он видел в сохранении единства места при постоянной трансформации сценической среды.

Принципиальным для режиссёра являлось объединение различных локусов действия, в частности дома городничего и гостиницы Хлестакова, в контексте единого сценического пространства. Для этого Мейерхольд использовал выдвижные площадки и специальные механизмы «шлюз», позволявшие выделять отдельные сцены, не разрушая при этом пространственного единства [1, с. 111–112]. Тем самым динамическая сценография не воспроизводит реальные пространства, а организует их как элементы единой сценической структуры.

Особое значение в спектакле приобретает конструкция из одиннадцати дверей. Мейерхольд был убеждён, что она выполняет не только декоративную, но и пластическую функцию. В сцене двери открываются синхронно, из них появляются руки с конвертами, образуя механизированное движение. Как впервые показал К. Л. Рудницкий, это решение превращает сценографию в активный элемент действия, визуализирующий структуру бюрократического механизма [2, с. 370–375]. В данном случае динамическая сценография действует как пластическая форма, способная обобщать и концентрировать социальное содержание.

Важным элементом в концепции театральности Мейерхольда является также его решение относительно особенностей *костюмов персонажей*. Многократная смена нарядов жены городничего приобретает характер повторяющегося сценического действия. Мейерхольд сознательно акцентировал частую смену костюмов, подчёркивая демонстративность и условность изображаемой среды. Тем самым выявляются социальный уровень персонажа и характер показной роскоши. Как отмечала Галина Титова, костюм в спектаклях Мейерхольда функционирует не изолированно, а в тесной связи с другими сценографическими элементами, образуя единую систему выразительных средств и работает на выявление социальной маски [4].

Ритм выступает как основа организации спектакля, определяющая взаимодействие всех его элементов. Мейерхольд неоднократно подчёркивал значимость этого принципа: «… компоновать спектакль нужно по всем правилам оркестровой композиции … заставить вместе звучать подобно оркестру и актера, и свет, и движение, и даже вещь…» [1, с. 141]. В этом контексте время перестаёт быть линейным и становится функцией ритма. Ускорение темпа, паузы и монтажные переходы формируют особую динамику восприятия. Е. А. Кухта, анализируя драматургию мейерхольдовского «Ревизора», приходит к выводу, что

организующим началом спектакля выступает не вербальный текст и не сюжетное событие, а именно ритм и движение, структурирующие сценическое действие в целом [3, с. 141].

Существенную роль в спектакле играет техника *лацци*, связанная с традицией комедии дель арте и переосмысленная Мейерхольдом в контексте авангардного театра и эстетики немого кино. Режиссёр открыто ссылался на опыт Чарли Чаплина как на образец пластической выразительности на ограниченном пространстве [1, с. 111]. В этих эпизодах смысл формируется через движение, жест и ритм. Лацци позволяют концентрировать действие и усиливать его пластическую выразительность, непосредственно воздействуя на зрителя.

Кульминацией спектакля становится «немая сцена», где движение сменяется полной статикой. К. Л. Рудницкий показал, что именно в этом моменте остановка действия приводит к предельной концентрации сценического времени и превращает происходящее в визуальный знак, вобравший в себя всё содержание спектакля [2; с. 378–380].

Таким образом, анализ спектакля «Ревизор» в постановке Всеволода Эмильевича Мейерхольд показал, что в основе его концепции театральности лежит принцип условности, который находит свое проявление в таких формах, как пространство, костюмы персонажей, ритм и техника лацци. Динамическая сценография, пластическая организация действия и ритмическая структура формируют целостную систему, в которой сохраняется единство места при его постоянной трансформации. Мейерхольд, таким образом, создал модель театра, в которой сценические средства позволяют не воспроизводить действительность, а выявлять её сущностные характеристики: гротеск жизни, в котором комедия оборачивается трагедией, абсурдную роботизацию и повторяемость быта, обнажение внутренней пустоты человека, лишённой любви и порождающей социальную коррупцию, страх

перед властью, превращающий человека в безмолвную куклу и предвещающий гибель этого мира во всеобщем пожаре.

Список источников

1. Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы: в 2 т. М.: Искусство, 1968. Т. 2. С. 529.

2. Рудницкий К. Л. Режиссер Мейерхольд. М.: Наука, 1969. С. 527.

3. Кухта Е. А. «Ревизор» у Вс. Мейерхольда и новая драма // Мейерхольд: к истории творческого метода. Публикации. СПб.: КультИнформПресс, 1998. С. 247.

4. Титова Г. В. Творческий театр и театральный конструктивизм. СПб.: РИИИ, 1995. С. 255.

УДК 364.4

Организация волонтерской деятельности в Тувинском государственном университете, как форма популяризации культурных ценностей среди молодежи

Хертек Виктория Сайдашовна
Тувинский государственный университет, Республика Тыва, Кызыл, Россия, nat_87_@mail.ru

Ключевые слова: молодежь, волонтер, движение, ТувГУ, ВСКС.

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации федерального проекта «Обучение служением», автор выражает благодарность Полуниной Натальи Викторовне старшему преподавателю кафедры философии ФГБОУ ВО «ТувГУ.

© Хертек В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью добровольческих движений в системе формирования, трансляции традиционных ценностей среди молодежи.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе гражданской идентичности [1, с. 416].

Волонтёрское движение в России стало той формой организации молодежи, которая обеспечивает тесный контакт между молодежью и лицами разного возраста, готовые пережать свой опыт, а также показать молодежи пример в формировании традиционных ценностей, установленных нормами Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Волонтеры, это не просто люди, добровольно осуществляющие социально-значимую деятельность посредством личного вклада и предлагающие свою помощь безвозмездно, они делятся своим временем, энергией, навыками и знаниями.

Анализ социальных сетей и сайтов учреждений региона показал, что молодежь республики активно принимает участие в волонтерских движениях. Наиболее часто организация волонтерской деятельности связана с [2].

В ФБОУ ВО «Тувинский государственный университет» студенты-волонтеры являются неисчерпаемым ресурсом для реализации разных социально-профильных проектов, которые подкрепляются практической значимостью для транслирования традиционных ценностей среди молодежи [3; с.113].

Анализ сайта добро.ру показывает, что на данный момент в ТувГУ зарегистрировано 2763 волонтера, которым начислено

38375,5 волонтерских часов. Университетом организовано 236 мероприятий.

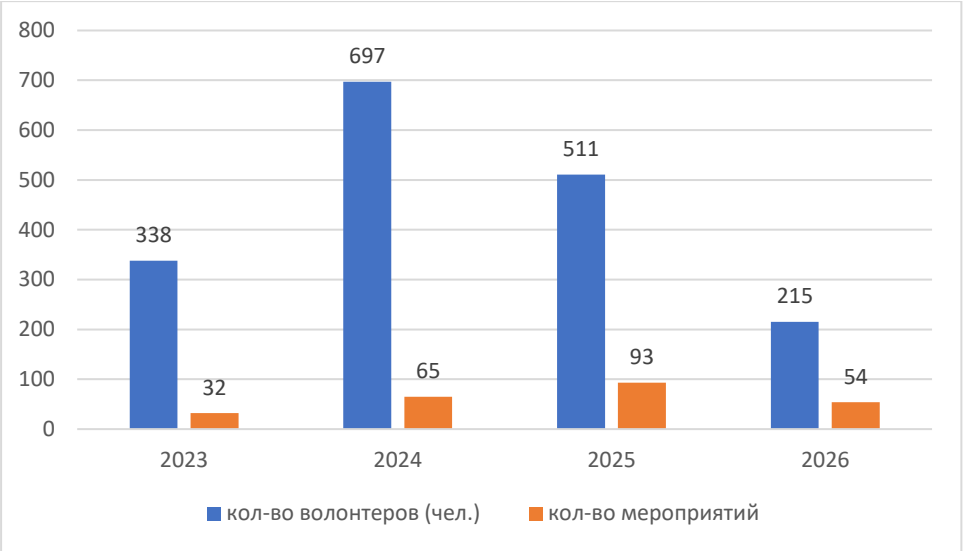


Рисунок 1. Анализ деятельности ТувГУ на сайте добро.ру с 2024-2026 г.г.

Анализ показателей деятельности ТувГУ, показывает снижение волонтеров, имеющих начисленные волонтерские часы несмотря на количество организованных мероприятий.

В рамках данной статьи невозможно расмотреть опыт всех волонтерских направлений университета. Одним из ярких примеров организации волонтерской деятельности, организующие свою деятельность в рамках сохранения и популяризации традиционных ценностей, является Всероссийский студенческий корпус спасателей (ВСКС) на базе Тувинского государственного университета (ТувГУ).

Участики и волонтеры ВСКС активно пропагандирует среди молодёжи деятельность в области предупреждения, спасения и помощи гражданам в Республике Тыва и призывает неравнодушных вступить в их ряды и принимать участие в деятельности.

В 2026 году волонтеры корпуса обеспечивали безопасность в мероприятих регионального, муниципального и университетского уровня.

В рамках региональных, муниципальных и студенческих мероприятий волонтеры проводят мастер-классы и обучают молодежь навыкам оказания первой помощи.

В ходе анализа их социальных страниц, страницы на сайте университета и отчетной документации установлено, что организация волонтерского движения ВСКС в ТувГУ имеет ряд специфических черт:

Интеграция в учебный процесс. Отряд функционирует при тесном взаимодействии с кафедрой анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, что позволяет использовать материально-техническую базу вуза и привлекать преподавателей в качестве инструкторов.

Сочетание полифункциональности и региональной специфики. Деятельность отряда не ограничивается классическим спасательным профилем. Студенты привлекаются к поисковым работам в природной среде, помощи при паводках и степных пожарах, что характерно для географии Тувы, а также к социальному волонтерству и проведению мастер-классов для населения.

Мотивационный комплекс. Доминирующими мотивами вступления в отряд являются: желание получить прикладные навыки (альпинизм, оказание первой помощи), стремление к самореализации и принадлежности к команде («семье»), а также возможность участия в соревнованиях различного уровня.

Организация волонтерского движения ВСКС в ТувГУ представляет собой эффективную модель гражданско-патриотического воспитания, основанную на сочетании профессиональной подготовки, региональной специфики и высокой социальной активности студентов.

Список источников

1. Ктитаров В. Л. О традиционных ценностях России // Право и государство: теория и практика. 2025. №8. С. 416–418. DOI 10.47643/1815-1337_2025_8_416.

2. Костюченко М. О. Развитие социальной активности молодежи в процессе волонтерской деятельности // Вестник ВГТУ. 2014. №3–2.

3. Бондаренко Н. В. Анализ медиаактивности государственных учреждений культуры Республики Тыва при работе с молодежью // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Калининград, 29 марта 2025 года. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. С. 96–99. EDN BGCVCJ.

4. Сергеева М. Н. Опыт развития студенческого волонтерства и обучения волонтеров в Тувинском Государственном Университете // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020. №10. С.113–116.

УДК 7.08

Трансформация и формирование сложных нарративов и гиперреального (на материале анализа видеоигр студии «Quantic Dream»)

Холодкова Лизавета Мариновна
Гуманитарный Институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
lizavetakholodkova@gmail.com

Ключевые слова: гиперреальность, нарративный анализ, видеоигры, интерактивное кино.

Видеоигры студии «Quantic Dream», будучи гибридным по своим свойствам медиа, выступают обширным материалом для отслеживания изменений в структуре гиперреальных миров и объемных нарративов. Анализ процессов трансформации в проектах студии позволит зафиксировать ключевые сдвиги в современной медиакультуре.

Понятие «гиперреальность» теоретически обосновал и ввел в широкое употребление французский философ Жан Бодрийяр. Его гиперреальное характеризуется замещением реальности ее знаками – симулякрами. Бодрийяр вводит четыре порядка симуляции, каждый из которых описывает стадии развития знака и процесс их сепарации от реальности [1; 2]. Наибольшее значение имеют третий и четвертый порядок, обозначающие сокрытие отсутствия действительности и симулякр симулякра, никак не связанный с реальностью. Философ также определяет, что гиперреалистичными становятся механизмы функционирования

© Холодкова Л. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

всего мира в целом. Представления Бодрийяра о гиперреальности возникают как реакция на постмодернистские тенденции. Несмотря на критическую ориентацию, бодрийяровская гиперреальность предлагает методологически гибкую модель взаимодействия с реальностью и ее имитациями. Он также фиксирует универсальную схему эволюции знака, применимую к анализу любого феномена, в том числе видеоигр.

Эмпирической базой исследования выступают видеоигры в жанре интерактивное кино разработчика Quantic Dream: «Fahrenheit» (2005), «Heavy Rain» (2010), «Detroit: Become Human» (2018). Интерактивное кино в видеоиграх –нарративно ориентированный жанр, потому является репрезентативным в вопросах конструирования сложных нарративов и гиперреальности. Для анализа был использован современный подход к исследованию нелинейный нарративов Д. Арсено [3; 4] в области Game Studies, суть которого заключается в наличии у игры четырех уровней нарративного пространства, каждый из которых участвует в конструировании диалога между произведением и реципиентом.

Структурно-нарративный анализ видеоигр позволил зафиксировать изменения в динамике конструирования нарративов и гиперреальности. Так, *«Fahrenheit» (2005)*, как самый ранний репрезентант, демонстрирует упрощенный, но стремящийся к развитию нарратив. Наррации тяготеют к охвату всего пространства видеоигры, включая сюжет, геймплей и эстетическую составляющую. Репрезентант в ограниченном объеме реализует нелинейность, сложные нарративы и стремление выхода игрока на статус рассказчика. «Fahrenheit» возможно разложить на четыре уровня нарративного пространства Д. Арсено, что подтверждает начальную форму диалогичности между пользователем и игрой. Гиперреальность видеоигры представляет собой симулякр третьего порядка – симулякр в чистом виде, стремящийся к четвертой фазе, а граница постмодерна и

метамодерна, на которой располагается «Fahrenheit», утверждает тяготение к автономии средств выразительности.

«Heavy Rain» (2010) расширяет инструментарий интерактивности и нарративности, включая более проработанные сюжетные планы, кинематографичный визуал и насыщенный геймплей. Игра представляет собой интенсивно интерактивное и нелинейное пространство, что само по себе является благоприятной почвой для развития гиперреальности. Помимо реализации всех четырех уровней интерактивных сред и формирования устойчивых и глубоких нарраций, видеоигра формирует гиперреальную глубину, связанную с эмоциональной коммуникацией игрока и произведения. Впервые становится доступным этап нарративной эстетики. «Heavy Rain» не претендует на положение в какой-либо существующей нише, но конструирует собственную, открытую к диалогу «экологичную» гиперральность, что во многом связано с метамодернистским культурным контекстом и тяготением к рассказыванию частных историй.

Заданного «Heavy Rain» вектора, но привлекая иные способы взаимодействия с сообществом, придерживается следующий репрезентант студии – *«Detroit: Become Human» (2018)*. Видеоигра демонстрирует изменение масштаба повествовательности, сложную и объемную интерактивность и вариативность, создающих у игрока эффект «творца» реальности. Кинематографичность, фотореализм, а также множество концовок и других деталей добавляют глубины гиперреальному. Происходит выход на уровень трансмедиальности благодаря фансервису и узнаваемому сеттингу. Это позволяет произведению глобализировать собственную гиперреальность, т. е. встроить ее в общий культурный контекст. «Detroit: Become Human» утверждает четвертую фазу гиперреального Бодрийяра, которую можно назвать «гиперреальностью в гиперреальносте». Тесная коммуникация с сообществом в условиях устойчивого метамодерна также

качественно трансформирует гиперреальность, целью которой становится ее же глобализация.

Таким образом, выбранные для анализа видеоигры студии Quantic Dream репрезентируют как изменения в динамике формирования сложных нарративов, так и в гиперреальности. Три хронологические точки (2005–2010–2018) позволяют зафиксировать качественные изменения, во многом связанные со сдвигами в культурном ландшафте. Изменения в нарративном содержании и гиперреальном пространстве репрезентантов также неразрывно связаны. Качественный нарратив неизбежно провоцирует внутреннюю глубину, объем и формирование чувства причастности к гиперреальному. Немаловажным оказывается стремление к выходу за пределы только игрового пространства. Сама гиперреальность изменяется в сторону «экологичного» и «честного» взаимодействия с реципиентами, концепция перестает быть инструментом критики современности, но становится отражением эпохи и неотъемлемой ее частью.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 464 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

3. Arsenault D. Narration in the Video Game. VDM-Verlag, 2008. 104 p.

4. Arsenault D. Post-narratology: A case for object-oriented narrative game studies // MediaCommons Press. 2013. P. 1–3.

Междисциплинарные практики развития личности в условиях социальных трансформаций

УДК 330.43

Механизм снятия, ограничений рисков неопределенности органического строения производства в условиях «Человекоцентричной» динамики развития

Бадртдинов Тимур Рустамович
Политехнический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, badrtim7@gmail.com

Ключевые слова: органическое строение производства, человекоцентричность, человеческий капитал.

Благодарности: автор благодарит Максимова Алексея Николаевича, кандидата экономических наук, Сибирского федерального университета; Максимову Светлану Иосифовну, кандидата медицинских наук, Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого».

Человекоцентричность в менеджменте креативного типа социально-экономического развития стала определяющим трендом, в котором цифровизация, искусственный интеллект, виртуализация определяются как параметры моделирования и ограничений.

Как одна из моделей, опосредующих данные тенденции – модель «Органического строения производства», представленная в отраслевых, корпоративных, макроэкономических срезах измерений и регулирования, нашла развитие в работах:

© Бадртдинов Т. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Лунина И. А., Голованова А. А., Румянцева А. А., Максимова А. Н., Максимовой С. И.

В «Человекоцентричной модели бизнес проектирования» раздражители или стимулы перестают или во многом получают ограничения влиять на процессы выбора (выбор может быть представлен в многообразии циклов организаций, этапах оптимизаций решений, как по внутренним, так и внешним контурам). Ряд теоретических аспектов применения модели «Органического строения производства» как полиформы в измерении и управлении динамикой интенсификации проектов в том числе в практическом здравоохранении (таблица 1).

Таблица 1. Маркетинговые инструменты мотивационной направленности, повышающие отдачу от человеческого капитала в параметрах: добавленная стоимость, добавленная ценность

Факторы управления рисками органического строения капитала как полиформы.	**Риски от несовпадения человеческого капитала в принятии решений в органическом строении производства.**	**Риски корпоративного уровня снижения эффективности интеллектуального потенциала при вхождении в фактические структуры производства.**	**Риски неиспользования опережающего развития вновь входящего человеческого капитала в формы технического строения.**
1.Формируемые образовательные компетенции (направления, профили, отраслевые особенности).	Применение групп маркетинговых, экономико-политических. раздражителей (Услуги, товары, цены, распределение, коммуникации)	Механизм влияния на психологию, характеристики личностного фактора.	Механизм влияния на решения о выборе модели поведения в соответствии с различными компетенциями.

Окончание таблицы 1.

Факторы управления рисками органического строения капитала как полиформы.	**Риски от несовпадения человеческого капитала в принятии решений в органическом строении производства.**	**Риски корпоративного уровня снижения эффективности интеллектуального потенциала при вхождении в фактические структуры производства.**	**Риски неиспользования опережающего развития вновь входящего человеческого капитала в формы технического строения.**
2.Формируемые мотивационные профили системой образования и бизнеса.	Учет личностных факторов формирования профиля (опыт, мнения, индивидуальность) .	Учет ситуационных переменных поведенческого профиля (инновации – в многообразии уровней, форм по улучшению с добавленной стоимостью и ценностью).	Учет ситуационных взаимодействий (Мнения ближних, средне отдаленных групп в циклах формирования и развития компетенций).
3.Факторы организации планирования прямых, обратных связей по внедрению форм «Органическое строение производства».	Учет внешних факторов, влияющих на связи (контракты): семья, друзья, СМИ, правительство).	Факторы внутренние (Уже сформированные стереотипы, ранжируемые по уровню креативности).	Факторы тезаурусной составляющей, определяющие скорость, адекватность реагирования персонала на внутри и внешне организационные изменения.
4.Факторы организации планирования и прогнозирования внутри и межрегиональных связей в продвижении креативных форм «Органическое строения производства».	Риски потери эффективности от несбалансированности менеджмента комплексности планирования, прогнозирования динамики факторов «Органическое строение производства».	Снижение эффективности логистики прохождения научных, образовательных идей в конструкции «Интеллектуализации» персонала, как фактора креативности.	Не использование факторов, моделей вариативности менеджмента человеческим капиталом при планировании: товарного, производственного ассортимента и номенклатуры для разных пользователей.

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты «Органического строения производства» как полиформы можно отметить:

1. Данная категория как управленческий инструмент не потеряла своей актуальности в условиях становления «Человекоцентричной модели менеджмента» и креативных механизмов развития.

2. Применение данной категории к аналитическим процессам проектирования «Бизнес-процессов» позволяет сфокусировать направления:

- Анализа мотивационных механизмов человекоцентричности.
- Анализа существующих и перспективных поведенческих аспектов персонала, представленного индивидуальными, групповыми, корпоративными уровнями.
- Анализа процессов перспективной динамики интеллектуального, научного, технологического потенциалов организаций в приоритетах креативных форм развития.

3. Создание механизмов маркетинговой мотивации персонала, при обновлении контуров и стереотипов поведения, должно быть одним из трендов креативного развития в условиях неопределенности и рисков.

4. Конструкция «Органического строения производства» организаций как полиформы создает предпосылки рамочного ограничения неопределенности, рисков используя синхронные и асинхронные процессы.

Список источников

1. Лунин И. А. Изменения в органическом строении производственного капитала в условиях неоиндустриального развития российской экономики // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2020. № 1-2. С. 60–64.

2. Голованов А. А. Органическое строение капитала: теория, анализ, практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 9-2. С. 132–141.

3. Долженко И. Б. Взаимодействие с потребителями и формирование позитивного имиджа как условие успеха маркетинговой деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 68. С. 99–102.

4. Румянцев А. А. Органическое строение капитала: влияние технологического развития // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 1. С. 91–110.

УДК 159.922.6

Жизненный выбор в ранней взрослости: теоретические основания психологического анализа

Закриев Дени Идрисович
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, denizakriev@yandex.ru

Ключевые слова: жизненный выбор, ранняя взрослость, принятие решений, жизненный путь.

В современной психологии проблема жизненного выбора приобретает особую значимость на фоне возрастающей вариативности жизненных траекторий и ослабления жестких нормативных сценариев взросления [7]. Образование, профессиональное самоопределение, построение близких отношений, выбор места жизни и способов самореализации все

© Закриев Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

чаще требуют самостоятельного соотнесения возможностей, ограничений и внутренних оснований жизни [8]. В этих условиях выбор становится одним из ключевых механизмов организации жизненного пути.

Теоретические основания психологического анализа жизненного выбора формируются на пересечении нескольких исследовательских традиций. Теории принятия решений описывают когнитивно-процессуальную сторону выбора: сопоставление альтернатив, оценку риска, влияние неопределенности, эвристик и когнитивных искажений [11]. Однако в жизненно значимых ситуациях человек решает не только задачу оптимального варианта. Он соотносит возможные действия с представлениями о значимом, допустимом и собственном, определяет, какую линию жизни готов признать своей и за что готов принять ответственность. Поэтому жизненный выбор не сводится к переработке информации, а включает мотивационные, волевые, ценностно-смысловые и субъектные компоненты [3; 5; 6].

На когнитивном уровне жизненный выбор связан с осмыслением ситуации, удержанием альтернатив и прогнозированием последствий. На мотивационном уровне он предполагает столкновение разнонаправленных стремлений, притязаний и жизненных тенденций. На волевом уровне выбор означает принятие решения, удержание выбранного направления, отказ от иных возможностей и способность выдерживать неопределенность последствий [4]. На ценностно-смысловом уровне он затрагивает основания жизненной ориентации личности: представление о должном, значимом и приемлемом способе существования [3].

Именно поэтому психологический анализ жизненного выбора не может опираться на одну теоретическую линию. Когнитивные модели раскрывают процессуальную сторону выбора, но не исчерпывают его личностного содержания. Мотивационно-волевые

подходы описывают борьбу мотивов, соотношение желаемого и возможного, роль саморегуляции в переходе от колебания к действию. Экзистенциально-гуманистическая традиция показывает, что в значимом выборе человек определяет не только действие, но и отношение к свободе, ответственности и смыслу жизни [10]. В отечественной психологии субъектно-деятельностный и личностно-смысловой подходы позволяют рассматривать выбор как форму активности личности, выстраивающей жизненную позицию и стратегию во взаимодействии с обстоятельствами [1; 6].

Особое значение такое понимание приобретает в контексте ранней взрослости. Несмотря на различия в определении ее возрастных границ, большинство психологических концепций рассматривают раннюю взрослость как этап вхождения в относительно устойчивую взрослую жизнь, когда человек впервые в полной мере сталкивается с необходимостью самостоятельно определять ее основания [2; 8]. В этот период ослабевает опора на зависимые формы существования и возрастает роль собственных решений. Ранняя взрослость связана не только с профессиональным самоопределением и построением близких отношений, но и с формированием жизненной позиции, принятием ответственности, уточнением ценностных ориентиров и выработкой образа будущего.

Значимость ранней взрослости для анализа жизненного выбора определяется также тем, что многие решения этого периода приобретают стратегический характер: выбор профессии, партнера, места жизни, способа самореализации, соотношения свободы и устойчивости, личных стремлений и социальных ожиданий. В этих решениях человек отвечает не только на вопрос о том, что делать, но и на вопрос о том, кем быть. Поэтому жизненный выбор в ранней взрослости связан с идентичностью, автономией, самоопределением и построением жизненной перспективы [9].

Таким образом, теоретические основания психологического анализа жизненного выбора в ранней взрослости задаются не одной отдельной теорией, а их сопряжением. Выбор здесь выступает не как локальный акт предпочтения, а как психологическая работа по выработке оснований собственной жизни в условиях неопределенности, множественности возможностей и личной ответственности. Его анализ требует учета когнитивной, мотивационно-волевой, ценностно-смысловой и субъектной логики. Практически такой подход важен для сопровождения молодых взрослых: он позволяет работать не только с трудностью принятия решения, но и с прояснением смысловых оснований выбора, соотнесением решения с жизненной стратегией и формированием субъектной позиции по отношению к будущему.

Список источников

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / Абульханова-Славская К.А. Москва: Мысль, 1991. 299 с.

2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 288 с.

3. Василюк Ф. Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под редакцией Леонтьева Д. А., Щур В. Г. Москва: Смысл, 1997. С. 284–314.

4. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. Москва: Издательство Московского университета, 1991. 142 с.

5. Корнилова Т. В. Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 113–124.

6. Психология выбора: монография / Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Рассказова Е. И., [и др.] Москва: Смысл, 2015. 304 с.

7. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 4. С. 7–24.

8. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55, № 5. P. 469–480.

9. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1968.

10. Frankl V. E. Man's Search for Meaning. Boston: Beacon Press, 1963. 242 p.

11. Tversky A. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases / A. Tversky, D. Kahneman // Science. 1974. Vol. 185, № 4157. P. 1124–1131.

УДК 159.9

Репродуктивные установки у женщин 25-35 лет: от исторического дискурса к современному анализу

Лигаёв Дмитрий Алексеевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dligaev@mail.ru

Ключевые слова: гендерные отношения, социальные сети, нарратив, репродуктивные установки, женщины, историография семьи.

Благодарности: автор благодарит Ростовцеву Марину Викторовну, доктора философских наук, доцента, профессора кафедры ПРиК ИППС СФУ.

© Лигаёв Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В последнее десятилетие наблюдается сдвиг возрастных границ вступления в брак и рождения детей у женщин 25-35 лет. Одновременно с этим социологические опросы фиксируют рост доли женщин, сознательно откладывающих рождение детей или ориентированных на модель добровольной бездетности [1]. Параллельно происходит экспансия социальных сетей как доминирующей среды коммуникации. Виртуальное пространство стало ареной для циркуляции множества нарративов, касающихся гендерного распределения ролей, ценности материнства и форматов партнерских отношений.

Первые систематические размышления о роли женщины в обществе и семье принадлежат Платону и Аристотелю, чьи идеи задали две полярные традиции в осмыслении гендера. В диалоге Платона «Государство» высказывается мысль о том, что различия между мужчиной и женщиной не являются существенными для выполнения социальных функций. Платон утверждает, что при равном воспитании и освобождении от обязанностей домохозяйства женщина способна быть философом и стражем наравне с мужчиной [5]. Иной подход демонстрирует Аристотель в трактате «Политика». Он впервые вводит концепт «ойкоса» (домохозяйства) как базовой ячейки государства и анализирует внутрисемейную иерархию [2]. Данная парадигма, закрепившая андроцентричный взгляд на брак как на союз ради деторождения и управления имуществом, доминировала в европейской мысли вплоть до эпохи Просвещения.

Перелом намечается лишь в XVIII веке. Шарль Луи де Монтескьё в сатирической форме «Персидских писем» демонстрирует репрессивность восточной патриархальной системы, ставя под сомнение универсальность угнетения женщины, хотя, и не выходя за рамки критики деспотизма как такового.

Первое научное изучение семейно-брачных отношений и их исторической изменчивости начинается во второй половине XIX

века. Одним из исследователей того времени швейцарский правовед И.Я. Бахофен, опубликовавший в 1861 году труд «Материнское право» [8]. Он выдвинул теорию о существовании в доисторическую эпоху стадии матриархата, предшествовавшей патриархату.

Фридрих Энгельс связывает возникновение угнетенного положения женщины с появлением частной собственности и классового общества. Его труд стал методологической базой для советской социологии семьи и заложил основы гендерных исследований. Таким образом, уже к концу XIX века был сформирован прочный научный фундамент, доказывающий, что репродуктивное поведение является не биологической константой, а социально-историческим конструктом, подверженным влиянию доминирующих в обществе идей.

В отличие от традиционных институтов социализации (семья, система образования, печатные СМИ), социальные медиа обладают рядом уникальных характеристик, превращающих их в мощный фактор влияния на ценностные ориентации взрослых людей:

1. Алгоритмическая персонализация контента. Для женщины, которая когда-либо проявляла интерес к теме осознанного материнства или, наоборот, к движению за отказ от детей, алгоритм начинает предлагать преимущественно релевантный контент, создавая иллюзию широкого распространения этой конкретной модели поведения [9].

2. Барьер для доступа в публичную сферу сведен к минимуму. Рассказы о гендерных отношениях и воспитании детей передаются не только экспертами (психологами, врачами), но и обычными людьми без специальной подготовки. Это снижает критическую оценку информации [3].

3. Визуальная природа коммуникации. Социальные сети опираются на яркие образы: «успешная деловая женщина, путешествующая без детей», «идеальная мать» или «выгоревшая

домохозяйка». Эти визуальные повествования оказывают более сильное эмоциональное воздействие, чем статистика рождаемости или государственные демографические программы.

Анализ публичного дискурса социальных сетей позволяет выделить несколько устойчивых нарративных групп, оказывающих разнонаправленное влияние на женщин 25–35 лет:

Нарратив 1: «Кризис традиционного брака и издержки материнства». Данный тип контента акцентирует внимание на неоплачиваемом домашнем труде, эмоциональном выгорании матерей, юридической незащищенности женщин в декрете и высоком уровне разводов [4].

Нарратив 2: «Осознанное родительство». Данный нарратив фокусируется на ребенке как на проекте личностного роста. Хотя этот нарратив формирует более здоровое отношение к родительству, он также повышает планку требований к стартовым условиям (жилье, доход, психологическая зрелость партнера), что объективно ведет к отказу от брака и беременности [7].

Нарратив 3: «Свобода выбора и нормализация бездетности». Если ранее бездетность женщины в возрасте 30+ воспринималась обществом как физиологическая проблема, то сейчас в сети существует мощное сообщество, транслирующее установку: «Бездетность — это осознанный выбор в пользу карьеры и самореализации».

Таким образом, современные нарративы социальных сетей выступают в роли мощного регулятора демографического поведения, корректируя и часто замедляя традиционные траектории вступления в брак и рождения детей у женщин позднего репродуктивного возраста.

Список источников

1. Репродуктивные установки россиян: аналитический отчет ВЦИОМ // Пресс-выпуск № 4321. 2023.

2. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. С. 376–644.

3. Гарипова Р. Р. Репродуктивные установки и семейные ценности современной студенческой молодежи (на материалах авторского социологического исследования) / Р. Р. Гарипова, В. О. Кузнецов // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2 (65). С. 31–37.

4. Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и половых ролей // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 65–80.

5. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1994. 830 с.

6. Исследование связи между личными установками, уровнем самоактуализации и удовлетворенностью браком в семейных парах / Ростовцева М. В., Артюхова Т. Ю., Суворова Н. В. [и др.] // Психолог. 2022. № 3. С. 47–59.

7. Солодников В. В. «Зрелый» возраст в современном российском обществе: социально-психологический анализ / В. В. Солодников, И. В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 199–220.

8. Bachofen J. J. Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861. 440 S.

9. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 304 p.

УДК 159.9:37.018.43

Трансформация профессиональных компетенций студентов-психологов в цифровой образовательной среде

Морозов Артём Константинович
Институт педагогики психологии и социологии, Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, artyom_arty_morozov@mail.ru

Ключевые слова: адаптивное обучение, цифровая образовательная среда, зона ближайшего развития, синтетические компетенции психолога, learning analytics, метапознание, цифровая трансформация высшего образования, психологическое сопровождение, автономия студента.

Благодарности: автор благодарит Ростовцеву Марину Викторовну, доктора философских наук, доцента, профессора кафедры ПрИК ИППС СФУ.

В условиях цифровой трансформации высшего образования происходит объективная трансформация профессиональных компетенций студентов-психологов. Традиционные компетенции уступают место цифровым психологическим компетенциям, отвечающим требованиям ФГОС и современным вызовам медиативной, цифровой образовательной среды [1].

Согласно компетентностному подходу и анализу современных моделей компетентности (COPPR Scales, APA, российские подходы), нами был осуществлен синтез десяти базовых традиционных профессиональных компетенций психологов-бакалавров, обучающихся по направлению 37.03.01 – «Психология» в Сибирском

© Морозов А. К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

федеральном университете и некоторых цифровых компетенций, которыми должен обладать современный психолог, занимающийся онлайн консультированием в цифровой среде [2]. В связи с чем, нами были получены семь синтетических компетенций, которые отражают не простое добавление технологических навыков к компетенциям современных психологов, а качественное изменение профессиональной деятельности психолога-консультанта в информационно-насыщенной цифровой среде [2].

Данные компетенции включают:

— адаптивно-сопровождающую компетенцию, которая интегрирует традиционное психолого-педагогическое сопровождение с цифровой диагностикой адаптивности. Она позволяет психологу в реальном времени отслеживать уровень цифровой дезадаптации, корректировать сложность заданий и поддерживать саморегуляцию студента, реализуя на практике зону ближайшего развития Л. С. Выготского [3];

— компетенцию обеспечения психологической безопасности цифрового взаимодействия, которая объединяет мониторинг психологической безопасности и анализ рисков цифровой среды. Психолог выявляет латентные формы онлайн-агрессии, оценивает цифровую напряжённость и разрабатывает профилактические меры, учитывая анонимность и высокую скорость распространения негативного воздействия [4];

— компетенция медиированного консультативного взаимодействия - синтезирует традиционное консультирование и дистанционную кризисную помощь. Она предполагает умение формировать устойчивый терапевтический альянс онлайн, компенсировать дефицит невербальной коммуникации и владеть техниками цифровой эмпатии [1];

— диагностико-интерпретационная цифровая компетенция позволяет проводить психодиагностику с учётом влияния

медиированной среды, цифрового контекста и факторов цифрового неравенства, минимизируя искажение результатов [2];

— компетенция цифровой коррекционно-развивающей фасилитации обеспечивает адаптацию развивающих программ к условиям онлайн-взаимодействия, поддерживая устойчивость внимания и мотивацию в условиях повышенной отвлекаемости [3];

— компетенция психологической экспертизы цифровой образовательной среды включает оценку когнитивной нагрузки интерфейсов, психологического комфорта платформ и информационной насыщенности [4];

— компетенция цифрового психологического просвещения и социальной инклюзии направлена на преодоление цифрового неравенства, формирование профессионального контента и поддержку социально уязвимых групп в публичном цифровом пространстве [1].

Данные компетенции, по нашему мнению, должны учитываться администрацией вузов, руководителями образовательных программ при их разработке, поскольку они учитывают современные вызовы 2024–2026 годов, которые связаны с ростом цифровой усталости и когнитивной перегрузки студентов при работе в формате персонализированных траекторий [5]. Учет данных компетенций в учебных планах образовательных программ по направлению «Психология» может выступать проактивным психологическим сопровождением, позволяющим будущим консультантам эффективно работать в цифровой среде [6]. Перспективой развития данного направления выступает интеграция цифровых инструментов в адаптивные платформы для целенаправленного «цифрового развития» современных студентов психологов-консультантов [5].

Трансформация профессиональных компетенций психолога является необходимым условием устойчивого адаптивного обучения в цифровой образовательной среде. Необходимо, чтобы

студент стал соавтором цифровой среды, используя технологические возможности, но сохраняя при этом автономию, ответственность и собственное психологическое благополучие и здоровье.

Список источников

1. A competency framework and measure for psychologists: the psychometric assessment of the Competencies of Professional Psychology Rating (COPPR) Scales / K. Rice, S. E. Banner, N. Schutte, A. J. Rock//Aust J Psychol. 2025. Vol. 77, № 1. P. 2457528. DOI 10.1080/00049530.2025.2457528.

2. Шаламова О. О. Модель базовых общепрофессиональных компетенций психолога // Наука о человеке. 2025. № 19 (1). С. 45–62.

3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. Москва: Педагогика, 1991. 480 с.

4. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. Москва: Прогресс, 1986. 432 с.

5. Материалы Международного психологического форума «Психолого-педагогические условия цифровой трансформации образования». Москва: MGIMO, 2026.

6. Self-reflection on competence: metacognitive process and barriers of self-assessment in psychologists / S. E. Banne, A. J. Rock, S. M. Cosh [et al.] // Advances in Health Sciences Education. 2025. DOI 10.1007/s10459-025-10434-7.

УДК 159.9

Цифровая идентичность как интегративный психологический конструкт: OSINT-модель профилирования

Рыбина Светлана Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, srybina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровая идентичность, цифровые следы, OSINT, психологическое профилирование, интегративный коэффициент, RuBERT, XLM-RoBERTa, SHAP values, цифровой фенотип.

Цифровая идентичность студентов высших учебных заведений является значимым объектом психологических исследований в условиях цифровой трансформации образования [1; 3; 4]. Вместе с тем методы ее количественной оценки на основе анализа цифровых следов, особенно в русскоязычном сегменте интернета, остаются недостаточно разработанными.

Цель исследования — разработка и эмпирическая апробация OSINT-модели психологического профилирования пользователей цифровых платформ на основе анализа текстов отзывов Google Maps с вычислением интегративного коэффициента (ИК) — количественного индекса согласованности компонентов цифровой идентичности, а также оценка его применимости для мониторинга психологического благополучия обучающихся.

Исследование основано на интегративной модели цифровой идентичности, включающей когнитивный, регулятивный,

© Рыбина С. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эмоциональный и мотивационный компоненты [1; 4]. В качестве весов компонентов цифровой идентичности использованы значения, полученные по результатам SHAP-анализа обучающей выборки пользователей социальной сети ВКонтакте (N = 1319): 0.3921, 0.2440, 0.2053 и 0.1586. Их применение обусловлено необходимостью обеспечения интерпретируемости модели и не предполагает распространения полученных коэффициентов на иные выборки без дополнительной проверки [2; 7; 9; 11].

Исследование выполнено на материале 1372 отзывов, принадлежащих 131 пользователю Google Maps. Единицей анализа являлся пользователь, а не отдельный текст. Для извлечения признаков использовались модели RuBERT и XLM-RoBERTa в сочетании с методами психолингвистического анализа [6; 7; 8]. Объединение десяти показателей осуществлялось посредством авторской модели Universal Identity Model, реализованной в Keras; интегративный коэффициент также определялся как взвешенная сумма нормализованных компонент. Поскольку ИК является производной величиной, корреляции с его компонентами отражают внутреннюю согласованность модели, а не самостоятельные эмпирические зависимости [2; 7; 9; 11].

Среднее значение ИК составило 47,1 (SD = 10,3). Преобладающим оказался дифференцированный уровень цифровой идентичности (36,6%), далее следовали формирующийся (29,0%), интегрированный (18,3%), дезинтегрированный (12,2%) и интегративный (3,8%) уровни.

Для сопоставления результатов была сформирована подвыборка пользователей ВКонтакте численностью 131 человек, эквивалентная выборке Google Maps. Сравнение показало сохранение общей структуры взаимосвязей между компонентами и интегративным коэффициентом, тогда как различия, вероятно, обусловлены особенностями отзывов Google Maps как кратких

оценочных текстов, ограничивающих возможности самопрезентации пользователей [1–4].

Научная новизна исследования заключается в разработке интегративного коэффициента как количественного показателя согласованности компонентов цифровой идентичности и апробации OSINT-модели психологического профилирования на русскоязычных данных с применением трансформерных архитектур [2; 5; 6; 7; 8; 11].

Полученные результаты подтверждают возможность операционализации цифровой идентичности посредством анализа цифровых следов, что согласуется с современными представлениями о цифровой идентичности, цифровой социальности и прогнозировании психологических характеристик по цифровым данным [1–4].

Предложенный интегративный коэффициент следует рассматривать как модельный показатель, требующий дальнейшей внешней валидации.

Разработанный инструментарий может использоваться в исследованиях цифровой образовательной среды для оценки эффективности психолого-педагогических воздействий и мониторинга психологического благополучия обучающихся [1; 3; 4] при обязательном соблюдении принципов исследовательской этики, конфиденциальности и ответственной интерпретации результатов автоматизированного анализа [2].

Дальнейшая работа предполагает расширение выборки Google Maps до более чем 1000 пользователей для повышения статистической надежности модели и уточнения нормативных значений интегративного коэффициента.

Список источников

1. Асмолов А. Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире / А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов //

Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2010. № 1. С. 3–21.

2. Косински М. Индивидуальные черты и особенности можно предсказать на основе цифровых данных о поведении человека / М. Косински, Д. Стиллвелл, Т. Грепель // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. Т. 110, № 15. С. 5802–5805.

3. Неврюев А. Н. Онлайн-идентичность как психологический феномен: современные подходы и эмпирические исследования / А. Н. Неврюев, Н. В. Самородов, О. В. Смирникова // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14, № 2. С. 85–94.

4. Солдатова Г. У. Личностные характеристики и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: некоторые особенности цифровой социальности / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 24–37.

5. Bahdanau D. Neural machine translation by jointly learning to align and translate / D. Bahdanau, K. Cho, Y. Bengio // arXiv. 2014.

6. DeepPavlov: Open-source library for dialogue systems / M. Burtsev, V. Logacheva, V. Malykh [et al.] // Proceedings of ACL 2018: System Demonstrations. 2018. P. 122–127.

7. BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding / J. Devlin, M.-W. Chang, K. Lee, K. Toutanova // arXiv. 2018.

8. Kuratov Y. Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language / Y. Kuratov, M. Arkhipov // Proceedings of the International Conference «Dialog». 2019. P. 333–339.

9. Lundberg S. M. A Unified Approach to Interpreting Model Predictions / S. M. Lundberg, S.-I. Lee. // Advances in Neural Information Processing Systems. 2017. Vol. 30.

10. RuSentiment: An enriched sentiment analysis dataset for social media in Russian / A. Rogers, A. Romanov, A. Rumshisky [et al.] //

Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics. 2018. P. 755–763.

11. Attention is all you need / A. Vaswani, N. Shazeer, N. Parmar [et al.] // Advances in Neural Information Processing Systems. 2017. P. 5998–6008.

УДК 159

Цифровые привычки замбийских детей глазами родителей

Эсанджу Сеюба
Министерство образования Республики Замбия, аспирант Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, seyubaesanju@gmail.com

Ключевые слова: дети, цифровые медиа, экранное время, эмоциональное развитие, социальное развитие, воспитание.

Благодарности: автор благодарит Волкову Олесю Владимировну, доктора психологических наук, доцента Сибирского федерального университета.

Цифровые медиа стали неотъемлемой частью детства в 21 веке. К этому привели глобализация и огромный технологический прогресс. Пандемия COVID-19 также оказала влияние на увеличение времени, проведённого за экранными устройствами в группах детей и родителей, поскольку страны оказались на карантине: родители и дети сообщали, что тратили до 6 часов личного времени в день за экранами [1]. Согласно последним данным, дети в возрасте до 8 лет проводят в экранах в среднем 2–4

© Сеюба Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

часа в день [6]. Более частое использование девайсов детьми может подорвать развитие ребенка, отнимая время для основополагающего взаимодействия родителей и детей. Экранные медиа, относящиеся к контенту, доступному с помощью электронных устройств, таких как телевизоры, компьютеры, телефоны и планшеты [6]. Влияние чрезмерного экранного времени на здоровье и развитие детей дошкольного возраста ранее было представлено в исследованиях, показывающих, что время, проведенное детьми за монитором, может подорвать развитие их мозга, сон и состояние физического здоровья [4].

Методы: в качестве участников перекрестного исследования выступили родители детей в возрасте 5-10 лет (N=151; 73 мужчины, 78 женщин, Лусака, Замбия). Формирование выборки осуществлялось через распространение анкеты в школьных сетях, сообществах, платформах социальных сетей. Содержание опроса было направлено на выявление данных по следующим показателям: ежедневное время просмотра, основные цели просмотра, правила семейного просмотра, эмоциональная реакция (рейтинг 1-5), модели социальных игр и реакции на инструкции взрослых. Для анализа полученных данных были применены статистический и корреляционный анализы.

Результаты: Ответы родителей о количестве времени, проводимом детьми за экранного, показали следующее: 47 родителей отметили, что их дети проводят за экраном 2-3 часа, а 34 - сообщили, что их дети проводят за экраном более 3 часов и более. 54% детей используют экранное время более 2 часов в день. Дети в возрасте 5-10 лет проводят перед экранами в среднем 2,17 часа в будний день вне школы. Были найдены значимые связи между большим временем у экранов и более низкими социальными и эмоциональными навыками. Использование экрана значительно повлияло на результаты в отношении эмоций: пользователи, ориентированные только на развлечения, показали самые низкие

социальные и эмоциональные навыки. Выявлена сильная отрицательная корреляция между часами просмотра и физической активностью, в том числе, игровой.

Обсуждение

Период между 5 и 10 годами представляет собой критический этап для развития. Нарушение этого периода из-за экранов имеет последствия для академической успеваемости, отношений со сверстниками и взрослой жизни в целом. Такие исследователи, как Гриффитс и др. [3], отмечают, что дети, которые занимались организованной физической активностью более двух часов в неделю, были менее склонны к нарушениям психического здоровья [3]. Улс и др. [8] утверждают, что частое использование цифрового экранного времени ухудшает социальные навыки, исследование, проведенное в 2014 году, предполагает, что навыки распознавания человеческих эмоций могут быть снижены, когда непосредственное взаимодействие детей вытесняется технологиями.

Джентиле и др. (2014) [2] выдвигают предположение о том, что семейные правила в отношении использования экранного времени могут выполнять функцию критической модерации в условиях взаимодействия с цифровыми устройствами. Исследования показывают, что дети с четкими, постоянно соблюдаемыми правилами поведения за экраном демонстрируют лучшую саморегуляцию и более сбалансированные схемы использования экрана.

Результаты исследования согласуются с уже имеющимися исследованиями, например, Мадиган [5] обнаружил, что у детей, проводившим чрезмерное количество времени за монитором, в возрасте 5 лет было больше проблем с экстернализацией в возрасте 10 лет по сравнению со сверстниками. Аналогичным образом, в исследованиях Тамана [7] указано, что время, проведенное за экраном, было связано с поведенческими проблемами у детей дошкольного возраста.

Заключение: это исследование показывает, что чрезмерное время, проводимое перед экраном (более 2 часов в день) среди замбийских детей в возрасте 5-10 лет, связано с ухудшением социальных и эмоциональных навыков, сокращением социальных игр и более слабой реакцией на инструкции взрослых, особенно когда девайсы используются для развлечения, а не обучения. Семьям нужны четкие, последовательные и строго соблюдаемые правила. Родители должны ограничить ежедневное экранное время до 2 часов (а в идеале — 0–1,5 часа) для этого возраста и отдавать предпочтение образовательному и интерактивному контенту, а не пассивным развлечениям, таким как игры и видео.

Список источников

1. An examination of bedtime media and excessive screen time by Canadian preschoolers during the COVID-19 pandemic / Fitzpatrick C., Almeida M., Harvey E. [et al.] // BMC Pediatrics. 2022. Vol. 22. P. 212.

2. Do parent media habits contribute to child global development? / Fitzpatrick C., Johnson A., Laurent A. [et al.] // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 14. P. 1279893.

3. Protective effects of parental monitoring of children's media use: A prospective study / Gentile D. A., Reimer R. A., Nathanson A. I. [et al.] // JAMA Pediatrics. 2014. Vol. 168, № 5. P. 479–484.

4. Associations between sport and screen-entertainment with mental health problems in 5-year-old children / Griffiths L. J., Dowda M., Dezateux C. [et al.] // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2010. Vol. 7. P. 30.

5. Sleep duration in preschool children and impact of screen time / Lan Q., Chan K., Kwan N. [et al.] // Sleep Medicine. 2020. Vol. 76. P. 48–54.

6. Association between screen time and children's performance on a developmental screening test / Madigan S., Browne D., Racine N. [et al.] // JAMA Pediatrics. 2019. Vol. 173, № 3. P. 244–250.

7. Generation M²: Media in the Lives of 8- to 18-Year-Olds / Rideout V., Foehr U., Roberts D., Henry J. Kaiser Family Foundation, 2010.

8. Rideout V., Robb M. B. The Common Sense census: Media use by kids age zero to eight / Rideout V., Robb M.B. Common Sense Media, 2020.

9. Screen-time is associated with inattention problems in preschoolers: Results from the CHILD birth cohort study / Tamana S. K., Ezeugwu V., Chikuma J. [et al.] // PLoS One. 2019. Vol. 14, № 4. P. e0213995.

10. Five days at outdoor education camp without screens improves preteen skills with nonverbal emotion cues / Uhls Y. T., Michikyan M., Morris J. [et al.] // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 39. P. 387–392.

УДК 159.9

Основные компоненты личностного потенциала и их взаимосвязь

Соколов Тимофей Алексеевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, timkin01@yandex.ru

Ключевые слова: личностный потенциал, компоненты, жизнестойкость, мотивация, самодетерминация.

© Соколов Т. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Рассматривая личностный потенциал как ориентир для того, чтобы выявлять и развивать внутренние ресурсы человека в условиях глобальных изменений и изучая его, как системную характеристику, определяющую способность человека эффективно саморегулироваться, преодолевать трудности и развиваться, можно выделить и более подробно рассмотреть его основные компоненты.

Первый компонент жизнестойкость (hardiness), интегративное свойство личности, позволяющее эффективно справляться со стрессом, сохраняя внутреннюю сбалансированность и здоровье. Автором концепции жизнестойкости является С.Мадди он описывал жизнестойкость, как некую экзистенциальную отвагу, позволяющую личности в меньшей степени зависеть от ситуативных переживаний, преодолевать постоянную базовую тревогу, актуализирующуюся в ситуации неопределённости и необходимости выбора. При этом Мадди был абсолютно уверен, что жизнестойкость можно развивать, что помогает улучшить психологическую устойчивость [1].

Следующий важный компонент личностного потенциала – это самодетерминация или автономия, то есть умение принимать самостоятельные решения, основанные на внутренних ценностях, а не на внешнем давлении [2].

Самодетерминация (автономия) представляет собой базовую психологическую потребность, описываемую в теории Райана и Деси. Она, согласно их теории, означает стремление человека быть инициатором собственного поведения, принимать решения на основе личных ценностей и интересов, а не под давлением извне [5].

Райан и Деси фиксируют, что удовлетворение потребности в автономии (самодетерминации) критически важно для психологического здоровья, личностного роста и высокого уровня мотивации. Они определяют ее в качестве основной врожденной склонности, которая ведет организм к вовлеченности в

интересующее поведение, которое обычно имеет преимущества для развития умений осуществлять гибкое взаимодействие с социальной средой [5].

Мотивация как компонент личностного потенциала, представляет собой внутренний импульс к саморазвитию, росту и достижению целей, определяющий поведение и продуктивность. Она базируется на потребности в самосовершенствовании и раскрытии потенциала, заставляя человека преодолевать препятствия [6].

Анализирую компоненты личностного потенциала необходимо не забывать про их взаимосвязь, так как личностный потенциал работает как единая система.

Так, жизнестойкость позволяет не сдаваться, самодетерминация обеспечивает выбор верного пути, а мотивация дает энергию для действий. При высоком уровне потенциала эти компоненты работают в связке, усиливая друг друга, а при низком уровне функционируют разрозненно, снижая общую эффективность личности [3].

Можно сделать вывод, что взаимосвязь компонентов личностного потенциала представляет собой системное единство, которое совместно обеспечивает эффективность деятельности и адаптацию, что приводит к тому, что нельзя рассматривать личностный потенциал просто, как сумму качеств личности, он выступает как система, где осознанная саморегуляция выступает связующим звеном, позволяющим гибко корректно действовать в меняющихся условиях [4].

При этом компоненты вязаны между собой не статично, а через ситуативное взаимодействие, так при возникновении препятствий активизируются волевые компоненты, а при необходимости освоения нового творческие и познавательные.

Список источников

1. Боязитова И. В. Психологические механизмы развития жизнестойкости в студенческом возрасте / И. В. Боязитова, М. М. Эркенова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. С. 50–57.

2. Колантаевская А. С. Стилевые особенности самодетерминации в ситуации жизненных изменений / А. С. Колантаевская, Н. В. Гришина, Т. Ю. Базаров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. С. 51–62.

3. Досуговая активность, личностный потенциал и психологическое благополучие / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин, А. Ю. Рыкун [и др.] // Мониторинг общественного мнения. 2024. С. 19–45.

4. Мещерякова Е. М. Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления // Социальная психология и общество. 2024. С. 75–93.

5. Одинцова М. М. Обыденные представления о самодетерминации личности: структура и феноменология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. С. 362–374.

6. Савва Л. И. Сущность, содержание и структура личностного потенциала студентов университета / Л. И. Савва, Д. А. Хабибулин, Егоров В. В. // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. С. 23–35.

УДК 373.21:159.922.75

Изучение влияния использования цифровых устройств на развитие воображения детей дошкольного возраста

Филиппова Алёна Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, filippovaqwertyuiop@yandex.ru

Ключевые слова: воображение, дошкольный возраст, цифровые устройства, сюжетно-ролевая игра, искусственный интеллект, взрослый-посредник.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Марине Анатольевне Аникиной, кандидату психологических наук, доценту кафедры психологии развития и консультирования Сибирского федерального университета.

Актуальность исследования определяется противоречием: цифровые устройства открывают доступ к богатому контенту, но традиционная игра требует самостоятельного создания воображаемой ситуации (палочка — градусник, кубик — машина). В цифровой среде образ уже создан за ребенка, что ставит вопрос о риске регрессии развития воображения.

Цель нашей работы – теоретически осмыслить воздействие цифровых устройств на развитие воображения у дошкольников и выявить роль взрослого как связующего звена в этом процессе.

Вместе с тем, в классической психологии развитие воображения связывается с сюжетно-ролевой игрой как ведущей деятельностью. Л.С. Выготский называл воображение центральным

© Филиппова А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

новообразованием дошкольного возраста и фундаментом для будущего творческого мышления [1]. О.М. Дьяченко, развивая данную идею, выделила два способа построения образа: «опредмечивание» (видение предмета в неопределенной фигуре) и «включение» (встраивание фигуры в развернутый сюжет) [2].

Методологическим основанием для анализа заявленной проблемы выступает культурно-исторический подход, адаптированный к условиям цифровой социализации. Опираясь на концепцию Л.С. Выготского, цифровые технологии правомерно рассматривать не просто как новое средство коммуникации, но как новое средство опосредования, появление которого привело к кардинальным изменениям в основополагающих видах деятельности человека, включая игру, общение и обучение [3].

Вместе с тем, было бы методологически неверно рассматривать цифровые устройства исключительно как «фактор риска». Дифференцированный подход требует различать форматы активности: пассивное потребление видео и использование творческих приложений (рисовалок, конструкторов) влияют на психику по-разному. Во втором случае гаджет становится не заместителем, а инструментом расширения выразительных возможностей.

Ключевая роль здесь принадлежит взрослому как посреднику. Исследования подчеркивают, что в цифровой среде ребенка необходимо направлять и поддерживать, сохраняя живой контакт [3]. Особую актуальность это приобретает с распространением систем искусственного интеллекта, способных генерировать изображения по текстовому запросу. Использование ИИ несет риск «перескока» через этап самостоятельного преобразования образа: получая готовый результат без усилий, и тогда способности к «опредмечиванию» и «включению» могут оказаться невостребованными. Поэтому задача взрослого — не демонстрировать впечатляющий результат нейросети, а

использовать его как внешнюю опору для собственной деятельности ребенка, как толчок к творчеству, помогающий преодолеть страх «чистого листа» [4].

Следовательно, трансформируется позиция взрослого: он перестаёт быть техническим оператором, обретая функции смыслового фильтра и интерпретатора контента. Его миссия — не в демонстрации готового продукта самой нейросети, а в применении ИИ-элементов в качестве внешней опоры для детской деятельности. При таком подходе искусственный интеллект не вытесняет воображение, но служит творческим стимулом, помогая ребёнку преодолеть страх перед «чистым листом» и технические затруднения.

Данный подход в полной мере согласуется с идеей Л.С. Выготского об аффективной, эмоциональной природе воображения. Материалом для фантазии служат эмоционально прожитые впечатления, чувственный опыт взаимодействия с реальным миром. Искусственный интеллект, при всех его возможностях, не способен передать «запах лета», тактильное ощущение теплого песка или прохлады утренней росы, если этого опыта изначально не было у самого ребенка. Следовательно, роль взрослого не исчерпывается технологическим посредничеством. Она включает в себя фундаментальную задачу обогащения чувственного опыта: необходимо акцентировать внимание ребенка на окружающих вещах, запахах, звуках, помогая ему не просто видеть, но и проживать, эмоционально окрашивать воспринимаемое. Именно этот накопленный и осмысленный совместно со взрослым опыт станет впоследствии тем строительным материалом, на который сможет опереться воображение при взаимодействии с любыми инструментами — будь то карандаш, кубик конструктора или нейросеть.

Продуктом воображения в данном контексте может выступать не только статичное изображение. Это может быть движение,

танец, придуманная история, постройка из подручных материалов или даже выразительный жест. По О.М. Дьяченко, суть развития заключается в переходе к способу «включения», когда отдельный образ становится частью целостной, развернутой ситуации. Важен не точный результат, а процесс творческого усилия и эмоциональное отношение ребенка. ИИ в этой парадигме выступает катализатором перехода от замысла к воплощению при условии сохранения субъектной активности ребенка и навигации взрослого.

Итак, влияние цифровых устройств на воображение дошкольника не сводится к однозначно негативному. Ключевым оказывается не экранное время само по себе, а то, вытесняет ли гаджет живую игру и чувственный опыт или дополняет их. Решающую роль здесь играет взрослый: именно он, выступая посредником и «фильтром», способен направить цифровую активность ребенка в продуктивное русло. При грамотном сопровождении устройство становится не конкурентом воображению, а дополнительным инструментом его развития.

Список источников

1. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. Санкт-Петербург: Союз, 1997. 96 с.

2. Смирнова Е. О. Психологизация дошкольного образования в работах О. М. Дьяченко (к 70-летию со дня рождения) / Е. О. Смирнова, Е. Е. Клопотова // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2.

3. Риски в цифровой среде: диагностика, профилактика, коррекция: учебно-методическое пособие / О. В. Рубцова, Е. О. Шпагина, А. А. Шведовская [и др.] М.: МГППУ, 2024. 152 с.

4. Дьяченко О. М. Об основных направлениях развития воображения дошкольника // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 52–59. URL: https://www.voppsy.ru/issues/1988/886/886052.htm.

УДК 37.048.45*331.548

Психологические аспекты профориентационной работы с обучающимися инженерно-технического направления

Шестакова Наталья Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: профессиональная ориентация, инженерно-технические направления, выбор профессии, личностные особенности, индивидуальная траектория развития.

Благодарности: автор выражает благодарность И. А. Ковалевич, кандидату технических наук, доценту.

Вопросы профессиональной ориентации приобретают особую значимость в условиях стремительного технологического прогресса и глобализации мировой экономики. От правильного выбора профессии зависит не только карьера отдельного человека, но и общее состояние национальной экономики и конкурентоспособность страны на международной арене. Именно поэтому особое внимание уделяется процессу профессиональной ориентации студентов инженерных специальностей, которым предстоит заниматься разработкой новых инновационных технологий и комплексным решением сложных производственных задач.

Сегодня многие молодые специалисты сталкиваются с трудностями при выборе подходящего напрвления деятельности, поскольку недостаточно осведомлены о перспективах и возможностях разных профессий, а также часто испытывают

© Шестакова Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

давление со стороны семьи и окружения, стремящихся направить их по определенному пути. Такие обстоятельства приводят к тому, что значительная доля выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений сталкивается с необходимостью изменения выбранного направления деятельности спустя годы после окончания учебного заведения.

Цель настоящей статьи состоит в изучении основных психологических механизмов, определяющих поведение студентов инженерно-технического профиля при принятии решений относительно своего профессионального будущего, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию существующей системы профессиональной ориентации.

Проблема профессиональной ориентации начала активно изучаться педагогами-психологами ещё в первой половине XX века. Основоположником данного направления признан американский исследователь Эдвард Стронг-младший, разработавший концепцию факторного анализа профессий и создавший комплекс тестов для диагностики профессиональных предпочтений. Значительный вклад в теорию и практику профессиональной ориентации внесли отечественные ученые. В частности Е.А. Климов, разработал классификацию типов профессий («человек-природа», «человек-человек», «человек-знак», «человек-художественный образ»), Л.М. Митина, исследовала закономерности профессиональных интересов подростков и юношей.

Современные исследователи выделяют три основных этапа профессионального самоопределения: 1. Ориентировочный этап (детство и ранняя юность, 7-14 лет); 2. Этап активного поиска и экспериментирования (подростковый возраст. 14-18 лет); 3. Период устойчивого профессионального выбора (ранний зрелый возраст, 18-25 лет). Каждому из этих этапов профессионального самоопределения соответствуют свои стратегии воздействия и методы работы с молодежью. Если на первом этапе основной упор делается на формировании общих представлений о мире профессий, то на втором этапе акцент смещается на диагностику индивидуальных интересов и склонностей, а на третьем этапе

основной задачей становится подготовка к непосредственной трудовой деятельности через приобретение конкретных профессиональных навыков.

Важнейшим направлением психологической работы с обучающимися, выбирающими инженерно-технические специальности, является выявление их личностных особенностей и профессиональных интересов. Для решения задачи применяются следующие методы: 1. Диагностические инструменты (анкеты, тестирования, опросы); 2. Консультативное сопровождение (психологические консультации, групповые тренинги); 3. Информационно-разъяснительная деятельность (лекции, тематические семинары, мастер-классы); 4. Организация практических занятий и стажировок. При проведении диагностического обследования рекомендуется использовать специализированные инструменты, прошедшие многолетнюю апробацию и обладающие высокой валидностью и надежностью. К числу таких инструментов относится методика Холланда, позволяющая выявлять направленность личности на определенную типологию профессии.

Еще один довольно значимый аспект профориентационной работы — целенаправленное развитие необходимых профессиональных качеств и навыков обучающихся. Для будущих инженеров особую ценность имеют способности к решению творческих задач, проектированию и математическому моделированию технологических процессов, техническому и системному мышлению, принятию рациональных решений в условиях неполноты имеющейся информации. В современное время наблюдаются значительные трансформации в сфере профессиональной ориентации, обусловленные ускоренным развитием научно-технического прогресса и внедрением цифровых технологий во всех сферах жизни человека. Растет спрос именно на специалистов, способных максимально быстро осваивать новые инновационные технологии и успешно адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка труда. Развитие информационных технологий создает существенные возможности

для дистанционного формата профориентационной работы, основанной на использовании онлайн-ресурсов и цифровых интерактивных платформ. Возникает возможность создавать виртуальные лаборатории и специализированные симуляторы, моделирующие реальные технологические процессы, что позволяет существенно повысить эффективность профессиональной подготовки и адаптации на рабочем месте будущих специалистов. Вместе максимально важным направлением профориентационной работы остаются очные консультации и тренинговые мероприятий, направленные на развитие личных индивидуальных качеств и повышение социальной компетентности будущих профессионалов. Молодым инженерам необходимо иметь развитое чувство ответственности, способность к командной работе и умение выстраивать конструктивный диалог с коллегами и руководителем.

Проведенное исследование подтверждает особую важность индивидуального подхода к профориентационной работе с обучающимися инженерно-технических направлений. К числу ключевых факторов успешного профессионального самоопределения можем отнести: 1. Учет индивидуально-психологических особенностей и профессиональных склонностей обучающихся; 2. Развитие навыков принятия разумных решений и быстрой адаптации к изменениям внешней среды; 3. Повышение уровня информированности обучающихся об актуальных современных профессиях и перспективных тенденциях рынка труда. В качестве практических рекомендаций можно предложить следующие меры: 1. Организация регулярных занятий по профессиональной ориентации с применением специализированных инструментов; 2. Проведение профильных мероприятий, таких как дни открытых дверей организаций, предприятий, встречи с работодателями, ярмарки вакансий, дни карьеры; 3. Внедрение инновационных технологий в систему профориентационной работы, включая компьютерные тренажёры и виртуальные симуляторы. Таким образом, комплексный подход к профессиональной ориентации будущих инженеров обеспечит снижение рисков принятия ошибочного решения в выборе будущей

профессии и будет способствовать формированию высококомпетентных специалистов, готовых отвечать современным вызовам и потребностям инженерной отрасли России.

Список источников

1. Клименко Г. Н. Психолого-педагогические аспекты профессиональной ориентации молодёжи // Педагогика и психология профессионального образования. 2015. № 2. С. 34–40.

2. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. Москва: Академия, 2008. 336 с.

3. Савченко Т. П. Профессиональная ориентация старшеклассников: учебно-методическое пособие. Хабаровск: ХГПИ, 2011. 112 с.

4. Фонарев А. Р. Основы психологии и педагогики профессионального образования. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 448 с.

5. Якиманская И. С. Технология проектирования учебного процесса в высшей школе // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 56–61.

Межкультурные коммуникации в таможенном деле и сфере услуг / Cross-Cultural Communication in Customs and Sphere

УДК 343.148.65

Оценка роли таможенной экспертизы для принятия решения о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС на примере товарной позиции 3302

Автушко Полина Андреевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, г. Красноярск, Россия

Ключевые слова: таможенная экспертиза, классификация, пищевые ароматизаторы, многокомпонентные товары, экспертное исследование, идентификация товара.

В современных условиях развития внешнеэкономической деятельности правильная классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС приобретает ключевое значение [1]. От корректности классификационного решения зависят размеры таможенных платежей, применение мер нетарифного регулирования и достоверность статистики внешней торговли. Ошибки в классификации могут привести к финансовым потерям и юридической ответственности [2].

Наибольшие трудности вызывает классификация многокомпонентных товаров, включающих вещества с различными функциями. К таким товарам относятся пищевые ароматизаторы, представляющие собой смеси душистых веществ с носителями и вспомогательными компонентами. В подобных случаях возникает необходимость проведения таможенной экспертизы для установления фактических характеристик товара.

© Автушко П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Согласно ТН ВЭД ЕАЭС, товарная позиция 3302 включает смеси душистых веществ, используемые в промышленности. Основным критерием отнесения товара к данной позиции является доминирующая роль ароматических компонентов. При этом наличие носителей допускается, если они не определяют назначение товара [3].

Проблема разграничения особенно актуальна для сухих ароматизаторов, применяемых в мясной промышленности. Такие продукты содержат углеводные компоненты (мальтодекстрин, декстрозу, крахмал), соль и ароматическую композицию. Их состав может создавать видимость самостоятельного технологического назначения, что требует дополнительного анализа.

Показательным является кейс, рассмотренный таможенными органами, в рамках которого был задекларирован сухой пищевой ароматизатор по коду 3302 [4]. Сомнения в корректности классификации возникли из-за значительного содержания углеводов и наличия соли, что допускало возможность отнесения товара к группе пищевых продуктов.

Для установления характеристик была назначена таможенная экспертиза, в ходе которой проанализированы состав, функции компонентов и особенности технологии производства. Установлено, что углеводные вещества выполняют роль носителей, обеспечивая равномерное распределение и стабилизацию ароматических компонентов. Это соответствует практике производства ароматизаторов, включая использование технологии инкапсуляции.

Концентрации указанных веществ не позволяют рассматривать их как самостоятельные функциональные компоненты. Аналогично, содержание соли оказалось недостаточным для оказания технологического воздействия, характерного для мясной промышленности.

В результате экспертизы было установлено, что определяющим элементом товара является ароматическая композиция, а остальные компоненты выполняют вспомогательную роль. Это позволило подтвердить классификацию по позиции 3302 с применением Основных правил интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС.

Рассмотренный пример демонстрирует, что таможенная экспертиза играет ключевую роль в обеспечении объективности классификационных решений. Она позволяет установить не только состав, но и функциональное назначение товара, что имеет решающее значение при его классификации [5].

Кроме того, экспертиза формирует доказательственную базу, необходимую для защиты позиции таможенных органов, и способствует формированию единообразной практики. Её проведение также оказывает превентивное воздействие, повышая дисциплину участников внешнеэкономической деятельности [6].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в условиях усложнения ассортимента пищевых добавок и развития технологий инкапсуляции ароматических веществ роль таможенной экспертизы при классификации товаров по позиции 3302 ТН ВЭД ЕАЭС является определяющей. Именно экспертное исследование позволяет установить, выполняют ли сопутствующие компоненты функцию носителей либо обладают самостоятельным технологическим значением, и тем самым обеспечить законность и обоснованность принимаемого классификационного решения.

Список источников

1. Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/ett/.

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/.

3. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17.08.2021 № 17 "О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза" // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

4. Южное таможенное управление : [сайт]. URL: https://yutu.customs.gov.ru/.

5. Москвина В. А. Совершенствование подходов к организации контроля правильности классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Орёл, 2024. С. 327-332.

6. Мунши А. Ю. Правовые основы назначения и проведения таможенных экспертиз для принятия решений о классификации товаров в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС. Чебоксары, 2022. С. 260-269.

УДК 339.543

Цифровая трансформация таможенных органов: новые вызовы и технологические решения

Алабугина Александра Сергеевна, Петраш Татьяна Юрьевна, Сартене Ольга Туктаровна
Институт торговли и сферы услуг, Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, aas2019@yandex.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация, таможенные органы, искусственный интеллект, управление рисками, большие данные, информационная безопасность.

В статье анализируются современные сдвиги в системе управления таможенными потоками под влиянием внедрения интеллектуальных технологий. Рассматривается эволюция от бумажного документооборота к автоматизированному контролю на основе обработки крупных массивов информации. Выявляются ключевые препятствия на пути цифровизации: уязвимость информационной инфраструктуры, кадровый дефицит и техническая несовместимость ведомственных систем. Предлагаются направления совершенствования таможенного администрирования

Долгое время автоматизация госуслуг сводилась к переводу бумаг в цифру. Однако для таможни такого подхода недостаточно. Сегодня речь идёт о модели, где решения принимают алгоритмы. Согласно позиции В. А. Шаповалова, глубинная трансформация возможна благодаря технологиям, выявляющим неочевидные

© Алабугина А. С., Петраш Т. Ю., Сартене О. Т., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нарушения. Алгоритмы машинного обучения, анализируя многомиллионные массивы данных, формируют «профили риска» в реальном времени [4, с. 44]. Это позволяет замещать рутинные операции вычислительными моделями, которые автоматически распределяют участников ВЭД по категориям доверия, превращая цифровую среду в единое пространство без многократной перепроверки данных [4, с. 48–49].

Как отмечают М. В. Бойкова и С. В. Новиков, ФТС России не создаёт экосистему с нуля, а опирается на успешные архитектуры смежных ведомств (налоговая служба, аккредитация), что позволяет не изобретать велосипед, но несёт риск копирования чужих ошибок [3, с. 17]. Это подтверждается и Стратегией ФТС до 2030 года, где ключевым индикатором «цифровой зрелости» назван полный отказ от бумаги [2].

Анализ документов позволяет выделить четыре главных вектора модернизации. Первый — интеллектуальное прогнозирование рисков: внедрение машинного обучения для выявления нарушений и ускорения проверок для добросовестных компаний. Второй — создание единой среды для ведомств: объединение баз таможни и налоговиков для однократного предоставления сведений. Третий — градация бизнеса по степени надёжности: автоматическое присвоение статуса уполномоченного оператора, где чем выше доверие, тем мягче контроль. Четвертый — трансформация персонала: массовое обучение работе с большими данными и плановое замещение до 40% должностей в центральном аппарате IT-специалистами к 2026 году [2].

Романов Р. В., Демакова Е. А. и др. [7]. в качестве мер повышения результативности системы управления рисками предлагают усиление таможенного контроля после выпуска товаров, расширение использования системы прослеживаемости, а также совершенствование технических средств контроля.

Несмотря на прогресс, есть устойчивые проблемы. Информационная безопасность: рост объёмов данных повышает риски утечек, системы защиты не успевают за усложнением инфраструктуры. Кадровый дефицит: по оценке И. С. Петрова и А. А. Сидорова, острейшей проблемой становится нехватка специалистов, способных настраивать алгоритмы анализа данных [5, с. 91]. Несовместимость систем: платформы ФТС и МВД плохо сопряжены, что ведёт к ручным запросам и задержкам. Имитация цифровизации: в личных кабинетах участников часто отсутствует обратная связь (например, при возникновении задолженности), что создаёт лишь видимость прозрачности [6].

Обобщая недостатки, можно предложить несколько мер. Первое — легальное закрепление базовых понятий («цифровая таможня», «интеллектуальная таможня»), так как их отсутствие порождает хаос в правоприменении [6]. Второе — техническая стыковка ведомственных баз для обмена данными в реальном времени. Третье — перезагрузка системы подготовки кадров (непрерывное обучение от вуза до инспектора). Четвертое — внедрение полноценной двусторонней обратной связи в цифровые сервисы.

Традиционная автоматизация уступает место единой цифровой платформе на базе ИИ. Ключевые риски — техническая несовместимость и острый дефицит IT-специалистов.

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).

2. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р. М., 2020.

3. Бойкова М. В. Цифровая трансформация таможенного администрирования: проблемы и перспективы / М. В. Бойкова, С. В. Новиков // Таможенное дело. 2025. № 3. С. 15–22.

4. Шаповалов В. А. Искусственный интеллект в системах управления рисками: опыт и перспективы // Вестник Российской таможенной академии. 2024. № 4. С. 42–51.

5. Петров И. С. Кадровое обеспечение цифровой трансформации в органах публичной власти / И. С. Петров, А. А. Сидоров // Экономика и управление. 2026. Т. 32, № 1. С. 88–95.

6. Цифровая таможня: вызовы и угрозы в условиях цифровой трансформации экономики / И. В. Деревцова, Л. Н. Ключникова, С. С. Кочетыгова [и др.] // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 4.

7. Проблемы достижения результативности применения системы управления рисками в таможнях фактического контроля / Р. В. Романов, Е. А. Демакова, А. В. Бондарева [и др.] // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023.

УДК 339.562.4

Проблемы и перспективы импортозамещения энергетического оборудования в условиях санкционного давления

Бацагина Анастасия Максимовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, anastasiiabatsagina@gmail.com

Ключевые слова: энергетическое машиностроение, газотурбинные установки, внешнеэкономическая деятельность, санкции, импортозамещение.

Благодарность: автор выражает благодарность научному руководителю Зайченко Елене Анатольевне, доценту, канд. экон. наук.

Политика импортозамещения в энергетическом машиностроении реализуется с 2014 года, когда введение первых санкционных ограничений потребовало снижения зависимости от зарубежных поставщиков. Согласно статистическим данным, объём импорта продукции отрасли в 2014 году составлял 177,7 млрд. руб., а к 2021 году сократился до 153,8 млрд. руб. Одновременно доля отечественной продукции в потреблении увеличилась с 69% до 78% [3]. Вместе с тем количественное снижение импорта не означало устранения технологической уязвимости: импорт сохранялся в наиболее сложных сегментах оборудования, формирующих критическую инфраструктурную основу энергетики.

Динамика импорта по группам 84 и 85 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ТН

© Бацагина А. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ВЭД ЕАЭС) в предсанкционный период (2019-2021 годы) наглядно иллюстрирует нарастающую технологическую зависимость [2]. Рост ввоза механического оборудования (группа 84) с 40,6 млрд. до 54,2 млрд. долл. США и электрического (группа 85) с 27,7 млрд. до 36,8 млрд. долл. США показывает, что отрасль не сокращала, а наращивала импорт, готовясь к возможным сбоям поставок [4].

Наиболее устойчивым сегментом являлось производство оборудования для атомной энергетики, обеспечивающее положительное сальдо внешней торговли и экспортную выручку порядка 0,9 млрд. долл. США. В то же время в сегменте газотурбинных установок большой мощности доля импорта достигала 80-100%, при этом зависимость от импорта лопаток газовых турбин и отдельных компонентов являлась критической (до 100%) [3; 4]. На рисунке 1 представлена детализированная динамика цен на конкретные виды энергетического оборудования, наглядно демонстрирующая разрыв в стоимости и объёмах поставок между различными товарными позициями в структуре импорта.

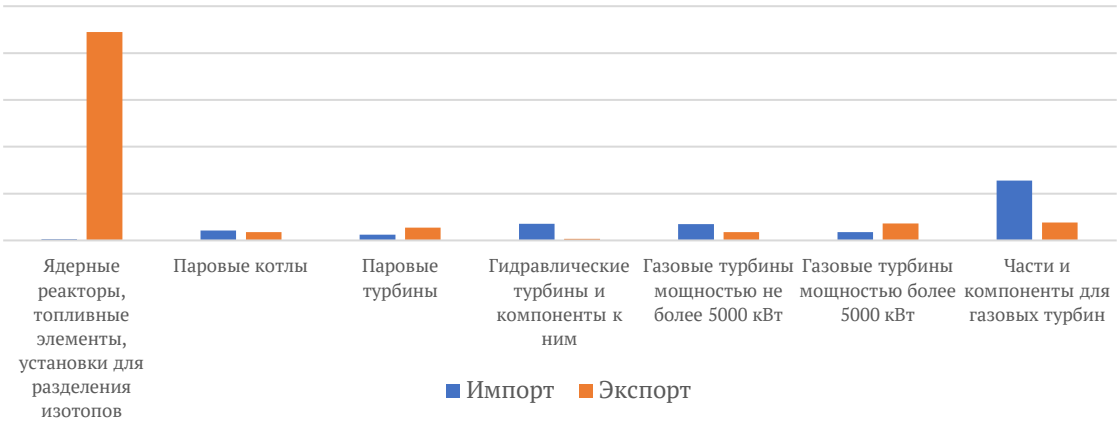


Рисунок 1. Показатели импорта и экспорта России энергетического машиностроения за 2019 год, млн. долл. США.

К началу санкционного кризиса 2022 года отрасль подошла с частично реализованной, но структурно незавершённой моделью

импортозамещения. В ответ на внешние ограничения был принят ряд нормативных актов, включая Постановление Правительства РФ № 313, предусматривающее специальные меры регулирования экспорта и импорта [1; 3]. Ситуация усугубилась массовым уходом с российского рынка западных высокотехнологичных компаний, что создало риски невозможности сервисного обслуживания газотурбинных установок. Санкционное давление существенно осложнило механизм заключения и исполнения внешнеэкономических сделок, вызвав затруднение международных расчётов, рост транзакционных издержек, нарушение логистических цепочек и риск вторичных санкций для иностранных партнёров.

Одним из ключевых направлений адаптации стала переориентация на китайский рынок. Китайские компании (Power China, Dongfang Electric International Corporation и др.) рассматриваются как потенциальные партнёры в поставках оборудования и реализации совместных проектов, например с ПАО «РусГидро» для строительства Мутновской ГеоЭС-2 [4]. Однако данное направление сопровождается новыми трудностями, связанными с вопросами таможенного администрирования и определением страны происхождения товара. Закупаемое в Китае оборудование зачастую содержит критически важные компоненты американского или европейского происхождения (системы управления, подшипники, лопатки), что создаёт для импортёра риск вторичных санкций и проблем с таможенным оформлением.

Несмотря на ограничения, российские предприятия сохраняют экспортную активность. Примером адаптации служит стратегия ПАО «Силовые машины», заявившего о готовности участвовать в модернизации алжирской ТЭС «Жизель» в 2025 году, что свидетельствует о сохранении экспортных компетенций в сегменте тепловой генерации [4].

Таким образом, импортозамещение в энергетическом машиностроении в 2022–2023 годах трансформировалось из сугубо промышленной задачи в комплексную внешнеэкономическую проблему. Переориентация на азиатские рынки формирует новую модель международной кооперации, однако она сопровождается технологическими и регуляторными ограничениями. Дальнейшее развитие отрасли будет определяться не только объёмом инвестиций в производство, но и качеством выстраиваемых внешнеэкономических связей в новых геополитических реалиях.

Список источников

1. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Энергетическое машиностроение и атомная промышленность России в условиях санкций – возможности переориентации импортных поставщиков и перспективы сотрудничества с Китаем : отраслевое исследование / А. А. Зайцев, А. А. Шевко, П. Н. Малютин [и др.] // НИУ ВШЭ, Центр комплексных европейских и международных исследований. 2022.

4. Ибрагимова С. В. Реализация политики импортозамещения на предприятиях энергетического машиностроения в новой реальности / С. В. Ибрагимова, Г. Ф. Галиуллина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 10-2. С. 215–222.

УДК 339.72.053

Бегство капитала: масштабы, трансформация и новые меры противодействия

Белова Елена Романовна, Козлова Екатерина Андреевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского Федерального Университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, katusha.kozlova15@mail.ru

Ключевые слова: бегство капитала, экономическая безопасность, отток капитала, таможенный контроль, БРИКС, амнистия капиталов.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю: Марине Ивановне Мигуновой, доц., канд. эконом. наук.

В статье рассматривается бегство капитала как угроза экономической безопасности. Анализируются формы оттока, факторы и последствия для экономики. На примере России (2022–2025) показаны случаи вывода капитала компаниями (McDonald's, «Лукойл», «Газпром», «Роснефть», «Сбербанк»). Описана география перемещения капиталов (ОАЭ, Китай, ЕАЭС). Представлены меры противодействия в РФ: амнистия капиталов, «обеление экономики», усиление таможенного и валютного контроля. Отмечена роль БРИКС и ЕАЭС. Приведён международный опыт (Малайзия, ЕС, Латинская Америка).

Бегство капитала – вывод финансовых ресурсов из страны для минимизации экономических, политических и социальных рисков [1]. Основные факторы оттока: экономическая нестабильность

© Белова Е. Р., Козлова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

(инфляция, валютные риски), политическая неопределённость, коррупция, изменение законодательства [3]. Формы бегства капитала делятся на легальные (редомициляция, покупка зарубежных активов) и нелегальные (фиктивные сделки, использование транзитных юрисдикций). представленные на рисунке 1.

Рисунок 1. Формы бегства капитала.

Легальный пример – редомициляция в специальные административные районы (САР) России для возврата капитала под российскую юрисдикцию. Нелегальный отток, по данным ФТС, фиксируется через вывоз наличной валюты и схемы с завышением стоимости импортных услуг (ИТ-консалтинг, лицензии), которые сложнее проверить на таможне [2].

С 2022 года компании покидают Россию: уход McDonald's, продажа активов «Лукойл» (10–12 млрд долл.), потеря контроля «Газпромом» и «Роснефтью» (около 7 млрд долл.), уход «Сбербанка» из Европы [1; 3; 4; 8]. География вывода средств: ОАЭ, Китай, ЕАЭС [2]. Бегство капитала ведёт к дефициту инвестиций, давлению на валюту, сокращению налогов. С точки зрения экономической безопасности, отток капитала подрывает устойчивость и ведёт к технологической деградации [1; 3].

Меры противодействия в России (2025–2026):

1.Амнистия капиталов (4-й этап: наличные, производные инструменты, гарантии);

2.«Обеление экономики» (контроль НДС, вытеснение наличных);

3.Усиление трансграничного контроля (запрет на покупку долей в иностранных компаниях без разрешения Центрального банка).

Роль госорганов (Центрального банка, Федеральной таможенной службы, Федеральной налоговой службы) – создание единой информационной системы валютного и налогового контроля, электронное декларирование, выявление фиктивных контрактов [2].

Важную роль играют интеграционные объединения. С 1 января 2024 года ОАЭ стали членом БРИКС; в рамках объединения обсуждаются альтернативные платёжные механизмы для снижения зависимости от западной инфраструктуры. В ЕАЭС расширяется обмен информацией между финансовыми регуляторами для выявления подозрительных трансграничных операций [2]. Успешный опыт противодействия: Малайзия во время кризиса 1997–1998 гг. (валютная привязка, требование удерживать выручку в стране); стратегия ЕС «Invest in Europe First!» (общеевропейские финансовые инструменты, налоговые стимулы). Негативный пример – страны Латинской Америки (Аргентина, Венесуэла) с хроническим бегством капитала и гиперинфляцией. Китай применяет жёсткий капитальный контроль и цифровые системы мониторинга [1; 2; 3].

Таким образом, бегство капитала остаётся индикатором недоверия к экономической и политической среде. Комплексный подход (совершенствование законодательства, цифровизация контроля, международное сотрудничество) позволяет снизить риски оттока капитала. Опыт Малайзии и инициативы ЕС показывают эффективность как временных административных мер, так и создания привлекательной внутренней инвестиционной среды [1; 2; 3].

Список источников

1. Tatevosyan A. Capital Flight as a Threat to the Country's Economic Security / A. Tatevosyan, A. Garmysheva, T. Akhmedov // Sustainable Development and Engineering Economics. 2024. № 1. С. 71–83.

2. Осколков А. Все течет: как отток и возвращение капитала влияют на развитие глобальных кризисов // Российская экономическая школа : [сайт]. URL: https://guru.nes.ru/actual/kak-ottok-i-vozvrashhenie-kapitala-vliyayut-na-razvitie-globalnyix-krizisov.html.

3. Попов М. В. Экономическая безопасность: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2022. 320 с.

4. Сбербанк продал свою «дочку» в Австрии // Frank Media : [сайт]. URL: https://frankmedia.ru/128149.

5. О специальном решении о совершении сделки обществом с ограниченной ответственностью «Ренессанс Капитал — Финансовый Консультант» : Распоряжение Президента Российской Федерации от 12.11.2025 г. № 443-рп // Официальный сайт Президента России : [сайт]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/52587

6. За пределы ритейла: «Золотое Яблоко» анонсировало завод и выход в Китай по итогам 2025 года // Retail.ru : [сайт]. URL: https://www.retail.ru/news/za-predely-riteyla-zolotoe-yabloko-anonsirovalo-zavod-i-vykhod-v-kitay-po-itogam-15-dekabrya-2025-272505/.

7. «ВкусВилл» вышел на рынок Армении // New : [сайт]. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/vkusvill_vyshel_na_rynok_armenii/.

8. ЛУКОЙЛ назвал покупателя своих зарубежных активов // РБК : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/business/30/10/2025/690312fc9a79473806562a8.3.

УДК 339.54

Актуальные вопросы таможенного и фитосанитарного контроля при ввозе свежесрезанных цветов

Воронова Анастасия Дмитриевна, Петренко Алина Сергеевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vrnvnastya17@yandex.ru

Ключевые слова: срезанные цветы, таможенный контроль, фитосанитарный контроль, карантин растений, девитализация.

Благодарность: авторы выражают благодарность научному руководителю Зайченко Елене Анатольевне, доценту, канд. экон. наук.

Российский рынок срезанных цветов демонстрирует устойчивую зависимость от импорта. Так по итогам 2025 года доля зарубежных поставок срезанных цветов на российском рынке составила 78% (около 1,2 млрд. штук). При этом 53% из них было ввезено из Эквадора и Кении [1]. Объем отечественного производства составил 454,8 млн. штук. Такая зависимость отечественного рынка от импортной продукции высокого фитосанитарного риска ставит перед надзорными органами определенные задачи по обеспечению фитосанитарной безопасности территории ЕАЭС.

Ключевым моментом последних лет стала глобальная тенденция к сокращению использования пестицидов и агрохимикатов в растениеводстве, а также пересмотр требований к предотгрузочной обработке растений, включая отказ от процедуры

© Воронова А. Д., Петренко А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

девитализации (обезжизнивания). Данные факторы создают новые риски, не всегда учтенные в процедурах контроля, основанных на принципе выборочности [2].

Анализ открытых данных о деятельности Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору и системы «Аргус-Фито» за 2025 и начало 2026 года свидетельствует о значительном количестве нарушений при ввозе срезанных цветов. К числу основных относятся недекларирование груза и несоблюдение мер фитосанитарного контроля (недействительные фитосанитарные сертификаты, зараженная вредителями продукция).

Карантинная продукция выявляется в местах завершения таможенного оформления, а также в пунктах пропуска, находящихся в зоне ответственности территориальных Управлений Россельхознадзора (таблица 1). Наиболее распространенным карантинным вредителем является западный (калифорнийский) цветочный трипс (Frankliniellaoccidentalis).

Таблица 1. Статистика выявленных нарушений при ввозе срезанных цветов в Российскую Федерацию

Регион	**Количество**	**Причина задержания/возврата/уничтожения**
Московская область	81 случай	западный цветочный трипс, табачная белокрылка
Приморский край	97 000 ед.	западный цветочный трипс
Челябинская область	более 100 000 ед.	недействительные фитосанитарные сертификаты (отсутствие сведений)
Псковская область	39 439 ед.	белая ржавчина хризантем, диабротика
Омская область	5 партий	западный цветочный трипс
Красноярский край	49 случаев	западный цветочный трипс, табачная белокрылка, белая ржавчина хризантем

Данная статистика подчеркивает, что существующие меры контроля, основанные на документарной проверке и выборочном досмотре, не всегда позволяют своевременно выявить зараженную продукцию. В этой связи целесообразно использование дифференцированного подхода к карантинному периоду для ввозимой срезанной цветочной продукции (рисунок 1).

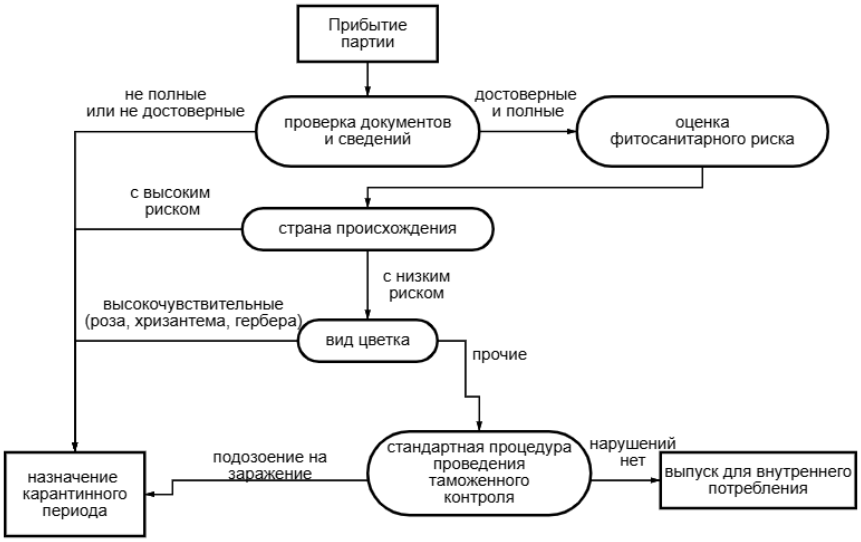


Рисунок 1. Предложенный алгоритм принятия решения о введении карантинного периода при таможенном и фитосанитарном контроле свежесрезанных цветов.

Предлагается не применять тотальный карантин ко всем партиям, а ввести его выборочно для категорий повышенного риска:

1. партии из стран, сокращающих обработку растений

2. партии, содержащие высокочувствительные к заражениям виды – розы, хризантемы и герберы.

3. партии с неполным пакетом документов или неполной информацией.

Для партий, в отношении которых вводится карантинный период, предлагается следующий регламент:

– срок карантина: до 14 дней (в зависимости от результатов лабораторных исследований);

– условия содержания: в специализированных фитосанитарных зонах;

– принимаемое решение по итогам карантина: выпуск, возврат отправителю или уничтожение.

Введение карантинных мер позволит существенно уменьшить риск проникновения и распространения вредителей в странах ЕАЭС, а также поспособствует повышению соблюдения фитосанитарных мер у производителей и экспортеров свежесрезанных цветов. Реализация же данного предложения потребует внесения соответствующих изменений в нормативные правовые акты и разработки четких критериев для отнесения стран- экспортеров и видов продукции к категориям высокого фитосанитарного риска.

Список источников

1. 80% цветов в РФ поставляются из-за рубежа, несмотря на пошлины // Известия : [сайт]. URL: https://iz.ru/2037751/denis-kuznetcov/prileti-lepestok-80-cvetov-v-rf-postavlyaetsya-iz-za-rubezha-nesmotrya-na-poshliny?ysclid=mo07jsk66t886553384 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) : приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 15.04.2026).

3. Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору : [сайт]. URL: https://fsvps.gov.ru/(дата обращения: 15.04.2026).

4. В регионах Сибири импорт цветов вырос на 8% за 2025 год // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/26646415 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 339.543:339.194

Валютная контрабанда как форма теневых финансовых потоков в ЕАЭС

Гудникова Анна Сергеевна, Селина Екатерина Максимовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, AGudnikova-IT23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: теневые финансовые потоки, ЕАЭС, валютная контрабанда, ФТС.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Мигуновой Марине Ивановне, канд. экон. наук, доценту Базовой кафедры таможенного дела.

Евразийский экономический Союз (ЕАЭС) представляет собой единое экономическое пространство, в котором обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг и капитала. В связи с этим, трансграничные финансовые потоки становятся неотъемлемым элементом интеграции и включают платежи за товары и услуги, денежные переводы физических лиц и взаимные инвестиции [1]. Помимо легальных финансовых операций, существуют и так называемые теневые финансовые потоки, которые представляют собой денежные средства и иные финансовые ресурсы, формируемые, распределяемые и используемые вне официального учета, контроля и надзора со стороны государства. Их возникновение обусловлено, как и осуществлением противоправной деятельности, так и сокрытием отдельных

© Гудникова А. С., Селина Е. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

хозяйственных операций, доходов и расчетов от налогового, валютного и финансового контроля [2].

Теневые финансовые потоки обладают рядом характеристик, которые показаны на рисунке 2. Ключевыми характеристиками являются: трансграничный характер движения, высокая адаптивность к изменениям регулирования, использование легальных каналов, например, применение банковских переводов, для маскировки [2].

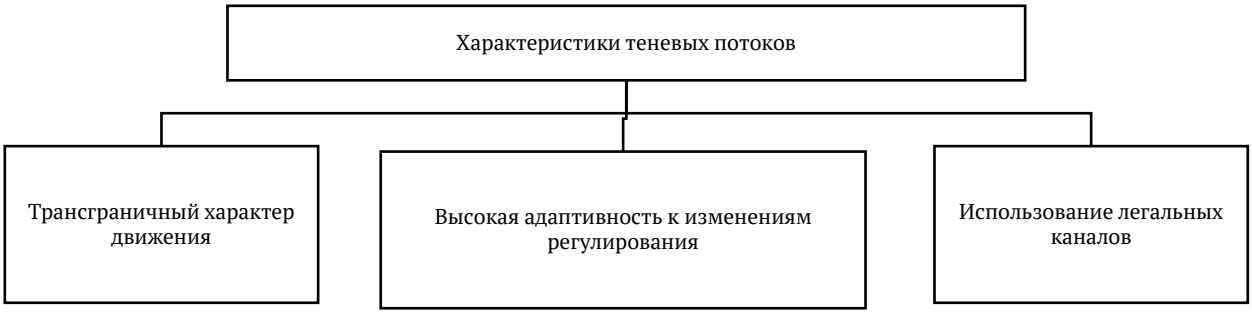


Рисунок 1. Характеристики теневых финансовых потоков [2].

Валютная контрабанда - одна из наиболее широко распространенных форм трансграничных теневых финансовых потоков. Она представляет особую опасность, так как незаконно перемещаемые денежные средства могут использоваться для финансирования террористической деятельности, незаконного оборота наркотиков. Помимо этого, контрабанда наличных денежных средств осуществляется для уклонения от налогообложения [3]. В таблице 1 отображена динамика выявленных фактов валютной контрабанды за 2023–2025 годы [4]. Согласно данным Федеральной таможенной службы (ФТС), сохраняется высокий объем незаконного перемещения денежных средств. Анализ показывает, что за два года объем незаконного перемещения увеличился более чем в 2,3 раза. Это позволяет сделать вывод о том, что происходит укрупнение незаконных валютных операций и адаптация участников теневых схем к

правовому регулированию. В рамках этого вопроса проводится усиление таможенного контроля в обеспечении экономической безопасности государства, о чем свидетельствует большое количество возбужденных уголовных и административных дел.

Таблица 1. Динамика выявленных фактов валютной контрабанды [4]

Показатель	**2023**	**2024**	**2025**
Сумма незаконного перемещения	911,4 млн. руб.	1,8 млрд руб.	2,1 млрд руб.
Количество возбужденных дел	1 822	1 914	Более 1800

Таможенная служба играет ключевую роль в обеспечении законности при пересечении границы наличными денежными средствами и различными денежными инструментами. Она не только контролирует соблюдение установленных правил декларирования, но и активно выявляет случаи незаконного перемещения таких средств. Важной частью этой работы является оперативно-розыскная деятельность, которая включает в себя глубокий анализ текущей ситуации, поиск признаков готовящихся нарушений и идентификацию лиц, причастных к нелегальным финансовым операциям. Для достижения максимальной эффективности таможенные органы активно взаимодействуют с другими государственными структурами, такими как пограничная служба, органы внутренних дел и другие контролирующие органы. Такое межведомственное сотрудничество позволяет оперативно получать ценную информацию о возможных путях контрабанды [5].

Итак, для эффективной борьбы с валютной контрабандой и сокращения объемов теневых финансовых потоков в рамках ЕАЭС, необходимо укреплять полномочия таможенной службы, внедрять новые и усовершенствованные методы контроля.

Список источников

1. Хаиров Б. Г. Особенности финансовой интеграции стран-членов Евразийского экономического союза / Б. Г. Хаиров, В. А. Ковалев, Р. Х. Хасанов // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5, № 1. С. 112–119.

2. Чекмарев В. Е. Источники формирования и основные направления теневых финансовых потоков // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2016. № 5(89). С. 102–108.

3. Нудель С. Л. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: особенности уголовной ответственности в России и других государствах Евразийского экономического союза / С. Л. Нудель, Е. В. Горенская // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4(72). С. 101–112.

4. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Официальный сайт : [сайт]. URL: https://customs.gov.ru/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Кудряшов А. В. О противодействии контрабанде, перемещаемой автомобильным транспортом // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 3. С. 14–22.

УДК 339.5:316.7

Теория культурных измерений Г. Хофстеде и её применение в таможенной практике

Дуновская Дарья Андреевна[1], Калинина Ева Артемовна[2]
[1,2]Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]dunowska@mail.ru
[2]evakalinina2808@gmail.com

Ключевые слова: теория Хофстеде, культурные измерения, таможенная практика, управление рисками, международная торговля, таможенный контроль, комплаенс.

Голландский социолог Герт Хофстеде предложил тип культурного анализа для кросс культурного менеджмента — он выделил параметры для сравнения деловых культур. Модель основывалась на опросе сотрудников IBM в 40 странах и включала четыре измерения: дистанция власти (PDI), индивидуализм (IDV), маскулинность (MAS) и избегание неопределённости (UAI). Позже, под влиянием исследований Майкла Бонда и Михаила Минкова, модель дополнили долгосрочной ориентацией (LTO) и индульгенцией (IVR) [1].

Модель Хофстеде помогает классифицировать участников ВЭД и прогнозировать их поведение при прохождении границы. По данным Atradius, культурные особенности влияют на платёжное поведение и стиль переговоров [6]. Таможенному инспектору полезно знать, что представители культур с высоким избеганием неопределённости тревожатся в нестандартных ситуациях

© Дуновская Д. А., Калинина Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

(досмотр, дополнительная проверка) — это снижает риск конфликтов.

Таможенный контроль в глобальных цепочках поставок — не только фискальный инструмент, но и способ коммуникации. Измерения Хофстеде помогают оценить «культурный риск» в аудите [5]. Участники ВЭД из стран с высокой дистанцией власти (Россия, Китай, страны Ближнего Востока) ждут чётких указаний и формализованных процедур. Исследование Eshky & Alsudairi (2025) на выборке из 450 компаний показало: в культурах с высоким PDI аудиторы на 40 % чаще доверяют устным заверениям руководства, чем документам. Это нужно учитывать в риск менеджменте [3]. В то же время представители культур с низким PDI (например, Скандинавия) склонны к диалогу и оспариванию решений в суде.

Анализ работы Дальневосточного таможенного управления показал, что участники ВЭД из Китая (PDI = 80) чаще предоставляют избыточный пакет документов и реже оспаривают решения таможенных органов. А страны с низким PDI, например Нидерланды, активно используют досудебное обжалование [8]. По данным ФТС России, в 2025 году количество обращений в досудебные органы по таможенным спорам выросло на 25 % среди участников ВЭД из стран с низким индексом избегания неопределённости [9].

Исследование Ван Лунь лая по 32 странам показало, что культурная дистанция (разница в индексах Хофстеде) снижает объёмы импорта — из-за роста издержек на понимание контрагента [2]. Значит, чем больше культурный разрыв, тем выше риск нарушения законодательства из-за разного понимания «формальностей» и «неопределённости».

Таблица 1. Типология культурных рисков в таможенной сфере (по модели Г. Хофстеде)

Измерение (Индекс)	**Характеристика**	**Проявление в таможенной практике**
Дистанция власти (PDI)	Восприятие иерархии и неравенства	Высокий PDI: возможность коррупции, высокая терпимость к неравенству, ожидание директивных указаний сверху. Низкий PDI: частое обжалование решений, запрос разъяснений.
Избегание неопределенности (UAI)	Стремление избегать двусмысленности	Высокий UAI (Греция, Япония): чёткое следование букве закона. Низкий UAI (Индия, США): минимальное соблюдение формальностей («серые» схемы, риск недекларирования).
Индивидуализм (IDV)	Степень интеграции в коллективы	Индивидуализм: менеджер по ВЭД действует в своих интересах (занижение стоимости). Коллективизм: ответственность ложится на группу, выше риск картельных сговоров.
Долгосрочная ориентация (LTO)	Взгляд в будущее	Долгосрочная (Китай): сложные легальные процедуры, репутация. Краткосрочная (США): ориентация на сиюминутную выгоду (контрабанда).

Подведём общий итог. Изначально эта модель использовалась для анализа деловой культуры. Со временем её стали применять для оценки рисков с учётом национальных особенностей — это называют культурным комплаенсом. Перед таможенными органами стоят задачи: адаптировать системы «зелёного» и «красного» коридоров с учётом национальной психологии контрагента, прогнозировать умышленные нарушения, повышать

квалификацию сотрудников в области кросс культурной коммуникации, чтобы отличать культурные особенности от попыток мошенничества.

Модель не идеальна и является лишь ориентиром, а не абсолютным показателем поведения участников ВЭД. Она сводит не учитывает внутренние различия и риск стереотипов. Это может приводить к предвзятым проверкам. Интеграция культурных измерений в автоматизированные системы управления рисками является хорошей перспективой. Это усилит фискальную функцию и поможет реализовать принцип клиентоцентричности с учётом культурного кода партнёра.

Список источников

1. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill. 2005.

2. Huber Wm. The influence of culture on auditors‘ evaluation of internal control and assessment of control risk. University of Sarasota, 2001.

3. Eshky A. The Effect of Power Distance on Control Risk Assessment… / A. Eshky, F. Alsudairi, Y. Basudan // Lex localis. 2025.

4. Wan Lun-lai The Influence of Cultural, Geographical and Institutional Distance on China‘s Import and Export Trade / Lun-lai Wan, Xiang Gao // International Trade Journal. 2014.

5. McFarlin D. Cultural Frameworks: Understanding Attitudes, Values, and Behavior / D. McFarlin, P. Sweeney // International Management. 2017.

6. Atradius. Why cultural awareness matters to credit risk. Аналитический отчет, 2026.

7. Angelova R. A. Cross-Cultural Management of the European Textile and Clothing Industries // IGI Global. 2017.

8. Данные Федеральной таможенной службы России о работе досудебных органов. 2025.

9. Статистический отчет Дальневосточного таможенного управления. 2025.

10. Hofstede Insights: актуальные данные по индексам культур.

УДК 339.5

Влияние языкового барьера на эффективность таможенного контроля

Елезова Алина Олеговна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, AElezova-IT21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: языковой барьер, эффективность таможенного контроля, таможенные органы, таможенный контроль, иностранные языки, участник ВЭД.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Жилину Максиму Геннадьевичу, доценту.

В условиях глобализации экономики и роста объёмов международной торговли эффективность таможенного контроля приобретает особую значимость. Таможенные органы обеспечивают экономическую безопасность государства, осуществляют контроль товаров и транспортных средств, взимают таможенные платежи и противодействуют правонарушениям. Существует фактор, который мешает поддерживать общение с иностранными участниками ВЭД, а также при работе с документацией на иностранных языках. Основной целью научной статьи является рассмотрение влияния языкового барьера на

© Елезова А. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эффективность таможенного контроля и предложение вариантов по снижению такого влияния.

Понятие «языковой барьер» в переводе с французского слова «berrieres» означает «препятствие, этап».

В таможенном деле такой термин можно определить, как препятствие для должностных лиц таможенных органов, возникающее вследствие недостаточного знания иностранных языков и культурных ценностей и затрудняющее общение с иностранными участниками ВЭД. Рассмотрим с помощью таблицы основные виды языкового барьера.

Таблица 1. Основные виды языкового барьера [1]

Вид языкового барьера	**Понятие**
Лингвистический	Недостаточные знания иностранного языка: неразвитый словарный запас, трудности с восприятием на слух
Психологический	Стресс при необходимости говорить на иностранном языке, страх ошибки
Коммуникативный	Сложности общении: незнание культурных норм, неумение начинать/поддерживать и заканчивать разговор

Чаще всего таможенные органы сталкиваются с лингвистическим барьером, т.к. именно от него развиваются другие виды языкового барьера.

Языковые барьеры возникают практически на всех этапах проведения таможенного контроля: устный опрос, проверка документов, декларирование и классификация товаров и даже в процессе международного сотрудничества таможенных органов с органами государственной власти иностранных государств.

Языковой барьер может приводить к ряду негативных последствий, влияющих на эффективность работы таможенных органов, точность процедур и взаимодействие с участниками ВЭД.

Так, сотрудники таможенных органов могут испытывать трудности в общении с иностранными участниками ВЭД, с трудом воспринимать их речь на слух. Тем самым во взаимоотношениях между такими сторонами зарождаются конфликты и непонимание друг друга.

Из-за языковых барьеров увеличиваются случаи совершения ошибок при проверке документов и правильности классификации проверяемых товаров. Такое последствие приводит к долгим задержкам груза в зоне таможенного контроля, а также к штрафам и дисциплинарной ответственности [2].

В качестве третьего последствия языкового барьера стоит отметить замедление процесса таможенного контроля. Вследствие этого у участника ВЭД снижается уровень удовлетворенности в работе таможенных органов и возникает недоверие к их действиям.

Четвертое последствие исходит из трех вышеперечисленных последствий. Из-за недоверия участников ВЭД к таможенным органам, постоянного недопонимания между ними, а также высокой степень неудовлетворенности в действиях таможенных органов возрастает число случаев таможенных правонарушений и контрабанды, кроме того, увеличивается размер не поступившего дохода от таможни в федеральный бюджет вследствие неуплаты таможенных платежей. Следовательно, таможенные органы не выполняют предусмотренный план их работы на текущий календарный год, и защита экономических интересов с их стороны ослабевает.

Рисунок 1. Меры по минимизации последствий языковых барьеров, влияющих на эффективность таможенного контроля.

Таким образом, проблему развитого языкового барьера в таможенном контроле необходимо решать комплексным методом. На рисунке представлены варианты по минимизации таких барьеров и улучшения эффективности таможенного контроля.

Подведем итог: языковые барьеры оказывают сильное воздействие на работу таможенных органов. Необходимо комплексно минимизировать их последствия во избежание конфликтов, ухудшения эффективности выполнения таможенных органов своих функций, а также для поддержки уровня обеспечения безопасности государства.

Список источников

1. К вопросу о психологическом аспекте языкового барьера (Обзор теоретических и эмпирических данных) // Научный аспект : [сайт]. URL: https://na-journal.ru/2-2024-psihologiya/9002-k-voprosu-o-psihologicheskom-aspekte-yazykovogo-barera-obzor-teoreticheskih-i-ehmpiricheskih-dannyh (дата обращения: 12.04.2026).

2. Языковые барьеры как фактор снижения международной торговли // Финансовый университет при Правительстве РФ : [сайт]. URL: https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/yazykovye-barery-kak-faktor-snizheniya-mezhdunarodnoy-torgovli (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 339.54:347.918

Анализ судебной практики применения таможенной процедуры переработки вне таможенной территории в ЕАЭС: выявленные проблемы и пути их решения

Ильина Александра Вячеславовна, Лысенко Дарья Максимовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alxnilc@gmail.com

Ключевые слова: таможенная процедура, переработка вне таможенной территории, судебная практика, проблемы, решения.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Евгении Александровне Демаковой, доценту, канд. техн. наук.

Таможенная процедура переработки вне таможенной территории позволяет временно вывозить товары за пределы таможенной территории для их обработки или доработки без уплаты таможенных пошлин и налогов.

Применение данной процедуры позволяет значительно сократить расходы на таможенные платежи при необходимости ремонта, модернизации, изготовления или обработки товаров у зарубежных производителей. После проведения работ оборудование возвращается на территорию Союза в исправном состоянии без повторного прохождения стандартных таможенных процедур [1].

Существуют некоторые проблемы применения данной таможенной процедуры. Например, в последнее время участники

© Ильина А. В., Лысенко Д. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ВЭД, вывозившие оборудование для ремонта, столкнулись с невозможностью обратного ввоза из-за санкций. Таможенные органы настаивают на оформлении товара под экспорт.

С целью составления статистики были проанализированы судебные споры за 2015-2025 гг. по данным сайта «СудАкт (Судебные и нормативные акты РФ)», диаграмма приведена на рисунке 1 [2].

Рисунок 1. Статистика по судебным спорам в области переработки вне таможенной территории (2015-2025 гг.).

В 2015-2017 гг. судебных споров было больше в связи с неточностями в ТК ТС. Основной причиной споров было ошибочное применение процедур из-за низкой осведомленности декларантов. Например, при временном вывозе они требовали освобождения от пошлин по операциям, не предусмотренным для данной процедуры, и суды обязывали их уплатить пошлины.

В 2018-2025 гг. споров стало меньше благодаря введению ТК ЕАЭС, где уточнили условия помещения под процедуру и добавили операцию модернизации. Снизившееся число споров в основном связано с недостоверным заявлением таможенной стоимости и недостоверным декларирование, что может указывать на попытки уменьшить платежи при выпуске товаров для внутреннего потребления и разногласия по формированию стоимости.

Рассмотрим Решение от 4 апреля 2023 г. по делу № А51-11607/2022 из приведенной выше статистики. Наглядное изображение исходных данных приведено на рисунке 2.

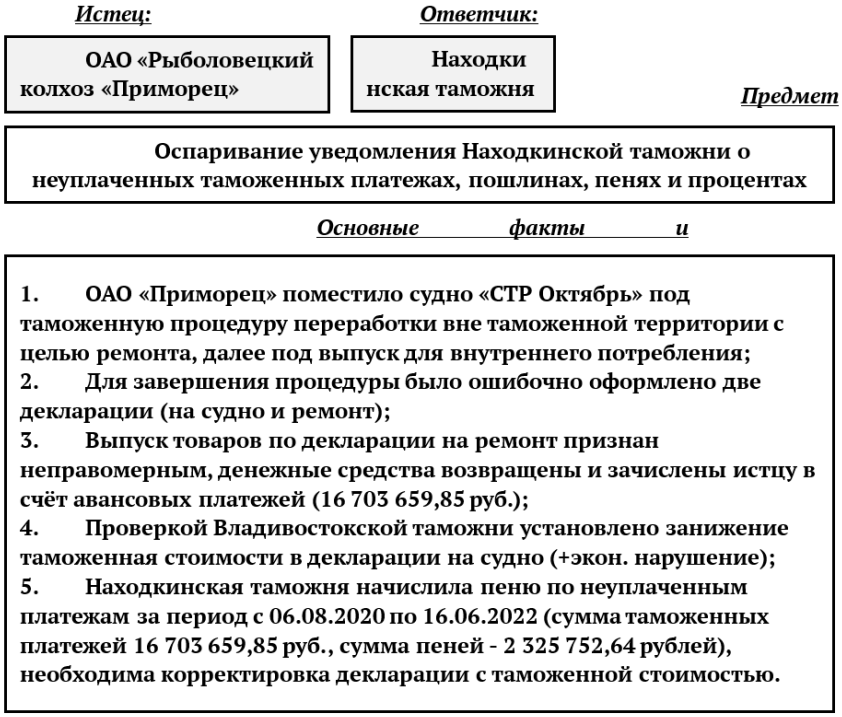


Рисунок 2. Исходные данные по Решению от 04.04.2023 г. по делу № А51-11607/2022.

При обратном ввозе отремонтированного за рубежом товара пошлина уплачивается не с полной его стоимости, а со стоимости ремонта и использованных запчастей. ОАО «Приморец» при завершении процедуры переработки ошибочно подало две декларации вместо одной, занизив при этом таможенную стоимость судна (совершив также экономическое нарушение) и отдельно заявив стоимость ремонтных работ. Выпуск по декларации на ремонт был аннулирован, в отношении судна начислены платежи в размере 16,7 млн рублей со стоимости переработки, пени в 2,3 млн руб. за неуплату платежей в срок, а таможенную стоимость необходимо скорректировать. Демонстрируется недостаточная осведомлённость участников ВЭД о порядке декларирования [3].

Для устранения проблемы предлагается разработка обучающих программ и официальных методических рекомендаций таможенных органов с алгоритмами действий, учитывающими актуальные изменения законодательства ЕАЭС.

Также санкции затрудняют своевременный возврат товаров на территорию Союза. Предлагается разрешить продление срока процедуры переработки свыше 2-х лет при документальном подтверждении санкционных препятствий.

Совершенствование законодательства ЕАЭС с учетом указанных проблем позволит повысить предсказуемость процедуры, снизить число правовых конфликтов и обеспечить более эффективную реализацию ее экономического потенциала.

Список источников

1. Проблемы достижения результативности применения системы управления рисками в таможнях фактического контроля / Р. В. Романов, Е. А. Демакова, А. В. Бондарева [и др.] // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023. Т. 3, № 1. С. 40-58.

2. Результат поиска по документам // Судебные и нормативные акты РФ : справочная правовая система : [сайт]. URL: https://clck.su/YVqWY (дата обращения: 01.04.2026).

3. Арбитражный суд Приморского края (АС Приморского края). Решение от 4 апреля 2023 г. по делу № А51-11607/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : справочная правовая система: [сайт]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/pl1hxuKslkL8/ (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 339.54

Влияние акцизной политики стран ЕАЭС на состояние потребительского рынка табачных изделий в Российской Федерации

Кирьянова Вероника Алексеевна, Хугаева Арина Руслановна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: табачные изделия, потребительский рынок акциз, индикативная ставка.

Благодарности: авторы благодарят научного руководителя Демакову Е. А., кандидата технических наук, доцента.

Табачная отрасль, несмотря на популяризацию здорового образа жизни, является одной из самых прибыльных отраслей производства и продажи. Потребительский рынок табачных изделий в Российской Федерации представляет собой сложную социально-экономическую систему, характеризующуюся устойчивым спросом и высокой долей нелегального оборота. Одним из ключевых факторов, дестабилизирующих российский табачный рынок, являются существенные дисбалансы в акцизной политике между государствами-членами Евразийского экономического союза.

В современной России доля курильщиков в 2024 году впервые снизилась на рекордные 0,6% и составила 25,5% совершеннолетнего населения страны. Массовое потребление табака в России напрямую связано с незаконным оборотом на табачном рынке. Желая снизить количество курящих людей, государство ужесточает

© Кирьянова В. А., Хугаева А. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

условия производства и сбыта табачной продукции в том числе за счет ежегодного повышения акцизных ставок на табачные изделия.

Наибольший поток нелегальных сигарет на рынок РФ поступает из стран-участник ЕАЭС. Это объясняется тем, что в России установлены наибольшие ставки акцизов на табачные изделия среди всех государств-членов. Свободная торговля между странами Союза, в свою очередь, способствует проникновению на российский рынок табачных товаров в обход государства, то есть без уплаты необходимых платежей. Так, например, по оценке Национального научного центра компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции, более 54% нелегальных сигарет в 2025 году было ввезено на территорию РФ из стран ЕАЭС, в большей степени из Беларуси. Динамика роста рынка нелегальных сигарет в России отображена на рисунке 1.

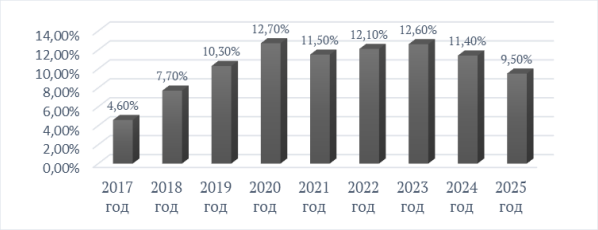


Рисунок 1. Динамика изменения доли нелегальных табачных изделий на рынке РФ.

Среди рассмотренных периодов в 2025 году фиксируется наименьшая доля нелегальных табачных изделий по стране за последние 6 лет, однако ситуация в разрезе федеральных округов остается неоднородной (рисунок 2).

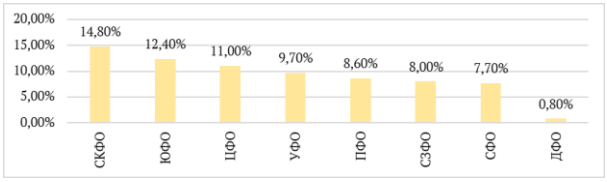


Рисунок 2. Нелегальный оборот на потребительском рынке табачных изделий в федеральных округах РФ в 2025 г.

Наибольшая доля нелегального оборота табачных изделий фиксируется в федеральных округах, территориальное расположение которых создает благоприятные условия для нелегального ввоза из стран Евразийского экономического союза. Опираясь на статистику 2025 года, можно выделить следующую структуру поступления нелегальных сигарет на российский рынок из стран Евразийского экономического союза: 82,0% из Республики Беларусь; 17,3% из Республики Армения; 0,6% поступают из Республики Казахстан; 0,1% приходится на Киргизскую Республику.

Нелегальные табачные изделия, помимо отсутствия прохождения контроля качества для российского потребителя, находятся на рынке в обход уплаты необходимых таможенных пошлин, платежей и налогов. Только за 2025 год потери федерального бюджета составили более 100 млрд рублей. Ставки акцизов на сигареты в странах ЕАЭС, которые были установлены на 2025 год, приведены в таблице 1 [1; 2].

Таблица 1. Ставки акцизов на сигареты в государствах ЕАЭС в 2025 году

Государство-член ЕАЭС	**Единица измерения налоговой базы**	**Ставка акциза в национальной валюте**
Республика Армения	1000 штук	17 700 драмов
Республика Беларусь		119,59 белорусских рублей 163,64 белорусских рублей
Республика Казахстан		15 900 тенге
Киргизская Республика		3 000 сомов
Российская Федерация		2 945 рублей + 18% расчетной стоимости, исчисляемой исходя из максимальной розничной цены, но не менее 4 000 рублей

Для снижения ценового разрыва между станами ЕАЭС, государствами-членами в 2022 году было принято Соглашение,

устанавливающее единую индикативную ставку на табачную продукцию, классифицируемую в субпозиции 2402 20 ЕТН ВЭД. Документ устанавливает 5-летний период достижения уровня принятой ставки, которая утверждается также каждые 5 лет, начиная с 2024 года [3]. Помимо самой ставки, составившей на 2024 год 35 евро за 1000 штук, с указанной периодичностью устанавливаются и диапазоны отклонений фактически действующих акцизов от принятой ставки : в 2024 такое отклонение могло составлять 20% как в меньшую, так и в большую стороны. В рамках продолжения реализации принятого Соглашения в мае 2024 года была утверждена индикативная ставка на 2029 год, которая составляет 45 евро за 1000 штук. Все акцизы устанавливаются в национальной валюте в эквивалентном размере указанной ставки по курсу, принятому на 1 день бюджетного года.

Принятие индикативной ставки, с одной стороны, свидетельствует о движении к совместному решению проблем отдельно взятого государства-члена ЕАЭС. С другой же стороны, устанавливаемый допустимый размер отклонения является слишком высоким для получения видимых результатов. Также значительное влияние на размер фактического акциза, установленного на сигареты с фильтром, оказывает курс национальных валют по отношению к евро.

Таким образом, приведенные статистические данные демонстрируют прямую зависимость между состоянием потребительского рынка табачных изделий в России и акцизной политикой стран-партнеров по ЕАЭС. Существующие фискальные дисбалансы представляют собой фактор, который поддерживает высокий уровень нелегального оборота табачной продукции в России. Введение индикативной ставки за первый год не оказало существенного влияние на состояние рынка сигарет в РФ: на сегодняшний момент сохраняются условия, которые способствуют «перетоку» табачных изделий из стран ЕАЭС с более низкими

ставками акцизов, установленными в отношении табачных изделий.

Список источников

1. Налоговые ставки по акцизам на подакцизные товары // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Ставки акцизов на сигареты с фильтром в государствах-членах ЕАЭС // ЕАЭС : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d54/lynmm2ehe400t1ykhlo2j05nexptqsan/stavki_akcizov_EAES_2024.pdf.

3. Соглашение о принципах ведения налоговой политики в области акцизов на табачную продукцию государств - членов Евразийского экономического союза // АльтаСофт : [сайт]. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0158/.

УДК 339.543

Цифровая фрагментация и риски правоприменения в институте таможенного перевозчика ЕАЭС

Коновалова Виолетта Сергеевна, Кузнецова Ульяна Алексеевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Ulyanak200@yandex.ru

Ключевые слова: таможенный перевозчик, цифровая фрагментация, электронные пломбы, таможенный транзит.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Демаковой Евгении Александровне, кандидат технических наук, доцент.

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе, к 2025 году предполагалось создание единой безбумажной среды таможенного транзита. Однако практика показывает обратное. Институт таможенного перевозчика, закрепленный в статье 406 Таможенного кодекса ЕАЭС, формально унифицирован: установлены единые требования к включению в реестр, права и обязанности перевозчиков, порядок применения таможенной процедуры транзита [1]. Тем не менее перевозчики, осуществляющие деятельность на территории двух и более государств Союза, сталкиваются с явлением, которое в настоящей статье предлагается называть цифровой фрагментацией. Оно выражается в разной технической оснащенности таможенных постов, асинхронности информационных систем государств-членов и разночтениях в квалификации нарушений национальными

© Коновалова В. С., Кузнецова У. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

судами. При формальном соответствии требованиям законодательства таможенные перевозчики несут финансовые потери из-за факторов вне их контроля (сбои электронных пломб, несовместимость ПО, различное толкование норм судами). Цель - идентифицировать разрывы между правовыми нормами и цифровой реальностью, предложить механизмы их устранения.

Анализ судебной практики последних лет показывает устойчивую тенденцию к смещению ответственности на перевозчика даже при отсутствии его прямой вины.

Дело № А15-1068/2023 ООО «ТСТ». Общество оспаривало привлечение к ответственности за недостоверные сведения о маркировке грузовых мест. Суд указал, что в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 89 ТК ЕАЭС перевозчик обязан предоставить достоверные сведения о количестве грузовых мест, маркировке, весе брутто. Нарушение образует состав правонарушения по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ. Суд подчеркнул, что статус перевозчика предполагает «повышенную ответственность», а ссылки на данные от отправителя не освобождают от наказания [2]. Данная позиция игнорирует принцип разделения ответственности: перевозчик физически не может проверить маркировку каждого места при консолидированных отправках.

Дело № Ф03-1311/2024. Перевозчик допустил просрочку доставки товаров под таможенным контролем, ссылаясь на техническую неисправность вагонов. Суд отклонил довод о форс-мажоре, указав, что технические неисправности — обычные предпринимательские риски [3].

Анализ данных ФТС России и Реестра таможенных перевозчиков за 2022–2024 гг. демонстрирует парадоксальную динамику (таблица 1).

Таблица 1. Динамика электронного декларирования и числа таможенных перевозчиков в РФ

Год	**Электронные декларации (млн)**	**Перевозчиков в реестре**
2022	4,07	409
2023	3,94	1 800
2024	3,79	1 847

Рост числа перевозчиков в 4,5 раза (с 409 до 1847) сопровождался снижением деклараций на 7% (с 4,07 до 3,79 млн), что при стабильном внешнеторговом обороте РФ указывает на избегание перевозчиками транзита или использование посредников из-за рисков блокировки, вызванных нестыковкой электронных систем РФ, Казахстана и Беларуси [4].

Анализ практики таможенного оформления позволяет выделить следующую структуру причин задержек выпуска товаров: недостаточная цифровизация таможенных постов — 25%; ошибки в документации — 20%; нестыковка программного обеспечения различных ведомств — 18%; недостаточная квалификация инспекторов — 15%; техническая ограниченность постов — 13%; иные причины — 9%. Таким образом, 38% всех задержек (ошибки в документации + нестыковка ПО) имеют цифровую природу, тогда как физический досмотр составляет лишь 9% [5].

Исследование показало: ключевая проблема транзита — не утрата груза, а цифровые ошибки и асинхронность систем. Таможня блокирует транзит из-за технических сбоев, а суды приравнивают их к вине перевозчика. Главным вызовом стала правовая оценка того, кто несет ответственность за сбои в работе автоматики. Для решения выявленных проблем предлагаем изменения в правовом регулировании:

1. Механизм «цифрового коридора доверия». Дополнить ст. 144 ТК ЕАЭС: «При техническом сбое ИС государства-члена, подтвержденном актом, таможенный орган другого государства-

члена обязан завершить транзит на основе ранее переданных данных. Штрафные санкции к перевозчику не применяются».

2. Дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ. «Технический сбой средств идентификации (электронных пломб, ГЛОНАСС) по вине поставщика или оператора, а равно вызванный несовместимостью ИС государств-членов ЕАЭС, не образует состава правонарушения по ст. 16.9 КоАП РФ при условии, что перевозчик принял все разумные меры для уведомления таможенных органов». Исследование выявило два системных дисбаланса в ЕАЭС. Юридический связан с практикой «объективного вменения» ответственности перевозчикам за технические сбои; решением проблемы должны стать разъяснения Пленума ВС РФ об отсутствии вины в таких случаях. Технологический вызван десинхронизацией ИТ-систем, что требует создания «цифрового коридора доверия» и совершенствования механизмов финансового обеспечения.

Список источников

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: принят Решением Совета ЕАЭС от 18.12.2017 № 107. Ст. 144, 146, 406–409.

2. Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 25.10.2023 по делу № А15-1068/2023: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 12.04.2026).

3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.06.2024 № Ф03-1311/2024 по делу № А73-12362/2023: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 13.04.2026).

4. Сведения Реестра таможенных перевозчиков ФТС России (2022–2024 гг.) : [сайт]. URL: https://customs.gov.ru (дата обращения: 14.04.2026).

5. Проблемы достижения результативности применения системы управления рисками в таможнях фактического контроля /

Р. В. Романов, Е. А. Демакова, А. В. Бондарева [и др.] // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023. Т. 3, № 1. С. 40-58.

УДК 339.54

Дублирование и аннулирование протоколов испытаний при процедуре подтверждения соответствия

Круглова Ксения Игоревна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kkruglova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: дублирование, аннулирование, протокол испытаний, подтверждение соответствия, правовой режим, единый реестр.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Зайченко Елене Анатольевне, доценту, канд. эк. наук.

Система подтверждения соответствия в Российской Федерации и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в последние годы претерпевает существенные изменения. Усиление контроля со стороны государства, цифровизация реестров и автоматизация процедур регистрации деклараций и сертификатов направлены на повышение прозрачности рынка и недопущение фиктивного подтверждения соответствия продукции.

Одним из ключевых направлений реформирования стала борьба с дублированием протоколов испытаний и признанием их недействительными. Практика показывает, что именно протокол испытаний – как первичный доказательный документ – нередко

© Круглова К. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

становится слабым звеном всей системы. Его повторное использование, оформление без фактических испытаний либо проведение исследований вне области аккредитации лаборатории ставят под сомнение легитимность выданных деклараций и сертификатов.

Особую роль в формировании современной правоприменительной практики играет Росаккредитация, которая с 2025 года существенно усилила контроль за использованием протоколов испытаний и достоверностью сведений, вносимых в единые реестры [1].

Протокол испытаний – это официальный документ, оформляемый аккредитованной испытательной лабораторией по результатам проведённых исследований, испытаний и измерений. Он подтверждает соответствие конкретных образцов продукции требованиям технических регламентов, стандартов и иных нормативных документов. Его недействительность автоматически ставит под сомнение все последующие документы, выданные на его основании.

Под дублированием понимается повторное использование одного и того же номера протокола испытаний при регистрации нескольких деклараций о соответствии. До 2025 года подобные случаи выявлялись преимущественно в рамках выборочных проверок. Однако с внедрением автоматизированной системы контроля при регистрации деклараций ситуация изменилась.

С 2025 года при подаче декларации о соответствии действует автоматическая проверка уникальности номера протокола. Если номер уже использовался ранее, система блокирует регистрацию с сообщением об ошибке (рисунок 1).

Исключения предусмотрены только для отдельных технических регламентов (например, ТР ТС 001/2011, 002/2011, 003/2011), где допускается многократное использование протоколов ввиду специфики продукции. Основанием для

приостановления действия декларации в случае дублирования является подп. «д». [п. 28 2].

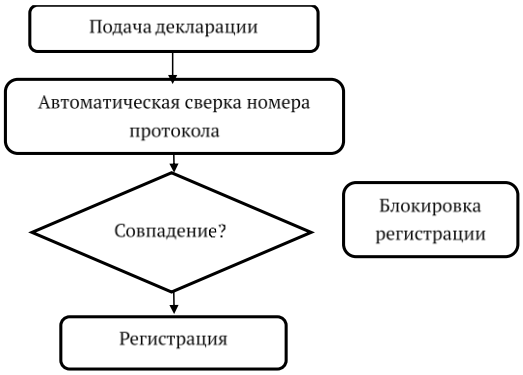


Рисунок 1. Механизм автоматического контроля протоколов.

Согласно данной норме, национальный орган по аккредитации вправе приостановить действие декларации, если она принята на основании протокола, по которому ранее уже зарегистрирована иная декларация.

Таким образом, повторное использование протокола – самостоятельное и достаточное основание для вмешательства надзорного органа.

Современная система контроля базируется на цифровых инструментах: сверка номеров протоколов в реестре деклараций; анализ истории лабораторий; мониторинг несоответствий в области аккредитации; проверка фактического наличия лаборатории по месту осуществления деятельности.

Открытость реестров, с одной стороны, обеспечивает прозрачность, но с другой – создаёт риск злоупотреблений. Недобросовестные лица могут использовать номера чужих протоколов, находя их в открытом доступе, и оформлять декларации на иную продукцию. В результате под угрозой оказывается не только фиктивная декларация, но и оригинальный документ добросовестного заявителя.

Порядок признания протоколов недействительными установлен документом [4]. Решение принимается по итогам

государственного контроля либо подтверждения компетентности лаборатории, и автоматически влечёт пересмотр правомерности всех выданных на его основе документов. А также штрафы, приостановление деятельности или запрет на реализацию продукции.

Наиболее распространёнными причинами отзыва являются: оформление протокола не по установленной форме; отсутствие фактического проведения испытаний; проведение испытаний вне области аккредитации; использование неаттестованных средств измерения; выдача документа в период приостановки аккредитации; фактическое отсутствие лаборатории по заявленному адресу; предоставление заведомо ложной информации при аккредитации.

В 2024 году более 1 100 сертификатов были аннулированы вследствие недействительности протоколов испытаний. С начала 2025 года было аннулировано уже 1 127 сертификатов соответствия. Только за первый квартал 2025 года выявлено 331 нарушение в сертификатах на социально значимую продукцию [4]. Эти цифры демонстрируют системный характер проблемы и подтверждают тенденцию к ужесточению контроля.

С 30 ноября 2025 года вступают в силу поправки к Постановлению Правительства РФ № 936, расширяющие полномочия контролирующих органов. Теперь возможно приостановление сертификатов, выданных в других странах ЕАЭС, а также деклараций при отсутствии доказательств соответствия [5].

Таким образом, современная практика подтверждает: протокол испытаний перестал быть техническим приложением к декларации. Он превратился в ключевой элемент правовой устойчивости бизнеса, от которого напрямую зависит возможность законной реализации продукции на рынке Российской Федерации и государств ЕАЭС.

Список источников

1. Федеральная служба по аккредитации (Росаккредитация) : [сайт]. URL: https://fsa.gov.ru.

2. О порядке регистрации деклараций о соответствии Правительство Российской Федерации. Постановление от 19.06.2021 № 936 : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru.

3. Об утверждении правил признания результатов деятельности органов по сертификации и испытательных лабораторий : Правительство Российской Федерации. Постановление от 19.06.2021 № 934 : [сайт]. URL: http://publication.pravo.gov.ru.

4. Федеральная служба по аккредитации. Статистические данные о результатах контрольной деятельности за 2024–2025 гг. : [сайт]. URL: https://fsa.gov.ru.

5. Евразийская экономическая комиссия. Информация о формировании единого пространства контроля в ЕАЭС : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org.

УДК 339.543:34.03

Условный выпуск товаров: проблемы правоприменительной практики и пути совершенствования законодательства

Лакиза Ирина Николаевна, Михайлова Александра Юрьевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, irochka.lakiza@inbox.ru

Ключевые слова: условный выпуск товаров, таможенная процедура, таможенный контроль, ТК ЕАЭС, судебная практика.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Марине Ивановне Мигуновой, доценту, канд. экон. наук.

К условно выпущенным относятся товары, помещенные под таможенную процедуру «выпуск для внутреннего потребления». В отношении данных товаров могут быть предусмотрены тарифные и налоговые льготы, обуславливающие введение ограничений по пользованию и (или) распоряжению ими. Кроме того, статус условно выпущенных присваивается товарам, в отношении которых соблюдение запретов и ограничений может быть подтверждено после выпуска. Также к числу условно выпущенных относятся товары, при декларировании которых применены более низкие ставки ввозных таможенных пошлин, чем установленные Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза [1].

Случаи несоблюдения правил условного выпуска товаров нашли отражение в делах арбитражных судов Российской

© Лакиза И. Н., Михайлова А. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Федерации. Визуализация наиболее частых причин привлечения к административной ответственности и соответствующих статей КоАП РФ за период 2020-2025 гг. представлена на рисунке 1.

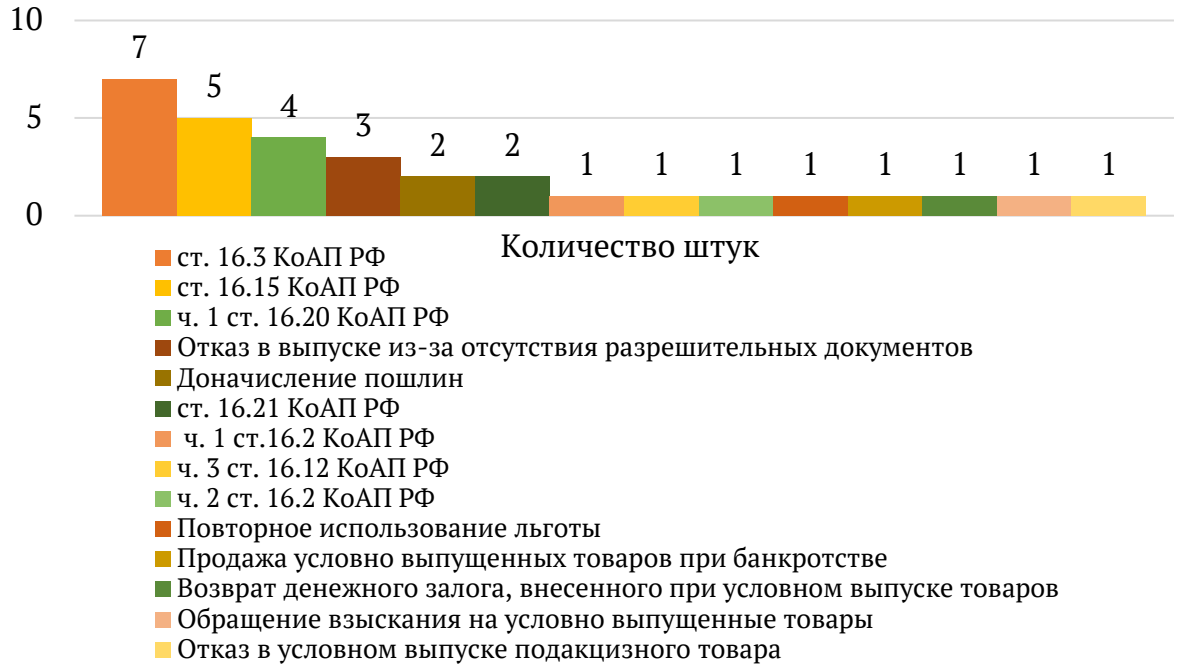


Рисунок 1. Судебные дела, связанные с нарушением правил условного выпуска товаров в 2020-2025 гг.

Исходя из представленной выше диаграммы, можно сделать вывод о том, что наибольшее количество дел о нарушении правил условного выпуска товаров возбуждалось по статьям 16.3 КоАП РФ, 16.15 КоАП РФ и части 1 статьи 16.20 КоАП РФ [2].

Так, чаще всего участников ВЭД привлекали к ответственности по статье 16.3 КоАП РФ за несоблюдение запретов и ограничений на ввоз товаров [3]. В настоящее время данная практика заменена схемой «упрощенного» декларирования. С 21 марта 2022 года разрешено ввозить и выпускать в обращение на территории Российской Федерации продукцию по декларации о соответствии, оформленной на основе собственных доказательств.

Дела по статье 16.15 КоАП РФ возбуждаются при непредставлении или представлении в ненадлежащие сроки в

таможенный орган отчетности по условно выпущенным товарам, а также при наличии недостоверных сведений в ней. В рассмотренной судебной практике за недостоверные сведения принималось отсутствие сведений о количестве товара, дополнительных единицах измерения и точном адресе, где размещен товар. Так, например, в отношении ООО «СК МОРВЕННА» по делу А40-169666/2025 было вынесено предупреждение за отсутствие в отчетности таких сведений. В связи с этим авторы считают необходимым уточнить в статье 16.15 КоАП РФ, что неполное указание сведений в отчетности также расценивается как заявление недостоверных сведений. Более того, к положению «место нахождения товара» из графы 27 формы «Отчета в отношении условно выпущенных товаров» (далее – Отчет) рекомендуется добавить пояснение, что в информации о месте нахождения товара принципиально важно указать точный адрес.

Касаемо статьи 16.20 КоАП РФ о незаконном пользовании и распоряжении условно выпущенными товарами [2], можно выделить судебные разбирательства по делам ООО «АгроЛидер» (А43-23848/2020) и ООО «888» (А60-68852/2022). Организации разместили условно выпущенные товары в арендуемых помещениях и не оповестили об этом таможенные органы, за что были привлечены к административной ответственности. В соответствии с правоприменительной практикой, если в таможенный орган не будет представлен договор аренды помещения, то размещение в нем товаров может считаться передачей товара третьему лицу [4]. Решить данную проблему можно, добавив к статье 111 «Условный выпуск товаров» Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ примечание: «передачей товаров третьему лицу может считаться размещение условно выпущенных товаров в помещениях, сдаваемых по

договору аренды, без представления в таможенный орган договора аренды».

Таким образом, по результатам анализа судебной практики авторами был разработан ряд рекомендаций. В статье 16.15 КоАП РФ предлагается уточнить, что неполное указание сведений об условно выпущенных товарах в отчетности расценивается как заявление недостоверных сведений. Также в форме Отчета необходимо сделать акцент на важности указания точного места нахождения товара. В статье 111 Федерального закона от 03.08.2018 №289-ФЗ рекомендуется разъяснить, что может считаться передачей товара третьему лицу. Внесение указанных дополнений позволит минимизировать риски привлечения добросовестных импортеров к административной ответственности за формальные нарушения.

Список источников

1. О Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : Договор : подписан в г. Москве 11 апреля 2017 года : ред. от 29 мая 2019 года.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон № 195-ФЗ от 30.12.2001 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Проблемы достижения результативности применения системы управления рисками в таможнях фактического контроля / Р. В. Романов, Е. А. Демакова, А. В. Бондарева [и др.] // Торговля, сервис, индустрия питания. Т. 3, № 1. 2023. С. 40-58.

4. Применение алгоритма обеспечения экономической безопасности предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности / М. И. Мигунова, Л. Н. Демина, В. К. Меньшикова [и др.] // Экономика и менеджмент систем управления. № 2(52). 2024. С. 23-31.

УДК 339.543

Системный подход к управлению рисками при таможенном контроле китайской продукции, ввозимой в Россию

Лыскова Алиса Сергеевна, Михалёва Ксения Андреевна, Сартене Ольга Туктаровна
Институт торговли и сферы услуг, Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, lyskova.st@gmail.com

Ключевые слова: системный подход, управление рисками, таможенный контроль, китайский импорт, профили рисков, Россия, КНР.

Объём импорта китайской продукции на российский рынок в 2023–2024 гг. достиг рекордных показателей. По данным Федеральной таможенной службы, товарооборот между Россией и Китаем превысил 240 млрд долл. США [3], а в начале 2026 года продолжает расти [4]. Значительная часть ввозимых товаров — продукция лёгкой промышленности, электроника, автозапчасти, игрушки — относится к категориям повышенного риска [5].

Ключевым инструментом решения этой дилеммы выступает система управления рисками (СУР) [6].

Теоретической основой является системный подход. Как справедливо отмечают Рыбакова Г. Р., Кротова И. В., Демакова Е. А. и другие авторы в монографии «Системный подход в управлении ассортиментом и качеством продукции», эффективное управление любым товарным потоком невозможно без учёта взаимосвязей между его элементами — от номенклатуры до потребительских

© Лыскова А. С., Михалёва К. А., Сартене О. Т., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

свойств [1, с. 45]. Цель данной статьи — проанализировать применение системного подхода к управлению рисками при таможенном контроле китайской продукции.

На основе анализа данных ФТС о выявленных нарушениях за 2021–2025 гг. были выделены основные товарные категории китайского импорта, характеризующиеся наибольшим количеством срабатываний профилей риска [13].

Таблица 1. Категории китайских товаров с наибольшим уровнем риска

Товарная категория	**Доля нарушений, %**	**Основной риск**
Одежда и обувь	34	Занижение таможенной стоимости
Электроника	22	Неверная классификация по ТН ВЭД
Игрушки	18	Отсутствие сертификатов соответствия
Автозапчасти	15	Контрафакт

Наиболее распространёнными видами нарушений являются занижение таможенной стоимости (47%), неверная классификация по ТН ВЭД (28%) и нарушение прав интеллектуальной собственности (15%) [14].

Опираясь на теоретические положения, можно утверждать, что существующая СУР не в полной мере реализует принципы системного подхода. Как отмечают Демакова Е. А. и соавторы, «управление ассортиментом и качеством требует учёта всех взаимосвязей между элементами товарного потока — от поставщика до конечного потребителя» [1, с. 52].

Таблица 2. Динамика выявления нарушений при ввозе китайских товаров (2021–2025)

Год	**Выявлено нарушений (ед.)**	**Относительное изменение, %**
2021	3 850	—
2022	4 620	+20%
2023	5 840	+26%
2024	7 375	+26%
2025	10 000+	+36%

Перспективным направлением совершенствования системного подхода является внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных. ФТС уже разработала сервис анализа рентгеноскопических изображений «Каскад», распознающий 243 категории товаров [20]. Китайская таможня использует модель интеллектуального таргетинга «Tianxuan» с уровнем выявления нарушений 23,7 [21].

На основе проведённого анализа предлагаются следующие направления совершенствования системного подхода к управлению рисками: внедрение интегрированной оценки участника ВЭД, специализированные профили рисков, применения ИИ, обмена данными с таможенной службой КНР; цифровизация экспертиз [22; 23].

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать выводы. Основные риски китайского импорта связаны с категориями «одежда и обувь», «электроника» и «игрушки». Системный подход реализован в СУР не в полной мере; наблюдается фрагментарность оценки рисков. Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта и развитие международного информационного обмена с КНР, что позволит повысить результативность таможенного контроля китайской продукции.

Список источников

1. Системный подход в управлении ассортиментом и качеством продукции / Рыбакова Г. Р., Кротова И. В., Демакова Е. А. [и др.]. Красноярск : СФУ, 2017. 235 с.

2. Проблемы достижения результативности применения СУР / Р. В. Романов, Е. А. Демакова, А. В. Бондарева [и др.] // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023.

3. Федеральная таможенная служба России. Итоги внешней торговли за 2023–2024 гг. М., 2025.

4. Товарооборот России и Китая вырос на 12% // Казанский репортер. 2026.

5. Об утверждении Правил маркировки молочной продукции средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении молочной продукции : Постановление Правительства РФ от 31.12.2019 № 2099 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

6. Об утверждении положения о флаге Федеральной таможенной службы и положения о вымпеле водных судов таможенных органов Российской Федерации : Приказ ФТС России от 18.08.2020 № 662 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

7. Сводки ФТС за 2021–2025 гг. М., 2026.

8. Тихомирова Е. В. Классификация товаров по ТН ВЭД // Вопросы таможенного дела. 2023. №2. С.14–21.

9. ФТС внедряет ИИ-сервис «Каскад». Пресс-релиз ФТС. 2025.

10. Risk Control with Big Data + AI // BRICS Customs. 2025.

11. Сидорова Е. Ю. Противодействие контрафакту // Интеллектуальная собственность. 2022. №7. С.32–39.

УДК 331.44

Профессиональное выгорание у сотрудников таможенной службы

Николайчик Мария Константиновна[1], Чекишева Вероника Романовна[2]
[1, 2]Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]nika07.01@bk.ru
[2]mari.nikolaychik.00@bk.ru

Ключевые слова: эмоциональное истощение, стресс, коммуникативная нагрузка, деперсонализация, таможенные органы.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Галине Раисовне Рыбаковой, доценту, канд. биол. наук.

Таможенная деятельность относится к числу профессий с заведомо высоким психоэмоциональным фоном. Причина не только в ответственности за экономическую безопасность страны, но и постоянный контакт с людьми от рядовых пассажиров до потенциальных нарушителей.

Ежедневно таможенник контактирует с декларантами, брокерами, пассажирами, нарушителями, коллегами, руководством. Интересы этих групп чаще всего не совпадают с государственными: граждане и бизнес стремятся ускорить процедуру или скрыть информацию, тогда как таможенник обязан соблюдать закон [4; 5].

© Николайчик М. К., Чекишева В. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

На основе литературы выделено шесть стресс-факторов межличностного взаимодействия.

Первый фактор – конфликтогенность среды: таможенный контроль строится на ограничениях и проверках, что провоцирует у граждан негативные реакции (от раздражения до агрессии). Сотрудник вынужден ежедневно сохранять спокойствие в эпицентре конфликта.

Второй фактор – эмоциональный труд (А.Р. Хохшильд): обязанность демонстрировать вежливость и корректность даже в ответ на хамство, систематически подавляя истинные чувства. Хроническое подавление ведёт к эмоциональному истощению – главному компоненту выгорания [8].

Третий стрессор – работа с противоправными проявлениями: выявление контрабанды, сокрытия товаров, валюты сопровождается ложью, манипуляциями, попытками подкупа, угрозами. Формируется устойчивое чувство опасности и требуется постоянная психологическая мобилизация.

Четвертый – дефицит времени в коммуникации: из-за плотного графика и большого потока людей каждое решение приходится принимать быстро, но отвечать за него приходится лично, что многократно усиливает стресс.

Пятый – высокая ответственность за решения: любое действие (пропустить, задержать, назначить досмотр) влечёт юридические и экономические последствия. Ошибка наносит ущерб государству или правам участников ВЭД.

Шестой – интенсивность и плотность контактов: за смену взаимодействие с сотнями людей требует постоянного переключения внимания, быстрой адаптации, высокой коммуникативной гибкости. Насыщенность сама по себе истощает ресурс [1].

В трехфакторной модели Маслач фактор «человек–человек» воздействует на каждый компонент выгорания по-своему.

Эмоциональное истощение выходит на первый план – столкновение с чужими негативными эмоциями требует эмпатии, но профессиональная роль предписывает сдержанность. Этот внутренний конфликт, по наблюдениям Водопьяновой, оборачиваются равнодушием, пассивностью, утратой способности радоваться [2].

Деперсонализация – вторичная защита от перегрузки эмпатией. Таможенник воспринимает окружающих как функциональные объекты (декларации, пассажиропоток). Внешне это формальное общение, цинизм, грубость. Опасность в том, что падает бдительность, растут коррупционные риски.

Редукция достижений — утрата смысла. Сотрудник убеждается: «всё равно все будут нарушать», «от меня ничего не зависит». Он перестаёт развиваться, работает по минимуму, теряет самооценку [3].

Профилактика выгорания в этой сфере требует трехуровневого подхода. На индивидуальном уровне – эмоциональная саморегуляция, тренинг надежды (Снайдер) – убеждённость «я могу повлиять». На организационном уровне – поддержка руководства. Конкретные меры: ротация задач (не держать неделями на пассажирском потоке), супервизия с психологом, программы помощи сотрудникам, и главное, психологическая безопасность – открыто говорить о трудностях без страха осуждения. На образовательном уровне – тренинги конфликтной компетентности, техники саморегуляции, начиная с вуза [6].

Важно понимать какие ошибки профилактики могут быть допущены. Индивидуальные тренинги по управлению стрессом без изменений условий труда вредят – перегруженный сотрудник воспринимает совет медитировать как насмешку. Карательные меры за эмоциональные срывы (штраф, выговор) за неспособность справиться с эмоциями усугубляет выгорание: человек скрывает

симптомы, не получая поддержки. Выгорание – не нарушение дисциплины, а профессиональная угроза, требующая комплексного подхода [7].

Список источников

1. Аграшенков А. В. Психология в таможенном деле. СПб.: ПиК, 1995. 621 с.

2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 258 с.

3. Диагностика профессионального выгорания (К.Маслач, С.Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Издание 2-е дополненное и переработанное. Москва : Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. С. 442-444.

4. Профессионально значимые психологические качества сотрудников таможенного поста / Г. Р. Рыбакова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2026. № 3. С. 178-181.

5. Профессиональная и образовательная цифровая среда как фактор риска для специалиста таможенного дела / Г. Р. Рыбакова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2026, № 3. С. 181-185.

6. Савосина Н. Г. Организационно-правовые основы работы психолога в таможенных органах // Таможенное дело. 2010. № 2. С. 13–16.

7. Hallsten L. Burning Out: A Framework // Professional Burnout: Recent Developments in Theory and Research / Eds. W.B. Schaufeli, C. Maslach, T. Marek. Washington, DC: Taylor & Francis, 1993. 320 с.

8. Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983. 324 с.

УДК 339.543

Деллоларизация мировой торговли как фактор трансформации межкультурных коммуникаций

Пенюкова Анастасия Викторовна, Власова Дарья Антоновна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, apenyukova-IT23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: дедолларизация, международные расчеты, национальные валюты, межкультурная коммуникация, валютная система, экономический суверенитет.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Мигуновой Марине Ивановне, доценту, канд. экон. наук.

В мировой торговле доллар США по-прежнему доминирует как основная резервная и расчётная валюта, но в 2023–2025 гг. Россия и страны БРИКС существенно ускорили дедолларизацию, переориентируя расчёты на рубль, китайский юань и валюты дружественных партнёров. Доля рубля в экспорте РФ выросла до рекордных уровней, а доля стран Азии во внешнеторговом обороте РФ превысила 70%, в то время как доля европейских рынков снизилась до 18–19% [1]. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа изменений в международной торговле, вызванных дедолларизацией и их влияниях на особенности межкультурного взаимодействия. Целью исследования является анализ влияния процессов дедолларизации на трансформацию

© Пенюкова А. В., Власова Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

межкультурных коммуникаций, а также выявление ключевых проблем и путей их решения.

По данным Банка России и ФТС, в 2023 году рубль использовался в 39% экспортных операций против 27,8% в 2022 году, валюты «дружественных» стран — в 29,4%, тем временем доллар и евро — в 31,5%. В импорте доля рубля составила 30%, дружественных валют — 36%, недружественных — 34%.

В 2024 году при общем внешнеторговом обороте 716,9 млрд долларов структура расчетов продолжила смещаться: доля дружественных валют в экспорте достигла 42,9%, рубля — 32,5%. В отдельных регионах показатели стали максимальными: более 50% расчетов с Азией и до 77,5% с Африкой осуществлялись в национальных валютах [2].

К 2025 году рубль занял доминирующее положение: его доля в экспортных расчетах превысила 56%, а совокупная доля рубля и валют дружественных стран достигла 85–87%. В импорте рублевые платежи также превысили 50% [3].

Ключевым фактором стал рост расчетов в юанях: в начале 2024 года их доля составила 40,8% в экспорте и 38,5% в импорте. В целом до 90% торговли России со странами БРИКС осуществляется в национальных валютах.

Параллельно изменилась география торговли. Доля Азии достигла 73,4%, включая Китай — около 245 млрд долларов, тогда как доля Европы сократилась до 18–19%. В рамках ЕАЭС доля расчетов в национальных валютах превышает 90%.

Таким образом, к 2025 году сформировалась устойчивая модель внешней торговли, основанная на доминировании рубля и валют партнерских стран.

Дедолларизация в настоящее время опирается на развитие альтернативных инфраструктур, представленных на рисунке 1.

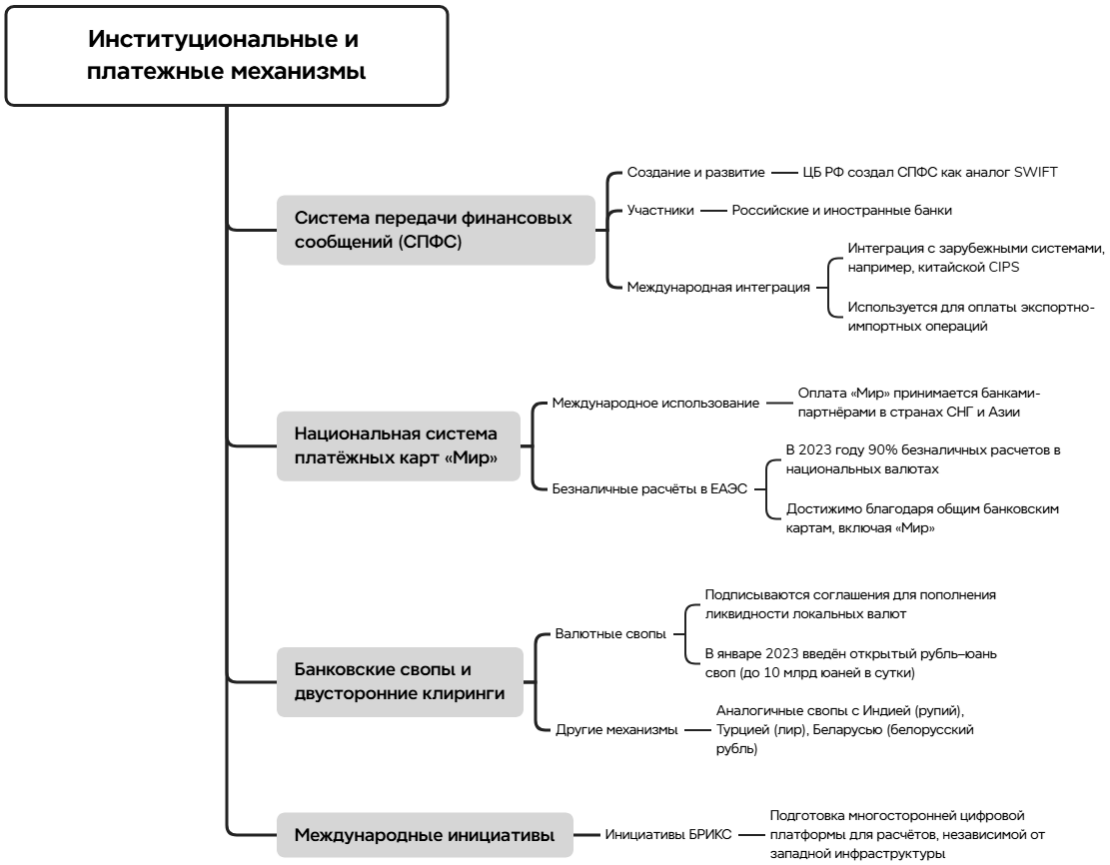


Рисунок 1. Институциональные и платежные механизмы [4].

Дедолларизация мировой торговли в России основана на развитии собственной и совместной с партнёрами финансовой инфраструктуры — от национальных платёжных систем до межгосударственных механизмов [5]. Это снижает зависимость от долларовой системы и расширяет возможности трансграничных расчётов, но требует усиления безопасности, координации регуляторов и интеграции новых платёжных решений.

Переход к национальным валютам усиливает проблемы межкультурной коммуникации. Растут языковые барьеры, риск ошибок в юридических формулировках и сложность согласования контрактных условий.

Решением выступают стандартизация документов, например, двуязычные контракты, шаблоны, развитие межкультурной

подготовки, привлечение переводчиков и локальных экспертов, а также подготовка специалистов по международным расчётам.

Таким образом, дедолларизация в 2023–2025 гг. отражает рост роли рубля и валют дружественных стран и переориентацию торговли на Азию и БРИКС. Эти процессы сопровождаются трансформацией межкультурных коммуникаций, но при развитии инфраструктуры и компетенций формируют более устойчивую модель международного взаимодействия.

Список источников

1. Финансы Mail: информационный ресурс : [сайт]. URL: https://finance.mail.ru/article/eksport-v-2025-godu-upal-vmeste-s-importom-69198042/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Интерфакс : [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/business/951046 (дата обращения: 12.04.2026).

3. ТАСС: информационное агентство России : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/25409915 (дата обращения: 13.04.2026).

4. РБК: мультимедийный холдинг России : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6589f2df9a7947c1a989193f (дата обращения: 13.04.2026).

5. CNews : [сайт]. URL: https://gov.cnews.ru/news/top/2024-02-28_briks_sozdast_svoyu_platezhnuyu (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 339.543

Новая норма процентных ставок в мировой экономике: влияние политики ФРС и ЕЦБ на долговую устойчивость развивающихся стран

Раимбаева Рамина, Гаспарян Мариам Андраниковна, Сартене Ольга Туктаровна
Институт торговли и сферы услуг, Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, ramina.raimbaeva@yandex.ru

Ключевые слова: новая норма, процентные ставки, ФРС, ЕЦБ, долговая устойчивость, развивающиеся страны, глобальная ликвидность.

Влияние ФРС. Если говорить о мировом денежном цикле, то ФРС в нём занимает, пожалуй, центральное место. Доллар как был, так и остаётся и резервной валютой, и расчётной, а значит, что бы ни решили в Вашингтоне, эти решения почти всегда отзываются на финансовой обстановке у других [1, 45]. На развивающиеся страны это давление приходит сразу с нескольких сторон. Во-первых, через сами ставки. Поднимают их в США — и доходность по американским активам сразу растёт, инвесторам становится выгоднее держать деньги там, а не в условных Бразилии или Турции, и капитал постепенно утекает обратно [3, с 58]. Во-вторых, через валюту: высокие ставки толкают доллар вверх, и автоматически дороже обходится каждый занятый ранее доллар [2, с 78]. И, наконец, есть ещё канал риска. Когда денег в мире становится меньше, инвесторы начинают придирчивее смотреть на

© Раимбаева Р., Гаспарян М. А., Сартене О. Т., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

заёмщиков и требуют за вложения в нестабильные экономики уже совсем другую премию. Что ещё интересно: ФРС влияет не только тем, что делает, но и тем, что говорит. Достаточно намёка, что ставки задержатся подольше, — и рынки реагируют моментально. Доходности облигаций развивающихся стран ползут вверх, валюты слабеют, страховки от дефолта дорожают [3, с 62].

Из всех этих каналов больнее всего, конечно, бьёт валютный. Стоит доллару окрепнуть, как обслуживание долларового долга в местной валюте сразу же выходит дороже. А заодно ослабевшая национальная валюта тянет за собой инфляцию: импорт дорожает, причём в первую очередь — продукты, лекарства, всё то, без чего никуда. И тут центробанки развивающихся стран попадают, прямо скажем, в неприятное положение. Либо повышать ставку у себя следом за ФРС, чтобы хоть как-то удержать валюту, либо не трогать её и ждать, пока инфляция всех догонит [5, с 76]. Если же резервов на валютные интервенции у регулятора кот наплакал, ситуация и вовсе закольцовывается: ставки за рубежом растут — валюта падает — долг становится тяжелее — финансовая система начинает шататься. И так по кругу [1, с 52].

Роль ЕЦБ. С Европейским центральным банком история немного другая. Его влияние на развивающиеся страны не такое прямолинейное, как у ФРС, но списывать его со счетов точно не стоит [4, с 132]. ЕЦБ задаёт цену денег в еврозоне, а от этого, в свою очередь, зависит, по каким доходностям торгуются европейские облигации. Европейские банки и крупные институциональные инвесторы давно работают с развивающимися рынками, причём работают плотно, поэтому всё, что делает ЕЦБ, так или иначе до этих рынков доходит. Стоит регулятору ужесточить политику — и фондирование для самих европейских банков становится дороже. А раз так, то и кредитовать кого-то за пределами еврозоны им уже не очень-то хочется.

Сильнее всего решения ЕЦБ ощущают, конечно, страны Центральной и Восточной Европы. У них вес европейской политики порой не уступает американской, особенно если экономика плотно вшита в европейскую финансовую систему [2, с 98]. Хотя если брать мир в целом, то главным ориентиром по-прежнему остаётся именно ФРС. Но всё-таки, когда оба регулятора закручивают гайки одновременно, ликвидность сжимается сразу в двух самых крупных валютных зонах. И вот это уже бьёт по заёмщикам по всему миру. Места для дешёвых международных займов почти не остаётся. На бюджеты эффект ложится напрямую. Чем дороже обслуживать долг, тем большая часть расходов уходит в проценты, а не туда, где они принесли бы пользу [6, с 42]. Страдают от этого, как обычно, социальные программы, инфраструктура, отдельные отрасли, которые государство привыкло как-то поддерживать. Особенно тяжко тем, у кого долг с плавающей ставкой или с короткими сроками: каждое следующее повышение почти моментально отыгрывается в казне. Получается, что государство фактически становится заложником того, какие ставки сегодня в мире. А для самих правительств развивающихся стран новая реальность ставок означает примерно вот что: долговая стратегия теперь должна быть аккуратнее. Из практических вещей это, как правило, означает удлинение сроков заимствований, сокращение доли валютного долга, развитие внутреннего рынка облигаций и более предсказуемую бюджетную политику. Чем меньше страна сидит на коротких внешних деньгах, тем спокойнее она проходит мировые периоды затягивания поясов [7, с 105].

Если коротко подвести итог, то новая норма по ставкам действительно поменяла правила игры в мировой экономике. ФРС как была, так и остаётся главным игроком, который, по сути, и задаёт цену денег для всех остальных, а заодно во многом определяет, насколько устойчивы долги у развивающихся стран. ЕЦБ играет здесь скорее вторую скрипку, но тоже добавляет свою

долю к общему ужесточению и подсушивает международную ликвидность. Эпоха дешёвых денег закончилась, и теперь устойчивость долга держится, по большому счёту, на трёх вещах: бюджетной дисциплине, разумной работе с валютными рисками и сильном внутреннем рынке капитала. В выигрыше тут оказываются те, у кого хватило терпения постепенно укреплять институты, копить резервы и приучать инвесторов занимать у себя дома. А вот странам с долларизованным долгом, дырявым бюджетом и подмоченной репутацией приходится туго: любое движение мировых ставок отыгрывается на них первыми.

Список источников

1. Перспективы мировой экономики: ужесточение денежно-кредитной политики и долговые рынки // МВФ. Вашингтон: МВФ, 2025. 156 с.

2. Годовой отчёт 2025: глобальная ликвидность и уязвимость развивающихся стран // Банк международных расчётов. Базель: БМР, 2025. 210 с.

3. Чугунова С. В. Трансмиссия монетарной политики ФРС на долговые рынки развивающихся стран // Финансы и кредит. 2026. №2. С. 55–67.

4. Кузнецов А. В. Роль ЕЦБ в глобальной финансовой системе: каналы влияния на развивающиеся экономики / А. В. Кузнецов, М. В. Сергеева // Мировая экономика и международные отношения. 2025. № 8. С. 130–142.

5. Морозова Е. В. Факторы долговой уязвимости развивающихся стран в условиях роста мировых ставок // Вестник Евразийской интеграции: экономика и право. 2025. № 4. С. 72–84.

6. Тарасов А. И. Долговая устойчивость и фискальное пространство: вызовы новой нормы процентных ставок // Финансы и кредит. 2026. № 1. С. 40–55.

7. Соколова Н. Ю. Долговой кризис развивающихся стран: уроки 1980-х и новые риски // Мировая экономика. 2025. № 3. С. 98–112.

УДК 339.5

Противодействие ввозу контрафактных товаров из Китая

Румынина Анастасия Юрьевна, Прохоренко Вероника Николаевна, Сартене Ольга Туктаровна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского Федерального Университета, Красноярский край, Красноярск, ARumynina-IT@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: контрафактная продукция, импортное регулирование, Китай, таможенный контроль, интеллектуальная собственность, цифровая прослеживаемость, ЕАЭС, управление рисками.

Благодарности: авторы выражают благодарности научному руководителю Демченко Светлане Капитоновне, профессору, доктору экономических наук.

Контрафакт остается одной из наиболее острых и трудноразрешимых проблем глобальной торговли, особенно в контексте импорта из Китая – ключевого звена мировых производственных цепочек. Масштабирование трансграничных поставок, бурный рост интернет-торговли и усложнение логистических схем создают питательную среду для расширения рынка поддельной продукции. Подобная ситуация диктует необходимость постоянного совершенствования законодательной

© Румынина А. Ю., Прохоренко В. Н., Сартене О. Т., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

базы, контрольных инструментов и выстраивания конструктивного диалога между надзорными органами и владельцами исключительных прав.

Под термином «контрафакт» понимаются изделия, произведенные в обход прав интеллектуальной собственности, включая незаконное использование брендов, технологий и объектов авторского права. Ущерб от оборота такой продукции носит комплексный характер: страдает не только правообладатель, но и государственная казна из-за недополученных налогов, а также конечный потребитель, вынужденный пользоваться низкокачественными и потенциально опасными аналогами. В условиях глобализации противодействие этому явлению выходит на межнациональный уровень, что кратно усложняет правоприменение [1].

Ведущая роль в пресечении ввоза контрафакта отводится таможенному контролю – именно на границе сохраняется реальная возможность остановить незаконный оборот. Базовым международным регулятором здесь выступает Соглашение ТРИПС, которое обязывает страны-участницы применять эффективные пограничные меры, позволяющие приостанавливать выпуск подозрительных грузов и взаимодействовать с законными держателями прав [1; 2]. На уровне региона ощутимый вклад вносит деятельность ЕАЭС, где ведется планомерная работа по сближению подходов к защите интеллектуальной собственности. При этом, согласно аналитике ЕЭК, львиная доля выявляемых нарушений сопряжена именно с товарными потоками из КНР [4].

Одним из серьезнейших вызовов сегодняшнего дня является стремительный рост электронной коммерции. Торговые онлайн-площадки позволяют сбывать фальсификат напрямую конечному покупателю в виде мелких почтовых отправлений, которые крайне сложно подвергнуть сплошному таможенному досмотру. В ответ на это таможенные службы вынуждены внедрять риск-

ориентированный подход, суть которого заключается в выявлении наиболее вероятных маршрутов нелегальных поставок на основе анализа больших данных. В группу максимального риска стабильно попадают одежда, обувь, электроника, игрушки, парфюмерия и автозапчасти [3].

Ключевым прикладным инструментом остается Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС). Включение товарного знака в этот реестр служит для таможенников сигналом к более тщательной проверке и приостановлению выпуска товара до выяснения обстоятельств. Правообладатель, в свою очередь, получает легальную возможность участвовать в экспертизе и фиксировать факт нарушения. Эффективность этих процедур повышается благодаря внедрению современных технологических решений: искусственного интеллекта, алгоритмов обработки больших данных, а также систем прослеживаемости товаров (включая обязательную маркировку и элементы блокчейна).

Таким образом, противодействие контрафакту из Китая является многогранной задачей, успех которой зависит от синергии правовых норм, адаптивности контрольных органов к вызовам онлайн-торговли и активного вовлечения бизнес-сообщества в процесс защиты своих нематериальных активов.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV). Интеллектуальная собственность // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Защита прав интеллектуальной собственности таможенными органами // Федеральная таможенная служба РФ : [сайт]. URL: https://customs.gov.ru/activity/zashchita-prav-intellektual-noj-sobstvennosti.

3. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на территории Евразийского экономического союза за 2024 год // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/396/nmquzrw2qxm2kaf6wy2xb673p0hsm620/Otchet-o-PPP-za-2024-god.pdf.

4. ГОСТ Р 58637-2019. Система защиты от фальсификаций и контрафакта : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327023/.

УДК 338.564(47+57)(510)

Перспективы экспорта российской продукции в Китай

Соколов Артем Павлович, Третьяков Арсентий Владиславович, Сартене Ольга Туктаровна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Mistersh1337@gmail.com

Ключевые слова: поставки из России, КНР, внешнеторговая активность, сельскохозяйственный сектор, углеводородное сырьё, структурное обновление экспорта.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Демченко Светлане Капитоновне, профессору, доктору экономических наук.

Предметом рассмотрения выступают возможности наращивания поставок отечественной продукции на китайский рынок в контексте переформатирования глобальных

© Соколов А. П., Третьяков А. В., Сартене О. Т., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

экономических связей. Задача работы — оценить экспортный потенциал Российской Федерации и обозначить наиболее многообещающие векторы двустороннего взаимодействия. В ходе подготовки материала задействованы сопоставительный и системный методы, обобщены массивы официальной статистики. Показано, что наиболее значительные резервы роста сосредоточены в аграрном секторе, топливно-энергетической сфере и сегменте переработанных товаров. Отдельное внимание уделено значимости логистического обеспечения и межправительственных договорённостей. Итоговое заключение указывает на потребность в укреплении конкурентных позиций российских производителей и более полном учёте специфических запросов китайской стороны.

Китайская Народная Республика прочно закрепилась в статусе одного из ведущих внешнеторговых контрагентов России. На фоне сдвигов в структуре мирового хозяйства и переориентации товарных потоков значение китайского направления для отечественной экономики заметно усиливается. Устойчивое расширение внутреннего спроса в КНР, сопряжённое с высокими темпами экономического роста, формирует объективные предпосылки для увеличения физических объёмов российского экспорта.

Обращение к данной теме обусловлено необходимостью осмысления экспортных возможностей России в изменившейся геополитической реальности и в условиях интенсификации экономических переговоров с КНР. Основная исследовательская цель заключается в разборе товарной структуре вывоза, разделении ключевых факторов роста её эволюции и определении наиболее перспективных товарных групп для будущих поставок.

Методологическая основа работы образует приёмы сравнительного и статистического анализа, который составили сведения Федеральной службы государственной статистики,

Федеральной таможенной службы и ряда зарубежных информационно-аналитических источников.

Проведённая оценка свидетельствует о том, что сырьевой профиль отечественного экспорта в Китай остаётся доминирующим. В промежутке с 2015 по 2023 год на энергоносители приходилось от 70% до 80% стоимости объёма поставок. Подобное распределение подтверждает инерционность сложившейся модели участия России в двусторонней торговле. В то же время заметно прибавил аграрный сектор: его вклад поднялся с 10% до 18%. Указанный сдвиг стал результатом повышения спроса на продукты питания в КНР и расширения возможностей для выхода российских агрономов на этот рынок. Что касается изделий из древесины и металлов, то их долевое участие относительно стабильно, однако абсолютные значения не позволяют говорить о существенном влиянии на общую картину.

Наращиванию товарных потоков способствует совершенствование логистики. Сюда следует отнести модернизацию железнодорожных магистралей, повышение пропускной способности пограничных переходов и вклад по заключению договорённостей на уровне правительств двух стран. Тем не менее на пути дальнейшего роста сохраняется комплекс ограничительных факторов. Среди них ключевое значение имеют чрезмерная привязка к конъюнктуре сырьевых рынков, жёсткие требования, предъявляемые в Китае к качеству ввозимой продукции и процедурам её сертификации, а также конкуренция. К этому добавляются возрастающие транспортные расходы и непредсказуемость внешнеэкономической среды в целом.

Сложившуюся модель российско-китайского торгового обмена отличает известная асимметрия, в рамках которой за Российской Федерацией закреплена функция преимущественного поставщика невозобновляемых природных ресурсов. Вместе с тем обозначившаяся тенденция к постепенному увеличению

несырьевой составляющей экспорта позволяет говорить о начальных признаках трансформации прежней модели.

Китай остаётся главным торговым партнёром России, объёмы поставок стабильно растут. В экспорте доминирует сырьё (70–80 %), однако аграрный сектор нарастил долю с 10 до 18 процентов. Расширению ассортимента мешают слабые места логистики, строгость сертификации и сильная конкуренция. Будущие успехи связаны с ростом продаж переработанных товаров и совершенствованием транспортных путей.

Список источников

1. Балашова Е. А. Российско-китайское экономическое сотрудничество: современные тенденции и перспективы развития // Экономика и управление. 2021. № 4. С. 45–52.

2. Винокуров Е. Ю. Евразийская экономическая интеграция. Москва: Юрайт, 2020.

3. Гурова И. П. Международная экономика. Москва: Омега-Л, 2019.

4. Дробышевский С. М. Экспортный потенциал России в условиях глобальных изменений // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 112–125.

5. Кузнецова Н. В. Международная торговля. Москва: Инфра-М, 2020.

6. Лебедева Л. Ф. Экономика Китая. Москва: Юрайт, 2021.

7. Мау В. А. Российская экономика: тенденции и перспективы. Москва: Дело, 2022.

8. Романова Т. В. Торгово-экономические отношения России и Китая // Вестник международных организаций. 2021. № 2. С. 56–67.

9. Фролов Д. П. Экономические отношения России и Китая // Мировая экономика. 2022. № 5. С. 22–30.

10. Федеральная служба государственной статистики.

11. Федеральная таможенная служба Российской Федерации.

УДК 339.543

Роль таможенных пошлин и тарифных мер в регулировании рынка продовольственных товаров

Чуприна Анна Андреевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, annzch.23@gmail.com

Ключевые слова: таможенно-тарифное регулирование, продовольственный рынок, импортные пошлины, экспортные пошлины, тарифные квоты, продовольственная безопасность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, кандидату технических наук, доценту Осмоловской Н. А.

Таможенно-тарифное регулирование является ключевым инструментом государственной политики на продовольственном рынке России. В сфере продовольствия оно особенно важно, так как продукты питания относятся к жизненно необходимым товарам, а их доступность — ключевой социальный показатель. Продовольственный сектор защищён выше среднего: средневзвешенная ставка импортного тарифа на продовольствие составляет около 6 % и сохраняется на этом уровне на весь прогнозный период [3]. Повышенные пошлины могут увеличивать внутренние цены, поэтому государство использует временную отмену пошлин на социально значимые товары и продлевает контрсанкции (Указ Президента РФ № 807) [1].

© Чуприна А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Наряду с импортными пошлинами важную роль играют экспортные пошлины, которые сдерживают рост внутренних цен на сырьё: при их повышении экспортёр перенаправляет товар на внутренний рынок, увеличивая предложение. Пример — масложировой комплекс. До 31 августа 2028 года продлены пошлины: на семена подсолнечника — 50 % (не менее 32 тыс. руб./т); на подсолнечное масло — «плавающая» ставка. Результат: мощности переработки выросли на 18 %, посевные площади под подсолнечником достигли рекордных 11,2 млн га [4].

С 2021 года действуют «плавающие» экспортные пошлины на зерновые (70 % разницы между индикативной и базовой ценой). На начало 2026 года базовая цена пшеницы — 18 000 руб./т, ячменя и кукурузы — 17 875 руб./т. Динамика пошлин за январь 2026 года (таблица 1) показывает, что при снижении мировых цен пошлина обнуляется, что подтверждает адаптивность механизма [5].

Таблица 1. Динамика экспортных пошлин на зерновые культуры за январь 2026 г.

Период действия	**Пшеница (руб./т)**	**Ячмень (руб./т)**	**Кукуруза (руб./т)**
1-11 января 2026	109,1	0	0
12-13 января 2026	97,3	0	0
14-20 января 2026	0	0	0
21-27 января 2026	0	0	0

Отдельного внимания заслуживает практика индивидуальных квот для отдельных территорий (таблица 2).

Таблица 2. Объем квот на вывоз зерновых из новых регионов на 2026 год, тонн

Регион	**Объем квоты**
Донецкая Народная Республика	75 000
Луганская Народная Республика	70 000
Запорожская область	500 000
Херсонская область	350 000

Наибольшие объёмы приходятся на Запорожскую и Херсонскую области. Также установлены квоты для Приморского края, Амурской и Калининградской областей с учётом их специализации [2].

Список источников

1. О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 18.09.2024 №807 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Об установлении и особенностях распределения тарифных квот, установлении ставок вывозных таможенных пошлин на вывоз отдельных видов сельскохозяйственных культур, произведенных на территориях Приморского края, Амурской области и Калининградской области : Постановление Правительства РФ от 27.12.2025 № 2168 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов (разработаны Минфином России). Приложение 6. // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru.

4. Правительственная подкомиссия поддержала продление мер по обеспечению стабильности продовольственного рынка //

Пресс-служба Минэкономразвития России : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/tamozhenno_tarifnoe_regulirovanie/pravitelstvennaya_podkomissiya_podderzhala_prodlenie_mer_po_obespecheniyu_stabilnosti_prodovolstvennogo_rynka.html.

5. С 14 января пошлина на экспорт из РФ пшеницы будет нулевой // Финмаркет : [сайт]. URL: https://www.finmarket.ru/news/6538451.

UDC 339.542:658.62(47+57)

Statistical Analysis of the Volume and Structure of Commodity Examinations of the Central Economics Commission of the Federal Customs Service of Russia

Agafonova Angelina Vyacheslavovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, gelya.agafonova.03@gmail.com

Keywords: commodity examination, Central Expert-Criminalistic Customs Administration, expert studies and research, market value of goods, foreign trade turnover.

Acknowledgements: the author would like to thank scientific supervisor, Candidate of Technical sciences, Docent V. K. Menshikova.

The activities of customs authorities are directly depended on the innovative and technological equipment of expert institutions. A key role in the expert-criminalistic support of the Russian Federation Customs Service is performed by Central Expert-Criminalistic Customs Administration [1].

© Agafonova A. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

The Central Expert-Criminalistic Customs Administration, established in 1990, conducts customs examinations and expert studies in cases of administrative offences and provides scientific and methodological support for them. Its well-developed territorial structure comprises 10 expert-criminalistic services and 36 subdivisions. Since 2016, it has held the status of a regional customs laboratory of the World Customs Organization. Each year, Central Expert-Criminalistic Customs Administration performs an average of 30,000 expert examinations, of which the share of commodity expertise aimed at determining the market value of goods [2; 3] amounted to 47.45% in 2025.

Such a significant volume indicates that the core activity of Central Expert Criminalistic Customs Administration is concentrated on his type of expertise, which is a key element in the calculation of customs duties and in preventing their under- or overstatement [4].

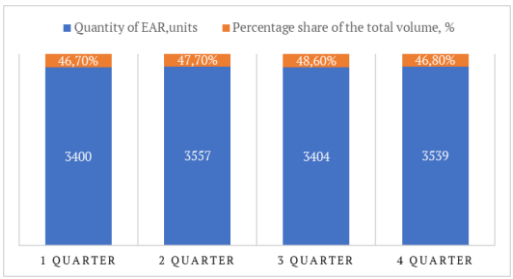


Figure 1. Quarterly dynamics of the volume of commodity expert examinations in 2025.

During the analysis of Central Expert-Criminalistic Customs Administration activities in the field of commodity expert examinations for determining the market value of goods in 2025, it was found that specialists performed 13,900 expert studies and research (Figure 1).

As shown in Figure 1, the volume of work performed remained relatively stable, with 3,400-3,557 examinations conducted each quarter. This stability is not due to seasonal fluctuations, but rather to the risk-oriented approach of the Federal Customs Service, under which the volume of expert examinations and studies is determined by the need to confirm the value and quality of goods.

Over the course of the year, the examinations were distributed across five principal categories according to commodity groups (Figure 2). The largest volume was accounted for by examinations of food products and objects of plant and animal origin, as well as non-food goods, which is attributable to their predominance in the trade turnover of the Russian Federation and the necessity of customs value control amid the ongoing reorientation of foreign trade flows [5]. Technical goods occupied an intermediate position, reflecting equipment imports, whereas the low proportion of precious stones and cultural valuables is attributable to their comparatively limited turnover combined with the high complexity of expert examination [6].

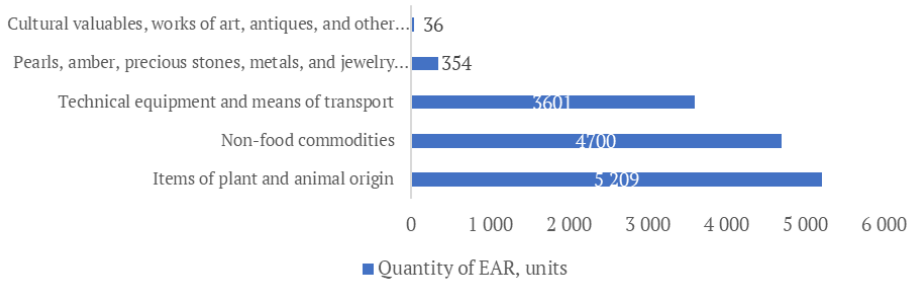


Figure 2. Distribution of commodity science examinations across product categories for the year 2025.

In 2025, the Central Expert-Criminalistic Customs Administration classified goods into five categories of complexity: the majority of examinations—57.2%—fell under Category 1, 40.6% comprised items of Categories 2–3, and the smallest share (2.15%) was accounted for by the most complex examinations of Categories 4–5. This distribution is attributable to their substantial share in the trade turnover of the Russian Federation and the necessity of customs value verification amid the ongoing reorientation of foreign trade flows [6]. The predominance of standardized examination objects facilitates the optimization of examination timeframes and the rational utilization of human resources [7] (Table 1).

Table 1. Distribution of EAR by complexity categories for 2025

Complexity category	**Number of EAR, units**	**Percentage share, %**
1 category	7954	57,2%
2 category	4161	29,9%
3 category	1482	10,7%
4 category	282	2%
5 category	21	0,15%
In total	13 900	100,0

Thus, the analysis of the activities of the Central Expert-Criminalistic Customs Administration in 2025 confirms its key role in the innovation and technological support of the Federal Customs Service of the Russian Federation. The stable workload (13,900 EAR) and the predominance of low-complexity objects (57.2% – Category 1) under a risk-based approach ensure the efficient formation of the evidentiary base, customs value control, and the prevention of customs offenses. In 2025, additional charges totaling 2.7 billion rubles were accrued to the state budget, which attests to the substantial contribution of the Central Expert-Criminalistic Customs Administration to the fiscal function of the state.

References

1. On the activities of the Central Expert-Criminalistic Customs Administration // Central Expert-Criminalistic Customs Administration: [site]. URL: https://cektu.customs.gov.ru/about/obshhaya-informacziya (date of access: 28.03.2026).

2. Practical aspects of determining the market value of cultural property for customs purposes / V. K. Menshikova, E. A. Berdnikova, K. D. Belan [et al.] // Trade, Service, Food Industry. 2023. Vol. 3, № 3. P. 264–277

3. Menshikova V. K. Determining the market value of goods for customs purposes / V. K. Menshikova, A. V. Bondareva // Regional Consumer Goods Markets: Quality, Environmental Friendliness,

Business Responsibility: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Krasnoyarsk, 2021. P. 168-172.

4. History // Central Expert-Criminalistic Customs Administration: : [site]. URL: https://minjust-expert27.ru/tovar (date of access: 28.03.2026).

5. Structure of completed work by quarter // Central Expert-Criminalistic Customs Administration: [site]. URL: https://cektu.customs.gov.ru/ved/statisticheskaya-i-spravochnaya-inf/struktura-vypolnenyx-rabot-pokvarta (29.03.2026).

6. Export and import of Russian goods under large-scale sanctions / E.A. Markov, E.R. Yakovleva, V.K. Menshikova [et al.] // Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology. 2024. № 4. P. 53-56.

7. Transformation of the Russian labor market – the labor seller's market / E. A. Markov, E. R. Yakovleva, V. K. Menshikova [et al.] // Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology. 2025. № 2. P. 54–57.

UDC 339.543

Digital Transformation of Customs Authorities: New Challenges and Technological Solutions

Alabugina Alexandra Sergeevna, Petrash Tatiana Yurievna, Azanova Daria Maksimovna
Institute of Trade and Service Industries of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, aas2019@yandex.ru

Keywords: digital transformation, customs authorities, artificial intelligence, risk management, big data, information security.

Acknowledgements: the work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The author expresses gratitude to the supervisor, Yordanova Vera Nikolaevna, a senior lecturer.

The article analyzes current shifts in the customs flow management system under the influence of intelligent technologies implementation. The evolution from paper-based document flow to automated control based on large-scale data processing is examined. Key obstacles to digitalization are identified: information infrastructure vulnerability, personnel shortages, and technical incompatibility of departmental systems. Directions for improving customs administration through the creation of a unified digital ecosystem are proposed.

For a long time, the automation of public services was reduced to converting paper documents into digital format. However, for customs, this approach is insufficient. Today, we are talking about a model where decisions are made by algorithms. According to V. A. Shapovalov, deep transformation is possible thanks to technologies that detect non-

© Alabugina A. S., Petrash T. Yu., Azanova D. M., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

obvious violations. Machine learning algorithms, analyzing millions of data arrays, form "risk profiles" in real time [4, p. 44]. This allows routine operations to be replaced by computational models that automatically distribute foreign trade participants into trust categories, turning the digital environment into a unified space without repeated data verification [4, pp. 48–49].

As it is noted by M. V. Boikova and S. V. Novikov, the Federal Customs Service of Russia is not building an ecosystem from scratch but relies on successful architectures of related agencies (tax service, accreditation), which avoids reinventing the wheel but carries the risk of copying others' mistakes [3, p. 17]. This is confirmed by the FCS Strategy until 2030, where the complete abandonment of paper is named a key indicator of "digital maturity" [2].

An analysis of documents allows to identify four main vectors of modernization. The first is intelligent risk forecasting: the introduction of machine learning to detect violations and speed up checks for trustworthy companies. The second is the creation of a unified environment for agencies: integrating customs and tax databases for one-time submission of information. The third is business grading by reliability level: automatic assignment of authorized operator status, where the higher the trust, the softer the control. The fourth is personnel transformation: large-scale training in working with big data and planned replacement of up to 40% of positions in the central office with IT specialists by 2026 [2].

Romanov, R. V., Demakova, E. A., et al. [7] propose, as measures to improve the effectiveness of the risk management system, strengthening customs control after the release of goods, expanding the use of the traceability system, and improving technical means of control.

Despite progress, persistent problems remain. Information security: the growth of data volumes increases the risk of leaks, and protection systems cannot keep up with the increasing complexity of the infrastructure. Personnel shortage: according to I. S. Petrov and A. A.

Sidorov, the most acute problem is the shortage of specialists capable of configuring data analysis algorithms [5, p. 91]. System incompatibility: the platforms of the FCS and the Ministry of Internal Affairs are poorly integrated, leading to manual requests and delays. Imitation of digitalization: participants' personal accounts often lack feedback (for example, when debt arises), creating only the appearance of transparency [6].

Summarizing the shortcomings, several measures can be proposed. First, legal consolidation of basic concepts ("digital customs", "intelligent customs"), since their absence creates chaos in law enforcement [6]. Second, technical integration of departmental databases for real-time data exchange. Third, reforming the personnel training system (continuous education from university to inspectors). Fourth, the introduction of full two-way feedback in digital services.

Traditional automation gives way to a unified digital platform based on AI. The key risks are technical incompatibility and an acute shortage of IT specialists.

References

1. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation №490 of October 10, 2019 : [site]. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 15.03.2026).

2. Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation № 1388-r of May 23, 2020. M., 2020.

3. Boikova M. V. transformation of customs administration: problems and prospects / M. V. Boikova, S. V. Novikov // Customs Business. 2025. №3. P. 15–22.

4. Shapovalov V. A. Artificial intelligence in risk management systems: experience and prospects // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2024. №4. P. 42–51.

5. Petrov I. S. Personnel support for digital transformation in public authorities / I. S. Petrov, A. A. Sidorov // Economics and Management. 2026. № 32(1). P. 88–95.

6. Digital customs: challenges and threats in the context of digital transformation of the economy / I. V. Derevtsova, L. N. Klyuchnikova, S. S. Kochetygova [et al.] // Baikal Research Journal. 2022. № 13(4).

7. Problems of achieving effectiveness of the risk management system application in actual customs offices / R. V. Romanov, E. A. Demakova, A. V. Bondareva [et al.] // Trade, Service, Food Industry. 2023. №1. P. 40-58.

UDC 339.19:341.355.22=111

Drug, Alcohol, and Tobacco Smuggling into the Russian Federation in 2021–2025: Dynamics, Geography, and Legal Regulation

Alimova Liliya Rashitovna, Naumenko Anastasia Mikhaylovna
Institute of Trade and Services of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: smuggling, narcotics, alcohol, tobacco products, FCS of Russia, criminal liability, "Chestny Znak", EAEU.

Acknowledgements: the work was carried out under the supervision of V. N. Yurdanova, senior lecturer.

Smuggling of narcotics, alcohol, and tobacco products remains one of the serious threats to the economic security of the Russian Federation. During the 2021–2025 period, there has been a significant transformation in the structure of illegal trafficking and law

© Alimova L. R., Naumenko A. M., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

enforcement approaches to countering it. The introduction of the "Chestny Znak" digital marking system, changes in criminal and administrative legislation, and the strengthening of customs control have led to an increase in the detection of offenses [1].

According to Federal Customs Service data, 641 criminal cases were initiated in the first quarter of 2024, which is 14% more than in the same period of 2023. Of these, 222 cases involved the smuggling of strategically important goods and potent substances (Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), which include large shipments of alcohol, high-value tobacco products, and drugs [3]. By the first nine months of 2025, the number of criminal cases reached 1,548, with 776 falling under Article 226.1. Over a year and a half, the number of cases involving the smuggling of strategically important goods increased 3.5 times [1]. Tobacco products hold a leading position among smuggled items. In 2024, 131 criminal cases were initiated regarding tobacco smuggling (a nearly fourfold increase compared to 2023) [2]. As of April 1, 2024, Federal Law No. 43-FZ came into force, under which the illegal movement of alcohol and tobacco products valued at over 100,000 rubles falls under Article 226.1 of the Criminal Code. Large-scale tobacco and alcohol smuggling is now equated with the smuggling of drugs and weapons [6].

A prime example of high smuggling activity is the Irkutsk region. In the first 11 months of 2025, the "Irkutsk Airport" customs post initiated 448 administrative cases regarding illegal tobacco imports-twice as many as the previous year. More than 230 kg of naswar, 45,000 cigarettes, 340 heated tobacco sticks, and 1.5 kg of hookah tobacco were seized. Smuggling is carried out mainly by foreign citizens [4]. The key numerical indicators of drug, alcohol, and tobacco smuggling in Russia for the period under review are summarized in. According to the IX All-Russian Study by the National Research Center for Competencies (Q3–Q4 2025), the share of illicit tobacco trafficking in the RF decreased to 8.6%. However, the situation varies by region: the highest levels were

recorded in the Chechen Republic (31.5%), Yaroslavl Region (25.1%), and Dagestan (25.0%).

Table 1. Key Indicators of Smuggling in Russia (2021–2025)

Indicator	**Value**
Criminal cases, Q1 2024	641
Criminal cases, 9 months of 2025	1,548
Growth of cases under Article 226.1 (1.5 years)	3.5 times
Criminal cases for tobacco smuggling, 2023	34
Criminal cases for tobacco smuggling, 2024	131
Administrative cases (Irkutsk, 11 months of 2025)	448
Share of illicit tobacco in Russia (2025)	8.6%
Share of illicit tobacco (Chechnya)	31.5%
Share of illicit tobacco (Dagestan)	25.0%
Share of Belarusian brands in illegal EAEU imports	79.9%
Fine for organizations (tobacco without registration)	100–150 thousand RUB
Prison term for unmarked nicotine products (Art. 171.1)	up to 3 years

The main source of illegal products is EAEU countries (4.4% of total turnover), with 79.9% of that originating from Belarusian brands [5]. Additional measures were taken in 2025. As of June 7, 2025 (Law No. 148-FZ), administrative fines were introduced for the production of naswar and snus, as well as for the turnover of products without registration in "Chestny Znak" [7]. As of August 3, 2025 (Law No. 234-FZ), criminal liability was introduced for the large-scale turnover of unmarked nicotine-containing products (over 100,000 rubles) under Article 171.1 of the Criminal Code-punishable by up to 3 years of imprisonment. Forging identification marks (Article 327.1) carries a penalty of up to 8 years [8].

Regarding narcotics, the FCS of Russia indicates that items in cases under Article 226.1 are predominantly narcotic drugs and psychotropic substances. The main channels include EAEU countries (synthetics, marijuana, opium) and transit through Europe [1].

Consequently, the 2021–2025 period saw a sharp increase in detected tobacco and alcohol smuggling, driven mainly by improved customs enforcement rather than an actual surge in illegal activity. Legislative changes have successfully equated large-scale tobacco and alcohol contraband with drug and weapons smuggling under Article 226.1 of the Criminal Code. However, to combat this effectively, several measures are needed: explicitly banning naswar, intensifying operations in Chechnya and Dagestan, strengthening cooperation with Belarus, launching public awareness campaigns, and regularly evaluating the new criminal penalties.

References

1. The FCS of Russia initiated over 1.5 thousand criminal cases in 9 months of 2025 // Federal Customs Service of the Russian Federation : [site]. URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/662684.

2. The FCS of Russia reports a fourfold increase in the number of criminal cases for tobacco smuggling in 2024 // Federal Customs Service of the Russian Federation : [site]. URL: https://limited.customs.gov.ru/press/federal/document/602373.

3. Customs authorities initiated over 640 criminal cases in Q1 2024 // Federal Customs Service of the Russian Federation : [site]. URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/576285.

4. Irkutsk customs officers filed 448 cases of tobacco smuggling in 2025 // IA «BST» : [site]. URL: https://bst.bratsk.ru/news/76503.

5. IX All-Russian study of the tobacco products market (Q3–Q4 2025) // National Research Center for Competencies : [site]. URL: https://nnck.gov.ru/.

6. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law № 43-FZ of March 11, 2024.

7. On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation : Federal Law № 148-FZ of June 7, 2025.

8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law № 234-FZ of July 23, 2025.

UDC 338

Confectionary Products Based on Pectin from Non-Food Raw Materials

Belova Anastasia Sergeevna, Timoshkov Anton Igorevich
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, dderlie@mail.ru

Keywords: pectin, Siberian larch bark, non-food plant materials, functional food, production flow chart, import substitution.

According to statistical data, in 2025, approximately half of Russians' income was spent on food. At the same time, the expenditure structure is skewed toward protein-rich foods and essential goods [1].

In light of this, in March 2026, we conducted a study on the purchasing preferences of Krasnoyarsk residents regarding confectionery products.

The survey involved 100 participants, of whom 43 were men and 57 were women. The average income turned out to be 20-30 thousand rubles.

The survey results showed that demand is actively growing for natural products without sugar and flour. Particular preference is given to confectionery items such as fruit pastila. The production of these fruit-and-berry products requires a gelling agent—pectin.

© Belova A. S., Timoshkov A. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

However, at present, pectin is not produced in Russia, and all the needs of the food industry are met through imports. At the same time, the Russian Federation possesses substantial raw material resources for producing pectin, including both traditional and non-traditional ones.

Specifically, A.A. Efremov and T.A. Kondratyuk from the School of Trade and Services of Siberian Federal University developed a technology for extracting pectin from the bark of Siberian larch, and determined its fractional composition, physicochemical parameters, and safety indicators [3].

Given the positive experience from the aforementioned studies, we developed a formulation for pastila confectionery named "Sibirskaya" based on apple–pumpkin purée and pectin extracted from larch bark. To this end, the chemical composition of three regionalized pumpkin varieties—"Vitaminnaya," "Michurinskaya," and "Mindalnaya 35"—was investigated. The results of the study are presented in Table 1.

Table 1. Chemical composition of common pumpkin fruits of different varieties (in wt. %)

The determined indicator*	**Pumpkin variety name**		
	Vitaminnaya	**Michurinskaya**	**Mindalnaya 35**
Moisture, %	90,30±0,05	88,25±0,05	89,20±0,05
Ash content, %	5,65±0,05	7,00±0,05	4,95 ±0,05
Fiber, %	4,52±0,05	3,45±0,05	4,20±0,05
Starch, %	21,15±0,05	24,98±0,05	20,95±0,05
Sugars, %	11,90±0,05	18,00±0,05	12,65±0,05
Pectin, %	1,45±0,05	1,65±0,05	0,85±0,05
Protein, %	1,52±0,05	1,48±0,05	1,20±0,05
Organic acids, %	0,15 ±0,05	0,65 ±0,05	0,10±0,05
Carotene, мг%	7,23±0,05	7,92±0,05	1,81±0,05

As follows from the data presented in the table, the analyzed biomass contains a small amount of organic acids and fiber, but a relatively high amount of pectins.

In terms of sugar and starch content, pumpkin fruits of the "Michurinskaya" variety represent the highest quality raw material.

The vitamin composition of three varieties of Siberian small-fruited apples most commonly cultivated was investigated: "Uralskoe nalivnoe," "Vospitannitsa," and "Alyonushka." The results of the study are presented in Table 2.

Table 2. Vitamin content in the analyzed biomass (mg%)

The determined indicator	**Small-fruited apple variety name**		
	Uralskoe nalivnoe [4]	**Vospitannitsa [4]**	**Alyonushka**
Vitamin C	17,25±0,5	21,10±0,5	13,85±0,5
Carotene	0,05±0,005	0,94±0,005	0,07±0,005
Vitamin B_1	0,09±0,005	0,08±0,005	0,06±0,005
Vitamin B_2	0,07±0,005	0,06±0,005	0,03±0,005
Vitamin B_9	0,06±0,005	0,06±0,005	0,02±0,005
Vitamin E	traces	traces	traces
Vitamin PP	61, 75±0,5	64,05±0,5	34,10±0,5

From the data in Table 2, it is evident that, across all indicators, the fruits of the ranetka variety "Vospitannitsa" are of the highest quality. It is precisely this variety that is proposed for use in the production of the "Sibirskaya" pastila.

Based on the conducted studies of the chemical composition of pumpkin and small-fruited apple fruits regionalized in the Krasnoyarsk Territory, we have proposed a technological scheme for processing this plant raw material into two-component purée, which is presented in Figure 1.

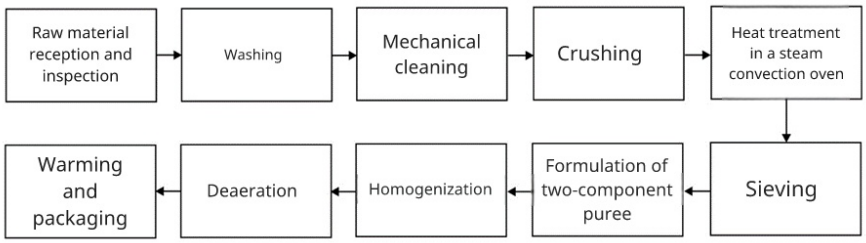


Figure 1. Technological scheme for the production of two-component apple–pumpkin purée.

The raw material inspection stage includes the steps of rejecting unusable fruits. The crushing stage involves grinding the biomass in disc or grater crushers. Thermal treatment in a combi steamer is carried out at a temperature of 110°.

Table 3. Raw material losses during thermal processing and purée preparation

Raw material name	**Initial weight, g**	**After steam treatment, g**	**After blender treatment, g**	**After sieving, g**	**Total losses, %**
Pumpkin	484	422	390	374	22,7
Small-fruited apple	514	490	464	362	29,6

As follows from Table 3, the raw material losses during the technological process amounted to 22.7% for pumpkin and 29.6% for small-fruited apples.

The prepared two-component purée is then mixed with granulated sugar, pectin is added. Thus, in the course of this study, a formulation and a technological scheme for the production of "Sibirskaya" pastila have been developed, based on two-component apple–pumpkin purée with the addition of pectin from Siberian larch bark.

References

1. Потребительская корзина: изменения 2026 года // Своё фермерство : [сайт]. URL: https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/potrebitel-skaja-korzina-izmenenija-2026-goda (дата обращения: 13.03.2026).

2. Ефремов А. А. Выделение пектина из нетрадиционного растительного сырья и применение его в кондитерском

производстве / А. А. Ефремов, Т. А. Кондратюк // Химия растительного сырья, 2008. № 4. С.171–176.

3. Кротова И. В. Специализированные пищевые продукты на основе мелкоплодных яблок и сибирских ягод / И. В. Кротова Е.Н. Новикова // Современные проблемы развития техники, экономики и общества: Материалы I Международной научно-практической заочной конференции. Казань: Изд-во: ООО «Ро́кета Союз». 2016. С. 40-44.

UDC 336.74

Transformation of Capital Flight Mechanisms and Countermeasures in the Context of the New Geo-Economic Reality

Elena Romanovna Belova[1], Ekaterina Andreevna Kozlova
[1,2]Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
[1]wwhitelena@vk.com
[2]katusha.kozlova@mail.ru

Keywords: capital flight, economic security, offshore jurisdictions, deoffshorisation, special administrative regions, BRICS, EAEU, currency control.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to their academic supervisor Vera Nikolaevna Yurdanova, Senior Lecturer.

Abstract. The article examines how capital flight mechanisms are changing under geopolitical restrictions, sanctions pressure, and the digitalisation of financial flows. It demonstrates that traditional

© Belova E. R., Kozlova E. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

channels of capital outflow are increasingly being supplemented by more sophisticated schemes, including the use of friendly jurisdictions, redomiciliation, cross-border settlements via new financial centres, and crypto assets. Special attention is paid to countermeasures such as the development of special administrative regions, deoffshorisation, strengthening customs and currency controls, and international coordination within BRICS and the EAEU. The study concludes that effectively countering capital flight is only possible through a combination of legal, institutional, and technological instruments.

Capital flight refers to the transfer of financial resources outside a country, whether legal or illegal, aimed at protecting assets from economic, political, and social risks. In the new geo-economic reality, this phenomenon has acquired different scales and forms: the geography of capital outflow is shifting, friendly jurisdictions and digital settlement channels are gaining importance, and hybrid schemes that combine formal legality with economic ambiguity are becoming more widespread. This makes the issue particularly relevant for assessing the resilience of the national financial system and the level of economic security.

The main drivers of capital outflow remain high inflation, currency instability, tax pressure, economic recession, institutional instability, and abrupt regulatory changes. In addition, external restrictions, sanctions, and the growing complexity of international financial settlements are playing an increasing role. Under current conditions, capital flight is increasingly implemented not through direct transfers to traditional offshore zones, but through company redomiciliation, the use of intermediary jurisdictions, trade mispricing in foreign contracts, and cross-border transactions via countries that have not joined the sanctions regime.

A key feature of the present stage is that capital flight has become technologically more difficult to detect. Alongside banking channels, digital platforms, crypto assets, and complex ownership structures are being used. As Romanov R.V., Demakova E.A., Bondareva A.V., and

Grigalchik G.N. note, "*the main criterion for the effectiveness of customs inspections should be the detection of violations, as well as goods prohibited or restricted for import or export across the customs border*" [8, p. 15]. This quotation logically highlights that countering illicit capital movement requires not only formal controls, but also a focus on identifying actual risks and violations.

The changing geography of capital movement is reflected in the growing importance of the United Arab Emirates, the Gulf states, EAEU countries, China, and several Asian jurisdictions. At the same time, not only the direction of flows is changing, but also their functional role: some jurisdictions are becoming not so much final destinations for capital outflow as platforms for asset redistribution, settlement transactions, and corporate restructuring. This calls for a more precise analysis not only of the fact of capital movement, but also of its economic substance.

A major element of state policy aimed at countering capital flight remains deoffshorisation. Special administrative regions are an important tool, enabling companies to return assets to the Russian jurisdiction while retaining certain tax and legal advantages. At the same time, measures are being implemented to restrict the transfer of funds through controlled foreign companies, enhance transaction transparency, and reduce the use of cash. Additional significance is attached to temporary restrictions on transactions involving foreign securities and corporate rights, as well as to the strengthening of currency and customs supervision.

International coordination also plays a significant role. The expansion of settlements in national currencies, the development of financial cooperation within BRICS, and the harmonisation of rules within the EAEU are creating an alternative infrastructure for cross-border capital movement. This does not eliminate capital flight entirely, but it helps reduce dependence on external financial centres and increase the resilience of national economies. In this context, it is

particularly important to combine control measures with the creation of an attractive domestic investment environment.

Global experience shows that there is no universal solution to this problem. In some cases, temporary capital controls prove effective; in others, the most important factor is the formation of an institutionally reliable and investment-friendly domestic environment. Therefore, the fight against capital flight should be based on a comprehensive approach that includes legal restrictions, improved tax administration, digital transaction monitoring, the development of domestic capital markets, and international cooperation. Only such a model can both reduce resource outflows and support economic growth.

References

1. Economic Security: Textbook / ed. by M.V. Popov. Moscow: INFRA-M, 2022. 320 p.

2. Oskolkov, A. "Everything Flows: How Capital Outflow and Return Affect the Development of Global Crises." Russian Economic School, 21.11.2024. URL: https://guru.nes.ru/actual/kak-ottok-i-vozvrashhenie-kapitala-vliyayut-na-razvitie-globalnyix-krizisov.html.

3. Yale School of Management. CEO Letter: List of Companies Leaving Russia. URL: https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-remains.

4. List of States and Territories Providing Preferential Tax Regimes and/or Not Requiring Disclosure and Provision of Information in Financial Transactions (Offshore Zones). Decision of the Bank of Russia Board of Directors dated 19.12.2025. URL: https://cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-12-19_14_04/.

5. "The UAE Are Being Excluded from Russia's Offshore List: What Does This Mean for Investors?" Arguments and Facts, 2026. URL: https://spb.aif.ru/money/realty/oae-isklyuchayut-iz-ofshornogo-spiska-rossii-chto-eto-znachit-dlya-investorov.

6. Federal Law No. 46-FZ of 08.03.2022 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203080004.

7. Eurasian Economic Union official website. Financial Policy. URL: https://eaeunion.org/.

8. Problems of Achieving the Effectiveness of the Risk Management System in Customs of Actual Control / Romanov R. V., Demakova E. A., Bondareva A. V., Grigalchik G. N. // Trade, Service, Food Industry, 2023. Vol. 3, № 1. P. 40–58.

UDC 82.09

Specifics of Customs Activity as a Factor of Professional Deformation: Restructuring of Psyche and Value-semantic Sphere of Personality

Bernatskaya Diana Dmitrievna[1], Kara-Sal Aiyza Soldat-oolovna[2]
[1,2]Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
[1]d.bernatskaya-it24@stud.sfu-kras.ru
[2]akara-sal-it24@stud.sfu-kras.ru

Keywords: professional deformation, customs authorities, hypercontrol, cognitive switching, psychological prevention, personality deformation, professional activity.

Acknowledgements: the work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, a grant for state support for the creation and development of a

© Bernatskaya D. D., Kara-Sal A. S., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

technology transfer center, project No. 075-15-2021-1377; the authors express their gratitude to the scientific supervisor Vera Nikolaevna Yurdanova, a senior lecturer.

Professional activity determines mental processes and the value-meaning sphere. This phenomenon is called professional deformation. According to E.F. Zeer, it is a cognitive and personal distortion arising from prolonged performance of monotonous actions with high responsibility. This process is not a pathology but represents an adaptive mechanism that, outside of work, performs a maladaptive function in interpersonal and social relations [1]. For customs officers, the risk of developing persistent deformations is especially high.

The daily activities of a customs officer involve high tension and uncertainty: control and supervisory functions (checking documents, databases), law enforcement functions (detecting violations), and communicative functions (interacting with people whose motivation is often ambivalent). For effective work, an employee must maintain hyper-vigilance (sensitivity to non-standard stimuli), emotional rigidity (reducing empathy when it contradicts procedural norms), legal reductionism (priority of legal norms over ethical contexts), as well as stress tolerance and multitasking under time constraints and high responsibility [2]. These qualities, while necessary tools, lay the foundation for subsequent personal transformations.

Prolonged activation of these qualities leads to generalization — the transfer of work patterns to non-work spheres, altering the cognitive, affective, and behavioral domains. In the cognitive sphere, this manifests as hypercontrol over finances, total verification of receipts, pathological demandingness regarding order, and continuous "scanning" of the environment. According to L. Festinger's theory of cognitive dissonance, such behavior is reinforced by an attempt to reduce anxiety through absolute control over the micro-environment [3].

In the affective sphere, working within the "person-law enforcement system" paradigm involves the blocking of empathy. As C. Maslach notes, this is a key component of burnout syndrome: others are perceived as objects of inspection — "declarant," "offender," "high-risk traveler" [4]. Moral attitudes shift toward instrumental ethics, where formal legality, rather than humanity, becomes the criterion of morality.

In the behavioral sphere, the interaction style and multitasking required to maintain control under time constraints and high responsibility [2]. It is precisely these qualities, while being necessary tools of professional activity, that lay the foundation for subsequent personal transformations.

Timely diagnosis of occupational deformity is important for mental health and stability of the environment. Markers: dominance of professional vocabulary; "scanning" — involuntary assessment of others for compliance; narrowing affiliation needs — reduced contacts with "non-professionals" [6].

Psychoprophylaxis is based on localization of skills within official time. An effective method is the "entrance-exit" ritual: changing clothes and physically separating "work-home" routes. This breaks the pathological link between professional behavior and the home environment [7].

Recommended: cognitive decentralization — stepping away from a professional role and developing multiple identities (parent, partner, citizen). This reduces the risk of mono-identity, the core of professional deformation. Leisure should follow the compensation principle: highly structured work — low-regulated recreation (creativity, nature, sports without fierce competition). This restores nervous system flexibility [1].

In conclusion, the specifics of working in the customs authorities inevitably lead to a transformation of the psychological state and moral attitudes of the employee. An effective way to preserve personal integrity is not the mechanical separation of work from life, but the formation of cognitive switching and the development of a multiplicity

of social roles. This ensures "self-identity" outside the profession and serves as a key factor in resistance to the deforming influence of official duties.

References

1. Zeer E. F. Psychology of professional development. M.: Akademiya. 2019.

2. Boyko V. V. The energy of emotions in communication: a look at oneself and others. St. Petersburg: Peter. 2018.

3. Festinger L. Theory of cognitive dissonance. St. Petersburg: Juventus. 2000.

4. Maslach C. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry / C. Maslach, M. P. Leiter // World Psychiatry. 2016. №15(2). 103-111.

5. Druzhilov S. A. Occupational deformation as an indicator of personality maladaptation // Psychology and Psychotechnics. 2017. №4. P. 67-74.

6. Vodopyanova N. E. Psychodiagnostics of stress. St. Petersburg: Peter. 2018

7. Samoukina N. V. Psychology of professional activity. St. Petersburg: Peter. 2020.

UDC 347.77

Visual vs. Verbal: The Problem of Choosing a Trademark Strategy When Launching a Jewelry Brand in the Russian and Chinese Markets

Cherepanova Elizaveta Maksimovna, Kashitsyna Daria Aleksandrovna, Khugaeva Arina Ruslanovna

© Cherepanova E. M., Kashitsyna D. A., Khugaeva A. R., 2026

Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, lizok_cherepanova03@mail.ru

Keywords: visual strategy, verbal strategy, jewelry brand, Russia, China, cross-cultural differences, trademark registration, hybrid strategy.

In today's global market, for companies making natural stone jewelry to sell overseas, getting their trademark strategy right is key to doing well. Here, the trademark isn't just a symbol of the brand; it also carries cultural meaning and shows that the products are real.

Exports of jewelry from Russia reached $1.2 billion USD in 2023, with shipments to China accounting for 18% (a 7% increase from the previous year) [4]. This dynamic requires the development of adapted brand strategies that take into account the peculiarities of both countries.

According to cross-cultural studies by G. Hofstede, Russia (39 points) is more individualistic than China (20 points). This is reflected in consumer behavior: 67% of Russian buyers choose jewelry for its unique design, compared to only 34% in China. For Chinese consumers, symbolism (52%) and brand reputation (48%) are more important. A comparative legal analysis showed that in Russia, trademark registration is handled by Rospatent (in accordance with Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation).

In 2023, 107,892 applications were filed: 23% combined marks, 12% figurative marks. In the jewelry segment, the share of figurative and combined marks is 41%. In China, the Trademark Law imposes stricter requirements on distinctiveness. In 2023, 7.2 million marks were

© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

registered, of which 84% were word marks. Based on empirical data, a quantitative assessment of the effectiveness of various trademark strategies in the Russian and Chinese markets was conducted (Table 1).

Table 1. Comparative effectiveness of strategies

Effectiveness criterion (%)	**Russia**	**China**
Consumer recognition of visual signs	78	43
Consumer recognition of verbal signs	56	82
Share of successful registrations of figurative marks	88	72
Share of successful registrations of word marks	91	94
Preference for visual identification	67	34

The data in the table show that in Russia a visual approach is more effective, while in China a verbal approach is more effective, because 73% of Chinese buyers conduct online searches beforehand, where verbal names play a key role [4].

Neuromarketing research confirms that visuals are processed 60,000 times faster than text, and logos are remembered 43% better. In Russia, the success of a visual strategy is demonstrated by the brand «SOKOLOV» (78% recognition). Another successful example is the trademark «TRUE STONES», which conveys the idea of authenticity and natural aesthetics through its image.

Figure 1. Trademark «TRUE STONES».

In the Chinese market, the visual approach is limited: 72% of local consumers have difficulty recognizing brands based solely on their graphic logos (without hieroglyphs). Additionally, symbols that are neutral in Russian culture may evoke undesirable associations in China.

The verbal strategy dominates in China: 78% of buyers prefer brands with official names. An example is the adaptation of Tiffany & Co. with the transliteration «蒂芙尼» (Dìfúní), which has favorable

semantics – recognition in the premium segment reaches 82%. Another successful example is the trademark of Guangdong Your Jewerly Co., Ltd, which combines an indication of the product category («宝珠» – precious bead/jewel) with an emotional appeal to the consumer («的你»– your).

宝珠的你

Figure 2. Trademark of Guangdong Your Jewerly Co., Ltd.

According to the Chinese National Jeweler Association, about 12% of applications are rejected due to homonymy in the Chinese language. For example, the character "离" (meaning "separation") is not suitable for wedding and gift jewelry.

The optimal strategy for launching a jewelry brand in the Russian and Chinese markets is a hybrid strategy – the development of a combined mark adapted to each market (visual emphasis for Russia, verbal emphasis for China). An example of such a strategy is the combined trademark "ТВОИ УКРАШЕНИЯ СЕРЕБРО 925" (YOUR JEWELRY STERLING SILVER 925), shown in Figure 3.

Figure 3. Trademark «YOUR JEWELRY STERLING SILVER 925».

Thus, the study revealed differences in the perception and protection of trademarks in Russia (visual strategy) and China (verbal strategy), which are caused by cultural, linguistic, and regulatory factors. A hybrid strategy (visual for Russia + verbal for China) reduces the risks of registration refusal, unfair competition, and non-compliance with customs requirements.

References

1. О товарных знаках : Закон Китайской Народной Республики от 23.08.1982 (в ред. 2019 г.) // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) : [сайт]. URL: https://www.wipo.int/.

2. Государственная регистрация товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака: // официальный Интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) : [сайт]. URL: https://rospatent.gov.ru/

3. Daxue Consulting. Jewelry Market in China: Consumer Preferences and Branding Strategies // Shanghai: Daxue Consulting Group, 2023. 78 p.

4. Официальный сайт Национального управления интеллектуальной собственности Китая (CNIPA) : [site]. URL: https://english.cnipa.gov.cn/.

5. Zhang L. Branding in China: Cultural and Market Perspectives / L. Zhang. Beijing: China Business Press, 2019. 284 p.

6. Азарова А. Проблемы развития таможенных институтов защиты прав интеллектуальной собственности: российский и зарубежный опыт / А. Азарова, Н. В. Мальцева, Е. А. Демакова // Теория и практика коммерческой деятельности: Материалы XXI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и практиков, Красноярск, 21–23 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. С. 803-808.

UDC 339.564:630=111

Analysis of the Main Changes in the Regulation of Timber Exports in 2026

Davidenko Natalya, Iluridze Maria
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
nataliadavidenko2004@yandex.ru

Keywords: export of timber, crossing points across the state border, navigational seals.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to the scientific director Evgeny Alexandrovna Demakova, professor, Technical Sciences.

In recent years, Russian exports have changed significantly across a wide range of products as a result of the sanctions restrictions. These constraints require government regulation and the adaptation of Russian exporting companies to new trends. The timber industry is an important sector of the economy of the Russian Federation, with considerable resource potential. The timber industry's products, including sawnwood, paper, furniture and other articles, are in strong demand both domestically and internationally. In this context, a systematic analysis of current changes in timber exports in legislation and an assessment of their impact on logistics processes and their transparency are particularly relevant.

On March 1, 2026, Decree 284 entered into force «On the determination of points of passage through the state border of the Russian Federation for departure from the territory of the Russian

© Davidenko N., Iluridze M., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Federation of certain types of goods, specified in paragraph 1 of the Government of the Russian Federation of 15 July 2010 № 521». This regulation regulates through which points of passage certain types of timber can be transported by road transport, corresponding to the TNC codes of the WED, until 1 January 2031.

Affected by the amendments are the types of goods classified as follows: 4403 - Raw timber (exceptions for sub-items not subject to restriction: round forest which has not been further sawn raw; treated with preservatives) 4404 - Wood pellets, rings, piles; 4406 - Wooden shafts;4407 - Sawnwood exported by road transport [1].

Previously, on the Russian-Mongolian section of the border for the export of timber, there was only one crossing point - "Kyakhta." According to the new Ordinance 284, it now includes "Khandagaiti (Borsho)" and "Tashanta". These changes not only simplify the activities of exporters, but also enable other regions, exporters in Tiwa and Altai, to develop their products more competitively through logistics.

The changes also affected the Russian-Chinese section: before the adoption of Resolution 284, road checkpoints "Zabaykalsk" and "Kani-Kurgan" were in operation on this section. Currently, "Frontier", "Kraskino" and "Tury Rog" have been added to them in the Primorsky Region. The introduction of new APPs optimizes logistics routes for enterprises in Khabarovsk and Primorsky krai, which reduces transport costs compared to exports through Zabaikalsk [2].

In the context of logistics, given current developments, many Russian exporters of forest products may also face difficulties:

1. Improvement of logistics routes: if the usual export route does not pass through one of the established APT, it is illegal, which may lead to delay of goods at the border as well as fines and refusal to release goods.

2. Modification of the terms of trade contracts: long-term contracts concluded before the entry into force of the regulation with a specific point of omission (DAP, DDP, FCA) require immediate

termination or renegotiation of delivery conditions with the counterparty. Ignoring this fact may lead to disagreement with the buyer or even to termination of the contract.

3. Increased transport costs: the designated points of entry may be located at a distance from the place of shipment, which directly leads to additional losses by the supplier or buyer (depending on the terms of the contract). The increase in shipping costs to the drop-off point has a negative impact on the cost of delivery.

The most important change in the field of wood export was the launch of a pilot project by the ECE Council Regulation of 26.09.2025 36 on the mandatory use of navigational seals in the transport of timber from the Russian Federation to Kazakhstan and Kyrgyzstan. The list includes unprocessed or rough-lined timber (TVN codes: for which special state measures of export from the territory of Russia apply, in particular, in the Government Decree 284); timber bondaris, logs split, rods and poles, timber for the production of tools, rods, and trays (WEP position: 4406); wooden shafts for railway or tram tracks (WEP position: 4406); timber with a thickness exceeding 6 millimeters, obtained by longitudinal splintering or cleavage (TP item 4407) [3].

The successful launch of this project will reduce the level of "grey" re-imports, as sealing virtually eliminates the possibility of product substitution, transfer of goods on the shipment route, and change of customs procedures declared in the proper documents and information. The use of seals by authorized navigation authorities makes it possible to track the route to the destination, and thus improves the efficiency of responding to unauthorized stops and deviations from the declared route, exceeding the regulatory travel time, which, in turn, reduces administrative burdens and offending [4].

In conclusion, it can be noted that the tightening of legal regulations in the sphere of export control of timber once again confirms the importance of this product in the structure of exports of the Russian Federation. Small changes in legislation encourage

participants of foreign economic activity to develop the logistics infrastructure, change the range and adapt the terms of trade contracts in accordance with new regulatory requirements. The introduction of new car checkpoints and the use of navigational seals allow to optimize logistics routes, reduce transport costs and simplify the activities of exporters in selected border regions, increasing the competitiveness of their products.

References

1. On the definition of checkpoints across the State border of the Russian Federation for the departure from the territory of the Russian Federation of Certain Types of goods specified in paragraph 1 of Decree of the Government of the Russian Federation dated July 15, 2010 № 521 : Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/01/2026 № 284 // The legal system «ConsultantPlus» : [site]. URL: https://www.consultant.ru.

2. On determining the checkpoints across the state border of the Russian Federation for departure from the territory of the Russian Federation of certain types of goods: Resolution of the Government of the Russian Federation № 521 dated July 15, 2010 // The legal system «ConsultantPlus» : [site]. URL: https://www.consultant.ru.

3. On the control of the transportation of certain types of timber from the territory of the Russian Federation to the territory of the Republic of Kazakhstan or the Kyrgyz Republic within the framework of mutual trade between the member States of the Eurasian Economic Union : Decree of the Council of the Eurasian Economic Commission dated September 26, 2025 №36 // The legal system «ConsultantPlus» : [site]. URL: https://www.consultant.ru.

4. Kashitsyna D. A. Illegal logging and timber smuggling in the Krasnoyarsk Territory and ways to prevent them / D. A. Kashitsyna, M. A. Kashitsyn, E. A. Demakova // Intellectual Potential of Siberia :

Collection of scientific papers of the 30th Regional Scientific Student Conference. Novosibirsk, May 23–27, 2022. P. 475–478.

UDC 339.543.4:639.2 (985)

Customs Preferences for the Export of Arctic Fish Products: Opportunities and Risks for Russia's Food Security

Giss Valeria Eduardovna, Gangan Darya Sergeevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: Arctic Zone of Russia (AZRF), customs preferences, export customs duties, fish products, export, food security, fishery complex, Far Eastern Federal District (FEFO).

Food security acts as an integral element of the national security system of the Russian Federation. The threshold value established by the Food Security Doctrine in terms of self-sufficiency in domestic fish products is fixed at 85% [1]. The achievement of this indicator is largely ensured by the activities of the fisheries complex, whose key capacities are localized in the Arctic zone and the Far East [3]. At the same time, in the context of an export-oriented model of industry development, there is a systemic contradiction between stimulating external supplies of fish products and the need to saturate the domestic market. The instrument mediating this balance is the customs preferences provided to exporters of Arctic fish products. The purpose of this article is to comprehensively analyze the potential opportunities and risks associated with the use of tariff incentive mechanisms for exporting fish products from the Arctic

© Giss V. E., Gangan D. S., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

regions, through the prism of their impact on ensuring Russia's food security.

The legal regime of economic activity on the territory of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) is regulated by the provisions of Federal Law No. 193-FZ [2]. One of the key instruments of state support provided for residents of the Russian Arctic is the provision of benefits for the payment of export customs duties. With respect to fish products produced (caught) in Arctic waters, a resident is granted the right to apply a zero rate of export customs duty, subject to the implementation of an investment project [6]. The economic feasibility of this measure is justified by stimulating investment activity in the creation and modernization of processing infrastructure in fishing regions, which contributes to deepening the degree of processing of aquatic biological resources and creating additional jobs. The main conditions for granting customs preferences are systematized in Table 1.

Table 1. Main conditions for granting customs privileges to residents of the Russian Arctic (using the example of fish products)

Parameter	**Characteristic**
Legal basis	Article 7 of the Federal Law No. 193-FZ dated July 13, 2020
Type of benefit	Zero rate of export customs duty.
Object of application	Fish products manufactured from bioresources harvested in the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF).
Conditions for granting	Execution of an agreement with the Ministry for the Development of the Far East and Arctic, implementation of an investment project.
Goal	Stimulation of investments in the processing infrastructure of the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF).

An analysis of data from the Federal Customs Service of Russia and Russian Fisheries shows that the provision of benefits affects the structure and geography of exports of fish products [4,5]. On the one hand, this contributes to the revenue growth of companies that can reinvest profits in modernization. On the other hand, there is a risk that significant amounts of resources will "flow" to foreign markets, which may create shortages and price increases in the domestic market. The

dynamics of exports and domestic consumption of one of the key fishing facilities in the Arctic, cod, is shown in Figure 1. As can be seen, there is a steady trend towards an increase in the export component, while the domestic market supply remains stagnant, which indirectly indicates a worsening imbalance due to existing preferences.

Figure 1. Dynamics of exports and domestic consumption of cod (the main object of fishing in the Arctic) in Russia for the period 2020-2023, thousand tons.

Food security in the fisheries sector requires the physical and economic accessibility of fish to consumers. However, export orientation and customs incentives lead to an increase in domestic prices and a shortage of certain types of products (for example, cod and haddock) on the domestic market [7].

In the port cities of the Arctic and the Far East, despite the proximity of fishing, the population is experiencing a shortage of fresh fish due to the reorientation of export flows [3]. Minimizing these risks while enhancing the positive effect of tariff preferences requires an integrated approach. It is advisable to divide the areas of optimization of the current mechanism into several groups, presented in Table 2.

Table 2. Comparative analysis of the proposed optimization measures

Measure	**Essence**	**Potential effect**	**Possible risks**
Linking incentives to quotas for the domestic market	Granting a zero VAT rate subject to supplies to the domestic market	Stabilisation of supply, curbing price growth	Administrative burden, complexity of control
Logistic subsidies	Reimbursement of part of the costs for transporting fish across the Russian Federation	Reduction of the final price for consumers, expansion of the supply geography	Strain on the federal budget
Subsidisation of deep processing	Support for projects aimed at the production of finished fish products	Increase in added value, import substitution, meeting of demand	Need for careful project selection

Thus, the regime of customs preferences for the export of Arctic fish products is a bilateral instrument. On the one hand, it contributes to the economic development of the Arctic zone and increases the efficiency of the fishing industry [2]. On the other hand, this creates systemic risks associated with the outflow of resources from the domestic market, which leads to a decrease in the availability of fish for Russian citizens [7]. To offset these risks, it is necessary not to cancel preferences, but to adjust them. Only a balanced policy that considers both economic and socio-food aspects will allow Russia to realize the potential of its Arctic biological resources to strengthen national security.

References

1. The Food Security Doctrine of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation dated 21.01.2020 №20.

2. On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation : Federal Law № 193-FZ dated July 13, 2020.

3. Strategy for the development of the fishing industry of the Russian Federation for the period up to 2030 : Decree of the Government of the Russian Federation dated November 10, 2018 №2459-r.

4. The official website of the Federal Customs Service (FCS of Russia) Statistics of foreign trade : [site]. URL: https://customs.gov.ru/folder/542.

5. The official website of the Federal Agency for Fisheries (Russian Fisheries) : [site]. URL: https://fish.gov.ru/.

6. The official website of the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic (Ministry of Regional Development of Russia) : [site]. URL: https://minvr.gov.ru/.

7. Pashkov R. V. Customs and tariff regulation as a tool for the development of the Far East and the Arctic // The economy of the region. 2021. Vol. 17, № 4. P. 1125-1139.

8. Goncharova O. Y. Food security of Russia in the fisheries: problems and solutions / O. Y. Goncharova, K. G. Chernushkova // Forecasting problems. 2022. № 1 (190). P. 112-120.

UDC 336.143.01

Comparative Analysis of the Budget Systems of Russia and China

Grechnev Dmitry Mikhailovich, Krekhtunova Karina Igorevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, grechnevd_01@mail.ru

Keywords: budget systems, Russia, China, comparative analysis.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to the scientific supervisor Marina Anatolyevna Konishcheva, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences.

The unique Chinese model of reform and legal regulation quickly brought China to the second world power. The key role was played by

© Grechnev D. M., Krekhtunova K. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

public finance, the approaches to which differ from the Russian ones. The analysis of China's experience is useful for Russia and interesting to Chinese colleagues due to the lack of comparative works. The purpose of the article is to compare the budget systems of Russia and China. An important stage in the development of the budget legislation of the People's Republic of China was the Budget Law (1995), which is partially similar to the Russian one, but has fundamental differences [1].

The common features and differences between the budget systems of Russia and China are presented in Table 1.

Table 1. Similarities and differences between the budget systems of Russia and China

Similarities	**Differences**
Hierarchy	The target orientation of extra-budgetary funds
Principles of system construction	Expenses/receipts of non-tax income
Formation of a unified budget system	Treasury system
The public procurement system	

Chinese budget law lacks a direct list of principles but shares with Russia openness, transparency, targeted use, and balance. However, due to China’s legal system, it lacks budget immunity, a single cash register, and equality of budgetary rights of public entities [1].

In the 1990s, extra-budgetary funds were widespread in Russia and China. In China, local expenditures from such funds exceeded 50%. The 1994 Budget Law extended budget rules to these funds, limiting their use and tightening control. This formed a system of budgetary and extra-budgetary funds with their own revenue sources (Table 2).

Table 2. Types of funds and the main sources of their formation

Type of fund	**The main sources of education**
Public budget	Tax and non-tax revenues, transfers from the budget of government funds and budget operations with state capital
The budget of government funds	Income from the transfer of land use rights, targeted industry fees (railway or construction fund), funds from lotteries
Budget of operations with state capital	Deductions from profits of state-owned enterprises at differentiated rates depending on the industry, dividends and interest on shares owned by the state
The budget of social insurance funds	Insurance premiums, financial subsidies from the public budget, accumulative balances of previous years

In Russia, the creation of extra-budgetary funds marked a shift from paternalistic social security to social insurance. Today, the system includes only the Social Fund of Russia and the Compulsory Medical Insurance Fund, funded by insurance premiums from employers and the self-employed, plus inter-budget transfers from the federal budget to cover deficits and non-insurance payments [2; 3].

Insurance premiums generate funds for pensions, sick leave, maternity payments and medical care, and inter-budget transfers pay maternity capital, social security supplements to pensions and benefits for families with children. Thus, the federal budget acts as a key factor, compensating for the lack of its own insurance income to the funds [3; 4].

Despite structural similarities, China’s extra-budgetary funds are far larger than Russia’s, covering semiconductors and venture startups, while Russian funds are limited to constitutional rights. Chinese funds have clear public goals and independent non-tax revenues, enabling unified rules with regulatory flexibility for specific tasks [3].

Both countries link budget expenditures to specific non-tax revenues, but the mechanisms differ fundamentally. In Russia, the

principle of total cost coverage restricts this link though often bypassed by planning expenses based on projected revenues from specific sources. In China, no such restriction exists, allowing direct spending of extra-budgetary funds from assigned non-tax revenues [5].

China's budget reform closed revenue gaps and banned commercial bank accounts for budget organizations. Its treasury system (since 2001) has unified procurement accounts only in some localities. In Russia, treasury execution is enshrined in the Budget Code, allowing banks access only exceptionally which, according to the Constitutional Court, ensures safety and transparency of public funds [5].

China's extra-budgetary funds are broader and tied to non-tax revenues; Russia's shared-cost principle blocks this link but ensures treasury transparency. China is more flexible, though its single treasury long remained only local.

Thus, the budget systems of Russia and China are unique in their own way, and each state has managed to overcome all historical challenges, thereby forming budget systems that are relevant today.

References

1. Румянцева Е. И. Бюджетная система России и Китая: сравнительный анализ: статья в сборнике статей // Проблемы и перспективы формирования инфраструктуры экономики знаний. М.: ООО «ИМПУЛЬС». 2018. С. 79–83.

2. Трофимов А. А. Эволюция бюджетного законодательства Китая : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук ; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. 2020. URL: https://disser.spbu.ru/files/2020/disser_trofimov.pdf.

3. Асадуллина А. В. Межстрановой сравнительный анализ бюджетных стимулов развития национальных экономик России и Китая / А. В. Асадуллина, Г. Р. Ислакаева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. №1 (49). № 4943.

4. Кадочников Д. В. Российская Федерация и Китайская Народная Республика: общее и особенное в межбюджетных отношениях центральных и региональных властей / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. 2017. Т. 15, № 2. С. 76-92.

5. Трощинский П. В. Бюджетные системы России и Китая: вопросы правового регулирования // Проблемы Дальнего Востока. 2022. №5. С. 186–188.

UDC 54.084

Detection of Alkaloids in Products by Instrumental Methods

Grechnev Dmitry Mikhailovich, Zakharova Angelina Andreevna, Krekhtunova Karina Igorevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, grechnevd_01@mail.ru

Keywords: alkaloids, HPLC, CE, instrumental methods.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to the scientific supervisor Irina Vladimirovna Krotova, Associate Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Chemical Sciences.

Alkaloids are natural nitrogen-containing compounds with strong physiological activity found in various plants. Modern analytical methods such as capillary electrophoresis and high-performance liquid chromatography are used to identify and quantify them.

Alkaloids are natural nitrogen–containing compounds of organic origin, mainly weak bases. Many of them are physiologically active. Examples: morphine, caffeine, cocaine. In small dosages they have a

© Grechnev D. M., Zakharova A. A., Krekhtunova K. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

therapeutic effect, in high doses they are toxic. The effect varies: some stimulate or suppress the nervous system, others affect nerve endings and vascular tone, and others work as analgesics.

Research on alkaloids has been actively conducted since the 19th century. In 1804, the German pharmacist F. It was the first time that Certurner received morphine from opium. In Russia, the development of this field is associated with the name of A. P. Orekhov: in 1928, the scientist returned to his homeland after more than 15 years of work in European laboratories and soon created a scientific school for the study of alkaloid-containing plants in the country. By 2008, over 12,000 alkaloids were already known [1–3].

Theobromine is a purine alkaloid. The substance is bitter, colorless crystals that do not dissolve in water. It was first obtained from cocoa beans by A. A. Voskresensky in 1841. It is present in cocoa (1.5%), kola nuts and some types of holly. In medicine, it is used for diseases of the bronchi and lungs, including in the form of diurethin – a combination with sodium salicylate.

Caffeine (theine, matein, guaranine) is a psychoactive purine alkaloid. Colorless or white bitter crystals. It is found in coffee, tea, mate, energy and soft drinks. It stimulates the central nervous system, enhances cardiac activity, accelerates the pulse, and dilates blood vessels. F. is open. Runge in 1819, isolated in its pure form by Pelletier and Cavant in 1828 [3; 4].

Capillary electrophoresis is a physical method of analysis based on the migration of charged particles of a detectable substance in an electrolyte solution inside a capillary under the influence of a constant electric field.

When the capillary is placed in an electric field, an electroosmotic flow (EOP) occurs, directed from the anode to the cathode at pH > 3. The particle velocity is determined by the sum of the electrophoretic and electroosmotic velocities.

The equipment for CE includes: a high-voltage DC source, two containers with buffer solutions, electrodes, a quartz capillary, a sample input system, a detector, a thermostat, and a recording device [6].

High performance liquid chromatography (HPLC), also known as high-pressure chromatography, is a modern version of the classic column analysis method. This approach allows you to separate complex mixtures into individual components, identify most of them and determine the concentration of target compounds (if there are standard samples). The method is in demand in quantitative chemical analysis: it is used in ecology, sanitation, veterinary medicine, in assessing the quality of products, as well as in medicine, pharmacy, petrochemistry and criminology (Table 1) [6].

Table 1. Comparative characteristics of HPLC and CE

Parameter / characteristic	**HPLC**	**CE**
The principle of separation	In a confined space (column) with a moving liquid phase (eluent)	In a confined space (capillary) with a liquid phase (buffer solution)
Separation efficiency	High, but inferior to CE	Highest (higher separation capacity compared to HPLC)
Sample/reagent consumption	Low sample consumption (1 ml)	Ultra-small, small buffer and sample volumes
Cost of analysis / equipment	Expensive equipment	Low cost of a single measurement, relatively simple and not very expensive equipment

HPLC is considered the "gold standard" for trace analysis of alkaloids, as it has high sensitivity and selectivity, which makes it possible to detect a minimum amount of substances even in complex mixtures. In addition, HPLC is less demanding on the nature of the solvent, which facilitates the preparation of analyzed samples and expands the range of possible substances acceptable for analysis. On the other hand, CE benefits from the efficiency of the separation of

substances, its speed, cost-effectiveness and simplicity of the sample preparation process. This makes it a convenient and accessible method for quick analysis.

References

1. R. H. F. Manske the Alkaloids Chemistry and Physiology : [site]. URL: https://clc.li/ZCknG.

2. Иванец Н. Н. Наркология: национальное руководство / Н. Н. Иванец : [site]. URL: https://clc.li/otzTz.

3. Мелентьева Г. А. Учебное пособие по фармацевтической химии. М.: 1979.

4. Афонина С. Н. / Биохимия компонентов чая и особенности его биологического действия на организм / С. Н. Афонина, Е. Н. Лебедева, Н. П. Сетко // Оренбургский медицинский вестник. 2017. №4 (20). С. 17-33.

5. Кудряшова А. В. / Определение содержания алкалоидов в кофе и чае и изучение их влияния на организм человека : [site]. URL: https://school-science.ru/13/13/48360.

6. Государственная система обеспечения единства измерений. Методики (методы) измерений : [site]. URL: https://clck.ru/3So7z2.

7. Езерская А. А. Капиллярный Электрофорез: основные принципы / А. А. Езерская, М. Л. Пивовар // Вестник фармации. 2019. №1 (83). С. 35–44.

UDC 334.021.1

Why is Fast and Proper Work of Customs Important to the Economy

Grechnev Dmitry Mikhailovich, Zakharova Angelina Andreevna, Krekhtunova Karina Igorevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, grechnevd_01@mail.ru

Keywords: customs administration, economic security, HS code, competitiveness.

Acknowledgements: the authors would like to thank their scientific supervisor Sartene Olga Tuktarovna.

The functioning of a modern state is inherently tied to achieving a high quality of life for its citizens. The successful execution of governmental duties depends on a stable and consistently renewable system of financial resources to fund expenditures across all critical areas of public life. Generating revenue for the federal budget is a crucial mechanism for fulfilling the social obligations enshrined in the Constitution of the Russian Federation and entrusted to state bodies. Within this context, this paper aims to thoroughly examine how customs procedures influence the strengthening and development of the nation's economic capacity [1].

The Federal Customs Service of the Russian Federation (FCS RF) acts as the key executive authority responsible for the implementation of state policy in the customs sphere. Its activities cover a wide range of tasks: from ensuring the fiscal interests of the state to protecting economic security. Specifically, customs officers are responsible for

© Grechnev D. M., Zakharova A. A., Krekhtunova K. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ensuring the lawful cross-border movement of goods, administering import and export duties, combating illegal trafficking, and safeguarding intellectual property by preventing the spread of counterfeit products. Furthermore, the FCS plays a critical role in protecting national interests through its regulation of strategic resources and dual-use technologies.

The Federal Customs Service stands as one of the largest contributors to state revenue, playing a decisive role in maintaining the stability of the budget system. According to the Federation Council, customs payments account for up to 20% of total federal budget revenues, which amounts to hundreds of billions of rubles. To illustrate the scale: the Southern Customs Administration alone transferred 439 billion rubles to the budget by the end of 2025.

The purpose of customs is not limited to the fiscal function alone. In modern realities, the quality of administration comes to the fore: it is critically important not just to collect payments, but to ensure the speed and accuracy of procedures without turning the border into a barrier to commodity flows [2; 3].

In the context of global competition and established value chains, the time factor is of critical importance. Any delay in cargo at the customs border entails not only logistical problems, but also the risks of shutting down production facilities, violating contractual obligations and, as a result, direct financial losses for participants in foreign economic activity. Errors in documentation or incorrect classification of goods according to the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity (HS) can lead to administrative sanctions and complete destabilization of the business entity.

In this regard, the priority direction of the state policy in the customs sphere is total digitalization and optimization of control procedures. The strategy for the development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030 sets a target to reduce the time for customs control of cargo transport at checkpoints to 10 minutes. The achievement of these indicators is ensured through the introduction of

modern technologies. Currently, one third of the declarations for goods submitted by low-risk companies are issued automatically within a few minutes without the participation of customs officials. In addition, the "shipboard release" technology is actively used, which makes it possible to complete customs clearance of goods directly during their unloading, eliminating the need for long-term storage [4].

The efficiency of customs administration is a significant factor in increasing the competitiveness of the national economy. According to Ruslan Valentinovich Davydov, Minister for Customs Cooperation of the Eurasian Economic Commission (EEC), simplification and acceleration of trade procedures contribute to reducing business transaction costs, increasing mutual trade and increasing the investment attractiveness of the state.

The priority of speed should not reduce the accuracy of control, since it is the correctness of procedures that ensures the economic security of the state. Under the conditions of sanctions pressure, customs authorities act as a barrier preventing the import of dual-use goods, contraband and sanctioned products. Modern control is based on the principles of "deep analytics": not only documentation is subject to verification, but also the entire logistics chain - from the manufacturer to the end user.

Of particular importance is the reliable determination of the country of origin and the HS code. The lack of proof of origin serves as the basis for applying maximum duty rates (from 15% to 50%), which protects the interests of bona fide market participants and budget revenues. High-quality administration also helps to counteract "gray" imports and counterfeiting [5; 6].

This article helps to make sure that the customs service occupies a key place in the mechanism of state management of the economy. The balance between speed and control accuracy is particularly relevant. Digitalization and automation of procedures make it possible to speed up commodity flows, but it is the correctness of determining the country

of origin, the HS code and the verification of supply chains that ensure economic security, protect the domestic market from counterfeiting and support domestic producers.

Thus, the fast and correct operation of customs is not just an administrative function, but a strategic factor in economic development, on which the competitiveness of the national economy, investment attractiveness and the realization of Russia's transit potential depend.

References

1. Федорова П. Н. Роль таможенных процедур в развитии экономического потенциала страны // Шаг в науку. 2023. № 1. С. 56–59.

2. Федеральная таможенная служба РФ - структура, функции и полномочия // Выберу.ру : [сайт]. URL : https://www.vbr.ru/biznes/help/ved/federalnaya-tamozhennaya-sluzhba-rf/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

3. Официальный сайт Совета Федерации: [сайт]. URL: http://special.council.gov.ru.

4. Руслан Давыдов рассказал о значении таможенного регулирования в развитии евразийской интеграции // Новостная статья // Таможенная академия: НАУКА : [сайт]. URL: https://customs-academy.net/?p=22973.

5. Без подтверждения страны происхождения ФТС назначает максимальные пошлины // Pepeliaev group : [сайт]. URL: https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/bez-podtverzhdeniya-strany-proiskhozhdeniya-fts-naznachaet-maksimalnye-poshliny/.

6. ФТС: экономический и продовольственный рубеж страны // Кавджарадзе.ру : [сайт]. URL: https://kavdjaradze.ru/news/blog/13516/.

UDC 339.544:004.9

Application of Information Technologies in Customs Control of Goods Carried by Passengers

Gritsenko Margarita Yurievna, Polyakova Anastasia Alexandrovna, Rosyanskaya Anastasia Andreevna
Trade and Service Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, nrosanskaya@gmail.com

Keywords: information technologies, customs control, passenger-carried goods, digital transformation, electronic declaration, smart Customs.

Acknowledgements: this work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The author expresses gratitude to the research supervisor, Senior Lecturer Vera Nikolaevna Yurdanova.

The article examines the role of modern information technologies in the process of customs control of goods transported by individuals. Foreign and domestic experience in implementing digital tools, such as e-declaration and mobile applications, and their impact on the speed and transparency of border crossing procedures are thoroughly evaluated to determine their efficiency in modernizing customs protocols.

Today, it is difficult to imagine our lives without gadgets and the internet, government services are no exception. The customs landscape is currently undergoing a global digital transformation. The implementation of IT is not merely a trend but a necessity to enhance the efficiency of customs authorities. This is particularly relevant for

© Gritsenko M. Y., Polyakova A. A., Rosyanskaya A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

managing passenger flows, where it is crucial to strike a balance between trade facilitation (speedy processing of compliant travelers) and customs enforcement (detecting contraband).

The first steps toward "Digital Customs" were taken as early as the 1980s. For instance, the United States launched the ACS (Automated Commercial System), and France introduced ISOFIX (International Standards Organization FIX). These systems allowed a transition from paper-based archives to electronic databases. In the Republic of Belarus, the NASED (National Automated System for Electronic Declaring) system is actively developing, enabling the automated processing of data. These examples demonstrate a global shift toward "contactless" customs, where face-to-face interaction between an inspector and a citizen is minimized.

To quantify the impact of the aforementioned technological shift, it is essential to examine the operational performance trends. The statistics presented below provide a detailed overview of the customs service's digital modernization over the past fifteen years.

The data highlights a comprehensive digital transformation of the Russian customs service from 2010 to 2025, characterized by a transition to full electronic declaration and advanced automation. This shift has markedly improved operational efficiency, reducing processing times from days to hours and establishing a foundation for AI-driven, automated risk management (table 1).

Table 1. Statistics on the use of information technologies in the customs service of the Russian Federation

Indicator	**2010 year**	**2020 year**	**2025 year**
The share of electronic declarations	~10%	99,9%	100%
Automatic DT registration	0%	~80% (export), ~65% (import)	>90%

The end of table 1.

Indicator	**2010 year**	**2020 year**	**2025 year**
Automatic DT release	0%	~45% (export) ~ 25% (import)	>50% (the goal is to reach 80% by 2030)
The share of remote payment of duties	<5%	>90%	99,9%
Time of registration of risk-free goods	Several days	Up to 4 hours	Up to 10-30% (auto-release)
Using artificial intelligence	Missing	Pilot projects of RMS	Implementation of the RMS and inspection

For an ordinary traveler crossing the border, information technologies are manifested through several convenient services:

1. Electronic Passenger Declaration. Previously, a passenger had to manually fill out a paper form at the airport. Now, this can be done in advance via the "Personal Account of the Foreign Trade Participant" on the Federal Customs Service (FCS) website or through a dedicated mobile app. This significantly reduces processing time in the "Red Channel."

2. Mobile Applications. According to expert opinions from the "Alta-Soft" portal, modern apps allow users not only to lodge a declaration but also to check prohibitions and restrictions beforehand and calculate the amount of customs duties using integrated calculators

3. Remote Payment of Duties**.** If a passenger carries goods exceeding the duty-free allowance (e.g., expensive electronics), they can pay the duty on the spot using a bank card or electronic terminals. Information systems allow customs to verify the payment status instantaneously.

4. Risk Management System (RMS). This is the "nerve center" of customs. IT solutions analyze data about the passenger and their baggage before they even reach the inspector’s desk. If the system gives

a "green light," control is purely formal; if the software identifies a risk profile, the passenger undergoes a more thorough inspection.

The integration of IT into the control of passenger-carried goods provides several key benefits:

- Efficiency: Customs clearance time is drastically reduced.
- Transparency: The digital system logs every action, which mitigates the "human factor" and reduces corruption risks.
- Convenience: Passengers can prepare all necessary documentation from the comfort of their homes.

Despite these successes, certain challenges remain. Occasional technical outages occur, and legislation does not always keep pace with technological advancements (for example, in the cross-border recognition of digital signatures). However, according to the "Customs 2030 Strategy," Russia is committed to creating "Smart Customs." The future involves a broader application of Artificial Intelligence (AI) and the automated analysis of images from X-ray inspection systems (introscopes), which will be able to autonomously detect prohibited items in luggage.

In the end, information technologies are transforming customs from a "barrier" into a streamlined service. For passengers, this means fewer queues and transparent rules of engagement. Further development of mobile services and AI-driven systems will make the border-crossing process virtually seamless for compliant citizens while ensuring a high level of national economic security.

References

1. Кондратьева Е. В. Цифровые технологии таможенного контроля за рубежом и в Российской Федерации // Столыпинский вестник. 2023. №1. С. 281-292.

2. Степин М. П. Информационные технологии на пути оптимизации таможенного администрирования и развития ВЭД //

ВЭД и таможня 2017: оптимизация таможенной деятельности компании.

3. URL: https://files01.core.ac.uk/download/224702018.pdf

4. Аксенов А. И. Цифровые технологии в таможенной и околотаможенной деятельности : учебное пособие. Владимир. 2022. 363 с.

5. Кондрашова В. А. Инновации в области технических средств таможенного контроля: современные тренды и перспективы развития // Экономические науки. 2025. №4 (36). С. 50-52.

6. Сеничев В. А. Современные таможенные технологии и технологии электронной таможни. Ростов-на-Дону. 2023. 145 с.

UDC 330.101.541

Adaptation of the Russian financial sector in a geo-political environment

Isaeva Laura Elshadovna, Krekhtunova Karina Igorevna, Fokina Azariya Petrovna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, laura092019@gmail.com

Keywords: financial sector, sanctions, sanctions pit, adaptation, banking system, settlements.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to Marina Ivanovna Migunova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department of Customs Affairs at the Institute of Trade and Services.

© Isaeva L. E., Krekhtunova K. I., Fokina A. P., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Due to the imposition of a large package of sanctions on the Russian Federation after February 2022, the state faced great pressure from foreign countries in the form of restrictions on many areas, one of which was the financial sector. The sanctions imposed affected all key functions of the financial system: access to international payment systems, cross-border settlements, operations with gold and foreign exchange reserves, attracting external financing and using foreign collateral [1].

Sanctions affected not only major systemically important banks but also financial market infrastructure, requiring adaptation strategies.

A key aspect of the current stage is the transition to a long-term "economic containment" phase, which involves overcoming the crisis and forming a new model for the financial sector. The purpose of this article is to analyze the processes of adaptation of the Russian financial sector to sanctions and ways out of the so-called sanctions pit [2].

Sanctions are restrictive measures of an economic, political, or diplomatic nature that can be applied to a State, organizations, or individuals in response to actions contrary to established norms, which in turn can be international, contractual, or domestic. The purpose of sanctions against the economic system is to have a comprehensive impact on the national economy.

The purpose of sanctions against the economic system is to have a comprehensive impact on the national economy. It forces the State to change its political course, limit its capabilities, or undermine the economic basis of its strategic objectives. Such sanctions are systemic in nature and affect the fundamental foundations of the functioning of the economy [1].

For example, in 2022, Russian banks were disconnected from the international payment systems VISA and MASTERCARD. This gave a significant impetus to the development of national payment systems, one of which is the MIR system. This event has intensified the development of the domestic payment infrastructure in the Russian

Federation. Thanks to this push, financial institutions have launched adaptation strategies for the development of the national payment infrastructure. The key elements in the country's economy are: the Bank of Russia's messaging system. This system partially replaced the disconnection from foreign programs, although the system remained limited compared to the international SWIFT system [4].

Since 2022, the Russian Federation has been the leader in terms of the number of sanctions imposed on other countries. The number of sanctions has reached approximately 24,000, as shown in Figure 1.

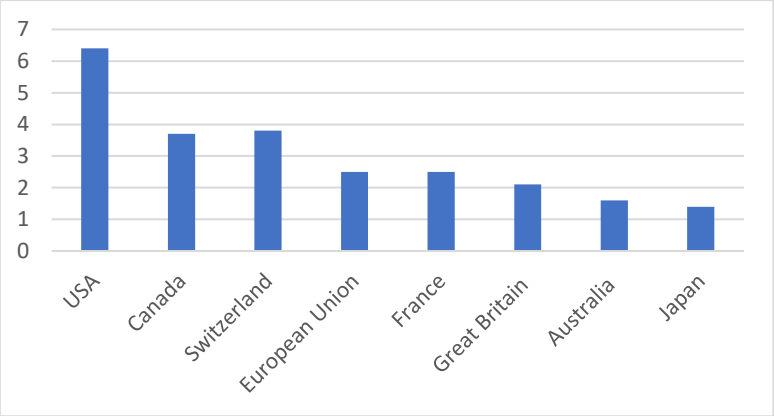


Figure 1. Number of sanctions imposed on the Russian Federation by country, in thousands.

In order to get out of the sanctions pit, Russia has proposed many strategies on how to circumvent these sanctions and allow the national economy to develop qualitatively, while not being inferior in economic development to other countries [3].

The main strategies for combating sanctions in the Russian Federation and their brief description are presented in Table 1.

Table 1. Strategies for Combating Sanctions in the Russian Federation and their brief description

Basic strategies	**Explanation**
1. Reorientation of foreign trade	Actively searching for new sales markets in Asia, Latin America and Africa, as well as strengthening economic cooperation with China, India and the EAEU countries
2. Import substitution and technological sovereignty	The government has reduced its dependence on Western components, as well as the development of domestic production: IT, aircraft, and mechanical engineering
3. Financial adaptation	The transition to paying for exports and imports in rubles, yuan and other national currencies, and the development of a national financial messaging system

The conducted analysis allows us to conclude that the unprecedented sanctions pressure on the financial sector of the Russian Federation has led to serious structural changes, meaning the exhaustion of the previous model of integration into the global financial system [5].

In response, a set of adaptation mechanisms was formed. At the first stage, the adaptation measures were reactive and aimed at overcoming the "sanctions pit" - an acute liquidity crisis and disruptions in the payment system. Currently, there is a transition to a sustainable long-term model, the key elements of which are closed payment loops within the EAEU and BRICS, as well as a sovereign payment infrastructure [4].

The Russian financial sector has proven its ability to transform in the face of sanctions, which indicates the formation of a new development goal. The long-term sustainability of this model will depend on the financial system's ability to ensure the technological independence of key industries and maintain investment activity while maintaining the risks of secondary sanctions.

References

1. Информационное сообщение от 24 декабря 2024 г. // Банк России : [site]. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=638706529479683884INFR.html.

2. Косов М. Экономисты оценили масштабы влияния санкций на финансовый сектор. // Ведомости : [site]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/09/18/1140042-masshtabi-vliyaniya-sanktsii-na-finansovii.

3. Банковское обозрение. Между устойчивостью и новыми рисками. // Босфера : [site]. URL: https://bosfera.ru/bo/mezhdu-ustoychivostyu-i-novymi-riskami.

4. Банковское обозрение. Антироссийские санкции в финансовой сфере // Босфера : [site]. URL: https://bosfera.ru/bo/antirossiyskie-sankcii-v-finansovoy-sfere-4.

5. Ван Я. Анализ влияния санкций на экономическую безопасность России: вызовы и возможности // Финансы и управление. 2024. № 4. С. 181-202.

UDC 338.2-049.5

The Relationship Between Economic Security and Other Components of National Security

Ivanova Darya Nikolaevna, Ignatieva Victorya Gennadyevna, Lukyanova Polina Kirillovna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, dariaivanova667@mail.ru

Keywords: economic security, military sphere, ecology, information security.

Acknowledgements: the work was carried out under the supervision of M. I. Migunova, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences.

In this article, economic security is considered as the foundation for all areas of national security (military, social, environmental, political, and information security). In practice, it is shown how economic crises, natural disasters of a man-made nature, or budget problems directly undermine the defense capability, stability of society, and sovereignty of the state. In such circumstances, it is impossible to ensure either protection from external threats or a decent standard of living for citizens, which makes the study of this issue relevant.

The evolution of the regulatory framework in this area reflects the complexity of the relationship between the concepts under consideration. A key milestone was reached in 1992 when the Russian Federation adopted its Law "On Security," recognizing economic security as a separate category [1]. Four years later, Presidential Decree No. 608 expanded this concept within the framework of the State Strategy for the

© Ivanova D. N., Ignatieva V. G., Lukyanova P. K., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Economic Security of the Russian Federation. However, this term gradually ceased to be used in discussions about national security, being replaced by the concept of "sustainable development." The concept of economic security was restored in the regulatory framework in accordance with the National Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2021 (Decree No. 400) [2]. The key methodological innovation of this document is the provision on the “inseparable relationship and interdependence of the national security of the Russian Federation and the country’s socio-economic development” [2], which creates a regulatory basis for recognizing economic security not just as one of the types, but as a system-forming element of national security.

Special attention should be paid to the analysis of the relationship between economic security and military security. The connection is most evident here: the state's defense capabilities directly depend on the state of the military-industrial complex, which is a part of the economy. Funding is substantial, with military spending accounting for a record-breaking 50.1% of federal budget revenues in the first quarter of 2025. The National Security Strategy explicitly states that strengthening defense capabilities goes hand in hand with modernizing the economy and developing industrial potential [2]. Nevertheless, there is a risk that the economy will be focused on military goals, resulting in a redistribution of resources in favor of the defense industry at the expense of civilian sectors, which could pose long-term risks to economic security.

The relationship between economic security and social security is equally important. Economic growth provides jobs, increases income, and fills budgets, which allows for the financing of social programs, education, and healthcare. In 2025, an increase in inflation to 9% and a rise in VAT to 22% led to a decline in real incomes amid record-high military spending. This resulted in an increase in poverty (with approximately 20% of families living below the poverty line) and social

unrest in single-industry towns, directly undermining the social component of national security. Conversely, social stability is a crucial prerequisite for economic growth: high unemployment rates, severe social inequality, and impoverishment lead to social unrest, job losses, and increased crime, which collectively undermine the economic climate.

The relationship between economic and information security is becoming increasingly important in the context of digitalization. Cyberattacks on the banking system, data breaches, and industrial espionage are causing direct economic damage. Digitalization expands the attack surface, making information security an integral part of economic security. In July 2025, hacker groups attacked Aeroflot, compromising its internal IT infrastructure. As a result, the airline canceled several dozen flights, and lost revenue reached 275 million rubles. This instance illustrates that cyberattacks can lead to severe repercussions for economic security, such as financial losses and reputational harm.

An important aspect is the relationship between economic security and environmental security. Economic development is inevitably linked to environmental impact and the pursuit of rapid enrichment, which poses risks to natural resources and pollutes sources. On December 15, 2024, the tankers Volgoneft-212 and Volgoneft-239, carrying approximately 8,000 tons of fuel oil, were wrecked in the Kerch Strait. As a result of the spill, approximately 40% of the cargo (about 3,200-3,700 tons) entered the sea. The environmental disaster has reached a scale comparable to the largest oil spills of the 21st century. The inclusion of the environmental component in the national security system reflects the understanding that sustainable economic development is impossible without preserving natural capital and ensuring environmental stability.

Thus, the analysis conducted allows us to conclude that economic security constitutes not merely a constituent element, but rather the structural nucleus of national security. Its condition dictates the

opportunities for realizing all remaining dimensions — ranging from defensive potential to societal equilibrium and ecological resilience [3]. The interconnection between economic security and the other components is two-way relationship: the economic system supplies the tangible foundation for safety, whereas the condition of other domains (social, informational, and military) generates either beneficial or damaging circumstances for economic expansion. In the current climate, marked by hybrid warfare, sanction pressures, and international competition, guaranteeing economic robustness has become a critical necessity — essential for safeguarding a nation's sovereignty and territorial integrity, securing the welfare of its population, and upholding the steadiness of the whole national security framework.

References

1. On safety : The Law of the Russian Federation № 2446-1 dated 05.03.1992 // Rossiyskaya gazeta. 1992. May 6. № 103.

2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021.

3. On Security : Federal Law № 390-FZ dated 28.12.2010 // Collection of Laws of the Russian Federation. 03.01.2011. № 1. Art. 2.

4. Senchagov V. K. Economic Security: Politics, Globalization, Self-Preservation, and Development (Book Four). M.: Finstatinform, 2002. 386 p.

5. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law №172-FZ dated June 28, 2014 // Collection of Legislation of the Russian Federation. June 30, 2014. № 26 (Part I). Art. 3378.

UDC 339.9

Priority Tasks of Foreign Economic Activity in The Concept of National Security of the Russian Federation And Ways to Solve Them

Ivanova Darya Nikolaevna, Ignatieva Victorya Gennadyevna, Lukyanova Polina Kirillovna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, dariaivanova667@mail.ru

Keywords: economic security, national currency, technological sovereignty, institutional environment, foreign economic activity.

Acknowledgements: the work was carried out under the supervision of M. I. Migunova, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences.

In this article, economic security is considered as one of the key components of Russia's national security. The state policy is primarily focused on maintaining the stability and independence of the country's economy in the face of unstable international relations. To achieve this goal, it is crucial to analyze the developed objectives and their implementation.

Ensuring economic security creates the necessary conditions for the successful implementation of strategic national priorities, which are defined in Presidential Decree No. 400 dated July 2, 2021. This document outlines the following challenges facing the economy: increased market volatility, instability in the international financial system, and widening gaps between the real and virtual economies [1]. Additionally, the document provides guidance on long-term development, highlighting

© Ivanova D. N., Ignatieva V. G., Lukyanova P. K., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

priority tasks that contribute to the transition to a more advanced model of national production, the development of sanctions responses, and the utilization of budgetary resources.

There are several bases at the heart of the economic security block and the list of solutions listed within it. Firstly, it is the support of the national currency's stability, which directly affects the country's inflation rate, influencing not only the cost of goods and services but also the exchange rate dynamics. International trade cannot exist without the exchange of monetary units, and Russia is interested in conducting transactions with foreign partners in its national currency [2]. According to the Bank of Russia, as of October 2025, the share of the ruble in export settlements reached 42%, and in import settlements it reached 31%, which was the result of a consistent policy of de-dollarization. However, it is necessary to minimize the outflow of financial resources abroad. Maintaining macroeconomic stability creates a favorable environment for foreign economic activity and provides the necessary conditions for long-term planning of export and import operations. For example, in July 2025, the Ministry of Economic Development noted that the stable exchange rate of the ruble allowed Russian grain exporters to enter into forward contracts for up to 12 months without including currency risks in the price.

In order to maintain the stability of national financial resources, the technological sector needs to ensure its sovereignty. This is reflected in a number of tasks outlined in the National Security Strategy of the Russian Federation. An important priority is to reduce dependence on foreign investments and transition to using advanced Russian equipment. According to A. V. Minakov and N. D. Eriashvili, this can be achieved either by developing domestic technologies or, if necessary, by acquiring or borrowing them from friendly countries [3]. A clear example is the list of production facilities that have recently switched to using Russian equipment: since July 2025, the Segezha Group holding company has been using equipment developed by Avtomatika-Vektor

(Arkhangelsk) as part of its modernization efforts. The use of Russian-made analytical equipment, such as the Kvant-2MT and Kvant Z, has also been successful at the Volkhov-based chemical enterprise, PhosAgro. These updates are a priority when it comes to improving the national economy.

At a lower level, there is the regulation of the institutional environment and employment. This includes improving the system of state control and supervision, creating favorable conditions for business, developing small and medium-sized enterprises, and addressing labor market issues, such as the shortage of engineering professionals and the employment of workers displaced by automation. The importance of the institutional environment for economic security is emphasized by E. B. Lenchuk, among others [6]. As part of the implementation of the National Security Strategy, important changes have been made in the control area in 2025. The Bank of Russia has adopted a risk-based approach to planning inspections of financial institutions. Planned inspections (previously conducted every three years) have been abolished for banks, non-governmental pension funds, insurers, and professional participants in the securities market. This has relieved a number of conscientious companies from unnecessary administrative pressure. The improvement of control mechanisms, combined with the development of the institutional environment, forms the foundation for effective solutions to employment issues and sustainable economic growth.

Thus, the tasks listed and the ways of their solution in the Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 are based on the above-mentioned principles. In most cases, the development trajectory is aimed at maintaining financial stability within the country, transitioning to domestic production, while also maintaining connections and resource exchange with partners and regulating individual institutions. In the concept of national security, economic security is a guarantee of the effective functioning of society

and Russia's independence at the international level. Without ensuring these conditions, it is impossible to maintain security in other areas, as the economy is directly related to these tasks.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400.

2. Minakov A. V. Economic Security and Stability of the National Currency / A. V. Minakov, E. V. Egorova // 2021. № 9 (2). P. 76–80.

3. Minakov A. V. Technological Sovereignty in the System of Economic Security in Modern Russia / A. V. Minakov, N. D. Eriashvili // Criminological Journal. 2024. № 1. P. 240-245.

4. The Segezha Group Holding Company replaced European equipment with Russian equipment at a plant in the Krasnoyarsk Krai // Kommersant : [site]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7906760.

5. Chemical enterprises are successfully switching to domestic equipment and materials // Rambler/finance: [site]. URL: https://finance.rambler.ru/business/52134587-himicheskie-predpriyatiya-uspeshno-perekhodyat-na-otechestvennoe-oborudovanie-i-materialy/.

6. Lenchuk E. B. Formation of the Institutional Environment for Industrial Development in the Context of Import Substitution Tasks // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2014. № 6. P. 14-15.

UDC 331.56:338.246

Unemployment and its Impact on Economic Security

Karimova Olesya Rustemovna, Pokusay Viktoria Sergeevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ollesame@gmail.com

Keywords: unemployment, economic security, labor market, employment of the population, socio-economic development, regional unevenness, employment imbalance, regional differences.

Acknowledgements: the author expresses his gratitude to the scientific supervisor Migunova Marina Ivanovna, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences.

The article deals with the problem of the impact of unemployment on the economic security of the state. The relevance of the topic is determined by the key role of the unemployment rate as an indicator of the state's economic security. Despite the record low overall unemployment rate, there are significant regional imbalances. This differentiation creates risks for economic stability. The situation is complicated by sanctions pressure, demographic shifts and structural changes in the economy.

In modern conditions, issues of economic security of the state are becoming especially relevant, since there are regions with lower unemployment rates (Moscow, Novgorod and Kaluga regions), and there are regions with higher values (the republics of the North Caucasus), such differences can lead to a number of problems.

One of the key indicators of economic security is the level of unemployment, its growth leads to a decrease in incomes, an increase in

© Karimova O. R., Pokusay V. S., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

social tension and a weakening of the economy, which makes the country vulnerable to external and internal threats. Stable employment, on the contrary, contributes to the sustainability and development of the state.

Economic security in the context of employment implies maintaining the unemployment rate within the established limits (4-5%), ensuring a balance of supply and demand in the labor market, and preventing mass unemployment. The excess leads to a decrease in GDP, an increase in social tension and a reduction in tax revenues.

The current situation in the Russian labor market is characterized by a combination of a record low overall unemployment rate and an acute shortage of personnel in key sectors of the economy. According to Rosstat, in 2025, the unemployment rate in Russia remained at around 2.2–2.3% (Figure 1).

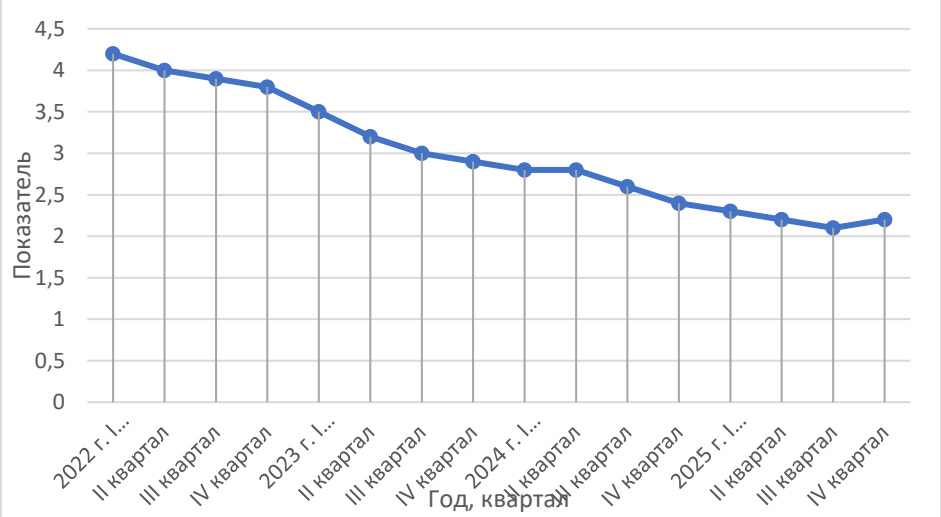


Figure 1. Dynamics of the unemployment rate in the Russian Federation according to the ILO methodology.

As we can see from the chart, the unemployment rate has declined in recent years. The figures for 2025 are among the lowest in the last two decades. However, regional differences in employment levels pose serious risks to economic security (Table 1).

Table 1. Indicators of unemployment rates by district

District of the Russian Federation	**2025 year**
Central Federal District	1.5
Northwestern Federal District	2
Southern Federal District	2.1
District of the Russian Federation	2025 year
North Caucasian Federal District	7.4
Volga Federal District	1.5
Ural Federal District	1.4
Siberian Federal District	2.7
Far Eastern Federal District	2.2

According to the table, the Ural Federal District has a minimum indicator of 1.4%, while in the North Caucasus Federal District the unemployment rate reaches 7.4%. This difference increases social tensions in lagging regions and requires special attention from the state.

Such significant differences in unemployment rates in different regions lead to several problems, and as a result, there is an outflow of qualified personnel from regions with high unemployment to more prosperous regions of the federation. This adds to the problem of a shortage of local specialists. The high level of non-employment of the population creates prerequisites for an increase in social tension and crime.

The current situation in the labor market was influenced by several key factors: pressure sanctions, structural changes in the economy, demographic shifts (reduction of the working-age population), and an increase in the number of self-employed. The impact of unemployment on economic security is manifested through a decrease in GDP and tax revenues, an increase in social spending, a shortage of qualified personnel that hinders technological development, as well as through increased social tension.

To minimize risks, the state implements several measures to regulate employment at once. Retraining and advanced training

programs have been developed, small and medium-sized businesses are supported, and a digital employment platform is being developed. Special attention is paid to regions with high unemployment through mechanisms to subsidize the creation of new jobs. The new employment law adopted in 2023 expanded measures to support the unemployed and stimulated the creation of new jobs. Now retraining programs help employees at risk of being fired, and subsidies for employers contribute to the development of problem regions.

Thus, despite the low level of unemployment, a comprehensive approach is needed to solve the problems of the labor market. It is important to develop education to meet the needs of the market, encourage job creation in lagging regions, improve employment regulation and reduce interregional differences.

To effectively reduce regional inequalities in employment, it is necessary not only to create new jobs, but also to develop infrastructure, improve the quality of life and create conditions for securing qualified specialists. This is the only way to minimize the risks to economic security associated with uneven employment.

References

1. Selezneva A. S. Influence of the unemployment rate on the economic security of the state / A. S. Selezneva, R. A. Gilmutdinova // National economic systems in the context of the formation of the global economic space: collection of scientific papers. 2019. P. 17-20.

2. The number of unemployed and the level of unemployment in 2000-2026 (15-72 years; according to the ILO methodology) // Federal State Statistics Service (Rosstat) : [site]. URL: https://rosstat.gov.ru (date of access: 10.04.2026).

3. Data on the level of unemployment and demography in the Russian Federation for 2022-2025 // Federal State Statistics Service (Rosstat) : [site]. URL: https://rosstat.gov.ru (date of access: 10.04.2026).

4. Kadirova A. B. Doblozhtsa i ee osnovnye formy, opredelenie urovnya doblozhnosti [Unemployment and its main forms, determining the level of unemployment]. 2019. p. 17-20.

5. Gimpelson V. E. Russian Labor Market: Adaptation without Restructuring / V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. M.: Publishing House of Higher School of Economics. 2021.

UDC 339.54:004.8

Prospects for the Use of Artificial Intelligence by Customs Authorities

Karimova Olesya Rustemovna, Pokusay Viktoria Sergeevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ollesame@gmail.com

Keywords: artificial intelligence, automation, customs authorities, digitalization, risk management, EAEU.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the scientific supervisor Yurdanova V. N.

This article deals with the problem of optimizing customs procedures by using artificial intelligence (AI) technologies. The subject of the study is the potential of AI for automating and improving the efficiency of customs authorities. The object of research is the processes of customs control and risk management. In article such aspects as automation of declaration, risk forecasting and optimization of inspection are considered.

© Karimova O. R., Pokusay V. S., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

In the context of increasing trade turnover and increasing complexity of logistics chains, traditional customs control methods face restrictions. Artificial intelligence is becoming a key tool for processing big data, predicting risks, and automating everyday operations. In Russia, the introduction of AI in the customs sphere is enshrined in the Strategy for the Development of the customs service until 2030, which provides for the use of self-learning systems for analyzing unformalized data sets.

Areas of application of AI in customs:

• Automated inspection using computer vision. Modern technologies help analyze X-rays, recognize license plates, verify the authenticity of markings, and identify products by their appearance. This speeds up the search process and reduces the risk of errors.

• Document control and verification of declarations. Artificial Intelligence solutions can optimize the handling of customs submissions by validating data accuracy, detecting inconsistencies within provided details, and computing applicable tariffs automatically.

• Risk-based analysis and product classification. Machine learning algorithms analyze historical data about shipments, identifying patterns that are characteristic of violations. This allows you to create dynamic risk profiles for individual participants in foreign economic activity and optimize the choice of control objects.

• Creating smart checkpoints. The concept of «intelligent customs» involves the integration of AI into risk management systems, automation of declaration registration, electronic document management and interaction with other government agencies.

Foreign experience:

• In Singapore, the Trade Net system customs clearance system has reduced data processing time by 87%, and the accuracy of product classification has reached 98.7% thanks to the introduction of artificial intelligence. This has accelerated the passage of goods across the border,

reduced logistics costs and strengthened the country's reputation as an efficient logistics center.

• China's Smart Customs initiative integrates advanced technologies such as computer vision for efficient cargo examination, automated document workflows, and blockchain-based logistics monitoring. These innovations significantly bolster national border protection measures while streamlining cross-border commercial transactions.

• In the EU, the «Customs Risk Management System» project uses AI to analyze data on deliveries, companies and types of goods. The system identifies discrepancies, assigns a "risk level" to cargo and companies, and gives customs authorities clear recommendations on inspections. This allows you to focus resources on suspicious cases, reduce the burden on bona fide market participants, and increase the efficiency of control and collection of fees.

There are four main types of barriers:

1. Regulatory framework. Legislation needs to be adapted to new technologies, including issues of responsibility for decisions made with the participation of AI.

2. Infrastructure. Modernization of IT systems and creation of a unified analytical platform is necessary, especially within the framework of the EAEU.

3. HR Department. Specialists need to be retrained to work with artificial intelligence systems.

4. Information protection. There are risks of data leakage and cyber- attacks that require enhanced system protection. Development prospects

The implementation of "Smart Customs" requires several key steps:

• Creation of a legislative framework for the certification of artificial intelligence systems;

• Creation of a single analytical center throughout the territory of the Eurasian Economic Union;

• Modernization of the existing technological infrastructure;

• Implementation of comprehensive professional development programs for employees.

The implementation of AI should be carried out in stages — from pilot projects to automation of key operations. In 2025, the Federal Customs Service of Russia plans to introduce AI elements in the risk management system and in generating reports on the results of its application, as well as to start using AI in the administration of customs payments.

Artificial intelligence has significant potential for improving the efficiency of customs control, reducing the time required for cargo clearance and countering violations. However, its implementation requires a comprehensive approach that includes a regulatory framework, technological infrastructure, training, and cybersecurity. Successful implementation of these conditions will make it possible to create an «intelligent custom» that meets the current challenges of international trade.

References

1. Development Strategy of the Customs Service of the Russian Federation until 2030 Decree of the Government of the Russian Federation № 1388-r of May 23, 2020.

2. Kovalevskaya Yu. D. Digital transformation of risk management in customs when implementing artificial intelligence by customs services / Yu. D. Kovalevskaya, N. V. Potapova // Proceedings of the VIII Republican Youth Scientific and Practical Conference «i-Customs.by» 2025. P. 25–28.

3. Andreev A. A. Artificial intelligence technologies in the customs administration system: opportunities, barriers and prospects for digital transformation // Experiment. Traditions. 2026.

4. Kovalevskaya Yu. D. Prospects for the development of "intellectual customs": further digitalization, process automation and the use of artificial intelligence / Yu. D. Kovalevskaya, N. V. Potapova // Bulletin of Innovative Technologies. 2025. P. 29–32.

5. Kovalevskaya Yu. D. Artificial intelligence will be used in the administration of customs payments / Yu. D. Kovalevskaya, N. V. Potapova // Alta-Soft. 2025. P. 33–36.

UDC 338.45:666.646(47+57)

Structural Restructuring of the Facing Ceramics Market in the Russian Federation: The Role of Import Substitution and Customs Expertise

Kolyvanova Alina Evgenievna, Rotar Valeria Andreevna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, AKolyvanova-IT22@stud.sfu-kras.ru

Keywords: facing ceramics, building materials, import substitution, market, energy efficiency, digitalization.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to their scientific supervisor, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor V. K. Menshikova.

The article presents an analysis of the Russian facing ceramics market in the context of structural restructuring of the construction industry. Production, import and pricing indicators for 2022–2025 are examined, the main trends are identified: import substitution, greening of production, digitalization of design and integration of ceramics into

© Kolyvanova A. E., Rotar V. A. 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

energy-efficient facade systems. The scientific novelty lies in the systematization of quantitative and qualitative market changes in the period after 2022, taking into account the factors of customs and tariff regulation.

The market for construction facing ceramics (face bricks, clinker tiles, ceramic facade panels) in the context of geopolitical transformation has undergone significant changes [1]. At the end of 2025, the market volume amounted to 2.65 billion pieces.

The decrease compared to the peak values of 2022 is due to a reduction in imports and the transition to large-format blocks.

The main market indicators in dynamics are presented in Table 1.

Table 1. Indicators of the facing market in Russia

Indicator	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**
Production, million pcs	1 850	1 950	2040	2120
Import, million pcs.	1233	800	620	530
Import share, %	40	29	23	20
Average price, thousand rubles/1000 pcs.	68	72	78	85

Over three years, production increased by 14.6%, imports decreased by more than 2.3 times, and their share fell from 40% to 20%. The average price increase of 25% reflects rising energy and logistics costs.

An important tool for controlling foreign trade operations has become customs expertise [2]. Accurate identification of goods according to the EAEU HS Code has made it possible to correctly classify products, identify understatement of customs value and prevent the import of low-quality materials, protecting the domestic market from dumping [3].

Import substitution in the facing ceramics segment has become one of the successful examples of adaptation of the construction industry in 2023–2025. Seven new production lines with a capacity of

over 300 million standard bricks per year have been commissioned. Regions with a developed raw material base have received active development: Moscow, Nizhny Novgorod, Sverdlovsk, Samara regions. Enterprises are mastering large-format blocks and high-strength clinker tiles, increasing competitiveness.

Demand stability is explained by durability, aesthetics and energy efficiency. Ceramics are being actively introduced into multilayer facade systems: their share in ventilated facade structures increased from 12% in 2019 [4] to 22% in 2025.

Among the key trends are greening and digitalization. More than 60% of large manufacturers have modernized their kiln equipment, and specific energy consumption decreased by 8–12% over three years. The number of LEED, BREEAM and "Green Building" certificates is growing. By 2025, 40% of leading manufacturers offer online facade configurators, and 15% have mastered digital printing on ceramics.

Despite positive dynamics, a number of problems remain. The personnel shortage exceeds 1,200 kiln management specialists and technologists. Logistics costs in remote regions reach 30–40% of the product price. The share of cheaper fiber cement and composite panels in the facade cladding segment reached 18% in 2025.

By 2028, the import share is expected to decrease to 13–14%, almost complete self-sufficiency and an increase in export potential to the EAEU countries and Central Asia.

Thus, the Russian facing ceramics market during 2022–2025 has passed a stage of structural restructuring: dependence on imports has been reduced, local capacities have been increased, and enterprises have reoriented to high value-added products. The improvement of customs expertise, which ensured import transparency, played a significant role. The key trends will remain greening, digitalization of design and integration of ceramics into energy-efficient facade systems.

References

1. Рынок производства керамической плитки : [сайт]. URL: https://naair.ru/articles/details/id/71 (дата обращения: 20.03.2026).

2. Меньшикова В. К. Институты таможенной экспертизы: российский и зарубежный опыт / В. К. Меньшикова, М. Льюис., А.В. Бондарева // Теория и практика коммерческой деятельности: Материалы XXI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и практиков. Красноярск, 2021. С. 837-842.

3. Экспорт и импорт товаров России в условиях масштабных санкций / Е. А. Марков, Е. Р. Яковлева, В. К. Меньшикова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 4. С. 53-56.

4. Меньшикова В.К. Состояние и тенденции развития рынка строительной облицовочной керамики в регионе // Проблемы развития рынка товаров и услуг: перспективы и возможности субъектов РФ: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участие. Сибирский федеральный университет, Торгово-экономический институт. 2019. С. 495-498.

5. Трансформация рынка труда России - рынок продавца рабочей силы / Е. А. Марков, Е. Р. Яковлева, В. К. Меньшикова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 2. С. 54-57.

6. Строительство в России: тренды 2024, прогнозы до 2035 : []. URL: https://marketing.rbc.ru/research/issue/80898/ (дата обращения: 25.03.2026).

UDC 640.41:338.48(47+57)

The Reasons of the Low Level Coliving's Popularization as New Trend in Hospitality Industry in Russia

Korbmacher Tatyana Vladimirovna, Laletina Helena Sergeevna, Mahova Valeria Andreevna
Institute of Trade and Services of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, korbmacher14@gmail.ru

Keywords: coliving, houseshare, hospitality services, development potential.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to research supervisor, senior lecturer Yurdanova Vera Nikolaevna.

Coliving is houseshare of people in one area with common intentions. Interpretation of coliving in Russia appeared to be different due to substitution of notions, as result of which in Russia coliving is defined as just flatsharing in one area that is equaled to definition of hostel, this comparison is crucial and destructive for the main idea of this type of living. Thus, one of the modern directions of accommodation across the world doesn't meet any interest and isn't developed in Russian hospitality industry [5].

The relevance of the study is based on importance of investigation causes behind coliving's low popularity in Russia, where that exact form of living isn't developed and enough despite its worldwide popularity. It's necessary to find out the reasons slowing down spread of this housing format, to evaluate the potential of it and offer ways to integrate it into Russian hospitality sphere.

© Korbmacher T. V., Laletina H. S., Mahova V. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

The exact date of the first implementation of «houseshare» concept is unknown, but the most popular coliving house in Moscow is considered to be «Colife»'s international company house situated in historical building in 1789. Homestay rates is from 32 thousand rubles for a bed in a room, also renting a whole bedroom for your comfort is available [1]. «Colife» offers modern rooms with functional furniture, high-speed Wi-Fi, weekly cleaning service of shared areas. Events for residents are held regularly: sports, education, art and parties. Operative work of manager also helps residents to solve domestic problems and troubles with neighbours.

For the development analysis of really new form of accommodation on our territory it's necessary to trace the development trend worldwide, as well as specifically in Russia in order to build a picture of its influence on the market, and also to have an opportunity to provide recommendations for its further spread on Russian market [6].

According Becar Asset Management research [2] and Urban Campus's reports, the number of colivings all over the world in the period from 2020 to 2024 was changing according to the diagram on the picture 1:

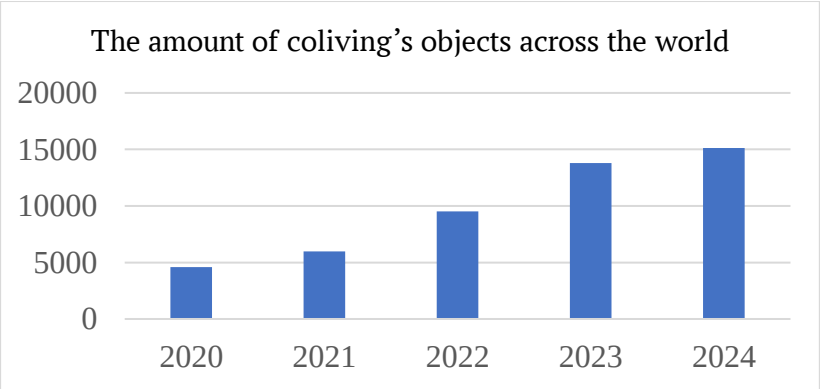


Figure 1. The amount of coliving's objects across the world.

Colivings have a higher tendency of the spread all over the world. The highest spikes were observed in the period from 2020 to 2022. After the slow but stable dynamic was established. Estimates of amount of

objects by 2025 vary widely (from 39 to 95 thousands of spots) exactly because of unclear definition of «coliving» by different sources – including or excluding student dormititories, apartment hotels and private properties, the only thing being certain is the fact of coliving's continuing spread and development.

Striking example of foreign coliving is «The Student Hotel». The particular space is intended for students houseshare. Young specialists may rent more comfortable and affordable house, but also, they can share common space with counterparts which is distinctive feature of that format of living. Residents are provided with rest areas, cabins for listening to lectures, twenty-four-hour canteen and other necessary spaces for productive and comfortable life of the students.

The key factor is coliving having different meaning in Russia and the rest of the world. Living in coliving implies specific selection of candidats based on list of certain traits – age, job, life values and other criteria [3]. In Russia coliving is viewed as communal apartment which has no professional management. Traditionally, Russians prefer to have their own houses, especially it applies to families with children.

By the end of first half of the 2023 total amount of coliving's supplies reached 2200 rooms which accounts 3% of the total number in Europe. Taking projects into account which are daily rent of rooms and communes, market may increase by 20%.

Leading regions by the number of coliving projects in Russia are presented on picture 2.

Coliving is developed mostly in Moscow which is connected with high rent and significant amount of solvent demand. Exact number of regions where colivings are functioning may vary, depending on market dynamic and investors's interest.

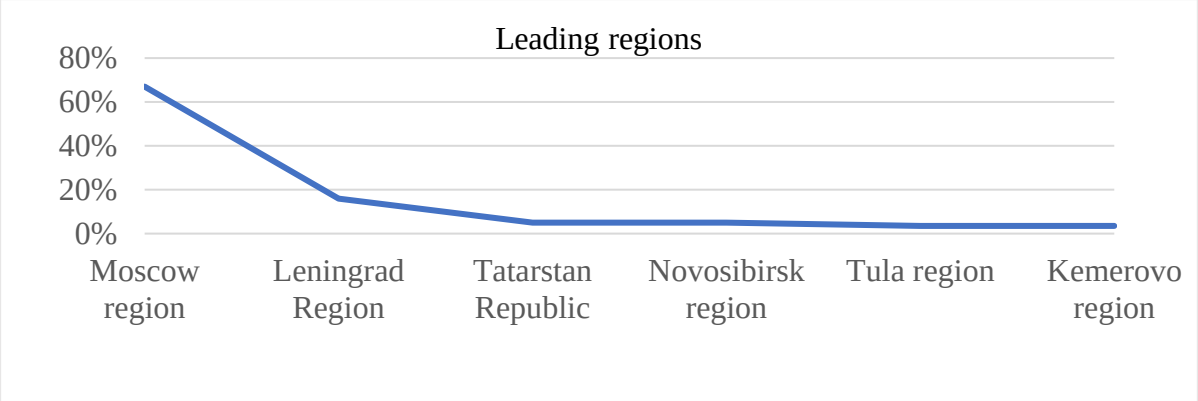


Figure 2. Leading regions by the number of coliving projects in Russia.

Colivings occupy around 17% of market in Russia for today. Researches show growing interest for houseshare, especially in larger cities of Russia. As of 2026, according to Artem Babinov – founder of coliving operator Colife – it's possible to earn 25% more per square meter than renting out the whole apartment to one tenant because of compact planning and high density of accommodation. By this risk of downtime is lowering. Form is finding its own niche even though russian's perception is different from the west one which has influence in development and supply [4].

The main reason for coliving's low level of popularity in Russia in comparison to world's numbers is equivocation occurred during the process of implementing this form of living to Russian market. It's important to adapt the concept for local taste and to actively deconstruct stereotypes by educational campaigns and quality service for the successful development of colivings in Russsia, in order to make it more appealing and comfortable for a wide audience.

References

1. From dorms to co-education: the Europeanization of the Russian language has failed // RIA News : [site]. URL: https://ria.ru/20231029/yazyk-1905873370.html.

2. There is still no clear understanding of the coliving segment in Russia // Becar : [site]. URL: https://becar.pro/news/?news_id=3288.

3. Golubkina K. A. Thesaurus of architect mentality in XXI century // Architecture and building of Russia. 2021. № 2 (238). P. 116-120.

4. Kharitonova D. M. Coliving: social theories of the past into housing of the / D. M. Kharitonova, V. O. Ryzhikov // Architecture and building of Russia 2021. № 2 (238). P. 96-101.

5. Vershinina I. A. Coworking and coliving – new form of labor and leisure organization in the economy of sharing // Labor and leisure: the collection of abstracts of VIII International conference. 2019. № 2 (137). P. 21

6. The Current state of the hotel business in Krasnoyarsk Krai: problems and prospects of development / K. I. Gribova, N. N. Zherebtsova, K. V. Chalushkina [et al.] // Prospect Svobodny 2023, 24–29 april 2023. SFU. 2023. P. 167-170.

UDC 339.543:504.06

The Role of Customs Authorities in Ensuring Environmental Safety

Kostina Sofia Konstantinovna, Ivkina Yulia Evgenievna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, sofiakkostina@yandex.ru

Keywords: ecology, green economy, customs authorities, legal framework, environment, customs control, economic security.

Acknowledgments: the work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; the authors express their gratitude to the scientific supervisor of the article, Candidate of Economic Sciences Marina Ivanovna Migunova, for her contribution to the writing of the article. The article was reviewed by Vera Nikolaevna Yurdanova, an English teacher.

Within the context of escalating worldwide ecological crises, the connection between the "green" economy and environmental protection has taken on heightened significance. Directing capital toward ecologically sustainable innovations serves a dual purpose: it lessens the anthropogenic strain on ecosystems while simultaneously underpinning durable economic advancement via the conservation and stewardship of natural assets and resources.

An economy is deemed "green" when it boosts human prosperity and living standards, guarantees social equity and fairness, all while drastically cutting back environmental threats and the depletion of ecological resources [4]. Currently, an increasing number of nations regard this framework as a pivotal standard for future growth. Nevertheless, translating this model into tangible practice poses

© Kostina S. K., Ivkina Y. E., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

considerable challenges, particularly within the realm of global commerce.

Several compelling factors account for the timeliness of this subject matter. To begin with, a multitude of global accords now curtail the cross-border transfer of toxic refuse, dangerous substances, and protected wildlife specimens. Furthermore, national governments are progressively incentivizing the inflow of ecologically beneficial merchandise—such as clean technology apparatus and sustainable power equipment. In this regard, customs bodies possess the authority to extend preferential treatment or accelerate clearance protocols for these items.

The legislative foundation underpinning ecological security rests upon a broad spectrum of statutory instruments. Central to this architecture is Federal Law No. 7-FZ, enacted on January 10, 2002, entitled "On Environmental Protection." This piece of legislation governs all varieties of undertakings that exert influence upon the natural surroundings, with the explicit aim of ensuring such influence does not precipitate a decline in biodiversity or the exhaustion of natural capital, thereby ultimately safeguarding the state of the environment

Notably, the Federal Customs Service (FCS) engages in extensive collaboration with other state entities to collectively uphold environmental security. A prime illustration of this synergy is the delineation of responsibilities between the FCS and Rospotrebnadzor (Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Well-being) concerning sanitary-quarantine oversight. Rospotrebnadzor is tasked with the examination of inbound commodities and freight via laboratory analysis to verify adherence to hygiene norms.

International partnership constitutes another vital sphere of customs engagement in ecological preservation, often executed through the mechanisms of customs alliances and regional integration

groupings. The Eurasian Economic Union (EAEU) serves as a salient case in point. Within this bloc, trade impediments have been dismantled to foster collective economic progress. In alignment with this, Article 351 of the EAEU Customs Code explicitly enumerates environmental conservation among the mandated functions of customs bodies.

The collaborative framework uniting the customs agencies of Russia and Kazakhstan encompasses the following dimensions: the operation of an integrated system for the conveyance of cargo and transport; the execution of joint border supervision measures; the reciprocal dissemination of intelligence regarding items that might jeopardize public health or ecological equilibrium; and concerted action to obstruct endeavors to channel into Russia goods that had previously breached sanitary, quarantine, or veterinary protocols.

The current suite of regulations that directs customs operations equips these bodies to ensure ecological protection through the exercise of their designated authorities. Concrete proof of this capability lies in the multitude of cases wherein environmentally detrimental cargo has been interdicted at national frontiers. As an illustration, throughout the calendar year 2024, customs points situated within the Smolensk Oblast successfully barred the ingress of roughly 2,400 metric tons of recovered paper originating from Belarus.

Upon examination of the existing legal constraints that affect customs operations concerning ecological safety, it is essential to spotlight a fundamental incongruity present in the legislation itself. While statutes conceived to shield the environment operate via a matrix of economic prohibitions and restrictions, the stated objective within the customs context primarily centers on barring the entry of ecologically damaging and perilous items.

A review of the pertinent legal landscape suggests that domestic policymakers frequently accord precedence to commercial gains over ecological welfare. A case in point is the official Development Strategy of the Customs Service, which predominantly stresses the stimulation of

cross-border trade flows, the augmentation of the domestic economy's competitive stature, and the creation of an accommodating climate for entrepreneurial ventures.

Compounding this issue, the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity furnishes merely a superficial categorization of products, lacking the granular detail required to discern their intrinsic composition or the prospective ramifications of their utilization. Consequently, frontline customs personnel are often deprived of the requisite data necessary to formulate autonomous, well-informed judgments.

In summation, the findings derived from the analysis of the Russian Federation's customs apparatus in the context of environmental stewardship reveal that extant legislation does not adequately articulate the precise function of customs in deterring ecological transgressions linked to the importation of commodities and conveyances. A cluster of structural challenges has come to light, namely: the absence of a codified interpretation of "customs environmental safety," the observable subordination of ecological priorities to mercantile imperatives, and the limited depth of information.

References

1. Malinovskaya I. N. The Impact of Environmental Standards on World Trade in the Context of the Development of the ''Green Economy" / I. N. Malinovskaya, Yu. N. Vorobyov // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. 2024. №4. P. 85-91.

2. Tkachenko I. E. Strengthening the Role of the State Customs Institution in Ensuring Environmental Safety // Customs Affairs. №4. P. 36–40.

3. Averin A. V. Main Functions of the FCS of Russia in Ensuring the Country's Environmental Safety / A. V. Averin, A. V. Gusarov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. №1. P. 45-49.

4. United Nations Environment Programme (UNEP).

UDC 356.132

Why Should a Customs Officer Observe Professional Etiquette in His Specialty and How Does This Relate to Foreign Experience?

Krekhtunova Karina Igorevna, Vityugova Polina Aleksandrovna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, krekhtunovakarina@mail.ru

Keywords: professional etiquette, customs officer, Code of Ethics, Arusha Declaration, trust.

The relevance of the chosen topic is confirmed by the fact that in the modern economy, the customs officer plays one of the key roles in its protection. It controls the movement of goods, vehicles, and people across the state border. His task is to do this efficiently and ethically, so that the rules and regulations of transportation are not violated. Professionalism, honesty and exemplary official conduct are the main components of a customs officer's reputation, ensuring the trust of citizens. Compliance with professional etiquette, in turn, is aimed at improving the quality of work and avoiding situations that could compromise the customs authorities.

The purpose of the article is to substantiate the need for customs officials to observe professional etiquette in terms of its impact on performance, the authority of the international customs service and the trust of other countries.

The professional etiquette of a customs official is a system of established standards of conduct governing the external manifestations of official activity: the manner of communication with citizens and

© Krekhtunova K. I., Vityugova P. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

colleagues, appearance, culture of speech, insubordination, rules of conduct in conflict situations.

An official of the customs authority is a representative of the State. His professional culture, manner of behavior and intellectual level form stable stereotypes of perception of the state in the eyes of citizens and foreign partners [1; 2].

Professional etiquette performs several important functions: reputational function (builds citizens' trust in customs authorities as an institution of government), preventive function (creates moral restrictions that prevent offenses), communication function (harmonization of interaction with participants in foreign economic activity and colleagues, reducing conflict potential), disciplinary function (increases the efficiency of performance of official duties), legal regulation, the Code of Ethics in the Russian Federation

The main document regulating the professional etiquette of Russian customs officers is the Code of Ethics and Official Conduct for Officials of the Customs Authorities of the Russian Federation, approved by Order No. 1187 of the Federal Customs Service of Russia dated December 30, 2021 [3]

The Code of Ethics for Russian customs officials is based on the Constitution. It provides general ethical principles and conduct rules applicable to all officials, regardless of rank. Officials must strictly follow the Code, which supports citizens' right to lawful customs procedures and helps employees perform their duties more effectively [4].

At the international level, the basic document is the Revised Arusha Declaration, adopted by the World Customs Organization (WCO) in 1993 and revised in 2003. This declaration highlights the main task of reforming the customs sphere - the maximum simplification and unification of legislation, rules and procedures in order to remove unnecessary administrative burden from participants in foreign economic activity. The realization of this goal is impossible without the

application of international conventions and standards. Regular review of customs practices is required to eliminate duplicate and redundant formalities. When setting customs duty rates, it seems reasonable to adhere to a moderate level, while minimizing the number of exceptions to the general regulatory procedure. All systems and procedures should be brought into line with the updated Kyoto Convention [5].

The Arusha Declaration is a strategic international document for the management of customs administrations. It defines 10 basic elements of an anti-corruption system: from process automation and transparency to human resources management and business interaction. Its goal is to create an infrastructure in which honesty becomes an objective consequence of properly structured procedures.

The Russian Code of Ethics is an internal regulatory act that regulates the behavior of a particular employee. He details in detail what a customs officer should be like when dealing with citizens and colleagues: diplomatic, attentive, unbiased, and not allowing conflicts of interest [6].

The Arusha Declaration focuses on building an ethical system, while the Russian Code specifies behavior for individual officers. Although Russia’s detailed, public Code is a positive step, the Arusha Declaration suggests a code of conduct is only one of many necessary elements. Without systemic measures such as automation, transparency, fair motivation, and certain punishment, even the best code risks remaining a mere declaration of intent.

A comparison of these documents shows that while Russia's detailed, public Code of Ethics is a positive step, it is insufficient by international standards. Without systemic measures like automation, effective auditing, and transparency, the Code risks being just a declaration of intent, as a customs officer's effectiveness depends as much on the system's adaptability as on personal integrity.

Consequently, the ethics of customs authorities can be considered a two-tier system: the basis is system solutions and procedures, while its

effectiveness and completeness are ensured by informal regulators - the personal qualities of employees and their conscientious adherence to professional standards. The harmonious development of both these levels is the way to build a truly effective and trustworthy customs service.

References

1. О внесении изменений в Реестр банков : Приказ ФТС России от 20.12.2021 № 1187 // Официальный сайт Федеральной таможенной службы России : [сайт]. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21pr1187/ (дата обращения: 08.04.2026).

2. Официальный сайт информационно-правового портала «Гарант» : [сайт]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

3. Code of Conduct // World Customs Organization : [site]. URL: https://www.wcoomd.org/en/topics/integrity/instrument-and-tools/revised-arusha-declaration-implementation-resources-center/7_code-of-conduct.aspx (дата обращения: 08.04.2026).

4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 08.04.2026).

5. Пересмотренная Арушская декларация // Всемирная таможенная организация : [сайт]. URL: https://www.wcoomd.org/~/media/WCO/Public/RU/PDF/Topics/Integrity/Instruments%20and%20Tools/Revised%20Arusha%20Declaration_rus.ashx (дата обращения: 08.04.2026).

6. Профессиональная этика сотрудников таможенных органов и прозрачность таможенных процедур : [сайт]. URL: https://pollux-fid.de/r/base-ftccjournals:oai:ojs2.ccjournals.eu:article/547.

UDC 339.543:33.025.4(47+57)(55)

The Impact of Sanctions on Customs Clearance Procedures: A Comparative Case Study of Russia and Iran

Kutcepalova Daria Ivanovna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, DashuniyaKucepalova@yandex.ru

Keywords: Russia, Iran, economic sanctions, customs, parallel import, barter, dual-use goods.

In the 21st century, economic sanctions have risen to prominence as a primary means of exerting geopolitical power. This has led to the development of distinct approaches to national growth under such restrictions. This paper investigates the transformations in customs procedures within Russia and Iran due to sanctions, contrasting their methods of adjustment.

One of the main instruments of economic sanctions is restrictions on the import and export of certain goods. Such restrictions may affect currency and customs regulations as they affect the volume of foreign trade and the movement of currency flows between countries. Both Russia and Iran have experienced a dramatic number of sanctions.

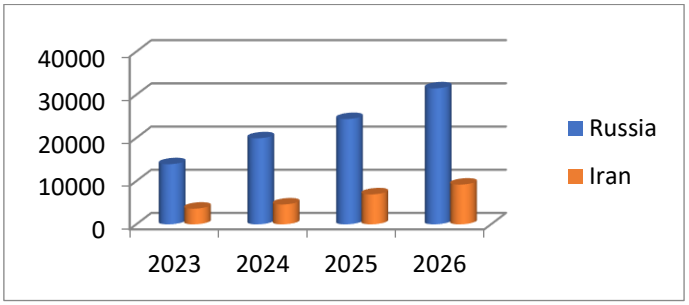


Figure 1. Number of sanctions imposed on Russia and Iran (2023-2026).

© Kutcepalova D. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

These restrictions have had a deterrent effect on the development of the national economy, including its foreign economic sector. Both Russia and Iran experienced a substantial reorientation of their trade flows. Customs authorities in both sanctioned countries have implemented increased inspection scrutiny.

In order to ensure the economic security of the country, the Government of the Russian Federation has adopted a number of laws developed by the Ministry of Finance, which introduced additional measures of customs and currency regulations providing for the possibility of importing multi-component goods simultaneously under several foreign trade transactions [1]. In March 2022 the Russian government legalized parallel import. According to the Federal Customs Service annual report [2], parallel imports allow the importation of branded goods without the trademark owner's permission, from any country where the product is legitimately sold. Russia's FCS has established specialized clearance corridors – dedicated "green lanes" for parallel import from friendly nations including China, Turkey, Iran, India and Central Asian states.

According to the final report about the results and the main areas of activity of the Federal Customs Service of Russia, in 2025 [2] the average time to complete customs operations for goods that are not identified as risky shipments was 51 minutes for import (2.3 days in 2021). The number of authorized parallel importers grew from zero to over 4.500. These figures demonstrate how quickly a national customs system can reconfigure itself under extreme geopolitical pressure.

Iran has endured sanctions for over 40 years, creating the world's most resilient customs system. According to the Islamic Republic of Iran Customs Administration (IRICA) [3], several key mechanisms have emerged. The first mechanism is barter and offset trade. Instead of cash transactions Iranian customs processes goods under barter agreement. The World Bank [4] estimates that barter now accounts for over 60 percent of Iran's non-oil trade. The second mechanism is local currency

valuation. Since accessing US dollars or Euros is impossible for most Iranian importers, Iranian customs values imports using domestic secondary exchange rate or Rial-based contracts with partner countries.

Quantity indicators from IMF's [5] Iran country date reveal the cumulative impact on long-term sanctions. Comparing 2015 to 2023 the average customs delay for essential goods such as food and medicine increased from 5 days to 18 days, a rise of 260 percent. The percentage of imports using barter or swap documents rose from 8 percent to 62 percent, an increase of 675 percent. The number of active HS code exceptions – special permits allowing importation of otherwise prohibited goods – grew from 150 to 1,200, an increase of 700 percent. These figures, documented by IRICA, illustrate how a customs administration adapts when sanctions become a permanent condition rather than a temporary disruption.

Sanctions have transformed customs clearance in Russia and Iran. The analysis showed that Iran as well as Russia coped well enough with the sanctions pressure, thereby insuring its development. Thus, we can draw the following main conclusion: development under sanctions constitutes trajectory in the form of governmental decisions resisting external impacts and ensuring a search for management that provide a substitute measure for imposed restrictions.

References

1. On Measures to influence (counteract) unfriendly actions of the United States of America and other foreign states : Federal Law № 127-FZ dated 06/04/2018 : [site]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43117.

2. Final report on the results and main activities of the Federal Customs Service of Russia // Russian Federal Customs Service : [site]. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2026-03/11/itog_doklad_2025.pdf.

3. Islamic Republic of Iran Customs Administration (IRICA) – Trade Facilitation under Sanctions (2025).

4. Sanctions and Trade Reorientation; Evidence from Russia and Iran // World Bank : [site]. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099051007102421530.

5. US Department of State – Sanctions Information : [site]. URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information.

UDC 339.194:663.974

Smuggling Of Cigarettes as a Threat to Economic Security of the State

Denis Olegovich Malyshev, Semenov Andrey Andreevich
Institute of Trade and Service Sector, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, den.malyshev.04@bk.ru

Keywords: smuggling, cigarettes, tobacco products, customs authorities, economic security, illegal trade.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the scientific advisor, Vera Nikolaevna Yurdanova.

Illicit tobacco trade inflicts grave fiscal damage. Unlawful cross-border conveyance skirts duties and excises, draining treasuries and weakening tax regimes. Contraband flows swell underground commerce, erode lawful competitors, and destabilize markets.

Cheap bootleg wares spawn unfair rivalry, cutting legal profits. Swelling global and domestic contraband streams—fueled by price gulfs, uneven tax loads, and porous borders—underscore this probe's timeliness.

© Malyshev D. O., Semenov A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Cigarette smuggling embodies outlawed external mercantile conduct directed at lucre extraction via forbidden cross-perimeter conveyance. It subsumes material carriage defying codified norms as well as assorted ploys contrived for legislative dodging. Its kernel lies in eluding mandated oversight and compulsory imposts—rendering said enterprise fiscally seductive. Hidden cargo ferrying materializes either as sweeping orchestrated syndicate ventures or solitary petty transgressions. Manifold guises obtain: surreptitious routing past authorized portals, tendering fictitious consignment data, deflated worth pronouncements, or deployment of falsified credentials. Salient indicia subsume: wanting or doctored manifests; freight obscuration; leaning upon sham records; flouting prohibitions or constraints peculiar to tobacco wares; infringement of private-use provisos; plus, deliberate maneuvers steered toward forbidden enrichment.

Underlying Drivers. Cigarette contraband emanates from an amalgam of pecuniary, societal, and organizational streams coalescing to nurture amenable environs for proscribed tobacco dealings. The affliction proves systemic, tracking governance mettle, macro-fiscal clime, and worldwide barter lineaments. Prime movers comprehend: interstate price clefts abetting arbitrage from low-cost loci toward dearer domains; onerous excise loads and fiscal constriction whetting want for slashed-rate outlaw wares; tenacious user hankering for economical smokes buttressing surreptitious streams; uneven perimeter stewardship ascribable to arduous landforms and meager resourcing; ossified crime ring collusions; rot festering inside supervisory strata; juridical fissures and cross-sovereign rule disparities; convoluted carriage ruses enlisting transit ploys and shell fronts blurring discovery; plus paltry juristic cognizance amidst certain mercantile factions.

Consequences. Harm spans fiscal, social, and legal spheres. Fiscal: lost revenues, crippled lawful firms, swollen shadow sector, dented investment, warped prices from counterfeits. Social: wider youth access to cheap smokes, spiking usage, worsened health, hazardous fakes,

enfeebled anti-tobacco drives. Legal: more offenses, strained enforcement, emboldened syndicates, heightened graft risks, eroding public trust.

Methods of Combating. Polities marshal an assortment of architectonic, legislative, and technologic implements to exhume, foil, and stanch outlawed tobacco flux. Prevailing pivots upon inter-agency concert and vanguard monitoring breakthroughs. Foremost stratagems embrace: buttressed verge inspections via pared-down protocols, peril sieving, combing, and up-to-date visualization gadgetry; deployment of cyber-trailing scaffoldings leaning upon singular markers and dematerialized interflow; augmenting cross-march fellowships by way of pooled alerts, choreographed ambuscades, and compacts; ratcheting up requital via code renovations and weightier monetary mulcts; staging communal cautionary blitzes; amplifying personnel adeptness; embedding uprightness shields; plus harnessing datum-milling engines, singularly immense dataset scrutiny, to pinpoint aberrant bargains.

Conclusion. Shadow tobacco trade menaces fiscal stability, drains budgets, and fuels underground markets. Curbing it demands legislative overhaul, stricter border governance, and robust transnational teamwork.

References

1. Joossens L. From cigarette smuggling to illicit tobacco trade / L. Joossens, M. Raw // Tobacco Control. 2012. 21(2). P. 230–234.

2. Krylova Y. The Impact of Russia's Full-Scale Invasion on Illicit Cigarette Trafficking from Ukraine to the European Union // Journal of Illicit Economies and Development. 2024. № 6(2). P. 1–18.

3. Merriman D. The micro-geography of tax avoidance: Cigarette smuggling in Chicago // Public Finance Review. 2010. №38(3). P. 320–340.

4. Salnikova A. V. Illegal imports of tobacco and tobacco products into Russia from the EAEU countries: assessment and areas of

minimization / A. V. Salnikova, D. D. Goryacheva // Bulletin of the University. 2023. №10. P. 211–219.

5. Illicit Trade Report 2022 // World Customs Organization. Brussels: WCO.

UDC 339.543

Modern Methods of Combating Smuggling in the Context of Digitalization of Customs Authorities

Mikhaleva Kseniya Andreevna, Lyskova Alysa Sergeevna
Institute of Trade and Service Industries, Krasnoyarsk, Russia, mihalycka@gmail.com

Keywords: smuggling, customs digitalization, artificial intelligence, risk management, non-intrusive inspection, electronic data exchange, big data.

Acknowledgements: the study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The authors thank the staff of the Department of Customs Operations at Siberian Federal University and the teacher Yurdanova Vera Nikolaevna.

The article examines modern methods of combating smuggling in the context of digital transformation of customs authorities. The authors identify key technological solutions: AI-driven risk management, big data analytics, non-intrusive inspection with automated image recognition, electronic data exchange, and passenger profiling. International experience of China, South Korea, India, the EU, and Russia is reviewed. Results show that digitalization significantly increases contraband detection (up to 23.7% in China) and reduces cargo

© Mikhaleva K. A., Lyskova A. S., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

processing time from hours to seconds. Challenges include high costs, data dependence, personnel shortages, and legal gaps. Measures are proposed: legal consolidation of key concepts, interagency integration, continuous IT training, and two-way digital feedback.

Smuggling remains a serious threat to economic security. Traditional methods (physical inspections, manual checks) are ineffective against technologically advanced criminal networks [1; 2]. Today, customs decisions are increasingly made by algorithms. Machine learning forms "risk profiles" in real time, replacing routine operations with computational models [3]. Russia's FCS Strategy until 2030 names full paper abandonment as a key indicator of "digital maturity" [4]. The purpose of this study is to identify modern methods of combating smuggling through digitalization and analyze their effectiveness.

The research uses document analysis (FCS Strategy, AI presidential decree, WCO and EC reports), comparative legal method (Russia, China, South Korea, India, EU, US), case studies (China's "Tianxuan", Korea's targeting center, Indian codification, EU data hub), and statistical analysis of seizure rates and processing times.

China Customs developed the "Tianxuan" AI model, processing over 270 billion data records in three seconds, achieving a 23.7% seizure rate in 2024 [5]. The Korea Customs Service reduced high-risk cargo analysis from one hour to under one minute, saving KRW 125.7 billion annually [6]. India uses unsupervised machine learning to codify suppliers and goods, detecting misclassification and undervaluation [7]. Non-intrusive inspection (NII) with AI image analysis is widely deployed. China installed AI-based image analysis on hundreds of NII devices, leading to major drug seizures [8]. Russia launched its first portal-type inspection system at Vladivostok in September 2025, allowing container inspection within seconds [9]. The EU's C-BORD project developed an "electronic sniffer dog" for drugs and explosives [10]. Electronic data exchange enables international cooperation. In December 2025, Russia and India agreed to exchange customs

information [9]. The EU is creating a single customs data hub (reform agreed March 2026) [11]. China's Smart Passenger Inspection System at Shanghai Airport reduced clearance time for a 300-passenger flight to 30 minutes [5].

Digitalization significantly increases anti-smuggling effectiveness, but challenges persist: high implementation costs [6], dependence on data quality [5], personnel shortages [12], system incompatibility [1], legal gaps [3], and imitation of digitalization [2]. Proposed measures: legal consolidation of key concepts, technical integration of databases, continuous IT training, two-way digital feedback, and strengthening post-release customs control [8].

AI, big data, NII, and electronic data exchange transform customs control. Successful implementation in leading countries shows digitalization is a necessity. Future research should focus on legal frameworks for AI evidence and cost-effective solutions for developing countries.

References

1. Boikova M. V. Digital transformation of customs administration: problems and prospects / M. V. Boikova, S. V. Novikov // Customs Business. 2025. № 3. P. 15–22.

2. Digital customs: challenges and threats in the context of digital transformation of the economy / I. V. Derevtsova, L. N. Klyuchnikova, S. S. Kochetygova [et al.] // Baikal Research Journal. 2022. Vol. 13, № 4.

3. Shapovalov V. A. Artificial intelligence in risk management systems: experience and prospects // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2024. № 4. P. 42–51.

4. Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030 : Decree № 1388-r of May 23, 2020. M., 2020.

5. Wang Lingjun. China's Smart Customs Journey // WCO News. 2025. Vol. 107, № 2. P. 12–18.

6. Korea Customs Service. Digital innovation and e-commerce // WCO News. 2025. Vol. 108, № 3. P. 8–14.

7. Vijayakumar S. Artificial intelligence and machine learning-driven codification of entities and goods descriptions / S. Vijayakumar, S. Dhamanikar // WCO News. 2025. Vol. 108, № 3. P. 22–27.

8. BRICS Customs Administration. Case 1: Non-Intrusive Inspection + AI-Powered Image Review. BRICS Customs Centre of Excellence, 2025. 15 p.

9. . Customs authorities of Russia and India agree on electronic information exchange // TASS Russian News Agency : [site]. URL: https://tass.com/?s=date.

10. C-BORD Project. Beyond X-rays – the new inspection tools to thwart smugglers // KETMarket. 2025.

11. Council of the European Union. EU customs: Council and Parliament agree on landmark reform // European Council Council of the European Union : [site]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/03/26/eu-customs-council-and-parliament-agree-on-landmark-reform/.

12. Petrov I. S. Personnel support for digital transformation in public authorities / I. S. Petrov, A. A. Sidorov // Economics and Management. 2026. Vol. 32, № 1. P. 88–95.

UDC 339.543:339.19:613.83=111

Analysis of recent customs actions against drug smuggling

Mironova Marina Timofeevna
Institute of Trade and Services of Siberian Federal University, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: customs, drug trade, smuggling, drug precursors, statistics, Russian Federation.

Acknowledgements: author of this article expresses gratitude to academic advisor Vera Nikolayevna Yurdanova, senior professor.

Drug trade has been a global issue for many years, and laws have been put in place to prevent further harm. Customs as an institution is one of the barriers protecting their respective States from narcotics and their precursors (chemical compounds that have the potential to manufacture similar products). As such, there are multiple ways to spot drugs in packages. Their efficiency has increased, but there are aspects that need to be worked on. For example, in 2024, there has been an increase in contraband of illegal narcotics and their precursors by 37,5% (from 275 cases to 378 cases). Conversely, there has been a decrease in contraband of potent agents by 14,1% (from 270 cases to 232) [1]. Potent agents are chemical compounds not recognized as illegal and may be used as medicine, but, due to their potency, an attempt of moving them across the border without a document is punishable by law. The overall number of seized drugs, their precursors and potent agents in 2024 amounted to approximately 22 tons. In 2023, it amounted to around 20 tons, once again pointing to an overall increase [2].

© Mironova M. T., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

An important part in analyzing these statistics is looking at the general amount of international drug trade. As it was in 2024, the general movement of narcotics and their countries of origin have not changed. However, in a span of five years, there has been an increase of contraband packages of cocaine, as well as attempts of transit of the drug into Europe through the territory of Russia. In addition, there has been an uptick of synthetic drugs production in Afghan after a ban on cultivation of *Papaver somniferum*, more commonly known as opium poppy. Finally, the territory of Ukraine has also become more relevant as a drug market [1].

With the presented information in mind, from the perspective of mechanisms used to detect illegal substances, it is fair to assume that the data implies the systems have become more accurate in relation to smuggled drugs. However, it also suggests that Customs officers should remain watchful, especially in relation to potent substances, as those may be used in substitute of narcotics. After the pandemic of COVID-19, there has been a general increase of drug trade across all countries, and the 2020 data says that 41,6% of it happened via the Internet [3], which has significantly simplified the process of getting the substances, as well as the equipment needed to make them [1].

Now, the types of equipment used to identify illegal substances in packages may be examined. These fall into physical and physical-chemical methods, as well as usage of trained dogs. The former two consist of following:

- Fluoroscopy uses x-rays and their intensity when going through the object. Modern machines, such as Rapiscan 500 has multiple modes which allow not only to separate items from explosives, narcotics and gold, but to notify the user about potentially dangerous items by sounding the alarm. The screen shows a clear image of the insides of bags, both in black and white and color. The images are saved onto the hard drive and can be viewed later. Unfortunately, fluoroscopy does not

allow to directly identify suspicious packages as those containing illegal substances.

- Nuclear quadrupole resonance spectroscopy is used to indicate crystals containing atoms with certain charge. One such spectroscopy machine by QUANTUM MAGNETICA has two coils sensitive to different bases of cocaine. This method is used to inspect packages of frozen food without damaging them. It is also effective at identifying explosives.

- Gas chromatography–mass spectrometry and IMS (ion mobility spectrometry), unlike the first two methods, are based on air particles, which are collected via a sorption concentrator. Afterwards, their ion mass is measured. Due to the nature of absorbing large amount of air around, other particles are sucked in, which impacts the ability to accurately measure the presence of narcotics. Therefore, all spectrometry machines must be checked first in multiple trials.

Sentinel Barringer Ionscan, one of the detectors, blows a stream of air onto the passenger's clothes and collects all particles that have landed on it, which are then analyzed. If it detects heavy particles, it may be a sign of being near explosives, drugs or other illegal substances. One of the disadvantages are the price and their detection time period amounting to 20 seconds.

Alongside aforementioned detection methods, fast chemistry-based ones are also developed to be used in laboratories and in the field. The most accurate one is an express-test called NARKOCVET («НАРКОЦВЕТ»). It is used for both solid and liquid samples and takes two to four minutes to produce results with different colors for each compound. There are three separate tests in each package:

- NARKOCVET-B for barbiturates, cocaine, ephedrine, methaqualone, diphenhydramine, amphetamines, aporphines, trihexyphenidylum, trimeperedine, morphine, heroin and codeine;

- NARKOCVET-M1 for plant-based drugs like opioid poppies and cannabis;

- NARKOCVET-M2 for buprenorphine [4].

In conclusion, while there has been a trend in increased drug trade and usage within Russian Federation, there is no one unified method used to identify any illegal substances varying from physical to chemical. While they are effective in their own regards, there is a need for developing more precise and faster instruments to deal with precursors and potent agents, as they are not legally classified as narcotics. However, Customs service of Russian Federation is able to deal effectively with contraband of drugs due to employment of modern technology.

References

1. Доклад о наркоситуации в РФ в 2024 году // Государственный антинаркотический комитет : [сайт]. URL: https://adm-nao.ru/media/uploads/userfiles/2025/07/14/%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94_%D0%9E_%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9A%D0%9E%D0%A1%D0%98%D0%A2%D0%A3%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%98_%D0%B2_%D0%A0%D0%A4_%D0%B2_2024_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

2. Почти 22 тонны контролируемых веществ изъято таможенниками в 2024 году : [сайт]. URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/616933 дата обращения: 02.04.2026).

3. В РФ в 2025 году число выявленных фактов сбыта наркотиков выросло на 17% : [сайт]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26522889 (дата обращения: 02.04.2026).

4. Технические средства поиска наркотических веществ : [сайт]. URL: https://tstk.narod.ru/tstpid/tspnv.html (дата обращения: 02.04.2026).

UDC 339.194:343.85

Drug Smuggling in Russia in 2023-2026 and Measures for its Prevention

Naumenko Julia Nikolaevna, Kirillova Ekaterina Viktorovna, Ignatieva Victoria Gennadyevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: smuggling, drugs, psychotropic substances, legislation, narcotic preparations.

Acknowledgements: the authors express their sincere gratitude to Vera Nikolaevna Yurdanova, Senior Lecturer, for her valuable guidance and support.

The circulation of narcotic and psychotropic substances in the Russian Federation is governed by Federal Law No. 3-FZ (1998), which defines key legal categories, establishes state monopoly, and regulates authorized handling and cultivation. [1] Customs enforcement is led by the Main Directorate for Combating Smuggling (FTS Russia). Offences are prosecuted under Article 229.1 of the Criminal Code, with sentencing severity determined by scale, participation, and aggravating circumstances—the provision being the most frequently applied in anti-narcotics jurisprudence [2].

Among the array of counter-smuggling measures, physical inspection remains the most rudimentary yet expeditious method. Requiring neither specialized instrumentation nor extensive training, nor significant temporal investment, it is routinely conducted by customs authorities at international airport checkpoints. On March 10,

© Naumenko J. N., Kirillova E. V., Ignatieva V. G., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2026, within Domodedovo Airport's "green corridor," a passenger arriving from Istanbul was intercepted; examination of his luggage revealed nine packages labeled Xanax 1 mg, containing 0.450 g of the psychotropic agent alprazolam in tablet form. [3] While this method enables early-stage detection, its efficacy is inherently limited. Consequently, authorities augment it with advanced technical screening and confirmatory forensic analysis.

Expert analysis is essential to distinguish narcotic substances from legitimate goods. For example, in March 2026, Domodedovo customs officers intercepted a 51-year-old Russian national arriving from India via the UAE, carrying two backpacks containing concealed drugs. Prohibited substances were hidden in capsule containers wrapped in metallic foil and within a wallet lined with cardboard—apparent attempts to block X-ray detection and mimic medicinal items. Analysis confirmed 28.71 g of pregabalin in the capsules and 0.29 g of d-lysergide (LSD-25) in the cardboard. [4] Tests such as Narkotest, Cannabyspray, and Hero-sol enable reliable identification of controlled substances, preventing false conclusions [5].

Given the voluminous passenger and cargo traffic, high-throughput customs screening is imperative. Authorities deploy canine units trained to detect olfactory signatures of narcotics, psychotropic substances, and tobacco. Dogs enable rapid, non-invasive inspection of luggage or individuals, facilitating targeted searches. In 2023, at Sheremetyevo Airport, a detection dog (Brownie) alerted to the baggage of a 33-year-old Sri Lankan national arriving from Abu Dhabi. A follow-up examination uncovered a brick-shaped brown substance and green plant material. Forensic analysis confirmed the former as hashish, weighing 9.18 g [6].

As evidenced by the illustrative cases provided, in order to counteract the illicit importation of drugs, the customs service employs a diverse array of methodologies — ranging from basic physical inspection to specialized expert analyses and the utilization of service

dogs. Systematized information regarding these measures is presented below (Table 1).

Table 1. Measures to Prevent Drug Smuggling

Method	**Essence of the Method**	**Advantages**	**Example of Use from the Text**
Inspection	Visual and manual examination of luggage and personal belongings at checkpoints	Requires no equipment, fast, not time-consuming	March 10, 2026, Domodedovo: passenger from Istanbul found with packages of "Xanax" containing alprazolam
Expert Analysis	Use of chemical tests ("Narkotest," "Cannabyspray," "Hero-sol") for precise identification of the substance	Distinguishes narcotics from ordinary goods; provides evidentiary results	March 2026, Domodedovo: pregabalin and LSD detected in containers and cardboard
Service Dogs	Trained dogs "scan" luggage and individuals by scent within seconds, indicating a target	High speed, enables targeted inspections	2023, Sheremetyevo, dog Brownie: hashish discovered in suitcase of Sri Lankan citizen

Countering drug smuggling in the Russian Federation is anchored in Federal Law No. 3-FZ and Article 229.1 of the Criminal Code, forming the cornerstone of the legal interdiction framework. Primary preventive mechanisms—physical inspection, forensic analysis, and canine detection—demonstrate proven efficacy in intercepting concealed narcotics, even under advanced concealment schemes. Their operational success confirms enduring utility. Yet, in response to increasingly sophisticated trafficking tactics, integration of emerging technologies—including Raman spectrometry, terahertz imaging, and AI-driven

systems—is imperative to enhance the speed, accuracy, and non-invasiveness of border control.

References

1. On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (in force as of December 28, 2024) : Federal Law of the Russian Federation № 3-FZ, dated January 8, 1998 // The legal system «ConsultantPlus» : [site]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Art. 229.1: Smuggling of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (as amended on December 28, 2024) : Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ, dated June 13, 1996 // The legal system «ConsultantPlus» : [site]. URL: https://www.consultant.ru.

3. Interception of Psychotropic Substances from a Foreign National via Digital Marketplaces: Case Report : Official Operational Bulletin // Federal Customs Service of Russia (FTS). 2026.

4. Disruption of an International Narcotics Trafficking Route: Seizure of Controlled Substances Smuggled from India at Domodedovo Customs Post : Official Field Report // Federal Customs Service of Russia (FTS). 2026.

5. Tsemerzhinskaya A. V. Enhancing Customs Surveillance Against Illicit Trafficking of Narcotic and Psychotropic Substances in the Russian Federation / A. V. Tsemerzhinskaya, I. A. Vishnyakov, V. V. Tsogolova // J. Humanit. Nat. Sci. 2022. № 5–3.

6. Canine-Assisted Detection of Concealed Narcotics: Case Report (UAE Passenger, February 9, 2023) : Sheremetyevo Customs Office // Official Incident Report.

UDC 339.194:58-022.251/59-022.251

Smuggling of Rare and Endangered Animals and Plants

Naumenko Yulia Nikolaevna, Kirillova Ekaterina Viktorovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, yulya.naumenko.06@mail.ru

Keywords: smuggling, wildlife, CITES, Red Data Book, illegal trade, derivatives, biodiversity, environmental security, customs control, rare animal species.

Acknowledgements: the authors extend their profound gratitude to Marina Ivanovna Migunova, Associate Professor and Candidate of Economic Sciences, for her expert guidance, valuable insights, and continuous support throughout the development of this research. Her scholarly contributions significantly enhanced the quality and rigor of this work.

The illicit transboundary movement of biological specimens—animal and plant-derived, including morphological derivatives—has escalated into a significant transnational crisis. Within the Russian Federation, the clandestine market for rare and endangered species is predominantly supplied by extraterritorial networks originating in Africa, South America, Southeast Asia, and Europe. This is driven by the biogeographic concentration of phylogenetically distinct parrot taxa in Africa and South America, which command premium value in Russia as luxury-status commodities and markers of socio-economic distinction.

Similarly, Southeast Asia, functioning as a global biodiversity epicentre for rare reptilian and amphibian taxa, serves as a principal source region for illicit biotic extraction. Meanwhile, Europe hosts

© Naumenko Y. N., Kirillova E. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

prominent private collections and high-value auctions, which attract both academic researchers and elite collectors, thereby reinforcing demand-side pressures on vulnerable populations.

The efficacy of conservation initiatives targeting endangered species is intrinsically contingent upon the rigour and enforcement capacity of national regulatory frameworks. A cornerstone of international collaboration in this domain is the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES), which establishes a legally binding multilateral regime for the regulation of wildlife commerce [1].

Empirical data substantiate the scale of the crisis: between 2015 and 2021, over 13 million documented incidents of illegal wildlife trade were reported across 162 countries. The taxa most frequently targeted include corals (16%), crocodilians (9%), and elephants (6%). Cumulatively, illicit trafficking has affected approximately 4,000 species of flora and fauna, of which 3,250 are enumerated within the CITES appendices, underscoring the breadth of anthropogenic pressure on global biodiversity [2].

Effective mitigation of illicit wildlife trade demands a thorough understanding of the prevailing legal framework. Under CITES, species are classified into three appendices according to conservation status. Appendix I includes taxa deemed critically endangered, requiring both export and import permits for international trade. For Appendices II and III, a single export permit or certificate of origin from the competent national authority suffices [3].

Paradoxically, even a rigorously structured international conservation regime encounters systemic vulnerabilities at the level of its core instruments—chiefly, the Red Data Book. The inverse correlation between taxonomic rarity and criminal valuation subverts a protective instrument into a de facto catalogue of high-value contraband: the rarer the species, the greater its black-market premium, thereby fueling incentivized poaching and transnational trafficking [4].

Globally, anthropogenic demand for biological resources persistently exceeds natural replenishment rates, inducing a structural supply-demand deficit. This imbalance acts as a principal driver behind the expansion of illicit wildlife markets. The present study incorporates a systematic assessment to identify trafficking hotspots and delineate species most vulnerable to exploitation (see Table 1) [5].

Table 1. Animal species most vulnerable to illegal trafficking

Location	**Species**	**Geographic Range**	**The main reason for traffic**	**Security status**
1	Pangolins	Equatorial and Southern Africa, Southeast Asia	Meat, scales (false medicinal properties: lactation, cancer, asthma)	Genetically endangered (ZSL), 2 species – endangered (IUCN)
2	Tiger	Asia (9 subspecies, 6 remain)	Skins, body parts	IUCN Red List, Russian Red Book, hunting ban since 2019
3	Rhinoceros	Africa, Asia	Horns (keratin; false healing properties, potency, elixirs of "immortality")	Under threat of extinction
4	Sharks	The world Ocean	Fins (soup), other body parts	Not specified, but ~73 million individuals per year
5	Loggerhead sea turtle (Caretta)	Indian, Pacific, and Atlantic Oceans, and the Mediterranean Sea	Eggs (dainties, confectionery products)	Egg collection is prohibited in most countries

In the domain of anti-smuggling enforcement, multilateral institutional cooperation—particularly through Interpol, the World Customs Organization (WCO), and the CITES Secretariat—plays an indispensable role. Sustainable preservation of global biological heritage can only be achieved through the harmonization of national legislation, including penal codes, and the strict imposition of legal accountability for environmental crimes.

References

1. Regulatory Framework and Compliance Mechanisms // Rosprirodnadzor : [site]. URL: https://rpn.gov.ru.

2. Illicit Trade Dynamics (2015–2021) : Global Wildlife Trafficking // United Nations. 2024.

3. CITES-Listed Specimens: Regulatory Protocol for Cross-Border Movement // FTS Russia. 2024.

4. Red Data Book of the Russian Federation: National Register of Threatened Species // Minprirody Russia : [site]. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/red_book/krasnaya-kniga-rossiyskoy-federatsii/.

5. Top 10 Smuggling-Prone Endangered Species // InvestFuture. 2025.

UDC 81-26.651.926

Linguictic and Cultural Factors in Translation of Customs Terms

Nazarenko Sofia Alexandrovna, Zakharova Anastasia Alexandrovna, Ovchinnikova Victorya Olegovna
Institute of Trade and Services Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, sn787@yandex.ru

Keywords: customs terminology, English-Russian translation, interlingual equivalence, legal language, harmonization.

Acknowledgments: the authors express gratitude to the scientific supervisor V. N. Yurdanova, Senior Lecturer.

Customs authorities facilitate international trade by regulating goods movement. Their efficiency depends on precise communication, especially accurate translation of specialized terminology between languages like English and Russian. Translation errors can cause misunderstandings, legal disputes, and delays. This article examines key challenges in translating customs vocabulary and proposes strategies to address them.

English and Russian official discourse in customs diverge due to distinct historical, social, and cultural norms. English official language prioritizes conciseness, directness, and a neutral stance for clarity and objectivity, evident in straightforward customs documentation with clear, succinct sentences.

Russian official discourse is shaped by a bureaucratic tradition of centralized administration and legal formalism, favoring elaborateness and structural complexity with extended sentences and a formal register. E. I. Andreeva and A. E. Epov (2024) examine translation

© Nazarenko S. A., Zakharova A. A., Ovchinnikova V. O., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

inaccuracies in the Russian version of the Harmonized Commodity Description and Coding System, showing how errors in terms like “other” disrupt customs classification. They emphasize that digital customs technologies require harmonized terminology and advocate for systematic revision of the Customs Union Commodity Nomenclature to align with its international foundation.

Y. Gorlyakov (2019) compares English and Russian customs terminological systems, emphasizing their interdependence with historical processes. Customs terminology is highly susceptible to cross-linguistic influence due to the international nature of trade. For instance, English «fine» derives from Old French and Latin, while Russian «штраф» entered the language from German «strafe» during Peter the Great’s reforms, reflecting distinct historical circumstances.

The author argues that the anthropocentric turn in linguistics has significant implications for terminological analysis: language reflects human experience and cultural categorization, and customs terminology embodies particular worldviews and institutional traditions. His work identifies five key characteristics of customs terminological systems: reflection of professional category formation; conscious development of lexical units amenable to systematization; close connection with material and spiritual culture; pronounced susceptibility to borrowing and calquing; and dependence on scientific-technical development and globalization processes.

Research on interlingual equivalence in customs terminology reveals complex patterns. Some English terms have single Russian equivalents (e.g., customs control — таможенный контроль), indicating conceptual correspondence. Others correspond to multiple Russian variants depending on context (e.g., customs duties — таможенные пошлины/платежи/ввозные пошлины). Some lack direct equivalents entirely, requiring creative strategies (e.g., bonded has no single Russian equivalent, as its legal meaning is expressed

procedurally). These findings highlight the need to study partially and non-equivalent terms for harmonization.

The United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), with the Customs Union Commission, developed an English-Russian glossary of trade facilitation terms to establish translation norms. Russian explanations are often more detailed, reflecting the glossary's orientation toward Russian-speaking practitioners. This initiative recognizes the need for standardized translation to support effective international communication.

The analysis of customs terminology requires multifaceted consideration extending beyond semantics to encompass genetic, lexical-semantic, and linguistic-didactic perspectives.

English uses international terms that are often easily translatable. Russian customs terminology, however, blends native formations, international borrowings, and terms adapted to Russian linguistic patterns. Translators face challenges when direct equivalents are lacking or when concepts must fit Russian legal frameworks. Balancing international terminology with Russian procedural realities requires precision and sensitivity to formal register.

English customs terminology evolved within common law traditions, incorporating French and Latin elements. Russian terminology was shaped by continental European legal traditions, Soviet administrative practice, and post-Soviet adaptations.

A key challenge is the lack of universally accepted equivalents. Some terms vary across contexts (e.g., «customs clearance» as «таможенное оформление» or «таможенная очистка»), complicating consistency. Many English terms have multiple meanings: «duty» can mean tax (пошлина) or obligation (обязанность). Misinterpretation can cause serious errors.

«False friends» also create pitfalls—words that appear similar but differ in meaning. S. N. Karpova notes that terms like accurate, actual, and control have diverged in meaning or legal significance.

Systematic development of standardized glossaries by Russian authorities with linguists would reduce inconsistencies. The UNECE initiative demonstrates the value of such efforts. Glossaries should address conceptual correspondences, not just word-for-word equivalents, with explanatory notes where legal systems diverge.

Customs officials and translators need specialized training in both theory and practical application.

This article has highlighted linguistic and cultural differences between English and Russian customs discourse. The complexity of translation reflects not just structural features of each language but the broader historical, social, and cultural contexts that shaped them.

Effective translation requires understanding both linguistic systems and the conceptual frameworks underlying each country's customs administration. Success depends on integrating standardized resources, specialized training, technological support, international collaboration, and ongoing research.

References

1. Андреева Е. И. Проблемы терминологии в таможенной практике / Е. И. Андреева, А. Е. Эпов // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №». С. 53-61.

2. Горляков П. Ю. Основные направления и приемы анализа таможенных терминосистем английского и русского языков // Образование и право. 2019. №9. С. 244-247.

3. Карпова С. Н. Лексико-грамматические трудности перевода текстов таможенной тематики. Учебное пособие. М. : 2012. 148 с.

4. Trade Facilitation Terms: An English - Russian Glossary (revised second edition) // United nations economic commission for Europe : [site]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/69e/Prilozhenie_5-_Glossariy-EEK-OON_.pdf (date of request 19.02.2026).

5. THE HARMONIZED SYSTEM. A universal language for international trade. URL: https://www.wcoomd.org/-

/media/wco/public/global/pdf/topics/nomenclature/activities-and-programmes/30-years-hs/hs-compendium.pdf?db=web (date of request 19.02.2026).

6. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М. : Наука, 1977. 246 с.

7. Baker M. In other words. A coursebook on translation. Routledge. 2011.

8. Д. Рашидова. Проблемы с переводов терминов в таможне на английском и узбекском языках // International Scientific and Current Research Conferences. 2022.

UDC 339.56.055

The Main Trends in the Development of China's Foreign Trade: Export of High-Tech Products and Traditional Goods

Nazarenko Sofya Alexandrovna, Zakharova Anzhelina Andreevna
Institute of Trade and Services Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, sn787@yandex.ru

Keywords: China's foreign trade, exports, imports, trade surplus, “old three”, “new three”, machine-building products, labor-intensive goods, high-tech products, commodity structure.

Acknowledgments: the authors express gratitude to the scientific supervisor A. G. Volkova, Senior Lecturer.

This article analyzes key trends in China's foreign trade for 2023–2025, focusing on structural export shifts: the transition from traditional goods ("old three") to high-tech products ("new three"), as well as

© Nazarenko S. A., ZakharovaA. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

dynamics in chemicals, automotive parts, and imports of strategic raw materials.

For decades, China's trade has driven global economic growth, but amid structural shifts and changing consumer demand, traditional goods (clothing, shoes, toys) are gradually giving way to high-tech products (electric vehicles, lithium-ion batteries, solar panels).

In 2023-2025, China's foreign trade continued to demonstrate a steady export orientation, which is clearly reflected in the ratio of exports and imports. The chart below shows the dynamics of China's exports, imports, and trade surplus over three years.

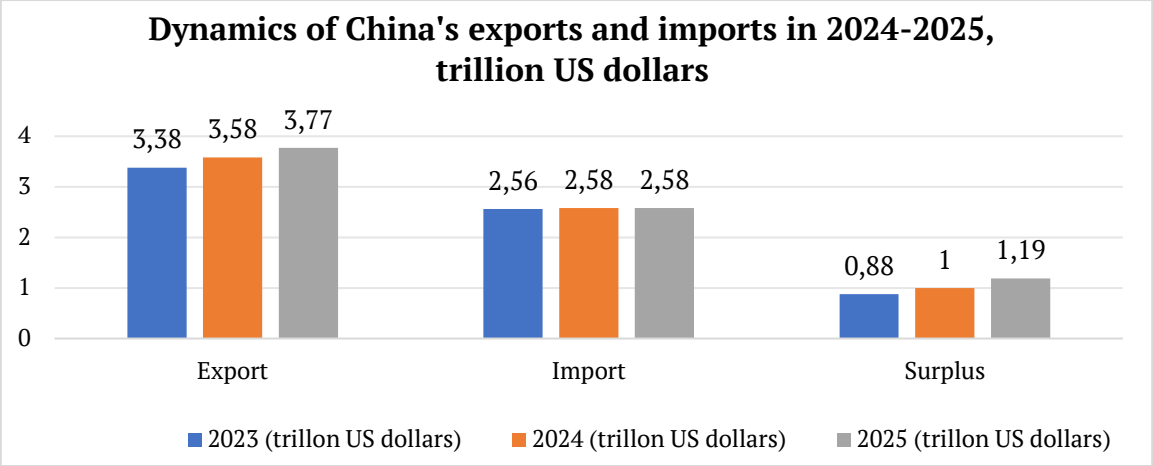


Figure 1. China's Trade Balance (2023-2025).

The data show a consistent strengthening of China's export orientation. From 2023 to 2025, exports rose from $3.38 to $3.77 trillion, while imports remained stable ($2.56–2.58 trillion). Consequently, the trade surplus reached a record high of $1.19 trillion (up from $0.88 trillion). This confirms that net exports are becoming a key growth driver amid weak domestic demand and continued reliance on raw material imports.

In January–November 2025, machinery products dominated China's exports (over half of all exports). Labor-intensive goods, "new three" products, and agricultural products also play a significant role. The distribution of major export categories is shown below.

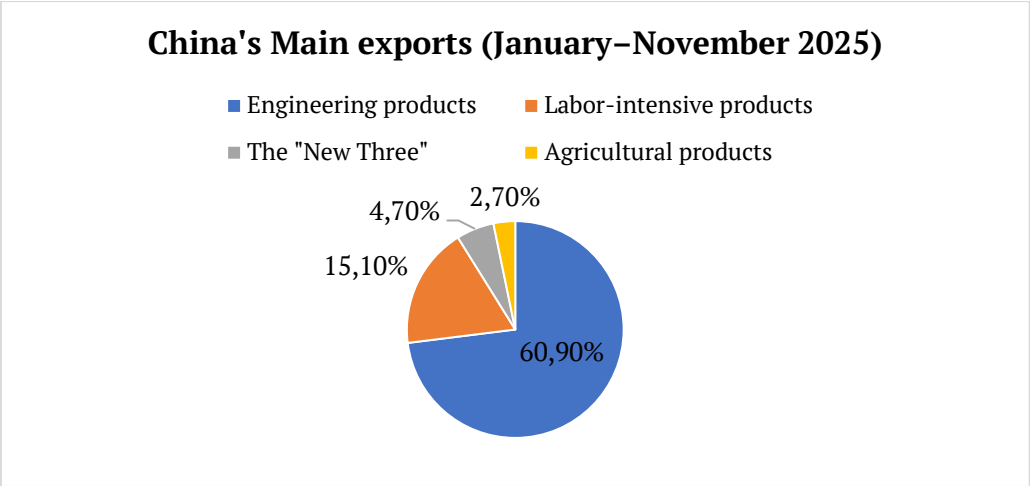


Figure 2. Primary Chinese Exports (January–November 2025).

China's exports are highly industrial: machinery products account for nearly two-thirds (60.9%). Traditional labor-intensive goods hold 15.1%, showing a gradual decline. "New three" products occupy only 4.7%, indicating significant growth potential. Agricultural products are minimal at 2.7%.

Unlike exports, China's imports are more diversified. Machinery products have the largest share, but raw materials (crude oil, metal ores) and agricultural products also carry significant weight. The main import categories are shown below.

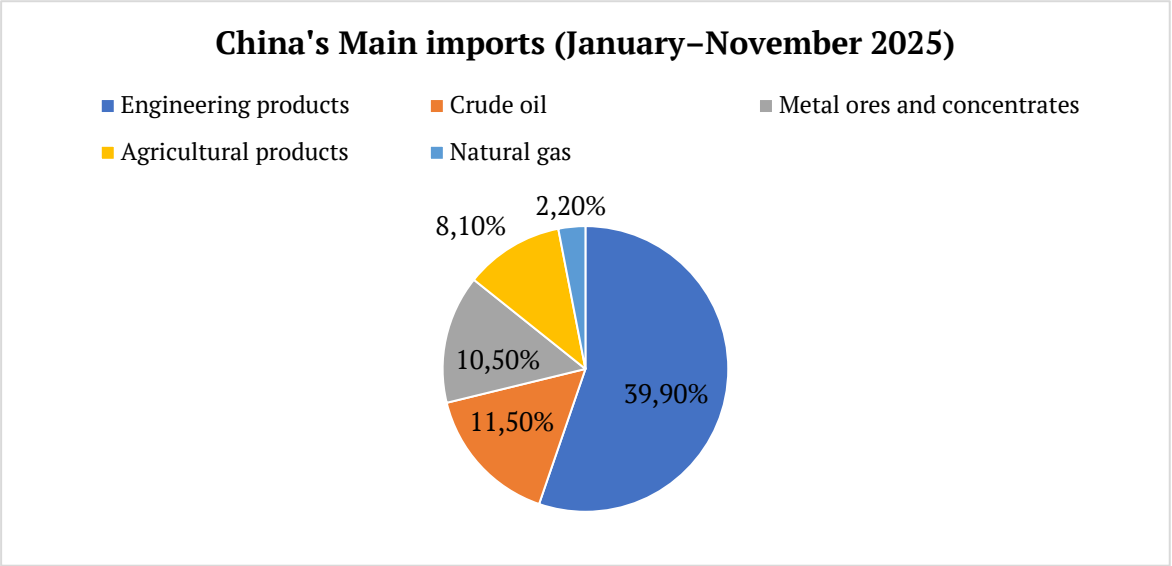


Figure 3. Primary Chinese Imports (January–November 2025).

China's imports serve industrial needs: machinery (≈40%), raw materials/energy — oil (11.5%), metal ores (10.5%), agriculture (8.1%) — together ≈30%, showing external resource dependence. The remaining 30% of imports are diversified. In 2023–2025, exports rose from $3.38 to $3.77 trillion, imports stable ($2.56–2.58 trillion), yielding a record $1.19 trillion surplus in 2025. Exports: machinery dominates (60.9%), labor-intensive goods declining (15.1%), "new three" small (4.7%) but with growth potential. Imports: machinery ≈40%, raw materials ≈30%, reflecting resource dependence. China strengthens its export leader position, but structural shifts in exports and raw material import dependence remain key challenges.

References

1. Карелина Е. А. Изменение роли Китая в международной торговле товарами и услугами // Вестник университета. 2017. №7-8. С. 108–113.

2. Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о дальнейшем всестороннем углублении Реформ и содействии модернизации по китайскому образцу // Ministry of Commerce of the People’s Republic of China : [site]. URL: https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/ldrhd/art/2024/art_ec1f616bbfba49d7bd9baf70152f9caf.html (date of access: 08.04.2026).

3. Спицын В. В. Оценка результативности развития высокотехнологичных отраслей зарубежных стран // Инновационная экономика. 2014. №1 (183). С. 60–65.

4. China trade statistics: Exports, Imports, Products, Tariffs, GDP and related Development Indicator // World Integrated Trade Solution (WITS) : [site]. URL: https://wits.worldbank.org/countryprofile/en/chn (date of access: 08.02.2026).

UDC 372.881.111.1

Suggestions in the Field of Creating English Language Textbooks for Customs Officers

Nazarenko Sofya Alexandrovna, Fokina Azaria Petrovna
Institute of Trade and Services Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, sn787@yandex.ru

Keywords: customs service, professional communication, textbook design, professional vocabulary, communicative competence, task-based language teaching, customs terminology, language training, foreign economic activity.

Acknowledgments: the authors express gratitude to the scientific supervisor V. N. Yurdanova, Senior Lecturer.

The article analyzes textbooks for Customs Service students and proposes modern approaches to developing professional vocabulary, communication skills, and knowledge of customs legislation, including standard tasks with justification. Textbooks must align with learners' communicative needs, subject matter, and difficulty level, emphasizing precision, business ethics, and clarity. Professional vocabulary is best mastered through template phrases used in typical situations like paperwork, rule explanation, and information requests. Training materials should include grammar practice, reading professional texts, and using vocabulary in oral communication.

However, introducing professional texts and tasks from the very first page complicates learning, as students are not yet ready for specialized vocabulary. A gradual approach is needed, starting with basic grammar and gradually incorporating professional vocabulary.

© Nazarenko S. A., Fokina A. P., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

An example of an introductory task:

Task 1. Look through the following words, find their translation in the dictionary at the end of the textbook.

customs, declaration, customs officer, tax, duty, customs tariff, border, import, export, smuggling

Task 2. Complete the sentences using the words above, put the verbs in brackets in the correct grammatical form.

1) All travelers must (to go) through … before leaving the country.

2) Passengers (to require) to fill out the … for the value above that specified in the law.

3) The … carefully (to examine) the luggage for illegal items.

4) The government (to increase) the … on luxury goods last year.

5) Import … can significantly (to raise) the price of foreign products.

The next step is developing the ability to extract information from texts. Texts should follow an “easy to complex” gradation, each with a list of keywords. This skill is best developed through answering questions about the text.

Example of a task with text:

Task 3. Read the text, find the translation for the words in bold in the dictionary, answer the questions below the text.

Globalization’s hallmarks—free trade zones and duty rates—existed for millennia, with evidence of customs activity found from Ancient Greece to the Great Wall of China. Complex systems of trade controls and taxes predate industrialization. Early customs fees began as voluntary bribes to sovereigns, later becoming mandatory “duty.” Collection was outsourced to tax farmers who used any means to secure this essential revenue. Ancient Rome introduced professional customs offices; artifacts bear inscriptions similar to modern declarations. As

trade grew, competition spurred legislation to balance domestic labor with market forces, leading to countervailing and anti-dumping duties.

Questions:

1. What evidence suggests that customs activity existed long before modern times?

2. What did the earliest customs fees originally represent, and how did they change over time?

3. What was the role of "tax farmers" in the collection of customs duties?

Communication tasks on customs are essential for developing professional communication skills applicable to any foreign economic activity. Such assignments should involve discussions and expressing personal opinions using advanced professional vocabulary.

Example of a communication task:

Task 4. Review the terms of the task, divide into 2 teams, and prepare a speech to prove your point.

Read the following statement carefully:

"Complex customs laws and procedures are essential for ensuring national security and fair trade, but they can also hinder international commerce and economic growth."

Divide into two teams. Team 1 will prepare a speech defending this statement, team 2 will prepare a speech opposing it. Your goal is to argue your position convincingly, support your arguments with relevant terminology, and present your personal viewpoint confidently.

Instructions:

- Allocate time for preparation (15 minutes).
- Each team will then deliver a 3–5-minute speech.
- After both speeches, engage in a brief discussion, responding to questions and counterarguments using professional language.

In conclusion, the effectiveness of the proposed assignments is measured by the development of students' professional vocabulary and communication skills, alongside basic language proficiency. Each task

integrates multiple language skills, and a dictionary at the end of the textbook supports vocabulary retention. Methodological effectiveness lies in contextual, practically applicable materials focused on professional communication rather than general grammar.

References

1. A brief history of customs // Border Bee : [site]. URL: https://borderbee.com/2016/05/20/brief-history-customs/ (date of access: 19.01.2026).

2. Абуева Н. Н. Английский язык для изучающих логистику и таможенное дело. Учебное пособие для СПО / Н. Н. Абуева, Э. М. Нурмагомедова. М. : 2026. 91 с.

3. Юрданова В. Н. Английский язык. Тексты для перевода и упражнения для студентов-переводчиков в сфере профессиональной коммуникации : учебно-методическое пособие / В. Н. Юрданова, М. И. Глотова, Т. В. Корбмахер. Красноярск. 2026. 75 с.

4. Фахрутдинова Ю. В. Профессиональные тексты для дополнительного чтения. Учебно-методическое пособие для студентов специальности таможенное дело. Красноярск. 2025. 70 с.

5. Юрданова В. Н. Английский язык для таможенников: сборник текстов и упражнений. Учебно-методическое пособие для студентов специальности таможенное дело. 2023.

6. Устинова Е. В. Английский язык для таможенников. Учебное пособие / Е. В. Устинова, Ю. А. Егорова, С. И. Кузьминская. 2024.

UDC 640.4:004.8=111

Artificial Intelligence as an Assistant in the Hospitality Industry

Nguyen Thi Ngok Cham, Glotova Marina Valerievna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: artificial intelligence, hospitality, hotel business, automation, personalization, digital transformation, chatbots, revenue management.

The hospitality industry is undergoing a fundamental transformation. In 2026, when competition in the hotel services market reaches an unprecedented level and consumer preferences change with kaleidoscopic speed, artificial intelligence is becoming not just a trendy concept, but a strategic tool for survival and development. According to a study conducted by EHL Insights, the implementation of AI is among the most sought-after directions for the development of the hotel business.

Research shows a high readiness of tourists to use AI technologies: the overall indicator is 73.6%, and among young people aged 18–30 it reaches 88%. This confirms that digital assistants do not scare guests away, but on the contrary, increase their satisfaction with the service.

AI is most actively used in marketing and communication processes.

According to a survey by Ostrovok, 22% of Russian hoteliers use neural networks for preparing advertising materials, texts and creative content, 21% — for optimizing hotel and room descriptions, and 18% — for analyzing reviews and preparing responses to them.

© Nguyen T. N. C., Glotova M. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

This direction has become an important part of digitalization, since generative models handle content creation well and do not require complex integration with the hotel's internal systems.

Significant progress has been made in the field of virtual assistants. Russian companies Cloud.ru and Raft launched the "AI Concierge" service, which books rooms, confirms requests, answers guest questions, and collects feedback through popular channels — Telegram, chatbots, and voice assistants on the phone line. The results of the implementation are impressive: the average response time to a guest has decreased from 5–10 minutes to 10–20 seconds, the satisfaction level reaches 90%, the average check increases by 15–20%, and the share of positive reviews — by 40–50%.

Similar processes are happening in international practice. According to a Hospitality Technology report, 77% of industry professionals see high potential for generative AI in chatbots for interacting with guests.

AI is becoming an indispensable tool for demand forecasting and pricing optimization. The international Hospitality Technology report shows that 94% of respondents consider AI-based analytics to have medium or high potential for business. Hoteliers view AI primarily as an analytical tool for understanding demand patterns, optimizing prices, and improving decision-making.

A Wyndham Hotels & Resorts report indicates that 53% of hotel owners use AI for revenue optimization, 64% — for improving operational efficiency, and 54% — for optimizing energy consumption. This data confirms that AI is penetrating all key aspects of hotel management.

Experts predict that by 2030, AI will become not just a tool, but an infrastructure permeating all business processes. Further development of AI will make it possible to offer guests a new level of personalized service — from predicting preferences to adapting routes based on travel history. The key perspective highlighted by all experts is the use of AI to

automate routine tasks so that staff can focus on empathetic, human-centered service.

Despite the obvious advantages, the implementation of AI involves serious risks. As noted in a strategic guide for hotel managers, the main danger is the pursuit of technological trends without a clear understanding of their practical value. Technology should serve a specific purpose and bring direct benefits to guests, rather than being implemented for the mere sake of innovation.

Another problem is data quality. AI systems require clean, well-structured data to work effectively. Using poor-quality information leads to inaccurate decisions and discredits the very idea of digitalization.

It is also important to maintain brand authenticity. Technology should not overshadow the hotel's unique elements — whether it is a special service style, local cultural traditions, or the unique atmosphere of the place.

Artificial intelligence in the hospitality industry is moving from an experiment to a necessity — a necessary condition for competitiveness. Technologies are already taking over routine communications, analytics, and forecasting, demonstrating measurable results in guest satisfaction and operational efficiency. However, successful implementation requires not just purchasing solutions, but a strategic approach: a clean database, integration with existing systems, and, most importantly, an understanding of the balance between automation and human involvement.

References

1. Budkova A. O. Application of innovative artificial intelligence technologies as a factor in the competitiveness of a hotel enterprise // Young Scientist. 2025. № 15 (566). P. 71-75.

2. AI to help // TTG Russia : [site]. URL: https://www.ttg-russia.ru/news/ii-v-pomoshch2.html.

3. Cloud.ru and Raft launched the «AI Concierge» service // ComNews : [site]. URL: https://www.comnews.ru/content/243400/2026-01-23/2026-w04/1018/cloudru-i-raft-zapustili-servis-ii-konserzh.

4. AI Revolutionizes Hotel Industry: Wyndham's New Report Reveals How Hotel Owners Are Navigating the Shift to Artificial Intelligence in 2026 // Travel And Tour World : [site]. URL: https://www.travelandtourworld.cn/.

5. PwC Report: AI at the heart of tourism and hospitality — powering personalisation, efficiency and growth // Hospitality Net : [site]. URL: https://ishc.hsyndicate.com/news//4130377.html.

6. Technological revolution in the hotel business: using AI to improve human connections in hospitality // Travel And Tour World : [site]. URL: https://www.travelandtourworld.ru.

UDC 314.748

The Impact of Migration on the Labor Market

Ovchinnikova Victoria Olegovna, Nazarenko Sofya Alexandrovna, Sartene Olga Tuktarovna
Institute of Trade and Services Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ovchinnikova.tori@gmail.com

Keywords: population migration, human capital theory, labor migration, demographic crisis, labor shortage, economic factors, population aging, migration policy.

Acknowledgments: the authors express gratitude to the scientific supervisor S. K. Demchenko, Doctor of Economics, Professor.

© Ovchinnikova V. O., Nazarenko S. A., Sartene O. T., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

The article examines the causes and consequences of population migration, focusing on Russia. The authors analyze economic, political, ethnic, and environmental factors through the lens of human capital theory. Using Rosstat data, they show that Russia's steady population decline, aging population, and severe labor shortage are driving the government to intensify migration policy.

Migration is the movement of people between socio-economic communities, driven by economic, political, ethnic, and environmental factors. Environmental migration results from sudden natural disasters or gradual climate change. Ethnic migration stems from threats to a community's existence or development. Political migration is caused by wars and revolutions.

The most relevant factor is socio-economic. Based on human capital theory (Becker, Schultz, Mincer), migrants rationally compare current and expected living standards and labor market conditions. Economic incentives like wages, production geography, and economic growth play a key role. Demographic trends also matter: countries facing demographic crises actively attract foreign workers through citizenship, retraining, and family reunification policies.

Labor migration is becoming a popular phenomenon in Russia. This is due to the observed trends of population outflow from the country, the demographic crisis, and the shortage of labor resources.

According to Rosstat data for 2024, despite the historically low unemployment rate of 2.3%, there is a shortage of labor resources. Structural factors are leading to a chronic labor shortage. It is projected that the country may face a shortage of 3.1 million workers by 2030. The Ministry of Economic Development estimates that the current shortage is 1.5 million unfilled vacancies, with an increase to 2 million by 2030. Some experts warn that the shortage of workers could reach 4-5 million people in the next 5 years.

To illustrate the demographic trends, table 1 presents data on Russia's population dynamics from 2015 to 2024. The table shows

changes in the total population, the number of people above working age, and the percentage of the population above working age relative to the total population. These statistics highlight both the overall population decline and the aging of the population, which together create significant pressure on the labor market and drive the need for a more active migration policy.

Table 1. The population of Russia (at the beginning of the year)

	2015	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**
Total population (thousand people)	146744,0	147182,3	147580,0	147797,1	147840,7
The amount of people over the working age	35182,7	36045,2	36789,7	37483,6	38171,1
Part of the population over the age of working in the total population (percentage)	24,0	24,5	24,9	25,4	25,8
	2020	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Total population (thousand people)	147959,3	147455,7	146980,1	146447,4	146150,8
The amount of people over the working age	36839,6	37145,3	35271,9	35846,8	34593,4
Part of the population over the age of working in the total population (percentage)	24,9	25,2	24,0	24,5	23,7

According to Rosstat data, there is not only a population decline trend but also an increase in the percentage of the population that is older than working age.

A high percentage of the elderly population has both positive and negative aspects, but from an economic perspective, the negative consequences are still more significant.

According to the demographic aging scale of J. Beaugé-Garnier and E. Rosset, population aging begins when the threshold of 12% is exceeded, which is considered the beginning of demographic aging, 14-16% is considered the average level, and at 16-18% and 18% and above, the country is considered to have a high and very high level of demographic aging. Based on this scale, the population of Russia can be considered to have a very high level of demographic aging.

Labor shortages, the need to attract foreign investors, and demographic issues drive Russia's migration policy.

Migration has both positive and negative effects. Positively, it fills labor shortages, especially in unskilled sectors like construction, agriculture, and housing that locals avoid, thereby stimulating economic growth. Negatively, illegal migration strains social protection and the tax system due to underpaid insurance contributions, reducing Social Fund revenues. Poorly managed migration can also fuel xenophobia and social tensions. The demographic crisis and personnel shortages push the government to adopt a more active migration policy. Rosstat data shows population decline and aging, creating economic risks. While migration compensates for labor gaps in unattractive industries, it also risks illegal influx, social tension, and xenophobia. A balanced approach is essential.

References

1. Pukhova M. M. Theoretical Bases of Migration / M. M. Pukhova, I. P. Doroshina, I. G. Khodzhaeva // Transport business of Russia. 2013. №6-2. P. 13-16.

2. Moiseenko V. M. The Theory of Human Capital and Research on Migration Processes in Russia / V. M. Moiseenko, O. S. Chudinovskikh // Problems of Forecasting. 2000. № 4. P. 124–137.

3. Rosstat estimates the shortage of personnel in the Russian economy // RIA Novosti : [site]. URL: https://ria.ru/20250426/rosstat-2013531654.html (date of access: 18.03.2026).

4. Dobrokhleb V. G. Demographic aging in Russia and the new social reality // Population. 2022. №2. P. 66-76.

5. Population. Senior Generation. Demographic Indicators. Population of the Russian Federation // Federal State Statistics Service (Rosstat). Official Statistics : [site]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/13877 (date of access: 16.03.2026).

UDC 640.4:339.138:004.032.26

Neuromarketing as a Tool for Building Hotel Guest Loyalty

Pakhalchuk Maria Yurievna, Teterina Sofia Vladimirovna, Glotova Marina Valerievna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: neuromarketing, guest loyalty, emotional branding, sensory experience, hospitality industry.

The modern hospitality market is changing: from an emphasis on functionality to creating a customer experience that remains in memory for a long time. In the early 2000s, Philip Kotler justified the transition from a transactional approach to the perception of the consumer as a person with his own expectations. This idea is relevant in the service industry, as the quality of service depends on the emotional response it evokes [1].

© Pakhalchuk M. Yu., Teterina S. V., Glotova M. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Neuromarketing is a set of methods for studying customer behavior, influencing it, and analyzing the emotional and behavioral reactions to this effect. It makes it possible to identify preferences and build communications that operate at the emotional level [4].

Unlike traditional marketing, neuromarketing works with smells, color, sound, texture, and lighting. It creates an environment where desirable actions (for example, placing an additional order) are perceived by the guest as their own conscious choice [1].

One of the tools for influencing customer loyalty is sensory branding, which is based on the principle of the compatibility of stimuli. Sensory stimuli can enhance brand memorability. One of the Marriott hotels introduced the smell of ozone in the lobby, which is associated with thunderstorms and freshness; combined with the visual elements of untreated wood, which created a feeling of comfort among guests [1].

Another non-obvious tool is architectural script reinforcement. This is not just interior design but the construction of a space that directs the emotional flow of the guest. Restaurants with transitional areas, such as darkened corridors or low ceilings in front of the entrance to the main hall, enhance visitors' sense of surprise and delight by 23% [2]. This creates a dopamine surge that affects the perception of food and service.

Another lever of influence is the technique of guest mythology. The method does not involve a simple presentation of the establishment's history. This is the creation of conditions under which a guest becomes a co-author of a legend. In a number of restaurants, a "dialogue with the ingredient" is used: the waiter asks questions that prompt the guest to recall personal associations related to products. This technique increases meal satisfaction by 31%, as it activates memories [2].

There is a fine line between creating a unique experience and manipulation. Replacing reality with simulacra can be dangerous, as it can undermine the client's trust. More than half of the negative reviews

in the luxury segment are not related to the quality of services, but to the feeling of "falseness" and imposition [3]. If emotional value is perceived as natural and sincere, then it maximally strengthens loyalty; otherwise, the effect will be reversed.

The problem of neuromarketing is that its tools are more effective when they are least noticeable. Stanford University research shows that a guest's awareness of an attempted influence destroys an emotional connection [4]. Therefore, rough techniques give way to subtle adjustments of the sensory environment.

Thus, neuromarketing in the hotel business is a balance of scientific impact and ethical responsibility. Working with the subconscious mind makes it possible to achieve a level of attachment that is inaccessible to traditional methods. Ultimately, a successful hotel of the future is a space where the guest feels not like an object of influence but like the hero of a story created together with the brand.

References

1. Bulatskaya P. V. Emotional branding and neuromarketing in the marketing communications system. Economy and Business: Theory and Practice. 2025. №10. P. 54-59.

2. A cross-cultural analysis of perceived value and customer loyalty in restaurants / G. Croitoru, A. Capatina, N. V. Florea [et al.] // European Research on Management and Business Economics. 2024. №3 (30). Art. 100265.

3. Rozanova T. P. The role of neuromarketing in the development of tourism and hospitality // Journal of Geography and Environmental Management. 2018. №4. P. 114-122.

4. Kovalev I. I. Neuromarketing as a way of influencing the consumer / I. I. Kovalev, Yu. D. Goreva // Economy and Business: Theory and Practice. 2020. №5. P. 39-43.

UDC 339.543.053:658.8:00

Customs Security in the Context of E-commerce: Challenges and Dolutions

Petrenko Arina Sergeevna, Sivko Arina Aleksandrovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, alya.petrenko.06@inbox.ru

Keywords: customs security, e-commerce, risk management, digital technologies, counterfeiting, cross-border trade.

Acknowledgements: the authors thank V. N. Yurdanova, Senior Lecturer at Siberian Federal University, for her guidance and support as scientific and language supervisor.

Customs security in e-commerce is a key area of modern customs authorities, ensuring stability of international trade and protection of the domestic market [1]. With rapid growth of cross-border online shopping, customs face new challenges related to massive flows of small parcels. Effective control requires integration of digital technologies, risk management systems, and international cooperation [2].

The topic's relevance stems from exponential growth of cross-border e-commerce, creating significant load on customs infrastructure. Traditional methods are often insufficient for millions of small packages. Therefore, introduction of preliminary information submission, automated risk assessment, and electronic payment systems demonstrates high efficiency [1].

Thanks to automated information systems and data analysis, customs officers can effectively identify high-risk shipments: counterfeit goods, prohibited items, undeclared valuables, and products

© Petrenko A. S., Sivko A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

violating intellectual property rights [3]. Digital tools are indispensable in fighting illicit trade [4].

Key areas of customs control in e-commerce include: detection of counterfeit goods; control of prohibited items (drugs, weapons, hazardous materials); verification of declared value to prevent tax evasion; consumer protection; data privacy monitoring; and streamlining clearance for low-value shipments [6].

An example of a successful operation: in 2024, Moscow Customs Office using an automated risk management system identified parcels from Southeast Asia declared as "accessories." Inspection revealed undeclared branded smartphones and smartwatches worth over 5 million roubles. Proceedings were initiated against recipient and sender [3].

Customs authorities in e-commerce fulfil tasks such as: analysis of preliminary information; application of risk profiles specific to e-commerce; cooperation with online platforms; detection of undervaluation; control of currency operations; "green corridors" for trusted participants; and protecting intellectual property rights [2]. These measures suppress illegal movement of contraband via postal channels [5].

Customs control in e-commerce has evolved significantly. Around 2010, customs systems struggled with volume. In 2018, the Eurasian Economic Union introduced new regulations lowering duty-free thresholds. By 2022, Russia's Federal Customs Service integrated with major logistics operators and marketplaces for real-time data exchange. In 2025, AI-driven analytics enhanced fraud detection [4]. Customs authorities exchange experience within the WCO to develop global standards [6].

Criteria for selecting control measures: type of goods (high-risk categories require stricter verification); sender/receiver history (unverified sellers or violators face enhanced scrutiny); value and

volume (large volumes of identical items may indicate commercial activity); data quality (incomplete information triggers risk flags) [1].

A customs specialist in e-commerce must undergo specific training in digital literacy, legal aspects, and data analysis [5]. They must understand: international e-commerce logistics; legal frameworks; risk management; counterfeit identification; duty calculation for low-value shipments; cybersecurity; and safety rules for suspicious parcels [2].

Table 1 summarizes performance metrics of the AI-powered customs control system. Automation and risk-based profiling enhance trade facilitation and security.

Table 1. Key Performance Indicators of the Automated Customs Control System for E-commerce

Indicator	**Value / Description**
AI Classification Accuracy	Up to 94% correct decisions on risk profiles
Release Time Reduction	For "green corridor" — up to 95% (from 24 hours to <30 min)
Violation Detection Efficiency	37% increase after implementation of risk-based model
Share of Automated Processing	Up to 78% of all shipments in 2025
Feedback to Model	100% of inspection results are used for AI retraining

In conclusion, customs security in e-commerce plays a key role in ensuring economic stability, protecting consumers from unsafe and fake products, and safeguarding intellectual property rights. Digital technologies are indispensable in fighting modern smuggling schemes [3].

References

1. Deklaracziya-na-tovary-elektronnoj-torgovli // FCS : [site]. URL: https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/spravochnaya-

informacziya/tamozhennoe-administrirovanie-tovarovmezhdunarodnoj-elektronnoj-torgovli,deklaracziya-na-tovary-elektronnoj-torgovli (date accessed: April, 6th, 2026).

2. Cross-Border E-Commerce Logistics Service Challenges and Development // Researchgate : [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/369425694_Cross-Border_E-Commerce_Logistics_Service_Challenges_and_Development (Date accessed: April, 6th, 2026).

3. Counterfeit, Piracy and other IPR violations // Taxation and Customs Union : [site]. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/customs/prohibitions-restrictions/counterfeit-piracy-other-ipr-violations_en (Date accessed: April, 8th, 2026).

4. Obschie svedeniya o primenenii tamozhennymi organami sistemy upravleniya riskami // FCS : [site]. URL: https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/spravochnaya-informacziya/Obschie_svedeniya_o_primenenii_tamozhennymi_organami_sistemy_upravleniya_riskami (Date accessed: April, 10th, 2026).

5. Legal Regulation of Liability for the Illegal Movement of Goods through the Customs Border since the USSR time // Researchgate : [site]. URL: https://www.researchgate.net/publication/327983738_Legal_Regulation_of_Liability_for_the_Illegal_Movement_of_Goods_through_the_Customs_Border_since_the_USSR_time (date of access: April, 13th, 2026).

6. Framework of Standards on Cross-Border E-Commerce // World Customs Organization. URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/activities-and-programmes/ecommerce/wco-framework-of-standards-on-crossborder-ecommerce_en.pdf?db=web (date of access: April, 13th, 2026).

UDC 339.543:614

Biological and Phytosanitary Safety as an Element of Customs Control

Petrenko Arina Sergeevna, Sivko Arina Aleksandrovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, alya.petrenko.06@inbox.ru

Keywords: customs authorities, economic security, customs payments, smuggling, false declaration, customs value, commodity classification, threats to economic security, Federal Customs Service, counteraction to offenses.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to Marina Ivanovna Migunova, PhD in Economics, Associate Professor of the Basic Department of Customs Affairs, for her scientific supervision.

Biological safety is a state of protection of people and the environment from the negative impact of dangerous biological factors while maintaining an acceptable level of biological risk [1]. The legal framework is constituted by Federal Law No. 492-FZ dated 30.12.2020 "On Biological Safety in the Russian Federation" [2]. Phytosanitary safety is a state of protection of territory from risks arising from the penetration, spread, and mass reproduction of harmful organisms, including quarantine objects [4].

Customs authorities ensure control through inspection of plant and animal products, detection of quarantine objects, and compliance with international standards, serving as the most important barrier protecting agriculture and ecosystems.

© Petrenko A. S., Sivko A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

The penetration of dangerous pests causes colossal damage: according to UN estimates, invasive species destroy up to 40% of food crops, causing annual losses of $220 billion. An effective phytosanitary system provides access to external markets worth $1.7 trillion annually. Biological threats are characterized by a high rate of spread. Outbreaks of animal diseases (foot-and-mouth disease, ASF) lead to catastrophic consequences for livestock farming, and the penetration of zoonotic infections can trigger pandemics with colossal healthcare costs and loss of labor productivity.

By source type, natural and anthropogenic biological threats are distinguished. Natural threats arise during the natural evolution of pathogens and include natural focal infections (plague, tularemia), pandemics (influenza, COVID-19), epizootics and epiphytotics (foot-and-mouth disease, ASF). Anthropogenic threats are caused by human activities: man-made accidents, bioterrorism, irrational use of antibiotics, globalization and urbanization. (Fig. 1)

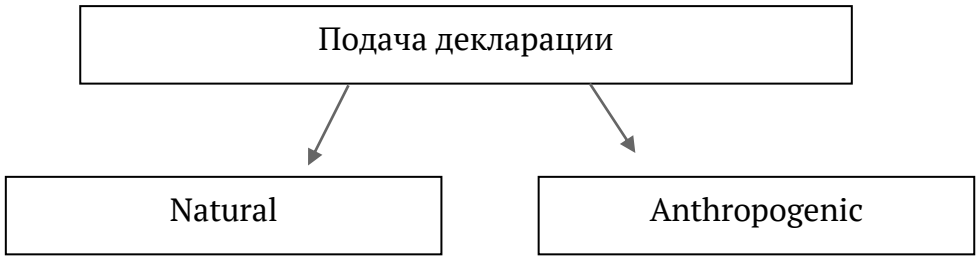


Figure 1. Types of biological threat sources.

By type of biological agent, threats are classified into bacteria (causative agents of plague, cholera), viruses (HIV, Ebola, COVID-19), fungi (causing mycoses and plant diseases), protozoa (malaria), prions (mad cow disease), and toxins (botulinum toxin). Causes of biological threats are divided into natural (evolution of pathogens, climate change, natural disasters) and anthropogenic (uncontrolled use of antibiotics, intensification of agriculture, illegal trade in wild animals, insufficient laboratory control, and dual-use research).

Thus, biological threats have a complex nature: from natural evolutionary processes to direct consequences of human activity, which requires a comprehensive and interdisciplinary approach to their prevention. Effective counteraction to biological threats at the border is achieved through the integration of legal and technical instruments. The regulatory framework includes a unified list of controlled goods (TN VED EAEU) and a system of permits (phytosanitary certificates, veterinary certificates).

The structure of biological threats at the border is characterized by the dominance of phytosanitary violations (due to the volume of plant product imports and the diversity of quarantine objects). Veterinary risks (ASF, foot-and-mouth disease), despite their smaller share, are potentially catastrophic, with many violations being of a documentary nature. Sanitary-chemical indicators and GMOs form a hidden segment, the detection of which is limited by the availability of laboratory equipment, while the identification of invasive species (~5%) reflects the transformation of customs control into an element of national biosafety aimed at protecting ecosystems. (Fig. 2) Information and technical support for customs control is an integrated system based on the Risk Management System (RMS) for cargo profiling with integration into databases (IPPC, EPPO).

Operational control is provided by express tests (10-15 minutes) and biosensors, while laboratory diagnostics (PCR, sequencing) detect pathogens and GMOs with an accuracy of up to 99.9%.

The infrastructure includes neutralization means (fumigation, disinfection) and automated sampling; integration of tools through unified platforms adapts control to the dynamics of biological threats.

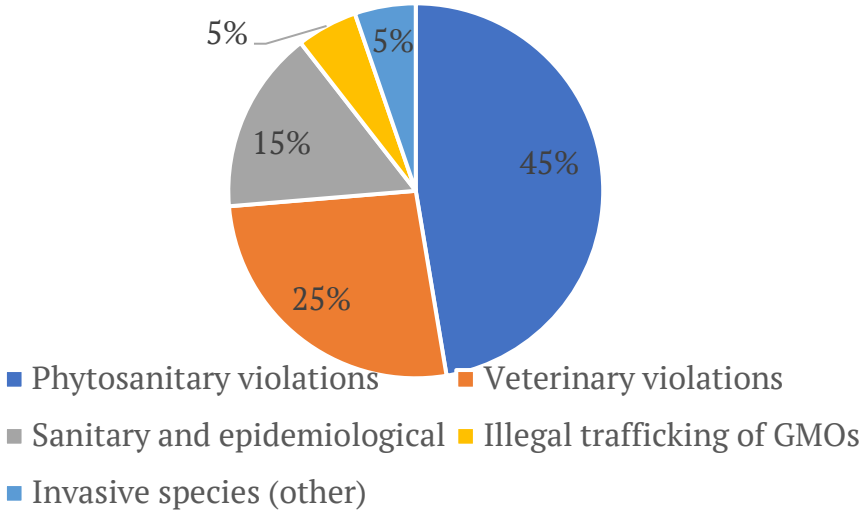


Figure 2. Prevalence of biological threats compared to other threats.

Effective counteraction to biological threats requires the integration of legal (Federal Law No. 492-FZ, Articles 236, 249, 226.1, 247 of the Criminal Code of the Russian Federation) and technical instruments of customs control. System improvement should proceed in three directions: development of the technical base of checkpoints, adaptation of the RMS with integration into international databases (IPPC, WOAH, EPPO), and strengthening of interagency interaction. Only a comprehensive approach combining technologies, digitalization, and legal regulation will ensure reliable biological safety in the context of globalization and climate change.

References

1. Concept of Biological Safety of the Russian Federation until 2025: approved by the President of the Russian Federation 01.11.2013 № Pr-2562.

2. On Biological Safety in the Russian Federation: Federal Law dated 30.12.2020 № 492-FZ.

3. On Plant Quarantine: Federal Law dated 21.07.2014 № 206-FZ.

4. FAO. The State of Food and Agriculture 2024. Rome: FAO, 2024.

5. Report on the phytosanitary situation in the territory of the Russian Federation for 2024-2025 // Rosselkhoznadzor : [site]. URL: https://fsvps.gov.ru.

6. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ.

UDC 663.819:633.853.52

Methodology of Studying Soy Whey

Petrova Yulia Dmitrievna, Polishchuk Nikita Nikolaevich
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Russia, ypetrova-it24@stud.sfu-kras.ru

Keywords: soy whey, research, soy whey protein, extraction, Kjeldahl method, chromatography.

Nowadays, there is an increasing need to produce products not only with good organoleptic characteristics, but also with a high-quality chemical composition. There is also a growing need to reduce the company's expenses on the disposal of by-products. Many by-products have good organoleptic characteristics. In such situations, it is necessary for technologists to study the chemical composition of the product and determine whether it can be further used. Soy whey is a by-product with good organoleptic characteristics. It is a yellowish liquid with a slightly sour, odorless taste. These properties make it a potential candidate for further use in food products.

Despite the fact that soy whey has good organoleptic properties, it is necessary to ensure the safety of its chemical composition.

© Petrova Yu. D., Polishchuk N. N., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Protein is a building block for the human body. Its content in food products plays an important role for consumer health, so it is necessary to consider various methods of extracting protein from soy whey.

Coagulation is a phenomenon in which small particles clump together to form larger particles. Coagulation can be used to cause protein particles to clump together and extract the protein for further use.

The authors, Skripko O.V., Kadnikova I.A., and Sedykh V.V., mention in their article the production of protein through thermoacid coagulation. In this case, it is important to carefully select the coagulant. Alcohols or anionic polysaccharides are often used as coagulants. After selecting the coagulant, the remaining conditions must be met. The temperature should be maintained at around 55°C, and the coagulation process should be continued for approximately 10-12 minutes. After this, the protein product is separated from the liquid and further processed. [4]

Thus, we can conclude that soy whey has a high protein content, despite the fact that it is a by-product.

Foam fractionation is another method used to isolate protein. This method involves passing air bubbles, gases, or gas mixtures through a solution, creating a foam. The foam is then separated from the main solution, which contains valuable nutrients.

In addition, the authors, Slesarev G.P. and Kovaleva E.G., in their work, talk about the extraction of not only proteins, but also other useful substances, such as isoflavones, using foam fractionation. The authors also mention the separation of proteins and isoflavones using the method of regulating the temperature and acidity of the medium. [5]

Thus, it is possible to extract useful substances from soy whey without damaging their structure. The obtained substances can be used in the enrichment of food products to increase their biological value.

The authors, Martinchik A.N. and Sharikov A.Yu., in their work, considered the extrusion cooking of raw materials in order to enrich

food products with proteins and amino acids. The article discusses the minimal loss of nutrients after using this extraction method. After adding the extract to food products, their nutritional value significantly increased, which may indicate the effectiveness of the method. [2]

Thus, the use of soy whey extract after extrusion cooking can be considered as a way to enrich food products with amino acids.

The author, Borisova M. M., determined the amount of total and protein nitrogen using the Kjeldahl method. The Kjeldahl method is used to determine the total amount of nitrogen in a sample. The sample is mixed with sulfuric acid and heated. Then, an alkali is added, and the resulting ammonia is distilled. The amount of ammonia is used to determine the nitrogen content of the sample. The study revealed that the serum contains protein nitrogen. The presence of protein nitrogen indicates the presence of amino acids, which is important for the consumer's health. [1]

Thus, the addition of soy whey can be considered as a food supplement that contains important components.

In addition, Skripko O.V. mentions the use of high-liquid chromatography in her article. This method is used to separate complex mixtures. It can be used to determine the quantitative composition of a substance. The article discusses the use of high-liquid chromatography to determine the quantitative content of β-carotene. β-carotene is a provitamin A that is essential for the consumer's body. Additionally, consuming β-carotene can help prevent certain health conditions. [3]

Thus, soy whey contains very important substances that are beneficial for the body.

Conclusion. Although soy whey is considered a by-product and waste during the production of tofu, it contains a large amount of nutrients that can be extracted for the consumer's body. Protein is an essential substance for the growth and development of the body, so the extraction of protein from soy whey should be given great importance.

References

1. Borisova M. M. Improvement of technology of obtaining soy protein concentrates and their application in recombined milk emulsions. Krasnodar. 2008. 162 p.

2. Martinchik A. N. Influence of extrusion on the preservation of amino acids and nutritional value of protein / A. N. Martinchik, A. Y. Sharikov // Voprosy pitaniya. 2015. Vol. 84, № 3. P. 13-21.

3. Skripko O. V. The use of soy whey for the preparation of non-alcoholic beverages for functional purposes // Bulletin of KrasGAU. 2021. № 5. P. 219–225.

4. Skripko O. V. Substantiation of the parameters of the process of obtaining a protein-lycopin product for food concentrates / O.V. Skripko, I. A. Kadnikova, Sedykh V. V. // Technique and technology of food production. 2012. № 1. P. 68-73.

5. Slesarev G. P. By-products of soybean processing as a promising raw material for obtaining valuable substances / G. P. Slesarev, E. G. Kovaleva // Bulletin of the South Ural State University. 2023. Vol. 11, № 1. P. 19–26.

UDC 339.543

Transporting Undeclared Currency in Hand Luggage and Suitcases

Raimbaeva Ramina, Gasparyan Mariyam Andranikovna
Institute of Trade and Service Industries, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, raimina.raimbaeva@yandex.ru

Keywords: undeclared currency, customs declaration, cash control, cross-border transportation of cash, money laundering, currency smuggling, FinCEN Form 105, customs enforcement, cash seizure, declaration threshold, passenger risk profiling, customs law.

Acknowledgements: this work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The authors express gratitude to the scientific supervisor, Vera N. Yordanova, Senior Lecturer.

Customs authorities worldwide have long required travelers to declare when they are carrying amounts above a certain threshold. The rationale is straightforward: uncontrolled cash flows are a known vector for money laundering, tax evasion, and the financing of illicit activities.

Under European Union regulations, the term “cash” encompasses not only physical currency but also bearer-negotiable instruments such as travelers’ cheques, promissory notes, and money orders — essentially any instrument that grants the bearer the right to a specific sum without requiring identification. The United States takes a similarly expansive view under FinCEN and CBP regulations.

The most commonly cited threshold is €10,000 or its equivalent, applied within the European Union. Any person entering or leaving an EU member state carrying cash at or above this level is required to

© Raimbaeva R., Gasparyan M. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

complete a declaration with customs authorities, and the obligation applies both to those entering and those departing [1]. Under 31 U.S.C. § 5316, any person transporting more than $10,000 into or out of the United States must file a FinCEN Form 105. The United Kingdom has maintained a £10,000 threshold following its departure from the EU [6], and Russia applies a $10,000 limit consistent with Eurasian Economic Union rules.

What these figures share in common is that they represent a declaration requirement, not a prohibition. There is no law in any major jurisdiction that simply forbids travelers from carrying large sums of cash. The legal obligation is to declare it. Failing to declare is where the legal problem begins.

From a customs law perspective, the location of cash within luggage is largely irrelevant. The declaration obligation attaches to the individual traveler, not to the bag. Whether the money is in a jacket pocket, a carry-on backpack, or buried inside a checked suitcase, crossing an international border above the applicable threshold requires declaration. There is no exemption for currency concealed in checked luggage.

The practical implications of where undeclared cash are concealed do differ from a detection standpoint. Hand luggage is subjected to X-ray screening at security checkpoints as a matter of routine. Checked suitcases are also screened before loading, and cash detected during this process can lead to bags being pulled and passengers questioned before departure.

Customs agencies maintain risk-scoring systems that flag individuals for secondary inspection based on travel routes, frequency, prior incidents, and shared intelligence [4]. As Demakova E. A and Zhilin M. G. (2021) note, refining examination methods and applying risk-oriented approaches significantly increases detection rates for undeclared items, including currency.

In the EU, fines of up to 50% of the undeclared amount are permitted, and funds may be confiscated. In the United States, civil forfeiture allows seizure of the entire amount, with the burden of proof on the owner; criminal penalties under 31 U.S.C. § 5322 include fines and up to five years imprisonment.

A significant proportion of incidents involve genuine ignorance. Travelers who are unaware of the applicable threshold, or who assume the rules only apply to citizens of the country they are entering, sometimes walk-through customs with amounts that technically require declaration.

At the other end of the spectrum, currency smuggling involves deliberate concealment of cash. Common methods include sewing banknotes into clothing or luggage linings, concealing currency within other items, and using couriers unfamiliar with what they are carrying. Large-scale operations may use multiple carriers — referred to as “smurfs” in law enforcement — each carrying amounts just below the declaration threshold. Between these poles lies a significant grey area: travelers aware of the rules who make a calculated decision not to declare. Prosecutors tend to use evidence of deliberate non-declaration as circumstantial support for arguments that the funds are criminally derived.

The legal framework governing undeclared currency is broadly consistent across major jurisdictions [7]. Most countries have settled on a threshold near $10,000, require travelers to file a declaration when crossing it, and impose significant civil and criminal penalties for failure to do so. Whether the money is in a carry-on bag or a checked suitcase makes no difference to the underlying legal obligation, though it does affect the practicalities of detection. For legitimate travelers who need to carry large sums in cash, the practical lesson is straightforward: declare. The inconvenience of completing a customs form is trivially small compared to the legal and financial consequences of a failed attempt at concealment.

References

1. European Parliament and Council. Regulation (EU) 2018/1672 on controls on cash entering or leaving the Union. Official Journal of the European Union, 2018.

2. Reports on exporting and importing monetary instruments. U.S. Code, Title 31 // United States Congress. 31 U.S.C. § 5316.

3. Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). FinCEN Form 105: Report of International Transportation of Currency or Monetary Instruments // U.S. Department of the Treasury, 2023.

4. FATF (Financial Action Task Force). Best Practices on Combating the Abuse of Cross-Border Transportation of Currency // Paris: FATF/OECD, 2010.

5. U.S. Customs and Border Protection. Know Before You Go: Traveling with Currency // CBP Publication, 2022.

6. HM Revenue & Customs. Cash Declaration: Carrying cash in and out of the UK // GOV.UK, 2021.

7. Gilmore W. C. Dirty Money: The Evolution of International Measures to Counter Money Laundering and the Financing of Terrorism. 4th ed. Strasbourg: Council of Europe, 2011.

8. Demakova E. A. Improving customs examinations for post-release customs control / Demakova E. A., Zhilin M. G. // Regional Consumer Goods Markets: Quality, Environmental Friendliness, Competitiveness. 2021. P. 14.

UDC 339.5

Combating Counterfeit Goods When Importing Products from China

Rumynina Anastasia Yuryevna, Prokhorenko Veronika Nikolaevna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ARumynina-IT@stud.sfu-kras.ru

Keywords: counterfeit products, import regulation, China, customs control, intellectual property, digital traceability, EAEU, risk management.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to Vera Nikolaevna Yurdanova, the scientific supervisor and senior lecturer.

Counterfeiting remains one of the most persistent and challenging issues in global trade, particularly in the context of imports from China – a central hub in worldwide production and logistics networks. The expansion of cross-border shipments, the rapid growth of e-commerce, and increasingly complex delivery routes have created a fertile environment for the proliferation of counterfeit goods. This reality demands continuous improvement in regulatory frameworks, control mechanisms, and constructive cooperation between enforcement authorities and intellectual property rights holders.

The term "counterfeit" refers to goods manufactured in violation of intellectual property rights, including the unauthorized use of trademarks, patented technologies, and copyrighted materials. The circulation of such products inflicts damage not only on rights holders but also on state revenues through tax losses, while simultaneously endangering consumer health and safety due to substandard quality. In

© Rumynina A. Y., Prokhorenko V. N
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

an era of globalization, anti-counterfeiting efforts have become inherently transnational, adding layers of complexity to enforcement [1].

Customs control plays the leading role in intercepting illegal goods, as the border represents the most effective point of intervention. The TRIPS Agreement provides the foundational international legal framework, obligating member states to implement effective border measures that allow customs authorities to suspend the release of suspect shipments and engage with legitimate rights holders [1, 2]. Regionally, the Eurasian Economic Union (EAEU) actively works to harmonize intellectual property protection standards and facilitate information exchange among member states. Notably, analytical data from the Eurasian Economic Commission indicates that most detected counterfeit cases originate from shipments linked to the People's Republic of China [4].

A significant contemporary challenge is the explosive growth of electronic commerce. Online platforms enable counterfeiters to sell directly to consumers, bypassing traditional distribution channels. These goods are often dispatched as small postal parcels, which are exceptionally difficult to subject to thorough customs inspection. According to international assessments, small packages have become a primary conduit for counterfeit distribution. In response, customs administrations increasingly rely on risk-oriented approaches that leverage data analytics to identify high-risk routes and commodity groups – uch as apparel, footwear, electronics, toys, cosmetics, and automotive parts – for targeted, in-depth examination [3].

A cornerstone practical instrument is the Customs Register of Intellectual Property Objects (TROIS). The inclusion of a brand or asset in this register alerts customs officials to potential infringement and authorizes the suspension of goods clearance pending verification. Rights holders, in turn, gain the ability to participate in the examination process and formally attest to unauthorized use of their intellectual

property. The effectiveness of these procedures is further enhanced by the adoption of modern technologies, including artificial intelligence, big data analytics, and product traceability systems (e.g., mandatory labeling and blockchain), which increase supply chain transparency and reduce the risk of counterfeit infiltration.

In summary, curbing the influx of counterfeit goods from China is a multifaceted endeavor requiring the integration of robust legal frameworks, adaptive administrative practices, and advanced technological solutions. Optimal outcomes are achieved through a multi-layered system that combines international standards, regional cooperation, national oversight, and active business sector engagement. Given the accelerating pace of online commerce and evolving logistics, the adaptability of existing tools to emerging threats remains paramount.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part IV). Intellectual Property. // The legal system «ConsultantPlus» : [site]. URL: https://www.consultant.ru.

2. Protection of Intellectual Property Rights by Customs Authorities // Federal Customs Service of the Russian Federation : [site]. URL: https://customs.gov.ru/activity/zashchita-prav-intellektual-noj-sobstvennosti.

3. Customs Register of Intellectual Property Objects (TROIS) // Federal Customs Service of the Russian Federation : [site]. URL: https://customs.gov.ru/registers/objects-intellectual-property.

4. Report on the State of Law Enforcement Practice in the Field of Protection of Intellectual Property Rights on the Territory of the Eurasian Economic Union for 2024 // Eurasian Economic Commission : [site]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/396/nmquzrw2qxm2kaf6wy2xb673p0hsm620/Otchet-o-PPP-za-2024-god.pdf.

UDC 339.56.055:665.5:343.533

Combating Counterfeit Perfume Products in the EAEU: The Role of Customs Authorities

Ruzalyonok Polina Olegovna, Ergardt Olga Vladimirovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), counterfeit perfume products, customs authorities, intellectual property, Customs Register of Intellectual Property Objects (CRIO), risk management, customs control, digital labeling, online marketplaces.

Perfumery products are highly susceptible to IP rights infringement due to high margins, mass demand, and authentication difficulties. Counterfeit trade harms rights holders and EAEU member states (loss of customs revenues, consumer health risks). An effective protection mechanism is the Customs Register of Intellectual Property Objects (TROIS), operating under the EAEU Customs Code [1]. This study analyzes TROIS effectiveness against counterfeit perfumery and proposes improvements considering sanctions, digital marking, and the shift of counterfeits to online trade.

Chapter 52 of the EAEU Customs Code establishes cooperation among customs authorities. The Unified Customs Register (ETROIS), maintained by the EAEU Commission, and national registers allow customs to suspend goods release for up to 10 working days (extendable by another 10) [1]. The interaction scheme between rights holders, customs authorities, and the register information system is shown in Figure 1. The system of registers serves not just as an information

© Ruzalyonok P. O., Ergardt O. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

resource but as a tool for operational interstate cooperation, as summarized in Table 1.

Despite a well-designed legal framework, several problems reduce TROIS effectiveness against counterfeit perfumery. Identification of counterfeits remains difficult – inspectors rely on visual signs such as packaging quality or spelling errors, while olfactory assessment is unreliable. Comparative analysis of packaging and labeling provides more objective confirmation of falsification [2].

Table 1. Types of IP Customs Registers in the EAEU

Register Name	**Managing Body**	**Scope**	**Legal Basis**
Unified Customs Register of IP Objects	EAEU Commission	Entire EAEU territory	Art. 385
National Customs Register of IP Objects	National customs service (e.g., FTS of Russia)	Territory of that member state	Art. 386

Differences in national legislation also create problems – although the EAEU Customs Code establishes uniform procedures, their implementation depends on national norms, leading to inconsistencies. For example, administrative or criminal liability for importing counterfeits varies across EAEU states, creating «gray zones» where violators choose entry routes with the least strict enforcement. Financial and bureaucratic barriers for rights holders also play a significant role – inclusion in ETROIS requires an insurance contract of at least €10,000, a serious burden for small and medium enterprises [1]. Finally, new sanctions challenges, such as EU restrictions on perfume raw material supplies under the 18th sanctions package, create a risk of a growing counterfeit market [3]. This requires customs authorities to adapt risk profiles. Table 2 compares traditional problems with new challenges.

Table 2. Comparative Analysis of Traditional Problems and New Challenges (2024–2025)

Traditional Problems	**New Challenges**
Difficulty of identification	Legalization of parallel imports
Differences in national legislation	EU sanctions restricting raw materials
Financial barriers for rights holders	Rise of new Russian brands (potential hidden counterfeits)
Limited protection period (max 2 years)	«Gray» import schemes via third countries

In 2024–2025, two new factors began significantly impacting the fight against counterfeits: the digital marking system «Chestny Znak» and stricter legislative liability. According to Rospotrebnadzor (November 2025), digital marking reduced the share of illegal goods by 20%, and the illegal perfume market volume decreased fivefold. The share of illegal turnover fell from 30% to 9% [4]. Citizens can verify perfume authenticity via a free app [5]. Table 3 presents the quantitative impact of the marking system.

Table 3. Impact of «Chestny Znak» on the Perfume Market (Rospotrebnadzor, Oct. 2025)

Indicator	**Result**
Illegal turnover share	Decreased from 30% to 9%
Illegal perfume market volume	Reduced 5 times
Sales violating marking registration rules	Reduced 3.74 times
Units checked	Over 2.22 million
Percentage of goods failing audit	25%

In March 2025, a draft law introduced administrative liability for counterfeit perfumery (new Article 14.68), with fines for legal entities up to 1 million rubles, and up to 6 million rubles or 90-day suspension if health is harmed [6].

To improve IP protection, several measures are proposed. First, integrate TROIS with «Chestny Znak» to verify trademarks and Data Matrix codes in real time at customs declaration. Second, expand customs powers to independently destroy counterfeit goods under a simplified procedure (reducing 30–60 days to 15 days) when the declarant has no objections. Third, harmonize EAEU legislation – introduce a uniform minimum fine of 500,000 rubles for legal entities, standardized aggravating circumstances, and a uniform damage calculation methodology. Fourth, support domestic producers (subsidies for fragrance development, accredited labs, customs preferences for using ⩾70% Russian components) while making marketplaces legally responsible for missing Data Matrix codes on their platforms.

The TROIS mechanism is valuable but underutilized. Key problems remain: identification difficulties, legislative differences, and financial barriers. New challenges – EU sanctions, new brands, and marketplaces ignoring mandatory marking – require adaptation. Integrating TROIS with «Chestny Znak» expanding customs powers, harmonizing laws, supporting local producers, and holding marketplaces accountable will create a proactive risk management system, raising barriers against counterfeit perfumery and protecting legitimate market participants and consumers across the EAEU.

References

1. Appendix № 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic // Customs Code of the Eurasian Economic Union (: [site]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 /.

2. Demakova E. A. The role of identification of packaging and labeling of perfumery goods in detecting their falsification / E. A. Demakova, V. A. Ryzhuk // Problems of Development of the Market of Goods and Services: Prospects and Opportunities of Subjects of the

Russian Federation: Proceedings of the VI All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation. 2020. P. 631-635.

3. Expert Arsenyeva: Due to EU sanctions, the market of perfume counterfeits in Russia will begin to grow // Radio Russia : [site]. URL: https://smotrim.ru/article/4642330.

4. Rospotrebnadzor: Digital marking reduced the share of illegal goods by 20% // TASS : [site].URL: https://www.ntv.ru/novosti/2948799/.

5. Rospotrebnadzor explained how to distinguish original perfumes from fakes // RIA Novosti : [site]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6870f8779a7947fa266714f7.

6. Import and circulation of counterfeit perfumery will be fined // TASS : [site]. URL: https://www.alta.ru/external_news/117933/

UDC 331.522

The Impact of AI on Global Labor Markets: Exporting Unemployment

Zakharova Anastasia Aleksandrovna, Nazarenko Sofia Aleksandrovna, Sartene Olga Tuktarovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk Krai, Krasnorsk, Russia, Linasugar2019@gmail.com

Keywords: artificial intelligence, labor market, unemployment, export of unemployment.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to their scientific supervisor Marina Anatolyevna Konishcheva.

The Fourth Industrial Revolution, driven by artificial intelligence, presents the global community with fundamental questions about the

© Zakharova A. A., Nazarenko S. A., Sartene O. T., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

future of work. Unlike previous technological shifts, AI penetrates not only physical labor but also cognitive work, creating unprecedented risks for employment across a wide range of economic sectors.

Historical shifts in technological paradigms have been key drivers of labor market transformation. As I.G. Nosyreva and N.A. Beloborodova note in their works, each new paradigm, characterized by the use of new energy sources and the growth of specific industries, contributed to the emergence of new professions and the obsolescence of old ones [1].

From a theoretical perspective, the impact of AI on employment is twofold. On one hand, researchers identify a "productivity effect," where AI complements human capabilities, creating new jobs and increasing demand for labor in adjacent fields. On the other hand, a "displacement effect" operates, where algorithms and robots directly replace workers [2].

Empirical data from Russia, obtained by V.D. Rozhkov and colleagues, clearly demonstrate this duality. Correlation analysis shows

that the number of deployed industrial robots positively affects employment levels and negatively affects unemployment rates, confirming the productivity effect. The authors also identified a causal relationship: a change in the number of robots used leads to a change in employment levels [2].

However, a positive correlation is also recorded between the volume of private investment in AI and the unemployment rate. This observation may reflect the operation of the displacement effect [2]. This contradiction suggests that, in the initial stages, investment in AI may lead to staff reductions, while the mature use of robotics contributes to the redistribution of labor resources and employment growth in service sectors. Thus, the time lag and the nature of technology adoption play a critical role in the ultimate impact on employment.

In the context of globalization and geopolitical fragmentation, the displacement effect is not confined by national borders. A phenomenon

emerges that can be defined as the "export of unemployment." It manifests through several interconnected channels, shaping a new architecture of global inequality.

First, transnational corporations, by automating production in developed countries, may reduce jobs in developing economies that previously served as hubs for assembly manufacturing with cheap labor. Second, as noted in analytical materials, geopolitical tensions lead to the fragmentation of technology markets. Countries strive to create "technology blocs," restricting the exchange of knowledge and personnel [4]. This slows the global diffusion of innovations but can simultaneously preserve outdated, labor-intensive industries in regions excluded from new technological chains. The problem of unemployment is not solved; it merely changes location.

The impact of AI on income inequality is one of the most alarming aspects. According to the Granger causality test, an increase in private investment in AI in Russia leads to a rise in the income differentiation coefficient [2]. The authors explain this by noting that high-skilled workers gain tools to multiply their productivity, while low-skilled workers are displaced [3].

Lack of access to modern technology and education in developing countries makes their workforce most vulnerable to automation and, consequently, the primary "recipient" of exported unemployment. As I.G. Gerashchenko notes, the transformation of AI into the primary tool of production leads to a reorientation of workers towards performing secondary functions, increasing their dependence on the owners of capital and technology [5].

Furthermore, in the Russian context, the active implementation of AI is already accompanied by mass layoffs, affecting not only support staff but also skilled personnel, including IT specialists, indicating AI's capacity for self-tuning [5]. This creates new ethical and legal problems, including discrimination and a "responsibility gap" when algorithms make personnel decisions [5].

Concurrently with these processes, employment forms are transforming. Data from Russia for 2023–2025 shows a steady increase in self-employment (from 12% to 20% of all employed), reflecting the global trend towards the de-standardization of labor relations [1]. Remote and platform-based employment, which gained momentum during the pandemic, are becoming an integral part of the new labor landscape. However, as researchers note, a significant number of such workers receive income below the subsistence level without social guarantees, while the official unemployment rate remains low [5].

In a situation where unified global AI regulation is absent and international cooperation is hindered, the risks of "exporting unemployment" increase. Leading countries may use technological superiority to gain economic advantages, shifting the social costs of automation onto weaker economies [4; 2].

For employers, investing in employee training and implementing human-centric management approaches becomes critically important [1]. As research shows, the impact of AI on the labor market strongly depends on the software being developed, market conditions, and policy, leaving room for conscious regulation of these processes [1].

The conducted analysis allows us to conclude that the impact of AI on global labor markets extends beyond simple automation. A complex system of interrelations is being formed, in which technological progress in some countries and sectors can provoke rising unemployment in others, acting as a form of "export." This process is intensified by geopolitical fragmentation, which creates "technology blocs," and deepens global inequality through the "digital divide."

References

1. Носырева И. Г. Трансформация рынка труда в цифровую эпоху / И. Г. Носырева, Н. А. Белобородова // Экономика труда. 2026. №12. С. 1821–1842.

2. Рожков В. Д. Влияние искусственного интеллекта на российский рынок труда / В. Д. Рожков, М. К. Кузнецов-Сербский, П. Е. Чеканов // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 7. С. 981-992.

3. Влияние искусственного интеллекта на глобальный рынок труда в условиях нестабильной геополитической ситуации // USR24.ru : [сайт]. URL: https://usr24.ru/vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-globalnyy-rynok-truda-v-usloviyah-nestabilnoy-geopoliticheskoy-situatsii/ (дата обращения: 24.02.2026).

4. Геращенко И. Г. Искусственный интеллект и проблема безработицы // Теоретическая экономика. 2025. № 11. С. 86–98.

5. Управление искусственным интеллектом в интересах человечества: заключительный доклад // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (дата обращения: 24.02.2026).

UDC 336.711.6

Problematic Issues of Introducing the Digital Ruble as a New Form of Russian Currency

Zakharova Anzhelina Andreevna, Nazarenko Sofya Aleksandrovna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, Linasugar2019@gmail.com

Keywords: digital ruble, central bank digital currency (CBDC), Russian financial system, budget payments.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to their scientific supervisor Marina Anatolyevna Konishcheva.

© Zakharova A. A., Nazarenko S. A., Konishcheva M. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Innovations and pandemic restrictions have become catalysts for the transformation of the monetary system, resulting in the emergence of the digital ruble [3].

The digital ruble is viewed as a tool capable of ensuring the uninterrupted operation of budget payments and reducing the dependence of the national financial system on foreign infrastructure.

Furthermore, its implementation occurs at a pivotal moment of transition to a digital economy, where delays in mastering distributed ledger technologies threaten to hinder efficiency in public finance management.

As noted on the official website of the Bank of Russia, "the digital ruble is a digital form of the Russian national currency, which the Bank of Russia plans to issue in addition to existing forms of money" [1].

The process of implementing the digital ruble in the Russian Federation is phased. The timelines, subjects, and content of each stage are detailed (Table 1).

Table 1. Stages of Digital Ruble Implementation

Stages	**Content of the Stage**	**Regulatory Basis**
Preparatory Stage (from October 1, 2025)	The state gains the ability to use the digital ruble for a limited range of budget expenditures agreed upon with the Bank of Russia.	Bank of Russia Regulation No. 813-P dated 09.01.2023 "On the Management by the Bank of Russia and Credit Institutions of Bank Accounts of Territorial Bodies of the Federal Treasury ".
Expansion of Budget Operations (from January 1, 2026)	Digital rubles begin to be used for all federal budget payments. From this date, the digital ruble will also be used for budget payments.	Federal Law No. 303-FZ dated 31.07.2025 "On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation"[5].

End of Table 1.

Stages	**Content of the Stage**	**Regulatory Basis**
Mass Implementation for Businesses and Citizens (from September 1, 2026)	Major banks and retail chains (with revenue exceeding 120 million rubles) are required to accept payments in digital currency.	Draft Law No. 811008-8 — establishes the phased connection of banks and commercial enterprises to the digital ruble platform [6].
Connection of Regional Budgets (from July 1, 2027)	Regional and municipal budgets are connected to the system..	Federal Law No. 303-FZ dated 31.07.2025 (provisions on the phased expansion of the circle of participants in the budget process) [5].
Expansion of Participants (from September 1, 2027)	The obligation to work with the digital ruble extends to all banks with a universal license.	Federal Law No. 303-FZ dated 31.07.2025 (norms on expanding the circle of obligated entities) [5].
Final Stage (from September 1, 2028)	All remaining market participants complete technical preparation.	Federal Law No. 303-FZ dated 31.07.2025 final provisions on implementation timelines [5].

For a deeper understanding of the essence of the digital ruble and its place in the modern financial system, it seems necessary to compare it with other forms of currency and payment instruments (Table 2) [5].

Table 2. Comparative Analysis of Digital Currencies

Comparison Parameter	**Digital Ruble (CBDC)**	**Cryptocurrencies (Bitcoin)**	**Digital Yuan (e-CNY)**
Issuer and Backing	Bank of Russia, backed by the RF gold and foreign exchange reserves	No single issuer, unbacked	People's Bank of China, backed by state reserves
Legal Status and Regulation	Third form of national currency (Federal Law No. 340-FZ), legal tender	Not a legal tender in the RF, regulated as a digital asset	Legal tender in China, full state control

End of Table 2.

Comparison Parameter	**Digital Ruble (CBDC)**	**Cryptocurrencies (Bitcoin)**	**Digital Yuan (e-CNY)**
Fees and Yield	Free transfers for individuals, 0.3% for legal entities; no interest accrued	Miner fees (variable), high volatility, speculative income	Minimal fees (incentivized), no interest accrued

The digital ruble has several advantages of direct relevance to the budgetary sphere (Table 3). The implementation of the digital ruble is strategically beneficial primarily for the state, as it ensures total transparency of financial flows and strict control over the expenditure of budget funds.

Table 3. Pros and Cons of the Digital Ruble

	Advantages	**Disadvantages**
For Citizens	Free and Instant Transfers	Lack of Yield and Interest
	High Reliability and Security	Fear of Total Control
For the State	Full Transparency and Control	Implementation Costs
	Efficiency of Social Support	Institutional Distrust
For Business	Reduced Acquiring Costs	Implementation and Adaptation Costs
	Faster Settlements	Limited Applicability

For ordinary citizens, the advantages are less obvious: they gain free transfers but lose the ability to earn interest on balances and must contend with full transparency of their expenses without seeing a real benefit compared to familiar bank cards.

The main risk of introducing digital rubles for all parties is the potential outflow of funds from commercial banks, which would deprive them of liquidity and impact the availability of credit for citizens and businesses.

The conducted analysis confirms that the implementation of the digital ruble, while strategically necessary for Russia's financial

sovereignty, is fraught with serious problems. The main imbalance lies in the fact that the primary advantages accrue to the state, while the benefits for citizens and businesses are unclear and are offset by costs.

References

1. Цифровой рубль // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 23.02.2026).

2. О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 23.02.2026).

3. О ведении Банком России и кредитными организациями банковских счетов территориальных органов Федерального казначейства : Положение Банка России № 813-П от 09.01.2023 // СПС «Гарант» : [сайт]. URL: https://clck.ru/3SKce4 (дата обращения: 03.03.2026).

4. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 03.03.2026).

5. Законопроект № 811008-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/811008-8 (дата обращения: 03.03.2026).

UDC 338.483.1:629.553(282.256.3)

Problems and Potential of Attracting Foreign Tourists to Yenisei River Cruises: The Ethnic Factor as a Regional Advantage

Skibin Andrey Aleksandrovich, Sorokin Egor Alekseevich, Glotova MarinaValeryevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: river cruises, Yenisei River, inbound tourism, ethnocultural potential, indigenous peoples of the North.

Tourism's importance to Siberian economies has grown, with attracting foreign visitors as a priority. Cruises on Yenisei attract visitors who want to enjoy the unique nature and historical and ethnocultural heritage of the region. Despite the available opportunities, the potential for attracting foreign tourists is underutilized. This study aims to analyze the market's current state and propose strategies for increasing foreign tourism. Current State of the Market and Supply Structure.

The river cruise market on Yenisei is recovering from the effects of the COVID-19 pandemic. Leading operators include "Yenisei Cruises," "Siberia Cruise Company," and the state corporation "Sputnik-Hermes." The vessels are predominantly three-deck Soviet-built ships of the "Dunai" type. The types of cruises include short (1–3 days), classic (7–10 days), long (14–18 days), and themed cruises. Prices vary by season: peak prices occur in summer, while costs decrease in autumn. According to the Russian Union of Tourism Industry, in 2024, cruise operators overall increased sales by 10–15%, extending navigation to 215 days.

© Skibin A. A., Sorokin E.A., Glotova M. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

In 2023, Krasnoyarskstat reported 345 travel agencies in the region, serving 102,700 people, a 31.4% increase from 2022. While further research on inbound tourism is needed, interest in Siberia, particularly from Asia, is rising.

Ethnic tourism is one of the most promising directions for attracting foreigners. As noted in contemporary studies, ethnotourism can meet people's needs by introducing them to the cultural traditions of various people. Indigenous peoples of the North inhabit the banks of the Yenisei, and their lifestyle and traditions hold significant interest for foreign guests. Already today, expedition cruises on the "Maxim Gorky" riverboat are available, allowing visits to remote locations, including the Putorana Plateau. The development of ethnocultural programs that include elements of cultural immersion with indigenous peoples could significantly enhance the attractiveness of the regional tourist product.

Issues include an aging vessel fleet, high tour costs, a short navigation period, limited infrastructure, and a shortage of qualified personnel fluent in foreign languages. Additionally, there is minimal integration of ethnocultural programs into cruise itineraries.

Table 1. SWOT-analyze

Strengths	**Weaknesses**
Exclusive beauty of the area Potential for extreme tourism Multi-component product (nature, culture, manufacturing) Stable domestic market of operators Ethnic potential	Outdated fleet of vessels High price of maintenance of old vessels condition Short-term period of navigation Low accessibility of infrastructure Weak integration of ethno-programs
Opportunities	**Threats**
Government support for tourism Growing global interest in ethno-tourism Expanding the geography of markets	Declining interest due to geopolitical risks Strong international competition Administrative barriers Vulnerability to economic shocks

To enhance the attractiveness of river cruises, it is suggested to: renew the fleet of vessels equipped with modern technologies, create

modern tourist service infrastructure along the river, develop ethnocultural programs that include immersion in the traditions of indigenous peoples of the region, as well as participation in event-based activities, conduct active marketing campaigns in promising markets, emphasizing the uniqueness of the region, prepare qualified specialists proficient in foreign languages and knowledgeable about the region's culture.

River tourism on Yenisei has significant potential for attracting foreign tourists, particularly through its ethnocultural elements. To achieve success, investments are needed for fleet renewal, infrastructure development, and the creation of ethnographic programs. Addressing the existing issues will help increase tourist flow and ensure long-term development of the industry.

References

1. Ethnotourism in Russia: Current State and Development Guidelines // Agency of Scientific Publications : [site]. URL: https://apni.ru/article/1689-etnoturizm-v-rossii-sovremennoe-sostoyanie.

2. For the International Tourism Day: Performance of Travel Agencies in 2023 : [site]. URL: https://24.rosstat.gov.ru/news/document/245027.

3. National Tourism Rating Based on 2024 Results Published // GoArctic.ru : [site]. URL: https://goarctic.ru/society/opublikovan-natsionalnyy-turisticheskiy-reyting-po-itogam-2024-goda-na-poslednikh-mestakh-chao-i-nao/.

4. Russian Tourists Informed About the Future of River Cruises in Russia for 2024 // TURPROM.RU : [site]. URL: https://www.tourprom.ru/news/61610/P.

5. RUTI: River Cruise Operators Increased Sales by 10-15% in 2024 // Russian Union of Travel Industry : [site]. URL:

https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/rst-operatory-rechnyh-kruizov-v-2024-godu-narastili-prodazhina10-15.html.

UDC 339.5:336.743

International Experience in Currency Regulation of Foreign Trade Operation: The Case of Thailand

Smitskaya Sofia Evgenevna
Institute of Trade and Services of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, SSmitskaya-IT23@stud.sfu-kras.ru

Keywords: currency regulation, Thailand, methods currency restrictions.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to scientific advisor Migunova Marina Ivanovna, associate professor, candidate of economic sciences.

Every country pursues the goal of ensuring economic security. In this matter, a special place is occupied by currency regulation, which acts as a set of measures aimed at managing foreign exchange transactions between residents and non-residents [1]. State currency control is a system of measures taken by a country's government to regulate the circulation of foreign currencies within that country, as well as to stabilize the macroeconomic situation, by establishing state oversight over currency transactions and export-import operations of residents.

An analysis of international practice demonstrates that various methods are employed for the purpose of regulating currency operations, namely: administrative and economic (indirect) methods.

© Smitskaya S. E., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Administrative measures are taken by the state to stabilize the exchange rate and may be introduced for a short period of time. Among the administrative methods of currency regulation in international practice, currency restrictions are widely applied.

For instance, in 1997, when Thailand faced a major financial crisis, currency restrictions were applied – limits were imposed on foreign exchange transactions in the swap market in 1997–1998. The prerequisites for this included the adoption in May 1990 of obligations under Article VIII of the International Monetary Fund Agreement, which signified the renunciation of restrictions on current international transactions, and the launch in 1993 of the Bangkok International Banking Facility (BIBF), aimed at transforming the capital into a regional financial center.

These liberalization measures led to a significant inflow of foreign capital, which contributed to high rates of economic growth; however, at the same time, structural imbalances emerged simultaneously: overheating of the real estate market and the growth of speculative positions against the baht. Consequently, the Bank of Thailand shifted from a fixed exchange rate to a floating one and introduced a number of currency restrictions, such as mandatory repatriation of export proceeds, which was done to restore the country's economy.

In addition to administrative methods of currency regulation, the Bank of Thailand employs indirect methods. Their essence lies in influencing participants in foreign economic activity through market mechanisms without restricting their rights. A clear example of the application of an indirect method for regulating currency policy in Thailand is the introduction in 1995 of unremunerated reserve requirements (URR), the essence of which consists of regulating the outflow or inflow of foreign currency by requiring credit institutions to deposit with the Central Bank a portion of the amount of funds attracted [2].

Today, Thailand's economy is facing a new challenge, namely, the significant appreciation of the baht against the U.S. dollar. The chart of the baht exchange rate against the U.S. dollar is presented in figure 1.

Figure 1. Exchange rate of the Thai baht to the U.S dollar [3].

Based on the data presented in the graph, it can be observed that the exchange rate of the baht against the U.S. dollar has reached a record high since 2021. While favorable for the tourism sector, this dynamic has posed a threat to the competitiveness of national exports and has increased the cost of imports. In response, the Bank of Thailand introduced a set of currency control measures, as illustrated in figure 2 [4, 5].

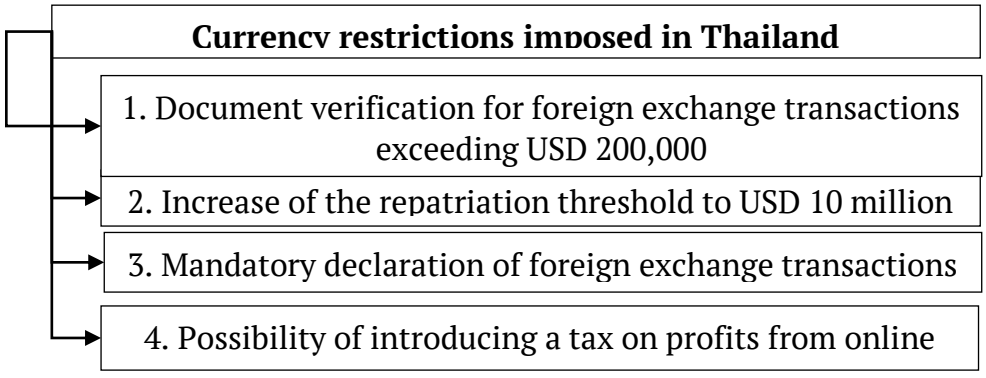


Figure 2. Currency restrictions in modern Thailand.

The conducted analysis leads to the conclusion that Thailand’s currency regulation of foreign trade transactions currently consists primarily of administrative methods.

Thailand’s experience shows that currency regulation is an important tool for ensuring the country’s economic security. The regulation is effective when the government responds to external challenges and employs both methods of currency regulation, combining currency restrictions with instruments of indirect means, which are capable of stabilizing the exchange rate.

References

1. Римма Р. Л. Место и роль экономической безопасности в системе национальной безопасности // Аудиторские ведомости. 2024. №4. С. 267–272.

2. Маняхин Т. В. Мировая практика валютного регулирования: основные методы и проблемы их применения // Финансы и кредит. 2004. №25 (163). С. 66–71.

3. Курс Таиландского бата к Доллару США. URL: https://yandex.ru/finance/currencies/THB_USD (дата обращения: 08.04.2026).

4. Бородин М. Валютный контроль в Таиланде: Банк Таиланда ужесточает проверку документов при крупных валютных поступлениях. URL: https://aimbangkok.com/ru/bank-thailand-valyutnyi-kontrol-2026/ (дата обращения: 08.04.2026).

5. Дёмина Я. В. Трансграничные потоки капитала в Восточной Азии: влияние мероприятий валютной политики // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 3. С. 99–124.

UDC 339.543:339.194:663.5

Illegal Alcohol Smuggling: Global Challenges and Customs Control Mechanisms

Sokolov Artem Pavlovich, Tretyakov Arsentiy Vladislavovich
Institute of Trade and Service, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, bonnie.darkvelis@gmail.com

Keywords: alcohol smuggling, illicit trade, customs control, risk management, illegal trade.

Acknowledgments: the authors express their sincere gratitude to their scientific advisor, Vera Nikolaevna Yurdanova.

Illegal movement of alcohol on which excise duties have not been paid remains one of the global challenges, posing threats to economic stability, public health, and national security. The importance of this issue is currently increasing due to two main factors: the expansion of international trade and differences in taxation systems between countries. According to estimates by the World Health Organization, unrecorded alcohol accounts for approximately 21% of total global consumption. At the same time, around 2.6 million deaths annually are associated with alcohol consumption.

When comparing different regions, the scale of illicit alcohol trade varies significantly. In Western Europe, it typically accounts for about 8–15% of total consumption, while in Eastern Europe and developing countries this figure can reach 20–40%.

© Sokolov A. P., Tretyakov A. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Table 1. Comparative indicators of illicit alcohol trade

Region	**Share of illegal alcohol**	**Key characteristics**
Western Europe	8–15%	Strong control, digital systems
Eastern Europe	15–30%	High taxes, active smuggling
Developing countries	20–40%	Weak control, informal market

Channels and Methods of Alcohol Smuggling. The shadow alcohol market quickly adapts to new conditions. As soon as border rules become stricter, smugglers immediately change their approaches, which makes law enforcement's job much harder. The most common tricks are hiding alcohol inside regular cargo or falsifying customs documents. Grey import schemes for alcohol are widely used around the world. The idea is simple: drinks are first legally brought into one country, and then illegally sent to where prices are higher.

Economic and Social Consequences of Alcohol Smuggling. When excise duties aren't paid, budgets lose pretty large sums. Fair competition also suffers: legal producers and sellers have to compete with cheap illegal stuff. Negative effects are also visible in public health. Fake alcohol often contains dangerous impurities, hence poisonings and extra deaths. What's more, smuggling schemes are often tied to organized crime and corruption. End result – police work gets worse, and people lose trust in state institutions.

Customs Control and Countermeasures. Who fights alcohol smuggling? Customs, first and foremost. They are the ones who monitor what crosses the border. The effectiveness of this fight is directly linked to whether customs officers use modern risk management systems. Such systems help identify suspicious shipments and inspect them selectively. Instead of blanket checks, they take only those consignments that trigger risk indicators. Digital tools – electronic declarations, data analytics, and tracking systems – also improve transparency and efficiency. Bottom line: a risk-oriented approach plus technology makes

customs control more flexible and more effective in combating illegal alcohol.

In conclusion, alcohol smuggling represents a complex and multifaceted problem affecting the economy, social sphere, and functioning of state institutions. In our view, reducing alcohol smuggling requires not only stronger customs control but also improved regulation and international cooperation, supported by legal, economic, and technological measures.

References

1. Global status report on alcohol and health 2018 // World Health Organization. Geneva: WHO, 2018.

2. Global alcohol action plan 2022–2030 to strengthen implementation of the Global Strategy to reduce the harmful use of alcohol // World Health Organization. Geneva: WHO, 2022.

3. Illicit Trade Report 2022 / World Customs Organization. Brussels: WCO, 2022.

4. A systematic review of the epidemiology of unrecorded alcohol consumption and the chemical composition of unrecorded alcohol / J. Rehm, S. Kailasapillai, E. Larsen [et al.] // Addiction. 2014. Vol. 109, № 6. P. 880–893.

UDC 339.543:691.11

Features of Customs Control of Timber Exports under Changing Foreign Economic Conditions

Tserekh Anna Evgenyevna, Konovalova Violetta Sergeevna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, antsereh@mail.ru

Keywords: customs post of actual control, timber export, trade turnover, risk management system, forms of customs control, automation, administrative offences.

Acknowledgements: the authors express their gratitude to their research supervisor, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor V. K. Menshikova.

Timber export remains one of the most important commodity items in the foreign trade of the Russian Federation, especially in the Siberian regions. At the same time, foreign economic conditions have undergone significant changes in recent years: reorientation of export flows, stricter requirements for the legality of timber harvesting, introduction of electronic declaration and traceability systems. Under these circumstances, customs control exercised at actual control posts remote from electronic declaration centres acquires particular importance.

The Kansk customs post exercises actual control over an area of 154 thousand km², where more than 160 foreign trade participants are located. The main commodity is timber (HS codes 4401, 4403, 4407, 4408, 4409, etc.), with loading sites located up to 300 km away from the post.

© Tserekh A. E., Konovalova V. S., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

In 2023–2025, there was a steady increase in the number of customs declarations and exported timber consignments, as shown in Figure 1.

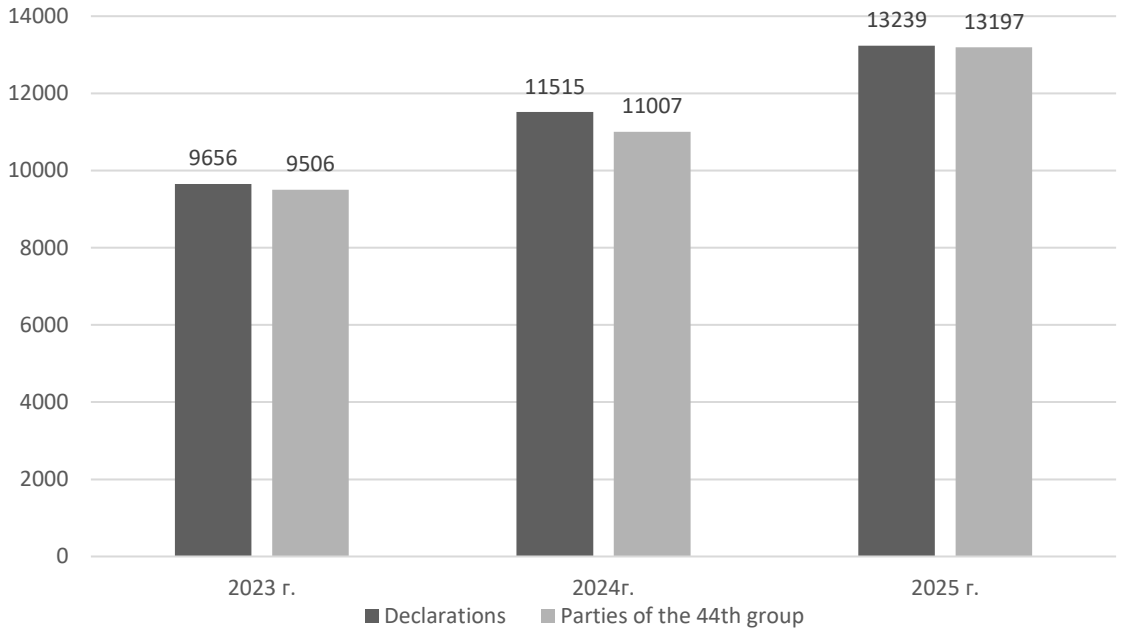


Figure 1. Dynamics of the number of customs declarations and exported consignments.

The number of exported timber consignments increased by 38.8%. The share of timber in the total declaration volume remains dominant (99.7% of declarations in 2025), which underlines the post's specialisation in controlling timber exports, using standardised methods for measuring sawn timber volumes [1]. At the same time, the range of goods is expanding: in 2024–2025, processed grain products, aluminium and graphitised electrodes gained significant weight, indicating a gradual diversification of foreign economic activity in the region amid the reorientation of foreign trade flows [2].

Thus, despite sanctions and logistical difficulties, export activity in the region has increased. At the same time, the number of foreign trade participants decreased from over 200 to about 160.

With a 38.8% increase in the volume of consignments (from 9,506 to 13,197), the total number of control measures decreased, while

customs control of timber is carried out in accordance with the current regulatory and methodological framework [3]. The overall coverage rate of control forms fell from 3.2% in 2024 to 2.1% in 2025. This reflects a shift towards selective, risk-based control and resource optimisation.

Three main forms of customs control were applied to exported timber: customs observation, customs inspection and customs examination. The dynamics of their application are presented in Table 1.

Table 1. Number of actual control forms applied to timber

Form of control	**2023**	**2024**	**2025**	**Change 2025/2023**
Customs observation	107	61	33	–69.2%
Customs inspection	308	252	198	–35.7%
Customs examination	103	102	90	–12.6%

The main reason for the increase in initiated administrative offence cases in 2024 was the rise in cases of failure to present goods for customs examination (Article 19.4 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation): 141 such failures were recorded in 2024, compared to 40 in 2023. In 2025, thanks to systematic explanatory work and individual interaction with foreign trade participants, the number of non-presentations decreased to 38 cases (a 73% reduction). Accordingly, the number of cases under Part 1 of Article 19.4 fell from 126 to 37.

At the same time, cases under Part 1 of Article 16.2 (non-declaration) decreased from 62 (2023) to 47 (2025). In 2025, one case under Part 2 of Article 16.13 (non-compliance with prohibitions and restrictions when moving goods) was initiated for the first time.

However, certain problem areas remain: vacancies at the remote office (Taezhny settlement), which is consistent with all-Russian labour market transformation trends [4]; cases of failure to present goods; and

an increase in international postal items requiring improvement of customs value control methods

Thus, amid growing timber export shipments (up 38.8% over three years), the Kansk customs post has reduced the number of actual control forms while simultaneously increasing their effectiveness.

References

1. Анализ стандартных измерений объемов пиломатериалов / Е. А. Бердникова, В. К. Меньшикова, Л. Н. Демина [и др.] // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 2-1. С. 164–172.

2. Экспорт и импорт товаров России в условиях масштабных санкций / Е. А. Марков, Е. Р. Яковлева, В. К. Меньшикова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 4. С. 53–56.

3. К вопросу о действующем порядке проведения таможенного контроля лесоматериалов / О. Д. Леншина, Л.Н. Демина, М. Г. Жилин [и др.] // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023. Т. 3, № 3. С. 251–263.

4. Трансформация рынка труда России - рынок продавца рабочей силы / Е. А. Марков, Е. Р. Яковлева, В. К. Меньшикова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 2. С. 54–57.

UDC 332.122.6

Special Economic and Administrative Zones as an Instrument of Domestic and International Economic Integration: A Comparative Analysis of Russia's Special Administrative Regions, Shenzhen, and the UAE Free Zones

Turdagina Elena Rostislavovna, Erokhina Viktoria Vladislavovna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, aneleturdagina@gmail.com

Keywords: special administrative regions, special economic zones, redomiciliation, Shenzhen, free zones, economic integration.

Special economic regimes have become an important instrument of economic policy under conditions of sanctions pressure, capital mobility, and growing competition for investment resources. This article compares Russia's special administrative regions, Shenzhen, and the UAE free zones. The study shows that, despite formal similarity, these regimes perform different economic functions: capital protection in Russia, economic modernization in China, and international business integration in the UAE.

In the twenty-first century, special territorial regimes have again become an important instrument of economic policy. This is connected with capital mobility, jurisdictional competition, sanctions pressure, and the need for states to adapt their legal and economic systems to changing external conditions. Today such territories are used not only to attract investment, but also to regulate capital flows and support integration into international economic relations [1].

© Turdagina E. R., Erokhina V. V., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

This is especially clear in the comparison of Russia's special administrative regions, Shenzhen, and the UAE free zones. Although these models are formally similar, they emerged in different economic contexts and therefore perform different functions.

Russia's special administrative regions were created in 2018 as a legal mechanism for transferring companies from foreign jurisdictions into Russian legal space through redomiciliation [1]. Unlike classical special economic zones, they are not focused on industrial production. Their main task is to provide a protected domestic jurisdiction for capital previously linked to offshore structures. By the end of 2024, 488 companies had been registered in Russian special administrative regions [2]. Researchers also describe this regime as both an anti-sanctions instrument and a development institution [3]. Its legal framework is based on Federal Laws No. 290-FZ and No. 291-FZ.

Shenzhen developed according to a different logic. Its creation in the early 1980s was connected with the gradual introduction of market mechanisms into the Chinese economy. The zone became a platform for controlled economic reform and export-oriented industrial growth. By 2024, Shenzhen's GDP reached 3.68 trillion yuan, while foreign trade volume amounted to 4.5 trillion yuan [4]. As M.V. Silenko notes, the former fishing territory rapidly turned into one of China's largest economic centers due to the special zone model [5].

The UAE free zones were formed within the strategy of economic diversification beyond the oil sector. Their purpose was to create infrastructure for international trade, logistics, and entrepreneurial mobility. The clearest example is Jebel Ali Free Zone, which by the end of 2024 hosted more than 10,700 companies from over 150 countries and generated about 190 billion US dollars in trade value [6]. Unlike Russia and China, the UAE does not have one centralized legal regime for all zones. Each zone has its own registration, licensing, and business rules, which allows adaptation to different sectors of the economy.

The differences between these models are also visible in participation conditions and taxation. In Russia, entry requires redomiciliation and investment commitments. In Shenzhen, the key condition was participation in industrial development. In the UAE, the main emphasis is placed on simplified registration, full foreign ownership, and flexible licensing. Tax design reflects the same divergence: in Russia, incentives are aimed at capital retention; in China, they historically supported industrial and technological growth; in the UAE, they increased the attractiveness of international business activity.

Thus, these regimes produce different integration effects. In Russia, they strengthen the connection between capital and national jurisdiction. In China, they support integration into global production chains. In the UAE, they create international sectoral hubs linking different regions of the world economy.

At the same time, each model has limitations. Russia's special administrative regions remain selective and depend on confidence in legal stability. Shenzhen faces the gradual loss of its exceptional character as market reforms spread across China. In the UAE, additional pressure comes from tighter international tax regulation.

In conclusion, Russia's special administrative regions, Shenzhen, and the UAE free zones should not be compared only through incentives. Their real differences are determined прежде всего the economic objectives pursued by the state. The Russian model is focused on redomiciliation and capital protection, the Chinese model on internal economic transformation, and the UAE model on international business infrastructure.

References

1. Matykov A. A. Methods for Improving the Efficiency of a Special Economic Regime: Special Administrative Regions / A. A. Matykov, M. E. Krivelevich // Spatial Economics. 2020. Vol. 16, № 2. P. 185–202.

2. More than 60 companies get registered in SAR in Q1 2024 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation : [site]. URL: https://en.economy.gov.ru/material/news/more_than_60_companies_get_registered_in_sar_in_q1_2024.html (date of access: 13 March 2026).

3. Tovgazova A. A. Special Administrative Regions: A New Development Institution or an Anti-Sanctions Instrument? // Spatial Economics. 2018. №4. P. 172–182.

4. China Unveils APEC 2026 Theme and Priorities in Shenzhen // Asia-Pacific Economic cooperation : [site]. URL: https://www.apec.org/press/news-releases/2025/china-unveils-apec-2026-theme-and-priorities-in-shenzhen (date of access: 14 March 2026).

5. Silenko M. V. China's Special Economic Zone Shenzhen: Formation and Prospects // Moscow University Economics Bulletin. 2020. №5. P. 238–257.

6. Jafza turns 40 with record $190bn in trade // DP WORLD : [site]. URL: https://www.dpworld.com/en/news/jafza-turns-40-with-record-190bn-in-trade (date of access: 14 March 2026).

Механизмы устойчивого функционирования организаций: методы, инструменты, инновации

УДК 378*331*334.7

Моделирование процессов формирования предприятий на основе производственных показателей в форматах поз и неопределенности

Бадртдинов Тимур Рустамович
Политехнический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, badrtim7@gmail.com

Ключевые слова: органическое строение капитала, экономико-метрические модели, цифровая экономика.

Проектирование предприятий машиностроения должно учитывать различные факторы, относящиеся к различным уровням предприятия, объединения отрасли. При проектировании возможны к использованию техники от предприятия (как микроэкономической модели, с присутствием микроэкономических оптимизаций). А также более выдержанных подходов, где предприятие в любой ее правовой, управленческой форме будет представлено лишь как некоторая часть более масштабной, оптимизирующей системы [1].

Последнее означает, что проектирование машиностроительных предприятий, их размещение, ресурсная обеспеченность, сбытовые и кадровые и т.п. стратегии и политики как основание имеют приоритетность макроэкономического регулирования.

Практические реализации разных вариантов коммерческой самостоятельности от условной единицы, называемой фирма,

© Бадртдинов Т. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

предприятие, компания и т.п. за период окончательного отхода от форматов государственной собственности к суррогатам частной собственности выявили как реально определившиеся деструкции отрасли, так и многие пропорциональные нарушения в воспроизводстве отрасли «Машиностроение», так и машиностроительного комплекса РФ как самостоятельной хозяйственной единицы, а также, как элементу системы, входящей в отраслевые связи функционирования всей отрасли машиностроения и при включении продукции машиностроения в функциональность народнохозяйственных связей в формат машиностроительного комплекса [2].

Срезы уровня предприятия машиностроения, представленные организационно-управленческими, социально-экономическими, технико-экономическими, информационно-коммуникативными элементами, их проектирование и последующее использование в управленческих технологиях, предполагает реализацию техник планирования, контроля, учета, адаптации, мотивации, стимулирования и в целом менеджмента. Однако подобная технология проектирования – это не более, чем опыт адаптации микромоделей, в которых многие параметры функционирования берутся априори из абстрактных допущений. Например, цены, проблемы сбыта, проблемы закупок, реальные уровни всех видов организации логистических структур, инфраструктур. В макроэкономическом подходе разной продвинутости так же присутствует: модельность; два вида анализа (то, что есть фактически и то, что должно быть); присутствуют адаптационные экономико-математические срезы с реальных экономик зарубежных стран; отсутствует то многое, что умещается в стандарты социологии, экономической социологии.

Отрасль машиностроения и как ее вторая ипостась «Машиностроительный комплекс» имеют периоды:

– устойчивого функционирования на прежней технической, организационной основах в форматах уже освоенной собственности;

– периоды, в которых неизбежны спады по многим причинам: капитального преобразования оборудования, модернизации оборудования, замены оборудования новым, что по итогу оценивания отрасли должно проявиться в новых видах продукции, более производительных видах продукции, в новых видах номенклатуры и производственного, товарного ассортимента;

– экономической эффективности, логику измерения данной эффективности не только в показателях коммерческой и финансовой составляющих.

Соответствующие уточнения по направлениям вносит специфику проектирования предприятий машиностроения в зависимости от:

А. Положительных, неизменных, отрицательных эффектов масштаба. Причем, при уточненных конкретизациях по конкретным предприятиям, их уровням технической, организационной вооруженности, внутри и внешне отраслевым, межотраслевым кооперационным связям, эффективности менеджмента данных связей. Проведение этих уточнений позволяет представить данную отрасль в многообразии ее уровней, состояний, возможных диспропорций, сдержек, противовесов, капиталовложения, докапитализация.

Б. От субаддитивности издержек горизонтального и вертикального роста предприятий машиностроения, что становится огромным откровением, что создание реальных малых, средних предприятий, входящих в отрасли машиностроения, машиностроительный комплекс либо со стороны, либо непосредственно в структуры отраслевых специализаций неизбежно запускает механизмы: акселерации, мультипликации. Субаддитивность издержек наполняется как отраслевыми

особенными элементами территориальных реализаций, так и теми структурированными элементами от экономической социологии, когда социальное, демографическое становится факторами, определяющими приоритетность роста, развития как предприятий, так и их конкретных форм отрасли, региона и т.п.

В. От фактического уровня предприятия по:

$$\text{Фондовооруженость} = \frac{\text{Ср. год. Ст. ОПФ}}{\text{Ср. год. числ. перс.}};$$

Г. От технической вооруженности труда

$$\text{Техническая вооруженость труда} = \frac{\text{Акт. Часть. ОПФ}}{\text{Ср. год. числ. перс.}};$$

Д. От энерговооруженности труда

$$\text{Энерговооруженость труда} = \frac{\text{Затраты всех видов энергии}}{\text{Ср. год. числ. перс.}};$$

Е. От фондоотдачи

$$\text{Фондоотдача} = \frac{\text{Произведенная за период продукция}}{\text{Ср. год. Ст. ОПФ}};$$

И. От фондоемкости

$$\text{Фондоемкость} = \frac{\text{Ср. год. Ст. ОПФ}}{\text{Годовая ст. произв. прод.}};$$

К. От органического строения капитала

$$\text{Орг. стр. кап.} = \frac{Fa + V + Nm}{S + Ct} \cdot 100;$$

где

– Fa – стоимость основных средств;

– M – стоимость материалов;

– Nm – стоимость нематериальных активов (патенты, лицензии);

– S – затраты на оплату труда работников;

– Ct – затраты на повышение квалификации.

Г. От фактической внешне и внутри отраслевой логистики управления запасами и производственно-технологическими процессами.

Список источников

1. Румянцев А. А. Органическое строение капитала: влияние технологического развития // Журнал экономической теории. 2020. Т.17, №1. С.91-110.

2. Лунин И. А. Изменения в органическом строении производственного капитала в условиях неоиндустриального развития российской экономики // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2020. №1-2. С.60-64.

УДК 657.6:005.934

Оценка эффективности системы внутреннего контроля в организации (на примере ОАО «РЖД»)

Березина Анастасия Андреевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, anast.berezina@mail.ru

Ключевые слова: система внутреннего контроля, СВК, бухгалтерская отчетность, риск-ориентированный подход, контрольные процедуры, оценка эффективности.

В крупных корпоративных структурах бухгалтерский и налоговый учет, формирование отчетности и документооборот представляют собой сложную систему взаимосвязанных процессов. Для обеспечения достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности, соблюдения требований законодательства и снижения учетных рисков необходима развитая система внутреннего

© Березина А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

контроля (далее – СВК). Актуальность исследования обусловлена отсутствием единой обязательной модели построения СВК в российской практике: крупные организации формируют собственные подходы с учетом масштаба деятельности, отраслевой специфики и внутренних регламентов.

Цель исследования заключается в оценке эффективности СВК ОАО «РЖД» и разработке направлений ее совершенствования. В работе систематизированы основы СВК, проведена интегральная оценка текущего состояния системы и рассчитана эффективность предложенных мероприятий.

СВК представляет собой совокупность организационных мер, процедур, методов и инструментов, направленных на обеспечение достоверности отчетности, соблюдение требований законодательства и управление рисками. В международной практике базовой моделью внутреннего контроля является COSO Internal Control – Integrated Framework. Обязательность внутреннего контроля в сфере бухгалтерского учета закреплена Федеральным законом от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», а для участников налогового мониторинга дополнительные требования установлены Приказом ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@ [1; 2].

Оценка текущего состояния СВК была проведена на основе анализа внутренних документов, матрицы рисков и контрольных процедур. Для обобщения результатов применен экспертный метод (таблица 1) [3; 4].

Таблица 1. Интегральная оценка текущего состояния СВК ОАО «РЖД»

Критерий оценки	**Вес**	**Оценка, балл**	**Взвешенная оценка**
Уровень нормативного закрепления СВК	0,20	90	18,00
Риск-ориентированный подход	0,20	82	16,40

Окончание таблицы 1.

Критерий оценки	**Вес**	**Оценка, балл**	**Взвешенная оценка**
Качество контрольных процедур	0,20	78	15,60
Распределение ответственности	0,15	85	12,75
Документирование и консолидация результатов	0,15	82	12,30
Автоматизация и мониторинг	0,10	75	7,50
Итоговая оценка	1,00	–	82,55

Интегральная оценка текущего состояния СВК ОАО «РЖД» представлена в таблице 2.

Таблица 2. Интегральная оценка текущего состояния СВК ОАО «РЖД»

Проблемная зона	**Предлагаемое мероприятие**	**Ожидаемый результат**
Необходимость актуализации матрицы рисков	Актуализация матрицы рисков и контрольных процедур	Повышение полноты покрытия рисков
Разнородность выполнения контрольных процедур	Унификация чек-листов и порядка выполнения процедур	Сопоставимость результатов контроля
Зависимость от человеческого фактора	Расширение автоматизации документирования	Снижение трудоемкости и ошибок заполнения
Повторяемость отдельных замечаний	Мониторинг устранения нарушений	Снижение доли повторяющихся замечаний

Первое мероприятие предполагает актуализацию матрицы рисков. Второе – расширение автоматизации и унификацию документирования.

Оценка экономической эффективности предложенных мероприятий представлена в таблице 3.

Таблица 3. Оценка экономической эффективности предложенных мероприятий

Показатель	**Значение**
Совокупный годовой эффект, млн. руб.	1,45
Затраты на реализацию мероприятий, млн. руб.	0,95
Экономический эффект, млн. руб.	0,50
Срок окупаемости, месяцев	7,86
Интегральная оценка СВК после внедрения, балл	87,00

В заключение следует отметить, что дальнейшее повышение эффективности СВК связано с развитием риск-ориентированного подхода и актуализацией контрольных процедур. Предложенные мероприятия направлены могут быть использованы при развитии внутреннего контроля в крупных организациях с разветвленной структурой учета и отчетности.

Список источников

1. Российская Федерация. Законы. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=15014-federalnyi_zakon_ot_06.12.2011__402-fz_o_bukhgalterskom_uchete (дата обращения: 29.12.2025).

2. Приказ ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля» // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/10988260/ (дата обращения: 29.12.2025).

3. Положение об управлении рисками и внутреннем контроле ведения бухгалтерского и налогового учета, формирования отчетности ОАО «РЖД»: внутренний документ ОАО «РЖД».

4. Концепция единой системы внутренних контрольных процедур в области бухгалтерского и налогового учета и

формирования отчетности ОАО «РЖД»: внутренний документ ОАО «РЖД».

УДК 338.45.01

Методы оценки инвестиционной привлекательности компаний нефтегазовой отрасли и влияние санкций на рынок

Губаненко Константин Аркадьевич
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kostya.gubanenko@bk.ru

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, нефтегазовая отрасль, экономические санкции, методы дисконтирования, топливно-энергетический комплекс.

Современный этап развития нефтегазовой отрасли характеризуется комплексом взаимосвязанных вызовов: нестабильность мировых цен на углеводороды, внедрение новых технологий, ужесточение экологических норм и нарастание санкционного давления на международной арене. Ключевыми факторами, определяющими инвестиционную привлекательность компаний данного сектора, выступают экономическая рентабельность проектов, уровень сопутствующих рисков, характер регуляторных ограничений и долгосрочные стратегические приоритеты. В условиях действующих санкций и конъюнктурных ограничений на рынках нефти и газа особую значимость приобретают оценочные методики, позволяющие инвесторам и

© Губаненко К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

управленцам вырабатывать взвешенные решения в обстановке высокой неопределенности и возрастающих рисков.

С 2022 года против российского нефтегазового сектора введено 19 санкций ЕС, блокирующие санкции США против крупнейших компаний, а также ограничения на поставки технологий и оборудования. Ответом стало формирование так называемого «серого рынка» нефти (т.е. системы поставок с использованием альтернативных логистических и страховых схем в обход санкционных ограничений), переориентация экспорта на Азиатско-Тихоокеанский регион (более 80 % российского экспорта) и создание альтернативных механизмов ценообразования. Таким образом, для инвестора игнорирование санкционного фактора делает любую оценку бессмысленной [1].

Основу оценки инвестиционной привлекательности составляют дисконтированные методы денежных потоков, такие как чистая приведенная стоимость (NPV) и внутренняя норма доходности (IRR). NPV рассчитывается по формуле:

$$NPV = \sum_{t=1}^{n} \frac{CF_t}{(1+r)^t} - I_0$$

где CF_t – денежный поток в период t;

r – ставка дисконтирования;

I_0 – начальные инвестиции;

n – горизонт планирования.

В нефтегазовой отрасли эти методы применяются для оценки проектов добычи, транспортировки и переработки, где ключевыми параметрами выступают объемы добычи, цена сырья, операционные издержки и капитальные вложения. В условиях санкций параметры модели существенно меняются: повышается страновой и геополитический риск, из-за чего к базовой ставке дисконтирования добавляется премия, а ожидаемые денежные потоки корректируются на дисконт в связи с «серым рынком» и ограниченным доступом к высокотехнологичному оборудованию.

Санкции также влияют на значение IRR: при неизменных инвестициях и более низких или нестабильных поступлениях от реализации углеводородов IRR снижается, что делает часть проектов экономически нецелесообразными без дополнительных мер государственной или корпоративной поддержки. В этих условиях инвесторы всё чаще используют не одну, а несколько моделей (NPV, IRR, дисконтированная норма прибыли) и сценарный анализ, чтобы оценить резерв устойчивости проекта при изменении санкционного давления [2].

В условиях санкций возрастает неопределённость цен, объёмов поставок и доступа к финансовым и технологическим ресурсам. Поэтому традиционные детерминированные подходы дополняются вероятностными методами, в частности методом Монте-Карло, который позволяет получить распределение возможных значений NPV по множеству сценариев, варьируя цены на нефть и газ, объёмы добычи, операционные издержки и вероятность ужесточения санкций. В результате формируются сценарии P10, P50 и P90 NPV, которые дают более реалистичную картину рисков и возможностей проекта: при значительной вероятности санкционных шоков ожидаемая NPV может существенно отличаться от «условно оптимистичного» базового варианта [3].

Особую роль приобретают методы реальных опционов, которые позволяют оценивать ценность гибкости управления проектом (отложенный старт, расширение, сокращение или отказ от проекта). Для нефтегазовых компаний реальные опционы помогают формализовать стратегию «переориентации» или «заморозки» капиталоёмких проектов до улучшения внешних условий [4].

Помимо дисконтированных моделей, на практике широко используются сравнительные подходы и мультипликаторы, такие как EV/EBITDA, P/E, EV/Reserves и EV/CF, которые позволяют

оценить относительную привлекательность компаний нефтегазового сектора. В условиях санкций мультипликаторы российских эмитентов, как правило, оказываются ниже, чем у западных и международных аналогов, что отражает премию за геополитический и санкционный риск.

На основе проведенного анализа можно сформулировать несколько практических рекомендаций:

1. Корректировка ставки дисконтирования. Рекомендуется использовать WACC в диапазоне 18–22 % для подсанкционных компаний, с обязательным разложением премии на страновую, технологическую и геополитическую составляющие.

2. Введение санкционного дисконта в денежные потоки. При прогнозировании цен реализации следует закладывать дисконт к эталонным маркам (Brent, WTI) в размере $10–25 за баррель с учетом логистического плеча.

3. Сценарное моделирование как стандарт. Минимально допустимый формат — три сценария (оптимистичный, базовый, стрессовый) с присвоением вероятностей и расчетом NPV для каждого.

4. Использование реальных опционов. Для капиталоемких проектов с длительным горизонтом окупаемости целесообразно оценивать опцион на отсрочку, сокращение или отказ от проекта, что позволяет формализовать стратегическую гибкость.

Таким образом, следование данным рекомендациям позволяет снизить вероятность принятия ошибочных инвестиционных решений, так как методы оценки инвестиционной привлекательности должны сочетать традиционные инструменты (NPV, IRR, мультипликаторы) с вероятностным моделированием.

Список источников

1. Клементьева Ю. О. Анализ влияния санкций на инвестиционную деятельность нефтегазовых предприятий /

Ю. О. Клементьева // Бизнес-образование в экономике знаний. 2024. № 1 (27). С. 88.

2. Быстров А. В. ESG-трансформация нефтегазового комплекса России: инструменты стратегического управления и реконфигурация энергопроизводственных циклов / А. В. Быстров, Е. А. Талатин // экономика. 2025. Т. 6., № 3. С. 281-298.

3. Брехов А. О. Анализ подходов к оценке и управлению рисками инвестиционной деятельности в компаниях нефтегазовой отрасли // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (47). С. 291-296.

4. Воротникова Д. В. Сравнительный анализ метода реальных опционов и традиционных методов оценки эффективности инвестиционных проектов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 2-1. С. 24.

УДК 658.7:621:33.025.4

Оптимизация логистической цепочки поставок АО «Гортехмаш-заводы» в условиях международных санкций

Доржиева Ирина Юрьевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского Федерального университета, Красноярск, Россия, dorzhieva_irochka@mail.ru

Ключевые слова: логистическая система, тяжелое машиностроение, санкции, управление запасами, транспортная логистика, надежность поставок, оптимизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Юрьевне Моськиной, доценту, канд. экон. наук.

Логистика в современном понимании – это интегрированное управление материальными, информационными и финансовыми потоками для достижения максимальной эффективности при минимальных совокупных затратах. Ключевой объект – материальный поток, который в тяжелом машиностроении имеет специфику: штучный или мелкосерийный характер выпуска, нестандартные габариты и вес, длительный производственный цикл (месяцы и годы) [1].

Основные виды логистических потерь на таких предприятиях включают:

1) транспортные потери (недогруз, порожний пробег, неоптимальные маршруты);

© Доржиева И. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2) потери в запасах (избыточные запасы связывают капитал, дефицит ведет к простоям);

3) складские потери (неэффективная планировка, низкая автоматизация);

4) потери времени и администрирования (длительные согласования, информационные разрывы) [2].

Для тяжелого машиностроения критически важны принципы управления цепями поставок (SCM): стратегическая координация с поставщиками, совместное планирование и использование ERP/WMS/TMS-систем. В условиях санкций на первый план выходит адаптивность и формирование «логистических мостов» через дружественные страны.

АО "Гортехмаш-заводы" – одно из ведущих предприятий России в области производства горно-шахтного и обогатительного оборудования. Финансовый анализ за 2021-2025 гг. (по данным бухгалтерского баланса) показал рост выручки на 116 % в 2025 г. и улучшение рентабельности активов до 28,6 %, однако структура оборотных активов характеризуется высокой долей дебиторской задолженности (70 %) и запасов (20 %) [3].

Анализ бизнес-процессов логистики выявил следующие проблемные зоны:

– закупочная логистика: выявлена критическая зависимость от единственного поставщика – ООО «ТяжМашКомплект» с долей более 83 %. Коэффициент надежности поставок составил 87,5 %. Это означает, что каждая восьмая поставка сопровождается задержкой, а это, в свою очередь, неприемлемо высокий риск для предприятия с длительным производственным циклом;

– складская логистика и запасы: оборачиваемость запасов составила 11,5 раз в год (32 дня), что свидетельствует об эффективном управлении сырьем, однако 75 % складских расходов приходится на склад готовой продукции, что указывает на

возможные проблемы со сбытом или избыточным накоплением готовой продукции;

– транспортная логистика: сравнительный анализ показал, что на дальних маршрутах (более 5000 км) использование наемного транспорта экономически эффективнее собственного (затраты на 1 т-км составляют 5,58 руб. против 9,96 руб. на коротком маршруте). Следовательно, аутсорсинг междугородних перевозок оправдан.

В связи с санкциями, компания столкнулась со следующими проблемами:

– удлинение сроков поставки импортных комплектующих (с 14-30 до 60-120 дней) [4];

– рост логистических издержек на 40-80 %;

– увеличение страховых запасов по критическим позициям на 210 млн руб. (+18-20 % к общей стоимости запасов) [5];

– снижение надежности поставок по импорту до 65–70 %;

– усложнение логистического администрирования (необходимость использования схем мультимодальных перевозок с участием 3-4 посредников).

Для более эффективной логистической системы рекомендуются следующие перспективные направления:

1. Диверсификация поставщиков – снижение зависимости от одного источника, квалификация альтернативных поставщиков из Китая, Турции, Казахстана.

2. Ориентир на импортозамещение – локализация производства гидравлики, систем ЧПУ и электродвигателей через совместные предприятия.

3. Оптимизация транспортного парка – передача дальних перевозок на аутсорсинг, сохранение собственного транспорта для внутризаводских перемещений.

4. Цифровизация – внедрение интегрированных ERP/WMS/TMS-систем для сквозного планирования и мониторинга.

Проведенное исследование показало, что логистическая система АО «Гортехмаш-заводы» обладает значительными резервами повышения эффективности. Основными проблемами являются монозависимость в снабжении, несбалансированность складских запасов в пользу готовой продукции и неоптимальное использование транспортного парка. Санкционные ограничения усугубили эти риски, но также создали стимул для ускоренной трансформации.

Предложенные меры – диверсификация, импортозамещение, аутсорсинг перевозок и цифровизация – позволят снизить логистические потери, повысить надежность цепей поставок и укрепить финансовую устойчивость предприятия в условиях геополитической турбулентности.

Список источников

1. Сергеев В.И. Логистика снабжения. М.: Юрайт, 2025.

2. Лукиных В. Ф. Логистика / В. Ф. Лукиных, Н. А. Тод. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

3. Данные бухгалтерской отчетности АО «Гортехмаш-заводы» за 2021–2025 гг. (ГИР БО).

4. Экономика России под санкциями / Н. В. Акиндинова, Д. А. Авдеева, В. А. Бессонов [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023.

5. Шиков В. О. Страховые запасы: принятие решения // EC-Logistics.ru, 2021.

УДК 338.46

Разработка единой платформы санаторно-курортных и туристских услуг Республики Хакасия в условиях цифровой экономики

Дутова Екатерина Валерьевна
Институт экономики, государственно управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, temerova03@mail.ru

Ключевые слова: санаторно-оздоровительный туризм, цифровая платформа, путешествие, цифровая экосистема, лечение, санатории.

После пандемии COVID-19 значительно вырос интерес россиян к внутреннему туризму, в том числе к оздоровительному и медицинскому отдыху. Люди стали больше заботиться о здоровье, предпочитая совмещать лечение с отдыхом в экологически чистых регионах. Спрос россиян на курортно-оздоровительных отдых в 2025 году увеличился на 36 % по сравнению с предыдущим годом. А также по сравнению с 2024 годом турпоток туристов в Хакасии увеличился на 33 %.

Республика Хакасия, обладая природными, лечебными и историко-культурными ресурсами, может стать привлекательным местом для множества туристов как в Сибирском федеральном округе, так и для жителей всей страны. Каждый год в регионе увеличивается число туристов, что свидетельствует о его привлекательности как места отдыха, что можно проследить на рисунке 1.

© Дутова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В эпоху цифровизации люди часто прибегают к помощи интернет-платформ не только для удовлетворения своих потребностей, но и в целях экономии времени на сбор информации. Существует большое количество сервисов, которые помогают забронировать поездку, узнать о ее стоимости, а также о наличии свободных мест и месте пребывания. Например, такие популярные сервисы как Яндекс.Путешествия, Hotel.Tutu и Санатории-России.РФ помогают в поиске и бронировании жилья или санатория.

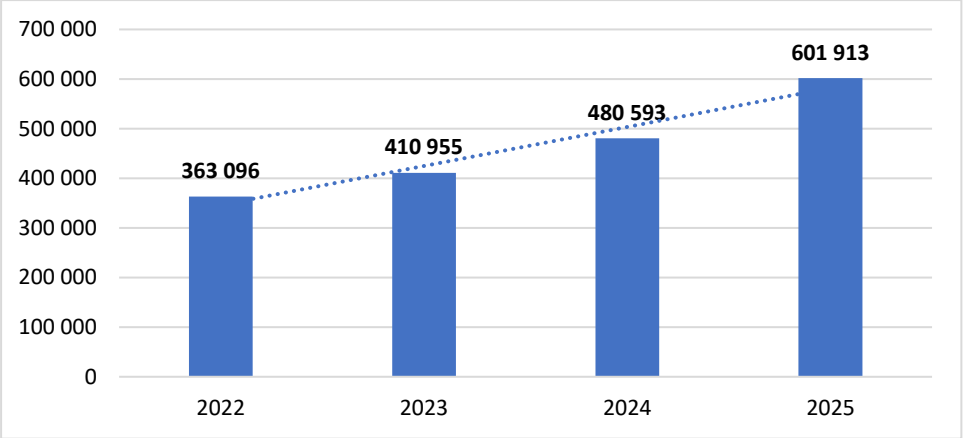


Рисунок 1. Динамика туристического потока в Хакасию, (по числу поездок) [2].

Но данные сайты не включают в себя полную информацию о специализированном лечении, квалификации медперсонала, доступности процедур, вариантах досуга в свободное от лечения время. В связи с этим для решения проблем потребителей, заинтересованных в санаторно-оздоровительном и культурно-познавательном отдыхе в Хакасии, предлагается создание цифровой платформы, которая объединяет санаторно-курортные, культурно-познавательные и туристические услуги Хакасии в единый сервис для облегчения планирования и организации лечебного отдыха, повышения доступности информации для потребителей и увеличения потока туристов в регион.

Продукт веб-сайт «Хакасия-Турмед», представляющий собой специализированный онлайн-сервис, будет включать:

– полный каталог санаториев, клиник и оздоровительных программ, а также каталог экскурсий и развлекательных программ;

– инструменты для планирования поездки: онлайн-запись, калькулятор стоимости, подбор программ здоровья;

– информацию о транспортной, жилищной и культурной инфраструктуре региона;

– функционал для бронирования услуг «под ключ»: лечение, проживание, трансфер, экскурсии.

Актуальность для туристических и медицинских организаций (партнёров) определяется тем, что большинство санаториев и клиник Хакасии до сих пор используют устаревшие методы привлечения клиентов: телефонные звонки, бумажные брони, отсутствие онлайн-аналитики. Это снижает их конкурентоспособность на фоне федеральных и международных платформ. Согласно отчёту Ассоциации медицинского туризма России, только 15 % региональных санаториев имеют работающие онлайн-системы бронирования. До 30 % потенциальных клиентов теряются из-за сложности процесса оформления заявки и при этом более 50 % туроператоров отмечают рост запросов на “оздоровительные пакеты” в 2024–2025 г.

Потенциальные заказчики и благополучатели продукта:

– государственные и региональные структуры (Министерство туризма Республики Хакасия, Министерство здравоохранения Хакасии);

– санаторно-курортные учреждения и клиники (Крупные санатории Хакасии, например, «Туманный», «Ширинский»);

– туристические компании и операторы;

– конечные потребители/туристы.

Рентабельность проекта обеспечивается несколькими факторами:

1) комиссионная модель монетизации с каждого успешного бронирования, которая сочетается с потенциальной подпиской для партнёров на расширенные услуги размещения и продвижения;

2) после этапа первоначальной разработки платформы переменные издержки на обслуживание и привлечение клиентов остаются относительно низкими, что повышает маржинальность;

3) в перспективе возможно получение дополнительных доходов от предоставления аналитических услуг для партнёров, проведения консультаций по продвижению, а также привлечения грантовой поддержки на развитие медицинской и туристической отрасли региона.

Таким образом, разработка единой платформы для Республики Хакасия станет не только технологическим решением, но и инструментом, который объединит все полезные для потребителей ресурсы в одно целое.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии развития туризма в Республике Хакасия на период до 2035 года: Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 11.02.2022 № 18-п // Правительство Республики Хакасия официальный сайт. 2022. URL: https://r-19.ru/documents/140/127017.html.

2. Об итогах деятельности Министерства экономического развития Республики Хакасия за 2025 год и задачах на 2026 год // Министерство Экономического развития Республики Хакасия.

3. Особенности и тенденции развития туризма в Сибирском Федеральном округе / Т. А. Лаврова, С. А. Уваров, В. С. Чекалин // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 209–214.

УДК 657.47.011.1

Метод TDABC в системе учета затрат и калькулирования себестоимости на предприятиях машиностроения

Жалсанова Светлана Нимаевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sveta.zhalsanova03gmail.com

Ключевые слова: машиностроение, методы учета затрат и калькулирования себестоимости, TDABC, ABC-костинг, традиционные методы учета затрат.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Анатольевне Самусенко, доценту, канд. экон. наук.

Организация производственного процесса в машиностроении обладает рядом характеристик, определяющих специфику учета затрат. Производство представляет собой последовательное прохождение изделия через ряд технологических стадий (переделов), включающих операции плавления металла, литья, обработки и сборки. Значительная часть операций осуществляется с применением автоматизированного оборудования и специализированных производственных линий. Отличительной чертой является выпуск относительно однородной продукции партиями, при этом номенклатура изделий может оставаться широкой.

Важным аспектом при выборе системы учета затрат и калькулирования себестоимости является распределение

© Жалсанова С. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

косвенных затрат. Так, в машиностроении под влиянием автоматизации, роботизации и внедрения цифровых технологий уже на протяжении долгого времени происходит изменение структуры затрат: снижается доля прямых трудовых затрат, тогда как удельный вес накладных расходов, связанных с обслуживанием оборудования, обновлением программного обеспечения, интеграцией систем возрастает.

При этом на практике многие российские предприятия продолжают использовать традиционные базы распределения накладных расходов — пропорционально объему выпуска, машино-часам и т.д. [1]. Такие базы носят укрупненный характер и слабо отражают фактическую связь между затратами и процессами, в которых они возникают. В результате формируется искаженная себестоимость продукции, которая в свою очередь лежит в основе важных финансовых показателей и напрямую влияет на принятие решений по ценообразованию, стратегии сбыта и ассортимента продукции.

В зарубежной практике попытки решить данную проблему привели к активному распространению в конце XX века метода учета затрат по видам деятельности (Activity-Based Costing, ABC).

Суть метода заключается в том, что косвенные расходы сначала соотносятся с видами деятельности, которые их формируют (например, закупка материалов, переналадка оборудования, проверка качества и т.д.), а затем распределяются на объекты калькулирования через драйверы затрат. Это позволяет уйти от единой базы и приблизить распределение затрат к реальной логике потребления ресурсов [2].

Однако по мере практического применения стали очевидны и ограничения ABC. Метод характеризуется высокой трудоемкостью и значительными финансовыми затратами на его разработку и поддержание. Модель усложняется по мере роста числа видов деятельности, а выбор драйверов является субъективным. Кроме

того, его использование не всегда оправдано, если структура выпускаемой продукции относительно однородна, и доля накладных расходов мала или увязана с объемами производства (продаж). В результате за последние годы темпы его распространения в зарубежной практике снизились [3].

Дальнейшим развитием идеи стал метод Time-Driven Activity-Based Costing (TDABC), предложенный Р. Капланом и С. Андерсоном. Он основан на распределении затрат исходя из стоимости единицы времени ресурсов и оценки времени, необходимого для выполнения операций [3]. Данный подход сохраняет логику ABC, но упрощает ее за счет использования временных параметров как основной базы распределения затрат, что позволяет уменьшить трудоемкость модели, снизить субъективность-при выборе драйверов, и повысить применимость в условиях сложных производств.

Обобщение результатов исследований позволяет выделить характеристики предприятий, при которых применение метода TDABC является наиболее обоснованным:

– значительная доля косвенных затрат и сложная структура ресурсов, затрудняющая использование традиционных баз распределения [4];

– разнообразие номенклатуры продукции и технологических маршрутов, обуславливающее неоднородность операций [5];

– наличие большого количества взаимосвязанных операций, различающихся по трудоемкости [5];

– повторяемость операций при одновременной вариативности их параметров, что позволяет применять временные уравнения;

– возможность количественной оценки времени выполнения операций и расчета практической мощности ресурсных центров;

– зависимость затрат от временных характеристик процессов, лежащих в основе формирования себестоимости [5];

– наличие достоверных операционных данных, обеспечивающих корректность расчетов.

Сопоставление критериев применимости TDABC с особенностями машиностроения позволяет сделать вывод об относительно высокой совместимости с предприятиями отрасли.

Вместе с тем следует учитывать, что на крупных машиностроительных предприятиях внедрение TDABC аналогично ABC может быть довольно трудоемким и неоправданным. В этой связи наибольшую практическую применимость метод приобретает на предприятиях среднего масштаба, либо в рамках отдельных производственных сегментов, где сохраняется необходимый уровень детализации процессов при приемлемых затратах на реализацию методики.

Список источников

1. Данилова Г. М. Преимущества применения системы ABC Costing в коммерческих организациях // Форум молодёжной науки. 2020. №5. С. 27-32.

2. Королев Ю. Ю. Особенности и преимущества использования метода Activity Based Costing (ABC) / Ю. Ю. Королев, Ю. А. Мышковец // Научные проблемы водного транспорта. 2018. №55. С. 93-99.

3. Time-Driven Activity-Based Costing in the Assembly Industry / O. Vedernikova, L. Siguenza-Guzman, J. Pesantez, R. Arcentales-Carrion // Australasian Accounting, Business and Finance Journal. 2020. Vol. 14, № 4. P. 3–23.

4. Kaplan R. S. Time-Driven Activity-Based Costing / R. S. Kaplan, S. R. Anderson // Harvard Business Review. 2004. November. С. 131–138.

5. Ganorkar A. B., Lakhe R. R. TDABC for a Manufacturing Environment: A Case Study // Tékhne. 2018. Vol. 16, № 1. P. 2–10.

6. Ghani N. F. A. Assessment the Unused Capacity Using Time-Driven Activity-Based Costing in Automotive Manufacturing Industry /

N. F. A. Ghani, S. N. A. M. Zaini, M. Y. Abu // Journal of Modern Manufacturing Systems and Technology. 2020. Vol. 4, № 1. P. 82-94.

УДК 336.77

Риск-менеджмент в лизинге легкового транспорта (на примере Т-Лизинг)

Зыков Никита Вадимович
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, devilbabybob@gmail.com

Ключевые слова: лизинг, управление рисками, риск-менеджмент, лизинговая компания, автолизинг, портфельные риски, скоринговые модели, стресс-тестирование, цифровизация, просроченная задолженность, ликвидность предметов лизинга, диверсификация, капитализация, фондирование, Т-Лизинг, ТБанк.

В условиях экономической неопределенности, жесткой денежно-кредитной политики и снижения ликвидности отдельных видов техники лизинговые компании вынуждены пересматривать подходы к развитию бизнеса. Лизинг трансформируется из инструмента финансирования в механизм системного управления рисками на всех этапах сделки, поскольку недочеты при выборе клиента или актива сказываются на доходности через 12–18 месяцев. Если раньше главным индикатором был прирост нового бизнеса, то в нестабильной экономике этот ориентир перестал быть универсальным [1].

© Зыков Н. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ООО «Т-Лизинг» начало деятельность в 2023 году, специализируется на финансовом лизинге преимущественно легкового автотранспорта, входит в банковскую группу «ТБанк», клиентская база – МСБ. Головной офис в Москве, 30 офисов в РФ [2]. Поддерживающая структура (АО «ТБанк») обеспечивает фондирование, объем ликвидных активов кратно покрывает потребности компании, что позволяет обходиться без внешнего финансирования [3].

Компания находится в фазе активного роста: остаточная стоимость чистых инвестиций в лизинг с начала 2025 года увеличилась вдвое, достигнув к 01.01.2026 около 22 млрд руб. (доля на рынке 0,4%, 20-е место в рейтинге «Эксперт РА»). На 01.10.2025 доля легковых автомобилей в портфеле – 78%, портфель диверсифицирован по поставщикам: на крупнейшего приходится менее 2%, на топ-5 – около 8%.

Показатели операционной эффективности приемлемые (CIR 33% за 2024–2025 гг.), капитализация крайне слабая: коэффициент автономии менее 1% на начало 2026 года. Отсутствие внешних ковенант благодаря принадлежности к группе позволяет поддерживать капитал на таком уровне. Кредитные риски рассредоточены: на 01.01.2026 доля десяти крупнейших контрагентов – 13%, максимального – 2,8%. Рентабельность активов (ROA) менее 1% (2024–2025) объясняется начальной стадией формирования портфеля и фондированием через материнский банк с поддержанием избыточных остатков на депозитах.

Инвестиции в лизинг составляют около 82% активов по РСБУ на начало 2026 года. Качество портфеля приемлемое: просрочка свыше 90 дней – менее 2%, доля изъятого имущества – 3% (среднерыночная в автолизинге 5–7%). Портфель диверсифицирован по отраслям: на грузоперевозки, строительство и торговлю приходится 42%. Страховая защита предметов лизинга

практически 100%, страховщики с рейтингом не ниже ruA+. Средний аванс за 2024–2025 гг. – 26% от объема нового бизнеса.

Фондирование на 96% обеспечено кредитами материнской структуры. Коэффициенты текущей и прогнозной ликвидности на 01.07.2025 превысили 800% за счет длинных траншей, депозитных остатков и бланкового лимита. Покрытие процентных расходов EBIT – 107% [4].

Управление рисками в «Т-Лизинг» унифицировано с процессами головного банка: применяются адаптированные скоринговые модели, работает профильное подразделение, отвечающее за полный цикл сделки. Ежемесячно анализируется концентрация, при необходимости вводятся лимиты по волатильным направлениям (в 2025 году – по отдельным автобрендам).

Для контроля ликвидности активов разработана собственная шкала, по каждому активу рассчитывается коэффициент покрытия. Доля изъятого имущества – 3% (ниже среднерыночной). Аккредитация поставщиков включает оценку финансового состояния и репутации; при высокой частоте сделок профиль обновляется регулярно. В договорах закреплено право регресса.

Риск-подразделение участвует в формировании продуктовых параметров: минимальный аванс (средний 26%, для волатильных отраслей повышен до 30%), предельный срок лизинга, категории клиентов.

Собственный капитал – менее 1% активов, что ниже типичных ориентиров, но наличие бланкового лимита по нормативу Н25 и возможность докапитализации со стороны группы компенсируют потребность в капитале. Ежеквартальное стресс-тестирование включает сценарий роста просрочки до 10% и падения цен на авто на 25%; в таких расчетах подтверждается возможность привлечения лимитов от материнской структуры.

Функционирует система раннего выявления проблем на основе банковских данных: сокращение оборотов по счетам более 30% два месяца подряд, просрочка перед банком, изменение кредитного рейтинга. При срабатывании сигнала инициируется ревизия сделки.

Ежемесячно проводится стресс-тестирование портфеля по трем сценариям (базовый, стрессовый: ключевая ставка 25%, ВВП – 3%, жесткий: падение цен на авто 30% и рост дефолтности в МСБ до 15%). Результаты влияют на резервы и лимиты. По итогам 2025 года резервы под ECL увеличены на 15% относительно базового уровня.

Управление рисками встроено в единую цифровую платформу. Заявка поступает онлайн, дополняется данными экосистемы «ТБанк», скоринг на основе ML присваивает риск-рейтинг. Для сделок с исторической дефолтностью менее 10% решение автоматическое. Проверка документов – до 4 часов, договор заключается удаленно с КЭП. При двукратном росте портфеля в 2025 году доля просрочки свыше 90 дней удержана на уровне около 2% (среднерыночная – 3,5–4%).

В перспективе развитие риск-менеджмента связано с углублением аналитики на основе больших данных, внедрением поведенческих скоринговых моделей, автоматизацией мониторинга залогов (данные ГИБДД, агрегаторы цен) и расширением стресс-сценариев.

Список источников

1. АКРА повысило кредитный рейтинг ООО «Балтийский лизинг» до уровня AA-(RU), прогноз «Стабильный» // АКРА. 2024. URL: https://acra-ratings.ru/press-releases/5386/ (дата обращения: 23.03.2026).

2. Газпромбанк Лизинг назвал ключевые риски роста розничных сегментов в лизинге в 2024 году // Газпромбанк Лизинг. 2024. URL: https://gpbl.ru/press/news/gazprombank-lizing-nazval-

klyuchevye-riski-rosta-roznichnykh-segmentov-v-lizinge-v-2024-godu/ (дата обращения: 23.03.2026).

3. Риск-менеджмент в лизинге: отраслевые особенности и карьерное развитие // Риск-менеджмент. Практика. 2024. № 134. URL: https://risk-practice.ru/magazine/134/risk-menedzhment-v-lizinge-otraslevye-osobennosti-i-karernoe-razvitie/ (дата обращения: 23.03.2026).

4. Эксперт РА: рейтинговое агентство. URL: https://www.raexpert.ru (дата обращения: 23.03.2026).

УДК 658.15

Применение комбинированной модели бюджетирования на примере предприятии алюминиевой отрасли

Иванова Ольга Михайловна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, o.iva2002@yandex.ru

Ключевые слова: бюджетирование, управленческий учет, алюминиевая отрасль, драйверы затрат, гибкий бюджет, сценарное планирование.

В условиях нестабильной внешней среды предприятия алюминиевой отрасли сталкиваются с высокой волатильностью цен на сырье, тарифов на электроэнергию и валютных курсов. Традиционные системы бюджетирования, ориентированные на планирование по статьям затрат и центрам финансовой ответственности (далее – ЦФО) [1; 5], так как метод

© Иванова О. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

бюджетирования, основанный на построении бюджетов ЦФО наиболее удобен для внедрения и использования именно в крупных предприятиях, не обеспечивают необходимой гибкости и не отражают причинно-следственную связь между производственными процессами и формированием затрат. Это обуславливает необходимость адаптации бюджетных моделей [2] и применения комбинированной модели бюджетирования, интегрирующей элементы процессно-ориентированного и гибкого подходов.

Реализация модели начинается с определения стратегических ориентиров предприятия, включающих целевой объем продаж и ценовую политику. Например, при планируемой реализации 10 000 тонн продукции по цене 300 тыс. руб. за тонну ожидаемая выручка составит 3 000 млн руб. На основе бюджета продаж формируется производственная программа с учетом изменения запасов готовой продукции:

Так, при остатках на начало периода 300 тонн и планируемых запасах на конец периода 500 тонн объем производства составит 10 200 тонн. Такой подход обеспечивает более рациональное использование производственных мощностей и устойчивость к колебаниям спроса.

Следующим этапом является декомпозиция деятельности предприятия на ключевые бизнес-процессы. Для рассматриваемого предприятия алюминиевой отрасли основными являются литейное, прессовое и кузнечное производства. Выделение данных процессов позволяет исследовать те из них, которые связаны с расходами, то есть установить причинно-следственную связь между выполняемыми операциями и возникающими затратами.

В рамках процессно-ориентированного подхода распределение накладных расходов осуществляется с использованием драйверов затрат [3]. Например, затраты участка ремонта электротехнического оборудования в размере 12 млн руб. в

действующей системе распределяются между цехами по фиксированным коэффициентам (40 %, 35 % и 25 %). Однако при использовании драйвера «часы ремонтов» распределение может измениться и более точно отразить фактическое потребление ресурсов, включая, например, инструментальный цех, что повышает достоверность калькулирования себестоимости продукции.

Планирование затрат на основные материалы и электроэнергию осуществляется на основе нормативного метода. При норме расхода алюминия 1,05 т на тонну продукции и цене 210 тыс. руб./т затраты на материалы при объеме производства 10 200 тонн составят 2 249 млн руб. Аналогично рассчитываются энергетические затраты, исходя из технологических нормативов потребления электроэнергии.

Важным элементом модели является применение гибкого бюджетирования. Гибкое бюджетирование обеспечивает адаптацию финансовых планов к изменениям объемов деятельности и внешней среды, что особенно важно для предприятий с высокой степенью неопределенности [4].

В действующей практике рассматриваемого предприятия при составлении ежемесячного текущего плана используются цены, заложенные в годовом бизнес-плане, что снижает точность финансовых прогнозов. В предложенной методике рекомендуется использовать фактические цены предыдущего месяца. Например, при объеме реализации 1 000 тонн увеличение цены с 280 до 300 тыс. руб./т приводит к росту плановой выручки на 20 млн руб., что подтверждает необходимость учета актуальной рыночной конъюнктуры.

В предлагаемой методике также реализуется сценарное планирование, предусматривающее разработку базового, оптимистичного и пессимистичного вариантов бюджета в зависимости от изменения ключевых внешних факторов. Это

позволяет оценить возможные финансовые результаты и заранее подготовить управленческие решения.

Еще одним направлением совершенствования является регулярный пересмотр нормативов расхода ресурсов. Снижение норматива расхода алюминия с 1,05 до 1,03 т/т при объеме производства 10 000 тонн обеспечивает экономию 200 тонн металла, что при цене 210 тыс. руб./т дает экономический эффект в размере 42 млн руб.

Таким образом, применение комбинированной модели бюджетирования, основанной на совместном применении традиционного, процессно-ориентированного и гибкого подходов, позволяет повысить точность планирования, обеспечить более достоверное распределение накладных расходов и адаптировать систему бюджетирования к изменениям внешней среды. Предложенная методика способствует снижению отклонений между плановыми и фактическими показателями и может быть рекомендована для внедрения на предприятиях алюминиевой отрасли.

Список источников

1. Горбунова Н. А. Современные подходы к бюджетированию на промышленных предприятиях // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22, № 6. С. 1125–1138.

2. Кузнецова Е. В. Развитие систем бюджетирования в условиях нестабильной экономики / Е. В. Кузнецова, В. А. Плотников // Финансы и кредит. 2022. Т. 28, № 3. С. 645–662.

3. Смирнов А. В. Процессно-ориентированное управление затратами на промышленном предприятии // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 45–53.

4. Ильина И. Н. Гибкое бюджетирование как инструмент повышения эффективности управления затратами / И. Н. Ильина,

О. С. Баранова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 10. С. 78–84.

5. Multiple facets of budgeting: An exploratory analysis / S. C. Hansen, W. A. Van der Stede // Management Accounting Research. 2004. Vol. 15. P. 415–439.

УДК 614.2:338.48

Структурная трансформация медицинской организации через формирование экосистемы медицинского туризма

Кондрашин Владимир Алексеевич
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kondrashinvova@mail.ru

Ключевые слова: медицинский туризм, медицинские организации, устойчивое функционирование, экосистема, структурная трансформация, социальное оздоровление, досуг.

Медицинские организации в России функционируют в условиях нарастающей конкуренции, демографических вызовов и ограниченности бюджетного финансирования. Обеспечение устойчивого функционирования в таких условиях требует не только оптимизации основных процессов, но и поиска инновационных механизмов диверсификации деятельности. Национальные проекты «Продолжительная и активная жизнь» и «Туризм и гостеприимство» (2025–2030) задают институциональную рамку для одного из таких механизмов — экосистемы медицинского туризма [3].

© Кондрашин В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В настоящей работе медицинский туризм рассматривается не как нишевый продукт, а как потенциальный организационный механизм расширения продуктового портфеля и формирования долгосрочной лояльности пациентов. При этом, ключевым инструментом его реализации выступает концепция социального оздоровления, т.е. интеграция медицинских услуг, организованного досуга и социального взаимодействия пациентов [1]. Под социальным оздоровлением следует понимать как системный процесс восстановления и укрепления здоровья человека, основанный на синергии медицинских услуг, организованного досуга и социального взаимодействия [5].

Концепция социального оздоровления представляет собой инструмент структурной трансформации медицинской организации: выделение медицинского и немедицинского сервисных блоков, их интеграцию в единую экосистему и последовательное освоение, от пилотного партнёрства с туроператором до полной автономной модели.

Досуговые и социальные практики повышают приверженность лечению, что формирует цепочку: рост приверженности; снижение досрочных выписок; воспроизводимый поток повторных обращений [2]. Наряду с этим, концепция социального оздоровления задаёт логику структурной трансформации медицинской организации через выделение и интеграцию трёх взаимосвязанных компонентов (табл. 1).

Таблица 1. Компоненты концепции социального оздоровления и их роль в обеспечении устойчивости медицинской организации (составлено автором на основе [3])

Компонент	**Содержание**	**Терапевтический эффект**	**Роль в устойчивости организации**
Медицинский	Лечебные и профилактические услуги МО	Устранение патологии, профилактика рецидивов	Ядро продуктового портфеля; стабильный спрос, воспроизводимый поток пациентов

Окончание таблицы 1.

Компонент	**Содержание**	**Терапевтический эффект**	**Роль в устойчивости организации**
Досуговый	Экскурсии, культурные мероприятия	Снижение уровня стресса, улучшение психоэмоциональн ого состояния	Диверсификация выручки за счёт немедицинских услуг; снижение зависимости от одного источника дохода
Социальный	Группы взаимной поддержки пациентов со схожими диагнозами	Снижение тревожности, повышение приверженности лечению	Долгосрочная лояльность; репутационный капитал

При этом устойчивость медицинской организации в рамках предлагаемой модели целесообразно рассматривать как многомерную характеристику, включающую: финансовую устойчивость (диверсификация доходов, снижение зависимости от одного источника); операционную устойчивость (стабильность загрузки мощностей, воспроизводимость потока пациентов); социальную устойчивость (лояльность пациентов, приверженность лечению, репутационный капитал). Реализация концепции предполагает выбор организационного механизма, соответствующего ресурсному потенциалу и стратегическим целям медицинской организации. В рамках исследования выделены три модели экосистемы медицинского туризма (табл. 2).

Таблица 2. Модели экосистемы медицинского туризма и их профиль устойчивости (составлено автором на основе [4])

Модель	**Характеристика**	**Механизм устойчивости**	**Условие применения**
Автономная	Медорганизация самостоятельно предоставляет все туристические услуги	Полный контроль над всеми услугами; синергия между медицинским и досуговым блоками	Многопрофильные организации с развитой инфраструктурой (проживание, транспорт)

Окончание таблицы 2.

Модель	**Характеристика**	**Механизм устойчивости**	**Условие применения**
Партнёрская	Медицинские услуги в клинике, а туристические у туроператора	Снижение операционных рисков; гибкость при изменении спроса;	Клиники без собственной туристической инфраструктуры.
Гибридная	Часть услуг собственные, а другая часть это партнёрские, в зависимости от сегмента	Диверсификация рисков; масштабирование при росте спроса без полного инсорсинга	Организации в стадии роста; широкий спектр целевых групп с разными потребностями

Переход между моделями может рассматриваться как траектория постепенного масштабирования. Вместе с тем внедрение экосистемы медицинского туризма сопряжено с рядом ограничений и рисков, среди которых: зависимость от внешнего туристического потока и сезонности спроса; институциональные барьеры (регулирование, страховые механизмы); необходимость дополнительных инвестиций в инфраструктуру и подготовку кадров.

Таким образом, экосистема медицинского туризма, основанная на концепции социального оздоровления, может рассматриваться как перспективный, но требующий эмпирической апробации, механизм устойчивого развития медицинских организаций, от диагностики готовности до выбора и масштабирования модели, — обеспечивающий финансовую и социальную устойчивость.

Список источников

1. Smith M., Puczkó L. Health, Tourism and Hospitality: Spas, Wellness and Medical Travel // Routledge. 2014. P. 544. ISBN:041563864X;

2. Рекреационный потенциал медицинского туризма России / Е. И. Аксенова, Г. Д. Петрова, Е. В. Чернышев, Н. Н. Юдина // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 2. С. 1180–1185;

3. Паспорт национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» 2025–2030. // Правительство Российской Федерации. 2024.

4. Бизнес-экосистемы региона: возможности развития в цифровом пространстве / В. В. Куимов, К. В. Симонов, М. В. Кобалинский [и др.] // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 2. С. 359-378.

5. Удалова Л. В. Социальное здоровье: подходы к его определению // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2023. № 1 (32). С. 42–45.

УДК 334.012.64:338.22

Проблемы устойчивого развития малого и среднего предпринимательства в России в условиях налоговых и регуляторных вызовов

Кукушкина Мария Михайловна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, m.k_k17@mail.ru

Ключевые слова: устойчивое развитие малого и среднего предпринимательства (МСП), налоговые и регуляторные вызовы развитию МСП, патентная система, страховые взносы, налоговая реформа.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Георгиевне Бутовой, профессору, доктору экономических наук.

Проведенные кабинетные исследования развития МСП в России показали, что с начала 2026 года явно отмечается противоречивость в развитии. С одной стороны, сектор МСП демонстрирует устойчивый рост. Согласно официальной статистике ФНС России (Единый реестр субъектов МСП, учитывающий микро-, малые и средние предприятия), в период с 2021 по апрель 2026 года число зарегистрированных субъектов МСП выросло с 5,8 до 6,9 млн единиц [4]. С другой стороны, данный рост не сопровождается адекватным увеличением занятости. Как показано на рисунке 1, численность занятых в секторе (наемные работники) фактически стагнирует.

© Кукушкина М. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

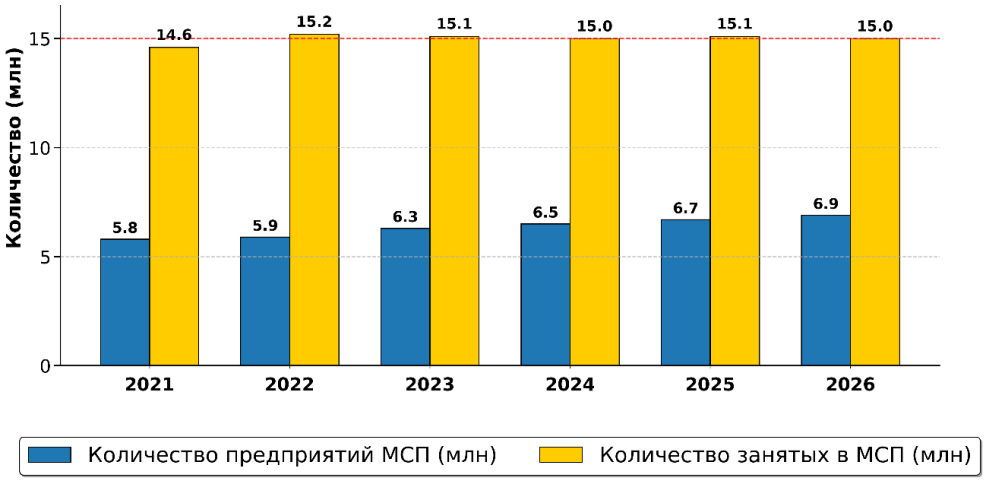


Рисунок 1. Динамика количества субъектов и численности, занятых в секторе МСП экономики России, 2021–2026 гг. (составлено автором по: Единый реестр субъектов МСП ФНС России).

За пять лет число работников выросло лишь на 0,4 млн, а предприятий — на 1,1 млн. Формируется устойчивый дисбаланс: рост числа субъектов МСП не сопровождается сопоставимым увеличением занятости, что рассматривается как социально-экономический результат развития МСП. Проблема развития МСП актуализировала необходимость выявления факторов, влияющих на развитие предпринимательского бизнеса. Это обусловило определения цели авторского исследования — выявления ключевых общеэкономических факторов, как налоговые и регуляторные изменения 2025–2026 годов, повлиявших на формирование дисбаланса в развитии МСП.

Анализ регуляторных документов показал, что с 2026 года изменилась фискальная политика РФ в отношении МСП. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» повысил базовую ставку НДС с 20 % до 22 % и поэтапно снизил порог дохода для освобождения от НДС на УСН: с 60 млн руб. (2025 г.) до 20 млн (2026 г.), 15 млн (2027 г.) и 10 млн (2028 г.) рублей [5]. Кроме того, с 2026 года отменены пониженные тарифы страховых взносов (15 %) для большинства субъектов МСП — льгота

сохранена только для приоритетных отраслей [1; 5]. Как отмечают исследователи, налоговая нагрузка на малый бизнес в России остается нестабильной и труднопрогнозируемой, а действующая система специальных налоговых режимов характеризуется чрезмерной фрагментарностью [1]. Данные факторы создали серьезные вызовы устойчивому развитию предприятий малого и среднего бизнеса. В ответ на рост налоговой нагрузки предприниматели вынуждены оптимизировать штат либо переходить в формат микробизнеса или работать без наёмных работников.

Качественное ухудшение условий ведения бизнеса подтверждается опросами. По данным «Опоры России» (март 2026 года, охват — 3,5 тыс. респондентов из 86 регионов), 94,7 % предпринимателей отметили ухудшение ситуации по сравнению с 2025 годом, при этом 76,5 % говорят о значительном ухудшении. 68,7 % опрошенных зафиксировали падение выручки, а 5,5 % респондентов уже заявили о фактическом прекращении деятельности [2]. Согласно совместному мониторингу ПСБ, «Опоры России» и НАФИ (Национальное агентство финансовых исследований), индекс деловой активности малого и среднего бизнеса (RSBI) стал снижаться с 2025 года. В сентябре 2025 года RSBI впервые с 2022 года опустился ниже 50 пунктов, составив 49,6 пункта, что свидетельствует о переходе деловой активности МСП в зону спада [3].

Результаты исследования показали, что налоговые и регуляторные изменения 2025–2026 гг. трансформировались из фоновых рисков в ключевой фактор дестабилизации МСП, став серьезным вызовом устойчивому развитию предпринимательского бизнеса. Ужесточение порогов упрощённой системы налогообложения (УСН) и патентной системы налогообложения (ПСН), отмена льготных тарифов страховых взносов привели к дисбалансу между ростом числа предприятий МСП и занятости. Без

адресных мер поддержки сектор МСП продолжит стагнировать, что снизит устойчивость всей экономики.

Список источников

1. Гришин С. Н. Оценка влияния налоговой нагрузки на развитие малого предпринимательства в России / С. Н. Гришин, Т. А. Морозова // Финансовый журнал. 2024. Т. 16, № 3. С. 45–61.

2. Три четверти предпринимателей заявили об усложнении ведения бизнеса / Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ». 2026. 24 марта. URL: https://opora.ru/news/media-about-us/tri-chetverti-predprinimateley-zayavili-ob-uslozhnenii-vedeniya-biznesa/ (дата обращения: 12.04.2026).

3. Индекс RSBI в сентябре: приостановка роста деловой активности МСП / ПСБ, Общероссийская общественная организация «ОПОРА РОССИИ», Аналитический центр НАФИ. 2025. 19 сентября. URL: https://nafi.ru/polls/indeks-rsbi-v-sentyabre-priostanovka-rosta-delovoy-aktivnosti-msp/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: статистика / Федеральная налоговая служба. 2026. URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics.html (дата обращения: 12.04.2026).

5. О порядке перехода со ставки НДС 20% на ставку 22%: Письмо Федеральной налоговой службы № СД-4-3/11802@ от 29 декабря 2025 г. URL: https://base.garant.ru/413394820/ (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 658.14:339.372

Моделирование денежных потоков и анализ чувствительности как способ оценки устойчивости FMCG-ритейлера на примере ПАО "Магнит" *

Матафонов Никита Николаевич
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, matafonov04@mail.ru

Ключевые слова: финансовая модель, DCF-оценка, FMCG-ритейл, денежный поток, анализ чувствительности.

Обеспечение устойчивого функционирования крупных розничных сетей в условиях макроэкономической нестабильности и насыщения рынка требует применения современных инструментов финансового прогнозирования. ПАО «Магнит» - второй по величине продуктовый ритейлер России (доля рынка 13,2 %, выручка 3 017 млрд руб. в 2024 г., 31 483 торговых точки) [1]. Сеть сталкивается с вызовами, связанными с ростом конкуренции, регуляторными рисками и исчерпанием экстенсивного роста, что повышает риск утраты долгосрочной устойчивости. Способность компании сохранять операционную и финансовую эффективность, генерировать положительный свободный денежный поток и адаптироваться к внешним шокам на широком временном

© Матафонов Н.Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

* Примечание: по тексту работы использованы следующие сокращения: LFL (like-for-like) – продажи сопоставимых магазинов; EBIT – прибыль до уплаты процентов и налогов; FCFF – свободный денежный поток на инвестированный капитал; CAPEX – капитальные затраты.

горизонте отражает устойчивость бизнеса. Традиционные методы оценки устойчивости (коэффициенты ликвидности, финансовой независимости, оборачиваемости) дают срез текущего состояния, но не позволяют предвидеть будущие риски, в связи с этим была разработана комплексная финансовая модель, позволяющая прогнозировать ключевые показатели деятельности, количественно оценивать будущую устойчивость компании, идентифицировать ключевые риски и проводить стресс-тестирование сценариев развития.

Модель реализована на основе публичной отчётности ПАО «Магнит» по МСФО за 2017-2024 гг. [2], операционного датабука компании и макроэкономических прогнозов с прогнозным периодом до 2034 года.

Модель включает следующие взаимосвязанные блоки:

– прогноз выручки с детализацией по 5 форматам и 8 федеральным округам. В качестве ключевых драйверов выступают количество магазинов, LFL-рост трафика по 3 сценариям, средний чек; для верификации используется альтернативный расчёт через торговую площадь;

– прогноз операционных расходов, разделенный на переменные и постоянные расходы, которые привязаны к числу магазинов или площади и индексируются на инфляцию;

– капитальные затраты (CAPEX) на поддержание (процент от амортизации) и развитие (затраты на открытие новых магазинов);

– оборотный капитал на основе исторических коэффициентов оборачиваемости;

– долг и денежные средства через движение долговых обязательств;

– оценка свободного денежного потока и терминальной стоимости [3].

Для учёта неопределённости используются три сценария (оптимистичный, базовый, стресс), различающиеся темпами LFL-роста.

В таблице 1 приведены ключевые показатели в рамках оценки чувствительности.

Таблица 1. Анализ чувствительности ключевых параметров

Изменение параметра	**Влияние на выручку 2034 г.**	**Влияние на EBIT margin 2034 г.**
+ 10% к ежегодному открытию новых магазинов	+0,35%	+0,01 п.п.
- 10% к ежегодному открытию новых магазинов	-0,35%	-0,02 п.п.
- 1 п.п. к LFL-росту трафика	-0,47%	-0,45 п.п.
+ 1 п.п. к LFL-росту трафика	+0,47%	+0,45 п.п.

Выручка растёт среднегодовым темпом 5,5-10,5 % за счёт открытия новых магазинов и инфляции, однако после 2030 года модель фиксирует падение эффективности. При сохранении экстенсивного роста EBIT и FCFF перестают расти, а терминальная стоимость снижается из-за того, что рост себестоимости и операционных расходов опережает рост LFL-трафика и среднего чека. Основной негативный эффект проявляется не в изменении выручки, а в снижении операционной маржи (EBIT margin) - падение LFL-роста на 1 п.п. снижает маржу на 0,45 п.п., что при базовой марже 5,5 % означает относительное снижение прибыльности почти на 10 %.

Комбинированный сценарий (одновременное увеличение открытий на 10 % и снижение LFL-роста на 1 п.п.) приводит к падению выручки 2035 года на 0,13 % относительно базового уровня, а EBIT margin снижается на 0,44 п.п., что практически нивелирует ожидаемый рост операционной эффективности. Это моделирует ситуацию насыщения рынка, когда экстенсивная

экспансия перестаёт окупаться из-за падения трафика в существующих точках.

Модель выявила ключевые риски устойчивости. После 2030 года дальнейшее открытие новых магазинов ведёт к падению операционной эффективности (EBIT и FCFF) и снижению терминальной стоимости. Для сохранения устойчивости компании рекомендуется ориентироваться не на количественный, а на качественный рост за счёт повышения LFL-продаж, цифровизации, развития собственных торговых марок и онлайн-каналов; оптимизировать CAPEX, направив средства на реконструкцию существующих точек, а не на открытие новых в насыщенных регионах.

Разработанная финансовая модель позволяет прогнозировать денежные потоки и выявлять периоды потенциальной нестабильности; проводить стресс-тестирование под воздействием внешних факторов, а также служить основой для принятия управленческих решений.

Список источников

1. Ежегодная конференция Нильсен. Тренды, точки роста и покупатель. М. : Нильсен, 2026. 96 с.

2. Годовая консолидированная финансовая отчетность ПАО «Магнит» по МСФО за 2024 год. URL: https://www.magnit.com/ru/shareholders-and-investors/results-and-reports/ (дата обращения: 12.04.2026).

3. Дамодаран А. Инвестиционная оценка : инструменты и методы оценки любых активов / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2018. 1324 с.

4. Банк России. URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 378.146:33

Компетенции выпускника-экономиста: оценка работодателей

Мельникова Дарья Владимировна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, melnikova.darya.06@gmail.com

Ключевые слова: компетенции экономиста, профессиональный стандарт, Hard skills, Soft skills, рынок труда, Красноярский край.

Ежегодно перед выпускниками вузов встаёт вопрос о том, какие компетенции реально востребованы на рынке труда, особенно с учётом региональной специфики. Красноярский край характеризуется развитой промышленностью, присутствием крупных государственных корпораций и значительной долей бюджетных учреждений, что формирует особый запрос к компетенциям молодых экономистов. Цель исследования — выявить требования работодателей Красноярского края к молодым экономистам и сопоставить их с положениями профессиональных стандартов [1; 2].

Эмпирическое исследование проводилось методом анкетирования с использованием онлайн-платформы Google Forms. В опросе приняли участие 78 руководителей и ведущих специалистов как государственных, так и коммерческих организаций Красноярского края, что повышает достоверность полученных оценок [5]. По должностному статусу 21 % опрошенных являются владельцами бизнеса или руководителями высшего звена,

© Мельникова Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

17 % – рядовыми экономистами, 14 % – ведущими и главными специалистами.

Переходя к оценке профессиональных навыков (Hard skills), отметим, что наиболее высокие средние баллы получили традиционные компетенции: знание нормативно-правовой базы и продвинутый Excel (по 4,04 из 5). Чуть ниже расположились финансовый анализ и бюджетирование (3,74), экономическое планирование (3,66) и владение 1С/ERP-системами (3,58).

Таблица 1. Рейтинг профессиональных качеств (фрагмент)

Место	**Навык**	**Средний балл**
1–2	Знание нормативно-правовой базы	4,04
1–2	Продвинутый Excel	4,04
3	Финансовый анализ и бюджетирование	3,74
4	Экономическое планирование и прогнозирование	3,66
5	1С / ERP-системы	3,58

Напротив, наименее востребованными оказались профессиональный английский язык, знание статистических пакетов (2,43) и навыки работы с госзакупками (2,58). Работа с нейросетями и искусственным интеллектом получила лишь 2,82 балла, что свидетельствует о консервативности взглядов работодателей региона, которые ориентированы на проверенные временем компетенции и не спешат включать в требования к молодым специалистам новые технологические навыки [6; 7].

Не менее важным оказался анализ личностных качеств (Soft skills). Абсолютными лидерами здесь стали ответственность (76 %) и обучаемость (71 %). Высоко также ценятся умение работать в команде (73 %), коммуникабельность (71 %) и умение слушать и слышать (69 %). Аналитический склад ума отметили 51 % респондентов. При этом главными недостатками молодых специалистов, способными перечеркнуть даже хорошую профессиональную подготовку, респонденты назвали пассивность

(53 %), нежелание учиться новому (45 %), конфликтность (40 %) и необязательность (37 %). Иными словами, работодатели ждут от выпускника активной жизненной позиции, готовности развиваться и умения выстраивать отношения в коллективе [6; 7].

Также привлекает внимание блок вопросов, связанный с принятием кадровых решений. В вопросах, связанных с выбором кандидатов на стажерскую позицию, 55 % опрашиваемых отдали предпочтение соискателю с сильными коммуникативными навыками и высокой обучаемостью, но с базовыми профессиональными знаниями. При приёме выпускника без опыта работы 74 % опрошенных работодателей назвали главным фактором личные качества и мотивацию. Всего 5 % отметили средний балл диплома, а престиж вуза оказался важен только для 1 %. На штатную должность 67 % респондентов выбрали бы недавнего выпускника с хорошими Soft skills, а не специалиста с трёхлетним опытом, но заурядными личными качествами. Результаты данного блока опроса показывают, что личные качества и профессиональный потенциал работника ценятся работодателями выше, чем диплом, опыт или название вуза [6; 7].

Говоря о перспективах, респонденты отметили, что через 3–5 лет наиболее важными для экономиста станут навыки работы с нейросетями и искусственным интеллектом (62 %), а также управления удалёнными командами и проектами (51 %). Это указывает на то, что, несмотря на текущий консерватизм, работодатели осознают грядущие изменения и постепенно формируют запрос на новые компетенции.

Проведённое исследование позволяет сформулировать практические рекомендации для студентов экономических направлений. В профессиональной сфере в первую очередь следует развивать знание нормативно-правовой базы, продвинутый Excel, финансовый анализ и бюджетирование. Среди личностных качеств приоритетными являются ответственность, обучаемость и

коммуникабельность. При этом важно понимать, что работодатели Красноярского края ценят активную позицию и внутреннюю мотивацию значительно выше, чем формальные признаки успешности — «красный» диплом или наличие опыта. В перспективе ближайших лет стоит также начинать осваивать инструменты работы с нейросетями и методы управления удалёнными командами [3; 4; 6; 7].

Список источников

1. Приказ Минтруда России от 30.03.2021 № 161н «Об утверждении профессионального стандарта "Экономист предприятия"» // КонсультантПлюс.

2. Приказ Минтруда России от 25.09.2018 № 592н «Об утверждении профессионального стандарта "Бизнес-аналитик"» // КонсультантПлюс.

3. Козырева О. А. Профессиональная компетентность будущих [экономистов: сущность и содержание // Наука и образование. 2025. № 3. С. 45–52.

4. Шаповалова И. В. Модель развития профессиональных компетенций будущих специалистов экономического профиля // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. 2024. № 2. С. 28–35.

5. Кривов А. А. Роль статистики в подготовке экономистов // Сборник научных трудов СНГ по статистике. 2023. С. 45–50.

6. Сидоренко Е. Н. Формирование профессиональных компетенций менеджеров и экономистов в кризисной экономике // Экономика и управление. 2025. № 1. С. 12–19.

7. Быданова Е. Анализ компетенций выпускников российских вузов // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 74–81.

8. Меликян А. В. Статистический анализ динамики показателей деятельности вузов // Вестник статистики. 2021. Т. 28. № 2. С. 33–40.

9. Максимова В. Ф. Экономическая теория: учебник. М.: Юрайт, 2019. 580 с.

УДК 331.1

Метрики вовлечённости персонала и их влияние на стабильность работы компании (на примере sputnik8)

Миронова Софья Игоревна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mironovas491@gmail.com

Ключевые слова: удаленная работа, трудовые ресурсы, вовлеченность персонала гибридный формат занятости, Sputnik8.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Юрьевне Моськиной, доценту, канд. экон. наук.

Вовлечённость персонала - ключевой фактор эффективности и устойчивости бизнеса. Компании с высоким уровнем вовлечённости демонстрируют более высокую производительность и лояльность клиентов [3].

Sputnik8 — крупнейший сервис бронирования экскурсий на русском языке. В 2025 году услугами компании воспользовались около 2 млн человек, штат превысил 200 сотрудников [5].

Цель исследования — проанализировать метрики вовлечённости в Sputnik8, выявить их влияние на стабильность и предложить направления для улучшения.

© Миронова С. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Согласно опросу, индекс лояльности сотрудников (eNPS) у Sputnik8 составляет 63 % [2; 9], что значительно выше среднего по IT-отрасли (30–40 %).

Анализ отзывов на платформах Job True и Dream Job [1; 4; 8] показывает, что 100 % сотрудников, оставивших отзывы, рекомендуют компанию. Отмечаются «атмосфера заботы», «отсутствие микроменеджмента», «доверие и свобода» [1; 4]. Проблемные зоны (систематические упоминания в отзывах): «Можно было бы платить побольше. Рост на лидовских позициях недостаточно прозрачен» [1; 4]; «Хотелось бы иметь рост в компании с возможностью увеличения зп» [8].

Также сотрудники указывают на хаотичность процессов из-за быстрого роста компании и рассогласованность между командами [1; 8]: «Так как компания быстро растет, не все процессы успевают за ростом — есть небольшая хаотичность в некоторых процессах, не все еще описано в документации» [1; 8];

На основе анализа вакансий и отзывов была составлена таблица зарплат по ключевым позициям в Sputnik8 [4; 7].

Низкий уровень оплаты на начальных позициях при высоких требованиях создаёт риск ухода молодых специалистов. Несоответствие оплаты рыночному уровню — один из ключевых факторов текучести [3].

Численность сотрудников ежегодно растёт в среднем в 1,51 раза (или +51% в год), причём наибольший скачок по коэффициенту был в 2023 году (1,575), а по абсолютному приросту — в 2025 году (+47 чел.).

Был проведён корреляционный анализ между eNPS и факторами по основным отделам компании. Факторы:

1. eNPS (рекомендация), %
2. Текучесть кадров (годовая), %
3. Удовлетворённость оплатой труда (ср. балл 1-5)
4. Удовлетворённость карьерным ростом (ср. балл 1-5)

5. Производительность (усл. ед./мес)

6. Количество конфликтов / инцидентов в квартал

Полученные результаты представлены в виде корреляционной матрицы на рисунке 1.

	Y	*X1*	*X2*	*X3*	*X4*	*X5*
Y	1					
X1	-0,96068	1				
X2	0,97383	-0,97243	1			
X3	0,97721	-0,98229	0,99849	1		
X4	0,996836	-0,97543	0,984255	0,988903	1	
X5	-0,97158	0,993819	-0,99009	-0,99396	-0,98293	1

Рисунок 1. Корреляционная матрица.

Целевой показатель Y коррелирует с X4 практически идеально прямо (0,996), с X3 очень сильно прямо (0,977), с X2 очень сильно прямо (0,974), а с X1 и X5 — очень сильно обратно (-0,961 и -0,972 соответственно). При этом факторы между собой тоже чрезвычайно сильно связаны: X3 коррелирует с X2 почти полностью прямо (0,998), с X1 и X5 — почти полностью обратно (-0,982 и -0,994), X1 и X5 связаны прямой связью (0,994), а X2 с X5 — обратной (-0,990).

На основе выявленных проблем предлагаются следующие меры:

1. Пересмотреть оплату труда на начальных позициях.

2. Внедрить прозрачную матрицу компетенций и карьерных уровней для понимания шагов повышения зарплаты и должности.

3. Создать команду для оптимизации кросс-функциональных процессов, снижающую «рассинхрон».

4. Проводить опросы eNPS минимум раз в полгода с обратной связью командам и публичным планом действий.

5. Внедрить для новичков систему бадди (наставничества) и чек-листы для ускорения адаптации и повышения retention на испытательном сроке.

Список источников

1. Sputnik8 отзывы сотрудников о работе за 2024-2025 год // Job True.URL: https://jobtrue.ru/company/sputnik8/ (дата обращения: 16.04.2025).

2. Вакансия «HR Director в Travel tech» // Хабр Карьера. URL: https://career.habr.com/vacancies/1000117176 (дата обращения: 16.04.2025).

3. Васильева С. И. Актуальные проблемы управления человеческими ресурсами и организация труда в аутсорсинговых компаниях / С. И. Васильева, М. А. Гурина, Щетинина И. С. // 1economic.ru. 2025. URL: https://1economic.ru/lib/123071 (дата обращения: 15.04.2025).

4. Работа в Sputnik8: отзывы сотрудников // Dream Job. URL: https://dreamjob.ru/employers/109972 (дата обращения: 16.04.2025).

5. Вакансия HR BP Lead в компании Sputnik8 // Dream Job. URL: https://DreamJob.ru/employers/109972/vakansii/125447807 (дата обращения: 16.04.2025).

6. Вакансия Junior Product Analyst в Sputnik8 // Dream Job. URL: https://DreamJob.ru/employers/109972/vakansii/110861130 (дата обращения: 16.04.2025).

7. Вакансия Системный аналитик в Sputnik8 // hirehi.ru. URL: https://hirehi.ru/analytics/sistemnyi-analitik-10563 (дата обращения: 16.04.2025).

8. Sputnik8 отзывы сотрудников о работе — рейтинг 4.7 // Job True. URL: https://jobtrue.ru/company/sputnik8/?review_id=74256 (дата обращения: 16.04.2025).

9. Вакансия HR Director в сервис бронирования экскурсий Sputnik8 // Facancy. URL: https://facancy.ru/vacancies/hr-director-v-servis-bronirovaniia-ekskursii-sputnik8-1 (дата обращения: 16.04.2025).

10. Стажер-Backend разработчик в Sputnik8 // u-job.ru. URL: https://u-job.ru/vac/aGhfMTE4MjEwNjA3 (дата обращения: 16.04.2025).

УДК 338.658.3

Развитие технологии подбора персонала в проектной деятельности вуза

Митковская Диана Витальевна
Центр сопровождения научных и образовательных проектов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dmitkovskaya@sfu-kras.ru

Ключевые слова: проектная команда, методы формирования проектных команд, процессный подход, компетентностный подход, подбор персонала, вуз.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Воронцовой Ирине Петровне, кандидату экономических наук, доценту.

Университеты Российской Федерации с каждым годом всё глубже погружаются в процессы глобализации, трансформируясь в центры научно-технологического и социально-экономического развития регионов. Для достижения стратегических целей формируются программы развития, направленные на повышение научно-образовательного потенциала. Реализация таких программ в первую очередь ставит задачу формирования команд, способных решать поставленные стратегические задачи. Проектное

© Митковская Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

управление является наиболее подходящим подходом для этого, однако оно требует от участников наличия определённого набора компетенций и выстроенной системы управления проектами, включая собственную организационно-ролевую структуру.

Однако, как показывает анализ практики, существующие методы формирования проектных команд за счёт внутренних источников вуза не позволяют создавать команды, способные наиболее эффективно реализовывать проекты в рамках программ развития университета. Обратимся к результатам исследований.

В своей статье С. Н. Апенько и А. Г. Бреусова [1] выделяют следующие ключевые недостатки сложившихся подходов к формированию проектных команд в университетах: «в командах не выделяются функциональные проектные роли; состав определяется исходя из должностного статуса, а не компетенций под конкретные задачи; решение о включении в команду часто принимается без анализа наличия у сотрудника необходимых компетенций; при формировании и развитии команды не используются компетентностные модели, отсутствуют долгосрочные планы развития; команды формируются стихийно, вне контекста единой системы проектного менеджмента, что снижает их эффективность». Таким образом, ключевым следствием проблемы существующих методов формирования проектных команд заключается в отсутствии системных, научно обоснованных инструментов, позволяющих перейти от назначения «по должности» к подбору «по компетенциям».

На решение проблемы, описанной выше, были направлены разработки, выполненные автором статьи в рамках магистерской диссертации по теме: «Развитие технологии подбора персонала в проектной деятельности вуза», защищённой в 2024 году. В качестве мер по развитию технологии подбора персонала предложены следующие инструменты, базирующиеся на двух основных подходах:

– в рамках процессного подхода предлагается разработать базовый процесс формирования проектных команд, в котором определены основные шаги и их содержание. Это позволяет закрепить ответственных за конкретные этапы, а также структурировать и регламентировать порядок действий, необходимый для формирования команды проекта;

– в рамках компетентностного подхода разработаны: универсальная ролевая модель команд, базовые компетентностные профили ролей и матрица совмещения ролей.

Ролевая модель позволяет сократить риск невыполнения целей и показателей проекта, так как на этапе инициирования подбираются необходимые сотрудники, которые закрывают все потребности проекта, распределяется и закрепляется ответственность за каждым участником.

Компетентностные профили ролей конкретизируют критерии оценки и отбора персонала. Дополнительно выделены универсальные компетенции (работа в команде, работа в проекте, коммуникативность и др.) и специфические (управленческие, аналитические, творческие и др.).

Матрица совмещения ролей минимизирует риски перегрузки сотрудников на ролях с разными компетентностными профилями и позволяет оптимизировать работу в небольших проектах, где один человек может взять на себя несколько ролей (например, руководителя и администратора проекта).

Предложенный инструментарий апробирован в рамках проектной деятельности одного из крупных региональных университетов. Результаты апробации подтвердили, что использование разработанного процесса и компетентностных моделей позволяет повысить прозрачность подбора, сократить время формирования команд и снизить количество конфликтов, связанных с нечётким распределением ролей.

Дальнейшие исследования по данной тематике будут направлены на адаптацию разработанных моделей под различные типы вузовских проектов (образовательные, научные, молодёжные, проекты в области открытости), а также на создание методики количественной оценки компетенций с целью автоматизации процесса подбора. Кроме того, планируется разработка рекомендаций по интеграции предложенного инструментария в существующие университетские информационные системы управления проектами.

Список источников

1. Апенько С. Н. Особенности и проблемы формирования команд стратегических проектов университетов России / С. Н. Апенько, А. Г. Бреусова. // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 20, № 3. С. 65–74. DOI 10.24147/1812-3988.2022.20(3).65-74.

2. Сборник лучших практик университетов программы «Приоритет 2030» / Минобрнауки России, Приоритет-2030, Социоцентр ; ред.: Валамат-Заде Н. Р., Евтина Г. С., Житиневич Д. Г., Конурин А. И. 2023. 31 с. // Приоритет-2030. Лидерами становятся: [сайт]. URL: https://priority2030.ru/upload/iblock/4e2/nkp6n8xm51zwq753cx7uh9aql42evfav/Sbornik-luchshikh-praktik-universitetov-programmy-_Prioritet-2030_.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

3. Синяева Л. П. Компетентностный подход в подборе персонала / Л. П. Синяева, Е. А. Герасимова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № S4. С. 6–10. EDN QZSDWF.

4. Стуловский А. Е. Формализация процесса управления проектной деятельностью университета с учетом влияния стейкхолдеров / А. Е. Стуловский, Н. И. Пышков // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 66– 69.

5. Утемов В. В. Формирование проектной команды в образовательных системах / В. В. Утемов, А. В. Шадрин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 6. С. 1–9. EDN WZAPUT.

УДК 334.72:004.032.26

Тенденции использования искусственных нейронных сетей в предпринимательской деятельности

Николаева Дарья Сергеевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dasha2002nic@gmail.com

Ключевые слова: искусственные нейронные сети, предпринимательство, кластеризация, перспективы ИНС.

В современном мире цифровая экономика диктует новые условия для предпринимателей в России. Чтобы эффективнее работать с быстро меняющимися процессами, им приходится прибегать к искусственным нейронным сетям (ИНС) [1]. Согласно исследованию Сбера, ФОМ и Минэкономразвития 77% предпринимателей малого бизнеса знакомы с ИИ-технологиями, при этом из них каждый второй пробовал применить их в работе [2]. Такой интерес к ИНС указывает на то, что использование нейросетей становится не конкурентным преимуществом, а необходимостью.

© Николаева Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель исследования – изучить доступные в РФ нейросети, которые могут выполнять реальные предпринимательские задачи, провести их сравнительный анализ и оценить перспективы использования ИНС.

На конец 2025 года в России насчитывалось более 170 отечественных сервисов искусственного интеллекта [3]. Основными лидерами рынка выступают многофункциональные платформы, созданные крупными российскими компаниями. Помимо них есть качественные узконаправленные сервисы. Чтобы подробнее проанализировать российские ИНС, их можно разделить на несколько кластеров, в зависимости от задач, которые они решают:

– Кластер 1. Многофункциональные ИИ-сервисы: для решения широкого спектра бизнес-задач (поиск информации, генерация идей, структурирование информации). Лидеры данного направления – YandexGPT от Яндекса и GigaChat от Сбера.

– Кластер 2. Маркетинг и продажи (Ai Persona от VK, Hyperscript, ChatBoost): для автоматизации продаж, анализа обращений от клиентов и генерации рекомендаций по увеличению спроса.

– Кластер 3. Разработка и написание программного кода (МТС Kodify, GigaCode, Code AI, JetHub): ИИ-ассистенты для написания, автодополнения кода, выявления ошибок и формированию рекомендации по их исправлению. Особенно популярны, так как упрощает процесс создания различных цифровых платформ, что особенно актуально для предпринимателей малого бизнеса, где не всегда есть возможность привлечь опытных программистов.

– Кластер 4. Визуальный контент (Kandinsky, Шедевриум, Phygital+): любой бизнес в современном мире нуждается в визуализации. Платформы, способные генерировать качественные изображения и видеоролики, не только уменьшают сроки по созданию контента, но и значительно сокращают затраты.

– Кластер 5. Финансы (AI referent, GenAPI): самый важный блок для предпринимателей, уже сейчас ИНС могут формировать отчетность, делать экономические расчеты и прогнозировать затраты. Однако ИИ совершает ошибки при решение этих задач, что снижает доверие к сервисам. Поэтому в основном используются сервисы, занимающиеся автоматизацией рутинных финансовых процессов.

– Кластер 6. HR-платформы (KitBot, Xenia AI): найм сотрудников занимает много времени и может не принести желаемых результатов. Нейросети автоматизируют скрининг кандидатов, помогают оценивать работу сотрудников и выстраивать внутренние коммуникации.

– Кластер 7. Написание текстов (НейроТекстер, Notion AI): задачи заключаются не только в генерации текстов на заданную тему, но и в создании креативных заголовков, переписывании или сокращении текстов.

Помимо российских ИНС активно используются зарубежные сервисы. Наибольшие рыночные доли на российском рынке принадлежат: DeepSeek API (29%), ChatGPT (27%) [4]. Данные платформы являются универсальными и способны решать множество задач от аналитики и генерации текстов до выполнения экономических расчетов.

Рассмотрим лидеров на рынке ИНС по ключевым параметрам.

Таблица 1. Сравнительный анализ ИНС, занимающих лидирующие позиции на российском рынке

Параметр	**DeepSeek**	**ChatGPT**	**YandexGPT**	**GigaChat**
Стоимость за 1 млн токенов, руб.	40	225	200	200
Скорость выполнения задач	80-100 токенов/сек	75-130 токенов/сек	50-80 токенов/сек	40-70 токенов/сек

Окончание таблицы 1.

Параметр	**DeepSeek**	**ChatGPT**	**YandexGPT**	**GigaChat**
Размер контентного окна, токены	128000	128000 – 2000000	32000	32000
Достоверность	Довольно высокая за счет технологии рассуждения	Высокая, но зависит от доступа к актуальным данным	Высокая при работе с данными РФ, но допускает ошибки в глобальных темах	Средняя, часто выдаёт шаблонные ответы для избежания ошибок

Перспективы развития нейросетей в экономико-управленческом секторе связаны с переходом от автоматизации рутины к сложной аналитике: стратегическое планирование и бюджетирование, оценка рисков, составление денежных потоков и автоматизированный аудит. Благодаря высокой скорости обработки данных ИНС способны формировать многовариантные финансовые модели и сценарии устойчивости бизнеса, компенсируя нехватку аналитических ресурсов в малом и среднем предпринимательстве.

Исследование показало, что рынок переполнен различными ИНС, однако многие из них направлены на решение рутинных задач. В будущем ситуация может измениться за счет развития технологий, в связи с чем нейросети могут заменить специалистов, выполняющих типовые расчеты и аналитику, и стать помощниками для экспертов, работающих со сложными задачами в условиях неопределённости.

Список источников

1. Мельник Т.Е. Использование нейронных сетей в экономике // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025 г. №12. С. 108-114. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-neyronnyh-setey-v-ekonomike-2/viewer [дата обращения: 9.04.2026].

2. Исследование Сбера, ФОМ и Минэкономразвития: сайт / СБЕР Банк–2025. URL: https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=d42fe08c-3ed8-4d17-b338-a04982447a01&blockID=1303&regionID=24&lang=ru&type=NEWS (дата обращения: 10.04.2026).

3. Карта российского ИИ 2: сайт / Incrussia.ru https://incrussia.ru/specials/karta-rossijskogo-ii-2-0/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Россия — самый конкурентный ИИ-рынок в мире: сайт / Adpass.ru 2026. URL: https://adpass.ru/rynok-nejrosetej-v-rossii-deepseek-obognal-chatgpt-andreessen-horowitz/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 338.46

Обоснование трансформации бизнес-модели здравоохранения в цифровой экономике

Ошарова Ирина Николаевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Osharova_in@mail.ru

Ключевые слова: здравоохранение, цифровизация, продолжительность здоровой жизни, бизнес-модель.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Юрьевне Агеевой, доценту, канд. экон. наук.

© Ошарова И. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Основные факторы продолжительности здоровой жизни — образ жизни, экология, урбанизация — лежат вне традиционной медицины, модель которой по-прежнему ориентирована на лечение уже возникших заболеваний, а не на профилактику и непрерывное сопровождение. Внедрение цифровых инструментов в РФ носит очаговый характер: автоматизированы отдельные процессы (запись, телемедицина), но отсутствует сквозная интеграция, меняющая бизнес-модель. Без её системной трансформации в сторону упреждающей, персонализированной и профилактической модели увеличить продолжительность здоровой жизни невозможно. Поэтому необходимо рассмотреть возможность внедрения в бизнес-модель расчет показателя «Уровень зрелости цифрового здравоохранения».

Для проверки гипотезы о влиянии цифровизации здравоохранения на продолжительность здоровой жизни был проведён регрессионный анализ (таблица 1) на основе выборки из 161 страны мира за 2024 год. В качестве зависимой переменной выступил показатель Lifespan_Healthy (ожидаемый средний возраст, проживаемый без серьёзных проблем со здоровьем, лет) [1]. Независимые переменные: Digital_healthcare (уровень зрелости цифрового здравоохранения, фазы), Urbanization (доля городского населения, %) и Healthcare_costs (государственные и частные расходы на здравоохранение, % от ВВП).

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа (МНК, n=161)

	Коэфф-т	**Ст. ошибка**	**t-статистика**	**p-значение**	
const	46,7391	1,36159	34,33	<0,0001	***
Digital_healthcare [2]	2,11854	0,455573	4,650	<0,0001	***
Healthcare_costs [1]	0,422051	0,167202	2,524	0,0126	**
Urbanization [3]	0,0920004	0,0179289	5,131	<0,0001	***

Регрессионный анализ выявил, что повышение уровня цифровой зрелости здравоохранения на 1 фазу даёт прирост здоровой продолжительности жизни в 2,12 года — это в 5,05 раз сильнее влияния роста расходов на здравоохранение и в 23 раза — уровня урбанизации.

Опыт стран-лидеров по продолжительности здоровой жизни — Сингапура (73,6 года) и Исландии (71,4 года) — подтверждает эти результаты: их уровень зрелости цифрового здравоохранения достигает 5 фазы. В Сингапуре внедрены: национальная система электронных медицинских записей NEHR с облачным хранилищем H-Cloud, телемедицина, мобильное здравоохранение mHealth и программа National Steps Challenge. В Исландии ключевую роль играет цифровая экосистема национальных реестров и регистров, используемых для планирования здравоохранения и анализа здоровья населения, врачи используют электронные медицинские карты, интегрированные с ИТ-системами, а также применяют ИИ и автоматизированный обмен данными. Эти примеры демонстрируют системную интеграцию цифровых технологий в бизнес-модель здравоохранения, что является ориентиром для российской трансформации.

В РФ до 2030 года продлена государственная программа «Развитие здравоохранения». В ее рамках цифровые технологии определены как ключевой инструмент повышения продолжительности здоровой жизни и разгрузки первичного звена [4].

В России цифровизация здравоохранения вышла на устойчивый уровень развития. Подавляющее большинство медицинских организаций уже внедрило медицинские информационные системы (МИС) и обеспечивает передачу данных в Единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ). Успешно работают частные платформы («СберЗдоровье», «Медскан»). Однако российские сервисы остаются

узконаправленными, тогда как полноценная система должна охватывать весь цикл оказания медицинской помощи — от профилактики и диагностики до лечения и реабилитации. Лишь 10% россиян хотя бы раз воспользовались подобными сервисами, а около 30% вообще не были осведомлены об их существовании [5]. Фрагментарность системы здравоохранения с выраженным разделением на государственные, частные и корпоративные учреждения существенно затрудняет создание единого информационного и сервисного пространства.

Трансформация бизнес-модели требует преодоления серьёзных вызовов. Мировой опыт свидетельствует, что современные медицинские системы перестраивают традиционные бизнес-процессы с помощью пяти ключевых организационных принципов: модульная архитектура процессов; цифровая платформенная интеграция; координация через инновационные бизнес-модели; глубокая автоматизация операций (до 40–50% рутинных процессов через ИИ); стандартизированные управленческие решения [5]. Для России критически важно переосмыслить организационные структуры, модели монетизации, системы KPI и партнёрские стратегии [5]. Интеграция этих принципов в ядро бизнес-модели позволит достичь целей нацпроекта «Продолжительная и активная жизнь» [6] и увеличить продолжительность здоровой жизни населения.

Список источников

1. Гуманитарный портал. URL: https://gtmarket.ru/ (дата обращения: 03.03.2026).

2. Global Digital Health Monitor: Состояние цифрового здравоохранения. URL: https://monitor.digitalhealthmonitor.org/country_list (дата обращения: 27.03.2026).

3. Каталог статистики и мировых данных. URL: https://statbase.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

4. Государственная программа «Развитие здравоохранения». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640. URL: http://government.ru/docs/all/115006/ (дата обращения: 09.04.2026).

5. Пожиленкова Е. А. Роль бизнес-процессов в построении экосистемы в здравоохранении. / Е. А. Пожиленкова, Т. Ю. Агеева // Управленческие науки. 2025. Т. 15, № 3. С. 108-121.

6. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/ (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 658.87

Цифровая трансформация розничной торговли: современные инструменты и направления развития

Петакчян Лиана Ашотовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lianaallure@mail.ru

Ключевые слова: направления, развитие, розничная торговля, современные инструменты, цифровая трансформация.

С развитием цифровых технологий и трансформацией сферы торговой деятельности компании все чаще сталкиваются с неэффективностью традиционных методов управления в нынешних современных реалиях на рынке. Цифровизация становится необходимым инструментом, способствующим

© Петакчян Л. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

организации работы на предприятии наиболее эффективным методом, посредством снижения операционных затрат и издержек, ведущих к увеличению общих доходов торгового предприятия. Цифровизация бизнес-процессов становится ведущим направлением для инвестиций, обеспечивающим наибольшую эффективность [1].

Основными бизнес-процессами торгового предприятия, подверженными цифровизации являются такие процессы, как управление товарными запасами, которые основываются в условиях цифровизации на использовании оперативной системы учёта и аналитики, системы умных склад, WMS-систем и RFID-меток. Система складского учёта в свою очередь позволяет автоматически осуществлять приёмку, сортировку и отбор товара, что позволяет снизить процент потерь и порчи продукции в результате ошибок. RFID-метки в свою очередь позволяет наиболее эффективно оптимизировать процесс работы по инвентаризации и сократить время на него, а также в целом своевременно выявлять недостачи для дальнейшей оптимизации ассортимента. Использование прогнозной аналитики в цифровизации данного бизнес-процесса позволяет на основе истории продаж предприятия, сезонности спроса и трендов сформировать оптимальный страховой запас продукции на складах, что в целом позволит увеличить оборачиваемость, а это в свою очередь приведёт к росту денежного потока. Возможность автоматического выполнения заказов посредством использования специальных программных обеспечений и искусственного интеллекта позволит автоматически формировать заказы тех товаров, остаток которых становится минимальным, что позволяет поддерживать оптимальный уровень наличие всех ассортиментных структур и минирует возможность возникновения упущенной выгоды предприятия [2].

Цифровизация бизнес-процесса ценообразования посредством использования современных цифровых систем мониторинга цен конкурентов позволяет оптимизировать работу за счёт автоматического сбора данных и их своевременной аналитики, составить качественные прогнозы на основе анализа больших данных, что в свою очередь позволяет сформировать целостную систему цифрового динамического ценообразования и позволит удерживать трафик потребителей, а также ведёт к росту общей выручки и доходов торгового предприятия.

Также цифровизация бизнес-процесса взаимодействия с клиентом позволяет увеличить его пожизненную ценность для предприятия и привести к росту частоты совершения повторных покупок. Формирование уникального омниникального опыта клиента посредством его бесшовного перехода и взаимодействия на платформах позволяет обеспечить полную синхронизацию и эффективность анализа истории точек контакта потребителя с торговым предприятием, а также увеличит частоту покупок, что положительно сказывается на общем отношении потребителя к торговому предприятию и обеспечивает увеличение доходов в том числе [3]. Внедрение специализированных чат-ботов с искусственным интеллектом для ответа на типовые вопросы обеспечит освобождение персонала, оптимизирует время работы, а также позволит помимо положительного потребительского опыта обеспечить эффективность продаж и сформировать персонализированный подход.

Цифровизация процесса закупок и логистики в розничной торговле предполагает использование современных цифровых технологий, таких как ERP-системы, которые помогают розничным торговцам оптимизировать свою деятельность, обеспечивая автоматизированную обработку заказов, а также сбор и анализ данных из других источников, что, в свою очередь, экономит время розничных торговцев на выполнении операционных задач. [4].

Цифровизация бизнес-процессов позволяет наиболее эффективно оптимизировать работу компании, посредством внедрения точечных инструментов цифровизации, которые обеспечивают наибольший эффект в ходе реализации, а также способствуют максимизации доходов торгового предприятия в общей структуре деятельности.

Список источников

1. Горда А. С. Цифровая трансформация бизнес-моделей предприятий в сфере розничной торговли // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 120-126.

2. Гусейнов Ш. Н. Санкции и цифровая трансформация: вызовы и перспективы для розничной торговли России / Ш. Н. Гусейнов, А. М. Эсетова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 3(173). С. 119-127.

3. Удальцова Н. Л. Цифровая трансформация и новые формы бизнеса в розничной торговле // Экономические науки. 2023. № 219. С. 151-158.

4. Курочкина А. А. Анализ моделей цифровой трансформации бизнеспроцессов в розничной торговле / А. А. Курочкина, О. В. Воронкова, К. А. Намазов // Глобальный научный потенциал. 2024. № 12-2(165). С. 220-226.

5. Катасонов И. А. Цифровая трансформация розничной торговли: эффективность автоматизации и роботизации бизнес-процессов // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. Т. 13, № 2. С. 160-170.

УДК 338.45:004

Оценка экономического эффекта цифровизации в горно-металлургической компании (на примере ПАО «ГМК Норильский никель»)

Размахнина Кристина Эдуардовна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, krazmakhnina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровизация, экономический эффект, горно-металлургическая компания, ПАО «ГМК Норильский никель», Индустрия 4.0, цифровая трансформация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, профессору, д.э.н. Г. И. Поподько за ценные замечания и поддержку при подготовке исследования.

ПАО «ГМК Норильский никель» является уникальным объектом для исследования, поскольку его ключевые активы расположены в экстремальных климатических условиях, что создает специфические барьеры и одновременно повышает требования к цифровизации как к инструменту обеспечения операционной устойчивости.

Цель исследования — оценка экономического эффекта от внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы горно-металлургической компании.

Методологической основой исследования является анализ финансовой и корпоративной отчетности, а также методы оценки

© Размахнина К. Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

экономического эффекта на основе ключевых показателей деятельности компании.

Для оценки условий осуществления цифровой трансформации, необходимо проанализировать динамику ключевых финансово-экономических показателей ПАО «ГМК Норильский никель» за последние пять лет. За рассматриваемый период выручка компании сократилась на 29,7%, а EBITDA снизилась более чем вдвое – с 10,5 млрд долл. США в 2021 г. до 5,2 млрд долл. США в 2024 г. Рентабельность по EBITDA последовательно уменьшалась с 59,5% в 2021 г. до 42,0% в 2024 г., что обусловлено неблагоприятной внешней конъюнктурой [1; 4]. Несмотря на это, нормализованные операционные расходы выросли лишь на 2% при инфляции 8,5%, что компания прямо связывает с реализацией программы операционной эффективности, важной частью которой является цифровизация (рисунок 1).

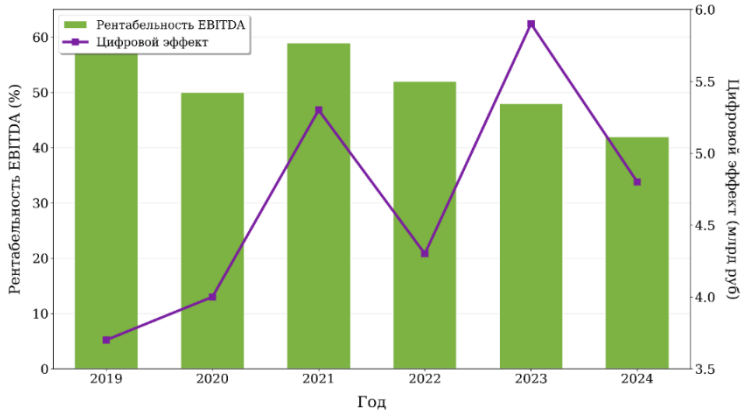


Рисунок 1. Рентабельность по EBITDA и оценочный цифровой эффект, 2019–2024 гг.

Эффект распределен по основным производственным контурам [1; 4]:

– Добыча и обогащение (35–40% эффекта). Проект «Оптимизатор коллективной флотации» позволил повысить извлечение полезного компонента на 0,73%. Экономический

эффект проектов в данном контуре оценивается в 1,7–1,9 млрд руб. в год.

– Металлургия (25–30% эффекта). Внедрение системы «Цифровой помощник металлурга» обеспечило увеличение извлечения меди при производстве черновой меди на 0,42 п.п., что приносит дополнительную выручку примерно в 1,5 млрд руб. в год.

– Корпоративное управление (RPA). Миграция программных роботов на отечественную платформу PIX RPA и наличие более 175 роботов. Условная годовая экономия от роботизации составляет 350–437 млн руб.

С 2010 года ИТ-бюджет компании вырос более чем в два раза, достигнув 8,7 млрд руб. в 2024 году. Ускорение роста финансирования совпадает со вторым этапом программы «Технологический прорыв» (с 2020 г.), когда компания перешла от базовой автоматизации к внедрению технологий Индустрии 4.0 [1, 4]. Это свидетельствует о последовательности инвестиционной политики в области цифровизации, даже в условиях снижения общей рентабельности бизнеса (рисунок 2).

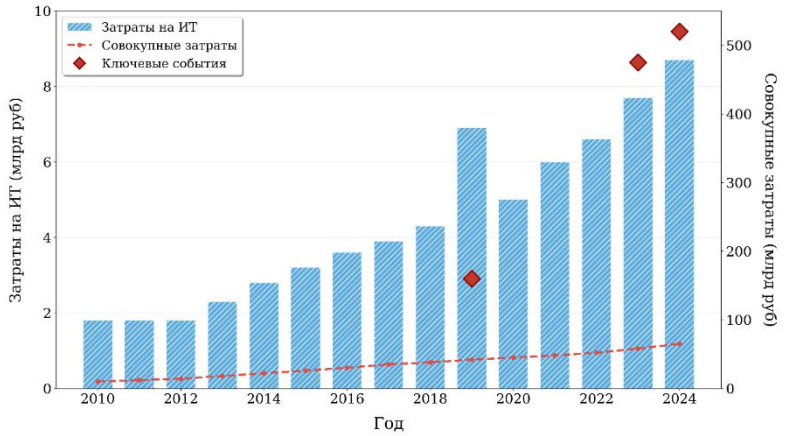


Рисунок 2. Динамика финансирования ИТ-инициатив ПАО «ГМК Норильский никель», 2010–2024 гг.

Чтобы убедиться в экономической обоснованности последовательного наращивания ИТ-бюджета, требуется оценить эффективность распределяемых средств. В связи с этим

целесообразно соотнести ежегодные финансовые вложения с результатами внедрения цифровых проектов, рассчитав показатель окупаемости.

Условный срок окупаемости ИТ-инвестиций:

$$T_{ok} = \frac{I_{IT}}{E_{digital}}$$

где I_{IT} – объём финансирования ИТ за год, $E_{digital}$ – оценочный годовой экономический эффект цифровых проектов.

Для 2024 года: T_{ok} = 8,74,8 ≈ 1,8 T_{ok} = 4,88,7 ≈ 1,8 года.

Для 2023 года: T_{ok} = 7,65,9 ≈ 1,3 T_{ok} = 5,97,6 ≈ 1,3 года.

Рост показателя с 1,3 до 1,8 года объясняется опережающим ростом ИТ-бюджета (+14,5%) при одновременном снижении EBITDA (–25%). Сохранение срока окупаемости в диапазоне 1,5–2,0 года является разумным ориентиром, обеспечивающим баланс темпов трансформации и финансовой устойчивостью [1, 4].

Проведённый анализ показывает, что несмотря на снижение выручки и EBITDA, компания наращивает ИТ-бюджет, что подтверждает стратегическую роль цифровизации как драйвера операционной устойчивости.

Список источников

1. Годовой отчет ПАО «ГМК Норильский никель» за 2023 год. URL: https://nornickel.com/upload/iblock/df7/ (дата обращения: 20.02.2026).

3. Отчет об устойчивом развитии ПАО «ГМК Норильский никель» за 2024 год. URL: https://sr2024.nornickel.ru/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. Коротовских А.Е. Оценка влияния цифровой трансформации на стоимость промышленного предприятия // Финансовый бизнес. 2021. № 12(222). С. 386-390.

5. Лапидус В. А. Цифровая зрелость промышленных предприятий России: методология оценки и практика применения /

В. А. Лапидус, Д. С. Демиденко // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 4. С. 342-358.

УДК 658.8:339.138:004.89

Цифровой двойник как инновационный маркетинговый инструмент организаций на рынке B2B

Савчук Кристина Денисовна
Институт экономики государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, KSavchuk-EE22@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цикл сделки производственных предприятий, инновационные технологии маркетинга, цифровой двойник.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Георгиевне Бутовой, д.э.н., профессору кафедры международной и управленческой экономики.

В современных условиях развития B2B-рынка возрастает сложность процессов продаж. Длительный цикл сделки, высокая стоимость экономических ошибок и участие нескольких лиц в принятии решений снижают эффективность традиционных маркетинговых инструментов и делает актуальным поиск инновационных маркетинговых технологий поддержки продаж, позволяющие повысить обоснованность выбора потребителя продукции предприятий и ускорить заключение контрактов.

© Савчук К. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В качестве инновационного маркетингового инструмента ряд производственных предприятий, в частности, по производству мостовых кранов используют цифрового двойника, представляющего собой цифровую модель продукта, процесса или системы, которая связана с реальным объектом и отражает его поведение в различных условиях [1]. Он формируется на основе данных, технологий моделирования и аналитики, что позволяет воспроизводить характеристики объекта до его фактического внедрения.

В отличие от традиционных средств продвижения цифровой двойник обеспечивает интерактивное взаимодействие с потенциальным клиентом. Он позволяет моделировать сценарии использования продукта с учётом параметров конкретного предприятия. Это особенно важно для компаний, предлагающих сложное технологическое оборудование, где проведение физических демонстраций затруднено.

Применение цифрового двойника в маркетинге способствует повышению качества коммуникации с клиентом. Потенциальный заказчик получает возможность оценить экономический эффект внедрения, включая изменение показателей эффективности и снижение операционных рисков. Это снижает неопределённость и повышает обоснованность управленческих решений [2].

Одним из ключевых эффектов является сокращение периода заключения сделки. Интерактивное моделирование позволяет ускорить процесс согласования и повысить прозрачность предложения продукции для всех участников принятия решения о покупке. В результате снижаются затраты времени на заключение контракта. Проведенные автором расчеты эффекта от применения инновационной технологии маркетинговой поддержка сделки по продаже мостового крана показали значительные результаты для повышения производительности труда (рис.1).

Рисунок 1. Эффект от применения цифрового двойника в B2B-продажах мостового крана.

Дополнительным эффектом применения цифрового двойника является повышение доверия к поставщику и снижение экономических потерь заказчика. В условиях B2B-рынка ключевое значение имеют количественные показатели и доказательная база. Представление результатов моделирования позволяет обосновать эффективность предлагаемого решения и подтвердить компетентность компании. Одновременно сокращение цикла сделки способствует уменьшению периода принятия решений и ускорению перехода к этапу внедрения. Для предприятий, осуществляющих производство сложного технологического оборудования под заказ, это имеет особое значение, поскольку длительные переговорные процессы приводят к простою производственных мощностей. Использование цифрового двойника позволяет минимизировать простой за счёт ускорения согласований и более быстрого запуска производственного процесса (рис. 2).

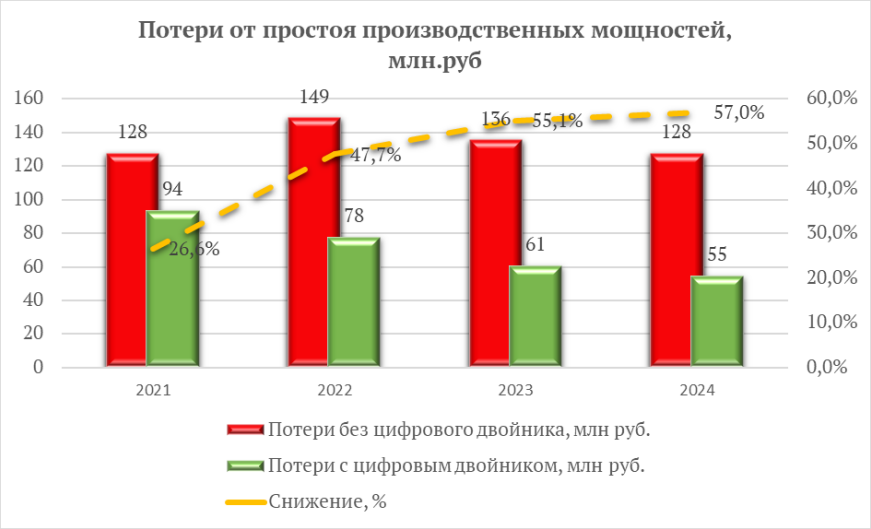


Рисунок 2. Сравнение простоя производственных мощностей до и после внедрения цифрового двойника.

Внедрение цифрового двойника сопровождается рядом ограничений. Среди основных сдерживающих факторов — высокая первоначальная стоимость разработки, дефицит квалифицированных специалистов и вопросы информационной безопасности. Однако существующая в рамках национальной программы «Экономика данных и цифровая трансформация государства» государственная поддержка и ГОСТ Р 57700.37–2021 «Цифровые двойники изделий» создают финансовую подушку для снижения стоимости продукции [4]. Предприятия, первыми интегрирующие цифрового двойника в маркетинговую поддержку B2B-продаж, получат значительное конкурентное преимущество

Проведенные исследования показали, что применение инновационных маркетинговых технологий, в частности, такого как цифровой двойник, является эффективным инструментом, повышающим производительность труда предприятий на B2B-рынке за счет сокращения цикл сделки, повышения конверсии и улучшения партнерских взаимодействий с клиентами на основе доверия.

Список источников

1. Цифровые двойники — следующий рубеж в B2B-коммуникации// LinkedIn. 12 мая 2025. URL: https://ru.linkedin.com/pulse/digital-twins-next-frontier-b2b-communication-bqpwc (дата обращения: 10.04.2026).

2. Ingate. Как построить маркетинговую стратегию для B2B в 2025. URL: https://ingate.ru/blog/kak-postroit-marketingovuyu-strategiyu-dlya-b2b-v-2025/ (дата обращения: 8.04.2026).

3. Сосфенов Д. А. Применение технологии цифровых двойников в России… / Д. А. Сосфенов, М. С. Шахова // Экономика и управление. 2023. Т. 29, № 11. С. 1325–1332.

4. ГОСТ Р 57700.37-2021. Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения. URL: https://meganorm.ru/Data/758/75810.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 336.647

Финансовый анализ как основа оценки инвестиционной привлекательности компании ПАО «ГМК «Норильский никель»

Сырыгин Никита Владиславович
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Красноярский край, Красноярск, Россия, nsyrygin@mail.ru

Ключевые слова: инвестиции, финансовый анализ, выручка.

© Сырыгин Н. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В современных условиях высокой волатильности сырьевых рынков и возрастающей неопределенности внешней экономической среды особую значимость приобретает финансовый анализ как инструмент оценки инвестиционной привлекательности компаний реального сектора экономики. Для институциональных и частных инвесторов именно система финансовых показателей выступает базой для принятия решений о вложении капитала, позволяя оценить устойчивость бизнеса, его способность генерировать денежные потоки и обеспечивать долгосрочный рост стоимости. В данном контексте особый научный интерес представляет анализ ПАО «ГМК «Норильский никель» как одной из крупнейших металлургических компаний России, обладающей стратегически важными позициями на мировом рынке никеля, палладия, меди и платины [1; 2].

Финансовый анализ инвестиционной привлекательности компании представляет собой комплексную систему оценки ее финансового состояния, результатов деятельности и перспектив развития с целью определения целесообразности вложения капитала. Данный вид анализа включает исследование показателей ликвидности, финансовой устойчивости, деловой активности, рентабельности и денежных потоков, позволяя определить способность организации генерировать прибыль, своевременно исполнять обязательства и обеспечивать рост стоимости бизнеса в долгосрочном периоде. В контексте инвестиционного решения финансовый анализ выступает базовым инструментом снижения информационной асимметрии между эмитентом и инвестором, формируя объективное представление о степени риска и ожидаемой доходности инвестиций [3].

Финансовый анализ инвестиционной привлекательности ПАО «ГМК «Норильский никель» целесообразно проводить через оценку показателей выручки, рентабельности, долговой нагрузки и денежного потока. По итогам последнего отчетного периода

компания демонстрирует устойчивую способность к восстановлению финансовых результатов: при сохранении выручки примерно на уровне 2024 г. (1172 млрд руб.) и EBITDA в размере 475,1 млрд руб., компания сохраненяет высокую маржинальность на уровне 41,4 %. Особого внимания заслуживает показатель чистой прибыли, достигший 164,1 млрд руб., что свидетельствует о сохранении эффективности операционной модели даже в условиях санкционного давления и ценовой волатильности на рынке металлов [4, 5].

Таблица 1. Финансовые результаты деятельности ПАО «ГМК «Норильский никель»

Показатель	**Ед. изм.**	**2023**	**2024**	**2025**	**Оценка за 2025 г.**
Выручка	млрд руб.	1172	1166	1147	Сохранение уровня 2024 г.
Себестоимость	млрд руб.	602,3	641,1	632,9	Сокращение показателя г/г
Операционная прибыль	млрд руб.	474,5	332,1	330,7	–
EBITDA	млрд руб.	589,6	481,8	475,1	Высокий уровень операционной эффективности
Рентабельность EBITDA	%	50,3	41,3	41,4	Высокая рентабельность для капиталоемкой отрасли
Чистая прибыль	млрд руб.	210,7	122,4	164,1	Подтверждение устойчивости финансового результата
Чистая рентабельность	%	18,0	10,5	14,3	–
Капитальные затраты	млрд руб.	253,5	227,7	217,1	Активное инвестирование в развитие и модернизацию

Окончание таблицы 1.

Показатель	**Ед. изм.**	**2023**	**2024**	**2025**	**Оценка за 2025 г.**
Свободный денежный поток	млрд руб.	164,9	23,4	138,1	Высокая способность генерировать денежный поток
Чистый долг	млрд руб.	679,3	826,1	672	–
Чистый долг/ EBITDA	–	1,2	1,7	1,4	Умеренная долговая нагрузка, приемлемый уровень риска

С позиции инвестиционного анализа важным индикатором выступает соотношение чистого долга к EBITDA, составившее 1,4х, что характеризует долговую нагрузку как контролируемую и соответствующую приемлемому уровню для капиталоемкой металлургической отрасли. Дополнительным положительным фактором является сохранение значительных объемов капитальных вложений в стратегические и экологические проекты, включая модернизацию производственных мощностей и инфраструктуры. Это позволяет рассматривать компанию не только как объект текущего финансового интереса, но и как эмитента с выраженным потенциалом долгосрочного роста [5].

Таким образом, результаты финансового анализа подтверждают высокую инвестиционную привлекательность ПАО «ГМК «Норильский никель». Несмотря на влияние внешних ограничений и циклический характер сырьевых рынков, компания сохраняет устойчивые финансовые позиции, высокий уровень рентабельности и приемлемую долговую нагрузку. Совокупность указанных факторов позволяет рассматривать ее как значимый объект для долгосрочного инвестирования и дальнейших научных исследований в области корпоративных финансов и оценки стоимости бизнеса.

Дальнейшее научное развитие темы может быть связано с совершенствованием методологии оценки инвестиционной привлекательности промышленных компаний в условиях геоэкономической трансформации. Особую актуальность приобретает интеграция классических методов финансового анализа с ESG-подходами, стресс-тестированием денежных потоков и моделями сценарного прогнозирования, учитывающими отраслевые и внешнеполитические риски. Это позволит сформировать более комплексный инструментарий оценки инвестиционных решений в отношении компаний сырьевого сектора.

Список источников

1. Немцева Ю. В. Методологические аспекты оценки инвестиционной привлекательности компании / Ю. В. Немцева, Ю. В. Ворожбицкая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29, № 1. С. 114–125.

2. ПАО «ГМК «Норильский никель»». Годовой отчет за 2024 год. Москва, 2025. URL: https://ar2024.nornickel.ru/.

3. Zadimidchenko A. Multiplicative methodology for assessing investment attractiveness and risk for industries // Journal of Risk and Financial Management. 2022. Vol. 15, № 10. С. 419.

4. ПАО «ГМК «Норильский никель». Финансовая отчетность по МСФО за 2025 год. Москва, 2025. URL: https://nornickel.ru/investors/disclosure/financials/.

5. Baby A. A systematic review of financial performance in the manufacturing industry / A. Baby, M. A. Mia, A. Pitchay // Future Business Journal. 2024. Vol. 10, № 1. С. 70.

УДК 338.2

Адаптивное управление инвестиционными бюджетами в золотодобывающей отрасли на основе сценарно-аналитических и кластерных методов

Хантимирова Анастасия Игоревна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nastena.belyakina2002@gmail.com

Ключевые слова: инвестиционный бюджет, управление рисками, сценарный анализ, кластеризация, цифровые технологии, золотодобыча, адаптивное планирование.

В статье рассматривается подход к управлению инвестиционными бюджетами в золотодобывающей отрасли, основанный на сочетании сценарного анализа и кластеризации данных. В отличие от традиционных методов, основной акцент сделан не только на прогнозировании, но и на формировании адаптивной системы принятия решений в условиях неопределённости. Предлагаемая методика позволяет выделять типовые режимы функционирования проектов и автоматически корректировать параметры бюджета в зависимости от изменения внешних и внутренних факторов. На основе анализа данных предприятия золотодобычи за 2022–2024 гг. выявлены ключевые драйверы отклонений инвестиционных затрат и предложены механизмы их компенсации.

Финансовое управление в капиталоёмких секторах экономики характеризуется высокой степенью неопределённости. Особенно

© Хантимирова А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

это проявляется в золотодобывающей отрасли, где на результаты инвестиционной деятельности одновременно воздействуют рыночные, технологические и макроэкономические факторы. Колебания цен на золото, нестабильность валютных курсов и производственные сбои формируют сложную среду, в которой статические модели бюджетирования теряют свою эффективность.

На практике это выражается в значительных отклонениях фактических капитальных затрат от плановых значений. Причиной является ограниченная гибкость традиционных подходов, ориентированных на фиксированные допущения. В результате компании сталкиваются с перерасходом средств, снижением рентабельности проектов и увеличением финансовых рисков [1].

В данной работе предлагается рассматривать инвестиционный бюджет как динамическую систему, способную изменяться в зависимости от сценария развития событий. Такой подход предполагает интеграцию сценарного анализа и кластеризации, что позволяет выявлять повторяющиеся модели поведения затрат и заранее формировать управленческие реакции.

Цель исследования заключается в разработке методики адаптивного управления инвестиционными расходами на основе анализа исторических данных и выделения типовых сценариев функционирования проектов.

Сценарный анализ широко применяется для оценки последствий различных вариантов развития событий. Его ключевое преимущество заключается в возможности учитывать неопределённость за счёт формирования нескольких альтернативных траекторий [2]. Однако в классическом виде сценарный подход во многом зависит от экспертных оценок, что ограничивает его объективность.

Кластеризация, напротив, опирается на эмпирические данные и позволяет выявлять устойчивые группы наблюдений с близкими характеристиками. Использование метода k-средних даёт

возможность сегментировать проекты или временные периоды по уровню затрат, рисков и эффективности [3].

Комбинирование этих подходов формирует более устойчивую методологию: кластеризация выявляет фактические типы поведения бюджета, а сценарный анализ интерпретирует их и трансформирует в управленческие решения.

В исследовании используются данные инвестиционной деятельности золотодобывающего предприятия за трёхлетний период. В качестве ключевых показателей рассматриваются плановые и фактические капитальные затраты, валютный курс, производственные показатели (включая простои), стоимость ресурсов (топливо, энергия), параметры добычи и качества руды.

Анализ показал, что отклонения бюджета формируются под влиянием нескольких доминирующих факторов:

1. Валютные колебания, влияющие на стоимость импортного оборудования;

2. Производственные риски, связанные с остановками и задержками;

3. Изменения цен на ресурсы и энергоносители.

Таким образом, инвестиционный бюджет следует рассматривать как функцию совокупности внешних и внутренних параметров [4].

Проведённая кластеризация позволила выделить три устойчивых типа поведения инвестиционного бюджета:

Стабильный режим: характеризуется умеренной волатильностью и минимальными отклонениями от плана.

Рисковый режим: связан с резким ростом затрат, вызванным внешними шоками и внутренними сбоями.

Благоприятный режим: отличается экономией бюджета и улучшением производственных показателей.

Применение адаптивной модели позволяет заранее учитывать вероятность перехода в рисковый режим, увеличивать бюджетные

резервы только при необходимости, снижать избыточные затраты в стабильных периодах [5]. В результате достигается не только повышение точности прогнозов, но и улучшение управляемости финансовых потоков.

Проведённое исследование подтверждает, что переход от статического бюджетирования к адаптивным моделям управления является необходимым условием повышения эффективности инвестиционной деятельности в золотодобыче.

Список источников

1. Зозуля В. Управление инвестиционными проектами: экономический аспект / Зозуля В., Романченко О., Апалькова И. // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2016. №. 4. С. 213-217.

2. Бибаева К. А. Аналитика данных в производственных процессах // Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа. 2023. С. 68-71.

3. Яркова Н. И. Факторы рисков при реализации инвестиционного проекта в условиях нестабильной экономической среды / Н. И. Яркова, М. В. Прохоров. //Экономика строительства и городского хозяйства. 2024. Т. 20, № 1. С. 65.

4. Струков К. И. Проблемы и перспективы освоения золоторудных месторождений России // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. 2020. № 1. С. 5-21.

5. Малёнкина Т. М. Совершенствование системы финансового планирования на предприятии / Т. М. Малёнкина, К. М. Рыбина, Посаженников А. А. //Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение. 2025. Т. 84, № 4. С. 35-40.

УДК 331.108;005.35

Количественные и качественные индикаторы эффективности социальных программ работодателя: поиск оптимального баланса

Шеломенцев Никита Андреевич
Институт экономики государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nikitazuzin342@gmail.com

Ключевые слова: социальные программы, эффективность социальных инвестиций, ROI, сбалансированная оценка, человеческий капитал.

Современная парадигма управления человеческими ресурсами претерпевает значительные изменения в условиях кадрового дефицита и ужесточения конкуренции за персонал. Социальные программы работодателя из «статьи затрат» трансформируются в инструмент стратегического развития. Однако ключевой проблемой остается отсутствие унифицированного подхода к оценке их эффективности. Существующие методики часто разделяются на два полярных подхода:

1. Количественный (финансовый): расчет ROI (Return on Investment) социальных программ. Однако попытки напрямую приписать выручку от продаж корпоративному университету или ДМС сталкиваются с методической сложностью выделения эффекта [3].

2. Качественный (социологический): использование индексов вовлеченности (eNPS), удовлетворенности трудом, уровня

© Шеломенцев Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

лояльности [2]. Данные метрики не имеют прямой связи с финансовыми результатами.

Проблема заключается в отсутствии «перехода» между качественными изменениями в человеческом капитале и количественными показателями операционной и финансовой деятельности.

Для построения сбалансированной модели расчета эффективности социальных программ необходимо прежде всего систематизировать существующие индикаторы.

1. Количественные индикаторы. Эти показатели легко измеряются и закладываются в бюджет:

– Финансовые: объем инвестиций в социальные программы на одного сотрудника (руб./чел.), доля ФОТ, направленная на социальные льготы (%).

– Ресурсные: охват персонала программами (%), количество реализованных мероприятий, частота использования льгот (например, количество санаторно-курортных путевок).

– Операционные: динамика абсентеизма (потери рабочего времени), текучесть кадров, количество инцидентов (нарушений, производственных травм) [2].

2. Качественные индикаторы. Отражают глубинные изменения в мотивации и корпоративной культуре, которые сложно выразить в денежном эквиваленте напрямую.

– Психологические: индекс лояльности (eNPS), уровень вовлеченности, индекс удовлетворенности условиями труда.

– Социально – трудовые: уровень социально-психологического климата (сплоченность), индекс восприятия бренда работодателя (EVP) среди внешних кандидатов.

– Компетентностные: доля сотрудников, прошедших обучение и применивших навыки на практике (качество усвоения), индекс внутренней мобильности [2].

Баланс между количественными и качественными индикаторами достигается при соблюдении трех критериев: Критерий финансовой реалистичности, корреляции и управляемости [1].

Для реализации конвертации разработан шаблон, состоящий из трех уровней (таблица 1).

Таблица 1. Шаблон сбалансированной оценки эффективности социальной программы

	1: Ресурсы и затраты	**2: Поведение и качество**	**3: Бизнес-результат**
Тип индикатора	Количественный	Качественный	Количественный (конвертированный)
Пример метрики	Общий бюджет программы (руб.), % от ФОТ	Динамика eNPS, Индекс вовлеченности, % прошедших обучение.	Экономия на подборе (руб.), Рост производительности (руб./чел.), Снижение абсентеизма.
Метод сбора данных	Управленческий учет, бюджетная отчетность	Опросы, внутренние порталы, тестирование.	ERP-системы, расчет себестоимости, анализ фонда рабочего времени.
Способ конвертации в экономический эффект	Базис для расчета окупаемости (знаменатель в ROI).	Снижение текучести на X% = Экономия на подборе (X% * Стоимость найма * Численность).	Расчет прямого экономического эффекта (выгода). ROI = (Эффект — Затраты) / Затраты.

Для преодоления разрыва между количественными и качественными критериями оценки эффективности социальных программ предлагается подход, основанный на выделении «зон влияния» и расчете коэффициента влияния на операционную эффективность (КВОЭ).

Формула конвертации качественного эффекта (Q), например, индекс лояльности, вовлеченности и др. в экономический ($E_{\text{программы}}$) имеет следующий вид:

$$E_{\text{программы}} = \sum_{i=1}^{n} (\Delta P_i \times C_i \times K_{\text{влияния}})$$

Где:

– ΔP_i – изменение качественного показателя (например, рост индекса вовлеченности на 5 %;

– C_i – стоимость единицы операционного риска или потенциала (стоимость одного часа простоя, выработка на одного сотрудника);

– $K_{\text{влияния}}$ – коэффициент корреляции/влияния, определяемый эмпирически.

Предложенная модель конвертации через коэффициент влияния на операционную эффективность (КВОЭ) и практический шаблон с трехуровневой оценкой дают возможность финансовым и HR-подразделениям говорить на одном языке, переводя лояльность и вовлеченность в предотвращенные убытки или дополнительную выручку.

Список источников

1. Абрамов В. А. Методологические подходы к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал в контексте технологического лидерства регионов / В. А. Абрамов, А. М. Рахматуллина // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 6(62). С. 29-34. EDN MBXTVZ.

2. Буданова Е. А. Экономическая эффективность программ массового спорта: затраты бюджета vs социальный эффект / Е. А. Буданова, Л. Н. Скотникова, А. В. Седнев // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 8, № 5(158). С. 111-117.

3. Погодина Т. В. Социально-ответственное инвестирование и его влияние на достижение целей стратегического развития компаний // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35, № 2. С. 267-275.

Общество в условиях глобальной турбулентности: смыслы, ценности, траектории изменений

УДК 316.4.062

Нормы и деструктивное поведение в виртуальной среде

Андреева Ева Вячеславовна
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярский край, Красноярск, Россия, evaandreeva.21@mail.ru

Ключевые слова: виртуальная среда, киберпреступность, деструктивное поведение, социальные нормы, интернет, законодательство.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Наталье Владимировне Маслодудовой, доценту кафедры ГиСЭД.

В современном мире с развитием технологий виртуальная среда стала неотъемлемой жизнью современного человека. С ее помощью расширяются возможности коммуникации, обмена информацией и социального взаимодействия. Однако с развитием цифровых технологий возникает ряд новых социальных вызовов, среди которых особое место занимает формирование и соблюдение социальных норм, а также проявления деструктивного поведения в интернете.

Виртуальная среда, будучи принципиально новой социальной реальностью, формирует собственную нормативную систему, регулирующую поведение пользователей. Эта система характеризуется сложным переплетением и сосуществованием двух основных типов норм. С одной стороны, действуют формальные нормы — явно выраженные и зафиксированные правила, устанавливаемые администрацией цифровых платформ в виде пользовательских соглашений, а также нормы национального и

© Андреева Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

международного законодательства, регулирующие киберпреступность, авторское право и распространение информации. С другой стороны, не менее значимую роль играют неформальные нормы, возникающие стихийно внутри самих интернет-сообществ. К ним относятся неписаные культурные коды, специфический сленг, нормы сетевого этикета (нетикета) и коммуникативные практики, опосредованные мемами. Именно эти неформальные правила зачастую определяют успешность интеграции пользователя в конкретное онлайн-сообщество.

Параллельно с развитием правового регулирования формируется понимание того, что устойчивое противодействие деструктивному поведению в виртуальной среде требует системных образовательных и просветительских усилий.

Современная цифровая грамотность представляет собой комплексный компетентностный набор, включающий развитое критическое мышление для оценки достоверности информации, понимание основ кибербезопасности, этические принципы онлайн-взаимодействия и осознанное управление цифровой репутацией. Эти компетенции становятся таким же необходимым элементом современного образования, как традиционная грамотность и счет, поскольку именно они позволяют пользователю не только потреблять контент, но и ответственно участвовать в цифровой коммуникации, распознавая и противодействуя манипулятивным техникам.

Образовательные учреждения, в свою очередь, интегрируют в учебные программы специальные курсы и модули, посвященные цифровой гражданственности, где вопросы кибербуллинга, приватности и ответственности за собственные высказывания обсуждаются системно и профессионально.

Составим опрос для исследования «Сравнительный анализ нормативной среды и деструктивного поведения».

Цель опроса: проверить гипотезу о том, что слабая выраженность и согласованность социальных норм коррелирует с более высоким уровнем деструктивного поведения, путем опроса.

Объект исследования: обучающиеся вузов г. Красноярска.

Ожидаемые результаты: если гипотеза верна, то опрос покажет, что чем слабее выражены и согласованы социальные нормы в конкретной виртуальной среде, тем выше вероятность проявления деструктивного поведения среди её участников.

Проведенное исследование позволило всесторонне проанализировать проблему взаимосвязи социальных норм и деструктивного поведения в виртуальной среде. Анализ предпочтительных онлайн-сред общения респондентов свидетельствует о доминировании мессенджеров (48,6%) и социальных сетей (41,0%) как основных коммуникативных пространств. Полученные данные подчеркивают необходимость изучения норм поведения именно в мессенджерах и соцсетях для понимания эволюции онлайн-коммуникации, с учетом потенциального влияния на социальные практики и цифровую грамотность.

Исследование подтверждает высокую вовлеченность современных россиян в цифровые среды, что делает изучение поведения и предпочтений именно этой группы населения крайне актуальным и значимым направлением исследований. Диаграмма показывает распределение мнений респондентов относительно важности анонимности в интернете. Результаты показывают значительное внимание к данному аспекту цифрового пространства. Значительная часть опрошенных рассматривает анонимность как важный элемент своей онлайн-жизни (52.5%). Эти показатели подчеркивают осознанное отношение большинства респондентов к вопросам приватности и защиты персональных данных.

Приведённая столбчатая диаграмма иллюстрирует самооценку респондентами степени соответствия нормам сетевого поведения. Наибольшее число опрошенных сообщили о регулярном следовании установленным правилам и ожиданиям. Больше трети всех участников утверждают, что соблюдают нормы общения в сети постоянно («всегда») — 30.5%.

Это отчётливо показывает высокую сознательность и стремление соответствовать требованиям приличия и уважения в

онлайн-среде, проявляя определённую гибкость и адаптивность в зависимости от контекста взаимодействия.

Самым частым видом негативного воздействия являются оскорбительные высказывания, затронувшие почти каждого четвёртого участника исследования (23.7%). Немногим ниже находится проблема дезинформации, которой также подверглись многие респонденты (22.1%).

Обзор полученных данных ясно демонстрирует многообразие форм агрессии и нарушений в интернете, создавая серьёзные риски для комфортного общения и психологической защищённости пользователей. Представленные результаты круговой или столбчатой диаграммы отражают самоощущение респондентов относительно частоты проявления ими деструктивного поведения в сети. Большинство опрошенных заявляют, что вообще не участвуют в негативном взаимодействии («никогда») — 39.0%. Вторая по величине категория включает тех, кто допускает редкие случаи такого поведения («очень редко») — 33.9%. Таким образом, несмотря на объективно зафиксированные факты деструктивного поведения, люди часто отказываются признать собственное причастие к нему.

На первом месте приоритетных направлений борьбы с деструктивными формами поведения в интернете находятся инициативы по ужесточению модерации содержимого и повышению эффективности управления контентом на платформах (25.2%). Преобладающей стратегией реагирования на деструктивное поведение среди опрошенных выделяется игнорирование раздражающих сообщений или комментариев, выбираемая почти половиной респондентов (47.3%). Такой подход демонстрирует предпочтение избегать прямого конфликта и экономить собственные усилия.

Таким образом, исходя из результатов опроса, можно сделать вывод, что онлайн-пространство характеризуется высоким уровнем активного участия пользователей, наличием множества нормативных рамок, формируемых самостоятельно, и постоянным столкновением с проблемами деструктивного характера. Основной

тренд заключается в развитии самоконтроля и создании условий для безопасной и комфортной коммуникации, что требует поддержки регуляторных усилий и совершенствования образовательных программ.

Список источников

1. Щелин И. В. Когнитивная, поведенческая и эмоциональная составляющие коммуникативного поведения подростков в информационном пространстве / Щелин И. В., Петроченко И. А. // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 81–98. DOI 10.17223/17267080/91/5.

2. Лучинкина А. И. Смысловая регуляция поведения интернет-активных пользователей / Лучинкина А. И., Коршак А. А. // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т.10. №1. С. 109–118. DOI 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-8.

3. Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры. От Средневековья к Новому времени. Красноярск : ИПК СФУ, 2009. 258 с.

4. Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. 2003. Т. 54. С. 491–534.

УДК 316.77

Фреймирование социальной напряжённости в российском медиапространстве: дискурсивные механизмы стабилизации

Богданова Валерия Евгеньевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, г. Красноярск, Россия, valeria.korovkina@bk.ru

Ключевые слова: медиадискурс, социальные институты, фреймирование, социальная напряжённость, институциональная стабилизация, цифровая публичная сфера.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Шинкевичу Владимиру Ефимовичу, докт. социол. наук, доценту, профессору кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

Цифровая трансформация заметно изменила то, как общество регулирует социальные конфликты. Если в индустриальную эпоху ключевыми механизмами нормирования выступали классические институции (семья, образование, право, религия) и связанные с ними традиционные медиа, то сегодня значительная часть процессов легитимации, нормализации и стигматизации социальной напряжённости разворачивается в цифровой публичной сфере [1]. Медиа при этом выступают как социальный институт, активно воздействующий на коллективные представления о норме, угрозе и стабильности.

С целью эмпирической верификации этого тезиса нами был проведён контент-анализ 317 материалов федеральных

© Богданова В. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

онлайн-изданий (Коммерсантъ, РИА Новости, Lenta.ru, Meduza) и регионального издания «Проспект Мира» (г. Красноярск) за период с января по декабрь 2025 года. Единицами анализа выступали тексты, затрагивающие темы социального неравенства, протеста, демографических изменений и ценностных конфликтов.

Исследования медийного дискурса показывают, что в онлайн-среде сосуществуют тревожные нарративы, апеллирующие к угрозам, и стабилизирующие – апеллирующие к консолидации и традиционным ценностям. Как отмечают А.М. Шестерина, Т.Л. Каминская и Е.А. Зверева, «трансляция ценностей в медиадискурсе нередко происходит не напрямую, а через интерпретацию событий и создание образов, многие из которых имеют архетипическую основу» [4]. При этом онлайн-среда одновременно расширяет возможности для альтернативных интерпретаций и воспроизводит новые формы нормализации через алгоритмическую фильтрацию [2].

Результаты работы подтверждают этот тезис: в проанализированном корпусе доминируют два дискурсивных режима. Первый – «стабилизирующий» (46,3% материалов) – задаёт рамку социального кризиса через апелляцию к традиционным ценностям, государственной стабильности и исторической преемственности. Второй – «проблематизирующий» (31,2%) – описывает социальные изменения в терминах угрозы и риска, не предлагая готовых нормативных решений. Оставшиеся 22,5% формируют альтернативный «равноправный» дискурс.

Эксперты выделяют несколько механизмов, через которые медиадискурс стабилизирует или дестабилизирует коллективные интерпретации конфликтов. Центральными являются фрейминг и нарративизация: события помещаются в устойчивые рамки (угроза, консолидация, жертва, героизация, прогресс), задающие аудитории готовые схемы интерпретации [2]. Наиболее частотным оказался фрейм «консолидации перед лицом внешних вызовов» (38,7%): он

характеризуется использованием местоимения «мы», апелляцией к военно-историческим прецедентам и риторикой единства. Фрейм «угрозы изнутри» (24,1%) конструирует напряжённость как порождённую действиями отдельных акторов (иностранных агентов, деструктивных меньшинств, провокаторов). Показательно, что региональное издание «Проспект Мира» значимо чаще федеральных СМИ обращалось к фрейму «нехватки ресурсов и государственного невнимания» (19,4% против 6,2% в федеральной выборке), что указывает на устойчивый разрыв между локальным и общенациональным дискурсом. Таким образом, медиа воспроизводят традиционные ценностные образцы, встраивая новые социальные события в привычные нарративные сценарии [3].

Публичное выражение болезненных переживаний в медиа делает социальные конфликты частью коллективного опыта, влияющего на память и установки аудитории. Тексты с цитатами очевидцев и личными историями в 2,3 раза чаще собирали комментарии и репосты, чем материалы в формате официального информирования (по данным открытой статистики изданий за исследуемый период). Особенно выраженным этот эффект оказался в материалах о демографических изменениях и трансформации семейных практик: читательская активность в этом кластере была на 41% выше среднего по выборке.

Наряду с этим в 2025 году региональный дискурс демонстрировал значительно меньшую долю стабилизирующих фреймов, чем федеральный. Это позволяет предположить, что федеральный медиадискурс выполняет более выраженную стабилизирующую функцию, тогда как региональный сохраняет большее разнообразие интерпретационных рамок.

Всё это позволяет рассматривать фрейминг как специфический механизм перевода социальных противоречий в знакомые для аудитории сюжеты и жанры. В результате медиа не

столько формируют новые нормы, сколько встраивают тревожные события в уже закреплённые в коллективной памяти сценарии, снижая или повышая их конфликтный потенциал. Стабилизация обеспечивается включением новых событий в нарративы национальной идентичности и традиционных ценностей. Дестабилизация, напротив, опирается на механизмы драматизации и сенсационности.

В сопоставлении с существующими исследованиями медийного дискурса предложенная модель подчёркивает необходимость перехода от описания отдельных дискурсивных практик к анализу институциональной архитектуры медиапространства, в которой эти практики приобретают стабилизирующий или дестабилизирующий эффект. Перспектива дальнейшего исследования связана с расширением выборки и включением платформенных медиа для сравнительного изучения дискурсивных режимов разных типов медиасреды.

Список источников

1. Вартанова Е. Л. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода / Вартанова Е. Л., Вырковский А. В. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 321–338.

2. Олешкова А. М. Дискурс гендерной асимметрии в социальных сетях: методология исследования // Коммуникология. 2021. Т. 9, № 1. С. 67–78.

3. Решетнева Ю. Ю. Концептуализация роли СМИ в формировании гендерной культуры последних // Грань. 2019. Т. 22, № 6. С. 13–21.

4. Shesterina A. Media Discourse as a Research and Media Educational Problem: Approaches and Scientific Schools / Shesterina A., Kaminskaya T., Zvereva E. // Media Education (Mediaobrazovanie). 2024. Vol. 20, № 3. P. 519–527.

УДК 316.334.2

Распределение предприятий общественного питания Красноярска по этнической принадлежности кухни в разных ценовых диапазонах

Болсуновская Екатерина Евгеньевна[1], Лапа Софья Эдуардовна[2], Пальчик Алексей Михайлович[3]

[1, 2, 3]Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,

[1]ebolsunovskaya@sfu-kras.ru

[2]Lapasonya2005@gmail.com

[3]apalchik2010@gmail.com

Ключевые слова: предприятия общественного питания, национальная кухня, этническая принадлежность кухни.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Феньвеш Татьяне Анатольевне, канд. филос. наук, доценту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

Сети общественного питания и ресторанного бизнеса начинают играть всё большую роль в повседневной жизни жителей крупных городов, в том числе и Красноярска. На этот процесс влияет множество факторов, в том числе этнический. Так, для Красноярска, в котором проживает более 123 отличных друг от друга этнических групп, значимой является разностороннее изучение межэтнических отношений [3], предпосылок их формирования и трансформации.

© Болсуновская Е. Е., Лапа С. Э., Пальчик А. М., 2026

© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Одной из таких предпосылок можно назвать *национальную кухню*, ведь “через особенности национальной кухни тонко и аутентично раскрывается этническая уникальность народов, а посредством пищевых реалий определенного этноса раскрываются специфические способы культурного самовыражения и самоутверждения” [1]. Это измерение межэтнических отношений в особенности значимо для Красноярска в связи с развитой в нём сферой гастрономии.

В нашем исследовании национальная кухня изучалась через призму предприятий общественного питания [4] Красноярска, которые представляют собой “…один из способов «бытования» понятия «национальная кухня», место ее репрезентации, существующее наряду с рассказами информантов, кулинарными книгами, публицистикой и т.п.” (в приведённой статье речь шла об армянских ресторанах) [2].

Таким образом объектом исследования выступили предприятия общественного питания Красноярска. Предметом — распределение предприятий общественного питания Красноярска по этнической принадлежности кухни в разных ценовых диапазонах. Цель исследования - изучение распределения предприятий общественного питания Красноярска по этнической принадлежности кухни в разных ценовых диапазонах. Метод — количественный контент-анализ.

Был проведён анализ кафе и ресторанов Красноярска через сайт Афиша [5]. Выбор именно этого сервиса был обусловлен наличием на нём ёмких описаний ресторанов, включающих принадлежность кухни к этнической, политической, географической общности. Наличие таких описаний позволило осуществить количественный контент-анализ, что в свою очередь предоставляет возможность анализа большего количества заведений. Другая предпосылка выбора этого сайта — опора на него в другом исследовании схожей тематики [2].

В качестве единиц наблюдения выступали ёмкие обозначения этнической, политической или географической принадлежность кухни заведения (теги), а также средние чеки заведений.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: предполагается, что разнообразие кухонь в одном заведении, может повысить его средний чек.

Среди 882 предприятий общественного питания Красноярска было выделено 30 различных кухонь в зависимости от их географической, этнической, политической принадлежности. Самые популярные кухни это европейская (38%), русская (32%), а также кухни без принадлежности (15%). Далее идут американская (10%), итальянская (9%), турецкая (9%) и японская (8%) кухни. Важно пояснить, что в одном и том же заведении может быть сразу несколько отличных друг от друга кухонь.

Наиболее распространены заведения с одной кухней (49%), затем с двумя (24%) и вообще без национальных кухонь (16%). Наибольшее число кухонь, встречающихся в одном заведении, – пять, однако таких заведений всего четыре.

Касательно ценовых диапазонов. Можно сделать вывод: чем выше ценовой диапазон, тем меньше в нём предприятий общественного питания. Так, в ценовом диапазоне до 1000 рублей находится 65% заведений; от 1000 до 3000 рублей – 23%; от 3000 до 6000 – 2%. Также были выделены заведения без среднего чека (10%) – преимущественно банкетные залы.

Можно сказать, что турецкая кухня самая экономичная – она полностью находится в ценовом диапазоне до 1000 рублей при том, что всего было выделено 76 заведений с турецкой кухней.

Для анализа связи между различными кухнями был проведён корреляционный анализ. Наиболее часто встречаются друг с другом турецкая и арабская кухни, отрицательно коррелирующие с русской и европейской кухнями. Также друг с другом часто встречаются китайская, японская и итальянская кухни, что, на наш взгляд, связано с распространённостью таких блюд как ролы, вок и пицца. Эти блюда крайне популярны и часто встречаются вместе (см. рисунок 1).

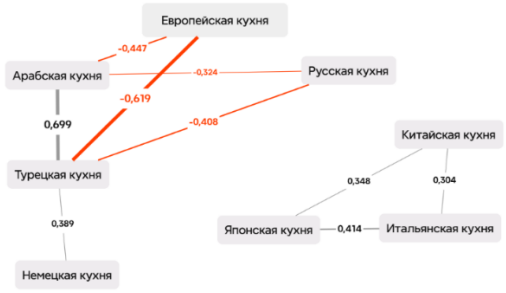


Рисунок 1. Корреляционный граф.

Гипотеза же подтвердилась лишь частично: нельзя сказать, что чем больше различных кухонь в заведении, тем выше его средний чек, но, если в заведении три или четыре кухни различной принадлежности, оно с большей вероятностью будет в более высоком ценовом диапазоне, чем заведения с меньшим количеством кухонь. Об этом говорит то, что среди заведений с тремя и четырьмя кухнями доля заведений в ценовом диапазоне до 1000 рублей ниже (44% и 45% соответственно), а заведений в ценовом диапазоне от 1000 до 3000 выше (54% и 55% соответственно), чем в заведениях с одной или двумя кухнями (78% и 70% заведений в ценовом диапазоне до 1000 рублей; 22% и 27 % заведений в ценовом диапазоне от 1000 до 3000 рублей). Можно предположить, что сети общественного питания и ресторанный бизнес должны больше ориентироваться на региональные особенности, в том числе и на разнообразие представленных национальных кухонь на территории многонационального края.

Список источников

1. Андреева Л. А. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности / Андреева Л. А., Хопияйнен О. А., Филимонова Н. В. // Историческая и социальная мысль. 2017. № 6-1. С. 121–126.

2. Гуляева Е. Ю. Что делает ресторан этническим? (на примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге) // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 67–93.

3. Садохин А. П. Этнология : учебник для студентов вузов по гуманитарным специальностям и направлениям подготовки. Москва : Гардарики, 2008. 287 с. ISBN 978-5-8297-0171-0.

4. ГОСТ 30389-2013. Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания. Предприятия общественного питания. Классификация и общие требования : вместе с "Минимальными требованиями к предприятиям (объектам) общественного питания различных типов" : введен в действие Приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1676-ст // СПС КонсультантПлюс.

5. Кафе и рестораны Красноярска: фото, отзывы, цены, адреса // Афиша Рестораны. URL: https://www.afisha.ru/krasnoyarsk/restaurants/restaurant_list/ (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 159.9

Влияние образа родителей на переживание одиночества у молодежи

Бунина Софья Александровна
Институт истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия, psb-221_269257@volsu.ru

Ключевые слова: психология, одиночество, молодежь, образ родителей, семья, детско-родительские отношения.

Благодарности: автор выражает благодарности научному руководителю Татьяне Сергеевне Тимофеевой, канд. психол. наук.

Одиночество представляет собой комплексное психоэмоциональное состояние человека, характеризующиеся

© Бунина С. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

мнимым или реальным разрывом социальных связей, изоляцией, субъективным ощущением потери значимых межличностных взаимодействий и неудовлетворенности в их качестве и количестве.

Одиночество, в зависимости от концепции, делится на следующие типы: ситуативное, хроническое, приходящие [1], а также на диффузное, отчуждающее и диссоциированное [3]. Помимо этого, одиночество классифицируют по уровням: физическое, эмоциональное, эмоциональное, коммуникативное и духовное одиночество [2]. Чувство одиночества может быть связано с различными психологическими проблемами такими, как депрессия, тревожность, низкая самооценка и др.

Переживание одиночества может быть вызвано недостатком эмоциональной поддержки, заботы, любви и внимания со стороны родителей. Дети, которые редко или никогда не получали утешения и понимания от своих родителей, могут испытывать чувство изоляции и одиночества, что влияет на их самооценку, уверенность в себе и способность в установление контактов с другими людьми [4; 5].

На основе полученных теоретических данных нами было подготовлено исследование, в котором приняли участие 36 человек, 64% из которых женщины, 36% - мужчины. Для проведения исследования использовались следующие методики: Диагностический опросник «Одиночество» С. Г. Корчагиной, методика «Личностный Дифференциал», разработанная в НИПНИ им. Бехтерева. Обработка данных проходила в программе SPSS Statistics с помощью частотного анализа, однофакторного дисперсионного анализа, т-критерия Стьюдента. После статистической обработки полученных данных нам удалось установить значимое влияние преимущественно негативного образа родителей на глубокое переживание актуального одиночества у молодежи.

На основе полученных данных можно составить портреты родителей молодых людей, которые переживают чувство одиночества: отец замкнутый, эгоистичный, черствый, нерешительный, вялый, несправедливый, враждебный, неуверенный, нелюдимый; мать, в свою очередь, упрямая, эгоистичная, напряженная, суетливая и раздраженная, однако, в то же время, может быть открытой, энергичной, иногда справедливой и дружелюбной (таблица 1).

Таблица 1. Влияние образа родителей на переживание одиночества у молодежи

Хар-ки отца	**Ур. один.**	**Ср. знач.**	**Значим.**	**Хар-ки матери**	**Ур. один.**	**Ср. знач.**	**Значим.**
Открытый/ замкнутый	1*	5,2941	,007	Упрямая/ уступчивая	1	3,8824	,004
	2	3,3333			2	5,8889	
Добрый/ эгоистич.	1	5,7059	,040	Открытая/ замкнутая	1	6,0588	,044
	2	4,7222			2	5,5556	
Хар-ки отца	Ур. один.	Ср. знач.	Значим.	Хар-ки матери	Ур. один.	Ср. знач.	Значим.
Отзывчив./ черствый	1	5,4706	,013	Добрая/ эгоистичная	1	6,3529	,030
	2	4,1111			2	4,6111	
Решитель./ нерешит.	1	5,6471	,022	Энергичная/ вялая	1	5,8235	,025
	2	4,0556			2	5,8333	
Энергичн. /вялый	1	5,7647	,000	Справедлив. /несправед.	1	6,2353	,005
	2	3,5000			2	4,2222	
Дружелюб. /враждеб.	1	5,4706	,008	Напряжен./ расслаблен.	1	3,4706	,014
	2	3,9444			2	4,8889	
Уверенный /неуверен.	1	5,7647	,035	Суетливая/ спокойная	1	3,7647	,008
	2	4,2222			2	5,5000	
Общитель. /нелюдим.	1	5,5882	,050	Дружелюб./ враждебная	1	6,3529	,036
	2	3,9444			2	5,0000	

*Группа 1 – неглубокое переживание возможного одиночества, Группа 2 – глубокое переживание актуального одиночества

Также нами было выявлено, что диффузный тип одиночества формируется под при наличии следующих характеристик в образе родителей: несправедливость отца и закрытость матери (значимость ⩽ 0,05).

На втором этапе исследования приняло участие 75 человек. У 81% респондентов было выявлено глубокое переживание актуального одиночества. Были обнаружены значимые взаимосвязи между типами одиночества и образом родителей у молодых людей. По результатам второго этапа исследования можно сказать, что, чем выше уровень диффузного, отчуждающего и диссоциированного одиночества, тем представления как о матери, так и об отце будут более негативными.

Таким образом, изучение влияние образа родителей на переживание одиночества у молодежи является важным для понимания воздействия семейной среды на психологическое состояние и социальное благополучие молодого поколения.

Полученные результаты могут способствовать формированию базы эмпирических данных, на основе которых будут разрабатываться программы поддержки и вмешательства для молодежи с проблемой одиночества. Эти данные помогут создать более эффективные и адаптированные к реальным потребностям методики работы с молодежью.

Список источников

1. Гасанова П. Г. Психология одиночества / Гасанова П. Г., Омарова М. К. Киев : ООО «Финансовая Рада Украины», 2017. 76 с.

2. Миронов А. В. Понятийный аппарат исследования проблемы социального одиночества // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 21–22. С. 84–88.

3. Rodrigo M. J. Parental beliefs about child development and parental inferences about actions during child rearing episodes / Rodrigo M. J., Triana B. // European Journal of Psychology of Education. 1996. Vol. 11. P. 55–78.

4. Миллер А. В начале было воспитание; пер. с нем. Москва : Академический проект, 2014. 296 с.

5. Готтман Дж. Эмоциональный интеллект ребёнка: практическое руководство для родителей / Готтман Дж., Деклер Дж. ; пер. с англ. Г. Федотовой. 7-е изд., перераб. и испр. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 296 с. ISBN 978-5-00169-199-0.

УДК 378.147

Мотивация академической успеваемости студентов в условиях цифровой трансформации образовательной среды

Вохмин Андрей Андреевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, aavokhmin@sfu-kras.ru

Ключевые слова: академическая успеваемость, учебная мотивация, цифровизация образования, образовательные практики, студенты, социология образования.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Труфанову Дмитрию Олеговичу, канд. социол. наук, доценту, заведующему кафедрой социологии и демографии ИППС СФУ.

© Вохмин А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Введение. Современное общество развивается в условиях нарастающей глобальной турбулентности, характеризующейся высокой степенью неопределённости, ускорением технологических изменений и трансформацией социальных институтов [2]. Одним из ключевых направлений этих процессов выступает цифровизация, затрагивающая все сферы общественной жизни, включая систему высшего образования. Цифровая трансформация образовательной среды приводит к существенным изменениям в организации учебного процесса, формах взаимодействия между преподавателями и студентами, а также в характере образовательных практик [3; 4]. Расширение онлайн и смешанных форм обучения, внедрение цифровых платформ и инструментов, а также использование технологий искусственного интеллекта формируют новые условия академической деятельности. В этих условиях возрастает роль самостоятельной работы обучающихся, их способности к саморегуляции, планированию и управлению индивидуальной образовательной траекторией. Указанные изменения актуализируют проблему мотивации академической успеваемости студентов. Традиционные представления о структуре учебной мотивации трансформируются: изменяется соотношение внутренних и внешних мотивов, усиливается значение инструментальной и профессиональной мотивации, а также формируются новые мотивационные стратегии, обусловленные цифровой образовательной средой [1; 2]. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых мотивации учебной деятельности и цифровизации образования, данные направления зачастую рассматриваются раздельно. В результате недостаточно изученными остаются социально-институциональные механизмы формирования мотивации академической деятельности студентов в условиях цифровой трансформации.

Целью настоящего исследования является анализ мотивации академической успеваемости студентов как социально обусловленного феномена, формирующегося в условиях цифровой

образовательной среды. Особое внимание уделяется выявлению факторов, влияющих на структуру мотивации, образовательные практики и академические результаты студентов в контексте современных трансформационных процессов.

Цифровая трансформация образования приводит к изменению форм учебной деятельности, расширению онлайн- и смешанных форм обучения, а также внедрению цифровых платформ. В этих условиях возрастает значение самостоятельной работы студентов, их способности к саморегуляции и формированию индивидуальных образовательных траекторий [3].

Теоретическое осмысление мотивации академической успеваемости студентов в условиях цифровой трансформации образовательной среды требует обращения к междисциплинарным подходам, объединяющим положения социологии образования, педагогической психологии и теории мотивации [2].

В отечественной педагогической психологии мотивация рассматривается как системообразующий компонент образовательного процесса, обеспечивающий успешность усвоения знаний и формирование профессиональных компетенций. При этом подчёркивается её динамический характер и зависимость от условий образовательной среды, особенностей учебной деятельности и индивидуальных характеристик обучающихся.

Социологический подход к анализу мотивации позволяет выйти за рамки индивидуально-психологической интерпретации и рассматривать её как социально обусловленный феномен. В этом контексте мотивация академической деятельности формируется под влиянием институциональных условий, образовательной политики, академической культуры, а также социального происхождения и образовательных стратегий студентов. С одной стороны, цифровизация расширяет возможности доступа к образовательным ресурсам, способствует индивидуализации обучения и формированию автономности студентов. С другой стороны, она может приводить к усилению инструментального

отношения к образованию, снижению вовлечённости и фрагментации учебной деятельности. Таким образом, влияние цифровой образовательной среды на мотивацию носит амбивалентный характер.

В условиях глобальной турбулентности, характеризующейся нестабильностью социальных процессов и неопределённостью будущего, мотивация студентов также претерпевает изменения. Возрастает значимость прагматических и профессионально ориентированных мотивов, связанных с адаптацией к меняющемуся рынку труда и необходимостью формирования гибких компетенций [4]. Что касается методологической части исследования, исследование реализуется в логике смешанного подхода. Используются массовый опрос студентов, полуструктурированные интервью и анализ цифровых образовательных практик. Объём выборки составляет 600–1000 респондентов, а также 25–40 интервью. Концептуальная модель мотивации академической успеваемости рассматривается как результат взаимодействия индивидуальных, социальных и институциональных факторов. Особую роль играет цифровая образовательная среда, которая трансформирует образовательные практики и мотивационные стратегии студентов.

Гипотезы исследования включают предположения о дифференцированном влиянии цифровой среды на мотивацию, связи внутренней мотивации с успеваемостью, а также значении саморегуляции и автономности.

Ожидаемые результаты. Планируется выявление типов мотивационных стратегий, построение модели факторов академической успеваемости и анализ влияния цифровых практик. Также предполагается выявление рисков и ресурсов цифровизации образования.

Заключение. В условиях глобальной турбулентности и ускоряющейся цифровой трансформации высшего образования мотивация академической успеваемости студентов приобретает

особую значимость как фактор, определяющий не только образовательные результаты, но и характер включённости обучающихся в образовательный процесс. Проведённый теоретический анализ позволяет рассматривать мотивацию академической деятельности как социально обусловленный и институционально опосредованный феномен, формирующийся в контексте цифровой образовательной среды. Установлено, что цифровизация образования оказывает комплексное и неоднозначное влияние на структуру учебной мотивации, трансформируя соотношение её внутренних и внешних компонентов, а также формируя новые мотивационные стратегии студентов. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой выдвинутых гипотез, сравнительным анализом мотивационных стратегий студентов различных направлений подготовки, а также изучением долгосрочного влияния цифровой образовательной среды на образовательные и профессиональные траектории обучающихся.

Список источников

1. Диагностика академической мотивации студентов / Гордеева Т. О., Сычев О. А., Гижицкий В. В., Гавриченкова Т. К. // Психологическая диагностика. 2017. № 3. С. 29–43.

2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург : Питер, 2013. 512 с.

3. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления : монография. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003. 325 с.

4. Deci E. L. Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior / Deci E. L., Ryan R. M. New York : Springer, 1985.

УДК 316.4.062

Проблема исследования: влияние и роль видеоигр в социуме (обществе)

Довранов Савва Юрьевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pride_lord@mail.ru

Ключевые слова: геймер, видеоигры, социум, потребности, рекреация, игровизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Феньвеш Татьяне Анатольевне, доценту, канд. филос. наук, доценту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

В процессе развития постиндустриального общества появились новые методы выявления, развития и тренировки человеческих задатков, а также новые способы досуга и рекреации. Речь идёт о видеоиграх, которые способны охватить весь спектр нашего социума и удовлетворить почти все потребности постиндустриального общества. Видеоигры уже прочно вошли в нашу жизнь. Они оказывают не последнее влияние на все аспекты нашего бытия такие как:

1. Социальные связи: Игры могут объединять людей из разных стран и культур, позволяя им играть вместе и общаться через игровые платформы. Это способствует созданию новых дружеских связей и командной работы.

© Довранов С. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2. Экономическое влияние: Игровая индустрия приносит огромные доходы и создает рабочие места для многих людей. Кроме того, существует целая экономика внутри игр, где игроки могут покупать и продавать виртуальные товары.

3. Образовательные возможности: Некоторые игры обучают игроков новым навыкам, развивают логическое мышление и способствуют креативности. Внедрение столь инновационных методов обучения может благоприятно влиять на заинтересованность учащихся в образовании.

4. Влияние на здоровье: Игры могут иметь положительное влияние на здоровье. Они способны помочь развитию реакции и координации движений.

5. Культурное влияние: Некоторые игры становятся частью поп-культуры и оказывают влияние на кино, литературу, музыку и другие сферы искусства.

Из этих примеров можно сделать вывод о повсеместном использовании компьютерных игр всеми слоями общества. Так, в процессе игровизации жизни появляются новые субкультуры, самая массовая из них – это так называемые геймеры. По данным аналитической компании DFC Intelligence, среди 3,7 млрд. долларов человек, когда-либо игравших в видеоигры, можно выделить 300 млн. «потребителей, ориентированных на аппаратное обеспечение» (ориг. hardware-driven consumers), которые покупают игровые консоли и персональные компьютеры специально для игр [1].

Продолжая обсуждать влияние игр на общество необходимо вспомнить и об экономическом влиянии. На момент 2023 года доля видеоигрового бизнеса составляет $184 млрд., что на 0,6% больше чем в 2022[2]. Многие страны мира, в частности Россия, проводят политику поддержки, и развития игрового бизнеса, так как видят в этом новый источник рабочих мест и как следствие увеличение абитуриентов по специальности, что ведет за собой повышение уровня образования населения и его материального и культурного достатка [3].

Продолжая разговор о влиянии видеоигр, невозможно не упомянуть влияния на искусство и культуру. Сейчас трудно представить фильм без сделанной, по этому художественному произведению игры, тем самым повышая прибыль франшизы. Но видеоигры могут не только продолжать истории других художественных произведений, но и создавать свои самостоятельные миры. Многие из них пользуются огромной популярностью, фанаты пишут множество своих историй по мотивам любимых игр, создают клубы по интересам. По играм выходит огромное количество книг, фильмов и сериалов. Многие, из которых очень популярны и всемирно признаны.

Как было ранее упомянуто, видеоигры имеют огромный охват аудитории, благодаря играм формируются новые субкультуры такие как: «Консольшики», так называемые «ПК бояре», «геймеры-хардкорщики», «геймеры-казуалы» и многие другие. Но это лишь вершина «айсберга». Игры помогают в социализации личности, помогают в профилактике и лечении некоторых психических заболеваний, благодаря множеству игровых жанров появляется возможность воспитания и закрепления в человеке его компетенций, навыков и умений. В наше время все чаще и чаще используются игры для образования. Выходят множество видеоигр, помогающих ученикам осваивать новые учебные темы. Однако и без привязки к образовательным методикам, игры «возбуждают» интерес геймеров к изучению истории, стратегии, математике. Ярким примером будет недавно вышедшая игра «Смута», которая привлекла множество фанатов к изучению материалов по временам смуты; известная серия игр «Asassins’s creed» «разожгла» интерес фанатов к изучению истории эпохи возрождения, истории Войны за независимость США и Великой Французской революции.

О важной роли видеоигр можно говорить бесконечно долго, но стоит заострить внимание на еще одной важной роли видеоигр в обществе – как инструмента рекреации. Основной потребитель игр — это молодежь от 14 до 25 лет [4]. Беря в расчет множество

предстоящих «кризисов» становления, взросления и многих других, становиться ясно почему видеоигры так популярны у молодежи, помимо развлечения игры помогают отвлечься от трудностей жизни, помогают спрятаться в новых и дивных мирах, где можно почувствовать себя кем угодно, от героя, спасающего мир, до ловкого проныры которому важен только результат. Но игры помогают не только «спрятаться» от трудностей, но и найти их решение. Большинство разработчиков проживали такие же проблемы, что и все мы, и в своем творчестве они отражают эти проблемы и размышляют о способах их решения. При правильном анализе смыслов, заложенных создателями, можно найти огромное количество решений новых для молодежи проблем, что так важно для, ищущих свое место в мире молодых игроков. Игры как инструмент рекреации все чаще используется в психиатрических практиках как отличный способ профилактики и лечения многих психических и когнитивных заболеваний. Во многие практики лечения и профилактики заболеваний все чаще применяют видеоигры, что ведет за собой и более углубленное изучение игр и их влияния на человека, что за собой ведет открытие новых направлений их использования [5]

Таким образом, можно сделать вывод о ключевой роли игр в нашем обществе. Игры помогают людям во всех областях жизни, но, как и многие открытия постиндустриального мира, игры требуют более углублённого исследования, изучения их влияние и роли.

Список источников

1. Sinclair B. DFC: Global game audience reaches 3.7 billion // GamesIndustry.biz. 2023. URL: https://www.gamesindustry.biz/dfc-global-game-audience-reaches-37-billion (дата обращения: 16.04.2026).

2. Batchelor J. GamesIndustry.biz presents… The Year In Numbers 2023 // GamesIndustry.biz. URL: https://www.gamesindustry.biz/gamesi

ndustrybiz-presents-the-year-in-number-2023 (date of request: 16.04.2026).

3. Тернавский А. В России представили дорожную карту развития видеоигровой индустрии в 2024-2029 годах // Хабр. URL: https://habr.com/ru/news/796407/ (дата обращения: 16.04.2026).

4. Видеоигры – и кто в них играет? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoigry-i-kto-v-nikh-igraet?ysclid=lwrt6nw64n134113054 (дата обращения: 16.04.2026).

5. Лаптева Н. М. Обзор современных исследований влияния видеоигр на когнитивные процессы // psyjournals.ru. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2023_n4/jmfp_2023_n4_Lapteva.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 316.64-055.2

Особенности ценностных ориентаций молодых женщин, имеющих и не имеющих детей

Долгушина Татьяна Михайловна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, TDolgushina-PP22@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: ценностные ориентации, молодые женщины, материнство, материнский опыт, самореализация, иерархия ценностей.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Артюховой Татьяне Юрьевне, доценту, канд. психолог. наук.

Проблема ценностных ориентаций личности является фундаментальной в современной психологической науке. Ценностная сфера выступает внутренним регулятором активности, определяя направленность поведения, выбор целей и способов их достижения. В условиях социальных и культурных трансформаций происходит изменение жизненных стратегий молодых женщин, что отражается на системе их ценностных ориентаций. Увеличение возраста вступления в брак и рождения первого ребёнка, рост значимости профессиональной самореализации, а также трансформация традиционных представлений о роли женщины обусловливают необходимость научного анализа данной сферы.

Материнство, являясь ключевым жизненным событием, способно оказывать влияние на структуру ценностных ориентаций

© Долгушина Т. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

личности. Наличие или отсутствие детей может выступать фактором, трансформирующим приоритеты, жизненные цели и установки женщины. В связи с этим особую актуальность приобретает сравнительное изучение особенностей ценностных ориентаций у молодых женщин, имеющих и не имеющих детей, находящихся в сходных социальных условиях.

Целью данной работы является изучение особенностей ценностных ориентаций у молодых женщин, имеющих и не имеющих детей. В ходе исследования выдвигается гипотеза о том, что наличие детей связано с особенностями структуры ценностных ориентаций. Предполагается, что у женщин в возрасте 25–30 лет, имеющих детей, более выражены семейно-родительские и социальные ценности, тогда как у женщин, не имеющих детей, в большей степени выражены ценности самореализации, свободы и автономии.

Теоретические основы изучения ценностей заложены в работах М. Рокича, рассматривающего ценности как устойчивые убеждения, определяющие жизненные цели личности [5]. В отечественной традиции, вслед за Д. А. Леонтьевым, принято различать понятия «ценность» (устойчивое смысловое образование) и «ценностная ориентация» (иерархическая структура, выполняющая регулятивную функцию) [1]. Согласно диспозиционной концепции, ценностные ориентации представляют высший уровень регуляции поведения в значимых ситуациях социальной активности [4].

Ценностные ориентации формируют иерархически организованную систему, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Их основными функциями являются регулятивная, смыслообразующая, мотивационная, оценочная и прогностическая. Формирование ценностной сферы происходит под влиянием возрастных задач развития и значимых жизненных событий. Период ранней

взрослости (25–30 лет) характеризуется активным становлением женщины как субъекта собственной жизни, что отражается на содержании и структуре её ценностных приоритетов.

Одним из ключевых событий, способных качественно преобразовать ценностно-смысловую сферу женщины, выступает материнство. Рождение ребёнка не просто добавляет новые ценности, но зачастую инициирует глубинную перестройку иерархии, изменяя соотношение между значимостью семьи, профессиональной самореализации, автономии и межличностных отношений [2].

Г. Г. Филиппова рассматривает материнство как особый вид деятельности, включающий мотивационный, эмоциональный и ценностно-смысловой компоненты. Принятие материнской роли связано с перестройкой Я-концепции: формируется идентичность «Я-мать», интегрирующаяся в структуру самосознания и влияющая на жизненные приоритеты. Данный процесс сопровождается усилением значимости семьи, безопасности, заботы и ответственности [3]. Для женщин, не имеющих детей, идентичность может строиться вокруг профессиональной самореализации, личностного роста и автономии, что отражает индивидуальные ценностные выборы и жизненные стратегии.

Таким образом, теоретический анализ показывает, что ценностные ориентации молодых женщин представляют собой компонент личности, чувствительный к жизненному опыту и способный изменяться под влиянием материнства. Это обусловливает необходимость эмпирического сравнительного анализа.

Выборка и методы исследования. Выборку составят женщины в возрасте 25–30 лет, состоящие в браке, разделённые на две группы: имеющие детей и не имеющие детей. Основным методом сбора данных выступит психодиагностическое тестирование с использованием методик: «Опросник терминальных ценностей»

И. Г. Сенина (для оценки выраженности ценностей в различных жизненных сферах), «Ролевой опросник деторождения» (для изучения установок относительно родительства), а также авторская анкета для сбора социально-демографической информации. Статистическая обработка данных будет проводиться с применением U-критерия Манна–Уитни и корреляционного анализа.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных данных в консультировании молодых женщин и семейных пар, в работе специалистов по семейной и перинатальной психологии, а также при разработке профилактических и коррекционных программ, направленных на поддержку женщин в период формирования жизненных и семейных стратегий.

Изучение ценностных ориентаций молодых женщин остаётся актуальной задачей. Проведение эмпирического исследования позволит уточнить характер различий в ценностной сфере женщин с разным материнским статусом и проверить выдвинутую гипотезу. Дальнейшие исследования в этой области будут способствовать более глубокому пониманию механизмов трансформации ценностно-смысловой сферы личности в период ранней взрослости и в условиях освоения материнской роли.

Список источников

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва : Смысл, 2003. 487 с.

2. Захарова Е. И. Психология освоения родительства : научная монография. Москва : МГОУ, 2014. 257 с.

3. Филиппова Г. Г. Психология материнства : учебное пособие. Москва : Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.

4. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. Москва : Наука, 1975. С. 89–105.

5. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York : Free Press, 1973. 438 p.

УДК 314.06

Семья как экономический агрегатор: от института затрат к государственному инвестиционному приоритету

Захарова Яна Андреевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, magzaharovay@yandex.ru

Ключевые слова: семья, молодая семья, экономический агент, экономика, демографическая политика, государственная информационная политика, человеческий капитал, институциональная поддержка, воспроизводство потребителя, жилищная политика, социально-экономическое развитие.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Шинкевичу Владимиру Ефимовичу, д-ру социол. наук, доценту, профессору кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

Один из основных социальных институтов, формирующих поведение людей в демографической сфере, - семья. Семья, как малая социальная группа, представляет собой также первичную ячейку воспроизводства населения. В настоящее время семья

© Захарова Я. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

наиболее сильно подвержена экономическому давлению, что препятствует стабильному росту суммарному коэффициенту рождаемости (СКР). Хотя по официальной информации, инфляция действительно замедляется: по данным Росстата, в 2025 году она составила 5,59%, что является самым низким показателем за последние 5-12 лет. В 2024 году, для сравнения, этот показатель был 9,5%. Но здесь и кроется главное противоречие, потому что воспринимаемая населением инфляция значительно выше официальной. Например, по данным опросов «инФОМ», оценка наблюдаемой инфляции в сентябре 2025 года составляла 14,7%, а инфляционные ожидания на год вперед — 12,6%-62. Данные ВЦИОМ [2] также указывают, что реальная инфляция для базовых потребительских товаров в 2025 году была на уровне 10–12%.Это несоответствие объясняется тем, что люди в первую очередь замечают рост цен на самые ходовые товары: продукты, лекарства, бензин. Например, несмотря на замедление общей инфляции, в январе 2026 года продовольственные товары подорожали на 6,2% по сравнению с январем 2025 года, а за один только январь 2026 года общий рост цен составил 1,26%. А цены на топливо уже превысили показатели роста инфляции в 2 раза – 10,78% за 2025 год.

Процентное соотношение конечно пугает, но не дает ясного ощущения об экономической нестабильности для населения и особенно для молодых семей, которые также являются и молодыми специалистами. Но социологические опросы последних лет фиксируют устойчивую тенденцию: россияне, особенно молодые семьи, воспринимают рождение и воспитание детей как значительное финансовое бремя, которое часто оказывается неподъемным. Так, согласно опросу ЦСП «Платформа» [6], для 71% респондентов именно материальные трудности становятся главным препятствием для рождения детей. Это подтверждается и динамикой реальных расходов: по данным ВЦИОМ, только затраты на подготовку к школе ежегодно растут на 18-24%, достигая для многих семей критических значений. В связи с этим добровольно отказать от рождения детей из-за финансовых трудностей готовы

26% респондентов детородного возраста по данным ЦСП «Платформа» [6]. Все это убедительно доказывает, что семья как экономический агент сегодня нуждается не просто в социальной защите, а в прямых экономических инвестициях со стороны государства для выполнения своей ключевой роли в воспроизводстве человеческого капитала.

Традиционный подход рассматривает меры государственной демографической поддержки преимущественно как статью социальных расходов. Но если сменить парадигмы и признать семью в качестве центрального экономического агента, генерирующего устойчивый долгосрочный спрос и обеспечивающего воспроизводство человеческого капитала. У семьи для экономики есть фундаментальная функция - функция «экономической агрегации», то есть способность концентрировать, распределять и, что наиболее важно, «мультиплицировать» финансовые потоки в долгосрочной перспективе. Семья должна быть признана центральным экономическим агентом, потому что сочетает в себе два неразрывно связанных аспекта: генерацию долгосрочного спроса и воспроизводство человеческого капитала. В отличие от индивида, чье потребление часто импульсивно, ограничено личными предпочтениями и снижается с возрастом, семья представляет собой «микроэкономическую систему с внутренним планированием и долгосрочным горизонтом потребления». Поэтому создание и поддержание семей имеет значение не в контексте статьи расходов социальной политики, а инвестиционный проект государства, с точным просчетом окупаемости, который должен включать в себя поддержку не только в социальной политики, но и практически всех систем государства, вот одни из основных, но не все: налоговая система, здравоохранение, образование, правоохранительные органы, малый и средний бизнес. Семья создает «квази-институциональный спрос», то есть не просто увеличивает количество приобретаемых товаров, а в том числе переходит и в новые качественные категории потребления: приобретение жилья в том числе большей площади - ипотека как драйвер строительной

отрасли и финансового сектора, покупка автомобиля - стимулирование автопрома и логистики, формирование долгосрочных образовательных - стратегий для детей инвестиции в сектор основного и дополнительного образования, планирование медицинского обслуживания - поддержка фармацевтики и частной медицины.

Проведенный анализ позволяет констатировать системное противоречие между экономической ролью семьи в современном обществе и характером государственной политики в отношении данного института. Таким образом, ключевым условием преодоления демографического кризиса и выхода на траекторию устойчивого экономического роста является фундаментальная ревизия институционального статуса семьи. Необходимо отказаться от архаичного восприятия домохозяйства как исключительно реципиента бюджетных трансфертов и объекта социальной опеки. Семья должна быть вписана в экономическую архитектуру в качестве приоритетного инвестиционного проекта национального масштаба. Это означает не просто увеличение объемов финансирования, а создание такой институциональной среды, в которой быть семьей становится экономически выгодно, социально престижно и административно просто. Речь идет о пересмотре налоговой, жилищной, образовательной и трудовой политики сквозь призму поддержки семейного образа жизни как наиболее рациональной и производительной формы экономического поведения. Только в случае, если институциональные барьеры будут сняты, а экономические стимулы — перевесят издержки, семья сможет в полной мере реализовать свою функцию главного экономического агрегатора, гарантирующего воспроизводство человеческого капитала и устойчивость национальной экономики в XXI веке.

Список источников

1. Аврамова Е. В. Публичная библиотека в системе непрерывного библиотечно-информационного образования :

диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Санкт-Петербург, 2017. 361 с.

2. Подготовка к школе: влетело в копеечку // ВЦИОМ : официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podgotovka-k-shkole-vletelo-v-kopeechku (дата обращения: 23.03.2026).

3. Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения ООО «ИнФОМ» // Банк России : официальный сайт. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57264/inFOM_25-09.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

4. Индексы восприятия инфляции // ВЦИОМ : официальный сайт проекта. URL: https://wciom.ru/ratings/indeksy-vosprijatija-infljacii (дата обращения: 23.03.2026).

5. Исследование цен, инфляции, потребительские цены // Росстат : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 23.03.2026).

6. Демографический потенциал: ожидания и ограничения // ЦСП «Платформа» : официальный сайт исследований и аналитики. URL: https://www.pltf.ru/issledovaniya/demograficheskij-potenczial-ozhidaniya-i-ogranicheniya (дата обращения: 23.03.2026).

УДК 130.2

Сравнительный анализ общественного восприятия искусственного интеллекта до и после 2022 года

Козырев Максим Григорьевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kozyrevmaksim05@gmail.com

Ключевые слова: современное общество, машина, технологии, логическое мышление, сингулярность, искусственный интеллект.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чистову Роману Сергеевичу, доценту, канд. филос. наук, доценту кафедры социологии и демографии ИППС.

Многое изменилось в мире с того момента, как американская компания OpenAI предоставила в 2022 г. открытый доступ к своему продукту ChatGPT. Всё начиналось с простых чатов, потом люди узнали, что эта машина способна делать колоссальную мыслительную работу. Возникли новые тенденции развития деятельности человека, достаточно сильно изменилось общество, и эти изменения бесспорно представляют интерес для современной социологии.

До тех времен, когда OpenAI сделала ChatGPT открытым для масс, общественное мнение об ИИ двоилось между: «Машины, которые реагируют на стимулы так же, как и люди, с учетом способности человека к размышлению, суждению и намерениям» в бизнес и научной сфере, и «Альтернативная форма жизни, что поставит конкуренцию человечеству» в художественной

© Козырев М. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

литературе. И лишь некоторые англоязычные сводки новостей или исследования формулировали гипотезы о том, как человечество отреагирует на ИИ помощников, или разработку ИИ чат-ботов в скором будущем. К моменту прихода открытых LLM (они же ИИ в маркетинге) в 2022 г., два самых молодых поклонения Земли за последние 20 лет столкнулись с глобальными технолого-экономическими изменениями.

OpenAI начали разрабатывать ChatGPT ещё в 2015 г. [2], а Google экспериментировал с ИИ даже раньше. Так что можно сказать, что появление LLM в начале 2020-ых было даже предсказуемо для некоторых людей, но не для массовой аудитории. Стоит упомянуть, что до ChatGPT направления в исследованиях ИИ были в целом разнородными, чем однонаправленными. Google экспериментировал с ИИ, способным самостоятельно управлять машиной, или направленным на улучшения эффективности производства. Идея о вреде ИИ проходила исключительно в художественной литературе в качестве гипотезы о том, что человеку не стоит строить что-то себе подобное, что однажды обязательно захочет избавиться от него.

После 2022 года несмотря на то, что само развитие ИИ и идея сингулярности витала в воздухе, как мы видели в прошлых примерах, сам фурор, что произвёл ChatGPT от OpenAI, не смогли предугадать даже в Google. Хотя Microsoft делали ставку на них как конкурента Google ещё с 2019 г., и их вложения окупились. Не будет даже преувеличением сказать, что ИИ распространились среди общества даже быстрее, чем в своё время это сделал Iphone. К примеру, в России по грубым оценкам в 2010 г. Iphone пользовались до 3 млн. человек, тогда как уже в 2025 г. году по данным РИА Новости, больше 63% Россиян пользуются ИИ [1].

ChatGPT стал инструментом для выполнения всех видов работ цифровой экономики: написание кодов для программ, составление документов, произведение математических расчётов в

бухгалтерской сфере и мн.др. Однако сами LLM «страдают» от «галлюцинаций», когда машина интерпретирует информацию неправильно и выдаёт неверный ответ, о чём почти все владельцы LLM предупреждают на их вебсайтах. Началось зловредное употребление этой технологии как способа отдать работу в написании школьных проектов или дипломов машине, к чему старшему поколению ещё только предстоит адаптироваться и предпринять меры против этого [3]. Напомним, что LLM появились менее чем через 20 лет после появления первого Iphone и менее чем через 40 лет, когда интернет был новшеством.

Когда ChatGPT был опубликован в открытом доступе, начались проблемы от этой технологии, которые варьировались от этических, экологических до социально-экономических. В 2023 г. началась волна скандалов из-за принципов «саморазвития» LLM, включающая обработку информации из открытых источников и использовании информации оттуда для обработки ответа. Это вызвало нарушение копирайт прав компаний, и вызвало череду судебных исков. Кроме того, ИИ стал эмблемой модернизации для акционеров крупных фирм, из-за чего предприятия сместили направления своей деятельности на поддержку ИИ технологий, что посодействовало таким компаниям, как Nvidia. Удалось достичь невероятного роста акций от 30 долларов за акцию в 2022 до 180 долларов в 2026-ом. Однако у некоторых наблюдателей возникли подозрения, что эти инвестиции являются аспектом нового экономического пузыря. Журналисты называют это «AI Bubble» и сравнивают его с другим пузырем, произошедшим в 2000 годах в США под названием «Dot com Bubble».

Другой ущерб, причинённый LLM, это экологический. Для работы LLM нужны большие оперативные силы, способные обрабатывать больше запросов, чем Google поиск. Для этого строятся специальные здания под названием «дата-центры». Эти Центры являются огромными компьютерами, которые

вырабатывают тепло, способное отопить северные города России при -30^{0}С на ежедневной основе. Для охлаждения этих дата-центров используют большое количество воды, вырабатывая большое количество выбросов. И хотя сам масштаб изначально был преувеличен в 2023 году, факт остаётся, что дата-центры оставляют выбросы.

Исследование не затрагивает дипфейки, ИИ арт, кризис замены рабочих мест ИИ и т. д. Однако в целом можно сказать, что сегодня с одной стороны, мы имеем инструмент-машину, способную выполнять невероятные компьютерные задачи в цифровой сфере, с другой - мы столкнулись с социальными потрясениями, вызванными этой технологией. Социологическому сообществу следует приготовить прогнозы сценариев, которые могут произойти в текущем, быстро меняющемся общественном порядке вещей.

Список источников

1. РИА Новости: сайт. / Опрос показал, сколько россиян пользовались ИИ в этом году. ВЦИОМ: 63% россиян пользовались технологиями ИИ в течение последнего года. 20.11.2025. URL: https://ria.ru/20251120/vtsiom-2056341431.html (дата обращения: 30.03.2026).

2. A Touch of Business. OpenAI — company profile / A Touch of Business. URL: https://atouchofbusiness.com/companies/openai/ (дата обращения: 19.03.2026).

3. CNET. ChatGPT: Here's what you get with the popular gen-AI tool that started it all / CNET, 2023. URL: https://www.cnet.com/tech/computing/chatgpt-heres-what-you-get-with-the-popular-gen-ai-tool-that-started-it-all (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 613.8

Отношение студентов ИППС СФУ к современным методам контрацепции

Кондракова Виктория Романовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vkondrakova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: контрацепция, барьерная контрацепция, гормональная контрацепция, нежелательная беременность, статистика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Синьковской Ирине Георгиевне, канд. социол. наук, доценту, доценту кафедры социологии и демографии ИППС.

Тема контрацепции тесно связана с абортивным поведением. Это можно заметить в снижении потребности в прерывании беременности. Чем эффективнее используется контрацепция, тем меньше вероятность в нежелательной беременности, следовательно, меньше потребности в абортах. По данным Росстата, в 2023 году в России сделано 467 586 операций, в 2022 году 503 809 операций. Статистика снижается, на 2024 год зафиксировано меньше 400 тыс. процедур [1]. Но число остаётся высоким, и тема абортов остаётся обсуждаемой в обществе, вопросы сексуального и репродуктивного здоровья молодёжи приобретают особую значимость. Контрацепция – использование методов для предотвращения нежелательной беременности [2].

© Кондракова В. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель контрацепции – контроль за репродуктивным здоровьем, предотвращение нежелательной беременности.

Актуальность исследования отношения студентов к современным методам контрацепции обусловлена необходимостью понимания уровня информированности, ценностных ориентиров и поведения молодежи в сфере репродуктивного здоровья. Исследование проводилось среди студентов-бакалавров 1-4 курсов очного отделения ИППС СФУ методом анкетного опроса. Была выдвинута гипотеза о том, что студенты относятся к современным методам контрацепции положительно.

Первый блок вопросов связан с индикатором «Социально-демографическая характеристика». Подавляющее большинство опрошенных составляют женщины, чем мужчины (71% и 29% соответственно).

Второй блок вопросов связан с индикатором «Информированность студентов ИППС о современных методах контрацепции». Все опрошенные осведомлены о существующих средствах контрацепции. Больше всего респонденты знают о барьерной контрацепции (презервативы) и гормональной контрацепции (27% и 23% соответственно). Кроме того, наиболее эффективными контрацептивами студенты тоже выделили презервативы и гормональные таблетки (38% и 34% соответственно). Половина опрошенных частично информированы о побочных эффектах современных методов контрацепции, которые связаны с особенностями организма (например, головные боли, тошнота, головокружение, кровотечения).

На вопрос про ответственное сексуальное поведение значительное большинство респондентов (70%) выразили абсолютное согласие с тем, что осведомлённость о контрацепции способствует ответственному сексуальному поведению.

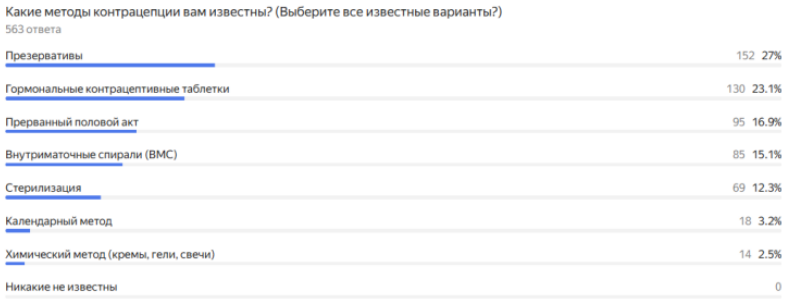


Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие методы контрацепции вам известны? (Выберите все известные варианты?)».

Третий блок вопросов связан с индикатором «Отношение студентов ИППС к источникам информации». Чуть менее половины респондентов (46%) обращаются к онлайн-ресурсам. На вопрос о надёжности интернет-источники стоят на втором месте (35%). Лидером оказался источник – медицинские работники (39%). В предыдущем вопросе данный источник информации оказался менее распространённым (11%).

Четвёртый блок вопросов связан с индикатором «Отношение студентов ИППС к применению контрацепции». Более половины опрошенных (76%) считают, что контрацепцию нужно использовать всегда. Часть респондентов (37%) не применяют методы контрацепции. Большинство, кто использует контрацепцию, отдаёт предпочтение презервативам (34%). На выбор метода контрацепции существенно влияют факторы – эффективность и безопасность для здоровья (30% и 23% соответственно).

Наибольшее беспокойство у опрошенных при использовании или возможности использования средств контрацепции вызывают такие факторы, как неловкость, стеснение при покупке, страх побочных эффектов, те, у кого не возникает проблем (22%, 20% и 19% соответственно). Значимым риском студенты отметили неэффективность метода и риск наступления нежелательной беременности (32%).

Заключительный блок вопросов связан с индикатором «Отношение студентов ИППС к политике формирования

грамотности молодёжи в сфере контрацептивного поведения». Более половины опрошенных считают, что проведение просветительских мероприятий по вопросам контрацепции либо желательны, либо обязательны (40% и 34% соответственно). Большая часть респондентов (44%) предпочитают встречи с медицинскими работниками.

По результатам видно, что студенты осведомлены о различных методах контрацепции. Понимают наличие рисков и опасений по использованию определённых методов контрацепции. Они получают информацию из интернет-источников, но доверяют сведениям о контрацепции у квалифицированных работников в области здравоохранения. Это подтверждает важность образовательных программ, направленных на повышение знаний о контрацепции, с целью снижения рисков нежелательной беременности и распространения инфекций, передающихся половым путем, что выражает положительное отношение к современным методам контрацепции. Следовательно, можно сделать вывод, что гипотеза подтвердилась.

Список источников

1. Росстат раскрыл регионы-лидеры по росту и сокращению числа абортов. Здравоохранение // medvestnik.ru. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Rosstat-raskryl-regiony-lidery-po-rostu-i-sokrasheniu-chisla-abortov.html (дата обращения: 07.04.2026).

2. Современные виды контрацепции, классификация // amadeusmed.ru. URL: https://amadeusmed.ru/helpful/sovremennye-vidy-kontratseptsii-preimushchestva-i-nedostatki-raznykh-sposobov/ (дата обращения: 07.04.2026).

УДК 316.35

Оценка сотрудниками некоммерческих организаций грантовой поддержки общественных инициатив в Красноярском крае

Конышев Никита Сергеевич
Институт социального инжиниринга Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, jujjgyff@gmail.com

Ключевые слова: некоммерческие организации, грантовая поддержка, общественные инициативы, Красноярский край, проектная деятельность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Синьковской Ирине Георгиевне, канд. социол. наук, доценту, доценту кафедры психологии, педагогики и социальной работы СиБГУ им. М.Ф. Решетнева.

Становление гражданского общества в современной России неразрывно связано с формированием устойчивой экономической базы для деятельности некоммерческих организаций [1]. В условиях ограниченности собственных средств именно грантовая поддержка выступает ключевым механизмом выживания и институционализации третьего сектора. Красноярский край обладает масштабной и исторически укорененной экосистемой распределения субсидий, флагманом которой выступает программа «Партнерство». Тем не менее, анализ статистики последних лет выявляет серьезное противоречие: при стабильных объемах финансирования качественный рост сектора замедляется, а состав

© Конышев Н. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

организаций–победителей практически не меняется. Количественные отчеты фондов не всегда способны отразить реальные трудности, с которыми сталкиваются сотрудники организаций «на местах». В связи с этим целью нашего исследования стало определение того, как именно специалисты оценивают действующие программы поддержки и с какими латентными барьерами они сталкиваются в своей повседневной проектной практике [5].

Для достижения поставленной цели нами была разработана качественная стратегия социологического исследования, основным методом которого послужило полуформализованное глубинное интервью. Выбор данного метода продиктован необходимостью фиксации развернутых нарративов, субъективных эмоций и глубинных мотивов респондентов, недоступных при стандартном анкетировании. В качестве экспертов выступили руководители и сотрудники некоммерческих организаций Красноярского края, обладающие длительным стажем работы в секторе (от 8 до 26 лет) и имеющие опыт реализации инициатив различного масштаба – от сугубо локальных до межрегиональных и федеральных. Материалы интервью подверглись качественному контент–анализу на основе системы разработанных эмпирических индикаторов, включающих оценку бюрократической нагрузки, доступности информации, потребности в методическом сопровождении и стратегического влияния грантов на устойчивость организаций [4].

Результаты анализа административно–бюрократических барьеров свидетельствуют о том, что процесс разработки качественной заявки требует от специалистов колоссальных ресурсов. По оценкам экспертов, при наличии готовой концепции на формирование пакета документов уходит около недели непрерывной работы, а при разработке идеи «с нуля» этот процесс растягивается до одного месяца. Респонденты подчеркивают, что хотя переход на единую электронную платформу частично снизил

техническую нагрузку, региональные программы (в частности, «Партнерство») по–прежнему остаются наиболее сложными для восприятия заявителями. Самым критическим барьером, вызывающим острую неудовлетворенность практиков, выступает система обратной связи от грантодателей. В большинстве фондов экспертиза ограничивается выставлением сухих баллов без развернутых текстовых комментариев, что лишает организацию возможности провести работу над ошибками. Даже при наличии комментариев, в случае получения низких оценок инициативным группам часто приходится механически переписывать проекты в угоду экспертам, игнорируя собственное видение проблемы [3].

Оценивая информационную доступность конкурсов, участники исследования охарактеризовали текущее положение дел как парадоксальное: в регионе наблюдается переизбыток информации при одновременных логистических просчетах организаторов. Существует множество эффективных цифровых площадок и каналов оповещения, однако очные обучающие семинары зачастую проводятся в локациях с крайне неудобной транспортной развязкой, что физически отсекает от участия активистов из отдаленных территорий края. В контексте потребности в методической поддержке эксперты высоко оценивают работу кураторов фондов и деятельность краевых ресурсных центров, которые успешно обучают основам построения логики проекта и связыванию запланированных мероприятий с бюджетом. Вместе с тем, контент–анализ позволил выявить острейший дефицит бесплатного и доступного юридического сопровождения некоммерческих организаций, что существенно тормозит их развитие [2].

Уровень проектной грамотности в Красноярском крае оценивается практиками как средний («на тройку по пятибалльной шкале»), при этом фиксируется тревожная тенденция к стагнации местных организаций на фоне стремительного роста компетенций

активистов из других регионов. Главными методологическими «провалами» заявителей остаются неспособность выстроить измеримую модель проекта, неумение грамотно обосновать актуальность социальной проблемы и полное отсутствие навыков оценки качественного социального эффекта от проведенных мероприятий. Говоря о стратегическом влиянии грантов, эксперты признают, что субсидии позволяют обучать команды и системно развиваться, однако на практике большинство организаций направляют эти средства исключительно на организацию разовых досуговых событий. Формируется «грантовая игла», при которой устойчивость инициативы полностью зависит от внешних вливаний, а не от долгосрочной стратегии самой некоммерческой организации. Для оптимизации сложившейся системы респонденты предлагают наладить регулярные очные встречи лидеров сектора с грантодателями, усилить содержательное наставничество для начинающих проектных команд.

Список источников

1. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

2. О краевых социальных грантах : Закон Красноярского края от 09.07.2020 № 9-4044 (ред. от 22.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края.

3. Мерсиянова И. В. Доверие к НКО и государственная поддержка гражданского общества // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 7–32.

4. Некоммерческий сектор в регионах России: векторы развития : монография / под ред. Л. И. Якобсона. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 340 с.

5. Партнерство – 20 лет объединяем людей : специальный выпуск, посвященный юбилею грантовой программы

Красноярского края. Красноярск : АНО «Краевой центр поддержки и развития общественных инициатив», 2025.

УДК 316.7

Категория смерти и проблемы концепции «цифрового бессмертия» применительно к современному обществу

Костяева Екатерина Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ekostyaeva@sfu-kras.ru

Ключевые слова: смерть, цифровое бессмертие, цифровая личность, экзистенциализм, современный социум.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Макарчуку Ивану Юрьевичу, докт. филос. наук, доценту.

Категория смерти, как экзистенциальный феномен рассматривается как особая область изучения в силу междисциплинарной специфики. Являясь завершением существования организма, исходя из биологического восприятия, смерть в то же время вызывает многочисленные дискуссии в философских кругах, предстает перед исследователями как обширный материал для социологического анализа отношения к смерти, структурных процессов, связанных с интеграцией особых практик в общественную жизнь и выстраивания быта с учетом сложившихся религиозных и социокультурных факторов.

Современное общество характеризуется совокупностью особенностей, сформированных под влиянием глобальных

© Костяева Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

технологических и культурных процессов. Социум все чаще обращается к науке и медицине как к средствам продления жизни и отсрочки смерти, что приводит к медикализации умирания, когда смерть становится техническим процессом, а траур – приватным и сокращенным во времени [1; 2; 3]. Появляются сервисы и платформы, позволяющие ориентироваться в мире событий, находить тем мероприятия, знакомиться с религиозными текстами и участвовать в жизни тематических сообществ, что делает духовные и культурные практики более доступными и понятными для широкой аудитории, независимо от места проживания и уровня подготовки, что в свою очередь, демонстрирует массовость процессов цифровизации.

Особой категорией, выступающей предметом осмысления последних лет, является понятие цифровой личности, которое формирует пространство для дискуссий в попытке его концептуализации. Так, один из исследователей определяет цифровую личность как «личность, переведенную в цифровую форму, которая составлена из записей, фрагментов данных и кусочков информации» [4]. Из определения следует, что фактически такая «личность» не имеет автономии и самосознания, представляя собой виртуальный след реального человека. Данное обстоятельство вызывает дополнительные трудности в трактовке и реализуемости идей, связанных с этим, в некоторых случаях (цифровая личность не продолжает жить вместо реальной, не обладая ни мышлением, ни соответственно, истинной субъектностью). Цифровая трансформация личности также трактуется, как процесс «…интеграции личности в высокотехнологичную социальную цифровую экосистему общества, овладение и воспроизводство его ценностей, норм и правил поведения, знаний, навыков и компетенций в смешанной (конвергентной) онлайн и офлайн реальности, формирующей идентичность личности, обеспечивающей ее становление и непрерывное развитие…» [5].

Одновременно массовая культура и цифровые технологии формируют новые практики, связанные с феноменом смерти как

частный случай трансформаций взаимодействия социальных институтов и цифровых инноваций. Согласно тенденциям современной массовой ментальности, смерть и связанные с ней процедуры воспринимается как нечто, подлежащее игнорированию, отмечается отказ от использования символических способов ее осмысления, акцент в данном случае смещается на процедурные аспекты, а принятие неизбежности смерти трансформируется в поиск решений по ее отсрочке или избавлению от нее.

Появляется феномен «цифрового бессмертия» – поминовения и памяти в интернет-пространстве, что меняет способы переживания утраты и принадлежности, при этом одновременно провоцируя ряд негативных эффектов и вопросов в этико-правовом поле. На данный момент разработаны сервисы, позволяющие частично реализовать концепцию «цифрового бессмертия», среди них: Microsoft VALL-E [6], Neuralink [7], re;memory [8] и т.п. Условно их можно воспринимать как ресурсы с возможностью загрузки данных о личности человека в целях последующего ее характеристиках после смерти, а также как некие «мемориальные» ресурсы, выступающие пространством для хранения воспоминаний родственников и близких об умершем.

Однако существует ряд вопросов, затрагивающих правовую, этическую и социальную стороны данного явления. Основной проблемой остается способ восприятия цифровой копии покойного. Представляясь лишь неким цифровым симулякром, посмертный двойник умершего не является человеком в традиционном смысле, поскольку на данный момент в науке не существует технологий переноса сознания. Правоспособность и дееспособность такого двойника остается под вопросом, как и юридическая ответственность, распространяемая на него. С точки зрения социума, существует традиционно связанный с процессами цифровизации, риск роста социальной атомизации и изоляции, замещение реальных межличностных связей цифровым «суррогатом», что может приводить к дальнейшим негативным последствиям для конкретного индивида и общества в целом.

Анализ категории цифрового бессмертия в контексте понимания современного общества демонстрирует, что с одной стороны, явление открывает новые возможности для сохранения памяти и продолжения символического присутствия ушедшего человека в жизни близких, с другой стороны, данный феномен порождает ряд фундаментальных вопросов, связанных с природой цифровой личности, ее правовым статусом и этической допустимостью использования цифровых технологий в данной сфере. Цифровая копия, вне зависимости от качества ее реализации, остается симуляцией, лишенной акторности, что ставит под сомнение возможность ее признания в качестве полноценного продолжения человеческой жизни. Массовое распространение подобных технологий в отдаленной перспективе может привести к подмене и обесцениванию реальных межличностных связей, в результате чего отношение к смерти рискует утратить свое символическое и экзистенциальное измерение, превращаясь в техническую задачу по консервации данных. В этих условиях особенно важно сохранять критический взгляд на технологические инновации, не отрицая их безусловной значимости и полезности, при этом не допуская вытеснения подлинного человеческого опыта его аналогами.

Список источников

1. Юдин Б. Г. Смерть и умирание в контексте высоких технологий // Рабочие тетради по биоэтике : Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза. Москва : Московский гуманитарный университет, 2014. С. 7–17.

2. Смарунь А. Э. Представления о смерти в современном обществе / Смарунь А. Э., Гурьянов А. С. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 6 (34). С. 234–239.

3. Медведкова Е. О. Смерть в сознании людей / Медведкова Е. О., Протасова А. А. // Аллея науки. 2022. Т. 2, № 6 (69). С. 188–192.

4. Demkin V. O. Digital identity and digital image of an individual: egal characteristics and the place in the system of related categories. // RUDN Journal of Law. 2024. Vol. 28, № 3. P. 512–527.

5. Аторин Р. Ю. Актуальные вызовы цифровой трансформации общества и роль Личности в становлении нового цифрового миропорядка / Р. Ю. Аторин, К. Ю. Докукин // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 4. С. 5–7.

6. VALL-E // Microsoft Research. URL: https://www.microsoft.com/en-us/research/project/vall-e-x/ (дата обращения: 27.06.2026).

7. Neuralink // Neuralink. URL: https://neuralink.com (дата обращения: 27.06.2026).

8. re;memory // DeepBrain AI. URL: https://www.aistudios.com/re memory (дата обращения: 27.06.2026).

УДК 316.4

История становления дистанционного обучения в современной системе высшего образования России (социологический аспект)

Крютченко Алина Дмитриевна
Институт педагогики, психологии и социологии, Красноярский край, Красноярск, Россия, akd0226@mail.ru

Ключевые слова: дистанционное обучение, социально-коммуникативные трансформации, инклюзивность, социальное неравенство, демократизация знания.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Шинкевичу Владимиру Ефимовичу, докт. социол. наук, доценту, профессору кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

Становление дистанционного обучения (ДО) в России пришлось на период глубоких социально-экономических и политических трансформаций. Переход к рыночным отношениям сопровождался дефицитом государственного финансирования, что вынудило систему образования искать новые, более экономичные формы работы. Именно в этих кризисных условиях внедрение дистанционных технологий стало рассматриваться как перспективное решение. Начало официальному развитию этой сферы положило решение коллегии Министерства науки от 9 июня 1993 г. № 9/1. В дальнейшем этот курс был закреплен постановлением Госкомвуза РФ от 31 мая 1995 г. № 6, которое определило создание единой системы дистанционного образования

© Крютченко А. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

как одно из приоритетных направлений развития высшей школы в новых условиях [2].

При формировании Концепции развития системы дистанционного образования ставилась задача объединить цифровые образовательные инструменты с традиционными форматами — очным и заочным. Однако практическая реализация этого замысла столкнулась с рядом существенных препятствий. Ключевыми среди них были: недостаточный уровень материально-технической оснащенности вузов, дефицит финансовых средств и другие. Массовое внедрение интернет-технологий в образовательную среду российских вузов началось лишь в XXI веке, после 2000-х годов [5].

В России датой официального развития дистанционного образования можно считать 30 мая 1997 года, когда вышел приказ № 1050 Минобразования России, позволяющий проводить эксперимент в сфере дистанционного образования. Сам термин «Дистанционное образование» обозначает «один из методов получения образования по заочной форме обучения, основанном на использовании специфических образовательных технологий, базирующихся на современных методиках обучения, технических средствах связи и передачи информации» [3].

В концепции создания и развития дистанционного обучения в РФ приводятся следующие определения:

Дистанционное обучение - целенаправленно организованный и согласованный во времени и пространстве процесс взаимодействия обучающих и обучающихся между собой и со средствами обучения с использованием педагогических, а также информационных и коммуникационных технологий [1].

Технология дистанционного обучения - совокупность методов и средств обучения, обеспечивающих проведение учебного процесса на расстоянии с использованием ИКТ [1].

Российское законодательство (ФЗ №273) проводит четкую грань между электронным обучением и дистанционными образовательными технологиями (ДОТ). Если в первом случае акцент ставится на работе с цифровыми базами данных, то в определении ДОТ ключевое значение приобретает специфика социальной коммуникации — взаимодействие педагога и учащегося происходит «опосредованно», то есть через сетевую среду.

С социологической точки зрения принципиально важен институциональный статус дистанта: согласно закону, он не является самостоятельной формой образования. Это лишь технологический инструмент, который может интегрироваться в очную или заочную системы. Такая правовая конструкция сохраняет за субъектами (родителями и учащимися) право на выбор индивидуальной образовательной стратегии, позволяя использовать цифровые ресурсы для расширения возможностей традиционных форматов обучения [4].

В современной образовательной практике выделяются несколько ключевых форматов дистанционного взаимодействия, различающихся по степени вовлеченности участников: видеоконференция, текстово-ориентированные форматы (чаты и веб-форумы), технологии телеприсутствия.

Анализ подтверждает, что дистанционное обучение в России переросло статус технического средства, превратившись в системный фактор трансформации высшей школы. Его место в современной структуре образования определяется через ряд фундаментальных противоречий. Институционально оно закрепилось как адаптивная надстройка, гарантирующая устойчивость вузов в кризисные периоды, но не заменяющая традиционные формы. Социально-коммуникативный эффект формата амбивалентен: вынужденная минимизация личных контактов компенсируется радикальным расширением границ

инклюзии для категорий студентов, ранее исключенных из академической среды.

В то же время цифровизация актуализирует проблему «технического ценза», при котором социально-экономическое неравенство конвертируется в новые формы цифровой депривации. Ключевой субъектный сдвиг заключается в переносе ответственности на автономию обучающегося, что, несмотря на институциональный скепсис, является необходимым ответом на запросы информационного общества. Таким образом, дистанционный формат сегодня занимает место гибридного ресурса, где неизбежные риски для академических традиций уравновешиваются беспрецедентными возможностями для персонализации и доступности знаний.

Список источников

1. Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств (от 29.11.2001) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902926 (дата обращения: 13.04.2026).

2. Малькова Т. В. Становление системы дистанционного обучения в Российской Федерации: к истории проблемы // Наука и школа. 2009. № 1. С. 63–65.

3. О проведении эксперимента в области дистанционного образования : приказ Минобразования РФ от 30.05.1997 № 1050 (ред. от 07.05.1998) // Официальный интернет-портал правовой информации.

4. Тимуршина Г. И. К какой форме обучения относится дистанционное обучение? // Информационный портал по внедрению эффективных организационно-управленческих и финансово-экономических механизмов. URL: http://xn--273--

84d1f.xn--p1ai/voprosy_i_otvety/distancionnoe-obuchenie (дата обращения: 27.03.2026).

5. Хусяинов Т. М. История развития и распространения дистанционного образования // Педагогика и просвещение. 2014. № 4. С. 30–41.

УДК 379.8

Досуговые предпочтения семей г. Красноярска

Лапа Софья Эдуардовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Lapasonya2005@gmail.com

Ключевые слова: семья, типы семьи, досуг, семейный досуг, досуговые предпочтения.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Синьковской Ирине Георгиевне, канд. социол. наук, доценту, доценту кафедры социологии и демографии ИППС.

В современном мире семья имеет очень большую значимость для общества. Согласно опросу ВЦИОМ за 2024 год, «ключевое место в нашей ценностной системе координат занимает крепкая семья» [1]. В России реализуется ряд проектов, направленных на развитие института семьи, например, Национальный проект «Семья» [2]. Для сохранения института семьи, достойного воспитания детей необходим семейный досуг. Существует множество факторов, которые препятствуют организации совместного семейного досуга, например, загруженный график

© Лапа С. Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

родителей и детей, виртуализация, пространственные и временные ограничения досуга и др. [3, 4]. Также существует дефицит актуальных и локализованных социологических данных о том, как именно семьи крупного промышленного города, такого как г. Красноярска понимают, организуют и оценивают свое совместное времяпрепровождение. Практический интерес могут иметь выявленные реальные практики, барьеры и потребности в совместном досуге у семей г. Красноярска, что необходимо для формирования адекватной социальной и культурной политики на муниципальном и региональном уровнях.

С целью изучения досуговых предпочтений разных типов семей г. Красноярска, в конце 2025 года методом полуформализованного глубинного интервью было проведено исследование десяти семей: 2 полной семьи с 1-2 детьми, 2 многодетной полной семьи, 2 полной семьи без детей, 2 неполной семьи с 1-2 детьми, 2 многодетной неполной семьи.

Гипотеза исследования: «У семей г. Красноярска досуговые предпочтения зависят от типа семьи».

Благодаря проведенной серии интервью было выявлено, что большинство респондентов рассматривают семейный досуг как время, проведённое с семьей за совместным занятием, которое должно отвлекать от домашних забот, иметь развлекательный характер и быть заранее спланированным.

Семейный досуг в Красноярске носит прагматичный, демократичный и природно-ориентированный досуг. Преобладают доступные формы отдыха, сочетающие общение членов семьи с минимальными финансовыми затратами. Основными видами являются прогулки в природных и рекреационных местах, совместный просмотр фильмов дома, настольные игры и приготовление еды. Организованные культурные и гастрономические формы семейного досуга непопулярны.

К факторам, которые влияют на выбор семейного досуга, можно отнести интерес всех членов семьи, независимо от возраста, эмоциональная разгрузка и отдых от работы, преемственность семейных традиций, практическая осуществимость в условиях

занятости, стремление дистанцироваться от трудовой деятельности. Факторы, влияющие на выбор семейного досуга не связаны с типом семьи.

Семьи проводят время вместе ежедневно, однако качественного совместного досуга не хватает. Наиболее острая потребность в семейном досуге отмечается в полных семьях с детьми, тогда как в неполных семьях и среди совершеннолетних детей она носит вторичный характер из-за загруженности и иных приоритетов.

Инициатива в планировании семейного досуга в большинстве случаев принадлежит женщинам, что отражает традиционную гендерную роль. В отдельных семьях отмечается равное участие супругов или инициатива детей.

Семейный досуг в основном не требует значительных расходов. Большинство семей удовлетворены доступностью бюджетных форм отдыха в городе. Крупные траты планируются лишь на ежегодный отпуск.

Семьи высоко ценят совместный досуг и получают от него положительные эмоции, независимо от типа семьи. Семейный досуг выполняет важнейшую функцию поддержания семейной сплоченности и эмоционального восстановления для её членов. Качество и полнота досуга часто ограничиваются организационными сложностями, возрастными особенностями членов семьи и дефицитом свободного времени. Конфликты чаще всего возникают на этапе планирования семейного досуга, в процессе выбора.

Таким образом, семейный досуг в г. Красноярске выполняет важную роль в укреплении эмоциональных связей внутри семьи и отдыхе. Потенциал семейного досуга реализуется не в полной мере из-за дефицита качественного совместного времени, гендерной асимметрии в организации и преобладания бытовых и рутинных активностей. Предпочтения в совместном досуге не связаны с типом семьи, а скорее зависят от личных предпочтений членов семьи.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что гипотеза исследования опровергнута. Не было выявлено зависимости досуговых предпочтений от типа семьи.

Практическая значимость результатов для органов муниципальной и региональной власти заключается в следующих рекомендациях, в основу которых легли рекомендации респондентов.

1. Повышение доступности природных достопримечательностей и рекреационных зон за счет увеличения маршрутов городского транспорта. Внедрение «туристического маршрута», который будет соединять спальные районы и природные достопримечательности города.

2. Создание мест для семейного отдыха, где будет интересно и детям, и взрослым с акцентом на общении и взаимодействие членов семьи, а не на потребление.

3. Создание единого онлайн-приложения с афишей мероприятий в городе, где будут видны мероприятия, места, часы работы, скидки, наличие свободных мест и т.д., что поможет решить проблему планирования семейного досуга.

4. Увеличение значимости участия мужей, отцов в семейном досуге за счёт организации мероприятий, которые будут интересны мужчинам, а также за счет создание образа мужчины как активного участника и организатора семейного досуга по средствам рекламы в СМИ, рекламных баннеров и т.д.

Список источников

1. Семья как ценность // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost (дата обращения: 14.10.2025).

2. Национальный проект «Семья» // Национальные проекты России. URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/?utm_source=Regnum_spec&utm_medium=Statica&utm_content=All&utm_campaign=np_family_article (дата обращения: 14.10.2025).

3. Мамченко Т. В. Семейный досуг как средство укрепления внутрисемейных отношений // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 247.

4. Досуговые практики как фактор семейных конфликтов (по материалам социологического исследования в г. Барнауле) / Ахмедова А. Р., Ваккер П. А., Желдакова А. В., Гомонов Д. И. // Социодинамика. 2024. № 1.

УДК 316:316.64:314.172

Экономические мотивы в нарративах женщин Красноярского края о деторождении

Парфёнов Антон Сергеевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, asparfenowis@mail.ru

Ключевые слова: репродуктивное поведение, демографический выбор, репродуктивный возраст, материальные факторы, экономические факторы.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Васильевой Ольге Владимировне, ассистенту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

В большинстве развитых стран наблюдается кризис рождаемости, не обеспечивающий простого воспроизводства, что делает демографическую политику РФ приоритетным направлением [1–4]. Снижение рождаемости на фоне роста

© Парфёнов А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

продолжительности жизни — ключевой тренд современных демографических процессов [5].

Теоретико-методологическая рамка исследования включает теорию рационального выбора в репродуктивном поведении (Г. Беккер) и концепции субъективного восприятия рисков, включая экономические (М. Дуглас, А. Вилдавски). Выборочную совокупность составили 20 женщин активного репродуктивного возраста (18–49 лет) Красноярского края, находящихся в состоянии беременности или имеющих детей 2024–2025 гг. рождения. Исследование проведено на базе Енисейского регионального центра СФУ под руководством Д.О. Труфанова в октябре–декабре 2025 г.

Сбор данных осуществлялся методом полуструктурированного глубинного телефонного интервью, обработка — методом качественного контент-анализа, позволившего выявить не только частоту упоминаний, но и субъективную значимость факторов. В фокусе анализа — тематические блоки о роли материального положения и работы/карьеры. Респондентам задавались вопросы о позитивных и негативных экономических изменениях, влияющих на решение о деторождении, а также о гипотетических условиях для рождения следующего ребенка или препятствиях к этому.

Результаты исследования показывают, что материальные факторы (жилье и стабильный доход) позитивно влияют на рождаемость только в комплексе с поддержкой партнера, государства или родственников. При этом материальная поддержка супруга выступает для большинства женщин основой психологической уверенности. Субъективная оценка семьей своих возможностей преломляет влияние объективных экономических факторов.

Три наиболее значимых фактора, способствующих рождению детей:

Наличие жилья (в собственности или ипотеке), создающего ощущение стабильности.

Постоянный доход семьи (в первую очередь стабильная работа супруга) и возможность дополнительного/удаленного заработка.

Материальная помощь со стороны государства.

Три наиболее значимых фактора, препятствующих рождению детей:

Ощущение финансовой нестабильности, обусловленное страхами: потери дохода в декрете, увольнения, нестабильности самозанятости, кредитной нагрузки, невозможности совмещать работу и семью при вахтовом методе супруга.

Отсутствие собственного жилья или неуверенность в выплате ипотеки.

Рост цен, усложняющий финансовое планирование.

Таким образом, три основополагающих аспекта деторождения — жилье, финансовая стабильность и поддержка супруга. Собственное жилье упоминается как обязательное условие: без него материнство откладывается или отменяется. Для повышения рождаемости первоочередной задачей является формирование у потенциальных родителей ощущения безопасности. Необходим комплекс мер, ориентированных на базовые факторы: расширение доступа к льготной ипотеке, субсидирование первоначального взноса и ремонта, упрощение одобрения кредитов для семей с нестабильным доходом. Это позволит смягчить субъективные экономические риски, поддерживая рациональный подход населения к деторождению.

Список источников

1. Агеев А. И. Демографическая политика в России: оценка результативности / А. И. Агеев, О. А. Золотарева // Вопросы статистики. 2023. № 4. URL: https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/1553 (дата обращения: 13.04.2026).

2. Рогозин К. Д. Сохранение семейных ценностей как основа патриотического воспитания молодежи / К. Д. Рогозин, Е. А. Хомутникова // МНКО. 2026. № 1 (116). С. 28-31.

3. Андронова Л. Н. Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт / Л. Н. Андронова, Н. М. Ланцова // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. № 20. С. 266-285. DOI 10.47711/2076-318-2022-320-341.

4. Семья // Национальные проекты России. URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya (дата обращения: 13.04.2026).

5. Суммарный коэффициент рождаемости // Fedstat.ru. URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 612.821

Психофизиологические механизмы страха и его регуляции в условиях глобальной нестабильности

Полякова Екатерина Владимировна, Григорьева Дарья Евгеньевна
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия,
ekaterinachetveruhina@mail.ru

Ключевые слова: страх, электроэнцефалография, миндалевидное тело, эмоциональная реакция, стресс, релаксация, эволюционная психология, нейробиология эмоций.

Благодарности: авторы выражают благодарность научным руководителям, Толмачевой Татьяне Владимировне, канд. мед. наук, доценту кафедры физиологии им. профессора А.Т. Пшоника КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Казаковой Татьяне Вячеславовне, докт. мед. наук, доценту кафедры анатомии человека КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого.

Современное общество характеризуется состоянием нестабильности, проявляющейся в повышенной неопределенности социально-экономических процессов, ускоренной динамике технологических изменений и информационной перегрузке. В этих условиях человек подвергается систематическому воздействию стрессогенных факторов: техногенного, социального, информационного и экзистенциального характера. Следствием этого является изменение интенсивности и длительности стрессовых реакций: вместо эпизодических проявлений, стресс становится хроническим, страх и тревога приобретают фоновый

© Полякова Е. В., Григорьева Д. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

характер и встраиваются в повседневное функционирование личности.

Страх является фундаментальной эмоцией, закрепленной эволюционно как универсальный адаптивный механизм. Он позволяет обеспечить выживание вида посредством своевременного распознавания угроз и инициации адекватных защитных реакций [5].

Однако, несмотря на это, основная трудность связана с нарушением механизмов завершения стрессовой реакции и восстановления психоэмоциональной стабильности. В связи с этим актуальным становится изучение способности психики к восстановлению после воздействия стрессогенных факторов.

Научные нейробиологические исследования выделяют несколько ключевых структур мозга, участвующих в формировании и регуляции страха: миндалевидное тело (первичный центр аффективной оценки угрозы), гиппокамп (модулятор контекстуальной специфики), медиальную префронтальную кору (ингибиторный контроллер), гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую ось (эффектор вегетативных и эндокринных компонентов стресс-реакции), верхнее двухолмие (обработка зрительной информации о потенциальной угрозе) [4].

Целью нашей работы стало проведение комплексного анализа нейробиологических и физиологических механизмов реакции страха у человека при воздействии стрессовых и релаксационных аудиовизуальных стимулов.

В данном исследовании приняли участие 20 студентов 18-22 лет. На подготовительном этапе проведения исследования были отобраны аудиовизульные стимулы к предъявлению респондентам. Стимулы представляли собой десять, чередующихся в определенном порядке стрессовых и релаксационных изображений, сопровождающихся звуковыми эффектами, были выделены по эволюционному признаку: древние угрозы (вой волка и гроза);

социальные угрозы (крик, учащенное сердцебиение); техногенные угрозы (авария); релаксационные стимулы (природа, море, котик, медитация и лес).

Эксперимент проводился с помощью стационарной программы БИОПАК (BIOPAC). В качестве оборудования использовались: неинвазивные электроды, установленные на правой височной доле испытуемых; система регистрации физиологических показателей; программное обеспечение для предъявления стимулов и синхронизации данных.

В ходе исследования оценивали реактивность нервной системы, сопоставляя фоновую активность мозга (при закрытых глазах) и состояние активности (при открытых глазах без стимулов). Переход от покоя к активности сопровождался ростом частоты бета-ритма (до 25–26 Гц) и снижением медленных волн: тета-ритм уменьшился с 7,5 Гц до 6,2 Гц, дельта-ритм - с 4,1 Гц до 3,3 Гц.

Анализ реакции мозга на стрессовые стимулы показал выраженную активацию коры - сигналы биологических угроз, техногенных событий и социальных сигналов бедствия повышали частоту бета-ритма до 21–26 Гц. На этом фоне особенно заметной оказалась эффективность релаксационных стимулов природного характера и эмоционально позитивных сигналов в восстановлении психоэмоционального равновесия.

Так, стимул «Сверчки» (S4, 16,68 Гц) обеспечил глубокую релаксацию (снижение бета-ритма на Δ = 5,04 Гц). Стимул «Природа» (S10, 18,1 Гц) вернул мозг к состоянию, близкому к фоновому покою (14,1 Гц), снизив тета-ритм до 5,67 Гц и дельта-ритм до 2,43 Гц. «Котенок» (S2, 18,24 Гц) эффективно купировал последствия стрессора «Авария» (S1): снижение бета-ритма составило Δ = 7,56 Гц, тета-активности - на 1,13 Гц, дельта-активности - на 0,92 Гц. Умеренную эффективность продемонстрировал стимул «Медитация» (S8) после стрессора

«Волк» (S7): снижение бета-ритма Δ = 6,6 Гц, тета-активности - 0,83 Гц, дельта-активности - 0,71 Гц.

Однако некоторые релаксационные воздействия оказались малоэффективны. Например, стимул «Море» (S6) после «Крика» (S5) не снизил бета-ритм (Δ = 0,00 Гц) из-за парадоксальной активации, а «Природа» (S10) после «Грозы» (S9) дала лишь незначительное снижение (Δ = 0,12 Гц), вероятно, из-за привыкания к стрессору.

Анализ ЭЭГ и анкетирования выявил четыре типа реагирования на стресс (гиперсензитивный, высокочастотный аналитический, классический и шоковой активации). Классический тип быстро восстанавливается после природных релаксационных стимулов, гиперсензитивный - требует больше времени даже при эффективных воздействиях.

Выявлено, что релаксационные эффекты различаются по глубине воздействия (истинная, частичная и псевдорелаксаци). Наиболее полноценная релаксация, сопровождающаяся снижением активности на всех уровнях работы мозга - корковом, лимбическом и стволово-таламическом, - достигается преимущественно под влиянием природных стимулов.

Полученные данные подтверждают существование индивидуальных стратегий совладания со стрессом: в условиях нестабильности и постоянной частичной активации нервной системы современного человека необходим переход от управления стрессом к управлению состояниями с учетом индивидуальных особенностей реагирования.

Список источников

1. Данилова Н. Н. Психофизиология : учебник для вузов. Москва : Аспект Пресс, 2000. 373 с.

2. Симонов П. В. Эмоциональный мозг: Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. Москва : Наука, 1981. 216 с.

3. Davis M. The amygdala: vigilance and emotion / Davis M., Whalen P. J. // Molecular Psychiatry. 2001. Vol. 6. P. 13–34.

4. LeDoux J. E. The Emotional Brain. New York : Simon & Schuster, 1996. 428 p.

5. Öhman A. Fears, phobias, and preparedness / Öhman A., Mineka S. // Psychological Review. 2001. Vol. 108, № 3. P. 483–522.

6. Phelps E. A. Human emotion and memory // Current Opinion in Neurobiology. 2004. Vol. 14, № 2. P. 198–202.

УДК 159.9

Взаимосвязь социально-психологической адаптации старших подростков с их представлениями о стиле семейного воспитания

Попова Александра Романовна
Институт истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, Волгоградская область, Волгоград, Россия, psb-221_264743@volsu.ru

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, стиль семейного воспитания, семья, воспитание, подростковый возраст.

В настоящее время происходит преобразование института семьи, меняются не только родительские роли, но и восприятие стратегий воспитания самими детьми. И то, как у взрослых получается выстроить взаимоотношения с современными подростками, может быть основой их успешной адаптации к условиям нового общества.

© Попова А. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Социально-психологическая адаптация представляет собой процесс, в котором человек справляется со сложными жизненными ситуациями, применяя накопленный социальный опыт, реализует свои социальные роли, эффективно взаимодействует с окружающими, самореализуется и при этом удовлетворяет собственные потребности [1].

В процессе социально-психологической адаптации важную роль играет стиль воспитания. Одной из самых распространённых является классификация стилей Д. Бауринд [3].

«Любое воспитательное воздействие, оказываемое родителями на детей, приводит к проявлению и закреплению определённых личностных особенностей…» [2].

В рамках данной темы нами было проведено исследование взаимосвязи социально-психологической адаптации старших подростков с их представлениями о стиле семейного воспитания при помощи опросника «Подростки о родителях» (ПОР) авторов З. Матейчик и П. Ржичан в адаптации НИПНИ им. Бехтерева и теста социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонд в адаптации Т. В. Снегиревой, А. М. Прихожан. Выборку исследования составили 101 подросток в возрасте от 15 до 18 лет. Был проведён корреляционный анализ, значимые результаты которого представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1. Взаимосвязь интегральных показателей социально-психологической адаптации старших подростков с их представлениями о матери

Коэффициент корреляции r-Спирмена		**Мать позитивный интерес**	**Мать директивность**	**Мать враждебность**	**Мать автономность**	**Мать непоследовательность**
Адаптация	r	,446**	-,261**	-,404**	,216*	-,350**
	p	,000	,008	,000	,030	,000
Самопринятие	r	,386**	-,224*	-,362**	,161	-,336**
	p	,000	,024	,000	,107	,001

Окончание таблицы 1.

Коэффициент корреляции r-Спирмена		**Мать позитивный интерес**	**Мать директивность**	**Мать враждебность**	**Мать автономность**	**Мать непоследовательность**
Принятие других	r	,382**	-,304**	-,363**	,218*	-,310**
	p	,000	,002	,000	,029	,002
Эмоциональная комфортность	r	,424**	-,159	-,361**	,231*	-,283**
	p	,000	,113	,000	,020	,004
Интернальность	r	,350**	-,202*	-,283**	,210*	-,246*
	p	,000	,043	,004	,035	,013

Как видно из таблицы 1, выявлены взаимосвязи между интегральными показателями социально-психологической адаптации и представлениями старших подростков о матери. Наиболее значимые из них: умеренная положительная взаимосвязь между позитивным интересом к матери и адаптацией, самопринятием, принятием других, эмоциональной комфортностью и интернальностью; умеренная отрицательная взаимосвязь между директивным восприятием матери и принятием других; умеренная отрицательная взаимосвязь между восприятием матери как враждебной и адаптацией, самопринятием, принятием других, эмоциональной комфортностью; умеренная отрицательная взаимосвязь между непоследовательным воспитанием матери и адаптацией, самопринятием, принятием других.

Таблица 2. Взаимосвязь интегральных показателей социально-психологической адаптации старших подростков с их представлениями об отце

Коэффициент корреляции r-Спирмена		**Отец позитивный интерес**	**Отец директивность**	**Отец враждебность**	**Отец автономность**	**Отец непоследовательность**
Адаптация	r	,250*	-,223*	-,319**	,209*	-,303**
	p	,012	,025	,001	,036	,002

Окончание таблицы 2.

Коэффициент корреляции r-Спирмена		**Отец позитивный интерес**	**Отец директивность**	**Отец враждебность**	**Отец автономность**	**Отец непоследовательность**
Самопринятие	r	,240*	-,248*	-,363**	,158	-,328**
	p	,016	,012	,000	,114	,001
Принятие других	r	,304**	-,229*	-,318**	,244*	-,222*
	p	,002	,021	,001	,014	,026
Эмоциональная комфортность	r	,285**	-,173	-,318**	,242*	-,228*
	p	,004	,083	,001	,015	,022
Интернальность	r	,187	-,219*	-,255*	,121	-,274**
	p	,062	,028	,010	,229	,005

Из таблицы 2 видно, что выявлены следующие наиболее значимые взаимосвязи: умеренная положительная взаимосвязь между положительным интересом к отцу и принятием других; умеренная отрицательная взаимосвязь между восприятием отца как враждебного и адаптацией, самопринятием, принятием других, эмоциональной комфортностью; умеренная отрицательная взаимосвязь между непоследовательным воспитанием отца и адаптацией, самопринятием.

Эти данные свидетельствуют о том, что чем более родитель критикует, контролирует, проявляет агрессию, тем менее старший подросток будет способен к адаптации. И наоборот, чем более родитель проявляет позитивное, заботливое отношение к подростку, тем более вероятно, что он будет эффективно приспосабливаться к новым условиями. Можно сделать вывод о том, что при восприятии родителя как авторитарного снижаются показатели социально-психологической адаптации подростков.

Таким образом, полученные результаты подтверждают значимость представлений старших подростков о стиле семейного воспитания в процессе их социально-психологической адаптации в условиях современного изменяющегося общества.

Список источников

1. Современные направления и технологии социально-профессионального воспитания студентов: от теории – к региональной практике : монография / Гордиенко И. В., Дорофеев А. Ф., Любимова Н. И. [и др.]. Белгород : БелГАУ им. В. Я. Горина, 2022. 195 с. URL: https://e.lanbook.com/book/332078 (дата обращения: 02.04.2026).

2. Дубанова В. А. Стили семейного воспитания и их влияние на личность подростка // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. С. 65–73.

3. Киселева Н. Н. Классификация стилей и особенностей семейного воспитания на современном этапе развития института семьи / Киселева Н. Н., Крашенинников Е. Е. // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2025. Т. 19, № 2. С. 235–250. DOI 10.24412/2076-9121-2025-2-235-250.

УДК 338.467.4:378.18-054.6

Экономические факторы адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере Сибирского федерального университета)

Симакина Анастасия Евгеньевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, simakina.2005@inbox.ru

Ключевые слова: адаптация, экономические факторы адаптации, иностранные студенты, адаптация иностранных студентов, Сибирский федеральный университет.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Труфанову Дмитрию Олеговичу, канд. социол. наук, доценту, заведующему кафедрой социологии и демографии ИППС СФУ.

Актуальность исследования вопросов адаптации иностранных студентов в российских вузах обусловлена значительным ростом международной мобильности учащихся и стремлением России укрепить свои позиции на мировом образовательном рынке. В последние годы количество иностранных студентов в российских вузах значительно выросло: в 2019 году начали своё обучение 298 тысяч, в 2020 — 315 тысяч, в 2021 — 324 тысячи [1], а в 2024 году в России их количество достигло 389 тысяч человек [2].

В то время как психологические, культурные и социальные аспекты хорошо изучены в научной литературе, экономический фактор адаптации иностранных студентов не является подробно

© Симакина А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

исследованным и рассмотренными в рамах СФУ. Тем не менее ему посвящены ряд работ социологов и педагогов (А. А. Минин, Е. В. Клюшникова).

Анализ литературы показывает, что у иностранных студентов в период адаптации наблюдаются различные финансовые проблемы. Несмотря на финансовую поддержку от родных, необходимость работать остаётся важным фактором, позволяющим студентам покрывать расходы.

Для изучения экономического фактора адаптации иностранных студентов в Сибирском федеральном университете в период с октября по декабрь было проведено социологическое исследование, в нём приняли участие 7 иностранных студентов социогуманитарного направления подготовки, обучающиеся в ИППС СФУ.

Принцип отбора респондентов производился по следующим критериям:

-студент ИППС СФУ очной формы обучения бакалавриата;

-студент, являющийся гражданином другой страны;

-направление обучения;

-курс обучения и возраст.

Методом исследования было выбрано полуформализованное глубинное интервью. Был разработан список вопросов, задаваемых интервьюером. Количество вопросов – 8, они были составлены таким образом, чтобы получить более точные данные по поставленной эмпирической задаче.

Для более детального изучения экономической обеспеченности студентов финансовые средства были разделены на которые блоки.

Ниже приведены все факторы, изученные в процессе исследовательской работы:

1. Большое количество денежных трат на обязательные документы для пребывания в России, а также пользование

социальными институтами принимающего общества - страхование, медицинские осмотры, госуслуги и прочее.

2. Нехватка финансовых средств, являющаяся барьером для полноценного досуга, социализации и эффективной социальной коммуникации иностранных студентов.

3. Трудности в процессе получение денежной суммы.

Например, причинами этого могут быть нестабильность валюты и сложности обмена при изменении номинала, комиссия банка, лимиты на переводы и так далее.

Недостаточный опыт трудоустройства в России у иностранных студентов.

Большинство опрошенных отмечали значительные затраты на оформление обязательных документов для пребывания, а также пользование социальными институтами принимающего общества - страхование, медицинские осмотры, госуслуги и прочее. Общая сумма расходов на первичное оформление составляет около 20-30 тысяч рублей, что для многих студентов значительная финансовая нагрузка и требует экономии и поиска поддержки (например, материальной помощи в первый год) К тому же ограниченный бюджет влияет на качество и возможности социальной жизни: студенты часто вынуждены экономить на досуге, проезде, интернете и учебных расходах. Возможность регулярно посещать кино, кафе или другие мероприятия ограничена из-за финансовых трудностей. Также студенты сталкиваются с проблемами при получении денег из-за валютных ограничений, банковских комиссий и нестабильности курса. Некоторые предпочитают получать денежные переводы в наличной форме на длительный срок, чтобы избежать частых сложностей. В то же время возможности официального трудоустройства ограничены из-за отсутствия вида на жительство и специфики миграционного режима для иностранных студентов. Официальная работа требует значительных сумм на счёте (около 80-100 тысяч рублей) для

оформления ВНЖ, что практически недоступно для большинства студентов, поэтому многие рассматривают неофициальную занятость, хотя это связано с рисками.

Таким образом, экономический фактор имеет существенное влияние на весь процесс адаптации студентов. Ситуация нехватки финансовых средств затрудняет полноценное участие иностранных студентов в учебном процессе и в процессе социальной интеграции в новый социум, ограничивая доступ к необходимым ресурсам, жилью и культурным мероприятиям. Денежные проблемы могут вызывать стресс и снижать мотивацию, что отрицательно сказывается на адаптации и успеваемости. Адекватная финансовая поддержка способствует снижению барьеров и успешной интеграции в новую среду.

Несмотря на отсутствие достаточного количества денежных средств, которое оказалось бы комфортным для адаптации, студенты находят формы компенсации финансового дефицита.

Одной из таких форм является трудоустройство, но она не является популярной среди респондентов, так как для официального устройства на работу нужен вид на жительство, оформление которого требует большого денежного вложения. Вторая форма – это сокращение трат и более экономичное потребление различного рода ресурсов. При такой стратегии студенты уменьшают количество покупок как продуктов, так и одежды, средств личной гигиены и бытовых товаров, при этом они практически не тратят деньги на досуг, встречи с друзьями и развлечения. Третьей формой является финансовая поддержка от родителей, но она имеет некоторые трудности, препятствующие компенсации данного дефицита. Это нестабильный курс валют, который усложняет получение конкретной суммы; лимиты по переводам или же комиссии банка, которые приводят к лишним тратам или более длительному ожиданию перевода; в целом отсутствие у родителей возможности прислать деньги, так как не

каждая семья может оказывать подобную помощь, либо же временные финансовые кризисы, которые могут для всех стать неожиданной и неприятной ситуацией.

Список источников

1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://clck.ru/3T59we (дата обращения: 13.04.2026).

2. Иностранные туденты в России // TAdviser : государство, бизнес, технологии. URL: https://clck.ru/3M3McF (дата обращения: 19.01.2026).

УДК 316.3

Отношение студентов Института педагогики, психологии и социологии СФУ к трансляции семейных ценностей в коммерческой рекламе

Тимохина София Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, timokhina_sofiya@bk.ru

Ключевые слова: семейные ценности, коммерческая реклама, студенческая молодёжь, трансляция ценностей.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чистову Роману Сергеевичу, доценту, канд. филос. наук, доценту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

© Тимохина С. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В современных условиях реклама выступает одним из ключевых инструментов воздействия на общественное сознание. Она не только продвигает товары и услуги, но и транслирует определенные социальные нормы и ценности. Поэтому в условиях трансформации института семьи и переориентации установок молодёжи особую значимость приобретает исследование особенностей восприятия и интерпретации семейных ценностей, отраженных в коммерческой рекламе [1].

Для изучения отношения студентов к трансляции семейных ценностей в коммерческой нами был проведен социологический опрос среди студентов Института педагогики, психологии и социологии СФУ. Цель исследования состояла в выявлении отношения студенческой молодёжи к просемейной рекламе, а также в оценке её влияния на ценностные установки и поведение. Исследование осуществлялось поэтапно. На первом этапе проводился анализ научной литературы, посвящённой семейным ценностям и их трансляции в коммерческой рекламе. На втором этапе осуществлялась разработка программы исследования, а также формирование необходимого инструментария. Заключительная стадия включала проведение эмпирической части работы. Сбор данных был реализован методом анкетирования с использованием онлайн-платформы Google Forms.

Генеральная совокупность исследования составила 651 респондент. Было рассчитано, что при доверительном интервале -/+ 5% и доверительной вероятности 95%, выборочная совокупность составит 242 человека (таблица 1). В исследовании использовался метод серийной выборки, основанный на распределении по направлениям подготовки («Психология», «Психолого-педагогическое образование», «Педагогическое образование», «Социология», «Педагогический дизайн цифровой образовательной среды»), в котором число элементов выборочной совокупности пропорционально числу элементов генеральной совокупности.

В целях изучения отношения студентов к трансляции семейных ценностей в коммерческой рекламе был предложен ряд вопросов, направленных на оценку частоты взаимодействия с подобной рекламой, уровня интереса к ней, степени запоминаемости и влияния на поведения.

Анализ показал, что большинство студентов сталкиваются с рекламой, содержащей семейные ценности, однако делают это нерегулярно. Только 116 респондентов (47,9%) отметили, что иногда встречают подобную рекламу, 76 человек (31,4%) указали, что сталкиваются с ней очень редко, 36 человек (14,9%) – часто.

Проанализировав ответы на вопрос «Определите Ваше общее отношение к рекламе, в которой представлен образ семьи и семейных ценностей?» можно прийти к выводу, что большая часть студентов, а именно 137 человек (56,6%) указали, что такая реклама им безразлична (рисунок 1). Положительное отношение выразили 54 человека (22,3%), отметив, что им нравится подобный контент, и еще 18 студентов (7,4 %) указали, что могут получать из нее полезную информацию. В то же время 29 опрошенных (12%) отметили, что реклама с использованием семейных ценностей вызывает у них раздражение.

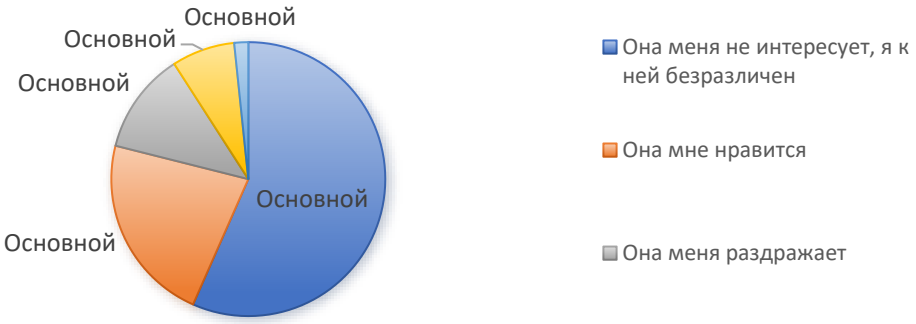


Рисунок 1. Результаты ответов на вопрос «Определите Ваше общее отношение к рекламе, в которой представлен образ семьи и семейных ценностей?».

На вопрос «Помните ли Вы содержание коммерческой рекламы с просемейной информацией?» большинство

респондентов - 166 человек (68,6%) отметили, что ничего не помнят, 61 студент (25,2%) помнят частично, и лишь 15 человек (6,2%) указали, что хорошо запомнили рекламные сюжеты. Среди наиболее запоминающихся образов студенты чаще всего выделяли беременную женщину и образ матери с ребёнком - 36 человек (14,9%), а также образ счастливой многодетной семьи - 18 человек (7,4 %).

Особое внимание было уделено оценке влияния рекламы на потребительское поведение. Результаты показали, что для большинства студентов такая реклама не является значимым фактором при принятии решений о покупке. Так, 105 студентов (43,4 %) указали, что она никогда не влияет на их выбор, 69 человек (28,5%) считают, что влияет редко, 47 человек (19,4 %) отметили, что влияние возможно в отдельных случаях.

При анализе ответов студентов на вопрос «Какой товар или услугу, как правило, показывает просемейная коммерческая реклама?» было установлено, что чаще всего подобный контент ассоциируется с детским питанием - 195 человек (80,6%), продуктами питания - 170 человек (70, 2%) и бытовой химией - 130 человек (53,7%). Реже упоминались одежда и обувь - 101 человек (41,7 %), автомобили - 79 человек (32,6 %) и мобильная связь - 47 человек (19,4%).

Полученные результаты по данным вопросам показывают, что трансляция семейных ценностей в коммерческой рекламе характеризуется высокой распространённостью в медиапространстве, с которым сталкивается большинство студентов. Однако, несмотря на частоту контакта с подобным контентом, он не вызывает выраженного интереса у студенческой аудитории и воспринимается нейтрально. Так же было установлено, что используемые образы семьи в рекламе носят преимущественно традиционный характер и связаны с родительством, бытовой сферой и заботой о близких [2]. Но для студенческой аудитории

данные образы оказываются недостаточно выразительными и запоминающимися, что снижает эффективность рекламного воздействия.

Список источников

1. Беляева А Б. Традиционные семейные ценности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11. С. 170–175.

2. Рожкова Л. В. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 2. С. 138–142.

УДК 551.586:304

Влияние климатических факторов на удовлетворенность жизнью населения г. Красноярска

Трушина Полина Денисовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, trushina2204@gmail.com

Ключевые слова: климатические изменения, температурные контрасты, психологический дискомфорт, метеочувствительность граждан, субъективное благополучие.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чистову Роману Сергеевичу, доценту, канд. филос. наук, доценту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

© Трушина П. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В условиях глобальных климатических изменений и интенсивной урбанизации сибирских территорий актуализируется проблема адаптации населения к локальным погодным аномалиям [1]. Особый научный интерес представляет изучение субъективного благополучия жителей промышленных центров с экстремальными климатическими характеристиками, таких как Красноярск. Климат этого города с выраженными температурными контрастами создаёт уникальную среду для анализа взаимосвязей между метеорологическими условиями и качеством жизни. Данное исследование восполняет пробел в региональных исследованиях психосоциальных последствий климатических изменений.

Город Красноярск расположен в зоне резко континентального климата, для которого характерны экстремальные температурные колебания в течение года. Зимний период отличается продолжительностью и суровостью со средними температурами января -20°С, тогда как лето остается коротким и умеренно тёплым. «Крайний Север и районы, приравненные к ним (тем более Арктическая зона), относятся к последнему пятому типу районов экстремального воздействия природных факторов на человека [2, с. 192]». Такие климатические условия создают уникальную среду для жизнедеятельности населения, требующую специфических адаптационных стратегий.

Целью работы является качественное исследование влияния климатических параметров на динамику субъективного благополучия жителей Красноярска. В ходе качественного исследования, основанного на полуструктурированных интервью с жителями Красноярска, были выявлены ключевые аспекты, влияющие на субъективное благополучие населения в контексте климатических факторов. Формирование выборки осуществлялось методом квотного отбора с элементами случайного выбора [3]. В качестве квот выступали административные районы города и возрастная группа (18-35 лет). Из каждого района было отобрано по

два респондента; внутри каждой квоты отбор производился случайным образом. Такой подход позволил обеспечить репрезентативность качественной выборки относительно городских районов и заданной возрастной категории. Интервью позволили глубже понять, как именно климатические условия воспринимаются респондентами и каким образом они влияют на их повседневную жизнь, эмоциональное состояние и социальную активность.

Ассоциации с климатом Красноярска у большинства респондентов носят негативный характер: отмечаются «чёрное небо», «грязный воздух», «серость». При этом общая оценка климата по пятибалльной шкале составила 3 балла — респонденты характеризуют его как «приемлемо комфортный», но при возможности предпочли бы более мягкий климат.

Респонденты демонстрируют разную степень восприимчивости к погоде: от полной нечувствительности до выраженных физических реакций (боли в суставах, головные боли на фоне магнитных бурь). Однако большинство участников отмечают прежде всего психологическое влияние погоды. Как отметил один из опрошенных, «ощущение, как будто на голову давит, но скорее психологически, а не физиологически».

Все респонденты единодушны в определении пиков энергии и упадка сил. Максимальный подъем бодрости приходится на лето и конец весны, тогда как упадок сил ассоциируется с зимой и концом осени. Один из участников описал этот контраст так: «Весной всё наполняется жизнью, расцветает, люди вокруг более жизнерадостные, дела идут в гору. После зимней хандры — весна».

Погода напрямую определяет желание выходить из дома. В теплое время года респонденты проводят на улице большую часть времени, тогда как зимой могут «несколько дней не выходить из дома». Прогулки и встречи с друзьями откладываются при сильных морозах, ветре, дожде или слякоти. При этом выполнение рабочих

и учебных обязанностей продолжается независимо от погоды, хотя и сопровождается сниженным настроением.

Респонденты используют ограниченный набор способов совладания с неблагоприятными погодными условиями: приём витаминов, занятия в спортзале, смена одежды по сезону, внутренняя самонастройка. Систематических практик целенаправленной адаптации не выявлено.

Анализируя ответы респондентов, можно прийти к выводу, что климатические условия Красноярска оказывают значительное влияние на субъективное благополучие жителей, поскольку все участники исследования в той или иной степени отмечали ухудшение настроения, снижение активности и социальной изоляции в периоды затяжных морозов, пасмурной погоды и неблагоприятных метеоусловий. При этом сами жители относятся к климату своего города как к «приемлемо комфортному», однако большинство признают, что при возможности предпочли бы более мягкие погодные условия.

Особую значимость приобретает тот факт, что ключевым «давящим» фактором выступает не температура сама по себе, а психологический дискомфорт, связанный с отсутствием солнца, мрачностью и нарушением планов из-за погоды. Однако далеко не всегда выбранные респондентами стратегии совладания оказываются достаточными для преодоления сезонной хандры и апатии, поскольку системная адаптация к экстремальным климатическим условиям требует не только индивидуальных, но и инфраструктурных и информационных решений. Крайне малое количество респондентов обращается за профессиональной психологической помощью или использует целенаправленные практики повышения жизнестойкости.

Таким образом, в ходе исследования мы установили распространённость негативного влияния климатических факторов на эмоциональное состояние, физическую активность и

социальные взаимодействия жителей Красноярска в возрастной группе 18-35 лет. В перспективе мы хотели бы порекомендовать комплекс мероприятий, направленных на повышение адаптационного потенциала населения: проведение информационных кампаний о влиянии погоды на благополучие граждан, развитие городской инфраструктуры (зелёные зоны, комфортные общественные пространства для холодного сезона), а также организацию психологической поддержки для метеочувствительных граждан.

Список источников

1. Гужавина Т. А. Среда проживания в оценках горожан // Проблемы развития территории. 2016. № 3. С. 66–70.

2. Литовченко О. Г. Факторы северных регионов и их влияние на здоровье человека (обзор литературы) // Социология. 2022. № 12. С. 191–195.

3. Трофимова Н. В. Методика оценки качества жизни населения региона // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2011. № 1. С. 142–146.

УДК 316.35

Магическое мировоззрение как вызов православному институту катехизации в современной России

Цыбенов Денис Юрьевич
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, atadun52@mail.ru

Ключевые слова: православие, катехизации, священники-блогеры, магическое мировоззрение, цифровизации.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Шинкевичу Владимиру Ефимовичу, докт. социол. наук, доценту, профессору кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

Современное российское общество демонстрирует устойчивый интерес к православной вере. Согласно данным ВЦИОМ за 2025 год, 67% россиян идентифицируют себя с православием [4]. Однако данный факт не выявляет институциональую проблему, которую можно охарактеризовать как расхождение между номинальной религиозной самоидентификацией и действительной воцерковленностью. Данный разрыв фиксирует ряд социологических исследований: 69% аффилирующих православных и 3% практикующих [2]; и т.д.

Массовая периферия верующих, не включенных в регулярную приходскую жизнь и осознанную религиозность, формирует социальный запрос со стороны церкви на религиозное

© Цыбенов Д. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

просвещение. Данную потребность призван удовлетворять институт катехизации, выполняющий функцию «содействия уверовавшему в Бога человеку в сознательном и ответственном вхождении в жизнь Церкви, в обретении им основ православного мировоззрения и православного образа жизни.» [3]

Обширная периферия формирует актуальный вызов для нынешней катехизации, который проявляется в магическом мировоззрении (магизм), понимаемом как вера в автоматическую эффективность обряда, не требующую личного покаяния, веры или изменения жизни. Научные исследования в данной области фиксируют процесс искажения религиозного сознания, проявляющиеся в подмене канонических норм суевериями и магическими практиками. Как отмечает С.Н. Астапов, в современных религиозных дискурсах сосуществуют две противоположные установки: официально-церковная, для которой чудо — это проявление благодати, требующее личной веры и покаяния, и «неофициально-религиозная», транслирующая «магическое отношение к действительности, когда сакральное включается в определенный набор действий, одно совершение которых обеспечивает получение желаемого жизненно важного результата» [1].

Традиционно решать данную проблему искажения религиозного знания призваны такие агенты института катехизации, как священник, катехизатор, крестные родители. Но в силу сложности контроля деятельности крестных родителей и массовой распространенности православия церковь в данном случае сталкивается с дефицитом временных и кадровых ресурсов. Протоиерей Н.Н. Емельянов указывает, что «как бы ни росла аффилиация … увеличения числа практикующих верующих ожидать невозможно, пока не вырастет соответствующим образом количество священников и не станет возможным формирование "вовлекающего" типа пастырского действия» [2]. Согласно его

расчетам, объем регулярного личного контакта священника с прихожанином позволяет обеспечить не более 3% населения, регулярно исповедующихся и причащающихся.

В данных условиях традиционные (очные) формы взаимодействия с прихожанами имеют ограничения для охвата массовой аудитории, что в свою очередь требует поиска новых моделей коммуникации. Одним из наиболее значимых направлений такой адаптации становится освоение церковными институтами цифрового пространства. Агентский состав религиозного просвещения расширяется, развиваются религиозные сайты, сообщества в социальных сетях и видеохостингах; создается возможность общения со священнослужителем на религиозных форумах; активно ведут медийную деятельность блогеры-священники и т.д.

В качестве репрезентативного примера следует взять блогера иерея Владислава Берегового. Анализ его видеоконтента показывает систематическую работу по разоблачению суеверий и магических представлений. Например, в одном из его популярных роликов, посвященных иконам, Береговой заявляет: «Не надо считать, что если икона не освящена, то молитва до Бога не дойдет», «Не нужно делать идолопоклонство, то есть изображение икон делать чем-то таким сверхъестественным» и т.д. Он подчеркивает, что икона не талисман, а инструмент молитвы, и критикует приписывание ей магических свойств. Священник также ведет свой TikTok аккаунт, где в краткой и понятной форме отвечает на вопросы подписчиков, демонстрирующие типичные магические установки: «Правда ли, что если подарить человеку четное количество цветов, то он скоро умрет?» (ответ: «Нет»), «Можно ли держать дома урну с прахом?» (ответ: можно, но не в банке из-под кофе, чтобы не перепутать). В ответах берегового принципиально важны риторические особенности языка, проявляющиеся в юморе, продолжительности и когнитивной

простоте. Он объясняет, что свеча падает не из-за «порчи», а из-за того, что ее неправильно поставили; что святая вода помогает от ротавируса только «если запивать ей таблетки»; что ставить свечу можно и левой рукой. Таким образом видно, что религиозно-просветительский контент распространяется на различные цифровые платформы и подстраивается под современную аудиторию, демонстрируя ей рациональное восприятие православной веры.

Таким образом, магическое мировоззрение представляет собой системный вызов институту катехизации. Традиционные агенты катехизации в силу дефицита времени и кадров имеют ограничения для охвата массовой периферии номинальных верующих. Ответом на этот вызов становится освоение церковными институтами цифрового пространства. Как показывает пример священника Владислава Берегового, блогеры-священники в доступной форме разоблачают типичные суеверия, выполняя тем самым регулятивную функцию катехизации - отделение канонического ядра от мифологических наслоений. Трансформация института катехизации в сторону освоения цифровых форматов выступает необходимым дополнением традиционной приходской работы по формированию ответственного вхождения в жизнь церкви.

Список источников

1. Астапов С. Н. Легитимация сакрального в современных дискурсах о чуде // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42. С. 175–199.

2. Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 32–48.

3. Об организации катехизической деятельности Русской Православной Церкви // Патриархия.ru : официальный сайт

Московского Патриархата. URL: https://www.patriarchia.ru/article/92547 (дата обращения: 03.12.2025).

4. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ : официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 316.4:004.8

Алгоритмическая предвзятость в системах искусственного интеллекта: источники и влияние на социально значимые решения

Чекулаев Василий Олегович
Иркутский государственный университет, Иркутская область, Иркутск, Россия, vasiliy.chekulaev.05@mail.ru

Ключевые слова: алгоритмическая предвзятость, искусственный интеллект, социальное неравенство, принятие решений, цифровая среда.

Введение. Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) сопровождается их активным внедрением в сферы, связанные с принятием социально значимых решений – от правоприменения до цифровых платформ, формирующих информационную повестку. В таких условиях значимость приобретает проблема алгоритмической предвзятости. Она способна оказывать влияние на распределение ресурсов, доступ к возможностям и интерпретацию общественной информации.

© Чекулаев В. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В отличие от традиционных технических систем, современные модели ИИ обучаются на данных, отражающих сложившиеся социальные практики, в том числе неравенство и стереотипы. Алгоритмы могут как воспроизводить существующие искажения, так и усиливать их в процессе применения. Цель статьи – проанализировать природу алгоритмической предвзятости, выявить основные источники ее возникновения и рассмотреть подходы к снижению ее влияния в контексте принятия решений.

Природа алгоритмической предвзятости. Предвзятость не ошибка, а естественное следствие того, что системы ИИ обучаются на данных, отражающих реальные человеческие решения, содержащие сложившиеся стереотипы и неравенство. А. И. Смирнова подчеркивает, что модели «усваивают» предвзятость в процессе обучения, когда в тренировочных наборах присутствуют дискриминационные решения, принимавшиеся людьми в прошлом. Проблема усугубляется отсутствием «правильных» ответов в сложных социальных задачах: то, что считается справедливым в одной культурной, социальной или политической системе, может приниматься как дискриминация в другой [2].

Ю. С. Балалаева акцентирует внимание на антропоморфизации ИИ. Обвинения алгоритмов в расизме или сексизме создают избыточный информационный шум и отвлекают от реальной причины – человеческого вклада в дизайн и обучение моделей. Предвзятость возникает потому, что разработчики и заказчики систем сознательно или бессознательно передают ему свои ценности и стереотипы [1].

Основные источники. Алгоритмическая предвзятость возникает из нескольких взаимосвязанных источников. Модели ИИ обучаются на массивах, отражающих дискриминационные практики прошлого, что приводит к воспроизведению неравенства при отсутствии прямого ввода защищенных признаков. Примером служит система COMPAS, она демонстрировала расовую

дискриминацию при прогнозировании рецидива [1; 4]. Подобные системы используются при принятии решений, непосредственно влияющих на судьбы людей, что усиливает значимость проблемы предвзятости, так как ошибки и искажения приобретают не абстрактный, а практический характер.

Важную роль играют технические ограничения (несбалансированные выборки, ошибки архитектуры и метрик) и субъективная ценностная нагрузка дизайна, когда мировоззрение и приоритеты разработчиков отражаются на коде и целевых функциях модели [2]. Новые смещения появляются уже на этапе эксплуатации системы за счет эффекта обратной связи и персонализации, когда алгоритмы при взаимодействии с пользователями усиливают существующие стереотипы, формируют устойчивые информационные эхо-камеры и влияют на восприятие социальной и общественной реальности пользователями [3; 4].

Этические и правовые вызовы. А. И. Смирнова полагает, что одного нормативного регулирования этики ИИ в виде деклараций, кодексов и рекомендаций ЮНЕСКО недостаточно для преодоления проблемы предвзятости. Необходимы активные технические и организационные меры по выявлению и коррекции предвзятости на всех этапах жизненного цикла системы [2].

Ю. С. Балалаева подчеркивает, что ответственность за дискриминационные последствия должна лежать не на самой модели ИИ, а на конкретных разработчиках, заказчиках и операторах систем. Попытки антропоморфизировать алгоритмы затрудняют выработку адекватного правового регулирования [1].

Ю. С. Харитонова, В. С. Савина и Ф. Паньини настаивают на введении новых норм, запрещающих сегрегацию, и обязательном обеспечении разнообразия тренировочных данных. Без этого алгоритмы продолжат воспроизводить и усиливать социальное неравенство и подрывать принципы равенства и недискриминации, закрепленные в международном и

национальном праве [3].

Подходы к минимизации предвзятости. Полное устранение алгоритмической предвзятости является мало реалистичным, поскольку ее источники связаны с социальным контекстом и человеческим фактором. Ввиду этого основное внимание уделяется снижению ее влияния и контролю рисков на различных этапах жизненного цикла систем ИИ. Современные практики предлагают многоуровневый подход к минимизации предвзятости:

1. идентификация и аудит источников смещения на этапе сбора и подготовки данных [3];

2. технические методы дебайсинга (снижения и/или устранения предвзятости) на этапе обучения;

3. ограничение применения высокорисковых систем в чувствительных сферах до проведения независимого аудита [4];

4. постоянный мониторинг в эксплуатации и механизмы обратной связи для обнаружения новых смещений [1];

5. разнообразие команд разработчиков, обязательная документация принятых решений прозрачность для регуляторов [4].

Заключение. Алгоритмическая предвзятость представляет собой междисциплинарную проблему, корни которой лежат не в самой технологии, а в человеческом факторе. Она выходит за рамки технической проблемы и становится фактором, влияющим на социальную структуру и процессы принятия решений в цифровом обществе. Отечественные исследователи и международный опыт единодушны: декларативных стандартов недостаточно. Ключевое значение имеют системная работа с данными, независимый аудит, ответственность разработчиков и операторов, создание специального правового регулирования, запрещающего скрытую дискриминацию на этапе разработки цифровых систем. При таком подходе технологии ИИ смогут реализовать свой потенциал без угрозы воспроизведения и усиления социального неравенства.

Список источников

1. Балалаева Ю. С. «AI bias»: «предвзятость искусственного интеллекта» или результат деятельности разработчиков? // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 7–14.

2. Смирнова А. И. Предвзятость как проблема алгоритмов ИИ: этические аспекты // Философия и общество. 2023. № 3. С. 118–126.

3. Харитонова Ю. С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права / Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515.

4. Bias in algorithms – Artificial intelligence and discrimination. FRA European Union Agency for Fundamental Rights, 2022. 106 p.

УДК 314.3:316.6:314.172:159.9

Репродуктивные установки женщин: психологические и ценностные аспекты

Шарыпова Мария Евгеньевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mari.sharypova.90@mail.ru

Ключевые слова: деторождение, ценностные ориентации, психоэмоциональные факторы, репродуктивное поведение, репродуктивные намерения, материнство, семейные ценности.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Васильевой Ольге Владимировне, ассистенту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

© Шарыпова М. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Снижение уровня рождаемости в современной России представляет собой важную демографическую проблему, требующую всестороннего анализа причин, по которым люди решают заводить детей или откладывают данное решение. Исследование Е. А. Трусовой «Изучение личностных мотивов рождения детей», основанное на интервью со 100 парами, показало, что чаще всего к рождению ребёнка побуждают личное желание, потребность в родительстве и стремление родить от любимого человека. Эти мотивы тесно связаны с осознанным восприятием семейных ролей и глубокой эмоциональной связью между партнёрами [1].

Важно отметить, что современные исследования демонстрируют смещение фокуса в сторону внутренней мотивации, которая теперь рассматривается как основной фактор при принятии решения о деторождении. В своей работе, посвященной репродуктивному поведению супругов, М. М. Данина отмечает, что внутренняя мотивация при принятии решения о рождении ребёнка характеризуется желанием иметь детей ради любви, стремлением к реализации материнского инстинкта или ощущением семейного счастья. Особую роль также играет психологическое состояние женщин, их уверенность и внутренняя готовность к материнству [2].

Чтобы понять, какие внутренние мотивы побуждают к рождению ребёнка, стоит изучить исследование Н. С. Коробовой, посвящённое убеждениям и психологической готовности женщин к материнству. В ходе анализа было выявлено, что у женщин, которые планируют стать мамами или уже ожидают ребёнка, существует связь между их убеждениями и психологической готовностью к материнству. Эмоциональное принятие будущего ребёнка формируется под влиянием поддержки близких и внутренних установок. У беременных это также охватывает семейные ценности и осознание важности родительской роли, а у

небеременных — в основном эмоциональную сферу. Высокий уровень готовности также связан с позитивным опытом и ощущением безопасности, что помогает лучше адаптироваться к материнству [3].

Следовательно, можно сказать, что выбор в пользу рождения ребёнка определяется совокупностью личных мотивов, что подтверждается новым исследованием. В период с октября 2025 года по февраль 2026 года проводилась серия глубинных интервью на базе Сибирского федерального университета (СФУ) с женщинами в возрасте от 26 до 42 лет для выявления факторов, повлиявших на их решение стать матерями. Ключевыми для понимания ситуации оказались три фактора, а именно:

1. Пример модели семьи. Данный фактор характеризуется желанием создать семью, опираясь на личный опыт. Так, например, участница интервью (35 лет, из сельского поселения Красноярского края, трое детей) отметила: «Оба супруга выросли в многодетных семьях, поэтому изначально оба хотели много детей». Пример семьи становится ориентиром, формируя представление о норме. В сознании людей возникает убеждение, что большой семейный очаг — это проявление благополучия, любви и продолжения семейных традиций. Это показывает, как семейные ценности и традиции передаются из поколения в поколение. В данном случае желание создать большую семью становится не просто личным выбором, а частью семейной идентичности. Социальный шаблон, созданный опытом родителей и близких, снижает неопределенность и формирует репродуктивные установки.

2. Потребность в родительском опыте. Указанный фактор выражается в проявлении любви родителей к своему ребёнку и установлении с ним близкой эмоциональной связи. Так, например, участница (41 год, Красноярск, 4 ребёнка) отметила: «Главный фактор — личное желание, несмотря ни на что… иметь ребёнка — это счастье для женщины». В центре внимания — желание стать

матерью и эмоциональный аспект родительства. Для женщин материнство — это не просто роль, а важная часть жизни, самореализации и внутреннего удовлетворения. Такие желания зачастую мотивируют женщин преодолевать любые трудности, а поддержка партнёра играет важную роль в данном вопросе.

3. Религиозные убеждения. Вера и духовные ценности укрепляют внутреннюю мотивацию, помогая преодолеть страхи или сомнения, связанные с беременностью и родительством. Участницы исследования отмечали, что вера способствует сохранению беременности и формированию отрицательного отношения к абортам. Например, участница исследования (33 года, из сельского поселения Красноярского края, 4 ребёнка) отметила: «Ну, если касательно деторождения, то религиозные и духовные ценности. Я категорически против абортов. Ну, так же, как и церковь». Вера служит источником поддержки и уверенности, что способствует укреплению желания о рождении ребёнка. Религиозные мотивы в данном контексте выступают как значимый фактор, влияющий на позитивное восприятие материнства.

В завершение, можно сказать, что решение о рождении ребёнка зависит от ряда факторов: религии, семейных ценностей и личного желания. Вместе они формируют внутреннюю готовность к материнству, встраивая стремление к созданию семьи в систему жизненных приоритетов женщины. Таким образом, выбор в пользу рождения ребёнка становится отражением её ключевых ценностей.

Список источников

1. Трусова Е. А. Изучение личностных мотивов рождения детей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13, № 4А. С. 376–384.

2. Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов / М. М. Данина , Н. В. Кисельникова (Волкова) , А. А. Голзицкая , Е. А. Куминская [и др.] //

Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 73–83. DOI 10.11621/npj.2016.0207.

3. Коробова Н. С. Взаимосвязь базисных убеждений и психологической готовности к материнству у беременных и небеременных женщин // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2017. № 1 (15). URL: http://medpsy.ru/climp (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 314.172:316.6:614.2

Влияние качества и доступности медицинских услуг на принятие решения о деторождении

Шастина Надежда Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nana-b06@mail.ru

Ключевые слова: медицинские услуги, медицинские организации, родовспоможение, репродуктивное поведение, репродуктивные установки, психологический барьер, демографический спад, качественное исследование, глубинные интервью, традиционные ценности.

Благодарности: работа выполнена на базе Енисейского регионального центра развития кадрового потенциала в области демографии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»; автор выражает благодарность научному руководителю Васильевой Ольге Владимировне, ассистенту кафедры социологии и демографии ИППС СФУ.

© Шастина Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Система здравоохранения сопровождает женщину на всех этапах репродуктивного цикла. Медицинские учреждения способны как укрепить уверенность в благополучном исходе беременности и родительства, так и стать источником стресса.

В период с октября по декабрь 2025 года было проведено качественное исследование. Выборочная совокупность: 20 женщин активного репродуктивного возраста, постоянно проживающих на территории Красноярского края. Целью данного исследования было изучение влияния качества и доступности медицинских услуг на принятие женщинами решения о деторождении.

Гипотезы исследования:

1. Женщины, проживающие в небольших городах и сельских поселениях, более низко оценивают качество медицинских услуг, чем женщины, проживающие в мегаполисе (городе Красноярске).

2. Качество и доступность медицинских услуг слабо влияют на решение о деторождении и скорее не являются ключевым фактором в репродуктивном поведении семей.

3. Удовлетворённость качеством медицинских услуг в большей степени зависит от доброжелательности и квалификации персонала, чем от уровня технической оснащённости учреждений.

Отношение женщин к медицине складывается из личного опыта и опыта других людей, что можно понять из слов участницы исследования в возрасте 27 лет (2 ребенка), проживающей в Красноярске: «…Пятый роддом должен быть хороший по отзывам знакомых, друзей. Поэтому я именно туда хотела попасть. Если бы не прописка, все равно туда контракт бы заключали мы».

Респонденты из малых городов и сельских поселений чаще отмечают неудовлетворенность сферой медицины из-за высокой текучести кадров и отсутствия узконаправленных специалистов. Жительницы Красноярска чаще сталкиваются с проблемой длительного ожидания записи на приём и недостаточной вовлеченностью врачей. А поездки из малых городов и сельских

поселений в Красноярск для получения качественной медицинской помощи усугубляют отношение к медицине в целом.

Сами женщины напрямую не связывают решение о рождении детей с качеством и доступностью медицины, однако личный негативный опыт и негативный опыт близких людей становится мощным психологическим барьером, особенно при повторных беременностях. «Я садилась на кресло, которое подо мной практически развалилось, там, советское, из которого выпал болт, и я чуть не упала… Ну, то есть это такие моменты, которые травмируют… Всё очень на потоке. И они [врачи] сами уставшие, а беременные женщины очень чувствительные. И любое грубое слово может вывести из себя, до слез довести и прочие вещи», - говорит участница исследования в возрасте 27 лет (1 ребенок), проживающая в Минусинске. Однако в современном мире женщина, оказавшаяся в подобной ситуации, как правило, не отказывается от деторождения, а ищет альтернативные варианты медицинской помощи.

Ключевым фактором удовлетворённости женщинами уровнем медицины является не оснащенность медицинских учреждений современным оборудованием, а человеческий фактор. О чем говорит участница исследования в возрасте 27 лет (2 ребенка), проживающая в Красноярске: «Внимание персонала – вот это самое главное. То есть, это от, наверное, вот, команды, от доброжелательности, даже, вот, от улыбки».

При разработке, дополнении и уточнении мер демографической политики необходимо проводить в первую очередь подготовку медицинского персонала в области коммуникативных навыков, эмоциональной поддержки пациентов и компетентного информирования о рисках и вариантах медицинской помощи, второстепенно – учитывать состояние материально-технической базы учреждений. Особое внимание нужно уделять повышению квалификации работников женских

консультаций и родильных домов, а также развитию взаимного уважения и доверия между пациентами и медицинским персоналом.

Важно поддерживать качество медицинской помощи в малых территориях, расширяя доступ населения к качественным медицинским услугам. Кроме того, распространение телемедицины может способствовать упрощению процедуры записи к узконаправленным специалистам. Развитие выездных сервисов с бригадами медицинских специалистов может увеличить охват медицинскими услугами населения в отдалённых районах и малых территориях. Такой подход позволит повысить доверие к медицине, снизить психологические барьеры, и, как следствие, создать более благоприятные условия для принятия решений о рождении детей.

Список источников

1. Абдулманапов П. Г. Модель воздействия демографического поведения на социально-экономическое развитие региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 3 (173). С. 23. DOI 10.26726/rppe2025v3motio.

2. Атаев О. Г. Медико-социальные мероприятия, направленные на повышение рождаемости на региональном уровне. URL: https://mednet.ru/images/stories/files/replay/Ataev_text.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

3. Буланова М. А. Демографическая политика в Российской Федерации: целевые установки и их достижение // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4 (81). С. 82–96.

4. Восколович Н. А. Доступность услуг здравоохранения как основа социальной защищенности населения // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 87–96. DOI 10.19181/popuLation.2021.24.2.8.

5. Моженкова Е. М. Доступность и качество оказания медицинских услуг населению РФ как фактор демографического

развития // Моделирование демографического развития и социально-экономическая эффективность реализации демографической политики России. 2015. С. 289–292. URL: https://disk.yandex.ru/i/ByAmgsBIjzVMYQ (дата обращения: 25.03.2026).

6. Попова Л. А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 125–137.

7. Забаев И. В. Рациональность, ответственность, медицина: проблема мотивации деторождения в России в начале XXI в. // Экономическая социология. 2011. Т. 12, № 2. С. 21–48.

Организационно-экономические проблемы и тенденции устойчивого развития сферы услуг

УДК 332.873+338.314+330.322

Копейка рубль бережет: как 1% роста стоимости жилищных услуг влияет на доход собственников жилья

Аверьяскина Анастасия Сергеевна
Байкальский государственный университет, Иркутская область, Иркутск, Россия, a.s.averyaskina@edu.nsuem.ru

Ключевые слова: инфляция, многоквартирный дом, доходы собственников, анализ допустимости, размер стандарта.

Ежегодно рынок жилищных услуг сталкивается с неуклонным ростом цен. Собственники многоквартирных домов (МКД) оказываются перед дилеммой. Так, в некоторых договорах управления МКД предусматривается автоматическая индексация стоимости услуг, в то время как другие договоры, заключенные собственниками МКД с управляющими компаниями (УК), требуют активного участия владельцев жилья. В последнем случае УК инициируют собрания собственников, где принимаются решения о повышении стоимости жилищных услуг, зачастую при сохранении прежнего объёмно-качественного состава работ и услуг.

Однако каков экономический смысл такого голосования за увеличение стоимости услуг, если объём и качество предоставляемых услуг остаются прежними?

В случаях, когда индексация стоимости отсутствует, ситуация прямолинейная: отсутствие повышения стоимости услуг означает прямую потерю выручки для УК. Таким образом, прибыльность УК напрямую зависит от включения/невключения 1 пункта об индексации стоимости жилищных услуг в договор.

© Аверьяскина А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Более сложным и требующим глубокого анализа является второй сценарий – когда решение о повышении стоимости жилищных услуг находится в руках собственников. Именно здесь кроется множество вопросов, касающихся целесообразности, экономического эффекта и долгосрочных последствий для всех участников процесса [1].

Для всестороннего анализа социально-экономических последствий потенциального роста стоимости жилищных услуг проведена оценка доходов собственников МКД, расположенного в г. Новосибирске по адресу: ул. Костычева, д. 74/1, на основе экономического анализа, выполненного посредством анкетирования. Целью данного опроса являлся сбор данных об уровне доходов респондентов и степени их финансового благосостояния. В опросе приняли участие собственники 95 квартир. Респондентам были заданы следующие ключевые вопросы:

1. Какой общий средний ежемесячный доход всех членов семьи, постоянно проживающих в вашей квартире (включая вас), за последний год?

2. Сколько человек постоянно проживает в вашей квартире (с учетом иждивенцев)?

3. Какова общая жилая площадь вашей квартиры?

Анализ полученных в ходе анкетирования данных позволил установить следующие ключевые социально-экономические показатели для обследуемых домохозяйств: средний ежемесячный доход на одно домохозяйство (квартиру) составил 196 тыс. рублей; средняя численность постоянно проживающих в домохозяйстве 3 человека; среднедушевой ежемесячный доход (доход на одного члена домохозяйства) оценивается в 93 тыс. рублей; средняя общая жилая площадь квартиры составляет 56 кв.м.; средняя обеспеченность жилой площадью на одного члена домохозяйства — 26 кв.м.

Результаты анализа сгруппированы и представлены на рисунке 1. Так, установленная стоимость жилищных услуг для исследуемого МКД равна минимальной стоимости таких услуг, рекомендуемой муниципалитетом г. Новосибирска, и составляет 31,49 руб./кв.м. Соответственно повышение стоимости услуг на 1% увеличит стоимость услуг до 31,80 руб./кв.м. Для квартиры 56 кв. м. это составит 594 руб. на семью из 3 человек.

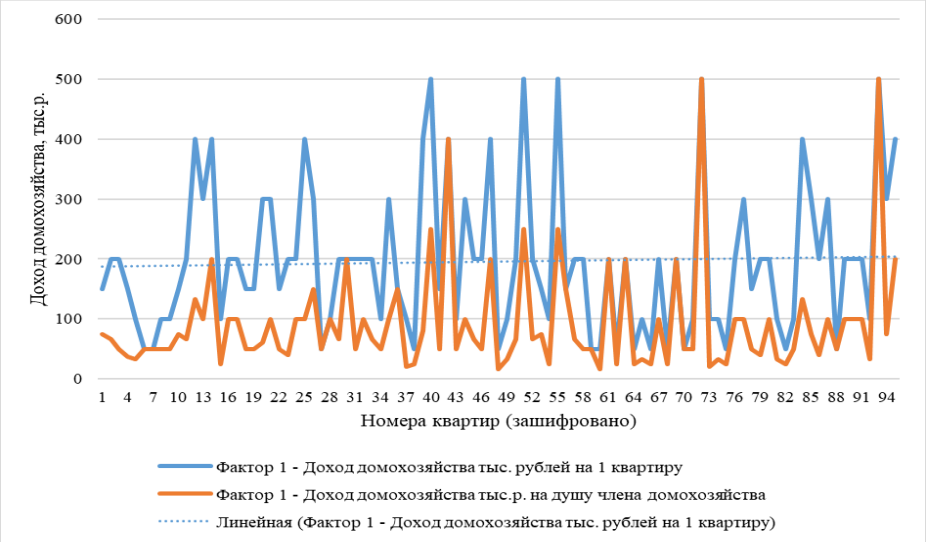


Рисунок 1. Доходы домохозяйств МКД - объекта исследования (составлено автором).

В целях оценки социально-экономических последствий прироста стоимости жилищных услуг на 594 рубля проведен анализ допустимости расходов.

Так, использование традиционной методики расчета стоимости с выделением потребительской корзины, ранее применявшейся на федеральном уровне, было прекращено с 2021 года ввиду потери актуальности данных из-за динамичности ценовых изменений [2, с.40]. Функции по сбору и актуализации данных о стоимости потребительских товаров и услуг в России в настоящее время делегированы региональным органам власти.

Применительно к территории исследуемого МКД, для оценки доступности жилищных услуг использовано Постановление

Губернатора НСО от 20.03.2025 №58[1] . Данные региональные стандарты определяют норму расходов на услуги по ЖКХ в границах, где максимально допустимая доля расходов на оплату услуг ЖКХ в общем семейном доходе не должна превышать 22%.

Полученные в ходе исследования эмпирические данные свидетельствуют, что с учетом 1%-го повышения стоимости минимальных жилищных услуг доля расходов на оплату жилищных услуг в общем семейном доходе на 1 квартиру (домохозяйство) достигнет уровня 0,91% (до повышения стоимости жилищных услуг на 1% - 0,89%), то есть ≈1%. Принимая во внимание, что плата за коммунальные услуги в среднем для собственников исследуемого МКД не превышает 5%, суммарная доля расходов на оплату услуг ЖКХ в общем семейном доходе не превышает 6%.

Полученные данные являются основой для дальнейшего анализа экономической допустимости различных уровней повышения стоимости жилищных услуг.

Список источников

1. Полуянов В. П. Сравнительная характеристика расходов домашних хозяйств на оплату услуг ЖКХ // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2012. № 41. С. 252–269.

2. Найден С. Н. Расходы населения и бюджетов: некоторые итоги коммунальной реформы // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4(81). С. 39–48.

[1] Постановление Губернатора НСО от 20.03.2025 №58 «Об установлении размеров региональных стандартов оплаты жилого помещения и коммунальных
услуг в Новосибирской области на 2025 год». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5400202503210003?index=1 (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 338.24.01

Суперприложения как драйвер устойчивого развития рынка электронной коммерции

Белова Марина Владимировна, Замараева Анастасия Сергеевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, MBelovaIT23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: суперприложение, электронная торговля, маркетплейсы, платформы, торговля, WeChat, Сбербанк, многофункциональность, интеграция, логистика, платежные системы.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Берг Татьяне Игоревне, доценту, канд. экон. наук.

Электронная торговля в России перешла на новый этап своего развития [1]. Если раньше маркетплейсы были просто витринами для товаров и не включали в свой функционал другие функции и возможности, то сегодня они превращаются в «суперприложения» — интегрированные платформы, включающие в свой функционал управление финансами пользователей, логистикой, повседневными услугами [2]. Целью исследования является анализ сущности суперприложений и обоснование их роли в устойчивом развитии рынка электронной коммерции. В работе решаются следующие задачи: идентификация ключевых элементов суперприложений, а также сравнительный анализ мировых гигантов.

Термин «суперприложение (super app)» возник относительно недавно, в 2010 году внедрил Майк Лазаридис, основатель

© Белова М. В., Замараева А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

канадской технологической компании «BlackBerry». Под которым понимается «закрытая экосистема, состоящая из множества приложений, которые люди используют каждый день из-за полной интегрированности, цельности и удобства пользования» [5]. Однако, на современном этапе развития рынка электронной коммерции, можно утверждать, что сейчас суперприложение — это не только совокупность нескольких приложений в одном, а целая система, способная удовлетворить большое множество разнонаправленных потребностей пользователя, связанных с финансами, развлечениями, социальными аспектами и другими, на единой платформе [3]. На рисунке 1 отражены основные элементы структуры суперприложения.

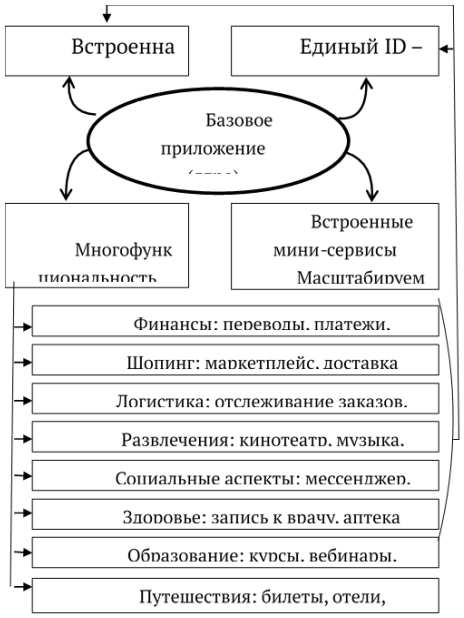


Рисунок 1. Структурная модель суперприложения с ориентацией на потребности пользователя (составлено авторами на основе источника [4]).

Представленная модель иллюстрирует архитектуру суперприложения как многоуровневой системы, в центре которой находится ядро – базовое приложение, обеспечивающее единую точку входа и навигацию. Вокруг ядра располагаются два сквозных элемента: единый идентификатор пользователя, обеспечивающий

бесшовность и безопасность, и встроенная платёжная система, интегрированная во все сервисы.

Еще один уровень образует функциональные блоки, соответствующие ключевым потребностям пользователя: финансы, шопинг, логистика, развлечения, социальные аспекты, здоровье, образование, путешествия. Каждый блок включает один или несколько встроенных сервисов. На периферии расположены мини-сервисы сторонних партнёров, которые подключаются через открытые API и позволяют масштабировать экосистему без участия владельца ядра.

Стрелками показаны прямые и обратные связи между элементами, в которых единый ID и платёжная система пронизывают все функциональные блоки, а пользователь получает доступ ко всем сервисам через единое ядро без многократной авторизации.

Для более наглядного понимания функционирования суперприложений на рынке проведен их сравнительный анализ среди мировых (WeChat, Amazon) и российских (Сбер, Яндекс) по семи ключевым функциональным критериям в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика суперприложений WeChat, Сбер, Amazon и Яндекс по ключевым функциональным критериям (составлено авторами на основе источника [3])

Критерий	**WeChat**	**Amazon**	**Сбер**	**Яндекс**
Собственная платежная система	+	+	+	+
Мини-приложения (сторонние сервисы)	+	+	+	+
Собственный маркетплейс	+	+	+	+
Медиа-сервисы (видео/музыка)	+	+	-	+
Присутствие за рубежом	+	+	+	+
Свои устройства	-	+	+	+
Служба доставки / логистика	+	+	+	+

Как показывает анализ, все четыре суперприложения имеют одинаковый набор функций, за исключением отсутствия медиа-сервисов у Сбера и собственных устройств у WeChat.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что суперприложения позволяют активно развиваться рынку электронной коммерции благодаря многофункциональности и удобству для потребителей. Опыт лидеров рынка подтверждает, что успешная стратегия суперприложения всегда отталкивается от сильного базового продукта.

Список источников

1. Берг Т.И. Экосистемная парадигма и цифровые инновации конкурентоспособности электронной торговли / Т. И. Берг, В. С. Шаров, Е. В. Белоногова // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 481-500. DOI 10.18334/epp.16.1.124442.

2. Изотова А. Г. Концепция суперприложений и их роль в цифровых экосистемах / А. Г. Изотова, Е. А. Ведерникова// Вестник Академии знаний. 2025. № 4(69). С. 255-259.

3. Исраилова З. Р. Цифровые экосистемы: переход на новый уровень / З. Р. Исраилова, М. А. Вахаева // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 04–05 мая 2023 года. Грозный : Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2023. С. 148-152. DOI 10.36684/95-1-2023-148-152.

4. Калинина А. С. Трансформация приложений социальных сетей в суперприложения (супераппы) и формирование «среды обитания» для пользователя // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 101-106.

5. Хайруллин Р. И. Преимущества для бизнеса: как интеграция в суперприложения может расширить клиентскую базу, повысить

лояльность и предложить дополнительные услуги / Р. И. Хайруллин, Е. Б. Калашникова // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях : Материалы VI всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Брянск, 26 декабря 2024 года. Брянск : Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2025. С. 303-307.

УДК 339.378:005.9

Современные направления развития корпоративной культуры сетевых торговых предприятий

Еремеева Виктория Евгеньевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nika8-34@mail.ru

Ключевые слова: корпоративная культура, персонал, торговые сети, управление персоналом, бренд работодателя, мотивация персонала.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ольге Викторовне Рубан, кандидату экон. наук, доценту.

В условиях современной высококонкурентной рыночной среды корпоративная культура сетевых торговых предприятий становится ключевым фактором обеспечения устойчивого конкурентного преимущества. Сетевые торговые структуры, характеризующиеся географической распределенностью,

© Еремеева В. Е, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

множественностью точек контакта с потребителями и высокой текучестью персонала, сталкиваются с особыми вызовами в формировании единых ценностей и стандартов поведения сотрудников. Процессы цифровой трансформации, усилившиеся в посткризисный период, кардинально изменили подходы к организации работы торгового персонала, взаимодействию с клиентами и управлению человеческими ресурсами. В этих условиях развитие сильной корпоративной культуры, способной обеспечить единство организационных практик во всех подразделениях сети при сохранении гибкости и адаптивности, становится стратегической необходимостью для обеспечения лояльности как персонала, так и клиентов.

На рисунке 1 представим этапы зарождения науки о корпоративной культуре в современном мире.

Рисунок 1. Этапы развития концепции корпоративной культуры.

Эволюция научных представлений о корпоративной культуре демонстрирует последовательный переход от понимания её как неформального фона организационной деятельности к признанию культуры стратегическим активом компании, требующим

целенаправленного управления. Особенно значимым является современный этап, характеризующийся осознанием необходимости адаптации традиционных культурных механизмов к цифровой среде и распределенным формам организации труда. Для сетевых торговых предприятий это означает необходимость разработки специфических подходов, учитывающих как территориальную распределенность, так и цифровую трансформацию отрасли. В настоящий момент на рынке розничных продаж в России все больший процент рынка начинают захватывать торговые сети. Но они не только формируют большой валовый оборот, но и выступают крупными работодателями. По этой причине так важно отслеживать уровень корпоративной культуры в них.

В таблице 1 представим, какие проблемы корпоративной культуры наиболее актуальны в настоящий момент, а также специфику их проявления в современных торговых сетях и какое влияние они оказывают на бизнес-модель данных торговых сетей.
Проведённый анализ показывает, что трудности, связанные с корпоративной культурой в розничных торговых сетях, имеют многоуровневую природу и тесно переплетены друг с другом. Наиболее острой из них остаётся недостаточный уровень цифровой зрелости организационной среды: именно этот фактор запускает цепную реакцию сопутствующих проблем и существенно затрудняет приспособление компаний к динамично меняющимся условиям современного рынка. Географическая рассредоточенность сетевых объединений, в свою очередь, усиливает классические управленческие вызовы.

Таблица 1. Актуальные проблемы корпоративной культуры сетевых торговых предприятий

Проблема	**Специфика проявления в РТС**	**Примеры из деятельности российских торговых сетей**
Фрагментация культуры между подразде-лениями	Формирование изолированных субкультур в территориально распределенных точках продаж, различия в интерпретации корпоративных ценностей	«Магнит» фиксировал значительные различия в соблюдении стандартов обслуживания между магазинами в Москве и регионах; X5 Group внедряла единые культурные стандарты после слияния форматов, сталкиваясь с сопротивлением локальных команд
Высокая текучесть персонала на линейных позициях	Отсутствие времени для полноценной инкультурации новых сотрудников, размывание культурных норм	В сетях «Пятёрочка» и «Дикси» текучесть на позициях кассиров и продавцов исторически превышала 80–100% в год, что делало системную передачу корпоративных ценностей практически невозможной
Разрыв между деклариру-емыми и реальными ценностями	Несоответствие корпоративных манифестов реальным управленческим практикам, формальный подход к культурным инициативам	«Лента» декларировала ценности открытости и уважения к сотруднику, однако сотрудники фиксировали директивный стиль управления на уровне линейных руководителей; аналогичная ситуация отмечалась в ряде франчайзинговых точек «Спортмастера»
Недостаточная цифровая зрелость культуры	Сопротивление внедрению цифровых инструментов, отсутствие навыков работы в цифровой среде, неготовность к изменениям	«М.Видео-Эльдорадо» при переходе на единую цифровую платформу управления запасами столкнулась с сопротивлением персонала старшего возраста; «ВкусВилл» отмечал низкую вовлечённость линейного персонала
Коммуникаци-онные барьеры в распределенн ой структуре	Затрудненность вертикальных и горизонтальных коммуникаций, информационная изоляция торговых точек	«Магнит» с сетью свыше 20 000 магазинов внедрял корпоративный портал для преодоления информационной изоляции точек в малых городах;
Конфликт поколений в коллективе	Различия в ценностях и ожиданиях представителей разных поколений (бэби-бумеры, X, Y, Z)	«Азбука Вкуса» и «Перекрёсток» фиксировали напряжённость между опытными сотрудниками 45+ и молодыми работниками поколения Z, различающимися в отношении к гибкому графику, цифровым инструментам и обратной связи

Вместе с тем цифровизация выступает не столько источником затруднений, сколько действенным механизмом их преодоления. Современные технологические решения открывают реальные возможности для устранения барьеров, обусловленных географической удалённостью подразделений, унификации культурных норм и практик, выстраивания эффективного внутреннего взаимодействия и роста заинтересованности сотрудников в результатах своего труда. Розничные торговые сети, стремящиеся сохранить устойчивые позиции на рынке в долгосрочной перспективе, должны воспринимать трансформацию корпоративной культуры в цифровом направлении как один из ключевых ориентиров.

Эволюция научного понимания корпоративной культуры - от второстепенного фактора к полноценному стратегическому активу - приобретает особое измерение в контексте территориально распределённых торговых структур, где географическая рассредоточенность и многоканальность клиентского взаимодействия порождают специфические управленческие вызовы. Цифровая трансформация при этом выступает не просто как очередной технологический тренд, а как содержательная основа для преодоления структурных ограничений, присущих управлению культурой в распределённых организациях.

Список источников

1. Барков С. А. Влияние цифровизации на формирование корпоративной культуры в розничной торговле // Управление корпоративной культурой. 2024. № 1. С. 45-58.

2. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. СПб. : Питер, 2022. 336 с.

3. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации. М. : Бизнес-школа, 2023. 255 с.

УДК 339.37

Организационно-экономические проблемы управления качеством обслуживания в розничной торговле: вызовы устойчивому развитию (на примере АО «Тандер»)

Касьянова Марина Сергеевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, marina_kasyanova17@mail.ru

Ключевые слова: качество обслуживания, экономическая устойчивость, розничная торговля, чистый убыток.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Наталье Николаевне Терещенко, профессору, д-ру экон. наук.

В розничной торговле качество обслуживания является ключевым фактором лояльности покупателей и долгосрочной конкурентоспособности. Одним из лидеров отрасли по выручке и доле рынка является АО «Тандер» — управляющая компания розничной сети «Магнит». В период 2022–2024 гг. АО «Тандер» активно инвестировало в цифровые инструменты контроля качества. Однако по итогам 2025 года компания впервые столкнулась с чистым убытком (22,5 млрд. руб.) при растущей выручке, что актуализирует вопрос о том, какие организационно-экономические проблемы управления качеством сохраняются и как финансовый кризис влияет на их решение [1].

В АО «Тандер» выстроена многоуровневая система контроля качества, интегрированная с ERP-платформой SAP S/4HANA [2].

© Касьянова М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Компания использует многоканальный сбор данных: обращения в контакт-центр, геосервисы, мобильное приложение, онлайн-опросы NPS, внутренние аудиты и тайного покупателя

На предприятии внедрены системы компьютерного зрения для контроля выкладки, модулей управления инцидентами, видеоаналитики кассовых операций, цифровых двойников процессов.

В результате за 2022 г. жалобы на невнимательность кассиров снизились на 49%, на ошибки кассиров — на 54%, на очереди — на 8%. Индекс лояльности NPS в формате «Магнит Косметик» достиг 35 п.п. [3]. Тем не менее, достигнутые успехи в цифровизации контроля не устранили ряд системных ограничений, носящих управленческий и структурный характер (табл.1).

Таблица 1. Сводный анализ системных ограничений действующей системы контроля качества АО «Тандер»

Ограничение	**Суть проблемы**	**Проявление в деятельности АО «Тандер»**
Неравномерность качества между форматами	Структурный разрыв в лояльности, связанный с экономикой бизнес-модели	NPS в «Магнит Косметик» – 35 п.п., в магазинах «у дома» – 11 п.п. Низкая маржа и высокая нагрузка в формате «у дома» ограничивают ресурсы на сервис
Риск формализации KPI	Подмена цели качественного сервиса стремлением к выполнению количественных показателей	Сокращение времени ответа на обращения на 52% — положительный результат, но шаблонные ответы снижают ценность для клиента
Кадровый вызов	Высокая текучесть линейного персонала нивелирует эффект от обучения	Интенсивные тренинги дают краткосрочный прирост, но их эффективность теряется из-за частой смены работников в магазинах

Окончание таблицы 1.

Ограничение	**Суть проблемы**	**Проявление в деятельности АО «Тандер»**
Сложность масштабирования проактивных инструментов	Высокая стоимость внедрения, фокус на объективных параметрах в ущерб субъективным	Компьютерное зрение контролирует выкладку, но не оценивает доброжелательность общения персонала. А масштабирование технологии на всю сеть является финансово и технически затратной задачей
Аналитическая глубина	Приоритет скорости обработки над анализом причин	Обработка 4,6 млн. обращений в год при фокусе на KPI времени ответа может маскировать кластерные проблемы в отдельных регионах

В условиях чистого убытка, который сформировался в 2025 году, возрастает давление на все статьи затрат, включая расходы на контроль качества, обучение персонала и поддержание цифровых систем. Существует риск сокращения сервисных инвестиций, что может привести к возврату ранее устранённых проблем, росту числа жалоб и падению лояльности. Особенно уязвимым становится формат «у дома» в связи с низкой маржинальностью.

Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что ближайший конкурент АО «Тандер» — ООО «Агроторг» (торговая сеть «Пятёрочка») — продолжает развиваться и укреплять свои позиции. В предыдущие годы разрыв в качестве сервиса был не так заметен, но на фоне финансовых трудностей, он может оказать значительное влияние на АО «Тандер». Для сравнения текущего уровня качества сервиса в апреле 2026 года был проведён опрос покупателей двух торговых сетей в г. Красноярске (таблица 2).

Таблица 2. Результаты опроса покупателей (средний балл от 1 до 5)

Критерий	**АО «Тандер»**	**ООО «Агроторг»**
Скорость работы кассы	3,8	4,2
Вежливость персонала	3,9	4,0
Чистота и порядок в зале	4,0	4,3
Наличие товаров на полках	3,7	4,1
Удобство программы лояльности	4,1	4,4
Качество работы мобильного приложения	4,2	4,2
Удобство поиска товаров через мобильное приложение	4,0	3,8
Удовлетворённость работой сервиса доставки	3,9	4,3
Качество обратной связи по обращениям	3,8	4,0

По большинству критериев ООО «Агроторг» опережает АО «Тандер» или находится на сопоставимом уровне. Наиболее заметен разрыв по наличию товаров на полках и качеству сервиса доставки. В то же время АО «Тандер» показывает сопоставимые результаты по качеству мобильного приложения и опережает конкурента по удобству поиска товаров через приложение, что подтверждает эффективность его цифровых инвестиций. Однако отставание по базовым параметрам сервиса и качеству обратной связи создаёт риск перетока покупателей, особенно в условиях финансовых трудностей компании.

Список источников

1. Бухгалтерская (финансовая) отчётность АО «Тандер» за 2021–2025 гг. // Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчётности. URL: https://bo.nalog.gov.ru/organizations-card/6765454.

2. «Магнит» меж двух огней: программу внедрения SAP придётся корректировать, но «1С» не совсем подходит // Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/a/507723.

3. Данные о динамике жалоб покупателей // Годовой отчёт об устойчивом развитии АО «Тандер» за 2022 г. URL: https://sr2022.magnit.com/.

УДК 338.48:331.5

Анализ поведенческих моделей клиентов в экотуризме для разработки сегментированных маркетинговых подходов в условиях Красноярского края

Кустова Ксения Андреевна[1], Пашенных Мария Вадимовна[2]
[1,2] Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1] ksu.kustof@gmail.com
[2] mpashennykh@mail.ru

Ключевые слова: экотуризм, сегментация, маркетинговые стратегии, потребительские паттерны, кластерный анализ.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Светлане Ивановне Новиковой, канд. экон. наук.

Экотуризм активно развивается в России, и Красноярский край не исключение. Регион обладает уникальным природным потенциалом: национальный парк «Красноярские Столбы», природный парк «Ергаки», плато Путорана (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО) и Таймырский заповедник. Ежегодно

© Кустова К. А., Пашенных М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

посещаемость локаций растет на 5-15% благодаря государственной поддержке отрасли [1].

Однако традиционные маркетинговые подходы в экотуризме зачастую неэффективны из-за разнородности аудитории. Спрос носит сезонный характер, а решения все чаще принимаются на основе онлайн-отзывов и рекомендаций блогеров. При этом большинство местных туроператоров – малый и средний бизнес с ограниченными ресурсами, поэтому важно точечно воздействовать на целевые аудитории.

Цель исследования – проанализировать поведенческие модели клиентов в сфере экотуризма Красноярского края и разработать сегментированные маркетинговые подходы. Это позволит туроператорам эффективнее продвигать экотуры, учитывать потребности разных групп туристов, оптимизировать рекламные бюджеты и способствовать устойчивому развитию экотуризма в регионе [2]. Для достижения цели было проведено маркетинговое исследование потребителей экотуров [3, 4]. Генеральной совокупностью выступили студенты и работники Сибирского Федерального Университета. Данные собирали посредством онлайн-анкетирования, что позволило получить как количественные, так и качественные данные. На основе результатов анкетирования был произведен кластерный анализ для выделения сегментов потребителей экотуристических услуг в Красноярском крае.

На основе получившихся сегментов выявлены основные поведенческие паттерны: доминирование малоопытных или не имеющих опыта потенциальных потребителей экотуров, для которых не хватает готовых решений и информации; высокий спрос на комфортный отдых (гостевые дома, глэмпинг вместо палаток); предпочтение коротких (1-2 дня) и бюджетных (до 50 тыс. руб.) поездок; критическая роль цифрового контента (социальные сети, блоги и др.) и профессионализма гида; преимущественно

локальная аудитория с потенциалом привлечения приезжих при удобной логистике; экологичность важна, но вторична по сравнению с комфортом и доступностью.

На основании результатов анализа были разработаны маркетинговые стратегии для каждого из шести сегментов:

Таблица 1. Маркетинговые стратегии для сферы экотуризма Красноярского края (разработано авторами)

Сегмент	**Цель стратегии**	**Ключевое продуктовое предложение**	**Продвижение и каналы**
Неопытные энтузиасты	Снять барьер отсутствия опыта, превратить новичков в клиентов	Пакет «Первый экотур без стресса», включающий полный цикл услуг от проживания до питания. До 50 тыс. руб. за 1-2 дня	Таргет реклама в соцсетях, контент-маркетинг (короткие видео), лид-магниты
Комфорт-ориентированные	Развитие комфортных форматов размещения, повышение среднего чека	Линейка туров «Комфорт в дикой природе»: сочетание естественной среды с бытовыми удобствами. 51-100 тыс. руб. за 3-5 дней.	Визуально привлекательный контент в соцсетях и на сайтах компаний, ретаргетинг на аудиторию, интересовавшуюся глэмпингом
Информа-ционно-поисковые	Создание ценности через информационное лидерство	Единая цифровая платформа (сайт + блог): детальные описания маршрутов, интерактивные карты, фото/видео-галереи, отзывы и др. Стандарт тарифы + опция премиум-контента.	SEO-оптимизация по высокочастотным запросам о достопримечательностях, контент-маркетинг
Социально-чувстви-тельные и ориентированные на безопас-ность	Формирование высокой лояльности и «сарафанного» радио	Туры в малых группах, возможность нанять сертифицированного гида, соблюдение правил «эко-этикета», явные гарантии безопасности. На 20-30% выше среднего.	Соц. доказательство: отзывы участников, кейсы волонтерских акций в рамках тура

Окончание таблицы 1.

Сегмент	**Цель стратегии**	**Ключевое продуктовое предложение**	**Продвижение и каналы**
Доступные и бюджетно-чувстви-тельные	Обеспечение высокого объема продаж и заполняемости в невостребованный сезон	Короткие туры выходного дня с организованным трансфером, скидки 20-30% для студентов и других соц. Групп. До 50 тыс. руб.	Таргетированная реклама в студенческих сообществах, партнерства с вузами
Нерезиденты (приезжие)	Упрощение процесса тура, рост доли приезжих туристов	Готовые пакеты «Прилетел – поехал»: трансфер из аэропорта, полный пакет услуг, онлайн-поддержка (рус./англ.). 51-100 тыс. руб.	Геотаргетинг по крупным городам РФ, платформы туроператоров, тематические каналы туристов

Предложенные маркетинговые стратегии, ориентированные на точечное воздействие на целевые сегменты (в первую очередь – «неопытные энтузиасты» и «комфорт-ориентированные», совокупно составляющие около 69% аудитории), позволят оптимизировать рекламные бюджеты, повысить конверсию кампаний и усилить конкурентные преимущества региональных туроператоров. Поэтапное внедрение и мониторинг результатов обеспечат устойчивое развитие экотуризма в Красноярском крае с учетом сохранения природных ресурсов и помогут в полной мере раскрыть туристический потенциал региона.

Список источников

1. Воробьева Е. Е. Экологический туризм в контексте устойчивого регионального развития // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 6 (87). С. 2433–2437.

2. Грачева Е. В. Экологический туризм : учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: Лань, 2025. 152 с.

3. Зуенкова Ю. А. Кластерный анализ и MANOVA в маркетинговых и экономических исследованиях : монография / Ю. А. Зуенкова, М. Д. Стаменкович. М. : ИНФРА-М, 2025. 202 с.

4. Фетюхина О.Н., Метод анкетирования в маркетинговых исследованиях фирм / О. Н. Фетюхина, Л. В. Акопджанян // Science Time. 2016. № 2 (26). С. 582–587.

УДК 339.92:629.33

Торгово-экономические отношения России и Китая на автомобильном рынке

Малышев Денис Олегович, Семенов Андрей Андреевич
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, den.malyshev.04@bk.ru

Ключевые слова: Российско-китайские экономические отношения, автомобильный рынок, импортозамещение, китайские автобренды, таможенное регулирование.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Сартене Ольге Туктаровне.

Анализируется российско-китайская торговля на авторынке. Актуальность — уход западных брендов в 2022 году и рост присутствия китайских марок. Цель — выявить тренды, объёмы и проблемы сотрудничества. Методы: статистика, сравнение, кейсы китайских компаний в РФ. К 2024 году доля Китая превысила 60% рынка легковых авто. Остаются трудности: адаптация к холоду, нехватка сервисов, рост утильсбора, логистика. Сотрудничество асимметрично: РФ — рынок сбыта, КНР получает доступ к

© Малышев Д. О., Семенов А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

производству. Вывод: нужна сбалансированная промполитика для снижения зависимости от одного поставщика.

До 2022 года в структуре российского авторынка преобладали европейские, японские, корейские и отечественные марки; доля Китая не превышала 9–10% [1]. Геополитические изменения и санкции спровоцировали массовый уход западных концернов (Volkswagen, Toyota, Renault и др.), создав рыночный вакуум. Китайские производители быстро заняли освободившиеся ниши, предложив широкий модельный ряд по конкурентным ценам. Цель работы — комплексный анализ торгово-экономических отношений РФ и КНР в автомобильной сфере, выявление тенденций, объёмов, проблем и перспектив. Задачи: 1) оценить динамику импорта китайских авто в 2021–2024 гг.; 2) охарактеризовать структуру поставок по брендам и типам транспорта; 3) выделить системные проблемы; 4) определить перспективы локализации.

1. Динамика импорта китайских автомобилей в Россию. Согласно данным ФТС России, в 2021 году импорт легковых автомобилей из Китая составлял около 115 тыс. единиц, что соответствовало 9,5% российского рынка новых автомобилей [2]. В 2022 году, несмотря на общее падение рынка (снижение продаж на 58,7% по сравнению с 2021 годом), поставки из Китая выросли до 137 тыс. единиц, а доля увеличилась до 32% [3]. Резкий скачок произошел в 2023 году: импорт достиг 487 тыс. автомобилей, а рыночная доля китайских брендов превысила 54%. За первые девять месяцев 2024 года доля Китая составила уже 63,2% [4].

2. Структура поставок по брендам и типам транспорта. Наибольшие объемы поставок в 2023–2024 гг. обеспечили три группы брендов: Chery (включая суббренды Omoda, Exeed, Jetour), Geely (включая Zeekr) и Haval (Great Wall Motor). Совокупная доля этих трех холдингов превысила 70% всех китайских автомобилей в России [5]. По типам транспорта преобладают кроссоверы и внедорожники (сегмент SUV), которые составляют около 85%

поставок. Электромобили и гибриды пока занимают незначительную долю (около 4–6%), однако их объемы растут: в 2024 году импорт электромобилей из Китая увеличился на 42% по сравнению с 2023 годом.

3. Экономические эффекты для России. Замещение западных брендов китайскими привело к ряду экономических последствий. С одной стороны, удалось сохранить предложение новых автомобилей и избежать тотального дефицита. С другой стороны, средневзвешенная цена нового автомобиля в России выросла на 34% за 2022–2024 гг., что связано как с инфляцией, так и с ростом утилизационного сбора (в октябре 2024 года ставки были повышены в среднем на 70–85%). При этом китайские автомобили зачастую дорожают быстрее, чем российские или белорусские аналоги.

4. Проблемы и ограничения. В ходе исследования выделен ряд системных препятствий. Большинство китайских машин плохо переносят морозы ниже –30°C — страдает электроника и запуск двигателя. Дилерская сеть за три года расширилась с 350 до 1150 точек, но свыше 60% из них приходится на Центр и Приволжье, тогда как Сибирь и Дальний Восток практически не охвачены. Утилизационный сбор, повышенный в 2024 году, поднял цену на 150–300 тыс. рублей, подорвав конкурентное преимущество перед Lada и UAZ. Дополнительные сложности создают забитые дальневосточные переходы (поставки задерживаются на 2–3 месяца) и нестабильность курсов при расчётах в юанях и рублях.

Выявленная асимметрия российско-китайского сотрудничества (РФ — рынок сбыта, КНР — поставщик) подтверждается отсутствием встречного экспорта — менее 0,1%. Китайские производители перешли от ценовой конкуренции к стратегии закрепления через локализацию и совместные предприятия. При этом зависимость от единственного поставщика создаёт риски для нацбезопасности, а технологический трансфер

остаётся минимальным (локализация проектов вроде Evolute — ниже 20%).

За 2022–2024 гг. российский авторынок кардинально изменился: Китай занял позицию главного поставщика легковых машин с долей свыше 60%, а ввоз вырос со 115 тыс. штук в 2021 году до 487 тыс. в 2023-м. Поставки сильно концентрированы — три китайских холдинга дают более 70% всего импорта, причём основная категория — кроссоверы и внедорожники. Главными препятствиями остаются слабая приспособленность к морозам, нехватка сервисов в регионах, подорожание из-за утильсбора, логистические сбои и колебания валютных курсов.

Список источников

1. Автостат. Российский автомобильный рынок в 2021 году: итоги и тенденции. Б. м. : Аналитическое агентство «АВТОСТАТ», 2022. 52 с.

2. Федеральная таможенная служба. Отчет об импорте легковых автомобилей за 2021–2024 гг. М. : ФТС России, 2024. б. с.

3. China Passenger Car Association (CPCA). Monthly Export Report: Russia as a Key Destination for Chinese Automakers. Shanghai : CPCA, 2024. б. с.

4. Открытие Авто. Китайские бренды на российском рынке: итоги 2023 года // Бюллетень автомобильного рынка. 2024. Т. 12, № 67. С. 8–15.

5. Плеханов Д. А. Схемы параллельного импорта автомобилей из стран ЕАЭС // Таможенная политика России. 2023. Т. 4, № 89. С. 33–41.

УДК 336.71

ESG-трансформация банковского сектора: подходы к финансированию инноваций

Оксенчук Ксения Андреевна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, колледж многоуровневого профессионального образования Москва, Россия, koksenchuk24@ranepa.ru

Ключевые слова: ESG-политика, государственная поддержка, зеленое финансирование, ESG-компетенция, экология, инновации.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Саидовой Татьяне Николаевне, преподавателю ФГБОУ ВО РАНХиГС КМПО.

ESG-повестка трансформирует финансовый сектор. В России этот процесс идёт при участии государства, формирующего нормативную базу и механизмы софинансирования. Ключевые проводники политики государства – крупнейшие банки.

ПАО Сбербанк выступает наиболее активным участником внедрения ESG-принципов. Экологический аспект стратегии реализуется через финансирование проектов в области возобновляемой энергетики, развитие зеленого кредитования и выпуск ESG-инструментов. Социальный аспект имеет выраженную муниципальную проекцию через поддержку инклюзивной среды и развитие человеческого капитала в регионах присутствия [4].

Стратегия Банка ВТБ (ПАО) направлена на постепенную интеграцию ESG-факторов в бизнес-процессы. Экологическая

© Оксенчук К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

политика включает финансирование проектов в сфере альтернативной энергетики на муниципальном уровне. Особую роль играет цифровизация процессов управления, позволяющая банку эффективно администрировать государственные программы поддержки инновационных предприятий, работающих над снижением негативного воздействия на окружающую среду [1].

Банк ГПБ (АО) ориентирован на долгосрочные цели, что делает его естественным партнером государства в реализации инфраструктурных проектов с экологическим компонентом. Банк финансирует создание современной инфраструктуры для обращения с отходами, модернизацию теплосетей и строительство гибридных энергообъектов в муниципалитетах [2]. Рассмотрим распределение инвестиций за период 2023–2025 годы крупнейшими банками РФ в сфере инструментов, имеющих прямое отношение к финансированию муниципальных и инновационных проектов в таблице 1.

Таблица 1. Инвестиции в ESG-проекты с муниципальным и инновационным участием (2023-2025 гг.) [3]

Банк	**Направление ESG**	**2023**	**2024**	**2025**
ПАО Сбербанк	ESG-кредитование и зеленые займы, млрд руб.	540	700 - 800	1 000
	Собственная «зеленая» программа (энергоэффективность офисов), млрд руб.	1.2	1.5	2.0
	Социальные проекты (Образование, «Вклад в будущее»), млрд руб.	5.0	5.5	6.0
Банк ГПБ (АО)	ESG-кредитование / Связанное с устойчивым развитием, млрд руб.	150	250	350
	«Зеленое» финансирование (ВИЭ, ГЭС), млрд руб.	38.6	50	70
	Социальная инфраструктура, млрд руб.	20	30	40
Банк ВТБ (ПАО)	ESG-кредитование и Green bonds, млрд руб.	200	280	350-400
	Собственная программа «зеленых» зданий, млрд руб.	0.8	1.0	1.5

На основании данных из таблицы 1 можно сделать вывод об устойчивой положительной динамике инвестиций во всех анализируемых банках. При этом ПАО Сбербанк демонстрирует наиболее значительные объемы ESG-кредитования. Банк ГПБ (АО) концентрируется на крупных инфраструктурных инициативах. Банк ВТБ (ПАО) делает акцент на цифровизации и участии в государственных программах поддержки инновационных проектов.

Банки имеют разные подходы к развитию, так, ПАО Сбербанк интегрирует ESG-факторы в кредитную политику, выступая системообразующим институтом финансирования инновационных проектов. Банк ВТБ (ПАО) участвует в государственных программах развития зеленого финансирования, делая ставку на цифровые технологии и поддержку инновационных идей. Банк ГПБ (АО) ориентирован на капиталоемкие соглашения и инфраструктурные проекты на муниципальном уровне.

Несмотря на достижения, в осуществлении ESG-политик до сих пор присутствуют недостатки, такие как: сложности с интеграцией ESG-параметров; риск операционных трудностей; высокая конкуренция за квалифицированные кадры [3].

Решение этих проблем требует совершенствования механизмов государственной поддержки и гармонизации нормативной базы. ESG-повестка открывает широкие перспективы для развития банковских продуктов, ориентированных на финансирование инноваций в муниципалитетах. Можно выделить некоторые востребованные банковские услуги и продукты, такие как: кредиты, привязанные к KPI устойчивого развития; консультации по интеграции ESG в бизнес-процессы; банковские карты из экопластика [3].

Можно сделать вывод, что крупнейшие банки РФ трансформируют ESG-стратегии в инструмент привлечения государственного и частного финансирования в инновационные проекты на муниципальном уровне. Дальнейшее развитие зависит

от совершенствования нормативной базы для «зеленого» финансирования, расширения инструментов поддержки инноваций и повышения ESG-компетенций в банках и органах местного самоуправления.

Таким образом, в ближайшие годы ожидается рост синергии государства и банковского сектора в финансировании инновационных проектов, что создаст основу для устойчивого развития российских муниципалитетов.

Список источников

1. Отчёт об устойчивом развитии Банка ВТБ (ПАО) за 2024 год : презентация. Москва, 2025. 126 слайдов. URL: https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/about/bank/sustainability/vtb-sr-2024-small.pdf.

2. Банк ГПБ (АО). Отчет о воздействии Газпромбанка : презентация. Москва, 2024. 83 слайда. URL: https://www.gazp3rombank.ru/upload/files/iblock/9b7/vr292c247ayflkzu679h0h5o4z665b3y/GPB_ESG_2023.pdf.

3. Инновационная политика : учебник для вузов / под ред. Л.П. Гончаренко. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. 248 с. ISBN 978-5-534-21306-5. С. 9. URL: https://urait.ru/bcode/583036/p.9.

4. ПАО Сбербанк. Политика в области социальной и экологической ответственности, корпоративного управления и устойчивого развития : утверждена в 2021 г. Москва, 2021. 50 с. URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/ru/sber_esg_policy_rus.pdf.

УДК 338.242

Устойчивое развитие в условиях цифровизации и её влияние на доходность предприятий торговли

Петакчян Лиана Ашотовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
lianaallure@mail.ru

Ключевые слова: влияние, доходность, предприятия, торговля, устойчивое развитие, цифровизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Капитоновне Демченко, профессору, доктору экон. наук.

Процесс технологической трансформации экономики во многом обеспечивает структурные изменения в процессе становления и развития предприятий в современных условиях. Устойчивое развитие компаний на рынке в условиях цифровизации становится ключевым направлением трансформации деятельности и оптимизации внутренних бизнес-процессов, оказывающих в свою очередь весомый положительный эффект, отражающийся на росте уровня доходности предприятий в сфере торговли в том числе [1]. Цифровизация процессов как возможность автоматизации рутинных задач, структурной оптимизации расходов, трансформации общей системы работы компании обеспечивает возможность устойчивого развития на рынке.

Устойчивое развитие в условиях цифровизации для торговых предприятий представляет собой сложную структуру трансформации всех бизнес-процессов, протекающих внутри

© Петакчян Л. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

компании [5]. Наиболее востребованными в качестве состоявшихся цифровых технологий на сегодняшний день являются технологии интернета вещей, позволяющие обеспечить оптимизацию внутренних процессов посредством мониторинга данных с датчиков, внедрение данных технологий возможно, как в рамках оптимизации работы на складе в торговле, так и для мониторинга изменений температурного режима в помещениях и торговых залах. Внедрение данной технологии напрямую влияет на увеличение доходности предприятия торговли посредством сокращения товарных потерь в процессе работы, повышения оборачиваемости запасов благодаря умному складированию и сокращению времени цикла реализации товара, а также снижения операционных издержек в процессе проведения инвентаризации и иной операционной деятельности.

Ещё одной технологией, обеспечивающей устойчивое развитие торгового предприятия в условиях цифровизации является внедрение искусственного интеллекта в предиктивной аналитике с целью прогнозирования спроса и составления умных моделей с построением высокоточных прогнозов [6]. Положительное влияние на доходность предприятия торговли оказывает посредством снижения издержек в процессе потерь продаж и затрат на утилизацию избытка товаров, что напрямую влияет на увеличение маржинальности. Возможна и оптимизация процесса ценообразования посредством формирования точного прогноза объема закупок и стратегии реализации товаров в каждой товарной группе, что позволит максимизировать валовую прибыль компании и своевременно обеспечивать эластичность спроса.

В рамках устойчивого развития предприятий торговли в условиях цифровизации технологии Big Data с персонализацией и возможностью управления жизненным циклом товара позволяет обеспечивать увеличение пожизненной ценности клиента за счёт мониторинга и персонализации рекомендательных систем, что в свою очередь влияет на рост выручки и увеличение среднего чека. Также Big Data позволяет снизить и маркетинговые издержки в

ходе аналитики, что обеспечивает общую операционную эффективность работы компании, за счёт своевременной оптимизации затрат. Анализ больших данных позволяет грамотно управлять жизненным циклом товара приводя к наиболее эффективному процессу продаж, обеспечивающих рост маржинальности с учётом имеющихся площадей в торговом зале, что также отражает влияние на общую доходность деятельности предприятия [2].

Успешное развитие предприятий торговли в условиях цифровизации обеспечивающее положительное влияние на доходность предприятий торговли во многом диктуется и внедрением технологий блокчейн систем, позволяющих отслеживать происхождение товара, а также контролировать транзакции, обеспечивая прозрачность информации об истории движения товаров от производителя до конечного потребителя и передвижении денежных средств соответственно [4]. В свою очередь данная технология позволяет снизить вероятность репутационных рисков для компании в рамках ужесточения процессов регулирования платежей, что также положительно отразится на капитализации организации, предотвращая от возникновения возможных убытков и необходимости возврата продукции. Блокчейн системы позволяют также реализовывать стратегию этичного премиального потребления в рамках тенденции на органическое происхождение продукции, обеспечивая определённую инфраструктуру доверия со стороны потребителя благодаря предоставлению необходимой информации о товаре, его происхождении и тем самым обосновывая его премиальную цену. Рост лояльности со стороны потребителей повлечёт увеличение спроса, что также приведёт к увеличению общей доходности деятельности компании.

Обеспечение устойчивого развития в условиях цифровизации для предприятия торговли оказывает положительное влияние на доходность компаний, позволяя за счёт оптимизации бизнес-процессов, минимизации потерь в ходе работы и предоставляя

новые возможности для развития, обеспечивать рост доходной составляющей торгового предприятия [3]. Формирование стратегии устойчивого развития в современных условиях, где цифровизация становится неотъемлемой частью бизнес-процессов торговых предприятий позволяет обеспечить общую эффективность деятельности компании, увеличить доходы, снизить издержки, а также в целом повысить эффективность рентабельности бизнеса, в том числе за счёт увеличения доходности предприятия торговли в целом. Именно поэтому устойчивое развитие предприятий торговли в современных реалиях в условиях цифровизации оказывает высокоэффективное положительное влияние на общую доходность деятельности компаний и является перспективной тенденцией развития.

Список источников

1. Боровкова В.А. Развитие оценки инновационного потенциала в торговле в условиях цифровизации экономики // Смирновские чтения – 2019. «Цифровая экономика и финансовые кибертехнологии: проблемы и перспективы» : материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2019 года / Международный банковский институт. Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2019. С. 29-41.

2. Кравченко Е. С. Теоретико-прикладные аспекты цифровизации цепочки создания ценности в предприятиях розничной торговли и сферы услуг на основе блокчейн-технологий / Е. С. Кравченко, В. В. Овсянникова // Торговля и рынок. 2021. Т. 2, № 3-2 (59). С. 148-161.

3. Павлова С. В. Инструменты устойчивого развития в ритейле: стратегии, метрики и проблемы внедрения / С. В. Павлова, О. Е. Пирогова, А. А. Лазарева // Международный научный журнал. 2025. № 3(103). С. 21–30.

4. Развитие интернет-торговли в России в условиях цифровизации / Кудинова М. Г., Сурай Н. М., Елистратова Т. Г. [и др.] // Инновации и инвестиции. 2022. № 4. С. 238–243.

5. Ушатенков Д. И. Трансформация бизнес-моделей предприятий розничной торговли в условиях цифровизации // Роль бизнеса в трансформации общества – 2023 : Сборник тезисов студентов и аспирантов по итогам XVIII Международного конгресса (международной научно-практической конференции), Москва, 10–14 апреля 2023 года. Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2023. С. 332–335.

6. Щербакова С.А., Влияние искусственного интеллекта на развитие розничной торговли в Российской Федерации / С. А. Щербакова, Е. А. Швец // Экономика и управление: теория и практика. 2024. Т. 10, № 1. С. 102–114.

УДК 338.46:331.5

Оценка сервитизации деятельности торгового предприятия

Трофимов Валерий Валерьевич
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, valera321r@yandex.ru

Ключевые слова: сервитизация, бизнес-модель, NPS, оптовые покупатели, сервисное обслуживание, цифровизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Наталье Николаевне Терещенко, профессору, д-ру экон. наук.

Одним из трендов развития предприятий на потребительских рынках служит применение сервисных бизнес-моделей. Сервисная бизнес-модель, известная как «сервитизация», основывается на предоставлении клиентам широкого доступа к продуктам и услугам, вместо часто сопровождающих или заменяющих продажу продуктов. В целом, под сервитизацией понимается увеличение роли услуг в деятельности предприятий [1].

Собственно термин «сервитизация» был предложен Вандермерве и Радой [2] и подразумевает изменение роли фирм с производителей продукции на поставщиков услуг, связанных с основным продуктом.

По мнению ряда зарубежных ученых, сервитизация рассматривается как процесс трансформации бизнес-стратегий с помощью сервис-ориентированной логики [3], как инновационная бизнес-модель, сфокусированная на предоставлении услуг [4].

© Трофимов В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Целью проведения исследования является оценка сервитизации деятельности конкретного торгового предприятия-ООО «Ресурс-Лес», в деятельности которого реализуется сервисная модель, представленная на рисунке 1.

Оценка сервитизации деятельности в ООО «Ресурс-Лес» происходит в результате применения метрики NPS, которая позволяет выявить «сторонников» и «критиков» сервисного обслуживания в предприятии с использованием метода интервью (табл.1).

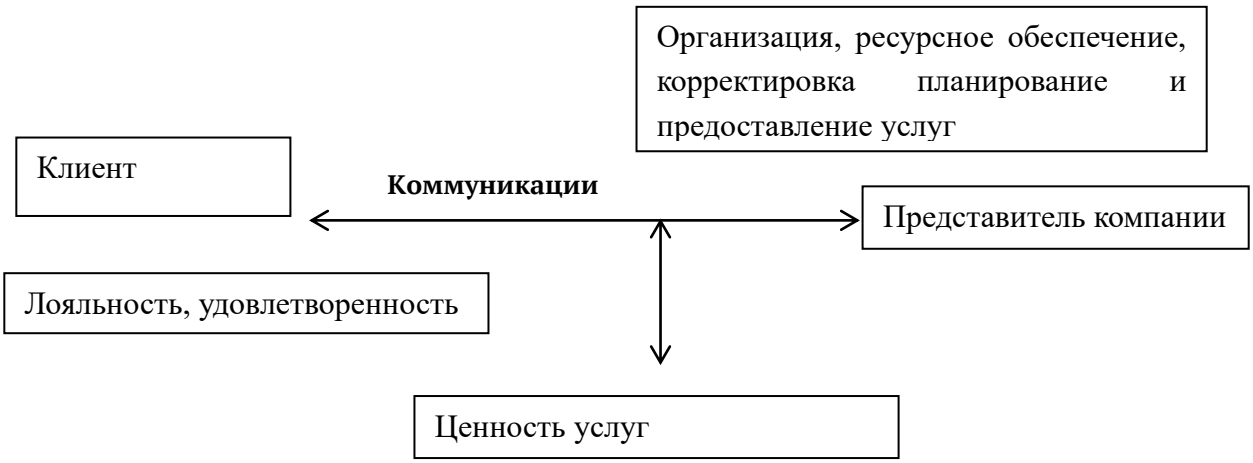


Рис.1. Сервисная модель в ООО «Ресурс-Лес».

Таблица 1. Индекс NPS сервисного обслуживания в ООО «Ресурс-Лес»

Показатели	**10-17 октября 2025 г.**		**10-17 ноября 2025 г.**		**Откло-нение по индексу NPS**
	количество опрошенных в интервью, чел.	**доля, %**	**количество опрошенных в интервью, чел.**	**доля, %**	
Сервисное обслуживание удовлетворяет «Сторонники»	112	72,26	101	65,16	
Сервисное обслуживание не удовлетворяет «критики»	43	27,74	54	34,84	

Окончание таблицы 1.

Показатели	10-17 октября 2025 г.	10-17 ноября 2025 г.	10-17 октября 2025 г.	10-17 ноября 2025 г.	Откло-нение по индексу NPS
	количество опрошенных в интервью, чел.	доля, %	количество опрошенных в интервью, чел.	доля, %	
Причины:					
– отсутствие услуги доставки	23	14,84	23	14,84	
– отсутствие отзывов в сети Интернет об обслуживании, страниц в социальных сетях для онлайн консультаций с покупателями	0	0	11	7,10	
– отсутствие услуги демонстрации образцов пиломатериалов, цифровых форматов презентации пиломатериалов (например, в формате видеопрезентации)	20	12,90	20	12,90	
Всего:	155	100,00	155	100,00	
Индекс NPS	NPS=72,26-27,74= 44,52%		NPS=65,16-34,84= 30,32%		30,32-44,52 = -14,2

Индекс NPS сервисного обслуживания в ООО «Ресурс-Лес» в период первого исследования (с 10 по 17 октября 2025 года) составил 44,52%, покупателей в большей части удовлетворяет сервисное обслуживание (являются «сторонниками»), а 27,74% «критиков» недовольны из-за отсутствия услуги доставки и услуги демонстрации образцов пиломатериалов, цифровых форматов презентации пиломатериалов (например, в формате видео-презентации).

Во втором периоде исследования (с 10 по 17 ноября 2025 года) к уже имеющимся недостаткам в сервитизации в ООО «Ресурс-Лес» от «критиков» в лице опрошенных потребителей, добавлена еще одна «отсутствие отзывов в сети Интернет об обслуживании, страниц в социальных сетях для онлайн консультаций». Это повлияло на сокращение индекса NPS в ООО «Ресурс-Лес» на 14,2%, до 30,32%.

Индексы NPS по сервисному обслуживанию в ООО «Ресурс-Лес» за два периода показаны на рисунке 2.

Определено в динамике увеличение числа «критиков» сервисного обслуживания в предприятии ООО «Ресурс-Лес», следствием стало сокращение индекса NPS.

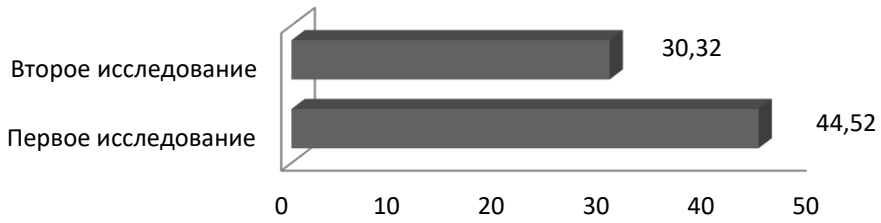


Рисунок 2. Индексы NPS по сервисному обслуживанию в ООО «Ресурс-Лес», %.

Оценка сервитизации деятельности в ООО «Ресурс-Лес» показала низкий уровень ее цифровизации, наличие «критиков» в лице потребителей услуг, малое количество сопутствующих услуг, формирующих ценность основного сервисного продукта.

Список источников

1. Гукова О. Н. Предпринимательство в сфере сервиса : учеб. пособие / О. Н. Гукова, А. М. Петрова. М. : ИНФРА-М, 2025. 176 с.

2. Vandermerwe S. Servitization of business: adding value by adding services / S. Vandermerwe, J. Rada// European Management Journal. 1988. № 6. P. 314-324.

3. Wang W. The impact of servitization on firm performance: A metaanalysis / W. Wang, K.H. Lai, Y. Shou // International Journal of Operations & Production Management. 2018. № 38. P. 1562-1588.

4. Chou T.H. Factors influencing the development of innovative business model in the IT industry // Technology Analysis and Strategic Management. 2021. № 33. P. 625-637.

УДК 338:46

Государственная поддержка развития туристских услуг в современных условиях

Филиппова Валентина Сергеевна
Институт физической культуры, спорта и туризма Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, VFilippova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: государственное регулирование, национальный проект, туризм и гостеприимство, федеральный проект, стратегия развития туризма.

Отрасль туризма в настоящее время имеет высокое значение в развитии экономики страны, как основы эффективного использования рекреационных ресурсов и развития потенциала регионов. Поэтому одним из эффективных методов государственного регулирования развития сферы туризма является государственное программирование и прогнозирование как на национальном уровне, так и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации.

© Филиппова В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Национальный проект «Туризм и гостеприимство» [1], определяет основные цели по развитию туризма в стране и включает следующие федеральные проекты: «Развитие туристской инфраструктуры» [2], «Повышение доступности туристских услуг» [3], «Совершенствование управления в сфере туризма» [4].

Федеральный проект «Развитие туристской инфраструктуры» направлен на «формирование туристических кластеров, разработку мастер-планов туристических территорий и инвестирование в инфраструктуру на основе государственно-частного партнёрства» [2], охватывает 85 регионов и предполагает создание 4,7 млн рабочих мест в туристической отрасли. С 2022 года в рамках данного федерального проекта было выделено 38,8 млрд рублей [1].

Федеральный проект «Повышение доступности туристских услуг» направлен на «развитие системы национальных туристических маршрутов, которые включают объекты культурно-исторического наследия, гастрономические точки, уникальные природные и другие привлекательные объекты» [3].

Федеральный проект «Совершенствование управления в сфере туризма» направлен на изменение государственных функций в управлении сферой туризма, включает в себя «разработку системных и прозрачных механизмов управления, улучшение нормативных основ регулирования и подготовку кадров» [4].

Таким образом, можно отметить, что разработка и реализация национальных и федеральных проектов в сфере туризма повышает роль данной отрасли в экономике страны за счет увеличения доли в ВВП, роста количества туристических поездок по территории Российской Федерации до 140 млн. и увеличения объема экспорта туристских услуг до $10,75 млрд. [1]. За счет реализации данных проектов планируется повысить роль индустрии гостеприимства в ВВП. В России в анализируемый период доля индустрии гостеприимства в ВВП колебалась в районе 2–3%. Вклад туризма и индустрии гостеприимства в ВВП России должен увеличиться к

2030 году до 5% (в абсолютном выражении рынок должен вырасти с 6 трлн рублей в 2024 году до 15,6 трлн рублей в 2030 году) [5].

На основе выше рассмотренных проектов автором выделены ключевые направления их реализации, представленные на рис. 1.

Рисунок 1. Ключевые направления реализации Национальных проектов в сфере туризма.

Государственная поддержка в развитии сферы туризма реализуется не только через Национальные проекты, но также через законодательные меры: Распоряжение Правительства «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [6].

На уровне отдельных субъектов РФ также принимаются меры государственной поддержки развития туризма. Постановлением Правительства Красноярского края «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие туризма»» [7], определены основные цели в сфере туризма: создание конкурентоспособных туристских продуктов; развитие туристической инфраструктуры; повышение эффективности работы объектов туризма и снижение сезонных колебаний в использовании туристической инфраструктуры; увеличение инвестиционной привлекательности данной отрасли; повышение уровня сервиса и кадрового обеспечения отрасли туризма; развитие

цифровой инфраструктуры (цифровых платформ); стимулирование спроса и продвижение туристских продуктов и брендов; совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере туризма с учетом тенденций развития отрасли; усиление роли туризма [7].

Стоит отметить, что в законе Красноярского края N 5-1544 «О создании благоприятных условий для развития туризма в Красноярского крае» определены в качестве приоритетных такие виды туризма, как активный; экологический; детский; культурно-познавательный; речной; социальный; арктический; самодеятельный и сельский туризм, что соответствует рекреационным ресурсам региона и определяет вектор развития данной отрасли на территории края [8].

Анализ официальных документов в области государственного программирования и прогнозирования развития сферы туризма показал, что во всех выше рассмотренных нормативных актах делается акцент на повышение качества услуг на основе создания единого цифрового пространства в экосистемном формате.

Список источников

1. Министерство экономического развития Российской Федерации. Туризм и гостеприимство: Национальный проект. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_turizm_i_gosteprii mstvo/.

2. Министерство экономического развития Российской Федерации. Развитие туристской инфраструктуры: Федеральный проект. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/turizm/razvit ie-turistskoy-infrastruktury/?ysclid=mnydhu8e8y299441061.

3. Министерство экономического развития Российской Федерации. Повышение доступности туристских услуг: Федеральный проект. URL: https://национальныепроекты.рф/project

s/turizm/povyshenie-dostupnosti-turistskikh-uslug/?ysclid=mnydk4dgd9813902761.

4. Министерство экономического развития Российской Федерации. Совершенствование управления в сфере туризма: Федеральный проект. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/turizm/sovershenstvovanie-upravleniya-v-sfere-turizma/?ysclid=mnydlostie64422067.

5. Администрация Президента РФ. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank.

6. Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р. URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-20092019-n-2129-r/?ysclid=mkdjxcb63754625955.

7. Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие туризма» : утверждена Постановлением Правительства Красноярского края от 27.02.2024 № 124-п. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/2400202403040003?ysclid=mkdkihg0a723851554.

8. О создании благоприятных условий для развития туризма в Красноярском крае : Закон Красноярского края от 09.02.2023 № 5-1544. URL: http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/102820.

Основы российской государственности. Молодёжь в поиске смыслов

УДК 1+929

Хабитуальные основания репрезентации образов прошлого М.И. Кутузова в коллективном сознании

Бекренева Елизавета Алексеевна, Филенко Кристина Владимировна
Институт педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета, Кемеровская область-Кузбасс, Новокузнецк, Россия, fil-nkz@bk.ru

Ключевые слова: габитус, культурно-историческая память, М.И. Кутузов, ценностная система, культурные нарративы, историческая народная культура.

Меморализация значимых исторических событий и выдающихся личностей является первичным отражением культурного бытия в осмыслении и национальной идентичности, и ценностно-смысловой системы социума. Хабитуальные основания русской культуры закладываются коллективным сознанием на протяжении всего периода существования, аккумулируя, в том числе и модернизационные процессы. Как отмечал Э. Гуссерль: «Пока оно значимо для меня, я могу вновь к нему вернуться и всегда нахожу его как мое, хабитуально свойственное мне убеждение, и, соответственно, – себя как Я, которое в чем-то убеждено, т. е. благодаря этому неизменному хабитусу определено как сохраняющее свою самотождественность Я» [1].

Репрезентация Образов Прошлого как своеобразных символов культурно-исторической памяти в полной мере соответствуют проблематике габитуса, поскольку освещают взаимосвязь между индивидом и социальными структурами. Кроме того, габитус

© Бекренева Е. А., Филенко К. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

включает в себя культурные нарративы, которые коллективное сознание использует для осмысления своей истории. Одной из выдающихся личностей отечественной истории XIX века был Михаил Илларионович Кутузов, который стал не только символом ценностных устоев русского общества: любовь к Родине, мужество, отвага, но и его имя было увековечено в исторической памяти государственных орденов, военных формирований, историко-культурных учреждениях (орден Кутузова, военно-исторический музей «Кутузовская изба», корабль-музей, крейсер «Михаил Кутузов» и др.). Для системной репрезентации личности М. И. Кутузова как Образа Прошлого в качестве методологической основы будет выступать теория действия П. Бурдье, который рассматривает базовые основы habitusa.

Культурно-историческая память становится частью габитуса, воздействующего на сознание и поведение индивидов. Например, отношение к историческим событиям формируют представления о справедливости, патриотизме, идентичности. Такие коллективные воспоминания влияют на способы, которыми люди воспринимают и действуют в настоящем.

В современном мире культурно-историческая память часто выражается через визуальные медиа. Например, использование мемориалов и памятников как символов коллективной памяти формирует определенный габитус. Эти объекты становятся местами, где культура памяти может быть представлена, обсуждаема и изменяема. Памятники как часть коллективного габитуса, формируют общественное восприятие исторических событий и становятся активными участниками культурной памяти.

В преддверии 280-летия со дня рождения полководца М. И. Кутузова в России проводились просветительские мероприятия (от открытия памятников до просмотра кинолент и часов истории в образовательных и культурных учреждениях). В контексте сегодняшнего времени для нас было важным

рассмотрение эволюции исторической памяти в ценностно-смысловой системе Образа Прошлого М. И. Кутузова.

Отечественная война 1812 г. в системе войн, в которых принимала участие Россия, согласно социологическим исследованиям, занимает второе место, среди исторический событий в целом – третье место, а нашедших отражение в нарративных источниках – восьмое место [2].

Историческая память Отечественной войны 1812 г. имела свои модификации: к столетней годовщине войны, к 1912 г. сложился определенный ритуал, включавший торжественные богослужения, крестные ходы, военные парады, народные гуляния и т. д. Также следует добавить, что к 1912 г. образ полководца М.И. Кутузова в российском самосознании достиг определенной степени канонизации. В советский период события Отечественной войны 1812 г. имели особое значение накануне и во время Великой Отечественной войны. Увековечивание памяти героев 1812 г. происходило в формате создания музеев, памятников, названия улиц и станций метро, появлением кинолент, освещающих подвиги русских солдат («Гусарская баллада», «Война и мир»). К 200-летнему юбилею Отечественной войны, в 2012 г. уже наблюдаются изменения в исторической народной культуре: реконструкция военных сражений на Бородино, выпуск памятных монет в честь героев войны (М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, П.И. Багратион), выставочные экспозиции из коллекции Русского музея, опубликование архивных документов из Рукописного отдела РАН, открытие виртуальной выставки «Отечественная война 1812 г. в идеологии и художественной культуре XIX-XX веков» и др.

Согласно теории П. Нора lieux de mémoire М. И. Кутузов как и многие герои войны 1812 г. является одним из значительных «мест памяти» в русской военной истории.

Долгий советский период образ М. И. Кутузова олицетворялся не только с личной самоотверженностью полководца, но и

ассоциировался как отражение личностных качеств всего русского народа. Однако в постсоветскую эпоху произошла переоценка концепций и опорных точек культуры и памяти, в результате чего образ М. И. Кутузова подвергся верификации.

Таким образом, обратившись к хабитуальным основаниям исторической памяти о репрезентации Образов Прошлого М. И. Кутузова можно заключить следующее:

- во-первых, на протяжении существования российской государственности функционировала конкретная ценностно-смысловая система и коммеморативные практики, которые имели свои модификации в связи с изменением духовных констант, обусловленных идеологическими, политическими и культурными реалиями.

- во-вторых, габитус культурно-исторической памяти показал значимость личности М.И. Кутузова и Отечественной войны 1812 г. как «место памяти» национальной идентичности русского народа.

- в-третьих, историческая память как субстрато-формирующая сила русской культуры принимает новые формы вариаций исторических личностей и событий, тем самым, приобретая новые историографические оценки и переосмысление роли личностей в истории российского государства.

Список источников

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Санкт-Петербург : Наука, 2006. 315 с.

2. Ростовцев, Е. А. Два взгляда на войну 1812 г.: Отечественная война на страницах школьных учебников императорской и советской России (1860 — начало 1930-х гг.) / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // 1812 год в судьбах России и Европы : сборник трудов Международной научной конференции. Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2012. С. 261–273.

УДК 069(571.1):323.1

Сибирская идентичность в пространстве национального центра «Россия»: экспозиция Красноярского края как воплощение государственной политики

Володкина Александра Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, avolodkina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: Национальный центр «Россия», сибирская идентичность, Красноярский край, основы российской государственности, Енисейская Сибирь.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чащиной Анне Александровне, доценту, кандидату философских наук Юридического института Сибирского федерального университета.

В декабре 2025 года на центральной набережной реки Енисей открылся филиал Национального центра «Россия» – единственное представительство федерального проекта на территории Сибири. Открытию предшествовало распоряжение Президента РФ от 1 июля 2024 года о создании Национального центра «Россия» и его филиалов в регионах «в целях демонстрации достижений страны, укрепления национальной идентичности, формирования чувства гордости за страну, развития профессиональных навыков детей и молодежи, сохранения наследия Международной выставки-форума «Россия» [1].

Красноярский край вошёл в число пяти пилотных регионов, отобранных на конкурсной основе из 15 регионов-претендентов по

© Володкина А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

критерию качества концепции. «Мы считаем, что при всем многообразии природных ресурсов, богатств края, самое главное – это, конечно, люди. Центр создан для всей семьи» – сказал губернатор Красноярского края Михаил Котюков [2].

Актуальность темы продиктована Указом Президента № 808 от 24.12.2014 о культурной политике (цель – «укрепление общероссийской гражданской идентичности») и Указом № 858 от 25.11.2025 о национальной политике до 2036 года («сохранение этнокультурной самобытности»). Как отмечает Н. А. Никитина, «формирование гражданской идентичности требует синтеза образовательных и воспитательных практик» [3]. Именно такой синтез реализуется в экспозиции центра, где образовательный контент связан с эмоциональным переживанием сопричастности.

Постоянно действующая интерактивная выставка «Энергия людей – энергия Красноярского края» развернулась на 3500 кв. м. и объединила 21 локацию. Концептуальная основа экспозиции – метафора «живого механизма», где каждый житель производит энергию, трансформирующуюся в достижения края. Экспозиция выстроена по принципу циркуляции энергии: от промышленности и добычи ресурсов к природе, человеку и будущему (образование, молодёжная политика, новые профессии). Настенные световые потоки загораются при взаимодействии посетителей с интерактивными локациями, визуализируя эффект сопричастности. Это реализует основной принцип государственной политики – формирование у молодежи традиционных российских духовно-нравственных ценностей, как подчеркивает М. В. Козлова «историческая память – не просто наша ценность, а смыслообразующая основа существования народа» [4]. Стоит отметить, каждый филиал получает уникальную букву в логотипе «РОССИЯ». Эта традиция создает живую географию страны в символах. Буква «О» для Красноярского края украшена изображением хариуса – символа чистоты сибирских рек.

Выставка Енисейской Сибири актуализирует память через интерактивное знакомство с индустриальным и культурным наследием региона. Первая зона выставки посвящена природным ресурсам: интерактивные стенды РУСАЛ, «Полюс», Ванкорнефть, СУЭК позволяют «прикоснуться» к технологическим процессам, транслируя ценность созидательного труда. Зал «Сердце системы», знакомит посетителей с экономикой региона, лидерами креативных индустрий и брендами, которыми гордится Красноярский край. Дальше гости видят потенциал сибирской земли на стендах «Недра региона» и «Живая основа» которые знакомят с природой и сельским хозяйством. Сельскохозяйственный блок включает тренажёр комбайна и информацию о локальных продуктах. Локация «Прорыв за горизонт» дает представление о космических технологиях и нефтяной отрасли, отдельная экспозиция посвящена сибирякам – героям СВО. Локация «Край впечатлений» позволяет совершить путешествие по краю с севера на юг, увидеть хребты Саян и заснеженную полярную тундру.

Важным фактором успешной работы Национального центра стала подготовка экскурсоводов – методистов центра. Будущие гиды проходили интенсивное обучение, включавшее не только факты, но и интерактивные методы, работу с цифровым оборудованием. Студенты отрабатывали навыки на пилотных экскурсиях, что позволило обеспечить высокий федеральный стандарт подачи материала. Как отмечает А. А. Чащина в исследовании деятельностной парадигмы обучения служением, «качественный скачок от усвоения внешнего нарратива к принятию внутренней ценности запускается комплексом переживаний в практической деятельности» [5]. Кроме того, «устойчивый интерес молодёжи к науке будет способствовать её трансформации в престижную и имиджевую сферу» [6] – и аналогичный механизм действует в отношении краеведческой и патриотической

деятельности, реализуемой через институт экскурсоводов-волонтёров.

Таким образом, красноярский филиал Национального центра «Россия» успешно синтезирует федеральные приоритеты государственной культурной и молодежной политики с региональной сибирской идентичностью.

Список источников

1. Распоряжение Президента Российской Федерации от 1 июля 2024 года о создании Национального центра «Россия» и его филиалов в регионах. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 05.04.2026).

2. Национальный центр «Россия» в Красноярском крае : официальный сайт. URL: https://russia.ru/krasnoyarsky (дата обращения: 05.04.2026).

3. Чащина А. А. Формирование гражданской идентичности средствами нравственной мотивации в условиях вуза / А. А. Чащина, Н. А. Никитина, Н. В. Высоцкая // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2025. № 56 (56).

4. Чащина А. А., Козлова М. В. Историческая память и просвещение - приоритет современной вузовской педагогики (к 80-летию Великой Победы и году защитника Отечества в Российской Федерации) / А. А. Чащина, М. В. Козлова // Теория и практика социальной работы в современном социуме. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 210-214.

5. Чащина А. А. Деятельностная парадигма модуля «Обучение служением» в педагогическом волонтерстве // Педагогическое волонтерство в «Обучении служением»: проблемы, результаты и перспективы развития. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 242-246.

6. Чащина А. А. Научное волонтёрство в системе высшего образования: практики и перспективы // Менеджмент современности: экономика, общество, наука и культура. 2025. С. 482–487.

УДК 316.654

Приоритеты традиционных ценностей в сознании студентов технического вуза

Бледнова Дарья Михайловна, Тюкпиекова Татьяна Владиславовна
Сибирский государственный университет науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, tukpiekovatana@gmail.com

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, иерархия ценностей, студенчество, сознание, мировоззрение, российская государственность

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Леониду Леонидовичу Москалеву, доценту, канд. философ. наук.

Актуальность исследования обусловлена государственной политикой по укреплению традиционных ценностей и необходимостью понимания их реального усвоения ключевой социальной группой – студенчеством. Исследование проводилось в рамках учебных занятий курса «Основы российской государственности», третий раздел «Мировоззрение и ценности российской цивилизации». Цель исследования – эмпирически

© Тюкпиекова Т. В., Бледнова Д. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

проверить, какая модель ценностей доминирует: «традиционно-государственная» (с приоритетом коллективных и государство-центричных ценностей) или «личностно-гуманистическая» (с приоритетом индивидуальных и универсальных ценностей).

Согласно Указу Президента от 09.11.2022 № 809 «традиционные российские духовно-нравственные ценности – это нравственные ориентиры, сформированные в ходе исторического и духовно-политического развития народов России». П. Н. Костылевым раскрыто содержание российских традиционных духовно-нравственных ценностей, включающих 17 позиций.

А. Ю. Огородников рассматривает интериоризацию ценностей как «внутриличностный процесс формирования индивидуальной, целостной и иерархичной системы ценностей личности» [1]. По его мнению, участие индивида как субъекта в социальных процессах возможно, если интериоризируемые им ценности имеют сложившуюся устойчивую иерархию. Ценностная иерархия (приоритетность) – это субъективное ранжирование индивидом ценностей по степени их значимости. В контексте задания студенты строили личную иерархию, что позволяет выявить, какие из государственно одобряемых ценностей действительно воспринимаются как ядро мировоззрения.

Нами были сформулированы следующие гипотезы:

Гипотеза 1: «Традиционно-государственная». В иерархии ценностей студентов будут доминировать коллективные и государство-центричные ценности, такие как «Патриотизм», «Служение Отечеству», «Единство народов России», «Крепкая семья».

Гипотеза 2: «Личностно-гуманистическая». В иерархии ценностей студентов будут доминировать индивидуальные и универсально-гуманистические ценности, такие как «Жизнь», «Достоинство», «Права и свободы человека», «Справедливость». Это

может указывать на разрыв между официальным дискурсом и личностными приоритетами молодёжи.

Исследование было проведено в первом семестре 2025-2026 учебного года в два этапа на базе Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева среди студентов первого курса института информатики и телекоммуникаций. Качественный этап (пилотное исследование). Студентам группы БПА25-01 (N≈20) предложено ранжировать 5 наиболее важных для них ценностей из официального списка. Для анализа использовался взвешенный индекс значимости (I): I = (Кол-во 1-х мест × 5) + (2-х × 4) + … + (5-х × 1). Количественный этап (массовый опрос). Опрошен весь поток первокурсников. Респонденты ранжировали все ценности (1-е место – 17 баллов, 17-е – 1 балл). Расчет общего набранного балла для каждой ценности позволил построить усредненную групповую иерархию. Выборка репрезентативна для учебного курса (возраст 18 лет – 78 чел., мужчины – 88 чел.).

Анализ данных показал следующие результаты:

1. Качественный этап (малая группа). В результате ранжирования абсолютными лидерами стали «Крепкая семья» (I=46) и «Достоинство» (I=40). Значимыми ценностями второго порядка – «Справедливость» (I=35) и «Жизнь» (I=25). Государственно-центричные ценности заняли нижние позиции. Ценности «Гражданственность», «Гуманизм», «Милосердие» не были включены студентами в топ-5.

2. Количественный этап (поток). Результаты массового опроса полностью подтвердили и детализировали картину. С большим отрывом лидируют: «Жизнь», «Права и свободы человека», «Достоинство», «Крепкая семья». «Патриотизм» и «Гражданственность» заняли средние позиции (5-е и 6-е места). В нижней части – «Служение Отечеству», «Коллективизм», «Единство

народов России», «Историческая память» и абстрактно-духовные ценности.

В ходе проверки гипотез были получены следующие результаты. Гипотеза 1 («традиционно-государственная») – не подтвердилась. Ценности прямого служения государству и патриотизм не вошли в число высших приоритетов. Гипотеза 2 («личностно-гуманистическая») – подтвердилась частично. Личностные ценности («Достоинство», «Жизнь») находятся в верхней части иерархии, но абсолютным лидером в одном из исследований стала «Крепкая семья».

Фундаментом ценностной системы являются ценности индивидуального бытия и приватной сферы: личная безопасность («Жизнь»), самоуважение («Достоинство»), благополучие ближнего круга («Крепкая семья») и личная автономия («Права и свободы»). Второй уровень составляют ценности-ориентиры социального взаимодействия: «Справедливость», «Патриотизм», «Гражданственность» и др. Они воспринимаются как личная ответственность за среду обитания, которая должна обеспечивать условия для реализации фундаментальных личных ценностей. Периферию образуют ценности коллективной мобилизации и абстрактной духовности («Служение Отечеству», «Коллективизм»). Их практическая значимость и эмоциональная заряженность минимальны.

Таким образом, студенты не отвергают традиционные ценности, но проводят их избирательное усвоение. Они выстраивают иерархию, в центре которой находится личность и ее ближний круг. Государство и общество ценятся в той мере, в какой они способны гарантировать и защищать эту приватную сферу. Формируется поколение «практичных» граждан, чья лояльность основана не на идеологической преданности, а на взаимном уважении прав и обеспечении достойных условий жизни.

Список источников

1. Огородников А. Ю. Роль интериоризации ценностей в становлении целостной личности // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2014. № 2. С. 3.

УДК 37.017.4

Практика воспитания гражданской идентичности у школьников на опыте Краевого школьного парламента Красноярского края

Гаврилова Ольга Евгеньевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, napetrova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданская активность, социальные проекты, социальные акции.

Благодарности: работа выполнена при поддержке краевого государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования «Красноярский краевой Дворец пионеров», автор выражает благодарность научному руководителю, Елизавете Робертовне Кроль, старшему преподавателю кафедры философии Сибирского федерального университета.

В настоящее время существует проблема кризиса гражданской идентичности у школьников Российской Федерации. Это проявляется через пассивное отношение к решению социальных проблем, отстранённости от социальной реальности. Внимание

© Гаврилова О. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

современных школьников сконцентрировано на собственных потребностях, большинство их них не стремится проявлять гражданскую активность и отстраняется от социальной деятельности. Это приводит к возникновению потребительского образа жизни, который приводит к полному безразличию школьников к общественным проблемам и социально-полезной деятельности [6].

Так, к числу глобальных причин социальной апатии относят цифровизацию и, как следствие, атомизацию общества и доминирующая идеология общества потребления. Ориентация на материальные блага, реклама, престижное потребление формируют у школьников установку «получать удовольствия без усилий». При этом духовные усилия минимизируются, что ведёт к ангедонии (утрате способности к жизненной радости) и равнодушию к проблемам других. А когда материальные удовольствия становятся недоступны, вследствие, например, недостаточных ресурсов семьи, наступает апатия и убеждение, что «стараться бесполезно» [3]. Становится очевидной необходимость формировать в подростках субъектность по отношению к развитию окружающей их социальной реальности.

Так, в Красноярском крае ведется активная работа по формированию гражданской идентичности у детей на всех уровнях образования. В общеобразовательных организациях и центрах дополнительного образования регулярно проводятся воспитательные мероприятия с патриотической направленностью, которые способствуют формированию чувства любви и гордости за Родину, помогающие школьникам осознать себя гражданином Российской Федерации. Важным является формирование ценностного отношения человека к социальному миру, и осознания смысла своего социального существования [5].

В рамках деятельности Красноярского регионального детско-юношеского общественного движения «Краевой школьный

парламент», действующего при поддержке Министерства образования Красноярского края, организована работа по воспитанию гражданской идентичности среди школьников края в возрасте от 12 до 18 лет. Это уникальное общественное движение осуществляет деятельность на базе Красноярского краевого Дворца пионеров более 25 лет. Изначально этот проект задумывался как детский законотворческий орган. Но уже первые годы деятельности движения показали, что такое направление не совсем отражает возрастные особенности подростков, их потребности. В рамках деятельности движения реализуется общеобразовательная программа «Краевой школьный парламент: социальный старт в регионе», по которой ежегодно обучается 144 школьника, проживающих на территории Красноярского края [2].

Программа «Краевой школьный парламент: социальный старт в регионе». Цель программы – формирование у обучающихся знаний, умений и навыков в области социального проектирования через разработку обучающимися событийных и инфраструктурных проектов для территорий Красноярского края. Для достижения этой цели два раза в год на базе отдыха «КрасЭйр» проходят краевые выездные интенсивные школы, в рамках которых школьники на протяжении 5 дней погружены в активную деятельность, направленную на выявление социальных проблем территорий и проектирования путей решения этих проблем [4]. Одним из удачных примеров является проект «Подари детям счастье», направленный на проведение серии творческих мастер-классов для воспитанников детских домов. Его авторами стали обучающиеся из 3 муниципальных округов: г. Красноярск, ЗАТО г. Железногорск и Ачинский МО. Этот и другие проекты были созданы и реализованы в полном соответствии с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Таким образом, Краевой школьный парламент выступает в качестве эффективного инструмента преодоления кризиса гражданской идентичности у школьников. Увлеченность школьником проектированием и воплощением их в жизнь задаёт ориентир на формирование гражданской идентичности не только для самого подростка, но и для окружающих его сверстников.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 04.03.2026).

2. Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа «Краевой школьный парламент: социальный старт в регионе»: [сайт]. URL: https://www.dvpion.ru/api/storage/app/uploads/public/693/11a/5f0/69311a5f0ddf5864618716.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

3. Касьянов В. В. Социальная апатия современной российской молодежи: факторы формирования и перспективные способы преодоления / В. В. Касьянов, Л. В. Самыгина, А. К. Манучарян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-1. С. 54–58.

4. Конструктор проектов. Педагогическое бюро. URL: https://pedburo.ru/ksp (дата обращения: 04.03.2026).

5. Сакевич П. А. Понятие гражданской идентичности в современной науке // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2025. № 3 (23). С. 37–45.

6. Саплина Е. В. Современные проблемы формирования мировоззренческих основ российской гражданской идентичности у школьников // Наука и школа. 2025. № 5. С. 58–66.

УДК 32.323

Государственная политика патриотического воспитания в РФ

Ерохина Яна Артемовна, Сухарева Валерия Александровна, Сытина Ирина Евгеньевна
Институт передовых инженерных технологий, Институт педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета, Кемеровская область (Кузбасс), Новокузнецк, Россия, bikasova.larisa@yandex.ru

Ключевые слова: патриотизм, молодежная политика, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Быкасовой Ларисе Валентиновне, кандидату культурологии.

В условиях ускорения технологической революции и формирования новых социально-экономических моделей, основанных на особой ценности знания, приоритетом развития образовательной системы является расширение мировоззренческой составляющей академической подготовки обучающихся вузов. Происходит усиление запроса на расширенную социально-гуманитарную подготовку обучающихся всех специальностей и направлений [1].

© Ерохина Я. А., Сухарева В. А., Сытина И. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Интерес к теме патриотического воспитания продиктован проблемами развития российской цивилизации и её государственности в исторической ретроспективе.

История понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание» – это не разовая акция, приуроченная ко дню Победы, а планомерная работа. В связи с этим предпринимаются различные меры, прежде всего на высоком уровне. Одним из первых документов на постсоветском пространстве является Федеральный закон № 80-ФЗ от 19 мая 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов» [2]. 1 июля 2021 г., во исполнение поручения Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Первоочередной задачей, которая стоит перед государством и преподавателями высших учебных заведений, является необходимость вложить в умы молодежи знания, которые будут давать им возможность отделить правду от лжи, воспитать граждан страны патриотами своего Отечества. В связи с этим тема патриотического, духовного воспитания молодежи России не теряет свою актуальность уже много лет [3].

7 августа 2000 г. президент России Владимир Путин подписал указ о создании Российского организационного комитета «Победа», который является совещательным и консультативным органом при Президенте Российской Федерации и образуется в целях проведения единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации и в отношении ветеранов [4]. На заседании комитета 15 января 2025 г. Президент подчеркнул, что чувство любви к Родине, ответственности за неё объединяют наше общество. «Каждый гражданин России вносит свой вклад в сбережение родной страны своим трудом, достижениями в науке, культуре и просвещении, в экономике и промышленности, на ратном поприще создает её

уверенное и стабильное развитие на ближайшую и отдаленную историческую перспективу» – заявил Президент [5].

С 1-го января 2021 г., в продолжение выполнения программ патриотического воспитания, начал свою реализацию федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2021-2025 гг.». Цель данного проекта – воспитание активного патриота своей страны, который знает и любит ее историю, переживает за ее будущее [6].

Важное значение для патриотического воспитания имеет указ, который был подписан Президентом Российской Федерации 2 июля 2021 года. Это Указ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В тексте Стратегии есть пункты, в которых говорится о значении военно-патриотического воспитания, воспитании у граждан патриотизма, который будет способствовать развитию демократического устройства Российской Федерации и достижению целей обороны страны [7].

28 декабря 2024 г. были внесены изменения в Федеральный закон от № 550-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [8]. Согласно тексту документа, основные направления молодежной политики дополнены следующими моментами: патриотическое, духовно-нравственное воспитание молодежи; формирование у молодежи неприятия идеологий терроризма, экстремизма, иных деструктивных идеологий, формирование устойчивости к их пропаганде; сохранение и укрепление семейного образа жизни в молодежной среде.

Таким образом, основная цель патриотического воспитания – формирование у граждан глубокого понимания и уважения к истории, культуре и традициям России, чувства гордости за свою страну и готовности защищать её интересы. Это не простое внушение патриотических чувств, а сложная системная работа, направленная на формирование гражданской позиции, а также воспитание чувства ответственности за судьбу страны, понимание

прав и обязанностей гражданина, готовность к активному участию в общественной жизни.

Список источников

1. Сазонов А. М. Патриотизм как основа воспитания молодёжи в современной России / А. М. Сазонов, Ю. М. Сазонова // Вестник адъюнкта. URL: https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/novyj-vypusk/8-vestnik/320-patriotizm-kak-osnova-vospitaniya-molodezhi-v-sovremennoj-rossii (дата обращения: 14.04.2026).

2. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». URL: https://base.garant.ru/1518946/ (дата обращения: 14.04.2026).

3. Основы российской государственности: концепция учебно-методического комплекса. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 1441 «О Российском организационном комитете „Победа“» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/1583806/ (дата обращения: 14.04.2026).

5. Заседание Российского организационного комитета «Победа». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76110 (дата обращения: 14.04.2026).

6. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 14.04.2026).

7. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 14.04.2026).

8. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 550-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О молодёжной политике в Российской Федерации“». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411133619/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 327

Новая волна российской эмиграции: проблема необъективности оценок

Жалсанов Тимур Баирович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zaltim344@yandex.ru

Ключевые слова: эмиграция, релокация, утечка умов, общественное мнение, стигматизация, репатриация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Дзись Юлии Ивановне, кандидату политических наук, доценту кафедры международного права СФУ.

В 2022 году Российская Федерация столкнулась с масштабным миграционным оттоком, который по своим объёмам и качественному составу существенно отличался от предыдущих эмиграционных волн. События февраля 2022 года стали триггером новой волны, затронувшей сотни тысяч граждан и вызвавшей значительные трансформации в социально-экономической и общественной жизни.

В отечественной истории принято выделять несколько волн эмиграции, различающихся причинами, социальным составом и

© Жалсанов Т. Б., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

направленностью. Последняя, шестая волна, начавшаяся в 2022 году, характеризуется массовым выездом высокообразованных специалистов, преимущественно молодого возраста [1]. По оценкам исследователей, опирающихся на данные принимающих стран, только в 2022 году Россию покинули около 650 тыс. человек [2]. В 2023 году эмиграционный поток заметно сократился, при этом выросла доля возвращающихся: примерно 10% уехавших в 2022–2023 годах уже вернулись в страну [3].

Современные эмигранты — преимущественно молодые люди с высшим образованием, занятые в интеллектуальных отраслях [4]. Мотивация комплексна: центральный фактор — страх ужесточения политического курса, нестабильности и за личную безопасность [5]. Значительная часть уехавших находилась за рубежом ещё до 2022 года (сотрудники международных компаний, студенты, временно выехавшие по семейным обстоятельствам). Это многообразие делает некорректным обобщение всех случаев как «политического бегства» или «предательства».

После февраля 2022 года произошёл резкий разворот: если в 2010-х эмиграция нередко воспринималась с завистью или одобрением, то теперь доминирует негативная оценка. Уехавших называют «предателями», «релокантами» [4]. Критики говорят, что оставшиеся несут бремя трудностей, а уехавшие выбрали личный комфорт. Однако часть граждан занимает нейтральную позицию или приветствует возвращение эмигрантов.

Сложившееся отношение к уехавшим россиянам характеризуется рядом искажений. Во-первых, тенденция к чрезмерному обобщению [4]. Такой подход игнорирует многообразие жизненных обстоятельств — от вынужденной рабочей миграции до воссоединения с семьёй. Во-вторых, на общественное мнение существенно влияет информационная среда, формирующая упрощённую дихотомию «уехавшие — оставшиеся» и транслирующая образ эмигранта как человека, отказавшегося от

Родины [5]. В-третьих, публичная риторика некоторых представителей власти стигматизирует, хотя в политических кругах признают, что не все релоканты заслуживают одинаково негативной оценки. Поляризация усиливает социальную напряжённость.

В общественной дискуссии звучат предложения по нормализации отношения к уехавшим соотечественникам, включая идею «амнистии», основанную на христианской ценности прощения. Государство, со своей стороны, предпринимает шаги по возвращению уехавших россиян, до 2025 года действовала норма, по которой доход сотрудника на работе с удаленной занятостью, утратившего налоговое резидентство РФ, считался доходом от источников за пределами России. Это освобождало российского работодателя от обязанности удерживать с его зарплаты налог на доходы физических лиц (НДФЛ) в размере от 13% до 22% [6].

Однако с 1 января 2025 года эта «лазейка» была закрыта. Вместе с тем работодатели не всегда готовы восстанавливать доверие к бывшим сотрудникам, что требует дополнительных усилий по реинтеграции и адаптации.

Новая волна эмиграции — сложный феномен, влияющий на социальную ткань российского общества. Отношение к уехавшим поляризовано и не всегда корректно из-за обобщений и влияния информационной среды. А учитывая тенденцию к возвращению, дальнейшее изучение адаптации вернувшихся — важная задача, стоящая перед правительством уже сегодня.

Список источников

1. Селезнёв И. А. Исторический опыт шести волн русской эмиграции и актуальная политика предотвращения «утечки мозгов» // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 68–78. DOI 10.19181/nko.2024.30.4.5.

2. Флоринская Ю. Ф. География новой российской эмиграции (по материалам опроса россиян, уехавших из России в 2022–2023 гг.) / Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2025. № 1 (112). URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php (дата обращения: 09.04.2026).

3. Эксперты РАНХиГС оценили долю вернувшихся в Россию релокантов // Эксперт. 2025. 7 февраля. URL: https://expert.ru/news/eksperty-otsenili-dolyu-vernuvshikhsya-v-rossiyu-relokantov/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Завадская М. А. Белое пальто и гражданская смерть: как уехавших и оставшихся сталкивают лбами // Riddle Russia. 2025. URL: https://ridl.io/ru/beloe-palto-i-grazhdanskaya-smert-kak-uehavshih-i-ostavshihsya-stalkivayut-lbami/ (дата обращения: 10.04.2026).

5. Пономарёва Е. Г. Релокация 2022–2023 как фактор мировой политики: понятие, оценки, цифры / Е. Г. Пономарёва, Е. С. Арляпова // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 3. С. 171–192.

6. Алексеевских А. В. В России ожидают, что в 2026 году вернутся ещё больше релокантов // Газета.Ru. 2025. 17 октября. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/10/17/26970410.shtml (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 339.138

Использование российских ценностей и славянской символики в маркетинговых коммуникациях современных брендов

Заев Дмитрий Владимирович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zaev1206@mail.ru

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, культурная идентичность, культурный код, реклама.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Анатольевне Цветочкиной, канд. ист. наук., доценту.

В современных условиях глобализации и трансформации потребительского рынка маркетинговые коммуникации выступают как инструмент формирования культурной идентичности, эмоционального вовлечения и социальной значимости бренда. В российском контексте, в условиях глобальной нестабильности и санкций, усиливается интерес к национальным ценностям и символам, которые становятся частью маркетинговых стратегий брендов. Эти процессы отражают тенденции национального брендинга (перехода от западных ценностей и их влияния на позиционирование), а также более широкие культурно-семиотические явления, в которых ценности, исторические нарративы и архетипические образы становятся ресурсом коммуникации и идентификации.

© Заев Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Культурный код как совокупность устойчивых символов, значений и нарративов в маркетинговых коммуникациях определяет способ формирования смыслов, которые бренды используют для создания эмоциональной связи с аудиторией. Исследование показывает, что русский культурный код включает в себя ценности патриотизма, коллективизма, исторической памяти и традиций, и его применение в маркетинге направлено на усиление доверия, лояльности и конкурентных преимуществ компаний на рынке [1].

Важнейшие функции культурного кода в маркетинговых коммуникациях:

- создание эмоционального отклика у потребителя;
- усиление идентичности бренда через обращение к историческим и культурным символам;
- формирование устойчивой социальной позиции бренда [Там же].

Российские бренды все чаще используют в рекламе и брендинге традиционные культурные символы, такие как народный костюм, фольклорные мотивы, исторические ассоциации, образы коллективизма и общности. Эти элементы становятся частью стратегий позиционирования, особенно в сегментах FMCG (Fast-Moving Consumer Goods – товары повседневного спроса), услуг и регионального брендинга. Они не только усиливают эмоциональное восприятие, но и создают значимую культурную связь между брендом и потребителем.

Анализ российского национального брендинга показывает, что современные коммуникации опираются на «архетипические основы» национального сознания, отражающие общие культурные коды. Эти стратегии включают использование символов классической культуры, фольклора и исторического наследия для построения уникального культурного предложения на рынке [2].

Семиотический подход к анализу рекламных коммуникаций позволяет рассматривать визуальные и вербальные символы как ключ к пониманию регионального мировоззрения и культурных ценностей. Славянский символизм в маркетинге выполняет когнитивную и коммуникативную функции, связывая бренд с представлениями о традициях, исторической преемственности и культурной самобытности. Они отражают социальные ценности, которыми оперируют потребители в процессе интерпретации маркетингового сообщения [3].

С научной точки зрения использование культурных ценностей и символов в коммуникациях усиливает восприятие бренда через активацию когнитивно-эмоциональных механизмов. Символы выступают как проектные структуры, обеспечивающие более глубокую ассоциацию с социальными ценностями и коллективными представлениями потребителей, что способствует укреплению идентичности бренда и повышению степени его запоминаемости [4].

Использование российских ценностей и славянской символики в маркетинговых коммуникациях современных брендов представляет собой комплексный культурно-социальный и коммерческий феномен. Он основан на интеграции культурного кода в стратегию бренда, что позволяет усилить эмоциональную связь с потребителем, создать уникальную идентичность и расширить культурное поле маркетингового сообщения.

Список источников

1. Любимова И. М. Русский культурный код в маркетинговых коммуникациях: актуальность, функции и практики применения // Economy and Business: Theory and Practice. 2025. URL: https://journals.rcsi.science/2411-0450/article/view/354931 (дата обращения: 06.04.2026).

2. Фортунатов А. Н. Российский национальный брендинг: между культурными архетипами и маркетинговыми стратегиями / А. Н. Фортунатов, Е. Г. Фирулина, О. М. Орлинская, М. В. Дядченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30, № 4. С. 916–927. URL: http://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/view/47809 (дата обращения: 06.04.2026).

3. Курьянович А. В. Рекламный семиотический код как инструмент интерпретации региональной картины мира / А. В. Курьянович, А. В. Панкова // Журнал научных исследований. URL: https://journals.rcsi.science/2312-9220/article/view/359739 (дата обращения: 06.04.2026).

4. Муравьёва К. Ю. Символическая составляющая рекламы: проблемы теории и истории : дис. … канд. культурологии : 24.00.01. Санкт-Петербург, 2006. URL: https://www.dissercat.com/content/simvolicheskaya-sostavlyayushchaya-reklamy-problemy-teorii-i-istorii (дата обращения: 06.04.2026).

УДК 316.75:796.011

Формирование ценностно-смысловых ориентаций молодёжи посредством интеграции спортивной тематики в курс «Основы российской государственности»

Званцева Марианна Дмитриевна
Институт физической культуры спорта и туризма Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mariannakrasota@mail.ru

Ключевые слова: регби, командные виды спорта, формирование личности, стрессоустойчивость, гражданская идентичность, традиционные ценности, молодёжь.

Дисциплина «Основы российской государственности» (ОРГ), внедрённая в вузах с 2023 г., нацелена на формирование у обучающихся устойчивой системы ценностей, включающей патриотизм, гражданственность, уважение к историческому наследию и традициям [1]. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 закрепляет стратегический курс на укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы общенациональной идентичности [2]. Однако в базовом учебном пособии под редакцией А. Д. Харичева, А. В. Полосина и А. В. Селезневой (2024) примеры из сферы физической культуры и спорта отсутствуют [1]. Между тем спорт сегодня является не только массовой социальной практикой, но и ареной острого ценностного и информационного противостояния, что делает его релевантным материалом для всех модулей курса.

© Званцева М. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Ключевые принципы, заложенные в программу ОРГ («единство и многообразие», «сила и ответственность», «согласие и сотрудничество», «любовь и доверие», «созидание и развитие») [Там же], имеют прямые параллели в спортивной деятельности.

Любовь и доверие – реализуются в командных видах спорта, где успех зависит от слаженности действий игроков независимо от их этнической или социальной принадлежности.

Сила и ответственность – воспитываются через дисциплину тренировок, заботу о здоровье, участие в федеральной программе ГТО.

Единство и сотрудничество – формируются через эмоциональное сопереживание побед российских спортсменов, ощущение сопричастности к общенациональному триумфу [3].

Таким образом, спорт может рассматриваться как один из наиболее органичных каналов интериоризации ценностей, декларируемых в Указе № 809 и программе ОРГ.

Воспитательный эффект спорта в контексте ОРГ реализуется на двух уровнях. Первый уровень – непосредственная вовлечённость обучающихся в спортивную деятельность. Исследования последних лет убедительно доказывают, что регулярные занятия спортом коррелируют с ростом патриотических установок, развитием коллективизма, ответственности и социальной активности [4].

Второй уровень – осмысление роли спорта в истории страны и в современном геополитическом контексте. Именно этот аспект особенно важен для курса ОРГ, так как позволяет перейти от личного опыта к анализу государственной политики и цивилизационных вызовов.

Современная ситуация вокруг российского спорта предоставляет богатый материал для обсуждения в рамках разделов ОРГ, посвящённых государственным институтам, информационной безопасности и гражданскому обществу.

Например, беспрецедентная политизация МОК, ВАДА и отстранение российских спортсменов от соревнований, сфабрикованные допинговые обвинения и длительные судебные разбирательства в CAS выступают инструментами давления, направленными на подрыв национального престижа и провоцирование кризиса доверия к власти внутри России, что прямо противоречит принципам суверенитета, обсуждаемым в курсе ОРГ. В то же время заявления Президента РФ В. В. Путина о неизбежности создания параллельных международных спортивных структур (август 2023 г.) иллюстрируют ответ на деградацию существующих международных институтов и могут служить примером отстаивания государственных интересов в новых условиях.

Обсуждение этих сюжетов на занятиях позволяет студентам увидеть, как абстрактные понятия «суверенитет», «информационная война», «мягкая сила» наполняются конкретным, эмоционально близким содержанием.

Для восполнения пробела в учебном пособии и эффективного использования спортивной проблематики в курсе ОРГ предлагается ряд методические приёмов.

В раздел «Что такое Россия?» можно добавить рассмотрение спортивных побед (Олимпиада-80, хоккейная «суперсерия» 1972 г., Игры в Сочи-2014) как символов национального единства и технологического прогресса страны.

В раздел «Мировоззрение и ценности российской цивилизации» – дискуссии на темы: «Спортсмен как герой нашего времени», «Что такое честная игра и как она соотносится с традиционными ценностями?»

В раздел «Политическое устройство России» – разбор кейса «допинговый кризис и деятельность CAS»: «Почему Запад боится наших побед?». Подготовка студентами аналитических эссе или презентаций, сопоставляющих освещение одного и того же

спортивного события в российских и зарубежных СМИ (работа с фейками и манипуляциями).

Спортивная проблематика обладает значительным воспитательным потенциалом для дисциплины «Основы российской государственности». Она позволяет соединить личный, телесно проживаемый опыт студентов (занятия спортом, болельщицкая идентичность) с фундаментальными категориями государственной политики, суверенитета и информационной безопасности. Включение спортивных кейсов в модули курса не только восполняет лакуну в базовом учебном пособии, но и делает обучение более практико-ориентированным, эмоционально вовлекающим и соответствующим актуальным вызовам.

Список источников

1. Харичев А. Д. Основы российской государственности: учебное пособие / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 448 с.

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Аверьянова Л. Е. Спорт как инструмент формирования гражданской идентичности и патриотизма // Science Time. 2025. № 5. С. 30–34.

4. Роль физической культуры в формировании патриотического сознания у современной молодёжи / И. М. Джолиев, Б. М. Сапаров, В. А. Обносов [и др.] // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 4. С. 112–120.

УДК 796.011.1

Влияние занятий регби на формирование личностных качеств и гражданской идентичности молодежи

Козлова Ярослава Дмитриевна
МБОУ «Средняя школа №36», Красноярский край, Красноярск, Россия, kozlovayark@gmail.com

Ключевые слова: регби, командные виды спорта, формирование личности, стрессоустойчивость, гражданская идентичность, традиционные ценности, молодёжь.

Благодарности: автор выражает благодарность Климкиной Марии Валерьевне, тренеру-преподавателю, мастеру спорта международного класса.

В современном обществе, в эпоху повсеместной цифровизации, проблема формирования гармонично развитой личности школьника и будущего студента стоит особенно остро. Молодое поколение все чаще сталкивается с недостатком живого общения и снижением уровня физического и психологического здоровья. В этих условиях спорт признается важнейшим регулятором общественной жизни и необходимым условием становления личности, что непосредственно влияет и на гражданскую идентичность.

Спорт — это не только инструмент развития физических качеств, но и социальная среда. Командные виды спорта предоставляют уникальную возможность развивать социальные навыки. Как отмечается в исследовании Н. М. Гладковой и А. С. Шибановой, участие в команде напрямую способствует

© Козлова Я. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

развитию эмпатии, инициативности и толерантности [1]. Совместное преодоление трудностей на поле формирует доверие между участниками и ту самую «эмоциональную устойчивость», которая позволяет подростку уверенно чувствовать себя в коллективе.

Подтверждением этому служат данные из работы Е. В. Панова и его соавторов, исследовавших влияние занятий регби на студентов в Красноярском крае [4]. В их статье подчеркивается, что формирование психических качеств происходит через моделирование жизненных ситуаций. Как подмечал один из пионеров отечественной психологии А. П. Нечаев, которого цитируют авторы: «нельзя говорить о полном воспитании там, где отсутствует воспитание движений» [Там же].

Почему для нашего анализа мы выбрали именно регби? Это высокоинтенсивный, контактный командный спорт, предъявляющий высочайшие требования к морально-волевым качествам. В своей статье исследователи К. Е. Зубцов и Е. Г. Турбина пишут, что эта игра требует не только колоссальной кардиоваскулярной выносливости, но и высокой степени концентрации, стратегического мышления в условиях жесткого лимита времени и соперничества [3].

Соревнования здесь проводятся по очень жестким правилам, которые требуют от игрока смелости, готовности к физическому контакту, строгого самоконтроля и глубокого уважения к судье (в регби споры с арбитром практически исключены). Особенность регби заключается и в том, что продвижение мяча вперед возможно только при передаче назад. Это закладывает в сознание спортсмена важнейший паттерн: твой личный успех невозможен без поддержки товарища.

Детальный научный анализ личностных свойств регбистов представлен в исследовании И. М. Дементьевой, посвященном детерминантам психологической устойчивости у спортсменов,

играющих в регби-7 [2]. Опираясь на ее выводы, можно выделить несколько ключевых аспектов влияния этого спорта на психику.

Во-первых, развитие стрессоустойчивости. Игроки в регби демонстрируют высокий показатель «жизнестойкости» — способности выдерживать внешнее давление и брать ситуацию под контроль.

Во-вторых, развитие целеполагания и способности к быстрому принятию решений. Регбисты, по данным исследования И. М. Дементьевой, учатся дифференцированно оценивать свои возможности. Они развивают способность к быстрому и адекватному анализу нестандартных ситуаций, учатся разумно рисковать и нести ответственность за принятые решения, что напрямую переносится на учебу и жизнь.

В-третьих, развитие способности управлять агрессией, которая в переходном возрасте может находить выход в асоциальных поступках, в регби сублимируется в строго регламентированную спортивную борьбу.

Помимо личных качеств, командный спорт является мощнейшим инструментом социальной консолидации и формирования гражданской идентичности. В исследовании Б. И. Эмирусайинова и его коллег из Казанского федерального университета приводится блестящий исторический пример [5]. После падения режима апартеида в ЮАР перед страной стояла сложнейшая задача объединения разобщенного общества. Ключевым событием стала победа сборной на Чемпионате мира по регби в 1995 году. Триумф регбистов, выступавших единой командой, был использован Нельсоном Манделой как мощная метафора преодоления расовых предрассудков и объединения нации.

В наших реалиях любовь к своей студенческой команде или школьному клубу, уважение к традициям, гимну и флагу на

соревнованиях формируют у молодых людей те самые ценностные ориентиры и патриотизм, которые так необходимы сегодня.

Опираясь на научные исследования, мы видим, что регби работает как настоящая кузница характера. Занятия этим видом спорта формируют у школьников и студентов критически важные для взрослой жизни качества: стрессоустойчивость (о чем пишет И. М. Дементьева), способность к эмпатии (согласно данным Н. М. Гладковой), а также волю и гражданскую ответственность.

Спортсмен, прошедший школу регби, выходит во взрослую жизнь не просто физически крепким человеком, а личностью, умеющей работать в коллективе, преодолевать жизненное давление и уважать окружающих. Популяризация командных видов спорта в образовательной среде — это инвестиция в здоровое, сильное и целеустремленное поколение.

Список источников

1. Гладкова Н. М. Влияние командных видов спорта на развитие личностных качеств детей школьного возраста / Н. М. Гладкова, А. С. Шибанова // Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. Т. 2, № 12 (81). С. 1816–1822.

2. Дементьева И. М. Личностные детерминанты психологической устойчивости у спортсменов высокой квалификации, занимающихся регби-7 // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. Краснодар : ФГБОУ ВО КГУФКСТ. С. 85–92.

3. Зубцов К. Е. Регби: уникальный спорт со множеством пользы для здоровья / К. Е. Зубцов, Е. Г. Турбина // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2024. № 1 (88). С. 1–5.

4. Влияние спорта на формирование личности студента на примере занятий регби в Красноярском крае / Е. В. Панов,

Е. И. Кокова, С. А. Фомин, А. С. Сундуков // Научный журнал «Дискурс». 2017. № 10 (12). С. 48–58.

5. Эмирусайинов Б. И. Роль спорта в формировании гражданской идентичности: примеры из разных стран / Б. И. Эмирусайинов, И. Ф. Нуруллин, Н. Д. Бондаренко // Казанский федеральный университет. С. 422–426.

УДК 71.1

Образ идеального города в российской цивилизационной традиции: выявление архетипов для архитектурного проектирования

Курилина Ксения Сергеевна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, KGrigoreva-AF19@sfu-kras.ru

Ключевые слова: ценности, архитектурные архетипы, российская цивилизационная традиция, идеальный город, сибирский город.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Козловой Марии Владимировне, доценту, канд. филос. наук.

На основании сложившихся в архитектуре России архетипов рассмотрим, может ли архитектор сегодня не копировать эти архетипы, а переосмыслить их в языке современных материалов и функций, чтобы спроектировать город, в котором новому

© Курилина К. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

поколению будет комфортно жить, но при этом сохранится связь с традицией.

А. С. Мухин определяет архетип как «единицу социально-культурной информации, скрытой в толще врожденной памяти», которая «может овеществляться в объектах материальной культуры, в том числе и зодчества» [2]. Архитектура здесь не сводится к утилитарной функции убежища, она демонстрирует «множество иррациональных мотивов, деталей и форм, которые не только не способствуют рациональному решению практических задач, но и мешают их выполнению» [Там же]. Именно эта избыточность, не сводимая к функционализму, делает архитектуру носителем архетипических смыслов.

В сборнике «Культурное наследие Российского государства» акцент сделан на практиках сохранения идентичности через материальное наследие. Культура рассматривается как «хранилище и способ передачи наших нравственных законов». Эта логика прямо применима к архитектуре: здания и городские пространства – не просто фон, а материальные носители смысловых установок [1].

В альманахе «Город ПЛЮС имидж» приводится различение образа и имиджа: «образ города понимается как инструмент коммуникации и самоуправления, а имидж – как заказной маркетинговый инструмент» [3]. Для архитектора значим образ, вырастающий из культуры, менталитета и повседневных практик горожан. Собор как сакральный центр, концентрическая организация среды: чем ближе к центру, тем насыщеннее пространство. В сибирском контексте пример — Софийский двор в Тобольске. Въезды в старые сибирские города (Иркутск, Енисейск) исторически маркировались часовнями. Город-крепость на мысу или холме — вершина как место присутствия высших сил, вода как естественная защита (Тобольский кремль, утраченный Красноярский острог).

Купеческие улицы Томска и Иркутска фрагментарно сохранили архетип улицы-коридора с садами — приватное озеленение перед домом, уединение и соразмерный человеку масштаб. Традиционная сибирская усадьба воспроизводила двор-колодец: замкнутое защищённое пространство общего пользования для соседской жизни.

Под российской цивилизационной традицией понимаются устойчивые ценности: соборность (приоритет коллективного), духовное измерение города (для комфорта и души), защита от суровой среды, а также большие расстояния как норма (простор между зданиями). Из этих ценностей вырастают пространственные архетипы. Архетип, по А.С. Мухину, есть «до-символ», основа символических категорий, открывающаяся через материал, декор, конструкции и климат.

Сибирский город — особый феномен: он возник не как естественное прорастание традиции, а как проект. Его идентичность гибридна и часто не осознана жителями. Иркутск: 130-й квартал (Иркутская слобода) к 350-летию города сосредоточил в себе памятники деревянного зодчества. Внутри – музеи, мастерские, кафе, амфитеатр на 2000 мест. Это жилое функционирующее пространство, где архетип улицы-коридора с палисадниками работает. Красноярск: исторический центр вдоль проспекта Мира фрагментарен и разорван, целостная ткань отсутствует. Исторические здания стоят вперемешку с современным зодчеством. Различие между двумя городами в наличии или отсутствии связей: пешеходных маршрутов, визуальных осей, масштабных переходов между разновременными фрагментами.

На основе выявленных архетипов можно сформулировать шесть принципов города в логике российской цивилизационной традиции. Они задают систему координат для архитектурного мышления.

Первый принцип — единая вертикальная доминанта. Одна главная высотная точка вместо множества конкурирующих башен. В традиции — колокольня или собор, сегодня — смотровая башня, общественный центр, маяк.

Второй — иерархия от сакрального центра к периферии. Пространство становится менее насыщенным по мере удаления от центра. Отказ от гомогенной застройки с одинаковой плотностью и высотой.

Третий — замкнутый двор-колодец как единица городской ткани. Защищённое от ветра и взглядов общее пространство для группы домов, где соседи знают друг друга.

Четвёртый — интимный масштаб улицы. Ширина такая чтобы разглядеть лицо на другой стороне. Высота застройки — 3–5 этажей (выше только у доминанты).

Пятый — маркированный въезд. Чёткая граница города с архитектурным знаком: часовня, арка, скульптура. Въезд — точка перехода от «чужого» пути к «своему» городскому пространству.

Шестой — связь с природным ландшафтом. Город вписан в рельеф, возвышения отданы под доминанты. В Сибири — ориентация на солнце и защита от господствующих ветров.

Образ идеального города в российской традиции реален и строится на пространственных архетипах: человеческий масштаб, иерархия центра и окраины, доминанта как ориентир, защищённый двор как основа соседства. Архитектор не стилизует прошлое, а переводит эти архетипы на язык современных материалов и функций. Результат — город, где молодёжи комфортно жить, сохранена связь с традицией и человек чувствует себя не гостем, а полноправным жильцом.

Список источников

1. Дрозденко А. Ю. О культурном наследии и культуре в Ленинградской области / А. Ю. Дрозденко // Культурное наследие

Российского государства : сборник. Санкт-Петербург : Ленинградское областное отделение ВООПИК, 2018. №. 7. С. 8–15.

2. Мухин А. С. Архитектура и архетип. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2013. 308 с.

3. Город ПЛЮС имидж: теория, культурно-историческая практика, региональные проекты : научно-методический альманах / Е. Я. Бурлина (отв. ред.), Ю. А. Кузовенкова, Я. А. Голубинов, А. И. Дёмина. Самара : СамГМУ, 2010. 154 с.

УДК 7.011.3

Образ героя в мировой культуре: типология подвига

Матонина Елизавета Евгеньевна
Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, Красноярский край, Красноярск, Россия, liza2033@gmail.com

Ключевые слова: образ героя, типология подвига, российская государственность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Митасовой Светлане Алексеевне, заведующей кафедрой социально-гуманитарных наук и истории искусств, профессору, доктору культурологии.

Герой в культуре является персонификацией общественных ценностей. Его образ может быть воплощен в книгах, кинематографе, мифах, былинах и легендах. Наше мировоззрение формируется на примерах героизма и патриотизма.

© Матонина Е. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Герой, как и его история, имеет постоянные и переменные атрибуты. К переменным относится индивидуальность. Она может выражается в имени, облике, жилище и других особенностях. Уникальный образ героя подвижен и подвержен влиянию историко-культурной действительности [3].

Герой раскрывает общезначимую человеческую форму, проясняет суть действительности, иллюстрирует чистую и неискаженную истину, являясь собой примером для выстраивания своей идентичности и мировоззрения.

К постоянным определяющим атрибутам следует отнести то, что совершает герой на своем пути, действие, направленное на общественное благо – подвиг. Именно на общности с группой строились все великие мифы, а не на самовыражении индивида [1, с. 299]. Подвиг в своей сути подразумевает какой-то героический, самоотверженный поступок, невзирая на сложности и опасности для жизни, который направлен на помощь или спасение людей, страны, народа.

Подвиги бывают разные: военные, творческие, духовные, трудовые, гражданские и даже бытовые. Кто-то может считать подвигом отказ от вредных привычек, но, как правило, с подвигом мы ассоциируем социальную важность, когда происходит отказ от своих эгоистических интересов.

Исследователи предлагают четыре основных архетипических образа героя: герой-защитник, герой труда, герой-проповедник и герой-творец [2]. На основе образов героев мы раскроем типологию подвига.

Герой-защитник или герой-воин – образ человека способного защищать и отстаивать интересы своего общества. Для него характерны такие качества как мужество и патриотизм. Подвиг воина сопряжен со смертельными опасностями на поле битвы и в сражениях с врагами отчизны, где силы могут быть вовсе не в

пользу героя. Героизм защитника – это жертва во имя своего народа, цена этой жертве, как правило, жизнь.

Герой труда – образ героя, чей созидательный труд служит на благо общественной жизни, будь то возделывание почвы или занятие ремеслом, они самоотверженны и трудолюбивы. Символом, ассоциирующимся с физическим трудом, всегда было непосредственное орудие труда – соха, молот, коса и другие. Трудовой подвиг – это выдающиеся результаты, выходящие за рамки обычных профессиональных задач. Цель труда всегда одна – процветание и благополучие социума.

Герой-проповедник, духовный деятель – образ непогрешимого в вере и правде человека, ставящего во главу силу духа человеческого и Волю Всевышнего. Такой герой бескорыстен и желает спасения каждой душе, живущей на земле. Духовный подвиг показывает, насколько человек может возвыситься над биологическими потребностями, существовать в Духе, на границе физических возможностей. Борьба со страстями во имя совершенствования души – содержание данного типа подвига. «Спаси себя сам - и вокруг тебя спасутся многие» - так говорил преподобный Серафим Саровский.

Герои-созидатели творят блага общественной жизни – совершают научные открытия, раскрывают глубину человеческих переживаний в искусстве. Во многом творческий героизм связан с тем, что человек имеет талант и смелость высказывать те идеи и ценности, которые скрепляют общество на определенном культурно-историческом этапе, когда есть внешняя или внутренняя опасности. Это те люди, артисты, музыканты, художники, которые под градом пуль, с угрозой для жизни, поддерживали воинов в составе концертных бригад, давали спектакли в блокадном Ленинграде во время Великой Отечественной войны. Художественный гений – это всегда герой, который предлагает

обществу новое видение, несмотря на сопротивление и неприятие, однако, впоследствии оказывается прав, как правило, после смерти.

Таким образом, подвиг – это поступок, совершенный в опасных для жизни условиях, характеризующийся самоотверженностью, бескорыстием, значимостью для других. Предложенная классификация условна, герой может совершать разные типы подвигов. Выражение «готов к труду и обороне» как раз означает готовность и к защите Родины и к созидательной, творческой работе на её благо.

Список источников

1. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. Санкт-Петербург : Питер, 2008.

2. Основы российской государственности: учебное пособие / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнева. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 448 с.

3. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. Москва : Лабиринт, 2001. 192 с.

4. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное / К. Г. Юнг ; пер. с нем. В. Бакусева. 2-е изд. Москва : Академический Проект, 2009. — 188 с.

УДК 614.2:911.3

Синергетический эффект индустриально-экологических, природно-климатических и социально-экономических факторов как причина снижения ожидаемой продолжительности жизни в ресурсном регионе (на примере Красноярского края)

Наливайко Алина Дмитриевна, Набиева Севинч Алекперовна
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Красноярский край, Россия, nalivayko_alya@mail.ru

Ключевые слова: Красноярский край, ресурсный регион, ожидаемая продолжительность жизни, смертность населения, индекс загрязнения воздуха.

Благодарности: авторы выражают благодарность канд. мед. наук, доценту Кутумовой Ольге Юрьевне.

Красноярский край, являясь ключевым «донором» российского бюджета благодаря колоссальным запасам природных ресурсов, демонстрирует парадоксальное отставание ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) от среднероссийских значений (70,33 года и 71,84 года) [1]. В основе данного феномена лежит синергетический эффект трёх групп факторов — индустриально-экологического, природно-климатического и социально-экономического, совокупное воздействие которых приводит к устойчивому снижению ОПЖ.

Цель исследования: подтверждение синергетического эффекта как ведущей причины снижения ОПЖ на примере Красноярского

© Наливайко А. Д., Набиева С. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

края и разработка интегральной причинно-следственной модели данного феномена с практическими рекомендациями.

Материалы и методы. ОПЖ рассчитывалась косвенным демографическим методом на основе кратких таблиц смертности. Эмпирическую базу составили данные ЕМИС и Росстата за период 2019–2023 гг. Теоретическая основа — концепция «голландской болезни» и теория инклюзивного развития ресурсных регионов. Для межрегионального сравнения были выбраны два референтных региона: Республика Саха (Якутия) и Московская область. Внутрирегиональный анализ проведён по трём кластерам [2]: 1) индустриальные центры и городские округа (Красноярск, Норильск, Ачинск, Назарово и др.); 2) удалённые северные территории (Таймырский, Эвенкийский и др.); 3) сельскохозяйственные территории. Смертность оценивалась с помощью не стандартизированных показателей (на 100 тыс. населения) по ключевым классам причин [3]. Экологическая нагрузка определялась через индекс загрязнения атмосферы (ИЗА).

За период 2019–2023 годов Красноярский край занял лидирующие позиции по смертности трудоспособного населения: 643,6 на 100 тыс. населения против 508,1 в Якутии и 490,7 в Московской области (МО). Кумулятивный показатель смертности от новообразований (НО) в крае выше на 7,8% (по сравнению с МО) и на 6,9% (по сравнению с Якутией). Смертность от болезней системы кровообращения (БСК) превышает показатели референтных регионов на 21,2% и 12,1% соответственно, аналогичная тенденция отмечена по болезням органов дыхания (БОД).

При внутрирегиональном анализе выявлено, что наибольший вклад в снижение ОПЖ вносят индустриальные центры. По смертности от БСК этот показатель здесь достиг 756,9 на 100 тыс., в северных территориях — 712,4 на 100 тыс., а в сельскохозяйственных районах — 612,3. Уровень смертности от новообразований также выше в индустриальных центрах (231,5 на

100 тыс.), что в 1,2 раза превышает показатели сельскохозяйственных территорий. Наиболее выражена дифференциация по смертности от БОД: в индустриальных центрах — 32,7 на 100 тыс., на севере — 28,9 на 100 тыс., при среднероссийском уровне 22,1 на 100 тыс.

Проведённое исследование подтвердило, что снижение ОПЖ в регионе обусловлено именно синергетическим эффектом. На основе полученных данных нами была разработана и предложена интегральная причинно-следственная модель (Рис. 1), содержащая практические рекомендации.

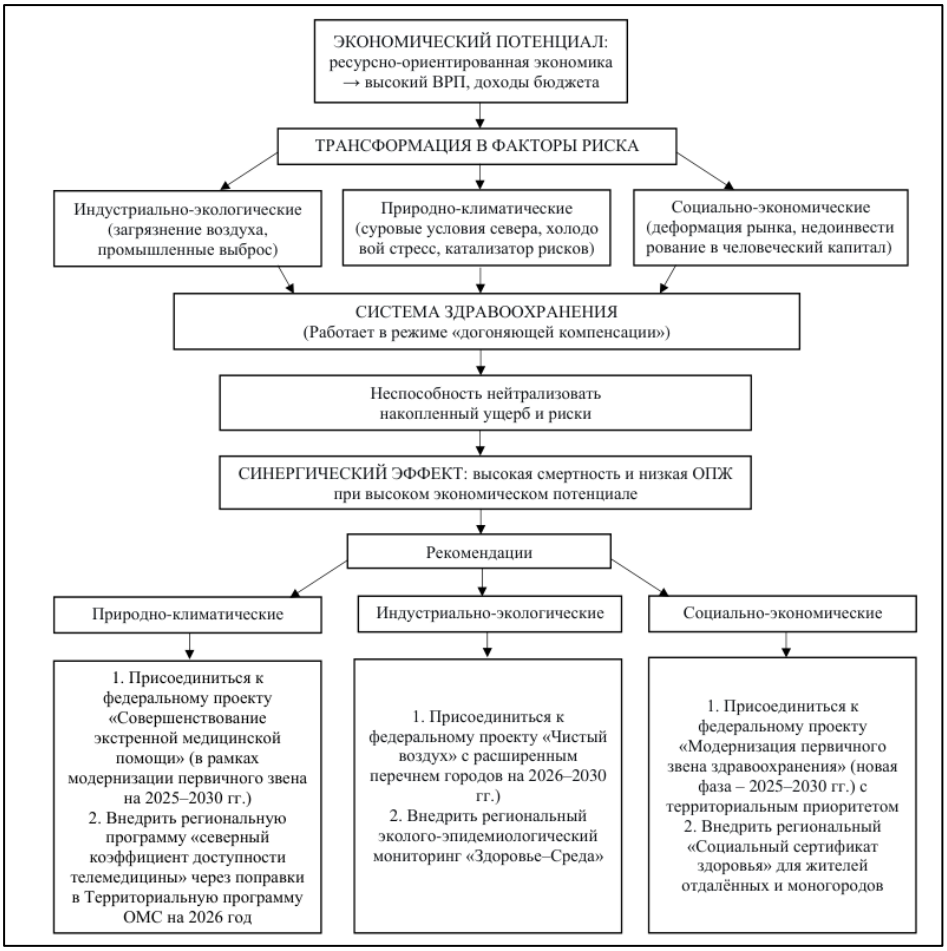


Рисунок 1. Интегральная причинно-следственная модель снижения ОПЖ под влиянием синергетического эффекта трёх групп факторов (на примере Красноярского края).

Проблема низкой ОПЖ не сводится к недостаточному финансированию здравоохранения: ключевую роль играет

одновременное воздействие экологического загрязнения, суровых климатических условий и социально-экономических деформаций. Реактивная модель не компенсирует комплексный ущерб от их синергии. Таким образом, парадокс ресурсного региона в Красноярском крае подтверждён, имеет кластерную природу и формируется синергетическим эффектом трёх групп факторов. Нами предложен комплекс мер, повышающий превентивную направленность охраны здоровья жителей края.

Список источников

1. Баран, О. И. Динамика и элиминационные резервы ожидаемой продолжительности жизни населения Красноярского края / О. И. Баран, О. Ю. Кутумова, А. И. Бабенко // Здравоохранение Российской Федерации. 2025. № 3. С. 232–239.

2. Пенькова Т. Г. Исследование территориальных кластеров макрорегиона на основе многомерного анализа показателей качества жизни (на примере Красноярского края) / Т. Г. Пенькова, Л. Ф. Ноженкова // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2022. № 3. С. 15–24.

3. ЕМИСС. Государственная статистика : [сайт]. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 14.04.2025).

4. Красноярский краевой государственный медицинский информационный аналитический центр. О состоянии здоровья жителей Красноярского края : данные за 2024 год : [сайт]. URL: https://www.kmiac.ru/statistics/godovoy_otchet/2024/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 378.183

Патриотические клубы в вузах как пространство самореализации студентов: стратегии привлечения молодёжи без предшествующего патриотического опыта

Никифорова София Романовна
Ангарский государственный технический университет, Иркутская область, Ангарск, Россия, nick.sony@yandex.ru

Ключевые слова: патриотический клуб, студенты, молодежь, мотивация.

В век инноваций, технологий, интернета с искусственным интеллектом для студентов вузов вопрос о патриотизме встает не только призывом, а чаще всего это связано с конкретными делами: поддержка соотечественников, помощь ветеранам, сохранение исторической памяти и оказание реальной помощи для развития своего родного края. На вузы ложится ключевая цель и задача по созданию таких площадок.

Одним из видов таких площадок может стать патриотический клуб. Еще несколько десятков лет назад состоять, участвовать и работать на благо общества в патриотических организациях было обычным делом для студентов. В настоящее время ситуация поменялась: молодежь видит в общественной деятельности не обязательность, не ответственность и даже не смысл, а конечный результат, который будет реальным и видимым.

Привлечение в свои ряды как можно больше студентов на данные площадки – задача, которая требует продуманного стратегического подхода, особенно если речь идет о молодежи,

© Никифорова С. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

которая ранее не занималась патриотической деятельностью, и которая не проявляла интерес к этой теме. Это длительный процесс, при котором нужно будет убедить группу молодых людей присоединится к общему делу. Будет очевидно, что традиционные методы не сработают. Привлечь можно, используя привлекательные форматы деятельности. В патриотических клубах должны устраиваться разнообразные мероприятия: акции, конкурсы, экскурсии, кинопоказы, мастер-классы и многие другие интерактивные форматы.

Патриотический клуб должен делать акцент на социальной значимости. Большинство студентов готовы принимать участие в такой деятельности, которая имеет смысл и позволяет помогать людям. Проекты, связанные с волонтерской деятельностью, например, поддержкой ветеранов, семьями участников СВО и оказанием благотворительной помощи могут стать мощным толчком в мотивации и побудить к действию. Важной частью является демонстрация обратной связи и результатов действий, чтобы студенты видели, как участие влияет на их жизнь и жизнь других, кому они помогли.

Патриотические площадки должны использовать цифровые технологии. Так же заинтересовать можно через учебный процесс. Этому способствует, например, дисциплина «Основы российской государственности» и встречи с приглашением участников СВО, руководителей клубов других вузов, что позволит повысить осведомленность и интерес студентов.

Патриотические клубы помогают выработать студентам в себе лидерские качества и учит работать в команде. Участие в мероприятиях клуба, в их организации и помощь в их проведении помогает сформировать чувство ответственности и чувство принадлежности к общему делу.

Для мотивации можно вести систему поощрения, где ребят с активностями поощряют дипломами и грамотами. Вуз и клуб

должны помочь в формировании воспитывающей среды, они должны принимать во внимание и учитывать индивидуальные интересы и потребности студентов, а не заставлять их. Клуб может предложить распределение деятельности на несколько направлений, чтобы каждый мог найти свое дело и предложить свою помощь. Это может помочь повысить вероятность вовлечения и привлечь новых участников, создавая для них комфортные условия. Кроме того, важно составлять, продумывать план мероприятий на краткосрочную и долгосрочную перспективу, отслеживать динамику вовлеченности студентов.

Таким образом, привлечь студентов, ранее не занимающихся делами патриотической направленности, в патриотический клуб, однозначно, можно. Молодежь всегда ищет возможности для активности, ищет единомышленников. Эффективная организация мероприятий по патриотическому воспитанию требует комплексного подхода.

На базе ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет» (далее – АнГТУ) с 2022 года открыт и активно развивается патриотический клуб от ассоциации студенческих патриотических клубов «Я горжусь». Клуб реализует инициативы в различных направлениях. С каждым годом патриотический клуб АнГТУ растет и принимает в свои ряды новых активных участников, в 2024 году в нем состояло всего 3 участника, но после проведения 1 сентября – Дня знаний, еще 5 человек проявили желание вступить в ряды ассоциации. Из них ранее 3 человека не занимались и не интересовались патриотической деятельностью. Также в 2025 году после проведения сентябрьского мероприятия в клуб вступили и активно участвуют 11 человек, и из них ранее патриотикой занимались только 3 человека. На данный момент общее количество участников составляет 20 человек и с каждым годом это число должно расти.

Таким образом, организация патриотического воспитания студентов высшего учебного заведения будет успешной, если: патриотическое воспитание будет осуществляться на основе сочетания личностно-ориентированного, системно-деятельностного, культурологического, творческого подходов; будет организовано сотрудничество различных субъектов в патриотическом воспитании студентов; будет видимая мотивация в виде демонстрации обратной связи, поощрений и отчетов о результатах работы клубов.

Список источников

1. Методические рекомендации по организации мероприятий в сфере патриотического воспитания. URL: https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/e51/w73b4vqjpcaxmxbhmi632h45ibow28sq.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

2. Фролова М. Е. Модель организации патриотического воспитания студентов высшего учебного заведения / М. Е. Фролова, Р. В. Худова // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5 (ч. 2). С. 248–252.

УДК 72.1

Архитектура как текст идентичности: как запросы молодежи могут изменить лицо российского города

Оганнисян Наре Сааковна
Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ogannisyan.ns@mail.ru

Ключевые слова: ценности, социальная архитектура, идентичность, молодежь, социокультурные запросы, эволюция городского облика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Козловой Марии Владимировне, доценту, канд. филос. наук.

Архитектура – это не просто совокупность зданий и сооружений, но и особый язык, кодирующий коллективную идентичность и транслирующий ценности разных поколений. Как отмечает Г.В. Есаулов: «Архитектура метафорически может быть названа идентичностью региона» [1]. Исходя из этого положения, сформулирована гипотеза: если есть связь между ценностями поколения и их воплощением в архитектурно-градостроительных решениях, то возможно ли спрогнозировать сценарии развития архитектурного облика российских городов, имея представления о текущих запросах молодёжи.

Рассмотрим влияние поколенческих ценностей на формирование городской среды. В качестве методологической основы примем тезис К. А. Казариновой: «Базовые архетипы

© Оганнисян Н. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

психики можно рассматривать как основные константы, определяющие смысл и функциональное значение архитектурных сооружений» [2]. Согласно этому положению, архитектурный облик городов допустимо рассматривать как отражение мировоззрения и доминирующих архетипов конкретной эпохи.

Историческая ретроспектива показывает убедительность этого тезиса. В домонгольский период, как подчеркивает Т. В. Ильина, средневековое русское искусство определялось христианским мировоззрением, что выражалось в монументализме форм и четкой иерархии «небо-земля» в структуре храма [3]. В период татаро-монгольского ига: «Классический тип храма, простого и конструктивно-ясного, создастся во второй половине XIV в., и аналога ему нет в архитектуре других стран» [Там же]. Кардинальная смена ценностной парадигмы в петровскую эпоху привела к появлению принципиально иной градостроительной модели.

Сегодня, как отмечает Н.А. Коновалова, прогнозирование будущего развития невозможно без учета ценностных установок различных культур [4]. Применяя эту оптику к современности, мы можем предположить, что изучение аксиологических приоритетов молодежи позволяет выявить вектор трансформации городской среды в ближайшие десятилетия.

По данным ВЦИОМ, тремя главными ценностями российской молодежи являются семья, дружба и самореализация [5]. А по результатам опросов от ФОМ, для молодых людей из всех жизненных ориентиров наиболее важны: хорошие отношения в семье, материальное благополучие, физическая форма и самочувствие [6]. Попробуем спроецировать каждую из этих ценностных доминант на язык архитектурно-градостроительных решений.

Семья, оставаясь важной ценностью для молодёжи, сохранит уже существующий спрос на жильё, ориентированное на большие

семьи или несколько поколений. Также могут развиваться проекты, связанные с созданием семейных сообществ, где предусмотрены общие пространства для общения и совместного досуга. Возможно развитие концепции «семейного квартала» с развитой социальной инфраструктурой.

Ценность дружбы среди молодых людей влияет на создание общественных пространств, которые способствуют общению и взаимодействию людей. Особую популярность могут обрести многофункциональные центры с коворкингами, творческими мастерскими, кафе и зонами отдыха, а также традиционные скверы, благоустроенные парки и пешеходные зоны.

Приоритет здоровья молодёжи может привести к развитию концепции «архитектуры здоровья». Это подразумевает: использование экологичных материалов и технологий, снижающих негативное воздействие на окружающую среду, увеличение доли зелёных зон; развитие инфраструктуры для активного образа жизни - велодорожек, спортивных площадок, бассейнов [7].

Стремление к самореализации может повлиять на появление пространств, которые поддерживают творчество, образование и профессиональный рост. Помимо коворкингов и бизнес-инкубаторов, могут получить более широкое распространение различные арт-пространства, галереи, мастерские, образовательные центры, библиотеки с современными технологиями и т.п. [8].

Проведенный анализ позволяет зафиксировать, что архитектура, отвечающая актуальным запросам молодежи, станет более «человекоцентричной», гибкой и экологичной. Однако следует учитывать, что ценностные ориентиры молодого поколения подвижны. Также подчеркнем, что рассмотренная в данной работе ценностная модель, неизбежно вступает во взаимодействие с экономическими реалиями и экологическими ограничениями. Кроме того, существенное влияние оказывают

политико-правовой контекст и уровень технологического развития региона.

Дальнейшие исследования в этом направлении должны быть направлены на поиск механизмов сопряжения социокультурных ожиданий молодого поколения с реалиями конкретных российских регионов.

Список источников

1. Есаулов Г. В. Об идентичности в архитектуре и градостроительстве. Москва : МАРХИ, 2018. 12 с.

2. Казаринова, К. А. Архетипы будущего: как лидеры мировой архитектуры формируют образ городов XXI века? / К. А. Казаринова // Российская наука в современном мире : сборник статей LXXV международной научно-практической конференции. Москва : ООО «Актуальность.РФ», 2026. С. 154–156.

3. Ильина Т. В. История искусств. Отечественное искусство. Москва : Высшая школа, 2000. 91 с.

4. Коновалова Н. А. Современная архитектура Японии. Традиции восприятия пространства. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 107 с.

5. Традиционные ценности: ожидание и реальность // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ (дата обращения: 12.04.2026).

6. Ориентиры и ценности молодых россиян // Фонд «Общественное Мнение» (ФОМ). URL: https://fom.ru/tsennosti/13083 (дата обращения: 12.04.2026).

7. Астафьева О. Н. Здоровьесберегающие технологии для горожан в фокусе градостроительной политики / О. Н. Астафьева, И. В. Кузнецова // Урбанистика. 2021. С. 5–8.

8. Соучастие как инструмент городского развития // Архи.ру. URL: https://archi.ru/russia/63746/souchastie-kak-instrument-gorodskogo-razvitiya (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 378

Синергия формального и неформального образования в формировании гражданской идентичности молодежи

Смолина Александра Сергеевна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, AleksandraFS13@yandex.ru

Ключевые слова: гражданская идентичность, основы российской государственности, неформальное образование, молодежная политика, проектное обучение, ценностные ориентиры, смысловое самоопределение.

Современная высшая школа в России переориентируется с узкопрофессиональной подготовки на воспитание целостной личности, готовой к ответственному гражданскому участию. Введение обязательной дисциплины «Основы российской государственности» (ОРГ) и масштабирование внеаудиторных инициатив, таких как программа «Жить и создавать в России» проекта «Твой ход», отражают системный подход к ценностному становлению молодежи. Цель данной работы – проанализировать взаимодополняемость академического курса и неформального проектного обучения в контексте формирования гражданской позиции.

© Смолина А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Дисциплина ОРГ, методическое сопровождение которой осуществляют профильные научно-методические центры, задает концептуальную рамку: исторический путь страны, конституционные ценности, институты власти и цивилизационные приоритеты [1]. Цель курса – не трансляция фактов, а построение мировоззренческого фундамента, основанного на понимании преемственности традиций и стратегии национального развития [2]. Однако академический формат, при всей его содержательной глубине, нередко сталкивается с разрывом между теоретическим знанием и личной эмоционально-ценностной вовлеченностью студента. Исследователи подчеркивают, что формальное образование эффективно задает нормы, но требует деятельностных практик для их интериоризации [3].

Программы неформального образования компенсируют этот пробел. Проект «Жить и создавать в России» погружает участников в реальные региональные контексты через треки, экспертные сессии и работу с представителями власти, бизнеса и НКО. Здесь абстрактные ценности переводятся в плоскость конкретных инициатив. Аналитика проекта подтверждает, что неформальные форматы позволяют молодежи «проживать» гражданскую позицию, развивая навыки проектного управления и социального взаимодействия в живой среде [4]. В отличие от лекционных моделей, знание рождается в процессе соучастного поиска решений, что полностью соответствует современным педагогическим парадигмам [5].

Связь ОРГ и программы «Жить и создавать в России» носит синергетический характер. Академический курс отвечает на вопросы «что» и «почему», неформальная площадка – «как» и «зачем лично мне». Личный опыт участия в программе в статусе магистранта второго курса подтверждает эту модель. В ходе региональных интенсивов при разработке социальных проектов участники опирались на материалы курса ОРГ о цивилизационном

коде и конституционных основах, используя их как аргументационную базу для диалога с местными администрациями. Неформальная среда выступала «лабораторией смыслов», где теория проверялась практикой, а академическое знание трансформировалось в личностный опыт. Происходило то, что социологи называют «смысловым укоренением»: молодежь находила ответы через видимые результаты и признание профессионального сообщества [3].

Методические центры ОРГ и платформа «Твой ход» реализуют единую воспитательную миссию на разных уровнях экосистемы. Центры обеспечивают нормативно-историческое обоснование, программа создает условия для его экзистенциального проживания. Таким образом целесообразно институционализировать совместные треки: внедрять зачетные модули на основе проектных результатов, развивать кросс-дисциплинарное наставничество с участием преподавателей ОРГ и экспертов проекта, а также создавать цифровые платформы для фиксации динамики ценностных ориентиров. Это позволит перейти от фрагментарного взаимодействия к системной интеграции.

Интеграция ОРГ и программы «Жить и создавать в России» формирует модель смыслового самоопределения. Формальный курс задает ценностно-исторический каркас, неформальное образование предоставляет пространство для его апробации. Синтез академического знания и практики соучастного созидания позволяет молодежи понять и творчески воспроизвести основы российской государственности, обеспечивая преемственность цивилизационного развития.

Список источников

1. Ковалёва, Т. М. Социология молодёжи : учебник для вузов / Т. М. Ковалёва. Москва : ИНФРА-М, 2020. 312 с.

2. Методические рекомендации по реализации дисциплины «Основы российской государственности» в образовательных организациях высшего образования. Москва : Министерство науки и высшего образования РФ, 2022. 84 с.

3. Всероссийский студенческий проект «Твой ход» и образовательная программа «Жить и создавать в России»: официальные материалы. URL: https://tvoyhod.ru/ (дата обращения: 10.04.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 8122.

5. Фрумин И. Д. Высшее образование и воспитание: поиск баланса / И. Д. Фрумин, Т. М. Ковалёва // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 45–58.

УДК 614.2:17

Профессиональный долг врача в системе традиционных ценностей России

Спиридонова Стефания Александровна
Лечебный факультет Азербайджанского медицинского университета, Баку, Азербайджан, stefanie192002@gmail.com

Ключевые слова: профессиональный долг, служение, традиционные ценности, самопожертвование, врач, медицина.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Чащиной Анне Александровне, доценту, кандидату философских наук Юридического института Сибирского федерального университета.

В современной России утверждение традиционных духовно-нравственных ценностей становится одной из основ государственной политики. Указ Президента Российской Федерации прямо называет в их числе «служение Отечеству», «высокие нравственные идеалы», «приоритет духовного над материальным», «милосердие», «взаимопомощь» [1]. В этой ценностной системе профессии уровня «человек - человек», (врача, медицинской сестры, социального работника и др.) занимают особое место, поскольку именно врач ежедневно реализует на практике высшую ценность – человеческую жизнь, а его деятельность немыслима без долга, самоотдачи и готовности к самопожертвованию.

Исторически в России сложился уникальный феномен медицинского служения. На протяжении XVIII-XIX веков страна не

© Спиридонова С. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

имела собственной системной врачебной школы и полагалась на иностранных лекарей, сосредоточенных в столицах. Миграция образованных людей (учителей и врачей) вглубь России была нередко связана с политической ссылкой и военной эвакуацией. В силу сложных социальных обстоятельств врачи, оказавшись в экстремальных условиях создавали научные медицинские школы и сформировали тот культурный код, который сегодня органично вписывается в систему здравоохранения России. Другой линией врачебного подвига можно считать самопожертвование ради науки и жизней миллионов будущих людей.

Особую, предельную форму профессионального долга представляет сознательное самопожертвование – когда врач рискует или отдаёт свою жизнь ради науки, пациента или выполнения миссии. История российской медицины наполнена такими случаями, именно исторический опыт служения становится ориентиром. А. Чехов, работавший во время холеры без ассистентов; М. Булгаков, делавший операции в сельской больнице; В. Войно-Ясенецкий, оперировавший в ссыльной избе; И. Мечников и Д. Заболотный, ставившие инфекционные опыты на самих себе; Н. Пирогов оперировавший под обстрелами и создав систему военно-полевой хирургии, а так же подвиг советских врачей в Великую Отечественную войну, когда средняя продолжительность жизни санитара на передовой составляла 41 секунду. Или вызов пандемии COVID-19, когда тысячи врачей и медсестёр работали в «красных зонах» ценой собственного здоровья и жизни, теперь в память об их подвиге существуют сайты «Спасибо Вам» и другие.

Такие героические примеры являют собой напоминание, что профессиональный долг не отменяется отсутствием комфорта, а суть его в традиционных ценностях: приоритете духовного над материальным, готовности к самоотверженности, милосердии как практическом действии — и в целом готовность поставить

общественное благо выше личного ради научного прорыва или выполнения профессиональной миссии.

Сегодня, когда дефицит кадров в сельской местности и труднодоступных регионах продолжает оставаться острой проблемой, обращение к историческому опыту врачей-подвижников приобретает не только мемориальное, но и практическое значение и требует создания реальных механизмов через внедрение технологий телемедицины, мобильные бригады, программы «Земский доктор» и поддержку локальных проектных инициатив [3]. В работе «Организационно-правовые основы общественного здоровья» авторы пишут о том, что профессиональный долг врача неизбежно выходит за рамки формальных обязанностей: он требует готовности работать там, где «время доезда скорой помощи достигает 6–8 часов, а доставка лекарств затягивается на 2–3 месяца» [Там же]. Именно такой подход составляет суть российского понимания служения как готовности объединяться перед лицом сложных внешних и внутренних угроз, вызовов, чрезвычайных обстоятельств в целях консолидации усилий «всем миром».

Профессиональный долг врача имеет глубокие этические корни, восходящие к Клятве Гиппократа. В современной России юридическим закреплением этих принципов служит статья 71 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно этой норме, выпускник медицинского вуза приносит клятву, в которой обязуется: «…посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека; быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к пациенту…». Формулировка «быть всегда готовым» принципиально важна: она снимает любые отговорки о месте, времени и обстоятельствах.

Философское осмысление служения выводит его за рамки индивидуальной биографии. Как отмечает А. А. Чащина, «диалектика служения… требует перехода от концепций к социальным практикам»; формирование этой модели требует не только нарративов, но и пространства для значимой деятельности, где ценности интериоризируются [2]. Для врача таким пространством становится повседневная работа – в больнице, ФАПе, зоне боевых действий, эпидемии. Таким образом профессиональный долг врача в России вписан в традиционные ценности (Указ № 809).

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

2. ЧащинаА. А. Диалектика служения: от философских концепций к социальным практикам // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции (Красноярск, 9–11 апреля 2025). — Красноярск : КрасГАУ, 2025. С. 238–242.

3. Чащина А. А. От изоляции к инновациям: вызовы и перспективы развития медицины и социального обслуживания в условиях сельской местности Красноярского края // Организационно-правовые основы общественного здоровья. Красноярск : Версо, 2025. С. 30–48.

УДК 373.2.017.4

Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста на примере календарно-тематических событий в МАДОУ №63 г. Красноярска

Чеботарева Ульяна Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ubuwh9mail.ru

Ключевые слова: патриотическое воспитание, дошкольный возраст, календарно-тематические события, государственные символы, гражданская идентичность.

Воспитание патриотизма- долгий и кропотливый процесс, длящийся годы. Нельзя привить любовь к Родине мгновенно или навязать. Следует последовательно, начиная с раннего детства, закладывать в душу ребенка уважение к своей земле и ее героям. Именно поэтому, современная государственная политика в области образования определяет приоритет духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования (ФГОС ДО), патриотическое воспитание интегрируется в образовательные области «Познавательное развитие», «Социально-коммуникативное развитие» и «Речевое развитие». Ключевым вопросом остается подбор эффективных форм и методов, позволяющих сформировать основы патриотизма у детей 3–7 лет [1].

© Чеботарева У. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В статье представлен практический опыт работы МАДОУ №63 г. Красноярска по организации четырёх обязательных календарно-тематических событий патриотической направленности. В МАДОУ №63 г. Красноярска сложилась системная практика подготовки и проведения четырёх патриотических праздников.

День космонавтики (12 апреля). Этот календарный праздничный день играет значительную роль в воспитании патриотической личности. Праздник побуждает чувство национальной гордости за достижения советской и российской науки. Педагогический опыт МАДОУ №63 показывает, что уже с трёхлетнего возраста дети способны запомнить фамилию Ю.А. Гагарина, запомнить его как первого человека, увидевшего Землю из космоса. В обсуждении фигуры первого космонавта Земли делается акцент на личностных качествах героя смелость, воля, стремление к неизведанному. Формируется установка «Русский человек смог первым — значит, мы великая страна». День космонавтики выполняет функцию «якоря» патриотической памяти, вызывая чувство гордости за русского человека.

День России (12 июня). В МАДОУ №63 подготовка к этому событию носит длительный характер. В рамках подготовки разучиваются патриотические песни и танцы с использованием символики, дети учат стихи о Родине. Оформляются тематические фотозоны. Педагоги обращаются к неофициальным символам страны (берёза, матрешка, балалайка), используя их в оформлении и на занятиях. Такой методический приём (от образа к смыслу) позволяет дошкольникам через воспринимаемые визуально объекты выйти на связывание абстрактного понятия «Родина», к конкретному географическому объекту «Россия». Формы подготовки включают продуктивную деятельность (рисование, поделки), художественно-эстетическое развитие (танцы, песни) и итоговый праздничный концерт. На нем звучит Государственный гимн РФ, патриотические песни, танцы, а также используются

флажки как атрибут торжества. День России «живой» образовательный проект, формирующий эмоционально-положительный образ своей страны [4].

День Государственного флага РФ (22 августа). В МАДОУ №63 педагоги в этот день проводят специальные занятия, на которых объясняют значения каждого цвета флага (белый — мир, чистота; синий — вера, верность; красный — сила, энергия), разучивают с детьми специальную памятку для запоминания порядка цветов в Российском флаге. Состоит оно из слова «бесик», которое придумали матросы петровских времен. Благодаря такому способу дети запоминают последовательность цвета флага без труда. Методика работы включает три компонента: когнитивный (заучивание стихов), продуктивный (рисование флага) и церемониальный (торжественная линейка с поднятием флага и исполнением гимна). Таким образом государственные символы связываются с праздничной атмосферой и интересными занятиями [2].

День народного единства (4 ноября). Этот праздник имеет наиболее выраженную направленность на формирование толерантности и уважения к народам России. В этот день в МАДОУ №63 воспитатели рассказывают детям о множестве народов, проживающих в Российской Федерации мирно длительное время. Ключевые формы работы: рассматривание кукол в национальных костюмах народов России, проведение «Хоровода дружбы», символизирующего единство через совместное действие. Особую роль играет взаимодействие с семьёй. Родители рассказывают про семейные праздники и традиции. Воспитанников учат, что люди разных народов выглядят по-разному, но живут все вместе. Важна не внешность или особенности разных национальных традиций, а уважительное отношение друг к другу. Так формируется первичная гражданская идентичность на основе понимания «единство в многообразии» [3].

Дети воспринимают эти праздники как радостные, яркие события, наполненные музыкой, песнями, танцами и совместным творчеством. С удовольствием готовят поделки, разучивают стихи о Родине, с гордостью несут флажки на утренниках. В повседневных беседах дошкольники всё чаще употребляют слова «наша страна», «мы русские», «Россия большая и сильная». Называют знакомые символы, вспоминают героев и с гордостью заявляют: «Я живу в России». Формирование патриотизма проходит празднично, торжественно и весело — именно такая эмоционально-положительная атмосфера позволяет детям естественно впитывать любовь к своей стране [2].

Таким образом, патриотическое воспитание детей дошкольного возраста в МАДОУ №63 г. Красноярска представляет собой не эпизодические мероприятия, а системную, целенаправленную работу, пронизывающую календарно-тематическое планирование и находящееся в полном соответствии с государственным стандартом воспитания, действующим на всей территории Российской Федерации.

Список источников

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования : приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (в ред. приказа Минпросвещения России от 08.11.2022 № 955) // Собрание законодательства РФ.

2. Алёшина Н. В. Патриотическое воспитание дошкольников. Москва : ЦГЛ, 2021. 256 с.

3. Козлова С. А. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников в контексте ФГОС. Москва : Просвещение, 2020. 143 с.

4. Маханева М. Д. Нравственно-патриотическое воспитание детей старшего дошкольного возраста. Москва : АРКТИ, 2019. 96 с.

УДК 37.017.4

Формирование исторической преемственности в сознании современной молодежи как основа гражданской идентичности в России

Юдина Карина Юрьевна
Красноярский институт железнодорожного транспорта, Красноярский край, Красноярск, Россия, prolezni333@bk.ru

Ключевые слова: историческая преемственность, гражданская идентичность, молодежь, национальная память.

Введение. В условиях цифровизации в современном обществе возникает необходимость в существовании прочной основы сохранения и развития национальной и культурной идентичности среди молодежи, в связи с чем обеспечение передачи исторических ценностей, знаний и традиций между поколениями становится ключевой задачей государства.

Основная функция исторической памяти состоит в воспроизводстве общественного сознания новыми поколениями в новых историко-культурных условиях: в ней содержатся важные для общества традиции, позволяющие обеспечивать преемственность поколений и преобразование общества. Но если задачи национальной памяти ясны, то однозначного определения данного термина в настоящее время не существует.

Так, например, Ж.Т. Тощенко – отечественный исследователь, член-корреспондент РАН рассматривает историческую память как определенным образом сфокусированное сознание, отражающее особую актуальность и значимость информации о прошлом,

© Юдина К. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

которая, в то же время, характеризуется тесной взаимосвязью с настоящим и будущим.

Цифровая эпоха создает условия, в которых молодежь ежедневно сталкивается с большим массивом данных, где исторические факты нередко претерпевают некие изменения, подменяются мифами или становятся объектом фальсификаций, а национальная память утрачивает свою основную функцию. Также наблюдается ослабление межпоколенческой коммуникации, в связи с чем роль традиционных институтов в передаче исторического опыта снижается, а стратегическая задача воспитания поколения с развитым гражданским самосознанием напрямую влияет на устойчивое развитие государства.

Современное российское общество переживает период глубоких трансформаций, вызванных стремительным развитием цифровых технологий, глобализацией и нарастанием информационных потоков. В этих условиях особую значимость приобретает задача формирования устойчивой гражданской идентичности у молодёжи — поколения, которому предстоит определять будущее страны. Ключевым элементом этого процесса выступает историческая преемственность: осознание связи времён, уважение к достижениям предков и ответственность за сохранение национального наследия.

Историческая преемственность не сводится к простому накоплению знаний о прошлом. Это живой процесс осмысления исторического опыта, который позволяет молодому поколению понять свою роль в развитии страны, осознать ценность традиций и выработать ответственное отношение к будущему России. Гражданская идентичность, в свою очередь, формируется на основе осознания принадлежности к российскому государству, принятия его ценностей и готовности участвовать в общественной жизни. Без прочного понимания исторических корней невозможно

полноценное становление гражданина, способного вносить вклад в развитие общества.

Важнейшую роль в передаче исторической памяти играют традиционные институты социализации. Семья остаётся первичным каналом передачи знаний о прошлом: семейные истории, рассказы о предках, традиции и обычаи создают эмоциональную связь с историей страны. Система образования обеспечивает систематизированное изучение исторических событий, формирует критическое мышление и помогает осмыслить место России в мировом контексте. Культура — литература, кино, театр, музеи — дополняет формальное образование, делая исторические образы более яркими и запоминающимися.

Вместе с тем современная молодёжь сталкивается с рядом вызовов, затрудняющих формирование исторической преемственности. Обилие противоречивой информации в интернете, попытки фальсификации исторических фактов, клиповое мышление, вызванное цифровизацией, — всё это создаёт препятствия для глубокого осмысления прошлого. Ослабление межпоколенческой коммуникации снижает роль семьи в передаче исторической памяти, а влияние глобальных культурных трендов порой размывает национальные ценности.

Тем не менее в России успешно реализуются проекты, помогающие преодолеть эти трудности и укрепить связь поколений. Акция «Бессмертный полк» вовлекает молодёжь в сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны, создавая личный эмоциональный контакт с историей семьи и страны. Поисковое движение России даёт молодым людям возможность непосредственно участвовать в восстановлении исторической правды, занимаясь эксгумацией и идентификацией останков павших воинов. Краеведческие инициативы позволяют лучше узнать историю своего региона, ощутить связь с малой родиной. А цифровые платформы — онлайн-музеи, виртуальные

экскурсии, образовательные игры — делают изучение истории более доступным и привлекательным для цифровой молодёжи.

Укрепление исторической преемственности требует комплексного подхода на разных уровнях. На государственном уровне важно поддерживать просветительские проекты, противодействовать фальсификации истории и развивать систему патриотического воспитания. В образовании необходимо внедрять интерактивные методы преподавания, усиливать краеведческий компонент и интегрировать историю с другими дисциплинами. В семье ценны создание семейных архивов, рассказы о предках и посещение памятных мест. В медиапространстве перспективно популяризировать качественные исторические материалы через соцсети и сотрудничество с блогерами, способными говорить с молодёжью на понятном языке.

Педагогика профессионального образования

УДК 378.147

Актуализация мотивации обучающихся как педагогическое условие формирования презентационной компетентности в образовательном процессе вуза

Гадалов Демид Игоревич
Кафедры фундаментального естественнонаучного образования Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, gadalov_demid@vk.com

Ключевые слова: презентационная компетентность, презентация, коммуникация, мотивация, педагогические условия.

Развитие общества характеризуется системными изменениями, которые задают новые требования к специалистам различных сфер. Основная задача современного высшего образования заключается в проектировании образовательной среды, которая обеспечивает развитие востребованных компетенций студента [2]. Проведение коммуникации в различных контекстах сегодня становится необходимым при взаимодействии в учебных и рабочих ситуациях. В этой связи обнаруживается актуальность обоснования феномена презентационной компетентности как интегративной динамической личностной характеристики индивида, выражающейся в способности результативно представлять себя, свои идеи, а также достижения личной и коллективной профессиональной деятельности с вовлечением всех доступных сенсорных возможностей аудитории для установления деловых связей, получения ресурсов и достижения экспертного одобрения при использовании освоенных

© Гадалов Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

знаний и способов деятельности [4]. Проведение презентаций способствует успешному позиционированию специалиста в конкурентной среде. Формирование презентационной компетентности предполагает определение педагогических условий этого процесса. Под педагогическими условиями понимается результат целенаправленного отбора, конструирования и применения содержания, методов, а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей [1].

Рассмотрим актуализацию мотивации студентов как педагогическое условие формирования презентационной компетентности в образовательном процессе вуза. Л.С. Выготский указывал на то, что мотивирующая сфера сознания охватывает потребности, интересы и влечения, при этом любое коммуникативное поведение неразрывно связано с установками и ценностями субъекта [3]. В исследованиях Дж. Равена компетентность трактуется как специфическая способность, обязательно включающая мотивацию и осознание ответственности [5]. Д. Макклелланд доказал, что показатели академической успеваемости растут только в связи с профессиональными достижениями и воплощением их в практических действиях, детерминированных мотивацией [8]. Мотивация является энергетическим ресурсом и влияет на концентрацию, глубину обработки поступающей информации и устойчивость вектора деятельности при преодолении студентом трудностей, возникающих в ходе обучения [6; 9]. Мотивационно-ценностный компонент презентационной компетентности включает стремление студента к проведению презентации для личностного совершенствования.

Во внешней мотивации деятельность обусловлена побочными факторами, на которые направлено внимание индивида, а во внутренней мотивации раскрывается осознание перспективной пользы и ценности самой деятельности [7]. Внутренняя мотивация

основывается на удовлетворении потребности в ощущении собственной эффективности, а полученные при этом знания, навыки и достижения выступают следствием, а не изначальной целью деятельности [10]. Актуализация мотивации представляет собой целенаправленный перевод ценностных ориентиров и потребностей обучающегося в мотивы, побуждающие к активности. Без устойчивого внутреннего стремления обучение приобретает формальный характер. Таким образом, актуализация мотивации как педагогическое условие формирования презентационной компетентности раскрывается во внутренней мотивированности обучающихся, проявленной в создании ценностного отношения к процессу представления себя и результатов своей деятельности, значимого для личного и профессионального становления.

Список источников

1. Андреев В. И. Педагогика : учебный курс для творческого саморазвития. Казань : Центр инновационных технологий, 2012. 608 с. URL: https://clck.ru/3TRrGS (дата обращения: 16.04.2026).

2. Бухарова Г. Д. Компетентность и компетенции — фундаментальные понятия компетентностного подхода / Г. Д. Бухарова, Л. Д. Старикова // Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. 2012. № 7. С. 87—95. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/40489/1/978-5-89516-227-9_2012_010.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

3. Выготский Л. С. Лекции по психологии. Мышление и речь. М. : Юрайт, 2024. 432 с.

4. Сущность и структура презентационной компетентности / Д. И. Гадалов, С. И. Осипова, М. Д. Кудрявцев [и др.] // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 5 (231). С. 262—265.

5. Равен Дж. Компетентность в современном обществе : выявление, развитие и реализация / пер. с англ. М. : Когито-Центр,

2002. 394 с. URL: https://clck.ru/3TRrMm (дата обращения: 15.12.2025).

6. Психология : учебник для педагогических институтов / А. А. Смирнов, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов (ред.). М. : Учпедгиз, 1956. 588 с. URL: https://djvu.online/file/i4vdF1buhBQXA (дата обращения: 26.02.2026).

7. Breaking barriers in STEAM education: Analyzing competence acquisition through project-based learning in a European context / P. García-Llamas, A. Taboada, P. Sanz-Chumillas [et al.] // International Journal of Educational Research Open. 2025. Vol. 8. P. 100449.

8. McClelland D. C. Testing for competence rather than for "intelligence" // American Psychologist. 1973. Vol. 28, № 1. P. 1–14. DOI 10.1037/h0034092.

9. Petri H. L. Motivation: Theory, Research, and Applications / H. L. Petri, J. M. Govern. 6th ed. Belmont, CA : Wadsworth Cengage Learning, 2013. 480 p. URL: https://clck.ru/3S4wBL (accessed: 26.02.2026).

10. White R. W. Motivation Reconsidered: The Concept of Competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66, № 5. P. 297–333. DOI 10.1037/h0040934.

УДК 378.1

Проектирование методического обеспечения самостоятельной работы студентов с использованием платформы Moodle

Гоголева Ольга Валерьевна
Проектный офис новых образовательных практик Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, OGogoleva@sfu-kras.ru

Ключевые слова: методическое обеспечение, самостоятельная работа студентов; цифровая образовательная среда; платформа Moodle; деятельностный подход.

Проблемное решение ФГОС ВО по направлению подготовки 19.03.04 «Технология продукции и организация общественного питания» предусматривает сокращение количества часов аудиторных учебных занятий и увеличение количества часов, отведённых на самостоятельную работу студентов [1], что требует создания условий для того, чтобы эта работа была результативной (рис.1).

© Гоголева О. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

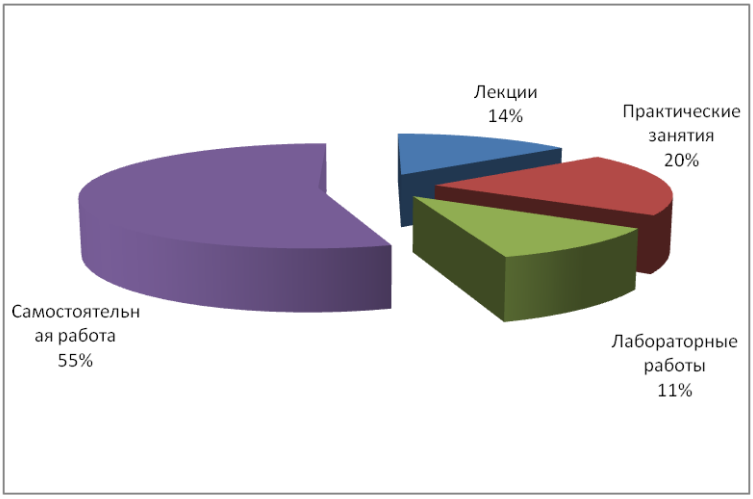


Рисунок 1. Доля аудиторных и самостоятельных часов по учебному плану 19.03.04 Технология продукции и организация общественного питания для очной формы обучения.

Поэтому необходимо разработать методическое обеспечение самостоятельной работы с использованием цифровой среды.

Рисунок 2. Методическое обеспечение самостоятельной работы студентов.

Схема демонстрирует (рис. 2), что результаты обучения самостоятельной работы достигаются через цифровую образовательную среду, функционирующую в рамках нормативных требований.

На сегодняшний день платформа Moodle является одной из наиболее доступных электронных обучающих сред. Её

преимущества заключаются в ориентации на деятельностный подход к обучению и в обеспечении активного взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса. Moodle предоставляет преподавателям и студентам неограниченный доступ к образовательным ресурсам.

Эффективность самостоятельной работы студентов в цифровой среде обеспечивается системным методическим сопровождением, включающая в себя:

— составление графика внеаудиторной самостоятельной работы;

— разработку учебно-методического комплекта для обеспечения самостоятельной работы;

— разработку средств диагностики эффективности и учета самостоятельной работы;

— внедрение системы контроля и обратной связи, позволяющей студенту своевременно получать информацию о результатах своей деятельности и корректировать траекторию обучения.

Таким образом, представленное в статье обоснование актуальности и предложенные подходы к организации самостоятельной работы студентов в цифровой среде служат теоретической основой для дальнейшего проектирования и внедрения методического обеспечения в образовательный процесс вуза. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка учебно-методического комплекса по дисциплине «Информационно-коммуникативные технологии в сфере общественного питания, а также создание инструментов для оценки сформированности у студентов навыков самоорганизации в цифровой среде.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 19.03.04 Технология продукции и организация общественного питания : утв. приказом Минобрнауки России от 17.08.2020 № 1047. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-19-03-04-tehnologiya-produkcii-i-organizaciya-obschestvennogo-pitaniya-1047/ (дата обращения: 23.04.2026).

2. Заводчикова Н. И. Использование системы дистанционного обучения Moodle для организации самостоятельной работы студентов дневной формы обучения / Н. И. Заводчикова, У. В. Плясунова, М. А. Суворова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика, Психология, Социокинетика. 2016. Т. 22, № 4. С. 170–174.

УДК 378.147

Персонализация иноязычной подготовки в техническом вузе на основе учета индивидуальных предпочтений студентов

Дементьева Ирина Сергеевна
Институт цветных металлов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ikropacheva@sfu-kras.ru

Ключевые слова: персонализация, иноязычная подготовка, инженерное образование.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Ивановне Осиповой, доктору педагогических наук, профессору.

Современный этап развития инженерного образования характеризуется глубокой трансформацией требований к профессиональным компетенциям выпускников. В условиях глобализации и ускоренного технологического обмена иностранный язык перестает быть просто общеобразовательной дисциплиной, превращаясь в стратегический инструмент профессиональной деятельности инженера. Однако традиционные подходы к обучению в техническом вузе все чаще сталкиваются с проблемой низкой мотивации студентов и отсутствием гибкости учебного процесса [1].

Одной из актуальных и современных проблем педагогики профессионального образования является поиск путей персонализации обучения [2]. В рамках широко используемой гуманистической парадигмы образования становится очевидным,

© Дементьева И. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

что подготовка будущих инженеров к профессиональному иноязычному общению не может быть достаточно результативной без учета субъектного опыта обучающихся и их личностных запросов. В результате возникает проблема перехода от массового, стандартизированного обучения к модели, базирующейся на индивидуальных предпочтениях студентов. Под индивидуальными предпочтениями будем понимать «осознание важности, ценности выбора определенной дисциплины или серии дисциплин, отвечающее субъективным образовательным целям и мотивам» [3, с. 197]. Данный феномен выступает ключевым механизмом персонализации учебного процесса.

Под персонализацией в работе понимается стратегия, при которой образовательные результаты приобретают для студента субъективную значимость и становятся фундаментом для его дальнейшего профессионального роста. В отличие от традиционной индивидуализации, где педагог адаптирует единую программу под особенности студента, персонализация смещает фокус на субъектность самого обучающегося [4; 5].

Опираясь на представленную выше концепцию, выделяем следующие ключевые характеристики персонализированного обучения:

- самодетерминация целей (обучающийся самостоятельно формулирует образовательный запрос, исходя из собственных предпочтений, целей, карьерных планов);

- междисциплинарность (содержание обучения выходит за рамки одного предмета и служит инструментом развития личности);

- процессуальная гибкость (выбор форматов и методов освоения материала);

- рефлексивный контроль (развитие навыков самоконтроля и самоанализа через практики формирующего оценивания).

Несмотря на общую тенденцию гуманизации инженерного образования, стремительный технический прогресс и связанную с этим растущую потребность в работе с иноязычными базами данных, недостаточность временных ресурсов, выделяемых на дисциплину «Иностранный язык» в технических вузах, по-прежнему остается острой проблемой. При этом значительная часть первокурсников технического профиля демонстрирует дефицит базовых иноязычных компетенций и низкую вовлеченность в процесс лингвистической подготовки. Использование индивидуальных предпочтений в качестве функционального инструмента персонализации позволяет делегировать студентам право на проектирование собственного образовательного маршрута. Таким образом обеспечивается непрерывность языковой подготовки, адаптированный под личные запросы обучающихся на протяжении всего периода обучения в вузе. Данная технология реализуется через систему выбора между базовым и углубленным профилем, то есть между обязательным минимумом общепрофессионального контекста и продолжением интенсивной языковой подготовки с углублением в специальность.

Следует отметить, что степень осознанности студента при выборе образовательного маршрута напрямую коррелирует с его пониманием ценности иностранного языка для будущей карьеры. В рамках учебного процесса происходит систематическое ознакомление обучающихся с такими преимуществами владения профессиональным иностранным языком, как участие в международных проектах, работа с передовыми международными технологиями и актуальной научной периодикой, а также повышение общей конкурентоспособности на рынке труда.

Принципиально важным представляется обеспечение автономности обучающегося в принятии образовательных решений. Роль преподавателя в данной парадигме заключается в педагогическом сопровождении и трансляции ценностных

ориентиров, способствующих осознанности выбора. Тем не менее, окончательное решение остается прерогативой студента как активного субъекта образовательной деятельности.

Список источников

1. Перчаткина В. Г. Учебно-профессиональная мотивация будущих инженеров средствами иностранного языка / В. Г. Перчаткина, Ю. Н. Зиятдинова // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2023. Т. 20, № 1. С. 21–32.

2. Стародубцев В. А. Персонализация образования в новых условиях // Информация и образование: границы коммуникаций. 2024. № 16 (24). С. 60–61.

3. Дементьева И. С. Реализация индивидуальных предпочтений при выборе обучающимися уровня освоения профессионального иностранного языка в условиях концепции CDIO // Педагогический журнал. 2024. Т. 14, № 8-1. С. 195–201.

4. Зеер Э. Ф. Концептуально-теоретические основы персонализированного образования / Э. Ф. Зеер, О. В. Крежевских // Образование и наука. 2022. № 24 (4). С. 11–39.

5. Варламова В. А. Индивидуализация и персонализация в современном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-2. С. 50–53.

УДК 378.147

Организация стажировок студентов на цифровой платформе как элемента неформального инженерного образования

Зайтова Екатерина Васильевна
Проектный офис новых образовательных практик Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, EZaytova-PO25@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: инженерное образование, стажировка, компетенции, цифровая платформа, практико-ориентированный подход.

Актуальность работы связана с одной из ключевых проблем современного инженерного образования — разрывом между теоретической подготовкой студентов и реальными требованиями индустрии [1].

Сегодня технологии развиваются значительно быстрее, чем обновляются образовательные программы. В результате студенты получают достаточный объём теоретических знаний, но испытывают трудности при их практическом применении. Это приводит к снижению уверенности в своих профессиональных навыках и затрудняет процесс трудоустройства после окончания вуза.

Дополнительно ситуацию усложняют следующие факторы, такие как сокращение количества стажировок и практик, слабая интеграция университетов с работодателями, формальный характер существующих практик [1] и рост требований к инженерным компетенциям в условиях цифровой экономики.

© Зайтова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Таким образом, возникает объективная необходимость поиска новых форм организации практико-ориентированного обучения, которые позволят студентам получать реальный опыт ещё в процессе обучения.

Проблема подготовки инженерных кадров широко исследуется в современной педагогической науке.

Основные подходы, на которые опирается работа:

компетентностный подход, который ориентирован на формирование практических навыков [6];

контекстное обучение через погружение в профессиональную среду [4];

психолого-педагогические концепции развития личности [2; 5];

международная инициатива CDIO — подготовка инженеров через полный цикл деятельности [3].

Несмотря на развитие инженерного образования, в системе сохраняются пробелы: отсутствие инструментов объективной оценки компетенций и слабая цифровизация процесса. Целесообразно сделать упор на усиление практической подготовки через внедрение стандартов CDIO и развитие механизмов тесного взаимодействия университетов с промышленной индустрией. Однако формальный характер практик и малая информативность резюме мешают адекватно оценивать реальные навыки студентов. Кроме того, существующие HR-платформы ориентированы на опытных специалистов и не учитывают специфику обучения инженеров. Эти ограничения снижают общую эффективность подготовки кадров в текущих условиях. В своей работе я обосновываю необходимость перехода к технологически развитой и объективной модели оценки компетенций. В рамках исследования предлагается создание цифровой платформы стажировок, которая объединяет студентов, университеты и работодателей в единую систему.

Основная идея заключается в переходе от формального подхода к оценке через резюме к модели, основанной на реальных компетенциях и их цифровом подтверждении.

Ключевые элементы решения:

Интеллектуальный мэтчинг: Платформа анализирует навыки студента и сопоставляет их с требованиями работодателя.

При этом стажировка выступает не просто как опыт, а как инструмент развития недостающих компетенций.

Объективная оценка через результаты деятельности: используются реальные проектные работы студентов, что позволяет снизить субъективность и повысить точность отбора.

Динамическое портфолио обновляется в процессе обучения и отражает текущий уровень подготовки студента.

Интеграция с образовательным процессом: платформа может быть встроена в учебную систему, а стажировки могут засчитываться как часть программы.

Таким образом, создаётся экосистема, в которой образование и рынок труда работают как единое пространство.

Анализ условий реализации проекта сфокусирован на прикладной ценности проекта и балансе его сильных и слабых сторон. Внедрение ИИ позволяет минимизировать предвзятость при найме и ускорить процесс подбора кандидатов на основе их реальных компетенций. Однако финансовые затраты на разработку и сложность цифровой оценки soft skills выступают серьезными сдерживающими факторами. Внешние возможности открываются благодаря дефициту инженерных кадров и общей цифровизации образовательного сектора. Основные угрозы связаны с агрессивной рыночной конкуренцией и необходимостью обеспечения жесткой информационной безопасности. Таким образом, проект обладает значительным потенциалом, однако требует учета как внутренних ограничений, так и внешних факторов при его реализации.

В ходе работы было показано, что проблема разрыва между теорией и практикой в инженерном образовании носит системный характер.

Предложенная цифровая платформа позволит повысить качество подготовки студентов, обеспечить объективную оценку компетенций, улучшить взаимодействие между вузами и работодателями и увеличить уровень трудоустройства выпускников.

В целом, разработанная модель может рассматриваться как перспективное направление развития инженерного образования в условиях цифровой экономики.

Список источников

1. Вербицкий А. А. Теория и технологии контекстного образования : монография. М. : МПГУ, 2017. 268 с. ISBN 978-5-4263-0443-7.

2. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М. : АСТ : Астрель, 2010. 671 с.

3. Внедрение стандартов CDIO в российское инженерное образование: опыт и перспективы / С. А. Храпов, А. В. Пономарев, Т. В. Гитман, М. Б. Гитман // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. Т. 6, № 4. URL: https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN418.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

4. Использование искусственного интеллекта в образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2020. Т. 17, № 3.

5. Ибрагимов Г. И. Компетентностный подход в профессиональном образовании // ОТО. 2007. №3. С. 361–365.

6. CDIO : официальный сайт. URL: https://cdio.org (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 378.147.31

Оценка уровня информационной грамотности студентов в условиях цифровой трансформации и распространения искусственного интеллекта

Казанкова Александра Андреевна
Проектный офис новых образовательных практик Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sasha24071990@yandex.ru

Ключевые слова: информационная грамотность, цифровая среда, искусственный интеллект, профессиональные компетенции, обучающиеся СПО.

Современная система образования находится под влиянием цифровой трансформации. В сложившихся условиях объективная диагностика уровня информационной грамотности становится критически важным индикатором профессиональной готовности студентов.

Понятие «информационная грамотность» эволюционировало от работы с библиотечными ресурсами [1; 2] к комплексному набору компетенций (ЮНЕСКО, 2012) [3]. В российской практике с 2010-х гг. доминирует понятие «цифровая грамотность», включающее мотивационные установки, кибербезопасность, цифровое потребление и практические навыки [4; 5].

Для специальности 09.02.07 в условиях генеративного ИИ это подразумевает: критическую оценку данных, промпт-инжиниринг, интеграцию ИИ-ассистентов и защиту кода от киберугроз.

© Казанкова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Исследование с участием 60 студентов 3-го курса (18–20 лет) проведено на платформе «Цифровой гражданин» (НАФИ/DigComp), отличающейся адаптивностью и надёжностью [6; 7]. Тест оценивает пять сфер компетенций (табл. 1).

Таблица 1. Сфера компетенций теста «Цифровой гражданин»

	Сфера компетенций	**Составляющие**
1	Информационная грамотность	Поиск, оценка, управление контентом
2	Коммуникативная грамотность	Цифровое взаимодействие, сетевой этикет
3	Создание контента	Авторские права, настройка ПО
4	Цифровая безопасность	Защита данных, охрана здоровья
5	Решение проблем	Использование ИКТ для повседневных задач

Диагностика выявила выраженную уровневую дифференциацию: 45% студентов показали высокий уровень (⩾75 баллов), при этом 12% находятся в зоне риска (<40 баллов) и испытывают системные трудности с поиском и верификацией информации. Наименьший показатель высокого уровня зафиксирован в сфере создания цифрового контента – 56,6%. Ниже показана оценка показателей информационной грамотности (табл. 2).

Таблица 2. Оценка ключевых показателей информационной грамотности

Компетенция	**Начальный (n=4)**	**Базовый (n=21)**	**Продвинутый (n=35)**	**Среднее значение**
Информационная грамотность	33,0	55,0	82,8	56,93
Коммуникативная грамотность	19,8	53,4	81,0	51,4
Создание цифрового контента	31,2	55,0	**77,0**	54,4

Окончание таблицы 2.

Компетенция	**Начальный (n=4)**	**Базовый (n=21)**	**Продвинутый (n=35)**	**Среднее значение**
Цифровая безопасность	34,5	50,1	**77,5**	54,03
Навыки решения проблем	33,2	52,2	**78,0**	54,47

Коммуникативная грамотность демонстрирует наименьший стартовый балл (19,8), что указывает на трудности с сетевым этикетом и профессиональной совместной работой в цифровой среде. Кибербезопасность отстаёт от функциональных навыков: лишь 50,1% студентов базового уровня соблюдают правила защиты персональных данных. Наибольший разрыв наблюдается в коммуникативной грамотности (×4,1), что указывает на высокую чувствительность к уровню цифровой социализации. Студенты, активно участвующие в онлайн-коммуникации, не всегда способны структурировать информацию в профессиональном формате.

Развитие функциональной информационной грамотности требует модернизации обучения: внедрения онлайн-курса по генеративному ИИ, использования платформы «Цифровой гражданин», работы с GitHub Copilot и акцента на этике данных.

Исследование подтвердило, что техническая подготовка студентов 09.02.07 опережает развитие их функциональной информационной грамотности. Развитие информационной грамотности должно рассматриваться как сквозная компетенция, интегрированная в профессиональные модули. Перспективы исследования включают разработку методических рекомендаций по внедрению стандартов работы с ИИ в программу подготовки программистов.

Список источников

1. Мухаметзянов И. Ш. Информационная грамотность как основа информационной культуры учащегося в условиях информационного взаимодействия, структура, содержание, оценка // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. № 3.

2. Комлева Т. М. Реализация проекта «Информационная грамотность — успешная личность» в НБ НГУЭУ // Библиотека и культурное пространство региона (К 45-летию кафедры библиотечных и документально-информационных технологий) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 17–18 декабря 2020 г.). Пермь, 2021. С. 254–257.

3. Ребко О. В. Информационная грамотность: определение, компоненты и стандарты // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17, № 2-2(20). С. 257–259.

4. Алексеева Е. А. Сущность и содержание понятия «цифровая грамотность» в современных педагогических исследованиях / Е. А. Алексеева, Г. И. Алексеева // Концепт. 2025. № 11. С. 20–32.

5. Рассаднев Э. С. Цифровая грамотность населения как фактор развития цифровой экономики в России / Э. С. Рассаднев, А. А. Осипенко, А. С. Лубянков // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2021. № 1 (52). С. 75–80.

6. Тестирование цифровой грамотности / ООО «Национальное агентство финансовых исследований». URL: https://it-gramota.ru/ (дата обращения: 16.04.2026).

7. Цифровой гражданин (it-gramota.ru) / ООО «Виадук Рус». URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Цифровой_гражданин_(it-gramota.ru) (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 377.5

Сущность и содержание проектной компетенции в образовательном процессе СПО

Кусакин Никита Евгеньевич
Проектный офис новых образовательных практик Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kusakin-n@mail.ru

Ключевые слова: проектная компетенция, структура компетенции, среднее профессиональное образование, профессиональные навыки, проектная деятельность.

Современная система СПО ориентирована на подготовку специалистов, востребованных на рынке труда. Это отражено в федеральном проекте «Профессионалитет» и актуальных ФГОС СПО, предусматривающих формирование у студентов общих и профессиональных компетенций, включая способность к проектной деятельности [1; 2].

В научной литературе отсутствует единое понимание проектной компетенции, при этом исследователи выделяют её когнитивные, деятельностные, коммуникативные и личностные аспекты [3–8].

Обобщая позиции исследователей, можно выделить основные характеристики проектной компетенции: способность к самостоятельному решению профессиональных задач, применению знаний в профессиональной деятельности, взаимодействию в коллективе и рефлексии результатов деятельности.

© Кусакин Н. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

На основании анализа литературы проектная компетенция определяется как интегративное качество личности обучающегося, обеспечивающее организацию, реализацию и рефлексию проектной деятельности.

В современных исследованиях особое внимание уделяется рефлексивно-оценочному компоненту как условию развития профессиональных и метакогнитивных умений. Так, Е. Б. Быстрай и О. В. Мухаметшина рассматривают его как элемент формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции [10], Б. Х. Юнусбаев — как основу развития способности к самооценке и коррекции деятельности [11], а И. А. Стеценко — как компонент рефлексивно-ориентированной модели образования [12]. Это обосновывает его включение в структуру проектной компетенции обучающихся СПО.

Сущность проектной компетенции проявляется в её интегративности, направленности на решение профессиональных задач, самостоятельности обучающегося, способности к взаимодействию и рефлексии результатов деятельности [4–7; 9].

Для раскрытия сущности проектной компетенции рассмотрим её структуру. В обобщённом виде исследователи выделяют четыре компонента: когнитивный, деятельностный, коммуникативный и личностно-мотивационный.

Когнитивный компонент включает знания о методах и этапах проектной деятельности, а также умение анализировать задачи и формулировать цели [2; 9]. Деятельностный компонент связан с планированием и реализацией проекта, распределением ресурсов и оценкой результатов [4; 7]. Коммуникативный компонент отражает взаимодействие участников и представление результатов деятельности [6; 8]. Личностно-мотивационный компонент включает ответственность, инициативность и готовность к саморазвитию [4; 5]. Рефлексивно-оценочный компонент выражается в способности к самооценке и корректировке деятельности [10; 12].

Проектная компетенция рассматривается как важный результат образовательного процесса в системе СПО и определяется как интегративное качество личности обучающегося, включающее знания, умения, навыки и личностные характеристики, обеспечивающие реализацию проектной деятельности.

Её структура включает когнитивный, деятельностный, коммуникативный и личностно-мотивационный компоненты, обеспечивающие развитие инициативности, ответственности и способности к взаимодействию.

Включение рефлексивно-оценочного компонента усиливает направленность модели на развитие критического мышления и соответствует требованиям ФГОС и задачам федерального проекта «Профессионалитет».

Список источников

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18 августа 2022 г. № 629 «Об утверждении федерального проекта "Профессионалитет"». С. 12–14.

2. ФГОС СПО. Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования. — М., 2016. С. 18–22.

3. Зимняя М. Ю. Проектная деятельность студентов СПО / М. Ю. Петрухина // Современное образование. 2016. № 4. С. 114–118.

4. Щеглова Т. М. Проектная компетентность как основа подготовки специалистов СПО // Педагогика. 2018. № 9. С. 42–46.

5. Формирование проектной компетенции как основа будущей профессиональной деятельности специалиста среднего звена / Сопегина В. Т., Рущицкая О. А., Кружкова Т. И. [и др.] // Образование и право. 2023. № 10. С. 412–418.

6. Моспанова Н. Ю. Развитие критического мышления студентов через проектную деятельность / Моспанова Н. Ю.,

Крамарева И. Е., Чижевская И. Н. // Управление образованием. Теория и практика. 2024. № 9-2. С. 207–215.

7. Сухорукова И. В. Развитие критического мышления студентов через проектную деятельность // Педагогические науки. 2024. № 2. С. 78–82.

8. Thomas J. W. A Review of Research on Project-Based Learning. San Rafael, CA : Autodesk Foundation, 2000. P. 14–30.

9. Markham T. Project Based Learning Design and Coaching Guide. Novato, CA : Buck Institute for Education, 2012. P. 50–65.

10. Полат Е. С. Метод проектов: история и современность // Школьные технологии. 2010. № 6. С. 32–38.

11. Быстрай Е. Б. Рефлексивно-оценочный компонент как составляющая часть системы формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров / Е. Б. Быстрай, О. В. Мухаметшина // Концепт. 2017. № 7. С. 124–128.

12. Юнусбаев Б. Х. Рефлексивно-оценочная саморазвивающая технология (РОСТ) / Б. Х. Юнусбаев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2021. № 9. С. 185–186.

13. Stetsenko I. A. Reflexive-Oriented Model of Teacher Education // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 18, № 2. P. 182–187.

УДК 378.4

Социальная активность как профессионально-значимое качество будущих педагогов-психологов

Назранова Ксения Андреевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, knazranova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: социальная активность, педагог-психолог, профессионально-значимые качества, компоненты социальной активности, психолого-педагогическое образование.

Современные требования к специалистам психолого-педагогического профиля существенно превышают рамки предметной компетентности. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 3++ по направлению 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» закрепляет в числе обязательных результатов освоения образовательной программы универсальные компетенции, связанные с разработкой и реализацией проектов, командной работой и социальным взаимодействием [6]. Эти требования закономерно актуализируют проблему развития социальной активности студентов как профессионально-значимого качества будущего педагога-психолога. Значимость социальной активности для педагогической профессии обусловлена ее двойственной природой: будущий педагог-психолог призван не только оказывать психолого-педагогическую помощь, но и содействовать социализации обучающихся, формировать у них навыки

© Назранова К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

конструктивного взаимодействия со средой [2]. Транслировать просоциальные ценности и образцы активного гражданского поведения способен лишь педагог, сам обладающий высоким уровнем социальной активности, что позволяет рассматривать ее одновременно как инструмент профессиональной деятельности и показатель личностной зрелости специалиста.

В отечественной психолого-педагогической науке категория «активность» имеет глубокие теоретические корни. С. Л. Рубинштейн трактовал ее как атрибутивную характеристику личности, выражающую ее способность к самодетерминации и преобразованию действительности [5]. А. Н. Леонтьев связывал активность с ведущей деятельностью субъекта, указывая на ее предметный, мотивированный и интериоризованный характер [4]. В русле деятельностного подхода активность становится методологическим основанием анализа социального развития личности и ее включенности во взаимодействие с социумом.

Применительно к студенческому возрасту социальная активность понимается как интегративное качество, обеспечивающее инициирование и осуществление социального взаимодействия по преобразованию себя и окружающей среды. Е. М. Харланова определяет ее как «состояние и интегративное свойство личности, обеспечивающее инициирование и осуществление социального взаимодействия по преобразованию себя и окружающей среды для достижения личных и социально значимых целей» [7]. Специфика профиля подготовки «Психолого-педагогическое образование» накладывает особый отпечаток на содержание данного качества. В исследованиях О. А. Ковалевой показано, что будущие специалисты помогающих профессий воспринимают социальную активность как инициативную, совместную и ценностно обусловленную деятельность, направленную на решение социальных проблем и прогресс социума [3].

В этой логике социальная активность педагога-психолога может быть представлена как интегративное качество, включающее ценностно-мотивационный, личностный, когнитивный, поведенческий и оценочно-рефлексивный компоненты.

Мотивационно-ценностный компонент определяет внутреннюю побудительную основу и смысловую направленность социальной активности, включая систему ценностных ориентаций и гуманистических установок, степень принятия миссии помогающей профессии и осознанные мотивы участия в социально значимой деятельности. Личностный компонент отражает сформированность социальной позиции и профессиональной идентичности будущего педагога-психолога, проявляющуюся в принятии роли помогающего специалиста и готовности нести ответственность за других людей, а также наличие комплекса профессионально значимых качеств (эмпатии, гуманистической направленности, толерантности, ответственности), обеспечивающих использование социальной активности как ресурса самореализации и профессионального становления.

Когнитивный компонент представляет собой систему знаний о социальном устройстве, механизмах гражданского участия, правах и обязанностях гражданина и педагога-психолога, а также о методах и технологиях организации социально значимой деятельности.

Поведенческий компонент выражается в реальном участии студента в волонтёрских инициативах, профессиональных сообществах, органах студенческого самоуправления и социально-проектной деятельности, выступая критерием зрелости социальной активности.

Рефлексивно-оценочный компонент обеспечивает анализ и оценку собственного социального опыта, коррекцию стратегии социального участия и перевод внешней деятельности во

внутренний план личностного развития, что особенно значимо для психолого-педагогических профессий [1].

Таким образом, согласованное развитие мотивационно-ценностного, личностного, когнитивного, поведенческого и рефлексивно-оценочного компонентов формирует социальную активность как целостное профессионально-значимое качество будущего педагога-психолога, обеспечивающее его готовность к выполнению помогающей и воспитательной функций и задает ориентиры для проектирования психолого-педагогических условий ее развития.

Список источников

1. Болучевская В. В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий. Волгоград : ВолгГМУ, 2010. 264 с.

2. Иваненков С. П. Социальная активность современной молодежи: ее формы и проявления / С. П. Иваненков, А. В. Кострикин // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 2. С. 42—48.

3. Ковалева О. А. Состояние проблемы определения, оценки и становления социально-коммуникативной компетентности у будущих педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2. С. 34—42.

4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977. 304 с.

5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 712 с.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование (уровень бакалавриата). М., 2020. 78 с.

7. Харланова Е. М. Развитие социальной активности студентов вуза в процессе интеграции формального и неформального

образования : диссертация…доктора педагогических наук. Челябинск, 2015. 501 с.

УДК 378.147:004

Развитие цифровой компетентности будущих учителей для реализации STEAM-технологий

Никляев Артём Игоревич
Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Алтайский край, Барнаул, Россия, work@niklyaev.ru

Ключевые слова: цифровая компетентность, будущий учитель, STEAM-образование, STEAM-технологии, профессиональная подготовка, цифровая грамотность, педагогическое образование.

STEAM-технологии становятся частью современной школы. Они объединяют естественнонаучные, инженерные дисциплины и искусство, в отличие от STEM-подхода [6].

Немаловажной является опора на цифровые инструменты: среды программирования, 3D-моделирование, элементы робототехники, иммерсивные среды, оборудование для цифрового производства [3]. Темпы внедрения STEAM-технологий являются низкими, что вызвано не столько отсутствием современного оборудования, сколько недостаточным уровнем цифровой и STEAM-компетентности учителей, не готовых использовать данные инструменты в профессиональной деятельности [5]. В этом мы видим противоречие, определяющее актуальность нашего исследования.

© Никляев А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2026

Цель – теоретически обосновать структуру цифровой компетентности будущего учителя, необходимую для эффективной реализации STEAM-технологий, и предложить пути ее формирования в вузе.

В нашем исследовании под STEAM-технологиями будем понимать способ организации учебной деятельности, при котором ученики решают реальную инженерную или естественнонаучную задачу, последовательно проходя этапы от формулировки идеи до презентации решения [1]. Обязательны цифровые инструменты и методы проблемного обучения. Акцент – на полный цикл: от замысла до прототипа.

Анализ современной психолого-педагогической литературы [2; 3] и STEAM-кейсов позволил выделить четыре группы цифровых средств: среды программирования, 3D-моделирование и цифровое производство (3D-печать, лазерная резка), средства визуализации. Нейросетевые технологии помогают генерировать идеи, но их педагогический потенциал изучен недостаточно.

Каждый инструмент требует от учителя не только навыка, но и понимания, как встроить его в образовательный процесс.

На основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов [2; 3; 4] мы выделили пять взаимосвязанных компонентов цифровой компетентности, которые необходимы будущему учителю для работы со STEAM-технологиями: (мотивационно-ценностный – установка на постоянное освоение новых цифровых инструментов), когнитивный (знание цифровых средств и этапов их применения), технологический (практические навыки работы с ПО и оборудованием), проектно-методический (умение разработать STEAM-занятие, подобрать инструменты, организовать групповую работу и оценить результаты), рефлексивный (анализ своих действий в цифровой среде, выявление дефицитов и самообразование).

В исследовании греческих коллег [4; 5] подчёркивается важный для нас вывод: одной мотивации учителя к использованию STEAM недостаточно. Педагоги, даже искренне заинтересованные, часто останавливаются из-за отсутствия конкретных методик и навыков работы с цифровыми инструментами. Ключевым дефицитом является технологическая и проектно-методологическая подготовка [1; 3].

Формирование цифровой компетентности в процессе подготовки будущих учителей в вузе представим через реализацию приоритетных направлений работы: введения практико-ориентированных учебных модулей (освоение цифровых инструментов STEAM через выполнение конкретных учебно-профессиональных задач), проектной деятельности в цифровой среде (самостоятельная разработка и реализация STEAM-проектов с использованием цифровых технологий от замысла до презентации), совместной групповой работы в цифровой среде (выполнение групповых проектов с применением облачных сервисов, сред совместного моделирования и программирования), рефлексивно-оценочных практик (ведение цифрового портфолио, самоанализ и взаимооценка проектов с использованием цифровых средств: критериальные рубрики, онлайн-опросы, дневники наблюдений).

Без целенаправленного развития цифровой компетентности будущий учитель не сможет в полной мере раскрыть педагогический потенциал STEAM-технологий, даже при наличии в школе современного оборудования и доступных цифровых сервисов. Мы не утверждаем, что цифровая компетентность решает все проблемы STEAM-образования, но без неё запуск полноценных проектов в школе остаётся случайным, а не системным.

Список источников

1. Анисимова Т. И. Подготовка педагогов для STEAM-образования / Т. И. Анисимова, Ф. М. Сабирова, О. В. Шатунова // Научно-практическое образование, исследовательское обучение, STEAM-образование: новые типы образовательных ситуаций. М. : МОД «Исследователь», 2018. Т. 1. С. 31—35.

2. Конюшенко С. М. STEAM подход: от обучения к фасилитации / С. М. Конюшенко, С. В. Кузьмин, М. О. Комиссарова // Качество педагогического образования в условиях современных вызовов : сб. науч. тр. IX Междунар. форума по педагогическому образованию. Казань : КФУ, 2023.

3. Лутфуллина А. М. Место цифровых технологий в STEAM-образовании / А. М. Лутфуллина, Ф. М. Сабирова // Лучшие практики общего и дополнительного образования по естественно-научным и техническим дисциплинам : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика РАН К. А. Валиева. Казань : Казанский университет, 2025. С. 265–268.

4. Spyropoulou N. STEAMComp Edu: A competence framework for STEAM educators / N. Spyropoulou, A. Kameas. 2024. URL : https://encyclopedia.pub/entry/56461.

5. Spyropoulou N. "We Believe in STEAM Education, but We Need Support": In-Service Teachers' Voices on the Realities of STEAM Implementation / N. Spyropoulou, A. Kameas // Education Sciences. 2024. Vol. 15, № 10. P. 1300.

6. Yakman G. STEAM Education: An overview of creating a model of integrative education // Proceedings of the 2008 ASEE Annual Conference & Exposition. Washington, DC, 2008.

УДК 378.147

Подготовка к научно-исследовательской деятельности студентов-биологов на младших курсах

Самойлова Алиса Александровна
Институт цветных металлов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, asamoylova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, исследовательская компетентность выпускника, готовность, основы научной деятельности.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Осиповой Светлане Ивановне, профессору, док. пед. наук и Кратасюк Валентине Александровне, профессору, док. биол. наук.

В Указе Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» говорится о создании «возможности для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки…». Именно поэтому становится актуальной подготовка научных кадров в рамках образовательного процесса вуза, особенно в естественно-научном направлении подготовки.

Рядом авторов указывается, что научно-исследовательская деятельность (НИД) студентов позволяет им эффективно достичь профессиональной компетентности к моменту выпуска. Между тем, к реальным научно-исследовательским задачам обучающиеся обычно приступают на третьем курсе обучения [1], но немаловажно

© Самойлова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

вовлекать студентов младших курсов в основы НИД [2]. Мы считаем, что в процессе обучения необходим плавный и бесшовный переход на новый уровень осознания научной деятельности от ценностно-мотивационного к практическому.

Проблема заключается в неготовности студентов по окончанию 1 курса перейти на практический уровень НИД.

Петровский А.М. [3] предлагает введение в учебные планы подготовки таких дисциплин как «Методология научной работы», «Проектная деятельность». Воробьева И. А. с соавторами [4] высказывает идею о включении отдельных модулей, посвященных НИД в существующие дисциплины учебного плана. Мы предполагаем эффективность этого подхода и необходимость включения блоков о научных исследованиях на 1 и 2 семестрах обучения.

Таким образом, **целью** данной работы стала актуализация программы учебной дисциплины с отдельным модулем, посещённым основам научной деятельности.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

Провести анализ нормативной документации.

Провести анализ учебного плана студентов направления 06.03.01 Биология (бакалавриат).

Выделить дисциплины на 1 курсе, наиболее подходящие для включения модуля о научной деятельности, разработать содержание модуля.

В рамках работы использовались следующие теоретические методы: анализ нормативной документации, систематизация и установление связей, сравнение, синтез.

В рамках решения первой задачи проанализированы нормативная документация. ФГОС ВО «06.03.01 Биология (бакалавриат)» содержит установку на высокую подготовку выпускника в области научно-исследовательской деятельности. Так, одним из типов задач профессиональной деятельности

указывается научно-исследовательский тип. Практики, обеспечивающие НИД, включают учебную и производственную, а также научно-исследовательскую работу. Для результативной НИД наиболее значимым является формирование УК-1, ОПК-1, 2, 3, 6, 8.

В свою очередь, Образовательная программа ВО бакалавриата «по профилю подготовки 06.03.01.30 Биология» усиливает практико-ориентированность исследовательской подготовки в привязке к профстандартам (26.008 и 26.024). Наравне с указанными выше компетенциями устанавливается ПК-1 с базовыми для НИД характеристиками.

Анализ учебного плана по программе бакалавриата 06.03.01 «Биология» для набора 2026 г. показал полное соответствие с ФГОС ВО. Первичные практики запланированы после 2 и 4 семестров, углубленные – с 5 по 8 семестры. Предусмотрены практикумы и освоение методов лабораторного анализа, а также дисциплины по статистическому анализу и математической обработке результатов исследования живых объектов, запланированы на протяжении всего обучения в каждом семестре.

На первом курсе обучения предусмотрена дисциплина «Проектная деятельность», а также дисциплина «История биологии», которая направлена на изучение путей развития науки (а именно биологии) с древних времён до современного состояния.

Предлагается ввести модуль «Наука, научный метод» в дисциплину «История биологии» следующего содержания (таблица 1).

Таблица 1. Содержание и объем модуля «Наука, научный метод»

Тема	**Количество часов**	
	Лекции	**Семинары**
Научный метод	2	2
Как сделать научное открытие	2	0

Окончание таблицы 1.

Приоритетные направления НТР. Основные принципы анализа и представления информации	0	2
Нобелевские лауреаты и великие открытия современности	2	2

Добавление данного раздела позволит предметно и со ссылками на научную методологию подойти к каждому последующему модулю дисциплины и рассмотрению уровней развития науки в Древнем мире, Средневековье, Эпохе Возрождения и Нового времени. Это позволит более глубоко вникнуть в особенности развития науки на разных уровнях, а также получить знания основ научной деятельности, первичные навыки анализа и публичного представления результатов теоретических исследований, повысить уровень внутренней мотивации студентов к занятиям научно-исследовательской деятельностью.

Список источников

1. Николаева И. С. Формирование готовности студентов профессиональных образовательных организаций к научно-исследовательской деятельности / И. С. Николаева, И. В. Хоменко // Инновационное развитие профессионального образования. 2021. № 1 (29). С. 132–141.

2. Борисова Е. В. Педагогические условия и мотивы исследовательской деятельности студентов / Е. В. Борисова, В. Б. Петропавловская (Кедрова) // Primo Aspectu. 2024. № 3 (59). С. 39—43.

3. Петровский А. М. Формирование готовности будущих химиков-технологов к научно-исследовательской деятельности // Гуманитарный научный вестник. Zenodo. 2022. Т. 4. С. 67—40.

4. Воробьева И. А. Структура и содержание научно-исследовательской деятельности студентов / И. А. Воробьева,

М. Ю. Карлова, Т. П.Фомина // Международный научно-исследовательский журнал. Россия, Екатеринбург: Индивидуальный предприниматель Соколова Марина Владимировна, 2022. № 4-3 (118). С. 46–51.

УДК 82.09

Квалификационные дефициты педагогов при реализации программ "Инженерия+IT"

Сирица Артем Игоревич
Проектный офис новых образовательных практик Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, artas202@gmail.com

Ключевые слова: инженерное образование, IT-компетенции, квалификационные дефициты, педагоги дополнительного образования, профессиональная переподготовка.

Одной из приоритетных целей развития России на ближайшие годы является ее вхождение в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Этот курс предполагает не только технологическую независимость от зарубежных платформ и программных продуктов, но и формирование собственной научно-производственной базы, способной генерировать собственные технологии [4].

Цифровой и технологический суверенитет невозможен без опережающей подготовки инженерных кадров, владеющих одновременно методологией инженерии и современными информационными технологиями. Однако, как показывает анализ

© Сирица А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

реальной образовательной практики, система педагогического и дополнительного образования сегодня не готова в полной мере обеспечить реализацию программ «Инженерия + IT». Возникает устойчивый разрыв между декларируемыми целями и реальными компетенциями педагогов

Для понимания природы этих дефицитов, нам необходимо определить, что представляют собой программы «Инженерия + IT». В современной педагогической науке под ними понимаются междисциплинарные образовательные траектории, в которых инженерные дисциплины интегрируются с информационными технологиями [3].

Данная интеграция осуществляется на уровне содержания и результата, методов обучения и проектной деятельности. Конечная цель подобных программ заключается в формировании у учеников инженерных компетенций: моделирование и программирование. Реальное наполнение этих программ составляют так называемые цифровые сквозные технологии. Например, цифровые двойники, которые представляют собой виртуальные копии физических объектов.

На фоне всего этого сформировался дефицит при необходимости педагогических кадров с вышеуказанными компетенциями. На практике большинство педагогов сталкиваются с серьёзными квалификационными дефицитами, которые можно классифицировать следующим образом: метапредметные, методические и цифровые.

Метапредметные дефициты заключается в применении соответствующего научного аппарата, и связано это с тем, что инженер должен обладать компетенциями в нескольких науках: физика, математика, информатика, когда педагог дополнительного образования чаще всего акцентирует свое внимание на одном предмете [2].

Методические дефициты обусловлены отсутствием развитой инженерной методики. Так, на данный момент времени активно применяется STEM-технология, однако по-прежнему существует значительный дефицит финансирования, исследований и разработок по направлению «Инженерия+IT» [1].

Цифровые дефициты выражены в неумение работать с профильным ПО и переходом на «опенсорс» аналоги [5].

На основе всего вышесказанного мы произвели анализ квалификационных дефицитов педагогов дополнительного образования в соответствии с трудовым стандартом «инженер-программист».

Таблица 1. Квалификационные дефициты компетенций у педагогов в организациях дополнительного образования

Квалификационный дефицит педагога	**Требование профстандарта**	**Характер несоответствия**
Метапредметный	Межотраслевой синтез и трансфер технических знаний	Глубинный разрыв в мышлении: педагог остаётся в границах своего предмета
Цифровой	Использование сред разработки	Разрыв в инструментарии. Педагог не владеет современными инженерными и программными инструментами
Методический	Составление ТЗ и системное проектирование архитектуры ПО	Разрыв в мышлении: профстандарт требует видения системы целиком, а педагог даёт только изолированные задачи, не от идеи до эксплуатации

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что на данный момент в сфере образования существуют существенные квалификационные дефициты педагогов, при реализации программ «Инженерия + IT». В дальнейшем педагогическому сообществу предстоит найти варианты решений для данных дефицитов компетенций у педагогов.

Список источников

1. Кутафьева А. С. Повышение качества физико-математического и IT-образования // Молодой учёный. 2024. № 4 (503). С. 180–184. URL: https://moluch.ru/archive/503/110806 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Общепрофессиональные компетенции современного российского инженера / А. И. Рудской, А. И. Боровков, П. И. Романов, О. В. Колосова // Высшее образование в России. 2018. № 2. С. 5—18.

3. Тараканов А. В. Информационные технологии в подготовке инженера и его профессиональной деятельности // Вестник ВУиТ.2015. № 4 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-podgotovke-inzhenera-i-ego-professionalnoy-deyatelnosti (дата обращения: 15.04.2026).

4. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Портал системы информационно-правового обеспечения «Гарант». URL: https://base.garant.ru/402929258// (дата обращения: 15.04.2026).

5. Проблемы и перспективы использования отечественного программного обеспечения в образовательном процессе школы и вуза / Ф. А. Юн, Т. А. Гусева, Е. Г. Жигирева, В. В. Сухов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 12 (130). С. 449–458.

УДК 37.015.3

Интеграция подходов CDIO и устойчивого развития в профориентации школьников

Ушаков Владимир Владимирович
ПОНОП Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ushakov_vv@list.ru

Ключевые слова: дополнительное образование детей, профессиональная ориентация, CDIO, устойчивое развитие, инженерное образование, компетенции для устойчивого развития.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет необходимость профориентации в системе дополнительного образования [1]. С сентября 2023 года действует «Порядок осуществления мероприятий по профессиональной ориентации обучающихся», который ввел единую модель профессиональной ориентации [2]. Однако данный приказ ориентирован преимущественно на общеобразовательные организации и не адаптирован под специфику центров дополнительного образования детей (ЦДОД).

Деятельность ЦДОД регламентируется «Порядком организации образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам» [3] и «Концепцией развития дополнительного образования детей до 2030 года» [4]. При наличии развитой нормативной базы конкретные механизмы реализации инженерно-технической профориентации в этих документах отсутствуют, что создает нормативно-методический разрыв, который заполняет данный проект.

© Ушаков В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В мировом контексте развитие инженерного образования опирается на международные стандарты CDIO (Conceive - Design - Implement - Operate), требующие подготовки специалистов к комплексной инженерной деятельности на всех этапах жизненного цикла продукта [5]. Концепция устойчивого развития дополняет техническую подготовку ценностно-смысловым компонентом, формируя «трехмерное мышление» (экологическая, экономическая, социальная ответственность) [6]. Интеграция этих подходов в профориентации школьников позволяет сформировать целостную модель подготовки будущих инженеров, отвечающих вызовам современного мира.

Результаты исследования и их обсуждение. Концепция CDIO представляет собой международный образовательный фреймворк, разработанный Массачусетским технологическим институтом (MIT) и ведущими инженерными университетами мира [5]. CDIO Syllabus (v2.0/3.0) включает четыре раздела: дисциплинарные знания и инженерное мышление; личные и профессиональные навыки; межличностные навыки - командная работа и коммуникация; создание продуктов и систем CDIO.

Цели устойчивого развития ООН (SDGs), принятые в 2015 году, включают 17 целей. SDG 4 направлена на «обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования» [6]. Задача 4.4 прямо указывает на необходимость увеличения числа молодых людей с профессионально-техническими навыками для трудоустройства и достойной работы [6]. UNESCO выделяет восемь ключевых компетенций образования в интересах устойчивого развития (ESD): системное мышление, прогностическая, нормативная, стратегическая и коллаборативная компетенции, критическое мышление, самосознание и комплексное решение проблем [7].

В таблице 1 представлено сопоставление компонентов двух подходов, демонстрирующее их взаимодополняемость в контексте профориентации школьников.

Таблица 1. Интеграция подходов CDIO и устойчивого развития в профессиональной ориентации школьников

Компонент	**CDIO**	**SDG / ESD**
Системное мышление	Инженерное и системное мышление (раздел 1.0, 2.0 CDIO Syllabus)	Системное мышление (UNESCO ESD competency № 1)
Проектная деятельность	CDIO-цикл (Conceive-Design-Implement-Operate)	Стратегическая компетенция, комплексное решение проблем
Гибкие навыки	Командная работа, коммуникация, лидерство (раздел 3.0)	Коллаборация, самосознание, критическое мышление
Устойчивость	Оценка устойчивости систем (Operating)	Все 8 компетенций ESD, SDG 4.7
Нормативная база	12 стандартов CDIO, модульный принцип	SDG 4 (задачи 4.3, 4.4, 4.7)
Профессиональная ориентация	Ранняя профессиональная проба через инженерные проекты	Формирование навыков для достойной работы (SDG 4.4)

На основе интеграции стандартов CDIO и целей устойчивого развития (УР) спроектированы восемь диагностических компетенций (ИК-1...ИК-8), каждая из которых привязана к конкретным стандартам CDIO и целям устойчивого развития (ЦУР). Квест «Инженерный ДНК» (ИК-1, CDIO 2.1.1) оценивает склонности к типам профессий; челлендж «Создай за 48 часов» (ИК-2, CDIO 4.4.3) - системное мышление и способность к прототипированию; ролевая игра «Конструкторское бюро» (ИК-3, CDIO 3.1.1) - коммуникативные навыки и лидерство; квест «Цифровой арсенал» (ИК-4, CDIO 4.5.2 -4.5.4) - владение CAD и программированием; дебаты «Инженерный вердикт» (ИК-5, ЦУР 7, 9, 12) - критическое

мышление и понимание этики инженерии; «Битва изобретателей» (ИК-6, CDIO 4.7.2) - инновационный потенциал; конкурс «Объясняй как инженер» (ИК-7, CDIO 3.2.3) - навыки визуализации и устной коммуникации; детектив-лаборатория «От гипотезы к открытию» (ИК-8, CDIO 2.2.3) - исследовательский интерес.

Заключение. Интеграция подходов CDIO и устойчивого развития в профориентации школьников 7-9 классов позволяет разработать методическое обеспечение этого процесса, способствует достижению целей SDG 4.4, соответствует требованиям Единой модели профессиональной ориентации и имеет высокую практическую значимость для региона.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. М. : Проспект, 2023. 128 с.

2. Об утверждении Порядка осуществления мероприятий по профессиональной ориентации обучающихся : Приказ Минпросвещения России от 31.08.2023 № 650.

3. Об утверждении Порядка организации образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам : Приказ Минпросвещения России от 27.07.2022 № 629.

4. Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 678-р.

5. Rethinking Engineering Education: The CDIO Approach / E. F. Crawley, J. Malmqvist, S. Ostlund [et al.]. Cham : Springer, 2014. 460 p. ISBN 978-3-319-00139-5.

6. United Nations. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. New York : United Nations, 2015. 41 p.

7. UNESCO . Education for Sustainable Development Goals: Learning Objectives. Paris : UNESCO, 2017. 52 p. ISBN 978-92-3-100209-0.

УДК 37

Повышение мотивации студентов к проектной деятельности: систематизация барьеров и доказательные стратегии

Черноградский Алан Иванович
Арктический государственный агротехнологический университет, Республика Саха (Якутия), г. Якутск

Проектное обучение (Project-Based Learning, PBL) представляет собой педагогическую технологию, интегрирующую теоретические знания с практической деятельностью и формирующую у обучающихся комплекс метапредметных компетенций, необходимых для успешной профессиональной и социальной адаптации в условиях глобализирующегося мира [1]. Однако несмотря на потенциальные преимущества, значительная часть студентов демонстрирует низкую мотивацию к участию в проектной деятельности. Мета-анализ 2024 года, охватывающий десятки исследований, подтверждает, что эффект PBL на мотивацию неоднозначен и зависит от множества контекстуальных факторов [2].

В исследованиях отмечается, что проектная деятельность студентов вуза является основой формирования исследовательской культуры, однако для реализации этого потенциала необходимо преодолеть существующие барьеры мотивации [3]. Анализ зарубежного и отечественного опыта, зафиксированного в научных публикациях за последние 15 лет, позволил выделить

© Черноградский А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

существующие барьеры мотивации студентов к проектной деятельности и пути их преодоления:

1. Отсутствие воспринимаемой ценности и релевантности. Исследователи объясняют отношение студента к проектной деятельности через три компонента: ожидания успеха (верит ли он в свои силы), ценность задачи (насколько проект важен, интересен и полезен для его целей) и цену участия (время, усилия, стресс). Когда студенты не видят практической применимости проекта к своей будущей карьере, их мотивация резко снижается — поэтому если студент избегает проектной деятельности или работает формально, причина часто кроется в недооценке практической пользы, низкой уверенности или восприятии затрат как неоправданных [4]. У студента возникает вопрос «Зачем мне это?», встает проблема смысла, он верит в себя, но не видит пользы для себя.

2. Недостаточная самоэффективность. Согласно теории Бандуры, студенты с низкой самоэффективностью склонны избегать сложных задач [5]. В проектной деятельности это проявляется в виде страха сложности, сомнения в навыках, опыта неудач, сравнения с другими, боязнь ответственности. Возникает проблема возможности. У студента возникает вопрос «Получится ли у меня?», он видит пользу, но не верит в себя.

3. Проблемы адаптации к новому стилю обучения. Студенты, привыкшие к традиционной пассивной модели обучения («преподаватель рассказывает — студент слушает и запоминает»), испытывают трудности при переходе к проектному обучению, требующему активной самостоятельной работы [6]. Этот барьер особенно актуален для первокурсников и студентов технических специальностей, где традиционная система обучения была особенно консервативной.

4. Системные барьеры, заключающиеся в недостатке времени, недостаточности поддерживающей среды, несоответствие структуры оценивания особенностям проектной работы [6].

5. Групповая динамика и координация. представляют собой значимый барьер мотивации студентов к проектной деятельности,

поскольку большинство проектов в вузе реализуется в командном формате, что накладывает дополнительный слой социальной сложности на уже непростую задачу освоения новых знаний и навыков. Студенты сталкиваются с множеством проблем: неясностью в распределении ролей и ответственности, явлением «свободных райдеров», которые не вкладываются в работу, но получают ту же оценку, трудностями в согласовании времени и графиков, конфликтами личностей и рабочих стилей, а также инертностью в принятии групповых решений. Особенно остро эти проблемы проявляются у первокурсников, привыкших к индивидуальной школьной модели обучения и не обладающих опытом конструктивного разрешения конфликтов и управления командной работой [7].

Стратегии повышения мотивации к проектной деятельности: 1. Обеспечение автономии и возможности выбора повышает вовлеченность студентов, позволяя им самостоятельно определять формулировку проблемы [8]; 2. Интердисциплинарные проекты, объединяющие студентов различных факультетов и организующие сетевое взаимодействие, усиливают их мотивацию и повышают осознанную значимость выполняемой работы [9]; 3. Опыт Арктического ГАТУ показывает эффективность глубокой интеграции проектной деятельности с реальным производством АПК, где ключевым фактором мотивации становится не просто наличие заказчика, а возможность видеть результат внедрения разработки в конкретное сельскохозяйственное производство [10]; 4. Непрерывная обратная связь как один из пяти принципов системы мотивации в проектных командах, которая должна быть двусторонней, где участники не только получают конструктивный отклик на свой проект, но и сами имеют право выражать мнение [11].

6. Внедрение непрерывной проектной деятельности в инженерные образовательные программы бакалавриата. Ученые практики обращают внимание на переход от традиционной культуры усвоения знаний к культуре поиска через построение гибкой, персонализированной образовательной модели,

основанной на цифровых технологиях и проектно-ориентированном подходе. Центральным элементом этой трансформации является внедрение модуля «Проекты» во все семестры обучения с первого по последний курс, что обеспечивает поэтапное формирование проектно-внедренческой компетенции как ведущей для современного инженера [12].

Список источников

1. Казун А. П. Практики применения проектного метода обучения: опыт разных стран / А. П. Казун, Л. С. Пастухова // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 32–59. DOI 10.17853/1994-5639-2018-2-32-59.

2. The effects of problem-based, project-based, and case-based learning on students' motivation: A meta-analysis / L. Wijnia, G. Noordzij, L. R. Arends [et al.] // Educational Psychology Review. 2024. Vol. 36. Art. 98.

3. Исаева М. А. Проектная деятельность студентов вуза как основа формирования исследовательской культуры // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-3. С. 69–73.

4. Eccles J. S. Motivational beliefs, values, and goals / J. S. Eccles, A. Wigfield // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53, № 1. P. 109–132.

5. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84, № 2. P. 191-215.

6. Børte K. Barriers to student active learning in higher education / K. Børte, K. Nesje, S. Lillejord // Teaching in Higher Education. 2023. Vol. 28, № 3. P. 597–615.

7. Парникова Т. А.Изучение уровня социальной активности студентов регионального аграрного вуза и их отношения к проектной деятельности / Т. А. Парникова, А. Н. Сергеева // Устойчивое развитие сельского хозяйства и агросистем будущего в Арктике : Сборник научных статей по материалам Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Якутск, 30 ноября 2023 года. Якутск: Издательство "Знание-М", 2023. С. 902–906.

8. Belagra M. Project-based learning and information and communication technology's integration: Impacts on motivation / M. Belagra, B. Draoui // International Journal of Electrical Engineering Education. 2018. Vol. 55, № 4. P. 319–337.

9. Кубисенова Г. Ж. Потенциал сетевых профессиональных сообществ в проектном обучении студентов / Г. Ж. Кубисенова, А. В. Скалабан // Вестник университета. 2022. № 4. С. 45–52.

10. Иванов М. С. Проектно-внедренческая деятельность на кафедре «Технологические системы в АПК»: анализ эффективности и перспективы развития / М. С. Иванов, Ю. Ж. Дондоков, И. Н. Аммосов // Современный образовательный процесс: проблемы и пути их решения: материалы учебно-методической конференции. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2025. С. 59–61.

11. Ермаков Е. В. Разработка системы мотивации для участников проектных команд // Экономика строительства. 2024. №8.

12. Гафурова Н. В. Проектная деятельность студентов в новом инженерном образовании / Н. В. Гафурова, Ю. Г. Кублицкая // Новые технологии в высшем инженерном образовании: материалы Всероссийской научно-методической конференции, посвящённой 100-летию Г. П. Лыщинского. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023. С. 48–54.

УДК 378.14

Компетентность самоменеджмента как ключевая универсальная компетентность современного специалиста

Черных Наталья Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chernykh_ns@mail.ru

Ключевые слова: компетентность, компетентность самоменеджмента, универсальные и ключевые компетентности.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Светлане Ивановне Осиповой, профессору, доктору пед. наук.

В современном динамично меняющемся мире, характеризующемся высоким уровнем неопределенности, цифровизацией всех сфер деятельности и трансформацией профессиональных требований, на первый план выходят не только узкопрофильные знания, но и способность личности к самоорганизации, гибкости, адаптации, умению управлять собой. В этих условиях компетентность самоменеджмента приобретает статус ключевой универсальной компетентности, определяющей успешность и конкурентоспособность современного специалиста.

Актуальность темы обусловлена тем, что что Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования в качестве приоритетных выделяют универсальные компетенции, обеспечивающие непрерывное саморазвитие личности и способность к самоуправлению (УК-6, УК-2, УК-3).

© Черных Н. С.,2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

К числу универсальных, ключевых относится компетентность самоменеджмента, лежащая в основе успешного профессионального становления и непрерывного самообразования.

Компетентность самоменеджмента обучающегося в образовательном процессе вуза – универсальная, ключевая компетентность, представляющая собой интегративное, динамическое качество личности, ориентированное на саморазвитие, определяющее способность и готовность личности к самоорганизации, управлению собственными ресурсами для достижения успехов в образовательной, профессиональной и личной жизни на основе сформированного начального уровня функциональной грамотности [10].

Несмотря на активное употребление понятий ключевая и универсальная компетенция, в современной психолого-педагогической литературе не представлено строгого соотношения исследуемых дефиниций. Согласно логике исследования, представим определения дефиниций «универсальная компетенция» и «ключевая компетенция», отобразив в таблице 1.

Таблица 1. Определение понятий «универсальная компетенция» и «ключевая компетенция»

Автор	**Ключевая компетенция**	**Универсальная компетенция**
А.В. Хуторской	«это основополагающие, надпрофессиональные, надпредметные умения, формирующие основу для успешной деятельности человека в различных сферах (профессиональной, так и в личной жизни), относятся к общему (метапредметному) содержанию образования, обеспечивая комплексное достижение целей» [7]	«относятся к основным видам учебной деятельности (когнитивной, креативной, регулятивной, коммуникативной, ценностно-смысловой)» [7];

Окончание таблицы 1.

Автор	**Ключевая компетенция**	**Универсальная компетенция**
И. Д. Фрумин	«универсальные компетентности представляют собой способности, необходимые каждому человеку для развития, самореализации, успеха на рынке труда и социальной включённости; они развиваются на протяжении всей жизни и одинаково ценны для полноценной жизни в обществе» [6].	
Ю.В. Тарханова	«не относятся к определенной дисциплине или профессиональному сектору, но являются общими; могут быть поняты также как мета-навыки, позволяющие личности, развить в себе новые квалификации и, следовательно, на всю жизнь способность к действию в различных областях [4].	«понимается способность человека устанавливать связи между знанием и реальной ситуацией… универсальные компетенции можно определить как неспецифичные для определенной профессии или отрасли, но необходимые для работы, образования и жизни в целом [4]

Проведенный контент-анализ позволяет сделать следующие выводы о соотношении понятий. Во-первых, оба понятия относят к категории надпредметных и метапредметных, что, в свою очередь, говорит об их интегративности, они не сводятся к знаниям или умениям по конкретной дисциплине. Во-вторых, при обозначении - «ключевая» компетентность, целесообразно говорить об акценте на функциональность – *быть «ключом»,* основой, инструментом, механизмом для получения других компетенций, представляя доступ к дальнейшему развитию.

В своей работе В.А. Дегтерев определяет самоменеджмента как ключевую компетенцию выпускника вуза, представляющую собой «способность управлять своим развитием и саморазвитием», отмечая ключевые компетенции как «базис для специальных и предметно-ориентированных компетенций» [2]. Автор также подчеркивает, что «без сформированной способности к самоорганизации и саморегуляции процесс освоения любых других – как профессиональных, так и социальных компетенций - становится несистемным, малоэффективным и зависимым от внешнего контроля» [1]. Иными словами, самоменеджмент можно

рассматривать как «базовую инфраструктуру» для обучения. Студент с развитым уровнем компетентности самоменеджмента способен самостоятельно выстроить свой образовательный маршрут, эффективно освоить учебный материал, что напрямую влияет на качество формирования всех остальных компетенций, заложенных в образовательной программе. Так самоменеджмент определяет способность к формированию и развитию других компетенций. Умение ставить цели, планировать, организовывать работу и себя, управлять ресурсами необходимо в любой профессиональной деятельности – от инженера и врача до менеджера и ученого. Представленные базовые умения не привязаны к конкретной дисциплинарной области, применимы не только в учебной, но и в будущей профессиональной, а также личной жизни.

Таким образом, можно сказать, что развитие компетентности самоменеджмента способствует переходу студента из объекта образовательного процесса в его субъекта и соавтора, способного к автономному, осознанному проектированию своей жизни и карьеры, выступая необходимым условием и катализатором для формирования и реализации всех иных компетенций, выступая в качестве «ключа» к овладению другими компетенциями, выступая, тем самым, универсальной ключевой компетентностью.

Список источников

1. Дегтерёв В. А. Самоменеджмент как ключевая компетенция развития личности студента // Педагогическое образование в России. 2015. № 3. С. 64–70.

2. Зимняя И. А. Ключевые компетенции - новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–44 // Психология обучения. 2003. № 12. С. 9.

3. Тарханова И. Ю. Образовательные технологии формирования универсальных компетенций студентов вуза /

И. Ю. Тарханова, И. Г. Харисова// Ярославский педагогический вестник. 2018. №5.

4. Фрумин И. Д. Из доклада: универсальные компетентности и новая грамотность / И. Д Фрумин, М. С. Добрякова // Образовательная политика. 2019. №3 (79). 28с.

5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции. Технологии конструирования // Народное образование. 2003. № 5. С. 55 – 61.

6. Черных Н. С.Сущность и структура компетентности самоменеджмента обучающегося вуза / Н. С. Черных, С. И. Осипова // Вестник КемГУ. 2024. С.100–108.

УДК 378.147

Интегративные связи профориентационной работы в школе: современные подходы и механизмы реализации

Чупина Юлия Сергеевна
Проектный офис новых образовательных практик Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, zfdfdkkbbbb@mail.ru

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профориентационная работа, профессиональное самоопределение, интегративный подход, образовательный процесс, школьная профориентация.

В современном образовательном пространстве профориентация перестала быть эпизодическим мероприятием, она превратилась в системный процесс, пронизывающий все сферы школьной жизни. В условиях динамично меняющегося рынка труда

© Чупина Ю. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

и появления новых профессий возрастает значимость системной профориентационной работы в школе. Традиционные разовые мероприятия уступают место комплексному подходу, при котором профориентация встраивается во все сферы школьной жизни. Современный школьник нуждается в подготовке к осознанному профессиональному выбору; потребностью в интеграции профориентации в образовательный процесс; важностью создания единой профориентационной среды в школе [1].

Профориентация встраивается в образовательный процесс через взаимодействие с разными компонентами школьной жизни: с учебным процессом; с внеурочной деятельностью; с воспитательной работой; психолого-педагогической поддержкой; с системой дополнительного образования; с социальным партнёрством; с управленческими процессами школы.

Эффективная профориентация реализуется через комплекс механизмов:

предпрофильная подготовка (5–9 классы):

диагностика интересов и способностей;

профессиональные пробы;

предпрофильные курсы.

профильное обучение (10–11 классы):

углублённое изучение предметов по выбранному направлению;

стажировки и практики; проектная деятельность.

Для мониторинга результатов используются: анкетирование (уровень информированности и удовлетворённости); диагностика до и после (динамика интересов и компетенций); метод портфолио (фиксация достижений и активности); катамнестическое исследование (отслеживание путей выпускников).

Интеграция профориентации в школьную жизнь реализуется через несколько ключевых форм:

Сквозные программы (профориентационные модули, пронизывающие все годы обучения (от 1-го до 11-го класса);

Модульное построение (отдельные блоки профориентации в рамках разных предметов и мероприятий);

Проектный подход (создание междисциплинарных профориентационных проектов);

Сетевые формы — сотрудничество школы с внешними организациями;

Персонализация (построение индивидуальных образовательных и профессиональных траекторий) [2].

Результаты внедрения интегративного подхода приводят к:

- Повышению осознанности выбора. Ученики лучше понимают свои интересы и способности, могут соотнести их с требованиями профессий

- Росту мотивации к обучению. Связь учебных предметов с реальными профессиями делает образование более значимым.

- Развитию гибких навыков. Участие в профориентационных мероприятиях способствует формированию soft skills.

- Снижению тревожности. Постепенная подготовка к профессиональному выбору уменьшает стресс при переходе к взрослой жизни.

- Улучшению образовательных результатов. Углублённое изучение профильных предметов повышает академическую успеваемость.

- Адаптации к рынку труда. Знакомство с актуальными профессиями и трендами помогает школьникам ориентироваться в будущем.

- Укреплению связей школы с социумом. Партнёрство с вузами, предприятиями и родителями создаёт единую образовательную экосистему [3].

Интегративный подход к профориентационной работе позволяет создать в школе единую профориентационную среду, в

которой каждый компонент образовательного процесса способствует профессиональному самоопределению обучающихся.

Системная интеграция профориентации обеспечивает непрерывность профориентационной работы с 1го по 11 класс; учитывает индивидуальные особенности и интересы школьников; связывает обучение с реальными потребностями рынка труда; развивает не только профессиональные, но и гибкие навыки; создаёт условия для осознанного выбора профессии.

Таким образом, интегративный подход превращает профориентацию из эпизодических мероприятий в системный процесс, который сопровождает школьника на протяжении всего обучения и способствует формированию готовности к осознанному профессиональному выбору.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 6721.

2. Зникина Л. С. Современные тенденции развития профориентационной работы с обучающимися / Л. С. Зникина, Е. В. Понамарева // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 3 (55). С. 74—81.

3. Чистякова С. Н. От учебы к профессиональной карьере : учебное пособие / С. Н. Чистякова, Н. Ф. Родичев. М. : Академия, 2012. 176 с.

Прикладная лингвистика

УДК 81.33

Интеграция больших языковых моделей в процесс изучения английского языка в вузе: эффективность, вызовы и перспективы

Абдуллаев Нурдоолот
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, почта: abdullaevnurdoolot3@gmail.com

Ключевые слова: большие языковые модели, LLM, изучение английского языка в вузе, персонализация обучения, адаптивность, микрообучение, контекстное обучение, мультилингвальность, самостоятельная работа студентов, преподаватель как модератор, искусственный интеллект в образовании.

Благодарности: автор выражает благодарности научному руководителю Михалеву Антону Сергеевичу, старшему преподавателю и Соболевой Елене Владимировне, старшему преподавателю.

Цифровая трансформация высшего образования усилилась с развитием генеративного ИИ. Большие языковые модели (LLM) — ChatGPT, GPT-4, DeepSeek — уже активно используются студентами: по данным исследований, от 33% до 96% обучающихся применяют ИИ при выполнении заданий [6]. В преподавании английского языка LLM открывают новые возможности: от генерации материалов до персонализированной обратной связи.

Однако целостные модели интеграции LLM в вузовский курс английского языка пока отсутствуют. Цель статьи — показать, что

© Абдуллаев Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

LLM могут стать инструментом реализации ключевых тенденций языкового образования при сохранении за преподавателем функций контроля, модерации и педагогического сопровождения.

Современная лингводидактика развивается под влиянием шести взаимосвязанных тенденций: микрообучение, персонализация, адаптивность, контекстное обучение, мультилингвальность, рост доли самостоятельной работы студентов. LLM позволяют реализовывать эти направления в рамках единой цифровой среды.

Микрообучение — это быстрая генерация коротких заданий с одним-двумя учебными фокусами, что снижает повторяемость ошибок и поддерживает мотивацию [4]. Персонализация — это подбор содержания под уровень, интересы и цели студента. Исследования подтверждают повышение вовлеченности и результатов обучения [1]. Адаптивность — это динамическое изменение сложности заданий. CEFR-ориентированная система повысила понимание текста у начинающих на 32% и снизила языковую тревожность на 40% [2]. Контекстное обучение — это моделирование ролевых диалогов, генерация аутентичных текстов, обратная связь с учётом коммуникативной ситуации [4]. Мультилингвальность — это объяснение материала на родном языке студента [5]. Самостоятельная работа усиливается благодаря использованию LLM как инструмента автономного обучения с оперативной обратной связью. Курс по промпт-инжинирингу показал высокую результативность такого подхода [3].

Таким образом, LLM выступают интегральным инструментом, последовательно реализующим основные тенденции современного обучения английскому языку в вузе.

Однако интеграция LLM связана с серьёзными рисками. К технологическим относятся «галлюцинации» (генерация недостоверной информации) и ошибки в узкоспециализированных областях [7]. К педагогическим — возможное снижение

критического мышления (33,33% исследований фиксируют негативное влияние) [6]; проблемы академической честности и плагиата [7]. Социальные — это цифровое неравенство, когда платные версии LLM дают преимущества отдельным студентам [5], а также воспроизводство культурных предубеждений в ответах моделей [5].

Наиболее эффективно использование LLM не как замены преподавателя, а в сочетании с ним [1; 4; 7]. Преподаватель сохраняет ключевые функции, а именно контроль качества контента (фактические ошибки, культурная корректность) [7], модерацию использования LLM (определение допустимых сценариев: проверка грамматики допустима, генерация готового эссе — нет) [1], обучение студентов промпт-инжинирингу — навыку точной постановки запроса [3]. Особое значение имеет гибридный подход — интеграция ИИ в структуру курса и учебные сценарии без утраты ведущей роли преподавателя [1; 4].

Проведенный обзор позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, LLM обладают значительным потенциалом для комплексной реализации ключевых тенденций современного обучения английскому языку. Во-вторых, эмпирические данные [1-6] подтверждают их положительное влияние на эффективность обучения, вовлеченность и автономию студентов. В-третьих, использование LLM сопровождается технологическими, педагогическими и социальными вызовами [5-7].

Интеграция LLM в обучение английскому языку в вузе расширяет возможности традиционной системы, повышает её гибкость и результативность, но только при условии сохранения за преподавателем функций контроля, модерации и педагогического проектирования. В этой модели LLM выступают не заменой, а технологическим ассистентом преподавателя [1; 2; 7].

Список источников

1. ChatGPT in ESL Higher Education: Enhancing Writing, Engagement, and Learning Outcomes / P. D. Deep, N. Martirosyan, N. Ghosh, M. S. Rahaman// Information. 2025. Vol. 16, № 4. DOI 10.3390/info16040316.

2. Lin J. Personalized Learning in College English Education: Leveraging Large Language Models for Adaptive Instruction / J. Lin, J. Li // IECA. 2025. Vol. 12, № 1. P. 78-94.

3. Mzwri K. The Impact of Prompt Engineering and a Generative AI-Driven Tool on Autonomous Learning: A Case Study / K. Mzwri, M. Turcsányi-Szabo // Education Sciences. 2025. Vol. 15, № 2. DOI 10.3390/educsci15020199.

4. LangLingual: LLM-Powered Language Learning. 2025. 15 p.

5. Albedah F. Artificial Intelligence in Language Education: A Systematic Review of Multilingual Applications, Large Language Models, and Emerging Challenges // Language Teaching Research Quarterly. 2025. Vol. 49. P. 247–268. DOI 10.32038/ltrq.2025.49.13.

6. Liu J. How do generative AI tools and large language models influence language learners' critical thinking in EFL education? A systematic review / J. Liu, A. J. B. Sihes, Y. Lu // Smart Learning Environments. 2025. Vol. 12. Art. 48. DOI 10.1186/s40561-025-00406-0.

7. Andreou G. The Benefits and Limitations of the Use of Generative Artificial Intelligence Tools in the Acquisition of Productive Skills in EFL—A Systematic Analysis // Applied Sciences. 2025. Vol. 15, № 21. Art. 11476. DOI 10.3390/app152111476.

УДК 81.33,81’373.45

Влияние на язык закона об англицизмах и варианты адаптации бизнеса в России

Алиев Эльчин Алойсатович, Антонов Иван Евгеньевич, Козелков Дмитрий Игоревич
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 2104d06@mail.ru

Ключевые слова: англицизмы, языковая политика, русский язык, закон №168-ФЗ, лингвистический пуризм, заимствования.

С 1 марта 2026 года в России вступил в силу Федеральный закон №168-ФЗ, регулирующий использование иностранных слов в публичной коммуникации. В статье рассматриваются причины принятия закона, его ключевые положения, влияние на бизнес и язык, а также сопоставление с международной практикой языковой политики [1].

В последние годы русский язык активно пополняется заимствованиями, прежде всего англицизмами. Такие слова, как *sale*, *marketing*, *branding*, прочно вошли в повседневную речь и особенно — в сферу бизнеса и рекламы. Нестабильная общемировая ситуация текущего десятилетия вызывает обособление Российской Федерации от глобализации в пользу сохранения независимости не только политической, но и культурной.

С 2026 года государство предпринимает попытку регулирования языковой политики, вводя ограничения на использование иностранных слов в публичном пространстве.

© Алиев Э. А., Антонов И. Е., Козелков Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Федеральный закон №168-ФЗ направлен на усиление роли русского языка как государственного и регулирует его использование в нескольких ключевых сферах. Согласно документу:

— реклама должна избегать иностранных слов, приоритет отдается использованию, при наличии, русских аналогов;

— названия объектов (например, жилых комплексов) должны быть представлены исключительно на кириллице;

— вывески, указатели и таблички обязаны содержать русский текст. Кроме того, русское название должно стоять на первом месте, а регистр, размер и стиль названия на английском языке должно совпадать с русским вариантом [2].

При этом закон не вводит полного запрета, а лишь ограничивает неоправданное использование заимствований. Допускаются:

— технические термины: Wi-Fi, Bluetooth, USB;

— международные стандарты: ISO, GPS, LED;

— специализированная бизнес-лексика: брендинг, маркетинг;

— названия технологий и платформ: Linux, Android, Windows;

— устоявшиеся профессиональные термины, вошедшие в словари: фитнес, шоппинг, тренинг, барбершоп и т.д.

Далее рассмотрим некоторые варианты адаптации бизнеса к закону о русском языке [3].

Транскрибирование и транслитерация являются первым и наиболее простым способом перевода иностранных названий компаний на кириллицу:

- Beauty Bar преобразуется в «Бьюти Бар»
- Fitness Club в «Фитнес Клуб»

Данный подход позволяет минимизировать затраты на ребрендинг и быстро привести коммуникацию в соответствие с требованиями закона.

Однако транслитерация не всегда решает проблему полностью, так как слово остаётся иностранным по происхождению и может восприниматься как формальное соблюдение требований.

Дублирование. Второй вариант предполагает сохранение оригинального названия на иностранном языке с добавлением русскоязычного пояснения (*Умная лаборатория → Smart Lab; Эко-магазин → Green Store*).

Преимуществами данного подхода является соблюдение закона за счёт наличия русского текста; сохранение международного имиджа компании; понятность для широкой аудитории. Этот способ считается наиболее гибким, так как сочетает юридическую корректность и маркетинговую эффективность.

Калькирование. Третий, наиболее радикальный вариант — это полная замена иностранного названия русским аналогом (*Best Price → «Лучшая цена»; Fresh Market → «Свежий рынок»)*

Преимущества:

— полное соответствие духу закона;

— повышение понятности для потребителей;

Недостатки:

— возможная потеря узнаваемости;

— необходимость вложений в продвижение нового названия.

Идея замены иностранных слов не нова. Ещё В. И. Даль предлагал использовать русские аналоги вместо заимствований:

— «инициатива» → «почин»;

— «гармонировать» → «согласоваться»;

— «портрет» → «подобень».

Современные аналоги заимствований:

— *менеджер* → «управленец»;

— *дискуссия* → «обсуждение» [5].

Однако проблема заключается в том, что не все такие замены воспринимаются естественно. Как отмечалось ещё в XIX веке,

чрезмерное «очищение» языка может привести к непониманию и отторжению обществом.

Список источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202506240035?index=1.

2. Некрасова Е. Вывески и таблички: как будет действовать запрет на применение иностранных слов с 1 марта // Система ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/article/1999570/.

3. Закон о русском языке для бизнеса: вывески, реклама и названия ЖК с 1 марта 2026 года. // Группа Финансы. URL: https://sapelkin.ru/blog/zakon-o-russkom-yazyke-dlya-biznesa-vyveski-reklama-i-nazvaniya-zhk-s-1-marta-2026/.

4. Лингвистический пуризм: как в разных странах защищают государственный язык от внешнего влияния // Грамота.ru. URL: https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/lingvisticheskiy-purizm-kak-v-raznykh-stranakh-zashchishchayut-gosudarstvennyy-yazyk-ot-vneshnego-vliyaniya.

5. Одно из русских слов, которое лучше всех заменяет иностранные // Словород. URL: https://www.slovorod.ru/strange-words/native-from-alien.html.

УДК 81'33

Разработка интерактивного приложения для изучения иноязычной лексики методом карточек с поддержкой импорта текстовых файлов и автоматического перевода

Батюта Александр Владимирович[1], Иванов Даниил Олегович[2]
[1, 2] Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]ABatyuta-KI24@stud.sfu-kras.ru
[2]DIvanov-KI24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: лексическая компетенция, автоматический перевод, импорт данных, карточный метод, языковое приложение, цифровая дидактика.

Современные методы изучения иностранного языка требуют активного вовлечения обучающегося, регулярного повторения лексического материала и персонализации образовательной траектории. Одним из наиболее эффективных инструментов признан метод карточек (flashcards), позволяющий выстраивать индивидуальные графики запоминания [1]. Однако существующие программные продукты, как правило, ограничивают пользователя заранее заданными тематическими наборами слов, что существенно снижает гибкость обучения и затрудняет интеграцию с актуальными учебными материалами (аутентичными текстами, лекционными списками, субтитрами).

Рынок приложений для освоения иностранных языков, как мобильных, так и десктопных, располагает заметным числом

© Батюта А. В., Иванов Д. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

продуктов, построенных на принципе флэш-карточек. Среди широко востребованных выделяются Anki, Quizlet, Memrise, Duolingo, Lingvist и Brainscape. Позиции признанных лидеров занимают Anki и Quizlet: первый реализует алгоритм интервального повторения SM-2 и допускает создание пользовательских колод, второй отличается более доступным интерфейсом и наличием готовых наборов. При этом у каждого из них фиксируется ряд ограничений: Anki предполагает ручной ввод данных либо импорт в специализированных форматах, что создаёт барьер для начинающих и преподавателей, тогда как Quizlet не поддерживает автоматический перевод и лишь частично позволяет подключать собственные текстовые материалы.

Мобильные приложения типа Duolingo и Memrise интегрируют карточки в игровую форму обучения, однако их лексический контент преимущественно предопределён разработчиками и слабо поддаётся персонализации под конкретные учебные тексты или специальную терминологию. Кроме того, большинство существующих решений либо требуют платной подписки для полноценного доступа к функциям перевода и импорта, либо зависят от наличия интернет-соединения и API-ключей.

Несмотря на то что приложения с карточками (flashcards) сегодня широко распространены, всё ещё ощущается нехватка удобных инструментов, которые одновременно позволяли бы просто импортировать текстовые файлы, автоматически получать качественный перевод без необходимости возиться с API-ключами и редактировать результат в наглядном интерфейсе перед сохранением.

Особенно важной становится возможность быстро загружать собственные тексты и сразу получать перевод новых слов. Это актуально прежде всего для изучения языков, где работа с оригинальными, неадаптированными материалами играет ключевую роль.

Цель данной работы — спроектировать и описать архитектуру приложения IvaCard. Оно должно поддерживать работу с тематическими наборами слов, уметь импортировать лексику из обычных TXT-файлов (построчно), автоматически переводить слова с использованием бесплатных внешних сервисов (с переключением между ними при сбоях), а также предоставлять удобный интерфейс для ручной корректировки перевода перед сохранением.

Ключевая особенность решения — в сочетании трёх функций. Во-первых, это пакетный импорт слов из любого текстового файла, где каждая строка интерпретируется как отдельная единица. Во-вторых, автоматический перевод выбранной языковой пары (например, с английского на русский) без необходимости вручную подключать API. И, в-третьих, возможность отредактировать перевод прямо перед импортом через удобный визуальный интерфейс. В результате решается практическая задача: преподаватель может просто передать студенту текстовый файл со списком слов, а студент за считанные минуты превращает его в готовый набор карточек для изучения. С методической точки зрения, приложение позволяет реализовать принцип аутентичности (работа с реальными текстами), поддерживать дифференциацию обучения (разные альбомы для разных тем или уровней языковой подготовки), использовать регулярное повторение как основу долговременного запоминания [2], а также сократить рутинную работу по созданию карточек на 70–80% по сравнению с ручным вводом.

Приложение прошло пилотное тестирование на выборке из 50 лексических единиц общеупотребительной тематики (транспорт, питание, жильё). Время создания карточек сократилось с 15 минут (при ручном вводе) до 2 минут (при импорте из TXT с автоматическим переводом). Точность автоматического перевода составила около 85% для общеупотребительной лексики; ошибочные варианты подлежат правке пользователем в

диалоговом окне предпросмотра. Интерфейс поддерживает визуальную индикацию статуса перевода, что повышает прозрачность процесса для обучающегося.

Таким образом, разработанное приложение IvaCard представляет собой готовое к использованию решение для автоматизированного создания карточек из текстовых файлов. В приложении полностью реализованы функции, которые позволяют эффективно изучать иностранные языки: алгоритм интервального повторения SM-2 (обеспечивает оптимальное распределение повторений с учётом индивидуальной кривой забывания), модуль статистики прогресса (отображает количество выученных карточек, процент верных ответов и динамику за сессии), а также экспорт/импорт альбомов в формате CSV, что позволяет интегрировать IvaCard с другими образовательными платформами (Anki, Quizlet) и обмениваться наборами лексики между пользователями. Приложение может применяться как в аудиторной работе (под руководством преподавателя), так и в самостоятельном изучении иностранного языка.

Список источников

1. Nakata T. Computer-assisted second language vocabulary learning in a paired-associate paradigm // Language Learning & Technology. 2011. Vol. 15, № 2. P. 45-63.

2. Kornell N. Optimising learning using flashcards: Spacing is more effective than cramming // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23, № 9. P. 1297-1317.

3. Богова Е. Н. Цифровые инструменты в обучении иностранным языкам: современные подходы и перспективы / Е. Н. Богова, Е. В. Смирнова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 45-58.

УДК 81.33

Разработка интеллектуального модуля объяснения ошибок при выполнении заданий по английскому языку в системе Moodle

Васьков Иван Анатольевич, Зражевский Константин Евгеньевич, Шапельский Марк Владиславович
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, mshapelskiy-KI24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: Moodle, английский язык, искусственный интеллект, анализ ошибок, автоматическая проверка, LMS.

Современное образование активно использует цифровые платформы для организации обучения и контроля знаний. Наиболее распространённая и актуальная система является Moodle [4].

При изучении английского языка такие платформы играют особенно важную роль, поскольку многие задания имеют чёткую структуру и могут быть автоматически проверены. К таким заданиям относятся упражнения на выбор грамматической формы, задания с вариантами ответа и заполнение пропусков. Однако существующие инструменты в большинстве случаев ограничиваются только фиксацией результата без пояснения причин ошибок [2].

Отсутствие содержательной обратной связи приводит к тому, что студент не всегда осознаёт, в чём именно заключается ошибка. В результате знания остаются фрагментарными, а одни и те же

© Васьков И. А., Зражевский К. Е., Шапельский М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

неточности повторяются при выполнении последующих заданий. Таким образом, контроль знаний не всегда выполняет обучающую функцию [1].

Дополнительные трудности возникают и у преподавателя. При проверке работ приходится регулярно возвращаться к объяснению одних и тех же грамматических правил. При увеличении числа обучающихся это приводит к значительным временным затратам и снижает эффективность учебного процесса.

В связи с этим возникает необходимость разработки инструмента, который позволит не только проверять ответы, но и автоматически объяснять допущенные ошибки. В данной работе предлагается интеллектуальный модуль, интегрируемый в систему Moodle и предназначенный для анализа ответов студентов [3].

Предлагаемый модуль ориентирован на задания с формализуемой структурой. После выполнения задания система получает исходные данные: текст вопроса, выбранный или введённый ответ и набор возможных вариантов. Далее выполняется определение грамматической конструкции и её сопоставление с набором правил, содержащихся в базе знаний.

В случае выявления ошибки формируется пояснение, включающее правильный вариант ответа, краткое описание соответствующего правила и комментарий, позволяющий понять причину неверного выбора. Такой подход обеспечивает переход от простой проверки к более глубокому усвоению материала.

Структура модуля включает несколько взаимосвязанных компонентов: анализ ответа, сопоставление с грамматическими правилами, генерацию текстового объяснения и накопление статистики ошибок. Последний элемент позволяет выявлять наиболее проблемные темы и использовать полученные данные для корректировки учебного процесса.

Функционально модуль включает обработку ответа, сопоставление с грамматическими правилами и формирование объяснения (таблица 1).

Таблица 1. Функциональные возможности интеллектуального модуля

Функция	**Описание**	**Результат**
Анализ ответа	Обработка текста задания и ответа студента	Определение типа ошибки
Сопоставление с правилом	Поиск соответствующей грамматической модели	Выбор правильного варианта
Формирование объяснения	Генерация пояснения и примеров	Обратная связь студенту
Сбор статистики	Агрегация ошибок по группе	Данные для преподавателя

Архитектура решения предполагает разделение на два уровня. Процесс работы системы выглядит следующим образом: студент выполняет задание в Moodle, после чего его ответ передаётся во внешний сервис. Там происходит анализ, определяется тип ошибки и формируется объяснение. Затем результат возвращается обратно в систему и отображается пользователю.

Реализация модуля может быть выполнена с использованием современных инструментов обработки естественного языка. В качестве серверной части может использоваться Python с фреймворком FastAPI.

В результате внедрения модуля меняется сам подход к тестированию. Ответ перестаёт быть просто отметкой «верно» или «неверно». Студент получает пояснение, связанное с конкретным правилом, что способствует более глубокому усвоению материала.

Со стороны преподавателя уменьшается нагрузка, связанная с разбором типовых ошибок. Освобождается время для работы с более сложными задачами и индивидуального взаимодействия со студентами.

Таким образом, разработанный интеллектуальный модуль решает важную практическую задачу – связывает проверку знаний с их объяснением и делает процесс обучения более эффективным.

Список источников

1. Андреев А. А. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии / А. А. Андреев, В. И. Солдаткин // Cloud of Science. 2013. № 1. С. 15-20.

2. Полат Е. С. Теория и практика дистанционного обучения : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 434 с.

3. Технологии искусственного интеллекта в образовании: перспективы и последствия / Ф. Мяо, У. Холмс, Ж. Хуан [и др.]. Париж : ЮНЕСКО, 2021. 56 с.

4. Dougiamas M. Moodle: Using Learning Communities to Create an Open-Source Course Management System / M. Dougiamas, P. Taylor// Proceedings of World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications. Vancouver, 2003. P. 171-178.

УДК 81.33

Комплект “умных” мини-колонок для изучения иностранного языка дома

Глотов Денис Дмитриевич
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, denis_glotow@mail.ru

Ключевые слова: умные колонки, изучение иностранного языка, домашняя языковая среда, контекстное обучение, интервальные повторения, адаптивное обучение, аудиообучение, персонализированное обучение, лексическая практика, языковые мини-колонки, образовательная экосистема, мобильное приложение, запоминание слов и фраз, фоновое обучение, цифровые образовательные технологии.

В условиях стремительного распространения цифровых устройств особую актуальность приобретают решения, которые интегрируют образовательный процесс в повседневную жизнь пользователя, не требуя от него постоянного целенаправленного вовлечения в учебную деятельность. Именно к такого рода решениям относится разрабатываемый проект комплекта “умных” мини-колонок для изучения иностранного языка в домашнем пространстве. В основе предлагаемой концепции лежит идея распределённой аудиосреды, при которой небольшие интеллектуальные устройства размещаются в различных помещениях квартиры и выполняют функцию своеобразных

© Глотов Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

звуковых языковых маркеров, регулярно воспроизводящих слова, выражения и короткие фразы на изучаемом языке.

Смысл данной разработки состоит не просто в воспроизведении отдельных лексических единиц, а в формировании устойчивой модели естественного повторения, при которой язык становится частью бытового контекста. В отличие от традиционных

мобильных приложений, требующих отдельного времени, концентрации и намеренного запуска учебной сессии, предложенная система работает фоново и незаметно встраивается в привычный ритм дня. Пользователь сталкивается с учебным материалом не в искусственно созданной ситуации, а непосредственно в ходе повседневной деятельности: на кухне, в ванной комнате, у рабочего стола, в зоне отдыха. Благодаря этому создаётся эффект постоянного, но ненавязчивого присутствия иностранного языка в окружающей среде.

Принципиально важным основанием проекта является связь учебного контента с конкретным пространственным контекстом. Каждое помещение может быть соотнесено с определённым тематическим блоком: кухня - с продуктами, посудой, действиями приготовления пищи; ванная - с лексикой гигиены и бытовых процедур; рабочее место - с учебной, профессиональной и организационной речью. Подобное распределение материала позволяет не просто предъявлять слова в случайном порядке, а выстраивать ассоциативные связи между местом, действием и лексикой.

Существенным достоинством системы является то, что единицей подачи выступает не изолированное слово, а минимальный смысловой комплекс: слово, его перевод и краткий пример употребления. Такой подход представляется более продуктивным по сравнению с механическим заучиванием словарных пар, поскольку пользователь получает не только

номинативное значение, но и представление о том, как данная единица функционирует в живой речи. Иными словами, обучение строится не на принципе “узнать слово”, а на принципе “начать понимать и использовать его в контексте”. Это особенно важно для формирования активного словарного запаса, который невозможен без соприкосновения с типовыми речевыми моделями.

Отдельного внимания заслуживает механизм повторения изучаемого материала. Для обеспечения долговременного результата в проекте предполагается использование системы интервальных повторений, при которой приложение анализирует успешность ответов пользователя и на этой основе определяет сроки возврата к конкретной единице. Слова и выражения, усвоенные неуверенно, возвращаются чаще; материал, который уже закреплён, появляется реже.

Не менее значима и задача сохранения комфортного пользовательского опыта. Любая обучающая технология, встроенная в повседневную среду, должна не только помогать, но и не вызывать раздражения. По этой причине проект предусматривает гибкую настройку частоты озвучивания материала. Если пользователь активно взаимодействует с системой и регулярно отвечает на задания, интенсивность подачи может быть увеличена. Если же реакции нет, система, напротив, снижает частоту обращений, предотвращая эффект навязчивости.

Особую практическую ценность проекту придаёт наличие коротких контрольных сессий в конце дня. В этот период колонка или приложение могут инициировать мини-тестирование: устройство произносит слово на иностранном языке, а пользователь воспроизводит перевод, либо, наоборот, получает родное слово и должен назвать эквивалент.

Важным направлением развития проекта является интеграция технологий искусственного интеллекта. Предполагается использование нейросети для создания интерактивных диалоговых

сценариев, позволяющих пользователю не только запоминать слова, но и применять их в реальной речи.

Система сможет моделировать различные жизненные ситуации: разговор с официантом в ресторане, приём у врача, диалог в магазине, общение в аэропорту или отеле.

Итак, основная идея разработки состоит в превращении квартиры в своеобразную языковую экосистему, где обучение происходит естественно, постепенно и практически незаметно для самого человека. Предполагается, что именно сочетание бытового контекста, систематичности повторений и персонализации контента позволит повысить эффективность запоминания слов и выражений, а также сделать процесс освоения иностранного языка более устойчивым, живым и приближённым к реальной коммуникативной практике.

Список источников

1. Гальскова Н. Д. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. В. Акимова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. 350 с.

2. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций : пособие для студентов педагогических вузов и учителей. М. : Просвещение, 2002. 239 с.

3. Шамов А. Н. Методика обучения иностранным языкам : теоретический курс : учебное пособие. Москва : ФЛИНТА, 2020. 296 с. ISBN 978-5-9765-4145-0.

4. Еремеева Г. Р. Метод интервальных повторений при изучении иностранного языка // Бюллетень науки и практики. № 7. 2016.

5. Иголкина М. И. Метод интервальных повторений при обучении иностранным языкам / М. И. Иголкина, В. С. Язынина // Гуманитарный вестник. 2023. № 3. DOI 10.18698/2306-8477-2023-3-846.

6. Ушкин С. Г. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 3. С. 361–376.

7. Тукмачева Ю. А. Обзор и анализ автоматизированных систем «умный дом», представленных на российском сегменте рынка // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 10.

УДК 81'33

Речевая личность блогера: языковые особенности

Дорожанов Никита Николаевич[1], Шилов Матвей Владимирович[2]
[1,2]Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский Край, Красноярск, Россия,
[1]ndorozhanov@mail.ru
[2]matveyshilov21@gmail.com

Ключевые слова: речевая личность блогера, идиостиль, эссеистический дискурс, стратегии диалогизации, концептуальная доминанта, интертекстуальные отсылки.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Слепченко Наталье Николаевне, старшему преподавателю, каф. РИЯ ИКИТ.

Актуальность данной научной работы выражена тем, что род деятельности, связанный с ведением блога, в современном медиа - пространстве является довольно популярным, между тем речевая личность блогера играет главную роль в вопросах поиска и расширения аудитории для дальнейшей монетизации.

© Дорожанов Н. Н., Шилов М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Речевая (языковая) личность с точки зрения лингвистики – это человек как носитель языка и комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения [2].

Понятие введено в лингвистику В. В. Виноградовым, а более детально разработано в дальнейшем Ю. Н. Карауловым. В данной научной работе будет использоваться модель, предложенная Ю. Н. Карауловым, включающая в себя три уровня:

1) Вербально-семантический. Отражает то, в какой степени личность владеет естественным языком, а именно лексикой и грамматикой.

2) Лингвокогнитивный. Предполагает отражение тезауруса и культуры. Здесь проявляются личные взгляды, эмоционально-экспрессивная лексика, идиологемы, особенности риторики, в том числе фоновые знания индивида.

3) Прагматический. Включает в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации.

Объектом исследования является блогер – человек, ведущий блог в сети Интернет на регулярной основе, целью которого является публикация уникального контента, посвященного одной или нескольким темам, поиск и дальнейшее расширение аудитории.

В ходе данной работы для анализа и последующего раскрытия темы будут взяты следующие блогеры: «Казуалочка» (далее - автор[1]), «Тюленин» (далее - автор[2]) и «Pekar» (далее - автор[3]). Материалом для анализа послужили девять видеороликов, опубликованных на YouTube-каналах автора[1], автора[2] и автора[3] в период со 2 апреля по 21 декабря 2025 г., с 27 апреля 2025 г. по 18 марта 2026г. и с 9 мая 2025г. по 9 марта 2026г соответственно:

Видеоматериалы, относящиеся к автору[1]: «Я НАШЛА БЕЗУМНОГО ГЕНИЯ ХОРРОРОВ… и теперь не сплю» (далее -

видео[1]), «ИГРЫ ИЗ БЕЗДНЫ» (далее - видео[2]), «КАК ПОЗНАТЬ ОДИНОЧЕСТВО / Tim Oxton» (далее - видео[3]). Общий хронометраж составил 2 часа 45 минут 39 секунд.

Видеоматериалы, относящиеся к автору[2]: «Почему первая POSTAL пугала?» (далее - видео[4]), «Абсолютная меланхолия мегаструктуры | Metal Garden» (далее - видео[5]), «Познал лиминальный Minecraft | Lucid Blocks» (далее - видео[6]). Общий хронометраж составил 1 час 31 минуту 39 секунд.

Видеоматериалы, относящиеся к автору[3]: «Почти лиминальный ад - The Complex: Found Footage» (далее - видео[7]), «Я в очередной раз обозрел 7 игр с Itch.io» (далее - видео[8]), «Самый смешной прикол во вселенной» (далее - видео[9]). Общий хронометраж составил 2 часа 41 минуту.

По завершении просмотра взятых видеоматериалов и проведения исследовательской работы были получены данные, на основе которых могут быть сформулированы следующие сходства и различия.

Общим для всех авторов является наличие фрагментов-рассуждений об анализируемых произведениях. Идиостили объединены эссеистическим форматом изложения, регулярным использованием англицизмов-терминов, систематическим применением развернутых и риторических вопросительных предложений. Восклицательные предложения отсутствуют или минимальны. В морфологии сходство - в употреблении глаголов настоящего времени и местоимений первого лица в рассуждениях.

Концептуальная доминанта, ценностная система и фоновые знания индивидуальны, однако положительная оценка игры связана с её способностью вызвать эмоциональный и интеллектуальный отклик и качеством реализации замысла. На прагматическом уровне блогеры демонстрируют идентичную модель: стратегии диалогизации и оценки, роли эксперта и «своего», коммуникация по принципу «свой среди своих»,

аффилиация как ключевой мотив, коммерческий мотив имплицитен.

Различия: у автора[3] нет фрагментов-описаний, речь не делится на блоки, его эссеистический идиостиль ближе к разговорной манере (у авторов[1, 2] - аналитический), умеренно присутствует обсценная и инвективная лексика. Синтаксис уникален: автор[1] использует СПП, автор[2] - вводные конструкции, автор[3] - парцелляцию. Инклюзивные местоимения у авторов[1,2], у автора[3] - обращения на «ты» и местоимения первого лица. Фоновые знания автора[3] эмпиричны и почти не содержат интертекстуальных отсылок, тогда как авторы[1, 2] активно их используют.

Проведённый анализ показал, что речевая личность блогера - не монолитный тип, а спектр индивидуальных реализаций, объединённых общими коммуникативными стратегиями, но различающихся по идиостилю и ценностным ориентирам.

Список источников

1. Клочко В. А. Теоретические аспекты изучения языковой личности в современном языкознании // Инфоурок. URL: https://infourok.ru/user/klochko-viktoriya-andreevna/blog/statya-teoreticheskie-aspekti-izucheniya-yazikovoy-lichnosti-v-sovremennom-yazikoznanii-33942.html.

2. Теория языковой личности // Справочник. URL: https://spravochnick.ru/lektoriy/teoriya-yazykovoy-lichnosti/.

3. Казуалочка : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/@Казуалочка/videos.

4. Тюленин : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/@2lenin/videos.

5. Pekar : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/@pekarFPM/videos.

6. Н. Дорожанов. Сравнительный анализ вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического

уровней языковой личности блогеров: таблица URL: https://docs.google.com/document/d/e/2PACX-1vQLMgQ4pYwhemnXb0l31h3qmPIEFnRAeaWZX3mLo4BWlbE_brhLKfo3sOn1nGoWqt1EWAgh79Y8yfkT/pub.

УДК 81.33,82.09

Языковое заимствование без контекста: как массовая культура перенимает слова, но игнорирует их происхождение

Дорофтей Александр Сергеевич
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ADoroftey-KI25@sfu-kras.ru

Ключевые слова: афроамериканский разговорный английский, языковое заимствование, утрата контекста, сленг, социальные сети, массовая культура, грамматическая система, лингвистическое неравенство.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ямских Татьяне Николаевне, доценту, канд. пед. наук.

Настоящее исследование посвящено анализу процессов проникновения единиц афроамериканского разговорного английского (AAVE) в широкое употребление и последующей утрате ими исходного культурного контекста. Объектом рассмотрения выступают лексические единицы periodt, slay, no cap, демонстрирующие высокую частотность за пределами своей исконной среды.

© Дорофтей А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Афроамериканский разговорный английский представляет собой устойчивое языковое образование, признанное в научной литературе полноценным наречием с собственной фонологической, грамматической и лексической системами. AAVE — это не набор испорченных форм стандартного английского и не уличный сленг, а исторически сложившаяся разновидность языка. Игнорирование этого положения лежит в основе проблем, связанных с выборочным заимствованием.

Массовая культура усваивает из AAVE отдельные лексемы, абстрагируясь от их грамматического окружения, исторической обусловленности и исходных смысловых оттенков. Такое заимствование является деконтекстуализированным: слово переносится в новую среду как изолированный ярлык. Утрата контекста в данном случае означает, что слово перестаёт нести ту культурную, социальную и историческую информацию, которая была с ним связана в среде носителей AAVE.

Можно выделить три основных канала распространения лексики AAVE. Первый — социальные сети, где языковая единица из ограниченного сообщества за дни становится доступной миллионам пользователей. Второй — музыкальная индустрия, особенно хип-хоп, который десятилетиями служит проводником AAVE в массовую культуру. Третий — влияние публичных личностей, перенимающих эти единицы для создания образа современного коммуникатора.

При переходе единиц в широкое употребление происходят три взаимосвязанных процесса: семантическое упрощение (слово утрачивает специальные оттенки), грамматическая изоляция (пользователи не овладевают правилами AAVE) и приписывание иного авторства (выражение начинает восприниматься как порождение массовой культуры).

Рассмотрим конкретные примеры. Periodt — усиленная форма наречия period («точка», «конец разговора») с добавлением

взрывного согласного [t], служащая жестом категорического завершения спора. В широкой культуре это слово превращается в декоративное междометие, утрачивая исходную энергию безапелляционного приговора.

Выражение no cap заслуживает особого внимания. В исходном AAVE «cap» в значении «ложь» восходит к уличной традиции, где накручивание кепки ассоциировалось с притворством. «No cap» означало «без лжи», «правда» — выражение, связанное с понятием уличной репутации. В массовой культуре no cap превращается в простой маркер искренности, используемый для подтверждения любого тривиального утверждения.

Статистические данные подтверждают масштаб проблемы. Согласно исследованию Мирты Иличьевич (2025), из 29 опрошенных чернокожих американцев 24 (82%) выразили негативное отношение к использованию AAVE людьми не из их сообщества, а 27 (93%) сочли такое использование недопустимым. Показателен пример с выражениями «to cook» (делать нечто мастерски) и «to be cooked» (потерпеть поражение). Внутри AAVE эти значения противопоставлены, но за пределами сообщества их начинают употреблять как взаимозаменяемые, что ведёт к утрате грамматического противопоставления.

Описанные процессы ведут к трём последствиям. Во-первых, AAVE начинают воспринимать как набор модных слов, а не как полноценное наречие. Во-вторых, возникает двойной стандарт: носителя могут осудить за ту же речь, которую у не-носителя считают современной. В-третьих, те, кто ввёл единицы в оборот, не получают признания. Лингвист, описывая такие заимствования, не может игнорировать реальные изменения, но и не должен способствовать обесцениванию исходной системы. Решение — последовательно указывать происхождение заимствованных единиц при их научном рассмотрении.

Таким образом, единицы AAVE в широком употреблении утрачивают грамматические связи, смысловые оттенки и исторические корни. В силу языкового и социального неравенства этот процесс проявляется здесь наиболее отчётливо.

Список источников

1. Иличьевич М. Семантические сдвиги в афроамериканском разговорном английском: причины и последствия : дипломная работа. Пула : Университет Юрая Добрилы, 2025. 43 с.

2. Рикфорд Дж. Р. Креольское происхождение афроамериканского разговорного английского: данные об отсутствии связки. Стэнфорд : Издательство Стэнфордского университета, 1997. 28 с.

3. Ронкин М., Карн Х. Э. Насмешливый эбоникс: лингвистический расизм в пародиях на эбоникс в интернете // Journal of Sociolinguistics. 2002. Т. 3, № 3. С. 360-380.

4. Смитерман Дж. Черный разговор: слова и фразы от гетто до аминь-уголка. Бостон : Хоутон Миффлин, 2000. 305 с.

УДК 81.33: 347.78.034

Особенности перевода научных статей в области информационных технологий

Епанчинцева Дарья Евгеньевна
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, darya_epanchintseva@mail.ru

Ключевые слова: перевод научных текстов, информационные технологии, терминология, научный стиль, переводческие трансформации.

В условиях ежегодной цифровизации и глобализации научного знания возрастает роль межъязыковой коммуникации в академической среде. Значительная часть современных исследований публикуется на английском языке, и с развитием техник машинного перевода специалисты зачастую выбирают самостоятельный перевод. Так появляется масштабная проблема адекватности перевода научных текстов.

Особую значимость приобретает перевод текстов в области информационных технологий, поскольку данная сфера отличается новизной терминологии и междисциплинарным характером.

Материалом исследования послужила научная статья, посвящённая моделированию влияния отношения учащихся к различным видам технологий на их поведенческие намерения в контексте внедрения ИКТ в среднее образование [1].

Ключевая задача переводчика в сфере информационных технологий – выбор адекватных терминологических соответствий.

© Епанчинцева Д. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Новые ответвления, методы и термины появляются каждый день в международном сообществе. В анализируемом тексте представлены следующие базовые термины: the Sustainable Development Goal (SDG) 4 – Цели Устойчивого Развития (ЦУР) 4; behavioural intentions – «поведенческие намерения»; learning management system – «система управления обучением»; ICT integration – «внедрение ИКТ»; online learning – «онлайн-обучение». Данные словосочетания имеют относительно устоявшиеся в русскоязычной научной литературе эквиваленты. Однако отдельные лексические единицы требуют более глубокого анализа. Так, термин «attitude» может переводиться как «отношение», «установка» или «позиция». Для определения точного варианта переводчик должен обладать обширными знаниями в сфере и следить за «трендами» сообщества.

Следует отметить проблему калькирования. Дословный перевод может привести к неестественным конструкциям, не говоря о том, что в узких кругах области вызовет отторжение и непонимание. Транскрипция и транслитерация при этом в сфере информационных технологий распространены гораздо шире и повсеместно используются специалистами. Однако переводчик должен учитывать нормы русского научного языка и уметь различать устоявшиеся термины от варваризмов.

Не следует забывать и о синтаксических трансформациях при переводе. Англоязычный научный текст характеризуется длинными предложениями, содержащими несколько смысловых центров. В обычном случае требовалось бы членение, но для научного стиля длинные предложения вполне допустимы и привычны аудитории.

Пример - оригинал: «Consequently, this study formulates a model that specifies how attitudes toward learning management systems, attitudes toward computers, attitudes toward the Internet, and attitudes toward online learning intricately influence each other in

determining students' behavioural intentions to integrate technology into their learning».

Перевод: «В связи с этим в данном исследовании формулируется модель, определяющая, как отношение к системам управления обучением, отношение к компьютерам, отношение к Интернету и отношение к онлайн-обучению сложным образом влияют друг на друга в определении поведенческих намерений учащихся внедрить технологии в свое обучение». Перестановка элементов предложения для соблюдения норм русского языка давно используется повсеместно в переводе. В случаях невозможности дробления текста она остается незаменимым инструментом переводчика. Порядок помогает быстрее понять смысл текста и избежать путаницы.

Пример-оригинал: «Nonetheless, attitudes toward technology have been identified in the literature as a precursor to technology uptake for technocentric pedagogy». Перевод: «Тем не менее, в литературе отношение к технологиям рассматривается как предпосылка технологического понимания техноцентрической педагогики». Обстоятельство было переставлено в начало предложения, что естественно для норм русского языка.

Рассмотрим грамматические особенности научных текстов. В английском языке широко представлены пассивные конструкции, что свойственно и русскому научному стилю. Пример: «Data were analysed» – «Данные были проанализированы». Переводчик вправе как сохранить пассивную форму, так и трансформировать её в активную. Стоит отметить, что пассивные конструкции в русском языке зачастую воспринимаются аудиторией как официальный тон из-за их распространённости в политическом и научном контексте. Поэтому при переводе научных текстов стоит избегать излишней трансформации в активные формы.

Пример - пассивная конструкция: «… в современных исследованиях уже изучается отношение как переменная и его

влияние на поведенческие намерения учащихся к внедрению технологий…» Активная конструкция: «Современные исследователи уже изучают отношение как переменную и его влияние на поведенческие намерения учащихся к внедрению технологий…»

Тем не менее, распространен случай, когда обратная трансформация из оригинальной активной конструкции в пассивную крайне рекомендована: «The study adopted a quantitative approach» – «В исследовании использовался количественный подход».

Подводя итог, на данный момент перевод терминологии вызывает наибольшую трудность при переводе научных текстов в сфере информационных технологий. Наименования не складывались веками, как в других областях, сообщество международное, порог входа любителей низкий. Переводчику следует проявлять особую осторожность и внимательность, иметь дополнительные знания и знакомство с сообществом в этой сфере, чтобы не создать новые искажения.

Список источников

1. Behavioural intentions toward information communication technology integration in secondary education / B. Bervell, J. K. Armah, D. O. Mireku [et al.] // Telematics and Informatics Reports. 2025. Vol. 18.

2. Гордеева О. И. Научный стиль русского языка : учебное пособие / О. И. Гордеева, Е. Н. Пономарёва Томский политехнический университет. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 79 с.

УДК 81`33

Маркеры вербальной агрессии в комментариях в социальных сетях

Зырянов Владислав Романович
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vzyryanov-ki24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: маркеры агрессии, коммуникативное поведение, социальные сети, вербальная агрессия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Слепченко Наталье Николаевне, старшему преподавателю.

Развитие систем коммуникации и социальных сетей позволяют людям поддерживать разговор в любое время и в любом месте. Однако пользование социальными сетями и общение в них также приносит с собой и проблемы, присущие живому общению, которое переносится в цифровой формат. В современных реалиях одна из самых ярко выраженных проблем — это агрессия среди пользователей социальных сетей по отношению к другим пользователям.

Согласно «Большой Российской энциклопедии», агрессия (от лат. agressio - нападение, наступление) мотивированное деструктивное поведение, направленное на нанесение вреда объектам нападения (в том числе с целью вызвать отрицательные переживания, состояния напряжённости, страха, подавленности и

© Зырянов В. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

т.п.). Согласно этому же источнику, агрессия может быть разделена на физическую и вербальную.

Если рассматривать физическую агрессию, то в цифровом пространстве, она практически не имеет место в настоящие дни, так как у пользователей социальных сетей нет непосредственного физического контакта.

Как уже было обозначено, вербальная агрессия перешла в цифровое пространство вместе с переносом в него живого общения, значит, что маркеры в социальных сетях во многом соответствуют маркерам агрессии живого общения.

В своих исследованиях, посвящённых теме вербальной агрессии, А.П. Костяев, а также А.Г. Фомин и Н.С. Якимова, выделяют такие маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении (таблица 1).

Таблица 1. Маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении

Категория маркеров	**Черты категории**
Лексические	Угрозы, оскорбления, ненормативная лексика, насмешки, использование некоторых частей речи (Междометий, наречий)
Грамматические	Словообразующие аттрибуты, придающие оскорбительный тон
Пунктуационные	Использование пауз для вызова у объекта агрессии сомнения или переживания
Интонационные	Акцент на лексических маркерах агрессии, повышенный тон голоса
Прагматические	Сарказм
Синтаксические	Повелительное наклонение глаголов, безличные предложения

Однако перенос в цифровое пространство влияет на эти маркеры. Так, например, интонационные маркеры просто не будут иметь место, так как комментарии в социальных сетях

представляют коммуникацию в текстовом формате. Согласно исследованию Д. Кристала, письменная интернет-коммуникация исключает передачу базовых средств, таких как: интонация, громкость или тембр, которые выступают, одними из самых явных маркеров вербальной агрессии в живом общении.

Чтобы увидеть эти отличия было проанализировано около 700 комментариев к постам и видеороликам на цифровых площадках «Вконтакте», «Telegram» и «You Tube». Исходя из проанализированных комментариев была составлена таблица, отражающие найденные маркеры агрессии (таблица 2).

Таблица 2. Маркеры вербальной агрессии в комментариях в социальных сетях

Категория маркеров	**Черты категории**
Лексические	Угрозы, оскорбления, ненормативная лексика, насмешки
Грамматические	Словообразующие аттрибуты, придающие оскорбительный тон
Пунктуационные	Использование знаков пунктуации для вызова у объекта агрессии соответствующих чувств
Прагматические	Сарказм
Синтаксические	Повелительное наклонение глаголов, безличные предложения
Графические	Карикатуры, изменение регистра, мемы, Эмодзи-символы, изображения, созданные искусственным интеллектом

Из этого можно увидеть, что лексические маркеры, как и грамматические и прагматические не изменились вовсе, интонационные маркеры полностью исчезли, а их функцию начали выполнять пунктуационные маркеры и новая категория маркеров - графические. Благодаря текстовому формату общения, открылась возможность активно пользоваться графикой, а также отправлять вместе с комментарием изображения. Также было замечено

использование искусственного интеллекта. Из этого можно сделать вывод, что вербальная агрессия успешно перебралась в цифровую среду, приобретая новые черты, характерные для коммуникации в текстовом формате. Также повседневное развитие информационных систем, социальных сетей, а также искусственного интеллекта приводит и к модернизации этих маркеров, что было замечено в ходе исследования.

Список источников

1. Агрессия // Большая российская энциклопедия. М., 2005–2026. URL: https://bigenc.ru/c/agressiia-10ad5c.

2. Roser M. The History of Artificial Intelligence // Our World in Data. 2024. URL: https://ourworldindata.org/artificial-intelligence.

3. Курьянова И. В. Маркеры речевой агрессии в интернет-коммуникации при исследовании текстов экстремистской направленности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 29–38.

4. Фомин А. Г. Тактики и маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев (по материалам речеситуативного исследования) / А. Г. Фомин, Н. С. Якимова // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 197-207.

5. Костяев А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. URL: http://tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf.

УДК 81.33,82.09

Обучение модели посткоррекции OCR для дореформенных русских текстов с использованием символьной языковой модели

Кожин Константин Дмитриевич, Шерстнев Павел Александрович, Жуковская Владислава Андреевна
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kkozhin@sfu-kras.ru

Ключевые слова: OCR, посткоррекция, дореформенные русские тексты, символьная языковая модель, исторические документы.

Автоматическое распознавание текста (OCR) исторических документов представляет собой сложную задачу, особенно в случае дореформенного русского языка, характеризующегося вариативностью написаний, наличием устаревших графем и неоднородным качеством исходных сканов. Ошибки распознавания носят систематический характер и затрудняют последующее использование текстов в задачах поиска, анализа и обработки естественного языка [1].

В современных исследованиях применяются различные подходы к посткоррекции OCR, включая вероятностные модели и нейросетевые методы, обучаемые на парах «ошибка—исправление». Однако для дореформенных текстов задача осложняется отсутствием полноценных словарей и различиями в орфографических нормах.

© Кожин К. Д., Шерстнев П. А., Жуковская В. А.,2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Целью данной работы является разработка и обучение модели автоматической посткоррекции OCR для дореформенных текстов, интегрируемой в библиотеку Manuscript OCR [2].

В рамках работы предложен модуль посткоррекции, реализованный на основе посимвольной языковой модели, обученной в постановке masked language modeling.

Модель оценивает вероятность каждого символа с учетом контекста соседних символов и формирует скорректированную последовательность путем выбора наиболее вероятных вариантов написания, эффективно устраняя типовые OCR-ошибки дореформенных текстов [3].

Обучены две модели посткоррекции: prereform_charlm_g1, обученная на корпусе дореформенных текстов и дополнительно дообученная на парах «ошибка—исправление» из набора данных StackMix-YeniseiGovReports-HWR [4], и modern_charlm_g1, обученная на современных русских текстах с последующим дообучением на наборе stackmix_cyrillic_large [5]. Использование двух моделей обусловлено различиями между дореформенной и современной орфографией и позволяет точнее корректировать OCR-ошибки, избегая некорректной нормализации исторических форм.

В процессе обучения моделей осуществлялся мониторинг метрик MLM Loss и MLM Accuracy. На рисунке 1 представлена динамика изменения этих метрик по эпохам обучения.

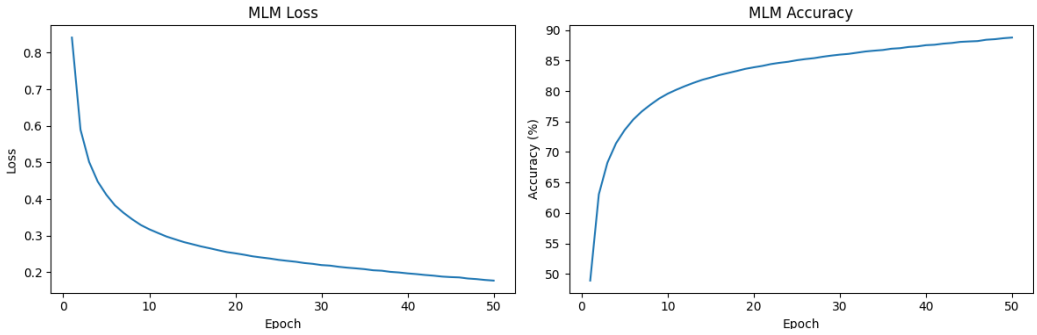


Рисунок 1. Динамика MLM Loss и MLM Accuracy при обучении модели charLM.

Наблюдается монотонное снижение функции потерь и рост точности с выходом на плато, что свидетельствует о корректной сходимости обучения и стабильности оптимизации.

Для оценки эффективности модели проведено сравнение качества OCR до и после применения посткоррекции. Эксперименты выполнены на наборах YeniseiGovReports-HWR и YeniseiGovReports-PRT [4], а также с использованием различных OCR-моделей, включая разработанные и открытые решения [6].

Результаты показывают, что посткоррекция стабильно повышает Accuracy во всех сценариях без ухудшения качества; при этом эффект зависит от исходного OCR: для точных моделей прирост умеренный, для менее точных — более заметный. На рисунке 2 приведен пример работы модели посткоррекции.

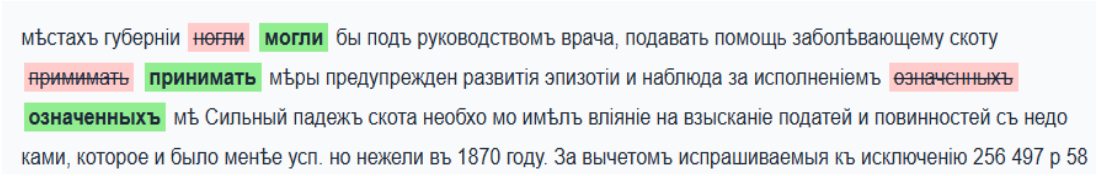


Рисунок 2. Пример посткоррекции OCR-текста с использованием charLM.

Модель эффективно исправляет типовые ошибки, включая подмены визуально схожих символов и искажения отдельных графем. Разработанное решение учитывает специфику исторической орфографии, демонстрирует стабильное улучшение качества распознавания и может быть эффективно интегрировано в системы обработки исторических документов.

Результаты подтверждают перспективность использования нейросетевых методов посткоррекции в задачах прикладной лингвистики и цифровых гуманитарных исследований.

Список источников

1. Named Entity Recognition and Classification on Historical Documents: A Survey / M. Ehrmann, A. Hamdi, E. L. Pontes [et al.] // arXiv. 2021. URL: https://arxiv.org/abs/2109.11406.

2. Manuscript OCR: исходный код библиотеки. URL: https://github.com/konstantinkozhin/manuscript-ocr.

3. Piotrowski M. Natural Language Processing for Historical Texts. Morgan & Claypool Publishers, 2012. URL: https://archive.org/details/naturallanguagep0000piot.

4. anna4uonline/YeniseiGovReports // GitVerse. URL: https://gitverse.ru/anna4uonline/YeniseiGovReports.

5. Nastyboget. stackmix_cyrillic_large: синтетический датасет кириллических слов (StackMix). URL: https://huggingface.co/datasets/nastyboget/stackmix_cyrillic_large.

6. TrOCR: Transformer-based Optical Character Recognition with Pre-trained Models / M. Li, T. Lv, J. Chen [et al.] // arXiv. 2021. arXiv:2109.10282. URL: https://arxiv.org/abs/2109.10282.

УДК 81.33

Применение ИИ в качестве цифрового репетитора в процессе обучения английскому языку (на примере ChatGPT)

Комкин Егор Александрович, Гуляев Тимофей Васильевич
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, egor.komkin@gmail.com

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект, ChatGPT, лингвистическая компетенция, обучение английскому языку, коммуникация, репетитор, запросы в нейросеть.

На сегодняшний день ChatGPT и аналогичные модели обладают большой базой правил, но остается вопрос об их способности понимать мотивы ошибок и адаптироваться под знания ученика. В данной работе мы проведем трехэтапное тестирование ИИ, чтобы выяснить его сильные и слабые стороны в роли репетитора.

Материалом исследования послужили запросы в нейросеть и сгенерированные ответы модели ChatGPT, имитирующие сценарии взаимодействия «репетитор–ученик».

Таким образом, целью нашего исследования является оценка эффективности использования нейросетей в роли цифрового репетитора по английскому языку через анализ их лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенций.

Для достижения цели исследования были выделены следующие задачи: проверка способности ИИ выявлять, исправлять

© Комкин Е. А., Гуляев Т. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

и объяснять грамматические ошибки; анализ адаптивности стиля ИИ при смене ролевых установок; оценка способности ИИ интерпретировать сложные языковые явления в лингвокультурологическом контексте.

Первая функция репетитора - корректное выявление и объяснение ошибок. Анализ запроса с текстом ученика (*«I am student. I very like ice cream and I go to cinema yesterday. My friend have a car, but he don't drive good.»*) показывает, что ИИ реализует многоуровневую систему обратной связи.

Модель способна адаптировать сложность объяснения. Например, при разборе разницы *have/has* ИИ не углубляется в грамматику, а даёт правило: *«I/you/we/they → have; he/she/it → has»*.

Но в стремлении к простоте ИИ упрощает лингвистические явления. Объяснение разницы между временами сводится к наличию маркера, а в реальной коммуникации выбор времени зависит от нескольких факторов.

Вторая компетенция - способность выстраивать эффективную коммуникацию. Из анализа запросов в нейросеть с разными ролевыми установками можно выделить типологию коммуникативных стратегий ИИ (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение поведения нейросетей

Стиль	**Лингвистические маркеры**	**Педагогический эффект**	**Риски**
Строгий академический	Формальная лексика, императивы, категоричные оценки	Дисциплинирует, акцентирует важность правил	Может повышать тревожность, снижать мотивацию

Окончание таблицы 1.

Стиль	**Лингвистические маркеры**	**Педагогический эффект**	**Риски**
Поддерживающий	Эмпатичные фразы («Ты хорошо стараешься»), эмодзи, мягкие коррекции («давай разберёмся»)	Создаёт безопасную среду, повышает уверенность	Риск избыточной похвалы, размывание критериев
Неформальный (сленговый)	Сленг («бро», «кринж»), юмор, культурные отсылки, имитация устной речи	Снижает дистанцию, повышает вовлечённость	Риск нарушения академических норм, непонимание культурного кода

ИИ показывает хорошую адаптивность к коммуникативному запросу, воспроизводя заданный стиль с сохранением содержательной точности, что открывает возможности для персонализации обучения под психотип ученика.

Стилизация под «британского учителя» или «калифорнийского бро» опирается на культурные стереотипы, что требует критического осмысления со стороны ученика. Самое важное - модель не обладает подлинной эмпатией: её «поддержка» — это имитация.

Третья компетенция - способность объяснять сложные, неоднозначные или игровые аспекты языка. Анализ запросов в нейросеть и ее ответов про идиому «It's raining cats and dogs», разницу look/see/watch и каламбур «seafood diet» показывает, как ИИ работает с лингвистическими нюансами.

На запрос об идиоме «It's raining cats and dogs» модель показывает многогранный подход: даёт точное значение, кратко

упоминает происхождение, оценивает актуальность употребления и предлагает современные альтернативы.

При разборе лексических нюансов на примере синонимичного ряда look /see / watch ИИ формулирует чёткие определения с выделением ключевых маркеров, подкрепляя теорию примерами. Ученик не механически запоминает правило, а видит его функционирование в контекстных парах.

ИИ умеет работать с фразеологизмами и речевыми оборотами. Разбор каламбура «I'm on a seafood diet. I see food and I eat it» показывает, что модель способна выявлять фонетическую основу шутки и оценить доступность материала для новичка. ИИ объективно указывает на сложность, связанную с необходимостью одновременного учёта фонетики, лексики и грамматики.

Исследование подтвердило эффективность применения ChatGPT в качестве цифрового репетитора. Ключевые преимущества: адаптивность уровня сложности, гибкость педагогических стратегий и глубокое понимание лингвокультурологического контекста. Ограничением остается имитационный характер эмпатии ИИ и склонность к упрощению объяснения сложных языковых явлений.

Список источников

1. Akinsemolu A. A. The Role of Artificial Intelligence in Transforming Language Learning: Opportunities and Ethical Considerations / A. A. Akinsemolu., H. Onyeaka // Journal of Language and Education. 2025. Vol. 11, № 1. P. 148-152. DOI 10.17323/jle.2025.22118.

2. Vo T.K.A. Transforming Language Learning with AI: Adaptive Systems, Engagement, and Global Impact // Engineering Proceedings. 2025. Vol. 107, № 1. Art. 7. DOI 10.3390/engproc2025107007.

3. Zhang K., Aslan A.B. AI technologies for education: Recent research & future directions // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2021. Vol. 2. Art. 100025. DOI 10.1016/j.caeai.2021.100025.

УДК 81’33

Языковой периметр: почему слабое владение английским создаёт бреши в сетевой безопасности

Коржова Елизавета Витальевна[1], Занкина Дарья Витальевна[2], Идрисова Динара Ренатовна[3]
[1,2,3]Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]EKorzhova-KI24@stud.sfu-kras.ru
[2]DZankina-KI24@stud.sfu-kras.ru
[3]DIdrisova-KI24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: языковой периметр, английский язык в кибербезопасности, информационная безопасность, кибергигиена, фишинговые атаки, человеческий фактор, перевод терминологии, уязвимости, нулевой уровень защиты OSI, лингвистическая слепота.

Современную информационную безопасность обычно выстраивают как многоуровневую защиту. Но все эти уровни объединяет один компонент — язык, на котором написана документация, предупреждения, журналы событий, бюллетени и инструкции. В международной практике де-факто стандартом стал

© Коржова Е. В., Занкина Д. В., Идрисова Д. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

английский. База уязвимостей CVE, бюллетени CISA, отчёты FIRST, техническая документация Microsoft, AWS, Cisco и VMware публикуются только на английском. Русскоязычные переводы выходят с задержкой от нескольких часов, а иногда их нет вовсе.

Специалист без английского хотя бы на уровне B2 теряет оперативный доступ к сведениям об угрозах, из-за это возникает скрытая системная уязвимость. Мы предлагаем называть её «языковым периметром». Классическая модель OSI не учитывает лингвистику, но если смотреть на безопасность как на процесс принятия решений человеком, то язык оказывается нулевым уровнем, предшествующим всем остальным.

Исследователи Университета Южной Флориды (2024) сравнили пользователей с ограниченным знанием английского и свободно владеющих. Уровень кибергигиены в первой группе оказался значительно ниже: только 29% избегают публичных Wi-Fi и лишь 17% пользуются антивирусом. При этом они опасаются киберугроз так же сильно. Проблема — в отсутствии доступных инструкций [1]. Это подтверждает, что «языковой периметр» существует не только для специалистов, но и для рядовых сотрудников.

«Языковой периметр» — это не метафора, а объективный фактор, снижающий защищённость организаций. Пока английский остаётся единственным оперативным языком кибербезопасности, отставание в переводе документации ведёт к отставанию в реагировании на угрозы. Игнорировать «языковой периметр» — значит мириться с уязвимостью, которая лежит до всякого кода и шифрования. Признание языка нулевым уровнем защиты — первый шаг к тому, чтобы перестать её недооценивать.

Фишинговые атаки — ключевой канал проникновения в корпоративные сети. Согласно отчёту Verizon DBIR 2024, 68% утечек связаны с человеческим фактором, при этом фишинг встречается в 13–14% инцидентов и служит основным инструментом кражи

учётных данных. За последнее десятилетие 31% всех утечек произошли из-за скомпрометированных аккаунтов [2].

Большинство исследований сосредоточены на технической защите (SPF, DKIM, DMARC), а лингвистическая сторона атак остаётся в тени. Между тем злоумышленники адаптируют содержание писем под уровень английского жертвы. Парадокс в том, что чем хуже сотрудник знает язык, тем примитивнее и эмоциональнее письмо оказывается эффективным.

Рассмотрим реальный инцидент. В ноябре 2025 года злоумышленники зарегистрировали домен rnicrosoft.com. В этой записи сочетание букв «r» и «n» визуально сливается в «m». На мобильных устройствах и в почтовых клиентах пользователи почти не замечают подмены. Они скопировали логотипы Microsoft, переняли тон общения компании и рассылали письма с требованием срочно войти в учётную запись [3]. Чем хуже сотрудник владеет английским, тем выше вероятность, что он не заметит искажение знакомого слова. Другими словами, слабое знание языка усиливает лингвистическую невнимательность.

Таким образом, технические средства защиты (SPF, DMARC) бессильны против лингвистической слепоты. Регистрация домена-двойника вроде rnicrosoft.com — расчёт на особенности восприятия и низкий уровень английского. Чем примитивнее письмо, тем лучше оно работает среди сотрудников с языковым барьером. Парадокс в том, что компании вкладываются в антифишинг и двухфакторную аутентификацию, но упускают человека, чья невнимательность становится роковой именно там, где заканчивается языковая компетенция.

В английском языке информационной безопасности встречаются пары терминов, которые при переводе на русский нередко передают одинаковыми словами, из-за чего теряется смысловой нюанс. Рассмотрим самые показательные примеры.

Authentication и authorization — оба часто ошибочно переводят как «авторизация». На самом деле первое означает проверку личности, а второе — выдачу прав [4].

Encryption и tokenization — оба называют «шифрованием». Разница в том, что encryption обратимо, а tokenization — нет.

Patch и update — оба переводят как «обновление». Однако patch закрывает конкретную уязвимость, тогда как update даёт новую версию.

Vulnerability и exploit — оба звучат как «уязвимость». Но vulnerability — это сам недостаток, а exploit — его использование.

Получается, что подмена понятий при переводе создаёт иллюзию взаимозаменяемости разных процессов и угроз. Для специалиста по ИБ разница между проверкой личности и выдачей прав, брешью и её эксплуатацией — вопрос практической защиты. Игнорирование нюансов ведёт к уязвимостям на уровне терминологии. Поэтому переводчику и аналитику стоит помнить: потеря различий — прямой риск для безопасности.

Список источников

1. USF research reveals language barriers limit // American Association of Universities (AAU). URL: https://www.aau.edu/research-scholarship/featured-research-topics/usf-research-reveals-language-barriers-limit.

2. 2024 Data Breach Investigations Report (DBIR) / Verizon Business. 2024. URL: https://www.verizon.com/business/resources/reports/2024-dbir-executive-summary.pdf.

3. Новость от 25.11.2025 № 48174 // Anti-malware.ru. 2025. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2025-11-25-111332/48174.

4. Идентификация, аутентификация, авторизация: в чём разница? // Kaspersky Daily / Лаборатория Касперского. 24 окт. 2023. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/identification-authentication-authorization-difference/29123/.

УДК 81’33

Автоматическое моделирование диалогов в чат-ботах на основе методов прикладной лингвистики и алгоритмов NLU

Лукьянов Кирилл Павлович[1], Малетин Александр Анатольевич[2], Чувайлов Эдуард Александрович[3]
[1,2,3]Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия,
[1]klukyanov-ki24@stud.sfu-kras.ru
[2]amaletin-ki24@stud.sfu-kras.ru
[3]echuvaylov-ki24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: чат-боты, NLU, NLP, прикладная лингвистика, образовательный процесс, человеко-машинное взаимодействие.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Наталье Николаевне Слепченко, старшему преподавателю кафедры разговорного иностранного языка СФУ, за помощь в проведении исследования.

В эпоху цифровизации образовательного пространства взаимодействие человека с вычислительными системами переходит от жёстко алгоритмизированных интерфейсов к коммуникации на естественном языке. Разработка интеллектуальных чат-ботов, способных оказывать информационную поддержку студентам (например, при решении задач в системах электронных курсов), требует применения комплексных методов прикладной лингвистики. Центральной научной проблемой в данной области является преодоление

© Лукьянов К. П., Малетин А. А., Чувайлов Э. А, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

семантической неоднозначности естественного языка и преобразование неструктурированного пользовательского текста в формализованные машинные инструкции.

Целью настоящей работы является разработка нативного Android-приложения «НейроПрофессор» – интеллектуального ассистента для студентов, интегрированного с отечественной большой языковой моделью «ГигаЧат». Приложение предназначено для оказания персонализированной образовательной поддержки путём объяснения и решения задач в формате интерактивного диалога.

Автоматическое моделирование диалога опирается на два фундаментальных раздела компьютерной лингвистики: обработку естественного языка (NLP) и понимание естественного языка (NLU). Если технологии NLP обеспечивают базовый морфолого-синтаксический разбор текста (токенизацию, лемматизацию, стемминг и удаление стоп-слов), то алгоритмы NLU решают прагматические задачи. К ним относятся распознавание именованных сущностей (NER), извлечение интенций (намерений коммуниканта) и разрешение семантической многозначности [1]. В контексте образовательного чат-бота NLU-модуль позволяет системе понять, что запросы «Помоги с задачей по физике» и «Как решить это уравнение?» имеют различную лексическую структуру, но сводятся к единой интенции [REQUEST_SOLUTION].

С точки зрения лингвистической прагматики, эффективный человеко-машинный диалог должен строиться на принципах кооперации, сформулированных П. Грайсом. Машинный собеседник обязан предоставлять релевантную информацию, избегая избыточности и двусмысленности [2]. Проектирование диалога требует учёта контекста: система должна сохранять историю реплик (управлять анафорическими связями), чтобы корректно реагировать на уточняющие вопросы пользователя. Не менее важным аспектом является лингвистическое управление

ошибками: вместо выдачи системного кода сбоя, бот должен применять стратегии перефразирования, мягко направляя пользователя к корректной формулировке запроса [2].

Сегодня на смену вероятностным алгоритмам пришли большие языковые модели (LLM) на базе архитектуры Transformer. Они учитывают дальние контекстуальные связи, генерируя связные ответы на естественном языке [4]. Однако применение базовых LLM в образовании сопряжено с риском «галлюцинаций» – генерации семантически корректных, но фактически выдуманных данных [5].

Для решения описанной проблемы авторами был применён продуктовый подход с разработкой нативного мобильного клиента «НейроПрофессор» под ОС Android. Архитектура приложения построена на паттерне MVVM (Model-View-ViewModel) с использованием декларативного UI-фреймворка Jetpack Compose. В качестве вычислительного лингвистического ядра системы интегрирована отечественная генеративная модель GigaChat посредством REST API.

Центральной особенностью разработанного программного решения является алгоритм динамического промпт-инжиниринга (Dynamic Prompt Engineering), который осуществляет прагматическую адаптацию диалога «на лету». Алгоритм обработки пользовательского запроса включает следующие этапы:

1. Сбор лингвистического контекста: на стороне мобильного клиента фиксируется выбранная студентом предметная область (например, «Математический анализ») и пользовательские интенции, заданные через UI-переключатели (формат: подробное объяснение или краткий ответ; язык выдачи).

2. Генерация системного сообщения: программа автоматически преобразует настройки UI в машинные инструкции. Например, при активации режима «Понимание», модель получает директиву применять метод Сократа: не давать прямой ответ, а пошагово направлять студента к решению.

3. Интеграция и инференс: сформированный мета-запрос (системная роль + текст задачи) передаётся в API GigaChat. Полученный ответ асинхронно возвращается в представление чата, обеспечивая плавный пользовательский опыт

Подобная лингвистическая и архитектурная настройка ограничивает пространство генерации модели, практически исключая риск «галлюцинаций», и заставляет ИИ-агента строго соблюдать прагматические правила дидактического университетского диалога [2].

Автоматическое моделирование диалога в современных образовательных системах представляет собой сложный процесс на стыке прикладной лингвистики, теории вероятностей и машинного обучения. Практическая реализация разработанного Android-ассистента доказывает перспективность синергии современных мобильных технологий, динамической инженерии запросов и возможностей отечественных генеративных моделей семейства GigaChat. Развитие данных подходов позволит создавать полностью автономные диалоговые системы, способные к глубокому контекстуальному пониманию предметной области пользователя.

Список источников

1. NLU и NLP: что это такое и как с этим работать // Блог компании MTT. URL: https://www.mtt.ru/support/blog/nlu-natural-language-understanding/.

2. 9 принципов дизайна диалогов для улучшения бесед в чатботах // 4STUDY. URL: https://4study.pro/blog/dizain-dialogov/.

3. Игитян Е. В. Оценивание вероятностно-временных характеристик человеко-машинного диалога на естественном языке / Е. В. Игитян, К. А. Польщиков, А. Н. Немцев // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 1. С. 162-172.

4. Никольская М. А. Человеко-машинный интерфейс интеллектуальных роботов / М. А. Никольская, М. П. Романов,

И. М. А. Ал-Хафаджи. М.: МИРЭА – Российский технологический университет, 2023. 12 с.

5. Применение методов обработки естественного языка и больших языковых моделей в области открытия новых материалов / пер. с англ. // Хабр (Блог компании Технократия). URL: https://habr.com/ru/articles/893896/.

УДК 81.33

Языковые барьеры и цифровые помощники за границей: опыт общения в Китае (о. Хайнань)

Найдёнова Татьяна Сергеевна, Найдёнова Дарья Сергеевна
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, tcf123@mail.ru

Ключевые слова: языковой барьер, цифровая инфраструктура Китая, прикладная лингвистика, путунхуа (HSK), межкультурная коммуникация, невербальные средства.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Наталье Николаевне Слепченко, старшему преподавателю.

Языковой разрыв остается одной из главных трудностей при поездках в страны, где английский не является основным средством общения. Китай, в том числе остров Хайнань, является наглядным примером такой ситуации. Несмотря на растущую популярность китайского языка, его знание не всегда распространено среди иностранцев. Поэтому возникает потребность в поиске эффективных методов преодоления

© Найдёнова Т. С., Найдёнова Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

языковых трудностей с помощью современных технологий, таких как цифровые помощники.

Исследование коммуникативной среды острова Хайнань (г. Санья, г. Хайкоу) в 2025–2026 гг. демонстрирует устойчивую тенденцию: уровень владения английским языком среди местного населения, не задействованного напрямую в международном гостиничном бизнесе, остается на критически низком уровне. Болтон и Грэддол в своём исследовании «English in China Today» ещё в 2012 году отмечали, что уровень владения английским в Китае остаётся крайне низким за пределами туристических зон [1].

Наблюдения, полученные в ходе пребывания в регионе, свидетельствуют о том, что для успешной автономной коммуникации требуется либо владение путунхуа — официальный стандартный вариант китайского языка, буквально переводится как «общий язык» — на уровне не ниже HSK4, который соответствует уровню B2 по Общеевропейской системе языковых компетенций (CEFR), либо наличие специфического набора цифровых и паралингвистических инструментов. HSK (汉语水平考试, пиньинь: Hànyǔ Shuǐpíng Kǎoshì) — стандартизированный квалификационный экзамен по китайскому языку (путунхуа) для лиц, не являющихся носителями китайского языка.

Даже минимальный набор китайских фраз, выученных перед поездкой, способен существенно облегчить взаимодействие с местными жителями. В ходе интервью с участницей поездки – студенткой-лингвистом, владеющей китайским на уровне HSK4, – было отмечено, что её спутник, не знавший языка, перед поездкой освоил всего несколько конструкций: числительные, вопрос о цене, фразу для указания местонахождения, обращение к таксисту и, что особенно важно на рынках, вопрос о скидке. Как показала практика, этого лексического минимума оказалось достаточно для базовой ориентации и совершения покупок. Более того, попытки говорить

по-китайски воспринимались местными торговцами положительно.

Отдельного внимания заслуживает и фонетическая интерференция — влияние местного диалекта на произношение. В южных провинциях Китая, включая Хайнань, стандартное «shi» (十 «десять») местные жители часто произносят как «si», что фонетически совпадает со словами «sǐ» (死 «смерть») и «sì» (四 «четыре»), но отличающимися по тону. Как отмечается в материалах о хайнаньском диалекте, он относится к южноминьской группе, где тоны и произношение путунхуа сильно изменяются [2]. Для туриста это создает не только лингвистические, но и прагматические трудности, учитывая явление тетрафобии — страх перед числом 4 в странах Восточной Азии. Отсутствие четвертых этажей в отелях и избегание цифры «четыре» в быту тесно связано с созвучием слова «смерть» (sǐ) и «четыре» (sì). На практике это создавало путаницу: туристы не сразу понимали, идет ли речь о цене «10 юаней» или «4 юаня». Решением стал обычный калькулятор — простой коммуникативный «переводчик» для цифр.

Паралингвистический аспект коммуникации также требует предварительной подготовки. Китайская система жестов для обозначения чисел от 6 до 10 уникальна и практически не совпадает с европейской (рисунок 1). Как показывают исследования русско-китайской коммуникации, использование традиционных жестов сокращает время сделки на рынках и в точках общественного питания на 30–40% [3]. Например, жест «четыре» (привычные нам 4 пальца вверх) или «десять» (скрещенные указательные пальцы) помогает обойтись без слов и избежать ошибок, вызванных тональными различиями.

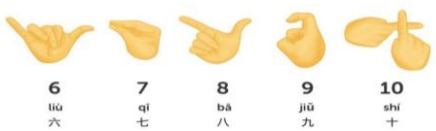


Рисунок 1. Китайские жесты для обозначения цифр от 1 до 10.

При этом эффективность цифровых помощников напрямую зависит от технической инфраструктуры. В условиях блокировки ряда западных платформ решающее значение приобретает наличие местной SIM-карты и специфического программного обеспечения. По данным исследования Т. Л. Гурулевой, наибольшую практическую пользу в китайско-русской языковой паре дают не универсальные переводчики, а специализированные цифровые ресурсы, ориентированные на лексику и реальные речевые ситуации [4]. Среди прикладных инструментов лингвистической поддержки выделяются самые полезные, такие как мобильное приложение Trainchinese, онлайн-словарь БКРС (Большой китайско-русский словарь) и русско-китайские разговорники как наиболее востребованные для русскоязычных пользователей, поскольку они обеспечивают более точную передачу значений слов и устойчивых выражений в повседневном общении.

Таким образом, успешная коммуникация в Китае сегодня строится на трёх составляющих: владение базовыми фразами путунхуа, знание национальной системы жестов и умение пользоваться китайской цифровой инфраструктурой. Совместное применение базовых лингвистических знаний и современных технологических инструментов позволяет преодолеть языковой барьер.

Список источников

1. Bolton K. English in China Today / K. Bolton, D. Graddol // English Today. 2012. Vol. 28, № 3. P. 3–9.

2. Хайнань цзюньцзяхуа: диалектные особенности острова Хайнань // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хайнань_цзюньцзяхуа.

3. Минь Л. Языковые и речевые барьеры в русско-китайской коммуникации // Лингвокультурология. 2008. № 2.

4. Гурулева Т. Л. Возможности применения информационных ресурсов перевода в китайско-русской языковой паре // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 197-202.

УДК 81.33

Программная реализация токенизации тувинскоязычных текстов

Ондар Севил Кечил-ооловна
Физико-математический факультет Тувинского государственного университета, Республика Тыва, Кызыл, Россия, sevil.badyma@mail.ru

Ключевые слова: токенизация, тувинский язык, морфологический анализ, семантическая обработка текста.

Тувинский язык относится к тюркской группе языков и является одним из государственных языков Республики Тыва. В последние годы наблюдается устойчивый интерес к развитию языковых технологий для агглютинативных языков: создаются электронные корпуса, машинные переводчики (например, русско-тувинский переводчик в Яндексе), разрабатываются морфологические анализаторы [Ондар, 2024, с. 313]. Однако большинство существующих инструментов ориентированы на аналитические и флективные языки (русский, английский) или на тюркские языки (турецкий, казахский). Для тувинского языка комплексные решения по семантической обработке текстов остаются фрагментарными. Семантический анализ текстов,

© Ондар С. К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

который включает в себя выявление семантических отношений и формирование их семантического представления текстов, помогает углубить понимание языка и расширить возможности его использования, раскрывая полное значение текста и влияя на коммуникацию между людьми. Его ключевым этапом выступает предобработка текста – токенизация слов [Хорошилов, 2017, с. 190].

Токенизация представляет собой процесс разбиения текста на минимальные значимые текстовые единицы – токены. Обычно токенами выступают слова, знаки препинания, числа и другие значимые элементы. Выделяют несколько подходов к токенизации: *пословная токенизация* – каждое слово становится отдельным токеном; *посимвольная токенизация* – каждый символ становится отдельным токеном; *подсловная токенизация* – слова разбиваются на части на основе статистических закономерностей в языке.

Современные языковые модели обычно используют подсловную токенизацию и используют такие алгоритмы, как Byte-Pair Encoding (BPE), WordPiece или SentencePiece. Все они основаны на идее: разбивать текст не по словам, а по наиболее частотным фрагментам [Новикова, 2024, с. 9]. Тем не менее, методы и алгоритмы подсловной токенизации являются недостаточно эффективными для тувинскоязычных текстов в связи с типологическими особенностями языка, такими как: агглютинативный строй и богатая словоизменительная морфология; низкая частота повторения одних и тех же подсловных единиц; нарушение границ морфем; необходимость учёта сингармонизма.

В связи с выявленными ограничениями разработан алгоритм пословной токенизации, выполняющий разбиение текста на отдельные словоформы. В качестве языка реализации выбран Python, поскольку данный язык программирования характеризуется богатой экосистемой библиотек для обработки естественного языка, возможностями быстрого прототипирования

и наличием средств интеграции с существующими морфологическими анализаторами. В качестве источника данных для работы алгоритма используется реляционная база данных PostgreSQL, содержащей антропонимы тувинского героического эпоса (рис. 1).

	ID [PK] integer	Name_heroic text	Components text	Name_group text	Nazvanie_skazki text	Avtor_skazki text
	1	Далай-Байбың хаан	Хаан	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	2	Узун-Сарыг хаан	Хаан	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	3	Хан-Моге хаан	Хаан	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	4	Шулбунуң Көгел-Моге	Хаан	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	5	Дээрниң Демир-Моге	Моге	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	6	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Другие	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	7	Хоюскан ашак	Другие	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	8	Аксагалдай Сайын-Куу	Другие	Мужское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
	9	Сай-Тоюң кадын	Кадын	Женское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
0	10	Узун-Сарыг хаанның	Даңгына	Женское	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
1	11	Амырга-Кара маңгыс	Маңгыс	Мифическое	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович
2	12	Ачыты башкы	Башкы	Религиозное	Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара	Ооржак Чанчы-Хөө Чапаажыкович

Рисунок 1. База данных «Антропонимы тувинского героического эпоса».

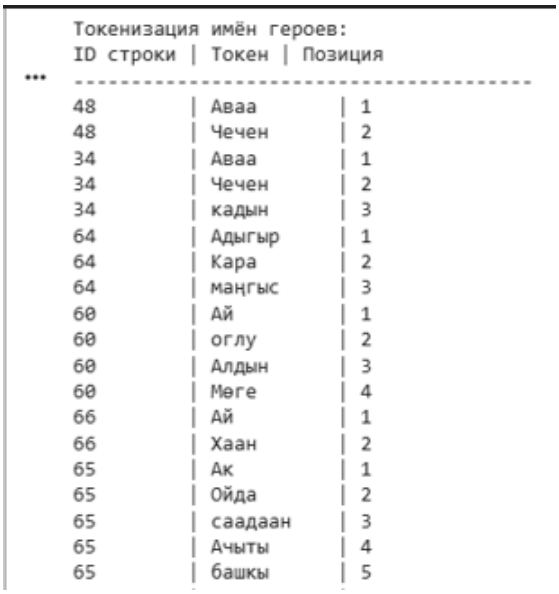
Для реализации алгоритма были использованы такие модули, как подключение базы данных, модуль re и библиотека Natural Language Toolkit (NLTK). Разработанный программный код находит все последовательности букв, цифр и знака подчёркивания, ограниченные границами слова (рис.2).

```
cursor.execute(f'''
    CREATE TABLE IF NOT EXISTS Tokens (
        hero_rowid INTEGER,
        token TEXT,
        position INTEGER,
        FOREIGN KEY (hero_rowid) REFERENCES Antroponimy_heroic ({PRIMARY_KEY})
    )
''')
print("Таблица Tokens готова")

# Получение данных
cursor.execute(f'SELECT {PRIMARY_KEY}, "Имена" FROM Antroponimy_heroic')
rows = cursor.fetchall()
tokens_to_insert = []
print("Токенизация имён героев:")
print("ID строки | Токен | Позиция")
print("-" * 40)
```

Рисунок 2. Фрагмент программного кода токенизации.

Результатом выполнения программного кода является создание таблицы токенов, полученных из таблицы исходной базы данных путём сегментации текста на слова (рис. 3).



Токенизация имён героев:

ID строки	Токен	Позиция
48	Аваа	1
48	Чечен	2
34	Аваа	1
34	Чечен	2
34	кадын	3
64	Адыгыр	1
64	Кара	2
64	маңгыс	3
60	Ай	1
60	оглу	2
60	Алдын	3
60	Мөге	4
66	Ай	1
66	Хаан	2
65	Ак	1
65	Ойда	2
65	саадаан	3
65	Ачыты	4
65	башкы	5

Рисунок 3. Таблица токенов.

Таким образом, в работе реализован алгоритм пословной токенизации тувинскоязычных текстов на Python с использованием базы данных PostgreSQL. Токенизация служит ключевым этапом для дальнейшего анализа: морфологического, синтаксического и семантического. Она обеспечивает возможность сопоставления токенов с числовыми векторами для машинного обучения, что позволяет извлекать смыслы, определять отношения между сущностями и анализировать тональность текста. В перспективе планируется интеграция с HFST/Apertium и расширение набора обрабатываемых языковых единиц.

Список источников

1. Новикова М. Л. Использование искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов на тувинском языке / М. Л. Новикова, Ф. Н. Новиков // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 6-17. DOI 10.25178/nit.2024. 1.1.

2. Хорошилов А. А. Синтактико-семантические представления для развития казахско-русского фразеологического машинного перевода / А. А. Хорошилов, М. Жазираханым // V Международная

конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TURKLANG 2017». 2017. С. 181-195. URL: https://www.antat.ru/ru/ips/science/editions/Turklang-2_2017.pdf.

3. Ондар С.К.о. Приложения на тувинском языке как инструмент популяризации родного языка и традиций // Научные труды ТувГУ, Кызыл, 26 октября 2024 года. С. 312-315. EDN PGHZRU.

УДК 81.33;004.912

Место адаптивно-обучающей системы Л. А. Растригина в классификации современных алгоритмов обучения иностранной лексике

Полянский Константин Владимирович
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, k.v.polyansky@gmail.com

Ключевые слова: алгоритмы обучения, иностранная лексика, методики освоения терминов, адаптивно-обучающая система.

В статье предлагается классификация современных алгоритмов персонализированного изучения иностранной лексики. Выделено четыре класса алгоритмов: а) с интервальным повторением, б) использующие Байесовскую модель усваивания, в) рекомендательные, г) интегративные адаптивные системы. Отдельно в связке с частотным словарем терминов рассматривается адаптивно-обучающая методика Л. А. Растригина.

Алгоритмы с интервальным повторением. Основная идея здесь: термин должен поступать к заучиванию повторно в момент,

© Полянский К. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

близкий к ожидаемому забыванию. На основе этого система определяет, когда конкретному ученику необходимо вернуться к тому или иному термину. Интервальное повторение терминов хорошо сказывается на их усваивании. Современные примеры – системы «Anki», «Memrise» и «Quizlet», где основой адаптации выступает индивидуальное расписание повторений [1].

Сильной стороной таких алгоритмов является простота, масштабируемость и переносимость между языками. Ограничение – в том, что они слабо учитывают семантические отношения между лексемами, тематические интересы ученика и сложную структуру его учебной цели.

Алгоритмы, использующие Байесовскую модель усваивания. Второй класс алгоритмов связан с вероятностной оценкой усваивания терминов. После каждого шага обучения происходит обновление вероятности незнания терминов. Алгоритм адаптируется к текущему состоянию знаний ученика. Этот класс алгоритмов представлен такими современными системами, как «Knewton», «Yu» и «Intelligent Tutoring System» [2].

Преимущество данных алгоритмов в том, что они позволяют различать поверхностно правильный ответ от устойчивого знания термина. Недостаток - в ограниченности интерпретации при малом объеме данных и высокой сложности внедрения.

Рекомендательные алгоритмы. Третий класс ориентирован на выбор подходящих терминов. Их система формирует, исходя из сходства учеников, их персональных предпочтений и корреляции между терминами. Современные реализации: системы «Lingualeo», «AdaptedMind» и «Yu» [3].

Достоинство этой группы алгоритмов состоит в гибкой работе с большим словарем, тематическими предпочтениями и неоднородными профилями учеников. Недостатки связаны с проблемой «холодного старта», зависимостью от объема пользовательских данных.

Интегративные адаптивные системы. Помимо отдельных алгоритмов можно выделить такой класс систем, где диагностика, рекомендация и управление траекторией обучения объединены в единую архитектуру. Конечный эффект достигается не отдельным алгоритмом, а их комбинацией. Современные представители: «AI-based personalized learning system», «Knewton Alta» и «Smart Sparrow» [1].

Наряду с такими преимуществами, как комплексная адаптация и гибкая диагностика знаний, интегративные системы обладают высокой сложностью разработки и зависят от количества статистических данных.

Адаптивно-обучающая методика Л.А. Растригина. Эта методика, используемая в комплексе с частотным словарем терминов [2], заслуживает отдельного внимания. По своим архитектурным свойствам методика входит в класс интегративных адаптивных систем, поскольку объединяет анализ уровня знаний, подбор терминологического материала и динамическое управление траекторией обучения в рамках единого контура персонализации.

Критерий качества обучения данной методики определяется как:

$$Q_n = \sum_{i=1}^{N} p_i(t_i^n) \times q_i \to min, \quad (1)$$

где n – номер сеанса обучения, N – общее количество терминов в словаре, $p_i(t_i^n)$ – вероятность незнания i-го термина из n-го набора обучающей информации, q_i – вес i-го термина, отражающий его значимость в словаре.

Рисунок 1. Место адаптивно-обучающей системы Л.А. Растригина в общей классификации.

Система учитывает пользовательские предпочтения, включает признаки рекомендательных (с кластерным подходом [3]) и Байесовских (итеративный расчет вероятностей незнания $p_i(t_i^n)$) алгоритмов (рисунок 1).

Ее преимущества: персонализация, гибкость учебного процесса, относительная простота разработки и интерпретации.

В работе проведена классификация алгоритмов обучения иностранной лексике, что позволяет упорядочить решения по четырем классам, выделить роль методики Л.А. Растригина и показать тенденцию их интеграции в единые адаптивные контуры.

Список источников

1. Tipan G. The impact of Memrise as a gamified vocabulary learning tool on EFL students' vocabulary retention / G. Tipan, L. Vega // Revista Pacha. 2024. Vol. 5, № 1. P. 1–15.

2. Yudelson M. V. Individualized Bayesian Knowledge Tracing and Intelligent Tutoring Systems / M. V. Yudelson, K. R. Koedinger, G. J. Gordon // Journal of Artificial Intelligence in Education. 2021. Vol. 31, № 4. P. 879–910.

3. Yu X. Design framework of college English vocabulary intelligence recommendation and learning model // Journal of

Intelligent & Fuzzy Systems. 2020. Vol. 38, № 4. P. 4201–4213. DOI 10.3233/JIFS-179013.

4. Li Y. Intelligent educational systems based on adaptive learning-driven multimodal fusion and recommendation algorithms / Y. Li, B. Lu. // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2025. Vol. 20, № 3. P. 1-20.

5. Полянский К. В. Персонализация адаптивно-обучающей методики Л.А. Растригина на базе частотного словаря с использованием кластерного анализа корпусов текстов / К. В. Полянский, И. В. Ковалев // НТО-V-2024. 2024. 13 с.

6. Полянский К. В. Критерий освоения кластерного окна терминов в адаптивно-обучающих системах / К. В. Полянский, И. В. Ковалев // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2025. Т. 13, № 4.

УДК 81.33

Феномен «гладкой речи» в диалогах неигровых персонажей: конфликт лингвистики и геймдизайна

Степаненко Виктория Игоревна
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vs602803@gmail.com

Ключевые слова: видеоигры, NPC, речевые дефекты, диалоги в играх, синтез речи, TTS, геймдизайн, искусственный интеллект в играх.

© Степаненко В. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Видеоигры занимают важное место в жизни миллионов людей, а диалоги с NPC (неигровыми персонажами) — ключевой инструмент погружения. Однако многие игроки замечают, что речь NPC неестественно гладка: без каких-либо речевых дефектов, которые в реальной речи встречаются часто.

Под «речевыми дефектами» понимаются любые отклонения от нормативной устной речи: фонетические особенности (шепелявость, акцент), дискурсивные (хезитации, оговорки) и просодические (сбивчивый ритм, паузы). При этом важно различать намеренно введённые дефекты (как элемент характера персонажа) и технические артефакты, например, роботизированный голос из-за использования TTS (Text-to-Speech, синтез речи) без постобработки.

Одна из немногих работ, посвященных данному вопросу, принадлежит Д. Баррелл-Ким (2023), которая показывает, что речевые дефекты в играх чаще всего служат маркером низкого интеллекта и поводом для насмешек.

С другой стороны, является ли сгенерированная речь залогом успеха? Пример с Prince of Persia (2024) показывает, что нет: одного из NPC по ошибке озвучивает TTS, и игра вследствие получает негативные отзывы.

Однако все приведенные примеры оставляют открытым главный вопрос: почему разработчики в целом избегают “живой” речи у обычных NPC?

Для ответа на поставленный вопрос мною были проведены следующие исследования. Во-первых, был создан опрос, который распространялся через чаты и знакомых. Вопросы были направлены на выявление восприятия игроками «гладкой» речи NPC и их отношения к возможному внедрению «живых» речевых особенностей. Во-вторых, я проанализировала игры разных жанров: Kingdom Come Deliverance 2, Tiny Bunny, Prince of Persia:

The Lost Crown и ARC Raiders, чтобы посмотреть, как в них внедрены речевые дефекты.

Опрос (рис. 1) показал: 76% так или иначе замечают неестественную гладкость речи, а 56% предпочитают «живую» речь. Большинство также считает, что живая речь улучшит погружение.

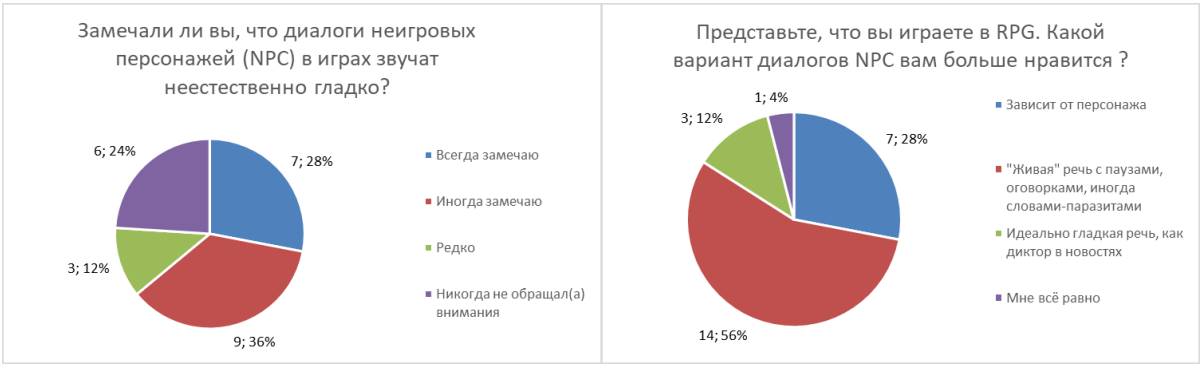


Рисунок 1. Результаты опроса игроков.

В ответах на открытые вопросы прозвучало несколько примечательных комментариев. Один из респондентов заметил, что дефекты речи допустимы только для второстепенных персонажей «по приколу». Другой предположил, что живая речь могла бы помочь людям с реальными речевыми дефектами чувствовать себя более принятыми. Для наглядного анализа того, как речевые особенности реализованы в разных играх, была составлена таблица 1. В ней приведены примеры как намеренно введённых дефектов, так и технических артефактов.

Таблица 1. Речевые особенности в диалогах NPC

Игра	**Персонаж**	**Тип речевой особенности**	**Функция/контекст**
Kingdom Come: Deliverance II (Action RPG)	Старый Ольбрам, старейшина деревни Желеёв	Шепелявость (в связи с потерей почти всех зубов)	Комичный персонаж, дающий несколько второстепенных квестов, не играет важной роли в сюжете

Окончание таблицы 1.

Игра	**Персонаж**	**Тип речевой особенности**	**Функция/контекст**
Kingdom Come: Deliverance II (Action RPG)	Бибрек Лучник, NPC из Цыганского (Кочевнического) лагеря в регионе Троски	Сильно выраженный акцент (неродной язык)	Второстепенный персонаж для прокачки навыков, торговли. Сильный акцент, как маркер культурной принадлежности
Tiny Bunny / Зайчик (Horror visual novel)	Игорь Дулгарович Будаев (также известен как Бяша) 12-летний школьник	Шепелявость, слова-паразиты («на»), необычная интонация и смех	Маркер культурной принадлежности и физиологической особенности (отсутствие зубов).
Prince of Persia: The Lost Crown (Action-adventure, platform)	Калакс (Kalux)	TTS (синтезированная речь)	Технический артефакт, ошибка разработчиков
ARC Raiders от Embark Studios (shooter)	Массовка NPC + система пингов	TTS (синтезированная речь), плоская интонация	Техническое решение для экономии бюджета

Как видно из таблицы, намеренные речевые дефекты закреплены за персонажами, которые либо комичны, либо маргинальны, либо являются носителями иной культуры. Случаи с TTS-озвучкой (Prince of Persia, ARC Raiders) показывают, что синтезированная речь воспринимается игроками негативно и в некоторых случаях перезаписывается живыми актёрами.

Таким образом, становится ясно, что разработчики следуют стандартам, а не просто «боятся». Глава Embark Studios признал:

«Настоящий актёр лучше ИИ». Однако и полная симуляция устной речи раздражает: как заметил респондент, «не уверен, что игроку будет кайфово слушать, как каждый кривозубый крестьянин заикается». Экономия в вопросе озвучки тоже важна, наём актёров дорог, особенно для инди-студий, но случаи с TTS вызывают негатив. В итоге, опрос опровергает страх разработчиков: 64% игроков замечают гладкость, но лишь 4% против живой речи. Проблема в негибкости подхода — речевые особенности почти не встречаются у «нормальных» NPC, что делает их неестественно однородными.

При этом инструменты для более живой речи уже есть: наём актёров, гибридный подход (актёр + ИИ), параметр «речевой неидеальности» в движках. Многое можно сделать и без технологий — писать реплики с паузами и просить актёров импровизировать. И, по моему мнению, текущий подход к озвучке сохранится (гладкая речь для важных персонажей, речевые дефекты — для «других»), а выбор озвучивания будет зависеть от приоритетов студий.

Список источников

1. Burrell-Kim D. «Stuttering Matt»: Linguistic ableism and the mockery of speech impediments in video games // Game Studies. 2023. Vol. 23, № 2.

2. Prince of Persia: The Lost Crown — патч 1.1.0: исправление озвучки NPC // Ubisoft. 2024. URL: https://www.ubisoft.com.

3. ARC Raiders — обновление разработчиков: перезапись ИИ-голосов живыми актёрами // Embark Studios. 2026. URL: https://www.embark-studios.com.

УДК 81.33+82.09

Речевые ошибки как художественный приём в создании образа персонажа видеоигры

Ташполатов Самир Батиржанович
Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, samirtaspolatov@gmail.com

Ключевые слова: синтаксическая интерференция, порядок слов, речевой портрет, видеоигра, языковое восприятие, нарративный дизайн, локализация, языковая идентичность.

Речь игровых персонажей является важнейшим инструментом создания их образов, однако синтаксические средства характеризации в видеоиграх изучены недостаточно по сравнению с лексическими и фонетическими.

Цель работы — установить, влияет ли нарушение нормативного порядка слов в речи игрового персонажа на приписывание ему иностранного или инокультурного происхождения.

Лингвистика уже давно занимается изучением того, как устроен порядок слов в разных языках и как носители одного языка воспринимают синтаксические конструкции, свойственные другому. В типологии языков принято выделять несколько базовых моделей расположения главных и зависимых членов предложения. Например, в английском языке прилагательное практически всегда предшествует существительному, в то время как во французском

© Ташполатов С. Б., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

языке нормой является постпозиция прилагательного во многих случаях [2].

Когда сценарист или нарративный дизайнер создает персонажа, принадлежащего к иной культуре внутри вымышленного мира, перед ним встает задача передать эту особенность, не прибегая к пояснениям. Визуальные средства, такие как костюм, внешность, окружение решают эту задачу лишь отчасти. Речь же становится наиболее тонким инструментом для такой задачи.

Синтаксическая интерференция определяется в лингвистике как перенос моделей порядка слов из родного языка в изучаемый [1]. Это явление, как отмечается в исследованиях речи билингвов, часто сохраняется даже при высоком уровне владения лексикой и морфологией второго языка, становясь устойчивым маркером языковой идентичности говорящего. На этом свойстве языкового восприятия может строиться приём создания речевого портрета в видеоиграх.

В игровой индустрии этот приём применяется в двух основных случаях. Во-первых, для маркирования расовой или национальной принадлежности персонажа внутри вымышленного мира. Например, краснолюды в англоязычной версии видеоигры The Witcher 3: Wild Hunt очень часто используют инверсии и архаичные конструкции: вместо нормативного «I don't like elves» они произносят «Elves I don't be liking», а вместо «We will fight for the king» — «For the king we'll be fighting». Непривычный для английского порядок слов даёт игроку понять, что перед ним не обычный человек, а представитель древнего народа со своим особым языком.

Во-вторых, синтаксическая интерференция используется для передачи того, что персонаж является носителем конкретного реального языка и говорит на языке видеоигры как на иностранном. В англоязычной локализации игры Metro 2033

персонажи, живущие в московском метро, говорят с характерным русским акцентом, пропуском артиклей и используют свойственный ему порядок слов. Люди, занимающиеся тестированием данной игры, отмечали, что в ранних версиях персонажи, говорившие на идеальном английском языке, воспринимались неестественно. Поэтому разработчики сохранили эти речевые особенности как художественный приём.

Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование в формате онлайн-опроса, в котором приняло участие 30 человек. Респондентам предлагалось определить, является ли для персонажа-автора данной реплики язык, который он использует родным. Каждому участнику было предъявлено 6 реплик: 3 с нормативным порядком слов и 3 с синтаксическими отклонениями. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов в зависимости от типа реплики

Тип реплики	**«Да, родной»**	**«Нет, не родной»**	**«Затрудняюсь ответить»**
Нормативный порядок слов	71,1% (64 ответа)	17,8% (16 ответов)	11,1% (10 ответов)
Нарушенный порядок слов	23,3% (21 ответ)	67,8% (61 ответ)	8,9% (8 ответов)

Различия являются статистически значимыми. Респонденты в 67,8% случаев определяли персонажа с синтаксическими отклонениями как не-носителя языка, тогда как для нормативного порядка слов этот показатель составил лишь 17,8%.

Таким образом, гипотеза подтверждается: синтаксические отклонения в речи персонажа статистически значимо влияют на приписывание ему иноязычного происхождения. Данный приём может осознанно использоваться нарративными дизайнерами для

непрямой характеризации персонажей без экспозиционных пояснений.

Список источников

1. Жабина О. В. Синтаксическая интерференция в речи русско-немецких билингвов (экспериментальное исследование) : автореферат дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 22 с.

2. Долгова И. А. К вопросу о порядке слов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21). Ч. II. С. 66-68.

УДК 81.33

Влияние алгоритмов ИИ на развитие навыков письменной иноязычной речи у студентов ИКИТ

Фокин Владислав Сергеевич[1], Ларичев Сергей Викторович[2]
[1,2]Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]vladvladov926@gmail.com
[2]s.v.larichev@mail.ru

Ключевые слова: влияние, ИИ (искусственный интеллект), навыки письменной речи, делегирование, самостоятельность, когнитивная нагрузка.

© Фокин В. С., Ларичев С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Нейросети облегчают работу с текстом, но несут скрытые риски. Рассмотрим это на примере развития навыков англоязычной письменной речи у студентов ИКИТ.

Под письменной речью понимаем способность самостоятельно проходить путь от мысли к тексту на иностранном языке.

Сегодня ИИ-сервисы (DeepL, DeepSeek, ChatGPT) позволяют генерировать готовые тексты по запросу. Для студентов ИКИТ английский — профессиональный инструмент. В ходе обучения одни работают сами, другие полностью делегируют задачу ИИ. Проанализируем эти подходы.

В эксперименте три группы по 5 человек (уровень A2–B2) писали эссе на тему «Архитектура современных процессоров»:

Группа А пишет эссе самостоятельно, без использования инструментов перевода или ИИ.

Группа Б также работает самостоятельно, после чего использует ИИ для проверки грамматических, стилистических и пунктуационных ошибок с последующим анализом полученных рекомендаций.

Группа С полностью делегирует написание текста нейросети, подавая на вход только тему эссе.

Результаты представим в виде таблицы.

Таблица 1. Результаты исследования

Критерий	**Группа А**	**Группа Б**	**Группа С**
Ошибки на 100 слов (черновик)	8.4	7.9	1.2
Ошибки на 100 слов (финальная версия)	8.4	2.1	1.2
Доля уникальных конструкций *(нормированное отношение числа уникальных лексических единиц к общему числу слов в тексте)*	86%	70%	28%
Среднее время выполнения (мин)	67	52	8

Приведем примеры конструкций, подтверждающие разный уровень сформированности англоязычных навыков:

- Группа А: *«I think the most important part is the cache memory because it is very fast.»*
- Группа Б: *«Initially, I thought that clock speed was the only metric that mattered. However, after studying the topic, I realized that parallelism and thermal design power are equally crucial. »*
- Группа С: *«In the realm of computer science, the architecture of modern processors plays a pivotal role in determining system performance and efficiency.»*

Промежуточные выводы:

1. В ходе сравнения грамматической и лексической вариативности в группе С наблюдается высокий показатель, однако текст носит шаблонный характер, что может не соответствовать узкоспециализированной технической терминологии. Группа А демонстрирует большее количество ошибок, но и более индивидуальный стиль. В свою очередь группа Б занимает самые высокие показатели среди данных критериев, показав сниженное количество ошибок, но при этом сохранив грамматическое разнообразие.

2. В отношении динамики когнитивной нагрузки студенты группы С, по сравнению с другими группами, показали снижение когнитивных затрат на выполнение задачи, а именно – при последующем устном опросе выявлена несформированность лексико-грамматических навыков.

3. При оценке способности к редактированию и рефлексии группа Б, взаимодействовавшая с ИИ как с корректором, продемонстрировала более высокий уровень метакогнитивных навыков — умение видеть и исправлять ошибки, а также аргументировать выбор той или иной грамматической конструкции.

4. Отметим, что группа, использующая ИИ для полного делегирования задачи составления текста, формирует запрос на русском языке, тем самым исключая развитие навыка работы в иноязычной среде. Мотивация такова: «Нейросетевые переводы сейчас качественны, достаточно задать четкий промпт. Зачем учиться писать самому?»

Подобная точка зрения – ошибочная по причине иллюзии понимания. Задача нейросетевых сервисов – выдавать наиболее верный статистический прогноз. При отсутствии дополнительного запроса ИИ не объясняет выбор лексики и грамматических структур. Однако, на переговорах или при написании текста без доступа к сети в этом случае очевидна несформированность данных навыков, что ведет к ошибкам. Также, усредненный, общий результат в рамках IT-сферы зачастую недопустим, здесь требуется точность.

Очевидно, что каждому человеку, занятому созданием текстового контента необходимо понимать и уметь применять гибридный подход. К примеру, так, с нашей точки зрения может выглядеть алгоритм написания иноязычного эссе для студента СФУ.

Самостоятельная работа. Студент пишет черновик самостоятельно, прилагая максимальные усилия. Допустимо консультироваться с контекстными переводчиками и уточнять значение отдельных слов.

Запрос к ИИ. Отправляем текст с инструкцией: «Выступи в роли преподавателя». Или: «Найди ошибки и объясни, что не так. Предложи улучшения с пояснениями».

Анализ: Студент сравнивает, принимает или отклоняет правки, задавая вопрос «почему?». В этом случае нейросеть выступает не как «замена мозга», а как тренажер.

Заключение: Грамотное использование ИИ в роли «репетитора», который объясняет ошибки, позволяет

«прокачивать» навыки. Наша задача — не запрещать себе использовать технологии, а научиться выстраивать с ними диалог так, чтобы они развивали нас, а не работали вместо нас.

Список источников

1. Georgiou G. P. ChatGPT produces more "lazy" thinkers: Evidence of cognitive engagement decline // arXiv. 2025. arXiv:2507.00181. URL: https://arxiv.org/abs/2507.00181.

2. Cen X. Enhancing creative writing through AI-powered co-creation with cognitive and emotional outcomes / X. Cen, G. Shakibaei // Scientific Reports. 2026. Vol. 16. Art. 1279.

3. Lee Y. J. EFL university students' motivation, cognitive load, and satisfaction with using GenAI for English learning / Y. J. Lee, M. Otani // LLT Journal: A Journal on Language and Language Teaching. 2025. Vol. 28, № 2. P. 1–18.

4. Wang Y., Li X. Enhancing EFL writing with visualised GenAI feedback: A cognitive affective theory of learning perspective / Y. Wang, X. Li// Learning and Motivation. 2025. Vol. 91. Art. 102158.

5. Divergent creativity in humans and large language models / A. Bellemare-Pepin, F. Lespinasse, P. Thölke [et al.] // Scientific Reports. 2026. Vol. 16, № 1. P. 1279.

УДК 81`33

Особенности перевода терминологии в сфере фронтенд-разработки

Харитонов Дмитрий Александрович
Институт информационных и космических технологий, Красноярский край, Красноярск, Россия, dkharitonov-ki22@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: научный стиль, технический перевод, терминология, фронтенд-разработка, способы перевода.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Николаевой Наталье Владимировне, старшему преподавателю.

Технический перевод обеспечивает обмен научно-технической информацией и требует высокой точности, нейтральности и строгого соблюдения терминологии. К нему относятся документация, научные статьи и специализированные тексты. Использование терминов и аббревиатур, а также соблюдение структуры оригинала требуют от переводчика знания предметной области, так как ошибки могут привести к серьёзным последствиям, включая юридические проблемы и нарушения эксплуатации оборудования [1].

Целью данной работы служит исследование специфики перевода терминов и профессионализмов в сфере фронтенд-разработки на примере книги по изучению React.

© Харитонов Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В рамках исследования рассматриваются особенности научного стиля и основные способы технического перевода.

Научный стиль обслуживает научную сферу общественной деятельности и предназначен для передачи информации подготовленной аудитории. Его основные особенности: точность, логичность, последовательность, абстрактность, монологичность и насыщенность терминологией. Для синтаксиса характерна экономия языковых средств и использование безличных конструкций [2].

Выделяют прямые и косвенные способы перевода. Прямые способы сохраняют структуру и лексику оригинала: заимствование, калькирование и дословный перевод. Косвенные же способы используются при невозможности прямого перевода и ориентированы на передачу смысла: транспозиция, модуляция, эквиваленция и адаптация [3].

В сфере информационных технологий перевод осложняется быстрым появлением новых терминов, которые часто не имеют точных эквивалентов в русском языке. Переводчик сталкивается с необходимостью либо заимствовать термин в оригинальной форме, либо создавать новый. Основное значение здесь приобретают лексические трансформации, позволяющие точно передать значение и сохранить функциональную нагрузку терминов в языке перевода. Выделим основные из них:

1. транскрибирование — передача заимствованного термина на другом языке путём воспроизведения его звучания средствами языка перевода;

2. калькирование — дословный перевод частей термина, сохраняющий структуру оригинала;

3. лексико-семантические замены — передача значения термина словом, не совпадающим по значению с оригиналом, но отражающим его смысл в контексте. Способ включает несколько подкатегорий – конкретизация, генерализация и модуляция;

4. экспликация (или описание) — способ передачи термина путем развернутого пояснения или характеристики, когда прямого эквивалента в языке перевода нет или он недостаточно точен [4].

Рассмотрим некоторые примеры перевода терминологии в сфере фронтенд-разработки (на основе текста книги «Learning React» авторов Алекса Бэнкса и Евы Порселло) различными способами.

Исходный текст: “And yes, those tags require preprocessing to run in a browser”. Переводящий язык: «И да, эти теги требуют предварительной обработки для запуска в браузере». В данном предложении термин «preprocessing» был переведен с помощью калькирования. Также в профессиональной среде часто встречается вариант перевода «предобработка», который тоже выполнен с помощью калькирования. Второй термин данного предложения – «browser» – был переведен как как «браузер». Термин стал общеупотребимым среди русскоязычных пользователей, в особенности в контексте цифровых технологий, поэтому для перевода был выбран способ транскрибирования.

Исходный язык: «It was built at Facebook to address some of the challenges associated with large-scale, data-driven websites». Переводящий язык: «Она (библиотека) была разработана в Facebook для решения некоторых проблем, связанных с крупномасштабными веб-сайтами, которые принимают решения на основе данных». Термин «data driven» переведен с помощью экспликации («принимающий решения на основе данных»), так как дословный перевод менее точен.

Исходный текст: «If you’re familiar with the npm workflow, getting up to speed with Yarn is fairly simple». Переводящий язык: «Если вы знакомы с рабочим процессом npm, освоиться с Yarn довольно просто». Термин «workflow» переведен с помощью лексико-семантической замены, а точнее способа модуляции. «Workflow» описывает системы, которые помогают в организации

бизнес-процессов. Иногда в профессиональной среде можно встретить перевод «воркфлоу», но он не получил достаточно широкого распространения. Вариант перевода «рабочий процесс» более точно передает смысл упорядоченной последовательности действий.

Анализ терминов в книге по React показал, что чаще всего используются калькирование (45%) и транскрибирование (46%), тогда как экспликация (2%) и лексико-семантические замены (7%) применяются редко.

Высокий процент транскрибирования обусловлен тем, что многие термины в сфере информационных технологий заимствованы и не имеют русских аналогов. Калькирование же позволяет разбивать сложные термины на части, делая их более понятными, что особенно важно для учебных материалов.

Результаты подчеркивают необходимость сохранения структуры оригинала и точности передачи звучания в технической документации. Равное использование калькирования и транскрибирования подтверждает их ведущую роль в переводе терминов в сфере информационных технологий.

Список источников

1. Особенности технического перевода // Перевод.рф. URL: https://xn--80aegcaa6cbngm5a6c1ci.xn--p1ai/tehnicheskij-perevod/.

2. Язык и стиль научного текста // Томский политехнический университет. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/t/TATVLAD/sechs/Tab1/Vladimirova_Posobie.pdf.

3. Особенности перевода технических текстов // Казанский государственный энергетический университет. URL: https://kgeu.ru/upload/iblock/17c/aabcr6r40ucg2mgdvhzu3ho4ikyvywts/Marzoeva_-Gilyazieva.-Osobennosti-perevoda-tekhn.-tekstov.pdf.

4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990. 253 с.

УДК 81’33

Трудности вторичного перевода безэквивалентной лексики в видеоиграх

Чащилова Алина Дмитриевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, error.egorka.et@mail.ru

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, вторичный перевод, перевод компьютерных игр, методы перевода.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Николаевне Ямских, доценту, канд. пед. наук.

В каждом языке встречаются понятия, отражающие особенности быта, культуры и истории народа-носителя, которые не имеют аналогов в других языках. Подобные слова часто встречаются не только в устной речи и лингвистических исследованиях, но и в художественной и публицистической литературе, а также в музыке, кино и играх. Одной из основных целей переводчика становится не только поиск подходящего аналог, но объяснение сути уникального явления на языке реципиента. Однако задача усложняется, если переводчику приходится работать с уже переведённым текстом.

© Чащилова А. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность данной работы заключается в том, что исследования в области вторичного перевода публикуются крайне редко, а потребность в них, как и в самом процессе, несмотря на глобализацию, остаётся.

Цель работы – рассмотреть подходы непрямого перевода безэквивалентной лексики при работе с переведённым текстом и выявить наиболее эффективные из них для определённых ситуаций.

Перед началом исследования было поставлено несколько задач:

- подбор фраз, содержащих «непереводимые» слова, из компьютерной игры на языке оригинала и языке-посреднике;
- перевод выбранных фраз;
- анализ подходов к переводу безэквивалентной лексики;
- формирование рекомендаций на основе проведённого исследования.

Термин «безэквивалентная лексика» был введен Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. Он обозначает слова, относящиеся к специфическим культурным элементам, присущим только одной культуре и отсутствующим в другой, а также слова, которые не имеют прямого перевода на другие языки, то есть не имеют эквивалентов за пределами своего родного языка [1].

Вторичным, или косвенным, переводом принято считать перевод, осуществлённый не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на какой-либо другой язык [2]. Такой тип перевода встречается реже, но остаётся актуальным, поскольку существуют продукты, изначально создававшиеся для узкой группы населения (например, для жителей одной страны или носителей так называемых «региональных» языков). Более того, возможность работать с оригиналом предоставляется не всегда.

Язык-посредник – это тот язык, на который был выполнен первичный перевод. Обычно такую роль играет близкородственный

либо широко распространённый язык, например, английский. Первичный перевод в таком случае следует называть текстом-посредником.

Особенностью безэквивалентной лексики во вторичном переводе является то, что ей уже ранее было найден аналог или дано объяснение на языке-посреднике. Однако сложно судить о точности. Если в переводе с оригинала была допущена ошибка или подобрана неверная аналогия, то она может сильно повлиять на косвенный перевод и либо сильно исказить изначальный смысл текста, либо полностью его потерять.

В качестве материала для исследования были выбраны две сюжетных истории из ритм-игры «Ensemble Stars!! Music» – «Great War» и «The Matchless Warrior» [4]. Обе истории были написаны на японском языке и впоследствии переведены разработчиками на английский. Основное их различие в том, что одна из них содержит озвучку на языке оригинала (японский), поэтому на их примере можно продемонстрировать две ситуации:

1. когда имеется доступ и к оригинальному тексту, и к тексту-посреднику;

2. когда имеется доступ только к тексту-посреднику.

Выбранные фразы были переведены и проанализированы. Перевод фрагментов истории с оригинальной озвучкой выполнен более точно в отличие от фрагментов, где был только текст-посредник.

В ходе исследования было выявлено, что перевод бекэквивалентной лексики требует дополнительного объяснения. С одной стороны, это помогает читателю понять, о чём идёт речь. С другой – объяснения выбиваются из характера персонажа и не соответствуют сеттингу игры; получается, что персонаж рассказывает о культуре страны тому, кто уже в ней живёт.

На основе полученных результатов можно сформировать следующие рекомендации для каждого из случаев.

При наличии доступа к тексту оригинала:

• даже с минимальным знанием языка в первую очередь опираться на оригинал, а во вторую – на первичный перевод;

• работать сразу с двумя языками и сравнивать их между собой, чтобы выявить наиболее точную формулировку на языке-реципиенте.

При отсутствии доступа к тексту оригинала можно полагаться только на текст-посредник и пользоваться привычными тактиками и способами перевода. Однако в таком случае стоит учитывать, что искажение смысла неизбежно.

Также, в любой из двух ситуаций стоит при возможности убирать объяснения отдельных предметов и явлений, свойственных культуре языка оригинала, где они кажутся неестественными, в специальный игровой словарь, сноску и т.д., чтобы не нарушалось настроение повествования.

Список источников

1. За границами слов: что такое безэквивалентная лексика // НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде. URL: https://nnov.hse.ru/ba/ling/news/912618038.html.

2. Лекция №3: Основные виды перевода // Let’s study English! URL: http://efl-gladkova.ru/?page_id=158.

3. Холево А. С. Косвенный перевод и порождаемые им переводческие несоответствия (на примере переводов прозы В. Быкова с белорусского на китайский язык) // Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2019 г. Минск : БГУ, 2019. С. 76-81. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/240128.

4. Ensemble Stars!! Music [Видеоигра] / Happy Elements K.K. 2015. Android.

UDC 81.33

Modelling Lexical Stress in English in Neutral Text-To-Speech Systems

Borodin Ilya Evgenievich
Institute of Space and Information Technologies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, IBorodin@sfu-kras.ru

Keywords: neural text-to-speech synthesis, lexical stress, English language, heteronyms, attention mechanism, Tacotron 2, WaveNet.

The article examines the modeling of lexical stress in neural text-to-speech systems using English mode. The relevance of this topic is driven by the necessity to improve the authenticity, of synthesized speech in voice assistants.

The limitations of traditional approaches are analyzed, and architectural solutions (Tacotron 2, WaveNet) that ensure correct stress placement are described. The results of an experiment demonstrating the accuracy of neural network models at 96.5% are presented.

Modern voice assistants have become an integral part of everyday life. A key requirement for such systems is not just intelligibility, but also naturalness of sound.

In English, stress serves a distinctive function. There is a class of heteronyms – lexemes with identical spelling but different stress and meaning: *'record* (noun) vs. *re'cord* (verb). An error in stress placement changes the meaning and function.

The aim of this work is to identify the mechanisms by which modern neural network architectures can correctly assign stress based

© Borodin I. E., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

on context. Historically, two main approaches to speech synthesis have emerged.

The dictionary-based approach uses a phonetic dictionary with stress markings. Disadvantages: a dictionary cannot contain all words of a language and does not account for context, typically storing only one pronunciation variant [1, p. 45].

The rule-based approach uses linguistic rules for stress placement. Disadvantages: the English language is rich in borrowings, so any rules have numerous exceptions [2, p. 112].

A turning point came with the introduction of deep learning architectures – Tacotron 2 and WaveNet. These systems belong to the class of end-to-end models: they are trained on text–audio pairs, independently extracting pronunciation patterns.

The attention mechanism plays a key role in acquiring stress patterns [3]. During its training, the network establishes connections between letters and acoustic characteristics. For the word *'record*, the signal energy is higher on the first syllable; for *re'cord*, it is higher on the second. The network learns this statistical pattern. The attention mechanism accounts for context: if the word *record* is preceded by the article *a*, the network activates the noun pattern; if preceded by the particle *to*, it activates the verb pattern [4].

To assess the effectiveness of the neural network approach, a comparative experiment was conducted. Thirty frequent heteronyms (*produce*, *object*, *refuse*, *present*, etc.) were selected. For each, five contexts with the noun and five with the verb were created (150 context pairs in total).

Synthesis was performed by three systems: a rule-based system (MaryTTS), a dictionary-based system (eSpeak NG), and a neural network system (Google Cloud Text-to-Speech based on WaveNet).

Table 1. Accuracy of Stress Placement

System Type	**Noun Accuracy**	**Verb Accuracy**	**Overall Accuracy**
Rule-based (MaryTTS)	67%	63%	65%
Dictionary-based (eSpeak NG)	94%	12%	53%
Neural Network (WaveNet)	97%	96%	96.5%

The low accuracy of the dictionary-based method is explained by the fact that the dictionary contained only the noun form of the heteronyms.

The neural network system demonstrated a fundamentally different level of prosody handling. It correctly processed the complex case in the sentence *"They refuse to collect the refuse,"* where the first occurrence is a verb and the second is a noun. The rule-based system assigned the same stress in 40% of cases, while the neural network selected the correct variants in 100% of cases.

The system successfully handled the neologism *cryptocurrency*, which was absent from traditional dictionaries. Relying on the pattern of words with the suffix-*ency*, the network placed stress on the first syllable, which corresponds to the pronunciation norm.

The neural network-generated speech demonstrated correct vowel reduction in unstressed syllables.

Based on the data obtained, it can be argued that neural networks form implicit linguistic regularities: the attention mechanism links a word with its surrounding context and selects the appropriate stress pattern.

As a result of the study, it has been established that modern neural text-to-speech systems solve the problem of lexical stress placement not through rule approximation, but through statistical learning on large corpora of natural speech. The key success factor is the model's ability to account for broad context through the attention mechanism, which

allows heteronyms and neologisms to be pronounced correctly with an accuracy of up to 96.5%.

The practical significance of the work lies in the possibility of adapting the described approaches for Russian text-to-speech systems, where the problem of homographs is equally acute. A promising direction is the integration of transformer architectures for deeper semantic analysis of context.

References

1. Taylor P. Text-to-Speech Synthesis. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 608 p.

2. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Oxford : Blackwell Publishing, 2008. 560 p.

3. Natural TTS Synthesis by Conditioning WaveNet on Mel Spectrogram Predictions / Shen J. [et al.] // Proceedings of ICASSP 2018. IEEE, 2018. P. 4779-4783.

4. WaveNet: A Generative Model for Raw Audio / Oord A. van den [et al.] // arXiv. 2016. No. 1609.03499.

5. Tacotron: Towards End-to-End Speech Synthesis / Wang Y. [et al.] // arXiv. 2017. No. 1703.10135.

UDC 81.33

The Transformation of Oral Communication in Internet Streaming and Vlogging

Kharchenko Alexander Gennadievich
Institute of Space and Information Technologies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, agkharchenko@sfu-kras.ru

Keywords: oral communication, internet streaming, vlogging, digital discourse, speaking skills, online interaction, multimodality.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the scientific supervisor Alla Grigoryevna Volkova, senior teacher.

Oral communication has undergone major changes in the digital era, especially under the influence of internet streaming and vlogging. Traditionally, oral speech was associated with direct face-to-face interaction, where speakers and listeners shared the same physical space and communicated in real time. Today, however, communication increasingly takes place through digital platforms such as YouTube, Twitch, TikTok, Instagram Live, and other streaming services. These technologies have created new communicative conditions in which speech is mediated by a screen, shaped by audience expectations, and influenced by the technical and social logic of online media. As a result, oral communication is no longer limited to spontaneous interpersonal exchange; it has become a public, performative, and highly interactive form of discourse [1].

One of the most important features of internet streaming and vlogging is the transformation of speech into a hybrid form of communication. In live streams, speakers often talk while performing

© Kharchenko A. G., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

another activity, such as gaming, reviewing products, discussing news, or teaching. This means that oral communication is not only informative but also multimodal: it combines speech, gesture, facial expression, written comments, emojis, sound effects, and visual elements on the screen. In vlogging, the speaker usually prepares content in advance, but the final product still preserves the impression of direct spoken interaction. The viewer experiences the vlog as personal and conversational, even though it is often edited and carefully structured. This combination of spontaneity and planning distinguishes digital oral communication from classical oral speech [2].

Another important change concerns the relationship between speaker and audience. In traditional oral communication, the audience is usually physically present and can respond immediately through verbal or nonverbal cues. In streaming and vlogging, the audience is both present and absent: it may interact through live chat, comments, likes, donations, and reposts, but it may also consume the content later, asynchronously. This creates a new communicative situation in which the speaker must imagine a shifting and invisible audience. For that reason, streamers and vloggers often use direct address, rhetorical questions, inclusive pronouns, and repeated explanations in order to maintain engagement. The result is a more audience-oriented style of speech, where the speaker actively performs not only a message but also a persona [3].

Internet streaming and vlogging also influence the linguistic features of oral communication. Speech in these formats is often more informal than in institutional or academic settings. Speakers use colloquial expressions, slang, abbreviations, humorous remarks, and emotional evaluations to create a sense of authenticity and closeness. In many cases, this language reflects youth culture and online subcultural identity. The use of short phrases, repetition, fillers, and quick topic changes is especially common in live streams, where the speaker must maintain a continuous flow of speech while reacting to events in real

time. Vlogging, on the other hand, often involves more polished speech, but it still preserves conversational features such as directness, personal storytelling, and expressive intonation [4].

The transformation of oral communication in these media is also connected with changes in speaking skills. Research on vlogging shows that video blogging can improve learners' oral performance, confidence, pronunciation, and fluency because it encourages repeated speaking practice and self-monitoring [5]. Unlike ordinary conversation, vlogging requires the speaker to plan, record, revise, and evaluate speech. This makes oral communication more reflexive and more conscious. At the same time, live streaming encourages improvisation and the ability to respond quickly to unpredictable situations. Therefore, streaming and vlogging develop different dimensions of speaking competence: vlogging supports structured and reflective speech, while streaming strengthens spontaneity, responsiveness, and interactive adaptation.

A further dimension of transformation is the social function of oral communication. In online environments, speech is not only a means of transmitting information but also a tool for identity construction, community building, and audience retention. Streamers and vloggers use their voice to create trust, visibility, and emotional connection. Their communication often includes personal stories, opinions, jokes, and direct emotional reactions, which help establish a sense of intimacy with viewers. This phenomenon shows that oral communication in the digital age is increasingly performative: the speaker must attract attention, sustain interest, and present a recognizable online identity. In this sense, oral communication becomes part of personal branding and digital self-presentation.

The technological context of streaming and vlogging also changes the norms of oral interaction. Speech is now archived, replayed, clipped, shared, and remixed. Unlike everyday conversation, which disappears after it is spoken, digital oral communication leaves a permanent trace. This means that speakers may be evaluated not only in the moment of

interaction but also later, through edited fragments, screenshots, and audience commentary. Such permanence encourages speakers to think more carefully about their verbal behavior, while still maintaining a natural and engaging style. Consequently, digital oral communication exists between spontaneity and control, authenticity and performance, informality and public accountability.

In conclusion, internet streaming and vlogging have significantly transformed oral communication. Speech in these media has become more interactive, multimodal, performative, and audience-centered. It combines spontaneous expression with deliberate self-presentation and adapts to the technical conditions of digital platforms. Streaming encourages immediacy and real-time responsiveness, while vlogging supports reflection, editing, and structured oral expression. Together, these forms of communication illustrate how digital media reshape not only the content of speech but also its form, function, and social meaning.

References

1. Improving Students' Speaking Ability through Vlogging // Atlantis Press. URL: https://www.atlantis-press.com/article/125910522.pdf.

2. Raish M. The Use of Vlogging to Enhance Speaking Skills / M. Raish, M. Rimbar // ERIC. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1327333.pdf.

3. The impact of social media and vlogging on speaking skill // Scientific Journal. URL: https://scientific-jl.com/uuc/article/download/10625/10281/20583.

4. Tseng S.-Y., Yeh H.-C. Video blogging and English presentation performance: A pilot study // PubMed. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26444840/.

5. Vlogging as a tool for enhancing learners' speaking skills: A literature review // Вестник науки. 2025. Vol. 1, №5 (86).

UDC 81.33

Why Do We Prefer Communicating with AI over Live Communication?

Sukmanova Irina Mikhaylovna
Institute of Space and Information Technology of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, Sukmanova291003@gmail.com

Keywords: artificial intelligence, chatbot, communication, interaction with a chatbot.

Every year the number of chatbot users is growing worldwide. As of 2025, over 987 million people globally use AI-based chatbots [1]. A chatbot is a program that automatically communicates with users via text or voice interface. They first appeared in the middle of the 20th century and found application in messenger development during the 2010s. Today, chatbots are used in business, banking, IT, retail, and even HR.

The operation of chatbots is based on natural language processing (NLP) and machine learning. Language models (LMs) analyze and generate text by understanding its structure and meaning. Machine learning involves training LMs to solve tasks without programmer instructions. Modern LMs most often use the transformer architecture, proposed in 2017 [2], that consists of an encoder and a decoder block. The encoder processes input data, the decoder generates responses, making these models effective for translation, summarization, and question-answer systems. Neural networks enable more accurate understanding and generation of human language.

© Sukmanova I. M., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

This paper analyzes human interaction with chatbots, highlights its features from a linguistic perspective and explains why people today prefer this way of communication over interaction with real people.

It is important to note that the term "communication" is not fully applicable to interaction with a chatbot. Communication is the process of establishing and developing contacts between people that involves information exchange, development of a unified interaction strategy and perceiving and understanding another person [3]. Interaction with a chatbot may include information exchange and strategy building but a chatbot cannot perceive or understand a person (even if users may feel otherwise) nor can it establish or develop contacts with a person. Therefore, such contacts should be termed "interaction" rather than "communication".

The process of communication between real people has many distinctive features. It is important to highlight that human speech often contains emotionally evaluative vocabulary (words like "beautiful", "greedy"); informal speech is typically unstructured; various fixed expressions, idioms, similes, and metaphors are used. There is also a psychological and sociological aspect: a speaker cannot always predict an interlocutor's reaction or response to expressed thoughts.

One convenience of interacting with a chatbot is the specific "conversation" scenario. It is quite simple: the user enters a specific query and receives an equally specific response. Such a query is called a prompt, that is a set of instructions telling the AI model what to do. The quality of interaction with the chatbot depends on how the prompt is written. The more detailed and precise the prompt, the more specific the neural network's response. When an entirely new, unrelated prompt is given, the AI model generates an appropriate response without returning to or referencing the previous topic (unless specified otherwise). This greatly simplifies "communication" – your virtual interlocutor always talks about what you want and find interesting, providing answers according to your request.

With the development of neural networks their responses to user prompts become increasingly "human-like." However, machine-generated text can always be distinguished by several aspects, such as formulaic phrases; a clear, structured, point-by-point format. Chatbot responses often contain semantic repetitions ("It's important to make time for rest," "Proper rest has a positive effect on health"); they lack emotionally evaluative vocabulary and have less diverse vocabulary. There are also specific methods for detecting neural network-generated texts (quantitative linguistics methods, Douglas Biber's methodology).

When chatbots respond to prompts that include the phrase "What do you think about...?", their answers can contain some of the following phrases: "I can say," "For me," "I understand," "I see," "I think." The use of these speech patterns allows us to begin associating the bot with a real person. This phenomenon is called anthropomorphism – it is when a person transfers human images and qualities to inanimate objects. Humans are prone to anthropomorphism and after a frequent interaction with a chatbot one may develop the feeling of communicating with a real person.

Definitely, the preference for communicating with a chatbot is shaped by a combination of factors, including psychological and sociological ones alongside linguistic ones. So why do more and more people prefer "communicating" with chatbots?

The main reason is the simplicity of this type of interaction. Interacting according to a predefined scenario is much easier because one understands how the dialogue will develop. Preference is also influenced by anthropomorphism – on the chatbots' side through their "human-like responses" and elements of friendliness ("Would you like me to elaborate on any aspect?", "I'd be happy to tell you more") and on the users' side through the human ability to attribute human traits and qualities to non-living beings.

References

1. The Most Used AI Chatbots in 2025: Global Usage, Trends, and Platform Comparisons of ChatGPT, Gemini, Copilot, and Claude // Data Studious. 2025. URL: https://www.datastudios.org/post/the-most-used-ai-chatbots-in-2025-global-usage-trends-and-platform-comparisons-of-chatgpt-gemini.

2. Attention Is All You Need // arXiv. 2023. URL: https://arxiv.org/abs/1706.03762.

3. Общение // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: https://bigenc.ru/c/obshchenie-b9d6cb.

UDC 81.33

From Screen to Dataset: How Film Databases Shape Contemporary Humanities Research

Zakharov Ilya Mikhailovich
Humanitarian institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, lucha2007@mail.ru

Keywords: digital humanities, film databases, IMDb, coming-of-age films.

Acknowledgements: The author expresses gratitude to Alla Grigorievna Volkova for guidance and support in preparing this research.

In digital humanities, researchers actively use computer methods to analyze culture [1]. Online film databases are one of the most accessible structured sources of information. In this paper, we will look

© Zakharov I. M., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

at coming-of-age films (2000–2010) as an example to see how databases like IMDb help us conduct quantitative analysis of cinema and extract useful data for interpretation.

Let us start with the data source. We use the IMDb database [2] because it provides structured metadata: rating, number of votes, runtime, budget, technical details, and more. We manually selected 55 coming-of-age films from 2000–2010 based on IMDb user lists. For each film, we recorded the title, year, rating, number of votes, and runtime. Table 1 shows a fragment of our dataset.

Table 1. Fragment of the dataset (55 coming-of-age films, 2000–2010)

Title	**Year**	**Rating**	**Vote**	**Runtime (in minutes)**
Almost Famous	2000	7.9	315K	122
L.I.E	2001	7.1	11K	97
Lilya 4-ever	2002	7.8	55K	109
Lost in Translation	2003	7.7	528K	102
Mysterious Skin	2004	7.6	85K	145
Havoc	2005	5.4	22K	85
Little Miss Sunshine	2006	7.8	557K	101
…	…	…	…	…
Scott Pilgrim vs. the World	2010	7.5	496K	112

Now, let us build three graphs to visually explore the data and identify key trends.

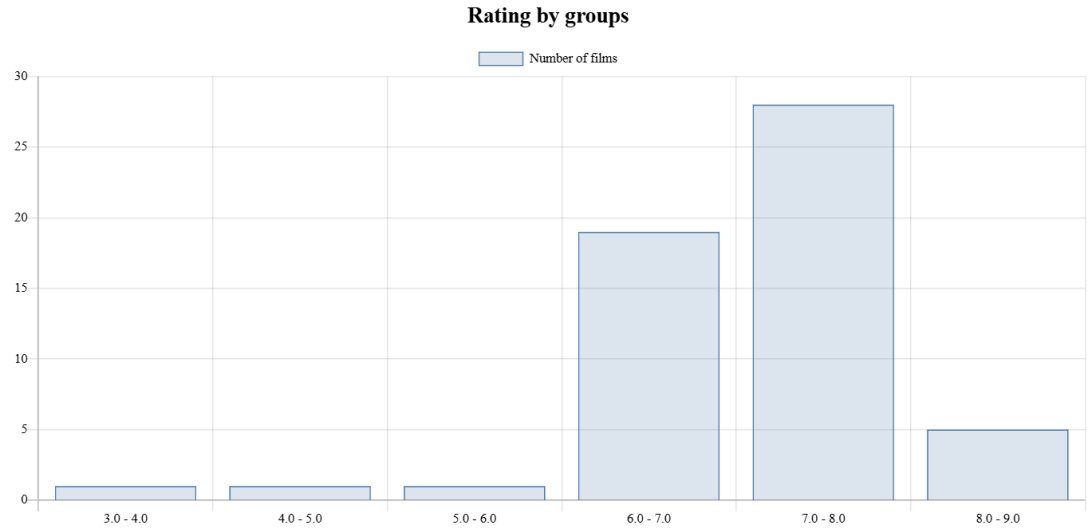


Figure 1. Distribution of films by IMDb rating.

Look at Figure 1. Most films – 28 out of 55 – have a rating between 7.0 and 8.0. Only 5 films (11%) scored above 8.0, and 2 films scored below 5.0. This means that the coming-of-age genre is consistently rated well, but it rarely produces outstanding hits.

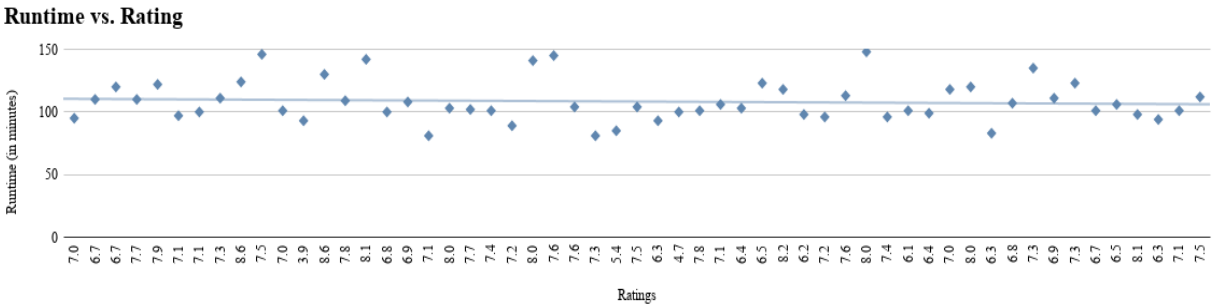


Figure 2. Relationship between runtime and IMDb rating.

Figure 2 shows a scatter plot of runtime versus rating. The points are scattered randomly. Short films (80–100 minutes) can have very low ratings (3.9) or very high ratings (8.6). The same is true for long films (120–150 minutes). We can see no clear relationship between how long a film is and how highly viewers rate it. In other words, runtime does not determine success.

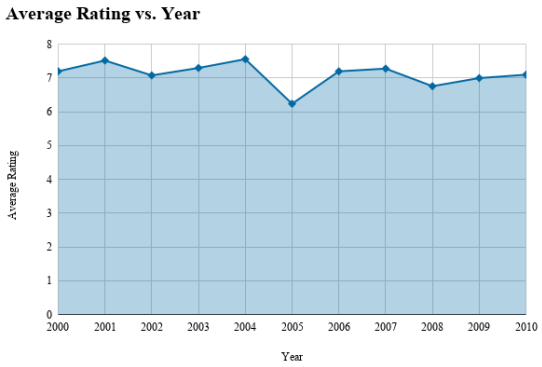


Figure 3. Average rating dynamics of coming-of-age films by year.

Figure 3 shows how the average rating changed from 2000 to 2010. The average rating fluctuates between 6.2 and 7.6. A noticeable drop occurred in 2005, when the average fell to 6.24. This drop is linked to several poorly received films, such as *Havoc* (5.4) and *Melissa P.* (4.7) [2]. After 2005, the average rating recovered to 7.0–7.3. So, we see a temporary decline in the middle of the decade, followed by stabilization.

To sum up, IMDb proved to be a very convenient tool for quantitative film analysis. We quickly collected data on 55 films, identified the rating distribution, tested the relationship between runtime and rating, and traced the dynamics over the years. All the information we needed (rating, votes, runtime, budget) is available on each film's page. However, we must remember that the IMDb rating is an average user score. It does not always reflect the true artistic or aesthetic value of a film. Still, for primary analysis and for identifying general trends, film databases like IMDb open up new opportunities. They allow us to combine traditional methods with quantitative approaches.

References

1. Defining Digital Humanities: A Reader / ed. by M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte. Routledge, 2016. 330 p.
2. IMDb. URL: https://www.imdb.com/.

Проблемы теории и истории государства и права

УДК 342.56

Советское влияние и кодификация права в Тувинской Народной Республике

Биче-оол Айдыс Маадыр-ооловна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, aidasha79@yandex.ru

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, советизация, законотворчество, кодификация.

Начало XX века для Внутренней Азии ознаменуется глубокими изменениями в государственно-правовом, идеологическом устройстве. Падение маньчжурской династии Цин в феврале 1912 году в следствие Синьхайского восстания 10 октября 1911 года в Китае дало старт национально-освободительным движениям в Туве, Монголии и Тибете. В 1914 году Российская империя объявляет протекторат над Тувой и называет Урянхайским краем в составе Енисейской губернии под управление Иркутскому генерал-губернатору [1].

Царская Россия проводит работу по отмене существовавших в Туве судебной деятельности крайне осторожно, не пресекая обычное право тувинцев и власть нойонов по небольшим спорам и преступлениям. Споры между тувинцами и русскими рассматривали в смешанном суде, созданного принятием 10 апреля 1915 г. «Временного положения о смешанном суде между русскими и урянхайцами» [2].

1 этап. Становление и нормативное оформление Тувинской Народной Республики

© Биче-оол А. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В августе 1921 года на Всетувинском учредительном хурале под руководством гун-нойона Буян-Бадыргы, при активном и заинтересованном участии РСФСР создается государство Таңды-Тыва арат улус (Республика Танну-Тува улус), принимается первая Конституция. С этого дня в Туве зарождается тувинское законотворчество. Всего за период с 1921 по 1944 годы Тувинская Народная Республика примет шесть Конституций. Первая Конституция состояла из 22 статей. Декларировала провозглашение Танну-Тува улус как независимой республикой, определяла структуру государственной власти (Центральный совет как высший исполнительный орган, кожуун-сумоны, Великий Хурал как верховный орган), а также закрепила основные права и свободы (в т.ч. свобода вероисповедания, отмену пыток и телесных наказаний [3].

В период первого этапа развития законодательства Тувинской Народной Республики (ТНР), с 1921 по 1929 годы, правовая система формировалась преимущественно вокруг конституций и основных актов о государственном устройстве, при том в правосознании тувинского общества все еще сильны были нормы обычного права. Кодификации законодательства, как и детальных законов практически не было. Конституция 1923 года уточняла и развивала положения 1921-го года, регистрируя изменения в структуре органов власти и механизмов управления. Конституцией 1924 года учреждён Малый хурал как постоянный представительный орган между созывами Великого хурала; вводятся более чёткие нормы о функциях Правительства ТНР и местного самоуправления. Конституцией 1926 года отмечается усиление «народного» и «трудового» характера государства, дальнейшая институционализация органов власти, усиление роли центральных органов по отношению к кожуунам и сумонам. Эти четыре конституции (1921, 1923, 1924, 1926 гг.) являются ключевыми

нормативно-правовыми актами первого этапа; они формируют основу правовой системы ТНР до конца 1920-х годов.

2 этап. Советизация правовой системы ТНР (с 1930 по 1944 годы)

Кроме конституций, в период 1921–1929 годов в ТНР действовали отдельные постановления и решения хуралов по вопросам земельных отношений, налогообложения, а также о порядке работы местных органов, внутренние уставы и «положения» при Центральном совете, которые регламентировали работу правительства, министерств, но не были оформлены как единые кодифицированные законы. С 1930 по 1944 годы ТНР примет в 1930,1936,1941 годах, руководствуясь советским законодательством.

Важно, что специализированные кодексы (уголовный, брачный-семейный, земельный) и детальные «законы» о судоустройстве начинают системно появляться во втором этапе, уже в 1930-е и 1940-ые годы (например, Положение о судоустройстве, Уголовный закон, Кодекс о браке и семье) [4].

В феврале 1922 года создается Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК), которая сыграет немаловажную роль в построении государственного устройства, в том числе законодательства в ТНР, оказывая консультации при создании законов ТНР, транслируя политику СССР [5].

ТНР многое заимствовал из законодательства. Так, в предисловии Сборника законодательства Тувинской Народной Республики под редакцией Анчымаа Тока указывает, что становление ТНР, установление ее политического строя достигнуто под "братским руководством Советского Союза"[4].

В СССР прошли подготовку также первые кадры в Коммунистическом университете трудящихся Востока, которые заняли руководящие должности в ТНР по окончании и укрепят просоветскую политику не только в законотворчестве, но и во всех

ее сферах. Создание ТНР можно назвать этапом подготовки для присоединения к СССР. РСФСР, СССР в данном случае выступил как правовой донор, тогда как ТНР правовой реципиент.

Список источников

1. История Тувы: в 2 т. Т.1. 2-е изд., перераб. и доп./ Под общ.ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Кызыл: ОАО "Тываполиграф", 2014. 368с.

2. Самдан А. А. Правовое регулирование административного и судебного устройства тувинцев в период протектората России над Урянхайским краем (Тувой) // Новые исследования Тувы. 2014, № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7323-samdan.html (дата обращения: 12.01.2026).

3. Конституции Тувы 1921–1993 гг. : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / составитель В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1999. 216 с.

4. Сборник законов и основных постановлений Правительства Тувинской народной республики / под общ. ред. Х. Анчима, С. Т. Чимба ; Президиум Малого Хурала ТНР. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1944. 455 с.

5. Моллеров Н. М. История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921-1944 ггю). - Кызыл: тип. МБОУ КЦО "Аныяк", 2022. -376с.

УДК 340.154

Налоговая политика Петра I

Горбачева Дарья Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, gor2010go@mail.ru

Ключевые слова: Петр I, подворное налогообложение, подушная подать, ревизские души, налоговая реформа.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ольге Викторовне Богуновой, доценту, канд. ист. наук.

Создание стабильной налоговой системы играет важную роль в укреплении государства. Для России петровского периода этот вопрос приобрел критическое значение: модернизация армии и промышленности требовала пересмотра механизмов формирования бюджета. В первой четверти XVIII века происходит переход от разнородных податных сборов к выстроенной фискальной модели, что делает изучение налоговой политики Петра I весьма актуальным.

На рубеже XVII-XVIII веков доминировал подворный принцип налогообложения: сборы рассчитывались исходя из количества дворов, а распределение подати отдавалось на усмотрение местных органов власти. В этот период с целью увеличения поступлений в казну государь внедрил в финансовое ведомство институт «прибыльщиков» – должностных лиц, обязанных искать новые нетрадиционные источники доходов. Также Петр I расширил базу плательщиков за счет привилегированных сословий (дворянства,

© Горбачева Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

духовенства и купечества), обложив чрезвычайными сборами и их [1, с. 45-46]. Однако, система оставалась нестабильной из-за смешения постоянных и экстренных налогов, а также сочетания денежных и натуральных платежей [2, с. 22]. Специфические сборы, например, указ 1705 года, который устанавливал плату за ношение бороды, также пополняли бюджет [3]. Государство стремилось поставить под контроль даже самые традиционные элементы быта.

Недостоверность сведений, полученных в ходе переписи населения в 1710 году, не позволила правительству Петра Великого использовать их в качестве основы обложения [1, с. 47]. Стала очевидной необходимость изменений в системе налогообложения.

Именным указом от 26 ноября 1718 года вводилась подушная подать, требующая учета всего податного мужского населения («ревизских душ») [4]. Система закрепляла армию за новыми податными округами, распределив содержание полков пропорционально числу учтенных крестьян. Акт также вводил высшую меру ответственности за утайку душ и утверждал административные должности – полковых и земских комиссаров, подотчетных Ревизион-коллегии и ответственных за сбор налогов.

Однако, суровые меры не искоренили утайку податных душ. Из-за огромной территории империи доставка информации в центр могла занимать до десяти месяцев. Также, например, в Киеве, свирепствовала чума, парализовавшая нормальную жизнь и, в том числе, процесс переписи. По итогам первой ревизии 1719 года было насчитано 3,8 млн душ, хотя реальная цифра была выше. В ответ на неэффективность учета Сенатским указом от 17 октября 1720 года была введена практика расследований с использованием пыточных средств и установлена смертная казнь за утайку душ [2, с. 69-70].

В 1722 году правительство перешло к решительным мерам. Указом от 9 января из числа гвардейских офицеров назначаются специальные ревизоры, наделенные широкими полномочиями для проверки данных на местах [2, с. 79], а инструкция генерала Г. П.

Чернышева от 5 февраля 1722 года регламентировала их деятельность как жесткую фискальную операцию [2, с. 111]. Именным указом от 11 января 1722 года, Петр I закрепил целевой показатель – 5 млн душ мужского пола по ставке 80 копеек [5]. В результате, в 1722–1728 годах выявили еще 766 тыс. «утаенных» душ.

Со временем механизм формирования налоговых обязательств совершенствовался. Величина подушной подати теперь определялась соотношением суммы финансовых потребностей армии к числу податного населения. Ставки налога дифференцировались по социальному статусу плательщика. Согласно акту от 26 июня 1724 года, городские жители были обязаны платить 1 рубль 20 копеек, а помещичьи, удельные и посессионные крестьяне – 64 копейки. Государственные крестьяне несли более тяжелое бремя: 74 копейки основной и 40 копеек дополнительной подати, а раскольники облагались в двойном размере [6].

Таким образом, фискальная политика Петра I была направлена на укрепление государственной финансовой системы. Изначально существовавшая подворная система налогообложения не обеспечивала достаточных доходов казны, поэтому государство усилило контроль и стало вводить новые сборы. Ключевым этапом стала налоговая реформа и введение подушной подати. Несмотря на трудности проведения переписи, она стала фундаментом окладного дохода казны: к 1724 году он достиг 4,7 млн рублей, из которых 54% обеспечивала подушная подать, а общие сборы превысили уровень 1680 года в семь раз. В результате, налоговая политика государя стала важным инструментом укрепления империи.

Список источников

1. Смирнов Д. А. Реформирование и совершенствование принципов налогообложения в эпоху Петра I // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 44–50.

2. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Ленинград: Наука (Ленинградское отделение), 1982. 296 с.

3. О бритьи бород и усов всем людям, кроме попов и дьяконов, о взимании пошлины с тех, кто не желает исполнять это, и о выдаче заплатившим пошлину знаков: Именной указ [Издан 15 января 1705 года] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 4. № 2015. СПб., 1830.

4. О введении ревизии для распределения содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании Земских Комиссаров для заведования всеми сборами с крестьян для содержания войска, и об отчете Земских Комиссаров по собираемым ими деньгам и припасам: Именной указ [Издан 26 ноября 1718 года] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 5. № 3245. СПб., 1830. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/183-t-5-1713-1719-locale-nil-2620-3479-1830#mode/inspect/page/601/zoom/4 (дата обращения: 09.03.2026).

5. О разложении (распределении) подушного сбора: Именной указ [Издан 11 января 1722 года] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 6. № 3873. СПб., 1830. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/184-t-6-1720-1722-locale-nil-3480-4136-1830#mode/inspect/page/481/zoom/4 (дата обращения: 09.03.2026).

6. О порядке сбора подушной подати: Именной указ [Издан 26 июня 1724 года] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 7. № 4533. СПб., 1830. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/185-t-7-1723-1727-locale-nil-4137-5219-1830#mode/inspect/page/314/zoom/4 (дата обращения: 31.03.2026).

УДК 340

Право искусственного интеллекта на суд над человеком

Дубляк Дмитрий Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ddublyak-yy25@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, судебный процесс, правосудие.

Технологический прогресс бросает перед правовой доктриной вызовы принципиально нового онтологического уровня. Особое значение в современной юриспруденции занимает статус Искусственного Интеллекта и его правосубъектность. Если проблематика деликтоспособности алгоритмических систем выражается в неопределённости субъекта ответственности, то куда более дискуссионный вопрос стоит относительно правоспособности Искусственного Интеллекта, и это определённый вызов. брошенный правовым системам всего мира. Одним из аспектов такого вызова — гипотетическая, но от того не менее актуальная для научного анализа конструкция — «Право ИИ на суд над человеком». Актуальность этого вопроса возрастает совместно со всё более глубоким внедрения ИИ в публично-правовую сферу. Данный доклад нацелен на анализ юридической состоятельности подобной конструкции с точки фундаментальных основ теории права с целью препарирования возможности существования такого института в системе современного правосознания. Главное препятствие на пути к дискуссии о «суде ИИ над человеком» — это

© Дубляк Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта. В современных континентальной и англосаксонской доктринах доминирует «антропоцентричная» парадигма. Субъектом права может быть либо физическое лицо — человек, либо юридическое лицо — фикция, созданная человеком. На данный момент ИИ рассматривается либо как объект права, либо как инструмент человека, либо как потенциальный субъект права, обладающий частичной правосубъектностью.

Право на вершение правосудия является процессуальной правоспособностью публично-властного характера. Судья в силу ряда полномочий в пределах своей компетенции осуществляет делегированные государством. Признание такого права означает конечное установление иерархического превосходства юрисдикции искусственного алгоритма над человеком. Владимир Зорькин, Председатель Конституционного суда РФ говорил: "Категория 'правосубъектность' и вообще право — это продукты не просто человеческого сознания, а прежде всего самосознания человека. Человек создавал их, познавая на протяжении тысячелетий особенности своего социального поведения... У искусственного интеллекта нет и не может быть возможности и способности самостоятельно приобретать и реализовывать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность, самостоятельно принимать правовые решения, у него нет собственных правовых интересов". Также это входит в неразрешимое противоречие с нормативистской теорией Ганса Кельзена, предполагающей, что основой нормы права является человеческое волеустановление.

«... если системы искусственного интеллекта будут принимать решения о правах и обязанностях людей, об ответственности людей за нарушения, то, учитывая непрозрачность алгоритмов решений, принимаемых искусственным интеллектом, могут нарушаться базовые права, отстаиваемые человеком столетиями» [1].

Одним из многих проблемных аспектов реализации ИИ в качестве арбитра в судебном процессе — аспект, связанный с предметом изучения деликтологии — определение субъективной стороны преступления. Вина выступает в качестве одного из центральных элементов состава преступления, определяемая как психическое отношения лица к содеянному. Субъект имеет сознание и волю — то, чего не имеет алгоритм, что существенно затрудняет выявление существования данного элемента. ИИ может лишь фиксировать факт девиантного поведения, основываясь на диспозиции. Исходя из данного факта неминуемо возвращение презумпции виновности взамен презумпции невиновности перед целью оптимизации судопроизводства.

Делегирование алгоритму функций от имени государства выносить приговоры и решения неизбежно повлечёт ликвидацию института судейского усмотрения как неотъемлемого компонента правосудия. В своём исследовании Коваленко К.Е., Печатнова Ю.В., Стаценко Д.А., Коваленко Н.Е. обращают внимание на то, что «помимо нормативных формул, которые можно перенести на кодированную информацию, есть немаловажное судебной усмотрение, включающее дух закона, мораль, совесть, машиной не распознающиеся. Исключить институт судейского усмотрения – значит лишить судопроизводство смысла» [6].

Обращение к зарубежному опыту правового регулирования использования ИИ в судебной системе позволяет выявить ряд устойчивых тенденций. КНР наиболее масштабно интегрирует ИИ в судебную систему. Система выполняет множество рутинных задач и процессов, однако окончательное решение принимается исключительно судьёй-человеком. Ни в одной Юрисдикции не ставится вопрос о наделении ИИ полноценным статусом арбитра, исключительно вспомогательное средство для оптимизации судебного процесса.

Искусственный Интеллект не может обладать правом вершить суд над человеком ввиду аксиологических и онтологических характеристик права как социального регулятора. Он не может познать ценность человеческой жизни. Функционал ИИ может быть ограничен исключительно вспомогательной ролью, но никак не полноценного носителя юрисдикционных полномочий. Правосудие осуществляется только человеком.

Список источников

1. Малышкин А. В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 444–460.

2. Казиханова С. С. О проблеме использования искусственного интеллекта в качестве судьи // Высокотехнологичное право: современные вызовы. 2022. Т. 24. С. 146.

3. Гурбанов Р. А. Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 10–15.

4. Соколова А. А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 350–356.

5. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 188–191.

6. Судья-робот как преодоление противоречий судебного усмотрения (юридические аспекты) / К. Е. Коваленко, Ю. В. Печатнова, Д. А. Стаценко [и др.] // Юридический вестник ДГУ. 2020. № 4. С. 169–173.

УДК 342.5

Власть и управление государством по теории Н. Макиавелли

Заборских Владислав Алексеевич
Красноярский кооперативный техникум экономики, коммерции и права, Красноярский край, Красноярск, Россия, vladzab08@mail.ru

Ключевые слова: Макиавелли, власть, государство, управление территориями, взаимодействие с подданными, религия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Зенкиной Александре Борисовне, доценту, канд. юрид. наук.

Труды о власти и её применении появлялись ещё с античных времён, но они всегда были основаны на религиозных догмах о морали и добродетели с классическим представлением о добре и зле. Обращался к этому вопросу и Никколо Макиавелли, автор таких трудов как «О княжествах», дошедший до наших дней под названием «Государь» (1513 г.) и других. Больше всего споров возникло вокруг труда «Государь» [1].

Так, Фридрих II - король Пруссии, в своём труде «Анти-Макиавелли», или рассуждение о «Государе» говорил, что автор является проповедником гнусного, тиранического, злонамеренного правления, преследующего только жажду власти и корысть [4].

Французский философ и писатель Дени Дидро считал «Государя» сатирическим литературным произведением, повествующем о том, как не должен поступать правитель [7]. Соглашался с ним и известный философ Жан-Жак Руссо, говоря о

© Заборских В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

том, что «Государь» — это не труд по технике управления, а памфлет, разоблачающий всякую государственную власть [9].

Есть и другие оценки труда «Государь», в которых он изложил правдиво реальность поступков правителей и прагматичный подход к сохранению государства и власти [2]. Нидерландский философ Бенедикт Спиноза отзывался о Н. Макиавелли как о борце за благоразумие и свободу. К тому же в литературе встречается мнение, что «Государь» является настольной книгой многих правителей [3].

И так, что же отразил Макиавелли в «Государе»?

В своём труде Н. Макиавелли пишет, что правителю, получившему власть в государстве с обычаями, к которым народ привык, достаточно не приступать этих обычаев, а без спешки наблюдать за обстоятельствами и спокойно при необходимости их менять. Так он имеет все шансы остаться у власти, даже при наличии помех, т.к. подданные будут относиться к нему с благорасположением, если правитель не имеет каких-либо негативных пороков [6].

Правитель, пришедший к власти с помощью народа, должен стараться удержать его дружбу, иначе рискует быть свергнутым. И кроме того, необходимо ответственно подходить к выбору окружения и тогда в тяжёлое время не будет недостатка в надёжных людях [6]. Для обороны государства нужна собственная армия, так как наемная армия в мирное время разоряет государство. А в военное время может предать и побежать [6].

Правитель должен быть образованным, знать историю своего государства и изучать действия великих правителей, и возможно, даже принять их за образец [6].

Трудно не согласиться с этими высказываниями, поскольку в них есть действительно здравый смысл, и нет ничего злобного.

Однако, в этом же труде имеются и совсем другие, противоположные обозначенным выше мысли [5].

Так, он пишет, что в завоёванных государствах, особенно если народ этих государств притеснялся прежним правителем, нужно искоренить прежнего руководителя, его род и окружение. В другом случае Н. Макиавелли советовал образовать из завоёванного государства колонию, разместить там войска, а расходы на содержание колонии возмещать на счёт местных зажиточных жителей. Кроме того, людей, неповинующихся нужно уничтожать. При этом нужно постараться ослабить сильных соседей колонии [6].

Н. Макиавелли практически оправдывает жестокость для удержания в повиновении подданных и более того рекомендует не считаться с обвинениями в жестокости. Кроме того, он проповедует то, что если не удалось получить уважения от подданных, то государь должен внушать им страх, заявляя о том, что «не прослыв жестоким, нельзя поддержать единства» [6].

Н. Макиавелли прямо говорит о том, что разумный правитель может не соблюдать свои обещания, если эти обещания вредят его интересам, а необходимый предлог нарушить обещание всегда найдётся. Нужно быть обманщиком и лицемером, поскольку великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и хитрил [6].

Кроме того, Н. Макиавелли в разных главах своего труда приводит примеры, характеризующие подлость, лицемерие, хитрость, цинизм, жестокость для достижения правителями своих целей.

Таким образом, труд «Государь» Н. Макиавелли очень противоречив по своему содержанию. Однако, разные правители и политики используют его для оправдания своих особенно неблаговидных идей. Считается, что Н. Макиавелли заложил основы прагматичного подхода в достижении целей, и стал символом «мрачной политики», определяемой понятием «Макиавеллизм». Завершилась уже первая четверть XXI века, а в механизмах функционирования внешней политики западных стран

до сих пор явно проявляются идеи Н. Макиавелли, изложенные им в «Государе», причём худшие их варианты.

Список источников

1. Государь или великое учение о том, как стать правителем, 2021 URL: https://dzen.ru/a/YDa8BevMx1FhqG02 (дата обращения 05.12.2025)

2. Гусейнов А. А. Мораль и политика: уроки Макиавелли. Философский журнал. 2013. Т. 2, № 13. С. 5–23.

3. Злой гений: Никколо Макиавелли. 2011. URL: https://www.myjane.ru/articles/text/?id=10339 (дата обращения: 21.12.2025).

4. Из собрания научно-исторического архива СПбИИ РАН. 2019. URL: https://spbiiran.ru/iz-sobraniya-nauchno-istoricheskogo-arh/ (дата обращения: 06.12.2025).

5. Исаев И. А. История правовых учений. Конспект лекций: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 40 с.

6. Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература,1982. URL: https://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt (дата обращения: 15.11.2025).

7. О «Государе» Макиавелли. 2016. URL: https://vk.com/wall-76542280_260 (дата обращения: 08.12.2025).

8. Призвание отступать от добра. «Государь» Никколо Макиавелли: как удержать захваченную власть. 2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6396282 (дата обращения: 08.12.2025).

УДК 94(4)"375/1492"

Исторические модели отношения к «чужим»: уроки Средневековья и вызовы современности

Клобертанц Андрей Анатольевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, klobertants2007@mail.ru

Ключевые слова: Средневековье, мудехары, «чужие», фрайбургское право.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Антоненко Татьяне Федоровне, доценту, канд. ист. наук.

История показывает, что отношение к «чужому» постоянно менялось в зависимости от эпохи, культурных и социальных особенностей. В Средние века категория «чужого» зачастую связана с религиозными, этническими и социальными признаками, формировавшими границы идентичности. В этот период «чужие» часто изображались как монстры или представители иных культур, воспринимаемые как опасные для общества. Визуальные отличия, такие как цвет кожи, головной убор или особая одежда, усиливали ощущение инаковости и служили основанием для дискриминации. Образы «чужих» основывались на религиозных и культурных стереотипах. В этот период в обществе формировались два типа «чужих»: социальные группы, отвергаемые обществом, и этнические или религиозные меньшинства, такие как евреи и мусульмане, которые часто занимали приграничные или маргинальные позиции [3].

© Клобертанц А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Ярким примером чужих в Средневековье являются мудехары. Мудехары — мусульмане, проживавшие в Испании в эпоху Реконкисты (XII–XIV века). Мудехары являлись особой социальной группой, которые сохраняли свой язык, культуру и религию, носили отличительную одежду и могли пользоваться относительной автономией, что позволяло им заниматься торговлей и ремёслами. В зависимости от политической ситуации их статус менялся от усиления изоляции и дискриминации до определённых прав и свобод, что свидетельствует о сложной системе взаимоотношений внутри общества [4].

Параллельно с этим в Средние века в различных странах действовали специальные законы, регулирующие отношения с «чужаками». В частности, в фрайбургском городском праве (1120–1218 гг.) подробно прописывались права и обязанности как «горожан», так и «чужих». «Чужие» — это были разные категории лиц, среди которых — сторонние рыцари, министериалы, религиозные общины и переселенцы.

В фрайбургском законодательстве подробно прописывались категории «не-горожан», и значительная часть закона касалась взаимоотношений с «чужими». Например, для того чтобы стать полноправным горожанином, необходимо было прожить в городе год и день, владеть имуществом стоимостью не менее одной марки, и пройти определённые процедуры признания.

Министериалам, людям, служащим у сеньора, запрещалось иметь городское право, однако они могли проживать в городе с согласия горожан и освобождались от некоторых пошлин.

Зависимые от сеньора жители не имели права постоянно проживать в городе, но при получении свободы могли стать полноценными горожанами. Процедура признания новых жителей была сложной: необходимо было доказать свою зависимость или принадлежность к определённой группе, пройти через собрание горожан, которое принимало решение о их статусе. В случае беглых

зависимых, подтверждение их зависимости требовало привлечения родственников.

Для получения полного городского права необходимо было владеть имуществом, иметь определённую социальную позицию и соблюдать ряд правил [2].

Также важной составляющей фрайбургского права были правила, касавшиеся отношений с «чужими» вне города. Например, «чужестранцы» не могли выступать свидетелями против горожан: «Никакой чужак не может выступать свидетелем против горожанина, но только горожанин против горожанина, и всякое свидетельство должно быть дано двумя законными лицами, которые видели и слышали». В судебных разбирательствах «чужие» и «горожане» имели разные права: «Чужеземец не может вступать в поединок (*судебное разбирательство с опросом свидетелей*) с горожанином без согласия горожанина». Эти нормы обеспечивали преимущественные права местных жителей и защищали городскую безопасность [5].

В торговом праве также регламентировались отношения с «чужими». Например, «горожане» не платили пошлины с торговли, пользовались городскими весами бесплатно: «Тот, кто хранит общественные меры веса, пусть выдает их горожанам бесплатно». «Чужаки» должны были платить пошлины с продажи и покупки, использовать городские весы и соблюдать другие торговые правила: «Что бы ни было куплено у чужака или продано ему, должно быть взвешено на общественных весах» [5]. Данные торговые нормы способствовали развитию торговли, регулировали межгородские связи.

Изучение нормативных источников Средневековья, таких как фрайбургское право, показывает нам, что нормативные источники Средневековья выступали не только как регуляторы общественной жизни, но и как средство уравновешивания различных интересов. Опыт Средневековья демонстрирует, что отношение к «чужим»

определяется социальными и политическими обстоятельствами, что значимо для построения гармоничных отношений в обществе.

Проблема взаимодействия с «чужими» остается актуальной и сегодня в условиях глобальных перемен, роста межкультурных контактов. Понимание механизмов этого взаимодействия способствует более глубокому осмыслению причин конфликтов, помогает находить решения в вопросах межличностных и межнациональных отношений современного общества.

Список источников

1. Авторханова Д. М. Роль Чужого в формировании границ идентичности в Средние века // Журнал Фронтирных Исследований. 2019. № 1. С. 71–82.

2. Блохин П. А. «Чужие» в средневековом городе (по материалам фрайбургского городского права) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №1. С. 22–30.

3. Вида К. Этнические стереотипы в Средневековой Европе, 950–1250 гг. / пер. с англ. А. Инопиной. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2024. 394 с.

4. Мурадов Э. А. Мудехары средневековой Испании // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 29–33.

5. Средневековые исторические источники востока и запада. Право г. Фрейбурга (в Брейсгау) древнейшая часть (1120 г.) / пер. Т. М. Негуляевой и Л. И. Солодковой // Средневековое городское право XII–XIII веков. Саратов: Саратовский университет, 1980. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XII/1120-1140/Stadt_Freiburg/text2.phtml?id=9177 (дата обращения: 13.12.2025).

УДК 340

Авторское право на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, как современный пробел в законодательстве

Кожемякин Никита Максимович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, NKozhemyakin-IT25@sfu-kras.ru

Ключевые слова: авторское право, пробел в праве, искусственный интеллект.

Вследствие активного развития общества возникает множество новых общественных отношений. Поскольку законодатель не в силах предвидеть все и оперативно принять нормы для урегулирования этих общественных отношений, возникают пробелы в законодательстве. Их существует множество, однако более подробно рассмотрена юридическая лакуна, связанная с авторским правом на произведения, созданные с использованием ИИ.

В правовой системе РФ и ряда зарубежных государств в качестве автора рассматриваются только физические лица. Кроме того, в мировой правовой практике, например, в Германии, России, США, произведение, на которое распространяется авторское право, должно быть создано «творческим трудом». И в современных условиях, когда ИИ способен создавать произведения, но при этом не является физическим лицом и субъектом права, возникает

© Кожемякин Н. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

проблема с установлением того, кто должен признаваться автором произведений, созданных с использованием ИИ.

Можно выделить несколько возможных вариантов: 1) ИИ; 2) физическое лицо, написавшее запрос ИИ; 3) совместное авторское право ИИ и человека, написавшего запрос; 4) физическое лицо, создавшее ИИ; 5) отсутствие авторского права на такой продукт.

В пункте 2 части 1 статьи 2 Федерального закона РФ от 24.04.2020 № 123-ФЗ ИИ определяется как комплекс технологических решений, который имитирует когнитивные функции человека и при выполнении конкретных задач выдает результаты как минимум на уровне интеллектуальной деятельности человека. Однако стоит обратить внимание, что ИИ только имитирует когнитивные функции человека. Даже учитывая, что он может создавать различного рода произведения, ИИ действует только в рамках алгоритма. Следовательно, он не способен к творческому труду. Из этого можно сделать вывод, что ИИ, существующий на данный момент, не может являться автором контента, который он создал.

Исходя из указанного выше вывода, варианты совместного авторства ИИ и человека, а также предоставление авторского права создателю, использовавшегося ИИ, не участвующему в процессе создания произведения, являются необоснованными. Одним из возможных вариантов также является отсутствие авторского права на контент, созданный ИИ, однако это будет противоречить главной цели авторского права. Она состоит в поддержке создания новых произведений путем предоставления их автору особого монопольного права на использование произведения. Тем самым автор получает вознаграждение за свой труд, что служит мотивацией и для других людей к созданию оригинальных произведений. То есть если произведения, созданные с использованием ИИ, не будут охраняться авторским правом, то закономерным следствием станет снижение объема создаваемого

оригинального контента. Кроме того, труд авторов, вложивших значительные силы в создание таких произведений, не будет никак компенсирован. Следовательно, оставить весь контент, созданный с помощью ИИ, без охраны авторским правом будет нецелесообразно.

С учетом вышеизложенного наиболее подходящий вариант устранения пробела в законодательстве состоит в признании авторства за человеком, использующим ИИ при создании произведений, однако со значительным нюансом. Так же, как не стоит оставлять все произведения с участием ИИ без охраны авторским правом, не следует автоматически признавать его за всеми работами, созданными с помощью данной технологии. На данный момент в интернете существуют уже миллионы различных произведений, полностью созданных нейросетью, то есть все участие человека в их создании сводится к написанию самого простого запроса. Поэтому будет необоснованно предоставлять человеку право авторства на произведение, в создании которого он участвовал минимально. В этом случае стоит обратиться к такому критерию, как «значительный творческий вклад человека», с помощью которого определяется, в каком объеме человек принял участие в создании итогового результата. Схожая позиция выражена и в п. 80 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, в котором указано, что на творческий характер создания произведения не влияет использование технических средств. При этом произведения, в которых отсутствует творческий вклад человека, объектами авторского права не являются.

Для демонстрации различий в степени этого вклада следует рассмотреть два судебных прецедента, в которых разрешался вопрос о наличии авторско-правовой защиты у произведений, созданных при участии ИИ. В первом деле Thaler v. Perlmutter апелляционный суд округа Колумбия подтвердил решение окружного суда, которым ИИ «Creativity Machine» не был признан в

качестве автора изображения, которое он создал автономно, а Талер — правообладателем. Суд своим решением, во-первых, подтвердил позицию о том, что ИИ не может быть автором, а во-вторых, указал, что человек не может наделяться какими-либо правами на произведение, в создании которого он фактически не участвовал. Во втором деле Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd. против Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd. суд вынес решение о защите статьи авторским правом, созданной с помощью нейросети «Dreamwriter», так как при создании статьи использовалась умственная деятельность людей. Хотя текст статьи был создан ИИ автоматически, результат был обусловлен внесением людьми множества настроек.

Сравнивая два вышеописанных дела, можно проследить, что при определении возможности защиты авторским правом произведения решающим фактором является то, в чем заключалась роль человека при его создании. Таким образом, из факта участия ИИ в создании произведения не должно обязательно следовать отсутствие авторско-правовой защиты. Решающее значение будет иметь наличие самостоятельного творческого вклада человека.

Список источников

1. Борисов А. Б. Большой юридический словарь: справочное издание. М.: Книжный мир, 2010. 848 с. ISBN 978-5-8041-0462-8.

2. Галлямова А. А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. № 4. С. 240–248. DOI 10.24412/2076-1503-2023-4-240-248.

3. Первушин Г. Ю. Проблемы защиты авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Образование и право. 2025. № 1. С. 457–463.

4. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для

разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон № 123-ФЗ [принят Государственной Думой 14 апреля 2020 года; одобрен Советом Федерации 17 апреля 2020 года]. URL: http://pravo.gov.ru.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 [принято 23 апреля 2019 года]. URL: http://pravo.gov.ru.

6. Tencent v. Yingxun Tech, Case No. (2019) Yue 0305 Min Chu 14010. URL: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010.

7. Stephen Thaler v. Shira Perlmutter, No. 23-5233, United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit, argued September 19, 2024, decided March 18, 2025. URL: https://media.cadc.uscourts.gov/opinions/docs/2025/03/23-5233.pdf.

УДК 34.09

Теоретико-правовые основы пробелов в праве

Петрова Ольга Вячеславовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, olapetrova40@gmail.com

Ключевые слова: пробелы в праве, правовое регулирование, правоприменение, аналогия закона, аналогия права, коллизии норм, юридическая неопределённость.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Сергею Александровичу Дробышевскому, заведующему кафедрой теории и истории государства и права, доктору юридических наук, профессору.

Проблема пробелов в праве занимает значимое место в теории государства и права, поскольку она напрямую связана с вопросом полноты и эффективности правового регулирования. Законодатель стремится предусмотреть все возможные жизненные ситуации, однако практика показывает, что право не способно охватить всё многообразие общественных отношений. Поэтому в правовой системе возникают ситуации, не урегулированные нормами права.

Работа «Теория государства и права» под редакцией С.С. Алексеева описывает пробел как «отсутствие конкретной нормы, необходимой для регламентации отношения, входящего в сферу правового регулирования». Данное определение, будучи одним из наиболее часто встречающихся, подчеркивает его ориентированность на решение практических задач [2].

© Петрова О. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Подобную точку зрения высказывает Н.И. Матузов. Он трактует пробел в праве как ситуацию, когда отсутствует необходимая норма для разрешения возникшего случая. Матузов говорит о «молчании» законодателя – когда определенная ситуация объективно нуждается в правовом регулировании, но соответствующая норма так и не создана [3]. Юридическая наука предлагает еще одно определение правового пробела: отсутствие норм, на основе которых государственные органы или суды могли бы разрешить спор либо принять решение в рамках правового поля. Из этого следует, что проблема возникает по двум причинам. Первая связана с несовершенством законодательства. Вторая обусловлена постоянным развитием общественных отношений, за которым законодатель не всегда успевает.

Систематический анализ существующих определений выявляет ключевые характеристики правовых пробелов. Главная из них – отсутствие нормы, призванной регулировать конкретное общественное отношение. Само наличие пробела предполагает, что данное отношение нуждается в правовом регулировании: если такой потребности нет, отсутствие нормы пробелом считаться не может.

Второй признак связан с потребностью в урегулировании. Пробел возникает лишь тогда, когда отсутствие нормы препятствует закономерному развитию общественных отношений, а ключевым критерием служит необходимость вмешательства со стороны права.

Третьим немаловажным признаком является невозможность или затруднённость правоприменения. Правоприменитель в условиях пробела лишен возможности напрямую опереться на норму права при разрешении конкретной ситуации. С.С. Алексеев указывал, что ситуации, не подпадающие под действие законодательных норм, остаются за пределами правового поля. Из этого следует, что юридически неурегулированные случаи не

подлежат рассмотрению в судебных инстанциях или иными правоприменительными органами. Отсюда проблема пробелов приобретает особую остроту именно для судебной практики [1].

Ещё одним признаком можно выделить необходимость использования специальных юридических приемов для восполнения правовых лакун аналогия закона и аналогия права. Эти механизмы компенсируют отсутствие прямого нормативного регулирования, позволяя разрешить конкретную ситуацию в рамках действующей правовой системы.

Стоит отметить, что пробелы в праве следует разграничивать со смежными явлениями. В частности, необходимо отличать пробелы от коллизий норм. Пробел и коллизия представляют собой противоположные ситуации: при пробеле необходимая норма отсутствует, тогда как коллизия возникает при наличии расхождений или противоречий между нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же общественные отношения, либо при противоречиях в процессе правоприменения [5].

Юридические пробелы также нельзя смешивать со случаями использования оценочных понятий. Категории «разумность», «справедливость», «добросовестность» в законодательстве не указывают на пробел. Законодатель намеренно предоставляет правоприменителю свободу усмотрения, и это особенность правового регулирования, а не его изъян.

Роль правовых пробелов юридическая наука оценивает неоднозначно. Одни исследователи видят в них изъян правовой системы, который порождает неясность и осложняет применение норм. Другие, напротив, усматривают в пробелах определенный потенциал. Так, Ш.Ш. Муцалов и Ш.К. Идилов в статье «Теоретические аспекты понятия пробелов в праве» указывают, что недостатки законодательства подталкивают общественные связи к развитию и требуют оперативного урегулирования возникающих

вопросов; по мнению авторов, полное отсутствие пробелов невозможно и даже нежелательно [4].

Пробелы в законодательстве возникают закономерно: общественные отношения развиваются быстрее, чем законодатель успевает на них реагировать. Такие лакуны обнаруживают себя через отсутствие норм, регулирующих конкретные ситуации, через затруднения при разрешении споров и через вынужденное обращение к аналогии права или аналогии закона. Понимание природы этих пробелов позволяет точнее выбирать инструменты их устранения и адекватнее оценивать влияние подобных лакун на функционирование правопорядка в целом.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981.

2. Алексеев С. С. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: НОРМА, 2005.

3. Матузов Н И. Теория государства и права: учебник для вузов по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н. И. Матузов, А. В. Малько. Российская академия наук, Институт государства и права, Саратовский филиал. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006.

4. Муцалов Ш. Ш. Теоретические аспекты понятия пробелов в праве / Ш. Ш. Муцалов, Ш. К. Идилов // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7 (97), ч. 2.

5. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Издание М. Ю. Тихомирова, 1997.

УДК 34.03

Злоупотребление правом как правовая категория

Рагимли Чинара Рамиль кызы
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, cragimmmli@mail.ru

Ключевые слова: злоупотребление правом, обход закона, субъективные права, добросовестность.

Злоупотребление правом представляет собой сложное правовое явление, возникающее в случаях, когда субъект, действуя в пределах принадлежащего ему субъективного права, использует его способом, противоречащим назначению права, принципам добросовестности и разумности либо причиняющим вред другим участникам правоотношений. В отличие от правонарушения, при злоупотреблении отсутствует прямое нарушение нормы права: противоправность проявляется не в самом действии, а в способе его осуществления и преследуемых целях.

Можно сказать, что право здесь превращается из средства защиты в инструмент давления — и именно это делает явление особенно тонким и трудноуловимым.

Субъективные права изначально предполагают наличие определенных пределов их реализации. Эти пределы могут быть как прямо закреплены в законодательстве, так и выражены через оценочные категории, такие как добросовестность, разумность и справедливость. Именно оценочный характер данных категорий формирует пространство для квалификации поведения как злоупотребления правом. В современном праве добросовестность

© Рагимли. Ч. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

рассматривается как ключевой критерий, определяющий допустимость поведения субъекта. Под ней понимается модель поведения, соответствующая ожиданиям разумного участника гражданского оборота, учитывающего интересы контрагента и не стремящегося к извлечению необоснованных преимуществ.

Судебная практика выработала подход, согласно которому при установлении факта злоупотребления правом подлежат исследованию несколько обстоятельств: наличие у лица соответствующего субъективного права, способ его реализации, а также последствия такого поведения для других лиц и гражданского оборота в целом. При этом наличие прямого умысла на причинение вреда не всегда является обязательным условием: достаточным может быть установление того, что лицо осознавало негативный характер последствий своих действий и сознательно их допускало. Но где проходит граница между допустимой выгодой и недобросовестной манипуляцией?

Нормативной основой института в российском праве является статья 10 ГК РФ, запрещающая осуществление гражданских прав с намерением причинить вред, обход закона и иные формы недобросовестного поведения; аналогичные нормы содержатся и в других отраслях, что подтверждает его межотраслевой характер.

В теории и практике выделяются формы злоупотребления правом: шикана, обход закона, злоупотребления в вещных, обязательственных, корпоративных и интеллектуальных отношениях, а также процессуальные злоупотребления (необоснованные ходатайства, затягивание процесса и др.), подрывающие эффективность судебной защиты.

Классификация злоупотреблений имеет практическое значение.

Таблица 1. Классификация злоупотреблений правом

Основание классификации	**Вид злоупотребления**	**Примеры**
По способу осуществления права	Шикана	Действия, направленные только на ухудшение положения контрагента
По цели поведения	Обход закона	Конструкции, позволяющие обойти запреты или ограничения закона
По сфере правоотношений	Вещные, обязательственные, корпоративные, интеллектуальные	Недобросовестное распоряжение имуществом, корпоративные конфликты
По стадии процесса	Процессуальные злоупотребления	Затягивание процесса, необоснованные ходатайства, манипулирование подсудностью
По отраслевому охвату	Межотраслевые злоупотребления	Семейное, трудовое, процессуальное право
По степени недобросовестности	Добросовестное нарушение пределов/заведомо недобросовестное поведение	Осознание вреда и его допущение

Ключевой проблемой остается отсутствие четких критериев квалификации: оценочные нормы обеспечивают гибкость, но создают риск противоречивой практики. Важную роль играют разъяснения высших судов и установление субъективной стороны (целей и мотивов), что усложняет доказывание и требует комплексной оценки обстоятельств.

Современное развитие института связано с расширением сферы его применения и необходимостью выработки более четких критериев, усиления противодействия процессуальным злоупотреблениям и использования международных стандартов добросовестности.

Таким образом, злоупотребление правом — сложный феномен, требующий баланса между защитой субъективных прав и недопущением их использования во вред другим. Дальнейшее развитие института должно идти по пути выработки предсказуемых критериев квалификации при сохранении возможности учета конкретных обстоятельств каждого дела

Список источников

1. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 352 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. С. 3301.

3. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен. М.: Юрлитинформ, 2009. 312 с.

4. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2008. 256 с.

5. Касаткин Д. М. Злоупотребление правом в форме шиканы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 67–70.

УДК 342.5

Государственный и общественный строй королевства Чосон

Тимошенко Ксения Александровна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский края, Красноярск, Россия, timxena@gmail.com

Ключевые слова: Чосон, экзамен кваго, янбан, чунъин, санмин, чхонмин, конфуцианство, меритократия.

Королевство Чосон (1392-1897) представляет собой уникальный исторический феномен, где конфуцианские принципы легли в основу государственного устройства и социальной организации. Централизованная система образования и экзаменов Кваго формировала механизм воспроизводства элиты, обеспечивая как социальную мобильность, так и жесткий контроль над распределением власти.

Государственная служба в Чосоне основывалась на конфуцианских принципах. Ключевыми критериями отбора чиновников были моральная безупречность и образованность, что формировало меритократическую модель. Доступ к управленческим позициям определялся личными заслугами, а не происхождением. Эти идеалы реализовывались через систему государственных экзаменов, которая институционализировала конфуцианские ценности в бюрократическом аппарате, создавая стабильный управленческий класс.

Система государственных экзаменов Кваго включала три уровня: провинциальный (сагва), столичный (хэнсик) и дворцовый (чонсик). Формально система была открытой, но фактически доступ к качественному образованию имели только янбаны. Система

© Тимошенко К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

воспроизводила существующую иерархию, несмотря на меритократические принципы.

Класс янбан обладал наследственными привилегиями, такими как освобождение от налогов и доступ к образованию, что закрепляло их доминирование в обществе. Янбан также выполняли административные обязанности и следовали конфуцианским нормам. Это обеспечивало легитимацию элиты, но вызывало напряжение между региональными группами и столичной бюрократией, что усложняло управление страной.

Чосонское общество основывалось на строгой сословной иерархии с монархом на вершине. Общество делилось на четыре сословия: янбан, чунъин, санмин и чхонмин. Эта структура, сформированная под влиянием конфуцианства, регламентировала все аспекты жизни, обеспечивая стабильность при ограниченной вертикальной мобильности.

Крестьянство составляло экономическую основу государства, выполняя налоговые повинности и обеспечивая стабильность государственных доходов. Оно находилось под устойчивым административным контролем, который проявлялся в обязанностях перед центром и местными органами власти. «Активные попытки сохранить традиционные ценности народа не приносили результата, так как страна стала ареной для политических игр иностранных держав. В 1867 г. под давлением Японии Корея открыла для нее свой внутренний рынок. Экономический эффект от таких действий привел к тому, что национальная продукция, производящаяся только для внутреннего рынка, не смогла выдержать конкуренции с японскими товарами» [4].

Ремесленники и торговцы в Чосон не имели политического влияния и были ограничены государственными монополиями и сословными рамками.

Низшие социальные слои Чосона (чхонмин) имели маргинализированное положение, занимаясь непрестижными или ритуально нечистыми работами, такими как палачество, мясничество, актерство и шаманизм. Их дискриминационный

статус закреплялся законодательством, ограничивая социальную мобильность и контакты с высшими сословиями. «В XVIII веке в Корею из Китая проникает католицизм. Популярность этого учения обусловливалась отторжением конфуцианских ритуалов и догм, проповедью равенства всех людей перед Богом (что истолковывалось католиками из простонародья как отрицание сословных различий), новым и радикальным для Кореи утверждением равных прав женщин с мужчинами в духовной сфере» [4]. Это свидетельствует о наличии скрытого социального протеста среди маргинализированных групп.

Социальная напряженность в Чосоне была вызвана противоречиями между янбанами и низшими классами, усугубленными коррупцией. Это стимулировало реформы для смягчения иерархии, но консерватизм элиты и конфуцианские приверженцы препятствовали изменениям.

Экономическое неравенство между южными и северными провинциями Чосона стало системной проблемой, углубляемой различиями в хозяйственной специализации. Южные регионы, обладавшие развитой торговой инфраструктурой и ремесленным производством, концентрировали основные экономические ресурсы, тогда как север оставался преимущественно аграрным. Налоговая политика центрального правительства, основанная на единых нормативах зернового сбора, не учитывала региональную специфику, что вело к перераспределению ресурсов в пользу столичных областей. «В конце XIX в. внешнее влияние изменяет приоритеты развития страны, происходит отказ от национально ориентированной культурной политики на фоне усиливающихся процессов вестернизации» [4].

Географическая изоляция регионов, особенно горных и приграничных, способствовала сепаратизму. Труднодоступность ограничивала административный контроль и сбор налогов, а отсутствие транспорта сохраняло культурную и экономическую автономию. Это вызывало конфликты с метрополией и ослабляло государственную целостность, создавая социальную нестабильность на окраинах.

Административные структуры и конфуцианские принципы, сформированные в Чосон, оказали значительное влияние на развитие корейской государственности. Конфуцианские ценности добродетельного правления и этики служения остаются важной частью корейской политической традиции.

Социальная структура Чосон была устойчивой, однако жесткая стратификация ограничивала мобильность крестьян и низших слоев, что порождало внутренние разногласия.

Внутренние противоречия системы включали несоответствие меритократии и клановой природы элит, а также централизаторских стремлений власти и региональной автономии. Реформы, направленные на их смягчение, подчеркивали неспособность системы адаптироваться к изменениям, что стало причиной кризисов династии.

Наследие Чосон влияет на современную корейскую государственность, сохраняя конфуцианские модели в образовании и управлении. Это проявляется в коллективизме, иерархичности и авторитаризме, показывая историческую преемственность в социальной организации. Опыт Чосон помогает понять корейскую политическую культуру.

Список источников

1. Гутарёва Ю. И. Философско-эстетическая основа корейской пейзажной живописи сансухва эпохи Чосон (1392–1910 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. С. 56–59.

2. Костров А. В. Геополитический фактор эволюции корейского языка во второй половине XX – начале XXI в. (на примере конфессиональной лексики) / А. В. Костров, В. В. Лебедев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. С. 90–93.

3. Мелисова М. Исследования становления корейской государственности в работах отечественных авторов и их место в

науке / М. Мелисова, Н. Ниязова // International Journal of Scientific Researchers. 2024. № 2. С. 465–469.

4. Миронова Т. Н. Особенности культурной политики республики Корея // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 2. С. 143–147.

5. Пушкарев П. Западные СМИ очень сильно манипулируют нефтяным рынком // Курсивъ. 2017. № 28. С. 5.

6. Соловьев А. В. Космогония и космология в корейской конфуцианской историографии на материале «Самгук саги (Исторических записей Трёх государств)» Ким Бусика // Концепт: философия, религия, культура. 2024. № 4. С. 37–61.

7. Чжунхо С. Корея. Полная история страны. М.: АСТ, 2024. 320 с.

УДК 340.12

Дискуссионные подходы к структуре нормы права

Шайдулова Виктория Ренатовна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
shaidulova.victoria@gmail.com

Ключевые слова: норма права, структура нормы права, гипотеза, диспозиция, санкция, трёхэлементная модель, двухэлементная модель, четырёхэлементная модель.

Норма права традиционно рассматривается как первичный элемент системы права. Казалось бы, вопрос о её структуре должен быть давно решён. Однако в юридической науке до сих пор отсутствует единство: одни учёные настаивают на трёх элементах

© Шайдулова В. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

(гипотеза, диспозиция, санкция), другие обосновывают двухэлементную модель, третьи выделяют четыре элемента. Причина разногласий не только в теоретических предпочтениях, но и в том, как соотносятся логическая структура нормы и её реальное воплощение в тексте закона.

Традиционно, начиная с работ С. С. Алексеева, в отечественной науке выделяется трёхэлементная структура нормы права, включающая гипотезу (условия действия), диспозицию (правило поведения) и санкцию (последствия нарушения). Эти три элемента образуют логическую формулу «если — то — иначе». Как отмечал С.С. Алексеев, для эффективного регулирования требуется единство всех трёх элементов [1, с. 5].

Сторонники трёхэлементной модели, в частности Л.А. Морозова, настаивают на том, что отсутствие хотя бы одного из трёх элементов делает норму «ущербной»: без гипотезы она неопределённа, без диспозиции бессодержательна, без санкции бессильна [4, с. 224].

Однако классическая модель вызывает критику: её оппоненты указывают, что в реальных законах практически невозможно найти статью, где все три элемента были бы собраны вместе [5, с. 47]. Именно это привело к формированию альтернативного подхода — двухэлементной структуры нормы права. Её сторонники, включая А. В. Милькова и В. В. Кожевникова, исходят из того, что состав нормы зависит от её функционального назначения. Как доказывает Мильков, в реальности любая норма всегда двухэлементна: это либо «условие + правило», либо «условие + ответственность» [2, с. 8].

В рамках двухэлементной модели выделяют регулятивные и охранительные нормы. Регулятивные нормы строятся из гипотезы и диспозиции (например, норма о купле-продаже), охранительные — из гипотезы и санкции (например, норма об убийстве). Исторически этот подход восходит к дореволюционной науке, где

норму понимали как условное веление, состоящее из гипотезы и диспозиции (Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич).

Однако и двухэлементная модель не является бесспорной. Её критики указывают на принципиальную значимость санкции. Л. А. Морозова утверждает, что регулятивная норма без санкции не будет обеспечена государственным принуждением, а значит, не может считаться полноценной юридической нормой [4, с. 224].

Значительно реже в юридической науке встречается четырёхэлементный подход к структуре нормы права. Его наиболее ярким представителем является В. И. Леушин. Он включает в логическую норму две диспозиции: первая описывает правомерное поведение, вторая — факт его нарушения, что позволяет одной норме работать и в регулятивном, и в охранительном режиме [3, с. 3]. Графически Леушин изображает эту модель как Г → Д → Д → С.

Идея Леушина заслуживает внимания, поскольку она показывает, что одна и та же норма может функционировать по-разному в зависимости от поведения субъекта. Кроме того, она предлагает способ объединить регулятивную и охранительную части в рамках единой логической конструкции.

Однако в современной науке эта модель не получила распространения из-за своей громоздкости.

Проанализировав три подхода, я прихожу к следующим выводам. Трёхэлементная модель остаётся классической. Её главное преимущество — чёткая логическая связь «если — то — иначе», показывающая, что норма обеспечена государственным принуждением.

Двухэлементная модель точнее отражает реальное расположение норм в тексте закона, но её слабость в том, что регулятивная норма, взятая сама по себе, не имеет собственной санкции.

Четырёхэлементная модель Леушина, хотя и не получила распространения, важна как теоретическая попытка объединить регулятивную и охранительную функции в рамках одной нормы.

Подводя итог, я считаю, что для понимания сущности права и его обеспечительной силы наиболее убедительной остаётся трёхэлементная модель. Именно она отвечает на главный вопрос: почему норму нужно соблюдать? Потому что за нарушением последует санкция. А то, что в реальном законе все три элемента редко стоят рядом, — это вопрос юридической техники, а не структуры нормы.

Список источников

1. Андрианова Е. Д. Норма права: подходы к понятию, признакам и структуре // Журнал юридических исследований. 2025. № 4. С. 19–26.

2. Мильков А. В. Представления о структуре правовых норм: цивилистические заметки // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. 2025. Т. 4, № 2. С. 13–25. DOI 10.53315/2949-1193-2025-4-2-13-25.

3. Леушин В. И. Структура логической нормы и её проявление в регулятивных (обязывающих) и охранительных нормах права // Российский юридический журнал. 2005. № 2 (46). С. 7–11.

4. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд. М.: Норма, 2026. 464 с.

Кожевников В. В. О структуре норм права: логических, норм-предписаний, специализированных // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 45–61.

Рынок потребительских товаров и гостиничных услуг в условиях цифровизации: механизмы устойчивости и факторы развития

2015

УДК 620.2:658.71

Оценка ассортимента, качества и безопасности спиртсодержащих парфюмерных товаров стран Восточной Азии, реализуемых на торговой площадке «Wildberries»

Загородникова Александра Сергеевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alexandrazag2003@mail.ru

Ключевые слова: ассортимент, качество, безопасность, парфюмерные товары, дистанционная торговля.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Валентине Никитичне Паршиковой, профессору, д-ру техн. наук.

Сфера дистанционной торговли, в частности маркетплейс «Wildberries» («WB»), является одним из основных каналов реализации азиатской спиртовой парфюмерии в РФ. После 2022 года азиатский регион стал одним из ключевых источников импорта парфюмерной продукции в РФ, где доминируют Южная Корея и Китай. Массовое распространение такой продукции, особенно в сегменте детских товаров, может создавать риски для здоровья потребителей из-за потенциального несоответствия состава и маркировки обязательным требованиям. Отсутствие должного контроля за ассортиментом, представленным множеством продавцов, делает оценку его качества и подтверждение безопасности критически важной задачей.

© Загородникова А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель работы – проведение комплексной оценки ассортимента, качества и безопасности спиртовых парфюмерных товаров, реализуемых на маркетплейсе «WB», на примере продукции из стран Восточной Азии.

На основе данных парфюмерного портала aromo.ru выявлена лидирующая роль Японии в ассортименте азиатских брендов (33% брендов), за которой следуют Индонезия, Корея и Китай. Выявлено, что брендовый ассортимент имеет выраженную премиальную направленность (47% брендов в сегменте «Люкс»). Установлены ключевые органолептические предпочтения: лидерство цветочных ароматов (34%), значительная доля фруктовых (13%) и древесных (12%) композиций. Подтверждена популярность форматов туалетной и парфюмерной воды, а также категории «унисекс».

Анализ ассортимента парфюмерной продукции маркетплейса «WB» (декабрь 2025 г.) показал, что это канал для бюджетного (до 2500 руб.) [1], преимущественно китайского ассортимента (более 90% позиций), для женщин, с высокой конкуренцией продавцов и минимальным информационным сопровождением. Преобладающим видом продукции заявлены «духи» (75,27%), что не совпадает с общемировой тенденцией и данными брендового каталога «Aromo», где доля духов среди азиатских брендов составляет лишь около 13% [2].

Ключевые проблемы ассортиментного анализа маркетплейса это, во-первых, достоверность информации о товаре, а соответственно его идентификации, во-вторых, проблема некорректной классификации продукции. Обнаружено несоответствие между товароведной классификацией и маркетинговыми приемами ритейлеров (например, произвольное отнесение ароматов к категории «детская парфюмерия»). Это осложняет формирование торгового ассортимента и затрудняет выбор потребителя.

Для оценки качества были отобраны пять образцов детской парфюмерной продукции из Китая, приобретенные на «WB» в феврале 2026 года. Критериями отбора являлись: страна производства, принадлежность к спиртовой парфюмерии, наличие маркировки, указывающей на детское назначение, либо дизайна, ориентированного на детскую аудиторию, ценовой фактор. Все образцы были упакованы в индивидуальные картонные коробки (футляры). В качестве первичной упаковки преимущественно использовалось стекло, что нежелательно для детского ассортимента по соображениям безопасности. Укупорочные средства – пластиковые винтовые крышки с встроенным распылителем. Показатели качества продуктов оценены следующим образом:

1) Внешний вид и цвет. Все образцы представляли собой прозрачную жидкость. По цвету отклонений не выявлено. Однако по запаху только один образец полностью соответствовал заявленному в карточке товара описанию. Для остальных образцов характерен резкий спиртовой запах, а также слабый аромат.

2) Стойкость запаха. Два образца из пяти имели этот показатель ниже нормативных требований (не менее 50 ч для духов) [3].

3) Прозрачность. Все пять образцов успешно прошли испытание при температуре +3°С, помутнение отсутствовало.

4) Объёмная доля этилового спирта. Результаты анализа показали, что ни один из пяти образцов не соответствует требованию ГОСТ 31678-2012 (не более 20%) [3]. Фактическое содержание спирта во всех образцах составило от 74 до 90%, что в 3,5-4,5 раза превышает допустимую норму для детской парфюмерии, что свидетельствует о высоких рисках для здоровья детей [3].

5) Маркировка, упаковка и документация: маркировка всех образцов не соответствует требованиям ТР ТС 009/2011 [4] и ГОСТ

27429-2017 [5]. Документы, подтверждающие безопасность (СГР) и их копии у продавцов отсутствуют. Провести проверку их наличия по официальному реестру Роспотребнадзора или реестра Рос аккредитации не представляется возможным из-за отсутствия уникальных номеров документов. На всех образцах отсутствует обязательный код маркировки Data Matrix системы «Честный знак» [6]. Следовательно, продукция введена в оборот с нарушением.

Таким образом, ассортимент спиртовой парфюмерии Восточной Азии является динамичным сегментом российского рынка, но требующим внедрения системного товароведного подхода для обеспечения качества, безопасности и достоверности информации на всех этапах его движения к потребителю, особенно в условиях дистанционной торговли.

Список источников

1. Парфюмерия // Wildberries : интернет-магазин. URL: https://www.wildberries.ru/catalog/krasota/parfyumeriya.

2. Энциклопедия парфюмерии Aromo.ru. URL: https://www.aroma-butik.ru/articles/etilovyj-spirt-v-parfyumernoj-produkczii/.

3. ГОСТ 31678-2012. «Продукция парфюмерная жидкая. Общие технические условия». URL: https://internet-law.ru/gosts/gost/52902/%20?ysclid=mifu43bupe617673479.

4. Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС 009/2011) «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» URL: https://docs.cntd.ru/document/902303206.

5. ГОСТ 27429-2017 «Продукция парфюмерно-косметическая жидкая. Упаковка, маркировка, транспортирование и хранение» URL: https://internet-law.ru/gosts/gost/70166/.

6. Постановление Правительства РФ от 30.11.2024 № 1681 «Об утверждении Правил маркировки средствами идентификации

отдельных видов парфюмерно-косметической продукции ...». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/24ps1681/.

УДК 640.4:613.7

Здоровьесберегающие технологии, применяемые в современных гостиничных номерах

Казакова Виолетта Станиславовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vkazakova956@gmail.com

Ключевые слова: здоровье, здоровьесберегающие технологии, гостиничные номера, комфортный отдых.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Изосимовой Ирине Владимировне, доценту, канд. биол. наук.

Активные изменения, происходящие в жизни современного общества и связанные с такими тенденциями, как: информатизация и цифровизация, осознанное потребление и повышенное внимание людей к своему здоровью, а также ускоренный темп жизни, оказывают влияние буквально на все сферы человеческого существования, а следовательно, и бизнес-направления. Не остается в стороне и индустрия гостеприимства, стремящаяся идти в ногу со временем и в максимально полном объеме отвечать на запросы гостей. Таким образом, цель настоящей статьи – представить наиболее значимые технологии в сфере

© Казакова В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

гостиничного сервиса, обусловленные выделенными выше тенденциями, в первую очередь, активизацией внимания людей к своему здоровью.

Как отмечают Э.И. Погорелова и А.А. Сергеев, «в условиях жесткой конкурентной борьбы побеждают те гостиничные предприятия, которые прежде всего стремятся удовлетворить запросы потребителей. Успешные гостиницы, добиваясь собственной экономической выгоды, в то же время обеспечивают общественные интересы и удовлетворяют потребности клиентов» [3].

Таким образом, гостиницы сегодня – это не просто место для ночлега, это пространство, способное предоставить качественный гостиничный продукт в виде эргономичного, приятного и безопасного отдыха, способного удовлетворить разнообразные запросы потребителей и самым благоприятным образом сказаться на их физическом и эмоциональном самочувствии. Следовательно, комфорт, определяющий качество услуг в сфере гостеприимства, напрямую связан с применением здоровьесберегающих технологий, направленных на сохранение и укрепление здоровья гостей.

В свою очередь, гостиничный номер – один из основных элементов гостиничного сервиса, который определяет его качество [2].

Сон играет ключевую роль в поддержании физического, когнитивного и эмоционального здоровья человека. И именно кровать, в первую очередь, обеспечивает человеку здоровый и крепкий сон. Соответственно, говорить о качестве гостиничных услуг невозможно без оснащения данных предприятий современными спальными местами.

В связи с этим, представляет интерес разработка американской компании Eight Sleep, кроватями которой оборудованы номера Нью-Йоркского отеля Equinox Hotel, который

поддерживает концепцию «Sleep Lab». Эти кровати имеют не только три степени жёсткости матрацев и охлаждающие и нагревающие устройства, что позволяет им подстраиваться под индивидуальные потребности и привычки спящего, но также снабжены специальными датчиками, отслеживающими качество сна отдыхающего по 15 параметрам, в том числе по продолжительности фаз быстрого и глубокого сна, характеру сердечного ритма и дыхания и т.д. Благодаря этим данным, кровать может подобрать наиболее оптимальное время для отхода ко сну и пробуждения, поддерживая эти процессы с помощью температуры: охлаждаясь при засыпании и нагреваясь перед пробуждением. Также комфортное пробуждение обеспечивается за счет выбора для этого наиболее подходящего момента при считывании фаз сна, использования мягкого вибрирования и любимой музыки спящего. Таким образом, кровать Eight Sleep является не просто местом для отдыха, а высокотехнологичным инструментом восстановления, адаптирующимся к физиологии конкретного человека в реальном времени [4].

Проблема загрязнения воздуха является в настоящее время одной из наиболее серьезных экологических проблем. Помимо техногенных выбросов, на состояние дыхательной системы человека, а следовательно, его здоровье, оказывают влияние также различные аллергены, находящиеся в воздухе (пыль, пыльца, шерсть), недостаточная влажность, вентиляция воздуха и т.д. В связи с этим одним из важных направлений в области здоровьесберегающих технологий в гостиничном бизнесе является применение инновационных систем очистки воздуха.

Показателен пример отеля Four Seasons в Лос-Анджелесе, в номерах которого используется HEPA-фильтрация (High Efficiency Particulate Air – высокоэффективное удержание частиц в воздухе), способная задерживать до 99,97% частиц размером от 0,3 микрона, включая пыльцу, споры плесени и микробы. Очистка происходит до

4 раз в час и позволяет чувствовать себя в номере максимально комфортно даже гостей с астмой и аллергией [1].

Для большинства гостей, особенно тех, кто путешествует с деловой целью, крайне важной является необходимость хорошо выглядеть. Не стоит забывать также, что чистая одежда способствует поддержанию гигиены человека и препятствует распространению бактерий и грибков, что положительным образом сказывается на его здоровье. Как следствие, довольно часто постояльцы прибегают к услугам прачечных и химчисток, предоставляемых гостиницей. В настоящее время заменить их могут специальные встроенные шкафы-парогенераторы LG Styler, осуществляющие бережный, но эффективный уход за вещами, выполненными из деликатных тканей (шёлка, кашемира, шерсти, кожи и меха). Горячий пар, используемых в них, позволяет вещам не только приобрести аккуратный вид, но также избавиться от бактерий, вирусов, различных аллергенов, таких, как пыльца и пыль, а также клещей и неприятного запаха. Такие шкафы установлены в большинстве номеров японской сети отелей Henn na Hotel и особенно ценятся постояльцами, путешествующими с деловыми целями или останавливающимися на несколько дней [5].

Таким образом, здровьесберегающие технологии, используемые современными гостиничными предприятиями, позволяют создать для постояльцев максимально комфортные условия отдыха, тем самым оставляя о себе самые приятные воспоминания и повышая клиентопоток и конкурентоспособность гостиницы, а следовательно, ее положительный имидж.

Список источников

1. Гостеприимство из будущего: шесть трендов гостиничной индустрии. URL: https://b2b.ostrovok.ru/blog/gostepriimstvo-iz-budushhego-shest-trendov-gostinichnoj-industrii/ (дата обращения: 08.04.2026).

2. Ефремова М. В. Гостиничные услуги: основные категории, классификация, виды / Ефремова М. В., Рябова О. В. // Сфера услуг: инновации и качество. 2019. № 42. С. 25–33.

3. Погорелова Э. И. Качество обслуживания туристов в гостиницах как фактор привлечения туристов / Погорелова Э. И., Сергеев А. А // Интерактивная наука. 2017. № 11. С. 193–196.

4. Hobbs Ch. What It's Like to Stay in the Equinox Hotel Sleep Lab Rooms. URL: https://www.cntraveler.com/story/equinox-hotel-sleep-lab-rooms (дата обращения: 07.04.2026).

5. LG STYLER. Clean your clothes with powerful steam technology. URL: https://tokyo-ginza.hennnahotel.com/our-hotel/lg-styler/ (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 658.62

Актуальные вопросы качества молока, реализуемого в розничной сети г. Красноярска

Коростелева Яна Александровна[1], Федченко Георгий Владиславович[2]
[1]Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ykorosteleva@sfu-kras.ru
[2]МАОУ Лицей № 6 «Перспектива», Красноярский край, Красноярск, Россия, fed4enko.georgy@yandex.ru

Ключевые слова: молоко питьевое, оценка качества, потребительские предпочтения.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Елене Александровне Федченко, старшему преподавателю кафедры ТиЭТ ИТиСУ СФУ.

Ассортимент молочной продукции на современном потребительском рынке достаточно широк. Молоко, как основной товар данной группы, является продуктом повседневного спроса. В настоящее время питьевое молоко представлено разными видами, потребителю часто бывает трудно сделать выбор, учитывая разнообразие реализуемой продукции. Работы исследователей по данной теме свидетельствуют о ее актуальности [1; 2]. В ранее опубликованных нами работах также затрагивались вопросы качества молока в рамках анализа прослеживаемости продукции в системе обязательной маркировки [3].

© Коростелева Я. А., Федченко Г. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Исходя из вышесказанного, целью работы является изучение потребительских предпочтений на питьевое молоко и проведение товароведной оценки качества образцов молока разных видов, приобретенных в магазинах г. Красноярска.

Исследование потребительских предпочтений было проведено посредством анкетирования 20 респондентов разных возрастов. Результаты опроса показали, что 45% опрошенных предпочитают покупать молоко 3,2% жирности, 25% - 2,5 % жирности, 20% выбирают отборное молоко, остальные опрошенные покупают низкожирное и безлактозное молоко. Большая часть опрошенных (65%) используют молоко для приготовления блюд или для добавления в напитки. 75% респондентов предпочитают употреблять в пищу пастеризованное молоко, 10% - ультрапастеризованнное. На вопрос «Какие виды молока, кроме коровьего, Вы встречали в продаже?» большинство опрошенных (73,7%) ответили «козье молоко».

Учитывая результаты предпочтений потребителей, для проведения исследований были взяты 3 образца молока (2 вида коровьего и один образец козьего): молоко ультрапастеризованное «Семёнишна» 3,2%, молоко пастеризованное «Простоквашино» 2,5 %, молоко козье ультрапастеризованное «Село Зеленое» отборное (фотографии образцов представлены на рисунке 1).

Товароведная оценка качества товара начинается с исследования его упаковки. Два образца молока («Семёнишна» и «Село Зеленое») имеют упаковку вида ТетраПак (бумага-пластик-алюминий). Молоко «Простоквашино» разлито в пластиковую бутылку. Упаковка всех видов молока чистая, без повреждений, загрязнений и дефектов.

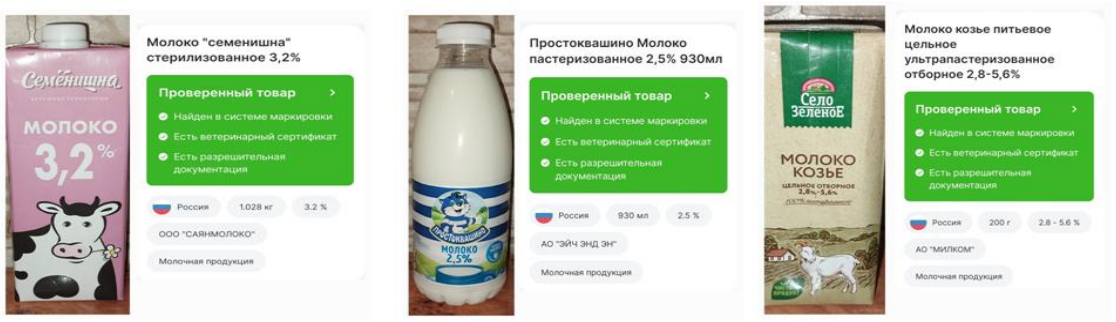


Рисунок 1. Исследуемые образцы молока.

На следующем этапе был проведен анализ цифровой маркировки образцов молока при помощи приложения «Честный ЗНАК». Результаты сканирования кодов DataMatrix (представлены на рисунке 1) показали, что вся продукция зарегистрирована в системе. Далее была оценена маркировка образцов на соответствие требованиям ТР ТС 022/2011, ТР ТС 033/2013, стандартов на каждый вид молока. Информация на упаковке всех образцов соответствует требованиям нормативных документов, нарушений выявлено не было.

Результаты органолептической оценки позволяют утверждать, что все образцы коровьего молока соответствуют требованиям ГОСТ 31450-2013: являются непрозрачной жидкостью, с однородной, не тягучей консистенцией, имеют характерные для молока вкус и запах. Цвет белый у молока «Простоквашино», со светло-кремовым оттенком у образца «Семёнишна», что допустимо для ультрапастеризованного молока. Образец козьего молока - непрозрачная жидкость без осадка, с однородной консистенцией без хлопьев белка; вкус и запах чистые, характерные для козьего молока; цвет белый, равномерный по всей массе. Все значения показателей в пределах норм ГОСТ 32259-2013 «Молоко цельное питьевое козье. Технические условия».

Из физико-химических показателей качества определялись плотность, кислотность и наличие пероксидазы (для коровьего молока). Исследования показали, что плотность образцов молока

находится в диапазоне от 1028 кг/м^3 (у образцов «Семёнишна» и «Село Зеленое») до 1029 кг/м^3 у молока «Простоквашино». По данному показателю образцы молока соответствуют нормам стандартов.

Показатель «кислотность» всех образцов имеет значения в пределах 16-18 ^{0}Т, что соответствует требованиям ГОСТ (норма для коровьего молока – не более 21 ^{0}Т, для козьего – не более 20 ^{0}Т)

Пероксидаза ни в одном из образцов коровьего молока обнаружена не была, что свидетельствует о соблюдении режимов термической обработки молока. Данный показатель для козьего молока стандартом не нормируется. Таким образом, по физико-химическим показателям качества все исследуемые образцы молока соответствуют требованиям нормативных документов.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать вывод, что питьевое молоко имеет устойчивый спрос у потребителей, являясь продуктом повседневного спроса. Коровье и козье молоко разных способов термической обработки по качеству соответствует требованиям действующих нормативных документов.

Список источников

1. Петак А. А. Товароведная экспертиза качества молока питьевого / А. А. Петак, И. В. Дойко, Г. Р. Рыбакова // Региональные рынки потребительских товаров: качество, экологичность, ответственность бизнеса : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 05–07 декабря 2024 года. Красноярск: Буква С, 2025. С. 226–228.

2. Савицкая Э. В. Исследование качества питьевого молока / Э. В. Савицкая, В. А. Попова //Региональные рынки потребительских товаров: качество, экологичность, ответственность бизнеса: материалы V Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием, Красноярск, 05–07 декабря 2024 года. Красноярск: Буква С, 2025. С. 230–233.

3. Федченко Г. В. Особенности маркировки молочной продукции / Г. В. Федченко, И. В. Дойко, Е. А. Федченко // Церевитиновские чтения – 2023 : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2023. С. 263–266.

УДК 620.2:658.71

Оценка ассортимента, качества и безопасности масляных духов стран Ближнего Востока и Южной Азии, реализуемых на торговой площадке Wildberries

Кузнецова Юлия Евгеньевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, uliakyznetsova2101@mail.ru

Ключевые слова: ассортимент, качество, безопасность, парфюмерные товары, дистанционная торговля, масляные духи.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Валентине Никитичне Паршиковой, профессору, д-ру техн. наук.

Масляные (бесспиртовые) духи, традиционно называемые аттарами, занимают особое место на мировом парфюмерном рынке благодаря своей стойкости, насыщенности аромата и отсутствию

© Кузнецова Ю. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

этилового спирта. Исторически родиной таких духов являются страны Ближнего Востока и Южной Азии, что связано с религиозными и культурными особенностями – в исламе, буддизме и индуизме использование спирта ограничено или запрещено [1]. В последние годы на российском рынке, в том числе в дистанционной торговле, представлен широкий ассортимент масляных духов от производителей из азиатских стран. Однако стремительный рост предложения и высокая конкуренция среди продавцов создают риски для потребителей, связанные с реализацией продукции, не соответствующей обязательным требованиям безопасности. Неполная или недостоверная маркировка, отсутствие разрешительной документации, несоответствие заявленных характеристик фактическим – эти проблемы требуют системного анализа и оценки. Особую роль проблеме придаёт отсутствие в нормативной базе Евразийского экономического союза специализированного стандарта на масляные духи, регламентирующего терминологию и номенклатуру показателей качества, что затрудняет их идентификацию и контроль качества [2].

Целью работы является комплексная оценка ассортимента, качества и безопасности масляных духов стран Ближнего Востока и Южной Азии, реализуемых на маркетплейсе Wildberries (WB), на соответствие требованиям Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции», Постановления Правительства РФ № 1957 «О системе маркировки товаров средствами идентификации» и сопутствующих стандартов.

Для достижения поставленной цели были проанализированы структура ассортимента масляных духов на WB, органолептические показатели случайным образом отобранных образцов, соответствие их маркировки обязательным требованиям, а также наличие и

действительность документов, подтверждающих безопасность продукции.

Анализ ассортимента проводился на маркетплейсе WB по запросу «Масляные духи» с фильтром по категории «Духи». С помощью встроенных фильтров и последующей ручной обработки данных были выделены товары из ключевых стран-производителей Безусловным лидером по количеству товарных позиций являются ОАЭ – 14,52% от их общего количества. Второе место занимает Турция – 7,54%. Доля остальных стран не превышает 1%. Ценовая структура ассортимента характеризуется резким доминированием бюджетного сегмента. По гендерному признаку распределение выглядит следующим образом: женские ароматы – 54,85%, унисекс – 37,48%, мужские – 7,68%. Высокая доля унисекс-ароматов, что является отличительной чертой именно восточных масляных духов, где композиции на основе древесных, бальзамических и пряных нот изначально позиционируются как гендерно-нейтральные. Однако, для значительной части товаров (около 77%) страна-производитель в фильтре маркетплейса не идентифицирована, что может быть связано как с несовершенством каталога, так и с отсутствием соответствующей информации в карточках товаров.

Для оценки качества и безопасности продукции из бюджетного ассортимента были отобраны пять образцов масляных духов, приобретённых на WB и представляющих ключевые страны-производители: № 1 – Cladko (Оман, объём 3 мл, цена 182 руб.), № 2 – Khojati (Индия, 6 мл, 174 руб.), № 3 – ZAHRA PERFUMES (Сирия, 6 мл, 253 руб.), № 4 – AKSA (Турция, 6 мл, 203 руб.), № 5 – Al Rehab (ОАЭ, 6 мл, 247 руб.). Оценка проводилась по трём направлениям: органолептические показатели были оценены на соответствие ГОСТ 31678-2012 [3], анализ маркировки (по ТР ТС 009/2011) и экспертиза документов, подтверждающих безопасность (наличие и действительность деклараций о соответствии, наличие кодов Data Matrix системы «Честный знак»).

Органолептическая оценка показала, что все пять образцов представляют собой прозрачные бесцветные или окрашенные маслянистые жидкости без видимых посторонних включений и осадка. При охлаждении до +4°С в течение двух часов все образцы сохраняли прозрачность, что соответствует требованиям ГОСТ 31678-2012. Все образцы оставляют характерное жирное просвечивающее пятно на фильтровальной бумаге, что подтверждает их масляную основу и отсутствие этилового спирта. Динамика раскрытия аромата на коже оценивалась через 15, 30, 45 и 60 минут после нанесения. Характер запаха соответствовал либо описанию, в карточке товара, либо информации на упаковке. Стойкость запаха определялась на стандартных блоттерах из фильтровальной бумаги с оценкой интенсивности через 2, 4, 6, 8, 12 и 24 часа по пятибалльной шкале. Стойкость запаха коррелировала с заявленным составом продуктов и находилась в пределах 8 (образцы 3,4)-24 часа (образцы 1.2) [3].

Анализ маркировки выявил, что ни один из пяти образцов не соответствует всем обязательным требованиям. Нарушения правил маркировки заключались в отсутствии видового наименования продукта на русском языке, списка ингредиентов, знака соответствия, даты изготовления и наименования изготовителя. Цифровая маркировка Data Matrix в системе «Честный знак» присутствовала только на упаковке образца № 5 (ОАЭ, объём 6 мл). Отсутствие её на образцах № 2, 3 и 4 является нарушением законодательства [4]. Кроме того, сравнение информации в электронных карточках товаров с данными на физической упаковке показало многочисленные расхождения в содержании.

Экспертиза разрешительной документации подтвердила, что только один образец из пяти (№ 5, Al Rehab, ОАЭ) имеет актуальное документальное подтверждение безопасности и цифровую маркировку [5].

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости усиления контроля со стороны маркетплейса за достоверностью информации в карточках товаров и за соблюдением продавцами требований к маркировке и документальному оформлению парфюмерной продукции. Целесообразна, в системе Росстандарта, разработка нормативного документа на новый вид жидкой бесспиртовой парфюмерии с регламентацией состава и показателей качества.

Список источников

1. Масляные духи // Flacon Magazine. URL: https://flacon-magazine.com/aromaty/dukhi/3196852-maslanye-duhi (дата обращения: 06.04.2026).

2. «Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» (принят Решением Комиссии Таможенного союза от 23 сентября 2011 г. № 799).

3. ГОСТ 31678-2012 «Продукция парфюмерная жидкая. Общие технические условия». М.: Стандартинформ, 2013. 16 с.

4. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2019 г. № 1957 «Об утверждении Правил маркировки духов и туалетной воды средствами идентификации…» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 2. Ст. 179.

5. Росаккредитация: Федеральная служба по аккредитации: официальный сайт. Москва, 2011–2026. URL: https://fsa.gov.ru (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 677.027.4

Сравнительная характеристика и обоснование выбора красителей для окрашивания смесовых тканей в производстве одежды для детей школьного возраста

Куконина Алиса Ильинична[1], Радушева Елизавета Сергеевна[2]
[1, 2]Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия
[1]alisakukonina046@gmail.com
[2]liza.radusheva@mail.ru

Ключевые слова: натуральные и синтетические красители, детская одежда, школьная форма, окрашивание тканей, устойчивость окраски, гипоаллергенность

Благодарности: авторы выражают благодарность научным руководителям Зайченко Елене Анатольевне, доценту, канд. экон. наук, Петренко Елене Валерьевне, ст. преподавателю.

Процесс окрашивания смешанных тканей, содержащих натуральные волокна (хлопок) и синтетические волокна (полиэстер), затруднен вследствие принципиальных различий в механизмах взаимодействия красителей с разными типами волокон. Активные красители, предназначенные для хлопка, вступают в химическую реакцию с гидроксильными группами целлюлозы посредством образования ковалентных связей, что способствует обеспечению высокой стойкости цвета [5]. В противоположность этому, дисперсные красители, используемые для полиэстера, осуществляют проникновение в аморфные области волокон благодаря механизму диффузии, активируемой при повышенных температурах, что требует соответствующей

© Куконина А. И., Радушева Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

корректировки технологического процесса [1]. Такие фундаментальные различия приводят к неоднородному распределению красителей в смешанных тканях, особенно ощутимому при сочетании активных и дисперсных красителей.

К примеру, при применении стандартных режимов окрашивания, характерных для хлопка, участки полиэстеровых волокон могут оставаться недостаточно прокрашенными, что приводит к явлению, известному как «двухцветность». Этот эффект приобретает особую значимость в производстве школьной формы, где содержание синтетических добавок в диапазоне 15-30% вводится преимущественно для повышения износоустойчивости и устойчивости к смятию, однако одновременно создает дополнительные сложности при достижении однородной цветовой гаммы [3].

Сравнительный анализ синтетических и натуральных красителей выявляет значимые различия в аспектах безопасности их применения. Несмотря на высокую стойкость цвета и экономическую доступность, синтетические красители часто содержат вредные компоненты – тяжелые металлы, такие как свинец и кадмий, а также аллергенные азосоединения [5]. Как отмечают исследования, «детям, страдающим аллергией, кожными заболеваниями, противопоказаны такие ткани. Вещества, которые входят в их состав, могут вызвать раздражение, покраснение, зуд» [4]. Эти данные подкрепляются наблюдениями за образцами тканей с повышенной электризуемостью и пониженной воздухопроницаемостью, что снижает их гигиеничность и делает неприемлемыми для детского использования [6]. В свою очередь, природные красители, такие как индиго, куркума и аннато, характеризуются лучшей биоразлагаемостью и меньшим риском аллергизации, однако имеют ограничения в контексте смешанных материалов. Их аффинность к целлюлозным волокнам превышает сродство к полиэстеру примерно в 3-4 раза, что ведет к неравномерности интенсивности окрашивания [2]. Кроме того, природные пигменты демонстрируют пониженную устойчивость к хлорсодержащим моющим средствам, что влечет необходимость их

дополнительной химической модификации, увеличивающей себестоимость процесса [2].

Эффективность окрашивания смешанных тканей существенно зависит от процентного соотношения компонентов. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что при концентрации полиэстера выше 35% даже использование комбинированных методик (двухэтапное применение активных и дисперсных красителей) не всегда обеспечивает желаемую равномерность цветового покрытия, что связано с различиями скоростей диффузии красителей в различных волокнах [1]. Оптимальной для изготовления школьной формы считается пропорция синтетических волокон в пределах 20-25%, поскольку данный баланс сохраняет основные преимущества натуральных материалов, такие как гигроскопичность, и одновременно обеспечивает формовую стабильность благодаря синтетической составляющей, при этом снижая технологические риски, связанные с окрашиванием [7].

Повышенная стойкость окрашивания к эксплуатационным нагрузкам является одним из главных критериев оценки качества школьной одежды. Проведённые испытания в соответствии с ГОСТ ISO 105-X12, регламентирующим устойчивость к трению, показали, что синтетические красители превосходят природные аналоги по износостойкости примерно на 20-30% [3]. В то же время, в условиях воздействия пота с уровнем pH 4.5-5.5 и многократных стирок при температуре 60°C природные краски проявляют лучшие показатели сохранения цвета. Это связано с гидролитическим разрушением активных красителей в щелочной среде, в то время как дисперсные красители склонны к миграции на поверхность волокна, что приводит к выцветанию [5].

Выбор наиболее подходящего типа красителей требует учета множества факторов, включающих технологические аспекты, экологическую безопасность и экономическую эффективность. Для смесовых тканей, где доля хлопка достигает 70-80%, предпочтительнее использование модифицированных активных красителей с пониженным содержанием гидролизуемых групп.

Такие красители обеспечивают показатель стойкости к стирке по ISO 105-C06 на уровне 4-5 баллов и удовлетворяют требованиям технического регламента Таможенного союза ТР ТС 007/2011 в части миграции токсичных компонентов [7]. В случаях, когда преобладающим является полиэстер, рационально применять дисперсные красители, разработанные на основе ацетатных соединений [1].

Экономическая эффективность разработки и производства окрашенных смешанных тканей стимулирует использование гибридных технологий. В частности, практикой считается двухэтапное окрашивание: сначала наносятся натуральные пигменты на хлопковые волокна, после чего следует обработка синтетических волокон модифицированными дисперсными красителями [2]. Такой подход позволяет снизить расход химреагентов примерно на 15-20% по сравнению с отдельным окрашиванием и при этом соответствует строгим нормам европейского регламента REACH и российским санитарным правилам СанПиН 2.4.7/1.1.1286-03, регулирующим содержание летучих органических соединений [5].

Список источников

1. Гаврилова В. В. Использование регенерированного сырья для изготовления полимерных труб // Современные проблемы науки о полимерах. Ташкент, 2016. 192 с.

2. Гончарова Н. В. Изучение возможности применения водно-щелочных растительных экстрактов в качестве красящих веществ / Гончарова Н. В., Титова И. И. // Костюмология. 2023. №1. С. 1–10.

3. Кирьянова Т. Г. Исследование износостойкости сорочечных тканей / Кирьянова Т. Г., Лобацная Е. М., Полячон О. М. // Материалы докладов 46 республиканской научно-технической конференции преподавателей и студентов. Витебск, 2013. С. 237–238.

4. Кротова И. В. Натуральные красители из отходов окорки хвойных растений / И. В. Кротова, В. С. Боев // Торговля, сервис, индустрия питания. 2021. Т. 1, № 4. С. 406–420.

5. Киселёв А. М. Экологические аспекты процессов отделки текстильных материалов // Рос. хим. ж. (Ж. Рос. хим. об-ва им. Д.И. Менделеева). 2002. №1. С. 20–24.

6. Нефёдова М. Исследование гигиенических свойств детской трикотажной одежды // Старт в науку. Пенза, 2020. С. 3–30.

7. Черенцова Г. Г. Исследование качества материалов для производства школьной одежды // Economy and Business: Theory and Practice. 2023. №10. С. 183–186.

УДК 640.4:316.7-053.6

Влияние ценностных установок поколения Z на развитие гостиничного бизнеса

Леканова Кристина Андреевна, Прокопьева Ульяна Павловна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, klekanova07@mail.ru

Ключевые слова: гостиничный бизнес, гостиничные услуги, персонализированные услуги.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Сергачевой Ольге Матвеевне, доценту, канд. техн. наук.

На смену поколениям в России закономерно приходит изменение потребительских привычек, в настоящее время поколение Z формирует новую модель поведения на рынке гостиничных услуг [2].

© Леканова К. А., Прокопьева У. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Целью данной работы является выявление положительных и отрицательных аспектов влияния ценностных установок поколения Z на развитие гостиничного бизнеса.

В рамках поставленной цели, определены следующие задачи: методом анкетирования изучить и проанализировать ценностные установки поколения зуммеров, определить их возможное влияние на формирование потребительских предпочтений в гостиничном бизнесе.

Анкета включала 10 вопросов, направленных на выявление жизненных приоритетов, отношения к материальным ценностям и предпочтений в индустрии гостеприимства. В опросе приняли участие 156 человек в возрасте от 18 до 25 лет.

Анализ ответов респондентов на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в жизни на данный момент?» показал, что для большинства опрошенных на первом месте находятся нематериальные ценности. 42 % опрошенных отметили, что главным приоритетом для них являются впечатления и эмоции, 21 % выделили самореализацию, 27 % – стабильный доход, и только 10 % указали собственность как ключевую жизненную цель (рис. 1). Кроме того, 74% участников опроса отметили, что для них важны именно яркие эмоции от жизни и поездок, а не привычный комфорт.

Отношение к материальным ценностям у участников опроса показывает, что совершение крупных долгосрочных покупок не входит в число их приоритетных целей (рис. 2).

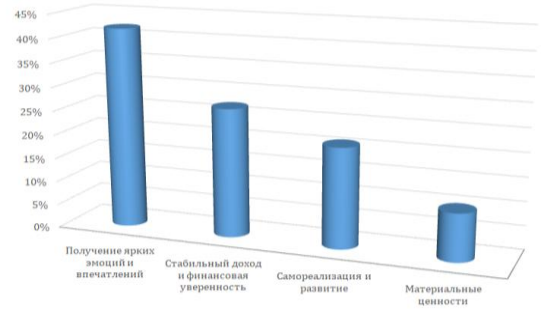


Рисунок 1. Распределение жизненных приоритетов участников опроса.

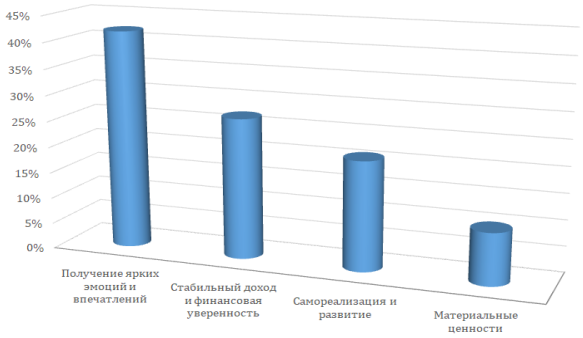


Рисунок 2. Отношение участников опроса к приобретению собственного жилья, как к приоритетной цели.

Большинство респондентов – 52 % не считают покупку собственного жилья важной целью, 27 % затруднились с ответом, и только 21 % отметили ее как значимую.

В сфере гостеприимства наблюдается высокая активность среди представителей поколения Z. Большинство респондентов путешествуют более 2 раз в год.

Анализ привлекательности дополнительных услуг для выбранной категории респондентов представлен на рис. 3.

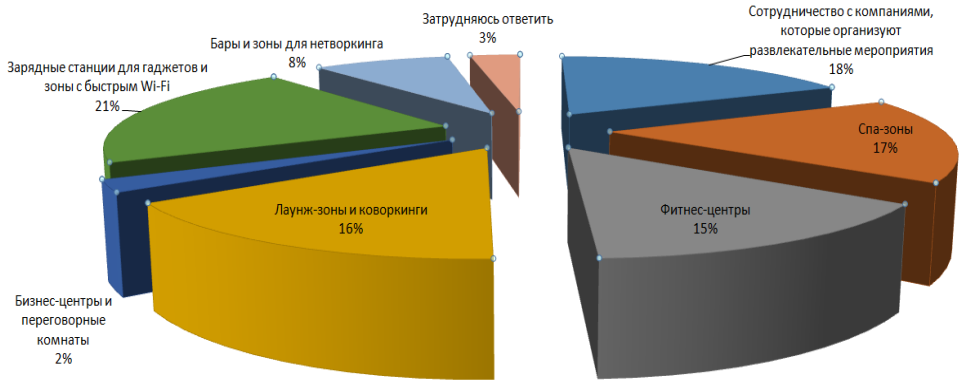


Рисунок 3. Анализ привлекательности дополнительных гостиничных услуг для участников опроса.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что 71 % респондентов привлекает сотрудничество отелей с компаниями, организующими развлекательные мероприятия (квесты, концерты, мастер-классы), 65 % опрошенных

заинтересованы в услугах спа-зон, лаунж-зоны и коворкинги для работы в неформальной обстановке предпочитают 63 % респондентов, в то время как классические бизнес-центры и переговорные комнаты заинтересовали только 9% опрошенных.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что приоритет изучаемой целевой аудитории потребителей в пользу эмоционального опыта, впечатлений и разнообразия досуга формирует устойчивый спрос на услуги размещения и тем самым стимулирует развитие гостиничного бизнеса. Стремление к путешествиям, поиск инновационных форматов отдыха и активное участие в культурно-развлекательных мероприятиях обусловливают необходимость расширения гостиничного продукта, интеграции дополнительных сервисов и формирования гибких, креативных предложений [1]. Значимым фактором так же является выраженная цифровая вовлеченность представителей поколения Z. Активное использование онлайн-платформ, предпочтение визуального контента и ориентация на экспертные отзывы способствуют формированию инновационных каналов коммуникации, что позволяет отелям выстраивать более персонализированное и адресное взаимодействие с гостями [3]. Следует отметить, что интерес целевой аудитории к разнообразным форматам досуга и необычным дополнительным услугам, стимулирует процесс модернизации гостиничного предложения, тем самым повышая его привлекательность для молодежной аудитории.

Вместе с тем результаты исследования позволяют выделить и отрицательные аспекты влияния. Ориентация на рациональное потребление и стремление оптимизировать расходы приводят к выбору более доступных вариантов размещения, что усиливает ценовую конкуренцию и ограничивает возможности увеличения прибыли отелей. Высокая изменчивость предпочтений и ориентация на новые впечатления затрудняют формирование

устойчивой клиентской базы, так как представители поколения Z не склонны к долгосрочной приверженности одному формату или месту размещения. Однако в долгосрочной перспективе по мере изменения жизненных приоритетов и роста доходов данное поколение может стать стабильным и активным потребителем гостиничных услуг.

Список источников

1. Денисова О. А. Туризм сквозь призму поколений: от бэби-бумеров до зумеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. №11 (часть 2). С. 187–191.

2. Жираткова Ж. В. Мотивация поколения Z при выборе отеля / Ж. В. Жираткова, Н. Ф. Маврина, Е. В. Шандыбина // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. №3. С. 20–34.

3. Рубцова Н. В. Туристы поколения Z как сегмент внутреннего туристического рынка / Н. В. Рубцова, В. В. Никифорова // АНИ: экономика и управление. 2021. №4 (37). С. 233–236.

УДК 640.4:004:366.1

Темная сторона удобства: как цифровизация способствует ленивому потреблению на рынке гостиничных услуг

Лунева Эвелина Эдуардовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, evelina-luneva9348@mail.ru

Ключевые слова: цифровизация, гостиничный бизнес, минимизация усилий, ленивое потребление.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Изосимовой Ирине Владимировне, доценту, канд. биол. наук.

Интерес к цифровизации в гостиничной индустрии возрастает как среди исследователей, так и среди практиков отрасли. Согласно исследованию «Skift» в 2024 году 92% руководителей туристических компаний и гостиничного бизнеса, подтвердили, что цифровая трансформация важна для общей стратегии и успеха их бизнеса [3].

Цифровизация радикально преобразила сферу гостиничных услуг. Онлайн-бронирование, мобильные приложения для регистрации и управления проживанием, голосовые помощники и автоматизированные сервисы – все это облегчает путешествия и повышает комфорт гостей. За счет алгоритмов персонализации и рекомендаций потребителю не требуется самостоятельно искать или выбирать продукт — система делает это за него. Однако за этим скрывается риск поощрения ленивого потребления, при котором

© Лунева Э. Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

человек предпочитает готовые решения, не вникая в детали и не анализируя альтернативы [2].

Цифровые технологии, формируя для пользователя комфортную среду, ограничивают его рамками заранее определенных возможностей. Например, сервисы заказа еды в номер, виртуальные экскурсии и развлекательные приложения позволяют не выходить за пределы этой зоны, минимизируя необходимость взаимодействия с внешним миром, активного изучения окружающей обстановки и живого общения. В результате усиливается эффект «цифровой изоляции»: удобство сервисов способствует росту психологической пассивности и снижает стремление к самостоятельному поиску новых впечатлений. Кроме того, упрощение процесса приобретения услуг способствует принятию импульсивных решений, что приводит к необоснованным расходам. Привычка к максимальному комфорту ослабляет стремление к планированию и развитию навыков самостоятельного выбора, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться на уровне финансовой грамотности.

Отели и гостиничные сети, внедряя автоматизированные системы, сокращают количество живых контактов с персоналом. В следствии этого падает качество диалога между гостем и сервисом, индивидуальный подход уступает место стандартизации и универсальности, что снижает уровень вовлеченности, творческого выбора и самостоятельной инициативы гостя.

В таблице 1 рассмотрена трансформация потребительского поведения в гостиничном бизнесе в условиях цифровизации [1].

Таблица 1. Ключевые аспекты изменения потребительского поведения в условиях цифровой трансформации

Аспект изменения	**«Темная сторона удобства»**	**Последствия для потребителя**	**Последствия для гостиничного бизнеса**
Избыточный доступ к информации и отзывам	Поверхностное принятие решений: вместо анализа потребитель полагается на агрегированные оценки и первые отзывы, избегая критического осмысления	Снижение способности к критическому мышлению, риск выбора неоптимального варианта из-за «информационного шума» и предвзятости	Усиление зависимости от онлайн-репутации, снижение ценности уникальных предложений, которые не «выстреливают» в рейтингах
Автоматизация и упрощение бронирования/управления	Отсутствие вовлеченности: минимальное взаимодействие с персоналом, пассивное следование предложенным опциям	Потеря возможности получить персонализированный совет или уникальный опыт, который не предусмотрен автоматизированными системами	Снижение лояльности из-за отсутствия эмоциональной связи, сложность в выявлении истинных потребностей гостя
Персонализация на основе алгоритмов	Потребитель постоянно получает предложения, соответствующие его прошлым выборам, что ограничивает кругозор и препятствует открытию нового	Ограничение выбора, формирование предсказуемого и однообразного опыта, снижение спонтанности и готовности к экспериментам	Сложность в продвижении новых услуг или концепций

Окончание таблицы 1.

Мобильность и мгновенность	Культура «мгновенного удовлетворения»: ожидание немедленного решения проблем и получения услуг «здесь и сейчас», неготовность ждать или адаптироваться	Повышенная тревожность при задержках, снижение толерантности к несовершенствам формирование нереалистичных ожиданий от сервиса	Увеличение операционной нагрузки на персонал, необходимость инвестиций в дорогостоящие мгновенные решения, риск негативных отзывов при малейших задержках
Визуальный контент и иммерсивный опыт	«Визуальная лень»: предпочтение поверхностного просмотра изображений и видео вместо чтения описаний, что приводит к неполному пониманию предложения	Разочарование от несоответствия ожиданий реальности (основанных на идеализированных фото), снижение способности к критической оценке	Необходимость постоянного создания «идеального» контента, риск обвинений в «фотошопе» и обмане, если реальность не соответствует картинке
Социальное доказательство	«Стадное чувство» и пассивное следование: выбор отеля не по личным предпочтениям, а по популярности среди инфлюенсеров	Потеря индивидуальности в выборе, риск выбора неоптимального популярного варианта, который не подходит лично потребителю	Усиление конкуренции за внимание инфлюенсеров, риск «накрутки» популярности, снижение ценности аутентичности и уникальности

Таким образом, цифровизация гостиничных услуг улучшает клиентский опыт, но в то же время приучает гостей к ленивому потреблению. В результате удобство становится не только благом, но и ограничением. Этот двойственный эффект требует поиска баланса между использованием новых технологий и сохранением у людей активности, ответственности и осознанности при выборе услуг.

Список источников

1. Астахин А. С. Трансформация поведения потребителей в эпоху цифровых перемен // Экономические науки. 2025. № 4. С. 142–147.

2. Щербаков А. П. Потребительский выбор в условиях цифровизации: взаимодействие ограниченной рациональности и алгоритмов искусственного интеллекта // Вестник Алтайской академии науки и права. 2025. №12 (часть 1). С. 142–150.

3. Travel & Hospitality Technology / Market Update, March 2024. URL: https://cdn.hl.com/pdf/2024/travel-hospitality-tech-march-2024-.pdf.

УДК 640.4:004.9

Цифровая трансформация гостиничной индустрии: сущность, направления и практическая реализация

Валегжанина Дарья Сергеевна, Матвеева Алина Александровна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, aanufrieva@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровые технологии, отельный бизнес, гостиница, умные технологии.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Анастасии Александровне Ануфриевой, ассистенту кафедры Гостиничного дела ИТиСУ СФУ.

© Валегжанина Д. С., Матвеева А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Толчком к цифровой трансформации выступает как политика государства в области экономики, так и меняющиеся ожидания и запросы клиентов. Гостиничный бизнес находится в состоянии значительных перемен, обусловленных развитием цифровых технологий и необходимостью внедрять их в свою деятельность. Причинами такой трансформации являются потребности растущего числа технологически подкованных заказчиков, что в свою очередь помогает гостиницам адаптироваться к изменяющейся внешней среде, а также справляться с внутренними проблемами, оптимизируя затраты и повышая операционную эффективность [1].

Актуальность темы обусловлена ростом значимости цифровых технологий в поддержании конкурентоспособности гостиничного бизнеса. Цифровая трансформация бизнеса подразумевает внедрение новых технологий, притом не всегда их использование означает трансформацию [3]. Цифровые инструменты внедряются в сферу гостиничного бизнеса уже давно. Например, использование автоматизированных систем управления, появление глобальных систем бронирования, онлайн каналов бронирования также является драйвером цифровой трансформации индустрии.

В зависимости от степени влияния технологий на гостиничный бизнес, можно выделить три уровня цифровой зрелости компаний: оцифровка данных; цифровизация; цифровая трансформация [3].

Понятие цифровой трансформации достаточно новое для гостиничной индустрии. Оно подразумевает переход к цифровой бизнес-модели, а также замену устаревших технологий на современные. Отличительной чертой цифровой трансформации является внедрение современных технологий во все бизнес-процессы, включая стратегическое планирование, корпоративную культуру, процесс обслуживания и производства [2]. В зависимости от объекта, на который нацелены изменения, можно выделить несколько направлений цифровой трансформации.

Рисунок 1. Направления цифровой трансформации.

Цель цифровой трансформации заключается в создании такой бизнес-модели предприятия, которая конкурентоспособна и отвечает современным вызовам, адаптивна к реалиям современной экономики. Направления цифровой трансформации гостиничной индустрии включают следующие аспекты [3].

1. Цифровые технологии меняют модель ведения бизнеса и становятся основой, на которой строится деятельность предприятия. Цифровизация бизнес-модели может быть направлена, например, на изменение организационной структуры гостиницы.

2. Цифровая трансформация бизнес-процессов. В данном случае она направлена на оптимизацию определенной операции, этапа. Так, цифровизация позволяет повысить, например, удобство бронирования номеров, увеличить скорость обслуживания, эффективность и качество выполнения хозяйственных операций [3].

3. Клиентоориентированный подход. Благодаря анализу и более точному пониманию потребностей гостей возможно, например, выбрать предпочтительный способ взаимодействия, а также внести своевременные корректировки в коммерческое предложение с актуальными для гостя условиями.

4. Цифровизация затрагивает и внешнюю среду. Благодаря цифровизации повышается эффективность взаимодействия заказчиков и партнеров с гостиничным предприятием. Это касается процессов, связанных, например, с бронированием, закупками.

5. Трансформация корпоративной культуры. Сотрудники отеля должны обладать пониманием значения и полезного смысла от внедряемых инноваций, чтобы гостиница могла достичь новых поставленных целей.

На практике цифровые технологии активно применяются для повышения операционной эффективности гостиничного предприятия. Представим несколько примеров использования цифровых решений, затрагивающих разные аспекты работы отеля.

1. С помощью электронного анкетирования можно автоматически собирать обратную связь и анализировать отзывы.

2. Цифровизация позволяет отелю получить доступ к большему количеству потенциальных гостей благодаря онлайн-каналам продаж и цифровому маркетингу.

3. Внедрение систем интеллектуального учета ресурсов (электроэнергии, воды) на базе датчиков позволяет сокращать эксплуатационные затраты.

4. Формирование отчетности или обработка стандартных запросов через чат-боты.

5. Мобильные сервисы, развитие онлайн-регистрации заезда (online check-in), цифровое оформление документов, а также использование смартфона в качестве ключа от номера.

Цифровая трансформация в гостиничной индустрии развивается по пути постепенной интеграции технологий в различные аспекты бизнеса, формируя обновленную бизнес-модель. Гостиницам, стремящимся оставаться конкурентоспособными, важно внедрять цифровые решения в различные аспекты. Успех зависит от сбалансированного подхода, учитывающего технологические возможности, экономическую целесообразность и особенности потребительского поведения.

Список источников

1. Агафонова А. А. Роль цифровизации в повышении качества сервиса в российской гостиничной индустрии, Журнал прикладных исследований. 2024. № 9. С. 110–116.

2. Бельтикова Д. Н. Влияние цифровизации на процессы управления затратами в современной организации / Д. Н. Бельтикова, Д. В. Бельтиков // Актуальные вопросы современной цифровой науки: теория, практика, инноватика : Материалы международной научно-практической конференции, Ставрополь, 24 апреля 2025 года. Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2025. С. 62–68.

3. Волик С. С. Трансформация предприятия в цифровой экономике: направления, ожидаемый результат, проблемы / С. С. Волик, М. В. Волик // Педагогический опыт: решения и находки: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. В 2-х частях, Воронеж, 20–21 марта 2025 года. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. С. 59–71.

УДК 338.48

Этнокультурное достояние и традиции народов севера – тренд индустрии гостеприимства в Арктике

Муратхузина Арина Андреевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, arina.epova21@mail.ru

Ключевые слова: этнокультурный туризм, Арктика, коренные малочисленные народы Севера.

Благодарности: выражаю благодарность научному руководителю Т. Н. Сафроновой, к.т.н., доценту кафедры гостиничного дела ИТиСУ СФУ.

Развитие этнокультурного туризма можно считать одним из наиболее важных направлений сохранения и актуализации этнокультурного наследия. Для развития этнотуризма необходима доступная и полноценно функционирующая туристская инфраструктура. Под ней понимается совокупность организаций и учреждений, деятельность которых нацелена на обеспечение потребностей человека в отдыхе и путешествиях. В структуру такой системы входят транспортные и дорожные сети, средства связи, объекты размещения туристов и иные элементы, поддерживающие устойчивую работу туристской сферы.

Этнокультурный ландшафт Арктики занимает особое место в культурном пространстве мира. Он охватывает не только территории восьми государств, относящихся к арктическому поясу, но и богатое языковое разнообразие, традиционные культуры коренных народов, их религиозные представления, шаманские и

© Муратхузина А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

магические практики, сохранившиеся предметы материальной культуры, особенности мировосприятия, обычаи и ритуалы северных сообществ.

Цель научного исследования – изучение настоящего этнотуризма в Арктике и определение направлений его дальнейшего развития.

Объект исследования составляют туристские потоки, их структурные особенности, а также характеристики участников, вовлеченных в процессы арктического туризма.

Материалы и методы. Основанием для подготовки работы послужили собственные исследования автора и сведения, размещенные на официальных информационных ресурсах. В ходе анализа применялись общенаучные подходы и количественные методы обработки данных.

В арктическом регионе сегодня проживает около четырех миллионов человек, причем примерно 10 % этого населения составляют представители коренных народов. Они продолжают сохранять традиционные виды хозяйственной деятельности, одновременно приспосабливаясь к меняющимся условиям современности. Для поддержки ответственного экономического развития Арктики, создан Арктический экономический совет (АЭС) [1]. В настоящее время в него входит более 40 компаний, представляющих арктические страны. Российскую сторону представляют, в частности, «Новатэк», «Совкомфлот» и другие организации. Наряду с ними постоянное участие в работе АЭС принимают объединения коренных народов Арктики, среди которых Алеутская международная ассоциация, Арктический совет атабасков, Приполярный совет инуитов, а также Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Совет поддерживает традиционные промыслы коренных жителей Арктики и выступает консультативной площадкой для международных структур, рассматривающих вопросы экономического развития региона.

К числу основных документов, определяющих стратегические ориентиры развития Арктики на долгосрочную перспективу,

относится Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г [2]. В этом документе определяется необходимость формирования туристско-рекреационных кластеров, а также развития инфраструктуры, способной обеспечить работу туристской отрасли.

В последние годы Арктическая зона все заметнее укрепляет свои позиции как туристское направление. По информации Ростуризма, за последнее десятилетие число туристов, посещающих Арктику, увеличилось более чем в 1,6 раза – с 725 тыс. до 1172 тыс. человек ежегодно [3]. Внутренний туризм в России демонстрирует устойчивое увеличение, и эта тенденция характерна в том числе для Русского Севера и арктических территорий. В 2024 году здесь побывало 3 млн человек, что на 7 % больше показателя 2023 года. Рост отмечается как среди российских путешественников, так и среди зарубежных посетителей. По данным Центра стратегических разработок, наиболее востребованным среди арктических субъектов остается Мурманская область, в которую было зафиксировано почти 500 тыс. поездок [4]. Самые высокие темпы прироста продемонстрировала Чукотка. Количество туристов в этом регионе выросло более чем в два раза. Значительное увеличение турпотока наблюдалось также в Красноярском крае (+16,1 %) и Якутии (+10,6 %). Почти вдвое увеличилось и число иностранных туристов, посетивших эти территории. Соответствующий показатель превысил значение в 75 тыс. человек. Наибольшая доля поездок пришлась на Мурманскую область (7,7 %) (рис. 1).

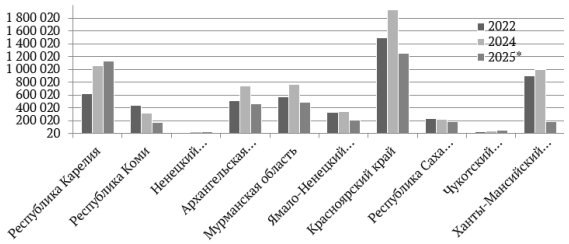


Рисунок 1. Туристический поток в регионы Российской Арктики в 2022-2025 гг. (2025, январь-август).

К объектам этнотуризма в Арктике относятся этностойбища, позволяющие познакомиться с культурой и повседневной жизнью коренных малочисленных народов Севера. Этностойбища не только способствуют сохранению культурного наследия, но и создают условия для непосредственного соприкосновения с живыми традициями северных народов. Существенную роль играют этнографические музеи и культурные комплексы, предназначенные для сохранения, изучения и представления наследия коренных народов. Отдельную группу составляют территории традиционных промыслов, где путешественники могут наблюдать привычные формы хозяйственной деятельности и принимать в них участие. Особое значение имеют культовые места Арктики – священные объекты, связанные с религиозными представлениями и духовной жизнью коренных народов. Значимым элементом этнотуризма выступают этнографические фестивали и тематические мероприятия, посвященные культуре, быту и традициям народов Севера. Важное место занимают заповедники и национальные парки, сохраняющие уникальные природные комплексы.

В РФ действует обновленная Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, рассчитанная до 2036 года. К числу ключевых задач обновленной Концепции отнесены экономическое, социальное и культурное развитие коренных народов, защита их традиционных территорий проживания, а также сохранение привычного уклада жизни, форм традиционного хозяйствования и культурной самобытности.

Заключение. Потенциал рынка этнотуризма делает развитие инфраструктуры хорошей инвестицией в регионах с богатым культурным наследием. При этом особое значение приобретают меры, ориентированные на сохранение этнокультурного наследия и традиций народов Севера. Речь идет о поддержке инициатив, связанных с сохранением и популяризацией объектов культурного наследия, а также элементов нематериального этнокультурного богатства, включая предания, песни и обрядовые практики. Не менее значимым направлением остается поддержка театров и

народных коллективов, работающих на родных языках. Государство также оказывает содействие научным исследованиям, посвященным истории, культуре и этнографии коренных малочисленных народов.

Список источников

1. Арктический совет : [сайт]. URL: https://arctic-council.org/ru/ (дата обращения: 22.03.2026).

2. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2036 года. URL: http://government.ru/docs/54976/ (дата обращения: 23.03.2026).

3. Фонд Росконгресс : [сайт]. URL: https://roscongress.org/materials/arktika-khrustalnaya (дата обращения: 23.03.2026).

4. Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/23272359 (дата обращения: 22.03.2026).

УДК 338

Цифровизация бизнес-процессов как способ оптимизации работы и максимизации доходов торгового предприятия

Петакчян Лиана Ашотовна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lianaallure@mail.ru

Ключевые слова: бизнес-процессы, доходы, максимизация, оптимизация, предприятие торговли, цифровизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Демченко Светлане Капитоновне, доктору экон. наук, профессору.

С развитием цифровых технологий и трансформацией сферы торговой деятельности компании все чаще сталкиваются с неэффективностью традиционных методов управления в нынешних современных реалиях на рынке. Цифровизация становится необходимым инструментом, способствующим организации работы на предприятии наиболее эффективным методом, посредством снижения операционных затрат и издержек, ведущих к увеличению общих доходов торгового предприятия. Цифровизация бизнес-процессов становится ведущим направлением для инвестиций, обеспечивающим наибольшую эффективность [1].

Основными бизнес-процессами торгового предприятия, подверженными цифровизации являются такие процессы, как управление товарными запасами, которые основываются в

© Петакчян Л. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

условиях цифровизации на использовании оперативной системы учёта и аналитики, системы умных склад, WMS-систем и RFID-меток. Система складского учёта в свою очередь позволяет автоматически осуществлять приёмку, сортировку и отбор товара, что позволяет снизить процент потерь и порчи продукции в результате ошибок. RFID-метки в свою очередь позволяет наиболее эффективно оптимизировать процесс работы по инвентаризации и сократить время на него, а также в целом своевременно выявлять недостачи для дальнейшей оптимизации ассортимента. Использование прогнозной аналитики в цифровизации данного бизнес-процесса позволяет на основе истории продаж предприятия, сезонности спроса и трендов сформировать оптимальный страховой запас продукции на складах, что в целом позволит увеличить оборачиваемость, а это в свою очередь приведёт к росту денежного потока. Возможность автоматического выполнения заказов посредством использования специальных программных обеспечений и искусственного интеллекта позволит автоматически формировать заказы тех товаров, остаток которых становится минимальным, что позволяет поддерживать оптимальный уровень наличие всех ассортиментных структур и минирует возможность возникновения упущенной выгоды предприятия [2].

Цифровизация бизнес-процесса ценообразования посредством использования современных цифровых систем мониторинга цен конкурентов позволяет оптимизировать работу за счёт автоматического сбора данных и их своевременной аналитики, составить качественные прогнозы на основе анализа больших данных, что в свою очередь позволяет сформировать целостную систему цифрового динамического ценообразования и позволит удерживать трафик потребителей, а также ведёт к росту общей выручки и доходов торгового предприятия.

Также цифровизация бизнес-процесса взаимодействия с клиентом позволяет увеличить его пожизненную ценность для предприятия и привести к росту частоты совершения повторных покупок. Формирование уникального омниникального опыта клиента посредством его бесшовного перехода и взаимодействия на платформах позволяет обеспечить полную синхронизацию и эффективность анализа истории точек контакта потребителя с торговым предприятием, а также увеличит частоту покупок, что положительно сказывается на общем отношении потребителя к торговому предприятию и обеспечивает увеличение доходов в том числе [3]. Внедрение специализированных чат-ботов с искусственным интеллектом для ответа на типовые вопросы обеспечит освобождение персонала, оптимизирует время работы, а также позволит помимо положительного потребительского опыта обеспечить эффективность продаж и сформировать персонализированный подход.

Цифровизация процесса закупок и логистики в розничной торговле предполагает использование современных цифровых технологий, таких как ERP-системы, которые помогают розничным торговцам оптимизировать свою деятельность, обеспечивая автоматизированную обработку заказов, а также сбор и анализ данных из других источников, что, в свою очередь, экономит время розничных торговцев на выполнении операционных задач. [4].

Цифровизация бизнес-процессов позволяет наиболее эффективно оптимизировать работу компании, посредством внедрения точечных инструментов цифровизации, которые обеспечивают наибольший эффект в ходе реализации, а также способствуют максимизации доходов торгового предприятия в общей структуре деятельности.

Список источников

1. Агеев А. А. Особенности управления бизнес – процессами торговых организаций условиях цифровой экономики // Современные тенденции развития менеджмента и государственного управления : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Орел, 05 декабря 2024 года. Орел: Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024. С. 16–20.

2. Бергер Д. Э. Анализ перспективных трендов цифровизации в деятельности предприятий торговли // Современные тенденции научных исследований в профессиональном образовании, экономике и управлении : Материалы XVI Международной научной школы (международной научной конференции) магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Химки, 10 апреля 2025 года. М.: «Университетская книга», 2025. С. 103–110.

3. Ганжела А. А. Цифровизация бизнес-процессов закупки торгового предприятия / А. А. Ганжела, Т. С. Шаталова // Кибернетика, информатика, аналитика: модели, инструменты, методы : Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием), Донецк, 10–11 апреля 2025 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. С. 169–173.

4. Цыбеев А. В. Актуальный подход к проектированию цифровизации логистики в торговой сети // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2022. № 2. С. 247–253.

УДК 641.522.2

Термодинамика локальных течений

Скоморохова Евгения Викторовна[1], Шутова Татьяна Евгеньевна[2]
[1, 2] Политехнический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]skomgek@mail.ru
[2]tanya-shutova02@mail.ru

Ключевые слова: эффект Лейденфроста, поверхностное натяжение, скорость брызг, эффект Марангони.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Енютиной Тамаре Афанасьевне, доценту, канд. техн. наук.

Поведение гетерогенных систем, а именно, воды и масла, на нагретых поверхностях ограниченных размеров представляет значительный интерес в ряде направлений науки и практической деятельности. В работе исследованы два интересных эффекта, а именно, эффект Лайденфроста и эффект Марангони.

Эффектом Лейденфроста называется физическое явление, при котором капельная жидкость на достаточно нагретой поверхности образует капли, перемещающиеся по поверхности за счёт образования парового слоя между каплей и стенкой [1]. Капли образуются из-за поверхностного натяжения, стремящегося образовать объём с наименьшей поверхностью.

Явление визуально наблюдается в процессе приготовлении пищи при достижении определённой температуры, а именно, точки Лейденфроста: при $t = 170 \div 220$ °C для стенки и для капли воды на

© Скоморохова Е. В., Шутова Т. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

стенке t = 193 °С. Образование слоя объясняется большой разницей значений коэффициентов теплопроводности λ, Вт/(м · К), воды и пара (см. ниже таблицу 1), то есть слой пара создаёт большое термическое сопротивление, что препятствует испарению.

Рассмотрим поведение воды и масла на нагретой поверхности.

Таблица 1. Некоторые физические свойства воды и подсолнечного масла

Наименование величины	**Числовое значение:**	
	вода	**подсолнечное масло**
$t_{кип}$, °С, при $p = 10^5$ Па	99,1	150 ÷ 200
Плотность ρ, кг/м^3, при t = 20 °С	998,2	920
Коэффициент теплопроводности воды $\lambda_в$ и пара $\lambda_п$, Вт/(м · К), при t = 20 °С	вода/пар 0,598/0,02372	0,168 ÷ 0,172
Коэффициенты поверхностного натяжения σ, Н/м, при t = 100 °С	0,05885	0,03787

В капле воды, покрытой тонким слоем масла, начинается фазовый переход, то есть кипение и парообразование. При этом повышается давление, разрушается масляный слой, и капля выталкивается наружу. Если же поверхность просто смазана маслом, то паровая прослойка не образуется, и капли скользят легче, чем по чистой поверхности.

Данных о скорости разбрызгивания капель нами не найдено. Поэтому все расчёты, приведённые ниже, носят ориентировочный характер.

Сначала определим давление внутри пузырька. Процессы образования пузырька и фазового перехода воды в пар в его объёме, а также разрушения оболочки из масла вследствие стремительного увеличения объёма длится миллисекунды, а возможно и наносекунды. Согласно [2], перепад давлений, Па, под сферической поверхностью капли равен $p_2 - p_1 = 2\sigma/R$, где R –

радиус пузырька, м; σ – коэффициент поверхностного натяжения, Н/м (таблица 1).

Перепад давлений внутри пузырька при R = 1 мм = 0,001 м равен $p_2 - p_1 = 2 \cdot 0{,}05885/0{,}001 = 117$ Па, и давление в пузырьке составит $p = p_{атм} + \Delta p = 100117$ Па.

Определим скорость капли масла с поверхности по методу пули. Используем рисунок 1 [3] для ориентировочного определения скорости.

Рисунок 1. График зависимости скорости движения пули от начального давления газов.

С этой целью составим пропорцию для следующих условий: при давлении 600 кг/см^2 = 588,4 · 10^5 Па скорость пули равна 150 м/с; при давлении 100117 Па скорость составит v = 0,26 м/с.

Ориентировочный расчёт скорости капли по [4]. Скорость истечения жидкости через отверстие: $v = \varphi(2gH)^{0,5}$, где H – напор жидкости, определяется как: $H = H_0 + (p_0 - p_1)/(\rho g)$; φ – коэффициент скорости: $\varphi = 1/(\alpha + \zeta)^{0,5}$; α – коэффициент Кориолиса, α = 1,14; ζ – коэффициент сопротивления отверстия, ζ = 0,94.

Тогда $\varphi = 1/(1{,}14 + 0{,}94)^{0,5} = 0{,}69$, $H = (0{,}005 + 117)/(1480 \cdot 9{,}81) =$ = 0,00806 м. Скорость капли: $v = 0{,}69 \cdot (2 \cdot 9{,}81 \cdot 0{,}00806)^{0,5} = 0{,}27$ м/с.

Результаты показывают, что скорость разбрызгивания капель воды в масляной оболочке в обоих случаях имеет один порядок. Так как на сегодняшний день отсутствуют расчётные методы определения скорости, то возможно использование наших ориентировочных способов. Решение об их использовании – за специалистами.

Эффект Марангони – это течение жидкости, возникающее из-за перепада поверхностного натяжения [5]. Примеры проявления:

1. Пригорание пищи в центре сковороды. Масло на нагретой сковороде движется от центра (где температура выше) к периферии из-за термокапиллярной конвекции. Скорость образования сухого пятна в центре – около 5,5 см/с.

2. «Винные слёзы». Алкоголь испаряется быстрее воды, в связи с этим поверхностное натяжение растёт и жидкость поднимается вверх по стенке бокала, затем стекает обратно под действием гравитации.

Эффект проявляется как в изотермических условиях, так и при разности температур на нагретой поверхности.

Список источников

1. Эффект Лейденфроста // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффект_Лейденфроста (дата обращения: 19.03.2026).

2. Особенности определение поверхностного натяжения фосфолипидных эмульсий подсолнечных масел / А. А. Смирных, В. С. Курнакова, С. А. Алтайулы [и др.] // Студенческий научный форум : материалы VI Международной студенческой научной конференции. В 2 частях. Ч. 1. Воронежский государственный университет инженерных технологий. 2014. № 5. С. 165–166.

3. Никульченков О. А. Огневая подготовка из стрелкового оружия : электронный учебник / О. А. Никульченков, А. А. Козьменко, А. И. Асеев. Санкт-Петербург: ВА МТО, 2016. 171 с. URL: https://vuts-miit.ru/library/Огневая_подготовка.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

4. Кошман В. С. Гидравлика: сборник задач с примерами решений / В. С. Кошман, И. П. Машкарева. Пермь: Пермская ГСХА, 2013. 152 с.

5. Протопопов А. В. Лекции по коллоидной химии. Барнаул: АлтГУ, 2013. С. 40–41.

УДК 640.4:004.9

Анализ влияния цифровизации автоматизации на предприятия питания

Устьянцева Елизавета Геннадьевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, aanufrieva@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация, ресторанный бизнес, предприятия питания, цифровые инструменты, бизнес-процессы.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анастасии Александровне Ануфриевой, ассистенту кафедры Гостиничного дела ИТиСУ СФУ.

Индустрия питания претерпевает значительные изменения последние несколько лет, происходит данный процесс под влиянием активного развития цифровых технологий. Цифровая трансформация становится с одной стороны неотъемлемой частью существования и стратегии, с другой стороны позволяет адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка и ожиданиям потребителей. Отметим два важных направления автоматизации и цифровизации – это искусственный интеллект и роботизация. Эволюция цифровых инструментов ведет к созданию интегрированных экосистем, где платформы объединят все

© Устьянцева Е. Г., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

аспекты работы с клиентом и внутренние операции предприятия питания.

Значимым фактором изменений становится развитие искусственного интеллекта, который все более активно используется на предприятиях питания для аналитики спроса, персонализации взаимодействия и автоматизации рутинных решений. Параллельно продолжает развиваться роботизация, позволяющая автоматизировать производственные операции и снижать человеческий фактор, повышать точность выполнения операций. Роботизация уже на сегодняшний день применяется от доставки до автоматизированных кухонных линий, что способно повышать стандартизацию и решать проблему нехватки кадров. Развитие инструментов таких как пищевая 3D-печать, систем, анализирующих персональные данные, открывает путь к гиперперсонализации питания.

Цифровые технологии ведут предприятия питания к созданию бизнес-модели «умного» предприятия, которое гибко адаптируется к изменениям спроса, минимизирует операционные издержки и выстраивает долгосрочные отношения с каждым клиентом. Конкуренция смещается из плоскости качества производимых блюд или интерьера в плоскость качества целостного цифрового опыта.

Для систематизации разнообразия всех цифровых решений их можно условно разделить три ключевых блока в зависимости от задач, которые они решают (рисунок 1).

Рисунок 1. Направления цифровых решений.

Первый блок – это инструменты, предназначенные для взаимодействия с клиентом, они относятся к операциям front-office, направлены на работу с заказчиками, способствуют цифровизации вопросов коммуникации с клиентами. Следующие два блока содержат процессы, относящиеся к функционалу back-office. Второй блок включает инструменты для оптимизации внутренних операций, таких как аналитика, закупки, управление персоналом и другие. Третий блок – инструменты, связанные производством продукции. С целью анализа влияния современных цифровых инструментов на предприятия питания были проанализированы семь инструментов. Автоматизации и цифровизации подлежат все три перечисленных выше направления. Выбранные для анализа инструменты относятся преимущественно к функционалу front-office. Их сравнительная характеристика представлена в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика современных инструментов цифровой трансформации предприятий питания

Инструмент	**Основная функция**	**Ключевое преимущество**	**Влияние на бизнес-процессы**
1. Приложения для доставки	Онлайн прием заказов, оплата, отслеживание.	Расширение аудитории, новый канал выручки.	Новые каналы сбыта, интеграция с кухней и логистикой, высокие требования к ИТ-инфраструктуре.
2. Электронное меню (QR, планшет официанта)	Цифровая презентация ассортимента, прямой заказ на кухню.	Актуализация ассортимента и цен, снижение нагрузки на персонал, повышение среднего чека (визуализация).	Оптимизация процесса обслуживания, сбор данных о популярности блюд, ускорение.
3. Сенсорные киоски самообслуживания	Самостоятельный заказ и оплата.	Снижение очередей в пик, повышение точности заказа, увеличение ср. чека.	Изменение роли персонала, высвобождение ресурсов.

Окончание таблицы 1.

Инструмент	**Основная функция**	**Ключевое преимущество**	**Влияние на бизнес-процессы**
4. Бесконтактная и мобильная оплата	Быстрая, безопасная и гигиеничная транзакция.	Ускорение расчета, повышение без-ти, удобство для клиента.	Упрощение кассовых операций, интеграция с системами лояльности.
5. Мобильные программы лояльности	Удержание клиентов, сбор данных, персональные предложения.	Формирование клиентской базы, повышение частоты посещений, управление отзывами.	Организация обратной связи, таргетированный маркетинг

Представленные инструменты будут более эффективны, если работают в системе, а не изолированно, так как эффективность раскрывается в полной мере только при интеграции их в единую цифровую систему предприятия. Проведенный анализ подтверждает, что современные цифровые инструменты являются не модным трендом, а системным ответом на вызовы, стоящие перед индустрией питания. В условиях высокой конкуренции и постоянного роста потребительских ожиданий внедрение инструментов цифровизации и автоматизации становится ключевым фактором успеха. Эти инструменты позволяют оптимизировать внутренние процессы, помогают сокращать расходы и решать проблему «кадрового голода», создают новые возможности для взаимодействия с клиентами.

Список источников

1. Джеджея Дж. З. Психологические особенности выбора услуг предприятий общественного питания в условиях цифровизации. Социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4. С. 203–210.

2. Ильиных А. В. Основные направления проведения цифровой трансформации предприятий общественного питания.

Роль бизнеса в трансформации общества – 2024 : сб. материалов XIX Междунар. конгресса. М., 2024. С. 834–841.

3. Сёмкин М. А. Управление бизнес-процессами индустрии питания в условиях ее цифровой трансформации. Современные аспекты управления и экономики. 2023. № 2. С. 70–74.

УДК 338

Расширение ассортимента обогащенных творожных сыров

Шайдакова Ксения Витальевна
Институт торговли и сферы услуг Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, angelicdragon95@gmail.com

Ключевые слова: творожный сыр, покровные чешуи лука репчатого, обогащение.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Владимировне Кротовой, доценту, доктору педагогических наук, кандидату химических наук.

Мягкие творожные сыры относительно недавно появились на российском рынке, однако сразу приобрели немалое количество поклонников. Творожный сыр — это свежий, не требующий созревания мягкий сыр, производимый из молока или сливок с добавлением закваски и сычужного фермента. Он широко используется для закусок, суши и кремов для тортов благодаря своей способности держать форму.

Документом, регламентирующим состав, качество и условия хранения данного вида молочной продукции является ГОСТ 33480-

© Шайдакова К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2015 «Сыр творожный. Общие технические условия» [1]. Данный стандарт допускает введение в состав творожных сыров пищевкусовых добавок. Это обстоятельство позволило нам дополнить классическую рецептуру мягкого сыра введением в качестве пищевой добавки измельченных сухих покровных чешуй лука репчатого Alliumcepa L. или так называемой луковой шелухи.

Луковая шелуха – это концентрат биологически активных веществ, содержащий высокий процент флавоноида кверцетина, витаминов, минералов и фитонцидов. Как показано в исследованиях Бабкина В.А. с соавт. [2], кверцетин – это мощный антиоксидант, который оказывает противоопухолевый эффект, укрепляет сосуды и защищает клетки от повреждений. Покровная чешуя репчатого лука богата витаминами Е, С и группы В, железом, цинком, бором и кремниевой кислотой, которые укрепляют иммунитет, сосуды, кости и ткани, а также нормализуют обмен веществ, клеточное дыхание и работу нервной системы [3]. Минеральный состав сухих покровных чешуй луковиц Alliumcepa L. также весьма разнообразен. Она содержит калий, кальций, фосфор и магний, который необходим для сосудов и нервной системы, укрепляют кости и снабжает организм энергией [4].

Целью настоящего исследования явилось определение оптимального количества пищевкусовой растительной добавки в составе мягкого творожного сыра.

В качестве обогащаемого продукта выбран творожный сыр «Альметте» (производитель: ООО «Хохланд Руссланд», Россия). Добавка получена путем шелушения верхних покровов репчатого лука сорта Штутгартер Ризен (StuttgarterRiesen), собранного в пригородной зоне г. Красноярска в 2025 году. Использование местного сырья отличается повышенным содержанием БАВ в сибирских растениях, адаптированных к условиям рискованного земледелия.

Покровные чешуи луковиц промывались в проточной воде, сушились до воздушно сухого состояния при комнатной температуре, а затем измельчались в режущей мельнице до фракции менее 1 мм. Подготовленную добавку вносили в сырную

массу в количестве 1, 3 и 5 вес. % и тщательно перемешивалась с помощью погружного блендера. Полученные образцы творожного сыра были промаркированы как образцы № 1, № 2 и № 3.

Для оценки органолептических показателей полученных образцов обогащенного творожного сыра была разработана шкала, представленная в таблице 1. Максимально возможная оценка по каждому критерию составила10 баллов, минимальная – 0.

Таблица 1. Критерии оценки органолептических показателей сыра творожного обогащенного

Критерий оценки	**Описание**
Внешний вид	Поверхность блестящая или матовая, без видимых признаков отделения сыворотки
Цвет	Однородный, от золотистого до интенсивно-желтого
Текстура/консистенция	Мягкая, вязкая, пластичная, однородная по всей массе
Запах	Сливочный, пряный, сладковатый, пикантный
Вкус	Чистый, выраженный кисломолочный, пикантный, острый, сладковатый луковый с пряными нотками
Послевкусие	Долгое, чистое, короткое, горькое

Экспертами-дегустаторами выступили студенты – будущие эксперты качества пищевых продуктов. Результаты обобщенной экспертной оценки органолептических показателей опытных образцов мягкого творожного сыра, обогащенного порошком из сухих покровных чешуй лука репчатого, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Обобщенная экспертная оценка органолептических показателей опытных образцов сыра творожного обогащенного

Критерий оценки	**Объект исследования**		
	Образец №1	**Образец №2**	**Образец №3**
Внешний вид	9	9	8
Цвет	8	8	7
Текстура/консистенция	8	8	7
Запах	9	9	8
Вкус	9	8	7
Послевкусие	9	8	7
ИТОГО	52	50	44

Как следует из представленных в таблице 2 данных, опытные образцы по-разному были оценены экспертами. Наивысший балл набрал образец №1, содержащий 1 вес. % пищевкусовой добавки. Дегустаторы отметили, что творожный сыр имеет плотную кремовую консистенцию, с желтыми и красными вкраплениями. Аромат – сливочный, с легкой ноткой лука, при этом вкус шелухи выражен слабо, послевкусие короткое.

Образец №2, содержащий 3 вес. % пищевкусовой добавки, показал более однородную и кремовую консистенцию с оранжевыми вкраплениями, что придало светло-желтый оттенок творожному сыру. Запах сливочный, с пряно-луковым оттенком. Вкус более выражен, чем в образце №1. При этом он ощущался как сладковатый луковый с пряными нотками и коротким, чистым послевкусием.

Образец №3 имеет интенсивно желтый цвет, с большим количеством вкраплений, плотную консистенцию. Луковая добавка во вкусе чувствуется в разы лучше, послевкусие долгое, с характерной горечью. Измельченная шелуха оставалась на небе после растворения сыра, и создавалось неприятное ощущение во рту.

Таким образом, в ходе проведенной дегустационной оценки мягкого творожного сыра, обогащенного порошком измельченных сухих покровных чешуй лука репчатого, установлена возможность практического использования указанной растительной пищевкусовой добавки. Показано, что оптимальное количество обогащающей добавки лежит в диапазоне от 1 до 3 вес.%.

Список источников

1. ГОСТ 33480-2015 «Сыр творожный. Общие технические условия». Издание официальное. М.: Стандартинформ, 2015. 15 с.

2. Продукты глубокой химической переработки биомассы лиственницы. Технология получения и перспективы использования / В.А. Бабкин, Л.А. Остроухова, С.З. Иванова [и др.] // Рос. хим. ж. (Ж. Рос. хим. общ-ва им. Д.И. Менделеева), 2004. Т. XLVIII, № 3. С. 62–69.

3. Ребров В. Г. Витамины и микроэлементы / В. Г. Ребров, О. А. Громова. Москва: АЛЕВ-В, 2003. 246 с.

4. Научные основы формирования ассортимента пищевых продуктов с заданными свойствами. Технологии получения и переработки растительного сырья : коллективная монография / Л. Н. Меняйло, И. В. Кротова, О. Ю. Веретнова [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 212 с.

UDC 640.4:339.137.27

Unfair Competition as a Factor Destabilizing the Development of Hospitality Industry Enterprises

Dyukova Diana Dmitrievna, Strukoleva Elizaveta Nikolaevna
Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: unfair competition, hospitality industry, online reviews, reputation, digital platforms, dumping, competitive environment, consumer behavior, hotel business, market sustainability.

The hospitality industry is one of the most competitive sectors of the economy. Hotels, restaurants, and tourism companies compete for customers by improving service quality and offering unique value propositions [1]. While competition should promote innovation and industry development, in practice it is not always fair. Unfair competition is increasingly becoming a factor that destabilizes business operations.

A distinctive feature of the hospitality industry is its strong dependence on reputation. Consumer decisions regarding the choice of a

© Dyukova D. D., Strukoleva E. N., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

hotel or restaurant are largely based on trust and publicly available evaluations of service quality [3]. Therefore, any manipulation of information can cause significant economic damage.

The most common forms of unfair competition include the dissemination of false information about competitors, the publication of fake reviews, imitation of brand identity and business concepts, as well as price dumping.

With the development of digital booking platforms and online review services, the problem has become particularly acute. A significant proportion of customers rely on ratings and online reviews. According to international studies, approximately 90–93% of users read online reviews before making a booking, and more than 80% trust them as much as personal recommendations [8]. At the same time, up to 15–20% of reviews may be unreliable or commissioned [6]. This creates opportunities for the artificial shaping of public opinion. Competitors may deliberately lower ratings, post negative comments, or generate streams of positive reviews for their own businesses.

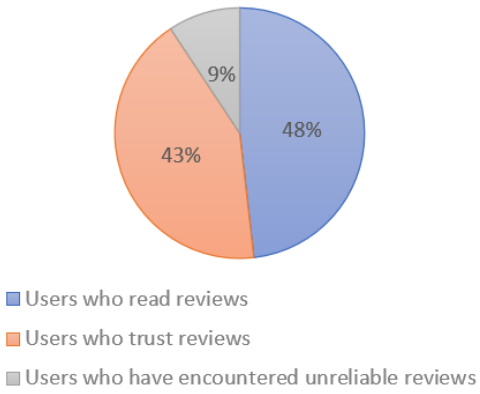


Figure 1. The Influence of Online Reviews on Consumer Behavior.

A well-known example occurred in Italy in 2018, when fake paid reviews on TripAdvisor artificially boosted some hotels' rankings and harmed competitors. The court ruled these practices unlawful because they misled consumers and distorted competition [5].

Research also shows that a one-point drop in a hotel's rating can reduce revenue by 5–9%, illustrating the industry's strong dependence on reputation [7].

Additionally, studies show that a decrease in a hotel’s rating by just one point can lead to a revenue decline of 5–9%, highlighting the high sensitivity of the hospitality industry to reputational factors [7].

Figure 2. The Impact of Rating Changes on Hotel Revenue.

Another form of unfair competition is aggressive price dumping. Reducing prices below an economically justified level may temporarily increase customer flow; however, in the long term, it leads to decreased profitability and deterioration in service quality. Small and medium-sized enterprises are particularly vulnerable, as they lack substantial financial reserves.

Imitation of business concepts and branding is a major form of unfair competition in hospitality, reducing incentives for innovation [1].

Unfair competition undermines consumer trust, distorts market conditions, and slows industry growth. Although regulated by civil, antitrust, and international law [5], effective enforcement remains essential.

In the digital era, reputational risks spread rapidly, making fair competition crucial for sustainable industry development and consumer protection.

References

1. European Commission. @id6547904 (Unfair) Commercial Practices Directive (2005/29/EC). URL: https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX:32005L0029.

2. Filieri R. E-WOM and Accommodation: An Analysis of the Factors That Influence Travelers' Adoption of Information from Online Reviews / R. Filieri, F. McLeay // Journal of Travel Research. 2014. DOI 10.1177/0047287513481274.

3. Gretzel U. Use and Impact of Online Travel Reviews. In: Information and Communication Technologies in Tourism / U. Gretzel, Yoo K. H. / 2008. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/9783211772805_12.

4. Kotler P. Marketing for Hospitality and Tourism. Pearson Education / P. Kotler, J. Bowen, J. Makens // 2017. URL: https://www.pearson.com/en-us/subject-catalog/p/marketing-for-hospitality-and-tourism/P200000003320.

5. Luca M. Reviews, Reputation, and Revenue: The Case of Yelp.com. Harvard Business School Working Paper, 2016. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=46544.

6. OECD. Consumer Policy and the Role of Online Reviews. Paris, 2019. URL: https://www.oecd.org/sti/consumer/consumer-policy-and-the-role-of-online-reviews.htm.

7. Porter M. E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. New York: Free Press, 2008. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=193.

8. Statista. Online Reviews Statistics and Trends. 2023. URL: https://www.statista.com/topics/1717/onlinereviews.

Современные технологии и прикладные исследования в индустрии гостеприимства

УДК 640.4:811.161.1'27:340.134

Законодательное ограничение англицизмов и его влияние на идентичность гастрономического бизнеса на примере крупных ресторанных холдингов г. Красноярск

Артемов Владимир Олегович
Институт гастрономии Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
artemomvladimir@gmail.com

Ключевые слова: гастрономия, англицизмы, заимствования, рациональный подход, индустрия гостеприимства.

В индустрии гостеприимства использование англицизмов уже стало традиционной частью данной сферы. Но с недавнего времени нормативно-правовое регулирование данного вопроса ужесточилось и в данной статье будет рассмотрено сложившаяся ситуация и возможное будущее развития.

Понятие Англицизмов можно найти в толковом словаре С.И.Ожегова - «Слово или оборот речи в каком-н. языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [1].

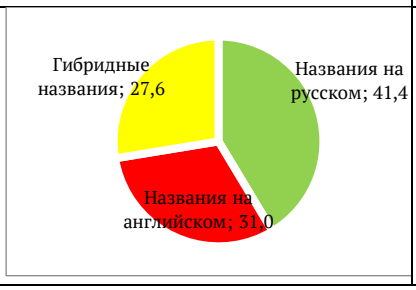
До Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 не происходило обширного регулирования использования англицизмов в коммерческой деятельности, но с вступлением в силу данного указа должно происходить противодействие излишнему использованию иностранной лексики (пункт 24 подпункт «л») [2], данный указ показал вектор дальнейшей работы и уже 1 марта 2026 года был принят Федеральный закон от 24 июня

© Артемов В. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2025 г. №168-ФЗ, который привнес в сферу гостеприимства, а также другие сферы бизнеса, такое изменение – «сведения для публичного ознакомления потребителей, не являющиеся рекламой (исключая статьи 8, 9, 10 Закона о защите прав потребителей), размещенные в общедоступных местах на вывесках, табличках, указателях, конструкциях и внутри помещения должны быть на русском языке или языке субъекта РФ и только рядом может быть слово на иностранном языке, исключением являются фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания» [3].

Было проведено исследование, в котором выяснилось соотношение использования англицизмов в названиях заведений на примере ресторанной сферы города Красноярск, проведенное исследование представлено в таблице 1 - «Степень использования англицизмов в ресторанной сфере г.Красноярск».

Таблица 1. Степень использования англицизмов в названиях заведений по ресторанной сфере г.Красноярск

Bellini Gastronomic ecosystem	**0.75 please**	**Berrywood family**
		

Исследование показало низкую подготовленность большинства холдингов, а также излишнее злоупотребление английским, например, ресторан «Tunguska» хоть и пишется на английском, но слово использует русское название реки.

После названия вторым ключевым элементом, с которым гость взаимодействует на протяжении всего визита, является меню. Для анализа было выбрано по одному ресторану из холдинга, название которого на английском языке. Проведенное

исследование представлено в таблице 2 – «Анализ меню заведений на наличие английского».

Таблица 2. Анализ меню заведений на наличие англицизмов

Hello wine	Tunguska	0.75 please

Анализ показал, что процент содержания англицизмов в меню очень мал и закон почти не повлияет на большую часть. Барные карты не входили в анализ, так как с 1 апреля 2025 года в России действует ГОСТ Р 71775- 2024, регламентирующий их оформление.

Теперь встает вопрос, как переводить названия заведений? Для этого обратимся к теории перевода и в итоговом варианте представим возможные переводы для проанализированных ранее ресторанов, проделанная работа представлена в таблице 3 – «Методы перевода и их применение»

Таблица 3. Методы перевода и их применение

Метод перевода	**Суть метода**	**Hello wine**	**Tunguska**	**0,75 please**
Транслитерация/ Транскрипция	Побуквенный/ позвуковой перевод слова с другого зыка	Хэллоу вайн	Тунгуска	0,75 Плиз
Дословный перевод	Перевод частей или всего названия буквально	Привет вино	Тунгуска	0,75 Пожалуйста
Подбор аналога	Подбор подходящего по значению слова из языка	Окунись в мир вина	Тунгуска	Бутылочку прошу

Каждый из приведенных методов перевода имеет свои позитивные и негативные особенности, например, транслитерация может удлинять название и делать его более сложным для восприятия, дословный перевод может вообще не иметь смысла, как с хот догом, ведь в этом блюде нет горячей собаки, подбор аналога может не полностью передавать смысл, ведь донат всегда с отверстием, а пончик нет, а описательный перевод, который не представлен в таблице, не всегда подойдет для перевода названий ведь просто описать концепцию не получиться и название будет слишком длинным и каким способом переводить решает только ресторатор, возможно с помощью отдела маркетинга, а может по своему желанию, главное, чтобы название смогли адаптировать к нынешним реалиям без потери дохода и клиентуры

Все вышесказанное приводит к выводу о том, что рестораторы и государство должно стремиться к рациональной русификации как в сфере ресторанного бизнеса, так и в других сферах бизнеса.

Список источников

1. Англицизм // Толковый словарь русского языка Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=473 (дата обращения: 02.04.2026).

2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Гарант : [сайт]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 02.04.2026).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала : Федеральный закон от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ // Гарант : [сайт]. URL: https://base.garant.ru/73684031/ (дата обращения: 02.04.2026).

УДК 351.761.11+339.13

Рост рынка безалкогольных и слабоалкогольных напитков как фактор трансформации барной культуры

Ефимов Иван Дмитриевич
Институт гастрономии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ivan.efimov.gi@gmail.com

Ключевые слова: безалкогольные напитки, слабоалкогольные напитки, барная культура, молодые потребители, общественное здоровье, ресторанный менеджмент.

Статья посвящена влиянию роста сегмента безалкогольных и слабоалкогольных напитков на барную культуру и продуктовые решения заведений. На основе обзора публикаций 2020–2026 гг., документов Всемирной организации здравоохранения, отраслевой аналитики и потребительских исследований показано, что речь идёт не о краткосрочном тренде, а о структурном изменении, связанном с политикой снижения алкогольного вреда, расширением предложения производителей и изменением потребительских установок. Безалкогольные альтернативы постепенно переходят из вспомогательного раздела меню в полноценный элемент барного предложения, что требует от заведений пересмотра меню, подходов к коммуникации с гостем и принципов формирования ценности продукта.

Безалкогольные и слабоалкогольные напитки перестали быть лишь дополнением к алкогольной карте: международная аналитика фиксирует их превращение в самостоятельный рыночный сегмент, меняющий повседневные практики. ВОЗ рассматривает такие

© Ефимов И. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

альтернативы как инструмент снижения вреда, что напрямую соотносится с инициативой SAFER. В рамках этой стратегии расширение ассортимента «нулевок» помогает реализовать пункты по ограничению доступности (S) крепкого спиртного и замене маркетинга (E) опасной продукции на менее вредные варианты, создавая безопасную среду для потребителей.

На рисунке ниже можно рассмотреть динамику показателя производства безалкогольных напитков в России.

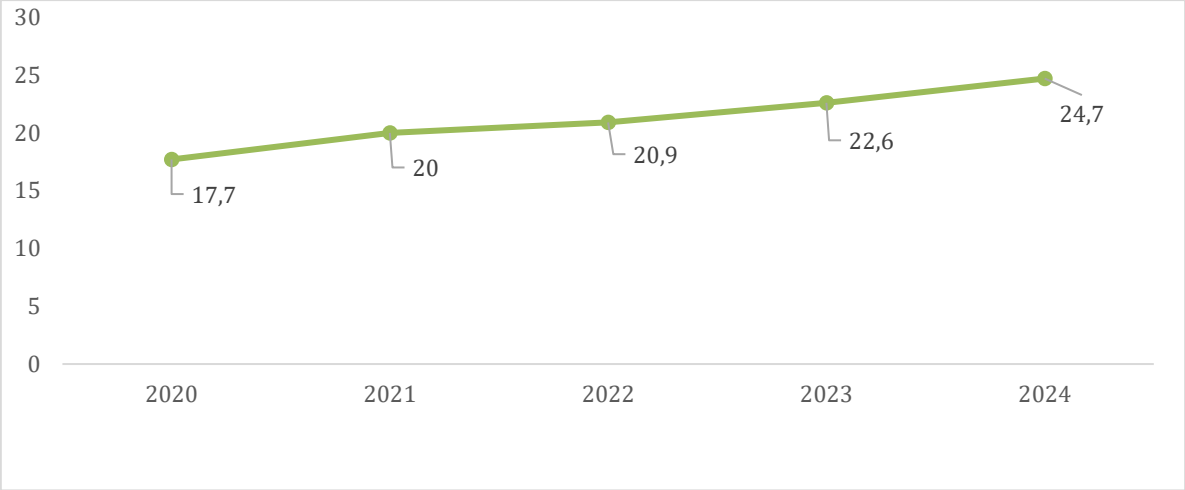


Рисунок 1. Производство безалкогольных напитков в России в 2020-2024 гг, (млрд. литров).

Так же ниже в табличной форме приведена расшифровка инициативы SAFER.

Таблица 1. Инициатива SAFER, ВОЗ

Буква	**Мера (Англ.)**	**Описание меры**
S	Strength	Укрепление ограничений на доступность
A	Advance	Меры против вождения в нетрезвом виде
F	Facilitate	Доступ к помощи и лечению
E	Enforce	Запрет рекламы и спонсорства
R	Raise	Повышение цен через налоги

Для бара рассматриваемый сдвиг означает изменение самой логики создания ценности. Безалкогольные и слабоалкогольные

позиции должны включаться в основную карту напитков, а не оформляться как второстепенный раздел для посетителей с ограничениями. Их цена оправдывается не содержанием алкоголя, а рецептурой, качеством ингредиентов, подачей и работой персонала. Практически это требует трёх шагов: поддерживать сопоставимую видимость разных категорий в меню, обучать сотрудников описывать вкус и сценарий употребления без снисходительной интонации, а также оценивать результат не только по прямым продажам, но и по повторным визитам, дневному трафику и составу компаний.

Тем самым конкурентным преимуществом становится способность заведения предложить гостю полноценный вкусовой и социальный опыт вне зависимости от содержания этанола. Чем устойчивее запрос на контроль над самочувствием и более гибкие формы досуга, тем слабее работает прежняя модель, в которой бар конкурирует прежде всего крепостью и объёмом алкоголя.

Работа выполнена в формате краткого аналитического обзора публикаций 2020–2026 гг. В анализ включены документы ВОЗ, отраслевые обзоры рынка, исследования потребительского поведения и работы, посвящённые замещению крепкого алкоголя менее крепкими и безалкогольными альтернативами [1–8].

Список источников

1. Anderson P. Effects of substitution of higher-alcohol products with lower-alcohol products on population-level alcohol purchases: ARIMA analyses of Spanish household data / P. Anderson, D. Kokole // Nutrients. 2022. Vol. 14, № 19. Art. 4209.

2. За 2020–2024 гг. производство безалкогольных напитков в России возросло на 40% и достигло 24,7 млрд л. 2025 // BusinesStat : [сайт]. URL: https://businesstat.ru/news/non-alcoholic_beverages/ (дата обращения: 16.04.2026).

3. The sober curious movement: 49% of Americans trying to drink less alcohol. 2025 // Circana : [site]. URL: https://www.circana.com/intelligence/press-releases/2025/the-sober-curious-movement-49-of-americans-trying-to-drink-less-alcohol/ (дата обращения: 16.04.2026).

4. Impact on alcohol selection and online purchasing of changing the proportion of available non-alcoholic versus alcoholic drinks: a randomised controlled trial / N. Clarke, A. K. M. Blackwell, J. Ferrar [et al.] // PLOS Medicine. 2023. Vol. 20, №. 3. P. e1004193.

5. Brenan M. Alcohol consumption increasingly viewed as unhealthy in U.S. // Gallup. 2024. URL: https://news.gallup.com/poll/648603/alcohol-consumption-increasingly-viewed-unhealthy.aspx (дата обращения: 16.04.2026).

6. Saad L. Young adults in U.S. drinking less than in prior decades // Gallup. 2023. URL: https://news.gallup.com/poll/509899/young-adults-drinking-less-prior-decades.aspx (дата обращения: 16.04.2026).

7. More than moderation: the long-term rise of no and low. 2025 // IWSR : [site]. URL: https://www.theiwsr.com/insight/more-than-moderation-the-long-term-rise-of-no-and-low/ (дата обращения: 16.04.2026).

8. Global alcohol action plan 2022–2030 // World Health Organization : [site]. URL: https://iris.who.int/handle/10665/376939 (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 640.432:658.64

Архитектура факторов, влияющих на удовлетворенность потребителей услуг ресторанного бизнеса

Кошеленко Юлия Валерьевна
Институт Гастрономии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
Jilia.koshelenko.gi@gmail.com

Ключевые слова: гедонистические факторы, утилитарные факторы, удовлетворенность гостей, ресторанный бизнес, поведение потребителей.

В последние годы, политический и экономический ландшафт в нашей стране характеризуется различными видами кризисных явлений. В этих турбулентных условиях ресторанный бизнес оказывается одним из самых уязвимых секторов экономики, находясь в прямой зависимости от поведения потребителей ресторанных услуг.

Данные подтверждают: исследование поведения потребителей критически важно для устойчивого развития и конкурентоспособности ресторанов.

По данным «РБК. Исследования рынков» [3], качество предоставляемой услуги оказывает наиболее значимое влияние на решение потребителя о выборе ресторана (49% от общего числа опрошенных). Качество сервиса занимает второе место по значимости (26,5%), затем следуют скорость предоставления услуги (13%) и учёт индивидуальных особенностей потребителей (8%).

© Кошеленко Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Стоимость услуги при этом считается менее значимым фактором (лишь 3,5% респондентов включили её в число наиболее важных).

При этом удовлетворённость гостей напрямую влияет на доходность ресторанного бизнеса. Исследования С.А. Косарева и др[1]. показывают, что существующие удовлетворённые клиенты могут обеспечивать до 2/3 объёмов продаж среднестатистического бизнеса, включая ресторанный. При этом среди людей, которые испытывают неудовлетворение от посещения ресторана, уровень лояльности на 25% ниже. С падением уровня удовлетворённости уровень лояльности снижается значительно быстрее — в некоторых случаях в 2 раза.

В работе Е. В. Черновой и др. [4] на основе анкетирования потребителей продемонстрировано, что атмосфера и обслуживание — критические компоненты восприятия качества, и независимо от возраста, пола, социального положения и времени пребывания гости в первую очередь ценят индивидуальное обслуживание и способность персонала разрешать конфликтные ситуации.

Анализ широкого спектра исследований на данную тему [1; 2; 4] позволил автору сформировать следующую архитектуру факторов, влияющих на удовлетворенность потребителей ресторанных услуг (рис. 1.)

Рисунок 1. Архитектура факторов, влияющих на удовлетворенность гостей услугами ресторанного бизнеса.

Гедонистические факторы – это эмоциональные, чувственные и эстетические аспекты посещения ресторана, которые создают удовольствие и впечатления. Они не решают какую-то

практическую задачу, а дарят позитивные эмоции. В структуре гедонистических факторов возможно выделить:

- качество оказываемого сервиса: вежливый, компетентный персонал; дополнительные развлечения;
- качество физического пространства: оригинальный / интересный интерьер; уютная атмосфера; панорамный вид; открытая веранда / терраса на крыше; внешний вид официантов;
- качество кухни и бара ресторана (еда, напитки): вкус блюд; аутентичные / авторские блюда; размер порций; разнообразие барной карты; постоянство качества блюд.

Гедонистические факторы формируют эмоциональную привязанность гостя. Исследования показывают, что для концептуальных ресторанов гедонистические выгоды являются более значимыми факторами повторного посещения, чем утилитарные [1].

Утилитарные факторы – это рациональные, функциональные аспекты услуги, которые помогают решить конкретную задачу: поесть, сэкономить время, получить сытный обед и т.д. К числу утилитарных следует отнести следующие группы факторов:

- скорость обслуживания: время ожидания заказа; оперативность подачи блюд;
- удобство локации ресторана: близость к дому/офису, транспортная доступность; наличие парковки;
- цифровизация сервиса: наличие Wi-Fi; онлайн-бронирования; доставка; наличие сайта или приложения;
- гигиена и безопасность: соблюдение санитарных норм.

Утилитарные факторы формируют базовое доверие к ресторану. Если они не выполнены, гость останется неудовлетворённым, даже если атмосфера была прекрасной. Эти факторы задают «порог входа»: они должны быть на приемлемом уровне, чтобы гость захотел повторить визит.

На практике гедонистические и утилитарные факторы тесно интегрированы и работают в связке, где формируют еще один пул факторов – «капитал бренда», который развивается под влиянием существующих программ лояльности ресторана, формата (сетевой или независимый), личного бренда шефа или владельца, оценки ресторана на платформах с отзывами и т.п.

Таким образом, изучение факторов, влияющих на поведение и удовлетворенность гостей, позволяет ресторанам адаптировать меню, сервис, маркетинговые стратегии и бизнес-модели к меняющимся запросам аудитории, что способствует устойчивому развитию ресторанного бизнеса.

Список источников

1. Исследование клиентской лояльности в ресторанном бизнесе / С. А. Косарев, М. В. Родичев, А. В. Мебус [и др.] // Московский экономический журнал. 2020. №7. С. 511–517.

2. Полынская Г. А. Влияние пространственных факторов на удовлетворенность посетителей ресторанов // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2020. № 1. С. 156–180.

3. Тренды в поведении потребителей ресторанов и кафе / РБК. Исследование рынков [сайт]. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/15541/ (дата обращения 22.03.2026 г.).

4. Чернова Е. В. Изменение поведения потребителей как фактор влияния на развитие ресторанного бизнеса / Е. В. Чернова, В. В. Шабалин, Р. Д. Цай // Общество: политика, экономика, право. 2022. №2 (103). С. 52–67.

УДК 641.5:004.8

Перспективы трансформации НИОКР-процессов в индустрии питания на основе технологий искусственного интеллекта

Майер Владимир Игоревич
МБОУ «Школа № 2 имени Ю.А. Гагарина», Красноярский край, Дивногорск, Россия, vova.mayer.krsk@yandex.ru

Ключевые слова: разработка продуктов питания, искусственный интеллект, функциональные продукты, НИОКР, FlavorGraph.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Александровне Вашко, доценту, канд. техн. наук.

Традиционная разработка продуктов питания, требовавшая огромных временных и финансовых затрат на итерации прототипов, сегодня сменяется концепцией «Пищевая индустрия 4.0», где искусственный интеллект (ИИ), большие данные и блокчейн переносят процесс разработки и тестирования в цифровую среду. Это сокращает сроки создания продукта на 50–60%, затраты – на 30–60%, а число физических образцов – на 70–90% [1; 2]. Современные облачные веб-сервисы делают такие технологии доступными даже малым производителям с небольшими бюджетами.

Цель работы – демонстрация разработки проекта пищевого продукта с помощью ансамбля ИИ-инструментов (рис. 1): Perplexity (для анализа трендов), Claude 4.5 Sonnet (для генерации рецептур) и FlavorGraph (для химической верификации сочетаний).

© Майер В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Ключевую роль здесь играет FlavorGraph – графовая сеть и база данных (6653 ингредиента, 147 тыс. связей), обосновывающая выбор сочетаний ингредиентов на базе 1 млн рецептов и данных FooDB, BitterDB, DrugBank [3; 4].

Рисунок 1. Блок-схема алгоритма проектирования продуктов питания на основе ансамбля ИИ-моделей.

Анализ в Perplexity (рынок РФ, аудитория 25–40 лет) выделил текущие тренды Wellness и «Новая ностальгия», под которые Claude 4.5 Sonnet создал концепт «Сибирского гречаника 2.0». Формат «белок + гарнир + соус» обеспечил минимализм состава, а верификация через индекс совместимости (произведение числа соединений на частоту использования) – молекулярную синергию.

Итерационная правка пропорций в Claude 4.5 Sonnet (например, картофель/фасоль 50:50) обеспечила нужную текстуру «Сибирского гречаника 2.0». С помощью нейросети были найдены пары «Гречка + Говядина» и «Свекла + Черная смородина», направленные на повышение белка и снижение гликемического индекса. Однако необходимость контроля технологом остается критически важной: из-за рисков ошибок ИИ в расчетах веса и времени параметры термообработки финализировались вручную.

Техкарта от Claude 4.5 Sonnet включает котлету (53% говядины, 18% гречки, грибы), запекаемую до 68°C. Пюре состоит

из равных долей картофеля и фасоли с ореховой пастой, а соус на базе свеклы (65%) и смородины (26%) эмульгируется при 80–90°C. Итоговый концепт представлен на рис. 2.

Рисунок 2. Визуализация концепта «Сибирский гречаник 2.0» (сгенерировано нейросетью Nano Banana 2 по авторскому промпту).

Использование ИИ-пайплайна сокращает цикл разработки до 2–3 часов, заменяя традиционные методы инструментального анализа (GC-MS, LC-MS/MS), требующие оборудования стоимостью от $500 000 и более 48 часов работы [4; 5]. Вместо серии дорогостоящих дегустаций ансамбль ИИ-инструментов проводит виртуальный скрининг: подбирает компоненты со схожим молекулярным профилем и рассчитывает их пропорции (например, 50:50) для оптимальной текстуры. Этот подход трансформирует роль специалиста в куратора [1].

Текущие ограничения моделей включают региональную специфику данных FlavorGraph (модель ориентирована на западные рецепты, для локальной русской кухни может требоваться дообучение модели [3]), а также неспособность учитывать рыночную стоимость ингредиентов и требования пищевого законодательства [1; 5]. Облачные ИИ-сервисы делают доступными

технологии корпоративного уровня для малых предприятий и независимых специалистов [1; 5].

Перспективы развития описанной технологии – интеграция цифровых двойников для предсказания текстуры, стабильности при хранении, аллергенности [1; 2]. Конвергенция ИИ с нутригеномикой открывает путь к гиперперсонализированному питанию, требуя формирования этико-правовых рамок использования биометрических данных.

Список источников

1. Revolutionizing Food Product Development: Use of AI in Product Formulation, Sensory Prediction & Sustainable Scaling / M. Azeem, M. Saleh, A. Tauqir [et al.] // Scholarly Academy Journal of Biosciences. 2025. Vol. 13, № 7. P. 908–916.

2. The Application of Artificial Intelligence and Big Data in the Food Industry / H. Ding, J. Tian, W. Yu [et al.] // Foods. 2023. Vol. 12, № 24. № 4511.

3. FlavorGraph: a large-scale food-chemical graph for generating food representations and recommending food pairings / D. Park, K. Kim, S. Kim [et al.] // Scientific Reports. 2021. Vol. 11, № 1. P 1–13.

4. Tseng Y. J. When Machine Learning and Deep Learning Come to the Big Data in Food Chemistry / Y. J. Tseng, P.-J. Chuang, M. Appell // ACS Omega. 2023. Vol. 8, № 18. P. 15854–15864.

5. Гамарник И. А. Использование механизмов искусственного интеллекта в пищевой промышленности // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2023. Т. 2, № 3 (6). С. 30–39.

УДК 65.013

Методология и управление конфликтами в организационной системе санаторно-курортных комплексов

Хакимова Валерия Юрьевна
Институт экосистем бизнеса и креативных индустрий, ФГБОУ ВО УГНТУ, Республика Башкортостан, Уфа, Россия,
cool.fomicheva@mail.ru

Ключевые слова: конфликт, санаторно-курортные комплексы, организации, конфликтные ситуации, персонал, природа конфликтов, управление конфликтами, возникновение конфликтов.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Петровне Борнеман, доценту.

В современном мире проблема конфликтов занимает центральное место в исследованиях функционирования организаций. Эффективное управление внутренними и внешними взаимоотношениями становится ключевым фактором стабильности и качества обслуживания. Для санаторно-курортных комплексов (СКК) эта задача особенно актуальна, так как их деятельность напрямую связана с удовлетворением запросов отдыхающих и предоставлением услуг по восстановлению здоровья [3].

Проблематика управления конфликтами в СКК обостряется под влиянием следующих факторов [2]:

1. Глобализация и конкуренция: рост спроса на оздоровительные услуги усиливает конкуренцию, увеличивает

© Хакимова В. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нагрузку на персонал и повышает вероятность возникновения напряженности.

2. Технологическое развитие: внедрение новых медицинских и сервисных стандартов усложняет рабочие процессы, создавая дополнительное напряжение и риск дезорганизации.

3. Высокая чувствительность отрасли: даже незначительный сбой в обслуживании способен нанести ущерб репутации учреждения из-за распространения негативных отзывов.

Эти обстоятельства определяют необходимость исследования природы конфликтов в СКК и разработки инструментов для минимизации их негативного влияния на бизнес-процессы.

Цель исследования: Углубленный анализ методологии управления конфликтами в СКК и разработка научно обоснованных рекомендаций по их минимизации.

Задачи исследования:

1. Проанализировать сущность понятий «конфликт», «управление конфликтами» в контексте СКК.

2. Исследовать существующие подходы к управлению конфликтами и выделить стратегии, применимые к санаторно-курортной сфере.

3. Установить причины возникновения конфликтов на основе эмпирических данных.

4. Выработать рекомендации по организации предупредительной работы и обучению сотрудников навыкам бесконфликтного взаимодействия.

5. Спланировать мероприятия по интеграции рекомендаций в практику СКК.

Особенностью исследования является интегральный подход, учитывающий совокупность факторов, провоцирующих конфликты.

Объект исследования: организационные процессы в санаторно-курортных комплексах.

Предмет исследования: механизм зарождения, динамики и исхода конфликтов, а также способы управления ими.

Исследование проводилось поэтапно:

1. Сбор информации: систематизация данных о конфликтах в СКК.

2. Полевое исследование: анкетирование около 100 респондентов (сотрудники и руководители СКК Республик Башкортостан и Татарстан) и проведение интервью с руководителями среднего звена и HR-специалистами.

3. Качественный анализ: использование метода кейсов для изучения конкретных конфликтных ситуаций.

4. Статистическая обработка: применение факторного и кластерного анализа для определения детерминант конфликтов и оценки зависимости конфликтности от характеристик организаций.

Ключевые выводы:

1. Причины конфликтов: многообразны (личные характеристики, стиль управления, коммуникации). Главные: неудовлетворительные условия труда, перегрузки, низкая оплата, дефицит компетенций и полномочий.

2. Последствия: снижение дисциплины, ухудшение морального духа, рост текучести кадров, увеличение жалоб клиентов и падение конкурентоспособности.

3. Структура конфликта: включает субъектов (участников), объект (предмет спора), ситуацию (обстоятельства) и процесс (этапы развития).

4. Типы реакций: работники чаще выбирают компромисс или приспособление; реже – сотрудничество или конфронтацию.

5. Формы конфликтов: преобладают горизонтальные (между работниками одного уровня), вертикальные (подчиненный-руководитель) и смешанные (персонал-клиент).

Основной причиной конфликтов является неэффективная система коммуникаций. Высокая частота конфликтов связана с низким уровнем корпоративной культуры. Необходима комплексная система профилактики, включающая диагностику психологической устойчивости сотрудников и построение системы управления рисками.

Стратегия оптимизации: повышение прозрачности коммуникаций, проведение тренингов по управлению конфликтами, мониторинг психологического климата, совершенствование критериев отбора персонала с учетом психоэмоциональных качеств [1].

Исследование представило новый взгляд на управление конфликтами в СКК. Определены принципы построения системы профилактики конфликтов. Разработаны практические рекомендации для укрепления внутрикорпоративных связей и усиления компетентности менеджеров. Предлагаемые подходы позволят снизить количество конфликтов, улучшить качество обслуживания и сохранить конкурентоспособность организаций санаторно-курортного сектора.

Список источников

1. Мельников Д. А. Конфликтология в процессе принятия управленческих решений / Д. А. Мельников, О. П. Дюгаев // XLIX Самарская областная студенческая научная конференция : Тезисы докладов, Самара, 10–21 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: ООО "Эко-Вектор", 2023. С. 78–79.

2. Общая конфликтология / С. Ю. Нарциссова, А. И. Киселева, Е. В. Розанова [и др.]. Москва, 2023. 216 с.

3. Trufanov G. A. Modern aspects of conflict management in business organizations in the context of conflict studies in business // Actual Issues of the Modern Economy. 2021. № 8. P. 14–23.

УДК 613.2

Применение пробиотического сорбета на плодово-ягодной основе в системе здорового питания предприятий гостеприимства: технологические и функциональные аспекты

Ханевич Ольга Юрьевна
Институт гастрономии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
olya.ermakova.2000@inbox.ru

Ключевые слова: микробиом кишечника, пробиотический сорбет, функциональное питание, общественное питание, сахарозаменители, дисбиоз, пребиотики, здоровое питание.

В современной медицине кишечный микробиом всё чаще рассматривается как «второй мозг» и ключевой регулятор гомеостаза человеческого организма. Здоровье микрофлоры напрямую коррелирует с эффективностью работы иммунной системы, метаболическими процессами и даже психоэмоциональным состоянием человека. Поддержание качественного и количественного состава микробиоты является фундаментальным условием профилактики широкого спектра заболеваний: от ожирения до аутоиммунных патологий.

Одной из наиболее острых проблем современной нутрициологии является повсеместное ухудшение состояния микрофлоры населения. Основным этиологическим фактором данного процесса выступает избыточное потребление рафинированных сахаров. Сахар является идеальным субстратом для роста патогенных и условно-патогенных микроорганизмов

© Ханевич О. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

(например, грибов рода *Candida*), которые в процессе своей жизнедеятельности подавляют рост лакто- и бифидобактерий. Это приводит к формированию устойчивого дисбиоза.

Особую группу риска составляют так называемые «сладкоежки» — лица с выраженной аддикцией к углеводам. Традиционные методы лечения дисбиоза (фармацевтические препараты) часто имеют низкую компетентность, так как пациенты неохотно отказываются от привычных вкусовых привычек. В связи с этим, актуальной задачей является разработка продуктов функционального питания, которые могли бы заменить вредные десерты, оказывая при этом терапевтический эффект.

Сорбет на основе фруктового или ягодного пюре с добавлением пробиотических культур и использованием сахарозаменителей (стевия, эритрит) представляет собой перспективную форму функционального продукта по ряду причин:

1. Психологическая адаптация. Продукт полностью соответствует органолептическим ожиданиям любителей сладкого. Переход с классического мороженого на функциональный сорбет происходит без стресса для пациента, что повышает эффективность долгосрочной диетотерапии.

2. Вкусовая нейтральность пробиотиков. Современные штаммы полезных микроорганизмов не изменяют вкус, запах и текстуру продукта, что позволяет сохранять высокие потребительские свойства десерта.

3. Криорезистентность и выживаемость. Исследования показывают, что низкие температуры (замораживание) являются благоприятной средой для сохранения жизнеспособности многих штаммов Lactobacillus и Bifidobacterium. В отличие от молочных продуктов с коротким сроком годности, замороженный сорбет позволяет сохранять титр пробиотиков на уровне не менее 10^7 КОЕ/г в течение длительного времени.

4. Синергия пре- и пробиотиков. Основа сорбета — фруктовое пюре — богата растительной клетчаткой и пектином. Эти компоненты являются пребиотиками, то есть питательной средой для пробиотиков, что значительно усиливает колонизационную резистентность микрофлоры.

В качестве примера эффективной модификации рецептуры в рамках товароведческого анализа был рассмотрен малиновый сорбет, в котором произведена замена естественных ягодных косточек на семена чиа (Salvia hispanica). Данное технологическое решение существенно повышает биологическую ценность продукта, так как семена чиа содержат значительное количество витаминов, антиоксидантов и микроэлементов (кальций, магний, фосфор).

С точки зрения органолептических характеристик, семена чиа позволяют сохранить привычную текстуру ягодного десерта, однако их употребление является более комфортным для потребителя. В отличие от жестких малиновых косточек, семена чиа обладают мягкой консистенцией, не застревают в зубах и легче усваиваются, что повышает потребительскую привлекательность продукта.

В таблице 1 представлены сравнительные характеристики традиционного десерта и предлагаемого инновационного сорбета.

Таблица 1. Сравнительная характеристика показателей продукта

Показатель	**Традиционное мороженое**	**Пробиотический сорбет**
Содержание сахара	Высокое	Отсутствует
Наличие жиров	10-15%	0-1%
Витамины и микроэлементы	Минимально	Высокое

Окончание таблицы 1.

Показатель	**Традиционное мороженое**	**Пробиотический сорбет**
Содержание пробиотиков	Отсутствуют	10^5-10^7 КОЕ
Пищевые волокна	Минимально	Высокое
Влияние на уровень глюкозы	Резкий подъем	Минимальное повышение

Технологический процесс производства предполагает внесение лиофилизированных культур на этапе созревания смеси перед фризерованием. Использование семян чиа в сочетании с сахарозаменителями нового поколения позволяет создать продукт, который не только «санирует» микрофлору кишечника, но и корректирует патологические пищевые привычки.

Внедрение пробиотических культур в состав низкокалорийных десертов на основе фруктов является эффективным инструментом современной профилактической медицины. Пробиотический сорбет способен не только «санировать» микрофлору кишечника, но и корректировать патологические пищевые привычки, снижая общую сахарную нагрузку на организм. Данное направление открывает широкие возможности для производства лечебно-профилактических продуктов, доступных массовому потребителю.

Список источников

1. Ардатская М. Д. Микробиоценоз кишечника и его коррекция с помощью функционального питания // Медицинский совет, 2025. № 5. С. 44-52.

2. Шендеров Б. А. Пробиотики и функциональное питание. Современное состояние и перспективы развития: монография. М.: Издательство ГЭОТАР-Медиа, 2024. 210 с.

3. Здоровое питание и роль сахара // Всемирная организация здоровья : [сайт]. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet (13.04.2026).

4. Инновации в пищевой промышленности: использование эритрита и стевии // FoodTech : [сайт]. URL : http://food-tech.ru/surveys/sweeteners/ (13.04.2026).

Современные проблемы философии

УДК 133.2:159.961.22

Галлюцинации как условие возможности создания нового

Валентиенко Матвей Александрович
Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, matvei.valentienko@yandex.ru

Ключевые слова: галлюцинация, опыт, инсайт, воображение, данность, онтологический модус, виртуальная реальность.

Чтобы избежать недоразумений, определим, как мы понимаем галлюцинацию в настоящем докладе. При этом, необходимо сказать, что мы рассматриваем не клинические случаи, которые не являются нормальной функцией субъекта, а исследуем естественный для каждого человека механизм появления нового знания. Галлюцинация – это структура сознания, позволяющая субъекту удерживать содержание, не выводимое из существующих категорий, и тем самым открывать новый онтологический модус. В настоящем докладе она выступает как философская модель, объясняющая возможность появления радикально нового – новой структуры опыта или нового модуса бытия, который не может быть редуцирован к уже имеющемуся знанию или опыту.

Галлюцинация нарушает привычное восприятие и смыслообразование, открывая доступ к альтернативным формам опыта и смысловым структурам. В таком случае, возникает необходимость дифференцировать галлюцинацию от инсайта – интуитивного чувства внутренней природы чего-либо [1, с. 85]. Отличие заключается в том, что галлюцинация не сводима к

© Валентиенко М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

субъективному переживанию. Она является причиной, благодаря которой новое может возникнуть, фиксируя структурное несоответствие между данностью и доступными формами её оформления, а инсайт же является одной из форм, в которой новое становится заметным субъекту. То есть, инсайт является частным проявлением галлюцинации, но не исчерпывает её.

Кто-то может возразить, не называем ли мы старые вещи новыми именами, а галлюцинацией – то, что И. Кант называл продуктивным воображением. Оно определяется как «способность представлять предмет также и без его присутствия, в созерцании» [2, с. 204], это способ, каким воображение доставляет понятию образ. Однако, в «Антропологии с прагматической точки зрения» Кант пишет о том, что «продуктивное воображение… не бывает творческим, т.е. способным породить такое чувственное представление, которое до этого никогда не было дано нашей чувственной способности» [3, с. 403]. Продуктивное воображение предполагает чувственность и ограничивается субъективным синтезом чувственности, а галлюцинация, напротив, имеет дело с ситуацией, в которой данность превышает доступные формы синтеза. Её можно назвать следствием феноменологического разрыва, т.е. разрыва между объективным описанием реальности и субъективным опытом. Она выводится из момента, когда прежний способ существования определённого типа сущего перестаёт адекватно описывать то, что в опыте фактически дано, конституируя возможность нового типа опыта.

Итак, переместимся в 6-й век, в Индию, чтобы на примере продемонстрировать, как возникает радикально нового. Там, путём вычитания числа из самого себя, впервые получили "0" [5]. Да, в других культурах тоже был ноль: в Вавилоне он был знаком-пропуском, у Майя – началом цикла, у Инков – отсутствием узла на верёвочке, но в Индии же произошло событие иного порядка: появилось возможность удержать содержание, которого не было в

опыте и которое не выводилось из прежнего модуса числа: ноль, прежде обозначающий пустоту или отсутствие, стал объектом арифметики. Чуть позже, в эпоху Возрождения художники, экспериментировав с зеркалами, разработали метод линейной перспективы, а еще чуть позднее Максвелл сказал, что поле – это особая форма материи, существующий независимо от материи и наших знаний о нем. Все вышеперечисленные акторы создали что-то, обладающее новым способом существования, не сводящимся к предыдущим – принципиально новое.

Вернёмся в наше время. Развитие компьютерных технологий привело к появлению виртуальных миров, которые действительно расширяют сферу возможного чувственного опыта, создавая искусственные пространства с собственными пространственно-временными характеристиками. Можно подумать, что это может являться предпосылкой для галлюцинаций или даже самой галлюцинацией, но это не так. И. Р. Вылков прямо пишет, что «виртуальный мир - компьютерная технология, которая помещает пользователя в искусственную интерактивную трехмерную окружающую обстановку...» [4, с. 46]. Даже когда разработчики стремятся к созданию «новых реальностей, а не симулированию тех, которые уже существуют» [4, с. 47], виртуальная реальность остаётся технологической симуляцией, поскольку её структура (существование) полностью зависит от заранее заданных алгоритмов – комбинации уже известных модусов. Она работает внутри старой онтологии, никак ее не трансформируя, а варьируя старые формы, и, даже если добавить в виртуальную реальность, например, четырехмерное пространство, то ничего принципиально нового не возникнет, поскольку сознание продолжит воспринимать его через старые категории. Поэтому, правильней будет сказать, что виртуальная реальность может моделировать ситуации, где привычные параметры опыта нарушаются, искусственно

приближаясь к точке феноменологического разрыва, но не может напрямую вызвать галлюцинации.

Новый жанр музыки или живописи не будет принципиально новым, поскольку онтологическое основание не меняется, а, в то же время, например, создание линейной перспективы – было таким, поскольку прежний символический модус пространства перестал удерживать то, что фактически дано в зрении (глубина, точка зрения и др.). Именно это и делает необходимым введение галлюцинации как структуры данности: она не объясняет содержание новизны и не распределяет его между субъектами, но описывает условие возможности появления нового онтологического модуса, который не может быть получен из прежних категорий путём логического вывода или исторического накопления - то есть, принципиально нового. Само же новое возникает из разрыва между данностью и категориями, появляясь именно там, где субъект способен удержать содержание, которое не помещается в старой онтологии, и оформить его в новый модус.

Список источников

1. Корнилов Ю. К. Феномен инсайта в контексте развития взглядов на природу мышления // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. № 1.

2. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 т. Т. 3. Москва : Мысль, 1964.

3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения : в 6 т. Т. 6. Москва : Мысль, 1966.

4. Вылков Р. И. Эпистемы : сборник научных статей. Вып. 5 : Проблемы философии науки. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 43–55.

5. Brahmagupta // Encyclopaedia Britannica. 2024. URL: https://www.britannica.com/biography/Brahmagupta (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 130.2

Постапокалиптическая культура как новая форма эсхатологии

Воронина Дарья Алексеевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Размышления о пределах исторического развития, о возможном апокалипсисе или конечности судьбы — отнюдь не изобретение последних лет; они были присущи человечеству на протяжении всей его истории. Эсхатологическое мышление своими корнями уходит в античную традицию циклических моделей, где конец земного существования являлся также началом освобождения и перехода к более совершенной форме бытия [1], или концепцию экпиросиса — периодического мирового пожара, заставляющего мир перерождаться снова и снова [2].

Однако в XX веке представления о конечности мира начинают существенно меняться. После Второй мировой войны эсхатологическое мышление рисует более пугающие картины. К проблеме глобальных угроз обращается, например, Карл Ясперс, подчёркивая, что человечество впервые оказалось перед возможностью собственного уничтожения. И в конечном итоге, в отличие от религиозных представлений, современная эсхатология лишается трансцендентного смысла и приобретает сугубо антропологический характер [3]. Конец мира перестаёт быть частью

© Воронина Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

божественного замысла и становится результатом человеческой деятельности.

Одним из направлений современной эсхатологии становится технологическая эсхатология. Жан Бодрийяр рассматривал технологии как нечто, способное изменить саму структуру реальности: технологии не дают человеку реальной власти над миром, лишь создают у него иллюзию этой власти, а стремление к истине и контролю через технологии — это замаскированное стремление к иллюзии [4]. В отличие от религиозных представлений, технологические сценарии «конца» лишены идеи спасения и предполагают неопределённость будущего.

В стремлении выразить и осмыслить эсхатологические ожидания в последние десятилетия особое место занимает постапокалиптическая культура. Под такой культурой можно понимать совокупность философских, художественных и культурных представлений о мире после глобальной катастрофы. Хотя изначально под апокалиптикой понималось исключительно религиозное течение из пророчеств («откровений») о конечной судьбе мира в постбиблейском иудаизме [5], сегодня это понятие рассматривается куда шире. Один из исследователей постапокалиптической культуры, преподаватель Йельского университета Джеймс Бергер в своей работе «After the End: Representations of Post-Apocalypse» предлагает несколько трактовок понятия «апокалипсис». По мнению Бергера, апокалипсис может пониматься как конец мира, конец конкретного социального порядка или жизненного уклада, а также как откровение или раскрытие скрытого смысла. И ни одно из этих определений не ново для эсхатологии: человечество, как и прежде, стремится осмыслить собственную конечность и выявить опасности, способные привести к глобальной катастрофе [6; 7].

Авторским предположением в данной работе является попытка охарактеризовать постапокалиптическую культуру как

особую новейшую форму эсхатологического мышления. Первой предпосылкой этому служит то, что в отличие от классической эсхатологии, которая сосредоточена на самом моменте «конца», постапокалиптика уделяет внимание последствиям катастрофы и задаётся вопросом о том, каким станет человек после разрушения привычного ему мира. То есть отличие постапокалиптической культуры от традиционной эсхатологии связано с самой приставкой «пост-». Классическая эсхатология сосредоточена на ожидании конца света и подготовке к нему, тогда как жанр постапокалипсиса рассматривает мир уже после катастрофы. В центре внимания оказывается человек, лишённый привычных социальных структур, технологий и культурных ценностей (сами же причины их утери не важны). Такие сюжеты обычно задают очень важный вопрос: кем является человек вне цивилизации и что имеет для него значимость после конца мира.

Обратная этой точке зрения отстаивается, например, в работе американского философа Юджина Такера «В пыли этой планеты», в которой он рассуждает о такой задаче современной философии, как возможность помыслить мир не антропоцентричным, а безразличным к человеку, где «мир-без-нас — результат вычитания человека из мира» [8]. Такер справедливо отмечает, что традиционные способы осмысления мира — мифологический, теологический, экзистенциальный — не исчезли полностью, а лишь изменили свою форму, став индустрией развлечений и политической идеологией. Однако его анализ направлен на дальнейшую интерпретацию проблемы антропоцентрического взгляда на мир, тогда как предмет анализа данной работы — трансформация самой структуры эсхатологического мышления: в XXI веке эсхатология окончательно утрачивает трансцендентное начало (будь то божественный замысел, космический порядок или абсолютный дух) и становится полностью антропологической.

Подводя итоги, можно констатировать, что постапокалипсис допустимо рассматривать как новую форму эсхатологии, поскольку он переопределяет сам вопрос о конце мира. В центре внимания оказывается человек, вынужденный заново определять ценности, формы взаимодействия и способы существования в разрушенной реальности. Даже в условиях утраты культуры и общества сохраняется возможность нового начала, что придаёт постапокалиптической культуре трагический и, вместе с тем, гуманистический характер.

Список источников

1. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. Москва : Мысль, 1993. С. 7–80.

2. Столяров А. А. СТОИЦИЗМ // Античная философия : энциклопедический словарь. Москва : Прогресс-Традиция, 2008. С. 701–712.

3. Желтикова И. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология : монография / И. В. Желтикова, Д. В. Гусев. Орел : Издательство ОГУ, 2011. С. 20.

4. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. Москва : РИПОЛ Классик, 1995. С. 11.

5. Кононенко Б. И. Апокалиптика // Большой толковый словарь по культурологии. Москва : Вече 2000, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1247 (дата обращения: 08.04.2026).

6. Подвальный М. Будова апокалипсису в одному краї (построение апокалипсиса в одной стране) // EKRANy. 2017. № 5 (39). С. 98–103. URL : https://gamestudies.ru/papers/apocalyptic-podvalny/ (дата обращения: 08.04.2026).

7. Berger J. After the End: Representations of Post-Apocalypse. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1999.

8. Такер Ю. Ужас философии. Т. 1: В пыли этой планеты. Пермь : Гиле Пресс, 2017. С. 12–13.

УДК 165.12:159.955

Социокультурные и когнитивные факторы распространения псевдонаучных концепций

Думова Тамара Борисовна
Инженерно-строительный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, doumova.t@mail.ru

Ключевые слова: псевдонаука, философия науки, демаркация, когнитивные искажения, социальная эпистемология.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Анне Юрьевне Коловской, доценту, кандидату философских наук.

Проблема демаркации – разграничения науки и псевдонауки – остается одной из центральных в философии науки. Ее актуальность обусловлена широким распространением псевдонаучных практик, включая астрологию, соционику и тарологию, которые проникают в повседневную жизнь и корпоративную среду, представляя собой массовое культурное явление.

С позиций классических критериев демаркации соционика, астрология и тарология квалифицируются как псевдонаучные концепции. Карл Поппер говорил о необходимости фальсифицируемости: научная теория должна допускать принципиальную опровержимость [1]. Астрологические и соционические утверждения формулируются расплывчато, что позволяет объяснять любые противоречащие факты неправильной

© Думова Т. Б., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

интерпретацией. Псевдонаука ищет подтверждения, тогда как наука существует за счет риска быть опровергнутой. Томас Кун акцентировал наличие парадигмы и нормальной науки – деятельности сообщества по решению эмпирических головоломок [2]. Псевдонаучные концепции не порождают такой деятельности, они догматичны, не устраняют аномалий и не демонстрируют самокоррекции. Имре Лакатос предложил критерий прогрессивной исследовательской программы: теория должна предсказывать новые факты [3]. Астрология и соционика демонстрируют регресс, лишь подгоняя реальность под неизменное жесткое ядро. Пол Фейерабенд, провозглашал эпистемологический анархизм, критикуя догматизм в науке [4]. Именно неспособность псевдонауки к развитию и самокритике делает ее привлекательной: она дает простые, стабильные ответы там, где наука предлагает вероятностные модели и оговорки.

На когнитивном уровне принятию псевдонауки способствуют систематические ошибки мышления. Например, апофения – обнаружение закономерности в случайных данных, а также эффект подтверждения – избирательный отбор информации, подтверждающей собственную гипотезу, при игнорировании противоречащих данных и эффект Барнума – оценка общих, расплывчатых описаний как высокоточных и индивидуально адресованных. Именно на нем строятся соционические типологии и астрологические характеристики. Личностными предпосылками повышенной подверженности когнитивным искажениям выступают низкая толерантность к неопределенности, импульсивность и недостаточный эмоциональный интеллект [5]. Псевдонаука выполняет психотерапевтическую функцию, создавая иллюзию предсказуемости и контроля в условиях реальной неопределенности.

Социокультурными предпосылками распространения псевдонауки выступают дефицит системного преподавания

критического мышления в образовательной системе, что создает эпистемическую уязвимость населения, а также трансформация медиасреды. Алгоритмические «эхо-камеры» социальных сетей усиливают единичный интерес к псевдонаучному контенту, порождая иллюзию консенсуса. Профессиональная упаковка псевдонаучного контента (инфографика, видеомонтаж, интерактивные тесты) делает его визуально неотличимым от научно-популярного. Коммерциализация псевдознания через онлайн-платформы, включая платность курсов и выдачу сертификатов, придает этим практикам внешнюю легитимность.

Институциональная слабость научного сообщества в публичной коммуникации усугубляет проблему. Меморандумы комиссий по борьбе с лженаукой остаются в узкопрофессиональном поле. Научно-популярные проекты имеют охват, не сопоставимый с масштабами распространения псевдонаучного контента. Научная коммуникация проигрывает из-за оговорок, ссылок на исследования и вероятностного характера выводов, тогда как псевдонаука предлагает категоричные и эмоционально заряженные сообщения. Показательно использование соционики в корпоративном секторе: соционические тесты применяются некоторыми компаниями благодаря простоте освоения и видимости научного подхода.

С позиции веритативной социальной эпистемологии Элвина Голдмана псевдонаука создает «эпистемический шум» – снижает долю обоснованного знания в обществе [6]. Однако, как следует из работ Филипа Кичера, репрессивные меры (запреты, цензура, принудительная маркировка) контрпродуктивны. Они усиливают конспирологические настроения и подрывают доверие к научным институтам [7]. Возможной стратегией признается формирование критической автономии личности через долгосрочные образовательные интервенции. Технологические решения (автоматический фактчекинг, модерация) имеют ограниченную

эффективность, поскольку псевдонаучный контент формально не нарушает правил платформ.

Более перспективны интеграция элементов критического мышления и медиаграмотности в школьные образовательные стандарты, а также изменение публичной коммуникационной стратегии научного сообщества с акцентом на демонстрацию научного метода вместо трансляции «занимательных фактов». Полное искоренение псевдонаучных верований признается утопичной целью. Реалистичной задачей является снижение эпистемической уязвимости населения, а именно – формирование привычки требовать обоснования и проверять источники.

Список источников

1. Popper K. R. Conjectures and Refutations : The Growth of Scientific Knowledge. 1962. DOI 10.13140/RG.2.2.29821.61926.

2. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions // International Encyclopedia of Unified Science. Chicago : University of Chicago Press, 1970. Vol. 2, № 2. 310 p.

3. Lakatos I. The methodology of scientific research programmes : Philosophical papers / edited by J. Worrall, G. Currie. Cambridge : Cambridge University Press, 1980. 250 p. ISBN 978-1316979952.

4. Feyerabend P. Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge. London : Atlantic Highlands: NLB ; Humanities Press, 1975. 339 c.

5. Акуленков А. В. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: личностные предпосылки // Парадигма. 2025. № 7. С. 80–83.

6. Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford : Oxford University Press, 1999. DOI 10.1093/0198238207.001.0001.

7. Kitcher P. Science, Truth, and Democracy. New York : Oxford University Press, 2001.

УДК 316.346+130.2

Гендерная обусловленность научного наблюдения: концепция динамической объективности Э. Ф. Келлер

Егорова Диана Николаевна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, DEgorova-II23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: динамическая объективность, феминистская эпистемология, гендерная обусловленность, научная объективность, ценностная нагруженность знания.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Виктору Анатольевичу Устюгову, доценту, кандидату философских наук.

Понятие научной объективности занимает центральное место в современной философии науки, выступая одновременно как нормативный идеал и эпистемологический критерий легитимации научного знания. Объективность традиционно раскрывается через несколько положений: как верность фактам, как свобода от нормативных обязательств (идеал ценностно-свободной науки), как независимость от личных предубеждений и как свойство научных сообществ и их практик [5].

В философии науки традиционно разделяют эпистемические ценности (точность, простота, объяснительная сила) и контекстуальные (социальные, культурные, политические установки); последние обычно рассматриваются как внешняя помеха, подлежащая элиминации [5]. Развитие феминистской

© Егорова Д. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эпистемологии во второй половине XX века проблематизировало это разделение. Э. Ф. Келлер продемонстрировала, что гендер функционирует не как периферийное искажение, а как контекстуальная ценность, структурно влияющая на сам идеал научной рациональности [1]. Выявив историческую сопряжённость объективности, автономии и маскулинности, она предложила концепцию «динамической объективности», понимаемой не как изначальная свобода от ценностей, а как диалектический процесс критической саморефлексии.

В отличие от «объективистской иллюзии» — представления о статичной нейтральности, достигаемой через подавление субъективного начала, — Келлер трактует объективность как практику осознания и учёта «вторжений "я"» в познавательный акт [3]. Теоретически её подход опирается на три уровня. На психологическом (через теорию объектных отношений) показывается, как когнитивный идеал дистанцирования и контроля над природой исторически маркируется как маскулинный [2, с.76]. На методологическом уровне динамическая объективность требует рефлексии над отбором проблем и метафорами, структурирующими теоретическое воображение. Наконец, на социальном уровне индивидуальная рефлексия должна институционализироваться в виде процедур трансформативной критики, где разнообразие позиций становится ресурсом, а не угрозой эпистемической строгости.

Преимущества позиции Келлер носят многомерный характер. В качестве альтернативы историческому злоупотреблению гендером предлагается проецировать гендерный баланс на все стадии научного прогресса, от постановок проблем до принятия новых парадигм. Эмпирически подход доказывает свою продуктивность, Келлер указывает на системные гендерные смещения в биомедицине. В социологии под влиянием гендерного

подхода появляются новые направления: женские исследования, сексуальность, неравенство/различия в обществе [3, с.118].

Однако концепция сталкивается и с серьезной критикой. Привлечение психоанализа для улучшения концепции объективности выглядит спорным из-за наличия внутри него конкурирующих течений, и, главное, представителей психоанализа критикуют за интерпретацию личного опыта как универсального. Хотя Келлер, в отличие от ряда других феминисток, дистанцируется от эссенциалистских понятий «женской» или «мужской» науки, эссенциализм все же характерен для психоанализа, который является теоретической основой ее концепции науки. Также указывается неудачность ее примеров для феминисткой критики науки [2, с.79].

Концепция Келлер открывает пространство для дискуссии. Что касается границ ее метода, где проходит черта между продуктивной научной деятельностью и парализующей ее рефлексией, если динамическая объективность — это процесс, а не состояние? Келлер предлагает отвергнуть идеал финальной нейтральности в пользу процедуры, способной выдерживать трансформативную критику. Личностная рефлексия здесь дополняется институциональным механизмом проверки.

Существует ли предел познания, если личная рефлексия неизбежно ограничена когнитивными искажениями человека? В ответ Келлер предлагает механизм коллективного замещения, в котором слепые зоны одного исследователя проявляются в диалоге с коллегами, обладающими иным опытом. Закрепление этой практики в может снять бремя «идеального нейтрального наблюдателя», но эффективность этого метода остается открыта критике.

Наследие Келлер ценно как критический инструмент, заставляющий ученых проверять собственные искажения. Однако научную ценность самой концепции можно считать ограниченной,

она способна вскрывать проблемы гендерной обусловленности, но не дает метода их решения. Задачей остается не отказ от объективности, а ее укрепление через критику. Признание гендерной загруженности научного наблюдения должно служить не оправданием произвола интерпретации научных фактов, а условием для установления прозрачных и проверяемых стандартов научного обоснования.

Список источников

1. Келлер Э. Ф. Феминизм и наука // Знаки : Журнал женщин в культуре и обществе. 1982. Т. 7, № 3. С. 409–433.

2. Кузин И. А. Феминизм и научная объективность: проект И. Ф. Келлер // Философские проблемы биологии и медицины : сборник тезисов. Серия «Между биофилософией и биоэтикой». Москва : Социально-гуманитарные издания, 2018. Т. 12. С. 74–79.

3. Миронова Т. М. Критика науки в методологии феминизма // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 1. С. 112–120.

4. Scientific Objectivity // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. URL: https://plato.stanford.edu/entries/scientific-objectivity/ (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 004.8:316.77

Трансформация смыслов в цифровой среде: от герменевтического круга к фильтрующему пузырю

Плотникова Евгения Валерьевна
МБОУ средняя школа №2 им. Ю.А.Гагарина, Красноярский край, Дивногорск, Россия, plotnikowa.ewg@yandex.ru

Ключевые слова: социальная коммуникация, алгоритмическая предвзятость, герменевтический круг, дегуманизация, телесность, симулякр, отчуждение, ответственность перед Другим, семиотический разрыв, фильтрующий пузырь, постправда.

В эпоху доминирования искусственного интеллекта и алгоритмических систем мы сталкиваемся с фундаментальным изменением природы социальной коммуникации. Информация перестала быть просто сообщением; она стала объектом манипуляции, персонализации и симуляции. Чтобы понять эти процессы, недостаточно смотреть на технологии — необходимо обратиться к философии, которая веками изучала природу смысла, понимания и человеческого взаимодействия [6].

В своем исследовании мы объединим три ключевых философских подхода — герменевтику, феноменологию и семиотику — чтобы ответить на вопрос: как мы понимаем друг друга, когда посредником между нами становится алгоритм?

Рассмотрим первый подход Герменевтика – наука, помогающая разобраться в проблемах интерпретации сообщений.

Фридрих Шлейермахер подчеркивал, что интерпретация сообщения возможна лишь благодаря наличию общности между

© Плотникова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

автором и интерпретатором, но что происходит, когда автором выступает ИИ? Мы сталкиваемся с парадоксом: тексты ИИ идеально соответствуют нашим нормам, создавая комфортный «фильтрующий пузырь», но лишают нас столкновения с иным, сложным опытом, закрывая глаза на многообразие реальности.

Мартин Хайдеггер ввел понятие герменевтического круга и «предрассудков». По его мнению, понимание приходит к человеку уже через призму его представлений и предрассудков, получается, что по-настоящему воспринять информацию сообщения человек способен лишь осознав своё место в истории. В цифровой среде наши предрассудки — это наши цифровые следы и история поиска. Алгоритмы не избавляют нас от них, а усиливают, формируя горизонт интерпретации еще до того, как мы увидели сообщение. Понимание становится замкнутым циклом.

Поль Рикёр говорил о символе как носителе двойного смысла, который является посредником между естественным и символическим уровнем значения.

В мире клипового мышления и визуальных образов «живое слово», несущее символическую нагрузку, заменяется стандартизированными блоками информации, что ведет к отчуждению.

Второй подход Феноменология – субъективно идеалистическое направление. «Нет объекта без субъекта». Это направление изучает непосредственный опыт и восприятие, концентрируясь на том, как субъекты переживают и осмысляют окружающую действительность [5].

Согласно концепции Эммануэля Левинаса, понятие другой существенно отличается от традиционного понимания в философии и коммуникации – это не взаимность или симбиоз скорее ассиметричное отношение. Человек несет ответственность перед другим. Вступая в коммуникацию с другим, мы инициируем отклик, приглашение к диалогу и обязанностям, а не только обмен

информацией. Но в цифровом пространстве другой превращается в анонимный профиль или набор данных. Мы теряем чувство ответственности перед уникальной личностью, подменяя его взаимодействием с системой.

Морис Мерло-Понти утверждал: игнорирование телесности в процессе коммуникации может привести к дегуманизации общения, снижению эмоциональной отзывчивости и возникновению трудностей в установлении глубоких межличностных связей. «Нельзя отделять тело от сознания» [1]. Физическое присутствие — фундамент понимания. Виртуальная коммуникация лишает нас телесности, жестов, интонаций. Мы теряем эмпатию, заменяя живое взаимодействие цифровыми суррогатами.

Третий подход Семиотика – дисциплина, занимающаяся сравнительным изучением знаковых систем. Как это сейчас актуально – знак в эпоху постправды.

Фердинанд де Соссюр швейцарский лингвист утверждал: сам факт отсутствия осознанного осмысления языковых законов людьми существенно снижает вероятность изменений, люди используют язык бессознательно, следовательно, не способны намеренно повлиять на его структуру. Но ИИ способен мгновенно реформировать язык, создавая новые мемы, сленг и фейки.

Чарльз Пирс американский философ, логик, математик. Рассматривая теорию знаков как сложную триадическую систему, включающую репрезентамен (сам знак), объект (то, что он обозначает) и интерпретанту (мысленное представление, созданное знаком). Перемещение от одной формы знака к другой, от одной интерпретации к следующей способствует постепенному раскрытию значения [3].

В цифровой среде эта связь разрывается: знак (текст/картинка) отсылает не к реальному объекту, а к симулякру.

Термин «симулякр» переводится как «притворяться» или «имитировать» [2].

У Жана Бодрийяра бинарная оппозиция «субъект / объект», при этом ключевое значение в паре придается второй категории – объекту. Французский мыслитель пишет, что между субъектом и объектом происходит инверсия отношений: текст, созданный искусственным интеллектом, перестает быть пассивным носителем информации и начинает доминировать над воспринимающим его человеком. Поскольку сам объект (текст) лишен субъектности и «желания», он парадоксальным образом подчиняет себе читателя в процессе интерпретации тем самым трансформирует картину мира реципиента [4].

Таким образом, синтез этих подходов показывает тревожную картину. Трансформация социальной коммуникации системами ИИ — это не просто смена инструментов. Это вызов самой природе человеческого понимания. Наша задача как исследователей – найти способы восстановить «общность» автора и читателя, вернуть телесность в диалог и научиться деконструировать алгоритмические симулякры, чтобы сохранить человеческую идентичность в цифровом мире.

Список источников

1. Демченко Л. М. Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло-Понти / Л. М. Демченко, Н. В. Гончаров // Вестник ОГУ. 2012. № 7 (143). С. 13–23.

2. Кожемякин Е. А. Семиотические аспекты массовой культуры / Е. А. Кожемякин, Д. К. Манохин // Культура и текст. 2013. № 1 (14). С. 115–131.

3. Лукьянова Н. А. Значение идей Ч. С. Пирса для философии коммуникации // Известия ТПУ. 2011. № 6. С. 82–88.

4. Мищенко М. А. Критика общества потребления в ранних трудах Жана Бодрийяра: этико-религиозная оценка // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2022. № 1. С. 141–157.

5. Ненашев М. И. Идеи феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вестник ВятГУ. 2013. № 4-1. С.11–17.

УДК 159.964.2

Архетипы коллективного бессознательного в формировании образа врага

Попов Даниил Романович
Гуманитаный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
daniilpopoff2004@gmail.com

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, коллективное бессознательное, Самость, Тень, образ врага, враг, демонизация, двойные стандарты.

Проблема работы заключается в извечных и фундаментальных негативных сущностный характеристиках, которые враг пробирает в образном отражении в человеческом сознании под влиянием архетипов.

Актуальность моей работы кроется в несменной природе человека, которой необходима фигура врага, и в несменной геополитической ситуации, которая позволяет фигуре врага приобрести межнациональный критический масштаб. Проблема

© Попов Д. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

определения сущности и условий формирования «Другого» или «Враждебного» остается не разрешенной для социальной философии по сей день.

Объектом данной работы выступает феномен образа врага, который формируется как внешними социальными условиями, так и внутренними психическими.

Предметом данного исследования является степень зависимости образа врага не только от внешних, но и от внутренних условий формирования – архетипов.

Цель работы заключается в определении роли архетипических механизмов в формировании образа врага.

1. Выработать определение архетипа и развести его с понятием архетипического образа, продемонстрировать формирования архетипического образа из архетипа.

2. Выработать и развести определения врага и архетипа врага, продемонстрировать связь архетипа врага и образа врага с помощью раздробления понятия врага на примитивного, социального и политического, продемонстрировать механизмы формирования образа врага на исторических примерах.

3. Выделить роль отдельных архетипов (враг, самость, тень) на формирования образа врага, продемонстрировать основной механизм влияния архетипов коллективного бессознательного на формирования образа врага.

4. Продемонстрировать влияние образа врага на коллективную самоидентификацию и самосознание.

Методология работы основывается на юнгианской парадигме и включает в себя сравнительный анализ, исторический анализ, классификацию.

В итоге гипотеза данной работы будет звучать следующим образом. Предполагается, что формирование устойчивого и влиятельного образа врага в общественном сознании обусловлено не столько внешними социальными воздействиями, сколько

активацией универсальных архетипических структур коллективного бессознательного. Эти структуры задают базовый алгоритм для проецирования враждебного «Другого», выступая скрытым каркасом, который наполняется конкретным социально-политическим содержанием.

Основные понятия:

Архетип - бессознательная доопытная доминирующая структура психических алгоритмов человека, по которым выстраивается образ человеческого представления о действительности.

Архетипический образ - представляемое и осознаваемое содержание форм архетипических структур, являющееся ключевым и фундаментальным для восприятия и познания всех культурных образов путем соотнесения с архетипическим образом.

Архетип врага - доопытный доминирующий психический алгоритм отделения своих от чужих (Другого) в целях поиска и предотвращения опасности в окружающей среде.

Враг – недоброжелательный Другой, опасный, стремящийся причинить экзистенциальный вред, вызывающий страх, требующий отпора.

Примитивный враг – Другой в лице любой опасности для индивида, представляющий крайнюю и прямую экзистенциальную угрозу.

Социальный враг – в меньшей степени Другой, представитель своей социальной группы, вступающий в конфликт из-за материальных ресурсов, идеологических разногласий, социального статуса.

Политический враг – представитель другой национально-культурной общности, с которой присутствуют враждебные отношения

Образ врага – искусственное представление о типичном представителе враждебной национально-культурной общности в

социальном сознании, основанное на демонизированных чертах, обезличивании и двойных стандартах

Тезис 1. Архетипы служат доопытными алгоритмами, которые направляют формирование нашего образа представления о действительности, содержание которого наполняется внешней социокультурной информацией, отображаемой в архетипическом образе.

Аргумент 1.1. Пример с архетипом матери и культурными архетипическими образами «Матери-Покровительницы» и «Родины-Матери», который иллюстрирует общее направление и общие архетипические черты для архетипа матери как основы при наличии различного культурного содержания архетипических образов.

Аргумент 1.2. Архетип представляет собой вечные и неизменные психические структуры, в то время как содержание архетипического образа имеет тенденцию к изменению в зависимости от социокультурного информационного содержания. Ранее роль архетипического образа героя в европейской культуре отображал Аякс, сейчас – супермен.

Аргумент 1.3. Архетип исключительно бессознательная структура, в то время как архетипический образ наполнен сознательным содержанием и имеет отображение в культуре.

Список источников

1. Ачкасов В. А. Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // ПОЛИТЭКС. 2016. № 1.

2. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.

3. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / перевод А. Чечиной. М.: Издательство АСТ, 2019. 496 с.

УДК 165:316.7

Симулякры и реальность: трансформация понятия истины в цифровую эпоху

Сагенова Элина Сарсеновна, Галиев Исмагил Ирекович
Казанский государственный медицинский университет, Республика Татарстан, Казань, Россия, yes3007@mail.ru

Ключевые слова: симулякр, истина, Бодрийяр, Платон, постправда, дипфейк, цифровая эпоха, гиперреальность.

Классическая истина как соответствие реальности перестаёт работать в цифровую эпоху. Концепция симулякров Бодрийяра и её связь с платоновской традицией показывает, как дипфейки, нейросети и постправда размывают границу между оригиналом и копией. Платон выстроил иерархию: истина — копия — копия копии. Бодрийяр утверждает, что в постмодерне эта иерархия рухнула: симулякр — копия без оригинала. В цифровую эпоху симулякры становятся нормой, истина превращается в функцию распространения нарратива. Возможны две стратегии: сожалеть об утрате классической истины или осваивать новые правила навигации.

Метафора пещеры Платона и концепция симулякров Бодрийяра построены на противоположных основаниях. Платон выстраивает иерархию: мир идей (истина), вещи (копии), искусство (копии копий). Узники принимают тени за реальность [1, с. 748–971]. Как отмечает К.В. Кондратьев, освобождение наступает при осознании неподлинности [3, с. 971–976]. Бодрийяр, в отличие от

© Сагенова Э. С., Галиев И. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Платона, утверждает отсутствие оригиналов: симулякр автономно замещает реальность [2, с. 204].

Цифровые технологии подтверждают концепцию симулякров. Дипфейки — копия, замещающая оригинал; опровержение не возвращает реальность, так как она уже замещена. Технологии генерации создают портреты несуществующих людей. М. А. Максимов и И. И. Комиссаров отмечают: сам факт освещения события конституирует его независимо от физической реальности [6, с. 8]. Нейросети генерируют контент без оригинала, воспринимаемый как подлинный.

Истина трансформируется из онтологической категории в функциональную. В условиях гиперреальности значимы скорость распространения, эмоциональное воздействие и вписанность в нарративы. Как отмечает О. Макаров, цифровые технологии делают нестабильность определяющей характеристикой реальности [8, с. 130–140]. Алгоритмы соцсетей подбирают контент по вовлечённости, а не истинности.

Выделены две стратегии. Первая — сожаление об утрате истины, критика тотальной симуляции, призыв различать подлинное и неподлинное. Вторая — адаптация к гиперреальности, освоение правил навигации, где истина производится.

Концепция Бодрийяра сохраняет силу: дипфейки и нейросети порождают реальность без оригинала [2]. Человек сталкивается с конкуренцией множественных симулякров. Задача — не в различении правды и лжи (это предполагает существование оригинала), а в понимании механизмов производства симулякров. Выход из пещеры Платона невозможен, так как источник истины либо отсутствует, либо сам является симулякром [3].

Истина становится функциональной, конструируется из фрагментов, согласовывается в коммуникации и проверяется эффективностью распространения. Философское осмысление симулякров необходимо для медиаграмотности: понимание их

механизмов позволяет осознанно ориентироваться в гиперреальности.

Список источников

1. Платон. Государство // Полное собрание сочинений в одном томе / пер. А. Н. Егунова. М. : Альфа-книга, 2013. С. 748–971.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула : Тульский полиграфист, 2014. 204 с.

3. Кондратьев К. В. Философ-революционер: мотив освобождения в платоновском мифе о пещере // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 4. С. 971–976.

4. Максимов М. А. Симулятивность политического события: актуальность подходов Ж. Бодрийяра и А. Бадью / Максимов М. А., Комиссаров И. И. // Гуманитарный вестник. 2017. № 9. С. 8.

5. Мурейко Л. В. Симуляция «символического» в концепции массмедиа Ж. Бодрийяра // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 66–78.

6. Makarov O. The Ambiguity of Post-Truth: From Modal Power to the Instability of the Possible // The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series Philosophy. Philosophical Peripeteias. 2025. № 73. P. 130–140.

УДК 128:159.923

Современное приложение теории Виктора Франкла

Сикилинда Диана Ивановна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sikilindadiana@gmail.com

Ключевые слова: Виктор Франкл, уникальные смыслы, логотерапия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Устюгову Виктору Анатольевичу, доценту, канд. фил. наук.

Виктор Франкл (26.03.1905 — 02.09.1997) — австрийский психиатр, психолог, философ еврейского происхождения. В. Франкл стал основателем логотерапии (букв. “исцеление смыслом”), работал в направлении экзистенциальной психологии и заложил ее фундамент. Опыт заключения в концентрационном лагере в период Второй мировой войны помог Франклу углубить исследования в области психологии в кризисных ситуациях, особенностей человеческой психики, а также смысла жизни и его поиска [2]. Франкл утверждал отказ как от глобальных, общечеловеческих смыслов, так и о понятии субъективного смысла, и критиковал его понимания как механизма защиты (“я не хотел бы умереть за свой механизм защиты”). Вместо этого он полагал, что смыслы для каждого человека стоит считать “уникальными” [1]. Мы считаем, что хотя этот подход был разработан в конкретный исторический период, он может применяться и в современности, особенно в

© Сикилинда Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ситуации кризиса или других экстремальных условий жизни человека.

Итак, не существует надындивидуального, общечеловеческого смысла жизни, акцент делается на уникальном смысле, присущем уникальной человеческой ситуации. В случае, когда уникальные смыслы все же совпадают, они формируют ценности как “универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях”. То есть, индивид, руководствуясь ценностями, ищет собственные уникальные смыслы, которыми и руководствуется в повседневной жизни [1]. Такой подход позволяет человеку сблизиться с самим собой и, безусловно, с собственной жизнью, сфокусироваться на специфике собственного существования.

С другой стороны, Франкл предлагает нечто похожее на абстрагирование: “Однажды утром я шагал из лагеря на работу и чувствовал, что уже больше не в состоянии выносить голод, холод и боль в моих вздувшихся от голода и по этой причине засунутых в открытые ботинки, подмороженных и нарывающих ногах. <…> Тогда я представил себе, что я стою на кафедре в большом, красивом, теплом и светлом конференц-зале, собираюсь выступить перед заинтересованными слушателями с докладом под названием «Психотерапия в концентрационном лагере» и рассказываю как раз о том, что я в данный момент переживаю. С помощью этого приема мне удалось как-то подняться над ситуацией, над настоящим и над страданиями и увидеть их так, как будто они уже в прошлом, а я сам, со всеми моими страданиями, представляю собой объект научно-психологического исследования, которое я же и предпринимаю” [1]. В этом контексте Франкл рассуждает об объективации своих страданий, о том, что люди “хрупкой телесной организации” лучше переживают условия концентрационного лагеря, т.к. способны “уйти” от страданий в мир “внутреннего богатства”, временно изолировав свою психику.

Таким образом, Франкл предлагает два способа справиться с со стрессом, вызванным условиями жизни: объективация страдания, нечто похожее на легкую форму эскапизма, погружение в собственный внутренний мир и отдаление от условий объективной реальности — метод, вероятно, более опасный, чем поиск “уникальных смыслов”, т.к. чреват отрешением от реальности, но подходящий в подобных ситуациях (и применяемый с осторожностью). Другой вариант — вышеупомянутые уникальные смыслы. Даже человек, находящийся в тюремном заключении в ожидании казни, способен прожить остаток своей жизни достойно. Что интересно, Франкл не предлагает полный эскапизм или попытку абсолютно абстрагироваться от страданий: “Подлинный род страдания — встреча вашей судьбы без уклонения — высшее достижение, которое было даровано человеку” [1]. Возвращаясь к применению данной теории в современных условиях, нам представляется, что в настоящее время человек должен не забывать о окружающей его реальности, но наделять смыслом собственные индивидуальные переживания. Просыпаться утром, чтобы выпить кружку кофе — лучше, чем не хотеть просыпаться вообще. Человек должен проживать свою жизнь с достоинством и искать то, что ее наполняет, но не в общих рассуждениях, а в конкретных действиях. Если и допускать существование общечеловеческого смысла, то он — в сохранении самой жизни и ее достоинства, в том, чтобы даже самые отчаянные ситуации встречать с готовностью, чтобы жизнь, какой бы она не была, наделять смыслом, каким незначительным бы он не казался.

Список источников

1. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. ; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева ; вст. ст. Д. А. Леонтьева. Москва : Прогресс, 1990. 368 с.

2. Волкова М. В. Франкл Виктор // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/frankl-viktor-72b529/?v=8638290 (дата обращения: 02.03.2026).

УДК 141.4(430)"18

Фридрих Ницше о самообмане европейской морали: от христианства к либеральным ценностям

Циома Максим Сергеевич
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tsioma999@mail.ru

Ключевые слова: Фридрих Ницше, Людвиг Клагес, самообман, европейская мораль, христианство, либеральные ценности, ресентимент.

Современная философия всё чаще обращается к наследию Фридриха Ницше как к радикальному проекту критики морали и культурного самообмана. Особое значение в этом контексте приобретает интерпретация Людвига Клагеса [1], рассматривающего Ницше прежде всего как мыслителя, вскрывающего бессознательные механизмы самообмана, лежащие в основании человеческой самооценки и моральных ценностей.

Уже в предисловии к «К генеалогии морали» Ницше формулирует принципиальную установку: «Мы неведомы себе, мы, познающие, мы сами не знаем себя» [2, с. 231]. Эта мысль определяет направление его критики: человек структурно

© Циома М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

неспособен к адекватному самопознанию. В интерпретации Клагеса самообман выступает не случайным искажением истины, а фундаментальным способом существования сознания. «Процесс обмана всегда протекает по эту сторону сознания, и лишь его результат является "фактом сознания"» [1, с. 58]. Поэтому мораль оказывается не результатом свободного выбора, а рационализацией бессознательных импульсов, придающей им вид разумных и обоснованных установок.

Клагес подчёркивает, что понятия «самообман», «самоослепление» и «лживость» обозначают у Ницше бессознательную, а не намеренную ложь [1, с. 58]. В этом смысле показательна характеристика современного человека: «Ложью я называю: не желать видеть того, что видят, не желать видеть так, как видят…» [Там же]. Самообман раскрывается как отказ признать собственную природу и неудобные истины, лежащий, по Ницше, в основании европейской морали.

Ключевым элементом критики становится генеалогический анализ происхождения моральных ценностей. В «К генеалогии морали» Ницше показывает, что мораль исторически складывается как результат противостояния различных форм жизни, а не является универсальной системой. Центральное место занимает противопоставление аристократической и рабской морали. «В то время как всякая благородная мораль произрастает из торжествующего "Да", сказанного самому себе, мораль рабов с самого начала говорит Нет "внешнему", "иному", "не-себе"» [2, с. 253]. Тем самым одна мораль основывается на самоутверждении, тогда как другая — на реактивном отрицании. Именно в рамках рабской морали возникает особый тип самообмана, связанный с феноменом ресентимента.

Макс Шелер писал о ресентименте: «Почва, на которой произрастает ресентимент, — это прежде всего те, кто служит, находится под чьим-то господством, кто понапрасну прельстился

авторитетом и нарвался на его жало» [3, с. 18]. Ницше подчёркивает, что «восстание рабов в морали начинается с того, что ресентимент сам становится творческим и порождает ценности» [2, с. 253]. Таким образом, универсальные моральные ценности оказываются результатом психологической компенсации слабости: неспособность к действию переосмысляется как нравственное достоинство.

Людвиг Клагес показывает, что сострадание, альтруизм и любовь к ближнему в интерпретации Ницше выступают не выражением высокой нравственности, а формами скрытого самоутверждения. Моральное поведение предстает способом психологической компенсации внутренней неудовлетворённости.

Особое место в критике Ницше занимает христианская мораль, которую философ рассматривает как первую исторически сложившуюся форму институционализированного самообмана. Христианство, по его мнению, переопределяет ценности, превращая слабость в добродетель, а силу — в порок. При этом страдание начинает восприниматься как вина, а жизнь — как подлежащая отрицанию. В этой связи Ницше обращается к евангельскому принципу: «Кто унижает себя, тот возвысится» [1, с. 59]. Смирение «святых», по его мнению, представляет собой форму бессознательного самообмана: «Когда вера оказывается полезнее, эффективнее, убедительнее, чем сознательное лицемерие, то лицемерие тотчас же инстинктивно превращается в невинность: первое правило для понимания великих святых» [Там же].

При этом Ницше показывает, что данная система ценностей не исчезает с упадком религиозного сознания, а лишь приобретает секулярную форму. Поэтому либеральные ценности — равенство, гуманизм, права человека — он рассматривает как продолжение той же моральной логики. Клагес также обращает внимание на этот вывод, цитируя Ницше: «в сегодняшней Европе мораль — это мораль стадных животных» [1, с. 117]. Такая мораль ориентирована

на сглаживание различий и ограничение сильной индивидуальности. Всё, что выходит за пределы усреднённой нормы, воспринимается как угроза сложившемуся порядку и потому подлежит сдерживанию.

Продолжая эту мысль, Ницше показывает, что подобная «невинная лживость» современного человека является не частным недостатком, а характеристикой европейской культуры. Человек воспринимает свои ценности как естественные, не осознавая их происхождения. Именно поэтому самообман оказывается столь устойчивым: он тем эффективнее, чем меньше распознаётся как самообман.

Трансформацию европейской морали Ницше связывает с постепенным нивелированием человеческого типа. Речь идёт не только об изменении ценностей, но и об утрате самой возможности высокой оценки человека. Как отмечает философ: «Здесь и таится рок Европы — вместе со страхом перед человеком мы утратили и любовь к нему, <…> Вид человека отныне утомляет» [2, с. 260]. Здесь выражено ключевое противоречие его критики: моральный прогресс оборачивается ослаблением жизненной силы и снижением потенциала человеческого развития.

Таким образом, интерпретация философии Фридриха Ницше, предложенная Людвигом Клагесом, позволяет рассматривать либеральные ценности как исторически сложившуюся форму самообмана, сохраняющую преемственность с христианской моралью в секуляризованном виде.

Список источников

1. Клагес Л. Психологические достижения Ницше / пер. с нем. В. М. Бакусева. М. : Культурная революция, 2016. 250 с.

2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений; Т. 5. М. : Культурная Революция, 2012. 480 с.

3. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А. Н. Малинкина; Санкт-Петербург : Наука, 1999. 230 с.

УДК 165.62

Амбивалентность как способ бытия с чужим: от диалога к границе

Юрченко Екатерина Дмитриевна
Институт социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета, Хабаровский край, Хабаровск, Россия, 011270@togudv.ru

Ключевые слова: амбивалентность, Чужой, сбой интенциональности, диалог, вненаходимость.

В философской антропологии встреча с инаковостью осмысляется как событие, конституирующее границы собственного мира и идентичность. Лицо Другого, по мысли М. Бубера и Э. Левинаса, становится условием возникновения «Я»; диалог мыслится как способ бытия-с-другим, позволяющий определить «своё» через отношение к «чужому» [2; 5]. Однако эта модель предполагает, что инаковость Другого является тем в принципе может быть освоена в общем смысловом горизонте. Но существуют ситуации, в которых инаковость являет себя иначе. В феноменологии Б. Вальденфельса такая фигура получает наименование Чужого (der Fremde): она обнаруживается не в диалоге, а в «сбое интенциональности» – моменте, когда привычные типизации сталкиваются с поведением, не поддающимся автоматическому включению в знакомый смысловой

© Юрченко Е. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ряд, и остаётся семиотически непроницаемой даже при интенсивном контакте [3].

Пространством, где эта фигура обретает плоть повседневности, выступает приграничье – зона постоянного межкультурного соседства, в которой Чужой включён в повседневные практики, но никогда не становится до конца «своим». Такую фигуру можно назвать «приграничным чужим»: её парадокс – в единстве предельной пространственной близости и культурно-смысловой отдалённости. Здесь классическая парадигма диалога обнаруживает свою ограниченность. Возникает вопрос: каким может быть подлинное отношение к такому Чужому и какую роль в нём играет амбивалентность – переживание, обычно считающееся препятствием к пониманию?

Сбой интенциональности и рождение амбивалентности

Э. Гуссерля утверждает, что сознание всегда интенционально, а Другой конституируется через аппрезентацию – перенос смысла с моего тела на тело Другого [4]. Однако, как показывает Б. Вальденфельс, в реальной встрече с Чужим эта аппрезентация постоянно даёт сбой. Чужое обнаруживается не как объект с определёнными признаками, а как разрыв в привычных типизациях. Б. Вальденфельс называет это «сбоем интенциональности» [3].

Сбой может быть вызван жестом, интонацией, дистаницей. Сознание интерпретирует нечто, не укладывающееся в готовые смысловые схемы. Так рождается амбивалентность: я не могу однозначно отнести поведение Чужого к знакомым образцам, но и не могу его игнорировать. Возникает спектр взаимоисключающих, но равноправных характеристик.

Хронический сбой и необходимость удержания противоречия

В обычной ситуаций «сбой интенциональности» – редкое временное событие. Однако в приграничье, где культурные коды, телесные практики и поведенческие нормы Чужого остаются

непроницаемыми, а встреча с ним становится постоянным элементом повседневности. В этих условиях ни одна унаследованная типизация не подтверждается и не опровергается окончательно. Один и тот же Чужой может быть желанным партнёром и источником дискомфорта. Сознание вынуждено удерживать противоречащие представления. Амбивалентность становится коррелятом хронического сбоя — единственно возможной формой данности сложной реальности.

Диалог как удержание вненаходимости

М. М. Бахтин показывает, почему амбивалентность может быть условием подлинного отношения: смысл рождается на границе сознаний, в зоне контакта «своего» и «чужого» [1]. Подлинный диалог требует, чтобы Другой оставался «вненаходимым» – не сливался с моим сознанием. Вненаходимость не недостаток, а условие понимания как события, в котором «я» и «другой» сохраняют свои позиции, но при этом вступают в продуктивное взаимодействие. Амбивалентность – это способ сохранить вненаходимость Чужого, не редуцируя его к знакомому или к абсолютно чуждому. Удерживая целостность противоречивого восприятия, субъект оставляет пространство для диалога, где Чужой понят в своей сложности, а не сведён к ярлыку.

Амбивалентность как экзистенциальный модус

Сказанное позволяет пересмотреть традиционное противопоставление «негативной» амбивалентности и «позитивной» однозначности. Если ориентироваться на модель подлинного диалога, предложенную М. М. Бахтиным, и на феноменологию хронического сбоя, развитую Б. Вальденфельсом, то амбивалентность предстаёт как адекватный экзистенциальный модус бытия-с-Чужим в условиях, когда однозначная категоризация невозможна или насильственна [1; 3].

Это не означает, что любая амбивалентность продуктивна. Она становится условием подлинного отношения лишь тогда, когда

субъект рефлексирует её природу, осознаёт её как следствие сложности Чужого, а не как свой недостаток. В таком случае амбивалентность перестаёт быть «когнитивным диссонансом», требующим скорейшего разрешения, и превращается в открытость – готовность к диалогу, в котором противоречия не снимаются, а становятся источником взаимного понимания.

Амбивалентность в отношении к Чужому, часто воспринимаемая как незрелость или недостаток, может быть переосмыслена как адекватная форма бытия-с-Чужим в ситуациях, где интенциональность сталкивается с хроническим сбоем, а Чужой сохраняет свою вненаходимость. Опираясь на идеи Б. Вальденфельса о сбое интенциональности и М. М. Бахтина о диалоге как событии на границе сознаний, можно утверждать: удержание противоречия не исключает, а напротив, открывает возможность подлинной встречи, в которой Чужой не сводится к готовому образу, а остаётся живым, сложным и непредсказуемым.

Список источников

1. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 336 с.

2. Бубер М. Я и Ты. Москва : АСТ, 2024. 192 с.

3. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск : Пропилеи, 1999. 176 с.

4. Гуссерль Э. Картезианские медитации. Москва : Академический проект, 2010. 229 с.

5. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. 416 с.

УДК 17.03

Любовь к жизни: в поисках антропологического двигателя

Яковлева Дарья Михайловна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dashenka-y2006@yandex.ru

Ключевые слова: любовь к жизни, экзистенциальная установка, рефлексивный императив, биофилия, ответственность, выбор смерти, технологическая цивилизация, антропологический двигатель.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Кульбижекову Виктору Николаевичу, доценту, канд. филос. наук.

Вопрос о бытийности жизни остаётся нерешённым с момента возникновения интеллектуальной деятельности. Человек искал оправдание жизни в разных источниках: от самопознания до божественного замысла, от аскезы до гедонизма. Что заставляет человека выбирать жизнь, а не смерть?

Традиционные объяснения - инстинкт самосохранения или страх смерти - не работают. Как показал Э. Фромм в «Анатомии человеческой деструктивности», биологизаторский подход игнорирует рефлексию и не объясняет культурно-философские типы отношения к жизни. За их многообразием стоит не биологический механизм, а экзистенциальный «двигатель» - рефлексивный императив, составляющий суть любви к жизни как установки.

© Яковлева Д. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Контрпримером выступает выбор смерти. Самопожертвование, эвтаназия, суицид показывают, что человек может предпочесть смерть жизни. Но этот выбор не означает «нелюбви к жизни»: он происходит внутри рефлексивного императива, когда жизнь теряет смысл. Выбор смерти подтверждает любовь к жизни как установку: человек рефлексивно оценивает, какая жизнь достойна предпочтения.

Как показал Г. Йонас в «Принципе ответственности», традиционная этика ориентирована на «ближний круг действия». Инстинкт самосохранения работает здесь и сейчас. Но технологическая цивилизация породила действия с беспрецедентным дальнодействием. Требуется качественно новая этика ответственности. Любовь к жизни как экзистенциальная установка вынуждена рефлексивно оправдывать существование человечества в будущем.

Вводимое понятие любви к жизни как экзистенциальной установки не тождественно сартровскому проекту или свободе. У Сартра исходная точка - отсутствие предзаданного смысла и бремя выбора. Здесь же акцент на положительной, дорефлексивной привязанности человека к собственной жизни, не сводимой ни к страху, ни к инстинкту, ни к конструированию смысла. Экзистенциализм - лишь один из возможных ответов на императив любви к жизни.

Концепция «биофилии» Фромма — это теоретическое основание. Биофилия есть «страстная любовь к жизни и ко всему живому», противоположность некрофилии. Тенденция к сохранению жизни присуща любой живой материи, а её полное развитие представляет цель человеческого существования.

Любовь к жизни как установка не замыкается на индивиде. Йонас проецирует этот императив на будущее человечества. Для выживания хозяйственная деятельность должна подчиняться ответственности перед природой и потомками. Биофилия

распространяется на все живые существа в зоне нашей ответственности. Дискуссии о правах животных, защите экосистем и будущих поколениях являются конкретизацией рефлексивного императива.

Человек осознаёт свою возможность управлять «жизнью» в общем её определении. Контрацептивы, аборты, жизнь без детей, трансгуманизм, ИИ — всё это заставляет заново спрашивать: «Что значит быть живым?», «Как относиться к жизни, когда её можно конструировать?» Фромм предвидел эту опасность, связывая технократию с некрофилией.

Следуя Йонасу, выделим два типа современных вызовов. Первый - экзистенциальные решения индивида (осознанная бездетность, отказ от продолжения рода) - форма рефлексивного переопределения достойной жизни. Второй - технологическое преобразование человеческой природы (трансгуманизм, биохакинг) - ставит под вопрос саму возможность «подлинно человеческой жизни». Любовь к жизни требует коллективной заботы о сохранении антропологических условий.

Таким образом, любовь к жизни как экзистенциальная установка — это фундаментальная ориентация человека, несводимая к инстинкту или страху; она выражается в рефлексивном императиве; действует даже при отсутствии сформулированного смысла; распространяется на жизнь других существ. Именно эта установка заставляет человека переопределять отношение к жизни - в личной судьбе, выборе смерти, в эпоху технологических трансформаций, когда под угрозой будущее человечества.

Список источников

1. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисл., примеч. И. И. Маханькова. М. : Айрис-пресс, 2004. 480 с.

2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–345.

3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ, 2015. 618 с.

Теоретические и практические проблемы экономических отношений

УДК 336.64

Разработка модели прогнозирования динамики цен на основную продукцию компаний цветной металлургии (на примере компании ПАО ПОЛЮС)»

Борисова Дарья Дмитриевна
Институт экономики государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dborisova-ee21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: прогнозирование цен, цветная металлургия, золото, бюджетное планирование, ПАО «Полюс», факторы ценообразования, трендовый анализ.

Точность прогнозирования цен на продукцию цветной металлургии является критическим фактором для эффективного бюджетирования горнодобывающих компаний. ПАО «Полюс» формирует доходную часть бюджета исходя из прогнозных цен на драгоценные металлы, однако высокая волатильность мировых рынков создаёт риски при планировании. Как отмечают В.Е. Хруцкий и В.В. Гамаюнов, точность прогнозов зависит от качества моделей ценообразования [2]. Т.В. Жукова подчёркивает, что волатильность сырьевых цен является ключевой проблемой финансового планирования [1].

Специфика золота как финансового актива рассмотрена И.В. Бурениной и А.В. Левченко [3]. В работе А.В. Левченко выделены основные детерминанты цены золота [4]. О.И. Щеголева систематизирует ключевые факторы, влияющие на стоимость золота [5].

© Борисова Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель исследования — проанализировать динамику цен на золото, выявить основные факторы и потребителей, влияющих на ценообразование, а также разработать рекомендации для прогнозирования доходной части бюджета ПАО «Полюс» на основе трендового анализа.

Информационную базу составили данные о ценах на золото (LBMA PM Fix), макроэкономические индикаторы и статистика по потребителям золота. Методы обработки включали трендовый анализ и расчёт скользящих средних. Программная реализация выполнена в Excel.

В результате анализа построен график динамики цены на золото (рис. 1). Для построения тренда использованы данные на январь каждого года. За период с января 2016 г. по январь 2026 г. цена выросла с 1071,5 до 5595,0 USD, то есть более чем в 5,2 раза. Кумулятивный рост с января 2015 г. составил 360%. Трендовая линия имеет уравнение $y = 340{,}2x + 1050$ с коэффициентом детерминации $R^2 = 0{,}91$. Среднегодовой темп прироста составил около 16,5%. Наиболее резкий рост наблюдался с января 2024 г. по январь 2026 г. (рост в 2,7 раза за два года).

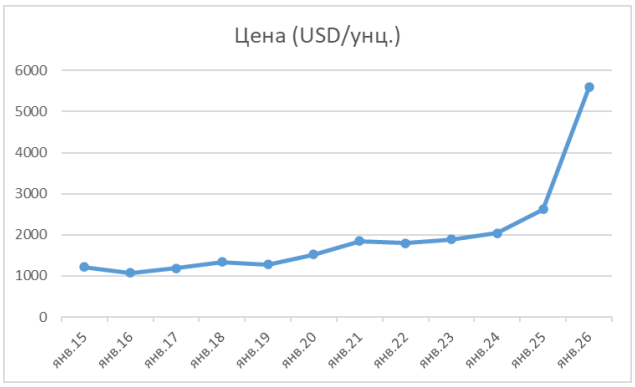


Рисунок 1. Динамика цены золота.

Определены основные факторы, влияющие на динамику цен. К макроэкономическим факторам относятся индекс доллара США (обратная корреляция), реальные процентные ставки ФРС и инфляционные ожидания. К факторам спроса отнесены действия

центральных банков, инвестиционный спрос, а также ювелирное и промышленное потребление.

Проанализирована динамика основных потребителей золота. Центральные банки в 2022–2024 гг. закупали более 1000 тонн золота ежегодно. В 2025 году объём покупок составил 863,3 тонны. Крупнейшими покупателями выступили Польша, Казахстан, Бразилия и Турция. Ювелирная промышленность (около 45% потребления) демонстрирует устойчивый спрос. Инвестиционный спрос через ETF показал высокую волатильность.

Построен трендовый прогноз цены золота на 2026–2028 гг. На основе линейного тренда ($R^2 = 0,91$) прогнозируемый диапазон цен на 2026 год составляет 4800–5200 USD/унцию. Консервативный сценарий предполагает цену 4500–4800 USD/унцию, оптимистичный — 5200–5600 USD/унцию. На 2027–2028 гг. ожидается рост до 5500–6000 USD/унцию.

Для ПАО «Полюс» разработаны рекомендации по использованию трендового анализа в бюджетном планировании. Предлагается ежемесячно отслеживать индекс доллара DXY, объёмы покупок золота центральными банками и динамику ставок ФРС. Базовый сценарий на 2026 год — 4800–5000 USD/унцию с резервами до 5400 USD/унцию. Такой подход позволяет снизить риск кассовых разрывов.

В результате исследования выявлен устойчивый восходящий тренд: цена выросла с 1215,6 USD в январе 2015 г. до 5595,0 USD в январе 2026 г. (рост в 4,6 раза). $R^2 = 0,91$, среднегодовой темп прироста — 16,5%. Определены основные факторы ценообразования и ключевые потребители. Построен прогноз на 2026–2028 гг. Практическая значимость работы заключается в снижении рисков кассовых разрывов и повышении эффективности финансового менеджмента ПАО «Полюс».

Список источников

1. Жукова Т. В. Формирование и прогнозирование мировых цен на сырьевых товарных рынках : монография. М. : Магистр, 2015. 312 с.

2. Хруцкий В. Е. Внутрифирменное бюджетирование : Настольная книга по постановке финансового планирования / В. Е. Хруцкий, В. В. Гамаюнов. 3-е изд. М. : Финансы и статистика, 2019. 464 с.

3. Буренина И. В.Рынок драгоценных металлов: проблемы и перспективы / И. В. Буренина, А. В. Левченко // Финансы и кредит. 2018. № 44 (788). С. 32–41.

4. Левченко А. В. Факторы ценообразования и прогнозирование цен на золото // Банковские услуги. 2017. № 3. С. 24–30.

5. Щеголева О. И. Мировой рынок золота: тенденции и перспективы // Финансы и кредит. 2009. № 45 (381). С. 24–29.

6. World Gold Council. Gold Demand Trends : Full Year 2025 / World Gold Council. London : WGC, 2026.

7. Macrotrends. Gold Prices - 100 Year Historical Chart. URL: https://www.macrotrends.net/1333/historical-gold-prices-100-year-chart (дата обращения: 15.04.2026).

8. StatMuse Money. Gold Price From 1st Jan 2015 To Today. URL: https://www.statmuse.com/money (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 33.336

Долгосрочная нейтральность денег в России: мифы, эмпирика и выводы для монетарной политики

Григорьева Ангелина Ивановна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, angelgrig7@bk.ru

Ключевые слова: нейтральность денег, супернейтральность денег, денежно-кредитная политика, экономический рост, инфляция, Банк России.

Благодарности: автор выражает признательность научному руководителю Елене Петровне Севастьяновой, кандидату экономических наук, доценту, заведующему кафедрой теоретической экономики Сибирского федерального университета, за ценные методические рекомендации и внимание к работе.

Долгосрочная нейтральность денег входит в число фундаментальных концепций современной макроэкономики. Устойчивые изменения денежной массы, согласно этой идее, не влияют на реальный выпуск в долгосрочном периоде, а отражаются исключительно в динамике ценового уровня.

Доктор экономических наук Ф. С. Картаев в открытой лекции «Долгосрочная нейтральность денег: мифы и реальность» обращает внимание на продолжающиеся дискуссии вокруг этой концепции [5]. Посткейнсианцы и сторонники теории переключающегося режима воспроизводства утверждают, что деньги способны оставаться ненейтральными даже в долгосрочном периоде. Влияние передается через инвестиционный канал, канал

© Григорьева А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

гистерезиса на рынке труда или технологический канал [4; 6]. Также есть альтернативные точки зрения: феномен капитализации денег группы учёных Института экономики РАН под руководством В. И. Маевского (2011;2016); исследования О. Йорда, С. Р. Сингх, А. М. Тейлор (2020), М. Вари (2021). Цель настоящего доклада – представить результаты эмпирической проверки гипотез о долгосрочной нейтральности и супернейтральности денег в российской экономике, обсудить их значение для денежно-кредитной политики. Стандартный макроэкономический подход рассматривает долгосрочное совокупное предложение как вертикальную линию. При расширении денежной массы сдвигается лишь совокупный спрос, итогом чего становится рост цен без изменения реального выпуска [1, с. 312–315].

В литературе выделяются три канала, через которые монетарная политика потенциально влияет на реальный сектор в долгосрочной перспективе. Инвестиционный канал действует через снижение ключевой ставки: заемные средства дешевеют, объем инвестиций увеличивается, запас капитала накапливается быстрее, потенциальный ВВП растет. Канал гистерезиса на рынке труда связан со стимулирующей политикой, сокращающей длительную безработицу. Работники сохраняют навыки, что положительно сказывается на долгосрочном выпуске. Обратный инфляционный канал функционирует иначе: чрезмерное расширение денежной массы порождает высокую и нестабильную инфляцию, реальные доходы падают, стимулы к труду ослабевают, выпуск сокращается [5; 6, с. 4–6].

Картаев формулирует ключевой вопрос: краткосрочные эффекты монетарных шоков признаются всеми исследователями, но сохраняются ли они спустя годы [5]?

Проверка гипотез о нейтральности и супернейтральности денег в России базируется на методологии Фишера – Ситера (FS), ставшей стандартом для подобных исследований [6, с. 10–11]. Анализ охватывает период 1995–2023 годов (29 лет), что превышает минимально необходимый горизонт в 25 лет [6, с. 11]. Реальные переменные включают ВВП, потребительские расходы,

государственные расходы и валовое накопление в постоянных ценах; источником данных служит Росстат [6, с. 12–13]. Номинальные переменные представлены денежными агрегатами M0, M1, M2 в млрд руб. (Банк России и портал cbonds.ru). Все переменные преобразованы в натуральные логарифмы. Порядок интегрированности определялся посредством тестов ADF и KPSS. Анализ порядка интегрированности показал различие между реальными и номинальными переменными. Реальные переменные оказались I(1), тогда как денежные агрегаты M0, M1 и M2 относятся к классу I(2). Методология FS исходит из того, что при превышении порядка интегрирования номинальной переменной над порядком интегрирования реальной гипотеза о долгосрочной нейтральности остается состоятельной и не отклоняется [6, с. 15]. Далее проверялась гипотеза о супернейтральности, связанная с влиянием изменений темпа роста денежной массы на реальные показатели. Результаты расчетов приведены в таблице 1.

Таблица 1. Оценки долгосрочного влияния изменения денежной массы на реальные переменные

Реальная переменная	**ΔM0**	**ΔM1**	**ΔM2**	**Вывод о супернейтральности**
ВВП(Y)	-0,072	-0,121	-0,012	Не отвергается
Потребление(C)	-0,419*	-0,409*	-0,302	Отвергается (отрицательный эффект)
Инвестиции(I)	0,138	0,176	0,141	Не отвергается
Государственные расходы(G)	0,067	0,072	0,128	Не отвергается

*Примечание: * – значимость на уровне 10%. Робастные стандартные ошибки.
Источник: составлено автором по [6, с. 11]

Коэффициенты для ВВП, инвестиций и государственных расходов оказались статистически незначимыми. Это указывает на супернейтральность денег по отношению к данным показателям. Потребительские расходы демонстрируют иную картину: они отрицательно связаны с денежной динамикой. Ускорение роста денежной массы способно снижать потребление в долгосрочной

перспективе, причем узкие агрегаты M0 и M1 дают наиболее выраженный эффект. Эмпирические данные не подтверждают инвестиционный канал ненейтральности: коэффициенты для инвестиций остаются незначимыми во всех рассмотренных спецификациях модели [6, с. 17]. Полученные результаты согласуются с исследованиями, проведенными для других развивающихся стран (Гватемалы, Мексики, Доминиканской Республики), где нейтральность денег также была подтверждена [6, с. 9–10].

Эмпирические результаты позволяют сформулировать ряд рекомендаций для денежно-кредитной политики. Ценовая стабильность должна оставаться приоритетом. Деньги нейтральны в долгосрочном периоде, поэтому монетарная экспансия не способна стимулировать экономический рост. Инвестиционный канал в российских условиях не функционирует, и данные не подтверждают аргументы в пользу агрессивного смягчения денежно-кредитной политики ради увеличения инвестиций [6, с. 18]. Банку России целесообразно придерживаться политики таргетирования инфляции. По мнению Картаева, наиболее значимый вклад центрального банка в формирование условий для экономического роста состоит именно в поддержании низкой и стабильной инфляции [5].

Анализ показывает, что в российской экономике периода 1995–2023 гг. деньги нейтральны и супернейтральны в долгосрочном периоде. Увеличение денежной массы не приводит к росту реального ВВП на длинных горизонтах. Инвестиционный канал ненейтральности эмпирически не подтверждается. Потребительские расходы при ускорении денежной экспансии снижаются, что, вероятно, связано с инфляционным давлением. Дальнейшие исследования с применением альтернативных эконометрических методов и расширением временного горизонта позволят уточнить эти выводы. Уже сейчас они закладывают эмпирический фундамент для дискуссии о целях монетарной политики в России.

Список источников

1. Агапова Т. А. Макроэкономика : учебник / Т. А. Агапова, С. Ф. Серегина. М. : Дело и Сервис, 2007. 496 с.

2. Банк России. О денежно-кредитной политике // Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://cbr.ru/dkp/ (дата обращения: 04.03.2026).

3. Всемирный банк. Определение монетарной политики // The World Bank : официальный сайт.

4. Глазьев С. Ю. Экономический рост и монетарная политика России / С. Ю. Глазьев, О. С. Сухарев. М.: [б. и.], 2025. 112 с.

5. Каратаев Ф. Долгосрочная нейтральность денег: мифы и реальность : лекция в Школе финансов / Ф. Каратаев. – URL: https://vkvideo.ru/video-125749731_456239442 (дата обращения: 04.03.2026).

6. Картаев Ф. С. Долгосрочная нейтральность денег в России: эмпирический анализ / Ф. С. Картаев, К. А. Герелишина. М., 2025. 24 с.

УДК 336.648

Влияние денежно-кредитной политики на долговую устойчивость инфраструктурной компании (на примере ПАО «РусГидро»)

Гудымова Полина Павловна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия,
gudymova_polina@mail.ru

Ключевые слова: долговая устойчивость, ключевая ставка, процентные расходы, коэффициент покрытия процентов (ICR), долговая нагрузка (CorDebt), корреляционный анализ, ПАО «РусГидро».

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Павловне Севастьяновой, доценту, канд. экон. наук.

ПАО «РусГидро» — крупнейший энергохолдинг РФ, реализующий капиталоёмкие инвестпроекты. В условиях жёсткой денежно-кредитной политики (ДКП) (ключевая ставка 21% в 2024 г.) проблема долговой устойчивости приобрела особую остроту. Цель исследования — оценить влияние динамики ключевой ставки на процентные расходы и финансовые результаты ПАО «РусГидро».

Для оценки долговой устойчивости использованы: коэффициент покрытия процентов (ICR) [2]; показатель долговой нагрузки CorDebt (отношение задолженности с процентами к выручке); эффективная процентная ставка и рентабельность заёмного капитала (RODC) [4]. Рост ключевой ставки увеличивает

© Гудымова П. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

процентные расходы, особенно при плавающих ставках и рефинансировании. Для количественной оценки связей использован корреляционный анализ Пирсона.

Таблица 1. Динамика ключевой ставки и показателей РусГидро

Год	Ключевая ставка (% годовых)	Выручка (тыс.руб.)	Проценты к уплате (тыс.руб.)	Чистая прибыль (убыток) (тыс.руб.)	ICR	CorDebt
2025	16	287199232	51645750	66919384	3,05	25,22
2024	21	242877716	33447051	-13433841	1,39	3,13
2023	16	216829681	17016455	32669825	3,74	8,28
2022	7,5	199578070	5956200	25991754	7,60	5,49
2021	8,5	190106300	6507550	50856772	10,75	12,89
2020	4,25	177256512	8103924	35963 307	7,21	30,20

За 2020-2025 гг. финансовая структура ПАО «РусГидро» изменилась (таблица 1). Доля собственного капитала снизилась с 80,0% до 53,0%, коэффициент соотношения заёмных и собственных средств вырос с 0,25 до 0,89. Коэффициент маневренности собственного капитала оставался отрицательным (с -0,01 до -0,77), что указывает на нехватку собственных оборотных средств для финансирования текущей деятельности. Оборачиваемость заёмного капитала снизилась с 0,80 до 0,39. Выручка выросла на 62% (с 177,3 до 287,2 млрд руб.), проценты к уплате увеличились в 6,4 раза (с 8,1 до 51,6 млрд руб.). Чистая прибыль с 50,9 млрд руб. в 2021 г., сменилась убытком 13,4 млрд руб. в 2024 г., но в 2025 году выросла до 66,9 млрд руб. ICR снизился с 7,21 в 2020 г. до 1,39 в 2024 г., но в 2025 г. вырос до 3,05. Ситуация улучшилась по сравнению с 2024 г. благодаря росту операционной прибыли, увеличению выручки и стабилизации процентных ставок. Но ICR остаётся ниже уровней 2020-2022 гг. (7-10). CorDebt увеличился с 3,13 до 25,22, эффективная процентная ставка с 4% до 8%, что указывает на высокую чувствительность к удорожанию заёмных средств.

	Ключевая ставка, % годовых	Проценты к уплате, тыс.руб.	Чистая прибыль/убыток, тыс.руб.	CorDebt	ICR	Эффективная процентная ставка, % годовых	RODC
Ключевая ставка, % годовых	1,00						
Проценты к уплате, тыс.руб.	0,74	1,00					
Чистая прибыль/убыток, тыс.руб.	-0,39	0,11	1,00				
CorDebt	0,93	0,88	-0,30	1,00			
ICR	-0,85	-0,77	0,41	-0,82	1,00		
Эффективная процентная ставка, % годовых	0,75	0,95	-0,02	0,87	-0,84	1,00	
RODC	-0,77	-0,54	0,68	-0,71	0,90	-0,59	1,00

Рисунок 1. Корреляционная матрица.

Сильная прямая связь ключевой ставки с CorDebt (0,93) и сильная обратная связь с ICR (-0,85). Умеренная (0,74) с процентами к уплате, предположительно из-за обязательств с фиксированными ставками, которые слабее реагируют на изменение ключевой ставки. Слабая отрицательная связь с чистой прибылью (-0,39): компания способна частично нивелировать рост процентных платежей за счёт повышения операционной эффективности. Эффективная процентная ставка умеренно коррелирует с ключевой (0,75), что подтверждает наличие долга с фиксированными ставками. RODC демонстрирует умеренную обратную связь со ставкой
(-0,77): с ростом ставки доходность заёмного капитала снижается, проценты растут быстрее, чем прибыль.

По прогнозу Банка России на 2026-2028 годы, в 2026 г. ключевая ставка ожидается в диапазоне 13,0-15,0%, в 2027 г. 7,5-8,5% [1]. Даже при снижении ставки процентные расходы компании останутся на высоком уровне. Совокупный заёмный капитал на конец 2025 г. составил 585 млрд руб. При сохранении ключевой ставки на уровне 15% годовых обслуживание этого долга потребует около 88 млрд руб. в год, что в 1,5 раза выше процентов 2025 г. (51,6 млрд руб.). Это демонстрирует потенциальный рост процентных

платежей при рефинансировании долга по новым, всё ещё высоким ставкам.

При текущем ICR (3,05) компания остаётся уязвимой: показатель ниже уровня 2020-2022 гг. (7-10). За 2020-2025 гг. утрачена финансовая независимость (доля заёмного капитала выросла до 47%), сильная связь ключевой ставки с процентами к уплате (0,74), CorDebt (0,93) и ICR (-0,85) подтверждает высокую чувствительность компании к ДКП.

Для снижения процентных рисков замедлить наращивание долгового портфеля и сместить акцент на долгосрочное финансирование с фиксированной ставкой. Также стоит рефинансировать часть краткосрочных обязательств и сократить дебиторскую задолженность (выросла с 11,8% до 20,5% активов) для высвобождения ликвидности без новых заимствований.

Список источников

1. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027–2028 годов. М.: Банк России, 2025. 180 с.

2. ПАО «РусГидро». Бухгалтерская отчетность ПАО «РусГидро» за 2020–2025 гг. М.: РусГидро, 2026. URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=8580&type=3 (дата обращения: 09.04.2026).

3. Центральный банк Российской Федерации. Ключевая ставка: динамика. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 09.04.2026).

4. Пустовалова АЭконометрическая оценка влияния денежно-кредитной политики на долговую нагрузку российских компаний в отраслевом разрезе / А. Пустовалова, Т. Магжанов, А. Мирзоян // Деньги и кредит. 2025. Т. 84, № 4. С. 3–21.

5. Центральный банк Российской Федерации. RUONIA: динамика. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2026. 42 с. URL: https://cbr.ru/hd_base/ruonia/ (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 336.77.067:336.717

Влияние ключевой ставки ЦБ РФ на инвестиционное поведение малого и среднего бизнеса (МСП)

Капралов Лев Павлович
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kapralov28@mail.ru

Ключевые слова: малый и средний бизнес (МСП), ключевая ставка ЦБ РФ, банковское кредитование, краудинвестинг, инвестиционное поведение, денежно-кредитная политика, альтернативное финансирование, процентная ставка.

В период 2024–2025 гг. денежно-кредитная политика Банка России характеризовалась беспрецедентным ужесточением: ключевая ставка была повышена с 16% до 21% годовых, после чего началось ее постепенное снижение до 16,5% к концу 2025 года. Для сектора малого и среднего предпринимательства (МСП), традиционно зависимого от заемного финансирования, такие колебания ставки создают серьезные вызовы. Высокая стоимость кредитов делает многие инвестиционные проекты нерентабельными, ограничивает оборотный капитал и снижает экономическую активность малых предприятий.

© Капралов Л. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Однако классические модели предполагают симметричную реакцию спроса на кредит: рост ставки ведёт к сокращению заимствований, снижение – к восстановлению. Насколько эта закономерность сохраняется в условиях экстремально высоких ставок (выше 15–16%) и в постшоковый период – открытый вопрос. При этом в последние годы всё большее распространение получают альтернативные инструменты финансирования МСП, в частности краудинвестинг, который может выступать заменителем или дополнением к банковским кредитам в период ужесточения денежно-кредитной политики.

Влияние процентных ставок на инвестиционную активность МСП рассматривается в аналитических докладах Банка России, публикациях Лебедевой Н.Ю. и Лобачевой Е.С. [3], работах Добронравовой Е.П. [4], комментариях Самиева П.А. [5], а также в обзорах ПСБ и «Опоры России». Однако большинство исследований фокусируется либо на общих эффектах монетарной политики, либо на отдельных инструментах финансирования. Комплексный анализ, сравнивающий поведение банковского кредитования и краудинвестинга МСП в динамике изменения ключевой ставки, представлен недостаточно широко.

Цель работы – выявить особенности изменения инвестиционного поведения субъектов МСП под влиянием колебаний ключевой ставки ЦБ РФ на основе сравнительного анализа динамики банковского кредитования и краудинвестинга.

В работе использованы официальные статистические данные Банка России за период январь 2024 г. – январь 2026 г. [1], охватывающие полный цикл «рост ключевой ставки (с 16% до 21%) – пик – снижение (до 16,5%)». Это позволяет оценить реакцию рынка как на ужесточение, так и на смягчение денежно-кредитной политики. Для анализа отобраны пять реперных точек, отражающих ключевые фазы цикла. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1. Источники финансирования МСП

Показатели		Кредиты и займы для МСП			Краудинвестинг для МСП		
Месяц	Ключевая ставка ЦБ РФ	Объем кредитов, млн. руб.	Количество субъектов МСП, ед.	Средний размер, млн. руб.	Объем кредитов, млн. руб.	Количество субъектов МСП, ед.	Средний размер, млн. руб.
май.24	16,00	1 959 837	263 164	6,30	3 427	1 148	2,98
ноя.24	21,00	1 260 175	233 104	4,70	5 120	1 220	4,20
янв.25	21,00	943 542	222 654	3,80	4 470	1 085	4,12
сен.25	18,00	1 261 244	222 379	4,90	3 963	939	4,22
дек.25	16,50	1 605 154	243 443	5,70	3 933	917	4,29

На фазе ужесточения денежно-кредитной политики (май – ноябрь 2024 г.) рост ключевой ставки с 16% до 21% привел к сокращению объема кредитования МСП с 1 959,8 млрд руб. до 1 260,2 млрд руб. (падение на 35,7%). Минимальное значение зафиксировано в январе 2025 г. – 943,5 млрд руб., что на 51,8% ниже майского пика 2024 г. Количество заемщиков сократилось с 263,2 тыс. до 222,7 тыс. (–15,4%), средний размер кредита – с 6,30 млн руб. до 3,80 млн руб. (–39,7%). Это свидетельствует о вытеснении из банковского сектора прежде всего малых заемщиков.

На фазе смягчения политики (сентябрь – декабрь 2025 г.) при снижении ставки с 21% до 16,5% объем кредитов вырос до 1 605,2 млрд руб., что лишь на 18,1% ниже уровня мая 2024 г. Количество заемщиков восстановилось до 243,4 тыс. (–7,5% к маю 2024 г.), средний кредит – до 5,70 млн руб. (–9,5%). Таким образом, падение кредитования при росте ставки произошло значительно быстрее и глубже, чем восстановление при ее снижении, что свидетельствует об асимметричной чувствительности рынка.

Динамика краудинвестинга оказалась разнонаправленной по отношению к банковским кредитам. В период роста ставки (май – ноябрь 2024 г.) его объем увеличился с 3427 млн руб. до 5120 млн

руб. (рост на 49,4%). При этом количество заемщиков выросло незначительно – с 1 148 до 1 220 (+6,3%), а средний займ – с 2,98 млн руб. до 4,20 млн руб. (+41,0%). Это означает, что на краудинвестинг переходят более крупные проекты, а не просто растет число мелких заявок.

В январе 2025 г. (ставка 21%) объем краудинвестинга снизился до 4470 млн руб., что всё еще на 30,4% выше уровня мая 2024 г. На фазе снижения ставки объем продолжил сокращение – до 3 933 млн руб. в декабре 2025 г. (+14,8% к маю 2024 г.), количество заемщиков упало до 917, а средний чек вырос до 4,29 млн руб. Краудинвестинг выступает как «шоковый абсорбер». Его востребованность резко растет в период экстремально высокой ставки, но при смягчении политики бизнес возвращается к банкам.

Проведенное исследование показало, что эластичность банковского кредитования МСП по ключевой ставке асимметрична: падение объема кредитов при росте ставки с 16% до 21% составило 51,8%, тогда как восстановление при снижении до 16,5% – лишь 18,1% от пика. При этом высокая ставка меняет структуру заемщиков: количество субъектов МСП, получающих банковские кредиты, сократилось на 15,4%, а средний кредит – на 39,7%, что свидетельствует о вымывании с рынка малых заемщиков. В этих условиях краудинвестинг выполняет функцию комплементарного источника: его объем вырос на 49,4% в период пика ставки, однако абсолютно он не может заменить банковское финансирование, составляя менее 0,5% от объемов банковских кредитов. Таким образом, обнаружен интересный эффект– при возвращении ключевой ставки к исходному уровню (16–16,5%) объемы банковского кредитования не восстанавливаются до прежних значений, что требует дальнейшего изучения институциональных факторов, включая изменение кредитной политики банков, ужесточение требований к заемщикам и накопленную долговую нагрузку.

Список источников

1. Банк России. Статистика по кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://cbr.ru/statistics (дата обращения: 02.04.2026).

2. Банк России. Обзор рынка краудфинансирования. URL: https://cbr.ru/develop/msp (дата обращения: 02.04.2026).

3. Лебедева Н. Ю. Экономические вызовы: как рост ключевой ставки ЦБ РФ меняет правила игры для бизнеса и граждан / Н. Ю. Лебедева, Е. С. Лобачева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 134–143.

4. Добронравова Е. П. Влияние денежно-кредитной политики на ставки по кредитам и депозитам в условиях ограниченной мобильности капитала в России // Финансовый журнал. 2025. № 3. С. 108–125.

5. Самиев П. А. Влияние денежно-кредитной политики на кредитование и инвестиционную активность малого и среднего бизнеса в России // Экономика и управление. 2025. № 4. С. 52–68.

УДК 330.837

Координация и подчинение: двойственная природа трансакционных издержек цифровых платформ

Митрофанов Валерий Алексеевич
Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, vmitrofanov-ee21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: трансакционные издержки, цифровые платформы, издержки координации, издержки подчинения, стратегический центр, алгоритмическая неопределенность.

Цифровые платформы стали достаточно распространенной формой организации межфирменных взаимодействий. Как отмечают Я.И. Кузьминов, А.С. Кошель и Е.В. Кручинская, «онлайн-торговля обладает около нулевыми трансакционными издержками в сравнении с традиционной торговлей» [1, с. 10]. Однако эмпирические наблюдения показывают, что участники платформ сталкиваются с новыми видами затрат, не учитываемыми в классической теории трансакционных издержек (ТТИ): необходимость адаптации к постоянно меняющимся правилам платформы, издержки мониторинга алгоритмических изменений, потери от односторонних решений стратегического центра [2; 3]. Цель настоящего исследования — выявить двойственную природу трансакционных издержек цифровых платформ и обосновать выделение «издержек подчинения» в качестве самостоятельного вида трансакционных издержек.

О. Уильямсон определил трансакционные издержки как затраты при заключении и исполнении контрактов [4; 5]. Ключевое

© Митрофанов В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

значение имеет концепция гибридных механизмов К. Менара, занимающих промежуточное положение между рынком и иерархией [6]. А. Голдфарб и К. Такер выделили пять типов снижения издержек в цифровой экономике [7]. Э. Бриньольфсон и Э. Макафи показали, что цифровые технологии снижают трансакционные издержки за счёт эффекта «изобилия», когда издержки производства и распределения информации стремятся к нулю [8].

Цифровые платформы порождают два разнонаправленных эффекта. Эффект координации — снижение классических трансакционных издержек за счёт автоматизации поиска, стандартизации контрактов и репутационных систем [7]. Эффект подчинения — возникновение новых издержек, связанных с адаптацией к правилам платформы и защитой от оппортунизма стратегического центра (одностороннее изменение правил, комиссий, алгоритмов). Эти эффекты диалектически связаны: снижение одних издержек достигается ценой роста других.

Издержки подчинения (compliance costs) — затраты экономических агентов, возникающие при соблюдении правил, устанавливаемых стратегическим центром платформы. С. Валлас и Дж. Шор определяют платформы как структуры, где «контроль радикально распределен, а власть централизована» [2]. Платформы делегируют свободу действий, но сохраняют право менять правила игры и эта двойственность и порождает издержки подчинения. Их структура включает следующие элементы: адаптация к правилам (изучение правил и интерфейсов, инвестиции в цифровые активы, обучение персонала); мониторинг изменений (отслеживание обновлений правил и алгоритмов, анализ последствий для бизнеса); адаптация к изменениям (перестройка бизнес-процессов, потери от несоответствия новым требованиям); защита от оппортунизма (юридическое сопровождение, потери от

односторонних изменений комиссий); потеря автономии (зависимость от решений платформы в стратегических вопросах).

Ключевыми факторами роста издержек подчинения выступают: алгоритмическая неопределенность (непрозрачность алгоритмов, риск их дискреционного изменения) [7]; специфичность цифровых активов (эффект «запирания» (lock-in), рост издержек переключения) [9]; специфичность сетевых эффектов (потеря доступа к пользовательской сети при уходе) [8]; асимметрия отношений, где власть стратегического центра основана на информационной асимметрии и одностороннем изменении правил; а также высокая частота и непредсказуемость изменений, так как чем чаще меняются правила, тем выше издержки адаптации.

Таким образом, цифровизация межфирменных взаимодействий посредством платформ носит двойственный характер. С одной стороны, платформы обеспечивают значительное снижение классических трансакционных издержек координации, включая издержки поиска контрагентов, заключения контрактов и контроля их исполнения. С другой стороны, формируется принципиально новый класс издержек — издержки подчинения, связанные с необходимостью адаптации к динамично меняющимся правилам стратегического центра, мониторингом алгоритмических изменений и защитой от вертикального оппортунизма владельца платформы. Предложенная логика анализа развивает классическую теорию О. Уильямсона, демонстрируя ограниченность дихотомии «рынок — иерархия» при анализе гибридных платформенных структур. Для фирм, принимающих решение о подключении к платформе, важно оценивать не только снижение координационных издержек, но и долгосрочные риски роста издержек подчинения, которые могут привести к стратегической зависимости и потере операционной автономии. Перспективные направления дальнейших исследований включают разработку

методик количественной оценки издержек подчинения и анализ институциональных механизмов ограничения оппортунизма стратегического центра.

Список источников

1. Кузьминов Я. И. Регулирование цифровых платформ как bona fides: от экономической эффективности к норме / Я. И. Кузьминов, А. С. Кошель, Е. В. Кручинская // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 1. С. 7–37.

2. Vallas S.What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy / S. Vallas, J. B. Schor // Annual Review of Sociology. 2020. Vol. 46. P. 273–294.

3. Rosenblat A. Uberland: How Algorithms Are Re-Writing the Rules of Work. Berkeley : University of California Press, 2018. 288 p.

4. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. СПб. : Лениздат, 1996. 702 с.

5. Williamson O. E. Comparative economic organization: The analysis of discrete structural alternatives // Administrative Science Quarterly. 1991. Vol. 36, № 2. P. 269–296.

6. Menard C. Hybrids: where are we? // Journal of Institutional Economics. 2022. № 18. P. 297–312.

7. Goldfarb A. Digital Economics / A. Goldfarb, C. Tucker // Journal of Economic Literature. 2019. Vol. 57, № 1. P. 3–43.

8. Brynjolfsson E.The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies / E. Brynjolfsson, A. McAfee // New York : W.W. Norton & Company, 2014. 306 p.

9. Avdasheva S. B. Transaction cost economics: Lessons from past reforms and potential for the digital economy / S. B. Avdasheva, I. Z. Geliskhanov // Russian Journal of Economics. 2025. Vol. 11, № 3. P. 237–268.

УДК 334.012:332.12:338.36:336.74

Взаимосвязь цифровизации и инновационного предпринимательства в региональной экономике России

Плисевич Семен Юрьевич
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, semenp2004@mail.ru

Ключевые слова: цифровизация, инновационное предпринимательство, региональная экономика, малый и средний бизнес (МСП), безналичные платежи, транзакционные издержки, валовый региональный продукт (ВРП), экономика России.

Цифровая трансформация становится ключевым фактором структурных изменений в современной экономике, а инновационное предпринимательство выступает проводником технологических преобразований [1]. В российской экономике процессы цифровизации и предпринимательской активности тесно взаимосвязаны, особенно на региональном уровне [2]. Однако количественная оценка этой взаимосвязи остаётся недостаточно изученной, что определило цель работы — выявить и оценить влияние цифровых факторов на развитие предпринимательства в регионах России.

Актуальность исследования обусловлена как теоретической, так и практической значимостью. Цифровизация охватывает широкий круг процессов: сокращение транзакционных издержек, автоматизацию бизнес-процессов, развитие электронного документооборота и платформенных решений, снижение барьеров

© Плисевич С. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

входа на рынки и повышение доступности финансовых услуг для бизнеса. В совокупности эти изменения формируют новую среду для предпринимательской деятельности, где скорость принятия решений и гибкость становятся ключевыми конкурентными преимуществами.

Особое значение имеет цифровизация платежной сферы, поскольку развитие безналичных расчетов снижает издержки и ускоряет оборот капитала, напрямую влияя на развитие малых предприятий [3; 4]. Предпринимательство, особенно инновационное, играет важную роль в экономике, формируя новые технологии и рабочие места [5]. В России динамика его развития неоднородна: при росте числа микропредприятий наблюдается дефицит венчурных инвестиций и неравномерное внедрение инноваций. Это делает актуальным анализ влияния цифровых факторов — от интернет-платежей до инфраструктуры — на предпринимательскую активность. В связи с этим проведено эконометрическое моделирование на пространственной выборке регионов России.

Методологической основой исследования стали методы эконометрического анализа на пространственной выборке [3]. Выборка включала 64 региона России за 2015, 2019 и 2024 годы. В качестве зависимых переменных использовались: Y1 — число субъектов МСП на душу населения и Y2 — ВРП на душу населения. Факторы цифровизации включали: X3 — объём интернет- и мобильных платежей, X4 — количество банкоматов и POS-терминалов, X2 — оборот розничной торговли. Для оценки применялся МНК-анализ с проверкой значимости коэффициентов.

Результаты моделирования показали высокое качество моделей (R^2 от 34,8% до 87,2%) и устойчивую положительную связь между цифровизацией платежей и предпринимательской активностью. Фактор X3 оказался статистически значимым во всех моделях, а его влияние усиливалось со временем. При этом

значение физической инфраструктуры (X4) снижалось, тогда как роль интернет-транзакций возрастала. В 2024 году X3 стал одним из ключевых факторов, объясняя до 60% вариации показателей.

Анализ моделей с переменной Y1 показал рост объясняющей способности с 32,8% до 51,9%, где значимыми факторами выступали X2 и X3. В моделях для Y2 коэффициент детерминации достиг 87,2%. В 2015–2019 годах наблюдалась прямая связь между Y1 и Y2, а в 2024 году она стала косвенной и проявлялась через цифровые факторы.

Дополнительный анализ показал, что снижение среднего чека операций сопровождалось ростом числа микропредприятий и увеличением доли бизнеса, использующего цифровые платформы. Это подтверждает, что развитие платежных технологий стимулирует предпринимательство. Для инновационных компаний это особенно важно, так как позволяет быстрее тестировать и масштабировать бизнес-модели. Цифровизация формирует среду для развития предпринимательства, а рост безналичных платежей ускоряет оборот капитала.

На основе результатов можно сделать выводы. Во-первых, цифровизация финансовых операций является важным фактором развития предпринимательства и региональной экономики. Во-вторых, её влияние усиливается со временем. В-третьих, снижение транзакционных издержек создаёт условия для роста микробизнеса.

С практической точки зрения, региональная политика должна учитывать не только развитие инфраструктуры, но и стимулирование онлайн-платежей и интеграцию финансовых сервисов в цифровые платформы. Целесообразно расширять меры поддержки малого бизнеса, включая подключение к цифровым сервисам и маркетплейсам. Особое внимание следует уделять инновационным стартапам в сфере финансовых технологий.

Список источников

1. Основные направления развития финансовых технологий на 2025–2027 годы. М. : Банк России, 2024. 48 с.

2. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия СПбГЭУ. 2022. № 4. С. 16–24.

3. Банк России. Статистика национальной платёжной системы. Российские регионы. URL: https://cbr.ru/statistics/nps/psrf/ (дата обращения: 20.03.2026).

4. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4. С. 15–24.

5. Баумоль У. Микроэкономика инновационного предпринимательства / пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под ред. Т. Дробышевской. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 432 с.

УДК 331.5

Запросы работодателей к системе образования: анализ документов общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России»

Ярошенко Дарья Сергеевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dyaroshenko@sfu-kras.ru

Ключевые слова: работодатели, профессиональное образование, образовательная политика, дефицит кадров, компетенции, Опора России, рынок труда.

Современное развитие российской экономики сопровождается усилением нехватки квалифицированных кадров, проявляющейся количественно (дефицит рабочей силы на фоне демографических и миграционных ограничений) и качественно (несоответствие компетенций ожиданиям работодателей). Ускорение технологических изменений, разрыв хозяйственных связей и курс на суверенизацию экономики усиливают проблему, формируя устойчивый спрос на новые компетенции. Цель работы – проанализировать эволюцию запросов российских работодателей к системе профессионального образования на основе отчетов общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» (далее – «ОПОРА») за 2012–2025 годы.

Модель взаимодействия государства, работодателей и системы образования неоднократно изменялась под влиянием

© Ярошенко Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

социально-экономических трансформаций. В советское время государство одновременно выступало заказчиком подготовки кадров и регулятором, а предприятия не выступали самостоятельными субъектами политики в области кадров. Переход к рыночной системе изменил сложившиеся механизмы: рынок труда столкнулся с профицитом рабочей силы [1], государство отказалось от роли распределителя, образовательные учреждения получили автономию, а работодатели стали формировать спрос на выпускников. Среди ключевых проблем современной модели можно выделить разрыв между содержанием образовательных программам и потребностями экономики [2], слабая вовлечённость работодателей в разработку стандартов и программ, а также дефицит компетенций в условиях ускорения технологических изменений.

В этой работе рассматривается одна из сторон модели взаимодействия, а именно запросы малого и среднего предпринимательства на примере годовых отчетов «ОПОРЫ РОССИИ».

Эмпирическую базу составили 12 годовых отчетов «ОПОРЫ РОССИИ» за 2012–2025 годы, выявлено 127 релевантных фрагментов. Использовались количественный и качественный контент-анализ, типологизация, тематическое кодирование и хронологический анализ по периодам (2012–2015, 2017–2019, 2020–2022, 2023–2025).

Единицей анализа выступали фрагменты отчетов, в которых упоминаются образование, подготовка кадров, взаимодействие с университетами и дефицит кадров. В 12 годовых отчетах за 2012–2025 годы выявлено 127 таких фрагментов. Среди наиболее частых тем: сотрудничество с вузами и создание базовых кафедр (18 упоминаний), проекты для школьников (15), профессионально-

общественная аккредитация (12), дефицит кадров (12), «Мама-предприниматель» (11), индекс RSBI[1] и его компонента «Кадры» (10), профстандарты и система квалификаций (9), наставничество (8), программа «СВОй бизнес» (7), «Стартап как диплом» (5), а также 20 единичных тем.

2012–2015: становление и институционализация. Формируется базовая инфраструктура: создаются базовые кафедры в МИСиС и МГТУ им. Баумана, начинается профессионально-общественная аккредитация образовательных программ. Впервые формулируется проблема дефицита кадров [3].

2016–2019: экспансия и масштабирование. Запускается федеральный проект «Мама-предприниматель», стартует «Лига школьного предпринимательства». «ОПОРА» расширяет сотрудничество с вузами, появляются магистерские программы, разрабатываются дорожные карты по студенческому предпринимательству совместно с Минобрнауки, инициируется создание Совета по профессиональным квалификациям индустрии красоты [3].

2020–2022: кризисная адаптация и новые форматы. В условиях пандемии образовательные проекты переводятся в онлайн, организация получает лицензию на образовательную деятельность. Запускается проект «СВОе дело» (позже – «СВОй бизнес») для участников СВО и их семей. «ОПОРА» участвует в разработке профстандарта «Специалист по трудовой миграции» и поддерживает проект «Стартап как диплом» [3].

2023–2025: системность и стратегический уровень. Дефицит кадров обсуждается на ПМЭФ, ВЭФ, заседаниях Госсовета. Индекс

[1] Индекс Russia Small Business Index – регулярный замер бизнес-настроений в сегменте микро, малых и средних предприятий. Полученные результаты отражают мнение российских предпринимателей в целом, а также в разрезе отраслей, размера бизнеса и отдельных регионов исследования.

RSBI фиксирует падение кадровой компоненты до исторического минимума (49,1 п. в 2025 году). Подписываются дорожные карты с вузами в ряде регионов. Инициатива «ОПОРЫ» о введении профстандарта «Предприниматель» получает поддержку Президента РФ, а комиссия «ОПОРЫ» участвует в разработке федеральной Концепции развития наставничества до 2030 года [3].

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, меняется подход к решению проблемы дефицита кадров: от создания инфраструктуры (базовые кафедры, профессионально-общественная аккредитация) через масштабирование проектов («Мама-предприниматель», школьные программы) к участию в формировании государственной кадровой политики (профстандарты, национальные проекты, концепция наставничества).

Во-вторых, наблюдается устойчивый рост интереса к работе со школьниками.

В-третьих, акценты последних лет (программа «СВОй бизнес», профстандарт «Предприниматель», государственное закрепление наставничества) отражают расширение миссии организации от защиты интересов бизнеса до участия в кадровой политике государства.

В-четвёртых, проблема дефицита кадров к 2025 году становится центральной: индекс RSBI фиксирует падение кадровой компоненты до исторического минимума, предложения «ОПОРЫ» обсуждаются на уровне Президента РФ и Госсовета. Кадровый вызов приобретает системный и критический характер.

Таким образом, запросы малого и среднего бизнеса к системе образования трансформировались от точечных инициатив по сотрудничеству с вузами до системного участия в формировании государственной кадровой политики. При этом ключевая проблема – нехватка квалифицированных кадров – не только сохраняется на протяжении всего исследуемого периода, но и обостряется к 2025

году, что требует от «ОПОРЫ» выработки более системных решений.

Список источников

1. Гимпельсон В. Е. Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, А. Л. Лукьянова // Экономический журнал ВШЭ. 2007. № 2. С. 163.

2. Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.

3. Об «Опоре России» : Публичные материалы. URL: https://opora.ru/about/publichnye-materialy/ (дата обращения: 01.07.2026).

Тренды современного образования вызовы и возможности

УДК 82.09

Просветительский проект «Про любовь»: формирование осознанного подхода к отношениям и браку у молодёжи 16–30 лет

Абрамова Дарья Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dasha24951@gmail.com

Ключевые слова: просвещение молодёжи, семья и отношения, психологический практикум, цикл встреч, ВУЗы и колледжи.

Согласно данным, ВЦИОМ [2], семья остаётся главной жизненной ценностью для российской молодёжи. При этом, по данным ЕМИСС [4; 5], за последние 10 лет россияне стали реже вступать в брак, а доля разводов достигла 70-80% от числа заключённых браков.

Почему же при декларируемой ценности семьи реальные отношения столь часто разрушаются? По моим наблюдениям, проблема лежит не столько в выборе конкретного партнёра, сколько в отсутствии у людей навыков выстраивания и сохранения отношений, а также в непонимании закономерных этапов развития семьи и способов прохождения кризисов.

В России практически отсутствуют системные проекты, занимающиеся профилактикой семейных проблем. Существующие службы подключаются, когда развод уже произошёл, но тех, кто работает с молодёжью 16–30 лет на этапе формирования представлений о любви и браке, - критически мало.

© Абрамова Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Старшеклассники и студенты оказываются предоставлены случайным источникам: не всегда благополучным семейным примерам, упрощённым моделям из массовой культуры и противоречивому контенту в социальных сетях.

Проект «Про любовь» родился с одной стороны — из личного опыта подготовки к браку, с другой — из наблюдений за сверстниками: каковы их взгляды на отношения и брак, какими вопросами они задаются и почему.

Цель нашего просветительского проекта «Про любовь» — системное просвещение молодёжи 16–30 лет в вопросах построения крепкой семьи и долговечных отношений через циклы встреч, диалоги с психологами и семьями, просветительский контент в соцсетях и внедрение модулей в образовательных учреждениях.

На основании теории семейных отношений, мы выделили 7 ключевых тем работы с молодыми людьми по формированию осознанного подхода к отношениям и браку. Одна встреча - одна тема. Все встречи проводятся в интерактивном формате.

Краткое описание семи разработанных встреч.

Встреча №1 «Отношения и семья: найти свою позицию» («Три стенки» или «Упражнение Джеффа») — актуализация темы отношений. Ведущий зачитывает утверждение, участники встают у плакатов «да», «нет» или «может быть», затем аргументируют свой выбор. В процессе обсуждения можно изменить мнение. Формируется умение слышать себя и уважать чужое мнение.

Встреча №2 «Кто я по моему мнению — кто я по мнению окружающих — кто я на самом деле» — рефлексия самовосприятия через упражнения на самоописание, получение обратной связи от группы и сопоставление самооценки с внешней оценкой.

Встреча №3 «Личность до встречи: почему самопознание важнее поиска» — знакомство с трёхуровневой моделью человека (тело — душа — дух) по В. Франклу, исследование своей ценностно-смысловой сферы как фундамента гармоничных отношений.

Встреча №4 «Мужественность и женственность» — дискуссионный разбор стереотипов, работа в группах с составлением списков качеств, анализ ситуаций, подводящий к пониманию взаимодополнения ролей.

Встреча №5 «Спрашивать, слышать, чувствовать» — коммуникативный практикум по освоению открытых вопросов, активного слушания и невербальной координации.

Встреча №6 «Любовь и влюблённость» — практикум по различению двух состояний. Участники работают с таблицей критериев, затем анализируют пары из культуры и личного опыта, определяя, где влюблённость, а где любовь.

Встреча №7 «7 этапов любви» — кейс-семинар, где участники знакомятся с моделью семи этапов отношений (влюблённость → пресыщение → отвержение → терпение → служение → уважение → любовь), затем в группах принимают решения за героев, находящихся на разных этапах отношений и прогнозируют последствия.

Параллельно с очными встречами мы запустили сетевую поддержку проекта. На первых шагах проекта мы получили много поддерживающих положительных отзывов. Работа продолжается.

Список источников

1. Бука Т. Л. Психологический тренинг в группе: игры и упражнения: учебное пособие / Т. Л. Бука, М. Л. Митрофанова. М: Издательство Института психотерапии, 2005. 144 с.

2. Семья в системе ценностей россиян: аналитический обзор / ВЦИОМ. Москва, 2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan (дата обращения: 29.03.2026).

3. Евтихов О. В. Практика психологического тренинга. Санкт-Петербург: Речь, 2007. 256 с.

4. Количество браков на 100 населения / ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31266 (дата обращения: 26.03.2026).

5. Количество разводов на 100 населения / ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31268 (дата обращения: 26.03.2026).

6. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

7. Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Дух, душа и тело / Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Санкт-Петербург: Сатисъ, 2016. 48 с.

8. Орлов А. Б. Ноэтическое измерение человека: вклад Виктора Франкла в психологию и психотерапию / А. Б. Орлов, В. Б. Шумский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 2. С. 65–80.

9. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов; 2-е изд. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 768 с.

УДК 337.03

Роль тренингов и непрерывного обучения в развитии мотивации и лояльности наемных сотрудников

Баженова Валентина Александровна, Зотова Кристина Руслановна, Иршкова Людмила Юрьевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pv777@list.ru

Ключевые слова: мотивация, лояльность персонала, материальное и нематериальное стимулирование, управление персоналом, тренинг.

Эффективность функционирования организации во многом определяется степенью реализации потенциала человеческого капитала. Персонал выступает в качестве стратегического ресурса, а уровень его вовлечённости и лояльности становится ключевым фактором, обеспечивающим достижение долгосрочных целей компании. Результативность управленческих решений зависит от степени вовлечённости сотрудников в процессы организационного развития.

Мотивация рассматривается как основной инструмент формирования приверженности персонала, способствующий как росту производительности труда, так и снижению текучести кадров.

Особое значение приобретает внедрение систем непрерывного обучения, тренингов и профессионального развития, которые выступают не только средством повышения квалификации, но и мощным мотивационным фактором. Такой

© Баженова В. А., Зотова К. Р., Иршкова Л. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

подход соответствует современным образовательным трендам, ориентированным на непрерывное развитие компетенций и формирование культуры самообучающихся организаций.

Прежде чем приступить к исследованию образовательных трендов, оказывающих позитивное влияние на развитие мотивации, необходимо определить сущность и значение данного феномена.

Ф. У. Тейлор связал мотивацию с материальным стимулированием труда, где оплата зависит от результатов работы. А. Маслоу разработал иерархическую модель потребностей, показав, что поведение определяется структурой неудовлетворённых нужд – от физиологических до самоактуализации. Ф. Герцберг предложил двухфакторную модель: гигиенические факторы (условия, оплата) предотвращают неудовлетворённость, а мотивирующие (достижения, признание) повышают вовлечённость. Д. МакКлелланд выделил потребности в достижении, власти и причастности, формирующиеся в ходе профессионального опыта [1–4].

Данные теории, по праву считаются «мастодонтами» исследований в области мотивации. Их научные подходы заложили фундаментальную основу для всей последующей эволюции взглядов: от внешних стимулов к внутренней структуре потребностей, дифференциации факторов удовлетворённости и учёту индивидуальных различий. Именно эти концепции лежат в основе современных систем управления персоналом и до сих пор определяют ключевые принципы мотивационного менеджмента.

Вопрос лояльности персонала получил широкое развитие в зарубежной науке, что связано с динамикой предпринимательской среды, тогда как в России подобные исследования проводятся сравнительно недавно.

В западной традиции Говард Беккер рассматривал лояльность как «side bets» — сделку между работником и организацией, основанную на взаимных инвестициях и нежелании терять

накопленные ресурсы при смене места работы. Клифорд Джеймс интегрировал лояльность в теорию обмена, где идентификация сотрудника с компанией и вклад в её цели обмениваются на условия труда и вознаграждение. Концепции Маудэя и коллег акцентировали внимание на идентификации и вовлечённости, что нашло отражение в разработке Organizational Commitment Questionnaire (OCQ). В 1980-х годах Джон Мейер и Натали Аллен предложили трёхкомпонентную модель лояльности, включающую аффективную (эмоциональная привязанность), продолженную (осознание издержек ухода) и нормативную (чувство обязательств) составляющие [5–7].

К. В. Харский анализировал лояльность с психологической точки зрения, выделяя ее формы на основе фокуса и стажа работы. В. И. Доминяк определяет лояльность как доброжелательное и уважительное отношение к организации, осознанное выполнение обязанностей и соблюдение корпоративных норм [9; 10].

Современные подходы интегрируют экономические и психологические аспекты, что позволяет комплексно рассматривать лояльность как многофакторное явление и разрабатывать стратегии управления, направленные на повышение вовлечённости, удовлетворённости и долгосрочной приверженности персонала.

На основании изложенных концепций, следует, что мотивация является фундаментальным инструментом для формирования и поддержания лояльности персонала. Организации, выстраивающие комплексные системы мотивации с учётом как материальных, так и нематериальных стимулов, создают условия для долгосрочной приверженности сотрудников и их активного вклада в достижение корпоративных целей.

В результате исследования научной литературы, можно сделать вывод, что для повышения мотивации персонала и развития лояльности, неотъемлемым условием является проведение бизнес-тренингов. Данный формат обучения реализует

двуединую функцию, сочетая образовательный и социально-управленческий компоненты, что обеспечивает комплексный подход к развитию кадрового потенциала. Эффективность тренинга обусловлена системной организацией процесса, включающего мотивационное вовлечение участников, использование механизмов групповой динамики, а также проблематизацию и рефлексию для осознания зон профессионального роста [11–13].

В современных условиях бизнес-тренинг трансформируется из вспомогательного инструмента в ведущую образовательную технологию. Его востребованность обусловлена способностью не только формировать актуальные профессиональные компетенции и навыки, но и служить эффективным средством адаптации персонала к динамично меняющимся требованиям рынка.

Список источников

1. Тейлор Ф. У. Научная организация труда. М.: Экономика, 1991. 272 с.

2. Маслоу А. Мотивация и личность. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 400 с.

3. Herzberg F. The Motivation to Work / F. Herzberg, B. Mausner, B. Snyderman. New York: John Wiley & Sons, 1959. 157 p.

4. McClelland D. C. Human Motivation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 456 p.

5. Becker H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: The Free Press, 1963.

6. Meyer J. P. Commitment in the Workplace: Theory, Research, and Application / J. P. Meyer, N. J. Allen. Thousand Oaks: Sage Publications, 1997.

7. Хекман Дж.Мотивация через работу / Дж. Хекман, Г. Олдхэм, Дж. Хакман; перевод с английского. Москва: Дело, 2005.

8. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация / А. Я. Кибанов, И. Б. Дуракова. М. : ИНФРА-М, 2018.

9. Доминяк В. И. Лояльность персонала: психологические основы и методы оценки. Санкт-Петербург: Речь, 2006.

10. Харский К. В. Благонадёжность и лояльность персонала. Санкт-Петербург: Питер, 2003.

11. Вачков И. В. Окна в мир тренинга / И. В. Вачков, С. Д. Дерябо. Санкт-Петербург: Речь, 2004.

12. Григорьев Д. А. Бизнес-тренинг: как это делается?. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 65 с.

13. Михайлова Л. Л. Тренинг как метод: технологии реализации тренерских ролей. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2012. 119 с.

УДК 37.02

Педагогический потенциал майнд-карт в контексте современных образовательных трендов

Байзигитова Адиля Диязовна
Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, Республика Башкортостан, Уфа, Россия, adilyabaizigitova@gmail.com

Ключевые слова: майнд-карты, интеллект-карты, визуализация обучения, когнитивные способности, смысловое чтение, цифровые образовательные технологии.

В условиях цифровизации, усиления роли визуальной культуры возрастает значимость педагогических технологий, обеспечивающих эффективное восприятие, переработку и усвоение

© Байзигитова А. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

информации. Одним из таких инструментов являются майнд-карты (интеллект-карты), представляющие собой графическую форму структурирования знаний, основанную на принципах ассоциативного и радиантного мышления.

Интеллект-карты рассматриваются как особая форма представления информации, при которой знания организуются вокруг центрального понятия с последующим разветвлением на взаимосвязанные элементы. Такая структура отражает естественные механизмы мышления и способствует более глубокому пониманию материала. Интеллект-карта является вербально-невербальной моделью, позволяющей системно представить взаимосвязи между элементами содержания обучения [2]. Использование радиантного принципа организации информации обеспечивает целостное восприятие темы и облегчает процесс её усвоения.

Педагогический потенциал майнд-карт проявляется прежде всего в их способности обеспечивать наглядность и структурированность учебного материала. Они позволяют компактно представить значительные объёмы информации, выделить ключевые понятия и установить логические связи между ними [2]. Это особенно важно в условиях увеличения информационной нагрузки на обучающихся. Кроме того, интеллект-карты способствуют развитию когнитивных способностей, включая память, внимание, воображение и различные виды мышления. Отмечается, что их использование активизирует как логическое, так и креативное мышление, формируя у обучающихся навыки анализа, синтеза и обобщения информации [3].

Особое значение майнд-карты приобретают в контексте развития смыслового чтения. В исследовании подчеркивается, что использование стратегии визуализации с помощью интеллект-карт позволяет обучающимся глубже осмысливать текстовую

информацию, выявлять ключевые смыслы и устанавливать причинно-следственные связи [4]. Это особенно актуально при работе с учебными математическими кейсами, где требуется не только понимание условий задачи, но и умение структурировать информацию для её решения. Интеллект-карты в данном случае выступают как инструмент интерпретации и преобразования текста в наглядную модель, способствующую более эффективному усвоению содержания.

Майнд-карты как инструмент контроля знаний позволяют не только структурировать изученный материал, но и оценивать уровень его усвоения [1]. В процессе создания карт обучающиеся демонстрируют понимание взаимосвязей между понятиями, что дает возможность оценить глубину и системность знаний.

Цифровые инструменты визуализации. Их использование расширяет возможности применения майнд-карт в образовательном процессе, обеспечивая интерактивность, вариативность и доступность обучения. Цифровые средства визуализации способствуют формированию профессиональных компетенций обучающихся, включая умение работать с информацией, использовать современные технологии и представлять результаты своей деятельности [5]. В этом контексте майнд-карты становятся частью цифровой образовательной среды, интегрируясь в различные формы учебной деятельности.

Функциональный потенциал интеллект-карт в обучении. Структурирование информации, обеспечивается логической организацией учебного материала [2]. Когнитивная функция проявляется в развитии мыслительных процессов обучающихся и формировании метапредметных компетенций [3]. Коммуникативная функция связана с возможностью представления и обсуждения информации в наглядной форме [2]. Интеллект-карты выполняют функцию управления учебной деятельностью, помогая обучающимся планировать, контролировать и оценивать процесс

обучения [3], а также функцию смыслообразования, обеспечивая более глубокое понимание учебного материала [4].

Эффективность использования майнд-карт во многом определяется соблюдением принципов их построения. К ним относятся наличие центрального образа, иерархическая структура, использование ключевых слов, ассоциативные связи между элементами, а также активное применение визуальных средств, таких как цвет, графика и символы [2]. Важным условием является вовлечение обучающихся в процесс создания интеллект-карт, поскольку именно самостоятельная деятельность способствует глубокому усвоению знаний и развитию когнитивных навыков [3].

Дополнительный аспект педагогического потенциала майнд-карт связан с их использованием в организации самостоятельной и проектной деятельности обучающихся. Интеллект-карты позволяют структурировать процесс выполнения учебных заданий, начиная от постановки цели и заканчивая представлением результатов. Обучающиеся не только осваивают содержание учебного материала, но и развивают навыки планирования, рефлексии и самоконтроля. Включение майнд-карт в учебный процесс способствует формированию у обучающихся способности к самостоятельному конструированию знаний и их осмыслению, что соответствует современным требованиям к образовательным результатам [3; 5].

Междисциплинарность. При работе с учебными кейсами и комплексными заданиями майнд-карты помогают объединять информацию из разных дисциплин, выявлять взаимосвязи и выстраивать логически обоснованные решения [4].

Список источников

1. Дуров В. И. Интеллект-карта как инструмент систематизации и контроля знаний обучающихся / В. И. Дуров,

А. В. Басов // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 4.

2. Назарова О. В. Интеллект-карты в современном образовательном процессе: преимущества, функции, принципы визуализации и инструменты проектирования / О. В. Назарова, А. В. Назаров // Преподаватель XXI век. 2023. № 4-1. С. 82–93.

3. Муллер О. Ю. Применение ментальных карт в развитии когнитивных способностей студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3 (71).

4. Ромащенко А. Р. Стратегия визуализации с помощью интеллект-карт как инструмент смыслового чтения обучающихся основной школы при решении учебных математических кейсов / А. Р. Ромащенко, В. А. Корсунова // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. № 3.

5. Соломатина А.В. Цифровые инструменты визуализации как средство профессиональной подготовки студентов колледжа // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2024. № 1 (67).

УДК 37.373

Программа коррекции агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста

Балабанова Любовь Викторовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, luybovbalabanova@mail.ru

Ключевые слова: агрессивное поведение, старшие дошкольники, коррекционная программа, социально-коммуникативное развитие, игровые технологии, арт-терапия, ФГОС ДО.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю О.Н. Финогеновой, канд. психол. наук.

Агрессивное поведение — распространенное нарушение среди дошкольников, представляющее собой быстрый способ достижения желаемого. Согласно психологическим источникам, агрессия (*лат. aggressio* — нападение) — это деструктивное поведение, нарушающее социальные нормы и причиняющее вред объекту нападения [1].

Причины появления агрессии многочисленны: это и воспитание в семье (гипер или гипоопека), и частая демонстрация жестокости в медиа, и социально-экономическая нестабильность, и особенности характера ребёнка и многое другое.

Агрессивность препятствует социальной адаптации, ухудшает взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, формирует искаженное восприятие социальных ролей. ФГОС ДО подчеркивает

© Балабанова Л. В, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

важность социально-коммуникативного развития, что обусловливает необходимость разработки специализированной коррекционной программы для внедрения в дошкольное образование [2].

Цели и задачи программы

Основная цель программы заключается в исправлении агрессивного поведения у детей дошкольного возраста. Для её достижения поставлены следующие задачи:

– уменьшить уровень эмоционального напряжения;

– научить ребёнка безопасным способам выражения негативных эмоций;

– сформировать навыки управления собственным гневом;

– способствовать осознанию внутренних потребностей ребёнка;

– снизить тревожность;

– повысить самооценку;

– развивать навыки эффективного взаимодействия с окружающими.

В соответствии с возрастными особенностями детей старшего дошкольного возраста, основной формой работы являются игры и упражнения.

Участники программы

Группа: 4 ребёнка; продолжительность занятия: 30 минут.

Форма работы: игры и упражнения.

Таблица 1. Учебно-методический план

Задача	Название занятия	Форма работы и методы
Уменьшить уровень эмоционального напряжения	«Мир моей души»	Релаксация + рисование «душевного спокойствия»; обсуждение образов; танцевальная разминка, игры с природными материалами

Окончание таблицы 1.

Задача	Название занятия	Форма работы и методы
Научить ребёнка безопасным способам Выражения негативных эмоций	«Вырази свой гнев»	Ролевые игры с персонажами; арт-аппликации; рефлексия конструктивных стратегий
Сформировать навыки управления собственным гневом	«Будильник для гнева»	Распознавание предвестников гнева; техники самоконтроля (дыхание, счет, переключение); дыхательные практики
Способствовать осознанию внутренних потребностей ребёнка	«Моя мечта и мои желания»	Обсуждение желаний; рисование мечты; презентация работ; «цветок желаний»
Снижение тревожности	«Я спокоен»	Музыкальная релаксация; визуализация гармоничных образов; парный массаж; вечер рассказов
Повышение самооценки	«Я замечательный»	Работа с образами героев; определение сильных сторон; «дерево успехов»; комплименты перед зеркалом
Развивать навыки эффективного взаимодействия с окружающими	«Любовь и дружба»	Игра «Комплимент друзьям»; разыгрывание ситуаций поддержки; просмотр и обсуждение мультфильмов о дружбе

Ожидаемые результаты программы

– увеличение мотивации к изменению собственного поведения;

– сознательное владение способами контроля агрессивных импульсов;

– улучшение межличностных отношений внутри группы;

– уменьшение частоты агрессивных проявлений;

– повышение общего уровня культуры общения.

Данная программа направлена на комплексное решение проблемы агрессивного поведения у детей старшего дошкольного возраста. Выбранные формы работы в программе коррекции агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста являются психолого-педагогически обоснованными, так как:

1. Соответствуют ведущим возрастным потребностям и возможностям детей 5–7 лет;

2. Опираются на доказательные методы (игротерапия, арт-терапия, техники саморегуляции);

3. Направлены на комплексное воздействие: эмоциональное, когнитивное, поведенческое и социальное;

4. Реализуют требования ФГОС ДО к социально-коммуникативному развитию;

5. Обеспечивают безопасную, поддерживающую среду для изменения деструктивных паттернов поведения.

Данная программа представляет собой научно обоснованный инструмент, способный эффективно решать задачу коррекции агрессивного поведения через уважение к возрастной природе ребёнка и использование его естественных ресурсов развития.

Список источников

1. Психологический словарь / под редакцией Давыдова В. В. М.: Педагогика, 2020.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. М.: Просвещение, 2014.

3. Бурменская Г. В. Возрастно-психологическое консультирование / Г. В. Бурменская, О. А. Карабанова, А. Г. Лидерс. М.: Издательство МГУ, 2019.

4. Кряжева Н. Л. Развитие эмоционального мира. Ярославль: Академия развития, 2018.

5. Лютова Е. К. Тренинг эффективного взаимодействия с детьми / Е. К. Лютова, Г. Б. Монина. Санкт-Петербург: Речь, 2021.

УДК 37.048.45

Профориентационная работа со студентами-тьюторами: необходимость, проблемы ресурсного обеспечения и направления совершенствования

Бравая Елизавета Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lizabravaya@gmail.com

Ключевые слова: профориентация, тьюторская деятельность, профессиональное самоопределение, студент-тьютор, воспитательная работа, образовательные ресурсы, профессиональные компетенции, рынок труда.

Профориентационная работа в системе высшего педагогического образования выступает важнейшим компонентом воспитательной деятельности, направленным на формирование у обучающихся готовности к осознанному профессиональному выбору и развитию устойчивых профессиональных интересов. В условиях современной образовательной среды особое внимание уделяется подготовке студентов-тьюторов, деятельность которых предполагает сопровождение индивидуальных образовательных траекторий обучающихся и развитие их субъектной позиции в обучении [5].

Воспитание в педагогической науке рассматривается как целенаправленный процесс формирования личности, включающий развитие ценностных ориентиров, социальных установок и профессиональных компетенций. В широком смысле воспитание

© Бравая Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

представляет собой передачу социального опыта, а в узком педагогическом — специально организованное воздействие на личность обучающегося [2]. В структуре воспитательной деятельности важное место занимает профориентационная работа, обеспечивающая формирование готовности к профессиональному самоопределению [1].

Современная система образования характеризуется усилением требований к индивидуализации обучения и сопровождению профессионального развития обучающихся. В этих условиях тьюторская деятельность приобретает особую значимость, поскольку тьютор выступает посредником между образовательной средой и индивидуальными потребностями личности [3]. Однако процесс профессионального становления студентов-тьюторов требует системной профориентационной поддержки.

Профессиональное самоопределение студентов-тьюторов имеет специфические особенности, связанные с многозадачностью их будущей деятельности. С одной стороны, они осваивают педагогические и психологические основы сопровождения обучающихся, с другой — должны понимать особенности рынка труда и требования к компетенциям. В связи с этим профориентационная работа должна носить системный и непрерывный характер [4].

Профессиональное самоопределение представляет собой сложный процесс, включающий когнитивные, мотивационные и ценностные компоненты личности [4]. Для студентов-тьюторов данный процесс осложняется недостаточной определенностью профессиональных функций и широким спектром возможных сфер трудоустройства.

Современные исследования показывают, что эффективность профессионального становления будущего специалиста зависит от качества профориентационного сопровождения в период обучения [6]. Однако в отношении студентов-тьюторов наблюдается

недостаток специализированных профориентационных ресурсов, систематизирующих информацию о профессии.

Тьюторская деятельность характеризуется высокой вариативностью и включает сопровождение образовательных маршрутов, консультирование, проектирование образовательной среды и рефлексивную поддержку обучающихся [5]. Это требует от студентов-тьюторов развития широкого спектра профессиональных компетенций.

Несмотря на наличие центров карьеры и отдельных мероприятий, студенты часто сталкиваются с фрагментарностью информации о профессии, что затрудняет формирование целостного представления о профессиональных возможностях.

Профориентационная работа должна рассматриваться как непрерывный процесс сопровождения личности, начинающийся в период обучения и продолжающийся в профессиональной деятельности [1].

Одним из направлений решения проблемы является разработка специализированных профориентационных ресурсов, включая цифровые платформы и методические комплексы для студентов-тьюторов.

Недостаточная интеграция профориентационной работы в образовательный процесс снижает эффективность профессионального становления и затрудняет формирование устойчивой профессиональной идентичности [6].

Профориентационная работа со студентами-тьюторами требует системного развития, направленного на повышение качества профессионального самоопределения и расширение информационной базы о профессии.

Список источников

1. Зеер Э. Ф. Психология профессионального самоопределения личности. Москва: Академический проект, 2018. 304 с.

2. Подласый И. П. Педагогика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 576 с.

3. Ковалева Т. М. Тьюторство как педагогическая практика индивидуализации образования // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 123–138.

4. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2010. 304 с.

5. Пряжников Н. С. Психология труда и профессионального самоопределения / Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова. М.: Академия, 2015. 480 с.

6. Чистякова С. Н. Профориентация в системе непрерывного образования // Педагогика. 2019. № 5. С. 45–52.

УДК 37.036

Оценка развития логического мышления у детей 6-7 лет

Бурова Галина Ефимовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, g.burova@mail.ru

Аннотация: целью статьи является характеристика уровня и структуры логического мышления старших дошкольников. Проведено исследование базовых логических операций мышления дошкольников: анализа, сравнения, классификации и обобщения. В результате исследования установлен хороший уровень сформированности логических операций, определены задачи

© Бурова Г. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

развивающей работы, направленной на улучшение навыков анализа.

Цель исследования заключается в определении уровня развития предпосылок логического мышления у детей в возрасте 6-7 лет в ходе первичной диагностики.

Исследование организовано и проведено на базе Муниципального дошкольного образовательного бюджетного учреждения города Красноярска «Детский сад № 308» (МДОБУ «Детский сад № 308»). В исследовании участвовали 20 старших дошкольников из двух подготовительных групп детского сада. Все дети были в возрасте 6-7 лет, среди них 10 девочек и 10 мальчиков.

Таблица 1. Таблица методики исследования

Показатель	**Диагностическая методика**
Навыки анализа	Диагностическая методика 1 «Нелепицы» (автор: Р.С. Немов)
Навыки сравнения	Диагностическая методика 2 «Самое непохожее» (автор: Л.А. Венгер)
Навыки классификации	Диагностическая методика 3 «Изучение операции мышления – классификации» (авторы: Ю.А. Афонькина, Г.А. Урунтаева).
Навыки обобщения	Диагностическая методика 4 «Последовательность событий» (автор: А.Н. Бернштейн)

Результаты исследования:

На рисунке 1 представлены уровни развития логического мышления у детей 6-7 лет.

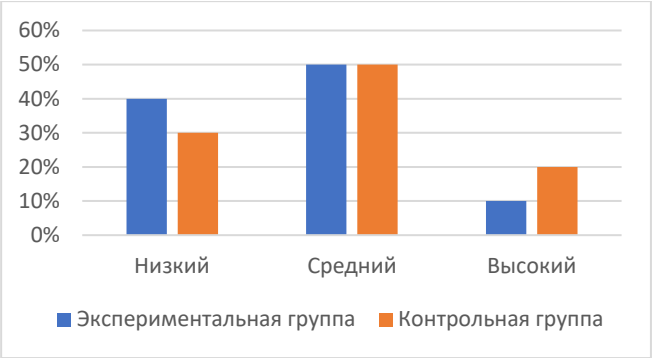


Рисунок 1. Распределение дошкольников по уровням сформированности операций логического мышления.

Низкий уровень развития предпосылок логического мышления у детей свидетельствует о недостаточно сформированных навыках анализа, синтеза, сравнения, классификации и обобщения, которые являются основой логического мышления. В результате, такие дети демонстрируют несамостоятельность в своих действиях, не умеют анализировать ситуации, логически рассуждать и сопоставлять предметы, а также испытывают трудности при классификации и сравнении. При объяснении своих действий у них возникают сложности в определении логики своих поступков. Этот уровень был зафиксирован у 40% участников экспериментальной группы.

Средний уровень развития предпосылок логического мышления у детей составляет от 15 до 30 баллов. Эти дети в целом обладают навыками анализа, сравнения, классификации и обобщения, которые являются основными компонентами логического мышления. Однако данные навыки развиты недостаточно, особенно в области сравнения, классификации и обобщения. В результате у детей могут возникать трудности при объяснении своих логических действий, и, как правило, они рассуждают на поверхностном уровне. Этот уровень был зафиксирован у 50%.

У детей с высоким уровнем развития предпосылок логического мышления наблюдаются хорошо сформированные

навыки анализа, синтеза, сравнения, классификации и обобщения. Эти навыки являются основой логического мышления. В процессе выполнения мыслительных операций такие дети демонстрируют самостоятельность в действиях и рассуждениях, а также развитое умение анализировать ситуации, логически рассуждать и сопоставлять предметы, сравнивая и классифицируя их. Их объяснения действий отличаются развернутостью и логичностью. В результате данный уровень был зафиксирован у 10 %.

Таблица 2. Уровень развития операций логического мышления у детей 6-7 лет

Методики	**Низкий**	**Средний**	**Высокий**
Анализ	20%	30%	50%
Обобщение	10%	30%	60%
Сравнение	10%	40%	50%
Классификация	10%	40%	50%

Наиболее высокий уровень сформированности был выявлен для операции обобщения по методике «Последовательность событий» (А.Н. Бернштейн). Дети без подсказок и предпосылок самостоятельно рассуждали, сравнивали и квалифицировали. Пояснение своих действий у детей происходило развёрнуто и логично. Такие дети обладают сформированными навыками анализа, синтеза, сравнения, классификации и обобщения, являющимися основными предпосылками логического мышления.

Самый низкий уровень развития выявлен для операции классификации «Изучение операции мышления – классификации» (авторы: Ю.А. Афонькина, Г.А. Урунтаева), 20% дошкольников показали низкий уровень развития, сложность в несформированности навыков классификации, обобщения, логического мышления. Дети в данной операции проявляют несамостоятельность действий, неумение анализировать ситуацию, сравнивать и классифицировать, рассуждать логически.

Список источников

1. Ахметова Г. Понятие и сущность логического мышления в психологии и педагогике / Г. Ахметова, М. Е. Бекболганова, А. Мухаева // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 1 (22). С. 9–11.

2. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 192 с.

3. Расулова Л. Г. Формирование и развитие логического мышления детей дошкольного возраста посредством математического развития// Проблемы педагогики. 2020. С. 57–59.

4. Урунтаева Г.А. Практикум по детской психологии / Г. А. Урунтаева, Ю. А. Афонькина М.: Просвещение: Владос, 1995. 291 с.

УДК 378.4:316.64

Студенческая наука: представление студентов и преподавателей ИППС

Веретенникова Софья Алексеевна[1], Боргояков Марк Владимирович[2]
[1, 2] Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1] sveretennikova-pp24@stud.sfu-kras.ru
[2] mborgoyakov-pp24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: студенческая наука, НИРС, студенты, преподаватели, институциональные механизмы, барьеры, мотивация, условия развития, перспективы, наставничество.

© Веретенникова С. А., Боргояков М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Студенческая наука представляет собой начальный этап научной деятельности студентов, где они осваивают исследовательские навыки через самостоятельные работы, проекты и участие в конференциях. Она является неотъемлемой частью научного сообщества каждого высшего учебного заведения, выступая ее ядром для инновационного развития общества.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231, текущее десятилетие объявлено - десятилетием науки и технологий, основными задачами которого являются: привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок, содействие вовлечению исследователей в решение важнейших задач развития общества и страны и повышение доступности информации о достижениях российской науки [1].

Все три задачи десятилетия науки и технологий системно представлены в программе развития «Сибирского федерального университета», в том числе привлечение молодежи в студенческую науку и что немало важно — развитие института наставничества как неотъемлемой части подготовки и интеграции молодых ученых в научно-исследовательскую деятельность [2].

Перед нами была поставлена проблема низкого процента включенности студентов Института педагогики, психологии и социологии в научно-исследовательскую работу. Поэтому мы провели исследование, цель которого - выявить различия в представлениях, мотивах и барьерах участия в студенческой науке у студентов и преподавателей, а также на определение факторы, которые способствуют или препятствуют участию студентов в научной деятельности.

Для сбора данных использовался метод анкетирования. Были разработаны две версии анкеты: для студентов и для преподавателей. В исследовании приняли участие 133 студента и 40 преподавателей.

Согласно полученным данным, 64,7% студентов не участвуют в научно-исследовательской работе, при этом регулярно занимаются научной деятельностью лишь 4,5% респондентов.

Вопрос: «Что, по Вашему мнению, включает в себя студенческая наука?». Студенты чаще всего указывают на публикации статей (89,5%) и участие в конференциях (87,2%). Преподаватели так же выделяют эти компоненты среди первых.

При оценке условий для развития студенческой науки выявлены различия между студентами и преподавателями. Студенты оценивают условия в институте на уровне M = 3,81, тогда как преподаватели на M = 3,40. Аналогичная тенденция наблюдается и в оценке условий в вузе: 3,65 у студентов и 3,23 у преподавателей. Данные различия указывают на неоднородность восприятия институциональной среды.

Вопрос: «Основные мотивы участия в научной деятельности». Среди студентов доминирует внутренняя мотивация: исследовательский интерес указали 78,2% респондентов. Внешние мотивы также значимы: публикации для портфолио (64,7%) и карьерные перспективы (60,9%). Преподаватели видят мотивацию студентов иначе: на первом месте они ставят материальное стимулирование (62,5%), а исследовательский интерес оценивают ниже (60,0%).

Вопрос: «Основные барьеры». Главный барьер для студентов — нехватка времени (61,7%). На втором месте — отсутствие мотивации (56,4%). Преподаватели чаще указывают на объективные барьеры: недостаток компетенций (65,0%) и отсутствие мотивации (60,0%). Интересно, что 42,5% преподавателей отметили «низкую учебную активности студентов» как значимый барьер.

Вопрос: «Какие формы поддержки наиболее эффективны?». И студенты, и преподаватели чаще выбирали наставничество как наиболее эффективную форму поддержки (72,2% и 77,5%

соответственно). Полученные данные позволяют рассматривать наставничество как значимый элемент организации студенческой науки.

Вопрос: «Как Вы оцениваете перспективы развития студенческой науки в институте?». Большинство респондентов позитивно оценивают перспективы развития студенческой науки в институте: 64,7% студентов и 62,5% преподавателей. При этом значительная часть студентов (31,6%) держит нейтральную позицию, оценивая перспективы как неопределенные.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

1. Низкая вовлеченность в научную деятельность. Более 64% студентов не участвуют в научно-исследовательской деятельности, что свидетельствует о необходимости разработки эффективных механизмов стимулирования.

2. Институту необходимо развивать внутренние условия для развития студенческой науки.

3. Основные барьеры — временные и информационные. Нехватка времени и отсутствие понимания, с чего начать, являются ключевыми препятствиями.

Так же мы выделили вопросы для дальнейшего обсуждения, которые помогут определить вектор работы для вовлечения студентов в НИР:

1. Насколько эффективным будет создание системы наставничества?

2. В какой мере существующие формы организации студенческой науки соответствуют ожиданиям студентов?

3. Какова роль учебного процесса в формировании исследовательской мотивации?

Список источников

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий: Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231: редакция от 16.04.2025 // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/47771 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Программа развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет» на 2025–2036 годы. Красноярск, 2025. 124 с. URL: https://sfu.ru/sapi/file-upload/50fd013e4f1190362e8876f5a5c08c80.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 82.09

Организация практико-ориентированного модуля в системе общеобразовательного учреждения

Григорьева Дарья Алексеевна
Гимназия №16, Красноярский край, Красноярск, Россия, eyesaver34@mail.ru

Ключевые слова: профориентация, практико-ориентированный модуль, профессиональные пробы.

Почти каждый третий выпускник в России трудоустраивается не по специальности образования. По данным Росстата, из 6 млн человек, окончивших вуз в 2016-2020 годах, 1,8 млн устроились на работу не по профилю.

© Григорьева Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В гимназии 16 г. Красноярска разработана и внедрена программа профориентации, основанная на собственных действиях ребят по ознакомлению с миром профессий. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 августа 2023 г. N 650 «Об утверждении Порядка осуществления мероприятий по профессиональной ориентации обучающихся по образовательным программам основного общего и среднего общего образования» составляет методологическую базу профориентационной работы.

Формы мероприятий по выбору профессии:

1) экскурсии на предприятия;

2) интерактивные тренинги –моделирование профессиональной деятельности;

3) деловые игры из профессиональной деятельности;

4) мастер-классы – освоение конкретных навыков (например: работа с оборудованием или программным обеспечением);

Обзорные экскурсии Сибирского Федерального Университета по разным специальностям. На экскурсиях школьники узнали:

– как поступить на понравившуюся специальность;

– какие предметы будут преподавать;

– чем они будут заниматься на парах;

– и в каком здании будут учиться (экскурсия).

Тренинг «Ищем профессиональные качества». В ходе тренинга:

– выявляют дефициты знаний о желаемой профессии;

– определяют ключевые навыки для желаемой профессии;

– планируют действия для подготовки к профессии.

Экскурсии на производство.

«Искра» – Российская инжиниринговая компания. Ребята посетили музей, вместе со страшим инженером программировали электронные устройства на профессиональном оборудовании.

Красноярский цементный завод – старейший актив холдинга «Сибирский цемент». Школьникам удалось примерить рабочую

одежду, используемую работниками на предприятии. После инструктажа по технике безопасности и обзорной инструкции учащиеся приняли участие на безопасном участке производства.

Тренинг «Урок цифры» школьники выполняли практические задания по использованию искусственного интеллекта в холдинге «Яндекс». Управление такси, повышение спроса, контроль трафика, программирование. В тренинге освоены умения:

– называют профессии в сфере разработки и IT;

– работают с графами, алгоритмами и искусственным интеллектом через интерактивную платформу.

Деловая игра «Управляй из любой точки». Раскрывается роль разных областей и отраслей. Управленческий аппарат, банковская система, торговля, социальная сфера, обслуживание и т.д. Школьники строили своё государство и запускали экономику. Каждый выполнял свою роль. Школьникам было предложено построить собственное государство. Каждому была назначена профессия. Ученики работали над достижением общей цели, договариваясь и выполняя «служебные» обязанности.

Комбинат «Волна» - лидер хризотилцементной промышленности нашей страны. Мощность предприятия позволяет производить в год 11,5 млн кв. м кровли, 3,4 млн кв. м плоских листов, 687 км условных труб. Ребята посетили обзорную экскурсию, переодевшись в спецовку, знакомились с производственными линиями, процессом производства. После инструктажа, под руководством инженера программировали промышленные станки.

«Дебаты в профессиональном мире». Школьникам необходимо было отстаивать свою точку зрения. Вспоминать информацию, которая им известна на тему профессий. Использовать данные, полученные во время выездов. Отрабатывать разные сценарии и доказывать свою точку зрения аргументами.

«Я – проект». Здесь школьник создаёт проект будущего профессионала. Кто он, какую профессию выбрал или какая сфера заинтересовала. Ребята прописывают все этапы, через которые нужно пройти, чтобы стать тем или иным профессионалам, но пропускают это через призму «Я». На итоговом занятии школьники выступают с самопрезентацией, представляя свой путь в профессию.

Реализация модуля способствует повышению профессиональной осведомлённости и мотивации обучающихся. У участников улучшится понимания выбранных профессий и развитие практических навыков. Повышается уровень вовлечённости и эффективности мероприятий. Планируется расширить географию посещений предприятий, внедрять дополнительные формы интерактивного обучения и проводить систематическую оценку профессиональных предпочтений участников. В целом, модуль успешно способствует формированию осознанного профессионального выбора и развитию ключевых компетенций у обучающихся.

Список источников

1. Балакина А. П. Профориентация в системе управления развитием человеческих ресурсов // Экономика и управление. 2011. № 12. С. 3–6.

2. Баньковская Н. И. Взаимосвязь мотивации к учебной деятельности со смысловыми образованиями личности школьника // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. С. 421–430.

3. Белоусова А. К. Профессиональные пробы как форма профессионального самоопределения учащихся школ // Научно-методический журнал «Поиск». 2017. № 1 (57). С. 67–71.

4. Жаворонкова О. Р. Профориентация как инструмент сохранения баланса между рынками труда и образовательных услуг

/ О. Р. Жаворонкова, Н. Б. Буренина // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2021. № 2 (72). С. 89–94. DOI 10.34771/UZCEPU.2021.72.2.019.

5. Заливанский Б. В. Проблемы организации профориентационной работы в университете / Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова // Высшее образование в России. 2014. № 7. С. 64–70.

6. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 14.08.2025 № ВЖ-1399/05 «О направлении информации».

УДК 373.3

Особенности развития эмоционального интеллекта у обучающихся четвертого класса: опыт тьютора

Долганина Эльвира Михайловна
Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, младший школьный возраст, тьюторское сопровождение, эмпатия, индивидуальная образовательная программа.

Эмоциональный интеллект в педагогической литературе рассматривается как один из факторов, влияющих на успешность обучения и социального взаимодействия школьников [2]. Развитие навыков распознавания и регуляции эмоций связано с формированием учебной мотивации, снижением уровня конфликтности, улучшением коммуникативных умений. В связи с

© Долганина Э. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

этим возникает необходимость поиска педагогических средств, обеспечивающих целенаправленное развитие эмоционального интеллекта у учащихся начальной школы, включая использование технологий тьюторского сопровождения.

Понятие эмоционального интеллекта активно разрабатывается в отечественной и зарубежной психологии. Д. Гоулман определяет эмоциональный интеллект как способность распознавать собственные эмоции и эмоции других людей, управлять ими и использовать данную информацию в процессе деятельности [10]. П. Сэловей и Дж. Майер рассматривают его как совокупность когнитивных способностей, включающих восприятие, понимание, управление эмоциями [11]. В структуре эмоционального интеллекта исследователи выделяют компоненты: осознание собственных эмоций, управление эмоциональными состояниями, эмпатия, социальные навыки взаимодействия. И. Н. Андреева подчеркивает значимость эмоционального интеллекта как условия личностного развития человека [1]. «Между тем анализ результатов исследований дает основание предположить, что по мере развития ЭИ возрастает его «личностность»: «зрелый» ЭИ характеризуется высокой степенью опосредованности личностными характеристиками» [Там же].

В младшем школьном возрасте формируются основы рефлексии, развивается способность к осознанию собственных переживаний, однако навыки саморегуляции еще находятся в стадии становления. В трудах Л.С. Выготского подчеркивается, что в этом возрасте происходит активное развитие высших психических функций, опосредованных социальным взаимодействием [3]. Л. И. Божович отмечает, что у младших школьников усиливается потребность в признании со стороны окружающих, возрастает значимость общения со сверстниками [2].

В данном контексте тьюторское сопровождение может выступать результативной педагогической технологией развития

эмоционального интеллекта. Современные исследователи, такие как Т. М. Ковалева и Н. В. Рыбалкина рассматривают тьюторство как деятельность, направленную на построение индивидуальной образовательной траектории обучающегося и сопровождение его личностного развития [6]. Тьютор в образовательном процессе выполняет функции посредника, помогая ребенку осмысливать собственный опыт, в том числе эмоциональный.

Согласно исследованиям В. С. Фроловой, тьюторское сопровождение способствует развитию субъектности обучающегося, его способности к рефлексии, осознанному выбору образовательных действий [8]. И. А. Данилов подчеркивает, что тьюторская деятельность положительно влияет на формирование личностных и метапредметных компетенций, включая навыки саморегуляции и самоанализа [5]. В работах В. В. Михайловой и Н. Е. Ерофеевой тьюторство рассматривается как важный механизм персонализации образования, обеспечивающий учет индивидуальных особенностей ребенка и поддержку его развития [7].

Практика показывает, что развитие эмоционального интеллекта у учащихся 4 класса может результативно осуществляться через различные формы тьюторского сопровождения. Одной из таких форм являются тьюториалы — специально организованные индивидуальные или групповые встречи, направленные на развитие рефлексии [6]. В ходе таких занятий используются разнообразные методики, которые могут способствовать формированию компонентов эмоционального интеллекта.

Применение эмоциональных карт позволяет учащимся визуализировать свои чувства, расширять эмоциональный словарь, учиться различать эмоциональные состояния. Обсуждение жизненных ситуаций с акцентом на переживания участников способствует развитию эмпатии и навыков анализа эмоций.

Разбирая персонажей художественных произведений, учащиеся учатся понимать эмоции и соотносить их с собственным опытом.

Для формирования навыков управления эмоциями используется разработка и реализация индивидуальной образовательной программы с участием тьютора. В неё включаются различные техники саморегуляции: дыхательные упражнения, методы переключения внимания, приемы осознанной паузы. Результативным инструментом является использование «Я-сообщений», позволяющих конструктивно выражать свои чувства и снижать уровень конфликтности в общении [4]. Ведение дневника эмоций способствует развитию рефлексии и осознанию динамики собственных эмоциональных состояний.

Следует отметить, что ключевым условием эффективности тьюторского сопровождения является индивидуализация работы с обучающимся. И. С. Якиманская считает личностно-ориентированный подход, учет индивидуальных особенностей ребенка, его потребностей и возможностей особенно важным при развитии эмоциональной сферы [9]. В тьюторском сопровождении это реализуется через подбор методов и форм работы, соответствующих уровню развития эмоционального интеллекта конкретного ученика.

Развитие эмоционального интеллекта представляет собой актуальное направление современной образовательной практики. Тьюторское сопровождение создает условия для осознанного освоения эмоционального опыта, развития навыков понимания своих эмоций, саморегуляции, эмпатии, рефлексии.

Список источников

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии // Психологический журнал. 2006. № 4. С. 78–86.

2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 400 с.

3. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл, 1984. 368 с.

4. Гордон Т. Эффективный учитель. М.: Просвещение, 2010. 256 с.

5. Данилов И. А. Тьюторское сопровождение как средство развития компетенций обучающихся // Педагогика. 2019. № 1. С. 45–52.

6. Ковалева Т. М. Тьюторское сопровождение в образовании / Т. М. Ковалева, Н. В. Рыбалкина. М.: Академия, 2012. 256 с.

7. Михайлова В. В. Персонализация образования и тьюторство // Педагогическое образование. 2020. № 3. С. 23–29.

8. Фролова В. С. Тьюторское сопровождение как педагогическая технология // Концепт. 2017. № 7. С. 1–6.

9. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. Москва: Сентябрь, 2000. 112 с.

10. Goleman D. Emotional Intelligence. New York: Bantam Books, 1995. 352 p.

11. Salovey P. Emotional intelligence / P. Salovey, J. D. Mayer // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9, № 3. P. 185–211.

УДК 159.947.33

Особенности саморегуляции подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата в условиях школы-интерната

Евчук Екатерина Евгеньевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ekaterina_evchuck043@mail.ru

Ключевые слова: саморегуляция поведения, подростки, нарушения опорно-двигательного аппарата (НОДА), школа-интернат, нормативно развивающиеся.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ольге Николаевной Финогеновой, доценту, канд. психол. наук.

В статье представлено исследование саморегуляции подростков с НОДА (нарушениями опорно-двигательного аппарата). Исследование организовано на базе школы-интерната для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Выявлены особенности уровней и структуры саморегуляции подростков с НОДА. В целом уровень саморегуляции у них выше, чем у нормативно развивающихся подростков. Однако один из компонентов саморегуляции — самостоятельность — оказался ниже, чем у сверстников без нарушений развития. Исследование проводилось по обращению руководства школы-интерната, которая является специализированным учреждением для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Контекст школы-интерната включает совмещение образовательного, лечебного и

© Евчук Е. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

реабилитационного процессов. Дети, обучающиеся в таком учреждении, находятся в особой среде с высоким уровнем внешнего контроля, регламентации и медицинского сопровождения.

Цель исследования — оценить особенности стиля саморегуляции поведения у семиклассников, обучающихся в общеобразовательной школе и школе-интернате для детей с НОДА.

Определение базовых понятий:

Саморегуляция, по словам В.И. Моросановой, это такой внутренний процесс, когда человек сам собой управляет. Он специально и осознанно меняет свои действия и поведение, чтобы достичь того, что задумал.

В нашем исследовании участвовали 53 семиклассника. Мы разделили их на две группы. В первой, экспериментальной, был 21 человек (это 39% от всех участников) — ребята из Средней школы-интерната №1 имени В.П. Синякова. Вторая группа, контрольная, состояла из 32 человек (61% от всех) — это школьники из обычных школ Красноярска.

Методика диагностики «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98». Моросановой. Тесты проводились онлайн.

Таблица 1. Саморегуляция подростков с НОДА и нормотипичных

	Планирование	**Моделирование**	**Программирование**	**Оценка результатов**	**Гибкость**	**Самостоятельность**	**Общий уровень саморегуляции**
НОДА	5.05	2.90	1.45	4.40	4.80	2.80	17.55
Норма	1.88	0.59	2.75	2.66	5.34	4.97	14.06

Подростки с НОДА демонстрируют более высокий общий уровень саморегуляции (17.55 и 14.06 у нормотипичных). По

компонентам планирование, моделирование и оценка результатов показатели выше, чем у нормотипичных сверстников. По компоненту самостоятельность показатель существенно ниже (2.80 и 4.97 у нормотипичных). По программированию и гибкости различия не столь однозначны, но гибкость у подростков с НОДА немного ниже. Таким образом, при общем более высоком уровне саморегуляции ключевым проблемным звеном выступает самостоятельность. Выявленные особенности заключаются в том, что подростки с НОДА в условиях школы-интерната: лучше планируют свои действия и оценивают их результаты, тщательнее моделируют внешние условия (вероятно, из-за необходимости адаптироваться к физическим ограничениям). Имеют более низкую самостоятельность по сравнению с нормотипичными сверстниками. Причина в особенностях учебного заведения — школы-интерната: высокой степени регламентации (режим, лечебные процедуры, сопровождение). Снижении необходимости принимать самостоятельные решения в бытовых и учебных ситуациях. Ориентации среды на медицинскую и педагогическую опеку, а не на развитие автономии.

Список источников

1. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98»: методическое пособие. М.: Психологический институт РАО, 1998. 36 с.

2. Моросанова В. И. Психология саморегуляции: учебное пособие. М.: Нестор-История, 2012. 277 с.

3. Конопкин О. А. Механизмы осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Субъект и личность в психологии саморегуляции: сборник научных трудов. Москва; Ставрополь: Издательство ПИ РАО: СевКавГТУ, 2007. 431 с.

4. Мирославский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. Москва: Педагогика, 1991. 152 с.

УДК 37.064.3

Тьюторская поддержка как условие формирования бесконфликтного общения у учащихся начальной школы

Землянова Полина Романовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, polinazelina05@gmail.com

Ключевые слова: тьюторская поддержка, бесконфликтное общение, младшие школьники, четвероклассники, индивидуализация, Soft Skills, Self Skills, профилактика конфликтов, тьюториал, рефлексия.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Юлии Александровне Никитенко, ст. преподавателю кафедры ИТОиНО.

Формирование навыков бесконфликтного общения у четвероклассников (9–10 лет) определяет их успешную социализацию, академическую успеваемость и общее благополучие, поскольку именно в этом возрасте дети активно усваивают социальные нормы, учатся выстраивать межличностные отношения и разрешать разногласия [1; 2].

Традиционные педагогические подходы, как правило, направлены на купирование уже возникшего конфликта или трансляцию готовых моральных норм. В противовес этому, тьюторская поддержка предлагает иной путь: профилактику через развитие у ребенка «внутренних опор» — комплекса Soft Skills (активное слушание, вербальная и невербальная коммуникация,

© Землянова П. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эмоциональный интеллект, самопрезентация, сотрудничество и работа в команде) и Self Skills (самоконтроль, самоорганизация, самосознание и рефлексия). Цель данной статьи — раскрыть специфику действий тьюторской поддержки, апробированных в работе с четвероклассниками, и показать их результативность в контексте профилактики бесконфликтного общения.

Определение бесконфликтного общения опирается на подход Л.А. Петровской, согласно которому бесконфликтное общение предполагает взаимодействие, в котором участники не испытывают выраженного негативного эмоционального напряжения, связанного с различиями в целях, мнениях или интересах [4]. Тьюторская поддержка в данном контексте выступает как комплекс действий тьютора или педагога с тьюторской компетенцией, направленных на оказание помощи и содействия обучающемуся в процессе самоопределения, самореализации и развития.

Исследование проводилось на базе МБОУ СШ №133 г. Красноярска в 4 классе. Сформированы группы детей, каждая из которых демонстрирует коммуникативные дефициты:

Группа 1 («адаптированные») — имеют дружеские отношения, не боятся идти на контакт, но испытывают трудности с активным слушанием и вербализацией эмоций, самооценка завышена.

Группа 2 («агрессивные») — используют вербальную и физическую агрессию как основной способ коммуникации со сверстниками, круг общения узок (1-3), эмпатия развита слабо.

Группа 3 («тихони») — замкнуты, испытывают страх перед коммуникацией, не умеют отстаивать позицию, самооценка снижена, ведущая модель поведения «замереть» или «спрятаться».

Данная дифференциация доказывает, что единый, фронтальный подход к «обучению дружбе» нерезультативен. Но тьюторская поддержка позволяет выстраивать работу, отталкиваясь от индивидуального «профиля трудностей» каждого ребенка или малой группы.

Этапы тьюторской работы:

1) Диагностика и наблюдение. Методики социометрическая проба «День рождения» М.А. Панфиловой, проективная методика «Кактус», наблюдение за детьми на уроках, переменах. Это позволило понять ее природу конфликтов: являются ли они следствием неумения выразить эмоции (группа 2) или результатом страха (группа 3).

2) Проектирование этапов работы. На основе полученных данных подбирались инструменты развития дефицитных навыков, развитие Soft Skills и Self Skills. Для группы «агрессивных» приоритетными стали игры на развитие эмпатии и самоконтроля.

3) Организация тьюториалов.

Тьюториал 1 «Мир чувств и движений». Игра «Перелет птиц», проективная методика «Кактус» и игра «Подарок».

Тьюториал 2 Игры «Волшебные водоросли», «Слепец и поводырь», «Руки знакомятся, руки ссорятся, руки мирятся». Введение «Дневника эмоций», позволяющего вывести процесс самонаблюдения за пределы тьюторских встреч и подключить к нему родителей.

Тьюториал 3: игра «Вежливые слова», обучение технике «Я-сообщений», арт-часть «Портрет друга».

4) Каждый этап завершался рефлексией, где дети рассказывали о чувствах, формулировали понятные им правила коммуникации («Правила радостного общения» на основе игры «Портрет друга»). Это переводит внешние нормы во внутренние регуляторы поведения.

5) «Остров Мира. Строим город Дружбы» для закрепления и комплексного применения навыков в проектной деятельности (планирование города, разрешения конфликтных ситуаций — «Буря непонимания», межгруппового взаимодействия — «Распределение ресурсов», презентация, рефлексия «Ключи от Мира»).

Зафиксировано уменьшение количества открытых споров, расширение круга общения у «изолированных» детей, использование детьми «Я-сообщений» для выражения чувств.

Определены условия тьюторской поддержки:

— согласованность действий с администрацией, классным руководителем и родителями;

— наличие у педагога тьюторской компетенции;

— системность и поэтапность работы;

— создание безопасной среды в малых группах;

— рефлексия и коррекция действий на основе обратной связи.

Тьюторская поддержка, основанная на диагностике трудностей ребенка, проектировании его «зоны ближайшего развития» в коммуникативной сфере и создании рефлексивной среды, позволяет снизить уровень конфликтности, сформировать у обучающихся устойчивые навыки саморегуляции и конструктивного взаимодействия, которые станут основой социализации в средней школе.

Список источников

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под редакцией Давыдова В.В.; 3-е изд., перераб. и доп. Москва: АСТ, 2008. 671 с.

2. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Эльконин Д.Б.; под редакцией Давыдова В.В., Зинченко В.П. Москва: Педагогика, 1989. 554 с.

3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. Андреева А. Д., Румянцевой Т. В. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

4. Петровская Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Издательство МГУ, 1989. 128 с.

5. Профессия – тьютор / Т. М. Ковалева, Е. И. Кобыща, С. Ю. Попова [и др.]. Москва: Открытый институт «Развивающее образование», 2012. 64 с.

УДК 37.035.6

Проектные формы работы по формированию позитивного образа малой родины у подростков

Зубакина Ольга Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ozubakina@sfu-kras.ru

Ключевые слова: малая родина, патриотическое воспитание, подростки, проектная деятельность, гражданская идентичность.

Современное общество существует в рамках значительных перемен, которые так или иначе влияют на мировоззрение и ценностные ориентиры молодого поколения. Подростки часто утрачивают связь с местной историей и культурой, заменяя реальные переживания виртуальными образами, предоставляемые им глобальной сетью. В этих условиях особое значение приобретает работа, направленная на формирование позитивного образа малой родины – территории, где человек родился, вырос, впервые испытал чувство принадлежности к своему народу и начал своё собственное развитие.

Воспитание любви к родному краю становится важнейшим направлением гражданско-патриотического воспитания. Однако традиционные формы работы, представленные в учебном процессе: беседы, экскурсии, классные часы, уже не всегда вызывают эмоциональный отклик у подростков. Эффективным инструментом становится проектная деятельность, предоставляющая ученикам возможность личного участия, творчества и поиска социальной

© Зубакина О. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

значимости своих действий. Цель настоящей статьи – показать педагогические возможности проектных форм работы в формировании позитивного образа малой родины у подростков.

Многие исследователи подчеркивают, что в понятие «малая родина» входит не только территориальная принадлежность человека, оно включает себя культурный опыт человека, воспоминания, события, произошедшие в период детства и отрочества, а также связь с семьей и её традициями [1]. В педагогическом аспекте образ малой родины формируется через знакомство с историей родного края, его традициями, выдающимися земляками, памятными местами и опытом личного участия в жизни школы, района или города. А лучше всего знакомить школьников с малой родиной через личный опыт, чтобы они смогли сформировать в своём сознание понимание: «Я являюсь частью истории места, в котором родился, живу и учусь. Эта история является и неотъемлемой частью самого меня.» Лучшим же инструментом выступает проектная деятельность.

Проектная деятельность в педагогике понимается как способ организации активного, исследовательского и творческого взаимодействия учащихся с окружающей действительностью. Её цель – решение значимой для участников проблемы и получение конкретного социально полезного продукта [2]. В патриотическом воспитании проектная деятельность помогает не только дать знания о том, что такое патриотизм, но творчески подойти к реализации той или иной деятельности, направленной на патриотическое воспитание.

Одним из примеров реализации такого проекта выступает работа учителей начальных классов МБОУ «Антоновская СОШ имени Н. Н. Чусовского» Яковлевой В.Г. и Тихоновой Н. Н. [4]. Название проекта «Мы – будущее родного края» отражает саму суть проекта. Первым направлением было выбрано изучение семьи: создание генеалогического древа, проведение конкурса рисунков и

семейных праздников. После дети изучали историю школы и знакомились с её символами и традициями. Следующим этапом выступает знакомство с историей места, района, где ребята учатся, и уже только после этого они погружаются в знакомство со своей республикой (Республика Саха). Так от малого к большему дети словно начинают осознавать своё место и значение для малой родины. Мы считаем, что такой же проект можно проводить и для подростков, адаптируя мероприятия под их интересы и потребности.

Похожий проект осуществляется и в городе Красноярск на базе МАОУ «Лицей №8». Знакомство с малой родиной разделено на четыре этапа: первый на начальном звене обучения, второй и третий – на среднем, четвертый – на старшем. В начально школе дети знакомятся сов свои двором, изучают растения, интересные места и узнают истории, связанные со школой и их домом. На втором этапе школьники выходят на территорию района, где находится школа и сами ищут, что интересное здесь есть, на основе чего пишут исследовательские работы, связанные со значимыми людьми, событиями и местами своего района. На следующем этапе ученики под руководством наставников выезжают в разные точки города, рассматривают улицы и заполняют рабочую тетрадь, где записывают свои вопросы и размышления. И уже в старших классах подростки сами ищут значимые именно дня них места в городе, так называемое «место силы». Они снимают о нём видеоролик, где рассказывают о нём и почему для них это место важно.

Приводя в пример данные проекты, мы хотим подчеркнуть, что проектная деятельность помогает формировать позитивный образ малой родины не через абстрактные лозунги, а через личное участие [3]. Когда подросток исследует историю семьи, описывает памятные места или создает проект о своем городе, он начинает воспринимать локальное пространство как часть собственной биографии. Это усиливает чувство принадлежности к жителям

родного края и создает основу для более зрелого патриотического сознания.

Таким образом, проектные формы работы являются эффективным средством формирования позитивного образа малой родины у школьников. Их педагогическая ценность заключается в соединении познавательной, эмоциональной и практической составляющих воспитания, что особенно важно для обучающихся подросткового возраста.

Использование исследовательских, социальных и творческих проектов делает патриотическое воспитание более адресным, личностно значимым и современным. Реальные школьные практики показывают, что обращение к истории семьи, улицы, города или района помогает подросткам осознать ценность родного края и почувствовать собственную сопричастность к его прошлому, настоящему и будущему.

Список источников

1. Бороноев А. О. Понятие малой родины: определение и содержание // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2020. № 3 (56). С. 60–66.

2. Катышевская Т. А. Сущность проектной деятельности // Скиф. 2020. № 2 (42). С. 265–269.

3. Николаева Н. А. Особенности проектной деятельности в патриотическом воспитании школьников // Педагогическое мастерство. 2021. № 5. С. 72–77.

4. Яковлева В. Г. Проект по патриотическому воспитанию «Мы – будущее родного края» // Образовательный портал «Пора роста». 2024. 25 мая. URL: https://porarosta.ru/proekt-po-patrioticheskomu-vospitaniju-my-budushhee-rodnogo-kraja/.

УДК 371.315

Технологии развития внимания младших подростков в условиях цифровой среды: нейропедагогический подход

Игнатенко Анастасия Вячеславовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nastyamusmusculus@gmail.com

Ключевые слова: произвольное внимание, младший подростковый возраст, цифровая среда, нейропедагогика, нейродидактика, когнитивные технологии, когнитивное развитие.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Софье Геннадьевне Бариновой, доценту, канд. филос. наук.

В современном мире процесс становления произвольного внимания у младших подростков происходит в условиях непрерывного и интенсивного взаимодействия с цифровой средой. Подростки описываемой возрастной группы являются первым «цифровым» поколением, для которых гаджеты, интернет, социальные сети и мультимедийный контент являются естественной и неотъемлемой частью повседневной жизни, обучения и коммуникации. Это создает еще недостаточно изученный контекст для их нейрокогнитивного развития.

В системе психических функций внимание занимает особое, сквозное положение, не являясь самостоятельным познавательным процессом, подобно восприятию или памяти, но неизменно присутствуя в их структуре, обеспечивая их эффективность и

© Игнатенко А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

целенаправленность. Без внимания невозможны ни качественное восприятие, ни логическое мышление, ни мотивация, ни надёжное запоминание, ни иные ключевые когнитивные процессы. Другими словами, внимание выступает фильтром, позволяющим сориентироваться в постоянном потоке данных, выделять суть, отсеивать ненужное, сосредотачиваться на задачах и успешно реализовывать поставленные цели.

С. Л. Рубинштейн характеризует внимание, как «сторону всех познавательных процессов сознания, в которой они выступают как деятельность, направленная на объект» [5]. Данный взгляд получил глубокое развитие в культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Он рассматривал развитие высших, произвольных форм внимания как процесс интериоризации социальных средств регуляции. По его мнению, всякая психическая функция имеет две формы: врожденную и приобретенную. Сначала ребенок получает знания и навыки в наблюдении, общении и предметной деятельности, а после овладения ими применяет их в своей деятельности. Тем самым ребенок научается управлять собственным поведением и психическими процессами [1].

Фундаментальное нейрофизиологическое и нейропсихологическое обоснование механизмов внимания было дано А. Р. Лурией. В рамках разработанной им теории «системной динамической локализации высших психических функций» он рассматривал внимание как сложную функциональную систему, «работу целой констелляции мозговых зон», ключевую роль в организации которой играют лобные доли мозга. Созревание данных структур в онтогенезе является важнейшей предпосылкой для формирования у подростка способности к сложным формам произвольной регуляции, которая может существенно трансформироваться под влиянием цифровой среды с её особыми требованиями к когнитивному контролю.

Все виды внимания (непроизвольное, произвольное, послепроизвольное), свойства внимания (устойчивость, концентрация, переключение, распределение, объем) в совокупности создают такую систему, которая в младшем подростковом возрасте находится в стадии активного развития под влиянием биологических и социальных факторов. Цифровая среда выступает как мощный новый социальный фактор, который, оказывает системное влияние на формирование и проявление всех видов и свойств внимания.

Современные школьники не способны длительное время сохранять концентрацию на одной деятельности, что свидетельствует о дефиците произвольного внимания. Такая ситуация указывает на необходимость изменения подходов к построению современного урока и интеграции педагогики с другими новыми междисциплинарными областями, например, такой как нейропедагогика.

Нейропедагогика — это современная часть педагогики, изучающая функциональные операции мозга, задействованные в процессе обучения и воспитания. Нейропедагогика довольно молодая дисциплина, она появилась на стыке нейробиологии, педагогики и когнитивной психологии, которая изучает, как мозг усваивает информацию, чтобы на основе полученной информации оптимизировать обучение. Нейропедагогика сопровождается нейродидактикой, которая в свою очередь сосредоточена на самом процессе обучения и опирается на знания о работе мозга, на специальные диагностики для оценки психических функций, на современные когнитивные технологии для развития познавательных процессов и помогает выстраивать индивидуальные прогнозы психической деятельности.

Учитывая, как масштабно влилась цифровизация в современное общество, мы не может отрицать ее влияние на различные психофизиологические процессы жизни. Следовательно,

нужно находить современные цифровые технологии, которые будут способны поддержать учителя в обучении и развитии учащихся, одновременно повышая их учебную мотивацию.

Для активизации когнитивных процессов и устойчивого развития нервной системы, в школах может быть использована современная когнитивная технология. Такая технология, как «КогниФит» (CogniFit) представляет собой научно-обоснованную платформу, созданную для оценки имеющихся и развития новых познавательных способностей. Использование данной когнитивной технологии способствует проявлению интереса и развитию индивидуальных результатов.

В заключении хочется отметить, что педагогам для построения эффективного образовательного процесса важно обратить свой взгляд в сторону интеграции педагогики с другими нейронаправлениями. Использование потенциала нейропедагогики и нейродидактики оказывает фундаментальное влияние на развитие цифрового образования.

Список источников

1. Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Издательство Юрайт, 2025. 336 с.

2. Зеер Э. Ф. Нейродидактика – инновационный тренд персонализированного образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 4. С. 30–38.

3. Клемантович И. П. Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний / И. П. Клемантович, Е. А. Леванова, В. Г. Степанов // Педагогика и психология образования. 2016. № 2. С. 8–17.

4. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга: монография. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1969. 504 с.

5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 713 с.

УДК 378.018.43

Методика "Карта жизни" как инструмент профориентационного консультирования

Кагиров Максим Ринатович
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, жизненный путь, профориентационное консультирование, карта жизни.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ольге Николаевне Финогеновой, доценту, канд. психол. наук.

В центре студенческой карьеры Сибирского федерального университета (СФУ) сформулирован заказ, обращенный к сотрудникам Института педагогики, психологии и социологии – реализовать работу со студентами, испытывающими трудности в профессиональном и личностном самоопределении в период обучения в вузе. Основные трудности самоопределения – неуверенность в уже совершенном профессиональном выборе, принятие решений о траектории будущей жизни и профессиональной деятельности.

Психологами кафедры общей и социальной педагогики разработана технология профориентационного консультирования, в основу которой положена методика «Карта жизни», созданная на

© Кагиров М. Р, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

основании методики рисуночных метафор «Жизненный путь» И.Л. Соломина [3]

Методика рисуночных метафор «Карта поиска» представляет собой комплексный способ профориентационной диагностики и консультирования студентов и подростков. Методика состоит из двух частей:

• Изображение клиентом собственной жизни и профессии в ней в виде рисунка-карты.

• Обсуждение этого рисунка с профориентологом.

Методика имеет много функций:

— понимание субъектом ценностной основы самоопределения;

— постановка целей разных масштабов – жизненных, личностных, профессиональных;

— определение роли и смысла профессиональной деятельности в жизни человека;

— отношение к конкретным профессиям;

— выявление затруднений, кризисов в построении жизненного пути;

— проектирование способов решения затруднений, определения целей с дальнейшим планированием путей их достижения;

— планирование действий по самоопределению и другие.

Метафорический характер выполняемых заданий и получаемых результатов позволяет объективировать проблемы клиента в профессиональном самоопределении, дает ему возможность более свободно и безопасно выражать свои мысли, чувства, желания и отношения. Наглядность представлений о содержании и динамике отношений клиента создает условия для лучшего понимания им профессиональной проблемы и творческого её разрешения. Кроме того, методика:

• облегчает установление контакта с клиентом, позволяет преодолеть барьеры и формальный характер взаимоотношений,

является материалом для беседы и позволяет ее эффективно структурировать;

• позволяет удачно распределить роли между клиентом и консультантом, оптимизировать активность клиента и преодолеть его потребительское отношение к консультации.

Задание:

1) Выдели контур свой карты и представь, что это контурная карта твоей жизни. После этого отметь 3-5 события, которые произошли с тобой и имеют важную роль, возможно, связанные с твоей будущей профессией, а возможно нет. События обозначай, как географические элементы (степь, горы, лес и т.д.), после чего, соедини эти события в хронологическом порядке.

2) Следующим шагом выдели также 3-5 цели или желания, к которым ты хочешь прийти в будущем (также тут можно отметить цели, связанные с профессией). Цели и желания обозначай как географические элементы (степь, горы, лес и т.д.), после чего, соедини эти события в хронологическом порядке.

3) Обсуждение профессионально-образовательной траектории с профориентологом.

Опыт применения методики «Карта жизни» в профориентиационном консультировании показал ее большие возможности и привел к выводу о необходимости разработки методического руководства, описывающего технологию профконсультирования, включающую:

— перечень «показаний» к применению методики;

— вариативные сценарии самоопределения с определением областей применения методики в том или ином сценарии;

— технология консультирования основная и специализированные.

Основная технология рассчитана на построение карты с отражением значимых событий жизни клиента.

Специализированные карты – предназначенные для решения конкретных задач консультирования:

— определение клиентом собственных ценностных оснований;

— работа с целями;

— построение вариативных жизненных сценариев;

— выявление затруднений на профессиональном маршруте;

— принятие решений в точках бифуркации;

— планирование действий по построению профессионально-образовательной траектории.

Список источников

1. Манухина С. Ю. Профориентационное консультирование: от запроса к клиенту. URL: http://convp.ru/pdfarticles/profcons.pdf (дата обращения: 11.02.2018).

2. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. Москва: Академия, 2008. 117 с.

3. Соломин И. Л. Методика рисуночных метафор "Жизненный путь": методическое руководство. Санкт-Петербург: ИМАТОН, 2001. 64 с.

4. Чернявская А. П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М.: Владос-Пресс, 2004. 96 с.

УДК 378.147:004

Цифровой помощник студента при освоении дисциплины «Технологии личностного роста и социальных взаимодействий» в СФУ

Катцына Наталья Максимовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, NKattsyna@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровой помощник, тьютор, чат-бот, педагогика в цифровой среде.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Андрею Владимировичу Тимошкову, кандидату психологических наук, доценту кафедры ИТОиНО ИППС.

Разработка и апробация цифрового помощника (чат-бота) для помощи студентам в освоении учебной дисциплины «Технологии личностного роста и социальных взаимодействий» Сибирского федерального университета обосновывается несколькими факторами. Согласно исследованию «Мировые тренды образования в российском контексте-2022», система высшего образования в условиях развития цифровых технологий нуждается в модернизации. Андрей Комиссаров в рамках конференции «Международный научный форум FIT-M 2024» упомянул о том, что использование генеративного искусственного интеллекта в сфере образования может выступить тем самым модернизирующим элементом. Дисциплина «Технологии личностного роста и социальных взаимодействий» преподается с использованием

© Катцына Н. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

электронных образовательных ресурсов и дистанционных образовательных технологий. В программе дисциплины указано, что на контактную работу с преподавателем и на самостоятельную работу отводится равное количество времени, что свидетельствует о необходимости использования цифровых средств обучения. Цифровой помощник, созданный нами для дисциплины «Технологии личностного роста и социальных взаимодействий", является инструментом в виде чат–бота, «карманным тьютором», который будет дополнять учебный процесс и воссоздавать образ цифрового педагога в условиях недостатка контактной работы. При устойчивой популярности цифрового помощника в рамках одной дисциплины, этот инструмент может быть применим и к другим учебным модулям с учетом модернизации теоретических материалов, загруженных в него.

Г. Л. Николаева совместно с Р. Р. Тухбатовым определяют цифровой помощник как программу, с помощью которой можно общаться с помощью текстовых мессенджеров или голоса; программа интегрируется в системы компании, веб-сайты, приложения или мессенджеры» [5]. И. Е. Белякова считает, что: «цифровой тьютор представляет собой компьютерную программу для взаимодействия обучающегося с виртуальным учителем» [6].

Как отмечает Декалюк А. О., сущность цифровых помощников в области педагогики сводится к получению новых знаний и закреплению пройденного материала, в своей работы мы больше опирались на второе [7]. Конструирование цифрового помощника изначально рассматривалось исключительно с помощью специальных программ–конструкторов. Конструктор для создания чат-ботов — это онлайн платформа, с помощью которой можно создать оболочку любого диалогового агента, а в нашем случае - будущего цифрового помощника. Необходимо определить параметры: будет он с открытым «разумом» или с четко заданным функционалом; публичный доступ или приватный; консультирует

только в регламентированное время или круглосуточно и т.д. Этапы работы:

Реализация на платформе «Botpress» не представила возможности реализации необходимых функций. Выбрана платформа coze.com. Проведена апробация помощника среди студентов, пришедших на пересдачу по дисциплине. Студенты-бакалавры второго курса психологического направления взаимодействовали с цифровым помощником в течение 20 минут, далее с ребятами в индивидуальном порядке была проведена серия коротких интервью. Определены недостатки чат-бота: неактуальные/фальшивые источники дополнительной литературы; задержка в ответах; трансформация конкретных формулировок из лекционных материалов. Все озвученные предложения и замечания от студентов были учтены в ходе дальнейших правок и работой над улучшением помощника.

Улучшение цифрового помощника включало в себя работу с функциями платформы-конструктора: настройка начала диалога; создание и реализация автоматических шаблонных ответов на вопросы пользователей; формирование собственной базы дополнительной литературы, которую бот, в зависимости от запроса пользователя, будет рекомендовать.

Помощник @Tutor_LRC_bot апробировался в течение трех месяцев студентами и прошел экспертную оценку среди преподавательского состава.

Анкета экспертной оценки (Google форм).

Критерий «Цифровой помощник способен ответить на вопросы пользователя, опираясь на учебные материалы по дисциплине»: полностью согласны – 100,00% экспертов (5 человек).

Критерий «Цифровой помощник способен дать разъяснение по теме дисциплины в режиме диалога»: полностью согласны – 60,00%, согласны – 40,00% экспертов.

Критерий «…способен провести проверку знаний по темам курса, используя открытые вопросы, предоставляя комментарии и рекомендации к ответам»: полностью согласны – 60,00% экспертов (3 человека), согласны – 40,00% экспертов (2 человека).

Критерий «Доступ к цифровому помощнику через телеграмм-бота удобен»: полностью согласны – 100,00% экспертов (5 человек).

Цифровой помощник будет востребован студентом при выполнении практических работ, подготовке к семинарским занятиям и итоговой аттестации по дисциплине «Технологии личностного роста и социальных взаимодействий».

Список источников

1. Рыбалкина Н. В. Идея тьюторства — идея педагогического поиска // Тьюторство: идея и идеология: материалы I Межрегиональной тьюторской конференции. Томск, 1996. С. 213–247.

2. Профессия «Тьютор»: монография / Т. М. Ковалева, Е. И. Кобыща, С. Ю. Попова (Смолик) [и др.]. Тверь: СФК-офис. С. 1–246

3. Ковалева Т. М. Переход к тьюторской модели современного университета: предпосылки, прецеденты, задачи управления / Т. М. Ковалева, Е. А. Суханова, Н. С. Гулиус // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 6.

4. Николаева Г. Л. Цифровые помощники как инструмент оптимизации взаимодействия экономических агентов / Г. Л. Николаева, Р. Р. Тухбатов // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. № 1.

5. Дрожащих Н. В. Цифровой тьютор в тюменском госуниверситете: опыт внедрения и использования / Дрожащих Н. В., Белякова И. Е. // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 141–151.

6. Декалюк А.О. Сферы использования чат-ботов // Теория и практика современной науки. 2021. № 6.

УДК 378.147:005.32

Почему в инженерном проекте командная роль важнее индивидуального лидерства

Кизим Кирилл Павлович, Лукин Иван Андреевич
Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: командная работа, лидерство, универсальная компетенция УК-3, студенчество.

Актуальность исследуемой темы обусловлена трансформацией требований современного рынка труда, в рамках которых приоритетное значение приобретают не только профессиональные компетенции, но и развитые навыки межличностного взаимодействия, включая способность к эффективной коммуникации и кооперации.

Согласно исследованию Н. Н. Савельевой, одним из ключевых факторов профессионального успеха в инженерной деятельности является способность к командной работе, поскольку решение сложных комплексных задач в условиях индивидуальной деятельности существенно затруднено [1, с. 71]. Данное положение находит отражение и в нормативных документах: в Федеральном государственном образовательном стандарте по специальности 23.05.02 закреплена универсальная компетенция УК-3, предполагающая способность организовывать и координировать работу команды для достижения поставленных целей [4]. Вместе с

© Кизим К. П., Лукин И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

тем наблюдается противоречие между объективной необходимостью формирования командных компетенций и устойчивыми установками обучающихся, ориентированными на индивидуальное лидерство. Данное противоречие проявляется в стремлении студентов к самостоятельному выполнению задач, нежелании делегировать функции и распределять ответственность.

Понятие «команда» в современной научной литературе трактуется с различных позиций. Наиболее релевантным для инженерной сферы представляется определение, предложенное М. Н. Филатовой и В. С. Шейнбаумом, согласно которому команда — это группа специалистов с взаимодополняющими компетенциями, несущих коллективную ответственность за результат и способных к конструктивному разрешению конфликтов [2, с. 73]. Ключевым аспектом данного определения является принцип взаимодополняемости. В условиях инженерной деятельности один участник может обладать компетенциями в области расчетов, другой — в сфере моделирования, третий — в области коммуникации и управления взаимодействием с заказчиком. Учитывая междисциплинарный характер современных задач, индивидуальное владение всеми необходимыми знаниями становится практически невозможным. Кроме того, требования ФГОС предусматривают развитие общепрофессиональных компетенций, связанных с анализом сложных систем. Реализация данных требований в образовательной практике возможна преимущественно за счет эффективного обмена знаниями в рамках командной деятельности [4].

Для проверки теоретических положений мы обратились к практическому опыту. Для этого мы обратились к реальному учебному опыту. Практическая часть проходила во время пары по дисциплине “Личностное развитие и командообразование”. Программа дисциплины включает теоретические и практические модули, направленные на формирование универсальных компетенций, в том числе навыков командного взаимодействия, распределения ролей и основ лидерства. В рамках практического

занятия обучающимся было предложено выполнить задание по решению логических задач дедуктивного типа, известных как «задачи Эйнштейна». В частности, рассматривались классическая задача о «пяти домах» и более сложная «задача Джованни», характеризующаяся большим количеством условий и взаимосвязей между переменными. Для выполнения задания учебная группа была разделена на подгруппы численностью по 7 человек.

На начальном этапе выполнение задания осуществлялось индивидуально. В рамках практических занятий было выявлено, что решение подобных задач в одиночку затруднено в силу их высокой когнитивной сложности: требуется одновременное удержание значительного объема условий, построение логических таблиц и последовательный перебор возможных вариантов.

Анализ результатов показал низкую устойчивость индивидуальной деятельности: часть обучающихся смогла получить лишь фрагментарные решения, тогда как другие столкнулись с затруднениями и не завершили задание. Кроме того, временные затраты оказались значительными. С учетом наблюдений было принято решение изменить стратегию работы внутри группы и отказаться от модели с выделением одного ведущего исполнителя. Вместо этого была реализована модель распределения функциональных ролей: часть участников осуществляла визуализацию условий задачи (построение таблиц и схем), другая часть — анализ и перебор возможных комбинаций по отдельным признакам.

Такой способ сделал работу более понятной и снизил нагрузку на каждого участника группы. Результат оказался показательным. В режиме, когда каждый пытался действовать в одиночку, мы потратили очень много времени. Когда же мы перестроились на командную работу по примеру другой группы, время решения сократилось, ошибок стало заметно меньше благодаря постоянной перепроверке, да и устали мы гораздо меньше.

На основе сопоставления теоретических и эмпирических данных были выделены ключевые преимущества командной работы по сравнению с индивидуальным лидерством:

1. Суммарный эффект.

Командное взаимодействие позволяет компенсировать индивидуальные ограничения участников и повышает качество итогового результата. Распределение функций является основой создания инновационных решений, что подтверждается исследованиями зарубежного опыта [3, с. 123].

2. Устойчивость системы.

В отличие от модели с доминирующим лидером, командная структура обладает большей устойчивостью к внешним факторам (например, временной недоступности одного из участников), что достигается за счет перераспределения функций.

3. Взаимное развитие участников.

Командная работа способствует обмену знаниями и формированию профессиональных компетенций, что соответствует требованиям образовательных стандартов [4].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о снижении значимости традиционной модели индивидуального лидерства в современных условиях инженерной деятельности. В высокотехнологичных и ответственных сферах приоритетное значение приобретает способность к организации эффективного командного взаимодействия. Таким образом, компетенция командной работы (УК-3) может рассматриваться как ключевой элемент современного инженерного лидерства. Эмпирические данные подтверждают, что грамотно организованная команда демонстрирует более высокую эффективность по сравнению с индивидуальной деятельностью даже при наличии высококвалифицированного лидера.

Список источников

1. Савельева Н. Н. Опыт практико-ориентированной подготовки инженерных кадров в техническом вузе /

Савельева Н. Н., Минин М. Г. // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (128). С. 70–74.

2. Филатова М. Н. Онтология компетенции «умение работать в команде» и подходы к её развитию в инженерном вузе / М. Н. Филатова, В. С. Шейнбаум, П. Г. Щедровицкий // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 6. С. 71–82.

3. Тухбатуллина Л. М. Зарубежный опыт применения проектного обучения при подготовке специалистов полимерного профиля / Л. М. Тухбатуллина, Л. А. Сафина // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 20. С. 122–125.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 23.05.02 Транспортные средства специального назначения. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-23-05-02-transportnye-sredstva-specialnogo-naznacheniya-948/ (дата обращения: 03.04.2026).

5. Белослудцев В. С. Использование теста Р. М. Белбина для формирования команды / В. С. Белослудцев, Н. М. Добросоцкий, Д. А. Терехова // Решетневские чтения. 2019. Т. 2, № 1. С. 456–457.

УДК 316.354

Формирование социального капитала будущей инженерной элиты в условиях современных трендов высшего технического образования: вызовы и возможности

Киселева Ангелина Ивановна
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия, angelinakiseleva@internet.ru

Ключевые слова: социальный капитал, инженерная элита, высшее техническое образование, тренды образования, технологический суверенитет, МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Благодарности: работа выполнена при поддержке МГТУ им. Н.Э. Баумана в рамках научного исследования по теме диссертации «Социальный капитал будущих инженеров: проблемы формирования и управления»; автор выражает благодарность научному руководителю Надежде Витальевне Оплетиной, доценту, канд. соц. наук.

Классический тип формирования социального капитала будущих инженеров, реализующийся в границах традиционной университетской модели, представляет собой накопление *связей, норм доверия и общих ценностей* в процессе очного обучения и производственной практики [1].

В инженерном образовании социальный капитал проявляется через три ключевых компонента (по Н. Лину):

• структурный (сети контактов, институционализированные отношения);

• реляционный (нормы доверия, взаимность и обязательства);

© Киселева А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

• когнитивный (общие ценности, язык, видение и профессиональные идеалы) [2].

Все три компонента традиционно формируются через академические сообщества, где студенты осваивают не только технические компетенции, но и навыки кооперации, наставничества и коллективного решения задач.

Основная мысль работы заключается в том, что в условиях современных трендов высшего технического образования (цифровизация, проектное обучение, гибридные форматы, государственно-частное партнёрство и запрос на технологический суверенитет) компоненты социального капитала могут быть сформированы с опорой на новые формы и механизмы развития.

Исследования 2026 года подтверждают, что качество и плотность социальных сетей студентов-инженеров влияют на доступ к практическим возможностям, менторской поддержке и развитию лидерских качеств. Технические университеты интегрируют лучшие практики, ориентируясь на формирование высококвалифицированных специалистов, способных обеспечивать технологическое лидерство.

Опросы студентов технических вузов показывают, что социальный капитал сегодня формируется не только через традиционные лекции и практику, но и через добровольное участие в проектных командах, онлайн-платформах и отраслевых хакатонах.

Рассмотрим трансформацию каждого компонента социального капитала в соответствии с актуальными трендами технического образования:

1. *Структурный* компонент (сети контактов). Тренд: переход к цифровым платформам и расширению сетей за пределы одного вуза. Традиционные университетские сообщества дополняются виртуальными сетями выпускников, межвузовскими проектными платформами и отраслевыми хакатонами.

2. *Реляционный* компонент (доверие и взаимность). Тренд: проектное обучение и командная работа в гибридном формате. Удалённый и смешанный формат обучения создаёт вызовы для формирования доверия, что может быть преодолено через совместную работу в проектных командах и долгосрочных отраслевых инициативах. Высокий уровень доверия в таких командах становится одним из ключевых индикаторов принадлежности к инженерной элите.

3. *Когнитивный* компонент (общие ценности и видение). Тренд: усиление идеологии технологического суверенитета и инновационного мышления. Современное техническое образование активно транслирует ценности служения стране, лидерства в наукоёмких отраслях и инновационного решения стратегических задач.

Инженерная элита в данном контексте понимается как группа специалистов, обладающих высоким уровнем профессиональной подготовки, развитым социальным капиталом и готовностью решать стратегические задачи государства. К её индикаторам относятся: успешное участие в сложных проектных командах, наличие устойчивых профессиональных сетей, высокий уровень доверия в коллективе, а также демонстрация лидерских качеств и инновационного мышления.

На примере МГТУ им. Н.Э. Баумана видно, что вуз выступает «кузницей кадров» инженерной элиты. Выпускники занимают ключевые позиции в наукоёмкой промышленности и оборонном комплексе благодаря сформированным межпоколенческим сетям доверия. Такое позиционирование создаёт мотивационный механизм: студенты стремятся войти в профессиональную элиту через инвестирование в собственный социальный капитал. Эта роль вуза подчеркнута первым заместителем Председателя Правительства РФ Д.В. Мантуровым при вручении ордена «За доблестный труд» коллективу МГТУ им. Н.Э. Баумана [3], ректором

М.А. Гординым, отметившим подготовку «инженеров нового поколения», способных решать сложнейшие задачи для страны [4].

Социальный капитал будущей инженерной элиты рассматривается как управляемый стратегический ресурс. Автор предлагает разработать модель интеграции метрик социального капитала (количество устойчивых связей, уровень доверия в командах, степень участия в отраслевых проектах) непосредственно в образовательные программы технических вузов. Это позволит преодолеть вызовы индивидуализации и дистанционного обучения, превратив их в ресурс эффективного сетевого взаимодействия.

Компоненты социального капитала — структурный, реляционный и когнитивный — трансформируются под влиянием современных трендов технического образования. Этот процесс имеет глубокий профессиональный смысл: подготовить поколение, которое через обретение статуса инженерной элиты внесёт решающий вклад в технологическое развитие страны.

Список источников

1. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 60–74.

2. Лин Н. Социальный капитал: теория и исследовательская парадигма // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 24–35.

3. Мантуров Д. В. Выступление при вручении ордена «За доблестный труд» коллективу МГТУ им. Н.Э. Баумана 24 марта 2026 г. // Правительство России. URL: http://government.ru/news/58153/ (дата обращения: 04.04.2026).

4. Гордин М. А. Речь на церемонии награждения МГТУ им. Н.Э. Баумана // МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2026. URL: https://bmstu.ru (дата обращения: 01.07.2026).

5. Отчёт Минобрнауки РФ о развитии высшего технического образования в 2025–2026 гг. Москва, 2026.

УДК 371

Семейная книга воспоминаний православного прихода как основа укрепления семейных отношений

Коробченко Ксения Григорьевна, Коренева Вера Викторовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, K.Kor642@mail.ru

Ключевые слова: семья, ценности, семейные отношения, книга воспоминаний, межпоколенные связи, проект.

В современном обществе институт семьи переживает кризис. Размывание традиционных ценностей, рост числа разводов, ослабление межпоколенных связей и нарастающая цифровизация, подменяющая живое общение, приводят к тому, что люди всё чаще испытывают чувство одиночества даже внутри родственного круга. В этих условиях особую значимость приобретает поиск средств психолого-педагогического сопровождения семьи. Одним из таких инструментов может стать создание «Семейной книги воспоминаний» на базе православного прихода.

2025 год был объявлен в России Годом семьи, что актуализировало задачи государственной поддержки семейных ценностей и создания благоприятной среды для воспитания детей. Православный приход является уникальным социально-культурным пространством, где люди объединяются не только общим вероисповеданием, но и совместными традициями, праздниками, переживанием радостей и трудностей. Приход может стать для человека «большой семьёй». Однако потенциал приходской общины как ресурса для укрепления

© Коробченко К. Г., Коренева В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

кровнородственных связей изучен недостаточно и используется редко. Семьи нуждаются в сохранении и трансляции позитивного опыта преодоления кризисов — болезней, конфликтов, утрат. Истории реальных людей, осмысленные с духовной и психологической точек зрения, станут ориентиром для других.

Целью нашего проекта стало создание «Семейной книги воспоминаний православного прихода» как инструмента психолого-педагогического сопровождения семьи, направленного на укрепление семейных отношений через осмысление и трансляцию позитивного опыта преодоления жизненных трудностей в лоне семьи и церковной общины.

Для достижения цели были поставлены задачи:

1) Организационно-методическая. Разработана концепция книги, определены её рубрики («Семейные истории», «Трудный час», «Светлый день», «Советы психолога»), выбраны жанры повествования (интервью, эссе). Сформулированы этические принципы сбора и публикации личных историй: добровольность, анонимность участников, согласование итогового текста.

2) Исследовательская (сбор материала). Организованы встречи, интервью и творческие вечера с семьями прихода. Привлечены православные психологи для консультирования и анализа историй. Собрано 24 истории семей, в которых отражены ключевые «болевые точки» (супружеские конфликты, кризисные периоды, проблемы детско-родительских отношений, переживание утраты) и «точки роста» (общее дело, совместная молитва, приходская поддержка, преодоление обид, прощение).

3) Аналитическая (психолого-педагогическая). Для каждой истории выделены сформулированы психологические выводы и рекомендации. «Как не обесценить чувства в диалоге с подростком», «Почему важно просить прощения: восстановление доверия», «Совместная молитва как ресурс совладания со стрессом» и др.

4) Творческо-продуктивная:

a. Литературная обработка и редактура материалов.

b. Подбор иллюстраций — фотографий из семейных архивов, рисунков детей.

c. Книга издана тиражом 100 экземпляров.

d. Электронная версия размещена на сайте прихода и в социальных сетях.

5) Социально-педагогическая. Книга представлена на презентации с участием авторов, священнослужителей и приглашённых гостей - социальных работников и педагогов. Организован цикл встреч «Семейные чтения», где участники обсуждают проблемы, делятся опытом, получают консультации психолога.

Результаты реализации проекта:

1) Издана «Семейная книга воспоминаний православного прихода», включающая 24 истории с фотографиями и комментариями. Книга стала подарком для прихожан, пособием для воскресной школы и родительских собраний.

2) Участники проекта отметили, что совместное воспоминание, рефлексия трудных этапов и их осмысление с помощью психолога укрепили внутрисемейные связи и помогли по-новому взглянуть на семейную историю.

3) Усилились горизонтальные связи внутри прихода: сбор материалов и обсуждение историй привели к появлению новых совместных инициатив (семейные клубы, группы взаимопомощи), приход стал восприниматься прихожанами не только как место богослужения, но и как пространство поддержки.

4) Подход синтеза духовного опыта и психологического анализа может быть средством психопрофилактики: знакомство с опытом преодоления семьями трудностей помогает снизить тревожность, увидеть способы решения собственных проблем.

5) Проект получил отклик: материалы использованы в работе социального отдела епархии, а опыт представлен на районном методическом объединении педагогов-психологов.

6) Таким образом, «Семейная книга воспоминаний православного прихода» состоялась как средство укрепления семейных отношений. Она позволила не только сохранить и транслировать ценный семейный опыт, но и объединить людей, создать атмосферу взаимной поддержки и доверия. Обращение к семейным историям в сочетании с духовной традицией и профессиональным психолого-педагогическим сопровождением даёт положительный эффект. Мы полагаем, что данная модель может быть тиражирована в других приходах и социальных учреждениях, работающих с семьёй.

Список источников

1. Астэр И. В. Православная модель социальной работы с семьей и детьми / И. В. Астэр, Н. Ю. Кучукова // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. № 1 (15). С. 11–14.

2. Гумеров П. Семейные конфликты: профилактика и лечение. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2016. 382 с.

3. Морозова Е. А. Семейные тупики и перекрестки: психологический и духовный анализ типичных семейных проблем. Москва: Сибирская Благозвонница, 2016. 269 с.

4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Москва, 2000.

5. Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 31–49. DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2.

6. Пруцкова Е. В. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви / Е. В. Пруцкова, М. Д. Байков, Н. М. Павлов // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 50–63. DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3.

7. Торохтий В. С. Основы психолого-педагогического обеспечения социальной работы с семьей: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024.

8. Шульга Т. И. Психологическое сопровождение семьи: учебное пособие для вузов / 2-е изд. М.: Юрайт, 2024. 141 с.

УДК 316.356.2

Особенности межпоколенческих отношений в семьях современных подростков

Курмашева Карина
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kurmashevakari@yandex.ru

Ключевые слова: межпоколенческие отношения, прародители, подростки, межпоколенческая солидарность, семейная память, преемственность поколений.

Межпоколенческие отношения в семье выступают одним из ключевых факторов её стабильности как социального института и малой группы. Они выполняют важнейшую функцию культурной трансмиссии – передачи ценностей, норм и образцов поведения от

© Курмашева К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

поколения к поколению, обеспечивая тем самым непрерывность культуры общества и эффективную социализацию молодежи. Эти отношения носят долгосрочный, часто непрерывный характер на протяжении жизненного цикла семьи, динамичны и многогранны [2].

Согласно опросу, ВЦИОМ (2023), 67% семей с подростками регулярно получают помощь от прародителей, а 54% подростков называют бабушку или дедушку близким доверенным лицом, что превышает аналогичный показатель для отцов (41%). Однако при этом 38% прародителей живут отдельно, и качество общения трансформируется: живое взаимодействие уступает место опосредованным, преимущественно цифровым формам контактов.

Также подростковый возраст является критическим периодом для межпоколенческих отношений. Психологические особенности данного этапа развития – стремление к автономии, сепарация от семьи, переоценка авторитетов, формирование собственной идентичности – создают высокий потенциал для конфликтов и недопонимания между поколениями. Прародители стремятся сохранить культурную преемственность, в то время как их внуки, ориентируясь на сверстников и медиасреду, быстрее усваивают новые нормы [3].

Таким образом, проблема исследования заключается в выявлении особенностей межпоколенческих отношений в семьях современных подростков и факторов, влияющих на эти отношения.

Теоретической основой исследования послужили две концепции.

Первая – концепция межпоколенческой солидарности Верна Бенгтсона. Согласно этой модели, солидарность рассматривается как многокомпонентное явление, включающее: аффективную солидарность (эмоциональная близость, взаимная привязанность), ассоциативную солидарность (частота, тип и качество контактов), консенсуальную солидарность (степень согласия во взглядах,

ценностях и убеждениях), функциональную солидарность (обмен материальной и нематериальной помощью), нормативную солидарность (сила чувства семейного долга) и структурную солидарность (возможности для взаимодействия, определяемые географической близостью) [4].

Вторая – типология культур Маргарет Мид. Она выделила три типа культур в зависимости от направления передачи знаний между поколениями:

1) Постфигуративная культура – дети учатся у старших. Традиции и опыт предков являются главным ориентиром. Именно в таких культурах роль прародителей как хранителей мудрости максимальна.

2) Кофигуративная культура – и дети, и взрослые учатся у своих сверстников. Опыт старшего поколения перестаёт быть универсальным, возникает основа для конфликта поколений.

3) Префигуративная культура – взрослые учатся у детей. Скорость изменений настолько высока, что старшее поколение не успевает осваивать новые реалии, и молодёжь становится проводником в меняющемся мире.

Семьи современных подростков находятся на пересечении кофигуративных (ориентация на сверстников) и префигуративных (стремительное технологическое развитие) тенденций, что создаёт предпосылки для «разрыва поколений» между прародителями и внуками.

Исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей № 8».

Выборку составили 16 учеников 5 класса в возрасте 11–12 лет, из которых 8 девочек и 8 мальчиков, также 8 учеников являлись инофонами.

В качестве методики исследования было выбрано анкетирование, разработанное на основе концепции межпоколенческой солидарности В. Бенгтсона.

Проведённое исследование позволило получить результаты, показанные на рисунке 1.

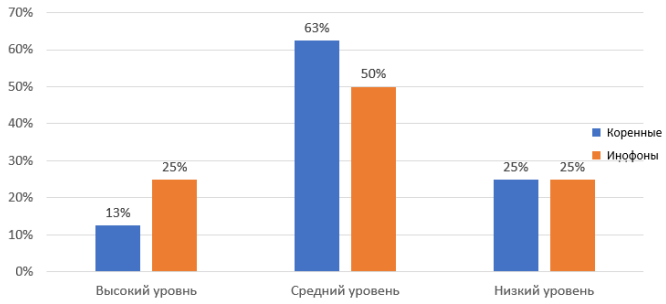


Рисунок 1. Результаты анкетирования.

Установлено, что в высокий уровень эмоциональной близости зафиксирован у 25% инофонов и у 13% коренных подростков. Средний уровень 50% у инофонов и 63% у коренных, а также низкий уровень по 25 % в обеих группах. Таким образом, в семьях инофонов межпоколенческие отношения характеризуются более высокой интенсивностью взаимодействия и выраженной инструментальной ролью подростков как культурных и языковых посредников.

Таким образом, подтверждается тенденция к «дистанционной солидарности»: территориальная разобщённость компенсируется цифровыми формами общения, однако качество такого взаимодействия может уступать живому общению в плане глубины эмоциональной связи и полноты передачи опыта [1].

Проведённое исследование показало, что межпоколенческие отношения в семьях современных подростков имеют свою специфику. Несмотря на тенденцию к территориальной разобщённости и дистанционному общению, прародители сохраняют значимую роль в жизни подростков – они выступают носителями семейной памяти, трансляторами традиционных ценностей и источником эмоциональной поддержки. Регулярность контактов положительно коррелирует с уровнем эмоциональной близости и ценностного согласия между поколениями.

Список источников

1. Будякова Т. П. Психотипы бабушек и дедушек в личном опыте школьников-подростков / Т. П. Будякова, А. Н. Пронина. // ПИиО. 2025. № 2. С. 462-476. DOI 10.32744/рве.2025.2.29.

2. Бурмыкина О. Н. Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 134–153.

3. Салихова Э. А. Особенности внутрисемейного вербального общения через поколение: бабушки-дедушки vs внуки-внучки / Э. А. Салихова, К. В. Нилова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 181–186.

4. Bengtson V. L. Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction / V. L. Bengtson, R. E. L. Roberts // Journal of Marriage & Family. 1991. Vol. 53, № 4. P. 856–869.

УДК 37.015.3

Цифровой планинг как инструмент формирования навыков самоорганизации у обучающихся физико-математической школы

Лейман Ариадна Владимировна
Институт психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ariadnalejman@gmail.com

Ключевые слова: самоорганизация, цифровой планинг, саморегуляция, мобильное приложение, старшеклассники, физико-математическая школа, личностно-деятельностный подход.

В условиях реализации ФГОС СОО и индивидуальных образовательных программ возрастает потребность в формировании у обучающихся навыков самоорганизации как ключевого условия успешной самореализации [4; 5]. Высокая академическая нагрузка, участие в олимпиадах, научно-исследовательских проектах требуют от старшеклассников осознанного управления временем, ресурсами и собственным состоянием. Цифровой планинг, реализованный в виде специализированного мобильного приложения, выступает эффективным инструментом развития метакогнитивных стратегий.

Актуальность исследования подтверждается нормативными документами: Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ [4] и ФГОС СОО [5], где самоорганизация включена в требования к личностным и метапредметным результатам.

© Лейман А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель исследования — выявить результативность цифрового планинга как инструмента формирования навыков самоорганизации у обучающихся физико-математической школы.

Объект исследования — процесс формирования навыков самоорганизации у старшеклассников.

Предмет исследования — психолого-педагогические условия формирования самоорганизации средствами цифрового планинга.

В юношеском возрасте (15–18 лет) самоорганизация приобретает особую значимость в связи с ведущей деятельностью — учебно-профессиональным самоопределением [1]. Формируются устойчивая Я-концепция, самостоятельность и зрелое самосознание, что создаёт сензитивный период для развития навыков планирования и саморегуляции.

Исследование проводилось на базе физико-математической школы-интерната ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (ФМШ СФУ). В нём приняли участие 80 обучающихся 10-х классов. Школа характеризуется индивидуальными образовательными программами, обязательным выполнением индивидуального проекта, углублённым изучением математики, физики и информатики, а также интернатным проживанием, что требует от учащихся высокой степени автономии.

Для диагностики исходного уровня самоорганизации использовались:

1. Опросник «Диагностика особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой [2];

2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения — ССП-98» В. И. Моросановой [3].

Диагностика выявила неоднородный профиль: сильные стороны — моделирование (49 % высокого уровня) и планирование (43 % высокого); критические дефициты — самостоятельность (33 % низкий уровень), гибкость (14 % низкий), оценивание результатов (16 % низкий), коррекция (53 % среднего и ниже среднего уровня, 28

% низкий) [2; 3]. Общий уровень самоорганизации по Ишкову: только 10 % высокий, 74 % средний и выше среднего, 16 % низкий. Учащиеся демонстрируют хорошие исполнительские качества, но испытывают трудности в самостоятельной коррекции действий, рефлексии ошибок и автономном управлении деятельностью.

На основе выявленных дефицитов и голографической модели А. Д. Ишкова [2] разработано авторское мобильное приложение «Цифровой планинг ФМШ». Приложение состоит из четырёх взаимосвязанных разделов, каждый из которых целенаправленно формирует конкретные компоненты самоорганизации и устраняет выявленные пробелы.

1. Главный экран – Календарь. Ученик видит весь месяц сразу, может быстро переключаться по месяцам и видеть цветовые метки важных школьных событий. Данный раздел развивает планирование и целеполагание: старшеклассник визуально наблюдает стратегические цели (подготовка к ЕГЭ, олимпиады, индивидуальный проект), что формирует навык планирования и установления сроков, а также укрепляет волевые усилия за счёт ощущения контроля над длительными периодами;

2. Раздел «Ключевые события». Список самых важных дат (контрольные, олимпиады, дедлайны проектов) с возможностью мгновенного добавления нового события. Здесь формируются анализ ситуации и коррекция: в приложении можно регулярно просматривать и обновлять список, учитывая ресурсы и риски, что развивает умение оперативно корректировать цели и планы при изменении обстоятельств;

3. Раздел «Неделя». Классическое недельное расписание с цветовой разбивкой по учебным предметам. Раздел работает с планированием и самоконтролем: ученик сразу видит плотность нагрузки, распределяет домашние задания и дополнительные активности, оценивает баланс, что способствует развитию гибкости и самостоятельности в распределении ресурсов;

4. Раздел «День». Детальный план на один день, возможность отметить выполненное и сразу увидеть, что осталось. Этот раздел развивает самоконтроль, оценивание результатов и коррекцию: ежедневная отметка выполненного формирует привычку рефлексии («что сделано, почему что-то осталось»), а визуализация остатка задач укрепляет волевые усилия и самостоятельность, переводя контроль из внешнего во внутренний.

Цифровой планинг позволяет системно развивать компоненты самоорганизации, особенно критически важные в юношеском возрасте — коррекцию, самостоятельность и рефлексивное оценивание результатов. Внедрение такого инструмента в практику ФМШ способствует формированию у обучающихся компетенций, необходимых для успешного продолжения образования и профессиональной самореализации в динамичном мире.

Список источников

1. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. Москва: Просвещение, 1968. 464 с.

2. Ишков А. Д. Голографическая модель процесса самоорганизации // Фундаментальные проблемы психологии: личность и культура: материалы научной конференции. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. С. 90–94.

3. Моросанова В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 36–45.

4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 17.05.2012 № 413.

УДК 316.6:159.972

Влияние азартных игр на психику человека

Лямин Руслан Вахаевич[1], Негреба Владислав Игоревич[2]
[1, 2] Институт нефти и газа Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1] fg.fgg.73@mail.ru
[2] vladislavnegreba1@mail.ru

Ключевые слова: психология, азартные игры, гемблинг, лудомания.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Бариновой Софье Геннадьевне, доценту.

Азартные игры являются значимым социально-психологическим феноменом, который в последние десятилетия приобрёл особую актуальность в связи с развитием цифровых технологий. Их влияние на психику человека изучается в рамках клинической психологии, нейропсихологии и психиатрии.

Цель данной работы — проанализировать влияние азартных игр на психику человека на основе современных научных исследований.

Теоретические основы изучения азартного поведения

В научной литературе азартное поведение рассматривается как форма аддиктивного (зависимого) поведения. Согласно

© Лямин Р. В., Негреба В. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

классификации DSM-5 и МКБ-11, игровое расстройство включено в категорию зависимостей наряду с химическими аддикциями [1, с. 4–5].

Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли такие исследователи, которые рассматривали патологический гемблинг как поведенческую зависимость, характеризующуюся утратой контроля и компульсивным повторением поведения.

Психологические механизмы азартных игр

Азартные игры активируют дофаминовую систему мозга, связанную с переживанием удовольствия. Переменное подкрепление (непредсказуемые выигрыши) является одним из наиболее сильных механизмов формирования зависимости. Одним из ключевых факторов является наличие когнитивных искажений: иллюзия контроля, «ошибка игрока», переоценка вероятности выигрыша. Исследования показывают, что чрезмерный оптимизм в восприятии риска способствует формированию устойчивого игрового поведения [4, с.112–115]. Особую роль играет «эффект почти выигрыша», при котором ситуация, близкая к победе, усиливает мотивацию продолжать игру, активируя те же зоны мозга, что и реальный выигрыш.

Формирование игровой зависимости

Игровая зависимость (лудомания) характеризуется следующими признаками: потеря контроля над игровым поведением, приоритет игры над другими сферами жизни, продолжение игры несмотря на негативные последствия [1, с. 5–6].

Согласно метаанализу клинических исследований, психологические интервенции оказывают средний эффект в снижении симптомов зависимости, что подтверждает её клиническую значимость [2, с. 618–622].

Кроме того, патологический гемблинг часто сочетается с другими психическими расстройствами, включая депрессию и тревожные расстройства [2, с. 624–627].

Эмоциональные последствия

Исследования показывают, что существует статистически значимая отрицательная связь между уровнем вовлечённости в азартные игры и субъективным благополучием личности. Чем выше степень игровой зависимости, тем ниже уровень удовлетворённости жизнью и счастья. Эмпирические исследования среди студентов выявили связь игровой зависимости с повышенной агрессивностью и депрессивными состояниями. Также наблюдаются: эмоциональная нестабильность, раздражительность, чувство вины и стыда [3, с. 40–42].

Когнитивные и нейропсихологические изменения

Азартные игры оказывают влияние на когнитивные процессы: — снижается способность к рациональной оценке риска, усиливается импульсивность, нарушается принятие решений. Для изучения этих процессов широко используется экспериментальная методика, разработанная Антони Бечара — «Игровая задача Айовы», позволяющая моделировать реальные ситуации выбора и риска. Она демонстрирует, что у зависимых игроков нарушено прогнозирование последствий решений [4, с. 60–64].

Современные формы азартного поведения

Современные цифровые технологии усилили распространение азартных механизмов. Это особенно опасно для подростков и молодёжи.

Исследования показывают, что:

— частота игры и финансовые вложения напрямую связаны с тяжестью зависимости;

— игровые механики обладают высоким аддиктивным потенциалом.

Социально-психологические последствия

Игровая зависимость оказывает негативное влияние не только на личность, но и на социальную сферу: ухудшение межличностных отношений, финансовые трудности, социальная, дезадаптация [1, с.

6–7; 2, с. 628–629] Таким образом, азартные игры представляют собой не только индивидуальную, но и общественную проблему.

Заключение

Анализ научной литературы показывает, что азартные игры оказывают комплексное воздействие на психику человека. Они задействуют механизмы подкрепления, формируют когнитивные искажения и могут приводить к развитию зависимости, сопровождающейся эмоциональными и когнитивными нарушениями [1, с. 7; 2, с. 630; 3, с. 48–49; 4, с. 130].

Современные исследования подтверждают необходимость профилактики, ранней диагностики и психологической помощи лицам с признаками игровой зависимости [2, с. 625–627].

Список источников

1. Азартные игры: информационный бюллетень / Всемирная организация здравоохранения. Женева: WHO, 2024. 6 с.

2. Психологическая интервенция при игровой зависимости: систематический обзор и мета-анализ / С. Коулишоу, Д. Кесслер, К. Фэруэзер-Шмидт [и др.] // Journal of Behavioral Addictions. 2023. Т. 12, № 3. С. 613–630.

3. Стельмах С. А. Компьютерно-игровая зависимость у студентов / С. А. Стельмах, Я. А. Керимова // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 2. С. 34–49.

4. Бечара А. Профессиональное руководство по игровой задаче Айовы. Лутц: Psychological Assessment Resources, 2007. 57 с.

УДК 377*378

Проблемы, выявляемые при контактной работе со студентом

Максимова Ольга Александровна[1], Гердт Евгения Николаевна[2]
[1] Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, maximo.a@mail.ru
[2] Красноярский государственный медицинский университет им. проф. Войно-Ясенецкого, Красноярский край, Красноярск, Россия, johnny20.91@mail.ru

Ключевые слова: контактная работа, геймификация, интерактивный контент, искусственный интеллект.

Термины «геймификация», «ИИ», «удаленное обучение» прочно входят в повседневную жизнь преподавателя ВУЗа и СПО [1; 4]. Так, например, на V Международном научно-педагогическом форуме «Вузовская педагогика» 2026 года большое количество докладов, например, а также круглый стол, посвящены широкому внедрению геймификации и ИИ в образовательный процесс [2]. На XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проспект Свободный» 2025 года не только отдельные доклады, но и целая отдельная секция «Человек в цифровой среде: обучение, управление, развитие» [3] посвящена технологиям в образовании. Рассматриваются как возможности создания интерактивных лекций с применением h5p контента на платформе Moodle, так и разработка полноценных приложений для обучения.

В связи с активным ростом использования удаленного обучения, дистанционных технологий и увеличения экранного

© Максимова О. А., Гердт Е. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

времени в обучении, у студента в процессе контрольного опроса по пройденному материалу все чаще проявляется не уверенное владение знаниями, а подменяющее его ощущение наличия этих знаний. Он знает, что он «где-то видел» ответ на поставленный вопрос, и «что-то такое проходил», но не готов быстро и четко отвечать, и даже не может быстро сориентироваться в имеющихся у него материалах и найти ответ. Плюс, такие рутинные задачи, как обдумывать прочитанное, заучивать отдельно взятые моменты, повторно обращаться к пройденному материалу, для современного студента кажутся банальными и не вызывают желания даже приступать к ним. Это легко объяснить с точки зрения работы человеческого мозга: получение «звездочек» («ачивок») и переходы с уровня на уровень в приложении вызывают мгновенное получение дофамина. В то время как «сесть и составить свой глоссарий» на пройденную тему или «самостоятельно вывести формулу, руководствуясь пройденным законом физики» требует усилия, тогда как дофаминовая награда за это будет получена в лучшем случае на контрольном срезе в конце темы/семестра.

Также в связи с общей доступностью искусственного интеллекта (далее ИИ), который зачастую уже встроен в поисковые системы и приложения, возникает уникальная ситуация – ответ верен, но студент не способен пояснить, как он его получил. Фактически, благодаря ИИ студент решает одну конкретную задачу, но не понимает принцип решения в целом. Поясняющие вопросы вызывают трудности. Причинно-следственные связи остаются неочевидными.

То есть, с одной стороны, технологии обеспечивают доступность образования без ограничения во времени и пространстве. С другой стороны, с их внедрением связан ряд проблем, требующих внимания преподавателей и методистов. Например, у разных людей по-разному работают каналы получения информации: для кого-то достаточно один раз услышать, чтобы

запомнить, для кого-то обязательна визуальная картинка. Но для большинства студентов, особенно СПО, условным рефлексом является сфотографировать слайд, при этом возникает ложное ощущение «раз у меня есть фото, у меня есть эта информация». В итоге изначально «сильный» студент перестает использовать свой потенциал в полную силу, не развивая критическое мышление и логические связи, считая, что он «всё знает», раз знает, где посмотреть «ответы».

В связи с вышесказанным, можно предложить следующее.

1. Лекции онлайн и офлайн целесообразно организовывать как серию мини-уроков (подтем), после каждого из которых либо задавать открытые вопросы, на которые нет однозначного ответа, чтобы привлечь аудиторию к обсуждению, либо давать короткий тест 5-7 минут на общее понимание темы, знание терминов. Такая организация занятий благотворно скажется на усвоении материала даже студентом со сформированным клиповым мышлением, позволит решить проблему сохранения внимания студента в течение классического занятия длиной 45 минут и полтора часа.

2. В целом, на аудиторных занятиях делать акцент не на воспроизведении прочитанного, а на анализе материала, дабы избегать машинальных ответов, отдавая предпочтение обдуманному аргументированному ответу.

3. При необходимости создания контента для удаленного обучения студента с применением ЭОиДОТ, важно делать контент максимально интерактивным или геймифицированным, для минимизации рассеивания внимания у студента и поддержания концентрации на должном уровне. Достаточная степень интерактивности может создать ощущение присутствия виртуального преподавателя при применении дистанционных технологий, что способствует мотивации к обучению.

Таким образом, и преподавателю, и студенту важно соблюдать баланс в применении современных технологий, а контактное время

со студентом необходимо проводить максимально качественно, стараясь работать над развитием его высших мыслительных функций, таких как анализ и синтез. Например, проводить устную проверку знаний в ходе обсуждения вопросов, требующих продемонстрировать логику, таких как, «как была получена эта цифра»? «На основании чего сделан такой вывод?»

Список источников

1. Букина Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 1. С. 76–83.

2. Программа V Международного научно-педагогического форума «Вузовская педагогика» 2026. Красноярск: КрасГМУ. 82 с. URL: https://krasgmu.ru/index.php?page%5Bcommon%5D=download&md=83deb45430faac17c38f05452349572f&cid=11&oid=339140 (дата обращения: 15.04.2026).

3. Проспект Свободный - 2025: материалы XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 21–26 апреля 2025 г. Часть II. Гуманитарные науки. Красноярск: СФУ, 2025. 2448 с.

4. Сережкина А. Е. Применение искусственного интеллекта в образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сборник статей V Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2024 г. Москва: Издательство МГППУ, 2024. С. 743–755.

УДК 378.147

Техники личностного развития будущего инженера в учебном процессе

Мельник Артем Игоревич, Орловский Павел Павлович
Институт нефти и газа Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, son2899@mail.ru

Современное инженерное образование предъявляет высокие требования не только к уровню профессиональных знаний, но и к личностным качествам будущего специалиста. Умение эффективно организовывать свою деятельность, расставлять приоритеты и поддерживать баланс между различными сферами жизни становится необходимым условием успешного обучения и последующей профессиональной реализации. В условиях высокой учебной нагрузки, совмещения аудиторной и самостоятельной работы, а также участия в проектной и научной деятельности, перед студентом инженерных специальностей остро встаёт вопрос о выработке эффективных техник самоорганизации и личностного развития [1, с. 296]. Целью данной статьи является анализ и диагностика техник личностного развития (планирование, тайм-менеджмент, колесо баланса) применительно к учебной деятельности будущего инженера, а также выявление положительного влияния рассматриваемых техник, или его отсутствие.

Планирование, опираясь на труды Азаровой О. Н., представляет собой фундаментальную технику самоорганизации, позволяющую структурировать временные и ресурсные затраты для

© Мельник А. И, Орловский П. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

достижения поставленных целей [2, с. 45]. Учебная программа для будущего инженера содержит внушительный объём работ, которые выполняются как самостоятельно, так и в группах, что актуализирует необходимость изучения и применения техник самоорганизации. грамотное планирование становится ключевым фактором успеха. В основе планирования лежит принцип декомпозиции – разбиения крупных, сложных задач на более мелкие и конкретные подзадачи.

В рамках освоения дисциплины «Личностное развитие и командообразование» перед студентами инженерных специальностей была поставлена задача не только овладеть профессиональными компетенциями, но и сформировать устойчивые навыки самоорганизации, рефлексии и эффективного взаимодействия.

А теперь рассмотрим подробнее техники и значимость их применения студентам.

Например, подготовка к экзамену по сопротивлению материалов может быть разделена на следующие этапы: повторение теоретического материала по темам, решение типовых задач, разбор сложных разделов с преподавателем, проведение самопроверки. Для реализации данной техники целесообразно использовать различные инструменты: бумажные ежедневники, цифровые календари (Google Calendar, Яндекс.Календарь), приложения-планировщики (Trello, Asana, Notion). Систематическое применение техники планирования позволяет будущему инженеру снизить уровень тревожности, повысить самодисциплину и более рационально использовать временные ресурсы [3, с. 46].

Если планирование отвечает на вопрос «что делать?», то тайм-менеджмент – на вопрос «как и когда это делать наиболее эффективно?» [4, с. 12]. Специфика инженерного образования требует от студента развитых навыков управления временем.

Одной из наиболее эффективных техник является метод «Помидора» (Pomodoro Technique), суть которого заключается в разделении работы на интервалы (обычно по 25 минут) с короткими (5 минут) перерывами. Данная техника позволяет поддерживать высокий уровень концентрации, предотвращает умственное переутомление и помогает справляться с прокрастинацией [4, с. 78]. Другой важной техникой является приоритезация задач с использованием матрицы Эйзенхауэра, согласно которой все задачи делятся на четыре категории: важные и срочные (выполняются незамедлительно), важные, но не срочные (планируются и выполняются в первую очередь, так как именно они обеспечивают долгосрочный прогресс), срочные, но не важные (по возможности делегируются), не важные и не срочные (подлежат минимизации) [2, с. 52]. Применение данной матрицы позволяет будущему инженеру сосредоточить усилия на действительно значимых учебных задачах, избегая постоянного «тушения пожаров».

Учебная деятельность будущего инженера не должна замыкаться на академических достижениях. Личностное развитие предполагает развитие всех сфер жизни: здоровья, отношений, хобби, саморазвития [5, с. 63]. Для диагностики и коррекции баланса между этими сферами эффективно применяется техника «Колесо баланса». Данная техника представляет собой круг, разделенный на 6-10 секторов, каждый из которых соответствует определенной сфере жизни. Студенту предлагается оценить по 10-балльной шкале степень своей удовлетворенности каждой сферой на текущий момент [5, с. 65]. Для будущего инженера применение «Колеса баланса» позволяет выявить диспропорции в распределении времени и усилий (например, полная фокусировка на учебе в ущерб здоровью), осознанно подойти к планированию, включив в него задачи из разных сфер жизни, предотвратить профессиональное выгорание и сформировать целостное

представление о личностном росте. Рекомендуется проводить такую диагностику регулярно (например, раз в семестр) и корректировать планы на основе полученных результатов [5, с. 67].

Освоение техник личностного развития в период обучения в вузе закладывает фундамент для профессиональной карьеры и личностного благополучия будущего специалиста.

Список источников

1. Азарова О. Н. Тайм-менеджмент в образовательном процессе вуза / О. Н. Азарова, Л. В. Азарова // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2-2. С. 296–300.

2. Архангельский Г. А. Тайм-драйв: как успевать жить и работать. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 272 с.

3. Бабич О. В. Формирование навыков самоорганизации у студентов технических специальностей // Высшее образование сегодня. 2020. № 5. С. 44–48.

4. Моргенстерн Д. Тайм-менеджмент. Искусство планирования и управления своим временем и своей жизнью. Москва: Добрая книга, 2018. 240 с.

5. Степанова Е. Ю. Техника «Колесо баланса» как инструмент самоанализа студента // Психология обучения. 2021. № 3. С. 62–68.

УДК 37.013.42

Развитие коммуникативных навыков младших подростков посредством создания социальных видеороликов

Михайлова Александра Викторовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sashamikhailova280@gmail.com

Ключевые слова: коммуникативные навыки, младшие подростки, социальные видеоролики, медиатворчество, коллективное творческое дело, цифровизация образования.

В современном информационном обществе коммуникативные навыки являются одним из ключевых качеств личности, определяющих успешность социализации, учебной и профессиональной деятельности.

Особую актуальность проблема развития коммуникативных навыков приобретает в младшем подростковом возрасте (11–13 лет). Как отмечает Д.Б. Эльконин, ведущей деятельностью подростка становится интимно-личностное общение со сверстниками, в процессе которого он осваивает социальные нормы, правила взаимодействия и формы поведения [2]. В этот период резко возрастает потребность в признании и понимании со стороны окружающих (И.С. Кон), формируется «чувство взрослости» и стремление к социальной активности (Д.И. Фельдштейн) [3; 4]. Однако, как показывает педагогическая практика, уровень сформированности коммуникативных навыков у современных подростков зачастую не соответствует их возрастным

© Михайлова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

потребностям, что приводит к коммуникативным трудностям, конфликтам и неуверенности в процессе взаимодействия.

Ситуация усугубляется активной цифровизацией всех сфер жизни. С одной стороны, расширяются возможности общения, с другой – снижается уровень непосредственного межличностного взаимодействия, что негативно сказывается на развитии навыков живого общения, эмпатии и сотрудничества [5]. В связи с этим возникает необходимость поиска таких педагогических средств, которые, во-первых, соответствуют возрастным потребностям подростков, во-вторых, учитывают современные реалии цифровой среды, в-третьих, обеспечивают активное включение подростков в совместную деятельность.

Одним из средств развития коммуникативных навыков младших подростков является создание социальных видеороликов. Данная форма медиатворчества сочетает в себе творческую активность, использование информационно-коммуникационных технологий и социальное взаимодействие. Социальный видеоролик (социальная реклама) определяется как вид некоммерческой рекламы, ориентированной на изменение моделей общественного поведения и привлечение внимания к проблемам социума [10]. А.В. Ковалева выделяет информационную, идеологическую, социоинтегративную и воспитательную функции социальной рекламы, реализация которых делает деятельность по созданию роликов общественно значимой и педагогически ценной [11].

Как отмечает И.Н. Емельянова, эффективным способом выхода подростка из кризиса «чувства взрослости» является именно общественно значимая деятельность, в рамках которой разрешается противоречие между стремлением к самостоятельности и недостаточными социальными возможностями [12]. В процессе создания социальных видеороликов подросток получает возможность проявить инициативу, развивать интеллектуальные, коммуникативные и

творческие способности, осваивать новые социальные роли, учиться взаимодействовать с окружающими, принимать решения и нести ответственность за результат.

Особого внимания заслуживает тот факт, что создание социальных видеороликов может быть эффективно организовано на основе технологии коллективного творческого дела (КТД), разработанной И.П. Ивановым. КТД представляет собой совместную деятельность участников, направленную на улучшение окружающей жизни и имеющую практический результат [13]. Технология включает последовательные этапы: предварительную работу, коллективное планирование, коллективную подготовку, проведение дела, коллективный анализ и ближайшие последствия. Каждый из этапов предполагает активное взаимодействие участников, обсуждение, распределение ролей и совместное принятие решений.

Рассмотрим, как на каждом этапе КТД развиваются коммуникативные навыки младших подростков. На этапе предварительной работы осуществляется обсуждение актуальной социальной проблемы, что требует умения слушать и аргументировать свою позицию. Коллективное планирование предполагает разработку идеи и сценария, распределение ролей, что формирует умение договариваться и учитывать мнение других. В ходе коллективной подготовки подростки совместно решают организационные вопросы, что развивает навыки сотрудничества и взаимопомощи. Этап проведения дела (видеосъёмка и монтаж) требует согласованных действий и ответственности за общий результат. Подведение итогов и коллективный анализ способствуют развитию рефлексии и умению принимать обратную связь. Особое значение имеет этап ближайших последствий, на котором подростки оценивают реакцию аудитории на созданный ролик, что усиливает мотивацию и формирует чувство значимости собственной деятельности.

Таким образом создание социальных видеороликов, организованное на основе технологии коллективного творческого дела, является эффективным средством развития коммуникативных навыков младших подростков, поскольку сочетает медиатворчество, коллективное взаимодействие и общественно значимую активность. Использование данной технологии в педагогической практике позволяет создать условия для активного включения подростков в совместную деятельность, обогащения их социального опыта и последовательного развития таких коммуникативных умений, как аргументация, сотрудничество, саморегуляция, рефлексия и восприятие обратной связи.

Список источников

1. Эльконин Д. Б. Психология развития. М.: Академия, 2014. 144 с.

2. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 2012. 512 с.

3. Колыхматов В. И. Новые возможности и обучающие ресурсы цифровой образовательной среды: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: ГАОУ ДПО «ЛОИРО», 2020. 157 с.

4. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 2018. 368 с.

5. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2017. 384 с.

6. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 288 с.

7. Шешукова Е. И. Возможности социального развития подростков в процессе медиатворчества // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 5. С. 183–187.

8. Ковалева Т. М. Коммуникативная компетентность подростков в условиях цифровой среды // Вестник педагогических исследований. 2021. № 4. С. 67–73.

УДК 37.01

Становление кинопедагогики в системе политпросвещения молодежи Енисейской губернии в 1920-е годы: историко-педагогическая реконструкция

Мосинцев Даниил Дмитриевич
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, daniilkel73@mail.ru

Ключевые слова: кинопедагогика, медиаобразование, политпросвещение, Енисейская губерния, 1920-е годы, историко-педагогическое исследование, региональная специфика.

Зарождение и последующее интенсивное развитие кинопедагогики в 1920-е годы обусловливалось совокупным воздействием трёх магистральных факторов общественно-педагогического характера. Первый вектор связан с научно-педагогическими изысканиями: в русле концептуальных построений трудовой политехнической школы, разрабатывавшихся П.П. Блонским, С.Т. Шацким и А.Г. Калашниковым, классический принцип наглядности обрёл новую технологическую интерпретацию. В рамках этой парадигмы кинематограф квалифицировался как «ожившая наглядность» — медиум, в наибольшей степени соответствующий запросам эпохи технического прогресса [2, с. 102]. Второй вектор формировался в лоне педологии, представители которой (в частности, П.П. Блонский и Л.С. Выготский) рассматривали кино в качестве мощного генератора визуальных символов. Согласно их

© Мосинцев Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

воззрениям, данный медиум обладал способностью не только продуцировать коллективные представления, но и опосредовать протекание психических процессов, оказывая тем самым глубокое воздействие на сознание аудитории [3, с. 92]. Третья тенденция — государственный идеологический заказ, сформулированный в трудах Н.К. Крупской и А.В. Луначарского, которые легитимизировали кинематограф как важнейшее «идеологическое оружие» для формирования нового социалистического сознания [5, с. 125].

Анализ архивных документов показывает, что централизованно формируемый, но адаптируемый на месте фильмофонд Енисейского Губполитпросвета включал несколько тематических блоков. Первый блок — агитационно-хроникальные и научно-популярные фильмы (например, «Киноправда» Дзиги Вертова), использовавшиеся для оперативной трансляции достижений советской власти и партийных решений. Второй блок — учебные фильмы по ликвидации безграмотности и основам политграмоты, визуализировавшие базовые понятия новой идеологии («совет», «эксплуатация», «кооперация») для малограмотной аудитории. Третий блок — игровые фильмы с революционной и производственной тематикой («Броненосец «Потёмкин»», «Мать»), служившие материалом для дискуссий о классовой борьбе и коллективном труде. Четвертый блок — фильмы по сельскохозяйственной и технической пропаганде, наиболее релевантные для губернии с ее аграрным характером и развивающейся промышленностью (лесозаготовки, золотодобыча).

Согласно инструкциям и отчетным документам, стандартизированная методика киносеанса включала три обязательных этапа. Первый этап — вступительная беседа лектора, в ходе которой обозначалась тема, формулировались ключевые вопросы и задавалась целевая установка для внимательного просмотра. Второй этап — демонстрация фильма. Третий этап —

заключительная беседа-обсуждение, где лектор, опираясь на заранее подготовленные методические материалы (листовки, конспекты), помогал зрителям «прочитать» идеологический посыл фильма, связывая увиденное с реалиями местной жизни. В отчетах киномехаников с горных приисков особо отмечалась эффективность фильмов по технике безопасности и гигиене труда, которые непосредственно соотносились с производственным опытом аудитории [8, с. 15].

Архивные материалы (фонд Р-93, опись 4, дело № 49) свидетельствуют о формировании в Енисейской губернии разветвленной сети кинопросветительных учреждений. В частности, в отчетах Уполитпросвета за декабрь 1920 года фиксируется наличие секции «Фото-Кино», заведующий которой одновременно исполнял обязанности по руководству народными домами и клубами. В ведении Политпросвета находились стационарные и подвижные кинематографы. Например, разъездной демонстратор с кинематографом «Кок» посетил 18 селений в уезде, дав 36 сеансов с общим охватом 5050 человек. В городах (Канск, Минусинск, Ачинск) действовали стационарные электротеатры, часть из которых была перепрофилирована под культурно-просветительные задачи.

Анализ переписки (фонд Р-93, опись 4, дело № 21) выявляет системные проблемы: острая нехватка квалифицированных лекторов-кинопедагогов, технические трудности (изношенность оборудования, низкое качество копий фильмов), сезонный характер работы (снижение активности летом из-за сельхозработ). Несмотря на это, кинопедагогическая деятельность постепенно расширялась.

Выполненная реконструкция позволяет заключить, что становление кинопедагогики в Енисейской губернии в 1920-е годы являло собой адаптацию общегосударственной модели к местным условиям. Данный феномен можно характеризовать как вариант «передвижной педагогики», решавший одновременно несколько

задач: обеспечение идеологического заказа по политической социализации подрастающего поколения; содействие социокультурной модернизации региона (знакомство с инновациями, новыми трудовыми практиками); выработку приемов адаптации образовательных технологий к этнокультурным характеристикам зрителей. Эти закономерности сохраняют значение для современных подходов к медиаобразованию, особенно в условиях полиэтничного государства и возрастающей роли визуальных коммуникаций.

Список источников

1. Блонский П.П. Педология. М.: Работник просвещения, 1925. 318 с.

2. Блонский П. П. Трудовая школа // Избранные педагогические произведения. М.: Издательство АПН РСФСР, 1961. С. 102–145.

3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.

4. Калашников А. Г. Очерки марксистской педагогики. М.: Работник просвещения, 1929. 216 с.

5. Крупская Н.К. О культурно-просветительной работе: сборник статей и речей. М.: Просвещение, 1957. 350 с.

6. Левшина И.С. Любите ли вы кино?. М.: Искусство, 1978. 254 с.

7. Луначарский А. В. О народном образовании. М.: Издательство АПН РСФСР, 1958. 540 с.

8. Рабинович Ю. М. Принципы изучения кино в школе: методический материал в помощь учителю. Курган, 1969. 62 с.

9. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону: Издательство ЦВВР, 2001. 708 с.

10. Шацкий С. Т. Школа и строительство жизни // Педагогические сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Просвещение, 1964. С. 54–78.

УДК 377.001.895

Интеграция генеративных нейросетей в процесс профессиональной подготовки педагогов: методологический аспект

Орлов Николай Валерьевич
Херсонский государственный педагогический университет, Херсон, Россия

Ключевые слова: генеративные нейросети, профессиональная подготовка педагогов, ИИ компетенция.

Современное профессиональное образование активно внедряет технологии искусственного интеллекта (ИИ), что меняет содержание и методы подготовки педагогов. Актуальность исследования связана с противоречием между широким распространением ИИ-инструментов и отсутствием проработанных методик их интеграции в учебный процесс. Цель работы — обосновать методологический подход к использованию генеративных нейросетей в подготовке педагогов на основе компетентностной модели и экспериментально проверить его эффективность.

Цифровая зрелость преподавателя становится ключевым фактором успешности обучения [1]. Генеративные модели способны выступать интеллектуальными партнерами при проектировании

© Орлов Н. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

занятий [2]. Однако на практике педагоги применяют нейросети без понимания методологических основ, что снижает качество подготовки. Для решения проблемы разработана структурно-функциональная модель, включающая целевой, содержательный, технологический и оценочный блоки. В ее основе - компетентностный подход и антропологический принцип (ИИ расширяет возможности человека, но не заменяет его). Целевой блок нацелен на формирование ИИ-компетенции из трех компонентов: когнитивного (принципы работы нейросетей), операционального (навыки промптинга и верификации) и этического (границы применения ИИ, авторские права).

Содержательный блок включает модуль «Генеративные нейросети в профессионально-педагогической деятельности» (36 часов). Технологический блок реализуется через метод проектов: разработка сценариев уроков с учетом индивидуальных особенностей, создание дидактических материалов, генерация оценочных средств, моделирование педагогических ситуаций. Используется также метод «перевернутого класса», развивающий навыки самостоятельного поиска и проверки информации. Оценочный блок дополняет традиционные формы портфолио, где фиксируется вся история взаимодействия с нейросетью — от промпта до итоговой педагогической оценки.

Эксперимент проводился в 2024–2025 учебном году на базе Сибирского федерального университета. Участвовали 96 студентов направления «Профессиональное обучение», разделенных на экспериментальную (ЭГ, n=48, работа с нейросетями) и контрольную (КГ, n=48, традиционное обучение) группы. Результаты показали: качество материалов в ЭГ составило 8,2 балла против 6,7 в КГ (прирост 22,4%), вариативность решений выросла на 77,8% (3,2 против 1,8 варианта), временные затраты сократились на 34%. 87% участников ЭГ отметили, что нейросети помогли лучше понять логику конструирования занятий.

Выявлены риски: «иллюзия компетентности» у 12,5% студентов, этическая неопределенность [3], технологическая зависимость у 15% [4]. Для их преодоления разработан алгоритм рефлексивного анализа (фиксация промпта, выявление не менее трех ошибок в ответе нейросети, уточняющие запросы, итоговая оценка). Это позволило увеличить количество выявляемых ошибок с 1,2 до 4,5 на студента и полностью снять риск иллюзии компетентности к концу эксперимента.

Перспективы связаны с разработкой методик критической оценки ИИ-контента и адаптацией модели для системы повышения квалификации (краткосрочные модули 24–36 часов). Таким образом, предложенная модель способствует формированию ИИ-компетенций, развитию проектировочных умений и профессиональной рефлексии будущих педагогов.

Список источников

1. Вербицкий А. А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Педагогика. 2020. № 1. С. 12–21.

2. Блинов В. И. Технологии искусственного интеллекта в профессиональном образовании / В. И. Блинов, И. С. Сергеев, Е. Ю. Есенина // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. № 2 (53). С. 26–41.

3. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. Москва: Академия, 2021. 368 с.

4. Стриханов М. Н. Технологическая зависимость в образовании / М. Н. Стриханов, Н. А. Гончарова // Высшее образование сегодня. 2023. № 5. С. 2–9.

УДК 82.09

Работа со сказкой как элемент сопровождения социально-психологической адаптации первоклассников к школе

Пасецкая Анастасия Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, paseka009871@mail.ru

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, первоклассники, работа со сказкой (сказкотерапия), психолого-педагогическое сопровождение, ФГОС НОО.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Марии Александровне Волковой, старший преподаватель.

Актуальность исследования. Поступление в школу является переломным моментом в жизни ребенка, знаменуя смену ведущей деятельности с игровой на учебную и освоение новой социальной роли. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) в качестве приоритетных задач определяет создание условий для гармоничного личностного развития и социальной компетентности младших школьников [1].

Несмотря на разработанность общих подходов к психолого-педагогическому сопровождению (М.Р. Битянова, Л.И. Божович), поиск конкретных методов, делающих адаптацию мягкой и естественной для вчерашних дошкольников, сохраняет актуальность. В этом контексте особый интерес представляет

© Пасецкая А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

работа со сказкой. Согласно Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, сказка позволяет воздействовать на ценностно-смысловую сферу личности, минуя защитные механизмы психики, и создает безопасное пространство для проживания сложных ситуаций.

Цель исследования: выявить и описать условия работы со сказкой в первом классе как элемента сопровождения социально-психологической адаптации к школе.

Гипотеза: процесс социально-психологической адаптации первоклассников будет проходить более успешно, если в первые полгода обучения организовать работу со сказкой, включающую: смысловой анализ сказочных сюжетов как метафор школьных ситуаций; групповую работу по обсуждению и творческой интерпретации сказок; коллективную творческую деятельность (КТД), направленную на создание общего продукта; совместные домашние задания с родителями.

Организация и методы исследования. Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе МБОУ «Гимназия № 16» г. Красноярска. В исследовании приняли участие 60 первоклассников: экспериментальная группа (ЭГ, n=30) и контрольная группа (КГ, n=30). Диагностический комплекс включал: методику «Выявление школьной тревожности у детей» (Е.Р. Горелова), проективную методику «Дерево» (Д. Лампен, адаптация Л.П. Пономаренко), а также наблюдение и анкетирование родителей. На констатирующем этапе обе группы были сопоставимы по ключевым параметрам: низкий уровень тревожности зафиксирован у 37% в обеих группах, средний – у 57% (ЭГ) и 60% (КГ), высокий – у 6% и 3% соответственно.

Содержание формирующей работы. Для ЭГ была разработана и реализована программа из 8 занятий. Занятия строились по принципу постепенного усложнения: от пассивного восприятия сказки к анализу, ролевому чтению, пересказу и самостоятельному сочинению с использованием карт В.Я. Проппа. В программе

использовались сказки «Маша и Медведь», «Репка», «Гуси-Лебеди», «Красная Шапочка», «Теремок» и др. Каждый сюжет выступал метафорой школьной ситуации (адаптация к новым условиям, взаимопомощь, соблюдение правил). Групповая работа организовывалась со случайным составом команд для предотвращения изоляции отдельных детей. КТД включала создание «Уголка сказок родителей», общего плаката по «Теремку» и итоговой «Книги сказок первого класса». Совместные домашние задания предполагали чтение по ролям, обсуждение морали, сочинение и иллюстрирование сказок вместе с родителями для создания эмоционально-поддерживающей среды.

Результаты и их обсуждение. На контрольном этапе (после проведения формирующей работы) была выявлена положительная динамика в обеих группах, однако в ЭГ изменения оказались более выраженными. По методике Гореловой низкий уровень тревожности в ЭГ вырос с 37% до 57% (в КГ – с 37% до 47%), средний уровень снизился с 57% до 43% (в КГ – с 60% до 53%). Высокий уровень тревожности в ЭГ полностью исчез (был 6%), в КГ также снизился до 0% (был 3%). По проективной методике «Дерево» (самооценка социально-психологического благополучия) в ЭГ доля детей с «хорошими» позициями (активная включённость в коллектив) увеличилась с 40% до 47%, а с «неблагополучных» позиций (изоляция, замкнутость) не осталось ни одного ребенка (было 7%). В КГ «хорошие» позиции выросли с 33% до 37%, «неблагополучные» снизились с 3% до 0%. Доля «нейтральных» позиций («рядом, но не вместе») в ЭГ сократилась с 30% до 17% (в КГ – с 37% до 30%), что свидетельствует о более активном включении первоклассников ЭГ в межличностное взаимодействие.

Полученные данные подтверждают эффективность разработанной программы. Смысловой анализ сказок снизил эмоциональное напряжение через метафорическое проживание трудностей. Групповая работа и КТД способствовали развитию

коммуникативных навыков и чувства принадлежности к классу. Вовлечение родителей через совместные задания укрепило детско-родительские отношения и создало для ребёнка «надёжный тыл» в период адаптации.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.02.2026).

2. Работа психолога в начальной школе / М. Р. Битянова, Т. В. Азарова, Е. И. Афанасьева [и др.]. М.: Совершенство, 1998. 358 с.

3. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. Санкт-Петербург: Речь, 2000. 310 с.

4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 2001. 144 с.

5. Цукерман Г. А. Введение в школьную жизнь: программа адаптации детей к школьной жизни / Г. А. Цукерман, К. Н. Поливанова. М.: Московский центр качества образования, 2010. 120 с.

УДК 37.015.3

Формирование ответственности младших подростков через социально значимую деятельность

Романова Александра Андреевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alex.rom.217.12@gmail.com

Ключевые слова: ответственность, младшие подростки, диагностика, констатирующий эксперимент, социально значимая деятельность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю канд. психол. наук, доценту Олегу Владимировичу Евтихову.

В условиях реализации ФГОС основного общего образования (Приказ № 287 от 31.05.2021 г.) формирование ответственности у подрастающего поколения становится одной из приоритетных задач. Подростковый возраст является сензитивным периодом для становления этого качества благодаря развитию рефлексии, «чувства взрослости» и потребности в самоутверждении [1].

Социально значимая деятельность рассматривается в современной педагогике как эффективное средство формирования ответственности [2; 4]. Прежде чем разрабатывать соответствующую программу, необходимо провести точную диагностику исходного уровня развития данного качества. В статье представлены результаты констатирующего этапа эксперимента,

© Романова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

целью которого являлось выявление исходного уровня сформированности ответственности у младших подростков.

Исследование проводилось на базе МАОУ «СШ №16 им. Героя Советского Союза Цукановой М.Н.» г. Красноярска. Выборку составили 27 обучающихся 5-го класса (11 лет).

Для диагностики использовались две методики:

1. «Экспресс-диагностика ответственности» Л.А. Косолаповой позволяет оценить поведенческий компонент ответственности (добросовестность, надежность, выполнение обязательств). Результаты интерпретируются по трем уровням: высокий (60–84 балла – внутреннее принятие ответственности), средний (37–59 – ситуативная ответственность), низкий (12–36 – избегание обязательств).

2. «Диагностика ответственности подростков» М.А. Осташевой оценивает три ключевых вида ответственности: дисциплинарную (перед правилами), за себя (саморегуляция) и за другого (в коллективной деятельности) [3]. Уровни: высокий (41–50 баллов), средний (25–40), низкий (10–24).

Результаты по методике Л.А. Косолаповой. Общий уровень ответственности распределился следующим образом: высокий – у 4 учащихся (15%), средний – у 16 (59%), низкий – у 7 (26%). Большинство пятиклассников демонстрируют ответственное поведение только при внешнем контроле (таблица 1).

Таблица 1. Уровень ответственности младших подростков (методика Л.А. Косолаповой)

Уровень	**Количество учащихся (чел.)**	**Доля от выборки (%)**
Высокий	4	15
Средний	16	59
Низкий	7	26

Результаты по методике М.А. Осташевой представлены в таб. 2.

Таблица 2. Выраженность компонентов ответственности (методика М.А. Осташевой)

Компонент ответственности	**Уровень**	**Кол-во уч. (чел.)**	**Доля (%)**
Дисциплинарная	Высокий	2	7
	Средний	18	67
	Низкий	7	26
За себя	Высокий	2	7
	Средний	15	56
	Низкий	10	37
За другого	Высокий	1	4
	Средний	19	70
	Низкий	7	26

Дисциплинарная ответственность сформирована лучше (74% имеют средний и высокий уровень). Это объясняется трансляцией внешних норм школой и семьей.

Ответственность за себя оказалась наиболее проблемной зоной: 37% учащихся демонстрируют низкий уровень. Это проявляется в неумении планировать деятельность и прогнозировать последствия своих решений, что подтверждает тезис Е.В. Ишмаметьевой о связи ответственности с развитием самооценки [1].

Ответственность за другого у 70% учащихся находится на среднем уровне, что является важным ресурсом для дальнейшей работы. Это говорит о психологической готовности подростков к коллективной социально значимой деятельности.

Ситуативный характер ответственности (59%) и низкий уровень саморегуляции (37%) подтверждают наличие разрыва между стремлением к взрослости и реальной способностью отвечать за свои поступки [6]. Наличие среднего уровня

ответственности за другого у большинства учащихся создает благоприятную почву для внедрения формирующей программы. Как отмечает А.В. Савин, коллективная деятельность позволяет «запустить» механизм перехода от внешней регуляции к внутренней мотивации [4].

Констатирующий эксперимент показал, что у большинства младших подростков (59%) преобладает ситуативный уровень ответственности, зависящий от внешнего контроля. Высокий уровень выявлен лишь у 15% учащихся, низкий — у 26%. Эти данные согласуются с положениями Д.И. Фельдштейна о том, что подростковый возраст является периодом становления, но еще не завершенного формирования личностных новообразований [5].

Выявлен дисбаланс в структуре ответственности: при относительно сформированной дисциплинарной ответственности (74%) наблюдается дефицит ответственности за себя (низкий уровень у 37%). При этом ответственность за другого у 70% учащихся находится на среднем уровне, что является ресурсом для дальнейшей работы. Как отмечает М.А. Осташева, именно ответственность за другого в общем деле представляет собой высший уровень развития этого качества [3].

Полученные данные обосновывают необходимость разработки программы формирования ответственности через социально значимую деятельность с акцентом на развитие рефлексии, самоорганизации и постепенное повышение самостоятельности учащихся [2; 4].

Список источников

1. Ишмаметьева Е.В. Развитие самооценки в школьном возрасте // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 56–70.

2. Лукина А. К. Социальные практики взросления ребенка. Красноярск: СФУ, 2021. 104 с.

3. Осташева М. А. Диагностика ответственности подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 3. С. 41–51.

4. Савин А. В. Педагогические условия формирования ответственности личности учащихся подросткового возраста // Арт-талант. 2023. № 2 (17). С. 24–29.

5. Фельдштейн Д. И. Психология взросления. Москва: МПСИ, 2004. 437 с.

УДК 37.062.3

Атрибуция ответственности студентов СФУ

Рыжкова Дарья Михайловна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, darja-04@mail.ru

Ключевые слова: атрибуция ответственности, локус контроля, студенты, позиция.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Финогеновой Ольге Николаевне, доценту, канд. психол. наук.

Предметом исследования является отношение к учебе современного студента, или позиция студента. Позиция студента состоит из отношений к учебной деятельности и всем её компонентам (одногруппникам, преподавателям, администрации ВУЗа, даже зданию университета, а для некоторых и родителям [6]), активности проявления себя в поведенческом аспекте (то, насколько я адаптирован и позволяю себе проявляться в этом

© Рыжкова Д. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

обществе) [2], атрибуции ответственности между субъектами образовательного процесса и ведущих мотивов в обучении. В статье приводится исследование атрибуции студентами ответственности, то есть субъективное приписывания ответственности участникам образовательных отношений, - то есть себе (студенту), родителям, педагогам.

В 2026 г. организован опрос студентов 8 институтов Сибирского федерального университета, выборка составила 179 человек.

Результаты:

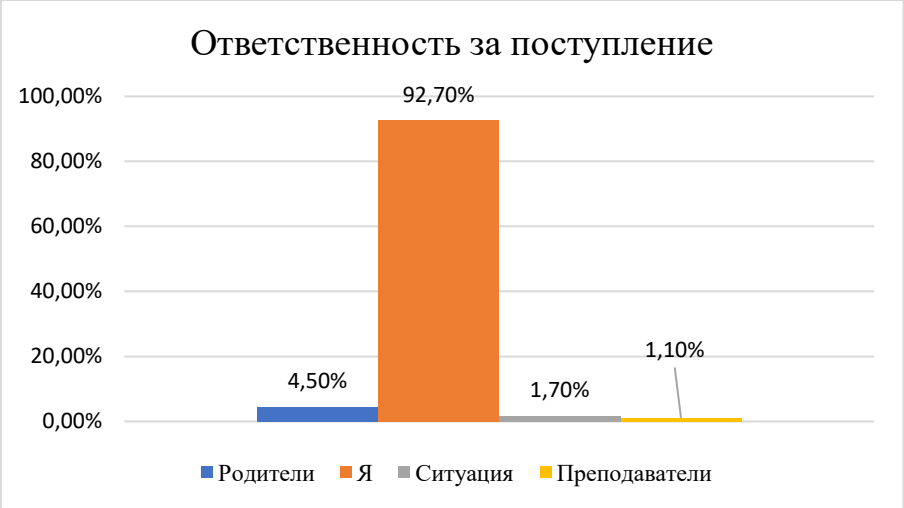


Рисунок 1. Ответственность за поступление в СФУ.

Как мы можем наблюдать на диаграмме, большинство студентов (92,7%) поступали самостоятельно и осознанно, 4,5% – сделали выбор под влиянием родителей, 1,7% – доверились ситуации, 1,1% – поступили ради хороших преподавателей.

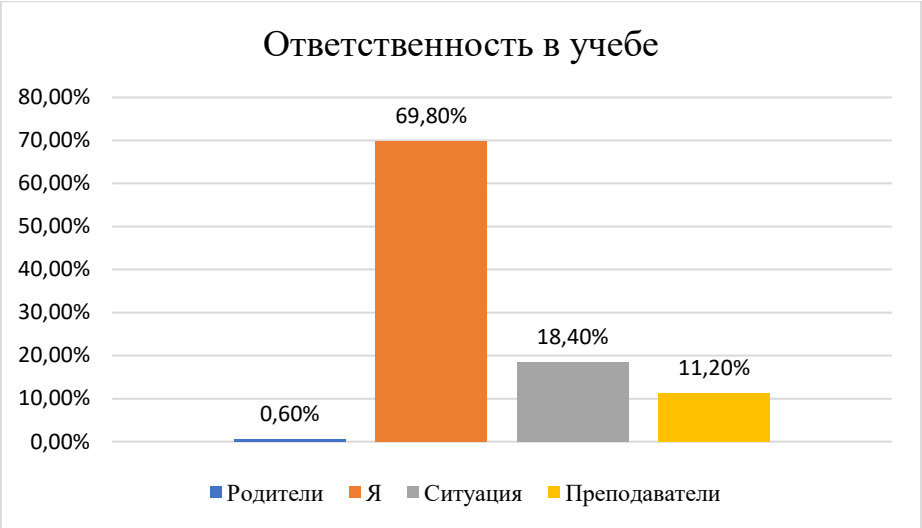


Рисунок 2. Ответственность за обучение в СФУ.

Большинство студентов (69,8%) также учатся по собственной инициативе, однако доля влияния ситуации на обучение 18,4%, а доля участия родителей в учебной деятельности сократилась до 0,6%. Контент-анализ ответов на кейсы представлен в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Ответы ситуация 1

Преподаватель выше студента	**Студент выше преподавателя**	**Студент и преподаватель равны (оба правы)**	**Студент и преподаватель равны (оба неправы)**	**Другое**
40 (22,3%)	104 (58,1%)	17 (9,5%)	10 (5,6%)	8 (4,5%)

Для большинства студентов в ситуации спора между позициями студента и преподавателя приоритет отдаётся студенту (58,1%), однако для 22,3% преподаватель ставится выше, при этом существуют варианты, в которых обе позиции равны, но при этом они также делятся на общенегативную оценку (9,5%) и общепозитивную (5,6%).

Таблица 2. Ответы ситуация 2

Родитель выше студента	**Студент выше родителя**	**Гедонизм за счет родителей**	**Компромисс без результата**	**Иной план**	**Другое**
29 (16,2%)	104 (58,1%)	28 (15,6%)	7 (3,9%)	7 (3,9%)	4 (2,2%)

В ситуации конфликта интересов студента и родителя большинство (58,1%) выступит за студента, но 16,2% выступят за интересы родителя. Вариант отсрочить выбор и жить у родителей выбрали 15,6%, 3,9% выступают за компромисс, не ожидая определённого результата, 3,9% имеют другой план на случай подобного конфликта.

Список источников

1. Гладкая И. В. Особенности взаимодействия преподаватель-студент, студент-студенты в новых условиях образовательного процесса // Педагогическая наука и практика в условиях цифровизации образования: новые вызовы и решения: сборник докладов X научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 02 июня 2020 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. С. 212–218.

2. Касумова М. Р. Влияние личностных особенностей старших подростков на их социальную активность / М. Р. Касумова, Ю. К. Сороколетова // Оригинальные исследования. 2025. Т. 15, № 1. С. 151–155.

3. Митрухина С. В. Социально-психологические исследования межличностных отношений в образовательной среде: краткий обзор // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2025. № 3 (53). С. 76–81.

4. Палей С. Ф. Модель наставничества «студент – студент» как эффективный механизм сопровождения студентов во время учебы в профессиональной образовательной организации // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Год

педагога и наставника: сохраняя прошлое, создаем будущее: материалы Международной научно-практической конференции. Кемерово, 26–27 апреля 2023 года. Кемерово: Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, 2023. С. 185–187.

5. Петрова Т.Э. Социология студенчества в России: этапы и закономерности становления. Санкт-Петербург: Бельведер, 2000. 244 с.

6. Шаброва Н.В. Взаимодействие студентов и их родителей как фактор минимизации образовательных рисков // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 4. С. 29–41.

УДК 37.01

Коммуникация современных младших школьников цифровой среде: проблема безопасности

Саенко Полина Дмитриевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pelageya082004@mail.ru

Ключевые слова: безопасная коммуникация, цифровая среда, младшие школьники, психолого-педагогические условия, совместная деятельность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Лутошкиной В.Н., доценту кафедры общей и социальной педагогики, кандидату педагогических наук.

© Саенко П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Современные младшие школьники включены в цифровую среду с первых лет обучения, однако их коммуникативная компетентность часто не успевает за темпами цифровизации. В своей работе мы опираемся на идеи Л.С. Выготского о социальной природе развития ребёнка и положения Г.А. Цукерман о сотрудничестве как условии развития в младшем школьном возрасте. Проблема в том, что массовая школа пока не располагает системой занятий, которая целенаправленно формировала бы у второклассников осознанное и ответственное поведение в чатах и мессенджерах [1; 4].

Цифровая среда общения привлекает детей, прежде всего, скоростью и доступностью контакта: с помощью мессенджеров и чатов ребёнок может мгновенно связаться с другом, поделиться впечатлениями, обсудить школьные события и продолжить общение вне стен класса. В чатах и социальных сетях ребёнок ощущает принадлежность к группе. Лайки, знаки одобрения и игровая коммуникация помогают младшему школьнику выстраивать цифровой образ и пробовать разные формы ролевого поведения. Отдельным достоинством такой среды выступает право самостоятельно начинать разговор. Однако опосредованное общение серьёзно отличается от прямого. Эффект анонимности, разделенность в пространстве и времени, работа через экран и нехватка зрительных, слуховых подсказок меняют восприятие диалога. Дети слабее считывают настроение того, с кем переписываются. Импульсивность растёт, а планка допустимой грубости снижается. В случае со второклассниками, еще не владеющими в нужной мере приемами эмоциональной регуляции и пониманием чужой точки зрения, эти особенности среды оборачиваются высокими рисками. Речь идет о давлении ровесников, травле в сети, обмене резкими и обидными фразами, а также о частых встречах с информацией, достоверность которой

никем не подтверждена или которая содержит скрытое воздействие.

Актуальность изучения безопасной цифровой коммуникации напрямую связана с законодательной необходимостью формирования у детей устойчивых навыков безопасного взаимодействия в сети, в том числе в формате мессенджеров, чатов и платформ, которые уже используются в образовательном процессе. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет, что образовательная организация обязана создавать условия, обеспечивающие безопасность обучающихся, в том числе экономическую, социальную, психологическую и иные виды безопасности. В том же контексте закон предусматривает обязанность школ оказывать психолого-педагогическую, медико-социальную и коррекционную помощь обучающимся, испытывающим трудности в социализации, адаптации и поведении, в том числе в ситуации цифровых рисков [3].

На текущий момент тема цифровой безопасности детей является мало исследованной, но в последние годы отмечается значительный рост работ и статей, направленных на раскрытие рисков и формирования навыков безопасного поведения в цифровой среде. В частности, исследования НИУ ВШЭ и Московского государственного психолого-педагогического университета.

Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливает правовую основу информационной безопасности детей и регулирует доступ к цифровому контенту, в том числе через интернет-ресурсы и цифровые платформы [4].

Замысел исследования заключается в том, чтобы выявить и апробировать такие психолого-педагогические условия, которые позволяют перенести навыки уважительного диалога из реальной жизни в цифровую среду, а также сформируют у второклассников

навыки безопасной коммуникации в цифровой среде. В этой связи целесообразно задать вопросы о том, насколько современный младший школьник готов к общению в цифровой среде, помогает ли школа в освоении цифрового этикета и понимании рисков, а сознательно ли ребёнок выбирает безопасные формы общения. Именно на эти вопросы и направлена данная ВКР, которая была проведена на базе МАОУ КУГ № 1 «Универс» г. Красноярска.

Эмпирическая база – МАОУ КУГ № 1 «Универс» г. Красноярска. В ходе констатирующего этапа (наблюдение, опрос учеников, интервью с учителем, методики «Дорога к дому» и «Рукавички») мы обнаружили, что для большинства детей характерен средний уровень коммуникативной деятельности: они владеют базовыми умениями вступления в контакт и использования невербальных средств, однако испытывают трудности в поддержании диалога, эмоциональной отзывчивости, организации совместной деятельности и конструктивном разрешении конфликтов. Не все дети считают нужным рассказывать родителям о буллинге в чате, опасаясь наказания, конфискации гаджета или того, что «мама всё скажет учителю и станет только хуже». Многие вообще не осознают, что из негативного чата можно спокойно выйти и что неприятное видео или сообщение можно заблокировать, скрыть из ленты или скрыть отображение пользователя, чтобы больше не видеть его контент. В результате ребёнок остаётся в состоянии постоянного напряжения, не имея ни практических инструментов защиты, ни ясного понимания, к кому и зачем можно обратиться за помощью.

Таким образом можно подчеркнуть, что цифровая среда открывает для младших школьников новые возможности для общения и социализации, но при этом создаёт повышенные риски для их психической и информационной безопасности. Введение целенаправленных психолого-педагогических условий и занятий по безопасной цифровой коммуникации в начальной школе позволяет

не только снизить риск девиантного поведения, но и формировать у детей осознанную, ответственную и уважительную культуру общения в сети.

Список источников

1. Выготский Л. С. Мышление и речь; 2-е изд., доп. Москва: Лабиринт, 2007. 352 с.

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 42. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/8a2ef3d550b182b12707927d61572a4cb473aa03/ (дата обращения: 04.03.2026).

3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 21.12.2010 № 436-ФЗ. Ст. 5. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Цукерман Г. А. Совместное учебное действие: решённые и нерешённые вопросы // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 4. С. 51–59.

УДК 37.047.58

Роль молодёжных центров в профилактике социальной дезадаптации подростков посредством профориентации

Сидорина Анна Игоревна[1], Жолудева Ирина Леонидовна[2]
[1, 2] Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1] sidorina0812@mail.ru
[2] zoludevakolosov@gmail.com

Ключевые слова: молодёжный центр, профилактика, социальная дезадаптация, подростки, профориентация, профессиональное самоопределение, социализация.

Социальные трансформации постпандемического периода обострили проблему подростковой дезадаптации, проявляющейся в росте безработицы, образовательной депривации и психологических расстройств среди молодежи. В этих условиях молодёжные центры как институты социализации приобретают новое значение, требуя переосмысления их профилактического потенциала через призму профессионального самоопределения. Исследование их роли становится не только научно значимым, но и социально востребованным ответом на вызовы времени, когда традиционные формы поддержки оказываются недостаточно эффективными.

Ключевая проблема современной системы профориентации в молодёжных центрах заключается в её фрагментарности и отсутствии системного подхода, что снижает способность

© Сидорина А. И., Жолудева И. Л., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

противостоять маргинализации подростков из групп риска. Разрозненные мероприятия, не учитывающие индивидуальные потребности и социальный контекст, не формируют у подростков устойчивых жизненных стратегий, способствующих интеграции в общество. Это приводит к воспроизводству порочного круга: недостаток профессиональной идентичности усугубляет социальную исключённость, которая, в свою очередь, ограничивает возможности профессионального развития.

Социальная дезадаптация подростков проявляется в нарушении взаимодействия с социальной средой и характеризуется снижением эффективности коммуникации, затруднениями в выполнении социальных ролей и нарушением норм поведения. Её формирование обусловлено комплексом психологических особенностей личности, семейными дисфункциями и социокультурными факторами, включая маргинализацию и дефицит позитивных социальных моделей. «Предполагалось, что в особой дефицитарной социальной ситуации развития под влиянием негативного социального контекста затруднено формирование мотивационной готовности к профессиональному самоопределению. Выявлены значимые различия в уровне развития мотивационной готовности к профессиональному самоопределению учащихся школы для детей с девиантным поведением, воспитанников интерната для детей-сирот и учащихся общеобразовательной школы» [1, с. 154].

Длительная дезадаптация способствует укоренению девиантного поведения и снижению образовательной мотивации, что проявляется в пропусках занятий, падении успеваемости и повышенном риске преждевременного прекращения обучения. Вследствие образовательной депривации у подростков сокращаются профессиональные возможности и возрастает вероятность низкоквалифицированной занятости в зрелом возрасте. Ограничение социальных перспектив ведёт к устойчивой

маргинализации и снижению уровня социальной интеграции, что отражается на экономической самостоятельности и качестве жизни.

Систематическая профориентационная работа способствует формированию профессиональной идентичности подростков за счёт диагностики их способностей и ценностных ориентаций, что облегчает осознанный выбор профессии. Кроме того, такие практики восполняют дефицит социальных связей, создавая альтернативные каналы поддержки и социализации. В результате у подростков развиваются коммуникативные и ролевые компетенции, повышается чувство принадлежности к профессиональному сообществу и снижается риск социальной дезадаптации.

Молодёжные центры выполняют двойную функцию: обеспечивают социализацию через групповое взаимодействие и формируют профессиональные ориентации посредством тренинговых программ. В рамках групповых форм деятельности создаются условия для формирования коммуникативных компетенций, навыков сотрудничества и устойчивых социальных связей, способствующих интеграции подростков в социальные структуры. Профориентационные тренинги систематизируют представления о профессиональных ролях и требованиях, способствуя формированию профессиональных установок и планированию дальнейшего профессионального развития.

Молодёжные центры становятся эффективной площадкой для профилактики социальной дезадаптации подростков при условии, что их деятельность строится на основе индивидуального подхода, активного вовлечения подростков в практическую работу и тесного взаимодействия с образовательными организациями. Такой комплексный подход способствует формированию у подростков устойчивых жизненных и профессиональных стратегий.

Список источников

1. Арон И. С. Мотивация к профессиональному самоопределению подростков, находящихся в особой социальной ситуации развития // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. № 1. С. 154–164.

2. Кропивянская С. О. Эффективные отечественные практики профориентации школьников // Школа будущего. 2023. № 5. С. 6–10.

3. Сафин Н. В. Детские общественные объединения как социальный институт воспитания взрослеющих субъектов // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2. С. 367–371.

4. Тоистева О. С. Профессиональное самоопределение подростков: актуальность, проблемы, пути решения // Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 60–64.

УДК 37.013.77

Развитие коммуникативных навыков младших подростков средствами коллективно-творческой деятельности

Сородник Анна Андреевна
Институт педагоги, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, a.sorodnik.ru@mail.ru

Ключевые слова: коммуникативные навыки, младшие подростки, цифровая социализация, коллективная творческая деятельность, совместная деятельность, коммуникативные УУД.

© Сородник А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Современная социокультурная ситуация характеризуется стремительной трансформацией коммуникативного пространства детства. Обучающиеся младших классов всё больше времени проводят в виртуальной среде, что закономерно приводит к дефициту непосредственного межличностного общения и качественному изменению процессов формирования личности [6]. Указанная тенденция обостряет проблему социальной изоляции, снижения эмпатии и неготовности обучающихся к конструктивному диалогу в реальной жизни. Особую остроту данная проблема приобретает на этапе завершения начального общего образования.

Традиционно в возрастной психологии период 10–11 лет относится к младшему школьному возрасту. Однако современные реалии — ускорение психосоциального развития под влиянием обилия информации и раннего включения в цифровую среду — приводят к смещению возрастных границ. Современные четвероклассники демонстрируют признаки, характерные для младшего подросткового возраста: повышенное внимание к сверстникам, стремление к автономии, рефлексию собственного положения в группе и острую потребность в признании. При этом именно на этот сензитивный период приходится пик коммуникативных затруднений, усугубленных виртуализацией общения: дети испытывают сложности в аргументации, неспособность к конструктивному разрешению конфликтов и недостаточную готовность к продуктивному командному взаимодействию. Стратегия развития воспитания до 2030 года и Профессиональный стандарт «Педагог-психолог» акцентируют внимание на необходимости создания условий для формирования навыков взаимоуважения и конструктивного взаимодействия в среде сверстников [3; 4].

В современной образовательной практике сложилось противоречие: с одной стороны, государственные стандарты

требуют от выпускников начальной школы высокого уровня владения коммуникативными умениями, с другой — педагоги испытывают недостаток апробированных инструментов для решения этой задачи в условиях нарастающей виртуализации общения.

Методика коллективной творческой деятельности (КТД), разработанная И.П. Ивановым [1] создает условия для развития коммуникации. Воспитательный потенциал КТД соответствует актуальному тренду современного образования — развитию навыков через сотрудничество и проектность.

Коллективная творческая деятельность представляет собой такую организацию совместной деятельности детей и взрослых, при которой все члены коллектива участвуют в планировании, проведении и анализе общего дела, имеющего творческий характер и социальную значимость. Структура КТД включает шесть последовательных стадий: предварительная работа, коллективное планирование, коллективная подготовка, проведение дела, коллективное подведение итогов и ближайшее последействие [1].

Именно эта логика — от совместного замысла к коллективному воплощению и рефлексии — создает уникальные педагогические условия для развития коммуникативных навыков. В отличие от фронтальных форм работы, где коммуникация часто сводится к ответам на вопросы учителя, КТД ставит младшего подростка в позицию субъекта деятельности. Ребенок вынужден вступать в реальные коммуникативные отношения: договариваться о распределении ролей, аргументировать свою идею перед микрогруппой, конструктивно реагировать на критику, нести ответственность за общий результат. В процессе совместного планирования и рефлексии происходит не только усвоение социальных норм, но и формирование уверенного поведения.

Как отмечают исследователи цифрового поколения, современные младшие подростки, погруженные в виртуальное

пространство гаджетов, не имеют достаточного опыта построения эффективного межличностного взаимодействия в ходе учебно-познавательной деятельности [5]. Дефицит коммуникативных навыков приводит к повышению конфликтности и даже проявлениям буллинга в детском коллективе. В противовес пассивному потреблению цифрового контента и индивидуализации досуга, КТД возвращает ребенка в ситуацию «живой» совместной работы, где коммуникация становится не самоцелью, а необходимым инструментом достижения общей, значимой для коллектива цели. Это позволяет компенсировать дефициты, порожденные виртуализацией общения, и создает условия для естественного развития навыков диалога, сотрудничества и взаимопонимания.

Таким образом, коллективная творческая деятельность позволяет педагогу не бороться с последствиями цифровизации запретами, а создавать альтернативное пространство живого сотрудничества, в котором коммуникативные навыки формируются естественно — через совместное творчество, ответственность и радость общего успеха. Систематическое использование КТД в образовательном процессе, предполагающее активное взаимодействие обучающихся, совместное планирование и реализацию творческих дел, а также рефлексию опыта коллективного взаимодействия, способствует преодолению коммуникативных затруднений, характерных для современного цифрового поколения.

Список источников

1. Иванов И. П. Энциклопедия коллективных творческих дел. Москва: Педагогика, 1989. 208 с.

2. Приказ Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования».

3. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года: проект / ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания». Москва, 2025.

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.07.2015 № 514н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)».

5. Влияние интернета на формирование личности в современном обществе / В. Н. Лутошкина, Е. С. Гарская, Е. В. Гончарова [и др.] // Социология. 2025. № 4. С. 154–158.

6. Лутошкина В. Н. Образование в VUCA-мире. Начальная школа: трансформация цифрового детства // Медиация в образовании: поликультурный контекст: материалы III Международной конференции. Красноярск: СФУ, 2022. С. 158–162.

УДК 159.9

Трансформация представлений о дружбе у подростков

Суханова Анастасия Витальевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, asukhanova-pp22@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: подростковый возраст, представления о дружбе, интимно-личностное общение, цифровая социализация, образовательная среда, диагностические методики.

Проблема дружбы – одна из ключевых в психологии развития. В подростковом возрасте дружеские отношения становятся пространством для раскрытия личности и формирования

© Суханова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

идентичности. Согласно Д. Б. Эльконину, именно интимно-личностное общение со сверстниками выступает ведущей деятельностью этого возраста [5].

Дружба по Мясищеву – это избирательное, эмоционально насыщенное отношение к другому, основанное на потребности в близости и взаимопонимании, не сводимое к деловым или ролевым связям [3]. Однако современные исследования фиксируют трансформацию представлений о дружбе под влиянием цифровых технологий, а также различий социокультурной среды [2].

Современная социокультурная ситуация характеризуется изменениями межличностных отношений под воздействием многих факторов. Как показывают исследования, ценность дружбы остаётся доминирующей, между тем способы и формы её проявления меняются [4].

В связи с этим выявляется необходимость переосмысления традиционных представлений о дружбе в подростковом возрасте, а также понимания того, какие характеристики современные подростки вкладывают в понятие «дружба» и как социокультурная среда и цифровизация влияют на эти представления.

Нами была сформулирована следующая гипотеза: предполагается, что представления современных подростков о дружбе, сохраняя некоторые базовые ценности, имеют специфические особенности по сравнению с классическими описаниями, проявляющиеся большей прагматичностью дружеских отношений на фоне развития индивидуализма, поликультурности и смены ценностных ориентиров, и дифференцируются в зависимости от гендерной принадлежности, типа образовательного учреждения, а также опыта дружеских отношений в цифровом пространстве.

Опираясь на данные исследования И.С. Кона и В.А. Лосенкова [1], мы также можем предположить, что у девушек доминируют

эмоционально-экспрессивные характеристики, у юношей – инструментально-деятельностные.

Анализ существующих диагностических методик выявил их существенные ограничения. Анкета «Настоящий друг» (А. С. Прутченков) не учитывает цифровую специфику дружбы, не дифференцирует онлайн- и офлайн-контекст и уязвима для социальной желательности. Методика «Направленность личности в общении» (С.Л. Братченко) ориентирована на изучение профессионального общения взрослых, не адаптирована для дружеских отношений подростков. Методика незаконченных предложений (Д. Сакс, С. Леви) трудоёмка, содержит устаревшие формулировки и даёт качественные, а не количественные данные. Методика ДМО (Т. Лири) имеет несогласованные версии, разработана для клинических условий и измеряет стиль поведения, а не когнитивные представления о дружбе. Эти ограничения обосновывают необходимость разработки авторского диагностического инструментария.

На эмпирическом этапе исследования предполагается использование авторской анкеты-опросника «Представления о дружбе», разработанной с учётом выявленных ограничений существующих методик. Структуру анкеты составили 6 блоков: общие представления о дружбе (когнитивный компонент), образ друга и нормы дружбы (аффективный и нормативный компоненты), самооценка как друга (поведенческий компонент), дружба в цифровой среде, тип дружбы (диагностика мотивации) и социально-демографические данные.

Таким образом, проведённый теоретический анализ позволил систематизировать подходы к пониманию дружбы в подростковом возрасте, выявить базовые ценности и современные трансформации, а качественный анализ существующих методик лег в основу авторского инструмента диагностики для дальнейшего эмпирического исследования.

Список источников

1. Кон И. С. Проблемы исследования юношеской дружбы / И. С. Кон, В. А. Лосенков // Советская педагогика. 1974. № 10. С. 35–45.

2. Кузнецова О. Е. Особенности представлений о дружбе у современных подростков (на примере городских и сельских подростков) / О. Е. Кузнецова, Е. А. Царева // Молодой ученый. 2019. № 31 (269). С. 118–119.

3. Мясищев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. Бодалева А. А. Москва: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2003. 398 с.

4. Савиных А. И. Проявление дружбы у современных подростков: ценность, отношение, переживание // От детства к взрослости: вариации нормы и особенности развития: сборник докладов VII и VIII Межвузовских конференций молодых ученых. Москва, 1 июня 2022 г., 1 июня 2023 г. Москва: МПГУ, 2024. С. 52–57.

5. Эльконин Д. Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / Д. Б. Эльконин, Т. В. Драгунова. М.: Прогресс, 2004. 282 с.

УДК 373.5:004.9:57

Применение симуляционной игры «БИОС-3: Космическая экосистема» в рамках интенсивной смены «Одарённые дети Красноярья»: результаты педагогической апробации

Сухоруков Владислав Витальевич[1,2], Округина Анастасия Константиновна[1,2], Митрофанова Софья Кирилловна[1,2], Трифонов Сергей Викторович[1,2]

[1]Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия, aokrugina@sfu-kras.ru

[2]Институт биофизики СО РАН, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: симуляционная игра, БИОС-3, STEAM-образование, геймификация, биология в школе, замкнутая экосистема, педагогическая апробация.

Современная школьная биология располагает мощным концептуальным аппаратом — понятиями гомеостаза, фотосинтеза, трофических цепей, круговорота веществ. Тем не менее эти понятия нередко остаются для учащихся абстракцией, оторванной от реальных процессов. STEAM-подход, ориентированный на межпредметную интеграцию и активное применение знаний, предлагает инструменты преодоления этого пробела. Среди них особое место занимают симуляционные игры: мета-анализ Garpar & Tayour (2015) показал, что они обеспечивают статистически значимо более глубокое концептуальное понимание, чем традиционные лабораторные работы [1]. Таким образом, создание

© Сухоруков В. В., Округина А. К., Митрофанова С. К., Трифонов С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

научно-образовательных игр на основе значимых советских и российских экспериментов является актуальным.

Игра «БИОС-3: Космическая экосистема» реализована на языке Python 3.8+ с использованием библиотек Tkinter и Matplotlib. Программа запускается на любом школьном компьютере (Windows, macOS, Linux) без установки дополнительного серверного ПО, дополнительно создана web-версия для мобильных устройств (рис. 1). Нарративной основой служит реальный советский эксперимент БИОС-3 (ИБФ СО РАН, Красноярск, 1972–1984 гг.) — первая в мире биологическая система жизнеобеспечения с высокой степенью замкнутости массообменных процессов [2]. Игровой цикл: экипаж из трёх человек должен прожить на орбитальной станции 14 игровых суток. Каждый «день» система пересчитывает балансы по реальным физиологическим константам БИОС-3: потребление O_2 — 0,84 кг/чел./сут, выделение CO_2 — 1,0 кг/чел./сут, потребление воды — 2,5 л/чел./сут, скорость фотосинтеза — 0,18 кг $O_2/м^2$/сут. Игроку доступны восемь действий, каждое из которых соответствует теме программы биологии 8–11 классов по ФГОС ООО и требует управления ресурсами (вода, энергия, биомасса, отходы).

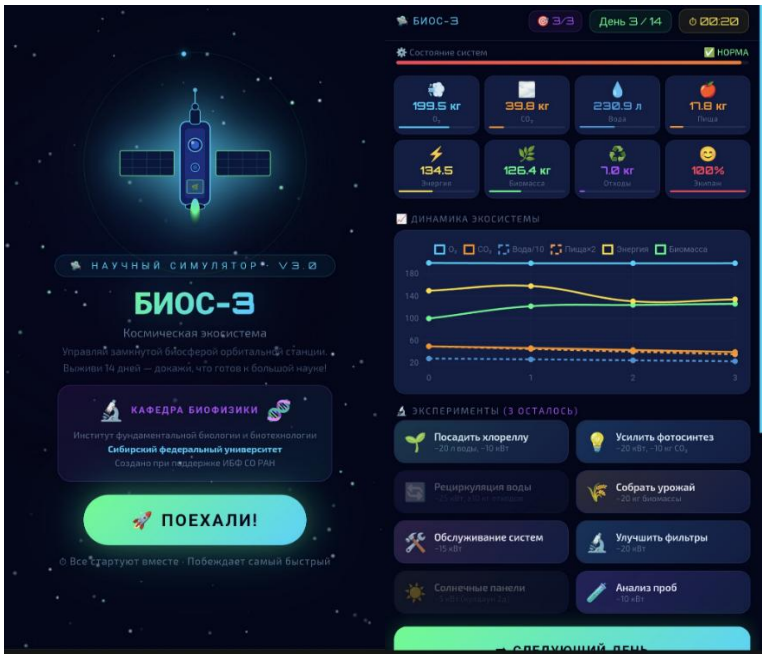


Рисунок 1. Интерфейс web-версии игры для мобильных устройств.

Апробация проводилась в феврале-апреле 2026 года в рамках выездных интенсивных смен, организованных по программе «Одаренные дети Красноярья» регионального центра «Спутник» в двух городах Сибирского федерального округа: г. Минусинска и г. Красноярска, соответственно. Выборка: 50 учащихся 8–11 классов (26 юношей, 24 девушки). Каждый сеанс — 45 минут (один урок): краткое введение о БИОС-3 (5 мин.), самостоятельная игра, постигровая анкета и групповое обсуждение (10 мин.). Инструментарий: авторская анкета из 15 пунктов по 5-балльной шкале Ликерта (1 — «совершенно не знаю», 5 — «знаю отлично»). Блоки: когнитивный (7 вопросов о биологических понятиях), мотивационный (5 вопросов об интересе к STEAM), эргономический (3 вопроса об интерфейсе). Первые два блока заполнялись до и после игры; третий — только после. Статистическая оценка проводилась на основе парного t-критерия Стьюдента, $p < 0,05$.

Все зафиксированные различия статистически значимы ($p < 0,001$). Таблица 1 представляет средние значения по ключевым показателям анкеты ($n = 50$).

Таблица 1. Результаты анкетирования учащихся до и после апробации ($n = 50$)

Показатель анкеты	**До игры M ± SD**	**После игры M ± SD**	**Δ**	**p-value**
Понимание фотосинтеза	2,8 ± 0,7	4,2 ± 0,5	+1,4	<0,001
Баланс экосистемы (круговорот)	2,5 ± 0,8	4,1 ± 0,6	+1,6	<0,001
Роль CO_2/O_2-цикла	2,3 ± 0,9	4,0 ± 0,6	+1,7	<0,001
Интерес к биологии	3,0 ± 1,0	4,5 ± 0,5	+1,5	<0,001
Межпредметные STEAM-связи	2,7 ± 0,8	4,3 ± 0,5	+1,6	<0,001

Окончание таблицы 1.

Показатель анкеты	**До игры M ± SD**	**После игры M ± SD**	**Δ**	**p-value**
Понимание замкнутых систем	2,1 ± 0,7	4,1 ± 0,6	+2,0	<0,001
Умение анализировать данные	2,4 ± 0,8	3,9 ± 0,6	+1,5	<0,001

Примечание: M — среднее, SD — стандартное отклонение, Δ — прирост после игры.

Наибольший прирост зафиксирован по показателю «Понимание замкнутых систем» (Δ = +2,0 балла) — именно этот концепт является основным нарративным принципом игры. Значимо вырос показатель роли CO_2/O_2-цикла (Δ = +1,7). Средний прирост по всем когнитивным показателям — 1,6 балла. Интерес к межпредметным STEAM-связям вырос на Δ = +1,6 балла. 84% участников (42 из 50) оценили игровой процесс на «4» или «5» по 5-балльной шкале. Ни один из 50 учащихся не завершил 14-дневную миссию без экспериментов. Среднее число экспериментов за сеанс — 8,3 (диапазон: 5–13).

Симуляционная игра «БИОС-3: Космическая экосистема» представляет собой доступный, научно-обоснованный STEAM-инструмент для учащихся 8–10 классов. Апробация на 50 школьниках подтвердила высокую эффективность: средний прирост знаний по биологии — +1,6 балла ($p < 0,001$), 84% положительных оценок вовлечённости.

Благодарности: Авторы выражают признательность учащимся школ Красноярского края, принявшим участие в апробации, региональному центру «Спутник» и преподавателям кафедры биофизики ИФБиБТ СФУ.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FWES-2024-0041).

Список источников

1. Геймификация в современном образовательном процессе / Н. В. Быстрова, Н. А. Бакулина, А. В. Гнездин [и др.] // Журнал прикладных исследований. 2022. № 5 (6). С. 416–425.

2. Анализ динамики замкнутости массообменных процессов в экспериментальной модели биологической системы жизнеобеспечения / Ю. В. Бархатов, С. А. Ушакова, А. А. Тихомиров [и др.] // Журнал Сибирского федерального университета. Биология. 2023. № 16 (4). С. 522–535.

УДК 37

Психолого-педагогическое сопровождение адаптации детей раннего дошкольного возраста к условиям ДОУ

Чепчигашева Елизавета Аркадьевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chepchigasheva.elizaveta2003@mail.ru

Ключевые слова: адаптация, дети раннего возраста, дошкольная образовательная организация, психолого-педагогическое сопровождение, семья, эмоциональное благополучие, ДОУ.

© Чепчигашева Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Поступление ребенка раннего дошкольного возраста в детский сад является новой социальной ситуацией развития. На этом этапе ребенок сталкивается с необходимостью соблюдать иной режим дня, вступать в контакт с незнакомыми взрослыми и сверстниками, принимать правила коллективной жизни. В практике ДОУ это может проявляться тревожностью, плаксивостью, нарушением сна и аппетита, регрессивными формами поведения, повышенной утомляемостью. Следовательно, адаптация требует педагогически организованной поддержки [1-3].

Сущность сопровождения

Психолого-педагогическое сопровождение представляет собой системную деятельность педагогов и специалистов, направленную на сохранение эмоционального благополучия ребенка, предупреждение дезадаптационных реакций и создание условий для полноценного включения в образовательную среду. Нормативная база дошкольного образования закрепляет приоритет охраны здоровья детей и психолого-педагогической поддержки семьи [1; 2]. Федеральная образовательная программа дошкольного образования подчеркивает значимость сотрудничества с родителями как необходимого условия реализации образовательного процесса [3]. Следовательно, сопровождение должно охватывать не только ребенка, но и систему отношений «ребенок - семья - педагог - образовательная среда».

Основные направления сопровождения

Сопровождение адаптации целесообразно строить поэтапно. Подготовительный этап начинается до первого посещения группы и включает беседу с родителями, уточнение особенностей режима, привычек и возможных факторов тревоги, а также рекомендации по постепенному включению ребенка в режим ДОУ. На основном этапе, в первые недели посещения детского сада, приоритетными становятся установление доверительного контакта, снижение эмоционального напряжения, дозированное включение в

режимные моменты и игру. Воспитатель использует устойчивые ритуалы встречи и прощания, спокойный темп общения, игровые способы переключения внимания; педагог-психолог при необходимости проводит наблюдение и консультирует взрослых. На завершающем этапе оценивается динамика состояния ребенка: принятие режима, снижение тревожности, восстановление сна и аппетита, появление интереса к игре и общению. При затрудненной адаптации объем помощи расширяется [4].

Условия эффективности

Эффективность сопровождения зависит от согласованности действий педагогов и родителей, профессиональной готовности воспитателя к работе с детьми раннего возраста и их семьями, а также от эмоциональной организации среды. Когда взрослые предъявляют ребенку единые требования и используют сходные стратегии поддержки, адаптационный период протекает мягче. Современные исследования показывают, что успешная адаптация связана не только со знанием возрастных особенностей, но и с развитостью диагностических, коммуникативных и консультативных компетенций педагога [5]. Необходим и постоянный мониторинг, позволяющий своевременно заметить неблагоприятную динамику и скорректировать тактику помощи.

Заключение

Подводя итог следует сказать, что психолого-педагогическое сопровождение адаптации детей раннего дошкольного возраста к условиям ДОУ представляет собой систему профилактических, диагностических и консультативных мер, объединяющих работу воспитателя, педагога-психолога и семьи. Его содержание включает предварительную подготовку ребенка и родителей, поддержку в первые недели посещения детского сада и последующий анализ результатов адаптации. Практическая ценность сопровождения состоит в снижении выраженности стрессовых реакций,

предупреждении затяжной дезадаптации и создании условий для благополучного вхождения ребенка в образовательную среду.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

2. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155: редакция от 08.11.2022 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования».

3. Приказ Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования».

4. Н. А. Каргапольцева. Психолого-педагогическое сопровождение детей дошкольного и школьного возраста как проблема современного образования и семьи / Каргапольцева Н. А., Сапаркызы Ж. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 2 (230). С. 24–29.

5. Кокшарова С. Л. Исследование уровня профессиональных компетенций по работе с семьями, имеющими детей раннего возраста, у педагогов дошкольного образования // Концепт. 2023. № 10. С. 102–118. DOI 10.24412/2304-120X-2023-11098.

УДК 821.161.1

История создания и развития гражданской обороны в городе Усолье-Сибирское Иркутской области

Чирко Елена Викторовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sev220376@mail.ru

Ключевые слова: гражданская оборона.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Колокольниковой Зульфии Ульфатовне, канд. пед. наук, доценту Сибирского федерального университета.

Целью исследования является анализ этапов развития гражданской обороны для сопоставления с этапами военной и гражданской истории России.

Метод исследования – анализ исторических (архивных) материалов, анализ исследований, исторической литературы.

Первый шаг исследования посвящено установлению этапов развития гражданской обороны в России.

Первый этап

• март 1918 Комитет революционной обороны опубликовал обращение «К населению Петрограда и его окрестностей».

• 1920 организована первая добровольная оборонная организация, известная как Военно-научное общество (ВНО) / 1926 Общество содействия обороне СССР (ОСО).

Второй этап

© Чирко Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

• март 1923 основано массовое добровольное общество, получившая название Общество друзей Воздушного флота (ОДВФ) Добровольное общество друзей химической обороны и промышленности (Доброхим СССР) АВИАХИМ.

• 23 января 1927 на совместном заседании делегатов Всесоюзного съезда АВИАХИМа и участников пленума ОСО было создано Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ.

Третий этап

• 4 октября 1932 Советом народных комиссаров СССР принято Положения о противовоздушной обороне СССР; местной противовоздушной обороны (МПВО).

• 15 июля 1961 Постановлением Совета Министров СССР МПВО была преобразована в гражданскую оборону.

• 1980 впервые за всю историю существования гражданской обороны Совета Обороны Союза ССР был утвержден «План ГО СССР».

Четвертый этап

• 1989 создание в структуре Правительства специального органа - Государственной комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям.

• 1990 постановлением Совета Министров была учреждена Государственная система по предупреждению и действиям в чрезвычайных ситуациях.

• 1990 Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «Об образовании Российского корпуса спасателей».

Пятый этап

• 1992 г. создана Единая государственная система предупреждения и ликвидации ЧС (РСЧС), предназначенная для реализации государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

• 1994 Российский корпус спасателей становится Министерством РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Второй шаг исследования – определение ключевых событий развития гражданской обороны в Усолье-Сибирском.

Первый этап

• Гражданская оборона в городе Усолье-Сибирское ведет свою историю со 2 сентября 1979 года, приказом № 126 при городском исполнительном Совете народных депутатов был создан первый штаб гражданской обороны города.

• 1980 впервые за всю историю существования гражданской обороны Совета Обороны Союза ССР был утвержден «План ГО СССР». В городе план гражданской обороны разрабатывался штабом ГО и службами гражданской обороны города.

Второй этап

• 12 июня 1993 года произошло важное событие: по приказу Забайкальского регионального центра штаб гражданской обороны был переформирован в управление по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций города Усолье-Сибирское.

Третий этап

• 2009 по постановлению главы администрации муниципального образования города Усолье-Сибирское было создано МКУ «Служба г. Усолье-Сибирское по вопросам ГОЧС и ПБ».

Структура и содержание функций ГОЧС изменялось на каждом этапе как ответ на запрос государства на защиту граждан от воздушных, химических, ядерных, природных и техногенных угроз.

На современном этапе происходит обогащение списка угроз безопасности, на первое место выдвигаются информационные риски. Соответственно происходит и развитие средств гражданской обороны.

Список источников

1. Ильинский А. Г. Земля Усольская: очерки истории района с древнейших времён до начала Гражданской войны. Т. 1 / А. Г. Ильинский, В. П. Скороход Иркутск: Усольские новости и мировые репортажи, 2005. 206 с.: ил.

2. Тихонов Е. Н. Очерки истории Усольского района / Е. Н. Тихонов Усолье-Сибирское, 2000. 168 с.: ил.

3. Лохов В. В. Дорога в бессмертие: исторические зарисовки / ред. Ясникова Т. В.

Финансовое и институциональное обеспечение экономической безопасности и эффективной денежно-кредитной политики

УДК 336.7:616-082:004

Роль финтех-решений в обеспечении финансовой безопасности медицинской организации: обзор зарубежного опыта

Васильева Светлана Сергеевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, svasileva-ee21@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: телемедицина, финансовые технологии, дистанционные медицинские услуги, многопрофильные клиники, зарубежный и отечественный опыт, цифровая трансформация.

Глобальная трансформация здравоохранения, зародившаяся в пост-пандемийный период, характеризуется устойчивым трендом на цифровизацию медицинских услуг и их дистанционное оказание. По данным компании «Global Market Insights» на 2025 год рынок оказания дистанционных медицинских услуг оценивался в $130,5 млрд США [1]. В России объем рынка за 2024 год составил 15,8 млрд рублей [2]. Однако ключевой проблемой остается разрыв между медицинской и финансовой составляющими этого процесса: телемедицинские сервисы развиваются быстрее, чем механизмы их монетизации и финансового обеспечения. Данное противоречие особенно остро проявляется в многопрофильных медицинских учреждениях, где дистанционные услуги требуют сложной системы организационного управления.

Цель данной статьи - проанализировать зарубежный опыт применения финтех-решений в медицинских организациях и

© Васильева С. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

выявить их влияние на финансовую устойчивость медицинских организаций.

В эпоху цифровой трансформации здравоохранения одним из ключевых драйверов изменения сферы медицинских услуг выступает телемедицина. Под телемедициной в контексте данного исследования понимается прикладное направление медицинской науки, связанное с разработкой и применением на практике методов дистанционного оказания медицинской помощи и обмена специализированной информацией на базе использования современных информационных и телекоммуникационных технологий.

Анализ мирового опыта внедрения телемедицины приобретает критическую важность для выявления лучших практик обеспечения финансовой устойчивости и безопасности медицинских организаций. Особый интерес представляют страны, в которых активно развивается цифровизация в сфере здравоохранения, но при этом развитие основано на разных моделях (таблица 1).

Таблица 1. Сравнение опыта зарубежных стран применения финтех-решений в телемедицине

Страна	**Модель финансирования здравоохранения**	**Применяемые финтех-решения**	**Эффекты от внедрения**
Китай	Частно-государственная	Технология "смарт-оплаты по лицу", интегрированная в медицинские учреждения для пациентов без телефонов или карт; Единый код, объединяющий оплату с лицевого счета и доплату наличными;	Снижение дебиторской задолженности (оплата происходит сразу); Рост предсказуемости денежного потока;

Окончание таблицы 1.

Страна	**Модель финансирования здравоохранения**	**Применяемые финтех-решения**	**Эффекты от внедрения**
		«Лечись сейчас, плати потом» (кредитный лимит через банк).	Уменьшение мошенничества с идентификацией пациента
Бразилия	Государственная	Национальные мгновенные платежи в телемедицинских приложениях; Рекуррентные платежи для страховых планов; Открытая архитектура для подключения к банкам и страховым компаниям.	Повышение конверсии платежей; Автоматическое предотвращение мошенничества; Снижение операционных затрат на биллинг.
Израиль	Государственная	AI-оценка платёжеспособности пациента; Финтех-компания платит больнице авансом, пациент возвращает ей; AI-фреймворки против административных ошибок.	Рост собираемости платежей; Нулевой кредитный риск для больницы; Снижение штрафов и потерь от ошибок в выставлении счетов.

Проведенный обзор опыта зарубежных стран демонстрирует многообразие подходов к интеграции финтех-решений в оказание медицинских услуг, что обеспечивает финансовую устойчивость медицинских организаций и развитие телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи. Сравнение стран показывает, что финансовая безопасность при оказании телемедицинских услуг обеспечивается двумя типами финтех-решений:

1) мгновенная идентификация и оплата, автоматическая интеграция со страховыми системами и AI-биллинг (Китай, Бразилия);

2) авансирование платежей и AI-андеррайтинг (Израиль).

Дальше обратимся к российской практике развития телемедицины. Несмотря на активное законодательное регулирование, российский рынок телемедицины находится на начальном этапе развития. Данная услуга появилась в России 1 января 2018 года и по данным Министерства здравоохранения РФ на 2025 год количество телемедицинских консультаций в формате «врач-пациент» достигло 8 миллионов [3], тогда как, например, в Китае телемедицина появилась еще в 1990-х годах и на сегодняшний день число пользователей телемедицинских услуг достигает 800 млн пациентов. Данные показатели свидетельствуют о том, что в России потенциал развития телемедицинского рынка есть, однако в сравнении с масштабом страны и уровнем проникновения в странах-лидерах позволяет характеризовать этап развития как начальный.

Список источников

1. Рынок телемедицины. Размер и доля 2024–2032 // Global Market Insights. URL: https://www.gminsights.com/ru/industryanalysis/telemedicine-market (дата обращения: 15.03.2026).

2. Телемедицина (рынок России) // Zdrav Expert. URL: https://inlnk.ru/n0VE04 (дата обращения: 15.03.2026).

3. Министерство здравоохранения Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://minzdrav.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 336.6

Оценка финансового состояния организации и разработка предложений по его улучшению (на примере ООО «Магистраль»)

Демидова Жанна Евгеньевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 89080241008d@gmail.com

Ключевые слова: финансовое состояние, ликвидность, платежеспособность, финансовая устойчивость, рентабельность, транспортно-логистическая компания.

В современных экономических условиях обеспечение устойчивого развития предприятий требует формирования эффективной системы финансового управления, основанной на регулярной оценке финансового состояния. Финансовое состояние организации отражает её способность своевременно выполнять обязательства, эффективно использовать ресурсы и адаптироваться к изменениям внешней среды. Особую актуальность данная проблема приобретает для транспортно-логистических предприятий в силу высокой материалоёмкостью, сезонности денежных потоков и значительной доли заемного капитала [2].

Целью исследования является оценка финансового состояния ООО «Магистраль» и разработка предложений по его улучшению. Методическую основу исследования составили методы горизонтального, вертикального и коэффициентного анализа, позволяющие комплексно оценить ликвидность,

© Демидова Ж. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

платежеспособность, финансовую устойчивость и рентабельность предприятия.

Результаты анализа ликвидности предприятия представлены в таблице 1.

Таблица 1. Коэффициенты ликвидности ООО «Магистраль», 2022–2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024	Рекомендуемое значение
Коэффициент текущей ликвидности	1,209	1,154	1,138	1,5–2,5
Коэффициент быстрой ликвидности	0,937	0,667	0,417	0,7–1,0
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,027	0,007	0,002	0,2–0,5

Анализ данных таблицы показывает, что в течение рассматриваемого периода наблюдается снижение показателей ликвидности. Значение коэффициента текущей ликвидности находится ниже нормативного уровня, что свидетельствует о недостаточной способности предприятия покрывать краткосрочные обязательства. Существенное отклонение коэффициента абсолютной ликвидности указывает на дефицит денежных средств и риск кассовых разрывов, что характеризует ликвидность как недостаточную [4]. Результаты анализа рентабельности представлены в таблице 2.

Таблица 2. Показатели рентабельности ООО «Магистраль», 2022–2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024	Рекомендуемое значение
Рентабельность продаж, %	3,2	0,8	3,1	>3–5%
Рентабельность активов, %	5,2	1,0	2,2	>5%
Рентабельность капитала, %	25,7	6,9	18,4	>15%

Анализ показателей рентабельности свидетельствует о значительном снижении эффективности деятельности предприятия в 2023 году, что обусловлено ростом затрат и ухудшением финансовых результатов [6]. В 2024 году наблюдается частичное восстановление показателей, однако их значения остаются нестабильными, а уровень рентабельности активов не достигает нормативных значений, что свидетельствует о недостаточной эффективности использования ресурсов.

Проведённое исследование позволило выявить ряд проблем, оказывающих негативное влияние на финансовое состояние ООО «Магистраль». К основным проблемам относятся низкая ликвидность, дефицит денежных средств, высокая дебиторская задолженность, зависимость от заемного капитала и нестабильная рентабельность [1]. Указанные факторы формируют повышенные финансовые риски и требуют разработки соответствующих управленческих решений.

В целях улучшения финансового состояния предприятия представляется целесообразным реализация комплекса мероприятий, направленных на повышение ликвидности, снижение долговой нагрузки, а также рост эффективности деятельности. Необходимо ужесточить условия расчетов с контрагентами и внедрить контроль сроков оплаты [5]. Существенное значение имеет оптимизация структуры капитала посредством снижения доли заемных средств и более эффективного использования прибыли. Повысить рентабельность позволяет пересмотр тарифной политики, оптимизации затрат и внедрение бюджетирования [3]. Также следует развивать финансовый контроль и управленческую отчетность, для своевременно выявления отклонений [2].

Таким образом, проведённая оценка финансового состояния ООО «Магистраль» показала наличие как положительных тенденций, так и существенных проблем, требующих решения.

Реализация предложенных мероприятий позволит повысить уровень ликвидности, снизить финансовые риски и обеспечить устойчивое развитие предприятия в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Арзуманова Т. И. Экономика организации: учебник для бакалавров / Т. И. Арзуманова, М. Ш. Мачабели. Москва: Дашков и К, 2020. 240 с.

2. Афоничкин А. И. Финансовый менеджмент в 2 ч. Часть 1. Методология: учебник и практикум / А. И. Афоничкин, Д. Г. Михаленко, Л. И. Журова; 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 351 с.

3. Воронченко Т. В. Современные методы анализа и управления запасами организации // Экономический анализ: теория и практика. 2022. № 6. С. 33–39.

4. Германова К. С. Эффективность использования оборотных средств организации // Статистические и эконометрические исследования. Ставрополь: АГРУС, 2022. С. 37–40.

5. Мальсагова Х. С. Процесс управления товарными запасами в торговых организациях / Х. С. Мальсагова, К. Х. Ильясова, М. А. Сдуева // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 5. С. 314–319.

6. Столярова О. А. Повышение эффективности использования оборотных средств // Региональные проблемы устойчивого развития АПК. Пенза: ПГАУ, 2024. С. 607–610.

УДК 338.2

Оценка влияния теневой экономики на экономическую безопасность Российской Федерации

Диченко Юлия Витальевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, umascot@icloud.com

Ключевые слова: экономическая безопасность, теневая экономика, индикаторы, анализ, государственная политика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Кузьминой Инне Геннадьевне, доценту, канд. эконом. наук.

Теневая экономика представляет собой комплексное социально-экономическое явление, интегрированное в хозяйственную систему государства и оказывающее неоднозначное воздействие на её развитие [1]. Это сектор экономической деятельности, не отражённый в официальной статистике и не подлежащий налогообложению, включающий незарегистрированное предпринимательство, нелегальную торговлю, уклонение от налогов, отмывание денег, контрабанду и иные противоправные действия [5]. В российском законодательстве нет чёткого определения теневой экономики, но Федеральный закон РФ «О безопасности» от 28 декабря 2010 года указывает на то, что теневая экономика представляет угрозу национальной безопасности России. В соответствии с этим законом, основные направления государственной политики в области национальной

© Диченко Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

безопасности в экономической сфере включают меры по борьбе с теневизацией экономики [3].

Отсутствие достоверного учёта теневого сектора существенно искажает макроэкономические показатели, затрудняет оценку реального состояния национальной экономики, её отраслей и масштабов предпринимательской активности [4]. При этом теневая экономика создаёт риски для экономической безопасности государства, снижает эффективность фискальной политики и препятствует точному прогнозированию социально-экономического развития [5]. В связи с этим, данное явление требует системного мониторинга и разработки мер противодействия, поскольку его масштабы напрямую влияют на устойчивость экономической системы и эффективность государственного управления.

В рамках исследования экономической безопасности России были рассмотрены различные методические подходы к её оценке, включая: стратегию экономической безопасности РФ до 2030 года, утверждённую Указом Президента РФ; методику К.Б. Беловицкого, основанную на трёх группах показателей; методику С.Ю. Глазьева с детализированной системой индикаторов; методику РАН с комплексным подходом к оценке безопасности. В исследовании был использован комплексный подход с учётом наиболее релевантных показателей из перечисленных методик для оценки влияния теневой экономики на экономическую безопасность России, а также были разработаны дополнительные индикаторы, позволяющие анализировать неформальную занятость как один из ключевых показателей теневых процессов в экономике.

На основе проведенного анализа экономической безопасности России за 2013–2025 годы можно сделать выводы. Во-первых, инфляционные процессы характеризуются нестабильной динамикой с превышением порогового значения в 6% в отдельные периоды, хотя остаются ниже критического уровня в 20%, а

санкционное давление и инфляционные ожидания сохраняют определённые риски. Во-вторых, рынок труда демонстрирует парадоксальную ситуацию: рекордно низкая безработица (2,2%) сочетается с высокой долей теневой занятости (21,3% трудоспособного населения), что создаёт дефицит рабочей силы в легальном секторе. В-третьих, доходное неравенство сохраняется на уровне 6–7,5 раз между 10% самых богатых и 10% самых бедных, регулярно превышая установленный порог в 7 раз. В-четвертых, монетарная сфера показывает противоречивую динамику: показатель денежной массы (М2) к ВВП превышает критический уровень 50% лишь в отдельные периоды, что свидетельствует о достаточной финансовой стабильности. В-пятых, инвестиционная активность демонстрирует волатильность с тенденцией к росту, достигнув 22,3% от ВВП, хотя остаётся ниже целевого показателя в 25%. В-шестых, налоговое обеспечение остаётся недостаточным (20,36% от ВВП при оптимальном уровне 32%), что указывает на значительные масштабы теневой экономики. В-седьмых, рынок труда показывает восстановление выше базового уровня, хотя отдельные периоды характеризовались снижением показателей из-за внешних шоков.

Комплексный анализ показателей экономической безопасности России демонстрирует неоднозначную динамику развития, система экономической безопасности функционирует в режиме умеренного риска [3]. Все анализируемые показатели имеют общую тенденцию к росту. Несмотря на некоторые положительные тенденции, такие как рост объема инвестиций в основной капитал, увеличение объема налоговых поступлений и рост уровня формальной занятости в России, в целом, присутствуют проблемные области, такие как рост инфляции, высокий уровень неравенства доходов и общее недостижение целевых показателей [5]. Требуется комплекс мер по укреплению экономической безопасности в указанных направлениях. Также важно улучшать

налоговую политику, чтобы обеспечить достаточные доходы для государственного бюджета и поддержать социальные программы [2].

Продолжение борьбы с теневой экономикой имеет стратегическое значение для увеличения доходов бюджета, обеспечения честной конкуренции, развития экономики и общества, а также борьбы с коррупцией. Это способствует финансовой устойчивости государства, укреплению правового государства и повышению качества жизни граждан.

Список источников

1. Авдийский В. И. Теневая экономика и экономическая безопасность государства: учебное пособие / В. И. Авдийский, В. А. Дадалко, Н. Г. Синявский; 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2022. 338 с.

2. Экономическая безопасность: учебник / К. Б. Беловицкий, М. А. Булатенко, Н. Ф. Кузовлева [и др.]. М.: Дашков и К°, 2023. 586 с.

3. Экономическая безопасность: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / под научной редакцией Осипова В. С., Эриашвили Н. Д.; 4-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 479 с.

4. Криворотов В. В. Вестник УрФУ. Серия экономика и управление / В. В. Криворотов, А. В. Калина, И. С. Белик // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18, № 6. С. 802–910.

5. Щербакова Т. А. Теневая экономика как угроза экономической безопасности России / Т. А. Щербакова, И. С. Слепушкина // Молодой исследователь Дона. 2024. № 9 (1). С. 49–52.

УДК 336.225

Налоговый комплаенс как инструмент управления налоговой безопасностью в платформенной экономике

Ерёмина Алёна Алексеевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, eremina1522@mail.ru

Ключевые слова: налоговый комплаенс; цифровые платформы; налоговый мониторинг; налоговое администрирование; цифровая трансформация; налоговый арбитраж; риск-ориентированный подход; маркетплейсы; платформенная экономика.

Благодарности: автор выражает научному руководителю Козловой Светлане Александровне доценту, канд. экон. наук.

Цифровая трансформация экономики привела к появлению новых форм организации бизнеса, центральное место среди которых занимают экосистемы и цифровые платформы [1]. В отличие от традиционных иерархических структур, бизнес-экосистемы представляют собой сложные сетевые объединения, где взаимодействие множества участников происходит в едином цифровом пространстве [1; 2]. Однако эта новая реальность порождает вызовы для системы налогового администрирования и финансовой безопасности государства [3]. Многоуровневая структура экосистем, возможность применения различных налоговых режимов, а также трансграничный характер операций создают благоприятную среду для налогового арбитража [3].

© Ерёмина А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Сам термин "налоговый арбитраж" определен как "практика получения прибыли за счет разницы между налоговыми системами, режимами или ставками" [3].

Задачей настоящего исследования является систематизация теоретико-методических основ системы налогового комплаенса для экосистемных бизнес-моделей как элемента финансового обеспечения экономической безопасности государства.

Исследование налогового комплаенса в экосистемах лежит на стыке трёх научных направлений: теории платформенной экономики и экосистем [1; 2], теории налогового комплаенса и налогового администрирования [5], исследования налогового арбитража как системного явления [3; 6].

Анализ практики позволяет выделить три ключевых типа налоговых рисков, присущих экосистемам. **Структурно-режимные риски** возникают от объединения участников на разных налоговых режимах (ОСНО, УСН, НПД), что создаёт возможности для арбитража [6]. Например, платформа на ОСНО взаимодействует с продавцами на УСН, не уплачивающими НДС, в результате чего НДС "выпадает" из цепочки создания стоимости [6]. По оценке Сбера, эта разница составила 1,5 трлн рублей [3]. С 1 января 2026 года порог для уплаты НДС продавцами на УСН снижен с 60 млн до 20 млн рублей [7]. **Транзакционные и ценовые риски** связаны с контролем ценообразования платформами через алгоритмы и комиссионные сборы, при которых продавец теряет контроль над конечной ценой, но сохраняет обязательства по уплате налогов [4]. **Информационные и агентские риски** обусловлены асимметрией информации: платформы обладают полным массивом данных о транзакциях, но доступ налоговых органов к ним был ограничен [3].

Традиционный внутренний контроль не работает в экосистемах. Нужен интегрированный комплаенс-контроль, где налоговые риски управляются через архитектуру платформы. Ключевые элементы: контролирующий агент (проверка

контрагентов, автодокументы, блокировка подозрительных операций), унификация данных через API и цифровой профиль группы для отслеживания потоков. ФНС к 2025 году создала более 100 сервисов для информационного обмена.82% участников налогового мониторинга подключены к платформе [4].

Наиболее перспективным инструментом управления налоговыми рисками является налоговый мониторинг — режим "налогового надзора", который с 2025 года трансформируется из инструмента для отдельных крупнейших налогоплательщиков в архитектурное решение для экосистем. Преимущества для экосистем: создание единого информационного пространства через интеграцию с АИС "Налог-3"; превентивный контроль в режиме реального времени вместо камеральных проверок [4]; автоматизация аналитики через «Аналитическую VAT-платформу».

На основе проведённого анализа предлагается трёхуровневая модель налогового комплаенса для бизнес-экосистем:

Технологический уровень: интеграция с АИС "Налог-3" как обязательный стандарт для системно значимых экосистем; стандартизация форматов обмена данными через API; внедрение риск-ориентированных алгоритмов с применением технологий искусственного интеллекта.

Организационный уровень: создание единого центра компетенций по налоговому комплаенсу на уровне экосистемы; разработка обязательных стандартов налогового комплаенса для участников; введение механизма «комплаенс-вознаграждения» для стимулирования добросовестных участников.

Правовой уровень: расширение информационного взаимодействия с налоговыми органами; законодательное закрепление статуса «интегрированного оператора».

Предложенная модель интегрированного налогового комплаенса позволяет сбалансировать интересы государства в обеспечении налоговых поступлений и интересы бизнеса в

снижении административной нагрузки и правовой определённости. Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую апробацию модели и оценку её эффективности.

Список источников

1. Кузин В. В. Управление жизненным циклом организации на базе экосистемного подхода: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2026. 151 с.

2. Гулый И. М. Теория и методология экономической оценки цифровых платформенных решений в сфере грузовых смешанных перевозок на основе железнодорожного транспорта: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Санкт-Петербург: ПГУПС, 2024. 338 с.

3. «Сбер» раскрыл методику расчета недоплаченных маркетплейсами налогов // Ведомости. 2025. 24 нояб. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/11/24/1157640-sber-raskril-metodiku (дата обращения: 01.04.2026).

4. Экономят на налогах и нечестно конкурируют. Герман Греф идет в наступление на крупные маркетплейсы // Oborot.ru. 2025. 19 нояб. URL: https://oborot.ru/news/ekonomyat-na-nalogah-i-nechestno-konkuriruyut-german-gref-idet-v-nastuplenie-na-krupnye-marketplejsy-i258489.html (дата обращения: 01.04.2026).

5. Шевелев А. Е. Налоговый мониторинг: теория и практика применения // Налоговая политика и практика. 2024. № 3. С. 15–22.

6. Налоговый арбитраж на маркетплейсах: аналитический доклад / СберБанк. Москва, 2025. 24 с.

7. Линейные налоговые вычеты для IT-компаний отменят с 2026 года // ТАСС. 2025. 21 марта. URL: https://tass.ru/ekonomika/22958947 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 368.03:005.334

Риск-менеджмент как фактор экономической безопасности страховой организации: интегральная оценка и эмпирическое доказательство

Зайцев Данил Дмитриевич[1], Серкина Анна Олеговна[2]
[1, 2] Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]Ferix466@yandex.ru
[2]annaserkina49@mail.ru

Ключевые слова: риск-менеджмент, экономическая безопасность, страховая организация, интегральный индекс, финансовая устойчивость.

Экономическая безопасность – это способность организации выполнять обязательства перед страхователем и сохранять устойчивость к рыночным шокам [3]. Традиционные показатели (капитал, ликвидность) фиксируют последствия, а не причины кризисов. Качество риск-менеджмента выступает ключевым фактором безопасности, однако существующие методики носят либо описательный характер, либо фрагментарны. Данное исследование предлагает интегральный подход, позволяющий количественно оценить влияние управления рисками на индикаторы экономической безопасности.

Информационную базу исследования составили данные пяти системообразующих страховых компаний: ПАО «Росгосстрах», ООО

© Зайцев Д. Д., Серкина А. О, 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

СК «Сбербанк Страхование», СПАО «Ингосстрах», САО «ВСК» и ПАО «Группа Ренессанс Страхование за 2014-2024 гг.

Для количественной оценки эффективности риск-менеджмента была разработана система из пяти ключевых коэффициентов (таблица 1).

Таблица 1. Показатели эффективности риск-менеджмента

Показатель	**Методика расчета**	**Код**
Коэффициент перестрахования	Страховые премии, переданные в перестрахование / страховые премии по операциям страхования, перестрахования, сострахования	К1
Коэффициент расходов	(Расходы по ведению страховых операций – нетто перестрахование + общие и административные расходы) / заработанные страховые премии – нетто перестрахование	К2
Коэффициент обновления портфеля	Количество договоров, заключенных за период / количество договоров, действовавших на конец периода	К3
Коэффициент кумуляции	Количество заявленных страховых случаев / количество урегулированных страховых случаев	К4
Динамика частоты страховых случаев	Количество урегулированных страховых случаев / количество договоров, заключенных за период	К5

Анализ фактических значений данных коэффициентов указывает на существенное различие в результативности риск-менеджмента страховых компаний. У ПАО «Росгосстрах» - критический рост частоты страховых случаев и накопление неурегулированных убытков при минимальном перестраховании (К1<10%) – низкая эффективность риск-менеджмента. ООО СК «Сбербанк Страхование» - выдающийся контроль расходов (К2 снизился со 165% до 34%) и гибкое перестрахование – высокая эффективность. СПАО «Ингосстрах» - эталонная стабильность

комбинированного коэффициента (ниже 100% на протяжении 10 лет)

Для комплексной оценки построен интегральный индекс риск-менеджмента по следующему алгоритму:

1. Нормализация показателей методом Z-преобразования
2. Инвертирование знака для показателей-дестимуляторов
3. Агрегирование по формуле простой средней.

Результат регрессионной зависимости индекса от исходных факторов представлен в таблице 2.

Таблица 2. Коэффициенты при регрессорах

Переменная	**Коэффициент**
Коэффициент перестрахования	+3,28
Коэффициент расходов	-1,00
Коэффициент обновления портфеля	-0,21
Коэффициент кумуляции	-0,45

Наибольший положительный вклад в индекс вносит коэффициент перестрахования, что подчеркивает важность передачи рисков как инструмента эффективного риск-менеджмента. Отрицательное влияние остальных коэффициентов отражает рост операционных и резервных рисков.

Далее оценено влияние индекса качества риск-менеджмента на индикаторы экономической безопасности (таблица 3).

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Индикатор	**Коэффициент при индексе**	**Экономическая интерпретация**
Комбинированный коэффициент	-0,356	Снижение убыточности при повышении качества риск-менеджмента
Рентабельность капитала	+0,362	Рост доходности капитала при усилении защитных механизмов
Рентабельность активов	+0,106	Повышение эффективности использования активов

Полученные результаты статистически значимы и подтверждают, что качество риск-менеджмента приводит к снижению убыточности и росту рентабельность собственного капитала и активов.

Предложенный интегральный индекс позволяет перевести оценку защитных механизмов из качественной плоскости в количественную, открывая возможность для сравнения компаний и мониторинга динамики. Эмпирически доказано, что риск-менеджмента следует рассматривать не как вспомогательную функцию, а как основной контур обеспечения экономической безопасности.

Список источников

1. Глотова И. И. Практические аспекты обеспечения финансовой безопасности страховой компании / И. И. Глотова, Е. П. Томилина, Е. О. Щекина // Kant. 2023. № 4 (49). С. 23–28. DOI 10.24923/2222-243X.2023-49.5.

2. Экономическая безопасность: учебник / под общей редакцией Коноваленко С.А. Москва: ИНФРА-М, 2021. 521 с. DOI 10.12737/1048684. ISBN 978-5-16-103258-9.

3. Ларина О. И. Экономическая безопасность страховщика: теоретические аспекты и практические механизмы обеспечения в условиях санкционного давления / О. И. Ларина, Д. Ю. Федотов // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2024. № 2. С. 110–120.

4. Леликова Е. И. Методические подходы к оценке рисков и угроз финансовой безопасности страховых организаций / Е. И. Леликова, Н. Р. Бурнашева // ИПЭФ. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-otsenke-riskov-i-ugroz-finansovoy-bezopasnosti-strahovyh-organizatsiy (дата обращения: 29.06.2026).

УДК 332.14

Кластерно-дифференцированный подход к управлению рисками цифрового неравенства для обеспечения экономической безопасности регионов (на примере СФО)

Иванова Ангелина Вячеславовна
Институт экономики государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ivanovaangelina444@gmail.com

Ключевые слова: цифровое неравенство, риски экономической безопасности, кластеризация регионов.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Гриб Светлане Николаевне, доценту, канд. экон. наук.

Цифровая трансформация определена в качестве одной из национальных целей развития РФ, однако неравномерность внедрения цифровых технологий порождает цифровое неравенство – разрыв в доступе к ИКТ и их эффективном использовании, что создаёт угрозы экономической безопасности [1].

Наиболее остро угрозы проявляются в регионах с высокой степенью неоднородности, к которым относятся субъекты СФО: от промышленно развитых регионов-доноров (Красноярский край) до высокодотационных регионов (Республика Тыва), что в сочетании с сырьевой специализацией и разным уровнем цифровизации требует дифференцированных подходов к управлению рисками цифрового неравенства, поскольку унифицированные меры не учитывают специфику проблем конкретного региона [2].

© Иванова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель исследования заключается в разработке кластерно-дифференцированного подхода к управлению рисками цифрового неравенства для обеспечения экономической безопасности регионов. В основе предлагаемого подхода лежит авторская методика оценки, базирующаяся на выделении трёх ключевых групп рисков.

В научной литературе цифровой разрыв классифицируют по трем уровням (доступ к инфраструктуре, наличие компетенции, экономические выгоды от цифровизации) [3], что в контексте экономической безопасности трансформируется в риски социально-экономического развития регионов [4].

Опираясь на рассмотренные теоретические подходы, разработанная методика базируется на оценке трёх ключевых рисков: инфраструктурно-технологического, кадрово-компетентностного и экономико-внедренческого.

Для каждого показателя внутри блоков на основе анализа стратегических документов и региональных стратегий цифровой трансформации субъектов СФО установлены пороговые значения, позволяющие осуществить нормирование исходных статистических показателей и перевести их в унифицированную балльную оценку. Частные показатели внутри блоков агрегированы по средней арифметической, итоговый коэффициент региона — как среднее трёх блоковых оценок, характеризующее общий уровень риска цифрового неравенства в субъекте.

Оценка регионов осуществлялась на основе данных Росстата и Минцифры РФ по 10 субъектам СФО за 2021–2024 гг. Для каждого региона получены ежегодные и средние сводные коэффициенты. Дальнейшая группировка регионов осуществлялась с применением методов машинного обучения: на языке Python реализован алгоритм кластеризации k-средних (k-means). Оптимальное число кластеров (k=4) определено методом локтя после предварительного масштабирования признаков. В результате все регионы

распределены по четырём группам в соответствии с уровнями риска.

Кластеризация регионов: по уровню риска цифрового неравенства выделены группы: критический (Тыва; 0,313), высокий (Алтай, Хакасия, Алтайский край; 0,459), умеренный (Томская, Иркутская обл., Красноярский край; 0,646) и низкий (Омская, Кемеровская, Новосибирская обл.; 0,736). Полученные кластеры визуализированы на гистограмме (рисунок 1), где каждый регион отображён в соответствии с уровнем риска.

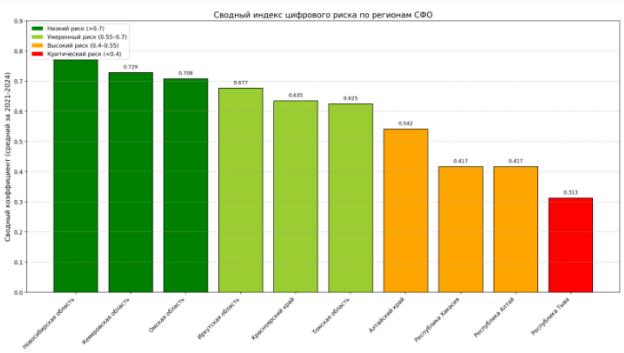


Рисунок 1. Кластеризация субъектов СФО по уровню цифрового неравенства.

Проведённый анализ позволил оценить количественно уровень цифрового неравенства в регионах СФО и выявить структурные особенности каждого кластера, определяемые вкладом каждого блока, на основе которых разработаны дифференцированные меры по укреплению экономической безопасности территорий.

Для кластера критического риска приоритетны опережающее развитие инфраструктуры связи (подключение социально значимых объектов, использование спутниковых технологий), что позволит снизить цифровую изоляцию, повысить инвестиционную привлекательность.

В кластере высокого риска при относительно развитой инфраструктуре основным барьером выступает дефицит цифровых компетенций и низкие показатели внедрения технологий в

экономическую деятельность. Приоритетны развитие кадрового потенциала (подготовка IT-специалистов, переподготовка работников) и стимулирование цифровизации предприятий, что обеспечит рост производительности труда, диверсификацию экономики и увеличение налоговых поступлений.

Кластер умеренного риска при высоком уровне инфраструктуры и кадрового потенциала демонстрирует недостаточную экономическую отдачу от цифровизации. Целесообразны грантовое финансирование проектов по внедрению цифровых технологий на предприятиях и развитие программ прикладных исследований в партнёрстве университетов и бизнеса, что повысит конкурентоспособность промышленности и закрепит квалифицированные кадры.

Кластер низкого риска со сбалансированным развитием ориентирован на распространение успешных региональных практик. Приоритетны создание площадок для межрегионального обмена опытом, поддержка экспорта цифровых услуг и цифровизация государственного управления. Это усилит инновационный потенциал, повысит инвестиционную привлекательность и обеспечит создание высокопроизводительных рабочих мест, укрепляя экономическую безопасность.

Предложенный кластерно-дифференцированный подход позволяет адресно нейтрализовать риски цифрового неравенства с учетом специфики регионов, обеспечивая выравнивание диспропорций и экономическую безопасность СФО.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

2. Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2023 № 129-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г.».

3. Сокоров А. Р. Оценка рисков экономической безопасности в условиях цифровой экономики // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6, № 4. С. 268–273.

4. Николаев М. А. Риски и угрозы экономической безопасности регионов России в условиях цифровой экономики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 4 (72). Ст. 7212.

УДК 336.148

Разработка методики оценки экономической безопасности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации

Иванова Алла Дмитриевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, allakozlova04@gmail.com

Ключевые слова: экономическая безопасность, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации, государственный финансовый контроль, методика оценки, индикаторы экономической безопасности.

В современном мире контрольно-счетные органы (КСО) выступают ключевыми субъектами обеспечения экономической

© Иванова А. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

безопасности государства. Однако парадокс заключается в том, что методический инструментарий оценки безопасности самих этих институтов остается фрагментарным и не отвечает современным вызовам. Отсутствие унифицированной системы количественных и качественных индикаторов не дает возможности объективно оценить их защищенность от внутренних и внешних угроз, что снижает эффективность управления рисками в данной сфере. Разработка методики оценки экономической безопасности КСО необходима для своевременного выявления «узких мест» в их деятельности, повышения прозрачности и укрепления доверия общества к государственным институтам.

Контрольно-счетные органы, будучи юридическими лицами, сталкиваются с теми же вызовами, что и другие организации: операционные, кадровые и информационные риски, а также специфические институциональные риски. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года заложены принципы оценки, которые могут быть экстраполированы на уровень отдельных ведомств: адекватность угрозам, измеримость, комплексность [2].

Анализ существующих решений выявил их ограниченность. Стандарт СГА 203 ориентирован преимущественно на идентификацию рисков объектов контроля, но не оценивает уязвимости самого контрольно-счетного органа [3]. Методика определения результатов деятельности муниципальных КСО Московской области предлагает развернутую систему коэффициентов по четырем критериям: результативность, действенность, интенсивность, открытость [4]. Однако она имеет два существенных недостатка. Во-первых, она предназначена исключительно для рейтингования и не позволяет оценить отдельный КСО. Во-вторых, многие показатели этой методики основаны на данных, отсутствующих в открытых годовых отчетах,

что затрудняет ее практическое применение внешними пользователями.

Для преодоления указанных недостатков разработана и представлена в Таблице 1 методика оценки экономической безопасности контрольно-счетного органа региона на основе общедоступной информации.

Таблица 1. Методика оценки экономической безопасности КСО субъектов РФ

Коэффициент	**Формула**	**2 б.**	**1 б.**	**0 б.**
Операционная безопасность				
Загруженность аудиторов работой	Количество мероприятий в год/ численность аудиторов	3-4,5	2-3; 4,5-5	<2; >5
Коэффициент реагирования, %	Количество выполненных предложений/ общее количество предложений	>85	60-85	<60
Коэффициент устранения финансовых нарушений, %	Количество устраненных нарушений/ объем выявленных нарушений	>85	60-85	<60
Коэффициент полноты реализации контрольных мероприятий	Количество представлений и предписаний/ количество контрольных мероприятий	>2	1-2	<1
Кадровая безопасность				
Коэффициент постоянства кадров, %	Численность сотрудников, проработавших весь год/ среднесписочная численность сотрудников за год	>85	60-85	<60
Количество аудиторов в общей численности	Количество аудиторов/ штатная численность	>20	10-20	<10
Коэффициент стабильности коллектива, %	Количество сотрудников со стажем более 3 лет/ штатная численность	>85	60-85	<60

Окончание таблицы 1.

Коэффициент	**Формула**	**2 б.**	**1 б.**	**0 б.**
Информационная безопасность				
Оперативность выставления отчетов. месяцев	Количество полных месяцев со дня составления отчета КСО до его опубликования	<3	3-6	>6
Коэффициент наполняемости сайта	Наличие на официальном сайте КСО 10 ключевых необходимых документов	8-10	5-7	<5
Динамика электронного взаимодействия с гражданами, %	Количество электронных обращений граждан в текущем году / количество электронных обращений граждан в предшествующем году	>115	115-85	<85

Набранное в ходе оценки количество баллов соответствует следующим уровням экономической безопасности: высокий (16-20 баллов), средний (10-15), низкий (0-9).

Ожидаемые результаты внедрения предлагаемой методики включают: возможность проведения экспресс-диагностики экономической безопасности конкретного КСО любым заинтересованным пользователем на основе единственного источника; проведение оценки создает основу для мониторинга и своевременного выявления негативных тенденций; унификация подхода формирует базу для сравнительного анализа состояния КСО различных регионов, что в перспективе будет способствовать укреплению как институциональной устойчивости самих счетных палат, так и финансовой безопасности Российской Федерации в целом.

Список источников

1. Шеремет А. Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник. 2-е изд., доп. Москва: ИНФРА-М, 2017. 374 с. ISBN 978-5-534-05776-0.

2. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

3. Постановление Коллегии Счетной палаты РФ от 21.04.2017 № 3ПК «СГА 203. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Последующий контроль за исполнением федерального бюджета».

4. Методика определения результатов деятельности муниципальных контрольно-счетных органов Московской области.

УДК 338.48

К вопросу об определении финансовой безопасности туристической организации: отраслевой подход

Кондратьева Ксения Игоревна
Институт экономики и государственного управления Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ksusha03must@mail.ru

Ключевые слова: финансовая безопасность, туроператор, туристическая организация, сезонность денежных потоков, валютный риск, финансовые гарантии, угрозы финансовой безопасности, финансовая устойчивость.

© Кондратьева К. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

По данным Росстата, в 2023 году объём туристических услуг в России превысил 4,3 трлн рублей, что в 1,5 раза больше, чем в допандемийном 2019 году [8]. Однако рост рынка сопровождается и ростом финансовых потерь при сбоях: только за 2020 год отрасль покинули 278 туроператоров, а совокупные потери рынка, по данным Ростуризма, составили 1,3 трлн рублей [9]. Банкротство одного туроператора способно затронуть десятки тысяч человек, так, крах «Музенидис Трэвел» нанёс ущерб почти 27 тыс. туристов на сумму свыше 1 млрд рублей [10]. Всё это свидетельствует о том, что финансовая безопасность туристической организации – это не абстрактная теоретическая категория, а практически значимая задача, требующая специального инструментария.

В отечественной научной литературе финансовая безопасность предприятия трактуется по-разному. И.А. Бланк понимает под ней уровень финансового состояния, позволяющий защитить ключевые интересы от внешних и внутренних угроз [1]; А.Е. Суглобов — состояние финансовых ресурсов, обеспечивающее стабильность и независимость от внешнего финансирования [2]; В.А. Богомолов добавляет динамическое измерение — способность поддерживать баланс доходов и расходов в нестабильной среде [3]; Л.В. Донцова и Н.А. Никифорова рассматривают финансовую безопасность ещё и как условие роста конкурентоспособности [4]. Общим знаменателем служит защита ресурсов и устойчивость, однако ни одно из определений не отражает специфики туристической деятельности.

Туроператор агрегирует услуги авиаперевозчиков, отелей и транспортных компаний в единый продукт, что обусловливает четыре специфические финансовые особенности. Во-первых, авансовый характер расчётов: клиент оплачивает тур заблаговременно, тогда как поставщики получают средства ближе к дате выезда, что формирует у туроператора значительную кредиторскую задолженность перед туристами. Во-вторых,

сезонность денежных потоков порождает кассовые разрывы в межсезонье при неизменных постоянных расходах. В-третьих, высокая доля валютных затрат при рублёвой выручке создаёт устойчивый валютный риск, который Конаки и Аксенюк относят к числу наиболее значимых финансовых угроз в сегменте выездного туризма [5]. В-четвертых, законодательно установленные требования к финансовым гарантиям туроператоров [6] и к фонду персональной ответственности непосредственно влияют на структуру пассивов и показатели финансовой устойчивости [7].

Принимая во внимание проведенный анализ существующих подходов и специфику туристической деятельности, предлагается следующее уточненное определение. Финансовая безопасность туристической организации - это динамическое состояние системы финансового управления, при котором организация способна своевременно исполнять финансовые обязательства перед туристами, агентами и поставщиками, поддерживать достаточный уровень ликвидности в условиях сезонных колебаний денежных потоков, нейтрализовывать валютные риски, выполнять требования законодательства к финансовым гарантиям и сохранять финансовую независимость, необходимую для реализации стратегических целей деятельности.

Предложенное определение принципиально отличается от общих трактовок: оно включает триаду обязательств перед туристами, агентами и поставщиками; выделяет сезонность денежных потоков как самостоятельный фактор угрозы; рассматривает валютный риск как системный компонент; закрепляет законодательные требования к финансовым гарантиям в самом определении безопасности. Направлением дальнейших исследований является формирование системы количественных индикаторов финансовой безопасности с отраслевыми пороговыми значениями.

Список источников

1. Бланк И. А. Управление финансовой безопасностью предприятия. 2-е изд. Киев: Эльга: Ника-Центр, 2009. 776 с.

2. Суглобов А. Е. Экономическая безопасность предприятия: учебное пособие для студентов вузов / А. Е. Суглобов, С. А. Хмелев, Е. А. Орлова Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 271 с.

3. Богомолов В. А. Экономическая безопасность: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 295 с.

4. Донцова Л. В. Анализ финансовой отчетности: учебник / Л. В. Донцова, Н. А. Никифорова; 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Дело и Сервис, 2008. 368 с.

5. Конаки М. И. Угрозы экономической безопасности в сфере туризма и механизмы их нейтрализации / М. И. Конаки, Е. Э. Аксенюк // Вестник РМАТ. 2021. № 3. С. 45–52.

6. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ: редакция от 04.08.2023 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

7. Смирнова К. А. Экономическая безопасность туроператора как субъекта туристической индустрии // Туризм: право и экономика. 2022. № 1. С. 18–24.

8. Российский туристический рынок: текущая ситуация, тренды и перспективы // MITT. 2024. URL: https://mitt.ru/ru/media/news/2024/june/21/rossijskij-turisticheskij-rynok-2024/ (дата обращения: 14.04.2026).

9. Туроператор-банкрот: можно ли вернуть деньги? // Финуслуги. URL: https://finuslugi.ru/navigator/stat_turoperator_bankrot_mozhno_li_vernut_dengi (дата обращения: 14.04.2026).

10. Банкротство туроператора // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/bankrotstvo_turoperatora/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 338.5:622.323

Налоговый контроль трансфертного ценообразования в нефтегазовой отрасли как инструмент экономической безопасности государства

Коробов Кирилл Александрович
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mr.kirill.korobov@gmail.com

Ключевые слова: трансфертное ценообразование, налоговый контроль, нефтегазовая отрасль, экономическая безопасность, санкции, вторичная корректировка, принцип «вытянутой руки», риск-ориентированный подход.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю С.А. Козловой, доценту, канд. экон. наук.

Нефтегазовая отрасль формирует более трети федерального бюджета России, при этом до 70% сырья реализуется через внутригрупповые схемы с иностранными контрагентами. В условиях санкционного давления 2022–2026 годов, включающего эмбарго на импорт российской нефти и механизм «потолка цен», проблематика налогового контроля трансфертного ценообразования (ТЦО) приобретает качественно иное измерение. Разрушение традиционных цепочек поставок и волатильность ценовых дифференциалов существенно осложняют определение рыночного уровня цен [1, с. 207].

Цель исследования - выявить направления совершенствования методики налогового контроля ТЦО в

© Коробов К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нефтегазовой отрасли как инструмента обеспечения экономической безопасности государства.

Экономическая безопасность в налоговом измерении предполагает сохранение налоговой базы и предотвращение необоснованного вывода капитала. В нефтегазовой отрасли эффективный контроль ТЦО становится критически значимым элементом национальной безопасности [2, с. 16–24].

Современная практика сталкивается с комплексом методологических вызовов. Традиционно доминирующий метод сопоставимой неконтролируемой цены базируется на котировках международных ценовых агентств (Platts, Argus). Однако в условиях «теневого флота» фактические цены существенно расходятся с официальными котировками [5].

Анализ судебной практики выявляет эволюцию подходов арбитражных судов. В постановлении по делу ПАО «ВымпелКом» (2025) Арбитражный суд г. Москвы сформулировал принципиальные требования: налоговый орган обязан доказать корректность выбора метода и сопоставимость отобранных компаний, недопустимость использования закрытых коммерческих баз данных [6]. Для нефтегазовой отрасли это означает необходимость перехода от формального применения метода к комплексному анализу, включающему учёт специфических условий поставки и реальных коммерческих рисков.

Механизм вторичной корректировки, введённый с 2024 года, предполагает квалификацию завышенной цены как дивидендов с налогообложением у источника по ставке 15% [7]. При совокупности с первичной корректировкой создаются риски чрезмерного налогового бремени и оттока капитала.

Для адекватного реагирования на вызовы экономической безопасности необходимо совершенствование методики контроля.

Разработка «санкционных корректировок» к биржевым котировкам. Требуется официальное методологическое признание

дисконтов и дополнительных издержек, обусловленных санкционными ограничениями, в качестве легитимных корректировок при применении метода сопоставимых цен.

Создание государственного реестра «теневого флота». Необходима разработка специализированной базы данных по судам, осуществляющим перевозку российской нефти в обход санкций, с мониторингом маршрутов и конечных бенефициаров [5].

Развитие института предварительных соглашений о ценообразовании (АРА). Для крупных долгосрочных экспортных контрактов заключение АРА с ФНС России обеспечит налоговую стабильность. Требуется упрощение процедуры и расширение практики двусторонних АРА с компетентными органами ключевых импортёров.

Усиление международного налогового сотрудничества. В рамках Глобального форума по прозрачности и обмену информацией для налоговых целей необходимо активизировать получение данных о структурах собственности и финансовых потоках российских нефтегазовых компаний за рубежом [8].

Таким образом, совершенствование методики налогового контроля ТЦО в нефтегазовой отрасли должно идти по четырём направлениям: официальное признание санкционных дисконтов (позволит избежать формальных доначислений), создание реестра теневого флота (повысит прозрачность цепочек поставок), развитие АРА (снизит неопределённость для экспортёров) и усиление международного обмена информацией (закроет каналы вывода капитала). Реализация этих мер трансформирует налоговый контроль из технического инструмента в действенный механизм обеспечения экономической безопасности.

Список источников

1. Лагкуева И. В. Трансфертное ценообразование и налоги: международная практика контроля за трансфертным

ценообразованием // Вопросы российского и международного права. 2024. № 1. С. 207–217.

2. Левкин Д. Трансфертное ценообразование: регулирование, анализ и ответственность// Изменения в законодательстве актуальные в 2024 году. 2024. № 1. С. 16–24.

3. The Impact of the 2022 Oil Embargo and Price Cap on Russian Oil Prices: Working Paper No. 2401 / Federal Reserve Bank of Dallas. Dallas, 2024. 35 p.

4. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27.11.2023 № 539-ФЗ: редакция от 01.04.2025 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 49. Ст. 8746.

5. Russia's 'shadow fleet': Bringing the threat to light: Briefing PE 762.345 / European Parliament. Brussels, 2024. 12 p.

6. Кабаков А. Дело «Вымпелкома»: победа налогоплательщика в споре о трансфертном ценообразовании // ЭЖ-Бухгалтер. 2026. № 2. С. 13.

7. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 17.06.2024 № 03-12-11/1/55284 «О корректировке дохода по налогу на прибыль и НДФЛ в результате налогового контроля за сделками между взаимозависимыми лицами, одно из которых нерезидент, и об учете международных договоров» // Документы и комментарии. 2024. № 7. С. 12–15.

8. Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes: 2025 Annual Report / OECD. Paris: OECD Publishing, 2025. 48 p.

УДК 336.71

Функции Центрального банка Российской Федерации в современных условиях: вызовы и адаптации

Ларина Валерия Евгеньевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, valeria.1205@mail.ru

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, функции ЦБ РФ, денежно-кредитная политика, ключевая ставка, золотовалютные резервы, экономическая безопасность, санкции, устойчивость рубля.

В условиях беспрецедентного санкционного давления и трансформации глобальной финансовой архитектуры роль Банка России приобретает особое значение. Его функции, закреплённые в Федеральном законе от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», реализуются в качественно новой внешней и внутренней среде.

Цель статьи – выявление системных правовых неопределённостей в деятельности Банка России, а также предложение возможных направлений их разрешения.

Согласно ст. 2 Закона № 86-ФЗ, имущество Банка России, включая золотовалютные резервы, является федеральной собственностью, однако ЦБ осуществляет полномочия по владению, пользованию и распоряжению им. Государство не отвечает по обязательствам ЦБ, а ЦБ – по обязательствам государства [1]. Пункт 2 статьи 75 Конституции РФ устанавливает:

© Ларина В. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

«Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка РФ, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти». Следовательно, согласно Конституции, ЦБ прямо отнесён к числу федеральных органов государственной власти.

В апреле 2025 года депутатом Государственной Думы Михаилом Делягиным был внесён законопроект № 871707-8, которым предлагается официально признать Банк России федеральным органом государственной власти. Автор указывает, что ЦБ «по своей природе и исполняемым функциям объективно является федеральным органом государственной власти», однако в Конституции и действующем законодательстве это указано лишь косвенно. Инициатива дважды отклонялась профильным комитетом ГД, а сам Банк России выступил против наделения его статусом органа госвласти, ссылаясь на принцип независимости.

При этом статья 11 Конституции РФ, определяющая перечень органов, осуществляющих государственную власть в Российской Федерации, Центральный банк не упоминает. Данное обстоятельство создаёт конституционную неопределённость и служит дополнительным обоснованием необходимости уточнения правового статуса Банка России.

Это ещё одна область, где существует существенная неопределённость. Согласно статье 2 Закона № 86-ФЗ, уставный капитал и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью. При этом ЦБ осуществляет полномочия по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом, включая ЗВР. Однако в самом законе ЗВР упоминаются трижды, и во всех случаях используется формулировка «золотовалютные резервы Банка России», а не «золотовалютные резервы Российской Федерации». Это порождает вопросы о юридической принадлежности данных активов и разграничении правомочий между государством и Центральным банком. В условиях военного

времени и беспрецедентного санкционного давления данный вопрос приобретает особую актуальность. После введения санкций в 2022 году была заморожена значительная часть валютных резервов (свыше $300 млрд). Отсутствие чёткого правового режима ЗВР создаёт риски для суверенных активов РФ в случае их неправомерного изъятия или обременения.

Политика управления резервами адаптируется: ускоряется дедолларизация, наращивается золотой запас. По данным на январь 2026 года, международные резервы РФ достигли рекордных $833,6 млрд, доля золота – 48,3% [5].

Реализуя денежно-кредитную политику, Банк России исходит из конституционной функции защиты устойчивости рубля. В октябре 2024 года ключевая ставка была повышена до 21% годовых, в 2025 году началось снижение. Согласно макроэкономическому опросу ЦБ, средняя ставка в 2025 году составила 19,2%, в 2026 году прогнозируется 14,1% [4]. В соответствии со ст. 155 Бюджетного кодекса РФ, ЦБ совместно с Правительством разрабатывает основные направления денежно-кредитной политики, обслуживает единый казначейский счёт [2]. Банк России выполняет функцию кредитора последней инстанции, организует систему рефинансирования. В 2025 году важным направлением стали валютные интервенции, однако с января 2026 года их поддержка рубля прекращена [6]. После заморозки почти половины валютных резервов были экстренно введены: либерализация валютного контроля для «дружественных» стран, создание альтернативных механизмов расчётов.

Проведённый анализ показывает, что ЦБ в современных условиях успешно адаптирует свои функции к новым вызовам. Однако системные правовые неопределённости требуют законодательного урегулирования:

Конституционный статус – отсутствие ЦБ в ст. 11 Конституции при одновременном указании на независимость в ст. 75.

Предлагается внести изменения в ст. 11 Конституции РФ или принять специальный федеральный закон, уточняющий правовое положение Банка России как федерального органа государственной власти с особым статусом.

Правовой режим золотовалютных резервов – необходимо законодательно закрепить, что ЗВР являются федеральной собственностью, а Банк России осуществляет только управление ими по поручению государства. Следует унифицировать терминологию: заменить «золотовалютные резервы Банка России» на «золотовалютные резервы Российской Федерации, находящиеся в управлении Банка России».

В условиях военного времени и санкционных рисков эти меры позволят повысить правовую защищённость суверенных активов и устранить существующие коллизии.

Список источников

1. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ: редакция от 05.04.2026.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Ст. 155. Бюджетные полномочия Центрального банка Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/139575aa60e88741a70818912399a939d07f5e2e/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов: утверждены Банком России // Legalacts.ru. URL: https://legalacts.ru/doc/osnovnye-napravlenija-edinoi-gosudarstvennoi-denezhno-kreditnoi-politiki-na-2025-god/ (дата обращения: 06.04.2026).

4. Макроэкономический опрос Банка России // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 06.04.2026).

5. Международные резервы РФ в январе увеличились до рекордных $833,6 млрд // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/amp/1071480 (дата обращения: 07.04.2026).

6. Валютные интервенции России // Investing.com. URL: https://ru.investing.com/economic-calendar/russian-forex-intervention-1884 (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 336.27

Оценка долговой устойчивости субъекта РФ, как способ идентификации экономической безопасности на примере Камчатского края

Ларина Валерия Евгеньевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, valeria.1205@mail.ru

Ключевые слова: долговая устойчивость субъекта РФ, экономическая безопасность, Камчатский край, дотационность региона, государственный долг, коэффициенты долговой устойчивости, управление государственным долгом.

В условиях динамично меняющейся экономической среды и нестабильности финансовых рынков, вопрос долговой устойчивости регионов становится особенно актуальным.

© Ларина В. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Камчатский край, обладая уникальными природными ресурсами и стратегическим географическим положением, сталкивается с рядом вызовов, связанных с управлением долгами и обеспечением финансовой стабильности. В 2025 году, когда экономика региона продолжает адаптироваться к современным экономическим условиям, важно определить группу долговой устойчивости, которая поможет оценить финансовое положение края и разработать эффективные стратегии для его улучшения.

Цель данной статьи заключается в определении группы долговой устойчивости, а также разработке рекомендаций для повышения финансовой устойчивости Камчатского края в условиях современного экономического контекста. Для оценки долговой устойчивости были собраны необходимые показатели по Камчатскому краю, представленные в таблице ниже. [1; 2; 3]

Таблица 1. Бюджетные и долговые показатели по Камчатскому краю за 2025 г.

Бюджетные и долговые показатели по Камчатскому краю 2025 год	**млн руб.**
Доходы бюджета	145 380,9
Из них Налоговые и неналоговые поступления	50 023,6
Из них Безвозмездные поступления	95 357,3
Дотации	56 270,1
Субвенции	1 090,1
Расходы бюджета	148 615,2
Из них Расходы на обслуживание регионального долга	1 469,8
Государственный долг Камчатского края на 01.01.2026 г.	18 133,3
Из него Краткосрочный долг	7 630
Платежи на погашение регионального долга	14 576,4

Прежде чем приступать к расчету показателей долговой устойчивости, необходимо определить уровень дотационности субъекта. Этот шаг является ключевым, поскольку дотации напрямую влияют на финансовую стабильность региона и способность обслуживать долговые обязательства.

Уровень дотационности:

$$\text{УД} = \frac{56\,270{,}1}{145\,380{,}9 - 1\,090{,}1} * 100\% = 39\ \%$$

Если уровень дотационности превышает 40%, субъект признается высокодотационным. Из расчета показателя видно, что Камчатский край не является высокодотационным субъектом.

Рассчитаем три основных коэффициента для определения группы долговой устойчивости, а также дополнительный – для оценки риска рефинансирования. Если коэффициент относится к группе А, это соответствует высокой устойчивости; группа В – средней, группа С – низкой. Общая группа определяется по трём основным показателям: если все они принадлежат А, классификация – А; если два из трёх – С, то регион относится к С; в остальных случаях присваивается группа В.

Методика оценивания коэффициентов:

К1: 0-50 % – группа А; 50-85 % – группа В; свыше 85 % – группа С.

К2: 0-5 % – группа А; 5-8 % – группа В; свыше 8 % – группа С.

К3: 0-13 % – группа А; 13-18 % – группа В; свыше 18 % – группа С.

$$К_1 = \frac{18\,133{,}3}{145\,380{,}9 - 95\,357{,}3} * 100\% = 36{,}2\ \% - \text{группа А}$$

$$К_2 = \frac{1\,469{,}8}{145\,380{,}9 - 1\,090{,}1} * 100\% = 1{,}0186\ \% - \text{группа А}$$

$$К_3 = \frac{14\,576{,}4 + 1\,469{,}8}{56\,270{,}1 + 50\,023{,}6} * 100 = 15{,}1\ \% - \text{группа В}$$

$$К_4 = \frac{7\,630}{18\,133{,}3} * 100\% = 42{,}1\ \%$$

Первый коэффициент (отношение госдолга к доходам без безвозмездных поступлений) и второй (доля расходов на обслуживание долга в общих расходах бюджета) соответствуют группе А – 0–50% и 0–5% соответственно. Третий коэффициент (годовые платежи по погашению и обслуживанию долга к доходам) попадает в группу В, поскольку не превышает 18%. Следовательно, по трём показателям долговая устойчивость Камчатского края классифицируется как группа В. Однако четвёртый коэффициент

превышает 15%, что требует корректировки проводимой долговой политики для снижения рисков рефинансирования.

Для повышения долговой устойчивости Камчатского края и перехода из группы В в группу А, можно предложить следующие рекомендации:

1. Использование механизмов оперативного управления долговыми обязательствами Камчатского края: корректировка сроков привлечения государственных заимствований; досрочное погашение долговых обязательств края; сокращение объема государственных заимствований с учетом результатов исполнения бюджета Камчатского края.

2. Привлечение краткосрочных бюджетных кредитов из федерального бюджета для пополнения остатков на счёте бюджета края.

3. Внедрение информационных технологий по ведению учета и планированию операций с государственным долгом Камчатского края.

4. Своевременный и полный контроль учёта госдолга.

5. Управление структурой государственного долга Камчатского края через отбор форм заимствований, соответствующих потребностям региона и обеспечивающих минимизацию стоимости и диверсификацию долгового портфеля при имеющихся рисках.

6. Информирование населения Камчатского края о состоянии государственного долга Камчатского края.

Таким образом, было определено, что Камчатский край классифицируется в группе В, в связи с этим предложены рекомендации, направленные на повышение долговой устойчивости региона.

Список источников

1. Ежемесячная информация о величине и структуре долговых обязательств Камчатского края // Министерство финансов Камчатского края. URL: https://minfin.kamgov.ru/upravlenie-gosdolgom/ezemesacnaa-informacia-o-velicine-i-strukture-dolgovyh-obazatelstv-kamcatskogo-kraa (дата обращения: 06.04.2026).

2. Бюджет для граждан // Министерство финансов Камчатского края. URL: https://minfin.kamgov.ru/budzet-dla-grazdan (дата обращения: 06.04.2026).

3. Управление государственным долгом // Министерство финансов Камчатского края. URL: https://minfin.kamgov.ru/budzet-dla-grazdan (дата обращения: 06.04.2026).

УДК 332.1

Оценка экономической безопасности Красноярского края на основе спектр-балльного анализа

Литвиненко Елизавета Сергеевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, eliz0508@yandex.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность региона, спектр-балльная методика, пороговые значения, уровень бедности, дифференциация доходов, коэффициент фондов, социальные расходы, адресность социальной поддержки.

© Литвиненко Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Экономическая безопасность региона определяет его способность к устойчивому развитию и противостоянию угрозам. Красноярский край, обладая значительным ресурсным потенциалом, сталкивается с комплексом проблем — высоким уровнем бедности, дифференциацией доходов и недостаточной диверсификацией экономики, что делает его уникальным объектом для исследования [1].

Методологической основой исследования выбран макроэкономический подход, основанный на сравнении фактических показателей с пороговыми значениями. Для спектр-балльной методики сформирован перечень из 22 индикаторов с пороговыми значениями. Оценка: для положительных индикаторов 1 балл — при достижении порога, для отрицательных — при значении ниже порога, иначе 0 баллов. По сумме баллов определяется уровень безопасности: 18–22 — высокий, 12–17 — нормальный, 6–11 — низкий, 1–5 — критический [2].

Расчет спектр-балльных оценок проводился на основе официальных статистических данных, опубликованных в сборниках Росстата и ЕМИСС за период 2011–2022 годов [3].

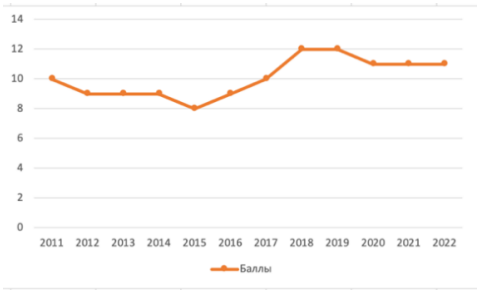


Рисунок 1. Динамика спектр-балльной оценки экономической безопасности Красноярского края, 2011–2022 гг.

Анализ позволяет выделить три этапа развития экономической безопасности региона. Первый этап (2011–2017 гг.) характеризовался устойчиво низким уровнем безопасности (8–10 баллов) из-за низкого соотношения сбережений и инвестиций,

минимальных расходов на НИОКР, высокой доли бедного населения, значительной дифференциации доходов и низкой продолжительности жизни. Второй этап (2018–2019 гг.) ознаменовался качественным переломом — выходом на нормальный уровень (12 баллов) благодаря возобновлению потребительской активности и усилению социальной направленности бюджета [1]. Третий этап (2020–2022 гг.) — возврат в зону низкой безопасности (11 баллов) из-за пандемии.

Рисунок 2. Динамика соотношения социальных расходов к прожиточному минимуму и уровня бедности в Красноярском крае, 2011–2022 гг.

Представленные данные наглядно демонстрируют корреляцию между социальной направленностью бюджетной политики и уровнем бедности. В период 2018–2019 годов, когда соотношение социальных расходов к прожиточному минимуму превысило пороговое значение 50%, наблюдалось устойчивое снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. Однако в последующий период, несмотря на дальнейший рост социальных расходов, темпы сокращения бедности замедлились, что свидетельствует о необходимости повышения адресности социальной поддержки [2].

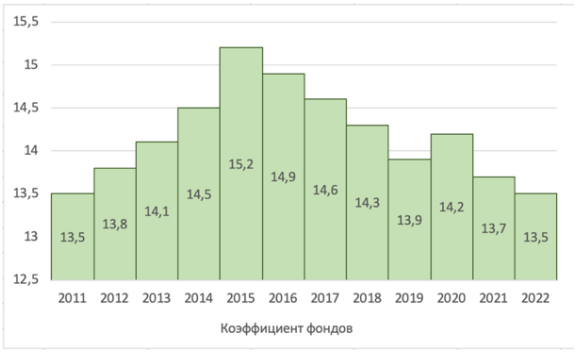


Рисунок 3. Динамика дифференциации доходов населения Красноярского края, 2011–2022 гг.

Коэффициент фондов, отражающий соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, на протяжении всего анализируемого периода стабильно превышал критический порог в 8 раз, достигая пиковых значений 15,2 раза в 2015 году. Даже в наиболее благоприятные периоды дифференциация доходов составляла 13,5–14 раз, что в 1,5–2 раза превышает пороговые значения, признанные международными организациями. Высокая степень неравенства ограничивает внутренний потребительский спрос, снижает эффективность социальных программ и способствует воспроизводству бедности.

Красноярский край в 2011–2022 годах находился преимущественно в зоне низкой экономической безопасности (6–11 баллов). Динамика безопасности демонстрирует высокую чувствительность к внешним шокам (санкции, пандемия), что указывает на недостаточную диверсификацию экономики. Ключевыми зонами риска выступают сырьевая специализация, устойчиво высокая дифференциация доходов (коэффициент фондов превышает порог в 1,5–2 раза), низкая инвестиционная и инновационная активность, а также малая доля местных кредитных организаций. Для перехода к устойчивому нормальному уровню необходимы диверсификация экономики, повышение адресности социальной поддержки и стимулирование инвестиций [4].

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 29.03.2026).

2. Гайфуллин А. Ю. Методический подход к оценке социальной безопасности региона / А. Ю. Гайфуллин, М. М. Гайфуллина // Фундаментальные исследования. 2015. № 12. С. 1001–1002.

3. Шестиперова Е. Ю. Сравнительный анализ методов оценки экономической безопасности региона // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3, № 4. С. 44–48.

4. Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Российский экономический журнал. 2015. № 5. С. 3–62.

УДК 338.2:658.14:330.322

Роль экономической безопасности в интегральной оценке инвестиционной привлекательности промышленных предприятий

Лубенкова Полина Андреевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lubenkova10@mail.ru

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, интегральная оценка, экономическая безопасность, управление стоимостью, обрабатывающая промышленность.

Функционирование обрабатывающей промышленности в условиях макроэкономической волатильности сопряжено с возрастанием системных рисков, требующих пересмотра подходов к оценке долгосрочной устойчивости хозяйствующих субъектов.

Традиционные методы анализа инвестиционной привлекательности, опирающиеся на дисконтированные денежные потоки и финансовые мультипликаторы, демонстрируют ограниченную прогностическую способность в ситуациях, когда ключевые угрозы носят нефинансовый характер и аккумулируются в операционной, производственной или институциональной сферах. Возникает ситуация, когда экономическая безопасность, являясь фундаментальной предпосылкой устойчивого стоимостного роста, в большинстве оценочных моделей упрощается до субъективно определяемой премии за риск в ставке дисконтирования.

© Лубенкова П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Целью исследования выступает разработка и эмпирическая апробация методики оценки инвестиционной привлекательности предприятий обрабатывающей промышленности, в которой индикаторы экономической безопасности включены в систему драйверов стоимости бизнеса наравне с финансово-операционными показателями.

Эмпирическая база включает публичную отчетность ПАО «НЛМК», ПАО «КАМАЗ» и ПАО «Акрон» за период 2022–2024 гг., что позволяет проследить динамику в условиях нестабильной внешней конъюнктуры [1-4].

Исследование базируется на предположении о наличии причинно-следственной связи между уровнем экономической безопасности и инвестиционной привлекательностью, опосредованной механизмами управления стоимостью. Высокий уровень безопасности снижает волатильность операционных результатов, минимизирует вероятность внеплановых оттоков капитала и способствует уменьшению средневзвешенной стоимости капитала (WACC). Совокупное действие указанных факторов генерирует устойчивую траекторию свободного денежного потока (FCF) и, как следствие, повышает фундаментальную стоимость бизнеса. Обратная ситуация ведет к разрушению стоимости.

Для подтвержения данной гипотезы предложена интегральная модель, включающая три аналитических блока с весами, определенными методом экспертных оценок. Интегральный коэффициент рассчитывается как взвешенная сумма средних баллов по блокам.

Интегральная оценка, агрегирующая три блока, позволила количественно оценить траектории инвестиционной привлекательности (таблица 1).

Таблица 1. Динамика интегрального коэффициента инвестиционной привлекательности

Компания	Комплексный индикатор			Причина динамики
	2022 год	2023 год	2024 год	
ПАО «НЛМК»	4,28	4,20	2,95	Сокращение стоимости при сохранении операционной эффективности
ПАО «КАМАЗ»	3,37	2,75	1,98	Системный кризис при стабильной безопасности
ПАО «Акрон»	3,83	3,26	2,85	Падение операционной эффективности при устойчивой безопасности

Для визуализации результатов интегральной диагностики построена матрица позиционирования, оси которой соответствуют двум ключевым измерениям инвестиционной привлекательности (рисунок 1).

Рисунок 1. Матрица «стоимость-безопасность».

Позиционирование компаний подтвердило, что ни один из блоков в отдельности не обеспечивает долгосрочной инвестиционной привлекательности без синхронного управления.

Проведенное исследование демонстрирует, что синтез индикаторов стоимости, финансово-операционной деятельности и безопасностности в рамках единой интегральной модели позволяет преодолеть методологическую ограниченность традиционных

подходов к оценке инвестиционной привлекательности. Экономическая безопасность выступает не внешним ограничителем, а внутренним драйвером долгосрочной стоимости, создающим фундамент для устойчивой генерации денежных потоков. Дальнейшие исследования предполагают уточнение весовых коэффициентов посредством расширения экспертной базы и адаптацию состава индикаторов к отраслевой специфике.

Список источников

1. Финансовая отчетность // Группа НЛМК. URL: https://nlmk.com/ru/about/governance/regulatory-disclosure/financial-statements/ (дата обращения: 25.02.2026).

2. Финансовая отчетность // ПАО КАМАЗ. URL: https://kamaz.ru/investors-and-shareholders/financial-statements/ (дата обращения: 25.02.2026).

3. Финансовая отчетность // ПАО Акрон. URL: https://www.acron.ru/investors/financial-statements/ (дата обращения: 25.02.2026).

4. Годовые отчеты // Группа НЛМК. URL: https://nlmk.com/ru/about/governance/regulatory-disclosure/annual-reports/ (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 336.76

Детерминанты дивидендной политики компаний ТЭК в условиях санкционных ограничений и трансформации отраслевого регулирования

Недбайлов Михаил Сергеевич
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, m.nedbaylov@yandex.ru

Ключевые слова: дивидендная политика, топливно-энергетический комплекс, санкционные ограничения, отраслевое регулирование, детерминанты выплат, корпоративные финансы, инвестиционная программа.

Классическая дивидендная политика, реализуемая в условиях макроэкономической стабильности, представляет собой механизм распределения чистой прибыли, нацеленный на рост рыночной стоимости компании. Для предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) дивиденды исторически выступали ключевым фактором инвестиционной привлекательности, демонстрируя тесную корреляцию с мировыми ценами на углеводороды [4]. Однако, как подчеркивает Д.А. Решетников, в периоды нестабильности приоритетом становится сохранение ликвидности, что ведет к снижению или отмене выплат [5].

Современные исследования подтверждают многофакторность дивидендной политики. С.И. Долгих и Б.С. Потанин к ее ключевым детерминантам относят возраст и размер компании, рентабельность активов, форму собственности и долю основных

© Недбайлов М. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

средств [2]. Принципиально важно, что все эти факторы содержат компонент «риск» — от ценовой волатильности до регуляторных изменений [2; 6]. Таким образом, дивидендная политика сегодня — это не просто рыночный сигнал, а механизм адаптации к экзогенным шокам.

В российской практике на компании ТЭК оказывается значительное институциональное давление. И.А. Гусева и А.В. Петров отмечают, что адаптация к новым экономическим реалиям требует от эмитентов значительной ликвидности и капитальных вложений, из-за чего многие отменяют или переносят выплаты. При этом наиболее привлекательными для консервативных инвесторов остаются акции нефтегазовых экспортеров [1]. Финансовые стратегии в секторе становятся все более типизированными. Глобальное исследование 203 нефтегазовых компаний за 2000–2022 гг. показало, что цена нефти Brent остается доминирующим фактором выплат, наряду с финансовым рычагом и рентабельностью, причем сила этих факторов разнится по подотраслям [9].

Сравнительный анализ указывает на более высокую волатильность выплат у российских компаний ТЭК по сравнению с зарубежными мейджорами, что усиливается санкционным давлением [4]. Исследование Т. Ершовой, М. Завертяевой и Д. Кирпищикова выявило любопытный эффект санкций 2014 года: государственные компании нарастили выплаты, тогда как частные, принадлежащие крупным инвесторам, — сократили [8]. Это подтверждает значимость структуры собственности как детерминанты.

В условиях жесткой денежно-кредитной политики Банка России компании ТЭК трансформируют подходы к расчету базы для выплат. Ограничение или отказ от дивидендов не является нарушением принципов корпоративного управления, а выступает прагматичным способом предотвращения дефолта и кассовых

разрывов [5]. Эмпирически доказано, что для российских нефтегазовых компаний наибольшее влияние на выплаты оказывают цены на нефть, чистая прибыль и объем запасов, тогда как операционные издержки значимой корреляции не показывают [6].

Подводя итог, следует констатировать смену парадигмы: на смену классической политике стабильных выплат приходит остаточный или консервативный подход, нацеленный на сохранение устойчивости в условиях дорогих заимствований и санкций [4; 5]. Ключевыми детерминантами для нефтегазового сектора выступают цена нефти Brent, рентабельность активов и структура собственности [8; 9]. В основе решений о сокращении дивидендов лежит фундаментальная логика — обеспечить выживание и сбалансированное развитие компании в новой парадигме устойчивого роста [1; 2].

Список источников

1. Гусева И. А. Перспективы выплаты российскими публичными компаниями дивидендов в условиях экономических санкций / И. А. Гусева, А. В. Петров // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27, № 4. С. 112–125.

2. Долгих С. И.Факторы дивидендной политики российских компаний / С. И. Долгих, Б. С. Потанин // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3 (198). С. 146–157. DOI 10.47711/0868-6351-198-146-157.

3. Официальный сайт ПАО «Московская биржа». URL: https://www.moex.com (дата обращения: 28.03.2026).

4. Недбайлов М. С. Дивидендные выплаты компаний ТЭК: текущее состояние и значение для отрасли // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10. С. 385–390.

5. Решетников Д. А. Особенности дивидендной политики российских компаний в условиях экономической нестабильности //

Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 3, № 7. С. 44–53.

6. Сальникова Н. В. Исследование взаимосвязи дивидендных выплат и производственных показателей деятельности нефтегазовых компаний / Н. В. Сальникова, А. В. Комарова // Трофимуковские чтения – 2023: материалы Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. С. 305–309.

7. Обзор финансовой стабильности за IV квартал 2024 – I квартал 2025 года / Центральный банк Российской Федерации. Москва: ЦБ РФ, 2025. URL: https://cbr.ru/analytics/finstab/ (дата обращения: 14.04.2026).

8. Ershova T. The impact of influential shareholders on corporate dividend policy: evidence from Russia / T. Ershova, M. Zavertiaeva, D. Kirpishchikov // Journal of Economic Studies. 2022. Vol. 50, № 4. P. 821–839. DOI 10.1108/JES-12-2021-0610.

9. Dividend Puzzle: Global Evidence in Oil & Gas / A. García-Amate, L. Molero-González, A. Ramírez-Orellana, J. E. Trinidad-Segovia // Journal of Corporate Accounting and Finance. 2025. Vol. 36, № 3. P. 299–319. DOI 10.1002/jcaf.22786.

УДК 336.64

Эволюция подходов к оценке финансовой устойчивости транспортно-логистических компаний в условиях цифровизации

Нефедова Анастасия Евгеньевна
Институт экономики государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: финансовая устойчивость, финтех-решения, адаптивность, цифровые риски, транспортно-логистические компании.

Современный этап развития экономики характеризуется проникновением цифровых технологий во все сферы бизнеса. В этих условиях обеспечение экономической безопасности организации зависит от её способности сохранять финансовую устойчивость. Традиционные методы анализа не всегда позволяют своевременно диагностировать кризисные явления, что определяет актуальность пересмотра подходов к пониманию сущности финансовой устойчивости с учётом влияния финансовых технологий. Цель работы - систематизация теоретических взглядов на категорию «финансовая устойчивость» и обоснование необходимости модернизации показателей её оценки.

В экономической науке «финансовая устойчивость» рассматривается как комплексное понятие, отражающее состояние финансовых ресурсов организации, их распределения и использования, обеспечивающее развитие предприятия на основе

© Нефедова А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

роста прибыли при сохранении платежеспособности и кредитоспособности в условиях допустимого уровня риска [1]. Эволюционно сложились три основных подхода к определению финансовой устойчивости, выделяемых в работах таких авторов: А.Д. Шеремет, Г.В. Савицкая и В.В. Ковалев: ресурсный (достаточность капитала), результативный (способность генерировать прибыль) и защитный (способность отвечать по обязательствам).

Указанные подходы стали основой формирования моделей оценки финансовой устойчивости. Первая — консервативная (статическая) модель — базируется на анализе структуры баланса, предполагает, что финансовая устойчивость достигается минимизацией капитала. Вторая — инновационная (динамическая) модель — акцентирует внимание на способности организации адаптироваться к изменениям внешней среды и оперативно реагировать на изменения [4]. Развитие финтех-решений трансформирует методы управления, что объясняет переход от консервативной модели к динамической. Это требует уточнения критериев устойчивости: помимо ликвидности и автономии, важнейшим критерием становится адаптивность. Под адаптивностью понимается способность предприятия перестраивать параметры финансовой системы и/или бизнес-модель своей деятельности в ответ на возникновение рисков и угроз финансовой составляющей экономической безопасности. Для транспортно-логистических компаний, функционирующих в условиях необходимости оперативного управления, адаптивность приобретает критическое значение, поскольку задержки влияют на выполнение контрактных обязательств.

Система показателей оценки финансовой устойчивости изначально базировалась на абсолютных показателях и коэффициентах структуры капитала. С развитием рыночных отношений акцент сместился в сторону показателей

рентабельности и деловой активности. В настоящее время возникает необходимость включения в систему индикаторов, характеризующих цифровую зрелость – таблица 1. Анализ исключительно бухгалтерской отчетности не позволяет принимать обоснованные решения, поскольку оперирует свершившимися фактами и не дает представления о способности противостоять угрозам.

Таблица 1. Интегральная система показателей оценки финансовой устойчивости коммерческой организации в условиях цифровизации

Инновационный показатель	**Характеристика**
Уровень диверсификации финтех-источников капитала (доля краудфандинга, P2P-кредитов)	Снижает зависимость от традиционного кредитования, повышает адаптивность при ужесточении денежно-кредитной политики
Скорость проведения транзакций и оборачиваемость активов (в днях)	Отражает операционную гибкость; для транспортно-логистических компаний важно сокращение времени расчетов
Инвестиции в кибербезопасность (% от выручки)	Характеризует уровень защиты от внешних угроз; недостаточность инвестиций повышает уязвимость
Доля автоматизированных процессов в управлении	Позволяет снизить влияние человеческого фактора и ускорить принятие решений
Частота и масштаб инцидентов информационной безопасности (количество, ущерб)	Индикатор потенциальных потерь; крупные атаки способны нивелировать положительный эффект

Достоинством предложенных индикаторов является их прогностическая ценность: они позволяют оценить не то, каким было предприятие, а то, насколько оно готово к реагированию на кризисные ситуации. Так, для транспортно-логистических компаний, работающих с большим объемом и использованием

систем ЭДО, скорость проведения транзакций и доля автоматизированных процессов коррелируют с финансовым результатом, а уровень киберзащиты влияет на сохранность активов.

Значимость учета показателей информационной безопасности подтверждается реальными кейсами. В 2021 году крупная компания «Hellmann Worldwide Logistics» подверглась кибератаке. Это привело к тому, что предприятие было вынуждено остановить обработку заказов и перейти на ручное управление, что повлекло срыв обязательств, многомиллионные убытки. Также от заражения пострадали компании Maersk Line, оператор APM Terminals и логистическая компания Damco. Эти примеры демонстрируют, что кибератака способна уничтожить финансовую модель компании: высокая ликвидность и рентабельность, оказываются бессмысленными перед лицом операционной остановки бизнеса.

Таким образом, адаптивность, выступающая центральным ядром способности сохранять уровень финансовой безопасности, для транспортно-логистических компаний реализуется через гибкое управление денежными потоками с использованием цифровых инструментов. Предложенные в работе показатели позволяют проанализировать риски, а также оценить ущерб в условиях развития цифровизации процессов.

Список источников

1. Шеремет А. Д. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций: практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2026. 208 с.

2. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. 6-е изд., испр. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2025. 378 с.

3. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2007. 1024 с.

4. Попова О. В. Финтех и экономическая безопасность: правовые механизмы противодействия киберугрозам. 2025.

УДК 336.64

Интерактивное сценарное моделирование в оценке финансовых рисков торговой организации

Носкова Анастасия Алексеевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, anastasia05noskova@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, финансовый риск, операционный риск, анализ чувствительности, анализ сценариев, компьютерная модель, торговая организация, искусственный интеллект.

Обеспечение экономической безопасности хозяйствующего субъекта неразрывно связано с управлением финансовыми рисками, среди которых особое место занимает операционный фактор, обусловленный ошибками во внутренних процессах и управленческих решениях [1]. В торговых организациях, бизнес-модель которых критически зависит от своевременного поступления денежных средств, мониторинг данного фактора приобретает первостепенное значение. Информационной базой служат данные управленческого учета, оперативно отражающие любые отклонения в финансовых потоках. Ключевым индикатором, сигнализирующим о нарастании угрозы дефицита ликвидности, выступает прибыль до налогообложения, характеризующая

© Носкова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

способность бизнеса генерировать внутренние источники финансирования [2].

Одним из наиболее распространенных инструментов количественной оценки влияния отдельных статей учета на финансовый результат является анализ чувствительности [3]. Однако традиционный однофакторный подход не учитывает взаимосвязь переменных, искажая оценку совокупного эффекта. Многофакторные методы, например Simulation Decomposition (SimDec), позволяют оценивать совместное влияние факторов, но требуют не менее 1000 наблюдений [4], что затруднительно для небольших организаций с ограниченной отчетностью.

Указанные ограничения обусловили разработку альтернативного подхода – интерактивного сценарного моделирования, сочетающего наглядность однофакторного анализа с учетом совместного изменения переменных.

Информационной базой послужили данные управленческого учета ООО «Стройматериалы» за 33 месяца (с января 2023 г. по сентябрь 2025 г.), включающие 71 статью доходов и расходов. Базовые значения факторов рассчитаны как средние арифметические за период, что обеспечивает аддитивность модели.

Программная реализация выполнена на Python с использованием библиотеки Streamlit. Приложение позволяет в интерактивном режиме варьировать отклонения по статьям и в реальном времени наблюдать изменение прибыли и диаграмму Торнадо. На основе экспертного подхода разработана система пороговых значений, классифицирующая отклонения по степени риска. Фрагмент шкалы лимитов с соответствующими рекомендациями представлен в таблице 1.

Таблица 1. Фрагмент шкалы экспертных лимитов для показателей и практических рекомендаций

Показатель	Желтая зона, %	Красная зона, %	Пример рекомендации (красная зона)
Выручка	-3…-5	-6…-8 <	Пересмотр ценовой политики по топ-20 позициям; запрос отсрочки у поставщиков
Переменные расходы	+3…+6	+7…+9 <	Заморозка закупок по позициям с высокой себестоимостью; поиск аналогов
Постоянные расходы	+15…+28	+29 <	Заморозить найм нового персонала
Прочие расходы	+32…+46	+47 <	Провести полную ревизию всех статей
Прочие доходы	-83…-89	-90 <	Усиление претензионной работы; мониторинг судебных возмещений

Апробация модели выполнена на сценарии «Кризис рынка жилья»: падение выручки на 15% (соотносимо со снижением запусков новых проектов в РФ в 2025 г. на 12% [5]), пропорциональное сокращение себестоимости, умеренная экономия на операционных расходах при росте затрат на стимулирование продаж. Интерфейс приложения Streamlit с результатами сценарного моделирования отражен на рисунке 1.

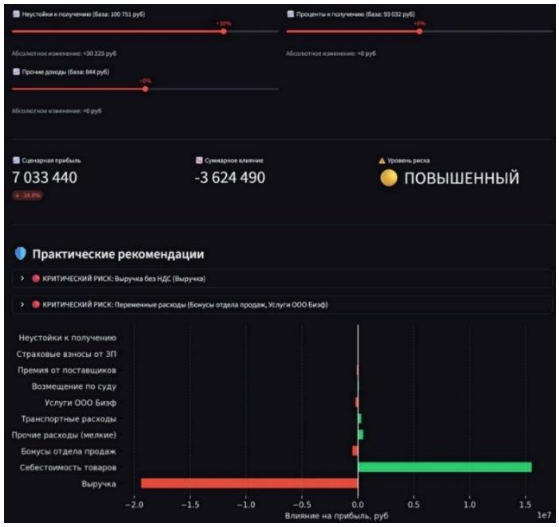


Рисунок 1. Результаты моделирования сценария «Кризис рынка жилья» в интерактивном приложении Streamlit.

Достоинства метода: наглядность и мгновенная обратная связь, возможность расширения функционала, работа на малых выборках. Ограничения: эффективность зависит от квалификации пользователя (самостоятельный учет корреляций и границ управляемости факторов), трудоемкая инструкция по запуску, отсутствие учета вероятностей.

Таким образом, разработанный подход является вспомогательным инструментом, дополняющим, но не заменяющим комплексные методы риск-менеджмента в системе экономической безопасности торговой организации.

Список источников

1. Zhou S. The Current State and Challenges of Financial Risk Management // Highlights in Business, Economics and Management. 2023. Vol. 21. P. 188–196.

2. Сацук Т. П. Оценка влияния финансовых рисков на показатели деятельности компании // Бюллетень результатов научных исследований. 2020. № 3. С. 89–98.

3. Позднякова Е. А. Анализ чувствительности как инструмент принятия решений о реализации инвестиционного проекта / Е. А. Позднякова, Л. А. Раменская, Д. С. Воронов // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, №. 3. С. 295–303.

4. SimDec algorithm and guidelines for its usage and interpretation / Kozlova M., Moss R. J., Roy P. [et al.] // Sensitivity analysis for business, technology, and policymaking made easy with Simulation Decomposition. London: Routledge, 2024. Chapter 2.

5. Павлова-Каткова Н. Объем запуска новых проектов жилья снизился в России на 12 % за год // РБК Недвижимость. 2026. 13 янв. URL: https://realty.rbc.ru/news/69662fd29a7947931902f97e (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 336.71

Обзор факторов оттока клиентов коммерческого банка

Павловская Наталья Евгеньевна
Институт экономики, государственного управления и финансов, Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pavlovskaya.ne@mail.ru

Ключевые слова: клиенты, кредитная организация, сотрудничество, услуги, лояльность, отток клиентов.

Современная банковская система функционирует в условиях интенсивной конкуренции, ускоренной цифровой трансформации финансовых услуг и повышения требований со стороны потребителей банковских продуктов [2].

Актуальность исследования факторов оттока клиентов коммерческих банков определяется тем обстоятельством, что потеря клиентской базы способна выступать источником долгосрочных рисков для финансовой устойчивости кредитной организации [4].

Целью исследования является систематизация факторов, влияющих на отток клиентов коммерческого банка, а также выявление механизма их воздействия на поведенческие модели клиентов.

В работе использованы базовые методы исследования, которые позволили последовательно раскрыть проблему клиентского оттока. В первую очередь проведен анализ научной литературы [1; 4], на основе которого выделены основные группы факторов ухода клиентов.

© Павловская Н. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В научной литературе [3; 4] причины ухода клиентов из банка рассматриваются как комплексное явление, формирующееся под воздействием совокупности экономических, организационных, технологических и поведенческих факторов. Экономические причины связаны прежде всего с условиями предоставления банковских услуг.

Существенное значение имеют технологические факторы. На сегодняшний день именно не качественное предоставление услуг ДБО, постоянные сбои в системе мобильных приложений могут отказать негативное влияние на клиента и спровоцировать отток клиентской базы из банка [1].

Следующий вид факторов, это организационные факторы, которые так же оказывают важное влияние на отношения банк - клиент. Сформируем основные группы факторов, которые влияют на устойчивость клиентской базы коммерческого банка в таблице 1.

Таблица 1. Основные факторы оттока клиентов коммерческого банка (составлено автором на основе: [1; 3])

Группа факторов	**Характеристика влияния**	**Возможные последствия для банка**
Экономические	Высокие тарифы на обслуживание, снижение доходности вкладов, менее выгодные условия кредитования	Переход клиентов в банки с более привлекательными финансовыми условиями
Технологические	Ограниченный функционал мобильных сервисов, технические сбои цифровых платформ	Снижение удобства использования банковских услуг
Организационные	Низкое качество обслуживания, длительное ожидание операций, недостаточная клиентоориентированность	Формирование негативного клиентского опыта

Окончание таблицы 1.

Группа факторов	**Характеристика влияния**	**Возможные последствия для банка**
Рыночные	Усиление конкуренции со стороны банков и финтех-компаний	Перераспределение клиентских потоков
Поведенческие	Снижение доверия к банку, изменение финансовых потребностей клиента	Ослабление клиентской лояльности

Представленные факторы, как правило, не проявляются изолированно и формируют совокупное воздействие на поведение клиента. В большинстве случаев формирование клиентского оттока происходит постепенно и связано с накоплением негативного опыта взаимодействия клиента с банком.

Рассмотрение поведения клиентов кредитных организаций показывают, что процесс, когда клиент прекращает отношение с банком всегда развивается не мгновенно, а проходит через несколько последовательных стадий [4].

Данная закономерность может быть представлена в виде поведенческого паттерна клиента перед уходом из банка (рисунок 1).

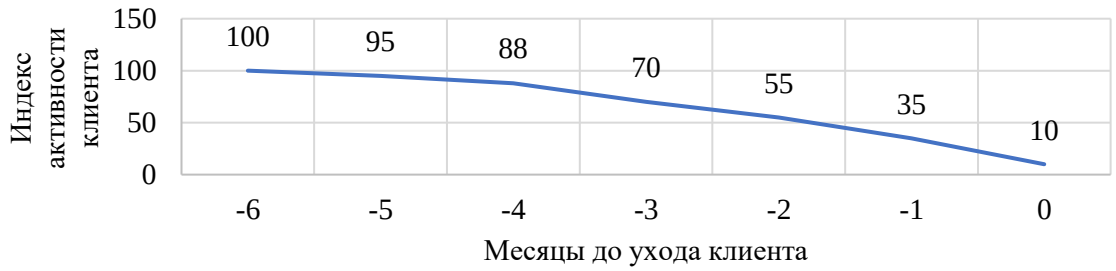


Рисунок 1. Поведенческий паттерн снижения активности клиента перед оттоком из коммерческого банка.
(составлено автором на основе [4]).

Представленный график, по сути, отражает довольно типичную линию поведения клиента перед уходом из кредитной

организации. Сначала все выглядит практически нормально: клиент продолжает пользоваться услугами, но делает это уже реже, как будто ему уже не нравиться работать с банком. Затем наступает более заметная стадия – открытые клиентом счета остаются, но активность такого человека в банке практически исчезает, операции становятся единичными или вовсе прекращаются. И уже на окончательном этапе клиент окончательно уходит, переводя свои финансовые операции в другую кредитную организацию.

В целом проведенный анализ показывает, что сейчас, в условиях жесткой конкуренции, управление лояльностью клиентов становится уже не просто задачей маркетинга, а элементом финансовой устойчивости банка. Соответственно, своевременное выявление причин снижения активности клиентов напрямую отражается на удержании клиентов и еще шире, на конкурентоспособности банка на рынке финансовых услуг.

Список источников

1. Измайлова Н. А. Концептуальная оценка лояльности клиентов банка / Н. А. Измайлова, А. В. Прокопьев // Устойчивое развитие регионов России в эпоху трансформационных процессов: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2024. С. 86–89.

2. Кайзер Е. В. Выбор и оценка факторов, влияющих на вероятность ухода клиентов в банковском секторе / Е. В. Кайзер, И. А. Шакина // Вопросы развития современной науки и техники. 2021. № 4. С. 135–143.

3. Кельпов Д. В. Влияние цифровизации бизнес-процессов на увеличение притока клиентов и прибыли банков // Universum: технические науки. 2025. № 2-1 (131). С. 30–35.

4. Мулюкова Р. Ф. Привычки как инструмент саморазвития: механизмы закрепления поведенческих паттернов и их влияние на

качество жизни / Р. Ф. Мулюкова, И. Р. Яушева // Обучение, развитие и воспитание: современные подходы и технологии: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2025. С. 77–81.

УДК 332.145

Демографический кризис как угроза экономической безопасности региона (на примере Красноярского края)

Проценко Арина Васильевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, prettycrybaby@vk.com

Ключевые слова: экономическая безопасность региона, демографический кризис, Красноярский край, естественная убыль населения, пороговые значения, депопуляция, трудовой потенциал, индикативный анализ, социально-экономические угрозы, рождаемость.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, Инне Геннадьевне Кузьминой, кандидату экономических наук, доценту.

Традиционная парадигма оценки экономической безопасности оперирует преимущественно бюджетно-финансовыми индикаторами (дефицит, госдолг, инфляция). Однако эмпирический анализ Красноярского края выявляет в качестве фундаментальной и наименее компенсируемой угрозы именно

© Проценко А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

депопуляцию трудоспособного населения [1]. В отличие от бюджетного дефицита, который возможно скорректировать за один налоговый период, воспроизводство населения требует многолетней системной политики [2].

Экономическая безопасность региона напрямую зависит от наличия квалифицированных трудовых ресурсов. Международный опыт (Япония, Германия) демонстрирует: старение населения и депопуляция ведут к росту социальных расходов, потере конкурентоспособности и к замедлению экономического роста [3].

Таблица 1. Социально-демографические индикаторы экономической безопасности Красноярского края (2020–2024 гг.)

Показатель	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**Порог [1]**
Суммарный коэффициент рождаемости	1,48	1,496	1,434	1,436	1,398	≥ 1,7
Естественная убыль (на 1000 чел.)	-1,5	-2,2	-4,8	-7,1	-4	≤ 7
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	71,23	69,9	68,45	70,58	71,32	≥ 75
Общий коэффициент смертности (на 1000)	13,8	14,9	13,2	12,7	12,8	≤ 10
Доля населения с доходами ниже ПМ (%)	17	18,9	18,4	17,6	17,1	≤ 7

Системные проблемы Красноярского края носят комплексный демографо-социальный характер: рождаемость находится ниже уровня воспроизводства, а естественная убыль населения достигла критических значений. Низкая продолжительность жизни и стабильно завышенная смертность, включая преждевременную среди трудоспособных, указывают на системные сбои в здравоохранении и качестве жизни, особенно в северных территориях, что влечёт прямые экономические потери. Высокий уровень бедности делает многодетность недоступной для

большинства семей, замыкая порочный круг демографического и экономического спада [5].

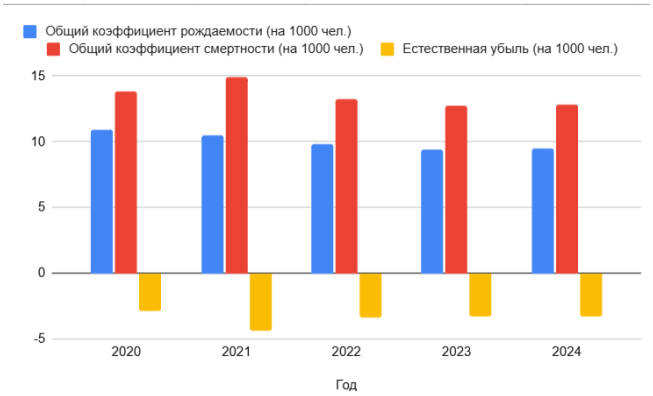


Рисунок 1. Динамика рождаемости и смертности в Красноярском крае (2020–2024 гг.).

Воздействие демографических процессов на уровень экономической безопасности проявляется по трем основным направлениям [1]:

1. Если нынешние тренды сохранятся, к 2035 году край потеряет 12–15% работников ключевых возрастов, создав острый кадровый голод в базовых отраслях экономики. [4].

2. Увеличение доли пенсионеров при сокращении доли работающих ведет к росту расходов бюджета на социальное обеспечение и здравоохранение. [2].

3. Депопуляция напрямую сокращает число домохозяйств, что снижает спрос на жилье, товары длительного пользования, услуги, что влечет за собой риски для малого и среднего бизнеса, ориентированного на внутренний рынок [1].

Следовательно, традиционных мер стимулирования рождаемости, таких как материнский капитал недостаточно. Для исследуемого региона, особенностью которого следует считать высокую пространственную дифференциацию и климатические условия необходимы [4]:

1. Привязка жилищных программ к рождению детей.

2. Развитие социальной инфраструктуры в отдаленных территориях.

3. Программы закрепления молодежи. Гарантированное трудоустройство и высокий уровень заработной платы для выпускников медицинских и педагогических вузов, которые остаются работать в регионе не менее 5 лет.

Повышение реальных доходов населения через рост минимальной оплаты труда и адресные пособия.

Список источников

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.

2. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под редакцией Сенчагова В. К.; 3-е изд. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 815 с.

3. Ширяев А. А. Роль демографической обстановки в контексте обеспечения социально-экономической безопасности (на примере Приволжского федерального округа) // Национальная безопасность / nota bene. 2026. № 1. С. 15–31.

4. Овешникова Л. В. Анализ региональных демографических угроз в контексте обеспечения экономической безопасности / Л. В. Овешникова, Е. В. Сибирская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21, № 1. С. 37–54.

5. Официальный сайт Росстата (Федеральная служба государственной статистики). Разделы: «Население», «Уровень жизни», «Естественное движение населения по субъектам РФ». URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 338.2

Критерии оценки рисков ПОД/ФТ в сфере виртуальных активов

Ржевусская Дарья Станиславовна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, drzhevusskaya@yandex.ru

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, ПОД/ФТ, виртуальные активы, криптовалюты, финансовый мониторинг, экономическая безопасность, легализация доходов, оценка рисков.

Развитие рынка виртуальных активов требует адаптации механизмов противодействия легализации преступных доходов. Актуальность обусловлена тем, что цифровые финансовые инструменты характеризуются высокой скоростью операций, трансграничностью и возможностью использования анонимных кошельков, что снижает эффективность традиционного контроля.

Цель исследования — разработка критериев оценки рисков операций с виртуальными активами в Российской Федерации с учетом их специфики и влияния на экономическую безопасность.

Риск-ориентированный подход предполагает концентрацию контроля на операциях с наибольшей степенью угрозы. Его применение позволяет повысить точность выявления подозрительных транзакций и эффективно распределять ресурсы финансового мониторинга.

Рост криптовалютных сервисов сопровождается увеличением числа операций и финансовых расследований, связанных с

© Ржевусская Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

цифровыми активами. Криптовалюты используются в схемах мошенничества, вывода капитала и легализации доходов, что требует приоритизации контроля.

На основе анализа научной литературы, Национальной оценки рисков легализации доходов [1] и годового отчета Росфинмониторинга [2] выделены основные категории рисков операций с виртуальными активами (таблица 1).

Таблица 1. Категории рисков при операциях с виртуальными активами

Категория риска	**Проявление**	**Вероятность**	**Влияние на экономическую безопасность**
Анонимные кошельки	Отсутствие идентификации владельца	Высокая	Рост теневых финансовых потоков
Трансграничные переводы	Вывод средств через зарубежные платформы	Высокая	Снижение контроля движения капитала
Сервисы смешивания	Усложнение отслеживания транзакций	Средняя	Затруднение выявления схем
Децентрализованные платформы	Отсутствие посредников	Средняя	Снижение эффективности надзора
Быстрые микротранзакции	Дробление крупных сумм	Высокая	Затруднение выявления схем

Представленные категории определяют направления усиленного контроля. Наибольший риск связан с отсутствием идентификации и трансграничными операциями.

Международный опыт также играет важную роль. Financial Action Task Force разработала руководство по применению риск-ориентированного подхода к виртуальным активам [3],

включающее рекомендации по оценке рисков, идентификации клиентов и мониторингу транзакций.

Риск-ориентированный подход предполагает ранжирование операций по степени угрозы [4] на основе критериев объема, частоты и географии переводов.

В таблице 2 представлены критерии оценки риска операций с виртуальными активами, разработанные с учетом российского законодательства и рекомендаций ФАТФ.

Таблица 2. Критерии оценки риска операций с виртуальными активами

Критерий	**Низкий риск**	**Средний риск**	**Высокий риск**
Объем операции	До 100 тыс руб	100 тыс до 1 млн руб	Свыше 1 млн руб
Частота переводов	Единичные операции	Регулярные операции	Множественные операции в сутки
География	Внутрироссийские переводы	Переводы в ограниченное число стран	Переводы в офшорные юрисдикции
Идентификация	Полная идентификация	Частичная идентификация	Отсутствие идентификации
Использование сервисов	Лицензированные платформы	Обменные сервисы	Миксеры и DeFi

Предложенные критерии позволяют классифицировать операции по уровням риска. Объем отражает масштаб операций, частота — возможное дробление сумм, география — трансграничные риски.

Ключевым является критерий идентификации: его отсутствие значительно повышает риск. Использование нелицензированных сервисов также увеличивает вероятность легализации доходов.

Применение данных критериев позволяет автоматизировать выявление подозрительных операций, повысить скорость реагирования и снизить вероятность их пропуска. Это соответствует современным подходам к оценке рисков ПОД/ФТ [5].

Внедрение разработанных критериев способствует усилению контроля финансовых потоков, снижению теневой экономики и повышению эффективности системы ПОД/ФТ в сфере виртуальных активов в Российской Федерации.

Список источников

1. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2021–2022 гг. / Федеральная служба по финансовому мониторингу. Москва, 2022.

2. Годовой отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2024 год / Федеральная служба по финансовому мониторингу. Москва, 2025.

3. Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers / Financial Action Task Force. Paris, 2021.

4. Финансовый мониторинг: учебник / И. А. Янкина, Ю. И. Черкасова, Н. С. Осколкова [и др.]. Красноярск: СФУ, 2022. 260 с.

5. Тургаева А. А. Современные подходы к оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма в условиях развития цифровых финансовых активов // Финансы: теория и практика. 2025. № 4.

УДК 336.6

Финансовые эффекты мероприятий событийного туризма

Шалькова Ольга Андреевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, oshalkova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: событийный туризм, событийное мероприятие, финансовые эффекты, финансовая эффективность.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Пыжеву Игорю Сергеевичу, доценту, канд. экон. наук.

В последние годы наметилась тенденция к росту внутреннего туризма в России: 90% регионов отмечают увеличение турпотока на 10%-21%, о чём свидетельствуют результаты исследования [1, с. 4]. В этих условиях планируется, что в текущем году 65% регионов будут развивать событийный туризм [1, с. 15]. Российские регионы развивают инфраструктуру и событийную повестку, что отражают данные последних 11 лет [2, с. 4-7].

В рамках Национального проекта России «Туризм и гостеприимство» акцентируется внимание не только на количественных показателях, но и на создании условий для получения туристами «новых впечатлений» [3]. В Красноярском крае событийному туризму также уделяется значительное внимание:

«В 2025 году в регионе поддержали и провели 25 событийных мероприятий, которые посетили порядка 200 тысяч человек» [4],

© Шалькова О. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

что составляет 10% от общего турпотока за январь-декабрь 2025 года [5].

Конечная цель исследования – разработка методики оценки финансовой эффективности мероприятий событийного туризма. В связи с этим в первую очередь необходимо исследовать финансовые эффекты, генерируемые событиями.

Рассмотрим ключевые понятия. Примем, что событийный туризм – это вид туризма, где основной целью поездки является посещение события; другими словами, в основе событийного туризма лежит событийное мероприятие (событие) [6, с. 142]. Можно рассматривать событие в единстве его внешней (мотивационно-потребительской) и внутренней (организационно-управленческой) природы при обязательности финансового критерия (например, через критерий генерации дохода) [8, с. 516]. В результате, предлагаем рассматривать событие в туризме как организованный проект, выступающий в качестве мотива туристской поездки и генерирующего комплексный финансовый эффект.

Кроме того, событие представляется в качестве эффективного инструмента реализации и интересов бизнеса, и стратегических задач региона [7, с. 192-193]. Таким образом, необходима система, позволяющая сопоставить разнородные эффекты – результаты проведения события, имеющие как финансовую, так и иную природу. Под финансовым эффектом будем понимать совокупность денежных потоков, возникающих в связи с проведением события, зафиксированных и выраженных в определенных показателях.

В отечественной литературе исследуются вопросы финансовой эффективности мероприятий событийного туризма, а также разрабатывается методологическая база для комплексной оценки [7, с. 193-195].

Предлагается систематизировать финансовые эффекты событийного мероприятия по трём уровням экономической

системы, каждый из которых характеризуется специфическим масштабом распространения этих эффектов среди различных стейкхолдеров, чьи целевые установки и экономические интересы предопределяют содержание и направленность генерируемых эффектов (см. табл. 1).

Таблица 1. Систематизация финансовых эффектов события по уровням экономической системы

Уровень системы	**Ключевые стейк-холдеры**	**Виды эффектов**	**Характеристика эффекта**	**Примеры показателей**
Микро-	Организатор, инвестор	Эффект доходности	Доходы, связанные с проведением	Выручка, прибыль, ROI и др.
		Эффект капитализации	Прирост стоимости НМА и капитализации	Рост капитализации и др.
Мезо-	Региональные органы власти, местный бизнес, население	Бюджетный эффект	Прирост доходов бюджетов территории	Объем налоговых и неналоговых поступлений
		Эффекты мультипликации регионального дохода	Развитие хозяйственного комплекса и инфраструктуры региона	Снижение расходов на поддержку занятости и др.
Макро-	Отрасль, национальная экономика	Эффект совокупного экономического вклада	Вклад туристских расходов в формирование ВВП	Вклад отрасли в ВВП и др.
		Эффект структурной трансформации	Изменение инвестиционного климата и отраслевой структуры	Объем частных инвестиций и др.

Систематизация позволяет структурировать разнородные эффекты и обеспечить сопоставимость их оценки. В дальнейшем целесообразно перейти разработке методического инструментария и его апробации на примере событийных мероприятий Красноярского края.

Список источников

1. Результаты опроса «Развитие туризма в регионах» / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/file/download/d375fce2955092-a53657d5fe695d2e16/razvitieturizmavregionahitogi2025godaitrendy2026goda.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

2. Годовой отчет «Событийный рынок России 2025» / Национальное конгресс-бюро. URL: https://russiacb.com-/upload/iblock/25c/400hvaa1sy0e4rckzzi3s35pshao2gsc.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

3. Туризм и гостеприимство / АНО «Национальные приоритеты». URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/turizm-i-gostepriimstvo (дата обращения: 04.02.2026).

4. Событийный туризм / Официальный портал Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/press/news/400let/0/news/-118249 (дата обращения: 27.02.2026).

5. Туристский поток / Росстат. URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/198495 (дата обращения: 24.03.2026).

6. Сабанова М. М. Событийный туризм: классификация и международная практика / М. М. Сабанова, А. Х. Виндижева, Т. Х. Виндижев // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 9. С. 142–146.

7. Цапук Д. А. К вопросу об эффективности туристских событий // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 5-1. С. 192–201.

8. Климова Т. Б. К вопросу развития событийного туризма на уровне региональных экономик / Т. Б. Климова, Е. В. Вишневская, И. В. Богомазова // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 515.

УДК 336.71

Эволюция подходов к управлению операционными рисками в условиях цифровизации финансового сектора

Шустов Антон Евгеньевич
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: операционный риск, управление рисками, цифровизация, финтех, функции управления.

В представленной статье исследуется эволюция сущности, подходов и методов управления операционными рисками в финансовом секторе в условиях цифровой трансформации. Рассмотрены тренды развития финтех-ландшафта как драйверы изменения операционных рисков, проведен анализ подходов к риск-менеджменту, выявлены функции управления, связанные с возникновением операционного риска, показана их трансформация.

Основу исследования составили системный и процессный подходы, анализ, синтез, классификация, сравнительный анализ.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией природы операционных рисков в финансовом секторе под

© Шустов А. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

влиянием цифровизации. Как отмечает А.А. Метельский в диссертационном исследовании, процессы цифровой трансформации банковского обслуживания сопряжены с формированием нового ландшафта конкурентоспособности. Автором выделены следующие тренды развития современного финтех-ландшафта: рост эффективности использования количественных данных, распространение интернет-банкинга, расширение функционала онлайн-приложений, автоматизация операций, совершенствование системы управления рисками, развитие блокчейн-технологий. Эти тренды, с одной стороны, создают новые каналы реализации операционных рисков – от сбоев в работе до утечек данных, а с другой – открывают возможности для создания систем мониторинга.

Цель статьи - систематизация теоретических подходов к управлению операционными рисками, анализ эволюции данной категории и обоснование трансформации функций управления операционными рисками под влиянием финтех-решений.

Так, операционный риск – одна из фундаментальных категорий риск-менеджмента в финансовой сфере. Базельский комитет по банковскому надзору в соглашении Базель II закрепил классическое определение: операционный риск – это риск убытка в результате ошибочных внутренних процессов, действий сотрудников или внешних событий, включая юридический риск, но исключая стратегический и репутационный риски. В условиях цифровизации данное определение претерпевает трансформацию. Если в традиционной интерпретации акцент делается на внутренних процессах и человеческом факторе, то в цифровой среде на первый план выходят риски, связанные с отказами информационных систем, кибератаками.

Ключевым аспектом понимания эволюции управления операционными рисками является анализ того, как именно подходят к оценке операционного риска. Традиционно выделяют

три метода оценки, последовательно сменявших друг друга: подход базового индикатора, стандартизированный подход и продвинутые подходы. Однако цифровизация вносит принципиальные изменения. Во-первых, происходит переход от оценки «задним числом» (на основе исторических данных) к прогнозной оценке с использованием методов машинного обучения и сценарного моделирования. Во-вторых, источником данных становятся не только внутренние базы инцидентов, но и внешние источники – данные из открытых API, социальные сети. В-третьих, оценка риска становится непрерывной.

Для понимания того, как именно цифровизация трансформирует содержание управленческих функций в области операционного риска, обратимся к диссертационному исследованию В.А. Одинцова. В его работе приводится классификация бизнес-процессов в деятельности кредитной организации, имеющая определяющее значение для идентификации подходов к оценке операционного риска в контексте цифровизации. На основе классификации можно выделить следующие функции управления, связанные с возникновением операционного риска, и показать их трансформацию - таблица 1.

Таблица 1. Трансформация функций управления операционными рисками в условиях цифровизации

Функция управления	**Традиционное содержание**	**Трансформация под влиянием цифровизации**
Идентификация риска	Анкетирование, опросы сотрудников, анализ жалоб клиентов	Автоматизированный мониторинг, анализ цифрового следа клиента, выявление отклонений методами ИИ
Оценка риска	Статистические модели на основе внутренних данных (не менее 5 лет)	Прогнозные модели реального времени с использованием внешних Big Data и сценарного анализа

Окончание таблицы 1.

Функция управления	**Традиционное содержание**	**Трансформация под влиянием цифровизации**
Мониторинг ключевых индикаторов риска	Формирование отчетов, запаздывающие индикаторы	Дашборды в реальном времени, раннее предупреждение на основе потоковых данных
Контроль и минимизация	Ручные проверки, разграничение полномочий, страховые резервы	Автоматическая блокировка подозрительных транзакций, роботизация рутинных операций

Важно отметить, что трансформация функций управления операционными рисками нашла отражение и в изменении нормативных требований. В новых положениях Банка России акцент смещается с формального соблюдения процедур на содержательное управление рисками с использованием технологических решений. В частности, требования к обеспечению непрерывности бизнеса теперь напрямую связаны с возможностями автоматизированного переключения на резервные мощности и облачные резервные копии данных.

В заключение отметим, что теоретический анализ сущности, подходов к классификации и функций управления операционными рисками показывает: цифровая трансформация финансового сектора требует перехода к активному управлению, основанному на предиктивной аналитике и автоматизации контрольных процедур. Дальнейшее исследование будет направлено на разработку методик интеграции финтех-решений в системы операционного риск-менеджмента с учетом новых вызовов.

Список источников

1. Метельский А. А. Совершенствование системы банковского обслуживания на основе цифровой трансформации финансовых технологий: диссертация. Владимир: ВлГУ, 2023.193 с.

2. Одинцов В. А. Развитие системы управления рисками цифровизации бизнес-процессов при обеспечении экономической безопасности организации: диссертация. Москва: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2025.

3. О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы: указание Банка России от 15.04.2015 № 3624-У.

4. Авдийский В. И. Управление операционными рисками как фактор обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта: монография / В. И. Авдийский, Ю. А. Кузнецова, А. В. Дадалко. ИНФРА-М, 2017. 442 с.

Цифровая трансформация бизнес-процессов

УДК 004.9*303.732*371.263

Использование машинного обучения для классификации прибыльности потенциальных локаций кофеен

Александрова Александра Евгеньевна[1], Плясун Елизавета Петровна[2], Чистякова Екатерина Викторовна[3]
[1, 2, 3] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]sasaaleksandrova010@gmail.com
[2]elplyasun@mail.ru
[3]katyaachistyakova@yandex.ru

Ключевые слова: локация, машинное обучение, предиктивная аналитика, прибыль, общественное питание, классификация.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Елене Николаевне Скуратенко, доценту, канд. техн. наук.

Как показывает практика, неавтоматизированный анализ большого числа потенциальных торговых точек требует значительных временных и трудовых затрат и не обеспечивает достаточной точности [1]. Цель исследования состояла в применении цифровых технологий анализа потенциальных локаций открытия кофейни для сокращения затрат на неавтоматизированную оценку. Для достижения цели разработана модель машинного обучения предсказания класса прибыльности планируемой к открытию кофейни на основе анализа локаций на

© Александрова А. Е., Плясун Е. П., Чистякова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

основе методов классификации, включая градиентный бустинг, случайный лес и логистическую регрессию.

На начальном этапе были выявлены факторы наибольшего влияния на прибыльность кофейни (уровень конкуренции, средний чек, проходимость и дополнительные услуги). Далее был произведен сбор данных по кофейням города Красноярска в период с 24 сентября по 1 ноября 2025 года (193 наблюдения, где каждая запись соответствует одному дню работы) и выделены группы признаков:

– числовые факторы: выручка, средний чек, расстояние до остановки общественного транспорта;

– категориальные (объектовые) факторы: тип района, размер аренды помещения, площадь помещения, проходимость (пешеходный трафик), уровень конкуренции в радиусе 500 метров, заметность вывески;

– бинарные факторы: наличие десертов, наличие закусок, наличие уборной, наличие набережной в радиусе 500 метров, наличие парка, наличие парковки, наличие сидячих мест, уникальность дизайна, наличие программы лояльности, узнаваемость бренда, наличие уникальных предложений, возможность прийти с животным.

Показатели выбирались с точки зрения привлекательности, удаленности от сильно проходимых мест и иных факторов [2].

На этапе предобработки данных выполнено кодирование категориальных переменных с использованием Label Encoding (для бинарных признаков), Ordinal Encoding (с заданным порядком) и One-Hot Encoding (для строковых значений), а также масштабирование числовых признаков («Средний чек», «Расстояние до остановки»). На данном этапе была выявлена степень влияния различных факторов на выручку (рисунок 1).

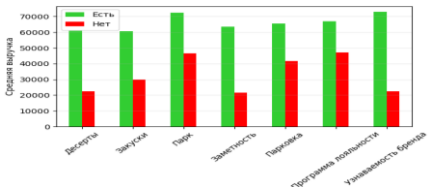


Рисунок 1. Влияние дополнительных услуг на выручку (разработано авторами).

В результате анализа данных были сделаны выводы, что факторами, оказывающими наибольшее влияние на выручку, являются: уровень конкуренции, средний чек, проходимость и некоторые дополнительные услуги (наличие десертов и закусок, заметность кофейни и узнаваемость бренда). Эти результаты согласуются с общепринятыми представлениями и выводами [3].

На этапе построения моделей были протестированы методы классификации: Logistic Regression, Random Forest, SVM, Gradient Boosting, KNN, Decision Tree [2]. Наилучшие результаты продемонстрировали модели градиентного бустинга, линейной регрессии, случайного леса и дерева решений, показавшие точность на уровне 91-93%. Валидация на новых данных подтвердила устойчивость моделей: количество ошибок не превышало 14% для градиентного бустинга и дерева решений.

Анализ важности признаков ожидаемо показал, что наиболее весомыми факторами оказались проходимость, средний чек и уровень конкуренции, тогда как такие факторы, как наличие парковки, близость парка/набережной имели меньшее, но статистически значимое влияние. Было установлено отсутствие прямой зависимости выручки от расстояния до остановки общественного транспорта несмотря на то, что большинство успешных кофеен расположены вблизи них. Однако в локациях с высоким пешеходным трафиком (например, студенческих районах и рекреационных зонах) кофейни демонстрируют высокую прибыльность даже при значительном удалении от остановок, что указывает на вторичность транспортной доступности в местах с высокой концентрацией целевой аудитории. Дополнительно

выявлено, что наличие десертов и снеков оказывает существенное положительное влияние на выручку, в то время как высокий средний чек сам по себе не гарантирует высокую прибыль – ключевым становится его сочетание с проходимостью и уровнем сервиса.

Предлагаемый подход дает возможность предпринимателю сосредоточиться на стратегических решениях, опираясь на объективные ключевые факторы разработанной модели. Разработанное ИТ-решение позволяет классифицировать точки на три класса прибыльности: высокоприбыльная, среднеприбыльная и низкоприбыльная. Следует отметить, что влияние факторов может меняться вследствие изменения инфраструктуры, потребительских предпочтений или рыночной ситуации, поэтому для поддержания актуальности разработанной модели рекомендуется проводить ее периодическое обновление и ретестирование на новых данных. В дальнейшем целесообразно расширить набор входных данных, интегрировать геоинформационные сервисы для автоматического сбора пространственных данных и реализовать веб-систему поддержки принятия решений для предпринимателей сферы общественного питания.

Список источников

1. Оценка места (локации) для открытия кафе или кофейни // СканМаркет. 2026. URL: https://scanmarket.ru/markets-detail/otsenka-lokatsii (дата обращения: 12.02.2026).

2. Как выбрать удачную локацию для торгового помещения // Marketplace. 2020. URL: https://vc.ru/marketplace/153446-kak-vybrat-udachnuyu-lokaciyu-dlya-torgovogo-pomesheniya (дата обращения: 10.01.2026).

3. Точка роста: как определить наиболее выгодное место для кофейни // ADPASS. 2024. URL: https://adpass.ru/tochka-rosta-kak-

opredelit-naibolee-vygodnoe-mesto-dlya-kofejni/ (дата обращения: 10.02.2026).

4. Морозова В. И. Прогнозирование методом машинного обучения / Морозова В. И., Логунова Д. И. // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 202–204.

УДК 004.9*004.83*622*614.8

Комплексный подход к повышению эффективности мониторинга безопасности на предприятии золотодобывающей отрасли

Александрова Александра Евгеньевна[1], Плясун Елизавета Петровна[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]sasaaleksandrova010@gmail.com
[2]elplyasun@mail.ru

Ключевые слова: золотодобывающая отрасль, мониторинг безопасности, промышленная безопасность, формализация бизнес-процессов, информационно-аналитическая система, компьютерное зрение.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

В условиях ужесточения нормативных требований и высоких производственных рисков, характерных для горнодобывающей

© Александрова А. А., Плясун Е. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

отрасли, обеспечение безопасности на предприятии становится одним из ключевых факторов, влияющих на операционную устойчивость и финансовые результаты [1].

В настоящее время в группе технологий мониторинга безопасности предприятий горнодобывающей отрасли, в частности, золотодобывающих компаний России, активно используются цифровые технологии видеомониторинга [1; 2]. Однако процесс видеомониторинга остается преимущественно неавтоматизированным. Как отмечает директор по охране труда одного из горнодобывающих предприятий г. Красноярска несмотря на то, что предприятие обладает самым большим покрытием по камерам среди всех предприятий компании, эффективность ручного мониторинга ограничена возможностями человека постоянно отслеживать многоканальные видеопотоки [3]. Это приводит к высокой нагрузке на операторов, снижению скорости реакции на нарушения и субъективности принимаемых решений.

В рамках данного исследования для совершенствования технологий мониторинга безопасности предприятий горнодобывающей отрасли авторами предлагается комплексное решение, объединяющее два взаимодополняющих ИТ-подхода.

Первый подход: разработка информационно-аналитического обеспечения ИТ-систем, использующихся на предприятиях исследуемой предметной области. Данный подход направлен на глубокий реинжиниринг деятельности мониторингового центра. На основе методологий моделирования бизнес-процессов (BPMN, IDEF0) проводится идентификация, структурирование и детальное описание ключевых процессов: приема и обработки сигналов, идентификации нарушений, передачи информации службам реагирования, документирования результатов. Выявляются «узкие места», дублирование операций и зоны, критически зависимые от человеческого фактора. Результатом становится разработанное целевое, оптимизированное информационно-аналитическое

обеспечение, включающее обновленные регламенты работы центра и формализованные требования к автоматизации.

Второй подход: разработка проекта новой информационно-аналитической системы. Он реализует сформулированные требования в виде технического решения. На основе обоснованных потребностей формируется техническое задание на создание системы мониторинга безопасности с применением технологий компьютерного зрения и видеоаналитики.

Такой подход коррелирует с практикой внедрения цифровых решений в компании «Полюс», где уже реализованы проекты по автоматизации охраны труда, промышленной безопасности и экологии на базе SAP S/4HANA Asset Management for EHS, позволяющие фиксировать опасные ситуации, регистрировать расследования, анализировать причины и собирать статистику по повторным нарушениям [4].

Реализация предложенного комплексного подхода позволит достичь ряда результатов, представленных ниже.

1. Социальный и операционный эффекты. Благодаря компьютерному зрению отпадает необходимость в постоянном и безотрывном просмотре многочисленных мониторов человеком; система может самостоятельно оперативно отрабатывать отклонение от требований охраны труда и промышленной безопасности [3]. Ожидается сокращение времени выявления нарушения, снижение субъективности и вариативности действий операторов, ускорение адаптации новых сотрудников [5].

2. Экономический эффект достигается за счет снижения потерь, связанных с инцидентами и нарушениями, за счет их оперативного выявления; оптимизации загрузки персонала мониторингового центра, высвобождения времени для аналитической работы; снижения рисков, связанных с «человеческим фактором».

3. Управленческий эффект. Внедрение предложенного подхода формирует основу для дальнейшего развития системы управления промышленной безопасностью: создание базы данных инцидентов и нарушений для последующего анализа и прогнозирования рисков, возможность оценки эффективности работы на основе объективных показателей.

В совокупности повышается не только операционная эффективность мониторинга, но и общий уровень безопасности, что напрямую влияет на устойчивость производственных и экономических показателей предприятия.

Таким образом, в исследовании предложен комплексный подход, объединяющий формализацию бизнес-процессов мониторингового центра и внедрение информационно-аналитической системы на основе компьютерного зрения. Следует отметить, что влияние факторов может меняться со временем вследствие изменения инфраструктуры, нормативных требований или появления новых типов нарушений. Поэтому для поддержания актуальности системы рекомендуется проводить ее периодическое обновление и дообучение моделей на новых данных.

Список источников

1. Фомин А. И. Управление охраной труда на горных предприятиях: учебное пособие. Кемерово: КузГТУ имени Т.Ф. Горбачева, 2018. 262 с.

2. Приходько Т. С. Разработка инструментов контроля экономической безопасности для золотодобывающих предприятий // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. Т. 3, № 6 (87). С. 316–325.

3. Золотодобытчики научили ИИ следить за безопасностью на производстве // NEWS. 2025. URL: https://myseldon.com/ru/news/index/328756773 (дата обращения: 10.01.2026).

4. «Полюс» автоматизирует контроль за использованием СИЗ // ГЕТСИЗ.РУ. 2025.

5. «Полюс» запустил пилот по автоматизации охраны труда, окружающей среды и промбезопасности // Открытые системы. 2021.

УДК 338.46*004.9*338.467

Цифровой помощник автовладельца как инструмент цифровой трансформации процессов обслуживания автомобиля

Алипов Вячеслав Михайлович[1], Гришаев Тимофей Дмитриевич[2], Королев Денис Игоревич[3]

[1, 2, 3] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,

[1]ded.keka@mail.ru

[2]grishaev.timofei@yandex.ru

[3]denis.korolev06014@yandex.ru

Ключевые слова: бизнес-процесс, цифровая трансформация, информационная система, мобильное приложение, техническое обслуживание автомобилей, цифровая сервисная книжка.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Современные условия цифровой трансформации экономики обуславливают необходимость внедрения цифровых технологий в

© Алипов В. М., Гришаев Т. Д., Королев Д. И., 2026

© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

различные сферы деятельности, включая обслуживание транспортных средств [1]. Рост количества автомобилей и увеличение требований к их техническому состоянию усиливают необходимость системного подхода к управлению процессами обслуживания, в том числе, в цифровой среде предоставления и учета услуг [2].

Большинство автовладельцев неэффективно ведут учет технического обслуживания, не всегда отслеживают сроки регламентных работ и часто не обладают полной информацией о состоянии автомобиля. Это приводит к увеличению вероятности поломок и росту затрат на ремонт [1].

Другой проблемой является отсутствие единой цифровой истории обслуживания автомобиля. Информация о ремонтах часто хранится разрозненно или теряется, что затрудняет диагностику и снижает качество обслуживания [2].

Также следует отметить, что существующие ИТ-решения в области обслуживания автомобильного транспорта области либо ориентированы только на запись в автосервис, либо не обеспечивают полноценного ведения истории обслуживания автомобиля. Традиционные методы учета, такие как использование электронных таблиц или бумажных записей, не обеспечивают необходимой точности и оперативности обработки данных [3].

Таким образом, отсутствует комплексный цифровой ИТ-инструмент, интегрирующий процессы учета, анализа и планирования обслуживания в цифровой среде автомобильного бизнеса.

В качестве ИТ-решения авторами данного исследования разработан цифровой помощника автомобилиста, выполненный в виде мобильного приложения «Мое Авто», которое объединяет автоматические функции учета, анализа и планирования обслуживания автомобиля.

Приложение позволяет формировать цифровую сервисную книжку автомобиля, фиксировать все выполненные работы, контролировать расходы и получать рекомендации по дальнейшему обслуживанию [3].

Разработанное приложение использует алгоритмы анализа данных для прогнозирования сроков замены деталей и агрегатов, что позволяет повысить надежность эксплуатации автомобиля [1]. Дополнительно реализована функция напоминаний, позволяющая пользователю своевременно выполнять необходимые работы [4].

Интеграция разработанного приложения с ИТ-системами автосервисов в перспективе обеспечит возможность записи на обслуживание, что существенно повысит удобство и качество взаимодействия пользователей и сервисных организаций [2].

Техническая реализация приложения в ИТ-системе предполагает использование современных технологий разработки мобильных приложений и серверной части. Применение клиент-серверной архитектуры обеспечивает надежное хранение данных и возможность масштабирования системы при увеличении числа пользователей [5].

Внедрение приложения «Мое авто» в ИТ-практику автосалонов позволит сократить время на учет и планирование обслуживания автомобильного транспорта. По предварительным оценкам авторов, время обработки информации может быть снижено с 30–40 минут до 10–15 минут, что позволит увеличить производительность более чем в 2 раза [4].

Экономический эффект предлагаемого авторами ИТ-решения выражается в снижении затрат на ремонт за счет своевременного обслуживания, а также в повышении эффективности использования автомобиля [1].

Социальный эффект заключается в повышении безопасности дорожного движения за счет улучшения технического состояния транспортных средств [2].

Разработанный авторами данного исследования цифровой помощник автовладельца может являться эффективным инструментом цифровой трансформации бизнес-процессов в сфере обслуживания автомобилей. Перспективы развития предлагаемого ИТ-решения связаны с внедрением технологий искусственного интеллекта для более точного прогнозирования технического состояния автомобиля.

Список источников

1. Соловьев Д. А. Новые системы информационных технологий в сфере обслуживания автосервиса // Научные исследования. 2024. Т. 10, № 1. С. 45–49.

2. Саков Н.В. Анализ IT-систем на организацию процесса работы автосервисов // Материалы научной конференции БГУИР. Минск, 2024. С. 112–116.

3. Зарайский С. А. Интерактивная автоматизированная информационная система работы автомастерской / Зарайский С. А., Гайнутдинов А. И. // Научный лидер. 2022. № 21 (66). С. 78–83.

4. Гаркавенко И. В. Разработка информационной системы для автосервиса «Форсаж» – Предпроектный анализ // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2016. 5 с.

5. Попов А. А. Разработка мобильных приложений: учебник / Попов А.А. Москва: КноРус, 2023. 602 с.

УДК 004.9*338.45*330.43

Моделирование деятельности робототехнических комплексов предприятий

Бадртдинов Тимур Рустамович
Политехнический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, badrtim7@gmail.com

Ключевые слова: органическое строение капитала, экономико-метрические модели, цифровая экономика, робототехническая система, индикатор оценки развития, BCG, GE/ McKinsey, Shell/ DPM, SWOT.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Алексею Николаевичу Максимову, доценту, канд. экон. наук.

Механизмы использования экономико-метрических методологий для оптимизации управленческих решений как для традиционных, так и для виртуальных предприятий проецируются в технико-технологические и организационно-управленческие процессы операционных циклов. При этом эволюция технико-технологических и организационно-управленческих срезов предпринимательства при внедрении робототехнических систем связана с применением экономико-метрических моделей [1; 2].

Категория «Органическое строение капитала» является интеграцией компонентов и данных, включающих ряд технико-технологических составляющих, которые могут декомпозироваться. В частности, модель Романенко-Румянцева и формализм А. А.

© Бадртдинов Т. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Румянцева органического строения капитала позволяет на основе статистической отчетности получать замеряемый уровень и динамику органического строения капитала и выявлять фактические тренды по этому показателю в отраслях [1]:

$$\text{Ок} = \frac{Fa+M+Nm}{S+Ct} \cdot 100, \quad (1)$$

где: *Ок* – органическое строение капитала в %; F_a – стоимость основных средств; M – стоимость материалов; N_m – стоимость нематериальных активов (патенты, лицензии); S – затраты на оплату труда работников; C_t – затраты на повышение квалификации.

Проведенная автором данной работа проверка реалистичности модели А. А. Румянцева для современной промышленности по ряду добывающих, перерабатывающих отраслей и предприятий машиностроения, дала подтверждение тренда «Рост органического строения капитала», причем в приоритетности тех отраслей и предприятий, в которых замеры наукоемких производств, продукции, интеллектуализации производства и труда выше и, соответственно, компетентностные составляющие персонала в большей мере определяются условиями реализации робототехнических систем и комплексов.

Трансформация экономики индустриального типа в модели цифровой экономики усилила те составляющие замеров «Органическое строение капитала», которые укладываются в содержательные изменения как постоянного, так и переменного капитала, в трендах возрастающей наукоемкости, интеллектуализации производств и труда персонала. Учитывая фактические тренды внедрений новой техники, технических систем и их комплексов при различных вариантах их организации и управления, а также тренды цифровой экономики, автором предложена модификация расчета системного индикатора оценки

развития производств в единстве вещественных и личностных факторов [2; 3]:

$$\text{Ок} = \frac{\sum Ri \cdot Fai + \sum Rmi \cdot Mi + \sum Rnmi \cdot Nmi}{S \cdot \text{Коэф.Тезаур.Сост.} + \sum \text{Альтерн.Выигрышей} \cdot Ct} \cdot 100, \quad (2)$$

где: *Ок* – органическое строение капитала в %; Fa_i – стоимость основных средств; R_i – риски отклонения использования основных средств от нормативного; M_i – стоимость материальных активов; Rm_i – риски ненормативного использования материальных активов; Nm_i – стоимость нематериальных активов (патенты, лицензии); Rnm_i – риски ненормативного использования нематериальных активов в производственно-технологических процессах; *S* – затраты на оплату труда работников; *Коэф. Тезаур. Сост.* – коэффициент тезаурусной составляющей в оплате труда (часть замеряемых составляющих профессиональных компетенций, с учетом интеллектуальной составляющей труда: креатив, уровень мотивированности на личностную отдачу, конкурентоспособность и качество); *Ct* – затраты на повышение квалификации кадров (включают затраты, которые входят в оборотный капитал предприятий, а также прогнозную оцениваемую отдачу от карьерного роста сотрудника в горизонтальном, вертикальном, диагональном тренде); *Альтерн. Выигрыши* – альтернативные выигрыши при получении компетенций под вновь формируемый функционал сотрудников.

Моделирование органического строения капитала на основе модифицированной модели, предложенной автором данной работы, позволит в перспективе использовать структурный подход к расчету капитала в разрезах рабочих мест, цехов, межцеховой кооперации, специализации, внутренних организационных структур и т. п., что, в свою очередь, будет обуславливать ряд преимуществ предприятиям:

– использовать фактические значения «Органического строения производства» как исходный статистический определяемый уровень планирования в комплексе возможных направлений введения новой техники, выведения морально устаревших технических систем, фактических комбинаций традиционной и новой техники в форматах менеджмента с применением матриц (BCG; GE/ McKinsey; Shell/ DPM; SWOT), а также сравнивать фактические значения «Органического строения производства» с цеховыми динамиками, динамиками структурных подразделений для целей синхронизации общей деятельности предприятия;

– планировать карьеру персонала при учете не только рыночных индикаторов, определяющих целесообразность найма для фактических рабочих мест и вакансий, но и с учетом средней и долгосрочной перспективы, где инвестиции в человеческий фактор становятся факторами роста органического строения капитала;

– выявлять внешние организационные возможности управления структурированным ростом «Органического строения производства», при котором могут учитываться различные тренды данного процесса.

В ходе исследования предложена модифицированная модель системного индикатора оценки развития производств с компонентами робототехнических комплексов в единстве вещественных и личностных факторов цифровой экономики.

Список источников

1. Румянцев А. А. Органическое строение капитала: влияние технологического развития // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 1. С. 91–110.

2. Максимов А. Н. Формирование человеческого капитала при использовании компетентностного подхода и показателей динамики органического строения производства / Максимов А. Н.,

Максимова С. И. // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 55–56.

3. Бадртдинов Т. Р. Менеджмент инновационности машиностроительной продукции как фактор формирования полиформы органического строения капитала / Бадртдинов Т. Р., Максимов А. Н. // Материалы юбилейной XX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проспект свободный – 2024». 2024. Ч. 3. С. 47–50.

УДК 004.9*658.153

Разработка информационно-аналитической системы прогнозирования оборотного капитала предприятия

Беломестнова Валерия Юрьевна[1], Крашенинников Данил Игоревич[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирский федеральный университет, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]lera_belomestnova@mail.ru
[2]danil_krasheninnikov@bk.ru

Ключевые слова: оборотный капитал, чистый оборотный капитал, ликвидность, денежный цикл (cash conversion cycle), прогнозирование, ARIMA, ETL, хранилище данных, бизнес-аналитика, ROI.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

В условиях цифровой экономики, характеризующейся высокой степенью неопределенности и динамичности, управление

© Беломестнова В. Ю., Крашенинников Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

оборотным капиталом приобретает особую значимость. Оборотный капитал является важнейшим элементом финансовой системы предприятия, обеспечивающим его текущую деятельность, платежеспособность и устойчивость.

Рациональное управление оборотным капиталом способствует снижению издержек, ускорению оборачиваемости активов и росту общей эффективности деятельности предприятия. В то же время недостаточный контроль за состоянием оборотных средств может вызвать снижение ликвидности, увеличение долговой нагрузки и ослабление финансовой устойчивости организации [1].

Внедрение информационно-аналитических систем становится необходимым условием повышения эффективности управленческих решений. Однако анализ практики показывает, что многие предприятия продолжают использовать традиционные методы анализа, не обеспечивающие необходимого уровня точности и оперативности.

Под оборотным капиталом понимается совокупность финансовых ресурсов предприятия, направленных на формирование его оборотных активов. В научной литературе выделяются различные подходы к его определению и структуре, однако большинство исследователей сходятся во мнении, где в качестве ключевых компонентов выделяются запасы, дебиторская задолженность и денежные средства [2].

С точки зрения финансового менеджмента, основными задачами управления оборотным капиталом являются: обеспечение достаточного уровня ликвидности, оптимизация структуры активов и обязательств, сокращение финансовых рисков, повышение эффективности использования ресурсов.

Существуют различные модели управления оборотным капиталом, включая консервативную, агрессивную и умеренную. Выбор конкретной модели зависит от стратегии предприятия, отраслевых особенностей и уровня риска [3].

Прогнозирование оборотного капитала является важным инструментом финансового планирования. Оно позволяет определить будущую потребность предприятия в ресурсах и обеспечить своевременное принятие управленческих решений.

Среди традиционных методов прогнозирования авторами данного исследования были выделены: метод коэффициентов, трендовый анализ, регрессионные модели, экспертные оценки. Как показывает проведенный анализ, несмотря на широкое применение, данные методы имеют ряд ограничений. В частности, они часто не учитывают динамику внешней среды, сложные взаимосвязи между показателями и влияние случайных факторов. Это снижает точность прогнозов и увеличивает риск принятия неэффективных решений [4].

Современные исследования показывают, что использование цифровых технологий и методов анализа данных позволяет существенно повысить качество прогнозирования. В частности, применение методов машинного обучения и интеллектуального анализа данных открывает новые возможности для повышения точности и адаптивности моделей [5].

Анализ практики управления оборотным капиталом на предприятиях позволяет выделить ряд ключевых проблем: отсутствие интеграции информационных систем, фрагментарность данных, высокая трудоемкость аналитических процедур, зависимость от человеческого фактора, низкая скорость обработки информации.

В условиях цифровизации и цифровой трансформации экономики внедрение информационно-аналитических систем становится важнейшим фактором повышения эффективности управления. Такие системы обеспечивают комплексную обработку данных, автоматизацию расчетов и поддержку принятия решений. Применение информационно-аналитических систем способствует повышению точности прогнозов, сокращению времени проведения

анализа, обеспечению прозрачности финансовых процессов, снижению операционных рисков и повышению качества управленческих решений [6].

В современных условиях наблюдается активное развитие технологий анализа данных, включая искусственный интеллект, большие данные и облачные вычисления. Их использование в управлении оборотным капиталом открывает новые перспективы для повышения эффективности финансового менеджмента.

Таким образом, управление оборотным капиталом является важнейшей задачей финансового менеджмента предприятия. Анализ существующих подходов показывает необходимость их совершенствования с учетом современных требований цифровой экономики.

В результате проведенного исследования авторами сформулирован ряд выводов для обоснования выбора ключевых направлений и эффективных ИТ-инструментов прогнозирования оборотного капитала современного предприятия. В частности, обосновано, что к перспективным направлениям относятся развитие интеллектуальных информационно-аналитических систем прогнозирования, применение предиктивной аналитики, автоматизация процессов финансового планирования, а также интеграция с ERP- и BI-платформами.

Список источников

1. Бобылева А. З. Управление оборотным капиталом: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 72 с.

2. Екимова К. В. Финансовый менеджмент: учебник для вузов / К. В. Екимова, И. П. Савельева, К. В. Кардапольцев. М. : Юрайт, 2026. 381 с.

3. Карпович О. Г. Финансовый менеджмент: учебник / О. Г. Карпович, А. Е. Суглобов, Б. Т. Жарылгасова. М.: Дашков и К, 2023. 396 с.

4. Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник. Москва: Инфра-М, 2024. 607 с.

5. Davenport T. Competing on Analytics / T. Davenport, J. Harris. Boston: Harvard Business School Press, 2007. 12 p.

6. Шматалюк А. Особенности расчета ROI при внедрении ИТ / Шматалюк А., Коптелов А. // Директор информационной службы. 2019. № 1. С. 12–16.

УДК 004.65*338.24*339.37

Реинжиниринг бизнес-процессов управления предприятием на основе создания единого информационного пространства с использованием low-code платформ

Белянкин Егор Станиславович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, egor.belyankin@gmail.com

Ключевые слова: розничная торговля, бизнес-процесс, реинжиниринг, децентрализация управления, low-code платформа, единое информационное пространство, KPI, розничная сеть.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Современные предприятия, в том числе предприятия розничной торговли, сталкиваются с проблемой низкой эффективности управления при использовании традиционных централизованных иерархических структур [1]. Единый головной

© Белянкин Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

офис предприятия торговли, концентрирующий все административные и управленческие функции, приводит к следующим негативным последствиям:

– длительные циклы согласования решений (до 3–5 рабочих дней);

– неравномерная загрузка персонала с простоями до 50% рабочего времени;

– высокие накладные расходы на аренду и содержание помещений;

– межфункциональные конфликты и низкая мотивация сотрудников.

В условиях динамичного рынка такие структуры оказываются недостаточно гибкими, что снижает конкурентоспособность бизнеса. Опыт вынужденной удалённой работы в период пандемии показал возможность эффективного функционирования без жёсткой привязки к единому физическому офису, однако для устойчивого перехода к новой модели необходима соответствующая цифровая поддержка [2].

Предлагаемый автором данного исследования подход решения выявленной проблематики – реинжиниринг бизнес-процессов управления предприятия розничной торговли на основе децентрализации офисных структур и создания единого информационного пространства с использованием low-code платформы. К ключевым элементам системы реинжиниринга автор относит следующие:

– ликвидацию центрального офиса и создание распределенных мини-офисов на базе крупных магазинов, каждый из которых закрепляется за отдельным менеджером, отвечающим за полный цикл операций по своей группе точек;

– разработку веб-приложения (сайт/портал) на low-code платформе, обеспечивающего стандартизированное заполнение отчётов менеджерами, автоматическую маршрутизацию заявок и

документов, единую базу данных с ролевым доступом (руководитель, менеджеры, склад);

– централизованный мониторинг ключевых показателей эффективности (KPI) предприятия розничной торговли в режиме реального времени с визуализацией результатов для руководителя.

Для обоснования эффективности предлагаемой системы реинжиниринга было выполнено функциональное моделирование бизнес-процессов предметной области исследования в нотации IDEF0. Построены диаграммы «как есть» (AS-IS) для существующей централизованной структуры и «как будет» (TO-BE) для децентрализованной модели с использованием low-code платформы. Сравнительный анализ моделей бизнес-процессов TO-BE показал, что внедрение единого информационного пространства позволяет перейти от последовательного выполнения операций к параллельному, что критически снижает время ожидания и устраняет «узкие места» в документообороте [3].

Как показывает практика, low-code подход позволяет быстро адаптировать ИТ-систему, используемую на предприятии, под изменяющиеся бизнес-требования без привлечения профессиональных программистов, что критически важно для малого и среднего бизнеса [4]. В качестве платформы для реализации разработанных автором мероприятий реинжиниринга предприятий розничной торговли предлагается использовать российское low-code решение, обеспечивающее визуальное проектирование бизнес-логики, интеграцию с внешними базами данных и настраиваемые дашборды KPI [5].

Ожидаемый эффект от реализации разработанной системы реинжиниринга, по предварительным оценкам автором данного исследования, заключается в следующем:

– сокращение времени обработки заявок на 57–82% за счет параллельной работы распределенных менеджеров и автоматизации согласований;

– снижение операционных затрат на 50% (исключение аренды центрального офиса, сокращение административно-хозяйственных расходов);

– повышение мотивации персонала благодаря прозрачной системе KPI и прямой зависимости вознаграждения от результатов работы курируемых точек;

– улучшение адаптивности бизнеса, а именно возможность быстрого масштабирования модели процессов на новые регионы и франчайзинговые точки;

– цифровая прозрачность для руководителя за счет реализации единой панели управления low-code платформы с актуальными показателями по каждому кластеру.

Таким образом, предложенный подход сочетает организационные преобразования с внедрением современной low-code платформы, обеспечивая комплексное повышение эффективности управления предприятием. Результаты работы могут быть масштабированы на любые сетевые структуры, сталкивающиеся с проблемами централизованного управления.

Список источников

1. Репин В. В. Бизнес-процессы. Моделирование, внедрение, управление. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 512 с.

2. Марка Д. А. Методология структурного анализа и проектирования SADT / Д. А. Марка, К. МакГоуэн. М. : Метатехнология, 1993. 240 с.

3. Зиганшин Р. А. Роль информационных технологий в развитии экономики страны / Р. А. Зиганшин, М. В. Райская // Вестник технологического университета. 2025. № 19. С. 192–195.

4. Что такое Low-code // ELMA 365. 2026. URL: https://elma365.com/ru/articles/chto-takoe-low-code/ (дата обращения: 10.01.2026).

5. Рейтинг российских low-code платформ 2026 // Компьютерра. 2026. URL: https://www.computerra.ru/335502/rejting-rossijskih-low-code-platform-2026/ (дата обращения: 11.01.2026).

УДК 339.138*004.89*004.94

Применение технологий интеллектуального анализа данных в принятии управленческих решений в промышленном маркетинге

Бжицкий Михаил Дмитриевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, bzhitsky31@yandex.ru

Ключевые слова: промышленный маркетинг, большие данные, интеллектуальный анализ данных, искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение, Data Mining, цифровая трансформация, принятие решений, ИТ-инструмент, визуализация, ИТ-система аналитики.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

В настоящее время развитие промышленного маркетинга происходит в условиях цифровизации и стремительного роста объемов данных. Современные предприятия аккумулируют значительные массивы информации о клиентах, рынках, поставках и конкурентной среде. Однако наличие больших данных без

© Бжицкий М. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эффективных цифровых технологий и ИТ-инструментов не обеспечивает повышение эффективности управленческих решений. Использование традиционных методов анализа зачастую не позволяет выявить скрытые закономерности и тенденции, что снижает качество принимаемых решений [1].

Для выработки рекомендаций применения эффективных цифровых технологий для устранения выявленной проблематики сферы исследования автором выполнен анализ маркетинговой деятельности типичного промышленного предприятия, осуществляющее деятельность на B2B-рынке. В частности, было выявлено, что основные маркетинговые решения, связанные с прогнозированием спроса, сегментацией клиентов и формированием ценовой политики в прикладной сфере исследования, принимаются на основе экспертных оценок и ретроспективного анализа [2; 3]. Такой подход приводит к низкой точности прогнозов, неэффективному распределению ресурсов и увеличению маркетинговых издержек [3; 4].

Одним из ключевых недостатков является отсутствие интеграции технологий интеллектуального анализа данных в процессы принятия решений. Используемые инструменты ограничиваются базовой аналитикой, что не позволяет в полной мере использовать потенциал накопленных данных [5]. В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения методического подхода, основанного на применении технологий Data Mining и машинного обучения [4; 5].

Этапы реализации предложенного автором подхода разработки ИТ-системы аналитики промышленного маркетинга, следующие [3–5]:

1) выработка целей и задач применения аналитических технологий ИИ с учетом специфики промышленной сферы деятельности;

2) интеграция данных из внутренних и внешних источников;

3) выбор методов интеллектуального анализа данных;

4) разработка и внедрение аналитических моделей в ИТ-систему аналитики;

5) интерпретация результатов на ИТ-инструментов визуализации и их интеграция в управленческие процессы;

6) оценка эффективности внедрения аналитической ИТ-системы.

Разрабатываемая система, по рекомендациям автора данного исследования, должна обладать следующими функциональными возможностями:

1) анализ клиентской базы и сегментация на основе поведенческих характеристик;

2) прогнозирование спроса и объемов продаж с использованием методов машинного обучения;

3) оценка эффективности маркетинговых мероприятий;

4) формирование рекомендаций для принятия управленческих решений;

5) визуализация аналитических данных и автоматизация отчетности.

Для оценки эффективности предложенных ИТ-решений автором выполнен предварительный прогноз эффектов от внедрения предложенного подхода. До внедрения аналитической системы процесс анализа данных и подготовки управленческих решений занимал значительное время и требовал участия специалистов. Предполагается, что использование интеллектуальных методов позволит сократить время анализа данных на 50–70 %, а также повысить точность прогнозирования спроса на 20–30 %. В результате предприятие сможет более эффективно распределять маркетинговые ресурсы и оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры.

После внедрения ИТ-системы аналитики повысится обоснованность принимаемых решений, снизятся маркетинговые издержки и возрастет конкурентоспособность предприятия.

Таким образом, автором было обосновано, что применение технологий интеллектуального анализа данных в интеграции Data Mining и машинного обучения является важным направлением совершенствования процессов принятия управленческих решений в промышленном маркетинге.

Список источников

1. Marr B. Data Strategy: How to Profit from a World of Big Data, Analytics and Artificial Intelligence. London: Kogan Page, 2022. 281 p.

2. Маркетинг производственного предприятия // New-Point. 2026. URL: https://new-point.bz/blog/drugoe/osobennosti-i-strategiya-prodvizheniya-v-marketinge-dlya-proizvodstvennykh-predpriyatiy/ (дата обращения: 12.01.2026).

3. Рудницкий Д. Б. Промышленный маркетинг: курс лекций. Витебск: УО «ВГТУ», 2021. 162 с.

4. Котлер Ф. Маркетинг 5.0: технологии для человечества / Ф. Котлер, К. Картаджайя, А. Сетиаван. Москва: Эксмо, 2023. 320 с.

5. Промышленный маркетинг в действии: кейсы, методы, решения в исследованиях, разработке MVP, создании продуктов, промышленном дизайне и продвижении промышленных брендов // HUMANS+MACHINES. 2025. URL: https://humans-machines.ru/blog (дата обращения: 14.01.2026).

УДК 519.6*004.02

Обнаружение аномалий поведения сложных объектов в потоках финансовых данных

Васильев Денис Игоревич[1,2]
[1]Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия, vasyliev.d.i@bk.ru
[2]Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: финансовые данные, сложный объект, контрольно-кассовая техника (ККТ), «арендная» схема, детектирование аномалий, машинное обучение, кластерный анализ.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Льву Александровичу Казаковцеву, профессору, д-ру техн. наук, научному руководителю Алексею Сергеевичу Бородулину, доценту, канд. техн. наук.

Обнаружение аномальных объектов в таких прикладных сферах, как медицинская диагностика или трафик в сетях передачи данных опирается на анализ высокочастотных временных рядов [1; 2]. В финансовой сфере, напротив, объемные потоки данных агрегируются за длительные интервалы времени. Ключевая задача налогового администрирования финансовой сферы деятельности – выявление схем уклонения от уплаты налогов, среди которых особое место занимают «арендные» схемы использования ККТ, когда налогоплательщик передает свой аппарат третьему лицу для

© Васильев Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

сокрытия реальных финансовых операций [3]. С точки зрения анализа данных, «арендная» схема выглядит как аномалия в поведении кассового аппарата, генерирующего потоковые данные, например, длительные периоды бездействия или высокая активность ККТ. Классические статистические подходы обнаружения аномалий показывают ограниченную эффективность в силу ряда причин [3; 4]. Современные методы машинного обучения нуждаются в значительных объемах размеченных данных, что на практике труднодостижимо [5]. В настоящем исследовании предлагается гибридный подход к обнаружению аномального поведения сложных объектов (на примере ККТ), сочетающий кластеризацию, распространение меток (Label Spreading) и обучение с учителем, что позволяет эффективно использовать малый объем размеченных данных.

На начальном этапе исследования автором была поставлена проблема и определены исходные данные. Пусть имеется множество объектов (ККТ) $O = \{o_1, \ldots, o_N\}$. Для каждого объекта o_i задан временной ряд $x_i(t) \in Rm$, где $t = 1,\ldots,T$ – дискретные моменты времени, m – количество измеряемых показателей (дневная выручка, доля наличных в выручке, количество чеков за день и т.д.). Требуется построить отображение $f:O \rightarrow \{0,1\}$, где 1 соответствует некоторой специфичной аномалии в поведении объекта (например, вовлеченности в «арендную» схему). Задача осложняется рядом факторов: крайне низкая доля положительного класса (менее 1%), ограниченный объем размеченных данных, нестационарность временных рядов, а также наличие шума и пропусков в данных.

На следующем этапе был сформирован набор информативных признаков потоковых данных: самая длинная непрерывная серия дней, количество дней с нулевыми значениями показателя, доля выручки за несколько дней с наибольшими значениями и другие. На заключительном этапе была произведена кластеризация

объектов со схожими поведенческими паттернами на основе метода *k*-средних [6; 7]. Результаты предварительных экспериментов, проведенных автором, приведены ниже (таблица 1).

Таблица 1. Результаты экспериментальной оценки потока данных методом k-средних (разработано автором)

Показатель	**Данные А**	**Данные Б**
Общее число исследуемых объектов	2200	2000
Число кластеров k	7	8
Число объектов, размеченных как аномальные	40	29
Число объектов с документально подтвержденным аномальным поведением	-	9
Мощность кластера C* с наибольшим числом аномальных объектов	300	91
Число аномальных объектов в кластере C*	15	21
Число объектов кластера C*, подвергнутых выборочной фактической проверке (валидации)	171	-
Число проверенных объектов с подтвержденным аномальным поведением	68 (40%)	-

Результаты кластеризации: для данных А выделен кластер из 300 объектов (содержит 15 из 40, размеченных как аномальные); для данных Б – кластер из 91 объектов (содержит 8 из 9 документально подтвержденных как аномальные и 13 из 29 размеченных как аномальные).

Таким образом, метод *k*-средних позволяет локализовать большинство аномалий в компактном кластере, однако доля ложноположительных срабатываний остается высокой. Валидация результатов кластеризации показала, что риск подтвердился для 68 (40%) из 171 переданных на проверку ККТ, что указывает на необходимость дополнительной фильтрации результатов.

В работе предложен и экспериментально исследован подход к обнаружению аномалий в потоковых данных на примере выявления «арендных» схем использования ККТ. Разработан набор статистических признаков, рассчитываемых по данным выручки, числа операций, отражающих динамику показателей исследуемых объектов и кластерную структуру временного ряда. Экспериментально показано, что кластеризация *k*-средних выделяет компактные группы с высокой концентрацией аномалий.

Список источников

1. Егорова Л. Д. Фрактальный анализ как инструмент для автоматического выявления артефактов в записях электроэнцефалограмм / Л. Д. Егорова, Л. А. Казаковцев // Системы управления и информационные технологии. 2021. № 3 (85). С. 72–76.

2. Егорова Л. Д. Применение показателя Херста и R/S-анализа сигналов электроэнцефалографии в задачах автоматического распознавания патологических состояний / Л. Д. Егорова, Л. А. Казаковцев // Системы управления и информационные технологии. 2021. № 2 (84). С. 34–39.

3. Patcha A. An overview of anomaly detection techniques: Existing solutions and latest technological trends / Patcha A., Park J. M. // Computer Networks. 2007. Vol. 51, № 12. P. 3448–3470.

4. Asuero A. G. The correlation coefficient: An overview / Asuero A. G., Sayago A., González A. G. // Critical Reviews in Analytical Chemistry. 2006. Vol. 36, № 1. P. 41–59.

5. A Review on Outlier/Anomaly Detection in Time Series Data / A. Blázquez-García, A. Conde, U. Mori [et al.] // ACM Computing Surveys (CSUR). 2021. Vol. 54, № 3. P. 1–33.

6. Likas A. The global k-means clustering algorithm / A. Likas, N. Vlassis, J. J. Verbeek // Pattern Recognition. 2003. Vol. 36, № 2. P. 451–461.

7. Казаковцев Л.А. Детерминированный алгоритм для задачи k-средних и k-медоид // Системы управления и информационные технологии. 2015. № 1 (59). С. 95–99.

УДК 519.237.5*339.138*004.9

Цифровая автоматизация мониторинга управления рекламными кампаниями на маркетплейсах

Вашкевич Марк Олегович
Институт социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, vashkevichmark@gmail.com

Ключевые слова: маркетплейс, Ozon, реклама, A/B-тестирование, статистическая оценка эффектов, система поддержки принятия решений (СППР,) мониторинг, t-тест Уэлча, bootstrap.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Алексею Валериановичу Михайлову, доценту, канд. филол. наук.

Процесс управления рекламными кампаниями на маркетплейсах предполагает постоянное внесение изменений: запуск и отключение кампаний, корректировку цен, обновление контента карточек товаров. Деятельность в условиях неопределенности приводит к увеличению длительности и повышению затратности процессов, поэтому необходимо выносить гипотезы и проверять их. Классическим инструментом проверки

© Вашкевич М. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

гипотез в маркетинге является A/B-тестирование [1]. При этом, как подтверждает практика, в закрытой системе маркетплейса невозможно разделить покупателей на разные группы (все пользователи видят одну версию карточки товара), то есть A/B-тестирование технически невозможно осуществить. В практической деятельности продавцы оценивают эффект изменений, сравнивая показатели до и после, без учета случайностей, статистической значимости и наличия возможных спутывающих переменных. Это приводит к ошибкам как первого, так и второго рода. Случайные колебания принимаются за эффект от изменений, а реальные эффекты остаются незамеченными. Формализация этого процесса представляет собой элемент цифровой трансформации бизнес-процесса управления рекламной деятельностью продавца.

Результатом работы является описание метода и результатов апробации автоматизированного модуля мониторинга управленческих воздействий, реализующего статистический анализ до/после как альтернативу классическому A/B-тестированию в условиях маркетплейса. Разработанный модуль работает в составе СППР, трансформирующей процесс управления рекламными бюджетами на маркетплейсе Ozon из интуитивного в формализованный. Для работы системы ежедневно собираются данные в базу через API маркетплейса (контент карточки товара, ценообразование, рекламные кампании, товарные остатки). Каждое зафиксированное событие привязано к дате и доступно для анализа в графическом интерфейсе системы. Для каждого события пользователь задает окно наблюдения и получает сравнение основных метрик в периодах до и после. Статистическая значимость изменений оценивается двумя методами. Двухвыборочный t-тест Уэлча и bootstrap (2000 итераций, уровень доверия 95%) [2, 3]. Изменение признается статистически значимым при выполнении двух условий: $p < 0{,}05$ по t-тесту Уэлча и 95% доверительный интервал не включает нуль. При наличии

других изменений у того же артикула в анализируемом окне система отображает предупреждение о потенциальных спутывающих переменных. Метод апробирован на исторических данных продавца на маркетплейсе Ozon в ретроспективном режиме с использованием данных, накопленных до внедрения инструмента тестирования, без предварительного планирования эксперимента (таблица 1).

Таблица 1. Статистическая оценка эффекта запуска рекламной кампании Ozon (разработано автором)

Метрика	**До (среднее/ день)**	**После (среднее/ день)**	**Δ**	**95% ДИ**	**p-value**	**Значимо**
Заказы	0,75	3,34	+2,59	[1,62; 3,55]	<0,001	✓
Показы	567	7084	+6517	[5720; 7354]	<0,001	✓
Клики / день	29	178	+149	[127; 171]	<0,001	✓
CTR	0,07	0,03	−0,04	[−0,057; −0,026]	<0,001	✓
Конверсия корзина/клик	0,111	0,07	−0,04	[−0,093; 0,006]	0,111	✗
Конверсия заказ/корзина	0,258	0,28	+0,02	[−0,156; 0,194]	0,813	✗
Выручка / день	226 ₽	1680 ₽	+1454 ₽	[984; 1897]	<0,001	✓
Позиция в поиске	66,6	46,3	−20,4	[−35,4; −4,4]	0,017	✓
Расход на рекламу	0 ₽	283 ₽	+283 ₽	[277; 288]	<0,001	✓

Результаты анализа таблицы 1 демонстрируют эффекты запуска рекламы. В частности, показы выросли в 12,5 раза, клики в 6,1 раза, заказы в 4,4 раза, выручка в 7,4 раза (все изменения

статистически значимы, p <0,001). Позиция в поиске улучшилась на 20,4 пункта (p = 0,017). Но CTR снизился на 60% (p <0,001): это означает, что, вероятно, рекламный трафик менее целевой, чем органический. Конверсия корзина/клик (p = 0,111) и конверсия заказ/корзина (p = 0,813) изменились статистически незначимо. Итоговый вывод состоит в том, что рост заказов обусловлен увеличением объема трафика при неизменной конверсии нижней части воронки, а на практике позволяет увеличивать рост эффектов от рекламы как за счет масштабирования бюджета, так и за счет работы над конверсией верхней части воронки.

К ограничениям предложенного метода относится чувствительность к временным спутывающим переменным (сезонности, изменениям алгоритмов платформы, действиям конкурентов), что требует особой тщательности интерпретации результатов мониторинга рекламной кампании маркетплейсов [4].

Мониторинг управленческих воздействий в сочетании со статистической оценкой методом t-теста Уэлча и bootstrap обеспечивает практическую альтернативу классическому A/B-тестированию в условиях экосистемы маркетплейса. Апробация на реальных данных подтвердила способность метода выявлять эффекты на различных уровнях воронки продаж, включая статистически незначимые изменения, которые интуитивная оценка ошибочно квалифицировала бы как содержательные. Внедрение модуля в бизнес-процесс продавца заменяет субъективную оценку воспроизводимой статистической процедурой, что является практическим шагом цифровой трансформации операционного управления на маркетплейсе.

Список источников

1. Kohavi R. Trustworthy Online Controlled Experiments: A Practical Guide to A/B Testing / Kohavi R., Tang D., Xu Y. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 471 p.

2. Welch B. L. The generalization of Student's problem when several different population variances are involved // Biometrika. 1947. Vol. 34, № 1/2. P. 28–35.

3. Efron B. Computer Age Statistical Inference: Algorithms, Evidence, and Data Science / Efron B., Hastie T. New York: Cambridge University Press, 2016. 475 p.

4. Эконометрика: учебник для вузов / под редакцией Елисеевой И.И. Москва: Юрайт, 2026. 449 с.

УДК 658.7*004.9

Особенности использования цифровых технологий в управлении запасами материально-технических ресурсов (МТР) нефтегазовых компаний

Владимирова Екатерина Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ea.vladimirova@mail.ru

Ключевые слова: управление запасами, оптимизация запасов, материально-технические ресурсы (МТР), неликвидные запасы, избыточные запасы, цифровой склад, цифровой инвентарь, аддитивное производство, 3D-печать, Интернет вещей (IoT), промышленный Интернет вещей (IIoT), цифровизация логистики, предиктивная аналитика.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Евгению Петровичу Васильеву, профессору, д-ру экон. наук.

© Владимирова Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В текущих условиях развития нефтегазовой отрасли одной из актуальных задач является определение оптимального уровня, состава и структуры запасов материально-технических ресурсов в нефтегазовых компаниях. В практической деятельности проблема заключается в накоплении значительных объемов как неликвидных, так и ликвидных, но фактически невостребованных запасов МТР. Возникновение данной категории запасов обусловлено корректировками планов строительства и освоения месторождений. Вследствие данных процессов происходит отвлечение значительных объемов оборотных средств, отвлеченных от производственного процесса. Избыточные запасы ограничивают финансовые возможности компаний, снижая их гибкость и способность оперативного реагирования на изменения внешней среды.

Помимо этого, сложности в управлении запасами МТР в нефтегазовых компаниях связаны с необходимостью учета большого количества разнородных запасов, часть из которых не используется, что увеличивает нагрузку на складскую и логистическую инфраструктуру. При этом недостаточно развитые механизмы перераспределения МТР между объектами приводят к их дисбалансу: на одних складах формируется переизбыток, а на других образуется дефицит запасов МТР. Ситуация усугубляется тем, что процессы реализации, списания и перераспределения неликвидных запасов являются длительными и организационно сложными, что замедляет высвобождение замороженных средств.

В целях повышения эффективности управления запасами МТР предлагается применение инновационно-технологических решений, ориентированных на оптимизацию уже сформированных запасов. К таким решениям относятся:

– цифровые склады;

– цифровой инвентарь и аддитивные технологии;

– технологии Интернета вещей (IoT) и промышленного Интернета вещей (IIoT).

Цифровой склад в нефтегазовых компаниях понимается как совокупность автоматизированных систем, однако на практике речь идет не только о технологиях, а о пересмотре подхода к управлению запасами МТР. В то время как традиционные склады ориентированы в первую очередь на учет, цифровые решения позволяют работать с данными более гибко – в том числе получать актуальную информацию о запасах без задержек и связывать складские процессы с другими элементами логистической цепочки.

Использование датчиков, систем идентификации и аналитических инструментов делает более заметными те операции, которые ранее не фиксировались или анализировались постфактум. За счет этого появляется возможность не только контролировать перемещение ресурсов, но и выявлять избыточные или неэффективные запасы. Отдельно следует отметить, что в ряде случаев применяются методы предиктивной аналитики, позволяющие не только фиксировать текущую ситуацию, но и заранее оценивать возможную потребность в МТР и выявлять потенциальные риски дефицита [1].

В развитие данных решений формируется подход, связанный с «цифровым инвентарем». Он меняет логику хранения: часть запасов может не находиться на складе в физическом виде, а представляться в форме цифровых моделей. Такие модели используются при необходимости для изготовления деталей. Для нефтегазовой отрасли это имеет большое значение, в связи с территориальной разрозненностью и удаленностью объектов и сложностью поставок. В подобных условиях возможность локального производства отдельных компонентов позволяет сократить время ожидания и снизить зависимость от внешних поставщиков [2].

Отдельное направление связано с использованием технологий Интернета вещей, позволяющих получать данные о состоянии и перемещении МТР без прямого участия персонала. В современных реалиях это помогает выявлять дисбалансы: например, ситуации, когда на одном объекте формируются излишки, а на другом возникает дефицит МТР [3]. Реализация IoT-решений в том числе включает использование RFID-меток, QR-кодов, а также различных датчиков и счетчиков. Эти инструменты упрощают процессы учета и позволяют более точно отслеживать использование ресурсов. Дополнительным эффектом является снижение числа ошибок, связанных с человеческим фактором, а также повышение уровня контроля за состоянием оборудования [4]. Интеграция IoT и IIoT с промышленными системами управления (например, SCADA или DCS) расширяет возможности использования получаемых данных. В этом случае речь идет не только о мониторинге, но и о более оперативном реагировании на изменения, а в отдельных случаях – о частичной автоматизации управленческих решений, что особенно актуально для удаленных объектов, где оперативность принятия решений играет критическую роль [3].

Таким образом, были выявлены особенности и обозначены эффекты использования цифровых технологий в управлении запасами МТР нефтегазовых компаний. В частности, было обосновано, что внедрение цифровых технологий в управление запасами МТР постепенно приводит к изменению самой системы управления. При этом эффект проявляется не только в снижении доли невостребованных ресурсов и сокращении затрат, но и в повышении устойчивости компаний к изменениям внешней среды в условиях неопределенности.

Список источников

1. Panaedova G. Digital Technologies in the Oil and Gas Industry: Main Directions and Development Trends / Panaedova G., Frumina S., Mityushina I. Chemnitz: Springer, 2022. P. 67–76.

2. Bang-Olsen K. Assessing Additive Manufacturing and Digital Inventory Ecosystem in the Oil & Gas Context / Bang-Olsen K., Turkyilmaz A. Chemnitz: Springer, 2024. P. 63–76.

3. The Significance of the Industrial Internet of Things (IIoT) for the Oil and Gas Space / Chelliah P. R., Jayasankar V., Agerstam M., Sundaravadivazhagan B. R. Cyriac: Wiley-IEEE Press, 2024. P. 117–146.

4. The Role of IoT in Optimizing Operations in the Oil and Gas Sector: A Review / Sharma S. K., Rani A., Bakhariya H. [et al.] // Transactions of the Indian National Academy of Engineering. 2024. Vol. 2, № 9. P. 293–312.

УДК 332.85*004.89

Устойчивое развитие рынка жилой недвижимости городов-миллионников СФО в условиях цифровой трансформации городской экономики

Гроо Кристина Анатольевна
Департамент подготовки кадров высшей квалификации Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Kristina.shishkina.96@bk.ru

Ключевые слова: Сибирский федеральный округ (СФО), устойчивое развитие, рынок жилья, цифровая трансформация, город-миллионник, девелопмент, система управления бизнес-процессами (СУБП).

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Екатерине Владимировне Кашиной, доценту, д-ру экон. наук.

Цифровая трансформация рынка жилой недвижимости крупных городов в настоящее время осуществляется в контексте цифровой трансформации городской экономики, затрагивающей структуру спроса и предложения, а также механизмы управления. Рынок жилья рассматривается как элемент сложной территориально-экономической системы с институциональными, пространственными и экологическими компонентами и цифровыми технологиями [1]. В городах-миллионниках СФО, с индустриальным наследием, повышенной экологической нагрузкой и зависимостью от ограниченного круга базовых отраслей, указанные процессы проявляются наиболее остро и предполагают

© Гроо К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

уточнение управленческих подходов. В настоящее время регулирование и управление развитием рынка жилья опирается на несколько существующих моделей логики, которые задают собственную конфигурацию бизнес-процессов и по-разному реагируют на вызовы цифровизации (таблица 1).

Таблица 1. Модели логики управления рынком жилой недвижимости и их цифровое измерение (на материалах [2–4])

Модель логики	**Ключевые вопросы управления и бизнес-процессов**	**Цифровые инструменты**
Экономико-детерминированная	Фокусируется на ценовых индикаторах, доходности инвестиций и параметрах ипотечного кредитования, использует цифровые системы сбора и обработки информации, что повышает прозрачность и обоснованность принимаемых решений	Цифровые индексы, Big Data-аналитика, онлайн-агрегаторы
Пространственно-градостроительная	Ориентирована на управление плотностью застройки, структурой использования территорий, развитием транспортной и социальной инфраструктуры	ГИС, BIM/ТИМ-модели, геоаналитика, элементы цифрового двойника
Институциональная	Определяет нормативно-правовые режимы, закрепление и оборот прав собственности, механизмы контроля и надзора, сопровождаемые переходом к электронным реестрам и онлайн-регистрации сделок	Электронные реестры, онлайн-регистрация сделок, е-документооборот
Социо-эколо-гическая	Связана с обеспечением доступности жилья, характеристиками городской среды и экологическими ограничениями. Предполагает использование цифровых систем мониторинга и инструментов общественного участия	Цифровой мониторинг среды, «умные» здания, онлайн-опросы населения
Управленческо-проектная	Концентрируется на реализации комплексных проектов (КРТ, реновации, проекты ГЧП), управление жизненным циклом в которых в большей степени опирается на цифровые платформы	Платформы девелопмента, PropTech-сервисы, цифровое управление проектами

В условиях развития городов-миллионников СФО указанные выше модели логик имеют ряд ограничений в силу специфики

территориального развития и структуры городской экономики, например, обобщенные ценовые и количественные показатели не всегда отражают внутригородскую дифференциацию, управленческо-проектные решения сопряжены с рисками усиления социальной и территориальной сегрегации и др. Поэтому цифровизация рынка жилья и связанных с ним управленческих бизнес-процессов в рассматриваемых условиях обладает двойственным характером. С одной стороны, расширение онлайн-платформ и сервисов по поиску, продаже и аренде жилья, развитие PropTech-решений, автоматизация ипотечных сделок, внедрение BIM/ТИМ-моделей и элементов цифровых двойников города объективно повышают информированность участников рынка, сокращают время транзакций и расширяют аналитический инструментарий органов управления. С другой – отсутствие целостной методологии интеграции цифровых инструментов в систему управления способствует воспроизводству и усилению уже имеющихся дисбалансов, выражающихся в концентрации инвестиций в наиболее ликвидных локациях, дифференциации качества городской среды и неравном доступе наиболее уязвимых групп населения к цифровым сервисам и финансовым продуктам.

Специфика городов-миллионников СФО предопределяет формирование комплекса факторов, оказывающих критическое влияние на устойчивое развитие рынка жилья, например факторов индустриально-институционального наследия, которые обуславливают встраивание в СУБП оценки отраслевых рисков планирования и отбора проектов, факторов экономической волатильности, требующих повышения гибкости процедур бюджетирования, отбора и поддержки проектов, и других [4, 5].

Таким образом, традиционная модель управления не обеспечивает достаточной адаптивности в условиях высокой неустойчивости внешней и внутренней среды городов-миллионников СФО. Цифровые технологии создают предпосылки

для перехода к более гибким режимам управления, основанным на регулярном мониторинге ключевых индикаторов рынка и городской среды и возможности оперативной перенастройки управленческих решений и регламентов бизнес-процессов.

Подводя итог, отметим, что проведенный критический анализ позволяет сделать вывод о том, что устойчивое развитие рынка жилой недвижимости городов-миллионников СФО в условиях цифровой трансформации городской экономики возможно при переходе от фрагментарного использования отдельных методических подходов к их системной интеграции в рамках адаптивной управленческой конструкции, учитывающей региональные особенности и динамику внешней среды.

Список источников

1. Руденко И. В. Цифровизация как форма инновационного развития рынка недвижимости // Наука и инновации. 2023. Т. 11, № 5 (65). С. 51–56.

2. Цифровизация рынка недвижимости: преимущества и риски // RBC Companies. 2025. URL: https://companies.rbc.ru/news/5nOtAEXwyq/tsifrovizatsiya-ryinka-nedvizhimosti-preimuschestva-i-riski/ (дата обращения: 05.02.2026).

3. Борискина Ю. Влияние цифровых и онлайн технологий на российский рынок жилой недвижимости // Недвижимость: экономика, управление. 2021. Т. 2, № 1. 5 с.

4. Стерник С. Г. Тенденции развития жилищного рынка и жилищного строительства в регионах РФ / Стерник С. Г., Мальгинов Г. Н. // Недвижимость: экономика, управление. 2023. № 2. С. 6–15.

5. Ильиных А. Л. К вопросу о рынке недвижимости города Новосибирска (на примере сегмента жилых помещений) / Ильиных А.Л., Жампозов А.У. // Геосибирь. 2025. Т. 3. С. 129–137.

УДК 004.9*332.1*339.138:004

Влияние цифровых технологий на бизнес-модели в креативных индустриях: переход к платформенному взаимодействию

Давыдова Дарья Денисовна[1], Юшкова Мария Евгеньевна[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]daxadav@gmail.com
[2]maria.yushko61@gmail.com

Ключевые слова: креативные индустрии, цифровые технологии, бизнес-модели, платформенные модели, продвижение контента, аналитика данных.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Ольге Витальевне Слиницыной, доценту, канд. техн. наук.

В последние годы креативные индустрии уже прошли этап активного внедрения цифровых технологий, включая развитие социальных сетей, онлайн-платформ и стриминговых сервисов. Новые форматы продвижения и распространения контента стали неотъемлемой частью деятельности в сфере кино, медиа, музыки и блогинга [1]. Вместе с тем накопленный опыт использования цифровых инструментов выявил ряд ограничений, связанных с эффективностью существующих моделей взаимодействия и продвижения [2].

© Давыдова Д. Д., Юшкова М. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

На текущем этапе прямое продвижение через социальные сети, несмотря на свою доступность, требует значительных временных и организационных ресурсов, а также постоянного учета изменяющихся алгоритмов и трендов. Одновременно с этим услуги агентств и посредников, обеспечивающих продвижение и координацию взаимодействия, характеризуются высокой стоимостью и не всегда обеспечивают необходимый уровень прозрачности и контроля со стороны участников.

В условиях высокой динамики креативных рынков участники индустрии вынуждены адаптироваться к быстро меняющимся требованиям, обеспечивать присутствие на различных цифровых площадках и оперативно реагировать на изменения в поведении аудитории. Это приводит к росту потребности в более гибких и управляемых моделях взаимодействия, позволяющих снизить зависимость от посредников и повысить эффективность бизнес-процессов.

В ответ на данные вызовы формируется переход к платформенным моделям, обеспечивающим прямое взаимодействие между участниками креативных индустрий и предоставляющим инструменты для автоматизации, аналитики и управления процессами в едином цифровом пространстве [2].

Целью данной работы является анализ влияния цифровых технологий на бизнес-модели в креативных индустриях и выявление ключевых тенденций перехода к платформенным формам взаимодействия.

Цифровые технологии оказывают комплексное влияние на бизнес-модели в креативных индустриях, прежде всего за счёт изменения принципов взаимодействия с аудиторией. Современные модели ориентированы не на единичный выпуск продукта, а на формирование устойчивого и непрерывного контакта с пользователем. Это приводит к необходимости регулярного присутствия в цифровой среде и поддержания вовлечённости

аудитории на протяжении всего жизненного цикла контента. Данные изменения наиболее наглядно проявляются в киноиндустрии. Развитие онлайн-кинотеатров и стриминговых сервисов трансформировало подход к распространению и потреблению контента. Зритель получил постоянный доступ к медиапродуктам, что, в свою очередь, усилило конкуренцию за внимание. В этих условиях ключевым фактором становится не только создание контента, но и его сопровождение: продвижение, дополнительный контент, коммуникация с аудиторией и поддержание интереса к проекту на разных этапах [3].

Изменение поведения аудитории повлияло и на инструменты продвижения. Прямое продвижение через социальные сети сохраняет значимость, однако его эффективность снижается из-за высокой конкуренции и зависимости от алгоритмов платформ. В то же время использование посреднических моделей, включая агентства, связано с увеличением затрат и ограниченной прозрачностью взаимодействия. В результате формируется противоречие между необходимостью эффективного продвижения и ограничениями существующих инструментов.

Цифровые платформы обеспечивают объединение ключевых функций – поиска партнеров, коммуникации и аналитики – в рамках единой среды. Это позволяет сократить число посредников, повысить прозрачность процессов и обеспечить более эффективное взаимодействие между участниками креативных индустрий.

Дополнительным фактором, усиливающим данную трансформацию, является использование аналитики данных. Возможность анализа поведения аудитории, уровня вовлеченности и реакции на контент позволяет принимать более обоснованные решения в области производства и продвижения. В киноиндустрии это выражается в ориентации на предпочтения зрителей при выборе форматов, жанров и стратегий продвижения.

Таким образом, влияние цифровых технологий на бизнес-модели в креативных индустриях проявляется в последовательном изменении ключевых элементов: от способов взаимодействия с аудиторией к трансформации инструментов продвижения и, далее, к формированию платформенных моделей.

Ключевой тенденцией, выявленной авторами данной работы, является переход к более гибким и управляемым формам платформенного взаимодействия, основанным на прямой коммуникации и использовании совместных данных. Этот тренд определяет направление дальнейшего развития креативных индустрий в условиях цифровой экономики.

Список источников

1. Топонен А. А. Рынок стриминговых видеосервисов России и США: обзор и тренды // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. Т. 7, № 1. С. 45–62.

2. Цифровые платформы креативных индустрий: опыт России и Китая / Г. И. Гумерова, А. А. Кокурина, Э. Ш. Шаймиева [и др.] // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 1. С. 293–300.

3. И цифровых платформ в развитие креативных индустрий и поддержку креативного предпринимательства / Г. Р. Имаева, Е. Ю. Сушко, И. А. Гильдебрандт [и др.]. Москва: НАФИ, 2021. 84 с.

УДК 004.94*622.692.4

Прототип системы предиктивной аналитики ДТП как инструмент повышения безопасности дорожного движения в г. Красноярск

Ильина Валерия Сергеевна[1], Михайлов Валентин Евгеньевич[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]valeriailina926@gmail.com
[2]mihval135@gmail.com

Ключевые слова: предиктивная аналитика, ДТП, модель машинного обучения (ML-модель), XGBoost, рекомендательная система, безопасность дорожного движения.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Высокий уровень аварийности в городских агломерациях представляет собой социально-экономическую проблему. Традиционные подходы к анализу ДТП основаны на «постфактумном» сборе статистики и не позволяют осуществлять заблаговременное предупреждение о возникающих рисках [1]. Отсутствие инструментов оперативной оценки приводит к запоздалой реакции экстренных служб и недостаточной информированности водителей о потенциально опасных участках. В этой связи возникает потребность в создании интеллектуальных систем, способных в режиме, близком к реальному времени,

© Ильина В. С., Михайлов В. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

анализировать многомерные данные (трафик, погода, время, геометрия дороги) и прогнозировать вероятность аварийных ситуаций для их предотвращения [2].

В качестве решения проблематики авторами предлагается разработка прототипа информационно-аналитической системы, объединяющей прогнозную модель на основе машинного обучения и модуль выдачи персонализированных рекомендаций. Исследование проводилось на наборе данных, объединяющем исторические сведения о ДТП (ГИБДД), оперативные показатели трафика (API Яндекс.Карт, 2ГИС), метеоданные (OpenWeatherMap) и атрибуты дорожной сети (OpenStreetMap). Целевой переменной выступал факт возникновения ДТП. Ключевой проблемой стал дисбаланс классов (13% аварийных случаев), решенный методом случайной балансировки. Сравнительный анализ восьми алгоритмов машинного обучения выявил лидера: модель XGBoost показала наилучший баланс метрик (Accuracy = 0,6842, F1 = 0,6250) и была выбрана для интеграции в прототип.

Основой прототипа системы является разработанный алгоритм взаимодействия с пользователем. Алгоритм начинается со сбора исходных данных (средняя скорость движения, плотность трафика, температуру воздуха, видимость, число полос, время суток, наличие осадков, освещенность, состояние дороги и др. Далее выполняется подготовка данных для использования в ML-модель. После этого на основе подготовленных данных осуществляется прогноз вероятности дорожно-транспортного происшествия с помощью ML-модели, и получается числовое значение вероятности риска.

Затем происходит последовательная проверка уровня вероятности риска P (от низкого риска при P <0,3 до критического риска при P> 0,8) и формируются конкретные рекомендации (например, при низком риске – соблюдение ПДД и регулярный контроль условий, при среднем риске – снижение скорости и

соблюдение дистанции, при критическом – отказ от поездки, ее перенос на длительный срок и т.д.). Также выполняется сравнение сценариев (базового и модифицированных), анализируются вероятности, визуализируются результаты и формируются рекомендации. На выходе формируется итоговый отчет с указанием вероятности ДТП, уровня риска и предложенных действий, после чего результаты интегрируются и отправляются в навигационные системы.

Система реализует полный цикл: от ввода параметров дорожной ситуации до выдачи конкретных советов по безопасности. Пользователь через интерфейс вводит ключевые параметры (скорость потока, видимость, погодные условия, состояние покрытия и др.). Подготовленный вектор данных поступает в модель XGBoost, которая рассчитывает вероятность ДТП. На основе полученного значения система автоматически классифицирует уровень риска и формирует соответствующие рекомендации, приведенные выше. Дополнительно система предоставляет режим сценарного анализа «что если», позволяя водителю оценить, как изменение одного параметра (например, снижение скорости) повлияет на итоговый уровень риска.

Разработанный прототип системы позволяет сместить фокус с ликвидации последствий ДТП на их предотвращение, что дает ряд измеримых эффектов, отраженных далее.

Социальный эффект: снижение количества ДТП за счет своевременного информирования водителей. Как показано ниже, система вырабатывает конкретные, понятные пользователю рекомендации, адаптированные под текущую ситуацию. Это повышает вовлеченность водителей в процесс безопасного управления (рисунок 1).

Экономический эффект: сокращение материального ущерба от аварий и оптимизация работы городских служб за счет предиктивной аналитики, например, для превентивной обработки

покрытия или ГИБДД для регулирования трафика в зонах повышенного риска.

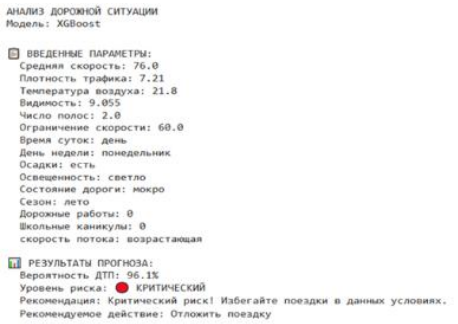


Рисунок 1. Интерфейс системы предиктивной аналитики ДТП: оценка риска и персонализированные советы (разработано авторами).

Эффективность бизнес-процессов: сокращение времени анализа дорожной обстановки в режимах реального времени [3].

Проведенное исследование подтвердило возможность эффективного прогнозирования риска ДТП на основе машинного обучения. Разработанный прототип системы с алгоритмом выдачи персонализированных рекомендаций демонстрирует практическую реализацию принципов превентивного управления безопасностью. Дальнейшая работа будет направлена на повышение полноты (Recall) модели и интеграцию системы с навигационными сервисами для максимизации социального эффекта.

Список источников

1. Статистика аварийности // Госавтоинспекция МВД России. 2026. URL: https://гибдд.рф (дата обращения: 10.02.2026).

2. Ефимов А. А. Интеллектуальные транспортные системы: перспективы, эффективность и проблемы / А. А. Ефимов, К. С. Медведева // International Journal of Advanced Studies: Transport and Information Technologies. 2025. Vol. 15, № 1. P. 132–150.

3. Мосин К.К. Использование методов автоматизированного машинного обучения для классификации дорожно-транспортных

происшествий / Мосин К. К., Ковалевский В. Э., Жукова Н. А. // Intellectual Technologies on Transport. 2023. № 2. P. 15–26.

УДК 005.95*004.09

Механизм цифровой трансформации бизнес-процессов управления подчиненностью сотрудников промышленного предприятия

Карвась Владимир Сергеевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
Karvas.k@mail.ru

Ключевые слова: промышленное предприятие, бизнес-процесс, модель, нотация, BPMN, цифровая трансформация, механизм, управление подчиненностью, HR-процесс, 1С ЗУП, ИТ-решение, событийно-управляемая архитектура, GAP-анализ.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Современный этап развития промышленного производства характеризуется масштабной цифровой трансформацией, охватывающей все уровни хозяйственной деятельности предприятий. В условиях реализации концепции Индустрии 4.0 данные о персонале – сведения об организационной иерархии и подчинённости сотрудников – становятся инфраструктурной основой корпоративной ИТ-экосистемы [1]. От их достоверности и актуальности зависит функционирование корпоративного портала,

© Карвась В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

систем электронного документооборота, аналитических дашбордов и мобильных приложений.

Под управлением подчиненностью понимается комплекс организационных и информационных процессов, обеспечивающих поддержание актуальных данных о линейных, функциональных и непосредственных связях руководства между сотрудниками предприятия [2]. На крупных промышленных предприятиях данные процессы зачастую остаются недостаточно автоматизированными, что порождает рассогласованность данных между смежными системами и ошибки в маршрутизации документов.

Цель данного исследования – совершенствование механизма цифровой трансформации бизнес-процессов управления подчиненностью на основе разработки интегрированной архитектуры информационных систем. Эмпирической базой выступает АО «РУСАЛ Красноярск» – крупнейший алюминиевый завод с численностью персонала свыше 1 000 человек, использующий платформу 1С ЗУП в связке с MS SQL Server и REST API-сервисами [2].

Анализ текущего состояния карты бизнес-процессов управления подчиненностью (модель AS-IS) выполнен с применением нотации BPMN 2.0 [3; 4]. Действующая архитектура построена по трехуровневой модели: уровень данных – 1С ЗУП; уровень хранения – MS SQL Server с промежуточными таблицами; уровень потребления – REST API (рисунок 1). Ключевой проблемой моделируемого процесса является polling-архитектура: регламентное задание выполняет полный пересчет подчиненности раз в час, что создает задержку актуализации от 1 до 8 часов.

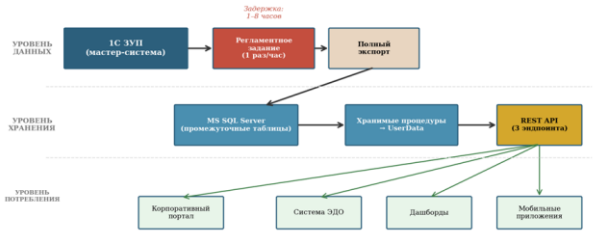


Рисунок 1. Архитектура интеграции кадровых данных (AS-IS) (разработано автором).

GAP-анализ позволил автору систематизировать проблемы исследуемого процесса по трем категориям: процессные (ручные операции, отсутствие валидации и мониторинга); интеграционные (задержка до 1-8 часов, отсутствие событийного механизма, 3 эндпоинта API); качества данных (циклические ссылки, «висящие» записи, дублирование) [5]. Сравнение параметров AS-IS и TO-BE представлено ниже (рисунок 2).

Рисунок 2. Результаты GAP-анализа: сравнение AS-IS и TO-BE по ключевым параметрам (разработано автором).

Для устранения выявленных проблем автором разработана целевая модель (TO-BE) на основе событийно-управляемой архитектуры, обеспечивающей передачу изменений в режиме, близком к реальному времени (задержка ⩽ 5 минут), за счет инкрементального экспорта на основе журнала событий [6]. Ключевым элементом ИТ-решения является механизм автоматической валидации цепочек подчиненности, включающий шесть правил: обнаружение самоподчинения; выявление циклических зависимостей методом DFS; выявление «висящих» записей; устранение дублирования позиций; проверка соответствия штатному расписанию; контроль аномальной глубины

иерархии [7; 8]. Вычислительная сложность O (V + E) обеспечивает применимость в реальном времени. Также в рамках проведенных работ автором спроектировано ИТ-расширение REST API с трех до девяти эндпоинтов: операционные (полная цепочка подчиненности, общий руководитель, историческая подчиненность), аналитические (норма управляемости, сотрудники без руководителя) и инфраструктурные (delta-запросы). Предложена методика поэтапного внедрения: инкрементальный экспорт, автоматическая валидация, расширение API, аналитический дашборд. Ожидаемые эффекты: сокращение задержки синхронизации до единиц минут, снижение доли ошибочных записей, расширение функциональности API.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что процесс управления подчиненностью описан как самостоятельный объект цифровой трансформации в условиях гетерогенного корпоративного ИТ-ландшафта. Практическая значимость определяется ориентацией на механизм внедрения разработанных ИТ-решений без замены платформы 1С ЗУП с тиражируемостью для других крупных промышленных предприятий.

Список источников

1. Бабкин А. В. Цифровая экономика и Индустрия 4.0: проблемы и тенденции: монография. Санкт-Петербург: Издательство СПбПУ, 2017. 295 с.

2. РУСАЛ: официальный сайт. 2026. URL: https://rusal.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

3. Бондарев В. В. Информационные технологии управления персоналом: учебное пособие. Москва: Юрайт, 2020. 291 с.

4. Шеер А.В. Моделирование бизнес-процессов. Москва: Весть-Метатехнология, 2017. 219 с.

5. Гилева Т. А. Цифровая трансформация бизнес-процессов: постановка проблемы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27). С. 30–37.

6. Кознов Д. В. Введение в программную инженерию: учебное пособие. Москва: Академия, 2019. 304 с.

7. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2019. 312 с.

8. Коттер Дж. П. Впереди перемен. Москва: Олимп-Бизнес, 2016. 256 с.

УДК 004.89*331.5

Разработка системы поддержки принятия решений для подбора кадров на основе интеллектуального анализа матрицы компетенций

Кене Лев Николаевич
Институт управления бизнес-процессов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lev_kene@mail.ru

Ключевые слова: рекрутер, hard skills, soft skills, большие данные, система поддержки принятия решений (СППР), матрица компетенций, резюме, парсер вакансий, искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение, уверенность модели ИИ, покрытие модели ИИ, анализ резюме, рекомендательная система, предписательная аналитика, Python, GigaChat, JSON, HRM-платформа.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Главным вызовом для современных рекрутеров является обработка больших объемов данных. Специалисты кадровых служб условно делятся на две категории: использующие ручной отбор откликов и применяющие инструменты ИИ. Последние преимущественно опираются на готовые решения, встроенные в HRM-платформы (например, Skillaz, SuperJob AI, Битрикс24 Enterprise HRM). Однако существующие системы не в полной мере отвечают специфическим бизнес-требованиям современных

© Кене Л. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

компаний. Крупные предприятия, совмещающие производственный и управленческий персонал, сталкиваются с негибкостью таких решений: для рабочих специальностей критичны технические и прикладные навыки (hard skills), тогда как для управленческих позиций приоритетны надпрофессиональные компетенции (soft skills). Кроме того, отсутствуют эффективные инструменты оценки конкурентоспособности кандидата в реальном времени относительно текущих рыночных требований. Целью данного исследования является разработка прототипа системы СППР для подбора персонала, ориентированного на предписательную аналитику и учитывающего указанные запросы работодателей.

Программная реализация прототипа СППР выполнена автором данной работы на языке Python с использованием библиотек Scikit-learn (построение ML-моделей), Pandas и NumPy (обработка данных), Plotly и Seaborn (визуализация). Архитектура продукта построена по модульному принципу, что обеспечивает гибкость проектирования при изменении технического задания и изоляцию функциональных компонентов [1]. Учитывая потенциал масштабирования, выбран подход модульного монолита, который в дальнейшем может быть мигрирован в микросервисную архитектуру [2]. Автоматический парсер вакансий реализован в виде скрипта, взаимодействующего с API платформы HeadHunter. С его помощью формируется база актуальных вакансий, структурированная по 27 профессиональным категориям. За отчетный период, сформированный на период проведенных исследований, собрана выборка из 9122 вакансий.

Ключевым элементом прототипа системы является модуль формирования матрицы компетенций. На основе данных парсинга строится разреженная матрица для сопоставления вакансий и резюме, где целевой признак – профессиональная роль, а остальные – бинарные векторы наличия конкретных навыков.

Сформированный перечень требует дополнительной нормализации с применением LLM или экспертной валидации. Итоговая матрица компетенций имела размерность 9122×4440, после обработки LLM сократилась до 9122×4387 и, таким образом, стала готова к верификации.

Модуль анализа резюме прототипа системы выполняет семантическую обработку документов в форматах PDF и DOCX. В программной реализации системы использована отечественная большая языковая модель GigaChat, так как исследования подтверждают ее эффективность для повышения точности извлечения данных и интеграции в СППР в различных прикладных сферах деятельности [3]. Извлеченные данные конвертируются в формат JSON и передаются в рекомендательный модуль. Рекомендательный модуль отвечает за обучение, предсказание, голосование моделей и формирование предписательной аналитики. Основной задачей алгоритма является сопоставление профиля кандидата с требованиями различных должностей для определения оптимальной роли. На выходе система предоставляет предсказанную профессию, степень уверенности моделей, покрытие топ-20 ключевых навыков целевой должности, а также рекомендации по развитию недостающих компетенций.

Сопоставление результатов реализуется тремя подходами и семью моделями: ML-классификаторами (логистическая регрессия, дерево решений, обрезанное дерево), методами матричной сходимости (косинусное сходство, коэффициент Жаккара, TF-IDF) и профилировщиком (OneClassSVM). Несмотря на невысокую изолированную точность ML-моделей (42–47%), их объединение в ансамбль взвешенного голосования позволило достичь усредненной точности 52% и показателя NDCG@10 на уровне 79%. В ходе тестирования на сгенерированном резюме кандидата на должность бухгалтера система определила роль с «уверенностью»

78%, выявила «покрытие» 10% ключевых навыков профессии и сформировала перечень рекомендаций для их освоения.

Таким образом, создан рабочий прототип универсальной СППР, ориентированной на данные рынка труда. В качестве дополнительного функционала предусмотрен «кабинет сводной аналитики», позволяющий рекрутеру агрегировать и анализировать результаты обработки резюме. Внедрение системы позволит специалистам по подбору персонала оперативно фильтровать релевантные отклики, а также предлагать кандидатам смежные вакансии при несоответствии целевой позиции. Перспективы развития включают приведение системы в соответствие с требованиями ФЗ-152 «О персональных данных» [4]. Также внедрение разработанного прототипа СППР в перспективе позволит оптимизировать алгоритм голосования ML-моделей и экспертную нормализацию признакового пространства, что будет способствовать повышению эффективности ИТ-инструментальной оценки конкурентоспособности кандидатов рынка труда.

Список источников

1. Структура специального программного обеспечения с микросервисной системной архитектурой для распределенных автоматизированных систем / А. В. Толстых, С. А. Алейников, А. В. Мельников [и др.] // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2024. № 31. С. 64–76.

2. Земсков М. А. Использование модульных монолитов для разработки масштабируемых Web-приложений // Universum: технические науки. 2024. № 10 (127). С. 32–39.

3. Арсентьева Н. В. Интеллектуальный чат-бот MS-Assist для поддержки врачебных решений при рассеянном склерозе // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2025. № 2. С. 19–23.

4. О персональных данных: Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ: вступил в силу 01.09.2025 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 26.06.2026).

УДК 658.114.5*004.94

Комплексный подход к цифровой трансформации бизнес-процессов группы взаимосвязанных предприятий

Ковалев Данил Александрович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kovalev20030815@yandex.ru

Ключевые слова: холдинг охранных предприятий, цифровая трансформация, бизнес-процесс, система управления бизнес-процессами (СУБП).

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

В условиях современной экономической ситуации и быстрых изменений рыночной среды успешность любого предприятия зависит от своевременности принятия эффективных управленческих решений, обеспечиваемых качественным информационным сопровождением. Эта задача особенно актуальна для холдингов охранных предприятий, поскольку в их структуру включены многочисленные юридические лица различной правовой

© Ковалев Д. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

формы, взаимодействующие друг с другом на основании экономических механизмов контроля и подчинения [1].

Проблематика управления структурами холдингов охранных предприятий обусловлена несколькими аспектами [1–4]:

1) централизацией – высокая степень концентрации власти облегчает контроль, однако замедляет адаптацию отдельных элементов холдинга к местным потребностям и изменениям внешней среды;

2) информационной интеграцией – эффективное взаимодействие подразделений возможно только при условии доступности общей информационной инфраструктуры;

3) коммуникацией – четкое и оперативное распространение информации гарантирует правильность принимаемых решений и снижение вероятности ошибок.

Использование цифровых технологий становится ключевым инструментом преодоления указанных трудностей. Переход к цифровому управлению позволяет внедрить современные методы сбора, обработки и распространения информации, создавая условия для эффективного мониторинга, анализа и оперативного реагирования на возникающие проблемы [2–4].

Для устранения указанных выше проблем автором обосновывается решение о разработке системы управления бизнес-процессами холдинга охранных предприятий [5; 6].

Этапы разработки для такой системы, следующие [6]:

1) определить цели и задачи разработки;

2) выбрать общую концепцию системы;

3) установить требования к функционалу программы (составление ТЗ);

4) реализовать функционал системы;

5) провести тестирование;

6) оценить эффективность управления предприятиями при помощи разработанной системы.

Одним из модулей разрабатываемой системы, является модуль для сотрудников дежурной части. Сотрудники данного подразделения занимаются фиксацией звонков от охранников, заступивших или сдавших смену, а также фиксируют рабочее время (табель).

Проектируемая система, в данном случае, закроет ряд проблем за счет снижения риска возникновения нескольких частых ошибок, а именно:

1) отсутствие табеля для фиксации рабочего времени (при анализе бизнес-процессов работы сотрудников было выявлено, что нередко возникают ситуации, при которых дежурные, в задачи которых входит прием звонков от охранников и фиксация рабочего времени сотрудников, допускают ошибки в часах работы. Данные ошибки впоследствии вызывают некорректный расчет заработной платы сотрудникам, так как бухгалтерия производит расчет на основе табелей от дежурных);

2) неосведомленность дежурных о новых сотрудниках на постах (одна из неочевидных ошибок, также выявленная в ходе анализа бизнес-процессов, связанная с разрозненностью в коммуникациях между дежурными и начальниками охраны, и приводящая к ситуациям, при которых начальник охраны назначил нового сотрудника на пост, при этом не дал никаких указаний, не принял документов и не сообщил дежурным о новом сотруднике, в обязанности которого входит 2-3 звонка за смену о наличии охраны на объекте в режиме реального времени по средствам сотовой связи);

3) отсутствие инструктажа для новых сотрудников (ошибка вытекает из предыдущей, так как зачастую новые сотрудники не проходят должного инструктажа от начальников охраны и сразу принимаются за работу, нередко возникают ситуации, при которых, сотрудник покидает пост, заменяя себя другим сотрудником, не носит форму соответствующего подразделения и т.п.).

Выявленные ошибки относятся к группе постоянных локальных трудностей в общей системе управления холдинга охранных предприятий, и, в очередной раз обосновывают необходимость разработки СУБП, о которой было сказано выше. Для оценки эффективности внедрения СУБП холдинга охранных предприятий автором выполнен предварительный прогноз эффектов данной системы. В частности, предполагается, что после разработки системы рабочее время охранников будет табелироваться корректно, так как оно будет считаться автоматически с момента первого и до последнего звонка (начало и завершение смены). После внедрения системы количество ошибок по вине сотрудников сведется к минимуму, что, в свою очередь, снизит риски операционных затрат и будет способствовать повышению общей эффективности деятельности охранного предприятия.

Список источников

1. Красильников С. А. Менеджмент. Управление холдингом: учебник для вузов / С. А. Красильников, А. С. Красильников. Москва: Юрайт, 2026. 169 с.

2. Новинки и тренды в охранных технологиях 2024 // ТрансБлок. 2024. URL: https://transblok.ru/articles/okhrannye-uslugi-informatsionnye-materialy/novinki-i-trendy-v-okhrannykh-tekhnologiyakh-2024/ (дата обращения: 25.01.2026).

3. Охранные услуги (рынок России) // Tadviser. 2026.

4. Бых В. В. Организационно-экономические условия развития рынка охранных услуг в Российской Федерации // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 12. С. 264–270.

5. Кузнецов Ю. В. Теория организации: учебник и практикум для вузов / Ю. В. Кузнецов, Е. В. Мелякова. М.: Юрайт, 2026. 388 с.

6. Маслевич Т. П. Управление бизнес-процессами: от теории к практике: учебное пособие. Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2025. 206 с.

УДК 378.14*004.09*004.774.2

Мобильный сервис «СибГУ Навигатор» как инструмент цифровой трансформации бизнес-процессов университета

Колмаков Тимофей Сергеевич
Институт инженерной экономики Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия,
kolmakov_t_s@mail.ru

Ключевые слова: университет, бизнес-процесс, цифровая трансформация, «единое окно», мобильный сервис, Flutter, мини-приложение, офлайн-доступ, облачная синхронизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Леонидовне Вайтекунене, доценту, канд. техн. наук.

Цифровая трансформация высшего образования на практике связана не только с внедрением новых ИТ-платформ, но и с упорядочиванием существующих ИТ-сервисов. В университетской среде расписание, новости, справочная информация, навигация по корпусам и персональные учебные данные часто распределены между несколькими сайтами, чатами и локальными приложениями, вследствие чего даже простое действие, например, поиск актуального расписания или контактов подразделения, требует нескольких переходов. Поэтому модель «единого окна», регулярно упоминаемая в работах о цифровом университете, для многих вузов пока остается скорее ориентиром, чем повседневной практикой [1–4]. В данной работе разработанный автором мобильный сервис

© Колмаков Т. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

«СибГУ Навигатор» рассматривается как попытка решить именно эту прикладную задачу. Приложение объединяет в одном интерфейсе доступ к расписанию, новостям и мероприятиям, карте корпусов, дедлайнам, заметкам, справочным материалам для студентов и абитуриентов, а также пользовательским настройкам, синхронизируемым между устройствами. При этом речь не идет о замене действующих университетских веб-ресурсов — мобильное приложение выполняет роль интеграционного слоя, собирающего цифровые точки доступа в цельный пользовательский сценарий.

С технической стороны ИТ-решение опирается на Flutter и единую кодовую базу для Android, iOS, Web, Windows, macOS и Linux. В проекте используются Material 3, Riverpod и Drift (SQLite). Для разработчика это означает меньше затрат на сопровождение, а для пользователя — единый и предсказуемый сценарий работы на разных устройствах. Для университетского сервиса, который обычно развивается постепенно и в условиях ограниченных ресурсов, такой организационный эффект не менее важен, чем технологический.

Наиболее показательной частью приложения стала работа с учебным расписанием. Исходный университетский ресурс не предоставляет открытого API, поэтому данные приходится извлекать из HTML-страниц. В «СибГУ Навигаторе» для этого используется двухконтурная схема: вместе с приложением поставляется стартовая база расписания, а затем она обновляется через сравнительную синхронизацию. Локальные данные не переписываются при каждом запуске, приложение сначала проверяет, изменилось ли расписание, что снижает количество лишних операций и позволяет сохранить доступ к расписанию даже при нестабильной сети.

Не менее важным оказался эффект от объединения сервисов в одном интерфейсе. Пользователь работает не с набором разрозненных инструментов, а с одной точкой входа: здесь

доступны новости, календарь мероприятий, карта корпусов, справочник подразделений, профиль, дедлайны, заметки к занятиям и закладки. Дополнительно реализованы справочные материалы для абитуриентов, что сокращает количество типовых обращений к разным каналам и переводит часть повседневных действий в режим самообслуживания.

Отдельного внимания заслуживает мини-приложение в мессенджере Max. Для университетского сервиса это важно по той причине, что часть пользователей не готова устанавливать отдельное приложение при наличии доступа к нужной функции в привычной коммуникационной среде. Поддержка такого канала потребовала типизированных оберток над Max Bridge API, условных импортов и защитных проверок методов. Результат оказался оправданным: один и тот же сценарий работы сохраняется и в нативной версии, и во встроенной веб-среде, а облачная синхронизация пользовательских данных без отдельной регистрации дополняет эту логику. Авторизация строится на initData, передаваемой платформой Max, а проверка подлинности выполняется на сервере по алгоритму HMAC-SHA256 [5]. На пользовательском уровне не требуется отдельно создавать учетную запись только ради доступа к университетскому сервису. Для мобильного сценария, где важны скорость входа и непрерывность использования, это существенно.

Практическая ценность ИТ-разработки состоит в том, что приложение не претендует на полный реинжиниринг всей ИТ-инфраструктуры вуза. Его задача локальнее, но в прикладном смысле важнее: собрать уже существующие ресурсы в удобный мобильный контур. За счет офлайн-доступа, работы без API внешних систем, нескольких каналов доставки и персонализированного взаимодействия удается уменьшить число рутинных действий, необходимых для получения информации и выполнения повседневных учебных задач. Следует отметить, что

использованный подход к ИТ-разработке не устраняет все проблемы разрозненной цифровой среды, однако позволяет существенно повысить и расширить пользовательский опыт. «СибГУ Навигатор», разработанный автором, можно рассматривать не как очередное приложение для студентов, а как пример прикладной цифровой трансформации на уровне конкретных пользовательских сценариев. Опыт разработки показывает, что дополнительный эффект может быть получен без полной перестройки существующих ИТ-систем, если использовать ИТ-инструменты интеграции, устойчивости и снижения порога входа. В перспективе модель «единого окна» можно оценивать количественно — по частоте использования, скорости получения сервисов и изменению структуры типовых обращений пользователей.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2025 № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года» // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/159888/ (дата обращения: 15.02.2026).

2. Шацкая И. В. Стратегирование цифровой трансформации высшего образования // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2, № 4. С. 571–583.

3. Шелепаева А. Х. Управление цифровой трансформацией в системе высшего образования: мировая практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. Т. 22, № 4. С. 580–604.

4. Еленева Ю. Я. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски / Еленева Ю. Я., Можаровская А. А., Демушкин Д. И. //

Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 1149–1170.

5. Валидация данных // MAX для разработчиков. 2026. URL: https://dev.max.ru/docs/webapps/validation (дата обращения: 10.01.2026).

УДК 658.5*004.422.81

Проблемы декомпозиции бизнес-процессов высокотехнологичного предприятия

Крупина Мария Евгеньевна
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, maria_krupina22@mail.ru

Ключевые слова: высокотехнологичное предприятие, бизнес-процесс, декомпозиция, система, IT-инструмент, управление, моделирование, методология, нотация, BPMN.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Юрию Витальевичу Данильченко, доценту, канд. экон. наук.

В условиях динамичной деятельности высокотехнологичного предприятия эффективное управление процессами становится критическим фактором успеха [1; 2]. Ключевым инструментом здесь выступает декомпозиция – разделение сложных систем на управляемые компоненты, что является фундаментом для цифровой трансформации и автоматизации. По мнению В. Г. Елиферова, данный метод позволяет визуализировать «слабые

© Крупина М. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

места» и потенциал для оптимизации [3]. Для выработки рекомендаций устранения проблематики декомпозиции процессов высокотехнологичного предприятия автором выделен ряд категорий проблем, представленных ниже.

Методологические проблемы. Основной вызов заключается в определении оптимального уровня детализации процессов. Слишком высокая детализация приводит к избыточной сложности моделей, затрудняет их понимание и поддержку в актуальном состоянии. Недостаточная детализация, напротив, не позволяет выявить узкие места и возможности для оптимизации. Особую сложность представляет декомпозиция креативных процессов, таких как исследования и разработка (R&D), архитектурное проектирование, UX/UI-дизайн. Эти процессы характеризуются высокой степенью неопределенности, итеративностью и зависимостью от компетенций конкретных специалистов. Жесткая формализация таких процессов может привести к снижению инновационного потенциала команды [1–3]. Проблема усугубляется отсутствием единых отраслевых стандартов декомпозиции для бизнес-процессов. Существующие методологии и нотации (IDEF, BPMN, EPC) были разработаны преимущественно для производственных и сервисных отраслей и не всегда адекватно отражают специфику разработки программного обеспечения и управления IT-проектами. В частности, методология BPMN имеет низкую пригодность для неструктурированных процессов и риски искажения реальной картины при чрезмерной детализации [4].

Организационные проблемы. Часто наблюдается сопротивление персонала формализации и регламентации процессов [2]. Разработчики и технические специалисты воспринимают детальное описание процессов как излишнюю бюрократию, ограничивающую творческую свободу и гибкость [1–3]. Значительной проблемой является нехватка специалистов, обладающих одновременно компетенциями в области процессного управления и глубоким

пониманием технологических процессов. Бизнес-аналитики часто не имеют достаточного технического бэкграунда для корректной декомпозиции процессов разработки, тестирования и развертывания программного обеспечения, а технические специалисты не владеют методологией процессного анализа.

Технологические проблемы. Современные предприятия используют большое количество разнообразных специализированных систем и ИТ-инструментов: системы управления проектами (Jira, Asana), системы контроля версий (Git), CI/CD платформы, системы мониторинга и логирования. Интеграция моделей бизнес-процессов с этими системами представляет серьезную техническую задачу. В таких условиях процессы эволюционируют очень быстро, меняются инструменты, организационная структура команд. Поддержание моделей процессов в актуальном состоянии требует значительных ресурсов, и часто модели устаревают быстрее, чем успевают принести практическую пользу [3]. Особую сложность представляет моделирование и декомпозиция процессов, связанных с обработкой больших объемов данных, машинным обучением и искусственным интеллектом. Эти процессы имеют вероятностную природу, зависят от качества данных и постоянно требуют экспериментирования и доработки.

Специфические проблемы высокотехнологичных предприятий отражают уникальные особенности сектора. Высокая скорость технологических инноваций приводит к тому, что процессы быстро устаревают. Методологии разработки меняются, появляются новые технологические стеки и архитектурные подходы, что требует постоянного пересмотра и реинжиниринга процессов. Вопросы интеллектуальной собственности и конфиденциальности создают дополнительные ограничения на детализацию и документирование некоторых процессов. Компании опасаются утечки критически

важной информации о своих технологиях, алгоритмах и бизнес-логике при создании детальных моделей процессов.

Проведенный в настоящем исследовании анализ показывает, что декомпозиция бизнес-процессов высокотехнологичных предприятий представляет собой многоаспектную проблему, требующую комплексного подхода к решению [5]. Специфика высокотехнологичных предприятий – высокая динамика изменений, креативный характер деятельности, междисциплинарность процессов – создает уникальные вызовы, требующие особых подходов декомпозиции процессов такого рода деятельности.

Наиболее критичными являются методологические проблемы, связанные с отсутствием адаптированных для высокотехнологичных предприятий стандартов декомпозиции и сложностью формализации креативных процессов. Организационные проблемы, в первую очередь сопротивление персонала и дефицит компетентных специалистов, также препятствуют эффективному внедрению процессного подхода в сфере высоких технологий.

Список источников

1. Хаммер М. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе / Хаммер М., Чампи Дж.; перевод с английского Ю.Е. Корнилович. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2006. 287 с.

2. Елиферов В. Г. Бизнес-процессы: Регламентация и управление: учебник / Елиферов В. Г., Репин В. В. Москва: ИНФРА-М, 2019. 319 с.

3. Репин В.В. Бизнес-процессы. Моделирование, внедрение, управление / Репин В.В. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 512 с.

4. BPMN (Business Process Modeling Notation) // ПитерСофт. 2026. URL: https://www.omg.org/spec/BPMN/2.0.2/ (дата обращения: 10.01.2026).

5. Менеджмент: учебник / под научной редакцией Эриашвили Н. Д., Цыпкина Ю. А.; под общей редакцией Комарова М.А., Максимцова М.М. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 287 с.

УДК 004.89*004.42

Анализ типичных ошибок при переносе дашбордов между системами BI-аналитики

Лескова Александра Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, leskovakrs@gmail.com

Ключевые слова: бизнес-аналитика, программное обеспечение (ПО), дашборд, миграция, Sigla Vision, Power BI, ошибка, импортозамещение.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Сергеевне Карасевой, доценту, канд. техн. наук.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается активный процесс импортозамещения в сфере информационных технологий. Особое значение это приобретает для систем бизнес-аналитики (BI), которые являются критически важными для принятия управленческих решений. Согласно данным Tadviser, доля российских BI-решений на рынке выросла с 9% до 68% в

© Лескова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

период с 2021 по 2024 год [1]. Одним из ключевых сценариев является миграция с западных платформ, таких как Microsoft Power BI, на отечественные аналоги, например, Sigla Vision (разработчик – компания «ДатаМайнд»). В ходе миграции аналитических решений возникает необходимость в корректном переносе логики обработки данных и интерактивного взаимодействия [2]. Различия в подходах к моделированию данных, предварительной обработке и визуализации между Power BI и Sigla Vision могут привести к некорректной работе дашбордов после переноса [3, 4]. Анализ практики переноса дашбордов, выполненный автором, позволил выделить три основные группы типичных ошибок (таблица 1).

Таблица 1. Классификация типичных ошибок при переносе дашбордов (составлено автором)

Типичная ошибка	**Проявление/Причина**	**Способ предотвращения/ Решение**
Подготовка и модель данных		
Использование связей между таблицами с разными типами подключения («Выгрузка» и «Прямое подключение»).	В Sigla Vision невозможно создать связь между таблицей-выгрузкой и таблицей с прямым подключением. При переносе отчета, использующего такую связь, модель данных нарушается.	На этапе проектирования миграции следует унифицировать тип подключения для всех связанных таблиц. Использовать либо только выгрузку, либо только прямое подключение.
Ожидание автоматического обновления данных из файлов Excel по расписанию.	В Sigla Vision автоматическое обновление для Excel-источников недоступно. В Power BI это стандартная функция.	Внедрение промежуточного слоя: автоматическая загрузка Excel-файлов в выделенную сетевую папку с последующим импортом в базу данных и подключением к БД.

Окончание таблицы 1.

Типичная ошибка	**Проявление/Причина**	**Способ предотвращения/ Решение**
Визуализация и интерактивность		
Использование кастомных диаграмм ECharts как источника фильтрации.	ECharts-графики в Sigla Vision не могут выступать источником фильтрации для других компонентов дашборда. В Power BI кастомные визуализации, как правило, поддерживают кросс-фильтрацию.	При проектировании использовать ECharts только для отображения данных, не требующих обратной фильтрации. Для ключевых интерактивных элементов применять стандартные типы графиков.
Игнорирование необходимости перенастройки связей между компонентами.	В Sigla Vision связи между графиками не наследуются автоматически из Power BI. Отсутствие ручной настройки через функцию «Настроить связь» приводит к тому, что фильтрация не работает или работает некорректно.	Обязательное выполнение шага по настройке взаимодействия (связей) между компонентами на этапе сборки дашборда в Sigla Vision.
Методологические ошибки		
Неверное использование расчетных столбцов (вместо мер) и наоборот.	Непонимание различий: расчетный столбец вычисляется при загрузке данных (увеличивает время обновления, но ускоряет фильтрацию), а расчетное поле (мера) – динамически (замедляет перерасчет на дашборде, но ускоряет обновление). Ошибочный выбор приводит к падению производительности.	Четкое разделение логики: предварительная обработка – расчетные столбцы; динамическая агрегация – меры. Использовать руководство по различиям при обучении.
Отсутствие или недостаточная детализация документации по переносу.	В ходе масштабного переноса (более 150 дашбордов) без фиксации нюансов и «узких мест» накапливается технический долг, что замедляет работу новых разработчиков и повышает риск повторения ошибок.	Создание и актуализация подробной инструкции по разработке дашбордов в Sigla Vision, включающей раздел о типичных ошибках и их решении.

Таким образом, в ходе анализа автором были сформулированы основные рекомендации для минимизации ошибок в ходе переноса данных визуализации из различных программных сред: процесс миграции BI-отчетов не является автоматическим и требует не только технического переноса, но и переосмысления модели данных и интерактивной логики; различия в архитектуре платформ (облачная/локальная, подходы к ETL) напрямую влияют на возможность корректного переноса; основные ошибки носят системный характер и связаны с различиями в работе с источниками данных (особенно Excel), построении связей между таблицами с разными типами подключения, а также с особенностями реализации кастомной визуализации (ECharts); методологические ошибки, связанные с неверным использованием расчетных столбцов и мер, подчеркивают необходимость углубленного обучения аналитиков специфике целевой платформы; эффективным способом снижения количества ошибок при масштабной миграции является разработка и внедрение детализированной инструкции (гайда) разработчика, которая аккумулирует в себе выявленные проблемные места и алгоритмы их решения.

В долгосрочной перспективе минимизация типичных ошибок при миграции позволит ускорить процесс импортозамещения и снизить зависимость от зарубежного ПО без потери качества и скорости принятия управленческих решений.

Список источников

1. Обзор рынка BI в России: оценки, тренды, крупнейшие поставщики // Tadviser. 2026. URL: https://www.tadviser.ru/ (дата обращения: 25.01.2026).

2. Кушнер М. А. Трансформация ландшафта BI-систем: переход к альтернативным платформам для решения задач финансового менеджмента / Кушнер М. А., Кушнер А. А.,

Кудрявцева О. В. // Финансовый менеджмент. 2025. № 10 (2). С. 576–583.

3. Self-Service платформа для бизнес-аналитики // ДатаМайнд. 2026. URL: https://manual_siglavision.tilda.ws/ (дата обращения: 20.01.2026).

4. Универсальная платформа для анализа данных и бизнес-аналитики // FanRuan. 2026. URL: https://fanruan.ru/ru (дата обращения: 20.01.2026).

УДК 004.8*543.26

Применение методов машинного обучения для прогнозирования качества воздуха в г. Красноярск

Лескова Александра Алексеевна[1], Якушенко Анастасия Сергеевна[2]

[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,

[1]leskovakrs@gmail.com

[2]yakushenko2804@list.ru

Ключевые слова: качество атмосферного воздуха, машинное обучение, прогнозирование, PM2.5, PM10, NO_2. пространственный анализ, временные ряды, случайный лес (Random Forest), ИТ-система, Красноярск, экологическая информатика.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Елене Николаевне Скуратенко, доценту, канд. техн. наук.

© Лескова А. А., Якушенко А. С., 2026

© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Качество атмосферного воздуха является критически важным фактором здоровья населения, особенно в промышленных городах с сложными метеорологическими условиями, к которым относится город Красноярск [1]. Существующие системы прогнозирования часто работают с низким пространственным разрешением, не учитывая локальные особенности: расположение промышленных зон, розу ветров, сезонные инверсии и плотность дорожной сети [2]. Это приводит к низкой точности прогнозов для конкретных районов и невозможности предоставления персонализированных рекомендаций для жителей. Возникает потребность в создании интеллектуальной системы, способной на основе гиперлокальных данных строить точные прогнозы и генерировать персональные рекомендации для различных групп пользователей [3].

В работе авторами представлена разработка и валидация системы машинного обучения для прогнозирования качества атмосферного воздуха в г. Красноярск. На основе агрегации данных с наземных станций мониторинга, метеорологических служб и картографических источников сформирован комплексный набор данных, включающий концентрации приоритетных загрязнителей (PM2.5, PM10, NO_2), метеофакторы, временные и пространственные признаки. Основная задача решалась как регрессионная – прогноз концентрации PM2.5, PM10, NO_2.

Результаты подтверждают возможность построения автоматизированной системы, способной предоставлять детализированные прогнозы и персональные рекомендации для жителей с учётом пространственной неоднородности загрязнения воздуха.

При выполнении работы на начальном этапе был выполнен сбор и агрегация данных. Методом автоматизированного сбора через API и парсинг были получены данные с государственных станций Росгидромета, общественных сетей мониторинга («Красноярск. Небо», AirVisual), метеосервисов (OpenWeatherMap) и

картографических источников (OpenStreetMap). Сформирован набор данных, включающий концентрации загрязнителей (PM2.5, PM10, NO_2), метеопараметры (температура, влажность, скорость и направление ветра, давление), временные признаки (дата, день недели, месяц) и пространственные характеристики (расстояние до промышленных зон и дорог);

Далее была выполнена предобработка и анализ данных. В частности, проведены очистка от аномалий, интерполяция пропусков, кодирование категориальных переменных и масштабирование числовых признаков. Выполненный корреляционный и визуальный анализ позволил выявить ключевые зависимости: слабую отрицательную корреляцию PM2.5 с температурой, влияние временных паттернов (время суток, выходные дни) и незначительное прямое влияние большинства метеопараметров;

Задача прогнозирования на основе методов машинного обучения решалась как регрессия для трех целевых переменных (PM2.5, PM10, NO_2). Были протестированы и оптимизированы с помощью RandomizedSearchCV три модели: Random Forest, Support Vector Regression (SVR) и ElasticNet**.** Наилучшие результаты для всех загрязнителей показала Random Forest, что объясняется ее способностью улавливать сложные нелинейные взаимодействия и устойчивость к шуму [3]. Для PM2.5, выбранного в качестве приоритетного загрязнителя, Random Forest достигла RMSE 5.24 мкг/м^3 и R^2 0.87 на тестовой выборке, что превышает поставленное требование точности (MAE <10 мкг/м^3) [4];

На заключительном этапе на основе обученной модели была предложена архитектура ИТ-системы предписывающей аналитики. Система принимает от пользователя ряд показателей (район, дата, время), прогнозирует уровень загрязнения, классифицирует его по категориям (от «Очень низкий» до «Опасный») и генерирует

персонализированные рекомендации, учитывающие профиль пользователя и локацию.

Разработанная авторами модель Random Forest в ходе пилотного тестирования подтвердила свою эффективность для прогнозирования PM2.5, PM10, NO_2 в условиях города Красноярска и может служить ядром для пилотной системы мониторинга. Для развития проекта необходима реализация нескольких ключевых направлений.

Во-первых, интеграция дополнительных данных, включая спутниковый мониторинг лесных пожаров, реальные данные о промышленных выбросах от Росприроднадзора и детализированную информацию о трафике.

Во-вторых, критически важно улучшение пространственной детализации, а именно переход от прогноза по районам к прогнозу на регулярную сетку с использованием методов геопространственной интерполяции и учёта рельефа.

Также для долгосрочного повышения точности необходимо внедрение механизма обратной связи и дообучения разработанной модели.

Разработанная модель на основе методов машинного обучения может быть масштабирована для прогнозирования качества воздуха в промышленных городах России.

Список источников

1. Берлянд М. Е. Прогноз и регулирование загрязнения атмосферы. Ленинград: Гидрометеоиздат, 1985. 272 с.

2. Ambient (outdoor) air pollution // World Health Organization (WHO). 2024. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ambient-(outdoor)-air-quality-and-health (дата обращения: 21.12.2025).

3. Chen T. Scalable Tree Boosting System: XGBoost / Chen T., Guestrin C. // Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International

Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD '16). New York: ACM, 2016. P. 785–794.

4. Беспамятнов Г. П. Предельно допустимые концентрации химических веществ в окружающей среде: справочник / Беспамятнов Г. П., Кротов Ю. А. Ленинград: Химия, 1985. 528 с.

УДК 331.108*65.053.3*004.09

Цифровизация бизнес-процесса взаимодействия с компаниями-работодателями в HR-рекрутинге на основе CRM-системы

Марков Вадим Александрович
Институт инженерной экономики Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, vadim.markov.yuy@mail.ru

Ключевые слова: HR-рекрутинг, кадры, бизнес-процесс, цифровизация, цифровое решение, CRM-система, партнер, компания-работодатель, сбор данных.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Леонидовне Вайтекунене, доценту, канд. техн. наук.

В настоящее время в сфере HR-рекрутинга наблюдается непрерывный рост объема вакансий и контактов, которые рекрутеру необходимо обрабатывать при поиске партнеров, работодателей и кандидатов. В частности, по данным hh.ru, в июне 2025 года число актуальных вакансий в офисной сфере составляло

© Марков В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

около 582 тысяч, что показывает масштаб информационного потока, с которым приходится работать специалисту [1]. В таких условиях ручной сбор сведений из разрозненных источников замедляет работу и снижает качество обработки базы работодателей. Для выявления цифровых решений устранения обозначенной выше проблематики автором рассматривается процесс взаимодействия с компаниями-работодателями в HR-рекрутинге на основе CRM-системы. В рамках исследования цифровизация понимается как перевод операций поиска, проверки, накопления, хранения и анализа данных о работодателях в единую информационную среду. Для HR-специалиста это означает отказ от разрозненных таблиц, заметок и вкладок браузера в пользу одного рабочего контура, где сведения не только хранятся, но и автоматически пополняются. Исследования по цифровому рекрутингу показывают, что применение таких решений связано не только с ускорением отдельных действий, но и с повышением управляемости процесса в целом [2].

До внедрения системы рекрутер вручную просматривает вакансии на hh.ru, затем уточняет сведения о компании через 2ГИС и официальный сайт, после чего переносит найденные телефоны, e-mail, адреса и комментарии в таблицы или заметки. Дополнительная сложность состоит в том, что сведения из открытых web-ресурсов представлены в разном виде и требуют отдельной проверки, сопоставления и последующей структуризации [3]. Для устранения указанных ограничений автором была разработана локальная CRM-система, предназначенная для централизованного ведения сведений о компаниях-работодателях, фиксации коммуникаций и автоматического наполнения карточек компаний. Важной особенностью ИТ-решения является локальное хранение данных, благодаря чему история работы с работодателями, результаты звонков и собранные контакты сохраняются в едином контуре и не

зависят от набора сторонних таблиц и сервисов. Ключевым функциональным элементом системы является модуль сбора данных, реализующий последовательное наполнение карточки компании в три этапа. Сначала по заданным параметрам вакансии, сферы и города выполняется поиск работодателей на hh.ru. Затем найденные компании обогащаются через 2ГИС, после чего при наличии сайта извлекаются дополнительные контакты с корпоративной страницы. В результате рекрутер получает не набор разрозненных ссылок, а готовую карточку работодателя с основными данными для дальнейшего взаимодействия (таблица 1).

Таблица 1. Сравнение этапов взаимодействия с компаниями-работодателями до и после цифровизации (составлено автором)

Этап	**До цифровизации**	**После внедрения CRM**
Поиск компаний	Ручной просмотр вакансий, 2ГИС и сайтов компаний в разных источниках	Поиск работодателей по вакансии, сфере и городу в одном интерфейсе
Сбор контактов	Раздельная проверка телефонов, e-mail, адресов и сайтов	Автоматическое дополнение карточки телефонами, e-mail, адресами и сайтом
Хранение и коммуникации	Таблицы, заметки, отдельная фиксация звонков и комментариев	Единая карточка компании, история звонков, комментарии и следующий контакт
Контроль результатов	Отсутствует целостная картина по статусам и базе компаний	Встроенная аналитика по компаниям, статусам, звонкам и полноте базы

Из анализа таблицы 1 следует, что цифровизация затронула не один отдельный шаг, а весь порядок взаимодействия с работодателями. Если раньше поиск компании, сбор контактов и фиксация результатов выполнялись как несвязанные операции, то после внедрения CRM они объединяются в единый последовательный процесс. Автоматизированный сбор данных

сокращает время первичной обработки запроса, единая карточка компании устраняет фрагментарность хранения сведений, а история звонков и статусов делает дальнейшую работу более непрерывной и прозрачной. Отдельное значение имеет аналитический контур системы – наличие сведений о количестве компаний, звонков, статусах и полноте заполнения карточек позволяет не только оценивать текущее состояние базы работодателей, но и видеть, по каким организациям работа уже велась, где процесс замедляется и какие карточки требуют дополнительного обогащения. Тем самым цифровизация используется на этапах поиска и последующего управленческого контроля [4].

В работе показана возможность цифровизации бизнес-процесса взаимодействия с компаниями-работодателями в HR-рекрутинге. Разработанная CRM-система объединяет поиск компаний по вакансии, сфере и городу, автоматизированный сбор данных из hh.ru, 2ГИС и сайтов компаний, хранение информации в общей базе и фиксацию коммуникаций, снижая объем ручных операций, уменьшая вероятность потери контактов и повышая прозрачность процесса. Практический результат состоит в том, что рекрутер может быстрее находить партнеров, работодателей и потенциальных кандидатов, опираясь на уже структурированные данные.

Список источников

1. Рынок труда в 2025: почему стало труднее искать работу // HH. 2025. URL: https://clck.ru/3SxXn2 (дата обращения: 16.01.2026).

2. Споршев С. А. Современные методы извлечения структурированной информации из веб-ресурсов: обзор литературы // Вестник ПГУ. 2025. № 4 (52). С. 132–139.

3. Панова Е. А. Цифровые технологии в подборе и отборе кандидатов: от ручных операций к формированию заданий /

Панова Е. А., Опарина Н. Н. // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. № 5 (68). С. 12–19.

4. Анализ цифровых технологий в рекрутменте / Гришин К.Е., Шайхутдинов И.Т., Гайнуллин Э.С. [и др.] // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. 2022. № 4 (42). С. 92–99.

УДК 338.2*330.34*004.9

Основные тенденции цифровой трансформации бизнес-процессов в России

Молодецкий Никита Александрович[1], Рябова Анастасия Максимовна[2]

[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,

[1]nmolodetskiy-ub23@stud.sfu-kras.ru

[2]aryabova-ub23@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация, бизнес-процессы, Индустрия 4.0, цифровая экономика, экономика данных, стратегическое управление, инновации, ИКТ, цифровые технологии, искусственный интеллект (ИИ).

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Ларисе Николаевне Корпачевой, доценту, канд. техн. наук.

Цифровая трансформация бизнес-процессов рассматривается в настоящее время как один из ключевых факторов конкурентоспособности российской экономики. Правительство РФ

© Молодецкий Н. А., Рябова А. М. 2026

© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ставит задачу интеграции цифровых технологий во всех секторах промышленности и сервисных услуг, обеспечивая переход от сырьевой ориентации к технологическому развитию [1]. Это включает обновление операционной стратегии предприятий, внедрение сквозных ИКТ, а также изменение организационных «ДНК» – культуры, структуры и методов управления. В современных условиях российские компании сталкиваются с проблемой нехватки квалифицированных кадров, инфраструктурными ограничениями и необходимостью адаптации моделей деятельности под цифровые технологии [2]. Исследователи подчеркивают, что в российских реалиях наблюдается нехватка методик и инструментов управления, учитывающих специфику отечественной промышленности и услуг. В частности, для государственных корпораций зафиксированы следующие тенденции: доля госкомпаний с утвержденной стратегией цифровых технологий выросла с 29 % (2019 г.) до 31 % (2020 г.), а назначение должности руководителя цифровой трансформации стало более массовым (с 53 % до 57 %) [3]. Приведенные показатели имеют устойчивую тенденцию на длительный период и указывают на постепенное повышение организационной готовности российских компаний и органов власти к цифровым изменениям.

Между тем исследования показывают, что цифровая трансформация не сводится к приобретению технологий: «сквозные ИТ» должны сочетаться с изменением управленческих систем и корпоративной культуры [4]. Для обоснования необходимости цифровой трансформации компаний в России авторы данной работы обратились к практическим исследованиям, которые демонстрируют пороговый эффект внедрения цифровых технологий: в частности, в промышленном секторе значимый рост производительности возникает лишь при достижении определенного индекса технологической зрелости (выше ≈ 0,65). При этом трансформация бизнес-модели предприятия коррелирует

не столько с суммой ИТ-инвестиций (корреляция $r \approx 0{,}31$), сколько со степенью стратегического управления ($r \approx 0{,}79$) и готовностью к изменениям ($r \approx 0{,}72$) [4]. Авторами установлены доли успешных кейсов российских промышленных компаний с характерными «архетипами» цифровых бизнес-моделей [4]:

1) сервисная модель (ориентированная на результат) – доля успешных кейсов 52%;

2) модель платформенной экосистемы – доля успешных кейсов 32%;

3) датацентричная модель – доля успешных кейсов 24%.

Также в ходе проведенного анализа было установлено, что внедрение трендовых цифровых технологий на основе ИИ сопряжено с дополнительными задачами: требуются адаптивные методологии, учитывающие и технические возможности, и организационные ограничения компаний [5]. В ходе анализа авторами выявлены ключевые инструменты и предложены адаптивные методики внедрения в российских компаниях технологий цифровой трансформации, в том числе на основе ИИ (таблица 1).

Таблица 1. Сравнение практических инструментов цифровой трансформации процессов (на материалах [2; 5])

Инструменты	**Технологии и методики**	**Основные метрики эффективности**	**Ограничения**
Process Mining + реинжиниринг процессов	Сбор логов ИТ-систем, анализ цепочек выполнения	Сокращение цикла процесса, доля ручных операций	Необходимы единые ИТ-системы; большое количество данных

Окончание таблицы 1.

Инструменты	**Технологии и методики**	**Основные метрики эффективности**	**Ограничения**
Автоматизация процессов роботами + нейросети	Настройка ботов на типичные задачи, интеграция OCR (распознавание текста) и ИИ	Часы работы, сэкономленные персоналом, точность обработки документов	Затраты на постоянный мониторинг и ИТ-поддержку
Цифровая платформа данных + BI-аналитика	Построение Data Lake, ML-моделей и отчётностей в BI	Уровень точности прогнозов; экономия затрат, рост выручки	Сложность интеграции; высокие затраты на ИТ-инфраструктуру

Новизна идеи, предлагаемой авторами, состоит в комбинации вышеуказанных методик и их адаптации к условиям российских компаний, в частности, на импортозамещении ПО, ограниченных бюджетах на развитие ИТ-инфраструктуры и кадровых особенностях.

Таким образом, проведенное исследование систематизирует знания и адаптирует практический опыт для выстраивания последовательной стратегии цифровой трансформации в условиях российских экономических вызовов, что практически значимо для руководителей компаний и госорганов, которые формируют политику развития цифровой экономики и экономики данных.

Список источников

1. Ганин А. Н. Цифровая трансформация российских предприятий: Индустрия 4.0 // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 2. С. 493–502.

2. Литвин А. Ю. Цифровая трансформация систем управления бизнес-процессами в российских компаниях // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № s2. 8 с.

3. Доклад о цифровой трансформации государственных компаний // Минцифры России. 2021. URL: https://russoft.org/wp-content/uploads/2021/06/Mintsifry-Rossii_prezentatsiya.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

4. Измайлов М. К. Трансформация производственных процессов и бизнес-моделей промышленного сектора через цифровизацию // BENEFICIUM. 2025. № 3 (56). С. 6–16.

5. Скворцова Н. А. Цифровая трансформация бизнес-процессов на основе технологий искусственного интеллекта (российский и международный опыт) / Скворцова Н. А., Захаров А. В., Булатов И. И. // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 131–152.

УДК 004.9*664.6.013*65.012

Автоматизация бизнес-процессов производства хлебобулочных изделий

Наяшков Сергей Николаевич
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия, nayashkovsergey@gmail.com

Ключевые слова: хлебопекарная отрасль, технология, процесс, «Цифровой завод», SCADA, MES, ERP, «пирамида» ISA-95, контрольные критические точки, «Честный знак».

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Алене Александровне Ступиной, профессору, д-ру техн. наук, научному руководителю Александру Сергеевичу Самусенко.

Хлебопекарная отрасль в настоящее время является одной из наиболее значимых отраслей промышленности в России. Хлебопекарная продукция имеет наиболее высокую социальную значимость, при этом характеризуется короткими сроками ее реализации, что требует пересмотра традиционных подходов управления данной отрасли. Как показывает анализ, проведенный автором данной работы, в хлебопекарной отрасли используются преимущественно традиционные методы управления, не отвечающие специфике рынка отрасли и не учитывающие в полной мере современные тренды развития автоматизированных информационных и цифровых технологий управления. В связи с этим возрастает потребность комплексной автоматизации и цифровой трансформации бизнес-процессов хлебопекарной

© Наяшков С. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

отрасли, как основных инструментов развития, а также критических факторов конкурентоспособности предприятий отрасли. В частности, переход к «Цифровому заводу» позволяет минимизировать человеческий фактор, сократить потери сырья и времени, а также обеспечить прослеживаемость продукции на всех этапах – от поставки муки до отгрузки хлебопекарной продукции в торговые сети [1].

Для целей выработки рекомендаций эффективной автоматизации и цифровой трансформации бизнес-процессов производства хлебопекарной продукции автором данной работы были выявлены особенности и проблемы управления хлебопекарных производств и структурированы этапы основных технологических процессов исследуемой сферы для обоснования эффективных цифровых ИТ-решений. В частности, была выявлена строгая непрерывность и цикличность технологических процессов. Также были определены ключевые проблемы управления процессами., например, проблема неэффективного использования традиционных систем учета хлебобулочной продукции, не позволяющая управлять технологическими параметрами процессами исследуемой отрасли в автоматических режимах реального времени [2]. Следует отметить, что в настоящее время автоматизированное управление производством хлебобулочных изделий строится по принципу «пирамиды» ISA-95, на нижнем уровне которой находятся датчики контроллеры, на среднем уровне среднему уровню – визуализированные SCADA и управляющие MES, на высшем уровне – ERP-система, рассматриваемая в контексте производства хлебобулочных изделий в качестве платформы специализированных решений для получения данных из цеха, например, для расчета себестоимости выпущенной продукции или для формирования заказа поставщику [3]. На основании вышеизложенного автором разработана и

проанализирована схема технологического процесса приемки сырья, представленная на рисунке ниже.

Рисунок 1. Схема технологического процесса приемки сырья (разработано автором).

Анализ схемы процесса приемки сырья позволил автору выявить ключевую проблему в пункте автоматизированного контроля объема сырья, а также определить ряд контрольных критических точек, связанных со сбоем подачи сырья на этапе контроля объема сырья. Для устранения выявленной проблемы автором было предложено использовать на этапе контроля объема сырья общего процесса приемки сырья автоматические датчики уровня, позволяющие в режиме реального времени отслеживать уровень и изометрические свойства сырья, а также автоматически выполнять ряд важных функций (например, блокировать замес, если оператор не подтвердил загрузку необходимого количества соли или сахара и т.п.), тем самым стабилизируя качество сырья и значительно снижая технологические риски безопасности.

Также для совершенствования автоматизации бизнес-процессов хлебопекарной отрасли автором предлагается дополнить систему управления «пирамиды» ISA-95 процедурой автоматической генерации кода на каждый лоток или упаковку продукции, при одновременном учете каждого кода в системе мониторинга продукции и возможной блокировки отгрузки продукции, которая не прошла регистрацию в системе. Данное решение позволит в перспективе предприятиям хлебопекарной

отрасли сертифицироваться в системе «Честный знак» для целей маркировки и мониторинга качества товаров в России [4].

Опыт внедрения автоматизированных систем с элементами цифрового управления уже применяется на некоторых крупных производственных предприятиях хлебопекарной и кондитерской отраслей (например, таких как Коломенский или Филе Бейкер) и показывает стабильный экономический эффект. В частности, при использовании точного дозирования и автоматического контроля отходов наблюдается снижение перерасхода муки на 1,5–3% [1; 2].

Таким образом, выполненные работы и выработанные рекомендации автора потенциально способствуют повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности социально значимых предприятий хлебопекарной отрасли в условиях цифровой трансформации и экономики качества.

Список источников

1. Буренин В. В. Цифровая трансформация предприятий хлебопекарной промышленности // Хлебопродукты. 2024. № 5. С. 12–15.

2. Автоматизация технологических процессов пищевых производств / под редакцией Острикова А. Н. Воронеж: ВГУИТ, 2023. 320 с.

3. Соломаха Г. М. Модуль автоматизированного управления системы мониторинга производственных процессов / Соломаха Г. М., Хижняк С. В. // Программные продукты и системы. 2020. № 3. С. 516–522.

4. Об утверждении Правил маркировки отдельных видов сладостей и кондитерских изделий, упакованных в потребительскую упаковку, средствами идентификации: Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 818 // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 26.06.2026).

УДК 622*331.548*004.94

От профориентации к управлению наймом инженерных кадров: цифровая трансформация на основе данных

Осипов Вячеслав Сергеевич
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Республика Хакасия, Абакан, Россия; ООО «Цифровые образовательные решения», Республика Хакасия, Абакан, Россия, osipowvs@gmail.com

Ключевые слова: СППР, инженерные кадры, профессиональное соответствие, функциональная математическая модель, референсная модель, VR-симуляция.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Алене Александровне Ступиной, профессору, д-ру техн. наук.

В промышленности отчетливо проявляется противоречие между ростом интереса к инженерному образованию и слабой конверсией этого интереса в устойчивое трудоустройство. Наблюдается рост среднего возраста сотрудников и выход на пенсию, не «покрывающийся» наймом [1]. На уровне государства и бизнеса это выражается в непроизводственных затратах и требует системного подхода к процессам профориентации и найма.

Цель исследования состоит в разработке подхода к комплексной оценке профессионального соответствия на основе интеграции разнородных данных о человеке и его действиях. В качестве прикладного результата проектируется рекомендательная система, ориентированная на специфику горнодобывающей

© Осипов В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

отрасли и предназначенная для двух контуров применения: сопровождения образовательной траектории школьников и предварительной оценки кандидатов при кадровом отборе. Для оценки профессионального соответствия на современном этапе используются несколько сотен признаков. Сводная оценка числа параметров для инженерных профессий приведена ниже (таблица 1).

Таблица 1. Оценка размерности категорий данных для задач профессионального соответствия (на материалах [2; 3])

Категория данных	**Минимальное количество, ед.**	**Оптимальное количество, ед.**
Социально-демографический контекст	4	8
Образовательные результаты	5	75
Показатели учебной активности	5	20
Данные психологической диагностики	11	20
Когнитивные показатели	3	8
Данные о профессиональных интересах и предпочтениях	4	10
Результаты практических проб	5	12
Телеметрия иммерсивных симуляций	8	20
Поведенческие признаки в процессе выполнения задачи	5	15
Психофизиологические и биометрические сигналы	23	30
Итого	73	218

Ядром разрабатываемого подхода выступают референсные модели профессий – формализованные профили успешных представителей профессиональной деятельности. Разработанная модель задает вычислимую процедуру перехода от эмпирических оценок к количественному показателю пригодности. В отличие от принятых на практике эвристических правил или типологических опросников, здесь реализовано отображение вида $\Phi: X \to I_{i\in[0;1]}$, что

делает алгоритм пригодным для автоматизации кадрового скрининга. Построение таких моделей опирается на данные (63 действующих специалистов и экспертный опрос 15 экспертов горной отрасли) и включает личностные, когнитивные, поведенческие и, для школьного контура, академические признаки. На первом этапе рекомендательная система по алгоритму рассчитывает интегральный индекс соответствия пользователя профессий на основе многокритериальной свертки признаков (рисунок 1).

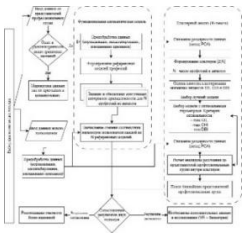


Рисунок 1. Общая схема алгоритма оценки профессионального соответствия (разработано автором).

Принятый подход позволяет получить не бинарный ответ, а градуированную количественную оценку с возможностью интерпретации дефицитных зон профиля [2]. На втором этапе используется дополнительная проверка через анализ сходства с профилями успешных представителей профессии, в том числе с применением методов кластерного анализа. Алгоритм K-means наиболее устойчив при работе на малых выборках и позволяет верифицировать данные, полученные по результатам моделирования [3]. Если профиль пользователя попадает в область устойчивого сходства с профессиональным ядром, результат можно считать более надежным, при несовпадении требуется углубленная оценка на основе VR-симуляции типовых профессиональных задач, что позволяет переносить оценки из формата анкеты и интервью в формат наблюдаемого действия. Дополнительный слой данных связан с объективными маркерами состояния пользователя в

процессе выполнения задачи. На текущем этапе рассматриваются одноканальная ЭЭГ-регистрация, айтрекинг и фейстрекинг, позволяющие потенциально анализировать признаки когнитивной нагрузки, распределение визуального внимания, стратегию наблюдения и отдельные поведенческие реакции, которые не видны из телеметрии симуляции [4].

Таким образом, предлагаемый подход задает переход от разрозненного анализа отдельных признаков к интегрированной оценке профессионального соответствия на основе данных. Практическая ценность разработанного подхода состоит в возможности более раннего выявления рисков несоответствия, адресной профориентационной коррекции и повышения обоснованности кадровых решений в промышленности. Дальнейшая работа связана с расширением выборок, калибровкой межблочных весов, накоплением валидных внешних критериев успешности и верификацией телеметрических и биометрических признаков в профессионально ориентированных сценариях.

Список источников

1. Шевелева О. Б. Перспективные направления формирования кадрового потенциала горной промышленности / Шевелева О. Б., Зонова О. В., Слесаренко Е. В. // Техника и технология горного дела. 2024. № 3 (26). С. 62–78.

2. Математическая модель построения отраслевой профориентационной системы поддержки принятия решений / Ступина А.А., Осипов В.С., Бобылева О.В. [и др.] // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2025. Т. 13, № 1 (48). 10 с.

3. Сравнительный анализ методов кластеризации на малой выборке для сегментации профессиональных групп / Ступина А. А., Осипов В. С., Замулин И. С. [и др.] // Системы управления и информационные технологии. 2026. № 1 (103). С. 89–95.

4. A multimodal physiological-psychological data-driven study on differentiation in miners' job burnout and risk preferences / Tian F., Qiu W., Li H., Zhao Z. // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. P. 143872.

УДК 004.9* 004.418* 004.896

Масштабируемая система автоматизированного консультирования пациентов на основе мессенджер-бота для центра стоматологии «АнТаРа»

Пешкова Инга Алексеевна[1], Федорова Анастасия Андреевна[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]peshkova.inga-2004@yandex.ru
[2]fedorovaanastasia582@gmail.com

Ключевые слова: стоматология, CRM-система, чат-бот, мессенджер, VK, масштабируемая архитектура, обработка заявок.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Елене Александровне Кузьмич.

В условиях высокой конкуренции платных стоматологических услуг существенную роль играет оперативность и качество первичной коммуникации с пациентом. В ходе анализа деятельности центра стоматологии «АнТаРа», который находится в городе Красноярске, авторами данной работы были выявлены типичные проблемы [1]:

© Пешкова И. А., Федорова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

– высокая нагрузка на администраторов стоматологии (до 70% рабочего времени уходит на прием входящих звонков с типовыми вопросами, такими как стоимость, режим работы);

– длительное ожидание ответа на звонок от администратора во время большой текучки пациентов;

– потеря заявок администраторами при большом потоке.

CRM-системы, которые на данный момент внедрены в работу стоматологического центра, не интегрированы с каналами мгновенной коммуникации, такими как мессенджеры. Данная проблема приводит к дроблению данных о пациенте и снижает скорость принятия решений по навигации пациента к нужным специалистам [2].

В ходе проведенного исследования авторами предложено ИТ-решение по внедрению масштабируемой системы автоматизированного консультирования пациентов на основе чат-бота в мессенджере Вконтакте (VK). Данная система включает в себя ряд функциональных решений, указанных ниже [3, 4].

1. Гибридная архитектура взаимодействия: выбранное ИТ-решение подразумевает использование инструмента Callback API Вконтакте для быстрой обработки входящих обращений, который будет работать совместно с VK mini App (VK mini App – это микро-приложение, которое работает внутри экосистемы Вконтакте). VK mini App будет выступать в роли личного кабинета пациента, в котором пользователь сможет заполнить форму истории болезни, загрузить файлы снимков КТ/МРТ) и выбрать удобную дату и время для записи на прием, при этом не покидая платформу. Выбранный функционал поможет решить проблему ограниченного интерфейса и функционала текстового чата для сбора полной структурированной информации.

2. Масштабируемая архитектура чат-бота: чтобы бот работал стабильно даже при большом наплыве пациентов (например, после рекламного поста или в часы большой загруженности), система

построена на современной контейнерной технологии и специальном оркестраторе. Это позволяет автоматически выделять дополнительные ресурсы при росте нагрузки, то есть у бота не будет перегрузки и он не будет тормозить, даже если одновременно пишут сотни пользователей. Для надежности используется очередь сообщений: если временно возникают сбои, сообщения не теряются, а по очереди гарантированно доставляются адресату.

3. Интеграция с CRM-системой центра стоматологии: бот напрямую связан с внутренней системой учета пациентов (CRM) через специальный программный модуль (коннектор). Он работает в обе стороны. Из CRM в бот: бот получает актуальное расписание врачей с учётом специальностей и свободных окон, чтобы сразу предлагать пациенту реально доступное время. Из бота в CRM: когда пациент заполняет анкету или загружает снимки через мини-приложение VK, бот автоматически создает карточку пациента в CRM и прикрепляет туда все собранные данные (жалобы, историю болезни, файлы). Все действия происходят без участия администратора. Кроме того, бот автоматически отправляет напоминания о предстоящем визите через сообщения ВКонтакте. Это снижает количество неявок пациентов и помогает эффективно заполнять расписание врачей.

Реализация предложенной системы на базе VK, как было установлено авторами, позволит достичь следующих результатов:

– снижение стоимости первичного обращения за счет автоматизации обработки входящих заявок из рекламных кампаний в VK Рекламе;

– сокращение операционных затрат на административный персонал на 25-30% за счет уменьшения ручного ввода данных и автоматической обработки 50-60% типовых запросов;

– увеличение конверсии «подписчик сообщества – запись на прием» на 15-20% за счет сокращения времени первого ответа (с 10-15 минут до 5 секунд) и возможности записи в нерабочее время.

– повышение лояльности пациентов за счет использования привычного канала без необходимости установки сторонних приложений;

– сокращение среднего времени обработки первичного обращения с 5 минут (ручной режим) до 1,5 минут (автоматизированный сбор данных в Mini App с передачей контекста врачу);

– повышение точности сбора истории болезни: использование структурированных форм (опросников) в VK Mini App позволяет врачу получить полную клиническую картину до визита, вместо хаотичной текстовой переписки;

– рост репутационного показателя сообщества «АнТаРа» за счет повышения оценки качества обслуживания (мгновенные ответы, отсутствие потери сообщений).

Масштабирование системы автоматизированного консультирования пациентов с использованием предложенного авторами мессенджер-бота VK возможно производить для различных центров стоматологии для устранения типичных проблем, но при этом с учетом особенностей ИТ-инфраструктуры конкретных стоматологических центров.

Список источников

1. О клинике // АнТаРа. 2026. URL: https://antara24.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

2. CRM-система: что это такое и как начать в ней работать // Битрикс24. 2026. URL: https://www.bitrix24.ru/journal/chto-takoe-crm-sistema-i-dlya-chego-ona-nuzhna-biznesu/ (дата обращения: 10.01.2026).

3. Все о чат-ботах: виды, преимущества, успешные примеры // Практикум Блог. 2025. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-chat-bot/ (дата обращения: 12.01.2026).

4. Что такое чат-бот: простыми словами о принципе работы, функциях и пользе для бизнеса // Elma365 Service. 2026. URL: https://service.elma365.com/articles/chat-bot-funkcional-preimushchestva-i-primenenie-v-rabote/ (дата обращения: 12.01.2026).

УДК 004.942*519.2

Статистический анализ данных при проведении исследований

Покушко Роман Валериевич[1], Никифоров Артур Сергеевич[2]
[1]Департамент подготовки кадров высшей квалификации Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pokushko@mail.ru
[2]Отдел аспирантуры и докторантуры Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, arturarb77777@yandex.ru

Ключевые слова: статистический анализ, достоверность расчетов, тестовые данные, выборка, ИТ-инструмент, G*Power, статистическая мощность, ошибка α, ошибка β, распределение Стьюдента, critical t.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Алене Александровне Ступиной, профессору, д-ру техн. наук.

При проведении исследований во многих случаях возникает проблема определения требуемого количества данных для

© Покушко Р. В., Никифоров А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

достоверности расчетов. В современной научной литературе рассмотрены информационные и цифровые инструменты статистического анализа, обладающие рядом преимуществ и ограничений, проявляющихся в ходе их применения в различных прикладных областях и при решении прикладных задач, в том числе при решении задач, связанных с расчетом статистической мощности выборки тестовых данных [1–5].

Авторами данной работы был выполнен научный эксперимент применения ИТ-инструмента G*Power для вычисления минимального количества наблюдений в ходе проведения исследований тестового объема данных [6]. В проведенном эксперименте считалось, что есть ограничения в получении определенного требуемого объема тестовых данных, поэтому при расчетах объема выборки использовался повышенный показатель ошибки $\alpha = 0.05$.

Результаты расчетов, проведенных авторами в ходе эксперимента, отображены ниже (рисунок 1).

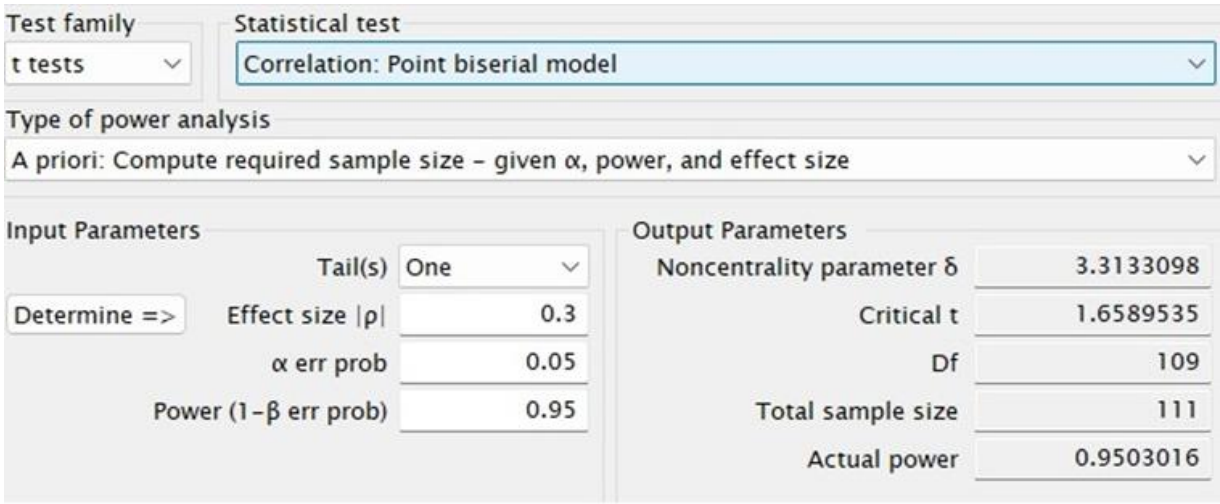


Рисунок 1. Результаты анализа тестовых данных в программной среде G*Power (разработано авторами).

Из рисунка 1 видно, что требуемое количество наблюдений имеет значение 111, то есть минимальный объем тестовой выборки

при минимизации ошибок будет составлять 111. Показатель статистической мощности имеет значение 0.9503016.

Графическое распределение ошибок типа I (α) и типа II (β), подготовленное авторами в ходе проведенного эксперимента, представлено ниже (рисунок 2).

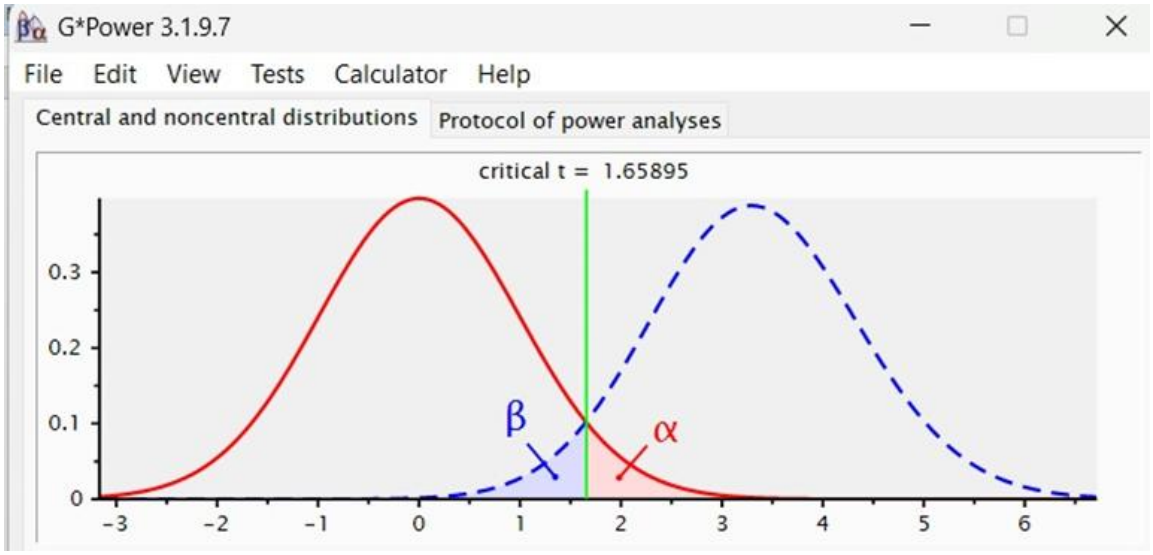


Рисунок 2. Графическое представление распределения α и β в программной среде G*Power (разработано авторами).

На рисунке 2 можно увидеть нелинейный характер графического распределения ошибок типа I и типа II, что означает, что изменение критического значения (порога) не приводит к пропорциональному (линейному) изменению вероятностей этих ошибок. Из рисунка 2 также видно, что величина порогового значения распределения Стьюдента – critical t составляет 1.65895, что позволяет проверить первоначальную гипотезу о повышенном показателе ошибки α = 0.05 для исследуемой выборки данных.

Итоговые результаты проведенного авторами научного эксперимента подтверждают возможность использования ИТ-инструмента G*Power для расчета вероятности обнаружения эффекта исследуемой выборки тестовых данных.

Таким образом, авторами обоснована целесообразность применения программного инструмента G*Power для вычисления

минимального количества наблюдений при проведении научных исследований. Данный ИТ-инструмент статистического анализа может быть использован для определения требуемого объема выборки для проведения достоверных экспериментов при выполнении прикладных научных исследований.

Список источников

1. Гржибовский А. М. Интерпретация величины p и альтернативы ее использованию в биомедицинских исследованиях / Гржибовский А. М., Гвоздецкий А. Н. // Экология человека. 2022. Т. 29, № 3. С. 67–76.

2. Расчет необходимого объема выборки с использованием программы G*Power / Кригер Е. А., Драчев С. Н., Митькин Н. А. [и др.] // Морская медицина. 2023. Т. 9, № 2. С. 111–125.

3. . Promoter polymorphism rs3087456 in the MHC class II transactivator gene is not associated with susceptibility for selected autoimmune diseases in German patient groups / Akkad D. A., Jagiello P., Szyld P., Goedde R. // International Journal of Immunogenetics. 2023. № 33. P. 59–61.

4. Berti S. Different interference effects in musicians and a control group / Berti S., Münzer S., Schröger E. // Experimental Psychology. 2006. № 53. P. 111–116.

5. Erdfelder E. Power analysis for categorical methods / Erdfelder E., Faul F., Buchner A. // Encyclopedia of statistics in behavioral science / edited by Everitt B. S., Howell D. C. Chichester: Wiley, 2005. P. 1565–1570.

6. G*Power. Statistical Power Analyses for Mac and Windows // Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf. 2026. URL: https://www.psychologie.hhu.de/arbeitsgruppen/allgemeine-psychologie-und-arbeitspsychologie/gpower (дата обращения: 01.01.2026).

УДК 004.942*658.7

Цифровая платформенная трансформация бизнес-процесса сбора и обработки заказов в логистической компании

Порядина Анастасия Юрьевна[1], Корякова Софья Сергеевна[2], Брюханов Артем Владимирович[3]

[1, 2, 3] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,

[1]poryadina.05@mail.ru

[2]sofffochka.koryakova@mail.ru

[3]viptomas52@gmail.com

Ключевые слова: логистика, складской процесс, сбор и обработка заказов, WMS-система, терминал сбора данных, информатизация, автоматизация, цифровая трансформация, BPMN, платформенная бизнес-модель.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Ларисе Николаевне Корпачевой, доценту, канд. техн. наук.

Цифровая трансформация бизнес-процессов в логистике в контексте информатизации традиционно ассоциируется с внедрением WMS-систем для комплексной автоматизации складских процессов в реальном времени (от приемки до отгрузки) и терминалов сбора данных (ТСД) для автоматизации процессов учета товаров, инвентаризации, приемки и отгрузки. При этом цифровая трансформация функциональных областей логистики в современных системах должна быть представлена как целостный

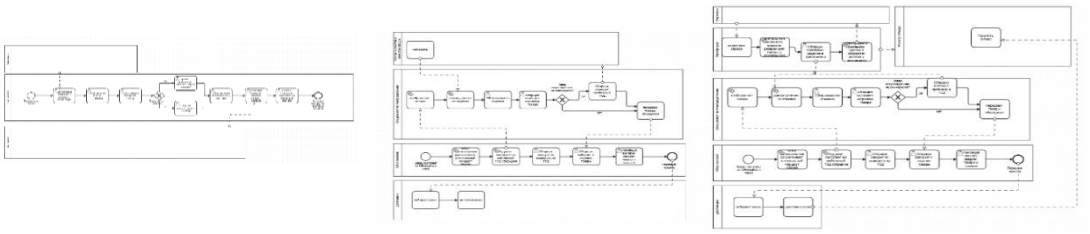
© Порядина А. Ю., Корякова С. С., Брюханов А. В., 2026

© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

управляемый процесс [1]. Однако переход от аналогового учета к автоматизированному и/или цифровому не означает полной цифровой трансформации на основе трендовых моделей цифровой платформенной архитектуры. Многие логистические компании ограничиваются автоматизацией отдельных операций, сохраняя разрозненность информационных потоков и необходимость ручного вмешательства в нештатных ситуациях. В ходе проведенных аналитических исследований и выполненного анализа российских кейсов логистики было авторами данной работы выявлено, что цифровая трансформация логистики является сложным, но неизбежным и крайне плодотворным процессом. Интеграция передовых технологий (ИИ, IoT, блокчейн, роботизация) кардинально меняет методы управления логистическими операциями, выводя их на новый уровень эффективности. Внедрение ИИ и автоматизации улучшает как точность, так и скорость складских и транспортных процессов, снижая операционные расходы и количество ошибок. Следует учитывать, что не все аспекты цифровизации можно эффективно реализовать в одиночку. Логистическим операторам имеет смысл сотрудничать с технологическими компаниями, стартапами, вузами и даже конкурентами (в рамках не конкурирующих областей) для совместной разработки и стандартизации решений [2]. Также авторами было установлено, что основными трендами цифровой трансформации логистики российских компаний являются ИТ-решения на основе AI, ML, CV, IoT, LLM, при этом ИТ-исследователями не рассматриваются в достаточном объеме вопросы, связанные с изменением архитектуры платформенных процессов логистики с новыми цифровыми бизнес-моделями [3].

Для обоснования перехода на новую бизнес-модель авторами были разработаны и проанализированы бизнес-модели исследуемого процесса в нотации BPMN (Business Process Model and

Notation) [4]. В частности, был разработан и проанализирован ряд бизнес-моделей, отображенных ниже (рисунок 1).



а) б) в)

Рисунок 1. BPMN-модели бизнес-процесса сбора и обработки заказов логистической компании: а) аналоговая модель б) модель цифровой автоматизации неплатформенного типа в) цифровая модель платформенного типа (разработано авторами).

Основная цель анализа разработанных моделей состояла в выявлении ключевых различий в скорости сбора и обработки заказов, прозрачности, масштабируемости и уровне автоматизации/цифровизации принятия решений в сфере логистики, а также обоснование условий, обуславливающих, конкурентные преимущества перспективной цифровой платформенной модели (рисунок 2).

Сравнение логистических моделей

Критерий сравнения	Аналоговая модель	Модель цифровой автоматизации неплатформенного типа	Цифровая платформенная модель
Носитель информации	Бумажный	Электронный	Единое облачное пространство
ИТ-инструменты	-	WMS-система, ТДС	WMS-система, мобильный ТДС, цифровая платформа компании
Прозрачность для менеджера	Низкая	Средняя	**Полная (в реальном времени)**
Масштабируемость	Крайне низкая	Ограниченная	**Высокая**
Скорость сборки	Низкая	Средняя	**Высокая**
Зависимость от человеческого фактора	Высокая	Средняя	**Низкая**

Рисунок 2. Сравнительный анализ логистических бизнес-моделей (составлено авторами).

В ходе анализа авторами данной работы было выявлено ключевое конкурентное преимущество цифровой платформенной

бизнес-модели – сквозная автоматизация и прозрачность. В частности, при возникновении проблемы, вызванной, например, отсутствием товара, цифровая система не просто уведомляет менеджера-логистика, а сама предлагает решение на основе данных об остатках, инициируя его согласование. Кроме того, все действия, от сканирования товара до передачи курьеру, фиксируются на цифровой платформе в реальном времени, что обеспечивает полный контроль над логистическими операциями, позволяет строить точную аналитику и формирует новую ценность для клиента за счет максимальной скорости и предсказуемости сервиса. Внедрение цифровой платформенной бизнес-модели в информационную архитектуру логистических компаний радикально меняет логику взаимодействия между всеми участниками цепи заказов. Сквозная автоматизация, интеграция с партнерами, аналитика в реальном времени и автоматическое принятие решений не только повышают надёжность и скорость процессов, но и создают новую потребительскую ценность, преобразуя сервисную модель в конкурентное преимущество компании.

Таким образом, авторами данной статьи разработана принципиально новая модель бизнес-процесса сбора и обработки заказов, которую можно использовать на цифровых платформах логистических компаний для повышения эффективности деятельности и конкурентной устойчивости этих компаний.

Список источников

1. Афанасенко И. Д. Цифровая логистика: учебник для вузов / Афанасенко И. Д., Борисова В.В. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 272 с.

2. Кренгауз И.Н. Цифровая трансформация логистики: тренды, вызовы и перспективы // Молодой исследователь Дона. 2025. № 10 (5). С. 122–132.

3. Кейсы в логистике: AI, ML, CV, IoT, LLM решения // ГК Софтлайн. 2026. URL: https://www.softline.digital/case-industry/logistics (дата обращения: 14.02.2026).

4. BPMN — полное руководство на примерах // STORM. 2025. URL: https://stormbpmn.com/blog/bpmn/bpmn-polnoe-rukovodsko-na-primeryah (дата обращения: 10.01.2026).

УДК 332.8*004.94

Цифровые механизмы управления жизненным циклом жилой недвижимости

Прокопенко Илья Владимирович
Департамент подготовки кадров высшей квалификации Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, hellya1208@gmail.com

Ключевые слова: многоквартирный жилой дом, жизненный цикл, стейкхолдеры, конфликт интересов, управление, ТИМ, цифровая модель, управляющая организация, ТСЖ.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Александровне Саенко, доценту, д-ру экон. наук.

Современная система управления многоквартирными жилыми домами представляет собой сложный комплекс взаимодействий между различными участниками, каждый из которых преследует собственные цели и использует собственные критерии оценки результата [1]. На практике это приводит к тому, что принятие решений по содержанию, ремонту, модернизации и

© Прокопенко И. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

развитию дома происходит не в условиях полного совпадения интересов, а в пространстве их частичного пересечения и постоянного согласования, что усугубляется в ходе цифрового взаимодействия сторон. Для научного исследования особое значение имеет понимание того, что многоквартирный дом следует рассматривать не только как объект недвижимости, но и как систему распределенных процессов и интересов, где каждая сторона стремится минимизировать свои издержки и одновременно получить максимальный эффект от участия в управлении [2].

Конфликт интересов в данной сфере возникает уже на уровне базовой структуры отношений собственности [3]. Собственники помещений заинтересованы в снижении текущих платежей, сохранении приемлемого качества среды проживания и росте стоимости своей недвижимости в долгосрочной перспективе. Управляющая организация, напротив, стремится обеспечить устойчивость финансовых потоков, окупаемость своей деятельности и минимизацию операционных рисков. Подрядные организации заинтересованы в получении максимального объема работ и более высокой маржинальности контрактов. Ресурсоснабжающие организации стремятся к гарантированному поступлению платежей и снижению коммерческих и технологических потерь. Органы власти и муниципалитеты, в свою очередь, ориентированы на социальную стабильность, снижение аварийности жилищного фонда и выполнение программ капитального ремонта при ограниченных бюджетных ресурсах.

Наиболее заметным является противоречие между краткосрочными и долгосрочными интересами, что создает классическую проблему межвременного выбора: экономия на текущем этапе может приводить к ускоренному износу конструктивных элементов, росту аварийности и последующему увеличению совокупных затрат.

Особую форму конфликт интересов приобретает в отношениях между собственниками и профессиональными управляющими субъектами. Если отсутствует единая цифровая модель дома, согласованная система учета технического состояния и понятные инструменты анализа затрат, то асимметрия информации усиливается [4; 5]. В такой ситуации собственники вынуждены принимать решения, опираясь на неполные и часто трудно проверяемые сведения.

С точки зрения управления жизненным циклом дома конфликт интересов является не случайным отклонением, а объективной характеристикой системы. Смягчение конфликтов интересов возможно через институциональные и цифровые механизмы. Важнейшее значение имеет снижение информационной асимметрии. Если все существенные данные о состоянии конструктивных элементов, инженерных систем, ремонтах, дефектах, затратах и прогнозируемом ресурсе сосредоточены в единой цифровой модели дома, то пространство для произвольной интерпретации и манипулирования сокращается. Цифровая модель позволяет привязать обсуждаемые решения к конкретным элементам, срокам и затратам, сделать сметы и программы работ проверяемыми, а также сформировать сценарии последствий отказа от тех или иных мероприятий [4; 5]. В этом случае возникают споры не о том, «нужен ли вообще ремонт», а о том, какой вариант ремонта является более рациональным, какие работы имеют первоочередной характер и как распределяются финансовые последствия между текущим и будущими периодами.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что цифровые решения не ликвидируют конфликты интересов полностью. Они лишь меняют форму их проявления. Вопрос остается в том, кто будет наполнять цифровую модель данными, кто будет интерпретировать результаты анализа, и кто будет принимать итоговые решения.

Если эти функции сосредоточены в руках одного участника, то возникает риск нового вида асимметрии — уже цифровой. Поэтому важнейшим условием повышения качества управления становится не только внедрение технологий информационного моделирования, но и выстраивание процедур коллективного контроля, доступа к данным и прозрачного принятия решений, иначе цифровая среда может воспроизвести старые конфликты в новой форме.

Таким образом, конфликт интересов стейкхолдеров в системе управления многоквартирным жилым домом, как было установлено автором данного исследования, является структурным и многослойным явлением, обусловленным различием целей, горизонтов планирования, уровней информированности и распределения экономических выгод и издержек. В этих условиях технологии информационного моделирования и цифровые сервисы могут рассматриваться как механизмы снижения информационной асимметрии и повышения прозрачности, но их эффект зависит от качества организационных процедур и институциональных правил. Следовательно, исследование конфликтов интересов должно занимать центральное место в разработке цифровой модели совершенствования управления жизненным циклом многоквартирного дома, так как согласование интересов определяет реальную реализуемость цифровых и организационных решений.

Список источников

1. Аникин Ю. В. Управление зданиями и сооружениями на стадии эксплуатации: учебное пособие / Аникин Ю. В., Царев Н. С. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 160 с.

2. Авагян Г.Л. Оценка эффективности ИТ-инвестиций в строительной отрасли // Экономика строительства. 2024. № 2. С. 45–58.

3. Асаул А. Н. Корпоративные структуры в региональном инвестиционно-строительном комплексе / А. Н. Асаул, А. В. Батрак. Москва: АСВ, 2001. 168 с.

4. Грабовый К. П. строительного производства: теория и практика: монография / К. П. Грабовый, А. С. Лушников, Т. А. Шпенькова. Москва: АСВ, 2022. 268 с.

5. Ксендзовский В. М. Инновационное моделирование в строительстве с использованием инструментов цифровой трансформации: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: специальность 5.2.3. Москва, 2025. 196 с.

УДК 004.9*640.441

Обоснование внедрения автоматизированной аналитической системы в кофейном бизнесе на основе анализа потребительских предпочтений

Пупышева Лилия Олеговна[1], Холина Ангелина Павловна[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]LONA4136@yandex.ru
[2]kholina08084@gmail.com

Ключевые слова: кофейня, бизнес, потребительские предпочтения, управление ассортиментом, анализ продаж, прогнозирование спроса, автоматизированная аналитическая система.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

В условиях высокой конкуренции кофеен успешность напрямую зависит от способности адаптировать ассортимент под реальные потребительские предпочтения. Многие компании сталкиваются с проблемой неэффективного управления ассортиментом, что приводит к снижению продаж, росту неликвидов и потере лояльности клиентов. Отсутствие структурированного анализа покупательского поведения не позволяет своевременно выявлять ключевые факторы выбора: возраст, пол, погодные условия и чувствительность к цене [1].

© Пупышева Л. О., Холина А. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Для решения данной проблемы в работе проведено исследование потребительских предпочтений клиентов кофеен России на основе анализа данных о продажах [1; 2]. В частности, авторами был выполнен анализ распределения клиентов по возрасту (рисунок 1).

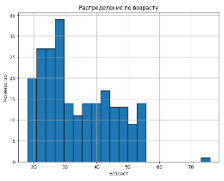


Рисунок 1. Распределение по возрасту (разработано авторами на материалах [1; 2]).

Данные рисунка 1 демонстрируют, что основную аудиторию составляют потребители в возрасте 18-35 лет. Это определяет необходимость ориентировать ассортиментную матрицу на вкусы и форматы, востребованные в данной возрастной группе.

Также был выполнен анализ доли спортсменов среди клиентов кофеен (рисунок 2).

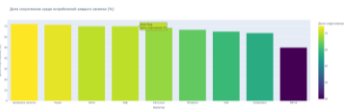


Рисунок 2. Доля спортсменов среди клиентов кофеен по отдельным категориям напитков (разработано авторами на материалах [1; 2]).

Данные рисунка 2 показывают, что отдельные категории напитков имеют высокую привязанность к физически активной аудитории. Это открывает возможности для целевого маркетинга и сотрудничества со спортивными организациями.

Далее была исследована динамика приверженности выбору в гендерном разрезе (частота проб новых позиций) (рисунок 3).

Рисунок 3. Постоянство выбора напитков клиентов кофеен по гендерному признаку (разработано авторами на материалах [1; 2]).

В соответствии с данными рисунка 3 было установлено, что мужчины демонстрируют более высокую стабильность потребительского выбора, тогда как женщины характеризуются большей склонностью к разнообразию. Данный фактор следует учитывать при разработке коммуникационных стратегий и программ лояльности в функционале аналитической системы [3].

Исследование распределения напитков кофеен по популярности позволило выделить лидирующие позиции и аутсайдеров (рисунок 4).

Рисунок 4. Выбор напитков в дождливую (синий цвет) и сухую погоду (желтый цвет) (разработано авторами на материалах [1; 2]).

В совокупности с анализом выбора напитков в дождливую и сухую погоду (рисунок 4) установлено, что погодные условия существенно влияют на структуру спроса: в холодную и дождливую погоду растет потребление горячих напитков, тогда как в сухую и теплую – увеличиваются продажи освежающих категорий [3].

На заключительном этапе анализа был исследован ценовой признак продукции кофеен (рисунок 5).

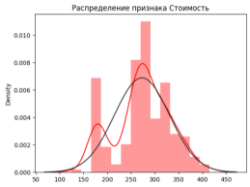


Рисунок 5. Распределение признака «Стоимость напитка» (разработано авторами на материалах [1, 2]).

Анализ рисунка 5 показывает, что большинство потребителей ориентируется на средний ценовой сегмент, что требует сбалансированного подхода к ценообразованию в соответствующем модуле аналитической системы.

Внедрение автоматизированной аналитической системы, интегрирующей данные о продажах, погодных условиях, демографии и поведенческих паттернах, позволяет динамически оптимизировать ассортимент, управлять товарными запасами и персонализировать маркетинговые воздействия [3; 4].

Ожидаемый эффект включает сокращение времени анализа ассортимента с 20 до 4 часов в неделю за счет автоматизации сбора и визуализации данных, снижение доли неликвидов на 15–20% вследствие повышения точности прогнозирования спроса с учётом внешних факторов, рост выручки за счет улучшения соответствия предложения потребительским предпочтениям и своевременного исключения низкорентабельных позиций [3].

Таким образом, структурированный анализ потребительских предпочтений и автоматизация управления повышают обоснованность решений, снижают операционные издержки и укрепляют конкурентные позиции компании.

Список источников

1. Анализ поведения и предпочтений посетителей кофеен и кафе-кондитерских // Магазин исследований. 2025. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/15544/ (дата обращения: 10.01.2026).

2. Рынок кофеен в России 2025 – что нужно знать перед стартом // MBS. 2025. URL: https://baristaschool.ru/coffee2025 (дата обращения: 10.01.2026).

3. BI-аналитика в ритейле: как бизнес-аналитика помогает увеличивать прибыль // IBS Аналитические решения. 2025. URL: https://ibs-analytics.ru/media/bi-analitika-v-riteyle-kak-biznes-analitika-pomogaet-uvelichivat-pribyl/ (дата обращения: 12.01.2026).

4. Внедрение аналитических систем в ритейле / под редакцией Иванова А.В. Москва: Дело, 2021. 156 с.

УДК 338.2*004.9

Цифровая трансформация государственного управления экономикой Российской Федерации

Рожнова Полина Ивановна
Физико-математическая школа-интернат Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, polrozhnova@yandex.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация государства, цифровая экономика, цифровое государственное управление, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), искусственный интеллект (ИИ).

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Александре Витальевне Федоровой, доценту, канд. геол.-минерал. наук.

В последние десятилетия цифровая трансформация прочно вошла в повестку политических лидеров и руководителей

© Рожнова П. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

хозяйствующих субъектов. Быстрое развитие ИКТ привело к радикальным изменениям в способах организации управления, взаимодействия и принятия решений. Для современного государства и экономики цифровая трансформация стала условием выживания и источником конкурентных преимуществ [1]. В России цифровая трансформация приобрела статус стратегического приоритета, получив отражение в федеральных программах и планах. В течение последних лет наблюдается активный процесс внедрения ИКТ в государственное управление, экономику и общество в целом [2]. Несмотря на значительные успехи, перед Россией стоят серьезные вызовы, связанные с неравномерностью проникновения цифровых технологий, дефицитом кадров, устаревшей технической базой и недостаточной компетенцией госслужащих. Без глубокой и системной трансформации государственного управления, основанной на новейших цифровых технологиях, обеспечить конкурентоспособность российской экономики на мировом уровне невозможно. В этих условиях изучение особенностей и закономерностей цифровой трансформации управления экономикой российского государства становится особо актуальным и значимым [3]. С января 2025 года в российском государстве действует новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», главной целью которого является перевод государственного (муниципального) управления, в том числе социальной сферы государства на цифровые технологии [4]. Для реализации поставленных в НП задач государством выделяется общий объем финансирования 1,433 трлн. рублей. Национальный проект состоит из 9 федеральных проектов, которые направлены на создание условий эффективного развития национальной цифровой экономики [5].

Для повышения эффективности государственного управления в рамках национального проекта реализуется федеральный проект

«Цифровые платформы в отраслях социальной сферы». Он направлен на перевод значимых государственных и муниципальных услуг в электронную форму на основе «Единого портала государственных услуг». Так как данный проект решает в основном государственные социальные задачи, то он и финансируется исключительно из бюджета страны в размере более 142 млрд. рублей. В рамках проекта рассматривается возможность перевода до тысячи шестисот услуг на такие государственные платформы, как «Умный город», «Моя школа», «Безопасная среда» и т.д. На этих платформах за счет использования ИИ государство планирует более эффективно оказывать населению страны конкретные социальные услуги с максимальной кибербезопасностью [6].

Федеральный проект «Искусственный интеллект» направлен на использование технологий искусственного интеллекта во всех сферах цифровой экономики, в том числе и в системе государственного управления с общим объемом финансирования 70,7 млрд. рублей. В проекте предполагается использование ИИ при обращениях граждан и предпринимателей на государственные цифровые платформы. При этом сами услуги государством будут оказываться в проактивном режиме с использованием принципа «жизненных ситуаций». Использование ИИ снижает потребности в необходимых подготовленных кадрах в системе государственного и муниципального управления, что приводит к снижению бюджетных затрат на этот вид деятельности. При этом ИИ повышает качество и быстроту предоставляемых услуг населению и юридическим лицам и практически снижает коррупционную составляющую и уровень злоупотреблений в системе управления при оказании соответствующих услуг населению и юридическим лицам [7].

Применение ИИ на государственных цифровых платформах при обращении граждан и бизнеса несет много преимуществ. Оказание государственных услуг на основе ИИ происходит в

проактивном порядке, с опорой на жизненные ситуации граждан, что освобождает от необходимости лично посещать ведомства и подавать письменные заявления.

В ходе исследования автором сформулирован ряд выводов. В частности, обосновано, что цифровая трансформация в России оказывает положительное влияние на финансовый аспект экономики, способствует снижению административных расходов, повышению прозрачности, улучшению собираемости налогов, ускорению экономического роста и повышению качества государственных услуг. Эти изменения делают Россию более привлекательной для инвестиций, улучшают жизнь граждан и повышают эффективность бизнеса.

Список источников

1. Бахтизин А. Р. Геэкономическая фрагментация в условиях развития цифровизации: формирование новых контуров макроэкономической системы мира и устойчивость России в условиях санкционных атак // Исследования в цифровой экономике. 2023. № 1 (4). С. 6–47.

2. Демидов А. В. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» как инструмент укрепления цифрового суверенитета России // Наукосфера. 2024. № 4-2. С. 357–360.

3. Prokhorov V. Digital Platform Economy in Russia. Hybrid Methods for Modeling and Optimizing Complex Systems / Prokhorov V., Rozhnov I., Maslova O. // Lecture Notes in Networks and Systems. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. P. 219–231.

4. Лесаев А. Д. Региональные решения в области цифровой трансформации системы государственного управления (на примере города Москвы) // Вестник юридических исследований. 2025. № 4 (4). С. 56–63.

5. Потапцева Е. В. Промышленное развитие в России: движение в цифровую экономику / Потапцева Е. В., Брянцева О. С. // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2022. № 4 (54). С. 53–62.

6. Technologies in the regional management information system / Rozhnov I.P., Avramchikova N.T., Maslova O.V. [et al.] // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Vol. 1679. P. 032004.

7. Zhang S. Digital transformation as a driver of high-quality development of regional economies: a comparative analysis of the experience of China and Russia // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32, № 3. P. 149–159.

УДК 338.488*330.88*004.422.81

Системное моделирование цифровой трансформации бизнес-процессов в индустрии гостеприимства на примере города-курорта Сочи

Савин Михаил Дмитриевич
Экономический факультет Новосибирского национально исследовательского государственного университета, Новосибирск, Новосибирская область, Россия, krst263@yandex.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация, индустрия гостеприимства, бизнес-процесс, процессный подход (BPM), data-driven, искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей, карта пути клиента (CJM), персонализация, умный отель, клиентский опыт.

Благодарности: работа выполнена при поддержке статистических данных Сочинского государственного университета, технологической базы санатория Заполярье (г. Сочи); автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Валерьевне Пьянковой, доценту, канд. филол. наук.

Цифровая трансформация индустрии гостеприимства в условиях современной сервисной экономики представляет собой сложный многоуровневый процесс, затрагивающий как операционные, так и стратегические аспекты функционирования гостиничных предприятий. Актуальным данный процесс становится в условиях курортных территорий с высокой плотностью туристского потока, к числу которых относится город Сочи. Характерные для данного рынка сезонные колебания спроса, высокая конкуренция и растущие требования потребителей

© Савин М. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

формируют объективную необходимость перехода от традиционных моделей управления к цифровым, основанным на данных и интеллектуальных технологиях. В этой связи особое значение приобретает системное моделирование бизнес-процессов, позволяющее не только структурировать деятельность отеля, но и определить ключевые точки внедрения цифровых решений [1]. Методическая основа данного исследования опирается на интеграцию процессного подхода (BPM), концепции клиентского пути CJM и data-driven парадигмы управления. В рамках данного подхода деятельность отеля рассматривается как сквозная система создания ценности, охватывающая все этапы взаимодействия с гостем, В парадигме BPM и системного анализа деятельность гостиничного предприятия может быть декомпозирована на семь системных базовых процессов: обеспечение проживания, организация питания, поддержание чистоты, материально-техническое обеспечение, маркетинговая деятельность, финансово-учетные операции и обеспечение безопасности. Центральное место в данной системе занимает процесс обеспечения проживания, формирующий основную ценность для клиента и выступающий ключевой точкой взаимодействия с гостем. Декомпозиция этого процесса на подпроцессы позволяет выявить критические точки контакта, в которых внедрение цифровых технологий способно обеспечить максимальный эффект системы [2].

Традиционно все процессы российской гостиничной индустрии характеризуются высокой долей ручного труда, стандартизированностью и ограниченной адаптивностью к индивидуальным потребностям клиента. Однако внедрение технологий ИИ и Интернета вещей принципиально меняет данную парадигму. Интеграция ИИ и Интернета вещей в бизнес-процессы отеля приводит к их качественной трансформации (таблица 1).

Таблица 1. Трансформация бизнес-процессов отеля в условиях интеграции ИИ и Интернета вещей (составлено автором).

CJM	Бизнес-процесс	Традиционная модель	Data-driven	Цифровые инструменты
До прибытия	Бронирование	Унифицированные предложения	Персональные рекомендации	AI-рекомендательные системы
Прибытие	Регистрация	Ручная обработка	Бесконтактный check-in	Mobile apps
Заселение	Доступ в номер	Ключ-карта [3]	Мобильный ключ	IoT, NFC, Smart Room
Проживание	Room & Breakfast	Стандартизация	Персонально	IoT, AI-аналитика
Выселение	Check-out	Ручной расчет	Автоматический расчет	PMS

Интернет вещей формирует фундаментальную инфраструктуру цифрового отеля, обеспечивая непрерывное многоканальное сенсорно-данное наблюдение за состоянием физической среды и поведенческими паттернами гостей. В результате формируется непрерывный поток гетерогенных данных, интегрируемый в единую цифровую аналитико-управленческую экосистему. Тем самым формируется принципиально новая синергетическая модель цифрового отеля, в которой Интернет вещей функционирует как распределенная сенсорная система, а ИИ – как адаптивное когнитивное ядро для перехода от реактивной парадигмы управления к проактивной и предиктивной [4–6].

Данные таблицы 1 демонстрируют, что внедрение технологий ИИ и Интернета вещей обеспечивает системную трансформацию всех этапов клиентского пути в гостиничном предприятии. Происходит переход от стандартизированных операций к адаптивным и персонализированным сервисным сценариям, где каждый этап становится элементом единой цифровой экосистемы. В результате усиливается согласованность бизнес-процессов,

повышается операционная эффективность и формируется устойчивое конкурентное преимущество за счет повышения качества и персонализации клиентского опыта.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация гостиничного бизнеса в условиях курортного рынка города Сочи приобретает системный и необратимый характер. Ключевые бизнес-процессы гостиничного предприятия трансформируются на всех этапах клиентского пути. Таким образом, цифровая трансформация гостиничной индустрии может рассматриваться как фундаментальная смена управленческой парадигмы, в которой ключевым ресурсом выступают данные, а основным результатом – персонализированный клиентский опыт и повышение устойчивости бизнеса в условиях высокой конкуренции.

Список источников

1. Ляпина И. Ю. Управление гостиничным предприятием в условиях цифровой трансформации экономики // Туризм: право и экономика. 2020. № 3. С. 14–19.

2. Киселева Т. А. Цифровизация гостиничного бизнеса: современные тенденции и перспективы развития // Сервис plus. 2021. № 1. С. 27–34.

3. Морозов М. А. Инновационные технологии в индустрии туризма и гостеприимства // Вестник РГУТИС. 2022. № 2. С. 45–52.

4. Костин А. А. Цифровая трансформация сферы туризма и гостеприимства // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2021. № 4. С. 85–93.

5. Бочкарев А. А. Цифровая трансформация бизнес-процессов в экономике // Экономика и управление. 2020. № 6. С. 33–39.

6. Чудновский А. Д. Менеджмент в туризме и гостиничном хозяйстве / Чудновский А. Д., Жукова М. А. Москва: КНОРУС, 2021. 512 с.

УДК 004.89*338.48

Глобальные тренды развития внутреннего туризма в условиях цифровой трансформации экономики

Сафонова Юлия Сергеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yuliya.safonova2002@mail.ru

Ключевые слова: внутренний туризм, цифровая трансформация, тренд, цифровая технология, цифровое решение.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Валентине Валентиновне Вингерт, доценту, канд. экон. наук.

В последние годы нестабильность экономики и трансформация международных связей оказывают существенное влияние на все сферы деятельности [1]. Индустрия туризма, занимающая особое место в сервисной экономике, способствует развитию территорий, формированию дохода и привлечению инвестиций. В текущих условиях возрастает значение внутреннего туризма как инструмента поддержания экономической активности регионов [2]. В связи с существенными изменениями внутренней и внешней среды деятельности, целью исследования является анализ трендов развития внутреннего туризма, возникших в условиях цифровой трансформации экономики и рынков.

Как показывает практика, переход на цифровые технологии управления формирует новые тренды развития туризма, среди который выделяются повышение значимости безопасности и

© Сафонова Ю. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

надежности туристских услуг. Потребители отдают предпочтение проверенным поставщикам услуг и делают выбор в пользу безопасных с политической и эпидемиологической точки зрения направления. Наиболее значимый тренд, воздействующий на индустрию, заключатся в изменении поведения туристов, сопровождаемый ростом спроса на индивидуальные туры и самостоятельные путешествия, и, как следствие, активное использование сервисов цифровых платформ туризма, которые формируют опыт пользователя [3].

Также возросла роль мобильных технологий, по статистике количество бронирований через мобильные приложения увеличилось с 29% в 2019 году до более 50% в 2024 году [4].

Цифровые технологии и сервисы формируют совокупность основных тенденций развития отрасли. Цифровые технологии оказывают воздействие не только на внутренние процессы компании, но и затрагивают взаимодействие с клиентами [5]. Большую роль в этих процессах бронирования и организации поездок играют данные. Полный анализ информации о пользователях позволяет получить исчерпывающую информацию о предпочтениях, и соответственно сформировать продукт в соответствии с ожиданиями потребителя. Это стало особенно важным, так как конкуренция на рынке туристских услуг высокая [1]. Автоматизация обработки запросов, а также улучшение качества обслуживания происходят благодаря на основе технологий искусственного интеллекта. Данные факторы оказывают прямое влияние на уровень сервиса и удовлетворенность клиентов.

К основным эффектам цифровой трансформации сферы туризма можно отнести: увеличение доступности туристских услуг, появление новых бизнес-моделей, развитие цифровых платформ, улучшение взаимодействия с клиентами, точное прогнозирование спроса [6]. Однако стоит отметить, что использование цифровых решений в практике управления развитием туризма носит

фрагментарный характер, выраженный в точечном применение технологий продвижения и маркетинга, бронирования и интерактивных сервисов. В свою очередь, это ведет к разрозненности информации, дублированию усилий, снижению скорости и качества принятия управленческих решений [6]. Следствием такой практики в региональном внутреннем туризме становится нерациональное использование ресурсов и снижение конкурентоспособности формируемого туристского продукта.

В этой связи, на наш взгляд, целесообразен переход на управление с использование цифровых моделей для обеспечения эффективности туристского рынка и управления развитием на основе данных и аналитики. Внедрение в практику управления туризмом цифровой модели, включающей процессы сбора, хранения и обработки данных, выявления причинно-следственных связей и закономерностей, визуализацию и поддержку принятия управленческих решений, позволит обеспечить прозрачность управления и распределения ресурсов, сократить время реагирования на отклонения от ключевых показателей, а также усилить координацию действий участников отрасли. Таким образом, цифровая модель выступает инструментом информационной поддержки принятия управленческих решений на основе объективных и своевременных данных, объединяя заинтересованные стороны в единую цифровую среду.

Таким образом, развитие внутреннего туризма во многом зависит от глобальных процессов, и цифровизация здесь занимает одно из главенствующих мест. Среди современных тенденций наиболее актуальными являются следующие: рост самостоятельных поездок, развитие цифровых платформ и ориентация на индивидуальный подход. В ближайшие годы влияние цифровых технологий на сферу туризма будет усиливаться, хотя темпы этого процесса могут отличаться в силу цифрового неравенства регионов. Цифровизация открывает большое количество возможностей для

индивидуализации туристских продуктов и в целом повышает качество услуг. Цифровая трансформация становится не просто фактором развития, а одним из главных условий повышения конкурентоспособности внутреннего туризма.

Список источников

1. Сафина Н. Ф. Современное состояние и перспективы развития внутреннего туризма в Российской Федерации // Russian Journal of Management. 2023. № 3. С. 214–223.

2. Алексахин А. Н. Цифровая трансформация в сфере туризма: тенденции и перспективы развития / Алексахин А. Н., Нохтуева Е. Н., Байтимерова Л. С. // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). С. 674–679.

3. Чхотуа И. З. Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях / Чхотуа И. З., Мурадов А. А. // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3, № 2. С. 207–217.

4. Горбатова А. А. Цифровые технологии в сфере социального туризма: оценка текущего состояния / Горбатова А. А., Горбатов С. А. // МНИЖ. 2024. № 12 (150). 6 с.

5. Цехла С. Ю. Цифровые сервисы в туризме: применение и перспективы / Цехла С. Ю., Плугарь Е. В. // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. № 3. С. 152–161.

6. Щенявский В. А. Формирование цифрового пространства внутреннего туризма Республики Коми // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2024. № 4 (70). С. 88–96.

УДК 004.89*339.138

Цифровая трансформация онлайн-торговли на маркетплейсах

Седова Елена Павловна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sedovaelena08@gmail.com

Ключевые слова: онлайн-торговля, маркетплейс, рекомендательная система, искусственный интеллект (ИИ), конверсия, цифровая трансформация, персонализация, фильтрация, гибридная модель.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ивану Павловичу Рожнову, доценту, канд. техн. наук.

Цифровая трансформация бизнес-процессов стала приоритетом для компаний, стремящихся сохранить конкурентоспособность в условиях цифровой экономики. Электронная коммерция, и в особенности маркетплейсы, выступают ключевым фактором развития этих процессов. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли, за первое полугодие 2025 года объем онлайн-продаж в России составил 5,3 трлн. рублей, что на 36% превышает показатель аналогичного периода 2024 года, при этом около 97% продаж пришлось на маркетплейсы и интернет-магазины [1].

Рост онлайн-торговли сопровождается увеличением ассортимента и числа пользователей, что делает невозможным эффективное «ручное» управление маркетинговыми процессами [2]. В этих условиях ключевым инструментом цифровой

© Седова Е. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

трансформации стали рекомендательные системы на основе ИИ, позволяющие автоматизировать подбор товаров и персонализировать опыт пользователей на основе анализа поведения и предпочтений пользователя [3]. Рекомендательные системы являются инструментом интеллектуализации бизнес-процессов, основанным на анализе пользовательских данных и алгоритмах машинного обучения. Их применение позволяет автоматизировать подбор товаров, повышать релевантность предложений и увеличивать вероятность совершения покупки. Такие системы заменяют статические каталоги динамическими персонализированными витринами и реализуются на основе коллаборативной, контентной и гибридной фильтрации, различающихся по требованиям к данным, точности и условиям применения. В частности, коллаборативная фильтрация основывается на принципе «пользователи с похожими интересами выбирают схожие товары», контентная фильтрация ориентируется на характеристики товаров, с которыми взаимодействовал пользователь [4].

В ходе исследования автором установлено, что на практике наиболее эффективными являются гибридные модели фильтрации, объединяющие оба подхода и обеспечивающие более точные и разнообразные рекомендации.

Современные рекомендательные системы опираются на обработку больших массивов данных, включающих поведенческие, транзакционные, контекстные, контентные и социальные данные, что позволяет формировать рекомендации в режиме реального времени и адаптировать их к текущему взаимодействию пользователя с платформой. Такой подход обеспечивает постоянное улучшение качества рекомендаций и их адаптацию к изменению поведения пользователей. В результате рекомендательные системы интегрируются во все ключевые

бизнес-процессы маркетплейсов и существенно изменяют их (таблица 1).

Таблица 1. Трансформация бизнес-процессов маркетплейсов (на материалах [1; 3; 5])

Процесс	**До внедрения ИИ**	**После внедрения ИИ**
Маркетинг	Ручные рассылки	Автоматизированная персонализация
Продажи	Статические каталоги	Динамические витрины
Управление запасами	Интуитивное прогнозирование	ML-прогнозирование спроса
UI/UX	Универсальный интерфейс	Персонализированный пользовательский опыт

Как показано в таблице 1, внедрение рекомендательных систем приводит к автоматизации ключевых процессов и повышению их эффективности: в маркетинге это выражается в переходе от массовых рассылок к персонализированным предложениям, а в продажах – в использовании механизмов кросс-продаж (предложение сопутствующих товаров) и апселлинга (предложение более дорогих альтернатив) [5].

Анализируя влияние рассмотренных технологий, необходимо отметить их значительное воздействие на ключевые показатели эффективности. По данным McKinsey & Company, персонализация в среднем обеспечивает рост выручки на 10–15%, а в зависимости от отрасли и уровня внедрения – от 5% до 25% за счет повышения конверсии и среднего чека. Практические кейсы также подтверждают эффективность рекомендательных систем – около 35% выручки Amazon формируется за счет рекомендаций [5].

Несмотря на высокую эффективность, внедрение рекомендательных систем сопряжено с ограничениями: мало данных о новых пользователях и товарах, риск «пузыря фильтров», высокие требования к качеству данных и другие. В этих условиях особую роль играют гибридные модели, позволяющие повысить устойчивость работы системы и качество рекомендаций [6].

Подводя итог, следует отметить, что рекомендательные системы на основе ИИ являются важным инструментом цифровой трансформации маркетплейсов, обеспечивая рост конверсии и среднего чека, а также улучшение пользовательского опыта. Их дальнейшее развитие связано с совершенствованием алгоритмов и расширением используемых данных, что делает их одним из ключевых факторов роста электронной коммерции.

Список источников

1. Объем интернет-торговли в России в первом полугодии 2025 года // АКИТ (Ассоциация компаний интернет-торговли). 2025. URL: https://akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-rossii-v-pervom-polugodii-5-3-trln-rublej (дата обращения: 15.01.2026).

2. Prokhorov V. Digital Platform Economy in Russia. Hybrid Methods for Modeling and Optimizing Complex Systems / Prokhorov V., Rozhnov I., Maslova O. // Lecture Notes in Networks and Systems. Cham: Springer, 2025. 14 p.

3. Меньшикова Н. В. Обзор рекомендательных систем и возможностей учета контекста при формировании индивидуальных рекомендаций / Меньшикова Н. В., Портнов И. В., Николаев И. Е. // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 12 (42). С. 83–85.

4. Олянич И. А. Сравнительное исследование алгоритмов проектирования рекомендательных систем на основе анализа крупноформатных данных о потребительских корзинах / Олянич И. А., Серафимович П. Г. // Онтология проектирования. 2018. Т. 8, № 4 (30). С. 628–640.

5. Как рекомендательные системы улучшают маркетинг и клиентский опыт // Клеверенс. 2025. URL: https://www.cleverence.ru/articles/auto-busines/-kak-rekomendatelnye-sistemy-uluchshayut-marketing-i-klientskiy-opyt/ (дата обращения: 12.01.2026).

6. Digital technologies in the regional management information system / Rozhnov I.P., Avramchikova N.T., Maslova O.V. [et al.] // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Vol. 1679. P. 032004.

УДК 658.7.03*004.9

1С:ERP как инструмент автоматизации контроля закупочных цен и отклонений

Соглаева Виктория Сергеевна
Институт инженерной экономики Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, v.soglaeva29@mail.ru

Ключевые слова: 1С:ERP, автоматизация, контроль закупочных цен, отклонения, скидки поставщиков, отчет, шаблон.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Леонидовне Вайтекунене, доценту, канд. техн. наук.

В условиях высокой конкуренции и необходимости оптимизации издержек контроль закупочной деятельности выходит на первый план в системе управления предприятием. Закупочные цены напрямую влияют на себестоимость продукции и, как следствие, на финансовый результат компании. В связи с этим особую актуальность приобретает задача автоматизации контроля закупочных цен и оперативного выявления отклонений от установленных договоренностей с поставщиками. Система «1С:ERP Управление предприятием» (далее – 1С:ERP) является одним из

© Соглаева В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

наиболее распространенных решений для комплексной автоматизации деятельности предприятий в России. С точки зрения закупочной деятельности 1С:ERP предоставляет широкие возможности для управления закупками, включая регистрацию цен поставщиков, ведение прайс-листов и отражение фактических приобретений. Однако типовой функционал не всегда позволяет в полной мере решить задачу контроля отклонений, особенно в условиях, когда закупочная деятельность характеризуется высокой динамикой цен и использованием различных механизмов предоставления скидок [1]. В процессе анализа закупочной деятельности предприятий выявлен ряд системных проблем, затрудняющих эффективный контроль цен. Использование «ручных» скидок в документах приобретения приводит к искажению фактической цены поставки и создает ситуацию «двойной» скидки [2]. Некорректная настройка автоматической регистрации цен при проведении документа приобретения фиксирует цену с уже примененной скидкой как новую базовую, что делает невозможным корректное сравнение с первоначальными условиями поставки. Отсутствие единого инструмента сопоставления данных из разных подсистем и неучет корректировок приобретения делают отчетность о фактических ценах недостоверной [3]. Система 1С:ERP обладает необходимыми механизмами для построения эффективной системы контроля закупочных цен. Возможности платформы включают механизм регистрации цен поставщиков, подсистему управления закупками, механизм корректировки приобретения, систему компоновки данных и расширения конфигурации для разработки пользовательских отчетов без изменения типовой конфигурации [4].

Для решения выявленных проблем автором данной работы предлагается подход к разработке шаблона специализированного отчета «Отчет по предоставленным скидкам поставщиками»,

который планируется реализовать в рамках конфигурации «1С:ERP 2.5». Отчет строится на основе двух регистров: регистр сведений «Цены номенклатуры поставщиков» выступит источником эталонных цен, а регистр накопления «Себестоимость товаров» – источником фактических цен приобретения с учетом корректировок. Связывание данных предполагается осуществлять по ключевым реквизитам: поставщик, номенклатура, период действия цены и дата документа приобретения.

Для обеспечения различных аналитических потребностей предлагается реализовать шаблон отчета в двух вариантах. Вариант «С документами приобретения» обеспечит детализацию до каждой закупки с группировкой «Поставщик → Документ приобретения», что позволит выявить конкретные документы с отклонениями. Вариант «По скидкам» представит агрегированную информацию с группировкой «Поставщик → Вид цены», что даст возможность оценить общую эффективность работы с поставщиком за период. Особое внимание уделено визуальному выделению критических отклонений. При расчете скидки, если фактическая цена окажется выше базовой (отрицательная скидка, наценка), текст строки выделяется красным цветом, что позволяет оперативно выявлять факты необоснованного завышения цены. В отчете реализована логика, учитывающая данные документов «Корректировка приобретения». Фактическая цена приобретения формируется на основании оборотов регистра «Себестоимость товаров» после всех корректировок для актуальности и достоверности отчетных данных.

Для обеспечения корректной работы отчета при наличии «ручной» скидки в документе приобретения реализован механизм корректного расчета итоговой цены и скидки путем сравнения фактической цены с базовой из прайс-листа. При включенной автоматической регистрации цен в отчете используется цена из прайс-листа, зарегистрированная до момента проведения

документа приобретения, что исключает искажение результатов [5]. Разработанный шаблон отчета апробирован в тестовой среде конфигурации 1С:ERP 2.5. В ходе тестирования подтверждена корректность расчетов для всех рассматриваемых сценариев. Внедрение шаблона отчета снижает трудоемкость контрольных процедур за счет автоматизации процесса сопоставления цен, повышает прозрачность закупочной деятельности за счет единого механизма анализа отклонений, минимизирует финансовые риски за счет оперативного выявления наценок, а также обеспечивает достоверность данных благодаря учету корректировок и корректной обработке различных сценариев применения скидок.

Проведенное исследование подтверждает, что система 1С:ERP обладает необходимым функционалом для построения эффективной системы контроля закупочных цен и отклонений. Разработанный шаблон отчета является практическим инструментом, позволяющим реализовать контроль закупочных цен с учетом специфики бизнес-процессов предприятия. Дальнейшее развитие исследования может быть направлено на расширение функционала шаблона отчета: интеграцию с подсистемой бюджетирования, прогнозирование отклонений на основе исторических данных, а также использование механизмов машинного обучения для выявления аномалий в закупочных ценах.

Список источников

1. 1С:ERP Управление предприятием // 1С. 2026. URL: https://solutions.1c.ru/catalog/1cerp/features (дата обращения: 23.01.2026).

2. Группы скидок в 1С ERP: Что делать, если по одному клиенту может сработать несколько скидок // Dzen. 2025. URL: https://dzen.ru/a/aTmREZfGVS9uyfOd (дата обращения: 12.02.2026).

3. Как в 1С:ERP настроить скидки и виды цен // Assino. 2026. URL: https://assino.ru/news/kak-v-1s-erp-nastroit-skidki/ (дата обращения: 11.02.2026).

4. Обзор возможностей автоматизации управления закупками в 1С ERP (УПП) // Группа компаний ИНТЕГРУС. 2026. URL: https://integrus.ru/blog/1c-decisions/obzor-vozmozhnostej-avtomatizatsii-upravleniya-zakupkami-erp-upp.html (дата обращения: 05.02.2026).

5. Ценообразование в 1С:ERP // ПитерСофт. 2026. URL: https://piter-soft.ru/knowledge/articles/tsenoobrazovanie-v-1s-erp.html (дата обращения: 12.01.2026).

УДК 338.2*004.04

Формирование ранней аналитики трудозатрат в проектных институтах промышленного сектора при дефиците исторических данных

Табаков Роман Сергеевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Bro.brow@yandex.ru

Ключевые слова: исторические данные, трудозатраты, проектные работы, промышленный сектор, стоимость, декомпозиция, плановая трудоемкость, проектное управление, ранняя аналитика, BI-инструмент.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Проектные институты промышленного сектора работают в условиях высокой сложности объектов, значительного разнообразия проектной продукции и повышенных требований к срокам выпуска рабочей документации. В таких условиях особую значимость приобретает управление трудозатратами, так как именно они отражают реальную загрузку подразделений, устойчивость производственного процесса и риск отклонения сроков выполнения проектных работ. На практике одним из распространенных направлений развития систем управления является формирование внутренней справочной базы трудоемкости проектной продукции. Предполагается, что по мере накопления

© Табаков Р. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

статистики организация сможет определить, сколько трудозатрат требуется на разработку конкретных комплектов рабочей документации и отдельных видов проектных решений. Однако данный подход имеет существенное ограничение: формирование достаточно детализированной и репрезентативной статистической базы требует длительного периода накопления данных. До момента появления управленческий контроль оказывается ограничен в возможностях контроля предприятия, а руководители нередко вынуждены опираться на экспертную оценку начальников отделов [1]. Таким образом, возникает практическая задача: обеспечить раннюю аналитику трудозатрат в тот период, когда зрелая статистическая база еще не сформирована, но необходимость контроля сроков, загрузки подразделений и рисков перерасхода ресурсов уже существует. Такая задача актуальна для проектных институтов промышленного сектора, где состав объектов проектирования сложнее, а разнообразие проектных решений выше, чем в более типовых сегментах, например в гражданском строительстве.

В качестве методологии решения автором предлагается использовать комбинированный подход, основанный на обратном расчете трудозатрат и их последующем аналитическом контроле [2].

При этом обратный расчет трудозатрат производится по формуле: $ТЗ = \frac{СПР}{КС}$, где: *ТЗ* – трудозатраты, чел.-ч; *СПР* – стоимость проектных работ, руб.; *КС* – конвертационная ставка, руб./чел.-ч.

Аналитический контроль трудозатрат предлагается производить в рамках схемы, отображенной ниже (рисунок 1).

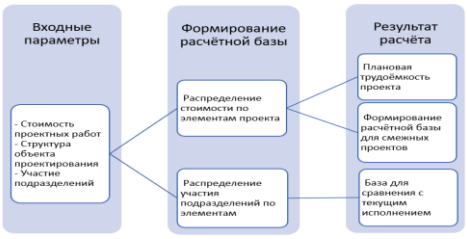


Рисунок 1. Концептуальная схема формирования плановой трудоемкости (разработано автором).

В основе предложенного подхода лежит не ожидание полного накопления статистики, а формирование расчетной базы уже на начальном этапе. Для этого могут использоваться стоимостные параметры проектных работ, внутренняя логика распределения участия подразделений, а также объектная декомпозиция проекта, позволяющая сопоставлять отдельные элементы рабочей документации. Такой подход соответствует общей логике структурирования проектных работ через декомпозицию и увязку структуры работ со стоимостным представлением проекта [2].

С практической точки зрения система ранней аналитики должна опираться на специализированный BI-инструмент, способный объединить расчетную модель, параметры структуры проекта, распределение участия подразделений и данные о текущем исполнении. Такой инструмент должен обеспечивать формирование плановой трудоемкости, ее детализацию по объектам и комплектам документации, а также последующую подготовку данных для аналитической среды и управленческого контроля. Принципиально важно, что в данном случае инструмент выполняет не только функцию расчета, но и роль цифровой основы для дальнейшего развития системы. Необходимость подобной интеграции аналитических контуров согласуется с современными требованиями к управлению проектами и портфелями, где качество управленческого решения существенно зависит от полноты и связанности информации [3].

Ожидаемый эффект от внедрения подобного подхода заключается, во-первых, в возможности раннего выявления отклонений по трудозатратам еще до накопления полноценной исторической базы. Во-вторых, повышается качество управленческих решений, так как руководитель получает не только экспертную оценку, но и расчетно-аналитическую опору для проверки плановых ориентиров. В-третьих, снижается риск перегрузки отдельных подразделений и связанного с этим нарушения сроков выполнения проектных работ. Кроме того, по мере накопления фактических данных система может последовательно уточнять собственную расчетную основу, что создает предпосылки для перехода от стартовой модели к более зрелой и точной аналитической среде.

Таким образом, ранняя аналитика трудозатрат в проектных институтах промышленного сектора возможна даже при дефиците исторических данных. Для этого не требуется ожидание статистического созревания базы, а требуется применение методологически выстроенного подхода, в котором обратный расчет трудозатрат сочетается с инструментами раннего выявления отклонений. Такой подход позволяет сделать управленческий контроль более устойчивым, своевременным и практически применимым уже на начальном этапе цифровизации процессов проектного управления. При этом эффективность подобного подхода усиливается за счет более структурированного представления проекта, в котором взаимосвязаны содержание работ, их декомпозиция и стоимостная логика.

Список источников

1. Евсеева М. В. Управление портфелем проектов и программ: современные требования // Известия Саратовского университета. 2019. 166 с.

2. Табаков Р.С. Автоматизированный расчет стоимости проектных работ // Проспект Свободный – 2025: материалы XX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. С. 2111–2112.

3. Интеграция структур распределения затрат и работ в управлении строительными проектами / Сересо-Нарваес А., Пастор-Фернандес А., Отеро Матео М. [и др.] // Прикладные науки MDPI. 2020. № 10. С. 1386.

УДК 658.7*004.9

Цифровая трансформация логистических бизнес-процессов на предприятиях золотодобывающей отрасли

Травницкая Елизавета Романовна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, etraveta@gmail.com

Ключевые слова: золотодобывающая отрасль, цифровая трансформация, цифровая логистика, логистический бизнес-процесс, архитектура данных, цифровая зрелость логистики.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Цифровая трансформация логистики в современных условиях выступает как комплексное преобразование системы управления материальными и информационными потоками предприятия,

© Травницкая Е. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

основанное на интеграции данных, цифровых технологий и аналитических инструментов. В добывающих отраслях, в том числе для предприятий золотодобывающей отрасли, логистика выходит за рамки вспомогательной функции и становится одним из ключевых факторов устойчивости операционной деятельности и непрерывности производственного цикла [1].

Современные исследования цифровизации логистики концентрируются, в основном, на внедрении отдельных технологий (цифровых платформ, систем аналитики, цифровых двойников, автоматизированных систем управления и других), при этом в меньшей степени раскрывают вопросы формирования целостной архитектуры цифровой логистики для предприятий с высокой пространственной распределенностью данных и процессов, а также ограниченными условиями доставки. В этой связи, как было установлено автором данного исследования, возникает необходимость разработки интегрированного подхода к цифровой трансформации логистических бизнес-процессов, учитывающего одновременно процессный, архитектурный, аналитический и риск-ориентированный аспекты управления. В рамках предложенного подхода логистика рассматривается как интегрированная система взаимосвязанных процессов, включающая планирование потребности в материально-технических ресурсах, закупочную деятельность, транспортное обеспечение, складское хранение, внутренние перемещения и аналитическое сопровождение [2]. Научная новизна такого подхода заключается в переходе от функционально-фрагментированной цифровизации к формированию целостной цифровой логистической системы предприятия (рисунок 1).

Рисунок 1. Целевая архитектура цифровой трансформации логистических бизнес-процессов (по материалам [4]).

Практическая реализация цифровой трансформации логистики целесообразно в рамках предложенного подхода представляется в виде многоуровневой архитектуры, объединяющей источники данных, информационные системы, интеграционный контур, аналитический слой и управленческий уровень. В отличие от локальной автоматизации отдельных операций, такая модель обеспечивает сквозную связанность процессов снабжения, хранения, транспортировки и контроля движения ТМЦ. Ключевое значение приобретает не наличие отдельных цифровых решений как таковых, а их включённость в единую архитектуру, в которой данные становятся основой для мониторинга отклонений, оценки рисков и принятия своевременных управленческих решений. Одним из центральных положений данного исследования является необходимость формирования единой архитектуры данных логистики предприятий золотодобывающей отрасли. Отсутствие согласованности между информационными системами, разрозненность справочников, дублирование данных и несогласованность статусов логистических операций приводят к снижению прозрачности процессов и ухудшению качества управленческих решений. В условиях цифровой трансформации именно архитектурная интеграция данных обеспечивает переход от локальной автоматизации к управляемой цифровой системе логистики [3].

Как было установлено в ходе проведенного исследования, существенное значение приобретает также переосмысление понятия цифровой зрелости логистики. В отличие от традиционного подхода, в котором зрелость определяется уровнем внедрения информационных технологий, предлагается рассматривать понятие зрелости логистики как совокупность характеристик, включающих степень формализации процессов, связанность данных, прозрачность логистических операций и способность системы обеспечивать принятие обоснованных управленческих решений. Предлагаемое толкование понятия цифровой зрелости логистики позволяет увязать цифровую трансформацию с повышением устойчивости логистических процессов и снабжения [4].

Дополнительным элементом научной новизны данного исследования является интеграция риск-ориентированного подхода в модель цифровой логистики. Для предприятий золотодобывающей отрасли критически важно не только реагировать на возникающие сбои, но и предотвращать их за счет повышения прозрачности поставок, контроля критичных позиций ТМЦ, прогнозирования дефицита и анализа логистических ограничений [3, 4].

Автором исследования обосновано, что цифровая трансформация логистических бизнес-процессов на предприятиях золотодобывающей отрасли должна рассматриваться как комплексное организационно-архитектурное преобразование, направленное на формирование единой системы управления потоками, данными и решениями. Результатом цифровой трансформации исследуемой сферы является не только повышение операционной эффективности, но и усиление устойчивости и конкурентоспособности предприятия золотодобывающей отрасли в условиях внешних и внутренних ограничений.

Список источников

1. Семенихин Д. Е. Инновационные тренды развития мировой горнодобывающей отрасли: цифровизация управленческих и операционных процессов. // Экономика и управление инновациями. 2023. № 2. С. 67–74.

2. Кренгауз И. Н. Цифровая трансформация логистики: тренды, вызовы и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2. С. 89–95.

3. Столяров А. Д. Цифровая трансформация логистики предприятия с использованием цифровых двойников // Вестник евразийской науки. 2024. № 3. С. 45–52.

4. Пяливанова Л. Н. Разработка и внедрение цифровых технологий для повышения устойчивости логистических цепочек поставок / Пяливанова Л. Н., Арабаджи М. Г. // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 6. С. 112–118.

УДК 374.32*004.9

Big Data и Moodle: практика применения, барьеры и перспективы в вузе

Федорова Наталья Владимировна[1], Данильченко Юрий Витальевич[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]nvfed@mail.ru
[2]ydanilchenko@sfu-kras.ru

Ключевые слова: образовательная организация, ФГАОУ ВО СФУ, большие данные (Big Data), учебная платформа, Moodle, LMS.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Алене Александровне Ступиной, профессору, д-ру техн. наук.

Современные образовательные организации активно внедряют цифровые инструменты для повышения качества обучения. Одной из самых популярных платформ для организации электронного обучения является Moodle, позволяющая не только создавать онлайн-курсы, но и накапливать большие объемы данных о деятельности студентов и преподавателей [1].

В исследовании рассматриваются вопросы, связанные с принципами сбора и анализа Big Data на платформе Moodle, а также с преимуществами и вызовами образовательных организаций, использующих данный ИТ-инструмент.

Big Data, как массивы данных значительных объемов, разнообразных форматов и высокой скоростью накопления при

© Федорова Н. В., Данильченко Ю. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

использовании в образовании помогают оптимизировать процессы, персонализировать обучение и принимать обоснованные управленческие решения [1]. К основным источникам больших данных в образовательной организации относятся данные учебных платформ и данные LMS: информация о прогрессе, активности, выполнении заданий, времени на выполнение; электронные журналы и дневники: оценки, посещаемость, пропуски; цифровые учебные материалы: статистика использования учебников, видео, тестов; частота обращений к разным разделам и многое другое. Ключевыми направлениями применения Big Data в образовании является: персонализация обучения, ранняя диагностика проблем, оптимизация учебного процесса, улучшение качества контента, принятие управленческих решений, поддержка трудоустройства выпускников, научные исследования [2].

Система Moodle, выбранная для анализа авторами данного исследования, позволяет генерировать разнообразные данные на каждом этапе обучения [3; 4]. Ключевыми источниками информации являются: активность пользователей: время входа и выхода из системы; частота посещений курсов; просмотр учебных материалов; результаты обучения: оценки за тесты, задания и экзамены; количество попыток выполнения заданий; прогресс прохождения курса (процент завершённых модулей); взаимодействие с контентом: открытие и скачивание файлов; участие в обсуждениях на форумах; комментарии и отзывы; коммуникация: сообщения в чатах и личных сообщениях; активность в групповых проектах; административные данные: списки студентов и преподавателей; роли и права доступа; статистика по курсам (количество участников, завершённость). Основными преимуществами Moodle можно отметить следующие: персонализация обучения – система имеет возможность рекомендовать студентам дополнительные материалы, если они долго изучают определенную тему или допускают ошибки в тестах;

автоматическое формирование индивидуальных траекторий – студентам с высоким уровнем знаний предлагаются усложненные задания; раннее выявление проблем: алгоритм отмечает студентов с низкой активностью (редкие входы в систему, пропуски дедлайнов), преподаватели при этом получают уведомления о рисках отчисления и могут предложить поддержку; обратная связь от студентов (анкеты) анализируется для корректировки программ; административное управление: прогнозирование нагрузки на преподавателей на основе количества курсов и студентов.

К основным проблемам в ходе использования Moodle относятся: технические сложности (интеграция, хранение, обработка данных), вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных студентов, недостаточная квалификация преподавателей и администраторов для работы с аналитикой, а также ограниченность стандартных инструментов Moodle для глубокого анализа.

Студенты также, как и преподаватели, часто противостоят внедрению Moodle из-за неудобного интерфейса, технических сбоев, отсутствия единых стандартов использования и недостаточной подготовки, что в сочетании с сопротивлением переменам и недоверием к сбору данных снижает мотивацию и вызывает негативное отношение к платформе. Авторами было проведено исследование – опрос студентов по теме «Применение больших данных в образовательной организации: проблемы и перспективы». В опросе приняли участие 67 студентов 2-3 курсов гуманитарного института ФГАОУ ВО СФУ (направление Реклама и связи с общественностью) в марте 2026 года. Результаты опроса по вопросам, связанным с недостатками самой системы и рисками использования данных, в том числе персональных, в Moodle приведены ниже (рисунок 1).

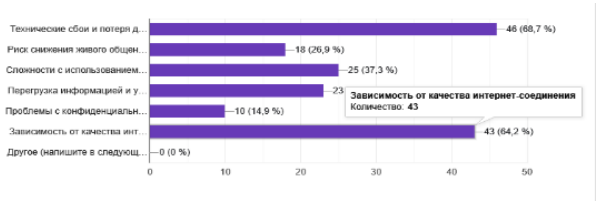


Рисунок 1. Результаты анкетирования по вопросу «Какие риски или недостатки использования Moodle вы считаете наиболее значимыми?» (составлено авторами).

Анализ анкетирования студентов, проведенный авторами исследования, позволил сформулировать вывод о том, что добиться качественных результатов внедрения системы Moodle, позволяющей использовать большие данные в полной мере для анализа всей собираемой информации возможно через обучение сотрудников работе с аналитическими инструментами, внедрение на платформу обучения дополнительных модулей для расширенной аналитики, разработки политики работы с данными в вузе, а также разработки мероприятий снижения сопротивления студентов.

Список источников

1. Горошко Е. И. Большие данные (Big Data) в образовании: перспективы и риски // Высшее образование в России. 2021. № 3. С. 45–53.

2. Федоров О. В. Цифровизация образования: проблемы внедрения электронных образовательных платформ // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16, № 1. С. 112–120.

3. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Академия, 2019. 192 с.

4. Кузнецов А. А. Использование системы Moodle для организации дистанционного обучения в вузе / Кузнецов А. А., Семенова В. Л. // Педагогика и психология образования. 2022. № 2. С. 78–89.

УДК 004.94*519.237

Математическая модель потокового сетевого трафика

Черный Артем Владимирович
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, chernyyavv@gmail.com

Ключевые слова: сетевой график, аномалия, сетевое событие, признак, вектор, трафик, кластер, кластерная структура, задача кластеризации.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Льву Александровичу Казаковцеву, профессору, доктору. техн. наук.

В задачах обнаружения аномалий важным этапом является построение математической модели нормального режима функционирования анализируемой системы [1]. Такая модель позволяет определить типичное поведение системы и выявлять наблюдения, существенно отклоняющиеся от него. В контексте анализа сетевого трафика нормальный режим функционирования характеризуется совокупностью сетевых событий, отражающих штатную работу сетевой инфраструктуры и стандартные взаимодействия пользователей и сервисов. Поток сетевых событий формируется в результате совокупности различных типов сетевых взаимодействий, каждый из которых может характеризоваться своими статистическими свойствами и формировать определенную группу наблюдений в пространстве признаков. В связи с этим нормальный сетевой трафик может быть представлен как

© Черный А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

совокупность нескольких кластеров многомерном пространстве признаков.

Пусть $X_t \in R^m$ – вектор признаков сетевого события, наблюдаемого в момент времени t. Предполагается, что нормальные наблюдения формируют в пространстве признаков несколько компактных групп. Каждая такая группа характеризуется своим центром и параметрами распределения наблюдений. Формально модель нормального режима функционирования системы может быть представлена в виде суммы распределений: $P^{(0)}(X) = \sum_{j=1}^{k} \pi_j P_j(X)$, где k – число кластеров нормального трафика, π_j – вес j – го кластера, характеризующий долю наблюдений данного типа, $P_j(X)$ – распределение наблюдений внутри j- го кластера [2–3]. Параметры π_j удовлетворяют условиям: $\pi_j \geq 0, \sum_{j=1}^{k} \pi_j = 1$. Каждому кластеру соответствует центр $\mu_j \in R^m$, определяющий среднее значение признаков наблюдений внутри данного кластера. Таким образом, центр кластера может быть определен как математическое ожидание распределения $P_j(X)$: $\mu_j = E[X|X \in C_j]$, где C_j – множество наблюдений, принадлежащих j – му кластеру.

Для оценки степени принадлежности наблюдения кластеру используется расстояние между вектором признаков наблюдения и центром кластера. В качестве меры расстояния в большинстве практических задач кластерного анализа применяется евклидова метрика: $d(x, \mu_j) = \| x - \mu_j \|$ [3]. В этом случае наблюдение относится к тому кластеру, центр которого находится на минимальном расстоянии от данного наблюдения. Модель кластерной структуры нормального сетевого трафика может быть описана с помощью функционала кластеризации, отражающего суммарное отклонение наблюдений от центров кластеров. Для множества наблюдений $X = \{x_1, x_2, \dots, x_n\}$ функционал кластеризации может быть записан в виде: $J = \sum_{j=1}^{k} \sum_{x_i \in C_j} \| x_i - \mu_j \|^2$. Минимизация

данного функционала соответствует поиску такой структуры кластеров, при которой наблюдения внутри каждого кластера максимально близки к его центру [3-4]. В условиях потокового анализа данных количество наблюдений может быть очень большим или потенциально неограниченным. Поэтому вместо суммирования по конечной выборке удобно использовать вероятностную формулировку функционала кластеризации. В этом случае функционал может быть представлен в виде математического ожидания $J(\mu) = E\left[\frac{min}{1\le j\le k}\left\|X-\mu_j\right\|^2\right]$, где $\mu = (\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_k)$ – вектор центров кластеров.

Задача построения модели нормального режима функционирования сети может быть сформулирована как задача минимизации данного функционала: $\frac{min}{\mu_1,\dots,\mu_k} J(\mu)$. Решение этой задачи позволяет определить параметры кластерной структуры, описывающей нормальное поведение системы с модификацией для потоковых данных [5]. В вероятностной постановке функционал кластеризации может быть записан следующим образом: $J(\mu_1, \dots, \mu_k) = E\left[\frac{min}{1\le j\le k}\left\|X-\mu_j\right\|^2\right]$, где математическое ожидание берется по распределению наблюдений X. Задача кластеризации заключается в поиске таких значений центров кластеров, при которых значение функционала J минимально: $\frac{min}{\mu_1,\dots,\mu_k} J(\mu_1, \dots, \mu_k)$.

Задача потоковой кластеризации состоит в построении алгоритма последовательного обновления параметров кластерной модели, обеспечивающего минимизацию функционала кластеризации при ограничениях на вычислительные ресурсы и объем памяти [6]. Особенностью потоковой постановки задачи является также возможность изменения статистических характеристик данных во времени с адаптацией алгоритма расчета. После построения кластерной модели нормального трафика становится возможным выявление аномальных наблюдений в

предположении, что аномальные события не принадлежат ни одному из кластеров нормального режима или находятся на значительном расстоянии от их центров.

Представленная модель нормального режима функционирования сети является основой для построения алгоритмов потоковой кластеризации, позволяющих адаптивно обновлять параметры кластерной структуры по мере поступления новых наблюдений.

Список источников

1. A survey on concept drift adaptation / Gama J., Žliobaitė I., Bifet A. [et al.] // ACM Computing Surveys. 2014. Vol. 46, № 4. Art. 44. P. 1–37.

2. Learning under concept drift: A review / Lu J., Gama J., Žliobaitė I. [et al.] // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 2019. Vol. 31, № 12. P. 2346–2363.

3. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности / Айвазян С. А., Бухштабер В. М., Енюков И. С. [и др.] ; под редакцией Айвазяна С. А. Москва : Финансы и статистика, 1989. 607 с.

4. Шелухин О. И. Сравнительный анализ характеристик обнаружения аномалий трафика методами кратномасштабного анализа / Шелухин О. И., Панкрушин А. В. // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2014. № 6. С. 65–70.

5. Белов А. Р. Методология оценки точности интерполяционных моделей в инженерных расчетах / Белов А. Р., Тимофеев Р. С. // Надежность и качество: труды международного симпозиума. 2023. С. 112–118.

6. Конин А. В. Кластеризация статистических характеристик сетевого трафика для обнаружения аномалий / Конин А. В., Коробейников А. В. // Информационные технологии в науке, промышленности и образовании: сборник трудов научно-

технической конференции. Ижевск: ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2016. Вып. 4. С. 54–59.

УДК 338.46*004.94

Модель управления портфелем инвестиционных проектов частной медицинской клиники на основе прогнозной аналитики финансовой устойчивости

Чернышева Елизавета Владимировна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lizachernysheva13@mail.ru

Ключевые слова: управление портфелем проектов, медицинская организация, прогнозная аналитика, финансовая устойчивость, инвестиционные проекты.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

Современный рынок медицинских услуг характеризуется высокой конкуренцией, ростом требований пациентов к качеству обслуживания и необходимостью постоянного обновления материально-технической базы. Руководство частных клиник сталкивается с необходимостью выбора направлений развития из множества альтернативных проектов: открытие новых отделений, приобретение дорогостоящего оборудования, внедрение цифровых сервисов, запуск дополнительных услуг [1].

© Чернышева Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Ключевая проблема заключается в том, что существующие подходы к отбору проектов опираются либо на субъективные экспертные оценки, либо на традиционные финансовые показатели (ROI, NPV, срок окупаемости). При этом не учитывается совокупное влияние портфеля проектов на общую финансовую устойчивость бизнеса [2]. Кроме того, отсутствует интеграция с методами прогнозной аналитики, позволяющими оценивать будущие риски и возможности. В результате руководители клиник принимают решения в условиях неполной информации, что приводит к следующим последствиям: неоптимальное распределение ресурсов между проектами, повышенная уязвимость организации к рыночным колебаниям, потеря конкурентных позиций из-за неверного выбора приоритетов развития.

Для решения проблемы предлагается разработать и внедрить модель управления портфелем проектов медицинской клиники на основе прогнозной аналитики финансовой устойчивости.

В рамках предлагаемого подхода разрабатывается интегрированная модель, объединяющая методы прогнозной аналитики, многокритериальной оценки и оптимизации для формирования сбалансированного портфеля проектов.

На основе ретроспективных данных клиники (финансовая отчетность, CRM-данные, операционная статистика) строятся прогнозные модели, позволяющие оценивать влияние изменений ключевых факторов (загрузка врачей, стоимость привлечения пациента) на итоговые финансовые результаты. Используются методы регрессионного анализа, анализа временных рядов и машинного обучения (градиентный бустинг, случайный лес). Далее каждый потенциальный проект оценивается по группам критериев: финансовые (NPV, IRR, срок окупаемости), стратегические (соответствие целям развития) и риск-ориентированные (вклад в снижение рисков, влияние на диверсификацию доходов). Для

интеграции разнородных критериев предлагается использовать метод анализа иерархий [3].

На завершающем этапе задача выбора оптимального набора проектов формулируется как задача линейного программирования с ограничениями по бюджету, кадровым ресурсам и временным горизонтам, а целевая функция максимизирует интегральный эффект от реализации портфеля с учетом прогнозируемого влияния на показатели финансовой устойчивости (ликвидность, платежеспособность, рентабельность) [4].

Результаты моделирования визуализируются в виде дашборда, позволяющего руководству оценивать различные сценарии и отслеживать ключевые показатели.

Внедрение разработанной модели в деятельность медицинской организации обеспечит комплексный эффект. Использование прогнозных моделей для отбора проектов позволит повысить обоснованность инвестиционных решений и снизить долю неэффективных вложений. С управленческой точки зрения руководство получает прозрачный, основанный на данных инструмент для принятия стратегических решений. Сокращается доля субъективных решений, снижается влияние человеческого фактора при приоритизации проектов, а время на формирование и пересмотр портфеля сокращается за счет автоматизации процессов оценки и оптимизации. Модель позволяет прогнозировать влияние портфеля на ключевые показатели устойчивости, что дает возможность своевременно выявлять и предотвращать риски потери платежеспособности.

Список источников

1. Ключевые тенденции рынка медицинских услуг России в 2025 году // ЭКЦ «ИнвестПроект». 2025. URL: https://transblok.ru/articles/okhrannye-uslugi-informatsionnye-

materialy/novinki-i-trendy-v-okhrannykh-tekhnologiyakh-2024/ (дата обращения: 15.01.2026).

2. Павлов А. Н. Управление портфелями проектов на основе стандарта PMI The Standard for Portfolio Management. Изложение методологии и рекомендации по применению. Москва: Лаборатория знаний, 2025. 215 с.

3. Савченкова Е. В. Алгоритмы систем предиктивного моделирования в финансовом анализе / Савченкова Е. В., Черняев М. А., Терешин К. А. // Управленческий учет. 2025. № 11. С. 574–581.

4. Разумов Д. А. Многокритериальная оценка проектов больших сложных систем методом агрегированных рандомизированных индексов с предпочтениями // Информация и космос. 2025. № 2. С. 86–96.

УДК 343.7*338.1*004.9

Цифровая трансформация бизнес-процессов: современные тенденции и роль интеллектуальных систем в финансовых расследованиях

Чубарев Станислав Васильевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, napetrova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровая трансформация, бизнес-процесс, финансовое расследование, машинное обучение, искусственный интеллект (ИИ), система поддержки принятия решений (СППР), антифрод, риск, управление.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Каячеву Геннадию Федоровичу, профессору, д-ру экон. наук.

В условиях цифровизации трансформация бизнес-процессов становится ключевым фактором эффективности и устойчивости организаций. Более 70% компаний внедряют цифровые стратегии, однако лишь около 30% достигают значимых результатов [1; 2].

Особую актуальность это приобретает в финансовом секторе: в 2023 году около 47% организаций столкнулись с экономическими преступлениями, а объем предотвращенных операций в России в 2024 году превысил 13 трлн. руб. (+35%) [3–6]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость перехода к интеллектуальным технологиям управления в сфере финансовых

© Чубарев С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

расследований для повышения точности обнаружения мошенничества, выявления корреляций и прогнозирования рисков.

Анализ мировой экономической преступности показывает рост мошенничества: более 60% компаний сообщают о росте преступности и аналогичная тенденция наблюдается в России [3; 4]. Объем незаконных транзакций продолжает расти из-за цифровизации преступных схем [3; 4]. На основе анализа данных о глобальной экономической преступности за 2024 год можно сделать вывод, что экономические преступления стремительно растут [3–6]. Согласно исследованию PwC Global Economic Crime and Fraud Survey за 2024 год [3], 64% мировых компаний сообщили о росте экономических преступлений. Аналогичная тенденция наблюдается и в России, о чем свидетельствуют данные Центрального банка Российской Федерации и Росфинмониторинга (рисунок 1).

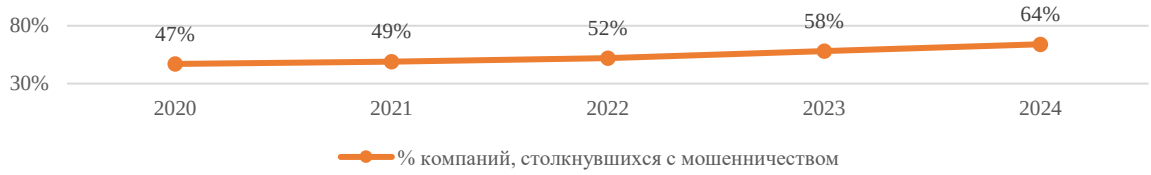


Рисунок 1. Динамика случаев мошенничества в глобальных организациях за 2020-2024 гг. % (на материалах [4–6]).

Финансовые преступления остаются серьезной проблемой для мировой экономики, демонстрирующей устойчивый рост [3]. В этом контексте цифровая трансформация бизнес-процессов становится ключевым направлением развития, позволяющим перейти к гибким интеллектуальным системам управления и СППР. Сохранение традиционных подходов снижает эффективность финансовых расследований: до 42% случаев выявляется случайно, значительная часть времени тратится на обработку данных, а на выявление мошенничества уходит до 12-18 месяцев [3–6].

Фрагментация данных также приводит к потере информации [7]. Переход на цифровые технологии с использованием ИИ может снизить потери от мошенничества до 50% и ускорить расследования в 2-3 раза. В целом, цифровая трансформация повышает прозрачность, снижает затраты и облегчает переход к проактивному управлению рисками [3]. В России за 2020-2024 годы количество финансовых преступлений выросло на 35%, а ущерб превысил 350 млрд. рублей [4]. Наиболее распространены: кибермошенничество, незаконные переводы и схемы отмывания денег. Несмотря на развитие инструментов финансового мониторинга, традиционные методы анализа данных демонстрируют недостаточную эффективность, так как не способны обрабатывать большие объемы информации и быстро адаптироваться к новым видам мошеннических схем. Категории финансовых преступлений, оказывающие наибольшее влияние на экономику, а также угрозы, требующие приоритетного внимания, отображены ниже (рисунок 2).

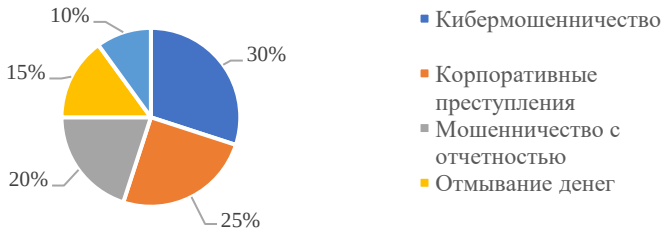


Рисунок 2. Распределение ущерба от финансовых преступлений, % (на материалах [4–6]).

Таким образом, цифровая трансформация бизнес-процессов является необходимым условием повышения эффективности управления в современных организациях. В сфере финансовых расследований это обеспечивает переход от реактивной модели управления рисками к превентивной.

Интеграция интеллектуальных технологий, таких как машинное обучение, графический анализ и интеллектуальные

СППР, значительно повышает точность анализа данных, снижает финансовые потери и повышает качество управленческих решений. Предложенный подход к интеграции интеллектуальных технологий в бизнес-процессы организаций с целью повышения их прозрачности, управляемости и устойчивости к мошенническим операциям может служить основой для построения современных систем финансовых расследований и управления экономической безопасностью в организациях для повышения общей эффективности управления и эффективного выявления финансовых рисков.

Список источников

1. Цифровая трансформация. Рынок // Researchnester. 2026. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/digital-transformation-market/3624 (дата обращения: 15.01.2026).

2. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / под редакцией Агамирзяна И. Р., Гохберга Л. М., Зининой Т. С., Рудника П. Б. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 156 с.

3. Global Economic Crime Survey // PwC Global. 2026. URL: https://www.pwc.com/gx/en/services/forensics/economic-crime-survey.html (дата обращения: 10.01.2026).

4. Аналитика. Исследования // Tadviser. 2026. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_TAdviser (дата обращения: 10.01.2026).

5. Natalia Zarutskaya, the UK assessed the damage from fraudsters in the first nine months of 2024 // Vedomosti. 2024. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/12/05/1079559-sk-otsenil-uscherb-ot-moshennikov (дата обращения: 14.01.2026).

6. The top trends in tech 2023 // McKinsey. 2023. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/tech-and-ai/our-insights/the-top-trends-in-tech-2023 (дата обращения: 14.01.2026).

7. AI in Financial Fraud Detection Report // IBM. 2026. URL: https://www.ibm.com/think/topics/artificial-intelligence-finance (дата обращения: 15.01.2026).

УДК 519.6*004.942

Устойчивость аппроксимации рядами Фурье данных цифровой тени автоматизированных процессов к пропускам

Чумаков Иван Сергеевич
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия, ivanchumakov222@yandex.ru

Ключевые слова: аппроксимация рядами Фурье, дискретное преобразование Фурье, явление Гиббса, цифровая тень, цифровой двойник, оконные функции, автоматизированные процессы.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Льву Александровичу Казаковцеву, профессору, д-ру техн. наук.

В современных автоматизированных процессах цифровая тень (ЦТ) генерирует большие объемы данных, однако их аналитическая ценность снижается из-за неполноты: пропусков, сбоев и артефактов [1]. Ручное восстановление ЦТ неэффективно в большинстве случаях [1; 2]. Существующие методы (линейная интерполяция, NUFFT, Lomb–Scargle) либо теряют эффективность при доле пропусков более 30–40% либо требуют сложной настройки [3–5]. Применение рядов Фурье позволяет сохранять до 40% спектральных компонент, но прямое использование ДПФ при пропусках усиливает эффект Гиббса [6]. В силу вышеотмеченного

© Чумаков И. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

автором данного исследования была поставлена цель – применение количественного анализа устойчивости метода аппроксимации рядами Фурье с оконными функциями к пропускам до 50% на примере данных ПИД-регулятора с фильтром Калмана–Летова.

Для дискретных данных ЦТ используется дискретное преобразование Фурье (ДПФ), переводящее последовательность x[n] в частотную область X[k] [7]. Восстановление сигнала выполняется обратным ДПФ. При наличии пропусков для вычисления коэффициентов Фурье применяется численное интегрирование методом трапеций (порядок точности $O(h^2)$) [8]. При этом предварительно производится аппроксимация данных непрерывной функцией (линейная регрессия методом наименьших квадратов) [9]. Для подавления явления Гиббса (выбросов до 9% от скачка вблизи разрывов) используются оконные функции: Фейера, Ханна, Хэмминга и Ланцоша, умножаемые на коэффициенты Фурье [6; 7]. Исходными данными настоящего исследования послужил временной ряд выходного сигнала «w_Калман» ПИД-регулятора с фильтром Калмана–Летова, содержащий 130 285 точек.

Процедура проверки устойчивости заключалась в следующем. Сначала выполнялась эталонная аппроксимация на полном наборе данных (0% пропусков) с использованием 65 гармоник и заданной оконной функции, после чего вычислялась сумма восстановленных значений S_0. Затем из полной выборки случайным образом без возвращения удалялась доля точек с шагом 5% (от 5% до 50%). Для каждой доли проводилось 10 независимых прогонов с разными реализациями удаления. На каждом усеченном наборе заново выполнялась аппроксимация, вычислялись сумма S, относительная погрешность $\delta=|(S - S_0)/S_0|\cdot 100\%$ и среднеквадратичная ошибка RMSE. Метод считался устойчивым, если при удалении до 50% данных δ не превышала 5%, а RMSE оставалась в пределах 5% от размаха сигнала. Метод реализован на C++ в виде DLL для расчета ДПФ с автоматизацией всех этапов тестирования. Анализ проведен

автором данной работы для случаев без окна и с окнами Ханна, Хэмминга, Фейера, Ланцоша. При удалении до 50% точек средняя относительная погрешность δ не превысила 0,03%, что на два порядка ниже установленного порога (5%). Это свидетельствует о высокой устойчивости метода. Наименьший разброс результатов (σ_δ<0,005% при удалении до 20%) показало окно Фейера. С ростом доли удаления средняя RMSE закономерно увеличивается (до 2,64 при 50%), но ее нормированное значение остается в пределах 0,3% от размаха сигнала, подтверждая сохранение частотной структуры. Применение оконных функций снижает погрешность в 1,5–2 раза по сравнению с аппроксимацией без окна. Пример сводных результатов анализа устойчивости метода аппроксимации для окна Фейера представлен ниже (таблица 1).

Таблица 1. Сводные результаты анализа устойчивости метода аппроксимации рядами Фурье для окна Фейера

Доля удаления, %	**Среднее количество оставшихся точек, ед.**	**Средняя относительная разность, %**	**Стандартное отклонение**	**Средняя RMSE**
0	130285	0.0	0.0	0.0
10	117257	0.0068	0.00667	0.8544
20	104228	0.0065	0.00604	1.30422
30	91199	0.01519	0.011	1.7151
40	78171	0.02773	0.01674	2.12863
50	65143	0.0242	0.01868	2.63997

График зависимости δ от процента удаления для окна Фейера показывает стабильно низкую погрешность (менее 0,03%) во всем диапазоне с незначительным ростом при экстремальных пропусках.

Разработанный метод позволяют количественно оценить устойчивость аппроксимации рядами Фурье с оконными функциями к пропускам данных. Экспериментально подтверждено,

что метод сохраняет высокую точность (δ <0,03%) даже при удалении до 50% наблюдений. Рекомендовано использование окна Фейера для минимизации разброса результатов. Полученные результаты могут быть использованы при построении цифровых двойников и систем мониторинга автоматизированных процессов, где критично сохранение частотных характеристик сигнала при неизбежной неполноте данных.

Список источников

1. Little R. Statistical Analysis with Missing Data / Little R., Rubin D.; 3rd ed. New York: Wiley, 2019. 462 p.

2. García S. Data Sets and Proper Statistical Analysis of Data Mining Techniques / García S., Luengo J., Herrera F. // Data Preprocessing in Data Mining. 2015. Vol. 72. P. 19–38.

3. Numerical Fourier Analysis / Plonka G., Potts D., Steidl G. (eds.). Cham: Springer, 2018. 356 p.

4. Compressed Sensing: Theory and Applications / Eldar Y. C., Kutyniok G. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 556 p.

5. Yan B. NUFFT-Based Iterative Image Reconstruction via Alternating Direction Total Variation Minimization for Sparse-View CT / Yan B., Jin Z., Zhang H. // Computational and Mathematical Methods in Medicine. 2015. Vol. 2015, № 3. P. 1–9.

6. Рамазанов А.-Р.К. О явлении Гиббса для рациональных сплайн-функций / Рамазанов А.-Р. К., Рамазанов А. К., Магомедова В. Г. // Труды Института математики и механики УрО РАН. 2020. Т. 26, № 2. С. 238–251.

7. Латыпова Н. В. Ряды Фурье: учебное пособие / Латыпова Н. В., Тучинский Л. И. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 150 с.

8. Азиева Л. Д. Сравнительный анализ методов численного интегрирования квадратурными формулами / Азиева Л. Д.,

Бисултанова Т. А. // Тенденции развития естественных наук. 2022. № 2. С. 95–102.

9. Ерошевич К. В. Линейная регрессия. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2022. 120 с.

УДК 004.89*654.073

Анализ процесса технической поддержки с помощью нотации BPMN

Штейнгарт Мария Евгеньевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 383masha@gmail.com

Ключевые слова: регламент, техническая поддержка, бизнес-процесс, модель, нотация, BPMN, алерт, SVG-диаграмма.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Сергеевне Карасевой, доценту, канд. техн. наук.

Техническая поддержка в компаниях операторов связи играет критическую роль, поскольку напрямую влияет на качество обслуживания клиентов и, как следствие, на финансовые результаты бизнеса [1]. Целью исследования является повышение эффективности российских операторов связи на основе разработки единого формализованного регламента работы службы технической поддержки в исследуемом сегменте деятельности (на примере российской компании ООО «Связьком» [2]).

© Штейнгарт М. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Для разработки модели регламента была использована нотация BPMN [3]. Разработанный регламент объединяет существующие диаграммы и устраняет выявленные логические разрывы. В исследуемой компании функционирует отдел технической поддержки, который обслуживает клиентские платформы, включая SMSC, HUB, системы межоператорского взаимодействия (SS7, SMPP) и другие сервисы. Именно на материалах этого отдела – чек-листах, диаграммах, таблицах распределения нагрузки и внутренних регламентах – проводился анализ и строилась формализованная модель процесса. Процесс работы технической поддержки на момент начала исследования был описан в нескольких несвязанных между собой документах [4]. В распоряжении отдела имелись чек-листы для планирования работ и передачи смен, содержащие перечни действий без четкой привязки к ролям и временным рамкам. Также существовал markdown-документ, описывающий систему обучения и аттестации сотрудников, который, однако, не был интегрирован с операционными процессами. Отдельно велись Excel-таблицы с распределением нагрузки по платформам и матрицы SLA, определяющие время реакции в зависимости от приоритета заявки. Наконец, имелись крупные SVG-диаграммы, визуализирующие потоки обработки алертов и запросов заказчиков. Такое раздельное существование документов приводило к тому, что сотрудники ориентировались на разные источники, а целостное понимание процесса отсутствовало.

При детальном анализе SVG-диаграмм были выявлены несколько логических разрывов, препятствующих последовательному выполнению процесса без дополнительных устных разъяснений, к которым относятся следующие:

1) в обработке срочных алертов отсутствовал шаг уведомления заказчика о начале работ, тогда как в ветке запросов заказчика такое уведомление присутствовало;

2) цикл поиска решения был незавершенным: в блоке коллективного поиска при ответе «НЕТ» стрелка вела в «никуда», не описывая дальнейшие действия;

3) при передаче задачи от одного специалиста к другому, диаграмма не определяла, кто остается ответственным за сроки и коммуникацию с заказчиком, что приводило к потере контроля над заявками;

4) отсутствовал блок документирования новых решений, хотя в отдельном документе «Система обучения и аттестации» – эта обязанность была прямо закреплена за сотрудником;

5) в ходе сопоставления различных версий документов были обнаружены противоречия, создающие риски при эскалации задач (например, в двух файлах по распределению нагрузки и обязанностей содержались разные данные о том, какие специалисты отвечают за какие платформы – такие расхождения в документации, призванной регламентировать распределение нагрузки, ставили под угрозу корректную эскалацию и приводили к тому, что в критической ситуации мог быть привлечен не тот специалист).

В рамках проведения научных исследований и работ предложен подход к формализации исследуемого процесса, включающий три этапа: анализ и нормализация существующих артефактов, проектирование процесса в нотации BPMN и устранение выявленных логических разрывов [5]. В процессе моделирования были внесены доработки, согласованные с руководителем отдела регламентации ООО «Связьком» (таблица 1).

Таблица 1. Способы решения проблем процесса технической поддержки ООО «Связьком» (составлено автором)

Выявленная проблема	**Предложенное решение**
Отсутствие уведомления заказчика при срочных алертах	Добавлен шаг «Уведомить заказчика о начале проверки» в течение 5-10 минут

Окончание таблицы 1.

Выявленная проблема	**Предложенное решение**
Незавершенный цикл поиска решения	Добавлены варианты: эскалация на уровень разработки или формальный ответ заказчику с новым сроком
Размытая ответственность при эскалации	Введен параллельный шлюз: специалист решает технически, сотрудник ТП остается ответственным за коммуникацию и сроки
Отсутствие документирования новых решений	Добавлен шлюз «Решение новое?» и задача «Внести в базу знаний / создать задачу на документирование»

Разработанный BPMN-регламент обработки алертов позволяет решить ключевые проблемы, выявленные в ходе анализа процессов технической поддержки операторов связи России. Предложенный подход к формализации исследуемых процессов, основанный на нотации BPMN и учитывающий специфику оператора связи, может быть тиражирован на аналогичные подразделения в телеком-индустрии. Дальнейшее развитие работы предполагает внедрение регламента в эксплуатацию, сбор метрик эффективности и итерационную оптимизацию процесса на основе полученных данных.

Список источников

1. Связь (рынок России) // Tadviser. 2026. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D1%8C_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8) (дата обращения: 12.01.2026).

2. Официальный сайт // Связьком. 2026. URL: https://svyazcom.ru/ (дата обращения: 13.01.2026).

3. Фазылова Л. Н. Интеллектуальные экосистемы оптимизации вспомогательных процессов ИТ-компаний на примере

SmartBackOffice / Фазылова Л. Н., Барбаков Г. В. // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 8. С. 195–205.

4. Развитие методологии моделирования бизнес-процессов с использованием нотации BPMN / Егорова А.А., Егоров Р.В., Тебекин П.А. [и др.] // Журнал технических исследований. 2024. № 3. С. 38–53.

5. Баранов И. Н. Обзор и сравнительный анализ BPMN-систем для роботизации бизнес-процессов // Современные инновации, системы и технологии. 2022. № 2 (3). С. 139–149.

УДК 004.89*336.71

Разработка мобильного приложения «Мой кешбэк» для автоматизации выбора банковской карты с максимальной выгодой

Штейнгарт Мария Евгеньевна[1], Гравдан Иван Сергеевич[2]
[1] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 383masha@gmail.com
[2] Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ivan.gravdan@mail.ru

Ключевые слова: клиентоцентричность, кешбэк, ИТ-решение, мобильное приложение, автоматизация, банковская карта, программа лояльности, MCC-код, геолокация, чек, финансовый ассистент, партнерская программа, инвестиционный анализ, окупаемость, B2B2C, Freemium, минимально жизнеспособный продукт (MVP).

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Татьяне Сергеевне Карасевой, доценту, канд. техн. наук.

В настоящее время большинство экономически активных россиян являются держателями нескольких банковских карт. По данным Ассоциации российских банков, 52% граждан пользуются двумя и более дебетовыми картами, что создает объективную потребность в инструментах для эффективного управления программами лояльности [1]. Однако существующие решения –

© Штейнгарт М. Е., Гравдан И. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

финансовые агрегаторы (Банки.ру, Сравни.ру) – предлагают лишь информацию для сравнения, а мобильные приложения банков ограничены продуктами одного кредитного учреждения [2; 3]. В результате пользователи вынуждены вручную отслеживать меняющиеся условия кешбэка, что приводит к потерям времени и недополучению денежных средств.

Для устранения выявленных проблем авторами разработана пилотная версия мобильного приложения «Мой кешбэк», которое автоматически анализирует условия кешбэка по всем банковским картам пользователя и в реальном времени дает рекомендацию о наиболее выгодном способе оплаты.

В рамках исследования были решены следующие задачи: проведен анализ рынка и конкурентов, определены сегменты целевой аудитории, разработана финансовая модель и дорожная карта проекта по разработке ИТ-решения, создан дизайн-прототип интерфейса в Figma, сформировано техническое задание для разработки MVP.

Разработанное приложение обладает следующими функциональными возможностями:

1) централизованное подключение банковских карт пользователя с отображением накопленного кешбэка по каждому банку;

2) автоматическое определение категории магазина по геолокации и MCC-коду для точного подбора актуальных акций;

3) сканирование QR-кода на кассе с мгновенным выводом рекомендации: какая карта обеспечит максимальный кешбэк в данной точке;

4) анализ электронных чеков (с согласия пользователя) для выявления несоответствий категорий списания и учета онлайн-покупок;

5) детальная статистика по накопленному кешбэку в разрезе банков, категорий и месяцев.

Техническая реализация приложения базируется на стеке: фронтенд – Vue.js 3 с использованием PrimeVue UI Kit, бэкенд – PHP Laravel, база данных – PostgreSQL, сборка мобильных версий – Ionic Capacitor. Такой выбор обеспечивает кроссплатформенность (единый код для iOS и Android), высокую производительность и безопасность хранения данных.

Одним из ключевых ограничений ИТ-решения является доступ к актуальной информации о кешбэке пользователя. Прямая интеграция с банковскими API на старте невозможна из-за высоких требований к аккредитации, поэтому в MVP планируется использование технологии безопасного парсинга данных с согласия пользователя.

Экономическая эффективность ИТ-решения подтверждена расчетами на основе методов инвестиционного анализа [4]. При стартовых инвестициях 1,3 млн. руб. прогнозируемая чистая приведенная стоимость (NPV) составляет 1,8 млн. руб., внутренняя норма доходности (IRR) – 27%, срок окупаемости с учетом дисконтирования – 3,8 года. Стратегия монетизации основана на модели Freemium: бесплатный базовый функционал и платная подписка (150 руб./мес.) за расширенную аналитику, а также партнерские отчисления банков (B2B2C) за привлечение клиентов. Планируемый эффект от внедрения – сокращение времени, затрачиваемого пользователем на выбор карты для оплаты, с нескольких минут до 5-10 секунд, а также предотвращение недополучения кешбэка в среднем на 300-500 руб. в месяц на одного активного пользователя.

Разработанное мобильное приложение позволяет производить клиенту (пользователю) автоматический выбор банковской карты с максимальной выгодой, тем самым повышая клиентоцентричность банковского обслуживания.

Список источников

1. Одна карта – уже не норма, 52% россиян пользуются двумя и более дебетовыми картами // АРБ (Ассоциация российских банков).
2025. URL: https://arb.ru/b2c/fun/odna_karta_uzhe_ne_norma_52_rossiyan_polzuyutsya_dvumya_i_bolee_debetovymi_karta-10687451/ (дата обращения: 27.01.2026).

2. Банки.ру : официальный сайт. 2026. URL: https://www.banki.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

3. Подбор и сравнение финансовых продуктов // Сравни. 2026. URL: https://www.sravni.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

4. Касьяненко Т. Г. Экономическая оценка инвестиций: учебник и практикум для вузов / Касьяненко Т. Г., Маховикова Г. А. Москва: Юрайт, 2026. 439 с.

УДК 004.9*658.011.56*657.1.014

Автоматизация процесса формирования управленческой отчетности по управлению складскими запасами с использованием low-code платформы Loginom

Якушенко Анастасия Сергеевна[1], Ивкина Ольга Александровна[2]
[1, 2] Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]yakushenko2804@list.ru
[2]Olgaivkinaa@mail.ru

Ключевые слова: управленческая отчетность, дашборд, low-code платформа, Loginom, ETL-процесс, складская учетная система.

Благодарности: авторы выражают благодарность научному руководителю Роману Ивановичу Кузьмичу, доценту, канд. техн. наук.

В современных условиях эффективное управление складскими запасами является критическим фактором для предприятий нефтегазового сектора. Своевременное формирование управленческой отчетности позволяет принимать обоснованные решения, минимизировать издержки и снижать риски дефицита или избытка материально-технических ресурсов. Однако на многих предприятиях процессы подготовки отчетности по складским запасам остаются неэффективными с точки зрения автоматизации и цифровой трансформации, что приводит к увеличению трудозатрат, высокой вероятности ошибок и задержкам в принятии управленческих решений [1].

© Якушенко А. С., Ивкина О. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Для выявление ключевых причин неэффективной организации управленческой отчетности авторами выполнен анализ деятельности ООО «Славнефть-Красноярскнефтегаз». Предприятие осуществляет деятельность по добыче и подготовке углеводородного сырья, сопровождающуюся значительными объемами складских операций. В настоящее время формирование управленческой отчетности по складским запасам на объекте исследования ведется с использованием ручного сбора данных из различных учетных систем и последующей обработки в MS Excel. Такой подход характеризуется высокой трудоемкостью, сложностью обеспечения актуальности данных и недостаточной гибкостью при изменении аналитических разрезов отчетности [2].

Для решения указанных проблем на объекте исследования авторами предлагается внедрение ИТ-решения на базе low-code платформы Loginom [3]. Выбор платформы обусловлен возможностью быстрой разработки и адаптации процессов обработки данных без необходимости написания сложного программного кода, а также наличием встроенных средств интеграции с существующими корпоративными информационными системами [4]. Применение low-code подхода позволяет сократить время внедрения и снизить зависимость от узкоспециализированных разработчиков [3; 4].

Этапы разработки авторами ИТ-решения для целей дальнейшего системного масштабирования процессов управления запасами производственных предприятий следующие:

1) анализ существующих процессов управления складскими запасами и формирование требований к отчетности;

2) проектирование модели данных и источников их получения (ERP-системы, складские учетные системы);

3) разработка ETL-процессов в среде Loginom для сбора, очистки и трансформации данных [5];

4) настройка автоматизированного формирования отчетных форм (остатки, оборачиваемость, движение ТМЦ);

5) организация визуализации результатов в виде интерактивных дашбордов;

6) тестирование и оценка эффективности внедрения решения.

Проектируемое решение обеспечивает следующие функциональные возможности:

1) автоматический сбор и консолидацию данных из различных источников (1С, SAP, файловые хранилища) с использованием встроенных коннекторов Loginom [3];

2) формирование управленческой отчетности по складским запасам в разрезе номенклатурных групп, мест хранения, материально-ответственных лиц с возможностью настройки произвольных аналитических разрезов [6; 7];

3) визуализацию ключевых показателей эффективности складской деятельности (оборачиваемость запасов, уровень дефицита, динамика поступления и выбытия) в виде дашбордов с возможностью детализации [6–8];

4) автоматическое обновление отчетности по заданному регламенту (ежедневно, еженедельно, ежемесячно) с рассылкой результатов заинтересованным лицам;

5) экспорт сформированных отчетов в форматы Excel, PDF для последующего использования в корпоративных системах документооборота.

Прогнозируемый эффект от внедрения разработанного ИТ-решения в функционал автоматизированной системы на базе Loginom включает: сокращение времени на формирование сводной управленческой отчетности по складам с 5–6 часов до 30–40 минут в месяц, снижение трудозатрат сотрудников планово-экономического отдела и отдела материально-технического снабжения, а также повышение точности и актуальности предоставляемых данных. Ожидаемый возврат от инвестиций (ROI)

оценивается положительно в течение первого года эксплуатации системы [9]. Дополнительным эффектом является возможность оперативной корректировки состава отчетности при изменении потребностей управления без привлечения разработчиков на основе подхода low-code.

Список источников

1. Проценко О. Д. Управление складскими запасами: методы и модели // Логистика и управление цепями поставок. 2018. № 5. С. 34–41.

2. Loginom – аналитическая low-code платформа, которая позволяет проводить анализ данных любого уровня сложности без программирования // Loginom. 2026. URL: https://loginom.ru (дата обращения: 07.02.2026).

3. Производство // СлавНефть. 2026. URL: https://www.slavneft.ru/production/exploration/2026 (дата обращения: 15.01.2026).

4. Поллак Г. А. Практический курс анализа данных на платформе Loginom: учебное пособие / Поллак Г. А., Прохорова И. А. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 208 с.

5. Яковлев В. Б. Анализ данных в аналитической платформе Loginom: учебное пособие. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2020. 184 с.

6. Документация по платформе Fine BI // Fine BI. 2026. URL: https://help.fanruan.com/finebi-en/ (дата обращения: 20.02.2026).

7. Рындина С. В. Основы анализа больших массивов данных (ML-платформа Loginom): учебно-методическое пособие. Пенза: ПГУ, 2023. 80 с.

8. Отчеты и аналитические задачи по запасам и складу // Microsoft Build. 2026. URL: https://learn.microsoft.com/dynamics365/business-central/inventory-wms-reports (дата обращения: 27.01.2026).

9. Шеходанов Д. Расчет ROI при внедрении информационной системы // Открытые системы. 2009. № 4. 4 с.

УДК 004.8*640.433

The teaching process and evaluating student performance based on systems analysis

Chunyang Wang
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, 424000278@qq.com

Keywords: business process, teaching process, systems analysis, optimizing, GERT network, high-dimensional data (HDD), artificial intelligence (AI) technology, Principal Component Analysis (PCA), K-means, Clustering, Visualization.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the scientific supervisor Alena Aleksandrovna Stupina, professor, doctor of technical sciences.

Against the backdrop of digital transformation in business processes, teaching activities in higher education are gradually transitioning from being experience-driven to data-driven. In traditional teaching models, instructors' assessments of student learning progress often rely on subjective experience. This approach lacks a systematic framework and quantifiable support, making it difficult to effectively implement teaching decisions in complex and ever-changing instructional settings. From a systems analysis perspective, the teaching process is essentially a dynamic business process composed of multiple interrelated and interacting components, whose operational effectiveness is constrained by a combination of uncertainties, including individual student differences and variations in teaching implementation. Therefore, conducting systematic analysis and targeted optimization of teaching processes under conditions of uncertainty has

© Chunyang W., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

become a key breakthrough for driving digital transformation in education [1-3].

In recent years, the application of artificial AI technology in the education sector has garnered increasing attention. However, most existing research focuses on complex model construction or large-scale data processing scenarios, resulting in practical challenges such as high application barriers and difficulties in implementation within the actual teaching environments of general higher education institutions. In contrast, lightweight data analysis methods that incorporate systems analysis principles are better suited to conventional teaching systems characterized by limited resources and complex structures [4]. Within this research framework, the teaching process can be interpreted as a process system composed of several core nodes, specifically encompassing key stages such as course instruction, assignment completion, formative assessment, and final grade output. From a system modeling perspective, the structure of this teaching process bears a high resemblance to network models with probabilistic branching characteristics. Its operational behavior can be analogized to a process network with random path selection properties. This core feature aligns closely with the modeling philosophy of the GERT network model for the systematic analysis of teaching processes [5-6].

To validate the feasibility and effectiveness of the method proposed in this paper, the study constructed a small-scale student dataset covering core assessment indicators such as classroom attendance, homework completion, and final grades for 30 to 50 students. All data underwent standardization preprocessing, effectively eliminating dimensional differences between metrics and ensuring the reliability and accuracy of subsequent analysis results [7-9]. The K-means clustering algorithm is used to accurately identify different student groups, which are then analyzed using descriptive and statistical methods to provide an in-depth interpretation and attribution analysis of the learning characteristics of each group (Figure 1 (A)).

A B

Figure 1. Clustering results (Compiled by the author: A - Results of student performance based on attendance and final scores, B - PCA visualization clusters).

As shown in Figure A, students exhibit distinct clustering patterns across the two core dimensions of attendance and final scores, with clear boundaries between different student groups. To more clearly present the overall clustering structure and eliminate information redundancy caused by HDD, this paper employs PCA to perform dimensionality reduction on the multidimensional student data (Figure 1(B)).

Compared to the clustering results in the original two-dimensional space, the visualization following PCA-based dimensionality reduction more clearly reveals the boundary structures between different student groups, further validating the validity and reliability of the K-means clustering results. These results indicate that, within a multidimensional feature space, students' academic performance exhibits relatively stable structural characteristics, whereas a two-dimensional projection may obscure some critical information.

Building on this, this paper further identifies «atypical learning paths» within the teaching system, specifically instances where certain students exhibit significant inconsistencies across different learning metrics. Overall, this paper adopts a systems analysis perspective to organically integrate student performance evaluation with teaching process optimization, proposing a lightweight, interpretable research method with strong practical value. The innovation of this paper does not lie in breakthroughs in the algorithms themselves, but rather in the innovative application of uncertain process modeling concepts and data-driven methods to educational scenarios, providing a new implementation pathway for the digital transformation of higher education business processes. Future research could, based on expanded

data sets, introduce more complex network models and advanced AI algorithms to conduct deeper modeling and optimization analyses of teaching processes, thereby further enhancing the generalizability and practical value of the research conclusions.

References

1. Romero C. Educational Data Mining: A Review of the State of the Art / Romero C., Ventura S. // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. 2010. Vol. 40, № 6. P. 601–618.

2. Romero C. Data Mining in Education / Romero C., Ventura S. // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2013. Vol. 3, № 1. P. 12–27.

3. Baker R. S. Data Mining for Education // International Encyclopedia of Education. Oxford: Elsevier, 2010. P. 112–118.

4. Siemens G. Learning Analytics: The Emergence of a Discipline // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57, № 10. P. 1380–1400.

5. Baker R. S. The State of Educational Data Mining in 2009: A Review and Future Visions / Baker R. S., Yacef K. // Journal of Educational Data Mining. 2009. Vol. 1, № 1. P. 3–17.

6. Dutt A. A Systematic Review on Educational Data Mining / Dutt A., Ismail M. A., Herawan T. // IEEE Access. 2017. Vol. 5. P. 15991–16005.

7. Calvet L. L. Educational Data Mining and Learning Analytics: Differences, Similarities and Evolution / Calvet L. L., Juan Pérez Á. // Universities and Knowledge Society Journal. 2015. № 12 (3). P. 98–112.

8. Ramaswami M. A CHAID Based Performance Prediction Model in Educational Data Mining / Ramaswami M., Bhaskaran R. // International Journal of Computer Science. 2010. Vol. 7, № 1. P. 10–18.

9. Han J. Data Mining: Concepts and Techniques / Han J., Kamber M., Pei J.; 3rd ed. Amsterdam: Elsevier, 2012. 740 p.

Цифровое право: вызовы, решения, перспективы

УДК 346

Правовое регулирование цифровой валюты как одного из направлений развития сети «Интернет» в Российской Федерации

Ахтямова Мария Наилевна
Юридический институт, Красноярский край, Красноярск, Россия, mari.akhtyamova.00@mail.ru

Ключевые слова: цифровая валюта, крипто-валюта, виртуальная валюта, цифровые активы, сеть «Интернет», правовое регулирование.

Правовое регулирование сети «Интернет» в Российской Федерации имеет несколько направлений. При этом развития пиринговых технологий, включая майнинг, является одним из ключевых, поскольку цифровые валюты прочно вошли в мировую экономику, выступая альтернативными источниками средств накопления капитала как индивидуальных пользователей, так и компаний. Это обстоятельство диктует потребность в создании и внедрении качественного правового регулирования данной сферы общественных отношений.

До 2018 года в российском законодательстве не были урегулированы вопросы цифровой валюты.

Первым шагом в регулировании криптовалют в Российской Федерации является принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ [4].

Правовой статус цифровой валюты — острая тема для экспертов и исследователей, ведь электронные платежи стали

© Ахтямова М. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

обыденностью, в том числе в России. Главная сложность — определение криптовалюты как децентрализованного актива.

В большинстве стран, включая Россию, криптовалюта не имеет легального статуса и запрещена как средство платежа из-за высоких рисков для пользователей и экономики. Банк России подробно обосновал эти риски и невозможность интеграции криптовалюты в правовое поле.

Как справедливо полагает В. С. Осипова, ключевое отличие криптовалюты от цифровых валют — её абстрактность и децентрализация: операции неконтролируемы, что сулит как прибыль, так и убытки, а государственные гарантии отсутствуют.[2] В России криптовалюта не легализована, в отличие от того же цифрового рубля, признанного официальным платёжным средством.

При этом, как отмечает Ситник А. А., на сегодняшний день в науке, зарубежном законодательстве и документах различных международных организаций для обозначения рассматриваемого в настоящей статье объекта в основном используются два понятия — «криптовалюты» и «виртуальные валюты». Необходимость введение нового, «оригинального» понятия — цифровая валюта — представляется весьма сомнительной. Исследователь полагает, что в дальнейшем это приведет лишь к ненужной путанице — «цифровая валюта» не сможет до конца вытеснить из оборота устоявшиеся термины «криптовалюта» и «виртуальная валюта».[3]

Следующим шагом является принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Принятый Федеральный закон регулирует вопросы майнинга цифровых валют в России. В частности, указанный нормативный акт устанавливает, что операторы майнинговой инфраструктуры и лица, которые производят майнинг ("майнеры") должны включаться в реестры Минцифры.

В Федеральном законе № 259-ФЗ также закреплены понятия майнинга, майнинг-пула, майнинговой инфраструктуры и адреса-идентификатора, а также требования к участникам майнинга и организаторам пулов. Кроме того, отменяется запрет на получение цифровой валюты при её выпуске или в виде вознаграждения за подтверждение записей.

В настоящее время в Госдуму внесён законопроект «О цифровой валюте и цифровых правах» [1] (вступление в силу запланировано на 1 июля 2026 года), а также ряд сопутствующих поправок в действующее законодательства. Согласно проекту, операции с цифровой валютой будут разрешены только через лицензированные биржи и торговые системы, а учёт прав — через цифровые депозитарии, включённые в реестр Банка России. На рынке появятся брокеры, управляющие компании и криптообменники, которые смогут работать только при соблюдении требований ЦБ, включая минимальный объём операций и капитал.

К торгам на российских биржах, согласно законопроекту, будут допущены только криптовалюты, соответствующие критериям Банка России по капитализации, объёму торгов и прозрачности ценообразования. Для граждан вводится разделение на квалифицированных и неквалифицированных инвесторов: последним потребуется пройти тестирование и соблюдать лимиты на покупку (ранее обсуждался порог до 300 тыс. руб. в год), а также приобретать только валюты из перечня ЦБ.

За нелегальный майнинг и нарушение правил работы криптообменников законопроектом предусмотрена административная и уголовная ответственность, включая крупные штрафы и лишение свободы. Криптовалюта не признаётся средством платежа внутри страны, за исключением отдельных внешнеторговых сделок и операций между майнерами.

Цифровые права, в соответствии с законопроектом, делятся на

финансовые, утилитарные и гибридные. Их использование как средства оплаты внутри страны запрещено, кроме внешнеторговых сделок.

Подводя итог исследованию, можно прийти к выводу о том, что правовое регулирование цифровых валют в Российской Федерации в настоящее время находится на этапе своего становления. Принципиально новая, стремительно развивающаяся сфера общественных отношений требует повышенного внимания и оперативной реакции законодателя на все происходящие изменения.

Список источников

1. Законопроект Р ИСО/МЭК 9126-93. Информационная технология. Оценка программной продукции. Характеристика качества и руководства по их применению (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 28.12.1993 № 267). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. Осипова В. С. Цифровая валюта: отличие криптовалюты от цифровой валюты // Альманах «Крым». 2024. № 2. С. 113–118.

3. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11 (120). С. 103–113.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

5. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4917.

УДК 343.235

Юридический анализ пункта «ф» части 1 статьи 63 УК РФ

Бояринцев Алексей Алексеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: программно-аппаратные средства, виртуальная частная сеть, VPN, прокси-сервер, анонимайзер.

Научно-технический прогресс влечёт за собой ускорение общественной жизни благодаря совершенствованию средств передачи и хранения информации в различных формах. Однако интеграция современных технологий во все сферы неизбежно приводит и к компьютеризации преступности. В результате, наряду с появлением принципиально новых киберпреступлений, ранее известные преступления также начинают совершаться с применением компьютерных средств.

Отсюда возникает потребность усиления борьбы с этими преступлениями. С 01.09.2025 использование при совершении преступления программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен признается отягчающим наказание обстоятельством.

Введение рассматриваемого отягчающего обстоятельства — это адаптация уголовного законодательства к цифровой эре. Однако на данный момент судебной практики по рассматриваемому новому обстоятельству, отягчающему наказание, нет, что усложняет его анализ.

© Бояринцев А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Средства массовой информации обозначили это изменение как усиление ответственности за использование VPN [2], прокси-серверов и других анонимайзеров при совершении преступления. Данные технологии могут использоваться при совершении преступления в целях затруднения установления личности преступника и его местоположения.

Прокси-сервер действует как посредник. При заходе на любую интернет-страницу данный сервис сам инициирует обращение к ресурсу, подменяя исходный IP-адрес пользователя своим. Благодаря этому достигается анонимность, однако направляемые данные при этом не кодируются.

Виртуальная частная сеть (VPN), в свою очередь, работает как защищённый замаскированный туннель, который кодирует весь интернет-трафик пользователя, гарантируя полную конфиденциальность. При этом данные перенаправляются через VPN-серверы, которые расположены в разных уголках мира. Это одновременно маскирует IP-адрес и шифрует любую передаваемую информацию. Это делает отслеживание действий пользователя практически невозможным.

Однако, исходя из используемой в тексте закона терминологии, не все так однозначно. Использование физическим лицом VPN, прокси серверов и других анонимайзеров может не означать использование именно программно-аппаратных средств доступа.

Обычный пользователь информационных технологий, как правило, скачивает на свой смартфон, ноутбук или другой гаджет программу, либо же просто меняет настройки во внутреннем программном обеспечении. Во всех случаях пользователь, используя технологии анонимайзеров, взаимодействует исключительно с программными средствами.

Согласно ГОСТу Р ИСО/МЭК 9126-93, программно-аппаратные средства – это технические средства, содержащие компьютерную

программу и данные, которые не могут изменяться средствами пользователя [1]. Таким образом, программно-аппаратные средства доступа – это неразрывная связка технических устройств и программного обеспечения, созданная для решения конкретных задач. В данном случае это обеспечение доступа к различным информационным ресурсам.

Программно-аппаратные средства могут применяться во многих сферах. Самым простым примером программно-аппаратных средств являются банкоматы и светофоры. Данные устройства работают именно благодаря неразрывной связки программного обеспечения и технического средства (железа), в которое установлено данное ПО, а пользователи данных устройств никак не могут изменять их.

Однако в Приказе Роскомнадзора от 01.07.2025 № 149 данный термин имеет другое определение. Исходя из смысла пункта 1 данного приказа, программно-аппаратные средства – это информационно-телекоммуникационные сети, информационные ресурсы, посредством которых обеспечивается доступ к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации [3]. То есть по смыслу данного определения речь идет исключительно об программном обеспечении.

Стоит отметить, что ФЗ № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» также содержит определения рассматриваемой терминологии. Так, согласно статье 1.1 технические средства делятся на аппаратные, программные и программно-аппаратные средства [4]. Это согласовывается с определением, указанным в ГОСТе Р ИСО/МЭК 9126-93, но приводит к расхождению с определением, содержащимся в Приказе Роскомнадзора от 01.07.2025 № 149.

Таким образом, можно сделать вывод, что терминология, используемая в новом пункте статьи 63 УК РФ, применяется также и в других сферах. Поэтому в законодательстве отсутствует определение, которое несло бы смысловое единство данной терминологии во всех сферах одновременно. Сложившаяся ситуация в настоящее время затрудняет применение нового пункта «ф» части 1 статьи 63 УК РФ на практике в связи с неоднозначностью дефиниции программно-аппаратных средств.

Список источников

1. ГОСТ Р ИСО/МЭК 9126-93. Информационная технология. Оценка программной продукции. Характеристика качества и руководства по их применению (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 28.12.1993 № 267). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2026).

2. Лапунин М. М. Уголовно-правовые запреты относительно оборота средств, используемых для посягательств в сфере компьютерной информации: законодательные новеллы и их потенциал // Вестник СГЮА. 2025. № 5 (166). С. 191–197.

3. Приказ Роскомнадзора от 01.07.2025 № 149. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2026).

4. Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 343.98.067

Применение технологии блокчейн при расследовании преступлений в цифровом пространстве

Воробьев Семён Игоревич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, stepcha1975@yandex.ru

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, анонимность, транзакции, децентрализация, противоправные действия, криптография.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Сергею Иосифовичу Гутнику, доценту, канд. юрид. наук.

Благодаря механизмам анонимизации и шифрования информации в сети, преступники получили возможность действовать, скрывая свою личность и содержание переговоров. Широкое распространение удаленного доступа привело к тому, что значительная часть противоправных действий переместилась в цифровое пространство.

С развитием новых форм виртуальных социальных взаимодействий блокчейн-технология стала актуальным решением для защищённой передачи данных. Её принцип работы, лежащий в основе криптовалют, заключается в объединении транзакций в последовательные блоки, которые связываются в цепочки [1].

Все операции, подтверждаемые посредством асимметричной криптографии, фиксируются в базе в открытом виде без применения шифрования. При этом целостность и защищенность

© Воробьев С. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

данных обеспечиваются криптографическими методами благодаря построению хеш-связей между блоками [2].

Идентификация участников в блокчейне базируется на криптографических алгоритмах и применении цифровой подписи, благодаря чему все операции привязываются к конкретным криптографическим ключам.

Блокчейн выполняет функцию неизменяемого регистра, фиксирующего все без исключения операции с криптовалютными средствами. В момент перевода активов генерируется блок, содержащий данные об этой транзакции, который затем прикрепляется к предшествующим звеньям цепи.

Если злоумышленник попытается скорректировать какие-либо уже внесенные данные, это неминуемо повлечет изменение соответствующего хеша, что, по принципу цепной реакции, нарушит целостность всех последующих связей и сделает фальсификацию очевидной для участников сети [5]. Блокчейн-технология и основанная на ней криптовалюта привлекли внимание преступных элементов. Механизм работы криптовалют в блокчейне имитирует прямой обмен ценностями, аналогичный расчёту наличными, но осуществляемый дистанционно через интернет.

Ключевое различие определяется наличием или отсутствием гарантирующей стороны. Электронные деньги в классическом понимании всегда обеспечены обязательствами конкретного эмитента перед держателем, а их обращение требует услуг расчетных агентов, сетевых операторов и эквайринговых компаний.

Н. В. Макарчук, высказываясь по этому вопросу, дополняет: «эмиссия криптовалют осуществляется самими пользователями и не обусловлена внесением денежных средств оператору системы. Да и сам оператор фактически отсутствует. Есть лишь разного рода посредники: биржи, обменные пункты, торговые площадки» [4].

Как отмечает Д.А. Кочергин: «виртуальные валюты, в отличие от традиционных форм электронных денег, представляют электронную стоимость, номинированную в новой валютной единице, а не в национальной валюте — законном средстве платежа» [3].

С технологической точки зрения криптовалюты отличаются децентрализованной архитектурой и открытым программным кодом, обеспечивающим прозрачность операций.

Данные распределенного реестра раскрывают картину не сами по себе, а в связке с вещественными доказательствами. К примеру, обнаружение и исследование программ на персональных компьютерах или мобильных телефонах, через которые подозреваемый взаимодействовал с биржами, позволяет привязать конкретный кошелек к физическому лицу.

Поскольку криптобиржи обычно фиксируют IP-адреса пользователей, правоохранительные органы могут идентифицировать владельцев кошельков, участвовавших в преступных операциях.

Таким образом, несмотря на техническую анонимность, блокчейн оставляет полный и неизменный след всех транзакций. Хотя личность инициатора перевода может быть неизвестна, само движение средств поддаётся отслеживанию, что помогает выявлять связи и восстанавливать цепочки финансовых операций.

Для результативного подавления нелегальной активности в экосистеме блокчейна органам правопорядка следует организовать продуктивное взаимодействие с компаниями, работающими с криптовалютами.

Урегулирование данной проблемы требует межведомственного взаимодействия, а также продолжения исследований, привлечения общественности к дискуссии и формирования единообразной стратегии, нацеленной на

недопущение использования передовых финансовых технологий преступными группировками.

Список источников

1. Красоусская П. Д. Понятие технологии блокчейн и ее правовая природа / П. Д. Красоусская, Я. Г. Бигалиева // Юридическая наука. 2024. № 12. С. 174–177.

2. Лунтовская М. А. Технологии блокчейн: понятие и принципы работы // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2020. Т. 19, № 2. С. 72–80.

3. Вильянов С. Блокчейн: есть ли жизнь после хайпа? // Bankir.ru. 2017. URL: https://clck.ru/3UHLsb (дата обращения: 09.03.2026).

4. Макарчук Н. В. Проблемы определения правовой природы криптовалюты // Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 02 июня 2016 года. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 369–374.

5. Кочергин Д. А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, № 1. С. 119–140.

УДК 347

Смарт-контракты в сфере децентрализованных финансов: правовые вызовы для российского регулятора и практика применения

Гомонов Егор Олегович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, weiss.ritter.eg@gmail.com

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, договорное право, цифровизация, правовая природа, автоматизация сделок, гражданский оборот.

Развитие информационных технологий во второй половине XX века привело к новой промышленной трансформации общества. Становление постиндустриального уклада шло рука об руку с внедрением в общественные отношения новых технологий. В 1990-е, активно начали распространяться интернет-технологии, что вносило существенные изменения в жизни многих людей.

На фоне внедрения интернета в жизнь в последнее десятилетие XX века возникла идея «смарт-контрактов». Ник Сабо, один из первопроходцев в интернет-технологиях, сформулировал идею смарт-контрактов. Он описал смарт-контракт как «транзакционный протокол, составленный с помощью компьютера, который исполняет условия договора». В основе концепции смарт-контрактов лежит возможность встраивания ряда договорных условий (например, залога, поручительства, разграничения прав собственности) непосредственно в аппаратно-программную среду, с которой взаимодействуют стороны. Это делается с целью сделать

© Гомонов Е. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нарушение контракта финансово обременительным — вплоть до заведомо неподъёмных для нарушителя издержек. Вместе с тем, стоит отметить, что в силу распространения технологии распределенного реестра первоначальная идея смарт-контракта претерпела значительные изменения.

Однако законодатель, по замечаниям Иващенко Е. С., не оставил попыток «модернизировать» правовое регулирование и внес изменения в ст. 160, 309 и 434 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), заложив тем самым основы для дальнейшего совершенствования законодательства в данном направлении [1]. Законодатель ввел в ст. 309 ГК РФ ключевую предпосылку для дальнейшего развития регулирования смарт-контрактов – исполнение обязательств по сделке «путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки» [2]. Иващенко Е. С. также подчеркивает, что данная норма стала краеугольным камнем в существовании умных контрактов, как проявления механизма автоматизации сделок. Учитывая, что законодатель сделал большой шаг в легализации смарт-контракта как элемента гражданского оборота, все равно остались проблемы регулирования, требующие своего решения. В частности, речь идет о характерной черте смарт-контрактов – преимущественной анонимности сторон. Анонимность сторон сделки — один из ключевых драйверов популяризации блокчейна.

Одна из ключевых особенностей смарт-контракта, и вместе с тем потенциальный проблемный аспект, — это то, что смарт-контракт представляет собой код программы, который фиксирует те или иные факты. Данная ситуация может порождать риски в гражданском обороте, связанные с защитой прав и интересов сторон. Речь идет о противоречии между гибкостью гражданских правоотношений и математической строгостью кода. Функционирование умных контрактов основано на однозначности условий, заложенных в программу, благодаря чему договор

выполняется [3]. На практике еще неизвестно, не трансформируется ли эта беспристрастность в формализм. Традиционный договор, как правило, сохраняет определенный «люфт» для свободного волеизъявления, что создает неповторимую гибкость классических правоотношений. В смарт-контрактах же идет исключительно фиксация факта, из-за чего его в литературе иногда называют способом исполнения прав и обязанностей сторон, а не отдельным видом договора [4].

Таким образом, учитывая отсутствие единой позиции относительно природы смарт-контрактов как в доктрине, так и в законодательной практике, можно констатировать, что регулирование умных контрактов находится еще на ранней стадии. Такое положение дел возникает силу неоднозначности отношения регулятора к технологии распределенного реестра, а также к применению смарт-контрактов в гражданском обороте. Помимо этого, возникают вопрос утилитарного характера: как на практике использовать смарт-контракты так, чтобы учитывать интересы сторон правоотношений, проявляя достаточную гибкость. На этот вопрос законодатель должен ответить однозначно (вводя четкую терминологию, признаки и др.), поскольку его позиция может как порождать, так и сокращать предпосылки популяризации смарт-контрактов на практике, в отношениях участников гражданского оборота, что в свою очередь определяет благоприятность правовой среды для дальнейшего развития децентрализованных финансов как одного из драйверов развития цифровой экономики.

Список источников

1. Иващенко Е. С. Смарт-контракты и блокчейн в российском праве // Право и государство: теория и практика. 2025. С. 378–380.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026): в 4 ч. Ч. 1.

3. Мифтяхетдинов А. Т. Правовая природа смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. 2024. С. 173–186.

4. Паньшина Е. В. Смарт-контракт в предпринимательской деятельности: подходы к пониманию правовой природы // Юриспруденция, закон и порядок. 2025. С. 34–37.

УДК 343.631

Право на забвение как механизм защиты от сталкинга: правовая природа и проблемы реализации

Емельянова Алина Алексеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: право на забвение, сталкинг, навязчивое преследование, персональные данные, удаление информации, неприкосновенность частной жизни.

В условиях цифровизации общественных отношений персональные данные приобретают особую ценность, выступая одновременно ресурсом и объектом повышенных рисков. Активное использование онлайн-сервисов, социальных сетей и иных цифровых платформ обусловливает формирование обширного цифрового следа личности. Доступность таких данных создает предпосылки для злоупотреблений, в том числе для осуществления сталкинга – систематического навязчивого преследования, сопровождающегося психологическим воздействием на жертву.

Сталкинг в современном виде тесно связан с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Цифровая

© Емельянова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

среда существенно расширяет инструментарий преследователя: от сбора сведений о частной жизни до отслеживания перемещений и установления нежелательного контакта. В этих условиях особую значимость приобретает институт права на забвение как средство ограничения распространения информации о лице в сети Интернет.

Право на забвение представляет собой юридически закрепленную возможность субъекта требовать удаления или ограничения доступа к информации о себе, распространяемой в цифровом пространстве. В российском праве данный механизм закреплен в статье 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]. Норма предусматривает право гражданина обратиться к оператору поисковой системы с требованием прекратить выдачу ссылок на информацию, если она является недостоверной, распространяется с нарушением закона либо утратила актуальность.

Юридическая природа права на забвение носит комплексный характер. С одной стороны, оно выступает как элемент права на неприкосновенность частной жизни, с другой – как инструмент регулирования информационных отношений. В контексте противодействия сталкингу данный институт приобретает превентивное значение, поскольку позволяет ограничить доступ к персональным данным, используемым преследователем [2].

Ключевыми критериями применения права на забвение являются недостоверность сведений, утрата их актуальности, незаконность распространения, а также наличие угрозы правам и законным интересам субъекта [3]. Процедура реализации включает подачу заявления оператору поисковой системы с указанием конкретных ссылок и обоснованием необходимости их удаления. Закон устанавливает ограниченные сроки рассмотрения таких обращений, однако фактическая практика демонстрирует значительную вариативность в подходах к их оценке.

В условиях сталкинга право на забвение выполняет важную защитную функцию. Удаление информации о месте проживания, работе, контактах и иных аспектах частной жизни существенно затрудняет сбор данных преследователем. Это способствует снижению риска дальнейшего воздействия, ограничивает возможности киберпреследования и уменьшает психологическое давление на жертву. Таким образом, рассматриваемый институт выступает не только средством восстановления нарушенных прав, но и инструментом предупреждения правонарушений.

Несмотря на значительный потенциал, реализация права на забвение сталкивается с рядом проблем, носящих как технический, так и юридический характер. Технические ограничения обусловлены особенностями функционирования сети Интернет. Даже при удалении ссылок из поисковой выдачи информация может сохраняться в кэше, архивах веб-страниц или быть доступной через альтернативные поисковые системы. Это существенно снижает эффективность правового механизма, поскольку не обеспечивает полного устранения доступа к сведениям.

Юридические проблемы связаны прежде всего с оценочным характером критериев применения права на забвение. Понятие «утраты актуальности» не имеет четкого законодательного определения, что приводит к неоднозначности правоприменительной практики. Дополнительные сложности возникают в связи с отсутствием унифицированной процедуры рассмотрения заявлений различными операторами поисковых систем, а также необходимостью подачи отдельных обращений в каждую из них.

Особого внимания заслуживает отсутствие ускоренных процедур удаления информации в ситуациях, когда её распространение создает непосредственную угрозу безопасности лица. В контексте сталкинга временной фактор имеет критическое

значение, поскольку промедление может привести к усугублению последствий преследования. Действующий механизм не в полной мере учитывает данную специфику.

Анализ показывает, что эффективность права на забвение в противодействии сталкингу напрямую зависит от уровня развития законодательства о персональных данных и механизмов их защиты [3]. Усиление контроля обработки персональных данных, повышение ответственности операторов, а также расширение прав субъектов данных способны существенно повысить уровень защищенности личности в цифровой среде.

Перспективным направлением является совершенствование уголовно-правового регулирования. Введение самостоятельных составов правонарушений, связанных со сталкингом и незаконным использованием персональных данных в целях преследования, позволило бы учесть специфику данных деяний и обеспечить более эффективное привлечение виновных к ответственности.

Не менее важным является регулирование деятельности цифровых платформ. Возложение на них обязанности по оперативному удалению противоправного контента, блокировке аккаунтов, используемых для преследования, а также взаимодействию с правоохранительными органами может существенно повысить эффективность защиты жертв сталкинга. Дополнительным инструментом может выступать внедрение механизмов идентификации пользователей, способствующих установлению личности нарушителя.

Совершенствование института права на забвение требует комплексного подхода. Необходимы разработка четких критериев опасной информации, упрощение процедуры подачи и рассмотрения заявлений, а также создание единого механизма взаимодействия с поисковыми системами. Важную роль могут сыграть технологические решения, включая автоматизированные системы мониторинга и инструменты выявления рисковых данных.

Таким образом, право на забвение представляет собой значимый, но недостаточно реализованный инструмент защиты от сталкинга. Его потенциал обусловлен возможностью ограничения доступа к персональной информации, однако существующие правовые и технические ограничения препятствуют достижению полной эффективности. Дальнейшее развитие данного института должно быть направлено на формирование сбалансированной модели, обеспечивающей надлежащий уровень защиты частной жизни при сохранении принципов свободы информации в цифровом пространстве.

Список источников

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 09.03.2026).

2. Корнилова Т. В. Ответственность за сталкинг (преследование) в России и за рубежом / Т. В. Корнилова, Ж. Э. Емельянова // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3 (37). С. 100–106.

3. Brimblecombe F Regaining digital privacy? The new «right to be forgotten» and online expression/ Brimblecombe F, Phillipson G. // Canadian Journal of Comparative and Contemporary Law. 2018. Vol. 4, № 1. P. 1–66.

УДК 347

NFT-токен как объект правового регулирования

Ершова Валерия Анатольевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vershova-yy20@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: блокчейн, токены, невзаимозаменяемые токены, цифровые права, утилитарные цифровые права.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Татьяне Юрьевне Сидоровой, доценту, канд. юрид. наук.

Феномен невзаимозаменяемых токенов, сформировавшихся как самостоятельная цифровая категория, в период 2021-2022 годов стал объектом пристального изучения как со стороны широкой общественности, так и в рамках научной юридической дискуссии.

Несмотря на их существование уже около десяти лет, значительное распространение они получили в 2021 году в ответ на первое полностью цифровое NFT-произведение художника Beeple, проданное крупным аукционным домом Christie's за 69,3 млн долларов [1].

В связи с возросшим экономическим интересом к NFT-токену возникает необходимость определения его регулирования в правовой системе Российской Федерации.

Говоря о самом понятии «токен», Л.А. Новоселова в своей работе указывает, что это «виртуальные единицы, которыми оперирует блокчейн». Под блокчейном данный автор понимает

© Ершова В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

«тип электронной базы данных, который включает ряд записей и группирует их в блоки» [2].

Опираясь на данные базовые определения, логично перейти от теоретической природы токенов к их практическому применению. Этой теме уделяет внимание французский автор Ксавье Лавейсьер, который выделяет три вида токенизации активов:

- прямая токенизация – токен является основной формой актива и воплощает юридически закреплённые права (например, ценные бумаги, деньги, право собственности);

- косвенная токенизация – выпускается новый токен, обеспеченный базовым активом (например, недвижимое имущество, стейблкоины);

- неполная токенизация – токен выступает цифровым «двойником» и используется как доказательство или инструмент учёта, но сам по себе имеет ограниченную или нулевую юридическую ценность (например, системы, дублирующие информацию о владельце ценных бумаг) [3].

Международный Валютный фонд, используя критерий функциональности, подразделяет токены на три типа: платежные токены, утилитарные токены и токены безопасности (ценные бумаги) [4].

Ключевые различия между ними обусловлены назначением, которое стороны определяют для конкретного токена. Так, платежные токены ориентированы на выполнение роли средства оплаты или перевода. Утилитарные токены, действуя по принципу ваучера, обеспечивают доступ к цифровым сервисам и функциям в рамках блокчейн-экосистемы. Токены безопасности представляют собой цифровой эквивалент традиционных ценных бумаг, таких как акции и облигации [Там же].

Для анализа NFT-токена как объекта правового регулирования прежде всего необходимо установить отличительные признаки, позволяющие выделить его среди остальных видов токенов.

Легальное определение NFT-токена в законодательстве Российской Федерации отсутствует, поэтому необходимо

обратиться к юридической доктрине. В этой связи заслуживает внимание позиция М.Т. Ходовой и В.В. Дзюбановой, согласно которой «NFT представляет из себя уникальный код в блокчейн-сети, позволяющий установить право собственности на цифровые объекты» [5].

«Невзаимозаменяемость» - ключевая характеристика NFT-токена, которая порождает собой его уникальность. С технической точки зрения это означает, что NFT-токены отличаются от всех других токенов адресом или учетной записью в сочетании с уникальным идентификатором, определяющем смарт-контрактом. В случае же взаимозаменяемых токенов смарт-контракт хранит информацию об адресах и количестве токенов в каждом адресе, при этом отдельные единицы токена не различаются между собой и не являются уникальными [6].

Таким образом, свойство уникальности, имманентное NFT, порождает ключевой вопрос: какой правовой режим применим к такому токену и что именно он удостоверяет?

В юридической доктрине зачастую оборот токенов связывают с цифровыми правами, закрепленными в ст. 141.1 ГК РФ [7], а в частности с утилитарными, предусмотренными Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ [8]. При этом, как справедливо отмечают Е.В. Вавилин и О.М. Родионова, NFT-токены являются уникальными кодами, связанными с определенным объемом информации. Следовательно, природа отношений по владению, пользованию и распоряжению токена обусловлена ценностью информации, привязанной к нему. Поскольку объекты, связанные с NFT, могут быть совершенно разными, в том числе материального или виртуального мира, то и правовой режим должен применяться различный [9].

Кроме того, конструкция утилитарных цифровых прав может быть не применима, поскольку предполагает право требования. Однако обладание токеном не порождает каких-либо прав в отношении привязанного к нему актива. Более того в случае отчуждения NFT-токена, связанного с произведением искусства, переход исключительного права на такой объект интеллектуальной

собственности зависит условий, установленных на самой информационной платформе и соглашения между сторонами [10].

Подводя итог, NFT-токен можно представить в виде записи, работающей посредством блокчейн технологии, и подразумевающей учет определенной ценности.

В свою очередь, правовое регулирование оборота NFT требует дифференцированного подхода, основанного на их функциональном назначении. Поскольку NFT токен - это не единый объект, а «цифровой контейнер» для разного рода информации. Уникальность данного токена имеет значение только с технической точки зрения, с юридической же роль NFT в правоотношениях диктуется видом привязанного к нему объекта.

Список источников

1. Riegelhaupt R. Results: Beeple’s purely digital NFT-based work of Art achieves $69.3 million at Christie’s. 2021. URL: https://www.christies.com/about-us/press-archive/details?PressReleaseID=9970&lid=1 (дата обращения: 10.01.2026).

2. Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12 (491). С. 33.

3. Lavayssière X. Legal Structures of Tokenised Assets // European Journal of Risk Regulation. 2025. P. 1–13.

4. Garrido J. Digital Tokens: A Legal Perspective // IMF Working Papers. 2023. Vol. 2023, № 151. P. 1. DOI 10.5089/9798400250149.001.

5. Ходова М. Т. Технологии NFT как способ защиты прав интеллектуальной собственности / Ходова М. Т., Дзюбанова В. В. // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 114.

6. Review of Blockchain-based Tokenization Solutions for Assets in Supply Chains / Dietrich F., Kuenster N., Louw L. [et al.] // 3rd Conference on Production Systems and Logistics (CPSL 2022). URL: https://d-nb.info/1263104495/34 (дата обращения: 13.01.2026).

7. Гражданский кодекс Российской Федерации: в 4 ч. Ч. 1 [Федеральный закон от 30.10.1994 № 51-ФЗ]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

8. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.01.2026).

9. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 16.01.2026).

10. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование оборота невзаимозаменяемых токенов: проблемы и перспективы // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 64–75.

УДК 349.23/24

Охрана труда дистанционных работников: проблемы реализации и ответственности работодателя

Изосимова Анна Александровна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, izosimova211@gmail.com.

Ключевые слова: дистанционная работа, охрана труда, трудовые гарантии, ответственность работодателя, трудовое право.

Развитие цифровых технологий и изменение форм организации труда обусловили распространение дистанционной работы, что потребовало пересмотра подходов к правовому регулированию трудовых отношений. В связи с этим институт регулирования труда дистанционных работников претерпевает существенные изменения.

© Изосимова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Особое влияние на данный процесс оказала пандемия COVID-19, в период которой значительная часть работников была переведена на удалённый формат. Во многих случаях такие меры реализовывались при отсутствии достаточной нормативной базы, что осложняло правоприменительную практику. Трудовое законодательство оказалось недостаточно готовым к таким изменениям, что выявило ряд пробелов в правовом регулировании [1]. В ответ на новые вызовы с 1 января 2021 года были внесены изменения в Трудовой кодекс Российской федерации [2].

Несмотря на это, действующее регулирование содержит ряд особенностей, отличающих дистанционную работу от традиционной. Наиболее уязвимой сферой остаётся охрана труда работников, выполняющих трудовые функции вне территории работодателя. Это обусловлено тем, что выполнение данных трудовых функций ограничивает применение стандартных механизмов обеспечения безопасности труда.

Согласно статье 209 Трудового кодекса Российской Федерации, охрана труда представляет собой систему сохранения жизни и здоровья работников [3]. Работодатель обязан обеспечивать безопасные условия труда, однако в отношении дистанционных работников объём этих обязанностей существенно сокращён. Нормы статей 312.6 и 312.7 ТК РФ предусматривают освобождение работодателя от части обязанностей, если иное не установлено трудовым договором. В научной литературе такой подход подвержен критике, поскольку он ведёт к ослаблению трудовых гарантий [4].

В настоящее время обязанности работодателя в сфере охраны труда дистанционных работников включают:

- регистрацию и анализ несчастных случаев и микроповреждений, полученных работниками;
- предоставление обязательного социального страхования работающих дистанционно;

• исполнение предписаний надзорных органов.

Ограниченный объём данных обязанностей приводит к снижению уровня защиты работников [5]. Таким образом, дистанционный работник фактически оказывается в менее защищённом положении по сравнению с работником, осуществляющим трудовую деятельность на территории работодателя.

Ещё одной проблемой является отсутствие эффективных механизмов контроля условий труда. Поскольку рабочее место дистанционного работника, как правило, находится в жилом помещении, проведение проверок затруднено в связи с конституционным правом на неприкосновенность жилища в соответствии со статьёй 25 Конституции РФ [6]. В результате ответственность за организацию безопасных условий труда фактически возлагается на самого работника. Это приводит к перераспределению обязанностей в сфере охраны труда в сторону работника, что не всегда соответствует принципам трудового законодательства.

Для решения указанных проблем представляется необходимым уточнение объёма обязанностей работодателя, в том числе посредством внесения изменений в статью 312.3 ТК РФ. Целесообразно расширить обязанности работодателя за счёт разработки рекомендаций по организации безопасного рабочего места и профилактике профессиональных рисков.

Дополнительно возможно внедрение механизмов дистанционной оценки условий труда, например, на основе добровольного декларирования или анкетирования работников с их согласия.

Проведенный анализ показывает, что сокращённый объём обязанностей работодателя, отсутствие механизмов контроля и сложности привлечения к ответственности требуют совершенствования законодательства.

Список источников

1. Осипова С. В. Отдельные аспекты правового регулирования дистанционной работы // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 3. С. 54–60.

2. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8052.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

4. Кирбабина А. Е. Правовое регулирование труда дистанционных работников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4-1 (91). С. 139–141.

5. Осик Е. А. Правовое регулирование труда дистанционных работников // Проблемы права: теория и практика. 2021. № 56. С. 271–282.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

УДК 34.349

Защита персональных данных: вызовы, порождаемые цифровой трансформацией и современными технологиями

Итченко Илья Александрович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, i_itch@mail.ru

Ключевые слова: защита персональных данных, информационные технологии, GDPR, цифровая среда, приватность.

В эпоху цифровизации защита персональных данных при внедрении и использовании информационных технологий становится приоритетным направлением правового регулирования. В цифровой экономике, основанной на информации, большие массивы персональных данных имеют огромную ценность и становятся ключевым активом. Как отмечает М.О. Лихачёв, интернет-активность пользователей преобразуется в структурированные базы данных с информацией, представляющей мощный инструмент для манипулирования социально-политическими процессами в интересах их владельцев [3]. Именно поэтому защита персональных данных, в частности, предотвращение утечек и недопущение их недобросовестного использования, является одной из главных задач государства.

К фундаментальным правам человека относится право на приватность и защиту персональных данных, гарантированное Всеобщей декларацией прав человека (ст. 12), Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 8), Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24).

© Итченко И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Несмотря на это, данное право всё чаще нарушается в связи с распространением и широким внедрением новых технологии. В настоящий момент, как отмечает Т. Сибел, происходит цифровая трансформация, в основе которой большие данные, искусственный интеллект и интернет вещей [5]. Они создают принципиально новые формы использования массивов персональных данных (скоринг, автоматическое принятие решений), которые становится сложно регулировать традиционными правовыми механизмами.

Существующая проблема заключается в том, что российская система правового регулирования сталкивается с фундаментальными трудностями, обусловленными спецификой цифровой среды. Особенности этой среды, такие как простота копирования информации, возможность её хранения без материального носителя и неограниченного распространения размывают юрисдикционные границы и снижают эффективность законодательства отдельного государства [1].

Из-за этого, по мнению Я.А. Карунной, приоритетной задачей для законодателя является «формирование эффективных механизмов защиты персональных данных на всех этапах их жизненного цикла» [2], особенно при использовании цифровых технологий для их сбора и обработки, в том числе для обучения систем ИИ. Для решения этой задачи целесообразно обратиться к передовому международному опыту, примером которого является Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского союза. Как указывают Е.В. Стельмашонок и И.Н. Васильева, GDPR устанавливает для операторов данных требования контроля (определение необходимого объема данных и ведение их учета), управления (предоставление и уничтожение данных по запросу субъекта), защиты (внедрение механизмов контроля безопасности и уязвимостей) и отчетности (документировать все процессы) [6].

В европейской практике были случаи, когда IT-компании, занимающиеся разработкой инновационных технологий,

например, ИИ, сталкивались с миллионными штрафами из-за нарушения положений GDPR. Так, в 2023 г. американский разработчик системы распознавания лиц Clearview AI собрал в социальных сетях около 30 млрд фотографий лиц без разрешения их владельцев на такое использование. В дальнейшем указанная система распознавания лиц на коммерческой основе использовалась правоохранительными органами для раскрытия преступлений. По мнению европейских регуляторов, компания Clearview AI не сообщала субъектам персональных данных как используются их данные и как можно отказаться от их обработки, чем нарушила GDPR. За это она была оштрафована в европейских странах суммарно на $80 млн.

На наш взгляд, в условиях повсеместного внедрения цифровых технологий в жизнь человека, критически важным становится разработка действенных правовых механизмов и технических решений для обнаружения и пресечения незаконного использования персональных данных, однако зачастую законодательство стран не содержит этих механизмов и способов воздействия на нарушителей.

В научных кругах предлагается предусмотреть для пользователей техническую возможность контроля за своими данными на этапе их массового сбора [4]. Поскольку исключительно правовых средств зачастую бывает недостаточно, в качестве альтернативных решений предлагается технически ограничить возможность автоматического сбора персональных данных. Например, можно использовать мета-теги или метки в корне сайта, которые бы сигнализировали о том, что информация не предназначена для датасетов. Мы полагаем, что следует закрепить в законодательстве право человека на защиту его данных от нецелевого использования без его согласия.

Таким образом, проблема защиты персональных данных стала особенно актуальной ввиду развития современных технологий и

цифровой трансформации. Массовое использование персональных данных приводит к нарушениям фундаментальных прав человека, а российское законодательство на данный момент не способно в полной мере защитить их, вследствие чего нуждается в доработке с учётом в том числе зарубежного и международного опыта.

Список источников

1. Гонтарь Л. О. Защита персональных данных в условиях развития интернет-компаний: международно-правовое регулирование vs саморегулирование // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 37. № 1–2. С. 116–140.

2. Карунная Я. А. Проблемы защиты персональных данных в условиях цифровой трансформации // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 47–56.

3. Лихачев М. О. Данные как капитал: датафикация, аккумулирование и извлечение // Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сборник обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям ; отв. ред. Е. Г. Гребенщикова. М., 2019. С. 193.

4. Селюк А. С. Защита персональных данных в цифровом пространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 2 (102). С. 110–119.

5. Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. С. 5–15.

6. Информационная безопасность цифрового пространства / под ред. Е.В. Стельмашонок, И.Н. Васильевой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 155 с.

УДК 347.44

Модели соглашений в сети «Интернет»: click-wrap, browse-wrap соглашения

Кисельман Анна Алексеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: интернет-соглашения, способы заключения договоров в сети «Интернет», click-wrap соглашения, browse-wrap соглашения.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Екатерине Николаевне Петровой, доценту кафедры гражданского права, канд. юр. наук.

В последнее десятилетие доля договоров, заключенных-в сети «Интернет» растет. Так, по подсчётам Ассоциации компаний интернет-торговли, объём российского рынка интернет-торговли в 2025 году увеличился на 28% по сравнению с 2024 годом [2; 3]. Вместе с тем, развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к трансформации процесса заключения гражданско-правовых договоров, превратив заключение договоров в фоновое действие - люди получают услуги, оформляют покупки, даже не задумываясь, в какой момент они согласились с их условиями.

Применение информационных технологий в значительной мере способствует увеличению комфорта, эффективности процессов заключения контрактов, появлению разнообразных способов заключения соглашений.

© Кисельман А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Правовое регулирование заключения договоров в сети «Интернет» базируется на общих нормах Гражданского кодекса РФ о договоре, оферте и акцепте, а также на специальных нормах, учитывающих специфику электронной формы сделок. Внесенные в 2019 году изменения в статью 434 Гражданского кодекса Российской Федерации определили появление нового способа соблюдения письменной формы сделки, а именно использование электронных или других технических средств, способных воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки.

Можно выделить несколько основных новых способов заключения договоров с помощью электронных или других технических средств.

Среди формирующихся практик заключения сделок в цифровой среде особое место занимает модель, известная как «click-wrap». Несмотря на широкое распространение данного способа, его легальное определение в российском законодательстве отсутствует. Между тем, в научной литературе Т. Ю. Кулаповой, предлагается следующее обозначение: «Click-wrap — это метод заключения электронных договоров, при котором пользователь соглашается с условиями договора, нажимая на кнопку с подтверждением своего согласия на веб-сайте или в приложении» [2].

В доктрине российского гражданского права не сложилось единого подхода к квалификации правовой природы click-wrap соглашений. Анализ литературных источников позволяет выделить три точки зрения: первая рассматривает их как договоры, заключаемые через обмен электронными документами; вторая квалифицирует их в качестве сделок, оформляемых конклюдентными действиями; третья же вовсе отрицает юридическую силу click-wrap соглашений.

В настоящее время судебная практика подтверждает юридическую силу договора, заключенного соответствующим способом [4], поэтому третий подход можно назвать наименее актуальным. Кроме того, стоит отметить, что Роспотребнадзором даны разъяснения, по поводу условий действительности такого способа заключения договора, а именно: получение потребителем полной и достоверной информации, отсутствие заранее проставленных отметок, порождающих юридически значимые последствия [3].

Что касается первого и второго подхода, то наиболее вероятным представляется именно второй, поскольку первый подход применим ограниченно, требуя полной идентификации, что редко реализуется в типичных сценариях применения click-wrap. Таким образом такие соглашения чаще связывают с конструкцией договора, заключаемого посредством конклюдентных действий. Поскольку закон не предъявляет специальных требований к форме акцепта при заключении договора в электронной форме, действие пользователя, выраженное в нажатии кнопки «Я согласен», обоснованно рассматривается как акцепт оферты, совершённый путём конклюдентных действий.

Более неопределенной договорной конструкцией является browse-wrap соглашения. Его отличие от click-wrap заключается в способе выражения согласия пользователя. Если click-wrap предполагает явное, активное действие, то «browse-wrap» опирается на молчаливое согласие, выраженное самим фактом использования сайта или сервиса (условия соглашения содержатся на веб-странице с использованием гиперссылки, отсылающей пользователя на страницу, содержащую соглашение в полном объеме). В связи с этим существуют сомнения в осведомленности пользователя об условиях договора, поэтому в юридической литературе подчеркивается необходимость специальных критериев для признания договоров, заключенных таким способом,

действительными [5].Тем не менее, несмотря на минус данной модели, было бы ошибочным отрицать практическую ценность browse-wrap при использовании информационно-справочных сайтов или заключении соглашений, обладающих меньшей юридической значимостью, в связи с ее удобством для пользователей.

Таким образом, развитие технологий и практики заключения договоров в сети «Интернет» требует от законодателя более четкого нормативного регулирования рассмотренных моделей. В настоящее время отсутствие легальных определений click-wrap, browse-wrap и иных новых моделей соглашений (например, sing-in-wrap, scroll-wrap), порождает правовую неопределенность и создает риски как для потребителей (которые могут быть связаны условиями, о существовании которых они не знали, но неосознанно приняли их), так и для владельцев сайтов (которые могут столкнуться с признанием их соглашений недействительными).

Список источников

1. АКИТ : объем интернет-торговли в России в 2025 году вырос на 28%. URL: https://tass.ru/ekonomika/26493169 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Кулапова Т. Ю. Правовое регулирование сферы e-commerce: интернет-торговли, электронных сделок и смарт-контрактов : учебное пособие / Кулапова Т. Ю., Петрова Р. Е., Проценко В. В. М.: Юстицинформ, 2025. 166 с. ISBN 978-5-7205-2251-3.

3. Об особенностях click-wrap-соглашений: информация Роспотребнадзора. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2026).

4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2025 по делу № 88-11601/2025. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.04.2026).

5. Ломакина Е. А. К вопросу о действительности «browsewrap соглашения» // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 5. С. 72–75.

УДК 346

Проблемы определения правовой природы аккаунта в социальных сетях

Кривец Данил Дмитриевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, krivecdanil@gmail.com

Ключевые слова: аккаунт, правовая природа, цифровые активы, оборотоспособность.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений аккаунты в социальных сетях приобретают не только коммуникационное, но и значимое экономическое значение. По данным аналитических исследований, оборот виртуальных товаров, включая учетные записи в социальных сетях, многопользовательских играх и виртуальных мирах, формирует устойчивый сегмент цифровой экономики [5]. Однако действующее российское законодательство не содержит легального определения понятия «аккаунт» и не относит его к числу объектов гражданских прав, что порождает многочисленные теоретические дискуссии и правоприменительные сложности.

В юридической науке аккаунт (учетная запись) определяется как совокупность цифровых данных, содержащихся в информационной системе, позволяющих идентифицировать

© Кривец Д. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

пользователя и предоставляющих ему доступ к функционалу социальной сети.

А.Ф. Ахмадуллина в своем исследовании выделяет ключевые признаки, позволяющие рассматривать аккаунт в качестве объекта гражданских прав: способность удовлетворять частные имущественные и личные неимущественные интересы субъектов; дискретность; юридическая привязка; наличие нормативно-функциональной связи с системой гражданского права [1]. Указанные характеристики свидетельствуют о том, что аккаунт обладает объективной ценностью для пользователя, выходящей за рамки простого доступа к информационному ресурсу.

В доктрине сформировалось несколько подходов к квалификации правовой природы аккаунта в социальных сетях.

Первый подход квалифицирует аккаунт как сложный объект интеллектуальных прав. Е.Н. Ершова и другие исследователи предлагают рассматривать аккаунт в качестве мультимедийного продукта, включающего охраняемые результаты интеллектуальной деятельности (фотографии, тексты, видеозаписи) и средства индивидуализации (никнейм, аватар) [2].

Второй подход обосновывает возможность отнесения аккаунта к числу объектов гражданских прав. А.Ф. Ахмадуллина доказывает, что интеграция аккаунтов в систему гражданского права происходит на нескольких уровнях: гражданская правосубъектность обладателя аккаунта; гражданско-правовые основания приобретения права на аккаунт; гражданско-правовая сущность действий по использованию аккаунта; гражданско-правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, возникающих в рамках функционирования аккаунта; гражданско-правовые способы защиты прав на аккаунт [1].

К имущественным элементам аккаунта следует относить: возможность монетизации учетной записи через рекламные интеграции; коммерческую ценность аудитории (подписчиков);

узнаваемость бренда (личного или корпоративного); а также виртуальные активы, приобретенные за реальные денежные средства (голоса, подарки, платные подписки) [2]. Указанные элементы позволяют рассматривать аккаунт как оборотоспособный объект, способный быть предметом купли-продажи, аренды, дарения и наследования.

В.В. Богдан в своем исследовании обращает внимание на трансформацию частного права под влиянием развития социальных сетей как площадок для предпринимательской деятельности. Автор приходит к выводу о необходимости формирования нового феномена — «права социальных сетей», которое позволило бы вывести возникающие правоотношения на новый уровень правового регулирования [2].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является оборотоспособность аккаунта. В.А. Носова, исследуя вопросы защиты интеллектуальной собственности в интернете, приходит к выводу о том, что цифровые активы могут наследоваться без предоставления наследникам доступа к личной информации умершего [4]. Данный подход представляется сбалансированным, так как позволяет защитить как имущественные интересы наследников, так и право на неприкосновенность частной жизни.

Существующий правовой пробел в определении статуса аккаунта требует законодательного восполнения.

Перспективным направлением представляется внесение изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части легального определения понятия «учетная запись» и установления правового режима виртуальных активов. Как предлагают исследователи, целесообразно закрепить возможность признания учетной записи объектом гражданских прав при условии, что она обладает экономической ценностью и может быть вовлечена в гражданский оборот [5].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовая природа аккаунта в социальных сетях носит комплексный характер. Аккаунт не может быть однозначно отнесен к какой-либо одной категории объектов правового регулирования, сочетая в себе признаки информации, результата интеллектуальной деятельности и имущественного блага.

Список источников

1. Ахмадуллина А. Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 12 (193). С. 130–144.

2. Богдан В. В. Трансформация частного права: ведение бизнеса в социальной сети // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 42–52.

3. Гейкина И. В. Особенности правовой природы аккаунта в социальных сетях // Юрист. 2024. № 4. С. 14–18. DOI 10.18572/1812-3929-2024-4-14-18.

4. Носова В. А. Защита интеллектуальной собственности в интернете (аккаунты в социальных сетях) // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 104–106.

5. Панин В. О. Правовой режим учетной записи: юридические подходы к определению виртуального объекта права // Цифровое право. 2025. Т. 6, № 3. С. 67–69.

УДК 346.5

Интеграция реестра российской промышленной продукции в единую информационную систему в сфере закупок как залог цифровизации контрактной системы

Криворучкин Никита Сергеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, nkrivoruchkin@mail.ru

Ключевые слова: контрактная система, цифровизация, госзакупки, единая информационная система, реестр российской промышленной продукции.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ларисе Юрьевне Егоровой, доценту, канд. юрид. наук.

В последние годы активно проводится цифровизация контрактной системы. Она позволяет добиться повышения конкуренции, прозрачности информации и экономии трудовых ресурсов [1].

В рамках этого процесса была внедрена Единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС), посредством которой осуществляется большинство закупок для государственных и муниципальных нужд.

Вместе с тем, в последнее время часто возникают проблемы, связанные с цифровизацией – в частности, необходимость постоянного обращения заказчиков к сторонним реестрам.

Так, особую актуальность в последние годы приобрело положение, предусмотренное частью 1.1 статьи 33 Закона о

© Криворучкин Н. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

контрактной системе [2], согласно которому заказчики при описании объекта закупки обязаны указывать характеристики товара российского происхождения в случае установления мер согласно статье 14 указанного закона.

При этом в силу положений Постановления № 1875 [3] по общему правилу товаром российского происхождения считается не любой товар, производящийся на территории Российской Федерации, а лишь тот, происхождение которого подтверждено реестровой записью из реестра российской промышленной продукции.

Таким образом, при осуществлении закупок большей части товаров заказчики обязаны учитывать характеристики именно тех товаров, которые содержатся в реестре российской промышленной продукции.

Вместе с тем, у заказчиков нередко возникают сложности с учетом таких товаров. Показателен следующий пример: КГБУЗ «Шушенская районная больница» разместило в ЕИС закупку полуавтоматических дефибрилляторов. Полагая, что такие дефибрилляторы в России не производятся и в реестре российской промышленной продукции отсутствуют, заказчик продекларировал это в извещении об осуществлении закупки.

Однако фактически такой товар имелся и даже был предложен несколькими участниками закупки, однако аукционная комиссия заказчика ошибочно отклонила заявки с предложением к поставке дефибрилляторов российского производства, полагая, что указанные дефибрилляторы не соответствуют установленным заказчиком требованиям [4].

Допущения указанной ошибки было бы легко избежать, если бы заказчик заранее обратился к реестру российской промышленной продукции и соотнес имеющиеся в нем записи о дефибрилляторах с требуемыми ему характеристиками.

Таким образом, у заказчиков есть необходимость регулярного обращения к реестру российской промышленной продукции в целях формирования характеристик объектов закупок с учетом характеристик товаров российского происхождения и в целях рассмотрения заявок в части оценки страны происхождения товара.

В ЕИС уже включен каталог товаров, работ, услуг, который позволяет заказчикам выбирать характеристики объекта закупки исходя из позиций каталога, наиболее соответствующих объекту закупки.

В рамках расширения и углубления цифровизации контрактной системы представляется обоснованной интеграция ЕИС с реестром российской промышленной продукции по аналогии с уже реализованной связкой с каталогом товаров, работ, услуг.

Интеграция реестра в ЕИС позволит использовать его для иных целей, в частности, для ориентирования заказчиков на наличие или отсутствие требуемых характеристик у товаров российского происхождения, что облегчит процесс формирования объекта закупки.

А так как реестр уже содержит отдельные параметры продукции, заказчики смогут непосредственно в рамках ЕИС использовать эти сведения при подготовке описания объекта закупки.

В настоящее время это, как справедливо указывают суды [5], невозможно ввиду того, что реестр выполняет исключительно справочную функцию, а внесение изменений в него достаточно обременительно.

Однако, учитывая современные технологии, вполне возможно реализовать процесс внесения изменений в реестр в автоматическом режиме.

Таким образом, интеграция реестра российской промышленной продукции в ЕИС расширит и углубит возможность

формирования объекта закупки непосредственно в ЕИС без обращения к иным реестрам и нецифровым источникам.

Список источников

1. Федченко К. И. Цифровизация как основная тенденция совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 28–33.

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025).

3. О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 (ред. от 11.02.2026).

4. Решение Красноярского УФАС России по делу № 024/06/105-874/2026 от 30.03.2026. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/documents.html?complaintNumber=206001216710009 93 (дата обращения: 13.04.2026).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-67208/2024 по делу № А40-85327/2024 от 03.02.2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/394f32ed-a80b-4e47-84f1-10ff891e7917 (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 347

Договор розничной купли-продажи в сети Интернет

Леонтьев Александр Александрович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, gt242437@gmail.com

Ключевые слова: дистанционная купля-продажа, публичная оферта, защита прав потребителей, маркетплейсы, платформенная экономика, ответственность продавца.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Екатерине Николаевне Петровой, доценту, канд. юр. наук.

Правовое регулирование электронной торговли в России основывается на комплексе норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона «О защите прав потребителей». Также электронная торговля регулируется постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463, в котором содержатся правила, применяемые к дистанционной розничной купле-продаже.

Согласно п. 1 ст. 160 ГК РФ если сделка совершена лицом с использованием электронных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки и имеется возможность определить лицо, выразившее волю, в таком случае письменная форма сделки считается соблюденной. Исходя из содержания ст. 434 ГК РФ можно сделать вывод, что заключение договора в письменной форме может быть совершено, путём обмена электронными документами, продавец и покупатель могут использовать сайты в сети Интернет,

© Леонтьев А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

электронную почту или даже мессенджеры для заключения договора. Статья 26.1 Закона «О защите прав потребителей» предоставляет потребителям гарантии при заключении договора купли-продажи дистанционным способом, такие как право на возврат товара, получение полной информации о продавце, о месте изготовления товара и т. д. [8].

При дистанционном способе заключения договора покупатель узнаёт о характеристиках товара и совершает сделку без возможности непосредственно лично ознакомиться с товаром так как информация предоставляется удаленно: на сайтах интернет-магазинов размещаются фотографии и описания товаров. По общему правилу момент заключения такого договора связан с акцептированием покупателем публичной оферты, направленной продавцом на сайте или в приложении. Особого внимания заслуживает определение момента, с которого акцепт считается совершённым при дистанционной продаже товаров. Исходя из содержания ст. 493 ГК РФ и п. 13 Правил продажи товаров дистанционным способом можно сделать вывод: моментом акцепта публичной оферты признаётся не факт оплаты, а момент, когда покупатель получает подтверждающий платёж документ либо когда продавцу поступает уведомление от потребителя о принятии оферты [1].

Данный подход подтверждается и судебной практикой. Суды указывают: демонстрация товара на сайте интернет-магазина представляет собой публичную оферту, и с момента её акцепта потребителем у продавца возникает обязательство по передаче товара. При этом ответственность за предоставление недостоверных сведений, включая технические ошибки в цене, возлагается на продавца как на профессионального участника рынка [4].

Также суды отмечают, что возврат продавцом уплаченных денежных средств не может являться основанием для отказа от

исполнения договора, т.е. от передачи товара покупателю, потребитель вправе требовать передачи товара по цене, заявленной в интернет-заказе, т. к. в момент оформления и оплаты заказа цена фиксируется и продавец не в праве в одностороннем порядке изменять её [5].

Заключение любого договора сводится к тому, что стороны должны согласовать существенные условия, наиболее важным является предмет договора. При дистанционной торговле действуют дополнительные ограничения: законодательством установлен запрет на реализацию удалённым способом отдельных групп товаров (к примеру, алкоголь и некоторые лекарственные средства).

Одной из спорных ситуаций, возникающих при заключении договора купли-продажи дистанционным способом, является возможность интернет-магазина отменять уже оплаченные заказы в одностороннем порядке. Имел место случай, когда покупатель заказал на Ozon чай за 89 рублей, но продавец аннулировал заказ из-за отсутствия товара и вернул деньги. Покупатель подал иск, требуя в том числе передать товар. Первые три инстанции частично удовлетворили иск, но отказались обязать продавца передать товар, так как деньги были возвращены. Покупатель обжаловал это в Верховном суде. ВС направил дело на новое рассмотрение, по итогам которого было заключено мировое соглашение [6].

По поводу маркетплейсов, нужно сказать, что они выступают как сложные информационные посредники, организующие взаимодействие продавцов и покупателей. Долгое время их ответственность за действия продавцов, качество товаров и достоверность информации оставалась серой зоной. 22.07.2025 Государственной Думой был принят ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 01.10.2026). Закон возлагает на маркетплейсы обязанности по проверке продавцов-партнёров

платформы, что должно гарантировать покупателям безопасность. Однако его эффективность еще предстоит оценить на практике.

Высока вероятность неверной идентификации сторон при дистанционном заключении договора. Для покупателя это оборачивается сложностями с доставкой, возвратом или обменом товара. С другой стороны, под угрозой оказываются и продавцы. Использование поддельных аккаунтов, чужих персональных данных и номеров телефонов создаёт предпосылки для мошеннических действий со стороны покупателей. Ещё одна распространённая проблема — так называемый потребительский экстремизм, выражающийся, например, в массовом заказе товаров для примерки с последующим отказом без компенсации расходов на доставку.

Список источников

1. Аблятипова Н. А. Анализ правового регулирования договора розничной купли-продажи дистанционным способом и проблемные вопросы при рассмотрении споров его расторжения / Н. А. Аблятипова, Я. А. Бандурина // Бюллетень науки и практики. 2024. № 4. С. 511–517.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № 4-КГ23-90-К1. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2024 № 5-КГ24-11-К2. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23-4-К2. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

5. Стодеревская А. А. Электронная коммерция и договор купли-продажи: правовые риски и перспективы // Молодой ученый. 2025. № 36 (587). С. 143–145.

УДК 34.05

Проблема определения биометрических персональных данных по законодательству Российской Федерации и Европейского союза

Матвеенко Захар Александрович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, karypakzak@yandex.ru

Ключевые слова: персональные данные, биометрия, дактилоскопические данные, динамические характеристики, физиологические особенности, биологические особенности, идентификация.

В эпоху стремительного развития и внедрения биометрии, как никогда остро встаёт проблема о регулировании вопросов, связанных с использованием биометрических персональных данных их операторами, из-за чего возникает объективная необходимость в однозначном регулировании правоотношений, вытекающих из использования биометрии.

Принципиальным и ключевым при этом остаётся вопрос о содержательном наполнении категории «биометрические персональные данные» (далее по тексту – БПД) в современном правовом регулировании. Так, в законодательстве Российской Федерации (далее по тексту – РФ), согласно п.1 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (далее по тексту – ФЗ №152), БПД раскрываются через совокупность сведений, фиксирующих биологические и физиологические признаки физического лица [1].

© Матвеенко З. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В правовых основах Европейского союза, а именно в общем регламенте по защите данных (далее по тексту – GDPR), БПД рассматриваются с точки зрения персональных данных, характеризующих физические, физиологические, а также поведенческие особенности личности человека, которые получаются с применением специальной технической обработки для дальнейшего их использования в однозначной идентификации личности физического лица [2].

Из этого следует провести сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного подходов к признакам, отражающих основную характеристику БПД. В ФЗ №152 они определяются как физиологические и биологические особенности, а в GDPR несколько шире – физические, физиологические, а также поведенческие особенности. Следует при этом заметить, что напрямую ни в ФЗ №152, ни в GDPR, данные особенности личности прямо не определяются и не конкретизируются.

В российской практике правового регулирования данный пробел отчасти компенсируется методическими рекомендациями Минкомсвязи РФ, которые хоть и не могут признаваться в качестве актов правового регулирования обязательного применения, всё же, важны для понимания того, что следует относить к БПД. Так, из Писем и Разъяснений Минкомсвязи РФ, а также Роскомнадзора следует, что к БПД, а именно к физиологическим характеристикам следует относить анализ ДНК, радужка глаз, группа крови, отпечатки пальцев рук, метрические сведения человека, вес и рост человека. Примечательным является то, что биологические характеристики не отражаются и не раскрываются в данных актах как особенности личности, явно отличающиеся от тех же физиологических особенностей, что ставит актуальный вопрос об однозначном понимании данных содержательных характеристик.

В GDPR физические, физиологические и поведенческие особенности также не получают своего отражения, однако, в комплексном исследовании А.В. Колосова о европейской практике применения данного акта даётся конкретизация. В частности, к физическим особенностям следует относить возраст, пол, вес, рост и другие характеристики такого рода, которые являются динамическими (изменчивыми). Физиологические особенности – относительно статичные особенности личности (ДНК; дактилоскопические данные; строение глазной сетчатки; и т.п.). Поведенческие особенности – характеристики, находящие своё отражение в результате активного поведения человека (походка; почерк; голос; степень реакции; мимика и жестикуляция и др.) [4].

Таким образом, содержательные характеристики, являющиеся структурным признаком понятия БПД, как и в отечественном, так и в европейском законодательстве не лишены однозначного содержательного пробела, хотя нельзя не заметить, что такое разграничение между характеристиками особенностей личности более чёткое и широкое в GDPR и практике его применения.

Вторым признаком БПД является их функциональное применение. Здесь следует отметить смежность подходов в сравниваемых актах, а именно, функциональное применение БПД выражается в использовании таких данных с целью установления (идентификации) личности человека. Также следует отметить существенный пробел, связанный с однозначным определением сущности идентификации или установления личности, поскольку ни ФЗ №152, ни GDPR не определяются направленность процессов установления личности, принципы данного процесса, в том числе субъекты, уполномоченные осуществлять идентификацию и работу с БПД.

В связи с этим, к примеру, простая обработка фотографий по смыслу GDPR не относятся к обороту БПД. Данный подход находит своё отражение и в российской практике правоприменения, даже

несмотря на то, что сам по себе обязательный признак использования специальных технических средств, при сборе или обработке БПД, в содержании ст. 11 ФЗ №152 не установлен [3].

Подводя итоги проведённому обзору, а также беря во внимание существующую неопределённость, следует, во-первых, законодательно закрепить в содержании п.1 ст. 11 ФЗ №152 перечень особенностей человека посредством включения динамических признаков, а во-вторых, такую необходимость дальнейшего уточнения структурных терминов «физиологические и биологические особенности человека».

Список источников

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

2. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС». URL: https://base.garant.ru/71936226/ (дата обращения: 12.04.2026).

3. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2021 по делу № 88-235/2021. URL: https://www.garant.ru/files/1/8/1457381/opredelenie-tretego-kassacionnogo-suda-obschey-yurisdikcii-ot-27-yanvarya-2021-po-delu-_-88-2352021-2-40822019.odt (дата обращения: 12.04.2026).

4. Колосов А. В. Правовое регулирование оборота биометрических данных граждан в Европейском Союзе // Вопросы международного права и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 89–96.

УДК 347.451.031

Потребительский экстремизм в сети интернет

Морозова Юлия Андреевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
ulyamorozovaulyamorozova@gmail.com

Ключевые слова: потребительский экстремизм, злоупотребление правом, интернет-купля-продажа, судебная практика, защита прав потребителей, добросовестность.

Современное гражданское право сталкивается с необходимостью осмысления феномена, обозначаемого как «потребительский экстремизм» – явление, заключающееся в злоупотреблении субъективными правами, предоставляемыми потребителям. Как отмечает Е. Е. Семенова, отсутствие четкого законодательного определения данного понятия контрастирует с распространенностью случаев недобросовестного поведения со стороны таких потребителей. По мнению исследовательницы, эту ситуацию можно объяснить существующей презумпцией виновности продавцов и изготовителей при рассмотрении потребительских споров в суде, в то время как законом не предусмотрена ответственность за необоснованные претензии, предъявляемые потребителями [1].

В практической деятельности судов термин «потребительский экстремизм» чаще используется ответчиками при оспаривании требований потребителей, а не самими служителями Фемиды. Сторона ответчика может указывать на наличие такого поведения

© Морозова Ю. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

со стороны истца. Однако даже при таком указании суд может принять решение в пользу потребителя, не квалифицируя его действия как «экстремизм».

В судебной практике зафиксирован случай, когда гражданин, воспользовавшись ошибкой в цене на сайте интернет-магазина ЦУМ, приобрел 19 единиц одежды за весьма скромную сумму, в то время как их реальная рыночная стоимость исчислялась миллионами. После аннулирования заказа магазином и требования доплаты разницы, спор перешел в судебное русло. Районный суд встал на сторону магазина, признав сделку ничтожной. Суд обосновал свое решение тем, что покупатель осознал ошибку, имел представление об истинной стоимости товаров и действовал с намерением нанести ущерб продавцу. Аналогичную позицию заняли суды апелляционной и кассационной инстанций.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла иное решение. Покупатель, оформив и оплатив заказ, принял публичную оферту, тем самым заключив договор. Следовательно, магазин был обязан передать товар по цене, указанной на сайте. Выводы нижестоящих инстанций о злоупотреблении правом при заключении договора купли-продажи были признаны необоснованными, поскольку не было установлено, каким образом покупатель должен был распознать наличие ошибки, учитывая, что магазин часто проводит акции [2]. В результате, решения нижестоящих судов были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение [3].

По нашему мнению, в аргументации Верховного Суда РФ в данном случае ощущается недостаток детальных разъяснений относительно того, какие именно веские основания требуются для доказательства злоупотребления. Простого указания на явно низкую цену, как нам кажется, недостаточно для опровержения презумпции добросовестности.

В то же время, имеются прецеденты, когда суд выступал на стороне бизнеса, защищая его от так называемого «потребительского экстремизма». Показательным в этом плане является дело, рассмотренное Верховным Судом РФ. Истец, потребитель, требовал компенсации затрат на ремонт телевизора, включавший замену дорогостоящей OLED-панели. Стоимость данного ремонта превышала цену нового аналогичного устройства. Продавец, возражая, ссылался на недобросовестность потребителя, который не предоставил подтверждений оплаты ремонтных работ и не передал аппарат для проведения экспертизы. Верховный Суд, апеллируя к статье 10 Гражданского кодекса РФ, подчеркнул, что потребитель обязан выбирать разумные способы устранения недостатков, предпочтительно менее затратные. Суд также отметил, что ремонт, сопоставимый по стоимости или более дорогой, чем приобретение нового товара, не может считаться разумным, и указал на необходимость выяснения причин, по которым потребитель не воспользовался гарантийными возможностями или правом на возврат товара [4].

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что феномен потребительского экстремизма в России остается весьма значимым и настоятельно требует скорейшего решения. Деятельность недобросовестных потребителей оказывает пагубное воздействие на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В целях защиты своих прав и законных интересов, предприниматели вынуждены прибегать к включению в заключаемые ими договоры купли-продажи и договоры на оказание услуг положений, которые являются заведомо недействительными.

Анализ судебной практики демонстрирует, что законодательство, регулирующее злоупотребление правами, не всегда активно используется в спорах о защите потребителей, в отличие от других отраслей права. При этом, типичными

фигурантами таких дел выступают недобросовестные предприниматели: продавцы, исполнители или производители. Для достижения гармоничного сосуществования интересов участников потребительских отношений, критически важно дополнить Закон «О защите прав потребителей» нормами, противодействующими недобросовестному поведению потребителей. Следует подчеркнуть, что потребительские льготы не должны становиться каналом для незаконного обогащения. Таким образом, реформирование действующего закона послужит стимулом для более результативного применения судами правовых норм, пресекающих злоупотребление правом.

Список источников

1. Семенова Е. А. Что такое потребительский экстремизм и как он проявляется в розничной купле-продаже // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5-1. С. 462–467.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 06.06.2023 по делу № 16-КГ23-6-К4. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06062023-n-16-kg23-6-k4/ (дата обращения: 27.01.2026).

3. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденный президиумом Верховного Суда РФ от 18.10.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460140/ (дата обращения: 22.01.2026).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2021 № 32-КГ21-13-К1.
URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=682637 (дата обращения: 22.01.2026).

5. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2022 по делу № 8Г-357/2022-(8Г-30152/2021).

URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=2417725&case_uid=131dff75-f06c-4a16-bd76-5e76711d3874&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 24.01.2026).

УДК 343.9

Криминологическая характеристика и причины киберпреступности

Островский Александр Владимирович
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
alexander.ostrovskiy.2000@mail.ru

Ключевые слова: киберпреступность, ИКТ, причины преступности, профилактика, криминология.

Киберпреступность сегодня выступает одной из наиболее серьёзных криминальных угроз для личности, общества и государства. По официальной статистике МВД России, в 2024 г. насчитались около 765 тыс. преступлений, связанных с использованием информационно телекоммуникационных технологий (IKT) [1], что на 13 % больше, чем годом ранее; доля кибердеяний достигла 40 % от общего числа учетных преступлений.

Более 80 % подобных преступлений приходилось на злодейные схемы, осуществляемые через сеть Интернет; почти пятая часть осуществлялась через мобильную связь. Лишь за 2025 г. полиция зарегистрировала 663 тыс. киберпреступлений, и это на 12 % меньше показателей предыдущего года; сумма заявленного

© Островский А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ущерба сократилась до 189,5 млрд руб. Подобное падение было обручено с введением законодательных мер 2025 г., но специалисты признают, что реальная латентность остаётся очень высокой: большинство потерпевших не обращаются в полицию, а информация запоздалая.

Цель настоящей статьи — на основе данных МВД России, законодательных актов и научных публикаций раскрыть криминологическую характеристику киберпреступности, исследовать её причины и факторы, а также оценить эффективность существующих мер профилактики.

Термин «киберпреступность» охватывает широкий спектр противоправных деяний, совершаемых с использованием компьютерных систем, сетей связи и информационных ресурсов либо направленных против таких объектов. На уровне международного права определение киберпреступления содержится в Будапештской конвенции (2001 г.), где выделяются преступления против компьютерной конфиденциальности, целостности и доступности, деяния, связанные с незаконным контентом, и нарушение авторских прав. В Российской Федерации похожая классификация закреплена в главе 28 УК РФ и включает статьи 272–274.1 о незаконном доступе, создании и распространении вредоносных программ, нарушении правил эксплуатации средств хранения и передачи данных, атаках на критическую информационную инфраструктуру [2].

Помимо названных статей, в 2025 г. государственная дума приняла пакет новелл, существенно расширивших предмет уголовно правовой охраны. Федеральный закон № 176 ФЗ дополнил статью 187 УК РФ частями 3–6. Федеральный закон № 282 ФЗ ввёл статьи 274.4 и 274.5 УК РФ о наказуемости за организацию передачи SIM карт и за сдачу логинов, паролей или кодов доступа к различным программным сервисам.

Криминология подходит к причинности преступности как к сложному комплексу множества факторов. В докторском автореферате В.А. Номоконова предлагается вертикальная структура причин: общие событийные факторы кризисов и деформаций общественного устроя, специальные деформации образа жизни отдельных социальных групп и индивидуальные личностные деформации человека [3].

В научной литературе причины киберпреступности принято классифицировать на социальные, экономические, технические и юридические.

Экономические причины кибердеяний сводятся к высокой прибыльности преступного ремесла при низких рисках наказания.

Многие обращения граждан по поводу мошенничеств не регистрируются, расследование начинается лишь спустя недели, на что обращает внимание Ю.В. Скобликов: главная проблема состоит не в мягкости закона, а в низкой организации и безнаказанности чиновников. При латентности переступности требуется участие самих граждан — они должны сообщать о попытках мошенничества, не общаться с сомнительными звонящими и защищать личные данные [5].

Киберпреступность сегодня стала масштабным вызовом для всех государств. В общем объёме преступности её доля доходит до 40 % от всех преступлений, а в 2025 г. МВД регистрировало 663 тыс. таких преступлений при убытках 189,5 млрд рублей. Постановка частей 3 6 статьи 187 УК, новых статей 274.4 и 274.5 и принятие закона о ГИС расширили арсенал правоохранительных органов [6].

Анализ причин позволил выделить генеральные, специальные и индивидуальные причины — отношение между обществом и личностью получает деформацию, а экономические и технические факторы позволяют преступникам получать высокие доходы при низкой рискованности.

Исходя из проведённого исследования, рекомендуется:

1. Продолжить обновление уголовной базы, принять специальные нормы для блокчейн-, Веб-3 и ИИ-преступлений.

2. Создать единую систему для кооперации правоохранителей, банков и операторов; развить тренд на объединённые базы и подел данных.

3. Развивать киберграмотность, чтобы потенциальные жертвы опознавали риски и не попадали на ряд разводных схем.

Список источников

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Оперативная справка об итогах предотвращения и раскрытия интернет-мошенничеств за 2024–2025 гг. // Коммерсантъ. 2026. 18 февр. URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 14.04.2026).

2. Овчинский П. Г. Криминология цифрового мира. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2026. 384 с.

3. Номоконов В. А. Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1991. 36 с.

4. Скобликов П. А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 1. С. 128–146. DOI 10.19073/2658-7602-2025-22-1-128-146.

5. Второй пакет мер против кибермошенничества // Рынок взыскания. 2025. URL: https://www.rinokvzyiskaniya.ru (дата обращения: 14.04.2026).

6. Russia Creates Database to Track and Block Cybercriminals // The Moscow Times. 2025. 21 Oct. URL: https://www.themoscowtimes.com (дата обращения: 14.04.2026).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2026).

8. Указ Президента РФ от № 688 «Об образовании управления по борьбе с незаконным использованием информационно-

телекоммуникационных технологий». URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 347.78

Правовой режим использования охраняемых произведений при обучении искусственного интеллекта: сравнительный анализ

Павловская Мария Алексеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярск край, Красноярск, Россия, sivanmelissa8@gmail.com

Ключевые слова: авторское право, генеративный искусственный интеллект, text and data mining (TDM), правовое регулирование.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Басалаевой Светлане Павловне, к.ю.н., доц. кафедры трудового и экологического права.

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ) поставило перед правовой системой фундаментальные вопросы, связанные с использованием охраняемых авторским правом произведений для обучения моделей. Как отмечают К.Ю. Волкова и Я.Л. Шрайберг, генеративные системы ИИ предполагают массовый сбор данных из открытых источников сети Интернет, включая произведения, охраняемые авторским правом, которые копируются и используются без заключения лицензионных договоров, без уведомления и согласия авторов, а также без выплаты

© Павловская М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

вознаграждения [6, с. 119]. Возникающие в связи с этим споры разрешаются в рамках национальных правовых систем, каждая из которых по-своему отвечает на вопрос о допустимости использования охраняемых произведений для обучения ИИ.

В Европейском союзе основу регулирования составляет Директива (ЕС) 2019/790. Статья 4(1) допускает интеллектуальный анализ текста и данных (text and data mining, далее - TDM) при правомерном доступе к произведениям, однако пунк 3 предоставляет правообладателю механизм отказа от использования его произведения для этих целей («opt-out»), который должен быть выражен в явной форме [2]. Регламент (ЕС) 2024/1689 (AI Act) в статье 53(1)(c) прямо отсылает к указанному механизму и обязывает поставщиков моделей ИИ общего назначения выявлять и соблюдать заявленный правообладателями «opt-out», а подпункт (d) дополнительно вводит обязанность публиковать резюме о контенте, использованном для обучения [4]. Положения Директивы 2019/790 имплементированы в национальное законодательство государств-членов ЕС. В частности, в Германии соответствующая норма закреплена в § 44b Закона об авторском праве (UrhG). Действенность механизма «opt-out» подтверждена решением Земельного суда Мюнхена от 11 ноября 2025 года по делу «GEMA v. OpenAI» (№42 O 14139/24). Суд, применив § 44b UrhG, удовлетворил иск GEMA: использование текстов песен для обучения GPT-4 без лицензии при наличии «opt-out» признано нарушением, а сохранение текстов в модели - воспроизведением [3].

В Российской Федерации регулирование находится на этапе законопроекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий ИИ», опубликованного на портале проектов нормативных актов 18 марта 2026 года. Часть 5 статьи 13 прямо устанавливает, что извлечение информации из охраняемых объектов для обучения ИИ не является нарушением авторских прав

при условии правомерного доступа. В отличие от европейского подхода, механизм «opt-out» в законопроекте отсутствует. Взамен часть 2 статьи 13 обязывает включать в пользовательские соглашения информацию о происхождении обучающих данных и предупреждение о рисках непреднамеренного воспроизведения [5]. Данное требование прозрачности коррелирует с общей проблемой, отмечаемой в доктрине: как указывают Ц. Купер, Б. Мартенс, К. Пойкерт и В Стокер, многие из наиболее распространённых моделей ИИ непрозрачны, компании скрывают данные и методы обучения, а примерно в 65% публичных наборов данных информация о лицензировании отсутствует или неверна [1].

Проведенный анализ показывает, что ключевая проблема не в самом факте использования охраняемых произведений для обучения ИИ, а в отсутствии сбалансированных правил доступа и контроля за их использованием. Европейская модель с механизмом «opt-out» демонстрирует, что правообладателю может быть предоставлен действенный превентивный инструмент, не блокирующий полностью обучение моделей. Российский законопроект, напротив, решает проблему через снятие риска для разработчиков при правомерном доступе и через требования договорной прозрачности, но фактически оставляет авторов без возможности заранее запретить включение их произведений в обучающие выборки. В этих условиях логичным представляется не заимствование европейской модели целиком, а точечная корректировка законопроекта. Во-первых, ввести специальный режим отказа правообладателя от использования его произведения для обучения ИИ (режим, аналогичный механизму «opt-out») - такое решение позволило бы сформировать легальный рынок обучающих лицензий. Во-вторых, необходимо конкретизировать требование прозрачности: простого указания в пользовательском соглашении недостаточно, поэтому закон должен предусматривать минимальный объём раскрытия информации о категориях и

принципах отбора данных, не раскрывая при этом полных датасетов. В совокупности такие поправки позволят сместить баланс к более гибкой модели: разработчикам - предсказуемость и снижение транзакционных издержек, а правообладателям - реальный, хотя и ограниченный, контроль над участием их произведений в обучении ИИ.

Список источников

1. The Law and Economics of Generative AI and Copyright: A Primer to Core Challenges for Our Digital Future / Z. Cooper, B. Martens, C. Peukert, V. Stocker // Rev Netw Econ. 2025. Vol. 24, № 3. P. 161–176. DOI 10.1515/rne-2025-0039.

2. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // Official Journal of the European Union. L 130. 17.5.2019. P. 92–125.

3. LG München I, Urteil vom 11.11.2025 – 42 O 14139/24 (GEMA ./. OpenAI) // GRUR-RS 2025, 30204. URL: https://www.gesetze-bayern.de/ (дата обращения: 10.04.2026).

4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L, 2024/1689. 12.7.2024.

5. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ID 02/04/03-26/00166424) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=166424 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Шрайберг Я. Л. Вопросы авторского права в отношении произведений, созданных при помощи генеративного искусственного интеллекта / Я. Л. Шрайберг, К. Ю. Волкова //

Научные и технические библиотеки. 2025. № 2. С. 115–130. DOI 10.33186/1027-3689-2025-2-115-130.

УДК 347.97

Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему: правовые проблемы

Перезябов Никита Сергеевич
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, nikita.perezyabov@gmail.com

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, правосудие, алгоритмизация, цифровизация, генеративный ИИ, правовые риски, AI Act.

Цифровая трансформация является одним из приоритетных направлений развития судебной системы Российской Федерации. Внедрение технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) в судопроизводство переходит из стадии концептуального обсуждения в плоскость практической реализации, что порождает комплекс проблем. В настоящее время в правовой доктрине и законодательстве отсутствует единый подход к регулированию применения ИИ в судебной деятельности. Это обусловлено новизной явления для отечественной правовой системы, ограниченным объемом эмпирических данных и сложностью определения правовой природы решений, принимаемых с участием алгоритмов.

© Перезябов Н. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Цель настоящей работы - классификация технологий ИИ, применяемых в судебной системе, и систематизация возникающих в связи с этим правовых проблем.

Для достижения цели выделены три группы технологий: автоматизация рутинных процессов, системы поддержки принятия решений и генеративные нейросети общего назначения. Автоматизация технической работы (подготовка судебных приказов, протоколирование, анализ документов) наименее проблемна с правовой точки зрения, но значима для оптимизации нагрузки на судей. К ней относятся подготовка проектов судебных приказов, автоматическое протоколирование и анализ входящих документов. Эффективность автоматизации подтверждается внедрением программных комплексов «Магис» и «Нейромагис»: к концу 2025 года они внедрены на 215 судебных участках в 32 субъектах Российской Федерации [8]. Вместе с тем обработка персональных данных в подобных системах сопряжена с рисками утраты конфиденциальности и целостности информации [6].

Ограничением выступает ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ, запрещающая принятие юридически значимых решений исключительно на основе автоматизированной обработки [2]. Вследствие этого даже в приказном производстве за судьей сохраняется контрольное полномочие по проверке проекта судебного акта. В отличие от технической автоматизации, системы поддержки принятия решений (СППР) направлены на анализ обстоятельств дела, подбор правовых норм и прогнозирование судебного акта. Ключевой правовой проблемой здесь выступает непрозрачность алгоритма («черный ящик»), исключающая возможность проверки мотивов, которыми руководствовалась система при формировании вывода [3]. Это противоречит конституционному принципу мотивированности судебного решения и праву на состязательный процесс [1; 4].

Более того, даже текущий уровень использования аналитических систем создает реальные угрозы для стабильности судебной практики: в материалы дел поступают процессуальные документы, сгенерированные нейросетями и содержащие ссылки на несуществующие судебные акты, что вводит участников процесса в заблуждение [5]. С точки зрения оценки доказательств, отсутствие унифицированных стандартов верификации данных, полученных при содействии ИИ, порождает риск существенных смысловых искажений [7]. Использование судьями общедоступных генеративных нейросетей (ChatGPT, YandexGPT) при подготовке судебных актов формирует особую категорию правовых рисков. Специфика данной группы состоит в том, что соответствующие технологии не сертифицированы для юридической деятельности и применяются несмотря на то, что в процессуальном законодательстве подобные системы не закреплены. Проводя сравнительное исследование стоит отметить, что зарубежный законодатель уже осуществил переход к императивным ограничениям. Так, Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (EU AI Act) относит системы ИИ, используемые при отправлении правосудия, к категории высокого риска и прямо закрепляет, что вынесение итогового решения относится к исключительной компетенции судьи-человека [9].

Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему должно основываться на следующем принципе: технология выполняет вспомогательную функцию, не подменяя судью. Автоматизация делопроизводства допустима при условии соблюдения требований к информационной безопасности. Применение аналитических систем требует обязательной верификации их выводов. Генеративные нейросети могут использоваться исключительно для подготовки проектов процессуальных документов. При любом уровне технологического

развития окончательное судебное решение остаётся неотчуждаемой прерогативой судьи-человека.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 14.03.2026).

2. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2026).

3. Порохов М. Ю. Судейское усмотрение и искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве / Порохов М. Ю., Кузнецова Е. М. // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 4. С. 66–72. URL: https://ralj.ru/article/view/(2025)4.11 (дата обращения: 14.03.2026).

4. Саудаханов М. В. Конституционно-процессуальные гарантии в условиях алгоритмизации публичной власти: проблема черного ящика и механизмы его преодоления // Закон и право. 2025. № 12. С. 100–104.

5. Лаптев В. А. Нейросети как угроза развитию судебной практики и профессиональная юридическая этика // Право.ру. 2025. 17 сент. URL: https://pravo.ru/opinion/260283/ (дата обращения: 14.03.2026).

6. Вронская М. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект: компаративистское исследование / Вронская М. В., Кузнецов А. В. // Территория новых возможностей. 2025. Т. 17, № 2. С. 149–161.

7. Шейкин А. Провел круглый стол о законодательном регулировании применения технологий искусственного интеллекта в судебной системе РФ. 2025. 15 апр. URL:

http://special.council.gov.ru/events/news/165902/ (дата обращения: 14.07.2026).

8. Амурскую систему для ускорения работы судей представили на форуме в Петербурге // Амурская правда. 2025. 10 нояб. URL: https://ampravda.ru/2025/11/10/uskorjayushchuyu-obrabotku-del-v-100-raz-sistemu-dlja-sudejj-priamurja-predstavili-na-forume-v-peterburge (дата обращения: 14.03.2026).

9. Regulation EU 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L 2024/1689. 2024. 12 July. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 34.349

Сравнительный анализ антидискриминационных мер в регулировании искусственного интеллекта в различных юрисдикциях

Писаревская Софья Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Spisarevskaya.2@mail.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, дискриминация, механизмы регулирования.

На данный момент наблюдается быстрый темп развития технологий ИИ. Алгоритмическое принятие решений проникает в кредитование, медицину, подбор персонала, в выявлении

© Писаревская С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

преступлений, в работе судебной системы. Причиной дискриминации в ИИ являются используемые данные для обучения, которые могут содержать исторический опыт, различные предубеждения. Недостаточное качество данных приводят к неоправданному дифференцированному воздействию и ущемлению прав по признакам пола, расы, национальности, вероисповедания. Учитывая вышесказанное, государства стремятся сбалансировать инновационный рост и защиту человека от дискриминации, но выбирая разные инструменты.

В ЕС наблюдается системность в регулировании ИИ, высокая защита прав потребителей, создание глобального стандарта. Акт об ИИ (AI Act), принятый в 2024 году, устанавливает первую в мире всеобъемлющую нормативную базу, основанную на уровне риска систем [1]. Ключевыми антидискриминационными механизмами являются: запрет социального скоринга, обязательства по оценке фундаментальных прав для систем высокого риска, требования к качеству данных, включая проверку на дискриминацию, прозрачность и информирование пользователей о взаимодействии с ИИ-системами. Также уделяется внимание защите уязвимых групп и предотвращению усиления существующих социальных неравенств.

В США напротив наблюдается децентрализованная система регулирования ИИ. Дискриминация особенно проявляется в найме, правоохранительной деятельности, здравоохранении [2]. Основная причина —исторические предубеждений касаемо пола, расы, возраста через алгоритмы и данные [3]. Система оценки риска совершения преступления (COMPAS), предсказывает вероятность рецидива, используя данные, связанные с расой, что приводит к более строгим приговорам при работе с темнокожими, азиатами и женщинами [4]. К антидискриминационным механизмам в США относится судебная защита, антидискриминационные иски. Модель

США строится на регулировании уже случившегося вреда, причиненного ИИ.

В отсутствие федеральных законов штаты создают собственные. Так в закон Калифорнии о справедливом трудоустройстве внесены изменения, регулирующие использование ИИ. Запрещается работодателям использовать критерии при принятии решения, которые дискриминируют работников и кандидатов по возрастному, половому, расовому или иному признаку.

В Китае иной подход понимания дискриминационного контента ИИ, в который вкладывается не только защита индивидуальных прав, как на Западе, а также обязанность ИИ выдавать контент, соответствующий государственной идеологии и политики партии. Общие принципы регулирования постепенно воплощаются в узкоспециализированных правилах [5]. 1 марта 2022 года вступило в силу «Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями информационных интернет-сервисов» [6]. Документ обязывает лиц соблюдать в рамках своей работы принципы справедливости, открытости и прозрачности. 10 января 2023 года вступило в силу Положение «О порядке осуществления деятельности по управлению информационными интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза», обязывающее маркировать сгенерированные ИИ фото, видео и другие данные, что повышает прозрачность и позволяет идентифицировать источник потенциально предвзятого материала.

В России правовое регулирование вопросов, связанных с дискриминацией при использовании ИИ, только формируется. На сегодняшний день отсутствует единый федеральный закон, однако размещен законопроект об ИИ, который предполагает исключение дискриминационных алгоритмов. На данный момент защита от дискриминации обеспечивается через несколько ключевых

механизмов. Федеральный закон «О персональных данных» защищает граждан от полностью автоматизированных решений. Также национальная стратегия развития ИИ до 2030 года: задает общие цели и приоритеты развития технологий [7]. Кодекс этики в сфере ИИ, к которому добровольно присоединились сотни организаций, содержит принципы справедливости, прозрачности и человекоцентричности, однако носит рекомендательный характер.

Резюмируя вышесказанное, подходы к регулированию ИИ различаются в зависимости от правовой и социальной специфики стран. Но едино признание: алгоритмическая дискриминация недопустима. Повсеместно разрабатываются нормы, призванные защитить от неё общество. Развитие регулирования в будущем требует сближения стандартов на международном уровне, создания более продвинутых технических инструментов для проверки алгоритмов и налаживания тесного сотрудничества между специалистами в области права и других дисциплин.

Список источников

1. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 11.03.2026).

2. Американский American Leadership in Artificial Intelligence: Executive Order 13859 of February 11, 2019. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence (дата обращения: 11.03.2026).

3. Волобуев А. В. Этика искусственного интеллекта, дискриминация и неравенство // Век глобализации. 2023. № 3 (47). С. 48–62.

4. Губайдуллина Э. Х. ИИ в судебной деятельности / Губайдуллина Э. Х., Барабошкина А. А. // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 121–123.

5. Саяпин С. П. О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае // Право и политика. 2025. № 3. С. 19–29.

6. Положение о порядке осуществления деятельности по управлению информационными интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза (утв. Государственной администрацией киберпространства Китая 25.11.2022). URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 11.03.2026).

7. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 19. Ст. 2503.

УДК 340

Национальная цифровая валюта как средство совершенствования налогового администрирования

Погодаева Полина Владимировна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ppogodaeva-yy24@stud.sfu-kras.ru

Ключевые слова: налоговое администрирование, цифровой рубль, национальная цифровая валюта, налоговая прозрачность.

© Погодаева П. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что сегодня многие страны находятся на активном этапе разработки и внедрения цифровых валют, успешность имплементации которых является одним из показателей развития государств и законодательства последних.

Отечественное правовое регулирование налогообложения операций с цифровым рублём основывается на Федеральном законе № 610-ФЗ от 19.12.2023 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» [6]. Вступившие в силу с 01 января 2025 года ключевые новеллы затронули статьи 46, 76, 86 и 149 Налогового кодекса РФ [там же]. Законодательные поправки предусматривают возможность взыскания налоговой задолженности, возникшей из-за неполной уплаты или неуплаты налога, за счёт цифровых рублей при недостаточности средств на иных счетах налогоплательщика, вводят механизм приостановления операций по переводу цифровых рублей, возлагают на оператора специализированной платформы обязанность информировать налоговые органы об открытии либо закрытии цифровых кошельков и представлять выписки по совершённым операциям, а также освобождают от обложения налогом на добавленную стоимость операции по открытию и ведению указанных кошельков и переводы цифровых рублей [там же].

Нормативную основу для определения признаков цифрового рубля составляют положения гражданского, административного и банковского законодательства. Цифровой рубль следует охарактеризовать в качестве особого объекта гражданских прав, входящего в разряд безналичных денежных средств. Правомочие по осуществлению эмиссии национальной цифровой валюты закреплено в качестве исключительной прерогативы за ЦБ РФ, реализуемой в монопольном порядке. Цифровой рубль

характеризуется наличием статуса законного платёжного средства, функционирование которого осуществляется в правовых границах специально установленного регуляторного режима, императивно постулирующего безусловную обязанность его акцепта по номинально выраженной стоимости.

Термин «налоговое администрирование» впервые введён в законодательный оборот наименованием Федерального закона № 137-ФЗ от 27.07.2006 «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования» [5], однако чёткая легальная дефиниция отсутствует. На основании п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации [4], которые составляют базис налогового администрирования, представляется возможным синтезировать комплексное понятие: налоговое администрирование представляет собой систему правоотношений, возникающих в связи с взиманием налогов и сборов налоговыми органами, осуществлением налогового контроля и надзора за соблюдением налогового законодательства.

Одной из острых проблем при внедрении национальной цифровой валюты в качестве инструмента налогового администрирования остаётся поиск равновесия между фискальной прозрачностью и неприкосновенностью частной жизни. Сторонники расширения контрольных полномочий налоговых органов аргументируют свою позицию необходимостью противодействия теневому сектору экономики и рассматривают цифровой рубль как значимый фактор построения транспарентной налоговой системы [3, с. 47]. А.М. Курьянов подчёркивает, что сокращение масштабов теневой экономики служит одним из ключевых критериев оценки эффективности деятельности фискальных структур [1, с. 25]. Д.Э. Рябышев и Е.Ю. Золочевская

указывают, что архитектурные свойства цифрового рубля позволяют квалифицировать его не только как денежный инструмент, но и как элемент государственного управления нового поколения, способный содействовать автоматизации налоговых процессов, внедрению мониторинга в реальном времени и снижению административной нагрузки [7, с. 114]. Ряд авторов отмечает то, что цифровой рубль обеспечивает оперативный контроль за движением денежных средств при налоговом администрировании [2, с. 1480].

Противоположная научная позиция акцентирует риски установления тотального государственного надзора. Указывается, что предоставление государству доступа к информации о финансовых потоках физических лиц практически в режиме реального времени ведёт к стиранию границ неприкосновенности частной жизни [8, с. 123].

Видится оправданным применение компромиссного подхода, который обеспечивал бы баланс частных и публичных интересов, не допуская нарушения границ конфиденциальности пользователей цифрового рубля и гарантируя свободу использования национальной цифровой валюты. Для достижения указанного равновесия представляется необходимым, с одной стороны, реализовать комплекс мероприятий по полноценной интеграции цифрового рубля в систему расчётов и налогового администрирования, а с другой — императивно закрепить в законодательстве положения, препятствующие необоснованному контролю за расходами налогоплательщиков и получению сведений о частной жизни, не имеющих непосредственного отношения к налоговым правоотношениям.

Следует констатировать, что, несмотря на высказываемые в научной среде опасения, большинство исследователей признают высокую потенциальную эффективность цифрового рубля в контексте совершенствования системы взимания налогов и сборов,

что обусловлено имманентно присущими данной форме валюты характеристиками, позволяющей осуществлять мониторинг её движения. При условии соблюдения предложенного компромиссного подхода национальная цифровая валюта способна выступить действенным инструментом совершенствования налогового администрирования и обеспечить решение стоящих перед государством фискальных задач.

Список источников

1. Курьянов А. М. Теневая экономика: причины и следствия / А. М. Курьянов // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2023. № 6. С. 25–30.

2. Макаров М. Ю. Внедрение цифрового рубля как средства повышения прозрачности финансовых потоков / М. Ю. Макаров // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 11. С. 1472–1482.

3. Родачева А. И. От анонимности к прозрачности: цифровой рубль в борьбе с теневой экономикой / А. И. Родачева, Д. А. Созанская // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2025. № 4. С. 39–48.

4. Российская Федерация. Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 05.03.2026).

5. Российская Федерация. О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования: Федеральный закон от 27.07.2006 № 137-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61787/ (дата обращения: 05.03.2026).

6. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах: Федеральный закон от 19.12.2023 № 610-ФЗ.
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464804/ (дата обращения: 05.03.2026).

7. Рябышев Д. Э. Цифровые валюты как инструмент развития процесса налогового администрирования: сравнение архитектуры цифрового рубля и иностранных цифровых валют / Д. Э. Рябышев, Е. Ю. Золочевская // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 3. С. 105–115.

8. Стыценко Р. А. Пробелы и противоречия в законодательном регулировании цифрового рубля в Российской Федерации / Р. А. Стыценко // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 119–126.

УДК 342.56

Обработка и защита персональных данных судей и государственных гражданских служащих судебной системы: проблемы правового регулирования и пути гармонизации

Тлумач Софья Дмитриевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, summer-2009@mail.ru

Ключевые слова: персональные данные, защита информации, судьи, государственные гражданские служащие, судебная система, Федеральный закон №152-ФЗ, конфиденциальность, информационная безопасность, правовое регулирование.

Электронные архивы судов и цифровые контуры судопроизводства значительно увеличили массивы сведений, циркулирующих внутри судебной системы. Речь идет не только о данных работников аппарата, но и о персональной информации судей, утрата конфиденциальности которой затрагивает уже не частную сферу как таковую, а условия, при которых вообще сохраняются независимость правосудия и защищенность государства [5, с. 352].

Опорой для анализа выступают Конституция РФ, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

© Тлумач С. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Их сопоставление обнаруживает несоразмерность в регулировании обработки и защиты персональных данных двух центральных групп участников судебной системы — судей и государственных гражданских служащих аппарата судов. Для последних Закон о гражданской службе задает определенный порядок: ограничения, связанные со служебной информацией, правила доступа к ней, дисциплинарные последствия разглашения данных сформулированы достаточно ясно [8; с.35-39]. В Законе о статусе судей блок, касающийся защиты персональных данных, остается разрозненным и во многом отсылочным; сама регламентация сохраняет заметную неопределенность [4, с. 280].

Особую напряженность создает столкновение двух требований, каждое из которых само по себе юридически обосновано. Сведения о доходах судьи, составе его семьи, имущественном положении по своей природе относятся к числу позиций, для которых Закон о персональных данных предполагает повышенную охрану [8; с.35-39]. При избыточной доступности подобных данных становятся более осязаемыми риски давления, шантажа и дискредитации носителей судебной власти [6, с. 18-21].

Не менее показательно состояние механизмов контроля. Административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность формально присутствуют, но по своему содержанию и настройке они не вполне соотносятся с уровнем современных киберугроз. В литературе обращается внимание на отсутствие специальных уголовно-правовых составов, предусматривающих ответственность за посягательство на конфиденциальность данных судей [7; 8, с.35-39].

Л.С. Михайлова обоснованно указывает, что шифрование, межсетевые экраны и иные технические средства не исчерпывают задачу безопасности данных в судах.

Материал исследования подводит к необходимости корректировки действующей модели. Прежде всего требуется

изменить Закон о статусе судей, закрепив в нем специальный, внутренне согласованный режим обработки и защиты персональных данных судей. В его конструкции должен быть ясно разведен объем сведений, подлежащих обязательному опубликованию по антикоррупционным основаниям, и информация, относящаяся к охраняемой законом личной и семейной тайне [4, с. 280; 9, с.97-109].

Одновременно нуждается в развитии подзаконное регулирование. Судебному департаменту при Верховном Суде РФ целесообразно подготовить организационные и технические стандарты безопасности [10, с.28].

Отдельного решения требует и вопрос проверки защищенности: в практику судов должен быть введен регулярный, не реже одного раза в два года, независимый аудит информационной безопасности с участием специализированных организаций. Его результаты логично использовать как основание для устранения обнаруженных уязвимостей и последующего обновления защитных механизмов [7].

Для государственных гражданских служащих аппаратов судов необходима постоянная профессиональная подготовка и переподготовка по вопросам обращения с конфиденциальной информацией и противодействия киберугрозам.

На фоне нарастающих цифровых угроз устойчивость правосудия и общественное доверие к судебной власти все заметнее зависят от того, насколько последовательно будут закрыты именно эти правовые, контрольные и организационные разрывы.

Список источников

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

3. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

4. Амелин Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. М.: НОРМА, 2023. 280 с.

5. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / отв. ред. Л. К. Терещенко. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

6. Иванников Ф. В. Защита и сохранение персональных данных в современных условиях // Мировой судья. 2025. № 6. С. 18–21.

7. Михайлова Л. С. Меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в судах: правовой аспект. 2023. № 8. С. 365–371.

8. Хуснутдинов А. И. (Не)специальная обработка «специальных » персональных данных: всегда ли целью можно оправдать средства? // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 5. С. 35–39.

9. Цирин А. М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 97–109.

10. Шадрин С. А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском Союзе: генезис и перспективы развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.

УДК 340.5

Подходы к регулированию нейроотехнологий: в Россиии за рубежом

Томсон Алёна Сергеевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tomsonalena@yandex.ru

Ключевые слова: нейротехнологии, нейроимплант, нейроправо, нейроданные.

Нейротехнологии признаются одной из ключевых прорывных (сквозных) технологий в силу их способности к радикальной трансформации общества и межотраслевому характеру использования, охватывающему медицинскую, военную, производственную, образовательную, трудовую и рекреационную сферы.

Стремительное развитие обусловлено множеством факторов.

11 декабря 2019 года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приняла Рекомендацию Совета по ответственным инновациям в нейротехнологиях (OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology). Этот документ стал первым международно-правовым стандартом «мягкого права» в сфере регулирования нейротехнологий.

12 ноября 2025 года на 43-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «Рекомендация по этике нейротехнологий» — первый глобальный нормативный документ в этой области. Как инструмент «мягкого права», она не имеет обязательной

© Томсон А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

юридической силы, но призвана влиять на развитие национальных законодательств и практик.

Согласно Дорожной карте Минцифры России 2019 года, к субтехнологиям нейротехнологического направления относятся нейропротезирование, нейроинтерфейсы, нейростимуляция и нейросенсинг. Эти междисциплинарные области, объединяющие биологию, химию, медицину, материаловедение, нанотехнологии, кибернетику и механику демонстрируют особенно высокие темпы развития [1].

Сами же нейротехнологии определяются как область устройств и процедур для доступа, мониторинга, исследования, оценки, манипуляции или эмуляции нейронных систем человека или животных [2].

Опубликованная в США в августе 2018 года Дорожная карта беспилотных систем (до 2042 г.) провозглашает приоритетом сращивание человеческих возможностей с машинными. Ключевой упор сделан на «взаимодействие человека и машины», где машины будут восприниматься не просто как инструменты, а как полноценные и важные члены команды.

Также в апреле 2024 года в Колорадо (США) действие закона о конфиденциальности официально распространили на нейроданные. Закон признаёт, что их сбор ведёт к частично недобровольному разглашению информации — поскольку человек, даже согласившись на нейротехнологии, не может контролировать, какой именно объём данных будет раскрыт [3].

Франция стала первым государством, включившим в национальное законодательство блок норм, регламентирующих сферу нейротехнологий. В частности, были введены ограничения на использование методов нейровизуализации в коммерческих целях (Шваб 2018, 197). [4].

Позже французское законодательство закрепило два ключевых положения: во-первых, нейровизуализация допустима

лишь с информированного согласия пациента и только для медицины, науки или судэкспертизы (ст. 16-14 Гражданского кодекса) [5]; во-вторых, запрещена дискриминация по признаку нейроданных (ст. 225.3 Уголовного кодекса) [6].

В контексте глобальной научной повестки и в рамках стратегии развития «креативной экономики» правительство Республики Корея в 2016 году инициировало Корейскую мозговую инициативу (Korea Brain Initiative, KBRI). Запуск проекта последовал за стартом аналогичных международных программ по исследованию мозга, получивших развитие с 2013 года. Целями инициативы были выявлены: развитие нейротехнологий и формирование национальной экосистемы нейронауки, исследование механизмов высокой функциональности мозга и построение комплексной модели функционирования здорового и патологически изменённого мозга, разработка персонализированных терапевтических подходов к лечению психических и неврологических расстройств и т.д. [7].

Чилийские законодатели рассматривают инициативу № 13828-19, призванную гарантировать гражданам защиту нейроданных и неприкосновенность психики, установив четкие правила проведения нейротехнологических исследований.

Поправки, внесенные в статью 19.1 Конституции в октябре 2021 года, установили, что научно-технический прогресс должен быть человекоцентричным, уважать право на жизнь и неприкосновенность психики, а законодательство — предусматривать особые меры охраны мозговой активности и нейроданных. [8].

Таким образом, мировое сообщество только начинает осознавать, что нейротехнологии требуют не просто обновления отдельных норм, а пересмотра базовых юридических и этических концепций (равенство, свобода воли, неприкосновенность частной жизни и психической сферы).

Список источников

1. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 03.02.2026).

2. Развитие нейротехнологий: этические проблемы и общественные дискуссии / А. Л. Хохлов, М. Ю. Котловский, А. В. Павлов [и др.] // Медицинская этика. 2023. Т. 12, № 1. С. 20–25.

3. Colorado General Assembly. Protect Privacy of Biological Data (HB24-1058). 2024. URL: https://leg.colorado.gov/bills/hb24-1058 (дата обращения: 03.02.2026).

4. Филипова И. А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 3. С. 502–521.

5. Code civil. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721 (дата обращения: 03.02.2026).

6. Code pénal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719 (дата обращения: 03.02.2026).

7. Korea Brain Research Institute. Brief Summary of Korea Brain Initiative (KBRI). URL: https://www.kbri.re.kr/new/pages_eng/sub/page.html?mc=3186 (дата обращения: 03.02.2026).

8. CFija el texto refundido, coordinado y sistematizado de la Constitución Política de la República de Chile, Decreto 100 (2005, SEP. 22). URL: https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302 (дата обращения: 03.02.2026).

Цифровой маркетинг: тенденции развития, мировые и российские практики

УДК 339.138

Роль веб-аналитики в повышении эффективности услуг маркетингового агентства

Афанасьева Валерия Олеговна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, lera.afanaseva@mail.ru

Ключевые слова: веб-аналитика, визуализация, сайт, эффективность, сбор и анализ данных, конверсия, пользовательский (клиентский) путь, показатели, метрики, поведение, пользователи.

В настоящее время в связи с законодательными изменениями сайт становится основным стабильным источником привлечения клиентов для бизнеса. На рынке растет уровень недобросовестной конкуренции, и при исследовании данных по сайтам клиентов у большей части 60% трафика составляют боты. Изменение поисковой выдачи и все большее распространение ИИ-выдачи меняет поведение пользователей. Потребители привыкают получать всю необходимую информацию в одном месте без лишних движений и длинной воронки. В связи с ростом спроса на данные нулевого и первого порядка компании начали активно внедрять системы управления взаимоотношениями с клиентами, что позволяет изучать клиентов и их поведение более углубленно. В связи с кризисом во всех сферах бизнеса, особенно в мебельной и девелоперской нише, клиентам становится важна не стабильность показателей, а постоянный рост поведенческих и конверсионных метрик сайта. Это все говорит о возникновении необходимости

© Афанасьева В. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

внедрения веб-аналитики в стандартные услуги маркетингового агентства.

Основными целями веб-аналитики являются: оценка конверсионных показателей и показателей посещаемости сайта, изучение источников трафика и их эффективности, исследование поведения и характеристик пользователей на платформе, определение тенденций среди конкурентов, оптимизация сайта и воронки продаж, улучшение пользовательского опыта.

Процесс веб-аналитики главным образом состоит из: определения предварительных проблем и целей, выгрузки данных, проверки качества данных и их корректировки, определения значимых метрик и их анализ на трех уровнях (состояние в настоящий момент, динамика и детализированный анализ), анализа ЦА и клиентского пути, анализа конкурентов, сопоставления данных и определения узких мест, выдвижения гипотез, составления дорожной карты, проверки гипотез, интерпретация результатов и принятие решения о масштабировании, применении или отклонении решения.

Основными системами веб-аналитики являются Яндекс.Метрика, Roistat, MyTracker, Calltouch, Callibri. Инструменты, которые помогают изучить пользователей и их поведение представлены в таблице 1.

Таблица 1. Инструменты, используемые в веб-аналитике

Инструмент	**Описание**
SimilarWeb	Аналитика рынка и анализ платформ конкурентов
Яндекс.Формы	Создание форм для опроса пользователей
Яндекс Тег Менеджер	Настройка отслеживания событий на сайте без знания кода
Яндекс.Вордстат	Определение семантического ядра для сайта и анализ спроса по ключевым словам
Яндекс.Взгляд	Создание опросов и UX-тестов для пользователей
Click.ru	Съем позиций в поисковиках и ключевых слов и объявлений контекстной рекламы конкурентов
Топвизор	Съем позиции и частоты запросов собственного сайта и сайтов конкурентов, технический аудит сайта

Окончание таблицы 1.

Инструмент	**Описание**
Target.Hunter	Сбор статистики социальных сетей конкурентов, анализ собственной аудитории в социальных сетях и аудитории конкурентов
Optimizely	Проведения A/B-тестирования, персонализация контента сайта и анализ результатов
Varioqub	Проведения A/B-тестирования, персонализация контента сайта и анализ результатов
Яндекс.Вебмастер	Технический и SEO-аудит сайта, анализ позиций конкурентов
DataLens	Бизнес-ориентированная BI-платформа для создания дашбордов с возможность подключения к локальным и облачным базам данных
Power BI	Бизнес-ориентированная BI-платформа для продвинутой аналитики от компании Microsoft

В процессе проведения веб-аналитики мебельной компании было выявлено, что посетители с мобильной версии суммарно за 90 дней составили 19,3 тыс. – 65,38% от всех посетителей. При этом отказы с мобильных устройств выше, чем у ПК - 34%, а конверсия в заявки – только 0,26%. Время на сайте со смартфона составляет 1 м 51 с в среднем, с ПК – почти 3 минуты. При оптимистичном варианте повышение конверсии с мобильных устройств всего на 1 % позволяет получить почти в 2,5 раза больше конверсий, чем при таких же условиях с ПК. 81 человек начали оформление заказа, но так и не купили. Из них 34 человека не из Красноярска (метрика). Причины выхода со страницы корзины: отсутствие варианта доставки внутри формы для покупателей не из Красноярска, даже при смене города; отсутствие поля для адреса для юридических лиц; сложность скачать счет для оплаты; загораживание окном для менеджера кнопки оформить заказ. Среди женщин – основной аудитории – в корзине оставлено 505 товаров, куплено всего 15. Среди мужчин из 124 товаров в корзине куплено 13. Конверсия из корзины в покупку у мужчин составляет 10,5%, а у женщин – 2,97%. Самая частая страница выхода – корзина. У некоторых статей большое количество посетителей, но низкая глубина -1,07. То есть

посетители читали статью и уходили, не совершив ни одного действия на сайте.

Внесение корректировок в мобильную версию сайта и корректировка страницы «оформления заявки», работа сброшенными корзинами путем ретаргетинга и доработки самой корзины, добавление в популярные статьи ссылок на товары – могут привести к получению дополнительных 707646 руб. в течение 3-х месяцев (без учета дополнительных затрат) при достижении минимального эффекта и среднем чеке 11994 руб.

Также было принято решение провести веб-аналитику на сайте клиента с длительным сроком работы с агентством, стабильными хорошими результатами и исключительно положительным мнением сотрудников о сайте бизнеса. Ниша – IT-услуги и оборудование для магазинов. В процессе было выявлено, что страницы сайта с общем описанием услуги и переходом к отдельным конкретным услугам не конвертируют пользователей. Если пользователи заходят на общую страницу услуг, то вероятнее всего они выйдут с нее, не перейдя больше никуда (глубина <2). Процесс получения коммерческого предложения (КП) пользователям был не понятен и закольцованным. Только 7 пользователей из 42 оформили заказ (из тех, кто запрашивал КП) – за 3 месяца 4 дополнительных заказа. Пользователи не из Красноярска не понимают, как оформить заказ – потеря 15 дополнительных заказов за 3 месяца. В целом процесс оформления услуг вводил пользователя в заблуждение. Анализ показал потенциал роста основных метрик, и исправление узких мест на сайте позволило бы достичь еще более положительных результатов

Таким образом, веб-аналитика в услугах маркетингового агентства: улучшает пользовательский опыт на платформе бизнеса; повышает влияние маркетинговых показателей на показатели бизнеса; делает действия агентства более обоснованными в глазах клиента; объединяет услуги SEO, контекстной рекламы и ТП в одно целое и позволяет рассчитать эффект в совокупности.

Список источников

1. Что такое веб-аналитика // Сравни. Курсы. 2025. URL: https://edu.sravni.ru/kursy/info/veb-analitika/.

2. Бродецкая А. Все ходы записаны: чем занимаются веб-аналитики / А. Бродецкая, А. Зуйкова // Яндекс.Практикум. Блог. 2024. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-web-analitika/

3. Русаков А. Зачем нужны системы веб-аналитики // Texterra. Блог 2024. URL: https://texterra.ru/blog/zachem-nuzhny-sistemy-veb-analitiki.html.

4. Вершинин О. Веб-аналитика: показатели, источники и 24 сервиса для анализа // Neiros. Блог. 2024. URL: https://neiros.ru/blog/analytics/veb-analitika-pokazateli-istochniki-i-24-servisa-dlya-analiza/.

5. Чекалина Е. Все, что надо знать бизнесу про веб-аналитику: виды, инструменты, советы от практиков // Yagla. Блог 2025 URL: https://yagla.ru/blog/o-saitah/vse-chto-nado-znat-biznesu-pro-veb-analitiku-vidy-instrumenty-sovety-ot-praktikov--2506u113052/.

УДК 338.48

Цифровой маркетинг для устойчивого туризма: инструменты и эффективность

Гарофало Фогачо Брайан Фернандо
Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, bgarofalo1@yandex.com

Ключевые слова: цифровой маркетинг, устойчивый туризм, цифровые инструменты, эффективность, поведение потребителей, воздействие на окружающую среду.

Туристический сектор сегодня — динамичная глобальная индустрия, способствующая развитию новых направлений и предлагающая уникальные впечатления. Местное население обеспокоено минимизацией негативных воздействий на социальную среду, что требует анализа стратегий для обеспечения долгосрочной жизнеспособности на основе устойчивого развития и общей ответственности за охрану окружающей среды.

В отчете «Устойчивый туризм 2024-2025» (Booking.com и GSTC) указано, что 84% из 31 000 путешественников считают устойчивый туризм приоритетом, а 69% хотели бы оставлять места в лучшем состоянии [1]. Это отражает взаимность посещения и необходимость заботы при любой рекреационной деятельности. Цифровой маркетинг понимается как набор стратегий, продвигающих инициативы через цифровые инструменты для привлечения потребителей [2]. Его связь с устойчивым туризмом направлена на стимулирование контролируемой динамики,

© Гарофало Фогачо Б. Ф., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

влияние на принятие решений и выделение позитивных и негативных факторов в социальной среде.

Цель исследования — анализ значимости цифрового маркетинга в устойчивом туризме как инструмента продвижения, определение его ресурсов и эффективности в привлечении потребителей и диверсификации деятельности. Исследование основано на систематическом обзоре научных статей, использует качественно-описательный подход и направлено на анализ тенденций, инструментов и эмпирических результатов.

Цифровая трансформация и устойчивое развитие стали стратегическими столпами туризма. После пандемии сектор укрепил цифровые технологии, улучшившие его функциональность, и вовлёк устойчивость в управление и цифровой переход [3]. Вклад цифрового маркетинга в устойчивость очевиден в планировании и интеграции стратегий для стабильного позиционирования [4]. Сектор стремится влиять на решения посетителей, стимулируя ответственность за сохранение природных и культурных ресурсов, поэтому цифровые инструменты — движущая сила социальных изменений.

Социальные сети и интересный контент — ключевые факторы привлекательности направлений. «Электронное сарафанное радио» (отзывы клиентов) стало индикатором имиджа направления и отношения к устойчивости [5]. Растёт значимость инфлюенс-маркетинга и качественного контента для построения доверия [6]. Создание контента важно для повышения экологической осведомлённости и формирования новой парадигмы [7].

Интеграция цифрового маркетинга с продвижением устойчивого туризма требует не только использования платформ, но и анализа данных и потребностей потребителей [8]. Цифровые инструменты эффективны при участии подготовленных специалистов, понимающих рынок и устойчивость. Охват цифровой коммуникации связан с государственной поддержкой

устойчивого развития [9]. Сектор сложен из-за множества участников, поэтому необходима их координация, чтобы цифровые инструменты повышали осведомлённость о сохранении дестинаций и формировали позитивное восприятие для долгосрочной устойчивости.

Цифровой маркетинг — стратегическая ось, продвигающая инициативы, помогающие минимизировать социальные недостатки. Он влияет на мышление и решения посетителей через надёжную персонализированную коммуникацию. Его эффективность зависит от качества сообщения и координации заинтересованных сторон. В растущей отрасли цифровые инструменты — ключевой фактор формирования решений в социальной и природной среде.

Список источников

1. Всемирный совет по устойчивому туризму. Презентация отчета Booking.com о путешествиях и устойчивом развитии за 2025 год, посвященного GSTC. 2025. URL: https://www.gstc.org/gstc-at-booking-2025-travel-sustainability-report-launch/

2. Веластеги Лопес Э. Маркетинг как стратегия для туризма // Explorador Digital / Веластеги Лопес Э., Сигча П. / 2019. № 4. С. 20-33. URL: https://www.researchgate.net/publication/330732367_Marketing_digital_como_una_estrategia_para_el_turismo.

3. Устойчивость и цифровая трансформация: возрождение туризма после COVID-19/ Суч Девеса М. Х., Перлес Рибес Х. Ф., Мас Перес В. [и др.] // Economistas. 2024. № 185. С. 249-258.

4. Альколеа Парра М. Анализ стратегий цифрового маркетинга для укрепления устойчивого туризма: тематическое исследование Манги-дель-Мар-Менор / Альколеа Парра М., Бастидас А., Санчес-Гонсалес О. // VISUAL REVIEW International Visual Culture Review. 2024. Т. 16, № 5. С. 129-147. DOI 10.62161/revvisual.v16.5300.

5. Хиль-Крус М. Образ устойчивых туристических направлений в социальных медиа: обзор литературы // European Public & Social Innovation Review. 2024. Т. 9. С. 1-21. DOI 10.31637/epsir-2024-835.

6. Родригес-Идальго А. Б. Маркетинг влиятельных лиц в туризме: систематический обзор литературы / Родригес-Идальго А. Б., Тамайо Сальседо А. Л., Кастро-Рикальде Д. // Revista de Comunicación de la SEECI. 2023. № 56. С. 99–125. DOI 10.15198/secci.2023.56.e809.

7. Гутьеррес Гутьеррес Р. А. Тенденции маркетинга в связи с изменением климата: обзор литературы с 1992 по 2023 год // Revista Semilla Del Este. 2025. Т. 5, № 2. С. 297–316. DOI 10.48204/semillaeste.v5n2.7157.

8. Анализ стратегий цифрового маркетинга для парка Гуэль / Фондевилья-Гаскон Х. Ф., Пуйггос Э., Гутьеррес-Арагон О. [и др.] // ROTUR. Revista de Ocio y Turismo. 2024. Т. 18, № 1. С. 25–40. DOI 10.17979/rotur.2024.18.1.9770.

9. Самбрано Саласар С. М. Устойчивый туризм в Эквадорской Амазонии: роль цифровой коммуникации / Самбрано Саласар С. М., Гонгора-Чеме Д. В. // Revista Enfoques De La Comunicación. / 2025. № 13. С. 65-111.

УДК 659.1

Сравнительный анализ международных практик управления репутацией бренда в цифровой среде

Заморникова Дарья Сергеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dzamornikova@list.ru

Ключевые слова: управление репутацией бренда, цифровая среда, B2B-бренд, национальные модели управления репутацией, SERM, блокчейн, AI-платформы.

В условиях цифровой трансформации управление репутацией бренда становится критическим фактором конкурентоспособности. В статье представлен сравнительный анализ четырех национальных моделей управления репутацией (американской, европейской, азиатской и российской), а также рассматриваются успешные практические кейсы. На основе проведенного анализа систематизированы нерешенные задачи, формирующие проблемное поле для разработки комплексных механизмов управления репутацией бренда в цифровой среде.

Можно выделить четыре модели управления репутацией бренда. Их сравнительная характеристика представлена в таблице 1.

Рассмотренные теоретические модели применяются в конкретных бизнес-кейсах [2-5]:

1. Кейс B2B Stars (американская технологическая модель): AI-движок платформы анализирует все доступные B2B-отзывы,

© Заморникова Д. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

отфильтровывая B2C-контент, и формирует агрегированную оценку удовлетворенности. Платформа охватывает большую часть B2B-компаний с численностью сотрудников более 10 человек в США и Западной Европе;

Таблица 1. Сравнительная характеристика национальных моделей управления репутацией бренда [1]

Критерий сравнения	**Американская**	**Европейская**	**Азиатская**	**Российская**
На что направлен фокус	Репутационный рейтинг, технология, масштаб	Блокчейн, юридическая достоверность	Личный бренд руководителя, социальные сети и связи	Поисковая выдача, SERM, геосервисы
Основные инструменты	Агрегированные данные, автоматический скоринг, AI-платформы,	Мониторинг, верификация отзывов, блокчейн-рейтинги,	Социальные сети, нетворкинг, LinkedIn,	Сайты-отзовики, 2GIS, Yandex и др.
Ключевые метрики	Награды в отрасли, кредитный/, репутационный рейтинг	Юридическая значимость, достоверность	Количество лидов, Connection Rate, Response Rate	Рейтинг, доля позитива и нерелевантных страниц в выдаче
Ограничения	Формализация, сложность учеба специфики в отрасли	Неготовность рынка к внедрению высокосложных инструментов	Субъективность, трудозатратность	Фокус на поисковую выдачу, а не на системный рейтинг

2. Кейс CDEK (азиатский и европейский подходы через личный бренд руководителя): адаптируя стратегию под региональную специфику и используя LinkedIn, компания достигла значительного роста лидов (136 за период в ЮВА) и успешно вышла на новые рынки;

3. Кейс Webit (Россия): использование SERM-подхода для промышленного B2B. За шесть месяцев работы с производителем стройматериалов удалось трансформировать структуру поисковой выдачи: доля позитивных упоминаний в ТОП-10 выросла с 20% до 55%, а доля негатива снизилась с 40% до 10%;

4. Кейсы EventsInsurance и WoodBlocX (Великобритания): европейская модель. Использование платформы Feefo с проверенными отзывами позволило EventsInsurance повысить доверие брокеров, а производителю WoodBlocX – успешно масштабироваться на рынки Франции и Германии, получить высокие показатели отклика и рейтинги.

Несмотря на успешность отдельных инструментов, существует ряд проблем:

– отсутствие интеграции: рассмотренные кейсы демонстрируют эффективность лишь некоторых инструментов (AI, socialselling, SERM, верификация). Комплексный подход, интегрирующий все аспекты, недостаточно развит и эффективен. Малая часть компаний полностью интегрируют маркетинговые и репутационные стратегии с технологической инфраструктурой;

– сложность измерения: нет достаточно проработанной и адаптированной универсальной методики оценки влияния репутации на конверсию в длинных B2B-циклах (где большая часть покупок «застревают» на этапах воронки);

– проблема достоверности: достаточное количество потребителей сталкиваются с поддельными AI-отзывами. Блокчейн-решения (как в европейской модели) пока являются сложнымии не для всех доступными;

– дефицит проактивности: только небольшая доля CEO готова к управлению репутационными рисками, связанными с искусственным интеллектом. Существующие кейсы решают текущие, а не будущие проблемы;

– низкий уровень доступности для малого и среднего бизнеса: чаще всего именно малые и средние компании не знают, с чего начать системную репутационную работу.

Таким образом, необходимо формирование инновационного адаптированного подхода к управлению репутацией бренда в современных условиях цифровизации. Это создает поле для дальнейшего исследования и работы в данной области.

Список источников

1. Ивченко С. В. Сравнительный анализ моделей менеджмента // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 1. URL: https://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13406 (дата обращения: 13.04.2026).

2. B2BSTAR // Workspase digital awards. URL: https://workspace.ru/awards/cases/b2bstar/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. Кейс №79 - Кейс со CDEK // Гильдия маркетологов URL: https://www.marketologi.ru/ (дата обращения: 13.04.2026).

4. Репутационный кейс в B2B: как мы собрали доверие с нуля и заняли SERP // RUWARD. URL: https://ruward.ru/cases/9961/?ysclid=mnwn7rmxju204237476 (дата обращения: 13.04.2026).

5. How WoodblocX partners with Feefo to build advocacy // Feefo. URL: https://business.feefo.com/en-us/customer-stories/woodblocx-trust-feefo-reviews (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 004.8;658.8;69.003.12

Редизайн клиентского пути в строительной отрасли с применением технологий искусственного интеллекта

Захаров Игорь Сергеевич, Троско Виктория Александровна, Панин Эдуард Александрович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, IZakharovSFU@yandex.ru

Ключевые слова: искусственный интеллект, клиентский путь, редизайн клиентского сервиса, строительная отрасль, девелопмент, цифровизация, LLM-агенты, AR/VR-технологии, PropTech, речевая аналитика.

Благодарности: авторы выражают благодарности научному руководителю Ветцелю Константину Яковлевичу, старшему преподавателю каф. МиМА МУБП СФУ.

Актуальность темы исследования обусловлена масштабным проникновением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу клиентского сервиса и нарастающей цифровой трансформацией строительной отрасли. Российский рынок ИИ демонстрирует нарастающую динамику. В 2024 году 34% отечественных компаний использовали ИИ, ещё 18% планировали начать внедрение в течение года [1].

К 2025 году доля организаций, применяющих ИИ-инструменты для решения бизнес-задач, достигла 43% — рост составил 32% к аналогичному периоду 2024 года [2].

© Захаров И. С., Троско В. А., Панин Э. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Рынок генеративного ИИ в России к концу 2025 года оценивается в 58 млрд. рублей, что в пять раз превышает показатель 2024 года [3].

Наибольший масштаб внедрения фиксируется именно в маркетинге, продажах и клиентском сервисе. Рынок ИИ-решений для клиентского сервиса составил 14 млрд. рублей в 2024 году при ежегодном росте 40%, а к 2029 году прогнозируется его увеличение свыше 50 млрд. рублей [4].

В строительной отрасли в 2025 году проникновение ИИ также набирает темп - 31,4% строительных компаний в России уже применяют ИИ, 83,3% проявляют к этому интерес, а 39% накопили необходимую базу данных для обучения моделей [5]. Цифровизация клиентского сервиса стала одним из ключевых приоритетов средних и крупных девелоперов. Клиентский путь в девелопменте охватывает все точки контакта потребителя с компанией: от первого знакомства с объектом до послепродажного обслуживания. Традиционная модель на основе офисных визитов и ручной обработки обращений демонстрирует очевидные ограничения в скорости и персонализации, что стимулирует переход к адаптивным, управляемым данными системам.

На этапе первичного привлечения и презентации объекта ключевым инструментом редизайна стали AR/VR-технологии и 3D-визуализация. ГК «ПИК» внедрила VR-шоурумы, позволяющие клиенту в полном масштабе «пройтись» по квартире, оценить планировку и вид из окна, не посещая офис продаж. Объявления с 3D-турами на «Яндекс.Недвижимости» демонстрируют на 37% более высокую вовлечённость пользователей [6].

Группа «Самолёт» сделала виртуальные туры стандартом для межрегиональных сделок - до 80% покупателей из других городов принимают решение о покупке без физического визита на объект [7].

На этапе консультирования и подбора объекта центральную роль играют ИИ-ассистенты и рекомендательные системы. Чат-боты и голосовые агенты на базе больших языковых моделей (LLM) обрабатывают типовые обращения, подбирают планировки по

заданным параметрам и сопровождают клиента в круглосуточном режиме. Спрос на подобные решения в PropTech-сегменте вырос в 7 раз за 2024–2025 годы [8].

Сравнительная характеристика основных типов ИИ-решений для клиентского сервиса девелопера представлена в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика ИИ-решений для клиентского сервиса в девелопменте

Тип решения	**Стоимость внедрения, руб.**	**Срок окупаемости**	**Эффект**
ИИ-чат-боты/LLM-агенты	25000 – 4800000	от 3 до 6 месяцев	30–70% обращений
Голосовые ассистенты и речевая аналитика	150000 – 3000000	от 6 до 12 месяцев	15–30% конверсии
AR/VR-туры и виртуальные шоурумы	500000 – 10000000	от 12 до 24 месяца	20–37% вовлечённости
Рекомендательные системы	300000 – 5000000	от 6 до 18 месяцев	Рост лояльности

На этапе продаж и сопровождения сделки значимым инструментом становится речевая аналитика, позволяющая в автоматическом режиме анализировать 100% переговоров менеджеров с клиентами, выявлять отклонения от скриптов продаж и оценивать эмоциональный фон разговора. Применение LLM и речевой аналитики в контакт-центре в этом году повысило скорость ответов клиентам в 7 раз, а производительность операторов — на 21% [9]. Крупнейшие девелоперы — ПИК, «Самолёт», А101 — используют речевую аналитику для контроля качества продаж на объектах.

На послепродажном этапе ИИ обеспечивает автоматизацию приёма заявок, координацию аварийных обращений и предиктивную аналитику технического состояния объектов. Виртуальные помощники на технологии RAG автоматически отвечают на типовые вопросы клиентов по эксплуатации жилья и применению материалов, сокращая нагрузку на службу поддержки [10]. Предиктивные системы позволяют девелоперам

прогнозировать отток клиентов и формировать персонализированные предложения по удержанию.

Редизайн клиентского пути в строительной отрасли на основе ИИ охватывает все ключевые этапы взаимодействия с покупателем: от визуализации объекта до постпродажного сервиса. Технологии AR/VR, LLM-агенты, речевая аналитика и рекомендательные системы формируют новую архитектуру клиентского опыта, в которой скорость, персонализация и доступность становятся нормой, а не конкурентным преимуществом. Для девелоперов, ориентированных на долгосрочное развитие, инвестиции в цифровизацию клиентского пути — это инструмент формирования лояльности и устойчивого роста продаж.

Список источников

1. Как российские компании используют ИИ в клиентском сервисе: реальные данные и ROI // Servizoria URL: https://servizoria.ru/ourblog/kak-rossijskie-kompanii-ispolzuyut-ii-v-klientskom-servise-realnye-dannye-i-roi/ (дата обращения: 09.04.2026).

2. Как ИИ меняет правила игры в продажах и клиентском сервисе // 1PS URL: https://1ps.ru/blog/ai/2025/kak-iskusstvennyij-intellekt-menyaet-pravila-igryi-v-prodazhax-i-klientskom-servise/ (дата обращения: 11.04.2026).

3. В 2025 году российский рынок генеративного ИИ вырастет в 5 раз // CNews URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-12-09_v_2025_godu_rossijskij_rynok (дата обращения: 11.04.2026).

4. Российская платформа привлекла 115 млн. руб. для ИИ-агентов в клиентском сервисе // Inc. Russia URL: https://incrussia.ru/news/rossijskaya-platforma-privlekla-115-mln-rub-dlya-razvitiya-ii-agentov-avtomatiziruyushhih-klientskij-servis/ (дата обращения: 09.04.2026).

5. Как применить ИИ в строительстве: мировой опыт // Digital Developer. URL: https://digitaldeveloper.ru/news/tsifrovizatsiya/9jy484zfo1-kak-primenit-ii-v-stroitelstve-mirovoi-o (дата обращения: 12.04.2026).

6. 3D-туры на Яндекс.Недвижимости // BN.ru. URL: https://www.bn.ru/gazeta/articles/280177/ (дата обращения: 12.04.2026).

7. Виртуальные туры Группы «Самолёт» // BN.ru. URL: https://www.bn.ru/gazeta/articles/280177/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Искусственный интеллект в девелопменте: кейсы застройщиков // Движение. URL: https://dvizhenie.ru/media/181/iskusstvennyi-intellekt-v-developmente-keisy-zastroishchikov (дата обращения: 12.04.2026).

9. Искусственный интеллект завоёвывает бизнес // ЦИПР URL: https://cipr.ru/izdanie-2025/iskusstvennyj-intellekt-zavoevyvaet-biznes/ (дата обращения: 12.04.2026).

10. Искусственный интеллект в девелопменте: кейсы застройщиков // Движение. URL: https://dvizhenie.ru/media/181/iskusstvennyi-intellekt-v-developmente-keisy-zastroishchikov (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 82.09

Цифровое продвижение инновационной продукции промышленных компаний на рынке B2B в условиях санкционных ограничений

Коршикова Екатерина Евгеньевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, korshikovakatrin@yandex.ru

Ключевые слова: цифровое продвижение, рынок B2B, инновационная продукция, импортозамещение, промышленный маркетинг, санкции, поисковая оптимизация, контент-маркетинг, маркетплейсы, PR.

Внешние санкции изменили условия работы российских промышленных предприятий. Согласно опросу Института народнохозяйственного прогнозирования РАН за сентябрь 2024 года, 53% компаний не смогли найти в стране замену импортному оборудованию и комплектующим, хотя в апреле 2022 года таких было 62%. Основным каналом замещения остаётся китайский импорт - 68% в 2024 году, а доля российских аналогов выросла с 38% до 54%. Несмотря на улучшения, зависимость от зарубежных поставок сохраняется, и уход западных поставщиков вынуждает отечественных производителей ускоренно разрабатывать и выводить на рынок собственную импортозамещающую продукцию [1].

Выпуск инновационного продукта, способного конкурировать с зарубежными аналогами, - лишь начало коммерциализации. Не

© Коршикова Е. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

менее важно выстроить эффективное продвижение на рынок B2B. Традиционные офлайн-каналы утратили результативность, основой маркетинга становятся цифровые инструменты. По данным Data Insight, объём онлайн-продаж и закупок B2B и B2G в России в 2024 году достиг 65,8 трлн рублей, или 36,8% ВВП, а к 2030 году превысит 150 трлн рублей [2]. Оборот B2B-маркетплейсов и интернет-магазинов в 2025 году вырос на 11,1% и составил 2 трлн рублей [3]. Выручка от электронной коммерции B2B в 2025 году достигла 47 млрд долларов [4].

Практический опыт показывает, что поисковая оптимизация и контент-маркетинг остаются базовым каналом привлечения квалифицированных лидов в промышленном секторе. Комплексная SEO-оптимизация способна увеличить органический трафик на 34% за пять месяцев и вывести 42% целевых запросов в топ-3 выдачи [5]. Средняя стоимость лида в производственном секторе составляет около 3231 рубля, и системное SEO снижает её на 40–60% [6]. Ключевыми элементами стратегии являются экспертный контент, детальная проработка карточек товаров с чертежами и спецификациями, а также присутствие в отраслевых каталогах и профессиональных сообществах.

Промышленный PR превратился в стратегический инструмент снижения стоимости привлечения клиентов, выхода на новые рынки и укрепления репутации. Одна публикация в отраслевом издании, адресованная лицам, принимающим решения, способна превзойти по эффективности массовую рекламную кампанию. Опыт платформы Tech Ex показал, что грамотная PR-работа позволяет достичь за три месяца результатов, на которые в B2B обычно уходит от четырёх до шести месяцев, а выход в ведущие отраслевые медиа происходит уже на втором месяце. Публикации в федеральных деловых и специализированных изданиях обеспечивают охват ключевой аудитории и вывод брендовых запросов в топ-10 поисковой выдачи. Консервативные предприятия

теперь также проводят онлайн-презентации и развивают корпоративные медиа [7].

Продвижение импортозамещающей продукции на рынке B2B требует доказательства ее конкурентоспособности: заказчикам нужны подтверждения, что отечественная разработка не уступает зарубежным аналогам. Поскольку 37% предприятий изменили технологические цепочки из-за нехватки импортных комплектующих, надежность отечественного решения становится решающим аргументом [1]. Решения о закупках в промышленности опираются на технические характеристики, поэтому критически важно предоставлять качественную документацию.

Таким образом, цифровое продвижение инновационной продукции на рынке B2B в условиях санкций требует системного подхода и объединения различных инструментов. Наиболее результативными каналами выступают B2B-маркетплейсы, профессиональные сообщества в российских соцсетях и промышленный PR в отраслевых и деловых СМИ. Ключевым условием успеха становится многоканальная стратегия, учитывающая специфику высокотехнологичной продукции и особенности принятия решений в сегменте B2B. Предприятия, эффективно интегрирующие цифровые инструменты в маркетинг, получают значительное конкурентное преимущество на формирующемся рынке импортозамещения.

Список источников

1. Более 50% предприятий сообщили, что не нашли в России замены импорту // РБК.ru : [сайт]. 2024. 4 сен. URL: https://www.rbc.ru/economics/04/09/2024/66d6c3689a7947b952097443 (дата обращения: 14.04.2026).

2. Маркетинговое исследование Отраслевой отчет по B2B и B2G онлайн-продажам и закупкам: текущее состояние, объёмы рынка, тренды и прогноз 2025-2030. // DataInsight.ru : [сайт]. 2025.

22 июля. URL: https://datainsight.ru/DI_b2b_b2g_eCommerce (дата обращения: 14.04.2026).

3. Рынок b2b-маркетплейсов и интернет-магазинов в России по итогам 2025 году увеличится до 2 трлн рублей // Retailer.ru : [сайт]. 2025. 2 дек. URL: https://retailer.ru/rynok-b2b-marketplejsov-i-internet-magazinov-v-rossii-po-itogam-2025-godu-uvelichitsja-do-2-trln-rublej/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Мошкин Е. Цифровая трансформация в B2B: платформы меняют правила игры на сырьевом рынке // Comnews.ru : [сайт]. 2025. 30 июля. URL: https://www.comnews.ru/content/239914/2025-06-30/2025-w27/1013/cifrovaya-transformaciya-b2b-platformy-menyayut-pravila-igry-syrevom-rynke (дата обращения: 14.04.2026).

5. Как за 5 месяцев добиться +34% трафика и вывести 42% запросов в топ-3 // Companies.rbc.ru: [сайт]. 2025. 20 нояб. URL: https://companies.rbc.ru/news/wMU3iwJ8qL/kak-za-5-mesyatsev-dobitsya-34-trafika-i-vyivesti-42-zaprosov-v-top-3/ (дата обращения: 14.04.2026).

6. SEO для промышленности: от трафика к контрактам // Companies.rbc.ru : [сайт]. 2025. 30 дек. URL: https://companies.rbc.ru/news/xekjqMT0uA/seo-dlya-promyishlennosti-ot-trafika-k-kontraktam/ (дата обращения: 14.04.2026).

7. Разорёнова Е. Кейс PR-продвижения: как заявить о себе, если вы B2B-стартап в сложной нише // Texterra.ru : [сайт]. 2025. 19 сен. URL: https://texterra.ru/blog/keys-pr-prodvizheniya-kak-zayavit-o-sebe-esli-vy-b2b-startap-v-slozhnoy-nishe.html (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 338

Цифровые технологии дизайн-мышления в цифровом маркетинге

Ли Юйтун
Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 717561340lyt@gmail.com

Ключевые слова: цифровой маркетинг, дизайн-мышление, цифровые технологии, пользовательский опыт, маркетинговые решения, A/B-тестирование.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Филимоненко Ирине Владимировне, д-р. экон. наук, зав. кафедры Маркетинга и международного администрирования.

Цифровая трансформация радикально меняет подходы компаний к инновационному развитию. Исследователи подчёркивают, что цифровые технологии (Big Data, ИИ, ML, VR/AR) становятся инструментами, позволяющими ускорять процесс разработки решений [1]. Рынок дизайн-мышления значительно вырос за последние годы, поскольку компании из различных отраслей промышленности осознали ценность дизайна, ориентированного на человека, в своих стратегиях. Объем мирового рынка дизайн-мышления в 2022 году оценивался в 1,45 млрд долларов США, и, по прогнозам, совокупный темп роста (CAGR) составит 23,7% в период с 2023 по 2030 год, достигнув рыночной стоимости в 1758 миллионов USD к концу периода. Этот рост свидетельствует о растущем внедрении методологии

© Ли Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

проектирования в отраслях, от здравоохранения до потребительской электроники.

В условиях цифровой трансформации цифровой маркетинг всё в большей степени связан не только с продвижением продукта, но и с анализом поведения пользователей, персонализацией коммуникаций и постоянной проверкой принимаемых решений. Современные компании получают доступ к значительным объёмам данных о реакции аудитории, каналах взаимодействия, структуре клиентского пути и результатах рекламных кампаний. Важнейшее значение приобретает не само наличие данных, а способность интерпретировать эту информацию в логике реальных потребностей пользователя и на её основе корректировать маркетинговые действия.

Цель исследования состоит в рассмотрении возможностей применения цифровых технологий дизайн-мышления в цифровом маркетинге и выявлении их значения для анализа пользовательского опыта, постановки маркетинговых задач и проверки решений.

Наиболее значимыми для цифрового маркетинга являются этапы эмпатии, формулировки проблемы и тестирования. На этапе эмпатии цифровые технологии существенно расширяют возможности изучения аудитории. Для этого применяются CRM-системы, инструменты web-аналитики, онлайн-опросы, социальные сети и цифровые каналы обратной связи. Такие инструменты позволяют фиксировать пользовательские действия, выявлять повторяющиеся поведенческие паттерны, анализировать реакции аудитории и формировать более точное представление о её ожиданиях. Для цифрового маркетинга это имеет принципиальное значение, поскольку качество маркетинговых решений напрямую зависит от глубины пользовательских инсайтов.

Следующим важным этапом является формулировка проблемы. В маркетинговом контексте речь идёт не просто о

накоплении данных, а о переводе разрозненной информации в конкретную управленческую задачу. Такой задачей может быть низкая конверсия, слабая вовлечённость аудитории, недостаточная персонализация коммуникаций, разрывы в клиентском пути или снижение лояльности пользователей. Для решения подобных задач в цифровой среде применяются электронные доски, карты инсайтов, облачные пространства совместной работы, а также инструменты визуализации и структурирования информации. Их использование позволяет объединять данные из разных источников и формулировать маркетинговую проблему более обоснованно.

Особое прикладное значение для цифрового маркетинга имеет этап тестирования. Использование A/B-тестирования, аналитики пользовательского поведения, метрик вовлечённости, инструментов оценки конверсии и платформенных механизмов сбора отзывов даёт возможность быстро проверять маркетинговые гипотезы, сравнивать альтернативные варианты коммуникационных решений и своевременно корректировать действия компании.

Применение цифровых технологий дизайн-мышления в цифровом маркетинге обеспечивает несколько значимых эффектов. Во-первых, повышается качество анализа потребностей аудитории. Во-вторых, возрастает точность постановки маркетинговых задач. В-третьих, ускоряется проверка гипотез и корректировка решений. В-четвёртых, усиливается адаптивность коммуникаций к изменениям поведения пользователей. В итоге цифровой маркетинг приобретает более системный, клиентоориентированный характер.

Однако результативность использования цифровых технологий зависит от определённых условий. К ним относятся уровень цифровой зрелости организации, наличие аналитических компетенций, готовность команды к межфункциональному

взаимодействию и способность содержательно интерпретировать данные. При отсутствии этих условий цифровые инструменты могут использоваться лишь формально и не приводить к существенным изменениям в маркетинговой практике.

Таким образом, цифровые технологии дизайн-мышления занимают важное место в цифровом маркетинге, поскольку позволяют связать анализ пользовательского опыта, постановку маркетинговых задач и проверку решений в единую логическую систему. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка подходов к выбору цифровых инструментов для различных этапов дизайн-мышления с учётом специфики маркетинговых задач.

Список источников

1. Киселева О. Н. Направления цифровизации системы управления промышленным предприятием на основе внедрения технологий искусственного интеллекта в контексте достижения целей его устойчивого развития / Киселева О. Н., Родионов А. С. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, № 2. С. 149–163.

2. Бутковская Г. В. Цифровой маркетинг: поведение потребителей / Г. В. Бутковская, А. В. Статкус // Вестник университета. 2019. № 5. С. 128–136.

3. Johansson-Sköldberg U. Design thinking: Past, present and possible futures / U. Johansson-Sköldberg, J. Woodilla, M. Çetinkaya // Creativity and Innovation Management. 2013. Vol. 22, № 2. P. 121–146.

4. Elsbach K. D. Design thinking and organizational culture: a review and framework for future research / K. D. Elsbach, I. Stigliani // Journal of Management 2018. Vol. 44, № 6. P. 2274–2306.

5. Wrigley C. Implementing design thinking: understanding organizational conditions / C. Wrigley, E. Nusem, K. Straker// California Management Review. 2020. Vol. 62, № 2. P. 125–143.

6. Minet A. Design thinking in physical and virtual environments: conceptual foundations, qualitative analysis, and practical implications / A. Minet, D. Wentzel, S. Raff // Technological Forecasting and Social Change. 2024. Vol. 207. Art. 123596.

7. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28, № 2. P. 118–144.

УДК 339.138

Разработка комплексной системы e-commerce кондитерской фабрики «Краскон»: маркетинговое обоснование и цифровые инструменты продвижения

Сычевая Ксения Викторовна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, xeniasychevaya@yandex.ru

Ключевые слова: e-commerce, digital-маркетинг, кондитерская фабрика, персонализация подарков, оптимизация продаж, конструктор подарков.

В условиях цифровизации потребительского рынка традиционные производители вынуждены адаптировать бизнес-модели. Сегмент e-grocery демонстрирует устойчивый рост: в 2024 г. рынок увеличился на 44%, достигнув 1,3 трлн руб. [1]. Тренд на персонализацию формирует запрос на индивидуальный дизайн и уникальные продукты [2]. Для региональных компаний, таких как Красноярская кондитерская фабрика «Краскон», создание системы

© Сычевая К. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

e-commerce становится стратегическим инструментом преодоления территориальной ограниченности и диверсификации продаж.

Несмотря на стабильные финансовые показатели (выручка 1,1 млрд. руб. за 2024 г.), «Краскон» сталкивается с отсутствием онлайн-канала продаж, низкой узнаваемостью бренда за пределами Красноярского края, выраженной сезонностью подарочной продукции и слабым цифровым присутствием. Системный анализ показал, что ключевые причины носят стратегический, ресурсный и операционный характер [3].

Сегментация целевой аудитории и ценностное предложение. На основе опроса целевой аудитории с применением подхода Persona + User Story выделены четыре сегментов: «Лояльные традиционалисты» (женщины 35–65 лет, Красноярск, ценят качество местного производителя); «Потребители из других регионов» (25–40 лет, активные интернет-покупатели из других регионов, заинтересованные в аутентичных продуктах); «Молодые активные потребители» (18–35 лет, ценят интерактивность и креативность); «Корпоративные клиенты».

Ценностное предложение структурировано по пяти уровням модели Ф. Котлера: от базового (качественная продукция) через ожидаемый (удобный онлайн-заказ с доставкой) и расширенный (персонализация через конструктор подарков) до потенциального (круглогодичная платформа для подарков, эмоциональная связь с брендом). Формулировка предложения: «Краскон: Сибирские сладости в цифровой доступности — от любимых вкусов детства к персонализированным подаркам для всей России».

Анализ конкурентов. Выделены конкуренты компании «Краскон» по виду деятельности «Производство шоколада и сахаристых кондитерских изделий» и сопоставимой выручке и отдельно конкуренты-компании, предлагающие схожее технологическое решение – онлайн-конструктор подарков

Также был проведён сравнительный анализ выделенных ранее 15 кондитерских фабрик-конкурентов и 6 компаний с онлайн-конструктором подарков.

Ключевое конкурентное преимущество «Краскон» — концепция круглогодичного конструктора подарков на собственном производстве, что позволяет диверсифицировать продажи, контролировать качество и себестоимость, формировать целостный брендированный опыт.

Разработанное решение. MVP представляет собой интернет-магазин с конструктором подарков: пользователь собирает набор, выбирает упаковку, добавляет открытку или игрушку с визуализацией (рисунок 1). Технологическая инфраструктура: ЮKassa (платёжный агрегатор, PCI DSS), Битрикс24 (OMS/CRM), МойСклад (WMS), интеграция со службами доставки — Яндекс Доставка (локально), СДЭК и Почта России (межрегионально) [4; 5].

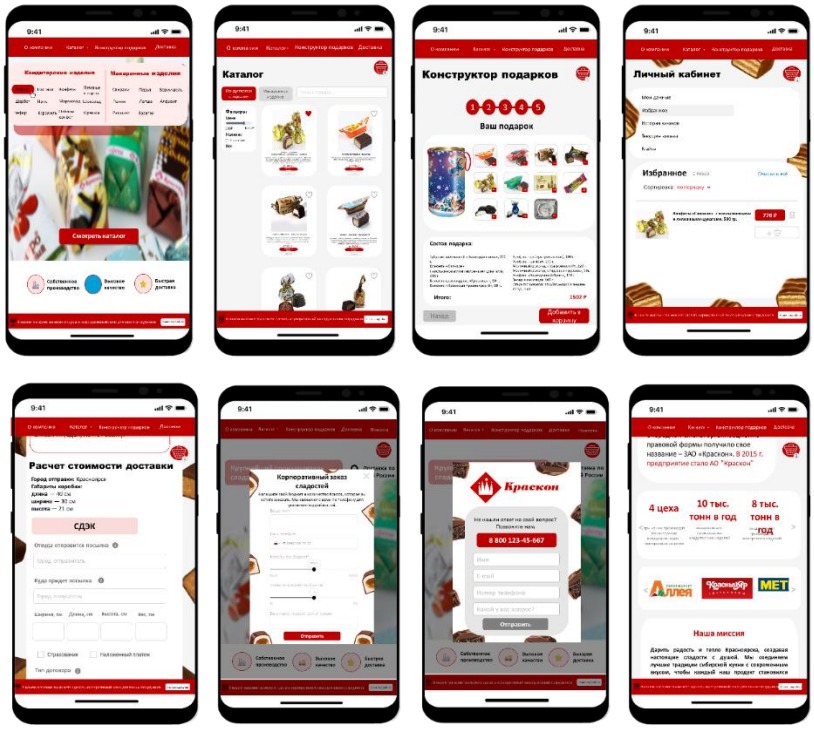


Рисунок 1. Прототип интернет-магазина «Краскон».

Стратегия продвижения для B2C предусматривает: таргетированную рекламу в ВКонтакте и Одноклассниках; коллаборации с микро-инфлюенсерами — администраторами городских пабликов; контент-маркетинг с рубрикой «Сибирская сладкая история»; SEO по кластерам: брендовые запросы, запросы по персонализации и тематические. Для B2B — прямая работа менеджера по корпоративным продажам [6].

Оценка рыночного потенциала и выводы. Расчёт методом «сверху вниз» показал: PAM для России — 2358,9 млн руб.; TAM для СФО в онлайн-сегменте — 160,2 млн руб.; SAM для персонализированной кондитерской продукции — 78,0 млн руб. при среднем чеке 1821 руб. (наценка 40–60% за персонализацию). Реально достижимый объём продаж (SOM) составляет 37,8 млн руб. — 48,5% от SAM, что обеспечивается лояльностью к бренду [7].

Проект позволяет преодолеть региональную ограниченность бренда, обеспечить круглогодичную диверсификацию продаж за счёт конструктора подарков и повысить пожизненную ценность клиента через CRM-автоматизацию. Сочетание традиционного качества с прорывным клиентским сервисом формирует устойчивое конкурентное преимущество и создаёт условия для долгосрочного развития в цифровой среде.

Список источников

1. Объём продаж на рынке e-grocery вырос на 44% // Sostav.ru. 2025. URL: https://www.sostav.ru/publication/obem-prodazh-e-grocery-za-god-vyros-na-44-72885.html (дата обращения: 22.09.2025).

2. Кондитерский рынок в 2025: аналитика и тренды // Cossa.ru. 2025. URL: https://www.cossa.ru/ingate/337348/ (дата обращения: 16.10.2025).

3. Официальный сайт «Краскон». 2025. URL: http://www.kraskon.ru/ (дата обращения: 22.09.2025).

4. ОКВЭД Код 10.82.2: Производство шоколада и сахаристых кондитерских изделий // РБК Компании. 2025. URL: https://companies.rbc.ru/okved/10.82.2/ (дата обращения: 23.10.2025).

5. Сервисы онлайн-платежей: обзор популярных // Клерк. 2025. URL: https://www.klerk.ru/blogs/moneta/665891/ (дата обращения: 10.11.2025).

6. Кейсы по контекстной рекламе // Пиксель Плюс. 2025. URL: https://pixelplus.ru/portfolio/kontekstnaya-reklama/ (дата обращения: 11.12.2025).

7. Каждая десятая покупка популярных продуктов приходится на сладости // New Retail. 2025. URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/kazhdaya_desyataya_pokupka/ (дата обращения: 01.11.2025).

УДК 339.138

Трансформация поискового продвижения под влиянием GEO и AEO

Трапезникова Дарья Васильевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, trapeznikova88820@mail.ru

Ключевые слова: цифровой маркетинг, поисковое продвижение, SEO, GEO, AEO, Generative Engine Optimization, Answer Engine Optimization, ИИ-поиск, адаптивные алгоритмы.

Традиционное поисковое продвижение (SEO) в течение многих лет строилось на оптимизации сайтов под алгоритмы

© Трапезникова Д. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Google и Яндекса. Основные инструменты включали подбор ключевых слов, работу со ссылочным профилем и техническую оптимизацию для достижения высоких позиций в поисковой выдаче и привлечения органического трафика [1].

Однако сейчас пользователи всё чаще получают готовые ответы от генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT, ЯндексGPT, Perplexity, Gemini), не переходя на внешние сайты. По актуальным оценкам, доля zero-click поисков (запросов, заканчивающихся без клика) составляет 40%, а при активации AI Overviews этот показатель может превышать 80%. В некоторых случаях до 93% сессий завершаются без перехода на сайт [2].

Generative Engine Optimization (GEO) представляет собой стратегию оптимизации контента специально для генеративных ИИ. Здесь основная цель – не занять высокую позицию среди синих ссылок, а обеспечить включение бренда или материала в синтезированные ответы нейросетей [3]. Answer Engine Optimization (AEO), в свою очередь, направлена на попадание контента в прямые ответы – AI Overviews, featured snippets и голосовые результаты, когда пользователь получает готовое решение вопроса непосредственно в интерфейсе поиска или чат-бота [4].

В условиях избыточного информационного предложения на большинстве рынков успех определяется общей видимостью в ИИ-ответах [5]. При этом исследования показывают, что бизнесы, активно инвестирующие в AEO и GEO, отмечают положительный эффект: 97% респондентов в 2025 году сообщили о положительном влиянии таких стратегий, а 94% планируют увеличить инвестиции в 2026 году [6].

Различия между традиционным SEO, AEO и GEO отражают фундаментальное изменение целей и форматов взаимодействия с аудиторией (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика SEO, AEO и GEO

Параметр	**SEO**	**AEO (Answer Engine Optimization)**	**GEO (Generative Engine Optimization)**
Основная цель	Высокие позиции и клики в SERP	Прямые ответы и видимость без клика	Цитирование и упоминание в ИИ-ответах
Формат взаимодействия	Синие ссылки в поисковой выдаче	Featured snippets, AI Overviews, голосовые ответы	Синтезированные ответы в ИИ
Ключевые факторы	Ключевые слова, техническая оптимизация	Структурированный контент, Schema markup	E-E-A-T, сущностная оптимизация, авторитет
Метрики успеха	Позиции, органический трафик	Доля в сниппетах, конверсия из ответов	Цитирования бренда в ИИ-ответах

Ключевые элементы трансформации поискового продвижения в 2026 году:

Во-первых, происходит переход от ключевых слов к сущностям и контексту. Современные ИИ-модели значительно лучше работают с семантически глубоким контентом, построенным на основе сущностей и смысловых связей между понятиями, а не на механическом повторении ключевых фраз [7].

Во-вторых, особое значение приобретает грамотное структурирование контента, которое облегчает его обработку искусственным интеллектом. Целесообразно размещать прямые и лаконичные ответы на основные вопросы уже в первых абзацах страницы. Стоит активно применять микроразметку Schema.org, в том числе типы FAQPage, HowTo и Article, а также использовать маркированные списки, таблицы и краткие выводы [4].

В-третьих, одним из ключевых факторов становится укрепление авторитетности контента по принципам E-E-A-T. Контент должен демонстрировать реальный опыт, опираться на

проверенные данные, содержать авторские исследования и ссылки на авторитетные источники [3].

В-четвёртых, вместо привычного отслеживания позиций в традиционной поисковой выдаче теперь требуется регулярно анализировать частоту упоминаний и цитирования бренда в ответах генеративных систем.

Digital-агентства уже выделяют GEO и AEO в самостоятельные направления стратегии продвижения. Новые алгоритмы Яндекса и Google учитывают генеративные ответы, поэтому нужно формировать гибридные модели, в которых традиционное SEO органично сочетается с работой над видимостью в ИИ-среде [5].

Техническая оптимизация сайта и его общий авторитет по-прежнему остаются важной основой, однако без своевременной адаптации под генеративные движки компании могут столкнуться с заметным снижением охвата в условиях высокой конкуренции [6].

В заключение, трансформация поискового продвижения под влиянием GEO и AEO означает переход от традиционной модели, ориентированной преимущественно на клики и позиции в выдаче, к новой модели, где главными факторами успеха становятся цитируемость, уровень доверия и способность напрямую удовлетворять информационные запросы пользователей в ИИ-экосистеме.

Список источников

1. Как продвигать сайты в 2026 году, когда поиск стал AI-driven // Habr.com. 27.01.2026. URL: https://habr.com/ru/companies/click/articles/989656/.

2. GEO-продвижение и нейровыдача в 2026 году // Aksioma-Web.ru. 16.02.2026. URL: https://aksioma-web.ru/news/geo-prodvizhenie_kak_popast_v_nejrovydachu_i_ii-otvety_v_2026_godu/.

3. Mastering generative engine optimization in 2026: Full guide // Search Engine Land. 23.02.2026. URL: https://searchengineland.com/mastering-generative-engine-optimization-in-2026-full-guide-469142.

4. Answer engine optimization trends in 2026: How AEO is transforming the landscape // HubSpot Blog. 06.01.2026. URL: https://blog.hubspot.com/marketing/answer-engine-optimization-trends.

5. SEO в России — 2026: как поиск изменился навсегда // Sostav.ru. 29.03.2026. URL: https://www.sostav.ru/blogs/284242/81401

6. The State of AEO / GEO in 2026: CMO Investment Report // Conductor. 30.03.2026. URL: https://www.conductor.com/academy/state-of-aeo-geo-report/.

7. Generative Engine Optimization (GEO): The 2026 Guide // LLMrefs. 2026. URL: https://llmrefs.com/generative-engine-optimization.

8. SEO vs AEO vs GEO: Key Differences, Strategies, and What Actually Works in 2026 // Digital Agency Network. 2026. URL: https://digitalagencynetwork.com/aeo-vs-seo-vs-geo/.

УДК 338.33

Применение технологий цифрового маркетинга для перепозиционирования компаний в рамках стратегий диверсификации

У Мохань
Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: цифровой маркетинг, диверсификация, перепозиционаирование компании, глобальная цивилизация.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Филимоненко Ирине Владимировне, д-р. экон. наук, зав. кафедры Маркетинга и международного администрирования.

В статье рассматриваются ключевые тенденции развития цифрового маркетинга в условиях глобальной цифровизации. На основе статистических данных международных агентств (Statista, DataReportal, Mediascope) и отраслевых обзоров (АКАР, IAB Russia) выявлены структурные изменения в распределении рекламных бюджетов, рост влияния искусственного интеллекта, развитие маркетинга влияния и трансформация потребительского поведения. Проведён сравнительный анализ мировых и российских практик цифрового маркетинга, определены перспективные направления дальнейших исследований.

Цифровая трансформация экономики, усилившаяся в период пандемии COVID-19 и последующих геополитических изменений, кардинально изменила подходы к маркетинговым коммуникациям. Если в 2019 году глобальные расходы на цифровую рекламу составляли $304 млрд, то по итогам 2024 года они достигли $667

© У М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

млрд, что составляет 72 % всех рекламных бюджетов в мире [1]. В России, несмотря на санкционное давление и уход ряда зарубежных платформ, объём интернет-рекламы также продолжает расти: в 2024 году он составил 730 млрд руб., увеличившись на 34 % по сравнению с предыдущим годом [2].

Согласно ежегодному отчёту *Digital 2025* агентства *We Are Social* и *Meltwater*, количество интернет-пользователей в мире достигло 5,61 млрд человек (66 % населения Земли), при этом 5,24 млрд являются активными пользователями социальных сетей [3]. Такая динамика создаёт устойчивую базу для развития цифровых каналов коммуникации.

Основные глобальные тренды:

1. Доминирование мобильного трафика. Более 61 % интернет-трафика приходится на мобильные устройства. Рекламные бюджеты смещаются в сторону мобильных форматов (видео, stories, push-уведомления).

2. Искусственный интеллект (AI) в маркетинге. Согласно отчёту *Salesforce* (2024), 76 % маркетологов используют AI для персонализации контента, прогнозной аналитики и автоматизации рекламных кампаний [4].

3. Маркетинг влияния (influencer marketing). Объём мирового рынка инфлюенс-маркетинга в 2024 году составил $24 млрд. Микро- и нано-инфлюенсеры (до 50 тыс. подписчиков) демонстрируют более высокий уровень вовлечённости (engagement rate) — 3,86 % против 1,63 % у макро-инфлюенсеров [5].

4. Видеоконтент и короткие форматы. 91 % пользователей отмечают, что предпочитают видеоконтент статичному. TikTok, YouTube Shorts и Instagram Reels формируют новую поведенческую модель — «бесконечное потребление» коротких роликов.

Российский рынок цифровой рекламы демонстрирует устойчивый рост, несмотря на внешние ограничения. По данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), в 2024 году общий объём рекламного рынка достиг 1,2 трлн руб., из которых 61 % приходится на интернет-сегмент [2].

Таблица 1. Динамика объёма интернет-рекламы в России, 2022–2024 гг. (млрд руб.)

Год	**Объём интернет-рекламы**	**Доля в общем рекламном рынке**
2022	398	55 %
2023	545	59 %
2024	730	61 %

Особенностью российского рынка стала переориентация с ушедших зарубежных платформ (Instagram*, Facebook*) на отечественные: VK, Telegram, Яндекс.Дзен, а также развитие новых форматов — например, продвижение в мессенджерах и закрытых каналах.

Внедрение AI-инструментов в маркетинговые процессы стало одним из главных драйверов эффективности. По данным исследования *IAB Russia* (2024), 68 % российских маркетинговых агентств используют нейросети для генерации контента, настройки таргетинга и анализа больших данных [6]. Согласно данным *Statista*, мировой рынок AI в маркетинге вырастет с $36 млрд в 2024 г. до $107 млрд к 2030 г. [7].

В 2024–2025 гг. наблюдаются значимые сдвиги в медиапотреблении. По данным *Mediascope*, среднесуточное время использования интернета в России среди аудитории 12+ составляет 4 часа 22 минуты, при этом 42 % этого времени приходится на мобильные устройства [8].

Таблица 2. Сравнение тенденций цифрового маркетинга: мировой и российский рынки

Критерий	**Мировой рынок**	**Российский рынок**
Доминирующие платформы	TikTok, Instagram*, YouTube	VK, Telegram, Яндекс.Дзен
Основной формат	Короткое вертикальное видео	Клипы, статьи в Дзен, Telegram-каналы
Инструменты AI	ChatGPT, Google AI, Adobe Sensei	YandexGPT, нейросети от VK и Сбера
Регулирование	GDPR, CCPA	ФЗ-152, ФЗ-149, регулирование рекламы
Доля digital в рекламе	72 %	61 % (с тенденцией к росту)

Проведённый анализ показывает, что цифровой маркетинг находится в стадии активной трансформации, обусловленной технологическими инновациями (AI, AR, программатик) и изменением поведения потребителей. Мировой рынок характеризуется высокой степенью консолидации данных и доминированием глобальных платформ, в то время как российский рынок демонстрирует устойчивость и адаптивность: формируются новые экосистемы (VK, Яндекс), усиливается роль национальных технологических решений, развиваются закрытые каналы коммуникации (Telegram).

Список источников

1. Statista. Digital Advertising Market Size Worldwide 2021–2028. URL: https://www.statista.com/statistics/237974/online-advertising-spending-worldwide/ (дата обращения: 10.03.2025).

2. АКАР. Объём рекламного рынка России в 2024 году. URL: https://akarussia.ru/knowledge/marketing/ (дата обращения: 12.03.2025).

3. We Are Social, Meltwater. Digital 2025: Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения: 10.03.2025).

4. Salesforce. State of Marketing Report 2024. URL: https://www.salesforce.com/resources/research-reports/state-of-marketing/ (дата обращения: 11.03.2025).

5. Influencer Marketing Hub. The State of Influencer Marketing 2025. URL: https://influencermarketinghub.com/influencer-marketing-benchmark-report/ (дата обращения: 11.03.2025).

6. IAB Russia. Тренды цифрового маркетинга 2024. URL: https://iabrus.ru/trends (дата обращения: 12.03.2025).

7. Statista. Artificial Intelligence (AI) in Marketing Market Size Worldwide 2024–2030. URL: https://www.statista.com/statistics/1293752/ai-marketing-market-size/ (дата обращения: 12.03.2025).

8. Mediascope. Интернет-аудитория в России 2024. URL: https://mediascope.net/data/ (дата обращения: 13.03.2025).

УДК 659.1:004.8

Авторский методический подход к формированию запроса на рекламу с использованием технологий искусственного интеллекта

Фань Бэй
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 2452497279@qq.com

Ключевые слова: искусственный интеллект, рекламный запрос, методический подход, управление рисками, цифровой маркетинг.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Старовой Ольге Валерьевне, доценту, канд. эконом. наук.

Развитие технологий искусственного интеллекта за последние пять лет существенно изменило архитектуру рекламной деятельности – причём не только в части автоматизации производства контента, но и в части самого процесса формирования рекламного запроса. Мировой рынок ИИ в рекламе в 2023 году достиг отметки в 12 млрд. долл., а в 2026 году аналитики прогнозируют его рост до 38,2 млрд. долл. при среднегодовом темпе прироста 28,6%. Российский рынок ИИ в последний год показывает рост на 47%, что свидетельствует о высокой восприимчивости к данному классу технологий [1].

Вместе с тем сравнительный анализ российского и китайского рынков фиксирует принципиальное расхождение в управленческом

© Фань Б., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

обеспечении процесса. В Китае доминируют вертикально интегрированные экосистемы – Alibaba, Tencent, Baidu – с собственными платформами WenxinYiyan и IflytekSpark, где управление рекламными запросами встроено в экосистемную логику. В России процесс импортозамещения ещё не завершён, и рекламодатели нередко вынуждены работать с разрозненными инструментами, не объединёнными единой методологией [2].

Именно этот разрыв – между имеющимися технологическими возможностями и отсутствием комплексного методического обеспечения – определяет научную проблему настоящего исследования.

Систематизация литературы 2020–2025 годов позволяет выделить семь основных методов формирования рекламного запроса с помощью ИИ. Каждый из них обладает выраженными конкурентными преимуществами, однако ни один не является универсальным, что подтверждает сравнительный анализ, представленный в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ методов формирования рекламного запроса с помощью ИИ

Метод	**Ключевые преимущества**	**Ключевые ограничения**	**Этап применения**
Анализ на основе данных	Точность прогнозирования; обработка в реальном времени	Высокие требования к качеству данных; риски конфиденциальности	Выявление потребности
Персонализированные рекомендации	Рост конверсии; улучшение пользовательского опыта	Эффект информационного пузыря; проблема холодного старта	Генерация контента
Обработка естественного языка (NLP)	Семантическое понимание; многоязыковость	Неустойчивость при метафорах; культурная чувствительность	Интерпретация потребности

Окончание таблицы 1.

Метод	**Ключевые преимущества**	**Ключевые ограничения**	**Этап применения**
Компьютерное зрение	Визуальный анализ в реальном времени	Высокое потребление ресурсов; риск нарушения приватности	Анализ визуальных предпочте-ний
Обучение с подкреплением	Адаптивность; долгосрочная оптимизация	Длительный период обучения; начальная нестабильность	Оптимизация стратегии
Мультимодаль-ное слияние	Всестороннее профилирование; высокая точность	Крайняя техническая сложность; высокие капитальные затраты	Комплексная оценка потребности
Ансамблевое обучение	Снижение риска переобучения; робастность модели	Низкая интерпретируемост; вычислительная сложность	Валидация модели

Сопоставление методов обнаруживает общую системную проблему: ни один из них не предусматривает встроенного механизма управления рисками, возникающими на стыке технологической и управленческой составляющих рекламного процесса. Данное наблюдение стало отправной точкой для разработки интегрированной методологии.

В основу предлагаемого подхода положена трёхуровневая архитектура, где каждый уровень отвечает за свой круг задач, но при этом тесно связан с остальными через передачу обогащённых данных.

На нижнем уровне сосредоточены инструменты анализа данных и компьютерного зрения. Именно здесь собирается и проходит первичную обработку вся информация о потребителях — от демографических и поведенческих параметров до визуальных характеристик. Без этого этапа дальнейшая работа модели лишена фактической базы.

На среднем уровне сосредоточены методы обработки естественного языка и системы персонализированных рекомендаций. Данные, поступающие с нижнего уровня, здесь проходят смысловую обработку: определяются запросы целевой аудитории, после чего формируются варианты рекламных материалов с учётом культурной и языковой специфики конкретного рынка.

Верхний уровень завершает архитектуру системы. На нём применяются алгоритмы обучения с подкреплением и ансамблевые методы, которые позволяют корректировать рекламную стратегию по мере поступления данных о её реальной эффективности.

Важно подчеркнуть, чем именно такая модель отличается от уже существующих решений. Речь идёт не о механическом объединении разных методов в одну цепочку, а о выстраивании иерархии с продуманными интерфейсами между уровнями [3].

Таким образом, трёхуровневая архитектура задаёт управляемый процесс формирования рекламного запроса — от первичного сбора данных до оценки результатов кампании. Предложенный подход не замещает существующие инструменты, а предлагает методическую рамку для их совместного применения в условиях российского рынка.

Список источников

1. UNCTAD. AI market projected to hit $4.8 trillion by 2033. URL: https://unctad.org/news/ai-market-projected-hit-48-trillion-2033 (дата обращения: 08.03.2026).

2. Stanford University. AI Index Report 2025. Stanford: HAI, 2025. URL: https://aiindex.stanford.edu/report/(дата обращения: 08.03.2026).

3. Шевченко Д. А. Использование возможностей искусственного интеллекта в рекламе / Д. А. Шевченко, В. В. Зеленов, В. В. Галстян // Практический маркетинг. 2024. № 1.

УДК 339.138

Цифровые тренды и технологии формирования личного бренда: адаптация мировых практик к российским реалиям

Холопова Алина Александровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, akholopova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: личный бренд, цифровые технологии, маркетинг, цифровой маркетинг, искусственный интеллект.

В настоящее время цифровая среда развивается достаточно быстро, и это напрямую влияет на подходы к формированию личного бренда. Если рассматривать ситуацию даже в сравнении с периодом 3–5 лет назад, можно заметить, что инструменты и каналы коммуникации стали не только более разнообразными, но и более сложными с точки зрения их выбора и применения.

На мой взгляд, ключевая сложность заключается не столько в отсутствии технологий, сколько в их избыточности. Специалисту необходимо выбирать из большого количества цифровых решений, при этом далеко не всегда понятно, какие из них действительно будут эффективны в рамках конкретного личного бренда. В результате выбор часто осуществляется интуитивно, без достаточного методического обоснования.

Отдельно стоит отметить, что в современных условиях личный бренд перестает быть исключительно инструментом самопрезентации. Он всё чаще используется как средство профессионального позиционирования и формирования доверия со

© Холопова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

стороны аудитории. Это особенно актуально для специалистов, работающих в сфере консалтинга, образования, маркетинга и предпринимательства.

При этом в научной и прикладной литературе достаточно часто подчеркивается значимость персонализации. Так, по данным исследований, использование персонализированного контента позволяет повысить уровень вовлеченности аудитории и улучшить результаты коммуникации [1]. Однако на практике реализация персонализации вызывает определённые сложности, связанные с выбором инструментов и интерпретацией данных о целевой аудитории.

С другой стороны, отсутствие персонализации, как показывает практика, приводит к противоположному эффекту. Пользователи негативно реагируют на нерелевантный контент, что выражается в снижении интереса и уровня взаимодействия [2]. В контексте личного бренда это может привести к потере доверия, что в дальнейшем достаточно сложно компенсировать.

Если рассматривать цифровой маркетинг в целом, можно отметить, что его развитие происходит в направлении усложнения и технологизации. Появляются новые инструменты, связанные с анализом данных, автоматизацией процессов и использованием элементов искусственного интеллекта. Вместе с тем, как отмечается в ряде исследований, эффективность данных технологий во многом зависит от корректности их применения, а не только от самого факта их использования [3].

Особый интерес представляет использование технологий искусственного интеллекта. С одной стороны, они позволяют анализировать большие объемы данных и выявлять закономерности в поведении аудитории. С другой стороны, их применение в сфере личного брендинга пока нельзя назвать полностью системным. В ряде случаев такие технологии

используются фрагментарно, без четкой интеграции в стратегию продвижения [4].

Дополнительной сложностью является необходимость адаптации зарубежных практик. В научных публикациях и профессиональных источниках часто приводятся примеры успешного использования цифровых технологий на зарубежных рынках. Однако при их переносе в российские условия возникают определённые ограничения. Это связано как с особенностями поведения аудитории, так и с различиями в цифровой инфраструктуре.

Кроме того, в процессе формирования личного бренда возникает проблема мультиплатформенности. Как правило, продвижение осуществляется одновременно через несколько каналов, каждый из которых предъявляет свои требования к формату контента. В результате возникает необходимость адаптации одного и того же содержания под разные платформы, что усложняет процесс управления коммуникациями.

На практике это часто приводит к несогласованности контента: различается стиль, подача, структура сообщений. В итоге формируется не целостный образ бренда, а набор разрозненных элементов, что снижает эффективность продвижения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная проблема заключается не в недостатке цифровых технологий, а в отсутствии системного подхода к их выбору и применению. В связи с этим, разработка методических подходов к оценке и выбору цифровых инструментов представляется необходимой для повышения эффективности формирования личного бренда.

Список источников

1. Чаффи Д. Цифровой маркетинг. Стратегия, реализация и практика / Д. Чаффи, Ф. Эллис-Чедвик // М.: Юрайт, 2023. 640 с.

2. Ryan D. Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation. Kogan Page, 2020.

3. Данько Т. П. Системы искусственного интеллекта в разработке корпоративных маркетинговых стратегий / Т. П. Данько, М. А. Ходимчук // Маркетинг в России и за рубежом. 2024. № 5.

4. Яковлева Е. А. Влияние информационных технологий и искусственного интеллекта на современный маркетинг и маркетинговые исследования / Е. А. Яковлева, К. А. Лиленко, К. А. Шишлянников // Системный анализ в проектировании и управлении. 2023. № 26.

УДК 339.138

Изменение клиентского пути пользователя в мобильном приложении

Хуторская Екатерина Сергеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, katerina.khutorskaya@yandex.ru

Ключевые слова: Customer Journey Map (CJM), мобильное приложение, путь пользователя, User Experience (UX), метрики.

В условиях высокой конкуренции на рынке мобильных приложений на первый план выходит не только набор функций, но и то, насколько удобно потребителю пользоваться продуктом. Customer Journey Map является одним из самых полезных инструментов для анализа такого взаимодействия. Для мобильного приложения CJM позволяет увидеть, на каких шагах пользователь

© Хуторская Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

принимает решение, где он сомневается и где теряется интерес. Важность CJM связана с тем, что путь пользователя редко бывает прямым и предсказуемым.

Аптечные продажи в мобильном приложении отличаются от обычной электронной коммерции. Пользователь часто приходит не за «товаром вообще», а с конкретной и срочной потребностью: найти препарат, проверить наличие, выбрать дозировку, сравнить аналоги, оформить самовывоз или доставку. Поэтому для аптечного приложения особенно важны скорость поиска, точность каталога, понятная карточка товара, фильтры по дозировке и форме выпуска, а также короткий путь до заказа [2].

В цифровом канале для аптеки критичны доверие и удобство. Клиент должен быстро увидеть актуальную информацию о товаре, условиях получения, бонусах и статусе заказа. Если сценарий слишком длинный или интерфейс перегружен, пользователь уходит к более простому сервису или в оффлайн-аптеку [3].

Для аптечного приложения особенно важны несколько принципов: путь должен быть интуитивным; интерфейс должен учитывать разные сценарии; регулярно тестировать сценарии и собирать обратную связь; находить «точки отказа» и упрощать их.

Чтобы оценивать клиентский путь не на уровне предположений, а на уровне данных, в приложениях используют событийную аналитику. Она фиксирует установки, регистрации, поисковые запросы, просмотр карточек товара, добавление в корзину, переход к оплате, оформление заказа, повторные покупки и отказ на каждом шаге.

Для анализа обычно применяют воронки, когортный анализ, retention-метрики, A/B-тестирование, тепловые карты, запись сессий и трекинг событий. На практике это позволяет увидеть, где именно пользователи «выпадают» из сценария: на поиске, в корзине, на этапе выбора способа получения или после первого заказа, когда должен формироваться повторный спрос.

Для аптечного приложения особенно полезно отслеживать не только стандартные показатели конверсии, но и поведенческие сигналы: частоту повторных визитов, долю поиска по действующему веществу, использование фильтров, клики по аналогам, переходы к бронированию, выбор ближайшей.

Работа с CJM в аптечной сети полезна тем, что позволяет понять сомнения покупателя и точечно улучшать UX, тем самым повышая лояльность клиентов. Кроме того, это помогает точнее выбирать каналы коммуникации на каждом этапе и добиваться большей согласованности действий [4]. При построении CJM важно искать ситуации, в которых пользователь получает положительный опыт взаимодействия с приложением благодаря достижению своих целей. Полученные пользовательские сценарии затем объединяются в единую карту и дополняются анализом барьеров, которые затрудняют взаимодействие и могут приводить к потере интереса к продукту. Основная проблема исследования состоит в том, что клиентский путь в мобильном приложении аптечной сети должен быть не просто удобным, а максимально коротким и прозрачным для сценариев срочной покупки и повторного заказа. При этом важно выявить, на каких этапах пользователи сталкиваются с лишними действиями, недостаточной информативностью интерфейса или сложностью выбора способа получения. Описание взаимодействия пользователя с аптечным приложением представлено в таблице 1.

Таблица 1. Этапы и точки взаимодействия пользователя с аптечным приложением

Этап	**Точка взаимодействия**	**Действия пользователя**	**Эмоции**	**Метрики**
Осознание потребности	Рекламные объявления в социальных сетях, поисковая выдача	Видит рекламу аптеки, переходит по объявлению, сравнивает обещание в рекламе со своей задачей	Срочность, надежда быстро решить проблему, настороженность к рекламе	CTR, CPC/CPM, конверсия в установку, доля качественного трафика, отказы после перехода

Окончание таблицы 1.

Этап	Точка взаимодействия	Действия пользователя	Эмоции	Метрики
Исследование приложения	Страница приложения в App Store, Google Play или RuStore	Пользователь просматривает описание приложения, читает отзывы и смотрит скриншоты	Заинтересованность, сомнение, осторожность, интерес, поиск доверия	Рейтинг приложения, доля позитивных/ негативных отзывов, CTR по скриншотам
Онбординг и вход	Первое открытие приложения и приветственный экран, регистрация	Разрешает уведомления, вводит телефон, подтверждает код, выбирает город, адрес, аптеку	Напряжение, желание не тратить время, доверие, если вход короткий	Число пользователей, которые бросили регистрацию на каждом шаге
Поиск товара	Главная страница, строка поиска и каталог товаров	Вводит название препарата, открывает категории, выбирает фильтры	Целенаправленность, раздражение при долгом поиске	Анализ предпочтений пользователей: фильтры, поиск по названию, действующему веществу и т.д.
Оформление заказа	Страница оформления заказа, выбор способа получения и оплаты	Выбирает самовывоз или доставку, аптеку, применяет бонусы, вводит данные, подтверждает заказ	Уверенность, иногда тревога из-за стоимости или условий получения	Сколько пользователей завершили заказ; на каком шаге чаще всего уходят
Получение заказа	Уведомление о доставке	Отслеживает статус заказа, получает уведомление о готовности, приходит в аптеку или принимает доставку	Облегчение, радость, благодарность, если все прошло без задержек	Число обращений в поддержку
Повторная покупка	Уведомление о просьбе оставить отзыв	Оставляет отзыв, повторно заказывает привычный препарат, добавляет товар в избранное	Доверие, привычка, лояльность, иногда разочарование, если опыт был неудобным	Число возвратов за повторным заказом, средняя оценка приложения

Таким образом, обновление клиентского пути в приложении должно быть направлено на сокращение количества шагов, повышение понятности интерфейса и усиление аналитики поведения пользователей. Именно это позволяет превратить мобильное приложение аптечной сети в устойчивый канал продаж и повторных обращений.

Список источников

1. CJM — карта пути клиента: что это и зачем нужно бизнесу // URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/cjm-karta-puti-klienta-chto-eto-i-zachem-nuzhno-biznesu (дата обращения: 30.03.2026)

2. Как привести клиента к цели: создаём карту пути пользователя // URL: https://mobileup.ru/blog/cjm-dlya-mobilnykh-prilozheniy (дата обращения: 04.04.2026)

3. Что такое Customer Journey Map и зачем карта пути клиента мобильному приложению // URL: https://blog.tehnofabrica.ru/customer-journey-mobile-app/ (дата обращения: 09.04.2026)

4. Зачем нужна customer journey map и как её правильно построить // URL: https://practicum.yandex.ru/blog/customer-journey-map/#etapy (дата обращения: 11.04.2026)

УДК 659.1:659.116.2:659.8:004.738.2

Поведенческие факторы как основа трансформации сегментирования рынков потребителей в условиях поведенческой экономики

Черникова Таисия Владимировна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chernikova.tasya@yandex.ru

Ключевые слова: сегментирование рынка, поведенческая экономика, потребительское поведение, цифровая экономика, BigData, персонализация

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Сергеевне Багдасарьян, доценту, канд. психол. наук.

Трансформация маркетинговой среды в условиях цифровой экономики меняет содержание сегментирования потребительских рынков. Если раньше оно в основном опиралось на демографические и социально-экономические признаки, то сегодня этого уже недостаточно для объяснения потребительского выбора. В результате сегментация смещается от статической классификации к анализу реального поведения [2; 3].

Этот процесс связан с развитием поведенческой экономики, которая рассматривает экономическое поведение человека с учётом ограниченной рациональности, когнитивных искажений, эмоций и контекста выбора. Поэтому рынок целесообразно

© Черникова Т. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

сегментировать по поведенческим паттернам, отражающим логику принятия решения [1; 5].

Поведенческий подход позволяет выделять группы потребителей по частоте покупок, реакции на стимулы, чувствительности к цене и интересу к персонализации. Например, при сборе лидов возможно сразу сегментировать потенциальных клиентов и по-разному выстраивать общение с ними, чтобы достичь цели. А это позволяет компании экономить деньги и время, а также выделять наиболее перспективных клиентов [3; 4].

Цифровые технологии расширили возможности анализа потребительского поведения. CRM-системы, BigData, веб-аналитика и машинное обучение позволяют отслеживать путь потребителя от первого контакта до лояльности. Это делает сегментирование не только описательным, но и предиктивным инструментом [2–4].

Для сопоставления традиционного и поведенческого подходов к сегментированию можно выделить их основные отличия (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика традиционного и поведенческого подходов к сегментированию рынков потребителей

Критерий сравнения	**Традиционный подход**	**Поведенческий подход**
Теоретическая основа	Классическая маркетинговая теория и рациональная модель поведения потребителя	Поведенческая экономика и теория ограниченной рациональности
Основной объект анализа	Социально-демографические и экономические характеристики потребителей	Реальное поведение потребителей, мотивация и психологические особенности
Используемые критерии сегментации	Географические, демографические, социально-эконом-ие показатели	Поведенческие паттерны, когнитивные искажения, эмоциональные реакции, уровень вовлечённости

Окончание таблицы 1.

Критерий сравнения	**Традиционный подход**	**Поведенческий подход**
Характер потребительского поведения	Предполагается рациональное принятие решений	Учитываются эмоциональные и когнитивные факторы, влияющие на выбор
Источники данных	Статистические показатели, анкетные исследования	Поведенческие данные, цифровой след пользователей, анализ взаимодействия с продуктом
Точность выделения сегментов	Ограниченная, так как основана на усреднённых характеристиках	Более высокая за счёт учёта реальных моделей поведения
Возможности персонализации	Ограниченные	Высокие, благодаря анализу индивидуальных предпочтений и поведения
Применение цифровых технологий	Ограниченное использование	Активное применение больших данных, аналитических платформ и алгоритмов машинного обучения
Управленческий результат	Массовое позиционирование	Точная настройка коммуникаций и прогноз поведения

Поведенческий подход обеспечивает более точное и гибкое сегментирование, поскольку опирается на реальные действия потребителя. В цифровой среде поведение клиента становится контекстным и динамичным, поэтому сегменты приобретают подвижный характер [2; 4].

Практическим продолжением поведенческого сегментирования становится персонализация. На основе анализа поведенческих данных компания может адаптировать рекламное сообщение, время его показа и формат предложения [2–4].

Следует учитывать и ограничения поведенческого подхода, в том числе вопросы конфиденциальности и этики персонализации.

Поэтому поведенческое сегментирование следует рассматривать как развитие традиционных методов, а не полную замену [1; 5].

Таким образом, поведенческие факторы становятся важной основой трансформации сегментирования рынков потребителей в условиях цифровой экономики. Глубокое и точное понимание потребностей клиента абсолютно необходимо для достижения экономической эффективности и завоевания лидирующих позиций на рынке новых товаров. Кроме того, создание «портрета» потенциального покупателя – это постоянный процесс анализа, корректировки и модернизации, гарантирующий адаптацию бизнеса к постоянно меняющимся условиям, в частности, к процессам цифровизации [2; 5].

Список источников

1. Антипов, Г. А. Поведенческая экономика: методологический нарратив // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 76–85. DOI 10.17238/issn2227-6564.2019.2.76.

2. Бутковская Г. В. Цифровой маркетинг: поведение потребителей / Г. В. Бутковская, А. В. Статкус // Вестник ГУУ. 2019. № 5. С. 134–138.

3. Куликова О. М. Цифровизация процесса сегментирования потребительского рынка / О. М. Куликова, Н. Е. Тропынина, Е. А. Янина // Вестник Академии знаний. 2020. № 2 (37). С. 152–159. DOI 10.24411/2304-6139-2020-10157.

4. Сегментирование потребителей новых товаров в условиях цифровой трансформации экономики / А. В. Рожкова, Э. В. Степанова, А. А. Ступина, П. Е. Анисимов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 4-2. С. 336–344.

5. Илюхин А. А. Принцип рациональности в поведенческой экономике / А. А. Илюхин, С. И. Пономарёва, С. В. Илюхина // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 2. С. 214–224.

УДК 005.311.1:004.9

Влияние UX/UI-дизайна на бизнес-показатели компании: российские кейсы и инструментальная модель оценки эффективности

Чехун Никита Николаевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, niknik21122@yandex.ru

Ключевые слова: UX/UI-дизайн, пользовательский опыт, цифровой продукт, конверсия, удержание пользователей, бизнес-показатели, экономическая эффективность.

В условиях цифровой экономики UX/UI-дизайн перестал быть исключительно визуальной характеристикой интерфейса и превратился в значимый фактор продуктовой эффективности. Качество пользовательского опыта влияет на поведение клиента, успешность выполнения целевого действия, удовлетворённость сервисом и, как следствие, на коммерческие результаты компании [1–5]. В прикладной плоскости это выражается в изменении конверсии, среднего чека, стоимости обслуживания пользователя и уровня удержания клиентской базы [1–3]. Поэтому оценка UX/UI-решений должна выходить за рамки экспертного описания и включать количественную интерпретацию их эффекта.

В литературе и прикладных кейсах влияние UX/UI обычно фиксируется через три группы показателей. Первая группа — поведенческие метрики: конверсия, CTR, завершённость сценария, время выполнения задачи [1; 3]. Вторая — экономические

© Чехун Н. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

показатели: выручка, средний чек, стоимость лида, затраты на поддержку и транзакционные издержки [1; 4; 5]. Третья — показатели пользовательского опыта и лояльности: NPS, SUPR-Q, рейтинг приложения, готовность рекомендовать сервис [2; 3].

Эмпирическую основу настоящего исследования составили опубликованные кейсы российских компаний, где представлены результаты UX/UI-изменений с измеримыми показателями «до» и «после». Так, в кейсе Альфа-Банка после обновления главной страницы мобильного сайта были зафиксированы приросты переходов по ключевым сценариям и снижение отказов [6]. В кейсе компании М2 переработка главной страницы приложения сопровождалась ростом выручки, пользовательской активности и рейтинга продукта [7]. В проекте Учи.ру изменение платежного сценария коррелировало с ростом среднего чека [8], а в кейсе «Лиги Ставок» UX-приоритизация способа оплаты обеспечила рост использования более выгодного канала и снижение операционных затрат [9]. Обобщение кейсов позволяет сделать вывод, что положительный результат UX/UI-изменений чаще всего проявляется по трём направлениям: через прирост дохода, через снижение издержек и через увеличение ценности удержанных пользователей. На этой основе предлагается компактная инструментальная модель оценки эффекта.

Первое направление связано с прямым коммерческим результатом. Для его оценки предлагается использовать формулу инкрементального маржинального дохода:

$$\Delta\Pi_{sales} \approx S \cdot (\Delta CR \cdot AOV_{before} + CR_{after} \cdot \Delta AOV) \cdot m ,$$

где ΔΠsales — прирост маржинального дохода, выраженный в денежных единицах; S — число пользователей или транзакций за анализируемый период; ΔCR — изменение конверсии; AOVbefore — средний чек до внедрения UX/UI-решения; ΔAOV — изменение среднего чека; m — коэффициент маржинальности.

Результат оценивается не только через рост конверсии, но и через изменение ценности каждой транзакции [1; 8; 9].

Второе направление отражает снижение операционных издержек. Для оценки предлагается формула:

$$\Delta\Pi_{cost} \approx (T_{before} - T_{after}) \cdot c_{ticket} + F \cdot \Delta fee$$

,

где ΔПcost — экономия затрат; Tbefore и Tafter — количество обращений в поддержку до и после изменений; cticket — средняя стоимость обработки одного обращения; F — число транзакций; Δfee — изменение комиссии или иных транзакционных расходов.

Данная формула фиксирует тот эффект UX/UI-решений, который выражается не в росте выручки, а в прямом сокращении расходов компании.

Третье направление связано с удержанием пользователей и ростом их долгосрочной ценности:

$$\Delta\Pi_{retention} \approx N \cdot \Delta Ret \cdot CLV$$

,

где ΔПretention — дополнительная ценность удержанных пользователей; N — размер пользовательской базы, на которую распространяется изменение; ΔRet — изменение коэффициента удержания; CLV — средняя ценность одного клиента за жизненный цикл.

Смысл данной формулы заключается в том, что более удобный и понятный интерфейс способен повышать вероятность повторного использования продукта, а следовательно, увеличивать совокупный доход [2; 3; 8].

Преимущество предложенной модели состоит в том, что все три компонента выражаются в денежном эквиваленте. Это позволяет переводить результаты UX/UI-изменений из области качественных наблюдений в область количественного анализа.

При этом модель имеет ограничение: она строится на вторичных данных опубликованных кейсов и не претендует на

универсальность для всех типов цифровых продуктов. Кроме того, часть эффектов UX/UI, связанных с доверием, восприятием бренда и долгосрочным изменением потребительского поведения, не всегда может быть корректно зафиксирована в краткосрочном периоде [2; 7-9]. Тем не менее в качестве инструмента первичной оценки модель позволяет сопоставлять UX/UI-решения с изменением финансово значимых параметров продукта.

Таким образом, анализ российских кейсов показывает, что UX/UI-дизайн оказывает влияние не только на пользовательское поведение, но и на экономические результаты цифрового продукта. Предложенная инструментальная модель может использоваться как практическая схема первичной оценки эффекта UX/UI-решений в продуктовой аналитике и системе принятия управленческих решений.

Список источников

1. Варосян К. К. Стратегия привлечения клиентов и повышения конверсии в интернет-торговле посредством разработки UX/UI дизайна // Путеводитель предпринимателя. 2023. Т. 16, № 4. С. 77-86

2. Здоров А. В. Дизайн как инструмент формирования доверия и снижения perceived-риска в электронной коммерции // Вестник науки. 2025. Т. 2, №10 (91). С. 655–662.

3. Тимофеев С. Б. Роль UX/UI-дизайна в формировании предпочтений пользователей онлайн-платформ // Символ науки

4. Российская ассоциация электронных коммуникаций. Аналитика и выводы исследования «Экономика Рунета». URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (дата обращения: 21.03.2026).

5. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2024. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

6. Использование цифровых технологий в 2024 году / Росстат. URL: https://35.rosstat.gov.ru/storage/mediabank.

7. Главная страница приложения как драйвер роста выручки: кейс M2 // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/m2tech/articles/890032/ (дата обращения: 26.03.2026).

8. Как UX-исследования помогли вырастить средний чек: кейс Учи.ру // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/uchi_ru/articles/825920/ (дата обращения: 23.03.2026).

9. Как UX влияет на выбор способа оплаты: кейс Лиги Ставок // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/ligastavok/articles/765030/ (дата обращения: 26.03.2026).

УДК 339.9*339.56.055*339.562*339.564

Важность и перспективы развития международной торговли Китая и России

Чжан Хунхуэй
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, z15945943525@163.com

Ключевые слова: китайско-российская торговля, товарооборот, энергетическое сотрудничество, национальные валюты, санкции, перспективы развития, международные экономические отношения.

В условиях трансформации миропорядка и геополитических конфликтов стратегическое значение китайско-российских отношений возрастает. 2025 год — 75-летие дипломатических

© Чжан Х., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

отношений. Сотрудничество важно для обеих стран и глобальной стабильности.

1. Современное состояние торговли

Китай — ключевой торговый партнёр России. Доля России в китайском экспорте — около 3%, доля Китая — около 30% российского экспорта и половина импорта РФ.

В 2024 году товарооборот вырос на 1,9% до 244,82 млрд долл. (экспорт России — 129,32 млрд, импорт — 115,5 млрд). В 2025 году замедление: за январь–июль спад на 8,1% до 125,8 млрд долл., за январь–сентябрь экспорт Китая в РФ снизился на 11,3% (73,57 млрд), российский экспорт в КНР — на 7,7% (90,05 млрд).

Причины: снижение мировых цен на сырьё, исчерпание эффекта замещения ниш после ухода западных компаний, санкционное давление (угроза вторичных санкций, проблемы с платежами). Также падение спроса в РФ на китайские автомобили (поставки снизились на 46% из-за повышения пошлин).

2. Структура и ключевые направления сотрудничества

Энергетика — основа отношений. Россия — лидер по поставкам нефти и газа в КНР. Доля России в импорте угля Китаем — 29%. За январь–август 2025 года торговля энергоресурсами — 47,6 млрд долл. (около трети товарооборота). Поставки нефти сохраняются на уровне прошлого года, но импорт СПГ снизился на 16,6% (4,99 млн тонн).

Агропромышленный сектор — устойчивый рост (+15% за январь–сентябрь 2025), экспорт российской продукции вырос на 10%. Достигнута договорённость о создании совместной сельхоззоны на Дальнем Востоке, реализации Забайкальского зернового терминала.

Цветные металлы: экспорт алюминия из РФ в КНР вырос на 94% (2,1 млн т), никеля — на 51% (88 тыс. т), медного концентрата — в 2,1 раза. Экспорт чёрных металлов сократился на 63%.

3. Финансовые аспекты

Доля расчётов в рублях и юанях достигла 99,1% (заявление министра финансов РФ на ноябрь 2025). Преимущества: снижение валютных рисков, независимость от западной инфраструктуры. Риски: жёсткое регулирование курса юаня, потенциальная зависимость России от юаня.

Серьёзные проблемы с платёжной инфраструктурой (отсутствие плавных условий для платежей) и дефицит транспортных маршрутов.

Таблица 1. Основные показатели китайско-российской торговли (2024–2025 гг.)

Показатель	**2024 г.**	**2025 г.**	**Изменение**
Товарооборот, млрд долл.	244,8	228,1	-6,9%
Экспорт России, млрд долл.	129,9	124,8	-3,9%
Импорт России, млрд долл.	115,5	103,3	-10,4%
Доля расчетов в нацвалютах, %	95+	99,1	+4 п.п.
Ж/д грузоперевозки, млн тонн	188	200	+6,3%

4. Перспективы развития

Несмотря на спад 2025 года, потенциал роста значителен. Эксперты (Ван Вэнь) считают достижение 300 млрд долл. «абсолютно возможным» при развитии платёжной и транспортной инфраструктуры, а в перспективе — 400–500 млрд долл. Драйверы: промышленная и сельхозпродукция, торговля услугами.

Таким образом, китайско-российская торговля переживает структурную трансформацию. После рекорда 2024 года (244,82 млрд долл.) в 2025 году — временная коррекция. Основы сотрудничества прочны: энергетика, сельское хозяйство, переход на национальные валюты. При развитии инфраструктуры товарооборот может достичь 300 млрд долл. и выше. Торговля сохраняет высокую значимость и обладает большим потенциалом.

Список источников

1. Цыплаков С. Основные тенденции развития российско-китайских торговых связей в 2024–2025 гг. 2025.

2. Мантуров объяснил спад товарооборота России и Китая // ФедералПресс. 2025.

3. Путин заявил о совместных проектах РФ и КНР в сфере ТЭК // Известия. 2025.

4. Торговля энергоресурсами России и Китая составила 47,6 млрд долларов в 2025 году // ФедералПресс. 2025.

5. Новак: РФ сохраняет уровень поставок углеводородов в КНР // Myseldon.com. 2025.

6. Торговля сельхозпродукцией между Россией и Китаем выросла на 15% // Поле.рф. 2025.

7. Россия и Китай наладят комплексное сотрудничество в АПК // Роснг.ру. 2025.

8. Экономист о переходе на расчеты в национальных валютах РФ и Китая // ФедералПресс. 2025.

9. Товарооборот между Россией и Китаем превысит 300 млрд долларов // ТАСС. 2025

10. Эксперты Института Гайдара представили обзор торговли между Россией и Китаем за 2025 год. 2026.

УДК 339.138;796.352

Разработка и продвижение инновационной франчайзинговой модели гольф-клубов на основе иммерсивных технологий

Шабалина Анастасия Андреевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, moneylongbae1337@mail.ru

Ключевые слова: франчайзинговая модель, иммерсивные технологии, фиджитал-гольф, гольф-клубы, цифровизация спортивной индустрии, маркетинг спортивных услуг, фиджитал-центр.

В условиях современной спортивной индустрии традиционные гольф-клубы сталкиваются с серьёзными барьерами: высокая стоимость инфраструктуры, сезонность, ограниченная доступность для массовой аудитории, в особенности, для студенческой молодёжи [1]. Одновременно в России активно развивается фиджитал-спорт, официально поддержанный государственными программами и признанный Министерством спорта РФ. Согласно Концепции развития фиджитал-движения до 2030 года, к 2026 году планируется строительство 38 новых фиджитал-центров, а в вузах создаются специализированные клубы и команды [2].

Актуальность разработки и продвижения инновационной франчайзинговой модели гольф-клубов обусловлена необходимостью создания доступного, масштабируемого и технологически современного формата спортивно-

© Шабалина А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

развлекательных пространств. Национальная студенческая спортивная Лига гольфа выступает основоположником данного направления, так как в 2022 году в Красноярске был запущен первый в России фиджитал-гольф. Сейчас уже проведено более 100 соревнований, объединяя цифровой и физический этапы и успешно внедряется в вузах [3].

Предлагаемая Лигой франчайзинговая модель представляет собой готовый дизайн-проект типового фиджитал-центра мини-гольфа на 3 гольф-дорожки. Это компактное, экономичное решение, идеально подходящее для размещения в вузах, коворкингах или коммерческих пространствах. Модель включает: телевизор для подключения к игровой приставке, геймерские кресла, гольф-дорожки, стол ГСК и стулья, видеостену из светодиодных LED-панелей, сборную металлическую ферму для размещения аудиоколонок и сценических LED-прожекторов, подиум-амфитеатр, игровой стол, игровую консоль SONY PLAY STATION PS5. Особое место в модели занимает полное погружение участников в процесс.

Рисунок 1. Типовая модель фиджитал центра мини-гольфа.

Анализ внедрения фиджитал-спорта в других вузах подтверждает эффективность подобного подхода. В Оренбургском государственном медицинском университете за счёт грантовых

проектов и проведения турниров «фиджитал-мини-гольфа значительно выросло количество участников студенческих соревнований, а фиджитал-спорт стал инструментом популяризации здорового образа жизни среди будущих медработников [4]. В Сургутском государственном педагогическом университете фиджитал-мини-гольф интегрирован в программу Спартакиады по АФК и проект «Обучение служением» [5]. В ИТМО и ряде других вузов студенты разрабатывают собственные фиджитал-технологии, а Минобрнауки РФ через проект «Фиджитал-образование» координирует создание методических центров и проведение открытых уроков [2]. Примеры показывают, что фиджитал-центры повышают доступность спорта и способствуют развитию soft-skills, студенческого самоуправления и межвузовского сотрудничества.

Преимущества франчайзинговой модели для университетов: новая спортивная секция в вузе, возможность войти в сборную вуза и участвовать во всероссийских и международных соревнованиях, формат интересного совместного времяпровождения студентов.

В продвижении франчайзинговой модели иммерсивные технологии выступают основным маркетинговым инструментом. Потенциальным франчайзи (вузами) предлагаются интерактивные 3D-туры по-типовому фиджитал-центру, виртуальные презентации с демонстрацией работы LED-видеостены, динамического освещения и объёмного звука, а также AR-приложения, позволяющие визуализировать размещение 36-метрового центра в любом университетском пространстве. Геймифицированные ролики с цифровым этапом на PS5 и прямые трансляции реальных студенческих турниров создают эффект полного погружения, демонстрируя готовый продукт «изнутри». Также, продвижение модели осуществляется через цифровые каналы лиги, партнёрства с вузами, грантовые проекты и федеральную сетку турниров. Франчайзи получает готовый бренд НССЛГ, методические

рекомендации, поддержку в организации тренировок и продвижении. Экономическая эффективность достигается за счёт минимальных инвестиций в компактное пространство и высокой окупаемости благодаря регулярным студенческим и корпоративным мероприятиям [3].

Подводя итоги, инновационная франчайзинговая модель гольф-клубов на основе иммерсивных фиджитал-технологий, разработанная АНО «Ассоциация НССЛГ», представляет собой готовое решение для цифровизации студенческого спорта. Масштабирование модели по франчайзингу открывает новые горизонты для развития гольфа в России и может стать эталоном гибридных спортивных пространств будущего.

Список источников

1. Национальная студенческая спортивная лига гольфа // Официальный сайт. URL: https://studgolf.ru/ (дата обращения: 14.04.2026).

2. Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2024 № 3387-р «Об утверждении Концепции развития фиджитал-движения на территории Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://static.government.ru/media/files/fWh7xDNCKcilXUAUlFkQb9Iepu84chze.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

3. Фиджитал-гольф // Официальный сайт НССЛГ. URL: https://studgolf.ru/phygital (дата обращения: 14.04.2026).

4. Болотова М. И. Теория и практика продвижения фиджитал-спорта в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82. С. 45–52.

5. СурГПУ задаёт тренд: фиджитал-спорт стал частью Спартакиады по АФК // Bezformata.com. 20.11.2025. URL: https://surgut.bezformata.com/listnews/fidzhital-sport/153436197/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 339.133.017

Стратегические решения бизнеса в моделировании поведения потребителей

Яковлева Анастасия Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yakovleva.anastasia.a@mail.ru

Ключевые слова: поведение потребителей, CJM, стратегические управленческие решения, цифровой маркетинг, потребительский опыт, лояльность потребителей.

В условиях цифровой трансформации экономики исследования поведения потребителей приобретают ключевое значение для разработки эффективных стратегических решений бизнеса. Компании функционируют в динамичной и неопределённой среде, где традиционные подходы к анализу дополняются цифровыми технологиями, большими данными и искусственным интеллектом. В этой связи моделирование поведения потребителей становится важным инструментом обоснования управленческих решений [1].

Классическая модель поведения потребителя включает этапы: осознание потребности, поиск информации, оценку альтернатив, покупку и послепокупочную оценку. Концепция маркетинга 4.0 дополняет его моделью 5A (знакомство, интерес, исследование, действие, приверженность), отражающей активную роль потребителя во взаимодействии с продуктом.

© Яковлева А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Теоретические основы моделирования поведения потребителей включают модели потребностей и мотивации, восприятия и обработки информации, потребительских ценностей, а также удовлетворённости и лояльности. Они учитывают как внутренние факторы (мотивация, установки), так и внешние (социальные и технологические условия), обеспечивая комплексное понимание поведения [2].

Систематизация этапов потребительского пути, моделей поведения, управленческих решений и цифровых инструментов представлена в таблице ниже, отражающей комплексный подход к моделированию поведения потребителей в цифровой среде.

Таблица 1. Систематизация этапов потребительского пути, моделей поведения, управленческих решений и цифровых инструментов в цифровой среде

Этапы принятия потребительских решений о покупке (CJM)	**Осознание потребности**	**Конкретизация желания**	**Поиск информации**	**Предпокупочная оценка альтернатив**	**Решение о покупке**	**Послепокупочная оценка альтернатив**
Модель 5а Ф. Котлера		Знакомство	Интерес	Исследование	Действие	Приверженность
Моделирование	Модели потребностей и мотивов	Модели диффузии инноваций	Модели восприятия и обработки информации	Модели потребительских ценностей	Модели максимизации полезности	Модели удовлетворенности и лояльности
Управленческие решения	Решения о рынке	Решения о продукте	Решения о коммуникациях	Решения о конкурентной стратегии	Решения о сбыте и сервисе	Решения о системе формирования лояльности

Окончание таблицы 1.

Этапы принятия потребительских решений о покупке (CJM)	**Осознание потребности**	**Конкретизация желания**	**Поиск информации**	**Предпокупочная оценка альтернатив**	**Решение о покупке**	**Послепокупочная оценка альтернатив**
Стратегии	Стратегии сегментации и позиционирования	Продуктовая и ассортиментная стратегии	Стратегии продвижения и брендинга	Стратегии конкуренции и ценообразования	Стратегии сбыта и логистики	Стратегии удержания потребителей
Инструмент (в том числе с применением AI)	Кластеризация пользователей	CEO	Веб-аналитика	Айтрекинг, тепловая карта	Когортный анализ А/Б-тест	CRM, BI

Современный маркетинг характеризуется внедрением концепции Internet of Behavior (IoB), предполагающей интеграцию данных о поведении пользователей из различных цифровых источников. Это позволяет не только анализировать, но и прогнозировать поведение потребителей, а также формировать персонализированные предложения.

Моделирование поведения потребителей лежит в основе стратегических решений бизнеса. Прежде всего, это решения о рынке: определение потребностей, сегментация аудитории и выбор целевых сегментов. Далее следуют решения о продукте, формирующие потребительскую ценность с помощью функциональных и символических характеристик [3].

Решения о коммуникациях предполагают использование цифровых каналов, персонализированного контента и омниканальных стратегий. Конкурентные решения направлены на

формирование уникальных преимуществ через дифференциацию и использование поведенческих инсайтов [4].

Эффективность стратегий во многом зависит от глубины понимания поведения потребителей и способности компании адаптироваться к изменениям.

Цифровые технологии существенно расширяют инструменты анализа, включая веб-аналитику, A/B-тестирование, когортный анализ, CRM- и BI-системы. Их использование обеспечивает переход к управлению на основе данных, повышая обоснованность решений.

Моделирование поведения потребителей в условиях цифровой экономики выступает ключевым фактором повышения эффективности бизнеса. Интеграция поведенческих моделей и цифровых технологий позволяет улучшить сегментацию, персонализацию и стратегическое управление, формируя устойчивые конкурентные преимущества.

Список источников

1. Трушкова Е. А. Цифровая трансформация потребительского поведения населения: факторы и особенности в системе адаптации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4, № 4. С. 459–467. DOI 10.34130/2070-4992-2024-4-4-459.

2. Толстихина Е. И. Анализ модели поведения потребителей в условиях цифровой трансформации / Е. И. Толстихина // Экономика и предпринимательство. 2023. № 11(160). С. 146-150. DOI 10.34925/EIP.2023.160.11.025.

3. Лосева Е. С. Цифровые инструменты продвижения гостиничного бизнеса: влияние онлайн-каналов на устойчивое развитие туризма в регионах России / Е. С. Лосева, О. Ю. Зевеке //

Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования : Труды XX Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 апреля 2025 года. Майкоп: ООО "Электронные издательские технологии", 2025. С. 318-322. EDN HGYDJC.

4. Лугерт Н. Е. Концепция принятия управленческих решений в контексте цифровой трансформации бизнеса // Информатизация в цифровой экономике. 2024. Т. 5, № 1. С. 75-90. DOI 10.18334/ide.5.1.120559.

Цифровые гуманитарные науки

УДК 003.324.1:004.93'1

Необходимость создания базы данных рукописных символов для обучения OCR-систем

Зырянов Иван Юрьевич
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ziryanoff.ivan@yandex.ru

Ключевые слова: OCR, рукописный текст, база данных, машинное обучение, распознавание символов, компьютерное зрение.

Цифровизация архивных, образовательных и административных материалов требует перевода рукописных документов в машиночитаемый формат. Ручная расшифровка больших массивов источников занимает значительное время, поэтому возрастает роль систем оптического распознавания символов (OCR), автоматически извлекающих текст из изображений [1]. Для печатных документов такие системы обеспечивают высокое качество, однако рукописное письмо не имеет стандартизированной формы: графика одной буквы меняется у разных авторов и даже в пределах одного документа. Эффективность нейросетевых моделей определяется не только архитектурой, но также объёмом, разнообразием и достоверностью обучающих данных [2]. Цель работы — обосновать структуру и методику создания базы рукописных символов, ориентированной прежде всего на кириллические и исторические тексты.

На распознавание влияют форма, наклон и размер букв, нестабильные интервалы, сокращения, соединения, состояние

© Зырянов И. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

бумаги и качество сканирования. В результате сходные графемы смешиваются, штрихи принимаются за отдельные знаки, а границы слов определяются ошибочно. Классические шаблонные методы недостаточно устойчивы к такой изменчивости [3]. Последовательностные нейросетевые архитектуры лучше учитывают контекст строки, но при дефиците редких вариантов написания также плохо обобщают новые почерки [4–6]. Следовательно, повышение точности требует репрезентативного, сбалансированного и проверенного набора данных.

База должна включать изображения букв, цифр и знаков, устойчивые соединения, фрагменты слов и строки. Для каждого объекта необходимо хранить идентификатор, путь к изображению, правильную текстовую метку, тип объекта, язык и вариант письма, источник, характеристику качества и комментарий оператора. Метаданные целесообразно сохранять в CSV-файле, совместимом с библиотеками машинного обучения. Репрезентативность обеспечивается включением почерков разных авторов и периодов, а также примеров низкого контраста, размытия, теней и дефектов бумаги. Отдельное значение имеет баланс классов и накопление данных для кириллицы, дореформенной орфографии и локальных письменных практик.

Формирование датасета предлагается проводить поэтапно. Сначала собираются изображения архивных документов, тетрадей, анкет и других рукописных материалов. Затем выполняются выравнивание, коррекция контраста, подавление шумов и сегментация строк, при этом исходное изображение сохраняется во избежание утраты значимых штрихов [7]. Существующая OCR-система формирует предварительную гипотезу текста, которая используется только как вспомогательный результат. Оператор сопоставляет её с изображением, исправляет ошибки и подтверждает границы и чтение фрагментов. Для сложных

рукописей следует предусмотреть неопределённую разметку и повторную проверку другим специалистом.

Из верифицированных документов выделяются отдельные символы, соединения и контекстные фрагменты с сохранением связи с исходной строкой. После этого данные разделяются на обучающую, валидационную и тестовую части; образцы одного автора или документа не должны попадать одновременно в разные части, иначе оценка модели будет завышена. Завершают подготовку контроль разметки, удаление дубликатов и статистическая проверка наполненности классов. Реальные примеры могут дополняться небольшими поворотами, изменением яркости, масштаба и уровня шума, однако синтетические данные не должны заменять реальные рукописи. По мере накопления подтверждённых образцов возможна полуавтоматическая разметка, при которой модель предлагает вариант, а оператор принимает или исправляет его.

Полученная база может применяться для оцифровки архивов и библиотек, автоматизации документооборота, обработки учебных материалов, а также объективного сравнения OCR-моделей. Единая структура повысит воспроизводимость экспериментов и позволит расширять набор новыми авторами, языками и историческими формами письма. Научно-практическая ценность подхода состоит в накоплении проверенных кириллических образцов, дефицит которых ограничивает разработку специализированных систем распознавания. В дальнейшем база может дополняться редкими графемами и данными цифрового пера, сохраняя единую схему разметки.

Высокая вариативность рукописного письма и недостаток размеченных данных остаются основными причинами ошибок OCR-систем. Поэтому специализированная база является базовым условием обучения устойчивых моделей. Она должна объединять символы, соединения и контекстные фрагменты, сопровождаться

метаданными и проходить экспертную проверку. Предложенная последовательность — сбор, предварительная обработка, OCR-гипотеза, ручная верификация, выделение объектов и корректное разделение выборки — позволяет создать масштабируемый датасет для распознавания современных и исторических рукописных документов.

Список источников

1. Smith R. An Overview of the Tesseract OCR Engine // Proceedings of the International Conference on Document Analysis and Recognition.

2. Goodfellow I.Deep Learning / I. Goodfellow, Y. Bengio, A. Courville. Cambridge: MIT Press, 2016.

3. Plamondon R. Online and Offline Handwriting Recognition: A Comprehensive Survey / R. Plamondon, S. Srihari // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence.

4. Graves A. Offline Handwriting Recognition with Multidimensional Recurrent Neural Networks / A. Graves, J. Schmidhuber // Advances in Neural Information Processing Systems.

5. Gradient-Based Learning Applied to Document Recognition / LeCun Y., Bottou L., Bengio Y. [et al.] // Proceedings of the IEEE.

6. Bishop C. Pattern Recognition and Machine Learning / Bishop C. New York: Springer, 2006.

7. Doermann D. Progress in Camera-Based Document Image Analysis / D. Doermann, J. Liang, H. Li // Proceedings of ICDAR.

УДК 794.8:376.3:908

Игра на ощупь: разработка инклюзивной настольной игры о Красноярском крае

Магировская Регина Вадимовна
Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ReginaMagiro@yandex.ru

Ключевые слова: инклюзивное образование, настольные игры, тактильные игры, аудиосопровождение, краеведение, Красноярский край, дети с нарушениями зрения.

Разработка инклюзивных образовательных продуктов является одной из актуальных задач современного общества. Особенно остро стоит вопрос доступности культурного и краеведческого контента для детей с нарушениями зрения. В условиях ограниченного визуального восприятия традиционные формы обучения и досуга оказываются недостаточно эффективными, что требует поиска новых форм взаимодействия с информацией.

Проект настольной тактильно-аудиальной игры «Сплав по Енисею» направлен на создание доступного и увлекательного способа знакомства детей с особенностями Красноярского края. Основной миссией проекта является объединение образовательной, игровой и инклюзивной функций в одном продукте, позволяющем детям не только получать знания о родном регионе, но и взаимодействовать друг с другом в игровом формате.

Современный рынок настольных игр и образовательных материалов в недостаточной степени ориентирован на детей с

© Магировская Р. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

нарушениями зрения. Большинство игр опираются на визуальное восприятие, что исключает полноценное участие незрячих и слабовидящих детей в игровом процессе. Отсутствие доступных инклюзивных игровых продуктов, низкий уровень адаптации краеведческого материала, ограниченные возможности совместной игры со зрячими сверстниками и недостаток интерактивных форм подачи информации создают значительный барьер для включения таких детей в образовательную и игровую деятельность.

В основе проекта лежит идея игрового путешествия по Красноярскому краю через ключевые населённые пункты: Минусинск, Красноярск, Енисейск, Тура и Диксон. При попадании на такую клетку игрок активирует аудиоблок, который озвучивает краткую информацию о месте и даёт задание. Задания могут быть различного типа: от простых вопросов до интерактивных действий с тактильными элементами, размещёнными на игровом поле.

Отдельное место в структуре игры занимают обычные клетки, не привязанные к конкретным локациям. При попадании на такие клетки игрок тянет карточку с вопросом. Вопросы направлены на закрепление краеведческого материала о животных и растениях и формулируются с учётом возрастных особенностей детей.

Особое внимание уделено тактильным элементам, которые являются неотъемлемой частью игрового процесса. На поле размещаются съёмные элементы на магнитах — фигуры животных и растений, характерных для различных природных зон. В рамках заданий игроку необходимо, ориентируясь на аудиоподсказку или описание, найти нужный элемент и разместить его в соответствующей зоне. Такая механика способствует развитию тактильного восприятия и позволяет вовлекать детей в активное взаимодействие с игровым пространством.

Аудиосопровождение выполняет не только информационную, но и навигационную функцию. Оно направляет действия игрока, объясняет правила выполнения заданий и поддерживает общий

темп игры. Все аудиофрагменты разработаны с учётом особенностей восприятия детей: используются короткие фразы, простая лексика и спокойная интонация. Это позволяет сделать игру доступной и комфортной для детей с нарушениями зрения.

Целевой аудиторией проекта являются учащиеся средней школы, ориентировочно 12–14 лет. Выбор данной возрастной категории обусловлен тем, что в этот период активно формируется познавательный интерес, а также закладываются основы представлений о родном регионе.

Игровой процесс предполагает участие от двух до четырёх игроков, что создаёт условия для совместной деятельности. Взаимодействие между участниками проявляется в обсуждении ответов, совместном выполнении заданий и взаимной помощи при работе с тактильными элементами. Таким образом, игра выполняет не только образовательную, но и социализирующую функцию.

Проект опирается на принципы инклюзивного дизайна, предполагающие создание продуктов, доступных для максимально широкой аудитории. Особое внимание уделяется альтернативным каналам восприятия информации — слуховому и тактильному. Использование настольных игр в образовательном процессе способствует повышению вовлечённости детей, упрощает усвоение информации, развивает коммуникативные навыки и формирует интерес к изучению родного края. Краеведческий компонент, в свою очередь, играет важную роль в формировании локальной идентичности.

Дополнительно при разработке механики и содержания игры учитывались рекомендации специалистов, работающих с детьми с нарушениями зрения. В качестве консультантов проекта выступили педагоги Красноярская школа № 1, что позволило адаптировать игровые элементы с учётом реальных образовательных практик и психофизиологических особенностей целевой аудитории. Такой подход обеспечил более точную настройку уровня сложности

заданий, формата подачи информации и структуры игрового взаимодействия.

На текущем этапе разработан прототип игрового поля, включающий маршрут с делением на игровые клетки, выделенные зоны, соответствующие различным территориям региона, тактильные элементы, иконки городов, а также система аудиосопровождения. Игровой процесс строится на передвижении по полю с помощью кубика. Отдельное внимание уделяется разработке аудиоконтента, который выполняет обучающую, навигационную и мотивационную функции.

Практическая проверка разработанной концепции предполагает проведение апробации игры в условиях образовательной среды. Планируется тестирование прототипа на базе класса, в котором обучаются дети с различным уровнем зрительного восприятия, включая слабовидящих и незрячих школьников. Такой формат апробации позволит оценить удобство использования игровых элементов, доступность аудиосопровождения, а также степень вовлечённости детей в игровой процесс. Полученные результаты станут основой для дальнейшей доработки и совершенствования проекта.

Проект обладает рядом особенностей, среди которых можно выделить инклюзивность, мультисенсорность, краеведческую направленность, игровую форму и гибкость использования. Он может применяться как в образовательной среде, так и в рамках досуговой деятельности, обеспечивая возможность совместного участия детей с разным уровнем зрительного восприятия.

Таким образом, разработка тактильно-аудиальной настольной игры представляет собой перспективное направление в области инклюзивного образования. Проект «Сплав по Енисею» демонстрирует возможность интеграции краеведческого материала в игровую форму, доступную для детей с различными возможностями восприятия. Создание подобных продуктов

способствует не только расширению образовательных возможностей, но и формированию инклюзивной среды, в которой каждый ребёнок может быть вовлечён в совместную деятельность.

УДК 82.09

Интерактивная навигационная система как инструмент адаптации новых посетителей к сложному общественному пространству: кейс библиотеки СФУ

Перфильева Дарья Игоревна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, perfishka@gmail.com

Ключевые слова: библиотечное пространство, интерактивная навигация, цифровая трансформация библиотек, UX/UI-дизайн, 3D-карта, геймификация, онбординг, пользовательская адаптация, библиотека СФУ, цифровые гуманитарные науки.

Исторически библиотека всегда была не только собранием книг, но и особым институтом организации знания, пространства и доступа к нему; в цифровую эпоху эта функция не исчезает, а усложняется, поскольку библиотека существует одновременно в физическом и цифровом измерениях [1]. На этом фоне возрастает значение интерфейсов, которые помогают пользователю не просто получить информацию о библиотеке, но и освоить ее как понятное, доступное и дружелюбное пространство.

Актуальность исследования обусловлена пространственной дезориентацией и когнитивной перегрузкой новых посетителей крупных библиотечных комплексов. В условиях цифровой

© Перфильева Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

трансформации библиотека эволюционирует в гибкую социокультурную среду и центр цифрового доступа. В этом контексте навигация перерастает рамки технической задачи, становясь ключевым элементом пользовательского опыта (UX) и инструментом адаптации человека в институциональном пространстве [2].

Проблема библиотечной навигации охватывает не только физический поиск локаций, но и когнитивное освоение пространства, его сервисов и правил. Для новых пользователей библиотека часто остается сложной, трудносчитываемой системой, что вызывает психологический барьер и снижает частоту визитов. При этом традиционные методы информирования (схемы, инструкции, экскурсии) малоэффективны: они передают сухие сведения, но не формируют устойчивых навыков ориентации. Решением проблемы выступают интерактивные форматы, сочетающие пространственную визуализацию, цифровую навигацию и геймифицированное вовлечение. Показательно, что в библиотечной практике геймифицированная ориентация уже рассматривается как действенный способ знакомства новых пользователей с пространством, сервисами и логикой работы учреждения [4; 5]. В свою очередь, в российском библиотековедческом дискурсе библиотека все чаще осмысляется как «третье место», где игровые и вовлекающие механики могут усиливать культурную и образовательную функцию пространства [6; 7].

Цель проекта — создать прототип интерактивной навигационной системы, который позволит новым пользователям заранее познакомиться с библиотекой СФУ, понять устройство пространства и ключевые сервисы, а также пройти безопасный адаптационный сценарий до реального посещения.

Целевая аудитория проекта включает первокурсников СФУ (основная группа повышенного риска дезориентации), абитуриентов, родителей, студентов старших курсов и внешних

посетителей. Для них критически важны наглядность, простота входа и предварительное ознакомление с пространством. Проект решает как утилитарную задачу навигации, так и психологическую — снижает барьеры входа, повышает уверенность пользователей и визуализирует скрытые возможности библиотеки.

Предлагаемая система строится по многоуровневому принципу: «филиал — здание — этаж — помещение». На первом уровне пользователь видит 3D-представление филиалов; на втором — модель выбранного здания с базовой информацией и возможностью выбора этажа; на третьем — изометрическую модель этажа с интерактивными помещениями; на четвертом — карточку конкретного кабинета или зала с описанием. Важным дополнением становится игровой модуль: пользователю предлагаются 5–7 коротких квестов, связанных с типовыми библиотечными действиями — поиском зоны, знакомством с каталогом, правилами пользования, выбором подходящего пространства для учебной задачи. В этом случае геймификация используется не как декоративный элемент, а как механизм мягкого онбординга и закрепления пространственного знания.

Актуальность подхода подтверждается региональной практикой Красноярска, где интерактивные карты внедрены в ТРЦ «Планета» [8] и фанпарке «Бобровый лог». В проектной среде СФУ также существует прецедент — карта кампуса «UMap» на базе Unity 3D. Данные примеры не являются прямыми аналогами, но доказывают сформированность пользовательского запроса на цифровые навигационные интерфейсы в сложных пространствах.

Научная новизна проекта заключается в интеграции библиотечной навигации, 3D-визуализации и геймифицированного онбординга. Разработанная система сочетает инфраструктурную функциональность с элементами цифровой трансформации. В отличие от аналогов (статичных схем, игровых приложений и внешних кампусных карт), данное решение ориентировано на

глубокое освоение пользователем внутренней логики библиотечного пространства и его сервисов.

Практическая значимость проекта заключается в возможности использовать разработанную систему как прототип реального цифрового сервиса библиотеки СФУ. В перспективе решение может масштабироваться на другие филиалы библиотеки, а также на иные сложные общественные пространства — университетские корпуса, общежития, музеи, культурные площадки.

Интерактивная навигационная система библиотеки СФУ выступает эффективным инструментом пространственной и психологической адаптации новых пользователей. С позиций Digital Humanities проект демонстрирует переосмысление библиотеки как культурно-коммуникационной среды, объединяющей интерфейс, пространство и пользовательский опыт. Система формирует интуитивный язык взаимодействия, снижает когнитивную нагрузку на посетителей и полностью отвечает современным цифровым практикам.

Список источников

1. Барбье Ф. История библиотек: Коллекционеры. Тексты. Здания / пер. с фр. Рашковской Н. Г. Москва: КоЛибри; Азбука, 2025. 448 с.

2. Library Transformation in the Digital Age / Harisanty D., Sugihartati R., Srimulyo K. [et al.] // Migration Letters. 2023. Vol. 20, № 5. P. 457–468.

3. Mandel L.H. Finding Their Way: How Public Library Users Wayfind // Library & Information Science Research. 2013. Vol. 35, № 4. P. 264–271.

4. Reed K. V. Applying Gamification to the Library Orientation / K. V. Reed , A. Miller // Information Technology and Libraries. 2020. Vol. 39, № 3.

5. A gamified mobile application for first-year student orientation to promote library services / Leenaraj B., Arayaphan W., Intawong K. [et al.] // Journal of Librarianship and Information Science. 2023. Vol. 55, № 1. P. 137–150.

6. Куровский С. В.Развитие библиотек как «третьего места» с использованием геймификации в Пермском крае / С. В. Куровский, Д. А. Мишин, Е. М. Пашов // Экономика строительства. 2023. № 7.

7. Варганова Г.В. Геймификация библиотечного пространства в зарубежных странах // Библиосфера. 2017. № 1. С. 93–98.

8. Карта ТРЦ «Планета» Красноярск // ТРЦ «Планета». URL : https://planetamall.ru.

9. Карта фанпарка «Бобровый лог» // Фанпарк «Бобровый лог». URL : https://bobrovylog.ru.

10. Интерактивная карта кампуса СФУ «UMap» // Digital Humanities Lab. URL : https://dhlab.sfu-kras.ru.

УДК 004.9:316.334.5

Экология для людей: цифровая платформа как инструмент формирования городского экологического сообщества

Серовская Таисия Андреевна
Гуманитарный институт Сибирского Федерального Университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tais.tais205@mail.ru

Ключевые слова: экологическое поведение, геймификация, цифровая платформа, городское сообщество, краудсорсинг, поведенческий дизайн, клиент-серверная архитектура.

© Серовская Т. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность исследования обусловлена устойчивым разрывом между высоким уровнем экологической озабоченности населения и низкой реальной активностью граждан. Несмотря на то, что более половины россиян заявляют о предпринятых мерах по снижению экологических проблем, регулярно участвуют в экологических акциях — не более 10 % [1; 2]. Цифровые технологии обладают значительным потенциалом для преодоления этого разрыва [3], однако большинство существующих экологических приложений решают лишь отдельные задачи и демонстрируют низкую долгосрочную вовлеченность пользователей.

Цель работы — разработка концепции цифровой платформы «Экосистема», направленной на формирование экологического поведения жителей города через снижение барьера входа и создание механизмов устойчивой мотивации.

1. Современное состояние экологических цифровых платформ

Экологические приложения для граждан можно классифицировать по основным целевым функциям: 1. навигационные приложения (RecycleMap, «+1Город») решают задачу поиска экологической инфраструктуры. Их преимущество — удобный доступ к информации, недостаток — быстрое устаревание данных; 2. образовательные приложения («Earth Hero», «Trash Lens», «Экология – Оффлайн справочник») направлены на повышение экологической грамотности. Зарубежные решения, как правило, отличаются высоким качеством дизайна и пользовательского опыта; 3. мотивационные (геймифицированные) приложения (Habitica, Eco Challenge Tracker) используют игровые механики для стимулирования поведения. На российском рынке такие решения практически отсутствуют; 4. краудсорсинговые приложения (Litterati, Olio) работают полностью за счет UGC. Litterati, например, даёт возможность фиксировать места скопления мусора, выявляя проблемные зоны города.

Анализ показывает, что существующие платформы чаще всего узкоспециализированы, слабо интегрированы между собой и недостаточно учитывают локальный контекст конкретного города.

Кроме того, многие из них не обеспечивают долгосрочную мотивацию пользователей.

2. Поведенческие основы вовлечения пользователей

Формирование экологических привычек требует применения проверенных моделей поведенческого дизайна.

Модель «Крючка» (Hook Model) Нира Эяля описывает цикл формирования привычки через четыре стадии: триггер, действие, награда и инвестиция [4]. Применительно к экологическим приложениям модель подчеркивает важность внутренних триггеров и вариативных наград.

Модель поведения Фогга утверждает, что поведение возникает при одновременном наличии мотивации, способности (простоты действия) и триггера [5]. В «Экосистеме» этот принцип реализуется через максимально упрощенные действия (например, постановка статуса точке в один клик).

Теория самодетерминации (Self-Determination Theory) Деси и Райана объясняет внутреннюю мотивацию через удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и связанности [6]. Геймификация приложения направлена на реализацию всех трех потребностей.

3. Концепция приложения «Экосистема Красноярска»

«Экосистема» — это гибридная цифровая платформа, объединяющая навигацию, образование, геймификацию и краудсорсинг. Ключевыми особенностями являются: 1. гибридная карта эко-точек, сочетающая данные RecycleMap с пользовательским контентом. Пользовательские точки и статусы защищены от автоматической перезаписи; 2. система коллективного подтверждения статусов точек, повышающая достоверность информации; 3. геймификация, включающая накопление эко-баллов, уровни, достижения и рейтинг районов Красноярска; 4. календарь событий и лента новостей, позволяющие организовывать и принимать участие в экологических акциях; 5. информационный блок со статьями на тему экологии.

4. Архитектура платформы

Архитектура платформы «Экосистема Красноярска» построена по классическому клиент-серверному принципу.

Клиентская часть реализована в формате Progressive Web App (PWA) на базе React. Использование PWA позволяет пользователям устанавливать приложение на мобильные устройства без необходимости размещения в App Store и Google Play, обеспечивая при этом оффлайн-доступ к карте и кэшированным данным. Клиентская часть отвечает за интерактивную карту, ленту событий, личный профиль пользователя и интерфейс геймификации.

Серверная часть построена на высокопроизводительном фреймворке FastAPI (Python) с использованием асинхронной работы. В качестве базы данных выбрана PostgreSQL с расширением PostGIS для работы с геоданными. FastAPI обеспечивает быстрый отклик API, автоматическую генерацию документации и удобную валидацию данных через Pydantic. Центральным элементом архитектуры является гибридная модель хранения данных об эко-точках. База данных разделяет точки по источнику происхождения (source: "local" или "recyclemap"). Точки, добавленные жителями Красноярска, полностью защищены от перезаписи данными из RecycleMap. Пользовательские статусы («работает», «закрыто» и др.) и отзывы хранятся отдельно и никогда не перезаписываются автоматически. При перезаписи данных из RecycleMap (только при условии, что они изменились) система устанавливает флаг needs_review на пользовательские статусы, сигнализируя о необходимости проверки информации. Также в интерфейсе предусмотрены поля для дат последней перезаписи с RecycleMap и последнего пользовательского статуса.

Для поддержания доверия к платформе и актуальности данных реализована многоуровневая система: 1. первичная ручная модерация новых точек (отдельные панели модератора и администратора в приложении); 2. механизм коллективного подтверждения статусов несколькими пользователями (статус, поставленный более чем тремя пользователями, помечается как надежный); 3. система жалоб и оперативного реагирования (блокирование пользователя при нарушениях); 4. периодическая

синхронизация базовых данных из RecycleMap (раз в 7 дней). Особое место в архитектуре занимает система геймификации, которая интегрирована со всеми основными модулями. Накопление эко-баллов, повышение уровня, достижения и рейтинг районов мотивируют пользователей к регулярной активности и создают социальное соревнование.

Разработанная концепция приложения «Экосистема» представляет собой комплексное решение, направленное на снижение барьера входа в экологический образ жизни и формирование активного городского экологического сообщества.

Список источников

1. Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechennost-motivacija-potencial (дата обращения: 10.03.2026).

2. Захарова О. В. Зеленые практики горожан: источники, механизмы стабилизации и распространения (на примере Тюмени) / О. В. Захарова, Е. А. Карагулян, Т. И. Паюсова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 1. С. 44–64. DOI 10.21638/spbu12.2023.103.

3. Секретарева К.Н. Влияние цифровизации на экологию // Хроноэкономика. 2021. № 5. С. 67–72.

4. «Модель крючка»: как сформировать у пользователя привычку // Теплица социальных технологий. 2017. 27 янв. URL: https://te-st.org/2017/01/27/hook-model-how-to-create-a-user-habit/ (дата обращения: 21.03.2026).

5. Модель изменения поведения по Фоггу // Хабр. 2016. 30 марта. URL: https://habr.com/ru/companies/supereon/articles/299752/ (дата обращения: 23.03.2026).

6. Theory // Center for Self-Determination Theory. URL: https://selfdeterminationtheory.org/theory/ (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 304.44

Креативные проекты Красноярского края: особенности цифровой репрезентации изобразительного искусства

Хода Валерия Александровна
Кафедра информационных технологий в креативных и культурных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vkhoda@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровая репрезентация, изобразительное искусство, креативные проекты, Красноярский край, VR, AR, цифровая культура, цифровизация.

Цифровизация культурной сферы существенно изменила способы сохранения, представления и интерпретации произведений искусства. Цифровая репрезентация сегодня выступает не только средством воспроизведения художественного объекта, но и инструментом переосмысления взаимодействия зрителя с произведением. Особенно показателен региональный уровень, где цифровые практики формируются на пересечении культурной политики, локальных художественных инициатив и технологических возможностей. Красноярский край представляет интерес как территория активного развития креативных индустрий, музейных проектов и фестивальных инициатив.

Наиболее распространённой является визуально-графическая (2D) репрезентация. Она используется для фиксации, сохранения и систематизации художественного материала. Примером выступают проекты «Молодая Сибирь» [1] (Рисунок 1), который

© Хода В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

сопровождается цифровой базой данных произведений, и цифровые коллекции Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова [2] (Рисунок 2), включающие оцифрованные произведения живописи и графики.

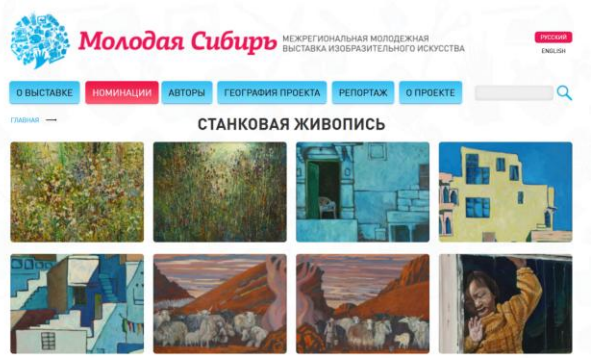


Рисунок 1. Цифровая репрезентация живописи проекта «Молодая Сибирь».

Рисунок 2. Фрагмент цифровой коллекции Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова.

Пространственно-геометрическая (3D) репрезентация применяется в виртуальных выставках и VR-проектах. Она позволяет моделировать экспозиционную среду, воспроизводить пространственные характеристики объекта и создавать эффект присутствия. Такие решения востребованы в образовательных и просветительских проектах. В качестве примера здесь можно упомянуть интерактивные выставки платформы ART VR [3] (Рисунок 3). Пользователь получает возможность перемещаться

внутри виртуального пространства и взаимодействовать с художественными образами.

Рисунок 3. Применение 3D- и VR-технологий в образовательном проекте «Знаменитые художники в 3х измерениях».

Иммерсивная репрезентация реализуется посредством технологий виртуальной и дополненной реальности. В данном случае зритель перестаёт быть пассивным наблюдателем и становится участником художественного опыта. Подобные практики активно используются в городских фестивалях и публичных культурных событиях. Примером может служить участие красноярских художников в фестивале цифрового паблик-арта Rosbank Future Cities, где AR-объекты размещались в городской среде [4] (Рисунок 4).

Рисунок 4. «Памятник всему» Яна Посадского на Площади Мира.

Процедурная (алгоритмическая) репрезентация связана с генеративным искусством. Здесь художественный образ возникает как результат вычислительных процессов, а произведение рассматривается как динамическая система.

Элементы алгоритмической репрезентации прослеживаются в генеративных инсталляциях, представляемых в рамках проекта «Знаменитые художники в 3х измерениях» от «ART VR» [3] (Рисунок 5).

Рисунок 5. Применение процедурной (алгоритмическая) цифровой репрезентации в образовательном проекте «Знаменитые художники в 3х измерениях».

Несмотря на разнообразие форм, развитие цифровой репрезентации в регионе носит преимущественно фрагментарный характер. Многие проекты реализуются как разовые инициативы и не образуют устойчивой системы. Часто технологии используются как средство визуального эффекта, а не как инструмент анализа и интерпретации искусства.

Перспективным направлением является разработка методики выбора типа цифровой репрезентации в зависимости от художественных задач, специфики произведения и целевой аудитории.

Цифровая репрезентация изобразительного искусства в Красноярском крае является значимым и развивающимся направлением культурной практики. Вместе с тем дальнейшее развитие требует системного подхода, объединяющего технологические возможности и художественное содержание.

Список источников

1. Молодая Сибирь – межрегиональная молодежная выставка изобразительного искусства // Молодая Сибирь. URL: https://young-siberia.ru/.

2. Коллекции // Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова. URL: https://surikov-museum.ru/collections.

3. Интерактивная VR выставка «Знаменитые художники в 3-х измерениях» // ART VR. URL: https://www.jungle-vr.ru/attractions/art-vr.

4. В Красноярске стартует фестиваль цифрового паблик-арта // Деловой квартал. URL: https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237153306.

Человек в цифровой среде: обучение, управление, развитие

УДК 37.048.45:004.031.43

Апробация проведения профориентационных мероприятий в онлайн-формате

Алиева Алиса Эдуардовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, alice.chudo888@yandex.ru

Ключевые слова: профориентационное мероприятие, старшеклассники, профориентационная работа, онлайн-формат.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Михайловне Назаренко, ст. преп. каф. ИТОиНО.

Профориентационная работа со школьниками и абитуриентами является одной из основных задач российских вузов. О.Ю. Брюхова и Н.Н. Старцева описывают виды, формы и методы профориентационной работы со школьниками и абитуриентами, которые были выделены путем анализа опыта профориентации российских вузов [2]. Рассмотрим некоторые из них:

– информационные (дни открытых дверей, экскурсии);

– агитационные (выездные мероприятия, выступления профагитационных бригад в школах);

– рекламные (проморолики, информационные печатные материалы, сувенирная продукция);

– просветительское (научно-практические конференции, мастер-классы, фестивали).

© Алиева А. Э., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Именно к агитационной относится профориентационная деятельность кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования (ИТОиНО). Для выездных мероприятий было создано несколько профориентационных форматов: интерактивная викторина «Своя игра» [1], картирование «Карта моих интересов», разбор кейсов «Сделай выбор». Но не всегда существует возможность выехать в школу по ряду причин: территориальная удаленность населенных пунктов, занятость профагитационной бригады, а также малочисленность старшеклассников в отдаленных школах, что делает формат выезда нецелесообразным. Таким образом, существует необходимость организации профориентационных мероприятий в онлайн-формате.

Современные исследования в области профориентации указывают на то, что цифровая трансформация образования открывает новые возможности для взаимодействия вузов со школами. В условиях цифровизации педагоги заинтересованы в реализации профориентационных мероприятий и активно применяют новые форматы в своей деятельности [3]. Это подчеркивает необходимость поиска и апробации эффективных моделей проведения профориентационной работы в дистанционном формате.

Апробация проводилась на базе гимназии «Универс» в дистанционном формате. В качестве платформы для проведения видеоконференций был выбран сервис SberJazz, обеспечивающий возможность демонстрации экрана, использования чата и записи встреч.

Участниками апробации стали 5 обучающихся 10 класса. Выбор данной группы был обусловлен тем, что старшеклассники находятся на этапе активного профессионального самоопределения, а малая численность группы позволила обеспечить высокую степень вовлеченности каждого участника в

интерактивные форматы. В разные дни были проведены 3 формата профориентационных мероприятий, которые ранее успешно применялись кафедрой ИТОиНО на очных выездных встречах:

Интерактивная викторина «Своя игра» проводилась с использованием демонстрации экрана ведущего, где отображалось игровое поле с категориями и баллами. Участники давали ответы в голосовом режиме с использованием функции «поднять руку».

Картирование «Карта моих интересов» проводилось в стандартном формате, то есть с использованием бумаги и фломастеров. А результаты своей работы участники показывали в камеру или отправляли в личные сообщения тьютору.

Разбор кейсов «Сделай выбор» проводился с использованием демонстрации экрана ведущего, на котором по очереди появлялись кейсы, а обсуждение происходило в формате групповой дискуссии.

В ходе апробации были выявлены как значительные преимущества онлайн-формата, так и специфические трудности, требующие доработки.

Перевод интерактивной викторины «Своя игра» оказался наиболее успешным. Формат практически не видоизменился, но у участников появились дополнительные технические возможности: функция «поднять руку» и реакции в чате. Кроме того, игровое поле находится непосредственно перед глазами каждого старшеклассника, что в очном формате не всегда достижимо. Проведение викторины в онлайн-формате для группы из 5 человек не вызвало никаких трудностей. Чего нельзя сказать о картировании. Из-за того, что «Карта моих интересов» создавалась участниками на бумаге, перевод в дистанционный формат проявил себя негативно. У тьютора не было возможности, не отвлекая участников, посмотреть их работы в процессе, а обсуждение итогов перестало носить индивидуальный характер. Для успешного использования данного формата в дистанционной среде необходимо применять онлайн-доски, которые позволят тьютору

наблюдать за ходом выполнения заданий и повысят мотивацию участников за счет интерактивности. Последний формат «Сделай выбор» показал себя хорошо, потому что участники могли сами прочитать кейсы, ибо в очном формате тексты были только у ведущего и зачитывались вслух. В онлайн-реализации проявилась недостаточная интерактивность. Решением проблемы может стать перенос кейсов в онлайн-сервисы, где участники смогут за определенное время фиксировать свои решения на онлайн-доске), после чего выбирать один вариант для озвучивания ведущему.

Проведенная апробация доказала возможность перевода профориентационных мероприятий кафедры ИТОиНО в онлайн-формат. Но важно отметить необходимость дополнительной апробации с увеличением количества участников и использованием дополнительных функций SberJazz, например, распределение участников на микро-группы в залах.

Список источников

1. Алиева А. Э. Выездные профориентационные мероприятия: «Своя игра» для старшеклассников о тьюторстве и возможностях ИППС СФУ / А. Э. Алиева, А. К. Русских // Проспект Свободный – 2025 : материалы XXI Международной научной конференции / Сибирский федеральный университет. Красноярск : СФУ, 2025. С. 1974–1976.

2. Брюхова О. Ю. Организация профориентационной работы: анализ практик российских вузов / О. Ю. Брюхова, Н. Н. Старцева // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9. С. 30–36.

3. Профессиональная ориентация студентов в условиях цифровизации / Ваганова О. И., Кириллова И. К., Мельникова А. Я. [и др.] // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: Психолого-педагогические науки. 2024. № 4 (66). С. 75–81.

УДК 378.147:004.9

Методологические основания исследования активизации учебно-познавательной деятельности студентов при изучении электронного курса «История психологии»

Аникина Марина Анатольевна
Институт психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, anikina-ma@yandex.ru

Ключевые слова: учебно-познавательная деятельность, цифровая трансформация, электронный курс, образование, студенты.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ларисе Михайловне Турановой, доценту, канд. пед. наук.

Актуальность исследования активизации учебно-познавательной деятельности студентов бакалавриата психологического направления подготовки при изучении электронного курса «История психологии» в вузе связана с необходимостью повышения качества образования. Современные образовательные стандарты требуют формирования у студентов активной познавательной позиции, умения самостоятельно анализировать информацию и применять полученные знания на практике. Электронный курс, являясь частью постоянно развивающейся электронно-информационной среды вуза, становится важным инструментом обучения, позволяющим студентам получать доступ к разнообразному образовательному

© Аникина М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

контенту, способствуя глубокому пониманию исторических процессов развития психологической науки, формированию научного мировоззрения и профессиональной компетентности будущих психологов.

По итогам анализа литературы и педагогической практики выявлены следующие противоречия: между потребностью в повышении эффективности учебного процесса и недостаточной разработанностью педагогических условий активизации учебно-познавательной деятельности студентов бакалавриата психологического направления подготовки при изучении электронных курсов в вузах; между необходимостью формирования активного подхода к обучению студентов и преобладанием пассивных форм взаимодействия с электронными ресурсами; между потенциальными возможностями электронных курсов и отсутствием систематического анализа их влияния на мотивацию и включенность студентов; между стремлением преподавателей повысить качество подготовки студентов и ограниченными методическими рекомендациями по организации интерактивного обучения в электронной среде.

Научная проблема исследования заключается в необходимости выявления педагогических условий, обеспечивающих активизацию учебно-познавательной деятельности студентов бакалавриата психологического направления подготовки при изучении электронного курса «История психологии» в вузе.

Теоретическими основаниями исследования служат фундаментальные положения педагогической психологии и дидактики, касающиеся вопросов организации познавательной деятельности студентов и освоения ими учебных дисциплин гуманитарного цикла. К ним относятся: концепция культурно-исторического развития психики Л.С. Выготского, подчеркивающая значимость социальных взаимодействий и культурного контекста в

формировании познавательной активности; принцип единства сознания и деятельности, сформулированный С.Л. Рубинштейном, согласно которому обучение является активным процессом, направленным на развитие интеллектуальных способностей и мотивационной сферы личности; идеи развивающего обучения В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина, рассматривающие образование как средство целенаправленного развития личности, включающее формирование субъектной позиции ученика; теория активного обучения И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, обосновывающая необходимость включения студентов в самостоятельную деятельность по добыванию новых знаний [1]; положения, представленные в кандидатской диссертации И.С. Спирина, рассматривающего электронный курс как средство активизации учебно-познавательной деятельности студентов [3]; положения, представленные в кандидатской диссертации М.Э. Эльмурзаевой, связанные с формированием готовности будущих бакалавров к научно-исследовательской деятельности средствами электронного обучения [4], положения, представленные в кандидатской диссертации Ю. А. Мишиной, связанные с вопросами активизация учебно-познавательной деятельности студентов вуза [2].

Перечисленные теоретические основания позволяют развернуть работу в достижении цели нашего исследования, которая заключается в разработке, теоретическом обосновании и опытно-экспериментальной проверке педагогических условий активизации учебно-познавательной деятельности студентов бакалавриата психологического направления подготовки посредством изучения электронного курса «История психологии» в вузе.

Список источников

1. Бурдин Н. П. Методы учебной деятельности по И.Я. Лернеру и М.Н. Скаткину в дисциплине «Основы конструирования в

дизайн-проектировании» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № S18. С. 31-35.

2. Мишина Ю. А. Активизация учебно-познавательной деятельности студентов вуза : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2010. 19 с.

3. Спирин И. С. Электронный учебный курс как средство активизации учебно-познавательной деятельности при обучении программированию будущих учителей информатики : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Екатеринбург, 2004. 21 с.

4. Эльмурзаева М. Э. Формирование готовности будущих бакалавров к научно-исследовательской деятельности средствами электронного обучения : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 5.8.7. Армавир, 2024. 28 с.

УДК 378.046.4

Методическое сопровождение профессионального развития специалистов школьных служб медиации в Красноярском крае

Бывшенко Анастасия Сергеевна
Аспирант, Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ba2977867@yandex.ru

Ключевые слова: медиация, специалисты школьных служб медиации, профессиональное развитие специалиста, методическое сопровождение.

© Бывшенко А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Процесс модернизации образования и утверждение принципа непрерывности обуславливают трансформацию профессиональных компетенций современного педагога. В контексте личностно-ориентированной парадигмы профессиональное развитие трактуется как индивидуальная траектория, нуждающаяся в системном методическом сопровождении. Создание единого методического пространства выступает необходимым условием непрерывного профессионального развития специалистов школьных служб медиации.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1] осуществляется внедрение элементов новых педагогических технологий. Основополагающим документом в этой сфере выступает «Концепция создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров», утвержденная распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 16 декабря 2020 года № 174 (в редакции от 16 октября 2024 года) [2]. Концепция определяет методологические, организационные, содержательные и процессуальные основы деятельности, а также направления модернизации форм и структур научно-методического сопровождения повышения квалификации. Практическая реализация на региональном уровне обеспечивается посредством «Методических рекомендаций для субъектов Российской Федерации по созданию и внедрению региональной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров», регламентирующих оказание соответствующей поддержки.

Современное методическое сопровождение специалистов школьных служб медиации охватывает комплекс ресурсов: методические рекомендации по созданию и организации школьных

служб медиации (служб примирения); программы дополнительного образования; методические пособия, раскрывающие теорию конфликтов в образовательной организации и технологию процедуры медиации.

В Красноярском крае эта система выстроена в смешанном формате. Так, в КК ИРО, представлены следующие программы повышения квалификации для педагогов Красноярского края на бюджетной основе:

- «Медиация. Особенности применения медиации в образовательной организации» - программа позволяет педагогам освоить навыки ведения процедуры медиации в тренинговой форме [3];

- «Восстановительные технологии в деятельности Службы школьной медиации» - позволяет педагогам усовершенствовать навыки ведения процедуры медиации, а также освоить навыки ведения программ «Школьная конференция», «Семейная конференция», «Круги сообщества» в тренинговой форме;

- «Профилактика буллинга в отношении участников образовательного процесса средствами медиативного подхода» - позволяет освоить технологию «Круги сообщества» в тренинговой форме и применять ее в работе с различными категориями сложности случаев [4];

- «Ко-медиация с медиаторами-ровесниками в работе Службы школьной медиации» представляет собой стажировку на базе школы г. Красноярска. Стажировка представляет собой тренинг по ведению программы медиации в восстановительном подходе в паре «взрослый-ребенок».

Для специалистов и кураторов школьных служб медиации Красноярского края создано сетевое методическое объединение «Медиаторов образовательных организаций», представленное на сайте КК ИРО в виде структурированной страницы с важной информацией: нормативные документы федерального и

регионального уровней, методические разработки, материалы семинаров, вебинаров и конференций по медиации [5], а также в национальном мессенджере MAX, который позволяет медиаторам в режиме он-лайн задать вопросы, оперативно получить консультацию и помощь от коллег, обменяться мнениями, идеями.

На базе КК ИРО ежемесячно проводятся мероприятия для специалистов ШСМ с целью оказания методической поддержки. Вебинары позволяют охватить максимально возможное количество специалистов ШСМ. Практические семинары, тренинги и круглые столы позволяют коллегам отработать и усовершенствовать профессиональные навыки, расширить зону профессиональных контактов, обменяться мнениями и методическими находками, познакомиться и сформировать буферную зону специалиста. Преподаватели программ повышения квалификации и руководители профессионального сетевого методического объединения являются профессиональными медиаторами и тренерами по медиации, что позволяет оказывать методическое сопровождение профессионального развития специалистов ШСМ на высоком профессиональном уровне и применять разные технологии сопровождения: от тренингов до интервизии и супервизии специалистов.

Таким образом, профессиональное развитие специалистов школьных служб медиации в Красноярском крае включает систему мер, направленных на повышение квалификации, обмен опытом, методическую и профессиональную поддержку. Что, в свою очередь, позволяет специалистам совершенствовать навыки работы с конфликтными ситуациями, осваивать новые подходы и технологии, а также поддерживать высокий уровень компетентности.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/.

2. Концепция создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров от 16 декабря 2020 года № 174 (в редакции от 16 октября 2024 года) // Судебные и нормативные акты в РФ. URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-minprosveshcheniia-rossii-ot-16122020-n-r-174/.

3. Бывшенко А. С. Формирование медиативной компетентности педагогов образовательных организаций в системе дополнительного профессионального образования / А. С. Бывшенко, Т. Л. Ядрышникова // Красноярское образование: вектор развития. 2023. С. 98-101.

4. Бывшенко А. С. Повышение квалификации педагогов по вопросам профилактики буллинга средствами медиативного подхода // Медиация в образовании: социокультурный контекст : материалы V Междунар. науч. конф., Красноярск, 06-07 октября 2023 г. / под общ. ред. О.Г. Смоляниновой. Красноярск : ИП Азарова Н.Н., 2023. С. 18-23.

5. Бывшенко А. С. Профессиональное развитие специалистов школьных служб медиации / А. С. Бывшенко, О. Г. Смолянинова // Антропологическая дидактика и воспитание. 2025. Т. 8, № 1. С. 9-19.

УДК 373.3.013.75

Игрофикация в развитии универсальных учебных действий младших школьников

Валейко Виктория Ивановна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vika_valeyko00@mail.ru

Ключевые слова: игрофикация (геймификация), универсальные учебные действия (УУД), младший школьный возраст, игровые механики, образовательные технологии.

Согласно ФГОС НОО, УУД — ключевой метапредметный результат обучения, включающий познавательные, регулятивные, коммуникативные и личностные блоки, формирующие способность к самостоятельному усвоению знаний. Их развитие создаёт основу адаптации к меняющимся требованиям общества. Традиционные методы не всегда дают нужную мотивацию, что подтверждают исследования. Поэтому необходим поиск инновационных подходов для вовлечения младших школьников.

Игрофикация (геймификация) внедряет игровые механики в учёбу: соревновательность, баллы, уровни, визуализацию прогресса и обратную связь. Это превращает рутинные задачи в увлекательные активности. Исследователи отмечают: «геймификация позволяет включить в обучающее действие всех учеников, используя динамику, мотивацию и взаимодействие». Динамика создаёт ощущение сопричастности, мотивация поддерживается поэтапным усложнением, взаимодействие — через

© Валейко В. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

командную работу, обратную связь и поощрения. Эти механизмы эффективны в начальной школе, где игра остаётся ведущей формой познания.

Современная практика предлагает методы для разных типов УУД. Квесты развивают познавательные действия (анализ, сравнение, гипотезы). Система бейджей — регулятивные (планирование, самоконтроль). Командные дуэли усиливают коммуникативные навыки, требуя аргументации и учёта мнений. Экспериментально подтверждена корреляция игровых методов с типами УУД. Ролевые игры «Учитель-ученик» улучшают саморегуляцию. Важно, чтобы механики были связаны с учебными целями, не подменяя содержание развлечением.

Эмпирические данные показывают рост внутренней мотивации. В эксперименте в 3-х классах (n=120) добровольное участие в допзаданиях выросло на 40% против традиционных методов. Учащиеся воспринимали задачи как вызов. Заметен прогресс в саморегуляции: дети распределяли время, корректировали действия. Наблюдения выявили снижение тревожности при ошибках, так как игровой формат смягчает страх неудачи. Повторные попытки в приложениях формируют установку на рост. Учителя отметили, что дети чаще планируют, проговаривая шаги, — стратегия из игр. Это подтверждает потенциал игрофикации для психологической безопасности.

Разработка заданий требует учёта возраста и метапредметных целей. Кейс «Математический детектив»: решение задач для подсказок. Алгоритм: учебная цель (логика), сюжет, баллы за скорость/точность, рефлексия стратегий. Другой пример — «Грамматический конструктор» для коммуникативных УУД: команды собирают предложения из карточек, соревнуясь в креативности и грамотности. Постепенное усложнение (лимит времени, штрафы) учит договариваться, распределять роли, реагировать на критику.

Оценка эффективности сочетала количественные и качественные методы. Успеваемость (электронный журнал) показала рост среднего балла на 15% против контрольной группы. Анкетирование: 78% учащихся отметили лучшее понимание сложных тем, 92% учителей — повышение самостоятельности. Динамика регулятивных УУД: анализ дневников выявил, что через 3 месяца 65% детей стали составлять план домашних заданий (было 25%). Результаты согласуются с нейропсихологией: игровые формы активируют префронтальную кору, отвечающую за самоорганизацию. Так игрофикация доказала ценность как инструмент формирования метапредметных компетенций в рамках ФГОС НОО.

Список источников

1. Айгумова З. И. Психология детей младшего школьного возраста/ З. И. Айгумова, Н. И. Васильева, И. В. Вачков. М. : Юрайт, 2023. 424 с.

2. Ашанина Е. Н. Современные образовательные технологии. М. : Издательство Юрайт, 2020. 165 с.

3. Варенина Л. П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. С. 314-317.

4. Гаврилина О. В. Формирование универсальных учебных действий на уроках математики в начальной школе // Альманах современной науки и образования. 2015. № 1. С. 22-24.

5. Дахин А. Н. Педагогика геймификации // Вестник педагогических инноваций. 2021. № 3. С. 27-31.

6. Котькина Е. А. Педагогические условия формирования универсальных учебных регулятивных действий младших школьников // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2024. № 8. С. 76-78.

УДК 374

Разработка информационного ресурса по созданию эффективных постов для социальной сети «ВКонтакте» (на примере Красноярского краевого Дворца пионеров)

Грачева Ангелина Сергеевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, angelinagraceva794@yandex.ru

Ключевые слова: социальные сети, ВКонтакте, дополнительное образование, контент-маркетинг, модель AIDA, цифровая грамотность, целевая аудитория.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Долидович Олесе Михайловне, доценту, д-р ист. наук.

Современное развитие цифровых технологий и высокая популярность социальных сетей среди молодежи требуют от организаций дополнительного образования пересмотра коммуникационных стратегий. «ВКонтакте» считается лидером среди социальных платформ в России и по числу активных авторов, и по объему создаваемого ими контента [1], поэтому он становится ключевой платформой для взаимодействия с потенциальными слушателями и их родителями.

Как показывает практика, многие сотрудники образовательных учреждений испытывают трудности при создании качественного контента. Данная проблема определила цель исследования: разработка информационного ресурса по созданию

© Грачева А. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

эффективных постов для социальной сети «ВКонтакте», ориентированного на привлечение внимания слушателей и стимулирование интереса к мероприятиям Красноярского краевого Дворца пионеров.

Для продвижения образовательных услуг учебным заведениям необходимо внедрять политику активного использования социальных сетей, через которые можно повысить качество предоставления образовательных услуг, усовершенствовать систему взаимодействия между педагогами и обучающимися, повысить привлекательность самого учреждения (построение диалога с сообществом) [2].

В отличие от коммерческих организаций, основная цель деятельности учреждений дополнительного образования заключается не в извлечении прибыли, а в реализации социально-значимых задач: формирование и развитие творческих способностей, удовлетворение индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни и другие [3].

Анализ успешных практик ведения сообществ учреждений дополнительного образования в «ВКонтакте» позволяет выделить ключевые современные тенденции: приоритет визуализации, персонализация и сторителлинг, интерактивность и геймификация, системность и регулярность публикаций [4].

Аудитория Дворца пионеров делится на две группы: подростки и родители. Подростки – характеризуются клиповым мышлением, потребностью в социальной валидации, визуальным типом восприятия. Для них эффективны короткие вертикальные видео, сторителлинг от лица сверстников и интерактивные форматы (квизы, челленджи).

Родители – ориентируются на рациональные аргументы: безопасность, квалификация педагогов, отзывы других родителей,

перспективы развития ребенка. Им необходимы подробные статьи, фотоотчеты с занятий и прозрачная информация о расписании.

Анализ существующих маркетинговых моделей показал, что наиболее подходящей для задач Дворца пионеров является модель AIDA. Ее простота и универсальность позволяют сотрудникам без специального образования последовательно выстраивать структуру поста: привлечь внимание, вызвать интерес, сформировать желание записаться и побудить к целевому действию.

На основе теоретических положений был создан универсальный 5-шаговый алгоритм создания поста: определение SMART-цели (информирование, набор, вовлечение, формирование имиджа, образование); выбор и анализ целевой аудитории; разработка содержания по модели AIDA; подбор визуального сопровождения; публикация с учетом хештегов, первичный анализ.

Итоговым продуктом стал информационный ресурс в формате интерактивной презентации (Microsoft PowerPoint), который включает в себя: слайд-меню, слайд по модели AIDA, конструкторы для трех типов постов (анонс набора или мероприятия, пост-отчет, пост-поздравление), чек-лист и слайды с полезными ресурсами.

Информационный ресурс был создан в виде презентации. Ее можно использовать в форматах .pptx и .pdf. Это дает доступность для всех сотрудников Красноярского краевого Дворца пионеров, потому что файл может быть открыт на любом компьютере или планшете и не требует специального программного обеспечения.

Главная особенность данного информационного ресурса – его интерактивная структура, построенная по принципу «трех кругов». В центре находится навигационный слайд-меню с кликабельными кнопками. Это позволяет сотруднику самостоятельно выбирать нужный раздел в зависимости от текущей задачи. Первый круг – это теоретическая часть (психология аудитории, модель AIDA, алгоритм из 5 шагов). Второй круг – это практические конструкторы (готовые шаблоны для написания постов разных

типов для учреждений дополнительного образования). Каждый шаблон содержит структурированные поля-подсказки («Заголовок», «Призыв к действию», «Хештеги») и наглядный пример заполнения. Третий круг – это инструменты контроля и поддержки (чек-лист, рекомендации по визуальному оформлению, подборка бесплатных графических редакторов и другие полезные ресурсы по написанию постов).

Таким образом, ресурс не просто информирует, а дает инструкцию через дизайн: сотрудник видит, что и в какой последовательности писать, какие вопросы задать себе перед публикацией и как проверить качество готового поста. Это позволяет достичь результата даже при отсутствии опыта в SMM.

Разработанный информационный ресурс позволяет повысить качество работы сотрудников Красноярского краевого Дворца пионеров в социальной сети «ВКонтакте». Его практическая значимость заключается в возможности использования любым сотрудником без предварительной SMM-подготовки.

Список источников

1. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2025 // Brand Analytics. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025.

2. Муратова Е. А. Социальные сети как способ коммуникаций и продвижения образовательных услуг // Московский экономический журнал. 2019. № 9. С. 71–78.

3. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

4. Шевченко Д. А. SMM (маркетинг в социальных сетях): стратегия и тактика // Практический маркетинг. 2022. № 8 (305). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smm-marketing-v-sotsialnyh-setyah-strategiya-i-taktika/viewer.

УДК 378.147

Тьюторство в цифровой среде для подростков с особыми потребностями: развитие самостоятельности

Грубенкова Руслана Михайловна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Краснорский край, Красноярск, Россия, Grubenkovar@gmail.com

Ключевые слова: тьюторство, особые образовательные потребности, самостоятельность, индивидуализация, образовательные технологии, дистанционное обучение, доступность образования, цифровая грамотность.

Подростковый возраст — это критический период для формирования личности, поиска идентичности и освоения навыков, необходимых для успешной адаптации в обществе. Для подростков с особыми образовательными потребностями этот этап может быть осложнен. В зависимости от природы их потребностей могут возникать сложности в разных сферах. Эти трудности зачастую затрудняют развитие самостоятельности — ключевого навыка, определяющего будущую социальную интеграцию. Самостоятельный подросток способен не только учиться, но и

© Грубенкова Р. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ставить цели, принимать решения, преодолевать препятствия, активно искать информацию и эффективно применять полученные знания.

Тьюторство, как форма педагогической поддержки, целенаправленно помогает учащемуся в определении и достижении его индивидуальных образовательных задач. Тьютор выступает в роли наставника и партнера, адаптируя образовательный процесс к уникальным потребностям и способностям учащегося.

В контексте развития самостоятельности, тьюторская деятельность включает в себя комплексный подход: диагностику и оценку сильных сторон и трудностей, постановку совместных с учащимся достижимых целей, разработку индивидуальной образовательной траектории. Ключевым принципом тьюторства является поэтапная передача ответственности учащемуся по мере роста его самостоятельности.

Цифровая среда предоставляет уникальные возможности для реализации тьюторского подхода, делая его более гибким и доступным.

Таблица 1. Цифровые инструменты для развития самостоятельности

Инструмент цифровой среды	**Применение в тьюторстве для развития самостоятельности**
Платформы для онлайн-обучения	Структурирование учебного материала, отслеживание прогресса, предоставление заданий и обратной связи, организация индивидуальных учебных модулей.
Интерактивные образовательные ресурсы	Приложения, игры, симуляторы, делающие обучение наглядным и увлекательным, помогая легче удерживать внимание и осваивать материал.
Средства коммуникации	Поддержание регулярного взаимодействия, проведение индивидуальных консультаций, обеспечение оперативной поддержки.

Окончание таблицы 1.

Инструмент цифровой среды	**Применение в тьюторстве для развития самостоятельности**
Инструменты для организации деятельности	Цифровые календари, планировщики задач, приложения для заметок, карты мышления, помогающие подросткам в планировании, организации времени и структурировании информации.
Ассистивные технологии	Программы преобразования текста в речь и речи в текст, адаптированное аппаратное обеспечение, обеспечивающие доступ к информации и процессу выполнения заданий для учащихся с различными нарушениями.

Ключевыми преимуществами тьюторства в цифровой среде являются адаптивность учебного процесса, повышение доступности образовательной поддержки вне зависимости от географического положения, а также гибкость графика. Цифровая среда создает безопасное пространство для экспериментов и самообучения, параллельно развивая цифровую грамотность. А использование средств визуализации и геймификации делает процесс обучения более вовлекающим. Для эффективного внедрения тьюторства в практику применяются различные методики. Одной из них является моделирование и совместное выполнение заданий, где тьютор демонстрирует процесс, а затем пошагово переходит к поддержке самостоятельных действий подростка. Важной составляющей является поэтапное "выключение" поддержки: по мере усвоения навыка тьютор сокращает свое вмешательство, предоставляя учащемуся больше ответственности. Существенную роль играет применение подсказок, которые помогают учащемуся справиться с трудностями, не решая задачу за него.

Распространенным и эффективным подходом является проектное обучение, реализуемое в цифровом формате. Это позволяет подросткам моделировать реальные ситуации. Регулярная и конструктивная обратная связь является неотъемлемой частью процесса. Также успешно применяется

концепция "перевернутого класса", когда теоретический материал изучается подростком самостоятельно онлайн, а время тьюторской сессии посвящается практической отработке, решению проблем и интеграции знаний.

Существуют и вызовы, которые необходимо учитывать при реализации цифрового тьюторства. К ним относятся цифровое неравенство, необходимость постоянного обучения тьюторов цифровым компетенциям, а также вопросы конфиденциальности и безопасности данных. Важно помнить о риске усиления изоляции и необходимости поддерживать баланс между цифровым и реальным взаимодействием. Тем не менее, цифровое тьюторство довольно перспективно. Дальнейшее развитие технологий, появление новых образовательных платформ, а также применение технологий виртуальной и дополненной реальности, открывают широкие горизонты.

Список источников

1. Рылов А. Н. Тьюторская деятельность в системе образования / А. Н. Рылов, Н. В. Соловова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 71–77.

2. Челнокова Е. А. Тьюторская деятельность в инклюзивном образовании / Е. А. Челнокова, С. Н. Казначеева, А. М. Емельянова // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Т. 60, № 4. С. 386–389.

3. Терентьева О.С. Применение цифровых технологий при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья: проблемы и перспективы развития // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3 (49). С. 138–147.

4. Нарзулаев С. Б. Использование новых информационных технологий в педагогическом процессе для обучения детей с особыми образовательными потребностями / С. Б. Нарзулаев,

О. Ю. Похоруков, З. И. Добрянская // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 5 (68). Серия: Педагогика. С. 80–83.

УДК 371.3:004

Цифровое личностно-ресурсное картирование в диагностике познавательных интересов подростков

Ерошкина Полина Игоревна[1], Землянова Полина Романовна[2]
[1,2]Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]polinaer.22@gmail.com
[2]polinazelina05@gmail.com

Ключевые слова: тьюторское сопровождение, познавательный интерес, личностно-ресурсное картирование, цифровизация образования, визуальная диагностика, подростки.

Благодарности: авторы выражают благодарность научным руководителям Юлии Александровне Никитенко, ст. преподавателю кафедры ИТОиНО, и Ксении Анатольевне Руцкой, доценту кафедры ИТОиНО, канд. пед. наук.

В статье раскрывается, как в рамках тьюторского сопровождения может быть организована диагностика познавательных интересов подростков с использованием цифровых сервисов. Анализ сервисов проведен с опорой на основные характеристики личностно-ресурсной карты.

© Ерошкина П. И., Землянова П. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Под познавательным интересом, вслед за Щукиной Г. И., мы будем понимать «избирательную направленность личности, обращенную к области познания, к ее предметной стороне и самому процессу овладения знаниями» [1]. Согласно психолого-педагогическим источникам, познавательные интересы начинают свое основное развитие именно в подростковом возрасте [5]. Перспективность идеи применения визуальных способов в качестве инструмента диагностики познавательных интересов подростков подтверждается исследованиями авторов, утверждающих, что визуальные диагностические инструменты повышают вовлеченность, заинтересованность и искренность учащихся данной возрастной категории [1].

Одним из методов визуализации, интегрируемых в образовательный процесс, является личностно-ресурсное картирование. Ковалева Т. М. подчеркивает, что работа со школьником по созданию личностно-ресурсных карт познавательных интересов осуществляется в рамках тьюторского сопровождения. Создавая такую карту, подросток показывает связи интересов с их потенциальными ресурсами и пути реализации интересов, в результате чего лучше осмысливает, понимает и осознает их. Существенными характеристиками личностно-ресурсной карты являются топика, векторность и масштаб. Топика отражает сферы познавательных интересов, доступные ресурсы или значимые события опыта создателя карты. Масштабность подразумевает условное ранжирование элементов карты по степени их важности или влияния (единицу масштабирования определяет создатель карты). Векторность показывает направление движения на карте, например, пути реализации интересов [3].

Современный этап развития образования характеризуется цифровизацией. Подростки, родившиеся в эпоху распространения интернета, ориентированы на мгновенное получение информации, многозадачность и приоритет изображений над текстом. В силу

этого образовательные организации не могут игнорировать существование цифрового пространства. Перенос процесса создания личностно-ресурсной карты из бумажной плоскости в цифровую среду отвечает сразу нескольким вызовам. Во-первых, использование цифровых технологий повышает вовлеченность учащихся [5]. Во-вторых, цифровой формат позволяет карте быть динамичной — ее можно менять и дополнять.

Карта интересов может создаваться с помощью цифровых сервисов [2]. В ходе практической работы были проанализированы многие сервисы, но наиболее оптимальными с точки зрения доступности и функциональности оказались Draw.io и MindMeister. Рассмотрим, как в них могут быть реализованы характеристики личностно-ресурсной карты.

В сервисе Draw.io максимальная свобода для отражения пространственной топики: подросток может вручную расположить на рабочем поле блоки, символизирующие различные сферы его познавательных интересов, ресурсы или события, опыта. Масштабность реализуется за счет возможности менять размеры блоков, толщину границ, цвет заливки или расположение относительно центра карты. Векторность можно показать через соединительные линии и стрелки. MindMeister устроен похожим образом, но ветви с блоками здесь выстраиваются автоматически, что ускоряет процесс отображения топики карты. Можно выделить наиболее значимые узлы цветом или изменить их размер, тем самым задав карте масштаб. Векторность выражается в виде связей между блоками и ветвями.

Итак, применение цифровых инструментов личностно-ресурсного картирования в тьюторском сопровождении подростков выступает как результативный способ диагностики познавательных интересов, отвечающий возрастным особенностям подростков и тенденции цифровизации образования. Цифровая среда реализации личностно-ресурсного картирования (на примере

сервисов Draw.io и MindMeister) повышает вовлеченность и мотивацию подростков, а учет характеристик личностно-ресурсной карты позволяет тьютору получить объемную навигационную карту познавательных интересов и устремлений учащегося.

Список источников

1. Визуальные сценарии диагностики познавательного интереса школьников / Галактионова Т. Г., Крюкова С. С., Прольгин А. Н. [и др.] // Педагогика и психология образования. 2023. № 4. С. 55-68.

2. Гуремина Н. В. Цифровые инструменты личностно-ресурсного картирования студентов-психологов // Межрегиональная тьюторская ассоциация. 2025.

3. Ковалева Т. М. Тьюторское сопровождение и личностно-ресурсное картирование : учебно-методическое пособие / Т. М. Ковалева, М. Ю. Жилина, С. В. Дудчик. М. : Педагогическое общество России, 2021. 144 с. ISBN 978-5-93134-500-4.

4. Средний школьный возраст // Возрастная психология и педагогика : учебник для вузов / под ред. А. Г. Асмолова. 3-е изд. М. : Академия, 2022. Гл. 12. С. 210-235.

5. Цифровая социализация подростков в современном образовательном пространстве : монография / Казакова Е. И., Прикот О. Г., Ясвин В. А. [и др.]. СПб. : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 215 с. ISBN 978-5-8064-3123-4.

УДК 373.31

Педагогические возможности использования цифровых технологий в развитии познавательного интереса учащихся начальной школы

Заковряжина Елизавета Евгеньевна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, eliselshe@yandex.ru

Ключевые слова: познавательный интерес, младшие школьники, начальная школа, цифровые технологии, образовательные платформы, интерактивное обучение, учебная мотивация, цифровая образовательная среда.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Пожидаевой Ольге Александровне, старший преподаватель кафедры ИТОиНО.

Познавательный интерес в психолого-педагогической литературе понимается как устойчивая направленность личности на познавательную деятельность, стремление осваивать новые знания и понимать закономерности действительности. Г. И. Щукина определяет его через активное отношение учащегося к содержанию обучения и рассматривает как условие включения в самостоятельную познавательную деятельность [6]. Л. С. Выготский (в рамках культурно-исторической концепции) трактует развитие интереса как процесс, опосредованный обучением и социальным взаимодействием, в ходе которого формируются высшие психические функции [1]. А. К. Маркова видит в познавательном

© Заковряжина Е. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

интересе структурный компонент учебной мотивации, влияющий на результативность учебной деятельности и устойчивость учебных действий [2].

В начальном общем образовании формирование познавательного интереса особенно значимо, поскольку на этом этапе складывается учебная деятельность как ведущая. Младший школьный возраст отличается высокой познавательной активностью, эмоциональной восприимчивостью и потребностью в новых впечатлениях, но при этом познавательный интерес носит ситуативный и нестабильный характер – что требует целенаправленной педагогической организации его развития. Н. Ф. Талызина подчёркивает: устойчивость учебной мотивации достигается за счёт систематического включения учащихся в разнообразные формы познавательной деятельности [5].

Возрастная специфика познавательного интереса младших школьников характеризуется доминированием наглядно-образного мышления, повышенной чувствительностью к эмоциональной окраске и потребностью в игровой, практико-ориентированной деятельности. Д. Б. Эльконин отмечал, что игровые элементы сохраняют значимость в структуре учебной деятельности младшего школьника и могут повышать результативность усвоения содержания [7].

Согласно исследованию И. В. Роберт, информационно-коммуникационные технологии способствуют изменению характера учебной деятельности и повышению мотивационной вовлеченности обучающихся. При этом результативность их использования определяется соответствием педагогическим целям [4].

Одним из направлений применения цифровых технологий в начальной школе является использование онлайн-досок. Данный инструмент обеспечивает возможность совместного моделирования учебного содержания. В образовательной практике

используются такие сервисы как: «Holst», «МТС Линк Доски», «SBoard», «Flip», «Unidraw», «VK Доска», «Яндекс Доски». Применение онлайн-досок позволяет организовать групповое взаимодействие учащихся, что способствует развитию коммуникативных умений, навыков классификации.

Далее рассмотрим интерактивные задания, реализуемые посредством специализированных платформ. К числу наиболее распространённых относятся «LearningApps», «Wordwall», «OnlineTestPad», «Удоба», «FlikTop» они обеспечивают создание заданий различных типов, включая тесты, викторины, кроссворды, упражнения на установление соответствий, классификацию, последовательность и другие. В исследованиях Е. С. Полат отмечается, что интерактивные технологии обеспечивают активизацию учебной деятельности, а также способствуют усвоению учебного содержания [3].

Важно рассмотреть применение мультимедийных образовательных ресурсов в учебном процессе. К таким ресурсам относятся образовательные видеоматериалы, анимации, интерактивные схемы или иллюстрации, обеспечивающие визуализацию изучаемого материала. Использование платформ «РЭШ», «Яндекс.Учебник», «RuTube», «VK Видео», «Arzamas» и «ПостНаука» позволяет интегрировать мультимедийные ресурсы в структуру урока. Данные подходы способствуют снижению когнитивной нагрузки при освоении абстрактных понятий, обеспечивает опору на наглядно-образное мышление младших школьников.

Использование цифровых образовательных платформ позволяет индивидуализировать учебный процесс. Такие платформы, как «Российская электронная школа», «Учи.ру», «Фоксфорд», «Открытое образование», Stepik, «МТС Линк Курсы», дают возможность предлагать дифференцированные задания, предоставлять доступ к дополнительным материалам, а также

реализовывать контроль знаний, обратную связь и повторение учебного содержания.

Таким образом, цифровые технологии в начальном общем образовании выступают средством расширения дидактических возможностей организации учебного процесса, изменения форм представления учебного материала, структурирования познавательной деятельности учащихся. Их использование позволяет создавать условия для вариативной организации учебной деятельности, повышения уровня активности учащихся и поддержки познавательного интереса при условии их методически обоснованного применения в структуре урока.

Список источников

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М. : Смысл, 2005. 1136 с.

2. Маркова А. К. Формирование мотивации учения. М. : Просвещение, 1990. 192 с.

3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов / Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. ; под ред. Е.С. Полат. М. : Академия, 2009. 272 с.

4. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании. М. : ИИО РАО, 2010. 312 с.

5. Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М. : Изд-во МГУ, 1984. 344 с.

6. Щукина Г. И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. М. : Просвещение, 1984. 160 с.

7. Эльконин Д. Б. Психология обучения младшего школьника. М. : Просвещение, 1974. 304 с.

УДК 069.016:94:37.018:004

Цифровые образовательные технологии в деятельности школьного музея в сохранении исторической памяти

Зеленова Полина Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, polina.green121@gmail.com

Ключевые слова: историческая память, школьный музей, цифровые образовательные технологии (ЦОТ).

Тема сохранения исторической памяти сегодня стоит особенно остро. Перед нами, педагогами, стоит сложная задача: как сделать так, чтобы память о прошлом стала для современных школьников не набором дат в учебнике, а живым, личностно значимым знанием? Как превратить школьный музей из хранилища артефактов в лабораторию по созиданию этой памяти?

Ответ лежит в грамотном и системном использовании цифровых образовательных технологий (ЦОТ). В данном случае использование ЦОТ – это не самоцель, а мощный инструмент для решения ключевой педагогической задачи: формирования эмоционального отклика. Интерактивные квесты на базе музейной экспозиции, технологии дополненной реальности (AR), «оживляющие» старые фотографии, онлайн-викторины, основанные на реальных исторических документах, – всё это позволяет говорить о сложных и трагических событиях прошлого на языке, близком и понятном современному подростку [1].

© Зеленова П. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Именно такой подход помогает нам выстроить мост между поколениями. Когда ученик с помощью цифровых архивов находит информацию о своём родственнике – участнике войны и добавляет его историю в общую «Стену памяти» школьного сайта, история страны перестаёт быть для него абстракцией. Она обретает лицо, имя, судьбу – судьбу его собственной семьи. В этот момент сухие факты превращаются в живую, трепетную и вечную память [3].

Однако не стоит забывать, что традиционная проблема школьных музеев часто заключается в фрагментарности: есть экспонаты, есть разовые экскурсии, но нет сквозного процесса, который бы вовлекал ученика в полный цикл – от исследования до презентации. В настоящее время несмотря на то, что многие современные школьные музеи имеют всё необходимое оборудование, ЦОТ рискуют остаться поверхностным «украшательством», если они не встроены в содержательную деятельность [4].

Именно для преодоления этой фрагментарности мы выделили три фундаментальных направления, где ЦОТ эффективно меняют работу с исторической памятью.

Направление 1: ЦОТ как инструмент исследования и архивации. В этом направлении Школьники осваивают работу с историческими источниками, используя электронные архивы, базы данных и онлайн-коллекции. Они самостоятельно записывают видеоинтервью, оцифровывают письма и фотографии, создавая цифровые артефакты. В результате формируется цифровая база локальной памяти, а ученик становится хранителем истории. [3].

Направление 2: ЦОТ как инструмент создания цифрового продукта. Здесь участники музейного актива учатся создавать современные цифровые материалы: видеоролики, сайты, подкасты, мультимедийные лонгриды. Это позволяет передавать историческую память на понятном молодёжи языке, делая её более эмоциональной и визуальной. Ученик выступает в роли

медиапродюсера памяти, учась упаковывать сложное историческое содержание в актуальные форматы [4].

Направление 3: ЦОТ как инструмент формирования образовательной среды для коммуникации и сообщества. Работа ведётся в разновозрастных командах, что развивает социальные навыки. Цифровые продукты публикуются в соцсетях, проводятся онлайн-викторины и трансляции экскурсий. Благодаря этому память перестаёт быть замкнутой в стенах кабинета. Она становится поводом для диалога, объединяя школьников, родителей и жителей, превращая школьный музей в цифровой хаб, а учеников – в гидов, связывающих прошлое и настоящее [2].

Однако, развивая эти направления, важно избегать соблазна чистой виртуализации. Школьные музеи в большинстве своём жёстко привязаны к «локальной местности» – к реальным объектам, архивам, людям. Цифровые технологии здесь служат усилению, а не замене живого контакта с историей. Сначала – экспедиция, интервью, работа в архиве, потом – оцифровка, монтаж, публикация.

Таким образом, можно сделать вывод, что ЦОТ становятся каркасом для системной работы школьного музея по сохранению исторической памяти, позволяя [4]:

1. Передать инициативу ученику, сделав его активным субъектом процесса.

2. Создать устойчивые цифровые копии уникальных свидетельств эпохи.

3. Говорить с молодёжью на понятном им медийном языке.

4. Встроить школьный музей в цифровую среду современного общества.

Итогом этой трансформации становится эволюция самого музея. Школьный музей, работающий по таким принципам, совершает эволюцию: из «музея-склада» он превращается в «музей-лабораторию», а затем – в «музей-медиацентр», который не просто

хранит память, а активно её производит, интерпретирует и транслирует в мир. И в этом процессе цифровые технологии являются нашим важнейшим союзником.

Список источников

1. Асадова А.Н. Технология дополненной реальности как современный метод обучения школьников (на примере создания школьного виртуального музея) // Кировский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. URL: https://bpo.kirovipk.ru/2023/875/.

2. Грибан И.В. Музей образовательной организации в условиях развития суверенной системы отечественного образования: историко педагогический опыт и современные тенденции / И. В. Грибан, Е. С. Слесаренко // Педагогическое образование в России. 2024. № 6. С. 10–18.

3. Виртуальный музей как инструмент музейной педагогики: возможности и перспективы использования в образовательном процессе / Кулакова Н. В., Емельянова И. Е., Веккессер М. В. [и др.] // Перспективы науки. 2024. № 6. С. 202–204.

4. Андреев Н. Современные тренды в публичной истории: от музейной педагогики к цифровым практикам вовлечения молодежи / Н. Андреев, М. Фиров // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2025. № 2. URL: https://www.journals.psu.by/specialists_economics_sciences/article/view/8764.

УДК 37.091.3:004

Динамика профессиональной идентичности у педагогического дизайнера цифровой образовательной среды

Козлова Анастасия Романовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, anastasi.a2910@yandex.ru

Ключевые слова: профессиональная идентичность, педагогический дизайнер, цифровая образовательная среда, карьерное самоопределение.

В работе исследуются проблема динамики профессиональной идентичности студентов направления «Педагогический дизайн цифровой образовательной среды». Анализируются теоретические подходы к пониманию профессиональной идентичности, а также особенности её формирования в условиях цифровизации образования. Представлены результаты эмпирического исследования, выявляющего уровень сформированности профессиональной идентичности студентов.

Цифровая трансформация образования обусловливает появление новых профессиональных ролей, среди которых особое место занимает педагогический дизайнер цифровой образовательной среды. Данная профессиональная область требует интеграции педагогических, цифровых и проектных компетенций, что усложняет процесс формирования профессиональной идентичности студентов.

© Козлова А. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Профессиональная идентичность рассматривается как осознание человеком своей принадлежности к профессии, принятие её ценностей и готовность к профессиональной деятельности. При этом она носит динамический характер и формируется в процессе обучения и практики [1].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения динамики профессиональной идентичности студентов и разработки педагогических условий её формирования в цифровой образовательной среде.

В научной литературе профессиональная идентичность трактуется как интегративное образование, включающее когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный компоненты.

Исследования показывают, что её формирование происходит поэтапно:

– первичное представление о профессии;

– профессиональная ориентация;

– включение в деятельность;

– профессиональная идентификация [2].

Цифровая образовательная среда выступает важным фактором данного процесса, поскольку она обеспечивает доступ к профессиональным инструментам, возможность проектной деятельности и включение в профессиональное сообщество [1].

Особую роль играет педагогический дизайн, который позволяет организовать обучение как систему профессиональных проб, формирующих профессиональное «Я» студента.

Цель исследования: выявить уровень сформированности профессиональной идентичности студентов направления «Педагогический дизайн цифровой образовательной среды».

База исследования: студенты 4 курса направления «Педагогический дизайн цифровой образовательной среды»

Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета.

В ходе исследования была использована авторская анкета, включающая следующие блоки: уверенность в профессиональных силах; профессиональная идентичность; карьерное самоопределение.

Анализ показал:

– Высокий уровень профессиональной идентичности — 27% студентов

– Средний уровень — 53%

– Низкий уровень — 20%

Полученные данные подтверждают выводы исследователей о том, что профессиональная идентичность формируется постепенно и зависит от включённости студентов в профессиональную деятельность.

Профессиональная идентичность педагогического дизайнера цифровой образовательной среды является динамическим образованием, формирующимся в процессе обучения и профессиональной практики. Результаты исследования показали, что у большинства студентов она находится на среднем уровне, что свидетельствует о необходимости целенаправленной педагогической работы. Разработка методики формирования профессиональной идентичности должна учитывать специфику цифровой образовательной среды и включать проектную деятельность, рефлексию и карьерное планирование.

Список источников

1. Пфетцер А. А. Психология и педагогическая психология // Вестник Кемеровского государственного университета 2021. Т. 23, № 4(88). С. 985-994. DOI 10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994.

2. Хайруллина А.А. Развитие профессиональной идентичности будущего педагога в цифровой образовательной среде // Социальное управление. 2025. Т. 7, № 4. С. 248-252.

УДК 371.124:379.835

Цифровая среда и профессиональное развитие вожатого: теория и перспективы работы с детьми с ОВЗ

Коробейникова Ксения Денисовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ksyushakor2018@gmail.com

Ключевые слова: цифровая среда, профессиональное развитие, вожатый, дети с ОВЗ, инклюзивная компетентность, тьюториалы, индивидуализация, цифровые технологии, педагогическое образование.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Турановой Ларисе Михайловне, доценту, канд. пед. наук.

В статье анализируются теоретические аспекты профессионального развития вожатых в условиях современной цифровой среды. Рассматриваются возрастные психолого-педагогические особенности студентов, сущность инклюзивной компетентности и роль тьюториалов как инновационного инструмента формирования профессиональных и личностных качеств будущих педагогов. Особое внимание уделяется преимуществам цифровой среды для обучения, управления и

© Коробейникова К. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

саморазвития вожатых, а также перспективам их работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Современная цифровая среда трансформирует все сферы жизни человека: обучение, управление, профессиональное и личностное развитие приобретают новые черты благодаря интеграции информационных технологий. Особое значение эти процессы имеют для педагогической деятельности, где цифровые инструменты становятся не только средством передачи знаний, но и платформой для формирования инклюзивной культуры, развития управленческих компетенций и поддержки индивидуального роста каждого участника образовательного процесса. Актуальность темы обусловлена тем, что в России ежегодно миллионы детей участвуют в программах отдыха и оздоровления, среди них значительная доля — дети с ограниченными возможностями здоровья. Организация их досуга требует специальной подготовки педагогических кадров, способных эффективно работать в условиях инклюзии, управлять коллективом и использовать современные образовательные технологии.

Студенты — это особая возрастная группа, находящаяся на этапе перехода от юности к зрелости. Для них характерны высокая познавательная активность, стремление к самореализации, эмоциональная нестабильность, потребность в признании и самостоятельности. Современные студенты отличаются мобильностью, активным использованием цифровых технологий, интересом к новым профессиям и поиском баланса между учёбой, работой и личной жизнью. Когнитивное развитие студентов сопровождается формированием абстрактного мышления, критичности, метакогнитивных способностей. Понимание этих особенностей позволяет разрабатывать эффективные образовательные стратегии, способствующие успешной социализации и профессиональному становлению молодёжи.

Инклюзивная компетентность — это системная характеристика педагога, включающая знания о принципах инклюзивного образования, практические умения и личностные качества. Её структура включает мотивационный компонент (интерес к работе с особыми детьми, стремление к развитию), когнитивный компонент (знания о специфике ОВЗ, методах диагностики и поддержки), рефлексивный компонент (способность анализировать свою деятельность, выявлять трудности и строить планы саморазвития). Формирование инклюзивной компетентности необходимо начинать ещё в процессе получения базового образования, чтобы будущие педагоги были готовы к работе в условиях инклюзии.

Сегодня пребывание в цифровой среде удобно и востребовано по целому ряду причин. Во-первых, цифровые технологии обеспечивают беспрецедентный доступ к информации и образовательным ресурсам: человек может получать знания из любой точки мира, участвовать в онлайн-курсах, вебинарах, профессиональных сообществах, что стирает географические и временные барьеры. Во-вторых, цифровая среда способствует индивидуализации образовательных траекторий: благодаря аналитике данных, адаптивным платформам и гибким образовательным модулям каждый пользователь может выстраивать собственный маршрут развития. В-третьих, цифровые инструменты повышают эффективность управления образовательными процессами.

Для вожатого цифровая среда открывает новые горизонты профессиональной деятельности. Тьюторское сопровождение, основанное на принципах индивидуализации и поддержки самостоятельности обучающегося, органично встраивается в цифровую экосистему. Онлайн-платформы и коммуникационные сервисы позволяют вожатому выстраивать персонализированные образовательные маршруты для детей с ОВЗ, оперативно

реагировать на их запросы, предоставлять обратную связь и сопровождать их на всех этапах социализации и развития. Цифровые инструменты способствуют развитию рефлексивных практик: электронные портфолио, блоги, цифровые дневники позволяют фиксировать достижения детей с ОВЗ, анализировать трудности и строить планы их саморазвития.

Тьюториалы — это интерактивные образовательные форматы, сочетающие теоретические знания и рефлексию. В российской педагогике тьюторство стало активно развиваться с 2000-х годов. Их преимущества: индивидуальный подход к каждому обучающемуся; использование кейс-обучения для анализа ситуаций взаимодействия с детьми с ОВЗ; интеграция цифровых ресурсов и дистанционных платформ; развитие критического мышления и эмпатии у будущих вожатых.

Таким образом, цифровая среда становится мощным катализатором для реализации потенциала человека, обеспечивая гибкость, доступность и индивидуализацию образовательных и управленческих процессов. Для вожатого это не только удобное, но и стратегически важное пространство для профессионального роста. Интеграция цифровых технологий позволяет эффективно формировать инклюзивную компетентность будущих специалистов по работе с детьми с ОВЗ.

Список источников

1. Бекузарова Н. В. Психолого-педагогические особенности студентов / Н. В. Бекузарова, К. В. Криусенко // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Петрозаводск : Международный центр научного партнёрства «Новая Наука», 2020.

2. Пивторак А. Н. Инклюзивная компетентность как неотъемлемый компонент профессионального становления педагога // Вестник МГУКИ. 2022.

3. Кострова Ю. С. Генезис понятий «компетенция» и «компетентность» // Молодой учёный. 2011.

4. Линкер Г. Р. Подготовка вожатых в вузе к работе в детском лагере в условиях инклюзивного образования / Г. Р. Линкер, Г. Г. Кругликова, А. М. Салаватова // Вестник НВГУ. 2023.

УДК 373.32

Роль цифровых программ/приложений в выстраивании коммуникации детей с расстройствами аутистического спектра

Краснова Валерия Павловна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, valeri-k09@yandex.ru

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, коммуникация, цифровые программы/приложения.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Оксане Александровне Сидоренко, доценту, канд. пед. наук.

Цифровые ресурсы активно входят в жизнь людей, открывая для каждого новые возможности. Дети с расстройствами аутистического спектра (далее – РАС) не исключение, они тоже активно пользуются цифровыми ресурсами, в том числе и программами для выстраивания коммуникации. Данные программы являются средствами альтернативной и дополнительной коммуникации (далее – АДК). Часть родителей и

© Краснова В. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

педагогов не считают нужным это использовать, так как считают АДК нерезультативной и уверены, что она мешает развитию вербальной коммуникации. Однако в работе И.В. Леоновой «Влияние применения средств альтернативной и дополнительной коммуникации на формирование функциональной коммуникации у детей с расстройствами аутистического спектра» описываются результаты исследования, в которых указано совсем противоположное, что АДК способствует развитию коммуникации, в том числе и вербальной [5]. Все средства АДК делятся на три группы, программы относятся к высокотехнологичным. В отличие от низкотехнологических (карточки, жесты, реальные предметы, коммуникативные таблицы, коммуникативные книги [3]) и среднетехнологических (коммуникаторы на батарейках [3]), высокотехнологические имеют такие преимущества, как:

1. большой выбор символов и можно добавить новый;
2. можно использовать с озвучкой или без неё;
3. символы можно подобрать под особенности пользователя;
4. интерфейс, как правило, интуитивно понятен [3].
5. Однако высокотехнологические средства имеют и недостатки:
6. может разбиться;
7. дети могут использовать его не для коммуникации, а для компьютерных игр и мультфильмов;
8. чаще дешевле среднетехнологических, но всё равно достаточно дорогие [3].

Высокотехнологические средства АДК могут быть полезны для детей, использующих конкретные или абстрактные символы, то есть находящихся на пятом или шестом уровнях развития коммуникативных навыков, выделяемых создателями матрицы коммуникации, то есть «инструмента для оценки <…> развития коммуникативных навыков, прогресса и особых потребности тех, кто находится на ранних этапах развития коммуникативных

навыков или использует другие формы коммуникации, помимо устной или письменной речи» [4]. В программах можно размещать конкретные и абстрактные символы, поэтому эти программы и актуальны для детей на пятом и шестом уровнях развития коммуникативных навыков. Эти программы могут быть нужны и для детей во время становления у них седьмого уровня (языка).

Каждая программа имеет свои особенности и открывает свои возможности. Рассмотрим специализированные программы «LINKa. Покажи», «LINKa. Напиши», «Аутизм: Общение».

Приложение «LINKa. Покажи» предполагает использование озвученных пиктограмм/картинок, которые при нажатии на них (выборе) отображаются в отдельной строке наверху, а для озвучивания нужно нажать на картинку громкоговорителя, которая находится справа на этой же строке. При желании можно добавлять свои символы и подписи к ним [1].

Приложение «LINKa. Напиши» работает так же, как и «LINKa. Покажи», но вместо картинок и пиктограмм используется обычная клавиатура, введённые фразы при желании так же можно озвучить, нажав на значок громкоговорителя [1].

Приложение «Аутизм: Общение» работает так же, как «LINKa. Покажи», но имеет другие категории, например, животные, мебель, овощи, фрукты, но всё же сохраняется возможность создавать свои карточки. Данное приложение, в отличие от предыдущих, больше подойдёт не для бытового общения, а для работы во время коррекционно-развивающих занятий [2].

Эти три программы сохраняют новые символы на том устройстве, на которое их загрузили, то есть на каждое устройство новые символы нужно загружать отдельно. Программа «ISPRINGE SUITE 9», изначально не предназначенная для выстраивания коммуникации, позволяет переносить символы с одного устройства на другое, однако для этого нужно будет её каждый раз загружать. Однако в этой программе нельзя строить предложения, то есть она

хорошо подойдёт только на первых этапах введения АДК, пока ребёнок ещё не использует словосочетания и предложения.

Все эти программы нужно устанавливать, они занимают значительный объём памяти, можно использовать программу, занимающую гораздо меньше памяти – «Галерею», но нужно учитывать, что в ней символы будут только картинками или пиктограммами без озвучки и также, как и в программе «ISPRINGE SUITE 9», нельзя будет строить из них предложения. Для тех детей, кто боится громких звуков (имеет слуховую гиперчувствительность), что часто бывает у детей с РАС, и пока не строит словосочетания и предложения «Галерея» подойдёт, при этом не заняв много памяти на гаджете. Для того, чтобы ребёнку было удобно пользоваться «Галереей», для его символов можно создать отдельную папку.

Таким образом, цифровые приложения открывают новые возможности для коммуникации детей с РАС. Есть значительное количество специализированных приложений, которые имеют разные категории символов, а есть и неспециализированные приложения, которые тоже легко адаптировать под особенности и потребности каждого ребёнка.

Список источников

1. LINKa : приложение. URL: https://linka.su/.

2. Аутизм: Общение : приложение. URL: https://apps.apple.com/ru/app/аутизм-общение/id526733108.

3. Баксараев А. О. Средства альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) : методическое пособие / А. О. Басараев, Р. Р. Вяликов. М. : АНО Центр «Пространство общения», 2024. 44 с. URL: https://clck.ru/3QhKwi.

4. Коммуникационная матрица : сервис / Орегонский университет науки и здравоохранения. 2026. URL: https://communicationmatrix.org/.

5. Леонова И. В. Влияние применения средств альтернативной и дополнительной коммуникации на формирование функциональной коммуникации у детей с расстройствами аутистического спектра // ГБОУ СОШ №1321 «Ковчег». 2019. URL: https://clck.ru/3QhLdw.

УДК 37.014

Цифровая среда в организации педагогического взаимодействия в коррекционной школе

Крицкий Александр Анатольевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ebis@inbox.ru

Ключевые слова: цифровая среда, педагогическое взаимодействие, коррекционная школа, обучающиеся с ОВЗ, индивидуализация обучения.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Оксане Анатольевны Остыловской, доценту, канд. пед. наук.

Современная школа развивается в условиях глубокой цифровой трансформации. Однако для коррекционного образования цифровая среда имеет не только технологическое, но и социально-педагогическое значение. В статье 16 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее - Закон об образовании) закреплена обязанность образовательной организации обеспечивать функционирование электронной информационно-образовательной среды, а

© Крицкий А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

государственная система «Моя школа» задает единый инфраструктурный контур цифрового взаимодействия школы, педагога, обучающегося и семьи.

В научной педагогике исходным понятием остается педагогическое взаимодействие. Е.В. Коротаева справедливо подчеркивает, что оно является «явлением чрезвычайно разносторонним» [5, с. 73], что особенно важно для специального образования, где в процесс включены не только учитель и ученик, но также дефектолог, логопед, психолог, тьютор, родители и администрация школы. Поэтому цифровая среда в коррекционной школе должна рассматриваться не как набор устройств, а как особым образом организованная система коммуникации, координации и сопровождения.

Нормативно цифровая среда в коррекционной школе обоснована требованиями Закона об образовании, ФГОС и адаптированных программ, которые предполагают специальные условия, вариативность содержания, коррекционную направленность и учет особых образовательных потребностей детей с ОВЗ. В связи с этим, цифровая среда должна обеспечивать доступность образования, компенсировать нарушенные функции и развивать самостоятельность ребенка.

С позиции современной науки эффективность цифровой среды определяется не количеством сервисов, а качеством участия всех субъектов образовательного процесса. По мнению С.В. Алехиной, Е.В. Самсоновой и А.Ю. Шеманова, важным условием является «активное включение в образовательный процесс всех его участников» [1, с. 72]. Для коррекционной школы это особенно значимо: если ребенок с ОВЗ только получает задания через платформу, но не включается в общение и не получает адаптированной обратной связи, цифровая среда остается формальной и не становится развивающей.

Цифровая среда расширяет возможности коррекционной школы: помогает использовать визуальные расписания, пошаговые алгоритмы, карточки альтернативной коммуникации, индивидуальные задания, аудио-подсказки и дистанционную поддержку семьи. В условиях дефицита кадров дополнительную помощь может обеспечить приложение «Электронный тьютор».

Вместе с тем именно здесь обнаруживается основная проблема. Во многих случаях цифровизация идет быстрее, чем перестройка самого педагогического взаимодействия. Так, например, исследование С.В. Алехиной, Ю.А. Быстровой, Е.В. Самсоновой и А.Ю. Шеманова фиксирует, что препятствием становится «недостаточность механизмов индивидуализации образования» [1, с. 32]. Показательно и то, что обучение по индивидуальному учебному плану в инклюзивных школах реализуется лишь для 1,34 % учеников [1, с. 42]. Для коррекционной школы эта тенденция означает риск подмены адресного сопровождения формальной загрузкой ребенка цифровыми материалами без точной настройки темпа, содержания и способов коммуникации.

Не менее существенна и проблема взаимодействия школы с семьей. Например, Н.В. Жадько и М.М. Безруких убедительно показывают, что родительские собрания с назидательным информированием «не являются средством вовлечения родителей в школьную жизнь детей» [2, с. 39]. В цифровой среде эта трудность не исчезает, а часто лишь меняет форму, когда живое сотрудничество подменяется редкими сообщениями и передачей домашних заданий. Между тем Ю.А. Королева установила, что родители обучающихся с умственной отсталостью имеют выраженную потребность в помощи при цифровом воспитании ребенка, а наиболее продуктивными оказываются индивидуальная беседа, телефонный контакт и персональная переписка [4, с. 311–

323]. В связи с этим, цифровая среда должна усиливать партнерство, а не упрощать его до обмена файлами.

Решением может стать цифровой маршрут педагогического взаимодействия - единая система сопровождения обучающегося с участием учителя, специалистов и родителей. В ней отражаются задания, трудности ребенка, успешные приемы работы, динамика навыков и согласованные действия взрослых. Такой маршрут должен опираться на сотрудничество школы и семьи [3, с. 45] и регулярно обсуждаться на школьном психолого-педагогическом консилиуме.

Таким образом, цифровая среда в коррекционной школе должна рассматриваться как педагогически организованное пространство совместной работы. Она не заменяет живое общение, а делает взаимодействие участников образовательного процесса более точным, непрерывным и индивидуализированным. В этом случае цифровизация становится ресурсом коррекционно-развивающей работы, социальной адаптации и развития самостоятельности ребенка с особыми образовательными потребностями.

Список источников

1. Алехина С.В., Подход к моделированию инклюзивной среды образовательной организации / С. В. Алехина, Е. В. Самсонова, А. Ю. Шеманов // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 5. С. 69-84.

2. Реализация принципа непрерывности в инклюзивном образовании России / Алехина С.В., Быстрова Ю.А., Самсонова Е.В. [и др.] // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29, № 5. С. 31-48.

3. Жадько Н. В. Взаимодействие педагога и родителя: причины проблем и варианты их решения / Н. В. Жадько, М. М. Безруких//

Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1, № 6(96). С. 37-48.

4. Королева Ю. А. Взаимодействие педагогов с родителями в сфере цифровой социализации обучающихся с умственной отсталостью: компаративный анализ // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2025) : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Москва, 13–14 ноября 2025 г. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. С. 311-323.

5. Коротаева Е. В. Педагогическое взаимодействие: становление дефиниции // Педагогическое образование в России. 2007. № 1. С. 73-83.

УДК 378.147:004.9

Некоторые аспекты использования нейросетей в образовательном процессе вуза

Кузнецова Ксения Васильевна[1], Аникина Марина Анатольевна[2]
[1,2]Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]KKuznetsova-PP25@stud.sfu-kras.ru
[2]anikina-ma@yandex.ru

Ключевые слова: образование, искусственный интеллект, цифровая трансформация, гибридный интеллект.

Цифровая трансформация высшего образования перешла из фазы теоретических дискуссий в фазу массового практического внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ). Авторами

© Кузнецова К. В., Аникина М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

данной статьи был проведен опрос 18 преподавателей и 100 студентов психолого-педагогических направлений подготовки бакалавриата и магистратуры, касающийся использования нейросетей в очном и очно-заочном учебном процессе, осуществлении самостоятельной работы студентов, самообразовании, организации и проведении исследовательской научной деятельности. Результаты показали, что нейросети знакомы 100% опрошенных, 76,5% используют их в научной деятельности, а 82,4% педагогов считают, что применение ИИ будет полезно в образовательном процессе.

Однако за внешним консенсусом скрываются острые противоречия. Как совместить автоматизацию рутинных операций с сохранением глубины понимания? Не превращается ли персонализация обучения в интеллектуальную изоляцию? Целью нашей статьи является системный анализ плюсов и минусов внедрения ИИ в вузовскую практику, опираясь на данные опроса и актуальные исследования современных авторов [1; 2; 4].

Рассмотрим потенциальные преимущества: от автоматизации к гибридному интеллекту. Ключевым аргументом сторонников ИИ в образовании является возможность снижения рабочей нагрузки на преподавателей и студентов благодаря автоматизированным тестовым системам и средствам самооценки.

Однако остается открытым вопрос: возможен ли «гибрид» без четкого нормативного разделения ответственности? Когда алгоритм предлагает студенту только «удобный» контент, не лишаем ли мы его встречи с сопротивлением материала — ключевого условия развития диалектического мышления?

Теперь рассмотрим системные риски и выявленные дефициты. Первый определим, как эрозию когнитивных навыков. Парадоксальным образом ИИ, призванный развивать креативность, на практике используется студентами для оперативного нахождения решений.

Следствием всего этого становится утрата фундаментальных навыков. Н.В. Тунёва фиксирует трансформацию процессов поиска информации. Исследователь подчеркивает, что современные учащиеся все реже обращаются к авторитетным источникам и систематизированным знаниям, предпочитая поверхностный поиск через голосовых помощников. А это приводит к утрате навыков аналитического отбора информации, верификации данных и систематизации знаний. Что, в свою очередь, формирует фрагментарное, а не системное мышление [5].

Вторым дефицитом является методологическая неготовность и сопротивление педагогов. Внедрение ИИ происходит в отсутствие устоявшейся методологической базы.

Третьим дефицитом является наличие риска сбора данных и образовательного неравенства. Образовательные платформы собирают значительные объемы персональных данных. Как отмечает Н.В. Тунёва, система, знающая все предпочтения пользователя, начинает предлагать чаще то, что соответствует его взглядам [5]. Это порождает угрозу «фильтрующего пузыря» и углубления цифрового неравенства.

Итак, обозначим зоны открытой проблематизации. Помимо перечисленных плюсов и минусов, существуют системные противоречия, требующие дальнейшего исследования:

1. Справедливость автоматической оценки. Способна ли тестовая система оценить глубину понимания, а не фактологическую точность?

2. Расхождение декларируемых целей и реального использования. Вместо развития креативности - эксплуатация ИИ для экзаменационной гонки.

3. Необходимость массовой переподготовки преподавателей. Кто и за какие средства будет обучать преподавателей работе с ИИ?

4. Границы «гибридного интеллекта». Где проходит черта, после которой помощь алгоритма превращается в подмену мышления студента?

Какие выводы и рекомендации мы можем сделать? Опрос показал, что тотального отрицания или безоговорочного принятия ИИ в вузовской среде нет. Большинство - 64,8% опрошенных - выступают за сбалансированное использование нейросетей в образовании.

Успешная интеграция, по мнению исследователей, требует не только технологических инноваций, но и переосмысления педагогических основ, обновления нормативной базы и постоянного диалога между разработчиками, педагогами и учащимися [3].

Искусственный интеллект в высшей школе — это не благо и не угроза, а сложный инструмент, эффект которого определяется не мощностью алгоритмов, а способностью образовательной системы сохранить человекоразмерность, критическое мышление и живое общение. Сбалансированный подход, поддерживаемый почти двумя третями участников опроса, выглядит наиболее реалистичной стратегией на с ИИ: трансформация системы образования и новые возможности для студентов ближайшие годы.
Авторы выражают благодарность языковой модели DeepSeek (компания «深度求索») за помощь в структурировании аргументов и формулировке проблематизации и оформлению материалов, согласно представленным требованиям. Использование ИИ-ассистента носило вспомогательный характер; все содержательные выводы и интерпретация данных принадлежат авторам.

Список источников

1. Акимова Н. В. Проблемы и риски образования в эпоху нейросетей и искусственного интеллекта. 2024. 11 с.

2. Гордич А. А. Нейросети и образование / А. А. Гордич, Ю. В. Минченков // Актуальные проблемы социально-экономического развития современного общества : Материалы V международной научно- практической конференции, Киров, 29 мая 2024 года. Киров: Кировский государственный медицинский университет, 2024. С. 442–447.

3. Нечепуренко М.Ю. Будущее образования и преподавателей / М. Ю. Нечепуренко, Т. В. Фоменко, Е. Е. Лепеха // Дистанционные образовательные технологии : сборник трудов X международной юбилейной научно-практической конференции, Ялта, 16–18 сентября 2025 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. С. 236-239.

4. Пирайнен Е. В. Нейросети в образовании: польза или вред. СПб. : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 357 с.

5. Тунёва Н. В. Перспективы нейросетей как дидактического инструмента. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2025. С. 48-54.

УДК 37.018.43:004.031.4

Анализ активности пользователей электронного обучающего курса как инструмент повышения результативности обучения

Медведева Александра Ивановна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федеральный университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, medvedeva.sa5hka@yandex.ru

Ключевые слова: электронный обучающий курс, анализ активности пользователей, LMS Moodle, оценка обучающего курса.

Статья посвящена анализу активности пользователей электронного образовательного курса в течение одного семестра, с целью повышения эффективности преподавания дисциплины и повышения успеваемости студентов. Период сбора данных охватывает временной отрезок с 1 сентября 2025 года по 23 января 2026 года. Информация предоставлена преподавателем курса одной из общеуниверситетских дисциплин Сибирского федерального университета, формирующих универсальные компетенции. В процессе обработки использовались данные, доступные в системе Moodle, а именно журнал событий, содержащий записи действий пользователей на курсе.

Одной из приоритетных областей для научных исследований является анализ не только академических достижений, но и активности пользователей, зачисленных на электронные образовательные курсы. Эти вопросы представляют собой закономерное продолжение исследований и совершенствования электронного обучения.

© Медведева А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В маркетинге существуют методы анализа данных о действиях пользователей, которые могут быть адаптированы под задачи образовательной организации. Например, можно использовать подобный методу «веб-аналитика» для анализа активности пользователей на курсе. Подобная работа проводилась в Национальном исследовательском Томском политехническом университете [1]. Цель работы заключалась в анализе данных за три года обучения для совершенствования обучающего курса “Информатика”. Анализ данных показал, что студенты более активны в период сессии и период закрытия академической задолженности. Авторы решили структурировать курс по неделям с ключевыми достижениями. Это помогло равномерно распределить нагрузку, и пик активности сместился к началу курса. Также активность пользователей можно связать с их результатом по курсу, это может быть полезно для прогнозирования и профилактики низкого уровня успеваемости некоторых студентов.

В классической модели ADDIE разработка учебного курса начинается с анализа и заканчивается оценкой. Использование данных из журнала событий для оценки улучшит понимание качества курса и выявит возможности для его улучшения. На примере зарубежных исследований можно понять, как упростить этот процесс. Анализ можно проводить с помощью плагинов в системе управления обучением (но они ещё находятся в разработке) или в заранее подготовленной среде для анализа Jupyter Notebook. Остаётся только выгрузить данные, что сократит время анализа [2].

Для выгрузки данных в системе Moodle существует встроенная функция генерации таблицы в выбранном формате: HTML, JSON, ODS, PDF, Excel, CSV. В настройках, в раскрывшемся списке выбрать «Больше». После этого будет доступна страница с разделом «Отчеты», в котором можно просмотреть статистику по количеству

действий студентов на курсе, отчеты по модулям. Для нас представляет интерес «Журнал событий». В нем перечислены все действия пользователей на курсе с временными отметками и идентификаторами пользователей и элементов курса в описании к действию. Для скачивания журнала нужно указать, период, группы и пользователей. Из-за большого количества данных могут возникать проблемы со скачиванием. После отображения журнала с заданными полями фильтра предоставляется возможность экспорта в выбранный формат по кнопке «Скачать». Для экспортированных данных применён формат CSV.

Текущая работа выполнена в Excel и Google Colab с использованием Python для обработки данных. Код позволяет быстро объединять таблицы, проверять количество записей и типы данных. Для предотвращения потери данных сверяется количество записей до и после объединения. В Google Colab таблицы генерируются и скачиваются через команду sheet = sheets.InteractiveSheet (df=week). Незначительные действия, такие как открытие системы менее чем на 2 минуты, исключаются. В таблицы добавлены столбцы для времени и идентификатора пользователя. Так были подготовлены таблицы предобработанных данных действий студентов для анализа в Excel.

Результат работы представлен на рисунке 1. Пик активности пользователей пришелся на конец семестра. Активность распределена неравномерно: 18 неделя оказалась самой активной. Увеличение активности связано с тестированием, что видно на графике. Количество событий студентов колебалось от 20 до 50 тысяч, достигая максимума в период повышенной активности.

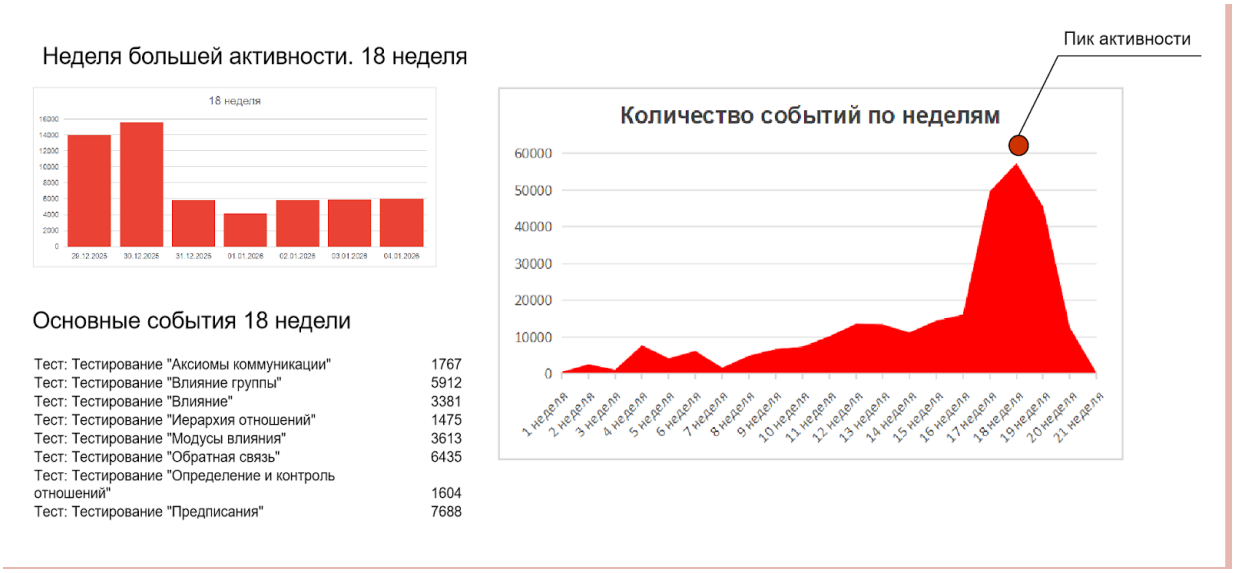


Рисунок 1. Графики активности пользователей.

Данные текущего исследования составляют основу будущей работы над электронным обучающим курсом. Анализ данных может способствовать выявлению закономерностей, связанных с уровнем активности студентов и их результатом обучения, а также с паттернами их поведения во время обучения на курсе.

Список источников

1. Стародубцев В. А. Оптимизация контента онлайн-курса по данным статистики активности пользователей / В. А. Стародубцев, О. В. Ситникова , О. Б. Лобаненко // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 8-9. С. 119–127.

2. Jorro-Aragoneses J. L. Learning analytics tools to analyze progress and results with moodle LMS data / J. L. Jorro-Aragoneses, C. M. Alaíz, P. Rodríguez // 2024 IEEE Global Engineering Education Conference. 2024. DOI 10.1109/EDUCON60312.2024.10578707.

УДК 378.147:004.4'2

Тильда как конструктор лендинговой страницы образовательной программы

Новикова Ксения Александровна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, novikova_kseniya2.0@mail.ru

Ключевые слова: Tilda, конструктор сайтов, лендинг, образовательная программа, вуз, приёмная кампания.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Наталье Владимировне Бекузаровой, канд. пед. наук, доцент, зав. кафедры.

В последние годы конкуренция между вузами за абитуриентов заметно усилилась. Обычных способов информирования — листовок, дней открытых дверей или информации на основном сайте — становится недостаточно. Абитуриенты привыкли быстро принимать решения, и для них важнее не просто информация, а её визуальное оформление и удобство подачи. Потенциальному студенту хочется сразу увидеть главное: чему предстоит учиться, кто будет вести занятия, какие перспективы ждут после выпуска и как вообще подать документы. Мне кажется, что в такой ситуации лендинг, сделанный под конкретную программу, — это очень хороший вариант. По словам А.С. Петроченкова, лендинг (или посадочная страница) — это такая веб-страница, которая нацелена на то, чтобы побудить человека сделать целевое действие. Но заказывать разработку сайта профессиональным студиям дорого и

© Новикова К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

долго, поэтому удобно использовать конструкторы, например, Tilda Publishing.

Tilda — это платформа, где можно собрать страницу из уже готовых блоков, не разбираясь в программировании. Мне кажется, её главный плюс для вуза в том, что она позволяет сделать страницу не шаблонной, а довольно эстетичной и при этом функциональной. На многих других конструкторах сайты выглядят однотипно, а на Тильде можно добиться ощущения, что страница делалась специально под конкретную программу. А для абитуриента это важно — он видит, что программе уделяют внимание.

Когда начинаешь создавать такую страницу, важно не просто сделать её красивой, но и продумать структуру. Логика в том, чтобы провести посетителя от первого знакомства до решения подать заявление. В Тильде для этого удобно использовать разные блоки. Первое, что видит пользователь — это первый экран. Тут стоит сразу дать ответ на вопрос «почему стоит выбрать именно это направление?». Лучше всего вынести яркий заголовок с названием профессии или квалификации, короткое описание и заметную кнопку, чтобы человек понимал, куда нажимать дальше.

Потом обычно идёт информация о том, что входит в программу обучения. В лендингах этот раздел часто бывает самым большим. Вместо того чтобы просто перечислять список дисциплин, удобнее показать главные особенности обучения. Например, можно сделать блок с иконками и цифрами: «10 компаний-партнёров» или «80% выпускников работают по специальности». Такие блоки сразу привлекают внимание. А если нужно подробнее рассказать о содержании курсов, то можно сделать так, чтобы полный список модулей или тем открывался по клику. Это помогает не перегружать страницу текстом, и даже большую программу можно упаковать в компактный вид. В Тильде это легко сделать, просто заполнив нужные поля в настройках.

Ещё один важный момент — блок с отзывами. Тильда позволяет делать карусели, добавлять туда не только текст, но и фото выпускников, видео. Наличие реальных отзывов помогает снять сомнения, показывает, что программа действительно работает.

Также, на мой взгляд, важно рассказать о преподавателях. Абитуриенты часто выбирают программу, потому что её ведут известные учёные или практики. В Тильде удобно сделать сетку с фотографиями, краткой информацией о преподавателях и даже ссылками на их работы.

Что касается работы с заявками, то тут конструктор даёт много возможностей. Можно разместить формы для записи на день открытых дверей, предварительной регистрации на олимпиаду или просто для связи по вопросам поступления. Ещё один полезный приём — настроить скрытые блоки. Например, после заполнения формы абитуриент может получить чек-лист документов. Это автоматизирует часть работы и разгружает приёмную комиссию.

Но у Тильды есть и свои нюансы. Она отлично подходит, если нужно сделать отдельный лендинг для одной образовательной программы. Если же пытаться на одной странице представить сразу несколько направлений, она рискует стать слишком длинной и сложной для восприятия. В таком случае лучше сделать отдельные страницы под каждую программу и добавить навигатор со ссылками. Так каждая страница будет решать свою задачу, и абитуриент не запутается.

Несмотря на эти моменты, Tilda — это действительно хороший выбор для вуза, который хочет быстро и самостоятельно создавать качественные лендинги. Сделать такую страницу можно за несколько часов или пару дней, в зависимости от сложности. И что особенно удобно — потом легко вносить изменения, не обращаясь к программистам. Например, обновить данные о бюджетных местах,

добавить новые даты дней открытых дверей или изменить контакты ответственных лиц.

В итоге можно сказать, что Tilda даёт вузу возможность представлять образовательные программы в современном, визуально привлекательном формате. Она помогает структурировать информацию так, чтобы она отвечала на главные вопросы абитуриента, и позволяет быстро обновлять данные в процессе приёмной кампании. В условиях цифровизации образования это помогает вузу быть более конкурентоспособным и привлекать больше мотивированных абитуриентов.

Список источников

1. Какие преимущество у сайта над соцсетями? // Блог Тильды. URL: https://blog.tilda.cc/tpost/cdthb3j811-kakie-preimuschestvo-u-saita-nad-sotsset.

2. Зубкова В. И. Применение информационных платформ для повышения эффективности обучения слушателя : магистерская диссертация. 2023.

3. Идрисова К. И. Инструменты создания образовательной среды обучения студентов вуза // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 5. С. 97-104.

УДК 378.16

Саморегуляция учебной деятельности студентов в условиях цифровой образовательной среды: теоретические основания и возможности технологической поддержки

Петровский Никита Игоревич[1], Гладкова Анастасия Александровна[2]
[1,2] Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия,
[1]peprovskiy_nikita_05@mail.ru
[2]n_ast105@mail.ru

Ключевые слова: цифровизация образования, саморегуляция учебной деятельности, цифровая образовательная среда, саморегулируемое обучение, метакогниция.

Цифровизация образования выступает одним из ключевых факторов трансформации современной образовательной среды. Если в традиционной модели студент выступал преимущественно объектом педагогического воздействия, то в условиях цифровой среды он становится активным субъектом, самостоятельно организующим собственную учебную деятельность.

В этой связи особую значимость приобретает феномен саморегуляции, который в последние десятилетия рассматривается как один из центральных предикторов академической успешности [1]. Однако, несмотря на широкое признание значимости саморегуляции, в практике высшего образования её развитие зачастую носит фрагментарный и несистемный характер.

© Петровский Н. И., Гладкова А. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Таким образом, возникает научно-практическая проблема: каким образом обеспечить целенаправленное развитие саморегуляции студентов в условиях цифровой образовательной среды, используя современные технологические инструменты.

Существенный вклад в изучение проблемы внесли исследования Олега Конопкина, где саморегуляция определяется как системный процесс, включающий постановку целей, моделирование условий деятельности, программирование действий, контроль и оценку результатов [2].

В зарубежной психологии значительное влияние оказала социально-когнитивная теория Альберт Бандура, в рамках которой саморегуляция рассматривается как результат взаимодействия личностных, поведенческих и средовых факторов [3].

Таким образом, в современной науке саморегуляция рассматривается как многокомпонентная система, объединяющая когнитивные, мотивационные и поведенческие процессы.

Исследования подтверждают, что уровень развития саморегуляции напрямую связан с академическими результатами студентов. Так, исследования показывают, что обучающиеся с высоким уровнем саморегуляции демонстрируют более высокие результаты, лучше справляются с когнитивной нагрузкой [4].

С точки зрения когнитивной психологии, саморегуляция обеспечивает:

– управление вниманием,

– оптимизацию распределения ресурсов,

– адаптацию стратегий обучения.

С мотивационной позиции саморегуляция тесно связана с внутренней мотивацией и ощущением автономии. Недостаток этих компонентов приводит к снижению вовлечённости и росту прокрастинации [5].

Особое значение имеет метакогнитивный аспект, предполагающий способность обучающегося осознавать и

контролировать собственные познавательные процессы. Именно метакогниция выступает механизмом, обеспечивающим гибкость и адаптивность учебной деятельности. Эффективность обучения в цифровой среде во многом определяется способностью студентов самостоятельно выбирать и применять стратегии обучения [6].

Цифровая среда выступает как усилитель: она либо повышает эффективность обучения при наличии саморегуляции, либо обостряет проблемы при её дефиците.

Современные исследования показывают, что цифровые инструменты могут эффективно поддерживать развитие саморегуляции при условии их правильной педагогической интеграции [7].

Таким образом, цифровая среда не просто меняет роль обучающегося с объекта педагогического воздействия на активного субъекта, но и выступает «усилителем» процесса обучения. В этих условиях технологическая поддержка становится необходимым инструментом развития осознанной регуляции учебной деятельности. Перспективы практической реализации связаны с системной педагогической интеграцией цифровых инструментов, направленных на формирование всех компонентов саморегуляции — от целеполагания до рефлексивной оценки результатов.

Список источников

1. Zimmerman B. J. Becoming a Self-Regulated Learner: An Overview // Theory Into Practice. 2002. Vol. 41, № 2. P. 64–70.

2. Конопкин О. А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 1. С. 27–42.

3. Heffernan C. J. Review of the book Social foundations of thought and action: A social cognitive theory, by A. Bandura // Behaviour Change. 1988. Vol. 5, № 1. P. 37–38.

4. Pintrich P. R. A Conceptual Framework for Assessing Motivation and Self-Regulated Learning in College Students // Educational Psychology Review. 2004. Vol. 16, № 4. P. 385-407.

5. Бондаренко И. Н. Роль осознанной саморегуляции в динамике познавательной активности и когнитивной вовлеченности учащихся в период перехода из основной в старшую школу: лонгитюдное исследование / И. Н. Бондаренко, И. Ю. Цыганов, В. И. Моросанова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 4. С. 200-223.

6. Беликова М.Е. Проблематика метакогнитивной осознанности в педагогической психологии // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5, № 1. С. 24-39.

7. Велиева С. В. Связь индивидуальных характеристик и саморегуляции обучающихся в условиях цифровой трансформации образования / С. В. Велиева, С. В. Ешмейкина, А. Р. Велиев // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31, № 3. С. 55-62.

УДК 37.08

Развитие мотивации педагогических работников образовательной организации в условиях цифровизации

Потапова Мария Владимировна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, mariya.v.potapova.03@gmail.com

Ключевые слова: профессиональная мотивация, педагогические работники, цифровая трансформация, партисипативное управление, образовательная организация, цифровизация образования, профессиональное выгорание.

Стратегические ориентиры развития российского образования направлены на достижение высокого качества подготовки обучающихся в условиях тотальной цифровизации. Реализация обновленных ФГОС и внедрение федеральной цифровой образовательной среды (ЦОС) меняют роль учителя. Современная парадигма требует от педагога не только предметных компетенций, но и высокого уровня цифровой грамотности. Ключевой фигурой этого процесса остается педагог, чья мотивация становится определяющим фактором успеха цифровой трансформации школы. По мнению С. В. Богдановой, именно осознание педагогом преимуществ цифровых инструментов для повышения эффективности собственного труда выступает фундаментом устойчивой профессиональной мотивации в новой образовательной реальности [7].

© Потапова М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Однако в практике внутришкольного управления наблюдается нарастающее системное противоречие: возрастающие требования к инновационной активности и освоению новых ИТ-платформ сталкиваются с кризисом традиционной системы мотивации персонала. С. В. Богданова подчеркивает, что отсутствие адресной поддержки и четких стимулов при внедрении технологических новшеств провоцирует рост «техностресса» и снижение мотивационной активности учителей [7]. Директивные управленческие механизмы не нивелируют высокую интенсификацию труда и психоэмоциональное напряжение работников. Следствием этого становится формализация профессиональной деятельности и развитие синдрома эмоционального истощения.

Выявленное противоречие актуализирует проблему исследования, которая заключается в поиске научно обоснованных организационно-педагогических механизмов развития мотивации, позволяющих педагогу воспринимать цифровизацию не как нагрузку, а как ресурс для профессионального роста.

Объектом исследования выступает процесс управления профессиональной деятельностью педагогических работников, а его предметом — модель комплексной программы развития профессиональной мотивации педагогов в условиях цифровой образовательной среды.

Цель исследования: теоретически обосновать и разработать модель мотивационной программы, адаптированную к вызовам цифровизации и интегрирующую инструменты внутришкольного управления и психолого-педагогической поддержки.

Достижение поставленной цели базируется на комплексе методологических подходов: системно-деятельностном, аксиологическом и личностно-ориентированном.

Проблема мотивации традиционно выступает одной из фундаментальных научных категорий. В условиях конвергенции

традиционных и инновационных (цифровых) технологий, как отмечает Л. М. Митина, именно внутренняя смысловая потребность в развитии становится щитом против профессиональной деформации [3]. Несмотря на наличие фундаментальной теоретической базы, руководители образовательных организаций зачастую применяют редукционистский подход. Однако, как справедливо указывает И. В. Сорокин, введение цифровых метрик в систему стимулирования без ценностного подкрепления часто приводит к разрушению истинных смыслов профессии [4].

Опираясь на идеи Т. И. Шамовой о рефлексивном управлении [6], мы пришли к выводу, что преодоление данного кризиса возможно лишь при переходе к фасилитирующему стилю руководства. Ядром нашей концепции выступает партисипативное управление — вовлечение педагогов в процесс принятия решений, в том числе в вопросах цифровой трансформации школы.

Нами была спроектирована модель развивающей программы, реализуемая через три блока:

Диагностический блок. Направлен на комплексный аудит организационной культуры и выявление доминирующих мотивационных профилей. В контексте цифровизации блок дополнен изучением уровня «цифровой тревожности» педагогов.

Формирующий блок. Находит практическое отражение аксиологический подход. Реализуется через проектирование индивидуальных образовательных маршрутов (ИОМ) по освоению цифровых компетенций. Механизмы направлены на создание «ситуации успеха»: использование ИТ-сервисов позиционируется как способ высвобождения времени от рутины.

Поддерживающий блок. Обеспечивает профилактику выгорания в цифровой среде. Основными механизмами выступают: формирование профессиональных сетевых сообществ и внедрение системы конструктивной, безоценочной обратной связи от администрации школы.

Проведенный анализ доказывает, что развитие мотивации педагога в эпоху цифровизации зависит от отказа от директивного администрирования. Реализация предложенной модели способна обеспечить не только превенцию выгорания, но и устойчивый рост готовности учителей к инновационной деятельности.

Список источников

1. Васёва О. Х. Мотивация персонала в практике управления современной образовательной организацией // Наука сегодня: теория, практика, инновации : материалы научно-практической конференции. Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. С. 69-72.

2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2011. 512 с.

3. Митина Л. М. Конвергенция научных традиций и инновационных технологий как путь к обновлению содержания педагогической деятельности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 3. С. 143-161.

4. Сорокин И. В. Нематериальное стимулирование педагогов в условиях дефицита ресурсов // Народное образование. 2023. № 1. С. 89-94.

5. Ушаков К. М. Управление школой: кризис во время реформ // Директор школы. 2019. № 8. С. 175.

6. Шамова Т.И., Третьяков П.И., Капустин Н.П. Управление образовательными системами. М. : Академия, 2002. 384 с.

7. Масленикова А. А. Мотивация труда педагогов образовательных организаций в условиях цифровизации // The 2nd International Conference on Digitalization of (DSEME-2019) : сборник материалов. Екатеринбург, 2019. С. 110-114.

УДК 37.048.45

Тьюториалы с ИКТ поддержкой профессионального самоопределения студентов

Пусева Анастасия Валерьевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, chuprova.2019@gmail.com

Ключевые слова: тьютор, тьюториал, профессиональное самоопределение студентов, ИКТ поддержка.

В современном мире профессионально самоопределение студентов становится всё более сложной задачей: рынок труда быстро меняется, появляются новые профессии, а требования к специалистам растут. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволяют сделать процесс сопровождения студентов более гибким, индивидуализированным и эффективным. Использование цифровых инструментов помогает тьютору не только расширить спектр доступных ресурсов, но и повысить мотивацию, вовлечённость и самостоятельность обучающихся, что особенно важно в условиях цифровизации образования.

Тьютор – это педагог, который сопровождает обучающегося, помогает ему осознать свои интересы, цели и возможности, а также выбирать оптимальные пути развития. Тьютор не передаёт знания напрямую, а создаёт условия для самостоятельного поиска и принятия решений. В буквальном смысле тьюторство — это сопровождение индивидуализации. Сопровождать — значит идти вместе, сопутствовать, быть рядом и помогать [3].

© Пусева А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Тьюториал предполагает активное групповое обучение, направленное на развитие мыслительных, коммуникативных и рефлексивных способностей студентов и школьников. Это открытое учебное занятие с применением методов интерактивного и интенсивного обучения, направленное на приобретение опыта использования модельных и нестандартных ситуаций в построении индивидуальных образовательных программ [4].

Профессиональное самоопределение – это осознанный процесс выбора будущей профессии, специальности, карьерного пути, основанный на анализе своих способностей, интересов, ценностей и требований рынка труда [1]. Это не разовое решение, а длительный процесс, включающий самопознание, исследование профессиональных возможностей и принятие ответственности за свой выбор [5].

Профессиональное самоопределение студентов отличается, например, от подросткового этапа большей осознанностью и ответственностью. Студенты уже имеют опыт обучения, частично сформированные профессиональные интересы и более четкие жизненные цели. Студенты чаще сталкиваются с необходимостью принимать решения, влияющие на их ближайшее будущее: стажировки, практики, первые карьерные шаги. Поэтому для студентов важна не только диагностика интересов, но и анализ реальных возможностей, построение карьерных стратегий и развитие профессиональных компетенций.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) понимают как совокупность методов и средств, используемых для создания, сбор, хранения и обработки информации, а также обеспечения коммуникации между людьми на расстоянии. К ним относятся, мобильные устройства, компьютеры и ноутбуки, интернет, мультимедийные технологии, облачные сервисы, приложения и сервисы.

В образовании ИКТ играют ключевую роль, позволяя сделать обучение более доступным, интерактивным и индивидуализированным [2].

Таким образом, ИКТ открывают перед тьютором широкие возможности, такие как: проведение диагностик, составление электронных портфолио для анализа достижений и интересов, организация онлайн-консультаций, подбор индивидуальных образовательных ресурсов и многое другое.

Рассмотрим примеры приложений и сервисов, которые можно использовать на тьюториалах в работе с профессиональным самоопределением студентов.

«Атлас новых профессий». Данный сайт позволяет изучить новые профессии, которые являются востребованными на рынке труда. Также есть профориентационные ролики, которые рассказывают о том, как же выбрать ту самую профессию.

Сайт «Поступи. Онлайн». На нём можно проходить различные тесты для определения интересов и профессий, которая может быть близка.

Сервис «Tilda» для создания сайтов, может помочь студенту составить электронное портфолио для анализа своих интересов, достижений, целей и т.д.

Для анализа рынка труда, актуальных вакансий, зарплат можно использовать сервисы «HeadHunter» и «Работа в России».

Для проведения тьюториалов в онлайн-формате можно использовать различные приложения для создания видеоконференций. Например, SberJazz.

Также, в этом может помочь интерактивная доска «holst» «Miro» или «VK WorkSpace». В режиме реального времени и с возможностью совместной работы можно составлять различные маршруты, траектории, планы или сделать, например, карту желаний.

Итак, интеграция ИКТ в работу тьютора это прекрасная возможность для повышения эффективности работы тьютора, для разнообразия работы, что действительно может поспособствовать сделать студентам осознанный и успешный профессиональный выбор.

Список источников

1. Зеер Э.Ф. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. Воронеж : МОДЭК, 2013. 195 с.

2. Исайкин И. В. Влияние информационно-коммуникационных технологий на процессы образования и самообразования: актуальные тренды, вызовы / И. В. Исайкин, Л. Э. Сухих, М. Х. Абдуев // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-2. С. 282–285.

3. Ковалёва Т. М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании» : лекции 1–4. М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 56 с.

4. Профессия «тьютор» / Ковалева Т. М., Кобыща Е. И. [и др.]. Тверь : «СФК-офис», 2012. 95 с.

5. Пряжников. Профессиональное самоопределение: теория и практика // Электронная библиотека МГППУ. URL: https://psychlib.ru/mgppu/PPs-2008/PPs-320.htm?ysclid=mlq1ynzmtg154810370#$p1.

УДК 37.018.43

Цифровизация повышения квалификации экскурсоводов: модель формирования источниковедческой компетентности в онлайн-среде

Брюханов Анатолий Юрьевич
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, napetrova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, источниковедческая компетентность, повышение квалификации экскурсоводов, дистанционное обучение.

Актуальность исследования обусловлена ростом внутреннего туризма и ужесточением нормативных требований к квалификации гидов [4]. Традиционные очные форматы, ориентированные на трансляцию готовых маршрутов, не отвечают современным вызовам. В цифровой среде специалисты сталкиваются с информационным шумом и тиражированием мифов, испытывая острый дефицит навыков верификации данных. Поэтому задача образовательных программ смещается от освоения технических инструментов к формированию методологической грамотности, позволяющей отличать научно обоснованный контент от спекулятивного [1; 6].

В связи с изложенным, целью настоящей статьи выступает обоснование цифровой модели формирования источниковедческой компетентности экскурсоводов. Она создаёт условия для перехода специалистов на продуктивный уровень, заменяя пассивное

© Брюханов А. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

усвоение фактов самостоятельной работой с первоисточниками [5]. Цифровая среда выступает не каналом трансляции знаний, а пространством индивидуального развития, где управление компетенциями строится на прозрачных критериях научности и системном мониторинге навыков.

Для обоснования разработки модели было проведено эмпирическое исследование, включавшее анкетирование 24 экскурсоводов Красноярского края и контент-анализ программ ДПО. Результаты показали разрыв между требованиями к научной обоснованности экскурсионного продукта и реальным уровнем источниковедческой подготовки специалистов.

Согласно данным, 71% респондентов не проходили систематического обучения работе с историческими и архивными источниками. При этом 63% испытывают трудности в различении проверяемых фактов и распространённых туристических мифов. Несмотря на это, 92% опрошенных готовы к повышению квалификации. Основными барьерами выступают дефицит времени (71%) и отсутствие доступных структурированных цифровых материалов (58%), пригодных для использования без отрыва от профессиональной деятельности.

Анализ шести актуальных программ ДПО подтвердил системный характер выявленных проблем. В программах преобладает лекционно-семинарский формат, практически не предполагающий работы с первоисточниками. Цифровые практикумы по критике документов почти отсутствуют, а использование оцифрованных архивных ресурсов (НЭБ, «Архивы России», региональные базы) носит фрагментарный характер. Такая организация обучения не обеспечивает устойчивых навыков работы с источниками в цифровой среде. Традиционные очные курсы повышения квалификации не обеспечивают формирование источниковедческой компетентности, что обосновывает необходимость гибридной или онлайн-модели, ориентированной

на практику критического анализа с использованием цифровых инструментов.

На основе выявленных дефицитов разработана трёхмодульная цифровая модель, направленная на последовательное формирование навыков работы с информацией [2; 4]. Её концепция основана на переводе обучения в интерактивную среду и поэтапном усложнении деятельности.

Для наглядности структура модели представлена в виде сравнительной таблицы (таблица 1), отражающей переход от традиционных форматов к цифровым аналогам.

Таблица 1. Сравнительная характеристика традиционных и цифровых форматов реализации модулей обучения

Компонент компетентности	**Традиционный формат обучения**	**Цифровая адаптация в рамках модели**
Когнитивный (модуль 1)	лекционные занятия и семинары-дискуссии по основам источниковедения	асинхронные вебинары в записи, интерактивные форумы в LMS; цифровые кейсы с системой голосования и аналитикой аргументации
Деятельностный (модуль 2)	очные практикумы с бумажными подборками архивных материалов	цифровые «пакеты источников»: оцифрованные документы из НЭБ, портала «Архивы России», региональных газетных баз; онлайн-тренажёры внешней и внутренней критики текста
Регулятивный (модуль 3)	проектная сессия и очная защита фрагментов экскурсий	дистанционная защита маршрутов через видеоконференцсвязь

Исследование показывает, что цифровизация не снижает требований к научной обоснованности экскурсионной деятельности, а смещает акцент с передачи знаний на формирование навыков критической верификации информации. Разработанная трёхмодульная модель обеспечивает переход от адаптационного к продуктивному уровню, где работа с первоисточниками становится устойчивой практикой [5].

Практическая значимость модели связана с её применимостью в дистанционном и смешанном обучении, что позволяет устранять дефициты подготовки без отрыва от работы. Модель может быть тиражирована в системе ДПО и интегрирована с платформами непрерывного образования. Перспективы дальнейшей работы включают её апробацию и участие в разработке цифровых стандартов экскурсионного контента.

Список источников

1. Гузельбаева И. А. Экскурсия как средство популяризации научного наследия (на примере современных городских экскурсий в Казани) // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. 2021. № 17. С. 25-33.

2. Данилов А. Ю. Теория и практика экскурсионной деятельности : учебно-методическое пособие / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2016. 48 с.

3. Дашкова Е. В. Государственная туристская политика: анализ теоретических проблем и российские реалии / Е. В. Дашкова, П. Н. Мирошниченко // Вестник индустрии гостеприимства: международный научный сборник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 12-19.

4. Приказ Минтруда России от 24.12.2021 № 913н «Об утверждении профессионального стандарта “Экскурсовод (гид)”» (зарегистрировано в Минюсте России 01.02.2022 № 67083).

5. Остыловская О. А.Профессиональные компетенции: структура, состав, особенности формирования : учебное пособие / О. А. Остыловская, М. М. Манушкина, В. Н. Шестаков ; Сиб. федер. ун-т, Ин-т педагогики, психологии и социологии. Красноярск : СФУ, 2020. 60 с.

6. Стаина О.А. Проблемы современного экскурсовода: миссия, профессия, аттестация / О. А. Стаина, Р. Б. Хусанова // Управление культурой. 2024. № 3.

УДК 37.042:004.032.26

Нейросети как инструмент работы тьютора: этические вопросы и возможности для индивидуализации

Русских Анна Константиновна
Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, annarussian200317@mail.ru

Ключевые слова: тьютор, нейросети, индивидуализация, этика ИИ, цифровая образовательная среда.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Елене Михайловне Назаренко, ст. препод. каф. ИТОиНО.

Современное образование переживает цифровую трансформацию, которая, как отмечают А.Д. Шматко и А.А. Волкова, «задаёт тренды: персонализация, распределённость образовательного процесса, рост значения аналитики» [6]. В этом контексте тьюторское сопровождение, ориентированное на индивидуализацию и поддержку субъектности обучающегося, требует осмысленного включения ИИ инструментов. Цель доклада — рассмотреть нейросети как инструмент работы тьютора, выявив этические риски и показав потенциал технологий.

Тьюторская деятельность строится вокруг принципов открытости и сопровождения образовательного выбора. Как подчёркивает Т.М. Ковалёва, тьютор работает в зоне неопределённости, помогая «находить собственные смыслы» [1]. Согласно исследованию М.Г. Савельевой и С.Б. Шмаковой, педагоги

© Русских А. К., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

используют нейросети для создания визуализации, подбора материалов и адаптации контента [4]. Однако в тьюторской практике важна способность выстраивать на их основе диалог с обучающимся. Н.Б. Самойленко и В.В. Фетисова отмечают, что тьютор не заменяется технологией, а «пересобирает свои функции: от трансляции знаний к управлению образовательным взаимодействием» [5].

Одной из ключевых идей тьюторства является личностно-ресурсное картирование — метод, позволяющий, по определению Т.М. Ковалёвой, «выявить образовательные интересы и возможности человека» [1]. Нейросети открывают новые перспективы для реализации: анализ данных, построение индивидуальных траекторий, автоматическое обновление ресурсной карты. Однако использование нейросетей требует удержания баланса между эффективностью алгоритма и педагогической этикой, поскольку индивидуализация предполагает помощь в построении собственного пути, а не исключительную адаптацию к системе.

Этическая проблематика применения ИИ в образовании активно рассматривается в научной литературе. С.М. Курьян и М.А. Петрушкевич выделяют ключевые принципы: «прозрачность, ответственность, недискриминация, безопасность данных, сохранение человеческого контроля». Обучающийся должен понимать, какие данные о нём анализируются и как формируются рекомендации, иначе возникает эффект «технологического фетишизма», когда решение делегируется алгоритму без критической рефлексии [2]. Как показывают Н.Е. Ряпина и И.И. Трубина, студенты по-разному интерпретируют этические аспекты ИИ: от полного доверия до опасений по поводу «снижения автономии» [3]. В этой ситуации тьютор становится фигурой, помогающей формировать критическое отношение к технологиям.

При соблюдении этических принципов нейросети способны не только облегчать рутинные задачи, но и расширять тьюторское сопровождение. Они могут поддерживать рефлексию, выступая в роли диалогового партнёра, помогающего формулировать цели и выявлять противоречия в планах. Тьютор получает возможность оперативно подбирать образовательные события, соответствующие запросу, что делает ресурсное картирование более динамичным. Как отмечают Н.Б. Самойленко и В.В. Фетисова, цифровые инструменты позволяют отслеживать «динамику вовлечённости и изменения интересов», что важно для своевременной коррекции маршрута [5].

Вместе с тем использование нейросетей сопряжено с рисками. Чрезмерная опора на технологии может привести к утрате тьютором собственных диагностических компетенций. Алгоритмы способны воспроизводить стереотипы или давать ложные рекомендации, воспринимаемые как «объективные», а сама технология не заменяет эмпатию и доверие, лежащие в основе тьюторского контакта. Нейросети оперируют вероятностями и заданными паттернами, поэтому их интеграция возможна только при сохранении тьютором позиции антропологического центра.

Таким образом, нейросети становятся реальным инструментом работы тьютора, открывая возможности для индивидуализации, автоматизации аналитической работы и расширения ресурсной базы. Однако их применение требует развития компетентности тьютора, прозрачности алгоритмов и сохранения субъектности обучающегося. Тьютор сегодня выступает как посредник между человеком и технологией, помогающий выстраивать осмысленное взаимодействие с инструментами. Дальнейшие исследования, как отмечают С.М. Курьян и М.А. Петрушкевич, могут быть направлены на разработку «моделей этичного использования нейросетей в педагогической практике» [2].

Список источников

1. Ковалёва Т. М. Основы тьюторского сопровождения в общем образовании : учебно-методическое пособие. М. : Пед. ун-т «Первое сентября», 2010. 56 с.

2. Курьян С. М. Этические принципы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе / С. М. Курьян, М. А. Петрушкевич // МНКО. 2025. № 2.

3. Ряпина Н. Е. Интерпретация студентами этических аспектов искусственного интеллекта в образовании / Н. Е. Ряпина, И. И. Трубина // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. Т. 1, № 1 (103). С. 101–111. DOI 10.24412/2224-0772-2025-103-101-111.

4. Савельева М. Г. Сравнительный анализ использования педагогами нейронных сетей для создания учебной визуализации на основе электронного конструктора урока / Н. В. Фисунова, М. В. Бабанина // Концепт. 2024. № 12. С. 134–139.

5. Самойленко Н. Б. Тьютор в системе цифровой образовательной среды: теория и практика / Н. Б. Самойленко, В. В. Фетисова // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-1. С. 251-254.

6. Шматко А. Д. Цифровая трансформация образования: тренды и перспективы развития / А. Д. Шматко, А. А. Волкова // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6(134). С. 139-147. DOI 10.24158/spp.2025.6.16.

УДК 378

Лендинговая страница как инструмент цифрового взаимодействия с абитуриентом: образовательный и управленческий потенциал

Савилова Яна Евгеньевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, savilova.yana@inbox.ru

Ключевые слова: цифровое взаимодействие, лендинговая страница, абитуриент, цифровая образовательная среда, управление образованием, приемная кампания.

В условиях сложившейся активной цифровой трансформации системы образования существенно меняются формы и способы взаимодействия образовательных организаций с целевыми аудиториями, прежде всего с абитуриентами. Современные поступающие ориентированы на цифровую среду: именно через онлайн-каналы они ищут информацию об образовательных программах, правилах приема и перспективах дальнейшей профессиональной реализации. В такой ситуации возрастает значение инструментов цифрового маркетинга, среди которых особое место занимает лендинговая страница.

По определению Петроченкова, «лендинговая страница — это целевая продающая веб-страница, содержащая информацию об услуге или товаре, главной задачей которой является побуждение клиента к целевому действию» [6]. В отличие от обычных сайтов с разветвленной структурой, лендинговая страница строится по

© Савилова Я. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

принципу максимальной концентрации внимания на ключевом предложении. Её составляющее исключает всё лишнее и направлено на поэтапное вовлечение пользователя в коммуникацию.

По мнению Д.А. Шевченко, лендинговые страницы имеют следующий смысл: «привлечение потенциальных потребителей к приобретению товаров и услуг компании» [7].

Обычно конструкция подобной страницы выстраивается вокруг нескольких опорных блоков: яркого, содержащего суть заголовка; визуального ряда, способного зацепить взгляд; секции с живыми откликами тех, кто уже прошел этот путь; и, разумеется, окна для отправки контактов с понятным руководством к действию. Как справедливо подмечал в одном из своих интервью Игорь Манн, «хороший менеджер по маркетингу должен уметь две вещи: профессионально применять существующие инструменты и постоянно экспериментировать с новыми» [5], и лендинг в этом плане — идеальный полигон для образовательных экспериментов.

Лендинговая страница выступает в роли посредника между университетом и абитуриентом, обеспечивая оперативное и точечное взаимодействие. Преимуществом этого инструмента является его способность учитывать специфику цифрового поведения пользователей. Чаще всего посетители попадают на лендинг уже с определенным интересом через рекламу или социальные сети, что изначально повышает уровень их вовлеченности. Здесь уместно вспомнить совет Артемия Лебедева, который в своем «Ководстве» настаивал: «Избавление от лишних местоимений сделает любой текст, любую инструкцию, любой интерфейс, любое описание лучше» [4]. В контексте лендинга для абитуриента эта простота превращается в уважение к его времени и нервам. Но есть у этих «одностраничников» и ещё одна грань, про которую часто забывают за разговорами о воронках и лидах. Речь о чисто просветительской, если хотите — воспитательной миссии.

Лендинг ведь не просто «продаёт» диплом, он зажигает в человеке искру интереса к будущей профессии. Когда страница собрана толково и без воды, школьник или его родители наконец-то начинают видеть объёмную картинку: что конкретно тут будут преподавать, как выстроен учебный день, куда потом можно пойти работать и стоит ли игра свеч вообще. Выстроенные в понятную цепочку факты о программе, подкреплённые картинками, схемами и, скажем, короткими включениями с производственной практики, работают куда эффективнее сухой методички с сайта приёмки [1]. По сути, в этот момент дизайн и мультимедиа берут на себя роль мягкого наставника, который не грузит терминами, а на пальцах показывает, где здесь вход в светлое будущее.

В нынешней борьбе за каждого абитуриента, когда вузы буквально дерутся за способных ребят, такая страница превращается из просто модной фишки в реальное оружие конкурентной борьбы. Она позволяет выстроить общение без посредников, напрямую и по делу. Увидели, что спрос сместился в сторону IT или инженерии — тут же перекроили пару блоков и сместили акценты, не дожидаясь, пока ректорат месяц будет переписывать весь портал. Эта гибкость и есть ключ к выживанию. Получается такой швейцарский нож, где сложены и маркетинговые штучки для заманивания, и реальные знания для понимания, и сухие циферки аналитики для начальства. Инструмент выходит универсальный — им можно и воронку расширять, и большие имиджевые стратегии строить [2].

Таким образом, лендинг в руках вуза — это далеко не банальная страничка-визитка. Это полноценный канал связи, который тащит на себе как тяжелую ношу профориентации, так и сугубо бюрократические, управленческие задачи. Когда его запускают в работу с умом, резко вырастает и качество диалога с будущим студентом, и осмысленность его выбора. Пока всё образование переходит в цифру, именно такие гибкие и

нацеленные на человека форматы помогают институтам и университетам не просто держаться на плаву, а вполне уверенно чувствовать себя в урагане информационной эпохи.

Список источников

1. Боталова А. И. Применение лендинговых страниц в онлайн-образовании (на примере языковых сервисов) // Практический маркетинг. 2020. № 8 (282). DOI 10.24411/2071-3762-2020-10039.

2. Кириллова А. П. Мотивационные аспекты образовательной рекламы // Образование и общество. 2021. № 1. С. 89–94.

3. Лапина Н. В. Образовательная реклама как инструмент конкурентного позиционирования вуза // Высшее образование в России. 2020. № 9. С. 71–78.

4. Лебедев А. А. Ководство. 6-е изд. М. : Студия Артемия Лебедева, 2020. 568 с.

5. Манн И. Б. Маркетинг на 100%: ремикс: Как стать хорошим менеджером по маркетингу. 13-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 240 с.

6. Петроченков А. С. Введение в Google Analytics: профессиональный курс веб-аналитика : практическое пособие. М. : Бомбора, 2021. 352 с. ISBN 978-5-04-121617-1.

7. Шевченко Д. А. Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // Практический маркетинг. 2019. № 10 (272). С. 29–37.

УДК 005.963.2

Использование игровых технологий в процессе профессиональной адаптации молодых специалистов (на примере органов исполнительной власти Красноярского края)

Савков Максим Вениаминович
Институт информатики и телекоммуникаций Сибирского государственного университета науки и технологий имени М.Ф. Решетнева, Красноярский край, Красноярск, Россия, msavkov2017@gmail.com

Ключевые слова: профессиональная адаптация; государственная служба; наставничество; геймификация; игровые технологии; профессиональное обучение.

Профессиональная адаптация молодых специалистов и студентов, проходящих практику в органах исполнительной власти, является важным этапом их профессионального становления и носит педагогический характер, поскольку связана с формированием профессиональных компетенций, освоением практических навыков и включением в профессиональную среду.

Актуальность исследования обусловлена существующими трудностями адаптации кадров в системе государственной службы. По данным Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, значительная часть увольнений приходится на сотрудников с небольшим стажем работы, что указывает на проблемы на этапе первичного вхождения в профессиональную деятельность. В исследованиях Российская академия народного

© Савков М. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

хозяйства и государственной службы отмечается, что молодые специалисты испытывают трудности, связанные с недостатком практических навыков, сложностью освоения нормативной базы и особенностями организационной среды. Это подтверждает необходимость совершенствования механизмов обучения и сопровождения новых сотрудников.

Ключевым инструментом педагогического сопровождения выступает наставничество, обеспечивающее передачу профессионального опыта и формирование практических навыков. Вместе с тем на практике наставничество нередко реализуется без чёткой педагогической структуры: отсутствует систематизация заданий, критерии оценки результатов и механизмы мотивации, что снижает его эффективность.

В качестве одного из направлений повышения качества адаптации рассматривается применение игровых технологий. В педагогике они понимаются как методы организации обучения в игровой форме, направленные на активизацию обучаемых и повышение их вовлечённости. Игровые технологии позволяют моделировать профессиональную деятельность, ускоряют освоение знаний и навыков, а также создают безопасную среду для их отработки.

В современных условиях данные подходы развиваются в форме геймификации, предполагающей внедрение игровых элементов (баллов, достижений, рейтингов) в образовательный процесс. Это способствует формированию устойчивой мотивации и повышает эффективность освоения профессиональных компетенций.

В рамках исследования предложена цифровая система наставничества с элементами геймификации, направленная на сопровождение студентов-практикантов и молодых специалистов. Система основана на поэтапном выполнении практико-ориентированных заданий, соответствующих уровню подготовки

обучаемых. Выполнение заданий сопровождается балльной оценкой, что позволяет фиксировать результаты обучения и отслеживать динамику развития.

Дополнительно реализована система достижений, отражающая ключевые этапы освоения профессиональной деятельности, а также предусмотрено участие наставника в оценке результатов и предоставлении обратной связи. Особенностью системы является автоматизация формирования отчётности с использованием технологий искусственного интеллекта, что позволяет повысить объективность оценки и снизить нагрузку на наставников.

Для оценки эффективности внедрения системы использованы количественные показатели, отражающие процесс адаптации и вовлечённость обучаемых (таблица 1).

Таблица 1. Метрики оценки эффективности внедрения системы

Показатель	**До внедрения**	**После внедрения**	**Динамика**
Процент выполненных заданий, %	74,76	93,11	+18,35
Доля просроченных заданий, %	19,14	7,11	-12,03
Средний балл участников (практикантов)	4,11	4,76	+0,65

Полученные результаты свидетельствуют о положительном влиянии внедрения системы наставничества с элементами геймификации на процесс профессиональной адаптации обучаемых. Отмечается существенный рост процента выполненных заданий (на 18,35 п.п.), что указывает на повышение активности и вовлечённости участников в образовательный процесс.

Одновременно наблюдается значительное снижение доли просроченных заданий (на 12,03 п.п.), что свидетельствует об улучшении дисциплины и организации деятельности.

Рост среднего балла участников (на 0,65) подтверждает повышение качества выполнения заданий и более эффективное освоение профессиональных компетенций. В совокупности полученные показатели демонстрируют, что использование игровых технологий в наставничестве способствует не только повышению мотивации обучаемых, но и улучшению количественных и качественных результатов их деятельности.

Список источников

1. Браиловская Н. Ф. Наставничество как неотъемлемый компонент современного образования / Н. Ф. Браиловская, Н. Ю. Середа, И. В. Шор // Наставничество в образовании: культура, идеи, технологии. 2023. Т. 2. С. 48-56.

2. Хохрякова Ю.М. Возможности геймификации учебной деятельности студентов вуза // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 5. С. 27-37.

3. Зильбербранд Н. Ю. Анализ понятия «геймификация» в образовании и способы её внедрения в систему обучения / Н. Ю. Зильбербранд, А. А. Ровная // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/24PDMN624.pdf.

4. Петухова Т.Н. Геймификация в образовании: современные тенденции // Современные тренды в профессионально-педагогическом образовании. 2023. С. 67–75.

УДК 37.035.6

Тьюторское сопровождение развития интеллектуально-эмоционального компонента патриотизма студентов университета в цифровой образовательной среде

Сенцова Анастасия Юрьевна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sentsova_nastena@mail.ru

Ключевые слова: патриотизм, тьюторское сопровождение, цифровая среда, картирование, интерактивные карты.

Современная образовательная среда характеризуется активной цифровизацией, обеспечивающей доступ к разнообразным онлайн-ресурсам, персонализацию обучения и интерактивное взаимодействие всех участников образовательного процесса [1]. Кроме того, особую значимость приобретает развитие патриотизма обучающихся, что закреплено в нормативных документах, например, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [5], Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2].

Одним из важных компонентов патриотизма Харламов И.Ф. выделяет интеллектуально-эмоциональный. Данный компонент «включает в себя обогащение учащихся знаниями, развитие их мышления, а также чувств, связанных с любовью и преданностью родине и культурой межнациональных отношений» [3].

Одним из перспективных направлений является тьюторское сопровождение, ориентированное на индивидуализацию

© Сенцова А. Ю., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

образовательного маршрута студента, развитие его субъектности и рефлексии [4]. В контексте цифровой среды особый интерес представляют инструменты картирования, позволяющие объединить в себе знания, эмоции и личный опыт обучающихся.

В рамках исследования было проведено анкетирование, с целью выявления уровня интереса студентов к региону и их вовлеченности в знакомство с культурно-историческим пространством Красноярского края. В анкетировании приняли участие 17 студентов первого курса, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», профиль «Тьютор».

Анализ результатов показал, что большинство студентов проявляют высокий уровень интереса к Красноярскому краю: 12 из 17 респондентов оценили свой интерес на максимальном уроке, еще — 4 на уровне выше среднего. Это свидетельствует о наличии познавательной мотивации, которая является важно составляющей интеллектуально-эмоционального компонента патриотизма.

Предпочтения студентов демонстрируют выраженную ориентацию на природные объекты: большинство респондентов выбрали комбинации, включающие природные достопримечательности, часто в сочетании с культурными и историческим, в том числе одну из лидирующих позиций заняли развлекательные места.

Среди наиболее эффективных способов знакомства с новыми местами студенты выделили: самостоятельные поездки, рекомендации друзей и знакомых, экскурсии и просмотр видеоматериалов.

Интерактивные карты упоминались реже, что свидетельствует о недостаточной интеграции цифровых инструментов в практики знакомства с регионом.

Большинство респондентов (12 человек) считают, что информации о Красноярском крае достаточно, однако

практическое использование этой информации остается ограниченным.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что у студентов присутствуют базовые знания о регионе, однако недостаточно развит чувственный компонент. Поэтому возникает необходимость в тьюторском сопровождении.

Тьюторское сопровождение, направленное на поддержку индивидуального образовательного маршрута обучающегося, в контексте развития интеллектуально-эмоционального компонента патриотизма может выполнять следующие функции: помощь студентам осознать собственные интересы и ценности; организация рефлексии опыта; обсуждение инструментов для самостоятельного исследования региона.

Особое значение приобретает организация тьюториалов, в рамках которых студент осмысляет свой опыт взаимодействия с культурно-историческим пространством. Одним из эффективных инструментов тьюторского сопровождения является картирование — процесс создания индивидуальных карт, отражающих личный опыт, знания и эмоциональные впечатления студента.

В цифровой среде картирование может осуществляться с использованием сервиса «Яндекс Карты», который предоставляет широкие возможности для работы с географической информацией.

В рамках тьюториалов студентам предлагается:

1. Поиск объектов. Студенты находят на карте интересующие их места.

2. Создание собственной карты. На основе выбранных объектов студент формирует персонализированную карту, отражающую его интересы и ценности.

3. Построение маршрута. Студент разрабатывает маршрут, который может быть реализован в реальной практике (например, экскурсия).

4. Рефлексия. В ходе тьюториала обсуждаются (причины выбора объектов, эмоциональное отношение к ним).

Картирование способствует формированию «образа территории» в сознании студента, что является важным элементом патриотического воспитания.

Результаты проведенного исследования показали, что современные студенты обладают высоким уровнем интереса к родному региону, однако этот интерес не всегда реализуется в активной познавательной и практической деятельности. Тьюторское сопровождение, реализуемое в цифровой образовательной среде, выступает эффективным механизмом решения данной задачи. Использование инструментов картирования, позволяет создать условия для личностно значимого освоения культурно-исторического пространства региона.

Список источников

1. Ерина И. А. Специфика организации образовательного процесса в современных вузах в условиях цифровизации образовательной среды / И. А. Ерина, В. А. Магин, С. Н. Жданова // МНКО. 2022. № 3 (94). С. 206-208.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

3. Харламов И. Ф. Педагогика. 4-е изд. М. : Гардарики, 2003. С. 349-361.

4. Профессия «тьютор». Ковалева Т.М., Кобыща Е.И. [и др.]. Тверь : «СФК-офис», 2012. С. 246-247.

5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024).

УДК 37.022

Формирование финансовой грамотности младших школьников средствами игровых технологий и электронных образовательных ресурсов

Скок Арина Владимировна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, arina.skok.2000@gmail.com

Ключевые слова: финансовая грамотность, электронные образовательные ресурсы (ЭОР), младший школьный возраст, игровые технологии.

В современных условиях модернизации российской системы образования и внедрения новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС НОО) формирование финансовой грамотности становится обязательным элементом содержания начального общего образования.

Актуальность исследования обусловлена как требованиями государства, так и объективной необходимостью подготовки подрастающего поколения к самостоятельной жизни в условиях рыночной экономики. Однако, как показывают результаты международных исследований (PISA) и национальных мониторингов, уровень финансовой грамотности российских школьников остаётся на недостаточно высоком уровне. Большинство детей не обладают базовыми знаниями о деньгах, не умеют планировать расходы и не осознают риски, связанные с финансовыми операциями.

© Скок А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Финансовая грамотность определяется как интегративное качество личности, включающее систему элементарных знаний о деньгах и финансовых отношениях, базовые умения планировать и осуществлять простейшие финансовые действия, а также ценностные установки и формы поведения, обеспечивающие ответственное обращение с денежными средствами [1]. Для младших школьников характерны наглядно-образное мышление, высокая чувствительность к внешним стимулам и доминирование игровой деятельности, что делает игровые технологии и ЭОР наиболее адекватными средствами обучения [2].

Проблема заключается в противоречии между необходимостью формирования финансовой грамотности у младших школьников и недостаточной разработанностью педагогических средств, обеспечивающих не только усвоение знаний, но и перенос умений в реальные жизненные ситуации.

Опытно-экспериментальная работа по реализации авторской программы по формированию финансовой грамотности проводилась на базе МАОУ «КУГ №1 — Универс» (г. Красноярск) в 2025–2026 учебном году. В исследовании приняли участие 56 учащихся 1-х классов. Были сформированы экспериментальная (28 человек) и контрольная (28 человек) группы.

На констатирующем этапе (октябрь–ноябрь 2025 г.) диагностика по авторской методике М. С. Семенюк, О. С. Тороповой показала, что в экспериментальной группе низкий уровень финансовой грамотности выявлен у 61% учащихся, средний — у 39%. В контрольной группе низкий уровень — у 67%, средний — у 33%.

В рамках формирующего этапа (декабрь 2025 — март 2026 гг.) в экспериментальной группе реализовывалась авторская программа, включающая игровые технологии (ролевые игры, экономические квесты), электронные образовательные ресурсы

(интерактивные тренажёры, онлайн-квесты) и проектные задания [3]. Контрольная группа обучалась по стандартной программе.

Программа включала три ключевых блока [4]:

1. Игровые технологии.

Использовались ролевые игры («Семейный бюджет», «Магазин», «Банк»), экономические квесты и моделирование жизненных ситуаций. Дети учились планировать покупки, распределять карманные деньги и принимать коллективные решения.

2. Электронные образовательные ресурсы (ЭОР).

Применялись интерактивные тренажёры, онлайн-квесты, обучающие мультфильмы и презентации. ЭОР помогали визуализировать понятия дохода, расхода и сбережений, а также обеспечивали индивидуализацию обучения и обратную связь.

3. Проектная деятельность.

Учащиеся выполняли мини-проекты: составляли бюджет, разрабатывали планы накоплений и анализировали рекламу. Это способствовало развитию самостоятельности и применению знаний на практике.

Программа была интегрирована в урочную и внеурочную деятельность, а также сопровождалась методическими рекомендациями для педагогов и памятками для родителей. На контрольном этапе (апрель 2026 г.) была проведена повторная диагностика. В экспериментальной группе доля учащихся с низким уровнем снизилась до 14%, средний уровень составил 43%, а высокий — 43%. В контрольной группе низкий уровень отмечен у 61% учащихся, средний — у 36%, высокий — у 3%.

Сравнительный анализ результатов показывает:

– значительное снижение числа учащихся с низким уровнем финансовой грамотности в экспериментальной группе (с 61% до 14%);

– появление существенной доли школьников с высоким уровнем (43%), что свидетельствует о формировании устойчивых поведенческих навыков;

– рост среднего уровня в обеих группах, однако в экспериментальной он сопровождался качественным переходом части учащихся на высокий уровень.

Проведённое исследование показало, что формирование финансовой грамотности у младших школьников наиболее эффективно осуществляется при использовании игровых технологий и электронных образовательных ресурсов.

Авторская программа, основанная на сочетании игровых технологий, ЭОР и проектной деятельности, позволила не только повысить уровень теоретических знаний учащихся, но и сформировать у них практические умения планирования расходов, принятия финансовых решений и ответственного поведения.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М. : Просвещение, 2010. 31 с. (Стандарты второго поколения).

2. Милованова Л. А. Структурно-содержательная модель развития финансовой грамотности у младших школьников / Л. А. Милованова, И. Н. Разливинских, Н. С. Стерхова // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-2. С. 171-174.

3. Русаленко Д. А. Экономическая грамотность населения. К. : ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 255-258.

4. Смоленцева А. А. Введение в мир экономики, или, как мы играем в экономику. М. : Детство-Пресс, 2014. 203 с.

УДК 37.032

Онлайн-тьюториалы как инструмент передачи и укрепления семейных ценностей у младших подростков в цифровую эпоху

Соколова Ксения Александровна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ksenia.sss.2004@gmail.com

Ключевые слова: семейные ценности, младшие подростки, онлайн-тьюториал, тьютор.

Современное цифровое общество ставит перед родителями и педагогами новые задачи, связанные с передачей ценностей подрастающему поколению. Младшие подростки ежедневно сталкиваются с огромным количеством информации, которая может не соответствовать основополагающим принципам семейного воспитания. Это создает необходимость поиска новых, адаптивных к условиям цифровой образовательной среды (ИОС), подходов к формированию и укреплению семейных ценностей. Одним из таких инструментов могут выступать онлайн-тьюториалы.

Цифровая образовательная среда обладает двойственным влиянием на семейные ценности. О. Н. Шилова выделяет, во-первых, компоненты ИОС — ресурсы, коммуникации, управление и субъекты среды, во-вторых, характеристики ИОС — открытость, распределенность, взаимодействие и активность субъектов, инициатива [1]. С одной стороны, ИОС открывает возможности для общения, обучения и саморазвития, что может способствовать

© Соколова К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

укреплению семейных отношений. С другой стороны, избыток развлекательного контента, кибербуллинг и искажение реального мира в социальных сетях могут негативно сказываться на формировании у подростков таких ценностей, как уважение к старшим, ответственность, эмпатия, взаимопомощь, семейная сплоченность и др. Кроме того, исследования показывают, что современные подростки проводят в интернет-пространстве более 6 часов ежедневно [2]. При этом время непосредственного общения с родителями сокращается до 1-2 часов. Такие диспропорции создают серьезные препятствия для естественной передачи семейных традиций и ценностей.

Младший подростковый возраст, по мнению Н. А. Родина, О. П. Кашина и Т. В. Городнова, характеризуется рядом особенностей личностного развития: «низкий уровень социальной адаптации, развитие самосознания, неустойчивость самооценки, недостаточность знаний о самом себе, сложности в межличностных отношениях, повышенный уровень тревожности» [3].

В этот период подростки особенно восприимчивы к внешним влияниям, и именно цифровая среда зачастую становится доминирующим фактором их развития и приобретения социального опыта. Поэтому важно, чтобы процесс формирования ценностей не отставал от темпа технологического прогресса.

«Тьюториал — это открытое учебное занятие с применением методов интерактивного и интенсивного обучения, направленное на приобретение опыта использования модельных и нестандартных ситуаций в построении индивидуальных образовательных программ», — пишет Т. М. Ковалева [4].

Онлайн-тьюториалы, в свою очередь, в рамках формирования семейных ценностей могут включать анимационные ролики, объясняющие сложные понятия, такие как ценность, семья, толерантность, ответственность и др. в доступной для подростков форме. Видео, демонстрирующие позитивные примеры семейного

взаимодействия, совместного проведения досуга, решения конфликтов, также являются важной составляющей.

Кроме того, такие интерактивные задания, как викторины, тесты, кейсы, моделирующие ситуации, в которых подростку предлагается выбрать решение, способствуют активизации ценностей.

Рассмотрим преимущества использования онлайн-тьюториалов. Прежде всего, это доступность и гибкость — подростки могут изучать материалы в удобное для них время и в любом месте, где есть доступ к интернету.

Немаловажным фактором является вовлеченность, ведь использование интерактивных форматов делает процесс обучения более увлекательным и запоминающимся. Индивидуализация — еще одно значимое преимущество, поскольку тьютор, зная особенности и интересы конкретного подростка, может подбирать или даже создавать уникальные тьюториалы.

Именно роль тьютора становится важной в процессе использования онлайн-тьюториалов. Л. Д. Дубровская отмечает, что «тьютор — это особый педагог, который работает с опорой на принцип индивидуализации и сопровождает построение индивидуальной образовательной программы» [5].

Тьютор выступает как навигатор и помощник в осмыслении информации. Он помогает подростку понять, почему изучение семейных ценностей важно, и стимулирует его к активному участию в процессе. Именно тьютор организует рефлексию после тьюториала, помогает подростку осмыслить увиденное, связать его с собственным опытом и сделать выводы.

Для эффективного использования онлайн-тьюториалов в работе с младшими подростками можно применять различные инструменты. Среди них можно выделить создание тематических блоков, посвященных конкретным семейным ценностям. Это позволяет структурировать учебный процесс и изучать

теоретическую часть. Проектная деятельность, в рамках которой предлагается создать собственный продукт о важности какой-либо семейной ценности способствует более глубокому анализу ценностей. Использование медиаконтента для демонстрации примеров и ведение онлайн-дневника, в котором подросток фиксирует свои мысли и эмоции после тьюториалов, описывает попытки применения новых знаний в жизни, способствуют усвоению семейных ценностей.

Так, при грамотном подходе, под руководством тьютора, использования онлайн-тьюториалов может стать эффективным инструментом, помогающим младшим подросткам ориентироваться в сложном мире современных ценностей, укрепляя связь с семьей.

Список источников

1. Шилова О. Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд // Человек и образование. 2020. С. 36-41.

2. Марков Д. Ю. Влияние цифровой среды на физическое и психоэмоциональное состояние подростков / Д. Ю. Марков, Я. Л. Завьялова // Омская гуманитарная академия. 2025. С. 197-202.

3. Родина Н. А. Психологические особенности личностного развития младших подростков в процессе досуговой деятельности / Н. А. Родина, О. П. Кашина, Т. В. Городнова // Вестник ГУУ. 2022. С. 226-235.

4. Ковалева Т. М. Основы тьюторского сопровождения в общем образовании : лекции 1-4. М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 53 с.

5. Дубровская Л. Д. Тьюторство в системе высшего образования: постановка проблемы // Проблемы теории и практики современной психологии. 2020. С. 137-141.

УДК 37.088

Корпоративная культура образовательной организации: структура, функции и условия формирования в цифровой среде

Трусова Анастасия Николаевна
Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирского Федерального Университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, trusova005@mail.ru

Ключевые слова: корпоративная культура, школа, субъекты образовательного процесса, цифровая среда.

В последние годы понятие «корпоративной культуры» приобретает все большую актуальность в педагогическом сообществе. Первоначально сформировавшись в бизнес–среде, к началу XXI века этот термин вышел за её пределы и стал рассматриваться как неотъемлемый атрибут любой организации, включая образовательные учреждения. Эффективное функционирование корпоративной культуры способствует не только повышению имиджа школы, но и формированию атмосферы доверия и сотрудничества, развитию лидерских качеств у обучающихся, профессиональному росту педагогов, а также укреплению её конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Школа, как любая организация, обладает собственной корпоративной культурой, которая представляет собой совокупность норм, ценностей, убеждений и традиций, определяющих её функционирование и реакцию на изменения.

© Трусова А. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В качестве ключевых факторов, влияющих на формирование корпоративной культуры школы, исследователи выделяют возраст учреждения, исторический контекст его развития, цели и задачи, социально-экономическую и географическую среду, особенности городских и школьных районов, применяемые технологии, размеры школы и классов, ожидания всех субъектов образовательных отношений, а также степень централизации и структуру системы образования [6].

В русскоязычной научной традиции термин «корпоративная культура» активно употребляется с 1980–1990-х годов, когда в отечественных организациях предпринимались попытки создать её концепцию, формируя у работников чувство принадлежности к организации. Процессы шли при активном заимствовании западного опыта, адаптированного к российскому менталитету. Значительный вклад в популяризацию этого понятия в отечественной управленческой и педагогической литературе внесли В.А. Спивак, Р. Л. Кричевский, С. Н. Капустин, А.К. Гастев и ряд других авторов [2; 3; 5; 8].

Многие исследователи обращают внимание на структуру корпоративной культуры. Так, О.А. Акасевич и Н.В. Панченко выделяют такие компоненты, как ценности и убеждения, систему коммуникации и способы взаимодействия, ритуалы и традиции, лидерство и управление, стиль руководства и принятия решений, обучение и развитие, признание и поощрение, физическая среда [1]. Е. В. Кузнецова дополняет структуру, выделяя символы (доски объявлений, награды), ритуалы, нормы общения, организационный язык (штампы), разделяемые убеждения и ожидания к ученикам/родителям, философию и ценности школы, мировоззренческие установки (отношение к семье и здоровью), а также формальные, неформальные правила поведения, формирующие психологический климат коллектива [6].

В научной литературе подчёркивается функциональная роль корпоративной культуры школы. А. В. Колесников выделяет функции внутренней интеграции (формирование сплочённого коллектива и благоприятного климата) и внешней экспансии (адаптация к новым условиям) [4]. О. А. Пестерева и Э. В. Будаева отмечают интеграцию участников процесса, рост имиджа школы, создание нормативного поля, комфортной среды и вовлечение в мероприятия [7]. Е. В. Кузнецова описывает внутреннюю интеграцию, внешнюю адаптацию (имидж школы), аксиологическую (закрепление ценностей), стимулирующую (вовлечённость и патриотизм) и регламентирующую (единые правила) функции [6].

В условиях цифровизации образования корпоративная культура приобретает новые формы выражения и механизмы реализации. Цифровая среда (онлайн-платформы, LMS-системы типа Moodle, корпоративные чаты и виртуальные доски) расширяет возможности коммуникации, но требует адаптации традиционных элементов культуры к гибридным форматам. Например, ритуалы и традиции мигрируют в виртуальное пространство, а ценности организации усиливаются через интерактивные инструменты (геймификация, совместное редактирование документов). Условия формирования корпоративной культуры в цифровой среде включают: интеграцию цифровых инструментов в повседневные практики; создание норм онлайн-поведения; лидерство в цифровом формате (виртуальное менторство, онлайн-тимбилдинг); мониторинг психологического климата через аналитику данных (опросы в Forms, анализ вовлеченности). Это способствует повышению адаптивности культуры, укреплению чувства принадлежности в удаленных сценариях и интеграции всех субъектов (педагогов, обучающихся, родителей) в единую цифровую экосистему.

В целом корпоративная культура образовательной организации выступает как сложное системное образование, формирующее уникальную образовательную среду и характер взаимоотношений между всеми субъектами образовательного процесса, обеспечивающее сплочение коллектива, повышение репутации школы, атмосферу поддержки и усиление адаптивности к вызовам цифровизации.

Список источников

1. Акасевич О. А. Корпоративная культура школы: создание благоприятного климата для качественного образования / О. А. Акасевич, Н. В. Панченко // Педагогическая перспектива. 2025. № 1(17). С. 81-87.

2. Гастев А. К. Как надо работать. М. : Экономика, 1972. 478 с.

3. Капустин С. Н. Современные технологии управления для оптимизации бизнеса компаний. М. : «Дашков и К0», 2002.

4. Колесников А. В. Корпоративная культура : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. 167 с.

5. Кричевский Р. Л. Если Вы – руководитель...: Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М. : Дело, 1996. 384 с.

6. Кузнецова Е. В. Корпоративная культура в образовательном учреждении // Вестник научных конференций. 2015. № 2-4(2). С. 63-68.

7. Пестерева О. А. Функции и особенности корпоративной культуры образовательной организации / О. А. Пестерева, Э. В. Будаева // Вестник Бурятского Государственного Университета. Образование. Личность. Общество. 2019. № 4. С. 72-76.

8. Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб. : Питер, 2001. 352 с.

УДК 37.07

Формирование навыков корпаративной культуры у сотрудников образовательных организаций средствами

Хасанова Александра Рустамовна
Институт педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, 23s02@mail.ru

Ключевые слова: корпоративная культура, образовательная организация, педагогический коллектив, интерактивные практики, корпоративный тренинг, командное взаимодействие.

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю Ковалевичу Игорю Анатольевичу, доценту, кандидату технических наук, за профессиональное сопровождение исследования, ценные рекомендации, научную поддержку и внимание к работе на всех этапах её подготовки. Особая признательность — за помощь в формировании исследовательского подхода, конструктивные замечания и мотивацию к дальнейшему профессиональному развитию.

Современная образовательная организация функционирует в условиях цифровизации, обновления управленческих подходов и усложнения профессионального взаимодействия. В этих условиях возрастает значимость корпоративной культуры, поскольку она определяет характер взаимодействия сотрудников, уровень их вовлечённости и согласованность действий. Работа школы во многом зависит от того, насколько педагогический коллектив способен работать как единое профессиональное сообщество.

© Хасанова А. Р., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Вместе с тем в практике образовательных организаций сохраняются проблемы разобщённости педагогических коллективов, недостаточной включённости сотрудников в решение общих задач и трудностей профессиональной коммуникации. Таким образом, возникает противоречие между объективной потребностью образовательной организации в сплочённом и эффективно взаимодействующем коллективе и недостаточной разработанностью практических механизмов формирования корпоративной культуры.

Актуальность исследования подтверждается трудами E. Schein, рассматривающего корпоративную культуру как фактор, определяющий поведение сотрудников и способы их взаимодействия, а также G. Hofstede, подчёркивающего роль ценностей в формировании моделей профессионального поведения. Исследования показывают, что уровень сотрудничества педагогов напрямую влияет на эффективность образовательной организации, что позволяет рассматривать корпоративную культуру как одно из ключевых условий её результативности. В научной литературе корпоративная культура определяется как система разделяемых ценностей, норм и моделей поведения, формирующихся в процессе совместной работы сотрудников. В существующей практике образовательных организаций формирование корпоративной культуры чаще всего осуществляется через административные меры, регламенты, внутришкольные мероприятия и отдельные формы методической работы. Однако такие подходы носят преимущественно формальный характер и не всегда обеспечивают формирование устойчивых навыков взаимодействия и принятия корпоративных ценностей. Таким образом, существующие подходы не обеспечивают перехода от декларируемых ценностей к реальному поведению сотрудников в профессиональной деятельности. В этой связи предлагается использовать интерактивные образовательные практики как

средство формирования корпоративной культуры. Их ключевое преимущество заключается в том, что сотрудники не только получают информацию, но и включаются в совместную деятельность, требующую взаимодействия, распределения ролей и принятия решений. Цель исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании тренинговой программы, направленной на формирование навыков корпоративной культуры у сотрудников школы.

Следовательно, использование интерактивных образовательных практик позволяет перейти от формального существования корпоративной культуры к её осознанному формированию в профессиональной деятельности педагогического коллектива. Это делает предложенный подход актуальным и перспективным направлением развития образовательных организаций.

Список источников

1. Schein E. H. Organizational Culture and Leadership. 4th ed. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2010. 464 p.

2. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2001. 596 p.

3. Клещёв М. С. Корпоративная культура как инструмент повышения эффективности деятельности образовательной организации // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2024. Т. 6, № 4. С. 16-31.

УДК 37.02

Педагогический дизайн краткосрочного курса русского языка для монгольских подростков в гибридной среде летнего лагеря

Цурикова Ангелина Максимовна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, angelina.tsurikova@mail.ru

Ключевые слова: педагогический дизайн, русский язык как иностранный, краткосрочный курс, коммуникативная компетенция.

Актуальность проектирования краткосрочных программ по русскому языку как иностранному для монгольских подростков 14–18 лет обусловлена спецификой формата летнего лагеря, который требует иных подходов, чем академическое обучение. В настоящее время наблюдается разрыв между потребностью в быстром освоении навыков базового общения и возможностями традиционных курсов, ориентированных на длительное изучение грамматики [1].

Разработка педагогического дизайна для такой программы сталкивается с тремя ключевыми проблемами:

– краткосрочность — ограниченный лимит времени (5–7 дней);

– неоднородный «вход» — группы подростков характеризуются разным уровнем стартовой подготовки и скоростью усвоения;

© Цурикова А. М., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

– создание аутентичной среды — в условиях лагеря необходимо искусственно моделировать ситуации живого общения [3].

Целью данной работы является проектирование и описание краткосрочного курса русского языка «Сайн байна уу, Россия!» для монгольских подростков в формате летнего лагеря и обоснование принятых дизайн-решений через потребности целевой аудитории и ограничения контекста.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие вопросы:

– Какие потребности, мотивационные факторы и типичные трудности монгольских подростков определяют цели и содержание курса русского языка?

– Какие форматы практики и оценивания позволяют достичь образовательного результата за короткий срок?

Ключевым принципом проектирования является конструктивная согласованность, то есть согласование результатов обучения, активностей и оценивания [4]. Рассмотрим процесс педагогического дизайна по модели ADDIE.

1. Анализ. Целевая аудитория — подростки из Монголии (14–18 лет). В лагере мотивация определяется потребностью в социализации и игре, а краткосрочность формата (5–7 дней) создаёт риск когнитивной перегрузки, поэтому критерием успеха считается способность подростка самостоятельно решить базовую коммуникативную задачу, например познакомиться, к концу смены.

2. Проектирование. В основе курса лежит модель 4C/ID, где обучение строится вокруг реальных задач с контекстом, понятной целью, подсказками и возможностью попробовать, ошибиться и обсудить результат. Мы сознательно уходим от сложной теории в сторону простых навыков, которые помогают сразу заговорить и перестать бояться языка. Если цель научиться знакомиться,

то и тренируем это в ролевой игре, и оцениваем по тому, насколько уверенно получилось. При этом программа построена по спирали. Одна и та же тема, например «Я и мои интересы», сначала разбирается на уровне отдельных слов, потом в коротких диалогах, а в конце уже в рамках полноценного квеста, где нужно применить всё сразу [5].

3. Разработка. В результате мы подготовили набор практических материалов. Сюда вошел банк сценариев с ролевыми играми и квестами, например, «Потерялся в городе» или «Заказ в кафе». Для групповой работы нужны карточки ролей с визуальными заданиями, а для учащихся словарь «Мои первые 100 слов». Отдельно сделали методический кейс для волонтеров с инструкциями по общению без языка посредника [4].

4. Реализация. Курс сфокусирован на функциональности и «коммуникативной полезности». Фокус делается на приоритетной лексике и речевых шаблонах, релевантных жизни. Микро-грамматика осваивается через функции, а не через изучение абстрактных правил. Учебные активности направлены на аутентичность и интенсификацию практики. Это проблемно-ориентированные ролевые игры, моделирующие реальные задачи (покупка, запрос помощи), а также проектные микро-задачи, где язык используется как инструмент достижения цели. Высокая доля взаимодействия с носителями языка обеспечивают частые реплики каждого ученика, а интеграция цифровых инструментов дополняет офлайн-активности [2]. Курс встроен в ритм лагеря — утренний интенсив, дневная практика в группах и вечерняя рефлексия. Поддержка наставников плавно снижается по мере роста самостоятельности учеников. Обучение усиливается цифровой средой. Это и QR-коды с подсказками, и чаты с волонтерами для живой практики [2].

5. Оценка. Педагогический дизайн курса включает многоуровневую систему оценки, данные которой используются

для оперативной корректировки программы. Базой для отслеживания динамики служит входная и выходная диагностика для расчета прироста навыков. В процессе обучения акцент смещается с формальных отметок на формирующее оценивание. Вместо оценок используется мгновенная обратная связь от волонтеров во время активностей [1].

Метод «разбор ошибок дня» на вечерних планерках наставников превращает типичные затруднения в материал для обучения. Эта система работает на опережение, потому что волонтеры фиксируют, что было проблемой и утренний блок следующего дня перестраивается под проработку проблемы.

Курс имеет модульную структуру и все модули связаны по спирали: лексика и грамматика вводятся, затем повторяются в новых задачах, а подпорки уменьшают когнитивную нагрузку и повышают достижимость задач в ЗБР [1].

Таким образом, модель курса для монгольских подростков демонстрирует комплексный подход к интенсивному обучению. Сочетание принципов обеспечивает результаты, формирует позитивный культурный опыт и укрепляет межкультурные связи [1].

Список источников

1. Русский язык в системе образования монголии: состояние, динамика, проблемы / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова, С. Цэрэнчимэд [и др.] // Социолингвистика. 2021. № 1(5).

2. Исроилова Ш. Э. Актуальные методики преподавания русского языка как иностранного: эффективные стратегии и тенденции развития // Экономика и социум. 2024. № 3-2(118).

3. Итинсон К. С. Применение таксономии образовательных целей Блума в процессе обучения иностранному языку // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 4(37).

4. Скикевич Т. И. Особенности преподавания русского языка как иностранного монгольским студентам / Т. И. Скикевич, И. Н. Курлович // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. 2019.

5. Жукова О. Г. Особенности преподавания и изучения русского языка как иностранного // Инновационная наука. 2020. № 3.

УДК 37

Особенности профессионального ориентирования обучающихся одиннадцатого класса в условиях цифровизации

Шабаганова Мария Павловна
Институт педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, MShabaganova@sfu-kras.ru

Ключевые слова: тьюторское сопровождение, телеграм-бот, лендинговая страница, профессиональное ориентирование, старшеклассники, адаптация цифровых инструментов.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Турановой Ларисе Михайловне, доценту, канд. пед. наук.

В современной образовательной практике цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью тьюторского сопровождения. Мессенджер *Telegram,* благодаря своей доступности и функционалу, активно использовался для создания

© Шабаганова М. П., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

образовательных ботов. Однако в 2024–2025 годах его работа на территории РФ стала нестабильной из-за внешних ограничений. Поэтому перед педагогами появилась задача по адаптации уже созданных цифровых ресурсов к более устойчивой среде. Работа посвящена анализу опыта использования телеграм-бота для профориентации старшеклассников и обоснованию перехода на альтернативный формат.

В качестве теоретической основы исследования выступают работы по теории и практике тьюторства Т. М. Ковалевой. Согласно её подходу: «тьюторское сопровождение — это педагогическая деятельность, направленная на создание условий для формирования и реализации индивидуальной образовательной программы обучающегося» [2]. В контексте профессионального самоопределения старшеклассников тьютор выступает как навигатор в избыточной образовательной среде, помогающий выстроить личный образовательный маршрут. Н.С. Пряжников говорит, что профессиональное самоопределение: «целенаправленная деятельность по подготовке молодежи к обоснованному выбору профессии в соответствии с личными интересами, склонностями, способностями и одновременно с общественными потребностями в кадрах различных профессий и разного уровня квалификации» [3].

Апробация разработанного ресурсного обеспечения проводилась на базе МБОУ гимназия №16 г. Красноярска в 11 «А» классе. В качестве диагностического инструмента для всего класса применялась методика «ДДО» (Е.А. Климова) [1]. На основе полученных результатов и было организовано индивидуальное тьюторское сопровождение для ученицы К., 17 лет.

Для организации процесса был создан телеграм-бот, который выполнял функцию единого цифрового хранилища и навигатора. В его структуру входили:

Диагностические материалы: опросники ДДО Е.А. Климова, тип мышления Г.В. Резапкиной, тест Дж. Голланда, анкета мотивов выбора профессии.

Контент для тьюториалов: тематические блоки («Личность и профессии», «Рынок труда», «План подготовки к поступлению» и др.).

Практические шаблоны: карты интересов и профессионального пути, опросные листы для рефлексии на разных этапах.

Навигация: развёрнутый план сопровождения и навигатор по профориентационным ресурсам Красноярска (вузы, технопарки).

Сопровождение ученицы К. строилось поэтапно. На диагностико-мотивационном этапе были определены типы мышления, а также ведущий мотив — интерес к технологиям. На этапе проектирования она изучила «Атлас новых профессий» и сформировала карту интересов в областях робототехники и IT - медицины. Реализационный этап включал организацию проф. проб через посещение дней открытых дверей в СФУ и мастер-классов в технопарке «Кванториум». Итогом стало создание портфолио на аналитическом этапе.

Использование бота доказало свою эффективность: все материалы были структурированы и доступны в одном месте, что экономило время тьютора и обеспечивало тьюторанту свободу доступа к информации.

Нестабильность *Telegram* как платформы потребовала поиска альтернативы. Принято решение переноса контента на лендинговую страницу — одностраничный сайт на российском конструкторе. Трансформация компонентов происходит по логике, представленной в таблице 1.

Ключевые преимущества лендинга перед ботом заключаются в его технологической независимости: не требует установки ПО, функционирует в любом браузере, не подвержен блокировкам и

позволяет тьютору самостоятельно обновлять контент без привлечения технических специалистов.

Таблица 1. Трансформация компонентов ресурсного обеспечения

Компонент в телеграм-боте	**Реализация на лендинговой странице**
Диагностические файлы	Раздел с ссылками на скачивание материалов
Темы тьюториалов	Блок с перечнем тем и вопросами
Шаблоны документов	Файлы для скачивания и копирования
План сопровождения	Подробный текстовый алгоритм
Навигатор по ресурсам	Каталог организаций с гиперссылками
Рефлексивные листы	Файлы для скачивания с инструкциями

Опыт применения телеграм-бота подтвердил высокий потенциал цифровых платформ для структурирования тьюторского сопровождения профессионального самоопределения. Однако зависимость от внешней инфраструктуры создала риски для продолжения работы. Переход на лендинговую страницу позволяет сохранить накопленный опыт и методическую базу, повысить устойчивость всей системы за счёт технологической автономии и простоты масштабирования на другие образовательные учреждения.

Список источников

1. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Издат. центр Академия, 2014. 249 с.

2. Ковалева Т. М. Профессия «тьютор». М. ; Тверь : «СФК-офис», 2012. 246 с.

3. Ковалева Т. М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании» : лекции 1–4. М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2010. 56 с.

4. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение : теория и практика. М. : Академия, 2007. 501 с.

УДК 316.773.4:378:004.8

Человек в цифровой HR-среде: педагогико-лингвистическая модель развития профессиональной коммуникации с использованием языковых ИИ-технологий

Яковлева Елена Сергеевна
Институт психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yackovl3wa@yandex.ru

Ключевые слова: цифровая коммуникация, HR-среда, языковые ИИ-технологии, педагогическая модель, профессиональный дискурс, метакоммуникация, цифровая лингвистика.

Современный этап развития общества характеризуется активной цифровизацией профессиональных сфер, включая управление человеческими ресурсами (HR). В условиях цифровой трансформации меняется не только инструментарий работы специалистов, но и сама структура профессиональной коммуникации. Как отмечает М. Кастельс, «информационное общество формирует новые формы социального взаимодействия, основанные на сетевых технологиях» [1].

В HR-среде это проявляется в широком внедрении автоматизированных систем подбора персонала, чат-ботов и генеративных языковых моделей. В результате возникает необходимость научного осмысления новой коммуникативной реальности, в которой субъектом взаимодействия становится не только человек, но и искусственный интеллект.

© Яковлева Е. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Традиционно профессиональная коммуникация рассматривалась в рамках антропоцентрической парадигмы (В. В. Виноградов, Ю. Н. Караулов), где язык выступает инструментом взаимодействия между людьми. Однако развитие цифровых технологий приводит к формированию новой коммуникативной модели. Согласно Н. Фейрклоу, дискурс представляет собой «социальную практику, опосредованную языком» [2]. В цифровой среде эта практика трансформируется за счёт включения алгоритмических посредников. Языковые ИИ-технологии (Natural Language Processing, генеративные модели) позволяют автоматически создавать и обрабатывать тексты. Как отмечает Д. Юргенс, «ИИ становится активным участником коммуникативного процесса, влияя на структуру и содержание дискурса» [3]. Таким образом, формируется гибридная модель коммуникации: «человек–человек»; «человек–ИИ»; «человек–цифровая система».

Несмотря на активное внедрение ИИ в HR-практики, остаются нерешёнными следующие вопросы: недостаточная разработанность педагогических моделей обучения работе с ИИ; трансформация языковых норм в цифровой среде; необходимость формирования критического отношения к ИИ-генерируемому контенту. Как подчёркивает Е. С. Полат, «цифровая образовательная среда требует новых подходов к формированию компетенций» [4].

В рамках исследования предлагается интегративная педагогико-лингвистическая модель развития профессиональной коммуникации, основанная на междисциплинарном синтезе положений лингвистики, педагогики и цифровых технологий. Модель отражает специфику формирования коммуникативной компетенции в условиях цифровизации профессиональной среды и включает три взаимосвязанных компонента: лингвистический, педагогический и технологический.

Лингвистический компонент формирует языковую основу профессиональной коммуникации, опираясь на теорию дискурса, жанроведение и прагмалингвистику. Он включает освоение HR-дискурса, развитие жанровой компетенции (вакансии, резюме, интервью, деловая переписка) и адаптацию речи к цифровой среде (краткость, мультимодальность, гибридность), обеспечивая формирование дискурсивной и жанровой компетенций.

Педагогический компонент направлен на развитие субъектной позиции обучающегося и основан на компетентностном, деятельностном и рефлексивном подходах. Он предполагает развитие метакоммуникативной компетенции (осознание и регулирование речи), навыков самообучения и рефлексии. Метакоммуникация выступает ключевым механизмом повышения эффективности взаимодействия.

Технологический компонент отражает влияние цифровых технологий, включая использование ИИ и чат-ботов для моделирования, оптимизации HR-коммуникации и автоматизации процессов (отбор кандидатов, обработка запросов), что требует цифровой и алгоритмической грамотности специалистов. В условиях цифровизации особую важность приобретает типологизация коммуникации, систематизирующая формы взаимодействия с учетом участия языковых ИИ-технологий.

1. Межличностная («человек–человек»)— базовое взаимодействие (собеседования, переписка, переговоры), сохраняющее антропоцентричность даже в цифровой среде.

2. Гибридная («человек–ИИ») — работа с ИИ для создания и анализа текстов, требующая критической оценки результатов.

3. Автоматизированная («ИИ–человек») — инициированная системой коммуникация (уведомления, чат-боты), стандартизированная и алгоритмизованная, с этическими требованиями.

4. Сетево-распределенная («человек–среда») — взаимодействие с цифровыми платформами через интерфейсы, формирующее цифровую грамотность.

Подведем общий итог. Цифровизация HR-технологий трансформирует коммуникацию, создавая гибридные модели с участием ИИ. Педагогико-лингвистическая модель развивает: лингвистический компонент — дискурсивные и жанровые навыки; педагогический — метакоммуникативные и рефлексивные компетенции; технологический — работу с ИИ и цифровыми инструментами. Типология коммуникации уточняет современные практики и требования к специалистам: критическое взаимодействие с ИИ, адаптация к гибридным форматам и цифровая лингвистическая грамотность. Перспективы исследований включают эмпирическую проверку модели, разработку ИИ-ориентированных методик и изучение этических и когнитивных аспектов взаимодействия человека и ИИ.

Список источников

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

2. Фейрклоу Н. Дискурс и социальные изменения. М. : ЛКИ, 2008.

3. Юргенс Д. Artificial Intelligence and Discourse Processing. 2020.

4. Полат Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Академия, 2009.

5. Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987.

6. Виноградов В. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959.

Экономическая безопасность: ограничения и возможности роста

УДК 338.2

Цифровые технологии как механизмы предупреждения финансовых рисков в строительстве

Аплеснина Наталья Александровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, aplesnina_nat@mail.ru

Ключевые слова: строительство, финансовые риски, цифровые технологии, превентивные механизмы, уровневая классификация.

Строительная отрасль традиционно входит в число секторов экономики с наиболее высоким уровнем финансовых рисков. Согласно данным ГОСТ Р 72160-2025 (применимым ко всем типам проектов), в реальных условиях только 16,2% проектов выполняются в установленные сроки и без превышения бюджета, тогда как более половины проектов реализуются с удорожанием, а каждый третий – отменяется, не достигнув целей [1]. Строительная отрасль, традиционно относящаяся к высокорисковым, здесь не исключение. Эти цифры убедительно демонстрируют, что поиск эффективных механизмов предупреждения финансовых потерь в строительстве остаётся одной из ключевых задач.

Одновременно строительная отрасль переживает активную цифровую трансформацию. BIM, искусственный интеллект, интернет вещей и блокчейн всё шире проникают в строительные процессы. Однако в научной литературе эти технологии рассматриваются главным образом как инструменты оптимизации производственных процессов [3; 4]. При этом они практически не

© Аплеснина Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

анализируются как самостоятельные превентивные механизмы, способные блокировать финансовые угрозы на разных уровнях управления. Настоящая статья предлагает системный взгляд на эту проблему: мы выстраиваем соответствие между уровнями финансовых рисков в строительстве и цифровыми технологиями, которые могут эти риски предотвращать, и представляем практическую систему выбора приоритетных решений.

В данной работе за основу взят подход В.А. Кошелева, выделяющий четыре уровня финансовых рисков: макроуровень (внешняя экономическая и политическая среда), мезоуровень (региональный строительный рынок), микроуровень (отдельная строительная организация) и уровень проекта [5]. На макроуровне ключевыми являются ценовые, валютные и процентные риски, порождаемые инфляцией, колебаниями мировых цен и изменением ключевой ставки. На мезоуровне доминируют кредитные риски и риски сбыта – прежде всего неплатёжеспособность заказчиков и неблагоприятная региональная конъюнктура. Микроуровень связан с внутренними проблемами организации: риски ликвидности (кассовые разрывы), операционные риски (простои, хищения) и инвестиционные риски. На уровне проекта основными угрозами выступают риск удорожания работ и проектные ошибки, возникающие из-за неточностей в сметах или коллизий в проектной документации.

Таким образом, мы получаем четырёхуровневую систему, где каждый уровень имеет свою специфику и требует разных механизмов предупреждения. Именно эта логика позволяет далее сопоставить рискам конкретные цифровые технологии.

Ключевая идея статьи заключается в том, что современные цифровые технологии не просто оптимизируют процессы, а способны целенаправленно блокировать финансовые угрозы на каждом из четырёх уровней. Ниже представлено это соответствие с указанием конкретных механизмов предупреждения.

Макроуровень. AI в сочетании с данными ФГИС ЦС позволяет прогнозировать рост цен на материалы и заблаговременно заключать контракты по фиксированным ценам.

Мезоуровень. Блокчейн и смарт-контракты автоматизируют расчёты по факту выполненных работ, практически исключая риск необоснованного авансирования и задержек платежей, существенно снижая неплатежи. Обработка заявок ускоряется в 2 раза. Система управления цепочками поставок SCM позволяет экономить до 12% на закупках [2, с. 22].

Микроуровень. Здесь задействовано три группы технологий. Во-первых, IoT-датчики (вибрации, температуры, давления масла) в комплексе с AI обеспечивают предиктивную диагностику поломок, существенно сокращая простои техники. Практика использования системы VIJU показала увеличение производительности труда на 38% [2, с. 17]. Во-вторых, ERP-системы с элементами BI и RPA автоматизируют казначейские функции и роботизируют платежи, ускоряя расчёты [2, с. 18]. В-третьих, RFID-метки и системы компьютерного зрения отслеживают движение материалов на складе и стройплощадке, что сокращает потери от хищений и нецелевого использования.

Уровень проекта. BIM 5D автоматически пересчитывает смету при любых изменениях в модели и выявляет коллизии на этапе проектирования, сокращая количество ошибок [2, с. 23]. Кроме того, базовый BIM позволяет автоматически находить проектные ошибки до начала строительства, снижая объёмы затрат.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, уровневая классификация финансовых рисков по Кошелеву (макро-, мезо-, микро- и проектный уровни) действительно служит удобной рамкой для системного подбора превентивных мер. Во-вторых, современные цифровые технологии – AI, Big Data, BIM, IoT, блокчейн, ERP, BI и RPA – в совокупности покрывают все четыре уровня рисков, причём для каждого уровня

существуют уже апробированные решения с измеримыми эффектами. В-третьих, предложенное в статье сопоставление цифровых технологий и уровней рисков позволяет строительной организации исходить не из абстрактного «внедрения цифровизации», а из конкретного вопроса: на каком уровне наши финансовые риски наиболее критичны. Такой подход превращает цифровые технологии из модного тренда в целенаправленный механизм управления финансовой безопасностью строительного проекта.

Список источников

1. ГОСТ Р 72160-2025 Менеджмент риска. Управление рисками проектов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1313236113.

2. Цифровизация строительной отрасли : аналитический отчет / Аналитический центр IBS. Москва, 2024. 35 с.

3. Корабельникова С. С. Цифровые технологии как элемент снижения рисков в строительстве / С. С. Корабельникова, С. К. Корабельников // Дискуссия. 2019. № 2 (93). С. 18–27.

4. Морозова Н. С. Оптимизация управления финансовыми рисками с использованием инструментов информационных технологий / Н. С. Морозова, И. В. Резвякова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 8. С. 229–236.

5. Кошелев В. А. Источники рисков в строительстве // КиберЛенинка : [сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-riskov-v-stroitelstve.

УДК 657.6:004:330.332

Цифровизация ведомственного контроля для обеспечения экономической безопасности

Бахтин Лев Ильич
Институт управление бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, levbahtin2@gmail.com

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровизация, контрольные мероприятия, ведомство.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Валерьевне Сабодах, доценту, канд. физ.-мат. наук.

Традиционные методы ведомственного контроля оказываются неспособны эффективно анализировать столь масштабные массивы данных – это создает серьезные риски пропуска нарушений и снижает общую результативность контрольных мероприятий, поэтому внедрение цифровых технологий позволят оптимизировать ключевые процессы. Такие внедрения в методы, позволят оптимизировать работу субъектов, осуществляющие контроль, и минимизировать нарушения.

Экономическая безопасность бюджетной организации – это состояние защищённости её финансовых интересов, характеризующееся устойчивостью к угрозам, целевым и эффективным использованием бюджетных средств. Один из инструментов для управления экономической безопасности является ведомственный контроль в финансовой бюджетной сфере

© Бахтин Л. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

– система контрольных мероприятий, который осуществляет орган-учредитель (например, Министерство Культуры), в отношении подведомственных ему организаций (например, Государственный центр народного творчества Красноярского края) [1]. В зависимости от вида контроля, система выявляет: нарушения, отклонения при формировании бюджета; нарушения, отклонения во время исполнения бюджета; нарушения, отклонения операций за прошедший период. Экономическая безопасность играет ключевую роль в ведомственном контроле, обеспечивая защиту финансовых, материальных и информационных ресурсов от внутренних и внешних угроз, а также расширяют возможности контроля и создают новые риски. Положительные моменты цифровизации: повышение эффективности контроля; оптимизация ресурсов; прозрачность финансовых операций. Обратные стороны: риск утечек конфиденциальной информации; отставания нормативных актов за развитием технологий; дисбаланс уровня цифровизации между регионами и учреждениями. Оценка угроз, влияющие на ведомство, использует следующие показатели: финансовая устойчивость, автономности, эффективное использование средств, рентабельность, структура доходов и расходов [2].

Рассмотрим цифровые инструменты в системе государственного бюджетного контроля, преимущества и недостатки, и их применение по следующей схеме Инструмент – Описание и функции – Преимущества – Недостатки – Применение: ГИС ТОР КНД – Информационная система для автоматизации и контрольных мероприятий. Позволяет планировать проверки, взаимодействовать через СМЭФ, фиксировать результаты – Автоматизация процессов планирования и отчетности. Упрощение взаимодействия ведомств. Возможность работы в выездных условиях – Риск кибератак. Необходимость обучения персонала. Сложность интеграции с устаревшими системами – Использование инспекторами при проведении выездных проверок: фиксация

нарушения через мобильное приложение; СМАРТ-контроль – Концепция Минфина России и Федерального казначейства по созданию цифровой платформы для контроля. Использует анализ больших данных, и риск-ориентированный подход – Повышение точности прогнозирования рисков. Автоматизация анализа массивных данных. Оптимизация распределения ресурсов контроля – Высокие затраты на внедрение. Нормативное отставание регулирования. Требования высококвалифицированных кадров. Риски ошибок алгоритмов - Мониторинг расходов в реальном времени: система выявляет аномалии в расходовании средств; Программный комплекс «Электронный модуль в сфере ведомственного финансового контроля» – Специализированное ПО для автоматизированной сверки финансовых данных. Автоматизирует проверку реестров, формирует отчеты расхождения – Сокращение ручного труда при сверке данных. Быстрое выявление расхождений и ошибок. Повышение точности расчетов – Ограниченная сфера применения. Зависимость от качества исходных данных. Возможные ошибки ПО – Автоматическое формирование «Ведомости расхождений» для ревизоров [3].

Рассмотрим угрозы, при условии отсутствии цифровизации и пути решения угроз по следующей схеме Угроза – Инструмент – Механизм решения – Ожидаемый результат: Неэффективное распределение ресурсов – СМАРТ-контроль – Риск-ориентированный подход: система определяет приоритетные объекты контроля на основе анализе данных – Концентрация усилий на зонах высокого риска, оптимизация нагрузки на контрольные органы; Низкая оперативность контроля – ГИС ТОР КНД – Автоматизация планирования проверок, фиксация результатов в режиме времени через мобильные приложения – Сокращение сроков проверок с месяцев до дней, мгновенное реагирование на нарушения; Ошибки из-за человеческого фактора

– Программный комплекс – Автоматическая сверка данных с минимизацией ручного ввода – Сокращение ошибок на 80-90%, повышение точности расчетов.

Текущий уровень экономической безопасности ведомства характеризуется наличием, как существенных достижений, так и проблемных зон. Внедрение цифровых инструментов контроля значительно повысило эффективность выявления финансовых нарушений и минимизации рисков, однако сохраняется ряд угроз, требующих постоянного мониторинга. Актуальность оценки экономической безопасности необходима для: защиты финансовых средств от угроз; обеспечения целевого использования бюджетных средств; оптимизации контроля и управления. Комплексная оценка экономической безопасности позволяет своевременно выявлять следующие критические угрозы: нарушения при формировании и исполнении бюджета; отклонения в финансовых операциях; риски неэффективного использования средств; потенциальные киберугрозы; дисбаланс в распределении контрольных ресурсов. Своевременное обнаружение данных угроз обеспечивает возможность оперативного принятия мер по их нейтрализации, что напрямую влияет на положительный рост уровня экономической безопасности ведомства. Таким образом, непрерывный контроль и оценка экономической безопасности являются критически важными элементами эффективного управления ведомством, позволяющими не только предотвращать финансовые нарушения, но и обеспечивать устойчивое развитие организации в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Гундорова М. А. Экономическая безопасность. Владимир : ВлГУ, 2020. 207 с.

2. Сергеева И. А. Комплексная система обеспечения экономической безопасности предприятия. Пенза : ПГУ, 2023. 140 с.

3. Котова О. В. Цифровизация внутреннего государственного финансового контроля как инструмент эффективного реформирования системы финансового контроля // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 243–252.

УДК 658

Организация служебных проверок для обеспечения корпоративной экономической безопасности: от ограничений к возможностям роста

Бердникова Ульяна Александровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ulberdnikova@yandex.ru

Ключевые слова: служебная проверка, корпоративная экономическая безопасность, внутренние угрозы, бизнес-процессы, минимизация ущерба, превентивные меры.

В условиях внешней среды и высокой конкуренции экономическая безопасность предприятия во многом определяется способностью своевременно выявлять и нейтрализовать внутренние угрозы – хищения, мошенничество, утечку коммерческой тайны, злоупотребления должностными полномочиями. Ключевым механизмом реагирования на инциденты, связанные с персоналом, являются служебные проверки [1].

Корпоративная экономическая безопасность – совокупность мер по защите предприятия от внешних и внутренних угроз,

© Бердникова У. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

направленных на недопущение финансовых потерь и поддержание стабильной деятельности. В её структуре выделены функциональные составляющие: финансовая, кадровая, информационная, технико-технологическая, правовая и физическая безопасность. Служебная проверка интегрирована в каждую из них как механизм обратной связи [2].

Служебная проверка – комплекс мероприятий, проводимых специально назначенной комиссией с целью всестороннего установления обстоятельств нарушения, размера ущерба, виновных лиц и выработки рекомендаций по устранению причин инцидента. Проверка направлена на персональную ответственность работников и регулируется трудовым законодательством (ст. 192–193 ТК РФ) [2].

В производственных бизнес-процессах роль данных проверок заключается в выявлении хищений сырья, порчи оборудования, нарушений технологических регламентов. Во вспомогательных (закупки, логистика) – пресечение коррупционных схем, фиктивных сделок. В управленческих процессах – контроль за действиями руководства, достоверностью отчётности, предотвращение конфликта интересов. Следовательно, служебные проверки являются важным элементом системы управления рисками, обеспечивающим реализацию контрольной функции по направлениям безопасности.

Эффективный механизм служебной проверки в системе корпоративной экономической безопасности – последовательная реализация нескольких взаимосвязанных этапов. Начальной стадией является инициация, основанием для которой служат сигналы о нарушении (Например, докладные записки, акты инвентаризации, жалобы), руководитель издаёт приказ о создании комиссии (не менее трёх человек) с установлением срока расследования до 30 дней. Далее осуществляется сбор и анализ материалов, включающий истребование документов, опросы

сотрудников, получение письменных объяснений, осмотр рабочих мест, а при необходимости – запрос внешних данных (от банков, контрагентов). На основе собранной доказательственной базы создается заключение, где фиксируются обстоятельства инцидента, установленные факты, причины, виновные лица, размер ущерба и предложения о мерах ответственности и корректирующих действиях. Ключевым условием результативности рассмотренной процедуры является выявление не только виновных, но и системных причин нарушения. Например, если сотрудник систематически нарушает регламент закупок, проверка обязана установить, является ли это следствием его умысла либо следствием нечёткости самого регламента, отсутствия должного контроля или недостаточной квалификации. Без устранения «болевых точек» аналогичный инцидент неизбежно повторится, что снижает экономическую эффективность проверки.

Правильно организованная служебная проверка направлена на появление возможности для повышения экономической безопасности и устойчивого роста предприятия [3]:

1) Минимизация повторных потерь. Устранение системных причин (Например, внедрение дополнительных уровней согласования, автоматизация контроля) снижает вероятность повторения на 40–60% по данным исследований.

2) Увеличение дисциплины и корпоративной культуры. Прозрачная и объективная процедура проверки действует как превентивный фактор – потенциальные виновные лица осознают неотвратимость ответственности.

3) Улучшение контрольной среды. Результаты проверок выявляют «узкие места» в бизнес-процессах, что является основой для их оптимизации (Например, разделение обязанностей, внедрение DLP-систем).

Современные цифровые инструменты (Например, системы класса DLP, анализ логов информационных систем) обеспечивают

доказательства без задержек и с высокой достоверностью. По данным отраслевых отчётов, предприятия, использующие автоматизированный сбор цифровых следов, сокращают время расследования в 3–5 раз и повышают долю подтверждённых нарушений до 90% [4].

Служебные проверки являются неотъемлемым элементом корпоративной экономической безопасности. Существующие нормативно-правовые ограничения и типичные организационные ошибки превращают их в ограничение, а не в ресурс роста.

Переход от модели «выявление – наказание» к модели «выявление причин – устранение системных недостатков – превентивное улучшение» позволяет преодолеть данные ограничения. Для этого предприятиям необходимо обучать сотрудников службы безопасности и кадровых подразделений методикам проведения объективных расследований;

Реализация рассмотренных мер способствует превращению служебных проверок из инструмента в фактор устойчивого роста, снижая операционные потери и укрепляя экономическую безопасность предприятия в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Растраты, совершаемые сотрудниками: отчет / Ассоциация сертифицированных экспертов по расследованию мошенничества (ACFE). 2023. URL: https://www.acfe.com.

2. Корякин В. М. Служебные расследования на предприятии: правовой и организационный аспекты // Кадровик. 2023. № 2. С. 24-31.

3. Линовицкий Ю. А. Система оценки как инструмент повышения качества внутреннего аудита // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 5. С. 237-247.

4. Петров А. И. Цифровые инструменты служебных расследований: опыт внедрения DLP и SIEM // Информационная безопасность бизнеса. 2024. № 4. С. 52–58.

УДК 336.71:004.056

Роль информационно-аналитических систем в обеспечении финансовой безопасности банка

Бобровский Михаил Александрович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского Федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, bobrovskii_mihail@mail.ru

Ключевые слова: финансовая безопасность банка, информационно-аналитические системы, риск-менеджмент, цифровизация, банковский сектор.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Валерьевне Сабодах, доценту, канд. физ.-мат. наук.

Финансовая безопасность коммерческого банка представляет собой обеспечение своевременного и полного выполнения обязательств перед клиентами и кредиторами, сохраняя достаточный уровень капитала и ликвидности, а также поддерживая устойчивость к внутренним и внешним угрозам [1]. В российской практике данное понятие раскрывается через систему нормативов, показателей надежности и требований к внутреннему контролю [1; 2].

© Бобровский М. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Отметим, что финансовая безопасность является неотъемлемой частью экономической безопасности банка. Финансовая безопасность обеспечивает стабильность банка в целом, именно поэтому повышается роль информационно-аналитического обеспечивания, которое реализует сбор, обработку, проверку и интерпретацию данных (показатели отчетности, сведения о транзакциях, результаты внутреннего контроля и другое). Качество принимаемых решений напрямую зависит от полноты, достоверности, сопоставимости и своевременности этой информации.

Система финансовой безопасности банка включает три взаимосвязанных компонента: информационно-аналитический, нормативно-правовой и организационно-функциональный. Информационно-аналитический блок формирует основу для выявления угроз, анализа динамики финансовых показателей и построения прогнозов. Нормативно-правовой компонент определяет правовые границы работы банка с информацией и устанавливает требования к идентификации клиентов, хранению документов, внутреннему контролю и соблюдению регуляторных норм. Общие правила функционирования банковской системы и противодействия легализации преступных доходов задаются ФЗ «О банках и банковской деятельности» [1] и ФЗ №115-ФЗ [2]. Организационно-функциональная составляющая связана с внутренним устройством системы безопасности банка, включающая распределение обязанностей между подразделениями, регламентацию процедур, работу служб внутреннего контроля и применение специализированных программных решений. Именно эта часть обеспечивает практическую реализацию требований, закрепленных в нормативной и аналитической плоскости.

Информационно-аналитическое обеспечение связывает между собой нормативные требования, организационные

механизмы и реальные данные о деятельности банка. Представим авторскую схему взаимосвязи трех перечисленных блоков финансовой безопасности.

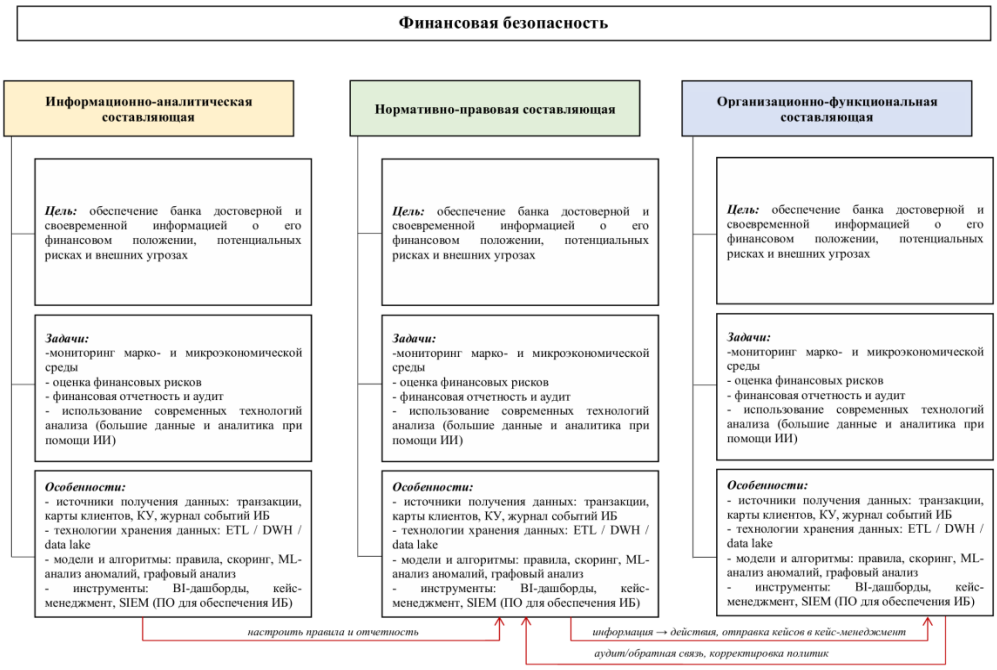


Рисунок 1. Взаимосвязь основных компонентов системы финансовой безопасности банка.

Практика банковской деятельности показывает, что информационно-аналитические технологии все активнее используются для решения задач риск-менеджмента, контроля операций и повышения эффективности внутреннего управления. В крупнейших российских банках аналитические инструменты уже встроены в процессы принятия решений, позволяющие отслеживать отклонения в операционной деятельности, выявлять неэффективные процессы, повышать точность клиентского профилирования и снижать вероятность ошибок сотрудников. Особое значение имеют технологии анализа больших данных, машинного обучения и поведенческой аналитики. С их помощью банк может своевременно фиксировать подозрительные транзакции, выявлять аномалии в действиях клиентов и строить более точные модели оценки риска. Международная практика

также подтверждает, что эффективность финансовой безопасности напрямую зависит от качества данных. Аналитика иностранных исследований показывает, что банки все чаще рассматривают информацию как основу для построения аналитически зрелой системы управления рисками.

Цифровизация банковской сферы усиливает требования к качеству аналитической работ. ИАС позволяют выявлять риски на ранней стадии, поддерживать соответствие регуляторным требованиям и обеспечивать своевременное принятие решений. Применение ИАС в сфере ПОД/ФТ и финансового мошенничества. дают возможность сопоставлять данные из разных источников, выявлять подозрительные модели поведения и снижать число ложных срабатываний [3].

Таким образом, ИАС обеспечивают комплексную оценку финансового состояния и рисков, являясь системообразующим элементом финансовой безопасности банка и одним из главных факторов его устойчивого развития в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Россия Федерация. Законы. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.

2. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/.

3. Digital Transformation of AML/CFT // FATF. 2021, июль. URL: https://www.fatf-

gafi.org/en/publications/Digitaltransformation/Digital-transformation.html.

УДК 658.5

Управление внешнеэкономическими рисками для повышения экономической безопасности металлургического предприятия: теоретико-методический аспект

Васильева Елизавета Александровна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, Elizabeth_betty2003@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность предприятия, внешнеэкономические риски, управление рисками, реинжиниринг бизнес-процессов, матрица управления.

В условиях глобальной нестабильности, санкционного давления и волатильности сырьевых рынков обеспечение экономической безопасности промышленных предприятий приобретает стратегическое значение. Особую актуальность это имеет для цветной металлургии из-за интеграции в глобальные рынки, зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры и чувствительности к ценовым, валютным, логистическим и регуляторным рискам.

Современные вызовы требуют перехода от фрагментарного управления рисками к комплексным решениям на основе реинжиниринга бизнес-процессов. Цель статьи – теоретико-методическое обоснование подхода к управлению

© Васильева Е. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

внешнеэкономическими рисками как инструменту повышения экономической безопасности предприятия цветной металлургии.

Экономическая безопасность предприятия (ЭБП) представляет собой сложную многоуровневую систему, которая состоит из взаимосвязанных элементов, ключевым из которых является механизм управления рисками (выявление, анализ, оценка, снижение) [1]. Эффективность этого механизма зависит от точности оценки уровня экономической безопасности. На рисунке 1 изображена схема системы обеспечения экономической безопасности предприятия.

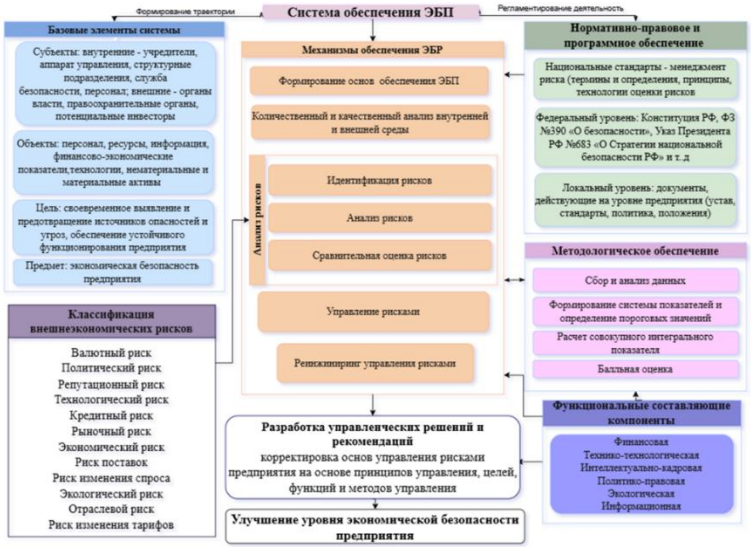


Рисунок 1. Система обеспечения экономической безопасности предприятия и место процесса управления рисками.

Управление рисками в данном контексте трансформируется из вспомогательной функции в стратегический инструмент обеспечения устойчивости. Эффективный риск-менеджмент должен быть интегрирован во все уровни организационной структуры, носить структурированный и всесторонний характер, а также постоянно совершенствоваться на основе обратной связи [1].

Эффективно выстроенная система управления рисками решает ряд важных задач.

Во-первых, развитая система риск-менеджмента повышает устойчивость предприятия: компании, системно работающие с рисками, легче адаптируются к изменениям внешней среды, сохраняют стабильность и укрепляют конкурентные позиции даже в периоды высокой волатильности. Во-вторых, прозрачное управление рисками поддерживает доверие стейкхолдеров. Партнёры, инвесторы и клиенты видят, что компания контролирует риски и способна выполнять обязательства в любых условиях. В-третьих, риск-менеджмент снижает уязвимость бизнеса: своевременная идентификация и анализ угроз позволяют заблаговременно подготовиться к их наступлению.

Для реализации этих задач на практике применяются различные методические подходы, основные из которых представлены в таблице ниже [2].

Таблица 1. Методические подходы к управлению рисками деятельности предприятия

Подход	**Описание**
Системный	Рассматривает предприятие как целостную систему, анализируются не только отдельные риски, но и их взаимодействие, что помогает учитывать влияние изменений в одной сфере на другие. Позволяет разрабатывать стратегии, охватывающие все аспекты деятельности, и адаптироваться к изменениям внешней среды.
Функциональный	Базируется на дифференциации рисков по сферам деятельности. Управленческие воздействия сводятся к контролю отклонений от нормативов. Позволяет точечно воздействовать на ключевые угрозы, но не учитывает взаимосвязи между категориями рисков.
Процессный	Трактует управление рисками как непрерывную деятельность, интегрированную во все бизнес-процессы. Оценка рисков эквивалентна оценке эффективности защитных мер. Обеспечивает раннее выявление угроз и их минимизацию на всех этапах – от планирования до реализации. Наиболее динамичный подход.

Окончание таблицы 1.

Подход	Описание
Ресурсный	Рассматривает управление рисками через эффективное использование материальных, нематериальных и человеческих ресурсов. ЭБП определяется способностью удерживать рыночные позиции за счет сильных сторон ресурсной базы. Оценка рисков сводится к анализу организационных способностей и выявлению разрыва с лучшими отраслевыми практиками.
Комплексный (интегрированный)	Объединяет элементы всех подходов, создавая многоуровневую целостную систему. Исследует риски в динамике и взаимосвязи, учитывая внутренние и внешние факторы. Наиболее эффективен для капиталоёмких и экспортно-ориентированных отраслей.

Для предприятий цветной металлургии наибольшую эффективность демонстрирует комплексный (интегрированный) подход. Он создаёт единую систему, охватывающую все элементы структуры и позволяющую оперативно реагировать на угрозы в реальном времени. Комплексный подход встраивает управление рисками в каждый этап производственной цепочки (от закупки сырья до экспорта).

Ключевым элементом разработанного подхода является матрица управления экономической безопасностью на основе реинжиниринга бизнес-процессов. Матрица объединяет критерий-триггер (критическое значение индикатора), базовую стратегию реагирования и конкретный инструментарий реализации. Это обеспечивает адресность, оперативность и локализацию проблемы на ранней стадии. При этом комплексность проявляется и в выборе инструментов управления рисками: вместо точечных решений формируется согласованный набор методов, дополняющих друг друга. В отличие от локальных корректировок, реинжиниринг в данном контексте предполагает полное перепроектирование системы управления внешнеэкономическими рисками – пересмотр организационной структуры, внедрение сквозных процедур

мониторинга и хеджирования, изменение регламентов взаимодействия между подразделениями [3].

Список источников

1. ГОСТ Р ИСО 31000-2019 Менеджмент риска. Принципы и руководство. М. : Стандартинформ, 2019.

2. Голованова Н. Б. Формирование подходов к оценке экономической безопасности субъекта хозяйствования // Доклады ТУСУРа. 2014. № 2 (32). С. 294-300.

3. Коноплева И. А. Реинжиниринг бизнес-процессов как инструмент повышения эффективности функционирования предприятия // Общество, экономика, управление. 2019. № 3.

УДК 336.71:330.567

Индикаторная оценка влияния цифровой трансформации на экономическую безопасность банка (на примере ПАО «ВТБ»)

Вахета Яна Андреевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, yanavakheta@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровая трансформация, индикаторная оценка, банковский сектор, метрики эффективности.

© Вахета Я. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Актуальность исследования обусловлена противоречием между высокими темпами цифровой трансформации банковского сектора и недостаточным уровнем защищённости его экономических интересов. Традиционные методы оценки экономической безопасности уже не справляются с новыми киберугрозами, строгими требованиями регуляторов и необходимостью технологического суверенитета. Отсутствие унифицированных методик, позволяющих объективно сопоставлять экономические выгоды от цифровизации с сопутствующими рисками, обусловливает необходимость адаптации индикаторного аппарата управления ЭБ к реалиям цифровой экономики.

Цель исследования - обоснование и характеристика системы индикаторов для объективной оценки влияния цифровой трансформации на экономическую безопасность коммерческого банка. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи исследования:

1. Проанализировать влияние процессов цифровой трансформации на экономическую безопасность банковского сектора на примере ПАО «Банк ВТБ».

2. Адаптировать и охарактеризовать систему количественных индикаторов оценки экономической безопасности банка к условиям цифровой трансформации, выделив ключевые метрики финансово-технологической эффективности, операционной надёжности и киберзащищённости.

Объектом исследования является экономическая безопасность коммерческого банка в условиях цифровой трансформации.

Предметом исследования является система количественных индикаторов, отражающих воздействие цифровых процессов и сопутствующих рисков на уровень экономической безопасности банка (на примере ПАО «Банк ВТБ»).

ПАО «Банк ВТБ» сталкивается с рядом проблем в процессе цифровой трансформации, влияющих на его экономическую безопасность. Во-первых, масштабные объёмы обрабатываемых данных делают банк привлекательной целью для киберпреступников, а интеграция новых цифровых платформ создаёт дополнительные уязвимости, что требует постоянного совершенствования систем киберзащиты. Во-вторых, высокая конкуренция на банковском рынке, усиленная появлением финансовых маркетплейсов и финтех-компаний, вынуждает ВТБ ускорять цифровую трансформацию. Из-за этого возможны компромиссы в вопросах безопасности ради более быстрого внедрения новых продуктов.

Специфика проблем цифровой трансформации ВТБ обусловлена её внутренней противоречивостью: повышая операционную эффективность и качество сервиса, она расширяет поверхность кибератак и усиливает технологические зависимости. Ключевыми вызовами для экономической безопасности становятся риски утечки данных, угрозы технологического суверенитета и операционные сбои цифровых каналов.

Существующие методики оценки зачастую рассматривают экономическую безопасность и эффективность цифровизации изолированно. Научная новизна предлагаемого подхода заключается в формировании комплексного набора индикаторов для оценки соотношения интенсивности цифровой трансформации и устойчивости экономической безопасности банков.

Таблица 1. Система индикаторов оценки соотношения цифровой трансформации и устойчивости экономической безопасности банка

Наименование индикатора	**Экономический смысл**
Финансово-технологические индикаторы эффективности	
Доля дистанционных каналов обслуживания	Рост показателя отражает снижение издержек на обслуживание клиентов, но увеличивает концентрацию цифровых рисков [1].
Cost-to-Income Ratio (CIR) в цифровом сегменте	Отражает, как автоматизация снижает стоимость банковских процессов.
RAROC (Risk-adjusted return on capital)	Метрика оценивает эффективность использования капитала с учётом рисков и помогает распределять его между цифровыми и традиционными каналами [2; 3].
Индикаторы операционной надежности	
Коэффициент доступности ИТ-сервисов	Показатель отражает время бесперебойной работы систем.
Среднее время восстановления систем	Отражает скорость восстановления банка после сбоя или кибератаки [1].
Индикаторы киберрисков (защищенность)	
Уровень предотвращенного ущерба	Объём денежных средств, предотвращённых к хищению системами безопасности банка.
Коэффициент успешности кибератак	Оценка эффективности систем защиты: снижение указывает на рост защищённости.
Время реагирования на киберинциденты	Показатель характеризует оперативность работы подразделений ИБ [2].

Система индикаторов позволяет объективно оценить влияние цифровых процессов на экономическую безопасность – это важно из-за роста киберугроз, ужесточения регулирования и необходимости технологического суверенитета. Она даёт руководству инструмент для оценки баланса между цифровизацией и рисками, помогает перейти к проактивному управлению безопасностью, планировать инвестиции и демонстрировать регулятору системный подход к устойчивости бизнеса.

Список источников

1. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 28.11.2025) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

2. Маркова О. М. Цифровые технологии в российских банках / О. М. Маркова, Е. Б. Стародубцева // Банковское дело. 2025. С. 53–60.

3. ПАО «Банк ВТБ» : [сайт]. URL: https://www.vtb.ru/ (дата обращения: 24.01.2026).

4. Об оценке экономического положения банков : указание Банка России от 03.04.2017 № 4336-У // Центральный банк Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

5. Zamaslo O. Digital Transformation Level Indicators of Banks / O. Zamaslo, A. Kovalenko // Baltic Journal of Economic Studies, 2021. С. 77–82.

6. Семенов К. О. Методика оценки уровня экономической безопасности коммерческих банков // Инновации и инвестиции. Научный форум. 2021. С. 110–115.

УДК 336.22

Индикатор фискального разрыва ликвидности в механизме обеспечения экономической безопасности страны

Дзема Эвелина Николаевна
Институт экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, evelina.dzema@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, налоговая система, налоговая задолженность, фискальный разрыв ликвидности, денежная масса.

Экономическая безопасность государства подвержена влиянию множества факторов, среди которых особое место занимает состояние налоговой системы. Одной из ключевых проблем в этой сфере является рост налоговой задолженности, который не только снижает доходную часть бюджета, но и создаёт скрытые угрозы для денежного обращения, ограничивая возможности экономического роста. В связи с этим возникает потребность в индикаторе, позволяющем отслеживать текущие риски во взаимосвязи налоговой и денежно-кредитной сфер.

В рамках настоящего исследования предлагается индикатор, адаптированный для целей оперативного мониторинга налоговой безопасности - индикатор фискального разрыва ликвидности (R_{FL}). Данный показатель отражает степень «заморозки» денежной массы вследствие накопленной налоговой задолженности и рассчитывается по формуле (1):

© Дзема Э. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

$$R_{FL} = \frac{D_{TAX}}{M2} \times 100\% \quad (1)$$

где D_{TAX} - совокупная налоговая задолженность (недоимка, пени, штрафы);

$M2$ - денежный агрегат М2 (наличные и безналичные рублёвые средства в обращении) [1; 2].

Экономический смысл индикатора заключается в следующем: чем выше доля налоговой задолженности в денежной массе, тем значительнее ресурсы, изъятые из легального оборота и «замороженные» в обязательствах перед бюджетом. Пороговое значение индикатора предлагается установить на уровне 6%: превышение данного порога свидетельствует о наличии угрозы экономической безопасности, поскольку растущая задолженность начинает оказывать критическое давление на ликвидность.

Для анализа динамики индикатора были рассчитаны его значения за период 2016–2025 гг. (таблица 1).

Таблица 1. Значения индикатора фискального разрыва ликвидности за период 2016 – 2025 гг.

Год	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**	**2025**	**Порог**
Значение	2,68	2,54	1,68	1,37	3,12	3,00	3,07	2,65	2,37	2,68	< 6

Как следует из представленных данных, на протяжении всего исследуемого периода значение индикатора не превышало установленный порог в 6%, что на первый взгляд свидетельствует об отсутствии критических угроз экономической безопасности. Минимальное значение зафиксировано в 2019 г. (1,37%), максимальное – в 2020 г. (3,12%). Однако динамика индикатора демонстрирует важные тенденции. В 2020 г. произошёл резкий скачок (с 1,37% до 3,12%), что объясняется сокращением доходов и ликвидных средств у бизнеса в период пандемии. В 2021–2022 гг. показатель стабилизировался на уровне около 3%, а в 2023–2024 гг.

наблюдалось его снижение до 2,37%, что связано с активной работой ФНС по взысканию задолженности и расширением денежной массы [5; 6].

Рассмотрим более детально ситуацию 2025 г.: несмотря на то, что формально оно не превышает порог, за год налоговая задолженность выросла почти на 25%, тогда как денежная масса М2 увеличилась лишь на 10,6% [3; 4]. Темп роста задолженности опережает темп роста денежной массы, что свидетельствует о нарастании давления на ликвидность. Кроме того, основная проблема заключается не столько в абсолютной величине долга, сколько в его структуре: пени и штрафы, привязанные к ключевой ставке, растут быстрее недоимки, создавая эффект «снежного кома» [3; 4].

С точки зрения ограничений экономического роста, увеличение фискального разрыва ликвидности означает, что значительная часть денежных средств, которые могли бы быть направлены на инвестиции и потребление, фактически «заморожена» в обязательствах перед бюджетом.

На основе проведённого анализа сформулированы следующие рекомендации:

1) индикатор фискального разрыва ликвидности (R_{FL}) может быть включён в систему мониторинга экономической безопасности как оперативный показатель, сигнализирующий о рисках дефицита ликвидности, обусловленных налоговой задолженностью;

2) необходимо внедрение гибких механизмов реструктуризации задолженности с возможностью снижения пеней при добросовестном погашении, что позволит уменьшить долю штрафных санкций в структуре долга;

3) целесообразно усилить адресную работу с крупнейшими должниками и продолжить автоматизацию налогового контроля, что соответствует текущим направлениям совершенствования

налоговой безопасности, разрабатываемым НИФИ Минфина России [5].

Список источников

1. Росстат. Доклад «Социально-экономическое положение России» : Налоговая статистика (по оперативным данным ФНС) на 01.01.2026 : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_02-2026.htm (дата обращения: 13.04.2026).

2. Центральный банк Российской Федерации. Денежная масса (агрегат М2) на 1 января 2026 года : [сайт]. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/monetary_agg/ (дата обращения: 13.04.2026).

3. Долги россиян по налогам достигли рекордных 3,3 трлн рублей // Эксперт : [сайт]. URL: https://expert.ru/news/dolgi-rossiyan-po-nalogam-dostigli-rekordnykh-3-3-trln-rubley/ (дата обращения: 13.04.2026).

4. Налоговые долги в России достигли 3,3 трлн рублей: риски для бизнеса // Контур : [сайт]. URL: https://kontur.ru/articles/896 (дата обращения: 13.04.2026).

5. НИФИ Минфина России перешел к заключительной стадии исследования налоговой безопасности государства // НИФИ Минфина России : [сайт]. URL: https://nifi.ru/news-ru/novosti/2857-nifi-pereshel-k-zaklyuchitelnoj-stadii-issledovaniya-nalogovoj-bezopasnosti-gosudarstva (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 336.14:342.51

Обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений: проблемы взаимодействия ведомственного и внешнего контроля

Евдокимова Дарья Ивановна
Институт управление бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, evdasha969@gmail.com

Ключевые слова: экономическая безопасность, бюджетные учреждения, ведомственный контроль, внешний контроль.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Валерьевне Сабодах, доценту, канд. физ.-мат. наук.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения экономической безопасности бюджетных учреждений в условиях усиления требований к эффективности использования государственных средств, что регламентируется Указом Президента РФ от 13.05.2017 №208 [1]. Несогласованность действий ведомственного и внешнего контроля создает существенные риски для финансовой устойчивости бюджетных организаций и может привести к неэффективному использованию государственных ресурсов, что напрямую влияет на качество предоставляемых государственных услуг.

Экономическая безопасность бюджетных учреждений представляет собой систему мер, направленных на защиту их финансово-хозяйственной деятельности от внутренних и внешних

© Евдокимова Д. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

угроз при одновременном обеспечении эффективного использования государственных ресурсов. Ведомственный контроль, осуществляемый вышестоящими органами исполнительной власти, сосредоточен на поддержании стабильной работы подведомственных учреждений и оценке результативности их деятельности. Внешний контроль, реализуемый независимыми органами, такими как Счётная палата РФ и Федеральное казначейство, ориентирован на проверку законности и обоснованности использования бюджетных средств. При этом возникает потенциальный конфликт интересов: ведомственный контроль заинтересован в поддержании положительного имиджа подведомственных учреждений, тогда как внешний стремится к максимально объективной оценке их деятельности, что может снижать общую эффективность системы контроля и создавать риски для экономической безопасности бюджетных учреждений.

Проблемы экономической безопасности в бюджетной сфере обусловлены недостаточной координацией ведомственного и внешнего контроля, что приводит к пропуску финансовых нарушений и неэффективному использованию государственных средств. Основными причинами возникновения угроз выступают формальный подход к проверкам, конфликт интересов между контролирующими органами и отсутствие единых критериев оценки деятельности бюджетных учреждений [2; 3].

Показатели экономической безопасности оцениваются через призму целевого использования бюджетных средств, своевременности исполнения обязательств, эффективности закупочной деятельности и соответствия установленным нормативам. Пренебрежение методами обеспечения экономической безопасности может привести к существенным финансовым потерям, снижению качества государственных услуг и подрыву доверия к бюджетной системе в целом, тогда как их внедрение способствует повышению прозрачности финансово-

хозяйственной деятельности и укреплению устойчивости бюджетных учреждений. В таблице 1 отражен сравнительный анализ ведомственного и внешнего контроля в системе обеспечения экономической безопасности бюджетных учреждений, выявляя их ключевые преимущества и недостатки.

Таблица 1. Сравнительный анализ эффективности ведомственного и внешнего контроля в системе экономической безопасности бюджетных учреждений

Ведомственный контроль	
Преимущества	**Недостатки**
Знание специфики подведомственных учреждений; Оперативность реагирования на проблемы; Возможность быстрого устранения нарушений	Риск занижения выявленных нарушений; Формальный подход к проверкам; Конфликт интересов при оценке деятельности подведомственных организаций
Пример применения: Проверка Краевой клинической больницы Министерством здравоохранения выявила отсутствие существенных нарушений, что впоследствии было опровергнуто внешним контролем	
Внешний контроль	
Преимущества	**Недостатки**
Внешний контроль Объективность оценки; Независимость от ведомственных интересов; Более тщательная проверка документации	Отсутствие детального понимания специфики учреждения; Длительные сроки проведения проверок; Сложность оперативного реагирования
Пример применения: Проверка той же Краевой клинической больницы Службой финансово-экономического контроля выявила нарушения на сумму 15 млн рублей, включая нецелевое использование средств и завышение НМЦК при закупках	

Проведенный анализ показывает, что эффективное обеспечение экономической безопасности бюджетных учреждений возможно только при условии комплексной реализации как

ведомственного, так и внешнего контроля с учетом их взаимодополняющего характера и необходимости устранения существующих противоречий в их взаимодействии.

Таким образом, состояния экономической безопасности бюджетных учреждений позволяет сделать вывод о том, что текущая система контроля требует существенной модернизации для эффективного противодействия современным угрозам. Оценка экономической безопасности бюджетных учреждений является критически важным инструментом, позволяющим своевременно выявлять риски нецелевого использования средств, нарушения закупочной деятельности и другие финансовые угрозы. Благодаря комплексному взаимодействию ведомственного и внешнего контроля становится возможным обнаружение как системных недостатков в работе учреждений, так и отдельных нарушений финансовой дисциплины. Своевременное выявление угроз обеспечивает оперативное принятие мер по их нейтрализации, что напрямую влияет на укрепление экономической безопасности учреждений и эффективность использования государственных ресурсов.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: http://www.consultant.ru

2. Белов А. С. Проблемы взаимодействия органов внешнего и ведомственного контроля в сфере здравоохранения / А. С. Белов, Н. В. Тимофеева // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 78–95.

3. Сабодах И. В. Мониторинг уровня социально-экономического развития регионов Сибирского федерального

округа // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 4. С. 363-369.

УДК 338.45

Современное состояние и перспективы развития золотодобывающей отрасли Российской Федерации в условиях санкционных ограничений и исчерпания ресурсной базы

Иванова Анна Владиславовна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, ivanova_anna.03@mail.ru

Ключевые слова: золотодобывающая отрасль России, санкционное давление, исчерпание ресурсной базы, минерально-сырьевая база, финансовая поляризация, технологическая модернизация.

Золотодобывающая отрасль России является одной из наиболее значимых отраслей добывающей промышленности, обеспечивающей конкурентоспособность всей национальной экономики. Золотодобыча сохраняет стратегическое значение, обеспечивая суверенитет национальной экономики. Однако в последние годы её развитие происходит под воздействием двух деструктивных факторов: беспрецедентного санкционного давления и объективного исчерпания легкодоступной ресурсной базы. В этих условиях требуется пересмотр подходов к управлению отраслью.

© Иванова А. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

На долю России приходится 22,6% мировых запасов золота. В 2024 году глобальная добыча достигла 3700 т, однако Россия – единственная страна из топ-3, демонстрирующая устойчивый рост: с 256,5 до 302 т (2015-2024), что позволило выйти на второе место в мире. Этот рост достигнут преимущественно за счёт освоения новых месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, но темпы замедляются: после этапа ускоренного наращивания (2015-2024, пик 330 т) наступила фаза стагнации (прирост 1-2% в год). Причина – исчерпание легкодоступных запасов на действующих предприятиях и необходимость вовлечения бедных, упорных руд [1].

В марте 2022 году LBMA приостановила статус Good Delivery для шести российских аффинажных заводов, а недружественные страны ввели запрет на импорт золота. Это заблокировало 92% экспорта, ориентированного на Великобританию. В результате экспорт сократился почти вдвое, но уже к 2023 г. произошла переориентация на ОАЭ, Турцию, Китай и Индию. Тем не менее, дисконты на азиатских рынках и укрепление рубля снижают доходность [2]. Одновременно запрет на поставки тяжёлой техники и горно-шахтного оборудования стимулирует параллельный импорт и ускоряет импортозамещение, однако темпы обновления основных фондов остаются недостаточными [3].

Более 86% запасов золота сосредоточено в Сибири и на Дальнем Востоке. Абсолютный лидер – Иркутская область (20,9%, включая уникальное месторождение Сухой Лог), далее Красноярский край (15,8%) и Якутия. При этом 90,6% балансовых запасов уже находится в распределённом фонде, что ограничивает возможности для экстенсивного роста. Всё большее значение приобретают техногенные месторождения и переработка сверхбедных руд (например, проект Nordgold на месторождении Гросс) [1].

Анализ эффективности функционирования золотодобывающей отрасли выявляет ряд устойчивых структурных дисбалансов. Динамика рентабельности продукции, отражающая конъюнктурные колебания, характеризовалась ростом с 47,5% в 2015 году до максимального значения 111,4% в 2021 году, после чего последовало резкое снижение до 49,4% в 2022 году под влиянием санкционного шока, и к 2024 году показатель восстановился до 71,1%.

На этом фоне доля убыточных организаций достигла 43,1%, что служит индикатором нарастающей финансовой поляризации: если крупные вертикально-интегрированные структуры (ПАО «Полюс», ГК «Мангазея», Highland Gold) сохраняют прибыльность, то малые и средние предприятия систематически генерируют убытки. Одновременно степень износа основных производственных фондов удерживается на стабильно высоком уровне (52-61%), а инновационная активность снизилась с 9,5 до 7,3%.

При этом при росте среднемесячной зарплаты до 147,8 тыс. руб. производительность труда после 2020 года не достигает уровня 2015-го (индекс 98,9% в 2024 г.). Кадровый дефицит в горнодобывающем секторе (свыше 68 тыс. вакансий) в условиях истощения легкодоступных запасов требует новых форм организации труда и повышения привлекательности вахтовых методов [4].

Экологическая динамика отличается разнонаправленностью. При росте инвестиций в природоохранную деятельность до 31,6 млрд руб. и трёхкратном сокращении сброса загрязнённых сточных вод объёмы выбросов загрязнителей остаются высокими. Перспективные технологические решения, включая применение атомных станций малой мощности по проекту «Кючус» и переработку бедных руд, находятся на начальном этапе внедрения [4].

Перспективные направления развития золотодобывающей отрасли в изменившихся условиях включают технологическую модернизацию, ориентированную на импортозамещение и внедрение флотационных циклов, освоение геологически сложных месторождений, стимулирование внутреннего спроса за счёт отмены НДС на слитки для физических лиц, а также государственную поддержку в виде резиденства ТОР, налоговых преференций для проектов в Арктике и на Дальнем Востоке, и возобновления закупок золота Банком России [5].

Таким образом, золотодобывающая отрасль России сохраняет фундаментальную устойчивость благодаря значительной ресурсной базе и адаптивному потенциалу. Долгосрочное развитие требует преодоления существующих вызовов, что предполагает постоянный мониторинг в системе экономической безопасности, своевременную корректировку инвестиционных программ и усиление инновационной составляющей.

Список источников

1. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2023 году // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : официальный сайт.

2. Неисчислимое богатство: куда девается российское золото в эпоху санкций // Forbes.ru. URL: https://www.forbes.ru/biznes/505869-neiscislimoe-bogatstvo-kuda-devaetsa-rossijskoe-zoloto-v-epohu-sankcij.

3. LBMA приостановила действие статуса Good Delivery для российских аффинажных заводов // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/827005.

4. Сорока Д. Эксперт: российская золотодобывающая отрасль показала рост, несмотря на санкции // Сделано в России (Made in Russia). URL: https://madeinrussia.ru/ru/news/23948.

5. О производстве золота и серебра // Минфин России : официальный сайт.

УДК 339.5

Методика реинжиниринга процессов логистического аутсорсинга для повышения уровня экономической безопасности металлургического предприятия (на примере ОК «РУСАЛ»)

Коваленко Иван Александрович
Институт управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, ivan-kovalenko-2003@list.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность предприятия, реинжиниринг бизнес-процессов, логистический аутсорсинг, 4PL, 5PL, цепочки поставок, ОК «РУСАЛ».

ОК «РУСАЛ» является вертикально-интегрированным металлургическим холдингом с распределённой производственной инфраструктурой, включающей алюминиевые заводы, глинозёмные предприятия, бокситовые рудники, а также собственный логистический флот и портовые терминалы.

Для комплексной оценки эффективности логистической системы проведён анализ 15 ключевых показателей за 2023–2025 гг., сгруппированных в четыре блока: операционная эффективность, финансовая эффективность логистики, управление

© Коваленко И. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

оборотным капиталом и устойчивость цепочек поставок (таблица 1).

Таблица 1. Динамика логистических показателей ОК «РУСАЛ» за 2023–2025 гг.

№	Показатель	Формула	2023	2024	2025	Динамика 2025/2023
Блок А. Операционная эффективность						
1	Оборачиваемость запасов, раз	Себестоимость / Средние запасы	2,58	2,29	2,79	8,10%
2	Дни оборота запасов	365 / Оборачиваемость	141	159	131	–7,1 %
3	Оборачиваемость дебиторской задолженности, раз	Выручка / Средние ТДЗ	11,2	9,8	12,1	8,00%
4	Дни сбора дебиторской задолженности	365 / Оборачиваемость ТДЗ	33	37	30	–9,1 %
5	Оборачиваемость кредиторской задолженности, раз	Себестоимость / Средние ТКЗ	5,1	4,8	5,9	15,70%
6	Дни отсрочки по кредиторской задолженности	365 / Оборачиваемость ТКЗ	72	76	62	–13,9 %
Блок Б. Финансовая эффективность логистики						
7	Доля коммерческих расходов в выручке, %	(Ком.расходы / Выручка) × 100	7,4	8,1	7,6	+0,2 п.п.
8	Доля логистических затрат в себестоимости, %	(Ком.расходы × 0,62 / Себестоимость) × 100	5	5,7	5,4	+0,4 п.п.
9	Темп роста коммерческих расходов	($Ком.расходы_t$ / $Ком.расходы_{t-1}$) – 1	3,2	0	25	+21,8 п.п.
10	Рентабельность продаж с учётом лог. затрат, %	(Прибыль от продаж / Выручка) × 100	8,5	7,2	9,1	+0,6 п.п.

Окончание таблицы 1.

№	Показатель	Формула	2023	2024	2025	Динамика 2025/2023
Блок В. Управление оборотным капиталом						
11	Операционный цикл, дней	Дни запасов + Дни ТДЗ	174	196	161	–7,5 %
12	Финансовый цикл, дней	Операционный цикл – Дни ТКЗ	102	120	99	–2,9 %
13	Коэффициент обеспеченности запасов СОС	(СОС / Запасы)	0,42	0,38	0,45	7,10%
Блок Г. Устойчивость цепочек поставок						
14	Концентрация закупок сырья (доля ТОП-5), %	(Закупки у ТОП-5 / Всего) × 100	48	45	42	–6 п.п.
15	Доля альтернативных транспортных коридоров, %	(Грузы по альт. маршрутам / Всего) × 100	32	41	48	+16 п.п.

Анализ выявил волатильность оборачиваемости запасов: после снижения до 2,29 раз в 2024 г. показатель восстановился до 2,79 раз в 2025 г., однако остаётся существенно ниже отраслевого норматива для металлургических холдингов (⩾8,0 раз), что свидетельствует о сохранении избыточных буферных запасов сырья. Доля альтернативных транспортных коридоров выросла с 32 % в 2023 г. до 48 % в 2025 г., подтверждая успешную диверсификацию маршрутов, при этом концентрация закупок сырья снизилась с 48 % до 42 %.

Несмотря на адаптивность к внешним вызовам, системные уязвимости сохраняются: низкая оборачиваемость запасов сырья, рост логистических издержек и волатильность операционного цикла формируют риски для экономической безопасности.

Необходимость реинжиниринга обусловлена фрагментарностью текущей модели аутсорсинга, отсутствием сквозной интеграции данных, использованием множества 3PL-

операторов без единого координирующего центра, отсутствием стандартизированных механизмов контроля качества и недостаточным уровнем информационной защищённости.

Ключевым отличием предлагаемого подхода является интеграция механизмов обеспечения экономической безопасности непосредственно в структуру реинжиниринговых мероприятий через встраивание показателей в SLA, применение принципа критического порога и внедрение защитных механизмов.

Разработанная шестиэтапная модель включает стратегическую диагностику на основе данных МСФО; детальное картирование процессов; проектирование целевой 4PL-модели с назначением системного интегратора; конкурсный отбор провайдера с учётом технологической зрелости и соответствия требованиям российского законодательства; пилотное внедрение на отдельном участке с последующим масштабированием; систематический мониторинг и адаптивное развитие с ежеквартальным расчётом интегрального индекса экономической безопасности.

Рисунок 1. Этапы реинжиниринга.

Для минимизации рисков в методику интегрированы защитные механизмы. Предложенная шестиэтапная модель включает встроенные защитные механизмы минимизации рисков, что позволяет трансформировать логистический аутсорсинг из

операционного инструмента в стратегический рычаг укрепления защищённости предприятия. Переход к комплексной 4PL-модели с элементами цифровой интеграции позволит обеспечить сквозную интеграцию данных, оптимизацию запасов и снижение логистических затрат на 18–25 % в среднесрочной перспективе.

Список источников

1. ОК «РУСАЛ». Консолидированная финансовая отчётность по МСФО за 2025 год. М., 2026. С. 10-12, 17-91. URL: https://rusal.ru/upload/iblock/3f4/pfgfff8cz522pzyaw85ep2aatcrxfniq/RUSAL_Consolidated-Financial-Statements-for-12m2025_RUS.pdf

2. Хаммер М. Реинжиниринг корпорации: манифест революции в бизнесе / М. Хаммер, Дж. Чампи // пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2011. 368 с.

УДК 336.148

Методические подходы к анализу состояния и динамики финансовых нарушений в сфере использования бюджетных средств

Коломейцева Таисья Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kolomeytseva_taisia@mail.ru

Ключевые слова: методический подход, финансовые нарушения, бюджетная сфера, количественно-статистический подход, качественно-экспертный подход, риск-ориентированный подход, интегральный подход, межведомственное взаимодействие.

В настоящее время в условиях реализации национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года, призванных обеспечить технологическое лидерство страны, устойчивое социальное развитие, современное здравоохранение и др. растет бюджетное финансирование различных программ и проектов [1; 3]. Однако достижение определенных Президентом РФ целей усложняется повышенными рисками нецелевого использования, хищений и коррупции [5]. Эффективный контроль невозможен без отлаженного межведомственного взаимодействия, результативность которого зависит от координации участников [7]. Для объективной оценки финансовых нарушений и совершенствования механизмов взаимодействия необходима методологическая основа, сочетающая аналитические подходы [6].

© Коломейцева Т. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Количественно-статистический подход – наиболее объективный метод, основанный на обработке больших массивов данных отчетности. Он позволяет оценивать динамику, структуру, темпы изменений нарушений, рассчитывать темпы роста и индексы интенсивности [5]. Подход формирует единую информационную базу для межведомственного взаимодействия.

Таблица 1. Сравнительная характеристика методических подходов к анализу финансовых нарушений в бюджетной сфере [2; 5]

Подход	**Основные преимущества**	**Основные ограничения**	**Область преимущественного применения**
Количественно-статистический	Объективность, воспроизводимость, обработка больших массивов данных	Отсутствие причинно-следственных связей	Оценка динамики и структуры нарушений
Качественно-экспертный	Глубина анализа причин и системности нарушений	Субъективность оценок	Выявление скрытых закономерностей и типичных схем
Риск-ориентированный	Приоритизация ресурсов, прогнозный характер	Зависимость от качества входных данных	Планирование совместных контрольных мероприятий
Интегральный	Комплексность, сводная оценка, удобство для руководства	Сложность расчета весовых коэффициентов	Обобщающая оценка эффективности контроля в целом

Качественно-экспертный подход углубленно изучает причины, системность схемы нарушений на основе экспертных оценок. Он выявляет латентные взаимосвязи, мотивацию должностных лиц и коррупционные механизмы, что недоступно статистике [4].

Риск-ориентированный подход оценивает вероятность и масштаб нарушений по направлениям бюджетных расходов [2]. Он позволяет приоритизировать контрольные и оперативно-розыскные мероприятия, прогнозировать угрозы и рационально распределять ресурсы.

Интегральный подход объединяет элементы количественного, качественного и риск-ориентированного подходов через построение сводных индексов. Комплексная оценка эффективности контроля требует синтеза разнородных показателей [6]. Интегральный подход формирует обобщённое представление о бюджетной дисциплине [7]. Сравнительная характеристика подходов представлена в таблице 1.

Ни один подход не универсален, наиболее эффективно комбинированное применение количественно-статистического и риск-ориентированного подходов с элементами интегрального анализа.

Для практической реализации комбинированного подхода разработан алгоритм комплексной оценки механизмов межведомственного взаимодействия (рисунок 1).

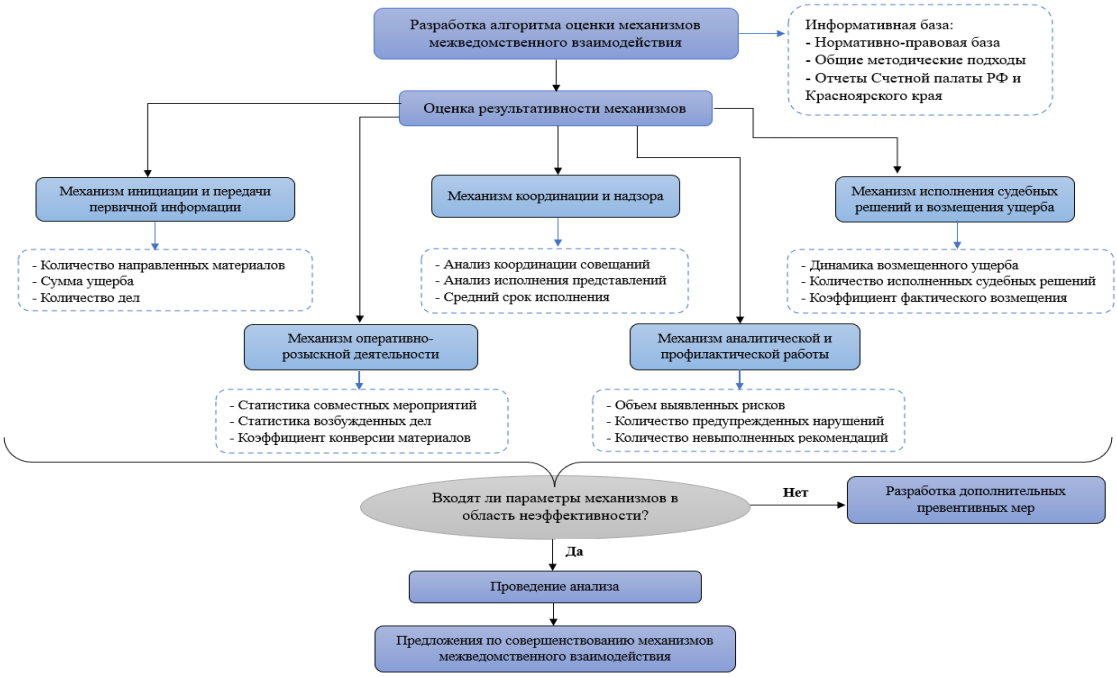


Рисунок 1. Алгоритм комплексной оценки механизмов межведомственного взаимодействия в сфере контроля за бюджетными средствами.

Алгоритм позволяет перейти от формирования информационной базы и оценки результативности каждого механизма к выявлению системных проблем и разработке предложений по их совершенствованию [4]. Этот алгоритм лег в основу анализа, обеспечив системность и практическую направленность исследования.

Список источников

1. Бывшев В.И., Писарев И.В., Дрянных Е.Е. Об институтах инновационного развития в России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22, № 3. С. 14–23.

2. Гамза В. А. Риск-ориентированный подход в государственном финансовом контроле: методология и практика // Финансовое право. 2018. № 4. С. 12–19.

3. Исследование влияния эффективности системы государственных закупок на инновационно-инвестиционное

развитие регионов / Руйга И. Р., Корпачева Л.Н., Данилова Н.Н. [и др.] // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3(60). С. 145–152.

4. Крохина Ю. А. Бюджетное правонарушение: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. 2021. № 5. С. 18–24.

5. Михеева И. В. Статистический анализ бюджетных нарушений в Российской Федерации / И. В. Михеева, С. В. Панкова // Вопросы статистики. 2022. Т. 29, № 3. С. 54–68.

6. Овсянников Л. Н. Финансовый контроль: методология, практика, правовое регулирование. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2020. 416 с.

7. Степашин С. В. Государственный финансовый контроль в Российской Федерации: современное состояние и пути развития // Вестник Финансового университета. 2019. № 3. С. 9–15.

УДК 338.24:658

Комплексная оценка контрагентов для обеспечения корпоративной экономической безопасности: формирование критериев и индикаторов

Крысько Ирина Олеговна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, krysko.03@mail.ru

Ключевые слова: критерии оценки контрагентов, коммерческая осмотрительность, корпоративная экономическая безопасность.

© Крысько И. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В условиях увеличения числа недобросовестных участников хозяйственного оборота обеспечение корпоративной экономической безопасности на этапе закупочных процедур носит стратегическое значение [1]. Угрозу представляют договорные отношения с поставщиками, подрядчиками: отсутствие их надлежащей проверки влечет налоговые, правовые и репутационные риски, инструментом минимизации которых является система комплексной оценки контрагентов.

Налоговый риск проявляется в признании заключённой сделки неправомерной по основаниям, предусмотренным ст. 54.1 НК РФ: наличие умысла на уклонение от уплаты налогов либо неисполнение обязательства лицом, указанным в договоре в качестве стороны.

Специализированный нормативный правовой акт, устанавливающий процедуру оценки контрагентов, в российском законодательстве отсутствует. Критерии оценки формируется на прецедентном уровне и в форме разъяснительных писем ФНС России, поэтому эффективность процесса зависит от качества внутренних регламентов компаний, которые конкретизируют состав и последовательность проверочных мероприятий, распределяют ответственность между подразделениями.

В научной литературе отсутствует единый подход к классификации направлений проверки. Н. Э. Мнацаканян и др. [2] выделяют правовое, финансовое, налоговое и операционное направления; Д. А. Асеев [3] дополняет маркетинговым блоком. Д. В. Каримова и др. [4] агрегируют проверяемую информацию в группы: регистрационные данные, сведения о финансово-хозяйственной деятельности и данные о деловой репутации. С. М. Бычкова и др. [5] структурируют проверку по блокам правоспособности, финансового состояния и деловой репутации; С. Б. Кузнецова [6] рассматривает через систему административного, коммуникативного и оценочного мониторинга. Подходы не

охватывают операционную и стратегическую составляющие, либо не учитывают риск-дифференцированный стандарт коммерческой осмотрительности.

На основе синтеза научных подходов и с учётом нормативных требований автором предложена расширенная система из пяти направлений проверки (таблица 1), практическая реализация которой обеспечивается информационно-аналитическими системами (ИАС), автоматизирующими сбор и анализ данных из открытых источников: реестров ЕГРЮЛ/ЕГРИП, картотеки арбитражных дел, базы ФССП, реестра банкротств, сведений ФНС и иных. Система обладает рядом преимуществ: каждое направление соотносится с критериями, закреплёнными в судебной практике и разъяснениях ФНС; блок стратегической устойчивости позволяет перейти к проактивной оценке контрагента.

Таблица 1. Синтезированный набор критериев оценки контрагентов

Направление	**Критерии оценки**
Юридическая правоспособность	Наличие регистрации в ЕГРЮЛ/ЕГРИП, сведения о реорганизации и ликвидации, наличие свидетельства постановки на учёт в ФНС, отсутствие частой смены видов деятельности, не приостановление деятельности, не проведение процедуры банкротства, наличие учредительных документов, наличие действующих лицензий и разрешений, отсутствие информация о нарушении прав интеллектуальной собственности, полномочия руководства, не истечение срока действий полномочий директора, достоверность паспортных данных руководителя, отсутствие массовости руководителя и адреса регистрации, отсутствие ограничений на сделки, наличие в собственности или аренде офиса, имущество не находится в залоге, не создание финансовой пирамиды, отсутствие нарушений налогового законодательства.

Окончание таблицы 1.

Направление	Критерии оценки
Финансово-экономическое состояние	Финансовая устойчивость (коэффициенты автономии, финансовой независимости), платежеспособность (коэффициенты ликвидности), рентабельность продаж (активов, капитала), оборачиваемость капитала (активов, обязательств), отсутствие признаков фиктивной отчетности, отсутствие отрицательных финансовых результатов, наличие выручки от реализации товаров, вероятность банкротства (Z-оценка), сведения об уставном капитале, финансовая дисциплина.
Деловая репутация	Участие в судебных разбирательствах (в качестве ответчика, наличие исполнительных производств (сумма, статус), упоминания в СМИ, социальных сетях, отсутствие контрагента в реестре недобросовестных поставщиков, отсутствие руководства в реестре дисквалифицированных лиц, наличие официального сайта.
Операционная деятельность	Наличие материальных (площади, оборудование), трудовых (штат, квалификация) ресурсов, качество продукции/услуг (технологии, материалы, оборудование).
Стратегическая устойчивость	Инвестиционная привлекательность, экологическая ответственность, корпоративная культура (условия труда, вовлеченность персонала), права на интеллектуальную собственность (патенты, авторские права)

Синтезированный набор критериев оценки контрагентов обеспечивает основу для разработки внутренних регламентов компаний и дает основания для включения индикаторов в систему комплексной оценки корпоративной экономической безопасности.

Список источников

1. Концептуальный подход к оценке корпоративной экономической безопасности на основе интеграции методов программирования и машинного обучения / И. Р. Руйга,

А. И. Смирнов, Ю. А. Тетерин [и др.] // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21, № 7. С. 79–99.

2. Мнацаканян Н. Э. Оценка контрагентов с позиции экономической безопасности / Н. Э. Мнацаканян, А. Д. Мутт // Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации. 2020. С. 183–190.

3. Асеев Д. А. Актуальные вопросы применения системы проверки контрагентов Due Diligence в хозяйствующем субъекте // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 5. С. 41.

4. Каримова Д. В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующего субъекта: особенности проверки на благонадёжность физических лиц / Д. В. Каримова, И. Г. Зель, Е. Г. Токмакова. 2024. Т. 7, № 6. С. 1547–1568.

5. Бычкова С. М. Роль дью дилидженс в формировании «портрета» контрагента в условиях цифровизации / С. М. Бычкова, Е. А. Жидкова, О. В. Швец // Техника и технология пищевых производств. 2023. № 3. С. 475–485.

6. Кузнецова С. Б. Due Diligence (должная осмотрительность) как способ проверки контрагента при заключении контракта // Синергия Наук. 2019. № 38. С. 229–234.

УДК 658.511.5

Ситуационный центр, как инструмент обеспечения экономической безопасности

Кузин Николай Анатольевич
Институт управления бизнес-процессов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kuzin_nikolay_03@mail.ru

Ключевые слова: определения экономической безопасности предприятия, ситуационный центр, внешние и внутренние риски.

В условиях глобальной экономической нестабильности, цифровизации и геополитической неопределённости экономическая безопасность трансформировалась из категории национальной безопасности в стратегический приоритет каждого предприятия. Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой состояние защищённости от внутренних и внешних угроз, способных нарушить его функционирование, снизить конкурентоспособность или воспрепятствовать достижению стратегических целей [1].

Актуальность обеспечения экономической безопасности предприятия обусловлена усложнением операционной среды и множественностью угроз: от макроэкономических шоков и валютных колебаний до изменений законодательства и экологических вызовов. В условиях глобальных цепочек поставок возрастают репутационные и регуляторные риски, где нарушение этических стандартов на любом этапе способно нанести существенный ущерб бизнесу. Таким образом, экономическая

© Кузин Н. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

безопасность представляет собой не пассивное состояние защиты, а динамический процесс проактивного управления рисками для обеспечения устойчивости хозяйствующего субъекта.

Анализ научной литературы позволяет выделить четыре концептуальные категории определения экономической безопасности предприятия, различающиеся онтологической основой и смысловым фокусом. Выделенные категории представлены на рисунке 1 [2; 3; 4].

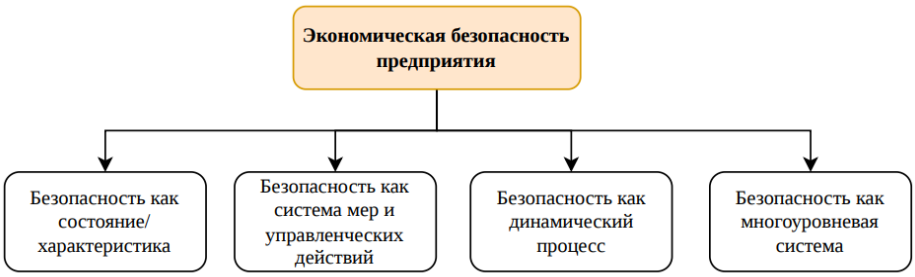


Рисунок 1. Категории определения экономической безопасности предприятия.

Ситуационный центр (СЦ) представляет собой эволюционный шаг в развитии систем обеспечения экономической безопасности, трансформируя их из пассивных инструментов мониторинга в активные центры принятия решений. Если традиционные методы управления рисками фокусируются на анализе вероятностей и последствий, то СЦ добавляет к этому элемент оперативности и активных действий. Другими словами СЦ – это центральная точка, куда концентрируется информация из разнородных источников, где она агрегируется, анализируется и интерпретируется для предоставления руководству предприятия своевременных и обоснованных рекомендаций по принятию управленческих решений. Его работа основана на принципе преобразования сырых данных в ценную информацию и далее в готовые к использованию знания в виде дашбордов и аналитических графиков [5].

Таблица 1. Функции ситуационного центра в системе обеспечения экономической безопасности

Функция	**Характеристика**
Постоянный мониторинг и раннее обнаружение угроз	СЦ непрерывно отслеживает как внутренние, так и внешние факторы. Внутренние угрозы включают сбои в работе IT-систем, операционные неэффективности, риски, связанные с персоналом. Внешние угрозы охватывают изменения в законодательстве, действия конкурентов, новости мировой экономики, социальные тренды и даже кибератаки.
Анализ и интерпретация данных	Главная задача команды СЦ — провести качественный и количественный анализ собранной информации, установить причинно-следственные связи и оценить потенциальное воздействие выявленных факторов на бизнес-процессы предприятия.
Подготовка сценариев и вариантов действий	На основе проведенного анализа команда СЦ должна разрабатывать несколько сценариев развития событий и предложить руководству конкретные варианты реакции на каждый из них.
Координация и управление кризисной реакцией.	В случае возникновения реальной угрозы или кризиса СЦ становится координирующим узлом, который обеспечивает слаженные и согласованные действия всех заинтересованных подразделений предприятия.

Технологическая основа современного СЦ тесно связана с концепциями центра операционной безопасности и корпоративной архитектуры. Он использует передовые средства сбора данных, включая внутренние информационные системы предприятия, внешние новостные потоки, данные с датчиков и аналитические сервисы. Таким образом, СЦ становится не просто набором экранов и программного обеспечения, а сложной организационной структурой с четко определенными процедурами и рабочими процессами.

Можно выделить несколько ключевых функций, которые определяют его роль как центра принятия решений (таблица 1) [6].

Таким образом, СЦ реализует методы обеспечения экономической безопасности, заложенные в управлении рисками и соблюдении нормативных требований, на совершенно новом технологическом и организационном уровне. Он автоматизирует и ускоряет процессы, которые ранее занимали много времени и требовали значительных человеческих ресурсов.

Список источников

1. Архипов А. П. Экономическая безопасность : учебник и практикум для вузов / А. П. Архипов , А. Е. Городецкий, М. Г. Михальченко // М. : Издательство Юрайт, 2023. 285 с.

2. Зенова Е. Н. К вопросу обеспечения экономической безопасности холдинговых структур / Е. Н. Зенова, Д. А. Кокорина // На страже экономики. 2022. № 3(22). С. 16-22.

3. Берзин П. С. Управление рисками экономической безопасности предприятия / П. С. Берзин, М. А. Петров // Вестник университета. 2022. № 1. С. 105-111.

4. Уразгалиев В. Ш. Экономическая безопасность : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2022. 725 с.

5. Старовойтов В. Г. Ситуационный центр как эффективный механизм в системе управления // Национальная безопасность. 2021.

6. Денисов Д. Ю. Ситуационные центры как инструмент современной системы менеджмента // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 12. С. 4825-4836.

УДК 657

Оценка влияния внутреннего аудита и контроля на повышение экономической безопасности предприятия

Лебедев Егор Валерьевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, egor_lebedev03@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, внутренний аудит, внутренний контроль, бизнес-процессы, интегральная оценка, управление рисками, система показателей.

В современных условиях обеспечение экономической безопасности предприятия приобретает первостепенное значение. Ключевыми инструментами здесь выступают системы внутреннего контроля и внутреннего аудита [1].

Интеграция этих систем позволяет преодолеть дублирование функций и информационную разобщённость, а эмпирические данные подтверждают, что компании со зрелой системой внутреннего контроля демонстрируют рентабельность на 20–30% выше. Существующие подходы к оценке эффективности внутреннего аудита и контроля включают модели зрелости (например, IACM), системы количественных показателей (доля выполненных проверок, доля реализованных рекомендаций), оценку на основе компонентов COSO (контрольная среда, оценка рисков, контрольные процедуры, информация и коммуникация, мониторинг), а также KPI для сотрудников службы внутреннего аудита. Однако, наличие формальной системы внутреннего

© Лебедев Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

контроля не всегда гарантирует её реальную эффективность, что обусловливает необходимость разработки действенных методов количественной оценки [4].

На основе проведённого анализа предложена адаптированная методика интегральной оценки, позволяющая количественно измерить вклад систем внутреннего аудита и контроля в обеспечение экономической безопасности предприятия. Методика базируется на принципах комплексности охвата всех ключевых бизнес-процессов, количественной измеримости показателей, сопоставимости результатов в динамике и адаптируемости к отраслевой специфике. Все отобранные индикаторы сгруппированы по трём типам процессов: производственным (основным), вспомогательным и управленческим.

Система оценки структурирована по шести проекциям: производственная, показатели ликвидности, рентабельности, финансовой устойчивости, кадровая, а также проекция, объединяющая показатели эффективности внутреннего контроля и аудита. Такая структура позволяет выявить в какой именно функциональной области возникают отклонения, и какие контрольные механизмы требуют усиления.

Для получения обобщённой количественной характеристики уровня экономической безопасности предлагается использовать метод средневзвешенной арифметической. Частные показатели предварительно нормируются путём сопоставления фактических значений с пороговыми: для стимуляторов – делением факта на порог, для дестимуляторов – делением порога на факт. Интегральный показатель (I) рассчитывается как сумма произведений нормированных значений на весовые коэффициенты, которые устанавливаются экспертным путём с учётом отраслевой специфики и стратегических приоритетов предприятия. Полученный показатель варьируется в диапазоне от 0

до 1, где чем ближе значение к 1, тем выше уровень экономической безопасности и ниже вероятность негативных изменений [3].

Интерпретация результатов осуществляется по четырём уровням: высокий ($I \geqslant 0{,}75$) – системы контроля и аудита эффективны, угрозы своевременно нейтрализуются; средний ($0{,}5 \leqslant I < 0{,}75$) – имеются отдельные недостатки, требующие корректировки; пониженный ($0{,}25 \leqslant I < 0{,}5$) – существенные уязвимости, высокая вероятность реализации угроз; критический ($I < 0{,}25$) – контрольная среда неэффективна, предприятие дестабилизировано. Для каждого уровня определены соответствующие управленческие действия – от планового мониторинга до полной служебной проверки.

Практическая реализация предложенной методики осуществляется в соответствии с последовательным алгоритмом [3]. На первом этапе определяются ключевые бизнес-процессы предприятия (операционные, вспомогательные, управленческие), подлежащие оценке, проводится интервьюирование ключевых сотрудников, анализ документооборота и идентификация рисков, характерных для каждого процесса. Второй этап – анализ компонентов системы внутреннего контроля и аудита. В соответствии с концепцией COSO осуществляется оценка контрольной среды (чёткость распределения ролей и обязанностей, наличие программ обучения сотрудников), контрольных процедур (соответствие выявленным рискам), информации и коммуникации (качество информационных потоков, защита данных), а также мониторинга (механизмы регулярного пересмотра и совершенствования СВК). Третий этап – сбор и расчёт частных показателей. На основе внутренней учётно-отчётной документации рассчитываются фактические значения частных показателей, каждый из которых нормируется относительно установленного порогового значения. Четвёртый этап – расчёт интегрального показателя и оценка остаточного риска. На основе полученных

нормированных значений и установленных весовых коэффициентов рассчитывается интегральный показатель, а также оценивается уровень остаточного риска. Пятый этап – формирование рекомендаций по повышению эффективности. На основе выявленных отклонений и зон пониженных значений частных показателей разрабатываются конкретные рекомендации по совершенствованию контрольных процедур и повышению эффективности внутреннего аудита.

Предложенная методика базируется на комплексном учёте показателей, характеризующих ключевые бизнес-процессы (операционные, вспомогательные, управленческие), и показателей, отражающих качество функционирования систем внутреннего контроля и аудита. Такое построение системы оценки позволяет количественно измерить вклад контрольных и аудиторских процедур в её обеспечение.

Список источников

1. Система внутреннего аудита и контроля как элемент обеспечения экономической безопасности предприятия / С. Ю. Ракутько, Е. Ю. Селезнева, В. М. Хафизова [и др.] // Вопросы управления. 2020. № 3. С. 24–32.

2. Кондрашова Е. А. Интеграция внутреннего контроля и аудита в систему экономической безопасности бизнес-структур / Е. А. Кондрашова, Я. С. Давлианидзе // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2025. № 1. С. 45–52.

3. Линовицкий Ю. А. Система оценки как инструмент повышения качества внутреннего аудита // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 5. С. 237–247.

4. Попова Ю. А. Современные подходы к оценке рисков и эффективности системы внутреннего контроля на предприятии // Экономика и управление. 2025. № 10. С. 45–52.

УДК 330.341.1:332.1

Методический подход к оценке влияния институтов развития на инновационную безопасность региона на основе DEA-анализа

Малявкина Дарья Николаевна
Институт управления бизнес-процессами, Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, dn.maliavkina@gmail.com

Ключевые слова: инновационная безопасность региона, институты развития, DEA-анализ, коэффициенты трансформации, институциональный дисбаланс.

Инновационная безопасность региона - состояние защищённости его научно-технического потенциала, обеспечивающее конкурентоспособность, способность к генерации и внедрению новых знаний, а также технологическую независимость от внешних источников (на основе [1]). В структуре инновационной безопасности выделяются три функциональные проекции, отражающие логику инновационного процесса от ресурсов через активность к результатам: финансовая обеспеченность, научно-технологический потенциал и результативность (систематизировано автором на основе [2]).

Ключевым инструментом обеспечения инновационной безопасности служат институты развития - государственные и окологосударственные структуры, компенсирующие «провалы рынка» и стимулирующие инновации на всех стадиях цикла [3; 4].

© Малявкина Д. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Анализ существующих методик [5; 6] выявил три недостатка: отсутствие прямой количественной связи между ресурсами институтов развития и уровнем инновационной безопасности региона; использование экспертных весов в интегральных индексах, что скрывает структурные диспропорции; невозможность локализовать «узкое место» инновационного процесса. Применение DEA к российским регионам [6] не включало показатели деятельности институтов развития как отдельный блок входных переменных.

Методика объединяет три взаимодополняющих блока: (1) DEA-анализ для оценки относительной эффективности регионов; (2) коэффициенты трансформации, характеризующие эффективность отдельных этапов инновационного процесса; (3) показатель институционального дисбаланса, локализующий «узкие места».

Система переменных. Входные переменные (характеризуют деятельность институтов развития и ресурсную базу):

• x_1 - количество институтов развития / элементов инновационной инфраструктуры (шт.);

• x_2 - количество субъектов МСП на 1 000 человек населения (ед./1000 чел.);

• x_3 – интегральный показатель нормативно-правовой обеспеченности ($x_3 = \frac{z_1+z_2+z_3}{3} \in [0; 1]$), где z_1 -наличие регионального закона об инновационной деятельности, z_2 - наличие стратегии инновационного развития, z_3 - наличие НПА по институтам развития [3; 4];

• x_4 – инвестиции в основной капитал на душу населения (тыс. руб./чел.).

Выходные переменные (характеризуют инновационную безопасность):

• y1 – внутренние затраты на НИОКР (% ВРП) – проекция финансовой обеспеченности;

• y2 – численность занятых НИОКР (% от занятых в экономике) – научно-технологический потенциал;

• y3 – коэффициент изобретательской активности (заявок на 10 тыс. чел.) – научно-технологический потенциал;

• y4– уровень инновационной активности организаций (%) – результативность;

• y5 – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг (%) – результативность.

Интегральный показатель научно-технологического потенциала (ПТ) рассчитывается как среднее геометрическое нормированных значений y_1, y_2, y_3. CCR-модель с постоянной отдачей от масштаба в ориентации на выход даёт для каждого региона k показатель $E_k \in [0;1]$ [7]. Регионы с $E_k = 1$ образуют границу эффективности и служат эталонами; для $E_k < 1$ модель определяет резерв результативности. Апробация проводится на панельных данных 10 регионов СФО за 5 лет (50 наблюдений), что обеспечивает необходимую дискриминирующую силу модели. Четыре коэффициента трансформации диагностируют последовательные переходы инновационного процесса (таблица 1):

Таблица 1. Формулы коэффициентов трансформации

Коэффициент	**Переход**	**Формула**
K_1	Инвестиции → инновационная активность	$\frac{y_4}{x_4}$
K_2	Инфраструктура → научно-технологический потенциал	$\frac{\text{ПТ}}{x_1}$
K_3	Инновационная активность → инновационная продукция	$\frac{y_5}{y_4}$
K_4	Предпринимательская среда → инновационная продукция	$\frac{y_5}{x_2}$

Нормировка: $\widetilde{K_i} = K_i / K_i^{max}$, все $\widetilde{K_i} \in [0;1]$.

Показатель институционального дисбаланса:

$$D = \left|\widetilde{K_1} - \widetilde{K_2}\right| + \left|\widetilde{K_2} - \widetilde{K_3}\right| + \left|\widetilde{K_3} - \widetilde{K_4}\right|.$$

Интерпретация: D≈0 означает сбалансированность всех этапов. Высокое значение $|\widetilde{K_1} - \widetilde{K_2}|$ указывает на слабую конверсию инвестиций в потенциал; $|\widetilde{K_2} - \widetilde{K_3}|$– на разрыв между наукой и бизнесом; $|\widetilde{K_3} - \widetilde{K_4}|$ – на проблемы коммерциализации поддержанных проектов.

Разработанная методика преодолевает разрозненность оценки инновационной сферы и деятельности институтов поддержки, позволяет ранжировать регионы по эффективности и выявлять конкретные институциональные «ловушки». Апробация на данных регионов Сибирского федерального округа позволит верифицировать её работоспособность.

Список источников

1. Багаряков А. В. Инновационная безопасность в системе экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 302-305.

2. Яшин С. Н. Методика оценки уровня инновационного развития регионов / С. Н. Яшин, С. А. Борисов // Финансы и кредит. 2015. № 44 (668). С. 2-16.

3. Бывшев В. И. Об институтах инновационного развития в России / В. И. Бывшев, И. В. Писарев, Е. Е. Дрянных // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22, № 3. С. 14-23.

4. Руйга И. Р. Оценка эффективности функционирования региональной инновационной инфраструктуры: формирование методических принципов и оценочных индикаторов / И. Р. Руйга, В. И. Бывшев, И. А. Пантелеева // Инновационное развитие экономики. 2019. № 2 (50). С. 62-71.

5. Кузенкова В. М. Современные подходы к оценке эффективности институтов развития // Экономическая наука современной России. 2020. № 3 (90). С. 19-33.

6. Zemtsov S. An assessment of regional innovation system efficiency in Russia: the application of the DEA approach / S. Zemtsov, M. Kotsemir // Scientometrics. 2019. Vol. 120, № 2. P. 375-404.

7. Charnes A. Measuring the efficiency of decision making units / A. Charnes, W. W. Cooper, E. Rhodes // European Journal of Operational Research. 1978. Vol. 2, № 6. P. 429-444.

УДК 336.71.078.3

К вопросу об эффективности KYC как инструмента финансового мониторинга в рамках ПОД/ФТ

Молчанов Павел Денисович
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, pavel_molchanov_2000@mail.ru

Ключевые слова: финансовый мониторинг, идентификация клиента, банковский надзор, защита персональных данных, противодействие отмыванию доходов.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Малаховой Анне Андреевне, доценту, канд. экон. наук.

В условиях глобализации финансовых рынков и усиления борьбы с отмыванием доходов в рамках ПОД/ФТ, особое значение приобретает процедура KYC (Know Your Customer - «Знай своего клиента»). Данная концепция является неотъемлемой частью системы финансового мониторинга и применяется кредитными

© Молчанов П. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

организациями, финансовыми институтами и иными субъектами первичного финансового мониторинга [1; 5].

Целью данной статьи является рассмотрение процедуры KYC как одного из главных источников утечки персональных данных для выявления путей предотвращения использования злоумышленниками персональных данных.

Процедура KYC - принцип работы финансовых институтов, который обязывает их идентифицировать личность человека перед тем, как тот сможет проводить операции [1]. Цель KYC – остановить отмывание денег в превентивном порядке, а также повлиять на замедление финансирования терроризма и иные противоправные действия в сфере ПОД/ФТ. Для достижения вышеуказанной цели процедура KYC подразумевает необходимость решения следующих задач: определение личности клиента финансовой организации посредством идентификации и верификации; формирование и корректировка риск-профиля клиента; отслеживание совершаемых операций в финансовой системе; обнаружение и передача информации о финансовых операциях, которые вызывают подозрения [2].

Для обеспечения работоспособности и увеличения эффективности процедуры KYC существуют специальные действия, направленные на сбор и постоянное обновление персональных данных клиентов в системах различных финансовых организаций. Персональные данные, которые были собраны во время проведения процедуры KYC, являются ценной информацией для мошенников и киберпреступников. Путем обладания подобными персональными данными можно отследить историю финансовых операций, информацию о местонахождении и многое другое [2]. Персональные данные, которые были украдены, вполне вероятно могут использоваться для создания ненастоящих, так называемых «фейковых» аккаунтов в социальных сетях, потребительских

сервисах, финансовых организациях и даже государственных системах.

За последние несколько лет объемы утечек персональных данных увеличились и приобрели угрожающий характер. Число зафиксированных инцидентов информационной безопасности, связанных с базами данных российских и других компаний из СНГ, резко возросло в 2024 году. За период 2023 года было зафиксировано 246 инцидентов, тогда как в 2024 году это число выросло в 2 раза, достигнув отметки в 455 инцидентов [4]. Исследование российской ИТ-компании Positive Technologies показывает, что главной целью кибератак, проводимых в рамках кражи персональных данных, являются финансовые организации [3].

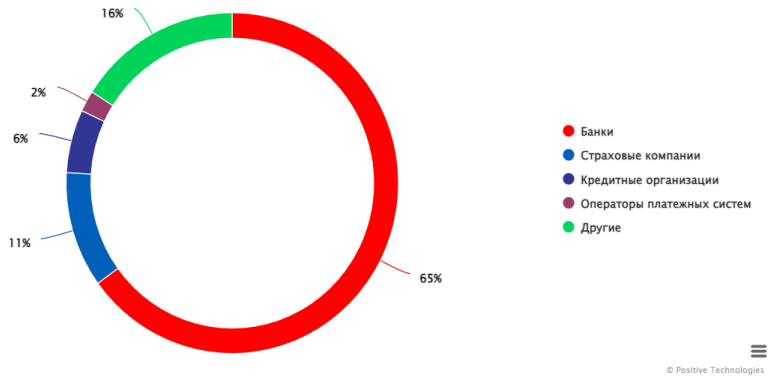


Рисунок 1. Категории финансовых организаций, фигурировавших в объявлениях на теневом рынке (H2 2023 – H1 2024).

Существующие угрозы весьма разнообразны и включают внутренние утечки информации, фишинговые атаки, а также взломы информационных систем, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к защите таких данных, что предполагает построение многоуровневой системы безопасности, и включает разработку внутренних политик и обучение персонала, разграничение доступа на основе принципа минимальных привилегий, а также применение современных технических

решений, таких как шифрование данных, многофакторная аутентификация, системы мониторинга и выявления аномалий, DLP и IDS/IPS.

Важную роль играют процедурные меры, включая многоступенчатую верификацию клиентов, регулярные аудиты и наличие плана реагирования на инциденты. Дополнительно необходимо использовать инструменты защиты от фишинга и внутренних угроз, а также внедрять инновационные технологии, такие как биометрическая аутентификация, искусственный интеллект и системы обнаружения искусственно созданных данных.

Защита данных, полученных в рамках процедуры KYC, требует формирования многоуровневой системы безопасности, которая учитывает как традиционные угрозы, так и новые вызовы, обусловленные развитием цифровых технологий, включая генеративный искусственный интеллект. Только комплексное сочетание организационных и технологических мер способно обеспечить надежную защиту персональных данных клиентов и устойчивость финансовых институтов к современным киберугрозам.

Список источников

1. KYC: как бизнес узнает своих клиентов и зачем это нужно // РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/615dbdfd9a7947ef7ae435f9.

2. Know Your Customer (KYC): анализ угроз и методов защиты // Anti-Malware.ru. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Know-Your-Customer.

3. Аналитика кибербезопасности финансовой отрасли за 2023–2024 гг. // PT Security. URL: https://ptsecurity.com/research/analytics/financial-industry-security-h2-2023-h1-2024/#id9.

4. Рост киберугроз в финансовом секторе и методы защиты данных // Anti-Malware.ru. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2025-02-19-111332/45308.

5. Совершенствование механизмов противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма как фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики в глобальном экономическом пространстве / А. А. Малахова, А. А. Минченко, А. М. Смолин [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 5. С. 119-122.

УДК 657.6:004:336.1

Цифровые инструменты финансовых расследований как фактор обеспечения экономической безопасности бюджетной системы

Олченова Аделина Игоревна
Институт управление бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, olch.adel@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, бюджетная система, финансовые расследования, цифровизация, контроль, закупки.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Ирине Валерьевне Сабодах, доценту, канд. физ.-мат. наук.

© Олченова А. И., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

В современных условиях цифровой трансформации экономики возрастает значимость обеспечения экономической безопасности бюджетной системы, что обусловлено увеличением объёмов бюджетных средств, усложнением финансовых потоков и ростом рисков их нецелевого использования. Традиционные методы контроля, основанные на выборочных проверках и ручной обработке данных, оказываются недостаточно эффективными, что повышает вероятность пропуска финансовых нарушений. В этой связи особую актуальность приобретает применение цифровых инструментов финансовых расследований, позволяющих повысить прозрачность и результативность контроля. Экономическая безопасность бюджетной системы представляет собой состояние защищённости финансовых ресурсов государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее их целевое и эффективное использование. Одним из ключевых механизмов обеспечения выступают финансовые расследования — комплекс мероприятий по выявлению и пресечению нарушений в сфере формирования и использования бюджетных средств [1; 5]. Вместе с тем в практике бюджетных организаций сохраняется ряд проблем, снижающих эффективность финансовых расследований. К ним относятся высокая доля ручного труда при анализе операций, ограниченные возможности выявления скрытых связей между участниками финансовых отношений, а также недостаточная оперативность реагирования на выявленные нарушения. Дополнительные риски связаны с ростом объёмов данных, которые невозможно качественно обработать без применения специализированных цифровых решений. Данная тенденция приводит к снижению уровня экономической безопасности и увеличению вероятности финансовых потерь. Государственные информационные системы (ИС), такие как ГИС «Электронный бюджет», ГИС ГМП, автоматизированная система казначейских платежей (АСКП), а также АИС налогового контроля, формируют основу

информационного обеспечения финансовых расследований. ИС аккумулируют данные о бюджетных операциях, платежах и контрагентах, обеспечивая их доступность для анализа. Однако сами по себе данные системы не позволяют в полной мере выявлять сложные схемы нарушений [2]. Рассмотрим ключевые цифровые инструменты финансовых расследований по следующей схеме: инструмент – функции – преимущества – недостатки – применение. Инструменты Data Mining обеспечивают сбор и консолидацию данных из различных источников (ЕИС, налоговые базы, судебные реестры), что позволяет формировать единую информационную базу для анализа – высокая полнота данных и автоматизация сбора – зависимость от качества исходной информации – используются для первичной подготовки данных при проведении расследований [3]. BI-системы (Business Intelligence) позволяют визуализировать большие массивы данных, выявлять аномалии и отклонения (завышение цен) – высокая наглядность и скорость анализа – необходимость настройки и квалифицированных специалистов – применяются для мониторинга закупочной деятельности. Инструменты Process Mining анализируют логи информационных систем (например, 1С) и позволяют выявлять отклонения от регламентов – выявление скрытых нарушений бизнес-процессов – высокая стоимость внедрения – используются для анализа процедур закупок и исполнения контрактов [4]. Практическое значение применения цифровых инструментов следует рассмотреть на примере государственной медицинской организации. В рамках финансового расследования анализируются данные Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС), включая сведения о заключённых контрактах, начальной (максимальной) цене, количестве закупок у одного поставщика, сроках исполнения и оплаты контрактов. При традиционном подходе выборочный аудит охватывает ограниченную долю закупок, что снижает вероятность выявления

нарушений. В условиях внедрения цифровых инструментов осуществляется комплексный анализ всех операций. Так, при анализе закупок медицинских товаров выявляется аномальное завышение цен по сравнению с аналогичными контрактами, высокая концентрация закупок у одного поставщика, а также признаки возможной аффилированности. Дополнительно фиксируются отклонения в сроках оплаты контрактов, не соответствующие установленным регламентам. Представленный алгоритм действий позволяет выявить потенциальные нарушения и оценить возможный ущерб бюджету. Отсутствие цифровых инструментов приводит к формированию ряда угроз экономической безопасности бюджетной системы: низкая оперативность контроля, высокая вероятность ошибок вследствие человеческого фактора, невозможность выявления сложных коррупционных схем. Внедрение цифровых решений позволяет минимизировать данные угрозы за счёт автоматизации анализа, применения риск-ориентированного подхода и повышения прозрачности финансовых операций.

Таким образом, применение цифровых инструментов в финансовых расследованиях способствует повышению эффективности контроля, выявлению скрытых нарушений и снижению рисков нецелевого использования бюджетных средств. Внедрение современных аналитических технологий обеспечивает переход к комплексному анализу данных и укрепление экономической безопасности бюджетных организаций.

Список источников

1. Аветисян А. А. Цифровые технологии в финансово-бюджетном контроле как инструмент достижения целей устойчивого развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. С. 12–17. DOI 10.24412/2411-0450-2024-9-1-12-17.

2. Государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://clc.li/mnUBT

3. Арсентьева Н. В. Data mining: методы, этапы, применение и значение в современном мире // Cyberleninka : научная электронная библиотека. URL: https://clc.li/Ztqti.

4. Агаев Т. М. Цифровой инструментарий как основа повышения эффективности бизнес-процессов // Cyberleninka : научная электронная библиотека. URL: https://clc.li/mRwnR.

5. Сабодах И. В. Мониторинг уровня социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 4. С. 363-369.

УДК 504.062

Механизмы обеспечения экологической безопасности нефтегазовых предприятий

Парфёнова Влада Васильевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vladap2003@mail.ru

Ключевые слова: экологическая безопасность, экология, безопасность, нефтегазовый сектор, механизм.

© Парфёнова В. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Экологическая безопасность предприятий нефтегазовой отрасли является важнейшим аспектом их устойчивого развития и экономической безопасности, поскольку деятельность в данной сфере оказывает значительное воздействие на окружающую среду и социально-экономические условия регионов присутствия. В современных условиях усиления экологических требований и общественного контроля обеспечение эффективных механизмов экологической безопасности становится стратегической необходимостью для компаний нефтегазового сектора.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов обеспечения экологической безопасности нефтегазовых предприятий, что особенно важно в условиях динамичного развития отрасли и ужесточения нормативных требований.

Анализ определений отечественных и зарубежных авторов свидетельствует о том, что экологическая безопасность предприятия рассматривается как сложная, многогранная категория, объединяющая защиту окружающей среды, минимизацию антропогенного воздействия и обеспечение устойчивого развития [1; 2].

И отечественные, и зарубежные исследователи сходятся в понимании экологической безопасности как состояния защищенности, при котором деятельность предприятия не наносит необратимого вреда природным системам и здоровью человека. При этом ключевым условием достижения такого состояния выступает комплексный подход, включающий правовые, технологические, экономические и управленческие меры.

Ключевой целью внедрения механизмов обеспечения экологической безопасности нефтегазовых предприятий является учет отраслевой специфики при реализации проектов за счет минимизации воздействия на окружающую среду, сохранения

экосистем и биоразнообразия, а также стремления к операционной углеродной нейтральности.

Концепция обеспечения экологической безопасности предприятия нефтегазовой отрасли, представленная на рисунке 1, отражает многоуровневую и взаимосвязанную систему мер, охватывающих все ключевые направления деятельности организации. В центре данной системы лежит интеграция правовых, технологических, организационно-управленческих и экономических механизмов, что позволяет формировать устойчивую и эффективную модель управления экологическими рисками на предприятиях. Такой подход к рассмотрению механизмов имеет ряд важных преимуществ для нефтегазовой отрасли, поскольку деятельность предприятий этого сектора сопряжена с высокими экологическими рисками, масштабным воздействием на окружающую среду и постоянным вниманием со стороны общества и государства. С применением комплексного подхода, существенно повысится эффективность и устойчивость экологической безопасности предприятий.

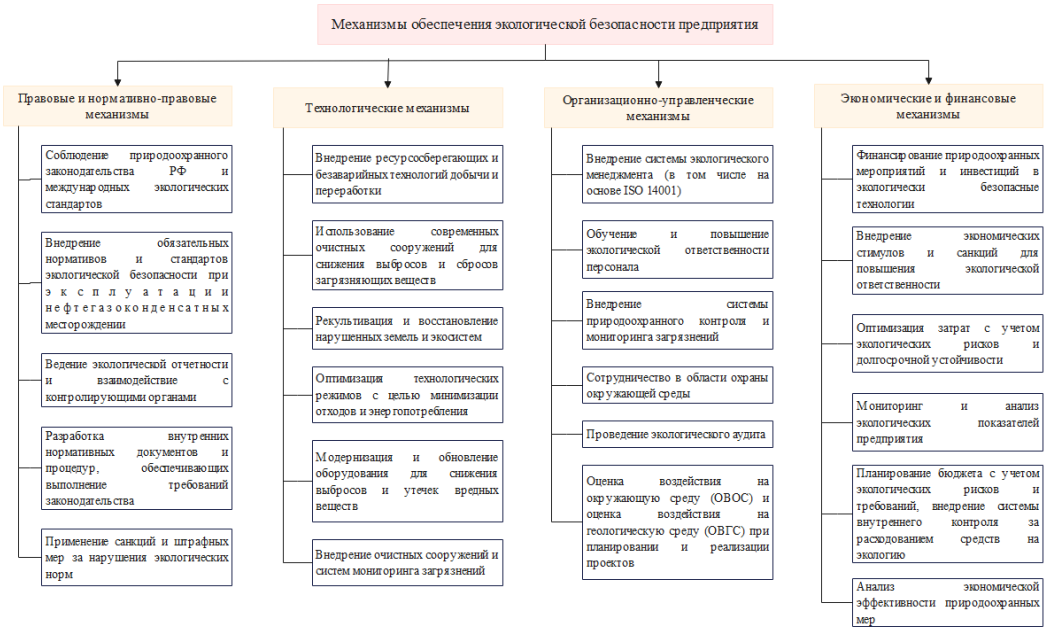


Рисунок 1. Механизмы обеспечения экологической безопасности предприятия нефтегазовой отрасли [3-5].

Интеграция всех перечисленных механизмов способствует созданию единой информационной среды и цифровых платформ, что особенно актуально для нефтегазовой отрасли, где внедрение передовых цифровых технологий становится ключевым фактором повышения производственной безопасности и эффективности. Совместное использование данных и автоматизация процессов позволяют оперативно реагировать на изменения, минимизировать непредвиденные потери и обеспечивать устойчивое развитие предприятия.

Список источников

1. Ахмадиев А. К. Проблемы обеспечения экологической безопасности нефтегазовой отрасли = Problems of Environmental Safety in the Oil and Gas Industry / А. К. Ахмадиев, В. Н. Экзарьян // Разведка и охрана недр. 2020. № 7. С. 44–47.

2. Сивков Ю. В. Арктика: современные подходы к производственной и экологической безопасности в нефтегазовом секторе: материалы Международной научно-практической конференции (29 ноября 2023 года) // Тюмень : ТИУ. 2024. 485 с.

3. Кондрашова Н. Г. Обеспечение экологической безопасности предприятия: экономический механизм / Н. Г. Кондрашова, Е. А. Рябой // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №12–3. С. 102–105.

4. Агафонова Т. П. Приоритетные направления совершенствования и развитии механизма обеспечения экологической безопасности в современной России / Т. П. Агафонова, Я. В. Коженко, Д. В. Сафонова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2022. № 2. С. 134–143.

5. Мамиева И. Т. Трансформация правовых механизмов обеспечения экологической безопасности в условиях возрастания климатических рисков и угроз // Столыпинский вестник. 2024. № 10. С. 1–12.

УДК 622.3:629.7:330.322.2(47+57)

Экономические аспекты формирования сектора космической добычи ресурсов и участие России

Первых Семён Николаевич
Институт цветных металлов Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, semjonpervykh@yandex.ru

Ключевые слова: космическая экономика, внеземные ресурсы, добыча ресурсов в космосе, освоение космического пространства.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Кирсанову Александру Константиновичу, доценту, канд. техн. наук кафедры шахтного и подземного строительства.

Формирующийся сектор космической добычи ресурсов представляет собой одно из ключевых направлений трансформации глобальной космической экономики, переходящей от преимущественно государственных программ к смешанной модели с возрастающей ролью частного капитала и коммерческих операторов [1]. В рамках концепции внеземной экономики освоение ресурсов небесных тел рассматривается не только как технологическая задача, но и как элемент будущей ресурсной и энергетической безопасности. Несмотря на то, что космическая добыча пока не оформилась в самостоятельную индустрию, её экономические основы уже формируются через инвестиционные программы, технологические миссии и институциональные инициативы ведущих космических держав [1].

© Первых С. Н., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Сравнительный макроанализ показывает, что в период 2020–2025 гг. глобальная космическая деятельность характеризовалась высокой концентрацией финансовых ресурсов в США при одновременном наращивании активности КНР [2; 3]. Рост числа орбитальных запусков и увеличение бюджетного финансирования отражают формирование новой экономической модели отрасли, основанной на интеграции государственных программ и частных инвестиций. На этом фоне позиция Российской Федерации характеризуется снижением доли запусков, ограниченными инвестиционными возможностями и сокращением участия в международных коммерческих проектах, что снижает её конкурентоспособность в традиционных сегментах космической деятельности.

Экономическая специфика формирующегося сектора космической добычи определяется высокой капиталоёмкостью проектов, длительными инвестиционными циклами и значительной неопределённостью, обусловленной технологическими и институциональными рисками. В этих условиях ключевым инструментом оценки инвестиционной привлекательности выступает анализ дисконтированных денежных потоков (DCF) с расчётом чистой приведённой стоимости (NPV). При этом определяющее значение имеет не столько ресурсный потенциал небесных тел, сколько способность проекта формировать положительный денежный поток с учётом стоимости капитала и уровня риска. Ставка дисконтирования в данном контексте выступает интегральным показателем совокупной неопределённости и критическим параметром экономической реализуемости проектов.

Анализ национальных условий Российской Федерации показывает, что на инвестиционный профиль проектов космической добычи существенное влияние оказывают преобладание государственного финансирования, ограниченный

доступ к частному и венчурному капиталу, санкционные ограничения и особенности бюджетного планирования. Это приводит к повышению требуемой нормы доходности и усложняет достижение положительной NPV по сравнению со странами с более развитой институциональной средой и активным участием частного сектора.

В этих условиях наиболее рациональной представляется стратегия поэтапного вовлечения России в формирующийся сектор космической добычи. На первом этапе приоритетом является формирование технологического задела через НИОКР и демонстрационные проекты, что сопровождается высокой неопределённостью и отсутствием коммерческой отдачи. На втором этапе ключевую роль играет интеграция в международную инфраструктуру, позволяющая снизить рыночные риски и повысить предсказуемость денежных потоков за счёт участия в обеспечении функционирования внеземных объектов. На третьем этапе возможен переход к коммерциализации и масштабированию технологий, сопровождающийся снижением удельных затрат и формированием устойчиво положительной NPV.

Таким образом, участие Российской Федерации в секторе космической добычи ресурсов должно рассматриваться не как краткосрочный инвестиционный проект, а как долгосрочный процесс снижения совокупных рисков и накопления технологических компетенций. При концентрации ресурсов на ключевых направлениях и интеграции в международные программы Россия сохраняет возможность занять нишевую, но устойчивую позицию в формирующейся внеземной экономике.

Список источников

1. Добыча полезных ископаемых в космосе: обзор современных исследований и разработок / А. К. Кирсанов,

С. А. Вохмин, Г. С. Курчин [и др.] // Горная промышленность. 2024. № 4. С. 75-80.

2. Space Stats. Orbital launches by year // Space Stats. URL: https://spacestatsonline.com/launches/.

3. Statista. Government expenditure on space programs in 2020 and 2022, by major country // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/745717/global-governmental-spending-on-space-programs-leading-countries/.

УДК 338.23

Трансформация правовых подходов к оценке коммерческой осмотрительности налогоплательщика в решениях арбитражных судов

Пушминцева Карина Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, karina.pushmintseva_push@mail.ru

Ключевые слова: судебная практика, коммерческая осмотрительность, контрагенты, необоснованная налоговая выгода.

Сегодня судебная практика играет ключевую роль в формировании содержания коммерческой осмотрительности, определяемой как процесс оценки правоспособности, деловой репутации и операционных возможностей контрагента для минимизации правовых, налоговых и репутационных рисков.

© Пушминцева К. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Анализ статистических данных арбитражных судов с 2014 года по первое полугодие 2025 года позволяет выявить динамику удовлетворенных требований в связи с отказом в возмещении НДС (рисунок 1).

Рисунок 1. Доля удовлетворенных требований налогоплательщиков и налоговых органов в связи с отказом в возмещении НДС, % [1].

Так доля удовлетворенных требований налогоплательщиков снизилась с 55,81% в 2014 году до 6,52% в первом полугодии 2025 года, то есть более чем в 8 раз, а доля решений в пользу налоговых органов возросла до 93,48%, что свидетельствует об укреплении позиции налоговых органов. Далее необходимо рассмотреть этапы изменения судебной практики по оценке коммерческой осмотрительности (таблица 1).

Таблица 1. Подходы решений судов к проявлению коммерческой осмотрительности [2; 3]

Год	**Наименование судебного акта**	**Содержание подхода**
2006	Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21.08.2006 № Ф04-3446/2006 [2]	Налогоплательщик не обязан проверять контрагента сверх формальных сведений, а налоговая выгода признается правомерной при отсутствии доказанной недобросовестности.
2009	Постановление ФАС Поволжского округа от 19.02.2009 № А55-4283/2008 [2]	Налогоплательщик не несет ответственности за налоговые нарушения контрагента, так проявление должной осмотрительности требует разумных и доступных мер, а не всестороннего контроля партнера.

Окончание таблицы 1.

Год	Наименование судебного акта	Содержание подхода
2012	Постановление Десятого ААС от 27.08.2012 № 10АП-5407/12 [2]	Осмотрительность начинает включать оценку деловой репутации и ресурсов контрагента, при этом формальной проверки уже недостаточно.
2017	Постановление Четвертого ААС от 27.09.2017 № 04АП-4211/17 [2]	Наличие документов не подтверждает реальность операций без фактического исполнения и экономического смысла сделки.
2022	Постановление Седьмого ААС от 23.12.2022 № А45-7833/2022 [3]	Формальная проверка заменяется анализом фактического исполнения обязательств и наличия ресурсов у контрагента.
2025	Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.08.2025 № Ф03-1755/2025 [3]	Должная осмотрительность включает контроль цифровых следов, при этом совпадение IP-адресов, централизация финансовых потоков и транзит операций свидетельствуют о согласованности действий и аффилированности.

В период до 2017 года судебная практика характеризовалась формальным характером, при котором основное внимание уделялось наличию надлежаще оформленных первичных документов. Коммерческая осмотрительность в этот период включала в себя проверку регистрации контрагента и его постановки на налоговый учет.

Введение в 2017 году статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации закрепило запрет на искажение сведений о фактах хозяйственной деятельности и установило критерии допустимости налоговой выгоды [4]. В период 2017-2019 годов суды переходят к анализу фактического исполнения сделок, деловой цели и роли контрагентов, вследствие чего проверка формальных документов перестает быть безусловным доказательством.

Коммерческая осмотрительность начинает включать оценку деловой репутации контрагента и его способности исполнить принятые на себя обязательства.

В 2020-2022 годах суды переходят к комплексной оценке доказательств, анализируя финансовые потоки, логистику и ресурсы контрагентов. Выявление согласованности действий участников сделок свидетельствует о формировании схем необоснованной налоговой выгоды. Здесь коммерческая осмотрительность преобразуется в обязанность налогоплательщика тщательно проверять контрагентов, включая анализ их экономической деятельности, структуры бизнеса и возможностей.

С 2023 по 2025 годы суды отдают приоритет экономическому содержанию операций над формальным оформлением. Отсутствие у контрагента ресурсов и инфраструктуры признается признаками недобросовестности. Налоговая реконструкция при этом не применяется и является исключительной мерой. Суды также расширили круг учитываемых обстоятельств, анализируя цифровые следы, логистику, структуру бизнеса и взаимосвязи участников.

Указанные этапы эволюции судебной практики в хронологической последовательности представлены на рисунке 2.

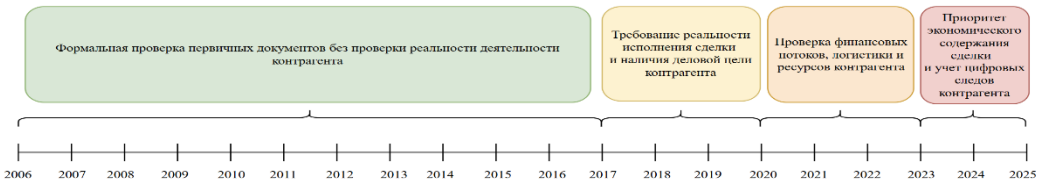


Рисунок 2. Эволюция судебной практики в рамках проявления коммерческой осмотрительности.

В результате сформировался подход, при котором приоритет отдается фактическим обстоятельствам над формальными документами, а бремя доказывания добросовестности фактически возлагается на налогоплательщика, для которого возникают риски в виде налоговых доначислений и отказа в вычетах, правовые риски в

виде имущественной ответственности и оспаривания сделок, а также репутационные риски признания бизнеса недобросовестным.

Список источников

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://cdep.ru/

2. Гарант : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/

3. СудАкт : судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/

4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // КонсультантПлюс : надежная правовая поддержка. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.

УДК 341.24

Правовые механизмы обеспечения экономической безопасности стран БРИКС в условиях расширения: ограничения и возможности роста

Садовская Татьяна Евгеньевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sadovs99@mail.ru

Ключевые слова: БРИКС, экономическая безопасность, правовые механизмы, ПОД/ФТ/ФРОМУ, гармонизация законодательства, санкции, финансовая разведка.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Зыряновой Ирине Игоревне, доценту, канд. экон. наук.

В условиях нарастающей геополитической фрагментации и усиления санкционного давления вопросы правового обеспечения экономической безопасности интеграционных объединений приобретают особую актуальность. Расширение БРИКС в 2024 г. одновременно увеличило потенциал объединения и обнажило структурные дефициты его правовой архитектуры. Целью данной статьи является выявление ограничений действующих правовых механизмов обеспечения экономической безопасности стран БРИКС и определение реалистичных направлений их развития с учётом расширенного состава объединения.

Присоединение к БРИКС в 2024 г. ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии качественно изменило вес объединения: по совокупному

© Садовская Т. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

ВВП по паритету покупательной способности оно сосредоточило около 35 % мирового производства, превзойдя G7 [7]. Одновременно возросла внутренняя асимметрия: Иран в 2024 г. находился в «чёрном списке» ФАТФ, Эфиопия — в «сером», тогда как первоначальная «пятёрка» располагает развитыми системами финансового мониторинга.

Правовая архитектура БРИКС прошла путь от политических деклараций (2009–2014) к частичной институционализации: Новый банк развития (НБР) и Пул условных валютных резервов (CRA) стали первыми постоянными органами с реальными полномочиями [2]. Тем не менее в сфере экономической безопасности сохраняются три системных ограничения.

Первое - дефицит механизма принуждения. В отличие от ЕС или ЕАЭС, у БРИКС нет наднационального органа с правом принимать обязательные для всех решения. Это порождает «правовую асимметрию»: по данным Е. М. Астахова, лишь около 30% договорённостей саммитов закрепляются в национальном законодательстве в течение двух лет, что создаёт разрыв между декларируемыми целями и реальным нормативным обеспечением [1].

Второе- разрыв в имплементации стандартов ПОД/ФТ/ФРОМУ. Ресурсы финансовых разведок стран «ядра» БРИКС (Россия, Китай) и новых членов (Эфиопия, Египет) несопоставимы. Это создаёт уязвимости: слабые звенья в системе мониторинга могут использоваться для обхода контролей, установленных более развитыми участниками.

Третье - санкционные коллизии. Участие в объединении стран, находящихся под односторонними санкциями, порождает правовую неопределённость. Легитимные транзакции внутри БРИКС могут подпадать под экстерриториальные санкционные режимы, что ограничивает расчёты и стандартные механизмы ПОД/ФТ.

Концепция многоуровневой гармонизации, апробированная в практике ФАТФ [5], предлагает реалистичный путь преодоления выявленных ограничений: не унификация права (политически нереалистичная в суверенном объединении), а разграничение «базовых норм», имплементируемых обязательно, и «адаптируемых норм», допускающих национальную специфику.

Направление 1. Институционализация координационного органа. Предлагается создать Постоянный координационный совет БРИКС по финансовой безопасности (ПКС) для мониторинга, администрирования цифровой платформы, координации реагирования и взаимных оценок. Институциональным прецедентом служит Секретариат ШОС [6]. Для новых членов — Протокол нормативной имплементации (ПНИ) с переходным периодом 3–5 лет и программой технической помощи [3].

Направление 2. Цифровая инфраструктура финансовой разведки. Необходимо создать три взаимосвязанных компонента: (1) защищённую платформу обмена данными между ПФР по образцу Egmont Secure Web; (2) федеративный реестр бенефициарных владельцев; (3) протокол экстренного обмена данными (срок ответа — 24 часа). Технологическим заделом служат инициатива BRICS Pay и проекты трансграничных расчётов в национальных валютах.

Направление 3. Инструмент «защищённого коридора» (BRICS Safe Harbour). Для нейтрализации санкционных коллизий предлагается разработать перечень трансакций, не подлежащих ограничению на основании односторонних санкций. Правовой основой служат ст. 41 Устава ООН и резолюции Совета Безопасности ООН [4]. Инструмент защищает экономические интересы, не противореча обязательствам перед ФАТФ.

Таким образом, расширение БРИКС создаёт новые возможности, но их реализация сдерживается тремя ограничениями: дефицитом исполнительного органа, разрывом в

стандартах ПОД/ФТ/ФРОМУ и санкционными коллизиями. Стратегия многоуровневой гармонизации предлагает конкретные решения: институциональные (ПКС, ПНИ), технологические (цифровая платформа) и правовые (BRICS Safe Harbour). Реализация должна быть поэтапной (1–7 лет) и опираться на координационную архитектуру, а не на наднациональные полномочия. уже загробную.

Список источников

1. Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1(46). С. 42–50.

2. Герасимов В. Е. БРИКС в мировой экономике и финансах : монография. Москва : МГИМО, 2024. 284 с.

3. Киселёва Е. А. Правовые основы взаимодействия государств БРИКС // Журнал международного права и международных отношений. 2022. № 4. С. 12–28.

4. Маричев К. С. Экстерриториальное применение санкционного права и его влияние на международную торговлю // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 33–47.

5. Смирнов Р. О. Гармонизация права в международных объединениях без наднациональных полномочий // Государство и право. 2023. № 3. С. 78–91.

6. БРИКС: новые горизонты сотрудничества : монография / под ред. А.А. Салитова. Москва : ИМЭМО РАН, 2023. 196 с.

7. Financial Action Task Force (FATF). High-Risk Jurisdictions Subject to a Call for Action, February 2024. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/topics/high-risk-jurisdictions.html

УДК 338.24:330.341.1

Инструменты и механизмы обеспечения экономической безопасности институтов инновационного развития

Свиридова Елизавета Васильевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sviridova_18@bk.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, институт инновационного развития, инструменты обеспечения безопасности, механизмы защиты, интеллектуальная собственность, финансовый контроль, технологический суверенитет.

В условиях геополитической нестабильности и санкционного давления обеспечение экономической безопасности институтов инновационного развития приобретает ключевое значение для достижения технологического суверенитета, закреплённого в Указе Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Институты инновационного развития выступают специализированным подмножеством институтов развития, связующим звеном между наукой и производством. Согласно Федеральному закону № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», институт инновационного развития – это организации, получающие государственную поддержку для осуществления инновационной деятельности или

© Свиридова Е. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

предоставления средств на такую деятельность юридическим и физическим лицам.

Экономическая безопасность института инновационного развития представляет собой состояние защищённости ресурсного потенциала (финансового, кадрового, интеллектуального, информационного) и законных интересов от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее устойчивое выполнение уставных задач и реализацию национальных приоритетов [2; 3]. В иерархии уровней экономической безопасности России институты инновационного развития занимают двойственное положение, находясь на стыке национального, отраслевого уровня и уровня хозяйствующего субъекта [4].

Такое двойственное положение, предполагающее высокую ответственность перед государством, вступает в противоречие с текущим состоянием нормативно-правовой базы. В связи с этим обратимся к системным проблемам правового обеспечения, среди которых исследователями выделяются: фрагментарность регулирования (отсутствие единого кодифицированного акта), противоречивость норм (риски двойного толкования), недостаточная юридическая поддержка получателей поддержки [5, 6]. Указанные дефекты снижают эффективность правового обеспечения и требуют унификации подходов [1; 8].

В работе проведено разграничение ключевых понятий. Методы отвечают на вопрос «как осуществляется воздействие?». Инструменты – это конкретные средства реализации методов (регламенты, нормативы, договоры, ключевые показатели эффективности). Механизм интегрирует методы, инструменты, субъектов, объекты и процедуры в единую систему защиты.

Учитывая специфику институтов инновационного развития (распределительный характер, работа с интеллектуальной собственностью, длительный цикл реализации проектов),

предложена классификация инструментов по трём основаниям [5; 7]:

1. По функциональному признаку: финансовые (лимитирование, казначейское сопровождение), организационно-управленческие (регламенты, матрица ответственности), правовые (грантовые соглашения, лицензионные договоры), информационно-аналитические (базы данных проектов, системы индикаторов риска), кадровые (кодекс этики, ротация экспертов).

2. По этапам жизненного цикла поддержки: предварительного контроля (стратегическое планирование, многоканальная экспертиза), текущего контроля (мониторинг отчётов, выездные проверки) и последующего контроля (постпроектный мониторинг, охрана РИД).

3. По характеру воздействия: предупредительные (стандартизация процедур, сегментация рисков), реагирующие (приостановление финансирования, расторжение соглашений) и компенсационные (страхование рисков, резервные фонды).

Обеспечение экономической безопасности институтов инновационного развития требует системного подхода, интегрирующего правовые, организационные, финансовые и информационные инструменты. Предложенная в работе трехуровневая структура («методы – инструменты – механизмы») и классификация по функциональному признаку, этапам контроля и характеру воздействия создают методологическую основу для построения эффективной системы защиты. Практическая значимость результатов заключается в возможности их применения региональными институтами инновационного развития (например, Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности) для минимизации угроз нецелевого использования средств, потери интеллектуальной собственности и снижения репутационных рисков.

Список источников

1. Правовое регулирование деятельности институтов развития / М. В. Демченко, Е. Ю. Герасимова, О. С. Грозова [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2019. 168 с.

2. Руйга И. Р. Оценка эффективности функционирования региональной инновационной инфраструктуры: формирование методических принципов и оценочных индикаторов // Инновационное развитие экономики. 2019. № 2(50). С. 62–71.

3. Бывшев В. И. Об институтах инновационного развития в России / В. И. Бывшев, И. В. Писарев, Е. Е. Дрянных // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22, № 3. С. 14–23.

4. Абалкин Л. А. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 10–29.

5. Егорова М. А. Роль институтов развития инновационной инфраструктуры в обеспечении правовой охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8 (129). С. 72–79.

6. Фролова Е. К. Институты инновационного развития: правовой взгляд / Е. К. Фролова, А. Ю. Петраков, Д. Р. Дременков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 124–131.

7. Феофилова Т. Ю. Определение области экономической безопасности: продолжение дискуссии / Т. Ю. Феофилова, Е. В. Радыгин // Вестник ВГУИТ. 2021. Т. 83, № 4. С. 382–393.

8. Кротов М. И. Экономическая безопасность России: методология регулирования / М. И. Кротов, В. И. Мунтиян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34, № 3. С. 335–358.

УДК 338.439

Цифровые платформы как инструмент развития логистической инфраструктуры и обеспечения продовольственной безопасности региона

Семериченко Валерия Алексеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, vsemerichenko@sfu-kras.ru

Ключевые слова: продовольственная безопасность региона, цифровая трансформация, логистическая инфраструктура, цифровая платформа, инвестиции в инфраструктуру.

Современное развитие агропродовольственных рынков сопровождается усилением угроз региональной продовольственной безопасности [1], среди которых ключевое значение имеет недостаточный уровень инвестиций в транспортировку и хранение сельскохозяйственной продукции. Дефицит капитальных вложений приводит к потерям продукции, росту издержек и снижению конкурентоспособности аграрных регионов. В условиях территориальной разобщенности сельскохозяйственных районов и фрагментированности логистических узлов проблема усиливается отсутствием современных объектов транспортировки и хранения [2].

Продовольственная безопасность региона представляет собой состояние экономики, при котором обеспечивается доступность качественных продуктов питания. Ее региональный характер обусловлен различиями природно-климатических и социально-

© Семериченко В. А., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

экономических условий, формирующих специфические ограничения развития агропродовольственных систем [3].

В этих условиях возрастает роль цифровизации и цифровой трансформации как устойчивого направления повышения эффективности управления продовольственными ресурсами. Цифровые технологии обеспечивают формирование сквозных информационных потоков для мониторинга, прогнозирования и координации процессов в режиме, близком к реальному времени. К ключевым инструментам относятся системы управления цепями поставок, аналитические платформы, облачные решения и цифровые сервисы поддержки принятия решений [4; 5]. Концептуальная модель применимости инструментов цифровой трансформации представлена на рисунке 1.

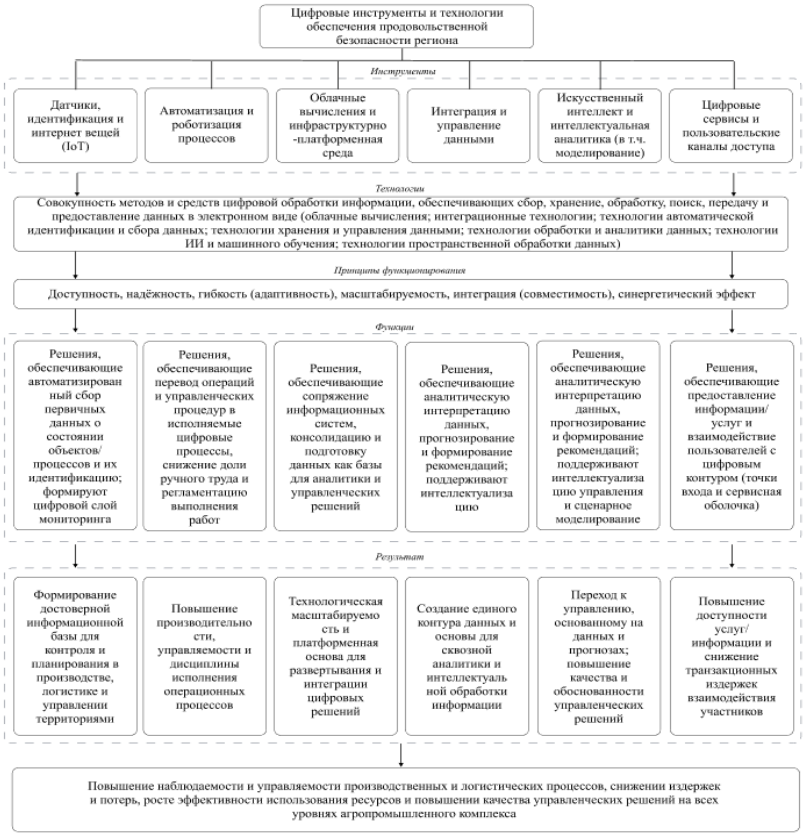


Рисунок 1. Концептуальная модель применимости инструментов и технологий цифровой трансформации.

Развитие логистической инфраструктуры является важнейшим направлением обеспечения продовольственной безопасности, поскольку именно на этапах транспортировки и хранения определяется сохранность продукции и устойчивость поставок. В российских регионах сохраняются ограничения, связанные с неравномерным развитием инфраструктуры и недостаточной обеспеченностью мощностями хранения, уровень которых не превышает 30–40% [6].

Сдерживающими факторами выступают недостаточная инвестиционная привлекательность отрасли и ограниченность капитальных вложений, что препятствует модернизации логистической инфраструктуры и усиливает инфраструктурные ограничения.

Для преодоления указанных ограничений предлагается разработка специализированной цифровой платформы для участников логистической инфраструктуры агропродовольственного комплекса. Платформа предназначена для интеграции данных о логистических объектах (техническое состояние, загрузка, размещение, экономические показатели) и формирования инвестиционных паспортов проектов.

Функционально платформа обеспечивает оценку инвестиционной привлекательности объектов, сопоставление альтернатив и визуализацию инфраструктурных дефицитов. Взаимодействие участников реализуется по платформенной модели: инициаторы размещают данные об объектах, инвесторы получают аналитические инструменты, государственные органы используют систему для мониторинга и поддержки решений.

Реализация платформенного решения позволяет повысить прозрачность инвестиционных процессов, обеспечить приток капитала в логистическую инфраструктуру, снизить издержки и потери продукции. В результате повышается устойчивость

продовольственных цепочек и укрепляется продовольственная безопасность региона.

Список источников

1. Диагностическая модель оценки продовольственной безопасности Российской Арктики / Е. С. Ковзунова, И. Р. Руйга, Е. В. Рогозинский [и др.] // π-Economy. 2022. Т. 15, № 4. С. 96-109.

2. Анализ проблем транспортировки сельскохозяйственной продукции / И. А. Успенский, Л. П. Белю, И. А. Юхин [и др.] // Вестник РГАТУ. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problem-transportirovki-selskohozyaystvennoy-produktsii.

3. Султанов Г. С. Роль и значение продовольственной безопасности региона в обеспечении экономической безопасности страны / Султанов Г.С., Абдуразаков О.М., Адилов Р.С. // Прикладные экономические исследования. 2023. № S2. С. 159–165.

4. Цифровые сервисы в агропромышленном комплексе: контент-анализ функциональных возможностей, проблемы и перспективы развития / Ковзунова Е. С., Руйга И. Р., Жирнова И. С. [и др.] // Продовольственная политика и безопасность. 2024. Т. 11, № 2. С. 265-286.

5. Ковзунова Е. С. Модельная композиция межведомственного цифрового сервиса для обеспечения эффективности процессов управления в агропромышленном комплексе региона / Е. С. Ковзунова, И. Р. Руйга // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 3(33). С. 3–17.

6. НИРФИ Минфина России. Аналитические материалы по развитию логистической инфраструктуры агропромышленного комплекса Российской Федерации. URL: https://www.nifi.ru.

УДК 338.001.36

Расширение индикативной базы полифакторного индекса коррупции: социальные и правовые факторы

Спасенко Софья Владимировна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, sofyaspasenko@yandex.ru

Ключевые слова: полифакторный индекс коррупции, коррупционные факторы, экономическая безопасность региона, антикоррупционная экспертиза.

Коррупция представляет собой одну из наиболее серьёзных внутренних угроз экономической безопасности региона. Однако для эффективного противодействия коррупции недостаточно фиксировать уже совершённые преступления – необходимо выявлять причины, порождающие коррупцию, то есть коррупционные факторы. В современной научной литературе под коррупционным фактором понимаются условия и обстоятельства, которые способствуют возникновению коррупционных практик, позволяют извлекать неправомерную выгоду и ослабляют экономическую безопасность региона [1].

В ходе исследования автором была проведена систематизация коррупционных факторов по источникам происхождения и сферам проявления и выделены пять основных групп: политические, экономические, социальные, правовые и административные.

Все указанные группы факторов находятся в тесной взаимосвязи и в совокупности создают благоприятную среду для

© Спасенко С. В., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

возникновения и распространения коррупции. Однако существующие методики оценки влияния коррупции на экономическую безопасность региона учитывают группы факторов неравномерно.

Одним из наиболее сбалансированных подходов оценки влияния коррупционных факторов на экономическую безопасность региона является полифакторный индекс коррупции (ПИК) [2], разработанный Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Существующая методология расчета ПИК представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Методология расчета полифакторного индекса коррупции.

Проведенный анализ выявил, что система индикаторов ПИК в полной мере отражает экономические, административные и политические коррупционные факторы, однако недостаточно репрезентативна в отношении социальных и правовых (законодательных) групп факторов.

Социальные факторы (терпимость населения к коррупции, уровень правовой культуры, общественная пассивность) оцениваются лишь косвенно, через потребительскую активность и прожиточный минимум, что недостаточно для понимания реального восприятия коррупции населением и степени её укоренённости в общественных отношениях.

Правовые (законодательные) факторы (широта дискреционных полномочий, формулировки «вправе», нормативные коллизии) в модели ПИК не находят прямого отражения, но именно они создают нормативные предпосылки для коррупционных злоупотреблений.

На основе выявленных недостатков предложена расширенная система индикаторов ПИК, включающая следующие дополнительные показатели:

1. Индикатор социальных коррупционных факторов;

2. Индикатор правовых (законодательных) коррупционных факторов.

Сформированная система показателей ПИК представлена в таблице 1.

Таблица 1. Разработанная система показателей для расчета полифакторного индекса коррупции

Группа факторов	**Индикаторы ПИК**
Политические факторы	– Инвестиционный климат – Криминотропные риски)
Экономические факторы	– Производственный потенциал – Природно-ресурсный комплекс – Инвестиционный климат – Показатель безработицы
Административные факторы	– Численность госслужащих – Показатель безработицы
Экономические факторы	– Производственный потенциал – Природно-ресурсный комплекс – Инвестиционный климат
Социально-экономические факторы	– Потребительская активность населения – Прожиточный минимум – Показатель безработицы

Окончание таблицы 1.

Группа факторов	**Индикаторы ПИК**
Социальные факторы	- Уровень коррупции в регионе (соц. опрос) - Уровень доверия к правоохранительным органам (соц. опрос) - Криминотропные риски
Правовые (законодательные) факторы	- Количество нормативных правовых актов, возвращенных на доработку по результатам антикоррупционной экспертизы - Доля выявленных коррупциогенных факторов в общем объеме принятых НПА

Введение указанных индикаторов позволяет:

– оценить реальный уровень латентной коррупции, не фиксируемой официальной статистикой;

– выявить степень терпимости населения к коррупционным практикам;

– диагностировать качество регионального законодательства и его уязвимость перед коррупционными рисками;

– более точно прогнозировать влияние правовых и социальных факторов на экономическую безопасность региона.

Таким образом, предложенные дополнения к расчету ПИК позволяют устранить выявленный методический недостаток и повысить точность оценки влияния коррупционных факторов на экономическую безопасность региона

Список источников

1. Глинкина С.П. Коррупция в России: причины, масштабы, механизмы противодействия : монография / С. П. Глинкина, Г. Б Клейнер. М. : Институт экономики РАН, 2020. 312 с.

2. Сидоренко Э. Л. Полифакторный индекс коррупции в регионах РФ: методика оценки // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 207-215.

УДК 336.7:004.056

Киберфинансовые преступления как угроза экономической безопасности организаций

Терских Татьяна Олеговна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, tati.ters@mail.ru

Ключевые слова: экономическая безопасность, киберфинансовые преступления, цифровая экономика, финансовое мошенничество, информационная безопасность, киберугрозы.

Цифровизация экономических процессов, повышая эффективность бизнеса, одновременно создает новые векторы уязвимости, связанные с киберугрозами.

Термин «киберфинансовые преступления» отражает синтез финансового и кибернетического аспектов противоправной деятельности, направленной на активы организаций. В современных условиях количество атак на финансовые системы ежегодно увеличивается, а методы злоумышленников становятся более технологичными [1, с. 23]. Последствия варьируются от прямых финансовых потерь до утечки данных и дестабилизации деятельности [2].

Целью исследования является анализ киберфинансовых преступлений как фактора угрозы экономической безопасности организаций и определение направлений совершенствования защиты. Под киберфинансовыми преступлениями понимаются противоправные действия с использованием ИКТ, направленные на

© Терских Т. О., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

незаконное получение выгоды путем доступа к финансовой информации [3].

Под экономической безопасностью организации подразумевается состояние защищенности ее ресурсов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие [4].

Особенностями данных преступлений являются: использование IT-среды как инструмента, высокая скорость транзакций, латентность и трансграничный характер. Основные виды угроз представлены фишингом и социальной инженерией (воздействие на персонал), атаками на системы дистанционного банковского обслуживания (перехват платежей) и использованием вредоносного ПО (шифровальщики, банковские трояны) [5].

Эффективная система противодействия должна носить комплексный характер и включать несколько уровней защиты.

Во-первых, необходимо развитие внутреннего финансового контроля, включая проверку крупных платежей и разделение обязанностей.

Во-вторых, требуется внедрение современных аналитических технологий (системы класса FRM, FMS) на базе машинного обучения для выявления аномалий в транзакциях [6].

В-третьих, критически важным является повышение цифровой грамотности персонала для минимизации «человеческого фактора».

В-четвертых, обязательным является использование многофакторной аутентификации и систем мониторинга (SIEM).

Комплексный механизм обеспечения безопасности схематично представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Комплексный механизм противодействия киберфинансовым угрозам.

Описание рисунка: Механизм включает четыре взаимосвязанных блока: 1) Превентивные меры (политики безопасности, обучение); 2) Технологическая защита (антивирусы, SIEM, МФА); 3) Мониторинг и контроль (FRM-системы, аудит); 4) Реагирование и восстановление (план при инцидентах, бэкапы). Все блоки замыкаются на единый центр координации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что киберфинансовые преступления представляют ключевую угрозу экономической безопасности в условиях цифровизации. Их высокотехнологичный характер требует от компаний проактивного подхода к защите. Последствия атак выражаются не только в прямых хищениях, но и в репутационном ущербе и нарушении операционной деятельности [7].

Обеспечение экономической безопасности требует интеграции систем внутреннего контроля, внедрения аналитических технологий (включая системы ИИ) и непрерывного обучения сотрудников. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка отраслевых методик оценки киберфинансовых рисков и прогнозирования новых видов атак. Совершенствование механизмов противодействия является

важным условием устойчивого развития организаций в цифровой экономике [8].

Список источников

1. Банк России. Обзор финансовой стабильности. М. : Банк России, 2024. № 1 (22). 98 с.

2. Ларионова И. В. Финансовая безопасность организаций в условиях цифровизации экономики: новые вызовы и угрозы // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 2. С. 87-101.

3. Баранов А. В. Киберпреступность в цифровой экономике: криминологический и экономико-правовой анализ // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 3. С. 45-58.

4. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России : учебник. 5-е изд. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2021. 815 с.

5. Фролов Д. П. Фишинг как угроза финансовой безопасности корпоративных структур / Д. П. Фролов, Е. А. Смирнова // Вопросы кибербезопасности. 2023. № 4 (52). С. 112-120.

6. Кузнецов Н. В. Методы машинного обучения в системах противодействия мошенничеству // Информационные технологии и вычислительные системы. 2024. № 1. С. 33-42.

7. Петров А. Н. Влияние атак программ-шифровальщиков на экономическую устойчивость предприятий // Российский экономический интернет-журнал. 2023. URL: http://www.e-rej.ru/

8. OECD. Digital Disruption in Finance: Policy Implications for Financial Stability and Consumer Protection. Paris : OECD Publishing, 2023. 156 p.

УДК 338.2

Налоговый мониторинг как фактор экономической безопасности региона

Торба Ксения Сергеевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, kseniatorba@gmail.com

Ключевые слова: налоговый мониторинг, экономическая безопасность региона, точки роста.

В современной практике налоговые органы рассматривают мониторинг как элемент налоговой безопасности, поскольку он направлен на выявление аномалий в налоговой отчетности, снижение рисков уклонения от уплаты налогов и укрепление доверия к налоговой системе.

Для региональной экономики Красноярского края налоговый мониторинг становится фактором экономической безопасности, поскольку повышает прозрачность и предсказуемость формирования налоговых поступлений в бюджеты всех уровней; способствует стабильности и предсказуемости налогового режима для крупных и системообразующих налогоплательщиков; ограничивает распространение налоговых схем и необоснованных оптимизационных конструкций, снижая риски уклонения от уплаты налогов и дестабилизации налоговой базы региона [1].

Согласно данным рисунка 1, в 2024–2026 гг. наблюдается устойчивая положительная динамика налоговых поступлений в консолидированный бюджет Красноярского края.

© Торба К. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

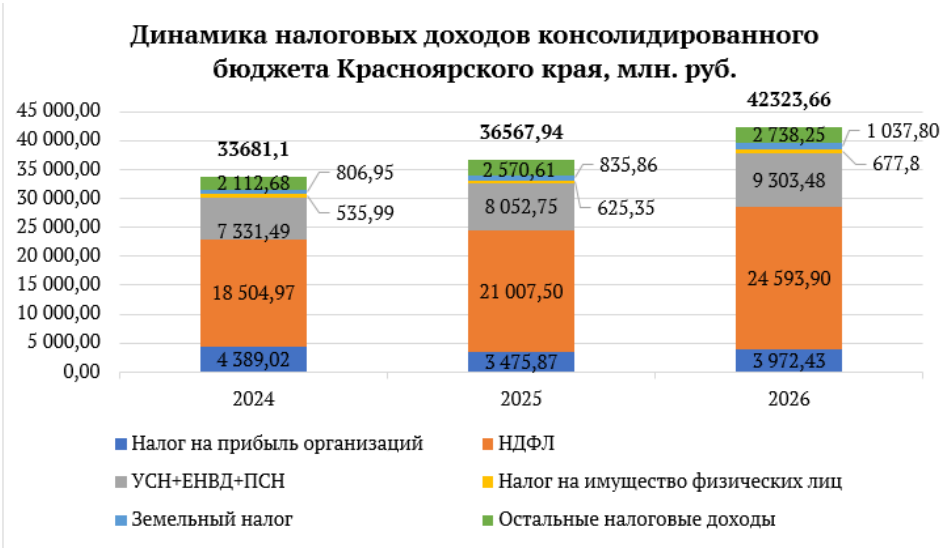


Рисунок 1. Динамика налоговых доходов консолидированного бюджета Красноярского края, млн. руб. (2024–2026 гг.) [3].

Совокупные налоговые доходы консолидированного бюджета Красноярского края за 2024–2026 гг. выросли с 33 681,10 млн руб. до 42 323,66 млн руб., что свидетельствует о расширении налоговой базы региона.

Лидирующую позицию занимает НДФЛ, демонстрирующий устойчивый рост с 18 504,97 млн руб. до 24 593,90 млн руб. Налог на прибыль организаций, напротив, характеризуется волатильностью: снижение в 2025 году с последующим частичным восстановлением в 2026 году, что отражает зависимость регионального бюджета от финансовых результатов крупного бизнеса. Поступления от УСН, ЕНВД и ПСН растут, указывая на развитие малого предпринимательства в Красноярском крае.

В системе ФНС России ключевым элементом цифрового налогового администрирования выступает лицевой счет налогоплательщика (ЛК), что позволяет сопоставлять хозяйственную деятельность с декларациями по налогу на прибыль и НДПИ, минимизируя расхождения между операциями и отчетностью.

Автоматизированная информационная система (АИС) «Налог-3» является основной платформой ФНС России для цифрового

налогового администрирования, обеспечивая прямую интеграцию ЛК налогоплательщика с налоговым мониторингом. В Красноярском крае АИС «Налог-3» используется для мониторинга крупных промышленных и ресурсодобывающих компаний, интегрируя их ЛК с региональными инспекциями ФНС. В рамках налогового мониторинга через АИС «Налог-3» налоговые органы осуществляют анализ корреляции между объемами выручки и налогами на прибыль; контроль сопоставимости затрат и оборота и отслеживание подозрительных операций («однодневные» фирмы, резкие изменения оборотов, аномалии в сроках оплаты) [1].

Несмотря на значительный потенциал, налоговый мониторинг в Красноярском крае сталкивается с рядом ограничений, что снижает общий уровень экономической безопасности региона.

Расширение инструментов цифровизации налогового администрирования предусматривает возможность подключения в режим мониторинга не только крупнейших промышленных компаний, но и ключевых предприятий инфраструктуры, сферы услуг и розничной торговли [2].

Вторая точка роста – использование специализированных алгоритмов для анализа деклараций по налогу на прибыль и НДПИ с целью выявления цепочек фиктивных операций, «рисковых» контрагентов и аномалий в отчетности [1].

Третье направление связано с интеграцией налогового мониторинга в региональные программы и переходом на автоматизированную упрощенную систему налогообложения (АУСН) для предпринимателей [4].

Таким образом, налоговый мониторинг в Красноярском крае подтверждает статус ключевого фактора экономической безопасности региона, обеспечивая стабильность налоговых поступлений и контроль рисков уклонения. В перспективе развитие института мониторинга через расширение участников, применения

аналитических алгоритмов и введение АУСН с 2026 г. укрепит устойчивость консолидированного бюджета и инвестиционный климат региона.

Список источников

1. Королева Л. П. Развитие налогового мониторинга в РФ: тенденции, проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная экономика. 2025. № 3. 2025. № 3. DOI 10.25136/2409-8647.2025.3.75306.

2. Молодых В. А. Налоговый мониторинг как инструмент обеспечения экономической безопасности государства // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12, № 1. С. 462-471.

3. Исполнение бюджета города Красноярска по доходам // Официальный сайт администрации г. Красноярска. URL: https://budget.admkrsk.ru/real/Pages/income.aspx.

4. С 1 января в Красноярском крае вводится новый специальный налоговый режим АвтоУСН // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. 2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn24/news/activities_fts/16588645/.

УДК 343.37

Механизмы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, для обеспечения экономической безопасности государства

Шилов Вадим Сергеевич
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, shilov012345@mail.ru

Ключевые слова: легализация доходов, экономическая безопасность, ПОД/ФТ, теневая экономика, финансовый мониторинг, Росфинмониторинг, криптовалюты, офшорные зоны.

Легализация (отмывание) доходов – придание правомерного вида имуществу, приобретённому незаконным путём. Правовую основу составляют Конституция РФ (ст. 15, 55), конвенции ООН, рекомендации ФАТФ, 115-ФЗ, ст. 174, 174.1 УК РФ и 15.27 КоАП. Ключевые институты системы ПОД/ФТ: Росфинмониторинг, Банк России, правоохранительные органы, ФНС.

Процесс включает три этапа: размещение, наслаивание и интеграцию. Ежегодный объём подозрительных операций исчисляется триллионами рублей, что деформирует конкуренцию, снижает инвестиционную привлекательность и подрывает бюджетную устойчивость [5; 7].

Согласно отчёту Банка России о структуре подозрительных операций (I полугодие 2025 года), на территории Российской Федерации применяется свыше 120 различных способов отмывания денег. Наибольшая доля легализуемых средств приходится на

© Шилов В. С., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

денежные средства (60%), государственные ценные бумаги (12%), золото и ювелирные изделия (6%), а также недвижимость (4%) [4]. На рисунке 1 представлена соответствующая структура.

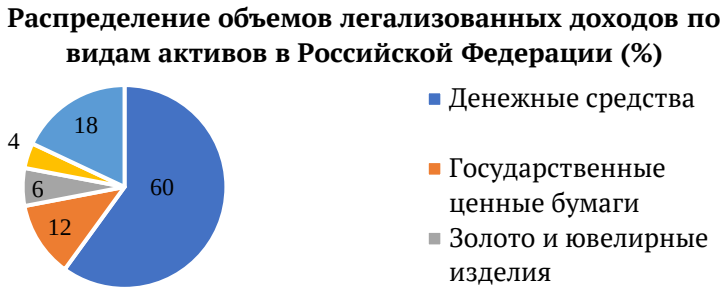


Рисунок 1. Распределение объемов легализованных доходов по видам активов в Российской Федерации (%).

Уровень теневой экономики оценивается в 20–35% ВВП с концентрацией в строительстве, торговле и услугах [3]. В I п/г 2025 г. объём сомнительных транзакций снизился на 12% (до 32 млрд руб.), при этом основной спрос генерировали строительство (37%), торговля (25%), производство (14%) и услуги (22%) [4] (рисунок 2).

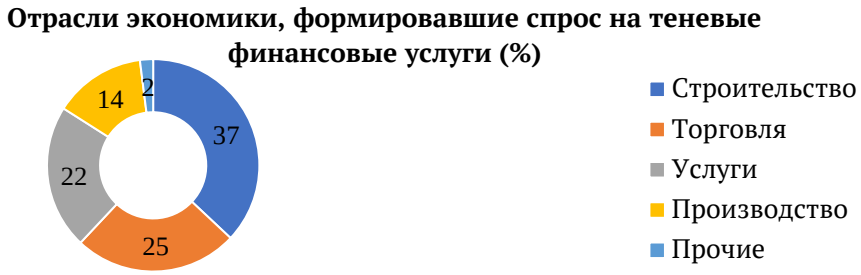


Рисунок 2. Отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги.

Наиболее распространенными способами легализации выступают использование подконтрольных юридических лиц, обналичивание денежных средств, вывод капитала за рубеж, приобретение недвижимости, операции с криптовалютами.

К критическим внутренним угрозам относятся коррупция и теневая экономика. Коррупция обеспечивает преступникам защиту

и доступ к информации [7]. Ежегодно регистрируется свыше 2 млн преступлений, треть из которых генерирует доходы для последующей легализации [2].

Среди внешних угроз выделяются транснациональная преступность и офшорные юрисдикции. За 20 лет из РФ выведено 800 млрд – 1 трлн долл. США, остановка чего могла бы дать прирост ВВП на 1,5–2% [3].

Правоприменительная практика демонстрирует структурный разрыв между выявлением операций и обвинительными приговорами: в 2024 г. осуждено 320 лиц по ст. 174, 174.1 УК РФ. Конфискация (18,3 млрд руб.) несопоставима с масштабами теневого сектора, что снижает превентивный эффект. Платформа «Знай своего клиента» сокращает сомнительные операции, но потенциал раскрыт не полностью. Требуется использование международного опыта (конфискация необъяснимого имущества, ИИ-анализ) и системная модернизация контроля [5; 9].

Приоритетные направления совершенствования системы ПОД/ФТ включают:

1) актуализацию законодательства под новые инструменты (криптовалюты, ЦФА, DeFi);

2) внедрение ИИ и риск-ориентированного подхода в финансовый мониторинг;

3) создание межведомственных платформ обмена данными;

4) развитие международного сотрудничества и обмена практиками;

5) системную подготовку кадров и просветительскую работу для бизнеса и населения.

Реализация мер обеспечит макроэкономический и институциональный эффект: сокращение теневого сектора снизит искажение статистики, повысит эффективность бюджетно-налоговой политики и увеличит налоговые поступления. Рост результативности конфискации компенсирует ущерб от

экономических преступлений. Укрепление системы ПОД/ФТ улучшит инвестиционный климат, снизит риски попадания в «серые» списки и удешевит доступ к международному капиталу. В совокупности это усилит экономическую безопасность РФ за счёт снижения коррупции, антиофшорной политики и контроля за цифровыми активами.

Таким образом, легализация доходов формирует комплексные угрозы экономической безопасности. Приоритетные направления: борьба с коррупцией, антиофшорная политика, контроль за криптовалютами и повышение эффективности правоохранительной системы. Их реализация обеспечит существенный бюджетный и социально-экономический эффект.

Список источников

1. Кондрат Е. Н. Вестник экономической безопасности. 2010. № 4. С. 45-52.

2. Плахов А. В. Проблемы и новеллы законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем / Плахов А.В., Исаев А.В. // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 3. С. 19-26.

3. Черепашкин А. С. Теневая экономика как угроза экономической безопасности / А. С. Черепашкин, А. Д. Комлева // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 1(38). С. 13-17.

4. Структура подозрительных операций // Банк России. 2025. URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_1/.

5. Росфинмониторинг. Статистика надзорной деятельности. URL: https://www.fedsfm.ru.

6. Иванов Д. А. Некоторые проблемные вопросы квалификации и расследования легализации (отмывания) преступных доходов с использованием цифровых финансовых

активов / Д. А. Иванов, В. Д. Потапов, М. М. Макаренко // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4. С. 35–40.

7. Попова А. В. К вопросу об эффективном функционировании национальной системы ПОД/ФТ в Российской Федерации / Попова А.В., Волков А.Ю. // Финансовое право. 2023. № 8. С. 12-15.

8. Орлова Л. Н. Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2024. № 3. С. 63-69.

9. Shatailyuk E. E. Confiscation and other procedures for deprivation of illegally acquired (criminal) proceeds under the laws of Russia and foreign jurisdictions // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Vol. 15, № 4. P. 1132–1152. DOI 10.21638/spbu14.2024.414.

УДК 336.71:351.74

Формализованная модель жизненного цикла дропперской операции для повышения эффективности фрод-мониторинга

Шульгина Елизавета Дмитриевна
Институт управления бизнес-процессами Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, lisashulgina@mail.ru

Ключевые слова: дропперство, фрод-мониторинг, жизненный цикл операции, поведенческий скоринг, весовая оценка рисков.

Цифровая трансформация финансового сектора сместила ландшафт киберугроз в сторону использования «человеческого фактора» через механизмы дропперства – вовлечения номинальных владельцев счетов в схемы легализации похищенных

© Шульгина Е. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

средств. Масштаб проблемы подтверждается данными регулятора, согласно которым в 2024 году объем операций без согласия клиентов превысил 90 млрд руб. [3]. Объектом исследования выступают процессы фрод-мониторинга банков, а предметом – поведенческие закономерности жизненного цикла дропперских операций. Целью работы является разработка формализованной модели жизненного цикла операции для повышения точности проактивного детектирования мошенничества. Для достижения цели решаются задачи по систематизации типологии участников и формированию матрицы весовой оценки рисков на основе специфических индикаторов.

Номинальный владелец счета обеспечивает разрыв в цепочке банковской идентификации, маскируя следы хищения под видом легитимных транзакций [3]. Эффективность скоринга напрямую зависит от классификации субъекта по характеру его вовлечения и паттернам поведения (Таблица 1).

Таблица 1. Типология участников дропперской деятельности в цифровой среде [1]

Тип участника	**Особенности вовлечения и идентификации [5]**
Сознательный	Добровольная передача реквизитов; характерна множественность счетов и резкий рост оборотов.
Неосознанный	Деятельность под влиянием манипуляций; выявляется через нетипичную географию и паттерны трат.
Принудительный	Работа под давлением или угрозами; использование скомпрометированных устройств и ПО.
Корпоративный	Регистрация фиктивных ИП/ЮЛ; отсутствие налоговых выплат при высокой транзакционной активности.

Функционирование дропперских сетей представляет собой цикл из четырех фаз, представленных на рисунке 1.

Рисунок 1. Модель жизненного цикла дропперской операции в цифровой среде.

На этапе вербовки происходит вовлечение субъектов через анонимные каналы, после чего следует фаза отчуждения средств платежа, когда владелец передает аутентификационные данные третьим лицам. С этого момента управление счетом становится неправомерным, что требует идентификации технических аномалий [4]. Транзакционный этап базируется на расслоении потоков через серию мгновенных переводов, где действуют нормы законодательства о приостановке подозрительных операций [1]. Завершающая фаза включает обналичивание или конвертацию активов. Наиболее эффективное пресечение схемы возможно на стадиях отчуждения и транзита.

Для автоматизации принятия решений разработана матрица весовой оценки рисков (таблица 2).

Таблица 2. Матрица идентификации и весовой оценки рисков

Уровень риска	**Паттерны поведения**	**Решение системы**
Низкий	Смена геолокации	Нотификация
Средний	Вход с эмулятора + транзит	Приостановка обслуживания
Критический	Root-права + круглые суммы	Блокировка ДБО

Низкая степень угрозы устанавливается при изменении места подключения к системе при условии сохранения привычного

характера расходов. Средний уровень опасности фиксируется при использовании программ имитации мобильных устройств одновременно с мгновенным перенаправлением средств, что служит поводом для временного ограничения доступа к услугам. Критическая степень риска выявляется по совокупности признаков: наличию прав суперпользователя, отсутствию обычных покупок в розничных магазинах и переводах фиксированных крупных сумм [5]. Такой подход позволяет реализовать метод оценки угроз, при котором строгость мер защиты соответствует текущему этапу активности операции [6].

Формализация этапов жизненного цикла дропперской операции создает базу для предиктивного фрод-мониторинга. Вмешательство на стадиях отчуждения и первичной активации счета позволяет минимизировать ущерб и пресечь деятельность криминальных сетей. Предложенная модель и весовая матрица могут быть интегрированы в системы безопасности банков для выполнения требований законодательства и укрепления устойчивости финансового сектора.

Список источников

1. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ: (ред. от 24.07.2024) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 15.03.2026).

2. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов за 2024 год / Департамент информационной безопасности Банка России // Банк России : официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/review_2024/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Абалакина Т. В. Дропперство как угроза экономической безопасности коммерческого банка // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 222–226.

4. О методических рекомендациях по усилению контроля за отдельными операциями клиентов – физических лиц: методические рекомендации Банка России от 06.09.2021 № 16-МР // Банк России : официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2311 (дата обращения: 15.03.2026).

5. Шпак В. В. Механизмы вовлечения в «дропперство» и меры по противодействию вывода денежных средств // Финансовая экономика. 2024. № 1. С. 88–91.

6. Статистические показатели банковской системы Российской Федерации / Банк России : официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/ (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 657.6:658:338.246

Роль Службы корпоративного доверия и цифрового внутреннего контроля в обеспечении экономической безопасности предприятия ООО «Норникель-ЕРП»

Юдкина Виталина Евгеньевна
Институт управления бизнес-процессами и экономики Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия, veyudkina@gmail.com

Ключевые слова: экономическая безопасность, Служба корпоративного доверия, цифровой внутренний контроль, комплаенс, ООО «Норникель-ЕРП», превентивные механизмы.

ООО «Норникель-ЕРП» выполняет функции централизованного сервисного подразделения ПАО «ГМК «Норильский никель». Специфика работы компании связана с обработкой большого объёма транзакций, концентрацией денежных потоков, а также дистанционным взаимодействием с внутренними заказчиками и внешними контрагентами в разных регионах.

Данная централизованная модель создаёт повышенные риски внутренних нарушений. Эти угрозы напрямую снижают экономическую безопасность предприятия, снижая эффективность использования активов, увеличивая непроизводственные потери и создавая репутационные риски для всей ПАО «ГМК «Норильский никель».

Для противодействия указанным рискам в ООО «Норникель-ЕРП» действует единая корпоративная система профилактических

© Юдкина В. Е., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

механизмов. Её ключевыми элементами являются Служба корпоративного доверия и цифровой внутренний контроль.

Таблица 1. Показатели системы комплаенса и внутреннего контроля ПАО «ГМК «Норильский никель» (2023-2024 гг.) [1–3]

Показатель	**Ед. изм.**	**2023 г.**	**2024 г.**	**Изменение**
Подтверждённые случаи коррупции	ед.	0	5	+5
Сотрудники, привлечённые к ответственности за коррупцию	ед.	–	4 (все уволены)	–
Сумма штрафов по коррупционным делам (оплаченных/подлежащих оплате)	млн руб.	–	3,1	–
Возбуждённые уголовные дела по коррупционным статьям	ед.	–	5	–
Охват сотрудников обучением по антикоррупционным практикам	%	100	100	без изм.
Инвестиции в цифровизацию функций безопасности (накопительно до 2027 г.)	млрд руб.	–	1,5	программа запущена в 2024 г.
Наличие Службы корпоративного доверия (многоканальный приём)	да/нет	да	да	без изм.
Внешняя оценка антикоррупционной системы (рейтинг РСПП)	рейтинг	AAA+++	AAA+++	без изм.
Использование цифровых инструментов внутреннего аудита (SAP Audit Management)	да/нет	да (с 2020 г.)	да	без изм.

Служба обеспечивает конфиденциальный и анонимный приём обращений от сотрудников и внешних партнёров по нескольким защищённым каналам (круглосуточные телефоны, электронная почта, корпоративные формы). Цифровые инструменты (на базе

SAP ERP, антифрод-систем и модулей внутреннего аудита) позволяют в режиме реального времени отслеживать отклонения в финансовых операциях, договорах, закупках и платежах, автоматически формируя сигналы о подозрительных транзакциях. Дополнительным важным документом, адаптированным именно для ООО «Норникель-ЕРП», является Политика ООО «Норникель-ЕРП», АО «ЕРП», АО «КРП», АО «КСРЗ» в области антикоррупционной деятельности.

Политика закрепляет обязательное обучение работников, минимизацию рисков при выборе контрагентов, мониторинг соблюдения процедур и чёткую ответственность за коррупционные проявления. Она распространяется на всех работников Общества, членов органов управления и контрагентов.

Эффективность работы данных механизмов за 2023–2024 годы отражена в таблице 1.

Показатели приведены на уровне Группы «Норникель», так как ООО «Норникель-ЕРП» использует единую корпоративную систему комплаенса. В отчёте за 2023 г. указано: «не установлено существенных случаев нарушения антикоррупционного законодательства» [1]. Анализ представленных в таблице данных свидетельствует о противоречивых тенденциях в развитии системы противодействия коррупции. С одной стороны, компания поддерживает высокий уровень системы: полный охват обучением, сохранение высшего антикоррупционного рейтинга AAA+++, наличие многоканальной Службы корпоративного доверия и активное инвестирование в цифровизацию. С другой стороны, появление в 2024 году 5 подтверждённых случаев коррупции, возбуждение уголовного дела и наложение штрафов на сумму 3,1 млн руб. свидетельствует о том, что риски коррупции и хищений сохраняются. То есть цифровые фильтры и каналы обратной связи стали лучше фиксировать то, что ранее могло остаться незамеченным.

Служба корпоративного доверия и цифровой внутренний контроль выступают не вспомогательными сервисами, а критической инфраструктурой экономической безопасности ООО «Норникель-ЕРП». Представленные данные отражают, что работа носит непрерывный характер: появляются новые схемы нарушений, требуются более точные алгоритмы, необходимо расширять контроль на внешних поставщиков и подрядчиков. Процесс защиты экономической безопасности выстроен по циклическому алгоритму, представленному на рисунке 1.

Рисунок 1. Схема работы системы защиты «выявление - реагирование - предотвращение» [3].

Необходимо адаптировать цифровой контроль для взаимодействия с контрагентами ООО «Норникель-ЕРП» на уровне отдельных бизнес-процессов.

Список источников

1. Отчёт об устойчивом развитии ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2024 г. Раздел «Бизнес-этика и противодействие коррупции». URL: https://sr2024.nornickel.ru/ru/responsible-business-conduct/business-ethics-anti-corruption.html

2. Пресс-релиз: «Норникель» вложит 1,5 млрд руб. в цифровизацию функций безопасности до 2027 г. // ТАСС. 2024. 12 апр. URL: https://tass.ru/ekonomika/20484403

3. Порядок функционирования Службы корпоративного доверия ПАО «ГМК «Норильский никель». URL: https://nornickel.ru/files/ru/sustainability/corporate-hotline_functioning-procedure.pdf.

UDC 339.543

Comparison of Customs Systems of Developed and Developing Countries: Problems, Corruption and Ways to Improve Efficiency in the Context of Global Security

Katsefan Vitaly Olegovich[1], Drozdov Yan Alexandrovich[2], Ezizov Muhammet Ezizovich[3], Sartene Olga Tuktarovna[4]
[1,2,3,4]Institute of Trade and Services, Sibrian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
[1]kataymm@mail.ru
[2]yandrozdov19@gmail.com
[3]muhammetazizow97@gmail.com
[4]OSartene@sfu-kras.ru

Keywords: customs, smuggling, global security, corruption in customs authorities, developing countries, customs digitalization, artificial intelligence in customs, drug trafficking, international trade, risk-oriented approach, political will.

Acknowledgments: the authors are grateful to scientific supervisor Demchenko Svetlana Kapitonovna and Senior teacher, language supervisor Yurdanova Vera Nikolaevna.

© Katsefan V. O., Drozdov Ya. A., Ezizov M. E., Sartene O. T., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Customs authorities are a key element of national and global security in the context of globalization, when intensive trade turnover strengthens the interdependence of countries. The acceleration of logistics contributes to economic growth, but at the same time creates channels for the smuggling of drugs, weapons, explosives and other goods that threaten security [1].

The level of smuggling is determined by economic development, the quality of institutions and the resource base. In developed countries (USA, Germany, Japan) it is minimal due to high technologies, financial capabilities and an effective control system. In developing countries in Africa, Latin America and Asia, smuggling is much higher due to technical backwardness, lack of equipment and limited resources.

International assistance and cooperation within unions and organizations can partially compensate for these gaps.

Employees' motivation is an important factor. In developed countries, customs officers receive competitive salaries, bonuses and benefits, and violations are stopped by strict sanctions (dismissal, criminal liability). The integration of customs systems, for example in the EU, provides common standards and minimizes corruption risks. In developing countries, low wages (often below the subsistence level) and weak institutional control contribute to corruption. According to World Bank estimates, in states with a high level of corruption (Nigeria, Pakistan), the loss of customs revenues from corruption and smuggling reach 30-50% [2].

The legislative norms on punishment for smuggling and bribery in developed and developing countries are in many ways similar: minimum terms start from 5 years, maximum terms reach 15-40 years or life imprisonment depending on the volume and consequences. However, the effectiveness of execution varies dramatically. Despite strict sanctions, Brazil remains a major transit hub for cocaine sent to Europe and Asia, with a high level of local consumption. Official data show

significant withdrawals, but the real volume of traffic is higher due to weak enforcement [1].

In developed countries, the state provides decent material incentives and effective supervision by law enforcement agencies. In developing countries, limited budgetary opportunities do not allow maintaining a high standard of living for employees, which increases corruption risks. The state assessment of procurement effectiveness in developed countries is higher than in developing countries. Using Russia as an example, it can be highlighted that the identification of goods is at a high level, providing convenience and, most importantly, the fight against smuggling, which makes Russian customs one of the most developed in the world. In particular, the experience of the Siberian Customs Administration demonstrates the successful savings of budget funds in the public procurement system and the introduction of modern control mechanisms [4; 5].

Integration into international organizations (EU, OECD, WTO, UN) in developed countries contributes to a real reduction in corruption due to external pressure and mandatory standards of transparency. In developing countries, such participation is often formal due to weak institutions and economic dependence. Informal traditions and collectivist norms in some regions (for example, in Africa) further provoke corrupt practices [3].

The following measures are proposed to improve the efficiency of customs systems in developing countries:

1. Digitalization of processes, minimizing personal contacts between employees and participants in foreign economic activity and thereby reducing corruption.

2. Implementation of artificial intelligence and a risk-oriented approach to focus control on suspicious deliveries.

3. Reduction of trade tariffs and simplification of procedures, which makes the smuggling of legal goods economically unfeasible and

allows resources to be redirected to the fight against drugs, weapons and explosives.

The example of the Philippines confirms effectiveness: customs automation has significantly reduced corruption and smuggling by reducing manual inspections and focusing on risky goods [example from practice]. The key condition for success remains the political will of the country's leadership. Without it, reforms are blocked, and in some cases, smuggling is even tacitly tolerated or associated with the authorities. Globalization turns the problems of individual countries into a threat to the entire world community. Drug smuggling from the Andean region passes through transit hubs in Central America and Africa, reaching Europe and North America [1].

In the context of globalization, it is impossible to isolate national security from the problems of other countries. The lag of the customs systems of developing countries increases the risks for the whole world. Improving the effectiveness of customs control in one country directly contributes to strengthening global security.

References

1. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). World Drug Report 2025. Vienna : United Nations, 2025.

2. Alekseeva E.C. Corruption in the activities of the customs authorities of the Russian Federation... // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. № 3. P. 45–52.

3. Anikin S.B. Anti-corruption in the customs authorities of Russia and China // Chinese law. 2020. № 2. P. 112–125.

4. Savings of budget funds in the public procurement system: the experience of the Siberian Customs Administration / Markov E.A., Yakovleva E.R., Demakova E.A. [et al.] // Management accounting. 2025. № 9. P. 266–271.

5. Vyalov N.C., Demakova E.A. Certain aspects of identification of goods at the customs border: mandatory labeling of canned fish

products in Russia and the EAEU // Economics and management: problems, solutions. 2025. № 5. P. 4–9.

Challenges of the Time in New Economic Conditions

UDC 339.138

AI Agents, Broken Trust, and the Future of Consumer Brand Relationships

Bogunova Taisiya Alexandrovna
Institute of Business Processes Management Siberian Federal University, Krasnoyarsk Region, Krasnoyarsk, Russia, T.Bogunova2005@yandex.ru

Keywords: AI Agents, consumer trust, brand relationships, recommender systems, agentic commerce, consumer privacy, personalization.

Acknowledgements: the author expresses his gratitude to the scientific supervisor E.O. Ershova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Marketing and International Administration.

AI Recommendations (also called AI-powered recommendation systems or recommendation engines) are machine learning algorithms that analyze user behavior, preferences, and contextual data to suggest relevant content, products, actions, or next steps. In B2B SaaS and GTM contexts, these systems recommend which accounts to target, which content to send prospects, which leads to prioritize, which product features to highlight, or which sales plays to execute based on patterns learned from historical data and real-time signals.

The goal of such systems is to help users quickly find what they need among large volumes of information, content, or products, increasing engagement, satisfaction, and loyalty.

There are several main approaches to building recommender systems:

© Bogunova T.A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Collaborative Filtering. This is based on the analysis of user interaction data (purchases, views, ratings). The system searches for users with similar interests and recommends items that have been liked by other users with the same preferences. It is divided into two types:

User-based CF is a set of recommendations based on the behavior of similar users.

Item-based CF is a set of recommendations of items similar to those the user has liked in the past.

Content-Based Filtering. This analyzes object characteristics (genres, keywords, topics) and recommends content similar to those that attracted the user's attention. For example, if a user likes a certain genre, the system will suggest other items with similar characteristics.

Hybrid Systems. These combine multiple filtering methods (e.g., collaborative and content filtering) to improve the accuracy of recommendations. For example, Netflix uses a multi-layered architecture that includes elements of content and collaborative filtering, contextual analysis, and ranking algorithms.

Generative AI is starting to change shopping. Instead of scrolling on websites or strolling through stores, people are beginning to prompt AI agents to find, compare, and even purchase products. But it’s also early days. And just as companies had to adapt to the new rules of e-commerce, they’re now faced with a new set of challenges around how they manage their reputations, connect with customers, and what it looks like to compete in this new paradigm.

Categories like beauty, lifestyle, and apparel are moving fastest, and early adopters are already experimenting. But if things go wrong, the consequences could be both immediate and lasting. For consumer-facing brands, there are five core risks that could break consumer trust as AI agents begin to shop on customers’ behalf:

1. Agents misunderstand products and make the wrong choice. When product attributes aren’t structured for machines, AI agents guess. They can misinterpret sizing, miss constraints, hallucinate

features, or recommend items that are not aligned with the customer's intent.

2. Agents act beyond what customers expected or authorized. Without clear delegation boundaries, agents can overspend, ignore constraints, or make irreversible decisions without confirmation.

3. Sensitive conversational data becomes a liability. Agentic shopping captures more than transactions. It captures intent, emotion, and context. If that data is stored opaquely, reused unexpectedly, or exposed through a breach, customers can feel surveilled rather than served.

4. Brands lose control of how they're represented. In agent ecosystems, outdated prices, inaccurate information, or undisclosed sponsored placements can reach customers before marketing or legal teams ever see them.

5. When something breaks, there's no clear way back. In automated journeys, failures feel colder and harder to resolve. If customers can't understand what went wrong, reach a human, or be made whole quickly, a single bad interaction can permanently sever the relationship.

Left unaddressed, these issues don't just frustrate customers. They create real operational and financial impact: chargebacks, returns, and customer support costs; privacy violations that trigger regulatory scrutiny or lawsuits; and reputational damage that erodes loyalty and slows adoption.

Much of this comes down to trust. To drive agentic commerce adoption at scale, brands need to figure out how to earn and keep customers' trust. And to do that, they need to understand what can go wrong and what steps they can take now to prevent trust from being broken.

When consumers delegate tasks to AI agents, they share more than payment details. They share conversational context: preferences, constraints, intent, and often emotion. That context is what makes

agentic shopping powerful, and what makes it uniquely sensitive. If customers don't understand how that data is used, remembered, or protected, they won't delegate in the first place.

As brands launch their own AI agents to help customers to do shopping, they should embed privacy-preserving design directly into agentic interactions. For example, brands can use data minimization and anonymization techniques, so their agents retain only what is necessary to complete a task. Sensitive conversational signals can be processed transiently rather than stored indefinitely. Consent should be explicit and configurable, with clear choices about what is remembered, what is shared across sessions or platforms, and what is not remembered.

Visibility matters as much as protection. Consumers should be able to see and change their privacy posture in real time. Some interactions may warrant persistence, such as remembering a preferred size or brand. Others may not. An "incognito" or one-time shopping mode, where interactions are not retained or used for future recommendations, gives customers a sense of control that mirrors how people already manage privacy in browsers and payments.

References

1. How Brands Can Adapt When AI Agents Do the Shopping // Harvard Business Review: website. 2026. Feb 19. URL: https://hbr.org/2026/02/how-brands-can-adapt-when-ai-agents-do-the-shopping (date of access: 28.03.2026).

2. AI Recommendations: Definition, Examples & Use Cases // Saber: website. 2026. Jan 18. URL: https://www.saber.app/glossary/ai-recommendations (date of access: 28.03.2026).

3. Personalized Shopping Experience Statistics That Prove AI-Driven Commerce Wins in 2026 // Envive: blog. 2026. URL: https://www.envive.ai/post/personalized-shopping-experience-statistics (date of access: 28.03.2026).

UDC 574*581.9*579.2

Strategic priorities for the development of the Russian oil industry

Ershova Alina Igorevna
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: oil industry, strategic development, energy policy, ESG, import substitution, digital transformation, global energy market.

The modern stage of development of the strategic priorities of the Russian oil and gas industry is characterized by the emergence of a global financial crisis and new challenges to the economic development of the country. This requires more realistic approaches to accounting for uncertainty in the global energy market and achieving the goals set in Russia's energy strategy.

The growth in the consumption of oil, gas, and other energy resources depends on changes in population size and the pace of global economic growth, leading to changes in the fuel-energy balance. In the modern world, there is a decrease in the share of coal and oil and an increase in the share of non-carbon energy and gas.

In countries such as China, energy policy priorities include carbon neutrality and energy security. ESG principles (environment, social responsibility, corporate governance) contribute to sustainable development, environmental protection, and attracting investments. The implementation of ESG standards simplifies the activities of Russian oil and gas companies in international markets.

The Russian Federation has set a number of strategic goals in the energy sector by 2035. This includes structural diversification, digital

© Ershova A. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

transformation, optimization of infrastructure placement, and reduction of the negative impact on the environment [1]. It is important to focus on the efficient use of the country's energy potential, sustainable development of the oil and gas industry, and strengthening Russia's position in the global energy market. It is necessary to overcome negative macroeconomic factors that hinder the industry's development by focusing on redirecting oil and gas exports to the markets of the Asia-Pacific region.

The impact of sanctions on oil and gas industry enterprises is reflected in the increase in prices for raw materials, equipment, and components – 64.6%, a decrease in access to credit – 48.9%, and a decrease in investment volumes – 35.4% [2].

The oil and gas industry of the Russian Federation is represented by system-forming companies such as Gazprom, Rosneft, Lukoil, Surgutneftegas, NOVATEK, Tatneft, and Bashneft. These companies are vertically integrated and operate in an oligopolistic market.

The geopolitical situation in the global market is one of the weaknesses of the Russian oil and gas industry, as restrictions on access to technology and equipment pose a significant obstacle to industry development. It is expected that import substitution in the Russian engineering industry will contribute to the development of the industry.

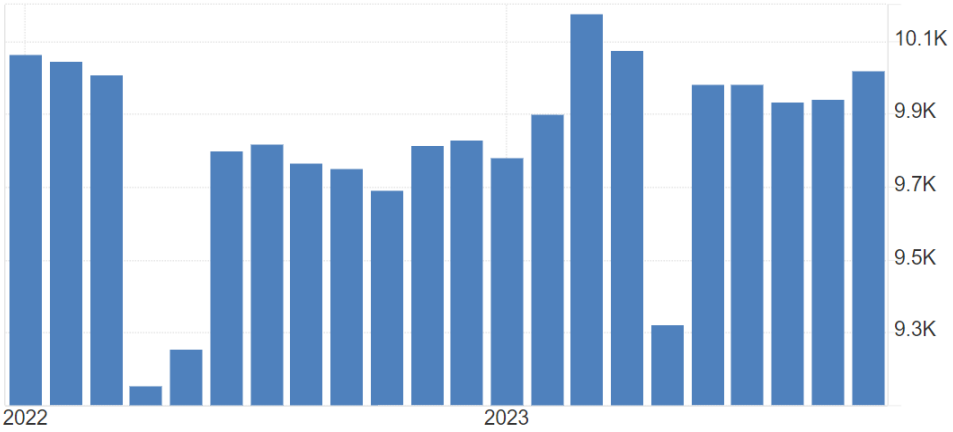


Figure 1. Oil mining in Russia 2022-2023 [3].

The figure shows the dynamics of oil production in Russia in the period from 2022 to 2023. It can be seen that in April 2022 production decreased dramatically due to the start of the special military operation in Ukraine, but in the following months it increased. The next major drop was in May 2023, but the figures rose again in the following months.

The Russian oil and gas industry is an area of international interests and cooperation with other countries. High resource prices allow for a shift to new regions and technologies, however, geopolitical instability and a desire to minimize costs are factors that inhibit industry development. Strategic development directions include import substitution, digitization of business processes, diversification of markets and suppliers, reinforcement of innovation and technological potential, and environmental protection.

References

1. Strategies, technologies and prospects for the development of entrepreneurial ecosystem and industry management / A. V. Antoshkina, A. S. Basiuk, E. O. Belova [et al.] // Krasnodar : FGBU “Russian Energy Agency” Ministry of Energy of Russia, Krasnodar CNTI – branch of FGBU “Russian Energy Agency” of the Ministry of Energy of Russia, 2021. 373 p.

2. Kobozeva E. M. To the question of increasing the efficiency of oil service companies' activity / E. M. Kobozeva, R. V. Sidorov // Science and modern society: actual issues, achievements and innovations. Materials of the International Student Scientific and Practical Conference within the Days of Student Science FGBOU VO KubGTU. Krasnodar, 2022. P. 264–268.

3. Russia – Crude Oil Production // Trading Economics. URL: https://ru.tradingeconomics.com/russia/crude-oil-production (date of access: 30.03.2026).

UDC 574*581,9*579,2

Gender Equality in Career

German Evgeny Olegovich
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: gender equality, career development, gender discrimination, gender pay gap, glass ceiling, workplace diversity, equal opportunities.

Gender equality in professional life is not limited to formal statements about equal rights; it is reflected in how opportunities are distributed, how people are treated, and whose voices are heard in the workplace. When access to careers, promotion, and recognition is not shaped by gender, the working environment becomes more balanced and, importantly, more effective. In such conditions, diversity is not just a principle but a real advantage, allowing organizations to benefit from a wider range of perspectives and skills. On a broader scale, gender equality contributes to a society in which individuals are able to realize their potential without being constrained by expectations rooted in tradition rather than ability. As stereotypes gradually lose their influence, the social structure becomes more flexible, and both men and women are able to participate fully in economic and social life. This shift is closely linked to higher productivity, stronger innovative capacity, and a general improvement in quality of life.

The persistence of gender inequality cannot be understood without taking into account its historical foundations [1]. For long periods, social systems were built around patriarchal models in which

© German E. O., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

men held dominant positions and controlled access to education, resources, and decision-making. This imbalance limited women's participation in many areas of public and economic life. Cultural norms and traditions reinforced these patterns, закрепляя устойчивые представления о том, какие роли считаются «подходящими» для мужчин и женщин. In many societies, women were expected to focus primarily on domestic responsibilities, while men were associated with income generation and authority. These patterns were further intensified in regions affected by colonization, where external systems of values were imposed, often restricting women's rights and narrowing their role in society.

Although much has changed, these historical dynamics continue to shape modern labor markets. Gender inequality in careers is still visible in several recurring forms. One of the most persistent is the pay gap, where women receive lower compensation than men for work of equal value. Another is the difficulty women face when seeking advancement into leadership positions, as they are often overlooked despite having comparable qualifications. In the United States, this imbalance is particularly evident: women, on average, earn less than men, and the gap is even wider for women of color. These disparities are not limited to specific sectors; they are found across industries and contribute to long-term economic inequality.

At the same time, there are clear efforts to address these issues and create more equitable working conditions [2]. Flexible work arrangements – including remote work, adaptable schedules, and parental leave – have become an important tool for balancing professional and personal responsibilities. Such measures help reduce disparities in hiring, retention, and promotion by acknowledging that employees' needs are not identical. Alongside this, leadership development programs aimed at women are playing an increasingly significant role. By providing practical skills, mentorship, and support,

these initiatives help overcome barriers to advancement and increase representation at the managerial level.

Even with these improvements, progress remains uneven. Gender stereotypes continue to influence how individuals are perceived in different professions. Women may be seen as less competent in technical or leadership roles, while men may encounter social pressure when entering fields traditionally associated with care or education. Another ongoing challenge is the relatively low presence of women in leadership positions. This imbalance not only affects individual career trajectories but also limits the diversity of perspectives in decision-making, which can impact the overall effectiveness of organizations.

Educational initiatives and targeted training programs have become an important part of the response to these challenges. Programs such as the Gender Equality in the Workplace Training Program focus on addressing pay disparities, improving representation, and fostering inclusive working environments. Similarly, the Gender Mainstreaming Training Course is designed to integrate a gender perspective into policies and organizational practices, ensuring that the needs of both women and men are taken into account at every level [3].

Increasing the representation of women in leadership remains a key factor in achieving real equality. Companies that have succeeded in this area often demonstrate stronger performance and higher levels of employee engagement, as diverse leadership tends to produce more balanced and well-informed decisions. In this sense, gender equality is not only a social goal but also a practical advantage. It supports fairness and inclusion, reduces the influence of outdated stereotypes, and creates the conditions for sustainable economic development by allowing societies to make full use of their human potential.

References

1. Popova I. P. Gender equality as a factor of professional career in science and technology // Sociological sciences. 2021. Vol. 30, № 2. P.98–122.

2. Khristoforova D. A. Problems of implementing the principles of gender equality in the field of work. 2019. P. 1416-1420.

3. Gender equality at work. 2022. URL: https://www.patriotsoftware.com/blog/payroll/gender-equality-at-work/ (date of access: 01.07.2026).

UDC 574*581.9*579.2

ESG Components

Marchenko Evgeny Nikolaevich
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: ESG, environmental factors, social responsibility, corporate governance, sustainable investment, risk management, value creation.

Over the past decade, ESG – environmental, social, and governance – has moved from the margins of financial analysis to its core. Investors now look beyond short-term returns, increasingly factoring in how companies behave, adapt, and sustain themselves over time. ESG is no longer perceived as an abstract ethical layer; it has become a practical framework that helps reduce uncertainty, identify long-term opportunities, and align business activity with broader

© Marchenko E. N., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

societal expectations. By combining several analytical dimensions, it offers a more nuanced way to evaluate a company's resilience and strategic outlook.

The environmental aspect focuses on how businesses interact with the natural world and manage their ecological footprint. This includes emissions, energy consumption, waste handling, and the preservation of natural resources. To make these factors measurable, analysts rely on indicators such as carbon intensity, water usage, and the share of renewable energy in operations. Research by Clark et al. (2020) suggests that companies demonstrating strong environmental discipline often show more stable financial performance, which reinforces the relevance of environmental metrics in investment analysis [1].

The social dimension shifts attention to human relationships – within the company and in its wider environment. It encompasses working conditions, employee well-being, respect for human rights, inclusivity, product responsibility, and engagement with local communities. Indicators like staff turnover, diversity levels, and community investment provide insight into how a company positions itself socially. As highlighted by Edmans (2021), organizations that invest in people and maintain strong social policies tend to build more loyal teams, which translates into greater stability and competitive advantage over time.

Governance, in turn, addresses how a company is directed and controlled. It reflects the quality of leadership structures, the transparency of decision-making, and the balance of interests among stakeholders. This includes board composition, executive remuneration, shareholder rights, ethical conduct, and regulatory compliance [2]. Metrics such as board independence, executive pay ratios, and the level of shareholder involvement help assess how effectively a company is governed. According to Gompers et al. (2019), firms with well-structured governance systems are generally less exposed to risk and better positioned to withstand market volatility.

Viewed together, these three components make it clear that ESG is no longer an optional consideration but a fundamental element of contemporary investment logic. Environmental, social, and governance factors increasingly shape how investors judge a company's ability to remain viable and competitive in the long run. Integrating ESG into investment decisions allows not only for financial gain, but also for a more meaningful contribution to social and environmental progress [3]. Further development in this area will depend on improving measurement approaches, increasing transparency, and strengthening cooperation between companies, regulators, and the investment community.

References

1. From the Stockholder to the Stakeholder: How Sustainability Can Drive Financial Outperformance. Oxford : Oxford University Press, 2020.

2. Edmans A. Grow the Pie: How Great Companies Deliver Both Purpose and Profit. Cambridge : Cambridge University Press, 2021.

3. Gompers P. Corporate Governance and Equity Prices / P. Gompers, J. Ishii, A. Metrick // The Quarterly Journal of Economics. 2019. Vol. 118, № 1. P. 107–155.

UDC 331.108.4

Career Trajectory Preferences of Generation Z

Molokova Elena, Molokova Elizaveta
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, molokova.lena1419@mail.ru

Keywords: career trajectory, career path, job satisfaction, Generation Z, career preferences.

In today's dynamic world, the concept of «career» extends far beyond simple job promotion. Every professional, in one way or another, follows a certain career trajectory – a stable pattern of changing positions, functions, industries or levels of responsibility over the course of their working life. Understanding these trajectories is important for employees: making an informed choice of the career path helps align professional development with personal values and expectations.

However, global research shows that a significant part of the workforce is not satisfied with their career progress. According to surveys, only about 56,68% of workers worldwide are satisfied with their employment. At the same time, 30,15% are clearly dissatisfied and another 13,17% remain neutral or unsure about their current position [1]. The situation in Russia: nearly 40% of Russians are dissatisfied with their career development [2]. It means that a significant part of the labor force is either stagnating or experiencing frustration, which leads to low productivity, burnout and employee turnover.

One of the key reasons for this gap between expectations and reality is that many people follow an externally imposed or only known pattern of career behavior without realizing the alternatives [3]. Experts

© Molokova E., Molokova E., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

currently identify 5 types of career trajectories: Linear, Expert, Spiral, Transitory, Portfolio Career Model [3], [4]. Each of these implies a different logic of role transition, different sources of motivation and a different attitude toward professional growth.

The Linear – the traditional upward movement, with variable job role tenure and motivated by power and achievement. Behavioral competencies include leadership, competitiveness, cost-efficiency, profit orientation. This career concept is most common in high hierarchical structures with a narrow circle of control [3].

The Expert – little movement and long role tenure due to deepening expertise in a narrow discipline. This concept implies that a person selects a job or field early in life and stays with it for life. Competencies are quality, commitment, reliability, technical competence, stability orientation. Significant rewards include continuing education, benefits, recognition. This is the path for a craftsman, an academic, a software developer, a research scientist [3].

The Transitory – lateral moves with 3-to-5-year tenures, frequent, often unrelated, job changes motivated by desire for diversity, independence. Behavioral skills include speed, networking, adaptability, fast learning, project focus [3].

The Spiral – development in a given field for a period of time (7-10 years); then moving into new, related fields, with each move building on old skills while developing new ones. Motivated by personal growth, creativity and suitable for matrix organizations. Core competencies include creativity, teamwork, diversity of skills, horizontal coordination, and people development [3; 5].

The Portfolio or «Slash» - combining multiple jobs, freelance projects, private businesses to create a single, mixed income stream and professional identity. It aligns work with personal passions, provides multiple income streams creating financial security and gives an opportunity to be your own boss [4].

Understanding the characteristics of these 5 career trajectories is useful not only for professionals, but also for students who are just building their professional identity.

Our study is focused on the student community of the Russian Federation. The objective of our research is to analyse the career trajectory preferences of Generation Z students in order to reveal which of the 5 types modern students are most prone to. For this purpose, a questionnaire (20 statements) has been created. A five-point Likert scale is used for assessment. 100 students of 1-3 courses SibFU, Institute of Business Process Management, have been interviewed using the Yandex form. The period of the survey – two months. The results of the survey are shown in the diagram.

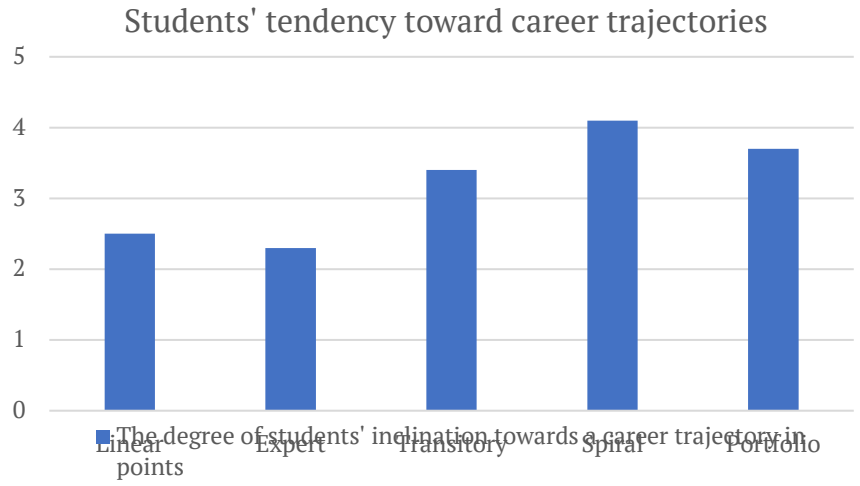


Figure 1. The results of the survey of students on their orientation of a certain career trajectory.

The survey results show that modern students (Generation Z) are less oriented toward the Linear and Expert career types, which imply long-term tenure within a single organization or narrow specialization. In contrast, the dominant types are Spiral, Portfolio and Transitory, indicating a high need for interdisciplinarity, changing contexts, a project-based lifestyle and autonomy.

To align with students' tendency toward these career trajectories, the following is recommended: universities should introduce project-based work with real-world cases from different industries, help students build an individual career trajectory and organize short-term internships across various fields; employers should implement rotation between departments every 6–12 months, offer interesting tasks with clear goals for 1–2 years and reconsider the criteria for a successful employee.

References

1. Ortiz P. 16 Job Satisfaction Statistics and Facts: 2026 Update // Home Grail. 2026. URL: https://homegrail.com/job-satisfaction-statistics/ (date of access: 07.04.2026).

2. Almost 40% of Russians are dissatisfied with their career development // Russia Today. 2025. URL: https://russian.rt.com/russia/news/1473855-rossiyane-karera-issledovanie (date of access: 07.04.2026).

3. Welds K. Four Career Trajectories: Linear, Expert, Spiral, Transitory // Kathryn Welds, PhD. 2019. URL: https://kathrynwelds.com/2025/05/14/four-career-trajectories-linear-expert-spiral-transitory/comment-page-1/ (date of access: 07.04.2026).

4. Silas. Exploring the Different Career Concept Models // Flavor365. 2025. URL: https://eathealthy365.com/exploring-the-different-career-concept-models/ (date of access: 07.04.2026).

5. Brooks A. The 4 Types of Careers, and How to Find Yours // YouTube. 2025. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5mpyFuyIQ14 (date of access: 07.04.2026).

UDC 331.1

The Concept of a Career Guidance Tour at SibFU as a Tool for University Promotion and the Development of Educational Tourism

Molokova Elizaveta, Molokova Elena
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, liza.molokova05@mail.ru

Keywords: career guidance tour, educational tourism, domestic tourism, student test drive, professional self-determination, career path.

On the one hand tourism as an economic sector expands its boundaries, stimulating the development of related industries, such as transport, agriculture, manufacturing, and others. On the other hand, tourism takes on new forms and offers new concepts.

The sanctions policy of Western countries towards the Russian Federation, as well as the unstable situation in the world, have made Russians pay attention to domestic tourism. There is a steady increase in interest in domestic tourism after 2022. During this period, the domestic tourist flow grew from 73.1 million to 90 million trips by the end of 2024, and in the first ten months of 2025, 76.2 million trips were made. Industry revenues increased by almost 52%, from 714 billion rubles (2022) to 1.088 trillion rubles (2024) [1]. According to forecasts, by 2035 domestic tourism could reach 144 million trips per year, what indicates its great potential. Currently, in Russia, special types of tourism are offered that are aimed at specific target audience in addition to previously known types of tourism services [2].

© Molokova E., Molokova E., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

At the moment there is no common classification of tourism, but usually 9-12 main types are distinguished by the goals of the trip and more than 30-50 subtypes by the forms of implementation [3]. However, this number is increasing. A separate direction represents educational tourism, which combines travel with career orientation, getting new knowledge and competencies [4; 5].

The conditions of modern education are becoming more complex every year, and the range of offered specialties is expanding. This creates significant challenges for applicants in determining their career path. The situation is aggravated by the dynamism of the labor market, which shapes demand for new professions and replaces outdated ones, and digitalization accelerates the change of relevant competencies. It is becoming increasingly difficult for school students to navigate the variety of career trajectories. The answer to this challenge is career guidance tourism. The task of this type of tourism is to help in choosing a profession, based on individual inclinations and objective market realities.

The study of the tourism market in Krasnoyarsk has revealed a free area that we propose to fill with professional tourism. Where the subject are potential students, the object is higher education institutions. The main value of a career tour for students and graduates is a comprehensive acquaintance with the university and profession. Participants can observe classrooms and laboratories, communicate with students and teachers. School students can visit industrial arias; it helps them to imagine their future work better [5].

The career guidance tour should include the following list of services: travel to the tour city, accommodation, meals, excursion program, leisure program, transfer [5]. It is assumed that a trip of a school student, graduate student to an organized tour within the framework of career-oriented tourism will be more advantageous for the family budget than their trip together with parents to the city of future university admission.

We propose to consider the concept of a career guidance tour program on the example of the Siberian Federal University.

The career guidance tour for students and graduates is a comprehensive program of immersing participants in the SibFU student environment to learn more about the university and divisions they are interested in. It is a chance to see where they may enter in the future. The program is designed for 4-5 days and is a kind of test drive of student life. It includes attending lectures in the chosen divisions, events from youth centers, excursions to enterprises, the partners of the university and excursions around Krasnoyarsk. The special feature of the tour is the accommodation of participants in student dormitories and meals in student canteens for full immersion into the student environment. Participants will be accompanied by the curators - students. Based on the results of the career tour, participants will be determined more precisely with the direction, specialty, which will be chosen after the end of high school.

The cost analysis of 5-day trip to Krasnoyarsk for school students/graduates with their parents to get acquainted with SibFU and the estimated cost of an organized career guidance tour to SibFU shows that an organized career guidance tour for one person would be more low-cost for a family budget. The cost of travel varies more than 3 times.

In the context of an increasingly complex labor market and a variety of professions, career guidance tourism is not just an additional service, but a necessary stage of preparation for adult life. The career guidance tour at SibFU, the concept of which in the form of a "student test drive" is proposed in this article, solves two tasks at once: helps students make an informed professional choice through immersion in the student environment and opens up a new channel for university to attract applicants. The economic benefits to families (more than three times the cost difference) makes this format affordable and promising. The proposed model can be scaled to other universities in Russia.

References

1. Aleksandrova A. Prospects for the development of domestic tourism in Russia // Коммерсантъ. 2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8361861 (date of access: 05.04.2026).

2. Slobodskaya A. V. Domestic tourism in Russia: types, perspectives and popular directions // Travel Russia. 2025. URL: https://travelrussia.ru/blog/unikalnye-prirodnye-mesta/vnutrenniy-turizm-v-rossii/ (date of access: 05.04.2026).

3. Dyachenko O. N. Organization of special types of tourism / O. N. Dyachenko, O. P. Polesskaya // Bryansk, 2017. URL: https://tourlib.net/books_tourism/djachenko1-1.htm (date of access: 05.04.2026).

4. Holomeev M. V. Educational tourism as an effective tool for career guidance activities of universities // Materials of the international scientific and practical conference of young scientists and students. Saint Petersburg, 2024. С. 792–796.

5. Diagileva E. V. Professional orientation tourism as a separately developing part of educational tourism // A collective monograph based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2017. С. 314–316.

UDC 339.138

Marketing Across Generations: How to Communicate with Boomers, Millennials, and Gen Z

Nefedova Svetlana Egorovna
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, nef200535@yandex.ru

Keywords: generations, Gen Z, Boomers, Millennials, advertising, trust, reviews, values.

The modern market presents a unique situation: for the first time in history, representatives of three different generations, whose values were shaped under radically different conditions, are active consumers simultaneously. What works for Generation X is met with incomprehension by Gen Z, while Millennials have long since ignored the communication channels familiar to Boomers.

The problem is that most marketing strategies either attempt to “average out” the message, rendering it ineffective for everyone, or blindly copy youth trends, alienating the older audience. The aim of this study is to identify key differences and formulate principles for communicating with each generation. To verify the theoretical propositions, a survey was conducted, the results of which partially confirmed and partially refuted existing stereotypes.

The theoretical basis of the study was Strauss and Howe’s generational theory [1], according to which people born during a specific period share similar values and behavioral patterns. In marketing, this theory helps to segment the audience more accurately, select communication channels, and create relevant content.

© Nefedova S. E., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Baby Boomers (1946–1964). Their youth coincided with the "Thaw" era, and their adulthood with perestroika and the 1990s. This generation is accustomed to hierarchy. Their consumer behavior is rooted in values of stability, respect for authority, and loyalty to familiar brands. Their main fears are being deceived and losing their savings. Information channels: television, radio, newspapers, messaging apps, Yandex [2]. Communication with boomers revolves around the slogan "We are official, reliable, and clear." It is important to avoid Anglicisms and slang, and to provide a hotline number rather than relying solely on a chatbot [3].

Generation X (1965–1984). Having grown up during the Cold War and the instability of the 1990s, they learned early on to rely on themselves. Values: pragmatism, independence, efficiency, value for money. Fears: job loss, financial instability. Channels: search engines, YouTube (long-form reviews), professional forums, email newsletters [2]. They view social media as a utilitarian tool. Generation X — the "bridge" between the analog world of Boomers and the digital world of Millennials and Gen Z. Slogan: "We're efficient; you save time and money." Comparison charts, "before/after" case studies, and ROI calculations are effective.

Millennials (1985–1996). They came of age during the rise of the internet and lived through the 2008 financial crisis. Values: experiences, expertise, word of mouth, social responsibility, work-life balance. Fears: uncertainty about the future, fear of missing out, negative reviews. Channels: Telegram, YouTube bloggers, review platforms. Detailed reviews and case studies are important. User-generated content – real photos and videos from customers – is effective for this audience [3].

Zumers (1997–2012). People who grew up alongside digital technology. Characterized by a "clip-based" mindset and a short attention span (about 8 seconds). Values: honesty, humor, viral content, personal identity, environmental consciousness. Fears: being boring, missing out on trends, intrusive advertising [2]. Channels: Discord,

Twitch, short vertical videos. They trust micro-influencers and acquaintances. Instead of direct sales – entertain, engage them in a game or challenge. The use of youth slang in official accounts causes rejection [3].

Thus, the study examined differences in consumer behavior across generations, analyzed communication channels, decision-making triggers, and linguistic codes. Both similarities with theoretical models and discrepancies were identified, particularly regarding the speed of decision-making and attitudes toward youth slang. Based on the collected data, practical recommendations were proposed for adapting companies' advertising messages to effectively engage with different generations.

References

1. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса: возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1 (1). С. 91–97.

2. Как продавать зумерам, миллениалам и бумерам – теория поколений в маркетинге // 1PS.ru. 2025. 12 декабря. URL: https://1ps.ru/blog/ctr/2025/teoriya-pokolenij-v-marketinge-kak-prodavat-bumeram-millenialam-i-zumeram/ (date of access: 14.04.2026).

3. Результаты опроса «Маркетинговые предпочтения разных поколений». URL: https://forms.yandex.ru/u/69de10ab49af47016b1a0c8d (date of access: 15.04.2026).

UDC 316

Internet Memes – The Tool of Promotion in an Educational Sphere

Romanenko Ivan Andreevich
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: online communication, educational purposes, promotional tool, target audience, student motivation, information promotion.

An Internet meme, as a genre of online communication, is an interesting object for study. The concept of a “meme” was initially introduced by biologist Richard Dawkins in his seminal work The Selfish Gene (1976), where he defined it as the fundamental unit of cultural information dissemination through imitation processes. For example:

– memes are contagious info patterns, reproduced themselves as parasites, infecting people`s mind and changing their behaviour, forcing them to spread these patterns even further [5];

– cultural codes embedding ideological and value system [1];

– creative messages delivering information in innovative formats.

Thus, three main functions of memes can be distinguished: facilitating communication, conveying information, entertaining.

There are different goals of creating / using of memes:

– generating humorous content;

– expressing individual opinions on critical issues;

– drawing attention to specific topics;

– influencing the media-community opinion;

– as a promotional tool;

© Romanenko I. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

– serving educational purposes.

Internet-memes give you the opportunity for cross-cultural interaction, simultaneous language and cultural learning, using cutting-edge technologies, which contributes to students` motivation and their results [4].

The structure of a meme is following: a core content, secondary elements and a background context [2].

There are several meme classifications. In accordance with reality memes can be divided into 2 groups – simulacra meme (meme based on fiction) and representation meme (based on real events) [3].

According to the classification proposed in the task, memes can be categorised into two main groups: neutral memes and charged memes. The latter category, referred to as meme-viruses (memes used as tools of manipulation), is further subdivided into three distinct types: deliberately created meme-viruses (slogans designed with a specific purpose), attention-grabbing meme-viruses (which typically revolve around scandals and are designed to attract public attention, examples of such manipulative techniques can be observed in modern warfare technologies, including cyberbullying, trolling, and flaming), self-replicated meme-viruses (which emerge spontaneously and have the potential to trigger a significant community response or resonance).

The thoughts and ideas evoked by the request will find the response in the mass consciousness. They are the ones that exist in the media as memes, the most frequently repeated words, set expressions, mottos [1].

Based on the fact that the Internet-meme is an integral element of the modern internet interaction with the print of youth subculture, as well as taking into consideration its characteristics such as: catchiness, expressiveness, repeatability, emotional charge, humor, simplicity, memorability, we can assume that Internet-memes can be effectively used as a marketing tool to promote the information about our university to the target audience (youth / applicants).

To attract applicants, we suggest using the up-to date meme patterns on the issues of their concern and interest. As an example, we can be focused on the topic of “Expectation - reality”. In this case, the expectation will be an understanding of management in terms of issuing commands, and the reality will be an emphasis on analytics and the use of various IT tools. Taking into consideration the age of the target audience, memes should have the element of entertainment and humour.

We offer some variants of memes, created especially for our institute:

Figure 1. Meme with humour elements.

Memes, connected with the choice Institute of Business Process Management, SibFU., memes, related to career prospects.

To get the utmost effect of the memes we offer to use different distributional channels:

– SibFU groups in VK messenger

– “CLIPS”, where young people spend much time

– SibFU site. We suggest creating our own sticker-park with jokes related to the Institute. We can use so-called “hidden messages” on the SibFU site.

The goal of this tool usage is to demonstrate to applicants and students that the institute is "on the same wavelength" with them.

In conclusion, the internet-meme is a complex item, which is characterized by the compositional complexity, a combination of visual

and textual elements, as well as pragmatic load, which is used to transfer the information and emotional impact. This phenomenon is focused on the clip-based thinking, which is common within most digital consumers nowadays. This genre of Internet interaction possesses wide content capacity, catchiness and briefness of expressing that meet the needs of the users with such a specific thinking and perception info mode. Thus, this tool can be used for service promotion (in our case the promotion of educational service) in our target audience.

References

1. Бочаров А. Б. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве / А. Б. Бочаров, М. О. Демидов // Управленческое консультирование. 2020. № 9. С. 92–100.

2. Зиновьева Н. А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов : дис. … канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2017. 189 с.

3. Канашина С. В. Семиотическая природа интернет-мема. Интернет-мем как симулякр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 22 (733). С. 118–125.

4. Морозова К. В. Мемы и культурный код: практическое применение интернет-трендов в обучении китайскому языку // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее : сб. науч. ст. / Ин-т иностр. яз. ГАОУ ВО г. Москвы ; Моск. гор. пед. ун-т. Москва : Языки народов мира, 2022. С. 75–79. EDN JAXUFU.

5. Thomas B. Meme Manual: A Cybernaut’s User’s Guide to Mind Viruses. Version 1.1. 1995. URL: http://asocial.narod.ru/material/memes.htm (date of access: 01.07.2026).

UDC 339.562.2

Features of LLC «AUTOSPECMASH» Operations in the Current Economic Conditions

Soloveva Polina Alekseevna, Kryukov Artyom Sergeevich, Dyomina Larisa Nikolaevna
Institute of Trade and Services of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, polina_kras04@mail.ru

Keywords: foreign economic activity, customs regulation, logistics, automobile imports, transportation, sanctions, regulatory framework.

LLC "AvtoSpetsMash", founded on December 30, 2016, has been successfully operating in the field of importing agricultural machinery, passenger cars, and spare parts. The company's activities are based on its Charter, which regulates internal processes, the management structure, and strategic development directions. The organization operates under a linear-functional management model, which ensures a clear distribution of responsibilities, prompt decision-making, and a high level of control [1].

The organization strictly complies with Russian legislation and holds the necessary licenses. Focusing on strategic development, the company aims to strengthen its position in a rapidly changing global environment. As an importer of agricultural machinery, passenger cars, tractors, trailers, and spare parts, it constantly seeks new goods and delivery methods. Its operations rely on international partnerships to bring competitive products to the Russian market. Key partners include DALIAN ZIWUXIAN ECONOMIC TRADE CO., LTD. (supplying the Toyota Hilux 4D 4WD with a 2.4L diesel engine) and Jining Jiubang

© Soloveva P. A., Kryukov A. S., Dyomina L. N., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Construction Machinery Equipment Co., Ltd. (delivering ISUZU JBSQ3.2 trucks). However, geopolitical tensions and sanctions are changing international cooperation.

In 2023, the company actively expanded supplies, signing many contracts and meeting growing demand from agricultural holdings, logistics firms, and private entrepreneurs. In 2024, transaction volumes decreased significantly due to new sanctions against Russia and associated economic difficulties. Restrictions affected supply volumes and increased costs: financial transactions became more complicated, logistics costs rose, and customs clearance times lengthened. This forced the company to reconsider its procurement strategy and seek new partners in countries with less sanctions pressure, such as Turkey, India, and the UAE [2].

New challenges are forcing LLC "AvtoSpetsMash" to rethink its strategy: it must retain traditional suppliers while actively seeking new channels to minimize dependence on individual partners. The company is also focusing on process digitalization and automated logistics management to respond faster to market changes and optimize costs. In the long term, it may establish its own spare parts warehouse and service center to reduce reliance on external suppliers and ensure stable customer service.

Thus, despite sanctions and rising costs negatively affecting supply volumes and contract signings, the company is actively adapting through optimization and diversification. This comprehensive strategy — reassessing priorities, digitalizing workflows, and expanding the partner network — gives the company confidence to pursue sustainable growth despite global challenges.

The base contract price for vehicles and machinery goes up noticeably due to extra costs. To give a few examples: a Volvo FH 13/460 truck typically costs around 92,000 euros, while AMUR semi-trailers are bought at roughly 20 million rubles per contract. TOYOTA HILUX 4D 4WD diesel SUVs (2400 cm^3) carry a contract value between 3 and 4

million rubles per unit, depending on the configuration and delivery conditions. Meanwhile, ISUZU JBSQ3.2 trucks are purchased at about 5–6 million rubles per vehicle.

However, the final cost increases significantly due to many additional payments. The main factors increasing the cost of machinery include the recycling fee, which reaches 2,035,500 rubles per unit; transportation costs, ranging from 6,000 to 129,000 rubles depending on the route; bank commissions, reaching several thousand rubles per transaction; as well as broker services, which can amount to up to 14,550 rubles per unit of machinery. Additionally, customs fees, certification (including the SBKTS and installation of the GLONASS system) also contribute to the final cost of the machinery. As a result, the cost of one Volvo FH 13/460 truck, considering all additional expenses, exceeds 12.1 million rubles; an AMUR semi-trailer – 4.6 million rubles; a TOYOTA HILUX 4D 4WD, diesel, 2400cm³ SUV – more than 5 million rubles; and an ISUZU JBSQ3.2 truck – around 7 million rubles [3].

In 2023, the company actively signed contracts, but in 2024, that number dropped sharply — to fewer than 10 deals. This decline is largely due to sanctions imposed against Russia in 2022–2023, which disrupted the import of cars and special equipment [4]. The impact on LLC “AvtoSpetsMash” includes: restricted cooperation with Western suppliers, higher logistics costs via third countries, currency transaction difficulties and exchange rate volatility, and longer delivery times due to stricter customs procedures and changed transit routes.

Due to these factors, the company may have reduced the number of purchases in 2024, opting for rare but larger deals with proven suppliers.

In 2023, AvtoSpetsMash LLC signed agreements with a broad range of suppliers. By 2024, however, the list of active partners had shrunk. Several factors might explain this shift:

– some European and other foreign suppliers pulled out due to fears of secondary sanctions;

– Chinese and other Asian companies may have altered their business terms—either raising prices or extending delivery times;

– in 2023, the company bought a large volume of equipment, which lessened the need for new contracts in 2024.

Sanctions, rising inflation, and fluctuating exchange rates have driven up the price of vehicles and machinery shipped to Russia. This cost increase likely contributed to the drop in the number of contracts, as the company shifted focus toward more expensive, high-priority purchases, looked for alternative markets and new supply routes and scaled back procurement because of higher financial risks.

The decline in contract volume in 2024 points to the effects of sanctions, economic pressures, and possible changes in the company's purchasing strategy. It seems AvtoSpetsMash LLC is adapting to the new reality by turning to Asian suppliers and choosing fewer but larger transactions—an approach that helps lower risks and keep the business running under tough conditions.

References

1. Charter of the Limited Liability Company "AvtoSpetsMash". – Adopted 30.12.2016. 2 p.

2. Activities of LLC "ASM". URL: https://excheck.pro/company/2460245194/activity/ (date of access: 20.02.2026).

3. Recycling Fee in Russia: Reasons for Increasing the Rate and Its Impact on the Car Market / L. N. Demina, E. A. Markov, R. V. Romanov, E. R. Yakovleva // Financial Management. 2024. № 11-1. P. 93–102.

4. Solovyova P. A. The Influence of Post-Sanctions Customs Policy on the Development of Export Potential of Domestic Producers // Regional Markets of Consumer Goods: Quality, Environmental Friendliness, and Business Responsibility : Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Krasnoyarsk, December 05–07, 2024. Krasnoyarsk : Bukva S, 2025. P. 367–371.

UDC 336.717

Business Transactions

Starshev Vladimir Ivanovich
Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: business transactions, accounting, bookkeeping, financial statements, cash transactions, credit transactions, financial management.

Nowadays business transactions are considered to be an essential part of running a company. A business transaction is an event that involves a financial transaction between different parties. Typically, this is a reciprocation against goods or services. Such transactions can either be a simple cash purchase or in the form of a contract. For keeping an eye on all sorts of transactions, it is necessary to keep books. Otherwise, it may be dangerous for the business.

Ordinary, people do not know, what do business transactions mean exactly. A business transaction is an economic event with a third party that is recorded in an organization's accounting system. Such a transaction must be measurable in money. Once a business transaction has been recorded, it will flow through the accounting system and appear in a firm’s financial statements [1].

There are some types of business transactions. Firstly, Cash Transaction and Credit Transaction. In easy words, when a transaction is classified as a cash transaction, that means the payment was received or paid in cash at the time the transaction occurred. For example, if Mary purchases a new shirt from a store and pays at checkout, a cash

© Starshev V. I., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

transaction has happened between Mary and the store. Even though this transaction is called a “cash” transaction, even if the payment is made with a debit or credit card, it is still considered a cash transaction because the payment is made at the time the transaction occurs. At the same time, in a credit transaction, the payment is made after a set amount of time, also called the credit period. For example, Mary wants to purchase a couch from a furniture store. Instead of paying at the time of the transaction, the store allows 30 days for payment. Cash is not involved at the time of sale, but Mary will be required to pay for the couch after the credit period of 30 days [2].

Secondly, Internal Transaction and External Transaction. When a business transaction occurs, and there is no external party involved, it is called an internal transaction. Even though there is no exchange in value with a third party, a monetary event has taken place that affects the business’s accounting. This can be in the form of depreciation on a fixed asset or loss of assets. External transactions are sometimes called exchange transactions and occur when two or more parties are involved in the transaction. Generally, these are daily occurring transactions like purchasing goods, paying rent or utilities, or paying employees.

Although it is hard to keep an eye on all of the transactions, it plays significant role in running a company. Bookkeeping is not just a legal requirement; it’s the lifeblood of a business’s financial health. Sometimes CEO underestimate how hard to keep it and finding all errors acquiring during the process. In this case, mistakes may lead to different dangerous for business situations. In the best way, the issue will be small, and business will get restriction from the local authorities. In the worst, the company will get a huge penalty and taxes. For example, every year countless number of businesses fail because of bad keeping books. Without doubt, better to avoid problems that may acquire because of bad bookkeepers. That is why, the best solution is not to economize on specialist in keeping books. The first and the finest rule of

running a company or small business: “Penny wise and pound foolish” [3].

To sum it up, business transactions are paramount part of business. That is why, bad accounting and keeping an eye on them may lead to problems with authorities or closure of the whole company. Transactions are making every minute, money circling every second. Every penny needs to be accounted with careful. If the company cannot handle with books, then it is in most ways leads to fail.

References

1. Business transaction definition // Accounting Tools. URL: https://www.accountingtools.com/articles/business-transaction (date of access: 26.03.2026).

2. What is a Business Transaction? // Contracts Counsel. URL: https://www.contractscounsel.com/t/us/business-transaction (date of access: 26.03.2026).

3. The Importance of Bookkeeping in Business: A Comprehensive Guide // Kpi. URL: https://www.kpi.com/en/importance-of-book-keeping/#importance-of-bookkeeping (date of access: 26.03.2026).

International, Foreign and Comparative Law: Current Issues / Aktuelle Probleme in der Rechtswissenschaft: Rechtsvergleichende Aspekte des Völkerrecht

УДК 347.34

Правовые основы участия Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая в корпоративных правоотношениях

Фаустова Анастасия Дмитриевна
Юридический институт Сибирского федерального университета, Красноярский край, Красноярск, Россия

Ключевые слова: корпоративное право, компании с государственным участием, корпоративное управление.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Качур Нине Федоровне, доценту, канд. юрид. наук.

Нормы статьи 57 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики дают определение юридического лица （法人） через его признаки – обладание гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью, а также способность самостоятельно в соответствии с законом приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности. Гражданский кодекс КНР классифицирует юридические лица по цели создания и способу создания.

Гражданский кодекс КНР прямо называет только два вида коммерческих юридических лиц – компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании с ограниченной ответственностью. В китайском языке для обозначения обеих организационно-правовых форм используется специфический термин 公司, который фигурирует также в названии другого важного нормативно-правового акта для предмета исследования –

© Фаустова А. Д., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Закона КНР о компаниях (中华人民共和国公司法) и используется законодателем исключительно в контексте коммерческих юридических лиц.

Важным фактором, позволяющем рассуждать об элементах административного контроля государства над деятельностью корпораций является обязанность корпораций предоставлять необходимые условия для деятельности партийных организаций. В соответствии с нормами статьи 18 Закона, во всех коммерческих корпорациях создаются партийные организации Коммунистической партии Китая и осуществляется партийная деятельность.

Таким образом, статья 18 Закона является нормой, интегрирующей политическую систему Китая в его экономику и корпоративную практику. Фактически осуществляемые функции партийных организаций представляют собой объединение членов партии, руководство профсоюзами и направление деятельности компании в соответствии с требованиями закона.

Статья 168 новой редакции Закона раскрывает содержание понятия компаний с государственным участием （国家出资公司）, относя к ним как компании, полностью принадлежащие государству, так и частные компании обеих ключевых организационно-правовых форм, где государству принадлежит только определенная часть капитала предприятия.

Также именно в специальных нормах главы 7 получает развитие упомянутый ранее институт формирования партийных организаций внутри структуры предприятия. Нормы статьи 170 Закона указывают на руководящую роль партийных ячеек в компаниях с государственным участием, закрепляя за данными органами такие функции, как обсуждение основных вопросов деятельности и управления компанией, принятия корпоративных

решений. Функции партийного участия также уточняются Уставом Коммунистической Партии Китая.

Статьи 144–147 Закона о компаниях фокусируются на регламентации специальных правил управления для компаний с государственным участием, в частности, на механизме назначения и снятия с должности управляющих, на предотвращении конфликта интересов в связи с одновременным занятием должностей в нескольких компаниях, а также на требованиях к созданию и усовершенствованию внутри корпораций с государственным участием механизмов контроля и надзора, контроля рисков и комплаенса.

Рассуждая о целесообразности и последствиях государственного участия в деятельности корпораций разумно обратиться к эмпирическим исследованиям китайских авторов, касающихся данного института. Ряд источников отмечает ведущую роль государственного капитала в стимулировании технологических инноваций частных предприятий. Несмотря на то, что эффективность инноваций в частных предприятиях КНР выше, чем в государственных, технологические инновации требуют крупных инвестиций, высоких рисков и длительных циклов. В контексте изучения влияния партийных организаций на инновационную способность предприятий, китайские исследователи формулируют выводы о том, что участие партийных организаций, во-первых, снижает инновационные расходы путем ограничения чрезмерных инвестиционных потоков, во-вторых, повышает инновационный результат и эффективность инноваций, в-третьих, помогает оптимизировать структуру инновационных ресурсов и способствует реализации национальной стратегии инновационного развития.

Изучая правовые основы участия Китайской Народной Республики, нельзя не отметить высокий уровень консолидации правовых норм, касающихся государственного участия в

корпоративном управлении, в единый правовой акт – Закон о компаниях, внутри которого выделена отдельная глава, посвященная обобщению нормативного материала, касающегося исследуемого правового института. При этом китайское законодательство, регулирующее участие государства в корпоративных правоотношениях, сохраняет глубину и разветвленность, а также тесную связь и ориентацию на соответствие нормам Конституции.

Список источников

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / Пер. с китайского отв. ред. Ван Чжихуа. М.: Проспект, 2025. 365 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 частях. Ч. 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ [принят Государственной думой 16 сентября 2003 года : одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года].

3. Закон Китайской Народной Республики «О компаниях». Принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 29 декабря 1993 г.; в ред. от 24 декабря 2023 г

4. Конституция Китайской Народной Республики. Принята V сессией Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 4 декабря 1982 г.; с изм. и доп. по сост. на 2018 г.

5. Ли М. Участие партийных организаций в корпоративном управлении и инновациях: эмпирические доказательства на примере государственных листинговых компаний / Ли М., Чэн Х. // Журнал систем и управления (Journal of Systems & Management). 2021. Т. 30, № 3. С. 401–422. [李明辉，程海艳. 党组织参与治理与企业创新—来自国有上市公司的经验证据[J]. 系统管理学报, 2021, 30(3): 401–422.].

6. Устав Коммунистической партии Китая : [принят XX съездом КПК 22 октября 2022 года].

7. Ю Х. Может ли государственная доля стимулировать технологические инновации в частных предприятиях? — Эмпирические данные китайских листинговых компаний / Ю Хань, Сун Цыцзи, Сун Цзэнцзи // Журнал Шанхайского университета финансов и экономики. 2021. Т. 23, № 6. С. 20–32. [中文参考文献格式。余汉，宋慈笈，宋增基。国有股权能够推动民营企业的技术创新吗？来自中国上市公司的经验证据.

上海财经大学学报，2021，23(6)：20–32.].

8. Ян Т. Корпоративное управление с китайской спецификой: роль компартии Китая в управлении госпредприятиями // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. №1. С. 95–106.

UDC 340.5

False Friends in Legal Discourse: Risks and Strategies for Minimizing Errors

Chernykh Nikita Aleksandrovich
Law Institute of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, nikita.chernykh@yandex.ru

Keywords: false friends, legal translation, risks of incorrect translation, strategies to minimize errors.

The problem of interlanguage homonymy, known as "translator's false friends", remains one of the most controversial concern in modern translation practice, especially in the field of legal translation. In this area, even a minor inaccuracy can radically distort the meaning of a

© Chernykh N. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

document, and an erroneous interpretation of lexical units can not only make it difficult to understand, but also mislead the recipient about the essence of the legal phenomenon.

According to Akulenko's V. V. definition, lexical units of different languages that have similarities in graphic and/or phonetic design, but differ in semantics and usage conditions, are called false friends.

In the teaching methodology of translation, it is customary to differentiate false friends into two main groups:

- Complete discrepancies: words that are identical in form, but completely diverge in meaning (frustration ≠ "frustration", "disappointment");
- Partial coincidences: lexemes that match in one meaning, but differ in other contexts (interest is more often "rate" or “right” than "curiosity"; deposit is not only "deposit", but also "pledge", "guarantee fee").

Having established that words of the second category pose the greatest difficulty for the translator, it naturally follows to examine how exactly false friends affect the quality of the target text. Specifically, their impact manifests in six key areas:

1. Distortion of meaning: an erroneous interpretation of the lexeme leads to a misunderstanding of the original message, e.g. fee simple absolute – «простая абсолютная плата» («безусловное право собственности»)

2. Factual errors: the choice of an inadequate equivalent, which in turn reduces the accuracy of information transmission, for instance, marketable title – «рыночный заголовок» («безупречный правовой титул»)

3. Loss of contextual nuances: important semantic nuances of the original may be lost, for example, interest in property – «интерес к собственности» («имущественное право/доля в собственности») title search – «поиск титула» («проверка правового титула»)

4. Professional decline: systematic errors undermine the reputation of the translation, such as invoice – «инвойс» («счет-фактура», «смета», «накладная»), capitalization issue – «проблемы с капитализацией» («выпуск льготных акций для имеющихся акционеров»).

5. Loss of audience trust: noticeable inaccuracies create a skeptical attitude towards the translator's work, for example, title search – «поиск заголовка» («проверка правового титула»), security interest – «интерес безопасности» («залоговое право»), licence – «лицензия» (vs. «сертификат», «патент», «допуск»), chain of title – «цепь титулов» («последовательный ряд передач правового титула», «последовательность правового титула»).

6. Increased labour intensity: the need for repeated verification lengthens the project completion time. For instance, harassment, gross pay/salary, certificate, proxy.

Given the serious implications we've just examined it becomes evident that false friends of the translator represent more than mere lexical pitfalls; they constitute a tangible threat to translation quality and professional reputation. This naturally raises the question: how can translators systematically guard against these deceptive cognates? The answer lies in implementing targeted risk minimization strategies. Researchers (Gottlieb K. G., Gilchenok N. L., Akulenko V. V.) recommend an integrated approach to identifying and neutralizing false friends:

• Vocabulary work: the use of specialized bilingual dictionaries (Vinokurov, Baykov, Akhzhigitov, etc.) remains a basic tool, especially critical in high-risk areas (medicine, law).

• Contextual analysis: the meaning of a word is determined through its environment (fee – "fee" («плата»), but fee simple – "unconditional ownership" («безусловное право собственности»); deposit – "pledge", “guarantee fee”, “collateral” («имущество переданное в залог», «залог»), title – "title" («заголовок»), but marketable title – "impeccable title" («безупречный правовой титул»);

interest – "profit" («проценты»), but nonposessory interest – "property right not related to possession" («вещное право не связанное с владением»)).

• Working with specialized lists: Studying already identified pairs of false friends speeds up the process of recognizing potential pitfalls.

The modern technique of mental maps provides visual structuring and semantic integration of vocabulary, while the traditional method focuses on multiple translations and varying contexts to automate recognition skills.

The use of artificial intelligence deserves special attention. We analysed five different AI systems, comparing their translation options for the translator's false friends with the most correct equivalents:

Sample collocations: fee simple absolute, remainderman, quiet enjoyment. Thus, effectively overcoming the problem of false friends in legal translation requires a combination of theoretical awareness, work with reputable sources, and systematic practice. The integration of traditional and digital methods makes it possible to minimize the risks of errors and improve the quality of professional translation in the field of law.

References

1. Крюгерян А. Л. Классификация «ложных друзей переводчика» в текстах экономической направленности: типичные ошибки при переводе с английского языка на русский / Крюгерян А. Л., Перцевая Е. А., Кузьмина А. П. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 10. С. 3150–3155.

2. Власко Н. К. «Ложные друзья переводчика» как источник переводческих ошибок // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12-2. С. 1–3.

3. Машкова Н. А. Ложные друзья переводчика в юридической лексике: проблемы и методы обучения // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. № 3. С. 1–12.

4. Мультитран : [сайт]. URL: https://www.multitran.com.

UDC 349.6

The Power of Legal Language: How English Terminology Shapes International Criminal Justice

Kulikova Arina Pavlovna
Juristisches Institut der Sibirischen Föderalen Universität, Krasnojarsk, Russland, culikowa.ar@yandex.ru

Keywords: terminology, criminal justice, interpretation, enterprise, due process, genocide.

It is worth beginning with the fact that terminology in the field of law carries immense significance. Above all, the interpretation of legal texts requires an internal understanding of their substance. To achieve this, the reader inevitably turns to each individual term, carefully unpacking its meaning. This process is an integral part of any branch of law; however, I would like to focus more specifically on the importance of terminology in criminal law.

In the context of globalization, international criminal justice depends not only on legal principles and institutions, but also on the language in which the law is articulated. The English language has become the primary working language of many international courts and tribunals, shaping the definition, interpretation, and application of legal concepts across diverse legal systems.

A bright example is the expression “beyond reasonable doubt,” which constitutes a fundamental standard of proof in Anglo-American law [1]. Although this standard is employed in international courts, it

© Kulikova A. P., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

does not have an exact equivalent in continental legal systems. In some jurisdictions, judges are guided instead by the principle of “inner conviction,” rather than by a formally defined threshold of doubt. As a result, the English term requires interpretation rather than mere translation, which may, in turn, influence the evaluation of evidence and the ultimate decisions rendered.

Another illustrative example is “joint criminal enterprise” [2]. This term is applied in situations where criminal liability is attributed to all individuals involved in a collective undertaking that results in the commission of a crime, even if they did not personally carry out the criminal act. However, the word “enterprise” itself may be translated differently across legal systems, most commonly associated with commercial rather than criminal activity. Even when understood in the legal sense described above, the degree of participation, intent, and interest of the individuals involved in a collective plan may be subject to various interpretations.

A further important example is the term “due process” [3]. In the Anglo-Saxon legal tradition, it encompasses a broad range of procedural guarantees, including the right to defense, the right to a fair trial, and protection against arbitrary state action. In Romano-Germanic legal systems, however, similar guarantees are often codified more specifically in statutory law, and the term itself may be perceived differently. Thus, the English concept functions as a generalizing category that does not always fully align with other legal traditions.

Another compelling illustration of the influence of English legal terminology can be found in the interpretation of the term “genocide” [4]. While it is now universally recognized as a legal concept, its definition originates from the Genocide Convention and is deeply rooted in specific linguistic and historical contexts. The English formulation of genocide includes the requirement of “intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial or religious group.” However, the phrase “in part” has generated significant debate in international

jurisprudence. The International Criminal Court has had to interpret what constitutes a “substantial part” of a protected group. This interpretative challenge demonstrates how a seemingly simple phrase in English can shape legal thresholds and influence judicial outcomes.

Moreover, linguistic nuances may affect not only legal professionals but also defendants and victims. In multilingual proceedings, translation is inevitable, yet certain concepts resist precise equivalence. For instance, the emotional and cognitive perception of terms such as “guilt,” “intent,” or “responsibility” may differ depending on linguistic and cultural background.

In conclusion, English legal terminology plays a pivotal role in shaping international criminal justice. The examples of “beyond reasonable doubt,” “due process,” and “joint criminal enterprise”, “genocide” demonstrate that language does not merely describe the law—it actively constructs it. While English facilitates global communication, it also gives rise to challenges of interpretation, accessibility, and cultural influence. Awareness of these factors is essential to ensuring the fairness of international justice.

References

1. Cambridge Dictionary : [site]. URL: https://dictionary.cambridge.org.

2. Multitran : [site]. URL: https://www.multitran.com.

3. Oxford Learner's Dictionaries : [site]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com.

4. Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2013. 800 с. URL: http://duma.gov.ru/media/files/eGfOzeOhJ8f0nSDsJO5JLCKOk0yZrvDC.pdf.

UDK 340.5

Die Rolle der Künstlichen Intelligenz im Digitalen Recht Deutschlands und der EU

Baka Prokhor Artemowitsch
Juristisches Institut der Sibirischen Föderalen Universität, Krasnojarsk, Russland

Keywords: Daten, Schutz von Rechten, Information, künstliche Intelligenz, neuronales Netz, Datenverarbeitung, rechtliche Regulierung.

In der heutigen Zeit ist die Digitalisierung ein bedeutender Faktor der gesellschaftlichen Entwicklung. Eine der Erscheinungsformen des hohen Niveaus der Implementierung informationstechnologischer Errungenschaften ist der Einsatz künstlicher Intelligenz (im Folgenden – KI), die die meisten Prozesse automatisiert, auch im Geschäftsbereich. In einer Phase der rasanten Entwicklung von KI-Systemen verschärfen sich jedoch Fragen des Schutzes geistigen und kommerziellen Eigentums sowie der Haftung für Rechtsverstöße.

Berman A. M. führte in ihrer wissenschaftlichen Arbeit die Position von Bitkom – dem Digitalverband Deutschlands, gegründet 1999 in Berlin, an:

- Die rechtliche Regulierung sollte nicht universell sein;
- Die rechtliche Regulierung ist nur dann erforderlich, wenn Probleme auftreten, die eine sofortige Lösung erfordern;
- Die rechtliche Regulierung sollte im Bereich der staatlichen Kontrolle verstärkt werden;

© Baka P. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

• Die rechtliche Regulierung sollte flexibel sein und für eine schnelle Reform bereitstehen.

Artikel 12 des Gesetzes über künstliche Intelligenz (AI Act) bestätigt die Möglichkeit der Existenz von KI unabhängig vom Menschen. Artikel 10 dieses Rechtsakts verankert zudem das Grundrecht auf Schutz personenbezogener Daten, einschließlich des Privatlebens und der Vertraulichkeit der Kommunikation. Artikel 13 behandelt den rechtlichen Status des Entwicklers, der die Funktionsweise der KI kontrolliert. Dieses Konzept wird als Human-in-the-Loop (HITL) bezeichnet und spiegelt das Bestreben wider, den Vorrang des Rechtssubjekts gegenüber autonomen Systemen zu bewahren. Artikel 22 überträgt den nationalen Behörden sowie den Organen, Einrichtungen und Agenturen der Europäischen Union (im Folgenden – EU) die Verantwortung für die Verbreitung von Informationen im Zusammenhang mit dem Einsatz von KI, einschließlich deren Übereinstimmung mit den Anforderungen der Verordnung. Die Verabschiedung des EU-AI Acts stellt einen wichtigen Schritt bei der Entwicklung eines umfassenden Ansatzes zur Regulierung von KI dar.

Da KI als automatisiertes System anerkannt ist, ist das Bundesdatenschutzgesetz in Deutschland (im Folgenden – BDSG) zu betrachten. Es besteht in enger Wechselwirkung mit der Datenschutz-Grundverordnung der Europäischen Union (im Folgenden – GDPR).

Der erste wichtige Aspekt der Wechselwirkung zwischen Gesetzgebung und KI ist das Prinzip der Rechtmäßigkeit der Datenverarbeitung. Gemäß Art. 6 Kap. 2 GDPR sowie § 26 BDSG wird der Schutz personenbezogener Daten durch die Einführung bestimmter Verarbeitungsalgorithmen und durch rechtliche Haftung bei deren Verletzung geregelt.

Das zweite wichtige Prinzip ist die Datenminimierung. Aufgrund der großen Datenmengen, die u. a. von KI verarbeitet werden, begrenzt die GDPR deren Speicherfrist. Dieses Prinzip ist in Art. 1 Kap. 2 lit. c

GDPR verankert. § 34 BDSG formuliert bestimmte Zwecke, auf deren Grundlage große Datenmengen verarbeitet werden dürfen.

Das dritte wichtige Prinzip, das die Regulierung der KI erheblich beeinflusst, ist das Transparenzprinzip. Aus Art. 12 GDPR folgt, dass der Verantwortliche die Verarbeitung von Informationen gewährleisten und diese in präziser, transparenter, verständlicher und leicht zugänglicher Form bereitstellen muss, unter Verwendung klarer und einfacher Sprache, insbesondere wenn sich die Informationen speziell an Kinder richten. Dieses Prinzip ist nahezu wortgleich in § 32 BDSG verankert. Zudem wird der Begriff „erklärbare KI“ (Explainable AI) erwähnt, der mit dem Recht der betroffenen Person auf aussagekräftige Informationen über die Logik der Verarbeitung zusammenhängt und in Art. 15 Abs. 1 lit. h GDPR festgelegt ist.

Eine besondere Stellung nimmt die Regulierung automatisierter Entscheidungsfindung ein. In Art. 22 Abs. 1 GDPR ist das Recht der betroffenen Person verankert, nicht ausschließlich automatisierten Entscheidungen unterworfen zu werden, die sie betreffen. Die Erstellung von Scoring-Berichten als Beispiel einer solchen Entscheidung wird in § 32 BDSG geregelt.

Eine weitere wichtige Bestimmung ist die Regulierung der Haftung des KI-Verantwortlichen für eine missbräuchliche Datenverarbeitung. Gemäß Art. 5 Abs. 2 GDPR trägt der Verantwortliche die Verantwortung für die Einhaltung von Absatz 1 derselben Vorschrift (Grundsatz der „Rechenschaftspflicht “).

Darüber hinaus ist bei der Entwicklung von KI der Datenschutz durch Technikgestaltung und durch datenschutzfreundliche Voreinstellungen (privacy by design and privacy by default) von besonderer Bedeutung. Nach diesem Prinzip muss der Verantwortliche geeignete technische und organisatorische Maßnahmen gewährleisten, um den Datenschutz wirksam umzusetzen.

Zusammenfassend lässt sich sagen: Der AI Act, der unmittelbar in allen EU-Mitgliedstaaten gilt, reguliert alle Bereiche, in denen KI-

Systeme eingesetzt werden. GDPR und BDSG regeln eine Vielzahl von Problemen im Zusammenhang mit der Nutzung neuronaler Netze und bilden einen Mechanismus zum Schutz der Menschenrechte, der auf dem Vorrang der Persönlichkeit als Rechtssubjekt beruht.

Quellenverzeichnis

1. Берман А. М. Rechtsregulierung der Nutzung digitaler Technologien in Deutschland und in der Europäischen Union. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-germanii-i-evrosoyuze.

2. Artificial Intelligence Act. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202401689.

3. Federal Data Protection Act (BDSG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bdsg/.

4. General Data Protection Regulation (GDPR). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng.

UDK 342.71

Rechtliche regelung des umweltschutzes in Russland und Deutschland: eine rechtsvergleichende untersuchung

Fomicheva Anastasia Alexejewna
Sibirische Föderale Universität, Krasnojarsk, Russland, ffjikyhjiky2@gmail.com

Schlüsselwörter: Umweltrecht, Umweltschutz, Russland, Deutschland, rechtsvergleichende Analyse, Umweltverschmutzung, rechtliche Regulierung, Umweltverantwortung.

In diesem Beitrag analysiere ich vergleichend die rechtliche Regulierung des Umweltschutzes in Russland und Deutschland. Im Fokus stehen präventive Instrumente, Genehmigungs- und Prüfverfahren sowie straf- und verwaltungsrechtliche Haftung. Die Analyse verdeutlicht, dass das deutsche System durch ein eng abgestimmtes Zusammenspiel rechtlicher Normen, gerichtlicher Kontrolle und wirtschaftlicher Steuerungsinstrumente geprägt ist, während das russische Recht trotz einer umfassenden gesetzlichen Grundlage Schwächen in der praktischen Umsetzung und bei der Durchsetzung von Sanktionen erkennen lässt.

Die Verschärfung globaler Umweltprobleme macht eine wirksame rechtliche Regulierung des Umweltschutzes unverzichtbar. Entscheidend ist dabei nicht nur die Existenz gesetzlicher Normen, sondern auch ihre tatsächliche Anwendung. Gerade der Vergleich Deutschlands und Russlands ist aufschlussreich, weil beide Staaten über entwickelte, jedoch unterschiedlich strukturierte Systeme des Umweltrechts verfügen. Methodisch stützt sich die vorliegende

© Fomicheva A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Untersuchung auf einen rechtsvergleichenden und systematischen Zugang sowie auf die Auswertung zentraler gesetzlicher Grundlagen und typischer Vollzugspraxis.

Das Umweltrecht in Deutschland ist als komplexes, mehrstufiges System ausgestaltet, in dem nationale Regelungen eng mit dem europäischen Recht verzahnt sind. Eine zentrale Rolle spielen dabei das Bundes-Immissionsschutzgesetz, das Gesetz über die Umweltverträglichkeitsprüfung, das Wasserhaushaltsgesetz, das Bundes-Bodenschutzgesetz sowie das Kreislaufwirtschaftsgesetz. Ergänzend wird der Umweltschutz durch strafrechtliche Vorschriften des Strafgesetzbuches abgesichert. Dieses Zusammenspiel macht deutlich, dass Umweltschutz nicht nur repressiv, sondern vor allem präventiv verstanden wird: Genehmigungsverfahren, Öffentlichkeitsbeteiligung und gerichtliche Kontrolle wirken zusammen und erhöhen die Rechtssicherheit sowie die Abschreckungswirkung gegenüber potenziellen Verstößen.

Das russische Umweltrecht beruht vor allem auf dem Föderalen Gesetz „Über den Umweltschutz“, dem Gesetz über die Umweltverträglichkeitsprüfung, dem Verwaltungsstrafrecht und dem Strafgesetzbuch. Die Normen enthalten wichtige Grundsätze wie die Vermeidung von Umweltschäden, die Priorität des Schutzes natürlicher Systeme und die Haftung für ökologische Rechtsverletzungen. In der Praxis bleibt die Wirksamkeit jedoch begrenzt. Schwierigkeiten ergeben sich insbesondere beim Nachweis des Kausalzusammenhangs, bei der Bestimmung des Schadensumfangs und bei der Durchsetzung verhältnismäßig niedriger Geldbußen. Deshalb entfalten die vorhandenen Instrumente oft nicht die gewünschte präventive Wirkung.

Der rechtsvergleichende Blick zeigt, dass sich die beiden Systeme vor allem im Grad ihrer Integration unterscheiden. In Deutschland bilden Prävention, wirtschaftliche Steuerung und Sanktionierung ein kohärentes Ganzes, während die einzelnen Elemente des russischen Systems stärker nebeneinanderstehen.

Aus dieser Gegenüberstellung folgt, dass die Wirksamkeit des Umweltschutzes maßgeblich davon abhängt, ob die rechtlichen Instrumente nicht isoliert, sondern als abgestimmtes System eingesetzt werden. Daraus lassen sich für Russland konkrete Reformperspektiven ableiten: eine konsequentere Durchsetzung der geltenden Vorschriften, die Stärkung der abschreckenden Wirkung von Sanktionen, die Weiterentwicklung ökonomischer Steuerungsinstrumente sowie eine engere Verknüpfung von Genehmigungsverfahren, Prüfmechanismen und Kontrollsystemen. Ein integriertes System würde nicht nur Umweltverstöße besser verhindern, sondern auch die Rechtsdurchsetzung planbarer und transparenter machen.

Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass das deutsche Modell wegen seiner systemischen Geschlossenheit und der effektiven Rechtsdurchsetzung als besonders leistungsfähig gilt. Das russische Umweltrecht verfügt zwar über eine solide normative Grundlage, benötigt jedoch weitere Reformen auf der Ebene des Vollzugs. Eine stärkere Integration der vorhandenen Instrumente könnte wesentlich dazu beitragen, den Schutz der Umwelt dauerhaft zu verbessern.

Quellenverzeichnis

1. Strafgesetzbuch der Bundesrepublik Deutschland (StGB): Übers. und Komment. von P. V. Golovnenkov. Potsdam: Universität Potsdam, 2019. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (zugriff am: 16.03.2026).

2. Bundes-Immissionsschutzgesetz (BImSchG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bimschg/ (zugriff am: 16.03.2026).

3. Gesetz über die Umweltverträglichkeitsprüfung (UVPG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/uvpg/ (zugriff am: 16.03.2026).

4. Wasserhaushaltsgesetz (WHG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/whg_2009/ (zugriff am: 16.03.2026).

5. Bundes-Bodenschutzgesetz (BBodSchG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bbodschg/ (zugriff am: 16.03.2026).

6. Kreislaufwirtschaftsgesetz (KrWG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/krwg/ (zugriff am: 16.03.2026).

7. Über den Umweltschutz: Föderales Gesetz der Russischen Föderation vom 10.01.2002 Nr. 7-FZ (geltende Fassung). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (zugriff am: 16.03.2026).

UDK 340.5

Rechtliche Aspekte der Deutschen Staatsbürgerschaft und Moderne Herausforderungen

Klobertanz Andrey Anatolyevich
Juristisches Institut der Sibirischen Föderalen Universität, Krasnojarsk, Russland

Die deutsche Staatsangehörigkeit ist ein dynamisches Rechtsinstitut, dessen Regelungen sich aufgrund von Globalisierung und Migration kontinuierlich weiterentwickeln. Die Rechtsgrundlagen bilden das Grundgesetz sowie Bundesgesetze, insbesondere das Staatsangehörigkeitsgesetz und das Aufenthaltsrecht, ergänzt durch untergesetzliche Rechtsvorschriften [1].

Nach dem geltenden deutschen Staatsangehörigkeitsrecht (§ 1) und dem Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland, Artikel 116, gilt als Deutscher, wer die deutsche Staatsangehörigkeit besitzt oder im Gebiet des Deutschen Reiches als Flüchtling oder Vertriebener deutscher Nationalität oder als Ehegatte oder Nachkomme einer dieser Personen

© Klobertanz A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

aufgenommen wurde (innerhalb des Staatsgebiets am 31. Dezember 1937), sowie ehemalige deutsche Staatsangehörige, denen zwischen dem 30. Januar 1933 und dem 8. Mai 1945 aus politischen, rassischen oder religiösen Gründen die Staatsangehörigkeit entzogen wurde, sowie deren Nachkommen erhalten auf Antrag ihre Staatsangehörigkeit zurück) [2; 3].

Gemäß § 3 des Staatsangehörigkeitsgesetzes gibt es fünf Hauptwege zum Erwerb der deutschen Staatsangehörigkeit:

1. Durch Geburt (§ 4): Ein Kind erwirbt bei der Geburt die deutsche Staatsangehörigkeit, wenn ein Elternteil die deutsche Staatsangehörigkeit besitzt. Sofern der Vater zum Zeitpunkt der Geburt des Kindes deutscher Staatsbürger ist und eine Feststellung der Vaterschaft erforderlich ist, muss zur Bestätigung des Erwerbs der Staatsangehörigkeit die Anerkennung oder Feststellung der Vaterschaft nach deutschem Recht erfolgen, bevor das Kind das 23. Lebensjahr vollendet. Ein im Inland aufgefundenes Kind (Fundling) gilt als Kind eines Deutschen, solange nicht das Gegenteil bewiesen ist.

2. Das Territorialprinzip: Ein Kind ausländischer Eltern erhält die Staatsangehörigkeit, wenn einer der Elternteile seit fünf Jahren rechtmäßig in Deutschland lebt und ein Aufenthaltsrecht besitzt. Für Kinder, die im Ausland als Kinder deutscher Eltern geboren wurden (nach 1999), ist eine spezielle Registrierung erforderlich, um den Verlust der Staatsangehörigkeit in dieser Generation zu vermeiden.

3. Auf Antrag (Erklärung, § 5). Für Personen, denen die Staatsangehörigkeit zuvor aufgrund diskriminierender Vorschriften verweigert wurde (z. B. Kinder deutscher Mütter, die vor bestimmten Stichtagen in einer Ehe mit Ausländern geboren wurden). Die Frist für die Einreichung solcher Anträge ist auf 10 Jahre ab Inkrafttreten des Gesetzes begrenzt.

4. Adoption im Kindesalter (§ 6). Minderjährige Kinder bei Adoption durch einen deutschen Staatsbürger.

5. Spätflüchtlinge (§ 7). Personen, die eine Bescheinigung nach dem Bundesflüchtlingsgesetz (BVFG) erhalten haben.

6. Einbürgerung (§ 8–16). Nach den für das Jahr 2026 geltenden Bestimmungen umfassen die wichtigsten Voraussetzungen: fünf Jahre rechtmäßigen Aufenthalts (früher war die Frist länger), Identitätsnachweis und finanzielle Unabhängigkeit, Sprachkenntnisse auf dem Niveau B1 sowie das erfolgreiche Bestehen der Einbürgerungsprüfung und die Unterzeichnung einer Treueerklärung gegenüber dem Staat.

In § 10 des Staatsbürgerschaftsgesetzes sind jedoch die Arten von Aufenthaltsgenehmigungen aufgeführt, die keinen direkten Anspruch auf die Staatsbürgerschaft begründen und nicht auf die Dauer des rechtmäßigen Aufenthalts angerechnet werden: Schulbildung, Hochschulstudium, Berufsausbildung, Arbeitssuche, Aufenthalt aus besonderen politischen oder humanitären Gründen, Flüchtlinge, sowie Ausländer mit einer Übergangsregelung zum Recht auf vorübergehenden Aufenthalt. § 17 des Staatsangehörigkeitsgesetzes regelt den Verlust der deutschen Staatsangehörigkeit, etwa durch Verzicht, Dienst in ausländischen Streitkräften, Beteiligung an terroristischen Vereinigungen sowie durch Aufhebung einer Einbürgerung oder Anfechtung der Vaterschaft bzw. Adoption [2; 4].

In Deutschland wurden die Einbürgerungsvorschriften verschärft: Ab dem 30. Oktober 2025 entfällt das beschleunigte Verfahren (nach 3 Jahren); ein Einbürgerungsantrag kann nun erst nach 5 Jahren Aufenthalt gestellt werden. Ab 2025 ist es nicht mehr erforderlich, die ursprüngliche Staatsangehörigkeit aufzugeben: Man kann deutscher Staatsbürger sein und gleichzeitig den Pass des Herkunftslandes behalten [5; 6].

Das Institut der Staatsangehörigkeit in Deutschland weist historisch bedingte Besonderheiten auf, die die Entwicklung des Landes widerspiegeln.

Die Analyse der Gesetzgebung zeigt, dass die Rechtsnormen den Erwerb und den Verlust der Staatsangehörigkeit wirksam regeln und dabei die Interessen des Staates und des Einzelnen in Einklang bringen.

Trotz der durchgeführten Reformen besteht weiterhin Bedarf an einer Weiterentwicklung des Staatsangehörigkeitsrechts. Die Gesetzgebung sollte den Herausforderungen von Migration und Globalisierung durch ein flexibleres Einbürgerungssystem, den Abbau bürokratischer Hürden und eine stärkere Berücksichtigung individueller Integrationsleistungen Rechnung tragen.

Quellenverzeichnis

1. Adelseitova A. B. Zur Frage des Rechtsinstituts der Staatsangehörigkeit in der Bundesrepublik Deutschland // Wissenschaftliche Aufzeichnungen der V. I. Vernadsky-Universität der Krim. Rechtswissenschaften. 2015. № 2. P. 1–6.

2. Staatsangehörigkeitsgesetz in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 102-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 3 des Gesetzes vom 22. Dezember 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 364; 2026 I Nr. 49) geändert worden ist. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stag/.

3. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes zur Änderung des Grundgesetzes (Artikel 109, 115 und 143h) vom 22. März 2025 (BGBl. I Nr. 94).

4. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet.

5. Chirkin D. J. Der Wandel der rechtsextremen Parteien in Deutschland, Schweden und Italien vom Neofaschismus zum Populismus // KANT: SS&H. 2026. № 1 (25). P. 32–46.

6. Gherbaoui T. Der Entzug der Staatsbürgerschaft und andere administrative Maßnahmen gegen ausländische Kämpfer und ihre Vereinbarkeit mit Rechtsstaatlichkeit und Menschenrechten // Europas

Dilemma der ausländischen Kämpfer. Den Haag : TMC Asser Press, 2025. P. 207–264.

7. Fadeeva E. S. Der verfassungsrechtliche Status des Menschen und Bürgers (Persönlichkeit) in Russland und Deutschland (vergleichende rechtliche Analyse) // Eurasische Union der Wissenschaftler. 2016. № 32-2. P. 1–4.

UDK 340.5

Die verfassungsrechtliche Verantwortung des Staatsoberhauptes in den USA und in Deutschland

Melnikova Alina Alexandrowna
Juristisches Institut der Sibirischen Föderalen Universität, Krasnojarsk, Russland, alinamelnikova2024@mail.ru

Schlüsselwörter: Amtsenthebung, Gesetzgebung der Bundesrepublik Deutschland, verfassungsmäßige Rechte der Bürger, Gründe für eine Amtsenthebung, Folgen einer Amtsenthebung.

Das Amtsenthebungsverfahren ist ein Verfahren, bei dem hochrangige Staatsbeamte aufgrund schwerwiegender strafrechtlicher Vorwürfe durch das Parlament ihres Amtes enthoben werden. In der wissenschaftlichen Literatur wird der Begriff des Amtsenthebungsverfahrens in zwei Hauptbedeutungen interpretiert. Wie der Forscher S. G. Kolbaja betont, versteht man unter Amtsenthebungsverfahren im engeren Sinne die Anklageschrift selbst, im weiteren Sinne hingegen sowohl die Anklageschrift als auch das Verfahren, das gegen den Angeklagten von einem gesetzgebenden Organ, einem Gericht oder beiden durchgeführt wird.

© Melnikova A. A., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

Gegenstand einer solchen Haftungsmaßnahme wie dem Amtsenthebungsverfahren ist meist das Staatsoberhaupt. In anderen Fällen, die weitaus seltener vorkommen, werden auch andere Amtsträger ihres Amtes enthoben. Amtsträger des Staatsapparats, die mit hoheitlichen Befugnissen ausgestattet sind, sind stets Gegenstand eines Amtsenthebungsverfahrens.

Gemäß Abschnitt 4 von Artikel II der Verfassung der Vereinigten Staaten können der Präsident, der Vizepräsident und alle zivilen Amtsträger der Vereinigten Staaten nach einer Verurteilung im Rahmen eines Amtsenthebungsverfahrens wegen Hochverrats, Bestechlichkeit oder anderer schwerer Verbrechen und Vergehen ihres Amtes enthoben werden.

In Deutschland hingegen ist in Artikel 61 Absatz 1 lediglich der Bundespräsident als Gegenstand der Anklage festgelegt.

Kommen wir nun zu den Gründen und Folgen eines Amtsenthebungsverfahrens.

Gemäß Abschnitt 4 von Artikel II der US-Verfassung sind die Gründe für ein Amtsenthebungsverfahren „Hochverrat, Bestechung oder andere schwere Straftaten und Vergehen“. Unter einem Vergehen versteht man in den USA eine Straftat, die mit einer Freiheitsstrafe von weniger als einem Jahr oder einer milderen Strafe geahndet wird.

In Artikel 61 des deutschen Grundgesetzes ist festgelegt, dass der Bundestag oder der Bundesrat vor dem Bundesverfassungsgericht eine Anklage gegen den Bundespräsidenten wegen vorsätzlicher Verletzung des Grundgesetzes oder eines anderen Bundesgesetzes erheben kann. Somit ist in Deutschland ein vorsätzlicher Verstoß gegen das Grundgesetz oder ein Bundesgesetz der Grund für eine Amtsenthebung, was einen verfassungsrechtlichen Verstoß, nicht jedoch eine Straftat darstellt.

Artikel 61 Absatz 2 des Grundgesetzes der Bundesrepublik Deutschland nennt unter den Folgen lediglich die Amtsenthebung.

Das Amtsenthebungsverfahren. Das Amtsenthebungsverfahren gegen den Präsidenten der Vereinigten Staaten lässt sich grob in zwei Phasen unterteilen.

Phase I: Erhebung der Anklage.

Gemäß Abschnitt 2 von Artikel I der US-Verfassung hat das Repräsentantenhaus des Kongresses das ausschließliche Recht, ein Amtsenthebungsverfahren einzuleiten.

Phase II: Beschlussfassung über die Anklage.

Gemäß Abschnitt 3 von Artikel I der Verfassung der Vereinigten Staaten hat der Senat das ausschließliche Recht, alle Amtsenthebungsverfahren zu verhandeln.

Nun möchte ich einige Beispiele für Amtsenthebungsverfahren anführen. Von besonderem Interesse sind die Amtsenthebungsverfahren gegen Donald Trump in den Jahren 2019 und 2021, die Gegenstand einer eingehenden politisch-rechtlichen Analyse waren. Wie M. V. Tarutina feststellt, wurden beide Amtsenthebungsverfahren in Zeiten eingeleitet, in denen das Repräsentantenhaus von der Oppositionspartei kontrolliert wurde. Die gegen den Präsidenten erhobenen Vorwürfe standen im Zusammenhang mit seinem Vorgehen gegenüber einem Wahlkonkurrenten sowie mit der Behinderung der Arbeit des Kongresses. Im Februar 2020 sprach der Senat Präsident Donald Trump in beiden Anklagepunkten frei.

In Deutschland gab es noch nie einen Fall, in dem ein Präsident seines Amtes enthoben wurde.

Zusammenfassen. Erste, Die politische Instrumentalisierung: Das Impeachment wird häufig als Werkzeug des parteipolitischen Machtkampfes eingesetzt und nicht ausschließlich als rechtlicher Mechanismus zur Durchsetzung der Verantwortlichkeit. Zweite, Das Impeachment eines Staatsoberhauptes kann als Indikator politischer Instabilität wahrgenommen werden, was sich nachteilig auf das internationale Ansehen des Landes und dessen außenwirtschaftliche Beziehungen auswirkt.

Quellenverzeichnis

1. Gatschenko V. O. Das Institut für Amtsenthebung des Staatsoberhauptes im Ausland // StudArctic Forum. 2020. № 3 (19). S. 33–40.

2. Tarutina M. V. Politische Aspekte der Anwendung des Amtsenthebungsverfahrens in den USA: am Beispiel der Amtsenthebungsverfahren gegen D. Trump // Proceedings of the Institute of State and Law oft he RAS. 2024. Vol. 19, № 2. S. 1–17.

3. Kolbaya S. G. Entlassung des Präsidenten vom Amt: weltweite Erfahrung und Probleme der russischen Gesetzgebung // Zeitschrift der russischen Gesetzgebung. 2004. № 4. S. 98–106.

4. Ilyin A. V. Impeachment of the head of state: historical and theoretical accents // Jurisprudence. 2004. № 5, S. 61–70.

5. Laschko D. H. Probleme bei der Umsetzung der Amtsenthebung in den US // Epomen.Global. 2024. № 50. S. 74–78.

6. Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland.

7. Die Verfassung der Vereinigten Staaten von Amerika.

UDK 340.5

Rechtliche Regelung von „Hate Speech“ in Sozialen Netzwerken in der Europäischen Union und in Russland: eine Vergleichende Analyse

Myalitschew Denis Konstantinowitsch
Juristisches Institut der Sibirischen Föderalen Universität, Krasnojarsk, Russland

Zusammenfassung: Untersucht wird die Regulierung rechtswidriger Inhalte und Hassrede in sozialen Netzwerken im Spannungsfeld zwischen öffentlicher Sicherheit und Meinungsfreiheit. Analysiert werden der Rahmenbeschluss 2008/913/JI, der Code of Conduct+, der Digital Services Act sowie die nationalen Gesetze NetzDG, Loi Avia, KoPl-G und die russischen Regelungen. Schwerpunkte liegen auf dem deutschen Modell, dem Overblocking-Problem und gerichtlichen Entscheidungen. Die EU setzt auf Verfahrensgarantien und Transparenz, Russland priorisiert staatliche Kontrolle und Sanktionen.

Schlüsselwörter: Hassrede, soziale Netzwerke, Meinungsfreiheit, Digital Services Act, NetzDG, Overblocking, Plattformregulierung, EU-Recht, rechtsvergleichende Analyse.

Auf Ebene der EU umfasst hate speech besonders gefährliche Äußerungsformen wie Aufrufe zu Gewalt und Aufstachelung zu Hass aufgrund von Rasse, Religion u.a. Der Rahmenbeschluss 2008/913/JI verpflichtet die Mitgliedstaaten zur strafrechtlichen Ahndung solcher Handlungen; die Plattformverantwortung bleibt national ausgestaltet. Der 2016 mit IT-Unternehmen geschlossene „Code of Conduct“ wurde

© Myalitschew D. K., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

2025 als „Code of Conduct+“ gemäß Art. 45 DSA integriert und verlangt rasche Löschung sowie transparentes Monitoring.

Der Digital Services Act (DSA), gültig seit Februar 2024, schafft einheitliche Moderationsmechanismen ohne neue Inhaltsverbote. Große Plattformen müssen interne Beschwerdesysteme vorhalten; Nutzer können Löschungen binnen sechs Monaten anfechten. Entscheidungen sind durch qualifiziertes Personal zu treffen und dürfen nicht ausschließlich automatisiert ergehen. Damit betont der DSA Verfahrensgarantien und geht über bußgeldzentrierte nationale Gesetze hinaus.

Das deutsche Modell stützt sich auf die Menschenwürde (Art. 1 GG) mit Vorrang vor der Meinungsfreiheit (Art. 5 GG) sowie auf § 130 StGB (Volksverhetzung). Dieser stellt Hassaufrufe, Gruppenherabwürdigung und Holocaustleugnung mit Freiheitsstrafe bis zu fünf Jahren unter Strafe, sodass hate speech bereits vor Internetgesetzen strafbar war. Das NetzDG (2017) verpflichtet Plattformen mit über zwei Millionen Nutzern zur Löschung: offensichtlich rechtswidrige Inhalte binnen 24 Stunden, sonstige binnen sieben Tagen; bei Verstößen drohen Geldbußen bis 50 Mio. Euro. Die kurzen Fristen verursachen Overblocking, da Plattformen auch grenzwertige Inhalte vorsorglich entfernen.

Die Rechtsprechung setzt Grenzen: Das VG Köln erklärte 2022 eine Datenweitergabepflicht wegen Verstoßes gegen das Herkunftslandprinzip für unwirksam. Das BVerwG hob 2025 das Compact-Verbot auf und betonte den Schutz extremistischer Äußerungen ohne konkrete Gefahr. Diese Entscheidungen beschränken Plattformen als private Zensoren. Das NetzDG gilt für Altfälle fort, doch der DSA gewinnt an Bedeutung – eine Gemengelage, die Rechtsunsicherheit schafft.

Frankreichs Loi Avia (2020) mit 24-Stunden-Frist und Bußgeldern bis 4 % des weltweiten Umsatzes wurde vom Verfassungsrat wegen massiver Zensurgefahr in Kernpunkten für verfassungswidrig erklärt.

Österreichs KoPl-G (gültig für Plattformen über 100.000 Nutzer) sieht ähnliche Fristen, eine Speicherpflicht für gelöschte Inhalte und ein gestuftes Beschwerdesystem mit unabhängiger Schlichtung vor. In anderen EU-Staaten dominieren weiterhin straf- und verwaltungsrechtliche Instrumente; NetzDG-ähnliche Gesetze wurden nicht übernommen.

Russland bekämpft hate speech primär strafrechtlich: Art. 282 StGB RF stellt Aufstachelung zu Hass, auch im Internet, unter hohe Strafen. Das Föderale Gesetz Nr. 149-FZ zwingt Plattformen, extremistische, beleidigende und diskriminierende Inhalte zu unterbinden, Verstoßdaten zu speichern und Behörden zu übermitteln. Ein NetzDG-ähnlicher Entwurf (2017) wurde nicht umgesetzt; stattdessen weitete der Gesetzgeber Tatbestände wie „Missachtung“ des Staates aus und dehnte die Kontrolle erheblich aus. Der Ansatz ist staatlich dominiert mit umfassender Inhaltskontrolle und eingeschränkter Meinungsfreiheit.

Die rechtsvergleichende Analyse zeigt zwei gegensätzliche Modelle: Die EU setzt auf transparente Verfahren, Nutzerrechte und Rechtsbehelfe bei fortbestehender Strafbarkeit von hate speech. Russland priorisiert dagegen staatliche Kontrolle und Sanktionen ohne vergleichbare unabhängige Beschwerdeverfahren. Overblocking bleibt ein zentrales Problem: Strenge Fristen führen zu vorsorglicher Löschung und gefährden die Meinungsfreiheit. Europäische Gerichte fordern einen angemessenen Ausgleich; in Russland treten Nutzerrechte und Datenschutz hinter staatliche Interessen zurück.

Fazit: Die EU harmonisiert die Plattformregulierung durch den DSA mit Fokus auf Verfahrensgarantien und Grundrechtsschutz, während Russland auf ein staatszentriertes, weniger transparentes Modell mit stärkeren Freiheitseinschränkungen setzt. Die EU sollte das Gleichgewicht zwischen Sicherheit und Meinungsfreiheit weiter optimieren; in Russland wäre eine Überprüfung des Modells unter

stärkerer Beachtung der Nutzerrechte ratsam, um Spannungen zu reduzieren und den Schutz im digitalen Raum zu erhöhen.

Quellenverzeichnis

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/.

3. European Commission. First results published under revised Code of Conduct countering illegal hate speech online. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/first-results-published-under-revised-code-conduct-countering-illegal-hate-speech-online.

4. European Digital Rights (EDRi). First analysis of the Austrian anti-hate speech law (NetzDG/KoPlG). URL: https://edri.org/our-work/first-analysis-of-the-austrian-anti-hate-speech-law-netdg-koplg/

5. Lawfare Media. What’s going on with France’s online hate speech law. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/whats-going-frances-online-hate-speech-law.

6. Bundesministerium der Justiz. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/.

7. Bundesministerium der Justiz. Strafgesetzbuch (StGB). § 130 Volksverhetzung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/__130.html.

UDK 340.5

Lösungen aktueller Migrationsprobleme in Deutschland

Senkina Polina Denisowna
Juristisches Institut der Sibirischen Föderalen Universität, Krasnojarsk, Russland, psenkina9@gmail.com

Schlüsselwörter: migranten, migration, Deutschland, migrationspolitik, aufenthaltstitel, duldung, integration von migranten, anerkennung ausländischer qualifikationen, sprachkurse, bildungsintegration, diskriminierung.

Zusammenfassung. Der Beitrag untersucht aktuelle Migrationsprobleme in der Bundesrepublik Deutschland sowie die wichtigsten Ansätze zu ihrer Lösung im Rahmen der geltenden Gesetzgebung und Rechtsanwendungspraxis. Analysiert werden Schwierigkeiten bei der Verwirklichung des Rechts auf Arbeit, Bildung, soziale Unterstützung und langfristigen Aufenthalt. Besonderes Augenmerk gilt Personen mit einem vorläufigen und instabilen Status, einschließlich derjenigen, die sich in Deutschland auf der Grundlage einer Duldung aufhalten. Betrachtet werden Maßnahmen zum Abbau bürokratischer Hürden, zur Beschleunigung der Arbeitsmigration und zur Anerkennung ausländischer Qualifikationen. Zudem werden Integrations-, Sprach- und Bildungsprogramme sowie Instrumente der schulischen Integration von Kindern mit Migrationshintergrund und Maßnahmen zur Bekämpfung von Diskriminierung analysiert.

Aktualität. Die Wirksamkeit der deutschen Migrationspolitik beeinflusst die wirtschaftliche Stabilität und das soziale Wohlergehen. Deutschland muss Flüchtlinge schneller in den Arbeitsmarkt integrieren

© Senkina P. D., 2026
© Исключительная лицензия. ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2026

und zugleich attraktive Bedingungen für qualifizierte Fachkräfte aus Drittstaaten schaffen. Bürokratie, lange Anerkennungsverfahren und unsichere Aufenthaltsstatus erschweren diese Aufgaben.

Die Migrationspolitik verbindet humanitäre Verpflichtungen, Arbeitsmarktinteressen und öffentliche Sicherheit. Obwohl zahlreiche Möglichkeiten zur Legalisierung des Aufenthalts bestehen, bleibt ihre Anwendung kompliziert. Die Rechte auf Arbeit, soziale Unterstützung, Familiennachzug und dauerhaften Aufenthalt hängen vom Einreisegrund, Aufenthaltsstatus und der jeweiligen Schutzkategorie ab. Dies führt häufig zu Rechtsunsicherheit.

Besonders betroffen sind Personen mit einem vorläufigen Status. Das Chancen-Aufenthaltsrecht nach § 104c AufenthG gewährt langjährig Geduldeten für 18 Monate ein Aufenthaltsrecht, damit sie die Voraussetzungen für einen stabileren Status erfüllen können.

Zur Verringerung bürokratischer Belastungen wurden Verwaltungsverfahren digitalisiert. Seit dem 1. Januar 2025 können Visumanträge in allen 167 deutschen Auslandsvertretungen online eingereicht werden. Die Bearbeitung neuer Asylanträge dauert durchschnittlich drei bis sechs Monate. Der Zugang zum Arbeitsmarkt bleibt jedoch zunächst eingeschränkt: In den ersten drei Monaten gilt ein Beschäftigungsverbot, danach kann bei laufenden Verfahren eine weitere Wartefrist von sechs Monaten bestehen.

Arbeitgeber können für qualifizierte Fachkräfte ein beschleunigtes Verfahren beantragen. Bei vollständigen Unterlagen soll über die Anerkennung ausländischer Qualifikationen innerhalb von zwei Monaten entschieden werden.

Für die gesellschaftliche, berufliche und schulische Integration bestehen Integrations-, Berufs- und Jugendkurse. Sie vermitteln Deutschkenntnisse sowie Informationen über Rechtsordnung, Gesellschaft, Schule, Ausbildung und Arbeit. Bedürftige können von den Kosten befreit werden. Ergänzend bieten Jugendmigrationsdienste kostenlose Beratung an, während Erwachsene an beruflichen Aus- und

Weiterbildungsmaßnahmen teilnehmen können. Für Kinder mit unzureichenden Deutschkenntnissen gibt es Sprachtests, Vorlaufkurse sowie Vorbereitungs- und Sprachklassen. Bei jungen Flüchtlingen kann die Berufsschulpflicht verlängert werden.

Das Allgemeine Gleichbehandlungsgesetz schützt vor Diskriminierung wegen ethnischer Herkunft, insbesondere im Arbeitsleben und bei zivilrechtlichen Geschäften. Betroffene können Beschwerden einreichen, Entschädigung verlangen und kostenlose Beratung erhalten. Lokale Initiativen und Sportprojekte fördern zusätzlich die gesellschaftliche Teilhabe.

Schlussfolgerung. Die zentralen Probleme der deutschen Migrationspolitik liegen vor allem in der komplizierten Umsetzung bestehender Regelungen. Besonders problematisch bleiben instabile Aufenthaltsstatus, bürokratische Verfahren, eingeschränkter Arbeitsmarktzugang, die Anerkennung ausländischer Qualifikationen sowie schulische und soziale Integrationsdefizite. Gleichzeitig entwickelt Deutschland seine Migrationspolitik durch Digitalisierung, beschleunigte Fachkräfteverfahren, Sprach- und Bildungsprogramme sowie stärkere Antidiskriminierungsmaßnahmen weiter. Ziel ist eine nachhaltige rechtliche, berufliche und gesellschaftliche Integration von Migranten.

Quellenverzeichnis

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg.

2. Asylgesetz (AsylG) vom 26.06.1992 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_asylvfg.

3. Asylbewerberleistungsgesetz (AsylbLG) vom 30.06.1993 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/asylblg.

4. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz,

AufenthG) vom 30.07.2004 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004.

5. Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz (AGG) vom 14.08.2006 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/agg/BJNR189710006.html.

6. Verordnung über die Beschäftigung von Ausländerinnen und Ausländern (Beschäftigungsverordnung, BeschV) vom 06.06.2013 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_beschv.

7. Arbeitsmarktintegration von Geflüchteten // IAB-Kurzbericht. 2024. № 10. P. 1–8.

8. Auswirkungen einer Duldung auf Lebenssituation und Lebenszufriedenheit // BAMF-Kurzanalyse. 2024. № 3. P. 1–22.

9. BAMF. Asylzahlen Gesamtjahr und Dezember 2025 // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2026/260112-asylzahlen-dezember-und-gesamtjahr-2025.html?nn=284830.

10. BAMF. Integration courses // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: https://www.bamf.de/EN/Themen/Integration/ZugewanderteTeilnehmende/Integrationskurse/integrationskurse-node.html

11. Migrationsbericht der Bundesregierung 2023 // BAMF-Kurzanalyse : [webseite]. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Forschung/Migrationsberichte/.

12. Stand der Integration von Eingewanderten // OECD : [webseite]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/migration/Immigrant%20Integration%20Germany_de.pdf

13. Federal Foreign Office. Digitalisation of the national visa procedure from 1 January 2025 // Federal Foreign Office : [webseite]. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/2692292-2692292.

14. Zwischen Duldung und Bleiberecht: Wie und für wen wirkt das Chancen-Aufenthaltsrecht? // BAMF-Kurzanalyse. 2025. № 3. S.1–16.

2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation
Siberian Federal University